Федор ШАХМАГОНОВ,
Евгений ЗОТОВ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

«INVIC

Итак, закончено расследование еще одного уголовного дела. Я подписал обвинительное заключение и закрыл синюю папку. Одну из многих, последнюю в многотомном деле. Все это пойдет сначала в прокуратуру для утверждения обвинительного заключения, а затем будет передано в Военный трибунал. Шайка... А впрочем, мои эмоции здесь ни при чем. Группа врагов нашей Родины, группа агентов иностранной разведки, действия которой направлялись из-за океана, вскоре предстанет перед судом.

За окном застыли опушенные инеем голые тополя. Еще холодное, но уже яркое февральское солнце позолотило их одежду. К полудню солнце ударит в окна, и все мрачное, что скрывается в этих синих папках, отойдет в прошлое. Но еще долго будут приходить мне на память события, будут слышаться голоса людей, с которыми мне пришлось встречаться по этому делу, и не только встречаться, но и бороться с ними, распутывая порой незамысловатые хитрости, а порой задумываясь над мастерскими ходами опытного и искушенного врага.

КАЮЩИЙСЯ ВЗЯТОЧНИК

Ничего нам не было известно наперед. Все началось как будто бы со случайности.

Я все же не думаю, что гражданин Сальников пришел в Комитет государственной безопасности случайно. Он пришел к нам в минуту растерянности и полной душевной опустошенности, в тот час, когда больше не мог молчать. Он даже не сумел как следует объяснить, почему пришел именно к нам.

Сальников Георгий Иванович. Двадцатого года рождения. Невысокого роста, горбится, во время разговора прячет глаза. Некрасив.

До того, как пригласить его в кабинет, я уже знал, что он был некрасив и душой.

Одна из допрошенных свидетельниц еще до встречи с Сальниковым сказала мне, что она никогда бы не назначала таких некрасивых людей на должности ответственные. На вопрос «почему?» пояснила, что имеет в виду не вообще ответственные должности, а должности, от которых зависит распределение каких-либо житейских благ и успеха. «Они, некрасивые люди, часто бывают завистливы...»

Объяснение этой свидетельницы претендует на обобщение. Обобщения из этого объяснения не получится, но относительно Сальникова она была права. Он был завистливым и алчным человеком.

Я знал, что он брал взятки, небольшие, по мелочи... В ином случае это даже и нельзя было бы счесть взятками. Подарки. Но подарки, которые развращают, нарушают грань между подарком и взяткой. Артисты эстрады, Госконцерта, артисты ансамблей, приезжая из-за границы, привозили ему подарки. Каждый по своим средствам. Кто привезет изящный карманный фонарик, кто газовую зажигалку, а кто и портативный магнитофон. Его двухкомнатная квартира напоминала комиссионный магазин, где продаются заграничные вещи.

В приемную Комитета государственной безопасности он пришел растерянный, бледный, с синевой под глазами. Чувствовалось, что провел тяжелую ночь.

— Так жить я больше не могу! — сказал он срывающимся голосом.— Я ничего не боюсь, я боюсь только неизвестности... Я попал в руки крупного авантюриста и мошенника.

Нужно отдать должное Сальникову. Он не стал утаивать все то темное, что было в его жизни. Говорил как на исповеди.

Одет он был во все заграничное, и дом его, как уже говорилось, был полной чашей. Не было у Сальникова только заграничной автомашины — «иномарки», как ее принято именовать среди автолюбителей. Заграничный автомобиль! Это была его неисполненная мечта.

И вот надо же! Сальникова свели с обладателем сравнительно новенького автомобиля фирмы «Оппель-капитан».

Хозяином машины оказался некто Значковский, музыкант и претендент на гастрольную поездку за границу.

Сальников попросил Значковского продать ему «оппель». Значковский довольно откровенно объявил, что продаст машину, если попадет в группу музыкантов, отправляющихся на зарубежные гастроли. От Сальникова отчасти зависело формирование концертных групп. Итак, одному — машина, другому — зарубежные гастроли.

Сальников пояснил:

— Желание Значковского выехать за границу не вызвало у меня удивления. Попасть в группу музыкантов, выезжающих за рубеж, представлять советское искусство само по себе почетно. Успех на гастролях, несомненно, обратил бы внимание на музыканта, который не успел еще завоевать достаточно известного имени. Должен признать, что без моего содействия Значковский на этот раз не попал бы в группу — у него не было рекомендаций Госконцерта. Включая его в группу, я особых угрызений совести не испытывал. У него были все же отличные характеристики. Однако если бы он не обещал мне машины, я не включил бы его в группу. Мне пришлось взять эту акцию полностью под свою ответственность. Больше никто за него голоса не подал. Я же был уверен, что он не провалится, успех мог быть и не быть. Когда я показал Значковскому список группы, в котором стояло и его имя, он тут же вручил мне доверенность на управление своей машиной, документы, технический паспорт, техталон и ключи. Доверенность была дана сроком на три года. Я предложил ему деньги за машину, он не взял и сказал при этом, что мы когда-нибудь сочтемся по возвращении.

— Итак, вы получили взятку от Значковского? — спросил я.

— Да!

Короткий и ясный ответ.

Значковский уехал на гастроли. Сальников отвел свою «Волгу» в комиссионный магазин и через несколько дней подъехал к министерству на голубом «оппеле». Пижон с седыми висками. Как он мог не ответить на вопрос, его ли машина, сакраментальным словом «моя»? Он даже похвалился перед сослуживцами, что купил ее за шесть тысяч. В комиссионном. Он устроил и автомобильную прогулку, «пикник» для нужных ему людей из министерства. Теперь Сальников счастлив. Все у него стало «заграничным»...

Беспокоило, конечно, возвращение Значковского. А вдруг, вернувшись, передумает? Доверенность не такой уж надежный документ. Вернулся. Пришел в министерство. Поездка удалась. Значковский, по сведениям, которые

получил Сальников, имел большой успех... Он выступал с сольными концертами. А после одного из концертов в большом рабочем профсоюзном клубе ему сделали подарок. Подарили автомашину. Он привез ее и, конечно, похвастался Сальникову. «Умопомрачительная» машина. Так охарактеризовал ее Сальников.

Он утверждал, что еще раз предложил Значковскому получить деньги. Тот и на этот раз отказался, бросив на ходу: «Катайтесь в свое удовольствие».

Но... Однажды Сальников, выйдя к подъезду министерства после работы, не нашел на стоянке «своей» машины. Значковский забрал ее.

Сальников испугался. Он не знал, как объясниться со своими сослуживцами.

Сравнительно недавно купил «Волгу» и тут же ее продал. Хвастался «оппелем», не мог на него наглядеться, нарадоваться и опять же продал. Спекуляция? А если не спекуляция? Взятка? Не составляло труда общественным организациям установить, что Значковский поехал за границу после того, как у Сальникова в руках оказалась его машина.

— И я сорвался! — признался на допросе Сальников.— Сорвался и заметался...

Сальников пошел в милицию и заявил, что у него угнали машину, что он стал жертвой мошенника, который продал ему машину с рук на руки, а потом ее отнял. Да, да, он виноват, но и он все же пострадавшая сторона. Значковский, дескать, взял с него четыре тысячи. Сальников убеждал меня, что деньги ему были не нужны, ему нужно было уйти от обвинения во взяточничестве. Мог ли он ожидать, что Значковский выложит ему деньги? Конечно, на это он не рассчитывал. Ему нужно было отвести обвинение во взяточничестве.

Дело расследовалось в отделении милиции, в котором был прописан Значковский.

В милиции Значковский неожиданно вручил Сальникову пачку денег — четыре тысячи. Работнику милиции он пояснил, что он хотел отдать деньги именно в милиции. Но тут же он потребовал, чтобы Сальников пересчитал деньги. Сальников начал считать, но не выдержал психологической пытки, бросил деньги и пришел в нам...

Во всей этой истории обращало на себя внимание одно обстоятельство. Очень уж откровенно Значковский рвался за границу. Да, да, все как будто объяснимо. Гастроли... Заграничная слава... Не знаю, как насчет славы, но нам стало известно, что он привез из-за границы роскошную новую машину. Купить он ее не мог: у него не было и не могло быть в таком количестве валюты. Подарок? Мы имели информацию, что это подарок от благодарных слушателей после одного из его концертов в Нью-Йорке. Подарок! Меня стали одолевать сомнения. Подарок ли? Темное все же это дело с Сальниковым, темное и грязное.

Справку мне о Значковском дали довольно подробную, однако ясности в решение задачи она не вносила.

Вот она, формальная биография этого человека. Биография... Собственно говоря, и не было

«ТА»

у этого человека никакой биографии. Родился Значковский в тридцать третьем году. Молодой человек. Вся жизнь у него впереди, впереди и радости, и горести, и неугасшие надежды. Гобсек сказал бы, однако, что это уже опасный возраст. Он считал, что до тридцати лет честность и дарование могут быть гарантами порядочности, после тридцати он никому не верил. В одном был прав папаша Гобсек, ростовщик и психолог: к тридцати годам характер у человека складывается окончательно.

Итак, наш герой родился в тридцать третьем году. Меня прежде всего интересовало, кто были его родители, что они за люди. Отец. Он умер в канун войны, когда мальчику было восемь лет. Он был отличным музыкантом. Начал свою артистическую карьеру где-то в первые годы после революции. Играл в оркестре Большого театра на скрипке, а потом стал известен как композитор. Он писал песни. Некоторые из них живут до сих пор.

Мать... Ей, наверное, трудно досталось его воспитание. До смерти мужа она не работала. Работать поступила в первые дни, как началась война. Два года работала аппаратчицей на химическом заводе. Жили они где-то в районе поселка Сокол, а ездила она на работу за Крестьянскую заставу. На работу надо было ездить через весь город. Долгий и дальний путь на городском транспорте в военное время. Трамвай... И на заводе тогда работали не по восемь часов.

В сорок третьем году она вдруг бросила работу. В заводском архиве было найдено заявление Значковской об уходе. Она мотивировала свою просьбу об увольнении тем, что ей далеко ездить на работу, что подрос сын и требует особого материнского надзора. Сыну тогда исполнилось десять лет. Действительно, опасный возраст, если выпустить мальчишку из-под наблюдения. Больше она на работу не устраивалась, возраст ей права на пенсию не давал. Спрашивается: на что она жила с сыном? Оставалось предположить, что муж оставил ей какие-то средства. Он зарабатывал, надо полагать, немало... Но достаточно ли, чтобы его жена могла не работать? Как они жили? Она получала иждивенческую карточку, триста граммов хлеба. Он ученик. Мальчишка...

Однако именно к его биографии это прямого отношения не имело. Он учился в обычной средней школе и ходил в музыкальную школу. Потом начал брать частные уроки, дополнительно к занятиям в музыкальной школе. Тоже детали! Кто платил за уроки? А может быть, ему давали уроки бесплатно? Одаренный мальчик...

Ну, а дальше все значительно проще. Он поступил в консерваторию. В автобиографии своей записал: «Поступив в консерваторию. Моей стипендии мне и матери не хватало, я давал частные уроки музыки».

Концерты, участие в конкурсах, гастроли...

Чем могла бы не понравиться такая трудовая биография? И вот это странное и темное дело с машиной!

Наши товарищи пригляделись и к его «автомобильной» биографии. Опять же некоторая странность. Начал он с «Победы». Поездил на ней год. Продал. В то время комиссионных магазинов по продаже автомобилей не было. Продал и купил тут же «Волгу», а потом продал и ее и с рук купил «оппель», за несколько дней до открытия комиссионных магазинов и запрещения продавать машины, минуя комиссионный магазин. Что же в этой купле и продаже можно было бы усмотреть криминального? Ровным счетом ничего — Значковский любит новые машины и не желает ездить на старых.

Не забыли поинтересоваться наши товарищи и подарком, который получил Значковский во время своего концертного турне по Соединенным Штатам. Лежала в деле одна из популярных заокеанских газет. В пространной статье музыкального критика разбиралась игра Значковского. Статья была полна восторгов. Значковскому в этой статье как бы выдавался паспорт на маститость и бессмертие. В этом же номере помещался и репортерский отчет о концерте, об успехе советского музыканта и рассказывалось о том, как ему растроганные слушатели бесплатного концерта преподнесли подарок: автомобиль... Не обошлось и без рекламы. Могло даже возникнуть подозрение, что весь подарок затеян фирмой ради рекламы...

Значковского пришлось пригласить на допрос.

Я не дожидался той минуты, когда он войдет ко мне в кабинет. Хотелось увидеть его минутой раньше. Я подошел к окну, из которого был виден подъезд, где должна была остановиться машина Значковского.

Действительно красавица! Не зря старался репортер, описывая ее внешние достоинства. Не машина, а произведение искусства. «Инвикта»!

Артист был на высоте. Без тени какой-либо гордости за машину, без тени пижонства он вышел, захлопнул дверцу и торопливым, деловым шагом прошел в подъезд. Он был и одет, как полагается одеваться знающему себе цену артисту,— все новенькое, сверкающее.

На дворе май месяц. Тепло, даже жарко. На нем был модный по тому времени плащ. Он выделял черный вечерний костюм. Артист пришел с официальным визитом.

Он вошел в кабинет. Высокий лоб, открытый взгляд и тонкие губы. Серые, холодные, умные глаза. Надо было как-то растопить его холодок, ослабить чем-то настороженность и собранность.

— Я видел в окно, как вы подъехали. Отличную вам подарили машину. «Invicta»... Что означает это слово? У меня нет под рукой словаря.

— В переводе с латинского: непобедимая.

— Ну, и как она ходит?

— Что об этом говорить? Мотор за триста сил. Хорошо ходит.

— Ну, а если что с запчастями?

— Об этом меня все шоферы спрашивают... Этой машины мне хватит на несколько лет без запчастей...

Нет, он положительно не хотел развивать тему разговора. Вопрос — ответ.

— Что у вас получилось с Сальниковым?

— Житейская история...

— Я не сказал бы, что уж совсем-то житейская.

— Именно житейская. Раньше, когда не было комиссионных магазинов, шла спекуляция машинами, теперь, когда, помимо комиссионных, нет возможности приобрести машину, некоторые идут на мошенничество и преступление. Документы подделывают, продают машину, а выдают на ее пользование доверенность. Идут в ход всякие фальшивые справки. Взяли меня Сальников за горло, куда мне было деваться. А от него, товарищ следователь, прямо зависело — пошлют меня на гастроли или не пошлют!

— Ну, это понятно,— поспешил я уйти от подробностей.— Скажите, Значковский, почему вы сразу не отдали деньги Сальникову? У себя на квартире?

Значковский удивленно поглядел на меня.

— Вот этого вопроса я не ожидал от вас! Как я мог отдать деньги, если я у него их не брал?

Признаюсь, ответ для меня был неожиданным. И вроде никакой игры, никакого подыгрыша. Я даже по инерции задал лишний вопрос, наивный и растерянный вопрос:

— Вы у него не брали денег?

— Не брал...

— Значит, вы не получали денег от Сальникова за свою машину?

— Не получал!

— Почему же вы в милиции вручили ему четыре тысячи?

— Я все-таки надеялся, что у него проснется совесть!

— Ах, вон оно что! Поэтому вы заставили его считать деньги?

— Именно поэтому!

— Денег у Сальникова не брали, а машину отдали. Что это означает?

— Как отдал — так и взял.

Значковский врачно усмехнулся:

— Он же взяточник. Пришлось обмануть взяточника. Он полагал, что я ему даю взятку.

— Дал — взял. Видимо, не так-то все просто...

Значковский молчал.

— Сальников утверждает, что он просил вас продать ему машину.

— Просил продать... И я продал бы. Не жалко машины. А как это сделать? Он предложил продать ее по доверенности. Может быть, я так и сделал бы, вернувшись из-за границы. Но я же не знал, что мне там сделают такой подарок. Две машины я не могу держать на своем имени. Мне надо продать «оппель». Продать его можно только через комиссионный. Так что если уж рассуждать строго, то взятки никакой я не давал, но взятку у меня брали.

— Странное рассуждение! Сальников взял машину, считая, что вы ему ее отдаете как взятку. А вы что считали?

— Я считал, что, не отдав машины, я не уеду в турне...

— Это же взятка!

— С волками жить — по-волчьи выть... Не я ставил на это место взяточника и прохиндея.

— О нем разговор особый. Учтите, Значковский, что и дача взятки так же карается по закону, как и вымогательство взятки.

— Судить меня неразумно, товарищ следователь! Никакой суд не отнимет у меня ни моего музыкального таланта, ни моей профессии. Да, я хотел выехать за границу, очень хотел... как музыкант-профессионал. Хотел успеха, славы, как всякий артист.

На этом и конец, на этом и поставить бы точку. Аргументы его были убедительны, и его откровенное признание располагало к нему. Однако не надо ему было перегрывать, перекрывать, тащить лишнюю карту из колоды: перебор.

— Вы посудите сами, товарищ следователь... Если бы я уж так жаждал выехать за границу, можно было купить туристическую путевку. Мне для моего искусства нужны были гастроли за границей, оценка моих усилий музыкантами Запада...

«Зачем же ты мне все это объясняешь?— задал я тут же себе вопрос.— И без этого объяснения все ясно, все на месте, а тебе мало, ты хочешь утвердить меня в том, в чем утвердиться не представляю бы труда. Значит, нет у тебя уверенности, что мы поверили твоим объяснениям?»

Я подписал пропуск и проводил Значковского до дверн. Вернулся к себе в кабинет и еще и еще раз обдумывал в тишине каждый его жест, каждое его слово. До какого-то момента все объяснимо и все понятно. Действительно, какому артисту не лестны гастроли за рубежом, выход на международную сцену, мировая слава! Но Сальников послал бы его в турне и при меньших издержках. Он действительно купил бы у него машину, отдал бы немалые деньги. Не так-то просто, отдав машину, приобрести новую? На что же он мог рассчитывать?

На подарок? Разве можно на это рассчитывать? Это же случай... А случай ли?

Я позвонил своему помощнику Сметкову и попросил его установить, записан ли Значковский в очередь на приобретение «Волги»?

Пришло сообщение, что в списке очередников Значковский не значится.

Подарок! Не шел у меня из головы этот подарок. Действительно ли Значковский такого класса музыкант, что растроганные слушатели отметили встречу с ним дорогим подарком? Однако подарок! И особенное подчеркивание Значковским в объяснении, что он и без гастролей мог бы попасть за границу. Но ведь без гастролей, с туристической путевкой в руках он никак не смог бы приобрести машину. Здесь иное дело. Он мог бы купить эту машину, с кем-то условиться, что он платит за нее деньги, а ему передают как подарок. Могло быть так? Возможный вариант. Тогда он должен был бы иметь валюту. И немалую и тому же сумму.

Я попросил Сметкова выяснить: не пытался ли заниматься Значковский валютными сделками, не имел ли на этой почве встреч с иностранцами? С иностранцами он встречался часто. Но эти встречи обусловлены профессией. Сметков через несколько дней доложил, что данными о том, чтобы Значковский занимался валютными сделками, органы Госбезопасности не располагали. Я даже порадовался. Мои подозрения все рассеялись. Острый, колючий человек. Знает себе цену и умеет держаться с достоинством. Дело действительно утрачивало для органов Государственной безопасности всякий интерес, и мы решили его передать в прокуратуру.

И передали бы! Меня отвлекло срочное дело. Пришлось выехать в командировку.

Продолжение следует.

Федор ШАХМАГОНОВ,
Евгений ЗОТОВ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

«INVICTA»

СПИРТОМ ОТРАВИЛСЯ... ИЛИ?

Из КГБ пришло сообщение о том, что в Тульской области, в одной из деревенек, в семи километрах от станции Лазарево, несколько дней тому назад умер человек. Некий Константин Михайлович Кукин, колхозный счетовод. Жена вошла утром в горницу из сенцев и обнаружила, что ее муж мертв. Эксперт из районного отделения милиции установил, что смерть наступила от отравления спиртом. Вполне обычная смерть для пьяницы. Но тут же последовало опровержение. Жена заявила, что ее муж не был алкоголиком, что накануне вечером он вообще был трезвым и ничего не пил. Он водку-то пил раз в году. Кукина написала в обком партии жалобу, что ее муж умер не от отравления, а от нервного потрясения, что его «затравил председатель колхоза, который, дескать, похвалялся сжить со света Кукина». Одно письмо в обком, другое областному прокурору.

Последовало указание провести повторную медицинскую экспертизу. Пришлось сделать эксгумацию трупа. Второе вскрытие произвели судебные эксперты. Они поставили под сомнение первоначальный диагноз. Специалисты установили, что смерть наступила действительно от отравления, очень напоминавшего отравление спиртом.

Судебные эксперты привлекли на консультацию медиков из Москвы и профессора химии, специалиста по новым ядам. Заключение специалистов оказалось ошеломляющим. Паралич. Мгновенный паралич всей нервной системы. Типичные признаки отравления ядом «БЦ-12», запущенным в производство одной из химических фирм Западной Германии. Фирма пока тщательно оберегала секрет этого яда. Откуда бы появиться ему в глухой деревеньке Тульской области? Дело немедленно было передано для дальнейшего расследования в Комитет Госбезопасности. Я с группой товарищей выехал на место происшествия.

Наша группа приехала слишком поздно. Эксперты утверждали, что был применен яд мгновенного действия, яд, который даже не надо принимать вовнутрь, достаточно какое-то мгновение вдыхать его пары, и человека разбивает полный паралич. Принимая этот вывод экспертов, мы выдвинули версию, что Кукин был отравлен во сне. Но для этого отравитель должен был войти в избу. Жена же Кукина уверяла, что никто в дом к ним войти не мог. Кукин спал в горнице, она спала с двумя детьми в прохладных сенцах.

Никаких подозрительных следов ни возле дома, ни под окном горницы. Изба стояла на высоком бутовом фундаменте. Для того чтобы влезть в окно, надо было бы встать на отлив над фундаментом. Отлив был покрыт железом. Железо отошло местами, и, если бы человек наступил на него, оно громко загремело. Несомненно, что этот шум привлек бы внимание собаки. Собака не лаяла. Кукина утверждала, что она спит очень чутко и сразу просыпается, как только собака начинает лаять. Но ее показания можно было бы истолковать и как попытку навязать следствию ее версию смерти мужа от нервного потрясения. Она категорически отвергала все возможности проникновения постороннего человека в дом.

Мы допрашивали Кукину несколько раз, она настаивала на своем. Допросили многих свидетелей.

И вдруг сообщение из Москвы. Кукин не Кукин, колхозный счетовод почему-то считал необходимым жить под чужим именем. Подсказывать нам, что теперь результаты нашего расследования приобретают особое значение, было незачем. Это сообщение звучало как приказ — искать и искать...

Итак, какая же возникала перед нами картина после допроса Кукиной и свидетелей?

Продолжение. См. «Огонек» № 42.

В день своей смерти Кукин, как всегда, ушел на работу в правление колхоза. Работники правления ничего необычного не заметили в этот день. Кукин считался человеком мрачноватым и молчаливым. Так же, как всегда, он помалкивал.

Вернулся домой в шестом часу вечера. Дни стояли сухие, давно не было дождей. Он принялся поливать огород на приусадебном участке.

Поужинали всей семьей. Затем стемнело, с темнотой легли спать. Тихая ночь. Кукина проснулась в пятом часу утра, в это время обычно выходил пастух и собирал стадо. Кукина выпустила корову и вошла в горенку.

Она показывала, что ее смутила тишина и поза, в которой лежал муж на кровати. Он лежал на спине, далеко откинув голову. Одна рука к тому же безжизненно свесилась с кровати. Кукина окликнула его. Он не отозвался. Она подошла и взяла его руку. Рука была холодной как лед...

Мы ее здесь каждый раз останавливали.

Было ли открыто окно?

Окно было открыто.

Стояло ли что-нибудь у них на подоконнике? Стояли ли горшочки с геранями? Стояли ли на месте горшочки с геранью позже?

Все было на месте.

Может быть, кто-нибудь их передвигал? Если бы передвигали горшочки, могла остаться на подоконнике земля. Не заметила ли она просыпавшейся из горшочков земли?

Нет, не заметила.

Что она сделала, когда узнала, что муж умер?

Побежала к соседям.

Наружная дверь была заперта?

Была заперта на задвижку.

Вырисовывалась довольно странная версия.

Итак, в дом никто не входил. Кукин провел вечер в семье. Накануне не выпил ни грамма водки. Ел из общей миски с семьей. Лег спать. Во сне был убит ядом «БЦ-12». Как и чем ему был дан этот яд? «БЦ-12» — яд сильнейший. Достаточно растворить одну каплю этого яда в стакане воды, и от испарений погибнут все, кто будет находиться в комнате. А если брызнуть ядом из шприца? Это тоже смертельно. Кому же так помешал Кукин, что его убили, применяя столь редкостное средство? И кто это средство мог применить? Разведка могла располагать этим ядом.

Чья разведка? Это все вопросы, которые настоятельно требовали ответа. Любопытная картина вскрылась при установлении личности Кукина. У него оказался поддельный паспорт, искусно изготовленный в 1946 году. Сразу после войны. Там указывалось место рождения Кукина, обозначалось отделение милиции, выдавшее паспорт. Но там, в той деревне, где должен был бы родиться по паспорту Кукин, никогда никаких Кукиных не было. Женился Кукин, уже будучи счетным работником колхоза в Курской области. Из Курской области он перебрался в Тульскую область и устроился на работу счетоводом в колхозе. Жена ничего не знала о его прошлом.

Удалось установить, что Кукин дней за десять до своей смерти выезжал из деревни. Он взял на пять дней отпуск и уехал в Москву. Так по крайней мере сказал жене и председателю колхоза. На станции взял билет до Москвы и сел в московский поезд. И опять терялись следы... И затерялись бы, если бы не отличная память у дежурного по станции Житово, следующей за Лазаревом — станцией по направлению к Москве. Он вспомнил, что в день отъезда Кукина в Москву с поезда ночью сошел в Житове пассажир. Сошел с поезда и ушел в поле по дороге к Симферопольскому шоссе.

Дежурному было скучно, с поезда сошел только один человек, и он внимательно к нему присмотрелся. Из любопытства, от нечего делать. Дежурному по станции в числе других фотографий показали фотографию Кукина, он опознал в нем ночного пассажира. Уже клубочек... Потянулась ниточка.

Выехал в Москву Кукин 25 мая. Был в Москве до 30 мая. Мы взяли этот отрезок времени и посмотрели по нашим оперативным сводкам, что произошло в эти дни. Не только в Москве.

28 мая в Ялту вошел туристский теплоход, принадлежавший западногерманской судовладельческой компании. Туристы вышли на берег, гуляли по городу, а 5 июня наши пограничники обнаружили на ялтинском пляже акваланг.

Акваланг в полном комплекте: кислородные приборы, маска, ласты советского производства. Все принадлежности акваланга были связаны нейлоновым тросиком. Тросик был оборван или скорее перетерт о камни. Нейлоновый тросик несоветского производства. Техническая экспертиза установила, что акваланг находился в воде не более десяти дней. Если 28 мая заходил в порт западногерманский теплоход, то получалось...

Что получалось? Напрашивался вывод, что кто-то нырнул с теплохода и, проплыв под водой до берега, вышел, оставив акваланг на дне. Чтобы акваланг не выбросило волной, его привязали нейлоновым тросиком к камням.

Нарушитель границы вышел из воды и затерялся среди купающихся. Смелая версия, но ничего невероятного в ней не было. С этой версией, пока только искусственно, с очень большой натяжкой, увязывался отъезд Кукина в Москву... Но не в Москву, он сошел на станции Житово. Он ушел в ночь. Он ушел в неизвестность, но никто не помешал бы ему появиться 28 мая в Ялте.

Нарушитель мог оставить акваланг под водой, но в чем он мог выйти на пляж? В купальном костюме? Значит, его кто-то встречал... Кто бы мог его встречать? Кукин? Мог! Опять же предположение! Пунктирная линия с разрывами довольно значительными... Кто мог бы ожидать, устраивая встречу, что Кукина накрепко запомнит ночной дежурный по станции Житово? Кто мог предполагать, что акваланг вынырнет из воды с кончиком нейлонового тросика? И что вообще мог означать кусочек тросика? Не такая уж это улика.

Но акваланг — все же ценный прибор. Кто бы его мог «потерять»? Такие вещи не теряют, а если случается такая потеря, то о ней потом много говорят. Разговор был... Был разговор о потере. Кто-то жаловался в те дни, когда прибыл теплоход, что потерян акваланг. Кто? Установить это уже не было никакой возможности. Человек потерял акваланг и уехал... А может быть, и не уехал. Просто замолчал...

Пустота... Предположения, основанные на предположениях. Случайные совпадения, странная смерть или странное убийство.

А может быть, Кукин сам покончил с собой? Могли быть и этому причины у человека, живущего под чужим именем?..

БЕЖАЛ...

Жил-был на свете некий коммерсант, господин Жаньен, французский подданный. Он был агентом сразу нескольких европейских фирм: западногерманских, швейцарских и даже итальянских. По нему трудно было бы судить о конкуренции между этими фирмами: он с одинаковым усердием проталкивал товары всех фирм, где числился представителем.

Господин Жаньен частенько наведывался в Советский Союз. Не пропускал ни одной промышленной международной выставки на территории ВДНХ или в Сокольниках, приезжал для заключения торговых сделок с различными объединениями Министерства внешней торговли. Человеком он был живым, подвижным и активным. Находясь в Москве, он ухитрялся вступать в торговые переговоры не только с советскими фирмами, но и с представителями фирм капиталистических стран.

Всегда-то он был на виду. В восемь утра уже на ногах. Завтракал на скорую руку и к девяти часам уезжал на деловые встречи. Возвращался в гостиницу после рабочего дня, а вечером уезжал со своими контрагентами в какой-нибудь ресторан на званый обед.

Случалось, что господин Жаньен вступал в прямые переговоры с руководителями тех или иных заводов для ускорения торговой сделки. О нем говорили как о ловком торговце и богатом обворожительном человеке.

У западных коммерсантов принято при заключении торговых сделок обмениваться фирменными сувенирами. Сувениры бывают самые разнообразные. Тут и газовые зажигалки, и авторучки, и даже транзисторные приемники. Наши торговые представители также дарят сувениры при заключении торговых сделок. На сувениры отпускаются специальные средства. Стало быть, наш работник, получивший в подарок сувенир, обязан был его сдать по месту работы. Не он же тратил средства на ответный подарок.

Как раз в связи с этими сувенирами и заинтересовались наши органы фигурой господина Жаньена. Однажды невольно возник вопрос: что же все-таки считать сувениром? Можно ли, скажем, зачислить в разряд сувениров шубу из серой норки? Цена такой шубы на Западе приближается к двум тысячам долларов. Имеет ли смысл нашим торговым представительствам одаривать такими ценностями коммерсанта? В этом никто не усмотрел бы деловой необходимости. И однако при покупке партии советских станков наш представитель получил в подарок шубу из серой норки. Об этом подарке он не счел нужным никому докладывать. Присвоил этот «сувенир». Поинтересовались наши товарищи причиной столь необычной щедрости господина Жаньена. Неприглядная выявилась история. Взятка. Представителю, который вел переговоры с Жаньеном, были названы две цифры стоимости станков. Верхняя цифра — это наш запрос, нижняя — предел, по которому все же имело смысл продавать станки. Жаньен выторговал нижнюю цифру. Словно кто-то ее ему подсказал в ходе переговоров, эту контрольную цифру. Норковая шуба обошлась Советскому государству в копеечку.

Но опять же непойманный — не вор! Не было прямых доказательств преступного характера совершенной сделки. Подарок — это только косвенное доказательство. Сотрудника одного из объединений Министерства внешней торговли уволили с работы. Жаньену мы никаких упреков предъявить не могли. Он волен дарить все, что пожелает. Однако это событие побудило нас пристальнее приглядеться к нему.

Проверка показала, что Жаньен вовсе не Жаньен. До войны он носил другую фамилию и жил не во Франции, а в гитлеровской Германии. Коммерцией до войны не занимался. Вернее, не занимался коммерцией почти до начала второй мировой войны. Примерно за год до нападения Гитлера на Францию он переехал сначала в Испанию, затем уже из Испании во Францию и открыл посредническую контору по торговле автомобилями и сельскохозяйственными машинами. Принял даже французское гражданство. Тогда же и переменил фамилию — из Геккермана сделался Жаньеном.

Кем же был Геккерман в гитлеровской Германии? Это нам установить пока не удалось. Следы его прошлого затерялись. Но все же оставалось фактом, что в годы оккупации Франции он нисколько не пострадал, перебрался на территорию Виши, и дело его процветало. Можно было предположить, что оккупационные власти и правители Виши покровительствовали ему за его какие-то темные заслуги. Опять же всего только предположить...

Жаньен почти ничего не вывозил с собой. А если и вез, то только предметы, купленные в магазинах, с копиями чеков на руках. Спекуляцией не занимался. Большего не удалось узнать, пока мы не разоблачили группу спекулянтов валютой.

Мы давно и упорно шли по следам этой группы. Но не спешили с арестом, важно было установить, через какие каналы и через кого именно они получают валюту из-за границы. Сбывали они ее жуликам и спекулянтам. Но кому же за эту валюту шли советские деньги и для чего? А не шли ли они в карман иностранной разведки? Черный рынок и разведка.

Отмечено было, что валюта поступает всегда в одних и тех же суммах. Три тысячи долларов. Значит, кто-то так отработал систему передачи валюты, чтобы обмен ее на советские деньги не внушал никаких подозрений. Прямая передача, обусловленная долговременной договоренностью обмениваться пачками денег из кармана в карман — и все.

Мы обратили внимание на одну любопытную деталь. Две последних передачи трех тысяч долларов совпали с очередными приездами господина Жаньена. Ожидали его третьего приезда.

И после третьего приезда три тысячи долларов ушли в руки спекулянтов валютой.

Появились эти доллары в поле нашего зрения на четвертый день по приезде Жаньена в Москву.

В тот раз и его приезду мы готовились основательно. Длинным был список его встреч в эти дни. Деловые встречи в нескольких внешнеторговых объединениях, опять же деловые встречи с рядом иностранных коммерсантов. Передвигался в эти дни он по Москве и на такси, и на автобусах, и в метро. Множество было соприкосновений с советскими людьми. И ни одного выхода на какое-либо тайное свидание!

Наши работники долго раскладывали этот замысловатый пасьянс. Ничего нам эта раскладка тогда не дала.

И вдруг знакомое нам имя. Снетков принес мне список лиц, с которыми встречался Жаньен. В этом списке значилась фамилия Значковского. Автомобильные махинации и валюта...

Было над чем подумать.

В этот день господин Жаньен подъехал на такси к ресторану «Арагви». В ресторан вошел без очереди, предъявив свой заграничный паспорт. Он сел на первое же освободившееся место. За столиком в это время сидели Значковский, артист Государственной филармонии, супруги Учашприны, приезжие из Ростова и Тбилиси.

Автомобильные махинации, встреча с Жаньеном... Преднамеренна эта встреча или случайная?

Как раз после той встречи с Жаньеном Значковский побывал в заграничной командировке, привез «инвикту», затеял скандал с Сальниковым. Закономерна ли связь этих событий между собой, или это только совпадение?

Мы должны получить ответ на этот вопрос. По-прежнему нас волновал и другой вопрос: действительно ли «инвикта» была подарена Значковскому, или он купил ее на валюту, приобретенную спекулятивным путем и нелегально вывезенную в США?

Автомобилисты нередко бывают фанатиками. Значковский мог быть именно таким фанатиком. Решил фанатик Значковский приобрести себе такой автомобиль, как «инвикта». Выехал на гастроли в чужую страну, имея при себе валюту. Находит человека, который мог бы ему купить автомобиль. Но как его вывезти? У него нет и не может быть зарегистрированной валюты на такую огромную сумму. Значит, туристская поездка отпадает. Надо ехать на гастроли. Дать концерт и получить за концерт от признательных слушателей подарок.

Допустим, что это так. Но зачем тогда скандал с Сальниковым по поводу машины? Зачем скандалом привлекать к себе внимание? Не глупость ли это? А может быть, жадность? Жадность одолела разум и логику...

Жаньен и его прошлое... Эмигрант из гитлеровской Германии? А не кадровый ли это разведчик? Под личиной коммерсанта легко выполнять роль разведчика, разъезжать по странам и завязывать нужные связи. Быть ловцом неустойчивых душонок.

Жаньен и автомобильные спекуляции Значковского. В неприглядном свете выглядит наш музыкант. Не начать ли операцию с ареста шайки валютчиков? Мы возьмем, скажем, московскую шайку валютчиков. Но не спугнем ли мы этим преждевременно Жаньена, а с ним и передаточное звено валюты? Мы решили взять валютчиков, проживающих на юге, а московских пока не трогать.

Всю эту операцию мы совместили с очередным приездом Жаньена в Москву. Если Жаньен действительно связан со спекулянтами валютой, кто-то, несомненно, должен встретиться с Жаньеном и предупредить его об опасности, и, вероятнее всего, в первые же часы его приезда.

Ждать пришлось недолго. Пришел запрос на визу Жаньену. За два дня до того, когда ему предстояло пересечь границу, мы арестовали в Тбилиси трех перекупщиков валюты. Установили наблюдение за Значковским.

Сети были расставлены, и мы ожидали улова.

Начала поступать информация, что на следующий же день после того, как были взяты тбилисские перекупщики валюты, Значковский заметался.

Бросилось в глаза, что он выехал из дома не на своей машине, а взял такси.

Казалось бы, теперь все просто: он нырнет по своим адресам, и все его связи лягут у нас, как на карте. Ан нет!

Он останавливал такси возле автоматов, куда-то звонил. Приехал в Госконцерт, побыл там. Пообедал на этот раз в шашлычной «Севан». Отстоял очередь, сел за столик.

Такси возле «Севана» он отпустил. Взял другую машину со стоянки на площади Ногина. Проехал к ГУМу.

Вошел в ГУМ со стороны улицы Куйбышева и ускользнул от наблюдения.

Так внезапно и так искусно исчезают только те, кто имеет основание предполагать, что за ними может быть наблюдение, или замечают за собой наблюдение. Человек с чистой совестью не прибегает к таким маневрам. Исчезновение Значковского насторожило. Дома он появился в одиннадцатом часу.

Самолет Жаньена прибыл в семь утра. Жаньен в девять утра поселился в номере своей излюбленной гостиницы. Виза у него была на четырнадцать дней, однако, прервав все свои дела, он внезапно взял билет и выехал на аэродром и в 18 часов 30 минут вылетел рейсом Москва — Стокгольм. Бежал...

Утром мы со Снетковым обсуждали столь неожиданные результаты работы, чтобы доложить начальству.

Снетков был молодым работником. Пришел в Комитет Государственной безопасности со студенческой скамьи. Опыта у него было маловато, но он был полон энтузиазма, энергии, большой любви к своей профессии и не боялся ошибок. Оно и понятно, по его молодости ему могли проститься ошибки, которые невозможно прощать людям с опытом.

У Михаила Николаевича Снеткова очень мирный и даже сугубо штатский облик. Никто не поверил бы, встретившись с ним вне стен Комитета, что это контрразведчик. Скорее его можно было принять за научного работника. Наивным и рассеянным делали его взгляд очки с толстыми стеклами. Он был близорук.

По складу ума Снетков — аналитик и даже психолог, а это для работы в органах госбезопасности очень важно.

— Ну как?— спросил он, когда я познакомился со всеми материалами.— Закрываем дело Значковского?

Он не был лишен чувства юмора, мой помощник. Он мне укоризненно напомнил почти созревшее мое решение передать дело Значковского — Сальникова в прокуратуру. Это когда я только что познакомился со Значковским. Конечно, с тех пор кое-что сдвинулось. Но именно «кое-что», и не более.

Факт, что Жаньен и Значковский сидели в ресторане за одним столиком. Мы установили, что за столиком они перебросились несколькими фразами. Однако вскоре же после этой встречи Значковский добился через Сальникова командировки за границу.

За границей он побывал — это факт... А что же для нас в этом факте особенного?

Факт, что он привез из-за границы дорогую машину. Подарок! В который уже раз мы упираемся в этот подарок. Никаких у нас не было оснований предполагать, что это не подарок... На этот раз из запутанного клубка вытягивался пока еще совершенно неприметный, коротенький кончик. Жаньен спекулировал валютой. Значковский встречался с Жаньеном. После ареста южных валютчиков Значковский заметался. Жаньен приехал на четырнадцать дней и уехал через несколько часов.

Снетков не сдавался. Он меня донимал одним вопросом: почему Жаньен так внезапно уехал?

Какое-то шестое чувство, весь мой опыт подсказывали нам, что Снетков прав, что мы на правильном пути, что между южными валютчиками, Значковским и Жаньеном есть связь. Но какая? Чувства к делу не приложишь!

Весь эксперимент с южными валютчиками предпринят, чтобы установить, есть ли какие-нибудь связи между Жаньеном и Значковским. И вот итог эксперимента: Жаньен бежал...

Казалось бы, мы упустили крупного валютчика. Но взамен мы получили подтверждение своих подозрений о деятельности Значковского. Значковский сделался для нас очень интересной фигурой.

ЛЕГЕНДА «ГОНЧЕГО ПСА»

Вернемся, однако, к истории с аквалангом на Черноморском побережье. Чтобы был ясен читателю дальнейший ход событий, придется забежать несколько вперед. Пока не время подробно излагать, как мы установили те факты, о которых сейчас пойдет речь. Позже все разъяснится. Речь пойдет о фактах, а не о предположениях.

28 мая, днем, когда туристский пароход западногерманской судовладельческой компании бросил якорь вблизи Ялтинского порта, из трюма парохода, из специального отсека, вышел человек. Нырнул к морскому дну с аквалангом и с кислородными баллонами за плечами. Проплыл под водой метров четыреста по направлению к городскому пляжу.

Поблизости от берега, где над водой виднелось множество голов купающихся, на минуту возникла еще одна голова, которая никем не могла быть замечена. Пловец сверился с направлением и вновь погрузился на глубину.

У самого дна он снял ласты, сбросил очки и отцепил кислородные приборы.

Все эти предметы он привязал нейлоновым тросиком за крупные камни на дне и вынырнул на поверхность. Один из многих купающихся, и только. Он плавал, нырял, давая привыкнуть окружающим к своему присутствию. Затем вышел из воды.

На береговой кромке он отряхнулся и проделал для разминки несколько гимнастических упражнений.

Если бы кто-нибудь взял на себя труд следить за этим пловцом, то увидел бы, что к нему подошел с пляжа его товарищ. Оба закурили и пошли пожариться на солнце.

Они устроились на лежанах, положив под головы белье и костюмы. Немного погодя оба еще раз искупались, оделись, вернули лежаки дежурному по пляжу и неторопливо пошли в город. Отдыхающие, каких тысячи.

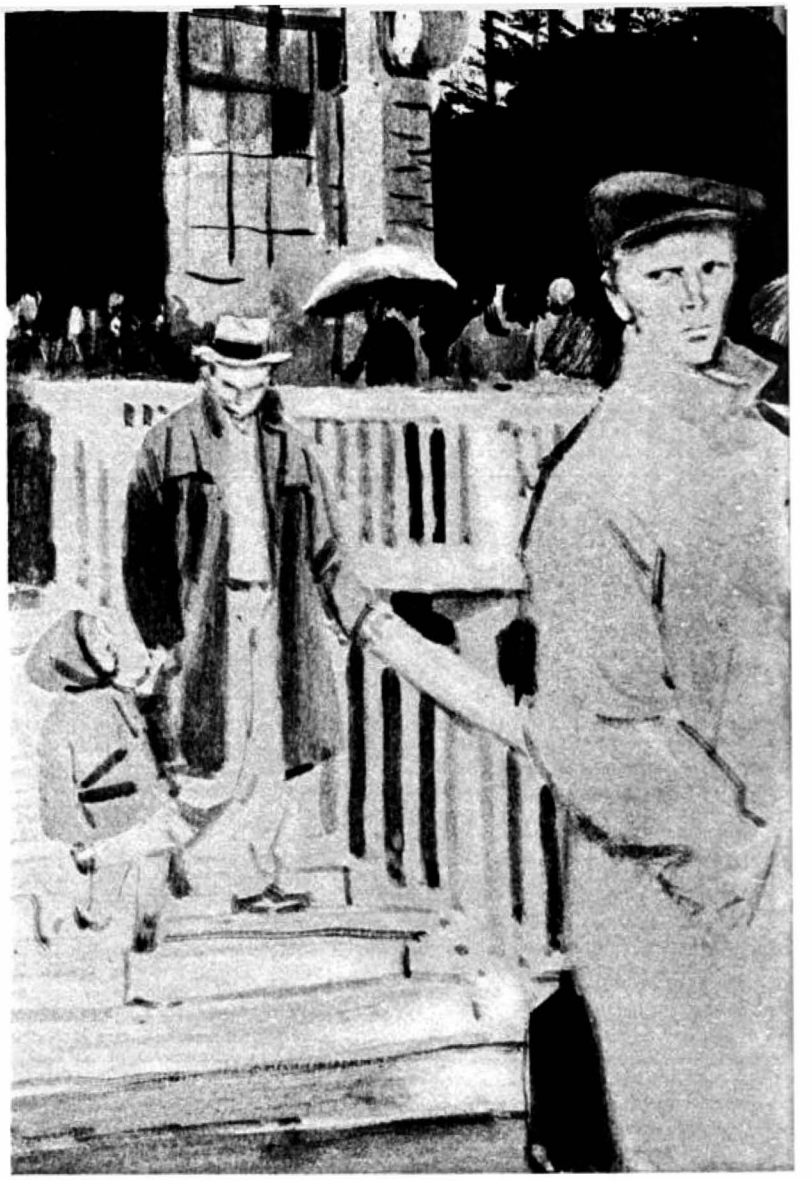
Неподалеку от пристани они сели в автобус. Сошли через две остановки, один из них свистнул проезжающему мимо шоферу такси, на такси они уехали из Ялты в Симферополь.

Обычная поездка.

В Симферополе они расстались. Тот, кто высадился с теплохода, вышел на окраину города и сел на попутный грузовик. В кармане у него лежал паспорт на имя Григория Ивановича Родина.

Родин, он же Данин, вышел на задание, к которому его готовили несколько лет.

Продолжение следует.



«INV

Федор
ШАХМАГОНОВ,

Евгений
ЗОТОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки
П. ПИНКИСЕВИЧА.

Продолжение.
См. «Огонек»
№№ 42, 43.

Отец Данина был убит на фронте. Сашу вместе с матерью немцы вывезли далеко на запад, в Германию. Мать умерла. Мальчика оставили в немецкой семье для мелких услуг. Однажды, уже после войны, за ним приехали и увезли учиться. К тому времени он свободно говорил на немецком языке, не забывая русского.

Школа была особенной. Она помещалась в особняке на окраине небольшого старинного городка. Это была разведывательная школа американцев. Ученикам не напоминали, кто были их родители, детская память неустойчива. Со временем прошлое подернулось и расплылось в неопределенные очертания. Саша Данин помнил, что родился в России.

Свой дом он вспоминал очень смутно. Отчетливо виделись лишь солома на крыше, дерево под окном.

С дерева он перелезал на крышу, за что ему попадало. Крыша была мягкой и скользкой. Вечерами мать пригоняла с лугов корову. Доила и давала Саше молоко. Вот и все.

В школе с ними обходились хорошо. Ребятам внушалось, что русский народ находится под игом коммунистов. Рассчитанно и продуманно вливали яд в детские души, растлевая и развращая их.

Из питомцев школы готовились разведчики для подрывной работы на территории Советского Союза. Их обучали не только искусству шпионить, добывать важные секретные сведения о нашей стране, убивать и совершать диверсионные акты. Наряду с другими предметами им преподавали русскую литературу, заставляли изучать советское искусство, читать советские книги. Разумеется, все это преподносилось под антисоветским соусом.

В школе обучалось восемь мальчиков. Видимо, руководитель школы в прошлом увлекался

ІСТА»

астрономией. Своих учеников он называл «Созвездием Гончих Псов». Может быть, он рассчитывал, что они действительно станут звездами американской разведки?

Они русские. Им не нужно осваивать фонетические особенности языка, и они нерусские, они будут воспитаны как космополиты. Для них родина будет там, где им лучше. Но нельзя убить в них, что они русские. Нельзя. Кому неизвестно, что существует болезнь ностальгия? Тоска по родине. Не надо убивать эту болезнь. Пусть любят, пусть тоскуют по родине, но не по той родине, какой она предстанет перед их глазами, когда они будут заброшены на территорию Советского Союза.

Воспитание «гончих псов» шло в спартанском духе. Спорт, физические упражнения, занятия и занятия без ненужных отвлечений. В школе было множество спортивных игр, не было карт, не было игр на деньги.

Эклектическая система воспитания, состоящая из заимствований. Все в ней перемешалось. И спартанская школа, и софистика древних, и философские школы последнего времени. От «гитлерюгенд» — идея сверхчеловека. Сверхчеловек представлялся дикарем с развитыми мускулами и умением убивать. Но этого недостаточно, нужна и острая мысль. Разведчик, не умеющий мыслить, не мог быть настоящим разведчиком. «Гончих псов» (так они стали называться в отчетных документах школы) обучали игре в шахматы, развивая у них гибкость ума, расчетливость, логику. Один из руководителей Центрального разведывательного управления, он же шеф школы, некто Шелинг, намеревался забросить «гончих псов» на территорию Советского Союза на многие годы, а может быть, и на всю жизнь. Они должны будут вжиться, может быть, даже обзавестись семьей. Им нужен огромный идейный запас для противостояния окружающему.

В школе курсанты пользовались вещами только советского производства — одеждой, обувью, авторучками, тетрадями. А тот, кто подбирал все это для них, имел твердую установку подбирать самое худшее, самое устаревшее.

Лишь в воскресенье, в день отдыха, курсанты могли пользоваться своими личными вещами, своей личной одеждой. Но это было все самое лучшее, что могла предоставить промышленность Соединенных Штатов.

В общем-то, если бы не разведывательные цели этой школы и не особая идеологическая, насквозь антисоветская обработка ее учеников, она могла бы поспорить с солидными учебными заведениями. Ее ученики изучали современную физику, химию, философию, историю и специальные дисциплины. Много времени отводилось обучению радиоделу, умению пользоваться радиопередатчиками, шифрами, а также ядами и оружием.

Дакин вышел из школы со знанием нескольких европейских языков. Русский, немецкий и английский он знал в совершенстве. Мог понимать разговорную речь и свободно читать по-французски.

По окончании школы Дакин под видом немецкого студента совершил несколько туристических поездок по Советскому Союзу. Никаких разведывательных заданий ему тогда не давалось. Он должен был изучить обстановку, присмотреться к советской действительности, к порядкам, практически изучить географию страны. Первый раз он проехал на автомобиле со своим напарником по школе через Брест на Минск, из Минска в Москву. После осмотра столицы они отправились на юг. Доехали до Ялты, купались на ялтинских пляжах и вернулись через Ленинград и Хельсинки.

Другой раз он совершил поездку в туристской группе на общедоступных средствах транспорта: на самолетах, на поезде, на автобусах. Побывал в Киеве, в Тбилиси, в Харькове, осмотрел московские и ленинградские музеи.

Агент, который его встретил на пляже, был незначительной вехой на его сложном пути в сердце страны. Он снабдил его советскими документами на имя Родина, документами более надежными, чем те, которые Родин получил перед заброской, и они разошлись, чтобы никогда не встретиться.

Родин доехал на попутной грузовой машине до Зеленого Гая. В Зеленом Гае пересел на автобус местного значения, проехал еще тридцать километров.

Дальше он пошел пешком. На свободном прогоне он сел в грузовую машину. Потом еще раз сменил грузовик на автобус, доехал до Днепропетровска, там сел на поезд.

Эти сложные пересадки нужны были ему, чтобы удостовериться, не установлено ли за ним наблюдение. Наблюдения не было.

Вечером сел на поезд Москва — Ленинград. Выспался в вагоне, погулял по Ленинграду и ночным поездом выехал в Москву.

Шелинг, руководитель всей операции, не рекомендовал Родину пользоваться гостиницами. Особенно первое время, пока не устроится на работу.

Несколько дней Родин ездил по Подмосковью в поисках работы. Отсыпался в поездах Москва — Ленинград, Москва — Ярославль, Москва — Горький.

На подмосковных станциях изучал объявления о найме рабочей силы.

В ста с лишним километрах от Москвы нашел объявление. Совхозу «Пролетарский» требовались шоферы. Он явился в контору совхоза и предложил свои услуги. Его попросили принести трудовую книжку и права. Предъявить свои фиктивные документы, которыми его снабдила разведка перед заброской в СССР, он сразу не решился, опасаясь провала. Он решил выиграть какое-то время и пообещал приехать через несколько дней. Заведующий отделом кадров снизил тут же свои требования. Не нужно трудовой книжки, и прав пока не нужно: садись за руль. Родин отработал два дня, не оформляясь, привел в восхищение заведующего гаражом своими познаниями в машинах, своей трезвостью, мастерством вождения. Ему предложили возить на легковой машине директора совхоза. Родин дал согласие.

Шли день за днем, неделя за неделей. Все было тихо. У Родина укреплялась убежденность, что его легализация прошла успешно.

«ПРИНЦ С КОРАЛЛОВЫХ ОСТРОВОВ»

Коралловы острова... Разве есть такие? Где, в каком океане, какие их омывают моря?

Сказку о коралловых островах Саша Корсунская услышала от своей тетки, сельской учительницы в глухом уголке на рязанской земле.

Марья Николаевна Корсунская была дочкой священника. Но священник был не из тех, которые воспитывали из дочерей глупых и откормленных поповен. У него было четыре дочки, и он с малолетства приучал их к работе. Стали постарше — отправил в губернский город, в женскую гимназию. Жизнь раскидала их по русской земле.

Маша Корсунская была младшей и самой красивой. Старшие замуж повыходили, младшая осталась вековухой. Вот уж чего отец не ожидал. Красавица, умница, гимназию окончила с отличием, пробилась на женские высшие курсы, жила в Москве, а потом все бросила и уехала учить ребятишек в деревню. Думал он об ее судьбишке, собирался потолковать с ней, отговорить, но тут грянула революция, закрутилась гражданская война, жизнь надвое переломилась, опоздал толковать.

Марья Николаевна Корсунская начала свое учительство в рубленой четырехстенке, где урок приходилось вести сразу для четырех классов. После революции, когда все переменилось, под школу отдали барский дом. И парк барский тоже отошел к школе.

Сам барин был помещиком не из богатых, но женился на богатой купеческой дочке. На денежки тестя — молва ходила, что у тестя были несчетные миллионы,— отстроил дом перед самой войной с Германией.

Строил по капризу своей души. Занинул дом на крутой и голый бугор на обрывистом берегу над Окой, двухэтажный дом с зимним садом, с мощеным спуском к реке.

Ока здесь делала замысловатый зигзаг. Она накатывала с севера на край обрывистого берега песчаные отмели, ударившись о песчаниковую хребтину бугра, резко разворачивалась и уходила на восток, огибала твердые грунты и, вновь прорвавшись в луговые размахи, уползала змеей на северо-запад.

Тремя коленами сверкала она в лугах с бугра. Песчаные ее забереги плавно переходили в густые травы.

Помещик средней руки, так внезапно разбогатев, задурил. Развел псовые охоты, в праздничные дни заманивал пряниками и водкой соседних деревенских жителей на хороводы. Любил он спать под дождем. А когда дождя не было, в послеобеденный час выгонял наемных девок кропить крышу мокрыми березовыми вениками.

Дом о двадцати восьми комнатах пригодился для школы.

Первые годы после гражданской войны Марья Николаевна заведовала школой, а потом прочно осела учительницей начальных классов: малыши остались ее вечной слабостью. Своих не было. Ее сестры без стеснения подкидывали погостить своих детишек. Жили у нее племянники и племянницы годами. А племянница Саша — Санечка, как ее звала Марья Николаевна,— провела у нее и детство и юность.

Ее мать рано овдовела, вышла второй раз замуж. Неудачно. И пока ссорилась, расходилась и опять сходилась с мужем, Саша жила у тетки. Редко кому попадает в начале жизни такая ласковая и вместе с тем жесткая рука, такой советчик, рассказчик и мечтатель.

Барские липы со временем разрослись и одели тенистыми кронами опаленный солнцем бугор. И бугор ожил. Забили из-под земли ключи. Марья Николаевна оберегала каждое деревце, знала каждое гнездо в этом парке и сумела сделать так, что все окрестные мальчишки из разорителей гнезд сделались их сторожами.

Детство Саши прошло в сказочном мире, где фантазия мешалась с действительностью. Когда Саша подросла и наступило время беспокойных чувств, Марья Николаевна ей начала рассказывать сказки о любви. Были ли это сказки или бывальщины, трудно различить.

Саша как-то спросила свою тетку, почему та не вышла замуж.

Марья Николаевна никому и никогда не отвечала на этот вопрос. Своей Санечке, своей воспитаннице, которая была для нее все равно что дочь, она ответила.

Сначала ответила загадкой, очень туманно, полунамеком:

— Я ждала всю жизнь принца с коралловых островов, Санечка!

Они гуляли с Сашей по парку. Была весна, и даже при свете дня перекликались соловьи: «Где мой ключик, где мой ключик?»

— Принц? А разве обязательно принц? — спросила осторожно Саша, боясь потревожить начало сказки.

— Принц с коралловых островов обязательно, Санечка! Именно с коралловых островов! Их нет нигде в океане, и они не отмечены ни на одной из карт мира. Их не нашли, Санечка, хотя ищут, всю жизнь ищут. А ты знаешь, почему их не могут найти?

— Наверное, туманы и рифы мешают? — отозвалась Саша.

— И туманы и рифы... И ветры тоже! А главное, Санечка, кораллы живут и движутся. И, когда приближаются к островам корабли из нашего мира, кораллы оживают и уводят острова от кораблей. А на островах живут те самые люди, Санечка, которые давно живут среди нас, но которых мы не видим и не слышим... Но мы их знаем. Мы их знаем в лицо, мы даже с ними разговариваем! Разве ты не знаешь Дон-Кихота, рыцаря Ламанчского? Знаешь! Ты еще не встретилась с Гамлетом, принцем Датским. Но ты уже досадовала на Онегина за то, что он прошел мимо своего счастья и отвернулся от Татьяны Лариной. Ты сначала на коне вместе с Русланом и с замиранием сердца следила за его схваткой не на жизнь, а на смерть с Головой. Ты поняла, о каких я говорю людях?

Саша кивнула головой. Она затаила дыхание и словом не хотела вспугнуть готовящееся признание.

— Были люди, были встречи, Саночка...

Они остановились у спуска к реке. К реке сбегала молодая березовая рощица. Березки насажены школьниками, ученицами Марьи Николаевны. Где-то затерялась в белых стволах и Сашина березка, которую она посадила в первый день своего приезда к тетке. Посадила! Что она тогда могла посадить? Ей было три года. Тетка привела ее в посадки, вырыла ямку. Саша опустила в ямку корни саженца. А потом его поливала и твердила: «Люля чай пьет...»

— Не бывает жизнь, Саночка, такой прозрачной, как стволы этих березок. Принц с коралловых островов не явился, а до островов далеко, я боялась бурь на море, так и не поплыла на поиски принца. Это княгиня Волконская пошла в сибирские рудники. Не у каждого такой характер! Я ждала, когда меня найдут. Не нашли...

— А но мне придет принц?

— Придет, Саночка...

Саша не дождалась принца. Забыла сказку, рассказанную ей под тоскливый и ищущий перекли соловьев: «Где мой ключик, где мой ключик?»

Она вышла замуж, как ей казалось, по любви. Она была тогда студенткой, он тоже был студентом. После свадьбы они заехали к Марье Николаевне. Она их обласкала, назвала своими «юнцами-птенцами». Год спустя они ее похоронили на обрыве, на краю березовой рощи. Такова была ее воля. Не на кладбище, а над Окой, на бугре. «Хочу слышать птиц, когда закрою глаза. Полетят весной гуси, гортанно откликнутся им журавли. Буду слушать своих соловьев. Они все мои. Одни и те же прилетают к нам и все те же, но и все разные поют нам песни».

У Саши родилась девочка. Она назвала ее Марьей. А еще год спустя убедилась, что муж ее совсем не похож на тех людей, которые живут на коралловых островах. Разошлись. Без обиды, без горьких слез. Саша окончила Тимирязевскую академию и уехала работать в совхоз агрономом. Сказки сказками, а жизнь жизнью. Звали ее в село над Окой. Не поехала: слишком тяжело ей было бы жить рядом с самой дорогой могилой.

Директор совхоза Иона Захарович Малин встретил Сашу душевно. Отдал под ее ведение совхозные сады и не оставлял ее наставлениями. А через год совхоз построил ей дом в садах. Все успокаивается и становится со временем на место. Мать ее оставила работу, вышла на пенсию и жила с ней возле внучки. Теперь уже Сашу спрашивали: почему же она не замужем? Такая красивая, молодая женщина. Неужели век одной вековать? Саша уходила от этих разговоров, указывая глазами на дочку: «Она моя радость, она моя жизнь!»

Однажды Малин позвал ее к себе в кабинет и сказал, что у него есть к ней большая просьба. Он долго мялся, чтобы выговорить эту просьбу. А просьба-то оказалась не ахти какой трудной.

— Взялн мы на работу в совхоз хорошего человека! — сказал Малин.— Отличный специалист... Да вот, боюсь, уйдет, если не понравится у нас. Ты знаешь, как трудно с настоящими специалистами. Он пока поработает шофером, потом мы его оформим механиком. Машины знает! Все умеет. И водку не пьет. Где-то его, видно, жизнь прижала. Я особенно не лез к нему в душу. Всякое бывает. С квартирой не знаю как быть! Дом отстроим — ему квартиру в первую очередь. У вас дом большой, вы вдвоем с матерью, дочка еще до стола не доросла. Пустила бы его понвартировать на некоторое время? Никаких забот! Упаси бог! Был бы человеку угол, и чтобы чистый угол, и люди хорошие возле... Кто он? Родин его фамилия...

Саша даже рассмеялась. Для такой просьбы не нужно длинного вступления.

Вечерело. Над садами плавала сизая дымка. Маленькая Маша пекла из песка пироги у крыльца дома. На нее упала тень. Она подняла голову. Рядом стоял высокий светловолосый человек. В одной руке у него был небольшой чемодан, в другой — соломенная шляпа.

Маленькая Маша важно посмотрела на него и указала на дверь.

— Это вы дядя Родин? Мама вас ждет. Она дома.

— А ты меня пирогом угостишь? Я весь день ездил и не успел пообедать...

— Они у меня понарошку! — сказала виновато Маша.— Их не едят.

У дяди голубые глаза, как небо. Говорит смешные вещи, а совсем не смеется. Маша и сама была готова поверить, что пироги из песка можно есть.

— Дай пирожок! — сказал дядя.— Я съем. Я из песка пироги люблю.

Машенька протянула ему формочку с пирогом из сырого песка. Дядя взял формочку, поднес песок ко рту и начал его есть. Маша широко раскрыла глаза. Песок из формочки исчезал во рту у дяди, и даже хруста песка на зубах не было слышно.

На крыльцо вышла Саша и остановилась. Немного сентиментальной показалась бы ей картинка, как дочка кормит гостя пирогом из песка, если бы не было все так забавно.

— Маша! — крикнула Маша.— Покорми скорее дядю. Он песок ест!

Родин с серьезным видом поблагодарил девочку и встал.

— Здравствуйте! — сказал он.— Родин Григорий Иванович! Не успел порога переступить, а пирогов уже отведал. Она у вас мастерица. Глядите, какие вкусные пироги печет!

— Они совсем невкусные! — запротестовала Маша.— Мама делает вкусные! Она и сегодня пирог испекла...

Родин развел руками.

— Сразу все секреты на стол!

Родин пожал Саше руку. Твердое, уверенное пожатие. Сильные пальцы, нелегкая рука.

— Заходите, мы вас ждем...

Родин поднялся на крыльцо и остановился у порога.

— Мне сказали, что вы ждете. Я не хочу ничем вас обременить. Откровенно! Я очень вас стесню? Я мог бы перебраться куда-нибудь и поскромнее. Это Иона Захарович так распорядился... Я простой человек: и в шалашах и в стоге сена привык ночь коротать.

— Заходите! — сказала Саша.

Антонина Николаевна, мать Саши, накрыла стол и поставила чай. Родин не отказывался. Он принял приглашение к столу и нашел прекрасную формулу, как поблагодарить за приглашение. Он похвалил заварку чая. Он наслаждался чаем. Он выпил три стакана и съел большой кусок пирога.

— Вы бывали в Москве? — спросила гостя Антонина Николаевна.

— Я вообще много езжу,— ответил Родин.— В Москве был недавно. Сейчас там жарко и душно.

Антонина Николаевна попыталась завести разговор об искусстве. Она очень любит Третьяковку. Ходит туда по крайней мере раза два в месяц. И если случится не побывать дольше, то чувствует себя как бы опустошенной.

Антонина Николаевна рассказывала Родину о Третьяковке. Но ее рассказ был поверхностным, ее восприятие картин выглядело наивно, это были больше эмпирические впечатления, чем знание русского искусства. Родин дважды ее поправил, уточнив детали, опровергнув ее суждения. При этом он очень внимательно следил за ее реакцией и за реакцией Саши.

Он заметил удивление у Антонины Николаевны. Значит, он что-то сказал, что не соответствует его общественному положению, его предполагаемым знаниям: он все же простой шофер.

Но вместе с удивлением у Антонины Николаевны пришло и нечто другое. Вдруг изменился ее тон с ним. Она стала осторожнее в своих высказываниях, появилась уважительность. Он приметил и засветившееся любопытство в глазах у Саши.

Он сказал нарочно парадоксальную вещь. Сказал, что из всей Третьяковки ему больше всего нравится Андрей Рублев.

Антонина Николаевна тут же сказала в ответ, что ее отец был сельским священником. У них в селе была небольшая церквушка. Она была украшена прекрасными иконами. Сломали церковь, а иконы выкинули или сожгли.

— Когда рушат храмы, кто же думает о деревяшках!— заметил Родин.— Революция!

Можно было бы втянуть эту старуху в более значительный разговор, но Родин помнил категорическое указание Шелинга — никогда и ни при каких обстоятельствах не заводить бесед критического характера. Только хвалить советские порядки, при любых условиях хвалить.

Встали из-за стола. Саша провела Родина в его комнату.

Щитовой стандартный дом. Широкие, светлые окна. Окно распахнуто. К подоконнику протянула свои ветви яблоня.

В перекличку щелкали в кустах соловьи. Медленно, как бы даже нехотя опускались сумерки. Саша зажгла свет.

— Живите,— сказала она Родину,— сколько надо... Мы вас беспокоить не будем. Это была моя комната. Я кое-что убрала, но книги, я думаю, вам не помешают. Если вам не нужен письменный стол, я его вынесу.

Родин признательно склонил голову. Такой поклон? Для Саши ее гость сделался сплошной загадкой.

Родин погасил свет, разделся и лег в кровать. Первый ночлег не на колесах, не в поезде, не в заячьем положении.

Страшные часы для разведчика, часы сна. Погружение в небытие, полная беспомощность. Но надо же спать. Даже заяц, когда его гоняют собаки, присаживается отдохнуть, вслушиваясь в их голоса. Но теперь-то можно немного ослабить напряжение, заснуть...

Запахи, забытые с детства, запахи антоновки.

И люди славные. Старушка как бы сошла со страниц книг, которые приходилось читать Родину о России. Саша — сдержанная молодая красивая женщина. У нее прямой и четкой линии нос, маленький рот и нежные губы. Краски ее лица смазал густой загар, чуть подгорели черные брови, сломанные посередине угольником. В том мире, откуда приехал Родин, женщины ее возраста давно не носят кос. В Москве Родин тоже не видел женщин возраста Саши с косами. Две длинные косы сбегают на ее плечи. Что-то от иконописи в этой прическе. Что-то! Но именно так носила волосы и его мать. Родин вспомнил это, когда увидел Сашу на крыльце. «Россия!» — так он сказал себе в ту минуту... Оплаканная его матерью страна.

Пахло из сада антоновкой.

Сна не было. Родин встал и подошел к окну. Светился звездами темный провал неба. Там, где черпала тьму своим объемным ковшом Большая Медведица, разбежались в разные стороны мигающие звездочки созвездия Гончих Псов. Какая-то из этих мигающих звездочек и его судьба? Небо России. Оно безмолвно смотрит на землю и на его жизнь... Жизнь?

Право, он мог бы быть доволен своей жизнью, по тем, конечно, представлениям, которые утверждались в школе. От разведчиков никогда не скрывали, что придет час и им придется пересечь границу Советского Союза и начать нелегальную жизнь. Там учили, что самое трудное — это первые дни. Если заброска будет совершена мастерски, если заброшенный через границу сумеет уйти от наблюдения, то он может себя считать в безопасности.

Это, конечно, преувеличение. В безопасности, Родин теперь это видел, он никогда не сможет себя считать на этой земле. Но и не надо. Не для спокойной жизни он себя готовил. В этой опасности есть своя романтика. Это даже интересно — вести поединок — один против многих. И мастерство, с которым он проделал свой первый круг, не могло не принести удовлетворения.

Он понравился хозяйкам, они были с ним откровенны, и у них не зародилось никаких подозрений.

Все хорошо... Все очень удачно складывается. И страха нет. А все же на сердце неспокойно... Что-то очень потускнела романтика. Не было ясно, от чего он должен освобождать Сашу и ее мать. От чего? Они нисколько не были похожи на несчастных и угнетенных.

А разве он, уже в роли советского человека, в роли рабочего, шофера, разве он почувствовал себя бесправным или обиженным?

Саша Корсунская и Антонина Николаевна... К какому же они принадлежат классу? Кто же они такие? Чему, скажем, соответствует положение Саши Корсунской в том мире, откуда прибыл Родин?

Положение фермера? Пожалуй, нет, фермером можно счесть директора совхоза. Саша Корсунская — квалифицированный сельскохозяйственный рабочий. Какими существующими порядками в стране может быть недовольна Саша Корсунская?

Это все вопросы и вопросы... И нет пока на них никакого ответа, ибо те ответы, которые подсказывались в школе, Родин уже чувствовал, не отвечали действительности.

У них есть дом. Небольшой дом, но в какой-то мере этот дом отвечает и европейским стандартам. А много ли нужно на семью из трех человек? Три комнаты. Кухня. Веранда. При доме сад. Этот дом мог бы быть и больше. А зачем? Чего им здесь не хватает? Для обычной жизни у них все есть...

Родин впервые задумался над тем, что такое потребности человека. Его заработок стоит, конечно, вне сравнения с заработком этой семьи. Но и его профессия — необычная профессия, и все, что он имеет, призрачно и непрочно. А зачем же ему все, что он имеет? И на этот вопрос ответа не подберешь. Что-то в нем сломалось. Он это почувствовал, еще ни в чем себе не признаваясь...

Время шло, и все более странные мысли и чувства овладевали Родиным.

Саша Корсунская приглянулась Родину, он поймал себя на том, что излишне часто думает о ней, что с нетерпением ждет окончания рабочего дня.

Ее облик не разрешал думать о ней вольно. Вокруг нее создавалась та самая запретная зона, о которой предупреждал его Шелинг. «Ищите легкости в отношениях»,— говорил он своим подопечным. Здесь все сулило трудности. Ничего на минуту, все надолго, ничего на поверхности, все в глубину.

У Родина раскрывались в характере свойства, которых он за собой не подозревал. Он был всегда равнодушен к детям, он никогда не думал о них. Ему вдруг сделалась приятной Машенькина ласка, его радовало, что она ждала его возвращения с работы; в ее внешне несвязном лепете он научился улавливать смысл.

Родин срезал две тонкие и гибкие орешины. Купил в сельмаге рыболовные лески. Сделал удочки. Это по просьбе Машеньки. Он никогда не занимался ужением рыбы. Что бы сказал Шелинг, увидев своего агента на берегу пруда в совхозном саду рядом с девочкой?

Он вживался в совершенно ему неизвестный и незнакомый мир. Незнакомый, но не чужой. По обрывкам, по пунктирным линиям память восстанавливала для него мир его родины. По запахам, по окраске закатов, по какой-то отчетливой вдруг картинке возвращалось забытое детство...

Саша рассказывала ему о своей жизни, о своем детстве в деревне, о своей тетке, о своих сегодняшних заботах.

О! Он, конечно, мог в ответ ей рассказать множество интересных вещей. Но не рассказывал. Запретная зона. О себе он помалкивал, сводил разговор на общие темы.

У Родина были припасены на всякий случай легенды о его жизни. Мог выбрать любую, которая больше подходила бы к обстановке. Но он предпочитал с Сашей молчание. Он не мог ей лгать.

Шло время. Между ним и Сашей протягивались незримые, но ощутимые нити сближения. А тут подошло и торжественное и вместе с тем грустное событие в совхозной жизни.

Иона Захарович Малин вышел на пенсию. В совхозном клубе заседание. Тридцать пять лет работы в совхозе. Со дня основания. Речи. Подарки старику. Охотничье ружье, чтобы было чем занять пенсионный досуг, рыболовные снасти, огромные кабинетные часы, чтобы не забывал о времени, и множество прочих вещей и вещиц.

После торжественной части Малин пригласил некоторых работников совхоза к себе домой на ужин.

Пригласил и Родина. Родин очень этому удивился. Какой же он друг директору совхоза? И работает без году неделя. Шофер! Совсем неровня такому крупному начальству. Но на вечере Родин обнаружил, что из рабочих не только он приглашен к Малину.

На вечере все было просто, легко, никто не чувствовал себя стесненно, хотя собраны были самые разные люди. Присутствовал и секретарь райкома партии. Человек, который завтра, в один день, мог стать, по понятиям Шелинга, генерал-губернатором области. Ничего в нем зажиточного, олигархического Родин не приметил. Он держался так же просто, как и другие. А когда зашла речь о хозяйстве района, говорил столь же критично, как говорила и Саша.

«Это что же,— подумал Родин,— против этого человека я должен поднять всех, кто сидит в этой комнате? А как же их поднять, когда он такой же, как и они? О какой «революции» мечтает Шелинг? Нет, что-то здесь не так. Не очень-то там знают здешнюю обстановку».

Но Родин не забывал ни на минуту, кто он и зачем здесь оказался. Он должен сообщить о своих наблюдениях Шелингу. Но Родин уже чувствовал, что, если он сообщит, что видит, Шелинг не будет в восторге. Но эта правдивая информация поломает расчеты тех, кто верит, что советское общество разрывают классовые противоречия. Верят? А может быть, те, кто посылал его, не верят в то, в чем его убеждали? Иначе он может счесть их просто невеждами...

Продолжение следует.

«INVICTA»

Федор ШАХМАГОНОВ,
Евгений ЗОТОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

После застолья начались танцы. Западные танцы. Записи на магнитофоне. И никто не чурался, никто не возражал против этих танцев. Никакого железного занавеса. С ума там посходили!

Родин танцевал с Сашей. Он, конечно, мог бы показать и твист и медиссон. Мог показать, как танцуются эти танцы на Западе. Нельзя! Запретная зона!

Но Саша должна была остаться довольной своим легким на ногу партнером.

Потом они возвращались вместе домой. Он вел ее под руку. Сверкали омытые росой звезды. Ветер шумел в листве яблонь. Тоскливо кричали ночные птицы. Какие, он не знал. Глаза привыкли к темноте, и Родин заглядывался на Сашин профиль. Как быстро стало родным ему ее лицо! И любимым. Он любил. А часто ли это бывает и есть ли в жизни что-либо выше этого чувства? Он должен отказаться от этого чувства. Должен!

Но чувства не подчинялись разуму. И Родин сам не мог бы себе объяснить, почему он, почувствовав в пальцах тепло Сашиной руки, вдруг тихо сказал:

— Саша, я люблю вас!

Иной формы объяснения он не знал. Так говорили герои Тургенева, Толстого. И именно «вас». Откуда же было Родину знать, что именно это слово больше всего и поразило Сашу. И сирошность.

Саша остановилась.

— Это правда? — спросила она настороженно.

Спазмы сдавили Родину горло. Говорить он был не в силах. Он кивнул головой. Она сжала его руку.

Они шли молча. Что-то несвязное вышло из его дальнейших слов. Он говорил, что любит ее, любит вопреки всему, будет любить, что бы ни случилось. Она должна верить, что полюбил он ее через пространства и расстояния, их разделяющие.

Она не задавала вопросов. Если он о чем-то умалчивает,— значит, так надо, значит, не настал час, когда он может сложить с себя на ее плечи свою тяжесть. Родин чувствовал, что и без его лживых легенд у нее создается о нем своя легенда... Своя... Какая? Наверное, очень далекая от правды...

ТРИВИАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ

Утром, придя на работу, я застал Снеткова возле своего кабинета. Новость. Значковский вхож в дом известного ученого, профессора Старцева. Всего только год тому назад профессор Арсентий Дмитриевич Старцев был переведен в научно-исследовательский институт и работал по совершенно секретной тематике... Он был химиком. Это сообщение нас очень заинтересовало.

Оказывается, наш музыкант со Старцевым был знаком уже много лет. Он учился с его дочкой в одной школе и даже в одном классе.

В доме профессора он бывал и в те далекие времена. Значковский поступил в консерваторию. Светлана, дочка профессора, поступила в Менделеевский институт. Но не окончила института. На третьем курсе вышла замуж. Бросила учебу. И не мудрено. Переходила она с курса на курс с большим трудом. И в институте училась недолго, а замужем побыла и того меньше. Она развелась, и как раз в это время возобновилось ее знакомство со Значковским.

Школьные годы, школьная дружба, а может быть, и первая любовь... К тому же Значковский после долгой разлуки мог действительно поразить ее воображение.

«Мальчик в коротких штанишках» стал заметным музыкантом. Его внимание могло льстить экстравагантной дочке профессора. А может быть, и на самом деле между ними наметилось что-нибудь похожее на любовь? Не живет же Значковский одной лишь любовью к машинам! Он стал частым гостем в доме Старцевых.

Что же привлекло его в этот дом? Любовь? Увлечение?

Итак, к биографии Значковского, к внутренней психологической канве этой биографии.

Отец — музыкант, мать работала на заводе и вдруг перестала работать. Тогда, в первый раз перед встречей по делу Сальникова, мы в общем-то прошли мимо этого факта. Прямого отношения к Значковскому этот факт не имел. Это скорее надо отнести к биографии его матери. А кто сейчас его мать, как она жила все эти годы, на какие средства воспитывала сына? Мы далеки от мысли, что в наше время только родители могут оказать решающее влияние на формирование человека, но... В таких случаях никогда не бывает абсолютных законов.

Я посоветовал Снеткову заинтересоваться жизнью матери Значковского. И вот что мы установили.

В 1943 году Мария Петровна Значковская оставила работу на заводе. Уволилась.

С тех пор прошло много лет. Очень трудно было установить, как она жила в те годы, не обращаясь к ней с прямыми расспросами.

Жила она тогда на улице Левитана. Теперь эта улица перестроена, и нет того дома, в котором она жила.

Снетков обнаружил вдруг, что у нее есть своя дача. Нетрудно было сделать такое открытие, но все же оно выглядело, скажем прямо, неожиданностью. Вдова, не работавшая с 1943 года, имеет свою дачу. Еще можно было поверить, что ее сын купил дачу, но она! На какие же деньги?

Дача куплена в 1943 году в Подмосковье, где дома всегда стоили очень дорого.

Какими же было наследство ее мужа? Может быть, на средства от исполнения его песенок куплена дача? В те годы часто исполнялись песни композитора Значковского, его вдова получала гонорары. Однако не в той сумме, которая необходима для приобретения т а к о й дачи. Я не случайно выделяю слово «такой».

В тридцати минутах езды на электричке от Москвы, окруженный высокими соснами, с чудесным плодоносящим садом в сорок корней, двухэтажный особнячок из кирпича. Строился на века. Принадлежал он до продажи семье академика. В семье академика назвали и сумму, за которую была продана дача. Двести тысяч рублей. Купчая, правда, состоялась на пятьдесят тысяч. Обычный прием, чтобы не платить больших нотариальных сборов? Старое дело. Кто и когда вернулся бы и нему, если бы не особый интерес к ее сыну!

Итак, вдова выложила за дачу двести тысяч рублей.

Наши товарищи заметили, что Светлана Старцева все чаще и чаще появляется в «инвикте» рядом с ее хозяином. В такой роскошной машине надо уметь и сидеть, надо уметь для нее и одеваться. Светлана Старцева «шла» к этой машине, но и машина «шла» к ней.

Значковский не гонял «инвикту» зря, несмотря на ее мощный мотор и ее скоростные качества. Машина медленно плавала по улице Горького, по Кутузовскому проспекту, по бульварному кольцу, словом, по тем артериям Москвы, по тем улицам, где прохожие могли оценить достоинства этой машины.

Ездил на «инвикте» Значковский и в Красную Пахру. На дачу к Старцевым. К матери на дачу не ездил.

Так вот мы и ходили вокруг да около Значковского, пока не был дан делу новый толчок.

Профессор Старцев побывал у Марии Петровны Значковской. Побывал у нее на даче в вечерний поздний час. Этот человек, оказывается, очень часто в годы войны и после войны навещал Значковскую. Именно он, Старцев, помог ей купить дачу, был здесь частым гостем, с годами его посещения становились все более редкими, и на этот раз он появился после многолетнего перерыва.

И над такого рода тайнами приоткрывается завеса. Мария Петровна Значковская двадцать лет тому назад была очень интересной и пикантной женщиной. Старцев увлекался ею. Что здесь необычного? Дело житейское. Но дачу он ей подарить не мог: не имел таких средств.

К нашему делу, к вопросам, которые нас интересовали, все это не имело никакого отношения. Зачем он и ней пришел в эти дни? Романа между ними быть теперь, видимо, не могло: не тот возраст. Старое вспомнить? Вряд ли. Отец пришел поговорить о своей дочери.

Утром в воскресный день «инвикта» Значковского выехала с закрытой стоянки возле его дома и ринулась в общем потоке к центру, свернула возле Манежа и остановилась около дома, где жил профессор Старцев. Из подъезда вышла его дочка, машина развернулась и выехала на Садовую.

«Инвикта» шла по шоссе со скоростью 120—130 километров в час.

В деревне Спас-Заулок у поста ГАИ пришлось Значковскому остановиться по требованию дежурного инспектора. Обычная проверка документов. Инспектор слегка пожурил Значковского за превышение скорости в пределах населенного пункта.

А тут недалек и поворот. «Инвикта» скользнула по асфальту узкого шоссе и пошла в лесные глубинки.

Поздно вечером «инвикта» снова появилась на автотрассе и, взяв направление на Москву, сразу же набрала скорость, обгоняя одну машину за другой. На участке прямой дороги «инвикта» дважды пыталась обогнать «Волгу». Водитель явно хулиганил. При сигнале фарами он не прижимался к обочине, а выходил на середину шоссе. Выходя на обгон в третий раз, «инвикта» просигналила светом, «Волга» подвинулась опять влево, тогда Значковский бросил свою машину вправо. Обошел «Волгу», незначительно превысив ее скорость. Сравнявшись со стеклом водителя, что-то ему крикнул, должно быть, ругательство, погрозил кулаком и быстро ушел вперед. «Волга» вновь вильнула вправо. Когда машины на миг оказались рядом, из «инвикты» в кабину «Волги» перелетел какой-то предмет.

К тому же еще странность! До встречи с «инвиктой» эту «Волгу» с забрызганным грязью номером остановил автоинспектор. Он был вежлив, проверил документы и обратил внимание водителя машины на то, что номер забрызган грязью. Водителем машины оказался корреспондент влиятельной буржуазной газеты. Этот корреспондент давно подозревался нами в связях с американской разведкой.

Случайность? Опять же очень странная случайность!

Передача! Так сказал бы любой беспристрастный наблюдатель, которому мы дали бы возможность ознакомиться со всеми обстоятельствами дела.

Но чекист, прежде чем утвердиться в какой-либо версии, обязан подвергнуть ее тщательному анализу, обязан исследовать все аргументы, которые говорили бы в пользу ее или могли бы разрушить ими же выстроенную версию.

Рассмотрим самый главный аргумент, и тому же и лежащий на поверхности. Зачем понадобилось Значковскому и его возможному контрагенту сооружать, много слова не подберешь, такую сложную систему передачи? Не проще ли было Значковскому встретиться с этим корреспондентом где-нибудь в ресторане, на улице, в очереди, в большом магазине, на бензоколонке, на концерте, наконец? Корреспондент мог подойти и Значковскому после его выступления. А столь малый предмет, как сигаретная пачка, мог незаметно переночевать из кармана музыканта в карман разведчика. Мало того, мы повторяемся, Значковский по своей профессии имел частые контакты с иностранцами. При таких контактах передача незатруднительна.

Однако в разведке не бывает раз и навсегда установленных правил: любое правило превращается в стандарт, который затем легко разгадывается. Разведчик подчас ищет в своей работе, особенно в такой деликатной области, как связь с агентом, нелогичного, маловероятного, чтобы сбить с толку контрразведку.

И действительно, передача информации на ходу из машины в машину может на первый взгляд показаться нелепицей. Ну, а если принять версию, что передача состоялась и была передачей разведывательного характера? Здесь мы уже пойдем в своих рассуждениях путями нашей профессиональной логики. Рассуждаем пока лишь предположительно. Значковский и вышеупомянутый корреспондент находятся между собой в преступной связи. Им необходимо встречаться.

Старая история.

Жили-были два гражданина, встречались часто, бывали друг у друга дома, захаживали вместе в ресторан посидеть за столиком за рюмкой водки. И вдруг случилось им войти в какую-нибудь сделку, наказуемую уголовным кодексом. Они немедленно прекращают все встречи, открытые встречи, назначают свидания на местах, скрытых от посторонних взглядов.

Если бы у Значковского не было никаких преступных связей с корреспондентом, он встречался бы с ним открыто. Но уж коли между ними установилась преступная связь, то будут они искать встреч необычных, разрабатывать процесс передачи информаций таким образом, чтобы их встреча, их контакты выпали из возможного за ними наблюдения.

Они могли условиться, что на каком-то километре Ленинградского шоссе, в таком-то часу Значковский на своей машине нагонит машину корреспондента, они поравняются, и Значковский на ходу перебросит в машину своего соучастника компактную коробочку с информацией. Что для этого было бы нужно? Прежде всего время и место встречи должны выглядеть не нарочито, должны носить явный отпечаток случайности.

Место? Ленинградское шоссе. Отличное место. Воскресный день. По Ленинградскому шос-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—44.

се в воскресенье частенько выезжают и грибники и рыболовы. Стало быть, встреча на Ленинградском шоссе не будет иметь нарочитого характера.

Передачу из машины в машину лучше всего сделать в темноте.

Шла «инвикта», как идут сотни других машин. Обгоняла одну машину за другой. Что-то необычное, конечно, было в том, что очередная машина заметалась с правой на левую сторону. Среди автолюбителей встречаются «самолюбивые» натуры, такие способны и на грубые нарушения, лишь бы не дать обогнать.

Значковский пошел на обгон справа. Рискованный обгон. Надо иметь уверенность, что обгоняемая машина не сдаст вправо. Откуда такая уверенность?

Если заранее была обусловлена передача на ходу, то Значковский должен был зайти именно справа. Он у окна, ему легче перебросить условленный предмет.

Перед обгоном Значковский несколько раз просигналил фарами. Количество вспышек и переключения дальнего света на ближний могли быть заранее обусловлены. Стало быть, в «Волге» ждали его передачи, стало быть, они специально дали место для обгона справа.

У нас появились основания подозревать Значковского не только в валютных операциях, но и в значительно более серьезном преступлении.

СКРИПКА ИТАЛЬЯНСКОГО МАСТЕРА

В одной из глухих деревенек Рязанской области, в Мещерских лесах, умирал старик. Он был одинок, ему было девяносто два года. Вся его жизнь, которая была известна окружающим, прошла в колхозе; откуда он пришел в деревню, никто не знал. А те, кто знал, или умерли, или выехали из деревни. Звали его Прокофий Васильевич Урляпов. Последние лет двадцать работал он пчеловодом.

Правление колхоза попыталось положить Прокофия Васильевича в больницу. Ухаживать за одиноким было некому. Старик отказался: умру, дескать, на своих полатях. Колхозники и школьники носили ему еду, убирали в избе. А когда стало совсем худо, позвал вдруг к себе школьного директора Толиверова.

Толиверов был заметной фигурой и для деревни Лиховой Пустыни и вообще для Мещерского края.

Директор школы — кандидат исторических наук. Потомственный сельский интеллигент. Его дед основал в Лиховой Пустыни школу. Внук продолжил дело. Герой Советского Союза, безрукий человек, взял на себя невероятно трудную миссию работать в школе, жить в деревне. Отсюда к нему и высочайшее уважение всех, кто жил с ним рядом.

Изба Урляпова как изба, крыта соломой, подпоры под потолком, давно он ее не перебирал, и для кого перебирать, если жизнь последние годы катилась под крутую горку.

В красном углу иконостас и горящие лампадки. Темные мрачные лики в долбленых досках, темные краски глубокой старины. Иконы тринадцатого — четырнадцатого веков.

Вот по поводу этих икон и позвал Урляпов директора школы. Ему, как лицу, которому доверял сам и доверяло общество, вручил свое завещание о передаче икон в Рязанский областной музей. А на словах объяснил, что не хочет отдавать эти иконы в церковь. Измельчал ныне, дескать, народ, и святая вера не останавливает его от жульничества. Продадут попы эти иконы спекулянтам, и уедут старинные реликвии за океан к заморским толстосумам в коллекцию.

Поведал старик и историю своей жизни Толиверову. Признался, что был он отчаянным супротивником Советской власти.

Он был среди тех немногих офицеров, кто стоял с оружием в руках до последнего. Корниловский «поход», романтика мстителей за поруганную дворянскую честь; позор и унижение в южном порту... За границу он не поехал, скрылся в Мещерских лесах. Почему же именно в Мещерских? В Лиховой Пустыни стоял монастырь. Настоятель монастыря приходился Урляпову близким родственником. Прокофий Васильевич не раз бывал в монастыре, приглянулась ему деревенька своей тишиной, появление нового человека тут не вызвало большой настороженности властей. Кто-то из бывших паломников пришел в деревню на жительство. Объяснение годилось.

Прокофий Васильевич Урляпов, столбовой дворянин, зажил крестьянской жизнью.

Разговор с учителем затянулся за полночь.

Иконы, которые он завещал музею, почитал за великую драгоценность.

Но досадовал он и жаловался на свою непростительную промашку. Каялся, как в самом большом своем грехе и глупости.

Иконы эти отданы были ему на сохранение по особо доверительной рекомендации одной перехожей монашкой. Нашла его, зная его прошлое от настоятеля здешнего мужского монастыря. Та монашка была доверенной настоятельницы Лиговского женского монастыря, богатейшего на всю Россию.

Нашла она Урляпова, как сама говорила, когда «бог позвал ее к себе». С необыкновенной стойкостью и покорностью готовилась к смерти, «очищала» себя от земных сует. Она говорила Урляпову, что знает всю историю его жизни, что он был ей указан верными людьми как человек, который сохранил верность старой жизни и, главное, богу. Она рассказывала, что, когда большевики разогнали монастырь, настоятельница призвала к себе самых верных послушниц и раздала им монастырское богатство. Кому передала золото, кому бриллианты, кому старинные иконы великих мастеров, а еще вручила им в руки скрипку. И сказала настоятельница, что все золото, все драгоценности они могут продать, чтобы жить в неспокойное время, нельзя продавать иконы старинных мастеров, это грешно, и нельзя продавать скрипку.

«Как пришли большевики, так и уйдут,— говорила настоятельница,— с кровью уйдут, много народа погибнет, и вот тогда-то надо будет вновь строить монастырь. А как его строить? Нужны деньги. Для этого и скрипка, она такая дорогая, эта скрипка, что только на деньги от ее продажи можно вновь выстроить монастырь со всем его былым великолепием».

С виду эта скрипка была совсем незавидной. Потертая временем, и футляр невзрачный. Но делал эту скрипку знаменитый в старину итальянский мастер.

Ни в какие монастыри Урляпов к тому времени не верил, не верил, что сбудутся и предсказания настоятельницы о краткосрочности большевистской власти. Скрипку спрятал, иконы поставил в красный угол.

В разгар войны повалила его тяжелая и почти неизлечимая болезнь. Война. Не до старого бобыля в деревне. Умирал, пластом лежал на печи, тут и вспомнил о скрипке. А как продать? Раз она такая ценная, то с ней и на глаза нельзя показываться. Никак нельзя: поинтересуются, откуда взялась, конфискуют. И правильно конфискуют, такие вещи давно объявлены государственным достоянием. Надо искать частное лицо, а как найти, ежели от печи до двора и вся дорога?

Ездила к ним в деревню московская спекулянтка, скупала и выменивала картошку. Попривыкли уже к ней, не очень стеснялись, да и она заходила в каждый дом совершенно свободно. Пригласил ее к себе старик и поделился своими мыслями о скрипке: может быть, она что-либо придумает?

Шеврова — фамилия этой спекулянтки — записала на бумажке название скрипки и уехала в Москву. Обратно пожаловала вскорости, отвалила от своих щедрот Урляпову десять тысяч рублей. Он и им был рад. А через год, что ли, уже к концу войны, навестила Шеврова Лихову Пустынь, встретила старика (он уже выхрамывался из своей беды) и посетовала, что крупно они с ним продешевили на той скрипке. «Что с меня взять,— говорила она,— на картошку да на тряпки я цены знала, в эти штучки даже и не верила. Те люди, что взяли у меня эту скрипку, в гору пошли с нее, такой дом под Москвой купили, шапка упадет, если на крышу заглянешься...»

Толиверов передал по завещанию Урляпова иконы Рязанскому музею. А о скрипке Страдивариуса, зная, что такая скрипка составляет государственное достояние, сообщил в областной исполнительный комитет. На это сообщение

обратили внимание в Москве. О липовской скрипке давно ходили легенды.

Милиция провела необходимые розыски. Нашли Шеврову. Не ставили ей ничего в вину, попросили только указать, кому продала скрипку и где эта дача или дом, который «на эту скрипку купили».

Так через Шеврову неожиданно протянулась ниточка и Марии Петровне Значковской. Шеврова указала, что именно ей она продала эту скрипку.

Подступались к Значковской, но тут же и отступились. Скрипку покупала сыну, он учился музыке. Старенькую, потрепанную скрипку. Дорого дала, в те годы на вещи настоящей цены не было. Где скрипка? Неужели в доме держать всякий хлам, в печке сожгла за ненадобностью...

На том дело и потеряло бы интерес, если бы Снетков не занялся семьей Значковских. Откопал он следы розысков скрипки в милиции. Вот он и ответ, откуда у Значковской появились деньги приобрести дачу у академика, вот почему она легко смогла оставить работу в 1943 году...

Она, конечно, перепродала скрипку, но кто же, кто же в сорок третьем году мог ей дать настоящие деньги за такую вещь? Кто мог быть тогда столь богат и смел? Во всяком случае, музыкант, профессиональный музыкант никогда не купил бы этой скрипки...

Идти к Значковской было бы преждевременно: можно было всполошить и растревожить весь улей. Решили розыск скрипки начать через Шеврову. Выяснилось, что она на старости лет занялась разведением белых мышей, черно-бурых лис и продажей яблок из своего сада. Она умела наживать копейку. Яблоки продавала не на рынке. Мочила и торговала мочеными яблоками возле пивных. Выходило дороже.

Старушка — «божий одуванчик», в чем только жизнь теплится. Худенькая и сгорбленная, с пергаментным, желтым лицом, словно бы от недоедания. А может, и действительно от недоедания: в этой породе встречаются скупцы, которые при огромных деньгах в кубышках от жадности сами себя голодом морят.

Она, конечно, поняла, в какое ее привезли здание. Мы предупредили, что ей не грозят никакие неприятности и от нее требуется одно — рассказать правду о судьбе скрипки, которую важно найти.

Ну что же, рассказ выглядел вполне правдоподобно. Скрипками она никогда не торговала и считала делом пустяковым. Да и предложить-то скрипку некому было. Не имела она таких знакомых. Правда, сказала доктору, живущему у них в дачном поселке, слыхать, этот доктор даже известный московский профессор. Она знала его жену и назвала им скрипку. Доктор ее на смех поднял. Сказал, что связалась она с какими-то жуликами, что никак невозможно, чтобы такая скрипка кем-то продавалась. «Ну,— думаю,— старик Урляпов — дурак, так с него спроса нет, и я с ним в дуры попадаю...»

— Поезда тогда как ходили... Не по расписанию... Долго стояли на станциях, пропускали воинские... Я, что мне теперь таиться, за картошкой в рязанские деревни ездила. За картошкой, за салом и за прочими продуктами. Кормиться надо было? А я одна осталась. Сына положили в первый же месяц. На заставе в пограничниках служил. В деревне купишь за одну цену, в городе продашь за другую... Вот и жила и все по поездам сновала. А в поезде скучно... Разговорами пробавляемся. Вот и рассказывала, как меня дурой старик сделал... А как прозывается скрипка, так я до сих пор не помню. Рассказала я этак-то в темноте своим соседкам по купе, одна меня потом в Рязани и отводит в сторону. «Ты,— говорит,— об этой истории помалкивай, а скрипку предоставь, может, то и правда каких денег стоит... Сколько бы там ни стоила, а выручка будет». И адресок мне свой дала. На улице Левитана в Москве жила, есть в Москве такая улица...

Так мы и подошли с Шеврово й к ее встрече со Значковской. Фамилию своей обидчицы она запомнила и даже все обстоятельства продажи скрипки. Обижена она была по-крупному, а жаловаться некому. Два раза они встретились с гражданкой Значковской, а затем та ей деньги вручила. Десять тысяч рублей, и наказала из рук в руки передать хозяину; ей куш обещали выдать, когда доставит скрипку.

Скрипку смотрела не Значковская. Шеврова называла ее в своем рассказе «барыней» («барынька», по ее словам, была совсем не главной фигурой в этой истории). Скрипку смотрел ее «хахаль», «человек из себя видный, породистый и, видать, большая шишка».

Он долго рассматривал скрипку, даже струны на ней попробовал и «отвалил» ей пять тысяч рублей сверх тех десяти, которые она отвезла старику в деревню.

Довольна спекулянтка по-первому была крайне. Никак не думала, что пустое дело принесет такой барыш. А потом под ложечкой стало сосать: не продешевила ли? Жила, как мы уже упоминали, в Подмосковье. И надо же такому случаю: покупает ее гражданочка Значковская дачу в их поселке. «Дачу царскую... Это все с той скрипочки, не иначе». Вот и затаила с тех пор на нее злобу.

— А почему же вы думаете,— задал ей вопрос Снетков,— что дача куплена с той скрипки? Может быть, у нее и без того деньги были?

По-своему Шеврова была наблюдательна, профессия у нее такая, что и некоторым деталям взгляд оказался прилипчивым.

Она очень логично объяснила, что познакомилась со Значковской, когда той было не до дач. Тряслась «барынька» в таких же теплушках, как и она: ехала выменивать свои платья на картошку.

— И «хахаль»-то ее, «хахаль», тот самый, что скрипку для себя брал, с ней и дачу покупал. Сам выбирал, сам с прежними хозяевами рядился... Для своей любушки покупал, от семейства своего в глубокой тайне... Никак я вот только не добралась ни до его имени и фамилии...

И последний вопрос к неожиданному свидетелю:

— Скажите, Шеврова, а вы узнали бы по фотографии человека, который у вас скрипку купил?

— Узнала бы! — твердо ответила она.

Пришлось ей посидеть и подождать в приемной.

Снетков быстро доставил фотографии профессора Старцева времен войны. Показали мы ей для опознания несколько фотографий. Среди них была и фотография профессора Старцева. Замерли и я и Снетков в ожидании. Сразу и не колеблясь указала она на Старцева. Вот он, ее обидчик, он купил скрипку, он на этой скрипке нажил деньги, он купил дачу своей «барыньке»!

Продолжение следует.

Федор
ШАХМАГОНОВ,

Евгений
ЗОТОВ

Повесть

Продолжение.
См. «Огонек»
№№ 42—44, 46.

Рисунки
П. ПИНКИСЕВИЧА.

Поблагодарив за помощь следствию, проводили мы ее и задумались. А ведь было над чем задуматься. Было! Ученый, профессор Старцев — и вдруг в роли перекупщика скрипки! Для себя покупал? Зачем? Пятнадцать тысяч — это в конце концов не очень-то большие деньги, но зачем? Никто у него в доме не музицировал. И он уж точно знал, какую вещь в руки брал, к чему прикасался! Это не Шеврова.

Купил и продал? Опять все тот же вопрос, с которого и начали. Кому продал? Кто мог в нашей стране для себя купить такую вещь? Ее с превеликой охотой увезли бы за океан, не поскупившись на деньги. Профессор в роли спекулянта? Это уже двойная нелепость.

Биография для анкет, для предисловий к его книгам ни на один из вопросов, которые нас волновали, не давала ответа.

Вот одна из его последних автобиографий. Пожалуй, самая подробная. Для Академии наук.

«Родился я в 1900 году в феврале месяце. Ровесник века. Исторические потрясения двадцатого столетия во многом предопределили судьбу мальчишки из мещанского, провинциального городка с символическим названием. Родился я в Старгороде. Фамилия Старцев в этом городке была очень распространенной. На нашей улице, название которой я и не помнил, установил в последующих изысканиях, в Собачьей слободке, все были Старцевы, и никто из них точно не знал, где родня, а где чужие...

Как возникали такие странные города? Какой экономической или исторической необходимостью продиктовано их возникновение в открытой степи, вдали от больших дорог и еще дальше от водных путей? Ни реки в округе на добрых двести — триста верст, ни какого-либо другого водоема. Колодцы-то рыли до тридцати метров в глубину.

Старгород. Название подходящее. Городок-то действительно был старым. В летописях упоминается со времен половецких набегов. Крепостью, правда, он никогда не был, воинских подвигов за ним не числилось.

К тому времени, когда мне родиться, Старгород являл собой разновидность городка Окурова — по Максиму Горькому. Промышленности в городе не было никакой, граждане занимались огородами и торговлей. На чем держалась торговля в таких городках, на этот вопрос наши экономисты еще не дали вразумительного ответа.

Купцы — их было немного — торговали хлебом. Скупали хлеб в окрестных казачьих станицах, у помещиков и переваливали его в разные концы. Но таких купцов на весь город было раз два и обчелся. А торговал весь город. Чем? Кому и что продавал, кто покупал? Это покрыто мраком.

Я вышел из такой вот «торговой семьи». В кавычки это определение беру отнюдь не из-за предосторожности. Никогда не скрывал, что отец мой стоял за прилавком. Под конец своей жизни он даже сделался хозяином лавчонки скобяных товаров. В самый канун революции. А когда начали падать торговые дома и купцы первой гильдии, предчувствуя перемены, распродавались, он купил даже несколько хлебных магазинов. Жадность, желание разбогатеть обуяли его. Ну и пришел к концу, который единственно и был возможен в те годы. Пошел с котомкой побираться, ничего не понял, ничего не принял, умер где-то под забором.

Я в наследство получил к торговым делам ненависть. Это было «здоровое» воспитание подрастающего поколения, ничто так не могло отвратить от торговли, как прислужничество у прилавка с юных лет. Я с десяти лет помогал отцу-приказчику, а потом отцу-купчишке. Лучше у других служить, чем у своего отца. Вырос озлобленным зверенышем на отца, на семью, на свой городок, на чистых господ и на грязных мастеровых, на царя и бога, а пуще всего на городовых.

Революцию я принял как перемену жизни, перемену всего, что вокруг и рядом, а к чему перемена, я тогда, конечно, еще не знал и не мог знать. Никаких книг я в юности не читал, умел только считать и свою фамилию подписывать. О справедливости или о благе ближних понятия не имел.

В ту пору судьба такого темного парня, каким был я, во многом зависела от случая.

Километрах в полуторастах от Старгорода раскинули свои копры донецкие шахты. Первыми сквозь наш городок прошли красноармейские отряды. Я к ним и прибился. С винтовкой в руках начинать новую жизнь мне даже очень нравилось. А шли бы белые или банды, и за ними я увязался бы. Никакого революционного самосознания тогда у меня не было.

Все началось с Красной Армии, с регулярного красноармейского полка. Сначала революция научила меня грамоте, затем она научила меня жизни, затем научила меня классовому сознанию, научила человечности и открыла мне ленинское учение.

Когда окончилась гражданская война, я пошел со своими однополчанами на донецкие шахты. Рабочий класс привел меня к партии. В партию я вступил в 1923 году, а в 1926 году меня послали учиться. Сначала рабфак, потом опять шахты, потом Промышленная академия, а затем уже и дорога в науку...»

Далее шло подробное перечисление учреждений и институтов, где доводилось работать профессору, перечисление его трудов и заслуг, вплоть до последнего дня, до последнего его места работы.

Биография отчеканенная, прошла она множество проверок. Однако проверка проверке рознь!

«ГОНЧИЙ ПЕС» ВЫХОДИТ НА ОХОТУ

Значковский возвращался с концерта на своей «инвинкте». На спуске к Самотеке его обогнало такси. Из такси высунулся пассажир и показал Значковскому два пальца.

Значковский недоуменно пожал плечами.

Внизу у светофора машины остановились. Тот пассажир такси снова высунулся из окна и крикнул:

— Даю двести тысяч!

За светофором Значковский остановил машину. Не вынесла «душа поэта». Двести тысяч!

Такси остановилось несколько впереди. Из него вышли двое. Один — в штатском, другой — южанин в летной форме майора. Южанин молодой да еще летчик. Имело смысл выяснить их позиции.

— Мне нужна машина! — сказал летчик.— Такая машина!

— Да, но я не продаю ее! — ответил Значковский.

Летчик обворожительно улыбался.

— А мы ее и не просим продать! Мы просим ее обменять на денежные знаки!

Оба пассажира такси сели на заднее сиденье «инвинты».

Значковский обернулся к летчику.

— О чем вы говорите, ребята? Что значит продать? Предположим, я задумал бы продать машину... Я должен отвезти ее в комиссионный магазин. А там...

— Ты только отведи ее! — ответил летчик.— Скажи день, когда погонишь. Мне больше ничего не нужно... Я буду первым в этот день! Что-нибудь заработал же я у своего родного государства! Выпрошу первую очередь! Жизнью своей я каждый день рискую вне очереди! Друг мой знает, на каких я самолетах поднимаюсь! Кишки наматываются на позвоночник. Одна у меня болезнь. Хочу такую, как у тебя, машину! Возьми деньги! Ты себе на них четыре «Волги» купишь!

Значковский снисходительно улыбнулся.

— Не продаю... В этом вся беда!

— Не надо! Не продавай! — воскликнул летчик.— Ничего не надо! Пойдем с нами в «Арагви»! Я угощаю! Будешь мне другом. Когда надумаешь продать, меня вспомнишь!

Летчик умел угостить с чисто южной широтой. С тостами. С улыбками. Слово он сдержал. О машине больше не заговаривал.

Его друг Дарико быстро захмелел. Он все время нахваливал Отара, знаменитого летчика. И друг-то он хороший, и летчик первейшего

«INVIC

класса, и очень богатый человек. Отар за каждый вылет на своих самолетах чуть ли не «Волгу» зарабатывает.

Значковский пригласил летчиков к себе. Расставались нежными друзьями.

Отар до того растрогался, что подарил Значковскому на память фотографию.

Аэродром. Взлетная площадка. Отар в летном костюме. Не в обычном летном костюме, а в космическом скафандре. За его спиной силуэт машины. Не ракета, но почти снаряд с косыми крыльями, выпирающими из-под брезента.

Несколько дней Значковский возил Отара и его друга Дарико по Москве, по адресам владельцев машин с иномарками. Однако не очень удачны были поездки. Хорошие машины никто не продавал, а старенькими Отар не интересовался.

Отар начал поговаривать об отъезде и пригласил Значковского на прощальный обед в «Арагви».

Выпили. Отар зазвал к себе Значковского в номер гостиницы «Москва». Все у него шло по высшей категории. Три комнаты. Спальня, кабинет, гостиная.

У пьяного человека сон глубокий. Но Значковский не был пьян. Когда Отар и его друг Дарико погрузились в полное небытие, Значковский тихо встал и обшарил карманы своих друзей, облазил все ящики в столах и перерыл их вещи. Делал он это спокойно, не торопясь, под богатырский храп летчика.

Прежде всего он установил, что Отар действительно летчик, что награжден он многими орденами, что он испытатель. Нашел Значковский и иной вариант той фотографии, которую подарил ему Отар. Все было так же и не так. Отар. Тот же аэродром, но самолет на этот раз стоял расчехленным.

Уезжая к себе, Отар признался Значковскому, что «пропадает» в казахстанских степях. Условились, что майор договорится со своим командованием и пригласит Значковского выступить с концертом в летной части.

С казахстанского аэродрома последовало приглашение Значковскому выступить с концертом.

Клуб при аэродроме был вместительным. Музыканта приняли тепло. Поселил его Отар в своем домике, возле самого аэродрома.

Днем и ночью воздух сотрясался от гула могучих двигателей, дребезжали стекла от тяжелых взрывов.

Отар ушел утром на аэродром и просил слушать его взлет, указав час, когда он поднимется в воздух. Значковский хозяйничал в доме. Он нашел портфель. В портфеле схему управления необычного самолета. На схеме стоял гриф «секретно»...

В Дубровку пришла открытка Родину. Безобидный текст. Писал какой-то друг, справлялся о житье-бытье. Но подстрочный текст этой открытки означал начало операции.

Должен с прискорбием признать, что первую встречу Значковского с «гончим псом» мы проглядели.

В одну из поездок в Москву с директором Родин позвонил Значковскому.

— Товарищ Значковский,— начал Родин.— Я не ошибся номером?

— Вы не ошиблись номером,— ответил Значковский.

— Извините, пожалуйста, за беспокойство.

— Чем могу быть полезен?

— Я хотел бы просить вас дать нам концерт! Когда вы смогли бы приехать?

— Я этого сейчас сказать не могу... Позвоните мне... Ну, скажем, в четверг, в одиннадцать часов утра. Я тогда скажу точно!

В одиннадцать часов в четверг никто не звонил Значковскому.

Никто ему не звонил, а встреча с Родиным состоялась. Короткая встреча.

О деталях этой встречи мы узнали значительно позже, уже в ходе следствия.

Значковский приехал в ГУМ. Пристроился в очередь, где продавались мужские сорочки. Выбрал себе белую выходную сорочку, оплатил ее и с этим свертком вышел из ГУМа. Житейские дела — и только! И никто не знал, что встал в очередь он за Родиным, что условились они о встрече, где им никто не мог бы помешать...

Значковский в следующий четверг приехал на Ленинградский вокзал и купил два билета в мягкий вагон «Красной стрелы».

Не представляло нам труда установить, что в Ленинграде его с концертом не ждут. Человек, однако, он свободный, средствами для праздной поездки в Ленинград располагает. С кем он едет? Вот в чем вопрос. Мы знали номер вагона и номера мест, на которые он взял билеты.

Значковский пригласил в поездку свою любовницу. Она в последнюю минуту отказывается от поездки. Поссорились или заупрямилась. Можно ли в этом усмотреть что-нибудь необычное? Нет. Даже и тому факту, что она выехала без багажа, можно найти объяснение. Отличное объяснение. Он надеялся уговорить капризную женщину в последнюю минуту. Не уговорил. Пошел сдавать билет. Даже отдал билет кассиру. Но оформление сдачи билета в просроченное время стоит денег и времени. А тут какой-то случайный пассажир берет билет. Все логично.

Так «гончий пес», он же Родин, и Значковский оказались в одном купе.

Под стук колес удобно вести разговор вполголоса. И никто не войдет в купе: впереди длинная ночь.

Разговор начал Значковский:

— Это крайне неосторожно, что мы едем с вами в одном купе.

Родин: — Почему? В чем вы видите неосторожность? Вы заметили за собой слежку?

Значковский: — Нет, за мной не следят. За вами могут следить.

Родин: — Никаких для этого оснований нет. Если соприкосновение с вами неподозрительно, за мной некому следить. Не к чему. Я обычный советский гражданин. Вы тоже обычный советский гражданин. О наших встречах в Нью-Йорке никто не знает и знать не может. В чем дело? Что вас беспокоит?

Значковский: — Жаньен учил меня осторожности.

Родин: — Жаньен должен был учить осторожности. За ним действительно следили, и он это знал. Вы с ним встречались редко и с такими предосторожностями, что никто не мог вас в чем-то заподозрить, если, конечно, ваше общественное реноме безукоризненно. Говорите сразу. Потом будет поздно. Вы встречались с иностранными подданными в это время?

Значковский: — Нет, не встречался. Это мне запретил шеф.

Родин: — Вы приобретали валюту?

Значковский: — Это было давно. Больше я валютой не занимаюсь...

Родин: — Вы оставили свою машину Сальникову?

Значковский: — С машиной все обошлось хорошо.

Родин: — Что же вас тогда беспокоит в нашей встрече?

Значковский: — Только то, что мы оказались в одном купе. Зачем же нужны были столь усложненные передачи? Гонки на машинах и прочее.

Родин: — Для этого я и приехал, чтобы передачи упростились. Вы советский гражданин с незамаранной репутацией, я совхозный шофер. Мы сошлись в одном купе. Ну и что? Никакая разведка мира не в силах следить за всеми гражданами.

Значковский: — У меня вроде нет оснований считать себя под подозрением.

Родин: — Я дал вам задание. Вы просите объяснений. Какие нужны вам объяснения?

Значковский: — Мне все ясно! Но я сомневаюсь! Это не ошибка! Что может быть общего у вас со Старцевым?

Родин: — Это — излишнее любопытство.

Значковский:— Вы что-нибудь знали о колхозном счетоводе?

Родин: — Что именно?

Значковский: — В Тульской области одна история... Мне пришлось по указанию шефа запачкать руки.

Родин: — Теперь мне все понятно!

Значковский: — Я могу довериться Старцеву?

Родин: — Тут скорее обратный вопрос. Ему труднее вам довериться.

Значковский: — Я о нем ничего не знал... Я без него добыл для вас кое-что.

Родин: — Мы вас об этом не просили! Вот это действительно опасно! Но вы мне расскажете, как, при каких обстоятельствах и от кого вы ее добыли?

Значковский: — У меня есть друг. Летчик-испытатель. Он испытывает новые модели скоростных реактивных самолетов.

Родин: — Почему вы там, у нас, ничего не сказали об этом своем друге? Он появился на вашем горизонте после возвращения из Нью-Йорка?

Значковский: — Не все сразу приходит на память. Я повторяю, он мне известен с детских лет. Я никогда не смотрел на него с вашей точки зрения. Теперь я на все смотрю с других позиций.

Родин: — Ну и что же вы высмотрели?

Значковский: — Модель реактивного истребителя. Может быть, перехватчика. Последняя модель, еще не пущенная в серию. Она проходит государственные испытания.

Родин: — Это вы серьезно?

Значковский: — Я вам передам фотоснимок модели, ее схему, описание ее управления, ее полетные данные.

Родин: — Это все с вами? Здесь?

Значковский: — Нет! Я этого с собой не ношу. Я достаточно осторожен. Я знаю цену такой информации.

Родин: — О! Вы к тому же бизнесмен! Ваша сумма?

Значковский: — Двадцать тысяч!

Родин: — Двадцать тысяч! Это действительно должна быть модель последнего самолета. Мы проверим. Деньги вы получите после заключения наших экспертов. И если это действительно новинка, и новинка из значительных, вы получите названную сумму!

Значковский: — Я не работаю по-пустому. Скажите, я не продешевил, отдавая вам конструкцию самолета? Я в какой-то мере в ваших руках. Я не знаю, как ценятся такие вещи.

Родин: — Нет, не продешевили...

Значковский: — А может быть, запросим больше. Мне больше двадцати тысяч не нужно. Запросим тридцать. Десять тысяч ваши.

Родин: — Для меня ваши деньги не имеют никакого значения.

Значковский: — Напрасно! Деньги — отличная вещь!

Родин: — Перейдем к делу! Мы больше встречаться не будем. Все, что вы получите для нас, вы будете прятать в тайник. Это схема нашего с вами тайника. Вы едете до Бронниц, сворачиваете на Каширское шоссе. Двадцатый километр от Бронниц. Березовая роща. Километровый столб. Вот схема. По этой тропке вы углубляетесь в лес. Считайте на схеме деревья. Вот береза. Высокая береза. Из особых примет — на коре надпись: «Миша плюс Маня равняется любовь». Свои сообщения вы прячете в консервную банку и закапываете в корнях этой березы. Летом там можно собирать грибы. Весной подышать весенним воздухом, постоять на тяге, зимой — прекрасное место для лыжной прогулки. Хорошо будет, если на эти прогулки вы будете выезжать не один, для прикрытия собирайте компанию. Каждое второе воскресенье с начала месяца. В другие дни пользоваться тайником не следует. Ясно?

Значковский: — Ясно!

Родин: — Изучите схему тайника... Теперь поговорим о вашей безопасности. Если вам будет грозить опасность, если вы заметите за собой наблюдение, вы должны позвонить по этому телефону. Запомните номер. Если вас арестуют, по этому телефону пусть позвонит кто-нибудь из ваших близких. Не надо никого приглашать к аппарату. Когда снимут трубку, вы скажете: «Это квартира Солнцева?» Неважно, что вам ответят. Это сигнал тревоги. Все!

Значковский: — Когда я смогу передать информацию об истребителе?

Родин: — Не торопитесь! Получите информацию от Старцева. Все это вместе и положите в тайник.

Родин и Значковский вышли из вагона и тут же разошлись, как незнакомые люди...

Мы получили эти сведения уже со справкой, что в Калуге до сих пор живет человек под именем Родина Григория Ивановича. Год тому назад им был утерян паспорт.

ТА»

Значковский вышел из дому более чем за час до отхода поезда. В руках у него был объемистый портфель, который вполне заменял чемодан. Куда же в такую рань? Ах, вон оно в чем дело! Лирическое путешествие со Светланой Старцевой.

Он взял такси и заехал за Светланой.

Она поехала с ним на вокзал. Но вот деталь! Наши товарищи отметили, что она вышла из дому без дорожных вещей. Какая же женщина выедет в такую поездку без багажа?

Они вышли на платформу, прошли вдоль состава прогуливающимся шагом. Значковский о чем-то горячо и оживленно говорил ей. И вдруг у заднего вагона, у выхода с вокзала, они простились. Светлана ушла быстрым и решительным шагом.

А что же Значковский? Он направился в вокзал, к кассам. Сдавать билет? Именно билет, а не билеты. Если бы он шел сдавать оба билета, он не оставил бы своего саквояжа в вагоне.

Подошел к кассе и громко сказал кассиру:

— Примите, пожалуйста, у меня один билет до Ленинграда.

Кассирша взяла билет и сокрушенно покачала головой, подсчитывая потери пассажира из-за несвоевременной сдачи билета.

Плеча Значковского коснулась ладонь неизвестного нам гражданина.

— Вы сдаете билет? В какой вагон?

— Мягкий вагон.

— Я возьму.

Неизвестный попросил кассира проверить, правильно ли оформлен билет, отдал Значковскому деньги, и они разошлись, чтобы вскоре встретиться в одном купе.

Неплохо придумано, не правда ли? Каждая деталь имеет свое объяснение, все построено будто бы на случайностях.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Обычным автобусным рейсом в Старгород прибыла бригада по историческим изысканиям в городе. Два историка, Петров и Шарапова. Петров работал следователем КГБ, Шарапова — в нашем архивном управлении. Они «задумали»

книгу о Старгороде, «Старгород в предреволюционные годы и после революции». Они связались с городским краеведческим музеем, который был создан старгородскими учителями-энтузиастами. Им надавали множество адресов бывалых людей, тех, кто принимал участие в революционной деятельности, кто участвовал в гражданской и Отечественной войнах. Открыли историкам двери городских архивов.

Музей Старгорода. Все было собрано энтузиастами без всякого вознаграждения.

Под музей были отведены два зала в старгородской средней школе.

Директор школы Николай Евгеньевич Зелятров, пожилой и очень подвижный человек, встретил историков с распростертыми объятиями. Во-первых, историки, во-вторых, будущие авторы книги о Старгороде. Он готов им был рассказывать о городе часами.

Прежде всего Зелятров показал историкам отдел древностей. Ученики из года в год выходили на раскопки меловых россыпей на окраинах города в дальние овраги. В меловых отрогах попадались причудливые отпечатки необыкновенной формы раковин.

Эпоха каменного века была представлена первобытным топориком и несколькими высеченными из кремня наконечниками стрел. Затем шел многовековой и даже в десятки тысячелетий разрыв от доисторического времени и средневековью.

Степной город, степные просторы. Когда здесь еще и намека на город не было, схватывались тут жарко кочевники со славянскими племенами. От половецких набегов остались в земле кривые сабли, источенные ржавчиной в тонкие серпики.

Против половецких набегов и воздвигли славяне сторожевую и дозорную слободу. Она обживалась. Так родился город.

«Как возникали такие странные города?» — задавал риторический вопрос Старцев. Если бы он хоть один раз побывал в этом музее, такого вопроса не возникло. Сторожевой город, степная крепость — вот в чем историческая необходимость его рождения. А Старцев писал в своей автобиографии, что нечем объяснить возникновение такого города, добавляя при этом, что «крепостью он никогда не был и никаких воинских подвигов за ним не числилось».

Уехал из Старгорода мелкий приказчик юношей, никогда не возвращался сюда, откуда ему знать историю ратных дел горожан? Так и укрепилось в памяти, что городок, где он родился, ничем не примечателен. На первый случай и это соображение могло бы что-то объяснить.

Эту крепость между тем, как установили ученики, несколько раз сжигали татары. Ее сжигали, но она вновь вырастала, как сторожевая вышка в густом седом ковыле.

Вот они откуда, неровности города на ровном степном месте. Окапывалась когда-то степная крепость земляными валами, а потом расширялась, и земляные валы застраивались домами. А между валами и расположилась в более поздние времена Собачья слободка.

Представлял интерес и зал новейшей истории Старгорода. Здесь, правда, исторические события отмечались на стендах и рисунках школьников, не была тут и ротационная машина старгородских подпольщиков. На ней печатались большевистские прокламации и распространялись среди окрестных батраков. На поверку оказывался Старгород не такой уж глухоманью, как пытался это изобразить в своих рассуждениях о городе профессор Старцев.

А вот и сам профессор. На стене висели портреты знаменитых старгородцев. Герой гражданской войны Иван Михайлович Постовалов, погибший где-то в степях Причерноморья; Герой Советского Союза, танкист Михаил Петрович Стариков, прославивший Старгород в годы Отечественной войны, профессор Старцев, ученый.

— И профессора разыскали? — спросил Петров, указывая на портрет.

Зелятров объяснил, что работники музея, а их множество, собственно, все ученики школы, и многие энтузиасты пристально следят за всем, что касается истории города. Однажды в горисполком пришел запрос, подписанный московским профессором. Профессор просил поискать в архивах метрические выписки о дне его рождения. В церковном архиве или в архиве горисполкома. Так узнали, что из Старгорода вышел ученый. Запрос этот пришел после войны. Какой мог сохраниться архив? Дважды по городу прокатилась немецкая волна. Зелятров, получив сведения о профессоре Старцеве, заинтересовался его прошлым.

Остатки Собачьей слободки сгорели во время войны. Но нашлись фотографии этой улицы у жителей-старожилов.

Это были деревянные или глинобитные домики, подслеповатые, маленькие оконца, грязь на проезжей части. Самая беднота жила в Собачьей слободке. И все Старцевы. Других фамилий там и не помнили. Из каких же Старцевых вышел Арсентий Дмитриевич, установить было трудно. Старики ломали головы, восстанавливая былое. Старцевы — и приказчики и купчишки, и Дмитрии и Арсентии... Всякие были. Мог быть и Арсентий Дмитриевич, мог уйти из города с Красной Армией. Во время гражданской войны город переходил из рук в руки много раз. Все смешалось, затерялось и быльем поросло. Из горсовета послали в Москву справку, что городские архивы, а тем более церковные, уничтожены либо в гражданскую войну, либо в Отечественную. Найти метрические выписки не представлялось возможным. Горсовет засвидетельствовал, что Старцев происходит из Старгорода, что его родственники принадлежали к мещанскому сословию.

Зелятров и его ученики искали потом родственников Старцева, но все Старцевы, задержавшиеся в Старгороде, открещивались от этого родственника, в их семейных преданиях он не значился.

В анкете Старцев указывал, что ни сестер, ни братьев у него не было.

Ирина Тимофеевна Шарапова окончила историко-архивный институт. Ей и карты в руки. Но архивы Старгорода действительно были опустошены. Прямых свидетельств добыть не представлялось возможным. Шарапова собирала косвенные свидетельства. Она принялась за изучение биографий всех Старцевых. Сложное дело. Ничем эти люди себя не прославили, жили, где-то работали, кое-кто из них торговал, а многие уехали из Старгорода. И их следы очень редко обнаруживались либо в справках, выданных загсом или горсоветом, либо в гражданских актах о рождении и смерти.

Петров имел неограниченную возможность представить в воображении жизнь этого захолустного городка и поразмыслить, как и каким путем мог прийти паренек из этого города к службе в иностранной разведке. Мог перебирать бесчисленное количество версий в поисках одной и самой точной.

Петров встречался со старожилами. Со старичками и старушками. Выслушал он множество интересных историй о жизни мещанского сословия. И о драках на главной улице, и о блудливых женах, и о побоях, которыми держали своих домашних в страхе мелкие купчишки, о запоях купеческих и загулах и о том, кто и чем торговал, как торговал... И почем был хлеб, по какой цене ходил сахар, и какими по осени были торговые ряды в городе. Упоминали о нескольких Дмитриях Старцевых, а вот был ли у кого из Дмитриев сын Арсентий, никто припомнить не мог. В Собачьей слободке чаще пользовались прозвищами, чем именами.

В своих поисках Петров натолкнулся на пенсионера, бывшего начальника городского отдела ОГПУ Лебедева. Ему было за семьдесят, но память осталась еще свежей. Он починил свой пост перед самой войной, потом работал в отделе коммунального хозяйства. Пережил войну, как и все пожилые люди: тогда он уже был вне призывного возраста,— пережил эвакуацию и вернулся в родной город. Отдыхал. Занимался садом, ходил с удочками на неширокую степную речушку. Он первым указал все же на какой-то смутный след. Однажды из Москвы поступил запрос на Старцева Арсентия Дмитриевича, доцента, преподавателя одного из московских институтов. По архивным данным, которые тогда еще не были уничтожены, Лебедев это вспомнил, установили, что в городе проживал Арсентий Дмитриевич Старцев, он пошел в ряды Красной Армии. Запрос, видимо, относился к тридцать второму или к тридцать третьему году. Больше о Старцеве не запрашивали.

На том изыскания историков, собравшихся написать книгу о городе, и закончились бы, если бы не энтузиазм Зелятрова.

Он вечером вбежал к Петрову в номер гостиницы, сияя от восторга. Нашел! Нашел интереснейшего человека, о котором можно написать целую главу в книге. Коллекционер и даже местный бытописатель. С незапамятных времен ведет дневник о жизни города, ни одного дня не пропустил в своих записях. Сейчас на пенсии, а работал всю жизнь бухгалтером. Можно представить аккуратность, с которой он вел записи!

Его фамилия была Старков. Старомодный человечек, во внешнем облике у него было что-то от чеховского «человека в футляре».

Дом на окраине города. Немощеная улица, канава для стока воды, мостик через канаву. Доска к доске пригнана, словно пол стелили. Невысокие воротца окрашены охрой. Перед крыльцом система половиков и половичков. Рядом скребок, затем соломенная подстилка, потом циновка, потом половик и дорожка в коридоре. Крашеные полы натерты мастикой, ни пылинки. Вся мебель в парусиновых чехлах.

Старичок невысок ростом, чуть пригорбился, в очках с золотой оправой. Такие носили очень давно, и нужна была крайняя аккуратность, чтобы сохранились и не сломались до сей поры.

Всякие бывают коллекционеры. Собирают почтовые марки филателисты. Этих подавляющее большинство. Самый заманчивый и вообще-то самый легкий вид коллекционирования. Поставлен сбор марок на широкую ногу. К услугам коллекционеров магазины и даже печатные машины, которые воспроизводят марки, давно вышедшие из общего употребления.

Нумизматы собирают коллекции монет. Здесь нет столь проторенных дорожек, как у филателистов, и купить древние монеты негде.

Собирают открытки с видами, собирают спичечные этикетки, коробки от сигарет, собирают гербарии, жуков и бабочек. Старков собирал письма, не нашедшие адресата. Он работал бухгалтером на почте. В почтовом отделении иногда оседали письма, не нашедшие адресата, и к тому же без обратного адреса. Их некоторое время хранили, а затем сжигали. Он выпросил себе право сжигать такие письма, но не сжигал, а собирал в коллекцию. Аккуратно распечатывал конверт, сналывал с письмом и распределял по папкам. Папка писем семейных, папка писем любовных, папка писем деловых, папка пропавших адресатов. В эту папку собирались письма, в которых разыскивали пропавших людей.

Довольно любопытное и многообразное собрание человеческих страстей, горя, радости и недоумения. Сюжеты для драм и комедий, странички живого изображения эпохи. И дневники. Общие ученические тетради. Пятьдесят четыре тетради. Пятьдесят четыре года, изо дня в день, по две странички на день записей. Погода, температура воздуха, прилет и отлет птиц, происшествия в городе, исторические события и прочее. Ничего о себе. Для историка города Старгорода клад неоценимый. А для дела? Петров и Шарапова с тревогой поглядывали на эти пятьдесят четыре общие тетради, исписанные мелким, как бисер, почерком. Петров терпеливо рассматривал коллекцию писем и выслушивал рассказы, как добыто то или иное письмо, что в нем редкого.

Здесь были: и открытки с видами Кавказа, с торопливым текстом заезжего гастролера, и солдатские треугольнички времен Отечественной войны, блуждавшие по полевым почтам и заброшенные военной неразберихой в чужой город.

А Старков извлекал одну редкость за другой. И вдруг до сознания Петрова дошла знакомая фамилия. Им только что было прочитано не очень ясное письмо времен гражданской войны.

Историки насторожились. Письмо времен гражданской войны. Времена были трудные, письма писались редко, бумаги не было. Писали на оберточной бумаге, на обрывках газет, на страницах книг. Это письмо было написано

на рекламном проспекте. Плотная меловая бумага. Вчетверо сложенная, она с трудом входила в пожелтевший от времени конверт. На конверте адрес: «Город Старгород, Собачья слободка, дом 3, Дмитрию Ивановичу Старцеву».

Конверт со штемпелем пришел в Старгород из Ростова. Петров бережно взял в руки письмо и попросил разрешения прочитать текст.

Текст шел наискось по рекламному проспекту. Крупные округлые буквы не весьма искусного грамотея. Типичный стиль для письма к родным.

«Шлю привет матери, отцу и родным сестрам.

Издалече письмо. Из Ростова, что на Дону. Мы гоним беляков и вскорости скинем их в море. А потом я приду домой и порядком накручу вам всем мозги. Не доперли вы социальных проблем. А проблема такая. Ты, отец, распродавай все свое недвижимое и становись на рельсы прольтариата. Теперича другая линия направления дадена. В лавках не сидеть торговать, а строить надоть фундахмент. Фундахмент прочный и новая жизнь. Заклинаю, продавай все и не срами своего сына красноармейца. Никакой купец из тебя не получится!

Пребываю в здравии ваш сын Арсентий. Жду привета, как соловей лета! Арсентий. А писать мне некуда, будет куда, вышлю. Мая сего года, 16».

Арсентий Старцев! И к тому же его отец — Дмитрий. И ко всему Собачья слободка. Красноармеец.

Старков наслаждался вниманием Петрова к своей находке.

Отыскался след. Ничего этот след пока еще дать не может, но все же след. Кончик ниточки. Петров даже еще и не думал, куда этот след выведет.

Рекламный проспект. Замысловатая виньетка в стиле того времени, и виньетка автомашины и надписи.

Сверху крупным латинским алфавитом — «PACKARD» и далее:

«самые дорогие и самые лучшие в мире

В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ НЕТ НИ ОДНОГО МИЛЛИАРДЕРА, КОТОРЫЙ НЕ ЕЗДИЛ БЫ НА НАШЕЙ МАШИНЕ! НАШИ ПОКУПАТЕЛИ: Джон Арбукль, К. Х. Арчибальд, М. Х. Астер, Чарльз Гульд, А. С. Гульд, М. С. Мак Кэй, Д. Х. Морган, Х. В. Морган, Д. П. Морган, Пирпонт Морган, В. Морган, Корнелиус Вандербильд, В. Г. Рокфеллер и мн. другие.

Автомобили «Паккард» — самые дорогие автомобили в мире. Но практичные янки считают их наиболее выгодными.

Затраченные деньги здесь оплачиваются.

Кто не ездил на «Паккарде», тот не может представить, насколько приятна езда на автомобиле.

«Паккард» идет по вспаханному полю, как по хорошей дороге.

В России, по странной случайности, почти не знают «Паккарда». А между тем он приспособлен именно к очень плохим дорогам западных штатов Сев. Америки,— это дороги не лучше наших русских. В Америке на всех дорожных испытаниях «Паккард» получал и получает первые призы.

Уже несколько Packard'ов есть в Петрограде. Спросите тех, кто их имеет.

За справками просят обращаться к инж. А. А. Пальскому. Невский пр., тел. 149-71».

Писать не на чем было. Всякая бумага шла в ход. Но откуда такой проспект в Ростове? Где его подобрал красноармеец Арсентий Дмитриевич Старцев? Заскребло на душе у Петрова. Еще никак не выраженные догадки. Но писал-то Арсентий Старцев, след которого они отыскивают в Старгороде. Вот он, след.

Продолжение следует

ПОВЕСТЬ

«INVICTA»

Федор ШАХМАГОНОВ,
Евгений ЗОТОВ

Рисунки
П. ПИНКИСЕВИЧА.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—44, 46, 47.

Петров поинтересовался, почему же это письмо не дошло до адресата.

На обороте конверта надпись, сделанная рукой коллекционера. Там все объяснения. Письмо пришло, когда красные освободили город от петлюровцев. Семью Старцевых в полном составе петлюровцы расстреляли за городской чертой, как семью красноармейца. А был Старцев Дмитрий Иванович хозяином лавки скобяных товаров. Купец третьей гильдии.

В автобиографиях, которые довелось читать Петрову, профессор Старцев нигде не указывал, что его родители и сестры были расстреляны петлюровцами. Он писал, что отец умер под забором. Как же он упустил такой биографический козырь? Почему он об этом не писал?

Петров под честное слово и под поручительство Зелятрова выпросил это письмо у коллекционера на некоторое время, для того, чтобы воспроизвести его в печати как иллюстрацию к книге.

Шарапова и Петров по нескольку раз перечитывали письмо. Тщательнейше изучили проспект. Оставалось психологической загадкой, почему профессор, который делал акцент на свою революционность, умолчал о том, что его родные пали от руки петлюровцев.

Этот документ будут исследовать эксперты-почерковеды. Они выскажут свои соображения о почерке, совпадет ли он в этом письме с почерком профессора. Но они не ответят на вопрос, откуда у красноармейца такой проспект. В чем тут дело?

Проспект на меловой бумаге. Реклама очень дорогой машины. Кому рассылались такие проспекты? Богатым людям. Не просто богатым людям. Очень богатым, самым богатым. Таких единицы. В Ростове вообще не могло найтись человека, который мог бы купить такой автомобиль. В Ростове не было ни Вандербильдов, ни Морганов, ни Рокфеллеров. Мог, конечно, затерятся такой проспект у какого-нибудь богача, крупного помещика и промышленника. Как-то мог попасть он в руки и красноармейца. Мог попасть... Как? В этом весь вопрос. Любопытная бумажка!..

Сын старогородского приказчика — и «паккард». Несовпадающие категории. Скачок огромный. Странно все это. От полуграмотного приказчика до профессора. За этим стоит труд. Немыслимый труд! Надо было много лет учиться, не разгибая спины. Учиться грамоте, овладевать точными науками, накапливать культуру. Работать и работать... Когда же такому человеку заниматься подлостями? Непонятно... Вот если бы инженер Пальский, агент американской фирмы по распространению автомобилей, встал на путь службы в разведке, в этом ничего не было бы противоестественного... Старцев — из мелких купчишек, рабфаковец, красноармеец, который грозил отцу повернуть его к новой жизни... Нет, здесь что-то не так. Экспертиза с полной определенностью установила, что почерк в письме на рекламном проспекте и почерк профессора совершенно различны. Они принадлежали разным людям. Это первый вывод, который напрашивался после заключения экспертизы.

Но мы еще не торопились с выводами.

— Слишком прямой ход? — спросил Петров.

— Простота в нашей работе никогда не бывает самой большой сложностью,— ответил я.— Похоже, что учитель Зелятров и бухгалтер вывели нас на интересный след... Ищите в Ленинграде следы инженера Пальского.

— Меня только одно смущает...— заметил Петров.— Проспект четырнадцатого года. А инженер? Возраст не совпадает.

— Шесть лет... Разница в шесть лет не всегда заметна. Редко кто приглядывается к возрасту человека. Проходят такие разницы. Езжайте! Желаю успеха! Встретить бы вам и в Ленинграде своего Зелятрова!

Ленинград не Старогород. Человек в Ленинграде что иголка в сене. Невский проспект, 28. Да, здесь когда-то было представительство по продаже автомашин. Не только «паккарды» продавались через эту контору. И «форды» и другие машины из Соединенных Штатов Северной Америки и из Европы. Петрову разыскали дореволюционный журнал «Дворцы и усадьбы», журнал, издававшийся в малом тираже для высшей русской аристократии. Там нашлась и копия того рекламного проспекта, который заинтересовал комитет госбезопасности. Инженер Пальский. А вот о нем нигде и ни в каких архивах упоминания не было. Не было упоминания этой фамилии и в жандармских и полицейских архивах. Исчезла эта фамилия из Ленинграда, а вероятнее всего, еще из Петрограда. Революция, голод, разруха... Множество людей исчезло без вести в те годы.

Петров пошел в ГАИ. Он попросил найти ему по документам шофера с дореволюционным стажем. Может быть, сохранился кто-нибудь из тех, кто зачинал автомобильное дело в начале века.

В ГАИ перерыли учетные карточки и нашли ему регистрационную карточку на автомашину «форд» 1903 года выпуска. До войны он стоял на учете, но после в документах ГАИ не фигурировал. Акта на уничтожение этого уникума не было.

Автомобиль стоял в сарае. Давно уже сгнила резина на колесах, облупилась краска, покрылись ржавчиной никелированные части.

Однако стоял свидетель рождения автомобильной эры. Жив был и хозяин Игнатий Михайлович Лежнев. Шофер при императорском дворце. Работал много лет шофером и в советское время, вышел на пенсию. Подрабатывал обслугой автомобилей. «Форд» он купил в собственность в двадцатых годах, но со временем машина пришла в негодность. Хранил ее как память о своем автомобильном прошлом.

Инженер Пальский! Аркадий Андреевич? Ну как же не помнить! Тогда все автомобилисты друг друга знали. Их было не больше, чем пальцев на одной руке. Когда автомобиль ехал по Невскому, это было событие. Пальский знал все системы автомобилей. Он приходил в гараж императора как специалист. За каждую консультацию получал огромные деньги. С ним, с Игнатием, был на короткой ноге. Друзьями не были, но встречались часто. Это был способный и даже талантливый молодой инженер. Он окончил политехнический институт в Берлине. Представлял интересы американских автомобильных фирм. Женат не был. Жил холостяком. После революции в Петрограде не появлялся.

А вот и вещественное доказательство. Фотография. Гараж царского дворца. Автомобиль. Такой же, как и на рекламном проспекте. «Паккард». За рулем Игнатий. Сзади, на кожаном сиденье, высокий человек в военном мундире. Рядом с машиной молодые люди в штатском.

Игнатий пояснил:

— В машине великий князь Николай Николаевич! Главнокомандующий русской армии. Стоят инженер Пальский и его сотрудник Суровцев. Сняли эту карточку для рекламы. Пальский ее в Америку отправил. Великий князь в «паккарде». Неплохая реклама?

Много лет прошло с тех пор. Годы искажают лица, однако не исчезают характерные черты и остается общий абрис. Суровцев похож на Старцева.

ПОЛЕТ БУМЕРАНГА

Итак, мы имеем довольно странную схему. Я ее рассматриваю, эту схему, пока что исходя из тех данных, которые мы имеем после поездки Значковского и Родина в Ленинград.

Все, что рассказано о Родине, о его пребывании в школе разведчиков, о его высадке в Ялте, мы, естественно, узнали значительно позже. Нам пока было известно, что он агент иностранной разведки, связан с Значковским.

Доказательств враждебной деятельности Значковского было уже достаточно для того, чтобы брать санкцию на его арест. Этим мы, конечно, немедленно пресекли бы его опасную деятельность, но оставили бы для следствия очень много белых пятен.

Не менее интересный узелок завязывался и вокруг профессора Старцева. Вот вам и тривиальный сюжет. Разведчик входит в семью советского профессора, видимо, преследуя преступную цель.

Как давно может быть связан Старцев, а точнее, Старцев-Суровцев с иностранной разведкой? Не с тех ли с царских времен, когда был придворным автомобильным инженером?

Тогда все проясняется в истории со скрипкой и покупкой дачи. Это укладывается в размеры вознаграждения иностранного разведчика и в спекуляцию скрипкой итальянского мастера.

Если брать Значковского, то надо арестовать и Старцева и Родина, а мы еще совсем мало знаем о них.

И еще соображение. Какой же разведчик упустит случай нанести удар противнику его же оружием? Соблазнительная операция. «Полет бумеранга» будем называть этот старый прием в разведывательной работе. Повернуть операцию против противника.

Значковский, Старцев и Родин. Что же в этой цепочке может благоприятствовать задуманной нами операции?

Мы теперь в общем-то легко можем проследить по этой цепочке за всей системой связи, можем и ворваться в одно из звеньев. Очевидно, что Старцев должен добывать информацию научно-технического характера. Значковский и Родин будут переправлять эту информацию на Запад своим хозяевам.

Наиболее известен нам из этой троицы Значковский. Мы долго взвешивали, можем ли мы этого человека повернуть на нашу сторону?

Проанализируем еще раз его жизнь, его поступки.

Музыкант, человек с чувством достоинства, умный. В характере заложена изрядная склонность к авантюрам. Сначала эта склонность к авантюризму нашла выход в спекуляциях валютой. Затем каким-то образом, в тот момент мы еще не знали, как, Значковский был завербован иностранной разведкой. Значковский не брезговал ничем. Спекулировал валютой, спекулировал всем, что попадало к нему в руки. Можем ли мы рассчитывать на этого человека? Нет, не можем! Спекулянт, валютчик... Отставить!

Старцев. Шпион... Есть подозрение, что шпионажем занимается давно. Мы не знаем всех его «дел». Вина его перед Родиной может быть столь тяжела, что он уже не поверит в возможность снисхождения. У него могут быть и иные, не только через Значковского и Родина, каналы связи с иностранной разведкой. Он может, если мы его тронем, поднять тревогу, и весь замысел наш рухнет.

Вместе с тем может принести немалую пользу в затеваемой нами игре, сам того не ведая.

Родин?

Вот когда в поле нашего зрения попала Саша Корсунская.

Когда мы всерьез занялись Родиным, в совхозе ни для кого не было секретом, что готовится свадьба Родина и Саши Корсунской. Что ее потянуло к этому человеку, к чужому, враждебному нам человеку? Или, может быть, она разделяет с ним его взгляды, может быть, его взгляды для нее не чуждые?

Наша работа всегда срочная. Обстановка вынуждала торопиться, но спешить нельзя было. Нужно было тщательно разобраться в Саше Корсунской. Почему молодая советская женщина полюбила врага? Да-да, самого настоящего

врага. Он может скрыть от нее свое второе лицо, но душу не скроешь от любящей женщины, а может быть, даже и от любимой.

Очень мы мало тогда еще знали о Родине и о его отношениях с Корсунской. Поэтому придется опять забежать вперед, чтобы стали понятными некоторые позиции.

ПРИНЦ С КОРАЛЛОВЫХ ОСТРОВОВ (продолжение)

Родин возвращался из Ленинграда омраченным.

Его выбила из установившегося с некоторых пор душевного равновесия встреча с Значковским. Не понравился ему этот человек своей жадностью.

Значковский не идейный борец. Его купили, а раз так, то могут и легко перекупить.

А он, Родин, какова его роль во всей этой истории? В разведшколе инструктора учили, что отчизна для человека не там, где он родился, а там, где помнят о нем, где признали его, где ему легко живется.

Родин не мог сказать, что здесь, на земле его предков, ему легко бы жилось. Но он мог бы стать инженером, ученым, и тогда Саша, которую он любит, теперь это отрицать бессмысленно, могла бы ответить на его любовь.

А не бросить ли это все и не остаться ли просто Родиным, шофером в совхозе «Борьба»? А потом учиться...

Ему известно, что по советскому закону шпионаж является тягчайшим преступлением и сурово карается. Но в статье 64 УК РСФСР есть ссылка на то, что при явке с повинной и признании своей вины к уголовной ответственности не привлекают. Однако это действительно для советских граждан. Он же не советский гражданин. Но русский!

Стоп! Откуда такие мысли? Слабость? Об этом предупреждали в школе. Это болезнь многих разведчиков. Сложить оружие и уйти от опасности. Но никто же тебе верить не будет, если даже и не привлекут к уголовной ответственности. И зачем тебе это, Родин? Из-за Саши? Но если Саша узнает, кто ты таков, она тут же отвернется.

Нет, Родин, ты просто испугался Значковского, его ненадежности, его жадности.

Ты не выбирал своего жизненного пути, за тебя его выбрали. Тебе дали в руки опасную профессию. Профессию, к которой способны редкие, ты не ел хлеба этой страны, и придется ли он тебе по вкусу, когда и ты будешь стоять один на один перед следователем?

Саша была чуткой женщиной. Она заметила, что ее квартирант заметно переменился, что его что-то гнетет, ломает, что он стал мрачен, излишне задумчив.

Он по-прежнему был ласков с Машенькой. И Машенька тянулась к нему. В его глазах Саша видела огонек, огонек того пламени, которое не может не заметить женщина, если она любима. Какой же груз мешает ему, какая тоска его точит? Она должна знать, она его любит... Его тоска — это и ее тоска и ее тяжесть. Какой груз он принес из своего прошлого, чем оно омрачено?

Любовь не имеет штампов. Она бывает веселой, радостной, как солнечный день, бывает и грустной.

— Саша, я люблю вас! — сказал ей Родин.

Они бродили с Сашей по увядающему саду. Сад застыл в ожидании снега. Земля смерзлась, звонко и гулко раздавались их шаги.

— Саша, я люблю вас... Я не хочу принести вам несчастье... Но я уже знаю, что нет у меня человека дороже вас. В таких случаях говорят, согласны ли вы стать моей женой. Вы поймите меня правильно. Я еще никому не говорил этих слов. Я свободный человек... Но я боюсь одного: смогу ли я дать вам счастье, имею ли я право на это? Я боюсь принести вам несчастье.

— Что с вами, Гриша? Что вас мучает? Ваша боль и моя боль. О каком же вы думаете несчастье?

Родин был готов сказать правду. Он обнял Сашу.

Она не отстранилась.

— Саша, вы верите, что я не злой человек?

— Верю, Гриша!

— И всегда будете верить?

— Всегда, Гриша...

Это объяснение ясности не принесло. Еще туже запутался узел. Родин утешал себя, что есть еще время на раздумье, не смеет он рисковать судьбой любимой. А в совхозе уже все знали, что готовится у Корсунской свадьба. И радовались за нее. Родин был безупречен в глазах окружающих.

Скоро свадьба! Это смешало все карты в задуманной нами сложной игре, ломало все комбинации. Судьбой советского человека мы рисковать не имели права. Что делать?

Встретиться с Сашей Корсунской? Этой встречей многое можно предотвратить. Но если это игра разведчика, если он на этот брак смотрит только как на надежное прикрытие, возможность лучше легализоваться, то не приведет ли это и провалу? Родин может установить за ней тщательное наблюдение. Он может этим способом проверить, не нащупан ли его след. Что-то изменится в их отношениях. И все! Он может бежать.

А если он все же действительно полюбил?

Что может быть общего у разведчика с агрономом Корсунской? Неужели и она разделила с ним его убеждения или?.. Или он увидел, что Корсунская никакой ему не враг?

У меня на столе лежала ее биография. Коротенькая биография. Школьница, студентка, агроном в совхозе. Комсомольские характеристики Тимирязевской академии. Немного наивные, отчасти формальные. Но существо-то человека проступало из них. Эта девушка не из тех, кто ищет легкой жизни.

Развод? Сохранился протокол судебного заседания. Судья спросил:

— Почему вы расходитесь с мужем?

Корсунская ответила:

— Он оскорбляет мое человеческое достоинство.

И все. Сдержанно и точно.

Родин не оскорбляет ее человеческого достоинства. Что же за этим кроется? В совхозе все едины в мнении о нем. Прекрасный работник, воспитанный человек, хороший товарищ.

Думай, чекист, думай. Психология, характер, мировоззрение человека — это самая тонкая область разведки.

Саша Корсунская. Она, видимо, редко фотографировалась. На столе давняя фотография. Она студентка. Была отличницей, снялась для доски отличников.

По фотографии можно кое-что узнать. Строгий взгляд серых глаз. Наверное, серых. Умные глаза, строгое лицо. Человек сдержанных чувств. И Родин...

Игра со Старцевым и Значковским невозможна. Это доказано. С Родиным? Это может решить только встреча с Корсунской. Нужно встретиться с ней, но как это сделать?

Вызвать в райисполком? Но, а если Родин следит за ней и ждет этого вызова, как сигнала тревоги?

До воскресенья три дня, до свадьбы неделя. Арестовать его? Так будет спокойнее, меньше риска. Нет, пусть это определит разговор с Корсунской. Значит, в пятницу. Встречу с Корсунской я взял на себя. Если ошибка, то только мне отвечать за нее.

Вызов агронома в район не такая уж редкая вещь. Обычный вызов. В совхоз едет специалист из центра, его должен встретить агроном-садовод. Версия вполне правдоподобная.

И лишь только я ее увидел, как все сразу стало на место. Редко вот так, с первого взгляда я могу поверить в человека. А здесь поверил. Нет, такая женщина не может полюбить негодяя, не простит предательства и измены. Она ничего не знает! Это ясно!

Я спросил: умеет ли моя собеседница хранить тайну? Она очень удивилась этому вопросу. Я подчеркнул, что она должна будет хранить государственную тайну, и предъявил свое удостоверение.

— Я готова вас выслушать...— ответила она совершенно спокойно.

— Я хотел бы поговорить с вами о Григории Ивановиче Родине...

В глазах ее на этот раз мелькнула настороженность.

— Ну что же! Давайте поговорим... Только я хочу заранее вас предупредить. Ничего дурного об этом человеке вы от меня не услышите.

— Вы его любите?

— И такие вопросы входят в вашу компетенцию?

— Иногда входят. Вы выходите за него замуж, и скоро свадьба?

— Если бы я его не любила, я не согласилась бы выйти за него замуж.

— Вы его давно знаете?

— Нет! Несколько месяцев! Вы хотите мне сказать, что он дурной человек? Я вам не поверю!

— Я этого вам не сказал! От вас хочу узнать, что он за человек!

— Рабочий человек. Образованный! Умный, порядочный, искренний.

— Он вам ничего о себе не рассказывал?

— Нет! Я думаю, что расскажет. Его что-то очень тревожит. Наверное, было тяжело...

— Он вам это говорил?

— Нет! О себе он мне ничего не рассказывал. А если бы и рассказывал, я верила бы только себе, своему представлению о нем.

— Мне кажется, что вы хотите защитить его! Я угадал?

Корсунская сдержанно улыбнулась.

— Угадали! Если бы мое слово что-нибудь для вас значило, я готова его защищать. Да! Он говорил мне о каком-то несчастье... Он говорил, что боится и мне принести несчастье. Я сказала ему, что его боль — это и моя боль...

Наконец-то! Вот он, единственный грамм, ради которого надо перерошить тонны руды.

— Вы действительно готовы разделить любую его боль, любое его несчастье?

— Готова! Он не может быть злым человеком. Я не поверю в это. Несчастным? Может быть...

Думай, думай, чекист. Настала твоя минута. Никто здесь тебе ничего не подскажет. Разум, чутье, чувства, но должно же быть и вдохновение у разведчика, вдохновение, помноженное на опыт.

Ну что же, чекист. Благослови ее своей рукой на несчастье. Государственные интересы и судьба этой женщины? Совместимы ли они?

Опасно! Все в твоей работе опасно. Иногда опасно даже доверие к людям, но без него ты бессилен.

Я принял решение.

— Послушайте. Я расскажу вам сказку. Жил-был маленький мальчик, и грянула война. Мы все виноваты перед этими маленькими мальчиками, которых застиг враг врасплох на их земле. Маленького мальчика увезли в чужие земли. И не вернули. Наши войска не пришли в те края. Пришли другие. Они подобрали этого мальчика, они учили его многие годы ненавидеть родную землю. Они готовили из него шпиона. Мальчик вырос, и его послали на его родину. Тайком, как это и делается в шпионских делах, его забросили с чужими документами в руках на землю, где он родился. Он должен нести зло и беду своей родной земле, земле, на которой родилась его мать, родился его отец, где и он родился, но не рос и не знал ее. А человек он не злой, он не нашел в себе силы ненавидеть тех людей, которых должен ненавидеть. И он полюбил. Что же ему теперь делать? Сказать правду? Закон гласит, что, если он скажет правду, он будет помилован, но если он скажет правду, потеряет любимую... А кроме любимой, нет для него человека роднее на всей земле... Как же ему быть, чтобы не потерять любимой? Я скажу вам правду. Я этого не должен делать, но я вам верю. Человек, о котором мы с вами говорим, заброшен к нам иностранной разведкой. Это враг! И он действует. Мы можем его сегодня же арестовать. Вот что он имел в виду, когда говорил вам о своем несчастье.

Корсунская ничего не ответила. Она побледнела, опустила глаза.

— Вы говорили, что его боль — это и ваша боль. Вы готовы повторить свои слова?

— Не знаю...— тихо ответила Саша.

— Но вы не отвечаете отказом?

— Нет... Я готова разделить его несчастье...

— Не надо несчастья. Вы можете отвести от него несчастье. Если он будет знать, что, открывшись, не потеряет вашей любви, никакого несчастья может и не быть! Как вы думаете? Он русский?

— Русский... И думается мне, что родился он в деревне.

Думай, еще раз все продумай, чекист! Не отбрасывай первую мысль. Она родилась из твоего долгого опыта. Эксперимент. Психологический эксперимент. А где гарантии, что тебя не переиграют в этой уже запутанной игре? И некогда тебе посоветоваться со старшими товарищами. Некогда. Или сейчас, или все пойдет планомерным путем, обычным путем. Проверенным, испытанным. Сразу, сейчас решай!

— Саша!

Это имя вырвалось непроизвольно. Но я не поправился.

— Вы извините, что я вас так назвал. Или все, или ничего! Я слишком много вам сказал. Я не смею рассчитывать, что вы сможете выдержать искус и не показать ему, что вы что-то узнали. Мы сейчас поедем вместе с ним в машине. Я ему все скажу. При вас! И если он искренне говорил о несчастье, мы отведем, с вами вместе отведем его от беды... Вы согласны?

— Согласна...

Корсунская села в машину рядом с Родиным, я — на заднее сиденье. Поехали.

Из районного центра выезд на большак, потом поворот на полевые дороги. «Волга» легко катилась по укатанной мерзлой земле. Впереди обозначился перелесок. Я попросил остановиться.

Тихо уходило за горизонт холодное осеннее солнце. Я присел на обочину и позвал Корсунскую. С ней вышел из машины и Родин.

— Люблю осенние закаты! — сказал я.— Давайте проводим солнце. В Москве мне редко приходится видеть такое. Садитесь, Григорий Иванович! Помолчим немного вместе.

Родин и Корсунская сели рядом.

Огромный огненный шар коснулся макушек леса. Упали длинные тени. Я обернулся к Родину.

— Счастливая пора, счастливое время, Григорий Иванович! Не так ли? Я слышал, что вы жених и невеста. Хорошие русские слова. Их стали забывать. Невеста... Сколько в этом слове поэзии!

У Родина большие голубые глаза. И такая в них читалась тоска, что я не выдержал его взгляда.

— Вы здешний, Григорий Иванович? Вы где родились?

— Не знаю...— ответил Родин каким-то странным глуховатым голосом.— Записан в Калуге,— продолжал он.— Но это, должно быть, по ошибке. Я родился в деревне и это отчетливо помню. Потом была война...

Родин замолк. Я не торопил его новым вопросом.

— Я много ездил... Вернее, меня возили... Я никак не могу отделаться от воспоминаний. Соломенная крыша. Ветер задрал клок соломы, и свист, как в дудку, в эту солому.

— А ваши родители? Отец и мать?

— Отец убит... Я это помню со слов матери. Она умерла.

Я опять взглянул в глаза Родину и удостоверился, что сейчас Родин сказал правду.

Не надо было менять ритма и стиля. Я спросил:

— А свое настоящее имя вы помните?

Я рассчитывал на некоторую внезапность этого в общем-то простого вопроса. Объяснимого, во всяком случае, вопроса. Раз человек не знает, где он родился, он может не знать и своего имени.

— Наверное, помню...— неуверенно ответил Родин.

И тут он сказал правду. А дальше? До какой грани он пойдет? Однако надо дать ему передышку.

— Война! — начал я раздумчиво.— Разметала она людей... Буря, ураган. И деревья буря и земле жмет, а что спросить с былинки? С мальчонки в пять лет. А может, и меньше. Я был во время войны в Германии, Григорий Иванович! В тылу у врага. Это так называлось в те годы. Я видел эшелоны с нашими пленными, с угнанными в рабство. Не позволяла конспирация и куска хлеба подать своим. Я ходил в форме немецкого офицера, а немецкий офицер не должен был жалеть рабов. Я ехал в автомобиле... На станции разгружали эшелон с русскими. Это были не военнопленные. Их гнали надсмотрщики с кнутами в руках. Детишек гнали... Вам, Григорий Иванович, не подсказывает память, когда вас угнали в Германию?

Последний вопрос на грани возможного, дальше уже все превратилось бы в допрос.

— Не помню...— ответил Родин.

И здесь он сказал правду. Вот она и легенда. Но интересно, чья легенда? Он сам импровизировал, отвечая на мои вопросы, под настроение, или это готовая легенда оттуда, так искусно им поданная?

— Не помню когда... С матерью меня вывез-

ли. Прислуживал я на кухне. Помои выносил; курам, уткам и индюшкам корм разбрасывал. Это я хорошо помню. И как мать умирала, помню... Упала в хлеву, возле свиней, и не поднялась... А вот что с ней, почему она умерла, не помню... Правильно вы сказали, не знаю вашего имени-отчества.

— Никита Алексеевич! — сказал я.

— Правильно вы сказали, Никита Алексеевич! Буря, ураган... Однако я пойду мотор прогрею. Жалюзи у меня открыты, а ветер холодный...

Саша тоже хотела было встать, но я остановил ее взглядом. Пока Родин говорил только правду. Не углубляясь в детали, безопасную правду, для любой своей легенды, но правду. А теперь? Может быть, он хочет завести мотор и удрать, бросив нас на дороге, может, он почувствовал что-то недоброе. Бежать? Ему некуда было бежать, я об этом позаботился. Но вот попытается ли он убежать, это было очень важно.

Заработал мотор у «Волги». Последние мгновения для колебаний. Надо ему их предоставить.

Я встал и пригласил Сашу пройтись до леса пешком. Мы пошли рядом, полем, «Волга» осталась у нас за спиной.

Слышно было, как Родин переключил скорость. Машина тронулась. Я взял Сашу под руку и крепко сжал ее локоть.

— Не оглядывайтесь! — сказал я.

Мотор урчал сзади, ближе, ближе. Я оглянулся. «Волга» перебралась через канаву, ехала следом за нами. У лесочка мы остановились. Родин вышел из машины.

Упали короткие осенние сумерки. Стремительно темнело.

Все трое стояли на опушке. Я молчал. Я видел, что Родин взволнован, порывается что-то сказать, но не хватает силы начать разговор. Надо было ему помочь.

— Скажите, Григорий Иванович! — начал я.— Когда убирали счетовода, почему не тронули его детей? Его жену? Пожалели?

Родин горестно улыбнулся, сладка скривила его губы.

— Нет... Тот, кто убивал счетовода, не пожалел бы ни его жену, ни детей... Тот человек не имеет в душе ничего...

«Это он так о Значковском!..»

— Когда вы меня спросили о Германии,— продолжал Родин,— я понял, с кем имею дело. Я мог уехать. Вы предоставили мне эту возможность. Кстати, переоценили свои силы. Я все же смог бы скрыться. Нужды в этом не видел. Вы сделали самый верный ход. Я не мог вам врать при Саше. Я теряю ее, но при ней я не могу врать... Не скрою, я боялся этой встречи... Я слышал, что в вашем КГБ работают грубые и жестокие люди, применяются пытки...

— Вы действительно откровенны, Родин! Я рад, что затеял с вами этот разговор здесь, в лесу, а не в своем служебном кабинете. Я послушался Сашу Корсунскую, поверил ей. Она дала вам прекрасную характеристику.

— Что вы от меня хотите? Полного признания? Я готов рассказать правду и понести наказание.

— Ну, а если бы мы вас не нашли?

— Надо было искать. Сам я не пришел бы! Я никогда не мог бы подумать, что вы умеете так говорить с людьми! Не пришел бы, одним словом...

— Вы обучались профессии разведчика?

— Учился... Много лет. В Западной Германии.

— И чему же вас там учили? Опираться на таких, как Значковский?

— Оттуда не видно, на кого опираться...

КТО ЖЕ ЗА КЕМ ОХОТИЛСЯ?

Родин начал нам рассказывать. Вот откуда история с аквалангом, вот откуда...

А впрочем, я перескажу своими словами его показания на допросе.

Утром 27 марта полковнику Шелингу, руководителю одной из групп разведуправления капиталистической державы, легла на стол докладная. В докладной говорилось, что концертная группа, в состав которой входил Владимир Значковский, чья личность заинтересовала полковника, пересекла государственную границу СССР, что Значковский высадился из самолета в Париже и находится вне сферы влияния советской контрразведки.

К докладной было приложено расписание движения концертной группы.

Те, кто докладывал, не знали, почему Шелинга заинтересовала эта фигура, почему он отметил в списке советских артистов именно этого человека.

Шелинг вызвал своих подчиненных, показал им фотографию Значковского и распорядился установить за ним постоянное наблюдение в Европе и на американском континенте.

Из Стокгольма в Лондон оркестр летел на самолете.

В кресле рядом с Значковским сидел пожилой человек, даже старик. Сухой, с пергаментным цветом лица, но с очень живыми глазами.

Значковский распечатал свежую пачку сигарет, но не нашел в кармане спичек. Пожилой господин быстро подал ему зажигалку. Вспыхнуло высокое газовое пламя. Значковский прикурил и залюбовался зажигалкой. Старик уловил его взгляд, вдруг спохватился и что-то смущенно пролепетал. Значковский не понял его слов, но понял его по жестам. Ему дарили зажигалку. Это был английский «Ронсонь», газовая зажигалка с регулируемым пламенем.

Подошел переводчик. Господин объяснил, что дарит зажигалку русскому артисту на память. Значковский поблагодарил иностранца.

Откуда было знать Значковскому, кто ему подарил зажигалку?

Подчиненные Шелинга, все те, кто на него работал, могли подняться вниманию к личности Значковского. Сам полковник счел необходимым познакомиться с ним. Что за птица?

О нем собирали сведения по зернышку, по крупинке,— все блюдо вырисовывалось лишь на столе у Шелинга.

В общем-то в Европе Значковский держал себя тихо и скромно. Прибыл в США.

Родину было поручено завязать с Значковским уличное знакомство. Пока только знакомство.

Все было рассчитано точно. Значковский вышел из гостиницы, в ту же минуту к подъезду гостиницы подъехало такси. За рулем сидел Родин. Значковский сел в машину и назвал адрес большого радиотехнического магазина.

— Вы русский? — спросил Родин.— Вы приехали из Советского Союза? Как я рад, что встретил русского. Я второй раз в своей жизни везу советского человека. Но то было очень давно. Попался мрачный и неразговорчивый человек. Может быть, он чего-нибудь боялся? Вы не боитесь со мной разговаривать?

У Родина блеснули в глазах слезы.

Он не давал опомниться от своих сентиментальных излияний. Он тоже русский. Из перемещенных лиц. Его ребенком вывезли немцы из России. Родители погибли. Он тянется ко всем русским.

Разговор завязался. Значковский рассказал, что он приехал на гастроли с концертной группой. Подарил Родину билет на концерт. Родин взялся быть проводником Значковского в Нью-Йорке. Никто так не знает города, как шоферы такси. Он, Родин, знает и дневной и ночной город. Знает все увеселительные заведения, все магазины. Он знает такие магазины, где товары продаются по сниженным ценам...

И Родин зацепился за Значковского. Началось с магазинов, где можно купить «дешевле»...

Они условились, что Родин будет за ним приезжать в гостиницу в определенный час и возить по городу.

Ночными заведениями Значковский не интересовался. Он искал магазины с уцененными товарами. Так все подошло ко второму этапу операции, задуманной Шелингом.

Значковский попросил Родина отвезти его в магазин, где можно было бы купить редкие пуговицы к женским платьям.

Так и сделали. Родин отвез его на окраину города, в маленький галантерейный магазинчик. Значковский отобрал себе товар и протянул продавцу десятидолларовую бумажку. В магазине даже не было кассы.

Продавец взял бумажку, уже начал отсчитывать сдачу, как вдруг посмотрел ее на свет и объявил, что бумажка фальшивая.

Значковский сейчас же полез в карман и протянул другую бумажку. Та же самая история. Продавец бранивая одну купюру за другой. Пока Значковский перебирал это свое «богатство», к магазинчику подъехала полицейская машина.

Доставили в участок. Полицейский комиссар предъявил Значковскому обвинение в распространении фальшивых денег. Он был любезен и предложил вызвать в полицейский участок представителя консульства.

Все было рассчитано у Шелинга. Значковского обыскали и нашли при нем купюры на две тысячи долларов.

Было отчего прийти в отчаяние. В чужой стране обвиняли в распространении фальшивых денег.

Перед Значковским стояла дилемма.

Отвечать перед судом чужой страны за распространение фальшивых денег или отвечать у себя на родине за спекуляцию валютой.

— С кем вы хотите иметь дело? — спросил его полицейский комиссар.— С нами или со своим консулом?

Значковский ответил, что он хочет иметь дело с полицией Соединенных Штатов. Комиссар усмехнулся и вышел из кабинета.

Открылась дверь. Беззвучными, кошачьими шагами вошел в кабинет ссутулившийся старичок в штатском.

— Здравствуйте, господин Значковский! — сказал он, не повышая голоса, с заметной иронией.— Вы помните меня?

Значковский, конечно, мог бы узнать этого старичка, если бы не был крайне растерян.

Старичок... Это был Шелинг. Сладко улыбаясь, он напомнил Значковскому встречу в самолете и свой скромный подарок — зажигалку «Ронсонь».

— Шелинг,— представился старичок.— Зажигалка у вас в кармане... Это по моей просьбе ее не изъяли у вас при обыске.

Значковский переводил взгляд с зажигалки на старичка, начиная, конечно, о чем-то догадываться.

— Итак, что же случилось, господин Значковский? Вас обвиняют в распространении фальшивых долларов? И на большую сумму?

— Я понятия не имел, что у меня фальшивые доллары.

— Возможно, господин Значковский! Но это нисколько не избавляет вас от уголовной ответственности... Ни здесь, ни у вас на родине. Вы вывезли контрабандой валюту. Как вы объясните у себя на родине наличие у вас такой суммы?

Значковский молчал. Появление старичка обнадеживало. Наверное, он не появился бы, если бы полиция очень старалась начать дело о фальшивых долларах.

— Молчание иногда — лучший ответ,— продолжал Шелинг.— У вас обнаружено две тысячи долларов. Большая сумма... Это плоды ваших операций с Жаньеном. Вы предприимчивый человек. Я люблю предприимчивых... Я готов вам сделать деловое предложение. Мое влияние здесь велико, я отведу от вас полицию...

— Разведка?— спросил Значковский.

Шелинг поведал с ответом. Ответил коротко и сухо:

— Разведка!

И тут Родин поведал нам совершенно неожиданную вещь.

Можно было надеяться, что Значковский, согрешив в валютных операциях, перед лицом самого страшного преступления, перед гранью, за которой наступает измена Родине, все же дрогнет. Он поразил своим цинизмом даже Шелинга.

— Разведка? Зачем же нужно было столько усилий? Жаньен мог дать мне рекомендацию... Мне нужны деньги, вам моя работа! Жаньену известны мои взгляды на этот счет.

И вот она, разгадка с «инвиктой».

Доллары Значковского на самом деле не были фальшивыми. Ему их тут же вернули. Значковский попросил у Шелинга купить ему автомашину в счет будущих услуг. Шелинг поинтересовался, каким образом Значковский вывезет машину из Соединенных Штатов, как он объяснит у себя в стране ее приобретение. Оказалось, что у Значковского уже все было продумано. Да, он взял с собой деньги в надежде, что как-либо ему удастся купить машину, найти человека, который ему в этом помог бы, может быть, оформил это подарком. Сначала, от имени слушателей его очередного концерта. Шелинг одобрил эту идею и дал указание подготовить подарок. Шелинг считал, что подарок будет и прекрасным прикрытием Значковскому. Кто предположит сделку за таким вызывающим подарком?

Родин вместе с Значковским выбрал машину по каталогу. Выбор Значковского остановился на бьюике модели «инвикта».

Шелинг одобрил выбор Значковского. Авансом за будущую работу добавил недостающие суммы. «Invicta» — в переводе с латинского — непобедимая. Шелинг дал кодовое название операции со Значковским: «Invicta».

Окончание следует.

Федор ШАХМАГОНОВ,
Евгений ЗОТОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ПОВЕСТЬ

«INVICTA»

Итак, мы уже знали, название операции Шелинга: «invicta». Надо было осуществлять ее под нашим, конечно, наблюдением.

Как же все выглядело к этой решающей минуте?

Профессор Старцев — главная фигура. Старый, профессиональный разведчик. Он же Суровцев, инженер и сотрудник Пальского. Родин не знал, как давно Старцев связан с разведкой, предполагал, что давно.

Родин сообщил нам, что с некоторых пор у Старцева возникли трудности с передачей информации. Прежние связи оборвались. Затруднение объяснялось просто. Профессор Старцев перешел на работу в научно-исследовательский институт. Ранее Старцев частенько встречался со своими коллегами учеными, приезжающими с Запада. В их числе были и связники, и через них он передавал информацию. Теперь избегал таких встреч, опасаясь провала.

Родин показал, что Старцев, в частности, был связан с Жаньеном. Тот работал на ведомство Шелинга. Именно по рекомендации Старцева Жаньен установил связь с Значковским, втянул его в валютные операции и подготовил вербовку за рубежом. «Invicta» предусматривала прямую связь Старцева и Значковского путем личного контакта, связь Значковского с Родиным — через тайник без личных контактов.

Мы решили не торопить события, поскольку цепочка замкнулась в своих звеньях.

И вот наконец наступил день первой передачи. Мы постарались, чтобы в руки Старцева попал «интересный» материал из той области науки, которая очень интересовала его заокеанских хозяев. Нелишне подчеркнуть, что этот материал составлялся специалистами в расчете на то, чтобы дезориентировать хозяев Старцева. К тому же и без нашего участия у Старцева, наверное, накапливался материал для передачи. Мы спешили с вручением ему материалов и по своим чисто профессиональным соображениям. Старцев, по всей вероятности, должен был зашифровать сообщение. И нам важно было получить ключ к его шифру.

Утром Значковский со Светланой Старцевой и со знакомыми выехал на «инвинте» из дома.

В воскресный день шоссе не загружено. Он ехал быстро. До Бронниц добирался минут сорок, свернул на бетонку. Машину остановил возле столба на двадцатом километре.

Затеяли пикник. Расстелили на земле брезент, Значковский перенес из машины корзинку с продуктами, все разбрелись собирать валежник для костра. Собирая валежник, Значковский подошел к березе и вынул из тайника одну консервную банку с деньгами и вложил другую, с информацией.

Пикник продолжался недолго.

Со стороны Коломны в Бронницы выехала «Волга». За рулем сидел Родин. Он проехал к условленному месту, извлек передачу Значковского.

Никто не ограничивал его во времени, действовать он должен был с учетом безопасности.

У поста ГАИ, при пересечении Каширского шоссе, Родина остановили. К нему подошел сотрудник КГБ в милицейской форме, проверил документы и незаметно переложил в свою сумку консервную банку. Родин проследовал в совхоз, банку повезли в Москву. Вскрыли ее и обнаружили в незашифрованном виде информацию Значковского о встречах с летчиком Отаром Бочирошвили, схемы его самолета, микропленку с чертежами самолета. Информация же Старцева была зашифрована. Несколько часов работы специалиста, и мы получили дешифровку. Да, вовремя мы вышли на след...

После внесения коррективов в эту информацию Родин отвез передачу на Симферопольское шоссе.

Восемьдесят шестой километр. Каменная опалубка у изножья километрового столба. Родин перевернул три белых камешка — они зачернели тремя черными точками... Отошел в лес, отыскал нужную ему ель и под нижней ее ветвью положил консервную банку.

К километровому столбу подъехала машина с дипломатическим номером. Из нее вышли люди. Они сошли «прогуляться» в лес...

Не составляло труда узнать, кому принадлежала машина, кто были ее пассажиры, в какое посольство ушла передача!

Теперь оставалось терпеливо ждать.

Перед вторым воскресеньем третьего месяца Родин получил открытку без обратного адреса. В открытке шел малозначащий текст. Этот текст был сигналом. Родин должен был срочно известить тайник на восемьдесят шестом километре Симферопольского шоссе. Известил. Получил ответ.

Последняя информация технического значения была оценена как очень интересная, просили некоторых уточнений, причем срочно.

И еще одно, второе воскресенье. Февраль. Значковский оставил передачу.

Родин взял консервную банку. На переезде его машина задержалась. Он передал нам посылку. За переездом остановился у чайной в большой деревне. В специальной машине эксперты расшифровали письмо профессора.

Родин доставил передачу на восемьдесят шестой километр. На этот раз передача была взята на другой день. В понедельник. Взяла передачу опять же машина с дипломатическим номером.

И опять ожидание. Терпеливое ожидание. И вот оно! Открытка Родину. Он явился к тайнику. Получил указание укрепить связь Значковского с летчиком. Информации Значковского придали особое значение. На этот раз требовали более точных сведений о летчике, интересовались возможностью его вербовки.

И еще пришло второе воскресенье очередного месяца. Март. Значковский навестил тайник.

Прошел апрель, наступил май...

Игра в дезинформацию подходила к концу. Затягивать ее было рискованно.

Пришлось поломать голову. Надо было как-то активизировать противника, вызвать его на более значительные акции или заканчивать игру.

В руки Старцева мы подсунули такого рода материал, что он немедленно запросил у Шелинга возможности личной встречи.

Некоторое время спустя в списке очередной группы туристов из Соединенных Штатов появился Шелинг. Он ничем не рисковал, отправляясь в туристическую поездку.

Шелинг не предупредил о своем приезде через тайник. Значит, он имеет возможность известить профессора по другой линии связи? Какой? Об этом могут знать только профессор и Шелинг. Что это за линия связи, каковы ее возможности? Зашифрованное короткое известие о приезде или в этой линии связи есть возможность передачи и подробностей встречи, ее организации, места? В этом могли быть заключены непредвиденные опасности, могла быть и система тревоги. Тревога могла быть поднята, с одной стороны, профессором, с другой — Шелингом. Тогда все рушилось. Встреча не состоялась бы.

А если она состоится? Где? Будет ли возможность проконтролировать ее. И будет ли вообще личная встреча? Не найдет ли Шелинг еще кого-нибудь? Вопросы, вопросы и вопросы...

Наступил последний акт драмы. Последний акт...

ВСТРЕЧИ...

Пришел запрос на визы для группы туристов, в которой значился Шелинг.

Через несколько дней на пограничной станции можно было ожидать «высокого» гостя.

Значковский вызвал телеграммой Бочирошвили.

Родин получил через тайник распоряжение стоять в назначенный срок у входа в ГУМ.

Как будет оповещен Старцев, оповещен ли он, мы не знали. Ничем здесь не мог нам помочь и Родин.

В Москву Шелинг прибыл на «Красной стреле». Группа туристов сразу же проследовала на автобусе в гостиницу «Националь». После завтрака предстояло коллективное посещение музея. Вернувшись с экскурсии, Шелинг пообедал, затем взял такси и поехал по московским магазинам. Ну, конечно, прежде всего в комиссионный антикварный магазин на улице Горького. Там он купил какую-то серебряную безделушку, затем проехал в комиссионный магазин на Арбате и вот наконец появился на улице 25-го Октября. Шелинг отпустил машину.

Родин дремал за рулем. Шелинг поравнялся с его «Волгой», бросил короткий взгляд на Родина, скользнул по его лицу равнодушным взглядом и тут же отвернулся. Миновал машину, вышел на тротуар и двинулся по направлению к ГУМу. Ну что же, и такая малая толика годится для улики в длинном ряду других улик. Его, конечно, сняли на кинопленку. И то, как он вышел из такси, и как прошелся неторопливым шагом по стоянке, как приблизился к машине и взглянул на Родина.

В двенадцать часов Родин завел мотор и уехал.

На другой день группа туристов пошла в Третьяковку. Немного раньше туда пришел Значковский. В двенадцать тридцать он остановился возле картины Иванова. Сзади к нему подошел Шелинг и встал рядом. Он даже не сносил глаз на Значковского. Постоял рядом и пошел в другой зал.

Парад продолжался.

Значковский назначил встречу с Бочирошвили в кафе «Националь». Они заняли столик возле окна.

Мимо окна прошел в гостиницу Шелинг.

И только? Не собирается ли он этим ограничиться? Зачем тогда запрос о возможности вербовки?

А как же со Старцевым?

За профессором было установлено тщательное наблюдение. Никаких признаков беспокойства он не проявлял.

Наблюдать за Шелингом было очень трудно. Он был опытным мастером, мог обнаружить внешнее наблюдение.

Какой же еще есть канал для связи у Старцева с Шелингом?

Должен признаться, что очень нас беспокоил этот канал. Они могли сместись незаметно для нас, объясниться, и тогда...

Но чудес не бывает.

В нашей работе надо приглядываться и к обыденным привычкам человека. И в обыденном случаются исключения. Каждый вечер Старцев перед сном совершал прогулку. В любую погоду он выходил на Гоголевский бульвар.

Старцев вышел на прогулку, прошелся от памятника Гоголю до Кропоткинских ворот, вернулся назад и присел на крайнюю скамейку возле памятника.

Шелинг пешком пришел из гостиницы к памятнику и сел на скамейку, где сидел Старцев. На скамейке еще сидела пожилая женщина, возле нее играла девочка. Шелинг заговорил с девочкой о каких-то пустяках, подарил ей шоколадку, представился, как перед взрослой, назвал свою фамилию. Пожилой женщине объяснил, что он американец и что вот приехал туристом, с военных лет не бывал в Москве, что нашел в городе много перемен к лучшему.

В разговор вступил Старцев. Расспрашивал Шелинга, какое впечатление произвел на него город.

Затем они встали, медленно пошли, разговаривая, к Кропоткинским воротам. Два безобидных с виду старика, почти ровесники.

Они останавливались, как бы увлеченные разговором, останавливаясь, имели возможность осмотреться...

Мы уже знали, что Шелинг, выходя из гостиницы, не предпринимал никаких попыток каким-либо уйти от возможного наблюдения, никаких конспирирующих действий не предпринимал и Старцев. Они играли в случайную встречу двух незнакомых людей: разговорчивого американца и москвоского старожила.

Их встреча могла быть зафиксирована. И что же? В чем мы их упрекнули бы? Встретились и разговорились о Москве? И только?

Сначала они действительно говорили о Москве, затем, видимо, удостоверившись, что около них нет ничего подозрительного, перешли к делу.

Шелинг объявил Старцеву, что его последняя информация вызвала очень большой интерес в высоких сферах. Рискуя очень многим, он выехал к Старцеву, чтобы уточнить некоторые детали. Нужны подробности к переданной информации и некоторые дополнительные сведения. Возможно ли добыть такого рода сведения?

Старцев отвечал уклончиво. Он объяснял, что его новое положение, работа в новом институте открывают неожиданные перспективы, однако именно «неожиданные». Его приглашают на консультации по вопросам, которые ранее ему не могли быть доступны.

Они с Шелингом должны прежде всего пересмотреть условия, на которых идет работа. Эта информация намного дороже той, что поставлялась раньше. Но добывать ее значительно опаснее. Старцев жаловался, что стал старым человеком, устает, что расшаталась нервная система. Он вызвал Шелинга и для того, чтобы обусловить сроки окончания его работы. Старцев соглашался работать еще не более года. Че-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 42—44, 46—48.

рез год он покупает туристскую путевку и уезжает из России навсегда...

Шелинг принял условия Старцева. На том они и расстались.

Старцев и Значковский обличены. Шелинг? С ним еще есть неясности... Улик пока недостаточно. Может и ускользнуть «высокий гость»...

Шелинг с группой туристов уехал в Грузию, из Грузии в Киев. Десять дней продолжалась его поездка.

Десять дней Значковский не отпускал от себя Бочирошвили. Он сватал ему роскошную машину из рук одного автолюбителя. Тянул время. Бочирошвили несколько раз порывался уехать. Значковский каждый раз находил причину, чтобы задержать отъезд летчика. Стало быть, он еще мог понадобиться Шелингу.

Каждый день Значковский и Бочирошвили обедали в кафе «Националь». Обедали в одно и то же время. От трех до четырех часов.

И вот он логический конец операции «Invicta»!

Шелинг вернулся в Москву.

На второй день по возвращении в Москву он вышел в три часа дня из гостиницы и прогулочным, неторопливым шагом прошелся вдоль окон кафе «Националь».

Значковский поглядел на часы и заторопился. Он объявил Бочирошвили, что они должны поехать на последнюю и решительную встречу с хозяином машины. Бочирошвили до этого часа так и не видел хозяина машины.

Значковский подозвал такси.

Все документы на арест преступников были у нас готовы.

Профессора Старцева, как только машина со Значковским и Бочирошвили отъехала от кафе «Националь», пригласили в министерство, в ведении которого находился его институт. Он вышел из подъезда. Подъехала «Волга». Предупредительно распахнулась дверца, профессор сел в машину, машина помчалась к центру Москвы, к площади Дзержинского.

В глубине Измайловского парка Значковский и Бочирошвили встретились с Шелингом.

— Это вы хозяин машины? — спросил Бочирошвили, разыгрывая беспокойство.

— Наверное! — ответил Шелинг.— О какой машине вы спрашиваете?

— «Кадиллак»! Значковский сказал, что вы хотите продать «кадиллак».

Шелинг снисходительно усмехнулся.

— Есть «кадиллак»...

— Вы его продаете?

Шеллинг вздохнул и поучительно ответил:

— Все продается... Вопрос в цене...

— Надо посмотреть машину... Я сам назначу цену.

Шелинг помедлил с ответом, довольно бесцеремонно разглядывая Бочирошвили.

— Вы решительны! — заметил Шелинг после паузы.— Откуда у вас деньги на «кадиллак»? Вы просили у вашего друга новую машину... Вы знаете, сколько стоит новый «кадиллак»? Одиннадцать тысяч долларов...

— У нас нет таких цен... В советских рублях я расплачусь. Я хорошо зарабатываю. Вы боитесь, что у меня темный заработок? Не бойтесь! Я не спекулянт...

— Летчик?

— Летчик-испытатель...

— Военный человек?

— Майор!

Шелинг опять помедлил. Достал из кармана фляжку грузинского коньяка и складной стаканчик. Выбрал на полянке местечко и присел на пень.

— Сделку положено обмыть!

ТА»

Бочирошвили брезгливо поморщился.

— У нас это не так отмечают... Есть ресторан «Арагви».

Но все же по стаканчику выпили.

— Итак, вы военный человек, Бочирошвили. У меня есть к вам вопрос: скажите, что полагается офицеру Советской Армии по советскому законодательству за передачу иностранной разведке сведений о секретном вооружении?

Бочирошвили пожал плечами.

— Наверное, расстрел... Почему это вас интересует?

Шелинг достал из кармана конверт и передал Бочирошвили.

— Вскройте... Ознакомьтесь с чертежами.

Бочирошвили разорвал конверт. У него в руках были фотокопии чертежей.

— Вам знакомы эти схемы?

И ужас и растерянность на лице Бочирошвили.

— Откуда это у вас? — воскликнул он.— Это ты?!

Он обернулся в ярости к Значковскому.

— Не кричите! — остановил его Шелинг.— Мне известно, что эти материалы попали в руки американской разведки. Зачем кричать? Надо искать выход из положения.

— Кто вы такой? — подступил к нему с вопросом Бочирошвили.

— Какая разница, кто я? Что вы думаете делать, летчик?

Бочирошвили отступил на шаг. Он оглядывался, как затравленный зверь.

— Надо пойти и доложиться по начальству! — предложил Значковский.

Бочирошвили переводил настороженный взгляд с Шелинга на Значковского, с Значковского на Шелинга.

— Можно и не докладываться! — добавил Значковский.

Бочирошвили понимающе кивнул головой.

— Вы не ответили на мой вопрос,— наступал Шелинг.— Что вы думаете делать, летчик?

Бочирошвили придвинулся к Значковскому.

— Я убью мерзавца!

Шелинг поднялся с пенька. Встал между Значковским и Бочирошвили.

— Убить человека незатруднительно... А дальше?

Бочирошвили сжал кулаки, но под взглядом холодных глаз отступил.

— Вы мне можете предложить какой-то выход?

— Возможно...

— Кто вы такой?

Шелинг усмехнулся.

— Вы до сих пор не догадались?

Бочирошвили вытер ладонью холодный пот со лба.

— Что вам от меня надо?

— Вы сделаете уточнения в этих схемах. Технические уточнения...

— И что же дальше?

— Остальное зависит от вас... Вы хотели избежать ответственности. У вас есть самолет. Ваш аэродром в тридцати минутах полета от границы. Никому не придет в голову применять ракеты земля-воздух против экспериментальной модели. Дальше мы все берем на себя... Мы вас не обидим.

Шелинг вдруг замолчал и приложил палец к губам.

В глубине рощицы возникли две фигуры. Молодой человек шел под руку с девушкой. Они шли прямо к трем березкам, под которыми расположились Шелинг, Значковский и Бочирошвили.

Бочирошвили оглянулся.

— Присядем,— сказал Шелинг.— Мы не допили коньяк.

— Черт этих влюбленных принес! — ответил Бочирошвили.

Парочка шла медленным шагом. Все трое сели на траву. Значковский достал из кармана пол-литра водки и стаканчик. Развернул сверток с бутербродами.

Бочирошвили упал лицом на землю и уткнул лицо в траву.

Парочка приближалась.

Бочирошвили взглянул на них, чуть повернув голову, и глухо сказал:

— Эта жизнь не для меня... Я не привык людей бояться...

— Придется привыкать,— ответил Шелинг.— Я привык...

Бочирошвили вдруг сел.

— Ради чего?

— А ради чего вы рискуете на опытных моделях. Сколько их горело?

— В воздухе лучше гореть...

— Чем же лучше?

— Сразу и славы много!..

Шелинг вдруг улыбнулся.

— А вы романтик, господин Бочирошвили! Я люблю романтиков.

— Вот еще один! — заметил Бочирошвили.— Москва... И поговорить не дадут.

Шелинг оглянулся.

С другой стороны леса приближался к поляне пожилой седой человек. Он шел с книгой в руках. Шел более уверенным и целеустремленным шагом, чем влюбленная парочка.

Шелинг протянул стаканчик Бочирошвили.

— Для привычки... от людей спрятаться.

— Давайте помолчим! — перебил его Бочирошвили.

Пожилой седой человек и парочка сближались.

Первыми вышли на поляну молодые люди.

— У вас нет спичек? — спросил молодой человек, достав из кармана пачку сигарет.

Отказать было невозможно: Значковский курил. Он встал и протянул молодому человеку коробку спичек.

Подсечка под ногу, и Значковский опрокинулся на спину. Шелинг поднял голову, его глаза встретились с черным глазком пистолета.

— Спокойно! — сказал Бочирошвили.— Пистолет заряжен.

Шелинг приподнялся на колени.

Теперь и я мог вмешаться.

— Здравствуйте, господин Шелинг! Как вы себя чувствуете на лоне природы?

Шелинг вскочил на ноги.

— Чекисты?

— Чекисты, господин Шелинг! Только не надо нервничать и делать глупости...

Шелинг обернулся к Бочирошвили. Чуть прищурился.

— А этот летчик? Он тоже чекист?

— Чекист, господин Шелинг!

— Профессионально сделано... Двадцать лет тому назад вы работали грубее.

— Времена меняются, господин Шелинг! Меняются и методы.

— Я так понимаю, что вы начальствующее лицо?

— Отчасти... Дубровин, полковник Дубровин...

— Ах, вон оно как! Высокая честь...

— По Сеньке шапка! Есть такая русская пословица.

— Тогда я хотел бы с вами говорить наедине...

— Ну что же, парк велик. Можем прогуляться по парку.

Мы пошли с полянки в глубину парка.

— Я не хотел бы ареста, господин Дубровин,— начал Шелинг.— На следствии за мной останется право молчать. Здесь я говорил бы откровеннее.

— Это зависит от того, что вы можете нам сказать... Я имею в виду, что вы нам можете сказать нового?

— Я вообще не хотел бы огласки всей этой истории.

— Об этом надо поразмыслить, господин Шелинг!

— Моя откровенность этого стоит... Я вам могу еще пригодиться, господин Дубровин.

— Такие вещи выясняются в процессе событий, господин Шелинг.

РАЗВЯЗКА

Итак, события приближаются к своему логическому концу. Остается рассказать о последнем акте, о последнем действии этой драмы, фарса или трагикомедии. Пусть читатель сам определяет жанр этой истории.

Передо мной профессор Старцев, он же инженер Суровцев, он же... Поподробнее все его титулы мы назовем позже.

Он представителен и даже величав. Густые жесткие волосы, тонкие губы, тяжелый подбородок, суховатый взгляд стальных глаз.

— Вы прочитали постановление об аресте? — спросил я профессора.

— Прочитал... Клевета и гнусность!

— Не торопитесь, гражданин! — остановил я его. Но по фамилии его не назвал.

— Есть вопрос! — сказал Старцев.— Когда вы поставите в известность руководство института о моем аресте?

— Руководство института поставлено обо всем в известность. А нам надо с вами выяснить некоторые обстоятельства. Вопрос первый: ваше имя, фамилия и отчество?

— В постановлении об аресте все это записано... Зачем вам эта формальность?

— Формальность? Нет, это вопрос по существу. Ваше имя, фамилия и отчество?

— Старцев Арсентий Дмитриевич! Место рождения — Старогород. По документам год рождения девяностый прошлого столетия. Но я думаю, что это ошибка в записи... Лет на пять сделали меня моложе...

— Старцев Арсентий Дмитриевич! — повторил я.— Старцев... Хм! Вы никогда не носили другого имени и другой фамилии?

— Это что? Тоже вопрос по существу? Или вы каждому подследственному задаете такой вопрос?

— Смотря по обстоятельствам!

Я все еще избегал называть его по имени.

— Повторю вопрос! Вы когда-нибудь носили другое имя и другую фамилию?

Профессор откинулся на спинку стула, внешне посуровел и тоном официальным ответил:

— Я Старцев Арсентий Дмитриевич.

Но я отнюдь не торопился устанавливать с ним официальный тон. Как бы в раздумчивости я сказал:

— Странно...

И замолчал.

Старцев мгновенно ухватился за нотки сомнения в моем тоне.

— Может быть, какое-либо недоразумение!

Я внимательно поглядел на Старцева. Тяжело вздохнул. Пусть как ему это угодно истолковывает мой вздох. Встал из-за стола и прошел к сейфу. Отпер сейф, достал папку. Не отходя, порылся в папке, вернулся к столу с пачкой фотографий.

Это были фотографии Старцева за многие годы его продвижения по служебной лестнице.

Я их веером разложил перед ним на столе.

И выходя из-за стола, и стоя у сейфа, я выложил фотографии, я не спускал глаз со Старцева. Мне было важно знать, как владеет собой этот человек, насколько серьезный противник сидит передо мной.

Пожалуй, я мог уловить у Старцева лишь любопытство.

— Это ваши фотографии? — спросил я.

— Мои... некоторые из них даже подписаны мною... Это фотографии из личных дел.

— Приглядитесь внимательнее к своим фотографиям.

Старцев пожал плечами.

— Они относятся к разным годам вашей жизни. Лицо менялось, вы старели.

— Все стареют...

Я положил перед Старцевым две фотографии. Его фотографию двадцатых годов и фотографию инженера Суровцева.

— Что вы можете сказать по этому поводу? — спросил я Старцева.— На одной фотографии вы, Старцев, на другой... Это тоже ваша фотография?

Старцев рассматривал фотографии, не касаясь их руками, фотографию с «паккардом» и великим князем взял в руки.

Чаще, заметно чаще, начала пульсировать синяя жилка над виском. Он поправил очки. Пожал плечами.

Учащенная пульсация жилки — это не разыгранное волнение. А вот очки он начал поправлять, пожал плечами — это игра. Видя, что не может скрыть волнения, он его подчеркивал излишне.

— Это подлинная фотография? — спросил он меня.

— Вам лучше знать!

— В своей лаборатории я это установил бы... Мне еще не приходилось встречаться с такими странными вещами. Случается, что один человек похож на другого... Между ближайшими родственниками даже частенько случается. Простите, но это мой двойник! Не приблизительно похожий человек, не просто похожий на меня человек — это двойник! Или... Или я буду утверждать, что это искусная подделка, фотомонтаж, сделанный в неизвестных мне целях!

— Нет, это не фотомонтаж! Я тоже смотрю и диву даюсь. Редчайшее совпадение!

— И кто же этот мой двойник?

— Суровцев... Инженер, торговый представитель в Петербурге американской автомобильной фирмы «Паккард». Суровцев родился в Петербурге, был выходцем из дворянской семьи и никакого отношения к Старогороду не имел...

— Старогород — маленький городок... Не каждый даже знает, что есть такой в России. О Суровцевых я там не слыхивал...

— В Старогороде, пожалуй... Там о Суровцеве трудно было услышать. Может быть, вы с ним встречались в других местах? Когда-нибудь вы встречались с Суровцевым?

— Я долгую жизнь прожил, гражданин следователь! Мало ли с кем я встречался! Всех и не упомнишь... Но если бы я встретился со своим двойником, я это запомнил бы!

Очень уж охотно Старцев включился в игру воспоминаний. Мне это нужно было, чтобы разговориться с подследственным, прощупать его слабые места, удостовериться в его умении скрывать свои мысли и чувства. Старцев ждал, откуда последует главный удар, и ему, конечно, было интересно, как давно он попал в поле нашего зрения, что мы о нем знаем.

— Скучные воспоминания. Не так ли? — остановил я Старцева.— И не по существу дела. Я хотел бы получить от вас ясный и точный ответ. Вы не встречались с Суровцевым? Может быть, вы что-нибудь слышали о нем?

— Не встречался с Суровцевым и никогда о нем не слышал!

— Когда вы служили в Красной Армии, вы писали письма родным в Старогород?

— Я был тогда малограмотным... Писем не писал.

— Как погибли ваши родители в Старогороде?

— О матери ничего не слышал. Отец разорился, он был купцом, с горя запил горькую и умер под забором.

Я сожалеюще покачал головой.

— Отец Арсентия Дмитриевича Старцева был действительно купцом. Но его расстреляли петлюровцы за то, что его сын служил в Красной Армии.

Старцев привстал. У него побелели губы. О, он, конечно, понял, что мы очень глубоко копались в его биографии. Именно поэтому у него побелели губы и мелко затряслись руки. Но он опять переборол волнение.

— Что вы говорите? Я считал, что отец умер бродягой, под забором, а он, оказывается, герой!

— Вы писали отцу, он вам писал?

— Куда? Наш почтовый адрес очень часто менялся...

Я положил на стол перед профессором письмо Старцева к отцу в Старогород, написанное на рекламном проспекте фирмы «Паккард» с адресом А. А. Пальского.

Ну, конечно, он и не знал, наш профессор, что настоящий-то Старцев написал это письмо, «позаимствовав» у Суровцева рекламный проспект. Написал письмо людям, которых давно нет в живых и следов от которых не могло остаться. А письмо осталось. Мог ли инженер Суровцев предполагать, что какой-то бухгалтер в Старогороде затеет собирать коллекцию писем, не нашедших адресата?

Я следил за глазами профессора. Вот он дочитал до точки. Но не проспект же он читал, а письмо,— проспект ему был знаком, разве что он мог воскресить в нем дорогие сердцу воспоминания.

— Экспертиза установила, что ваш почерк не совпадает с почерком автора этого письма. Писал Арсентий Старцев на рекламном проспекте, который...

— Который принадлежал Пальскому? Так вы хотите сказать? — перебил меня профессор.

— Хм! Нет! Я далек от такого смелого утверждения. В руках Пальского проспект этот должен был побывать! Очевидно, профессор, и инженер Суровцев располагал такими проспектами. Но рекламные листы для того и издаются, чтобы их распространять. Арсентий Старцев мог получить их из других рук. Вы это имели в виду, перебивая меня?

— Могло быть и так...

— У кого же он получил? Он служил рядовым красноармейцем. Письмо пришло откуда-то из-под Ростова-на-Дону. Вы же не будете утверждать, что в тех районах в те годы могли найтись покупатели «паккардов».

Наконец-то Старцев усмехнулся...

— Вам очень хочется доказать, что я и Суровцев — одно и то же лицо? Что это вам даст, Никита Алексеевич?

— Это объясняет одну непонятную вещь! Мы никак не могли понять, каким образом сын старогородского мещанина и купчишки, бывший красноармеец, которого выучила грамоте Советская власть, которая привела его и профессорской кафедре,— каким образом человек с такой биографией попал на службу к нашим врагам? Как он мог предать Советскую власть? Суровцев? Инженер, торговый агент иностранных фирм — это рядом с иностранной разведкой. Старцев из Старогорода — это странно! Только для этого, Арсентий Дмитриевич, вы попались в этой истории... Я думаю, что вам нет смысла отказываться, что вы сменили фамилию Суровцева на Старцева... Расскажите, как вы это сделали.

Старцев передернул плечами.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Все это относится к Суровцеву, а не к Старцеву.

— Хорошо, оставим этот вопрос. Он имеет чисто академический интерес. Как вы нашли Шелинга? Вы давно с ним не виделись?

Старцев встал и как бы даже с облегчением вздохнул:

— Ах, вон оно что! А я никак не мог в толк взять причину ареста. Это за то, что я встретился с американцем на бульваре, вы мне предъявляли обвинение в шпионаже?

— Арсентий Дмитриевич! Неужели вы это всерьез? За то, что вы встретились с американцем, вас не стали бы обвинять в шпионаже! Я вам задал житейский вопрос. Встретились старые друзья... Ответ на этот вопрос я даже не занес бы в протокол.

— Боюсь, что вам вообще ничего не придется заносить в протокол.

Я попросил привести ко мне Шелинга. Очная ставка.

На первом допросе Старцева мы ставили ограниченную задачу. Надо было посмотреть: будет ли он говорить? Никто от него не ожидал немедленных признаний, шаг за шагом мы ввели бы его в сферу его деятельности. А потом мы задали бы вопросы, которые остались для нас еще неясными.

Шелинг рассказывал все. Но некоторых вещей, касающихся Старцева, он не знал или не хотел нам раскрывать.

Нас интересовало, когда и как Старцев-Суровцев встал на путь шпионажа.

Шелинг утверждал, что еще в сорок четвертом году он получил Старцева в порядке пере-

дачи агентуры от немецкой разведки. Старцев-Суровцев числился по ведомству Канариса, в военной разведке. Мы могли предполагать, что инженер Суровцев, связанный с заграничными фирмами еще до революции, был завербован военной разведкой армии Вильгельма. Шелинг утверждал, что немецкий резидент, передавая Старцева-Суровцева, данных о времени его вербовки не сообщил. Не сообщил и о связях Старцева, не сообщил ничего и о его работе на немецкую разведку. Вот примерно тот круг вопросов, который мы должны были узнать от Старцева.

Шелинг терпеливо ответил на все наши вопросы в присутствии Старцева. Старцев отказался подтвердить его показания.

Мы оставили Старцева подумать о своем положении в одиночестве.

Я вызвал Значковского. О, далеко не так он входил впервые в этот кабинет. Тогда он мог иронизировать, снисходительно принимая мои вопросы о машине, играл в прямоту и смелость.

От игры он не отказался и в крайнюю минуту.

Сел за столик, уронил голову на руку и прикрыл глаза ладонью.

Мы исполняли формальности, необходимые для начала допроса. Он не поднимал головы, не открывал глаз. Поза отчаяния или, может, раскаяния?

Я кончил писать и положил ручку. Мы помолчали.

В блокноте у меня были набросаны вопросы. И первый — самый логичный для этого случая. Простой вопрос.

— Чем бы вы могли объяснить, гражданин Значковский, причину вашей встречи с Шелингом? Зачем вы встретились с Шелингом?

Тяжелый вздох в ответ и даже всхлипывание.

— Вы когда-нибудь раньше встречались с Шелингом? Вы с ним знакомы?

— Знаком...— выдавил из себя Значковский.

— Так чем же все-таки вызвана ваша встреча в Измайловском парке?

— Бедой моей!

Он поднял голову и проникновенно заглянул мне в глаза.

— Один раз только споткнулся на этой дорожке! Один только раз... Попала мне однажды в руки валюта. Продал. За несколько минут оправдал несколько концертов.., А деньги, они хоть клеем и не смазаны, а к рукам прилипают. И еще раз валюта попала в руки, а потом и сам начал искать... Ну и что же говорить: один раз живем!

Значковский опять тяжело вздохнул.

— Один раз живем! Один раз... Деньги?! Сами по себе они ничто! Но я мог на них купить... Я люблю машины. Я люблю всякую технику. У меня дома музыка... Стереофоническое звучание... Ну и все прочее... Казните! Виновен.

— В чем вы виновны? Давайте уточним!

Значковский опять вздохнул.

— Перебрасывал валюту! В этом и виновен!

— Спекуляция валютой — так надо вас понимать?

— Именно так...

Я попросил Значковского рассказать, как он проводил валютные операции, не перебивал его, дал возможность высказаться. О, он с великой легкостью назвал тех лиц, через которых сбывал валюту. Мы их уже знали. Здесь он был правдив. Откуда брал валюту? Вот здесь уже начиналась фантазия. Знакомства на улице с иностранцами, за ресторанными столиками, с туристами возле бензоколонок. Ни слова о Жаньене, ни слова об инсценировке «подарка». Суммы операций им назывались довольно точно.

Пока он все это рассказывал под стенографическую запись, я в иных местах рассказа, где он говорил правду, ободряюще кивал головой.

Он кончил, я сделал вид, что задумался. Много у меня к нему вопросов. Разных ошеломляющих вопросов. Солидная была проведена подготовка.

— Скажите, Значковский,— спросил я его,— почему некто Жаньен однажды, прервав командировку, внезапно вылетел из Москвы?

Значковский был подготовлен. Он оказался мастером актерских переходов. Он вдруг взорвался... Сыграл нервный взрыв. Но он не закричал, не возмутился, он откинулся на спинку стула, заминул ногу на ногу и натянуто, но все же и вызывающе улыбнулся.

— Значит, в таком стиле все пойдет, гражданин следователь? Очень забавно. Собрались мне дело клеить? Давайте! Карты на стол! А я-то! Раскис... Раскаялся!

Значковский вытянул из кармана сигарету и закурил.

— Еще вопрос! — сказал я, как будто он и не менял стиля допроса.— Вы сами выбирали машину в Нью-Йорке или эту акцию передоверили своим американским друзьям?

Значковский сделал глубокую затяжку, загасил сигарету о подошву ботинка, свернул ее и щелчком кинул на пол.

Я проследил взглядом за полетом сигареты и укоризненно покачал головой.

— Не одобряете? — спросил он меня.— Свинство? Согласен! На большее вы не можете претендовать!

— В чем же вы усматриваете свинство, гражданин Значковский?

— Я искренне признался... А вы мне шьете черт знает что!

— А именно?

— Какого-то Жаньена!..

— Жаньен? Это один из валютных компаньонов... Мы ничего вам не шьем. Я терпеливо выслушал ваши откровенные, как вы выразились, признания. И что же? Откровенности-то и не было. Да, вам будет предъявлено обвинение в спекуляции валютой. Но это не главное. Главное — это измена Родине.

— Шпионаж? Это надо доказать, гражданин следователь!

Я обещал Значковскому попытаться привести доказательства.

Пришлось выполнить обещание. Мы показали Значковскому фильм — гонки на шоссе. Замедленной проекцией продемонстрировали ему эпизод с переброской информации из его машины в машину иностранного корреспондента. Потом прокрутили киноленту, которая напомнила посещения тайника на шоссе за Бронницами. Затем показали суматошные поиски в карманах летчика и... многое еще что показали.

Актер предстал перед нами в третьей своей роли. Теперь он не кидал сигарет на пол, торопливо, сбивчиво начал рассказывать. На этот раз правду.

Рассказ его повторять не к чему. Все обстоятельства дела уже известны.

Оставался последний вопрос. Я ждал, что он сам вспомнит счетовода. Не вспомнил.

Мы имели показания Родина. В этих показаниях не было полной ясности. Счетовод встретил Родина на пляже в Ялте. Передавая в Симферополе ему документы, он сказал, что это последнее дело, которое он сделал. Он сказал: «Мне все надоело! Я хочу спать спокойно! Иначе я сам пойду и доложусь».

Родин передал об этом информацию Шелингу. Как распорядился Шелинг, Родин не знал...

В вагоне «Красной стрелы» Значковский сказал Родину, что он убрал агента.

Шелинг показал, что тот стал для них опасен. Исполнителем выбрали Значковского. Проверить его на деле и связать кровью... Значковский задание выполнил.

Мы знали, что явилось причиной той смерти. Немецкий полицай, агент разведки, что его могло ожидать другое, когда стал в тягость хозяевам?

Родин передал следствию и ампулку с ядом «БЦ-12». И он был этим вооружен. Мы изготовили копию ампулы. Только наполнена она была водой.

Когда Значковский кончил свои излияния, я достал из ящика стола копию ампулки и поставил ее перед ним.

— Вы можете мне объяснить, что это такое? — спросил я.

Он уставился на ампулку и в первое мгновение попятился.

— Вы знакомы с этим предметом? — опять спросил я.— Этим ядом был убит...— Я недоговорил.

Значковский схватил ампулку и раздавил.

— Вот так! — воскликнул он.— Следствие на этом закончено.

Он встал, глубоко вдохнул в себя воздух.

Я махнул рукой.

— Бросьте, Значковский! В этой ампулке вода. Вы бросили в комнату ампулу. В окно! Она разбилась... Там могли оказаться дети...

И вот опять передо мной Старцев-Суровцев. Теперь против него не только те вещественные доказательства, которые я пока приберегал до поры до времени, но и показания Значковского.

Старцев внимательно прочитал показания музыканта, отодвинул от себя листки, всем видом показывая, что не собирается ничего подтверждать.

Тогда я задал вопрос о скрипке.

Наконец-то, наконец кончилась игра в бесстрастность. Он даже не стал расспрашивать, откуда нам об этом известно.

— А вы найдите ее сами! Нет, никогда вам не найти этой скрипки. Она еще годится... Годится тем, кто собирает по малости силы, чтобы вбить осиновый кол в могилу большевиков. Я! Я сам ее сохранил, я исполнил обет настоятельницы лиговского монастыря. Монастыря на нее не построят, но будут ее струны звучать в броне тех танков, которые когда-то еще раз пройдутся по вашей земле!

Устал играть в равнодушного. Вспыхнул. Но тут же и погас. Дальнейший его допрос был признан бессмысленным. Он молчал.

Я ему продемонстрировал копии его «информаций» Шелингу, а затем показал материалы, на основании которых он готовил эти «информации», полагая, что получил доступ к настоящим секретам нашей военной техники.

Итак, через несколько дней дело уйдет в суд.

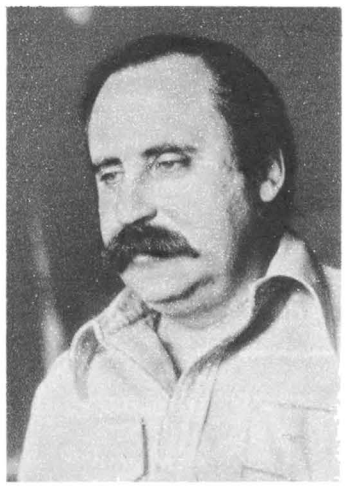
Я закрываю последнюю папку многотомного дела.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки
Валерия КАРАСЕВА

РОМАН



Роман «Александрийская гемма» принадлежит перу известного советского писателя Еремея Парнова, автора многих научно-фантастических, приключенческих и исторических книг, в том числе романов «Ларец Марии Медичи», «Третий глаз Шивы», повестей о пламенных революционерах Эрнсте Тельмане («Секретный узник»), Шандоре Петёфи («Витязь чести») и философской публицистики «Боги лотоса» и «Трон Люцифера».

Глава первая

ВЗРЫВ В ЗАПЕРТОЙ КОМНАТЕ

Не спрашивай мертвых, они ничего не могут рассказать о себе. Это не они говорят с тобой в лабиринтах сновидений, а твой растревоженный, не знающий отдыха мозг.

Люсину, задремавшему на какой-то миг у себя в кабинете, приснился отец. Словно взывая о помощи, он протягивал руки, стоя на пороге их старого дома, в котором давно поселились чужие люди, и вдруг отступил куда-то в невыразимую даль, когда в сон ворвалось дребезжание внутреннего телефона.

Люсин неторопливо собрал разложенные на столе документы в аккуратную стопку и надел висевший на плечиках китель, скромно украшенный университетским ромбом. Несмотря на несколько громких дел, о которых широко сообщалось в печати, орденов у Люсина не было.

— Разрешите, товарищ полковник? — Люсин приоткрыл дверь в кабинет.

— Да-да, заходите.— Полковник Кравцов озабоченно взмахнул рукой, зажав плечом телефонную трубку. Говорил он тихо, почти не раскрывая рта и в основном короткими междометиями. Больше слушал, сохраняя на лице настороженную безучастность. За окнами хлестал дождь, было хмуро и неприютно. Люминесцентные светильники под потолком изливали холодное сияние, сумрачно подрагивая в полированных плоскостях финского гарнитура. Новый человек, новая мебель, заново отделанный деревянными панелями кабинет.

— Садитесь,— сказал Кравцов, закончив разговор, и сразу перешел к делу.— Вот, значит, какая история: без вести пропал человек.— Поправив очки, он заглянул в бумажку, одиноко белевшую на зеркальной глади стола.— Солитов Георгий Мартынович, год рождения тысяча девятьсот шестнадцатый, профессор Московского химико-технологического института, заслуженный деятель науки и техники. Ясно?

— Пока не очень.

— Вот и мне тоже неясно. Никто не видел, как и, главное, когда он покинул дачу. Зачем-то захлопнул за собой дверь, которую нельзя открыть снаружи... Почему, спрашивается?

— То есть? — позволил себе уточнить Люсин.— Входную дверь?

— Донесение составлено местным участковым. Наворочено всякого: взрыв какой-то таинственный, и вообще полный туман. Нас просили помочь разобраться.

— Помочь разобраться? Но это значит, мы берем дело?

— Вы правильно понимаете. Ситуация, мягко выражаясь, своеобразная, я бы даже сказал, настораживающая. Начальство, не скрою, проявило повышенный интерес, что, как вы понимаете, требует от нас особой оперативности. Словом, выезжайте на место с опергруппой, поглядите, что там и как. Наверняка все окажется значительно проще. Работать будете вместе со следователем горпрокуратуры Гуровым. Постарайтесь поладить с ним.

— А он со мной тоже постарается? — поинтересовался Люсин без тени улыбки.

— Сразу по возвращении доложите.— Кравцов вложил лежавший перед ним листок в папку и, как по льду, отпасовал ее через весь стол Люсину. Разговор был закончен.— Путь неблизкий, поэтому времени не теряйте.

— Разрешите сперва подумать, товарищ полковник.

— Что?! — В невозмутимых глазах Кравцова промелькнуло мгновенное изумление.

— Я хочу сказать, что должен сначала ознакомиться с делом, возможно, навести кое-какие справки и наметить хотя бы предварительный план действий.

— Ну, вам виднее,— последовал за многозначительной паузой окончательный вердикт.— К концу дня ожидаю с докладом.

— Если придется задержаться, товарищ полковник, я позвоню.— Люсин знал себе цену и отнюдь не был расположен менять стиль работы, складывавшийся годами. Пусть новое руководство воспринимает его таким, какой он есть. Стоит из-за боязни испортить отношения дать слабину, и пиши пропало. До конца дней своих не выкарабкаешься из мелочной опеки.

И все же от разговора с Кравцовым остался неприятный осадок. То и дело напоминало о себе запоздалое опасение, что без особой надобности полез на рожон, перегнул палку.

Выстроив разрозненные факты, Люсин наконец уяснил для себя суть происшествия.

Домработница или, вернее, домоправительница профессора Аглая Степановна Солдатенкова, вернувшись после почти недельного отсутствия, обнаружила выбитое окно. Она, естественно, забеспокоилась и кинулась в дом. Но дверь, ведущая в комнату, оказалась запертой изнутри. Солдатенковой ничего иного не оставалось, как заглянуть в кабинет со двора. Увидев, что в помещении полнейший беспорядок, она подняла тревогу. Кто-то из соседей принес табуретку. Заглянув в окно и не обнаружив Георгия Мартыновича среди разора и запустения, Аглая Степановна немного успокоилась и принялась расспрашивать: может, кто что знает. Но так ни до чего и не доискалась. Решив, что профессор мог поехать на городскую квартиру, старая женщина позвонила в Москву — раз, другой, третий. Телефон не отвечал. Тогда она позвонила в институт, но профессора не оказалось и там. Лишь на следующее утро, отчаявшись дождаться хозяина и заподозрив, как она объяснила, «худое», Солдатенкова обратилась в милицию. Участковый прибыл на место и, приняв необходимые меры для сохранения следов, произвел предварительный осмотр.

По характеру осколков оконного стекла, обнаруженных на достаточном удалении от дачи, он предположил возможность взрыва. Эта версия косвенно подтверждалась показаниями соседей Солитова, засвидетельствовавших, что тот вел дома различные химические исследования.

Проанализировав обстановку, Люсин одобрил действия участкового. Он хотя и не проявил особой инициативы, но зато не наделал ошибок.

По своему обыкновению Владимир Константинович начал со схемы. Очертив в центре бумажного листа квадратик и обозначив его инициалами Солитова, он сделал несколько ответвлений, пометив их соответствующими надписями: «Солдатенкова», «Соседи», «МХТИ», «Московская квартира». Люсин подумал, что в процессе работы число таких ответвлений удвоится, утроится, даже удесятерится. И это только прямые связи. А сколько обозначится косвенных, опосредованных, самым причудливым образом разветвленных. Только выявив их все до последней, можно надеяться на успешный финал.

Отработав первоначальную логическую схему, Люсин старался не задумываться над главным вопросом: жив или же нет человек, о самом существовании которого он даже не подозревал еще каких-нибудь полчаса назад.

Поставив в известность дежурного по городу о намеченных действиях, он запросил морги, больницы, направил ориентировку по отделениям и в область. Затем позвонил в отдел кадров МХТИ и, обрисовав ситуацию, попросил ознакомить его с личным делом Георгия Мартыновича.

— Да-да, я подошлю человека,— сказал он, включая магнитофон.— Но время не терпит. По-

---

Журнальный вариант.

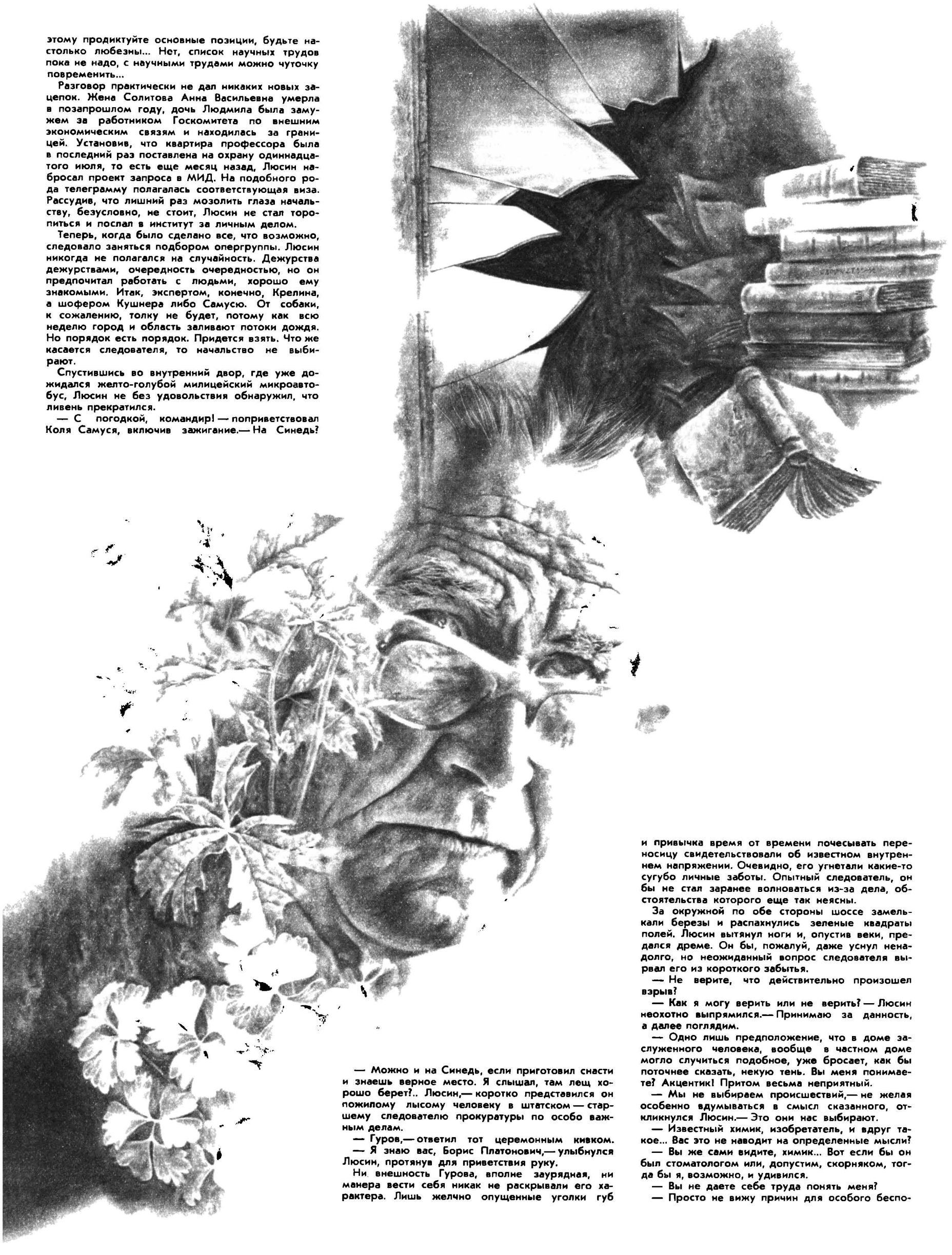
этому продиктуйте основные позиции, будьте настолько любезны... Нет, список научных трудов пока не надо, с научными трудами можно чуточку повременить...

Разговор практически не дал никаких новых зацепок. Жена Солитова Анна Васильевна умерла в позапрошлом году, дочь Людмила была замужем за работником Госкомитета по внешним экономическим связям и находилась за границей. Установив, что квартира профессора была в последний раз поставлена на охрану одиннадцатого июля, то есть еще месяц назад, Люсин набросал проект запроса в МИД. На подобного рода телеграмму полагалась соответствующая виза. Рассудив, что лишний раз мозолить глаза начальству, безусловно, не стоит, Люсин не стал торопиться и послал в институт за личным делом.

Теперь, когда было сделано все, что возможно, следовало заняться подбором опергруппы. Люсин никогда не полагался на случайность. Дежурства дежурствами, очередность очередностью, но он предпочитал работать с людьми, хорошо ему знакомыми. Итак, экспертом, конечно, Крелина, а шофером Кушнера либо Самусю. От собаки, к сожалению, толку не будет, потому как всю неделю город и область заливают потоки дождя. Но порядок есть порядок. Придется взять. Что же касается следователя, то начальство не выбирают.

Спустившись во внутренний двор, где уже дожидался желто-голубой милицейский микроавтобус, Люсин не без удовольствия обнаружил, что ливень прекратился.

— С погодкой, командир! — поприветствовал Коля Самуся, включив зажигание.— На Синедь?



— Можно и на Синедь, если приготовил снасти и знаешь верное место. Я слышал, там лещ хорошо берет?.. Люсин,— коротко представился он пожилому лысому человеку в штатском — старшему следователю прокуратуры по особо важным делам.

— Гуров,— ответил тот церемонным кивком.

— Я знаю вас, Борис Платонович,— улыбнулся Люсин, протянув для приветствия руку.

Ни внешность Гурова, вполне заурядная, ни манера вести себя никак не раскрывали его характера. Лишь желчно опущенные уголки губ и привычка время от времени почесывать переносицу свидетельствовали об известном внутреннем напряжении. Очевидно, его угнетали какие-то сугубо личные заботы. Опытный следователь, он бы не стал заранее волноваться из-за дела, обстоятельства которого еще так неясны.

За окружной по обе стороны шоссе замелькали березы и распахнулись зеленые квадраты полей. Люсин вытянул ноги и, опустив веки, предался дреме. Он бы, пожалуй, даже уснул ненадолго, но неожиданный вопрос следователя вырвал его из короткого забытья.

— Не верите, что действительно произошел взрыв?

— Как я могу верить или не верить? — Люсин неохотно выпрямился.— Принимаю за данность, а далее поглядим.

— Одно лишь предположение, что в доме заслуженного человека, вообще в частном доме могло случиться подобное, уже бросает, как бы поточнее сказать, некую тень. Вы меня понимаете? Акцентик! Притом весьма неприятный.

— Мы не выбираем происшествий,— не желая особенно вдумываться в смысл сказанного, откликнулся Люсин.— Это они нас выбирают.

— Известный химик, изобретатель, и вдруг такое... Вас это не наводит на определенные мысли?

— Вы же сами видите, химик... Вот если бы он был стоматологом или, допустим, скорняком, тогда бы я, возможно, и удивился.

— Вы не даете себе труда понять меня?

— Просто не вижу причин для особого беспо-

койства. Оно по меньшей мере преждевременно. Поживем — увидим. Мало ли ахинеи встречается в протоколах?

— Но ведь взрыв!

— Взорваться могла и бутыль с квасом.

— Завидую вашему спокойствию. Вы, по-видимому, очень счастливый и благополучный человек.

— Не жалуюсь,— сонно пробормотал Люсин, устраиваясь поудобнее.

Глава вторая

ВЕРТОГРАД

Милицейский фургон остановился возле закрытых ворот. Гуров, а за ним и другие выпрыгнули на землю.

— Лейтенант Мочалин,— козырнул поджидавший участковый.— Понятые готовы.

— Ну что? — спросил Гуров, оглянувшись.— Приступим? — И, поманив за собой проводника с собакой, толкнул калитку. Она оказалась незапертой.

Дуновение тревоги коснулось Люсина, едва он увидел вызывающе белую раму на черной стене. Освещение поминутно менялось. Яростный послеполуденный свет то разгорался, то бледнел, смягченный набежавшим облачком. Остроугольные дыры в оконном стекле независимо от освещения кололи глаз глухой темнотой.

«Черная краска, конечно же, ни при чем, хоть признаться, и влияет на настроение,— решил Люсин.— Это для Подмосковья не слишком привычный колер, а в Европе, особенно на Севере, многие так красят свои дома».

Мысль отогнать легко, но как избавиться от беспокойного ощущения, что нечто подобное уже разыгрывалось на подмостках жизни и, как ни крути, а печальной развязки не избежать? Так бывает во сне, когда страдаешь оттого, что тебе уже снилось такое однажды и все предрешено и не соскочить с наезженной колеи.

Приступив к будничным и не слишком веселым делам, Владимир Константинович убедился, что ощущение неблагополучия, быть может, даже какой-то странности исходит не только от дачного домика, повитого лозами дикого винограда. Неизъяснимой скорбью дышали здесь воздух, всегда прохладный в тени, и обильно политый чернозем, и выцветшее за лето поднебесье, промытое отлетевшей грозой. Затянутое все эти дни клубящимся занавесом небо распахнулось на северо-запад в обрамлении бронзовеющих, горящих тяжелыми каплями сосен. С изощренной четкостью прорисовалась закопченная печная труба, слишком мощная для скромной двухскатной крыши, перекрестье антенны и моховая зелень шиферных волн, усыпанных слежавшейся хвоей. Что-то удерживало Люсина, мешало ему ступить под этот кров, отмеченный знаком печали.

Нет, не стихийные борения небесной тверди, чья изменчивая игра вечно тревожит спящий инстинкт, заставили прислушаться к заунывному подрагиванию потаенной струны. Холодное сияние в вышине, и запах щедро унавоженной почвы, и сырое дыхание набежавшего ветерка — все было лишь антуражем, аранжировкой навязчивого мотива, долетавшего из иной, едва постигаемой дали. Глубинные сигналы исходили, пожалуй, из сада, окинутого взглядом хоть и мельком, но схваченного на безошибочном уровне подсознания, примечающего малейшие отклонения. Из них и соткалось неотвязное, как предчувствие беды, ощущение угрозы.

Заботливо ухоженный участок перед домом менее всего походил на сад, невзирая на побеленные стволы и ветви, сгибающиеся под тяжестью яблок, обложенные керамической плиткой куртины и грядки.

Скользнув сосредоточенным взором по лицу застенчивого участкового, которому не терпелось выложить подробности, Люсин запахнул плащ и нырнул в заросли шиповника, обрушившегося каскадом капель и ворохом лепестков. Молодая почтальонша и владелец соседней дачи, привлеченные в качестве понятых, с явно смущенным видом полезли следом.

— Погоди, лейтенант,—остановил Крелин участкового.— Пусть Владимир Константинович сперва сам разберется. Ты лучше нам расскажи.— Он успокоительно махнул рукой Гурову, который задумчиво прогуливался возле разбитого взрывом окна. Усеявшие клумбу осколки однозначно указывали на то, что стекло не было выдавлено снаружи. Крелин с первого взгляда отмел возможность имитации, хотя земля перед домом и была основательно затоптана.

Гуров недоуменно пожал плечами и, достав сигареты, направился к эксперту. Наслышанный о причудах Люсина, он выразил свое неодобрение сердитым попыхиванием. Крелин, работавший с Люсиным двенадцатый год, постарался разрядить обстановку.

— У каждого из нас свой бзик.— Он виновато улыбнулся.— Недаром говорят, что лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать.

— Лично я предпочитаю сначала выслушать свидетелей,— неприязненно поежился следователь, отирая пучком травы ботинки, забрызганные оранжевым молоком чистотела, растущего вместе с крапивой по краям дорожки.

— Так ведь нет их, свидетелей, Борис Платонович,— развел руками эксперт.— Аглая Степановна эта,— он кивнул на мрачнейшего вида старуху, прикорнувшую на лавочке возле крыльца,— она ведь только на пятые сутки домой заявилась...

— Так точно,— оживился участковый.— И сразу по соседям кинулась. Они, небось, и наследили, где только могли. Каждому, понимаете, надо в окно просунуться! Хорошо еще, что дверь взломать не надумали...

— Непонятная штука,—размышляя вслух, вздохнул следователь и раздраженно вмял в грязь окрашенный никотином окурок.— Зачем ему вообще понадобился этот замок? И почему только с внутренней стороны?

— Я и говорю: у каждого свои странности.— Крелин снисходительно опустил веки.— Взять хоть ее.— Он двинул подбородком в сторону старухи, застывшей, как изваяние, с перекрещенными на коленях руками.— Сидит — не шелохнется, будто ей абсолютно все до лампочки.

— Степановна у нас кремень! — уважительно поддакнул участковый.— Каждое слово приходится чуть ли не клещами вытаскивать. А ведь любит она Георгия Мартыновича, души в нем не чает... Вы это очень верно насчет странностей, товарищ капитан. Я вот и за собой замечаю...

— Рано, молодой человек, рано,— властно пресек откровенные излияния следователь.— Лейтенантам странности не положены. Вы лучше вот что скажите...— Ловким щелчком он выбил из пачки новую сигарету.— Солитов всегда таким анахоретом жил? У него семья, кажется? Квартира в городе?

— Так ведь лето теперь,— не понял лейтенант, стряхнув прилепившиеся к безупречно отглаженным брюкам колючки.— Георгий Мартынович в институте работает, каникулы у них.

— Каникулы-каникулы,—протянул нараспев следователь.— Вот она, жизнь человечья. Жена умерла, дети разъехались по заграницам, и остался мужик в полном одиночестве.— Он поцокал языком, покосившись на мумию в застиранном платочке, безучастно дремавшую под рябиной.— Со Степановной, как я вижу, не очень-то поговоришь... Студенты там, аспиранты всякие не навещают?

— Кто их знает, может, и навещают.

— В мое время не забывали учителей,— посочувствовал представитель прокуратуры.— Это теперь никому ни до кого дела нет... Но где же ваш опер? — Он нетерпеливо взглянул на часы.— Чего копается? Дело ведь явно не рядовое...

— Может, оттого и копается, что не рядовое,— заметил Крелин.

Люсин между тем обошел дом кругом, окончательно убедившись в том, что пристрастия его хозяина были весьма своеобразными.

В непосредственном соседстве со штамбовыми розами рос, растопырив колючие листья, чертополох, кусты бузины чередовались с волчьей ягодой и дурманом. На узких, высоко приподнятых над поверхностью грядках вместо моркови и огурцов золотились звездочки зверобоя, качались скромные головки тысячелистника. Среди всего этого разнотравья Люсин распознал валериану и донник, душицу и мяту, девясил, шалфей и горец. Пятачки целины, оставленные под подорожник, пастушью сумку и коровяк, надменно покачивавший желтыми стрелами крупных соцветий, чередовались огороженными проволокой квадратами, где, как рептилии в террариуме, зловеще наливались ядом зонтики вёха, метелки эфедры, вороний глаз, белена. Лишь обладая поистине нездоровой фантазией, можно было высадить на клумбах ревень заодно с вероникой, календулой и полынью.

Сад отрав, огород целебных кореньев и приворотных зелий...

Что ж, подумал Люсин, каждый волен выращивать на своей земле что душа пожелает, в том числе и столь экстравагантные культуры. Благо хозяин — профессор, доктор наук. Ему и книги в руки, и острый садовый нож, пометивший косым характерным срезом сучки и пустотелые дудки. Токи воздуха веяли сладостью медуницы, прохладой аниса, щекочущей в горле истомой прелой листвы. До светлой печали, до слез. Теперь Люсин почти наверняка знал, что не ошибся в предчувствии, отозвавшемся легким обмиранием, когда, затворив за собой калитку, увидел жгучий цветок чертополоха, смоляную вагонку за ним и блики света, как на креповых лентах.

— Хотел бы я знать, зачем ему понадобилось так выкрасить дом! — пробормотал он. И, словно устыдившись, что будет услышан, взглянул на часы и поспешил выбраться на тропку. Его погружение в омут снов и вещих ощущений длилось чуть более получаса, и он подивился тому, как стремительно летит время.

— Ну что, товарищи?— спросил он с наигранной бодростью, присоединившись к остальным.— Заглянем внутрь?

— Давно пора,— хмуро попенял ему Гуров.— День к вечеру идет, а у нас еще дел непочатый край.

— Так уж и непочатый,— лукаво прищурился Люсин.— Не скажите, Борис Платонович, кое-что я все-таки углядел.

— С Солдатенковой поговорить не желаете? — вялым мановением Борис Платонович указал на старую домработницу, так и не изменившую своей безучастно-задумчивой позы.

— Со Степановной? А зачем? Она уже все рассказала на данном этапе. Нет, мы лучше сами поглядим, что да как.

— Сами так сами,— с неожиданной покорностью согласился следователь.

— Дверь ломать будете? — спросила Степановна, когда гости собрались в сенях.— У кабинете?

— Ни в коем разе, бабушка,— весело пообещал Люсин. Тщательно вытерев ноги о резиновый коврик, он поманил Аглаю Степановну.— Хозяин любил запираться? — спросил вскользь, пропустив понятых, и уверенно взбежал по лестнице.

— Любил не любил, а когда и закрывался,— с некоторым замедлением объяснила Степановна, останавливаясь перед запертой дверью, фанерованной дубом.

— Поточнее, Степановна, когда именно? — озабоченно спросил Люсин.

— Когда, значит, надо ему было.

— И все же? — с величайшим терпением продолжал расспрашивать Владимир Константинович, внимательно исследуя дверной косяк.— Замок вроде бы тут? — Он выжидательно обернулся к эксперту.

Крелин, проведя снизу вверх металлоискателем, согласно кивнул.

— Найдется куда включить? — размотав шнур дрели, обратился он к Аглае Степановне.

— Давай уключу.— Волоча стоптанные шлепанцы, она потащилась в соседнюю комнату.

Тонкое сверло мягко вошло в доску. В коридоре повеяло легким душком древесной пыли.

— Вот и все,— сказал Крелин, энергично продувая отверстие. Присев перед раскрытым чемоданчиком, он выбрал подходящий крючок. Затем осторожно просунул его внутрь, небрежно повертел туда-сюда, и дверь с натужным вздохом отворилась.

Сделав несколько снимков, он, словно бы крадучись, переступил через порог.

— Входите, товарищи,— пригласил Люсин. Он хотел было объяснить понятым смысл предстоящей работы, но осекся на полуслове и замолчал. При первом взгляде на комнату тошнотно зашевелилось знакомое ощущение пережитого сна.

Глава третья

ТАЙНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ

Кабинет доктора химических наук Георгия Мартыновича Солитова напоминал лабораторию и одновременно старинную аптеку. Рабочий стол находился у самого окна. Заваленный книгами, папками и ворохом фотографий, скорее всего, разбросанных взрывом, он находился на одном уровне с широким подоконником, где тоже валялись порушенные стопки книг. Переплеты, усеянные осколками и вдобавок забрызганные какой-то маслянистой жидкостью, покрывал солидный слой пыли.

— Мы возьмем это для анализа,— сказал Люсин, невольно любуясь экономными, отточенными движениями Крелина, методично отбиравшего вещественные доказательства.

— Георгий Мартынович действительно опыты какие-то ставил,— безучастно уронил Гуров, скользнув взглядом по капитальной печи в середке и обрушенным полкам с химической посудой в вытяжном шкафу.

На фотографиях, которые разбирал Крелин в надежде найти отпечатки пальцев, были запечатлены аллегорические рисунки и тексты, перенятые с каких-то старинных книг и манускриптов, написанных главным образом по-латыни. Для Люсина, изучавшего этот язык врачей и юристов в университете, не составило особого труда догадаться, что Солитов интересовался лекарственной

рецептурой. Об этом свидетельствовали и многочисленные выписки из травников, лечебников и всякого рода алхимических сочинений.

Сортируя уже просмотренные Крелиным фотокопии, Владимир Константинович собрал «Салернский кодекс здоровья» Арнольда из Виллановы и «Ботаники первоисточные основания», книгу, изданную в 1785 году в Санкт-Петербурге Максимовичем-Амбодиком.

— Лекарства варил,— уважительно вздохнул Люсин, рассматривая на просвет пузырьки из темного стекла, снабженные латинскими этикетками. Судя по почерку и тщательно пронумерованным листам фотокопий, Солитов отличался скрупулезностью, граничащей с педантизмом.— Перегонял, экстрагировал...

— К нему тут многие обращались,— вздохнул сосед Караулкин.— Мою Марью Никитичну он, почитай, с того света возвернул. Да... Травку ей прописал от камней в почках.

— Ну и как? — заинтересованно спросил следователь.

— Как рукой сняло. И месяца не прошло. А ведь мучилась-то, мучилась...

— Что он, у себя в институте не мог заниматься? — ни к кому персонально не обращаясь, но как бы с затаенной обидой попенял Гуров.— Зачем же так на дому, кустарно!

— Мы еще ничего не знаем о том, что он мог, а чего не мог делать на кафедре,— хмуро ответил Люсин, выдержав долгую паузу.— Дайте срок: будем знать.

— Кое-что уже сейчас вырисовывается,— подал реплику Крелин, извлекая из-под бумажного вороха недопитый стакан чая.— Судя по грибку,— он показал следователю разросшиеся пятна бледно-голубой плесени,— действительно прошло несколько дней.

— Более определенно сказать не можете?

— Не могу, Борис Платонович,— досадливо отмахнулся Крелин.— А вот отпечатки, кажется, есть! — Привычным движением он наложил прозрачную липкую ленту.— У тебя тоже что-нибудь нашлось, Володя? — спросил, не оборачиваясь.

— Как не найтись? — понимающе усмехнулся Люсин, беря двумя пальцами очередную склянку.— Вырисовывается понемногу.

— Выходит, он врачеванием увлекался,— отвечая на какие-то свои мысли, заключил следователь.— Знахарством?

— Знахарством? — Люсин прислушался к звучанию слова.

— Иначе зачем все эти банки с травами, какими-то корешками и прочей корой?

— Едва ли такой термин подходит к дипломированному фармацевту.

— Фармацевту? Вы точно знаете? — спросил Гуров.

— Навел кое-какие справки, прежде чем выехать,— кивнул Люсин.— Солитов окончил фармацевтический факультет, кандидатскую получил без защиты в Военно-медицинской академии, докторскую — за работу по теории бесконечно-разбавленных растворов.

— Бесконечно-разбавленных? Такие действительно есть? — не отставал Гуров.

— Очевидно, если за это дают соответствующие степени.

— Вода, которую мы с вами пьем ежедневно, не что иное, как бесконечно-разбавленный раствор,— хмыкнул Крелин, сливая подернутый плесенью чай в пробирку.

— А деньги он за лечение брал? — обратился следователь к заскучавшему Караулкину.

— Что вы! Как можно? Это у него брали кому не лень...

— Кто же, например? — вкрадчиво поинтересовался Борис Платонович.

— Мало ли... На дрова, например, крышу, починку забора. Давал всем.

— Много тут шаромыжников шастало,— проворчала Аглая Степановна.— Чистые грабители!

— Ну, об этом у нас будет особый разговор.— Люсин обменялся с Борисом Платоновичем многозначительным взглядом.— Может, и вы, Таня, скажете нам что-нибудь интересное? — ободряюще улыбнулся он почтальонше.

— Я? — Она удивленно раскрыла глаза.— Так не знаю я ничего такого. Они корреспонденцию на московский адрес получали, а сюда только «Вечерку» переводили. Брошу в ящик — и дело с концом.

— И то правда,— махнул рукой Люсин.— Вы девушка здоровая — кровь с молоком. Вам эта фармакопея, в сущности, ни к чему.

— А вот и нет! — обозначив симпатичные ямочки на щеках, просияла она.— Мне бабушка Аглая бородавки заговорила. Правда, бабуся?

— Может, и так,— кряхтя, откликнулась старуха.— Много вас, голоногих, ко мне бегало. Всех разве упомнишь?

— Подумать только! — скорее наигранно, чем действительно возмущенно, всплеснул руками Гуров.— И это в конце двадцатого века! Да они бы и так прошли, ваши детские бородавки!

— Ждать? Очень нужно! — растопырив ухоженные пальчики, она полюбовалась свежим маникюром.— Я не люблю, когда некрасиво.

— Вы и вправду умеете заговаривать? — полюбопытствовал Люсин.

— Не хочешь — не верь.— Аглая Степановна строго зыркнула прищуренным глазом.— Кому заговаривала, а кому и чистотелом свела. Вон его у нас сколько.— Кивнула на окно, туже подвязывая платок.

— Так можно договориться до нечистой силы, уважаемая Аглая Степановна,— строго, но не без потаенной мысли, заметил Гуров.

— А ты рази не видишь, чьих это рук дело? — без тени улыбки сказала она, плавно взмахнув рукой.

— И то правда,— мягко поддержал ее Люсин.— Одна печь чего стоит. Чистый алхимический горн. Разве что воздуходувка взамен мехов приспособлена. А снадобья? Какие-то кости толченые, ракушки... Я даже банку с рассыпным жемчугом обнаружил. Так что вы поосторожнее на поворотах, Борис Платонович, а то как бы чего не вышло,— закончил с нажимом.

— Вы правы.— Гуров внял замаскированному шуткой предостережению.— Не будем спешить с выводами... Вы, кажется, хотели сказать что-то, Аглая Степановна?

— Так рази ты чему веришь? — Старуха мелко перекрестилась, нашептывая что-то себе под нос.— Не будет у нас разговора. Я вон ему лучше скажу,— она благосклонно покосилась на Люсина,— когда срок придет.

— И правильно,— сразу же согласился Гуров.— Только не пропустить бы момента, Аглая Степановна. Уж больно время дорого! И так сколько дней потеряли.

— Теперь уж не возвернешь.— Старуха неприметно всхлипнула и поспешила вытереть глаза концом платка.— Да и не к чему.

— Почему вы так думаете? — с проникновенной грустью спросил Люсин, настраиваясь на одному ему ведомую волну.

— А то не знаешь? — Степановна с усилием сглотнула горький комок.— Нету его, батюшки нашего, Егора Мартыновича, нету. Напрасно ищешь.— Она обреченно шмыгнула носом.

— Вы в этом вполне уверены? — спросил Люсин.

— Да ты и сам так думаешь.— Она словно читала его мысли.— Когда еще в калитку входил, уже все знал. Я по тебе видела.

— Н-ничего я не знал,— через силу выцедил из себя Владимир Константинович и отвернулся.

— Черт-те что творится,— пробормотал Гуров и, вытащив сигареты, выскочил в коридор. Но сделав две-три глубокие, кружащие голову затяжки, загасил окурок и поспешил возвратиться.— Можно вас на минуточку, товарищ Люсин? — позвал он, задержавшись в дверях.

— Слушаю вас, Борис Платонович.— Люсин удивленно приподнял брови.

— Вы в самом деле думаете, что Солитова нет в живых?

— Во всяком случае, серьезно это подозреваю,— ответил Люсин, подумав.— А что?

— Ничего, просто так,— отвечая каким-то своим думам, пробормотал Гуров.— А не получится, что старуха читает мысли?

— Не обязательно. Скорее предчувствует нехорошее. Такое, знаете, бывает иногда между близкими. Допускаете подобный вариант?

— Отчего нет? Мне, слава богу, за пятьдесят, и я всякого насмотрелся.

— Не сомневаюсь, Борис Платонович.— С пробуждающейся симпатией Люсин скользнул взглядом по лицу Гурова. Похоже, что какая-то ускользнувшая от люсинского внимания деталь крепко смутила следователя.— Вас что-то беспокоит?

— Я, изволите видеть, первым делом ищу мотивы, если, конечно, есть основания подозревать преступление. На первый план, как вы не хуже меня знаете, всегда выплывает корысть. Впрочем, нельзя исключить страх, ну, там боязнь разоблачения и прочие материи. Сильные чувства вроде ревности, уязвленных честолюбий, мести тут едва ли подходят. Солитову как-никак под семьдесят, жизнь практически прожита, короче говоря, кому он мешал?

— Не скажи́те, Борис Платонович, не скажи́те,— живо откликнулся Люсин, обнаруживая определенное сходство мысли.— Все-таки заведующий кафедрой химико-технологического института... В принципе я с вами согласен, но всякое ведь бывает. Я по прежним делам знаю. Диссертационные страсти, разная там аттестация... Такое способно потрясти не только людей с неустойчивой психикой. Если же Георгий Мартынович имел смелость, допустим, баллотироваться куда-нибудь в члены-корреспонденты, то ситуация вполне могла обостриться, уверяю вас.

— Какая ситуация?— быстро спросил Гуров.

— Гипотетическая, разумеется. Пока мне ничего не известно.

— Значит, вы думаете...

— Как и вы, Борис Платонович,— опередил Люсин.— Я бы начал с корысти. Но, разумеется, не теперь.

— Когда же?

— После осмотра московской квартиры.

— Ценности, деньги?

— Не только! — сдерживая нетерпение, отрывисто бросил Люсин, все мысли которого были сейчас там, в комнате, где священнодействовал Крелин.— Есть еще произведения искусства, дражайший коллега, почтовые марки, книги опять же, до коих, как видно, профессор Солитов был куда как охоч.

— Слишком просто для подобного интерьера,— задумчиво покачал головой Гуров.— Вы не можете этого не ощущать.

— Налет тайны? — понимающе улыбнулся Люсин.— Эдакая трансцендентальная эманация?.. Что ж, встречалось и такое. Тогда приходится искать журавля в небе, и это труднее всего, Борис Платонович, потому что слишком редко человек сталкивается с тайной, за которую могут убить.

— Я немного понюхал там, под окном,— без видимой связи с предыдущим заметил Гуров.— И могу вам сказать со всей ответственностью, что взрыв, если он действительно был, вряд ли отличался большой силой. Впрочем, не будем забегать поперед батьки в пекло. Пусть выскажется эксперт.

Они вернулись в кабинет, вполне удовлетворенные друг другом.

— Значит, так,— сказал Крелин, бережно собирая осколки колбы под тягой.— Здесь проводилась экстракция с помощью водяной бани. Судя по всему, процесс протекал достаточно длительно, по крайней мере до тех пор, пока не выкипела вода. Затем колба лопнула, и произошел взрыв. Лишь по счастью не случилось пожара. Нагревательная спираль перегорела в нескольких местах.

— Что именно экстрагировалось и чем? — спросил Люсин, поднося к носу помутневшую стеклянную.

— Какое-то корневище,— с сомнением склонил голову к плечу Крелин.— Предположительно спиртобензолом. Окончательный ответ даст лаборатория.

— Вам понятно, товарищи? — спросил Гуров, делая торопливые пометки в блокноте.

— Чего же тут непонятного? — отозвалась Таня.— Мы бензол по химии проходили. Це-шесть-аш-шесть. До сих пор помню.

— Вам хорошо, вы, наверное, отличницей были, а я так все перезабыл,— посетовал Люсин.

Крелин, по опыту знавший, как глубоко тот влезает в проблемы, связанные с криминалистикой, деликатно отвел глаза.

— Что бы еще ты счел необходимым отразить в протоколе, Яша? — спросил Люсин, сосредоточенно глядя себе под ноги.— Пробка от колбы нашлась?

— Да, я обнаружил ее в связке травы, что сушилась над печкой,— утвердительно кивнул Крелин.— Товарищи видели.

— Соскобы делать не будешь? — Люсин критически оглядел забрызганный потолок.

— Обязательно, хотя, зная характер жидкости, объем, и так легко рассчитать силу взрыва.

— Ясно,— удовлетворенно кивнул Люсин, но тут же озабоченно нахмурился.— А температура?

— Пока в бане оставалась вода — сто градусов, а потом не выше температуры кипения жидкости,— обстоятельно пояснил эксперт.

— Наука! — почтительно сказал Караулкин.— Выходит, авария у Егора Мартыновича произошла, я так понимаю?

— Верно, отец,— скрывая улыбку, подтвердил Крелин.

— Ну, а он-то куда подевался? Сам, так сказать... Не в окно ж вылетел, прости господи?

— Эка,— осуждающе покачала головой Степановна.— Так они тебе и скажут.— И губы поджала в ниточку.

— Придет время, скажем,— пообещал Люсин.— А пока я бы хотел переписать заголовки некоторых книг. Может пригодиться.

За окном, зияющим острозубыми, выгнутыми, как парус, осколками, наливалась синью вечереющая даль.

Продолжение следует.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

РОМАН

Еремей ПАРНОВ

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

При неизвестных обстоятельствах исчез профессор-химик Георгий Мартынович Солитов. Тревогу забила его домработница Аглая Степановна Солдатенкова. Вести дело поручено следователю прокуратуры Гурову и сотруднику уголовного розыска Люсину. Вместе с экспертом Крелиным они прибывают на место происшествия — на дачу профессора. Там выясняется, что в кабинете, где он вел различные химические исследования, произошел взрыв. В сфере интересов Солитова лежали лекарственные растения, с которыми он работал, проверяя забытые рецепты народной медицины.

Оставляя без внимания специальные справочники и монографии, Владимир Константинович сосредоточил внимание на старинных изданиях, отсвечивающих золотым тиснением кожаных корешков. Вместе с фотокопиями он насчитал около двухсот наименований.

Судя по всему, Георгий Мартынович Солитов был широко и всесторонне образованным человеком. Лишь с помощью его рукописных пометок Люсину удалось кое-как выполнить поставленную задачу. И немудрено, потому что китайские иероглифы, равно как санскритские и тибетские буквы, оставались для него тайной за семью печатями. Как, впрочем, и для подавляющего большинства людей. Не исключено, что и сам Солитов не владел редкими восточными языками и пользовался услугами переводчиков.

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

Но как бы там ни было, а его комментарии, выполненные бисерным каллиграфическим почерком, обильно уснащали фотокопии рукописей: «Синь-Сю-Бэн-Цао», сочиненной ученым конфуцианцем Ли Ди, описавшим 844 вида растительных лекарств, знаменитой «Бэн-цао-ган-му»[1] Ли Шичженя, древнеиндийской «Яджур-веды»[2] и тибетской «Жуд-ши»[3].

С рукописью Диоскорида, отснятой со средневекового пергамента, разобраться было легче. Ее название Люсин перевел как «Лекарственные вещества». Сумел разобраться он и с книгами Раймунда Луллия, Теофраста Бомбаста Парацельса фон Гогенхейма, Альберта Великого и Николая Фламеля, иногда писавшего, к радости неопытного переводчика, по-французски. Что же касается «Изборника» великого князя Святослава Ярославовича, переписанного в 1073 году с болгарского свитка, то с ним Владимиру Константиновичу было еще легче.

Изданную в 1789 году в России книгу «Врачебное вествословие, или описание целительных растений, во врачевстве употребляемых» он даже решил включить в список для временного изъятия. Ведь именно это составленное все тем же Максимовичем-Амбодиком сочинение, буквально раскрытое наугад, дало ключ к пониманию малознакомого старшему оперуполномоченному МУРа слова «вертоград». Узнав, что загадочный вертоград означает и сад, и огород, и одновременно «травник», Люсин не только уяснил существо одноименного труда, переведенного в семнадцатом веке Николаем Булевым, но и нашел единственно подходящее определение для ботанических изысканий Георгия Мартыновича. Огороженный дощатым забором земельный участок, где росли коренья и травы, столь поразившие люсинское воображение, и был самый что ни на есть доподлинный вертоград.

— На дворе уже ночь, поди, и ветер поднялся,— заметил Борис Платонович.

— Ветер?— не понял Люсин, возвращаясь из своего далека.— Какой еще ветер?

— А вы посидите здесь часик-другой, тогда узнаете,— желчно поежился Гуров.— Ишь задувает...

— Задувает, говорите?— Люсин задумчиво закусил губу.— Аглая Степановна, голубушка,— просветленный внезапной догадкой, он подступил к старой домоправительнице.— Как говорится, не в службу, а в дружбу, откройте-ка на минуточку входную дверь.

— Это еще зачем?— Она не двинулась с места.

Остальные, кто недоуменно, кто, словно прислушиваясь к чему-то, уставились на него.

— Ну, пожалуйста, бабушка...

— Ведь не отвяжется, будь ты неладен!— Она тяжело поднялась и зашаркала к выходу. В наступившей настороженной тишине было слышно, как звякнуло в сенях неловко задетое ведро. Затем заскрежетал засов и заскрипели давно не мазанные петли. И тут же холодный порыв из окна подхватил с таким трудом разложенные бумаги, закружил их вокруг печи, отозвавшейся утробным урчанием. Распахнутая дверь подалась и вдруг захлопнулась с пушечным выстрелом, прокатившимся по всему дому.

— Вот вам и первый ответ,— сказал Люсин, отмыкая защелкнувшийся при ударе замок.

Глава четвертая

БОЛОТНОЕ ЗЕЛЬЕ

Условившись встретиться с Гуровым на «нейтральной почве» — возле ЦУМа, Люсин заглянул в охотничий магазин на Неглинной, где и приобрел полсотни дефицитных латунных гильз калибра 38 к своему бельгийскому ружьецу. Забирая у продавщицы мелодично позвякивающую картонную коробку, он мысленно выругал себя за бездумную импульсивность, ибо патроны да и само ружье были ему совершенно без надобности. За всю жизнь он ходил на охоту раза три-четыре, не более. Причем со времени последней вылазки благополучно минуло шесть лет. Промерзнув тогда двое суток на озере, он подранил чирка, который то ли упал далеко в воду, то ли затерялся в камышах.

Гуров уже ожидал на скамейке, дымя сигаретой и печально поглядывая на очередь за пирожками. На сверток, который Люсин деликатно отодвинул подальше, он не обратил никакого внимания.

— Напрасно вы не согласились навестить нас, Владимир Константинович,— упрекнул он.— Могли бы пообедать вместе. У нас, между прочим, недурно кормят.

— Едал я за прокурорскими столами.— Люсин не удержался и чихнул на выкатившееся из-за крыш солнышко.— Больно уж захотелось на свежем воздухе посидеть.

Гуров покосился на него и скептически хмыкнул.

— Есть новости?

— Все новости у вас, Борис Платонович.

— Тогда у нас с вами не густо... Проверили мы Солдатенкову.

— Ну и как?

— Вроде была на Шатуре в те дни. Старуху там знают. Приехала утром двенадцатого, отбыла шестнадцатого. Ее даже провожали какие-то дальние родственники. Но чистого алиби не получается. Знаете, чем она занималась? Целыми днями по лесам-болотам бродила. Якобы за травами.

— Вы так говорите, Борис Платонович, словно у вас есть веские основания подозревать Аглаю Степановну. Не думаете же вы, в самом деле, что она под видом лесной прогулки тайно, причем с самой неблаговидной целью, возвратилась домой?

— Нет, не думаю. Однако стопроцентного алиби у нее нет. Это факт. Если желаете, можете иронизировать дальше.

— Скажите откровенно, Борис Платонович, вам что-нибудь не нравится в ее поведении? Я, например, обожаю таких старух. В них есть настоящее, понимаете? От языческой тайны земли, от материнской силы природы.

— Вот видите, какие мы разные люди.— Гуров нетерпеливо-дрожащими пальцами выцарапал из смятой пачки новую сигарету и прикурил от окурка.— Вам нравится, а мне нет. Меня настораживает, что старики, помнящие Солдатенкову, пусть полушутя, но называют ее ведьмой.

— Ишь ты!— усмехнулся Люсин.

— Все-таки штрих! Но и это не все. Куда интереснее представляется мне запись, относящаяся к Солдатенковой, в завещании Солитова.

— Вы нашли завещание?— Люсин с невольным уважением взглянул на следователя.— Ну и ну! Я даже не надеялся на такое.

— А я, представьте себе, надеялся,— порозовев от скрытого сознания удачи, подчеркнул Гуров.— Согласно завещанию Солитова, депонированному в городской нотариальной конторе, дача в случае смерти завещателя переходит в полную собственность гражданки Солдатенковой. И часть денег тоже. С его личного счета в поселковой сберкассе. Есть и доверенность вкладчика на ее имя. Сумма, положенная на вторую сберкнижку в сберкассе по месту основного жительства, завещана дочери. Такие дела...

— Поздравляю, Борис Платонович. Быстрота и натиск.

— Чего уж...— Гуров устало поморщился.— Помните, как это: «Мани, мани, мани...» И немалые, должен вам сказать.

— Ничего удивительного. Профессор, завкафедрой... У него десятки внедренных изобретений, запатентованных лекарств.

— Лекарств?— Гуров заинтересованно поднял бровь.— Ах, да, я и забыл! Конечно... Эту линию придется отработать как следует. Тут тоже далеко не все так просто, как кажется. Я не Солитова, конечно, имею в виду. Что с него взять? Он весь как на ладони. Эксцентричный, доверчивый человек.

— А вы не сгущаете краски?— Невольно отдавая должное профессиональному мастерству следователя, Люсин внутренне ощетинился. Оценивая факты, которые можно истолковать в любую сторону, Гуров даже не пытался разглядеть за ними живую душу. Безапелляционно раздавал ярлыки, не утруждая себя поиском альтернативных решений. Годы неизбежно разрушают юношеский максимализм, сглаживая остроту эмоциональных всплесков. Однако опасное поветрие подозревать всех и каждого счастливо минуло Владимира Константиновича. Как и прежде, ему глубоко претил механистично-выборочный подход к людям. За ним частенько угадывалась нравственная слепота.— Приглядитесь поближе к Аглае Степановне. Не тянет она на роль злого гения, никак не тянет,— посоветовал он.

— Тянет не тянет... Что за терминология, батенька?— Гуров настороженно подобрался.— Я ведь к внутренним голосам не прислушиваюсь, потому как это чушь собачья — внутренний голос. Я факты исследую, а факты — вещь упрямая. Думаете, я по одним сберкассам шастал? Ан нет! Я и в аптекоуправлении успел побывать.

— Интересно,— протянул Люсин, не понимая, куда клонит собеседник.

— А вы как думали? Кое-что узнал у специалистов по фитотерапии. Не интересовались такой наукой?

— Почему не интересовался? Как раз сейчас читаю Максимовича-Амбодика. Причем с увлечением.

— Значит, идем параллельным курсом.— Гуров достал из внутреннего кармана сложенную вдоль школьную тетрадку.— Мне, понимаете, стало вдруг интересно, почему наша уважаемая Аглая Степановна выбрала для своей, так сказать, командировочки именно это время, а не какое-нибудь другое. Улавливаете?

— Улавливаю,— невольно улыбнулся Люсин. Увлеченность следователя была по-своему трогательна. Работал он мастерски. Ни единой ниточки не упускал, всесторонне исследуя алиби.— Надо полагать, нашли что-то особенное против нашей ведуньи?

— Против? Не знаю.— Гуров нервно передернул плечами.— Это уж как посмотреть. Но вот за определенно не нашел... Смотрите, что у нас получается.— Он надел очки и раскрыл тетрадку: — Всякое лекарственное растение содержит в себе одно или несколько действующих начал. Так? Иногда эти целебные свойства бывают присущи всему растению, но чаще активные вещества сосредоточиваются только в определенных его частях: цветке, семенах, листьях, корневище. Согласны?

— Полностью вам доверяю, Борис Платонович.

— Не мне — науке. Я только законспектировал показания экспертов... Эффективность действующих начал, содержащихся в лекарственных травах,— прошу сосредоточить на этом внимание,— неодинакова в различные периоды роста и сильно колеблется в зависимости от сезона. Поэтому время сбора приурочивается к моменту наибольшего содержания целебных соков.

— Я вас от души поздравляю, Борис Платонович!

— Нет, погодите! — С рьяностью неофита Гуров спешил обнародовать обретенную истину.— Тут не только общие рассуждения. Тут, можно сказать, конкретно! — Он торжествующе погрозил пальцем.— Так, например, если в дело идет все растение целиком, то сбор проводят в начале цветения. Тогда же заготавливают и растения, у которых наиболее активна надземная часть, или, говоря попросту, травы. Семена и плоды собирают в период их полного созревания, кору — весной, когда пробуждается сокодвижение, корни — преимущественно поздней осенью.

— Живой календарь! — прокомментировал Люсин.

— Мало сказать! — хитро прищурился Гуров.— Учитываются и синоптические особенности. В частности, сбор надземных частей растений, в особенности цветов, производится исключительно в сухую погоду и по сходе росы, иначе все сгниет к чертовой матери или саморазогреется от всяких там микробов.— Он отер лоб изжеванным платком и бережно спрятал тетрадь.— Короче говоря, Владимир Константинович, я задался вопросом: что именно надеялась собрать Солдатенкова в середине августа, когда многие травы уже отцвели, семена перезрели, а корни еще не нагуляли веса? Ей что, в окрестных лесах стало тесно?

— Притом все эти дни шли дожди,— со вздохом заключил Люсин, разматывая клубок причин и следствий.— Ваши подозрения обретают серьезную почву.

— С дождями как раз неувязочка,— досадливо цыкнул Гуров.— Между двенадцатым и пятнадцатым на Шатуре было ясно.

— Тогда остается проверить немногое. Прежде всего,— Люсин загнул палец,— требуется установить, какие растения все же продолжают цвести в середине августа. Это раз. Затем я бы на вашем месте поинтересовался, какие виды шатурской флоры дают именно в этот период семена высшей кондиции. Я уж не говорю о том, что всегда есть надежда отыскать у соседа нечто особенное, чего не найдешь в собственном огороде.

— Вы это серьезно? — Голос Гурова обиженно дрогнул.

— Вполне. Довожу до логического завершения вашу идею.

— До абсурда доводите!.. Разве вам не все ясно?

— Пока ясно только одно: когда мы мокли под ливнем, на Шатурской ГРЭС стояла отличная погода. Остальное в области гипотез.

— В принципе вы правы,— вынужденно признал Гуров,— но это временная правота формалиста и буквоеда. Тем не менее я проверю. Но Солдатенковой придется облегчить наши ботанические разыскания,— он иронично скривил губы.— Пусть посвятит в тайны своей знахарской кухни, а мы проконсультируемся потом у специа-

[1] «Основы фармакологии».
[2] «Наука о жизни».
[3] «Сущность целебного».

листов. Надеюсь, вы не против? Тогда и поговорим про цветы, про семена...

— Можно и так,— кивнул Люсин, задумчиво покусывая губу.— Надеюсь, мы не совершим большого греха, если слегка совместим следственные действия с розыскными?

— Что вы имеете в виду?

— Не будете возражать, если с ней побеседую я, Борис Платонович?

— Нет, разумеется, но почему обязательно вы?

— А вдруг она и вправду не захочет говорить с вами? — Беглой улыбкой Люсин дал понять, что шутит.— Нет, в самом деле, нам очень нужно как-то сориентироваться во времени. Когда произошел этот злосчастный взрыв? Когда ушел из дома Георгий Мартынович: до или после?.. Без ответа, пусть хотя бы приблизительного, мы не сдвинемся с мертвой точки.

— У вас есть конкретные идеи?

— Есть. Но я вам расскажу после экспертизы. Из чистого суеверия, Борис Платонович.

Люсин вернулся к себе в управление, что называется, в растрепанных чувствах. Добытый Гуровым материал, причем в рекордно короткие сроки, спутал все карты. Факты были вескими, требующими самой серьезной проверки. Такие даже при самом сильном желании не сбросишь со счетов. Впрочем, не это главное. Труднее всего оказалось смириться с мыслью, увы, справедливой, что в результате всего претерпело жесточайшее потрясение хлипкое сооружение, возведенное Люсиным. Дымом развеялись приблизительные контуры, начертанные им в безвоздушном пространстве. «Картинка», так он именовал первоначальную интуитивно угадываемую модель, рождавшуюся где-то на зыбких границах подсознания, была загублена на корню. Она не вырисовывалась в воображении, а без этого он не мог приступить к работе над версией. Гурову удалось поколебать самый остов, нарушив — да что там нарушив,— перемешав до неразличимости исходную расстановку сил. Владимир Константинович понимал, что не сможет теперь абсолютно непредвзято, с легким сердцем и чистым взглядом провести встречу с Аглаей Степановной. А без этого разговора могло и вовсе не получиться. Огромный массив провернул Борис Платонович, нужный, важнейший, да вот беда — немножечко рано. Не для работы в целом, разумеется, а лишь для него, Люсина. Преждевременно возникли эти деньги, сберкнижки и прочие аккумуляторы людских вожделений, вытесняя со сцены что-то неизмеримо более важное, чему еще только предстояло выкристаллизоваться в непостижимых глубинах души.

Угрюмо-сосредоточенный, он в поисках хоть какой-нибудь опоры поднялся в НТО[4], хотя твердо знал, что анализы еще не готовы. Здесь, среди сверкающего кафеля стен, звона лабораторного стекла и убаюкивающего гудения мигающих индикаторами электронных блоков, ему было не так одиноко, не так беспросветно пасмурно на душе.

— Рано вы, голубчик мой, препожаловали,— встретил его седой, розовый старичок в безупречно отглаженном белом халате.— И что за нетерпение такое?

— Нет, Аркадий Васильевич, вовсе не нетерпение.— Люсин напустил на себя благодушно-угодливый вид.— Так, маюсь со скуки, не знаю, куда руки приложить.

— Будто я вас не знаю! Слава богу, вот уже... Сколько лет мы с вами знакомы? Десять?

— Пятнадцать, Аркадий Васильевич.

— Вот видите! А вы все не меняетесь. Вынь да положь! Судьба ваша зависит от этих минут? Жизнь?

— Иногда и зависит. Не моя, конечно, чужая.

— Но ведь так у всех здесь. Не у вас одного.

— Судите сами: бесследно пропал человек, кстати, ваш коллега-химик. На его даче до или после произошел взрыв. И хотя «после этого» не означает «вследствие этого», какая-то связь между этими событиями, несомненно, есть... Кстати, вам не встречалось имя Георгия Мартыновича Солитова? Может, в научных трудах?

— Э, друг мой, нынешняя химия, что твой океан! Я и по специальности-то далеко не все читать успеваю. Полистаю иногда реферативный журнал, и будет с меня, пенсионера... Значит, взрыв, говоришь. Что же, вполне реальная штука. Смесь паров эфира и спирта — это не шутка.

— Как эфира? — Люсин не сдержал удивленного восклицания.— Разве не спиртобензол?

— Кто сказал подобную ересь?

— Крелин... Правда, предварительно.

— Тоже мне эксперт! Химик! Трассология, баллистика, извини меня, кровь — это его дело, тут он кумекает.

— Не суть важно, пусть будет эфир. А маслянистые пятна тогда откуда?

— Смолы и прочие экстрактивные вещества. Жутко трудная смесь. Нам в ней не разобраться. В пору специальное НИИ создавать. Да и спирт не простой оказался. Я бы даже рискнул сказать — особенный. Нечто вроде коньячного.

— Шутить изволите.

— Нет, я серьезно. Твой профессор самогоноварением не увлекался?

— Только этого мне не хватало... Силу взрыва рассчитать сможете? В самом первом приближении?

— Элементарно.

— Большего мне пока и не надо. А на смолы не обращайте внимания — не до научных открытий...

— Спасибо, Люсин, снял камень с души. У меня от этих смол головокружение. Все хроматографические колонки загружены.

— Извините. Это мы по безграмотности задание неправильно сформулировали. Главное — взрыв... Мы еще вам корешок какой-то сдавали. Если не очень сложно...

— Попробуем, чем черт не шутит.

— Возможно, мы узнаем тогда, какой гомункул вызревал в реторте,— пошутил Люсин.

Визит в лабораторию, несмотря на полное отсутствие каких бы то ни было конкретных результатов, все же принес известную разрядку. Люсин был рад и тому, что хоть немного успокоился, переключился. На своем столе он нашел должным порядком оформленное заключение дактилоскописта. Обнаруженные на стеклянных предметах отпечатки принадлежали одному и тому же лицу, которое в картотеке не значилось.

Скорее всего, сам Солитов — напрашивался единственно приемлемый вывод.

Глава пятая

МАЗЬ ВЕДЬМ

По пути в управление Люсин ухитрился забежать в сберкассу, где сделал широкий жест, оплатив телефон на полгода вперед. Этот в значительной мере символический акт — прочие квартирные платежи были заморожены до получки — помог ему окончательно сбросить унизительное бремя забот, которые почему-то считаются мелкими. Окрыленный удачей, он позвонил в МХТИ и сразу попал на ученого секретаря кафедры — Наталью Андриановну Гротто. Если б кто знал, как нужна была ему эта неуловимая женщина! Одна из немногих, кого Солитов дарил безраздельным доверием. Не опуская трубки, Владимир Константинович соединился с гаражом. Через семь минут он уже был на Миусской, где за чугунной оградой сквера пламенели, предчувствуя близкую осень, роскошнейшие в старой Москве клены.

Институт жил отголосками приемной страды. В сумрачном вестибюле слонялись еще сохранявшие надежду абитуриенты, чьих имен не оказалось в списках, и как в воду опущенные родители. С какой завистью смотрели они на оживленно-озабоченных парней и девушек с набитыми консервными банками рюкзаками! Зачислены, распределены по группам и едут теперь на картошку — счастливцы! Настоящие баловни судьбы.

Люсин, чье обычно безотказное удостоверение оказалось малодейственным в сложившейся обстановке, был вынужден чуть ли не клясться, что он не к ректору и вообще не по приему.

Взлетев по широкой старинной лестнице на третий этаж, он быстро нашел дверь с табличкой «Кафедра биоорганической химии». На другой, привинченной чуть пониже, перечислялись научные титулы Г. М. Солитова. Отчужденно, как с надгробной плиты, блестели амальгамированные буквы.

Наталья Андриановна приняла Владимира Константиновича в кабинете шефа.

— Есть какие-нибудь известия? — Ее зеленоватые глаза тревожно расширились.— О Георгии Мартыновиче?

— К сожалению, ничего нового.— Люсин взглянул на темные резные шкафы и старые кожаные кресла. Пожалуй, ничто в этой сумрачной комнате, сберегавшей канцелярский стиль минувших эпох, не выдавало эксцентричных пристрастий владельца. И прежде всего корешки за стеклянными дверцами: пузатые справочники на русском, немецком и английском языках, химические журналы, учебники. Никакого золотого тиснения. Сплошь сиротский коленкор отчетов и диссертаций.

— У нас дважды было полное переоборудование.— Она по-своему истолковала его ищущий взгляд.— Но Георгий Мартынович попросил ничего не трогать... Садитесь сюда, тут вам будет удобнее.

— Я рад, что наконец смог увидеться с вами.— Люсин сначала присел на вытертый до блеска краешек, а потом осторожно продвинулся вглубь.— Вам передавали, что я звонил?

— Да, мне говорили... Я ведь ничего не знала. Только вчера вернулась в Москву, и на тебе... Кошмар какой-то! До сих пор в себя не приду. Как, по вашему мнению, есть хоть какая-нибудь надежда?

— Надежда на что, Наталья Андриановна? — спросил он с печальной прямотой.

— Найти Георгия Мартыновича,— затрудненно сглотнув, пролепетала она.

— Найти,— вздохнул Люсин, включив портативный магнитофон.— Ничего, если я запишу наш разговор? Ведь никогда не знаешь заранее, какая мелочь может неожиданно пригодиться...

— Пожалуйста,— с несколько нарочитой небрежностью разрешила Наталья Андриановна.— Есть хоть какие-нибудь шансы на то, что он... еще жив?

— Вы сами верите в это? Ведь сколько времени прошло...

— Вы правы, конечно.— Наталья Андриановна развела и тотчас вновь соединила кончики пальцев.— Но старики иногда уходят из дома. Вы понимаете? Мой покойный отец однажды пропадал целых два дня... Впрочем, что я болтаю? Простите.

— Разве у Георгия Мартыновича наблюдались сенильные[5] проявления? — Люсин заинтересованно подался вперед.

— Нет.— Она взволнованно поежилась.— Конечно же, нет.

— Вы уже знаете подробности? Я имею в виду взрыв и все прочее?

— Да, от коллег.

— Как бы вы прокомментировали подобное происшествие? Забывчивость? Рассеянность? Ведь он ушел, не отключив нагреватель. Значит, случилось нечто экстраординарное, его куда-то спешно вызвали или он сам вдруг о чем-то вспомнил...

— Забывчивость? — Она медленно покачала головой.— Только не в таком деле. Он же вообще не должен был ничего отключать.

— То есть как? — настороженно удивился Люсин.

— Экстракция, дистилляция, перегонка — все эти процессы он вел обычно беспрерывно, много дней. Собственно, лишь по этой причине работы выполнялись на дому, в каникулярное время. В учебном институте, согласитесь, не так просто наладить, как у нас говорят, непрерывный цикл.

— У меня нет слов, Наталья Андриановна. Сами того не зная, вы ответили на один из главных моих вопросов.

— Нет, я знала, что вы об этом спросите,— возразила она.— Как же иначе?

— Знали? Но почему?

— Разве можно без помощи специалиста разобраться в том, чем занимался Георгий Мартынович и что в конце концов послужило причиной взрыва? Для меня никаких неясностей тут нет. Узнав подробности, я сразу же восстановила полную картину.

— Вы очень обяжете меня, если поделитесь своими соображениями.

— Это мой долг. Что вас в первую очередь интересует?

— Меня интересует все. И разговор у нас, если позволите, будет долгим.— Люсин доверчиво улыбнулся.— Начнем поэтому с главного. Вы сказали, что Солитов не должен был отключать нагреватель. Ведь так?

Она согласно закивала.

— И тем не менее он вышел из дома, оставив свои колбы благополучно кипеть?

— Не иначе рассчитывал скоро вернуться.

— Во всяком случае, до того, как выкипит водяная баня?

---

[4] Научно-технический отдел.

[5] Старческие.

— Но почему-то не возвратился.— Гротто задумчиво сцепила пальцы.

— Это «почему-то» и есть главное, Наталья Андриановна.— Люсин припечатал ладонью кожаный валик.— А теперь расскажите про вашего шефа. Мне необходимо понять, что он за человек.

— Редкий, прекрасный, каких теперь не бывает.— Она медленно отвела потемневшие глаза.

— Продолжайте, пожалуйста,— тихо попросил Люсин.

— Я не умею так... Слишком много всего, разного... Это ведь жизнь, большой отрезок жизни. Всего и не перескажешь. Вы лучше спрашивайте.

— Пусть будет так.— Люсин сосредоточенно сдвинул брови.— Почему Георгий Мартынович, человек весьма пожилой и не очень здоровый, вел столь оригинальный образ жизни? Вместо того, чтобы отдыхать, вкушая сельские прелести, он работает. И как работает! Даже ест у себя в кабинете. Невзирая на отпуск, днем и ночью что-то варит, анализирует. Добро бы еще выращивал на грядках всякие сорняки — мало ли бывает увлечений? — но он кипятит какие-то корешки, разлагает, смешивает и все такое... Подвижник, которого заклинило на моноидее? Экстравагантный фанатик? Вдохновенный творец, нащупавший золотую жилу?..

— Трудно ответить определенно.— Сдерживая волнение, она никак не находила нужных слов.— Его образ не вмещается ни в одно из ваших определений. Все значительно проще, чем вам кажется, и вместе с тем намного сложнее. Георгий Мартынович действительно очень увлеченный человек, и ему удалось многое сделать в науке, но как бы это сказать?.. Он всегда стоял чуточку выше. Выше себя самого, своих увлечений и тем паче заслуг. Вы понимаете, что я имею в виду? Он воспринимал жизнь немножечко иронично. Вдохновение, творчество, о фанатизме я и не говорю — это не из его лексикона. Он стеснялся высокого штиля. К нему, пожалуй, больше подходит слово «любопытство». Он отличался удивительной, обаятельной любознательностью и плюс к тому редкой работоспособностью. Вообще в нем неуловимо сочетались самые противоположные качества: умудренная зрелость и детская наивность, неутомимость и резкие перепады настроения... Не знаю, поняли ли вы меня, но то, что в другом человеке могло показаться чуть ли не экстравагантным, было для него органичным, естественным.

Люсин не сомневался в искренности Натальи Андриановны, но между образом, который она рисовала, волнуясь и трогательно выискивая слова, и тем, что непроизвольно соткался в его воображении там, на даче, зиял провал. Они не совмещались, едва намеченные, еще не облаченные плотью контурные эскизы, разделенные полосой непроглядного мрака. Самоирония, постоянная готовность взглянуть с высоты — словом, все то, о чем говорила Гротто, лежало по одну сторону, а «вертоград» с его ядовитыми саженцами и укромной теплицей, где вызревали под пленкой неведомые плоды тропиков,— по другую. Тут не детской любознательностью попахивало, но сверхчеловеческим, маниакальным упорством. Она многие годы знала и, возможно, любила по-своему одного человека, а он увидел совсем другого и никак не мог расстаться с первоначальным наброском. Пусть он знал Георгия Мартыновича лишь по фотографиям из личного дела, что были спешно размножены и разосланы по милицейским подразделениям. Однако за плоским черно-белым изображением взрывались стекла и кружились поднятые на воздух листки, утонченно орнаментированные латинской скорописью. Они немало значили, эти разрозненные фрагменты. Пусть не Фауст, выращивающий в колбе гомункула, но углубленный в забытые тайны искатель — вот какой портрет мозаично слагался из острозубых осколков, затуманенных темной накипью. Отсюда, от печки, переделанной под алхимический горн, и нужно было начинать осторожный танец.

— Вы так хорошо сказали об увлеченности.— Люсин сделал первый шаг.— Но каков сам предмет увлечений? Георгий Мартынович держал вас в курсе своих исканий?

— Не только я, вся кафедра, весь институт знали. Не в подробностях, само собой разумеется, в общих чертах. Сначала над ним подтрунивали, затем перестали. Так ведь всегда бывает в жизни. Человек должен отвоевать право остаться самим собой.

— Нужны определенные бойцовские качества,— нащупывая почву, подал реплику Люсин.

— Вот этого я бы как раз и не сказала. По своему складу он типичный ученый-одиночка. В глазах большинства доказательством правоты является не столько вера, сколько успех. От репутации законченного чудака шефа спасала удача. Он умел добиваться успеха в самый критический момент, когда все складывалось против него и вообще обстоятельства загоняли в угол. Только поэтому его оставили в покое. И что вы думаете? После того, как препараты пошли в серию, погода молниеносно переменилась. Вчерашние насмешники начали буквально осаждать просьбами. Кто для себя, кто для родственников, а кто — в расчете на ответную благодарность — для влиятельных друзей.

— Вы имеете в виду...— Люсин наклонился к ней, заговорщически понизив голос.

— Ну, конечно, лекарства,— подтвердила она.— Сейчас вообще распространилась мода на народную медицину: травы, иглоукалывание, экстрасенсы опять же всякие... Георгию Мартыновичу житья не стало от просьб. Как-то он даже пожаловался, что превращается в знахаря. Вы не представляете себе, как он страдал от столь неожиданной популярности. Она мешала ему работать и жить не меньше, чем интриги завистников и тайных врагов. Но что можно поделать? Ведь у каждого свои недуги. Шеф понимал и жалел людей. Отказывать он не умел. Любой лишенный ощущения деликатности человек мог вить из него веревки.

— Как вы хорошо сказали: «ощущение деликатности»,— оценил Люсин.— Ну, а если вернуться к интригам, тайным, опять же по вашему определению, врагам?

— Уголовщина не наш стиль,— поняла она с полуслова.— В научных кругах приняты несколько иные методы, я бы сказала, более результативные...

— Приблизительно догадываюсь.— Он понимающе опустил веки.— Мне приходилось сталкиваться однажды... Но ведь лишняя информация не повредит? Кто, по-вашему, мог быть заинтересован в... исчезновении, скажем так, Георгия Мартыновича?

— Увольте меня от подобных вопросов.— Наталья Андриановна упрямо покачала головой.— Недоставало только, чтобы я начала перемывать косточки коллегам! За кого вы меня принимаете?

— Простите, но когда перед тобой полная неизвестность, невольно хватаешься за соломинку.

— Такая соломинка вас не вывезет. Поищите лучше в другом направлении, в других сферах.

— Пусть будет по-вашему,— с готовностью согласился Люсин, досадуя на свою оплошность. Разве не знал он, что там, где требуется вживание во внутренний мир человека, профессиональный опыт подчас не только не помогает, но даже становится досадной помехой? Привычка хороша, когда работаешь на конвейере. Виртуозная партия требует самозабвения. Каждый раз, как впервые,— высшее напряжение. Слепой полет в неизведанном пространстве чужой души.

— Вы же сразу схватили главное.— В ее голосе прозвучала нотка упрека.— Нужно прежде всего понять, что заставило Георгия Мартыновича оставить дом. Ненадолго, потому что он наверняка предполагал вскоре вернуться. Чем дольше я над этим думаю, тем большей проникаюсь уверенностью.

— Ну, и как по-вашему?

— Не нахожу однозначного ответа.

— И необязательно. Давайте несколько вариантов.

— Кто-то мог позвонить,— неуверенно, словно вступая на неокрепший лед, предположила она.— Вызвать куда-то... Или прийти без предупреждения, а затем увести с собой. Как вы считаете?

— Вполне здраво,— одобрил Люсин.— Однако с той же степенью достоверности можно предположить и заранее обусловленную встречу? Сейчас не это важно. Все три варианта сводятся к одному: «кто-то». Оттуда, куда эта неведомая для нас фигура увлекла Солитова, он не вернулся. Итак: кто? Вам легче вычислить, чем мне.

— К сожалению, не знаю.

— Вот и получается, Наталья Андриановна, что мы от чего ушли, к тому и пришли. Прямо, в лоб, такие задачки, как правило, не решаются. Неизбежно приходится отталкиваться от каких-то личностных особенностей, особенностей среды. Поэтому вновь взываю к вам: помогите. Мы должны воссоздать обстановку.

— Понимаю.

Продолжение следует.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки
Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

При расследовании дела об исчезновении профессора-химика Георгия Мартыновича Солитова выясняется, что на его даче, где он вел опыты над лекарственными растениями по древним рецептам, произошел взрыв. Следователь прокуратуры Гуров и сотрудник уголовного розыска Люсин на месте происшествия обнаруживают разбитую колбу со следами неизвестного вещества и множество записей, которые нуждаются в расшифровке. Гуров выдвигает версию о причастности домработницы профессора Солдатенковой к происшествию. Люсин посещает кафедру, на которой работал профессор, и встречается с его коллегой Натальей Андриановной Гротто, которая вводит его в круг научных интересов Солитова.

— Т огда продолжим.— Заметив, что кассета кончается, Люсин перевернул ее на другую сторону. — Сформулируйте, пожалуйста, поточнее, — попросил он, поразмыслив под тихий шелест впустую прокручиваемой пленки,— какой научной проблемой занимался Солитов, какие опыты ставил, что надеялся получить?..

— Проблема у всех нас одна: получение новых биологически активных веществ. Разумеется, каждый, в меру сил и способностей, ковыряется на своем участке, — вперившись отрешенным взглядом в окно, за которым скучно темнели жестяные крыши и трубы соседних домов, объяснила Наталья Андриановна. — Георгий Мартынович предпочитал свободный поиск. Владея несколькими языками, в том числе обязательной для фармаколога латынью, он, вполне, я считаю, естественно, обратился к изучению старинной рецептуры. Поразительное чутье исследователя, плюс возможности современной аналитической техники позволили ему довольно скоро выделить препарат, эффективно снимающий экстрасистолию...

— Простите, как?

— Восстанавливающий сердечный ритм, одним словом.

— Ясно. А почему он все-таки занялся историческими, так сказать, изысканиями, не знаете?

— В значительной мере собственные недуги. Дело в том, что он прожил очень нелегкую жизнь. Во всех отношениях. Не берусь судить, как все это могло сказаться на состоянии здоровья, но оно, можете поверить, оставляло желать лучшего.

— Желчнокаменная болезнь, почки, немного печень? — слабо улыбнувшись, уточнил Люсин.

— Так вы знаете! — протянула она то ли разочарованно, то ли удивленно.— Значит, уже навели справки. Зачем?

— Пожилой человек ушел и не вернулся. Что прежде всего приходит на ум? Внезапный приступ и далее в том же роде. Нужно было изучить такую возможность?

— Вы совершенно правы. Я ведь просто так спросила, чтобы понять логику ваших поисков. К вашему сведению, Владимир Константинович, он начал с того, что вылечился. Знаете мудрую заповедь? «Врачу, исцелися сам». Георгий Мартынович исцелился. И знаете чем?

— Если я верно догадываюсь?..

— Абсолютно верно: травами.

— Не без помощи Аглаи Степановны, надо полагать? — повинуясь внезапному наитию, спросил Люсин.

— Не без помощи?.. Она-то его и вытащила! Теперь вы знаете, что послужило отправной точкой. Получив неопровержимое доказательство могущества фитотерапии, большего, как вы понимаете, и желать было нечего, шеф занялся этим делом всерьез. С присущими ему целеустремленностью и глубиной. Отсюда его интерес к алхимии и, как следствие, уникальные в наше время познания. Он задался грандиозной задачей: проверить древнее забытое знание методами современной науки. Не берусь судить, где тут кончается сугубо научный интерес и начинается нетерпеливая охота коллекционера, но за несколько лет ему удалось собрать уникальную библиотеку манускриптов, гравюр.

— Насколько я мог убедиться, это в основном фотокопии и перепечатки?

— О, есть и подлинники. И какие! Настоящие раритеты.

— На квартире, наверное?

— Да, он очень ими дорожит, буквально трясется над каждым листком. И редко кому показывает.

— Вам, например?

— Раньше, когда я еще бывала у них на Чкаловской... Он часами мог, хвастая, как ребенок, демонстрировать свои сокровища. Мне даже скучно делалось, но я, конечно, не показывала и вида.

— Вы сказали «раньше», Наталья Андриановна,— попытался уточнить Люсин.— Это случайная оговорка или за ней скрывается какая-то существенная перемена?

— Оговорка, — устало кивнула она, — на которой не стоит задерживаться. Вы не бойтесь: ничего из того, что действительно может иметь для вас интерес, я не утаю.

— Кто может знать, какому пустяку уготовано сыграть ключевую роль?.. Вернемся, однако, к сокровищам.— Люсин помедлил, многозначительно акцентируя каждое слово.— Сокровищам духа и сокровищам в денежном, так сказать, сугубо приземленном эквиваленте... Есть действительно ценные книги?

— И книги со знаком Альда Мануция, и розенкрейцерские тетради, и клочки подлинных египетских папирусов, и тибетские ксилографии — словом, чего только нет.

— Я успел навести кое-какие справки. Даже в наших букинистических магазинах какой-нибудь травник восемнадцатого века стоит огромных денег. Как минимум моя годовая зарплата. Кстати, и ваша тоже, досточтимый товарищ доцент.

— Вот как? — Наталья Андриановна озарилась мгновенной улыбкой.— И какое это может иметь для нас с вами значение?

— Мало ли, — неопределенно двинул плечом Люсин.— А вы случайно не знаете, где именно доставал Георгий Мартынович столь редкие вещи?

— Точно сказать не могу. По-видимому, покупал у кого-то, менялся... Как это обычно делается?

— Так и бывает,— подтвердил Люсин.— Поэтому и хочется знать точно: у кого именно и с кем? Может, Аглае Степановне известно? Что она за человек, на ваш взгляд, разумеется?

— Да мне-то откуда знать, Владимир Константинович? Видела ее раза два-три, контакта не получилось... Вам вполне достаточно, что Георгий Мартынович в ней души не чаял. Я-то тут при чем?

— Я просто так спросил, по инерции.— Почувствовав, что для нее эта тема чем-то неприятна, он поспешил вернуться на более проторенную дорогу.— Может быть, вы знаете кого-то из коллекционеров, одержимых той же страстью, что и Солитов, букинистов?

— О коллекционерах, признаться, даже не слышала, а вот каких-то книжников он поминал, было...

— А когда, при каких обстоятельствах?

— Давно, знаете ли. И не по специальному поводу, а так, между делом.

— Конкретных имен не называлось? Адресов букинистических магазинов?

— Едва ли ятрохимические трактаты попадают в букинистические магазины.— Она снисходительно улыбнулась.— По-видимому, вы даже не представляете себе, какая это редкость.

— Всяко бывает, Наталья Андриановна, уж вы мне поверьте... Кстати, что это значит — ятрохимические? Первый раз слышу.

— Лечебная химия, от греческого «ятрос» — врач.

— Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм? — доверительно подмигнул Люсин.

— Подумать только! — Наталья Андриановна даже руками всплеснула.— Примите мои поздравления, товарищ милиционер!

— Случайно в памяти застряло, — смущенно признался Люсин.

— Уж не проходил ли он у вас по какому-то делу? — пошутила она.— Я бы не удивилась.

— Очень может быть, Наталья Андриановна,— уронил он с нарочитой небрежностью, поймав себя на том, что ему приятно выглядеть в ее глазах в выгодном для себя свете.— Сейчас я припоминаю, что именно Парацельсу приписывали открытие эликсира бессмертия. Так?

— Если б ему одному! А Валентину? А Луллию? Амбруазу Паре, наконец, Макропулосу? Но вообще-то Парацельс был по-настоящему великим ученым. Хотя и не без заблуждений, свойственных эпохе. «Ятрохимик есмь,— говаривал он о себе,— ибо равно ведаю химию и врачевание».

— Химию или алхимию? — с тонкой улыбкой поинтересовался Люсин, немало почерпнувший из солитовских записей.

— Ятрохимию, — внесла необходимое уточнение Наталья Андриановна.— От иллюзий златоделания он решительно отказался, но полностью с алхимией не порвал. Да и чего вы хотите? Каждый человек — сын своего века. Стоя одной ногой в уже новом времени, Парацельс оставался, однако, в плену магических представлений о всеобщей симпатической связи... «Никто не докажет мне, что минералы безжизненны, ибо их соли, колчеданы и квинтэссенции жизнь человеческую поддерживают. Утверждаю решительно, что металлы и камни наделены жизнью, как и корни, травы и плоды»,— звучно прочитала она.— Между прочим, любимая цитата Георгия Мартыновича.

— И он разделял мнение доктора обеих медицин — хирургии и терапевтики? — подпустив нужную дозу иронии, спросил отличавшийся завидной памятью Люсин.

— С вами приятно беседовать, Владимир Константинович,— оценила Гротто.

— Так да или нет? — Он поблагодарил наклоном головы.

— Разумеется, нет, потому что все мы дети своего века... Но кое-какие рекомендации ятрохимиков ему здорово пригодились.

— В смысле эликсира бессмертия?

— К счастью, нет, потому что никаких точных указаний на сей счет история нам не оставила. Иначе бы Георгий Мартынович не замедлил про-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1, 2.

извести проверку... Даже я, невзирая на стопроцентный скепсис, не устояла бы перед таким соблазном.

— А это не страшно — бессмертие?

— Бессмертие — крайность, недостижимая мечта. Но продлить человеческую жизнь или хотя бы отодвинуть рубеж старости...

— Солитов тоже так считал?

— Как вы жестко выдерживаете курс! — протянула Наталья Андриановна то ли в одобрение, то ли, наоборот, осуждая.— Всякий раз возвращаетесь к одному... Да и сама я только про это думаю.— Она смахнула упавшую на лоб прядь.— Из головы не идет.

— У меня тоже.

— Нет, заведомыми сказками Георгий Мартынович не увлекался, хотя и скрупулезно записывал всю ту ересь, которой обставляли свои опыты всяческие адепты спагирического искусства. Он старался не пропустить ничего: ни лунных фаз, ни заклинаний. Как и вы, кстати, он считал, что может пригодиться любая мелочь.

— Даже заклинание?

— А вот представьте себе! Георгий Мартынович был глубоко убежден в том, что всякие таинственные формулы служили алхимикам для отсчета времени в темной лаборатории. Затем, вероятно, чтобы не пропустить нужный момент при дистилляции растительных соков, активность которых иногда быстро пропадает. Если требовалось, он выучивал наизусть какую-нибудь абракадабру и потом замерял длительность звучания по секундомеру.

— А вы случайно не знаете, какие конкретно исследования вел Георгий Мартынович в самое последнее время?

— Собираясь в отпуск, он говорил, что хочет продолжить свою работу над галлюциногенами-анальгетиками.

— Обезболивание?

— Совершенно верно. Последние два года он со свойственным ему терпением занимался анализами всевозможных бальзамов. По старинным прописям, разумеется: западноевропейским, славянским, тибетским, даже южноамериканским. Это вам не эликсир бессмертия, тут действительно можно сделать потрясающие открытия. Я почти не сомневаюсь в том, что именно этим он и занимался до самой последней минуты...

— Среди осколков колбы мы обнаружили фрагменты какого-то корневища. Не знаете, что это могло быть? Наши аналитики, к сожалению, не пришли к единому мнению. Вы нам не поможете?

— Надо посмотреть,— не слишком уверенно пообещала Наталья Андриановна. — Но боюсь, мне это не по зубам. Не лучше ли обратиться к ботаникам?

— Ботаники как раз и спасовали. Даже гистология не помогла. Трудный корешок попался, неизвестный для них.

— А по записям в лабораторном журнале установить нельзя? Георгий Мартынович все самым тщательным образом регистрировал.

— Журнал-то мы просмотрели.— Люсин по старой, до конца не изжитой привычке почесал макушку.— Да уж больно темное дело, Наталья Андриановна, эти лунные фазы, латинские сокращения и прочая алхимическая заумь.

— Я попробую облегчить ваши поиски, но мне нужно подумать, проконсультироваться.

— Такое название, как Unguentum malaferum, вам ничего не говорит?

— Что-то очень знакомое, — она словно бы прислушалась к себе. — Нет, извините, не могу вспомнить. Я не знаю латыни.

— «Мазь ведьм», — подсказал Люсин. — Или ведьмовская мазь.

— Ах, это!— Она просияла на миг.— Помню, помню... Георгий Мартынович что-то такое рассказывал. Даже обещал дать немного на пробу, если, конечно, получится. Мы еще смеялись по этому поводу.

— Смеялись?

— Ну, конечно! Коллектив как-никак на девяносто процентов женский. — Она растроганно вздохнула.— Всем хочется...

— Это в ведьмы-то? — непритворно поразился Люсин.

— Счастья хочется, красоты, молодости... Непонятно? Помните, как несчастная Катлина натерла волшебной мазью Неле и Тиля Уленшпигеля? Уже из одного описания можно судить, что в состав снадобья входили галлюциногены и другие наркотические вещества, вызывающие частичную анестезию.

— И у него была такая мазь?

— Насчет мази сильно сомневаюсь, а вот рецептов более чем достаточно, хоть отбавляй. Что не книга, то дюжина новых рецептов. Вас это в самом деле интересует?

— Самым живейшим образом. Дадите?

— Вам с молочаем, папоротником или предпочитаете белену?

— Если бы я мог хоть на минуту поверить! — невесело пошутил Люсин.

— Во что?— не поняла его Наталья Андриановна.

— Да в это, в вашу волшебную мазь. Ведь прелесть! Намажься с ног до головы и лети себе за тридевять земель... Смех, а такая версия многое объясняет. Вы не находите?

— Могу предположить другую, не менее интересную.— Она не приняла шутки.— Маг-чернокнижник забыл заклинание и был унесен дьяволом. Как вам понравится? По-моему, здорово. Сюда и взрыв укладывается, и разбитое окно.

— Вы сердитесь, Наталья Андриановна? Я вас чем-то обидел?

— Просто мне сейчас не до юмора. Не то настроение.

— Я понимаю. Еще раз простите великодушно, если меня занесло.

— При чем тут это?— Она красноречиво глянула на часы.— Я понимаю: случай сложный, не за что ухватиться, вы озабочены, растеряны даже, но зачем же дурака-то валять? Какое вам дело до корешков, мазей и прочей, извините, ерунды? Разве в том дело?

— Вы правы, надеюсь.— Люсин выключил магнитофон и встал с осточертевшего ему кресла.

Наталья Андриановна тоже не замедлила подняться.

— Тогда не смею вам мешать.— С видимым удовольствием она повела занемевшими плечами.— Там,— указала на комодик с алфавитными ящичками,— полная картотека растений, с которыми работал Георгий Мартынович. Остается лишь угадать, на какой карточке значится интересующий вас корешок. Желаю успеха, а мне, извините, пора: люди ждут.

Оставшись в одиночестве — он так и не понял, чем вызвана столь неожиданная реакция,— Владимир Константинович рассеянно выдвинул первый попавшийся ящик: ива, имбирь, ирис, иссоп... Сотня, если не больше растений, и на каждое — десятки отдельных карточек. «Что ж, если нет другого выхода, можно попробовать,— рассудил он,— методом исключения. Не квинквефолиум, не кервель, не крестовик... Может, калган? Надо искать клубень, крупное корневище».

Переписав названия, на что ушло около часа, он бережно задвинул последний ящик. Затем, чтобы получить более полное представление о столь необычном хранилище, достал, разумеется, наугад, картонку, озаглавленную «Репейник»:

«Кроме того, что трава за обилие славится качеств,
Пьется растертой, живот избавляя от боли
жестокой.
Если же телу нежданно железо враждебное раны
Вдруг причинило, тогда на себе испытать подобает
Помощь ее, приложив растолченную к месту
больному
Ветку травы,— и тотчас же вернем
мы прежнее здравье
Этим искусством, к припарке добавив
кусающий уксус».

На обороте карточки значилось следующее:

«Валафрид Страбон (809—849 гг.). Из поэмы «О культуре садов», или «Садик». Источники: Квинт Серен, Самоник, Вергилий, Плиний Старший, Диоскорид, псевдо-Апулей, «Капитулярий» Карла Великого».

Куда как права была Наташа Гротто: утонуть тут ничего не стоило, сгинуть, что называется, с ушами.

Перед тем как уйти, Люсин еще раз оглядел застекленные полки, бегло перелистал блокнотики-семидневки. Адреса, телефоны, фамилии, часы встреч, аббревиатура учреждений. И цитаты, и формулы, и даже рожицы.

Глава шестая

РУИНЫ МОНСЕГЮРА

Посланная через МИД телеграмма уже не застала Людмилу Георгиевну. Вместе с мужем Игорем Александровичем Берсеневым она отбыла в поездку по легендарным городам Лангедока.

— Берсеневы уехали?— спросил экономический советник, показав телеграмму секретарю.

— Вчера вечером... Но я примерно знаю, где они намеревались остановиться. Может быть, дать знать?

— Нет, пожалуй, не стоит,— после долгого раздумья покачал головой советник.— Все равно ничего не изменишь. Только отравим людям уикэнд. Они ведь и без того собирались в Москву?

— Во вторник. Я сам в Аэрофлоте бронировал. Так что не позже понедельника будут здесь.

— Значит, так тому и быть. Днем раньше, днем позже... «Бедная Люда,— пожалел он,— веселенький ей предстоит отпуск».

Берсеневы между тем со скоростью сто восемьдесят километров в час приближались к Тулузе. Как радовалась Людмила Георгиевна этой поездке! Отделанное красным деревом купе первого класса с отдельным входом и ванной, стремительная смена декораций, изысканная кухня, скорость, комфорт. А впереди ожидали новые радости: старинные соборы, феодальные замки, потемневшие от времени полотна и гобелены.

В Тулузе Берсеневы намеревались арендовать в агентстве Хертца малолитражку, запастись путеводителями и взять курс прямехонько на Альби, где семь столетий назад зародилось еретическое движение, потрясшее устои феодальной Европы.

— Все твои фантазии!— добродушно проворчал Игорь Александрович, получив из рук хорошенькой брюнетки желтый конверт с ключом от машины.— Почему не Лазурный берег?

— Нам туда!..— Людмила первой заметила на стоянке предназначенный им небесно-голубой «пежо».— Монсегюра никто не видел. Притом ты же знаешь, я обещала папе... Он так мечтал посмотреть катарский замок! Даже представить себе не можешь, какой будет ему сюрприз.

На ночь переполненные впечатлениями отпускники остановились в окруженном двойной линией крепостных стен Каркассоне, в старомодной гостинице «Голубой щит». Уютно прилепившись к каменной толще башни Сен-Лорен, она выходила окнами на самую древнюю часть города. От суровой, тронутой глянцем столетий кладки веяло магической мощью. Остроконечные шпили и стрельчатые арки казались сошедшими с рисунков Доре. Берсенева даже припомнила сизый декабрьский день, когда счастливый, пунцовый с мороза отец принес домой свернутую трубкой гравюру, которую разыскал у букиниста. На ней была изображена точно такая же прямоугольная зубчатка и колючие, устремленные в беспредельность пики. Справившись с путеводителем, где остатки укреплений галлороманского периода смыкаются с внутренней стеной времен каркассонского виконтства, Людмила удовлетворенно, с сознанием выполненного долга опустила шторы. На рассвете им предстояло взять старт на Монсегюр.

Эта часть путешествия понравилась ей еще больше. Менялись не только ландшафты, но и времена года. Приморские пляжи млели в густо перетекающих волнах зноя. Здесь безраздельно царила ленивая праздность и вязкая, дремотная тишина. Зато, когда дорога свернула к Пиренеям, погода резко переменилась. Задул пронзительный, холодный мистраль. Небо заволоклось угрожающей темной завесой. Прямо на глазах потускнели обремененные плодами сады и даже белые стены крестьянских домов приобрели серовато-унылый оттенок. Лобовое стекло покрылось косыми строчками мелких капель. По мере подъема на плато дождь сменился мокрым снегом. Дворники едва справлялись с липучей завесой медленно таявших хлопьев, напрочь смазавшей горизонт.

Автомобильчик упорно взбирался по круто загибавшему вверх серпантину, отчаянно сигналя и сверля мглу воспаленным светом.

— Хватит валять дурака.— Игорь решительно притормозил у придорожного ресторанчика.— Себе дороже. Да и подзаправиться не худо как следует. Путь неблизкий.

— А здесь ничего,— одобрила Людмила, озирая современной работы витражи и грубо побеленные стены, декорированные косыми балками. К таким же благородно подморенным дубовым карнизам были прикованы бронзовые пятиугольники с рисунком пчелы.

Взъерошенный молодой человек в ковбойке отложил книгу и вышел из-за стойки навстречу гостям.

— Мадам, мсье.— Он величаво обвел рукой пустующий зал с накрытыми клетчатыми скатерками столиками.

— Нам бы пообедать слегка.— Игорь Александрович, щурясь на свет, потер руки.— Чего-нибудь местного, остренького?

— Рекомендую суп из раков по-ортезски. Кроме лангустов, мы кладем мелких омаров и крабов.

— Замечательно!— обрадовалась Людмила, готовая съесть что ни предложат.— А рыбы у вас нет? На горячее?

Игорь Александрович слегка поморщился, но ничего не сказал.

— Мы только что получили превосходных тюрбо. Наш повар метр Бриссо бесподобно готовит морскую рыбу в томатном соусе.

— Тюрбо?— Людмила неуверенно покосилась на мужа.

— Это такая камбала, дорогая,— объяснил он.

Пока Берсеневы устраивались за облюбованным столиком, выдергивая льняные салфетки из мельхиоровых колец, молодой человек обнаружил чудеса трансформации. Исчезнув за неприметной дверью, он вскоре возник в сиреневом фрачном пиджаке. С его шеи уныло свисала цепь с анодированной блямбой, на которой был изображен омар с бутылкой в клешнях.

— Аперитив?— поинтересовался импровизированный метрдевин, вручая карту напитков.

— За рулем.— Берсенев скорчил подобающую гримасу.

— А мне кока-колу,— попросила Людмила.

— Вино?

— Полбутылки белого,— кивнул Берсенев, памятуя о рыбном заказе.

В мгновение ока возникла пузатая бутылка «Видамессы де Монсегюр», установленная на лафете на манер артиллерийского ствола. Игорь Александрович пригубил, посмаковал и кивком знатока одобрил выбор.

— Урожая сорок седьмого года.— Молодой человек, уже без медали и фрака, но зато с белой крахмальной салфеткой на сгибе руки, умело разлил вино. А затем, облаченный в передник с кокетливыми рюшами, он предстал с супницей, окутанной умопомрачительным по вкусноте паром.

Вопреки размеренным пассажам Луиджи Боккерини, звучавшим из скрытых динамиков, обед протекал с веселой поспешностью.

— Как тюрбо, мадам?— полюбопытствовал парень, когда с нежной рыбой было покончено. Заложенная карандашом книга оказалась у него под мышкой. Сделав немыслимый вольт, он заменил ее хрустальным подносом с сырами под отуманенным колпаком.

Игорь Александрович придирчиво выбрал ананасного вида ломтик, к которому добавил пластиночку бри.

— Рыба чудесная,— благодарно улыбнулась Людмила, беря то же самое.— Далеко отсюда до Монсегюра?

— Господа едут в Монсегюр?— уважительно удивился официант.— Часа два или чуть больше.

— Там что?— спросил Игорь Александрович.— Музей или как?

— Никакого музея, мсье. Просто развалины на вершине горы. Остатки стен, но очень величественно.

— Как же мы сумеем достать проспекты?— огорчилась Людмила.

— Если хотите, я мог бы взглянуть,— услужливо предложил молодой человек.— У нас, кажется, остались нераспроданные экземпляры. Вам «Фуа», «Каркассон»? Может быть, «Кафедральный собор в Альби»?

— Нет, только «Монсегюр».

— К сожалению, есть лишь на немецком языке.— Парень принес тощий буклетик с изображением мрачной скалы, увенчанной руинами.— Очевидно, вас это не очень устроит?

— Если бы хоть по-английски...— Игорь Александрович вопросительно взглянул на супругу.

— Ничего, давайте,— решительно тряхнула кудряшками Людмила Георгиевна.— Папа же превосходно читает по-немецки,— шепнула она мужу.— Какая разница?

— Может, нам повернуть назад?— Игорь Александрович небрежно перелистал брошюру.— Главная цель достигнута, а всяческих развалин мы с тобой нагляделись.

— Но папа же спросит! Ему же интересно!

— Скажем, что были. Чего-нибудь напридумаем. Мало мы видели всего в Каркассоне? Всех вопросов не предусмотришь. Даже в страшном сне не приснится, что может ни с того ни с сего взволновать нашего дорогого папá.

— Как тебе не стыдно!— обиделась Людмила, нервно засовывая салфетку в кольцо.

— Да шучу я, шучу,— досадливо махнул рукой Игорь Александрович.— Сейчас и поедем... Счет, будьте любезны.

На сей раз парень отсутствовал довольно продолжительно. Когда Берсеневы уже отчаялись дождаться, он вдруг объявился с золотой уткой в руках, которую водрузил с церемонным поклоном посреди стола и, словно в воздухе растворился, исчез.

— Это еще что за фокусы?— захлопал глазами Берсенев. Он надел очки и критически осмотрел диковину. Потом догадливо прояснел взором и тихо засмеялся:

— Сдается мне, что здесь спрятана нейлоновая шубка... Или сто пар колготок.

— Что ты городишь!

— А вот сейчас выясним.— Он раскрыл утку, приподняв плоский клюв. Внутри на бархатной красной подкладке лежал счет.

— И что я тебе говорил?— восторжествовал Берсенев, доставая бумажник.— Юмористы!

— Все-таки тут очень славно,— вздохнула, поднимаясь, Людмила.— Не находишь?

— Почему? Прелестный уголок.— Бросив купюры в утиное нутро, он поспешил за женой.

Снегопад кончился. Небо просветлело студеной голубизной. Мокрое шоссе сверкало, как полированный шведский гранит.

— Ну и холодище!— Людмила поежилась.

— То ли еще будет! Может, все же зададим лататы?

— Я своих решений не меняю.

— Тогда садись побыстрей.— Игорь Александрович включил зажигание и склонился над картой.— Пока прямо.

Окаймленная редколесьем гора с крутой лепкой известковых проплешин и складчатых жил возникла ошеломительно внезапно. Полускрытое завесой разорванных туч солнце заливало ее расходящимися струями, тонко высветив над хаосом карстовых ниш строгий прямоугольник крепостной стены. Легендарный замок, служивший альбигойцам чем-то вроде обсерватории, открылся сразу же после дорожного знака с изогнутой стрелкой. Поворотик оказался и вправду лихой, круче некуда. Судя по изрядно помятой металлической полосе ограждения, далеко не каждому удалось избежать здесь острых ощущений. Игорь Александрович и сам едва успел вывернуть руль. Даже дыхание перехватило от неожиданности. Прибавив газу, он уверенно повел машину по безупречно прямой асфальтовой ленте. Только полосатые столбики зарябили, словно риски стальной рулетки. Сужаясь в иглу где-то у самого подножия, она то колюче вспыхивала, выходя из пятнистой тени, то угасала свинцовым перстом.

Что-то заранее предначертанное мнилось в этом последнем отрезке и неизбежное, как судьба. Заслонившая волнистые дали громада излучала неодолимую притягательность. Властно выпрямив окружающее пространство, а вместе с ним и дорогу, она само солнце удерживала на привязи струнных лучей. Оттого, наверное, и длился нескончаемый день, полыхая тяжелым сиянием, надрывно и монотонно позванивая в ушах.

— Полезешь?— Игорь Александрович остановился у обочины и, приоткрыв дверцу, критически оглядел пропыленный склон. Теряясь в бурьяне, светлой жилкой вилась над обрывом узенькая тропа.

— А ты?— неуверенно разминаясь, Людмила вылезла из машины и тоже посмотрела наверх.

— Чего я там не видел? Изъеденных кирпичей? Отсюда вполне можно наиподробнейше все разглядеть.— Он извлек из футляра бинокль.— Хочешь? Или тебе необходимо отметиться на верхотуре?

— Просто мне интересно.— Она обиженно свела брови.— Хочется посмотреть, как жрецы в древности наблюдали за солнцем. Это же второй Стонхендж... Грех упустить такой случай.

— Ты-то откуда знаешь? Разве можно слепо верить туристским проспектам? Они тебе чего хочешь насочиняют ради рекламы... Не советую, Люда, право слово. Да и солнце зайдет, пока ты вскарабкаешься.— Игорь Александрович лихо отпасовал банку из-под пива, которая, громыхая и крутясь, понеслась по асфальту.— Не будь дурочкой. Что тебе, больше всех надо?

Разбросанные вокруг бутылки и картонные стаканчики молчаливо подтверждали его правоту. Наезжавшие к Монсегюру туристы предпочитали упиваться древностью, не утруждая ног.

— Нет ощущения присутствия, все равно, что по телевизору,— произнесла Людмила Георгиевна, озирая циклопическую кладку, скупо прорезанную непроглядными амбразурами.— А я руками потрогать хочу, погладить... Понимаешь? — Она вернула бинокль и, упершись в бампер, потуже зашнуровала кеды.— Не скучай.

Подъем оказался не столь трудным, как ей сперва показалось. Тропинка была протоптана со знанием дела, в обход скальных выступов и опасных крутостей. А уж пахло на высоте так, что каждая клеточка переполнялась неизбывным блаженством. Ради одного этого стоило забраться в такую даль. Травы тут росли пучками, пробиваясь из-под ноздреватых камней. Она с первозданным волнением узнавала памятные по Синеди пижму и клевер, невольно прощая отцу чудачества, так осложнявшие всем им жизнь. Впрочем, чаще все же попадались незнакомые виды: какая-то седая полынь да пропыленные насквозь колючки посреди шиферных осыпей. Встретились и мандрагоры, тоже белые от пыли. Она привозила нечто подобное в прошлом году. Игорь еще ругался тогда из-за перевеса. Пытался доказать, чудак, что не всем слабостям старых людей следует потакать. А если нет выбора, как тогда? Если наличие мания, чисто внешне проявляющая себя в различных формах? При мысли о том, какую физиономию скорчит муж, когда она возвратится с корневищем в руках, Людмиле Георгиевне стало совсем весело. Конечно же, она не намерена снова копать вонючую мандрагору, которая вовсе не кричит при этом, как пишут вруны травознаи, но пучок травы нарвать стоит. Во-первых, совершенно немыслимый запах, а во-вторых, уж больно красиво. Куда там всяким розам да лилиям! В них нет такого волшебства, которое незаметно источают эти малюсенькие багряно-сиреневые цветки. Неповторимые в скромном своем совершенстве.

Карабкаться с зажатым в потном кулаке букетиком оказалось не очень ловко. С крутизной шутки плохи. Припав раз-другой к земле, Людмила вскоре убедилась, что свободные руки отнюдь не роскошь, и выбросила цветы. Благо их кругом вон сколько и можно нарвать на обратном пути.

Незаметно она забралась на такую высотищу, что дух захватывало. Лакированным жучком, божьей коровкой виделся отсюда автомобиль. До каменной кромки, казалось, совсем близко, но нечего и мечтать было залезть по меловому откосу. Да и заросли ежевики защищали подходы лучше любой колючей проволоки. Оставалось искать обход по узенькому карнизу.

Людмила втайне уже жалела, что ввязалась в столь рискованную авантюру, но вернуться с полдороги мешало самолюбие. На счастье, тропа понемногу расширилась, и сковавший ее было ужас слегка разжал ледяные тиски. Она сама не знала, как одолела последние метры, и, перебравшись через глыбу, чуть ли не на четвереньках, вползла на мощеный двор.

Как тихо тут было, как солнечно и безмятежно покойно! Ни единый стебелек не колыхался. От сглаженного веками булыжника, заросшего жесткой травой, излучалось разнеживающее тепло. Людмила легла на спину и, раскинув руки, устремилась в сверкающую беспредельность. Не только взглядом из-под тяжелеющих век — всем существом. Она спала считанные минуты, но пробудилась бодрая, отдохнувшая, без тени захолодившего ее страха.

Стряхнув с застиранных джинсов въедливую, как пудра, пыль, побрела осматривать замок. Немногое могли поведать ее душе вещие камни. Не вычленяя в опутанных лебедой и чертополохом нагромождениях прихотливого рисунка когда-то возвышавшихся здесь портиков и галерей, она прыгала с кучки на кучу, вспугивая чутких ящерок.

Еще плыл зной над квадратными башнями и стенами, замкнутыми в каре. Сухо стрекотала цикада. Из главной солнечной двери, глядящей на заснеженную макушку святого Варфоломея, косой предзакатный луч, проскользнув сквозь визир глубокой бойницы, каплей расплава стекал по грубо обтесанным плитам. Замечая лишь разрозненные фрагменты молчаливой мистерии, Людмила Георгиевна была бесконечно далека от того, чтобы прочувствовать ее навеки утраченную суть. Боясь признаться себе, что разочарована, она следила, как находит на землю вечерняя тень. Затрепетали жухлые былинки под совиным ее крылом. Отсчитав секунды давным-давно минувших веков, погасли одна за другой слюдяные чешуйки в ядрах. Гробовой прохладой потянуло от стен, и сыростью подземелий дохнули засыпанные руины.

«Все-таки Гоша был почти прав,— подумалось с запоздалым раскаянием.— Скоро станет совсем темно».

Беспокоясь о том, как будет спускаться, она уже и не вспоминала о тайных знаках, которые ненароком надеялась отыскать. Метившие известковые блоки где-то под мохом, а может, и в толще земной, они померкли с последним лучом канувшего в горный провал светила. Зябким шелестом крапивы и лопухов встрепенулся оживший ветер. Зашуршало, завыло в аркадах на басовитой тоскливой струне, ожило в невидимых глазу пустотах ворчливое барабанное эхо. И зацарапал песок по брусчатке, и затрещали кусты, осыпаясь колючими семенами.

Стараясь не смотреть на летучих мышей, чертивших холодеющий воздух, Людмила Георгиевна кинулась к пролому в стене. Больше всего на свете она боялась остаться в этом прибежище ночных призраков. Шарахнувшись от зловещего просверка сигаретной фольги, она больно подвернула ногу и вдруг заплакала, преисполняясь жалостью к себе, смутным раскаянием и обидой.

И тут же смолкла, подавившись испуганным всхлипом, когда заметила, как обозначились в скуповатых бликах какие-то фигуры во мраке грота.

Продолжение следует.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки
Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

Исчез профессор-химик
Георгий Мартынович Солитов.
При расследовании установлено,
что на даче, где он жил в это время,
произошел взрыв.
В кабинете, напоминавшем лабораторию,
найдены осколки колбы,
остатки какого-то корневища,
покрытые латинской
скорописью листки бумаги.
Следователь прокуратуры Гуров считает,
что домработница Солдатенкова
имеет прямое отношение к происшедшему.
Сотрудник уголовного розыска Люсин
встречается в институте,
где работал Солитов,
с ученым секретарем кафедры
Натальей Андриановной Гротто,
которая рассказала ему, что профессор
занимался анализами всевозможных
бальзамов по старинным рецептам.

В это же время дочь Солитова Людмила,
находящаяся во Франции,
отправилась с мужем
в туристическую поездку по легендарным
городам Лангедока и в развалинах замка
встречается с какими-то людьми.

Только теперь Людмила по-настоящему поняла, что значит ужас. Пережитый недавно испуг, который она все же сумела преодолеть, не шел ни в какое сравнение с внезапно закрутившим ее гальваническим смерчем. Увидев на лбу ближайшего к ней великана широко распахнутый циклопий глаз, блеснувший сумрачной глубиной, она почувствовала, что у нее заживо вырывают сердце. Где-то на последней грани сознания услышала краткий обмен фразами и, ничего не поняв, догадалась: «Немцы!»

— Geht in Ordnung.

— Nur ruhig Blut [1].

Возможно, она и закричала, но скорее всего просто осела со стоном на раздавшуюся под ней землю.

— Was qibt's?! [2]— прозвучало сквозь ватное забытье испуганно-удивленно. И время для нее замерло.

— Pas du tout,— услышала, стремительно возвращаясь из эфирного трансгалактического полета.— Ничего,— утешали ее по-французски.— Сейчас для вас плохое есть кончено.— И больно тащили, внутренне протестующую, назад, на грешную землю.

— Ох, до чего же я перепугалась! — Людмила Георгиевна с тяжким вздохом разлепила глаза и тут же зажмурилась от режущего света, хлеставшего с нависающих над ней касок. Ее все еще колотил озноб, и сердце сжимало незабытое: «Немцы!». Но то непередаваемое, иррациональное, закрутившее в темные кольца, отлетело куда-то в сторону, хотя, как она смутно догадывалась, и недалеко.

— Кто вы? — Она с трудом приподнялась, опираясь на ушибленный локоть и заслонив глаза ладонью. Единственное, что удалось разглядеть в озаренной ореолом мгле, была белозубая улыбка и проблеск глазных белков.

— Мы мирные альпинисты.— Вместе с ответом раздался нервный смешок.— Поэтому вам не надо бояться... Но вы, вы-то как попали сюда?

— Я? — Движением плеч она выразила желание встать, и две пары сильных рук помогли ей подняться.— Я просто пришла сюда оттуда, снизу.

— Пришла? Без всего? Без всякого снаряжения?!

— Ну да.— Людмила Георгиевна обрела способность улыбаться.— Залезла потихоньку... Ой! — Она испуганно схватилась за грудь.— Муж! Он же там с ума сойдет!

— Муж? — Альпинисты переглянулись. Теперь, когда глаза освоились со светом, она различала их рослые, ладно скроенные фигуры, рамные рюкзаки за плечами, объемистые мотки веревки.

— Мы приехали на машине.— Потеряв ориентировку, она нетерпеливо оглядывалась куда-то во тьму, где, как ей казалось, находился обрыв.

— Посмотри,— коротко бросил один другому, наверное, младшему. И тот бесшумно исчез в густых сумерках.

— Jawohl [3],— доложил он, возвратившись вскоре,— светит фарами.

— Ему нельзя подать какой-нибудь знак? — Она загорелась надеждой.— Я вас умоляю!

— Мы попробуем вас спустить. Думаю, это не займет слишком много времени... Надеюсь, вы сумеете крепко держаться?

— Крепко-накрепко! — с готовностью пообещала Людмила Георгиевна.— Вы даже представить себе не можете, как я вам благодарна! — Она облегченно вздохнула.— Как же я испугалась!

— Но на всякий случай,— засмеялся второй, младший,— я все же привяжу вас к себе. Хорошо?

— Ах, делайте, что хотите, лишь бы скорее вниз!

— А вы откуда, мадам? Ведь вы не француженка? Нет?

— Я... Мы с мужем из Финляндии,— сказала она на всякий случай, как говорила и прежде в сомнительных обстоятельствах.

— О, Суоми! Я был у вас зимой! Вы подождите немного.— Он, успокаивая, коснулся ее плеча.— Мы должны все, как следует, приготовить.

И они ушли готовиться к спуску, оставив ее в тревожном одиночестве.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—3.

[1] Ну, все в порядке.
Прежде всего спокойствие (нем.).

[2] В чем дело?! (нем.).

[3] Так точно (нем.).

Глава седьмая

СЕМЬ ПЛАНИД

Предвещая устойчивость ясной погоды, над кирпичной трубой колыхалась вертикальная струйка дыма. Значит, Аглая Степановна находилась где-то поблизости. Но, как и в прошлый раз, дом показался заброшенным, несмотря на заново вставленное стекло и щедро политые грядки.

Затворив за собой калитку, Люсин не спеша прошел через сад, претерпевший какие-то неуловимые перемены. Что же могло измениться здесь, кроме прибранной клумбы под застекленным окном? Кроме пронизанного солнечной синевой неба и подсохшей земли? Неотчетливые приметы постигались скорее сердцем, чем глазом.

В буйной поросли диких трав, лишь слегка припорошенных ржавым налетом, явственно проглядывала осенняя одеревенелость. Признаки подступившего оцепенения, размытые прежде дождем, висели в воздухе, как паутинка. Даже в сонном жужжании пчел, снующих над поредевшими веничками, слышалась грустная мелодия прощания. И белая бабочка, устало сложившая крылья, казалась готовым упасть лепестком.

Повинуясь неясному импульсу, Люсин свернул к парничку. Застоявшаяся под пропыленной пленкой духота пахнула жарким дыханием обильно унавоженной почвы. С подвешенных на леске коряг пристально и недобро глазели хищные неведомые цветки, по-паучьи раскинувшие сетку воздушных корней. Конечно же, кроме замшелой кадки и битых горшков, ничего там не было. Ни завороженный сон теплицы, с ее восковыми лианами и папоротниками, ни разлитое в природе оцепенение не могли так угнетающе подействовать на Владимира Константиновича. Тончайшие локаторы определенно поймали какие-то тревожные излучения, но не донесли до сознания, растеряв их среди посторонних помех. Он так и не сумел доискаться, что же это такое было.

— На музыку записывать будешь? — спросила Аглая Степановна, когда Люсин поставил перед ней магнитофон.

— На музыку.— Он вяло улыбнулся и вдруг с обезоруживающей, поразившей его самого искренностью попросил: — Помоги мне, Степановна, ладно?

— От же, пристал, как банный лист,— незлобиво пожаловалась старуха.— Навязался на мою голову... А чего я знаю?

Они сидели в кухне, где вкусно булькало на плите грибное варево и одуряюще пахли сухие метелки, подвешенные к деревянной балке под потолком. Сидя спиной к окошку, Люсин мог видеть часть коридора в проеме двери, занавешенное марлей зеркало и жестяную иконку в углу, перед которой слезливо оплывала свеча.

— Постарайся, Степановна, может, чего и припомнишь... Ты когда уехала-то — утром?

— Так уж говорила, с утра.

— И сразу на станцию направилась, к электричке?

— Зачем сразу? — Она в раздумье пожевала губами.— Сперва в сберкассу пошла. За свет, за телефон, значит, уплатить.

— За свет и за телефон? — Люсин непроизвольно повторил ее интонации.— Ну и как, заплатила? Квитанции есть?

— Али не доверяешь? — Степановна сердито зыркнула по сторонам.— Так показать можно.— Она нехотя встала и принялась шуровать в ящике, недовольно ворча под нос.

— Покажи, Степановна, покажи.— Люсин нетерпеливо притопнул, еще не зная, для чего понадобятся платежные документы, но уже прозревая следующий свой шаг.

— Коли не веришь, так и спрашивать нечего.— Она бросила на стол свои порядком замызганные абонентские книжицы.

Люсин сразу узнал руку Солитова, хотя в графах были проставлены одни только цифры. Число на бледном оттиске кассового автомата пропечаталось вполне отчетливо. В ту, позапрошлую теперь, среду Георгий Мартынович был, несомненно, жив.

— Сама заполняла? — Люсин бегло перелистал корешки.

— Больно надо глаза портить. Он все и расписал, как всегда.

— Брось, Степановна, не серчай,—заискивающе улыбнулся Владимир Константинович.— Что после сберкассы-то было?

— Домой возвернулась.— Она недоуменно фыркнула.— Сберкнижку оставить. Еще потеряешь, не ровен час.

— И Георгий Мартынович был на месте?

— Куды ж он денется?.. С утра засел кипятить. Упрямый, ой же упрямый! — певуче протянула она, раскачиваясь всем телом.— Сколько раз, бывало, учу, а с него, как с гуся вода. Знай себе кипятит и смеется. Терпеть этого не любила!

— Постой-постой, бабуся,— остановил Люсин.— Чего-то я тут недопонимаю. Чему ж ты учила Георгия Мартыновича?

— Так зелье готовить, обыкновенно. Где же это видано, чтобы траву день и ночь кипятить? Ее али запаривать надо, али варить сколько назначено. Мало я пользовала его, что ли? В тот год еще, помню, когда он на Шатуре занемог...

— Вот видишь, как дело у нас пошло, Аглая Степановна.— Люсин осторожно вернул старую женщину к событиям того, отмеченного лишь первой вешкой, дня.— Про зелье и про Шатуру твою мы еще побеседуем, а сейчас ты лучше про сберкнижку разобъясни. Где она у тебя?

— Так нету! — Она чуть ли не с торжеством хлопнула себя по колену.— Как и быть-то не знаю. За дрова платить надо, стекольщику пять рублев. Деньги все кончились, почитай, а книжка тю-тю... Пропала.

— Это каким же манером, Аглая Степановна?

— Вернулась домой, полезла в ящик, а ее и след простыл.— Она показала на разделочный столик между мойкой и холодильником.— Заявить теперь надо али еще как?

— Заявить, Степановна, непременно заявить,— посоветовал Люсин, с упоением ощущая, как его все быстрее и быстрее выносит на нужную колею.— Номер книжки хоть помнишь?

— Как же, прости господи,— испуганно помрачнела старуха.— Кабы помнила... Без номера-то небось не вернут?

— Вернут-вернут,— пообещал Люсин.— Восстановить книжку можно. Я тебе пособлю... Кстати, на чье она имя?

— Так евонная она, а я по доверенности.

— Тогда плохо дело, Степановна. Пока не установят, что с Георгием Мартыновичем приключилось, счетом пользоваться ты навряд ли сможешь. Других средств у тебя нет?

— Пенсия мне идет.— Степановна устало обмякла.— Сорок шесть рубликов, да рази их хватит на дом? Одного свету уходит шестнадцать, а дрова... Сам мне и трогать пенсию-то не велел.

— Пенсию тебе туда же перечисляют? — болезненно ощущая, как от него ускользает нечто исключительно важное, все же поспешил уточнить Люсин.— В сберкассу?

— Туда, батюшка, туда.— Окончательно проникшись доверием, Аглая Степановна обнаружила явное стремление заручиться люсинской благосклонностью.— Уж ты разберись, что к чему, а то как бы, не ровен час, меня на улицу не выкинули.— Она подавленно всхлипнула.— Сам-то уж не заступится.

— Почему сразу не заявила о пропаже? Я тебя, помнится, спрашивал: все ли на месте? Ведь спрашивал, Аглая Степановна?

— Так я только после хватилась.— Она удрученно вздохнула.— Когда стекольщика позвала.

— И что же стекольщик? — вновь глубоко уйдя в себя, пробормотал Люсин.— Небось обождет?

— Обождет, батюшка, он свой. Куды денется?

— Значит, сберкнижкой вы с Георгием Мартыновичем пользовались вдвоем.— Обращаясь к Степановне, Люсин как бы рассуждал вслух.— Сберкнижка, как ты говоришь, пропала. Отсюда мы с известной уверенностью можем заключить, что взял ее не кто иной, как твой Георгий Мартынович. Могло такое быть?

— Вестимо, могло,— охотно подтвердила она.— Деньги потребовались, вот он и взял.

— Я позвоню от тебя, Аглая Степановна, не возражаешь? — Владимир Константинович прошел в знакомый кабинет, где уже был наведен относительный порядок: выметены битое стекло и прочий мусор, подвешены на прежнее место полки. Только стопки тетрадей и книг, бережно накрытые газетами, жались друг к другу в дальнем углу от окна. Словно ждали, что со дня на день вернется хозяин и заботливо расставит по заветным местам.

Стоя возле телефона, Люсин испытывал знакомую до тошноты нерешительность. Она настигала его всякий раз, притом абсолютно внезапно, когда после долгих мытарств и окольных блужданий обозначался, вызывая краткое нарушение сердечного ритма, отчетливый след. Вместо того, чтобы с удвоенным рвением устремиться в погоню, хотелось остановиться, перевести дыхание и еще раз мысленно оценить проделанный путь. Выполнить столь мудрое и спасительное намерение ему, однако, редко удавалось. Преодолев минутную растерянность, он вместо того, чтобы успокоиться и перебрать звено за звеном, давал волю фантазии, повинуясь только инстинкту. Трезво мыслить в такие минуты он совершенно не мог. Только действовать, отвоевывая упущенные секунды.

И на сей раз Люсину стоило немалых усилий унять расходившееся сердце. Он заставил себя сосчитать до ста и только тогда взял трубку. Прочистив кашлем пересохшую гортань, вызвал междугородную:

— Мосгорпрокуратура, Гурова срочно,— и назвал номер солитовского телефона.

«Жаль, никто не догадался записать,— подумал Люсин, проходя мимо электросчетчика.— Уж я бы вычислил, когда рванула эта самая колба и полетели пробки».

Вычислить и впрямь было нетрудно. Пометив в квитанции последнее показание, Солитов словно веху поставил, прежде чем кануть в небытие.

От счетчика исходило уютное, едва различимое жужжание. В узкой прорези проблескивало серебристое колесико с красным мазком. Медленно наползала рельефная цифра в крайнем окошке. Немой свидетель, выбросивший сигнал бедствия, когда в доме случилась беда. Но люди не заметили, как всегда, второпях прошли мимо. Местный умелец дядя Володя поспешил ввернуть новую пробку, и закрутилось, запело колесико, стирая следы.

Телефон все не звонил, и Люсин вернулся к Аглае Степановне. Старуха успела снять с огня клокочущий котелок, исходивший сытым грибным духом.

— Будешь похлебку-то? — спросила, вытирая руки застиранным передником.

— Обязательно! — Люсин жадно втянул носом воздух и закатил глаза.— О-о!

— Трескай.— Она разлила густое варево в миски, крупно нарезала черный тяжелый хлеб и положила на стол деревянные ложки.

— Опенки! — оценил Владимир Константинович, ощущая до дрожи родное прикосновение дерева. Когда-то, в иной жизни, бабушка потчевала его из такой же липовой потемневшей ложечки, невесомо и гладко сновавшей во рту. Давным-давно нет бабки на свете, нет и ее тихого домика с полосатой кошкой и огородом, где рос сладкий горошек и скромно склонялись золотые шары.

— Может, лафитничек тебе поставить? — подперев щеку натруженной ладонью, предложила Степановна.— У меня хорошая есть! Семитравочка! Али на смородиновых почках попробуешь?

— Я бы попробовал,— жалостно вздохнул Люсин,— да неможно, Степановна. Служба. А за похлебку спасибо. Сто лет такой не едал. Опенки тут собирала?

— С Шатуры лукошко привезла. С Иванова мха. Я на том болоте торф резала, когда девкой была. Кажинный кустик знала. Грибов там было, хоть косой коси: видимо-невидимо. А гонобобеля сколько! Черники... Может, выкушаешь стопку-то? Кто с тебя спросит?

— Нет, Степановна, не искушай. Как-нибудь в другой раз семитравку твою попробую. Ты как настаиваешь?

— Уж как положено, не кипячу небось. Зато от всех болезней.

— Может, рецептик дашь? Трава-то хоть здешняя?

— Тутошняя. Позапрошлым летом собирала. От же хороший год был! И зелья добрые уродились, сильные. А в «Кубанскую» я первым делом зверобой положила, потом, конечно, золототысячник, горец, и донник, и зорю, и тысячелистник... Это ж сколько выходит? — Прикрыв глаза, она беззвучно зашептала, подсчитывая: — Шесть?.. Седьмая, значит, трава — желтый цвет мать-и-мачехи. По весне брала. Еще снег не всюду сошел...

Ожидая звонка, Люсин думал о том, как бы не задеть ненароком эту странную женщину, прожившую, очевидно, не очень легкую и не очень счастливую жизнь. Ее изломанная душа, где так причудливо соединялись доброта и недоверчивость, роковая какая-то устремленность к незримому и глухая, заматеревшая косность, была если и не открыта ему, то интуитивно ясна, постигаема. Если и таились в сумеречных дебрях какие топи, то прямое отношение к исчезновению Солитова они вряд ли имели. Не там требовалось гатить дорогу, не там промерять глубину. Но существуют непреложные правила поиска, требующие чистоты в отработке всех линий. Это и держало Владимира Константиновича в состоянии неослабного напряжения. Не сомневаясь в алиби Аглаи Степановны, он должен был устранить сомнительные места, ответить на поставленные Гуровым вопросы. Спросить напрямик было больно и стыдно до слез. Хитрить и путаться в околичностях не умно. Не такие это были тонкости, чтобы не дать ей почувствовать истинную их подоплеку.

— Ты мне вот еще о чем, Степановна, расскажи.— Владимир Константинович демонстративно врубил клавиш записи.— Где и как вы с Георгием Мартыновичем познакомились? Мне для дела требуется. Да и тебе, глядишь, поможет, когда придется наследство оформлять... Ты хоть знаешь, что он тебе дом завещал?

— Говорил Егор Мартыныч, помню... Я-то его утешала, чтоб, мол, даже и в мыслях не держал, потому как еще меня переживет... Отказал, значит, царство ему небесное. Только не отдаст она дачу, Людмила. Видно, придется на старости лет назад возвертаться. А кому я там нужна, на Шатуре?

— Как-нибудь устроится, Аглая Степановна. Завещание, во всяком случае, в твою пользу... И давно ты Георгия Мартыновича знаешь?

— Ох, давно, батюшка, почитай лет сорок, а то и поболее.— Она задумчиво ополоснула посуду, потом присела, опустив на колени переплетенные пальцы.— Я в деревне жила, в Вахрамеевке, у бабы Груни. Она-то и научила меня узнавать целебные травы. Все мне перед смертью передала, пусть ей земля будет пухом... Многим она помогла, баба Груня. И меня, горемыку, пожалела. Внучкой все называла. А какая я ей внучка? Так, седьмая вода на киселе. Сидим мы, бывало, с ней вечерком...

Слушая бесхитростную, косноязычную речь с ее повторами и отступлениями, Люсин вдруг осязаемо остро увидел разоренную войной деревеньку, темную избу с прохудившейся крышей, закопченное ламповое стекло. Грустным керосиновым запахом повеяло, холодом замороженного окна.

Аглая Степановна вышла замуж перед самой войной за хорошего, работящего человека. Судьба пощадила его, доведя без единой царапины до чешского города Бенешова, где он и закончил десятого мая свой боевой путь. В родное село, однако же, не вернулся, а уехал вместе с другой женщиной в Мурманск. Тогда-то и пригрела Аглаю бабушка Груня, как умела, облегчила ей сердечную боль и тоску. Прошло еще несколько лет, и в захиревшую Вахрамеевку, где остались только старики, вдовы да незамужние девки, приехало начальство вербовать на торфопредприятие.

— Я и поехала сдуру,— объяснила она резкую перемену жизни.— Потому что ничего хорошего на тоем болоте не видела. А вообще ничего была жизнь, только работа тяжелая. От зари до зари пни после гидроторфа ворочали. Техники, почитай, никакой. На сорок торфушек один слабосильный трактор. Так намаешься за день, что свету белого не взвидишь. Только б доползти до барака. Однако полежишь и оживешь помаленьку. Одно слово — молодость. Да еще плясать под гармошку выйдешь, частушки петь. Сколько я их напридумывала, этих самых частушек!.. Про болото да про пни. И покатились годы, как перезрелые яблочки. Сезон на болоте, а как зима придет — под бочок к бабе Груне.

— А как же Георгий Мартынович? — робко напомнил Люсин.

— Он к нам научную работу исполнять прибыл,— охотно откликнулась Аглая Степановна.— Веселый, стройный — любо-дорого взглянуть. Собака еще при ем была агромадная — страсть. Ростом, что твой теленок. И красивая-красивая, вся такая белая с черными пятнами, брыластая, гладкая и уши торчком... Рекс, кажись.

— И чем он занимался? — Люсин поспешил отвлечь Степановну от воспоминаний о Рексе, явно поразившем ее воображение.

— Домик ему сколотили специальный, под лабораторию. Вроде как здесь у нас, значит. Стол привезли с ящиками, микроскоп поставили, электричество, само собой, провели. Печи, помню, еще там такие стояли, серебристые, где он торф этот самый в чашках сжигал. Чашечки махонькие-махонькие, чуть поболе наперстка.

— Муфельная печь,— догадался Люсин.

— Так виднее тебе... Только я про Егора Мартыновича... Как увидела его с этим Рексом на сворке, так и обмерла вся. Настоящий, скажу тебе, прынц. Вот и весь сказ.

— Влюбилась, что ль, Аглая Степановна? — Люсин сочувственно подмигнул.— Да ты не стесняйся, с кем не бывает.

— Что я, тронутая? — Строго поджав губы, она покачала головой.— Не про меня залетка. При нем и внешность, и образование, и обращение деликатное. А я кто? Торфушка с четырьмя классами, солдатка брошенная... В обед черняшка с тюлькой, кипяток с рафинадом в ужин. Хожу сторонкой, глаза прячу. Однако заметил он меня, приблизил, значит, к своей особе, в эти... в коллекторы определил. Тоже, значит, по научной части.

— Скажите, пожалуйста! — подал он осторожную реплику.

— А ты как думал? — В голосе Аглаи Степановны отчетливо прозвенели горделивые нотки.— Дали мне бур такой и велели болото дырявить. Заглубишь и вытащишь торфяную колбаску, потом нарастишь штангу и еще дальше заглубишь, пока до самого дна не доберешься. Сапропель называется. Так и бродила день-деньской с коловоротом. Тяжело, конечно, но я только радовалась. Ни в чем себя не жалела. Да и то сказать — работа полегче была, чем пни эти клятые корчевать. Наберу я колбасок полный короб, а ему все мало. То тут копни, то оттуда достань. Возьмет кусочек и под микроскоп. Определит, где чего, и в тетрадку запишет. Тут, мол, осоковый торф, тут сфагновый, а там вахта попадается либо шейхцерия. Я ведь травы тогда уже хорошо знала. Новые названия тоже легко давались. Даже когда не по-русски. Эриофорум вагинатум, к примеру, знаешь чего это?

— Откуда, Степановна? Уж ты просвети.

— Пушица влагалищная,— с готовностью объяснила она.— Растет на мочажинах такой белый цветок... Серебристый, красивый. Егор Мартыныч все их наперечет знал. Карту он составлял болотную: где какой торф лежит. Жара стоит адова, аж звон в ушах, солнце печет, от белого багульника голова кругом идет, а он с кочки на кочку прыгает — ищет. «Чего ищешь-то? — спрашиваю, бывало.— Хоть бы себя поберег, а то, не ровен час, угоришь. С багульником шутки плохи — что твой болиголов». Он же отмахивается только: «Отдыхать зимой будем, Ланя, отсыпаться на медвежий манер. А сюда нас поставили полный разрез сделать. Каждому слою свое место и применение найти». Так и маялся до первых заморозков. Утром на болоте, с вечера в лаборатории своей. Анализы делал, лекарство составлял.

— Это какое же такое лекарство?

— Так ведь на всякую болезнь своя трава есть. А торф, он чего? Та же трава. Аптека, можно сказать. Белый мох ране не даст загнить, сапропель от радикулита лечит. Мало ли... У всякого торфа свое применение.

— И помогает?

— Еще как! Я в те годы много у Егора Мартыныча переняла. Но и ему от меня перепало дай бог! Все, что знала, доверила. А после мы с ним и к бабе Груне ездили. Он за ней цельную книгу амбарную исписал... Такой музыки-то у нас не было.— Она покосилась на рубиновый глазок магнитофона.— Как чуял, бедняжка, кто его от смерти убережет.

— Заболел?

— Простыл на болоте. Холодное лето в тот год выдалось. Особливо июнь. Вода ледяная. А он в резиновых сапогах по камышам. Ирный корень выкапывал. Самая пора была — гадючьи свадьбы! Свивались в клубки так, что ступить было страшно. Ну, он и провалился по грудь. Легкие простудил и почки, конечно. Если б не баба Груня... Короче, тогда и подружились мы с Егором Мартынычем. Я уж и с болота того ушла, и бабка Груня преставилась, а он все ездил к нам за травкой. И то правда, болел часто. Только зельем и держался на белом свете. Я уж сама собирала ему, что надо, варила, готовила впрок. Былинку к былиночке...

— Видать, в обычных врачей Георгий Мартынович не шибко веровал? — с мягкой усмешкой спросил Люсин.— Недолюбливал?

— А за что любить, прости господи? Рази с нынешней врачихой поговоришь? Она и не взглянет на тебя. Даже головки не приподымет: ей бы только с писаниной управиться. Едва рот раскроешь, а она тебе рецепт в зубы — и будь здоров. А на кой мне ихняя химия? У меня своя есть...

— Оно конечно,— уважительно согласился Люсин, ощутив близость решительного момента.— Фармакопея у тебя знатная... В этот-то раз чего привезла с Иванова болота?

— Иде оно теперь, тое болото? — запричитала Степановна.— Одни ямины и сухостой. На торфяных полях сплошь фрезер. Сухота. Крошка горит. Спасу нет... По окрайнам пошастала — ничего не взяла. На Милановку пришлось податься, а ноги уже не те. До суходольного острова-то так и не добралась. Спасибо, святой источник на месте остался. Передохнула хоть. Там в округе леса хорошие: береза, сосна, а на лугах заливных хвощи до пояса, купавка. Душа радуется. Живи — не хочу. Совсем оживела, пока зелье искала, отогрелась на шелковых муравах.

— Значит, нашла все же?

— Взяла, чего надо. Шерошницы пахучей набрала, буквицы, жерухи опять же лукошко. Только зазря. Пропала она теперь, моя жеруха. Сушить-то ее не положено. Вся сила у ей в свежести.

— Для Георгия Мартыновича старалась?

— Кому ж еще?.. День подождала и выбросила жеруху-то. Не пить уж ему более никогда.

— И другую траву тоже выкинула? Буквицу?

— Не. Те на чердаке сушатся. Зачем добру пропадать? Грех. В зельях тайна планидная.

— Планидная? Это от планет, что ли?

— Каждой травке своя планида. Так баба Груня учила.

— Неувязочка выходит.— Люсин не любил неясностей, даже если они не имели прямого отношения к занимавшей его задаче.— Планет у нас сколько? Коли не изменяет память — девять. Верно?

— Не,— с уверенностью возразила она.— Семь планид.

— Вот те раз! Для всего мира девять, а у тебя семь.

— У нас не так, у нас по-старому. Мы и сроки по-старому определяем, по месяцу, значит, когда чего собирать. Одно в полнолуние, другое в первую четверть. Если не соблюсти, силы такой не будет. У всякого зелья своя пора. Когда на заре

собирают, когда в полдень, а то и вовсе к вечеру. Соображать надо. А как же? Ведь кажинная травиночка, сама заваляща, от чего-нибудь да излечит. Без надобности ничего не растет на земле. Вот и старайся понять, что на какую лихоманку подействует, срок верный определить да правильно высушить.

— И ты все это знаешь, Степановна?

— Баба Груня знала, а я, может, и забыла чего. Рази упомнишь? Веронику взять, таку синеньку, так ее лучше всего вечером, часов в шесть, собирать, а то до дому не донесешь — облетит.

— С секундомером в лес ходишь? — улыбнулся Люсин.

— Мои секундомеры на земле растут. Утопит кувшинка цветок — вот тебе и есть шесть часов. По-старому шесть, пять ноне. Всяка тварь свою планиду чует.

— Летнее время имеешь в виду? Ладно, будь по-твоему,—согласился Люсин.—Пусть будет семь. Но трав-то, Аглая Степановна, тыщи! На всех и планид не хватит.

— Все семь и правят миром. И у каждой свое царство.

— В таких, выходит, категориях мыслишь.— Владимир Константинович уклонился от защиты естественнонаучной картины мира.— И по чьему ведомству жеруха твоя проходит, к примеру? — спросил он, возвращаясь к вещам практическим.

— Жеруха — цветок Солнца,— уверенно заявила Степановна.— Вроде как подорожник. Потому сок сразу пить полагается. В свежем виде, как выжмешь. Он любой камень выгоняет. Хоть из почек, хоть из печенки. Из пузыря тож.

— Солнце, значит, у тебя тоже в планетах ходит?

— А как же! Первая планета и есть.

— Обижаешь Коперника, бабуся, ай-я-яй! — покачал головой Люсин.— Все за Птолемея цепляешься, а жизнь идет,— пошутил он. Но шутка его едва ли была понята.

— Это какой же Птолемей — великомученик? — удивилась старуха.— Рази он тоже зелейник?

— Что ты, Степановна.— Люсин в шутливом ужасе замахал руками.— Зелейник! Великомученик!

— А не знаешь, так и болтать нечего.

— Твоя правда... На чердак-то можно залезть? Посмотреть охота, как сушишь. Очень уж буквица твоя за живое задела.

— Обыкновенно, как надо, чтоб не выжгло и чтоб не забродило. Но ты слазай, взгляни.

В жарком, сухом полумраке расплывчато вырисовывались поставленные друг на друга низкие ящики, скорее, даже рамы, затянутые проволочной сеткой. Рассыпанные тонким слоем сухие листья и стебельки источали крепкий сенной аромат, от которого сладостно перехватывало дыхание. В памяти полыхнуло полузабытым ласковым светом, и стало так хорошо и прозрачно, словно никогда не было ни горестей, ни забот. В теплом косом луче струились пылинки, и стояла такая тишь, что было слышно, как скручивается, высыхая, самый малый из лепестков.

И тем внезапней, тем резче залился внизу требовательный телефонный звонок. Больно чиркнув макушкой о какую-то балку, осыпавшуюся сухой паутиной, Люсин бросился к лестнице.

— Есть новости, Владимир Константинович? — просочился сквозь глухое потрескивание мембраны дальний голос.

— Похоже на то. Я вот о чем вас хотел попросить, Борис Платонович. Нужно срочно проверить личный счет Солитова. Есть подозрение...

— ...что он произвел операцию? Совершенно верное подозрение. Георгий Мартынович снял со своего счета полторы тысячи рублей. Расходный ордер заполнен и подписан собственноручно. Он у меня в руках... Так что считайте, что мы с вами встретились.

— Это обнадеживает. Значит, продвигались верно, не заплутали... Какого числа, Борис Платонович?

— В пятницу, через день после отъезда Солдатенковой, если вас именно это интересует... Я же знаю, откуда вы говорите... Чего молчите? Алло! Вы еще здесь?

— Здесь, здесь, Борис Платонович. Я, извините, задумался.

— Да-а... Тут есть над чем поразмыслить. Чем дольше думаю, тем сомнительнее представляется мне алиби нашей любезной знахарки. Второпях сработано. Топорно.

— Вот тут вы, по-моему, ошибаетесь.

Люсин возвратился к Аглае Степановне с озабоченно-хмурым лицом. Не по нутру ему была такая резвость, амбициозная эта прыть. А ничего не попишешь: успех налицо. Да и с формальной стороны придраться нельзя: Гуров скрупулезно отрабатывал любые возможные версии. Оперативно, четко, без всяких сантиментов. Последнее, пожалуй, и настораживало. Внутренне Люсин не принимал стопроцентного рационализма. Живую реальность не уложишь в прокрустово ложе модели. Волей-неволей приходится резать по живому, а вот этого он совершенно не выносил.

— Нагляделся? Наговорился? — Старуха зыркнула на него острым, все подмечающим глазом.— Чего надулся, как мышь на крупу? Али не по-твоему выходит?

— Пока не по-моему, бабуся, а дальше посмотрим... Пойду я.

— Дак иди себе. Держать не стану.

— Я к вам послезавтра, если позволите, загляну.

— В самый ливень попрешься? И не лень тебе?

— Полагаете, снова пойдут дожди?

— Аккурат послезавтра. Не веришь, чай?

— Почему? Верю. Приметы небось знаешь?

— Приметы, приметы,— закивала она.— Клен вчерась слезу пустил. Орляк, папоротник, опять же раскручиваться пошел.

Продолжение следует.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

Расследуя обстоятельства таинственного исчезновения профессора-химика Солитова, сотрудники прокуратуры и уголовного розыска устанавливают, что Георгий Мартынович проводил на своей даче опыты с лекарственными растениями. Последний из них и привел к взрыву в его кабинете-лаборатории. Следователь Гуров связывает исчезновение профессора с домработницей Аглаей Степановной: ей Солитов завещал дачу. От нее же сотрудник угрозыска Люсин узнает, что пропала также сберкнижка Солитова, с которой перед этим была снята крупная сумма денег.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—4.

Глава восьмая

В КАРЕТЕ С ОПУЩЕННЫМИ ШТОРКАМИ

Визит в прокуратуру, мягко говоря, не вызвал у Наташи Гротто прилива энтузиазма. Ни особняк на Новокузнецкой, обставленный разностильной мебелью, ни сам следователь отрадного впечатления на нее не произвели. Вначале Наталья Андриановна держалась как всякий нормальный человек, заботящийся о сохранении собственного достоинства: по-деловому лаконично и сухо. Мало ли каких формальностей, часто обременительных и не слишком приятных, требует от нас жизнь? Останемся же на высоте при любых обстоятельствах.

Она не стала выяснять, что да почему, хотя в повестке и значился номер телефона, и приехала точно к указанному часу. Да и зачем суетиться, когда все ясно?

Прождав минут десять в приемной, Гротто разыскала секретаршу и дала ясно понять, что, если товарищ Гуров ее немедленно не примет, она уйдет и вряд ли сумеет найти для него время в следующий раз.

Пришлось Борису Платоновичу срочно перестраиваться, хотя он к этому не слишком привык.

— Извините великодушно, Наталья Андриановна,— пробубнил Гуров, выпроваживая посетительницу, в которой Гротто узнала лаборантку Леру.— Не рассчитал... Вы, конечно, догадываетесь, зачем вас пригласили?

— Естественно.— Развернув предложенный стул как ей было удобно, она села с замкнуто-выжидательным выражением.— Похоже, у вас вся наша кафедра перебывала?

— Похоже, что так.— Гуров украдкой оглядел очередную свидетельницу: «Красива, умна, с норовом,— подвел итог.— Такие из нашего брата веревки вьют». И загасил дымящуюся сигарету.

— Не проще ли было приехать самому, чем отрывать от дела столько людей?—положила конец

затянувшейся паузе Наталья Андриановна.— Вы не находите?

— Не нахожу. Так будет удобнее... для дела. А дело у нас с вами непростое, Наталья Андриановна.

— Дело у вас, товарищ следователь,— подчеркнуто разграничила она.— У меня же, простите, горе.

— Вы так дружили с Георгием Мартыновичем?— спросил он, придавая особую смысловую окраску своему «так».

— Да, мы дружили.— Она тоже подчеркнула, но иначе, чем он, по-своему.

— Должен ли я вас понять?..— Гуров не договорил, изобразив удивление.

— ...Что мы были в интимных отношениях?— Она улыбнулась, с холодной дерзостью вскинув голову.— Я думаю, будет лучше без недомолвок. Спрашивайте, пожалуйста, не стесняйтесь. Я отвечу.

— Ответите?— Борис Платонович принял шутливо-испуганный вид.— Ради бога не надо, меня совсем иное интересует!

Его действительно интересовало иное, но и от такой стороны дела он не открещивался отнюдь. А все же брошенного ею вызова не принял. Интуитивно почувствовал, что не за ним останется последнее слово на этом поле.

«Сильная баба»,— подтвердил он первоначальное впечатление.

Наталья Андриановна безучастно ждала продолжения разговора.

— Я посоветоваться с вами хочу,— сказал Гуров как мог проникновенно.— Вам известно, что он завещал дачу и крупную сумму денег Солдатенковой?

— Это его сугубо личное дело.

— Безусловно! Но лишь при условии, что нам известна его дальнейшая судьба. Не согласны?.. А вдруг преступление?

— Вы правы,— величественно-спокойно кивнула Гротто.

— Вот видите!.. Ну, и что вы по этому поводу думаете?

— Я мало знаю Аглаю Степановну. Но, по-моему, она единственный человек, кто по-настоящему предан Георгию Мартыновичу. Она ухаживала за ним, как за малым ребенком, лечила его...

— Вот именно лечила!.. Ведомственной поликлиники ему мало. А ведь у вас очень приличная поликлиника.

— Каждый волен лечиться по собственному усмотрению.

— Ладно, оставим это.— Борис Платонович махнул рукой.— Значит, Солдатенкову вы ни в чем не подозреваете?

— Какое право я имею подозревать?.. Вы некорректно формулируете вопросы. Ничего дурного за ней я не знаю. Последние годы Георгий Мартынович сильно сдал и чувствовал себя очень одиноко. Спасибо ей за то, что она скрашивала ему жизнь, как могла.

— Но ведь вы согласились, что могло иметь место преступление?

— Да она-то при чем?.. Вне дома искать надо. Человека искать. Мне так кажется.

— Правильно кажется. Но вы, простите, непозволительно отделяете следствие от причин. Что-то же заставило Солитова покинуть дом? Как, по-вашему?

— Тут вы правы,— незамедлительно признала она.— Товарищ, который приезжал к нам из уголовного розыска, тоже пытался отталкиваться от этой точки... Кстати, если это не секрет, почему делом... Одним словом, при чем тут прокуратура? Или милиция уже не ищет Георгия Мартыновича?

— Ищет,— пряча улыбку, кивнул Гуров, невольно проникаясь симпатией к собеседнице. Ее манера вести разговор обезоруживала. Явственно ощущалась прямолинейность, которую смягчала природная интеллигентность, высокий уровень самооценки и далеко не в последнюю очередь превосходно функционирующее логическое мышление. С такими людьми бывает либо очень трудно, либо необыкновенно легко. «Хорошо, когда они на твоей стороне»,— подумал он, ощутив легкий укол грусти.

— Товарищ из угрозыска совершенно обоснованно предположил несчастный случай. А раз случай... Мог выбежать на секунду, а тут почечная колика или острый печеночный приступ. Вы согласны со мной?

— Ваша аргументация безупречна. Ей бы цены не было, если бы люди, даже очень и очень больные, обладали способностью исчезать без следа.— Гуров выдержал красноречивую паузу, дав Наталье Андриановне возможность прочувствовать сказанное.— Поэтому нам не остается ничего иного, как сызнова начать все сначала. Я вам помогу здесь немножко, потому что сегодня мы располагаем сведениями, которых не имели вчера. Так, например, удалось установить точную дату ухода, или, если угодно, исчезновения, вашего завкафедрой. Произошло это в пятницу, через два дня после отъезда Солдатенковой. Больше того, мы знаем, что в этот день, причем утром, что-то около одиннадцати, Георгий Мартынович снял с книжки полторы тысячи рублей. Таковы факты.

— Ограбление?

— Мысль напрашивается сама собой, но ничем конкретным пока не подтверждается. Несмотря на вывешенные милицией объявления с портретом Солитова и описанием его примет, никаких сведений не поступило. Никто не видел его после сберкассы.

— А в сберкассе видели?

— Да, девочки его запомнили.

— Должна ли я вывести заключение, что Георгий Мартынович исчез сразу после получения денег? Нелепо.

— Конечно. Поэтому будем отталкиваться от известных фактов. Зачем вдруг могли понадобиться такие деньги? С какой целью?

— Гипотез можно выстроить сколько угодно, но ведь нужны основания.

— Позволю себе не согласиться с вами, уважаемая Наталья Андриановна. Число гипотез ограничено, и даже весьма. Если же мы станем отталкиваться от привычек товарища Солитова, его увлечений, даже страстей и так далее, то вы сами увидите, сколь ограничен окажется наш, извините, джентльменский набор.

— Насколько я понимаю, вы уже проделали эту операцию?

— Беседовать с вами одно удовольствие, Наталья Андриановна, вы схватываете буквально на лету.

— Тогда поделитесь вашими умозаключениями, а я попробую оценить их в меру возможности.

— Вы меня чрезвычайно этим обяжете. Но, чур, одно предварительное условие.— Борис Платонович лукаво прищурился.— Не принимать на свой счет и не обижаться! Гипотеза — всего лишь гипотеза, умозрительное построение. Поэтому принцип такой: выдвигаем, не стесняясь любой ереси, оцениваем, отсеиваем.

— Приступайте,— коротко кивнула Наталья Андриановна, далекая и неприступная в своей холодной математической броне.

— Дубль номер один!— пародируя киносъемку, Гуров хлопнул в ладоши.— Обыкновенный шантаж!

— С последующим похищением?— незамедлительно отреагировала Наталья Андриановна.— Вздор! Откупаться от кого-то, бежать в сберкассу, да еще в дождь, чтобы снять эти полторы тысячи...

— А что, если альтруистический порыв? Хотел кому-то помочь...

— В принципе исключить такое нельзя.— Она сдула упавшую на лоб прядку.— Но кому помочь? В чем?

— Пусть будет по-вашему.— Он сделал беглую пометку в блокноте.— Пойдем дальше.. Может быть, женщина?

— Ну, допустим, женщина, и что дальше? Опять-таки таинственное похищение? В карете с опущенными шторками, а потом убийство на Мосту урсулинок?

— Где он, этот ваш мост, разрешите полюбопытствовать?

— Понятия не имею. Нет, этот вариант не проходит.

— А почему? Не в образе Георгия Мартыновича? Свято верен памяти усопшей супруги? Женофоб? Или, может, бьется в тенетах своего злого гения, то бишь Степановны? Вот и представился удобный случай порвать путы.

— Нет-нет, не проходит.— Ее губы дрогнули в тонкой улыбке.— Слишком поздно. Если бы еще лет десять назад, то куда ни шло, а теперь нет. Поздно.

— Вы хотите сказать...

— ...то, что сказала. Вы не там ищете.

— Но почему? Уверяю вас, Наталья Андриановна, что знавал людей постарше Солитова, весьма падких на галантные эскапады.

— Охотно верю. Я и сама знаю тому примеры, но здесь иной случай. Георгий Мартынович мог увлекаться, хотя и не до такой степени, пока была жива Анна Васильевна. Ее кончина совершенно подкосила его. За какие-то месяцы он постарел на десять лет.

— Дались вам эти десять!— проворчал Гуров.— Значит, вы и мысли не допускаете, что он мог ринуться очертя голову в последнюю авантюру? Навстречу прощальной улыбке судьбы?

— Что вы имеете в виду?— не поняла Гротто.

— Какую-нибудь молоденькую дамочку, которая закрутила беднягу и увлекла... Ну, скажем, на Черноморское побережье Кавказа? Или в Крым? В Прибалтику, Закарпатье — незнамо куда! Были, были аналогичные эпизоды. Причем с мужами такого уровня... Ого-го!

— Кое-что слышала в этом роде,— признала Наталья Андриановна.— Более того, я была бы счастлива, если бы и с Георгием Мартыновичем случилось такое.

— А уж как бы я был счастлив, Наталья Андриановна, вы и представить себе не можете! Знай я сейчас, где и с кем пребывает ныне наш досточтимый профессор, я бы и не подумал нарушить его сладостное уединение. Ждать, благо, недолго. Денежки в подобных случаях уж очень быстро кончаются. Можете мне верить.

— Нет, я вам верю, только боюсь, что напрасны наши столь радужные надежды.

— Так ли? Человек в отпуске, абсолютно свободен, располагает средствами... Вы что, полностью исключаете?

— Полностью трудно исключить что бы то ни было в человеческой жизни. Но ваша очередная гипотеза маловероятна. Давайте следующий дубль. Какой он у вас по порядку?

— Вы даже не желаете раскрыть карты,— пожаловался Борис Платонович.— Я принужден полагаться на веру.

— Таковы условия нашей игры. Вы ведь сами так захотели?

— Положим, немножко не так, но замнем для ясности. Хоть закурить разрешите?

— Сделайте одолжение.

— Сколько мог крепился.— Он торопливо зажег дешевую, с удушливо-сладеньким запашком сигарету.

Наталья Андриановна взглянула на свои часы-медальон.

— Еще будут вопросы?

— Уже прискучило?— Он попытался разогнать дым.— Потерпите еще немного... С кем Георгий Мартынович был особенно дружен?

— Особенно ни с кем, но добрые отношения поддерживал со многими.

— С мужчинами? Или с женщинами тоже? Взять хоть ваших институтских...

— Оставим эту тему, она... неуместна в сложившихся обстоятельствах. Ведь налицо трагедия, а вы все ищете адюльтер.

— Не ищу, Наталья Андриановна. Пытаюсь надежно исключить, чтоб думать в другом направлении.

— Вот и думайте на здоровье — в другом.

— Непросто с вами, извините за откровенность.

— Не вы один это заметили.

— Однако у нас с вами не совсем обычная встреча, Наталья Андриановна. Я представляю закон, и вы...

— ...Обязана отвечать на все ваши вопросы?— с присущей ей стремительностью парировала Гротто.— Даже если они представляются мне бестактными? Ну уж нет! Я вообще не желаю более разговаривать, потому что устала и не в настроении. Можете применить ко мне соответствующую статью. Сделайте одолжение.

— Спасибо за помощь, Наталья Андриановна.— Гуров встал, давая понять, что беседа окончена.— Сожалею, что у вас не хватило терпения выслушать меня до конца.

— Что поделаешь.— Она тоже поспешно поднялась, ощущая запоздалую неловкость.

— До свидания.— Он сделал попытку проводить ее до двери.

— Нет уж, прощайте!

Глава девятая

СБЕРКАССА, ДОЖДЬ, ПРИОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ

Дождь хлынул ночью в канун предсказанного Степановной дня. Люсину, стремившемуся с максимальной точностью воспроизвести обстановку, это оказалось как нельзя более на руку.

— Маленькая сценка, которую мы сейчас разыграем, милые женщины, называется следственный эксперимент,— объяснил он сгоравшим от любопытства труженицам поселковой сберкассы.— Но вы не обращайте внимания на мудреные термины и всякую официальщину. Постарайтесь сбросить напряжение. Вспомните, как играли в детстве. Свободно, раскованно, с упоением... Я понятно говорю?— Он наклонился к окошку Веры Петровны, старшего контролера.

— Мы постараемся.— Молоденькая женщина в пуховой розовой кофте смущенно улыбнулась.

— Вот и замечательно! Роль Георгия Мартыновича Солитова попробует взять на себя мой товарищ.— Владимир Константинович кивнул на Гурова.

Несмотря на то, что доставившая их милицейская «Волга» остановилась у самого порога, Борис Платонович ухитрился изрядно намокнуть. С его плаща и шляпы стекали тонкие прерывистые струйки. Он поминутно чихал, нервно отирался платком и вид имел довольно жалкий.

— Они совсем на профессора не похожи,— ехидно стрельнув глазками, высказала сомнение кассирша Марина.— У Георгия Мартыновича зонт был. Он еще его на подоконник поставил.

Люсин взглянул на низкий подоконник и деревянную решетку под ним, за которой виднелись чугунные ребра радиатора водяного отопления. На подоконнике стоял горшок с каким-то широколистным волосатым растением. Люсину всюду теперь попадались цветы, назойливо лезли в глаза, даже ухитрялись прокрадываться в сумеречные пространства сна. Для зонта, даже раскрытого, на подоконнике оставалось достаточно места.

А за окном белыми размочаленными веревками плясали струи. На залитом асфальте вскипали крупные пузыри. Жалко подрагивала пригнутая к земле ветка. Зарядило, судя по всему, основательно.

— Зонт мы заменим этой штуковиной,— нашелся Владимир Константинович и вручил Гурову свернутую в трубку газету.

— Я бы могла дать свой,— предложила Вера Петровна.

— Не стоит.— Люсин улыбнулся.— Ведь вы будете помнить, что это именно ваш зонтик... Ну как, готовы? Тогда все по местам, а на меня, пожалуйста, не смотрите. Меня здесь нет.

Гуров, словно в прокручиваемой обратно киноленте, двинулся спиной к выходу. Протяжно вздохнув, захлопнулась за ним дверь с табличкой «Закрыто». Каким-то шестым чувством Люсин расслышал за шипением струй и хлюпаньем пенных потоков, как переступили сапоги участкового на крыльце и как закашлялся Гуров.

Далее пошло по отрепетированному сценарию.

Войдя, Гуров приостановился, потопал, сделал вид, что складывает зонт, и приблизился к окну контролера. Здесь он оглянулся, попятился к подоконнику, где и пристроил свое водозащитное орудие.

— Ну и льет! Лета как не бывало,— произнес он с непринужденной естественностью, которая могла сделать честь любому профессиональному актеру.— Как жизнь молодая?

— Нет никакой жизни!— отрезала Марина, четко воспроизводя текст.— Мне с понедельника в отпуск, а тут, как назло...

— А я говорю тебе — переиграй,— подала свою реплику Вера Петровна, все же не уверенная до конца, что говорила в тот раз именно это.— В месткоме путевка имеется на сентябрь месяц. В Анапу. Хоть отдохнешь, как человек, в кои-то веки. Давайте, Георгий Мартынович, чего там у вас?

Быстро заполнив талончик, который вложил затем в согнутую пополам рекламку, скромно перечислявшую прелести страхования, Гуров просунул руку в окошко.

— Не знаю, хватит ли у нас денег.— Вера Петровна озабоченно покачала головой, сделав вид, что ищет карточку в ящиках вращающейся этажерки.— Тысяча пятьсот, Марина!

— Вы уж извините, что я не предупредил,— объяснил Гуров.— Понадобилось, знаете.— На сей раз поданная им реплика не блистала талантом перевоплощения.

— По-моему, он сказал тогда «срочно»,— выходя из роли, уточнила Марина.

— Ты думаешь?— спросила с сомнением Вера Петровна.

— Определенно. Я потом еще...

— Пусть будет срочно!— распорядился Люсин, возникая из своего условного небытия.

— Вы уж извините, что я не предупредил,— послушно пошел на второй круг Борис Платонович,— срочно понадобилось, знаете.

— Я должна посмотреть!— строго заявила Марина и с надменно вскинутым лицом вышла из своей загородки.— Не можем же мы остаться на целый день без всего!

— Да, нескладно получилось.— Изображая неловкость, Гуров затоптался, оставляя на полу грязные отпечатки.— Конечно, нужно было заранее...

«Неплохо,— оценил Люсин, с интересом завзятого театрала следя за перипетиями игры.— Размотать девчонок на такой текст!»

— Теперь ты, Вера,— тихо подсказала подруге Марина, громыхнув для пущего эффекта створками сейфа.

— Разве я?.. Ах да!— Вера Петровна залилась краской.— Ничего, Георгий Мартынович, что-нибудь придумаем. Ты погляди, Мариночка.

— Не знаю, не знаю.— Даже лопатки Марины, мягко обозначенные зеленой тканью платьица в стиле «сафари», выразили, упрямо дрогнув, сомнение.— А вдруг еще кто спросит? В банк, так и знай, я сегодня не поеду.— И она вернулась к себе, неся в руках невидимые пачки.

— Как-нибудь исхитримся.— Вера Петровна в отточенных движениях воспроизвела операцию и кивнула на соседнее окно.

— Спасибо большое.— Клиент переместился в сторону кассы.

— Могу только пятирублевками,— сказала Марина.

— Мне совершенно все равно, уверяю вас, совершенно... Благодарю за любезность.— Гуров согнулся, словно прятал деньги во внутренний карман.

— Все?— спросил Люсин, отпуская напряженные мускулы.

— Вроде все,— подтвердила Марина.— Так оно и было.

— Чего-то, по-моему, не хватает.— Обозначив милые ямочки, Вера Петровна виновато улыбнулась.— Кажется, в этот момент хлопнула дверь.

— Да ты что?— вскинулась Марина и перевесилась через перегородку.— Никого ж не было!

— Не было,— согласилась Вера Петровна,— но дверь определенно стукнула, хоть и не в полную силу.

— Так?— Люсин приоткрыл дверь наполовину и отпустил, предоставив действовать астматически вздохнувшей пружине.

— Слабее,— откорректировала Вера Петровна.— Чуточку.

— Как сейчас?— Он не замедлил попробовать.

— Да, похоже...

— Тогда попрошу всех повторить еще раз,— распорядился Люсин, входя во вкус упоительной режиссерской тирании, перед которой любая другая власть не более чем бледная тень.— Меня теперь окончательно нет. Пошли!— Он скрылся, оставив щелку, в которую мог видеть лишь кусочек кабинки кассира.

Представление повторили на «бис». Из темного, продуваемого дождевой сыростью тамбура Люсин ловил знакомые реплики: «Ну и льет...», «В Анапу...», «Тысяча пятьсот...». Потом в поле зрения появилась спина в мокром плаще: «Могу только пятирублевками...»— и заключительное: «Благодарю за любезность».

Тут спина слегка сгорбилась и начала медленно наступать прямо на Люсина. Он почти непроизвольно выпустил ручку и отшатнулся. Натруженный язычок защелкнулся с привычной печалью. Удушливым всплеском сердцебиения отозвался в ушах этот недужный вздох.

— Как теперь, Вера Петровна?— Он с трудом заставил себя промедлить несколько тактов.— Похоже?

— Теперь правильно,— вполне уверенно подтвердила она.

— Ах, какие же вы обе молодцы!— Люсин благодарно просиял.— Даже не представляете себе, как это важно. Собственно, все и делалось лишь для того, чтобы вы могли вспомнить.

— Неужели кто проследил?— догадливо поцокала языком Марина.— Это же надо... Какого человека!

— Неужели убили?!— ужаснулась Вера Петровна.

— Пока ничего не известно,— чистосердечно признался Люсин.— Ну что, Борис Платонович, побредем?

Они перебежали к машине, вдоволь черпнув ботинками холодной воды. Подмокший, невзирая на дождевик с капюшоном, участковый поспешно нырнул следом. Предупредительно захлопнув за московским начальством заднюю дверцу, он осторожно, чтобы не замочить, подсел к шоферу.

— Мне показалось, что вы хотели задержаться,— сказал Люсин, отряхиваясь.— Извините, если поторопился.

— Н-нет, ничего,— протянул Гуров и, наклонясь к участковому, поинтересовался:— Вас куда, лейтенант?

— Мне рядом.— Он ткнул пальцем в непроницаемый туман за стеклом.— Пообедаю, раз такое дело... Может, погостите у нас?

— Спасибо за приглашение,— Люсин переглянулся с Гуровым,— но как-нибудь в другой раз.

Подбросив участкового до самого дома, где его ждали густые горячие щи с мозговой костью, шофер осторожно свернул на раскисший проселок. Угрожающе отдавалось в рессорах, отчаянно рычали шестерни, заливая все и вся, обрушивались тяжелые глинистые каскады.

— А я еще намеревался прогуляться до станции,— посетовал Люсин.

— Бесполезное дело,— махнул рукой Гуров.— В двух шагах ни черта не видать. Мы хоть правильно едем?

— Довезу вас, Борис Платонович, не сомневайтесь,— весело откликнулся Коля Самуся, ловя смутный проблеск под надсадно скребущими дворниками.

— Не понравилось мне это «срочно» ее, Владимир Константинович,— крутнул головой Гуров, ожесточенно раскуривая отсыревшую сигарету.— В первый раз она мне такого не говорила.

— И что из этого следует?

— Может, и не следует ничего, а проверить не мешает. Исключить возможность наводки, чтобы не думалось.

— Наводка?— Люсин с сомнением оттопырил губу.— Зачем тогда было про дверь вспоминать? Ведь все и составилось у нас из-за этого стука.

— Так про то другая вспомнила, Вера Петровна...

— Значит, вы полагаете...

— Ничего я не полагаю, Владимир Константинович. Только оно дорогого стоит, это крохотное уточнение.

— Ваша правда,— признал Люсин.

— Догадываюсь, что не очень вы меня, старого сухаря, одобряете и размолвку с Натальей Андриановной все никак простить не желаете, но ничего с собой поделать не могу. Так уж устроен.

— Себя ломать — последнее дело.— Люсин задумчиво усмехнулся.— У каждого свой стиль, Борис Платонович, и ничего тут не попишешь. Хотя как-то приноравливаться все-таки не мешает.

— Спасибо за намек.— Гуров старательно выдувал дым в узкую, как лезвие, щель, но дождь ломал тонкую струйку и гнал обратно.

— Ради бога, Борис Платонович. Никаких намеков. Не смею, да и не нахожу оснований, как на духу говорю, в чем-либо вас упрекнуть. По-моему, мы неплохо работаем в паре... Пока.

— Значит, не упрекаете? И на том спасибо...

— Я бы не стал так ставить вопрос.

— Поторопился я с Натальей, пережал. С кем не бывает?.. Тем более что знахарочку вашу я за три версты обхожу. Уговор помню... Вы из нее, кстати, ничего не выжали?

— Человек не виноград, Борис Платонович,— чувствуя, что вот-вот сорвется, процедил Люсин.— Я, извините, не приемлю такую терминологию... Но давайте лучше о деле, коль уж вы затронули. Я навел кое-какие справки. Аглая Степановна действительно ездила на свадьбу к своей крестнице Галине, оператору машинного доения. Молодой она привезла в подарок финские сапоги, и жениху — чайный сервиз, так сказать, на обзаведение. Что же касается ее лесных походов и ваших сомнений, вполне резонных, и насчет осеннего сбора, то тут у меня душа спокойна. Хотите знать, почему?

— Интересно послушать.

— Аглая Степановна не скрыла от меня, что и с какой целью искала. Даже урожай свой продемонстрировала, хоть я в таких материях, мягко говоря, слабо ориентируюсь.

— Я тем более. И это наша общая беда.

— Но я все же проконсультировался со специалистами, даже литературу кое-какую полистал. Вот краткие заключения насчет собранного Аглаей Степановной растительного сырья.— Люсин раскрыл записную книжку.— Шерошница душистая, или ясменник пахучий,— Асперула одората,— он со вкусом подчеркнул латинское звучание,— собирают после цветения... Прошу обратить внимание: после. Применяется для общего улучшения обмена веществ, хорошо действует на печень и желчный пузырь. Подходит?

— Пока согласуется.

— Пойдем дальше. Буквица лекарственная — Бетоника оффициналис. Собирают ее весь период цветения, который продолжается с июня до сентября, влияет на печень. Наконец, третье — жеруха.

— Блатное, однако, названьице.

— Это уж как взглянуть, Борис Платонович. Это уж дело вкуса... Если не нравится, называйте по-латыни: Настуртиум. Цветет она с мая до конца сентября. Употребляется исключительно в свежем виде, поскольку при сушке теряются лечебные свойства. Особенно показана при нарушениях функции печени и желчнокаменной болезни... Вас устраивает? Диагноз, поди, не забыли?

— Выходит, почти кругло,— признал Гуров.— Если, конечно, исключить возможность заранее заготовленной легенды.

— Такого подарка нам с вами никто не приготовил. Можете сомневаться сколько угодно, но, извините, про себя.

— Это я понимаю!— Гуров кисло улыбнулся.— И чту священный принцип презумпции невиновности во всей его... Не знаю чего...

— Вы, кстати, что кончали?

— Юридический факультет МГУ, заочно.

— Узнаю изысканную латынь. Школа! Альма-матер!..

— А насчет этой Марины я все-таки наведу справки. Не возражаете?

— Ваше полное право.

— Вы бы, конечно, не стали?

— Почему? Если бы вдруг возникло сомнение, не замедлил бы.

— Вдруг? Вдруг, дорогой мой Владимир Константинович, ничего не случается. На все есть своя

невидимая причина... Ничего у меня, кроме благодарности, к этой даме нет. Но резануло словечко, не скрою. Уж больно кстати припомнила!

— Кстати, если учесть последующие события. Едва ли она ожидала, что Вера Петровна скажет про дверь.

— Явно не ожидала. Даже вскинулась сперва, что тоже наводит на размышления.

— По-моему, нормальная реакция,— заметил Люсин.

— Эх, времени жалко! Я же так и знал, что все просто в подлунном мире. Сложности не для наших клиентов. Они вьют круги, запутывают, но в основе всего примитив. Да и чего ждать? Если ты способен убить человека из-за... словом, из-за бумажек, то грош тебе цена как мыслящей личности. Ты уже не гомо сапиенс и вообще никакой не гомо. Так, протоплазма с навозом... Чего делать будем-то?

— Первым делом пройду я этим путем до станции. Как только погода позволит.

— А пока?

— Продолжу расшифровку. Мне эта кабалистика солитовская покоя не дает. По ночам снится вместе с дурманом и белладонной.

— Неужели вас все еще волнуют эти чудачества, чепуха, можно сказать, на постном масле? Уж теперь-то мы знаем, что к чему!

— Знаем? Не слишком ли сильно сказано?.. Кстати, Борис Платонович, утром меня снова затребовали на ковер.

— Что, торопит любимое начальство? Так ведь и меня, грешного, теребят.

— К тому, что торопят, я привык. На то и щука в реке, чтоб карась не дремал. Не первый год служу и наловчился выслушивать понукания. Но одна фраза, скажу вам по чести, меня проняла.

— Что же это за фраза такая особенная? Уж не намекнули ли вам на понижение в должности?— Гуров сочувственно рассмеялся.

— Понижение мне не грозит,— с непроизвольной улыбкой ответил Люсин,— как, впрочем, и повышение. Просто мне напомнили, что патенты Солитова принесли миллионы в валюте. Миллионы!

— Ну и что?

— А то, уважаемый коллега, что любая неясность в таком деле невольно наводит на размышления. Самого разнообразного свойства. Надеюсь, вы понимаете?

— Но ведь только что...

— Да, вы правы, только что впервые обозначился след. Версия, примитивная и железная в своей однозначности. Но как раз это меня и настораживает.

— Почему, позвольте спросить? Разве речь идет не о весьма значительной сумме? Таксиста на прошлой неделе из четырнадцатого парка по голове стукнули за меньшее. У него, судя по счетчику, тридцать шесть рубликов было.

— Да знаю я,— устало отмахнулся Люсин.— И про то, как алкоголики из-за пятерки насмерть порезались, не в газете прочитал... И все же!

— Ну, не мне вам советовать, Владимир Константинович. Тем паче что с собачкой не погуляешь: остыл след. Мозгами ворочать надо. Разгадывайте свои иероглифы, раз уж возникла такая нужда. Прошу извинить, если осложнил вам с Натальей Андриановной.

— Боюсь, что так.— Люсин озабоченно почесал макушку.— Пошлет она меня куда подальше и будет права.

— Она-то? Уж это точно. Она может... Хотите, я у нее официально прощения попрошу?

— Издеваетесь?— Люсин неодобрительно покосился на не в меру разговорившегося напарника.— Как-нибудь обойдемся без жертв.

— Обиделись никак?

— Напротив. Начинаю понимать, что с вами все-таки можно сосуществовать. Без последнего куска хлеба не оставите.

— Уж не идея ли наклюнулась какая?

— Может, и наклюнулась, только нипочем не скажу.

— Да знаю я ваши муровские штучки! Хотите на спор?

— На пиво.

— Ну, пиво, так пиво, хоть я его и в рот не беру... А думаете вы, милейший, что надо вдарить по темному элементу. Проверить, короче говоря, местную клиентуру. Станете отпираться?

— Не стану.— Люсин задумчиво покачал головой.— Куда от вас денешься? Ориентировку мы, конечно, пошлем, хотя чует мое сердце, что пользы от нее будет, как от козла молока. Но на пиво вы заработали.

— Ой, хитрите, майор!— Гуров проницательно прищурился.— Другое у вас сейчас на уме.

— Верно, другое. Жалею, что не завернули к Аглае Степановне. Придется позвонить. Хочу справиться, когда дождь кончится.

Продолжение следует.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

Следователь прокуратуры Гуров и сотрудник уголовного розыска Люсин расследуют дело об исчезновении профессора-химика Солитова. Они узнают, что Георгий Мартынович занимался анализами лекарств по старинным рецептам. Последний из этих опытов закончился взрывом на даче, где профессор проводил свой отпуск. Выясняется также, что в день исчезновения Георгий Мартынович снял со своего счета в сберкассе полторы тысячи рублей. Гуров подозревает, что в этой истории замешана домработница Солдатенкова, которой профессор завещал дачу.

Глава десятая

ЗЕЛЕЙНЫЕ ТРАВЫ

Вопреки ожиданиям, Наталья Андриановна встретила Люсина довольно приветливо. На сей раз она провела его в свою лабораторию, где в этот час было относительно тихо. Она специально условилась встретиться в обеденный перерыв.

— Богато живете,—одобрил Владимир Константинович, озирая сложные пространственные композиции из всевозможных колб, шариковых холодильников и причудливо ветвящихся переходных трубок.

— Для начала объясните мне, что это значит.— Люсин без лишних слов достал лабораторный журнал Солитова.— Здесь,— показал на столбики цифр с градусами и минутами,— и здесь,— очертил ногтем планетные символы.

— Положение Луны и планет на данный момент,— с ходу определила Гротто.— Не обращайте внимания. Пунктик.

— Георгий Мартынович верил, что и в астрологии есть рациональное зерно?

— Ничуть. Как вы могли заметить, астрологическая символика появляется лишь в тех случаях, когда ведется эксперимент по старым рецептам. Я, кажется, уже обращала ваше внимание на почти маниакальную скрупулезность шефа? Так вот, в силу педантизма, а может, и пустячного суеверия — кто не суеверен в душе? — он отмечал время опыта традиционными значками.

— Время опыта? И такое возможно?

— Вы читали «Кентерберийские рассказы» Чосера?

— Боюсь, что нет.

— Полюбопытствуйте на досуге. Чосер, сын своего, четырнадцатого, кажется, века, тоже метил дни положениями солнца, фазами луны. Представьте себе, все это с точностью расшифровывается. Георгий Мартынович любил тешить себя разгадыванием подобных кроссвордов. Неудивительно, что и сам пристрастился на старости лет.

— Но зачем?

— А зачем Рерих ставил на обороте картин ему одному понятные знаки? Теперь, кстати, их тоже разгадали. Это были зашифрованные даты. С точностью до года удалось установить, когда было написано то или иное полотно.

— Подумать только! — Люсин благодарно вздохнул.— Как много нужно знать, чтобы научиться понимать мир!

— Не уверена.— Наталья Андриановна не без удовольствия приняла его восхищение на свой счет.— По-моему, они далеко не всегда смыкаются — знание и понимание мира. Но в одном вы правы: узнав про маленькую тайну гениального художника, я совсем иначе стала относиться к невинному чудачеству шефа. В мужчине, я говорю про настоящих мужчин, никогда не умирает ребенок. Отсюда и постоянная потребность в игре. Георгий Мартынович, в сущности, по-детски играл в средневековую кабалистику. Вы не играли ребенком в тайны? Я, например, играла. Мы придумывали свою азбуку, свой особый язык... Его воображению льстило хотя бы то, что вполне объективная по сути планетная символика непонятна для непосвященных. Это доставляло ему чисто детскую радость.

— Теперь понятно... Однако скажите, откуда у Георгия Мартыновича все эти звездные координаты? Астрология, если не ошибаюсь, представляет собой ложное толкование реальной картины расположения небесных тел. Верно? Значит, сами по себе положения звезд и лунные фазы — штука вполне объективная. А коли так, то он должен был бы вести наблюдения звездного неба? Но я что-то не заметил у него астрономических инструментов.

— Вы забываете, в какой век нам выпало жить. Есть таблицы, миникомпьютеры, наконец, с помощью которых в два счета можно вычислить все это на любой день. Георгию Мартыновичу одну такую игрушку подарили японцы.

— Короче говоря, Георгий Мартынович раскапывал рецепты ведьминых зелий, переводил на современный химический язык, а вы варили волшебную мазь на своей модерновой кухне.— Люсин красноречиво мотнул головой на штативы с кипящими колбами.

— Не понимаю вашей иронии,— осадила Гротто, постоянно готовая к обороне.— Вас что-то не устраивает?

— Да я ж восхищаюсь! — Люсин ударил себя кулаком в грудь.

— Своеобразная, однако, манера выражать восторг.

— Вы насчет юмора? С этим делом у меня вечные неприятности. Стараешься быть смешным, остроумным, а люди обижаются...

— И поделом вам, потому что остроумие несовместимо с бестактными подковырками. Вы смешиваете разные жанры.

— Я вынужден продираться сквозь неведомые дебри и, к сожалению, не всегда успеваю осмыслить все на ходу. А остановиться почему-то боюсь, вот и несу чушь, пока созрею для осмысленного шага. У меня, если позволите, последний вопрос. В прошлый раз вы обещали помочь нам разобраться с тем корешком, помните?..

— Вот, кое-что удалось найти.— Наталья Андриановна достала несколько заранее припасенных библиографических карточек.— Это оказалось не столь затруднительно, как я сперва думала. Зная, что Георгий Мартынович занялся так называемой волшебной мазью, я сосредоточила поиски в двух направлениях. Проверив сначала заведомо известные ингредиенты, вроде белладонны, и не обнаружив растения с таким корневищем, я занялась набором из девяти колдовских трав... Вам понятно, о чем идет речь? — спросила она, тактично дав ему возможность освоиться.— Это содержащийся во всех «зельниках» и «лечебниках» непременный перечень: плакун, папоротников цвет, разрыв-трава, тирлич, одолень-трава, адамова голова, орхилин, прикрыш и нечуй-ветер.

— Вот это да! — только и мог выдавить из себя Люсин.— Ну-ка, ну-ка! — Он поспешно схватил карточки. Они были сродни тем, что он видел в картотеке Солитова. Невероятно, но на каждой значилось соответствующее классификационное наименование по-латыни.— Бред какой-то! Я был уверен, что все эти «разрывы» да «одолени» существуют только в сказках. Что же касается папоротника, то тут я совершенно уверен: не цветет папоротник.

— Вы правы.— Гротто улыбнулась — такой у него был ошарашенный вид.— Папоротник действительно не цветет, но насчет сказок вы глубоко заблуждаетесь. Речь идет о совершенно реальных растениях, причем более чем обыкновенных. Зачастую это ничем не примечательные обитатели наших лугов, рек и болот. Возьмем для примера плакун-траву. Хотите послушать заговорное слово? — Она нашла нужную карточку.— «Плакун, плакун! Плакал ты долго и много, а выплакал мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшен злым бесам, полубесам, старым ведьмам киевским. А не дадут тебе покорища, утопи их в слезах; а убегут от твоего позорища, замкни в ямы преисподние. Будь мое слово при тебе крепко и твердо. Век веком!» Это ведовской заговор на плакун-траву, извлеченный из «Травника» 1696 года, «сочиненного,— Наталья Андриановна прочитала по тексту,— из дохтурских наук преосвященным Кир Афанасием, архиепископом Холмогорским и Вожским»... Языческое суеверие, как видите, нашло приют в святых монастырских стенах. Но вернемся к реальной плакун-траве.— Она перевернула карточку.— На самом деле это не что иное, как дербенник иволистый. Растет он в сырых местах, по берегам рек и озер, хотя встречается и в ольховых зарослях, и на заливных поймах. Цветет с июня до самой осени. Лекарственными достоинствами не обладает. Из-за высокого содержания дубильных веществ скотом не поедается.

— Не обладает, значит, лекарственной силой?

— Нет, не обладает, хотя знахари называли дербенник «всем травам мати». Из него готовили всевозможные порошки, настойки, отвары. Лечили, вернее, пытались лечить, грыжи, желудочные недомогания, даже сердечную тоску. Не знаю, как насчет последней, но все остальное не подтвердилось.

— Зачем же Георгий Мартынович им занимался?

— По многим причинам. Во-первых, отсутствие каких-либо терапевтических свойств у отдельно взятого цветка еще ни о чем не говорит. Они могут проявиться в комплексе с активными веществами других растений, усилить их действие, увеличить стойкость и так далее. Я уж не говорю о том, что сказанное наукой слово почти никогда не бывает последним. Истина, добытая на одном уровне знаний, может быть опровергнута на более высоком. Вот почему Георгий Мартынович считал необходимым время от времени производить переоценку ценностей. Утвержденный у нас список растений-целителей далеко не исчерпывает активы зеленой аптеки. Многие растения, официально не принятые у нас, широко используются в фармакопее других стран — Болгарии, Франции... И наоборот, разумеется.

— Короче говоря, фитотерапия не догма. Корень у дербенника есть?

— Корень есть у всякой травы,— засмеялась Наталья Андриановна.— Молодец, не теряете нити!.. Оценивая под таким углом зрения нашу колдовскую команду, я остановилась на адамовой голове. Только у нее имеется такой вздутый,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—5.

с причудливыми выростами корень. Скорее всего, именно с этим растением и работал Георгий Мартынович до самых последних минут...

— Адамова голова?—Люсин поспешно раскрыл записную книжку.

— Я дам карточку. Тут все, что вам надо. Адамовым корнем у нас зовут знаменитую мандрагору.

— Как же! Самое колдовское средство средневековой Европы!

— Именно так. Собственно, оттуда и пришел к нам слух о «царе во всех травах». В русских народных сказаниях о мандрагоре говорится довольно скупо, больше в письменных источниках. Впрочем, судите сами.— Она передала ему карточку.— Только не забудьте вернуть. Не хотелось бы нарушать коллекцию.

На обратном пути Владимир Константинович жадно впился глазами в знакомую бисерную вязь строчек. Скользнув, не задерживаясь, по народным названиям, он молниеносно отыскал то, что считал наиболее для себя важным.

«Химический анализ одного из пяти видов мандрагоры (средиземноморского) показывал высокое содержание гиосциамина, скополамина и других сложных алкалоидов. Мысль, которая мелькнула еще при первом осмотре обезображенного взрывом кабинета, получала серьезное подкрепление. Темное веяние сумасшествия, которое явственно ощущалось во всем этом деле, рождало серьезное подозрение. Постоянная работа с растительными ядами и уж тем более взрыв, приведший к неконтролируемому выбросу, несомненно, могли вызвать глубокое отравление. Стойкие галлюцинации. Утрату самоконтроля. Расстройство мышления.

В таком состоянии ничего не стоило, например, сесть в первый попавшийся поезд и покатить незнамо куда.

«А билеты?» — народился вполне закономерный вопрос. «А что билеты? — мгновенно парировало разлетевшееся воображение.— Можно и билеты взять в бесконтрольном сомнамбулизме. Сколько верст отмахает, пока высадят на неведомой станции! Тут всесоюзным розыском пахнет. Система многовариантная».

Все более увлеченный новой версией, Люсин рассеянно прочитал написанное на обороте:

«А кто хощет диавола видеть или еретика, и тот корень возьми водой освяти, и положи на престол, и незамай сорок дней, и те дни пройдут носи при себе — узришь водяных и воздушных демонов».

Глава одиннадцатая

САЛОН НА МАЛОЙ БРОННОЙ

Весть о таинственном происшествии в деревне Веретенниково, соответствующим образом пре-

парированная стоустой молвой, потрясла и без того пылкое воображение вдовы академика Рунге. Гости, обычно собиравшиеся у Дины Мироновны по четвергам, внесли немалую лепту в сотворение очередной сенсации, взволновавшей многочисленных любителей пустозвонных чудес. Собственно, именно эта, не охваченная заботой демографов, категория населения и составляла основной костяк весьма разношерстной компании, облюбовавшей для еженедельных сборищ просторную квартиру на Малой Бронной. Не следует полагать, однако, что вокруг шестидесятисемилетней вдовы, сохранившей благодаря поистине героическому подвижничеству известную привлекательность, клубились сплошь доморощенные экстрасенсы и йоги. Ничуть не бывало. Серый солидный дом довоенной постройки с подвальными помещениями и черным ходом, каких уж немного сохранилось в Москве, привлекал и публику более чем достойную. В подворотню, ведущую прямехонько к подъезду Дины Мироновны, слывшей не без основания тонкой кулинаркой, хаживали и солидные ученые мужи, и писатели, и корифеи медицины. Впрочем, большинство составляли все-таки лица иного плана: блиставшие дорогими туалетами модные парикмахерши и массажистки, могущественная властительница стола заказов близлежащего гастронома и, разумеется, бойкие молодые люди скромных, а то и вовсе не определенных занятий. Всех их объединяла фанатичная приверженность любому модному поветрию, будь то летающие та-

релки, Бермудский треугольник или же махатмы — мудрецы гималайских вершин.

Надо ли говорить, что Дина Мироновна жгуче ощущала свою особую причастность к загадочному событию. Она не только лично знала того, о ком с таким жадным апломбом судачили теперь в косметических кабинетах и химчистках, но даже пользовалась его лечебными рекомендациями. Сама судьба звала ее выйти на авансцену. Справедливо рассудив, что отрывочных воспоминаний о безвременно почившей супруге Георгия Мартыновича, с которой она столь опрометчиво ухитрилась на старости лет раздружиться, надолго не хватит, хозяйка салона приступила к решительным действиям. Узнав от состоявшего при ее особе сорокапятилетнего недоросля и адепта учений Востока Валерочки, что в дачной истории определенно не обошлось без философского камня, она принялась наводить на сей счет подробные справки.

Постижение нового символа веры шло заведенным порядком. После нескольких консультаций у единомышленников Дина Мироновна окончательно уверилась в том, что древняя и порядком забытая всеми алхимия является чуть ли не последним достижением человеческой мысли, вроде сыроедения и лечения по телефону. Она всегда была особенно чутка к новейшим веяниям. Скорее всего в силу того, что не приходилось преодолевать старые заблуждения. Полученное на заре юности незаконченное среднее образование в счет не шло, а более ничему, удачно выскочив замуж за весьма зрелого к тому моменту академика, Дина Мироновна не научилась.

С помощью последнего академического справочника, который по старой памяти продолжал высылать знакомый референт, ей удалось разыскать самых ведущих химиков. Однако, к великому ее удивлению, все они чуть ли не с хохотом открестились от философского камня. Заподозрив, будто от нее скрывают что-то необыкновенно секретное, энергичная вдова спустилась на уровень членов-корреспондентов. Здесь ей повезло чуточку больше. Один из опрошенных в алфавитном порядке ученых выбранил Дину Мироновну за легковерие и посоветовал связаться с кем-нибудь из специалистов по истории науки.

Оторвав от дел великое множество абсолютно незнакомых людей, она получила, наконец, номер телефона Гордея Бариновича, единственного в стране знатока волнующего ее предмета. Готовясь завлечь в свои сети исследователя средневекового чернокнижья, не подозревавшего о том, какие тучи сгущаются над его головой, Дина Мироновна терпеливо собирала агентурные данные. Вскоре ей уже было известно, что Баринович защитил кандидатскую по химии, а докторскую по философии, что он в довершение всего пишет стихи, а в позапрошлом году опубликовал потрясающе интересную книгу.

Такой человек не может не откликнуться на призыв, решила она, хотя уговорить его будет, по-видимому, непросто. Во-первых, одержим работой, во-вторых, отец троих ребятишек и домосед, в-третьих, до неприличия принципиален. Но нашлись и обнадеживающие моменты: любит покушать и по наивности откликается на самую откровенную лесть. С такими шансами можно было смело играть.

Следующей жертвой массированной обработки намечалась Наташа Гротто. Не сумев залучить ее в прошлый раз, Дина Мироновна не отчаивалась. Мудро умалчивая об истинной причине своих домогательств, продолжала с удвоенным рвением уламывать непокорную. Разве их не связывали узы пусть дальнего, но все же родства? Или не она играла с Талочкой, когда та еще пешком под стол ходила? Помнила ее папу и маму, бывала в доме Георгия Мартыновича?

Нет, шалишь, когда Дине Мироновне что-то втемяшивалось, то она шла до конца. Ее терпеливая, липко обволакивающая настырность действовала почти гипнотически.

Ни давно приручанная Наташа Гротто, воспринимавшая свою семиюродную тетку как неизбежное зло, ни даже Баринович, слывший вдобавок ко всему неуживчивым грубияном, не решились на открытый бунт. Пусть не в тот четверг, как первоначально намечалось, а лишь на следующем приеме, но они были поданы к столу, вместе с заливной рыбой и жареной уткой.

В силу деликатности ситуации гости званы были с особым разбором. За овальным павловским столом, сервированным старинным фарфором и тяжелым хрусталем с неизвестными вензелями, собрались самые избранные. Каждый прибор был обозначен отпечатанной на машинке карточкой. Правое от себя место хозяйка предназначила Бариновичу, левое — как обычно, Валерочке. Наташу усадили по другую сторону — между бодрячком-гляциологом и тоже весьма почтенным писателем-фантастом Тугановым. И тот, и другой оказались личностями весьма примечательными. Глазырев хоть и считался в своей области крупным авторитетом, но известность снискал не столько исследованиями по физике льда, сколько научно-популярными публикациями насчет электромагнитной природы биополя. Широкие массы телезрителей знали его как завзятого моржа и приверженца талой воды, будто бы предупреждающей в силу особой структуры развитие многих иммунных болезней. В Наташином кругу такие вылазки за грань узкой специализации справедливо считались дилетантскими, но факт был налицо: восьмидесятилетний старикан исправно потягивал водочку и отпускал игривые комплименты.

Что же касается фантаста, то с ним вообще все было предельно ясно. Добиться известности ему помогли исключительно инопланетяне. Стоило где-нибудь мелькнуть хотя бы тени загадки, как Туганов уже был тут как тут с готовым рассказом-гипотезой. Судя по всему, его не слишком заботило, о чем конкретно шла речь: о свершениях великих цивилизаций прошлого или последних завоеваниях научно-технической мысли. Его отмычка подходила к любым замкам. И египетские пирамиды, и полученные на ускорителях первые античастицы становились отправной точкой для фантастических спекуляций. Даже в детородных органах, гипертрофированно начертанных доисторическим художником на скалах в Сахаре, он ухитрился увидеть детали скафандра. Корзины на головах африканок, которые и по сей день предпочитают такой способ носки, он принял за гермошлемы с антеннами. О зареве в небе Петрозаводска и говорить не приходится. Писатель обрушил на голову доверчивой публики армаду космических кораблей. Приходится признавать, что многие попадались на его удочку.

Наташа невольно улыбнулась, вспомнив негодующее опровержение по сему поводу в научном журнале. В сравнении с тиражами газет, восторженно превозносивших тугановские откровения, это была капля в море. Дина Мироновна, во всяком случае, ничего подобного не читала, хотя вести о постоянно возникавших вокруг Туганова скандалах докатывались и до нее. Она даже попробовала установить истину, но успеха не имела, потерпев временное поражение в попытке заезвать заклятого недруга и оппонента Туганова. По мысли Дины Мироновны, столкновение двух знаменитых писателей могло прославить ее салон. Ведь что там ни говори, а самую стойкую память оставляют о себе все-таки склоки.

Ужин на первых порах протекал довольно скованно. Баринович, о котором каждому было что-то нашептано, определенно не торопился явить себя во всем интеллектуальном блеске. Зато много и жадно ел, усердно запивая вином, белым и красным, без разбора. Ни на писателя, ни на философа он никак не походил. Наташа сперва было приняла его за борца или штангиста. Низко посаженная голова, сидит, набычившись, и стрижка короткая, и манеры опять же...

Не спешили развязать языки и остальные гости, ожидавшие, очевидно, сигнала. Так, перебрасывались незначительными замечаниями по большей части гастрономического характера. Глазырев, например, похвалил сациви, подложив Наташе побольше орехового соуса с зернышками граната, а фантаст обнаружил недюжинную эрудицию по части солки грибов. Пожилая дама в лиловом, отделанном кружевами платье, о которой было известно, что она экстрасенс, задумчиво ковыряла вилкой. Бородач-художник, работавший под Лактионова, не обращая внимания на соседей, напористо ухаживал за хорошенькой кассиршей из гастронома «Диета», и это ей определенно нравилось. Загадочно улыбаясь, Люси, как все ее называли, не забывала налегать на острые закуски и украдкой поглядывала на скучающего додекафониста в смокинге. Модный композитор, чья космически бесстрастная музыка холодно изливалась квантованными импульсами из скрытых динамиков, вообще не раскрыл рта, отрешенно катая хлебные шарики. Что-то определенно разладилось в механизме застолья. Общая беседа никак не завязывалась. Даже балаболка Валерочка ограничился лишь одним плоским, не к месту пересказанным анекдотом и примолк, нервно вздрагивая, когда Дина Мироновна неожиданно кидалась в кухню, откуда долетало благоухание шипящего жира.

Окончательно успокоившись насчет протекающего в духовке процесса и возвратившись к столу, хозяйка наконец оценила создавшуюся ситуацию. Самое время было выправлять положение. Приступать впрямую, однако, не годилось из-за риска задеть племянницу, которую и без того еле удалось вытащить. Требовалось во что бы то ни стало встряхнуть Бариновича, который — и это начинало серьезно тревожить — чем больше пил, тем глубже замыкался.

— Ваша книжка про это... средневековье для меня целый мир! — Дина Мироновна томно возвела очи, искусно передвинув бутылку композитору, потягивавшему исключительно боржоми.— Это вообще моя настольная книга. Вы действительно так любите алхимию?

— Обожаю,— промычал Баринович, не переставая жевать.— Где вам удалось раздобыть каперсы? Сто лет их не видел.

— А вот и удалось! — Дина Мироновна кокетливо засмеялась.— Ну, так расскажите же нам, расскажите...— Она капризно выпятила полные губы, украдкой сдувая прилепившуюся к вишневому бархату крошку.— Мы умираем от любопытства.

— Расскажите! — решительно тряхнув сапфировыми сережками, поддержала хозяйку косметичка Альбина, о которой было известно, что она состоит в тесных отношениях с самим Протасовым, всемогущим директором близлежащего гастронома.

— Право не знаю.— Баринович покончил с куском осетрины и с некоторым сожалением покосился на остатки желе.— Вас интересует какой-то определенный вопрос?

— Некоторые аспекты действительно приобретают известную значимость,— невнятно промямлил Глазырев,— в определенном ракурсе.

— Это в каком же? — сыто прищурясь, спросил Баринович, не испытывая особого пиетета к чужим рангам и титулам.

— В медицинском хотя бы,— уточнил Глазырев, садясь на своего конька, чем немало порадовал хозяйку.— Мы переживаем период вновь пробудившегося интереса к воззрениям древних на первопричину недугов. Я давно говорю, что не болезни надо лечить, а человека. Организм мудр. Нужно лишь помочь ему мобилизовать на борьбу весь комплекс защитных средств.

— Верно сказано! — бранчливо встрял писатель, которому изрядно поднадоели подобные разглагольствования.— Я про другое хочу спросить.— Он тяжело и настороженно глянул на Бариновича из-под насупленных бровей.— Вы знакомы с «Утром магов» Повеля и Бержье?.. Вашей книги я, простите, не читал.

— Знаком.— Баринович кивнул, силясь надеть на вилку ускользающую маслину.

— И ваше отношение? Меня интересует раздел, где говорится о ядерном катализаторе?

— Чушь.— Баринович устало поморщился.

— Это почему же, позвольте спросить? — негодующе взвизгнул Туганов.— Ведь Бержье описывает то, что случилось с ним лично! Не с чьих-то там слов! Нет-нет, давайте разберемся!

— Чего уж тут разбираться, если заведомое вранье? — Баринович тоже повысил голос.— Философского камня не было, нет и быть не может, а ядерный катализатор, тайной которого якобы владели в средние века, нонсенс.

— Но вы ведь признались, что обожаете? — стремясь внести разрядку, Дина Мироновна игриво погрозила мизинчиком.

— Так смотря в каком смысле. Во-первых, это мой хлеб, а во-вторых, интереснейшее поле для исследования. Почти нетронутое притом. И именно по той простой причине, что мне выпало счастье его обрабатывать, я особенно болезненно воспринимаю измышления шарлатанов, вроде Бержье. Наука раз и навсегда отодвинула алхимию в область теней. И нечего воскрешать то, что заведомо мертво.— Баринович сердито засопел и решительно придвинул к себе остатки салата.

— Не спешите отрицать, не спешите,— с улыбкой тайной осведомленности предостерег Валерочка.— Кибернетику с генетикой тоже отрицали, а чем это кончилось?

— Вот именно! — Туганов значительно прокашлялся в кулак.— Послушать иных узких специалистов, так ничего замечательного в мире не было и нет — никаких тайн, никаких загадок. Они вечно готовы пресечь стремление человека к звездам, на корню раздавить самую способность мечтать.

— Мечтать о чем? О том, что заведомо невозможно? Но это пустые бредни, а выдавать желаемое за действительное — обман,— невозмутимо отпарировал Баринович.

— Я с вами полностью солидарна,— поддержала Наташа, раздражаясь уже самой близостью клокотавшего гневом вздорного старикашки.— Люди настолько заморочены всяческими спекуляциями, что не отличают уже, где правда, где ложь. Все принимается на веру: маленькие зеленые человечки, гуманоиды всякие, которых выдают то за пришельцев, то за снежного человека, экстрасенсы...

Продолжение следует.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

Идет расследование обстоятельств загадочного исчезновения профессора-химика Георгия Мартыновича Солитова. Следователь прокуратуры Гуров и сотрудник угрозыска Люсин устанавливают, что профессор увлекался опытами по расшифровке старых, позабытых лекарственных рецептов. Этим и объясняется взрыв на даче в день исчезновения Георгия Мартыновича. Кроме того, они узнают, что в этот же день профессор взял из сберкассы большую сумму денег. Гурову кажется, что здесь не обошлось без участия дожработницы Аглаи Степановны: ведь именно ей Солитов завещал дачу и деньги.

— Вы и в экстрасенсов не верите?— поразилась женщина в лиловом платье, обласкав Наташу улыбкой мудрого всепрощения.— Спросите вашу тетю, она вам кое-что объяснит.

— Не обижайтесь, Дианочка,— поспешно пришла на помощь хозяйка.— Талочка просто увлеклась в своем полемическом задоре... Однако я на минуточку должна отлучиться, прошу извинить. Главное — без меня ничего не рассказывайте!— И она поспешно умчалась на кухню, откуда вскоре донеслись грохот и лязг раскаленных противней.

Готовый было вновь разгореться спор приостановило торжественное шествие Дины Мироновны. Пылая от кухонного жара и гордости, она внесла круглое блюдо, на котором дымилась туго набитая и обложенная печеными яблоками утка.

— Боюсь, что немного сыровата! — пожаловалась хозяйка.

— Сейчас посмотрим.— Диана Сергеевна повелительно выпростала из-под кружев жилистые руки.— Давайте сюда!

— Поразительно! — ахнула заранее потрясенная Альбина.

Второпях очистили место на скатерти, прибирая и складывая опустевшую посуду, и над вызывающе румяной утиной грудкой нависли чуткие ищущие пальцы экстрасенсорной женщины. Наташа изумленно ахнула и поспешно потупилась, пряча глаза. Ее душил смех. Поражала не столько сама сцена священнодействия, сколько оказанное ею воздействие. Особенно на Бариновича. Багроволикий, с отпавшей челюстью, он напоминал обиженного ребенка, которому ни за что ни про что дали подзатыльник. Известное удивление выразил и художник, не принадлежавший, очевидно, к узкому кружку посвященных.

— Чего это она? — Он вопрошающе тронул свою даму за локоток, следя за пассами Дианы Сергеевны.— Игра, что ли, такая?

— Готова?— впервые за весь вечер раскрыл рот композитор, чем навлек на себя мимолетное внимание.— В самый раз?

— В самый,— подтвердила Диана Сергеевна, роняя руки.— Вы удивительно вовремя, милочка.— Она устало улыбнулась хозяйке.— Еще чуть-чуть, и мясо бы стало подсыхать.

— Я очень рада! — Дина Мироновна послала приятельнице воздушный поцелуй.— Какая вы все-таки душка!

— И что? — К Бариновичу наконец вернулся дар речи.—Она действительно видит, чувствует?— Потянувшись к Наташе, он грузно навис над столом.— У жареных уток, значит, тоже есть биополе?

Наташа лишь красноречиво взыграла очами.

— Утку должен разрезать Архип Михайлович,— попросила Дина Мироновна, торжественно вручая Глазыреву выгнутые серпом ножницы.— В наказание за вашу противную диету. Может, сделаете сегодня исключение?

— И не уговаривайте! — Он ловко прижал утиное крылышко специальной вилкой.— Ни-ни! А разрезать могу. Отчего не подсобить? — И с хрустом вгрызся в костяк.

— Ишь ты! — бесхитростно восхитился художник.— В самой поре!

Крыть было нечем. Запеклось действительно образцово, к вящей гордости Дины Мироновны за свой кулинарный опыт и феноменальный, поистине рентгеновский дар подруги.

— Удалось на славу! — подтвердил Глазырев, виртуозно разделывая истекающую соком птицу. Оделив каждого облюбованным куском, он взял себе на тарелку лишь одно яблочко, менее остальных забрызганное жиром.

— Вы хоть поешьте как следует! — наказала хозяйке ясновидящая Диана.— А я вам пока соусдики помассирую.

Столь сложную и недоступную современному уровню медицины операцию она провела в завидном темпе, не выпуская при этом утиную ножку. И даже не смотрела на разомлевшую пациентку, справедливо полагая, что излученный флюид сам доберется, куда надо.

— Уже ощущаете? — спросила она, обглодав косточку и вытирая губы бумажной салфеткой.

— Какое блаженство! — разнеженно прошептала Дина Мироновна, откидываясь на спинку стула.— Прямо как на свет народилась!

— Потрясающе,— деликатно жуя, оценил композитор.

— Нет, господа рационалисты! — Туганов торжествующе постучал по столу костяшками заметно усохших пальцев.—Мир далеко не столь прост, как вы тщитесь представить!

— Вижу,— не стал спорить Баринович.

— Кстати, Дина Мироновна.— Разделавшись с противником, неустанный воитель почувствовал себя властелином положения.— Вы, кажется, говорили, будто какой-то ваш знакомый успешно занимается практической алхимией? Что за таинственная история?

Все взгляды, словно по команде, нацелились на Наталью Андриановну. Она вспыхнула, ощутив себя вознесенной на гигантских качелях, когда все внутри обмирает и отжимается книзу.

— В самом деле.— Дина Мироновна мимолетно коснулась пальцами лба.— Талочка, деточка! — залебезила она.—Как ты понимаешь, все мы ужасно обеспокоены этим кошмарным происшествием. Ты ничего не знаешь?

— Насколько я понимаю, присутствующих глубоко волнует судьба Георгия Мартыновича Солитова? — Разгадав истинную причину очередного прилива родственных чувств тети Дины, Наташа полностью уяснила сложившуюся ситуацию.— Не хочу никого разочаровывать, но, судя по всему, он стал жертвой бандитского ограбления.

— И только-то? — пренебрежительно протянул Туганов.

— Какой ужас! — Баринович был глубоко потрясен.— Я же ровным счетом ничего не знал! Бедный Георгий Мартынович... Как он себя чувствует?

— Удивительно все же.— Дина Мироновна неодобрительно поджала губы.— Разве вы не знаете, что он бесследно исчез?

Баринович лишь угнетенно пожал плечами.

— Вся Москва только об этом и говорит,— заметила Альбина, поправляя затейливую прическу.— И объявления висят.

— Какие объявления? — не понял Баринович.

— «Найти человека», господи! — Альбина глянула на него, как на безнадежно больного.

— Ах, так! — Баринович понимающе закивал.— А ведь я определенно что-то такое про него слышал... Позвольте, позвольте.— Он сосредоточенно подпер щеку ладонью.— Ну да! Мне предложили купить книгу, которую он почему-то не взял. Очень редкая, знаете, книга. Но мне не по средствам, так что я отказался...

— И все-таки тут далеко не так просто.— Туганов стукнул кулаком по столу и недоверчиво покосился на Наташу.— Знаем мы эти ограбления! Ничего более оригинального придумать не смогли.

— Извините, но мне пора.— Наташа решительно встала из-за стола, осторожно отставив недопитую чашку.— Спасибо, тетя. Все было необыкновенно вкусно.

— Позвольте, я вас провожу!— Баринович обрадованно вскочил, вызвав веселое оживление столь пылкой галантностью.

Не отличаясь особой ловкостью, он ухитрился опрокинуть хрупкий, как яичная скорлупа, фарфор с изображением дамы в напудренном парике. Чашка жалобно звякнула, но не разбилась, подхваченная рукой бдительной хозяйки. Этот небольшой инцидент окончательно вычеркнул Бариновича из списков на будущее. Все нашли, что он абсолютно неинтересен.

— Как вам наш бомонд?— спросила она, когда они с Бариновичем вышли на улицу.

— А вам?— осторожно поинтересовался он, с наслаждением вдохнув теплый вечерний воздух. В теплом сумраке едва уловимо веяло духами.

— Паноптикум,— откликнулась Наташа, когда миновали мрак подворотни.— Гойя.

— Да-да, очень странно.— Он подтвердил верность ее ощущений.— А кто эта женщина в лиловом?.. Сейчас много появилось таких.

— Скромный инженер-экономист.— Наташа усмехнулась.— И вот, поди ж ты, открылся дар!

— Я допускаю, что возможно особое видение, редкая чувствительность и все такое. История человечества полна свидетельствами разного рода феноменов. Но чтобы так, в массовом порядке... Кто теперь только не подвизается на этом сомнительном поприще — неудавшиеся физики и разочарованные врачи, даже откровенные психопаты. И все она, мода!

— Не только. Здесь и досуг, который не знают чем занять, и вечно дремлющая в человеке надежда на чудо. О чудесных излечениях, сколько я себя помню, всегда говорили. То там, то здесь объявлялся очередной кудесник. Но насчет массовости вы точно заметили. Нынче экстрасенс попер косяком. И ведь название какое выдумали респектабельное!— Наташа по обыкновению не шла, а летела по улице, и Баринович едва за ней поспевал.

— Именно! А на поверку все тот же знахарь, шаман или медиум.— Пытаясь шагать в ногу, он радостно волновался столь удивительному согласию в мыслях.

— Чего стоят одни разговоры про излечение по телефону или диагноз по фотокарточке... А возьмите филиппинских знахарей! Вот уж чушь так чушь! Тут, казалось бы, для здравомыслящего человека никаких доказательств не требуется: ловкий трюк, виртуозный обман. Но ведь находятся ярые защитники! Ссылаются на очевидцев, на фильмы. А чего не сделаешь с помощью кино!

— Врет, как очевидец,— подсказал Баринович...—Вы очень торопитесь, Наталья Андриановна?— Испытывая давным-давно позабытый трепет, он осторожно взял ее под руку.

— Ничуть.— Она замедлила шаг.— Привычка.

— Вы говорили о бескровной хирургии филиппинцев. Я слышал, что создали специальную комиссию?

— Будь моя воля, я бы не стала тратить времени на проверку. Все изначально ясно. Допустив даже в мыслях возможность такого, мы должны отказаться от научной картины мира.

— Не слишком ли дорогая плата? И во имя чего? Чтобы уверовать в четвертое измерение, в магию, кто знает во что?

— Как вы удивительно точно схватили!— Ната-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—6.

ша почти с восхищением взглянула на Баринови-ча, который уже не казался ей таким комично нескладным.— Она-то и лежит в основе случай-ных удач самозваных целителей — вера. Как и вы, я тоже не исключаю какого-то физического влияния на организм человека через глаза, ру-ки... Хоть и не обольщаюсь, если честно сказать, потому что привыкла доверять лишь строго до-казанному. Но основная причина — это вера боль-ного в то, что ему помогут. Человек слепо верит и потому исцеляется. Чья тут первоочередная за-слуга: врачевателя, лекарства или собственных защитных сил,— особого значения не имеет. Рабо-тает весь комплекс, активизируя мозг, который и подает подсознательные команды. Резервы тут, конечно, колоссальные.

— Не знаю, как насчет резервов,— с осторож-ным скептицизмом заметил Баринович,— но кое-какой опыт человечество все же накопило. За-блуждаться, я имею в виду невольные заблуж-дения, тоже все скопом не могут. Таким образом, разумно будет записать в наш актив несколько чудесных, внушающих оптимизм случаев, пусть даже несколько десятков. Но не сотен, не тысяч тем более! Посмотрим теперь, что окажется в пассиве: многие миллионы человеческих жизней, которые унесли «черная смерть», оспа, холера, наконец, «испанка» в начале века. В Англии, на-пример, претендующей на сомнительную славу родины европейского колдовства, в четырнадца-том столетии чума выкосила три четверти насе-ления. Целиком вымирали деревни, города, граф-ства. И это, подчеркиваю, в четырнадцатом веке, когда лечили с помощью трав, алхимических сна-добий или колдовства. Экстрасенсов и тогда, на-до полагать, было предостаточно, хоть отбавляй. Сами судите, сколь многого достигли они своими пассами и наложением рук.

— Не могу возразить вам, даже если бы очень хотела... Ваш исторический экскурс весьма убеди-телен. Хоть мы и ругаем современную медицину, альтернативы ей нет. Хочешь не хочешь, а надо искать все новые антибиотики, синтезировать все более сложные в химическом отношении препа-раты. Знаем, что вредны, что организм привыкает и вирусы приспосабливаются, но что дальше? Об отказе не может быть и речи. Стоит лишь осла-бить усилия в борьбе со всевозможными недуга-ми, и на мир обрушатся нарастающие валы опу-стошительных эпидемий. Про СПИД, надеюсь, слышали?

— Временами мне кажется, что мы читаем мысли друг друга.

— Мне тоже,— с обезоруживающей откровен-ностью призналась Наташа.— Как будто знаем друг друга тысячу лет. Правда?

— А может, так оно и есть. Ведь ваша фами-лия Гротто?

— Да, а в чем дело?

— Тогда, может статься, что мне посчастливи-лось знавать вашу пра...пра...бабушку. Такое имя, как Лита Гротто, ничего вам не говорит?

— Нет,— не сразу ответила Наташа.— Впервые слышу.

— Очень жаль, Наталья Андриановна, потому что я пережил несколько незабываемых часов, прослеживая запутанные перипетии ее судьбы, подкупающе романтической и злосчастной.

— Вы меня интригуете, Гордей Павлович.

Они не заметили, как миновали площадь Мая-ковского, и, свернув за угол, пошли к Белорусско-му вокзалу. Ощущение времени и пространства растворилось в наполнявшем обоих благодарном чувстве единомыслия. Безотчетно хотелось про-длить его до нового перекрестка, где в таинст-венном безлюдье Брестских улиц перемигива-лись совиные глаза светофоров.

— Я работал тогда в архивах города Кельна,— начал рассказывать Баринович.— Меня интересо-вала история одного алхимика, сваренного жи-вьем по приговору магистрата. Судя по некоторым указаниям, он имел определенное отношение к тому самому алхимику, чью лабораторию в поис-ках эликсира долголетия посетил Фауст.

— Ничего себе,— одобрила Наташа.— Завлека-тельное начало.

— Тем более, что прямого касательства к ва-

шей пра...пра...бабушке оно не имеет,— засмеялся Баринович.— Упоминание о ней я обнаружил совершенно случайно, когда разбирал счета, предъявленные к оплате регенсбургским палачом. Бедная женщина была сожжена по обвинению в злокозненном чародействе в 1589 году. Ее казнь обошлась магистрату в три талера и два гроша. Не знаю почему, но меня это вдруг взволновало, и я принялся за розыски. Какие тени прошли передо мною, Наталья Андриановна! Прекрасная, беззаветно любящая женщина, проданная бездушным мужем своему влиятельному сеньору. Изувер инквизитор, утонченное коварство, чудовищный, наглый обман... Может быть, это и хорошо, что вы ничего не знаете об этой несчастной. Что мы вообще знаем о себе, дети двадцатого века? Не дальше трех-четырех поколений. А ведь прошлое никогда не умирает совсем. Как чахлая тень, оно влачится по нашим стопам, мучая несовершенную память, увлекая на кем-то пройденные когда-то круги. Или встает на перепутье, как болотный туман, колыхаясь и застилая глаза...

— Из дальних предков я знаю только капитана Андреа Гротто.— Наташа невольно вздрогнула.— Он, как тогда говорилось, «вышел» из Ливонии и поступил на царскую службу. Это было незадолго перед кончиной Петра Алексеевича.

— Андреа... А вы Андриановна?

— Натальи и Андрианы у нас в роду. От бабки мне осталась венчальная икона с этими именами... Неопалимая купина.

— И нет документов, писем?

— Никаких!— Она мечтательно улыбнулась.— Если что было, то сгинуло после развода... Мы разошлись с мужем, прожив вместе много лет. Я ни о чем не жалею, у меня есть сын Тема, почти совсем взрослый, и мы очень счастливы с ним вдвоем.

— А у меня целых три! И в этом мое спасение. Иначе бы я влюбился в вас до смерти и стал бы несчастнейшим из смертных.

— Это еще почему?

— Да хотя бы потому, что матушка не нарекла меня Андрианом.

— Значит, так тому и быть.— Наташа решительно повернула к метро.— Но прежде чем распрощаться, я бы хотела узнать...

— О Лите Гротто?

— Нет, на сей раз не угадали. Меня беспокоит другое. Расскажите как можно подробнее о том вашем разговоре по поводу травника.— Она высвободила руку и выжидательно остановилась под навесом «Белорусской-кольцевой».

— Думаете, это что-нибудь даст?— Баринович прислонился плечом к колонне.— Впрочем, кто знает?.. Короче говоря, позвонил мне один книжный жучок на прошлой неделе. Человек он тертый и в своем бизнесе ас. Не только знает все мало-мальски ценные издания, но и ведет учет частным библиотекам. Не успеет кто-нибудь из коллекционеров отдать душу, как он мгновенно узнает об этом по какому-то тайному телеграфу. Форменный стервятник. Раньше он частенько снабжал меня всякими редкостями. Теперь же, к сожалению, мне такая роскошь не по карману. Во-первых, обременен семейством, во-вторых, цены возросли настолько, что и не подступишься.

— И все-таки он обратился к вам с предложением?

— Очевидно, по старой памяти. Да и книжка уж больно занятная. Притом с личной печатью Макропулоса, которого считают лейб-медиком Рудольфа Второго, императора Священной Римской империи, австрийского эрцгерцога и чешского короля. Аккурат по моей части. Откровенно говоря, у меня слюнки потекли. Но я сразу сказал, что не потяну, и посоветовал обратиться к Георгию Мартыновичу. Как-никак такие антики попадаются не часто. Один раз в сто лет, можно сказать.

— И что он ответил?

— Сказал, что уже звонил Георгию Мартыновичу и обо всем с ним договорился, но тот, видимо, передумал.

— Так-так...

— Каюсь, но тогда я не придал этому особого значения. Лишь пожалел мимоходом, что книга уйдет в совершенно чужие руки. Только теперь, когда узнал о случившемся...

— Понятно,— опережая мысль собеседника, выводила свои заключения Наталья Андриановна.— Сколько он просил за книгу?

— Две, но намекнул, что можно договориться. Только о чем договариваться, когда мне и тысячи не наскрести?

— Более-менее ясно. Поймите меня правильно, но вам придется еще раз рассказать все это в милиции. Я дам сейчас телефон. Это совершенно необходимо. Обещайте мне, что позвоните, не откладывая.

— Ну, если вы настаиваете, то конечно,— без особой охоты пообещал Баринович.— Раз надо...

— Сейчас, именно сейчас, я с полной абсолютностью поняла, что это совершенно необходимо. На месте Георгия Мартыновича могли оказаться вы, я, кто угодно... Представьте себе, что его убили, да, скорее всего убили, сразу после того, как он взял в сберкассе полторы тысячи рублей. Наверняка чтобы купить этот дьявольский травник, который не стоит ни единого часа человеческой жизни. Прошлое действительно не умирает. Вы были глубоко правы. Оно все еще требует крови, и убивает, и мстит.

Глава двенадцатая

РАЗВЕДКА НА МЕСТНОСТИ

От дачи Солитова до железнодорожной платформы было чуть поболее двух километров. Прогулявшись раз-другой туда и обратно, Люсин до тонкости изучил этот вполне рядовой для Подмосковья маршрут и составил довольно подробный план.

Сразу за калиткой начиналась вымощенная бетонными плитами кольцевая дорога, обозначавшая внешнюю границу участка кооперативной застройки. По одну ее сторону тянулся сплошной зеленый забор, за которым виднелись крыши хаотично разбросанных домиков, по другую — открывалась приятная для глаза лесозащитная полоса с водокачкой, царившей над местностью, подобно какому-нибудь рыцарскому замку. К озеру можно было выйти либо прямиком через лес, либо более длинным путем, ведущим на станцию. Рыбаки и купальщики, разумеется, выбирали первый вариант, всем остальным приходилось идти по бетонке, надежно замаскированной вязкой глиной, намытой дождевыми потоками из поросших сурепкой отвалов. Лет двадцать назад, когда здесь вовсю шли строительные работы, кое-что было, видимо, недовыполнено, а что-то, как водится, сделано шаляй-валяй. Ничего удивительного, что последствия вроде заполненного стоячей водой провала у самой развилки сказывались по сей день. В этом ненавистном водителям месте кольцевая сворачивала к камышовому болотцу, а ответвлявшийся от нее отрезок терялся в узкой просеке. Попасть в поселок, а затем и на станцию можно было только этим путем. Дорога шла в гору и находилась поэтому в сравнительно благополучном состоянии, хотя отдельные стыки порядочно разошлись. За кюветами по обеим сторонам темнел частокол елей, изредка просвеченных чахлыми хлыстиками берез. Два крутых поворота на протяжении каких-нибудь пятидесяти шагов делали этот участок потенциально опасным, что Люсин и отметил у себя соответствующим значком. Особенно в дождь, когда видимость сведена до минимума. После сберкассы Солитов мог и не пойти на станцию, а преспокойно возвратиться домой. Вернее, сделать такую попытку, потому что до дому он явно не дошел.

Далее путь пролегал через совхозное поле. Судя по дружной ботве, урожай свеклы и картофеля ожидался богатый. Но хотя местность просматривалась до зубчатой каймы горизонта, на поле не было видно ни единой живой души. Только вороны, переваливаясь с боку на бок, бродили возле сенного стога, чей пьянящий, ни с чем не сравнимый аромат будил сладостные воспоминания.

Конечно, в сплошной завесе ливня вся эта сельская благодать выглядела несколько иначе. Но поле не лес. Оно постоянно открыто для глаза. Тем более совхозное поле, чьи заботливо ухоженные, удобренные и защищенные от вредителей гектары набирали перед уборкой последние центнеры.

Пошли огороженные жердями выгоны, длинные бетонированные коровники, сельскохозяйственная техника под навесом, выкрашенная ярко-оранжевой краской, а затем и двухэтажные домики. Чем дальше, тем чаще попадались навстречу люди. Прогромыхал колесный трактор с прицепом. Озорная молодуха в белом халате весело окликнула Люсина с грузовика, но слова потерялись в дребезжании высоких бидонов. Только смех донесся.

Владимир Константинович растроганно помахал рукой. Казалось бы, случайная встреча, а как согрела беззаботным, счастливым весельем! Нормальным людям, занятым повседневным трудом, с их горестями и радостями, не прочувствовать этого с такой благодарной болью. Но работа, которую приходилось, причем увлеченно, подчас даже азартно, выполнять Люсину, едва ли могла считаться обычной. Заложенная в самой основе ее изначальная отстраненность от привычных общечеловеческих представлений неизбежно накладывала неизгладимый отпечаток на самые тонкие сферы духовной жизни. Да и может ли быть иначе, если постоянно приходится абстрагироваться от таких вещей и явлений, которые окружают тебя с рождения и связаны с тобой, со всеми твоими чувствами нерасторжимыми нервными нитями. И не только абстрагироваться, но и выискивать потаенную, скрытую от нормального зрения сторону, пытаясь угадать, как рисуется она заведомо извращенному оку. Порой — к счастью, это происходит уже задним числом — оторопь охватывает от вопиющей противоестественности такого двойного видения, обретающего с годами автоматизм. И в самом деле, разве не противоестественно видеть невольных пособников преступления в деревах, сочащихся тягучей смолой, в пахнущих грибами и прелью овражках, даже в этих слежавшихся кипах сена, разметанного на всем пути от стога до ферм? Можно сбрендить, подозрительно вглядываясь в непроглядную муть, где лишь круги разбегаются от нырнувшей лягушки. Поди угадай, что там, на дне. Без полного сосредоточения, когда мобилизованы все чувства и разум, трудно рассчитывать на успех. Это азбука дела. Но даже в таком предельно собранном состоянии, когда механически проверяешь не то что незнакомого человека, но и саму природу, не должна остыть память о добром, нормальном мире людей. К счастью, он тут, рядом, хоть и унесло твою память о нем в черные дыры Вселенной. Догадываясь, как трудно и одиноко тебе, он посылает и эту улыбку, и этот мирный запах навоза, словно напоминая о том, что неизбежно настанет минута, когда в кустах при дороге ты снова увидишь всего лишь кусты — пропыленные листья и ветки — и даже не обернешься, заслышав вороний переполох. Какое дело нормальному человеку до карканья птиц? Ему и в голову не придет проверять, над чем это они так суматошно мечутся.

Поймав себя на том, что поминутно отвлекается на всякие мелочи вроде бархатных бабочек-траурниц — он так любил их в детстве! — Люсин вновь сверился с местностью и отметил на плане котлован с незаконченным фундаментом. Несмотря на погожий денек, строительная площадка по-прежнему пустовала. Уложенные бетонные блоки и перекрытия были завалены грудами битого красного кирпича. Над зачарованным царством заросших бурьяном асбестовых труб, ржавых рельсов и арматуры простирал ажурную длань мощный, но, к сожалению, недвижимый кран, которого напрасно ждали где-нибудь по соседству.

За стройкой пошли частные огороды, на которых мелькали хозяйки в платочках и беззаботно играющие ребятишки. Вкусный дымок сжигаемой в кучах ботвы курился медленной винтообразной струйкой. Покоем и умиротворением дышали тронутые осенней пестротой дали.

Бетонка под прямым углом примыкала к асфальтированному шоссе, где ходил рейсовый автобус. Возле остановки, защищенной от непогоды стенами из толстых стеклянных блоков, стояла слегка покосившаяся телефонная будка, а на другой стороне был пустырь, на котором какие-то вполне взрослые дяди в рабочих спецовках гоняли по песку мяч. В глубине двора, окруженная ивами и тополями, виднелась длинная одноэтажная постройка из светлого кирпича, объединившая под своей оцинкованной крышей уже знакомую сберкассу, почту и продовольственный магазин без вывески. Злачное место тем не менее легко распознавалось по груде разбитых ящиков. Судя по кошелкам с бутылками, которые тащили туда и обратно, ящики были из-под заветной стеклотары.

Отсюда путь на станцию пролегал по шоссе: двенадцать минут обычного хода по обочине или две остановки автобусом. В дождь предпочтительнее воспользоваться услугами общественного транспорта. Тем более если для этого созданы все условия. Постояв под навесом и дождавшись наконец желтой машины, заботливо сработанной на прославленном венгерском комбинате, Люсин засек время по секундомеру. Автобус опоздал против расписания на семнадцать минут. В ливень, когда в нем была особая нужда, он мог, как это порой водится, вообще не прийти. Опрос водителей ничего определенного на сей счет не выявил, хотя в автопарке уверяли, что в тот день машины ходили точно по расписанию. Возможно, это и соответствовало действительности. Но коль скоро никто из шоферов не проявил интереса к своим пассажирам и по фотографии Георгия Мартыновича не опознал, существенного значения это не имело. Оставалось лишь гадать, как поступил Солитов в то утро между одиннадцатым с половиной и двенадцатым часом: поехал на станцию, пошел ли пешком или же повернул к дому.

Люсин, естественно, отправился пешком, послав вперед поджидавшую его «Волгу». Как и было договорено, она ждала его у треугольного дорожного знака, изображавшего самую понятную в мире эмблему — скрещенные вилку и ложку. Ресторан «Рыболов» хоть и не пользовался известностью, выходящей за границы района, но можно было надеяться, что Коля Самуся не станет терять времени даром. Сам Владимир Константинович успел порядком проголодаться, и ему стоило заметных усилий продолжить свой пеший рейд, длившийся уже без малого три часа. Но не хотелось нарушить целостность впечатления. Тем более что приближался наиболее ответственный участок.

Пока ничто не внушало тревоги. Сельские домики стояли по обе стороны, и шоссе поэтому находилось под перекрестным обстрелом окон, а следовательно, и глаз. Движение тоже выглядело достаточно оживленным. Но в том месте, где стрелка указывала на гидроузел и дорога раздваивалась, пешеходная тропа уклонялась в сторону. И немудрено, потому что на неогражденной дамбе оставалось место лишь для полосатых низеньких столбиков. Идти навстречу грохочущим самосвалам, ощущая за спиной гудки обгоняющих машин, было просто-напросто страшно.

Люсин последовал за большинством, хоть по шоссе и было короче метров на двести. И сразу в голове вспыхнул предостерегающий красный сигнал. Молодые сосенки, посаженные плотными гнездами на песчаных буграх, полностью закрывали обзор. Тут могло произойти все, что угодно.

Стежка, по крайней мере та, извивом которой следовал Владимир Константинович, потому что под сенью колючих сосенок петляли десятки других, вывела на высокий обрыв, откуда во всей красе открывалась стальная гладь озера. Узкую полоску песка внизу лизала медленная волна. Из-за постоянных дождей вода заметно прибыла. От глинистых обрушений расплывалась нечистая пена.

Включив шагомер, Люсин двинулся вдоль обрыва, и чем далее шел, тем менее нравилось ему это место. Попытка найти не столь рискованный вариант кончилась ничем. Углубившись в сосны и проблуждав там, как в лабиринте, он вновь оказался на берегу.

Определенно подтверждался первоначальный вывод: эти триста сорок шагов по-над берегом, безусловно, были самыми опасными на всем пути. Здесь даже в сухую светлую пору можно было невзначай оступиться. Судя по карте, затребованной у местных гидрологов, дно опускалось достаточно круто. Теперь, когда уровень повысился чуть ли не на метр, глубина была довольно приличная почти на всем протяжении. Особенно подозрительно выглядели участки оползней, где озеро словно вгрызалось в берег.

Простой здравый смысл подсказывал, что таким путем мог пойти в тот день лишь заведомый самоубийца. Значит, Георгий Мартынович выбрал другую дорогу, более дальнюю.

Полюбовавшись бледными облаками, растянувшимися низкой прерывистой цепью, Люсин вернулся в сосны. Пришлось порядком побродить, прежде чем обнаружилась неприметная аллейка, выводящая к мостику. Люсин вернулся по ней к исходному пункту, где шоссе сворачивало на дамбу, и, совершив поворот на сто восемьдесят градусов, вышел к протоке. Так идти оказалось не в пример проще, хоть и несколько дольше. Проблемы оставались прежние: густые лесопосадки и близость озера, правда, далеко не столь угрожающая.

Владимир Константинович постоял в одиночестве на мосту, пока не появился гражданин с удочками в защитного цвета чехле, и, поплутав среди крупноблочных башен, снова выбрался на берег. Сравнительно низкий, сплошняком заросший курчавым клевером, он мирно спускался к затопившей нижнюю кромку воде. Отсюда уже виднелись ажурные подвески проводов и край высокой платформы. Туда вела черная лента асфальта, отмеченная штангами уходящих вдаль фонарей.

Записав, где следует прочесать местность, а где хорошенько обшарить дно, Владимир Константинович побрел на станцию. Голода он уже не ощущал, но зато пробудилась тупая, пульсирующая боль в темени.

На привокзальной площадке, где автобус делает круг, Люсин заметил Аглаю Степановну. Вернее, она сама его углядела и, выдвинувшись из очереди, поманила рукой.

— Сам на себя не похож, а все бегаешь,— проворчала, не выпуская из вида стоявшую у ее ног укутанную марлей корзину.

— Голова разболелась, Степановна,— с трудом ворочая языком, пробормотал Люсин. Перед глазами прыгали световые зигзаги, прошивая пространство косой сморщенной строчкой.— Тут аптеки нигде нет поблизости?

— Как не быть? Есть аптека.— Она махнула рукой в сторону переезда.— А то к нам завернешь, голубь? Авось помогу.

— Ага, бабуся, спасибо.— Владимир Константинович поворотился, как манекен, и покорно побрел обратно, с трудом переставляя непослушные ноги.

— Да куда ж ты?— окликнула его Аглая Степановна.— Автобуса хоть дождись, а то не ровен час свалишься.

— Ладно.— Люсин покачнулся, но устоял и, наклонясь вперед, словно преодолевая тугой порыв ветра, сделал следующий шаг.— У меня тут машина...

Как добрались до места, он едва ли запомнил. Но из машины, собравшись в упрямый комок, вылез самостоятельно и деревянным шагом дотащился до какого-то дивана в углу. И тут свет окончательно померк для него, если, конечно, Аглая Степановна просто-напросто не занавесила окна.

— Давление подскочило,— пробормотал Владимир Константинович.— Ничего страшного.— И он позволил себе отключиться.

Освобождение пришло откуда-то извне, хотя он и дал себе внутреннюю свободу. Пахнуло бальзамическим холодком и словно бы тиной болотной, и он почувствовал легкое, скользящее прикосновение мази к вискам. И это было последнее, что успела ухватить память, отлетая с Земли.

Проснувшись в темноте на незнакомом скрипучем ложе, Владимир Константинович долго не мог сообразить, где он и что с ним. Тело сладко поламывало, как после хорошей лыжной пробежки, гортань горела сухим огнем, но в голове ощущалась полная ясность. Лишь память отшибло на каких-то этапах, и понадобилось известное напряжение, прежде чем удалось восстановить последовательность событий. И какой же немыслимо удаленной во времени показалась ему эта прогулка по берегу среди упругих подрастающих сосен!

Люсин прислушался. Откуда-то долетали еле различимые отрывки речи. Он заставил себя встать и, нашарив в потемках дверь, побрел на путеводную черточку света в конце коридора.

Аглая Степановна и Коля безмятежно гоняли в кухне чаи. Уютно бормотало радио. На ручках самовара висели бублики.

— Проснулся, голубь?— Старуха подняла взгляд. Дуя на блюдце, из которого, вкусно причмокивая, тянула крутую заварку, она насмешливо прищурила пронзительное, ястребиной зоркости око.— Головочка не трещит, чай?

— Спасибо, бабушка, все прошло,— поблагодарил Люсин и вдруг спросил, испуганно встрепенувшись: — Который час? На дворе уже ночь?— И тут только сообразил, что у него есть часы.— Неужели всего-навсего девять?

— Так точно,— улыбнулся Коля.— Без трех минут. Хорошо поспали, Владимир Константинович?

— Черт!— помянул нечистого Люсин, хлопнув себя по лбу.— Ведь я обещался вернуться!

— Не беспокойтесь, Владимир Константинович. Я звонил... Сказали, чтоб отдыхали себе спокойно.

— Воображаю, чего ты наговорил!— Люсин даже покраснел от бессильной досады.

— Ничего особенного. Что есть, то и сказал: гипертонический криз. С кем не бывает? У меня братан моложе вас, а его в прошлом месяце по первое число прихватило.

— Мне ничего не передавали?

— Передавали.— Коля Самуся протянул записанный на обрывке газеты номер.— Просили позвонить, как проснетесь.

Люсин бросился к телефону, едва не столкнувшись в дверях с Аглаей Степановной, которая чуть было не выронила тяжелую трехлитровую банку, до краев наполненную алым напитком.

— Рехнутый!— осерчала старуха.

Промучившись минут двадцать — город упорно был занят,— Люсин наконец соединился с дежурным.

— Поступил сигнал из Волжанска,— доложил тот, когда Владимир Константинович назвал себя.— Гражданин Горбунов Калерий Аркадьевич, весовщик мясокомбината, опознал по фотографии Солитова. Говорит, что видел, как его увозили на «Скорой помощи». Товарищ Гуров уже выехал на место.

— Гуров?— Люсин все еще соображал в замедленном темпе, не постигая в полном объеме значения столь неожиданного (впрочем, почему неожиданного?) поворота событий.— А из наших?

— Капитан Крелин. Просил согласовать с вами.

— Считайте, что согласовано,— повеселел Люсин.— Больше ничего?

— Еще был звонок от гражданина Бариновича Гордея Павловича.— Дежурный интонацией выделил рифмованное созвучие.— Хотел встретиться с вами по тому же вопросу. Оставил свой адрес.

— Благодарю. Буду завтра с утра.— Люсин задумался, не отрываясь от трубки, и подавил соблазн рвануть на ночь глядя в этот самый Волжанск. «Неужели все-таки сработал калининский вариант?» — спросил себя, медленно опуская палец на рычажок.

Глава тринадцатая

СЛУЧАЙ В ВОЛЖАНСКЕ

Перед въездом в город Волжанск Гурова с Крелиным поджидала машина ГАИ с включенной мигалкой. Расплескивая синие молнии и завывая сиреной, она повела за собой в непроглядную ночь. Это оказалось совсем нелишним, потому что ехать пришлось через городской центр, с его кривыми узкими улочками, как попало застроенными в конце прошлого века.

Станция «Скорой помощи» размещалась в старом кирпичном доме, окруженном ветхим забором, через который перевешивалась буйно разросшаяся акация. В резком свете фар листва казалась непроницаемо мрачной. Свернув в проем между столбами, на которых топорщились крюки от снятых ворот, и ловко лавируя среди новеньких фургончиков с крупно нарисованными цифрами «03», обе милицейские машины подрулили к главному входу.

— Чего мурыжат автопарк под открытым небом? — уронил мимоходом Гуров, взбегая по ступенькам широкой лестницы.

Главный врач, обо всем предупрежденный заранее, не теряя времени, вызвал врачей и санитаров, дежуривших в указанный свидетелем Горбуновым день. Но ни один из них не опознал предъявленной фотографии.

— Значит, мы его не возили,— категорически заявил главврач, втайне довольный скорым разрешением дела, ничего не сулившего, кроме лишних беспокойств.— Не наш больной.

— Но свидетели утверждают, что видели, как на Пролетарской площади именно его укладывали в карету,— возразил Гуров.

— А они не врут, ваши свидетели?

— Помилуйте, зачем?— Гуров сохранял завидное терпение.

— Мало ли... Встречаются, знаете ли, субчики с чрезмерно развитой фантазией. Мы это во как знаем. Вы даже не представляете, сколько бывает напрасных вызовов!

— Сочувствую,— осторожно вмешался Крелин.— Но данный случай, надеюсь, сюда не относится?

— Нет его, вашего случая.— Главврач почему-то обиделся.— Я привык доверять своим сотрудникам.

— И мы не сомневаемся в их добросовестности,— заверил Гуров.— Но не верить показаниям свидетелей тоже нет оснований. Надеюсь, у вас ведется регистрация?

— А как же!— Главврач поспешно вызвал по селектору дежурную медсестру.— Принесите книгу вызовов!— распорядился властно и забарабанил в ожидании пальцами.

Минут через пять в кабинет вступила неприветливая, излишне полная женщина.

— Так! — Шеф волжанской «Скорой помощи» принялся водить пальцем по строчкам.— Ну, что я говорил?— Дойдя до конца, он захлебнулся торжествующим смешком.— Нет такого!

— А если у человека вдруг нет документов?— спросил Крелин.

— Регистрируем как безымянного.

— Тогда поищите среди безымянных.

— Я могу уйти?— угрюмо спросила сестра.

— Нет, ждите! Я вам скажу, когда будет можно! Посмотрите среди безымянных.— Он перебросил книгу на соседний стол.— Если был человек, значит, найдется и запись.

— Не записано,— изрекла приговор медсестра, закончив просмотр, и неприязненно отвернулась.

— Вы свободны, Анфиса.— Главврач удовлетворенно отряхнул руки.— Будут вопросы?

— Какие документы еще заполняются на больных, кроме записи в книгу?— спросил Гуров.

— Ну, есть сопроводительные листы. Один экземпляр сдается в больницу, другой остается у нас.

— Проверьте, пожалуйста,— проявил настойчивость Гуров.

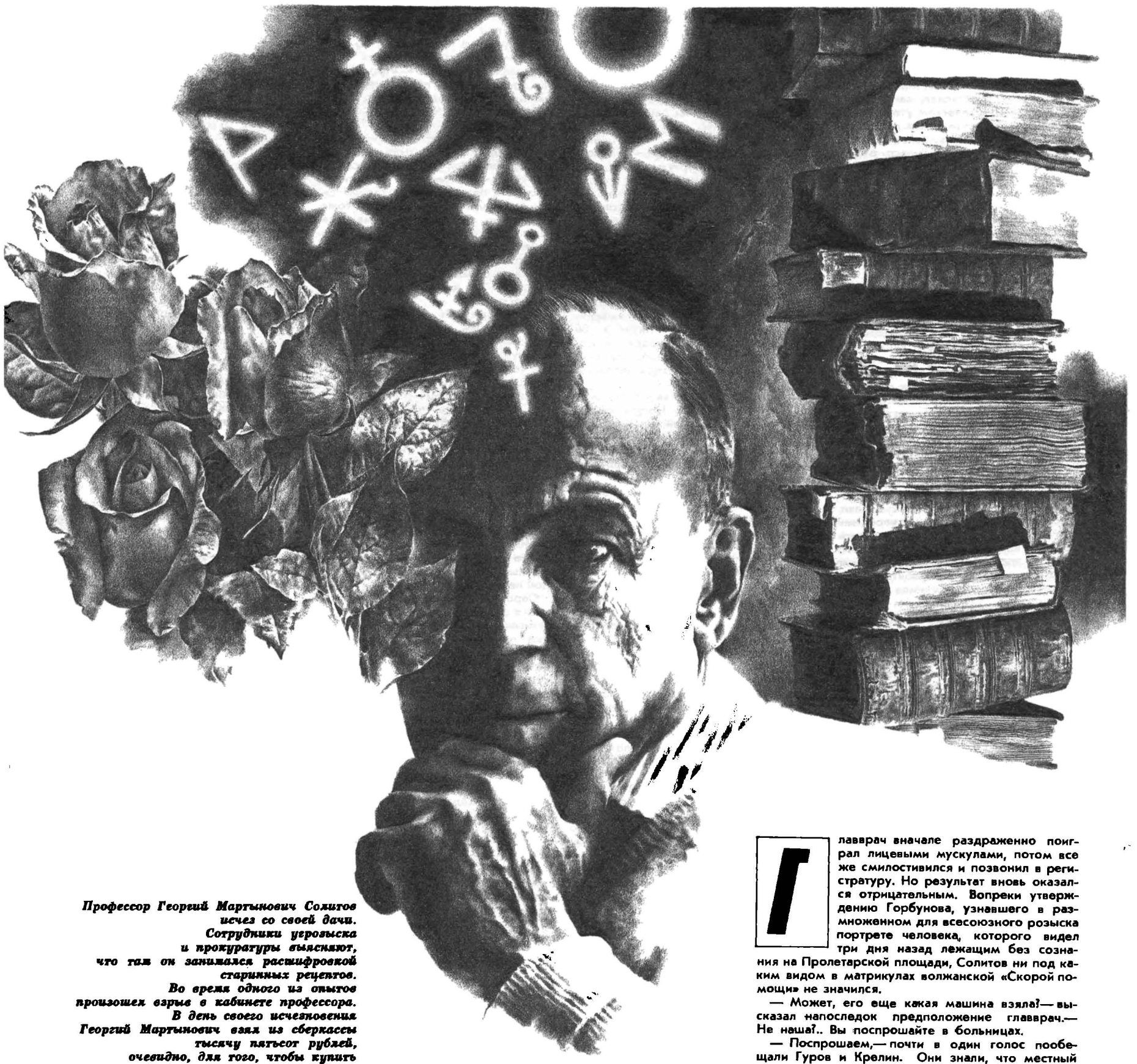
Продолжение следует.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Роман

Рисунки Валерия КАРАСЕВА



Профессор Георгий Мартынович Солитов исчез со своей дачи. Сотрудники угрозыска и прокуратуры выяснят, что там он занимался расшифровкой старинных рецептов. Во время одного из опытов произошел взрыв в кабинете профессора. В день своего исчезновения Георгий Мартынович взял из сберкассы тысячу пятьсот рублей, очевидно, для того, чтобы купить предложенную ему очень редкую и ценную книгу. Ведущие следствие Гуров и Люсин проверяют в больницах и «Скорой помощи», не произошел ли с Солитовым несчастный случай.

Главврач вначале раздраженно поиграл лицевыми мускулами, потом все же смилостивился и позвонил в регистратуру. Но результат вновь оказался отрицательным. Вопреки утверждению Горбунова, узнавшего в размноженном для всесоюзного розыска портрете человека, которого видел три дня назад лежащим без сознания на Пролетарской площади, Солитов ни под каким видом в матрикулах волжанской «Скорой помощи» не значился.

— Может, его еще какая машина взяла?— высказал напоследок предположение главврач.— Не наша?.. Вы поспрошайте в больницах.

— Поспрошаем,— почти в один голос пообещали Гуров и Крелин. Они знали, что местный угрозыск уже и без того ищет по всем лечебным учреждениям.

Первый намек на след обнаружился в пункте травматологии, где вконец задерганный дежур-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—7.

ный врач опознал, хоть и с известной долей сомнения, предъявленную ему фотографию.

— По-моему, он у нас был. Травма черепа, если память не изменяет. Я, правда, не смог им заняться, потому что в тот день, как назло, было много несчастных случаев. Сами понимаете, что это для нас значит. Мы буквально разрывались на части... Полной гарантии дать не могу, но лицо определенно знакомое.

— Кто его доставил, не помните?— спросил Крелин.

— «Скорая помощь», надо думать. Помнится, он был без сознания. Вся голова в крови, над левой бровью ссадина. Я первым делом велел обработать раны. А потом привезли девочку со сложным переломом голени, и я его больше не видел.

Подняли документы, хотя было уже далеко за полночь. Куря сигарету за сигаретой, Гуров сам перелистывал журнал, не слишком полагаясь на клевавшую носом сестру. Таинственный пациент с ранением черепа не значился, однако, и в этих списках.

— Чертовщина какая-то!— Борис Платонович снял очки и устало зажмурился.— Девочка с голенью есть, а его нету.

— Кроме вас, кто-нибудь еще дежурил в тот день?— сохраняя полнейшую невозмутимость, включился в разговор Крелин.

— Галина Марковна. Мы с ней постоянно в одной смене работаем.

— Ее можно сюда пригласить?

— Почему же нет? Только вам придется немного подождать.

— Сложный случай?— Крелин сочувственно улыбнулся.

— Алкоголик из окна вывалился,— дал соответствующее пояснение врач.— С третьего этажа... Вы извините, но мне тоже пора бежать. Трехлетнего мальчика привезли на милицейском мотоцикле. Папин свисток проглотил, понимаете... И смех, и грех.

— Работка,— заметил Крелин, оставшись вдвоем с Гуровым.

— Не позавидуешь,— согласился следователь, ощущая, как мозг заволакивает расслабляющая дымка.— Выйду покурить на чуток.— Он привычно хлопнул себя по карманам.

Галина Марковна явилась нескоро, когда ночь пребывала в самой глухой поре. Гуров и Крелин встрепенулись, как по команде, когда раздался уверенный стук каблуков, гулко отозвавшийся в пустоте коридора.

— Это вы меня ждете?— Вошла высокая женщина с нездоровым румянцем. Она была явно взвинчена.

— Видно, тот еще фрукт вам достался!— Крелин шагнул ей навстречу.

— Не то слово!.. Вы из милиции?

— Из милиции.

— Тогда можете забрать свое сокровище. Ничего серьезного. Таким почему-то всегда везет. Счастливо отделался.

— Простите, Галина Марковна, но мы совсем по другому вопросу.— Гуров поспешно достал фотографии.— Вам знаком этот человек?

— Где-то я его как будто видела.— Она неуверенно пожевала губами.— Нет, не припоминаю.

— Травма черепа,— подсказал Крелин.— Ссадина над левой бровью...

— Ах, этот!— вспомнила Галина Марковна.— Ну, конечно, ко мне его доставили после перевязки, когда он был уже весь в бинтах... Однако у того было немножко другое лицо.— Она еще раз внимательно взглянула на снимок.— По-моему, это не он.

— Вы уверены?— Крелин вновь переглянулся со следователем.

— Определенно.— Она щелкнула ногтем по фотографии.— Здесь круче излом бровей и форма носа иная: горбинка и более широкий разворот крыльев.

— Очень может быть, Галина Марковна!— воскликнул Гуров, то ли в приливе восторга, то ли, наоборот, негодующе. — Вы исключительно наблюдательная женщина!

— Я специалист по черепным травмам.— Она охладила его высокомерным взглядом.

— Тогда тем более мы должны положиться на ваше авторитетное заключение.— Гуров привычно потянулся за сигаретой, но опомнился и лишь огорченно махнул рукой.— Если бы не одна досадная мелочь. Почему больной, о котором идет речь, нигде не значится?

— Понятия не имею. В мои обязанности не входит вести запись.

— Кто же должен в таком случае?

— Поинтересуйтесь у сестры. Я вам ее подошлю.— Галина Марковна возвратила снимок, обнаружив намерение удалиться.

— Одну минуточку!— деликатно остановил ее Крелин.— Извините... Нас вовсе не интересуют регистрационные процедуры. Нам человек нужен, Галина Марковна.

— Какой?— мгновенно и точно отреагировала она.— Этот, что на карточке, или тот, кого мы обследовали?

— Безусловно, этот.— Крелин машинально взглянул на фотографию.— Вашего мы ищем, чтобы исключить всякую возможность ошибки. Где он может находиться в данный момент, как, по-вашему?

— Узнайте в психоневрологическом. Скорее всего, мы переправили его туда. Правильно, так оно и было.

— На чем переправили?— спросил Гуров.

— Да на той же машине!

— Понятно,— кивнул Крелин.— Но почему именно в психоневрологический? Для этого, очевидно, были какие-то основания?

— Без оснований, товарищи, ничего не делается. Во-первых, больной, придя ненадолго в сознание, был очень возбужден. Судя по всему, его мучили нестерпимые боли. Установить с ним контакт не удалось, хотя каких-либо внешних нарушений я не обнаружила. При рентгеноскопии костей черепа тоже повреждений не выявилось.

— Значит, у вас должен остаться рентгеновский снимок?!— обрадованно воскликнул Гуров.

— Не думаю. В подобных случаях мы все отправляем вместе с больным. Порой от какой-то минуты зависит человеческая жизнь.

— М-да, у вас времени зря не теряют,— саркастически процедил Гуров.— Наверное, сестра даже не успела оформить!

— Не знаю, спросите у сестры. Мы сделали все, что полагается: обработали раны, наложили перевязку, ввели обезболивающее. Специалистов по нейрохирургии у нас нет, психиатров — тоже.

На том и расстались к обоюдному облегчению.

— А ночь хороша!— Выйдя наружу, Гуров полной грудью вдохнул теплый, насыщенный сыростью увядания воздух.— Тихо-то как, господи! И звезды! — Он достал сигареты и присел на ступеньку возле дряхлого, облупившегося льва.— В гостиницу поедем?

— Куда же еще?.. Вздремнуть часок-другой не мешает.

— Что верно, то верно. Утро вечера, как известно, мудренее. Может, и нам блеснет улыбка удачи на путях скорби.

Но напрасны были упования на утро. Оно не принесло ясности. Крики окрестных петухов не разогнали ночную нечисть. В психоневрологическом диспансере материальных следов таинственного пациента тоже почему-то не обнаружилось. Прямо наваждение какое-то!

Гуров крепко взял в оборот заместителя главврача.

— Значит, вы признаете, что у вас был такой больной?— быстро разобравшись в обстоятельствах, поставил он вопрос перед замом.

— Несомненно.

— Его доставили в машине «Скорой помощи» из травматологии?

— По-видимому, так, раз они утверждают.

— Но записи нет?

— Записи нет, хотя дежурная сестра Глазунова Лариса Ивановна была обязана это сделать.

— Вы слышите, гражданка Глазунова?— Борис Платонович медленно перевел взгляд на миловидную девушку в кокетливо облегающем халатике.

— Я хотела записать, когда будет заполнена медицинская карточка.— Она обиженно заморгала, не чувствуя за собой никакой вины.

— Карточку заполнили?—Гуров вновь переключился на зама, который то и дело вытирал платком солидную лысину.

— Поймите же наконец, что в этом не было никакого смысла!

— Почему, позвольте узнать?

— Да потому, что больной был направлен явно не по адресу! Мы сразу поняли, что это не наш больной. В травматологии не разобрались должным образом и спихнули нам.

— Теперь понятно. Вы обнаружили ошибку, разобрались и перепихнули дальше. Я правильно понимаю?

— Вам не кажется, что вы разговариваете со мной в недопустимом тоне?

— Не кажется,— с обдуманной резкостью оборвал Гуров.— Я лишь повторяю ваши слова. Или спихивают только в травматологии? Вы, значит, переправляете по принадлежности? — Он постарался поточнее передать интонационное звучание.— Если так, то прошу прощения... Короче говоря, куда направлен больной?

— В первую больницу. У них хорошая терапия и есть опытный консультант по нейрохирургии.

— Поедем туда, Борис Платонович,— сказал молчавший до тех пор Крелин.— Не будем терять времени. Ведь все ясно: больной не их, его переправили по принадлежности, а эта милая девушка, не обнаружив заполненной карточки, забыла сделать запись в журнале.

— Да.— Гуров медленно и как-то не очень охотно поднялся.— Дело действительно ясное. Но мы еще вернемся сюда...

В первой больнице мистический туман развеялся без следа. Все объяснилось, как по щучьему велению: запись в книге, история болезни за номером девять тысяч семьсот двадцать три, амбулаторная карта и даже сопроводительные листы, которые недоверчивый Борис Платонович совершенно напрасно отнес к категории мифических. Они пребывали в первозданной целости, то есть в двух экземплярах, потому что первозившая больного бригада, точнее, входившая в нее сестра, позабыла в хлопотах оторвать положенную половину. Так и передавали человека из рук в руки вместе с бумагами (рентгенограмма черепа тоже нашлась), и никто не обратил внимания на «пустяк».

А «пустяк» этот наглухо обрубил за безвестным страдальцем концы. Распутать столь безнадежно, хотя и без всякого умысла запутанный узел воистину мог лишь следователь, притом столь цепкий, да еще с помощью криминалиста из уголовного розыска.

Не склонный к проявлению сантиментов Гуров настолько расчувствовался, что даже поцеловал руку пожилой даме, заведовавшей отделением, в котором — в это все еще было трудно поверить — находился в данную минуту больной.

— Спасибо вам за вашу доброту!— едва не прослезившись, поблагодарил он, выслушав подробный рассказ о предпринятых медицинских мерах.

— Никакой моей доброты тут нет,— отклонила она незаслуженную похвалу.— Просто самый элементарный долг.

— Но ведь без документов человек и даже имя его неизвестно!..

— Ну и что? Медицинская помощь гарантирована у нас всем без исключения Конституцией. Был бы человек, а документы найдутся.

— Вот это правильно!— восхитился Гуров.— А на него можно взглянуть хоть одним глазом?

— Вообще-то мы стараемся в реанимацию не особенно допускать, но у вас, как я понимаю, исключительный случай?

Глава четырнадцатая

ЗОЛОТОЙ ЭЛИКСИР

Надеясь перехватить Бариновича до начала рабочего дня, Люсин вышел из дому затемно, когда в простом геометрическом узоре спящих окон можно было насчитать лишь два-три освещенных квадратика. Служебная машина на такой случай была не предусмотрена — чином не вышел, а ехать предстояло через весь город. Сначала на метро с двумя пересадками, затем автобусом.

Записанное все на том же газетном клочке имя ничего не говорило ему, и он совершенно не представлял себе, с кем придется иметь дело. Звонить в справочную почему-то не захотелось. Да и что существенно важного она могла сообщить? Разве только место работы?

Люсин не знал, что у Бариновича два присутственных дня в неделю и застать его дома отнюдь не проблема. Для этого не только не требуется вставать ни свет ни заря, но вообще удобнее явиться с визитом попозже, поскольку Гордей Павлович предпочитает работать ночью, а утром поспать.

— Хорошо сделали, что зашли!— Гордей Павлович энергично потряс в пожатии руку и выжидательно примолк.— Вы, простите, откуда?

— Мне сообщили о вашем звонке,— коротко объяснил Люсин и нерешительно, словно что-то мешало ему, потянулся за служебным удостоверением. Этот чудаковатый человек с воспаленно припухшими веками определенно не подходил ни под какие стандарты.

— Я вам звонил?— удивился Баринович и тотчас, словно устыдившись своей забывчивости, закивал круглой, коротко остриженной головой.— Вообще-то звонил, надо думать.

— Я по поводу профессора Солитова,— осторожно намекнул Владимир Константинович.

— Ах, как это я сразу не догадался!— Он горестно всплеснул руками.— Значит, вы от Натальи Андриановны?

— Конечно,— уверенно подтвердил потрясенный в душе Люсин, чувствуя, что вляпался, не спросясь броду, в какой-то очень круто завернутый омут.— Мы с ней знакомы.— Предпочитая не кривить душой без крайней нужды, он выбрал именно такую формулировку.

— Понятно, иначе бы она не дала мне ваш телефон.

— Ну, необязательно,— уклончиво протянул Владимир Константинович, не уставая изумляться. Внутренний облик Бариновича, которого связывали с Наташей какие-то совершенно неизвестные отношения, стал еще более загадочен. Скромная квартира, примечательная разве что обилием книг, ничем его не проясняла.

— Если я правильно понял Наталью Андриановну,— Баринович пропустил реплику мимо ушей,— вам может пригодиться даже самая незначительная с виду подробность. По-видимому, это действительно так, потому что нет более трудной задачи, чем воссоздание прошлого. Близкого ли, далекого — не в том суть.

— Вы совершенно точно поняли.

— Тогда будет лучше, если я попытаюсь почти дословно восстановить тот телефонный разговор. С моим знакомым. Он, кстати сказать, даже не подозревал, что с Георгием Мартыновичем могло что-то такое случиться. Как и я, впрочем. Странная вещь: человека уже нет, а о нем говорят как о живом. И все потому, что не знают. Это похоже на свет сколлапсировавшей звезды. Она безмятежно горит в ночном небе, а мы и не догадываемся о чудовищной катастрофе, которая случилась миллионы лет до нас. Просто информация не успела дойти, хотя и несется со скоростью света.

— Очень образно,— оценил Люсин, мысленно сделав стойку. Ничем не выдавая своего интереса, он выслушал короткий рассказ о телефонном звонке неизвестного пока Пети, предложившего продать травник с печатью метра Макропулоса. Ценность сведений едва ли можно было завысить. Не говоря уже о том, что стало ясно, для чего Солитову спешно понадобились деньги, обозначилась еще одна неизвестная доселе нить.

— Когда вы виделись с Натальей Андриановной в последний раз?— Люсину прежде всего было необходимо прояснить общую диспозицию.

— Позавчера. Мы вместе возвращались из гостей. А наутро я уже вам звонил. Но вас, к сожалению, не оказалось на месте... Надеюсь, мое сообщение не слишком запоздало?

— Ни в коей мере.— Люсин задумчиво покачал головой.— А Наталья Андриановна молодец, что надоумила вас!

— Она человек исключительной деликатности. Очевидно, у нее были причины настаивать на том, чтобы я сам рассказал вам обо всем. Вернее, не причины, как таковые, а психологически точное ощущение того, что подобает, а что неприемлемо.

— Пожалуй,— согласился Люсин.

Баринович все острее будил его любопытство. Наивная распахнутость естественно сочеталась у него с углубленной чуткостью и широтой мысли.

— Петю этого вы хорошо знаете?— Владимир Константинович зашел с другой стороны, хоть его и покоробила примитивная обнаженность вопроса. Уж очень по-милицейски выходило, в худшем, разумеется, смысле. Тем более, что имя книжника вырвалось у Бариновича невзначай.

— Я бы сказал, давно,— мягко поправил Баринович.— Одно время он поставлял мне необходимые для работы книги. Это лучший знаток библиографических редкостей, какого я знаю.

«Ученый,— рассудил Люсин,— как Солитов, Наташа, как они все. Отсюда и контакты со всеми разветвлениями».

— Постарайтесь понять меня правильно,— воззвал он к разуму собеседника,—но мне нужны более подробные сведения: фамилия, адрес, можно телефон... Нет-нет!— Предвидя реакцию, Владимир Константинович протестующе воздел руку.— Я не произношу слово «спекулянт», хоть оно и просится на язык, и вообще, даю честное слово, мне нет никакого дела до побочных занятий вашего знакомого. Он интересует меня только в связи с Георгием Мартыновичем. Исключительно!

— Понимаю вас.— Наливаясь краской, Баринович опустил голову.— Но позвольте не отвечать. Я должен хорошенько обдумать.

— Я вас тоже глубоко понимаю. Если есть внутренние препятствия, лучше вообще снять проблему. Целиком. Как говорится, замнем для ясности.— Люсин взмахом развеял воображаемый дым.

Он мог позволить себе этот красивый жест. Книжник такого класса, да еще имя названо, недолго останется неизвестным. Бариновичу при всем его уме и невдомек, как это поразительно просто.

— Ценю ваш такт.— Без тени иронии Баринович приложил руку к сердцу.

— Суть в том, Гордей Павлович, что у каждого ремесла свой набор приемов. Мне, чтобы правильно ориентироваться, необходимо проникнуть в мир интересов Георгия Мартыновича, сжиться с обстановкой, наконец, научиться читать все эти алхимические криптограммы. Ведь в его записях, извините, сам черт ногу сломит!

— Этому нужно учиться всю жизнь. Причем не просто учиться. Надо еще и любить, и чувствовать прелесть, и получать удовольствие. Возможно ли разобраться в поэзии без любви? В букете изысканных вин без трепета наслаждения?

— О таких эмпиреях я даже не мечтаю.— Люсин обезоруживающе, с простоватой хитрецой ухмыльнулся.— Мне лишь в самых общих чертах... Характер последних химических опытов, причина взрыва, галлюциногены, токсичность и тому подобное. Войдите в мое положение.

— Давайте попробуем.— Баринович пожал плечами.— Хотя боюсь, что и мне подобный орешек окажется не по зубам. Георгий Мартынович иногда нарочно зашифровывал записи.

— Зачем?

— А просто так, из любви к искусству. Вы вот говорите, что хотели бы вжиться в образ, в обстановку и все такое. А он? Ему-то это было куда важнее! Облик эпохи, ее пророческий символизм. Не только златодеды и врачеватели берегли свои записи от чужого глаза, но и такие титаны мысли, как Леонардо. Его кодекс, хранящийся в коллекции Хаммера, написан, например, в зеркальном отображении. Одной тайнописи, очевидно, показалось недостаточно. Величайший из гениев, судя по всему, с одинаковой ловкостью писал и слева направо, и справа налево. Расшифровщикам, прежде чем приняться за работу, пришлось обучиться такой манере письма. Насколько я знаю, Георгий Мартынович овладел символикой алхимиков по ходу дела. Пытаясь воссоздать рецептуру чудодейственных эликсиров, он перелопатил такую груду чернокнижной писанины, что волей-неволей стал разбираться во всевозможных тонкостях. Неудивительно, что ему порой хотелось слегка поиграть в эту увлекательную премудрость. Я его вполне понимаю.

— А вы лично верите, допустим, в универсальное лекарство? Хоть чуть-чуть...

— Ни в малейшей степени. Кому только не приписывала молва подобное средство: Калиостро, Сен-Жермену, Макропулосу — бог знает кому... Даже прорицателю Нострадамусу и Амбруазу Паре, придворному лекарю французских королей. Мифическому Христиану Розенкрейцу, наконец... Однако согласно датам, которые приводит словарь Лярусс, все эти благодетели человечества прожили вполне умеренные отрезки жизни. Отнюдь не Мафусаилы... Уверяю вас.

— Выходит, поиски Солитова заранее были обречены на провал?

— Это еще почему?— решительно не согласился Баринович.— Во-первых, разрешение загадок, даже такого плана, уже вклад в науку, хотя самого Георгия Мартыновича интересовала проблема иного рода. Темное суеверие, наглое шарлатанство, отголоски языческих ритуалов, наконец, самоослепление, от которого не застрахован и современный ученый,— все это, конечно, имело место. Но ведь было же и нечто иное! Драгоценные крупицы народного опыта, провеянные сквозь сита тысячелетий! Подлинные открытия, рожденные в укромном мраке лабораторных келий, куда добровольно заточали себя искатели невозможного! Вспомните хотя бы вакцинацию, которую применили против оспы задолго до того, как был открыт возбудитель болезни. Микробы вообще! А паутина? А плесень, коей наши деревенские бабки лечили загнившие раны? Сотни и сотни лет прошло, пока Флеминг додумался до препарата на основе грибка пенициллa.

— Значит, и в этой области деятельность Солитова представляется вам вполне целенаправленной?

— Безусловно. Ведь в каждом, даже составленном заведомым шарлатаном рецепте долголетия содержались компоненты, в которых, скажем так, аккумулировались надежды той или иной эпохи.

— Извините.— Люсин смущенно пожал плечами.

— Хорошо!— Баринович зашел с другой стороны.— Возьмем наши дни. Разве и мы с вами не разделяем в какой-то мере древнейших суеверий насчет алхимической панацеи? Про экстрасенсов и тибетских врачей, будто бы излечивающих от всех болезней, я уж не говорю. Просто обращаю ваше внимание: от всех! Но вспомните хотя бы женьшень, который издревле мнился панацеей. Лишь совсем недавно, уже на нашей памяти, этот загадочный корень жизни лег наконец на лабораторный стол. Теперь по крайней мере мы хотя бы приблизительно знаем сферу его применения. Она, увы, не безгранична, как бы этого нам ни хотелось. Ни рог носорога, ни элеутерококк, чьи вытяжки включают ныне во многие рецепты, не способны сотворить чудо. Но знать их возможности необходимо. Сама история как бы нацеливает исследователя на тот или иной препарат. В иные времена самым универсальным лекарством считалась роза. Прекрасно! Она и в наши дни исправно несет свою целительную службу. Но сколько было других помощников, нам, к сожалению, неизвестных!

— Мандрагора, например!— подсказал Люсин.

— Возможно, и мандрагора, хотя наши медики не признают за ней особых достоинств.

— Она могла играть свою роль в комплексе с другими лекарствами.

— Правильно, в комплексе! Сила растительных сборов проявляется в ансамбле, где даже абсолютно ядовитые составляющие подчас совершенно меняют свое поведение. Такова, например, белладонна, которую вместе с дурманом успешно применяют против астмы, конечно, в соединении с другими травами.

— Я с удивлением узнал, что у нас есть богатые плантации лекарственных трав.

— Ничего удивительного. Целебные травы испокон веков выращивали. Мы лишь возродили исконную традицию. Тот же женьшень культивируется уже не только в Приморье, но и на Северном Кавказе, даже в средней полосе.

— Признаюсь, что с первого взгляда сад Георгия Мартыновича произвел на меня жутковатое впечатление.

— Уверен, что лекарственное сырье вскоре будет выращиваться только в промышленных масштабах. Иначе нельзя. Казавшиеся неисчерпаемыми кладовые природы скудеют прямо на глазах... Но мы говорили о вспышках моды. Вчера это были проростки пшеницы или несоленый рис. Сегодня — свекольно-морковный сок или отвар овса с курагой и изюмом. Смешно, конечно, возлагать слишком большие надежды, но в каждом из этих простых средств есть свое целительное начало. Поэтому тысячу раз был прав провидец Солитов, обратясь к далекому прошлому. Наши предки, как и мы, подверженные поветриям слепой веры, были все-таки не глупее нас. Согласны?

— Бесспорно. Но и не умнее! Напоминание о «черной смерти», выкосившей три четверти Европы, заставило меня серьезно поразмыслить. Несмотря на все издержки прогресса, его победное шествие великолепно. Я, признаюсь, остро завидую нашим потомкам, что совсем не мешает мне почитать наследие предков.

— В чем-то мы стократно их превзошли — достижения цивилизации налицо,— но в чем-то стали беднее. Нерастраченный опыт поколений, бережно передававшийся от отца к сыну,— хитрая вещь! Не случайно мы так ухватились за простые средства, поняв, что нельзя постоянно палить из пушек по воробьям. Чай с малиной, отвар липового цвета куда надежнее и, главное, безопаснее помогут справиться с обычной простудой, нежели аспирин, подавляющий производство простагландинов в организме, или того пуще—антибиотики. Вот и судите теперь, прав был или же нет Георгий Мартынович, выискивая активное начало в «Чае Сен-Жермена», которым самозваный граф потчевал Людовика Пятнадцатого. Мне кажется, стопроцентно прав! Или возьмем «Золотой эликсир Калиостро», коим великий самозванец подкреплял рано увядшие силы следующего Луи, столь пылко влюбленного в свою ненаглядную Марию-Антуанетту. Про бальзам Амбруаза Паре, который действительно был гениальным врачом, я уж и не говорю.

— Я вижу, вы сильны не только по исторической части, но и в химии.

— В какой-то степени,— с явным сомнением пояснил Баринович.— Я ведь защитил диссертацию по органической химии. Мы общались с Георгием Мартыновичем, беседовали, но каждый шел, что называется, своим путем. Иногда я помогал ему в чем-то, но чаще сам прибегал к нему за советом.

— Вот уж не думал, что столько крупных ученых занято в подобной области. На стыке, так сказать, истории и точных наук.

— Какое там!— отмахнулся Гордей Павлович.— Раз-два, и обчелся, хотя и существует в системе союзной академии специальный Институт истории естествознания. Чтоб вам было ясно, ваш покорный слуга этой самой историей и занимается. И таких, как я, в нашей системе человек двадцать, если не тридцать. Солитов же — уникум! Но историческими разработками он занимался лишь постольку-поскольку, в сугубо прикладных целях, оставаясь строгим естественником: фармакологом и химиком-биооргаником.

— В чем-то он, наверное, был очень счастливым человеком!— вынес неожиданное заключение Люсин.

— Нет, Георгий Мартынович не был счастлив.— Баринович медленно покачал головой.— Увлечение, страсть, упоение самим процессом исследования — все это было, но счастье... Он остро, я бы даже сказал, саморазрушительно, переживал свое одиночество.

— А Аглая Степановна?

— Я почти ничего не знаю о ней. За все время мне лишь однажды удалось вырваться к нему на дачу. Мы все больше зимой встречались, когда он жил один-одинешенек в своей квартире. Больно уж далеко было до него добираться.

— Конечно, конечно...— Люсин мимолетно улыбнулся, беспокойно ощущая ускользающую близость какой-то необыкновенно важной разгадки.— Георгий Мартынович, значит, все летние месяцы проводил за городом...

— Каждый год переселялся туда с первыми весенними деньками. С первыми цветами мать-и-мачехи.

— Как странно! Я ведь толком и не знаю, как выглядит мать-и-мачеха...

— Все меньше остается ее на весенних склонах. Любка, ландыш, адонис почти исчезли из наших подмосковных лесов. Калган, корень валерьяны днем с огнем не сыщешь. Даже кувшинка пропала — украшение зачарованных вод. Дело, конечно, не в красоте, хотя и в красоте тоже. Когда из жизни исчезают пусть самые неприметные с виду былинки, она необратимо беднеет. Но тут не былинки — растения чудодейственной силы! Издревле дарившие нас частицей своей сокровенной мощи. И не какие-нибудь знахарские, хотя и этих жаль, потому что прекрасны и таят нераскрытое, но самые-самые, аптечные, признанные официальнейшей медициной...

— Разве кувшинка тоже относится к числу зелейных?— блеснул освоенным термином Люсин.

— В ее цветках и корневищах обнаружена уникальнейшая смесь алкалоидов! Один нимфеин чего стоит. Солитов, кстати, получил на его основе снотворный и болеутоляющий препарат широкого действия. Вот вам еще один пример поведения растительных ансамблей. Яд кувшинки, довольно сильный и стойкий, в соединении с ядовитыми же алкалоидами зверобоя дает безвредное усыпляющее средство. Об этом знал, между прочим, Макропулос, включивший одолень-траву в свое знаменитое снадобье.

— Одолень-траву?

— А вы не догадывались?— торжествующе рассмеялся Баринович.— Это она и есть, наша кувшинка!

— Ах да, верно!— просиял Владимир Константинович, вспомнив переписанные им карточки ведьмовских зелий.— «Кто тебя не любить станет и хочешь его присушить, дай ясти корень...»

— Из солитовского собрания?— улыбнулся Баринович.— Кувшинка действительно входила в состав приворотных зелий.

— И помогало?

— А вы попробуйте!

— Не на ком.—Люсин невесело ухмыльнулся.— Для этого надо сначала влюбиться.

— Тоже мне препятствие! На улицу выйти страшно, столько красивых женщин. По-моему, их с каждым днем все больше и больше. Вы не замечали?.. Я так влюбляюсь почти ежедневно. Ненадолго, правда, потому как вечно занят и обременен семейством.— Глаза Бариновича затуманились легкой грустью.— Старость, наверное?

— Наверняка не скажу, но что-то в этом роде,— вполне сочувственно подтвердил Люсин.— Влюбиться безответно, до сумасшествия, страдая, сходить с ума и наконец обрести взаимность, пустив в ход приворотное средство... По-моему, это прекрасно!

— За чем же дело стало?

— За зельем, конечно... Вы мне очень помогли, Гордей Павлович. На многое я смотрю теперь иными глазами. Некоторые прежде совершенно непонятные вещи раскрылись с самой неожиданной стороны. Поэтому попробуем возвратиться к нашим баранам.

— К драконам!.. Лично я предпочитаю драконов, коль скоро заходит речь об алхимии. Красный дракон, черный дракон... Зеленый, если угодно, змий.— Баринович заливисто рассмеялся, настроившись на игривые темы.

— Не приходилось,— сознался Люсин,— хотя я и ходил на БМРТ за треской и сельдью в студеные моря... В молодости. Однако ваше пожелание насчет драконов целиком принимаю. Тем более, что мне действительно хочется проконсультироваться с вами относительно чертовщинки.— Он раскрыл блокнот с заготовленными вопросами.— В записях Георгия Мартыновича попадаются примечательные рисуночки: скелетики, птицы вроде ворон, истекающие каплями крови сердца. Что все это может означать, как, по-вашему? Бессознательная регистрация мрачного умонастроения? Чертики, которых мы зачем-то малюем в состоянии глубокого сосредоточения?

— Не думаю, хотя трудно судить вне всякой связи с контекстом. Скорее всего здесь имеет место первоначальная химическая символика. Ведь латинская аббревиатура элементов и система записи реакций возникли сравнительно недавно. Вплоть до самого нового времени в этом деле царил полнейший разнобой. Разбирая алхимические рукописи, я имел возможность подробно познакомиться с их эмблематикой. Скелеты, вороны, факелы — на первый взгляд полный мистический букет. Вместе с тем иные символы легко расшифровываются. Это не что иное, как характеристики химических процессов: возгонки, разложения и так далее. В результате действия огня, к примеру, вещество обугливается, превращаясь в золу — черный скелет и летучий газ — кружащееся воронье.

— Потрясающе интересно! Почище Эдгара По!

— Мне тоже это представляется довольно увлекательным. Какие еще знаки привлекли ваше внимание?

— Бросается в глаза изобилие планетной символики. Теперь-то я понимаю, что алхимия густо переплеталась с астрологией.

— Настолько густо, что одно подчас трудно отделить от другого. Вообще не следует забывать, что в основе средневекового мышления лежала идея всеобщей симпатической связи. «Все во всем,— как утверждает «Изумрудная скрижаль» Гермеса Трисмегиста.— Что наверху, то и внизу». Говоря иначе, полное взаимопроникающее единство макрокосма и микрокосма, творца и мира. Тронь пальцем отдельный атом, и завибрирует вся Вселенная.

— Отсюда так важно соблюдение мелочей? Лунные фазы, подходящее для опыта время...

— Здесь нет мелочей,— решительно отверг Баринович.— Ведь вновь напомню, все связано со всем. Поэтому, если жрец или знахарь собирается, например, изготовить любовный талисман, то он приступает к работе не иначе как в пятницу — день Венеры, и все его действия подчиняются планетным влияниям. Он надевает зеленый плащ — геральдический цвет ветреной богини, венок из вербены — ее любострастный знак, приносит в жертву голубя — ее птица, питает огонь ветвями сосны и мирта.

— И Георгий Мартынович...

— ...со свойственной ему дотошностью помечает, какими процедурами был обставлен тот или иной опыт. Алхимики европейского средневековья свято соблюдали основные принципы халдейских и египетских звездочетов, отдавая пальму первенства планетным влияниям. Отсюда возникла настоятельная необходимость определить, какое светило царит на небосклоне в данный момент.

Продолжение следует.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

Возвратившись после недолгого отсутствия на подмосковную дачу, домработница профессора-химика Солитова увидела, что окна выбиты, дверь закрыта на замок, а сам хозяин дачи исчез. В ходе следствия выясняется, что в кабинете-лаборатории Георгия Мартыновича во время проведения им опыта произошел взрыв. Следователь прокуратуры Гуров выдвигает версию, по которой домработница Солдатенкова причастна к происшествию, потому что ей профессор завещал дачу и значительную сумму денег. Выясняется также, что Солитов взял из поселковой сберкассы полторы тысячи рублей, возможно, для покупки редчайшего травника...

В таблицах планетных часов, составленных, быть может, еще шумерскими жрецами, каждой планете был отведен «преимущественный час», когда именно она считалась господствующей. День получал имя той планеты, которая открывала своего рода график, управляла первым часом. Вавилонская неделя начиналась с отмеченной преимущественным влиянием Сатурна субботы, которая и поныне носит у англичан наименование дня Сатурна. Потом идут дни Солнца, Луны, Меркурия, Юпитера и уже знакомой нам пенорожденной Венеры — Афродиты. Как видите, люди и поныне, зачастую вовсе о том не подозревая, отдают регулярную дань наидревнейшим астрологическим представлениям. Для алхимиков, астрологов и колдунов прошлого они имели самодовлеющее значение. Для магии черные книги, как вы, наверное, догадываетесь, отводили преимущественно ночные часы: от полуночи до первых петухов.

— И крик петуха...

— Правильно: прогонял прочь распоясавшуюся нечисть. Впрочем, у каждого духа были свои часы дежурств, когда его дозволялось вызывать, говоря по-нашему, на дом. При всяческих превращениях, в том числе алхимических, выбирались часы Сатурна, Марса, Меркурия и Луны, для любовных заговоров — Солнца и Венеры, при волхвовании против всевозможных недугов — Сатурна и Марса. Всего я, конечно, не помню, но продолжать можно до бесконечности. Не надо упускать при этом, что волшебная власть планетных часов, как ночных, так и дневных, не являлась постоянной, изменяясь каждые сутки, в зависимости от сочетания планет и созвездий.

— Поэтому всякому порядочному алхимику требовалось разбираться и в астрологии.

— Браво!— одобрил Баринович.— Все процедуры были также скрупулезно расписаны по фазам Луны, знакам Зодиака и носили особое символическое наименование.

— Это-то я заметил.— Люсину впору было схватиться за голову. Только теперь он начинал постигать, какую непосильную ношу самонадеянно взвалил на свои плечи. Годы и годы кропотливейшего труда нужны для того, чтобы хоть приблизительно разобраться в отобранных в солитовском кабинете бумагах. Годами он никак не располагал, месяцами и даже неделями — тоже.

— Вижу, вы приуныли?.. Я вас, наверное, совсем заговорил?

— Ничуть.— Владимир Константинович попытался подвести хоть какие-то итоги.— Значит, если мы видим в записях знак Луны или, скажем, Венеры — кружок с крестиком, то это может означать все, что угодно: саму планету, день недели, а то и вовсе отдельный час. Так?

— Если бы только! А серебро или медь не хотите? Ведь каждой планете соответствует еще и своя металлическая стихия. Той же Венере — медь, Луне — серебро, Солнцу — золото. Златоделие, например, именуют «делом Солнца». Алхимики щедро рассыпали планетные знаки.

— Но тогда...

— Именно поэтому золото входило во многие лекарственные рецепты,— ответил Баринович на едва прозвучавший вопрос.

— Это безумно интересно! Может быть, впервые в жизни я жалею, что выбрал не ту профессию. В моей несчастной голове полнейший сумбур, но что-то необычайно значительное предчувствуется где-то на самом донышке. Если не возражаете, то перейдем непосредственно к растениям.

— Что мне в вас нравится, так это целенаправленность. Хоть и сетуете на сумбур, а главного направления не теряете.

— Это уже от профессии.

— Ну что ж, семь бед — один ответ, давайте разбираться с растениями. Едва ли я удивлю вас, напомнив, что их культ сложился в незапамятные праязыческие времена, напоминая о себе неизжитыми игрищами, вроде костров Иоанновой ночи. Ведь наилучшее время для сбора трав приходится на Иоаннову ночь...

— А в другие месяцы?— быстро отреагировал Люсин.

— На последние фазы Луны, начиная с двадцать третьего дня.

— Именно в этот срок она и отбыла к себе на Шатуру,— задумчиво пробормотал Владимир Константинович.— Простите, пожалуйста, это я так, о своем,— спохватился он.

— Собственно, мы близки к завершению. В планетной «табели о рангах» травы занимали следующее место.— Баринович вновь воспользовался своим сочинением как справочником: — Солнцу был посвящен подорожник, хранящий жар и силу, Венере — вербена, цветок любви и веселья... Далее, полагаю, можно не продолжать, потому что символическое значение растений не одинаково трактовалось в разные времена и в различных странах. Отсюда постоянные разночтения.

— Мандрагора?

— О, корень мандрагоры следовало отрывать после начертания трех концентрических кругов. В старинных рукописях она изображалась в человеческом облике. Если не соблюдались требуемые процедуры, мандрагора, якобы жалобно кричавшая, когда ее вырывали, могла покарать обидчика и уйти глубоко под землю, подобно колдовскому цветку папоротника.

— Недавно по телевизору показывали сборщиков женьшеня. Так у них тоже целый церемониал. Рыть можно только костяной лопаткой и уж никак не железом, нельзя повредить ни единого волоконца, словом, не подступись.

— Древнейшая традиция зелейников, сохранившаяся до наших дней.— Баринович обрадованно закивал.— Таежная мистерия! Разницы, в сущности, никакой: на Востоке — женьшень, на Западе — мандрагора. Впрочем, различие есть, и весьма существенное. Женьшень действительно отличается поразительной биологической активностью.

— Что в мандрагоре содержится, вы не знаете?

— У нас ее, к сожалению, не изучают. И вообще не следует слепо полагаться на молву. В ней столько всего перемешано! Отголоски древнейших практических знаний и полнейший вздор, от которого волосы дыбом встают, курьезные выдумки и зоркие наблюдения. Взять хотя бы наперстянку, из которой приготовляется дигиталис, совершенно незаменимый при лечении заболевания сердечной мышцы. Впервые, если не ошибаюсь, она нашла применение в Ирландии, откуда перекочевала в Англию. Потом о ней надолго забыли. В немецких травниках Иеронима Бока и Леонгарда Фукса она хоть и упоминается, но лишь в качестве рвотного, слабительного и выводящего влагу средства. А такой авторитет, как Парацельс, вообще не признавал за наперстянкой целительных свойств. Вот и верь после этого отцу ятрохимии. Лишь в наше время из нее были выделены первые сложные гликозиды. Кто знает, может, и мандрагора одарит нас чем-то совершенно неожиданным. Вас, я вижу, она особенно интересует.

— Исключительно в связи с работой Георгия Мартыновича. Нашему ведомству эта самая мандрагора доставила-таки хлопот.

— Могу сказать одно: она безусловно ядовита, как, впрочем, и наперстянка, и адонис вернализ, цветок умирающего и оживающего с новой весной финикийского бога.

— Где яд, там исцеление. Змея с чашей.

— Жизнь и смерть,— на свой лад откомментировал Баринович.— Замкнутый в кольцо эскулапов гад... А вы еще удивлялись посадкам Георгия Мартыновича. Чародейные травы с незапамятных времен выращивались в садах.

Услышав, как требовательно заблеял в коридоре звонок, Люсин торопливо поднялся. С благодарной и вместе с тем виноватой улыбкой приготовился произнести подобающие слова. Но помешал прозвучавший за дверью торжествующий вопль:

— Пятерка! Ура-а!!!— Отпрыск великого человека проскакал на одной ножке.— Папа, мама! Сюда-а!

Его восторг требовал публичного, причем самого безотлагательного подтверждения. Первая в жизни пятерка, даже за принесенный из дому цветок, кое-чего стоит. Тот, кому это непонятно, очень немногому научился в жизни и слишком многое растерял.

— Поздравляю.— Преисполненный сочувствия Люсин торжественно пожал руку счастливо зардевшемуся отцу.— Даже подумать страшно, сколько я отнял у вас времени.

— Надеюсь, не без пользы для дела,— рассеянно кивнул Баринович, целиком обратившись в слух. Душой он уже был где-то там, в зачарованных недрах уютной кухни, где все чада и домочадцы, пораженные успехами первенца, наперебой изливали восторг: и пели ему осанну, и кадили сладостным дымом.

Глава пятнадцатая

СОВЕЩАНИЕ У ПОЛКОВНИКА

Люсин смог увидеться с Крелиным лишь за четверть часа до совещания у начальства. О результатах волжанской эпопеи он в общих чертах уже знал, но интересовали, конечно, подробности.

— Похож,— развел руками Крелин, присаживаясь по обыкновению на угол стола.— И в этом все дело. Надо же так! Притом, обрати внимание, похож не столько на самого Солитова, сколько на эту его фотографию. Такое, знаешь, не часто встречается в нашей практике. В профиль — ничего общего. Выступающие надбровные дуги, смазанный подбородок и нос другой. А в фас — на тебе, пожалуйста. Будь моя воля, я бы давал в разных ракурсах.

— Ишь чего захотел — воли!.. Однако быстро вы размотали.

— А что толку?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—8.

— Ну, для этого мужика, положим, толк есть. Кстати, что с ним?

— Обычная история: диабетическая кома. Вместо того, чтобы сунуть ему в рот кусочек сахара, эти...— Крелин, в ком зазря погибал гениальный мим, убедительно продемонстрировал, кого он имеет в виду.— Словом, затеяли спихобол с умирающим человеком. Если бы не городская больница, пиши пропало. Буквально с того света вытащили. Гуров, уж на что тертый калач, но и его проняло. Он там чего-то пишет по своей прокурорской части. И правильно! Эта братия просто-напросто не желает выполнять самые элементарные обязанности, за которые им, кстати, исправно платят денежки. Медики называются! Клятва Гиппократа, так их растак.

— Наши, насколько я понял, тоже не с лучшей стороны себя выказали?

— И не говори! Семья с ног сбилась, названивают по всем инстанциям, а эти голубчики сидят себе и не чешутся. Между нами говоря, они решили, что мы прибыли именно по этому поводу. Надеюсь, ты меня не осудишь, но я не особенно старался развеять их не слишком приятные заблуждения. Пусть подумают на досуге.

В кабинет Кривцова они вошли минута в минуту, когда остальные уже сидели за приставным столом. Все, как это теперь повелось, были в форме. Даже Борис Платонович Гуров надел по такому случаю свой прокурорский пиджак со звездочками в петлицах. Не обнаружив на столе пепельницы, он страдал от одного лишь сознания, что не придется курить.

Полковник посмотрел на электронный циферблат над дверью, дрогнул бровью, но ничего не сказал. Подождав, пока вновь прибывшие расселись, он с каменным лицом выдержал долгую паузу, затем, слегка прочистив горло, тихо спросил:

— Больше никого не ждем?

— Все на месте,— кратко ответил Люсин, хотя он и надеялся на то, что догадаются пригласить кого-нибудь из ОБХСС. Очевидно, всюду нужно поспевать самому.

— Тогда доложите, в каком состоянии дело.

Владимир Константинович поднялся, одернул китель и действительно очень кратко, потому что присутствующие были в основном в курсе, обрисовал положение.

— Конца, выходит, по-прежнему не видать,— не без подтекста попенял Кривцов, поигрывая остро отточенным карандашиком.— А время, между прочим, летит...

— Отработка сигнала из Волжанска проведена в рекордно короткий срок,— с напускным безразличием отметил Люсин.— И никак не в ущерб основной работе.

— Основной!— не повышая голоса, выделил интонацию полковник.— Где она, эта основная? До вчерашнего утра, полагаю, все у вас заклинилось на этом Волжанске. Да и кто бы был лучше, когда поступает такой сигнал... Значит, какие у нас имеются версии?

— Версии прежние,— убежденно ответил Владимир Константинович, опускаясь на стул.— Ограбление, несчастный случай и, наконец, только что обозначившаяся фигура книжного спекулянта. Вполне возможен и некий смешанный вариант, потому что все три возможности причинно взаимосвязаны: звонок насчет редкого издания, посещение сберкассы, последующее ограбление или же несчастный случай где-то в дороге. Я уж не говорю о том, что преступник мог проследить Солитова вплоть до самой Москвы.

— Нужно подключить ОБХСС,— рассудил Кривцов.— Этот книжный червяк вполне мог оказаться подсадной уткой... Какие меры приняты?

— С ОБХСС свяжемся. Что же касается мер, то в данный момент ведется проверка постоянных и временных жителей, начато прочесывание местности. Вообще-то район считается довольно благополучным. Однако недавно там возник известный «очаг нестабильности», который серьезно затрудняет проверку. Как назло, в одиннадцати ки-

лометрах от солитовской дачи выделили территорию для садово-огородного товарищества «Столичный композитор». Застройка у них сейчас в самом разгаре, так что пришлого люда более чем достаточно

— Списки членов затребовали?

— Уже в работе.— Люсин перелистал блокнот.— Композиторов, как вы понимаете, там кот наплакал, процентов сорок. Кроме обязательных участков, отошедших по линии исполкомов, какую-то часть забрали себе работники просвещения, автобаза, чаеразвесочная фабрика и спортклуб «Вымпел». Землеустройство, дороги, коммуникации — все это просто так, по щучьему велению не делается. Садовые домики опять же, водоснабжение, транспорт. Короче говоря, всякого рода завы, замы и директора представлены должным образом, в том числе ответственные работники службы общепита. Очевидно, в качестве фигур наивлиятельнейших, располагающих разветвленной системой связей. Кроме пайщиков, в поле нашего зрения неизбежно попадают и различные исполнители, производители работ. Как официальные, связанные договорами, так и левые. Шабашники, всевозможные жучки, халтурщики и откровенные проходимцы.

— Вы располагаете фактами или делитесь своими предположениями?— спросил Кривцов.

— Пока только предположениями.— Люсин упрямо нахмурился.— Но за фактами, уверяю, дело не станет. Я знаю, о чем говорю.

— Он прав,— поддержал Гуров.— Схема, можно сказать, типовая. Тут бы тоже не помешало заручиться помощью по линии ОБХСС. На запах меда слетаются не только труженицы-пчелки, но и навозные мухи. Представляю, сколько рвачей клубится на стройплощадке.

— Только не отвлекайтесь от цели. Злоупотреблениями там и без вас есть кому заняться.

— Ясно, товарищ полковник.

— Что нового по линии НТО? Почему буксуем?

— Слишком мало вещества,— объяснил криминалист.— Объект, как известно, подвергся длительной экстракции и на нашу долю почти ничего не осталось. С трудом наскребли кое-какие крохи для хроматографии и спектрометрии.

— Поехало!— бесцеремонно прервал Кривцов.— Спектрометрия! Главное сразу ясно стало... Не можете, значит, определить?

— Нет,— односложно ответил Крелин, замыкаясь в себе.

— Так и говорите. Ваше предположение, Люсин, таким образом, по-прежнему остается в подвешенном состоянии. Галлюциногены, самоотравление и прочая фармакология лабораторией пока не подтверждаются. А раз так, то нечего и в расчет брать.

— По идее,— неохотно признал Люсин.

— Наука, она, что твой клещ: вопьется — не оторвешь. А нам время дорого. Мы не можем ждать, пока товарищ Крелин осчастливит открытием все прогрессивное человечество. В темпе действовать надо, в темпе! Заключение из поликлиники получили?

— Анамнез почти исключает возможность внезапного приступа с расстройством сознания.— Владимир Константинович сразу понял, что именно интересует начальство.

— Вот видите!

— Там сказано: почти,— осторожно возразил Люсин.— Да и сомнения насчет химии остаются, хотим мы этого или нет. Вероятности, как известно, складываются.

— Несмотря ни на что, вы настаиваете на своей версии?— непритворно удивился Кривцов.

— Во всяком случае, я бы не рискнул ее отбросить за здорово живешь.

— Даже так? Ну, смотрите...

— Нужно искать того, кто таился за дверью,— с полной уверенностью заявил Гуров.— Криминальный сюжет, как правило, до ужаса прост. Здесь почти наверняка убийство.

— Не смею спорить с вами, Борис Платонович.— Люсин равнодушно пожал плечами.— В меру сил мы отрабатываем такую возможность.

— Но ведь теперь у вас появился кончик. Тяните же поскорей! Все силы надо бросить на этого спекулянта!

— Оно, положим, верно,— уклончиво возразил Люсин.— Но ведь тоже куча несообразностей. В его поведении нет логики.

— Откуда это вытекает?— спросил Гуров.

— Начнем хотя бы с главного. Зачем участнику или, допустим, соучастнику преступления навлекать на себя лишнее внимание? Разве доктор наук Баринович за язык тянул этого самого Петю? Ничуть не бывало! Он сам ему позвонил и предложил книгу, упомянув при этом о разговоре с Солитовым. Зачем, спрашивается? Одно из двух: он либо абсолютно не причастен, либо законченный идиот.

— Не обязательно, Владимир Константинович. Он же не мог предвидеть, что вы каким-то образом выйдете на этого вашего доктора,— быстро нашелся Гуров.

— Не берусь судить.— Люсин начал уставать от пустопорожнего разглагольствования.— Тем более что свои построения мы возводим пока на пустом месте.

— Первое самокритичное замечание,— отметил Кривцов.— Я, конечно, не говорю, что время потрачено впустую, но хвастать действительно нечем. Конкретных достижений пока не видать. Прошу поднажать, товарищи. Что же касается направления поиска в целом, то тут у меня особых претензий нет. Можете быть свободны.

Глава шестнадцатая

ЭХО МОНСЕГЮРА

Игорь Александрович Берсенев, оставив дверь на цепочке, внимательно изучил служебное удостоверение и лишь затем впустил Люсина в квартиру. Держался он с подчеркнутой холодностью, впрочем вполне корректной, хотя на изъявления сочувствия, чего требовала элементарная вежливость, отреагировал категорическим заявлением.

— Я бы попросил вас избавить мою жену от ненужных расспросов,— тихо и поэтому особо значимо сказал он, сразу напомнив Владимиру Константиновичу родимое начальство.— Она еще не оправилась и незачем терзать ей душу. Да это и бесполезно, потому что последний раз мы виделись с Георгием Мартыновичем прошлым летом и ничего существенного сообщить вам не сможем.

Люсин с молчаливым пониманием склонил голову. Настаивать на чем-то своем, будь даже в том особая необходимость, было бы не только бесполезно, но и глупо. Такой, как Берсенев, мог свободно выставить за дверь да еще и нажаловаться. Что-что, а акценты он умел расставлять точно.

Берсеневы возвратились в Москву на неделю позже, чем это предполагалось. Телеграмма, хотя и составленная в предельно осторожных выражениях, вызвала у Людмилы Георгиевны нервное потрясение, и вылет пришлось перенести. Таково изначальное свойство беды, что она почти всегда застает человека врасплох, незащищенного, почти голого перед ее роковым леденящим порывом. Сокрушительная внезапность обрушившейся на ее плечи горестной вести более всего потрясла Людмилу Георгиевну. После бездумного счастливого забытья, в которое она позволила себе окунуться, пробуждение оказалось особенно жестоким. В первое мгновение она даже как бы обиделась на кого-то — нет, конечно, не на отца — за столь изощренное, почти преднамеренное коварство. И сразу мучительно устыдилась, жгуче переживая не вполне осознанную свою вину, которую уже некому было простить. Потом ощутила, как растет и ширится в ней такая тоска, что не выплакать никакими слезами. И стало понятно, что то непроизносимое страшное, чему и в мыслях не должно было сыскаться названия, но чего Людмила тем не менее постоянно ждала, все-таки не миновало ее. Мамину смерть она пережила как катастрофический разлом, расколовший уютный, застрахованный от всяких потерь остров. Все надежды ее и неосознанная наивная уверенность в собственной защищенности мгновенно перекинулись на отца, рисовавшегося этаким неприступным утесом. И вот он тоже должен исчезнуть — вопреки всему. Людмила еще хранила слабый росток надежды,— раствориться без остатка.

Она стремилась удержать хоть что-то и не могла поспеть за отбегавшей волной, с ужасом прозревая пустоту одиночества, спрятавшуюся за тонюсенькой корочкой боли. Людмила не понимала, что с ней происходит. Еще не зная о том, получили смертельный сигнал частицы ее потрясенной памяти, таившие ускользающий в вечную мглу образ. Им не могло быть замены, и они уже отмирали незримо, катастрофически сужая пространство души. Затаившись в маминой спальне, где каждая мелочь спешила напомнить о том, что так необратимо отделялось теперь от ее существа, Людмила перебирала старые фотографии. Искала в выцветших грудах хоть какой-нибудь живительный отклик и не находила. Пыльный бархат альбомов хранил лишь бумагу, ломкую на загнутых уголках, случайно запечатлевшую узнаваемые, но уже отуманенные далью отчуждения черточки. Она слышала, как всхлипнул обрывком мелодии звонок в передней и забормотали приглушенные голоса, но долетевшие до нее звуки показались нереальными.

Провожая Люсина в кабинет тестя, Игорь Александрович приостановился у затворенной комнаты, приложил палец к губам и далее проследовал уже на цыпочках. Его выверенные движения покоробили неуместной нарочитостью.

— Собственно, что вас интересует?— спросил он, притворив дверь.

— В бумагах, найденных на даче, есть неясные места.— Люсин ограничился формальным ответом.— Хотелось бы разобраться.

— Понятно.— Игорь Александрович задумчиво облизал губы.— Документы вы нам, надеюсь, вернете?

— Само собой разумеется. После завершения следствия вы получите все до единого. По описи... Вернее, Людмила Георгиевна как основная наследница.

— Основная наследница? Что это значит?!

— Георгий Мартынович оставил должным образом оформленное завещание, по которому дача и часть денег предназначаются Аглае Степановне Солдатенковой.

— Кому-кому?— Неприятно озадаченный Берсенев деланно расхохотался.— Этой выжившей из ума фефеле? Ну учудил!.. Ничего, мы это переиграем!

— Имеете полное право. И вообще, завещание сможет войти в силу лишь по окончании следствия. Вернее, шесть месяцев спустя. Впрочем, я не знаю всех тонкостей, поскольку не имею отношения к вопросам наследования.

— Это же надо придумать такое!— Игорь Александрович все не мог успокоиться.— Не иначе как старая ведьма его окончательно околдовала! Загипнотизировала... Нельзя все-таки оставлять человека в таком возрасте без присмотра. Бедный папа!

— Георгий Мартынович отличался легкой внушаемостью?

— Еще какой! Он был ужасно доверчив. Не знаю, чем могла приворожить его подобная особа, по-моему, даже в ранней молодости она выглядела кошмарно, но он у нее только что с рук не ел.

— Кажется, для этого были определенные основания?— осторожно осведомился Люсин.— Я слышал, что она излечила Георгия Мартыновича от какой-то тяжелой болезни?— Подавив ненужные эмоции, он попытался вызвать Берсенева на откровенность.

— Кто это вам сказал?— Игорь Александрович брезгливо поморщился.— Небось она же? Сказки для детей младшего возраста. Конечно, старикан отличался некоторой мнительностью, не без того, но тяжелая болезнь — это враки! Совершенная чушь. Так, обычные возрастные недомогания... И вообще, лично я не доверяю всем этим фитотерапевтам да гомеопатам. Сплошное шарлатанство.

— Зачем же такая крайность? По-моему, и сам Георгий Мартынович травками не пренебрегал...

— Только в силу профессионального интереса.— Игорь Александрович всплеснул руками, сделавшись вдруг необыкновенно общительным и словоохотливым.— Вы разве не знаете, что он прославил свое имя новыми химическими соединениями? Учтите, что это был сугубо научный подход, ничего общего не имеющий с...— Словно бы забыв слово, он защелкал пальцами,— ну как его?

— Знахарством,— подсказал Владимир Константинович. Он догадывался о причине происшедшей с Берсеневым перемены, и ему стало грустно. Но с чисто тактической точки зрения упоминание о завещании оказалось действенным.

— Именно!— Игорь Александрович просиял, отринув былую чопорность и изо всех сил стремясь выглядеть симпатичным.— А вот она, наша милая старушенция, самая типичная знахарка. Надеюсь, вам удалось с ней подружиться?— Он попытался замаскировать излишне пристальный взгляд добродушной улыбкой.— Хотя завоевать ее симпатии очень непросто. Мне, например, это не удалось, несмотря на все старания. Не жалует нас с Людочкой тетка Аглая, не жалует... Сами, наверное, убедились?

— Мы с ней почти и не говорили.— Люсин небрежно отмахнулся, разгадав, куда пущен пробный шарик.— Так, по существу происшествия. Что она могла рассказать? Одни вздохи... Да и не было ее в то время на месте: к родным ездила.

— Знаем мы этих родных!— усмехнулся Берсенев.— Кстати, вам не кажется несколько странной цепь совпадений? Совершенно неожиданное завещание, последовавший за ним вскорости взрыв?

— «После этого — не значит вследствие этого»,— учат мудрые латиняне.— Люсин доверительно улыбнулся.— Но странноватый оттенок действительно налицо. А какова ваша точка зрения на сей счет?

— Откуда мне знать?.. Есть, однако, старый и верный принцип: ищите, кому это выгодно. Да, уважаемый Владимир Константинович, не мне вас учить, но так называемая случайность далеко не столь проста, как нам иной раз видится. Копните поглубже, и обнаружится железобетонный каркас.

— Никуда не денешься — диалектика.— Люсин сделал вид, что не понял намека.— Человеку, к сожалению, не дано знать всех последствий. Жизнь ведь не шахматная партия.

— М-да, такого никто из нас не предвидел.— Берсенев твердо держался намеченной линии.— По существу, бедный Георгий Мартынович был пленником этой, простите, деревенской бабищи. Вечный труженик и книгочий, он обнаруживал полную беспомощность в житейских делах. Любая мелочь могла вывести его из равновесия. Яйца «в мешочке» и то не умел сварить. Предоставленный сам себе, он очень даже свободно мог стать жертвой...

— Вы имеете в виду нечто конкретное?

— Если бы! Мы не виделись с ним больше года. Кто знает, как развивались события.

— События?— Люсин упрямо не желал подать руки помощи, хотя прекрасно видел, что лишь боязнь потерять лицо удерживает Берсенева от конкретных обвинений.

— В известном смысле.— Страдая от типично милицейской ограниченности, как ему думалось, Игорь Александрович терял терпение.— Как вы не понимаете, что даже нелепое стечение обстоятельств может быть подготовлено всем предшествующим ходом...

— Ходом чего?

— Человеческих взаимоотношений, бытовизма, привычек? Мало ли?

— Это как раз понять не трудно, Игорь Александрович. Ваши рассуждения вполне объективны. Однако каких бы то ни было причинно-обусловленных связей я, извините, не вижу. Очевидно, многого я просто не знаю.

— Я тоже. Но даже того, что известно, вполне достаточно. Взрыв, например.

— Вы не считаете его случайным?

— Не знаю, не знаю,— протянул Берсенев, давая понять, что питает по этой части глубокие подозрения.— Уж как посмотреть. Я бы на вашем месте не был столь благодушным. Мой тесть полвека почти занимается экспериментом, и никогда ничего подобного с ним не случалось.

— Это, конечно, не довод, но прислушаться не мешает.

— И я так думаю.

— Давайте рассуждать вместе, Игорь Александрович,— предложил Люсин, ничем не обнаруживая истинного своего отношения.— Взрыв, кстати, довольно умеренной силы, произошел уже после ухода Георгия Мартыновича. Таковы факты. Совершенно точно установленные и документированные. Содержавшиеся в колбе летучие вещества взорвались только потому, что полностью выкипела водяная баня. По-моему, этого вполне достаточно, чтобы не абсолютизировать, скажем так, данный момент. О каком-то там благодушии, как видите, не может быть и речи. Все наши усилия сосредоточены на главном: на поисках. Вы согласны со мной?

— Ну, если так установили...— Не будучи осведомленным в деталях, Берсенев сразу почувствовал слабость первоначальных позиций и легко отступил, поскольку во всей этой неприятной истории его волновало лишь непредвиденное осложнение с наследством. Черт с ними, с деньгами, хотя и их жалко, но отказаться от такой дачи было выше его сил. Да и с какой стати? Натолкнувшись на непонятное сопротивление явно недалекого милиционера, которого на всякий случай хотел залучить в союзники, Игорь Александрович утратил всяческий интерес к совершенно бесполезному разговору.— Вам виднее. Моя единственная задача — всемерно содействовать компетентным органам,— заключил он с оттенком дешевой патетики. Все-таки беседа оказалась не столь уж бесплодной. Вопрос о даче мог разрешиться только после завершения следственной волокиты. Это Берсенев усвоил намертво. «Что ж, нет худа без добра,— улыбнулся он про себя.— Больше времени останется для маневра». Дача на участке в четверть гектара, да еще на берегу озера, «стоила обедни».

— Я очень ценю ваше содействие,— поблагодарил Владимир Константинович.— Вы не позволите осмотреть библиотеку, архив?

— Сделайте одолжение.— Берсенев широким жестом обвел просторную комнату с симпатичным эркером, обставленную резной, черного дерева мебелью.

Продолжение следует.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

Следователь прокуратуры Гуров и сотрудник уголовного розыска Люсин ведут дело об исчезновении профессора Георгия Мартыновича Солитова. Они выясняют, что профессор-химик проводил опыты на своей даче. Это и привело к взрыву в его кабинете, так как что-то заставило экспериментатора срочно отлучиться. При этом Солитов снял со сберегательной книжки тысячу пятьсот рублей. Проверка в больницах и «Скорой помощи» ничего не дала. Следствие выдвигает одну версию за другой, но они пока что не находят подтверждения.

Между застекленными двустворчатыми шкафчиками, стилизованными под готику, чудом уместился письменный стол с бронзовыми принадлежностями и легкомысленный ампирный секретерчик. На нем стояла чашка с пыльными камешками, поддерживавшими засушенный пучок пахучей травы. Раньше эта безыскусная икебана едва бы могла привлечь внимание Люсина, но теперь он первым делом замечал цветы, даже такие непритязательные.

— Что это?

— Тимьян вроде, а может, чабер... Не помню точно. Жена для отца везла из Монсегюрской крепости вместе с каменьями.

— Она была в Монсегюре?— уважительно удивился Владимир Константинович.

— Мы вместе совершили это небольшое путешествие,— объяснил Берсенев.— Очаровательные городки попадаются в Пиренеях. Кроме телевизионных антенн и электричества, никаких примет века. Сумели как-то законсервироваться... Наш-то обожал старину! Хлебом не корми. Особенно с чертовщинкой. Жена для него еще клубни какие-то откопала мерзейшего запаха, но я их тишком повыбрасывал.

— А я вот не был в Монсегюре,— непроизвольно пожаловался Люсин.

— Не жалейте — ровным счетом ничего интересного. Крутая гора — семь потов сойдет, пока заберешься,— а на ней развалившаяся стена. Только и всего. Никакого впечатления. Моя Людмила Георгиевна чуть ночевать там не осталась. Спасибо, альпинисты какие-то выручили. Нормальному человеку туда без веревок и крючьев разных и не взобраться. И зачем, главное? Ни музея, ни ресторанчика, даже киоска с проспектами не догадались выстроить... Снаряжение у этих ребят, надо отдать справедливость, первоклассное. Спустили мою благоверную, словно ангелочка какого-нибудь.

— Альпинисты?

— Ну да!.. Или, может, спелеологи.

— Не немцы случайно?

— Немцы! — Берсенев удивленно заморгал.— Вы-то откуда знаете?

— Так, понимаете ли, умозаключение.— Люсин задумчиво склонил голову к плечу.— Наслышан кое о чем. Будьте уверены: никакие это не спелеологи и не альпинисты. Охотники за катарскими сокровищами, авантюристы. Если, конечно, не хуже.

— Думаете, бандиты? — Игорь Александрович озабоченно насторожился.— Террористы?

— Это еще не самое страшное. Ваши спасители могли оказаться эсэсовскими последышами, нацистами. У них давняя страсть к альбигойским пещерам.

— Что вы говорите!— Берсенев всплеснул руками.— А у Люды чутье! Она сразу выдала себя при знакомстве за финку.— Он был явно напуган, заново переживая случившееся.— Могла выйти история...

— Ведь это только предположение. Наверное, туда приезжают и вполне порядочные люди, действительно спортсмены... Приятно пахнет!— Люсин вдохнул исходившую от крохотного букетика благоуханную волну.— Даже легонько голова покруживается.

— Это, наверное, отсюда.— Берсенев отомкнул один из шкафов, в котором хранились уложенные плашмя длинные и плоские ящики.— Гербарий.

— Вот оно что!— Люсин сразу узнал преследовавший его с некоторых пор непередаваемый запах, навевавший чары старинных аптек, лечебных дацанов и знахарских бань.

— Он сам собирал! Еще в пятидесятых годах... И ведь до сих пор благорастворяются. Чувствуете, какое амбре?

— Лишнее доказательство, что высушенные растения с каждым днем теряют свои силы.— Люсин мысленно перенесся на темный чердак, где бабка Аглая сушила свои сборы. Под всеобъемлющей властью запаха сжалось сердце.— Приходится ждать новой луны, обновлять запасы. Кропотливый, незамечаемый труд без надежды на благодарность. Сколько их, травознаев, сожгли на огне, забили оглоблями, но не умерла древняя мудрость. Дождалась своего часа.— Он, благодарно погладив полированную фанеру, выдвинул самый верхний ящик.

На листе рисовой японской бумаги, испещренной декоративными жилками, был укреплен оранжевый венчик с зеленым стеблем, листьями и волокнами корневища. Рядом чернели зрелые семена.

«Adonis vernalis,— ясно читалась тонкая каллиграфия.— Жар-цвет».

Справившись с описью, приклеенной на обратной стороне дверцы, Люсин скоро догадался, что гербарий составляли исключительно зелейные, в основном чародейные травы. И здесь Солитов оставался верен себе.

На нижней полке стояли пухлые папки с характерными надписями на корешках: «Эликсир Розенкрейца», «Чай Сен-Жермена», «Средство Макропулоса».

Теперь Владимир Константинович понимал, с чем имеет дело. Вооруженный обрывками знаний, почерпнутых у Бариновича, он смело вытащил досье на откровенно алхимический «Золотой раствор». Это была самая тонкая из папок. Никелированная дужка скоросшивателя скрепляла лишь несколько наклеенных на картон фотографий, запечатлевших совершенно неведомые округлые письмена.

Люсин бережно вернул папку на место и принялся переписывать этикетки в блокнот. Дойдя до уже встречавшейся ему «Мази ведьм», он не сдержал любопытства. На сей раз досье оказалось куда более представительным. Помимо разноязычных фотокопий, в нем были машинописные страницы, вырезки из газет и журналов. Даже Брюсов, Булгаков, Шарль де Костер не прошли мимо бдительного ока Георгия Мартыновича. Со свойственной ему пунктуальностью соответствующие выдержки были аккуратно подколоты и снабжены обстоятельными комментариями. Из них Люсин узнал, в частности, что его любимый Костер с юношеских лет собирал древние фламандские легенды и в таком, осторожно говоря, специфическом вопросе, как полет на шабаш, считается крупным авторитетом. Именно на него ссылался американский профессор, по всему видно, отчаянный знаток черной магии, доказывая, что ручка «настоящей» летучей метлы изготовлялась именно из березы. Соответствующая статья была напечатана в еженедельнике «Новая метла» и датирована 1984 годом.

Венцом беспрецедентного собрания самой дремучей ереси явилась итоговая записка, где Георгий Мартынович предпринял попытку заново воссоздать утраченный, а возможно, и вовсе никогда не существовавший рецепт. Чего только не было в этой леденящей кровь прописи! Змеиный жир и нутряное сало енотов, красавка и белена, дурман, аконит и жабья слизь. Не обошлось, конечно, без цветов кувшинки и корней мандрагоры.

Однако интереснее всего был конечный вывод исследователя.

«Гансик сказал правду,— писал Солитов своим бесподобным почерком, ссылаясь на «Тиля Уленшпигеля».— Снадобье, которым он снабдил Катлину, обладало ярко выраженной анестезией и вызывало галлюцинации. Несчастным женщинам только казалось, что они летали на сатанинский бал, где предавались омерзительным танцам с дьяволами и варили в котле младенцев. Но прав и Булгаков! Мазь, которую поднес Маргарите Николаевне Азазелло, действительно должна была легко всасываться, холодить кожу и отдавать болотной тиной».

Далее шли совершенно непонятные Люсину структурные формулы, где шестиугольные ячейки бензола были опутаны разветвленной паутиной всяческих радикалов.

— А здесь у нас хранятся уникумы!— В голосе Берсенева отчетливо прозвучала гордая радость.— Латинские, греческие, арабские, древнееврейские и даже коптские рукописи. Есть кусочек подлинного египетского папируса из храма Тота в Фивах. Вы даже не представляете себе, сколько все это может стоить! Там у них на ежегодных аукционах за какой-то клочок пергамента платят фантастические суммы!.. Впрочем, я не специалист,— внезапно спохватился он.— Возможно, вся эта макулатура и не имеет особой ценности. Ведь одно дело — личные письма Наполеона или чертеж Леонардо, другое — заумная и заведомо лживая белиберда. Кто на такое польстится?.. Вообще-то у них там большой интерес ко всяческому мракобесию,— добавил он для пущей объективности.

— А где травники?— спросил Люсин, никак не отреагировав на столь очевидные противоречия.— Ятрохимия, Парацельс?

— По-видимому, где-то тут.— Берсенев открыл шкаф, над которым висел гравированный портрет монаха с тонзурой и в сутане. В арке из терниев, где сплетенные колючки перемежались усатыми жучками, ящерицами и тугими бутонами роз, готическим шрифтом значилось: Albertus Magnus.

Но Игорь Александрович еще недостаточно свободно ориентировался в уникальном собрании, которое уже почитал своим. В шкафу, над которым простер натруженные костистые длани Альберт Великий, стояли справочники и энциклопедии: Брокгауз и Ефрон, три издания БСЭ, Британика, Большой Ларусс и уникальный словарь Дидро — Д'Аламбера — первый свод мудрости европейской.

Интересовавшие Люсина книги хранились, как вскоре выяснилось, в секретере, ключ к которому пришлось искать в ящиках письменного стола, забитых бумагами и канцелярской мелочью.

Бережно перелистывая раскрашенные от руки рисунки растений, Люсин пытался представить себе, как выглядел тот, пражский травник, которому, возможно, было предназначено сыграть в жизни Георгия Мартыновича роковую роль. Скорее всего, он мало чем отличался от этих пухлых, растрепанных томов, оттиснутых в Варша-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—9.

ве и Дрездене. На одном из них виднелась издательская метка, изображавшая череп с выползающей из темной глазницы змеей. Зловещая виньетка напомнила Владимиру Константиновичу «Песнь о вещем Олеге». В хаотическом клубке всяческих случайностей и впрямь проблескивали кованые звенья предначертаний.

Кроме зелейных сборников и алхимических раритетов, вроде Раймунда Луллия, изданного знаменитым Альдом Мануцием, в секретере лежали и творения современных авторов. Сложенные отдельной стопкой, они ершились множеством закладок. Здесь были работы Лосева, Аверинцева и уже знакомая монография Бариновича. Просмотрев несколько закладок с пометками Солитова, не представлявшими особого интереса, Люсин уже собрался было задвинуть всю кипу на место, как вдруг наткнулся на голубую обложку с романтической каймой «Золотой библиотеки» фантастики и приключений. Сердце радостно встрепенулось до того, как глаза успели схватить название: «Сокровища Монсегюра». Эту книгу, написанную Березовским по горячим следам дела, которым он, Люсин, продолжал втайне гордиться, не узнать было просто немыслимо. Давным-давно законченное и сданное в архив, оно время от времени продолжало напоминать о себе глухими отголосками и престранного свойства совпадениями. Люсин не остался безучастным к отдаленному зову и все, что значилось на закладках, добросовестно переписал в свой блокнот. В том числе и такие эмоциональные заключения, как «Бред!» и «Чушь!». Особое негодование почему-то вызвали у Солитова те места, где Березовский пускался в домыслы насчет жезла великого магистра Мальтийского ордена.

— Наверное, это исключительно ценные книги? — как бы вскользь уронил Люсин, перелистав напоследок лечебник из Аугсбурга.

— Не чрезмерно,— покашляв в кулак, осторожно ответил Берсенев.

— Интересно, где Георгию Мартыновичу удалось раскопать подобные редкости? Наверное, он был связан с другими любителями?— Владимир Константинович извлек из маленького ящичка давно запримеченную им записную книжку и, не глядя, словно по рассеянности перелистал истрепанные, сверху донизу исписанные страницы.

— Ничего не могу вам сказать. Большая часть библиотеки перешла к моему тестю по наследству. Вы разве не знаете, что его отец был знаменитым в свое время врачом?

— Откуда ж мне знать, Игорь Александрович?

— Я-то, грешным делом, полагал, что вам все известно, вся подноготная, так сказать...

— Если бы!.. Он случайно не поддерживал контактов с коллекционерами, может быть, букинистами?

— Понятия не имею... Людмила Георгиевна ужасно переживает. Мне бы не хотелось оставлять ее надолго одну.— Берсенев весьма прозрачно намекнул, что начинает тяготиться расспросами.

— Да-да, конечно,— заторопился Люсин.— С вашего позволения я возьму на какое-то время эту записную книжку?

Глава семнадцатая

БОБЫ ПРАВОСУДИЯ

В засаленной, распадающейся на отдельные листки записной книжке, скрепленной для верности аптечной резинкой, Люсин насчитал шестнадцать Петров. Первым в его списке стоял Петр Александрович Берсенев, судя по всему, брат Игоря Александровича, последним — Петя Чадрис. Единственный, кто так прямо и значился: Петя. Рядом с именем было записано два телефонных номера.

Для чопорного даже наедине с собой Георгия Мартыновича подобное амикошонство казалось настолько несообразным, что Люсин и не подумал усомниться в точности попадания. По всему выходило, что удалось выйти на того самого книжника Петю — не удостоенного отчества спекулянта и выжигу, с кем вынужден был поддер-

живать отношения даже такой высоконравственный и принципиальный человек, как профессор Солитов.

Мысленно поздравив себя с выходом на цель, причем с первого же захода, Владимир Константинович позвонил в справочную. И тут всем его далеко идущим надеждам пришел бесславный конец. Петр Григорьевич Чадрис оказался не только человеком довольно-таки пожилым, но и весьма заслуженным. Доктор медицинских наук, профессор, автор великого множества печатных работ, он вот уже сорок лет заведовал отделением природотерапии в Институте курортологии. На крайний случай он мог быть лишь овцой, которую стриг книжник Петя, но никак не им самим.

И все же после недолгого размышления Люсин решил нанести ему короткий визит. Пренебречь единственным уменьшительным именем во всей записной книжке было бы попросту глупо. Теперь оно расшифровывалось почти однозначно: старый друг, возможно, даже друг детства, самый-самый.

Чадрис, которому Владимир Константинович позвонил на работу, о случившемся уже знал и сразу же согласился на встречу.

Здание института, высоко приподнятое над улицей на массивном гранитном цоколе, поразило Люсина своей демократичной доступностью. Больные, большей частью страдающие ожирением, беспрепятственно ходили вокруг дома, ловя лучи остывающего осеннего солнца. Свободно, без всяких пропусков и паролей, входили и выходили торопливые посетители — многие, очевидно, лечились амбулаторно, и даже перед окошком регистратуры практически не было очереди.

Обойдя просторный сумрачный вестибюль, где изрядно попахивало парным скипидарным духом и грязями, Люсин нашел нужную лестницу и, не став дожидаться лифта, взбежал на третий этаж.

Петр Григорьевич оказался румяным жизнерадостным бодрячком, исключительно доброжелательным и не по годам энергичным. К потере друга он отнесся с мудрой сдержанностью медика, давно смирившегося с неизбежностью вселенского уничтожения. Бездушную логику природы, раз и навсегда пренебрегшей отдельно взятой судьбой во имя совершенствования вида, он воспринимал с несколько циничным бесстрастием адвоката. Вернее, присяжного поверенного, который, чтя и одновременно чуточку презирая стоящий над ним закон, прекрасно усвоил все имеющиеся в этом законе лазейки.

— Жаль.— Едва поздоровавшись с Люсиным, он покорно развел руками.— Это был великий ум! У него в запасе оставалось еще семь-восемь лет неплохой жизни. Невосполнимая потеря для науки.

— Разве нам дано знать, сколько отпущено судьбой?

— Судьбой?— Чадрис снисходительно рассмеялся.— Не понимаю, о чем вы. Есть генотип, опирающийся на заложенную в клетках программу, и весь комплекс недугов, унаследованных, а также благоприобретенных в силу случайных причин. То, что вы называете судьбой, на самом деле является лишь грамотно составленной медицинской картой. За полвека как-нибудь можно научиться ее читать.

— И так вы можете сказать о любом?— с недоверчивым интересом спросил Люсин.

— С большей или меньшей степенью вероятности.

— Обо мне, например? Сколько я еще проживу?— полушутя-полусерьезно осведомился Владимир Константинович.

— Что я, оракул? Или господь бог? Я бы сказал, если бы изучил вас так же хорошо, как и Юру: вашу психику, организм, биохимию... Впрочем, нет. Я бы вам ничего не сказал. Человеку незачем знать все до конца. В незнании, как и в иллюзиях, есть известная охранительная функция.

«Юра,—подумал Люсин с невольной печалью.— Для него Георгий Мартынович был просто Юрой... Как для меня Березовский. Они беседовали за стаканом чая о смысле и сущности жизни, обменивались сокровенными мыслями, и Юра любил Петю, и Петя любил Юру, что ничуть не мешало ему рассматривать кости друга на рентгеновском снимке, колдовать над формулой его крови, знать каждый камешек в почках и желчном пузыре. Вроде бы все нормально, а на поверку дико, непостижимо. Знать почти до года, что исчислены сроки, какие бы они ни были, и не думать об этом за шахматами или, скажем, в сауне, вдыхая смоляной жар. Все же удивительное создание человек!»

— Скажите, Петр Григорьевич, как смотрит врач вашего класса на самого себя?— непроизвольно отвлекаясь от главной цели, спросил Люсин.

— Интересный вопрос!— оценил Чадрис.— Думаю, что никак. Нельзя в один и тот же момент сочетать в мозгу опыт врача и доверчивость пациента. Пациент обычно побеждает. «Если лекарь заболеет, он зовет к себе другого». Шота Руставели это понимал!

— Вы лечили Георгия Мартыновича?

— Я наблюдал его... Да, скажем так.

— Короче говоря, давали компетентные советы?

— Не только. Время от времени он принимал у нас оздоровительные процедуры: йодо-бромные ванны, бассейн с морской водой, специальный массаж. Должен сказать, что это не только было ему показано, но и в значительной мере отвечало его научным представлениям и, не побоюсь сказать, душевному складу. Он был решительным противником синтетических препаратов. Только физиотерапия и, само собой, травы. Как же он в них разбирался! Здесь наши роли менялись. Здесь уже он становился наставником.

— А как вы с точки зрения современной медицины расцениваете такой подход? Переориентировку на траволечение, отказ от чистой химии и прочее?

— Исключительно положительно! Наш институт, должен отметить, традиционно делает упор на лечебное воздействие естественными факторами: движением, активными средствами природной среды, в частности минеральными водами, даже ландшафтом, оказывающим необыкновенно целительные результаты на весь организм! Это не означает, конечно, что мы полностью отвергаем медикаментозную терапию или хирургическое вмешательство. Ни в коей мере!

— Парацельс считал, что в природе припасено все, что нужно для исцеления.— Люсин пустил в ход излюбленный козырь.

— К сожалению, мы все дальше отрываемся от естественной среды обитания, не будучи подготовленными к этому эволюционно,— согласно кивнул Чадрис и, как опытный лектор, поспешил пояснить:— Успешно осваивая прежде совершенно необитаемые области, например, космос, мы вовсе не перестаем быть той самой прямоходящей обезьяной, которой вздумалось сойти с дерева. В эволюционном смысле, разумеется... Ускоренные темпы и ритмы современной жизни не соответствуют биологическим реакциям, развитым в процессе длительного совершенствования. От этого никуда не денешься.— Он задумался, положив на стол все еще сильные, хотя и припорошенные желтыми возрастными пятнами руки.— Порой приходится слышать, что врачам, дескать, не до теорий. Нужно лечить конкретные болезни, а не умствовать. Какой вздор! Все великие врачи прошлого были философами. Медицина вообще неотделима от познания коренных проблем. Недаром покойный академик Аничков считал, что невозможно исчерпывающим образом определить само понятие «болезнь», как нельзя дать определение жизни. Ведь, по существу, болезнь является одним из видов жизненного процесса. Да и где грань, отделяющая норму от патологии? Нет ее, этой грани. Врачи всего мира с особым интересом исследуют так называемую предболезнь — период, предшествующий появлению клинических признаков. А ведь еще древнеримский врач Гален говорил о переходной стадии между здоровьем и недугом. Великий Авиценна разделял состояния организма на целых шесть градаций: здоровье до предела; здоровье, но не до предела; не здоровое и не больное; хорошо и быстро воспринимающее здоровье; больное легко и, наконец, больное уже до предела. Знаменательно, что наука последних лет получает все больше подтверждений прозорливости гениального мыслителя. Врачу думать следует, а не заниматься писаниной... Однако я совсем заболтался! Почему вы меня ни о чем не спрашиваете?

— Слушаю, Петр Григорьевич, и, как говорится, мотаю на ус. С огромной признательностью.

— Но, я полагаю, вы явились ко мне вовсе не для того, чтобы выслушивать рассуждения о современных тенденциях медицины? Вы, наверное, хотели что-то спросить про Юру?..

— Вопрос — всегда насилие. Ударяешь, словно по рычагу автомата, чтобы он выбросил тебе пачку сигарет или шоколадку. Вы давно знаете Георгия Мартыновича?

— Да лет шестьдесят! В одном дворе жили, в одной школе учились. Но сблизились много позже, уже в студенческие годы. Я на шесть лет старше Георгия Мартыновича.— В последних словах Чадриса словно бы ожило эхо превосходства детской забытой поры.

— Боюсь, что теперь разрыв пойдет увеличиваться, Петр Григорьевич.

— Не думаю. Я давно заметил, что наши воспоминания не старятся вместе с нами. Помня милых сердцу людей, мы и себя видим рядом с ними теми, какими были в ту пору. Не такими, как нынче.

— Очень тонкое замечание,— согласился Люсин.— И, главное, верное!.. Кстати, Петр Григорьевич, Солитов последнее время усиленно занимался анальгетиками.

— Он был одержим идеей сделать боль управляемой.

— Такое возможно?

— Он, во всяком случае, надеялся. В последнее время сделаны серьезные успехи в познании не только природы боли, но и сущности обезболивания. Оказывается, нервная система при сильных болях сама выделяет мощные анестетики. Они получили условное название «эндерфины». Солитов пытался обнаружить аналогичные химические структуры в растениях. Нечто подобное ему удалось выделить из так называемых «бобов правосудия». Знаете про такие?

— Первый раз слышу, Петр Григорьевич.

— Я тоже знаю о них лишь понаслышке. Где-то в Африке колдуны дают отведать такие бобы подозреваемым в совершении преступления. Невиновные после этого остаются живы, виновные погибают. Очевидно, срабатывает сложная психосоматическая система.

— Может, просто вера? Заклятье колдуна убивает лишь того, кто верит в него.

— Здесь дело обстоит много сложнее. Бобы действительно содержат очень сильный токсин. Поэтому в данном случае правильнее будет сказать, что слово колдуна или, ваша правда, вера в его магическую мощь способна не только убивать, но и вырабатывать в организме противоядие. Невиновный человек не испытывает страха и остается в живых. Вероятно, это связано с функцией симпатической нервной системы и ее медиаторов — адреналина и норадреналина. Другим средством, могущим нейтрализовать токсин «бобов правосудия», оказалось знаменитое кураре, яд, которым обитатели джунглей намазывают свои стрелы.

— Про кураре я знаю,— улыбнулся Люсин.— И не только из приключенческих книг.

— Принятый внутрь, он совершенно безопасен, но, попав в кровь, приводит к немедленной остановке дыхания. На основе кураре и экстракта «бобов правосудия» Юра надеялся получить новый класс эндерфинов... Годы, которые он не дожил, дорого обойдутся больным.— Чадрис разволновался и незаметно для себя повысил голос.— Вам не кажется странным, что из-за какого-то злобного недоумка жизни многих людей пресекутся до срока? Между тем это так. Все взаимосвязано в экологической системе Земли. То, что не успел закончить Солитов, будет в конце концов сделано другими. Но потерянные годы — да что годы!— дни и даже часы обернутся лишним страданием, а для кого-то... Словом, вы понимаете. Убийца вызвал цепную реакцию смерти. Да-да, Юру убили!— выкрикнул он, багровея.— Ваше предположение насчет какого-то самоотравления я категорически отметаю! С исследователем, причем экспериментатором, который все привык делать своими руками, ничего подобного случиться не может.

— Я не могу позволить себе отбросить даже самую ничтожную вероятность. Любая версия должна быть отработана.

— Острый приступ, причем с потерей сознания, со стороны внутренних органов практически исключается.

— Ваше мнение для нас крайне существенно,— поддакнул Люсин.— А как насчет сердца, Петр Григорьевич? Или, к примеру, инсульт?

— А молния вас не волнует, молодой человек? Ведь в принципе все может случиться, даже метеорит на голову упасть... Надеюсь, вы запросили больницы, морги?

— Всесоюзный розыск, Петр Григорьевич!— простонал Люсин.— Все случаи безымянных захоронений, и те на учете... И хоть бы намек на след! Вот уже третий день местность прочесываем.

— Значит, плохо ищете! Такой человек, как Солитов, не мог исчезнуть бесследно. Такие, как он, защищаются до конца. Юра был рыцарем без страха и упрека.

— Мне глубоко импонирует такая позиция,— согласно кивнул Владимир Константинович.— Но бывают случаи, когда разумнее уступить грубой силе. Деньги — всего лишь деньги, а жизнь невозвратима.

— Меньше всего его волновали деньги!— вскипел Чадрис.— Запомните это!.. На первом плане всегда стояло человеческое достоинство, которое он самоотверженно отстаивал от любых посягательств. На моих глазах Юра вступился за старика, над которым изгалялась шайка молодых гогочущих хулиганов.

— И чем кончилось происшествие?

— Они осмелились поднять на нас руку, мерзавцы!— хмуро процедил Чадрис, как-то сникнув.— Хоть бы кто заступился! Все спешили обойти сторонкой, словно это их не касается...

— Знакомая ситуация.— Люсину было о чем призадуматься. Рассказ Чадриса осветил характер Георгия Мартыновича с совершенно неожиданной стороны.

— И, к сожалению, очень типичная. Раньше молодые люди вели себя иначе.

— Не обольщайтесь насчет прошлого, Петр Григорьевич! Не про вас сказано, но еще при фараонах ворчливые старики жаловались на молодежь, пророча близкий конец света. И что же? Слава богу, живем. Станислав Ежи Ленц здорово сказал, что в середине каждого века бывает свое средневековье. Все поколения по-своему хороши.

— Мне нужно посмотреть больного. Вы не подождете в приемной?

— Уже ухожу.— Люсин поспешно поднялся.— Только один вопрос напоследок.

— Где один, там и другой, я уж знаю. Вы все-таки подождите,— не допускающим возражения тоном распорядился Петр Григорьевич, склоняясь к рукомойнику.— Разговор у нас крайне серьезный.

Посторонившись, пропуская худосочную, заметно припадавшую на левую ногу девочку, которую подталкивала впереди себя раздраженная долгим ожиданием врачиха, Люсин закрыл за собой дверь и подсел к секретарше.

— Будете лечиться у нас?— поинтересовалась она, не отрывая глаз от сотрясаемой дрожью каретки.

— Я, девушка, не по этой части, как ни жаль.

— Что вы! Наоборот, хорошо.

Глава восемнадцатая

РЕЧНОЙ ТРАМВАЙ

Не застав Наталью Андриановну в институте — ему сказали, что у нее библиотечный день,— Люсин не без колебаний решился позвонить ей домой.

— Не уделите мне часик?— попросил с обезоруживающей откровенностью.— Сугубо лично...

Она согласилась, затаив удивление, и, недолго думая, назначила встречу на пристани у Киевского вокзала, неподалеку от дома.

Люсин узнал ее лишь в самый последний момент, когда она, легко перебежав через дорогу, нерешительно замедлила шаг. Скорее догадался, робко устремившись навстречу, что это она. И лишь после того, как Наталья Андриановна протянула руку в перчатке, он позволил себе улыбнуться. Мимолетная эта улыбка получилась натянутой, вымученной. Владимир Константинович никак не ожидал, что память сыграет с ним столь злокозненную шутку. Высокая женщина в коротком, перетянутом пояском плащике предстала невозвратимо чужой и как-то совершенно иначе, нежели запомнилось, красивой.

Не испытав тайно лелеемой радости и не находя подходящих слов от нахлынувшего волнения, Люсин увлек ее к лестнице, спускавшейся к причалу.

— Покатаемся на пароходике?— неожиданно для самого себя предложил Владимир Константинович.

— Вы странный человек.— Подняв воротник, Наталья Андриановна зябко передернула плечиками.— Какой пронизывающий ветер!

— Дрожь вселенского одиночества,— грустно усмехнулся Люсин.— Так назвал осень один мой друг. Она особенно остро переживается в городе, где природа зажата прямолинейностью камня.

— Он поэт, ваш друг?

— Что-то в этом роде. Да и какое это имеет значение? Главное, что он прав. Даже небо не свободно от города.— Люсин кивнул на белые клубы, застывшие над высокими трубами ТЭЦ.— Одурманенное дымом, оно безъязыко корчится в паутине проводов. Я еще помню, когда по Бородинскому мосту ходили трамваи. Кажется, тридцать первый и сорок второй. А тридцатый делал круг возле Киевского, высекая искры и требовательно звеня. Мы с ребятами вскакивали на ходу и мчались, стоя на подножках, навстречу обманчивым осенним ветрам.

— Так вот отчего вас вдруг потянуло совершить эту прогулку!

— А вот, кстати, и наш дредноут... Ну как, рискнем?— Не дожидаясь ответа, Люсин просунул деньги в окошко кассы.— До конца и обратно, пожалуйста.

В полном одиночестве они прошли через турникет. На верхней палубе цепенела старуха с лохматым псом, а несколько поодаль самозабвенно обнималась парочка.

— Здесь слишком ветрено.— Наталья Андриановна капризно наморщила нос.— А внизу душно и пахнет бензином.

— Соляркой,— непроизвольно поправил Люсин.

— Тем хуже. Не переношу угара.

— Если память мне не изменяет, на корме должно быть укромное местечко. И воздух свежий, и от ветра защищено. Все сто двенадцать удовольствий.— Сойдя на две ступеньки, он подал ей руку.— Почему вы решили, что я странный человек, Наталья Андриановна?

— Не знаю.— Она медленно покачала головой, покорно спускаясь по узкому трапу.— Согласитесь, что все сегодня немного странно. И вообще мы явно не о том говорим. Ведь вам нужно о чем-то спросить меня? Верно?

— Еще не знаю,— ушел от прямого ответа Люсин, сильно подозревая, что выглядит в ее глазах чуть ли не идиотом.

— Если у вас действительно есть ко мне дело, мы могли бы увидеться в более подходящей обстановке.— Наталья Андриановна без особого удовольствия опустилась на влажную скамью.

— Например? Я бы скорее утопился, чем рискнул пригласить вас в уголовный розыск.

— Кафедра вас уже не устраивает?

— Не хочу лишний раз мелькать перед вашими сослуживцами. Да и комплекс вины, если быть до конца честным, мешает. Ведь дальше этой проклятой сберкассы мы не продвинулись ни на шаг. Погонят меня к чертовой бабушке и будут правы.

— Ой-ёй, какой ужас! Вне милиции вы, конечно, своей жизни не представляете?— заметила она подчеркнуто иронично.— Суровый ветер романтики дует в ваше лицо. Вы прирожденный сыщик!

— Зачем вы так, Наталья Андриановна?— Люсин почувствовал себя задетым.— Я ведь вам, как на духу, признался...

— Как на духу?— Она словно прислушалась к тайному значению слова.— Но я никудышный исповедник, Владимир Константинович. Я жестока и рациональна до мозга костей. Поэтому говорите поскорее, в чем суть.

— А если ни в чем? Если я осмелился побеспокоить вас просто так? Это что, преступление?

— Вы серьезно? — Наташа взглянула на него с веселым удивлением.

— В самом деле, куда мне было вас повести?— уловив перемену в ее настроении, он немного приободрился и обрел спасительный юмор: — В киношку? Для этого я слишком стар. В театр? Но где взять приличные билеты, если я не располагаю ни временем, ни знакомствами? Что же остается, милая моя Наталья Андриановна? Ресторан?— В притворном ужасе он закрыл лицо.— Об этом даже подумать страшно, ведь вы можете как-то не так понять...

— Отвечу откровенностью на откровенность.— Удивительно похорошев, Наталья Андриановна едва отдышалась от беззвучного смеха.— Я обожаю кино и могу спокойно прожить без театра. Не помню, когда и была там в последний раз. Поэтому предлагаю сойти в ближайшем порту и поискать чего-нибудь поинтересней.— Расстегнув плащ, она вытащила свою электронную висюльку.

— Вы изумительны, Наталья Андриановна!— восхищенно признал Люсин.— И если вы позволите мне звать вас просто по имени, то я поверю, что чудесное слово «будущее» имеет ко мне хоть какое-то отношение.

— Охотно.— Она кивнула с видом королевы, приветившей мимоходом пажа.— А теперь выкладывайте, что у вас на уме,— потребовала она совершенно будничным тоном.

— Но мне действительно очень хотелось увидеть вас,— признался он с непонятной обидой.— И это самое главное...

— Понимаю.— Она ободряюще кивнула.— Теперь давайте второстепенное.

— Прямо допрос какой-то!— пожаловался Люсин.— Если вы так уж добиваетесь правды, то да, признаюсь, предлог для встречи у меня заготовлен. На всякий случай.

— Вот и прекрасно.

— Но я хочу, чтобы вы знали: это всего лишь предлог. Я бы не рискнул потревожить вас из-за подобной мелочи... Вам не очень холодно, Наташа?

— Нет, ничего.— Она выжидательно нахмурилась.— Не люблю околичностей.

— Что такое Абраксакс, Наталья Андриановна?— спросил Люсин, словно позабыв о дарованной ему привилегии на более интимное обращение.— А заодно и Абракадабра?

— Вы нашли его!— Она испуганно вздрогнула.— Я так и знала...

— Простите?— выжидательно прищурился Люсин.— Вы это о чем? — Он осторожно коснулся ее затянутой в шелковую перчатку руки.

— Не нужно.— Наталья Андриановна с гримасой досады отстранилась.— У меня достаточно крепкие нервы, и я не упаду в обморок...

— Ей-богу, ничего не пойму!— Люсин умоляюще прижал руки к груди.— Объясните, пожалуйста, в чем дело?

— Вы меня спрашиваете?— Ее испуг сменился растерянностью.— Но разве вы не нашли... Георгия Мартыновича?

— Да с чего вы взяли!— Уязвленный до глубины души Люсин едва сдерживался.— Разве я стал бы скрывать? Тем более обманывать? Мило же я выгляжу в ваших глазах!

— Простите.— Уголки ее ярких, утонченно очерченных губ виновато дрогнули.— Я сама не ведаю, что несу. Но откуда тогда вы узнали про браслет? Ну, конечно,— Гротто облегченно вздохнула,— как я сразу не догадалась! Вам рассказал кто-то из наших?

— Час от часу не легче! Какой еще браслет? Никто и ничего мне не рассказывал.

— Тогда почему вас заинтересовало слово Абраксакс?

— Да все оттуда же: из его записей и набросков. Даже рисунок нашел со змеями. Не понимаю, почему это вас так удивило...

— Не сердитесь,— примирительно промолвила Наталья Андриановна.— У меня и в мыслях не было вас обидеть. Просто я страшно испугалась. Вроде бы давно готова к самому худшему и надежды никакой нет, но стоило вам вспомнить про этого Абраксакса, сердце так и оборвалось... Сейчас-сейчас все объясню,— заторопилась она.— Дело в том, что это слово было вырезано на камне, который я подарила шефу на его шестидесятилетие. Теперь понимаете?

— По крайней мере начинаю понимать.— Владимир Константинович прояснел взором.— Вы меня тоже простите за невольный эмоциональный всплеск...

— Меня это ничуть не задело. Даже совсем наоборот. Вы совершенно правильно возмутились. Но не будем сводить мелочные счеты. Инцидент исчерпан и вычеркнут из памяти.

— Вы слишком великодушны, Наташа.— Люсину так нравилось повторять ее имя.— Единственное, что меня извиняет, так это чистота помыслов. Когда вокруг полный тупик и нигде ничего не светит, хватаешься за соломинку. Я вообще стараюсь прояснять все до конца, любую мелочь. Отсюда и возник этот чертов Абраксакс.

— Вы как будто извиняетесь.

— Так оно и есть,— с проникновенной грустью подтвердил он.— Мне необыкновенно приятно быть с вами. Но у жизни есть дурацкая особенность. То, что еще минуту назад представлялось нам почти пустяком, вдруг неожиданно вырастает и становится исключительно важным. Предлог — вы просто вынудили меня признаться, что я его... почти выдумал,— сделался чуть ли не самоцелью.— Боясь, что будет превратно понят, Люсин умоляюще заглянул ей в глаза.— Расскажите, ну пожалуйста, про этот ваш камешек, Наташа?

— Да-да, конечно.— Мимолетным касанием пальцев она как бы заверила, что все поняла, уловив даже недосказанное.— Это может оказаться очень нужным для вас, потому что Георгий Мартынович никогда не расставался с подарком. Я, надо признать, здорово угодила ему. Дала повод немного позабавиться. Он сам набросал эскиз алхимического змея, а потом уговорил одного знакомого ювелира изготовить браслет из сплава семи металлов и вставить туда камень.

— Семь металлов древнего мира? Семь планетных стихий?

— Вы, я вижу, сильно продвинулись вперед.— Гротто одобрительно кивнула.— Сплав получился серебристо-зеленоватым, не похожим ни на один из металлов.

— Опишите подробнее камень.

— Карнеол-печатка в форме эллипса, притом необыкновенно яркого багряно-огненного оттенка. Он достался мне от бабушки. В самом центре, на длинной оси, надпись по-гречески: «Абраксакс». Я уже точно не помню, что она означает. Кажется, имя какого-то восточного божества. В древности это слово считалось магическим. Георгий Мартынович как-то объяснял, что численное произведение составляющих его букв дает триста шестьдесят пять — число дней солнечного года. Ему нравилось думать, что инталия была изготовлена во втором или третьем веке александрийскими гностиками.

— Наверное, это большая ценность?

— Только для тех, кто понимает.

Продолжение следует.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

При расследовании обстоятельств исчезновения профессора Солитова сотрудник уголовного розыска Люсин и следователь прокуратуры Гуров узнают, что Георгий Мартынович занимался на своей даче опытами по расшифровке старинных лекарственных рецептов. Что-то заставило Солитова срочно уйти с дачи, не отключив водяную баню. Этим и объясняется взрыв в его кабинете. В тот же день профессор взял из сберегательной кассы полторы тысячи рублей. Опрошены сотрудники и близкие Георгия Мартыновича, проверены «Скорая помощь» и больницы, объявлен всесоюзный розыск, но все безрезультатно. Майор Люсин ведет проверку тех, чьи телефоны обнаружены в записной книжке Солитова.

Глава девятнадцатая

ТРАВНИК МАКРОПУЛОСА

Утро началось для Люсина со стрессовых ситуаций. Не успел он получить от начальства очередное многозначительное напоминание о том, что всякому терпению есть предел, как поступила добрая весть: нашелся долгожданный Петя! Застопорившийся было маховик вновь готовился набрать обороты, и это внушало безусловный оптимизм. Однако за неизбежными хлопотами и лавиной телефонных звонков освежающее дуновение радости вскоре растаяло, а вместе с ним притупилось и едкое чувство обиды. В итоге все пришло к общему знаменателю, и вторую половину дня Владимир Константинович провел сравнительно спокойно, хотя и ощущал себя время от времени несправедливо задетым. И это прежде всего мешало ему самозабвенно погрузиться в запутанные лабиринты чужой души.

Жизненный путь Петра Васильевича Корнилова, известного среди московских книжных жучков под кличкой Петя-Кадык, не был отмечен особо патологическими эпизодами. По крайней мере в масштабах уголовного розыска. Ухватиться было, в сущности, не за что, хотя общий фон рисовался вполне определенно: задержания по подозрению в спекуляции, предупреждение насчет тунеядства и плюс ко всему неоднократное знакомство с медвытрезвителями различных районов Москвы. Детально изучив справку, полученную из отделения милиции, Люсин вынес твердое убеждение в том, что сорокашестилетний Петя практически никогда не занимался общественно полезным трудом. Покончив после девятого класса с образованием, он трудоустраивался великое множество раз, но нигде долго не задерживался. На иных предприятиях, вроде СМУ № 31, где подвизался в должности моториста водоотчачивающей установки, его трудовой стаж вообще исчислялся двумя неделями. Судя по всему, Петя упорно искал свое особое место в жизни, и последние пять лет в обескураживающем перечне его мытарств явно указывали на то, что скиталец обрел долгожданный покой под сенью Литфонда. Должность литературного секретаря члена Союза писателей Неликбезова явилась как бы зенитом карьеры. Во всяком случае, по сравнению с предыдущей ступенькой (упаковщик почтовых посылок) это был несомненный взлет.

Поскольку фамилия Неликбезова не всколыхнула в натренированном мозгу Владимира Константиновича даже ничтожной волосинки нейрона, он заподозрил липу и позвонил в Союз писателей знакомому консультанту, с которым неоднократно встречался у Березовских. К великому его удивлению, консультант действительно обнаружил искомое лицо в справочнике.

— Автор «Пролетки»,— сообщил он дополнительные сведения с торжеством в голосе.— Была, знаете ли, песня такая в предвоенный период... А вообще у нас есть забавная игра. Открываешь на любой странице и если найдешь среди дюжины хоть одно мало-мальски знакомое имя, то выиграл.

— Будем считать, что на сей раз победа определенно за вами,— пошутил Люсин.— Отпразднуем это дело, как только Юра вернется из Чехословакии.

Чувствовал он себя при этом не слишком уверенно. Хоть консультант и посоветовал не относиться серьезно к вырождающемуся институту литсекретарей, следовало признать, что Петя-Кадык обеспечил себя надежным прикрытием. Если создатель «Пролетки», его принципал, тоже окажется любителем половить рыбку в мутной воде, придется серьезно повозиться. Что-что, а статус писателя достаточно высок.

В том числе и по части добывания книг. Скажет, например, товарищ Неликбезов, что поручил своему помощнику достать столь необходимый для творческой работы травник,— и все, и концы в воду. О каком-то там обыске и заикаться нечего. Никто не позволит. Впрочем, особенно волноваться пока не стоило. Со слов Березовского Люсин знал, что иные писатели даже в лицо не видали своих литсекретарей. Уступая просьбам друзей и знакомых, жаждущих пристроить на какое-то время подающего надежды недоросля, они ставили необходимую подпись и умывали руки. Не столько воображаемые осложнения, сколько логические противоречия не позволяли Люсину наметить основные вехи предстоящей беседы. Подлинное занятие Кадыка явно не соответствовало примитивному стилю его существования. Невольно сложившийся в представлении образ запьянцовского недоучки определенно не вязался с репутацией тонкого, хотя и хищного знатока книги. А ведь именно таким, этого у него не отнимешь, слыл Петя среди весьма уважаемых людей. В числе его постоянных клиентов были, наверное, не только Солитов и Баринович. Люсин не сомневался, что в лице Корнилова ему встретился довольно редкий тип подпольного букиниста-профессионала, чувствующего себя в книжном море как рыба в воде. А это подразумевало определенный уровень образования, интеллекта, культуры, словом, весьма тонкой материи, которой, судя по справке, скрупулезно составленной участковым, Кадык был лишен почти начисто. Оставалось лишь предположить, что это самородок, который, несмотря на разрушительное пристрастие к праздности и пьяным дебошам, до всего дошел своим умом. По крайней мере научился читать хотя бы названия латинских, старогерманских и прочих редкостных изданий, вроде того же травника, оттиснутого преподобным Вольфрамом из Дубенец.

Промучившись допоздна, но так и не заполнив заготовленную повестку, Владимир Константинович позвонил Гурову.

— С книжником вроде все в порядке, Борис Платонович,— сообщил он с несколько наигранной беззаботностью.— Хочешь взглянуть на субчика?

— С превеликим удовольствием! Как говорится, на безрыбье и рак рыба. Сам на него вышел или соседи подсобили?

— Не без их участия,— дипломатично заметил Люсин, хотя помощь ОБХСС практически не понадобилась — все решила записная книжка.

— Поздравляю, Константиныч!

— Может, возьмешь на себя?— предложил Люсин.— А я посижу в сторонке, послушаю, понаблюдаю...

— Тебя что-нибудь смущает?— насторожился Гуров.

— И сам толком не знаю. Уверенности как-то в себе не нахожу. Неясен мне этот тип, и все тут. Наверное, испортить боюсь, Борис Платонович. Вдруг здесь нечто большее, чем просто звено?

— Будь по-твоему. Вызови его на следующий вторник часам к десяти. Я подгребу. Психологически так будет эффектнее. Ты прав, тут тебе и угрозыск, и прокуратура, но все корректно: по повесточке и без драматических сцен.

— Так ведь и повода нет для драматизма. В конце концов что мы против него имеем? Спекулирует книжками?

— Это еще доказать надо.

— Вот и я про то! Да и не наша это забота. Во всяком случае, не моя... Я рад, что ты меня правильно понял, Борис Платонович. Все нужные материалы я тебе подошлю.

— Ну и ладушки. Попробуем разработать сценарий.

Сценарий они с грехом пополам наметили, но Петя с первых же слов дал понять, что писано было явно не про него. Начав с того, что явился с опозданием на целый час, когда его почти перестали ждать, он сразу же захватил инициативу.

— Кто тут Гуров?— вызывающе осведомился он, помахивая повесткой.

— С вашего позволения, это я, следователь горпрокуратуры,— кратко представился Борис Платонович.

— А этот товарищ?— Не удостоив Люсина взглядом, Петя как-то боком дернулся в его сторону.

— Моя фамилия Люсин, старший инспектор угрозыска.— Владимир Константинович с любопытством взглянул на явно нескладную фигуру в коротких брючках и затрапезной курточке, надетой поверх застиранной рубахи. На дурно выбритом лице виднелись запекшиеся царапины, костистый выступ, словно взломавший изнутри тонкую шею, оправдывая прозвище, назойливо бросался в глаза.— Присаживайтесь.

— Куда, хотел бы я знать?— Петя вновь дернулся и, запустив ногти в спутанную проволоку волос, медленно закачался, восстанавливая утраченное равновесие.— Единственный стул, насколько я понимаю, занят угрозыском, хотя вызывала меня прокуратура. Правильно?— Он обнажил в ухмылке крупные прокуренные до черноты зубы.

— Вы совершенно правы.— Люсин осветился ответной улыбкой и, водрузив свой стул посреди комнаты, пересел на диванчик.— Можете не обращать на меня никакого внимания.

— Ага!— Петя Корнилов плотоядно осклабился и решительно хлопнул по столу, припечатав повестку.— За каким чертом я вам понадобился?— осведомился он, придвигаясь вместе со стулом.

Слегка шокированный следователь потянулся за сигаретой.

— Мне тоже дайте!— потребовал Петя, но тут же отшатнулся с гримасой крайнего отвращения.— «Дымок»?! Вы случайно не в такси работали, если потребляете такую дрянь?— Поковыряв шись в кармане, он вытащил согнутую «беломорину» и, осыпая табаком колени, прикусил мундштук. Затем, не дав Борису Платоновичу опомниться, завладел коробком и, ломая спички, разжег папиросу, корча в дыму совершенно немыслимые рожи.

Люсин с радостным изумлением следил из своего уголка за этой бесподобной клоунадой. Петя-Кадык превзошел все его ожидания. Если он и играл заранее приготовленную роль, то делал это талантливо, более того, виртуозно.

— Не стоит поминать черта, Петр Васильевич,— ласково посоветовал Гуров.— Мы пригласили вас в качестве свидетеля. Согласно закону, вы обязаны ответить на все интересующие следствие вопросы. Причем правдиво, ибо за дачу ложных показаний свидетель может быть привлечен к уголовной ответственности.

— Ничего не понимаю!— Зажмурившись, Петя покрутил головой.— Бред какой-то.

Не обращая внимания на реплику, Гуров заправил в пишущую машинку бланк протокола,

Продолжение См. «Огонек» №№ 1—10.

плавным движением подвинул микрофон, включил запись.

— Ваша фамилия, имя, отчество, год и место рождения?

— А что, вы не знаете, кто я есть?!

— Знаю, но существуют формальности, которые нам с вами, хотим мы этого или нет, придется выполнить.

Корнилов для вида слегка погримасничал, но в конце концов подчинился.

— Подпишите, пожалуйста, здесь, что предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний.— Разгладив слегка свернувшийся лист, Борис Платонович показал нужное место.

— Только этого мне не хватало! Ничего подписывать не буду. Судите, если можете!— Петя демонстративно принялся ковырять спичкой в зубах.

— За отказ от свидетельских показаний я действительно могу передать ваше дело в суд,— холодно разъяснил Гуров.— Надеюсь, вам, как и мне, ни к чему подобная канитель?

— Мое дело?!— взвился Корнилов.— Это оскорбление! Нет у вас на меня никакого дела!

— Вы совершенно правы, Петр Васильевич, нет... Но оно появится, если вы и далее станете отказываться от выполнения своих обязанностей. Мы в прокуратуре приучены чтить букву закона.

— Я никому ничем не обязан.

— Ошибаетесь. У каждого из нас есть равные обязанности перед обществом.

— И права тоже!

— Совершенно верно, и права. Обвиняемому, например, закон дозволяет уклониться от дачи показаний, свидетелю — нет... Надеюсь, вы не сделаете из этого неверный вывод, что положение обвиняемого предпочтительнее?

— Что вы все плетете свои юридические кренделя?— Петя без спросу выхватил сигарету, раскурил, закашлялся и затушил в пепельнице.— Ведь вы даже не удосужились объяснить мне причину вызова! Сразу какие-то требования, угрозы... Чего вы добиваетесь?

— Как?— удивленно заморгал Гуров, медленно снимая очки.— Неужели я допустил подобную промашку? Вы вправе жаловаться, Петр Васильевич, честное слово, вправе... Это не оправдание, но я просто-напросто забыл. Впрочем, я был уверен, что вы знаете...

— Ничего я не знаю и знать не желаю. Оставьте меня в покое раз и навсегда. Это единственное, чего я хочу!

— Вы хорошо знаете Георгия Мартыновича Солитова?— успокоительно кивая, осведомился Гуров.

— Ну, знаю, и что с того?— не проявляя признаков волнения, поморщился Петя.— От меня вам чего надо?

— Правдивых показаний, не более,— отрезал, замкнувшись, Борис Платонович.— Ставлю вас в известность, что профессор Солитов при невыясненных обстоятельствах пропал без вести, и вы были последним, или одним из последних, с кем он общался в тот день.

— Быть того не может,— отмахнулся с явным облегчением Петя Корнилов.— Мы не виделись с ним месяцев пять-шесть.

— Можно занести ваш ответ в протокол?

— Хоть в газете пропечатайте.

— Подписывать будете?— Гуров услужливо пододвинул ручку.

— Вот напасть на мою бедную голову! Ну, давайте, давайте, раз вам так хочется.— Петя поставил размашистую закорючку.— Мне ведь правды бояться нечего. Я перед законом чист.

— Вот и ладненько... Надеюсь, далее у нас с вами все пойдет как по маслу? Значит, когда вы видели его последний раз?

— Весной вроде...

— Поточнее нельзя? В марте? В апреле?

— В апреле, кажется. Лужи уже подсыхали.

— У вас во дворе?

— У меня, у него — какая разница?

— Разницы никакой,— согласился Борис Платонович, неторопливо возвращая назад листки перекидного календаря.— Но для освежения памяти мы с вами попробуем возвратиться в недавнее прошлое. «Машину времени», конечно, помните?

— Ваш эксперимент скорее напоминает «Между двух миров» Финея. Воссоздание обстановки.

— Не читал, к сожалению, но насчет воссоздания вы попали в самую точку... Значит, лужи уже подсыхали, мальчишки гоняли мяч, а девочки прыгали через веревочку... Или, может, чертили на асфальте классы?

— Ну-ну,— покровительственно усмехнулся Корнилов.— Поглядим, что у вас получится.

— Без вашей помощи у меня ничего не получится, Петр Васильевич... Вы когда были у Солитова? Вечером? Днем?

— Ближе к вечеру.

— На даче?

— Зачем на даче? В Москве.

— И по какому, позвольте полюбопытствовать, поводу?

— Одна, но пламенная страсть, гражданин следователь. Книги.

— Надо полагать, привезли какую-нибудь редкость?

— Ничего я ему не привозил. И вообще за кого вы меня принимаете? Книги — мое хобби. Я коллекционер, а не торговец. Иногда, конечно, продаю кое-что, но больше меняюсь со знакомыми библиофилами. Имею право?

— Экий вы, голубчик, чувствительный.— Гуров неторопливо снял очки и, подышав на стекла, протер их кусочком замши.— У меня и в мыслях не было покушаться на ваши права. Обменивайтесь себе на здоровье. Речь ведь идет лишь о воссоздании обстановки. О чем вы беседовали с профессором, не припомните?

— Допустим, об Альбрехте Дюрере. Вас это устраивает? О факсимильном альбоме.

— Вполне... А от Солитова куда направились?

— Думаете, я помню?— Петя негодующе пожал плечами.— Надо полагать, прошелся по ближайшим букинистическим и вернулся домой... А может, в кафе поужинал. Это в детстве один день на другой непохожим казался. Нынче время летит, мешая события и лица. Все, как в мясорубку, проваливается.

— Своеобразное сравнение, Петр Васильевич, ничего не скажешь... Однако предположим, что в тот вечер вы вернулись домой, даже после ужина в ресторане... Что по телевизору показывали, не обратили внимания?

— Я уже забыл, когда врубал ящик. Каждый день одно и то же.

— Позвольте мне вмешаться в вашу беседу.— Люсин слегка привстал с дивана.— Если я не ошибаюсь, профессор Солитов переехал на дачу в последних числах марта, двадцать седьмого, коли быть абсолютно точным. Как вы полагаете, Петр Васильевич, почему он оказался в тот день в Москве?

— А я знаю? Он же в институте работает, на кафедре. Мало ли какие могли быть дела... Вспомнил!— Петя торжествующе рассмеялся.— У них на другой день субботник намечался! Так что Георгий Мартынович загодя прибыли.

— Вот мы и установили с вами точную дату.— Борис Платонович вернул календарь на прежнее место.— У них, как вы изволили выразиться, намечался субботник. Больше вы с ним не виделись?

— Нет.

— И не звонили?

— И не звонил.

— Боюсь, что на сей раз память вас основательно подвела. Мы располагаем сведениями, что вы все-таки говорили с ним по телефону после той встречи. По крайней мере один такой разговор имел место шестнадцатого августа.

— Интересное кино!— Петя закинул ногу на ногу, обнажив спущенный носок, к которому пристали какие-то колючие семена.— У них, видите ли, сведения есть, а я вот почему-то не помню. Поглядим, что вы мне шьете...

— Были за городом недавно, Петр Васильевич?— благодушно поинтересовался Люсин.

— Так-так... Похоже, я нахожусь под колпаком. Мои телефонные разговоры подслушивают, за мной следят и все такое прочее. На каком, хотелось бы знать, основании?

— У вас мания преследования, Корнилов!— Люсин порывисто поднялся и, пройдя к окну, слегка прислонился к широкому подоконнику.— Кому вы нужны? Просто я совершенно случайно обратил внимание на облепившие вас колючки... Однако должен предупредить, что вам действительно грозят серьезные неприятности, если вы не перестанете валять дурака. Имейте в виду, что профессор Солитов пропал без вести сразу же после вашего звонка. Это немаловажное обстоятельство. Вам придется напрячь свои мозговые извилины и сообщить нам, где вы были в тот день и что делали, минута за минутой... Надеюсь, с августом дело пойдет легче, чем с более отдаленным апрелем... Извините, пожалуйста, Борис Платонович.

— О чем вы говорите, Владимир Константинович!— улыбнулся Гуров.— Вполне существенное замечание... Так как насчет шестнадцатого августа, Петр Васильевич?

— А как насчет тридцать первого июня, инспектор?— Петя хмуро покосился на Люсина.— Вы, например, можете вспомнить, как провели этот день?

— Похоже, вы не вняли добрым советам, Корнилов. Кстати, для вашего сведения, в июне всего тридцать дней.

— Ну и бог с ним, мне без разницы. Меня в создавшейся ситуации интересует совсем другое: как обстоят нынче дела с социалистической законностью? С презумпцией невинности?

— Не путайте невиновность с невинностью, Корнилов. Это смешно.— Люсин, словно бы потеряв всякий интерес к разговору, отвернулся к окну.

— Действительно, Петр Васильевич, по части юриспруденции у вас в голове полнейший хаос,— как бы вскользь заметил Борис Платонович.— Ваша ссылка на нарушение социалистической законности абсолютно беспочвенна. В чем вы усматриваете такое нарушение?

— Когда тебя обвиняют неведомо в чем, когда шьют дело...

— Стоп-стоп!— Гуров предупредительно постучал по столу.— Не увлекайтесь. Вы находитесь здесь лишь в качестве свидетеля, о чем были своевременно предупреждены и дали соответствующую подписку. Насчет обвинений не было сказано ни слова.

— Пока,— уточнил Люсин, вглядываясь в бесприсветное небо над крышами.— Хотелось бы напомнить, что профессор Солитов имел при себе крупную сумму денег.

— И что с того?— Корнилов вскочил, резко отбросив стул.— Я его ограбил? Убил? Вы это хотите доказать? Это?!

— Сядьте,— не оборачиваясь, бросил Владимир Константинович.— И постарайтесь усвоить, что подобными заявлениями вы сами свидетельствуете против себя. Да простит меня Борис Платонович, но я питаю на ваш счет серьезные сомнения, Корнилов.

— Да-да,— подхватил Гуров.— Ваши реакции не всегда, как бы это поточнее сказать, адекватны.

— Это с одной стороны.— Люсин словно бы отстаивал свою, несколько отличную от Бориса Платоновича, точку зрения.— А с другой, думается, будет правильнее, если мы скажем свидетелю, что знаем, ради чего он пригласил в тот день, шестнадцатого августа, профессора Солитова.

— Интересно,— выдавил из себя Корнилов, пряча слегка задрожавшие руки.

— Я думаю, Владимир Константинович, что будет лучше, если Петр Васильевич расскажет сам,— вкрадчиво заметил Гуров.

— Конечно, это был бы наилучший вариант. По крайней мере мы получили бы подтверждение искренности свидетеля. Но он почему-то предпочитает запутываться в своем голословном отрицании все глубже и глубже. В чем дело, Корнилов?— Владимир Константинович отошел от окна и присел на краешек стола.— Чего вы, собственно, боитесь? Ваши букинистические игры, можете поверить на слово, никого не волнуют. Речь идет о жизни человека, и какого человека!

— То есть как это о жизни?— Петя Корнилов испуганно заморгал. Похоже было, что он только сейчас полностью уяснил создавшуюся ситуацию.— Разве Георгия Мартыновича?..

— А вы как думали?— Люсин вновь устроился на диване.— Человек снял со сберкнижки деньги и вдруг исчез среди бела дня.

— И никаких следов?

— Почему никаких?— Люсин переглянулся с Гуровым.— На вас, полагаете, мы по наитию вышли?

— Я-то тут с какой радости?

— Вот это нам и предстоит сейчас уточнить. Спокойно, доказательно, объективно.— Владимир Константинович почувствовал, что добился перелома.— Поставьте себя на мое место, Корнилов.

— Ну?

— Тогда вы должны понять, что в ваших интересах всемерно помогать следствию.

— Мне кажется, что Петр Васильевич уже уяснил определенную деликатность своего положения.— Гуров сочувственно кивнул Пете.— Продолжим, если не возражаете?— И положил пальцы на клавиши «Рейнметалла».— Итак, о чем вы говорили в то утро с Георгием Мартыновичем?

— Во-первых, я позвонил ему не утром, а вечером, накануне.

— О чем вы говорили с профессором Солитовым по телефону вечером пятнадцатого августа сего года?

— Я сказал, что мне случайно попалась любопытная книга. Георгий Мартынович заинтересовался и пообещал заглянуть на другой день, но почему-то не приехал.

— Какая именно книга?— требовательно спросил Люсин.

— Это имеет значение?.. Хорошо, я скажу. Речь шла о богемском травнике семнадцатого века из библиотеки императора Рудольфа.

— Откуда это известно, что из библиотеки императора?

— На титуле была печать.

— К вам она каким путем попала?

— Совершенно случайно. Умер один старый коллекционер, и дебилы наследники распродали все его книги, причем по частям, идиоты.

— «Один коллекционер»— это нас не устраивает.— Словно позабыв про магнитофон, Люсин неторопливо раскрыл блокнот.— Имя, фамилия, адрес, что за наследники.

— Зачем вам это?— с опаской осведомился Петя.

— С одной-единственной целью: проверить каждое ваше слово.

— Спасибо за откровенность.

— Книга все еще находится у вас?

— Н-нет, к сожалению, такие вещи долго не задерживаются.

— Ладно, к этому вопросу мы еще вернемся. Сколько вы запросили за свое сокровище?

— Конкретно о сумме речь не шла,— уклончиво пробормотал Петя.— Разве что грубо ориентировочно... Я уже точно не помню.

— Хватит ссылаться на забывчивость!— Люсин слегка повысил голос.— Имейте в виду, что нам известно, сколько денег снял Георгий Мартынович со сберкнижки. Не упустите свой шанс, Корнилов. Докажите, что вам еще можно верить.

— Ну да, а после вы станете лепить мне спекуляцию.

— Владимир Константинович, кажется, уже дал вам разъяснения на сей счет,— осторожно вмешался Гуров.— Я, со своей стороны, как говорят, не для протокола могу лишь заметить, что на суде, если до этого дойдет, вы будете вправе отказаться от своих показаний. Но я почему-то уверен, что мы с вами поладим без всякого суда... Итак, сколько вы запросили за книгу?

— Полторы,— после долгого размышления ответил Корнилов.

— Кстати, куда вы звонили в тот вечер Солитову: на дачу или же на квартиру?— спросил Люсин.

— На дачу.

— А, собственно, почему профессор, пожилой, уважаемый всеми человек, должен был обязательно ехать к вам? Не проще ли было вам самому отправиться к нему на Синедь?

— Не знаю, право.— Петя взглянул на Люсина с некоторой растерянностью.— Уж так вышло. Да и не с руки мне было переться на край света с таким талмудом. Мало ли чего...

— Ладно, это я так, замечание по ходу.— Владимир Константинович демонстративно закрыл блокнот.— Лично мне почти все ясно. Еще раз простите за вмешательство, Борис Платонович.

— Собственно, мы приблизились к финишу.— Гуров довольно потянулся в предвкушении предстоящего отдыха.— Остается уточнить, Петр Васильевич, где и как вы провели интересующий всех нас день шестнадцатого августа?

— Короче говоря, вас интересует мое алиби?

— Вы не ошибаетесь.

— К великому сожалению, у меня его нет. Весь день я провел дома. Сначала ждал профессора, потом занялся составлением одного библиографического списка и провозился до ночи. Живу я одиноко, и никто не может свидетельствовать в мою пользу.

— Ничего страшного,— успокоительно заметил Гуров.— В такого рода делах вообще не бывает полного алиби. Ведь в принципе вы могли позвонить Солитову и не по собственной воле, а, скажем, выполняя чье-то поручение? Это первый вариант. Возможен и второй. Вы могли рассказать об условленной встрече другому лицу, причем без всякой задней мысли. В этом случае вы не несете ответственности за неблаговидные действия этого лица, при условии, конечно, что назовете его нам. Я ничего не утверждаю, а лишь выдвигаю вполне естественные предположения.

— Одним словом, куда ни кинь, всюду клин и мне хана?

— По-моему, вы превратно истолковали мое разъяснение. Мы ничего от вас не скрываем, ни я, ни Владимир Константинович. Игра идет, что называется, в открытую. Такое доверие надо ценить, Петр Васильевич.— Гуров протянул Корнилову отпечатанный протокол.— Пожалуйста, прочитайте и, если согласны, подпишите свои показания.

— А что потом?

— Потом?— Борис Платонович недоуменно пожал плечами.— Потом вы напишете, у кого купили и кому продали книгу. Я тут же отмечу вашу повестку, и мы разойдемся, к обоюдному удовольствию. Если понадобится, вызовем еще...

— И что ты о нем думаешь?— спросил Люсин, закрыв за Корниловым дверь.

— Дрянцо человечек, но к делу, по-моему, не причастен.

— Мне тоже так кажется, хотя чего-то он явно не договаривает.

— Боится, что всплывут живописные подробности книжных гешефтов. Это очевидно.

— Не только, Борис Платонович, тут что-то еще есть...

Глава двадцатая

ОЗЕРО СИНЕДЬ

Тело Солитова было обнаружено в частоколе ржавых труб, служивших некогда опорами для лодочной пристани. После реконструкции шлюзовой системы прокатный пункт передвинули в другое место, в результате чего на торчащих над водой железных концах появилась доска, предупреждающая пловцов об опасности. Это было сделано скорее для очистки совести, потому что едва ли кому-нибудь взбрело бы на ум здесь искупаться. Деревянная лесенка, которая раньше выводила прямо к мосткам, была давным-давно разобрана, и спуститься с отвесной кручи стало куда как затруднительно. В довершение всего подводные течения, особенно усиливающиеся с сезонным подъемом шлюзов, сгоняли в этот застойный заливчик всякий мусор. На общем индиговом фоне здешняя вода выделялась расплывчатым бурым пятном. Лишь в самом начале лета, и то если стояла сухая погода, муть немного рассеивалась.

Трудно сказать, что заставило водолазов еще раз как следует пошарить в этом далеко не безопасном местечке, где в сваях запутался топляк, а на непроглядном илистом дне валялись битые бутылки, искалеченная детская коляска и покореженные части автомобильного кузова.

Длительное пребывание в воде сделало свое дело. Даже такие стреляные волки, как Гуров, Целиков да и сам Люсин, видавший, кажется, виды, не без внутреннего усилия заставили себя приблизиться к останкам.

— Опознать будет трудненько,— поспешно закуривая, заметил Гуров.

— Сделаем это с помощью рентгена,— возразил Люсин, не отводя напряженных глаз с того, что скрывалось теперь от него за спинами водолазов, врача и деловито озабоченных криминалистов.— А вообще-то я не сомневаюсь, что это он... И плащ его, судя по описанию.

— Конечно, он,— уверенно кивнул Гуров.— Кто же еще? Ведь других сигналов как будто не поступало?

— Тот еще натюрморт! Нарочно не придумаешь.— Крелин, закончив работу, присоединился к остальным.— Дайте закурить!— попросил он, пряча за спиной руки.

— Вы же вроде бросить хотели?— Гуров сунул ему в рот зажженную сигарету.

— Человек должен быть хозяином своего слова, а не рабом.— Крелин несколько раз с торопливой жадностью затянулся и выплюнул окурок.

— Он сам или?..— спросил Гуров.

— Всяко возможно.— Крелин с сомнением дернул щекой.— Ни денег, ни сберкнижки, во всяком случае, нет. К тому же одна пуговица вырвана чуть ли не с мясом, хотя это еще ни о чем не говорит. Поживем — увидим.

— А что врач?— Гуров кивнул на лысого толстяка, по-детски присевшего на корточки возле тела.

— Так он и скажет до экспертизы. Как же! Если человек попал в воду живым, то в легких должны обнаружиться микроводоросли.

— Ну и что с того?— на повышенных тонах возразил Целиков. Скорее всего ему просто хотелось поговорить, чтобы поскорее снять напряжение.— Свалиться тоже можно по-разному. Одно дело — случайно поскользнулся и упал, и совсем другое... Вот, помню, был у меня такой случай в шестьдесят девятом году...

— Ладно!— раздраженно оборвал Люсин, заставив слегка обиженного Целикова примолкнуть.— Нечего переливать из пустого в порожнее. Крелин прав: поживем — увидим. Что дальше будем делать, Борис Платонович? Криминалисты и медик, я вижу, свою задачу выполнили.

— За Солдатенковой надо бы послать.

— Здесь, в такой обстановке?.. Не слишком для нее?

— В морге, полагаете, будет выглядеть лучше?— Гуров с сомнением пожевал губами, но, взглянув на угрюмо-сосредоточенное лицо Люсина, махнул рукой.— Ладно, пусть увозят...

— В карманах больше ничего?— Люсин обернулся к Крелину.

— Насколько можно судить, ничего, кроме ключей и мелочи. Господи!— Всеми помыслами уйдя в осмотр, где любая соринка могла впоследствии сыграть первостепенную роль, криминалист только теперь обрел способность нормально мыслить.— Ключи!

— А браслет куда-то подевался?— пробормотал Владимир Константинович, думая о своем.

— Какой браслет?

— Неважно... А ключики мы проверим.— Люсин ожесточенно прищурился.— Причем незамедлительно.

Санитары задвинули носилки в машину, затарахтели моторы, и в студеном прозрачном воздухе разлился запах отработанного бензина.

Озеро блестело под безоблачным небом невозмутимой синевой летних дней, хотя леса вокруг, тронутые последними пламенеющими мазками, сквозили оцепенелой пустотой. Изредка посверкивающий то здесь, то там гребешок пены лишь подчеркивал безмятежную чистоту горизонта. Природа не замечала неуклонно стягивающейся петли, и не было у нее памяти о человеке.

Сад ведовских зелий, куда вошли Люсин с Крелиным, отворив жалобно скрипнувшую калитку, являл печальное зрелище. Травы на куртинах и грядках увяли, давно облетевшие розы топорщились колючими прутьями, и лишь чертополох в глухом углу стойко противостоял иссушающим ночным заморозкам и гипнотическому дыханию неукротимо подступавшей зимы. В слегка подрагивающей паутине запутались семена, живо напомнившие Люсину спущенный носок Пети-Кадыка. Сумрачный дом больше, чем когда бы то ни было раньше, напоминал запечатанный склеп. Окна были скрыты за тяжелыми черными ставнями, дверь заперта, и никто не откликнулся на стук.

— Может, отлучилась куда?— подумал вслух Крелин.

— А ставни?

— Значит, уехала ненадолго.

— Откуда это видно, что ненадолго?

— Так, подумалось почему-то...

— Делать нечего.— Люсин подкинул на ладони ключи.— Придется сходить за понятыми.

— Не терпится попробовать?— понимающе улыбнулся Крелин.

— Не только это.

Можно пригласить тех, что были тогда.

— Так мы и сделаем. Особенно того старичка, в очках. Уж он-то должен знать, куда запропастилась Аглая Степановна.

— Ты чего, огорчился? Небось надеялся, что опять угостят вкусной похлебочкой?

— Тебе, я вижу, здорово весело, а мне, представь, не очень.

— Мировая скорбь? Я тебя уже предупреждал однажды, что нельзя поддаваться настроению.— Крелин перехватил вновь подброшенную Люсиным связку ключей и сунул ее к себе в карман.— Если бы все полицейские и врачи переживали каждую смерть так трагически, то в мире давным-давно не осталось бы ни врачей, ни полиции. Не укорачивай себе жизнь, Люсин. Да что там жизнь! Раньше или позже, как говорится, все там будем. Болезнь — вот чего надо по-настоящему опасаться. Побереги нервы, Володя. С них все и начинается. Медицинский факт.

— Вовсе не в том дело.— Люсин надулся, словно застигнутый на месте преступления дошкольник, и отвел глаза.— Просто мне немного не по себе. Может, погода, может, давление подскочило.

— Знаю я эту погоду! Постарайся усвоить одно: на нас, в первую очередь я подразумеваю тебя, нет и тени моральной ответственности. Ты понял? Солитов был убит, то есть я полагаю, что он был убит, задолго до того, как тебе поручили дело. Так какого, прости меня, черта? Делай свою работу и радуйся жизни, которая нам тоже дана не навек... Сколько ему было? Я позабыл.

— Семьдесят три.

— Нам бы с тобой дожить! Ей-богу, Володя, ты мне ужасно не нравишься. Так нельзя. При нашей службе смерть нужно воспринимать с минимальной затратой эмоций. Иначе попадешь в реанимацию или хуже того — в психбольницу.

— Так ведь смотря чью смерть! Ты представить себе не можешь, что это был за человек. Даже ты! За эти месяцы он, как бы тебе объяснить, стал для меня очень близким, живым, что ли. Да, я упорно искал все это время его труп и вроде бы даже знал, что найду, но в глубине души вроде как на чудо надеялся. Готов был ухватиться за любую соломинку. Так бывает, Яша, ты сам это знаешь. Мы ведь не заблуждаемся насчет собственного конца, все распрекрасно знаем, даже разряд, по которому похоронят. И все же...

— И все же?— вопросительно повторил Крелин, облизав пересохшие губы.

— Всегда рады поверить, что с нами, как бы это точнее выразиться, все случится немножко не так.

— А как, ты случайно не знаешь?

— Брось иронизировать. Ведь ты прекрасно понимаешь, что именно я пытаюсь сказать,— проговорил Люсин, присаживаясь у крыльца.— А сейчас не сочти за труд — приведи понятых. А я пока посижу, погреюсь на последнем солнышке. Устал чего-то, ноги не держат.

— «И это пройдет». Вот единственная мудрость жизни. Но она дает и некоторое утешение. Не в пример познанию, которое лишь умножает скорбь. Для твоего сведения, Флобера как-то нашли лежащим в беспамятстве. «Только что умерла госпожа Бовари»,— объяснил он, когда его привели в чувство. Поэтому не завидуй создателям бесплотных форм. У них тоже есть свои огорчения. Им даже приходится убивать своих героев. Как Бальзаку, который едва не заболел, когда умер старик Горио.

— Ты-то откуда все это знаешь?

— Я давно не расту над собой, как хохмил в годы нашей молодости какой-то эстрадный трепач. Я перестал штудировать перед сном работы по специальности. Я читаю только художественную литературу. Причем отдаю предпочтение древней жизни.

— Утешает в горестях?

— И утешает, и наставляет на ум... А понятых я тебе достану из-под земли. Сиди себе спокойно, дыши озоном. Все-таки нет ничего лучше сосен! Чувствуешь, какой аромат?

Когда Крелин привел живущего по соседству старичка Караулкина и юную почтальоншу Таню, Люсин, превозмогая охватившую его дремотную слабость, отомкнул оба замка, демонстративно распахнул и, словно прощаясь, медленно притворил обитую искусственной кожей дверь.

— Что и требовалось доказать, товарищи,— заметил он с наигранной беспечностью.— Ключи принадлежали Солитову.

Понятые, осведомленные Крелиным по дороге, понимающе закивали.

— Жалко Георгия Мартыновича.— Караулкин под конец прослезился.— Редкого душевного совершенства был человек! Да будет земля ему пухом. А вам спасибо, хоть похоронят теперь достойно. Рядом с хозяйкой, с Анной Васильевной. Я знаю могилку, могу показать, если надо.

— А Аглая Степановна разве не знает? Кстати, где она сейчас?

— Степановна? Уехала от нас, голубушка, совсем уехала.

— Так скоропалительно? Ни с того ни с сего?

— Значит, была причина.— Караулкин насупился.— Тут Игорь Александрович на днях приезжал, беседу имел с ней серьезную. Только нас это не касается, товарищ начальник, ни с какой стороны. Последнее дело — соваться в семейные дела.

— Но ведь Солитов завещал дом именно ей!

— Эх, легко сказать... Скоро улита едет! Не стала Степановна ждать суда. Собрала свой чемодан деревянный, понавязала узлов и отбыла в родимые края. Тянет нас, стариков, к отчим могилкам. Только боюсь, что не больно ей там обрадуются.

— Адреса не оставила?

— Писать обещалась. Как, значит, обоснуется, так и сообщит. Травку свою раздала по соседям. Каждому наказала, как и чего пить. Мне тоже оставила. Против давления и от радикулита.

— А не сказала вам, на чем они порешили с Игорем Александровичем?— без особой надежды спросил Люсин.

— Сказала, не сказала — какая разница? Уехала — вот что важно. А куда уехала? В белый свет! Лично у меня большого доверия к ее сродственникам нету. Хоть она и прикопила кое-чего на черный день, но человеку, кроме корки хлеба, внимание требуется, ласка.

— И когда она уехала?

— Третьего дня, аккурат через неделю после наезда Игоря. Он и ко мне заходил, за домом просил приглядывать, за участком. Сами они с Люсей, с Людмилой Георгиевной, значит, обратно за рубеж собираются, к месту службы. Пока, говорит, пусть все, как есть, остается, а там они решат, что делать, когда окончательно возвернутся. Я так понял, что в нынешнем виде садик его решительно не устраивает. И то правда: на кой ему эти дикие сорняки? Может, фруктовых деревьев побольше насадит? Кто его знает, чего он там себе думает... Люсю бы надо предупредить, что отца-то нашли.

Решив, что не стоит заходить в покинутый дом, Владимир Константинович присел на ступеньку, набросал коротенький протокол и, дав понятым подписаться, подтолкнул Крелина в спину:

— Поехали.

Ему захотелось как можно скорее уехать отсюда, чтобы не видеть ни этого уподобившегося заброшенному погосту вертограда, ни возвышающегося над ним траурного мавзолея с плотно пригнанными слепыми ставнями.

— Может, дадите знать, когда Георгия Мартыновича хоронить будут?— семеня вслед, попросил Караулкин.

— Обязательно,— пообещал Люсин, обернувшись на ходу.— А с Людмилой Георгиевной я сам свяжусь, вы не беспокойтесь.

Продолжение следует.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки
Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

Исчез со своей дачи профессор-химик Георгий Мартынович Солитов, увлекавшийся исследованиями лекарственных трав и старинных рецептов. Сотрудник уголовного розыска майор Люсин и следователь прокуратуры Гуров после долгой и кропотливой работы устанавливают, что Солитову позвонил некий Корнилов, спекулировавший книгами, и предложил купить у него богемский травник семнадцатого века из библиотеки императора Рудольфа. Солитов взял в поселковой сберкассе тысячу пятьсот рублей и отправился за покупкой. В Москву он не приехал. Тело Солитова было обнаружено в озере Синедь, неподалеку от которого находился дачный поселок.

Глава двадцать первая

ТЕМНАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

В небесах, как это все чаще случалось в последние годы, что-то окончательно разладилось. Вечерок выдался на редкость безветренный, теплый. После мимолетного дождика, ласкового, как в мае, стало еще теплее, и явственно запахло робким цветением.

Волшебно преображенные улицы были прекрасны, как тропические реки. Призывно и нежно вспыхивали в таинственных мокрых глубинах разноцветные огни, и, словно колеблемые зыбью, дрожали и множились золотистые змейки.

Не зная, чем себя занять, Люсин вышел на улицу. Оставаться в четырех стенах было невмочь. Еще издали примечая каждую телефонную будку, он влился в подхвативший его поток и, безотчетно ускорив шаг, понесся по направлению к Садовому кольцу. Остановился лишь на Смоленской площади возле киоска с пепси-колой. Щекочущая пена приятно охладила гортань, но он оставил бутылочку недопитой. Мешало волнение, беспокойно теснившее грудь.

Потерпев поражение в борьбе с самим собой, а может быть, одержав победу, решился наконец позвонить Наташе.

— Простите, но это я,— торопливо выпалил он, точно боялся, что она сразу же повесит трубку.— Больше вам не придется пугаться меня, ожидая плохого. Оно случилось, Наташа, и, как мне ни горько, я хочу, чтобы вы узнали все от меня.— И умолк, слыша, как отдается дыхание в настороженной пустоте. Слова были продуманные и заряженные внутренней энергией, словно горячая «двушка», которую он чуть не час продержал в кулаке, прежде чем сунуть в щель автомата.

— Где вы сейчас? — отчетливо прозвучал ее голос, соединив разделенные бездной материки.

— В двух шагах от вашего дома.

— Тогда заходите. Сейчас я объясню вам, как нас скорее найти.

— Может, лучше на улице? Если вы, конечно, не против.

— Ладно,— с вялым безразличием согласилась она.

— Тогда жду вас на том же месте! — задохнулся он от невыразимого облегчения.— Я буду там через две с половиной минуты.

— Надо же, какая точность...

Обменявшись молчаливым рукопожатием, они, не сговариваясь, направились в сторону Ленинских гор. Люсину казалось, что с ним уже было однажды такое: темная набережная, тени встречных прохожих, одиноко сгущающиеся у фонарных столбов, плавное ненарушаемое течение без всяких переходов и поворотов. Люсин молчал, благодарно ощущая, как тает горечь неутоленного одиночества, размываемого всепоглощающей жаркой волной. Ему даже казалось, что слова могут лишь помешать столь неожиданно установившемуся совершенно удивительному общению душ, которое если бывает между людьми, то только во сне.

— Расскажите, как это случилось,— мягко напомнила Наташа, напрочь развеяв иллюзию.

— Да-да.— Внутренне вздрогнув, он очнулся и, опуская натуралистические детали, коротко изложил основные события вчерашнего дня, уже затуманенного в сознании душным беспамятством ночи.

Наташа выслушала, ни разу не перебив. Незаметно сжившись с гнетущим ожиданием неминучей беды, она, в сущности, не узнала теперь ничего нового. Запоздавшая весть оказалась даже в чем-то успокоительной для переболевшего сердца. В ней была та извечная определенность, перед которой смиряется человеческий разум.

— Ужасно,— уронила под конец Наталья Андриановна, коря себя за бесчувственность.— Как вы считаете, когда можно будет организовать похороны? — Ей стоило усилия переключиться на мысль о предстоящих хлопотах.— Нужно же как следует подготовиться...

— Если позволите, мы решим организационные вопросы с вашим начальством. С Людмилой Георгиевной я уже говорил.— Собравшись с духом, он взял ее под руку.

— Но вам-то зачем? — искренне удивилась Наташа.

— По ряду причин. Так уж получилось, что Георгий Мартынович стал мне не безразличен.— Люсин ответил ей виноватой улыбкой.— И Степановна тоже,— добавил он как бы вскользь, умалчивая об остальном.— Я обязательно дам ей знать о дне похорон.

— Спасибо.— Наташа на мгновение прижала к себе бережно поддерживающую ее руку.— Как непрочно все в этом мире! Ушел человек, и в одночасье начинает распадаться с такими трудами сложенное им строение. Перемены подталкивают одна другую по принципу домино. Цепная реакция падающих на голову кирпичей. Наша кафедра уже совсем не та, что прежде. А ведь это только начало! У Георгия Мартыновича есть... была, словом, осталась древнекитайская «Книга перемен». Там говорится, что перемены являются основным законом жизни природы, общества и человека. Нравится нам это или не очень, но приходится принимать миропорядок таким, как он есть. Ничего не поделаешь.

— Ничего,— глухо повторил Люсин.— Нас не спрашивали, хотим ли мы появиться на этой земле.

— Другой нет и, надо думать, не будет... Поговорим о чем-нибудь еще.— Наташа осторожно высвободилась и подошла к парапету.

От реки несло знобкой сыростью и немножечко тиной. По железнодорожному мосту грохотал бесконечный товарный состав. Над Лужниками клубился светозарный туман.

— Боюсь, что от меня будет мало толку.— Люсин свесился над непроглядной водой.— Я ведь прекрасно знаю, что мое поведение самоубийственно, но ничего не могу с собой поделать.

— Не понимаю, о чем вы.

— Мне казалось, что вы все понимаете.

— Нет, я сознательно разучилась понимать недосказанное. Так спокойнее. Чувствуешь себя более уверенной, защищенной.

— Вы давно разошлись с мужем?.. Ничего, что я об этом спрашиваю?

— Двенадцать лет.

— А Тёме уже четырнадцать?

— Скоро будет. Ждет не дождется. Готовится вступить в комсомол. Хочет поскорее сделаться взрослым, глупышка.

— Взрослому легче. В детстве все переживается гораздо острее. Любая безделица. О мировых вопросах я уж и не говорю. Байрон, Лермонтов, Леопарди! Мне казалось, что они писали специально ради меня, что лишь я, единственный, сумел постичь безмерную глубину людского страдания.

— А кто такой Леопарди?

— Как, вы не знаете Леопарди? Значит, вас никогда не мучила мировая скорбь. Очевидно, это удел мужчин.

— Причем болезненно переживающих свое раннее созревание...

— Это вы о великих?

— Нет, о таких, как вы, перескочивших на палубу с подножки трамвая.

— Запомнили, однако.— Люсин был благодарен ей даже за этот пустяк.

— Лучше сформулируем так: не забыла,— непринужденно парировала она.— Надеюсь, в мореходке основательно повыбили из вас байронизм?

— Скорее, напротив, загнали вглубь.

— По крайней мере вы научились драить медяшку, чистить картошку и мыть на кухне полы.

— В камбузе.— Люсин напустил на себя обиженный вид.— Не терзайте слух моряка, гражданочка.

— Вот таким вы мне нравитесь гораздо больше.

— Отныне я всегда буду только таким.

— Скоро надоест.

— Придется обучиться секрету вечной новизны. С кем вы предпочитаете иметь дело сегодня?

— Оставайтесь лучше самим собой.— Наташа видела, что внешняя непринужденность дается ему с немалым трудом. Ей и самой было куда как муторно. Намереваясь вежливо распрощаться и повернуть к дому, она тем не менее почему-то медлила, через силу поддерживая готовую увянуть беседу.

— Боюсь, что в качестве сыщика я покажусь вам уже совершенно неинтересным,— сказал Люсин. Его губы дрогнули в мимолетной, чуточку горькой улыбке.— Как жаль, что вы так скоро добрались до истинной сущности. На сем реквизит исчерпывается. Небогатый, приходится признать, реквизит...

— Зачем вы так? — Наташа ощутила себя слегка уязвленной, но тут же устыдилась и, доверительно приблизив лицо, спросила с участием: — Вам, наверное, очень трудно?

— Не то слово,— почти вынужденно признался Владимир Константинович.— Нет ни малейшего намека на личность убийцы, хоть на какие-нибудь его приметы. Даже крохотной песчинки с места преступления, за которую можно было бы зацепиться! По всем статьям — абсолютный нуль. На таких условиях мне еще не приходилось начинать дело.

Стремясь поделиться тревогами и сомнениями, которые слишком долго носил в себе, Люсин ударился в воспоминания. Но едва он начал рассказывать о зверском убийстве одной старой актрисы, как что-то заставило его остановиться на полуслове. Не только то, давнее дело, связанное с кражей бриллиантов и оставшееся нераскрытым не по его вине, но и нынешние терзания растворились в жарком, внезапно накатившем забытье. Не прошлое с его перепутанными воспоминаниями, не туманные и, как правило, несбыточные надежды на будущее, но лишь это неуловимое, вечно ускользающее мгновение обладало самодовлеющей ценностью.

Глава двадцать вторая

ГНОСТИЧЕСКАЯ ГЕММА

Директора гастронома Вячеслава Кузьмича Протасова арестовали в ту самую минуту, когда он небрежным движением бросил в ящик рабочего

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—11.

стола сберкнижку на предъявителя. Обозначенная в ней довольно крупная сумма, хотя в масштабах Протасова ее скорее можно было счесть пустяковой, была его долей за реализацию дефицитных деликатесов: осетровой икры, лососины и прочих вкусных вещей, не столь уж часто появляющихся даже в столах заказов.

Все случилось настолько скоропалительно, что Вячеслав Кузьмич не сразу сообразил, откуда и, главное, для какой такой надобности возникли у него в кабинете трое энергичных молодых людей. Один из них ловко оттеснил застигнутого врасплох директора от потрясенной с виду посетительницы и, не говоря ни слова, воспрепятствовал попытке захлопнуть злополучный ящик, другой, еще шире распахнув дверь, поторопил понятых. Мелькнувшая в глубине приемной зареванная мордашка секретарши оказалась для Протасова новым чувствительным ударом. Операция, судя по всему, была тщательно подготовлена и рассчитана на полную внезапность. Когда же выяснилось, причем очень скоро, что номер счета, а заодно и сберкассы, где он был открыт, записан заранее на листочке, отпала последняя надежда.

Вячеславу Кузьмичу дали ознакомиться с соответствующим постановлением, подписанным прокурором, затем провели обыск сейфа. Свыкнуться с тем, что с ним, вознесенным над прочими смертными избранником судьбы, перед которым заискивали иные могущественные начальники, может приключиться такое, оказалось далеко не просто. И не то, чтобы Протасов не знал за собой никакой вины, вернее, выходящих за рамки закона деяний, ибо вины, как таковой, он и вправду не чувствовал. Просто мысль о внезапной отмене особых полномочий и привилегий — кто и когда наделил его ими? — никак не укладывалась в голове. За четверть века он не только привык к полнейшей безнаказанности, усвоив железные законы корпоративной взаимовыручки, но чуть ли не уверовал в общественную необходимость тайных махинаций, которыми занимался большую часть жизни. Начав с рядового продавца, он прошел все ступеньки служебной лестницы, добравшись до ответственного поста. И всюду ему приходилось прибегать к действиям, прямо подпадавшим под соответствующие статьи уголовного кодекса. Когда же три года назад случилось досадное недоразумение и какие-то безответственные, явно склонные к авантюрам субъекты попытались дать этим статьям должное применение, Вячеслава Кузьмича, а с ним вместе и других директоров магазинов достаточно ловко вывели из-под огня. Враждебной стороне не помогли даже наскоки в печати. Протасов лишний раз смог убедиться в могуществе сети, к которой имел удачу и смелость примкнуть. Пронизанная питательными сосудами самых разносторонних и очень далеко простирающихся связей, она вознаграждала за преданность более чем по-царски. Ведь такого образа жизни и такой непотопляемости при всем желании не мог бы гарантировать даже самый снисходительный конституционный монарх.

Когда же несколько слабонервных дурачков, схваченных за руку на самом примитивном воровстве, начали топить друг друга и называть такие имена, что даже следователям становилось не по себе, система, словно победно несущаяся сквозь враждебный космос галактическая армада, экранировала себя мощным силовым полем. Кое-кем пришлось, конечно, пожертвовать, кое-кого переместить на менее заметные должности. Разумеется, временно. Все, кому положено, знали, что едва минет непосредственная угроза — и положение восстановится. Так происходило почти всегда, и не было оснований опасаться, что на сей раз сложится как-то иначе.

По крайней мере Вячеслав Кузьмич ничуть не испугался, когда ему по причине упомянутого недоразумения пришлось перейти в другой гастроном. Не приходилось сомневаться в том, что вынужденный тактический маневр будет с лихвой компенсирован. Ему даже намекнули, когда и как. Стоило запастись терпением. Протасову не пришлось пожертвовать ничем, даже самой малостью. Он по-прежнему крупно играл на бегах и просаживал сумасшедшие деньги в пульку. Не ради выигрыша или там щекочущего нервы азарта. Исключительно для препровождения времени. Так было принято в их кругу, где «сочинская», по рублю за вист, являлась, кроме всего прочего, и корректной формой взятки. Вячеслав Кузьмич умел и брать, и давать, хотя не одобрял любителей крайностей. Ему одинаково претили дешевка вроде полетов к морю на один день и купеческий шик, когда под банкет откупался целый ресторан. Именно на таком и сгорали. Оргии в финских банях, скупка валюты, погоня за каратами — на это он взирал с легкой брезгливостью. С подлинно достойным мыслящей личности жизненным

стандартом вся эта кичливая блажь не имела ничего общего. Протасов не без основания считал себя цельным человеком. Он жил открыто, не тая нажитого. И любые служебные привилегии, сколь бы мизерны они ни были, входили в общий ценз. Билет на торжественный вечер актива, оттиснутый, судя по затейливой сеточке, не иначе как на Гознаке, столь же приятно тешил самолюбие, как и золоченая зажигалка на пьезокристаллах.

Доступный и снисходительный, Протасов привык видеть вокруг заискивающие улыбки и считал себя всеобщим благодетелем. И несмотря на то, что через его руки прошли сотни и сотни тысяч, в сущности, краденых денег, он вполне искренне относил себя к числу честных тружеников, к людям благонамеренным и достойным. Он научился вести себя так, что месяцами не вспоминал о действительном происхождении исправно прибывающих казначейских билетов. Единственное, что заботило его в этой связи, была извечная проблема аккумуляции капитала.

Потратить его разумным образом было не на что, сберкасса по понятным соображениям исключалась, скупка золота и прочих активов — тоже. Дальнейшее накопление в столь неестественных условиях представлялось бессмысленным, но игра, в которую так легко и бездумно дал вовлечь себя Вячеслав Кузьмич, обратного хода не предусматривала. Приходилось дуть до горы, хотя забота об уже имеющихся тайниках и без того порядком отравляла существование.

Начав было скупать картины, он вскоре поостыл, так как ничего в живописи не смыслил, да и свободных стен в квартире для подобного предприятия явно недоставало. К тому же признанные шедевры появлялись в продаже достаточно редко, а в перспективность доморощенных авангардистов Протасов не верил. Платить же четырехзначные суммы за надпись «неизвестный художник» он побаивался. Не лучше обстояли и его упражнения со старинными часами и бронзой. Наполнив дом позолоченными уродцами в стиле «второго рококо», Вячеслав Кузьмич признал свое поражение и на этом фронте.

Даже для того, чтобы только суметь увидеть стоящую вещицу, требовался особый талант. По крайней мере знания. Ни супруга Протасова, Мария Васильевна, ни он сам вместе со своими приятельницами этим свойством никак не обладали. Прежняя, с которой Протасову удалось сохранить чисто дружеские отношения, еще тудасюда, а уж новая — косметичка Альбинка — была абсолютной пустышкой. Все, сколько ни дай, могла выбросить на цветные камни. При этом ни бельмеса в них не смыслила. С ума сходила по фианитам и авантюрину, который называла почему-то «коварство и любовь», и, уж конечно, не могла отличить природный камень от выращенного.

Нет, кто-кто, а одноклеточная Альбинка была ему не помощница.

Оставалось испробовать себя на книжном фронте. Особой мудрости, как почему-то казалось Вячеславу Кузьмичу, это дело не требовало, а цены на книги росли год от года, быстрее даже, чем на золото. Уважая во всем основательность, он приобрел четыре застекленных полированных шкафа, разжился недоступными простому любителю ценниками и горячо взялся за дело. Вскоре новоявленного библиофила знали чуть ли не во всех букинистических магазинах Москвы. Стиль его негоций отличался смелостью и простотой. Короче говоря, Протасов предпочитал брать, что подороже. Ему безумно импонировали толстые дореволюционные тома с золотым обрезом, благородно потертая кожа и узорное тиснение. Хватая все, что попадалось под руку, он обзавелся помпезными собраниями Пушкина, Байрона, Шиллера, торжественно водрузил на полки Элизе Реклю, «Мужчину и женщину», «Всемирную историю», «Живописную Россию». Это было не так уж и глупо, хотя подлинные редкости вроде первых выпусков «Евгения Онегина», конечно же, прошли мимо его совершенно дилетантского ока. Зато он приобрел оба сборника «Стрелец», раскрашенную вручную «Маркизу», скорпионовское издание Сведенборга. Войдя во вкус, Вячеслав Кузьмич вскоре решился расширить ассортимент закупок и стал, невзирая на иностранные названия (языками он не владел), чохом приобретать альбомы по искусству. Это дело понравилось ему даже пуще прежнего. Книги, хоть и стоили соответствующе триста, а то и четыреста рублей, зато выглядели как новенькие. С ними промаха никак не предвиделось. Сверкая глянцем суперов, пахучие и гладкие, словно пачки обандероленных ассигнаций, они ласкали глаз завидным товарным видом.

На этой стадии своего усовершенствования директор гастрономического оазиса даже не подозревал, что существуют издания, стоимость которых превосходит самые смелые устремления. И немудрено. В закупочных ценниках они не упоминались, а на прилавках, если и возникали, то, по-видимому, не чаще чем раз в десять лет. Таким образом, Протасов, хоть и сумел обзавестись в рекордно короткие сроки роскошной, невзирая на некоторую односторонность, библиотекой, но главной проблемы никак не решил. К моменту ареста в его тайниках хранилось еще столько хрустящих вещественных доказательств, что ни на какое снисхождение суда рассчитывать не приходилось. Если, конечно, ОБХСС сумеет их отыскать.

Обыск, вся обстановка ареста произвели на Вячеслава Кузьмича удручающее впечатление. Однако его вера во всемогущество корпорации и личную, чуть ли не от бога данную неуязвимость существенного урона не понесла. «Выручат, не дадут пропасть, не позволят,— вертелось в голове, когда его, словно напоказ, вели под руки к «воронку».— Не мне одному полная катушка грозит, за мной такое потянется!.. Даже подумать страшно. На это никто не пойдет. Значит, все отрицать, ни в чем не признаваться».

С такой примерно психологической установкой он и прибыл в следственную тюрьму. О том, что почти в одно время с ним были арестованы многие из тех, кому адресовались теперь его упования, он, конечно, не знал. Не знал и об обыске, хотя такое не столь уж и трудно было вообразить, у себя на квартире. А он уже шел вовсю, обыск. Вячеслав Кузьмич еще находился в кабинете и руки его еще были свободны, когда белая как полотно жена Мария Васильевна впустила в прихожую людей в форме. Больше того, в тот же заранее назначенный час были обысканы и квартиры обеих приятельниц, «пассий», как именовала их Мария Васильевна.

Арест, даже вполне обоснованный, далеко не самоцель. Особенно в такого рода делах, именуемых почему-то «хозяйственными». Он достигает своей цели лишь при условии, что следствию удается найти изобличающие преступника материалы и не в последнюю очередь вернуть государству украденные ценности.

Одним словом, у следствия были все основания подозревать, что директор гастронома захочет кое-что припрятать у своих «подруг». Тем более, что обе не раз участвовали в разного рода развлекательных мероприятиях и хорошо знали клиентуру Протасова, а может, и работали на систему.

В шкатулке, где Альбина хранила всевозможные браслеты и кольца, была найдена гемма, похожая на солитовскую, подробно описанную в ориентировке. На вопрос следователя, каким путем к ней попала столь необычная вещица, она назвала некоего Алексея, с которым познакомилась в конце лета. Знакомство завязалось на веселой пирушке, которую Протасов устроил по случаю постройки садового домика в товариществе «Столичный композитор». В том, что, по сути, совершенно посторонний человек мог сделать ей такой подарок, сама Альбина не находила ничего странного. Признав не без наигранного смущения, что действительно случайное знакомство очень скоро вылилось в более тесные отношения, она не смогла, а может, и не захотела дать об Алексее более подробные сведения. Поскольку ожидаемого тайника с деньгами не обнаружилось, а других претензий к Альбине у ОБХСС не было, ее оставили в покое.

На другой день гемма вместе с протоколом об изъятии уже лежала у Люсина в сейфе.

— Я пригласил вас для очень серьезного разговора, Альбина Викторовна. Надеюсь, вы не откажетесь нам помочь? — начал Владимир Константинович, исподволь разглядывая сидевшую перед ним женщину. Ее смуглое, тонко очерченное личико олицетворяло полнейшую безмятежность. Лишь бисеринки пота на лбу и чуточку оттененной пушком верхней губе свидетельствовали о некотором напряжении.

— Пожалуйста.— Она поправила затейливую прическу, заставив легонько звякнуть крупные серьги с серебристыми висюльками.

— Вот и превосходно! — приветливо просиял Люсин и энергично потер руки. Он и в самом деле находился в приподнятом настроении. И не только потому, что в деле, которое рисовалось абсолютно безнадежным, неожиданно обозначился перспективный след.— Меня, Альбина Викторовна, интересует все, что связано с этим камешком.—Лучась доброжелательностью, он убрал бумажную салфетку, скрывавшую гемму.— Узнаете, надеюсь?

— Конечно.— Альбина закинула ногу на ногу, всколыхнув облако аромата.— Все, что могла, я уже рассказала товарищам, которые у меня были.

— У нас несколько разные задачи, у товарищей и у меня, так что не сочтите за труд повторить.

— Как вам будет угодно.— Альбина с видом оскорбленной добродетели вскинула голову.— Вас, конечно, интересуют интимные подробности?

— Все без исключения, вплоть до самых мельчайших!

— Не знаю даже с чего начать... Может, уточните?

— Можно и так, если вам больше нравится.— Люсин привстал захлопнуть форточку, откуда била морозная тугая струя.— Начнем с пикничка. Кстати, какого числа это было?

— Двадцать шестого августа. Я этот день очень даже хорошо запомнила.

— Почему, не скажете?

— С самого утра голова разболелась. Я вообще и ехать сперва не хотела, но Протасов уговорил: «Будешь хозяйкой! Единственная леди!» — передразнила Альбина.— Он это умеет! — В ее голосе промелькнуло накипевшее раздражение.— Ну, делать нечего, пришлось собираться. Набили полный багажник: коньяк «Наполеон», ящик чешского пива, шампанское... Любил пыль людям в глаза пустить!

— Эка вы о нем в прошедшем времени.

— А для меня он и есть в прошедшем! — Альбина негодующе повысила голос. Исполненная праведного гнева, она как-то сразу подурнела, ее казавшиеся одухотворенными черты опростились, огрубели.— Да я представить себе не могла, что он ворует у государства!

— В самом деле? — Люсин снисходительно улыбнулся.— А «мерседес» цвета белой ночи, заморские вина, широкие кутежи? Вы полагали, что все это с неба падало?

— Мало ли.— Дрогнув плечиком, она опасливо сбавила тон.— Все же начальник. Может, им положено так...

— Не положено.— Не переставая улыбаться, Люсин медленно покачал головой.— Очень жаль, что вас вовремя не насторожили дорогостоящие подарки, финская сантехника, мебельные гарнитуры.

— Лично я никаких подарков от него не видала! — незамедлительно отреагировала Альбина.— Он все больше пустяками отделывался: ну, там духи на Восьмое марта, цветочки... Что же касается украшений, то я сама себе все покупала. И мебель тоже моя! Вы не думайте, я вполне достаточно получаю. Некоторые клиенты даже очень благодарят за обслуживание. И на зарплату не жалуюсь.

— Конечно, конечно,— не стал спорить Владимир Константинович.— Мы знаем, Альбина Викторовна, что вы женщина самостоятельная. Лично я на ваши драгоценности нисколько не покушаюсь.

— Скажете тоже, драгоценности! Пара колечек — смотреть не на что. Вы, небось, и не видели настоящих-то драгоценностей, которые у людей бывают.

— О, вот тут вы коренным образом заблуждаетесь. Именно мы и знаем настоящий толк в таких делах, уж поверьте на слово... Однако не будем отвлекаться от темы. Итак, утречком двадцать шестого августа вы с Вячеславом Кузьмичом выехали на дачу. На том самом «мерседесе» класса 280 SE, если не ошибаюсь?

— Очень ему надо! Чтобы сидеть и зубами щелкать, когда другие поддают?.. Николай, шофер его, на своей «Волге» заехал.

— У Протасова есть еще и частный шофер? — на всякий случай решил уточнить Люсин.— Очевидно, для подобного рода оказий?

— Я же говорю: вы не видели, как люди живут! Взять хоть Гурама Васильевича с Комсомольского проспекта. Наш Славик ему и в подметки не годится. Он когда дочь замуж выдавал, так целый рейс закупил для гостей. Только свои в самолете были.— При воспоминании о золотых денечках Альбина невольно вздохнула.— Его что, тоже вчера арестовали? — спросила она с тревожным любопытством.

— Вполне может быть.— Люсин незаинтересованно пожал плечами.— Кто еще сел с вами в машину?

— Больше никого не было. Остальные своим ходом прибыли.

— Перечислите, пожалуйста, всех.

— Ну, Зуйков Геннадий Андреевич, который, значит, строил, еще районный архитектор Петров, потом шабашники, конечно, двое их было... И все, и больше, кажется, никого... Ах, нет, еще композитор зашел, Витя Фролов. Он уже с утра был теплый...

— А этот ваш Алексей?

— Так ему и приезжать не надо было! — Альбина удивленно заморгала жирно подмазанными ресницами.— Он чуть не все лето в доме прожил заместо сторожа.

— И откуда же он такой взялся?

— Мало ли их увивалось, всяких, вокруг Протасова!

— И в самом деле... Только, сдается, он немножечко из другого текста. Вам не кажется? Мне так определенно нравится этот сторож, направо и налево раздаривающий античные геммы!

— Дорогая, должно быть, вещица! — Альбина не могла отвести взгляда от геммы с ее теплым оранжевым отсветом.— Мне ее вернут, как считаете?.. Когда все закончится?

— Сомневаюсь, Альбина Викторовна.— Люсин устремил на нее долгий, испытующий взгляд.— Судите сами: камешек, которым вас столь щедро одарил, по сути, первый встречный, имеет самое непосредственное отношение к убийству.

— Вы шутите! — Альбина испуганно вскрикнула.

— Ничуть. Такими вещами вообще не шутят. Гемма принадлежала человеку, который был убит и ограблен поблизости от места вашей веселой пирушки. Она была вправлена в браслет, но кто-то — не исключено, что убийца,— счел нужным ее выковырять. Зачем? Надеюсь, у нас будет возможность задать такой вопрос непосредственному виновнику. Пока же я вынужден вновь спросить, Альбина Викторовна: как это очутилось у вас дома? Дело, как вы теперь могли убедиться, исключительно серьезное.

— Вот уж не было печали! — Альбина с неподдельным отчаянием всплеснула руками.— Я-то тут при чем?

— Сочувствую и понимаю, но ничего изменить не могу. Что сделано, то сделано. Ваш Алексей оказал вам очень дурную услугу, он просто-напросто подвел, я бы даже сказал, подставил вас... Будем выходить из положения вместе, Альбина Викторовна, я помогу.— Люсин демонстративно пощелкал по сеточке микрофона.— Итак, попробуем восстановить обстановку, в которой протекало застолье, так сказать, антураж...

Альбина не нуждалась ни в чьей помощи. Все и так стояло перед глазами. Осязаемое, прилипчивое, будоражащее властной памятью запахов и прикосновений.

...Когда стало смеркаться, она зажгла керосиновую лампу — дом еще не успели подключить к линии — и к смолистой свежести сосновых плачущих досок примешался тягучий привкус угара. Все вдруг заторопились и стали прощаться, неохотно отрываясь от струганых лавок и тяжело нависая над разоренным, загаженным окурками столом. Их покачивающиеся тени, изломанные на стыках брусьев, напоминали нечистую силу из мультипликационных фильмов. Вооруженные трезубцами хищные лапы еще тянулись к мокнущим в рассоле кружочкам огурца и опрокидывали последние рюмки в широко разверстые пасти. По крайней мере так ей казалось тогда, уставшей от хлопот и сальных шуток, наломавшейся возле печки-камина, пожиравшей дрова, как солому.

Сначала, предварительно спровадив облагодетельствованных шабашников, отбыл строитель, осуществлявший прорабский надзор. Он был единственный, кто крепко стоял на ногах, и у него достало ума прихватить с собой осоловевшего архитектора, задним числом утвердившего отступления от установленных норм и ограничений. Затем, пообещав вернуться к утру, распрощался трезвый, как стеклышко, Николай, которому предстояло доставить до дому композитора Витю. Додекафониста, сохранившего благородную молчаливость даже после обильных возлияний, удалось усадить в машину ценой немалых усилий, вернее, запихнуть, потому что он упорно сопротивлялся, силясь вернуться назад. Альбине даже пришлось дать ему напоследок хорошего тумака. Лишь после этого он удовлетворенно затих, разметавшись на заднем сиденье.

Потом незаметно исчез Алеша, сославшись на какое-то дело в хозблоке, который в ударном порядке переоборудовали под сауну. Альбина накапала хозяину дома лекарства и помогла взобраться по винтовой лестнице на верхний этаж, а после присела у запотевшего окошка, залитого непроглядной вечерней синькой. Погрустив в одиночестве, она с неохотой принялась собирать со стола. А вот что случилось потом, ей никак не удавалось вспомнить. Вернее, не что, а где, ибо она мысленно путалась в расположении дачных комнат. Кажется, это произошло возле лестницы в коридоре, куда она зачем-то заглянула по дороге в кухню. Даже половица не скрипнула, когда Алексей бесшумной тенью вынырнул у нее за спиной, намертво сомкнув свои ручища под самой грудью. Она враз ослабла и покорно дала себя увести. Уж очень боялась наделать лишнего шума. На все, кажется, была готова, чтобы только не разбудить ненароком Вячеслава Кузьмича. А вот в какой момент Алексей вложил ей в кулачок свой камешек и какие глупости при этом нашептывал, она позабыла. Вроде обещал что-то, как бывает спьяну у мужиков, жаловался на то, что должен спешно куда-то уехать, и вообще на всю свою вконец загубленную жизнь. Врал, как ей сперва показалось, потому что грозился вернуться и жениться на ней, если, конечно, она его не забудет. Альбина, понятное дело, обещалась помнить до гробовой доски.

Вот, собственно, и все, что она могла сообщить.

— Если, как вы говорите, Алексей жил в хозблоке почти все лето, исполняя роль сторожа, то шабашники — Зуйков этот, а возможно, и композитор Фролов, могли с ним как-то общаться? Так ведь?

— Почему нет? Свободно могли.

— А уж о Протасове и говорить не приходится! Верно? Уж он-то должен знать всю подноготную этого типчика?

— Так вы спросите у Вячеслава Кузьмича.— Альбина обнажила крупные, идеально прилегающие один к другому зубы и процедила с какой-то мстительной радостью: — Уж это он от вас, надо думать, не утаит.

— Мне тоже почему-то так кажется,— согласился Люсин.

Глава двадцать третья

ВИТОК СПИРАЛИ

Всю первую половину дня Люсин провел, не отрываясь от телефонной трубки. Правое ухо припухло и горело, словно после хорошего удара боксерской перчаткой.

Как это часто случается, выход на финишную прямую оказался сопряженным с неожиданно возникшими препятствиями. Следователь, которому было поручено вести дело Протасова, заупрямился и своего согласия на немедленный допрос не давал.

— Вы, небось, привыкли у себя в розыске к мотоциклетным гонкам,— уколол он, когда разговор достиг критической фазы.— «Пиф-паф» — и привет семье!.. Разве это работа? Нет, к допросу, особенно первому, необходимо подходить с полной ответственностью. Мы его еще и сами не допрашивали, к вашему сведению.

— Это ваша проблема,— вспылил было Люсин, но тут же опомнился и сделал попытку разрядить обстановку.— Мне ведь недолго, каких-нибудь пять минуточек.

— Обычно так говорят, когда лезут без очереди к врачу.— Следователь не упустил возможности съязвить.— Мы не можем ставить под угрозу важнейшую операцию ради чьего-то каприза.

— Каприза? — Люсин едва сдерживался.— Речь идет о розыске человека, подозреваемого в убийстве! Не более и не менее. Или, быть может, я недостаточно ясно выразился?

— Нет, почему же. Я вас понял. Но постарайтесь и вы понять, что не все решается с кондачка. Толку от вашего допроса будет чуть. Уверяю! Протасов сейчас не в том состоянии. Он почти невменяем. Шутка ли — в его-то положении очутиться вдруг в камере! Вы ведь должны знать, как она действует на людей. Пусть немного придет в себя, пообвыкнет, задумается над тем, как жить дальше.

— И все это время неразысканный убийца будет гулять на свободе.— Люсин сознавал, что доводы следователя не лишены резона, и решил поэтому поднажать на эмоции.— Судя по почерку, преступник матерый. Ему отсрочка куда как на руку. Он много чего успеет наработать.

— Вы меня на испуг не берите, товарищ майор. У каждого из нас свои проблемы. Вы ведь и сами так считаете... Вашей ориентировочке мы, как видите, дали зеленую улицу, но больше ничем на данном этапе помочь не сможем. Своих забот полон рот.

— За камешек благодарю от всего сердца.— Люсин попытался переменить тактику.— Без вашей помощи, двух мнений нет, мы бы продолжали топтаться на месте. Но сказавши «А», нужно говорить и «Б». Нам необходимо установить личность убийцы. При этом я вовсе не настаиваю на участии в допросе! — заторопился он, изо всех сил стараясь сохранить дверь открытой.— Допросите сами. Ведь все, в сущности, сводится к одному-единственному вопросу. Неужели мы не сможем договориться по такому пустяку?

— Это не пустяк. У нас есть собственная тактическая схема, когда и о чем спрашивать. И уверяю вас, что заготовленные нами вопросы не менее важны. И тоже не терпят отлагательства. Но ничего не поделаешь: приходится ждать, потому что обстоятельства часто бывают сильнее наших желаний.

— Я на сто процентов уверен, что Протасову незачем выгораживать этого Алексея. Он только рад будет кинуть такую кость.

— Стопроцентной гарантии дать, конечно, не можете, но даже если бы и могли, я на такое не пойду. Выиграть в одном значит проиграть в другом. Закон природы. Не будем мы жертвовать собственными интересами ради дяди. Этот субчик чуть не миллион наворовал. Моя задача — спросить с него все до копеечки, и, уверяю вас, я добьюсь этого, чего бы ни стоило. Мне он все скажет.

— Ну что ж, желаю удачи.— Люсин вздохнул, признавая свое поражение.— И поверьте, что это искренне... Опись имущества не подошлете?

— Зачем вам? — насторожился следователь.

— На всякий случай. Вдруг что-нибудь еще обнаружится, связанное с убийством.

Закончив разговор, Владимир Константинович сразу же перезвонил Кравцову.

— Сами виноваты,— не замедлил попрекнуть полковник, выслушав доклад.— Проморгали вы свой звездный час, Люсин, и пеняйте теперь на себя. Я ведь предупреждал вас: не тяните, давайте скорей результат, пока вами интересуются. Не моя вина, что начальство устало ждать.

— И не моя, Юрий Леонидович,— сухо отметил Люсин.— Делали, что могли.

— Верно. С оперативной стороны к вам нет никаких претензий. Могу лишь вновь поздравить с заслуженным успехом. Но одно другому не мешает. О вас успели забыть. На ваших делах свет клином не сошелся. Есть и поважнее. Каждый день подбрасывает что-нибудь оригинальное. Поэтому на орден можете не рассчитывать.

— Я и не рассчитываю.

— Это я в фигуральном смысле. Я статус наибольшего благоприятствования имею в виду. Слышали такое дипломатическое выражение?

— Имел удовольствие.

— Так вот этого самого статуса, к которому вы успели привыкнуть, я в данной ситуации обещать не могу. Попытайтесь договориться с ОБХСС на своем уровне.

— На моем уровне я благополучно зашел в тупик. Без вашей помощи никак не обойтись, товарищ полковник. Не можем же мы плестись в хвосте у других.— Люсин попытался сыграть на самолюбии.

— Позвоните мне в конце дня,— распорядился Кравцов после долгой и, как почему-то показалось, брюзгливой паузы.

Чтобы малость поостыть, Владимир Константинович зашел в туалет. Освежив лицо, он долго полоскал рот, нагнувшись над раковиной, затем тщательно причесался и включил сушилку. Что там ни говори, но профессиональный опыт помогал не только в борьбе с преступностью. Иногда и у начальства удавалось отыскать безотказную струнку.

Секретарша принесла ксерокопию описи, составленной на сорока восьми листах. Автоматически пропуская строки, перечислявшие мебель, технику и прочее недвижимое имущество, Люсин нацелил внимание на мелочи. И не ошибся. В перечне книг он сразу натолкнулся на травник, изданный в 1609 году в Праге.

Мутная личность Пети Корнилова вновь замаячила в непосредственной связи с убийством. По-видимому, не случайно, потому что он так и ушел от вопроса, в чьи руки попала книга. Во всяком случае, ни имени, ни адреса не назвал, а по данному им нарочито путаному описанию лишь с трудом можно было узнать портрет злополучного директора гастронома. Выходит, темнил тогда: и правды не сказал, и солгать побоялся.

— Корнилов? — Прижав раскаленную трубку плечом, Люсин машинально записал Петину фамилию на страничке перекидного календаря. Она была порядком исчеркана, ибо день получался довольно-таки напряженный.— Мне некогда посылать вам повестку, Корнилов, поэтому вы приезжайте ко мне прямо сейчас. Учтите, что это в ваших же интересах. Пропуск я закажу.

Петя-Кадык не заставил себя долго ждать. Причем на сей раз его приход не сопровождался никакими вызывающими демонстрациями.

— В чем, собственно, дело? — только и спросил он, усаживаясь на кончик стула и с беспокойством озираясь.— Или чего не так?

— Да все у вас не так, как надо.— Люсин не дал ему даже опомниться.— Я ведь предупреждал насчет серьезности вашего положения, но вы не вняли. Теперь придется держать ответ.

— Ничегошеньки не понимаю.—Петя заерзал.— Или опять чего хотите пришить?

— Вы в каких отношениях находились с бывшим директором гастронома Протасовым? — незаинтересованно и как-то устало спросил Люсин. Он и в самом деле порядком вымотался за эти дни.— Я говорю «бывшим», потому что он освобожден от должности и находится в настоящее время в предварительном заключении... Кстати, специально для вашего сведения, у его сожительницы была обнаружена при обыске вещь, принадлежавшая Георгию Мартыновичу Солитову. Теперь сами судите, как обстоят ваши дела.

Окончание следует.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

Расследуя дело об исчезновении профессора-химика Георгия Мартыновича Солитова, сотрудники уголовного розыска и прокуратуры установили, что спекулирующий ценными книгами Корнилов, зная, что Георгий Мартынович занимается опытами по расшифровке старинных лекарственных рецептов, предложил ему купить редчайший травник семнадцатого века. Рецидивист Алексей, явившийся в сберкассу дачного поселка для проверки лотерейного билета, подсмотрел, как профессор взял полторы тысячи рублей на покупку книги. По дороге на станцию уголовник догнал Солитова, убил и ограбил его, а труп бросил в озеро. Убийца выломал александрийскую гемму и подарил ее своей случайной подружке, у которой драгоценность и была обнаружена.

Эффект был полный. Корнилов, словно раздавленный непомерной тяжестью, вжался в спинку стула и, казалось, потерял дар речи, хватая воздух искривленным, дрожащим ртом. Люсину даже жалко его стало немного.

— Уяснили, вижу, Корнилов?

— Это какое-то роковое недоразумение,— чуть не по складам произнес Петя.— Стечение обстоятельств.

— В чем вы видите недоразумение? Я ведь вам факты изложил.

— Это я понимаю, но только я тут при чем?

— Вы ни при чем?— Люсин удивленно раскрыл глаза, словно Петино заявление явилось для него полнейшей неожиданностью.— Ах, да!— Он досадливо взъерошил волосы.— Извините! Я забыл сообщить вам, что у Протасова нашли тот самый пражский травник, который вы, по вашим словам, предназначали для покойного Георгия Мартыновича. Вот, полюбуйтесь.— Небрежно брошенная опись перелетела через стол, но Петя был начеку.— Страница семнадцатая, позиция пятьсот шестьдесят семь... Или вы станете сейчас утверждать, что тут тоже имеет место недоразумение?

— Ну, конечно!

— Надо ли это понимать так, что у Протасова оказалась не ваша книга, а только похожая?

Петя молчал, натужно гримасничая и вращая белками. Все-таки с психикой у него явно были какие-то нелады.

— Я жду, Корнилов,— напомнил Люсин.

— Ну, продал я ему травник, и что с того?

— Запоздалое признание. Вы должны были сделать его еще в прошлый раз. Теперь оно работает против вас, укрепляя подозрения насчет вашей причастности к смерти Георгия Мартыновича.

— Я ни в чем не виноват!— закричал вдруг Петя и принялся подскакивать, хлопая себя по коленям.— Ни в чем! Ни в чем...

— Прекратите истерику.— Люсин налил в стакан немного газированной воды из сифона.— Выпейте и успокойтесь.

— Вы хотите меня погубить,— пожаловался Петя, стуча прокуренными зубами о стеклянный край.— Что я вам сделал?

— Вы видите в моем лице смертельного врага?— Люсин участливо наклонился.— Вздор, Корнилов, ей-богу, вздор. Даже стыдно.

— Но ведь вы сами...

— Что я сам? Я лишь пытаюсь подать вам руку помощи. И в прошлый раз, и теперь. Скрывая правду, вы вредите только себе. Не лгите, не изворачивайтесь, и все обойдется, если, конечно, вы действительно ни с какого боку не причастны к убийству.

— Слово чести! Лучше бы я сжег эту чертову книгу! Волей-неволей поверишь в дьявольские козни...

— Откуда вы знаете Протасова?

— Возле «буки» случайно разговорились, на горке.

— Где-где?

— На горке, у памятника первопечатнику. Там возле букинистического народ обычно толчется.

— Действительно знает толк в книгах?

— Как свинья в апельсинах.— Петя зло передернулся.— Я бы давил таких.

— Как говорится, благими намерениями... И какие же сделки вам удалось совершить?

— Да всего ничего. Первый раз «Историю искусств» отдал, потом эту... проклятую.

— Сколько взяли?

— «История» за пятьсот пошла, эта — тысячу двести.

— Чего ж так скромно? Где логика? Протасов, говорят, за ценой не стоял.

— Это ежели цена твердая. А так торговался до седьмого пота, выжига!... Я ведь сначала две спросил. Только вы не пишите.

— Эти подробности меня не волнуют.— Люсин небрежно смахнул лежащие на столе бумаги в ящик и даже выключил магнитофон.— Тем более что с Протасовым, сами понимаете, я тоже кое о чем побеседую... Почему вы именно ему предложили травник?

— Я и другим предлагал. Не потянули.

— Кому, например, указать можете?

— Да тому же Бариновичу, который про алхимию написал.

— Верно.— Люсин благосклонно кивнул.— Был у вас такой разговор с Вадимом Львовичем.

— Выходит, знаете уже?— Корнилов разочарованно повел плечом.— Для чего тогда спрашивать?

— С одной-единственной целью: помочь вам выпутаться. Прошу прощения.— Люсин сделал знак, что должен прерваться, и взял трубку телефона селекторной связи.

— Завтра в одиннадцать,— ответил на его краткое приветствие Кравцов и добавил чуть ли не зловеще:— Приезжайте прямо в тюрьму.

— Спасибо, Юрий Леонидович!— возликовал Люсин...— Так на чем мы с вами остановились, Корнилов?

Глава двадцать четвертая

АНАТОМИЯ МГНОВЕНИЯ

Он ушел в глубокий омут, залег в тину и не подавал признаков жизни. От матерых людей знал, что нужно продержаться хотя бы полгода, а там привычная текучка возьмет свое. Новые заботы принудят ослабить хватку. Не на нем одном клином сошлось. Что же касается «чистых» документов, то он вполне соображал, как делаются подобные вещи, и примерно догадывался, куда следует обратиться по такой надобности. Так, на всякий случай, ибо не верилось до конца, что все-таки выйдут на его след. Себя-то он ни с какой стороны не обозначил: ни когда отсиживался на хлебах у Протасова, таясь всякого постороннего глаза, ни там, среди колючих сосенок, под глухой завесой дождя. Вышло, конечно, не совсем ладно. Не стоило мараться на всю жизнь за полтора куска. Тревоги и хлопоты обойдутся дороже, это уж как пить дать.

В первый раз Алексей попал за колючую, когда ему едва исполнилось восемнадцать лет. За пьяную драку, в которой кто-то кому-то проломил череп отрезком водопроводной трубы. Не до смерти, но вполне квалифицированно.

Нельзя сказать, что у Алеши, вполне нормального мальчика и среднеуспевающего ученика, вступившего по достижении четырнадцати лет в комсомол, не было принципов и убеждений. Такое вообще едва ли возможно в человеческом обществе, сложенном из самых разнообразных ячеек, этаких социально-биологических ниш, где у каждого индивидуума обязательно найдутся «друзья по интересам». Но это были дурно усвоенные убеждения и безжалостно обкорнанные принципы, большей частью противопоставлявшие узкогрупповые интересы общественным. Даже не столько противопоставлявшие, сколько бездумно игнорировавшие их, словно, кроме кучки избранных — в рамках подъезда, двора, школьного класса,— ничего вокруг не существовало. Примерно по такой схеме определял свое место в мире первобытный человек, для которого все многообразие бытия сводилось к жесткой полярности: «свои» и «чужие». Среди «своих» царила гармония с законами и строго упорядоченной иерархией, с «чужими» дозволялось абсолютно все. Они были «добычей», эти «чужие», подчас легкой, но большей частью опасной. В этом случае разумнее было обойти их стороной. Держать данное слово, быть великодушным и щедрым, защищать слабого — все эти прекрасные порывы как бы заранее предназначались только для внутреннего употребления. И такие понятия, как «вина», «грех»,— тоже. Обмануть хитроумным коварством чужого почиталось доблестью.

Умонастроения спаянной «компашки», в которой Алексей благодаря незаурядной физической силе и дерзости вскоре занял ведущее положение, разумеется, не укладывались в столь примитивный кодекс, хотя в основе своей вполне ему соответствовали. Учителя ли проглядели или родители — отец пил и временами надолго исчезал из дома,— но к десятому классу Алексей сформировался законченным лицемером. Это и была та невидимая демаркационная линия, которая, как ему казалось, защитила его внутреннее «я» от непрошеных посягательств взрослых. Уверившись в том, что и сами они нередко прибегают к двоедушию, он научился сравнительно безболезненно сосуществовать с океаном хаоса, со всех сторон обступившего его крохотный первобытный островок. «Первобытный» в смысле этической праосновы, потому что в остальном Алексей и соучастники его молодецких забав были болезненно привержены к последним веяниям ультрамодерна. Не в изобразительном искусстве или архитектуре, к которым были вполне равнодушны, а скорее в специфической сфере быта. Шарф с цветами любимой команды, часы с миниатюрным калькулятором, грохот и мигающие огни дискотеки, безусловно, составляют зримые предметы современности. Но было бы абсурдом свести к ним или еще каким-то немногим признакам безмерную сложность века, стремительно меняющего внешние формы, обремененного, кроме всего прочего, непомерной ответственностью за бесценное историческое наследство. Такое уязвимое, хрупкое перед лицом затаившейся смерти. А вот ограничить оказалось возможно. Кинофильмами и книгами, главный герой которых шпион, преуспевающий, упоенный вседозволенностью, уже по самой природе своего ремесла вынужденный быть оборотнем. Усвоенные манеры и стиль находили проверку в шашлычной, если у кого-то завелась четвертная, на «хате», когда удавалось сплавить родителей. Тотемные значки пресловутой «массовой культуры», тесно соседствующей с «контркультурой», превратились чуть ли не в самоцель, сделавшись объектом массовой погони. Охота за расчлененным тремя полосами трилистником «Adidas» на кармане куртки или фирменной этикеткой «Lee» на ягодице стереотипно соединилась с наркотическим пристрастием — чисто снобистским — к автомобилям, желательно иномарочным.

Окончание. См. «Огонек» №№ 1—12.

И как своеобразный итог понятие «модно», ощущаемое как «жизненно необходимо», оказалось незаметно перенесенным с фирменных вещей на фирменных подруг, чьи ноги, глаза, плечи, волосы предстали непреложными эталонами поточной линии блистательных совершенств. Отклонение воспринималось как брак, не подлежащий переделке, но требующий замены.

В колонии строгого режима у него оказалось достаточно времени, чтобы произвести хотя бы некоторую переоценку ценностей. Но, избавившись от кое-каких инфантильных иллюзий, он так и остался на прежних позициях. Поэтому, сблизившись с уголовной шпаной, работавшей под «воров в законе», скоро проникся ее романтической гнильцой и покорно дал изукрасить себя подобающей татуировкой. Выбившись таким манером в тюремную аристократию, Алексей с удовлетворением ощутил, что жить можно даже за проволокой. Вновь появилось безликое и глубоко безразличное ему большинство, среди которого ничего не стоило выискать подходящего на роль жертвы слабака. Богатый, хотя и односторонний песенный фольклор, равно как и будоражащие душу рассказы, в большинстве своем высосанные из пальца, вновь создали в его воображении образ супермена, которому дано прыгать поверх барьеров и загребать пачки денег. Тот факт, что герои воровских «саг» сидели бок о бок с ним на грубо сколоченных нарах, почему-то Алексея не вразумил. Решив перехитрить всех и вся, он дал себе зарок соглашаться только на «верные» дела, словно такие существовали в природе. По-видимому, какая-то глубоко затаенная опаска подсказывала ему, что полулегальные заработки в автосервисе все же предпочтительнее откровенного криминала. На худой конец профессия механика, к чему он так и не остыл, могла послужить надежным прикрытием. Частичную активность в сфере сантехники или, допустим, шабашничество он почитал не вполне респектабельными. Словно списанный за пьянку матрос, которому вместо загранки предложили мыть палубу на речном пароходе.

Неудивительно, что, очутившись на свободе, Алексей пошел на поводу у новых друзей и вновь оказался на скамье подсудимых.

На сей раз его судили за кражу музейных ценностей. Видно, что-то оказалось не так в тщательно отработанной схеме, хотя и дело рисовалось верным — наводка была, и дружки подобрались — надежней не бывает, один к одному. В итоге еще восемь лет, клеймо рецидивиста и мрачная перспектива заделаться тюремным завсегдатаем — Алексей встретил одного такого в пересыльной тюрьме. Из своих тридцати семи нескладно прожитых лет он пробыл на воле только шестнадцать. Было от чего загрустить.

Именно в этот период душевных распутий набрел Алексей на Максима Артуровича, человека иной совершенно касты, птицу полета высокого. По всему было видно, что Максим Артурович не чета прочим.

И начальство к нему относилось немного иначе, чем к остальным, и посылки он получал особенные, и, куда ни ткни, всюду встречал послабления. Короче говоря, умел поставить себя на должную высоту, пользовался авторитетом.

И надо же случиться такому, что в тяжелую пору, когда прокладывали трассу через сплошную болотную топь, Алексей сумел уберечь столь предусмотрительную персону от глупой промашки, чреватой, однако, всякими осложнениями. Максим Артурович услуги не забыл и, предварительно присмотревшись, приблизил к себе смышленого паренька, стал учить его уму-разуму.

— Считай, что в рубашке родился,— заметил по этому поводу Алешкин сосед по нарам.— Это знаешь какой делец? Нам с тобой и не снилось, что он проворачивает. Истинно туз! Будешь как сыр в масле кататься. Только не оплошай ненароком. Ведь одно дело — понравиться, другое — фарт удержать, а это нашему брату особенно нелегко, сорваться можно...

Алексей не сорвался, став для Максима Артуровича телохранителем и офицером связи одновременно. Последнее тороватый на выдумки «туз» сам придумал. Алеше понравилось: звучит! И существование его в сравнении с прежним облегчилось, хотя срок вопреки жарким нашептываниям всемогущего покровителя не скостили ни на денечек. Весь восьмерик пришлось отпахать от звонка до звонка, когда Максима Артуровича и след простыл.

На прощание патрон — так он наказал себя величать — оставил лишь меховой жилетик, который так сподручно оказалось надевать под ватник, и бумажку с телефоном. Поддевочку, правда, отобрали при первом же шмоне — не положено, но бумажка сохранилась.

Добравшись до ближайшего переговорного

пункта, Алексей позвонил Максиму Артуровичу по междугородному. Но то ли патрону было не до него, то ли трудности какие встретились, только свидеться с солагерником он почему-то не пожелал. Вместо торжественной встречи за ресторанным столиком, ломящимся от напитков и яств, как рисовалось в голодном воображении, переадресовал Алешу к директору гастронома Протасову, с которым имел дела.

Первая встреча состоялась на станции Синедь, где у Вячеслава Кузьмича строилась дача из ядреного соснового бруса, способного противостоять даже сибирским морозам и вечной мерзлоте.

— Что же мне делать с тобой?— озаботился Протасов, придирчиво изучив документы.— В Москве проживать тебе, сам знаешь, запрещено, а вне столицы, уж извини, ты мне просто не нужен... Ну, да ладно, что-нибудь придумаем. Поживи пока тут. Заодно и домик постережешь, чтоб не спалили ненароком.— Он рассыпался мелким, натужным смешком.— Это я так, шучу! Но за материалом смотри в оба. Народец тут ой-ой! Глазом не успеешь моргнуть, как все разворуют. Потом тебе же и продадут втридорога, деятели мирового кино.

— А че мне тут делать?— по-глупому спросил Алексей, озирая пахучий сруб и уже готовый золотистый от олифы хозблок с банькой.

— Жить и радоваться, что на свободе, дурья башка!— Вячеслав Кузьмич добродушно похлопал его по широкой спине.— И ожидать желательных перемен. Они не замедлят воспоследовать, если, конечно, хорошо себя зарекомендуешь. За мной не заржавеет. Будь спок.

Новый патрон оказался не слишком щедрым. Денег давал только-только на прокормление, но, когда сам приезжал или с гостями, пиры закатывал по первое число. Алеше долго потом оставалось чем полакомиться. Жаль, холодильника не было из-за отсутствия тока. Впрочем, новоиспеченный сторож вскоре приспособился, соорудив в бетонированном подвальчике ледник. Даже стружки туда натаскал, чтоб не так быстро таяло.

Сначала он прятался от чужих глаз, хотя особых причин к тому не было, отсыпаясь днем и выходя на двор только ночью. Но постепенно осмелел и даже начал помогать ближайшим соседям. Благо силой бог не обидел, а топориком за свои тридцать с небольшим годков намахался вдоволь. Со всех сторон посыпались поллитровки и трешки, а там и красненькие пошли, когда обнаружилось, что лучше Алексея мало кто может приладить на место обтесанное стропило. Даже переманивать его стали на свои участки, суля неслыханный гонорар. Шабашники тоже готовы были взять к себе в долю.

Надеясь на решительную перемену в судьбе, он с ленивой небрежностью отклонял предложение за предложением. Новый патрон был, по всему видать, дельцом первостатейным, не хуже прежнего, и Алексей со дня на день ждал от него чуть ли не манны небесной. Ведь все признаки процветания были налицо!

Помимо служебной машины, у Вячеслава Кузьмича имелся собственный «мерседес» с таким номерком, что закачаешься, а в придачу ко всему личный шофер. Вокруг увивалось всяческое начальство, строители, архитекторы, ловкие доставалы. И всем он был нужен, все набивались к нему в друзья. Наезжал всегда шумно, с наполненным снедью багажником, вино и пиво таскал ящиками — чего же больше! И девку возил разодетую, как картинка, втрое моложе себя. Умеет жить человек, охулки на руку не кладет, все при нем!

Только последний кретин мог вильнуть от такого на сторону. Ведь одно дело — слегка подхалтурить, другое — предпринять определенный жизненный шаг, после которого уже никто за тебя не в ответе. Алексей интуитивно понимал разницу. Если уж наказано ждать, так будь добр набраться терпения. Тем более что после зоны житуха в Синеди была чуть ли не рай. Только скука временами заедала такая, что волком выть хотелось. Не о таком будущем мечтал Алексей, цепенея в полярной ночи. Совсем иначе рисовалась ему сладостная свобода.

Между тем ожидаемая перемена все не наступала, а Вячеслав Кузьмич даже не заговаривал про нее. Лично его вполне устраивало нынешнее положение. Дача строилась медленно, а в должности сторожа и подручного ловкий, смышленый парень оказался на высоте. Чего же еще желать?

Особенно муторно стало Алеше, когда зарядили дожди. Прислушиваясь к заунывному шелесту струй, монотонно долбящих свежеуложенный шифер, он, как когда-то в детстве, рисовал картины знойных экзотических стран, воображая себя в роли одетого с иголочки отчаянного разведчика или скучающего с бокалом в руке путешественника, наблюдающего за искрометным танцем волооких красавиц.

Но ветер, швыряя холодную россыпь в затуманенное окно, упорно возвращал к реальности. Алексей был одинок перед наступающей осенью и никому не нужен. Мать умерла, отец, окончательно одурев от беспробудного пьянства, куда-то запропастился, а друзей, которые пусть не ждали, но хотя бы изредка вспоминали о нем, он не нажил. Что же касается необыкновенных приключений и роскошеств, которые показывали в картинах из заграничной жизни, то все это были пустые бредни. Протасов давал наглядный пример, как следует организовать и украсить свой быт.

Но, чтобы жить с таким размахом, требовалось многое. Прежде всего соответствующее положение, затем, не в последнюю очередь, деньги. На мало-мальски солидную должность рассчитывать Алексею, прямо скажем, не приходилось, а заработанного в колонии могло хватить разве что на несколько месяцев, и то при весьма умеренных запросах. О сотне-другой, что перепали ему здесь, на местном азарте, и думать не приходилось. Он намеревался спустить левый заработок при первом удобном случае, чтобы достойно отметить освобождение.

Однажды утром, не обнаружив в доме ни единой запечатанной поллитровки — все было выпито в долгие ночи дождя и тоски,— Алексей решил предпринять вылазку в местный торговый центр.

Облачившись в старую плащ-палатку, он бодро потопал по лужам, увязая в липучей глине. Видимость была неважнецкая. Сквозь завесу дождя лес рисовался расплывчатой серо-зеленой массой, а в придорожном кустарнике путался клочковатый туман. Поход оказался неудачным: на дверях продовольственного магазина висел угрюмого вида амбарный замок, над которым была пришпилена записочка с магической формулой: «Ушла на базу».

Алексей коротко выругался и даже лягнул дверь каблуком, прочертив на ней скользкую глинистую полоску. Очень уж не хотелось возвращаться с пустыми руками, заново месить грязь. Но выбирать не приходилось. Дом быта, куда можно было войти, его ничуть не волновал, а киоск «Соки — воды», построенный позапрошлым летом, так ни разу и не открылся со дня приемки комиссией.

Лишь зеленая вывеска сберкассы вызвала в душе Алексея целенаправленный импульс. Вспомнив про лотерейный билет, зачем-то подаренный хозяйской подругой Альбиной, он решил от нечего делать проверить таблицу. С этим намерением и взялся за железную ручку и толкнул тяжелую дверь. Но то, что он увидел внутри, заставило его тихонько просунуть носок сапога и настороженно прильнуть к образовавшейся щели. Он проделал все это почти инстинктивно, не имея никаких определенных намерений, и так же автоматически принялся подсчитывать мелькавшие в руках кассирши пачки денег. С его наблюдательного пункта их хорошо было видно.

Только после того, как деньги просунулись в полукруглый вырез в стекле с золотыми буквами, Алексей перевел дух и обратил внимание на тщедушного старичка, облокотившегося о стойку. Скучая, а может, о чем-то думая, он глядел в потолок. Деньги старичок, не считая, засунул в боковой карман и, поклонившись кассирше, чего-то залопотал. Слов Алексей не расслышал, потому что отпрянул от двери и выскочил наружу. Что ему делать дальше, он тогда опять же еще не знал, не задумывался. Просто затаился в сторонке, как остановленная магнитом чуткая стрелка.

И так же нецеленаправленно, но по-звериному зорко он проводил взглядом просеменившего мимо белоголового человека, укрывшегося под колоколом зонта. И потянулся за ним, приотстав на дистанцию видимости, неслышно ступая чуть ли не след в след. Следов-то, конечно, на асфальтированной залитой водой дорожке не оставалось. И хлюпанье шагов не достигало ушей. Только размытая, как сквозь матовое стекло, фигурка смутно маячила впереди.

Когда вокруг сомкнулась колючая хвоя лесопосадок, Алексей стал понемногу догонять старичка. Если к тому моменту у него и вызрели определенные планы, то он еще не осознавал их в законченной полноте. Словно подстегнутый изнутри внезапным ударом, метнулся на боковую дорожку и кинулся в обход, слепо продираясь сквозь упругие лапы и тяжело увязая в набухшем песке.

Что сказал он и что потом сделал, встретив спешащего человечка лицом к лицу, напрочь вылетело из головы. Будто это не он, а кто-то, непрошено вселившийся в его телесную оболочку, привел в движение мышцы рук и лица, почти насильно заставив повиноваться приказу. Какому именно? Этого он не понял ни тогда, ни после. Крайностей он, во всяком случае, никак не хотел. И если бы в то мгновение старичок не проявил неожиданную строптивость и не кинулся на слегка ошарашенного Алексея с раскрытым зонтом, все, наверное, разрешилось бы немного иначе...

Придя в себя, Алексей непонимающе уставился на затопленный песок, который медленно расправлялся под белой пряжей очистительного дождя. Пусто было на берегу, и внизу под обрывом одичало катились взбаламученные валы. Он машинально отер расцарапанную острием зонта щеку. Удивленно уставившись на кожаный бумажник, неведомо как очутившийся в чугуном налитых руках, осуждающе покачал головой.

«Это не я!»— встрепенулся в нем перепуганный голосок, но оборвался на лопнувшей, как струна, полуноте.

Затравленно оглянувшись, он спрятал бумажник, подобрал сломанный зонт и зачем-то принялся уминать взрыхленный песок, не понимая еще, что вода и так разгладит предательские борозды. Заметив откатившийся к деревцу браслет, вмятый в опавшую хвою, он вытащил блестящую змейку и, не глядя, сунул в карман.

Ознобным ветром продуло лесок. Слегка ослабевший ливень припустил с новой силой. На обратном пути в поселок Алексей не встретил ни единого человека.

Затворившись на все засовы, он торопливо разжег печурку и собрался было порубить топором зонтик, но вспомнил про металлический каркас. Пошвыряв в огонь сорванные клочья ткани, скрутил стержень и смял спицы, решив закинуть уродливое сплетение металла в озеро. Конечно, не в том месте, не там, а где-нибудь подальше. Бумажник, сберкнижку и паспорт, в который даже не заглянул, он протолкнул кочергой в самый жар топки. Оставался браслет с красным камнем, сделанный из незнакомого серебристо-зеленого сплава. По рассказам бывалых зэков Алексей знал, что обычно заваливаются именно на таких мелочах. Но камня с незнакомыми буквами — вроде бы русскими и нерусскими одновременно — стало жалко, хотя он и не знал, куда и как его можно приспособить. Поковыряв кухонным ножом, ловко выцарапал драгоценную инталию, слегка выщербив край, и одним ударом расплющил чешуйчатого гада, полурыбу-полузмею...

Промучившись в первую ночь, он хорошо отоспался после полудня и затем уже исправно укладывался на боковую с каждым новым рассветом. Его не терзали непрошеные сновидения, дыхание было безмятежным и ровным.

А в следующую пятницу нагрянул патрон с Альбинкой и прочими, среди которых Алексей знал лишь композитора с волосами до плеч и зава ремстройконторы. Вкусных вещей понавезли видимо-невидимо: и ветчину, и горячего копчения осетрину с янтарным жирком, и огурчики, и грибочки — чего только там не было. Потчуя дорогих гостей, Протасов разрезал пополам подогретые на печке калачи и густо намазывал их паюсной икоркой.

За дачу, понятно, больше пили: за хозяев, строителей и каких-то «жизнедеятелей», как витиевато провозгласил архитектор. При этом «Двин» и зеленую лимонную водку перемежали пльзенским пивом, отчего вскоре, по меткому замечанию Альбины, выпали в осадок.

Она-то как раз пила меньше всех, лишь пригубливала, устремив поверх рюмки тягуче-медлительный взгляд. Встретившись с ней глазами, Алексей вдруг понял что-то такое, от чего ему сделалось душно и беспокойно. Словно горячая волна прервала дыхание, и уши тоже горели, как в огне.

Перехватив еще один такой же взгляд, он поторопился уйти, сославшись на какую-то там работу. Назад возвратился часа через два, когда все разъехались по домам, а его точно током ударило, пронзив насквозь до малейшей жилочки.

Из того, что случилось потом, он до осязаемого бреда запомнил тепло ее тела под смятым шелком и дрожь своих натруженных рук.

Те давившие его ссадины зажили, затянулись пергаментной корочкой...

Какие глупости он нашептывал, какие обещания и уговоры твердил, вспоминать было и вовсе ни к чему. Она только подхихикнула в ответ умудренным, все понимающим смехом и разнеженно нашептывала:

— Глупыш, глупыш...

Правду сказала: глупыш и есть! Дарить ей тот камень никак не стоило. Ежу и то ясно. Хотя, конечно, какая-то память должна быть. Все должно завершаться красиво.

Скорого завершения Алексей, впрочем, не ожидал, воображая картины на будущее — одну слаще другой. Как-никак в его добровольное, хотя и вынужденное заточение Альбина внесла приятное разнообразие.

Однако уже на следующий день, ближе к вечеру, он был разбужен треском подкатившего к самому резному крыльцу мотоцикла. Перебегая на цыпочках от одного занавешенного окна к другому, ему удалось рассмотреть сквозь щели милицейского лейтенанта в шлеме и сидевшего в коляске Архипа Ивановича, коменданта поселка.

Лейтенант постучал затянутым в кожаную перчатку кулаком сначала в дверь, а затем и по ставням, но Алексей, само собой, не подал признаков жизни...

Не прислушаться к такому звоночку было нельзя. Дождавшись темноты, Алексей пехом рванул в сторону Калинина. Полоса сплошных ливней, слава тебе господи, прошла, и он без осложнений дотопал до четвертой от Синеди станции. Только там решился сесть в электричку. И то выскочив из кустов в самый последний момент.

Освещенная редкими фонарями платформа отсвечивала пустотой: ни милиции, ни пассажиров. В облачных прорывах купалась промытая до блеска половинка луны. Тревожно гудели медные провода. Когда сомкнулись резиновые прокладки дверей, он облегченно перевел дух.

Глава двадцать пятая

ТАЙНАЯ СИЛА

Вопреки предусмотрительным советам сослуживцев и кое-каким собственным горестным наблюдениям Люсин решил во что бы то ни стало разыскать Аглаю Степановну, с которой виделся последний раз на поминках.

Так в одно прекрасное утро — оно действительно было прекрасным из-за свежевыпавшего снега — он оказался в Волжанске.

— Вот, значит, где ты теперь живешь?— принужденно улыбнулся Владимир Константинович, озирая аскетическую жилплощадь.

Он опустил на белый, больничного вида табурет туго набитые сетки с апельсинами и длинными парниковыми огурцами, затем, найдя на двери подходящий гвоздь, повесил тяжелое кожаное пальто.

— Ты не хлопочи, мать, я ненадолго.

— Торопишься все. Как же тебя занесло в нашу-то глухомань?

— Самым обыкновенным манером: по железной дороге. Тобой, Степановна, нотариусы интересуются. Когда сможешь приехать?

— Это какие такие нотариусы?— спросила она, недовольно фыркнув, хотя вполне понимала, о чем идет речь.

— С наследством вопрос решать надо,— терпеливо объяснил Люсин.— Мы ведь уже имели с тобой беседу по этому поводу? Или забыла? Теперь самая пора и приспела. Если хочешь, можем вместе поехать.

— Как в тот раз, так и теперь скажу одно: не желаю.— Она обиженно поджала губы.— Не терзай мне душу, Константиныч, не рви. На том и кончим с тобой.

— Как знаешь, мать,— вздохнул Люсин, предвидя такую ее реакцию.— Зарабатываешь-то хоть прилично?

— Так я чего в санитарки-то пошла? Полное жалованье положили, да еще полставки какие-то, да мой пенсион при мне. Чем не жизнь? Мне так хватает и про черный день остается.

— Это хорошо, но квартирку получше бы надо тебе выхлопотать.

— И в голове не держи!— с непонятной для Люсина веселостью запротестовала она.— На кой мне твои хоромы? Все, чего надо, есть: газовая плитка, батарея теплая, свет. У меня тут соседка добрая. Люсей зовут. Заботится обо мне, помогает. Студентка-заочница. Ты не думай, я славно живу. Да и сколько там мне осталось?

— Травками больше не пользуешь?— Люсин принюхался, но не смог поймать той щемящей бальзамической сладости, которая временами грустно вспоминалась ему.— Зарыла талант в землю?

— Иде они, те травы?

— Весна не за горами, Степановна. Небось опять подашься в родные края? Да и тут, я слыхал, окрестности не бедные. Одно загляденье.

— Много ты понимаешь. Нет, голубь, чего было, то безвозвратно утекло. Уж как-нибудь обойдусь. Буду свой век доживать.

— Зачем же так? Людям помогать надо, Степановна. Ты это лучше меня понимаешь. Опыт передавать опять же. Неужто хочешь с собой унести? Да ради памяти одной Георгия Мартыновича ты обязана жить полнокровной жизнью. И знание свое передать в надежные руки. Оно не только тебе принадлежит. Это, если хочешь, всенародное достояние.

— Не поймал еще того нелюдя?

— Ищут его, будь уверена, по всем городам и селам. Все приметы известны, вплоть до наколок. Никуда он не денется.

— Как же, видела я его портрет — чистый изверг!

— Не скажи, Степановна, вполне благообразно выглядит.

— Ничегошеньки ты не смыслишь, вот что я скажу! Одно обличье в нем человеческое, а души нет, мертвая в нем душа....

Проводив гостя, Аглая Степановна собралась на старую базарную площадь возле пассажа, где по воскресеньям устраивались народные гулянья. Как прежде на ярмарках, прямо под открытым небом торговали горячими бубликами, рыбными пирогами. Кипели ведерные самовары, не давая остыть заварке в окутанных паром расписных чайниках. И чего только не было на тех самобраных столах! И сбитень в высоких графинах, и поджаренная в сухариках бычья печенка, и, конечно, крутые яйца.

Подвязавшись штопаным оренбургским платком, старая женщина смахнула повисшую на реснице слезинку, запахнула плюшевый жакетик и поспешила на улицу. Показалось нестерпимо горько остаться сейчас одной в необжитой комнатенке, которую она еще не привыкла считать своим домом. Среди людей, хоть они и проходили мимо, не задержав взгляда, ей становилось как-то спокойнее, оседала едкая тревога, отпускало неутешное ожидание.

Она подкормила крошками ранних, умилительно попискивающих синичек, полюбовалась рыжей кошкой, воровато огибавшей углы, и тихонько двинулась к площади, где мажорными тактами марша гремели уличные репродукторы. Обстановка в городе была почти праздничная. Все чаще попадались раскрасневшиеся на морозе папаши, тащившие спеленутые елочки, покачивались запутавшиеся в проводах разноцветные воздушные шарики.

Долгий звук отходящего поезда, едва различимый за медью оркестра, отозвался благодарным порывом. Ее так и потянуло торопливо вбежать в вагон, занять свое место на полке и долго-долго куда-то ехать, глядя в затуманенное морозцем окно. Но некуда было ей ехать. Она так и не поняла, зачем приезжал Люсин — неужели только из-за наследства? Но то, что он все-таки нашел ее и даже привез гостинцы, ее растрогало. Жизнь не очень-то баловала Аглаю Степановну подобным вниманием.

Заметив в подворотне бабу с мешком семечек, Степановна нерешительно потянулась за истрепанным кошельком.

— Почем?— спросила она, зачерпнув на пробу.

— Тридцать копеек.

— Ишь ты! Чего так дорого?

— А попробуй вырасти!— крикливо отозвалась торговка.

— Так каждую весну в огороде сажаю,— возразила Степановна и вдруг осеклась. Грядкам и клумбам, а может, и веснам — кто знает?— пришел конец. Она покорно вручила мелочь и, оттопырив кармашек, дала пересыпать туда содержимое граненого стакана. Пусть все идет, как идет. По крайней мере есть чем порадовать оголодавших синиц, которым приелось, поди, сухое крошево да терпкая горечь рябины.

Не осознавала еще Аглая Степановна, что это распрямляется понемногу ее зажатая в тисках душа.

Музыка разливалась все громче, и с каждым шагом отчетливей различался бодрящий гомон, доносившийся с площади. В самом конце улицы блеснул расходящийся клин проветренной синевы. Над булыжником мостовой веселыми змейками завивалась поземка. А там и каменные ступени открылись взгляду, пузатые колонны пассажа, где в темных нишах оживленно сновал народ. Только флагов и кумачовых транспарантов недоставало до полного праздника. А так — ликующее зимнее благолепие: белые халатики продавщиц, надетые поверх пальто и шубеек, убеленный скат крыши и алебастровая колокольня с золотым ослепительным шишаком.

Голову в меховой шапке, возвышавшуюся поверх других, Аглая Степановна увидела издали, а узнала еще до того, как устремила прицельно сузившиеся глаза. Ее словно толкнуло что-то, заставив съежиться, как от внезапной рези. Краснолицый парень в распахнутом полушубке, присев на балюстраду рядом с накрытым столом, неторопливо переливал в глотку вино. Стакан он держал двумя пальцами, помахивая в такт глотанию надкусанным пирожком.

Она угадала безошибочно: тот самый. И медленно направилась к нему, не выпуская из поля зрения и боясь спугнуть пристальным взглядом. Всем существом своим, потрясенным до самых глубин, всей прожитой жизнью, простроченной вспышкой гнева, знала, что ему не устоять перед ней. Не скрытая сила, о которой судачили деревенские кумушки, но абсолютная убежденность несла Аглаю Степановну на кромке кипящей волны. Сбросив годы и немощи, даже как будто бы потеряв вес, летела она над площадью, не касаясь заледенелой земли.

Никто не видел этого стремительного полета. И она, проносясь сквозь расступавшуюся толпу, не замечала других. Словно вокруг была заснеженная пустыня, утопавшая в дымной полумгле.

То единственное лицо, чьи самые мелкие черточки различались с нечеловеческой зоркостью, лишь отдаленно напоминало фотографию в милицейской листовке, но ошибки быть не могло: она настигла врага. И знала, что сможет сделать с ним все, что захочет, и сделает это, превратив в безвольный манекен.

Все силы, которые еще оставались, она слила в единый порыв.

По просьбе читателей мы представляем художника Валерия Карасева — автора рисунков к роману Еремея Парнова «Александрийская гемма».

Валерию Карасеву 47 лет. Родился в Москве. Вырос на Арбате. Учился в художественной школе. Затем — в Художественно-промышленном (бывшем Строгановском) училище. Гольбейн, Рокотов, Левицкий — наиболее близкие ему мастера. «Когда в институте все рисовали углем, я этому материалу предпочитал самый твердый карандаш — чуть ли не гвоздь». Испытывает сильную слабость к старине и котам. «Однажды пришел домой поздно вечером и пожаловался своему коту на одиночество. И вдруг, к моему изумлению, этот зверь протянул лапу и погладил по щеке. Я был тронут до слез». Атмосфера старых московских улочек действует на художника умиротворяюще: «Отдыхаю душой в Кускове, Останкине, но чаще безвылазно сижу в мастерской». Работает Карасев много. Увлекается живописью, оформляет детские книжки, плакаты, почтовые марки, иллюстрирует классику. Свободное время проводит в семье. «Радуюсь, когда я играю со своим четырехлетним сыном. Он меня учит не лгать — ни в жизни, ни в искусстве».

Олег ***ТУРКОВ***

Николай СИЗОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

„Антиквары"

ИЗ ЦИКЛА «НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ»

В тот день старший смотритель Исторического музея пришел на работу почти за час до открытия. Повесил в гардеробе пальто и шляпу и, не заходя в дирекцию, направился прямо в залы. Сквозь решетчатые фигурные окна с трудом пробивался свет тусклого октябрьского утра. Смотритель шел не спеша, привычным маршрутом, обходил залы — первый, второй, третий, четвертый...

На втором этаже в одном из залов он вдруг остановился. Стенд со старинным оружием, стоявший в центре, был вскрыт. Верхнее стекло вынуто из металлических пазов, и на бархатной обивке виднелись лишь следы экспонатов — чуть примятые темные контуры пистолетов. Здесь же в зале была взломана и витрина с посудой XIX века. От золотой и серебряной утвари остались только этикетки. Смотритель вбежал в соседний, двадцать восьмой зал, где находились особенно ценные экспонаты — исторические реликвии Отечественной войны 1812 года. Предположения, которые мелькнули в голове и которые он старался отогнать, оправдались. У одного из центральных стендов была оторвана металлическая пайка бокового стекла и личные вещи М. И. Кутузова украдены. Та же участь постигла и вещи генерала Платова. Здесь верхнее стекло витрины было разбито и все до одного экспонаты вынуты.

Происшедшее глубоко взволновало работников музея. Такого у них никогда не бывало. Правда, недавно произошел один странный случай. Почему-то оказалась снятой со стены старинная икона. Но она была обнаружена здесь же, в музее. Видимо, во время уборки с иконы стирали пыль и не повесили на место. И хоть случай этот был необычным, значения ему не придали. Икона ведь нашлась. А тут... Взломано несколько витрин. Похищено много ценнейших экспонатов. Не мудрено, что работники музея были потрясены случившимся.

Несколько часов подряд научные сотрудники по учетным книгам фондов скрупулезно, вещь за вещью, устанавливали перечень похищенного. Список оказался длинным.

Здесь были старинные пистолеты с литыми, восьмигранными стволами, с тончайшей гравировкой и инкрустацией, эфес шпаги Кутузова тульской работы 70—80-х годов XVIII века, миниатюрные портреты М. И. Кутузова и его жены Е. И. Кутузовой на слоновой кости, ковши, кружки, подстаканники, бокалы, табакерки, столовые приборы — золотые, серебряные, позолоченной бронзы.

— Что все-таки самое ценное из украденного?— спросил капитан милиции Иванцов, закончив читать длинный перечень.

Директор музея поднял на него удивленный взгляд:

— Не понимаю вас. Здесь все, буквально все имеет исключительную ценность. Возьмите ту же шпагу. Редчайшая художественная работа. Весь эфес осыпан стальными гранеными фасками «Диамант». Каждая бисеринка отшлифована на 12 граней. На эфесе — темляк в виде кистей того же стального бисера. Или портретная миниатюра Михаила Илларионовича. Она выполнена по слоновой кости гуашью. Овал под стеклом, в золотом ободке. Да любая из вещей ценна, какую ни возьми. Но дело не в материальной, денежной стоимости, а в исторической и художественной ценности вещей. Все они принадлежали нашим прославленным соотечественникам. Например, столовый прибор. Золоченая бронза, отделка рельефным орнаментом в стиле рококо. Но бог с ним, с рококо. Главное, что эти нож, ложка, вилка, солонка служили долгие годы Михаилу Илларионовичу Кутузову в его походах. В Алуште и Измаиле, Яссах и Бородине были с Кутузовым эти вещи. И такую же или почти такую же историю имеет чуть ли не каждая из похищенных реликвий. Украдено народное достояние, цены которому нет. Вот так, товарищ Иванцов. Вы должны, обязаны найти этих вандалов, найти во что бы то ни стало.

— То, что мы должны их найти, вы правы,— задумчиво проговорил Иванцов.— Весь вопрос в том, как это сделать.

— Это уж ваша забота, капитан, ваша. Что касается нас — готовы помогать, чем можем. Располагайте и мной и всем нашим коллективом.

Вечером того же дня капитан Иванцов докладывал майору Дедковскому подробности происшествия, план действий по розыску преступников и похищенных ценностей.

— Уверен, что похититель не один. Действовала какая-то группа. Одному человеку такое количество вещей не унести. И группа эта состоит из людей, понимающих толк в искусстве, знающих цену историческим предметам.

— Почему так думаете?

— Экспонаты выбраны не подряд, не случайно. Походный медный самовар Кутузова, например, не взяли, а вещи из дорогих металлов унесли. Дальше. Надо было знать, как войти в музей и как выйти из него, знать, что сигнализация накануне вышла из строя.

— Не могли ли позариться на ценности люди, занятые ремонтом музея?—высказал предположение Дедковский.

Иванцов, минуту подумав, ответил:

— Да, могли. Я и это имею в виду. Но опять-таки вкупе с теми, кто понимает в этом толк.

— Рассуждения не лишены логики, капитан. Но слишком общо, абстрактно.

— Директор музея, секретарь партийной организации заявили прямо, что в их коллективе таких изверга быть не может. Начальник строительного участка менее категоричен, но тоже сомневается, что среди его рабочих есть подобные типы.

— Слабенькое сообщение вы нам сделали, капитан, слабенькое. Обнадеживающих предположений мы не услышали.

— Так ведь и времени прошло всего ничего, что можно сделать за один день?

— Многое. Многое можно сделать, капитан. Пока мы гадаем здесь с вами, реликвии музея могут быть так запрятаны, что долго искать придется. А еще того хуже, вообще исчезнут. При современных средствах связи это не так трудно.

— Основные скупочные пункты, комиссионные магазины, рынки нами предупреждены. Таможенные органы тоже.

— Все это так, капитан. Но конкретного разработанного плана действий у вас пока нет.

Иванцов удивленно посмотрел на Дедковского. У майора не было привычки заставлять работника излагать несозревшие мысли, высказывать непродуманные версии. Иванцов не знал, однако, какой отзвук получило случившееся в Историческом музее у москвичей, особенно в кругах художников, писателей, ученых, в среде музейных работников. Все возмущались этим фактом. На Петровке то и дело раздавались звонки: нашли ли злоумышленников? Приняты ли все меры к тому, чтобы похищенные ценности были возвращены?

Случаи, подобные этому, в Москве да и в других городах страны были редки, и не удивительно, что так взволновалась общественность.

Капитан Иванцов уходил от Дедковского озабоченный и мрачный. Утешало лишь то, что теперь, после разноса в МУРе, все смежные службы начнут поворачиваться иначе, отодвинут на какое-то время менее срочные дела и станут работать на него, Иванцова, и его группу. Но оставалась досада, что не смог предложить реальных, убедительных версий. «Времени, конечно, прошло очень мало,— думал Иванцов,— но все же надо было нам пошевелиться энергичнее».

Тщательно, придирчиво Иванцов и лейтенант Рябиков изучали документы работников музея и ремонтно-строительной конторы.

Рябиков, увидев гору личных дел музейных работников, ахнул от удивления:

— Ничего себе, штаты у вас солидные!

Ученый секретарь музея обиделся:

— Без знания дела судите, молодой человек. Крупнейший музей страны. Сорок семь залов в основном здании, филиалы, сотни тысяч экспонатов и документов. Более полутора миллиона посетителей в год. И это объяснимо. Как же не интересоваться историей своего Отечества?

Рябиков смущенно проговорил:

— Сдаюсь! Положили на обе лопатки. Но работенки нам предстоит...

— А вы зря, между прочим, эту работенку делать собираетесь. Среди наших людей, директор уже говорил капитану Иванцову, причастных к этому возмутительному делу не найдете.

— Тогда, может, вы скажете, где нам их искать?

— Где угодно, только не у нас.

И все-таки Иванцов и Рябиков тщательно знакомились с «личными делами» работников музея. Научные сотрудники, консультанты, смотрители залов, реставраторы, столяры, уборщицы. И все работают в музее по пять, десять, а большинство по пятнадцать — двадцать лет. Многие из них коммунисты, комсомольцы, общественники. Да, пожалуй, прав

директор, утверждая, что в их коллективе вряд ли найдется человек, который мог бы так варварски взломать витрины и стенды, посягнуть на вещи, дорогие тысячам людей.

Почти так же обстояло и со строителями. Вне подозрений люди. В Москве работают, правда, не очень давно — по три — пять лет, но работают добросовестно, освоили ведущие специальности: кто штукатур, кто маляр, кто монтажник. Ремонтно-строительный участок, осуществлявший работы в музее, считался одним из лучших.

— Товарищи из музея говорят, что некоторые ваши люди проявляли интерес к музейной экспозиции,— спросил Иванцов начальника участка.

Тот пожал плечами:

— А что тут удивительного? Люди у нас любознательные, все учатся. Факт этот, по-моему, закономерный.

— Допускаю,— согласился Иванцов.— Но как все же получилось с проводами сигнализации?

— Тут наша вина. Задели провод при передвижке лесов. Бригадира я уже наказал.

Директор музея тоже укорял себя за это:

— Мы виноваты, не углядели. Сработай сигнализация, воры не ушли бы.

Бригада плотников чувствовала себя очень смущенно, винилась и перед своим начальством и перед дирекцией музея.

— Не заметили этот провод. Извините уж...

Специалисты, вызванные Иванцовым, подтвердили: да, обрыв провода произошел из-за толчка, из-за удара, нанесенного по нему углом металлического пояса передвижных строительных лесов.

— Все так. Но почему преступники проникли в музей именно в тот день, когда была выведена из строя сигнализация? Совпадение? А может быть, нет? Что ты об этом думаешь, лейтенант?

Рябиков задумчиво ответил:

— Может, кто-то постарался именно в эту ночь вывести сигнализацию из строя. Только вот кто это?

— Вот именно: кто? Но об этом мы узнаем, когда найдем воров,— мрачновато закончил Иванцов.

Утром следующего дня он опять разговаривал с начальником стройучастка.

— Что вы скажете о Бобринце?

— Бобринец? Маляр из бригады Смурова?— Начальник участка задумался.— Парень чудаковатый, это верно. Но... А впрочем, здесь я бы, пожалуй, подумал, прежде чем дать гарантию.

— Я бы тоже подумал,— согласился Иванцов и продолжал: — Он давно у вас работает?

— Недавно. Примерно полгода.

— И как работает?

— Знаете, мастер первого класса. Это даже не маляр, а скорее художник. И не плохой, по-моему. Девчат из бригады нарисовал так, что хоть в картинную галерею.

— А что же это он маляром-то?

— Я его спрашивал об этом. Он ответил в том смысле, что все великие мастера с малярной кистью дружили.

— Ну что ж, разберемся. Имейте в виду, между прочим, что на работу он сегодня не вышел по нашей вине. Лейтенант Рябиков с ним занимается.

Иванцов и Рябиков не случайно заинтересовались Левой Бобринцом.

Вчера поздно вечером оперативной группе стало известно, что днем какой-то парень в кафе «Арфа», что в Столешниковом переулке, усиленно сбывал небольшую, овальной формы миниатюру Кутузова. Всю ночь потратили оперативные работники на то, чтобы узнать, кто этот владелец миниатюры. Разыскали официантку, которая работала в дневную смену, но она была новенькой и посетителей гока не знала. Посоветовала найти кассиршу Валентину Чугаеву — та работает в кафе давно, всех знает.

Когда оперативные работники обрисовали Валентине наружность интересующего их посетителя, та, всплеснув руками, воскликнула:

— Так это же Бобринец! Лева Бобринец. Живет где? Не знаю точно, кажется, где-то на Пироговской. А впрочем, погодите, моя знакомая бывала у него. Сейчас позвоню.

«Ну, кажется, повезло»,— подумал Иванцов, когда Чугаева, не отрываясь от трубки, стала диктовать ему адрес Бобринца.

Лева Бобринец жил в большом сером доме, в просторной квартире, занимал в ней крайнюю комнату, рядом со входом. Когда к нему вошли Иванцов и Рябиков, он лежал на черном дерматиновом диване. Лева не встал, даже не повернул головы, только чуть повел вопросительным взглядом в сторону вошедших и спросил:

— Чем могу быть полезен в такую рань?

— Вы Лев Бобринец?

— Совершенно точно.

— Мы к вам по поводу миниатюры Кутузова.

Бобринец, сделав ногами замысловатый пируэт в воздухе, медленно сел на диване, предложил:

— Садитесь. Вы,— мотнул он головой в сторону Иванцова,— вот сюда, на диван, а вы — вон на то сооружение.— И он указал Рябикову на решетчатый ящик из-под консервов, что стоял у окна. Тут же лежал вещевой мешок и самодельный мольберт. Больше в комнате ничего не было, если не считать такого же решетчатого ящика чуть меньше размером, служившего люстрой. Измызганный плащ с какой-то бурой меховой подкладкой служил Бобринцу вместо подушки.

— Так вас, говорите, интересует моя миниатюра?

— Миниатюра Михаила Илларионовича Кутузова.

— Да, да, я именно это и имел в виду. Хотя придет время, и профиль Льва Бобринца украсит не только жалкие миниатюры, а и гигантские полотна. Но об этом не будем. Ближе к делу.— Бобринец порылся в меховой подкладке плаща и достал миниатюру. Но, не отдавая ее, объявил: — Триста пятьдесят.

— Давайте-ка посмотрим,— протянул руку Иванцов.— Может, она и не стоит этой цены.

— Стоит или не стоит, но меньше не возьму. Больше тоже.

— Почему так?

— Мне нужно триста пятьдесят. И я их получу.

— Допустим. Но давайте все же посмотрим.

Иванцов с волнением взял миниатюру в руки. Пожелтевшая от времени слоновая кость. Золотой обвод вокруг овала. Да, несомненно, Михаил Илларионович. Его полный профиль, мудрый, задумчивый взгляд. Тщательно вырезанные морщинки полного лица.

— Как попала к вам эта вещь?

— А какое это имеет значение?— Бобринец уже снова возлежал на своем диване и глядел в потолок.— Могу успокоить — не ворованная.

— Допускаю. И тем не менее цену вы назвали немалую, потому хотелось бы знать.

— Расскажу, если купите. А так — ни к чему.

— Ну что ж, тогда внесем ясность. Мы из уголовного розыска. Вот документ.— Иванцов предъявил удостоверение. Но Бобринец не стал смотреть документы, а сделал опять сложный пируэт ногами, сел.

— Эта штука принадлежала моему тестю. Где он ее взял — не знаю. Им лично подарена мне на память. За день до того, как он оставил земную юдоль.

— Значит, вы здесь живете с семьей?

— Никакой семьи у меня нет. Все это в прошлом. Я сам по себе — они сами по себе.

— Вам придется поехать с нами.

— Это очень необходимо?

— Очень.

— Ну что ж. Власть есть власть,— зевнул Бобринец и с ходу нырнул ногами в стоптанные кеды.— Но мне, между прочим, к восьми надо быть на работе.

— Удостоверим, что опоздали по уважительной причине.

К вечеру Рябиков с недоумением рассказывал Иванцову:

— Удивительный тип, уникум этот Бобринец. Разузнал я о нем все, что можно. Ленинградец. Женился на москвичке. Работал в Художественном фонде, в разных кустарных артелях. Поработает три-четыре месяца и пропадает. Приезжает в Москву обросший, грязный, как снежный человек, если такой, конечно, существует. Жена с ним жить не захотела. Разошлись. По-моему, он с серьезными отклонениями от нормы. По поводу миниатюры твердит то же, что и вчера. Подарок тестя. Намерен получить за нее триста пятьдесят рублей и ни копейки меньше. Объяснил, почему. Ему, видите ли, надо четыреста пятьдесят рублей. Сто рублей он заработал в бригаде и в эту получку их будет иметь. После чего отбывает в Молдавию. Соскучился, видите ли, по лесным запахам, порывам ветра, шуршанию травы... Конечно, все это, видимо, просто фанаберия, туман. Мы ведь знаем, как некоторые узоры плетут.

Видя, что Иванцов слушает его рассеянно, Рябиков обеспокоенно спросил:

— А у вас как? Санкцию на задержание этого любителя природы дали?

Иванцов молча подвинул ему лист бумаги с мелко напечатанным на нем текстом. Это было заключение экспертов. Миниатюра Кутузова, изъятая у Бобринца, музею не принадлежит. Да — слоновая кость, да — профиль Михаила Илларионовича. И мастер, что делал, видимо, не из рядовых. Но вещь не из тех, что лично принадлежали полководцу.

— Не может быть! — Пораженный Рябиков присел на стул.— А мы-то думали...

— Думали мы с тобой плоховато. Ведь в описи точно указаны все мельчайшие особенности пропавших вещей. Ну, хотя бы эта. На похищенной миниатюре между золотым ободком и портретом нанесены слова: «Тот жив, бессмертен тот, Отечество кто спас». На этой же никакой надписи нет. А мы с тобой не умудрились посмотреть как следует. Можно было и не беспокоить человека.

— Ну, скажете тоже. Похожи ведь вещицы-то как две капли воды. И потом, где там, в его конуре, да в такую рань заметить, есть надпись на миниатюре или нет. Ее и днем-то в лупу смотреть надо.

— Все это так, но факт остается фактом — миниатюра не та, и объект нашего внимания, следовательно, тоже не тот.

— Что же теперь?

— Как что? Пожелай ему успехов в его вояже по Молдавии и давай думать, с чем сегодня вечером пойдем к Дедковскому.

— Может, нам дело с «Соборниками» поворошить более обстоятельно?

— Да, я тоже думал об этом. Пожалуй, мы рановато охладели к нему. Давайте-ка посмотрим все материалы.

Дело «Соборников» было весьма значительным.

Несколько дельцов организовались в крепко сколоченную группу. Здесь были работники реставрационно-художественных мастерских, одного рекламно-издательского предприятия, двух типографий, крупного комиссионного магазина. Свой «хлеб насущный» они зарабатывали похищением икон из церквей и соборов и сбытом их любителям русской старины.

Из церкви в Брюсовском переулке ими были похищены «Спаситель», «Иоанн Креститель», «Рождество богородицы» и «Тайная вечеря». В Покровском соборе украден «Георгий Победоносец». Несколько ценных икон были взяты в старообрядческом храме Рогожского поселка, из церкви на Преображенском валу, в историко-краеведческом музее в Городце и Саввино-Сторожевском монастыре в Звенигороде и в некоторых других соборах и церквах.

Участники, проходившие по этому делу, были изобличены и осуждены. Казалось, зачем к нему возвращаться? Но возвращаться следовало. Стало известно, что по разным причинам далеко не все «любители церковных реликвий» были разоблачены и оставшиеся на свободе пытались продолжать свою деятельность.

Электромонтер Исторического музея Кирилл Буняков в период краж из церквей работал в старообрядческом храме в Рогожском поселке. Там тоже было похищено несколько икон. Но причастность его к делу не установили, и он выступал на суде лишь в качестве свидетеля.

В Историческом музее Буняков слыл аккуратным, добросовестным работником. За три года не имел каких-либо замечаний. Правда, ходил по музею слушок, что очень уж обеспеченно живет электромонтер. Приболел он как-то, и ездил к нему представитель месткома. Хорошо обставленная квартира, много дорогих икон с лампадами. Набожным человеком оказался Кирилл Буняков. Но в конце концов это было его личное дело. Достаток в

семье вроде бы тоже объяснялся просто: подвизался Буняков в выборной десятке одной из известных московских церквей. Общественным служителям всевышнего тоже, видимо, перепадало от мирских подаяний.

Несколько вечеров и ночей подряд Иванцов и Рябиков изучали дело «Соборников», и все-таки ничего, что бы наводило на участие в нем Бунякова, не было. К хищению реликвий из музея, судя по всему, отношения тоже не имел. В день кражи с дежурства ушел по болезни. Бюллетень представил.

Вел он себя спокойно, на вопросы Иванцова и Рябикова отвечал обстоятельно, объяснял все, что требовали объяснить. И все-таки оперативным работникам не верилось, что совсем чист электромонтер Буняков. Особенно в связи с одной мелкой, незначительной деталью. После одной из бесед с капитаном Иванцовым Буняков, выходя из комнаты, осенил себя крестным знамением. Рябиков, шедший в это время по коридору, пошутил:

— За что бога благодарите, Буняков?

Буняков явно растерялся, но быстро взял себя в руки и спокойно ответил:

— За то, что жив, по земле хожу.

— Ну, давай, давай, общайся с всевышним.

Когда Рябиков рассказал об этом Иванцову, тот, бросив в сердцах карандаш, проговорил:

— Чувствую, что рыльце у него в пушку, а зацепок никаких.

— И я это тоже чувствую, только что́ проку от наших ощущений. Шубы из них не сошьешь.

— Ничего, терпение, лейтенант Рябиков, терпение. Все тайное когда-нибудь становится явным.

Разгадку, кто же такой электромонтер Буняков, нашли. Но нашли не скоро.

. . . . . .

В один из сумрачных осенних дней по старому Арбату не спеша шел пожилой, седой человек — Илья Александрович Пучков. Недалеко от комиссионного магазина он повстречался со старым приятелем — Петром Степановичем Лапоногом. Оба они были известными в Москве знатоками и любителями старины, непременными участниками всяких общественных начинаний по этой части. Все свои скромные сбережения и даже часть пенсии они тратили на коллекционирование редких и диковинных вещей. Но строгими людьми слыли старики. Не возьмут вещь ни за деньги, ни задаром, если почувствуют, что идет она к ним не из чистых рук.

Лапоног, как только приятели остановились и поздоровались, предложил:

— Илья, есть чудесная вещица. Кубок XVI века.

— А что же сам?

— Недавно две картины купил. Поиздержался. А потом утварь-то ведь больше по твоей части.

— Ну, а владельцы как? Надежные?

— Да вроде бы. Мне их Кирилл Фомич прислал.

— Буняков?

— Да, он.

— Странно. Он же сам такое не упустит.

— Редкие иконы ждет. Не хочет тратиться.

Пучков не мог остаться равнодушным к столь редкой, заманчивой вещице, как кубок XVI века, и пожелал встретиться с его обладателем.

Он явился в тот же вечер.

Илья Александрович не зря всю жизнь провел в музеях, на выставках, заседал в закупочных и других комиссиях по оценке художественных предметов. Он бережно взял в руки голубоватый, с золотистыми разводами кубок, любовно осмотрел каждую деталь тончайшей художественной росписи, сдул пылинки. И тихо, аккуратно поставил на стол. Потом взял лупу и медленно осмотрел вещь еще более внимательным и цепким взглядом. Обеспокоила старого знатока крышка. Сам кубок был XVI века, а крышка... Крышка по орнаменту, по замысловатому рисунку явно принадлежала к XVIII веку.

В прошлом году Илья Александрович, работая над книгой о старинной русской керамике, целый месяц провел в Эрмитаже и слышал, как сокрушались работники одного из отделов по поводу того, что какой-то прощелыга «увел» две удивительные уникальные вазы, имеющие историческую ценность, и старинный кубок. Илья Александрович точно помнил, что речь тогда шла о кубке XVIII века. Кубок же, что стоял на столе, был не тот. Это ясно. Но вот крышка...

Пучков решил отказаться от покупки.

— Дороговато, молодой человек, не по карману. Извините.

— Но неужели это дорого?.. Сто пятьдесят рублей?

— Да, для меня дорого.

— Но, понимаете, мне очень нужны деньги, очень.

— Понимаю, вполне понимаю. Но не могу.

Парень задумался, затем встал и, укладывая кубок в саквояж, проговорил:

— Вы все-таки подумайте. А утром мы с приятелем заглянем еще раз. Кое-что вам покажем.

Посетитель ушел. А Илья Александрович, встревоженный, позвонил в Ленинград своему приятелю, одному из работников Эрмитажа, и рассказал о только что закончившемся визите.

— Неделю назад у нас пропало несколько вещей с немецкой выставки утвари XVI века. И в том числе, кажется, и кубок. Но точно не помню, надо проверить.

— У вас ведь и раньше, как мне помнится, с утварью что-то было?

— Да, да.

— Так вот, думаю, что посетитель, который у меня был, один из ваших клиентов. Принимайте меры.

— Это интересно! Похититель у вас в городе, а мы — принимайте меры? Вы должны задержать этого гастролера.

— И как же конкретно я, по-вашему, должен поступить?

— Ну, я не знаю, как. Сообщите, куда и кому следует.

— Нет, знаете, увольте. Я совершенно не знаю, как это делается.

— Ну что ж, тогда пусть уплывают музейные вещи в грязные руки спекулянтов и перекупщиков. Нам, знаете ли, тогда и говорить не о чем.

Приятели одновременно положили телефонные трубки. Но сотрудник Эрмитажа оказался, видимо, более решительным человеком. Он поднял в Ленинграде всех, кого надо, и утром Московский уголовный розыск получил сообщение: в Москве продается экспонат из Эрмитажа, просим немедленно связаться с гражданином Пучковым, живет там-то.

В это же утро к Пучкову вновь явился парень, что был вчера. Его сопровождал такой же рослый молодой человек в широкой кожаной куртке. Им, видимо, действительно очень нужны были деньги. Поставив кубок на стол, его обладатель сообщил: «Сто...»

Но у Ильи Александровича желание приобрести эту редкостную вещь уже окончательно пропало.

— Знаете, ребята, кубок я у вас покупать не буду. Если он действительно ваш, снесите в комиссионный магазин, это в пяти минутах

ходьбы отсюда. Если... чужой, то мой совет: верните туда, где взяли. Так будет лучше.

— Вы что же, пугаете нас, подозреваете в чем-то?— поднял черные лохматые брови обладатель кубка.

— Да нет, что вы. Просто советую.

— Ну, а по другим вещицам разговор будет такой же?— настороженно спросил второй парень.

— А о чем, собственно, речь?

Парень вытащил из внутренних карманов куртки завернутые в серые тряпицы три небольшие фарфоровые статуэтки. Илья Александрович, далеко отставив от глаз, долго и внимательно смотрел на них и со вздохом изрек:

— Вещи чудесные. Старинные изделия русских мастеров. Больших денег стоят.

— Во сколько их оцените?— спросили оба посетителя почти разом.

— Это дорогие вещи, ребята.

— Уступим, берите.

— Нет, нет, это не для меня. Советую обратиться туда же.

Посетители переглянулись:

— Вы что это, серьезно? И окончательно?

— Да, вы уж извините.

— Бывай здоров, старик. Нам рекомендовали вас как знатока и коллекционера, а ты, оказывается, просто старый дрожащий заяц.— Парень в кожаной куртке ухмыльнулся было своему удачному, как ему показалось, каламбуру, но его спутник мрачно упрекнул:

— Пошли быстрей. Чему ухмыляешься?

Они вышли, не оглядываясь. А через полчаса к Илье Александровичу явился лейтенант Рябиков.

— Чем могу служить? — удивленно спросил Илья Александрович.

— Извините, Илья Александрович. Нам сообщили из Ленинграда, что вчера вам предлагали кое-какие музейные вещицы. В частности, пропавшие из Эрмитажа.

— Точно я этого сказать не могу, но сомнение у меня возникло, и я сообщил об этом ленинградским коллегам.

— Расскажите подробнее, что за люди были? Что у них за вещи? Понимаете, Илья Александрович, это очень важно.

— Что за люди? С одним я виделся дважды, вчера и сегодня, со вторым только сегодня и то накоротке, подробной характеристики дать не могу.

— Что, они и сегодня были здесь?

— Недавно ушли.

— Эх, какая досада! Так кто же это? Жулье?

— Да нет, на жуликов не похожи. Предлагали довольно редкий кубок тончайшей работы. Говорят, что из семейных реликвий. Я, конечно, не утверждаю наверное, но думаю, что вещица не из семейного наследия. Еще предлагали три фарфоровые статуэтки. Тоже прекрасные изделия. И думаю, тоже не их родовые.

— Когда они обещали быть вновь?

— У меня они больше не будут.

— Что так?

— Я отказался купить эти вещи.

— Да? Жаль, очень жаль. Ну что же, спасибо, Илья Александрович. Будем искать этих любителей старины.

Рябиков в кабинете Дедковского еле сдерживал волнение.

— Товарищ майор, объявились какие-то любители реликвий. Может, это именно те, кого мы ищем?

— Да? И где же они?— оторвавшись от бумаг, поднял голову Дедковский. Рябиков торопливо рассказал о посещении Пучкова.

Дедковский присвистнул:

— Если бы вы их с собой привезли, я бы понял ваш восторг. Но вы же их проморгали. Где теперь будете искать?

— Я был у Пучкова через час после получения сообщения из Ленинграда. За полчаса до меня они ушли. Жаль, конечно, что так получилось, но мы найдем их, найдем. Далеко уйти они не могли. А обрисовать их я уже смогу. Так что прошу ваших указаний всем службам о розыске.

— Ну что ж. Давайте выясним, что за новоявленные эстеты к нам пожаловали.— И майор наклонился к селектору.

Продолжение следует.

„Антиквары"

ИЗ ЦИКЛА «НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ»

Николай СИЗОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

...Их задержали, когда такси подкатило к Курскому вокзалу. И вот обладатели немецкого уникального кубка и фарфоровых статуэток в МУРе.

Перед Иванцовым и Рябиковым сидели двое. Разбитные молодые люди. Одеты небогато, но вычурно. Оба в пресловутых «джинсах» в обтяжку, в здоровенных ботинках и диковинных куртках. Держатся внешне спокойно, на вопросы отвечают не спеша, подумав.

— Как оказались в Москве?

— Обычно. Сели в поезд и приехали.

— Зачем?

— Как это зачем? На град-столицу посмотреть.

— И это все?

— Все. А разве этого мало? Разве Москва не стоит такой поездки?

— Ну, как же. Тут спора быть не может.

— Именно. А вот что у вас в МУРе окажемся, не ожидали. Это в наши планы не входило.

— В наши планы тоже не входит мешать людям любоваться столицей. Но, как известно, нет правил без исключения.

— Тогда, может, объясните, чем мы обязаны этому исключению?

— Ясность в этот вопрос надо внести общими силами. И потому приступим к делу. Откуда у вас антикварный кубок немецкой работы и фарфоровые статуэтки?

— Какой кубок? О чем вы? Чепуховина какая-то!

— Ну, ну, не будьте столь наивными.

— Поверьте, это какое-то недоразумение. Приехали посмотреть Москву. Побывали на Ленинских горах, на ВДНХ, в Третьяковке...

— Очень хорошо. Но все-таки, как насчет кубка и статуэток?

— Да не знаем мы никакого кубка, никаких статуэток. Не иначе здесь какое-то недоразумение.

— Ну что ж. Придется вас убеждать иначе.

Когда парни увидели входившего в комнату Пучкова, они быстро переглянулись, побледнели, но продолжали свое:

— Знать ничего не знаем, видим этого гражданина в первый раз.

Илья Александрович этого не ожидал. Он так возмутился, что с трудом мог возразить:

— Вы что же, молодые люди, хотите сказать, что я говорю неправду?

— Вы просто нас путаете с кем-то.

— Ничего я не путаю и вам этого не советую. Я вам что говорил? Или идите в комиссионный, или сюда, если вещи приобретены нечестным путем. Я вам сочувствую, но помочь ничем не могу.— Затем Пучков, повернувшись к Иванцову и Рябикову, торжественно проговорил:

— Товарищи следователи, заявляю официально и ответственно: это именно те молодые люди, которые были у меня и предлагали антикварный кубок и три фарфоровые статуэтки. Что это за юноши, я не знаю, может, они и вполне приличные молодые люди, я же свидетельствую лишь то, что было, констатирую, так сказать, факт, и только.

— Что же вы теперь скажете, молодые люди?

— То же, что и говорили.

— Значит, не хотите говорить чистосердечно?

— А мы и так говорим чистосердечно. Что есть, то и говорим. Заявляем еще раз категорически: гражданин просто нас с кем-то перепутал.

Пучков, обескураженный и пораженный этой бессовестной ложью, молчал. Потом вдруг воскликнул:

— Позвольте, позвольте! Есть же еще один человек, который подтвердит, что это именно те молодые люди.

— Кто же это?— спросил Иванцов.

— Лапоног Петр Сергеевич. Лапоног. Ведь именно он мне порекомендовал встретиться с ними.

— Что же, пригласим гражданина Лапонога. Будьте любезны сказать адрес.

Пучков, подслеповато щурясь, стал листать записную книжку. В это время вдруг заговорил один из парней:

— Ладно, не будем осложнять дело. А то действительно создастся впечатление, что к вам попали какие-то матерые грабители. Гражданин говорит правильно, мы действительно были у него и действительно хотели продать кое-какие безделушки. Поиздержались малость в столице.

— Что именно вы хотели продать?

— Ну, вы знаете. Кубок и три статуэтки.

— Откуда у вас эти вещи?

— Домашняя утварь. Валялась довольно долго без всякого употребления. Потому и решили к делу пристроить. Ценность не так уж велика, но когда в кармане пусто, и рубль сумма.

Иванцов, глядя на парня, проговорил:

— Ну, зря вы так. Кубок, например, из коллекций императорского дома России. Изделие старых немецких мастеров. А статуэтки — работа семнадцатого века. Ценности отнюдь не пустяковые. И вы это прекрасно знаете. Но главное — они не из вашей домашней утвари, а из музеев.

— Что? Из музеев? Из каких музеев? Нет, вы явно решили приписать нам какое-то чужое дело. Не выйдет, товарищи муровцы, не выйдет.

— Не будем спешить. Давайте разберемся подробно. С кубком более или менее ясно. Теперь о статуэтках. Что это за вещи? Откуда они?

— Говорю же вам, собственные, домашние вещи. И ничего общего с музейными они не имеют.

— Допустим, что это так. Но придется проверить. Вызовем специалистов, подвергнем вещи экспертизе. Если они принадлежат вам, а не кому-то другому, тогда что же... Где сейчас находятся кубок и статуэтки?

— Они... Мы... Ну, продали их.

— Продали?

— Да, продали. А чего ж тут такого? Ведь именно за этим мы и приходили к гражданину Пучкову.

— Где продали? Кому?

— Сегодня на Люсиновской улице.

— Сдали в магазин?

— Нет, в магазине не приняли. Пришлось продать какому-то любителю.

Иванцов и Рябиков переглянулись. После некоторого раздумья Иванцов проговорил:

— Все это основательно усложняет дело. И осложняете его вы сами. Советовал бы помнить, что у лжи, как известно, век короткий. Что ж, лейтенант, сделаем так. Вы подробно запишите с их слов портрет этого любителя и принимайте нужные меры. Надо найти его, обязательно найти. А мы тем временем свяжемся с гражданином Лапоногом.

Вечером, когда Рябиков пришел к Иванцову, тот озабоченно спросил:

— Ну, как у вас? Покупатель не обнаружился?

— Нет.

— Я так и думал. Между прочим, Лапоног этих ребят, в сущности, не знает, виделся с ними накоротке. Их ему рекомендовал... Кто бы вы думали? Буняков.

— Буняков? Интересно! Может, они того... вместе работают? И, может, это кончик ниточки из клубочка?

— Вполне возможно. Но предположение смелое.

— Повисло у нас это дело. Подшучивать над нами начинают.

— Не удивительно. Полгода прошло, а мы ни с места. Ну, да ничего, любое дело концом хорошо. Я тоже почему-то думаю, что на сей раз мы не зря невод закидываем. Авось, этот хитроумный и набожный карась Буняков не унырнет от нас в глубину.

Буняков, когда его пригласили на Петровку, поздоровался с Иванцовым и Рябиковым, как со старыми знакомыми.

— Опять, товарищи начальники, меня беспокоите? Ведь все уже выяснено, все, что мог, я рассказал.

— Ну, кажется, далеко не все.

— У меня есть хорошее правило: когда мне что-либо кажется, я крещусь.

— И помогает?

— Очень.

— То, что у вас это правило соблюдается строго, мы убедились.

— Да? Вот-вот. И вам его рекомендую.

— Спасибо. Но скажите-ка нам, Кирилл Фомич, вам известны Валерий Логачев и Борис Куницын?

— Что-то незнакомые имена.

— А вы подумайте получше.

— Можно, конечно, и подумать, но вряд ли это поможет.

...Очная ставка с ленинградскими «любителями старины» ничего не дала. Буняков категорически утверждал, что видит этих людей впервые. Логачев и Куницын твердили то же самое: не знаем, совсем не знаем этого гражданина.

— А вот Петр Сергеевич Лапоног утверждает, что именно вы рекомендовали ему встретиться с ними.

— Это неправда. На эту тему у нас разговора не было.

— Но вы встречались?

Продолжение. См. «Огонек» № 1 за 1970 год.

— Виделись на днях. Здорово да прощай, вот и вся встреча.

Попросили войти Петра Сергеевича Лапоногa.

— Гражданин Буняков рекомендовал вам этих молодых людей?

— Да. Он посоветовал мне встретиться с ними. У ребят, говорит, интересные вещицы. Вещи оказались действительно стоящими, но в тот день я уезжал в Грузию. И потом керамика и фарфор не по моей части. Поэтому дал адрес Ильи Александровича.

— Гражданин Буняков, вы слышали?

— Не было у нас такого разговора. Видеться — виделись. А вот о каких-то там владельцах ценностей речи не было. Что-то путает Петр Сергеевич.

— Многовато так называемой путаницы. Не находите, Кирилл Фомич?

— Нахожу. И думаю, что виноваты в этом вы. Очень уж неразборчивы в подборе свидетелей. Очень вам, видно, хочется зацепить на чем-то Бунякова. Вы же меня замотали вызовами. Пятый раз беседуем.

— А вам не кажется, Буняков, что говорить на черное — белое не лучший способ защиты?

— А мне защищаться не надо. Я никого не убил и ничего не украл.

Иванцов обратился к Лапоногу:

— Так как же, Петр Сергеевич? Кто из вас говорит неправду?

— Вы знаете, я что-то ничего не понимаю. У нас, коллекционеров, так принято, это обычное дело — рекомендовать друг другу то, что его интересует. Одного интересует живопись, другого — керамика, третьего — чеканка. И ничего предосудительного в том, что Кирилл Фомич рекомендовал мне ленинградских приезжих, я не вижу. Почему он отрицает это — ума не приложу.

— Я отрицаю потому, что этого не было.

— Но как же не было? Вы даже сказали, что вещи у них ценные, но ребята спешат на юг и продадут по дешевке. А я еще вас спросил: почему, мол, сами не хотите приобрести? Вы мне ответили, что бережете деньги, так как на днях будет оказия с иконами. Так ведь?

— Ни о чем таком разговора не было. Мы и виделись-то две-три минуты.

— Ну как же две-три? Кофе же пили на Пушкинской.

— Знаете, у вас с головой что-то не в порядке.— И, повернувшись к Иванцову, Буняков добавил: — Я категорически отвергаю утверждения гражданина Лапонога, он или путает, или действует по чьей-то подсказке. Отвергаю. И настоятельно прошу занести сие в протокол.

Из кабинета Иванцова Лапоног уходил донельзя удивленный. Поднялся и Буняков — уверенный, независимый. Но ему сказали, что придется несколько задержаться. Он, помолчав, заявил:

— Что ж, пожалуйста. Но все это будет известно прокурору. Предупреждаю.

Когда Иванцов и Рябиков остались одни, Рябиков вскочил с кресла и нервно проговорил:

— Ты что-нибудь понимаешь? Я лично — ни черта! Какой-то заколдованный круг.

Иванцов после долгого раздумья ответил:

— Подожди кипятиться. Давай рассуждать спокойно. Я думаю, гражданин Буняков прекрасно чувствует, что кое-какие концы мы с тобой зацепили. Это факт. Конечно, он этих молодчиков знает и Лапоногу их рекомендовал. Ну, с какой стати почтенному, убеленному сединой старику выдумывать на Бунякова напраслину? Зачем? Ты не обратил внимания, как Буняков его сверлил взглядом? Уверен, что он хотел предупредить: молчи, мол, и точка. А какой смысл старику запираться? Он же к этой компании отношения не имеет.

— А почему Бунякову не купить бы эти вещи?

— У самого себя?

— Ты что же думаешь, что он и эти ребята...

— Это предположение, насколько я помню, первым высказал лейтенант Рябиков.

— У меня уже голова кругом идет от всей этой истории. Может, нам прямо поставить эти вопросы всей их компании? Чего ходить вокруг да около?

— Рановато. Скажут: нет, ничего не знаем. И все. Чем мы уличим?

— Да, ты прав. Если бы хоть этот кубок и статуэтки не уплыли. Где теперь их искать?

— Искать их нужно не только у каких-то мифических любителей старины. Денег-то ведь у ленинградцев не оказалось. Только билеты и кое-что по мелочи. Так что, может, они и не успели найти подходящего покупателя?

— Тогда где же эти вещи?

— А ты подумай.

Рябиков недоверчиво предположил:

— Буняков?

Иванцов усмехнулся.

— Вполне возможно.

— Тогда не миновать говорить с ним. Ведь держать-то его не можем?

Иванцов, вздохнув, согласился:

— И все-таки рано. Нужно посмотреть, что будет предпринимать гражданин Буняков.

Подписывая пропуск Бунякову, Иванцов миролюбиво проговорил:

— А все-таки, Кирилл Фомич, лучше бы начистоту. Рассказали бы все чистосердечно.

— Ничего нового сказать не могу, все, что знал, сказал.

...Рано утром следующего дня на Киевском вокзале задержали племянницу Бунякова Полину Малыгину. В объемистой хозяйственной сумке под разной снедью у нее были обнаружены и злополучный кубок и фарфоровые статуэтки. Направлялась она на дачу в Одинцово.

Вызвали экспертов из Министерства культуры. Их заключение было быстрым и определенным: кубок из Эрмитажа, фарфоровые статуэтки из Останкинского музея творчества крепостных.

— Извините, Кирилл Фомич. Вновь пришлось вас побеспокоить. Надеемся, вы не в претензии,— не скрывая усмешки, спросил Бунякова Иванцов, когда тот к концу дня вновь сидел перед ними в МУРе.

Буняков вздохнул, простецки развел руками:

— Ругаю себя нещадно. За дурацкое упрямство ругаю. И чего уперся? Работу только вам лишнюю дал. Действительно, ребята предложили мне эти вещицы. Но народ незнакомый. Побоялся я. Потому и отправил их к Лапоногу. Тот их — к Пучкову. Ну, а потом, когда и у того сделка не состоялась, они опять ко мне заявились. Пожалел ребят. Куда им деваться? Денег нет, а ехать им, говорят, надо. Ну и взял вещицы-то.

— А как же тогда понимать ваши прежние объяснения?

— Решил в сторонку отойти. Дело малоприятное с МУРом крутить амуры.

Он еще шутил, а глаза смотрели напряженно, цепко, хотел понять, как глубоко завяз, знают ли эти дотошные оперативники то, что скрывает он, Буняков.

Было установлено, что Логачев и Куницын — работники одного из оформительских цехов Ленинграда — «увлекаются» антиквариатом давно. Посещают музеи, выставки и прибирают к рукам то, что плохо лежит. Потом сбывают «приобретенное» то ли в комиссионные магазины, то ли торящимся около них перекупщикам. На этой почве они познакомились и с Кириллом Буняковым. Продали ему кое-какие мелочи. Через некоторое время привезли церковную утварь, которую удалось похитить в Пскове. После «операции» в Эрмитаже появились в Москве вновь. Но Буняков к кубку особого интереса не проявил, сказав, что одна ласточка весны не делает. Ну, на что ему этот самый кубок? И тут же подбросил мысль об Останкине. Перед этим с одним знакомым он полдня ходил по залам музея. Знакомый все восторгался некоторыми фарфоровыми вещицами и как бы между прочим сообщил, что туристы из одной страны предлагают за такие «безделушки» баснословные деньги. Логачев и Куницын совет Бунякова поняли быстро и назавтра уже были в Останкине. Отстав от группы, спрятались в комнатах первого этажа, переждали, когда музей закрыли, и вернулись в залы. Вынули из витрины несколько фарфоровых статуэток, спустились в сад и возвратились в город.

Но Кирилл Фомич изменил свои планы. Его насторожила слишком уж стремительная удача ленинградцев, и он решил поостеречься. А тут еще знакомый, что так распинался о туристах, сам укатил в какую-то поездку, и Буняков решил, что, пожалуй, не стоит связываться с вещами из Эрмитажа и Останкина. Пусть они попадут к Лапоногу, а там будет видно — с ним он в случае чего сторгуется. Но Лапоног переадресовал обладателей кубка и статуэток к Пучкову. Тот же, почуяв нечистое, взять их отказался. Потолкавшись по комиссионным магазинам, Логачев и Куницын вновь появились у Бунякова. Оставаться в Москве им не хотелось. Москва была выбрана как промежуточный пункт. У них давно уже созрел план посетить Феодосию («посмотреть» собрание картин Айвазовского).

Кирилл Фомич не очень-то обрадовался, когда увидел помощников у своего дома. Но деваться было некуда. Он взял вещи за бесценок, дав парням ровно столько, сколько нужно, чтобы добраться до Крыма. Дело получилось выгодное, вместо выплаченных грошей он рано или поздно получит солидный куш. Важно, чтобы все обошлось. Когда пригласили в МУР, он решил отрицать все. С ленинградцами было условлено заранее: в случае чего они его не видали и знать не знают. Те так и держались. Но этот Лапоног! Что ему в голову взбрело все рассказать? Буняков понимал, что муровцы верят этому старику, а не ему, Бунякову. Однако отказываться от своей версии он не хотел. Что они, собственно, могут ему предъявить? Мало ли чего может наговорить выживший из ума старик? Важно, чтобы ребята не сдрейфили, а те, кажется, ничего, крепкие. И Буняков упорствовал, уверив себя, что пока муровцы не добыли доказательства, опасаться ему нечего. Когда его отпустили, первое, что он решил сделать,— спрятать злополучные вещи. Сам поехал на дачу без поклажи, с одним журналом в руке. Но место в поселке нашел подходящее, в гараже у приятеля, далеко от своей дачи. Были у него и еще более укромные места, но их касаться не хотел. Рано утром племянница привезет вещицы, он укроет их понадежнее, и все. Пройдет время, все уляжется, тогда можно будет и в дело пустить. Когда же его посыльную задержали, Буняков понял: МУР обложил его крепко, и играть незнайку уже бесполезно. Надо выпутываться из положения, иначе... Придется признать, что да, купил, хотел помочь ребятам. А что вещи краденые — не знал, совершенно не знал. Откуда он мог это знать?

Но теперь его совершенно неожиданно подвели ленинградцы.

Данные дактилоскопической экспертизы показали, что витрину с утварью в Эрмитаже открывал Борис Куницын, стекло из шкафа с фарфором в Останкине вынимал Валерий Логачев. Когда эти доказательства были предъявлены, Логачев и Куницын перестали отпираться. Может быть, они и продолжали бы упорствовать, но их серьезно озадачили вопросы, касающиеся Исторического музея. Они еще в Ленинграде слышали об этой крупной краже. Свои грехи — что делать, от них не уйдешь. Но отвечать за чужие? Нет, избавьте. Сначала Куницын, а потом Логачев рассказали все, как было. Об Эрмитаже, о Пскове, об Останкине.

Загадка с иконой, что была снята со стены в Историческом музее, раскрылась тоже. Это сделал Куницын. В конце сентября он приезжал в Москву, зашел к Бунякову. Вместе они ходили по залам музея, разговаривали о своих делах. В левой анфиладе шла уборка, протирка витрин. Двое маляров аккуратно подкрашивали опорную колонну. На ней висела небольшая старая икона. Куницын проговорил, мельком показав на икону:

— Снять бы ее надо, маляры попортят.

— Правильно,— согласился Буняков.

Скоро Куницын, обрядившись в синий халат, вновь появился в зале и, обращаясь к малярам, распорядился:

— Снимите, ребята, икону, а то, не ровен час, замажете.

Те сняли икону и передали ее Куницыну, приняв его за работника музея. Сразу, однако, он ее выносить не стал, было опасно, а поставил в зале, в углу. Теперь надо было улучить момент, чтобы незаметно ее унести. Сделать это решил к вечеру, когда народу особенно много. Куницын поехал на Кузнецкий мост, раздобыл большую папку-планшет, с которыми ходят художники на этюды. Икона свободно могла войти туда. Однако, когда он вернулся в зал, на страже около иконы

стояли две молодые смотрительницы. Они возбужденно обсуждали: кто же мог дать указание снять икону? И ждали директора музея. Куницын уже не мог взять икону и поспешил незаметно ускользнуть из музея.

Была установлена и причастность Бунякова к делу «Соборников». Он выполнял довольно важную роль «разведчика», определял, что́ в какой церкви наиболее ценного, как обстоит дело с охраной. Принадлежность к «активу верующих» облегчала ему эту задачу.

Но дактилоскопическая экспертиза со всей категоричностью установила, что оттиски пальцев, оставленные на витринах Исторического музея при краже вещей Кутузова и Платова, принадлежат кому угодно, только не Бунякову. Не нашлось там и следов Куницына и Логачева. Значит, кражу реликвий из музея совершил кто-то другой.

— Выходит, что гражданин Буняков и К° будут обвиняться лишь по второстепенным эпизодам? Жаль, очень жаль,— в который уже раз сокрушался Рябиков.

Иванцов не спеша ответил:

— Мне тоже жаль. Но трудились мы все-таки с тобой не зря; кражи из Эрмитажа, из Останкина, из псковских соборов — не такие уж второстепенные эпизоды. И то, что выявлены новые дополнительные данные по делу «Соборников», тоже существенно.

— Существенно, но утешает мало. Основное-то дело в тупике.

— Согласен с тобой, лейтенант,— вздохнул Иванцов.

На следующий день они были на докладе у Дедковского. Тот, как всегда, слушал молча. Потом, открыв зеленую папку и не глядя на своих помощников, проговорил:

— Одна западная газета пишет, что недавно на аукционе в Амстердаме продавались какие-то реликвии, принадлежавшие Кутузову.

— Не может быть!— недоверчиво произнес Рябиков.

— Все может быть, лейтенант, если мы так плохо будем работать.

Рябиков хотел что-то сказать, но сдержался. Майор закурил новую сигарету и, помедлив, сообщил:

— Дело под кодовым названием «Антиквары» производством приостанавливаем. Завтра дайте мне на подпись постановление. К комиссару пойду сам.

Капитан Иванцов и лейтенант Рябиков молчали. Молчал и майор Дедковский. Затем, подняв седые брови, он бросил пристальный взгляд на оперативников и, скупо улыбнувшись, проговорил:

— Вешать головы, однако, не следует. Не только вы терпели фиаско с розыском пропавших сокровищ. Недавно в одном журнале я прочел вполне резонные вопросы: кто скажет, где сейчас творение Джорджио Моранди, похищенное из Флорентийского дворца Питти? Что стало с золотым скипетром юного фараона Тутанхамона, пропавшим в 1959 году из Каирского музея? Конечно, обидно и непростительно, что мы упустили «любителей антиквариата». Но реальных направлений розыска на сегодня я не вижу. А попусту тратить время мы не можем: есть и другие заботы. Однако капитан Иванцов и лейтенант Рябиков должны помнить: дело приостанавливаем, а не прекращаем. Кража в Историческом музее должна быть раскрыта и виновники разысканы. Этот долг я оставляю за вами...

Иванцов и Рябиков понимали, что о кражах сокровищ в музеях майор сказал им в утешение, чтобы не очень терзались из-за своей неудачи. Она, как известно, может быть в каждом деле. Но неудача есть неудача, и никакие слова изменить этого не могут.

Хмурые, удрученные уходили Иванцов и Рябиков из МУРа. Не глядя друг на друга, попрощались и пошли каждый в свою сторону.

. . . . . .

Прошло полгода. Иванцов и Рябиков расследовали другие дела, но когда бы они ни встречались с Дедковским, тот неизменно спрашивал:

— Ну, а как Исторический? Ничего нового?

— Пока ничего, товарищ майор.

Иванцов и Рябиков хорошо знали, что Дедковский не оставит их в покое до тех пор, пока преступники и ценности не будут найдены. Они и сами помнили о нем, об этом своем долге постоянно. В глубине души у каждого жила досада, что до сих пор не удалось напасть на след похитителей. Ведь были в их практике дела и более сложные, опасные и запутанные. Однако отыскивались нити, факты, улики, которые позволяли вытаскивать на свет божий искуснейшим образом замаскировавшихся преступников. А тут все на мертвой точке. Столько отработано версий, столько проверено людей, изучено документов — все впустую. И, сидя длинными вечерами над какой-нибудь особо запутанной историей, они порой говорили:

— Задача не менее сложная, чем по Историческому.

Они перечитали массу литературы, досконально знали все случаи крупных краж и похищений из музеев мира. Историю нападения на Вандомский музей в Эксе, похищение Моны Лизы Леонардо да Винчи из Лувра или «Равнодушного» Ватто оттуда же, «Герцога Веллингтонского» Гойи из Токийского музея, да и многие другие случаи знали, что называется, назубок во всех мельчайших деталях и подробностях. Превратились в заядлых знатоков и любителей антиквариата, перезнакомились со всеми более или менее знающими коллекционерами и работниками художественных салонов, комиссионных магазинов. Нередко можно было слышать их споры то о мастерстве великоустюжских ювелиров, то о балхарской керамике или богородской резьбе.

Как только выдавался свободный час, Иванцов и Рябиков обходили магазины, скупочные пункты, толкучки возле них. Вступали в разговор с продавцами, оценщиками, завсегдатаями этих торговых точек. То один, то другой сообщал:

— Ваш заказик помним. Но столовых предметов золоченой бронзы пока не было.

— Миниатюры из слоновой кости пока на горизонте не появлялись.

Помня поручение Иванцова и Рябикова, наведывались в магазины участковые уполномоченные, постовые милиционеры, дружинники из городского комсомольского отряда.

И вот как-то у комиссионного магазина на Верхней Масловке к Иванцову, как только он появился здесь, подошли двое знакомых ребят из народной дружины и, отозвав в сторону, сообщили, что они уже несколько дней замечают одного и того же подозрительного посетителя.

— Чем же он вас заинтересовал?

— Понимаете, ходит сюда уже давно, но ничего не покупает и не продает. Мельтешит то тут, то там, кого-то, наверное, высматривает. Сегодня к магазину подошли два иностранца. Он к ним. Разговора, правда, не получилось. Он по-английски балакает, а они не понимают. Посмеялись, развели беспомощно руками и отошли. Он же продолжает ториться тут. Кого-то ждет еще. Вот он, смотрите.

Недалеко от входа стоял парень лет двадцати пяти в коричневом костюме, в зеленоватом плаще «болонья». Красная фланелевая рубашка плотно облегала крепкую шею. Парень явно кого-то ждал. Он пристальным взглядом встречал всех подходящих к магазину. Вот увидел плотного, в короткой нейлоновой куртке мужчину, что шел по тротуару, и быстро направился к нему. Когда Иванцов поравнялся с ними, мужчина удивленно с усмешкой проговорил:

— Не понимаю вас, молодой человек. Говорите по-русски.

Парень, ни слова не говоря, отошел от мужчины и снова влился в толпу.

Иванцов раздумывал: стоит ли заинтересоваться этим молодым человеком? Было ясно, что он ловит иностранцев. Но ведь известно, что есть у нас любители разных заморских диковин, которые за галстук или носки умопомрачительной пестроты готовы отдать все, что имеют. Может, это один из таких? Но может быть и другое. За последние дни в МУР поступило несколько сообщений, что какие-то молодые люди выясняют в комиссионных магазинах возможность сбыта некоторых вещей, давно интересующих оперативников. Один спросил: покупает ли магазин старинное оружие? Другой справлялся о ценах на старое столовое серебро. Спрашивали осторожно, с оглядкой. Вот почему Иванцов откинул свои

сомнения и решил, что непременно следует узнать, что это за парень в зеленой «болонье». Задержать бы его надо. Но какие причины и мотивы? А если тот ни сном, ни духом ничего не знает, не имеет никакого отношения к истории, что так занимает его, Иванцова? Тогда что? Как ему объяснить? Но и отмахнуться от этого случая тоже нельзя.

Молодой человек в следующие дни также появлялся в магазинах на улице Горького, Сиреневом бульваре, на Пятницкой, несколько раз был замечен в вестибюле гостиницы «Москва». Удалось установить, что именно он справлялся о ценах на столовое серебро.

Иванцов и Рябиков теперь уже не спешили с опрометчивыми выводами, не поддавались первым впечатлениям. Наоборот, заранее настраивали себя на возможную неудачу. Не торопились и в этом случае. Да, было ясно, что молодой человек ищет встречи с зарубежными гостями. И, видимо, хочет что-то им сбыть. Но следовало прежде всего узнать, что́ именно.

Между тем настойчивые усилия обладателя зеленой «болоньи», кажется, увенчались успехом. Около киоска сувениров и антикварных вещей в вестибюле гостиницы «Москва» он разговорился с двумя шумливыми, разбитными гостями. Те настойчиво выспрашивали молоденькую продавщицу, что́ есть у нее интересного. Девушка выкладывала на крышку стеклянной витрины золотые перстни, серьги, массивные портсигары, ажурные солонки. Но гости качали головами и все повторяли:

— Самсинг мор интэрестинг. Что-нибудь поинтереснее.

Здесь-то и зацепил их парень. Стоя сзади иностранцев, он проговорил на ломаном английском языке:

— Зэриз эн интэрестинг синг. Есть, говорю, интересные вещицы.

— Йес? О'кэй.

Переговорив между собой, гости вместе с парнем отошли в глубину вестибюля и долго приглушенно разговаривали. Объяснение, видимо, шло туго. Они сели в кресла около круглого стола, и парень, оглянувшись по сторонам, стал что-то чертить на листке из блокнота.

Иванцов несколько раз прошел мимо них, но слишком заметно интересоваться беседой не счел возможным: гости и их новый знакомый вели себя настороженно, прекращали разговор, как только кто-нибудь подходил близко. Было ясно, что сделка здесь состояться не может. Речь, видимо, шла о месте и времени встречи. Изобретательными на этот счет ни гости, ни «продавец» не оказались. В тот же вечер они сидели в ресторане «Нарва». Вместе с парнем, что вел предварительные переговоры в гостинице, сидел второй, того же примерно возраста, но не по годам полный, с глубокими залысинами. Белая рубашка туго обтягивала его крупное тело. Он легче управлялся с английским языком, и беседа шла более оживленно.

Рябиков, сидевший с женой и ее подругой за соседним столиком, улавливал лишь некоторые фразы, но ничего интересного они не представляли.

— Как вы тут у нас?

— О'кэй. Дворец съездов, метро, Лужники — о'кэй! Грандиозно!

— А как русская кухня?

— Кухня? Водка? О'кэй! На большой!

И в таком роде продолжалось довольно долго.

Рябиков подумал, что, пожалуй, зря капитан Иванцов засадил его сюда на целый вечер. Обычные восторженные туристы и обычные ребята. Может, просто желание прихвастнуть перед приятелями: вчера, мол, целый вечер болтали с двумя интуристами в «Нарве» — и привело их сюда? Но почему же так настойчиво искали они этой встречи? Нет, Рябиков, торопишься, явно торопишься с выводами. Сдержи себя, лейтенант. И как бы в подтверждение этой мысли в руках у толстоватого парня появилась какая-то вещица. Маленькая продолговатая коробочка, похожая на небольшую пачку сигарет. Вещицей заинтересовались все, кто сидел за столом. И когда один из гостей открыл крышку, внутренность коробочки сверкнула янтарно-золотым блеском.

Разговор за столом стал совсем тихим, его уже нельзя было разобрать. Вскоре соседи засобирались и ушли. Покинул ресторан и Рябиков.

Когда он докладывал Иванцову итоги вечера, тот больше всего интересовался вещицей, что разглядывали гости.

— Что за вещь? Портсигар, пудреница или еще что?

— Продолговатая, небольшая коробочка. На старинную табакерку, во всяком случае, похожа. И внутри позолоченная, это точно.

— Ну, а купля-продажа состоялась?

— Нет. Видимо, был просто показ. И договоренность о новой встрече. Но, понимаете, товарищ капитан, не очень верится, что тут есть что-то криминальное. Правда, наши ребята особого доверия не внушают. Это верно. С другой стороны, если они хотят сбыть что-то подозрительное, то зачем устраивать этот показ в ресторане?

— А что им делать? Показывать в магазине или около него? Опасно. Тянуть покупателей куда-то в укромное место? Не каждый согласится на это. Тем более, что молодые люди, как вы отметили, имеют не очень-то презентабельный вид. Думаю, что именно эта проблема — где, когда, как произвести операцию — и обсуждалась в «Нарве».

— Может, и так.

— Что это за парни?

— Некий Матюшин и Горбанюк. Живут на 3-й Парковой. В квартире Белоусовой.

— А что за люди? Москвичи? Приезжие? Чем занимаются?

— Ну, на эти вопросы я ответить пока не могу.

— Займитесь ими завтра же.

С утра Рябиков был в Измайлове в паспортном столе отделения милиции. Инспектор, пожилой, флегматичный капитан, проверил прописные книги и объявил:

— Граждане Матюшин и Горбанюк на нашей территории не проживают.

— Как это не проживают? У гражданки Белоусовой. 3-я Парковая, дом 7.

— Да? Проверим еще раз.— И капитан снова листает и листает книги. И уверенно подтверждает:

— Нет, не проживают.

Вызвали Белоусову.

— У вас живут Матюшин и Горбанюк?

— Живут, а как же? Студенты.

Инспектор паспортного стола так и привскочил на стуле.

— Как живут? Без прописки?

— Почему без прописки? Прописаны, все честь по чести, как полагается. Посмотрите хорошенько.

Но и третья проверка книг ничего не дала. Среди прописанных жильцы Белоусовой не числились.

Женщина настаивала:

— Я же и заявление подавала и форму подписывала. Они сами ходили к вам сюда и паспорта мне потом показывали.

Рябиков спросил Белоусову:

— Где сейчас ваши постояльцы?

— Дома. В поход какой-то собираются.

— В поход, говорите. Очень может быть. Вот что, Прасковья Петровна, сходите-ка домой и принесите нам паспорта этих молодых людей. Скажите, домоуправление требует. И объясните, что сегодня же они их получат обратно.

Белоусова ушла, но скоро вернулась ни с чем.

— Сказали, что паспорта в институте. Завтра принесут.

Инспектор-паспортист нервно встал:

— Я сейчас сам к ним наведаюсь!

— Не надо,— остановил его Рябиков и торопливо прошел в кабинет начальника отделения. Связался по прямому телефону с Иванцовым.

— Товарищ капитан, собираются. Прошу доложить майору. Считаю, что надо немедленно ввести в действие наш план.

— Да, пожалуй. Жди у телефона.

Дедковский слушал Иванцова сосредоточенно, не перебивая. Потом проговорил:

— Все понял. Но смотрите: если ребята не те, за кого вы их принимаете, не миновать вам предупреждения о служебном несоответствии. И то же самое — если упустите, не выяснив, что за виражи они затевают.

Положив трубку, Иванцов вздохнул. Рябиков, услышав этот вздох, осведомился:

— Как напутствие-то? Не из приятных?

— В общем, так. Или благодарность с тобой заработаем, или служебное несоответствие.

— Лучше бы первое,— невесело пошутил Рябиков.

— Да, лучше бы,— согласился Иванцов.

Оба понимали, что Дедковский не пойдет на такую крайнюю меру. Не такие уж они безнадежные люди. Ведь служебное несоответствие — это предупреждение об увольнении за неспособность к службе или грубые ошибки. Нет, не пойдет на это майор. Но и спуска не даст, если Иванцов и Рябиков что-то не предусмотрели или ошиблись.

Долго раздумывать, однако, времени не было. Матюшин и Горбанюк в это время уже вышли из дома и садились в такси. Через полчаса они подъехали к Савеловскому вокзалу. Минут пять или семь стояли на тротуаре, пока не подошел белый «мерседес». Из него никто не вышел, только открылась правая задняя дверь. Матюшин и Горбанюк торопливо влезли в машину, и она, лавируя между таксомоторами и автобусами, выбралась на Бутырскую улицу и затем помчалась по Дмитровскому шоссе. Километрах в двадцати от города «мерседес» снизил скорость, остановился на обочине около зеленой каймы молодого березняка. Через четверть часа развернулся и пошел обратно к Москве. Его обогнала синяя «Волга» и, заняв полосу движения, стала снижать скорость. Слева оказалась вторая маши-

на и, прижимаясь к борту белой машины, заставила ее сойти на обочину, а затем и остановиться. Из обеих машин вышли люди. Иванцов подошел к «мерседесу».

Сидевший за рулем высокий рыжеватый человек, плохо выговаривая русские слова, удивленно спросил:

— В чем дело, товарищ? Мы — иностранец.

— Извините, пожалуйста. Необходимо проверить документы ваших пассажиров.

Матюшин и Горбанюк стали возмущаться:

— В чем дело? Мы просто попросили подвезти нас.

— Куда и откуда?

— А, собственно, почему вы спрашиваете об этом? Это дело наше.

Владельцы белого «мерседеса» молчали, обеспокоенно переглядываясь между собой. Сидевший за рулем старался незаметно ногой задвинуть какой-то небольшой сверток под свое сиденье.

Иванцов проговорил, хмурясь:

— Все поняли мою просьбу? Предъявите документы.

Достав паспорта, парни нерешительно протянули их Иванцову.

— Ну вот, это другое дело. И паспорта, оказывается, не в институте, а при вас. Теперь покажите вещи.

— Это уже полное безобразие. По какому праву? Обычные вещи, мы в поход...

Капитан в упор посмотрел на парней.

— Не будем терять времени.

Вещи, что лежали в рюкзаках, были действительно походные. Кеды, спортивные тренировочные костюмы, консервы и даже портативная газовая плитка. Небольшой продолговатый сверток Матюшин из своего рюкзака явно не хотел вытаскивать.

Иванцов заметил это.

— А это что?

— Да так. Ерунда. Рыболовные принадлежности.

— Разверните.

— Но я же объяснил.

Рябиков взял сверток и развязал.

— Товарищ капитан, посмотрите.

В руках Рябикова был эфес шпаги.

— Граненые фаски «Диамант». Темляк того же стального бисера...— Он уже наизусть помнил отличительные особенности разыскиваемых реликвий.

Иванцов и Рябиков переглянулись, и оба облегченно и откровенно обрадованно вздохнули. Сомнений не было: экспонаты, похищенные из музея, у этих парней.

— Такие ценности и так небрежно храните. Нехорошо,— упрекнул Иванцов Матюшина и Горбанюка.

— Да какие это ценности? Мишура!— осклабился Горбанюк.

— Ценности, и притом очень редкие. С большим интересом послушаем, как вы ухитрились стянуть их из витрин Исторического музея.

— Мы? Из музея? Да вы что? Мы нашли эти побрякушки.

— Нашли? Тогда вам крупно повезло. Но об этом поговорим в Москве.

При осмотре машины из ее закоулков были извлечены табакерки, столовый прибор, бокалы, ложки, чашки и две миниатюры из слоновой кости...

Владельцы белого «мерседеса» по приезде в Москву потребовали немедленно дать им возможность связаться с посольством. Рябиков вопросительно посмотрел на Иванцова.

— Это их право, лейтенант. Да и нам не повредит. Пусть посольство узнает, чем занимаются некоторые их соотечественники, пользуясь нашим гостеприимством.

Утром Иванцову позвонил инспектор паспортного отдела и радостно сообщил:

— Вы знаете, товарищ капитан, Матюшин и Горбанюк действительно у нас не прописаны. И штамп и моя подпись — все фальшивое!

— Так чему же вы радуетесь?

— А как же? Я же прав оказался. Не прописывались они у нас.

— Ну, а то, что по поддельной прописке живут, это вас устраивает?

— Да, тут мы проморгали.

— Вот именно. И я бы на вашем месте не слишком радовался.

Окончание следует.

„Антиквары"

Николай СИЗОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ИЗ ЦИКЛА «НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ»

...На допросе Матюшин и Горбанюк ничего не хотели признавать. Вещи они нашли. Да, нашли. Случайно. В каких-либо сомнительных делах никогда замешаны не были. Они — бывшие студенты. С учебой, правда, не вышло, но они готовятся к тому, чтобы вернуться в институт. Вот и все.

Так же держались они и на втором и на третьем допросах.

На чистосердечное признание преступников рассчитывать не приходилось. Иванцов и Рябиков настаивать не стали и оставили «студентов» в покое. Раз они так повели себя, значит, люди опытные, заранее продумали все пути маскировки. Следовательно, надо основательно подготовиться к последующим разговорам с ними, документально, вещественно доказать несостоятельность их доводов, бессмысленность упорства.

Беседы с Белоусовой, соседями и знакомыми Матюшина и Горбанюка, материалы из Гудермеса и Нальчика, где подследственные родились и жили до приезда в Москву, прояснили многое. Немало дал обыск в их комнате. Были обнаружены чужие паспорта, военные билеты, несколько бланков разных московских учреждений. Встреча с руководителями института, куда три года назад были зачислены парни, дополнила картину.

Да, многое о Матюшине и Горбанюке стало известно. Многое, но не все. Выходило так, что работали они вдвоем. Это, конечно, возможно, но маловероятно. Их «операция» в музее вряд ли могла быть проведена без чьей-либо помощи. Но кто этот помощник? И потом, где хранилось похищенное столько времени? В квартире Белоусовой ничего не обнаружено, в Гудермесе и Нальчике — только пистолеты. Значит, кто-то еще был с ними? Все связи Матюшина и Горбанюка, тщательно проверенные, ответа на этот вопрос не дали. К краже из музея они отношения не имели... Вновь и вновь Иванцов и Рябиков ломали головы над этой загадкой — изучали вещи задержанных, скрупулезно проверяли их знакомых, тех, кто мог скрывать что-то. Но результат был прежний.

На последней странице записной книжки, изъятой у Матюшина, крупным, небрежным почерком было написано: «К. Ф. четв. 10—18, пон. 18—20». Что это? Может, эта запись и не заинтересовала бы оперативных работников, если бы Матюшин сам не навел их на это. Он явно не захотел откровенно объяснить, что она обозначала. Сказал, что это просто Катя Филиппова, его знакомая. Адреса не знает. Где работает? Тоже не знает. Не интересовался. Кажется, в каком-то ателье.

Пришлось оперативной группе установить всех Екатерин Филипповых. В Москве их оказалось 57, но ни одна не знала Василия Матюшина. Может, эта Катя из Подмосковья? Однако никто из живущих под Москвой Екатерин Филипповых тоже не знал молодого человека с фамилией Матюшин. Тогда что же означала непонятная строчка?

Рябиков в который уже раз читал и перечитывал все документы и материалы, относящиеся к делу. Но ничего, что бы раскрыло эту злополучную запись, не находилось.

В этот день, с утра, он вновь раскрыл пухлые папки.

— Видимо, здесь какое-то имя и неизвестный еще нам эпизод,— рассуждал он вслух.— Константин Филиппович... Константин Федорович... Ксенофонт Феоктистович... Казимир Фадеич. Кирилл Федотович... Кирилл Фомич...— Рябиков замолчал. Это имя толчком отозвалось в мозгу. Он встал, еще не веря в реальность своей догадки и боясь спугнуть внезапно пришедшую мысль. Опять сел за стол. Сидел долго. Затем вызвал машину и поехал в музей. Помнилось ему, что в комендатуре музея висело расписание дежурств обслуживающего персонала. Но, конечно, там был уже новый график. Разыскал коменданта, потребовал книгу записей дежурств за прошлый год. Когда книга была принесена, он, едва смахнув с нее пыль, стал торопливо перелистывать страницы. И, наконец, откинувшись на спинку стула, проговорил:

— Вот теперь все ясно.

— Что же вам ясно, товарищ лейтенант?— удивленно спросил комендант.

— Все встает на свое место. Спасибо вам за книгу, я заберу ее. Верну, верну в целости.

В кабинет Иванцова он вошел не спеша, хотя ему стоило больших трудов себя сдерживать.

— Товарищ капитан, эврика!

— Что случилось, Сережа?— Иванцов поднял голову.

Рябиков молча положил перед Иванцовым книгу дежурств по музею, раскрыл ее и ткнул пальцем в третью строчку:

— Видите? «Буняков Кирилл Фомич. Дни дежурства: понедельник, четверг». Понимаете? Вот что значит «К. Ф. пон. и четв.» в книжке Матюшина. Нет, ты должен, капитан, обязан даже признать, что помощник у тебя талантлив до чертиков!

Иванцов долго перелистывал регистрационную книгу, вчитывался в каждую ее строку. Внимательно рассматривал каракули на последней странице записной книжки Матюшина.

— Не знаю, как насчет таланта и прочее, но то, что ты молодец, Серега, это факт. Значит, они все-таки были связаны. Как, в какой степени? Какова роль Бунякова в этой истории? Как мы все это узнаем?

— Кирилла Фомича придется привозить в столицу.

— Безусловно. Но начнем со «студентов». И не откладывая.

Матюшин вошел в комнату бодрой, уверенной походкой. Небрежно бросил:

— Мое вам. Давненько не виделись.

— Здравствуйте, Матюшин. Поговорим?

— Поговорим, капитан.

— Так вы утверждаете, что шпагу фельдмаршала, миниатюры, и столовые приборы, и все вещи, что обнаружены при вашем задержании, вы нашли?

— Да, нашли. Я уже рассказывал, при каких обстоятельствах. Ходили в небольшой поход. В районе Горенок, недалеко от края дороги, увидели ящик. Открыли. Глядим, какая-то утварь. Не знали мы, что это государственные ценности. Думали, чье-нибудь личное барахлишко.

Иванцов спокойно слушал объяснение, но ничего не записывал. Матюшин обеспокоенно заметил:

— Я прошу все это занести в протокол.

— А все это уже записано при первых допросах, ничего нового вы нам не сообщили.

— Рассказываю то, что было. Правду рассказываю.

Иванцов пристально посмотрел на него:

— Ваш рассказ от правды так же далек, как Венера от Земли. И пора вам, Матюшин, кончать сказки. В них ведь никто не верит.

— Дело ваше, не верьте. Но и доказать обратное никто не может.

— Наивно все это, неужели не понимаете?

— Не понимаю, объясните.

— Что ж, объясню. Работали в музее вы, конечно, аккуратно, в перчатках. Но оплошности допускают «мастера» и покрупнее вас. Когда вы перелезали через макет крестьянской избы, в зале № 28, вы не могли преодолеть гипсовый бордюр внешней стороны макета, не опершись на него. Не знаю уж почему, но в этот момент на правой руке перчатки не оказалось. И след, ваш след, там остался. Как человек грамотный, вы должны понимать, что такое дактилоскопия.

— Не может этого быть,— привстал со стула Матюшин.

— Почему же не может? Пожалуйста, читайте заключение экспертизы.

Как только Матюшин прочитал, Иванцов продолжил:

— Теперь еще одно. Вы утверждаете, что пистолетов не видели и не имеете о них никакого представления. Так?

— Да, именно так.

— Опять наивно получается. Пистолет, который взяли вы, обнаружен в Гудермесе у вас в сарае. А Горбанюк свой пистолет спрятал тоже дома — в Нальчике, на полке за книгами. Оба эти экспоната уже у нас.— Иванцов открыл сейф и показал пистолеты.— Можете удостовериться... О причинах ухода из института вы тоже сказали неправду. Не за опоздание к началу занятий вас исключили, а за пьянство, систематическое и злостное нарушение дисциплины, неуспеваемость и прочее. Выходит, опять ложь.

Лживы и ваши объяснения, касающиеся прописки в Москве: «Отдали паспорта хозяйке, и она принесла их уже прописанными». Не она

Окончание. См. «Огонек» №№ 1, 2.

вам их принесла прописанными, а вы ей. Штамп прописки сделали сами. И даже предлагали кое-кому из института услуги по этой части.

Но все это, Матюшин, не главное. Хотя достаточно, чтобы вас судить. Нас прежде всего интересует кража из музея. Вот о ней и давайте говорить в первую очередь; говорить как было, без легенд. Я думаю, вы уже убедились, что вам на них — на легенды-то — явно не везет. Врете вы с легкостью необыкновенной, но врете неубедительно. Примеры я уже привел. Могу их продолжить. Вот хотя бы с записью в вашей книжке. Ну, что вы нам плели о какой-то там Кате Филипповой? Товарищ Рябиков расшифровал и этот ваш секрет «К. Ф.». Это Кирилл Фомич Буняков — известный «любитель» антикварных ценностей, крупный спекулянт, участник уголовного дела «Соборников». Вот что значит мудреный шифр «К. Ф.». Может, скажете, не так?

— А если скажу именно это?

— Ну что ж. Бунякова через несколько дней привезут в Москву, по совокупности он должен ответить и за кражу в музее. Дадим вам очную ставку. Ваша связь с ним для нас очевидна, и мы докажем ее. Так что мой совет: кончайте разыгрывать из себя простачка, и давайте говорить серьезно. Вы ведь, судя по всему, старшой, заводила в этой вашей компании? Ну, так вот с вас и начинаем. Признаете ли себя виновным, что в сговоре с гражданином Буняковым и Горбанюком произвели кражу реликвий из Исторического музея и пытались сбыть их иностранцам?

— У меня к вам вопрос,— поднял голову Матюшин.

— Вопросы здесь задаем мы. Но можно сделать исключение. Что у вас?

— Вы сформулировали так, что я вроде старший, ну, вроде глава всего этого дела?

— Да, впечатление такое. И «заслуги» ваши судом будут соответственно учитываться.

— Вот это я и хотел уточнить. И заявляю официально: инициатива принадлежит не мне, организовывал операцию не я.

— А кто же?

— Вот тот самый «К. Ф.» — известный вам Буняков.

— Что ж, допускаю. Но, разумеется, все это мы проверим. Однако вы не ответили на вопрос: признаете ли себя виновным в похищении ценностей из Исторического музея и в попытке продажи их иностранцам?

— Придется, видимо, признаться.

— Отвечайте яснее.

— Признаю.

— Теперь подробно рассказывайте все обстоятельства дела. Затем вы также расскажете о подделке паспортов, о краже вещей из квартир гражданок Чесноковой, Фебер и Полушко, о краже в общежитиях Московского педагогического и Ленинградского технологического институтов, об ограблении гражданина Гулачо...

Матюшин удивленно посмотрел на Иванцова.

— Когда же вы успели так подробно изучить мой послужной список?

— Гражданин Матюшин, отвечайте по существу.

. . . . . .

Началось, собственно, все с поступления в институт. Матюшин и Горбанюк держали вступительные экзамены в Московский университет. Не прошли по конкурсу. Подались в Государственный педагогический. Результат был тот же.

— Раз так, пусть стараются предки,— небрежно бросил Горбанюк, выходя из здания телеграфа, где он только что отстукал телеграмму домой.

Через день из Нальчика в столицу прилетел его отец — директор научно-исследовательского института. Он куда-то ходил, кому-то звонил, с кем-то встречался. И по прошествии двух дней объявил сыну и его приятелю:

— Вот адрес. Поедете завтра. Обещали принять.

Матюшин и Горбанюк были приняты в один из институтов, связанных с подготовкой преподавателей-историков, хотя они не могли не заметить снисходительно-презрительных взглядов некоторых членов приемной комиссии.

Учеба у друзей шла туго. Нужно было трудиться упорно и настойчиво каждый день. Тем более, что даже основ знаний у них — из-за «льготного» пребывания в школе — не было. Добывать же эти знания, наверстывать упущенное ни тот, ни другой не хотел.

«Хвосты» — штука коварная, они росли от зачета к зачету. Матюшин и Горбанюк держали по ним постоянное первенство. Их стыдили, увещевали, объявляли предупреждения и выговоры. Но как можно было ликвидировать эти самые «хвосты», когда и дни и вечера заполнялись до предела? Приятелей завелось много, приятельниц тоже. С одними надо поехать на дачу (родители в отъезде, и время можно провести свободно), с другими — в Клязьминский пансионат, третьи организуют удивительно занятную прогулку на катере по Большой Волге. Одним словом, дыхнуть некогда.

Круг знакомств ширился. Потребности росли. Вкус к праздной, веселой жизни превращался в привычку, в норму поведения. Наконец, за пьяный дебош на Химкинском речном вокзале приятели попали под суд и отработали по две недели на какой-то овощной базе. Последовало исключение из института.

— Ну, куда направим свои стопы? — спросил Матюшина Горбанюк, когда они вышли из здания института на улицу.

Матюшин чуть задумался и лихо зашагал по улице. Уже на ходу бросил:

— Зайдем к Фомичу. Он давно гнездуется в этом древнем городе, что-нибудь посоветует.

...Их знакомство с Кириллом Фомичом Буняковым состоялось с год или полтора назад. Толкаясь на улице, приятели зашли в один из комиссионных магазинов, что на старом Арбате. Какой-то старикан принес несколько небольших по размеру пейзажей старого, забытого мастера. Он разложил их на прилавке

и все убеждал заведующего секцией, что это не просто картины, а шедевры. Но работник магазина был иного мнения:

— Нет, нет, папаша. Ничего оригинального. Обычные средние вещицы. Такие идут слабо. Люди хотят покупать действительно ценное.

Во время их спора Матюшин, стоявший около старика, взял один из пейзажей и проворно положил в пачку газет и журналов, которую держал в руке. Никто не заметил этого, и он, кивнув Горбанюку, бросил:

— Пошли.

Пройдя два или три квартала, мельком показал приятелю картину.

Горбанюк удивился:

— Откуда это? Из магазина? Ну ты и мастак! Я и не заметил.

— Но кое-кто узрел... — Голос раздался рядом. Приятели вздрогнули. Около них стоял невысокий, плотно сложенный человек в дубленке и белесой ворсистой шляпе. Увидя испуг на лицах парней, он проговорил тихо: — Пойдемте-ка вот в это кафе, поговорим.

— А что такое? Кто вы... Почему мы должны идти с вами? — запротестовал Матюшин.

— Пошли, пошли. Не бойтесь,— по-свойски проговорил мужчина и первый направился через улицу.

Буняков угостил новых знакомых коньяком, кофе и, вытащив из кармана несколько десятирублевых бумажек, положил на стол. Пейзаж вместе с газетами придвинул к себе.

Матюшин молча взял деньги и деловито спросил:

— А где вас найти в случае чего?

— В случае какого случая? — с ухмылкой спросил Буняков.

— Да вы не бойтесь. Мы надежные.

— А я и не боюсь. Чего мне бояться? Вот выпили, закусили — и до свиданья.

Буняков сразу понял, что за типы перед ним. Начинающие шаромыжники, это ясно. Никуда они не пойдут и ничего не скажут. А вот если у них будет что-нибудь подходящее — можно попользоваться. И Кирилл Фомич деловито объяснил:

— Если что будет, меня найдете в Историческом музее. По понедельникам — днем, по четвергам — вечером.

Так состоялось это знакомство и появилась запись в книжке Матюшина.

Матюшин и Горбанюк обирали пьяных, работая «под иностранцев», знакомились с падкими на приключения девицами и обкрадывали их, не брезговали даже воровством у своих знакомых студентов в общежитиях.

Раза два или три с разной мелочишкой появлялись у Бунякова. Тот, посмотрев принесенное, брезгливо отодвигал от себя.

— Ерунда, барахло. Меня такое не интересует. Вот если бы ценная икона, картина или что-то в этом роде...

Когда удалось стащить в одной церквушке два серебряных подсвечника, Буняков взял их с удовольствием.

— Вот это дело стоящее. Такое приносите.

Знакомство продолжалось, и Матюшин не без оснований рассчитывал, что Буняков поможет. Им нужна была комната у какой-нибудь старушки.

Действительно, Буняков дал адрес Белоусовой — своей давней знакомой, что жила в Измайлове. Оставалось уладить с пропиской... Здесь «мудрым» советом помог приятель, с которым как-то вместе ужинали. И хотя дружок этот очень скоро после разговора отбыл на очередную отсидку, опытом его решили воспользоваться.

Горбанюк имел некоторые навыки в художественном ремесле, пытался когда-то рисовать и вырезать по дереву. Он решил, что штамп прописки изготовит сам. Возился долго, но получилось неплохо. Прописка, таким образом, была оформлена.

Теперь началась совсем привольная жизнь. Промысел, рестораны, веселье и опять промысел.

Как-то сидели они в кафе «Националь». Молодой кудлатый парень угощал здесь свою компанию. Рефреном его пьяной, безудержной болтовни была одна мысль: «Надо уметь жить, брать ее — жизнь-то — за горло, такую-сякую. И картина-то вот с эту картонку,— показал он на ресторанное меню,— за пазухой убралась, а гулять будем долго. Вот так-то...»

Из кафе Матюшин и Горбанюк вышли поздно. Горбанюк проговорил:

— Везет же некоторым.

Матюшин зло ответил:

— При чем тут везенье? Просто соображать надо. Фомич нам об этом говорил не раз. Разные там реликвии — самое верное дело.

После этого вечера «прогулки» Матюшина и Горбанюка по Москве стали более целеустремленными — музеи, выставочные залы, соборы... Но все охранялось, везде их встречали и провожали пристальные взгляды смотрителей, экскурсоводов, сторожей.

При очередной встрече приятели посетовали Бунякову на свои неудачи. Тот после некоторого раздумья проговорил:

— Есть у меня одна мысль. Не знаю только, осилите ли. Слабаки вы.

Возмутились оба сразу.

— Ну, это вы зря. Если дело стоящее...

— Ладно, ладно. Я подумаю. Наведайтесь через пару дней.

И когда состоялась следующая их встреча, разговор имел уже более конкретный, практический характер.

— Вы в нашем музее бывали?

— Да нет. Вот только у тебя. В залах-то не приходилось.

— Оно и видно. Тоже мне интеллигенция. А вещи там есть ценнейшие. И ремонт сейчас...

— Выходит, дело реальное?

— Вполне. И реальное и стоящее.

— Когда же осуществим?

— Не спешите. Есть одна закавыка. Сигнализация. Надо этот узелок развязать. Вот только как? Придется мне это взять на себя. А вы пока освойтесь, походите по залам, особое внимание обратите на двадцать седьмой и двадцать восьмой. Там вещи не громоздкие, а цены баснословной. Прикиньте, сориентируйтесь.

Как и обещал, «узелок с сигнализацией» Буняков развязал сам.

Строительные леса из металлических труб с прочными деревянными настилами стояли между двух колонн, верхним крепежным поясом почти касаясь одной из них. По кромке карниза аккуратной синеватой линией пролегал провод охранной сигнализации. Пол имел небольшой уклон, и под чугунные колеса лесов были подложены деревянные клинья.

«Лучше и не придумаешь,— проговорил про себя Буняков, когда после ухода плотников он осматривал оставленное ими хозяйство. — Клинышки выбьем, и все будет в норме. Верхний пояс прилег вплотную к проводу и должен, обязательно должен задеть его».

Часов около шести вечера вновь поднявшийся в зал Буняков ударом ноги выбил из-под колес деревянные клинья. Леса качнулись, с силой ударили металлическим поясом по грани колонны, проползли с полметра параллельно плоскости стены и остановились. Синий провод, рассеченный надвое, повис вдоль колонны.

— О'кэй!— пробормотал довольный Буняков.

Спустившись вниз, он пошел к коменданту.

— Голова болит нестерпимо, разрешите уйти домой.

Комендант возражать не стал. Может же заболеть человек!

А Буняков, выйдя из музея, направился к Центральному телеграфу. Здесь у входа его ждали Матюшин и Горбанюк. Он не остановился, а, пройдя мимо, обронил лишь одну фразу:

— Все в норме. Действуйте.

Поздно вечером Матюшин и Горбанюк зашли за ограждающий здание музея временный забор и по строительным лесам поднялись на второй этаж. Выдавив окно, проникли в залы. Подсвечивая карманным фонарем, используя перчатки и полотно, которым были накрыты витрины, они взламывали латунные полусферы рамок и вскрывали витрины и шкафы. Серебряную и золотую утварь — кружки, ковши, бокалы, табакерки — рассовали по карманам, за пазухи. Широкое демисезонное пальто Горбанюка оказалось особенно вместительным. В соседнем зале тем же способом взяли столовый прибор, миниатюры М. И. Кутузова и Е. И. Кутузовой, два кремневых пистолета, эфес шпаги.

Через час тем же путем вышли на строительные леса и скрылись.

Как было условлено ранее, утром они были на Киевском вокзале. Здесь их ждал Буняков. Спиннинги, рюкзаки за плечами. У кого могло возникнуть какое-либо подозрение? Трое любителей-рыбаков отправляются за город.

В Апрелевке, в сарае на садовом участке сестры Бунякова, все похищенное было спрятано, завалено досками. Матюшин и Горбанюк взяли только по кремневому пистолету. Буняков отговаривал их, но те настояли на своем.

— Ну, ладно, леший с вами, только не попадайтесь с ними. Год выдержки. Через год будут у нас деньги. И немалые.

— Год? Долгонько ждать.

— Нельзя иначе. Знаете, какая кутерьма поднимется? Ни в один магазин, ни в одну гостиницу не сунешься. А чтобы вы спокойно могли ждать, вот вам аванс. — И Буняков вручил Матюшину и Горбанюку по пятьсот рублей.

Денег этих приятелям, однако, хватило ненадолго, и они уже подумывали о том, чтобы пойти к Бунякову и потребовать или нового аванса, или реализации спрятанных вещей. Но случай изменил их намерения.

В «Иртыше» на Зацепском валу подсел к их столу один гражданин. Приятели поняли сразу, что это не москвич, и проявили к нему максимум радушия. Когда знакомство было скреплено изрядной выпивкой и приезжий, уверовав, что ребята попались ему свойские и даже в некотором роде земляки, обратился к ним за помощью.

— Позарез надо купить кое-что ценное. Шубу жене, пару мебельных гарнитуров...

Была обещана и шуба и гарнитуры. А утром искатель дорогих вещей, некто гражданин Гулачо, был уже на Петровке и, ревя в три ручья, несвязно рассказывал о том, что вчера зело переложил, а проснувшись у себя в номере, не обнаружил ни документов, ни денег. А там было три тысячи.

— Что делать? Что делать?

Ни имен, ни фамилий, ни сколько-нибудь характерных примет своих «друзей» он назвать не мог.

— В памяти провал. Понимаете? Очень уж опьянел.

На след проходимцев напасть тогда не удалось. У Матюшина и Горбанюка оказался, таким образом, немалый куш. С реализацией ценностей из музея можно было не спешить. И они, пробыв еще несколько дней в Москве, уехали к своим родным, в Гудермес и Нальчик.

Домашних они обрадовали рассказами об успешной учебе, обещали скоро привезти дипломы об окончании института. Весело погуляв в родных местах недели две и пополнив бумажники за счет родительских щедрот, приятели подались в Крым, потом перебрались в Тбилиси, оттуда в Ереван. Гуляли, пока не иссякли денежные знаки. Вновь пополнили их испытанным уже способом. Но заметили как-то, что уж очень пристально приглядываются к ним двое молодых людей в штатском. «От греха подальше»,— решили приятели и быстренько подались в Москву. Сразу же по приезде наведались в Исторический музей. Надо же увидеть старого приятеля. Шли туда не без дрожи, но никто на них не обратил внимания. Удар обрушился чуть позже, когда они спросили, почему нет сегодня на дежурстве Кирилла Фомича. Дежурный по музею присвистнул:

— Бунякова? Он давно у нас не дежурит. Несет вахту в других местах. Пять лет получил.

— За что же это его? — удивленно спросил Горбанюк.

— Какие-то старые дела вскрылись,— ответил дежурный и, в свою очередь, спросил:

— А вы кто ему будете?

— Да так, знакомые,— быстро нашелся Матюшин, и оба поспешили к выходу.

Прямо из музея друзья отправились на вокзал и первым же поездом — в Апрелевку.

На участке никого не было. Они открыли сарай, торопливо вскрыли тайник. Все вещи лежали на месте.

— Все нормально, старик, все нормально! — обрадованно проговорил Матюшин. — По совести говоря, я думал, что уплыли наши вещицы.

Ночью они перевезли все ценности к себе в комнату. Теперь надо было реализовать украденное. Толкнулись в магазины. В один, другой, третий... Но там смотрели на них настороженно, недоверчиво: откуда ценности? Какая есть документация? Очень скоро им стало ясно, что кража в музее не забыта.

Находились и коллекционеры. Но как только знакомились с одной-двумя вещами, отказывались от сделки наотрез. Для профессионального взгляда было ясно, что вещи эти «студентам» не принадлежат. А раз так, то дело, следовательно, ненадежное, опасное.

— Самое лучшее — это найти бы какого-нибудь толстосума-иностранца и сбыть ему сразу все,— твердил Горбанюк.

Матюшин не возражал:

— Согласен. Только как это сделать?

Наконец после долгих поисков такой покупатель нашелся. Договорились и о сумме. Пять тысяч советскими и тысяча долларов. Но что-то, видимо, заподозрил иноземец, потому что в назначенное время и место не пришел. На следующий день Матюшин разыскал его в гостинице, но тот не пустил его даже в номер, повторяя только одно:

— Найн, найн.

И все же решено было твердо: найти покупателя из приезжих гостей. Легкость, с какой тот иностранец согласился уплатить солидную сумму за показанные вещи, не давала покоя, питала надеждой на успех дела.

И вот приятелям удалось-таки зацепить двух заморских любителей русской старины. В «Нарве» договорились о встрече у Савеловского вокзала. По дороге, во время поездки, показали реликвии и сторговались. Не сумели договориться только о шпаге. Матюшин и Горбанюк хотели за нее отдельную и немалую цену, а покупатели на это не шли. Но и та и другая договаривающиеся стороны чувствовали, что, пока доедут до Москвы, сторгуются.

Но операция эта проводилась, когда оба «владельца» музейных экспонатов были уже в поле зрения Иванцова и Рябикова. И белый «мерседес» в тот день возвратился с Дмитровского шоссе в сопровождении двух оперативных машин уголовного розыска.

* * *

Через месяц из музея позвонили в МУР.

— Приезжайте на открытие экспозиции. Реставраторам пришлось потрудиться, но все сделано, кажется, хорошо.

Дедковский вызвал Иванцова и Рябикова:

— Съездите. Раз приглашают, неудобно отказываться.

Иванцов и Рябиков, в свою очередь, атаковали Дедковского.

— Пойдемте, товарищ майор, вместе. Займет это полчаса-час, а взглянуть интересно.

Дедковский со вздохом махнул рукой.

— Ладно. Поедем.

Директор музея сам вызвался проводить гостей по залам. Он подробно, с нежной влюбленностью показывал каждый экспонат, каждую витрину, тащил то в один зал, то в другой.

— Вот это берестяные древнерусские грамоты XII—XV веков, обнаруженные при раскопках в Новгороде. Это свинцовая печать Александра Невского; это первая печатная русская книга «Апостол», вышедшая в типографии Ивана Федорова, а это глобус, по которому получал первые уроки географии Петр I.

Дедковский, улыбнувшись, заметил:

— Да вы не беспокойтесь, ребята теперь ваш музей знают досконально, я тоже бывал здесь... Покажите-ка лучше, как выглядит восстановленная экспозиция.

— Да, да. Обязательно. Вот эти залы.

В стеклянных витринах мерцали бриллиантовые грани шпаги фельдмаршала, выстроились предметы столового набора — свидетели былых походов великого полководца; мирно покоились в своих мягких гнездах пистолеты генерала Платова...

В зал вошла большая группа экскурсантов. Молодая девушка-экскурсовод начала рассказ:

— Мы находимся в зале героев Отечественной войны 1812 года. Перед нами вещи, принадлежавшие Михаилу Илларионовичу Кутузову и генералу Платову. Замечу, что экспозиция этих залов открывается только сегодня после восстановления и реставрации. Все эти вещи были похищены из музея и лишь недавно вернулись к нам благодаря самоотверженной работе товарищей, которые занимались их розыском...

Иванцов тронул Дедковского за рукав:

— Пошли, товарищ майор, дальше.

Дедковский посмотрел на смущенные и взволнованные лица Иванцова и Рябикова, обнял обоих за плечи и проговорил:

— Ну что ж, ребята, взыскания вам не будет, а благодарность, как видите, уже объявлена. Так что поздравляю!

Когда подъезжали к Петровке, Дедковский, повернувшись с переднего сиденья машины и отвечая своим мыслям, проговорил:

— Дело «Антикваров» вы закончили, преступников нашли. И благодарность, конечно, заслуженная. Но несколько ошибок по делу вы, вернее, мы с вами, допустили. И серьезных ошибок...

— Какие же это ошибки, товарищ майор? — чуть запальчиво спросил Рябиков.

Дедковский посмотрел на него, улыбнулся и ответил:

— Спорить ведь будете? Верно? Верно,— ответил он сам себе. — А спорить сейчас некогда. Вот соберемся в конце месяца на оперативно-методическое совещание, тогда и поспорим. А за это время подумайте. Очень советую. Были ошибки, были. Победителей, как известно, не судят, но от критики и они не застрахованы. — Затем, посмотрев на часы, деловито и официально проговорил: — Капитан Иванцов и лейтенант Рябиков, вам предстоит командировка в Алма-Ату. Есть данные, что туда отбыл один очень интересующий нас объект. Через час, в четырнадцать ноль-ноль, прошу быть у меня. И подготовьтесь к отлету — самолет в шестнадцать часов.

Д Е К А Д

Лев РУДНИЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Офис прокатной фирмы «Розз энд Розз» располагался на втором этаже четырехэтажного дома на улице Святой Катарины. Все комнаты выходили окнами на оживленную, не слишком широкую магистраль. Пестрый нескончаемый поток автомашин отражался в огромных витринах дорогих универмагов, окнах ресторанов, баров и кабаре, в зеркальных подъездах фешенебельных отелей. Особняком стояли громады из бетона, стекла и стали. В небоскребах помещались крупнейшие банки, правления промышленных концернов и ведущих торговых компаний.

Именно поэтому «Розз энд Розз» арендовала офис на этой улице и ютилась всего в четырех комнатах, хотя за те же две тысячи долларов можно было снять восемь — десять комнат всего в пятистах метрах отсюда.

В кабинете владельцев фирмы братьев Майкла и Эйба Розз стояли два одинаковых, очень широких письменных стола, отделанных под темный орех. Из-за непомерной величины столы казались слишком низкими. За каждым размещалось по мягкому рабочему креслу-вертушке с откидной спинкой.

В правом углу стола были удобно утоплены три телефонные трубки: белая, черная, красная. Рядом с ними пульт с десятком кнопок и едва заметная решетка микрофона.

Все в кабинете располагалось симметрично, очевидно, для того, чтобы подчеркнуть равные права братьев-владельцев. И все же разница была.

На стене напротив стола Эйба Розза висела неплохая копия натюрморта, купленная в приличном салоне. Сочные фрукты и только что разрезанный арбуз лежали на потемневшей от времени дубовой доске. Они казались тусклыми в соседстве со сверкающим чистотой и полировкой столом.

Часть кабинета Майкла Розза отличалась от той, что принадлежала младшему брату.

Десятки деловых бумаг, книг, справочников, несколько номеров утренних, дневных и вечерних выпусков газет были разбросаны на столе, подоконниках и даже на полу.

А напротив этого бедлама — хозяин, впрочем, хорошо разбирался в нем, уверенно доставал нужную бумагу и безошибочно раскрывал именно ту рекламную полосу газеты, где имелись необходимые сведения,— висела другая картина. Это была тоже копия, но сделанная одним из учеников великого фламандца. Майкл привез ее из Европы.

Розз-старший купил полотно на аукционе. Он отвалил за него столько, что и по сей день не решался сказать о цене ни жене, ни брату. Майкл очень любил это полотно школы Рубенса. Неукротимый нрав, грубоватый реализм, неуемная любовь к жизни были доступны и понятны Майклу, внушали ему веру в себя.

Апрельский день клонился к вечеру. Майкл устал. Он с удовольствием подумал о том, что сегодня файф-о-клок будет лишь полуделовым. Просто он заедет за женой. Вместе они отправятся в ресторанчик, где любили иногда пообедать, и заодно обговорят с хозяином окончательное меню и прочие подробности предстоящего торжества по случаю совершеннолетия их старшего сына Боба.

Майкл наклонился к решетке микрофона в столе и сказал: «Зайди, девочка». Она вошла не сразу. «Видно, поправляет прическу. Все еще хочет сохранить молодость»,— подумал Майкл. Теплая и немного грустная улыбка шевельнула его губы.

Наконец Энн вошла.

— Я слушаю, шеф...

Он открыто и приветливо улыбнулся ей, оглядывая стройную фигуру, красивые ноги, лицо, на котором морщинки не уничтожили былой красоты. Она не выдержала и улыбнулась в ответ.

— Я уже давно не девочка, Майкл. Все ушло...

— Не-е-ет.— Он упрямо мотнул головой.— Остались дружба и вера. Это не так уж мало... А?!

— Наверно, ты, как всегда, прав,— согласилась она.

Он утверждающе кивнул головой, затем продолжил уже по-деловому:

— Пожалуйста, рекламу отправь в Эн-Би-Си. Она должна быть в эфире именно в среду. Второе. Сообщи Эйбу, что деньги из Мексики поступили. Третье. Позвони моей жене и скажи, чтобы заехала через тридцать минут... И... четвертое...— сказал он немного протяжно.

Она догадалась, почувствовала, что начала краснеть, и рассердилась на себя.

— Послезавтра тебе сорок. Это выпадает как раз на уик-энд. Мы с Эйбом поздравляем тебя. Вот чек. Купи, что хочешь...

...Нажимая кнопки с цифрами на телефонном аппарате, она с грустью думала о своем сорокалетии и о том, что Майкл по-прежнему заботлив и по-прежнему нечуток. Ну что ему стоило позвонить жене самому? Он, как всегда, видит и любит по-настоящему только дело, только власть и деньги.

Застучал телекс и перебил ее мысли. Она прочитала первую строку. Из Москвы. Эти сообщения шеф приказал докладывать немедленно: Москва была солидным партнером.

Майкл вышел из кабинета. Он хотел постоять минут десять на улице, развеяться.

Энн кивнула на аппарат:

— Из Москвы.

Майкл остановился, дождался конца передачи, прочитал текст.

— А, дьявол,— буркнул он себе под нос и вернулся в кабинет, не закрыв дверь.— Эйб дома?— крикнул он Энн.

— Да. Я уже сообщила ему.

Майкл набрал номер.

— Эйб, ты? Нет, ты не был нужен сегодня больше, чем вчера и всегда. Да, понимаю, общество защиты домашних животных — это очень важно. Но послезавтра совершеннолетие Бобби. Ни минуты свободного времени. И прилетает Эндрю Костров. Не встретить неудобно. Я бы попросил Энн, но у нее сорокалетие. Послушай, а может, пока мы после церкви займемся гостями и устройством дел в ресторане... Что ты делаешь как раз в это время? А-а-а. Ну так вот что, дорогой брат, собери всех кошек и собак города, конечно, из приличных домов, и по очереди поцелуй их под хвост!

Майкл зло бросил трубку и уставился на гуляк. Фламандка с наигранным испугом ждала помощи. Он медленно успокаивался и, глядя на ее притворные усилия, мысленно сказал ей: «Вырвемся!»

Из задумчивости его вывел звук телефонного зуммера и Энн, появившаяся в дверях.

— Кто там еще?— недовольно спросил Майкл.

Она пожала плечами.

— Какой-то мистер Браун...

Майкл поднял черную трубку. Но вместо ответа услышал частые гудки.

— Не ту... Возьмите красную...

Он удивленно взглянул на Энн. Этот телефон знали только его домашние и близкие друзья. Обычно он включен напрямую, минуя секретаря. Майкл перебирал в памяти всех Браунов. Это, наверно, Джонни Браун из Калифорнии. Они вместе воевали. На бомбардировщике, где капитан Розз был командиром, Джонни Браун летал стрелком-радистом.

Майкл схватил трубку.

— Джонни?!

Вместо ответа вежливый вкрадчивый голос спросил:

— Это мистер Розз?

— Да,— разочарованно протянул Майкл.— С кем имею честь?

— Моя фамилия Браун, Фред Браун. Я хотел поговорить с вами.

— Что вас интересует: фильм, кинотеатр, работа? Вы покупаете или продаете?

— Ни то, ни другое, ни третье.

— Тогда не сегодня и не завтра. Давайте на той неделе. Допустим, понедельник, в десять до полудня.

— Нет, сэр. Я хотел бы поговорить с вами завтра, можно в то же время.

— Я хочу знать тему разговора...

— Пожалуйста, сэр. Приезд вашего гостя, будем его так называть, из Москвы.

— О'кэй. Завтра в десять я жду вас.

Хорошее настроение ушло. Майкл с неудовольствием подумал о предстоящей поездке в ресторан и вспомнил о жене: «Дженн уже ждет меня пятнадцать минут».

Он устало направился к двери, кивнул Энн на прощание.

Бой на окраине небольшого польского городка в бывшем Данцигском коридоре поначалу складывался для нас неудачно. Гвардейцы стрелкового полка на танках и автомашинах быстро продвигались вперед. Моторизованная пехота, с ходу перерезав важную для отходящих гитлеровцев дорогу, застряла перед городком.

Положение было трудным. Немцы предпринимали отчаянные попытки вновь овладеть шоссе — единственным для них путем к отступлению. До границ рейха было не более двадцати километров.

Сдерживая бегущих гитлеровцев, гвардейцы сами оказались в тисках. По дороге наступала немецкая пехота. Ее поддерживали остатки танкового полка. С другой стороны, засевшие в городке немцы не жалели боеприпасов. Наша батарея 76-миллиметровых пушек прямой наводкой расстреливала немецкие танки. Несколько машин с разбитыми гусеницами уже зарылись в землю и были брошены экипажами. Пять танков горели, устилая небо черным дымом. А когда в воздухе появились «ИЛы» и стали утюжить отступавших, несколько тысяч немецких солдат и офицеров сдались в плен.

...У командира батареи гвардии лейтенанта Кострова было осколочное ранение в ногу. Но в канун вступления на землю гитлеровского рейха он не хотел покидать строй.

— Никуда не сообщать,— приказал он бин-

А

товавшему ногу пожилому сержанту-санинструктору.

Когда член Военного совета прибыл на батарею, комбат сидел на орудийной станине и кричал в трубку:

— Если не пришлете за ранеными сейчас же, напишу рапорт на имя командующего... Тогда напишу члену Военного совета. Ему можно и без субординации...

В это время его тронули за плечо.

Гвардии лейтенант рассерженно поднял глаза — кто еще ему мешает?— и увидел коренастого офицера в кожаном реглане без погон, в полевой фуражке с зеленым защитным козырьком. Офицер представился:

— Член Военного совета армии полковник Русаков.

Комбат резко вскочил.

— Товарищ гвардии полковник, вверенная мне бат-та-ре...

Из забытья Андрея вывел испуганный голос санинструктора:

— Так он же запретил сообщать. А я вижу, потеря крови большая. Я бы все равно доложил.

Полковник увидел, что Костров открыл глаза, и твердо сказал:

— Не подниматься, лейтенант. Ведете себя как мальчишка... Поедете в медсанбат. Там решат.

— Слушаюсь.

— Командующий армией от имени Президиума Верховного Совета наградил вас и офицеров батареи...

— Живых офицеров, кроме меня, на батарее нет.

— Адъютант, запишите «посмертно». И проследите, чтобы награды были переданы семьям.

Полковник наклонился к Андрею.

— Командарм наградил тебя, гвардии лейтенант...

— Костров,— подсказал санинструктор.

—...Гвардии лейтенант Костров, орденом Отечественной войны первой степени. Сержантов и солдат наградит командир бригады. Приказ последует.

С той поры прошло четверть века. И все это время жизнь разлучала и вновь сталкивала Андрея Кострова с членом Военного совета.

В сорок шестом году гвардии капитан Костров подал рапорт об увольнении в запас. Ему отказали. Он обратился к члену Военного совета группы советских войск. Вместо ответа последовал вызов в штаб группы. Андрея принял член Военного совета генерал Русаков. Он не забыл комбата.

— Как нога?

— В порядке, товарищ генерал.

— Хм...— Генерал покачал головой, улыбнулся.— В вашем положении, капитан, было бы логичнее жаловаться на рану. Почему просите об увольнении в запас?

— Война кончилась. А я человек в общем-то штатский, учиться хочу.

— В академию пошлем.

— Нет, товарищ генерал. Хочу в университет и просто домой, в свою страну.

— А я, значит, не хочу домой? Ты пойдешь на заслуженный отдых, благо тебе уже двадцать один год, а я, поскольку генерал и мне еще только тридцать три года, буду служить и дальше? Если бы не твои раны и ордена, я бы о тебе плохо подумал.

Он помолчал минуту и уже другим, официальным тоном приказал:

— Можете идти, капитан. Решение командования вам сообщат.

Через два месяца поезд увозил уволенного в запас Андрея Кострова в Советский Союз.

...Когда Костров окончил третий курс факультета журналистики Московского университета, дороги их встретились вновь. Андрей был направлен на практику в республиканскую газету. Он пришел представиться главному редактору и с удивлением узнал в нем члена Военного совета Русакова. Тот тоже узнал капитана. С той поры жизнь свела их на долгие годы. После окончания университета молодого журналиста Андрея Кострова направили на работу в ту же республиканскую газету. Главный редактор давал ему самые трудные, а случалось, и опасные поручения. Таким, например, был очерк из района, где орудовала вооруженная банда националистов. Она терроризировала и грабила население, убивала советских активистов.

Три недели пробыл корреспондент в этом районе. Случалось, вместо пера оружием его вновь становился автомат. Здесь он получил четвертую рану.

Когда главного редактора перевели на новую работу в столицу, он вызвал Кострова.

— В Москву работать поедешь?

— Это моя родина.

Так через три года после окончания университета Андрей Костров вновь оказался в Москве к великой радости жены и родителей.

...Обо всем этом думал Андрей Николаевич Костров, сидевший в приемной председателя правления агентства «Луч». Агентство было учреждено с целью организации правдивой киноинформации о нашей стране за рубежом, показа наших социально-политических и экономических достижений, успехов культуры, науки и техники. Одновременно агентство вело большую работу по ознакомлению нашей общественности, деятелей науки и техники с кинодокументами зарубежных стран. На табличке, прикрепленной к двери кабинета, было написано «В. И. Русаков».

Наконец негромко запищал зуммер, и из репродуктора на столе секретаря донеслось:

— Есть кто-нибудь из товарищей?

— Да, Владимир Иванович. Вы вызывали Кострова. Он здесь...

Русаков, несколько располневший, поднялся и обошел стол. Он подал руку Кострову и тяжело опустился в кресло, указав на такое же, стоявшее напротив.

— Задача тебе ясна?— спросил он.

Костров в сотый раз подумал о том, что задача не из легких. Обращение председателя на «ты» было еще одним тому подтверждением. Редкому сотруднику и в редких случаях говорил Владимир Иванович «ты».

— На этот раз твою работу осложнят сами фильмы. Я имею в виду в первую очередь два из них: «Обыкновенный фашизм» и «Великая Отечественная». Официальная санкция властей Канады на проведение декады у нас есть. Но ты хорошо знаешь обстановку в стране. Среди эмигрантов много власовцев, бандеровцев, бежавших из Германии военных преступников... Да и не только они... Кстати, я приготовил тебе книгу. Возвратишь, когда вернешься...

Костров взял серый том, открыл и вспомнил, что уже читал его. Битый в России гитлеровский генерал всячески преуменьшал роль нашей страны в одержанной над фашизмом победе. Он клеветал на нашу армию, политику и задачи в войне, исход Московской битвы сводил к случайности, а сталинградскую победу объяснял только американской военной помощью и упрямством Гитлера.

— Я читал это,— сказал Костров.

— Прочти еще раз и подумай. Кстати, книга издана за океаном.

На прощание Русаков сказал:

— Помни, валюта нам очень нужна. Однако не план валютных поступлений сейчас главное. Главное — рассказать зрителю за океаном правду о нашей стране, о нашей роли в войне, о нашем вкладе в победу. Рядовой канадец, просмотрев твои фильмы, должен понять: народ, такой ценой добывший победу, не может хотеть войны...

Ровно в десять часов утра дверь из коридора в комнату Энн отворилась. Высокий мужчина уверенной походкой сделал несколько шагов в сторону ее стола.

— Доброе утро. Я Фред Браун,— представился он.— Мистер Розз ждет меня.

Она нажала кнопку и сказала:

— Мистер Браун, шеф.

— Попросите войти,— донеслось из динамика.

Пока Браун представлялся и происходил обмен обычными приветствиями и любезностями, Розз-старший изучал гостя.

Рост — шесть футов. Одет почти строго, но безвкусно. Пожалуй, он уже перешагнул пятидесятилетний рубеж. Довольно полный человек. Глаза бегающие, неопределенного цвета. Коротко остриженные темные волосы. Округлые очертания подбородка, нечеткие линии чуть курносого носа. Парень, должно быть, подловат, трусоват и хитер, решил Майкл.

Пришедший тоже внимательно разглядывал владельца фирмы. Ястребиное лицо Майкла, прямой исподлобья взгляд его темных глаз, чуть наклоненная вперед голова, будто он собирался боднуть клиента, привычка стоять на чуть расставленных ногах и уверенное сознание неуязвимости и силы, которое излучала вся его фигура, смутили Брауна.

Начало беседы затягивалось. Оба почувствовали это, и Майкл решил начать первым.

— Так о чем вы хотели говорить со мной, мистер Браун?

— Нас интересует мистер Костров. Точнее, то, что он собирается делать в нашей стране...

Только теперь Майкл уловил едва заметный акцент в произношении Брауна. Монреаль — город французской Канады, и, чтобы окончательно убедиться в своей догадке, Майкл решил перейти на французский язык. В нем любой акцент проявляется ярче и точнее.

— Что вы имеете в виду под «нашей страной»?— спросил он по-французски..

— Канаду, мсье. Это моя страна,— ответил по-французски Браун.

Сомнений не оставалось: славянский акцент. Перед Роззом был эмигрант — русский или украинский националист. Это привело Майкла в бешенство.

— А я думал, что, говоря «наша страна», вы имеете в виду Россию!

— Вы зря язвите, мистер Розз. Я действительно гражданин Канады.

— Я в этом и не сомневаюсь. Но однажды вы уже сменили гражданство, не так ли?

Разговор пошел явно не по тому руслу, и Браун решил изменить его.

— Мистер Розз, я пришел не за тем, чтобы спорить с вами. «Розз энд Розз» систематически выпускает на экраны страны коммунистические фильмы. Это ваше дело, хотя вы как предприниматель должны были бы понимать, что сами сгорите когда-нибудь в огне, который разожгут коммунисты. «Из искры разгорится пламя!» Вы, конечно, не слышали этих слов. Это слова Ленина. Это их девиз! Ленинская газета называлась «Искра», и он сжег Россию...

Майкл Розз симпатизировал Советскому Союзу. И не только потому, что весной сорок пятого в Австрии советские танкисты, вырвавшись неожиданно на шоссе в тылу гитлеровцев и уничтожив эсэсовцев, перегонявших колонну военнопленных в глубь фатерланда, освободили большую группу американских и канадских летчиков, в том числе и его, из нацистского плена.

Была и другая причина.

После победы Майкл Розз уволился в запас и вернулся домой, полный радужных надежд. На собственной шкуре он познал, что такое война. Поэтому ему были особенно близки и понятны Ялтинские и Потсдамские решения союзников о недопущении войны в будущем и устройстве послевоенного мира.

Приехав домой, Майкл вскоре похоронил отца. Старик был счастлив даже перед лицом смерти оттого, что его любимый первенец вырвался живым и здоровым из этой проклятой мясорубки.

Двадцатидвухлетний Майкл стал главой фирмы «Розз и сыновья», владевшей тремя небольшими кинотеатрами. Фирму пришлось переименовать в «Розз энд Розз», так как ее владельцем наряду с Майклом по достижении совершеннолетия должен был стать и Эйб, его брат, родившийся на четырнадцать лет позже.

Майкл хотел, чтобы на экранах его кинотеатров шли фильмы, которые рассказали бы горькую правду о войне, чтобы, посмотрев их, люди поняли: это никогда не должно повториться на земле.

Но очень скоро он убедился, что найти и показать зрителю такой фильм — задача не из легких. Крупные прокатные компании диктовали свой репертуар. Они продавали «Розз энд Розз» лишь фильмы, как правило, не заставлявшие зрителя думать и дававшие большие сборы, львиная доля которых отчислялась этим компаниям.

Майкл попробовал бороться. Однако итог был плачевный. В течение полугода он оказался на грани финансового краха.

И Майкл Розз вступил в бой.

Продав кинотеатры, он поместил меньшую часть капитала на имя матери в солидный банк. Этих денег и процентов с них, по его расчетам, должно было хватить на жизнь и оплату обучения брата в одной из лучших школ в течение четырех лет.

Это были годы, когда Канада, огромная по территории страна, раскинувшаяся от Атлантического до Тихого океана, насчитывала около пятнадцати миллионов населения. На севере, на лесоразработках не хватало рабочих рук. Майкл вложил в дело все оставшиеся деньги. Получив выгодную концессию от государства, он стал лесопромышленником. Майкл первым ввел у себя усовершенствованные электропилы. Для этого он закупил на старом армейском складе в Ванкувере четыре мощные передвижные электростанции. Это обошлось ему не слишком дорого. Кроме того, он сразу повысил ставки на десять процентов, что обеспечило приток рабочей силы.

На лесоразработках Майкла Розза все принадлежало хозяину. Продовольствие и одежду, сигареты и вино, лекарство и газеты — все можно было купить только у него. До ближайшего населенного пункта были сотни миль. Два старых переоборудованных военных вертолета — собственность хозяина — беспрерывно гудели в воздухе, доставляя все необходимое.

Через три года Майкл Розз выгодно продал свое дело и вернулся домой, заработав двадцать долларов на каждом пущенном в оборот. Теперь он чувствовал себя на ногах достаточно уверенно и мог потягаться с сильным соперником.

Война и конкуренция научили его быть осторожным, терпеливым, хитрым и, если надо, беспощадным.

Владельцы двух крупнейших прокатных компаний, занятые грызней между собой, не придали никакого значения, а может быть, и не заметили, что в город вернулся бывший владелец трех крошечных кинотеатров Майкл Розз. А Майкл и не напоминал о себе. Он не торопился. Он погрузился в изучение рекламных объявлений в газетах за последние полтора года. Целыми днями он просиживал в библиотеке, делая выписки о том, когда, в течение какого времени, в каких кинотеатрах и с каким количеством посещений шли те или иные фильмы. Затем он уточнил прокатные права фирм на эти фильмы. Завершив изучение конъюнктуры в Монреале, он проделал ту же самую работу по кинотеатрам всей провинции Квебек. Вскоре Майкл Розз мог с неопровержимостью доказать, что фирма «Краун» находится на грани краха.

Майкл был удовлетворен. Он сделал вывод — компании «Краун», чтобы выстоять, понадобятся деньги. Только они открывали доступ к лучшим фильмам, а следовательно, и дорогу на экраны наиболее прибыльных кинотеатров.

У Майкла Розза было два пути. Первый — вложить деньги в компанию «Колибри» и тем самым ускорить падение «Краунa». Второй — помочь «Крауну» выстоять с тем, чтобы в дальнейшем прибрать его к рукам. Он выбрал второй. Майкл не забывал о своей конечной цели — стать независимым и полновластным хозяином. Однако на этом пути была существенная преграда. Майкл понимал, что в тот недалекий уже день, когда владельцы «Краунa» объявят о ликвидации, он, Розз, не сможет купить ее. Как только директора «Колибри» узнают об этом, они обойдут его и сами купят «Краун».

Тогда Майкл решил предупредить события.

В ту пору он начал серьезно встречаться с Энн, неглупой, мягкосердечной девушкой с прекрасной фигурой, миловидным лицом и пышными волосами.

Энн нравилась Майклу. Она не отказывала ему ни в чем, была преданной подругой. Это его устраивало. Но жениться на ней, создавать семью... Нет, Майкл рассчитывал на другую партию. Энн была слишком бедна и, пожалуй, честна для него.

В его планы входил иной брак. Но, как солдат, он верил в дружбу и верность. Поэтому Майкл никогда не говорил с Энн о браке, наоборот, подчеркивал свое мужское легкомыслие и непостоянство. В то же время он помогал Энн, оплатил ее учебу вперед до конца университетского курса, поместил ее отца в хорошую больницу и постоянно оказывал помощь, которая стоила ему не одну тысячу долларов.

Теперь, взвесив все «за» и «против», Майкл решил поставить на Энн. Он поехал с подругой в Торонто и положил в «Шератон-банк» на ее имя необходимую сумму. При этом Майкл оформил у нотариуса договор о том, что деньги даются взаймы, но проценты с вложенной суммы будут принадлежать ей. Кроме того, устно он пообещал Энн пять тысяч долларов по окончании операции и три процента годовых от чистых прибылей будущей компании.

Все произошло быстрее и проще, чем предполагалось. Когда перед одним из директоров «Краунa» предстала молоденькая наивная девушка, которая потерпела неудачу в Голливуде — такова была версия, придуманная Майклом,— но все-таки хочет приобщиться к кинематографу и вложить оставленное ей наследство в какую-нибудь кинокомпанию, тот не поверил своим ушам.

«Это отличная идея!»— воскликнул он и, велев секретарю принести ей чашечку кофе, бросился в другую комнату звонить компаньонам. Через полчаса трое разгоряченных дельцов нахваливали Энн перспективы, которые откроются перед ней. Тем временем их юрист уточнил, что на счету посетительницы в «Шератон-банке» лежит сумма в девяносто тысяч долларов.

Так Энн стала владетельницей сорока процентов акций компании. А три недели спустя только что вернувшийся в Монреаль с севера бывший владелец фирмы «Розз энд Розз» пришел к директору «Краунa».

— Я живу на севере, там у меня неплохое дело,— сказал он.

— Слышал об этом, мистер Розз.

— Но здесь моя мать и брат...

— Тоже знаю.

— Ваша компания,— Майкл огляделся по сторонам и изобразил удовлетворение на лице,— процветает.

— Как всегда, мистер Розз, как всегда.

— Так вот, я бы хотел обеспечить мать и брата.

Директор оживился.

— Как именно?

— Я бы купил на имя брата процентов десять — двенадцать акций «Краунa», если вы не возражаете.

Вскоре Майклу принадлежало пятнадцать процентов акций. А через два месяца три

компаньона-совладельца фирмы «Краун» продали за четверть цены оставшиеся у них сорок пять процентов акций под угрозой полного краха.

Так Майкл уничтожил «Краун» и возродил фирму «Розз энд Розз».

Вступая в конкурентную борьбу с «Колибри», Майкл был уже прожженным дельцом, знавшим грязные законы финансового мира и умевшим применять их.

Однако, став хозяином крупной фирмы, Майкл обнаружил, что теперь он, так же как прежние директора «Краун» и «Колибри», вынужден прокатывать не те фильмы, которые ему хотелось бы. Какая-то не зависящая от него сила поворачивала руль проката, и он не мог либо почти не мог бороться с этим.

Обстоятельства изменились, когда несколько лет спустя он познакомился в Каннах на кинофестивале с представителем советской фирмы Андреем Костровым. После просмотра русского фильма, имевшего огромный успех, стало ясно, что ему присудят «Гран-при». Режиссер фильма устроил прием. Банкет запомнился Майклу. Несмотря на усталость и поздний час, съехались звезды мирового экрана и представители делового мира. В холле фешенебельной виллы русские предлагали гостям поварские фартуки и колпаки. Хозяева и их гости сами лепили сибирские пельмени. Потом до утра пили русскую водку, закусывая бутербродами и пельменями собственного приготовления.

Андрею Кострову было столько же лет, сколько Майклу. Немного выше среднего роста, коренастый, с красиво вьющимися светлыми волосами, чуть вздернутым носом и открытым взглядом серых глаз, он сразу понравился Майклу. А когда канадец узнал, что Андрей воевал и тоже капитан запаса, последние преграды рухнули.

Они говорили без умолку о прошлом, о боевых друзьях, о ранах, о войне, которая не должна повториться.

Костров пригласил Розза в Москву. Приехав впервые, Майкл открыл для себя новый мир. Не все было понятно и приемлемо для него, но люди ему понравились.

С тех пор Майкл часто бывал в Москве. Иногда он подшучивал над некоторыми непонятными или казавшимися ему смешными вещами. Но только с этими партнерами он чувствовал себя спокойно, не ожидал удара в спину. И поэтому здесь он всегда мог немного отдохнуть. В такие часы Майкл бродил по музеям, иногда с Андреем или с одним из его «парней», как он называл молодых сотрудников Кострова, а иногда совсем один. Майкл увлекся историей России и, познакомившись с ней, открыл для себя Толстого, Достоевского, Чехова, с удовольствием читал переводы Пушкина, изучал его эпоху. Тогда он и услышал впервые знаменитую фразу: «Из искры возгорится пламя!» Сила духа декабристов и их далекое пророчество поразили Майкла.

И вот теперь этот тип не только вмешивается в его, Майкла, дела, но и старается втянуть его в свою грязную политику.

— Вы приписываете Ленину то, чего он не говорил.

Лицо Майкла побагровело. Он уже готов был выставить Брауна за дверь, но сдержался. Помолчав минуту и успокоившись совсем, спросил:

— Ладно. Чего вы хотите?

— Нам известно, что ваша фирма должна предоставить в распоряжение Кострова помощника, администратора, словом, исполнителя его поручений. Мы бы хотели предложить вам человека на эту роль.

— Что?!— Майкл заорал так, что испуганная Энн заглянула в кабинет.— Мне, солдату, вы предлагаете предать солдата?!

— Я тоже воевал, мистер Розз.

— С кем вы воевали, черт вас побери? В какой армии?

— В русской.

— Против Гитлера?

— Нет, против Сталина.

Майкл глубже втиснулся в кресло. Зажал кисти обеих рук между коленями и тихо, но так, что Браун испуганно вскочил, сказал:

— Убирайтесь вон!.. Энн!— крикнул он.— Проводи мистера... Да поскорей, не то меня увезет полиция...

Продолжение следует.

ДЕКАДА

Лев РУДНИЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

После приема у председателя Андрей вышел на Тверской бульвар. Весна в этом году была ранняя и дружная. В середине апреля почки не смогли сдержать накопившейся силы, лопнули, и деревья покрылись зеленью листвы.

Только что отгремел гром. Гроза ушла, но над городом еще моросил мелкий теплый дождь.

Андрей поднял воротник кожаного пальто и зашагал вниз к памятнику Тимирязеву. Он знал, что дома уже ждут, что стол накрыт, и все же не торопился.

Здесь все было знакомо ему с той далекой поры, когда маленький Андрейка делал свои первые шаги. Сначала он ходил сюда с мамой или бабушкой. Позже, когда подрос, с другом детства Петькой Кондаковым бегал покупать отцу «Вечерку», за которой выстраивались в ту пору длиннющие очереди.

Школьником он гулял здесь сначала с мальчишками, а потом, классе в шестом-седьмом, с ними стали ходить и девочки. Мальчишки шли впереди, а девочки робкой стайкой за ними, и все шептались о каких-то очень важных и нескончаемых делах.

А спустя еще четыре года морозным утром этим же бульваром они с Петькой шли на призывной пункт. Отец был в командировке на Урале. Мать—в эвакуации. Только покойная теперь тетя дошла с ними до серых гранитных ступенек бульвара, поцеловала, расплакалась и побежала на трамвай, чтобы не опоздать на работу.

Как много изменилось в жизни с тех пор! Как изменился и сам бульвар! Ему больше нравился тот, старый Тверской, с лужами во время дождя и прилипавшей к ногам мягкой землей, с кронами огромных старых лип, по широким листьям которых монотонно и особому сочно стучали тяжелые капли дождя.

«Старею, становлюсь брюзгой»,— недовольно одернул себя Андрей и подумал о том, что теперь нескоро увидит вновь вечернюю Москву: завтра утром лететь за океан. И сразу затосковал по городу, который еще не успел покинуть. Так бывало всегда: и в долгие годы его журналистской жизни, когда судьба бросала спецкора Кострова из края в край необъятной страны. И в последнее время, когда маршруты стали иными и поезда и самолеты уносили его то в близкую Варшаву или Софию, то в далекие Токио или Америку.

— Наконец-то,— сказала Сашенька, выбежав из кухни в прихожую.

Андрей невольно залюбовался ею. Раскрасневшаяся возле плиты, миниатюрная и, как всегда, подтянутая, она светилась преданностью и любовью. И только в глубине ласковых серых глаз затаилось тревожное ожидание. Андрей чувствовал эту тревогу, знал, что она начнет затухать лишь в тот день, когда, вот так же хлопоча по дому, Сашенька встретит его, вернувшегося целым и невредимым.

— Папа, приветик! — крикнула ему из комнаты Анютка, возившаяся с проигрывателем.

Зазвучала тихая и плавная мелодия. На душе стало хорошо и спокойно.

Он вошел в столовую. В комнате были самые близкие и дорогие ему люди. Он оглядел их, обнял отца, мать. Подумал — нервничают. Кивнул Гене — своему ближайшему другу. Они уже виделись сегодня на работе.

Сели за стол, в центре которого стоял только что вынутый из духовки пирог с капустой — фирменное блюдо мамы. Запах его был знаком и мил с детства.

— Ну, сынок, давай за мягкую посадку,— сказал отец, и все стали чокаться с Андреем, желать доброго пути.

А он, несколько смущенный вниманием, поблагодарил и тут же незаметно перевел разговор в другое русло. Это удалось, и он, стараясь говорить поменьше, смотрел и слушал, запечатлевая в памяти дорогие лица и голоса. Андрей хорошо знал по прошлому опыту, что там, вдали от дома, ему ох как будет не хватать этих родных и близких людей...

— Энн,— сказал Майкл, вернувшись после ланча,— попробуй-ка разыскать моего братца.

— Он позвонил мне, когда у вас был этот Браун, и сказал, что выезжает в офис, но до сих пор не явился. Я связывалась с домом — его нет и там... Может быть, с ним что-нибудь стряслось в дороге?

— С его-то ездой! Разве что какой-нибудь дом обвалится на его ржавую черепаху.

Он набрал номер домашнего телефона брата.

— Хэлло...— послышался в трубке вкрадчивый женский голос.

— Это я,— ответил Майкл.— Где твой муж?

— Я не знаю. Он давно уехал к тебе. Прямо с утра.

Джесси — так звали жену брата — побаивалась Майкла.

— Послушай, разыщи своего Эйба и скажи ему, чтобы он немедленно связался со мной. Пока...

...Эйб вошел неслышно, как кот. Он остановился у дверей, перехватил взгляд брата, изобразил постную гримасу и, вздохнув, сказал:

— Я здесь.

Майкл уже успокоился. Во всяком случае, он спросил просто, без издевки:

— Эйб, что мы будем делать с Эндрю?

— Я уже нашел подходящего человека...

— Вот как?!— удивился старший брат.— Кто такой?

— Не такой, а такая...

— Что? Баба в помощь Эндрю? Да ты понимаешь, какой человек нужен Эндрю? Не кошка, а тигрица!

— Она такая и есть.

— Кто она?

— Ты не знаешь,— смутился Эйб.

— Я начинаю о тебе лучше думать!— расхохотался Майкл.— Роман?

Эйб покраснел.

— Ну как ты можешь говорить такое?

— Ладно, ладно. Не хочу лезть в душу, но, слава богу, ты, кажется, становишься мужчиной... Однако я все же должен знать хотя бы ее имя...

— Ее зовут Мэри Фергюссон. Она изучала русский, по-моему, в Гарварде. Деловая женщина с прекрасными отзывами...

— От кого отзывы?

Эйб замялся и снова покраснел.

— Ну, ладно, ладно, не буду. Но успеем ли мы ее проинструктировать? Ведь Эндрю прилетает завтра, когда мне будет совсем не до нее.

— Это я беру на себя...

Мэри Фергюссон была красивой тридцатилетней шатенкой. Вопреки моде длинные волосы крупными локонами спадали на чуть опущенные плечи. Прическа а-ля Дина Дурбин мягко и естественно обрамляла округлое, с чуть вздернутым носом лицо. Густые черные ресницы прикрывали блеск ее темных глаз.

Она вела свой синий, прошлогодней модели «шевроле», безнадежно пытаясь обогнать поток машин, упорно рвавшихся к скоростной трассе, ведущей в аэропорт.

Мэри могла не торопиться: до прибытия самолета оставалось еще больше часа. В сумочке лежал круглый жетон пропуска, дававший право выхода на летное поле, но она никак не могла решить, следует ли им воспользоваться. «Если успею вовремя — пойду. Если задержусь — буду ждать у таможенной стойки»,— подумала она. Наконец идущий впереди «понтиак» часто замигал красным глазом поворотного сигнала и ушел вправо. Мэри тут же заняла его место и начала теснить белого «мустанга», пытаясь перестроиться в левый ряд. Но водитель «мустанга» не пожелал уступать и чуть не зацепил переднее крыло «шевроле». Мэри сердито оглянулась. Молодой мужчина за рулем «мустанга», увидев ее, резко притормозил, пропуская вперед. Она уверенно приняла приглашение. Сзади раздался визг тормозов и металлический лязг ударившихся бамперов. Кто-то стукнул в «мустанга». Мэри поглядела в зеркало заднего обзора. Белая машина продолжала ехать за ней. «Все о'кэй»,— подумала Мэри и улыбнулась.

«Шевроле» свернул на скоростную трассу и помчался в сторону аэропорта. Теперь дорога была значительно свободнее. Мэри надавила на акселератор. Стрелка спидометра поползла вверх и замерла на семидесяти милях.

В аэропорт Мэри доехала за пятнадцать минут. Она поставила свою машину и побежала в здание аэропорта. На справочном электронном табло сведений не было. Поднявшись на эскалаторе на второй этаж, Мэри быстро нашла стойку «Аэрофлота».

— Самолет уже приземлился, мисс,— любезно ответил дежурный.

«Теперь можно не спешить»,— подумала она и медленно направилась к табачному киоску, чтобы оттуда спуститься в таможенный зал.

Мэри шла неторопливо и ловила на себе откровенно восторженные взгляды мужчин. Это вызывало у нее чувство покоя, удовлетворения и уверенности в себе.

Мэри встретила Кострова в таможенном зале. Почему-то она сразу догадалась, что это он, увидев его в очереди, вытянувшейся к таможенной стойке. Она отметила, что Костров хорошо сложен. В левой руке он держал большой дорожный портфель из черной кожи. В правой — жесткий серый чемодан.

Костров — она уже не сомневалась, что это был именно он,— подошел к стойке. Он легко, одной рукой положил на нее большой чемодан и, ловко щелкнув замками, откинул крышку.

Ей не было видно, что́ в чемодане, но она услышала, как таможенный чиновник спросил:

— Водка есть?

— Да,— ответил Костров. И весело добавил: — И икра тоже...

Таможенник рассмеялся. Он сам закрыл крышку чемодана, хлопнул штампом и, сказав Кострову «ол райт», кивнул в сторону выхода.

Мэри Фергюссон уже давно приготовила визитную карточку младшего босса фирмы «Розз энд Розз». Но Костров, пройдя таможенника, сразу повернул вправо и подошел к мужчине, который, очевидно, тоже встречал его.

— С благополучным прибытием.

— Спасибо,— сказал Костров.

Они говорили по-русски, и она с удовольствием отметила, что все поняла.

Они пожали друг другу руки, трижды поцеловались.

— Как летели?— спросил мужчина.

— Отлично. А ты приехал из Оттавы специально встречать меня?

— Представь себе, да...

Продолжение. См. «Огонек» № 2.

— Я твой должник. Кстати, таможенник подарил мне две бутылки водки.— Они рассмеялись.

Потом встречавший взял чемодан и поставил его на тележку. Лицо подкатившего ее носильщика было обезображено грубым шрамом. Он неотрывно глядел на Кострова. Однако Костров и его товарищ не обратили внимания ни на носильщика, ни на Мэри Фергюссон. Она выбрала подходящий момент и сделала шаг в их сторону.

— Вы мистер Костров?— спросила она.

Он посмотрел на нее немного удивленно, но это было не такое удивление, к которому она привыкла. Он глядел не как другие мужчины. Открытый, спокойный, даже приветливый взгляд не давал возможности проникнуть в глубину пристальных серых глаз.

Костров взял протянутые ему визитные карточки.

— Это от «фирмачей»,— сказал он спутнику.

Мэри не знала слова «фирмачей», но догадалась, о чем шла речь.

— Братья Розз не смогли встретить вас сегодня. Они сожалеют об этом,— сказала она, как велел Эйб. И объяснила, что у Бобби, первенца Майкла Розза, сегодня конфирмация. Вместе они вышли на улицу.

— Моя машина вон там. Я сейчас подгоню,— опередил ее русский.

— А вы на машине?— спросил ее Костров.

— Да, она на стоянке. Линия 9-СИ,— ответила она, хотя теперь это уже не имело смысла.

— Ну, отлично. Спасибо за заботу.

— Где я вас найду? Ведь фирма поручила мне помогать вам,— запоздало объяснила она.

Он опять внимательно поглядел на нее. «Черт его знает, какой у него взгляд. Внимательный, проникающий, но ни на цент мужского»,— подумала Мэри.

...Она села в машину и, не торопясь, поехала в город.

«Фу, дьявол! Опять слева этот белый «мустанг». Парень, наверно, спятил. Полтора часа караулил, пока я выеду со стоянки.

Но Костров, Костров, черт бы его побрал! Он глядел на меня так же, как на носильщика: приветливо, вежливо... и все. Нужно было надеть синее платье с белой отделкой и легкий светлый плащ. Когда собиралась, чувствовала, что делаю что-то не то. Да и шеф тоже целое утро морочил голову: не то инструкция, не то сальные намеки. Боже, как он мне надоел...

Ну, ничего, мистер Костров, вы еще пожалеете!»

Несмотря на то, что после вчерашнего торжества Майкл лег спать лишь в три часа ночи, ровно в девять он был в офисе. Энн еще открывала дверь, когда он показался в конце коридора.

— Я принесла кусок именинного пирога.

— Спасибо. — Майкл поцеловал ее в щеку.

Он подошел к столу, но не сел в кресло. Через окно он видел часть улицы: ехали машины, шли редкие уже прохожие. Город начал работать. Пора и ему подумать о делах.

Однако совсем другая мысль занимала Майкла. На вчерашнем торжестве был его знакомый, владелец заводов картонной тары, и с ним жена и единственная дочь. «Неплохая девчушка»,— отметил Майкл. Потом не раз за вечер Майкл ловил взгляды, которыми она обменивалась с его Боббн. Интересно, сколько стоит ее отец? Судя по новенькому, последней модели «кадиллаку», дела его идут неплохо.

«Нужно будет навести справки»,— подумал Майкл и повернулся к столу.

— Энн,— сказал он, нажав кнопку микрофона,— сделай чашечку крепкого кофе...

— О'кэй... Возьмите черную трубку, звонит русский...

— Хэлло, Эндрю! С приездом. Рад слышать тебя. Когда ты будешь? Через два часа? Отлично! Кстати, ты уже пил кофе? Ол райт. Больше ни крошки. Береги аппетит. Поедем вместе в «Михель стейк хауз»...

Он положил трубку. Вошла Энн с двумя маленькими подносами. На одном стоял небольшой кофейник, чашечка, кувшинчик для сливок и сахарница. На втором лежала стопка писем, поступивших в субботу и воскресенье.

— Налей, пожалуйста,— попросил Майкл.— Только без сливок.— И нетерпеливо потянулся к письмам.

Первое же из них разозлило его. Владелец большого кинотеатра на Онтарио-стрит в вежливой форме сообщал, что не сможет принять предложение о прокате русских фильмов в конце мая, так как в это время «Колибри» дает ему на месяц новый музыкальный фильм на весьма выгодных условиях. Он готов платить неустойку. «С чего бы это?» — подумал Майкл и вспомнил вдруг о телефонном разговоре с Торонто в прошлую среду. Рыжий ирландец Дик О'Салливен, агент фирмы «Розз энд Розз», был явно взволнован, когда сообщил о том, что хозяин кинотеатра в этом городе до сих пор медлит с окончательным ответом... Тогда Майкл не придал звонку особого значения. Но теперь все это не на шутку встревожило его.

— Что будем делать, Эйб?— спросил Майкл у вошедшего брата.— Это явно смахивает на заговор. «Колибри» подводит под нас мину.

Обращаясь к Эйбу, Майкл не ждал ответа, а как бы вслух говорил сам с собой, но тот неожиданно сказал:

— Вообще ты, по-моему, зря ввязался в эту историю... И так на нас многие косятся из-за того, что мы прокатываем коммунистические фильмы. Но обычно мы хоть знаем, что берем, а сейчас нам всучили кота в мешке.

— А тебе хочется котеночка на розовой подушечке?

— Не шути, ведь они наверняка привезут пропаганду.

— Пусть об этом думает цензура,— зло ответил Майкл.— И потом в данном случае они привезут «Обыкновенный фашизм», «Великую Отечественную» и еще несколько фильмов. Это антивоенные ленты. Я их видел.

— Майкл, пойми, мы живем в свободной стране. Мы против насилия... А они смакуют в фильмах, как убивали немцев.

— Кто тебе это сказал, болван?!

— Не злись. И перестань меня оскорблять. Разве ты не видел их фильма о битве под Москвой? Они показывают там трупы застывших в ледяной пустыне немецких парней...

— Ты трижды болван.— У Майкла заиграли желваки на скулах, задергалась левая бровь.— Эти парни были гитлеровцами, нацистами... Если бы русские не убили их, то, может быть, они убили бы меня. Тогда ты сейчас не сидел бы перед живым братом, а работал бы за семьдесят долларов в неделю рассыльным в магазине готового платья мистера Розена, кстати, тоже немца, бежавшего из Германии после того, как мы разгромили Гитлера.

— Это все пишут в левых газетах...

— Это говорю тебе я, твой брат!— Майкл сильно стукнул кулаком по столу.— Ну ладно. Пускай это политика, которой ты не желаешь заниматься. Но то, что каждый третий доллар в твоем кармане заработан на фильмах, купленных в России либо в Восточной Европе, ты понимаешь?! Откажись от этих денег, выбрось их... А как их делать? Это моя забота? Спасибо за доверие!

Он замолчал, обиженно вздохнул и потянулся за сигарой.

Из микрофона донеслось: «Мэри Фергюссон, по черному телефону».

— Я... Добрый день! Почему вы спрашиваете у меня, а не у мистера Кострова? Разве брат не объяснил вам, что вы будете работать с русским? Мы только платим. Он будет здесь в полдень. Мы сразу уедем. Ровно в полдень...

Он повесил трубку и спросил:

— Ты все-таки скажи — хороша она?

— Не знаю. Поверь мне, я не...

— Хенжа!

Майкл не видел Кострова больше года. С удовольствием, бесцеремонно разглядывал он своего старого партнера и, оставшись довольным осмотром, сказал:

— Верикарашо!— Потом добавил по-английски: — Как это у вас в песне?— И опять по-русски: — Солдат — всегда солдат.

Оба рассмеялись и расцеловались троекратно.

Эйб уже ушел, они были одни в кабинете.

— Как мои дела?— поинтересовался Костров.

— Расскажу по дороге и за столом,— ответил Майкл. Андрей уловил тревогу в голосе и почувствовал, как все в нем напряглось...

В приемной у Энн сидела Мэри. Сегодня на ней было то самое синее платье с белой отделкой, которое она не надела вчера. Она встала, протянула руку. Сначала Кострову. И почувствовала, как ее ладонь осторожно и надежно сжали сильные пальцы Андрея. Какое-то странное чувство осталось у нее от этого рукопожатия. С боссом было проще. Он внимательно и восхищенно оглядел ее. Это был обычный мужской взгляд, к каким она привыкла, и он вернул ей чувство покоя и уверенности.

— Мистер Костров, мне ждать вас здесь?— спросила она.

— Мы вернемся часа через два,— полуутвердительно-полувопросительно сказал Андрей, глядя на Майкла.

— Да, вероятно.

— Тогда и вы пообедайте и подумайте, где можно снять недорогую и приличную квартиру.

— Это сложно, ведь вы всего на месяц...

— Верно. И все же попытаемся. Гостиница угнетает меня. Да, и позвоните куда-нибудь насчет аренды машины «форд» либо «шевроле». Обязательно новые.

— На аренду нужны гарантии.

— Энн, подготовь бумаги,— вмешался Майкл, еще раз бесцеремонно оглядел Мэри и вышел вслед за Андреем в коридор.

«Михель стейк хауз» находился на тихой улице. Обеденный зал помещался на втором этаже двухэтажного дома. Здесь не было светящейся рекламы и призывно сверкающих стеклом подъездов. Ресторан был рассчитан на людей, делавших большой бизнес. Тут вкусно кормили, не отвлекали музыкой и шумом множества посетителей.

Когда официант, приняв заказ, ушел, Андрей виовь спросил:

— Так как дела?

— Пока не очень ясно,— ответил Майкл.— Но я обеспокоен, признаюсь тебе.

— Почему?

Розз рассказал о полученном сегодня утром письме и о телефонном разговоре с Торонто.

— Мне понятно, что это дело рук «Колибри». Однако мотивы и методы необычны. Они явно хотят лишить меня экранов. Но зачем? В такое невыгодное для проката время осторожный хозяин приплатит, чтобы не прогореть. Директора «Колибри» отлично понимают это.

Когда Андрей знал, откуда грозит опасность, он сразу успокаивался. Неопределенность ожидания, тревожное предчувствие уступали место напряженной работе мысли, поиску верного решения. Так бывало с ним всегда. Так было и теперь.

Правда, знал он еще слишком мало и в то же время больше Майкла, ибо лучше его понимал, кому и почему показ фильмов, раскрывающих истинное лицо войны, рассказывающих правду о фашизме, придется не по вкусу.

Официант принес вазочки с закуской: крупные мясистые красно-белые шейки креветок были уложены на нежно-зеленые листья салатной капусты. В середине лежала очищенная половина разрезанного лимона. В отдельной соуснице — острый кетчуп.

Вид у закуски был очень аппетитный, а вкус и того лучше. Но от недавнего голода не осталось и следа. Он безразлично ткнул маленькой вилочкой в креветку, думая о своем.

Фред Браун осторожно спустился по извилистым съездам на третий этаж подземного гаража. Он тщательно закрыл изнутри окна и вылез из машины. Дверь, помимо обычного замка, запер еще на дополнительный, секретный, спрятанный под ручкой. Потом проверил, хорошо ли закрыт капот. Лишь убедившись в надежности всех запоров, не торопясь, направился к лифту.

Бесшумная кабина быстро понесла его вверх и остановилась, когда на табло зажглась цифра «18». Браун пошел по длинному коридору, освещенному лампами дневного света.

Слева и справа были одинаковые, отделанные коричневой пластмассой двери и на каждой небольшая, похожая на соседнюю табличка с надписью. Только текст был разный. «Доктор В. Дуглас. Отоларинголог». Внизу для несведущих: «Ухо. Горло. Нос». «Доктор М. Вернер. Фтизиатр». «Доктор В. Хьюм. Психиатр». За каждой дверью сидела очаровательная молоденькая или строгая пожилая медицинская сестра. Когда посетителей не было, врачи собирались в крошечном кафе на том же этаже, пили кофе или кока-колу, курили, читали газе-

ты, рассказывали анекдоты. Если появлялся пациент, сестра набирала нужный номер и говорила: «Доктор Вернер, вас ждут!» А больному объясняла: «Погодите одну минуточку. Доктор очень занят, он консультирует в другом кабинете. У него такая большая практика».

Тем временем доктор Вернер досказывал свой анекдот, допивал кофе и шел на вызов.

Браун остановился у двери с надписью: «Доктор Ф. Браун. Стоматолог». Он открыл ее своим ключом, однако в прихожей уже сидела сестра в белом халате и шапочке. Она встала.

— Кто-нибудь есть?

— Нет, шеф.

— Я вам уже сто раз говорил: не шеф, а доктор.

— Да, доктор.

— Почта есть?

— Да, доктор. Вам оставили письмо.

Он взял конверт, подозрительно оглядел его и ушел во внутренние комнаты.

Браун уселся в низкое глубокое кресло, положил ноги на журнальный столик, вскрыл конверт и аккуратно вынул из него два больших листа белой бумаги. Прежде чем начать читать, он внимательно оглядел письмо. Все было правильно. Слева ровно отогнуты поля. Браун достал из кармана крошечную рулетку и измерил ширину полей сверху и снизу. Дюйм с четвертью. Браун удовлетворенно улыбнулся и спрятал рулетку. Сказал вслух: «Аллес ин орднунг!» Недаром командир зондеркоманды Бруннер говорил о нем: «Алекс хотя и русский, но очень способный и, что удивительно, аккуратный человек».

Браун задумался: Алексей Митин. Как давно это было! «Возьми себя в руки»,— приказал он себе и начал читать первый лист, исписанный мягким округлым почерком.

«Костров Андрей Николаевич. Ответственный за проведение декады советских фильмов.

Прилетел из Москвы 14 апреля рейсом Аэрофлота. Имел при себе чемодан с носильными вещами и портфель, вероятно, с документами.

Из аэропорта уехал в отель с сотрудником русского посольства на «бьюике». Цвет синий. Номерной знак 27-477 дипломатический.

Установлено, что с Костровым прибыл груз весом шестьсот двадцать килограммов: реклама, двадцать семь яуфов с фильмами, два проекционных переносных аппарата для демонстраций 35 мм фильмов.

Сколько-нибудь серьезного разговора с Костровым не состоялось. Сообщить о нем что-либо дополнительное не могу.

Первая рабочая встреча назначена на 15 апреля после телефонного уточнения. Место встречи: офис фирмы «Розз энд Розз».

Долли.

14 апреля 1969 года».

Браун поднялся, подошел к небольшому шкафу, вынул толстую тетрадь и что-то записал. Потом сделал пометку на донесении и, пробив его дыроколом, защелкнул лист в держателях тяжелой папки из плотного картона.

Мэри Фергюссон должна была заехать за Костровым в отель. Договорились, что ровно в девять он спустится вниз. С утра Андрей хотел разделаться со всеми бытовыми вопросами: снять квартиру и взять в аренду автомобиль с тем, чтобы в дальнейшем больше не отвлекаться от дел. Они — это предчувствие не оставляло его — будут, очевидно, трудными.

Однако планы пришлось изменить. Андрей уже завязывал галстук, когда зазвонил телефон.

— Это ты, Дрю?— раздался в трубке голос Майкла.— Приезжай, есть разговор.

Розз больше ничего не сказал, но Андрей по встревоженному тону Майкла понял, что появилось еще какое-то осложнение.

Мэри уже ждала его. Он поздоровался, сел в машину и попросил:

— В нарушение нашего плана я хотел бы заскочить к мистеру Роззу в офис.

— О'кэй,— бесстрастно ответила она.

«Удивительно хороша!»— подумал Андрей.

...Вместо приветствия расстроенный Майкл протянул Андрею вскрытый конверт: «Читай!»

Владелец кинотеатра из Торонто сообщал, что в силу более раннего и выгодного контракта с фирмой «Колибри» он не может принять предложение «Розз энд Розз» о проведении декады советских фильмов в его кинотеатре.

— Кажется, «Колибри» дает мне бой,— сказал Майкл.— Но деньги!.. Откуда у них взялись деньги? Ведь дела «Колибри» из рук вон плохи. Всего две недели назад они не смогли заплатить вполне умеренную цену за «Два карабина в ее окне». А фильм был уже широко разрекламирован и почти не требовал дополнительных расходов. Ленту купил я...

Костров догадывался, откуда появились деньги у «Колибри».

— Можно предположить, что в ближайшие дни подобные письма придут и из Квебека и Оттавы,— сказал он.

— Ты так думаешь?

— Я в этом почти уверен...

Как это ни странно, но после разговора с Майклом Андрей несколько успокоился. Теперь он точно знал: обструкция со стороны владельцев кинотеатров не случайна. Она организована одной рукой. Нужно искать иной выход, новые решения, и его мозг уже напряженно работал над этим.

— Я вчера не теряла времени и могу предложить несколько подходящих вариантов насчет квартиры,— сказала Мэри Андрею,

когда он вновь сел к ней в машину. Украдкой она внимательно взглянула на него.

— Вы чем-то расстроены, босс?

— Меня зовут Андрей Костров,— недовольно проговорил он.

— О'кэй, мистер Костров,— согласилась она. И тут же добавила по-русски:— Я могу называть вас Андрей Николаевич, если хотите.

Он обернулся к ней.

— Называйте меня так, как принято в вашей стране.

— Отлично. А вы можете звать меня просто Мэри. Это проще и короче, чем мисс Фергюссон...

Они ехали по Сан-Кэтрин в сторону моста Жака Картье. Не доезжая до него несколько кварталов, Мэри сделала левый поворот и вскоре остановилась возле красивого четырнадцатиэтажного дома. Андрей прочел название улицы: «Мезанёв».

Рядом с подъездом, снабженным специальной сигнализацией в квартиры, находилось большое окно. На огромном толстом стекле с внутренней стороны висела табличка «Сдается».

Хозяйка, высокая, непомерно толстая женщина с неприятным лицом, не желала сдавать квартиру на месяц. Мисс Фергюссон долго убеждала ее, и наконец та согласилась за триста пятьдесят долларов сдать двухкомнатную квартиру на девятом этаже.

Они втроем поднялись наверх. Хозяйка подошла к двери, на которой была табличка с цифрой «902».

«Двухкомнатная» квартира не имела прихожей. Андрей из коридора сразу попал в комнату-кухню площадью метров в семнадцать-восемнадцать. Слева стояла электроплита на две конфорки. Над ней — большой купол вытяжного вентилятора. Рядом с плитой холодильник. В углу, возле двери на балкон, телевизор на поворотной ножке. Два кресла и журнальный столик стояли у окна, напротив телевизора. В центре — небольшой стол и четыре стула. Из кухни дверь вела в маленькую, не более восьми метров комнату. Здесь стояли кровать, комод, тумбочка и крошечный пуф. Вдоль задней стенки помещался гардероб.

Андрея не очень волновали достоинства квартиры. Важно иметь свой угол, который к тому же вдвое дешевле номера в гостинице.

По требованию хозяйки он уплатил за месяц вперед, взял внизу ключ, и они поехали выбирать автомобиль.

Костров остановился на новеньком двухсотдвадцатисильном «шевроле».

Внимательно осмотрев и опробовав машину, Костров тут же застраховал ее от аварий.

В четверг Андрей поднялся в шесть часов утра, открыл дверь на балкон. Сделав зарядку, он принял душ, побрился. Съев две невкусные сосиски и баночку йогурта, спустился во двор, где стояла машина. Было семь часов утра. В посольстве ему нужно быть в одиннадцать, а до Оттавы более ста двадцати миль.

Выезжая со двора, Андрей заметил, что одноглазый привратник смотрит вслед через большое окно.

Через три часа Костров подъехал к ограде, за которой в глубине двора стоял красивый двухэтажный особняк. На медной табличке по-русски и по-английски было написано: «Посольство Союза Советских Социалистических Республик».

...В Монреаль Андрей возвращался внутренне собранный и успокоенный. Панацеи от всех бед у него не было. Но трезвая оценка и глубокий анализ ситуации, характеристика могущих противоборствовать успеху декады советского киноискусства сил помогли Кострову правильно определиться. Он изменил план подготовки и проведения декады, вновь тщательно, до мелочей продумал каждый шаг. Большое участие в этой работе принял советник по культуре, тот самый, который встречал Кострова в аэропорту.

Андрей запомнил его напутственные слова:

— Этот Розз, кажется, честный бизнесмен и неплохо относится к нашей стране. Такие люди помогают культурному сотрудничеству между народами, и контакты с ними надо ценить...

Продолжение следует.

ДЕКАДА

Лев РУДНИЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Майкл встретил Андрея в офисе пытливым взглядом.

— Ну, что тебе сказали ваши? Наверно, винят меня: буржуй Розз все это подстроил?

Андрей рассмеялся.

— В посольстве считают, что буржуй Розз — честный парень.

— Я тебе сейчас не слишком верю. Но ты можешь рассчитывать на фирму «Розз энд Розз»: мы с братом ведем открытую игру. Я не собираюсь терять русских партнеров.

Они закурили. Энн принесла две бутылочки кока-колы и разноцветные пластмассовые соломинки в тяжелом стакане из темного стекла.

— На кинотеатры, с владельцами которых велись предварительные переговоры, можно поставить крест,— сказал Андрей.— С этим ты согласен?

— Очевидно.— Майкл неторопливо потянул холодную влагу.— Эндрю, я кое-что придумал. Кинотеатры будут. Это не твоя забота. Но вот зрители, черт бы их побрал! Как загнать их в подземелье, когда весь город едет в парк на гору вдохнуть вечерней прохлады?

— Их не надо загонять, Майкл. Нужно, чтобы они знали, о чем фильмы. Нужно рассказать им, заинтересовать их, и они поймут сами.

— Нет, Эндрю. Ты не знаешь нашего зрителя. Ему бы голых девок да десяток ловких убийств пострашнее.

Костров не стал спорить.

— Если «Розз энд Розз» обеспечит для начала хотя бы один кинотеатр, все будет в порядке. Мы прорвемся к зрителям.

Майкл выдохнул облако сигаретного дыма.

— «Розз энд Розз» даст залы,— еще раз подтвердил он.

Андрей и раньше был убежден, что фирма найдет кинотеатры: бизнес есть бизнес. Но расспрашивать Майкла о том, как тот собирается это делать, он не хотел. Во-первых, неудобно. Во-вторых, нужно сконцентрироваться на главном: обеспечить посещаемость предоставленных залов.

Андрей предполагал вырваться за пределы этих кинотеатров. Ведь декадные фильмы не проданы фирме «Розз энд Розз». Кроме того, советская сторона гарантировала владельцам твердый минимум. Это было не очень выгодно, но зато развязывало Кострову руки.

Правда, когда Андрей поделился с Майклом своими планами показа фильмов вне кинотеатров, Розз-старший возразил:

— Помимо твердого минимума, нам причитается сорок процентов от сборов, если они превысят сумму гарантии.

— Верно, Майкл. Однако несколько показов на стороне будут лишь своего рода рекламой. Согласись, они должны привлечь дополнительных зрителей.

— Это еще вопрос,— возразил Майкл.

— Никакого вопроса. Кроме того, ты же сам понимаешь, без такой рекламы «Розз энд Розз» получит сумму гарантии, а мы понесем убытки. А если зритель пойдет, ты еще дополнительно заработаешь.

С этим Майкл не мог не согласиться:

— Ну что ж, валяй! Может, ты и прав.

И Костров приступил к выполнению своего плана.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2, 3.

«Андрей Костров — СССР.

(В дополнение к донесению от 14 апреля.)

К непосредственной работе по подготовке декады Костров меня не привлекает.

По его поручению подыскала квартиру. Провела предварительные переговоры с владельцами дома. Костров поселен в соответствии с вашими указаниями. Адрес: Мезанёв-стрит, дом 12, апартамент 902.

Сегодня же, 15 апреля, Костров взял в аренду на фирме «Смитт» «шевроле-220», модель Беллайр, цвет темно-синий. Несмотря на то, что я рекомендовала ему в соответствии с инструкцией подготовленную машину с красной обивкой, он выбрал другой автомобиль — обивка светло-серая. Номерной знак... У меня сложилось впечатление, что Костров предпочел эту машину только по эстетическим соображениям.

Долли. 16 апреля».

Браун два раза перечитал донесение, открыл сейф и положил листок в папку, не подшив его. Затем надел белый халат и через стоматологический кабинет, обогнув сверкающее никелем и непотертой кожей зубоврачебное кресло, вышел в прихожую. Клиентов не было. Медицинская сестра читала «Лайф».

— Попросите мисс Фергюссон связаться со мной по телефону с четырех до четырех с четвертью пополудни сегодня либо в это же время завтра.

Он шагнул к двери и, коротко бросив: «Я у Першке»,—вышел в коридор.

Браун миновал кафе, где собирались врачи, и повернул к лифтам. Нажал кнопку и стал ждать. Из задумчивости его вывел мелодичный звон: «дин-дон». Бесшумно отворилась дверь, Фред Браун шагнул и оказался в наглухо закупоренной кабине, которая вдруг упала вниз. Под ложечкой у Брауна что-то противно шевельнулось и подкатило к горлу, как в сорок первом под Вязьмой, когда он впервые увидел двух немецких мотоциклистов.

Кабина остановилась. Фред Браун вытер лоб белоснежным носовым платком, брезгливо посмотрел на вспотевшие ладони и вышел в холл первого подземного этажа. По обе стороны просторного тоннеля светились витрины магазинов, кафе, парикмахерских. Он остановился у окна, за стеклом которого в огромной кружке пенилось пиво — снизу в нее незаметно подавался воздух.

Над входом висел тяжелый средневековый фонарь. На стеклах готическими буквами было написано «Ганс унд Лотта». Браун толкнул дверь и радостно улыбнулся стоящему за кассой хозяину.

— Гутен таг, герр Першке!— сказал он и направился к своему любимому месту в затемненном углу.

Костров разместился в комнате по соседству с кабинетом братьев Розз. Комната была не более двенадцати квадратных метров, но она устраивала Андрея: светлая, второй стол для мисс Фергюссон, большой металлический рабочий шкаф.

На следующий день после разговора с Майклом о дополнительном показе Костров поручил Мэри:

— Поезжайте, пожалуйста, в аэропорт и узнайте, когда таможня выпустит мой груз. Подумайте о транспорте. Фильмы — на склад «Розз энд Розз», рекламу туда же, а картонный ящик сюда.

— Но это можно сделать по телефону!— удивилась она.

— Безусловно, однако я прошу вас убедиться во всем лично,— сказал Андрей вежливо и в то же время так, что она поняла: возражать бессмысленно.

Когда Мэри вышла, он подвинул к себе кипу газет, нашел нужную и вырезал объявление, обведенное красным фломастером. Потом вынул из портфеля небольшую черную папку и скрепкой подколол объявление к какому-то документу. Затем набросал на листочке план действий и просмотрел утренний выпуск газеты. Наконец, захватив портфель, Андрей направился к выходу.

...С шефом рекламного отдела телевизионной компании Костров договорился о встрече еще вчера, и тот уже ждал его. Андрей вошел в большую комнату. Четыре стола были завалены различными рисунками, планшетами и уставлены макетами. На стеллаже вдоль всей левой стены размещалась огромная картотека. Ни один из сотрудников не оторвался от дела. Лишь пожилой человек поверх очков взглянул на Андрея.

— Вы от «Розз энд Розз»?

— Да...

— Проходите.— Он кивнул на дверь.

Толстяк Гриссом был едва ли не кормильцем компании. Его служба давала основной доход. Пропорционально доле дохода был и авторитет «толстяка», как звали его за глаза сотрудники.

Хозяева ценили Гриссома и побаивались, что он может перебежать к конкурентам. Поговаривали, что «толстяку» принадлежит от трех до семи процентов акций, и никто не мог понять, почему он работает больше простых сотрудников,— иногда по десять — двенадцать часов в сутки.

Гриссом был в отличном расположении духа. Впрочем, иным его видели редко.

— Мистер Костров, вы опять порхнули через океан?! Ха-ха!.. Что вас привело ко мне? Ваши дела в порядке. Деньги поступили. Реклама пойдет в эфир точно в срок и в указанные часы. С двадцатого мая каждый вечер четыре с половиной минуты: три раза по полторы и, кроме того, по пять минут семнадцатого и восемнадцатого и десять минут двадцатого. Все три в девять часов вечера. Вы идете между слабительными таблетками «Вихрь» и пивом «Молсон». Договор подписан, но если вас что-нибудь не устраивает и я в состоянии вам помочь — я готов. Имейте лишь в виду,— он обеспокоенно заерзал в кресле,— объем сокращать нельзя. Все уже сколочено!— и сделал рукой жест, будто вбил молотком гвоздь.

Андрей понимал, что компания не пойдет на сокращение рекламы. Ведь каждая минута приносила ей тысячу долларов.

— Сокращать я не собираюсь.

— Прекрасно,— опять заулыбался Гриссом.— Так что же тогда? Добавить?

— Нет, я бы хотел переставить.

— У вас отличное окно. Вы идете в разрывах боевиков. Между «Вихрем» и «Молсоном»— это очень, очень хорошо! Сначала мы прочищаем кишечник зрителю. Он сидит и кисло размышляет над своим колитом. Потом мы предлагаем ему кружку доброго пива. Настроение у него поднялось. И тогда он вспоминает, что только что его звали в кино. И он спешит в кино!

— Я бы хотел перенести передачу с двадцать второго на девять часов пятнадцать минут вечера двадцать девятого,— сказал Костров.

— А четыре с половиной минуты двадцать девятого?— насторожился Гриссом.

— Перенести на двадцать седьмое,— успокоил его Костров.

— Нет, уже поздно...

Костров понимал, что если шеф рекламы сказал «нет», то есть лишь один способ изменить его решение...

— Жаль,— сказал Андрей.— Я хотел в этом случае увеличить передачу еще на три, даже на пять минут...

«Пять тысяч долларов!»— радостно подумал Гриссом. И он дрогнул.

— Что ж, давайте посмотрим верстку программы.

Он достал журнал, полистал и с грустью отложил его.

— Ничего не выйдет. На это время запланировано выступление представителя организаций ветеранов войны и борцов за мир Здислава Пшебыльского. Подумать только, как быстро летит время,— уже четверть века прошло с момента окончания второй мировой!.. А потом будут показаны уже отобранные ими отрывки из фильмов о войне.

— Вот и отлично... Я все улажу. Деньги перечислю завтра. Вы даете мне десять минут с девяти пятнадцати до девяти часов двадцати пяти минут. Но одно условие...

— Условие? Какое?

— Вы можете сохранить в тайне до выхода в эфир новую программу и сам факт наших переговоров?

— Мы солидная компания.

— Решено... Если я подтвержу по телефону нашу договоренность и представитель ветеранов сделает то же самое,— меняйте верстку. Но повторяю: эту рекламу не нужно рекламировать.

Прямо из телекомпании Костров поехал домой. Переулками он выбрался на скоростную магистраль. Андрей гнал машину. Стрелка спидометра вздрагивала, показывая скорость восемьдесят пять миль в час. Знаки ограничения скорости разрешали здесь лишь шестьдесят. Но что было делать? Он и так задержался у Гриссома. Поднимаясь домой в лифте, Андрей почувствовал голод. Пообедать он так и не успел. Войдя в квартиру, Костров внимательно огляделся. Чемодан стоял не так. Он ухмыльнулся и неопределенно сказал сам себе: «Ну что ж...»

Переодевшись и умывшись, Андрей поставил на плиту сковородку, обжарил несколько ломтиков бекона и разбил три яйца.

Затем он вынул из холодильника жестяную банку пива и улыбнулся: это был тот самый «Молсон», который рекламировал Гриссом.

Прошло минут двадцать. Как он и ожидал, раздался телефонный звонок. Андрей поглядел на часы. Стрелки показывали полодину третьего.

— Слушаю вас.

— Хэлло, мистер Костров, говорит Мэри. Груз прошел досмотр. Рекламу и проекционные камеры можно вывозить завтра.

— Отлично,— сказал Андрей.

— С фильмами хуже. Осложнение серьезное: нет аннотаций, и мы не в состоянии доказать, что они были...

Она замолчала, ожидая реакции Кострова, но он не спешил с ответом, и мисс Фергюссон начала сноза:

— Я подумала, мистер Эндрю, что ведь вы, очевидно, помните все эти фильмы и могли бы написать новые аннотации. Право же, это займет у вас немного времени. Дня три...

Костров слушал Мэри Фергюссон и думал. Ей наверняка известно, что аннотации включают в себя, помимо краткого содержания, фильмографические данные: объем, цвет, формат, фамилии и имена членов съемочных групп. Чтобы написать новые, потребовались бы не день, не два и не три. Ведь каждый фильм пришлось бы опять просмотреть, снять с экрана необходимые данные, пересказать содержание и, наконец, перепечатать все это. Однако главная трудность заключалась вот в чем: чтобы написать аннотации, следовало ознакомиться с фильмами, а для этого их нужно было получить из таможни. Но она не могла выпустить фильмы без аннотаций! Образовался бы заколдованный круг.

— Мистер Эндрю, вы меня слушаете? Ну как вам нравится мой план?..

— Он не годится...

Из трубки разочарованно донеслось:

— Но почему?

Андрей не стал объяснять. Он поручил мисс Фергюссон еще сегодня созвониться с транспортной фирмой и заказать небольшой грузовик.

— Попросите машину с тентом. К полудню она должна быть у таможни. Вы поезжайте на пятнадцать минут раньше и разыщите меня.

— О'кэй,— ответила Мэри. И настороженно спросила: — А зачем тент?

— Проекционная аппаратура боится влаги,— ответил он.

«Андрей Костров — СССР.

(В дополнение к донесению от 16 апреля с. г.)

Восемнадцатого апреля Костров приехал в офис «Розз энд Розз» в четырнадцать часов чем-то озабоченный. До шестнадцати часов тридцати минут он просидел у хозяина в кабинете. Младший партнер отсутствовал.

Когда Розз уехал, Костров вернулся к себе. У меня сложилось впечатление, что он был удовлетворен разговором с владельцем фирмы.

Костров посетовал на то, что в городе вечером нет ничего интересного, и он с радостью ждет начала гастролей Филадельфийского симфонического оркестра и концертов органной музыки.

Я заметила, что в городе идут два фильма — французский и итальянский, говорят, они хороши, но я боюсь судить, так как сама не видела.

Костров выслушал меня и сказал, что не смотрел эти фильмы, поэтому тоже не может о них судить. Он сделал вид, что не понял намека.

В пять часов Костров отправился домой.

В семь часов я проехала по Мезанёв и заглянула во двор. Машина Кострова стояла на месте.

Долли. 18.IV. с. г.

Андрей Костров — СССР.

(В дополнение к донесению от 18.IV. с. г.)

Сегодня в полдень Костров неожиданно поручил мне съездить в аэропорт и навести в таможне справки о багаже. Это поручение показалось мне странным. Однако Костров настаивал, и я в 11 ч. 30 м. вышла из офиса. Я отъехала и минут пятнадцать наблюдала с угла Сан-Кэтрин и маленького переулка. Машина Кострова стояла на месте.

Уходя, Костров просил секретаршу передать мистеру Роззу, что после ланча будет дома, так как ему нездоровится.

Привратник дома на Мезанёв подтвердил, что Костров, возвратившись, больше не выходил. В 14 часов 30 минут я позвонила ему и сообщила о результатах поездки. Костров выслушал меня спокойно.

Таким образом, кроме офиса фирмы «Розз энд Розз», Костров в этот день нигде не был.

Долли. 19.IV. с. г.

Андрей Костров — СССР.

Передано грузчику таможни аэропорта Дорваль Максу Формэну 50 (пятьдесят) долларов.

Долли. 19.IV. с. г.».

Браун прочел донесения и убрал их в сейф, отложив в сторону расписку. Потом взял ее, внимательно рассмотрел на свет и сокрушенно покачал головой. «Вот дура. Взяла и написала прописью «пятьдесят». Жалко»,— подумал он и сунул расписку туда же.

— Вы передали мисс Фергюссон мое распоряжение?— спросил Браун у сестры.

— Да, шеф. Она будет звонить ровно в четыре...

В первый же вечер своего новоселья Костров на всякий случай открыл телефонный аппарат и увидел внутри на панели крошечный грибок. Его шляпка немного напоминала круглый дверной звонок. Андрей ничего не тронул: он лишь хотел удостовериться в том, что за ним следят. Если бы он снял грибок, то появился бы новый. Кроме того, тот, кто следил за ним, понял бы, что Костров знает об этом. По характеру устройства Андрей понимал, что за ним наблюдает не полиция или какой-нибудь другой государственный орган. Те пользовались бы менее примитивными способами. Включенный телефонный аппарат уже сам по себе давал возможность прослушать все, что происходило в комнате.

Поэтому Костров накинул плащ и спустился вниз. Выходя из дома, он спросил одноглазого портье, которого мысленно окрестил «циклопом»:

— До которого часа торгует большой продовольственный магазин на углу?

— До семи, сэр!— ответил «циклоп», глядя мимо Андрея своим единственным бегающим глазом.

Но, оказавшись на улице, Костров миновал магазин и лишь на следующем квартале вошел в обувной магазин. Здесь в просторном помещении между двумя стеклянными дверьми висели на стене телефоны-автоматы. Костров вынул из верхнего кармана пиджака визитную карточку, которую приготовил еще дома. «Стенли Мерфью — член правления объединения ветеранов войны.

Адрес... Телефон служебный... Телефон домашний...».

Костров опустил в щель десятицентовую монету и набрал нужные цифры. Низкий, хрипловатый голос ответил: «Я вас слушаю». Андрей сразу узнал его и приветливо сказал:

— Привет, Стенли. Вы не больны?

— Кто это говорит? И почему я должен болеть?

— А что же тогда случилось, что вы все еще на работе? Время близится к пяти.

— Ба-ба-ба!.. Не называйте себя! Одну минуту — сейчас сам узнаю вас... Да это никак вы, мистер Костров?!

— Я.

— Рад слышать вас, Эндрю. Каким ветром занесло?

— Во всяком случае, добрым. Но это при встрече.

— Что вы делаете сегодня вечером, Эндрю? У меня как раз свободное время.

— Отлично. У меня тоже. Выпьем где-нибудь по кружке пива.

— По две и за мой счет. Встретимся в половине седьмого у...

— Давайте у въезда на парковку универмага Дюпона. Там всегда есть места, и мы сможем оставить машины.

— Договорились.

Когда Андрей, медленно продвигаясь к стоянке, расположенной за зданием огромного магазина, добрался наконец до въезда и встал в хвост очереди из семи-восьми машин, Стенли уже ждал его. Они крепко пожали друг другу руки.

— С чем приехали?— спросил Стенли.

— Мы будем в мае проводить декаду показа советских фильмов.

— А-а-а, слышал.

Повернув за угол, они подошли к небольшому испанскому кабаре.

— Зайдем сюда,— предложил Стенли.— Неплохая музыка, чисто и не очень дорого.

На крошечной эстраде черноголовая, загримированная под испанку женщина исполняла темпераментный танец. Мерфью выбрал столик в углу. Здесь было уютно и хорошо видно, что происходит на эстраде.

— Вы привезли много фильмов?— спросил он.

— Порядком,— ответил Костров.— В программе девятнадцать, но я привез больше.

— Большевистская пропаганда!— рассмеялся Стенли.

— Если угодно. Пропаганда против войны. Пропаганда мира. Пропаганда того, как мы воспитываем детей, как обеспечиваем старость и охраняем материнство.

— Кстати, об охране материнства,— оживился Стенли.— Тут один сын собаки, как у вас говорят...

— Сукин сын,— рассмеялся Андрей.

— Да. Он был в вашей стране. Посетил много городов и всюду снимал женский труд. Вы знаете, Эндрю, я не раз бывал в России. Но даже мне, человеку, который все видел своими глазами и знает, что это не так, было неприятно смотреть, когда он показывал по телевидению свои кинокадры и комментировал их. После его передач у людей, мало знающих о Советском Союзе, создалось дурное впечатление.

— У меня есть фильмы, которые смогут рассказать правду о положении и правах женщин в СССР, но, к сожалению, мне их негде показывать.

И Костров поведал Стенли Мерфью о своих невзгодах.

— Это не дело рук правительства,— сказал Мерфью.— Я полагаю, это эмигранты. Вы знаете, у нас тут много всякой публики из вашей страны. Среди них множество изменников военных лет, тех, кто в последнюю войну был заодно с Гитлером. Любая попытка рассказать правду о Советах вызывает у них дикую злобу. В прошлом году они зверски избили лектора, который побывал в Москве, Ленинграде и Киеве. Подкараулили его возле дома.

— Вернемся к «эмансипации по-русски»,— предложил Андрей.— Если бы можно было показать наши фильмы в аудиториях колледжей, университетов, библиотек, клубов, это помогло бы разоблачить лживость тех передач. Все они не художественные, а научно-популярные и документальные и не облагаются налогами. Поэтому мы даем вам ленты бесплатно, но и вы должны показывать их бесплатно.

Стенли Мерфью задумался.

— У нас есть такие площадки, мы бы с радостью прокрутили там ваши фильмы. Но если демонстрировать их бесплатно, где взять деньги на аренду помещения, оплату электроэнергии, наем киномехаников и прочие расходы?

Он безнадежно махнул рукой и вздохнул. Погасили свет. Теперь сквозь гирлянды прозрачных стеклянных шаров освещалась только эстрада. Свет скользил по шарам, и казалось, что они плывут куда-то вверх, а танцовщица падает вниз.

— Ладно, Стенли,— сказал Андрей,— по-моему, есть выход.

— Какой?— не скрывая недоверия, спросил Стенли.

— Ищите площадки. Остальное за мной.

Они не спеша выпили еще по кружке пива и расстались, договорившись, что Стенли Мерфью позвонит Кострову в офис «Розз энд Розз» послезавтра до полудня.

Костров ехал домой и думал о том, как хорошо все-таки, что он не послушал Тупинина. Три раза из проекта сметы, который представлял Костров, главный бухгалтер агентства вычеркивал расходы на приобретение передвижной кинопроекционной аппаратуры.

— Денежки-то народные, Андрей Николаевич. Они счет любят,— говорил он Андрею, сверля его колючими маленькими глазками.— А вы на них хотите для миллионера аппаратуру купить, чтобы он больше заработал.

— Но аппаратура нужна нам. Вы вынуждаете меня выйти за рамки сметных статей, то есть обманывать,— горячился Костров.

— Обманете — будете отвечать. По всей строгости...

Костров обманул. Получив наряд в Главснабе, он перечислил на завод киноаппаратуры деньги за две передвижки, проведя расходы по статье «Реклама».

Бухгалтер, пожилой человек, инвалид войны, предупредил Кострова:

— Андрей Николаевич, имейте в виду — это незаконно, и вам, да и мне, за это крепко может попасть.

— Знаю. Буду отвечать,— сказал Андрей.— А чтобы вам не влетело, я подпишу банковское поручение вторично.

— Зачем? Раз надо — ответим вместе,— сказал бухгалтер и вышел, тяжело ступая.

«Разгорится сыр-бор,— пронеслось в голове у Андрея.— Но ничего. Объясню — поймут. На Тупинине свет клином не сошелся».

Когда Мэри Фергюссон вошла, Брауну стоило усилия заставить себя неторопливо подняться. Эта женщина не только нравилась ему. Он побаивался холода ее взгляда и поразительной уверенности в себе. А перед всеми, кто внушал ему робость или страх, Брауну хотелось вскочить и вытянуться в струнку, щелкнув каблуками и держа руки по швам. Таков был рефлекс, вколоченный в него нацистскими наставниками.

— Что нового, Мэри?— стараясь выказать доброжелательность и дружеское расположение, спросил он.

— Все, что вас может интересовать, изложено в моих донесениях.

— Ну, зачем так сухо и официально?!— обиделся Фред.

— Разве наш разговор не официален?— осведомилась Мэри.

— Нет... то есть да... до какой-то степени.

— После наступления этой степени я могу быть свободной?

— Почему вы всегда сердитесь?

— Мне неинтересно с вами, шеф. Я честно выполняю контракт. У вас, надеюсь, нет претензий по этой части?

— Представьте себе, есть.— Он попытался перехватить инициативу.— Я хотел сказать, мисс Мэри, что ваши донесения слишком лаконичны. Мы по сей день ничего не знаем о Кострове. Какой он, что любит есть, когда отдыхает и, главное, что он делает и где бывает после работы...

— Это не предусмотрено контрактом. Вы знаете, мистер Браун, что я пришла к вам не с улицы. Я приняла ваше предложение из-за временных затруднений. Так вот, тот, кто рекомендовал меня — вы знаете, о ком я говорю...

При упоминании об этом человеке у Брауна пересохли губы, и он облизал их шершавым языком.

— ...Так вот, он сказал, что мне будет предложен контракт. Я подписала его. Помнится, там не упоминалось ничего насчет отдыха, черт характера и тому подобного. От меня требовалось лишь информировать вас — и уж не знаю, кто там за вами стоит — о том, как идут дела у русского в связи с подготовкой декады советских фильмов. Я это выполняю точно. Что еще нужно? Хотите, чтобы я делала больше? Готовьте новый контракт и увеличивайте плату.

Фред Браун ненавидел ее в эту минуту за смелость и независимость, за то, что ей не нужно бояться своего прошлого. «Если бы ты была эмигрантка, я бы в два счета привел тебя в чувство»,— злобно подумал он.

— Ну, ладно,— мирно сказал Браун.— Я ведь не для этого просил вас прийти... Давайте поужинаем сегодня вместе? А?

Мэри Фергюссон едва не ответила насмешливым отказом, но вдруг представила себе еще один вечер в пустой квартире, в постоянном ожидании звонка ее высокого покровителя, который раз или два раза в месяц заезжал к ней. Он вез ее в дорогой отель. В номер подавали вино и фрукты. Покровитель, галантный и добродушный до первого бокала вина, быстро напивался, говорил непристойности, заставлял раздевать его... Вскоре он засыпал. А она принимала душ, одевалась, садилась в кресло и глядела на переливающийся ночными огнями город. Иногда плакала от ненависти, обиды и безысходности.

И Мэри ответила:

— Согласна. Но только не в ваших эмигрантских притонах. Пусть это будет хороший ночной клуб. Потом вы меня отвозите домой, до подъезда, и не выходите из машины.

При словах «хороший ночной клуб» Брауна на миг охватила растерянность: он представил себе сумму счета. И все же Браун обрадовался. «А деньги — черт с ними. Проведу на угощение по операции «Костров»,— подумал он и радостно сказал, что заедет за ней.

— Я буду готова к девяти,— предупредила Мэри.

Продолжение следует.

Д Е К А Д А

Лев РУДНИЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

В соборе Святого Доминика по пятницам устраивались концерты органной музыки. Здесь был установлен прекрасный инструмент. В конце прошлого века богатый скотопромышленник купил за баснословную цену орган одной из старинных роттердамских церквей и перевез через океан. Здесь меценат преподнес его собору Святого Доминика, который только начинали строить. Так уникальный инструмент, простоявший на земле Европы более трех столетий, попал в Америку и обрел здесь вторую жизнь.

Сначала все шло пристойно. Прихожане слушали строгие хоралы и фуги. Хоры мальчиков с чистыми и звонкими голосами, в чистеньких воскресных костюмчиках исполняли божественную «Аве Мария», и строгий настоятель благословлял и наставлял богобоязненную паству.

Но промчались годы второй мировой войны, унеся миллионы жизней, ожесточив людей, примирив их со смертью. С новыми критериями добра и зла вернулись из-за океана вчерашние солдаты. Им едва перевалило за двадцать лет, но они прошли сквозь огонь войны и уцелели. Это укрепляло их веру в себя и давало право ниспровергать догмы и авторитеты. Самые сильные вступили в борьбу за социальную справедливость и мир, ради которых они жертвовали жизнью и ради которых остались лежать в земле Европы и Азии их товарищи.

Иные, сняв мундиры, начали новую войну — за лучший кусок, за прибыльное место, за право делать деньги любыми способами. Эта война была очень похожа на ту, за океаном.

Третьи просто поплыли по воле волн, радуясь, что смерть не висит над ними ежесекундно, и стараясь не думать ни о чем другом, кроме хлеба насущного.

Но всех их объединяло скептическое отношение к государственным и общественным институтам, допустившим кровавую бойню.

Юнцы, чуткие ко всему новому и старавшиеся подражать вчерашним солдатам, переняли это неверие. Нигилизм они довели до цинизма, а догмы церкви, продолжавшей в мире убийства, грабежей и разврата бессильно бубнить «Не убий!», «Не укради!», «Не возлюби жены ближнего своего!», попросту втоптали в грязь.

Вот тогда-то и вынуждены были святые отцы обратиться к джазу. Под сводами собора Святого Доминика зазвучала джазовая музыка. Сначала один, потом два, а потом и три раза в неделю. Под звуки саксофонов, банджо, скрипок и органа юнцы распевали псалмы и танцевали. Танцевали рок-н-ролл, твист...

И лишь один день в неделю плыли под высокими готическими сводами чистые звуки органа.

На эти концерты собирались люди солидные, зачастую пожилые. И лишь на задних скамейках сидела ставшая не по годам серьезной молодежь и будто впитывала неповторимые звучания.

Еще до войны Андрюша Костров вместе со своим другом и одноклассником Петькой Кондаковым бегал в Большой зал консерватории. Здесь они слушали мессу Баха в исполнении Гедике. Потом, пораженные и притихшие, шли вверх по улице Герцена. Медленно опускались крупные снежинки. Снег скрадывал шум проносившихся мимо автомобилей и троллейбусов. А в ушах все еще плыли органные аккорды...

С той далекой поры Андрей стал постоянным слушателем органных концертов. Он брал билет на одно и то же место и старался уйти в мир звуков, отключиться от того, что волновало его. И если такое удавалось — а удавалось это чаще всего на концертах Баха,— он уходил из консерватории помолодевшим, очистившимся, полным новых сил.

Вот и в этом огромном городе, где он бывал уже не раз, Костров увидел как-то скромную афишу — никаких виньеток, только черные буквы на белой бумаге: «Собор Святого Доминика. Каждую пятницу в семь часов пополудни концерт органной музыки». И сверху маленький католический крест.

Однажды на концерте Андрей сел рядом со стариком в черном костюме. У него были седые волосы, и над серыми спокойными глазами почти сходились тоже седые брови. Высокий лоб, прямой нос, слегка выдвинутый вперед подбородок придавали его лицу волевое, мужественное выражение.

Так Костров впервые увидел, а затем и познакомился со старым учителем Здиславом Пшебыльским, ветераном войны, одним из руководителей городской организации борцов за мир и большим любителем органной музыки.

И сегодня, дождавшись пятницы, Костров решил совместить полезное с приятным. Он рассчитывал на встречу с учителем и хотел услышать еще раз свои любимые фуги до-диез мажор и фа-диез мажор.

Костров немного опоздал и сел у самого входа. Слушая музыку, он внимательно осмотрел полупустые ряды кресел и на той стороне прохода увидел профиль Пшебыльского.

Во время краткого антракта Андрей подошел к нему. Учитель был еще весь во власти музыки. Он смотрел вдаль невидящим взглядом глубоко задумавшегося человека.

— Добрый вечер, господин Пшебыльский,— обратился к нему Костров по-английски. Учитель слегка вздрогнул, повернул голову и спокойно, словно они только вчера расстались, ответил по-французски:

— Добрый вечер, господин Костров. Вы снова в этой стране со своими фильмами?

— Да, и как человек деловой хотел бы поговорить с вами о деле.

— Я весь внимание.

— Господин Пшебыльский, я узнал, что вскоре вы должны выступить по телевидению от имени организаций борцов за мир и ветеранов войны.

— Да, это так,— подтвердил старый учитель.

— После этого вы намерены показать отрывки из антивоенных фильмов.

— Мы подобрали несколько фрагментов, которые заставят зрителей понять, что несет с собой война. К сожалению, таких лент сохранилось уже немного. А реставрация старых фильмов — дело дорогое и доступно лишь коммерческому прокату. Но коммерсантам это ни к чему...

Приятное чувство охватило и окрылило Кострова. В такие секунды он мгновенно анализировал обстановку и находил точные решения. Это было знакомое с фронтовых лет предчувствие победного рывка.

Костров поглядел в глаза Пшебыльскому и сказал:

— У меня есть такие фильмы.

— Ну что же, очень интересно. Могу ли я их посмотреть? И когда, где?

— Я сообщу вам об этом или завтра во второй половине, или послезавтра до полудня.

Ровно в девять вечера Фред Браун подъехал к дому Мэри Фергюссон. Еще до захода солнца он побывал в ночном баре на шестьдесят четвертом этаже того самого небоскреба, где помещался его «стоматологический» кабинет, и выбрал столик у окна. «Вечером отсюда будет прекрасный вид»,— подумал он.

Браун приехал на такси. Он старался избегать конфликтов с полицией и боялся напиться. Какая-то услужливая и враждебная сила не позволяла ему остановиться на второй или третьей рюмке, после которой чувство меры окончательно покидало его и возвращение в мир реальности наступало лишь утром, вместе с тяжелым похмельем. «Вся жизнь моя — тяжелое похмелье»,— думал в такие утренние часы Браун и клял себя за то, что напился и опять просадил больше полусотни долларов.

Мэри вышла минут через пять. Браун нервно поглядывал на счетчик и ерзал на сиденье. Брюки прилипали к потным ногам, спина под смокингом взмокла.

Когда появилась Мэри, он восхищенно уставился на нее, забыв выйти из машины и помочь ей сесть. Шофер удивленно поглядел на него через зеркало и чуть не расхохотался. Глаза Брауна были прищурены и глядели жадно, короткие белесые ресницы мелко вздрагивали, рот был полуоткрыт, что придавало его лицу нелепое выражение.

— Могли бы помочь мне, шеф, — сказала она, уверенно открыв дверцу и усаживаясь на место, с которого только что отодвинулся Браун.

— Извините, я не заметил, как вы вышли...

Ее ноги и спина ощутили тепло согретого им сиденья. Это было неприятно, и Мэри передвинулась ближе к нему.

«Ого! Для начала недурно!» — подумал Браун.

Ехали молча. Первые его попытки начать беседу не удались. «Да». «Нет...»—односложно отвечала она, и он отказался от этой затеи.

Лишь в баре, глядя на миллионы рассыпавшихся внизу цветных огней, на реку святого Лаврентия, в которой отражались сполохи мчащейся, прыгающей, вертящейся и вспыхивающей рекламы, Мэри немного оживилась.

Подошел официант.

— Что вы будете есть?— спросил Браун, передавая ей меню.

— Выбирайте сами,— ответила Мэри. Потом, подумав, добавила:— Пожалуй, я съела бы цыпленка...

Он заказал ей цыпленка. Себе жареный окорок. Кроме того, гусиный паштет по-французски и салат из фруктов.

— А выпьем что?

— Возьмите чего-нибудь крепкого,— сказала Мэри.

— Бренди, виски, водку?— предложил официант.

— Одно виски, но без содовой. Со льдом. А потом бренди. На десерт кусочек бисквита со старой мадерой и к фруктам шампанское... И, кстати, до цыпленка я бы съела лангуста или омара.— Она вопросительно поглядела на Брауна. Веселый смех переполнил ее и едва не выплеснулся наружу.

— Я что-нибудь не так сказала?— сконфуженно и будто виновато спросила она у Брауна.

На лице его отразились растерянность, испуг.

— Что вы! Наоборот, все очень удачно!—

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2—4.

ответил он тоном человека, которому нечего терять.

«Теперь-то уж надерусь обязательно!» — в ужасе подумал Браун.

Официант ушел.

— Как дела у Кострова?— спросил Браун.

— Я приглашена на деловое рандеву? — недовольно спросила Мэри.

— Да нет, что вы! Я просто думал, что вам удалось узнать что-нибудь еще.

— Удалось. Завтра утром Костров получит свой груз из таможни.

— Это невозможно. Вы же сами знаете...

— Именно потому, что знаю, я и говорю. На завтрашний полдень Костров поручил мне заказать грузовик с тентом. Это значит, что он повезет фильмы.

— Но ему не выдадут, не могут выдать их без аннотаций!

— Вероятно, у него есть дубликаты. Иначе он бы не воспринял известия об их утере так спокойно.

— Почему вы не доложили мне об этом раньше?— жестко, уже другим голосом сказал Браун. Теперь перед нею был не старый хрыч, ухаживания которого вызывают смех и презрение, а шеф, хозяин: жестокий, коварный, грязный. Он закурил сигарету и уставился в окно, не обращая на Мэри Фергюссон ни малейшего внимания.

Так сидел он минут пять, и самоуверенная Мэри не рискнула нарушить молчание. Не извинившись, он вдруг встал и, бросив: «Я быстро вернусь»,— вышел в вестибюль...

— Скажите, чем интересен для вас этот русский?— спросила Мэри, когда Браун вновь уселся в кресло за столиком.

— Он приехал, чтобы вести коммунистическую пропаганду, направленную на свержение существующего в Канаде государственного строя. Его фильмы — большевистская пропаганда!

— Неправда. То, что известно вам, наверняка знало бы и правительство. Кострова бы просто не пустили в нашу страну, и дело с концом.

— Вы не знаете коммунистов,— неопределенно сказал Браун. Он извинился и вновь ушел, предварительно поглядев на часы. Его не было минут пятнадцать.

Тем временем Мэри вспоминала содержание привезенных Костровым фильмов. Ведь она прочла все «утерянные» на таможне аннотации. Ничего, направленного против Канады или существующего в ней строя, там не было.

Браун вернулся. После первой рюмки он повеселел, а после второй мускулы лица его размякли, оно расплылось в непонятной гримасе, глаза заблестели, язык стал менее послушен, явно выдавая иностранный акцент. «Он русский,— утвердительно подумала Мэри Фергюссон.— У них какие-то свои счеты. Это, конечно, политика». Под действием бренди у нее появилась озорная мысль заговорить с Брауном по-русски. Но она тут же одернула себя. Опыт подсказывал ей: с такими нужно быть настороже! Они не любят и боятся людей, которые знают о них больше, чем следует.

Потом желание трезво размышлять покинуло Мэри, а вскоре исчезла и способность к этому.

Когда официант принес счет, Браун уставился на него бессмысленным взглядом. Ничего не поняв, он беспомощно икнул, вынул стодолларовую бумажку и бросил на поднос. Официант удивленно поглядел — здесь редко расплачивались наличными.

— Сдачи не надо,— буркнул Браун.

«Русский!» — еще раз подумала Мэри.

По дороге домой Браун пытался обнять Мэри, тяжело сопел. Когда такси остановилось у ее подъезда, он спал, развалившись на сиденье.

Мэри проснулась ровно в семь часов, опередив будильник на какие-то доли секунды. Она нажала запорную кнопку звонка. Несколько минут приходила в себя. От выпитого накануне кружилась голова. Не вставая с постели, Мэри достала из бутылочки две таблетки и развела в стакане воды. Потом она с четверть часа простояла под душем. Обнаженная, подошла к гардеробу и стала обдумывать, что бы надеть. «Ведь должен же когда-то в Костров проснуться мужчина?»— ревниво подумала она. Передвигая висящие на вешалках туалеты, Мэри поглядывала в зеркало, занимавшее почти всю стену ее небольшой спальни.

Перед ней стояла стройная молодая женщина. На неширокие округлые плечи падала тень пышных волос. Талия была узка, подчеркивая ширину бедер, переходивших в длинные, идеальной формы ноги.

Она с грустью подумала о том, что в свои тридцать лет никого еще не любила. Единственный раз, когда ей показалось, что это чувство вот-вот придет, оно принесло беду. Военный атташе посольства Канады в одной из европейских стран был умен и красив. Она не знала собеседника интереснее его. Но когда его жена, дочь очень влиятельного и богатого человека, заметила, что красивая сотрудница отнимает у ее мужа несколько больше времени, чем следовало бы, Мэри Фергюссон пришлось перелететь через океан, домой. Она оказалась без работы, а сбереженный ею капитал быстро таял. Однако военный атташе побеспокоился о ней. Он написал рекомендательное письмо к своему приятелю. Но тот явно знал о Мэри больше, чем было написано в письме. Он принял горячее участие в ее судьбе. Мэри стала заниматься выуживанием коммерческих тайн у фирм-конкурентов. Приятель военного атташе стал ее шефом. Он давал ей не слишком опасные поручения. Эта работа хорошо оплачивалась, тем более, что новая сотрудница вскоре стала любовницей шефа. Около месяца тому назад он предложил ей временный и очень выгодный контракт:

— Будешь работать в кино, крошка. На фирме «Розз энд Розз» против фирмы «Роэз энд Розз».

Ровно без пятнадцати девять темно-синий «шевроле» Андрея остановился у того самого подъезда, где всего несколько часов назад Мэри рассталась с Фредом Брауном.

Андрей увидел Мэри издалека и в который раз отметил про себя, что красота ее привлекает внимание прохожих. Костров почти сразу понял, что она ведет двойную игру. Но он решил не подавать виду о своей догадке и продолжал работать с ней, так как предпочитал знать, откуда может грозить опасность. Ведь откажись Андрей от мисс Фергюссон, «Розз энд Розз» предложит ему другого сотрудника. По условиям соглашения это было обязанностью фирмы. Кострова тревожило другое. «Майклу нет необходимости устанавливать слежку. Все финансовые операции проходят через его бухгалтерские книги, и он может уточнить их в любой момент. Полиция за многие мои приезды в страну убедилась, что я не представляю для нее никакого интереса. Остаются либо коммерческие конкуренты «Розз энд Розз», либо различные правые, профашистского толка и эмигрантское националистическое отребье — военные преступники, изменники и прочая шваль. Скорее всего Мэри Фергюссон — их человек. Однако как она попала к Майклу?» Андрей как-то поинтересовался этим. Но старший брат усмехнулся и многозначительно сказал: «Спроси лучше у Эйба...»

Костров затормозил и, наклонившись, открыл дверцу. Мэри, от которой веяло свежестью и здоровьем, села рядом с ним и улыбнулась.

— Доброе утро!

Красота ее и приветливость подкупали, располагали к себе. Андрей тоже улыбнулся в ответ, но сделал это несколько теплее, чем сам того хотел, и остался недоволен собой. Мэри уловила эту приязнь, и что-то ласковое шевельнулось в груди, поднялось к горлу и вынудило отвернуться, чтобы он не заметил ее смущения.

«Шевроле» мчался по хайвэю — так звалась здесь скоростная трасса — к деловому центру города.

— Я должен заскочить на секунду в банк,— сказал Костров.— Вам придется подождать меня в машине.

Идущие впереди автомобили стали притормаживать. Андрей, отвлекшись разговором, с опозданием заметил это и резко нажал на педаль. Мэри бросило вперед, и она уперлась вытянутой рукой в мягкий борт безопасности панели приборов.

Андрей извинился. Сзади он услышал неприятный визг тормозов и в зеркало увидел, что черный «мерседес» едва не врезался в них. На мгновение его взгляд встретился со взглядом водителя «мерседеса» — тот смотрел недобро. «Он прав»,— подумал Андрей. Они ехали по хайвэю еще минут десять. Парень, сидевший за рулем «мерседеса», наверно, был пьян. Он раза два обгонял «шевроле» Кострова и вновь отставал. Испуганная Мэри не сводила глаз с «мерседеса».

Возле здания банка, над подъездом которого по полированному черному мрамору золотыми буквами было написано «Роял банк», Андрей, пропустив машины, въехал на бесплатную стоянку для клиентов. Вместо платы сторожу предъявлялась чековая книжка «Роял банк». Андрей ловко развернулся на крохотном пятачке, подал назад и заглушил мотор. Машина стояла недалеко от арки легких ворот прямо против подъезда.

Костров раскрыл жесткий портфель. Мэри увидела, что он вынул какие-то бумаги. Она узнала их. Это были аннотации.

Как только Костров скрылся за дверью, Мэри вновь услышала неприятный визг тормозов. Черный «мерседес» остановился у въезда на парковку, перекрыв его. Трое рослых мужчин быстро выскочили из машины и бросились на стоянку, разместившуюся на пустыре, между двумя огромными домами.

Двое побежали к темно-синему «шевроле», а третий, заперев снаружи дверь стеклянной будки сторожа, просунул руку в окошко, схватил телефонную трубку и с силой дернул ее. Шнур оборвался.

— Не шуметь,— пригрозил он парковщику и бросился на помощь дружкам. Один из них открыл дверцу и, крепко взяв Мэри за локоть, торопливо сказал:

— Выметайся.

При этом он так рванул ее на себя, что она мгновенно оказалась на ногах возле машины. Грабитель, видно, главный, открыл портфель и выругался. Потом все трое бросились внутрь машины. Они лихорадочно обшарили перчатницу, заглянули под переднее сиденье, сорвали заднее. Потом главный бросился к багажнику, крышка взлетела вверх, скрыв бандита от посторонних взглядов.

В этот самый момент Костров вышел из подъезда. Вначале он не узнал своего «шевроле». Окрытые дверцы напоминали беспомощно обвисшие крылья подбитой птицы.

Он тут же все понял и бросился к машине. Но и бандиты увидели его.

— Ходу!— крикнул какой-то из них, и двое побежали к черному «мерседесу». Они резко рванули с места и умчались по улице так быстро, что Андрей не успел заметить номер.

Когда главарь, хлопнув крышкой багажника, вновь выругался и, разогнувшись, увидел вместо своих дружков мчавшегося на него Кострова, он выхватил пистолет, кинулся навстречу Андрею, держа оружие в вытянутой руке и целясь ему в лицо.

Андрей увидел характерный срез вставного ствола.

«Наверно, газовый»,— пронеслось в голове. Ребром раскрытой ладони правой руки он рубанул по запястью бандита и в тот же миг резко ударил его в низ живота коленом правой ноги. Тот охнул и согнулся. Андрей схватил пистолет за ствол и рванул на себя, одновременно выкручивая его из пальцев бандита. Ощутив тяжесть оружия в своей руке, он с размаху опустил рукоятку на ключицу противника. Тот, не то всхлипнув, не то всхрапнув, стал оседать на землю.

— Полицию, живее!— крикнул Костров сторожу.

Но тот, все еще закрытый в своей будке, показал Андрею оторванную телефонную трубку.

Костров бросился открывать запертую снаружи дверь. Тем временем бандит пришел в себя и, пригнувшись, кинулся на улицу. Когда Костров заметил это и побежал вдогонку, того уже и след простыл. Рядом была станция метро с несколькими выходами, а под землей здесь пересекались и расходились в разные стороны три линии. «Зря я побоялся выстрелить,— подумал Андрей.— Пистолет и в самом деле газовый».

Он вернулся к машине. Мэри стояла рядом, облокотившись о стойку.

— Что они вам сделали?— спросил, тяжело переводя дыхание, Костров.

Мэри не отвечала, не сводя с него испуганно-восхищенного взгляда.

Он повторил свой вопрос.

Вместо ответа она сказала:

— Такое я видела только в кино!

...Противно завыла сирена. Во двор въехал «форд» с государственными гербами на дверцах. Вместе с двумя рослыми полицейскими в черной форме из машины выскочили три репортера. Сверкнули блицы, посыпались вопросы.

Костров воспрянул духом. На такую рекламу он и не рассчитывал. Старший полицейский бесцеремонно перебил газетчиков:

— Уймитесь-ка, джентльмены. Сначала дело.

И он стал задавать вопросы, занося ответы в протокол. Костров помнил, что газетчики следят за его словами, и поэтому старался говорить ясно и точно.

Он назвал себя и рассказал, откуда и зачем приехал.

— Я привез на декаду тридцать два фильма о моей стране. Они рассказывают, как живут сегодня советские люди, а также о том, как четверть века тому назад вместе с канадскими солдатами и другими союзниками советские солдаты разгромили фашизм и завоевали право на мирную жизнь.

— Это ваша жена?— спросил один из репортеров.

— Нет, сотрудница.

Репортеры недоверчиво заулыбались. Вновь защелкали затворы камер, вспыхнули блицы, заскользили по блокнотам шарики ручек.

— Как вы думаете, что искали преступники?

— Пока не знаю. Давайте посмотрим вместе,— ответил Андрей.

Лишь теперь он заметил распахнутый пустой портфель и понял, что привлекло налетчиков. Костров уже собрался сказать, что они искали аннотации, но передумал.

Мэри Фергюссон тронула его за локоть и спросила по-русски:

— Бумаги целы?

Он пристально глянул ей в глаза и, не ответив, повернулся к полицейским:

— Я не знаю, за чем они охотились.

Костров подписал протокол. «Форд», взвыв сиреной, вырвался на улицу и помчался в потоке машин.

Андрей спрятал в карман карточку с номерами телефонов полицейского участка и сел за руль. Он осторожно вывел «шевроле» на улицу и остановился, взглянув на Мэри.

— Вы едете со мной дальше?

— Да, в аэропорт,— сказала она.

Стояла жара. Прозрачная кофточка Мэри была разорвана на груди. Андрей увидел матовую кожу и отвернулся.

— Вам досталось из-за меня. Не знаю, как искупить вину.

— Никакой вины нет.— И, помолчав, вдруг добавила: — Я очень испугалась...

— Понимаю,— сказал Андрей.

Начальник таможни был растерян. Положение сложилось щекотливое. В грузовых документах указаны аннотации ко всем фильмам. Значит, они имелись в момент отправки груза. А у него в таможне их нет...

— Могу я наконец получить груз?— спросил у него Андрей.

— Да, сэр. Кроме фильмов. Ведь я не могу нарушить закон. А аннотаций все еще нет,— ответил чиновник.

— Закон нарушать нельзя,— согласился Костров.— А аннотации — вот они. Так что давайте фильмы.

— Так быстро?— удивился таможенник. Но увидев, что русский настроен миролюбиво, осмелел.

— Хорошо, мистер...— он поглядел в визитную карточку Кострова,— мистер Костров. Оставьте аннотации и позвоните завтра.

— Нет.— В голосе Кострова появился металл. — Фильмы нужны мне сейчас, в двенадцать часов. И потом, я не могу допустить, чтобы вы вновь потеряли документы. Я бы не хотел отнимать время у сотрудников вашего министерства иностранных дел...

В половине первого погрузка закончилась.

Фильмы, реклама и аппаратура были отправлены на склад фирмы «Розз энд Розз».

Стрелки часов показывали десять часов вечера. Андрей сидел у стола и просматривал вечерние выпуски газет. Наконец он нашел то, что искал, и начал читать. В шапке шестнадцатой полосы, где обычно помещаются сообщения о происшествиях и скандальная хроника, было броско набрано самым крупным кеглем. «У «Роял банк» русский кинопродюсер избивает трех вооруженных грабителей, напавших на него». В заметке говорилось: «Владелец тридцати двух советских фильмов, известный в нашей стране московский кинопродюсер Андрей Костров сегодня к девяти утра приехал в «Роял банк», чтобы проверить поступления на свои, как говорят, весьма солидные счета. Когда мистер Костров вошел в здание банка, трое неизвестных совершили нападение на его автомобиль, оставленный на стоянке. Грабители выволокли из машины красавицу — русскую спутницу Кострова — и жестоко избили ее. Несмотря на это, характерное для русских упрямство дало ей силы сохранить мужество. Неожиданно вышедший из банка Костров легко расправился с преступниками. Он отнял у них пистолеты и избил так, что те едва унесли ноги. Когда мы заглянули в машину, там лежал раскрытый и пустой портфель Кострова. Даже если предположить, что в портфеле находились только десятидолларовые банкноты, то в нем было минимум пятьдесят тысяч долларов. Очевидно, для русского это незначительная сумма. Во всяком случае, он не проявил беспокойства и заявил полицейским, что у него вообще ничего не пропало.

Спутница Кострова очень красива. В нашей стране такая женщина, если она жена, может стоить мужу тысячи долларов в неделю, если любовница — десятки тысяч. Костров заявил, что она является его сотрудницей. Таким образом, он сам подтвердил, что это не его жена...»

И все сто строк в таком же духе. На фото на переднем плане был изображен Андрей, а чуть сзади — Мэри возле машины с распахнутыми дверцами. Репортер сфотографировал его как-то снизу, поэтому Костров был непомерно высок на фоне своего «шевроле».

Андрей хохотал от души. Он отложил в сторону газету, отметив фломастером статью. «Надо будет вырезать и повеселить друзей в Москве»,— подумал он. В газетах посолиднее сообщения были более сдержанными. Но во всех его называли «владельцем тридцати двух фильмов», и все сообщали о его загадочной «русской» спутнице.

Затрещал телефон, и Костров снял трубку.

— Вы не спите, мистер Эндрю?— донесся до него голос Мэри Фергюссон.— Читали вечерние газеты?

— Да,— вновь рассмеялся Андрей.

— Вот я уже и русская и ваша любовница.

— Это расстраивает вас?

— Нет. Мне даже лестно. Но десятки тысяч долларов в неделю! Не обременительно ли?

— Пусть об этом заботится «Розз энд Розз»,— отшутился Андрей и пожелал ей спокойной ночи.

Звякнул колокольчик переговорного устройства.

— Андрей, ты дома? Я к тебе,—донесся из микрофона голос советника.

Костров позвонил привратнику и попросил впустить гостя.

— Я прочитал твой отчет — и сразу за руль. Что произошло?

— В основном только то, что я сообщил в отчете.

— Но ты невредим? В газетах такое!..— Он кивнул на разбросанные по столу газеты.

— Да, все в порядке. Обычный бред газетчиков.

— Отлично.

Он снял пиджак и подошел к окну.

— Будь осторожен. Если они пошли на такой шаг, значит, очень пугает их показ наших фильмов. Особенно страшны для них «Обыкновенный фашизм» и «Великая Отечественная». Эти фильмы заставляют консолидировать усилия все отребье — от так называемой «Новой русской эмиграции» — бывших власовцев, полицаев, карателей — до националистов типа бандеровцев и вчерашних бандитов, бежавших из республик Прибалтики.

Утром в офисе «Розз энд Розз» уже ждали Кострова оба компаньона. Эйб — младший партнер — в этот приезд встретился с Андреем впервые.

— Рад вас приветствовать, Эндрю,— сказал он. На лице его была такая гримаса, будто он проглотил что-то очень кислое и не хочет, чтобы это поняли окружающие.

Майкл заметил, что Андрей внимательно поглядел на Эйба, и постарался сгладить впечатление.

— Не обращай внимания, Эндрю. Он боится за свою Мэри и, конечно, ревнует ее к тебе. Особенно после вчерашних газет.

— Твои намеки недостойны,— недовольно сказал Эйб брату. И, обращаясь к Андрею, попросил: — Можем ли мы узнать от вас, что же все-таки произошло на самом деле?

Костров рассказал о вчерашнем происшествии.

— Но ты ему дал как следует?— озабоченно поинтересовался Майкл.

— По-моему, да.

— Обидно, что он удрал. Таких можно лупить до смерти. Ведь он был вооружен, а ты нет.

— Хватит с него и так.

— А все-таки жаль,— не унимался Майкл.

— Что же они искали?— спросил Эйб.

— Аннотации.

— Ах, да! Но они, кажется, так и не нашли их?— спросил Эйб.

— Ты же знаешь, что фильмы уже на нашем складе,— недовольно перебил брата Майкл.— Кстати, проверь, как там дела. Ведь теперь мы отвечаем за сохранность копий. А это немалые деньги!

— Слава богу, что вы хорошо спрятали документы,— вздохнул Эйб.

— Я их не прятал. Они просто были у меня в кармане,— ответил Андрей.

На двух журнальных столиках стояли эскизы рекламных объявлений о советской декаде. Помимо названий кинотеатров, в планшеты предстояло еще вклеить монтаж фотокадров из фильмов и указать время начала сеансов.

Костров вопросительно поглядел на братьев. Дальнейшая работа над эскизами не имела смысла до решения вопроса о залах.

Майкл понял Андрея и весело сказал:

— А у меня сюрприз: кинотеатр есть.

— Где?— спросил Костров.

— Под новым небоскребом, в центре города.— Майкл назвал адрес.

Это было неплохо, и обрадованный Костров предложил посмотреть зал. Втроем спустились вниз и, подходя к машине Майкла, увидели подъехавшую Мэри Фергюссон...

— Я думаю, ее нужно взять с собой,— оживленно предложил старший Розз. Костров поддержал идею. Младший компаньон отмолчался.

Майкл любезно распахнул переднюю дверцу.

— Чтобы никому из мужчин не было обидно, садитесь рядом со мной. А мистер Костров и брат удобно разместятся сзади,— сказал он, обращаясь к подошедшей Мэри.

Эйб с кислой миной уселся рядом с Андреем.

— Я бы хотел поторопиться,— сказал он.— Сегодня у Эльфа день рождения.

— Это еще кто такой?— бросил Майкл.

— Эльф? Дорогой Майкл, это лучший боксер в городе! Редкая сука удостаивается чести иметь от него щенят.

Майкл расхохотался.

— Подари ему сегодня свой стейк...

Продолжение следует.

Д Е К А Д А

Лев РУДНИЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Кинотеатр помещался во втором подземном этаже небоскреба. Он понравился Андрею. Здесь был прекрасный, полукругом, зал на тысячу двести мест с широкоформатным экраном, удобный холл. Но как заинтересовать зрителей? Как привлечь их сюда в душный весенний вечер? «Не забыть отметить в рекламе, что в кинотеатре кондиционированный воздух»,— подумал он. Потом мелькнула мысль о мороженом: здесь знали и любили русское мороженое. Костров вынул записную книжку и сделал в ней пометку.

— А проекционное оборудование исправно? — поинтересовался Костров.

— Проверяем, обкатываем, — ответил Майкл.— Со вчерашнего дня сюда переброшен один из лучших специалистов в городе. Мы арендовали его у хозяина независимого кинотеатра. Правда, это влетело нам в копеечку...

— Значит, уже сегодня я мог бы показать фильмы одному человеку с целью рекламы?

— Безусловно,— подтвердил Майкл. И добавил, с одобрением поглядев на Кострова: — Я вижу, Эндрю, ты тоже не теряешь времени даром.

«Андрей Костров — СССР.

В дополнение к донесению от 19.IV. —

Вчера утром Костров сам отправился в таможню международного аэропорта Дарваль для получения груза. Я была готова к 8 часам 45 минутам и ждала его у подъезда, чтобы поехать с ним и оказать помощь. Об этом я доложила устно шефу при встрече накануне вечером. По дороге в аэропорт Костров заехал в банк проверить поступление денег, как он сказал. Я осталась в машине на стоянке. Уходя, Костров вынул из портфеля бумаги и унес с собой.

По дороге нас несколько раз обгонял и теснил черный «мерседес». Сидящие в нем люди бесцеремонно заглядывали в машину Кострова. Все это не осталось не замеченным русским. Именно поэтому, как я полагаю, он и забрал с собой документы. Это были дубликаты аннотаций к советским фильмам. Я узнала их, так как читала после операции Формэна.

Когда Костров вошел в здание банка, у стоянки появился черный «мерседес». Из него выскочили трое рослых мужчин, ворвались на стоянку и бросились к машине Кострова. Один из них, очевидно, старший, бесцеремонно вытащил меня из машины. При этом он порвал мне блузку. Осмотрев всю машину, неизвестные заметили выходящего Кострова. Двое из них бросились бежать и уехали в черном «мерседесе». Старший заметил Кострова с опозданием и тоже попытался скрыться, однако Костров преградил ему путь. Неизвестный выхватил пистолет, но Костров, обезоружив, сильным ударом сбил его с ног. Однако пока Костров вызывал полицию, неизвестный сумел убежать. Все трое нападавших говорили по-русски.

В таможне Костров предъявил аннотации, которые вынул из внутреннего кармана пиджака, и беспрепятственно получил весь груз, в том числе и фильмы. В двенадцать часов тридцать минут все было погружено в крытый грузовик и отправлено на склад фирмы «Розз энд Розз».

Во второй половине дня Костров в офисе писал какие-то бумаги, о содержании которых мне ничего не известно. Кроме того, он сообщил о произведенном на него нападении в посольство СССР.

Вечером Костров был дома.

Долли. 22.IV.

Счет

Во время нападения на автомашину Андрея Кострова были допущены насильственные действия по отношению ко мне. При этом неизвестными была разорвана блузка, отделанная французскими кружевами, ценой 50 (пятьдесят) долларов.

Прошу возместить стоимость блузки, так как ущерб нанесен мне при исполнении служебных обязанностей.

Долли. 22.IV».

Как и было договорено, Костров позвонил Пшебыльскому.

— Здравствуйте, мистер Костров. Прошу извинения, что заставил вас ждать. Сообщения вчерашних газет взволновали меня. Там, конечно, много чепухи, но все же нападение — это факт. Вы здоровы?

Старый учитель говорил несколько быстрее и темпераментнее, чем обычно. Это выдавало его волнение, которое он, впрочем, и не пытался скрывать.

— Я в отличной форме, и хочу сообщить вам, что фильмы, о которых шла речь, вы смогли бы просмотреть уже сегодня либо завтра.

— Лучше сегодня...

Они встретились в два часа у западного подъезда небоскреба и спустились по эскалатору вниз. В кинотеатре их уже ждали.

Сначала смотрели «Обыкновенный фашизм». Старый учитель слушал спокойный, неторопливый комментарий и не отрывал глаз от экрана. Чувствовалось, что он вновь вернулся к событиям далеких лет, свидетелем и участником которых был.

Когда в зале зажегся свет, Пшебыльский не оживился, не обернулся к Кострову, а еще долго молча глядел на пустой экран. Потом медленно произнес, не то утвердительно, не то вопросительно:

— Коммунисты делают такие фильмы...— Потом он поинтересовался: — А кто читает текст?

— Английский актер. Фильм дублирован в Лондоне.

— Хорошо читает. Но я бы хотел увидеть фильм в оригинале. Насколько я уловил, текст авторский и, вероятно, режиссер сам читает его?

— Да,— ответил Андрей.— И очень хорошо читает...

— Жаль. Я бы понял.— И вдруг добавил по-русски: — Ведь я родился и вырос в Варшаве — в то время столице Царства Польского. Мои сестры окончили русскую гимназию.

Костров был приятно удивлен и смущен. Не первый год он знал Пшебыльского, но мысль о том, что тот может понимать и говорить по-русски, не приходила ему в голову.

— Автор фильма, вероятно, старый человек?

— Не очень,— уклончиво ответил Андрей.

— Я понимаю и ценю вашу деликатность. Во всяком случае, это мудрый человек. Из тех, которые украшают мир.— Старый учитель поднялся.— Хочу немного поразмяться.

Он минут десять ходил взад-вперед перед экраном, о чем-то думая. Потом снова сел рядом с Андреем, сказал:

— Давайте продолжим...

Второй фильм — «Великая Отечественная»— он смотрел с не меньшим вниманием. Иногда он что-то тихо шептал сам себе.

Зажегся свет. Старый учитель оглядел зал и недовольно спросил:

— Это здесь вы будете показывать фильмы?

— Да.

— В таком крошечном зале?

— Здесь тысяча двести мест.

— Все равно. Их должен увидеть каждый честный человек!

— Господин Пшебыльский,— сказал Костров,— я обеспокоен тем, что мы не сможем заполнить даже этот зал.

И Костров поделился с ним своими сомнениями и тревогами.

— Кроме объективных причин, таких, как летняя жара и каникулы учащейся молодежи, есть еще и иные.

— Какие же?

— Ну, хотя бы вчерашнее происшествие.

— Но вы же удачно отделались.

— Им нужен был не я, а аннотации на советские фильмы. Силы, которые организовали нападение, не успокоятся. Их цель — сорвать декаду.

Костров рассказал старому учителю, зачем пытались выкрасть аннотации, почему владельцы кинотеатров отказались от контрактов, кто стоит за кулисами грязной игры.

— Чем я могу вам помочь?— спросил Пшебыльский.— Отрывки из ваших фильмов я возьму. Я бы взял их целиком, но у нас нет средств для оплаты такого времени на телевидении.

— Этого и не требуется. Если бы вы сочли возможным уделить несколько слов тому, что увидели сейчас, и сказать, где можно посмотреть наши фильмы...

— Считайте, что мы договорились. Только не ведите никаких переговоров с телевидением по этому поводу. Не то Гриссом сдерет с нас последнюю рубаху.

Уже по дороге к машине Пшебыльский спросил у Кострова:

— А нет ли у вас короткометражных фильмов, которые мы могли бы бесплатно показать активистам и членам нашей организации борцов за мир?

— Есть. Я пришлю вам аннотированный список.

...На следующее утро Костров позвонил на телевидение.

— Я передумал,— сказал он.— Пусть все остается без изменений.

Гриссом разочарованно протянул:

— А я уже выкроил для вас пять минут. И в хорошее время.

— Спасибо, Гриссом, мы обойдемся первым вариантом...

Фред Браун сидел в баре «Мюнхен».

С самого утра он был не в духе. Позавчера выбросил на ветер сто долларов. Вчера эти недоноски провалили операцию с Костровым. А сегодня ему позвонил шеф.

— Если советская декада состоится,— сказал он,— я буду вынужден задуматься над необходимостью прибегать к вашей помощи в дальнейшем.

Вошел высокий мужчина со странно поднятой до уровня плеча рукой в гипсе. Волоча правую ногу, он направился к Брауну, не сводя с него испуганных глаз.

— Садись!— осипшим от ярости голосом по-русски прошипел Фред, когда тот остановился возле столика.— Мало он тебе накостылял! За такую работу руки и ноги надо переломать!

Браун зашелся от бешенства.

— В Африку хочешь, в джунгли, в болота? Ну, я тебе устрою! До конца дней будешь помнить!

Першке и его собеседник замолчали у стойки, с интересом наблюдая за ними. Браун заметил это, овладел собой и, глотнув бархатистого пива, негромко отрезал:

— Если декада состоится — пеняй на себя. Может, это будет Африка или Амазония, а может, просто катастрофа на дороге. Наезд! Понял?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2—5.

Лицо верзилы посерело от страха.

В горле Брауна опять заклокотало, но он пересилил себя и торопливо полез в боковой карман. Вытащив чековую книжку, проставил сумму, расписался и вырвал листок.

— Не жалей. Времени мало. И помни — я не шучу. Иди.

Был конец недели, и Майкл пригласил Кострова к себе в загородный дом.

— Приезжай в воскресенье. Будет детская регата, съедутся знакомые и родня. Отдохнем.

В выходной день Андрей не собирался заниматься делами и принял приглашение. Он уже бывал на загородной вилле Майкла и поэтому сказал, что приедет утром сам. Договорились на десять часов.

— Не опаздывай,— предупредил Майкл.— Регата в одиннадцать.

Вилла Майкла Розза — большой деревянный дом, сложенный из толстых сосновых брусьев. Внутренние перегородки, лестницы, двери — все было из неокрашенного дерева. Дом стоял на берегу, который довольно круто спускался к большому озеру. Над водой — терраса, деревянные мостки вели от нее к причалу с двумя моторными катерами и двумя парусными яхтами. Чуть в стороне покачивался на волнах четырехместный гидросамолет.

Андрей поставил машину под навес и хотел было уже подойти к дому незамеченным, как вдруг навстречу ему вышел Майкл в распахнутой рубашке.

— Привет, Эндрю,— крикнул он еще с террасы.— Что будем пить?

Они вошли в дом. Дороти — жена Майкла — приветливо встретила их.

— Выпейте что-нибудь с дороги,— предложила она.

— Именно это мы и собираемся сделать,— сказал Майкл, подходя к бару и открывая его.

— Раз уж ты сразу берешь быка за рога, я хотел бы сначала поразмяться с дороги, прогуляться, а потом согреться,— предложил Андрей.

— Отличная идея. Я составлю тебе компанию. Сейчас бы искупаться, да вода в нашем озере еще очень холодная.

Андрей подумал о том, что в устах Майкла Розза слова «в нашем озере» имеют особый смысл: земля на три мили вокруг его береговой полосы принадлежала Майклу и Эйбу Розам, а также брату жены Майкла и ее отцу — всем в равных долях.

Чтобы обойти водоем, следовало покрыть расстояние почти в двадцать миль. Богатое рыбой озеро окружали леса, полные всевозможной дичи.

Это был огромный капитал, но Майкл любил говорить Андрею, что на вилле у него настоящий коммунизм.

— Здесь на деле осуществлен ваш лозунг: «Кто не работает, тот не ест».

У Майкла были большая теплица, огород, фруктовые деревья и ягодные кустарники. Привозить из города разрешалось лишь хлеб, вино, сыр, колбасы, сахар, тропические фрукты. Здесь ели только те овощи, мясо и рыбу, что вырастили, подстрелили или выловили сами. Никакой домашней прислуги, кроме старого садовника, у Майкла не было.

Вернувшись в дом, Андрей и Майкл выпили шотландского виски. Майкл подвинул гостю вазочку с жареным арахисом и посетовал:

— Бобби не хочет здесь трудиться. Ты знаешь, он, по-моему, уже выбрал себе девчонку и собирается поехать с ней недельки на две в Майами. Я разрешил, но сказал, что если он хочет погулять, то пусть не рассчитывает на мои деньги. Удовольствие надо заработать.

Майкл выпил еще виски и бросил в рот несколько орешков. Потом продолжил:

— Да, удовольствие надо заработать, я так и сказал. Это не привело его в восторг, но и не смутило. Он устроился мойщиком посуды в летнем ресторане на Королевской горе. За шесть недель он получит определенную сумму. К тому же за каждый сданный зачет и экзамен он получает от Дороти еще по пятьдесят долларов. Неплохо! Я в его возрасте этого не имел. Ну что же, пусть едет. Девчонка хорошая: у отца три завода картонной тары, и она единственная дочь.

— Послушай, Майкл! Ну, а если бы ему понравилась девушка без богатого отца?

— Он, пожалуй, так и выбирал. Он может себе это позволить, а я не мог. У меня не было отца-миллионера. Я начал с малого и каждый доллар заработал своим горбом, своими руками, вот этой головой.— Он хлопнул себя ладонью по лбу.— Дороти — хорошая женщина. Я ее люблю и ценю. Но когда я женился, то смотрел не на ее ножки и личико, а на приданое...

— Ну и зря, Майкл,— крикнула Дороти из небольшой кухоньки за камином, где она готовила сандвичи.— Деньги у меня были и тогда и сейчас, а вот красивого личика уже нет!

Майкл рассмеялся и упрямо вернул разговор к начатой теме.

— Вот сегодня будет регата. Зачем? Думаешь, чтобы богатые сынки научились ходить под парусами и хорошо проводить время? Или ради спорта? Дудки! Я, и Эйб, и ее брат — все мы хотим, чтобы наши дети удержались на поверхности и умножили то, что мы им оставим.

— Зачем?

— Затем, чтобы они были сильны и не им говорили, куда повернуть, а они командовали, как ехать. Я хочу, чтобы у моего сына были власть и свобода, а это дают только деньги и твердая воля.

— Ну, а другим сыновьям и дочерям, у которых нет отцов-миллионеров, им не нужны власть и свобода?

— Им проще: власти они не знают, а свобода на общем уровне гарантирована им законом. Если кто-нибудь из них окажется сильным, он вырвется вперед. Если он слаб, то ничего не теряет. Он рядовой. А Бобби, если окажет-

ся слаб, то после моей смерти слетит с Олимпа к чертовой матери и на его месте утвердится толстозадый сынок одного из директоров «Колибри». Я же хочу, чтобы он был сильным и держал «Колибри» за глотку. А будет случай,— пусть душит: ведь если не он их, так они его!

— А мне для того, чтобы я был счастлив, не нужно душить соседнюю фирму. Более того, я получу в конечном итоге тем больше благ, чем успешнее будут работать все фирмы в нашей стране. Я кровно заинтересован в успехе соседа, а ты должен его прижать, чтобы твоя доля стала больше. В этом ключ.

— Кончайте спор, политики, мы и так уже опоздали на регату.— Дороти держала в руках большую квадратную корзину, сплетенную из прутьев, в которой лежали пакеты с сандвичами. Андрей взял у нее ношу, и они пошли вдоль берега к месту, куда медленно скользили последние яхты.

— Ладно, Эндрю. Не расстраивайся. В коммуниста ты меня не превратишь. Да ведь и я не сделаю из тебя капиталиста, хотя, судя по твоей хватке, ты бы у нас преуспел. Давай лучше говорить о том, что нас объединяет: вспомним войну, обсудим положение с декадой.

...Андрей уехал около шести вечера, слегка уставший от чистого приозерного воздуха, и около половины восьмого был у себя дома, на Мезанёв.

Едва он вошел в квартиру, как раздался телефонный звонок. Андрей по голосу узнал Стенли Мерфью.

— Здравствуйте, Эндрю. Да, это я. Кажется, мне удалось кое-что найти, но не здесь, а в Торонто. Там есть две площадки. Они свободны.

Костров слушал его с радостью и в то же время сожалел, что разговор телефонный. «Лучше бы те, кто хочет помешать декаде, не знали этого»,— подумал он с тревогой.

— Я позвоню вам на службу завтра утром, часов в десять. Идет?

— О'кэй,— ответил Стенли, и они распрощались.

Какое-то смутное предчувствие и безотчетная тревога овладели Андреем. «Э, да ты вроде трусишь?»— сказал он себе.

В постели он долго ворочался, считал до ста и раз и два, но сон не шел. Андрей почти физически ощущал, что на него надвигается какая-то опасность.

«У дочерей короля» — так назывался ресторанчик — все было стилизовано под XVII век. Деревянные столы, покрытые скатертями из грубого полотна, струганые скамейки, миловидные официантки в одежде той эпохи, с белыми наколками на головах и в широченных юбках. Они были обуты в деревянные сабо, и частый перестук мелких женских шажков — единственное, что нарушало тишину.

Мерфью извинился: он опоздал на пять минут. Пока официантка хлопотала, выполняя заказ, Андрей приступил к делу.

— На сколько мест залы? — спросил он.

— Один — на семьсот, а второй — на триста.

— Отлично. А какая проекционная аппаратура установлена там? На какой пленке можно показывать фильмы?

— Шестнадцать миллиметров.

Костров так и думал. Он еще раз похвалил себя за то, что помнил об этой особенности местных кинозалов и, вопреки мнению Тупинина, взял с собой две тридцатипятимиллиметровые установки и преобразователи тока.

— Установки для показа я дам,— сказал Костров,— но нужно посмотреть залы. И, кроме того, я хотел бы знать, на какое количество зрителей можно рассчитывать.

— Я понимаю вас, Эндрю, но для этого нужно ехать в Торонто и все выяснить на месте.

— Я готов.

— А я нет. Дела. Но вас там встретят на вокзале и во всем помогут.

— Я, пожалуй, отправлюсь на машине.

— Один? Путь не близкий...

Андрей рассчитывал, что с ним поедет советник посольства по культуре.

— Ничего. Мы будем вдвоем.

Они обсудили детали. Костров записал адреса и телефоны людей, к которым ему следовало обратиться. Договорились, что до отъезда они еще созвонятся.

— Только ничего лишнего по телефону,— предупредил Андрей.

Костров решил ехать в среду. Он держал это в тайне. «Даже Роззу скажу лишь во вторник вечером»,— подумал он.

Его беспокоило поведение Мэри Фергюссон. На смену назойливости пришло откровенное упрямство. Андрей чувствовал это во всем. Его мысли по-прежнему вились вокруг «загадки Мэри». В истории с налетчиками она пострадала не очень сильно, но все-таки. Конечно, могло быть и так, что это лишь шаг для того, чтобы расположить его к себе, взломать ледок недоверия.

Сколько групп работают на то, чтоб сорвать декаду советских фильмов? С какой из них связана Фергюссон? Знай Андрей это, он смог бы точнее ориентироваться в сложной ситуации, предвидеть, откуда готовится удар.

Кроме того, Костров не доверял привратнику. «Циклоп» тоже следил за ним.

И еще вопрос. Почему враги разобщены? Не свидетельствует ли все это о том, что против Андрея разрозненно, но с одной целью действуют несколько реакционных эмигрантских групп и организаций?

Во вторник после ухода Эйба из офиса Костров зашел к Роззу-старшему.

— Майкл, я еду в Торонто.

— Зачем?

— Организовать показ фильмов на площадках.

— Ты неисправим,— сказал Майкл. И спросил: — Как мы и договорились, ты будешь крутить их бесплатно?

— Да.

— Но разве ты не понимаешь, что Канада не Россия? Бесплатный показ вызовет у наших людей недоверие. Что за бескорыстие? Раз русские показывают фильмы бесплатно — значит, это коммунистическая пропаганда!

— А раз фильмы разоблачают войну, то, следовательно, коммунисты за мир,— парировал Андрей.— Меня это устраивает.

Майкл неохотно сдался:

— Ладно. Делай по-своему. Мы ведь уже обо всем договорились.

Костров попросил Розза позвонить на склад и распорядиться, чтобы утром ему выдали передвижную проекционную аппаратуру и кое-какую рекламу.

Уходя из офиса, Андрей сказал Мэри Фергюссон:

— Завтра я еду в Оттаву. Останусь там дня на два-три. Заодно отвезу рекламу и выясню, что с залами.

Она как-то странно поглядела на него, однако промолчала и только сказала:

— О'кэй.

Но когда около восьми часов утра Костров подъехал к складу «Розз энд Розз», у дверей стоял серый «шевроле».

Мэри вышла из машины и направилась к Андрею.

— Мистер Эндрю, я бы хотела поехать с вами.

— Мисс Фергюссон, вы мне больше нужны здесь.

— Это неправда,— сказала она, глядя ему прямо в глаза.

— Все равно. В Оттаве вы мне не понадобитесь.

В ее взгляде вспыхнуло что-то недоброе, шею и щеки стала заливать краска.

— И все же я поеду!..

— Это исключено,— сказал Андрей.

— Мистер Костров, вы можете сообщить фирме «Розз энд Розз», что наш контракт расторгнут по моей инициативе,— сказала она. И подумала о том, что придется расторгнуть два контракта и потерять больше трех тысяч долларов. Это ожесточило ее решимость, и она упрямо закончила:— Но Канада — свободная страна. Здесь каждый может делать, что хочет, и Мэри Фергюссон поедет за вашей машиной.

Андрей вдруг понял, что она не сдастся. Мысль о том, что он возьмет с собой соглядатая, почему-то лишь промелькнула, но не задержалась в мозгу. «Неужели женские чары? — подумал он.— Нет, не то. Тогда почему я ей сейчас уступаю?»

Она глядела на него решительно и жестко. Обида была спрятана далеко, и он не заметил ее. А Мэри подумала о нем: «Бесчувственный чурбан».

Уже сдавшись, он все-таки сказал:

— Дорога дальняя. Я буду стеснять вас.

— Ничего.

Мэри уже поняла, что победила, и в ней заговорила обида, нанесенная его отказом. «Ну погоди»,— подумала она.

— Пока я погружусь, поставьте машину и захватите необходимое.

Она недоверчиво усмехнулась.

— Чемодан со мной, мистер Костров. Откройте багажник.

Андрей подошел к ее машине, вынул небольшой чемодан и дорожную сумку.

— Судя по вещам, вы собрались надолго.

— Кто знает, какой дорогой вы поедете в Оттаву.

Передвижки были в громоздкой морской упаковке. В таком виде их не поставишь в легковую машину. Костров вскрыл ящики, аккуратно уложил и закрепил аппаратуру в багажнике.

Около десяти часов утра синий «шевроле» выбрался из города.

Костров поехал по дороге номер два.

Утро у Энн выдалось ненормальное. Телефон замучил ее. Костров со спутницей не проехал еще и первой сотни миль в сторону Торонто, а в Монреале уже дважды интересовались им. Сначала позвонил какой-то мужчина и, не представляясь, спросил:

— Могу я поговорить с господином Костровым?

— Мистер Костров в Оттаве и раньше понедельника не будет.

— Когда он уехал? Это из русского посольства.

Энн нередко приходилось говорить с посольством СССР — ведь русские фирмы были партнерами «Розз энд Розз». Она подумала, что спрашивающий обманывает ее. Сотрудник назвал бы свое посольство не русским, а советским.

— Кто спрашивает мистера Кострова?

Но собеседник уже повесил трубку.

Затем позвонили вновь.

Опять спрашивали Кострова. Кто-то настойчиво выяснял, когда он уехал, зачем и скоро ли вернется. Энн поинтересовалась, кто спрашивает. Она ожидала, что ответа вновь не последует, но ошиблась.

— Моя фамилия Акопян,— сказал мужчина, и в трубке послышались частые гудки.

Потом один и тот же женский голос трижды интересовался, когда будет мисс Мэри Фергюссон. Энн не знала, что отвечать. «Эта Мэри должна быть на службе, но ее почему-то нет»,— с удовольствием подумала она, глядя на закрытую дверь недавно приехавшего Майкла.

— Кто спрашивает мисс Фергюссон? — Она взяла ручку, чтобы записать ответ.

— Это из стоматологического кабинета. Передайте, что снимок готов и ей нужно прийти к доктору...

Энн с удовлетворением подумала о том, что у этой красотки уже есть или будут коронки, а может, и вставные зубы.

Затем какой-то слышанный ею однажды голос — она не могла вспомнить, чей — раза два или три настойчиво спрашивал мистера Эйба Розза.

Вскоре раздался последний звонок.

— Я буду очень благодарен, если вы соедините меня с мистером Костровым.

— Он уехал в Оттаву и вернется к понедельнику,— устало ответила Энн.

Из трубки донеслось:

— Одну минуточку, не отключайтесь, пожалуйста.— И через некоторое время услышала вновь: — Если нет мистера Кострова, то Здислав Пшебыльский из организации борцов за мир хотел бы говорить с мистером Майклом Роззом.

— Мистер Майкл, возьмите, пожалуйста, черную трубку,— сказала Энн во внутренний микрофон.

К полудню звонки прекратились.

Продолжение следует.

ДЕКАДА

открыл дверь и, пожелав спокойной ночи, ушел.

Мэри стянула с себя платье, бросила его в кресло возле телевизора. Потом скинула туфли и легла на разобранную горничной постель. Ей почему-то хотелось плакать.

Долговязый позвонил Брауну на следующий день утром.

— Вашего приятеля в Оттаве нет,— сказал он растерянно.

— Это меня не касается,— ответил Фред Браун.— Я тебя обо всем предупредил. И я не шутил.

Долговязый в отчаянии повесил трубку.

В Торонто Костров быстро отыскал Энди Мартина, к которому его направил Стенли Мерфью. Все получилось проще, чем предполагал Андрей. Здесь было два зала. В одном установлена стационарная звуковая и съемная проекционная шестнадцатимиллиметровая аппаратура. Это была удача. Проекционные камеры сняли, и уже к концу первого дня несколько энтузиастов, молодых рабочих парней, которым Костров только помогал, переводя русские инструкции, установили проекторы.

Когда вечером усталый Костров вернулся к отелю, Мэри со своей дорожной сумкой в руках ждала его возле гаража.

— Почему вы удрали?

— Не хотел будить. Я оставил вам записку у портье.

— Я получила, но найти вас было невозможно. Телефон не отвечал.

Она придержала Андрея за локоть.

— Эндрю, где ваши фильмы?

— В багажнике.

Он удивился: она думает о том же, что целый день мучило его.

— По-моему, сюда войдет несколько катушек, если их вынуть из больших коробок,— протянув сумку, сказала Мэри.

Костров насторожился.

— Так надежнее, у меня искать не будут.

Андрей подумал, что она, пожалуй, права, даже если это только предлог. Ведь если фильмы пропадут у нее, он будет знать хоть, с кого спросить. А если их просто выкрадут ночью из машины... Он открыл багажник и стал перекладывать бобины в сумку Мэри.

Утром Костров снова был в клубе. Его уже ждали. Энди Мартин, знакомый Мерфью, сказал:

— Может, вы могли бы остаться здесь до вторника?

— Это сложно. А почему именно до вторника?

— В этот день у нас бесплатная двадцатиминутная передача в телепрограмме. Сначала покажут репортаж о переговорах хозяев автобусной компании с бастующими уже месяц водителями. Эту часть можно сократить до десяти минут. Я говорил с парнями из телецентра. Они согласились помочь нам в оставшиеся десять минут сделать небольшой репортаж о работе клуба, причем тоже бесплатно. Но снимать они смогут только в понедельник.

Костров ухватился за эту возможность. Договорились, что вечером в пятницу, субботу и воскресенье дадут по одному сеансу. В понедельник — два, чтобы операторы могли снять отобранные куски.

Казалось бы, все идет неплохо. Костров много хлопотал, особенно в пятницу. Это был последний рабочий день недели. Мерфью обзвонил своих людей на предприятиях. Договорились, что у входа члены местных профсоюзных комитетов наклеят специальные объявления.

На каждом объявлении Андрей написал толстым фломастером время начала сеанса и адрес клуба. Мерфью предварительно созвонился со знакомым таксистом — бывшим фронтовиком. Тот приехал вовремя. За два часа все афиши были переданы адресатам, вывешены, и, уходя с предприятия, рабочие узнавали о бесплатном просмотре для них и их семей.

В пятницу вечером за пятнадцать минут до начала сеанса зал был еще пуст. Костров волновался. «Не придут,— думал он.— Время плохое: весна, конец недели. Уедут за город или сядут перед телевизорами». Но без десяти минут семь появились первые зрители. Сначала шли пожилые люди. Потом народ повалил гуще, и уже перед самим сеансом и даже после того, как в зале погас свет, шли молодые.

В местных коммерческих кинотеатрах зритель может прийти в середине и в конце фильма. Это никого не волнует, и хождение не раздражает присутствующих. Так же приходили люди и в клуб, но реакция на помехи и шум была иной. Когда начали показывать фильм «Обыкновенный фашизм», наблюдения и разъяснения автора на фоне кадров сегодняшнего дня не сразу захватили зрителей: в зале разговаривали, шутили. Но постепенно гомон затихал. К концу первой части все зрители напряженно следили за экраном, ловили каждое слово. Люди раздраженно реагировали на шаги, скрип кресел.

Когда зажегся свет, никто не встал с места. Костров сидел в последнем ряду и следил за аудиторией. Каким-то чутьем люди угадали в нем человека, к которому можно обратиться с вопросом. Вначале говорили лишь сидевшие рядом, но постепенно в беседу вступали их более дальние соседи. Через несколько минут весь зал обернулся к Андрею. Костров отвечал: рассказывал о войне, понесенных народом жертвах и о нашем сегодняшнем дне. Но слов было мало, люди хотели видеть. И в зале снова погас свет. Показали фильм о чаусовом заводе. Потом о профсоюзной здравнице на Черном море, об эстетическом воспитании в детском саду и напоследок грузинский фильм «Свадьба».

Было уже около одиннадцати вечера, но никто не хотел уходить. Толпа окружила Кострова тесным кольцом. Вопросы возникали один за другим. Люди хотели знать правду.

На другой день, в субботу, на просмотр пришла странная компания. Костров сразу увидел этих людей. Они оглядывались на него, держались вместе, старались не терять друг друга в массе рабочих. Еще не слыша их слов и не видя поступков, Андрей почувствовал — провокаторы. Он напряженно думал: «Они затеют скандал или постараются втянуть меня в дискуссию. Второе не страшно. Пожалуй, даже наоборот. Но, спровоцировав спор, они поднимут потом шум о том, что представитель Советского Союза ведет здесь пропаганду и вмешивается во внутренние дела страны, а правительство Канады не принимает мер». Костров уже заметил в толпе нескольких газетчиков с фотоаппаратами.

«Однако и уйти тоже нельзя: ведь это значит уступить им, дать возможность еще раз оклеветать нашу страну, объявить фильмы «большевистской пропагандой».

Костров остался.

Предчувствие не обмануло его. На этот раз вместо «Обыкновенного фашизма» показывали «Великую Отечественную». Сзади Андрей видел ряд, где сидели провокаторы. Он ждал вылазки, но было тихо. Видимо, чувствуя настроение зала, они боялись затевать шум. Их могли бы просто избить и выбросить.

После сеанса вновь Кострова окружили зрители. Он заметил среди них несколько человек из той группы. Газетчики с открытыми камерами были рядом.

Андрей стоял и думал: «Как странно! Я окружен толпой граждан чужой страны, они не знают моего языка, а я ощущаю их своими, близкими. А вон те, явно русские или украинцы, ели наш хлеб, пели те же песни, что и я,— они враги, чужие».

Ждать пришлось недолго. К Кострову протиснулся невысокого роста, худощавый человек. Нос его оседлали небольшие очки без оправы, но с поблескивавшими дужками, уходящими за маленькие оттопыренные уши. На нем был аккуратно выглаженный черный костюм, белая рубашка, галстук.

— Здравствуйте,— сказал он на чистом русском языке и улыбнулся как-то злорадно и жалко одновременно.

— Здравствуйте,— ответил Костров по-английски.

— Я бы хотел кое о чем поговорить с вами,— вновь обратился тот по-русски.

«Нужно, чтобы нас понимали»,— подумал Костров.

— Я готов поговорить с вами, как вы сказали, «кое о чем», но только по-английски,— ответил он.

— Хотите использовать возможность для пропаганды?— сказал тот вновь по-русски.

— Я не собираюсь пользоваться возможностью для пропаганды, но я полагаю, что невежливо говорить на языке, которого не понимают вокруг. По-моему, здесь каждый вправе знать, о чем идет речь,— опять по-английски ответил Костров. Он строил ответы так, чтобы собравшиеся понимали, каким был вопрос.

— Ол райт,— вынужденно согласился человек в очках. Он полез в боковой карман и вынул какую-то сложенную вчетверо бумажку.— Вот полученное из Москвы письмо советского писателя...

Он назвал совершенно неизвестную Андрею фамилию и повторил измышления правой прессы о нашей стране.

Костров заметил поднятые над головами фотокамеры, протянутые на длинных штативах микрофоны магнитофонов. От него ждали ответа журналисты. Его внимательно слушали окружающие их рабочие.

— Я не знаю, о ком вы говорите. Но если у нас происходит такое, то как могло появиться это письмо? И почему его автор на свободе?

По толпе пронесся одобрительный гул. «Первый раунд за мной»,— подумал Костров.

Человечек поправил очки и многозначительно сказал:

— Но вы все-таки возьмите и прочитайте это письмо.

— Зачем? Оно меня попросту не интересует: ведь о таком «писателе» я никогда не слыхал.

Человечек возликовал. Фальцетом, почти срываясь на визг, он крикнул:

— Видите, как вас запугал Сталин! Так запугал, что по сей день трясетесь.

Костров ответил спокойно, внятно и громко:

— Странная логика у вас. Нас Сталин запугал, но мы не удрали при удобном случае к Гитлеру, не бросили и не предали Родину, а разбили фашистов. От испуга, наверно, мы в короткий срок восстановили и отстроили сожженные и разграбленные гитлеровцами города и села Советского Союза, от испуга вырвались в космос. А вы, храбрецы, помогали фашистам расстреливать своих соотечественников, грабить свой народ. А потом от храбрости, наверно, удрали, страшась суда народа, и по сей день боитесь вернуться на свою землю, хотя у нас давно уже амнистированы люди, сотрудничавшие с оккупантами.

В толпе дружно засмеялись.

— Сволочь! Мало мы вас вешали!— исступленно закричал по-русски человечек, очки слетели с его вспотевшего носа, глаза горели ненавистью.

— Этот господин говорит, что он вешал таких, как я, до того, как удрал из России,— перевел Костров.

Люди, только что просмотревшие фильмы о кровавой борьбе советского народа, о том, как далась победа, притихли после этих слов. Человечек замолчал и испуганно оглянулся по сторонам. Толпа расступалась, образуя узкий проход. Высокий мужчина с огромными рука-

ми и короткой толстой шеей вдруг сказал, обращаясь к человечку в очках:

— Грязная свинья! Убирайся отсюда, пока я тебя не вколотил в нашу землю, которую ты топчешь и поганишь!

Человечек, пятясь, отступал по узкому проходу.

Газетчики убирали фотокамеры. Сенсации не получилось.

Все эти дни Мэри Фергюссон не спускала с Кострова глаз, сопровождая его с утра до вечера. Андрей много работал. Постоянное напряжение не оставляло его, и Мэри казалось, что он попросту не замечает ее, лишь изредка перекидываясь с ней ничего не значащими фразами. Но это было не так. Андрей напряженно следил за каждым шагом Мэри Фергюссон.

В понедельник он сказал ей за завтраком:

— Уик-энд не получился,— и, рассмеявшись, добавил: — Отгулы и оплату сверхурочных просите у братьев Розз.

— А вы?— серьезно спросила она.

— Я — нет. В этой стране меня никто не защищает. Ведь я не член профсоюза. Капиталист Майкл не даст мне отгула и не выплатит сверхурочных.

Он допил кофе и, глядя на осунувшуюся за три дня Мэри, добавил:

— Сегодня вечером посмотрим телепередачу, потом я заберу в клубе фильмы. Аппараты Мартин обещал отправить в среду утром. А мы выедем во вторник пораньше и проведем остаток дня в том отеле, где обедали. Там и переночуем, а утром пораньше — в Монреаль.

Они выехали из Торонто в пять часов утра.

Настроение у Андрея было хорошее. Он считал, что проделал в Торонто полезную работу. Это радовало его не только потому, что две-три тысячи человек узнали крупицу правды о нашей Родине. Костров понимал, что после телевизионной передачи интерес к декаде советских фильмов возрастет. Огорчало, что из-за забастовки водителей автобусов он не смог договориться о размещении подвижной рекламы. Но за борьбой профсоюза с предпринимателями следил весь город, и передачу об их переговорах смотрели сотни тысяч людей. Все они увидят репортаж о показе советских фильмов в клубе, а из интервью Кострова узнают, что они будут идти в городе десять дней.

Мэри, немного грустная, молча сидела рядом. «Еще не проснулась окончательно»,— подумал Костров.

А она глядела на уносящиеся назад столбы и проволочные сетки оград, кустарники и водную гладь озер, и солнечный день не радовал ее.

...Хозяин ресторанчика и отеля, где они обедали по дороге в Торонто, был рад старым гостям. Обычно в будние дни у него постояльцев не бывало.

— У меня есть для вас чудесный номер на двоих с прекрасным видом на озеро,— засуетился он.

— Спасибо. Но нам нужно два номера,— ответил Костров.

— Ради бога.— Старик смущенно развел руками.— Есть и два. Можно и отдельные коттеджи.

— Нет, просто две нормальные комнаты для мисс и для меня.

— Хорошо. Приглашаю вас искупаться: возле нашего берега бьют теплые ключи, и вода в самый раз. Только не заплывайте далеко.

Они разместились удобно и свободно. Через несколько минут Андрей, переодевшись, пошел к озеру.

— Вы не хотите поплавать?— крикнул он, подняв голову к открытому окну в комнате Мэри.

— Иду,— откликнулась она, но не выглянула.

Озерная вода была в меру холодна, и Андрей, блаженно пофыркивая, нырял и плавал недалеко от берега.

Он уже собрался было вылезать из воды, когда на дорожке, которая вела от ресторанчика к пляжу, появилась Мэри.

Купальные трусы из синей искусственной кожи с вышитой серебряной канителью бабочкой плотно облегали ее стройные бедра. Такой же бюстгальтер охватывал маленькую грудь. Костров смотрел на Мэри, восхищаясь ее пропорционально сложенным, по-девичьи тонким и гибким телом, красотой больших темных глаз.

Они поплыли от берега. Вода становилась все холоднее.

— Дальше не надо, не стоит рисковать,— сказал Андрей.— От холода может свести ногу судорогой.

— Мне кажется, что правую уже сводит,— не то в шутку, не то всерьез подтвердила Мэри и, подплыв к Андрею, оперлась рукой о его плечо. Он почувствовал, как напряглась ее ладонь, дрогнули пальцы.

— У вас действительно судорога от холода? — спросил он.

— И от вашей глупости,— ответила она и, оттолкнувшись, поплыла к берегу.

Купание в озере и чистый воздух соснового бора освежили их. Захотелось есть, и они направились к отелю.

Пока они купались, на стоянке появились еще две машины. Пыль и виннипегские номера говорили о том, что их владельцы проделали долгий путь.

Через десять минут Костров и Мэри вновь встретились в обеденном зале. Стейки удались на славу. Их вкусный запах Андрей почувствовал еще в дверях.

За столом просидели долго. Мэри рассказывала о своем детстве, расспрашивала Андрея. Его юность резко оборвал июнь тысяча девятьсот сорок первого года, и поэтому разговор зашел о войне. Притихшая Мэри ловила каждое его слово.

Какие-то люди, очевидно, с тех двух машин, сидели неподалеку. Андрею показалось, что и они тоже внимательно прислушиваются к его рассказу.

— По-моему, нас подслушивают,— наигранно-весело и нарочито громко сказал Андрей по-русски.

За соседним столиком задвигали стульями, зазвенели фужерами, с деланным оживлением заговорили.

Костров поддерживал беседу, стараясь быть предупредительным и внимательным, но ему не давала покоя мысль о новых постояльцах.

— У вас сегодня удачный день: еще гости появились,— сказал Андрей хозяину, выходя с Мэри из зала.

— Они только пообедать и отдохнуть,— ответил старик.— К вечеру уедут.

Но это не успокоило Кострова. Интуиция подсказывала ему, что встреча не случайна. Мелькнула мысль: отправиться дальше сейчас же, но он оставил ее. Пускаться в дорогу на ночь глядя было неразумно.

Однако Андрей незаметно наблюдал за двумя машинами. Он видел, как, быстро усевшись, незнакомцы уехали, и его синий «шевроле» вновь остался один на стоянке.

Утро, как и вчера, было чудесным. Они мчались по шоссе, и Костров думал о том, что, хотя в Монреале его ждет множество дел, все же нужно заскочить на часок в Оттаву и посоветоваться с товарищами в посольстве. На этом он и порешил.

Может быть, оттого, что солнечное утро сменило сумерки вчерашнего вечера у холодноватого озера, на душе у Андрея стало спокойно. «Случайная встреча. Мало ли русских в Канаде»,— сказал он себе.

Андрей поглядел на Мэри.

— Вы опять без ремня? Хотите, чтобы меня оштрафовали?

— Лучше не превышайте скорости,— отпарировала она и грустно спросила: — И вообще, куда вы так спешите? Вам очень надоело ехать со мной?

На триста сорок седьмой миле посреди дороги номер два стоял маленький шлагбаум, покрытый серпантином самосветящихся фонариков. Над ними был установлен круг указателя со знаком «Въезд запрещен». В стороне на подставке стрелка с надписью «Объезд».

Андрей съехал на объездную трассу. Здесь асфальтовое покрытие было уже и полосы не разделяли встречного движения. Машин не видно. Еще издалека Костров заметил идущих друг за другом двух огромных желтых «даймондов» с крытыми зеленым брезентом кузовами. Грузовики ползли неторопливо, уверенно. Слева был небольшой лесок. Дорога довольно круто огибала его. «Даймонды» скрылись за деревьями.

Когда они вновь вырвались на шоссе из-за лесочка, то уже теперь мчались рядом, бортом к борту. Костров слышал рев моторов. Расстояние быстро сокращалось. Дорога впереди перекрыта. Справа, вплотную к полотну,— стволы деревьев. Впереди многотонные желтые «даймонды». Слева канава. За ней поле, огороженное металлической решеткой.

А расстояние все сокращается. Вдруг восемь мощных ламп-фар на двух «даймондах» сверкнули ярким светом, который бьет в глаза, слепит.

Руки Кострова впились в рулевое колесо. Правая нога с акселератора — на тормоз. Педаль без усилия проваливается вниз.

Андрей видит висящие над ним «даймонды», каменные лица шоферов и в зеркале — широко раскрытые глаза Мэри.

— Ремень!— кричит Костров, но в тот же миг понимает: «Поздно». Левой рукой он еще крепче сжимает руль. Правую протягивает перед Мэри, прикрывает ее лицо.

До «даймондов» — лишь считанные метры. Руль круто влево. Нога до отказа прижимает акселератор к полу. Резкий толчок — и «шевроле» летит над канавой. Рядом, в десяти сантиметрах, с воем промчался «даймонд», и желтые дьяволы уносятся, не остановившись.

Тяжелый и низкий лимузин падает четырьмя колесами на поле. Удар. Машина подпрыгивает и ударяется еще раз, теперь об ограду. Вылетает лобовое стекло.

Звон, и вслед за ним тишина. Андрей лежит на земле, и Мэри платочком вытирает кровь с его лица. Он медленно открывает глаза и замечает, что Мэри плачет.

Костров пытается шевельнуться, но от острой боли в правом плече едва не теряет сознание.

— Вы не разбились?— тихо спрашивает он у Мэри.

— Нет, нет!— глотая слезы, отвечает она. Андрей вновь закрывает глаза и чувствует, как она припадает к его лицу мокрой щекой. Он вновь приходит в себя. На губах солоноватый привкус. «Кровь»,— думает Костров. Он открывает глаза и смотрит на Мэри. По ее лицу катятся слезы.

Андрей осторожно сел. «Ноги целы»,— подумал он, шевельнув ступнями. От удара о рулевое колесо очень болела грудь, а правая рука совсем не слушалась его.

Опираясь на здоровую левую руку, Костров встал. Его слегка поташнивало, в голове шумело. Мэри сидела на земле, беспомощно опустив плечи и обхватив руками согнутые в коленях ноги, и все еще плакала. Сквозь порванные чулки виднелись кровавые ссадины.

— Реакция,— сказал Андрей.— Это пройдет. Ведь у вас, кажется, нет переломов?

Он с трудом наклонился и левой рукой помог ей встать.

Они огляделись. На дороге никого не было. «Даймонды» давно уже скрылись за поворотом. Костров с надеждой посмотрел вверх, но не увидел в небе полицейского вертолета.

Синий «шевроле» беспомощно распластался на поле, лежа днищем на земле. Когда Андрей попытался открыть капот, это удалось не сразу. При внешнем осмотре мотор показался ему не поврежденным. Он осторожно сел за руль и включил зажигание. Мотор завелся мгновенно и заработал тихо и ровно. Он хотел попробовать отъехать назад, но вспомнил, что у машины отказали тормоза.

— Давайте я пойду по шоссе до первого телефона?— предложила Мэри.

— Это ведь объезд, вряд ли здесь есть телефоны.

В ожидании прошло около часа. Наконец они услышали шум двигателя, и на дороге показался колесный трактор. Фермер увидел их и удивленно остановился.

— Что с вами, сэр?

— Отказали тормоза,— сказал Костров, не вдаваясь в подробности.— Далеко ли здесь до телефона?

— Не очень. Миль пять.

— Если вы в ту сторону, то вызовите, пожалуйста, полицию.

Прошло еще с полчаса, и над полем повис полицейский вертолет. Прижав к земле трепещущую траву, он опустился рядом и, тревожно пострекотав винтами, затих.

— Что стряслось?— еще на ходу спросил по-

лицейский.— Я уже вызвал «Скорую помощь».

Костров рассказал, что произошло. Вскоре в воздухе повис второй вертолет с красным крестом на днище и на боках. Пока он садился, полицейский осмотрел машину, следы на дороге, выбоину на бруствере канавы и сказал удивленно и с облегчением:

— Вы родились в рубашке.— Потом спросил: — Машина застрахована?

— Да, конечно.

— Тогда все о'кэй. Летите и лечитесь.

Между тем молодой красивый доктор суетился возле Кострова. Однако он лишь проверил пульс и произвел внешний осмотр.

— Вы иностранец?

— Да, русский.

— Вы из России или эмигрант?— подумав, сказал доктор.

— Я из Советского Союза,— резко ответил Костров.

Но это не обидело доктора.

— Отлично! У вас богатая страна, вы вполне можете лечиться в нашем госпитале. Он лучший в городе.

Костров знал, что такое частный госпиталь. Три года назад его сотрудника, молодого киномеханика, отвезли в больницу с острым аппендицитом. Операция, лекарства и три дня послеоперационного ухода и питания стоили восемьсот семьдесят долларов.

Андрей не считал свое положение слишком серьезным. Головокружение, как ему казалось, утихало. А с рукой он решил обратиться к посольскому доктору.

— Благодарю вас,— сказал Костров,— я чувствую себя достаточно хорошо.

— Смотрите, мистер Костров. У нас отличная клиника. Сейчас приедет муниципальная «Скорая помощь», но это не для белого человека,— попытался он пошутить.

— Благодарю,— еще раз сухо ответил Костров и отвернулся.

Врач уже направился к вертолету, как вдруг в дело вмешалась Мэри Фергюссон.

— Стойте!— сказала она врачу.— Как вы можете бросать больного?

— Но он, очевидно, не хочет платить.

— Заплачу я.

Она подбежала к машине, выхватила из сумочки чековую книжку и, вернувшись к врачу, раскрыла ее перед ним.

— Тогда другое дело.

Красивый доктор в белом халате решительно направился к Кострову.

Полицейский с интересом следил за этой сценой.

— Мисс Фергюссон,— сказал Андрей, и что-то сжалось в нем от собственной сухости,— я признателен вам, но денег на моей чековой книжке достаточно. Кроме того, любую медицинскую помощь, оказанную мне, оплачивает посольство Союза Советских Социалистических Республик. Однако оставить фильмы я не могу и не уеду отсюда, пока не прибудет наш представитель.

Полицейский вызвал из Оттавы техническую помощь и попросил передать в советское посольство, чтобы за Костровым приехали.

— Как вы попали на эту дорогу?— спросил он у Андрея, когда врач-коммерсант улетел, а прибывший на другом вертолете муниципальный врач обработал ссадины Кострова и его спутницы и тоже улетел, сказав, что госпитализация не нужна.

— Как я попал на эту дорогу? Но ведь там стоит указатель — «Объезд»!

— Никакого указателя там нет. Эта дорога давно закрыта, и ею пользуются лишь местные фермеры.

«Так вот почему здесь не было машин,— подумал Андрей.— Они специально направили меня по этому пути...»

Вскоре показалась машина технической помощи. Двое коренастых мужчин в оранжевых комбинезонах подцепили «шевроле» за задний бампер и мигом вытащили его на шоссе. Потом их грузовик тросом подъемника задрал передок «шевроле», уперев его колесами в специальный помост. Один из рабочих вместе с полицейским наклонились и стали разглядывать машину снизу.

Потом полицейский вновь вытащил из сумки протокол и что-то дописал туда.

— Тормозные шланги подпилены возле всех цилиндров,— сказал он Кострову.

Продолжение следует.

ДЕКАДА

Лев РУДНИЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

За Андреем на «бьюике» примчался советник посольства Петров.

— Живой? — крикнул он, еще не успев вылезть из машины.— Поехали скорее до первого же телефона. В посольстве нервничают и ждут звонка...

Дипломат быстро уладил формальности, ознакомился с протоколом и поблагодарил полицейского за помощь.

Мэри Фергюссон села впереди, а Петров с Костровым сзади.

— Вы сильно ударились? — спросил Петров у Мэри.

— Благодаря мистеру Кострову не очень, но он из-за меня, наверное, вывихнул, если не сломал себе руку.

Врач посольства повез Андрея в травматологическую клинику. Плечо болело все больше, и даже мягкие покачивания кузова причиняли страдания. В клинике с него осторожно, не разрешая вставать, сняли пиджак, рубашку, майку. Он сидел в кресле, а рука лежала на специальной подставке. Оголенная спина и руки ощущали холодок металла и полиэтиленовых чехлов. Затем Кострова отвезли в рентгеновский кабинет и, притянув тело к сиденью ремнями, вкатили кресло под аппарат. Пока делали обзорный снимок, все шло гладко, но когда стали менять положение, Андрей стиснул зубы, чтобы не закричать от резкой боли. Очнулся он уже в другом кабинете. Медицинская сестра, полная женщина средних лет с круглым лицом, на котором добрым участием светились серые глаза, дала ему что-то понюхать из бутылочки.

— Вам повезло, больной, перелома нет,— сказала она.

Потом Кострову сделали укол в руку, ко рту и носу прижали маску. Он глубоко вдохнул и впал в забытье.

...Что-то мерно поскрипывает. «Поезд. Я куда-то еду»,— думает Андрей и открывает глаза. В комнате темно. Оконный переплет бросает тень на потолок. Через открытую форточку слышно, как на улице скрежещет, покачиваясь на ветру, фонарь. Потом он слышит шелест листьев и, скосив глаза, видит вершину могучего клена.

«Где я?» — думает Андрей. Он осторожно поворачивает голову и с удивлением убеждается, что плечо совсем не болит. Он пробует шевельнуть рукой, и ему тоже не больно.

Справа матовые стекла и за ними мягкий свет.

Возле кровати низкая широкая тумбочка с поворачивающимся столиком. Светится маленький пульт с кнопками.

«Больница»,— понял Андрей.

В холле второго этажа, где находится палата Андрея, мягкие, удобные кресла. Со своего места Мэри видит длинный коридор, по обе стороны двери и белые столики медсестер. То над одной, то над другой дверью вспыхивают огоньки, но та, за которой издалека следит Мэри, не освещена. Усталая женщина вновь погружается в дрему. Уже три часа она ждет в этом кресле. Она даже не пошла обедать с русскими после того, как Кострова отвезли в палату. Правда, потом Петров привез ей сандвичи с сыром и с какой-то вкусной рыбой и баночку сока. Она поблагодарила и спросила, нельзя ли ей через посольство заказать номер: в Оттаве, как всегда, переполнено. Советник ушел звонить и вернулся минут через пятнадцать.

— Номер заказан,— сказал он и назвал отель. Потом он отправился к врачу и возвратился повеселевший.

— Рука в порядке, лишь на лбу один маленький шов. Если сотрясения нет, то послезавтра выпишут,— сообщил он Мэри.

— А сам мистер Эндрю не попытается уйти, когда проснется?

— Я дал сестре номер моего телефона. Как только Андрей проснется, она соединит нас. А вы? — спросил он.— Я вас подвезу.

— Я жду врача-женщину. Я все-таки тоже ударилась.

Советник извинился и уехал, оставив свою визитную карточку.

Мисс Фергюссон прочла ее, спрятала в сумку и рассмеялась, вспомнив смущение Петрова. Мэри его обманула: просто она не хотела уходить, не увидев проснувшегося Кострова.

Энн крикнула через открытую дверь:

— Мистер Майкл, возьмите черную трубку: звонит Рыжий из Торонто.— Так они называли между собой ирландца.

— Мистер Розз? Русский тут натворил дел. Вчера была профсоюзная передача по телевидению и его интервью. Сегодня с утра в офис уже звонили владельцы трех кинотеатров, правда, маленьких. Возможны еще запросы. Что отвечать?

— Что фирма Розз даст им фильмы! Требуй по тарифам плюс десять процентов надбавки за риск. Если пойдет туго, можешь снизить на пять процентов.— Говоря это, Майкл быстро прикидывал эффект.— Алло, кстати, в рабочих районах, где залы маленькие, не повышай, но только при условии, что кинотеатров будет не меньше четырех, в каждом как минимум около трехсот мест, и чтобы они находились недалеко друг от друга. В этих условиях мы все равно выиграем. Сократи перечень фильмов в каждом сеансе, но увеличь количество сеансов...

— О'кэй!

— Что там у вас с этой чертовой забастовкой водителей автобусов?

— Кажется, договорились.

Теперь Майкл бросил удовлетворенно:

— О'кэй! Не зевай, они обязаны дать рекламу на каждой машине. Срочно подпиши контракт хоть с одним из кинотеатров, чтобы начать рекламировать декаду.

— А как насчет программы? Ведь четыре площадки мы не обеспечим фильмами,— усомнился Рыжий.

— Это дело русских. У них есть такой хитрый прием, на их языке называется «вперекидку». Костров объяснит.

— Но он уехал еще позавчера.

Розз озадаченно смотрел на картину, где Вирсавия нетерпеливо тянула руку к записке.

— Энн! — крикнул Майкл.— Эндрю не звонил?

— Нет.

— А вчера?

— К сожалению, нет.

Огонек над дверью Кострова неярко замигал. «Проснулся»,— подумала с облегчением Мэри и, осторожно ступая по мягкому ковру, подошла к стеклянным створкам входа. Однако навстречу ей поднялась высокая, сухая женщина в халате — дежурная сестра.

— Я бы хотела пройти в палату к мистеру Кострову.

— Завтра, мэм.

— Но я весь день жду.

— Больные уже спят. Это запрещено, мэм.

Мэри вынула из кошелечка десятидолларовую бумажку. Старушка с сожалением поглядела на деньги.

— Нет, мэм, не могу сейчас, приходите утром.

Но мисс Фергюссон не смирилась. Она отправилась к дежурному врачу. Выслушивая, тот бесцеремонно разглядывал ее.

— Этот русский — счастливый парень: отделаться пустяком в такой аварии и иметь такую очаровательную...

— Сотрудницу,— подсказала Мэри.

— Допустим,— согласился он.— Все равно счастливчик. А пустить вас я не могу.

Доктор с сожалением развел руками.

Ночью Мэри плохо спала.

Кто бы мог подумать, что этот русский так неожиданно войдет в ее жизнь и овладеет всеми помыслами? Интересно: он коммунист или нет? Однажды она хотела спросить, но почему-то не решилась. Все у него получается: показ вопреки своим врагам организовал... Она подумала о Брауне, о налетчиках, о катастрофе, о том, что эти — Костров называл их изменниками и предателями — не успокоятся и попытаются еще вредить ему. «Сволочи»,— вслух сказала Мэри. Потом вспомнила о том, что она тоже среди них, и от этого ей стало совсем не по себе. «Приеду — откажусь»,— решила она. Потом усомнилась: «Подошлют кого-нибудь другого. Лучше рядом буду я». Ей было страшно представить, что с ним может что-нибудь случиться. «Но ведь он уедет!» — опять подумала Мэри, и сердце ее при этой мысли чуть не остановилось от испуга. А как же она? Впрочем, не нужно усложнять. Пока он есть — и хорошо. Хотя есть ли он для нее? Нужна ли она ему? Нет, конечно, как женщину он ее и не замечает. Она занимает в его жизни слишком мало места — просто служащая. Ну и пусть! Пока он не уехал, он рядом — и это главное, а там будет видно.

В девять утра Мэри Фергюссон, немного осунувшаяся, снова была в госпитале, но ее и теперь не допустили к Андрею.

— Неужели у него сотрясение мозга? — спросила она.

— После полудня. Сейчас обход, потом назначенные процедуры.

Однако, когда приехал Петров, его, как сотрудника посольства, пустили сразу. Он приветливо поздоровался с Мэри и удивленно спросил:

— Вы уже или еще?

Она почувствовала, что покраснела, и оттого рассердилась на себя. Советник открыл плетеную корзиночку — в ней были персики — и предложил:

— Выбирайте самый красивый.

Она взяла первый попавшийся, поблагодарила и с завистью посмотрела вслед, когда он направился к палате Кострова.

— Как хорошо, что ты пришел! — обрадовался Андрей, увидев Петрова.

— Как рука?

— Отлично! — Костров поднял правую руку и протянул ее для пожатия.— Я думаю, мне нужно выметаться отсюда.

— Ты должен лежать и ждать решения врачей.

Советник пробыл у Андрея недолго. После обхода он поговорил с врачом и распрощался с Костровым.

Мэри увидела его издалека. Петров шел навстречу, улыбаясь.

— Сотрясения нет, завтра выпишут,— с облегчением сказал он.— Кстати, Костров спрашивал о вас. Его беспокоит ваше здоровье. Он хочет знать, звонили ли вы в фирму. Впрочем, он сам все объяснит.

Когда ей наконец разрешили навестить Кострова, Мэри казалось, что она не идет, а летит по коридору. Сердце стучало торопливо, и глухие удары отдавались в ушах. Но у самой палаты ей показалось, что ноги еле двигаются, бессильно утопая в мягком ворсе ковра. Но вот она открыла дверь и увидела забинтованное оголенное плечо Кострова и белую марлевую наклейку на лбу. Он повернул к ней лицо и улыбнулся.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2—7.

Мэри стояла, не сводя глаз с Андрея.

— Ну как вы?— спросил он.

А она мельком подумала о том, что впервые в жизни, входя к мужчине, не поправила прическу и не позаботилась, чтобы хорошо выглядеть. Сейчас это не волновало ее.

Браун мерил короткими шагами заднюю комнату «стоматологического» кабинета. Семнадцать — от двери к окну и столько же от окна к двери. Ах, как он был взбешен! Только что звонил шеф, еще совсем мальчишка — ему нет и сорока. Сейчас приедет и станет отчитывать его, Брауна, который и сам знает, что делать. Если бы только можно было действовать в открытую, он бы показал им декаду! Навек бы запомнили. Но он связан по рукам и ногам.

Шеф, высокий, красивый мужчина, с короткой стрижкой и приятным, открытым лицом, приветливо улыбнулся Брауну и дружелюбно протянул большую, сильную ладонь.

— Хэлло, Фред.

— Здравствуйте, шеф,— изображая радость, улыбнулся Браун.

Мужчина, не дожидаясь приглашения, сел в кресло и легко положил правую ногу на колено левой. Брюки приподнялись, и Браун увидел между ними и носком коричневую от загара кожу. «Небось, гулял в Майами или летал на Гаити, сволочь!» — подумал Браун.

— Хотите «клюковку»?— сказал шеф по-русски и протянул пластик жевательной резинки в яркой бумажке, на которой была нарисована рассыпавшаяся клюква.

— Первый раз слышу про такую резинку.

— Это опытная, советская. Очень приятная, кисленькая, будто только что с болота. Вы любите клюкву? Ну, морс или кисель?

У Брауна засосало под ложечкой. Он вспомнил детство, деревню под Новгородом, мальчишек и девчонок с лукошками на болоте...

— Не любите? — с сожалением сказал шеф.— Зря, очень вкусно. Когда я бываю в России, обязательно балуюсь. Вообще русская кухня оч-чень хороша. Взять хотя бы обыкновенные кислые щи: можно с говядиной, а можно и со свининой. Это великое изобретение, особенно после выпивки.

Шеф, стопроцентный американец, говорил на чистейшем русском языке, употребляя такие словосочетания и обороты, о которых Браун уже давно забыл.

— Отказавшись от России, вы отказались и от всего, что связано с ней? Так, что ли?

— Я не отказывался, у меня ее отняли.

Браун вспомнил длинные серые бараки за колючей проволокой недалеко от Кельна. Каждый день Фред Браун, впрочем, тогда его звали еще по-другому, водил отсюда под конвоем грязных, вонючих и голодных англосаксов разбирать развалины после американских бомбежек. Случалось, некоторые пытались бежать. Вот тогда бы ему нынешнего шефа!

А шеф все так же дружелюбно продолжал:

— Впрочем, Фред, я не за тем приехал. Что с работой? Вам трудно?

Браун едва отодрал сухой язык, прилипший к небу.

— Нет, шеф, почему?

— Это я вас спрошу «почему».— В его голосе появились совсем иные нотки. Он вынул газету из кармана пиджака и протянул Брауну.

— Читали?

— Нет. А что?

— Прочтите — поймете. На двенадцатой странице, внизу.

Браун не верил своим глазам. В газете сообщалось, что неизвестные, установив ложные знаки, направили по заброшенной дороге сидевшего за рулем «шевроле» советского кинопродюсера Кострова. Только железные нервы и мгновенная реакция помогли Кострову избежать столкновения с двумя мчавшимися прямо на него двадцатипятитонными грузовиками. Костров и его канадская спутница ранены. По мнению полиции, покушение организовано русскими эмигрантами, бежавшими от коммунистического режима после второй мировой войны. Однако преступников задержать не удалось. Следствие продолжается.

— Я хочу знать — и не только я — долго еще ваши дружки будут сталкивать нас с властями? Когда кончится эта цепь провалов в элементарно простых операциях? Возле банка вы не только не задержали фильмы, но еще и сделали рекламу для коммунистической пропаганды. В Торонто какой-то из ваших недоносков на людях полез в политический спор с Костровым, и тот превратил его в посмешище. Теперь эти идиоты на двух тяжелых «даймондах» не справились с одним большевиком, сидевшим за рулем жестяного «шевролетика»! Нет, Фред, вы просто устали. А может, годы, а?

Толстые, короткие и красноватые, словно ошпаренные сардельки, пальцы Брауна подергивались, и шеф с неприязнью глядел на них.

— Да, наверное, это уже годы. Вы бы, конечно, могли уехать на свой клочок земли. Я имею в виду тот, что вы приобрели тайком от нас неподалеку от Ванкувера. Зубные коронки и мосты, которые вы продали в Виннипеге, оказались из отличного золота, иначе вас бы судили. Вы помните советскую газету, в которой были описаны ваши «подвиги» в зондеркоманде? Там же был указан ваш канадский адрес, и нам тогда пришлось срочно переселить вас. Но ведь многие украинцы из Канады ездят гостить на родину. Случайно им может попасть на глаза и эта газета.

Шеф подошел к окну, выглянул на улицу.

— Кстати, кто это напортачил с машинами?

— Васька Лоскутов,— со злорадством ответил Браун.— А к Кострову прикреплен человек, рекомендованный, как вы знаете, большим боссом.

— Да-да, и это тоже. Он рекомендовал ее вам на время для обычной работы в промышленных фирмах: коммерция, лицензии, перспективы, а вы... Но за это уж ответите перед ним самим.

Шеф посмотрел на часы.

— Ого! Уже полдень. Я опаздываю на ланч.— Он подошел к двери и обернулся. На лице была все та же любезная улыбка.— Вы не помните, сколько еще пробудет в Канаде Костров? Нет? Ну, ладно, до свидания после советской декады. Надеюсь, оно будет обоюдоприятным.

— Розз-старший оборвал телефоны, узнав, что с тобой стряслось. Позвони ему,— сказал Петров Кострову, когда тот вышел из госпиталя.

Андрей позвонил в Монреаль.

— Я искренне рад, что ты выпутался, старина! — обрадовался Майкл. И сразу же пере-

шел к делу: — В Торонто после твоего отъезда все изменилось. Мне звонил Дик, и я беру четыре кинотеатра, но необходимо обеспечить их программами.

Костров перебрал в уме все ленты, подсчитал и ответил:

— Четыре программы будут...

Андрею пришлось задержаться в Оттаве еще на один день — не была готова машина. И он использовал это время на изучение посольской фильмотеки. Там оказались дополнительные копии некоторых фильмов, включенных в программу декады.

Лишь к полудню следующего дня Костров и Мэри на такси поехали в оттавское отделение прокатной фирмы.

— С вашей машиной много возни,— сказали ему и предложили другую, той же модели, но серого цвета. «Это даже к лучшему»,— подумал Андрей.

После обеда, погрузив свои и посольские фильмы, он выехал в Монреаль.

С мрачного темно-серого неба на извивающуюся полосу шоссе лил дождь, и от этого бетонная лента лоснилась, словно длинная змея, торопливо уползающая от дождя в горы.

На междугородных американских трассах принято ездить днем с включенными фарами. Вспомнив об этом, Андрей тоже зажег свет.

Мысли его перенеслись на обычаи, и он с тоской подумал о далеком доме.

Косые полосы дождя падали на водную гладь проносившихся озер, на землю, прорываясь сквозь сочную зеленую листву белоствольных берез. «Почти как у нас»,— подумал он.

Серый «шевроле» плавно покачивался, убаюкивал. Андрей вновь подумал о доме, о семье.

Мэри, грустная и притихшая, сидела, откинувшись на подголовник, и смотрела куда-то вдаль ничего не видящим взглядом.

...В Монреаль приехали вечером. Костров отвез спутницу домой. Он вышел из машины и поднес к лифту ее чемодан.

— Спасибо,— подав руку, сказала она тихо и устало,— до завтра.

Потом Андрей направился к складу и, лишь на полпути сообразив, что он уже закрыт, поехал домой.

Майкл Розз встретил Кострова утром следующего дня в своем офисе. Он оглядел его, словно принимал ценность по описи, и пошутил:

— Руки, ноги — все на месте. А как котелок?

— Варит.

— Отлично! Тогда возьми почитай: только что пришло.— И он протянул Андрею разрезанный конверт.

«Сэр! — прочел Андрей.— Вот уже долгие годы Вы и Ваша фирма оказываете содействие коммунистической пропаганде в нашей свободной стране, пропагандируете экспансионистскую политику Советской России, не считаясь с чувствами десятков и сотен тысяч истинных борцов за свободу порабощенных ею стран и народов, обретших в Канаде свою вторую родину. Сейчас на повестке дня новые происки большевиков: они затеяли показ фильмов, направленных на то, чтобы доказать, будто русская армия спасла Европу и весь мир в прошлой войне, показать «счастливых» людей сегодняшней, закабаленной в тисках коммунистической диктатуры советской империи...

Мы предупреждаем: если Вы не перестанете помогать большевикам, нам придется быть беспощадными в этой борьбе с Вами, так же как это было и в Европе!»

— Ты испугался, Майкл?

— Нет, скорее разозлился. Но какова наглость: эмигранты предъявляют мне, канадцу, ультиматум!

Розз закурил, и клубы сигарного дыма поплыли по кабинету.

— Я передам это письмо в полицию,— решительно заявил он.

— Пожалуй, надо,— согласился Костров.

Так началась «психическая атака» на организаторов декады советских фильмов. Письмо Майклу оказалось лишь первой ласточкой. По отношению к главе фирмы «Розз энд Розз» — гражданину Канады и миллионеру — были только невежливые и невежественные угрозы. По отношению же к Андрею Николаевичу дело приняло иной оборот.

Выйдя из маленького итальянского ресторанчика, где он любил обедать, Андрей издалека увидел на лобовом стекле белый листок бумаги. «Тикет»,— подумал он. Местная полиция не всегда дожидалась водителя автомашины, чтобы наказать его за нарушение правил уличного движения. Зачастую полицейский ограничивался лишь тем, что приклеивал к стеклу квитанцию с уведомлением о наложении штрафа и уезжал. Копия квитанции шла в муниципальный банк, и штраф взыскивался в бесспорном порядке.

«За что штраф,— подумал Костров.— Кажется, я нигде ничего не нарушил. Может быть, простоял больше положенного?» Он взглянул на табло времени на тротуаре. Красный флажок не выскочил, у Андрея еще оставалось в запасе десять минут. Лишь подойдя к автомобилю, он понял, что это не талон на уплату штрафа, а небольшая записка, отпечатанная на пишущей машинке.

«Если ты, большевистская сволочь, не уберешься из Канады в двадцать четыре часа, то мы поступим с тобой так же, как поступали с коммунистами и жидами в годы войны. Привет!»

Костров два раза перечитал это нехитрое послание и огляделся по сторонам. Никого подозрительного он, конечно, не увидел. Лишь маленький голубой «фольксваген» выехал из ряда и медленно покатился вдоль вереницы стоящих у тротуара машин. За рулем сидел солидный пожилой мужчина. По внешнему виду трудно было предположить в нем бандита.

Андрей вчетверо сложил листок и сунул его в верхний карман пиджака.

Через несколько дней в фойе подземного кинотеатра под небоскребом Костров намеревался провести пресс-конференцию для корреспондентов газет, радио и телевидения, и сейчас мысли его были полностью поглощены ее организацией. Он решил показать им три фильма, а затем рассказать о программе советской декады, ответить на вопросы. Андрей рассчитывал на приход двадцати — двадцати пяти журналистов, но по опыту знал, что приглашения нужно разослать на семьдесят — семьдесят пять человек. Он решил созвать сотрудников крупнейших и всех прогрессивных газет, журналистов, с которыми был лично знаком, и, кроме того, работников некоторых правых изданий. «Если они не отмолчатся, то даже отрицательные статьи послужат своего рода рекламой»,— рассудил Костров. В многочисленные телевизионные и радиокомпании были также направлены приглашения.

Андрей очень обрадовался, когда ему позвонил Александр Семенов, корреспондент одной из наших центральных газет. Они были знакомы еще по совместной журналистской работе в годы молодости. Андрей с таким удовольствием услышал совсем домашний московский говорок:

— Привет, старик! Как жизнь? О твоих приключениях узнал из газет и рассказа Петрова,— кстати, он и дал мне твой телефон. Молодец ты! Как здоровье? Ничего, говоришь? Если чувствуешь себя неплохо, то не согласишься ли завтра проехаться со мной к индейцам? Это недалеко от тебя, и к тому же мне пообещали нечто неожиданное. Согласен?! Ну, жди!

Андрей был очень рад, что сможет провести субботу, свободный день, со своим старым добрым знакомым, а не томиться от одиночества в чужом городе.

На следующее утро в девять часов Александр, как всегда, веселый и общительный, крепко пожимал ему руку и подтрунивал:

— Ну что, брат, нелегок хлеб «кинопродюсера»?..

Они провели в дороге больше часа, но за разговорами не заметили, как промелькнуло время. Александр так и сыпал шутками, анекдотами, рассказами из жизни общих знакомых и своей. Наконец въехали в поселение. Это была, так сказать, образцово-показательная резервация со сравнительно высоким уровнем жизни. Планировка ее напоминала обыкновенную деревню: одна улица, по обе стороны которой стояли огороженные мощным бревенчатым частоколом дома, а за ними раскинулись поле, лес, озеро. Для индейцев поселившегося тут племени основной доход приносили посещения иностранных туристов. За сравнительно недорогую плату можно было купить здесь индейский сувенир, который свидетельствовал бы потом в Европе о том, что ты побывал у потомков Монтигомо-Ястребиного Когтя и других героев Фенимора Купера.

Москвичи остановили машину у обочины дороги и прошли внутрь большого квадратного двора, обнесенного крепким частоколом. Вдоль забора расположились ларьки и открытые прилавки с различными товарами.

Из стоящего в сторонке строения, напоминающего сарай, доносился громкий говор. Сгрудившиеся возле сарая человек пятьдесят туристов ожидали выхода вождя племени. Взрослых индейцев не было видно, только мальчишки и девчонки, одетые в национальное платье, сновали в толпе. По мере того, как приближалось время выхода вождя, напряжение нарастало. Люди говорили все тише и наконец перешли на полушепот и встали перед строением, образовав полукруг.

Из сарая донеслось стройное пение, растворились небольшие ворота, и оттуда стали медленно выходить, степенно притопывая в такт каким-то еле уловимым ритмам, индейцы. Впереди шел вождь племени.

Костров и Семенов во все глаза смотрели на индейцев. А удивляться было чему. Их привела в смятение внешность вождя. Вместо стройного, тонколицего, черноглазого и горбоносого индейца во главе племени выступал голубоглазый, широколицый человек со слегка вздернутым носом и светлыми волосами, видневшимися из-под огромного головного убора из перьев.

Не менее удивителен был и облик мужчин и женщин второго поколения и особенно малышей.

Чернобровые и круглолицые юные индеанки чем-то напоминали очаровательных гуцулок с Карпат, а голубоглазые и беловолосые мальчишки уж никак не вязались с образом отважных охотников, скачущих по прериям на мустангах за стадами диких бизонов.

Индейцы пели песни, исполняли ритуальные танцы.

Когда представление окончилось, индейцы растворились среди туристов, и вождя окружила плотная толпа. Костров с Семеновым устремились туда же.

Постепенно, удовлетворив любопытство, люди стали расходиться, и тогда москвичи, подойдя поближе, стали ждать, когда вождь ответит на чей-то вопрос. Наконец он освободился, и Семенов громко сказал Андрею:

— Я хочу задать ему несколько вопросов. Мне кажется, что английский он знает лучше французского. Как ты думаешь?

Услышав его слова, вождь вдруг рассмеялся.

— Не трудитесь, мистер,— сказал он.— Вы можете говорить на русском, украинском или польском языках — как вам будет удобнее.

— Вы... славянин? — оторопело спросил Костров.

— Да. Украинец.

Андрей растерянно молчал.

— Ну, а как же ваше положение, высокий сан? — продолжал за него Семенов.

— Это долгая и в некотором смысле грустная история. Я родился в Западной Украине. Несмотря на то, что я был ветеринарным фельдшером, работы для меня не оказалось. В девятнадцатом году эмигрировал в Канаду, но и здесь мне пришлось нелегко. А индейцы имели скот, который требовал ветеринарной помощи. Вот я и поселился с этим племенем. Был я тогда молодым парнем и полюбил дочь вождя, а она меня, и старик нас благословил. Мы поженились. Сыновей у вождя не было, и когда он умер, по обычаю индейцев, вождем стал я. Здесь все мои братья, сестры, дети и внуки. Я люблю их, и они отвечают мне тем же...— Он помолчал и тяжко вздохнул.— Но иногда, во сне больше, вижу я родную землю. Как там сейчас? Расскажите...

Костров и Семенов провели в деревне несколько незабываемых, удивительных часов.

По дороге в город Семенов долго молчал, что было совсем непохоже на него, а потом сказал с затаенной печалью:

— Да, удивительны бывают судьбы людские...

Продолжение следует.

Д Е К А Д А

Лев РУДНИЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Хлопоты, связанные с подготовкой пресс-конференции, захватили Кострова.

Мэри Фергюссон уже разослала приглашения, и Андрей попросил ее заняться устройством пресс-коктейля.

Составление программы для журналистов оказалось делом нелегким. Показать им полностью основные полнометражные фильмы Костров не мог: не хватало времени,— и он выбрал лишь наиболее эмоциональные кадры.

После этого он решил устроить официальную часть пресс-конференции: рассказать о целях декады, о привезенных лентах и ответить на вопросы. Затем продолжить демонстрацию двух короткометражных фильмов и широкоформатной ленты о цирке на льду.

А в самом конце все пройдут в фойе, где будут накрыты столы для пресс-коктейля.

Начало пресс-конференции намечалось на шесть часов вечера, но уже днем появились операторы телевидения, а в половине шестого — корреспондент радио. Пока телевизионщики устанавливали и подключали свет, Костров в последний раз проверил программу,— все бобины были склеены правильно, аппаратура прогрета. К шести часам собралось уже немало людей. Мэри, почувствовав, что Костров нервничает, незаметно подсчитала пришедших и шепнула ему:

— Тридцать уже есть, но ведь без опоздавших не обойдется!

Костров задержал начало минут на десять — пятнадцать. Он сделал это умышленно: кто опаздывает — успеет к началу, а кто уже пришел — осмотрит выставленную рекламу, возьмет разложенные буклеты.

Прошло минут десять.

— Сорок семь,— сказала Мэри Кострову.

— Отлично. Начинаем. Господа, прошу в зал,— обратился он к журналистам.

...Осмотрев буклеты, альбомы, журналы и отобрав необходимые, газетчики усаживались, оживленно обмениваясь первыми впечатлениями.

Высокий красивый парень с черными вьющимися волосами громко сказал:

— Мистер Костров, я случайно заглянул в соседний зал. Может быть, начнем прямо оттуда? Говорят, русские — гостеприимные люди...

— Русские — деловые люди,— парировал Костров.— Я думаю, сначала труды, а потом пироги.

Костров попросил тишины.

— Сначала мы покажем вам фрагменты из двух фильмов. Это ленты о фашизме и о войне, в которую он вверг человечество, о жертвах и подвиге советского народа.

Костров отметил про себя, что среди журналистов две трети — молодые люди. На вид им можно было дать лет двадцать пять, от силы тридцать. О войне они могли знать только то, что распространяла здесь, за океаном, официальная пропаганда.

В итоге — Костров неоднократно убеждался в этом — девять из десяти канадцев, выросших и воспитанных после сорок пятого, ничего не знали о Сталинградской битве, Курской дуге, об ужасах минувшей войны, обрушенной фашизмом на советских людей, о великой победе нашего народа над гитлеризмом.

Когда погас свет, журналисты умолкли, и заговорил экран.

...Маршировали штурмовики. Выли сирены. Гибли взрослые и дети. Рыдали вдовы и матери. Советские солдаты расписывались на стенах рейхстага...

Костров показал журналистам три части из «Обыкновенного фашизма» и три — из «Великой Отечественной». Эффект был для него несколько неожиданным.

— Почему вы не показывали эти фильмы у нас? — зло спросил его молодой мужчина в синем блейзере с морскими пуговицами.

— Их не покупали ваши прокатчики.

— Уж не хотите ли вы, мистер Костров, сказать, что они испугались коммунистической пропаганды?

Кто-то рассмеялся.

Костров спокойно поглядел в зал, произнес:

— Я хочу сказать, что прокатные фирмы вашей страны не проявили интереса к этим фильмам.

— Такого не может быть! Ведь показывали же у нас «Майн кампф»?!

— И тем не менее это факт. Прокатчики уверяли нас, что их никто не будет смотреть, что они не кассовые. Первая фирма, которая заинтересовалась нашими лентами,—«Розз энд Розз».

— Почему именно «Розз энд Розз»?

— Очевидно, потому, что президент фирмы Майкл Розз сам солдат, в годы войны дрался против гитлеровцев, познал ужасы фашистского плена...

Вновь погас свет. Когда журналисты смотрели мультипликационный фильм «Шайбу, шайбу!», в зале стоял хохот. Программу завершал широкоформатный фильм «Цирк на льду». Красочный, яркий, он вселял радость. Канадцы пришли в исступление при виде медведей на коньках, играющих в хоккей с шайбой,— взрывы восторга проносились по залу.

Наконец гостей пригласили на пресс-коктейль.

Внешне Костров выглядел спокойным. Но Мэри, успевшая уже изучить его, чувствовала, что он чем-то встревожен. Она внимательно оглядела стол. Нет, здесь все было в порядке.

— Дамы и господа, я надеюсь, что советские фильмы...

В этот миг в зрительном зале раздались взрывы. Гости замерли. Костров извинился и быстро направился к входу. Оттуда донеслись новые взрывы. «Кажется, хлопушки»,— подумал он, берясь за ручку. Зал был наполнен клубами едкого дыма. «Ну конечно, хлопушки и дымовые шашки»,— понял Андрей и плотно прикрыл дверь.

— Мэри! — крикнул он.— Скажите механику, чтобы включил вентиляцию на полную мощность. А я позвоню в полицию.

Он бросился к телефону, который стоял у входа. Вдруг все погрузилось в темноту. Светились лишь витринные окна, выходившие на подземную улицу. Неожиданно одно из стекол рассыпалось со звоном, и тяжелый гаечный ключ влетел через пролом в фойе.

Кто-то из журналистов попытался отворить дверь и заглянуть в зрительный зал. Костров резко приказал:

— Не открывать!

Дым просачивался сквозь щели. В глазах и горле начало першить. «Пожалуй, как бы это не слезоточивый газ»,— подумал Андрей.

Костров вызвал полицию и теперь, ожидая ее прибытия, оглядывал людей и помещение. Паники не было. Журналисты с несвойственной им деликатностью даже не тревожили его вопросами.

Подключили запасное электропитание. Зажегся свет, и монотонно загудели компрессоры вентиляции. Молодой светловолосый парень, ассистент оператора с телевидения, стал проверять кабель, проложенный прямо по полу фойе. Он-то и увидел гаечный ключ, завернутый в бумагу, исписанную непонятным ему текстом. Парень протянул Кострову лист, на котором по-русски было нацарапано:

«Сволочь! Убирайся отсюда, пока цел. И увози свою большевистскую пропаганду. Театр твой взорвем. Тебе свернем голову. Свободу Украине!!!»

Вместо подписи был нарисован трезубец.

Толпа перед разбитой витриной росла и вскоре запрудила подземную магистраль. Люди возбужденно переговаривались. Добровольные информаторы уже в который раз повторяли:

— Слышу — взрывы, крики! Потом стрельба. Кто-то пальнул из кольта и разбил стекло.

— Да не из кольта вовсе! Граната это, ручная граната!

Наконец неподалеку от кинотеатра появились полицейские.

Пока они пробивались сквозь толпу, Костров еще раз огляделся по сторонам.

Журналисты толпились у телефона.

Невысокого роста полный газетчик кричал в трубку:

— Премьера декады русских фильмов не состоится: неизвестные взорвали кинотеатр. Ущерб подсчитать пока невозможно, но это тысячи долларов. В зрительном зале пожар. Дым валит из-за дверей. Количество жертв не установлено.

Кряжистый широкоплечий журналист вырвал у него из рук трубку.

— Хватит врать, Фил! Для твоего листка этого вполне достаточно. Такого трепа и твоя вонючка не выдержит.

И, набрав номер своей редакции, через секунду спокойно диктовал:

— Сегодня в семь часов тридцать минут после полудня неизвестные пытались взорвать зрительный зал кинотеатра, в котором проходила пресс-конференция босса русского проката в нашей стране мистера Кострова. Со свойственной русским прямолинейностью Советы в своих фильмах хотят убедить, что в минувшей войне основной удар Гитлеру нанесли они. Взрыв в зале — очевидно, протест противников коммунистического режима в России. Мы можем их понять. Но форма их выступления вызывает сожаление. Это русские методы, несвойственные демократическим институтам нашей страны.

Рослые бобби, раздвигая толпу, медленно приближались к кинотеатру. Журналист продолжал диктовать:

— Быстро прибывший наряд полиции не смог задержать виновных...

Костров тоже пробился к телефону, позвонил в Оттаву, в посольство, и рассказал о случившемся советнику по культуре Петрову.

— Ты не ранен? — спросил тот.

— Нет, обошлось без жертв и увечий.

— Хорошо. Я доложу послу и еду к тебе. Во всяком случае, попытаюсь.

— Но это три часа быстрой езды, а уже темнеет.

— Попробую самолетом.

Полиция быстро закончила расспросы. Задерживать и впрямь оказалось уже некого, а в комнате для пресс-коктейля ничто не было нарушено.

— Господа, продолжим нашу беседу за столом...

Когда все уселись, Костров, обращаясь к журналистам, сказал:

— Вот в этот лист бумаги завернули гаечный ключ, которым разбили стекло. Послушайте, что здесь написано.

Сверкнули вспышки блицев. К Андрею протянулись десятки рук с микрофонами. Теле-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2—8.

оператор, стоя на стуле, едва не плача, умолял журналистов:

— Парни, черт вас подери! Уберите же свои пустые головы. Дайте снимать.

Костров прочитал записку. Потом перевел ее содержание на английский и на французский языки.

Когда беседа подошла к концу, кто-то спросил:

— Мистер Костров, а что будет с декадой советских фильмов?

— Она состоится,— уверенно ответил Андрей.

После окончания пресс-конференции Костров поднялся на поверхность и неторопливо побрел к парковке. Хотя воздух на улице был не так чист, как прошедший через кондиционеры в подземелье, дышалось здесь все же легче.

Вернувшись домой, Андрей обнаружил в своем ящике для корреспонденции конверт.

— Только что принесли,— сказал ему одноглазый портье.

Костров вошел в лифт. Пока кабина плавно ползла вверх, он открыл сложенный втрое конверт, служивший одновременно и бумагой для письма. Ровным почерком по-английски было написано: «Пока вы не перестанете преследовать евреев и не выпустите их в Израиль, работать здесь мы вам не дадим. Не уедете сами — отошлем в цинковом гробу. Свободу советским евреям! Лига защиты евреев».

И внизу под письмом — шестиконечная звезда Давида.

Майкл лежал на полу, ощущая спиной ворс текинского ковра. Он привез его из Москвы года три тому назад. Под головой — круглая кожаная подушка, которую он купил в Болгарии. Эта большая комната была святая святых Майкла. Никто не смел сюда входить. Здесь он отдыхал, думал. Здесь стоял стереофонический комбайн «Виктор» и застекленный стеллаж с музыкальными записями. Диски и пленки располагались в строгом порядке. Телефона в комнате не было.

Майкл любил уединяться здесь. Привычка отдыхать, лежа на спине, выработалась еще в годы войны. Тогда молодой пилот бомбардировщика, он часами лежал в тени его огромных крыльев, глядел на плывущие в голубой выси облака, ждал команды на взлет и мечтал, мечтал. Боевая, далекая и невозвратная пора!

Из динамиков лился неповторимо чистый звук — играл Херб Альперт. Грустное пение «золотой трубы», усиленное эффектом стереофонии, настроило Майкла на философский лад.

Розз-старший поглядел на часы и вспомнил, что нужно включить телевизор и посмотреть сообщение о пресс-конференции Кострова.

Коробочка пульта дистанционного управления лежала рядом на ковре. Майкл нащупал ее и, не глядя, настроил телевизор на нужную программу.

Он услышал лишь конец фразы и сразу узнал голос Андрея. На экране был русский. К нему тянулись руки с микрофонами, мигали вспышки.

— Мистер Костров, а что будет с декадой советских фильмов? — спросил кто-то.

— Она состоится.

На экране возник следующий сюжет последних известий.

Майкл вскочил, бросился к двери, которая в это время отворилась.

— Извини, дорогой, но тебя к телефону,— сказала жена.

Майкл был уверен, что это звонит Костров, и, не спросив, кто говорит, сразу потребовал ответа:

— Что стряслось, Эндрю?

Костров сообщил о провокации и добавил:

— Жертв нет.

— А убытки? — спросил Майкл.— Что разрушено?

— Кроме одного витринного стекла и рекламы, ничего.

— Стекло — долларов 150—200 с доставкой и установкой,— вслух подумал Майкл и продолжил, спохватившись: — Ты, конечно, сейчас подумал: Майкл — капиталист, интересуется только убытками.

— Нет, Майкл, я подумал о рекламе. За витриной был фотомонтаж, а у меня не из чего сделать новый.

— Насчет рекламы ты опять не продешевил,— возразил Майкл.— Я успел посмотреть конец твоей пресс-конференции. По сути дела, стоимость стекла должен бы оплатить ты. Благодаря этим идиотам ты вновь создал такую рекламу, какую не сделаешь и за десятки тысяч. Через тридцать минут, в следующем выпуске новостей, все телевизионные компании по всем каналам страны сообщат о том, что русские и фирма «Розз энд Розз» устраивают декаду советских фильмов. Ты настоящий парень, Эндрю, и ты правильно сказал этим ребятам: декада состоится. И начнется она вовремя.

— Надеюсь,— ответил Костров.

Майкл был удивлен своим состоянием: ни тревоги, ни расстройства. Впрочем, какие убытки? Все покроет страховка. Он чувствовал себя так, будто ничего дурного не произошло.

Розз-старший вернулся в свою комнату. Здесь еще пела «золотая труба».

«Дурень»,— с сожалением подумал Майкл, вспомнив о трагической гибели гениального наркомана.

Он вновь улегся поудобнее и только раскурил хорошую сигару, как в дверях вновь появилась жена:

— Дорогой, тебя опять просят к телефону...

— Кто еще? — недовольно проговорил он.— Скажи, что меня нет дома.

Ему очень не хотелось вновь возвращаться к действительности из мира грез и музыки.

— Не сердись, Майкл, но, думаю, тебе придется подойти. Это мистер Горфункель.

Розз-старший выругался про себя, однако поднялся: Горфункель — отец той самой девушки, которая приглянулась его сыну, владелец трех заводов картонной тары.

— Мистер Розз, надеюсь, я не нарушил ваш отдых и не оторвал от занятий? О'кэй. Только что увидел по телевидению скандал в вашем кинотеатре. Думаю, нам бы следовало поговорить на эту тему, я искренне переживаю за вас.

«А не пошел бы ты ко всем чертям?!» — подумал про себя Майкл, но вслух сказал:

— Конечно, мистер Горфункель, буду рад встретиться с вами.

Вновь пронеслась мысль: «Все-таки три завода, и девочка, кажется, неплохая».

Договорились на завтра, на десять утра. Музыку больше не хотелось слушать. Он еще раз посмотрел последние известия, полистал выпуски вечерних газет и отправился спать. Впрочем, ночь он провел плохо. Майкл долго ворочался с боку на бок и наконец разбудил жену.

— Что с тобой? — спросила она.

— Дай мне снотворное.

Она удивилась: Майкл никогда не принимал лекарств и всегда упрекал ее за увлечение медикаментами.

После звонка Роззу-старшему Костров разделся и пошел в ванную. Прохладная вода приятно журчала, струйками сбегала по разгоряченному телу. Это успокаивало и восстанавливало силы. «Пожалуй, йогуртом дело не обойдется. Неплохо бы сделать яичницу с беконом, а?» — сказал он себе.

В долгие дни, недели, а порой и месяцы, проведенные в дальних городах и чужих странах, он иногда разговаривал с собой во втором лице, будто советуясь с кем-то. Это скрашивало одиночество, помогало заполнить пустоту. Так было и теперь. Андрей шутливо добавил: «Что, брат, проголодался?»

Зазвонил телефон. Он взял трубку.

— Мистер Костров, к вам пришли,— донесся до него голос Циклопа.

«Все-таки прилетел»,— подумал Костров, и от этого настроение его стало еще лучше.

— Пусть поднимется,— сказал он портье.

Андрей едва расслышал сквозь шум воды деликатное «динь-дон». Немного прикрутив кран, крикнул:

— Входи и располагайся! Я сейчас.

И, не дожидаясь ответа, вновь пустил сильную струю.

Потом он вылез из ванны, быстро растерся махровым полотенцем и, причесывая мокрые волосы, громко, так, чтобы было слышно сквозь закрытую дверь, сказал:

— А ты быстро! Я все же думал, что ты приедешь утром, не стоило лететь глядя на ночь. Впрочем, спасибо, что поспешил, посоветуемся.

Костров надел свежую пижаму и, открыв дверь, вышел из ванной прямо в комнату.

То, что он увидел, заставило его растерянно остановиться. Свет был потушен, и на фоне окна вырисовывалась фигура Мэри Фергюссон.

— Вы одеты? — спросила Мэри.

— Да,— машинально ответил он,— то есть не совсем.

Она обернулась.

— Извините,— сказал он и бросился в спальню.

— Вы переодеваетесь?—Звук ее голоса был неестествен.

— Да, сию минуту!

— Зря,— ответила она.

«Что это — провокация?» — думал он, быстро сбрасывая пижаму и натягивая легкие брюки и чистую рубашку.

Это было очень похоже на банальную провокацию. И все же он, Костров, успел уже узнать Мэри. Ведь проявляются же люди в чем-то, в поступках, например. Впрочем, нет, дело скорее в побуждениях, по которым они совершаются. Вот эти-то мотивировки действий помогают узнать людей лучше самих поступков. Мысль о провокации с ее стороны Андрей отвергал. Он искал четкой аргументации в пользу этой своей уверенности, но никаких доводов, кроме интуиции, у него не было.

«Но откуда, откуда у меня право и основание на это доверие?» — спрашивал он себя и не мог найти ответа.

Костров разозлился на себя, решительно застегнул пуговицы на груди, заправил рубаху.

— Зря переодеваетесь,— вновь донеслось до него. Голос звучал тревожно и слегка хрипловато. Андрей протянул руку, но дверь открылась сама, и в спальню вошла Мэри.

Она решительно шагнула к Кострову, ладонями сжала щеки, внимательно, будто впервые разглядывая его лицо.

— Но почему, почему? Разве я не красива? Или ты боишься, что я выдам тебя? Поверь, мне бы дорого заплатили, если бы узнали о том, что я у тебя! Я люблю тебя. А может быть, не люблю. Не знаю, как это назвать, но каждый миг я думаю о тебе, боюсь за тебя. Меня специально направили на работу в фирму, но я не мешала, а помогала. Боже, какое было счастье! Если бы я могла пережить его еще раз, но только не спастись, а погибнуть в то мгновение, когда ты был рядом и спасал меня! Зачем, зачем делать это, если я тебе не нужна?!

У нее началась истерика.

Костров попытался успокоить Мэри, но она продолжала рыдать так, что сердце его сжималось от боли.

Андрей усадил ее в кресло, принес воды. Постепенно она стала успокаиваться.

— Дайте сигарету,— сказала Мэри глухим, изменившимся голосом.

Он протянул пачку, щелкнул зажигалкой. С минуту она молчала, а потом спросила:

— Я вам совсем не нравлюсь?

— Наоборот, вы мне очень нравитесь, и я так благодарен за помощь!

— Благодарен — это не то. Я готова ради вас покинуть родину! — Глаза ее вновь заблестели, и в голосе зазвучала надежда:—Хотите, я приеду в Москву? Изменю гражданство?

— Разве любовь зависит от гражданства?

Когда сигарета догорела до фильтра, Мэри медленно поднялась с кресла.

Потом поправила прическу и занялась лицом. Она умело скрыла под пудрой припухшие от слез веки, и только тоска, затаившаяся в глазах, осталась от недавней бури.

— Прощайте,— сказала она и протянула руку. Андрей нагнулся, поцеловал тонкие, красивые пальцы и почувствовал, что Мэри на миг прижалась щекой к его затылку.

Уходя, она сказала:

— Если я не приду больше на работу — не сердитесь. Значит, у меня не хватило сил...

Костров подумал, что ему будет ее недоставать, но возразить не смог.

На улице моросил дождь. Крупные капли, сверкая тысячами огоньков, скатывались по ветровому стеклу. Мэри завела мотор, тихо повторила: «Прощайте» — и захлопнула дверцу.

«Шевроле» медленно отчалил от тротуара и словно поплыл по мокрому асфальту. У поворота на улицу Онтарио часто замигал сигнал поворота и вспыхнули красные огоньки. Потом все исчезло.

Ровно в десять утра Горфункель позвонил в офис фирмы «Розз энд Розз».

— Приезжайте, мы вас ждем,— сказал Майкл.

Владелец заводов картонной тары — мужчина средних лет, с холеным красивым лицом, на котором выделялись чуть прищуренные черные глаза. Взгляд их был одновременно осторожен и упрям, деликатен и груб.

— Мистер Розз,— начал он,— я приехал к вам и к вашему брату, как друг. Надеюсь, в этом нет никакого сомнения?

Майкл машинально кивнул. «Начало банальное»,— подумалось ему.

— Вы не можете сомневаться уже хотя бы потому, что, может статься, наше будущее где-то переплетется. Во всяком случае, мне так кажется, когда я думаю о своей единственной дочери, наблюдаю за ней. И, не скрою, за вашим сыном. Кстати, парень нам по душе, хотя, думаю, ни его, ни мою дочь это не тревожит. Наше поколение не сумело привить детям того почтения, которое испытывали мы к своим родителям.

«Это уже кое-что, — отметил про себя Майкл.— Но не приехал же он свататься?!»

— Однако ближе к делу. Скажите, Майкл, сколько вы рассчитываете заработать на русской декаде?

— На бюджете наших детей, если он будет общим, это не отразится в худшую сторону,— улыбнувшись, ответил Майкл.

— А все-таки?

— Я еще не подсчитал окончательно.

— Давайте прикинем вместе. Общее количество мест в купленных и арендованных вами залах в разных городах равно трем тысячам двумстам. По два сеанса в день. Это шесть тысяч четыреста билетов. В среднем по два доллара пятьдесят центов билет. Это составит шестнадцать тысяч в день. Примем посещаемость за шестьдесят процентов. Девять тысяч шестьсот. Помножим на десять дней. Девяносто шесть тысяч долларов. Долой сорок процентов русским, долой налоги, расходы на рекламу, аренду и тому подобное. Итого у вас останется тысяч двадцать пять — тридцать. Верно?

— Допустим,— сухо ответил Майкл. Его неприятно поразила осведомленность Горфункеля.

«Пока я собирался поинтересоваться, сколько стоит этот «картонный король», он уже все знает о моем деле».

— Так вот, есть люди, которые дадут вам пятьдесят тысяч.

— Условия?

— Русская декада не должна состояться.

— Это исключено,— с досадой сказал Майкл.— Пятьдесят тысяч! — повторил он вслух.

— И заметьте, без всякой мороки. Даже налог с оборота не надо будет платить.

— Скажите, вы имеете отношение к вчерашним событиям в кинотеатре под небоскребом?

— Упаси боже! Разве я похож на бандита?

— Ни на цент. Но цель у вас, очевидно, одна. Почему?

— Мы не хотим, чтобы коммунисты имели возможность вести пропаганду в нашей стране.

— Если можно, точнее. Кто это «мы»?

— Еврейская община. Мы против происков русских в Канаде.

— Я тоже не сторонник коммунизма, однако, по-моему, в рядах Коммунистической партии Канады немало евреев.

— Да, но это не евреи, а предатели,— раздраженно ответил Горфункель.

— Предатели,—задумчиво протянул Майкл.— Вы их не любите?

— А кто их любит?

— Никто, конечно. Пятьдесят тысяч! — вновь повторил Майкл.

— О чем ты раздумываешь? По-моему, это вовсе не плохо,— попытался вступить в разговор Эйб, но Майкл так поглядел на брата, что тот растерянно умолк.

— Ваше предложение заманчиво, Сэм, но я хотел бы уяснить альтернативу. Если я не приму его, то...

— В Канаде сотни тысяч евреев, и все смотрят кино. А ведь можно и не пойти в кинотеатр, который принадлежит братьям Розз или где они показывают свои фильмы. Кроме того, евреи владеют многими кинотеатрами и могут перестать пользоваться услугами вашей фирмы. Ведь если каждый еврей приносит вам только по двадцать пять центов в год, то и тогда на ваш счет в банке не поступят сотни тысяч долларов. Во имя чего вам идти на такой риск?

Взгляд Майкла стал жестким.

— Я не могу принять ваше предложение, Сэм.

— Но почему?

— Ваши пятьдесят тысяч — это тридцать сребреников Иуды. А мы с вами уже выяснили, что одинаково относимся к предателям.

— При чем здесь предательство? Какие обязательства могут связывать делового человека с коммунистами? Они наши враги!

— Нет, не во всем. Вместе с ними я воевал против фашистов в минувшей войне.

— Я тоже солдат.

— Может быть. Но тогда как же вы смеете предлагать мне предать другого солдата?

— Вы имеете в виду этого русского? Неужели вы не понимаете, что он агент Москвы?

— Он мой друг,— отчеканил Майкл.

— Друг?! Согласитесь, звучит фальшиво: вы бизнесмен, он коммунист.

— Это зависит от слуха.

— Подумайте, наконец, о наших детях!

— Я бы перестал уважать себя, если бы оставил в наследство сыну деньги, нажитые предательством.

— Не станете же вы убеждать меня, что обрели независимость и состояние бережливостью и расчетливостью, откладывая по центу в бабушкин чулок?

— Русские говорят: «С волками жить — по-волчьи выть».

— При чем здесь волки? — не понял Горфункель.

...Владелец прокатной фирмы и хозяин заводов картонной тары расстались сухо.

Утром Костров позвонил в фирму. Трубку взяла Энн.

— У шефа какой-то важный посетитель. Вот уже час они говорят. Но еще до этого хозяин велел мне сообщить страховой компании о случившемся вчера вечером и распорядился насчет ремонта. К четырем часам новое стекло обещали установить,— сообщила она.

Костров спустился вниз и купил утренние выпуски газет. Завтракая, он пролистал их и в каждой нашел сообщения о пресс-конференции и о вылазке налетчиков. Разница заключалась лишь в том, что одни выносили их на первые полосы и под броскими заголовками, а в других это было набрано петитом и помещалось в отделе происшествий и скандальной хроники. Во всех случаях это устраивало Кострова — получилась дополнительная реклама.

Назначая пресс-конференцию, Костров рассчитал время так, чтобы беседа с журналистами состоялась за день-два до выступления Пшебыльского. Таким образом он полагал расширить круг оповещенных о предстоящем показе советских фильмов.

Поэтому Андрей с нетерпением ждал завтрашнего дня. Вечером должна была состояться телевизионная передача. В полдень он позвонит Пшебыльскому.

А пока Костров еще раз спустился в подземный кинотеатр. Стекло уже устанавливали. Следов провокации почти не осталось. Он поинтересовался делами у кассира.

— Плохо,— ответил тот.— Сегодня продано всего семьдесят билетов.

Но Костров был доволен. Ведь до этого дня, несмотря на ежедневные сообщения в двух газетах, покупали не более десяти — пятнадцати в день.

— Послушай, Майкл, кажется, дела идут на лад,— сказал Андрей, входя в кабинет братьев.

Розз-старший не стал рассказывать Кострову о своей беседе с владельцем заводов картонной тары, вызвавшей у Майкла совсем не ту реакцию, на которую рассчитывал Сэм Горфункель. Поэтому Костров был удивлен, услыхав от Майкла:

— Я звонил Рыжему в Торонто и поручил ему вылететь в Виннипег и Ванкувер. Если ты согласен, «Розз энд Розз» арендует или купит кинозалы в этих городах.— И добавил: — За любые деньги.

— Ты все-таки решил?

— Да. Ты же сам просил об этом.

По-английски «Рыжему» звучало, как «Брауну», и потому Андрей переспросил:

— Какому «рыжему»?

— Рыжему Дику Салливену,— нетерпеливо объяснил Майкл.

Это озадачило Кострова: первоначально братья отказались от проведения декады в двух западных городах, и теперь у него не хватило бы копий. Но в то же время он думал о возможности более широкого проведения декады советских фильмов. Правда, решить этот вопрос самостоятельно ни он, ни Майкл не могли. Предварительно же Андрей согласился и спросил:

— Условия?

— Те же,— ответил Майкл.

— В принципе я согласен, но меня смущает нехватка копий для одновременного проведения декады. Может быть, начнем там лишь после того, как закончим здесь?

— Именно так я и думаю.

— Хорошо. Окончательный ответ завтра утром,— сказал Костров.— А ты добейся согласия вашего МИДа.

— Ол райт,— кивнул Розз.

Продолжение следует.

ДЕКАДА

Лев РУДНИЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. Пиннисевича

Разговор с Москвой о продолжении декады на Западе состоялся ранним утром. На этот раз Костров позвонил самому председателю объединения. Тот поддержал его.

— Организуйте и подготовьте все, что необходимо. Срок командировки продлим.

Андрей спросил, может ли на открытие приехать делегация кинодеятелей.

— Да.— Председатель назвал постановщика и двух известных артисток.— Вам направили копию только что снятого фильма. Покажите его владельцам прокатных фирм и доложите о результатах. Переговоры нужно завершить до отъезда из Канады.

Костров положил трубку и задумался. Работы прибавилось: помимо декады, ему предстояло еще провести переговоры о продаже фильма. Андрей видел его перед отъездом в Канаду и понимал: продать такую картину будет нелегко. Сделанная талантливо и правдиво, она была гимном русскому солдату, его подвигу в минувшей войне, преданности Советской Родине. «Даже Майкл Розз может отказаться от ее проката»,— подумал Костров.

В девять часов утра Андрей был в офисе фирмы. Мэри на работу не вышла. Он привык уже к ее помощи в делах и подумал с сожалением: «Очевидно, расторгла контракт».

— Мистер Костров, я положила вам на стол извещение о прибытии груза и телекс из Москвы,— сказала Энн.

В извещении сообщалось о том, что на его имя прибыл груз, который он может получить в аэропорте Дорваль с девяти утра до пяти вечера ежедневно.

В телексе русские слова были напечатаны латинскими буквами, что всегда вызывало у Кострова улыбку. «Делегация прилетает рейсом Аэрофлота 7 мая. Обеспечьте гостиницу. Один мужской, два женских. Санин».

«Легко сказать «обеспечьте»,— подумал Костров. Это была не простая задача. В Канаду на летние месяцы приезжало большое количество туристов из Соединенных Штатов, Мексики и даже из Южной Америки. Кроме того, следовало известить прессу, уточнить программу работы делегации в дни декады и, главное, совместно с режиссером провести переговоры о продаже фильма. Каждое звено в этой цепи было необходимо и важно. Ничто не поддавалось сокращению.

Костров развернул газету и отыскал телепрограмму. По второму каналу в восемь часов тридцать минут вечера выступал Здислав Пшебыльский.

До полудня время прошло незаметно. Андрей позвонил в посольство, затем договорился о встрече с администратором гостиницы и попросил Майкла поговорить с хозяином отеля. Незадолго до двенадцати, когда Костров уже собирался выезжать в фирму, зазвонил телефон.

— Добрый день. Я могу быть вам полезна? — спросила Мэри хрипловатым голосом.

— Да,— сказал он обрадованно.— Приезжайте сейчас к Роззам.

...Мэри стояла перед шкафом и листала бумаги в какой-то папке, когда Андрей вошел в офис. Она обернулась и посмотрела на него. Еще не прошло и двух суток со времени их объяснения, а Мэри очень изменилась: взор погас, под глазами — синие тени. Косметика не могла скрыть следов слез и бессонницы, а может, мисс Фергюссон это было безразлично.

Кострову стало жаль ее.

— Чем я могу помочь вам? — тихо спросила она.

Андрей подумал, что Мэри нужно пойти выспаться, отдохнуть, взять себя в руки, но он твердо сказал:

— Надо заказать на завтра три букета цветов: один для мужчины и два для женщин.

Она вся сжалась, будто сделалась меньше от этих слов. Но Костров чувствовал, что проявление жалости будет для нее новым ударом, и потому лишь пояснил:

— Завтра прилетает на открытие декады делегация: режиссер и две актрисы.

Она ответила послушно:

— О'кэй! — и вышла к Энн.

Всю вторую половину дня чувство тревоги не покидало его. Он напряженно ждал вечера: что и как скажет Пшебыльский? Не давали покоя и мысли о Мэри Фергюссон. Андрей не считал себя виноватым перед ней, но все же он невольно стал причиной ее страданий, и это угнетало.

Ровно в восемь тридцать Костров включил телевизор. Пшебыльский говорил о войне и мире.

— Но чтобы царил мир, его необходимо беречь, а для этого нужно ненавидеть войну. А чтобы ненавидеть, надо знать, что она собой представляет. Я сделал все для того, чтобы вы увидели своими глазами, что такое война и фашизм. Вы посмотрите отрывки из документальных советских фильмов. Я не могу показать эти ленты по телевидению целиком — для этого нужны многие часы и большие деньги. Но каждый честный человек сможет увидеть их целиком.

Пшебыльский зачитал названия фильмов, указал часы и дни и дважды повторил адрес кинотеатра.

Именно на такое выступление пользующегося уважением старого учителя и рассчитывал Костров.

...Около двух часов ночи зазвонил телефон. Андрей проснулся и поднял трубку.

— Это я, Эндрю,— услышал он усталый голос Мэри.— Вы еще не ложились? — с надеждой спросила она.

— Д-да,— неуверенно ответил Костров.— А почему вы не спите? Вам необходимо отдохнуть.

— Все мы отдохнем в свое время,— мрачно пошутила она и добавила: — Эндрю, не сердитесь, что я называю вас так. Осталось уже совсем немного, разрешите мне эту маленькую вольность. Но звоню я, чтобы сказать, что если вы согласны, я брошу здесь все и уеду в Москву. Я не претендую на замужество, мне только бы видеть вас.

— Не надо, Мэри,— сказал он мягко.— Мы же договорились, что расстанемся друзьями.

Андрей услышал, как она вздохнула.

— Поверьте, друг — это много, а вы умеете быть им. И, по-моему, я тоже. Хотя об этом не стоило говорить, особенно по моему телефону.

— Мне на них наплевать,— спокойно ответила Мэри, и он тут же услышал редкие гудки.

Утром Кострову позвонила старая знакомая. Он поднял трубку и сразу узнал ее голос. Это была Варя Старосельская. Дочь русского белоэмигранта, родившаяся и выросшая в Канаде, она тянулась ко всему, что было связано с родиной ее предков. Влечение ко всему русскому и было причиной их знакомства, которое произошло три года назад. Тогда Костров работал в киноцентре Советской секции на Всемирной выставке тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года.

В это время город переживал экономический бум: владельцы ресторанов, отелей, магазинов, парикмахерских, прачечных и такси получали огромные прибыли за счет массы туристов, хлынувшей в Монреаль со всего мира.

Возросли и прибыли автобусных компаний. Это объяснялось не только притоком туристов. Городские власти Монреаля тщательно готовились к выставке. На реке Святого Лаврентия намыли искусственный остров, воздвигли на нем целый город павильонов, ресторанов, баров, бассейнов, увеселительных заведений. Сюда подвели подземку. Но, проектируя метро, допустили какую-то ошибку, в результате которой на станциях, в поездах было так душно, что люди предпочитали толкаться и трястись в автобусах. Прибыли владельцев автобусных компаний резко подскочили, а условия труда рабочих и служащих неимоверно усложнились. Профсоюзы потребовали прибавки зарплаты, а хозяева компании отказались. Началась забастовка. На улицах Монреаля появились толпы «голосующих», или «хич-хайкеров», как их называют, желавших добраться до выставки.

Именно в эту пору Костров ехал на выставку, и неподалеку от поворота на мост Жака Картье молодая женщина помахала ему рукой. Он притормозил.

— Вы в сторону ЭКСПО? — спросила она.

— Да, садитесь.

Они тронулись, медленно продвигаясь вперед в потоке автомобилей.

— Вы русский? — изумилась пассажирка, увидев на сиденье русские газеты и томик Лермонтова.

— Да. Это вас удивляет?

— Нет, скорее радует,— печально сказала она.— Вы русский оттуда, из Союза?

— Естественно. Я работаю в советском павильоне.

— Это как раз то, что мне нужно,— оживилась она. И тут же добавила: — Так неправдоподобно, будто в счастливом романе. Может быть, вы еще имеете отношение и к кино? — И улыбнулась, понимая, что второй удачи быть не может.

— Да.— Костров протянул ей свою визитную карточку.

Она прочитала вслух, сначала с одной стороны по-английски, затем перевернула и внятно, не торопясь, прочитала по-русски: «Андрей Костров. Шеф киноцентра Советской секции на ЭКСПО-67. Монреаль. Канада».

Они оба рассмеялись.

— Такое случается раз в жизни! — воскликнула она.— Коль уж мне так везет, позволю себе обратиться к вам с просьбой. Сегодня в советском павильоне будет демонстрироваться кинокартина. Посмотреть фильм на русском языке для нас редкое счастье. Может быть, вы позволите мне прийти с родителями?

Он ответил, что не имеет права разрешить это посещение.

— Вы так отгораживаетесь от нас, будто мы прокаженные,— с болью сказала она.

— Дело не в нас и не в вас,— объяснил Андрей,— а в законах вашей страны. Фильм куплен местной прокатной компанией. Приглашая вас на просмотр, мы нарушаем коммерческие интересы этой фирмы.

— Нас всего трое. И папа очень хочет увидеть фильм на русском языке.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2—9.

В глазах женщины светилась такая тоска, что Костров не устоял. «Как-нибудь улажу»,— решил он и вслух сказал:

— Приходите к половине восьмого. По этой визитной карточке вас пропустят через служебный вход. В павильоне спросите обо мне у администратора кинозала.

Наконец они поднялись на мост. Костров повернул к контрольно-пропускному пункту у въезда на ЭКСПО. Здесь он притормозил, и незнакомка, счастливо улыбаясь, вышла из машины.

— Как же вы доберетесь со стариками?

— Ничего! — радостно ответила она и добавила: — Я не прощаюсь.

Только войдя на территорию выставки, Костров вспомнил, что даже не спросил, как ее зовут.

...После просмотра девушка подошла к Кострову.

— Знакомьтесь: это мой папа, а это мама.

Высокий сухопарый старик наклонил седую голову, выпрямился, расправил плечи, протягивая ему руку, щелкнул каблуками, представился:

— Старосельский,— и смущенно улыбнулся.

Костров с удивлением взглянул на него, услышав эту нашумевшую фамилию. Пронеслось в памяти — тот давно умер. И ответил спокойно:

— Костров.

— Очень приятно, господин Костров. Смею ли я просить вас к себе?

— Отчего же нет?

— Не знаю,— смутился старик.— Ведь вам, наверное, нельзя. Имя моего брата... Да и я старый русский офицер, присягал его императорскому величеству. Впрочем, я никогда не воевал против своего народа. Первая мировая война застала меня во Франции. Я командовал ротой в Русском экспедиционном корпусе... Ну, да об этом после. Так если вы согласны, мы ждем вас в воскресенье.

— К сожалению, это маловероятно. Вы же понимаете, что на выставке воскресенье — самый тяжелый день.

Старик сразу сник, а госпожа Старосельская, полная розовощекая старушка, с надеждой спросила:

— Может быть, вторник?

— Пожалуй, если это вас устроит.

— Конечно, конечно! — обрадовалась она.— Мы будем ждать вас к ланчу.

Старосельский вдруг встрепенулся, в глазах вспыхнули недобрые искры.

— Что?! К ланчу? К дьяволу ланчи! Мы ждем вас к обеду! Ты слышишь, Татьяна? — Он строго взглянул на смешавшуюся старушку.

Старик очень разволновался. Он дважды прощался с Костровым и, уже отойдя несколько шагов, вернулся, обеспокоенно спрашивая на ходу:

— А как вы будете добираться? Вы могли бы взять автобус марки «двенадцать», но они бастуют.

— У меня машина,— успокоил его Костров.

— Ах, да, Варя говорила.

...Семья Старосельских жила в небольшом двухэтажном коттедже недалеко от православной церкви, в районе, где поселилось много русских. Кострову не пришлось разыскивать дом, так как, свернув на нужную улицу, он еще издали увидел старика. Тот, вероятно, давно ждал, и теперь, увидев в подъехавшей машине Кострова, обрадованно закивал и жестом указал на дорожку, которая вела к дому.

— Варенька, Танюша! — крикнул он.— Господин Костров приехал!

— Очень приятно, мы готовы,— услышал Андрей, выйдя из машины. Из открытого окна доносился запах домашних пирогов.

— Ваше имя и отчество? — любезно спросил хозяин, протягивая руку.

Костров назвался и, в свою очередь, поинтересовался:

— А ваше?

— Джон Иванович.

Андрей удивленно взглянул на него. Старик заметил и сокрушенно покачал головой:

— Да, ерунда, конечно, с точки зрения русского человека. А вообще-то Иван Иванович.

Они вошли в небольшую гостиную, где два легких венских диванчика походили на большие кресла, а два массивных турецких кресла напоминали диваны. Здесь же была горка, уставленная старинным фарфором, большой овальный стол, стулья — ничего отличного от того, что и сегодня еще можно увидеть где-нибудь в старой квартире московских или ленинградских особняков. И все же старик Старосельский прочел в глазах гостя искреннее изумление. Да и было чему удивляться.

На стене, напротив диванов, висели четыре портрета. В центре на самом большом был изображен Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза Георгий Константинович Жуков в парадном мундире, при всех орденах и медалях.

Рядом висел портрет маршала Малиновского. Но самым удивительным были два других, помещавшихся ближе к окну. С одного портрета, чуть ухмыляясь сквозь огромные усы, на Кострова глядел легендарный Буденный. А рядом — другой военный, брат хозяина, один из вождей белогвардейского движения, облик которого советские люди поколения Кострова хорошо знали по плакатам Моора и других художников-карикатуристов.

Джон Иванович перехватил удивленный взгляд Кострова, улыбнулся, сокрушенно развел руками.

— Вот так-с, милостивый государь. Парадокс: дворянин, аристократ, глава нашей фамилии, а с другой стороны — Буденный. Вы знаете, раньше в русской армии у солдат-новобранцев были дядьки. Они учили зеленую молодежь солдатским да и житейским премудростям. Так вот, этот маршал, в прошлом простой мужик, является в какой-то мере нашим дядькой... Малиновский тоже имеет отношение к нашей семье, но уже непосредственно ко мне. Мы вместе служили во Франции, в одном полку.

Позже, уже за столом, старик спросил:

— Вы воевали?

— Да.

— Конечно, у красных?

— Как вам сказать... В гражданскую меня еще не было.

— Я старый дурак,— рассмеялся Джон Иванович.

— Я воевал против гитлеровцев, а вот отец мой, извините, с вашим братом. Он был комиссаром полка в Конной Буденного.

— Не извиняйтесь. Вообще вы сделали для России много хорошего. Именно такой, как теперь, мы и хотели ее видеть. Вот только государя свергли, конечно, зря. Нужно было оставить Николая Александровича царем, а господину Ульянову, вошедшему в историю под именем Ленина, возглавить правительство. Как в культурных странах, в Англии, например...

Костров улыбался и не возражал. Было весело слушать наивные рассуждения сердитого и смешного старика, потерявшего родину, но так и не понявшего до конца ни обновленной Родины, ни времени, в которое он жил.

И вот сейчас, услышав в трубке голос Вари Старосельской, Костров обрадовался. Он знал, что Джон Иванович пользуется большим авторитетом у эмигрантов старой формации. Власовцев же он ненавидел и неоднократно, не пугаясь угроз, требовал их выдачи Советскому правительству и высылки из Канады.

— Папа нездоров,— сказала Варя.— Однако он получил ваше письмо и велел передать вам, что русское землячество просит выделить по пятьсот билетов на каждый фильм.

Костров пожелал скорейшего выздоровления Джону Ивановичу.

— А за билетами приезжайте завтра в офис «Розз энд Розз». Это на Сан-Кэтрин,— закончил он.

«ИЛ-62» приземлился в аэропорту Дорваль в три часа дня. По просьбе Кострова сотрудники советской авиакомпании снабдили его, советника Петрова, Майкла Розза и журналистов пропусками на летное поле, чтобы они смогли встретить советских киноработников прямо у трапа, поданного к борту самолета.

Букеты цветов, вспышки блицев, первые интервью, схваченные на лету, создавали у кинематографистов хорошее настроение, и все радостно улыбались друг другу. Пока проходили таможенные и пограничные формальности, режиссер сказал Кострову со смехом:

— Я вам привез буханку ржаного и письмо.

— Спасибо.

...Костров решил показать фильм Майклу Роззу сразу же, пока прилетевшие будут отдыхать.

— Это тоже для декады? — спросил Майкл.

— Нет, но если он тебя заинтересует, то можешь купить.

Устроив своих в отеле, Костров предупредил:

— Я заеду за вами в пять часов. Посмотрим город, поднимемся на гору, оттуда хорошо виден весь Монреаль. А вечером прокатная фирма приглашает вас на ужин.

Фильм Костров и Розз смотрели в зале кинотеатра под небоскребом. Андрей видел, что картина понравилась Майклу. Однако, когда зажегся свет, он, не поднимаясь с кресла, сказал:

— Понимаешь, Эндрю, все бы ничего, но лента длинновата. Из двух серий нужно сделать одну. Вместо двух с половиной часов он должен идти час сорок пять минут. Иначе я не заработаю, а прогорю на этом деле.

Костров в глубине души был согласен. Да, фильм действительно несколько затянут, и дома, в Москве, он сам постарался бы убедить режиссера сократить метраж. Кстати, о том, что для демонстрации за рубежом фильмы зачастую требуют перемонтажа, говорилось в агентстве уже давно и много, однако дело подвигалось туго, и потому многие из них так и не удавалось продать.

Но сейчас Андрей Николаевич думал о другом. По опыту он знал: если картина продается в капиталистическую страну, прокатчик будет настаивать на таких сокращениях, которые выхолостят или исказят ее идею. Они постараются свести дело к истории «вообще», или к любви «вообще», либо к современнику «вообще» и вырезать все, что несет социальную нагрузку, что отличает кинопроизведение, делает его советским.

Майкл Розз не составлял исключения в этом подходе к фильмам, и Костров с интересом ждал, что он предложит, но тот ушел от немедленного разговора.

— Ты подумай. Может быть, посоветуешься с Эйбом?.. Хотя ему-то лента наверняка не понравится.

Костров сказал это нарочно и понял, что сделал верный ход.

— Мой братец понимает в этом столько же, сколько я в китайской грамоте. Сам разберусь.

Договорились встретиться завтра утром втроем: Костров, Розз-старший и режиссер.

Нервное и физическое напряжение дня сказалось. Андрей устал и, прежде чем отправиться в отель за делегацией, заехал домой отдохнуть и переодеться.

Зазвонил телефон. Костров поднял трубку.

— Слушаю вас.

Ему не ответили, но он будто почувствовал затаенное дыхание.

— Я слушаю вас.

— Простите, это я не сдержалась,— услышал он голос Мэри, и в трубке послышались редкие гудки.

Что-то больно кольнуло Андрея под левую лопатку. Сердце сжалось, и вдруг там, где оно стучит и мы его не чувствуем, появилось ощущение незаполненности, пустоты.

Он опустился в кресло и просидел так, ни о чем не думая, минут пять. Потом заметил, что держит ключ в руках, и заставил себя подняться. День не окончен. Предстояло еще много дел: показать город гостям, везти их на ужин с Майклом Роззом, готовиться к завтрашним переговорам о продаже фильма; во время ужина не забыть сказать несколько слов знакомому журналисту и попросить его с согласия хозяина ресторана сделать фотографию для утреннего выпуска газеты с сообщением об ужине в честь делегации деятелей советского кино, прибывших на открытие декады советских фильмов, которое состоится завтра.

Костров медленно вел машину в третьем ряду потока. Так спокойнее: можно не следить напряженно за автомобилями, выезжавшими из первого ряда.

Он с раздражением думал о том, что испугался странного чувства тревожной пустоты в области сердца. Это случилось с ним уже третий раз. И третий раз он пугался, но не мог точно определить чего. Потери жизни? Он вспомнил: «Жизнь — способ существования белковых тел». И все. Смерть мозга, прекращение сознания само по себе, вероятно, не испугало бы его. Так отчего же все-таки закрадывается в душу холодок страха? Вероятно, это и будущее Анютки, и судьба Сашеньки, и страшный удар для родителей... Родителей! В сердце опять кольнуло. Костров чуть притормозил и тут же вновь нажал на акселератор: сзади, будто взбесившись, взвыли сирены машин.

Три часа ушло на осмотр города. Они попали в вечерние часы пик и медленно двигались в веренице машин. Сейчас Костров ехал в правом ряду, чтобы гости могли больше увидеть. Они обогнули гору, не выезжая на скоростные трассы. Двенадцать миль ползли больше часа. Потом поднимались по узким улочкам к маленьким ночным барам и казино, спускались к берегам реки, проехали по Сан-Кэтрин, на которой уже вспыхнули огни вечерней рекламы и засветились витрины магазинов. Затем поднялись на гору. Здесь было легче дышать: воздух прохладнее и чище.

...Розз-старший вошел в вестибюль отеля и позвонил снизу в номер к режиссеру. Трубку поднял Костров.

— Эндрю, я внизу. Но я не один, со мной новая переводчица. Она студентка Гарварда, изучает русский язык. Я думаю, она нам не помешает? — как бы извиняясь, смущенно спросил Майкл.

— Нет,— рассмеялся в ответ Костров.

Гости были немало утомлены впечатлениями первого дня. Да к тому же на Родине уже было утро, а они еще не ложились спать. Однако кинематографисты крепились. Режиссер дал краткое интервью, а объектив фотоаппарата поймал ослепительные улыбки кинозвезд.

Студентка из Гарвардского университета оказалась жгучей брюнеткой. Двадцатилетняя красавица была итальянкой по происхождению, но прекрасно говорила по-русски. Ее южный темперамент, энергия молодости захватили Майкла. Он много пил и весь вечер танцевал.

Вдруг Андрей увидел, что Майкл, не закончив танец, с побелевшим лицом, опираясь на плечо девушки, подходит к столу. Андрей вскочил. Вместе с режиссером они усадили Майкла на стул. Он расстегнул ворот, отпустил галстук и долго сидел, молча глядя на чашку с розовой водой. Потом поднял голову и смущенно, будто оправдываясь, сказал:

— Сердце...

Переводчица растерянно глядела на Майкла и гостей.

Ужин был окончен. Розз-старший расписался на листочке счета, поданном на серебряной тарелочке. Все поднялись из-за стола. Студентка и Андрей хотели помочь Майклу, но он уже оправился, только еле заметная виноватая улыбка играла на его лице.

— Может быть, отложим переговоры? — спросил Андрей.

— Нет. Все сделаем, как намечали,— ответил Майкл.

День начался с телефонного звонка Пшебыльского.

— Извините, что я в столь ранний час, боялся не застать вас дома. Уже поступило около трех тысяч заявок. Нам нужно знать, на чей счет и в какой банк перечислить деньги...

Потом Костров набрал номер телефона Мэри Фергюссон.

— Хэлло,— донесся из трубки усталый голос.

— Мэри, извините. Надеюсь, я не разбудил вас?

— Разбудили, но это очень хорошо,— ответила она, повеселев.

— У меня к вам просьба.

— Вы можете приказывать.

— Нет, я прошу. В десять у меня и режиссера переговоры с братьями Розз о продаже нового фильма. Они могут затянуться. Не смогли бы вы уделить часа два прибывшим на открытие декады киноартисткам?

— Раз вы об этом просите, я все сделаю,— ответила Мэри поскучневшим голосом.

Окончание следует.

Лев РУДНИЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ДЕКАДА

Переговоры и впрямь затянулись. По дороге из отеля в офис фирмы «Розз энд Розз» Костров предупредил режиссера:

— Мы заинтересованы в продаже вашего фильма и надеемся получить за него хорошую цену. Но больше, чем в деньгах, мы заинтересованы в том, чтобы сохранить ленту такой, какая она есть. У вас авторское право. Не уступайте. По опыту знаю: любая купюра, которую предложит фирма, повредит, потому что они постараются выхолостить все главное.

И вот уже третий час подряд в кабинете братьев шел бой. Майкл Розз настаивал на сокращении времени демонстрации фильма до одного часа сорока пяти минут.

— Вот наш план перемонтажа.

Он протянул Кострову монтажный лист, переведенный за ночь на английский язык. Красным фломастером были помечены планы и эпизоды, которые, по мысли старшего компаньона, следовало убрать.

Костров перевел режиссеру предложения фирмы, и тот возмутился:

— Но тогда получится лента в духе обычного вестерна. Ничего русского и советского в ней не останется. Такие картины в Голливуде штампуют быстрее и лучше, чем мы, и с более популярными в Америке актерами.

— Но зачем вам понадобилось показывать ретроспективные куски довоенной жизни героя? — горячился Майкл.— Ну, например, что он ездил отдыхать на Кавказ за счет завода, или как он учился ночами, по вашему выражению, «без отрыва от производства», и бесплатно слушал лекции в университете? Это не имеет отношения к фабуле, замедляет действие, растягивает фильм. Ведь главное для зрителя — видеть, что он храбрый человек, герой, и как он воевал!

Но режиссер не мог согласиться с ним:

— Нет, не то. Для меня было важно показать, почему он храбро воевал, во имя чего рисковал жизнью. Только это облагораживает и возвеличивает его подвиг.

— А во имя чего сражались американские солдаты? — возразил Розз.

— Они тоже любили свою родину, но это иная любовь. Я же хотел показать истоки преданности советского солдата своей социалистической Родине, а не фильм о патриотизме вообще, абстрактном патриотизме.

— Не спорь, Майкл,— вмешался Андрей.— Ты ведь сам знаешь, что были и у Гитлера храбрые солдаты, но это не те герои, к которым ты или я можем относиться с уважением.

— Это — другое дело. То фашистские головорезы, и у них были совсем не те идеалы, за которые дрались мы,— раздраженно перебил Майкл.

— Верно,— вмешался Андрей,— в этом-то все дело — не те идеалы. А фильм как раз про идеалы, которые вдохновляли наших советских парней на подвиг. То же, что ты предлагаешь сделать с фильмом, выхолостило бы его. Ведь идея — плоть этого фильма!

— Идея должна быть в любом произведении искусства, — поддержал Кострова режиссер.— Иначе оно мертво.

— Но поймите же вы, что я не коммунист и Канада — страна с совсем другим политическим устройством. Я прогорю с вашим фильмом, потому что в нем ваша коммунистическая идея,— раздраженно ответил Розз-старший.

Костров рассмеялся.

— А чего же ты хотел бы? Чтобы коммунисты проповедовали в своих фильмах идеи капитализма?

— Нет, но общечеловеческие хотя бы! — взмолился Майкл.

— Коммунизм — идея общечеловеческая,— парировал Костров.

— Черт бы вас побрал! С вами нельзя даже торговать, не вдаваясь в политику,— буркнул Майкл.— Ладно, я подумаю и о своем решении сообщу тебе в Москву.

— Нет, ответ ты должен дать мне до отъезда. Если фильм не нужен тебе, его купят другие. Я намерен продать его до возвращения домой.

— Ты берешь меня за горло, Эндрю. Ты настоящая «акула империализма», как у вас говорят. Ведь мы — старые друзья и партнеры. Как же ты можешь грозить мне, что продашь ленту другим?!

— Я не угрожаю и не изменяю нашей деловой дружбе. Ты первый, с кем мы ведем переговоры об этом фильме. Но если ты не хочешь или не можешь купить, то, сам понимаешь, нам ничего иного не остается, как предложить его другим. И даже не предложить, а уступить, потому что ленту уже запросили для просмотра три фирмы здесь, на вашем континенте.

— Хорошо,— сдался Майкл Розз.— Ты получишь ответ до конца декады.

— Извини, старина, но так дело не пойдет. От твоего решения зависят мои дальнейшие планы: лететь домой или в Штаты и вести переговоры о продаже фильма с другой компанией. Я, честно говоря, устал и очень хочу поскорее домой.

— Сколько же времени ты мне даешь?

— Пять дней хватит?

— О'кэй,— кивнул Майкл и хмуро повторил: — Ты настоящая акула! Но, как у вас говорят, бодливой корове бог рогов не дает. Слава богу, что ты в России, а не у нас — от тебя бы не было спасения.

...Через три дня Розз-старший сказал Кострову:

— Я покупаю фильм.

В этот день советские гости вместе с Майклом Роззом и Мэри Фергюссон получили приглашение на ланч, устроенный руководителями национальной синематеки и общества любителей киноискусства.

Встреча была назначена в загородном ресторане с русским названием «Волга». Предстояло проехать более двадцати миль. Решили добираться на машинах Майкла и Мэри. Этим как бы подчеркивалось гостеприимство хозяев.

Получилось так, что советские актрисы уже успели подружиться с Мэри и сели в ее «мустанг». Кострову и режиссеру не оставалось ничего иного, как разместиться в «крайслере» президента фирмы «Розз энд Розз».

Мэри приняла это с плохо скрытой досадой — она надеялась, что Андрей поедет с ней.

Майкл, наоборот, пришел в восторг.

— Мужской и женский монастыри на колесах! Это неплохо! Успеем соскучиться за дорогу, и тем радостнее будет встреча. Переведи твоему режиссеру,— попросил Майкл.

Костров не очень охотно перевел. Режиссер захохотал несколько громче, чем следовало бы.

— Кстати, Эндрю, мои предположения насчет братца и Мэри не оправдались. Как я сразу не сообразил, что эта птаха не для него?! А хороша! А? Ну, признайся, ведь очень хороша?— настаивал Майкл.

— Да,— односложно ответил Андрей.

Майкл удивленно поглядел на него и нажал на акселератор. «Крайслер» плавно тронулся и бесшумно покатился по асфальту.

Режиссер, стараясь скрыть неловкость человека, который не понимает, о чем говорят, с несколько повышенным интересом разглядывал пробегавшие за окном картины.

Ланч прошел в непринужденной обстановке. Костров объявил, что после окончания декады по поручению агентства «Луч» передает в дар синематеки советские фильмы. Он предусмотрительно договорился об этом с руководством объединения еще в Москве, зная, что национальная синематека недавно пострадала от пожара, в котором полностью погиб ее фильмофонд. Сообщение Кострова тронуло хозяев. Расставаясь с гостями, они тепло благодарили за дар, желали успехов декаде советских фильмов.

Оживленной группой вышли на улицу гости и хозяева. Их провожал и владелец ресторана «Волга» Порфирий Панков — духобор, отец которого выехал из Орловской губернии еще в конце прошлого века. Он неплохо, хотя и несколько смешно, говорил по-русски и был очень горд тем, что не забыл родной язык, и просил прислать ему Государственный флаг Советского Союза, чтобы повесить его над входом в ресторан.

— Это возможно?..— спрашивал он.— Сколько стоит и эту... почтовый сбор я заплачу. Хотите деньги вперед? — суетился Порфирий.

Стали рассаживаться по машинам.

Мэри подошла к Кострову и негромко сказала:

— Эндрю, садитесь ко мне.

— Я бы сделал это с удовольствием, но ведь нельзя оставить Майкла с режиссером. Они не смогут общаться. В каждой машине должно быть по переводчику, иначе нельзя.

Она покорно вздохнула и отошла.

Мэри позвонила в фирму, надеясь застать там Кострова. Ей повезло.

— Я очень прошу вас прийти в сквер возле станции метро. Я жду здесь на скамейке возле остановки автобуса. Вы приедете?— спросила она.

Мэри сидела, положив ногу на ногу и обхватив правое колено красивыми длинными пальцами. Слегка наклоненные вперед плечи были бессильно опущены. На ее прекрасном, почти лишенном косметики лице светились нездоровым, лихорадочным блеском глаза.

Андрею стало больно смотреть на нее.

Костров направился к Мэри. Увидев его, она поднялась и, не здороваясь, сказала:

— Давайте простимся...

— Конечно,— ответил он.

Она повела его на станцию метро, где под землей было много небольших магазинов.

— Купите мне что-нибудь на память,— просто сказала она.

Окончание. См. «Огонек» №№ 2—10.

Он растерялся от неожиданности и от сознания собственной вины. Какую тьму сувениров раздарил он в общем-то случайным людям. Ощущение собственной бестактности вконец расстроило его.

— Я пришлю для вас в фирму,— сказал он и смутился еще больше.

— Хорошо,— согласилась она.— А сейчас купите хоть что-нибудь.

Они стояли возле магазинчика, где торговали журналами, газетами, книгами, открытками.

— Ну хотя бы виды вашей Москвы...

Андрей и его спутница зашли в магазин.

— У вас есть виды Москвы?

Миловидная чернокожая продавщица наморщила лоб и нос, пытаясь припомнить, потом радостно хлопнула в ладоши.

— Да, сэр!— Она приподнялась на носки и протянула руку к верхней полке.

А рядом на прилавке стоял мохнатый медвежонок.

Андрей перехватил взгляд Мэри, смотревшей на игрушку.

— Это маленький гризли,— сказала она,— или кадьяк. А какие медведи в России? Ведь недаром же говорят про вас: русские медведи.

Андрей улыбнулся.

— Наши медведи называются бурыми.

— Значит, маленький медведь будет буренка?

Костров рассмеялся.

— Буренками у нас обычно зовут коров, а маленького медведя называют медвежонок.

— Нет, Буренок лучше,—упрямо сказала она и попросила:— Купите мне Буренка.

Когда медвежонок очутился в ее руках, она двумя пальцами потрясла его лапу и сказала по-русски: «Здравствуй, Буренок!— Затем добавила по-английски:— Уж ты-то будешь меня любить?»

Андрей повернулся к продавщице, протянувшей ему блок открыток.

— Здесь есть место, где вы живете?— спросила Мэри.

Андрей перебрал открытки и на последней увидел Химкинский речной порт. Снимок был сделан со стороны Тушина.

— Мой дом недалеко отсюда.

Она внимательно посмотрела и сказала:

— Красиво.

Потом попросила:

— Напишите что-нибудь на память.

Он полез в карман и с досадой подумал: «Опять потерял ручку». Она поняла и вынула из сумочки тонкий дамский «паркер»:

— Возьмите мою. Не отдавайте и не теряйте.

Костров хотел что-то сказать, но она перебила:

— Пишите по-русски.

Мэри взяла открытку, медленно и негромко прочла вслух: «Спасибо за помощь и дружбу. От всей души. А. Костров». Он увидел, что глаза ее заполнили слезы, но она не смахнула их и не сводила с него ослепленного взгляда. Он осторожно взял ее под руку. Она послушно вышла с ним из магазина, сделала несколько шагов и остановилась.

— Эндрю, скажите мне, что я могу приехать в Москву и что вы этого хотите.

— Я этого не хочу, Мэри.

— Ну и черт с вами!— Она не извинилась.— Будьте коммунистом или капиталистом, христианином или иудеем, буддистом или мусульманином — мне все равно. Но только будьте. Я стану тем же, кем и вы. Я буду драться за светлое будущее для всех или только для нас с вами, за бедных или за богатых. Мне все равно, лишь бы с вами.

Костров молчал. Они прошли еще немного, и Мэри вновь остановилась.

— Розз-старший предложил мне очень выгодный контракт — быть его администратором в Оттаве. На реактивном четырехместном самолетике Майкла это двадцать минут полета от дома и в то же время очень далеко от жены и братца. И я буду встречать его. Пожалуй, буду ездить на аэродром встречать,— повторила она с какой-то упрямой решимостью.

Мэри поглядела на Кострова в упор, отчаянно и, пожалуй, зло. Это был взгляд, который дается человеку в редкие минуты жизни и который проникает каким-то чудом в святая святых души человеческой. И она увидела то, что хотела увидеть и о чем сам Андрей не догадывался, потому что любил другую женщину, иную жизнь. Она догадалась, что сделала ему больно, и была рада, что хоть этим ворвалась в его душу.

А Костров вдруг понял каким-то неведомым ему доселе чувством, что Мэри угадала смятение, вызванное ее словами. Да, он не хочет, чтобы она продавала Майклу суррогат любви, но никогда не скажет ей об этом. Но почему? Из ревности? Нет, ревности не было — ведь он не любил ее. Тогда что же? Просто жалость к красивой женщине, которая устала драться за себя? Ну вот она и будет продолжать бороться, хотя разве это борьба? Майкл — сильный, обаятельный, мужественный и богатый — конечно, купит ее. Впрочем, он сумеет сделать это деликатно, так, чтобы не обидеть ее, соблюсти приличия. Она любит спортивные машины — у нее будет «порш» последней модели, или «ромео», или двухместный «мерседес», либо и то, и другое, и третье. Будет уютный коттедж на тихой и степенной окраине города и изумительные вечера под пальмами где-нибудь на Гавайях или на берегу другого острова в Тихом океане. Но чего-то главного, что наполнило бы и освятило все это, не будет... И оттого эта красивая со стороны жизнь окажется такой пустой и унылой, а сама Мэри одинокой и в общем-то глубоко несчастной. Может, поэтому Кострову и было жаль ее.

Но она по-своему поняла его смятение и, желая усилить это состояние, добавила упрямо:

— Я буду встречать его на аэродроме в Оттаве и возить к себе домой.— Она сделала паузу и поправилась:— К нам домой.

Ему вновь стало неприятно.

Костров предложил на закрытии декады показать новый фильм: он хотел воспользоваться присутствием режиссера и актрис. Розз согласился.

Создатели фильма обрадовались, так как им не терпелось проверить действенность произведения здесь, за океаном, на зрителе, воспитанном в основном на лентах Голливуда.

Фирма дала хорошую рекламу, и за два дня до просмотра все билеты были проданы. Возможность представить публике создателей ленты Андрей задумал использовать для откровенной беседы со зрителями, еще одного напоминания о том, что советские люди знают, что́ такое война, и не хотят ее. Новая кинокартина в этом плане была веским документом, и он, Костров, завершит им разговор со зрителем на декаде. Ни в Торонто, ни на Запад, куда уже отправили остальные фильмы, Майкл Розз эту картину не дал.

— Я пущу ее в прокат осенью, когда дожди и холод погонят людей в кинотеатры.

Костров не стал возражать против этого. Он был удовлетворен тем, что убедил владельца фирмы показать фильм на декаде хоть один раз. Ведь общественное мнение о ней формировалось именно здесь, в некоронованной столице государства.

В день заключительного показа Кострова разбудил телефонный звонок. Прежде чем подойти к аппарату, он взглянул на часы. Была половина восьмого утра. «Кто еще в такую рань?»— подумал он и снял трубку.

— Простите, Эндрю, это я. Всю ночь не сомкнула глаз и не выпускала из рук медвежонка. У меня очень тревожно на душе: я чего-то жду и боюсь, очень боюсь за вас...

— А медвежонок?— пошутил Андрей.

— Он тоже,— ответила она. И добавила:— Вы зря смеетесь, я верю в предчувствия. Если с вами что-нибудь случится, мы с Буренком этого не переживем.

До вечера он не видел Мэри, но она дважды звонила ему. Один раз она застала Андрея в фирме, второй раз уже под вечер дома, куда он заехал переодеться перед кинотеатром. В голосе ее угадывались напряжение и тревога. Эти чувства передались и ему, хотя он не понимал причин. Теперь он тоже ждал удара.

Когда Костров заехал в отель за москвичами, те были в прекрасном настроении. Предвкушение встречи со зрителями радовало их.

В кинотеатр приехали перед самым началом сеанса. «Шевроле» медленно тащился по улице, стиснутый потоком машин. Впрочем, задержка никого не взволновала: еще раньше решили, что Костров представит артистов публике после окончания сеанса. Так разговор будет предметнее.

Когда в зале зажегся свет и две очаровательные актрисы, держа за руки режиссера, вышли на небольшую авансцену перед экраном, разразившиеся аплодисменты не смолкали несколько минут. Зрители поднялись со своих мест и двинулись к экрану. К кинематографистам обращались на русском, украинском, польском, английском и французском языках. Их благодарили, у них просили автографы. Люди тянули к ним руки, размахивая книгами, журналами, газетами, проспектами, блокнотами и просто листками белой бумаги.

Костров увидел, как из толпы выбрался невысокий коренастый старик. Он направился в угол зала, поднялся на авансцену и подошел к режиссеру.

Старик хотел что-то сказать, но не находил слов. Вдруг он упал на колени, схватил руку режиссера и стал целовать ее.

Растерянный режиссер пытался отнять руку, но это никак не удавалось, и он смущенно восклицал: «Что вы делаете? Прекратите! Не нужно!» Однако старик не слушал его и, не отпуская руку, припал к ней на мгновение щекой, шепча что-то. Потом вдруг поднялся и сказал не режиссеру, а в зал с какой-то отчаянной решимостью:

— Громкин я, Иван... с-под Полоцку. Усе туточки правда, правду ен показав... Спасибо тебе, сынку, спасибо вам усим, спасибо нашей России, что она есть... А мы... эх...— Он безнадежно махнул рукой, тяжело ступая, спустился в зал и скрылся в толпе притихших вдруг зрителей.

Костров глядел вслед этому простому, однажды, очевидно, оступившемуся когда-то солдату и вспомнил вдруг другого человека. Несколько лет назад он встретился с ним в Соединенных Штатах. Это был высокообразованный старик. Его фамилия в прошлом не раз упоминалась в одном ряду с самыми выдающимися мастерами русского искусства и литературы. В давние нелегкие для страны двадцатые годы он покинул Россию. Сначала перебрался в Западную Европу, потом, спасаясь от гитлеровцев, уехал за океан. Он обосновался здесь, стал профессором университета, разбогател, но в начавших покрываться старческой катарактой глазах жила такая печаль, что Костров подумал: «Да, и впрямь не хлебом единым...»

Около трех часов они провели вдвоем, обедая в столовой, разместившейся на первом этаже нового здания Массачусетского технологического института. За окном осенний ветер швырял дождевые капли на пожелтевшие листья кленов, морщил лужи.

— Осень всюду одинакова,— сказал Андрей.

— Почти,— неопределенно ответил старик.— Бостон — самый европейский город в Штатах. Не русский, конечно, но все-таки Европа. А осень здесь особенно страшна...

В словах старика открылась такая глубокая тоска по родине, что Андрей тут же перевел разговор на другую тему. Тяжело было видеть эту незаживающую душевную рану. «Как сложны и как просты судьбы людские,— подумал Андрей.— И как велик дух человеческий, если еще в древнем мифе он так точно определил трагедию человека, оторвавшегося от родной земли. Да, нет счастья вне своей страны, нельзя безнаказанно оторваться от матери, которая родила тебя...»

Андрей увидел Мэри сквозь витринное стекло фойе кинотеатра на подземной улице. Левой рукой она прижимала к груди медвежонка. Его поразило выражение тревоги на ее лице. Огромные глаза нервно щурились и почему-то казались еще больше, а лихорадочный блеск зрачков еще прекрасней. Она увидела Кострова издалека и на какое-то мгновение успокоилась. Андрею даже показалось, что она улыбнулась ему, но это длилось лишь мгновение.

Последние зрители вошли в зал, и оттуда послышались первые аккорды музыкальной фонограммы.

— Я так волновалась,— виновато сказала

Мэри. И тут же добавила, будто оправдываясь: — Я даже не могла сесть за руль и приехала на такси. Эти два критика приехали из Чикаго специально для того, чтобы встретиться с известным советским режиссером.

Она улыбнулась мило и жалко, потом овладела собой и представила двух молодых мужчин. Оба они были длинноволосы, в больших роговых очках. «На кого они похожи?»—подумал Андрей и не смог вспомнить. От этого чувство тревоги еще больше усилилось.

Критики плохо знали советское киноискусство. Костров едва успевал переводить их вопросы и ответы режиссера. На некоторые вопросы отвечал сам, но и тогда все равно ему приходилось переводить их вопросы и свои ответы, чтобы всем было интересно. В то же время он пытался вспомнить, на кого они похожи.

Заговорили о творчестве Сергея Эйзенштейна и, естественно, о проблемах формы и содержания в современном киноискусстве. Атмосфера полемики накалялась. Андрей активно участвовал в ней, но мысль его продолжала тревожить загадка: «Кого они мне напоминают?»

Из зрительного зала донеслись звуки баяна и слова протяжной солдатской песни. Фильм подходил к концу.

А спор был в самом разгаре. Переводить становилось труднее, так как говорить пытались все сразу, перебивая друг друга, темы искусствоведения переплелись с политикой, историей, психологией. Молодые люди ежесекундно поправляли очки, а известный режиссер забыл, что ему не к лицу говорить слишком быстро и жестикулировать при этом руками. Обе актрисы предпочитали сидеть молча, с приличествующей моменту маской серьезности.

«Так кого же они мне все-таки напоминают?»— снова подумал Андрей, ни на минуту не прерывая перевод.

Из зала донесся грохот танков.

— Пошла последняя часть,— сказал режиссер.— Через десять минут нам выходить.— Вдруг глаза его испуганно расширились: — У меня нет с собой ни одного буклета по фильму, ни одной фотографии!

— Да, досадно,— согласился Костров.

— Не досадно, а просто катастрофа. Как выступать без этих материалов? На чем я и мои очаровательные коллеги будем писать автографы? Не подумайте, что меня волнует слава, нет, но это возможность лишний раз напомнить о нашем борющемся киноискусстве, не так ли?— сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Согласен,— сдержанно ответил Костров.— Но все это лежит в офисе фирмы, а я не могу сейчас поехать туда, оставив вас одних.

— Я понимаю, но как же быть? Без этих фотографий нельзя. Я же специально вез их из Москвы!— сокрушался режиссер.

Костров понимал, что получилось нескладно и виноват в этом в первую очередь он сам. Именно он забыл фотографии на столе в офисе. Нужно поехать за ними, но как можно оставить сейчас делегацию? Познаний Мэри для такого разговора явно недостаточно. Отлучись он, Костров, на двадцать минут, и никто не знает, какие мысли вложат критики в уста советского режиссера из-за неточного перевода. Ведь они сказали, что будут писать о его творчестве большую статью...

Мэри внимательно следила за происходящим. Она угадала, что волновало Кострова, и на минуту задумалась. Затем в ее глазах вспыхнула радостная искорка.

— Эврика!— сказала она.— Дайте ключи от вашей машины, Эндрю.

Он не понял.

— Ну, вы же не можете уехать, а я мигом вернусь. Но я без машины, такси сейчас поймаешь не сразу...

Андрей благодарно поглядел на нее. Мэри сидела рядом с критиками. На подлокотнике кресла лежало ее легкое пальто, а на нем примостился медвежонок. Мэри держала его двумя пальцами за левую лапу и улыбалась. Пышные волосы спадали на плечи. Верхняя пуговица костюма была расстегнута. Воротничок приоткрыл ее красивую шею. Андрей различил крошечную родинку, которую заметил еще тогда, на озере.

Она смотрела ему в глаза открыто, доверчиво, просительно.

— Дайте мне ключи от вашего «шевроле».

Он медленно опустил руку в карман пиджака, нащупал ключи и протянул их Мэри.

— Я мигом. Пока вы представите их, потом они будут что-то говорить, и вы тоже. Словом, у меня есть минут двадцать, двадцать пять. Я успею...

Она так быстро поднялась, что он едва успел подать ей пальто. Мэри на ходу подхватила его и с медвежонком в руках скрылась в дверях. Последнее, что он увидел, это рассыпавшийся по плечам шелк волос и стройную фигуру.

Мэри поднялась наверх, отыскала машину Андрея, уселась поудобнее, передвинув сиденье по своему росту. Впервые за этот день на душе у нее было спокойно. Она радовалась, что может помочь Кострову.

Осторожно вывела «шевроле» из ряда выстроившихся у тротуара машин. Два «крайслера», два «бьюика», два «форда», один «понтиак», машинально подсчитывала она, объезжая стоящие машины.

Из «понтиака» вылез человек и быстро подошел к телефону-автомату под небольшим козырьком...

В тот самый миг там внизу, в фойе кинотеатра, Костров вдруг вспомнил: «Они похожи на портреты батьки Махно!»— и удивился неуместности и нелепости этой мысли.

Режиссер был раздосадован: фотографии так и не поспели вовремя, однако разговор получился хороший и полезный. Казалось, Костров должен бы остаться довольным, но он почему-то нервничал, что было неприятно и режиссеру и хорошеньким артисткам.

Костров позвонил Майклу.

— Мэри уехала в девять часов пятьдесят минут,— сказал он,— и не вернулась. Прошло уже больше часа.

— Возьмите такси и поезжайте в отель. Я буду ждать вас там, мы вместе поужинаем. А о Мэри сейчас же наведу справки. Наверное, что-нибудь с машиной.

— Но она бы сообщила.

Майкл ничего не ответил.

Полицейский инспектор был грубоват. Он бесцеремонно встал между Костровым и кинематографистами, когда они вышли из такси возле отеля.

— Вы мистер Костров?

— Да.

— У вас угнали машину?

— Нет, я дал ее сотруднице для деловой поездки.

— Можете ли вы избавиться от своих спутников на тридцать минут? То, что я покажу вам, не для их нервов.

Но это было и не для его нервов.

Она лежала на мраморном столе в подвале морга. Включили два светильника.

— Узнаете?

...Вопреки рекламным проспектам рулевая колонка не сложилась, и Мэри разбила голову о руль.

В комнате наверху полицейский инспектор задал Кострову несколько вопросов. На письменном столе лежал Буренок. Костров смотрел на него, не отрываясь.

— Было в машине. Ваше?— спросил инспектор.

— Да.

— Можете взять.

Андрей взял игрушку в руки. На шерсти было несколько темных пятен. Ворсинки слиплись и затвердели. «Кровь... Ее кровь»,— понял Андрей.

В ночном выпуске новостей все телевизионные каналы передали сообщение о катастрофе. Показывали пленку с места происшествия. Вот тело Мэри с трудом извлекают из машины. «Она любила придвигать сиденье близко к рулю,— вспомнил Андрей,— но при таком ударе это ничего не меняло». Рядом с исковерканным «шевроле» стоял «даймонд» с поврежденным радиатором. На экране еще был виден поднимавшийся от воды пар.

Диктор бесстрастно пояснял, что «шевроле» был зажат между двумя тяжелыми грузовиками. Затем передний резко затормозил, и «шевроле» врезался в него, а второй ударил легковую машину сзади. Потом оба шофера удрали на переднем «даймонде» и бросили его в полутора милях от места происшествия. Задержать преступников не удалось. Полиция ведет поиск.

«Шевроле» был взят в аренду советским кинопродюсером Андреем Костровым. Мистер Костров неоднократно получал предупреждения о готовящейся расправе. Однажды уже была совершена попытка покушения.

На рассвете приехал из Оттавы советник и с ним еще два сотрудника посольства, чтобы проводить Кострова. Вечером того же дня он улетал на Родину. Похороны откладывались на неопределенное время, так как откуда-то из Латинской Америки должны были прибыть родственники погибшей.

В последний раз перед возвращением домой заехал Костров в офис фирмы «Розз энд Розз». Его встретила заплаканная Энн.

— Мэри успела подобрать всю прессу о декаде. Газеты лежат на вашем столе. Она просила меня передать, что интересующие вас заметки обведены красным фломастером.

Энн не сдержалась и зарыдала.

Газеты были аккуратно сложены и открыты на тех страницах, где помещались интересующие Кострова заметки.

В них отмечался успех «русской», как они ее называли, декады. Одни признавали это с горечью, другие — более доброжелательно. Но главный вывод был сделан обозревателем «Ивнинг стар» в большой статье. «Нашим соотечественникам, родившимся после войны, впервые без прикрас показано, что такое война, какой неимоверно дорогой ценой была добыта победа над гитлеризмом и какой огромный, решающий вклад в нее внесли Советы».

Это был бесспорный успех.

Андрей вновь подумал о Мэри...

— Дело сделано,— сказал Майкл Кострову, когда они пили кофе в кабинете братьев Розз.— Причем сделано неплохо. Мы заработали больше, чем предполагали.

Кострова неприятно поразил тон старшего компаньона, и он намекнул ему об этом.

— Что поделаешь, Эндрю, жизнь — всегда война. Кто-то побеждает, кто-то погибает... А девочка была чертовски хороша...

В этот миг Андрею захотелось съездить Майклу по довольной физиономии.

Майкл угадал настроение Андрея.

— Ну ладно, парень, я рад за тебя.

— День для радости не самый удачный. Да и доволен я в основном не заработком.

— Знаю... знаю, с кем имею дело,— кивнул Майкл.— Может быть, плюнем на дела и махнем дня на три на Север, на рыбалку? Там изумительная природа, а лососи сами идут в руки.

— Нет, я поеду домой,— сказал Костров.

Майкл насупился.

— Не сердись, ты должен понимать меня,— продолжал Андрей.— Нелепость и несправедливость такой смерти... Ведь здесь не фронт... Если бы они расправились со мной, в этом было бы больше логики...

Костров с советником посольства и его сотрудниками приехали на аэродром за час до отлета. Майкла Розза и других провожающих еще не было.

— Мы пойдем выпить по чашке кофе,— предупредил Костров девушку, дежурившую у стойки «Аэрофлота».

Здесь же, в здании аэропорта, на втором этаже была целая галерея ресторанчиков, кафе, баров и магазинов. Они зашли в крошечное, задрапированное шкурами и украшенное предметами эскимосского быта кафе, которое называлось «Биглоо».

Здесь и нашел их Майкл Розз.

— Э-э, парень! Так не делают,— начал он прямо с порога, выговаривая Кострову.— Там собрались провожающие, а вы здесь преспокойненько потягиваете кофе.

Андрей извинился:

— Думал, успеем.

Старший Розз взял Кострова под локоть.

— Ты такой хмурый, будто не домой летишь,— сказал он.— Я все понимаю, однако крепись.

— Я очень устал,— ответил Андрей.

Обычно возвращение домой бывало едва ли не самым счастливым временем в любой командировке. Но сейчас, в эти предотлетные минуты, он, пожалуй, испытывал только боль и тревогу. Они переполняли его, вытесняли чувство ожидания счастливой встречи, притупляли радость одержанной победы.

Попрощавшись, он прошел таможенный досмотр, миновал пограничников и бесконечными подземными переходами направился к выходу на летное поле, легко ступая по резиновой дорожке двигающегося транспортера.

Наконец он оказался у самолета. Сеял мелкий дождь, и его капли, попадая за воротник, неприятно холодили шею.

Костров оглянулся. На крыше аэропорта была смотровая площадка для провожающих. Он поискал глазами и увидел Майкла Розза с женой, Эйба, Энн... Мелькнула мысль: «Мэри, конечно, была бы здесь»... Он стал подниматься по трапу.

Стюардесса, улыбнувшись, сказала: «Добро пожаловать!»— и Андрей скрылся в люке самолета.

...Когда они наконец совершили посадку в аэропорту Шереметьево, был чудесный майский день. Солнце заливало поле аэродрома. Не успевшая еще пожелтеть трава ярко зеленела между белыми лентами взлетных и посадочных полос. Все вокруг искрилось весенней радостью, которая передавалась людям. И все же на душе у Кострова было тревожно.

Войдя в зал для встречающих, он увидел Сашеньку, Анютку, отца, мать, Геннадия Сергеевича. Андрей замер на миг, прижав к себе жену, и вдруг почувствовал, будто петля захлестнула ему горло и давит, давит. Это длилось лишь миг, но Сашенька что-то почувствовала и вопросительно заглянула ему в глаза.

— Что с тобой, родной?

— Ничего, все в порядке...

Андрей брился после душа, а Геннадий Сергеевич стоял рядом и, дымя большой черной трубкой, рассказывал:

— Вчера в агентстве было партийное собрание. Выступал председатель, хвалил тебя. Сказал, что из посольства пришла бумага и в ней дана высокая оценка декаде... Кстати, ты еще не знаешь. Через месяц — Неделя советского фильма во Вьетнаме, в основном в Ханое. Его сейчас здорово бомбят. Председатель отметил, что эта неделя — дело особенно ответственное. Ее проведение, наверно, поручат тебе...

Когда сели ужинать, было начало десятого. Анютка включила телевизор. Всем хотелось посмотреть программу «Время».

Прошли сообщения по нашей стране, потом из-за рубежа.

— Сейчас будут спортивные новости. Это уже неинтересно,— проговорила Анютка, как вдруг диктор сказал:

— Вчера в Монреале закончилась декада советских фильмов, посвященных двадцатипятилетию победы над фашизмом. Канадская печать, радио и телевидение дают высокую оценку представленным на декаде кинопроизведениям. По словам газеты «Ивнинг стар», это была впечатляющая демонстрация кинодокументов и художественных лент о борьбе советского народа за достижение победы над гитлеризмом. Главный вывод, который могут сделать те четверть миллиона канадцев, что просмотрели русские фильмы, состоит в том, что народ, такой ценой завоевавший победу, не может хотеть войны.

Мы попросили нашего корреспондента в Канаде Ивана Николаева взять краткое интервью у руководителя делегации деятелей советского киноискусства на канадской декаде известного постановщика и актера Вячеслава Коренкова. Вот что он рассказал.

В кадре появился маститый кинематографист, а на втором плане две артистки слушали о чем-то увлеченно говорившего Майкла Розза...

— Я счастлив, что мы — делегация деятелей советского киноискусства — с честью выполнили нелегкую задачу, возложенную на нас. Декада в Монреале прошла успешно. Это итог напряженного труда моих очаровательных коллег и нашего гостеприимного хозяина, канадского продюсера мистера Майкла Розза...

— А ты? — спросила Анютка и вопросительно поглядела на отца. У Сашеньки от обиды навернулись на глаза слезы. Примолкли мама с отцом.

Андрей переглянулся с Геннадием Сергеевичем. Тот выпустил клуб дыма, и они улыбнулись друг другу.

Патрик **КВЕНТИН**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ПАТРИК КВЕНТИН — литературный псевдоним Х. К. Уилера (1912 год рождения) — американского писателя, работающего в остросюжетном жанре, автора нескольких романов, повестей и рассказов.

ДЕЛО ПО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Утверждают, что перед тем, как встретить какого-то человека после долгой разлуки, вы обязательно подумаете о нем. Не могу сказать этого о себе. Покидая на такси аэропорт «Ла Гуардия», я размышлял о том, что Ч. Д. будет доволен результатами моей поездки в Чикаго. Потом я подумал о жене. Хотелось, чтобы она уже вернулась с Лонг-Айленда. С наивностью довольного всем на свете человека я даже уверял себя, что в общем-то не так уж трудно чувствовать себя счастливым — надо только смирить гордыню и подчиняться определенным правилам.

Что же касается Анжелики, то мне и в голову не приходила мысль о ней.

Прошло уже два с лишним года, как я излечился от своей страсти. Излечение шло нелегко. Ведь предстояло так много забыть, в прошлом было так много любви и так много горя. После того, как наш развод стал фактом и я женился на Бетси, меня еще долго преследовали мысли об Анжелике. Причиной тому был Рикки. Часто, наблюдая, как он карабкается из сада на террасу дома Ч. Д., или целуя его перед сном, я вдруг ловил себя на мысли, что вижу Анжелику: так напоминал он ее выражением своих не по-мальчишески серьезных глаз, своими черными шелковистыми волосами, всем своим обликом. Воспоминания о пережитых восторгах, надеждах и полном крахе недолгого семейного счастья охватывали меня, вызывая острую тоску о мире, из которого я ушел. Только присутствие Бетси помогало отогнать мучительные воспоминания. И, когда я видел, как Рикки бежит к ней или протягивает из кровати ручонки, на душе у меня становилось спокойнее при мысли, что хоть он-то забыл Анжелику и будет знать только одну мать — Бетси. Постепенно ясное и прочное настоящее вытеснило беспокойное прошлое, и воспоминания об Анжелике, в которой я видел когда-то свою первую и последнюю любовь, потускнели и перестали меня тревожить.

Такси было старенькое. Мы плелись по Третьей авеню в тени опор надземной железной дороги, направляясь к Бикман-плэйс. В районе Сороковых улиц водитель остановил машину и заявил:

— Прокол, мистер. Придется вам пересесть в другое такси.

Я расплатился, взял свою сумку и вышел. На город опустилась холодная, беспокойная мартовская ночь. Часы показывали половину двенадцатого. Вдали на плохо освещенной улице я увидел приближающееся такси и уже поднял было руку, собираясь остановить его, как заметил на углу обычный для этого района бар; тусклая неоновая вывеска призывала прохожего зайти и насладиться всеми прелестями уютной обстановки. Только тут я вспомнил, что ничего не пил в самолете, повернулся спиной к подъезжавшему такси и вошел в бар.

В глаза мне бросился работающий телевизор. Кто-то выключил звук, и кадры на экране мелькали, словно в старом немом фильме. В углу стонала радиола-автомат. Двое посетителей, расположившись у двери, доказывали друг другу, какую незаменимую роль играет каждый из них в своем деле. Я направился в глубину бара, отыскивая свободное место.

И тут я увидел ее.

Бар был освещен довольно скупо, а она сидела к тому же в тени кабинки, но я сразу узнал ее. Глубоко потрясенный встречей, еще не придя в себя, я сел напротив нее и положил рядом сумку.

— Анжелика!

Моя бывшая жена никогда и ничему не удивлялась. Она лишь взглянула на меня большими серыми глазами и сказала:

— Биль... Биль Гардинг!

Ни тени смущения или радости. Словно мы только что пообедали вдвоем, словно это не она три года назад, в Портофино, бесстыдно бросила меня и ушла к Чарльзу Мэйтленду. Я был отцом ее единственного ребенка, но и это не пробудило теплоты ни в ее взгляде, ни в ее тоне. Она держалась так, будто к ее столику подошел случайный знакомый, имевший право лишь на холодную вежливость, не больше.

Я много раз представлял себе нашу встречу, и всегда думал о ней как об исключительном событии, в котором переплетутся и обида и возмущение, и не исключал, что прежняя влюбленность вспыхнет во мне с новой силой. Однако молчаливый отказ Анжелики придавать какое-либо значение этой встрече подействовал и на меня; мне показалось, что я тоже ничего не испытываю, разве что некоторое любопытство и настороженность.

— А я и не знал, что ты в Нью-Йорке.

— Приехала несколько недель назад.

— Из Европы?

— Из Калифорнии.

К столику подошел официант.

— Ты одна?

— Да.

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— Спасибо. Рюмку вина, если можно.

Я заказал виски, и официант ушел. Анжелика сидела в затененном углу кабины, но теперь подвинулась на скамейке поближе ко мне, чтобы взять свою сумочку, и я впервые отчетливо ее разглядел. Она по-прежнему была красива — я всегда считал ее самой прекрасной из женщин, которых когда-либо встречал. Но тут же бросилось в глаза — и встревожило — что-то новое в ней. Мне показалось, что Анжелике недостает главных ее качеств — постоянного душевного покоя и упрямой, порой едва не доводившей меня до сумасшествия уверенности в своей правоте. На ней было какое-то старенькое пальто, шея повязана красным шарфом. Она выглядела больной и жалкой. Никогда бы

не подумал, что Анжелика может выглядеть жалкой.

— Тебе нездоровится? — спросил я.

Продолжая рыться в сумочке, она вздрогнула, словно мой вопрос застал ее врасплох.

— Извини, Биль, ты что-то сказал?

— Я спросил, здорова ли ты.

— Не совсем.

— Тогда сидела бы дома.

— Хотела повидать кое-кого.

— И этот «кое-кто» не пришел?

— Да. Джейми совершенно не считается со временем.

Я не стал упоминать имени Чарльза Мэйтленда, но спросил:

— Ты так и не вышла замуж?

— Нет.

— А кто этот Джейми?

— Писатель,— ответила Анжелика, избегая смотреть мне в глаза.— Сейчас у него трудное время, но наступит день, когда он прославится.

Да, она совсем не изменилась. Повторялась старая история. Неужели Анжелика никогда не избавится от навязчивой идеи подарить миру взлелеянного ею гения? И неужели ее ничему не научила история со мной?

Внезапно мне показалось смешным, что я опасался встречи с ней. С тех пор, как мы расстались, много безответных вопросов отравляло мне жизнь. Как она могла бросить меня ради Чарльза Мэйтленда? Почему скрылась, не захотев ничего объяснить? Почему выбрала для бегства время, когда я особенно в ней нуждался? Именно теперь, возможно, я мог бы услышать ответы на эти вопросы, но понял, что они абсолютно меня не интересуют. И Анжелика, и ее красота, и ее мир, мир богемы и неврастеников, вдруг показались мне такими же неинтересными, как случайно обнаруженный в альбоме снимок, сделанный в дни давно забытого летнего отпуска.

Анжелика вынула из сумочки губную помаду и зеркальце и принялась освежать краску на губах. Она словно забыла обо мне, но потом вдруг спохватилась. Сухим, холодно-любезным тоном — так она всегда разговаривала с наскучившими и неинтересными людьми — Анжелика заметила:

— Ты, конечно, ничего больше не пишешь?

— Нет. Слава богу, наконец-то до меня дошло, что никакой я не писатель.

Только тут я обратил внимание на ее левую руку; на среднем пальце она носила кольцо с гранатом в форме дельфина[1]. Кольцо когда-то принадлежало моей матери, и я подарил его Анжелике шесть лет назад, накануне нашей свадьбы, в доме ее отца. И само кольцо и тот невероятный факт, что Анжелика все еще продолжала его носить, заставили меня окончательно потерять равновесие.

Но Анжелика, казалось, ничего не заметила. Она не торопясь положила обратно в сумочку

Держать ее было неудобно, я с трудом обогнул столик и обнял ее за талию. Она сразу обмякла, даже сквозь ткань платья чувствовалось, что она вся горит.

— Но ты же в самом деле больна!

— Пустяки. Просто закружилась голова. Сейчас все пройдет. Извини.

Она еще сильнее оперлась на меня, но я не почувствовал даже слабых признаков того волнения, что всегда охватывало меня при одном лишь ее прикосновении; наоборот, я испытывал сейчас лишь беспокойство и раздражение.

К столику подошел официант с заказанным виски. Он неодобрительно взглянул на нас.

— Не вызвать ли такси, сэр?

Анжелика прикрыла глаза рукой, для нее было непереносимо даже неяркое освещение бара. Я не мог оставить ее здесь и уйти в надежде, что сюда явится и займется ею писатель, тот самый, что «переживает сейчас трудное время и не считается со временем».

— Да, пожалуйста,— ответил я.

Официант поспешно ушел. Я осторожно вывел Анжелику из кабинки, провел мимо радиолы и усадил на стул. На нас уже смотрели, но ведь Анжелика всегда привлекала внимание. А вообще-то, скорее всего, мы были для посетителей бара лишь участниками очередного инцидента, обычного для такого рода заведений.

— Я провожу тебя домой,— сказал я.

— Мне еще надо побыть здесь. Я же обещала...

— Ерунда.

— Но ты не знаешь Джейми. Ты...

— Где ты живешь?

— Не скажу.

— Нет, скажешь!

Анжелика задрожала и еще крепче вцепилась в мою руку. У нее тут же пропало всякое желание спорить со мной.

— Ну хорошо, если ты настаиваешь...— И она едва слышно пробормотала адрес на Западной Десятой улице.

Скоро вернулся официант.

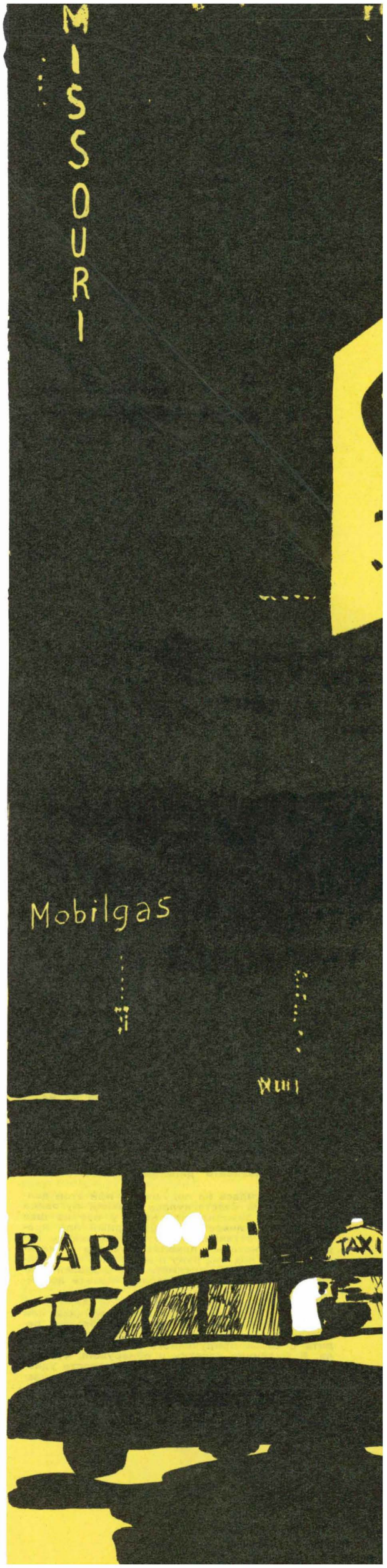
— Такси у подъезда, сэр.

Свободной рукой я достал бумажник и расплатился за себя и Анжелику. Она выпила всего рюмку вина. Официант поднял мою сумку, я вывел Анжелику из бара и посадил в такси.

Усаживая ее на сиденье, я почувствовал бесстыдное желание сообщить шоферу адрес Анжелики и отправить ее домой одну. Какой-то внутренний голос настойчиво предупреждал меня не поддаваться искушениям прошлого, в какой бы форме оно ни пыталось овладеть мною.

Все решило появление официанта. Полагая, что мы поедем вместе, он положил в такси мою сумку. А впрочем, я все равно, наверно, не смог бы уклониться от поездки; тем более у меня не хватило решимости на глазах у официанта взять из машины сумку и уйти.

И я сел в такси.



ОБВИНЯЮ...

помаду и зеркальце, потянулась за рюмкой, но промахнулась и, смутившись, положила сжатую в кулак руку на стол.

— Ты ведь женился на Бетси Кэллингхем? — спросила она деланно-любезным тоном.— Об этом писали газеты.

— Да.

— А с Полем Фаулером продолжаешь встречаться?

Я было удивился, с чего вдруг она упомянула Поля, но вспомнил, что он был моим единственным старинным приятелем, которого знала Анжелика. К тому же Полю пришлось стать участником и очевидцем всей этой истории в Портофино.

— Да. Мы с ним встречаемся, и довольно часто. Он работает в той же благотворительной организации, которую возглавляет Бетси.

— А ты? Ты что-то делаешь для журналов ее отца?

— Правильно. Я занимаюсь рекламой. Мой начальник вот уже две недели болен, и я руковожу всем рекламным отделом.

— Что?

— Руковожу рекламным отделом.

Ее рука снова принялась искать рюмку. Анжелика держалась как-то странно, и я с тревогой подумал, не пьяна ли она. В прежние времена даже на самых бесшабашных вечеринках Анжелика никогда не выпивала больше рюмки вина.

— Ты счастлив? — запинаясь, внезапно охрипшим голосом спросила она.— Это ведь главное, правда? Я хочу сказать...

Она вдруг поднялась без всяких видимых причин, постояла и закачалась. Я едва успел вскочить и подхватить ее, когда она чуть не повалилась, смахнув на пол одну из рюмок.

[1] Фигура дельфина в геральдике символизирует любовь, нежность и пр. **(Примеч. перев.).**

ГЛАВА ВТОРАЯ

Анжелика молча сидела в машине, прямая и неподвижная. Лучи светофора на мгновение осветили ее профиль. Я старался не смотреть на нее и гнал от себя воспоминания. Я пытался заставить себя рассматривать нашу поездку как нечто скучное и нежелательное для нее и для меня. Провожу ее домой, а если там нет никого, кто сможет ей помочь, подожду, пока она не уляжется в постель, и в случае необходимости вызову врача. После этого вернусь в настоящее, к Бетси.

Казалось, нашей поездке не будет конца, и к тому времени, когда такси свернуло на Шестое авеню, молчание стало невыносимым.

— Тебе лучше? — спросил я, взглянув на нее.

— У меня, должно быть, был обморок,— слабым голосом ответила Анжелика.— Извини, пожалуйста. Я болела гриппом и все еще чувствую большую слабость. Ты прав. Мне бы не надо выходить из дому, но... было очень важно...

— Разве этот Джейми не знает, что ты больна?

— Знает.

— Тогда почему, если уж ему так захотелось тебя повидать, он не пришел к тебе домой?

Она ответила не сразу.

— Видишь ли... все это очень сложно.

Анжелика явно не хотела ничего объяснять, да и я, признаться, не жаждал услышать, кто занял вакансию Чарльза Мэйтленда.

— Ну, скоро мы доедем,— заметил я.

— Да.

Такси остановилось в жалком квартале Вилледж. Должно быть, той ночью намечалась очередная уборка мусора, потому что на тротуаре выстроились, будто на унылом параде, баки и ящики со всякой дрянью. Пока я расплачивался с водителем, Анжелика кое-как выбралась из машины, но, ступив на землю, пошатнулась.

Я подхватил ее и помог удержаться, потом провел мимо кучи пустых коробок по ступеням каменного крыльца к грязной стеклянной двери. Все кругом выглядело уныло и мрачно.

Анжелика порылась в сумочке и достала ключи.

— Спасибо, Биль. Теперь я чувствую себя вполне нормально.

Она попыталась вставить ключ в замок, но не смогла. Мне пришлось самому открыть дверь. Из длинного коридора повеяло застоявшейся затхлостью.

— Кто-нибудь живет в квартире, кроме тебя?

— Нет. Это квартира приятеля Джейми, он разрешил мне временно пожить здесь.

— Я тебя провожу.

Вся гордость Анжелики, несомненно, восставала против такой зависимости, но она чувствовала себя слишком слабой, чтобы протестовать. Я помог ей подняться по лестнице. Квартира находилась на третьем этаже. Дверь открывалась в крохотную гостиную, выкрашенную в розовый цвет. Вся мебель состояла из шаткого стола и до нелепости огромного старого кресла, спинку которого украшали оленьи рога. Дверь в спальню была открыта, и я мог видеть неубранную постель и валявшиеся на полу туфли Анжелики. После трех лет жизни с Кэллингхемами я даже забыл, что люди могут жить в таких вот условиях. Мне казалось оскорбительным и чудовищным, что такая красивая женщина должна прозябать в подобной трущобе.

Как только мы вошли, Анжелика высвободила локоть из моей руки и бессильно опустилась в кресло. Я поставил свою сумку на пол у двери.

— Тебе надо прилечь.

— Да, да.

— Ты сможешь сама раздеться?

— Смогу. Послушай, Биль, теперь уже нет необходимости...

Я пошел в спальню, отыскал пижаму и принес в гостиную.

— Прости, но во всей квартире нет ни капли вина.

— И не нужно.

Я вернулся в спальню и через нее прошел в кухню, служившую одновременно и ванной. На столе среди грязных тарелок стояло несколько пустых банок из-под консервов. Внезапно с чувством неловкости я подумал: бывает ли она сыта каждый день, и вообще водятся ли у нее деньги? Впрочем, решил я, нечего о ней беспокоиться. От алиментов она отказалась, а накануне нашего развода получила кое-какое наследство от деда. Во всяком случае, все это теперь меня совершенно не касалось.

На раковине стоял флакон с таблетками; на столе я увидел телефон и машинально прочитал его номер. Потом я возвратился в спальню, на ходу поправил постель и прошел в гостиную.

Анжелика уже переоделась в пижаму и теперь сидела в уродливом кресле с оленьими рогами, полуприкрыв веки с длинными ресницами. Куртка пижамы была застегнута на все пуговицы до самого горла. В свете электрической лампочки без абажура, подвешенной к самому потолку, она выглядела трогательно беззащитной, как спящий ребенок, как Рикки. Я помог ей перейти в спальню, уложил и накрыл одеялом.

— Так как же с доктором?

— Нет, нет! Он все равно приедет завтра утром.

— Ты уверена?

— Да. Мне уже значительно лучше.

— Может, примешь какие-нибудь таблетки?

— Пожалуй. Те, что на кухне. Думаю, хуже не будет.

Я принес флакон с таблетками и стакан воды. Рукой, на пальце которой было надето мое кольцо с гранатовым дельфином, она взяла таблетки и поднесла ко рту стакан. Я поддерживал ее голову. Как было бы хорошо, если бы я не видел кольца! Вопреки всему, что я пытался себе внушить, у меня снова появилась тревога за нее.

— Тут есть кому позаботиться о тебе?

— Да, да, иногда заглядывает женщина из соседней квартиры.

— Тебе бы не стоило оставаться одной в этой дыре,— неожиданно для самого себя сказал я.

Анжелика внимательно посмотрела на меня, и на губах у нее появилась слабая насмешливая улыбка.

— А где же, по-твоему, мне жить? Может, в первоклассном отеле?.. Уходи, Биль. Прошу тебя. За твою заботу — спасибо. Мы разошлись и никогда не вернемся к прошлому. Нет смысла восстанавливать дипломатические отношения.

Она опустилась на подушки, и при этом движении у нее расстегнулась верхняя пуговица пижамы. Я заметил, что кожа у нее на шее приобрела темноватый, характерный при кровоподтеках оттенок. Собираясь поправить подушки, на которых покоилась голова Анжелики, я сунул под них руку и наткнулся на какой-то металлический предмет. Это оказался старый автоматический пистолет «кольт» армейского образца.

Я не поверил своим глазам. Для Анжелики, которую никто не назвал бы истеричкой или женщиной, склонной к позерству, обладать револьвером было так же неестественно, как водить с собой прирученного детеныша леопарда. Я выдвинул каретку и обнаружил, что пистолет заряжен. И теперь уже не просто удивление, а предчувствие какой-то серьезной опасности охватило меня.

— Для чего он тебе? — спросил я.

Анжелика (она пока ничего не замечала) повернулась, увидела пистолет и нерешительно протянула руку.

— Отдай!

— Я хочу знать, для чего ты его приобрела.

— Не твое дело.

— Отвечай!

— Нужно было, вот и приобрела. Отдай!

Я снова посмотрел на ее горло. Анжелика перехватила мой взгляд и подняла руку, собираясь застегнуться, но я удержал ее и слегка оттянул материю. На шее виднелись темно-красные синяки, не оставлявшие сомнения в том, как они появились. Я увидел отчетливые отпечатки пальцев и подтеки вокруг них.

— Тебя кто-то пытался задушить? — изумленно воскликнул я.

— Не расспрашивай, Биль.

— Когда это произошло?

— На днях. Но это же пустяки. Он был пьян... Он...

— Джейми?

— Да.

— И ты не заявила в полицию?

— И не подумала.

— Зато приобрела вот это? — спросил я, показывая на пистолет.

— Мне казалось, так будет безопаснее.

— Понимаю, почему ты сегодня пошла в бар. Чтобы избежать с ним встречи здесь. Ты решила, что там будет спокойнее?

— Да.

— Вообще-то что за чертовщина происходит? Что он за...

Пронзительно зазвенел звонок от входной двери — продолжительный и вызывающий. Кто-то упрямо держал палец на кнопке.

Анжелика насторожилась, на лице у нее появилось выражение отчаяния и глубокой усталости. Звонок по-прежнему заливался пронзительным звоном.

— Теперь на всю ночь,— заметила Анжелика.

— Джейми?

Она кивнула.

— Сейчас я от него отделаюсь.

Анжелика мгновенно повернулась ко мне, с нее словно упала маска, которую она носила все последние часы, пока мы были вместе. Теперь для нее не имели значения ни собственная гордость, ни неприязнь ко мне. Единственное, что она испытывала,— полное изнеможение и горечь от сознания того, что бессильна справиться с создавшимся положением.

— Пожалуйста, Биль. Объясни ему. Скажи, что я была в баре. Скажи, что я больна и не смогу с ним встретиться сегодня. Только сегодня.

Звонок, терзавший наши нервы, смолк, но через мгновение снова заполнил всю квартиру. Я положил пистолет на кровать и пошел в гостиную.

— Только не делай ему больно! — торопливо заговорила Анжелика; ее голос показался мне до приторности заботливым — не всякая мать говорит так о ребенке.— Прошу тебя! Он не виноват. Он не владеет собой, когда пьян... Только я одна... только я нужна ему. Он же по-своему любит меня!

По-своему любит ее! Дальше я не мог слушать, меня переполняли отвращение и злость не только к Джейми, но ко всему миру, который допустил, что Анжелика, моя бывшая жена, моя бывшая любовь, пала так низко.

Спускаясь по лестнице, я дрожал от нетерпения при мысли, что вот сейчас, через минуту, получу возможность излить свою злобу, свою горечь и разочарование, накопившиеся за вечер.

Сквозь стеклянную дверь прихожей я увидел фигуру человека. Он стоял, пошатываясь и время от времени наваливаясь в поисках опоры на доску со звонками. Открыв дверь, я подошел к мужчине и толкнул его. Очевидно, я не очень сдерживал себя, потому что мужчина еле удержался на ногах. Он повернулся, помотал головой и, растерянно мигая, уставился на меня.

Человек был невысок и очень молод. В тусклом свете, проникавшем сюда из прихожей, он показался мне юношей лет девятнадцати, необыкновенно красивым, даже вот в таком виде, в состоянии сильного опьянения. У него были иссиня-черные волосы и такие же глаза. В его облике не было ничего устрашающего, он вполне мог сойти за игрока на лютне с картины Караваджо или подвыпившего пастушка на празднике в честь Бахуса.

Я представил его вместе с Анжеликой и содрогнулся от отвращения. («Он по-своему любит меня!») И все же, как ни нелепо, к моему гневу примешивалась глухая ревность.

— Убирайся! — крикнул я.

Он снова замигал, принял позу боксера на ринге и выглядел теперь до карикатурности смешным, поскольку его так и водило из стороны в сторону.

— Убирайся? Что ты сказал? Повтори! Убирайся?!

— Она больна и не хочет, чтобы вы ей надоедали.

— Надоедал?! Это я-то?!— Не спуская с меня взгляда, он прищурился, подскочил к двери и нажал кнопку звонка.

— Открой! — заорал он.— Открой, шлюха!

Я схватил его за руку и оттащил от звонка. Джейми словно взбесился. Размахивая кулаками, он набросился на меня, норовя ударить коленом. Все это было скорее смешно, чем опасно, и все же пугало своей яростью. Я отступил в сторону и, когда он, сделав по инерции шаг, поравнялся со мной, с силой ударил его. Джейми влетел в прихожую, замычал и тяжело рухнул на пол.

Некоторое время я молча смотрел на поверженного врага, по-прежнему испытывая злость и вместе с тем удовлетворение. Оставлять его в прихожей было нельзя. Очнувшись после моего ухода, он снова принялся бы терзать звонок.

Я вышел на крыльцо и постоял. Из какого-то притона доносились приглушенные расстоянием звуки джаза. Улица была совершенно безлюдной; я слышал, как в одном из баков с мусором хозяйничает крыса. Из-за угла показалось такси, я помахал водителю, и машина направилась ко мне. Вернувшись в прихожую, я нагнулся над Джейми, тщательно осмотрел его карманы и в одном из них нашел бумажник с тремя долларами. Деньги я вынул, а бумажник положил обратно.

С улицы вошла женщина — высокая блондинка в пальто из верблюжьей шерсти, но без шляпы. Сначала ее появление показалось мне прямо-таки загадочным — еще минуту назад улица была пустынной, но потом я сообразил, что она, должно быть, приехала в такси, которое я подозвал.

Женщина взглянула на лежавшего Джейми, потом на меня. У нее были большие, много повидавшие глаза и крупные, слегка выступавшие вперед зубы.

— Ну-с,— заметила она.— Неприятности, как я вижу.

— Все в порядке.

— Уж эти мне мужчины! Им бы только забавляться.

Она вынула ключ, открыла стеклянную дверь и вошла в квартиру. Я поставил Джейми на ноги и с силой встряхнул. Это помогло ему несколько прийти в себя, но он вряд ли что-нибудь соображал. Безвольно цепляясь за мою

руку, он позволил свести себя с крыльца к поджидавшему такси. Водитель кисло посмотрел на него.

— Он болен,— сообщил я.

— Гм-м...

Открыв дверцу, я затолкал Джеймси в машину. Он сразу же повалился на сиденье и захрапел. Я назвал водителю первый пришедший мне в голову адрес в Бруклине и вручил ему десятидолларовую бумажку.

— Не высаживайте его из машины, пока не приедете на место,— сказал я.— Бедная мама давно поджидает его.

— Гм-м,— промычал водитель и уехал.

Приподнятое настроение, короткое время владевшее мною, прошло, и я снова почувствовал себя подавленным. Мне хотелось поскорее бежать с этой отвратительной улицы и никогда больше не вспоминать об Анжелике. Но у меня были ее ключи, а моя сумка стояла у нее в гостиной.

Анжелика сидела в кровати, но пистолета я не заметил. Очевидно, она положила его под подушку.

— Ну, сегодня ты можешь его не опасаться,— обратился я к Анжелике.

— Ты не сделал ему больно?

Мне хотелось крикнуть: «Несколько дней назад он пытался тебя задушить, а ты беспокоишься, не сделал ли я ему больно!»

— Нет, я не сделал ему больно,— сказал я и тут же сочинил историю о том, как уговорил его отправиться домой. Не знаю, поверила мне Анжелика или нет. Впрочем, это меня не интересовало.

Некоторое время я стоял у кровати, уставившись в стену. Молчала и Анжелика.

— Я не хочу вовлекать тебя в эти дела,— заговорила наконец она.— Совсем не хочу.

— Ничего, ничего.

— Но если бы ты только знал его. Он очень мил. Все эти глупости... Он просто насилует себя. Он же...

Внезапно она разрыдалась. Я заставил себя взглянуть на нее. Она лежала на боку, уткнувшись в подушку. Ее черные блестящие волосы разметались. Она рыдала так безудержно, словно ни на что уже не надеялась. Но даже и в эти минуты она оставалась красивой. У меня мелькнула мысль, что за все годы нашей совместной жизни я ни разу не видел ее плачущей. Меня охватили воспоминания, моя решимость исчезла, и я почувствовал, что вопреки всем благим намерениям и голосу здравого смысла меня по-прежнему неудержимо влечет к ней. Она оставалась частью меня, как Бетси и как Рикки.

— Анжелика...

— Уйди!

— Анжелика...

Она привстала с подушек и резко повернулась ко мне. Злость и ожесточение изуродовали ее лицо, сделав его безобразным и незнакомым.

— Прочь! Возвращайся к яхтам и «кадиллакам» своих Кэллингхемов. Они уже постукивают ногами от нетерпения.

Чары развеялись. Мне здесь нечего делать. Эта психопатка, без ума влюбленная в пьяницу-неврастеника, собиравшегося ее убить, стала мне совсем чужим человеком. Мне показалось, что я чудом спасся от несчастья.

— Прощай, Анжелика.

Не оглядываясь, я выбежал в гостиную, бросив на стол ключи, схватил свою сумку и ушел.

На углу Шестой авеню мне попалось такси. Усаживаясь в машину, я посмотрел на часы. Не было еще и часа. Неудавшееся рандеву с прошлым заняло меньше двух часов.

— Бикман-плэйс,— сказал я водителю.

Я уже видел себя дома, рядом с Бетси, снова в безопасности, в своем собственном мире.

Перевел с английского
Ан. Горский.

Продолжение следует.

Патрик КВЕНТИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я открыл дверь квартиры и сразу услышал приглушенные звуки музыки; из гостиной струился свет. Бетси еще не спала. Чувство любви и признательности охватило меня, словно благодаря ей мне только что удалось избежать какой-то опасности и Бетси, а вместе с ней и вся моя новая жизнь должны были исчезнуть, как мираж.

— Бетси! — крикнул я.

— Алло, Биль!

Я поставил сумку, снял пальто и вошел в гостиную. Бетси сидела у камина.

— Бедный мой! Самолет опоздал, да? Вечная история. Должно быть, расписание полетов только для того и составляют, чтобы мучились близкие и родные пассажиров.

От одного взгляда на ее милое, освещенное ласковой улыбкой лицо сразу становилось легко и уютно. Сама она всегда считала себя уродом и говорила, что если и привлечет внимание какого-нибудь мужчины, то только из-за своих денег. Эта мысль особенно не давала ей покоя после нашей женитьбы. «...Вы же знаете, это дочь Ч. Д. Нет, не Дэфни, а старшая, та, что занимается благотворительными делами...» Сейчас, когда она направилась ко мне, приветливая и уверенная в своем счастье, я с радостью подумал, что наш брак оказался удачным и что она помогла мне не меньше, чем я ей.

Я обнял ее и поцеловал. Разумеется, я собирался рассказать ей об Анжелике: никогда и ничего я не скрывал от Бетси. Однако разговор об Анжелике всегда был труден для нас обоих. Я не хотел отравлять первые минуты нашей встречи.

— Как Рикки?

— И не спрашивай! Элин ничего не может с ним поделать. Он хотел дождаться тебя и отказывался лечь спать, если я не спою ему. Новая забава! Пришлось петь. Наверно, это получалось у меня, как у простуженной вороны, а ему нравилось.

— Ты поздно вернулась с Фаулерами от Ч. Д.?

— Мы и не были у него. Отец перенес встречу на завтра.— Бетси обняла меня за шею и ласково провела рукой по моим коротко остриженным на затылке волосам.— Как прошла поездка в Чикаго?

Поездка оказалась трудной. Один из наших крупнейших рекламодателей угрожал порвать с нами и заключить договор с другой журнально-издательской фирмой. В обычное время этим следовало бы заняться моему шефу — вице-президенту нашей фирмы, но поехал я, так как исход поездки имел большое значение для моей карьеры. Ее результаты оказались превосходными. Я сообщил об этом Бетси, и она очень обрадовалась.

— Чудесно! — смеясь, воскликнула она.— Значит, отец завтра будет в хорошем настроении и пожертвует нашей организации, нашему фонду несколько миллионов долларов. Надеюсь, за рюмкой доброго старого портвейна ты замолвишь за нас словечко, а?— И она с некоторой озабоченностью взглянула на меня. Я понимал, почему. Даже через три года после нашей свадьбы она сомневалась, имеет ли право принимать за меня всякого рода приглашения, хотя бы и от членов своей семьи.— Я хочу сказать, ты не откажешься помочь нам, когда мы начнем штурмовать отца?

— Конечно.

— Ты просто ангел. Давай, милый, выпьем чего-нибудь на ночь и просто так посидим у камина.

Бетси налила вина, и мы некоторое время сидели у огня, неторопливо беседуя о фонде жены. До нашего брака «Фонд Бетси Кэллингхем по борьбе с лейкемией» был для нее самым важным делом в жизни, да и сейчас еще в ее глазах важнее были разве что Рикки и я. Она создала этот фонд после того, как ее мать, которую Бетси боготворила, умерла от белокровия. Бетси с жаром занималась делами фонда, пытаясь забыть свое горе, свою робость перед отцом и свои сомнения в возможности обрести личное счастье. Фонд получил известность во всей стране, а имя Бетси стало синонимом гражданки-патриотки.

От камина струилось тепло, а хорошее вино рождало чувство умиротворенности. Мы заговорили о Рикки. Бетси была обречена на бездетность и всегда думала о Рикки, как о чудесном даре богов. Я по-прежнему считал, что надо бы рассказать ей об Анжелике, но теперь это казалось мне значительно более трудным, чем в такси. Единственное, чего опасалась Бетси, так это Анжелики. Она видела ее несколько раз в Портофино и смертельно боялась ее красоты и того всепоглощающего чувства любви к Анжелике, которое когда-то владело мной. Еще больше она боялась, что Анжелика когда-нибудь вернется и попытается отнять своего ребенка. Узнав, что Анжелика в Нью-Йорке, она будет жить в постоянном страхе.

И вот постепенно, пока мы сидели, держась за руки, будто влюбленные школьники, я почувствовал, как во мне зашевелился соблазн умолчать о встрече с Анжеликой. Да и соблазн ли? Слишком много резонных доводов находилось в пользу такого решения. Бетси думала, что самолет опоздал, и не было никакой необходимости объяснять ей истинные причины моей задержки. В самом деле, к чему без надобности заставлять ее волноваться за Рикки? Встреча с Анжеликой казалась жалкой и бессмысленной. К тому же скорее всего мы никогда с ней больше не увидимся.

Допив вино, мы прошли в детскую. Рикки крепко спал, свернувшись в клубочек и оттопырив губу, словно курил трубку. Сейчас он ничем не напоминал свою мать. Бетси наклонилась над кроваткой, поцеловала ребенка в лоб, и на лице у нее появилось выражение, которое я хотел видеть всегда,— выражение блаженного довольства и безмятежности. Анжелика казалась далекой, как шепот моря в раковине.

Именно в эту минуту я решил, что во имя здравого смысла, во имя человеколюбия должен забыть Западную Десятую улицу.

Мы разделись и легли спать. В течение всех трех ночей в Чикаго мне так не хватало привычной близости Бетси. Лежа рядом с ней, я чувствовал, что действительно нахожусь дома, что действительно счастлив. Наши голоса становились все более сонными, и я наконец уснул.

Во сне я видел Анжелику. Она и Джейми мелькали передо мной в каком-то ужасном кошмаре. Я проснулся в страхе, с сильно бьющимся сердцем и не сразу сообразил, где я. Мне показалось, что кольцо с гранатом в виде дельфина на пальце Анжелики висит передо мною в темноте. Рядом слышалось ровное дыхание Бетси. Теперь я знал, где нахожусь, но Анжелика по-прежнему была здесь же. Я отчетливо представлял себе, как она лежит больная в своей жалкой постели с пистолетом под подушками, а в кухне пронзительно дребезжит звонок. Контраст между моим счастьем и ее теперешней жизнью показался мне чудовищным и диким. Как все случилось? Не моя ли тут вина?

Никогда, даже в самые мрачные дни после нашего развода, мне и в голову не приходило осуждать себя больше, чем Анжелику, но сейчас, словно сознание вины все эти годы лишь дремало во мне, я почувствовал себя преступником. Несмотря на все мое сопротивление, воспоминания о совместно прожитых годах вновь потянулись передо мной, как страницы давно прочитанного и забытого романа.

Я увидел Анжелику такой, какой впервые встретил ее в суматошном доме профессора Робертса в Портофино,— девятнадцатилетней изящной девушкой, изо всех сил старающейся играть роль умудренной жизнью, опытной хозяйки для своего отца-вдовца, человека своеобразного и тяжелого. Мне тогда было двадцать четыре года, я только что демобилизовался из морской пехоты. Несмотря на три года службы на Тихоокеанском театре военных действий и длительное пребывание в военно-морском госпитале, я все еще оставался неотесанным деревенским парнем с кукурузных полей Айовы, наделенным непомерной амбицией, наивным преклонением перед культурой и непоколебимой уверенностью, что университетское образование, полученное мною как демобилизованным на государственную стипендию, превратит меня в величайшего писателя второй мировой войны. Я был слишком неопытен, чтобы разглядеть в профессоре Робертсе озлобленного неудачника, прозябающего в захолустном университете. Дом Робертсов со звоном пустых бокалов из-под шерри, поломанной мебелью из прутьев и длинными напыщенными лекциями профессора об европейском искусстве представлялся мне пещерой Просперо [1] в мире студентов, таких же неотесанных деревенских парней, как я. Чары этого дома, казалось мне, исходили и от Анжелики. Я обнаружил, что она не только красива, но и мудра. Она неизбежно стала для меня Мирандой [2], а я со своей раздутой верой в собственный литературный талант превратился для нее в первого открытого ею гения.

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

[1], [2] Просперо и его дочь Миранда — персонажи пьесы У. Шекспира «Буря» (прим. перев.).

Я лежал, боясь шевельнуться и разбудить Бетси, и предавался воспоминаниям. Наши отношения в то время оставались абсолютно невинными. В первые же дни после того, как мы объяснились в любви, Анжелика, то подшучивая, то вполне серьезно, стала настойчиво убеждать меня, что свой военный роман я смогу написать и без университетского диплома. Я приступил к работе и закончил «Полуденный зной» за шесть месяцев. Опьяненные успехом, мы поженились сразу же, как только одно из издательств одобрило и приняло рукопись. Книга встретила бурное одобрение на страницах печати, Голливуд за солидную сумму приобрел у нас право на экранизацию романа, и мы отправились в Европу, покинув профессора Робертса ради тех благодатных краев, где, как он убедил нас, мы сумеем избавиться от провинциализма и найти вечное счастье.

Предаваясь воспоминаниям, я ощутил, что чувство виновности начинает переходить у меня в бесплодную и опасную тоску по тем дням, когда, зачарованные, испытывая благоговейный страх, мы бродили по Франции, Италии и Испании. Располагая деньгами, полученными от Голливуда, я считал себя богатым и знаменитым; Анжелика с ее склонностью к идолопоклонству боготворила меня, и страстная взаимная любовь превратила нашу жизнь в бесконечную рапсодию. Мы чувствовали, что слились в нечто единое, а когда поселились в маленьком, арендованном нами домике в Провансе, вдали от излюбленных туристами мест, нам показалось, что мы нашли свой рай на земле.

Последние годы я почти не вспоминал домик в Провансе, но сейчас живо представил себе все мелочи его обстановки, звуки, запахи краски. Все это связывалось в моем представлении с Анжеликой, с моим постоянным желанием ее, и внезапно, в результате странной игры воображения, я решил, что кровать, в которой я лежу, находится в Провансе и что рядом со мной мирно спит Анжелика.

Я почувствовал ласковое прикосновение чьей-то руки и в течение какого-то мгновения думал, что это рука Анжелики.

— Ты не спишь? — спросила Бетси.

— Нет.

— Бедный, тебя утомила поездка!

— Наверно.

Рука Бетси, такой уверенной, ничего не подозревающей, дружески сжала мои пальцы.

— Попытайся уснуть, милый. Завтра тебе предстоит трудный день.

Чувство виновности с новой силой охватило меня, но, как ни странно, совсем по иной причине.

— Бетси!

— Да, Биль?

— Я рад, что дома.

— Знаю, дорогой, знаю.

Она довольно вздохнула и повернулась на другой бок.

Я продолжал лежать, испытывая отвращение и стыд. Под влиянием нахлынувшей на меня дикой потребности в самобичевании я заставил себя вспомнить то, что произошло позже, в дни мрачной реальности. В течение первого года нашей жизни в Провансе Анжелика подарила мне Рикки, а я написал половину второго романа и уничтожил рукопись. В течение нескольких месяцев я то держался вызывающе, то впадал в мрачное уныние, то переполнялся радужными надеждами, то испытывал страх и подавленность. Я заставлял себя браться за новые опусы и тут же рвал написанное. Постепенно наша жизнь превратилась в кошмар.

Первую и, пожалуй, самую серьезную ошибку сделала Анжелика. На втором году нашей жизни в Провансе она решила, что писателей, а тем более гениальных, нельзя обременять вечно скулящими младенцами, что причина моих неудач она сама и что Рикки вообще не следовало появляться на свет. Решение отделаться от сына мы облекли, как и полагается хорошим родителям, в вполне благопристойную форму. Мы убедили друг друга, что Европа после войны вовсе не представляет собой идеального детского сада для нежного и восприимчивого американского ребенка. Мы привезли Рикки в Штаты и спихнули на воспитание моей сестре Розе в Айове. И только тут я понял, какую ошибку мы допустили.

После этого наша жизнь окончательно пошла кувырком. Снова приехав в Европу, мы уже не вернулись в наш дом в Провансе. Кончались деньги, наша любовь перестала удовлетворять нас, в порывах угасающей страсти мы искали лишь забвения, но теперь уже не могли, как прежде, сливаться воедино. Бесцельно бродили мы с места на место в поисках «стимулов». Все чаще и чаще это были места, где собирались такие же, как мы, американцы-изгои, которые могли польстить мне своими замечаниями, что «слышали» обо мне, а «стимуляторы» все чаще и чаще приобретались за стойками баров. Вечер за вечером я напивался до безобразия, и вечер за вечером Анжелика терпеливо торчала со мною в этих заведениях, из вежливости не выпуская из рук рюмку коньяку. В то лето добрая половина окружавших нас международных подонков пыталась ухаживать за Анжеликой, причем особую настойчивость

проявлял некий Чарльз Мэйтленд — начинающий писатель, еще более самовлюбленный и жаждущий внимания, чем я. Однако Анжелика относилась ко всем с полным безразличием, а если ухаживание этого сброда и льстило ей, она и виду не подавала. Казалось, только на мне была сосредоточена ее жизнь, а поскольку у нее ничего и никого не оставалось, кроме меня, моя любовь была ей необходима, как воздух.

— Биль!

— Да, дорогая?

— В Чикаго все получилось хорошо, правда?

— Разумеется. Все получилось превосходно.

— Значит, все в порядке?

— Все в порядке.

Все в порядке?.. Я вспомнил Джейми, пьяно размахивающего руками в прихожей на Западной Десятой улице. А чем я, собственно, отличался от него, несмотря на все свое ханжество? Разве в свое время я не терзал Анжелику так же, как он сейчас? Я был совершенно невыносим. Да, да, невыносим. У нее имелось больше чем достаточно оснований бросить меня в любое время. Но она почему-то долго не решалась, и теперь я цеплялся за этот факт во имя самооправдания. При всей потребности в самобичевании я не мог видеть в Анжелике великомученицу. Мне оставалось лишь взглянуть на то, что произойдет в конце.

Конец наступил в Портофино. И мы и Чарльз Мэйтленд находились там, когда появился мой друг по совместной службе в морской пехоте Поль Фаулер с женой, преуспевающий и шикарный. Они приехали на яхте Кэллингхемов вместе с Ч. Д., Бетси и ее младшей сестрой. До этого я, в сущности, никогда не встречал понастоящему богатых людей, и непоколебимая самоуверенность Кэллингхемов одновременно восхищала меня и вынуждала еще острее переживать свои неудачи. Неделю спустя мне довелось поужинать на яхте у Кэллингхемов без Анжелики, она предпочла остаться на берегу. Получилось так, что незадолго до этого Ч. Д. случайно наткнулся на мой роман и прочитал его. С бесцеремонностью богача он даже не дал себе труда сообразить, что я являюсь автором романа, и беспощадно его раскритиковал, как типичный образец «неврастенической чепухи, фабрикуемой самовлюбленными и бездарными идиотами». Не знаю почему, но это оказалось последней каплей. Сойдя с яхты, я напился в стельку в небольшом портовом кабачке и приплелся домой мрачнее тучи. Припоминаю, как, поднимаясь по лестнице в нашу комнату, я думал: «Не будь со мной Анжелики, я бы покончил с собой».

Я включил свет в маленькой, почти пустой спальне. Анжелики дома не оказалось, а на столе лежала записка.

«Прости, Биль,— писала она.— Я ушла к Чарльзу. Развод оформляй ты; Ринки возьми себе, я не стану возражать.

Анжелика».

Лежа в постели рядом с Бетси, я заново переживал все муки и горечь той далекой ночи в маленькой душной комнате на набережной Портофино. Анжелика так долго поддерживала меня, своей верой в мой талант так приковала к себе, что и мое самоуважение и мое мужское самолюбие целиком зависели от нее. И вот теперь, подобно «Прекрасной даме» [1] или Лорелее, она бросила меня и своего собственного сына в самое тяжелое и жестокое для меня время, бросила не ради чего-то лучшего, не ради обеспеченной жизни, а ради человека, еще более потрепанного, разложившегося и никудышного, чем я.

И все же мой гнев и горечь были ненастоящими, они были только воспоминанием. Постепенно успокаиваясь, я начал рассматривать прошлое как нечто весьма далекое. С первых дней нашей совместной жизни Анжелике была уготована роль разрушительницы. В ней таилась какая-то скрытая испорченность. Она и бросила ее в объятия Чарльза Мэйтленда, Джейми и еще бог знает кого. Я ни в чем не виноват. У меня нет перед Анжеликой никаких обязательств. Мне нужно благодарить судьбу, что Анжелика покинула меня, а потом произошло чудо, и Кэллингхемы подали мне руку помощи. За свое спасение я должен благодарить Кэллингхемов. Всех — за настойчивые просьбы закончить путешествие на яхте вместе с ними после того, как Поль Фаулер рассказал о моем несчастье, отдельно Ч. Д.— за небрежный взмах магической палочки, принесший мне работу и обеспеченную жизнь; но больше всего я обязан Бетси, такой же одинокой тогда, как я; это одиночество объединило и с избытком вознаградило нас.

Спокойствие окончательно вернулось ко мне, и я получил возможность трезво оценить обстановку. Именно Бетси нуждалась во всей моей нежности и любви. С Анжеликой было покончено.

— Бетси! — прошептал я.

Она уже спала. Я обнял и поцеловал ее и погрузился в безмятежный сон.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Позавтракав вместе с Бетси, с шаловливым и непослушным Ринки и его няней Элин, я часов около десяти приехал на службу. Об Анжелике я не вспоминал, мои мысли были всецело заняты делами издательства «Кэллингхем и К°» и предстоящей беседой с Ч. Д. Позвонив его секретарше, я попросил доложить, что вернулся из Чикаго, а потом занялся почтой, большую часть времени размышляя над тем, о чем и как буду говорить с тестем.

Взаимоотношения с Ч. Д. всегда оставались для меня сложной проблемой, да и само мое положение в журнально-издательской фирме «Кэллингхем» было не из легких. Три года назад, когда Ч. Д. из милости швырнул меня в рекламный отдел трех крикливо оформляемых журналов фирмы «Кэллингхем», мой деловой опыт равнялся нулю. Конечно, сразу же нашлись люди, возненавидевшие меня как любимчика хозяина, причем особенно усердствовал Дэйв Мэннерс — он работал в фирме много лет и слепо верил в священное право старшинства. Передо мной встала тройная задача: учиться делу, ублаготворять своих коллег и оправдывать свое быстрое продвижение по служебной лестнице. К счастью, у меня обнаружилась способность очаровывать руководителей рекламных агентств и коммерческих директоров, а невероятно взбалмошный Ч. Д. вообразил, что мне предстоит блестящее будущее.

И все же, что бы ни думали обо мне сотрудники отдела, брак с Бетси не имел никакого отношения к моей удачной карьере. Больше того, это обстоятельство представляло скорее помеху, ибо Ч. Д. очень раздражали, пусть безотчетно, и независимость Бетси и успехи ее фонда. Ему нравилось, чтобы окружающие его женщины были глупенькими, миленькими, экстравагантными и испорченными, как его младшая дочь Дэфни. Я уважал Ч. Д., иногда он даже нравился мне, если это возможно по отношению к дельцу, у которого богатство вытравило все человеческое, оставив лишь чудовищно раздутое самомнение. Но я не питал никаких иллюзий относительно его привязанности ко мне, своему зятю. Я никогда не сомневался, что стоит мне сделать самую ничтожную ошибку, как он с величественным негодованием набросится на меня: «И подумать только, меня подвел мой собственный зять!»

Однако в то утро я не испытывал особой тревоги. Успешная сделка в Чикаго даст мне серьезные преимущества перед Дэйвом Мэннерсом, когда возникнет вопрос о преемнике нашего теперешнего начальника, если ему придется уйти в отставку по состоянию здоровья. От меня требовалось сформулировать свой отчет о поездке в таких выражениях, в которых сквозил бы намек и на мои личные заслуги и в то же время все лавры приписывались самому Ч. Д. Именно такой порядок был заведен в фирме Кэллингхема, именно так я обычно вел себя, когда удавалось сохранить самообладание.

Секретарша Ч. Д. вызвала меня в одиннадцать тридцать, и наша беседа прошла вполне гладко. Широкоплечий и большеротый, с блестящими выпуклыми глазами, Ч. Д. всегда напоминал мне жабу, коварную, способную усыпить ваше внимание щеголеватую жабу, которая в любой момент может схватить вас, как муху, и сожрать. Он был со мной очень любезен и благодушен; вспомнил, как месяца два назад в Онидe играл в гольф с президентом этого чикагского рекламного агентства.

— Да, да... Я думал тогда, что мы с ним все утрясли. По-моему, это произошло около пятой лунки. Разумеется, мы разговаривали только намеками. Да с этими молодчиками иначе и нельзя. Но я рад, что ты довел дело до конца. Хорошо сработано, мой мальчик! Лэмберт — и тот не сделал бы лучше. (Лэмберт — наш больной вице-президент.)

Ч. Д. одарил меня взглядом, который, по его мнению, и должен приличествовать подлинному королю прессы, потом принялся разыгрывать роль заботливого родителя.

— Кстати, Бетси сказала, что сегодня вечером будет терзать меня с этой проклятой благотворительностью. Надеюсь, ты тоже придешь. Мне нужно чуточку моральной поддержки. Уж эти мне упрямые дамочки! Смертельно их боюсь.

— Я приду, Ч. Д.

— Вот и чудесно, мой мальчик. И, ради бога, попроси женушку не заводить свои речи, пока мы не поужинаем, иначе она испортит мне аппетит. Значит, ровно в семь.

Мы приехали в Ойстер-бей в парадных костюмах ровно в семь, хотя нам пришлось заехать за Полем Фаулером и его женой, так как они отдали свою машину в ремонт.

Я был рад присутствию Поля. Как ни смешно, но Бетси, постоянно добиваясь любви и расположения отца (скорее всего именно поэтому), всегда терялась и робела в его присутствии, а на меня давила крикливая роскошь апартаментов Ч. Д., хотя и не в такой степени, как раньше. Поль же с присущим ему сочетанием цинизма и мальчишеского пыла, что так нравилось мне во время нашей совместной военной службы, играл в этом обществе роль идеального катализатора. Бетси сделала весьма ловкий ход, назначив его административным директором фонда. Ее отец все еще оставался главным жертвователем, и Полю чаще, чем Бетси (он называл ее Эксплуататоршей), удавалось кое-что выколотить из Ч. Д. Уроженец Калифорнии, отпрыск богатой семьи, широко известной задолго до того, как прошел первый слух о Кэллингхемах, Поль был единственным человеком, позволявшим себе подсмеиваться над Ч. Д., и старику это нравилось. Любитель и знаток женского пола, вдовец Ч. Д. питал слабость к Сандре — до приторного красивой, но обезоруживающе пустоголовой жене Поля. Сам Поль всегда называл ее Проп [2].

— Уж тебе-то, Биль, лучшему другу по армии, могу на ушко сообщить, что Проп вовсе не живое создание. Ее вылепили из самой дорогой пластмассы. Кто? Баяки-рекламодатели ваших журналов-бяк. Для чего? Чтобы навешивать на этот дорогой манекен брильянты и норковые манто и фотографировать в «надилланах». А я, бедняга, должен добывать брильянты и все такое прочее и обеспечивать соответствующий фон. Подумай только, как истощает это мои духовные силы и мой кошелек! «Фонд Бетси Кэллингхем по борьбе с лейкемией»!.. Да его следовало бы назвать «Фонд для снабжения Сандры Фаулер мехами, драгоценностями и автомобилями»!

Вечер у Ч. Д. был совершенно таким же, как и все другие вечера,— много слуг, много еды, много вина и чересчур много Дэфни. Нельзя сказать, что я питал отвращение к девятнадцатилетней сестре Бетси. Наоборот, она казалась мне милой. Пожалуй, даже ее можно было назвать привлекательной, несмотря на ее постоянную нервозность, копну рыжих волос и огромные голубые, похожие на жабьи глаза (более или менее сносная копия отцовских). Иногда, оставаясь и в таких случаях пустой и несерьезной, она бывала по-своему великодушной, но чаще всего невероятно надоедливой.

Слепо обожавший ее Ч. Д. даже не пытался пресечь легкомысленные выходки дочери, ее необузданное стремление заполучить все, что захочется, ее высокомерную уверенность в том, что каждый мужчина рожден лишь для того, чтобы стать ее рабом. В тот вечер за ужином мы сидели рядом, и она усиленно кокетничала со мной. Впрочем, она всегда — даже слишком старательно — пыталась очаровать меня, и я понимал, что это делается главным образом ради того, чтобы досадить Бетси. Вот эта ее черта особенно мне не нравилась. Дэфни владела навязчивая идея всюду и всегда, как в сказке о Золушке, демонстрировать, что она в семье красавица, а Бетси урод. Я не мог не сердиться хотя бы потому, что эта манера Дэфни постоянно раздражала и смущала Бетси.

Дэфни без конца трещала о быстроходном катере, который к весне обещал подарить ей Ч. Д. Это же будет прямо-таки божественно! Представьте, как она несется по лунной дорожке, пересекающей океан. Она ждет не дождется возможности покататься на катере вдвоем со мной. Ч. Д. любезничал с Проп, но не забывал время от времени бросать на Дэфни ласковый взгляд. Поль тоже, как полагается ловкому политикану, усиленно льстил Дэфни. Все это создавало вокруг Бетси атмосферу отчужденности, она чувствовала себя напряженно и неловко, словно портила всем настроение. Выглядывая из-за украшенной сложными узорами серебряной вазы, стоявшей в центре стола, я ободряюще улыбался ей, и она отвечала мне тем же. Однако я понимал ее настроение.

О фонде никто пока не заикался. Даже после того, как дамы нас покинули и мы остались втроем за бокалами портвейна (по мнению Ч. Д., так полагалось среди аристократов), старик старательно уклонялся от разговора на эту тему. Я еще раньше пообещал Бетси, что сам начну атаку, но Поль взглядом остановил меня. Мне не хотелось пренебрегать его предупреждением, раньше я никогда не участвовал в таких щекотливых делах, как выклянчивание денег, а теперешний случай представлял особую важность. Бетси и Поль начинали ежегодную весеннюю кампанию по сбору средств и надеялись, что Ч. Д. пожертвует больше, чем обычно, и возглавит список жертвователей.

Все произошло после того, как к нам снова присоединились дамы. Поль ухитрился чем-то занять Дэфни в углу огромной гостиной. Я отвлек Проп от Ч. Д. и уселся с ней на псевдостаринную и псевдофранцузскую кушетку в стиле эпохи Людовика XV. Таким образом, Ч. Д. и Бетси остались, хотя и относительно, наедине, но старик и тут всячески пытался затруднить разговор. Когда Бетси наконец заставила себя обратиться к отцу с заранее подготовленной просьбой, он сразу же ее перебил:

— Моя дорогая Бетси! Пожалуйста, избавь меня от разглагольствований. Я ведь знаю, чем вызвано твое появление здесь, а ты, надеюсь, не думаешь, что твой словесный фейерверк хоть чуточку может поколебать мое решение.

Ч. Д., родившийся в трущобах Цинциннати и в свое время занимавшийся самообразованием с такой же яростной настойчивостью, как и обогащением, любил выражаться многословно и велеречиво. Помолчав, он изобразил на своем жабьем лице гримасу, означавшую самодовольную улыбку, сжал в руке пузатый коньячный бокал и елейным голосом, совсем в тоне написанных им передовиц, произнес длиннейшую речь о необходимости «стоять на собственных ногах». С первых дней существования фонда, заявил Ч. Д., он поддерживал его, и было бы правильнее называть этот фонд «Фондом Ч. Д. Кэллингхема». Если Бетси действительно гордится своими делами, ей уже следовало бы понять, что она не может вечно надеяться на щедрость снисходительного папаши...

Чем больше я слушал старика, тем сильнее возмущался. Ч. Д. был не только неправ, но и чудовищно жесток. Бетси создала фонд на средства, оставленные покойной матерью, сама им руководила и лишь иногда обращалась к Ч. Д. за ежегодным пожертвованием и с просьбой напечатать в его журналах кое-какие материалы, популяризирующие деятельность фонда. Ч. Д. хорошо знал все это и тем не менее продолжал свои нудные разглагольствования.

Поль и Дэфни тоже начали прислушиваться к разговору. Я видел, как Поль наклонился к Дэфни и что-то прошептал ей на ухо, и она довольно рассмеялась. Затем они поднялись и подошли к нам. Ч. Д. как раз заканчивал свои нравоучения.

— Итак, моя дорогая Бетси, тщательно все обдумав, я решил предоставить тебе возможность доказать, что ты сумеешь обойтись и без моей помощи.

Лицо Бетси ничего не выразило, но я понимал, каких огромных усилий это от нее потре-

---

[1] Персонаж из одноименного произведения английского поэта Д. Китса (1795—1821).

[2] Игра слов: «проп» одновременно значит «опора», «подпорка», «собственность», «бутафория», «декорации» (прим. перев.).

бовало; весь разговор был искусно построен так, чтобы причинить ей как можно большую неприятность. Взбешенный, я забыл о всякой стратегии и в слепом негодовании бросился на защиту Бетси. Ч. Д. нахмурился. В самый разгар своей пылкой речи я перехватил умоляющий взгляд Поля, смутился и умолк. Наступила тяжелая пауза. Тишину нарушила Дэфни.

— Следовательно, папа, ты не хочешь сделать пожертвование в фонд Бетси? — громко спросила она.

— Нет, мой поросеночек. Пусть сама позаботится о себе.

— Подумать только, какой ты у меня жадный, старенький денежный мешок! — Дэфни захихикала, как великовозрастная школьница, и, обняв Ч. Д. тоненькими обнаженными руками, уселась к нему на колени.— Никогда в жизни я не испытывала такого огорчения. Моя бедненькая Бетси! Что у нее есть, кроме этого паршивого фонда? Да он же немедленно развалится без твоей помощи! Как ты можешь быть таким невыносимым скупцом?

Дэфни бросила взгляд на Бетси и принялась тянуть отца за ухо. Грубая лесть Дэфни была вызвана, конечно, не столько искренним желанием помочь Бетси, сколько стремлением порисоваться перед нею своей властью над отцом. Меня эта сцена привела в крайнее замешательство, еще более усилившееся, когда по лицу Ч. Д. я увидел, что он начинает сдаваться. Щеки у него порозовели, надулись, губы сжались, он даже начал похихикивать, подражая дочери.

Не прошло и четверти часа, как он забыл свою речь о необходимости «стоять на собственных ногах» и подписал чек — «на этот раз только ради своего поросеночка».

Ч. Д. передал чек Бетси, и только теперь, заметив в его взгляде злорадство, я понял, что и на этот раз, как и во многих таких случаях раньше, он превосходно меня разыграл. Его напыщенная речь и нелепая сцена, когда он изображал глупенького папашу Дэфни,— все это было очередным трюком, отвратительной шуткой богатого человека. Он заранее решил дать деньги, но вначале с помощью Дэфни хотел унизить Бетси.

Вся обстановка в семье Кэллингхемов угнетала и пугала меня, и остаток вечера, во всяком случае, с моей точки зрения, прошел отвратительно, хотя Ч. Д., видимо, получил колоссальное удовольствие. Он настоял, чтобы все мы снова выпили по рюмке коньяку, и удостоил нас воспоминаниями о днях своей юности в Цинциннати, о том, как он начинал свою репортерскую карьеру.

— Да-с, дети мои, это было времечко, когда требовался напор; это было времечко, когда энергичный и живой паренек...

К счастью, старик рано укладывался спать и в десять тридцать соизволил отпустить нас.

Дэфни тоже вышла в вестибюль. Как только я надел пальто, она отвела меня в сторону и, торжествующе улыбаясь, показала монету в двадцать пять центов.

— Поль поспорил со мною на четвертак, что я не сумею уговорить старика! Неплохая работенка, а? — Она нарочно замигала своими выпуклыми глазами.— Завтра я приеду в Нью-Йорк. Я спасла для Бетси этот паршивый фонд, и в знак признательности она, надеюсь, одолжит мне тебя на ленч.

Я взглянул на Дэфни. Ленч с ней обещал оказаться утомительным и затяжным занятием. Но я заставил себя улыбнуться. Не следовало противоречить Дэфни, это могло бы еще больше осложнить взаимоотношения Бетси с семьей. Мне оставалось только ответить согласием.

Я присоединился к остальным, и мы направились к машине. Бетси держалась отлично. Она даже не упомянула о моей злосчастной попытке выручить ее, и никто, глядя на нее, не сказал бы, как ее обидел отец. Но я-то знал, как болезненно она переживает случившееся, хотя из гордости и делает вид, что ничего не произошло. Поль тоже вел себя превосходно и даже не обмолвился об эпизоде с четвертаком, возможно, потому, что считал его обычной деловой операцией.

Чета Фаулеров решила заехать к нам выпить по рюмке вина, и мы почти уже добрались до Бикман-плэйс, когда Проп решила, что у нее болит голова. Она разбаливалась у нее после каждой вечеринки, если Сандра вдруг обнаруживала, что не была там в центре общего внимания. Она не могла придумать другого способа заявить о своей особе. Поль по обыкновению был кротом с ней, как ягненок.

— Моя бедная крошка! — участливо сказал он.— Это от слишком большого ума.

— Нет, Поль, нет! Это от ликеров Ч. Д.

Высадив Бетси на Бикман-плэйс, я отвез Фаулеров к ним на квартиру в Вилледж. Возвращался я далеко не в отличном настроении. Даже после трех лет счастливой семейной жизни у меня бывали периоды, когда я чувствовал себя в западне, мне казалось, что мы с Бетси, несмотря на нашу игру в независимость, всего-навсего чуть лучше обеспеченные рабы в огромной империи Ч. Д. Этот день выдался особенно тяжелым. Обстоятельства вынудили меня льстить Ч. Д. на службе; позже мне пришлось беспомощно наблюдать, как он издевается над моей женой, а потом безропотно подчиниться приказу взбалмошной девятнадцатилетней девчонки явиться на ленч. Наверно, как и жена Поля, я испытывал тщетное желание погромче заявить о своей особе. Как мне хотелось хотя бы на мгновение почувствовать себя полностью независимым и самостоятельным!

Я случайно выглянул из машины и обнаружил, что нахожусь почти напротив квартиры Анжелики.

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

Патрик КВЕНТИН

ПОВЕСТЬ

ДЕЛО ПО ОБВИН

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я, конечно, понимал, что, затормозив машину, поступаю необдуманно, и не убаюкивал себя рассуждениями, что должен навестить Анжелику просто из вежливости. Нет, это был порыв, продиктованный непреодолимым желанием сделать нечто в пику Кэллингхемам, нечто такое, что встретило бы осуждение со стороны Ч. Д. В своей роли пламенного поборника чистоты американских нравов он все еще иногда распространялся на тему о кознях «дрянной женщины, от которой мы спасли тебя, а заодно и от всей этой банды дегенератов в Европе».

Я поставил автомобиль перед домом, нажал звонок и, как только дверь открылась, поднялся по отвратительной лестнице в уже знакомую мне квартиру.

На пороге меня встретила сама Анжелика. Я ожидал увидеть бледную, больную женщину, которую оставил здесь вчера, а увидел нечто прямо-таки ослепительное. Черный костюм Анжелики и желтый шарф на шее никто бы, конечно, не назвал роскошным туалетом, но с каким изяществом она держалась и как была хороша собой! При сравнении с ней Проп выглядела какой-то синтетической, а Дэфни — молоденькой проституткой из семьи внезапно разбогатевшего выскочки.

— Я проезжал мимо и решил навестить тебя, узнать о твоем здоровье. Сегодня ты выглядишь гораздо лучше.

— Врач сказал, что завтра я смогу выйти на улицу.— Ее серые глаза скользнули по мне. Она, несомненно, заметила мой вечерний костюм, но не выразила удивления и не проявила особого радушия.— Если хочешь, зайди на несколько минут.

Вслед за ней я прошел в выкрашенную в розовый цвет гостиную, на этот раз тщательно прибранную. Дверь в спальню была открыта, и я заметил, что и там царит порядок. Около шаткого стола стояла табуретка, а на столе — портативная пишущая машинка; здесь же лежала рукопись, напечатанная на машинке. На всей обстановке квартиры по-прежнему лежала печать глубокой, хотя и опрятной бедности. Я все еще продолжал бунтовать против крикливой роскоши дома Ч. Д., и потому убогость этой квартиры произвела на меня какое-то освежающее действие. «Да, здесь хоть можно свободно дышать»,— подумал я.

Анжелика вынула сигарету из открытой пачки и закурила. Со мной она держалась как с обычным знакомым и всем своим поведением старательно подчеркивала, что пусть я и бывший муж, но не имею права на какое-то особое положение.

— Это второй роман Джейми,— сообщила она.— Он принес рукопись сегодня утром, и я перепечатывала исправления.

Мне следовало бы сразу сообразить, что она обязательно заговорит о Джейми, и все же упоминание его имени испортило мне настроение. Когда она жестом пригласила меня сесть в украшенное оленьими рогами кресло, я заметил, что на пальце у нее уже нет кольца с гранатом в виде дельфина.

— Вчера вечером я вела себя глупо,— заметила Анжелика.— Как настоящая истеричка. У тебя, должно быть, осталось совершенно превратное впечатление.

— Ты была больна.

— Да нет, я говорю о Джейми. Я сгустила краски, все получилось слишком уж мелодраматично. А на самом деле это не так. Я хочу, чтобы ты ясно это понял. Мне не нужна твоя помощь. И не думай, что я такая уж несчастная и нуждаюсь в чьей-то поддержке.

— В самом деле?

— Конечно, Джейми трудный человек, особенно когда пьян, а сейчас он пьет уже целую неделю. Однако у него были все основания запить. Над этим романом он работал два года и сейчас сидит без денег. Он возлагал такие надежды на свою книгу, а на прошлой неделе издательство ее отвергло. Я прекрасно его понимаю.

Возможно, она и не думала проводить параллель между Джейми и тем, чем когда-то был я сам. Однако я-то понял, что она — вольно или невольно — сравнивает нас, и ее неуклюжая попытка обелить его и явное желание захлопнуть дверь у меня под носом возмутили меня.

— Бедный маленький писатель! — воскликнул я.— Его рукопись, видите ли, отклонили, и потому он напился и пытался задушить тебя, а глубокой ночью, когда ты была больна, хотел силой ворваться в квартиру и напугал тебя так, что ты решила обзавестись пистолетом? Именно все это ты «прекрасно понимаешь»?

Она взглянула на меня злыми, потемневшими глазами.

— Да, именно все это я прекрасно понимаю.

— И ты тратишь целый день, перепечатывая исправления в его рукописи после того, как вчера вечером умоляла помочь отделаться от него?

— Да. Джейми рассказал мне, что набросился на тебя, но ты сбил его с ног и отправил в машине по какому-то несуществующему адресу в Бруклине. Он не обидчив, это только позабавило его.

— Какое великодушие! — Я чувствовал, что все больше выхожу из себя.— Долго ли тянется ваш чудесный роман?

— Около двух лет.

— А он случайно начался не в то время, когда ты жила с Чарльзом Мэйтлендом?

Анжелика посмотрела на меня с удивлением; упоминание имени моего соперника она, очевидно, расценила как грубую бестактность.

— С кем? С Чарльзом Мэйтлендом? Но это же было так давно. Мы с Джейми встретились в Позитано. В прошлом году зимой мы вместе ездили в Калифорнию. Один из его родственников скончался и оставил ему небольшое наследство.

— И он его получил?

— Да, но от денег уже ничего не осталось.

— А вы живете порознь? Благопристойно и в то же время оригинально, не правда ли?

— Так хочет Джейми. Он против того, чтобы я приходила к нему, и обычно сам приходит ко мне. Так он чувствует себя более свободным.

— Да... Как тут не повторить, что у вас прямо-таки идеальный роман! Ну, а разве не пора несколько ограничить его свободу и выйти за него замуж?

— Что ты! Джейми ни за что на свете не женится на мне.

— И тебя это устраивает?

— Вполне.

Я понимал, что моя злость не только бессмысленна, но и запоздала по меньшей мере года на три. Да и не следствие ли она вечера, проведенного в обществе Ч. Д.? Но я был лишен возможности участвовать в финальной сцене драмы в Портофино, и лишь теперь, видимо, настал момент сыграть ее, хотя сейчас, когда прошло столько времени, ворошить прошлое было особенно тяжело. Я встал и подошел к Анжелике.

— А я вот тебя не устраивал.

— Биль...— Она повернулась ко мне.

— Только сейчас я понял, в чем был неправ. Я недостаточно много пил, да? Я недостаточно низко пал тогда, правда? Я уступал в этом отношении Чарльзу Мэйтленду, а Джейми перещеголял нас обоих. Я не пытался задушить тебя. Я старался изо всех сил создать для тебя сносную жизнь и даже совершил огромный старомодный грех, женившись на тебе.

Анжелика не спускала с меня глаз, на ее побелевшем лице появилось суровое выражение. Меня обуревало желание причинить ей боль, расплатиться за Портофино, хотя теперь, спустя годы, это не имело никакого значения.

— Поздравляю,— продолжал я.— Нечего сказать, хорошую жизнь ты создала себе! Разъезжаешь без дела, живешь в грязи, разыгрываешь из себя служанку какого-то забулдыги, который даже не намерен жениться на тебе! Не удивительно, что ты бросила своего ребенка, не удивительно, что даже не удосужилась спросить о нем. Не удивительно...

Я едва успел схватить ее за руку и уклониться от пощечины. Потом я с силой притянул Анжелику к себе, так что ее лицо почти касалось моего.

— Почему он не хочет на тебе жениться?

— Пусти меня!

— Сначала скажи!

— Ну хорошо! — Она сверкнула глазами.— Я скажу, если это тебя интересует. Он не хочет на мне жениться потому, что у меня нет денег. Его единственная цель — жениться на богатой наследнице и купаться в роскоши. Ты удивлен? А я-то думала, что так поступают все писатели, в том числе и бывшие.

Она рванулась и освободилась из моих рук. Некоторое время мы стояли и зло смотрели друг на друга. Потом выражение гнева постепенно исчезло у нее с лица, сменившись унылой улыбкой.

— Извини, Биль. Не следовало мне так говорить. Я не хочу ссориться с тобой.

Я почувствовал, что и моя злость ушла, как уходит воздух из проткнутого воздушного шарика, и вместо нее возникло ощущение сильнейшей усталости, неловкости и стыда.

— Я вполне заслуживаю пощечины. Не понимаю, что со мной произошло.

— Тебе не надо было приходить.

— Да, да.

Я обвел взглядом маленькую, мрачную комнату, испытывая одно лишь желание — как-то загладить свое отвратительное поведение.

— Мне бы очень хотелось что-нибудь сделать для тебя.

— Вот и чудесно,— сразу согласилась Анжелика.— И ты это можешь.— Она подбежала к столу и схватила лежавшую на нем рукопись.— Вот, возьми роман Джейми. У тебя ведь, наверно, большие связи в издательствах. Если ты найдешь роман хорошим, пусть даже сносным...

Так Анжелика одержала победу. Ее ни капли не тронула драматическая сцена, так старательно разыгранная мною. Мы были чужими друг другу, она видела во мне просто человека, который мог пригодиться Джейми.

Меньше всего мне хотелось брать рукопись, но я все же взял.

Анжелика проводила меня до двери.

— Ты сделаешь все, что в твоих силах, да?

— Постараюсь.

— Рукопись возвращать не надо. У нас есть копии.

На пороге я остановился.

— Ну что ж, прощай, Анжелика.

— Прощай, Биль.

Я взглянул на нее. Нет, она и мысли не допускала, что обречена, что не сможет постоять за себя! Как-то сразу, без всяких к тому оснований во мне возникло желание защитить ее.

— Если я когда-нибудь потребуюсь тебе, если он опять начнет буйствовать...

— Мне не потребуешься ни ты, ни кто-нибудь другой.

— Но все же, если потребуюсь, позвони. Мой номер телефона найдешь в справочнике. Обещаешь?

— Хорошо.

Под влиянием порыва я наклонился и поцеловал Анжелику в губы. Мне казалось, что я целую ее просто так, в знак расставания, но ее губы неожиданно дрогнули и ответили. Прикосновение к ним, таким знакомым, еще недавно таким родным, произвело на меня впечатление электрического удара. Я обнял ее за талию, и мы, смущенные, застыли в долгом объятии.

Потом мы одновременно отпрянули друг от друга. Я убеждал себя, что все это случайность, мимолетный и нечаянный возврат в прошлое, но сердце у меня колотилось, в ногах я почувствовал внезапную слабость. Стыд и раскаяние охватили меня при мысли, что за все годы моей жизни с Бетси я ни разу не испытывал подобного ощущения.

Анжелика стояла и смотрела на меня своими большими глазами. Даже на фоне стен, покрашенных отвратительной розовой краской, она выглядела каким-то прекрасным видением.

Но вот охватившее меня волнение стало затихать, во мне поднималось нечто похожее на ненависть к Анжелике; я понимал, что она вновь нанесла мне поражение. Без всяких усилий, легко и небрежно она чуть не заставила меня потерять голову, как часто случалось в прошлом. Что это — преднамеренный поступок? Не хотела ли она тем самым подчеркнуть, что ушла из моей жизни по своей воле и желанию, а не потому, что этого хотел я?

Я ждал ее первого слова или движения. Мне безумно хотелось, чтобы она пригласила меня вернуться в квартиру и я бы ответил презрительным отказом. Но она стала закрывать дверь.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1, 2.

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ЕНИЮ...

— Прощай, Биль.

— Прощай, Анжелика.

Бетси уже лежала в постели, когда я вернулся домой. Она была в очках для чтения и в светло-голубом халате, никогда не производившем на меня особого впечатления. Мое позднее возвращение она встретила вполне спокойно, тем более что вообще обычно не задавала мне никаких вопросов. Всю нашу совместную жизнь она строила, исходя из убеждения, что никогда не нужно надоедать мне расспросами.

Я разделся и лег, затем рассказал ей о своем разговоре с Дэфни и о предстоящем назавтра ленче. Бетси посочувствовала мне. Потом мы заговорили о Ч. Д., но Бетси не стала жаловаться на его обращение и вообще даже не упомянула об инциденте в доме отца. Я не мог не восхититься ее гордостью, хотя, должен сказать, находил восхитительным все, что касалось Бетси. Если она только играла роль идеальной жены, то играла ее великолепно.

Об Анжелике я не сказал ни слова.

Утром, едва проснувшись, я вспомнил наш поцелуй. Вспомнил настолько отчетливо, что на мгновение смутился, а потом пришел в бешенство, яростно пытался заставить себя забыть все. И не мог.

Ч. Д., который постоянно баловал Рикки, накануне прислал ему швейцарские часы с кукушкой. После завтрака всем нам — мне, Бетси и Элин — пришлось чинно проследовать вслед за Рикки в детскую и наблюдать, как нелепая деревянная птица девять раз высунулась из своего домика и прокуковала девять раз. Я с удовольствием смотрел на искренний восторг Рикки, но и это невинное удовольствие портила мысль о событиях вчерашнего вечера.

Рукопись Джейми я взял с собой на службу, не потому, что собирался ее читать,— просто мне не хотелось оставлять дома ничего, что имело бы отношение к Анжелике. Утро выдалось трудным, мне предстояло разделаться с некоторыми неотложными делами, поскольку я знал, что ленч с Дэфни, как всегда, затянется до вечера и перейдет в попойку в одном из самых модных баров. В половине первого ко мне зашла моя секретарша Молли Макклинток.

— К вам пришел мистер Лэмб,— доложила она.

— Лэмб? Какой еще Лэмб?

— Он назвал себя вашим личным другом.

— Не знаю я никаких...

— Не отказывайте ему хотя бы ради меня!— Молли в шутку приняла умоляющую позу и нарочито глубоко вздохнула.— Это же настоящая куколка! Пусть он войдет. Быть может, если я устрою ему свидание с вами, он удостоит меня хотя бы взглядом!

Несколько заинтригованный, я распорядился впустить неизвестного мне Лэмба. Через несколько минут в кабинет вошел Джейми.

Я сразу же его узнал. Хотя обстоятельства нашей первой и пока единственной встречи были довольно своеобразными, Джейми не принадлежал к числу людей, которых можно забыть. Он был вполне трезв, с сильно напомаженными волосами, в дорогом, идеально отглаженном коричневом костюме и выглядел подлинным образцом декорума или как самая модная кинозвезда из Голливуда, благосклонно согласившаяся выступить в гастрольном концерте. Он и в самом деле мог бы сойти за кинозвезду, если бы выражение его томных черных глаз было чуть глупее и если бы он не столь ловко использовал свою мужскую привлекательность.

Не без скрытого раздражения я отметил отсутствие синяка там, куда нанес ему удар. Мне показалось — и это лишь усилило мое раздражение,— что вместе с ним в кабинет вошла Анжелика. Я спросил себя, уж не она ли купила ему этот шикарный костюм. Потом у меня возник новый вопрос: что вообще делает Джейми у меня в кабинете?

Прошло минут пять, а я все еще не мог ответить себе на этот вопрос. Не ожидая приглашения, Джейми сел и сразу стал называть меня по имени; без всякого смущения он заговорил о нашей «дуэли»; всякий раз, упоминая Анжелику, он называл ее не иначе как «миленькая старая Лика» или «бедная старенькая Лика». Свою речь он сопровождал томными взглядами из-под густых ресниц и беспричинными дружескими улыбками. Он попросил у меня прикурить и, перегнувшись через стол, дольше, чем нужно, задержал мою руку в своей загорелой руке. Он держался так, словно я был его самым близким другом и не чаял в нем души.

— Лика говорила, Биль, что она передала тебе мою рукопись.

Я вспомнил о поцелуе. Может, она сообщила ему и об этом? Я смутился и ответил:

— Да.

— Ты уже прочитал ее?

— Нет.

— Все-таки Лике следовало бы сначала переговорить со мной.

— Рукопись у меня здесь. Можете взять ее.

— Взять?! Что ты, Биль! Мне хочется знать твое мнение.— Его взгляд скользнул с моего лица на картину Дюфе, висевшую над столом.— Неплохо ты тут устроился, а? Обстановочка совсем не та, в какой прозябал бедный голодающий писатель! Да, да, Лика мне рассказывала о тебе. Я даже прочитал твой «Полуденный зной». Ничего, ничего! Жаль, что ты бросил писать.

Его снисходительность выглядела такой же глупой, как и его уверенность, что у меня нет других дел, кроме как сидеть и упиваться его чарами.

— Рад, что моя книга вам понравилась,— холодно ответил я.

На лице у него снова появилась эта неожиданная теплая улыбка.

— А знаешь, Биль, прочитав ее, я сразу решил, что ты мне понравишься. Поэтому-то я и пришел к тебе. Лика так хорошо к тебе относится. У нее только и разговора, что о тебе. Глупо было бы, решил я, если бы мы не стали друзьями.— Он лениво выпустил струю дыма, показывая изумительно белые зубы.— Расскажи-ка о Кэллингхемах. Старикашка, должно быть, занятная птица. Говорят, его домик на Лонг-Айленде ничуть не хуже, чем у Херста, когда тот был на самой верхушке.

И только здесь я все понял. Мне надо было бы понять это с самого начала, но, признаться, я не ожидал столь вопиющей наглости. Джейми пришел ко мне просто потому, что я был зятем Кэллингхема. Он учуял возможность поживиться и, не утруждая себя размышлениями, как пчела к улью, направился прямо к цели.

Именно в этот момент в кабинет с пронзительным хохотом пулей влетела Дэфни в обрамлении своего норкового манто.

— Биль, дорогой! Твоя божественная секретарша...

Она увидела Джейми и остановилась как вкопанная. Лэмб неторопливо встал и, изображая из себя воспитанного молодого джентльмена, отошел в сторонку.

— Дэфни,— сказал я,— позволь представить тебе писателя Джейми Лэмба. Джейми — мисс Кэллингхем.

За время моего знакомства с Дэфни мне неоднократно доводилось наблюдать, с каким нетерпением она набрасывалась на все, что ей понравится, но еще ни разу я не замечал в ее взгляде подобной жадности. Вместо Джейми это мог быть безумно понравившийся ей браслет в витрине ювелирного магазина или аппетитное мороженое в кафе.

Потом я посмотрел на Джейми. В его взгляде тоже светилась алчность, только он более умело ее маскировал. Уже через минуту в его темных глазах появилось выражение глубокого уважения с крохотной примесью мужского кокетства. Все это он сдобрил ослепительной улыбкой.

Не спуская глаз с Джейми, хихикая и болтая, Дэфни упала в кресло, в котором только что сидел он. Так он писатель?! Чудесно! Да, она очень интересуется литературой! Передо мной разыгрывалась сценка из голливудского боевика: на рынке рабов молоденькая императрица видит робкого, но очень красивого гладиатора.

Я молча сидел за письменным столом.

Наконец Дэфни нашла нужным вспомнить о моем существовании. Она повернулась ко мне и вызывающе тряхнула рыжими волосами, на которых чудом держалась маленькая черная шляпка.

— Биль, дорогой, ну как тебе не стыдно ссылаться на какое-то заседание, если я специально приехала в город и хочу пойти с тобой на ленч! — С деланным возмущением она надула губки.— Теперь я должна одна торчать в ресторане и умирать от скуки.

Никогда еще я не видел, чтобы столь грубая приманка была так грубо схвачена.

— Что вы, мисс Кэллингхем! Я с большим удовольствием, если только вы позволите...

— В самом деле, мистер Лэмб?

— Разумеется, с радостью.

— Мистер Лэмб, вы просто ангел. Ну что ж, бежим и не будем мешать вращаться гигантским колесам коммерции.

Дэфни встала, жестом предложила Джейми взять ее под руку и бросила мне в знак извинения улыбку.

— Вот видишь, Биль, теперь ты не будешь чувствовать себя виноватым. Правда? Передай милой Бетси мой самый нежный привет.

Они в мгновение ока исчезли из кабинета.

Я наблюдал за этой комедией со злорадством и усмешкой. Меня никто не обязывал следить за нравственностью сестры моей жены, а тем более за добропорядочностью любовника моей бывшей жены. Я знал, что Джейми не просто подлец, а подлец с опасной склонностью к физическому насилию. Так же хорошо я знал, что Дэфни хотя и не чудовище, но вконец испорченная девчонка. Меня не беспокоило, что я позволил Дэфни уйти с Джейми. Поистине, рыбак рыбака видит издалека.

Я пригласил на ленч одного из своих коллег и беззаботно обсуждал с ним тиражи наших изданий.

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ...

Патрик **КВЕНТИН**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. **КАРАЧЕНЦОВА**

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—3.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Напрасно я надеялся, что смогу быстро забыть Анжелику. Прошло уже две недели, а я все еще, словно наяву, видел, как она стоит у дверей своей квартиры. Обычно мне удавалось отогнать мысль о ней, но, случалось, я целиком оказывался во власти воспоминаний и, очнувшись, замечал, как бьется у меня сердце. Десятки раз я изобретал самые немыслимые предлоги, чтобы повидать ее, и десятки раз отказывался от них и начинал еще сильнее ненавидеть Анжелику за ее власть надо мной.

Как ни парадоксально, но, мысленно изменяя Бетси, я все больше тянулся к ней, все больше начинал понимать, какой непоправимой бедой была бы потеря Бетси и всего, что пришло ко мне вместе с ней. Сознание того, что я скрыл от жены две встречи с Анжеликой, лишь усиливало чувство виновности. Бетси сделала меня счастливым, она дала дом Рикки и мне, а главное, верила в мои силы, за что я испытывал к ней особую благодарность. Наконец, я же любил ее!

Оба мы были очень заняты — я на службе, а Бетси вместе с Полем — подготовкой весенней кампании по сбору пожертвований для Фонда. Из Флориды сообщали, что состояние мистера Лэмберта значительно хуже, чем можно было надеяться. Врачи почти не сомневались, что ему придется уйти в отставку. Дважды за это время Ч. Д. удостаивал нас с Дэйвом Мэннерсом высочайшей аудиенции (разумеется, по отдельности). Дважды я думал, что Ч. Д. предложит мне пост вице-президента, и дважды он только мучил меня неясными намеками и обычной высокопарной болтовней. Потом в довершение ко всему я отчаянно поругался с ним из-за одного нашего крупного клиента. Я не сомневался, что прав я, а не Ч. Д., и потому упорно стоял на своем. Ч. Д. накричал на меня и тут же пригласил Дэйва Мэннерса на обед.

Во время совместной жизни с Анжеликой я считал себя человеком, начисто лишенным честолюбия, но давно забыл об этом, как забыл и о своем призвании писателя. Мне очень хотелось получить повышение по службе не только в пику Дэйву Мэннерсу, но и потому, что в материальном отношении я все еще зависел от Бетси. Она отказалась жить на средства отца, но ее мать знала, что отец во всем предпочитает свою любимицу Дэфни, и потому оставила Бетси бóльшую часть собственного состояния. Из этих средств Бетси производила все свои расходы, вносила половину квартирной платы и содержала няню Рикки. Никаких недоразумений на сей счет у нас не возникало, Бетси считала само собой разумеющимся, что деньги у нас общие. Но меня всегда коробило, что львиную долю расходов все же несет она, и в этом я видел единственную неприятную сторону нашего брака.

О Джейми и Дэфни я вообще не вспоминал. Мне было известно непостоянство Дэфни, и я не сомневался, что она бросит Джейми так же быстро, как и подхватила. Однажды из любопытства я заглянул в его рукопись. Роман показался мне претенциозным, скучным и абсолютно безнадежным. Не без удовлетворения я решил, что Анжелика так же плохо разбирается в литературе, как и в людях.

Именно поэтому я оказался захваченным врасплох, когда однажды вечером, уже после того как мы пожелали Рикки спокойной ночи, Бетси вдруг спросила:

— Кто этот Джейми Лэмб? Сегодня утром в канцелярию Фонда пожаловала Дэфни и буквально прожужжала нам все уши о нем. По ее словам, он твой друг.

У меня мелькнула мысль, что вот сейчас можно бы легко рассказать Бетси об Анжелике. Но я растерялся.

— Писатель... Точнее, будущий писатель.

Бетси внимательно смотрела на меня, чуть сдвинув брови. Она стыдилась, что иногда ревновала Дэфни ко мне, и потому всегда проявляла к ней чересчур трогательную заботу.

— Он мил?

— Мил?.. Не сказал бы. Но...— Я снова упустил благоприятную возможность.— Но я почти не знаю его. Получилось так, что он как раз сидел у меня в кабинете, когда зашла Дэфни. Это тот самый человек, из-за которого она не пошла со мной на ленч. Да ты, конечно, помнишь.

— Ах, этот! Кажется, тут что-то происходит. В субботу на прошлой неделе Дэфни притащила его в загородный дом отца, и Ч. Д. был прямотаки очарован. Сейчас Дэфни не дает мне прохода, хочет познакомить с ним и даже настояла, чтобы я пригласила ее и Лэмба пообедать у нас. В конце концов я согласилась. Они придут в четверг. Я пригласила и Фаулеров, возможно, будет не так скучно. Ты не возражаешь?

— Нисколько.

— Биль, ты же не имеешь ничего против этого молодого человека, правда?

Я внезапно вспомнил, как целовал Анжелику, и почувствовал бесстыдное желание и одновременно злорадное удовлетворение при мысли, что ее гениального возлюбленного кто-нибудь уведет у нее из-под носа, например, Дэфни.

— Нет,— ответил я,— не имею.

— Вот и хорошо. К тому же все это, вероятно, не имеет никакого значения. Все равно через неделю она забудет о нем, как забыла о многих.

Бетси заговорила о чем-то другом, а я упустил третью и последнюю возможность рассказать ей все. Я прекрасно понимал, что из-за трусости совершаю грубую ошибку, которая в конечном счете может обидеть Бетси значительно серьезнее, чем сейчас ее могло бы обидеть любое мое объяснение. Мне казалось, что на моем пути теперь много волчьих ям, и я очень опасался предстоящего четверга.

Однако уже вскоре после того, как гости собрались, я увидел, что Джейми озабочен прежде всего тем, чтобы произвести выгодное впечатление, и не собирается ставить меня в неловкое положение. Весьма неохотно я вынужден был признать, что он безупречно играл свою роль. Джейми ловко делал вид, что не придает никакого значения своей красивой внешности. Он не бахвалился и в то же время тактично давал понять, что пользуется давно установившейся литературной известностью. Выяснилось, что он не только знаком с Проп, но даже вырос вместе с ней в одном и том же маленьком калифорнийском городке. Его добродушно-шутливые воспоминания о совместном детстве с Проп не только возвысили ее в собственном мнении, но заставили Поля перейти с Джейми на дружескую ногу. Даже Бетси, которой он до этого не нравился и которая обычно слепо воспринимала мои предрассудки, начала перед ним таять. Я-то видел это совершенно ясно. Дэфни же буквально не сводила с Лэмба глаз и все время выставляла его напоказ с таким удовлетворением, словно сама его вылепила.

Бетси, как всегда, умело играла роль опытной хозяйки, но, несмотря на это, вечер целиком принадлежал Джейми. Я понял, почему он сумел «очаровать» Ч. Д. Скажу больше: я начал понимать, хотя открытие было не из приятных, почему он оказывал такое влияние на Анжелику. Я знал, что Лэмб неврастеник, прохвост, что он опасен, и тем не менее не мог найти в его поведении ни малейшего просчета, уцепившись за который я сумел бы доказать справедливость моего мнения о нем.

После обеда Дэфни улучила момент, чтобы остаться со мной с глазу на глаз. Она была во всем черном и в этом неудачном наряде сразу как-то подурнела и стала похожей на высохшую старую деву.

— Ну не прелесть ли он?!

— Недурен, ничего не скажешь.

— Я выхожу за него замуж.

Впервые за весь вечер с меня словно рукой сняло то неестественное спокойствие, в котором я пребывал.

— Он уже сделал тебе предложение?

— Пока нет.— В глазах у нее загорелся такой же огонек, как у Ч. Д.— Но это проще простого.— Пытаясь меня задобрить, Дэфни положила свою руку на мою.— Биль, милый, ты мне поможешь? Ты всегда был моим союзником. У него нет и цента за душой, и за все придется платить мне. Бетси начнет возражать, отец, конечно, устроит ужасную сцену. Могу я рассчитывать на твою помощь?

К счастью, к нам кто-то подошел, и разговор прекратился. Но я-то понимал, что Дэфни говорила серьезно. У меня, разумеется, не вызывали сомнений планы Джейми. «Его единственная цель — жениться на богатой наследнице...» С предчувствием чего-то дурного я подумал, что затеял нечто такое, чем управлять уже не в состоянии.

В конце вечера Бетси ушла с женщинами одеваться, Поль отправился в туалет, и мы с Джейми остались одни. Мило, как закадычному другу, улыбаясь, он сейчас же подошел ко мне.

— Чудесный вечер, Биль! Твоя жена — замечательная женщина. Я очень ее уважаю.

— Вот и хорошо.

Джейми стоял так близко, что я мог слышать исходивший от него запах дорогого коньяка.

— Биль, дружище, хочу попросить тебя о маленьком одолжении.

— А именно?

— Вероятно... Да нет, что я! Мне же точно известно. Лика здесь не бывает, правда? Я хочу сказать, твоя бывшая и твоя теперешняя жена не поддерживают дружбу? Это сейчас модно.

— Нет, не поддерживают.

— Я даже уверен,— он снова очаровательно улыбнулся, отчего на щеках у него обозначились ямочки,— что ты вообще ничего не рассказываешь Бетси о Лике.

— Нет, не рассказываю.

— В таком случае вот что, Биль. Сделай одолжение, если увидишь Лику, ничего не говори ей о Дэфни. Видишь ли, Дэфни изумительна и... в общем, она больше подходит мне по возрасту. Никогда еще не встречал такой девушки! Впрочем, ты и сам знаешь. Я не хочу причинять Лике боль, постараюсь как можно мягче объяснить ей все, когда придет время. Ты понимаешь?

Все это было настолько нагло, что я не сразу обратил внимание на плохо завуалированную угрозу в его словах и на то, что он предлагает мне пакт о нейтралитете.

— Я делаю это только ради Лики. Честное слово, Биль. Она так болезненно все воспринимает и...

Болтая и смеясь, в комнате появились женщины. После ухода гостей Бетси заметила:

— Дорогой, может, я ужасно тупа, но Джейми показался мне очень милым. Больше того, я даже подумала, что Дэфни повезло больше, чем она того заслуживает. Интересно, есть ли у него средства?

— Сомневаюсь.

— Ну ничего. Ведь он же так молод и, видимо, так талантлив! Обед прошел замечательно, ты согласен? Я пригласила их заходить в любое время.

Действительно, уже на следующей неделе Дэфни и Джейми побывали у нас дважды — один раз просто так, выпить по бокалу коктейля, а другой раз во время вечеринки в честь известной актрисы Елены Рид, которая изъявила желание помочь Бетси в проведении весенней кампании по сбору средств в Филадельфии. Уже во время первого из этих визитов стало еще виднее, что Дэфни влюблена до одури. Правда, про Дэфни с ее легкомыслием вряд ли можно было сказать «влюблена», но тем не менее вела она себя именно как одуревшая. Ей очень понравилось, когда в некоторых газетах их назвали «парочкой пылких влюбленных». По молодости лет ей еще льстила всякая гласность. Во время второго визита оба явились несколько навеселе. Дома Дэфни почти ничего не пила: Ч. Д., несмотря на всю свою снисходительность, совершенно не переносил, когда выпивали молодые девушки. Вероятно, это было единственное, чем Дэфни могла привести его в дикую ярость. Я сразу понял, что Бетси заметила состояние Дэфни и, как полагается отпрыску Ч. Д., была неприятно поражена.

В тот вечер они объявили о своей помолвке, хотя пока ничего не говорили Ч. Д. Эту новость они собирались сообщить старику через неделю в Ойстер-бей и, по их словам, пришли к нам, чтобы заручиться нашей моральной поддержкой.

Подобный финал не явился для меня неожиданностью. И все же в силу различных обстоятельств, а точнее, из-за злорадства, я молчаливо поддержал юную парочку. Вообще-то я оказался в таком двусмысленном положении, что не мог ничего возразить. Меня не оставляла смутная надежда, что Бетси, всегда такая практичная, спустит дело на тормозах. Но я забыл о способности Джейми очаровывать женщин, а также о присущем Бетси, хотя и тщательно скрываемом, нежелании показаться завистливой старшей сестрой. Вот почему она без колебаний, разве что несколько сдержанно, обещала им свое благословение.

Джейми и Дэфни не захотели принять участие в нашей вечеринке, и, когда они собрались уходить, я заметил в глазах Джейми плохо скрываемое торжество. Иной на моем месте принял бы его за обычное в таких случаях волнение, но я бы назвал это возбуждением фанатика, достигшего своей цели. Вот так же, наверно, выглядел Наполеон в тот день, когда ему предложили императорскую корону. Джейми впервые сбросил маску, но не сомневаюсь, что Бетси так ничего и не заметила.

Когда мы прощались и Дэфни наградила меня поцелуем, а Джейми изо всех сил потряс мне руку, я внезапно подумал об Анжелике. Что она делала в тот момент? Сидела в полном одиночестве в своей ужасной квартире, в нелепом кресле с оленьими рогами, и смиренно, как заколдованная, ждала крох, которые могут выпасть на ее долю? («Он же по-своему любит меня!») Будь я последовательным в своих чувствах, эта мысль доставила бы мне злобное удовлетворение, но я испытывал только паническое ощущение своей вины.

Меня все еще мучили воспоминания об Анжелике, когда мы с Бетси сели перед камином.

— Отец совсем не обрадуется,— заметила Бетси.— Он не хочет, чтобы Дэфни выходила замуж, во всяком случае, сейчас. Ему нужно как можно дольше держать ее при себе. Если он и думает о своем новом зяте, то считает, что им должен быть по меньшей мере герцог.

— Но я-то не герцог.

— Правильно. Но и я не Дэфни. Он терпеть не мог меня, как ни старалась я завоевать его любовь. Он еле дождался, пока отделался от меня.

Голос Бетси дрогнул. Уже много месяцев я не слышал, чтобы она говорила о себе с таким самоунижением. Ее замечание на минуту отвлекло меня от неприятных мыслей.

— Ты же знаешь, дорогая, что это совсем не так.

— Так! Я напоминаю ему мать, а он ее ненавидел, он женился на ней до того, как разбогател, и всегда считал, что слишком уж она проста и компрометирует его. Однако мать верила в силу любви и всегда его любила.— В каком-то порыве, почти в исступлении Бетси повернулась ко мне.— Биль, мы поженились только потому, что любим друг друга, правда?

Внезапно любовь и нежность к моей жене охватили меня, вытесняя воспоминания об Анжелике. Я обнял Бетси и поцеловал.

— Крошка моя, ну к чему такой вопрос?— Бетси на мгновение прильнула ко мне, потом, овладев собой, улыбнулась.

— Видишь ли, Дэфни любит этого мальчика, и любовь заставила ее измениться. Это ни у кого не вызывает сомнения, как не вызывает сомнения и то, что она совсем испортится, если и дальше останется с отцом. Именно поэтому мы обязаны им помочь.— Бетси помолчала.— Вообще-то главный разговор произойдет между тобой и отцом. Они встретились с твоей помощью, и всю ответственность отец возложит на тебя.

Я снова почувствовал страх, на этот раз за самого себя. Бетси права, виновным в случившемся Ч. Д. будет считать меня. Как же я не подумал об этом?! Отчетливо, словно это уже происходило в действительности, я представил себе мучительное объяснение с Ч. Д.: «И это позволил себе мой зять...»

И опять у меня мелькнула мысль непременно, хотя бы для спасения собственной шкуры, рассказать все Бетси и сорвать нелепую помолвку. Из-за моего длительного молчания дело покажется Бетси значительно хуже, чем есть; я знал, как болезненно будет она реагировать на все, что услышит, и как отрицательно скажется это на наших дальнейших отношениях. Но иного выхода я не видел.

Я уже налил себе вина, чтобы набраться смелости, но тут приехала Елена Рид со своей свитой и пробыла до четырех часов утра. На следующий день я поздно возвратился со службы и помчался вместе с Бетси на званый обед. И тем не менее я намеревался объясниться с женой в тот же вечер; чем дальше я откладывал наш разговор, тем труднее он мне казался. Но тут произошло нечто такое (к своему стыду, я тогда считал это удачей), что избавило меня от тяжелого объяснения.

Часов около двух ночи (мы только что вернулись из гостей и собирались ложиться спать) раздался пронзительный звонок. Я набросил халат и открыл дверь. На пороге стояла Дэфни. И в каком виде! Мертвенно бледная, правый глаз затек, вечернее платье под норковым манто разорвано на груди... Увидев меня, Дэфни истерически разрыдалась и упала мне на руки. От нее сильно пахло вином.

Я привел ее в гостиную, куда, заслышав шум, тотчас прибежала Бетси. Мы уложили Дэфни на кушетку и с трудом заставили объяснить, что произошло. Оказывается, Джейми завел ее в какой-то притон и напоил, потом привез на свою квартиру и, словно в припадке помешательства, набросился на нее и принялся избивать. Дэфни была не так пьяна, как Джейми, ей удалось вырваться и выбежать из квартиры; кто-то из жильцов дома увидел девушку на лестнице и нашел для нее такси. У Ч. Д. была в городе квартира, но Дэфни не решилась показываться у отца, опасаясь прислуги, и примчалась прямо к нам.

Страх перед Ч. Д. довел Дэфни до такого состояния, что она потеряла способность здраво рассуждать и действовать. Во всяком случае, не могло быть и речи о том, чтобы отпустить ее в Ойстер-бей одну. Она не переставая твердила, что боится Ч. Д.

— Он убьет меня, если узнает. Если он увидит меня... Я же обещала вернуться домой часам к двенадцати. Бетси, ты должна как-то объяснить папе...

Никогда еще мне не приходилось видеть Бетси такой разгневанной. Дэфни частенько выводила ее из терпения, но фамильная честь Кэллингхемов всегда оставалась для жены священной, и оскорбление, нанесенное одному из членов династии, превращало Бетси в львицу.

Мы отвели Дэфни в комнату для гостей, затем Бетси позвонила отцу. Он еще не ложился и бушевал вовсю. Бетси рассказала ему тут же придуманную историю, будто Дэфни тоже была на вечеринке, потом приехала к нам, и тут все выяснилось: Бетси думала, что Дэфни заблаговременно предупредила отца, а Дэфни решила, что это сделала Бетси... Ч. Д., конечно, грубо накричал на Бетси, но той было не в диковинку, она всю жизнь принимала на себя вину Дэфни и отдувалась за нее.

Лишь после этого все мы смогли лечь спать.

— А в общем-то, все к лучшему,— сказала Бетси.— По крайней мере теперь мы знаем, что он за человек.

— Вот именно.

— Скажи, Биль, он потому и не нравился тебе? Ты знал, что представляет собой этот тип?

— Нет,— солгал я.— Просто я питал к нему антипатию...

— И подумать только, я-то уж совсем было согласилась с их женитьбой! Ну, с этим покончено.

— Разумеется,— согласился я и со стыдом подумал, что уж теперь-то я навсегда теряю возможность во всем признаться Бетси.

На следующее утро мы прямо ахнули, взглянув на заплывший, изуродованный глаз Дэфни. Она чувствовала себя отвратительно и ежеминутно готова была впасть в истерику. Бетси снова позвонила Ч. Д. и упросила позволить Дэфни прожить у нас в Нью-Йорке несколько дней и помочь ей, Бетси, начать весеннюю кампанию по сбору пожертвований. Дэфни провела у нас три дня. Когда она уезжала, опухоль вокруг глаза все еще была довольно заметна, но сама Дэфни вновь стала той же ветреной особой. Чувствуя себя в полной безопасности, ибо мы укрыли ее от гнева Ч. Д., она уже рассматривала все происшедшее как «шальную волнительную проделку».

— Папке я скажу, что налетела на дверь,— заявила она, хихикая и поглаживая синяк.— Ну и ну! И в какие только переделки я не попадаю!

«Что и говорить!» — подумал я, но не мог поверить своим глазам, когда дня через три в ресторане «Двадцать один», где у меня был назначен деловой ленч, увидел Дэфни и Джейми. Дэфни вызывающе помахала рукой, а Джейми даже подобострастно привстал со стула. В течение всего ленча я видел, как они болтают, смеются и флиртуют.

Возвратившись со службы, я сразу позвонил Бетси. Сначала она приняла мои слова за шутку, но потом заявила, что сейчас же примет меры. Вечером она рассказала, что устроила большой скандал Дэфни; та вела себя вызывающе, не скрывала, что по-прежнему без ума от Джейми, и начала изобретать всякие нелепые объяснения, только бы его обелить. Лишь после того, как Бетси пригрозила рассказать обо всем Ч. Д., она пообещала порвать с Джейми.

Мы с Бетси не очень-то ей поверили, но добиться большего пока не могли. Спустя несколько дней Бетси, так и не успокоившись, уехала с Еленой Рид дня на три в Филадельфию, где им предстояло начать кампанию по сбору пожертвований, а я остался с Рикки и его няней.

Эту няню — ее звали Элин — я терпеть не мог. Изворотливая, надменная блондинка, вывезенная из Англии, она постоянно подчеркивала, что жалованье ей платит Бетси, а не я. Для нее было законом любое слово Бетси или кого-нибудь другого из Кэллингхемов, я же ровным счетом ничего в ее глазах не значил. Бетси тоже не испытывала к ней особой симпатии, но считала опытной и надежной няней и потому не хотела ее менять. К тому же, как это свойственно всем мачехам, она была не очень уверена в привязанности Рикки и опасалась, что другая няня завоюет сердце ребенка.

После отъезда Бетси управление всем домашним хозяйством перешло в руки Элин. Я не переставал скучать по Бетси, и тем не менее все чаще и чаще мне в голову приходили предательские мысли об Анжелике.

Вечером на второй день после отъезда Бетси я сидел дома один. Врач вырвал Рикки зуб, что являлось из ряда вон выходящим событием, и поэтому я должен был ему читать, пока он не уснул. Наша нухарка в тот вечер не работала, и Элин накормила меня холодным ужином. Несколько раньше позвонил Поль. Он только что вернулся из Филадельфии и сообщил, что у Эксплуататорши и Елены Рид все идет превосходно. Поль приглашал меня провести вечер с ним и Проп, но я был не в настроении и отказался. После ужина я уселся перед камином, собираясь почитать, но уже вскоре вопреки желанию стал думать об Анжелике и отложил книгу.

Внезапно я ощутил какую-то раздвоенность. Я понимал, что вполне счастлив с Бетси, что ей нужна моя любовь, даже, возможно, больше, чем ее любовь мне. Анжелика — сложное и опасное создание, которое однажды уже чуть не погубило меня. Я понимал, что глупое и трусливое молчание поставило мои отношения с женой под серьезный удар. Но в то же время мой двойник жаждал снова обнять Анжелику. Я словно слышал, как он коварно нашептывает: «Бетси нет... Ну что тут особенного, если ты ей позвонишь?! Только раз. Никому до этого нет дела, и никто ничего не узнает».

Часам к двенадцати ночи эти мысли полностью овладели мной. В памяти, соблазняя и дразня, возник номер, написанный на телефоне в кухне Анжелики. Я встал, подошел к аппарату, снял трубку и только тут сообразил, какую ужасную глупость собираюсь сделать. Я взял себя в руки, выключил свет и направился в спальню.

Уже раздеваясь, я услышал телефонный звонок. Мне только что удалось одержать победу над самим собой, и вдруг голос Анжелики... Я оказался захваченным врасплох.

— Биль,— чуть слышно заговорила она откуда-то издалека сквозь шорохи и треск.— Извини, пожалуйста, что я так поздно звоню.

— Ничего, ничего. Я еще не спал.

— Ты один? Я читала в газетах, что Бетси уехала в Филадельфию.

— Да, я один.

— Можно повидать тебя на несколько минут?

— Ты где?

— В том баре, где мы встретились. Это совсем недалеко от вашего дома.

— Тогда почему бы тебе не прийти сюда?

Едва сказав это, я понял, что предал себя. Однако мной владело какое-то безрассудство, ложное убеждение в своей невиновности, будто тот факт, что я сумел сдержать себя и не позвонил Анжелике, снимал с меня всякую ответственность. Отбросив здравый смысл, я даже одобрял свой шаг и считал его абсолютно безопасным. Элин давно спит, а ночной лифтер Боб никогда и ничем не интересуется. Уж если у Анжелики возникла необходимость обсудить со мной какое-то личное дело, лучше разговаривать здесь, чем в баре.

— Ты уверен, что это будет удобно? — нерешительно спросила Анжелика.

— Безусловно. Наша квартира на четвертом этаже. Поднимись на лифте, и сразу наша дверь.

— Ну что ж... Жди меня через несколько минут.

Я положил трубку, чувствуя себя пьяным от волнения. На мне была пижама. Надев халат, я вернулся в гостиную, включил свет и налил себе вина. Подойдя к камину, чтобы помешать угли, я заметил на столике около кушетки забытые Бетси очки. Она начала пользоваться ими всего несколько месяцев назад и первые одну-две недели трогательно стеснялась надевать их при мне. Ей казалось, что очки ее безобразят.

При одном взгляде на очки я сразу почувствовал, как исчезло мое волнение, и я увидел себя словно со стороны — тем, кем был на самом деле: глупым, вероломным мужем, намеревающимся изменить любимой с женщиной, которую даже не интересовало, жив я или умер.

Раздался звонок. Я открыл Анжелике дверь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Анжелика была без шляпы, в стареньком черном пальто, с чемоданом в руке. Бледная, осунувшаяся и совершенно измученная, она ничем не напоминала сирену, неотступно стоявшую перед моим внутренним взором. Ее жалкий вид помог мне вернуться на землю. Я сразу понял, что произошло нечто плохое, и беспокойство за нее мгновенно вытеснило все иные мысли.

Анжелика попыталась любезно улыбнуться, как принято при встречах, но улыбки не получилось.

— Я поднялась по лестнице, мне кажется, лифтеру не надо меня видеть.

Я взял у нее чемодан, помог снять пальто и провел в гостиную. Она отказалась от предложенного вина, села перед камином и что-то поискала в сумочке.

— Извини, у меня кончились сигареты.

Я передал Анжелике сигарету и, поднося зажженную зажигалку, коснулся ее холодной трясущейся руки. Она затягивалась с такой жадностью, словно не курила несколько недель.

— Я прекрасно понимаю,— заговорила она тонким, срывающимся голосом,— что мне не следовало здесь появляться.

— Глупости.

— Я бы и не пришла, но мне не к кому больше обратиться.

— А ни к кому другому и не нужно обращаться.

Во взгляде Анжелики я прочитал, что мой ответ нетактичен и ставит ее в неловкое положение.

— Но я ненадолго, дело не такое уж сложное. Я собиралась попросить у тебя денег. У меня есть знакомый бармен в том самом баре, он бы не отказал, но, оказывается, не работает сегодня. Мне нужно всего-то долларов двадцать, но обязательно сейчас — снять номер в гостинице.

— Снять номер в гостинице?!

Анжелика улыбнулась все той же вымученной улыбкой, призванной, очевидно, показать, как все это забавно.

— Видишь ли, сегодня вечером появился Джейми и выбросил меня из квартиры. Его дружок будто бы неожиданно возвращается сегодня.

— Ночью?

— Видимо. Раз квартира не моя, тут уж ничего не поделаешь.

Мне пора было бы привыкнуть к мысли, что Джейми способен на любую выходку по отношению к Анжелике. Но меня поразила и возмутила покорность, с которой она принимала от него все унижения, в том числе и это. Да и отсутствие у нее денег показалось мне чем-то слишком уж нелепым.

— У тебя что, вообще нет денег?

— Оставалась монетка, но я решила ее сберечь, чтобы позвонить тебе из автомата, если придется, а до бара шла пешком.

— И давно ты так живешь?

— Дня два. Сейчас конец месяца, а деньги я смогу получить только в среду.— Анжелика посмотрела на меня.— Дед оставил не такое уж неисчерпаемое наследство, мы и оглянуться не успели, как промотали его. Из того, что осталось, я получаю всего лишь сотню в месяц, ну а на сотню не очень-то разгуляешься.

Теперь я еще больше возмущался поведением Джейми.

— А Джейми знает, что это все, что у тебя есть?

— Он всегда знает с точностью до последнего цента, у кого сколько денег. Это один из его многих талантов.

— И все же он выбросил тебя ночью из квартиры?

— А почему бы и нет? — пожала плечами Анжелика.— Три дня назад мы разошлись, между нами все кончено.

— Кончено?

— Мне кажется, Биль, тебе не следовало бы прикидываться таким удивленным. Я ведь знаю, как-то вечером вы даже устраивали для них очень милый обед.

— Значит, Дэфни?

— Конечно. Как полагается в добрых старых шуточках, я узнала обо всем самой последней.

В ее голосе не было ни укора, ни обвинения, за напускной шутливостью скрывалось лишь какое-то тупое отчаяние. Но я-то понимал, что нес уже немалую ответственность за ее состояние. Нерешительно, сам не веря своим словам, я сказал:

— Он никогда не женится на Дэфни. Об этом позаботится Бетси. Ты знаешь, что он с ней сделал?

— С Бетси?

— С Дэфни.

— Нет, Биль, не знаю, что он сделал с Дэфни или с кем-то там еще. Однако могу сказать тебе одно: на Дэфни он женится. Когда Джейми чего-то захочет, даже твоя восхитительная Бетси не сможет ему помешать. Он искал богатую наследницу, и он ее нашел. Я больше не нужна, и мне надо было покинуть Нью-Йорк сразу же, как только он сообщил мне столь «чудесную» новость. Я задержалась лишь в ожидании денег на билет.

Анжелика потушила сигарету и встала.

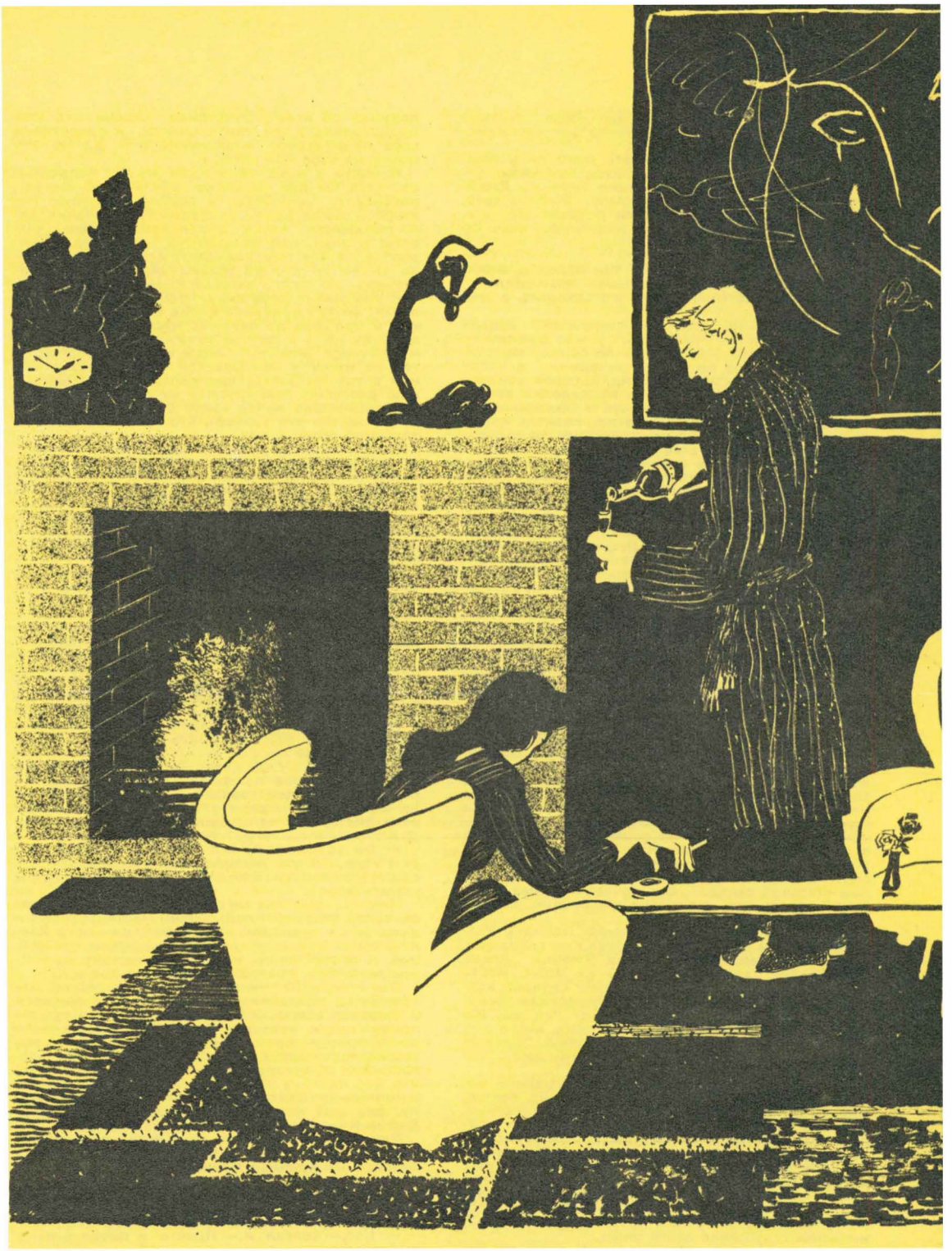
— О приезде своего друга он, наверно, просто сочинил, нужно же было под каким-то предлогом выгнать меня. А вообще-то не все ли равно? Но подожди, к чему нам эта светская болтовня? Может, ты окажешься мил и дашь мне денег, чтобы я могла отправиться восвояси?

Итак, Анжелика уезжала. Один из циклов ее жизни, в начале которого на ее пути оказался я, заканчивался полным крушением. Как ни старался я внушить себе, что все происходящее ни в какой мере не касается меня, из этих попыток ничего не выходило. Мы давно порвали и не хотели возврата к прошлому. Больше того, я был прямо заинтересован в ее скорейшем отъезде из Нью-Йорка. Однако, посматривая сейчас на Анжелику, стоявшую у камина и наблюдавшую за мною своими серыми глазами с затаенной в них болью, хотя она и пыталась казаться веселой, я испытывал жалость и щемящее чувство разлуки. Анжелика уезжала, и больше мы с ней не встретимся.

— Значит, отправляешься в Клэкстон...

Я произнес это название, и на меня сразу нахлынули воспоминания.

— Да. На прошлой неделе я получила письмо от отца. Его экономка умерла. Теперь он совсем без присмотра. Буду мыть полы у него в доме.



— И долго?

— Всегда. А почему бы и нет? — В уголках ее губ обозначились горькие морщинки.— Больше я ни на что не гожусь.

Я сделал к ней шаг.

— Анжелика...

— Я сломала свою жизнь и чуть не сломала твою. Теперь я не нужна даже последнему мелкому жулику в Нью-Йорке.— Она натянуто рассмеялась.— Возможно, мне не следует возвращаться в Клэкстон. Кто знает, не разложу ли я там весь факультет английской литературы! Как, по-твоему, есть там будущие писатели? Какие-нибудь сопливые бедняки второкурсники, которым нужна любовь женщины, гораздо старше их по возрасту, умудренной житейским опытом и способной взлелеять их талант.

Ее смех переходил в истерику, но она взяла себя в руки, снова опустилась в кресло и с выражением невероятной усталости откинула с побледневшего лица выбившиеся волосы. Только для того, чтобы не молчать, я спросил:

— Когда ты ела последний раз?

— Что, Биль?

— Когда ты ела последний раз?

— Не помню.

— Сейчас я что-нибудь тебе дам.

— Не нужно.

— Посиди тут. Я схожу в кухню.

В холодильнике я нашел курицу, сделал сандвич и налил стакан молока. Анжелика не выходила у меня из головы. Я представил себе, как она, голодная и измученная, с чемоданом в руках, пешком, чтобы сберечь последнюю монету, тащилась пятьдесят кварталов в Манхэттен, как она любезно улыбалась Джейми, когда тот велел ей убираться из квартиры. Уносясь мыслями в прошлое, я представил ее себе в Агригенто, когда она прогуливалась среди засеянных желтыми нарциссами полей на фоне ослепительно белых греческих храмов. Я вспомнил, как она выглядела в нашем домике в Провансе, где в окна стучались ветки мимозы, наполнявшей воздух сладким ароматом.

Держа в руках поднос со стаканом молока и сандвичем, я стоял в кухне, опасаясь вернуться к Анжелике. Но не вернуться я, разумеется, не мог и вошел в гостиную. Анжелика уже совсем успокоилась, а когда я передал ей поднос, даже улыбнулась — тепло и непринужденно. Я налил себе вина, сел напротив нее и стал наблюдать, как она ест.

Не знаю, кто из нас первый начал вспоминать жизнь в Клэкстоне — мы даже не заметили, как разговорились об этом. Припоминали всякие мелочи, встречи с разными людьми. Анжелика иногда смеялась, и я начинал смеяться вместе с ней. Покончив с едой, она заметила, что изменила свое мнение и теперь не возражает чего-нибудь выпить. На щеках у нее проступил слабый румянец. Я находил ее все более красивой, комнату — еще более уютной от ее присутствия и все чаще возвращался к мысли, что мы одни в этой комнате. Краешком сознания я понимал возникающую опасность, но старался ни о чем не думать. Словно по мановению волшебной палочки, мы оказались в далеком прошлом, когда мне еще не угрожало Портофино и ничто не предвещало наступления тяжелых времен.

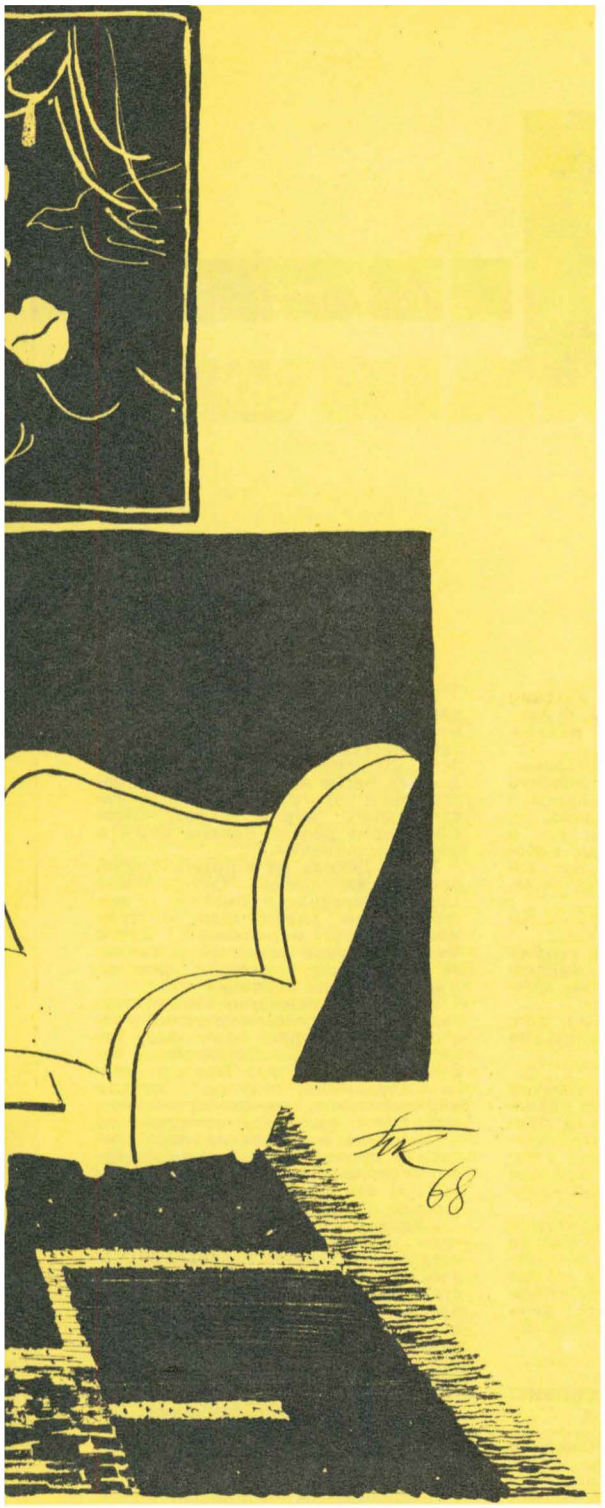
Анжелика непрерывно курила, и получалось как-то так, что около нее не оказывалось коробки с сигаретами. И всякий раз, когда я передавал ей сигарету и подносил горящую зажигалку, ее теплая рука касалась моей, и я чувствовал, как у меня начинает стучать сердце. Мы как раз над чем-то смеялись, когда я подавал ей очередную сигарету. Прикуривая от зажигалки, она подняла ко мне лицо. Я прикоснулся к Анжелике и хотел взять ее руку, но она, словно предугадав мое намерение, внезапно отдернула ее.

— А тут у вас мило,— сказала она.

— Да,— согласился я, продолжая держать горящую зажигалку.

— В комнате так уютно.

— Я рад, что тебе нравится.



— Наверно, все Бетси, да? Сам-то ты никогда не отличался хорошим вкусом.

— Пожалуй, Бетси.

— Я рада.

Погасив зажигалку, я чуть придвинулся к Анжелике.

— Рада?

— Да. Рада, что ты женился именно на Бетси,— запинаясь, но все же твердо ответила Анжелика.— Теперь у тебя чудесная жена, верно?

Я понимал, что Анжелика все видит и пытается остановить меня, но не слишком настойчиво, и это толкало меня на новые необдуманные шаги.

— Да, Бетси чудесная жена.

— А как Рикки?

— Очень хорошо.

Анжелика внезапно вскочила, проскользнула мимо меня и отошла в сторону.

— Можно взглянуть на него?

Анжелика не спускала с меня глаз, и я читал в них требование не забывать, что я муж другой женщины. Ее желание посмотреть на Рикки было только предлогом, чтобы встать. Если бы Анжелика могла рассуждать спокойно, она бы поняла, что встреча с Рикки лишь причинит ей новую боль. Да и я был слишком взбудоражен, чтобы понять, как низко поступаю по отношению к Бетси, позволяя Анжелике взглянуть на Рикки. Но в тот момент я не думал об этом.

— Почему бы и нет? — сказал я.— Пойдем.

По коридору мы подошли к комнате Рикки и тихонько открыли дверь. В детской горел ночник. Рикки спал на спине, засунув палец в рот; его спутанные черные волосы спускались на лоб. Мы стояли у кроватки и смотрели на него. Вдруг он открыл большие черные глаза, вынул изо рта палец, взглянул на меня, потом с вежливым любопытством на Анжелику.

Из ходиков на стене выскочила кукушка и дважды прокуковала. Рикки перевел взгляд на часы.

— Два часа,— сказал он.— Ведь это очень поздно, правда, папа? Два часа совсем, совсем, совсем поздно.

— Правильно, сынок,— ответил я.

Рикки снова посмотрел на Анжелику.

— Кто это?

— Приятельница.

— А у меня сегодня зуб вырвали!

— Уйдем отсюда! — внезапно сказала Анжелика.

Она направилась к двери, а я поцеловал Рикки, наказал ему поскорее заснуть и вышел вслед за Анжеликой; она уже стояла в холле у двери.

— Дай мне денег, Биль. Я должна идти.

Мысль о разлуке с ней показалась мне непереносимой.

— Выпей еще рюмку.

— Нет, Биль.

— Только одну. Ведь мы же прощаемся.

Я вернулся в гостиную, налил две рюмки вина и вернулся в холл. После минутного колебания Анжелика взяла рюмку. Я почувствовал себя победителем.

— Ты знаешь, сколько сейчас времени? — спросил я.

— Не имею представления.

— Больше двух часов ночи. Совсем неподходящее время для поисков номера в гостинице.

— Неважно.

— Но ты же устала.

— Ни капельки.

— У нас есть прекрасная комната для гостей.

— Нет, Биль.

— Но почему? Какая тебе разница, где ночевать?

Звякнули кусочки льда в рюмке Анжелики, и я взглянул на нее. Рука Анжелики дрожала. Я взял ее рюмку и поставил на стол вместе со своей.

Прижимая к себе Анжелику, я рассматривал это объятие как нечто совершенно неизбежное, словно еще до ее телефонного звонка знал, что вечер не может закончиться иначе. Я не испытывал ни беспокойства, ни чувства вины — лишь ощущение неизбежности случившегося и полнейшего довольства. Она не только не сопротивлялась, но, тихо всхлипнув, крепко прижалась ко мне, будто во всем мире у нее никого не оставалось, кроме меня. Я поцеловал ее и почувствовал, что и Бетси, и служба, и вся моя новая жизнь без Анжелики не что иное, как карточный домик, построенный мною лишь для того, чтобы как-то заполнить пустоту одиночества.

Продолжая обнимать Анжелику, я услышал чей-то негромкий кашель, и звук этот подействовал на меня, словно холодный душ. Затем кашель повторился, и на этот раз в нем явно слышалось осуждение. Я отскочил от Анжелики и оглянулся.

Рядом с нами стояла няня Рикки. На ней был белый купальный халат; заплетенные в короткую толстую косичку светлые волосы спускались на плечо. Пытливо смотревшие с багрового лица голубые глаза, казалось, превратились в буравчики.

— Извините, сэр,— сказала она.— Я не знала...

Анжелика бессильно опустилась на стоявшую в холле кушетку.

— Ах, Элин! — вырвалось у меня глупое восклицание.

— Рикки вдруг проснулся и позвал меня. Я пошла на кухню вскипятить ему молока. Я не знала...

Элин резко отвернулась и быстро пошла по коридору. Мое внимание почему-то привлекла толстая косичка, подпрыгивавшая у нее на плече.

Мы с Анжеликой долго сидели в молчании. Потом она поднялась и стала надевать пальто.

— Дай мне денег, Биль,— тихим, деревянным голосом попросила она.

Я пошел в спальню, взял со столика бумажник и заглянул в него. Долларов тридцать... Сейчас, когда состояние шока прошло, я почувствовал тревогу. Вынув из бумажника все деньги, за исключением нескольких долларов, я вернулся в холл и передал их Анжелике. Я понимал, что было бы глупо обвинять в случившемся ее. Рискуя потерять так много, я словно нарочно этого добивался. Но я не хотел ни терять, ни признавать себя виновным, я хотел компромисса с самим собой, для этого требовалось представить себя в качестве невинной жертвы, а Анжелику — опаснейшим Врагом (с большой буквы), вторгшимся в мою жизнь, чтобы уничтожить ее вторично.

Анжелика положила деньги в сумочку. Я с трудом заставил себя взглянуть на нее.

— Няня расскажет Бетси? — спросила она.

— Не знаю. Пожалуй.

— Но ведь все это пустяки, между нами ничего не произошло. Не так уж трудно это доказать.

— Ты так думаешь?

— Можешь сказать, что мы прощались, я очень расстроилась, и ты хотел меня утешить.

— Утешить?!

— Ну да. Ведь так оно и было на самом деле.

Я попытался представить себе, как все было на самом деле, и не мог. Не мог найти смысла в своем поведении.

— Ну что ж... Прощай, Биль.

Анжелика взяла чемодан и открыла дверь. В это мгновение, возможно, потому, что я все же чувствовал свою вину и страшился за свое будущее, она показалась мне какой-то маленькой, бесцветной и абсолютно не запоминающейся. Я даже удивился, как мог совсем недавно желать ее. Но, с другой стороны, совесть подсказывала мне, что я должен уговорить ее переночевать в комнате для гостей и не бродить по городу с чемоданом в два часа ночи. Где-то в уголке сознания теплилась мысль: нельзя так трусливо допустить, чтобы какая-то чванливая и ненавидящая меня нянька помешала выполнить элементарный долг вежливости. Но сильнее всего мне хотелось, чтобы все это поскорее закончилось, Анжелика ушла, и я ее никогда больше не видел.

— Прощай, Анжелика.

Она все еще стояла у открытой двери.

— Может, ты порекомендуешь мне какую-нибудь гостиницу. Я плохо знаю Нью-Йорк.

— Попробуй «Уилтон». Совсем недалеко отсюда, на Медисон-авеню.

— «Уилтон»?

— Да.

— Хорошо... Да, Биль, спасибо.

— Спасибо? За что?

— Просто спасибо.

Анжелика проскользнула в дверь и закрыла ее за собой.

На столике в холле все еще стояли две рюмки с вином. Я схватил одну из них и залпом выпил. Уход Анжелики не облегчил моего положения. Подстегиваемое страхом воображение рисовало картины одна хуже другой: Бетси, разъяренная, как никогда, швыряет мне в лицо одно обвинение за другим, потом бежит к телефону и рассказывает все Ч. Д., и тот, как и подобает пуританину, с бешенством обрушивается на своего блудливого зятя. В припадке малодушия я попытался заглянуть в будущее и представил себя брошенным женой, безработным, влачащим жалкое, никому не нужное существование. У меня даже мелькнула мысль помчаться к Элин, броситься перед ней на колени и слезно умолять ее не губить мне жизнь.

И вместе с тем я понимал, что страхи мои преувеличены, что все случившееся напоминает скорее дешевый фарс, чем трагедию. Да, я вел себя по-идиотски и влип; да, я рискую навсегда потерять уважение Бетси и перестану уважать самого себя; да, после объяснения с женой моя репутация окажется основательно подмоченной, и мне придется проявить большой такт, чтобы не позволить Бетси вернуться к прежнему состоянию неуверенности. Но в конце концов Бетси все поймет. Разве может она не понять?

Я не мог даже думать о том, какой ответ получу на этот вопрос, и, прогнав все мысли о нем, отправился спать. Завтра мне предстояло найти какой-то способ обезвредить Элин. Возможно, будет не так уж трудно договориться с ней. Ну а если ничего не получится, придется покаяться перед Бетси, как только она вернется из Филадельфии. Стыд, унижение и горькая обида на Анжелику так утомили меня, что я вскоре уснул.

Проснувшись на следующее утро, я сразу во всех деталях припомнил вчерашние события. Было восемь тридцать. Элин, очевидно, кормила в детской комнате Рикки. Я чувствовал себя довольно агрессивно и решил, что займусь Элин сейчас же, пока мною снова не овладело малодушие.

Я надел халат и отправился в детскую; Рикки действительно расправлялся с завтраком. Элин сидела рядом с ним и что-то вязала для одной из своих бесчисленных племянниц в Англии; на ней была все та же нелепая, сильно накрахмаленная белая униформа, которую она всегда носила, несмотря на возражения Бетси. Рикки бурно приветствовал мое появление, а Элин даже слегка вскрикнула, словно увидела бандита, намеревавшегося лишить ее чести.

— Так вот, по поводу вчерашнего,— заговорил я, испытывая страшную неловкость.— Хочу объяснить...

— Ну, знаете, сэр! — немедленно возмутилась Элин.— Я не имею права требовать никаких объяснений.

— Видите ли, она моя старая приятельница,— запинаясь, продолжал я.— Оказалась в затруднительном положении и...

— Прошу вас! — Элин вскочила и театральным жестом обхватила Рикки накрахмаленными рукавами.— Только не в присутствии малютки!

Рикки подпрыгнул, испустил боевой клич индейцев и повторил:

— Только не в присутствии малютки!

Все получилось невероятно и безнадежно глупо.

— Разумеется, я намерен рассказать обо всем миссис Гардинг и буду вам признателен, если вы...

В эту минуту раздался телефонный звонок. Обрадовавшись предлогу прервать тяжелый разговор, я побежал в спальню и снял трубку аппарата. Звонил Ч. Д. Накануне вечером он уехал в Бостон на какую-то конференцию, но, видимо, уже успел вернуться.

— Да, Ч. Д.?

— Что ты делал вчера вечером?

По его голосу я понял, что он чем-то сильно взволнован. Никогда еще он не разговаривал со мной таким тоном. Прежде чем я мог пролепетать какой-то ответ, Ч. Д. рявкнул:

— Ты был один?

Я подумал о роковых последствиях, которые не замедлят сказаться, если Ч. Д. узнает об Анжелике.

— Да,— солгал я.— Один.

— В таком случае немедленно приезжай ко мне. Я у себя на квартире в городе. Возьми такси. Приезжай сейчас же!

— Хорошо, но...

— Ты знаешь, что произошло? Ты читал газеты?

— Пока еще нет,— ответил я, чувствуя, как мое замешательство уступает место предчувствию какого-то несчастья.

— Дружок-то твой... Лэмб. Этот паршивый писателишка, с которым ты и Бетси так носились, будь он проклят! Он убит... Найден на квартире убитым. Его кто-то застрелил.

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

Патрик КВЕНТИН

Повесть

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Я бросил трубку и бессмысленно уставился на нее. В первое мгновение мне показалось, что все вокруг рушится, и от страха по спине у меня пробежал холодок. Джейми убит! В тот момент меня совершенно не интересовало, кто и почему его убил. Я мог думать только о том, что полицейские прежде всего начнут допрашивать Анжелину. Ей придется подробно рассказать, где она проводила время и что делала. Потом полицейские доберутся до меня и Элин. Элин обязательно сообщит им о моем объятии, и все, что произошло вчера ночью между мной и Анжеликой, перестанет быть простым, хотя и неприятным инцидентом, который я надеялся как-то урегулировать с Бетси. Теперь обо всем узнают газеты, раздуют этот факт и напечатают под огромными заголовками. Прочитав материалы, Ч. Д., помешанный на соблюдении фамильной чести, через пять минут выгонит меня с работы.

И все же, несмотря на острую тревогу о своей собственной судьбе, мои мысли были поглощены Бетси. Это погубит ее. Как бы ни пытался я объяснить правду, мне не удастся оградить Бетси от того, что станут думать о ней люди. В конце концов эта история выльется в банальный и пошлый скандал, который отразится на ней значительно тяжелее, чем это было бы до встречи со мной. Во всяком случае, она снова будет мучиться при мысли, что она Дурнушка, которую ненавидит сестра и терпеть не может родной отец и которой не остается ничего другого, как заниматься благотворительностью. Но это не все. Она будет считать себя всеобщим посмешищем, женой, не сумевшей удержать при себе мужа, богатой старой девой, на которой из-за денег женился авантюрист, неведомо откуда появившийся и при первой возможности обманувший ее со своей бывшей — пустой и ниччемной — женушкой.

Я представил себе Бетси за чтением газеты. Возможно, это случится сегодня же, в Филадельфии. Вероятно, с ней будет Елена Рид. Мне уже слышалось ее восклицание: «Милая моя, как это ужасно!» Я мысленно видел, как Бетси вся сжимается от боли, и подумал, что теперь, встречаясь с друзьями, знакомыми да и незнакомыми людьми, она всякий раз будет чувствовать себя очень неловко.

Я начал одеваться, пытаясь успокоиться и взять себя в руки. Все дело в Элин. Если бы она не видела, как я обнимал Анжелину, можно было бы что-нибудь придумать и как-то объяснить, почему мы оказались вдвоем. А что, если обратиться к Элин с просьбой — не ради себя, а ради Бетси? Ведь она всегда считалась с женой. Но, вспомнив сцену, разыгравшуюся несколько минут назад в детской, нескрываемую враждебность Элин, ее официально холодный тон, я тут же отказался от этого плана. К тому же разговор с Ч. Д. казался мне более важным, чем дипломатические заигрывания с Элин. «Что ты делал вчера вечером?» Конечно, правильнее всего сначала выяснить, знает ли он что-нибудь. Я оделся, выбежал на улицу и, прежде чем подозвать такси, купил газету. Уже в машине я начал быстро просматривать страницу за страницей.

Вначале я прочитал сообщение о речи Ч. Д. на каком-то банкете, потом обнаружил заметку, в которой лаконично сообщалось, что некий Джеймс Лэмб, двадцати пяти лет, писатель, найден мертвым в своей квартире на Восточной 20-й улице. Время смерти не указывалось. Я тупо смотрел на заметку, представил себе мертвого Джейми и вдруг похолодел от мысли, внезапно мелькнувшей у меня в голове. А что, если Лэмба убила Анжелика? Разве это не означало бы вполне логического конца их мерзкой связи, обязательными элементами которой были избиения и буйства? Убила, а потом под лживым предлогом пришла ко мне, побуждаемая порочным стремлением сеять зло и гибель, пришла, чтобы впутать меня в свои дела, утопить вместе с собой. Возможно, полиция уже знает о нашей встрече в ночь убийства. Возможно, знает об этом и Ч. Д.: у него большие связи в высших кругах, он может узнать все, что захочет.

Такси остановилось перед домом на Парк-авеню, где находилась квартира Ч. Д., и я вышел из машины с чувством обреченного на казнь. Я миновал роскошный холл, лифт поднял меня на верхний этаж. Дверь мне открыл ревматичный, явно чем-то встревоженный старик Генри; вместе с женой он постоянно жил в этой квартире Ч. Д.

— Мистер Гардинг, сэр!

— Биль? Это ты, Биль?— послышался из библиотеки голос Ч. Д.

Я прошел по коридору мимо картин Дюфэ, развешанных здесь, в постоянном полумраке, только ради того, чтобы показать, как богат Ч. Д. и сколько денег он может выбросить на ветер. Дверь в библиотеку была открыта.

Ч. Д. и в лучшие-то дни наводил на меня страх. Сейчас же, когда я увидел его — низенького, толстого — среди всей этой мебели, обитой красной кожей, на фоне стеллажей, сверху донизу уставленных книгами, которых он никогда не читал, старик показался мне (у страха глаза велики!) живым воплощением возмездия. Я приехал со смутными догадками о том, что скажет мне Ч. Д., но твердо знал одно: это будет нечто самое худшее. Он быстро пошел мне навстречу, и я приготовился встретить свой конец.

— Билы! Мальчик мой! Слава богу, ты здесь! Дорога каждая минута. Мне звонили из полиции, вот-вот оттуда должны приехать.

Он взял меня за руки, хотя обычно, из-за какого-то странного суеверия, избегал до кого-нибудь дотрагиваться. И это почти заснивающее восклицание — «Билы! Мальчик мой!» — и это прикосновение пробудили у меня неясную надежду, что еще не все потеряно. Несколько успокоенный, я смелее посмотрел на Ч. Д. Он выглядел утомленным и подавленным и казался более старым, чем когда-либо раньше. И все же его жабьи глаза ярко блестели и выражали непреклонную решимость. Я слишком хорошо его изучил и, хотя еще не знал, что именно произошло, мог с уверенностью сказать, что он получил ошеломляющий удар и разыгрывает роль великого полководца, попавшего в безвыходное положение, но не признающего себя побежденным. В эту минуту он забыл свое неприязненное отношение ко мне. Сейчас он видел во мне только орудие, с помощью которого готовился нанести ответный удар.

— Внимательно слушай меня, Биль,— заговорил Ч. Д.— Я изложу только факты — для всего остального у нас нет времени. Сегодня, в семь тридцать утра, я вернулся из Бостона и прочитал в газетах о Лэмбе. Дэфни я не застал, она не ночевала дома и заявилась лишь через полчаса после меня. Я заставил ее выложить мне все. Часть ночи она провела с Лэмбом, а потом была одна. Никакого отношения к убийству она не имеет. Поверь мне — никакого!

Удивительно, почему я сразу не догадался, что лишь тревога за Дэфни могла так сильно подействовать на него. Но как раз о Дэфни я и не подумал, целиком поглощенный мыслями о себе и Анжелике.

— Бедняжка! — продолжал Ч. Д.— Бедненькая маленькая обманутая дурочка! Когда она мне рассказала, что произошло... когда я узнал от нее, какую вопиющую безответственность проявили вы с Бетси...— Он внезапно пришел в ярость, но так же внезапно взял себя в руки. Позднее, в более подходящее время, он, конечно, устроит нам дикий скандал. Ч. Д. умел управлять своим настроением, словно машиной. Сейчас было не время разыгрывать благородное негодование, сейчас надо было действовать.

Ч. Д. нетерпеливо и чуть ли не умоляюще посмотрел на меня.

— Так вот, Биль, мы не должны говорить полицейским, где была и что делала Дэфни прошлой ночью. Ни в коем случае! Ни в коем! В этом главное, и тогда все обойдется.

Ч. Д. даже улыбнулся. Его вялая, натянутая улыбка должна была продемонстрировать, как мы «близки».

— Все очень просто. Только не надо терять головы. Полиция знает, что Дэфни поддерживала с Лэмбом близкое знакомство: однажды они поссорились и привлекли внимание соседей. Именно соседи и сообщили о Дэфни полиции. Но о вчерашней ночи полицейские ничего не знают. Мне удалось это выяснить во время телефонного разговора. Полицейский допрос, или, скорее, беседа, будет носить чисто формальный характер, все сведется к выяснению фактической стороны дела.

Не сводя с меня взгляда, он взял со стола какой-то журнал и свернул его трубкой наподобие дубинки.

— Я сразу сообразил, каким путем мы сможем легко решить проблему. Как только ты сказал, что вчера вечером был один, я понял, что нашел выход из положения. Я уже проинструктировал Дэфни и соответствующим образом проинформировал газетчиков. Видишь ли, сразу же после моего разговора с тобой мне позвонили из редакции «Ньюса», и я воспользовался предоставившейся возможностью. Важно упредить противную сторону и первым изложить свое мнение.

Ч. Д. постучал свернутым журналом по моей руке. Восхищаясь собственным планом, он вместе с тем не мог скрыть восхищения самим собой, убежденный, что его никто и ничто не может сокрушить. Глядя на него, я испытывал величайшее отвращение.

— Для первого раза твое объяснение должно быть очень простым, детали мы уточним позже. Так вот. Вчера вечером Дэфни была здесь одна. Она не любит оставаться на ночь одна в этой большой квартире, когда тут никого нет, кроме обслуживающего персонала. Квартира Бетси для нее второй дом. Никаких встреч в тот вечер у нее не предполагалось. Она знала, что Бетси дома нет, что ты тоже один, и потому позвонила тебе и попросила разрешения переночевать у вас. Приехала она к вам часов в семь вечера, вы поужинали вдвоем, потом слушали пластинки и играли в карты. Это важная деталь. Что-то должно было заставить вас засидеться допоздна, поскольку мы пока не знаем время смерти Лэмба и не должны подвергать себя риску, позволив полицейским думать, что Дэфни могла тихонько уйти из дому уже после того, как вы легли спать. Твердо запомни: вы разошлись около половины третьего или в три. Ни в какие детали сейчас вдаваться не надо. На первом допросе полицейские не станут на них настаивать, я сам об этом позабочусь.

Он снова постучал по моей руке свернутым в трубку журналом.

— Понимаешь, мой мальчик? Никаких слабых мест! Ваша кухарка была выходная. Это я узнал от своей кухарки, они вместе ходили в кино. Остается Элин. Она и приготовила ужин для вас. Нам и тут повезло: Элин — милая и здравомыслящая девушка, и ты без труда с ней договоришься. Заплати ей что-нибудь. Дай сколько угодно, но не больше тысячи... А впрочем, можно сунуть и больше — для ее племянниц в Англии, она без конца о них трещит. Она обязательно должна подтвердить, что Дэфни была у вас. Элин очень важный для нас свидетель. Все будет зависеть от...

Ч. Д. замолчал, заметив входящего в библиотеку Генри. Старый слуга потоптался у двери, потом торжественно объявил:

— Лейтенант Трэнт из уголовной полиции, сэр!

В библиотеку вошел высокий, довольно молодой человек с объемистым желтым конвертом в руках. Он был как-то по-своему, в меру элегантен, что вовсе не вязалось с моим представлением о полицейских. Его неторопливая, почти бесшумная походка действовала успокаивающе, но мне-то все в лейтенанте показалось невероятно зловещим.

И не только в лейтенанте. И сам Ч. Д., и огромная комната, заставленная мебелью, обитой кожей, и бесчисленные книги, и драпировки каких-то мрачных цветов — все казалось зловещим и ненастоящим, словно в кошмаре. Да и мое собственное незавидное положение я подчас принимал за дурной сон. Но увы, все происходило на самом деле и началось с той минуты, когда я солгал в разговоре по телефону. Я сказал, что был один, и Ч. Д. немедленно ухватился за это, решив, что открывается идеальная возможность оградить Дэфни от последствий ее опрометчивых и глупых поступков. Он рассматривал меня всего лишь как доказательство ее алиби. Я спасал его любимую дочку, он видел во мне инструмент, с помощью которого надеялся избавить ее от всех неприятностей, и это сразу превратило меня в его фаворита. Стоит мне сказать полиции правду, и я не только скомпрометирую Дэфни, но и разоблачу себя перед Ч. Д. как человек, обманывающий свою жену да к тому же лишивший его возможности спасти любимую дочь.

Ну, а если я соглашусь на сделку и поступлю, как предлагает Ч. Д...

«Элин — милая и здравомыслящая девушка, и ты без труда с ней договоришься... Элин очень важный для нас свидетель...»

Я представил себе лицо Элин, потом лицо Анжелики и Бетси. Мне показалось, что они окружают меня, бросают мне вызов, но особенно отчетливо рисовались мне картины собственной неизбежной гибели. Все, что я делал после вчерашнего вечера, казалось мне правильным, я надеялся, что сумею оградить себя и Бетси от серьезных осложнений в нашей совместной жизни, а теперь выяснилось, что каждый предпринятый мною шаг заводил меня все глубже и глубже в пропасть.

Если бы только я располагал временем! Если бы этот спокойный и зловещий молодой человек вошел сюда три, четыре, пять минут спу-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—4.

стя! Тогда я успел бы все объяснить Ч. Д., и тогда, возможно, мне удалось бы спасти хоть что-нибудь. Но получилось иначе.

«Соответствующим образом проинформировал газетчиков...»

Ч. Д. поспешил навстречу детективу, мгновенно напялив на себя маску снисходительности и деловитости, без конца улыбаясь и усиленно играя роль сознательного богатого американца, изо всех сил желающего помочь закону.

Я же хотел только одного: куда-нибудь бежать, потому что в своем состоянии не видел иного выхода. Подобно перепуганному ребенку, мне хотелось выскочить из этой огромной комнаты, пробежать по коридору и забиться в какой-нибудь угол.

В отчаянии я уже начал придумывать подходящий предлог, когда Ч. Д., держа детектива за руку, повернулся ко мне и сказал:

— Знакомься, Биль. Лейтенант Трэнт — мой зять Биль Гардинг.

Взгляд молодого человека — спокойный, умный, приветливый и абсолютно не выдававший осведомленности его обладателя — на мгновение остановился на моем лице, потом лейтенант протянул мне руку.

— Я полагаю, лейтенант, вы хотели бы встретиться с моей дочерью? — спросил Ч. Д.

— Да, если она сможет уделить мне несколько минут.

— Все мы обязаны уделять нашей полиции столько времени, сколько потребуется.— Ч. Д. игриво рассмеялся. Все это время он не сводил с моего лица блестящих жабьих глаз.— Биль, найди ее. Да, да, мой мальчик! Она где-то здесь, скорее всего в своей комнате.

Я прекрасно понимал, что хотел сказать он своим взглядом: вот подходящий момент. Воспользуйся им. Прорепетируйте с ней все так, чтобы ни один из вас ни на йоту не отступил от выработанной версии. Сейчас или никогда.

Я понимал, что стою перед окончательным решением. Трэнт отвернулся и с вежливым интересом рассматривал одну из картин Бракэ. Ч. Д. не сводил с меня гипнотизирующего взгляда.

Если Лэмба убила Анжелика, подумал я, для меня все кончено, ибо каждый ее шаг в тот вечер станет известным. Да, обо всем, что произошло в моей квартире, узнает вся страна, утаить ничего не удастся. Но если Анжелика не убивала Джейми, полиция будет рассматривать ее как одно из подозреваемых лиц, как одну из приятельниц Лэмба, и тогда...

— Биль,— снова заговорил Ч. Д.,— Биль, мой мальчик, мы же не станем отнимать у лейтенанта время, верно?

— Да, да, конечно,— согласился я.— Извините, сейчас я ее позову.

Я поспешно вышел из библиотеки. Теперь уже поздно было раздумывать. К лучшему или к худшему, но я связал себя по рукам и ногам.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Я поспешно шел по коридору. В огромной гостиной дворецкий вытирал пыль с абстракционистской картины Бранкузи. Я понимал, что надо придумать какой-то выход из этого хаоса, но ни одной мысли не приходило мне в голову, известие об убийстве Джейми перевернуло всю нашу жизнь, парализовало мою волю. Убили корыстолюбивого неврастеника, полное ничтожество. Я не имел никакого отношения к случившемуся, просто оказался слабым человечком, пытавшимся в минуту вожделения изменить со своей бывшей женой и тем самым допустившим тривиальную и постыдную ошибку. Однако из-за убийства Джейми ошибка разрослась до ужасающих размеров.

Дэфни сидела в своей комнате на кровати. Я думал, что застану ее в состоянии, близком к паническому, а она спокойно занималась маникюром, покрывая ногти невероятно красным лаком. Дэфни повернулась ко мне, взмахнув своей рыжей гривой.

— Привет, Биль! Тебе нравится этот новый цвет?

Ее развязность и невозмутимость привели меня в бешенство.

— Ты убила его?

— Ну, знаешь! Это уж слишком. Я бы и кузнечика не смогла прихлопнуть.

— Полицейский уже здесь.

— Да?

— Что ты делала вчера ночью?

— Долго рассказывать. Боюсь, я вела себя чересчур опрометчиво. Расскажу как-нибудь потом. Ну, а сейчас нам, видимо, нужно предстать перед лицом Закона?

Дэфни встала и помахала руками, чтобы быстрее подсыхал лак.

— Папа объяснил тебе, что надо говорить?

— Да.

Дэфни вздохнула.

— А как он взбесился! Когда отец показал мне заметку о Джейми, я, должно быть, потеряла самообладание и рассказала ему все. Ну, конечно, не все, кое-что из деликатности пришлось сократить. Ох, и рассвирепел же он! Как и водится, особенно на тебя и Бетси. Как это вы позволили мне, бедняжке, попасть в лапы негодяя... Нет, в самом деле, как этот бедный глупенький мальчишка ухитрился оказаться убитым? Совсем, совсем нехорошо... Подумать только, что я... А впрочем, не будем вдаваться в детали. Бетси знает?

— Не имею представления.

— Раскудахчется, когда узнает! Ну и штучка же я! Чего только со мной не приключается! — Дэфни положила свою руку на мою и горестно улыбнулась.— Следовательно, я позвонила тебе около семи, а потом приехала сама. Элин подала нам ужин. Мы слушали пластинки и играли в карты, после чего часа в три ночи отправились спать. Какую музыку мы слушали? Тебя устроит Бах? Музыка обязательно должна быть

целомудренной, чтобы у них не появилось никаких снабрезных мыслишек. А что мы ели за ужином? Придумывать, пожалуй, не надо, вдруг полицейским придет в голову заглянуть в холодильник и проверить остатки еды! Так что, говоришь, мы ели, мой милый?

— Жареную курицу.

— Под хлебным соусом? Элин же — паршивая англичанка.

— Да, под хлебным.

— Брр... Что-то не очень вдохновляет.

Дэфни потащила меня к двери. Я совершенно не понимал ее, словно она явилась с другой планеты, однако то, что она не испытывала ни малейших угрызений совести, успокоительно подействовало и на меня. Если мы намеревались до конца придерживаться своей версии, то следовало признать, что Дэфни обещала идеально сыграть свою роль.

Ч. Д. и лейтенант Трэнт сидели в библиотеке на кушетке, обитой красной кожей. Ч. Д. прямотаки млел от дружелюбия, и все же они удивительно не соответствовали друг другу: знаменитость и бедный молодой родственник, случайно оказавшиеся рядом на какой-то вечеринке. Лейтенант вскочил. Когда Ч. Д. представлял его Дэфни, лицо лейтенанта выразило такую почтительность, что было бы просто грехом заподозрить, будто он знает какие-то компрометирующие Дэфни, меня и Анжелину факты. Во мне шевельнулась смутная надежда.

Я не узнавал в Дэфни девушки, с которой только что разговаривал в ее комнате. Она держалась так, как и полагалось в создавшемся положении: не очень спокойно, но и не слишком нервничая, несколько сдержанно и неловко, и пыталась казаться милой. Не напрасно всю свою жизнь она играла перед Ч. Д. определенную роль; она так вжилась в нее, что уже не могла вести себя иначе.

Дэфни пересекла комнату, уселась на стул, старательно оправила юбку на коленях и улыбнулась Ч. Д. Он ответил ей тем же. Никак и ничем они не выдавали, что между ними существует сговор. Папочка и поросеночек Кэллингхемы, милостиво позволившие посторонним взглянуть на их семейную идиллию.

Лейтенант Трэнт нерешительно, почти робко сел на ручку кресла. Я всегда думал, что детективы неразлучны с блокнотом и карандашом и в таких вот случаях немедленно начинают записывать. Трэнт не имел ни того, ни другого, он просто сидел и смотрел — даже не на Дэфни, а на свои скрещенные ноги.

— Вы понимаете, мисс Кэллингхем, я лишь выполняю обычную формальность. Догадываюсь, вам неприятно, но такая уж у меня работа — докучать людям.— Он извиняюще улыбнулся.— Так вот, вы ведь знали Джеймса Лэмба?

— Конечно. Последнее время мы встречались, и довольно часто.— Дэфни взглянула на меня.— Он и Биль были большими друзьями.

— Недели две назад Дэфни привозила его в Ойстер-бей,— сказал Ч. Д., наклоняясь вперед и как бы свидетельствуя, что знакомство носило вполне приличный характер.— Мне он показался очень милым, вполне воспитанным молодым человеком. Он произвел прекрасное впечатление.

— Да, да,— подтвердила Дэфни.— От него все были без ума. Бетси и Биль дали обед в его честь. И Бетси, и Фаулеры, и другие просто носились с ним.

Лейтенант Трэнт внимательно рассматривал свое колено, словно оно чем-то интриговало и озадачивало его.

— Кажется, несколько недель назад в его квартире произошел инцидент, мисс Кэллингхем,— все так же почтительно осведомился он.— Не знаю всех подробностей, но, видимо, между вами и мистером Лэмбом возникли какие-то осложнения. Мне об этом сообщило семейство Браунов, проживающее по соседству. Однажды вечером вы, насколько мне известно, выбежали из квартиры мистера Лэмба и выглядели, так сказать, расстроенной. Брауны как раз поднимались по лестнице к себе. Вы назвали себя, и они помогли вам найти такси.

Я, разумеется, знал, о каком «инциденте» он говорил. В тщательно приглаженном описании Трэнта он ничем не напомнил тот дикий скандал, в результате которого пьяная Дэфни с распухшим лицом и в состоянии истерики едва добралась до нашей квартиры. Я взглянул на нее.

— Ах, это! — Она позволила себе чуть хихикнуть.— Все вышло так нелепо, так нелепо! В тот вечер Джейми перебрал шампанского и... и пытался ко мне приставать.— Она снова повернулась к Ч. Д. и улыбнулась.— Я поняла, что надо уносить ноги.

— Да? — Трэнт помолчал.— Труп Лэмба обнаружили Брауны. В этом здании все нижние этажи заняты различными фирмами, так что, кроме Браунов, там никто не проживает. Вчера супруги засиделись в гостях и вернулись домой что-то около четырех. Проходя мимо двери квартиры Лэмба, они увидели кровь, сломали дверь и нашли его почти у порога, около радиатора отопления. Он был убит тремя выстрелами.

— Брр! — воскликнула Дэфни.

Лейтенант Трэнт, кажется, наконец-то удовлетворил свой интерес к собственному колену и оторвал от него взгляд. Теперь он рассматривал нас, и на его лице можно было прочесть наивное убеждение, что столь мрачную историю он рассказал в достаточно деликатных и никого не шокирующих выражениях. Я же видел в его взгляде не только наивность, но и почти подобострастную робость и неуверенность в себе. Внезапно мне показалось, что как детектив он ничего собой не представляет и выглядел зловещим только из-за сочетания обстоятельств, которые привели его сюда. Зеленый новичок с забавными манерами. Его прислали в спешке, и теперь он изо всех сил пытается произвести впечатление на знаменитых и богатых Кэллингхемов, чтобы потом хвастаться среди своих дружков.

Я все еще испытывал панический страх за свое будущее, опасался Ч. Д., но лейтенанта Трэнта уже не боялся. Удивительно, как успокаивающе подействовало на меня это открытие. Понимая, что рано или поздно мне придется выяснить это, я спросил:

— В какое время был убит Лэмб?

— По заявлению врача, между половиной второго и половиной третьего, мистер Гардинг.

Следовательно, Анжелика не могла быть убийцей, ибо ушла от меня значительно позже двух. Для полиции она просто одна из тех, кто был связан с Джейми и кого необходимо допросить. Я почувствовал невероятное облегчение. Ко мне снова вернулась способность размышлять и действовать.

Конечно, Анжелике придется как-то доказывать свое алиби, но зачем впутывать меня? Когда мы жили в Портофино, она знала и Поля и Проп. Вчера вечером Фаулеры никуда не уходили из дому. Почему бы Анжелике не сказать, что она провела время с ними? Я все ей объясню, и вряд ли она отвергнет мое предложение. Поль охотно меня поддержит, в чем я ни минуты не сомневался. Дружелюбный, веселый циник, Поль только посмеется над моими затруднениями. К тому же он хорошо знал Бетси и поймет, как важно, чтобы она не узнала правду.

Оставалась Элин. Но коль скоро в дело вмешался Ч. Д., вряд ли она представляла опасность — ведь она буквально благоговела перед ним. Если бы мне удалось уговорить Ч. Д. заняться ею, он сумел бы — лестью или деньгами — заставить ее подтвердить алиби Дэфни, а следовательно, промолчать и об Анжелике.

Лейтенант Трэнт, назавшийся мне теперь безобидным и робким, как мальчишка-рассыльный, смотрел на Дэфни.

— Мисс Кэллингхем, еще раз хочу напомнить, что это всего лишь неизбежная формальность. Понимаете, мы обязаны переговорить со всеми, кто знал мистера Лэмба...

— Вы хотите узнать, что я делала вчера ночью?— бодро заговорила Дэфни.— Пожалуйста. Ничего особенного. Ночь я провела на квартире Биля. Папочка уехал в Бостон, а я не могу ночевать здесь одна. Когда папы нет дома, я уезжаю к Билю, так уж у нас заведено. Вчера вечером Бетси — моя сестра и жена Биля — находилась в Филадельфии, а я и Биль домовничали. Мы поужинали, потом слушали пластинки, потом играли в карты, а спать разошлись, наверно, часов около трех.

— Понимаю,— кивнул Трэнт и повернулся ко мне. Выражение почтительности словно стерло у него с лица все индивидуальные особенности, и я вряд ли узнал бы лейтенанта, случайно встретив его на улице.— Следовательно, мистер Гардинг, вы оставались только вдвоем. Может, к вам кто-нибудь заходил или...

— По всей вероятности, вас обслуживала Элин?— спросил у меня Ч. Д.— Если не ошибаюсь, ваша кухарка по четвергам выходная, да? Разве не Элин готовит для вас по четвергам?

Так решилась проблема, которая еще несколько минут назад вызывала у меня острое беспокойство.

— Правильно,— спокойно подтвердил я.— Элин, няня моего сынишки, приготовила для нас ужин.

— Понимаю,— повторил Трэнт и замолчал, уставившись теперь на ковер, словно его необыкновенно интересовало, какая расцветка нынче в моде.— Мисс Кэллингхем говорила, мистер Гардинг, что вы и мистер Лэмб были большими друзьями.

— Ну, как сказать. Я его почти не знал, а вышло так, что познакомились они благодаря мне.

— В таком случае вы, вероятно, не сможете сказать даже предположительно, кто его убил?

— Боже мой, конечно, нет!

— А вы, мисс Кэллингхем?

— То же самое. Вообще все это кажется мне каким-то кошмаром. Я хочу сказать, что еще никогда и никого из моих знакомых не находили убитыми. Но вы понимаете, мистер Лэмб не был человеком нашего круга... Я хочу сказать, он из богемы, и я познакомилась с ним для... для разнообразия.

— Конечно, конечно,— согласился Трэнт и встал. Мы тоже поднялись, пожалуй, чересчур поспешно.

— Ну что ж, думаю, мне больше не следует вам докучать. Спасибо вам всем.— Он взял со стула принесенный с собой конверт и направился к двери, но вдруг остановился и повернулся к нам.— Между прочим, мистер Гардинг, вы, может, дадите мне свой адрес?

Я назвал ему наш адрес.

— А как фамилия этой... этой няни?

Трэнт стоял, посматривая на меня, и мне показалось, что где-то в глубине его ничего не выражающих глаз, как тень, промелькнула насмешка. Впрочем, это впечатление тут же исчезло.

— Элин. Элин Ходжкинс.

— Элин Ходжкинс. Мне придется с ней переговорить. Возможно, после этого я не откажу себе в удовольствии еще раз встретиться с вами.

Он снова направился к двери своей мягкой, беззвучной походкой.

— До свидания,— сказал он.

— До свидания,— ответили мы все одновременно.

Некоторое время мы стояли как вкопанные, потом одновременно бросились друг к другу, объединенные на короткий срок соучастием в заговоре.

— Здорово у нас получилось!— захихикала Дэфни.

— Биль, немедленно отправляйся домой!— отрывисто приказал Ч. Д.— Переговори с Элин до того, как к ней пожалует Трэнт.

Однако моя самоуверенность еще не успела покинуть меня, и я сказал:

— А не безопаснее ли будет сначала позвонить ей?

— Ну и звони.

Я сделал вид, что направляюсь к телефону, но, сделав несколько шагов, остановился.

— Ч. Д., а что, если вы сами с ней переговорите?

Ч. Д. немедленно принял ужасно важный вид, как делал всегда, когда кто-нибудь из подчиненных осмеливался вносить поправки в предложенный им план. Однако за годы работы у старика я научился хитрить и потому тут же напустил на себя вид молодого, но серьезного и дисциплинированного служащего.

— Вы понимаете, Ч. Д., разговор с Элин представляет для меня определенную проблему. Жалованье ей платит Бетси, а я... ну вы же знаете эту публику. Я для нее ничто, зато она готова целовать землю, по которой вы ходите, и любое ваше предложение...

Складки со лба Ч. Д. исчезли, он погрузился в многозначительную задумчивость, потом ножа у него под подбородком начала надуваться, как у лягушки, которую щекочут соломинкой.

— Ну что ж, мой мальчик... Пожалуй, ты прав... Да, да.

Он показал на телефон, что означало, что я должен набрать для него номер. Сам он никогда не снисходил до этого, если в комнате был еще кто-нибудь. Набирая номер телефона собственной квартиры, я прекрасно понимал, на какой иду риск. Презрение, которое Элин питала ко мне, могло оказаться сильнее ее холопского подобострастия перед Ч. Д. В припадке напускной щепетильности ей ничего не стоило выложить всю историю об Анжелике. Но я надеялся, что она этого не сделает.

Услыхав ее надменное и сухое «квартира Гардингов», я сразу же передал трубку Ч. Д. На его лице уже появилось то самое выражение, какое обычно появлялось у него на всякого рода официальных банкетах,— фальшивая смесь веселости, демократизма и добродушия.

— Элин? Говорит Кэллингхем. Доброе утро, Элин. Как ни жаль, но произошла маленькая неприятность, и нам нужна ваша помощь. Мистер Гардинг скоро вернется домой и все объяснит вам, но предварительно я хотел переговорить с вами сам. Один из знакомых Дэфни найден убитым. Полиция приступила к расследованию. Для упрощения дела мы решили сказать, что мисс Дэфни вчера вечером ужинала с мистером Гардингом, а потом заночевала у вас. Так вот, если к вам явится полицейский, некий лейтенант Трэнт, скажите ему, что это вы приготовили ужин для мистера Гардинга и мисс Дэфни и что она действительно ночевала у вас. Вы меня поняли?

В изложении Ч. Д. вся история прозвучала так же просто и невинно, как, скажем, пустяковая просьба дать взаймы чашку муки; тем же мурлыкающим голосом он продолжал:

— Кстати, Элин, как ваша бедненькая маленькая племянница? Она ведь так часто болеет. Да? Плохо! Знаете, Элин, я рад случаю поболтать с вами. В последнее время я много думал о вас. Мне кажется, для ее же блага необходимо переправить вашу племянницу сюда на самолете. Не стану спорить, английские врачи действительно лучшие в мире, но если бы девочка была здесь, мы бы все могли присматривать за ней, ваша сестра вздохнула бы свободнее...

Он умолк, послушал, потом рассмеялся расчастистым басистым смехом добренького дедушки-мороза.

— Милая девушка, не говорите глупостей! Все ваши проблемы мы принимаем так же близко к сердцу, как и свои. Мы уже давно приняли вас в свою семью, и вы это прекрасно знаете. Не думайте, пожалуйста, что я разорюсь, если заплачу за билет на самолет... И не благодарите меня, Элин... Да, Элин, не забудьте, что нужно сказать лейтенанту Трэнту, когда он зайдет к вам.

Он положил трубку, и банкетное выражение немедленно исчезло с его лица.

— Биль, как только приедешь домой, объясни ей все подробности. На следующей неделе я сам повидаюсь с Элин и передам ей чек.

Он тихо хрюкнул, что означало конец чрезвычайного положения и приказ больше его не беспокоить. Я не мог не удивляться Ч. Д. Беседы с Трэнтом и Элин не потребовали от него никаких усилий, он не ощутил ни малейшего укола совести. И тот и другая представляли всего лишь незначительное препятствие, которое нужно было устранить. Богатство и возможность покупать и развращать людей сделали его таким.

Дэфни закурила сигарету и растянулась на кушетке.

— Неплохая из меня получилась актриса, а? Талантище! Разве ты не гордишься мной, папочка?

Она повернулась к Ч. Д., который в эту минуту проходил мимо кушетки, и кокетливо ему улыбнулась. Ч. Д. словно застыл на месте, потом с силой ударил ее по щеке.

— Гордиться после твоей дикой выходки прошлой ночью?— крикнул он, дрожа от ярости.— Вон отсюда! Прочь!

— Папочка! Послушай, папочка!— захныкала Дэфни.

— Марш в свою комнату!

Дэфни заколебалась, но, решив, что ослушаться было бы опасно, бледная и обиженная, вылетела из библиотеки. Ч. Д. посмотрел ей вслед. Его лицо выражало не только ярость, но нечто такое, чего я никогда не замечал раньше,— почти страдание. Он, кажется, забыл обо мне и стоял ссутулившись, сбросив обычную маску со своего жабьего лица.

— Ну что ж, Ч. Д., мне нужно идти,— сказал я.

Он мгновенно повернулся на звук моего голоса. Теперь в его взгляде читалась одна только ярость, а точнее — деланно благородное негодование, которое так любил напускать на себя Ч. Д. и которое я так хорошо знал.

— Вы!— крикнул он.— Ты и Бетси! Вы что, совсем сошли с ума? Поощрять ее ложь, покрывать ее, потворствовать ей!..

Ч. Д. орал минут пять. Я молча слушал и удивлялся, с какой ловкостью Дэфни повернула дело так, что виноватыми оказались мы с Бетси.

— ...Вы прекрасно знали, что Лэмб — опасный неврастеник, только слепой не заметил бы этого. И тем не менее вы бросили Дэфни в его объятия; вы поощряли все ее идиотские выходки. А что вы предприняли, когда он однажды набросился на нее, как дикий зверь? Ровным счетом ничего! Бетси налгала мне. Она несколько раз лгала мне по телефону, утверждая, что с Дэфни все в порядке. Боже, да если бы вы пришли ко мне и хотя бы намекнули на то, что происходит...

Ч. Д. не скупился на оскорбления, но я не пытался защищаться. Отчасти потому, что понимал, как много мне удалось скрыть от него (и оттого чувствовал себя в безопасности), а отчасти потому, что он должен был в конце концов выдохнуться, излив на меня хотя бы часть своего негодования. И в самом деле уже вскоре я заметил, что его гнев начинает утихать, хотя старик все еще продолжал бушевать. С ним всегда бывало так: начиная по-настоящему на кого-нибудь кричать, он под конец впадал в театральность. Вот и на этот раз — прошло немного времени, и он начал входить в другую свою любимую роль — роль милостивого и всепрощающего монарха.

— Так вот, Биль. Вы с Бетси — интеллигентные люди. Надеюсь, вы понимаете, какого дурака свалляли. Но я не собираюсь без конца твердить одно и то же, в конце концов все кончилось благополучно.

— Вы правы, Ч. Д.

Его рот искривила слабая улыбка.

— Пожалуй, я здорово обстряпал это дельце! Вряд ли лейтенантик что-нибудь разузнает у Элин.

— Вы правы, Ч. Д.

— И не думай, что я тебе не благодарен. Если бы не ты, нам пришлось бы туго.

— Вы правы, Ч. Д.

Он не сводил с меня взгляда.

— Я рад, что именно ты женился на Бетси, иначе осталась бы она старой девой или — того хуже — попала в лапы к какому-нибудь проходимцу, который женился бы на ней из-за денег и содержал на них гарем из хористок, и мне пришлось бы откупаться от него. Но все обошлось. Ты хороший, здравомыслящий человек, Биль, и я горжусь, что у меня такой зять.

На мгновение я снова почувствовал себя на краю бездны, но Ч. Д. внезапно вновь стал боссом, подающим своим служащим пример деловитости.

— Что ж, мой мальчик, не будем бездельничать. Нам предстоит работа. Мне надо ехать в издательство. Ты ведь знаешь, прилетает Бэлдон из Лос-Анжелоса. Кстати, тебе тоже нужно им заняться, так что позавтракаем все втроем. Но сначала договорись с Элин.

— Хорошо, Ч. Д.

Он направился к двери, но остановился и принял позу, которая должна была продемонстрировать, что ему в голову только что пришла блестящая мысль.

— Биль, я вот еще что хотел сказать. Вчера поступило окончательное заключение о состоянии здоровья бедняги Лэмберта. Ему придется уйти в отставку.

Ч. Д. сделал паузу и принялся откашливаться, как бы подчеркивая всю важность того, что он собирался сообщить, но ему помешал телефонный звонок. Он жестом приказал мне снять трубку. Направляясь к телефону, я уже почти не сомневался, какую новость сообщит мне Ч. Д., и испытывал радость и стыд одновременно. Звонили из гостиницы «Бельвю стрэтфорд отель» в Филадельфии. Почти сразу же меня соединили с Бетси.

— Биль?

Как ни странно, но, услыхав ее голос, я не почувствовал укора совести, наоборот, у меня сразу потеплело на душе.

— Я звонила домой, и Элин сказала, что ты у отца. Ты читал газеты?

— Конечно. Мы все знаем.

— А я узнала только сейчас. Ужас! Но у нас все в порядке? Ты меня понимаешь? Дэфни не замешана в этом... в этом...

— Нет, нет! Все в порядке.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Не беспокойся! Я все тебе расскажу, когда мы встретимся. Ты вернешься сегодня вечером, как и собиралась?

— Да. Все идет превосходно, а Елена Рид просто чудесна... Знаешь, Биль, я просто не могу передать тебе, как ты меня успокоил. Мне хотелось бросить все и сейчас же вернуться. Я сходила с ума. Я думала...

Ч. Д. легонько похлопал по плечу, и, когда я взглянул на него, протянул руку, и взял трубку.

— Доброе утро, Бетси. Есть одна новость. Я только что собирался сообщить ее Билю, но теперь хочу порадовать и тебя вместе с ним. Лэмберт должен уйти в отставку. Вчера я получил заключение врачей. Вот я и решил, что у нас есть только один подходящий кандидат на его место. Итак, дорогая Бетси, твой муж — вице-президент!

Величественным жестом он бросил телефонную трубку на рычаг, и его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Не распространяйся на эту тему, Биль. Не будем ничего разглашать, пока я не сделаю официального объявления. Однако факт остается фактом. Можешь на меня положиться, даю тебе слово.

И все же я не очень верил Ч. Д. На его улыбавшемся лице было то же самое банкетное выражение, что и во время разговора с Элин. Той он купил билет на самолет. Сейчас он покупал меня. Я безнадежно завяз в болоте, но еще не окончательно потерял гордость. Гнев ударил мне в голову.

— Когда вы придумали все это, Ч. Д.?— крикнул я.— Минут десять назад? Тогда ищите кого-нибудь другого. Если я не могу занять кресло вице-президента только в силу моих личных качеств, тогда ко всем чертям ваше предложение!

Я поступил безрассудно, но зато почувствовал огромное удовлетворение. Банкетная улыбочка немедленно исчезла с лица Ч. Д. Следовало ждать, что сейчас разразится буря, однако в глазах старика с их постоянно меняющимся выражением появилось что-то веселое.

— Ну и ловкач же ты, Биль! Знаешь, как обращаться со мной. Не кипятись, ты получаешь новое назначение только в силу своих личных качеств. Сейчас ты еще раз доказал это — Дэйв Мэннерс ни за что бы не осмелился так разговаривать со мной.

Он долго смотрел на меня. Но вот в его взгляде появилось рассеянное, почти скучающее выражение, и он, не обращая больше на меня никакого внимания, вышел из комнаты.

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

ДЕДО ПО ОБВИНЕНИЮ...

Патрик КВЕНТИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Домой я ехал на такси. Мне все время казалось, что я опаздываю. Было около десяти часов, а в час мне предстояло принять участие в завтраке с Ч. Д. и его уполномоченным на Западном побережье. Но сначала нужно повидаться с Элин. Ч. Д., несомненно, начнет допытываться, как прошел наш разговор. Однако пока я не повидаюсь с Полем и Анжеликой, мой замысел создать для нее алиби да и мое собственное спасение останутся под вопросом.

Открывая дверь в квартиру, я услышал голос Элин: она с кем-то разговаривала в гостиной. Вначале я подумал, что с Рикки, но сообразил, что Элин должна была отправить его в детский сад по меньшей мере час назад. Я вошел в гостиную. На ручке кресла сидел лейтенант Трэнт.

От неожиданности меня едва не хватил удар. При моем появлении Элин поспешно поднялась со стула. Она всегда считала, что в присутствии хозяев ей не следует и носа показывать из детской, а тем более появляться в гостиной. Эта внешняя почтительность должна была бы успокоить меня. Однако я сразу почуял, что в разговоре между ними руководящую роль играет лейтенант Трэнт. Он тоже встал и улыбнулся мне с той же почтительностью и скромностью, что и в квартире Ч. Д., но сейчас он вовсе не показался мне таким юным и вовсе не таким простоватым, как недавно.

— Алло, мистер Гардинг! Я только что разговаривал с мисс Ходжкинс. Не люблю откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.— Он повернулся к Элин, которая стояла, уставившись в пол и всем своим видом давая понять, что она всего лишь няня и прекрасно знает свое место.— Ну что ж, мисс Ходжкинс, в общем, все это выглядит вполне правдоподобно. Пожалуй, я больше не стану занимать ваше время.

Элин вышла. Я ни минуты не сомневался, что она выполнила указания Ч. Д., и все же присутствие лейтенанта Трэнта вызвало у меня ощущение неловкости. Я с нетерпением ждал, когда он уйдет и позволит мне закончить разговор с Элин, но Трэнт не торопился и даже вновь уселся на ручку кресла.

— Конечно,— заметил он,— времени прошло еще немного, но и мы топчемся пока на месте.

— Жаль,— отозвался я.

— Вся беда в том, что нам не удается найти никого, кто бы хорошо его знал. Брауны, единственные соседи Лэмба, почти ничего не могут о нем рассказать. Он совсем недавно приехал в Нью-Йорк, по-моему, из Калифорнии, и временно снял квартиру у матери миссис Браун.

Я был уверен, что полиция немедленно установит связь между Джейми и Анжеликой, но вспомнил, что говорила Анжелика во время нашей второй встречи. По ее словам, она ни разу не была на квартире у Джейми, он сам всегда приходил к ней. Поскольку единственными свидетелями Трэнта по делу Джейми оставалась пока чета Браунов, он мог вообще не «выйти» на Анжелику.

Трэнт внимательно рассматривал картину на стене.

— Нельзя, разумеется, вовсе исключать возможность того, что он стал жертвой случайного грабителя, но мы не нашли в квартире никаких следов, которые подтверждали бы, что кто-то силой проник в нее. Откровенно говоря, я несколько разочарован, никто из вас не сообщил мне ничего такого, что могло бы навести на нужный след... Так вы говорите, что плохо его знали?

— Да.

— Вы познакомились с ним здесь, в Нью-Йорке?

Вопрос был задан так же между прочим и так же вежливо, как и все предыдущие. Он даже не смотрел на меня, и я почти не сомневался, что ничего серьезного Трэнт не имеет в виду. Он действовал в соответствии с обычной полицейской процедурой и собирал для проформы обычные в таких случаях сведения. И все же, хотя я теперь не так беспокоился об Анжелике, поведение Трэнта все более настораживало меня.

Пытаясь разговаривать и держаться так же непринужденно, как Трэнт, я ответил:

— Да, мы познакомились в Нью-Йорке. Он был приятелем одного моего друга в Европе и принес мне на службу рукопись своего романа в надежде, что я помогу ему напечатать эту вещь. Здесь-то он и встретил Дэфни.

— Вы не смогли бы назвать имя вашего общего приятеля, мистер Гардинг?

— Чарльз Мэйтленд,— быстро ответил я,— но, к великому сожалению, я и представления не имею, где он сейчас.

— Понимаю.— На лице Трэнта опять появилась приветливая улыбка. Он поднялся и подошел поближе к картине.— Буффэ?

— Да,— не без удивления подтвердил я. Полицейский, который так разбирается в живописи!

— Ну, теперь мы хоть что-нибудь знаем,— продолжая рассматривать картину, заметил Трэнт.— Правда, не очень много. Вчера вечером, часов около шести, Брауны постучали Лэмбу и спросили, не хочет ли он пойти с ними на вечеринку. Он ответил, что у него назначено свидание. Таким образом, нам известно, что в тот вечер он кого-то ждал. Впрочем, не исключено, что ему просто не хотелось идти, и свидание — всего лишь предлог, чтобы отказаться.

Трэнт оторвался от картины Буффэ, подошел ко мне и сунул руку в карман своего пиджака.

— У Лэмба мы нашли вот эту единственную вещь, которая вряд ли могла принадлежать ему и показалась нам неуместной в квартире мужчины. Нет, нет, я и не думаю, что вы смогли бы опознать ее.

Трэнт разжал пальцы, и я увидел кольцо моей матери с камнем в виде дельфина. То самое кольцо, что я подарил Анжелике накануне нашей свадьбы.

Теперь я определенно боялся Трэнта, хотя ни его голос, ни его взгляд, вполне дружественный, не давали для этого никакого повода. Однако я все больше проникался убеждением, что с самого начала он не верит ни единому нашему слову. При виде кольца моя тревога усилилась.

— Это женское кольцо,— сказал я.

— Да... Скорее всего сувенир, и принадлежал он, если судить по форме и фасону, его бабушке.

Трэнт снова положил кольцо в карман. Двигаясь легко и бесшумно, он подошел к стулу и взял тот самый желтый конверт, с которым приходил к Ч. Д. Открыв его, он осторожно вынул какую-то вещь, завернутую в носовой платок.

— Ну вот, у нас есть хоть это.— Он аккуратно, двумя пальцами, взялся за уголок платка.— Я и сам не знаю, почему соблюдаю такую осторожность. По данным экспертизы, никаких отпечатков пальцев не сохранилось. Но, повторяю, у нас есть хоть эта вещь, она лежала рядом с ним. Найти ее владельца, надеюсь, не составит трудностей, а уж тогда мы легко выйдем на след.

Трэнт отбросил в сторону кончик платка, и я увидел автоматический «кольт» сорок пятого калибра старого армейского образца. Я узнал его сразу, хотя за последние три недели ни разу о нем не вспоминал. Тот самый пистолет, который я видел у Анжелики.

Голос Трэнта теперь казался мне каким-то ненастоящим, как на ленте, которую прокручивают в обратном направлении, да еще на испорченном магнитофоне.

— Вещь старая, ее можно было приобрести разве что в ломбарде. Ну да мы это точно установим, хотя придется потратить некоторое время.— Он улыбнулся.— Не исключено, конечно, что нас и тут ожидает тупик. Выяснится, например, что пистолет купил сам Лэмб.

Он снова осторожно завернул пистолет в платок и вложил в конверт.

— Мистер Гардинг, я все время хотел спросить вас об одной вещи.

Я взглянул на Трэнта, мысленно спрашивая себя, удается ли мне хоть отчасти контролировать выражение своего лица. Он снова улыбался, и его улыбка была чуть ли не застенчивой.

— Скажите, пожалуйста, вы случайно не тот ли Уильям Гардинг, который написал «Полуденный зной»?

Из всех возможных вопросов меньше всего на свете я ожидал этого.

— Собственно, это в самом деле я.

— Ради бога, извините за неумеренный восторг. Я знаю, как непереносимы докучливые поклонники, но я прочел вашу книгу три раза. По-моему, это один из наших лучших романов о войне.— Он постучал пальцем по конверту с пистолетом.— Ну что ж, мы оба с вами занятые люди. Мне нужно бежать.

Он пошел к двери.

— До свидания, мистер Гардинг.

— До свидания, лейтенант.

Дверь за ним закрылась, но мне казалось, что он не уходил, что он все еще дружески смотрит мне в глаза и что я по-прежнему слышу его дружеский голос, в котором нет и тени подозрительности. Кольцо Анжелики оказалось в квартире Джейми, убитого из револьвера Анжелики... Мне вновь стало не по себе, но я поборол нарастающий страх. Для каждого из этих фактов можно было, очевидно, найти множество объяснений, и любое из них доказывало бы невиновность Анжелики. Судя по установленному врачом времени смерти Джейми, она не имела никакого отношения к убийству. И тем не менее Трэнт, несомненно, докопается, что пистолет принадлежит ей. Нет, неприятностей мне все-таки не избежать.

Однако у меня не было времени предаваться мрачным мыслям. Я заставил себя не думать о Трэнте и отправился искать Элин. Она оказалась в детской; этого и следовало ожидать, учитывая ее чопорность и постоянные утверждения, что она знает «свое место». По ее градации, нухарка и кухня, например, стояли «ниже» ее, в то время как Бетси, я и гостиная — «выше».

Она снова занималась вязанием, склонившись над каким-то розовым шерстяным мешочком, натянутым на кольцевые спицы. Может, это была детская юбочка? Я ожидал, что Элин, как и утром, наградит меня ледяным, осуждающим взглядом. К моему изумлению, она посмотрела на меня заговорщически и почти кокетливо. Вот что сделала с ней взятка Ч. Д.! Я уже не был в ее глазах «этим отвратительным, безалаберным Гардингом», я был зятем самого мистера Кэллингхема — такого славного, такого доброго...

— Все прошло хорошо, Элин?

— Конечно, сэр. Я отвечала именно так, как и велел мистер Кэллингхем.

— И Трэнт поверил?

— Не сомневаюсь, сэр.

Видя Элин такой услужливой, я решился на откровенность.

— Мистер Кэллингхем очень вам признателен. Вы понимаете, мисс Дэфни довольно часто встречалась с этим молодым человеком, а вчера провела весь вечер совершенно одна. Мистер Кэллингхем решил, что для всех нас будет лучше, если мы последуем его совету.

Элин энергично закивала.

— Разумеется, сэр. Я все прекрасно понимаю, сэр. Убит этот красивый мистер Лэмб, не так ли?

— Да, кстати, мистер Кэллингхем просил передать, что увидит вас в начале будущей недели и окончательно договорится о приезде вашей племянницы.

Я тут же сам испугался этого откровенного намека на взятку, но, оказывается, не учел, насколько продажна эта особа. Элин отложила вязанье и всплеснула руками, изобразив на своем лице почти благоговейную почтительность.

— Ах, мистер Гардинг, если бы вы только знали, как это будет чудесно для моей сестры и бедной маленькой Глэдис... Вы знаете, мистер

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—5.

Кэллингхем прямо-таки святой. Настоящий святой!

В своем новом качестве Элин показалась мне настолько безвредной, что я без особых опасений перешел на скользкую почву.

— Да, вот еще что, Элин. Относительно другого... Коль скоро мистер Кэллингхем нашел нужным представить дело так, будто вчерашнюю ночь мы с Дэфни провели здесь... я полагаю... да и вы, надеюсь, тоже... В общем, я полагаю, что будет более правильным, если мы оба забудем о...

— О да, о да, сэр! Безусловно, сэр! — На лице Элин появилась широкая улыбка, обнажившая ее розовые десны. Никогда еще я не видел ее в таком шаловливом настроении, и это зрелище весьма меня встревожило.— Кто из нас не грешен, правда?

— Ну, конечно.

— Да и к чему расстраивать миссис Гардинг, правда? Она всегда так добра и заботлива!

Я внезапно подумал о предстоящем приезде Бетси и ощутил прилив глубокой радости.

— Вот, вот,— подтвердил я.— Она так добра и заботлива.

Элин все еще показывала мне розовые десны, но теперь в ее поблескивающих глазах, ставших совсем крохотными, явственно читалось сознание своего превосходства.

— Я уверена, сэр, что вы полюбите маленькую Глэдис. Она миленькая и тихонькая, как мышка. И вы и миссис Гардинг вряд ли вообще заметите ее, когда она появится в доме после больницы, так что она сможет подольше пожить со мной. Она скрасит мое одиночество и станет хорошей подружкой для маленького Рикки.

Мне следовало бы понять, что Элин, вкусив сладость взятки, будет с нетерпением ожидать следующего вспрыскивания. И только сейчас, после того как она объявила цену на самое себя столь же откровенно, как продемонстрировала свои десны, я сообразил, что дело могло кончиться гораздо хуже. Маленькая Глэдис пока находилась в далеком и потому вполне приемлемом будущем и представляла довольно легкое бремя, которое мне предстояло нести в обмен на молчание, означавшее для меня так много. Я натянуто улыбнулся Элин, скрепляя нашу сделку.

— Разумеется. Ваша маленькая Глэдис может жить у нас, сколько ей понравится.

Элин снова защелкала спицами.

— Вы переговорите об этом с миссис Гардинг после ее возвращения, сэр?

— Безусловно.

— Наша маленькая Глэдис такая миленькая и всегда так заботится о других! Мы все называем ее ангелочком и...

Теперь мне уже не приходилось возражать против того, что меня шантажируют, но я не мог тратить время на выслушивание побасенок об ангелочке Глэдис. Все с той же вымученной улыбкой я придумал соответствующий предлог и поспешил уйти. Из гостиной я позвонил Полю Фаулеру в канцелярию фонда и спросил, смогу ли заехать к нему.

— Конечно,— ответил он.— Да привези чек покрупнее. Фонду по обеспечению Сандры Фаулер механи, драгоценностями и автомобилями требуются деньги, деньги, деньги...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Было уже четверть двенадцатого. Канцелярия фонда находилась на углу Тридцатой улицы и Лексингтон-авеню. Такси, в котором я ехал, с трудом пробиралось в потоке машин, заполнявшем улицы в эти часы. Мы двигались с черепашьей скоростью, и хотя медленная езда действовала на нервы, она в то же время позволяла снова и снова продумать план спасения Анжелики. Я уже понял, какого опасного противника имею в лице Трэнта, но не находил в своем плане уязвимых мест. Поль и Проп не поддерживали никакой связи с Джейми. Трэнт не будет знать об их существовании, пока мы не представим их в качестве свидетелей алиби Анжелики, предварительно отрепетировав во всех деталях придуманный мною вечер.

Мне все больше начинало казаться, что нет ничего страшного в этом новом для меня состоянии, когда приходится лгать, изворачиваться, хитрить. Требовалось только одно — использовать в личной жизни ту же стратегию и тактику, которую использовала фирма Кэллингхема в своих делах. Я настойчиво внушал себе, что беспокоиться не о чем, постарался забыть о весьма неприглядных обстоятельствах моего неожиданного повышения по службе и позволял себе помнить лишь о приятной стороне события. На пост вице-президента был назначен я, а не Дэйв Мэннерс. Что бы этому ни предшествовало, факт остается фактом.

Поль оказался в своем кабинете. Положив ноги на письменный стол, он разговаривал по телефону и казался воплощением любезности.

— ...Конечно, миссис Мэллет... Безусловно, миссис Мэллет... Вся сумма вычитается из сумм, подлежащих обложению налогом, и если вы хоть чуточку в этом сомневаетесь, пожалуйста, проконсультируйтесь со своим налоговым инспектором...

Он приветливо мне улыбнулся, но, продолжая говорить в трубку, принялся строить самые страшные гримасы, ухитряясь в то же время жевать резинку. Я еще никогда не встречал таких голубых и таких умных глаз, как у Поля. Эти глаза все видели и все замечали — смешное и печальное. Едва взглянув на Поля, на его измятый дорогой костюм, съехавший набок галстук стоимостью не менее десяти долларов, на чудесные кашемировые носки, небрежно спущенные на ботинки, я сразу почувствовал себя спокойнее.

— ...Тысяча долларов, миссис Мэллет?.. Да вы просто золотце, миссис Мэллет! Фонд Бетси Кэллингхем по борьбе с лейкемией приветствует вас и награждает «Алым знаком доблести»... Да, миссис Мэллет, у меня веселое настроение, я буквально парю на крыльях, как и все те, кто в сей грешной жизни трудится на благо других... До свидания, дорогая миссис Мэллет!

Он швырнул трубку на рычаг, сделал комически-яростную гримасу, потом надулся и уставился на меня, изображая Ч. Д.

— Мистер Гардинг, мой мальчик, ты, конечно, слышал, что Американская медицинская ассоциация в конце концов все же нашла причину не только лейкемии, но и всех прочих болезней. Причиной всех — повторяю, всех! — болезней является страшный вирус кэллингхемии, проникающий в организм через поры кожи на кончиках пальцев, стоит лишь прикоснуться к любому из журналов, издаваемых фирмой Кэллингхема. Во имя науки, мистер Гардинг, во имя наших будущих поколений мы обязаны трудиться не покладая рук, день и ночь, до тех пор, пока все эти гнусные источники бедствий человечества... Приветик!

Поль ничего не знал об убийстве Джейми. Как только я начал рассказывать, он снял ноги со стола, выпрямился и уставился на меня неподвижным взглядом. Потом я перешел к своему приключению с Анжеликой и, к собственному удивлению, обнаружил, что не только не испытываю никакой неловкости, но скорее даже облегчение. Я как бы смотрел на себя глазами Поля и видел, что в моем рассказе нет ни пошлости, ни глупости, что звучит он, как один из тех несколько пикантных анекдотов, с помощью которых приобретается известная популярность на приемах и вечеринках. Вскоре Поль начал ухмыляться, а когда я стал описывать, как Элин застала меня и Анжелику в объятиях друг друга, он громко рассмеялся. И уж совсем гомерический хохот вызвали у него мои слова о том, в какое щекотливое положение поставило меня алиби, придуманное Ч. Д. для Дэфни. Однако в смехе Поля не было ничего злорадного. Со своим живым умом он мгновенно оценил создавшуюся обстановку и выразил искреннюю озабоченность о ее возможных последствиях. Прежде всего он подумал о Бетси; ее, сказал он, обязательно нужно оградить от неприятностей. Не забыл он и об Анжелике.

— Бедняжка! А какая красавица! Самая красивая женщина, какую я когда-либо видел. Биль, ты просто прелесть! Ухитрился так все запутать, что сам черт ногу сломит. Что же нам теперь делать?

Я изложил Полю свой план, в котором главная роль отводилась ему и его жене: именно они должны были доказать алиби Анжелики. Поль охотно согласился, но все же в его глазах промелькнуло сомнение.

— Подожди! А как же с Проп? Она глупа как пробка! По-твоему, она сможет понять, что от нее требуется?

— По-моему, да.

— Дай бог. Вообще-то, пока этот фараон доберется до нас, она все равно забудет, как провела вчерашний вечер. Ну, а если он начнет о чем-то подозревать, залепим ей рот клейкой тесьмой и сообщим твоему лейтенанту, что Проп страдает неизлечимым бактериопсихозом.— Он перегнулся через стол и пошлепал меня по руке.— Все обойдется, мой мальчик! Можешь не беспокоиться. Бывшая миссис Гардинг весь вечер провела с нами. Были только мы и она, и ни единая душа нас не потревожила. Во всех христианских царствах и государствах ты не найдешь более щедрых дарителей алиби.— Он помолчал, потом спросил: — Да, кстати, а где сейчас Анжелика?

Невероятно, но факт: этот вопрос не приходил мне в голову. Я порекомендовал ей отправиться в «Уилтон-отель» и считал, что она последовала моему совету. Но... Меня снова охватила тревога.

— По-моему, в «Уилтоне».

— По-твоему! Позвони туда и узнай точно.— Он показал на телефон.— Скажи ей, пусть сей-

час же приезжает сюда. Хочешь верь, хочешь нет, но Проп собирается сегодня днем отправиться по магазинам и заняться своим любимым делом — пускать денежки по ветру. Она вот-вот нагрянет сюда. Сначала я должен сводить ее на ленч в какой-нибудь фешенебельный ресторан, а потом она отправится растранжиривать наш семейный капиталец и привезет домой целую кучу черного ажурного белья. Мы позавтракаем вчетвером, проинструктируем Анжелику, и все будет в порядке.

— Но я-то не смогу с вами позавтракать. Мне надо поспеть на ленч с Ч. Д. и одной очень важной персоной.— Я взглянул на часы, показывавшие половину первого, и почувствовал, что мое беспокойство усиливается.— Вы можете позавтракать с Анжеликой без меня и обо всем договориться, а потом, когда я вернусь...

Я уже протянул руку к телефону, но в эту минуту раздался звонок. Поль снял трубку, и на лице у него появилась та же комически-яростная гримаса.

— У телефона Поль Фаулер... О любимая! Ты где? Где, где?.. Подожди, крошка, но ты... Что?!

Гримаса сползла с лица Поля.

— Ты так и сказала, крошка? Боже милосердный! Но неважно... Нет, нет, забудь об этом! Лучше приезжай сюда! Да, дорогая, ты же знаешь, я тебя очень, очень люблю!..

Поль положил трубку и посмотрел на меня. Мне показалось, что он как-то сразу осунулся, хотя и пытался улыбнуться.

— Не получится,— сказал он.— Придется придумывать что-то другое.

— Не получится?

— Этот твой фараон не теряет времени. Очевидно, Дэфни успела проболтаться ему о нас. Он уже встретился с Проп и только сейчас оставил ее в покое. Его интересовало, помимо всего прочего, что мы делали вчера вечером. Она, разумеется, ответила, что мы сидели дома и что к нам никто не приходил.

Мне вдруг показалось, что лейтенант Трэнт, невозмутимый и почтительный, стоит рядом со мной и с отсутствующим видом смотрит куда-то в сторону. Потом я вспомнил, что Дэфни действительно упомянула Фаулеров, хотя и между прочим, без всякого повода. Она сказала, что мы с Бетси устраивали обед в честь Джейми и что Бетси и Фаулеры просто носились с ним. Вот и все. Но лейтенант Трэнт запомнил ее слова, быстро разыскал Фаулеров и с прямотаки сатанинской интуицией направился от меня к Проп.

Теперь Фаулеры выпадали из игры. Анжелика оставалась один на один с противником и ставила нас всех в очень опасное положение.

Начиная все больше бояться Трэнта, я в то же время почувствовал, что ко мне возвращается прежнее возмущение Анжеликой. Во всем была виновата она.

Поль не сводил с меня широко раскрытых глаз.

— Так что же, Биль, что мы теперь будем делать?

— Ума не приложу.

— Попробуем хотя бы позвонить Анжелике.— Он перелистал телефонный справочник, нашел нужный номер и набрал его.— Гостиница «Уилтон»? Попросите к телефону миссис Анжелику Гардинг.

Я стоял и, все еще не собравшись с мыслями, посматривал на Поля, мучительно размышляя, что предпринять дальше, если Анжелики в отеле не окажется и след ее затерялся.

— Среди ваших жильцов нет никакой миссис Гардинг?

У меня перехватило дыхание.

— Одну минуту.— Он повернулся ко мне.— Как ее девичья фамилия?

Вот о чем я не подумал!

— Робертс.

— Ну, а как с Анжеликой Робертс? — снова заговорил Поль в трубку. На его лице отразилось облегчение.— Да? Чудесно! — Он широко улыбнулся мне.— Анжелика? Одну минуту.

Я взял протянутую Полем трубку, испытывая сильное желание как следует отчитать Анжелику за то, что она заставила меня пережить несколько минут страха.

— Анжелика?

— Да, Биль?

— Ты знаешь что-нибудь о Джейми?

— А что я должна знать?

— Разве ты не читала газет?

— Газет? Нет. Я все утро не выходила из комнаты.

— Джейми мертв. Вчера ночью он найден убитым в своей квартире.

Анжелика вскрикнула. Она долго молчала, потом тихо, так, что я едва расслышал, проговорила:

— Нет, нет! Не может быть!

— Может.

— Кто это сделал? Кто его убил?

— Это меньше всего должно нас беспокоить.

— Биль, ты где сейчас? Могу я приехать к тебе?

— Нет. Тесть пригласил меня на ленч. Ты должна оставаться в своей гостинице.

— Хорошо.

— Что бы ни случилось, никуда не выходи. Я приеду к тебе, как только освобожусь.

— Буду ждать.

— Если приедет полицейский, лейтенант Трэнт, ради бога, постарайся избежать встречи с ним.

— Полицейский? Ах да, разумеется.

— Не выходи из гостиницы и ни с кем не разговаривай, пока мы не повидаемся.

Я бросил трубку и повернулся к Полю.

— Мне нужно ехать к Ч. Д.

— Конечно, Биль. Тебе нужна моя помощь?

— А что ты можешь теперь сделать?

— Ну, не знаю. Ты наверняка что-нибудь придумаешь.

— Я?!

— Да, да, ты! — Поль озабоченно и в то же время с участием смотрел на меня, и я подумал, что сейчас он единственный на всем свете человек, которому я могу полностью довериться.— Биль, не забывай об одном важном обстоятельстве. Эксплуататорша! Я-то знаю, ничего предосудительного между тобой и Анжеликой не произошло. Во всем Манхэттене не сыщешь ни одного существа мужского пола, за которым не водились бы грешки. Пусть тебя не терзает совесть. Но, пожалуйста, остерегайся Бетси. У женщин, особенно таких, как она, своя логика. Если она узнает о прошлой ночи, если Элин сообщит ей подробности, Бетси устроит грандиозный скандал. Она...— Поль умолк, но после краткой паузы продолжал: — Черт побери, почему я должен объяснять тебе, как на это посмотрит т в о я жена? — Он участливо положил свою руку на мою.— А впрочем, перестань беспокоиться, дружище. Перемелется — мука будет. Хороший маленький вице-президент! Беги скорее к своему милому тестю!

Поль проводил меня до лифта и, когда я уже вошел в кабину, крепко сжал мой локоть.

— Поддерживай со мной связь. Старая мама Фаулер с ее всеобъемлющей грудью всегда на месте.

В кабинет Ч. Д. я пришел несколько раньше назначенного времени, чуть опередив Бэлдона. Я передал Ч. Д. подробности своего разговора с Элин, и он, кажется, остался доволен. Мистер Бэлдон был исключительно важной персоной и по своей роли и значению стоял неизмеримо выше меня на служебной лестнице. Приглашение Ч. Д. позавтракать с ним и Бэлдоном должно было означать мои первые шаги в качестве преемника Лэмберта. Я понимал, что должен показать себя с самой лучшей стороны, и потому во время мучительно тянувшегося ленча миллион раз, но всегда кстати, одаривал «исключительно важную персону» очаровательной улыбкой и всегда кстати вставлял нужное словечко, не только показывая, что я «энергичный» и «хороший» парень, но и что мне не впервые проводить время в таком изысканном обществе. Судя по довольной физиономии Ч. Д., это мне полностью удалось, однако весь ленч был для меня сущей пыткой.

Мистер Бэлдон пил, как кинозвезда. Он проглотил четыре бокала коктейля до ленча, основательно заправился вином во время еды, а потом взялся за коньяк. Изображая светского человека и усиленно стараясь не пьянеть, я в то же время мучительно размышлял, как быть дальше с Анжеликой. Слабый проблеск надежды появился у меня, когда я вспомнил, что перед приходом ко мне она заходила в бар, намереваясь занять деньги у знакомого бармена. Если нам хоть немного повезет, кто-нибудь, возможно, вспомнит, что она действительно появлялась в баре. Это послужит доказательством того, что в полночь она находилась очень далеко от квартиры Джейми и никак не могла оказаться в ней к моменту убийства. Бармен... Он в тот вечер не работал. Но, может, он согласится засвидетельствовать, что Анжелика все время была у него на глазах? Но я тут же понял, что мой план создать для Анжелики подобное алиби не имеет под собой никакой почвы. Между тем мистер Бэлдон окончательно развеселился, виной чему был, несомненно, коньяк, и выразил желание «развлечься». К моему ужасу, Ч. Д. немедленно предложил ему посетить с моей помощью некоторые злачные места. Я уже с тоской представлял себе, как проведу остаток дня, сопровождая мистера Бэлдона из одного бара в другой, потом по ночным клубам, но, к счастью, в самую последнюю минуту «исключительно важная персона» объявила, что она изволила притомиться и потому решила отбыть на отдых в свою гостиницу.

Мне удалось отвязаться от них только в половине четвертого.

Я нанял такси и помчался в «Уилтон». Никакого плана у меня не было, я просто не знал, что предпринять, тем более что вино и утомление лишили меня способности рассуждать сколько-нибудь связно.

«Уилтон» представлял собой сравнительно недорогой, мрачный и вместе с тем достаточно респектабельный отель. В унылом большом вестибюле, обставленном в стиле модерн, что, однако, вопреки надеждам дирекции, не делало его более уютным, я подошел к дежурному администратору и сказал, что хочу повидаться с Анжеликой.

— Ваша фамилия, сэр?

— Гардинг.

— Пожалуйста, мистер Гардинг, вас ждут.

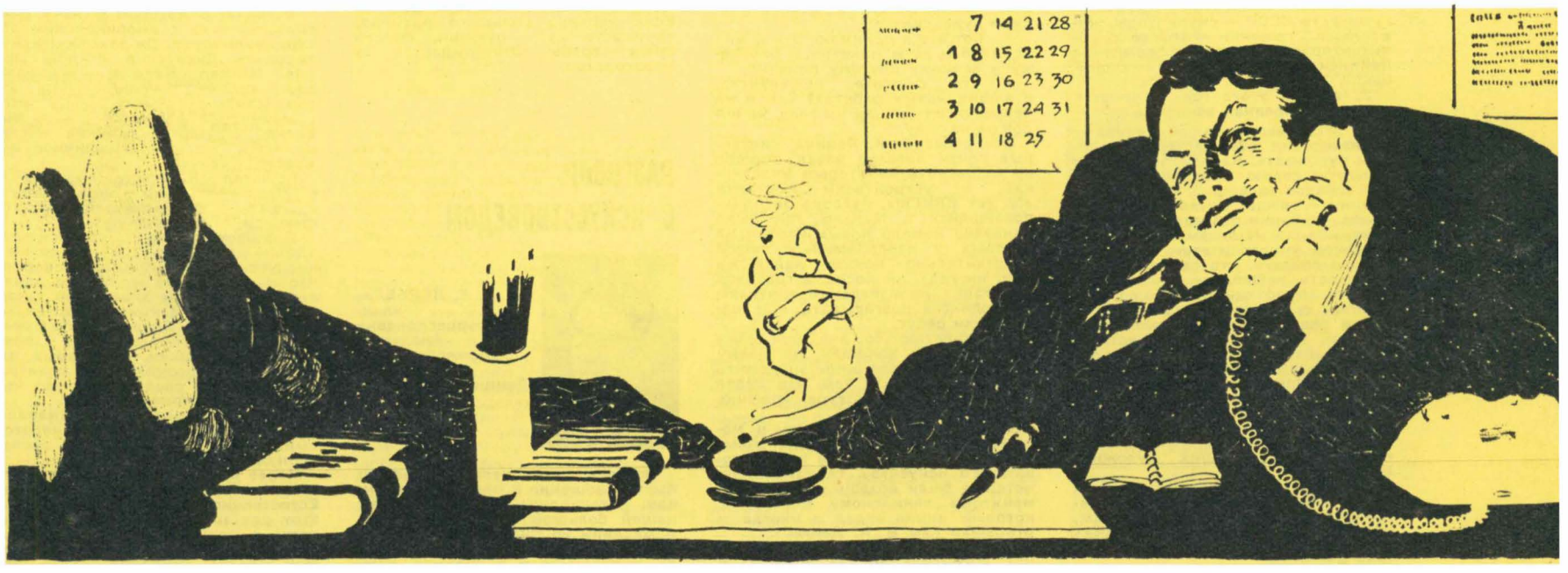
На нужный этаж меня доставил лифт, явно свидетельствовавший, что им пользуются преимущественно воспитанные старые дамы с отнюдь не воспитанными комнатными собачками. Внезапно нервы изменили мне, и я уже ни секунды не сомневался, что у двери номера Анжелики встречусь с лейтенантом Трэнтом.

Конечно, Трэнта не оказалось. Я нажал на кнопку звонка, и Анжелика открыла дверь.

— Полиция пока не появлялась,— сообщила она.

Перевел с английского
Ан. Горский.

Продолжение следует.



Патрик КВЕНТИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ДЕЛО ПО ОБВИН

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Вслед за Анжеликой я прошел в бедно обставленный номер. На комоде стоял радиоприемник с коробкой, как у телефона-автомата, куда надо было опускать монеты, если вы хотели слушать передачи. На складном стульчике лежал потрепанный чемодан Анжелики. Все здесь действовало удручающе. Да и сама Анжелика, чья красота так часто доводила меня до исступления, сейчас тоже вызывала лишь чувство подавленности и неловкости. Ничего не испытывая к ней, даже сожаления, я спрашивал себя: кому нужно ее существование? Она превратилась в препятствие на моем пути, грозившее уничтожить все, чего я достиг, и потому подлежавшее устранению.

Анжелика выглядела очень усталой, словно давно не спала. Она тут же стала закуривать неизменную сигарету, и звук чиркнувшей по коробку спички вызвал у меня раздражение. Анжелика покорно ждала, когда я заговорю. Я вспомнил, что лишь накануне вечером объяснялся ей в любви и, окончательно потеряв голову, воображал, будто только она может дать настоящее счастье мне и Рикки, а моя жизнь с Бетси — сплошной самообман. Я весь съежился при мысли о вчерашнем, и злость против нее — уже в который раз! — вспыхнула во мне с новой силой. Черт побери, ведь это она втащила в нашу жизнь Джейми; это она в течение двух лет с бабьей покорностью цеплялась за него, безропотно переносила бесчисленные унижения, а потом так же безропотно позволила бросить себя. Она его нашла — почему же не удержала? Почему позволила ему впутаться в жизнь Дэфни? Почему по первому же его слову послушно собрала свой чемоданишко и приплелась ко мне?

— Ну, что ж, надеюсь, ты довольна неприятностями, которые всем нам причинила? — почти в бешенстве спросил я.

Я понимал, что мое обвинение беспочвенно и что Анжелика вправе защищаться. Но она и не подумала воспользоваться своим правом. Спокойная и печальная, она стояла у окна; ее спустившиеся на плечи волосы отливали матовым блеском.

— Расскажи мне о Джейми,— попросила она.

— А что рассказывать? Вчера вечером его кто-то застрелил.

— Но кто?

— Откуда мне знать? И вообще, что я знал о Джейми Лэмбе? Это ты должна о нем знать.

— Видишь ли, ни я, ни Элин пока ничего не сообщили о тебе полиции.

Я рассказал Анжелике обо всем, что предпринял. И по мере того как рассказывал, видел себя уже не ловким комбинатором, получившим в награду вице-президентство, а ничтожным, гадким холуем, который тычется туда и сюда и трусливо отбрасывает всякие принципы, лишь бы спасти собственную шкуру и умилостивить своего владыку. Возможно, мне было бы легче рассказывать, если бы Анжелика хоть на время отвела взгляд. Но она внимательно смотрела на меня своими большими глазами, и хотя в них не было ни малейшего упрека, сама эта внимательность, смешанная с удивлением, казалось, выражала осуждение, словно Анжелика думала: «И этого человека я любила!»

Нет, нет, я сам наделял ее ролью своего судьи и тем не менее еще сильнее ее за это ненавидел. Чем она лучше меня, чтобы иметь право судить?..

Я замолчал, а Анжелика, все еще не сводя с меня глаз, закурила очередную сигарету и спокойно заметила:

— Вот так, значит, обстоит дело?

— Да.

— Теперь ты и Дэфни связаны одной веревочкой. Если меня найдет полиция и я не смогу доказать свое алиби, придется говорить правду, и тогда постройка, возведенная тобой и мистером Кэллингхемом, рухнет... Если же я утаю правду, полицейские решат, что убийца я. И тогда меня арестуют.

Простая констатация этих фактов прозвучала как обвинение. Однако тон Анжелики не изменился; она по-прежнему смотрела на меня кротко, словно извиняясь, и это могло свести с ума. Я не ответил, и она спросила:

— Чего бы ты хотел от меня? Что я должна сделать?

«Умереть,— подумал я.— Исчезнуть». Не имея за душой ни дельного совета, ни предложения, я лишь сказал:

— А как с баром? Ты ведь была в баре в двенадцать часов, там должны тебя помнить.

— Нет. В бар я не заходила.

— Но ты же говорила!

— Собиралась зайти занять денег у знакомого бармена, но через окно увидела за прилавком другого бармена и вспомнила, что мой знакомый сегодня не работал. Тогда я зашла в аптеку и позвонила тебе.

Почему все, к чему бы она ни прикоснулась, тут же разваливалось?

— Ну, а если попробовать с барменом? Ты говоришь, он твой друг и имел выходной вечер. А что, если...

— Если я провела этот вечер с ним? — Анжелика криво улыбнулась.— Он совсем иной друг. Просто мы иногда немножко болтали через стойку. Если мне не изменяет память, у него жена и пятеро детей.

Я и сам не верил в реальность своего проекта, но теперь, услышав ответ Анжелики, окончательно впал в отчаяние. Круг замыкался. Анжелика оставалась женщиной, предназначенной самой судьбой для того, чтобы уничтожить меня.

Взглянув в окно на грязные крыши и дымовые трубы, она повернулась ко мне.

— Ты ведь знаешь, я никогда не была на квартире Джейми, он не позволял приходить. В Нью-Йорке мы всего несколько недель, и у нас нет общих знакомых. Возможно, полиция и не нападет на мой след.

— Обязательно нападет. Джейми убит из твоего револьвера...

— Из моего револьвера?!

— Да, из револьвера, который я видел в тот вечер у тебя под подушкой. Трэнт нашел его около трупа и показал мне. Я его сразу же опознал. Ты знала, что он у Джейми?

— Знала. Джейми взял его у меня три дня назад.

— Зачем?

— Он приходил ко мне сказать о своей женитьбе на Дэфни. Предполагалось, что я устрою ему большой скандал, но я не устроила. Он страшно разозлился и... Мы разговаривали в спальне, и я ухитрилась достать револьвер из-под подушки. Джейми успокоился, а потом, уходя, выпросил его у меня. Он без денег и хотел его заложить.

Она рассказала мне об этом совершенно обыкновенным тоном, будто речь шла о нормальном эпизоде из области совершенно нормальных человеческих взаимоотношений. Я живо представил себе, как они, упиваясь разыгрываемой мелодрамой, дерутся, грозят друг другу револьвером, потом начинают ворковать, как голубки, и под конец решают заложить револьвер, чтобы Джейми мог купить для Дэфни, скажем, пару нейлей в каком-нибудь фешенебельном баре. Я опять подумал, какую убогую и безалаберную жизнь вела Анжелика, и уже не испытывал того чувства вины, что охватило меня в первые минуты нашего свидания. Сейчас она была в моих глазах обыкновенной неврастеничной, испорченной этой пошленькой и дешевенькой связью, смысла которой я не мог понять. Вместе с таким удобным для меня презрением к Анжелике я почувствовал желание причинить ей боль.

— Ты, наверное, и мое кольцо отдала ему для той же цели? — заметил я.— Полиция обнаружила его в квартире Джейми.

Анжелика начала медленно краснеть.

— Да. Отдала и кольцо.

— Заложить?

— А почему бы и нет? — Зарумянившееся лицо делало Анжелину совсем юной и какой-то беззащитной, хотя ее глаза блестели от гнева.— Надеюсь, ты не думаешь, будто я хранила кольцо в качестве сувенира твоей нежной любви?

— Оно было у тебя на пальце в тот вечер, когда мы встретились в баре.

— Ну и что?

— Ты...— Я вовремя спохватился: было бы нелепо позволить разговору развиваться в этом направлении. Наобум я спросил:

— Где ты купила этот револьвер?

— В ломбарде на Третьей авеню.

— И зарегистрировала на свою фамилию?

— Конечно.

— Анжелика Гардинг?

— Анжелика Робертс.

Удивительно, как я сам об этом не догадался. Впрочем, про себя я всегда называл Анжелину своей фамилией. Мысли у меня заработали быстрее, и я сообразил, что эта маленькая деталь может спасти всех нас.

— Какой адрес ты дала?

— Западная Десятая, там, где я жила.

Мне показалось, что лейтенант Трэнт незримо появился около меня. Но теперь он не представлял опасности, как и Анжелика. Ни он, ни она отныне не имели никакого значения: я знал, как с ними справиться. Доберется ли Трэнт до ломбарда на Третьей авеню? Разумеется. Он, конечно, установит и фамилию человека, который приобрел пистолет. А дальше? Это будет не имя Анжелики Гардинг, прямым путем ведущее ко мне, а имя какой-то Анжелики Робертс с адресом на Западной Десятой улице. Он отправится на Западную Десятую и узнает, что женщина с этим именем, которую там толком никто не знал, прожила несколько недель в чужой квартире и уехала. Да, подозрение у него, возможно, возникнет. Он, безусловно, начнет ее подозревать хотя бы потому, что револьвер принадлежал ей, а в ночь убийства она скрылась из Нью-Йорка. Но пусть подозревает сколько угодно, найти ее он все равно не сможет. Анжелики уже не будет ни на Западной Десятой, ни в Нью-Йорке вообще. Лейтенант начнет разыскивать по всей территории Соединенных Штатов женщину по фамилии Робертс, а эта фамилия — одна из самых распространенных в стране. Даже Трэнт с его поразительными способностями ни за что не найдет Анжелику в захолустном городишке штата Айова.

Теперь я видел все в розовом свете. Новый, только что возникший план казался мне безупречным. Надо было только укрепить Анжелику в ее намерении уехать. Поступая так, она не подвергала себя никакому риску: в конце концов Трэнт найдет гангстера или проститутку, подхваченную Джейми где-нибудь в баре, найдет того, кто убил его, и со временем имя Анжелики Робертс забудется.

Я почувствовал себя таким же энергичным, как Ч. Д. Анжелика сидела на кровати. Румянец покинул ее вместе со следами гневной вспышки. Ее лицо выражало лишь обычные для нее смирение и робость.

— По-твоему, его убила я? — тихо спросила Анжелика.

Меня так и подмывало бросить ей в лицо: «А почему бы и нет? Ты была без ума от него, хотя он всячески издевался над тобой и всего лишь за два часа до смерти выгнал на улицу». Однако убила его не она: медицинское заключение не оставляло сомнений на этот счет. К тому же я еще не совсем потерял самообладание и понимал, что у нас нет времени на взаимные обвинения. Анжелика не убийца, она просто досадная помеха, и ее нужно обезвредить — ради Бетси, ради Дэфни, ради Ч. Д., но главным образом ради меня.

— Я знаю: убила его не ты. По данным полиции, Джейми застрелили между половиной второго и половиной третьего. К тому моменту ты уже больше часа провела у нас на квартире.

— Следовательно, ты уже разговаривал с полицейскими?

— Разумеется.

— И эта женщина... ваша няня?

— Да.

— И тебе пришлось рассказать полицейским обо мне! Газеты, конечно, подхватят скандал, и все станет известно Бетси. Я испортила тебе жизнь, Биль, что я наделала?!

По выражению ее лица я понял, что она искренне переживает за меня, проявляя полнейшее равнодушие к собственной судьбе, и не мог не подумать, что она ведет себя благородно. Как-то сразу мой план, которым я хотел поделиться с ней, план, представлявшийся таким остроумным и правильным, когда я излагал его Полю Фаулеру, показался мне нелепым.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—6.

ЕНИЮ...

— Тебя знает кто-нибудь на Западной Десятой улице?

— Только женщина с той же лестничной площадки.

— Но ей неизвестно, что ты из Клэкстона?

— Конечно, нет.

— В таком случае слушай...

Я с энтузиазмом посвятил ее в свой замысел, нисколько не сомневаясь, что она одобрит его, и не ошибся. Анжелика молча выслушала меня, потом, волнуясь, тихо сказала:

— Я уже звонила на Пенсильванский вокзал и справлялась. Следующий поезд отходит в 5.35 вечера.

Я взглянул на часы: только половина пятого.

— У тебя осталось что-нибудь на квартире?

— Да. Почти все мои вещи.

— Чемоданы у тебя есть?

— Есть.

— Дай мне ключи, я съезжу за ними... Нет, это, пожалуй, слишком рискованно: от Трэнта можно ожидать всего. Я пошлю Поля, а ты пока собирайся, мы вполне успеем на поезд.

Анжелика подошла к высокому комоду, взяла сумочку, вынула из нее ключи и передала мне. Затем я подумал о деньгах. Вчера ночью я отдал ей все, что обнаружил у себя в бумажнике, а обращаться в банк уже не оставалось времени.

— У тебя хватит денег расплатиться с гостиницей?

— Я ничего не истратила из твоих денег. Мне надо уплатить только за номер и за сандвич, я его заказывала вместо ленча.

— Тогда расплачивайся, а на билет я возьму у Поля.

Позвонив Полю, я убедился, что он уже вернулся после ленча. Анжелика укладывала в чемодан платье.

— Когда соберешься, приезжай на Пенсильванский вокзал и подожди нас у справочного бюро.

Анжелика продолжала молча укладывать вещи. Наняв такси, я помчался в канцелярию фонда, вкратце сообщил Полю суть дела, причем из-за отсутствия времени даже не успел расспросить, что рассказала Проп о своей беседе с Трэнтом. Он одолжил мне двести долларов из денег фонда и с ключами Анжелики поспешно отправился к ней на квартиру.

Я приехал на Пенсильванский вокзал около пяти часов. Анжелика, в стареньком черном пальто и с повязанным на шее шарфом, стояла около справочного бюро. Купив билет до Клэкстона, я вручил его Анжелике вместе с остатком денег, и мы стали ждать. Поль появился в начале шестого с двумя чемоданами. Он кивнул Анжелике и смущенно улыбнулся.

— Привет, Анжелика!

— Здравствуй, Поль!

— Я затолкал сюда все, что могло принадлежать женщине.— Он указал на чемоданы.— Даже пенковую трубку. Кто знает, может, пригодится. Ну что ж, детки мои, желаю вам счастья и все такое. Мне нужно мчаться обратно, на службу к милой богатой мадам, которую я намерен как следует обчистить. Позвони мне, Биль, сразу, как только освободишься, я расскажу, что мне наболтала Проп.

Он помахал нам и скрылся еще до того, как я успел поблагодарить его. Состав уже подали, и на платформу, около которой он стоял, двигался поток пассажиров. Мы последовали за ними. Я разыскал место Анжелики, поставил на багажную полку чемоданы и бросил на сиденье купленные в киоске журналы. До отхода поезда оставалось десять минут. Мы вышли на перрон.

Не знаю, почему Анжелика вышла вслед за мной и почему я сразу же не уехал с вокзала. Желание как можно скорее отделаться от нее боролось во мне с глухой тоской по прошлому. Ведь рядом со мной стояла она, Анжелика, одинокая, никому не нужная, потерпевшая крушение и уползавшая обратно в то место, где еще надеялась найти приют. Теперь, когда я ее спас и обезвредил, во мне снова заговорила старая привязанность и... жалость.

— Может, мне нужно знать что-нибудь еще? — спросила она.

— Не думаю. Я напишу тебе, как будут развиваться события.

— Деньги я верну.

— Забудь о них.

— Нет, нет! Это же долг.

Тут я вспомнил, с какой алчностью Элин приняла взятку и как легко я согласился стать вице-президентом. Сравнение было не в мою пользу, но я заставил себя не думать об этом. Людей на платформе становилось все меньше; мимо нас прошел продавец газет и журналов, толкая перед собой тележку.

— Передай от меня привет своему отцу,— сказал я.

— Хорошо, передам.

Анжелика выглядела такой красивой и такой несчастной. Я было задал себе вопрос, что у нее сейчас на уме, но поспешил отогнать эту мысль.

— Надеюсь, ты будешь там счастлива,— неловко сказал я.

— Счастлива? — Ее огромные милые глаза остановились на мне.— Ты надеешься?

— Допускаю, что ты и сама пока этого не понимаешь, но поверь: без Джейми ты будешь чувствовать себя значительно лучше.

— Да?

Выражение беспомощности на ее лице рассердило меня.

— Ну что ты в самом деле! Это же еще не конец всему белому свету.

— Для тебя нет, не конец.— Она взглянула на меня, и в ее глазах я увидел презрение и отвращение.— Разумеется, для тебя это не конец, да его и не может быть для тебя; все ведь можно «устроить». Кто-то оказался убитым — надо устроить так, чтобы виновные остались в стороне. Кто-то знает слишком много — надо устроить так, чтобы от этого никому не было плохо. Кто-то вообще мешает — посади его в поезд и устрой так, чтобы он не стоял на твоем пути. Да, ты, несомненно, кое-чему научился. Ты многому научился. Ты и твои Кэллингхемы, вот уж поистине союз единомышленников!

Она резко отвернулась и направилась к поезду. Я пошел за ней.

— Анжелика!..

Она не оглянулась, поднялась по ступенькам вагона и исчезла.

Я пошел к выходу. Сердце у меня колотилось от злости. «Черт бы ее побрал! — думал я.— Она не только шлюха, но еще и ограниченная, тупая дура. Что, по ее мнению, мне следовало делать? Потерять работу, потерять жену, отказаться от всего ради какой-то нелепой, абстрактной истины?» Однако злость моя скоро прошла, и, оказавшись в толпе, заполнявшей центральный зал вокзала, я уже думал о том, что домой приеду часов в шесть и, возможно, застану там Бетси. Мысль о Бетси сразу принесла мне облегчение.

Анжелика окончательно ушла в прошлое.

Я только что навсегда отделался от грозившей мне страшной опасности.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Еще с вокзала, из кабины телефона-автомата, я позвонил Полю. Он только что вернулся к себе.

— Я ничего не рассказывал Проп во время ленча,— сообщил он.— По-моему, лучше не перегружать ее умишко.

— Ну и хорошо.

— Этот фараон, видимо, большого вреда не принес. Он с ней и разговаривал-то всего несколько минут. Проп даже не сказала ему, что знала Джейми раньше, в Калифорнии. Я поздравил ее с такой сообразительностью, но она заявила, что просто забыла об этом сказать... Значит, все в порядке?

— По-моему, да.

— Молодец! Не стесняйся и звони, когда тебе потребуется. Старая мамка-лейкемия работает круглосуточно.

— Спасибо, Поль.

— Да, кстати. Вернулась Эксплуататорша. Как только я приехал на службу, мне сообщили, что она звонила и спрашивала меня. Будь с ней любезен и мил.

— Разумеется.

— Целую тебя. Ты славный парень.

— Пока, Поль. Чек я перешлю тебе завтра утром.

— Правильно. Две сотни? Этого почти хватит Проп купить духи на субботу и воскресенье.

Я взял такси и в превосходном настроении отправился домой. Открывая дверь квартиры, я услыхал в гостиной голоса и вошел туда. Здесь оказались Бетси и Елена Рид, а с ними лейтенант Трэнт, с бокалом коктейля примостившийся, как всегда, на ручке кресла.

Он так долго и так неотступно преследовал меня в моих мыслях, что на мгновение показался призраком, созданным моей неспокойной совестью. К сожалению, это был вовсе не призрак.

— Биль, ты ведь знаком с лейтенантом Трэнтом? — заметила Бетси.— Он зашел узнать, не смогу ли я чем-нибудь помочь ему в расследовании убийства Джейми.

Трэнт кивнул.

— Как видите, мистер Гардинг, меня уговорили выпить. Но мне нужно двигаться дальше.

— Нет, но вы только подумайте! — воскликнула Елена Рид.— Убийство в ближайшем окружении Кэллингхемов. Кажется, чудесам не будет конца.

Я твердил про себя, что в появлении Трэнта нет ничего неестественного. Просто он считал своим долгом переговорить с Бетси — она тоже знала Джейми, хотя и немного,— и, как обычно, опередил меня. Но это не имело значения: как бы он ни хитрил, Бетси ничего не сможет ему сказать.

Жена выглядела усталой, но ее счастливая, так преображавшая ее улыбка обрадовала меня и рассеяла страх перед Трэнтом. Я подошел и поцеловал ее.

— Биль, дорогой, уговори свою жену хоть немного отдохнуть,— заговорила Елена Рид.— Вот я, кажется, свалюсь и буду отдыхать не меньше года. Если бы ты только знал, как мы измотались! Столько болтали и стольких очаровывали, что вчера вечером часам к десяти еле добрались до постелей. А сколько мы выпили минеральной воды (под видом шампанского)! Скольких матрон одарили своими ослепительно-благотворительными улыбками! Если я увижу еще хоть одно так называемое «простое» платье и жемчужное ожерелье, со мной произойдет истерика!

— Да, Биль, Елена была прямо-таки неотразимой,— подтвердила Бетси.

— Неотразимой?! — воскликнула Елена.— Скажи больше — божественной! Но почему мы без конца трещим только о наших успехах? Биль, милый, Бетси сообщила мне великую новость. Тысяча поздравлений! Не имею ни малейшего представления, чем занимается вице-президент, ответственный за рекламу, но знаю, что это нечто весьма важное. Выпьем!

Все, включая Трэнта, выпили за меня.

Вскоре он ушел, а минуты через две ушла и Елена. Как только за ней закрылась дверь, я спросил:

— Чем интересовался Трэнт?

— По существу ничем. Он спрашивал о Джейми, но я почти ничего не могла ему сообщить.

— Ты не рассказала, как Джейми побил Дэфни?

— Что ты! К тому же Дэфни его вообще не интересовала. Ведь она весь вечер провела с тобой.

Не желая вводить Бетси в заблуждение, я решил рассказать ей, как мы устроили алиби Дэфни.

— Не было ее здесь вчера,— сказал я.

— Как не было? А лейтенант сказал...

— Это мы с Ч. Д. все устроили.

— Биль, но ведь это же...

В комнату вошла кухарка и доложила, что обед подан.

— Давай пообедаем тихо и мирно по случаю твоего возвращения,— сказал я, как только она ушла,— а потом я все тебе расскажу. У тебя нет причин беспокоиться.

Все еще сомневаясь, Бетси испытующе посмотрела на меня. Я обнял ее и поцеловал. Она прижалась ко мне, словно мы не виделись вечность.

— Я так о тебе скучала, Биль. Наступит ли когда-нибудь время, когда я перестану быть влюбленной дурочкой?

— Надеюсь, никогда не наступит.

Не спеша, с сознанием собственной правоты снова целуя Бетси, я поймал себя на том, что через ее плечо посматриваю на кушетку, на которой вчера целовал Анжелику. Невероятно, но вчерашний эпизод показался мне чем-то случайным и не заслуживающим внимания, а сама Анжелика — плодом моего воображения.

После обеда я рассказал Бетси, как мы с Ч. Д. сфабриковали алиби Дэфни. Я понимал, что жена вряд ли одобрит придуманную нами ложь, ибо, как ни странно для отпрыска Ч. Д., она не терпела никакого обмана. Но я понимал и другое: именно потому, что Бетси принадлежала к клану Кэллингхемов, она в отличие от Анжелики в конце концов примирится с ложью, как с меньшим злом. Мне казалось, что мой рассказ выглядит, в общем-то, безобидно и даже банально, если к тому же учесть, сколько я не договаривал, и потому я даже удивился, когда она вдруг забеспокоилась:

— Ну, а что же Дэфни действительно делала вчера вечером?

— Не знаю.

— Но ты говоришь, она была с Джейми?

— Так утверждает Ч. Д. Часть вечера и ночи она провела с ним, а потом была одна.

— Следовательно, хоть отец-то знает, как она провела это время?

— Ничего не могу сказать. Дэфни, правда, болтала, что старик вынудил ее рассказать почти все.

— Значит, она сообщила только то, что нашла нужным, ты же понимаешь.— Бетси встала.— Как вы с отцом можете сохранять такое спокойствие? Сфабриковать алиби еще полдела. Ну, а если Дэфни провела время с Джейми и если кто-нибудь видел их вместе? Ты ее знаешь. Она могла выкинуть какой-нибудь фортель, и если мы не узнаем, какой именно...

Тревога Бетси передалась и мне. Конечно, она права. Раньше я не принимал Дэфни в расчет, но теперь понял, что Трэнту не составит особого труда доказать фальшивость алиби.

— Мы должны заставить Дэфни рассказать нам все, что произошло,— заявила Бетси.

— Пожалуй, ты права.

— Будь добра, позвони ей. Тебе же известно, что мы с ней как кошка с собакой. Попроси ее приехать сюда, в крайнем случае поедем к ней сами.

— Хорошо.

К телефону на квартире Ч. Д. подошел Генри.

— Да, сэр,— сказал он,— мисс Дэфни у себя. Я соединяю вас.

Почти тотчас же до меня донесся голос Дэфни:

— Биль? Как чудесно, что ты позвонил! Я сижу под домашним арестом. Папка просто невыносим. Еще никогда в жизни мне не приходилось так скучать.

— Вернулась Бетси,— сообщил я.

— Боже милосердный! Наверно, прямо кипит от благочестивого негодования?

— По ее мнению, мы должны как следует поговорить о вчерашней ночи, и я с ней согласен.

— Ого-го!.. Ну, а почему бы и нет? Все не так скучно будет.

— Значит, мы можем приехать?

— А без своей драгоценной супруги ты не сможешь?

— Я бы предпочел с ней.

— Ну хорошо, привози и ее. Пусть она на здоровье выговорится. Но послушай, Биль...

— Да.

— Умоляю, не показывайся в библиотеке! Папа сидит там в мрачном одиночестве и переживает. Способен наброситься на любого — слышишь, на любого! — как... как... Ну как называются эти собаки?

— Овчарки?

— Да нет, Биль! Не будь таким болваном. Другие. Ну, с такими кривыми ногами, клыки наружу...

— Бульдоги?

— Вот, вот! Как бульдог. Ты просто умница.

Она положила трубку.

— Мы едем? — спросила Бетси.

— Да. Ч. Д. велел ей никуда не выходить. Она говорит, что у него отвратительное настроение и нам лучше с ним не встречаться.

— Как она разговаривала?

— Как всегда.

— Тебе не показалось, что она разговаривала так, словно...— Бетси не спускала с меня глаз, и теперь ее лицо выражало не столько озабоченность, сколько страх. Меня это удивило.

— Словно?..

— Словно его убила она? — быстро ответила Бетси.

Кажется, такая мысль мелькнула и у меня, но тут же исчезла — многое другое беспокоило меня гораздо больше. Но предположение было высказано, и на нем следовало остановиться.

Конечно, Дэфни могла убить Джейми. Я сомневаюсь, существовало ли на свете что-нибудь из ряда вон выходящее, чего бы она не сделала ради простой прихоти, как и подобает одному из Кэллингхемов. Я вспомнил, с каким выражением смотрел Ч. Д. сегодня утром на Дэфни,— в его взгляде смешались любовь и отчаяние, и мысль о том, что сейчас он переживает в одиночестве, закрывшись в библиотеке, приобрела новую, зловещую значимость. Однако Бетси выглядела встревоженной, а я слишком беспокоился о ней, и потому мне оставалось только попытаться опровергнуть ее предположение.

— Я спрашивал у нее, и она ответила отрицательно,— сказал я. Этот ответ даже мне самому показался невероятно глупым. Я снова обнял Бетси и поцеловал ее.— Не забивай себе голову подобными мыслями. Все обойдется как нельзя лучше. Даю слово. Иди одевайся. Нам нужно ехать.

Бетси все еще прижималась ко мне, и я видел, что она успокаивается. В ее предположении не было ничего невероятного, но как только я выразил сомнение (ни на чем, впрочем, не обоснованное), все ее тревоги как рукой сняло — так она доверяла мне.

Бетси пошла в спальню за пальто, а я тем временем оделся в холле. Следовало бы знать, что отделаться от Анжелики — это еще не все. Многое и впредь будет мне напоминать о моем двуличии. «Для тебя это не конец, да его и не может быть для тебя, ведь все можно «устроить»... Мне снова послышался полный презрения голос Анжелики. Я представил ее себе в поезде. Что она делает? Читает журналы? Сидит просто так? Сидит и мрачно размышляет о том, какой я подлец?

Я заставил себя думать о другом — о Дэфни. Здесь тоже таилась опасность, хотя не для меня лично. Все, связанное с Дэфни, никак не могло меня скомпрометировать.

Бетси уже входила в холл, когда в голове у меня сверкнула мысль, поразившая меня, как удар в лоб. А что, если Дэфни знает об Анжелике? В одиннадцать часов Джейми отправился к Анжелике, намереваясь вышвырнуть ее из квартиры. Дэфни в это время, возможно, еще находилась у него, и он мог ей сказать, куда идет. «Ты же знаешь — бывшая жена Билля, Анжелика... Разве он тебе не говорил, что она в Нью-Йорке?.. Как же, как же... Они все время встречаются».

Я повернулся к Бетси. Это было ужасно. Как бы я ни любил ее и как бы ни нуждался в ней, особенно сейчас, я уже не мог видеть в ней свою надежную опору, свое спасение. Она представляла теперь такую же опасность, как и Анжелика, она была теперь женщиной, которую мне придется всю жизнь обманывать и которая могла в любой момент узнать правду из случайного, пустякового замечания Дэфни.

Ненавидя себя за эту подлую дипломатию, я сказал:

— Дорогая, ты выглядишь очень усталой. Ты помнишь, что сказала Елена? Почему бы тебе не остаться дома и не полежать, а я бы справился один?

— Ничего, ничего, я чувствую себя нормально.

— Ты же видишь, как к тебе относится Дэфни. Может, будет во всех отношениях лучше, если я займусь ею один?

Бетси, отклоняя все мои соображения, улыбнулась мне, уверенная, что выполняет свой долг.

— Не надо говорить об этом, мой дорогой. Мне известно, что я действую ей на нервы. Но в конце концов я единственный человек в нашей семье, который может заставить ее что-то сказать, если она начнет запираться.— Бетси взяла меня под руку.— Пошли.

У дома все еще стояла машина Бетси, в ней она и Елена Рид приехали из Филадельфии. На пути к квартире Ч. Д. машиной управлял я. Бетси сидела прямая и решительная.

— Мы не позволим ей выкрутиться, мы обязаны узнать у нее всю правду,— заявила она.

— Правильно.

Бетси положила руку мне на колено.

— Родной, ты просто ангел. Вся эта история — подлинный кошмар для отца. Я даже представить себе не могу, как он мог бы обойтись без тебя...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Генри открыл дверь и провел нас в комнату Дэфни. Сбросив туфли, она лежала в розовом шезлонге, но при нашем появлении повернулась и взглянула на нас с деланно обиженным видом.

— Надеюсь, вы принесли мне булку хлеба с пилкой внутри? Честное слово, папка просто чудовище. К нам заехал Ларри Мортон, собирался проводить меня на вечеринку к Лиздонам. А отец... Знал, как мне хотелось побывать у них, но заставил прикинуться больной. Это я-то больная! А знаете, я и вправду скоро заболею этой самой... ну, еще арестанты от нее умирают. А, вспомнила: цингой.

Она не сонзволила даже встать. Бетси подошла к ней и поцеловала. Дэфни долго и испытующе рассматривала ее.

— Ты ужасно выглядишь, милая. Что ты делала в Филадельфии?

Бетси присела на краешек шезлонга. По характерной складке губ я понимал, что Дэфни ее раздражает, но она во что бы то ни стало пытается сдержаться.

— Нам нужно знать, что произошло вчера ночью. На это существует миллион причин, а каких — даже ты, надеюсь, в состоянии понять.

Дэфни еще некоторое время смотрела на Бетси, потом перевела свои лягушачьи глаза на меня. Теперь я уже не испытывал особого беспокойства. По дороге к Ч. Д. я вспомнил наш разговор с Джейми на вечеринке. Он попросил меня ничего не рассказывать Анжелике о Дэфни и ясно дал понять, что он сам никогда не рассказывает своим возлюбленным о прошлых связях. Вот почему с большой долей уверенности можно было предполагать, что Дэфни не знает ничего такого, что могло бы серьезно мне повредить. Тем не менее я держался настороже. Улыбнувшись Дэфни, я поддержал жену:

— Да, правильно. Расскажи нам все. Мы хотим твердо убедиться, что Трэнт не сможет доказать фиктивность твоего алиби.

— Ах, этот лейтенант! — Дэфни пожала плечами.— Милый, да он не сможет доказать, что дважды два четыре! — Она спустила с шезлонга ногу в чулке и не глядя пыталась попасть ею в туфлю.— Впрочем, какое это имеет значение? Если уж вас так разбирает любопытство, пожалуйста, расскажу. Только, ради бога, не прикидывайтесь святошами. Честное слово, отец прочитал мне столько нравоучений, что больше я этого не вынесу.

— Мы не будем прикидываться святошами, моя дорогая,— пообещала Бетси.— Ты только расскажи.

Дэфни отказалась от попытон надеть туфлю и подвернула ногу под себя.

— По правде говоря, виноваты вы сами. Если бы не вы, ничего бы не произошло. Джейми уже надоел мне. Любому человеку со временем все приедается. Но тут вмешиваетесь вы только потому, что он напился и грубо обошелся со мной. Когда же из простого милосердия, как и подобает настоящей христианке, я решила его простить, вы набросились на меня чуть не с кулаками и потребовали, чтобы я с ним не встречалась, иначе вы все расскажете папе.— Она тряхнула волосами.— Больше всего на свете я ненавижу людей, которые вмешиваются не в свои дела.— Она бросила быстрый взгляд на Бетси.— А последней каплей, переполнившей чашу, моя дорогая, стал наш задушевный, как и водится среди сестер, разговор накануне твоей поездки в Филадельфию. После нудных, многословных и ужасно серьезных увещеваний старенькой мамочки Бетси я решила про себя: ко всем чертям! Мне говорят: «Боже тебя упаси выйти замуж за Джейми!» — а я вот возьму и выйду! Резонно, а? Только так и должна поступать уважающая себя девушка.

Что и говорить, именно так и должна была поступить Дэфни Кэллингхем.

На лбу Бетси появилась недоуменная складка.

— Следовательно, ты по-настоящему любила Джейми?

— Любила? А кто скажет, что такое любовь? Ты знаешь, ведь даже у самых скромных светских девушек может возникнуть желание. Он был красив, и я его хотела.

Из-за полуприкрытых ресниц Дэфни внимательно следила за Бетси, надеясь, что ей удалось ее шокировать.

— Правда, сейчас эта история даже мне самой кажется глупой, но тогда я рассуждала иначе. После того, как ты, слава богу, убралась в Филадельфию, мы с ним встречались по нескольку раз в день. Я прямо сказала ему, что хочу выйти за него замуж и что надо действовать. Теперь-то я вижу, каким тупицей он оказался — может, потому, что больше всего на свете любил самого себя. Он ответил, что нам не о чем беспокоиться, все будет так, как мы хотим. Недели через две, заявил он, все забудется, и вы с отцом снова будете носиться с ним и приползете на четвереньках на нашу свадьбу, да еще с веточками флердоранжа в зубах. Самонадеянность! Он верил, что способен заставить акулу выплюнуть собственные зубы, стоит ему только пустить в ход свои чары.

Дэфни повернулась ко мне и властно протянула руку. Это был обычный ее жест, вполне в стиле Ч. Д., и означал он, что ей нужно закурить. Я подал ей сигарету и поднес горящую зажигалку. Сквозь табачный дым она продолжала:

— Разумеется, я ответила ему, что он просто сопляк и совсем не знает тебя, а особенно папу. Если ты, Биль, сказала я ему, расскажешь папе, что он побил меня, папа не только не даст согласия на наш брак, но и с большим скандалом выгонит его из Нью-Йорка. Ну, а Джейми только ухмыльнулся, глупо так ухмыльнулся, и оттого показался мне еще более красивеньким и миленьким, и я, честное слово, готова была его съесть! Вот так обстояли дела до вчерашнего вечера.— Она посмотрела на свою сигарету.— Брр... До чего же противно это дерьмо с фильтром! Дай мне настоящую сигарету. Я же взрослая девица.

Других сигарет у меня не оказалось. Бетси порылась в своей сумочке и достала оттуда пачку. Ритуал закуривания повторился.

— Вчера вечером,— снова заговорила Дэфни,— я была здесь одна. Папа, слава богу, уехал в Бостон, о свиданни мы с Джейми не договаривались. Кстати, я все на свете перепутала и почему-то считала, что вечеринка у Лиздонов должна была состояться именно в этот вечер и что за мной должен заехать Ларри. Он, само собой, не заехал, потому что вечеринку Лиздоны назначили на сегодня. Я уж потом сообразила, что к чему, и со злости хлопнула несколько бокалов вина. Насчет выпивки я ловко придумала, как обводить Генри вокруг пальца, чтобы он ничего не замечал и не наябедничал папе. Рассказать? На одной из полок в библиотеке, позади книг, у меня спрятаны бутылка джина и бутылка вермута, и когда здорово хочется выпить, я велю Генри принести льда и кока-колы. Потом тихонько... Боже, ну, не сумасшедшая ли я, раскрывать вам такие секреты!.. Одним словом, я выпила несколько бокалов и еще больше рассердилась и на Ларри за то, что он так меня подвел, и на вас, и особенно на Джейми, который оказался такой тряпкой. Потом, как-то внезапно, у меня возник план, и основан он был на том, что я хорошо изучила характер нашего милого папы. Да вы оба знаете его характер, так что нет необходимости заниматься тут всякими анализами. Наш папаша — мошенник из мошенников, но считает себя образцом добродетели. Что может ему не понравиться еще больше, чем нежелательный зять? Только одно.— Дэфни откинулась назад, приняла театральную позу и презрительно скривила губы, показывая маленькие белые зубы.— Обесчещенная дочь!

Дэфни хихикнула.

— Я прямо чуть не подпрыгнула от радости, когда эта мысль пришла мне в голову. Да она и сейчас мне нравится. Самая блестящая концепция двадцатого века! Я брошусь Джейми в объятия, безнадежно скомпрометирую себя, а потом поставлю папочку перед свершившимся фактом. «Послушай,— скажу я ему,— выбирай: или ты разрешишь мне выйти замуж за Джейми, или я созову так любящих тебя репортеров из конкурирующих изданий и расскажу им, как твоя обожаемая младшая дочка провела ночь наедине с молодым человеком в его однокомнатной квартире в самой немодной части Манхэттена». Получилось бы просто божественно! Получилось бы, как в «Давиде Копперфильде», и, несомненно, сработало бы.— Дэфни всплеснула руками, изображая бурный восторг.— Да, да, уж это-то подействовало бы на папашу, и я бы дорого дала, чтобы взглянуть в тот момент на его физиономию.

«Случается,— подумал я,— что даже легкомыслие перерастает порой в нечто великолепное!»

— И ты отправилась к Джейми? — спросила Бетси, не спуская с сестры глаз, полных глубокого беспокойства.

— Вот именно. Вывела из гаража машину и помчалась к нему. И можете себе представить, за каким занятием я его застала? Он торчал на своей кухне, грязной, маленькой, запущенной, и варил лапшу на ужин. Меня чуть слеза не прошибла. У него ведь и гроша ломаного за душой не было. Ну так вот. Я застала его в этой самой кухоньке голым до пояса, иначе тут мокяно было изжариться заживо. Я просто не могу выразить, как безумно захотелось мне иметь такого мужа! Потом я заметила, что он тоже не теряет времени, то и дело прикладывается к бутылке. Ну, я вытащила его из кухни, и мы принялись пить вдвоем, и я объяснила ему свой план.

— Когда это происходило? — спросил я.

— Примерно около семи. А в общем-то, я провела там несколько часов... Попивала мартини и объясняла свой план.— Дэфни затушила сигарету в пепельнице.— Каким же остолопом оказался этот Джейми! Вот вы без конца твердили, что он воплощение зла и разврата. Ну и ну! Да он оказался таким же целомудренным, как вы оба, вместе взятые, и даже больше, если только это вообще возможно. Сначала он ужаснулся. Как?! Совершить такой отвратительный поступок и вызвать гнев великого Ч. Д.?! Его следовало бы убить за одно это. Уж я уговаривала, уговаривала, уговаривала его — вы же знаете, я могу, когда нужно, проливать потоки слез. Только часам к десяти я его уломала. Жаль, вы не видели нас. Восхитительное зрелище! Я умоляю, а мой маленький Джейми с обнаженным торсом хлопает чудесными ресницами, идиотски улыбается и твердит: «О нет, о нет! Только не это...»

— Но он согласился с твоим планом? — прервала Бетси.

— В конце концов согласился, но с кучей оговорок. Все, видите ли, зависело от супружеской четы из соседней квартиры. Супруги ушли в гости, а он пригласил их по возвращении зайти к нему выпить по рюмке вина. Взять свое приглашение назад он не мог — квартиру-то ему предоставила во временное пользование их мать, да притом бесплатно. Так вот, никак нельзя было допустить, чтобы эти самые супруги увидели меня у Джейми: ему категорически запрещалось приводить женщин. Они наверняка устроят грандиозный скандал, вышвырнут нас на улицу и так далее и тому подобное. Послушать его, так это означало конец света. А мне-то казалось, что любой на его месте был бы только рад, если бы его вытурили из подобной квартиры. Но это между прочим. Джейми сказал, что у него есть один хороший приятель и мы спокойно могли бы воспользоваться его квартирой. Он предложил мне подождать его здесь, пока он пойдет и договорится с ним, приготовил мне еще один коктейль и умчался.

Слушая Дэфни, я настораживался все больше и больше: события, о которых она рассказывала, грозили затронуть и меня. «Другом» Джейми могла быть только Анжелика. В свое время он, безусловно, лгал ей, когда говорил о «непредвиденном возвращении хозяина квартиры», и Анжелика сразу это поняла.

Дэфни схватила сумочку Бетси и вытащила из нее сигареты. Я опять помог ей прикурить.

— К тому времени я уже основательно наклюкалась,— продолжала она,— и все представлялось мне чертовски забавным, особенно то, что Джейми оказался такой старой девой. Я даже подумала, что, наверно, насмерть перепугала его своим бесстыдным кокетством, и он скрылся во мраке ночи, как охваченная страхом лань. Но я ошиблась, он вскоре вернулся и сказал, что обо всем договорился со своим другом, тот согласился на время уйти из дому, и мы можем отправиться туда. Ну, мы и поехали.

— А где находится квартира, куда вы поехали? — спросила Бетси.

— Понятия не имею. По-моему, где-то на самой отвратительной окраине Гринич-виллидж. Машину вел Джейми. Боже, вы и представить себе не сможете, в какую трущобу он меня привез! Стены какого-то нелепого розового цвета, а кресло в комнате... Нет, я знаю, вы мне не поверите, но я говорю правду. Думаю, что говорю правду, если только в тот момент не страдала галлюцинациями, вызванными алкоголем. Кресло было целиком сделано из оленьих рогов. Вот сюда-то и притащил меня Джейми. Соседи, будь они прокляты, и тут не сходили у него с языка, но теперь я почти не слушала его, я уже стала распаиваться в своей затее, Джейми всегда был милым нахалом, целовал меня, подбивал на... словом, делал все, что в таких случаях делается. А тут его словно подменили. Топчется вокруг меня — ни дать ни взять перетрусивший до смерти бойскаут, вроде Биля Гардинга.

Дэфни ласково улыбнулась мне.

— Нет, нет, милый Биль, я вовсе так не думала, просто я сочиняю, как противная старая сплетница! Ну вот. А Джейми все бубнил и бубнил. Часов в двенадцать, говорит, его соседи вернутся из гостей, зайдут к нему выпить, а его не окажется, поэтому ему надо срочно вернуться домой. Он разделается с ними за полчаса, потом снова примчится сюда, и мы начнем нашу восхитительную ночь любви. И он исчез. Было, вероятно, около половины двенадцатого. Вино уже кончилось, и я могла сколько угодно любоваться кошмарным креслом из оленьих рогов. И вот, дорогуши мои, произошло нечто прямо-таки позорное. Я почувствовала страшную усталость, решила на минутку прилечь и заняться духовным самосозерцанием. Когда я вновь открыла глаза, в окна уже пробивался унылый свет утра. Часы показывали половину седьмого, и я была одна-одинешенька в чужой квартире, сохранившая свою девичью честь, в измятом костюме, растрепанная, с похмелья и даже без зубной щетки.

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

Патрик КВЕНТИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ДЕДО ПО

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Теперь я мог не беспокоиться, что Дэфни знает Анжелику, однако продолжал внимательно ее слушать. Она могла говорить правду, но могла и лгать. Только сегодня утром, беседуя с Трэнтом, Дэфни доказала, как искусно она может лгать,— не так-то просто отличить у нее правду от вымысла. Но какая-то доля правды должна была содержаться в ее рассказе. Вряд ли она могла бы придумать кресло со спинкой из оленьих рогов, не побывав в квартире Анжелики. Но верно ли, что она там уснула? Что, если Дэфни, убедившись, что Джейми не придет, разозлилась, вернулась к нему на квартиру, затеяла там пьяную драку и увидела револьвер? Впрочем, я постарался выбросить из головы подобное предположение, поскольку мне было выгоднее целиком и полностью поверить ее объяснению.

И все же я не мог не обратить внимания на массу противоречий в рассказе Дэфни. Брауны рассказали Трэнту, что Джейми отказался пойти с ними в гости под тем предлогом, будто у него назначена встреча. Конечно, не с Дэфни, она пришла к нему неожиданно, без договоренности. Брауны ничего не упоминали о том, что обещали заглянуть к Джейми после вечеринки. Да и вернулись они из гостей не около двенадцати, а после четырех. Заявление Джейми о том, что Брауны якобы возражали против появления женщин в его квартире,— явная чушь. Если Джейми действительно пытался убедить в этом Дэфни, можно почти с полной уверенностью сказать, что у него было назначено другое свидание и он боялся, что она сорвет его, когда нежданно и негаданно примчалась со своим нелепым планом. Чтобы отделаться от нее, он и придумал шитое белыми нитками объяснение, а потом вышвырнул Анжелику из своей квартиры и привел туда Дэфни. Если она говорила правду, значит, Джейми вернулся после этого к человеку, который, возможно, уже поджидал его на той квартире, куда впервые прибежала Дэфни, и был там убит. Если же Дэфни сказала неправду...

Я вновь отогнал от себя эту мысль.

Взглянув на Бетси, я понял, что она несколько успокоилась.

— Значит, так все и произошло? — спросила она.

— Да, милая,— кивнула Дэфни,— и я уже просила тебя не кудахтать. Я ездила на своей машине, так что ни таксист, ни кто-нибудь другой меня и Джейми не видели. Не такая уж я идиотка, чтобы не подумать об этом заранее. Вот и все. Скажу еще, что я была страшно взбешена и очень боялась, что отец успел вернуться из Бостона. Я примчалась домой, и... отец уже сидел за газетой. Ясное дело, он сразу вцепился в меня. Ох и разошелся же он! Пришлось выложить ему всю правду.

— Всю ли? — заметила Бетси.

Дэфни хихикнула.

— Не совсем, моя милая, не такой уж я младенец. Я ничего не упомянула о своем плане, сказала только, что была с Джейми в одном месте, выпила лишку, домой возвращаться побоялась и заставила Лэмба отвезти меня на квартиру одного его приятеля. Но и этого хватило, чтобы подлить масла в огонь. Вы же знаете, папочка считает алкоголь величайшим злом для девиц, а тут еще его угораздило вспомнить некоторые другие факты. Ну, я, конечно, постаралась свалить вину на вас с Билем, и все равно...

Она поднялась с шезлонга, потянулась и сделала вид, что зевает.

— Послушайте, какой смысл ворошить то, что было да сплыло? Беспокоиться не о чем. Папка сейчас очень сердит, а завтра снова начнет лебезить: «У-у-у, поросеночек мой хороший, поросеночек мой миленький! Пожалуй, я был слишком суров...»

Дэфни внезапно повернулась к Бетси.

— Теперь ты знаешь все и, надеюсь, сдержишь свое обещание и не станешь читать мне высокопарную нотацию о «семейном очаге, девичьей чести и американском образе жизни». Убирайтесь-ка оба ко всем чертям! Я все еще чувствую себя отвратительно, сейчас завалюсь спать.

Бетси поднялась, и я последовал ее примеру. Оба мы взглянули на Дэфни. Внезапно она ухмыльнулась.

— Ах, вы, мои бедолаги! И чего вы только беспокоитесь! Так и до смерти можно себя довести. Разве вы еще не привыкли к моим выходкам? Разве еще не примирились с тем фактом, что я Дэфни Кэллингхем, Гроза Всех Кабаков?

Дэфни подбежала к Бетси, обняла ее и поцеловала.

— Бетси, моя родная, унылая, стареньная сестричка! Я тебя обожаю!

Потом она повернулась ко мне и наградила долгим, нежным поцелуем.

— А ты... ты просто куколка! Позабудь, что я сказала о бойскауте. Бойскаут из тебя получился бы никудышный, ты совершенно не разбираешься в птичках. А вообще-то ты чудесный малый.— Дэфни сделала жест, словно прогоняя цыплят.— Ну, а теперь кыш по домам! Бегите и занимайтесь своими делишками. Гроза Всех Кабаков должна помолиться боженьке.

К Ч. Д. мы не заходили. Бетси страшно устала, да и я чувствовал себя измученным. По дороге домой она спросила:

— Ты поверил ей?

— Да. Пожалуй. А ты?

— Так и могло произойти, правда?

— Правда.

С мрачным видом она слегка пожала плечами.

— Еще хорошо, что вы с отцом так быстро приняли меры. Ты только подумай, что могло бы произойти, если бы в нас вцепились полиция и газеты!

Я с содроганием представил себе, что в самом деле могло бы произойти, если бы я потерял голову и не подкрепил объяснение Ч. Д. своим алиби.

Жена бросила на меня быстрый взгляд.

— Ну и штучка моя сестренка!

— Она меня, признаться, пугает.

— Вот они, плоды отцовского воспитания. Хотя и отца надо пожалеть. Он, наверно, боится, что Дэфни все же добилась своего, как по-твоему?

— Возможно. Но он все равно никогда не признается в своих опасениях.

— А может, нам все же следовало бы известить папу? Впрочем, вряд ли это что-нибудь даст.

— Ничего.

— Но что все-таки, по-твоему, произошло?— спросила Бетси, немного помолчав.

— Если верить Дэфни, у Джейми было назначено с кем-то свидание. Он сплавил ее на другую квартиру и вернулся к себе.

— И был убит?

— Да, и был убит.

— Если бы только ты оказался прав! — Бетси пододвинулась и положила голову на мое плечо.— Давай надеяться, что нас это никак не коснется.

— Не вижу оснований думать иначе,— искренне ответил я.

К моему изумлению, день, наполненный такими неприятностями, закончился для меня вполне благополучно. В течение тех коротких мгновений, когда голова жены спокойно и доверчиво лежала на моем плече, я чувствовал себя почти в полной безопасности. Дэфни не знала об Анжелике. Анжелика далеко. Если мне хоть немного повезет, Трэнт окажется самым заурядным детективом, и нам не придется больше встречаться. Но главное — вернулась Бетси. Она ничего не подозревает, и, возможно, обстоятельства не вынудят меня открыться ей.

«Для тебя это не конец, да его и не может быть для тебя, все ведь можно устроить»... Мне вновь припомнилось язвительное замеча-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—7.

ние Анжелики, но теперь я обнаружил, что в состоянии отнестись к нему с ироническим благодушием. Я сравнил ее жизнь со своей: да, я действительно кое-что «устроил». Бедная Анжелика! Не мешало бы и тебе немножко «устроить» свою жизнь!

Едва мы вошли в квартиру, как из кухни появилась Элин. Заметив нас, она слегка вскрикнула и замерла на месте, прикинувшись испуганной. Она постоянно прибегала к этому приему, поскольку в соответствии с разработанными ею правилами поведения даже случайные встречи с хозяевами считались крайне нежелательными. На этот раз, однако, Элин, не переставая, улыбалась и посматривала на нас блестящими, чего-то ждущими глазами. Я не сомневался: она специально подкарауливала нас.

— Мадам уже изволили съездить в гости?

— Нам нужно было повидать Дэфни,— ответила Бетси.

— Хотелось бы знать, сэр,— продолжая улыбаться, спросила Элин,— вы уже имели возможность сообщить мадам о маленькой Глэдис?

— Отец говорил, что ее привезут на самолете и будут оперировать здесь,— сказала Бетси.

— О, не только это,— промурлыкала Элин.— Мистер Гардинг выразил желание, чтобы после операции она жила в этом доме сколько ей захочется. Это будет очень приятно и для меня и для Рикки. Она станет его маленькой подружкой.

Элин быстро ушла. Бетси проводила ее взглядом. Я думал, что жена что-нибудь скажет, но она промолчала. Мы прошли в спальню. Я начал переодеваться, а Бетси зашла в ванную. Через некоторое время она появилась на пороге.

— Биль, ты действительно сказал Элин, что ее девочка может пожить у нас? — спросила она.

Я уже много лет не краснел, но тут почувствовал, как вспыхнуло у меня лицо.

— Видишь ли, пожалуй, нам следовало сделать этот жест, если уж Ч. Д. все равно привезет ее сюда.

Я понимал, как наивно мое объяснение. Не желая ни с кем делить любовь Рикки, Бетси, конечно, должна была удивиться и обидеться на меня за то, что я даже не посоветовался с ней, решив ввести в его жизнь совершенно незнакомого ребенка.

— Но мы... мы же ничего не знаем о Глэдис! А вдруг она окажется настоящим маленьким чудовищем, особенно если хоть немного похожа на Элин. Биль, тут что-то не все для меня ясно. Почему ты так поступил?

— Наверно, я немножко увлекся и не подумал как следует. Извини. Но я не знаю, как нам теперь выпутываться.

С довольным вздохом Бетси забралась в постель и улыбнулась мне.

— А впрочем, я, наверно, зря так беспокоюсь о Рикки. Возможно, Глэдис окажется чудовищем, но, быть может, чудовище и нужно Рикки, чтобы хоть немного его приструнить.

Мне следовало бы знать, что в конце концов Бетси согласится со мной, она никогда не шла на скандал. Испытывая к ней благодарность, смешанную с раскаянием, я лег и обнял ее.

— Любимый,— сказала она,— как все-таки хорошо быть дома!

— Бетси...

— Мне пришлось очень трудно в Филадельфии, даже несмотря на помощь Елены.

— Знаю.

Некоторое время Бетси лежала спокойно и молча, потом снова заговорила:

— Я рада, что ты сказал мне правду.

— Правду?

— Да. Ты бы ведь мог сказать мне, что Дэфни действительно провела здесь вечер и ночь.

— Для чего?

— Ну, чтобы, как всегда, оградить меня от всяких неприятностей. А знаешь, в этом нет никакой необходимости, нервы у меня, как у горной козы. Однако мне очень приятно, что ты сказал правду. Теперь я чувствую себя ва-

ОБВИНЕНИЮ...

шей соучастницей, а именно этого я и хочу.

Сознание вины снова шевельнулось во мне.

Бетси прижалась ко мне еще теснее.

— Биль...

— Да, крошка?

— А что ты делал на самом деле вчера вечером? Ты был здесь один? — Она заколебалась, потом робко прошептала:—Ты скучал обо мне?

Теперь я чувствовал себя таким виноватым, словно сама Анжелика вдруг вошла в спальню и легла между нами. Со стыдом говорил я себе, что совсем не стою Бетси, и тут же мысленно давал клятву измениться, искупить свою вину перед женой. Все самое неприятное уже позади, пройдет несколько дней, и все забудется.

— Да, моя крошка,— ответил я.— Скучал.

Бетси наградила меня горячим поцелуем.

— У меня есть ты,— сказала она.— Мне вовсе не нужно быть такой, как Дэфни. У меня есть муж, который любит меня.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Я не ошибся, предполагая, что время ослабит остроту моих переживаний. Прошло несколько дней, и мне стало казаться, что ничего особенного не случилось или, точнее, что тучи постепенно рассеиваются. В фирме официально объявили о моем назначении на пост вице-президента, и все, даже Дэйв Мэннерс, одобрили этот шаг Кэллингхема. Что касается самого Ч. Д., то благосклонность прямо-таки сочилась из него.

Я занимался своими служебными делами, а Бетси и Поль—кампанией по сбору пожертвований, но вечера мы проводили вместе и однажды даже ухитрились удрать от Рикки в Ойстер-бей на уикэнд, благо погода стояла не по сезону теплая и солнечная. С нами поехали Проп, Поль и Дэфни — та явилась со своим богатым и перспективным ухажером Ларри Мортоном. Уикэнд прошел вполне в духе традиций семейства Кэллингхемов — в обстановке легкомыслия и комфорта. Иногда, хотя и редко, я вспоминал Анжелику и все больше удивлялся своим недавним страхам. Я снова наслаждался семейной жизнью с Бетси и даже начал подумывать, что все случившееся пошло мне на пользу, что теперь я окончательно избавился от неприятных воспоминаний о первом браке.

Началась подготовка к приезду Глэдис, о чем нам ни на минуту не позволяла забывать Элин. Только это и напоминало мне теперь о Джейми.

Спустя дней десять, однажды вечером после ужина, раздался телефонный звонок. Бетси взяла трубку и, послушав, сказала:

— Это тебя, дорогой. Тот лейтенант. Лейтенант Трэнт.

Жена передала мне трубку и, не скрывая любопытства, встала рядом. Я ощутил укол беспокойства, тем более что Бетси могла слышать каждое слово Трэнта. Как можно более небрежно я попросил:

— Крошка, принеси-ка мне чего-нибудь выпить.

— Алло, Трэнт,— сказал я, как только Бетси направилась к бару.

— Добрый вечер, мистер Гардинг,— спокойно и дружелюбно, как всегда, заговорил Трэнт.— Есть кое-какие новости, и я подумал, что они могут вас заинтересовать.

— Слушаю.

— Нам удалось установить, кому принадлежит пистолет. Недели за три до убийства его купила женщина в ломбарде на Третьей авеню. Она назвалась Анжеликой Робертс и указала свой адрес — Западная Десятая улица.

С самого начала я готовил себя к тому, что рано или поздно услышу нечто подобное, что ничего страшного в этом нет. И все же упоминание имени Анжелики прозвучало, как удар грома, а при мысли о том, что Бетси могла услышать Трэнта, если бы я не прибег к маленькой хитрости, у меня вспотела ладонь руки, в которой я сжимал трубку. Я взглянул на Бетси. Она все еще стояла около бара и наливала вино.

— Я побывал на Десятой улице,— продолжал Трэнт,— но там Анжелика Робертс не проживает. Многих жильцов не оказалось дома, а те, с которыми мне удалось побеседовать, никогда о ней не слышали. По всей вероятности, она сообщила липовый адрес.

— Не исключено.

— Завтра я снова поеду на Западную Десятую.— Он помолчал.— Вы, конечно, тоже никогда не слышали об этой особе? Об Анжелике Робертс.

Бетси направлялась ко мне с вином.

— Нет, не слышал.

— Может, вы спросите у мисс Кэллингхем, когда увидите ее? Мне самому неудобно беспокоить ее по такому пустяку. Если же, паче чаяния, она что-то знает, попросите ее, пожалуйста, связаться со мной.

— Обязательно.

Бетси передала мне вино.

— Я позвонил потому,— продолжал Трэнт,— что вам и Кэллингхемам небезразлично это дело.

— Конечно. Спасибо, лейтенант.

Трэнт положил трубку.

— Что ему нужно? — спросила Бетси.

— Хотел сообщить, что полиция установила, кому принадлежал пистолет, из которого убит Джейми. Какая-то женщина купила его в ломбарде.

— Какая-то женщина? Что еще за женщина?

— Не знаю. Он назвал фамилию, но она мне ничего не сказала.

На минуту и комната и умиротворенно смотревшая на меня Бетси предстали передо мной в каком-то ином свете. От моего спокойствия не осталось и следа, оно казалось мне теперь красиво расписанной ширмой, которой я пытался отгородиться от опасности. Правда, ничего особенного еще не стряслось, по чистой случайности все кончилось благополучно. Но ведь Трэнт мог позвать к телефону Бетси, а не меня. Наконец, ему ничего не стоило самому позвонить Дэфни, не прибегая к моему посредничеству. Ну, а если бы Бетси или Дэфни услышали имя Анжелики! В течение всей остальной части вечера, пока мы сидели с Бетси, я не переставал с ужасом думать, что могло бы тогда произойти. Нет, рано я начал тешить себя надеждой, что самое страшное осталось позади. Я должен был все время держаться начеку.

На следующий день, часов в пять, когда я уже собирался уходить со службы, в кабинет зашла Молли Макклинтон. Шутки ради она делала вид, что страшно напугана.

— Ну, дружище вице-президент, дожили! Фараоны! Некий лейтенант Трэнт из уголовной полиции.

Я предложил Трэнту стул, но он не сел, а остановился, улыбаясь, около моего письменного стола.

— Получается, что я просто преследую вас, а? — заметил он. Я только что снова побывал на Западной Десятой улице. Уверен, вам будет приятно узнать, что на этот раз мне повезло.

Он перевел свои ничего не говорившие глаза (какие они были серые, голубые?) с моего лица на стену как будто в поисках картин, которыми он мог бы полюбоваться. Но картин на стенах не было. Я недавно переселился в кабинет мистера Лэмберта и еще не успел ничего переменить. На стене висела лишь голова лося — мистер Лэмберт убил его когда-то на охоте в Канаде. Трэнт не возражал и против головы лося и принялся тщательно изучать чучело.

Мне показалось, что он ожидает какого-то моего вопроса, и поэтому, собравшись с силами, как можно вежливее спросил:

— Вы хотите сказать, что установили местопребывание этой женщины?

Он быстро перевел взгляд на меня.

— Мы еще не нашли ее, мистер Гардинг,— пока. Зато мы узнали нечто такое, что вынуждает нас проявить к ней интерес, и большой.

— Интерес?

Трэнт сел. Он опустился в кресло напротив меня, вынул сигарету из портсигара и закурил. Я не помню, чтобы он когда-нибудь раньше курил при мне. Трэнт проделал все это с таким видом, будто совершал какой-то ритуал.

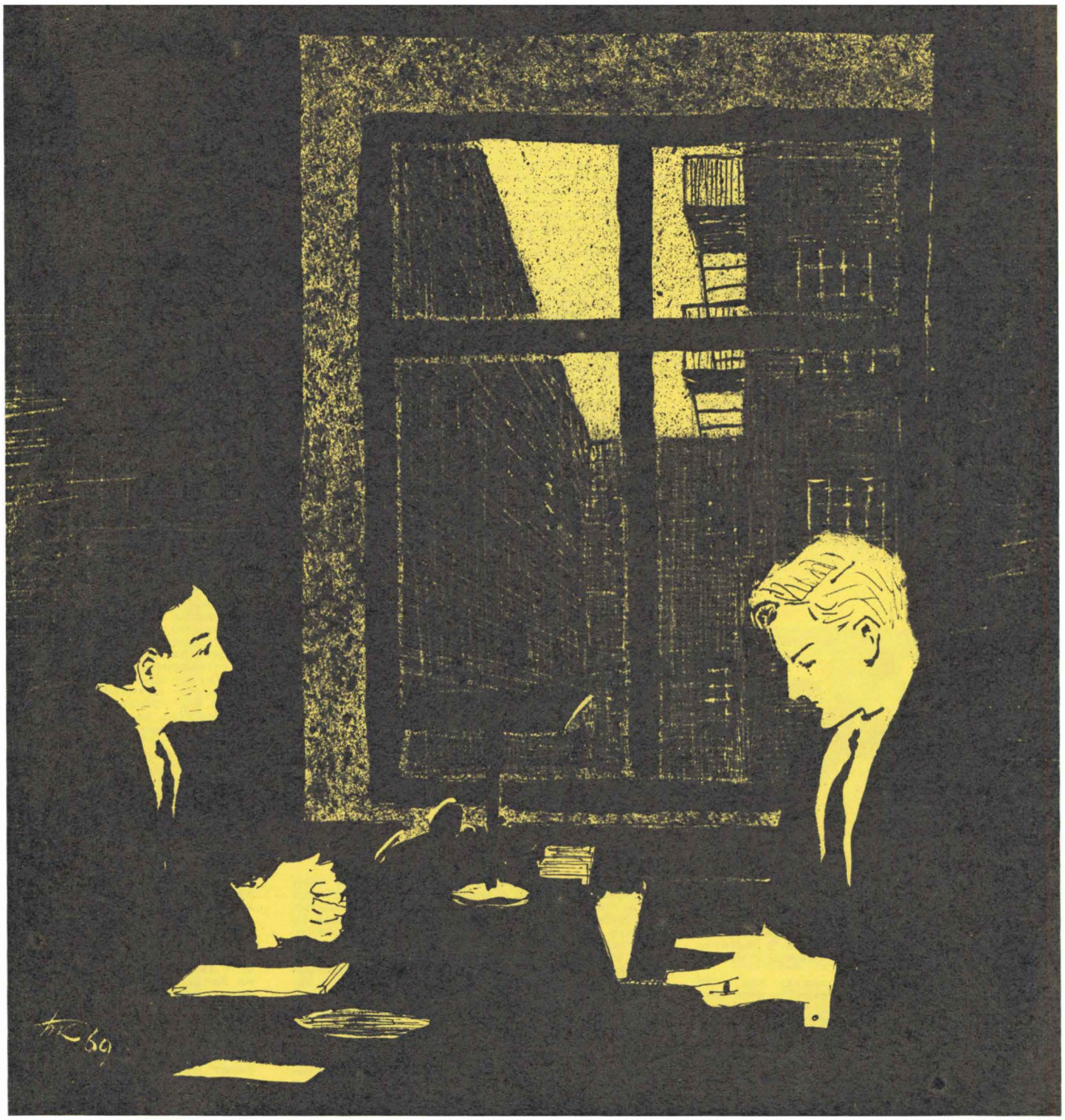
— На этот раз, вернувшись на Десятую улицу, я застал жиличку из квартиры на третьем этаже, выходящей окнами на улицу,— некую миссис Шварц.

Он вынул изо рта сигарету, взглянул на маленький цилиндрик пепла на ее конце и рассеянно обвел взглядом стол. Я пододвинул ему пепельницу, и он положил в нее сигарету.

— Миссис Шварц,— продолжал Трэнт,—охотно согласилась нам помочь.

Я убеждал себя, что все его рассчитанные движения, многозначительные паузы, манера говорить самые простые вещи так, словно они имеют бог весть какой смысл,— все это обычные, раз и навсегда усвоенные полицейские приемы и мне не надо опасаться. И все же я нервничал.

— Как я уже сказал,— снова заговорил Трэнт,— миссис Шварц живет на третьем этаже. Здесь всего две квартиры, причем владелец второй находится сейчас в Мексике. По



словам миссис Шварц, месяца два назад в эту квартиру переехала женщина по фамилии Анжелика Робертс. У нее постоянно бывал один мужчина. Я поинтересовался, знала ли миссис Шварц его фамилию. «О да,— ответила она,— Джейми Лэмб».

Трэнт взял из пепельницы сигарету, затянулся и положил обратно. Вопреки тому, что я все время твердил себе, меня вновь охватил суеверный страх перед этим человеком и прежнее раздражение против Анжелики. Почему она все портит и разрушает? Ведь она мне сказала, что женщина из квартиры на той же лестничной площадке ничего о ней не знает. Хорошенькое «ничего»! Миссис Шварц знала даже имя и фамилию Джейми.

— Миссис Шварц — вдова,— продолжал между тем Трэнт,— и, как многие вдовы, которым нечего делать, интересуется главным образом своими соседями. Мисс Робертс показалась ей загадочной особой. Она, видимо, была очень интересной женщиной, а ее отношения с мистером Лэмбом носили весьма бурный характер и постоянно выливались в безобразные скандалы. Однако миссис Шварц не принадлежит к женщинам, которых хлебом не корми, дай только понаушничать, тем более что эти драматические события внесли определенное разнообразие в ее жизнь и дали повод выступить в роли доброй и великодушной соседки. Примерно через месяц после своего появления мисс Робертс заболела вирусным гриппом, и миссис Шварц добровольно взяла на себя роль ангела-хранителя — ухаживала за ней, кормила и все такое прочее. Чтобы мисс Робертс не приходилось вставать и открывать дверь, они договорились, что миссис Шварц сделает себе второй ключ от квартиры. Однажды вечером, вернувшись из кино, женщина решила заглянуть к мисс Робертс и узнать, не требуется ли ей какая-нибудь помощь. Она вошла в спальню в тот момент, когда пьяный и растрепанный Лэмб пытался задушить мисс Робертс.

Трэнт слегка нагнулся ко мне. Он добродушно и мягко улыбался и все же заставлял меня волноваться.

— Вторжение миссис Шварц, видимо, охладило мистера Лэмба, и он ушел. На следующий день, снова навестив свою подопечную, миссис Шварц заметила у нее на шее багровые синяки, но сама мисс Робертс не захотела ничего объяснять. Но однажды, еще не совсем оправившись, она куда-то уходила часа на два. Вскоре, поправляя ее постель, миссис Шварц обнаружила под подушками пистолет. «Так вот за какой покупкой вы ходили!» — воскликнула она. И мисс Робертс ответила: «Да».

Уголки губ Трэнта горестно опустились.

— Должен извиниться, мистер Гардинг, за некоторую мелодраматичность рассказа. Я понимаю, насколько далеко все это от того мира, в котором живете вы и Кэллингхемы, тем более что последующие события уводят нас еще дальше. Дня через два мистер Лэмб вернулся, будто ничего не произошло, и все началось сначала.

Трэнт некоторое время внимательно рассматривал свои руки, потом заговорил снова.

— Миссис Шварц ничего не знала об убийстве Лэмба, но как только я сообщил ей некоторые подробности и в частности время убийства, она припомнила небезынтересные для нас детали. Последний раз, как выяснилось, она видела Лэмба за три дня до убийства. В тот вечер Лэмб устроил большой скандал, но миссис Шварц смогла только понять, что он в кого-то влюбился и намеревается жениться; он объявил мисс Робертс, что между ними все кончено. Эта «кто-то» (во всяком случае, так кажется мне, а вам?) — Дэфни Кэллингхем. Наш друг, очевидно, хотел поправить свои дела.

Трэнт откинулся в кресле, балансируя на его задних ножках; держался он совершенно свободно, словно был уверен, что его рассказ об одном из происшествий «на дне Манхэттена» не касался лично меня, как и его, но также интересовал с чисто профессиональной точки зрения.

— Миссис Шварц не ночевала дома в ночь убийства, она была у сестры, в одном из пригородов Нью-Йорка. Она категорически утверждает, что перед ее уходом мисс Робертс оставалась в квартире, а когда она вернулась на следующий день, мисс Робертс уже не оказалось. Не оказалось и ее вещей. Миссис Шварц провела меня в квартиру, и я убедился, что она права: там не осталось ничего, за что могло бы зацепиться следствие.

Ножки его кресла, слабо стукнув, опустились на ковер.

— Так в общих чертах обстоит дело, мистер Гардинг. Пистолет принадлежал мисс Робертс; мисс Робертс, мягко выражаясь, привык-

ла принимать участие в схватках с применением силы; мисс Робертс оказалась брошенной, и мисс Робертс в ночь убийства скрылась. Правдоподобно настолько, что нет необходимости искать другого убийцу, не так ли?

Я уже справился со своей тревогой, хотя и чувствовал, что она только затаилась во мне. Вот уж чего я никак не ожидал. Я допускал, что Трэнт, узнав фамилию и адрес, отправится на Западную Десятую улицу, но ничего не выяснит и ни к какому выводу не придет. Теперь же благодаря миссис Шварц он, конечно же, должен был прийти к выводу, что Джейми убила Анжелика. Боже, но почему она ничего не сказала мне о миссис Шварц и тем самым лишила возможности своевременно принять какие-то меры? Теперь следствие видело в Анжелике не просто одну из многих знакомых Лэмба, а весьма вероятного убийцу, и Трэнт перевернет все вверх дном, чтобы найти ее.

Я сидел, стараясь выглядеть как можно более равнодушным, а на деле ожидая самого беспощадного допроса. Я не знал, о чем начнет спрашивать Трэнт, но был твердо убежден, что он знает абсолютно все, и готовился к самому худшему. Не ожидал я только того, что произошло на самом деле.

Совершенно неожиданно Трэнт поднялся и протянул мне руку.

— Ну вот и все, мистер Гардинг. Мне надо бежать.

Я пожал ему руку, не веря, что наша беседа могла закончиться вот так.

— Надеюсь, вы не очень сердитесь на меня за приход к вам. Я умышленно зашел к вам, а не к мистеру Кэллингхему.— Его улыбка перешла почти в ухмылку.— Мне показалось, что вы захотите несколько смягчить эту историю для своего тестя и свояченицы. Вряд ли им понравится, если они узнают, что мистер Лэмб вовсе не тот милый, культурный и воспитанный молодой человек, за которого себя выдавал. Во всяком случае, вы можете передать им, что беспокоиться не следует. Наше следствие, похоже, подходит к концу. Разумеется, нам еще нужно найти Анжелику Робертс, и мы ее найдем. Так им и скажите. Попросите их не волноваться.

Он направился было к двери, но повернулся и взглянул на меня.

— Да, между прочим, вам удалось спросить у мисс Кэллингхем, слыхала ли она об Анжелике Робертс?

Я думал только об одном: он уходит, он в самом деле уходит!

— Да,— солгал я.— Это имя ничего ей не говорит.

— Ничего удивительного. Хорошо, мистер Гардинг. Большое спасибо.— Он перевел взгляд на голову лося.— Это что, один из покойных вице-президентов?

Слегка взмахнув рукой, Трэнт вышел из кабинета и закрыл за собой дверь. В пепельнице все еще дымилась его сигарета — теперь уже длинная палочка пепла с красным тлеющим кончиком.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Усевшись после ухода Трэнта за стол, я попытался успокоиться и хладнокровно проанализировать происходящее. Даже Трэнт, говорил я себе, не сможет проследить путь Анжелики до Клэкстона, даже он не сможет ее найти. Правда, со временем, наводя справки в гостиницах Нью-Йорка, он, вероятно, обнаружит, что она останавливалась в «Уилтоне». Ну и что? Никаких подробностей он там не узнает. Но тут же у меня мелькнула другая мысль: если Трэнт доберется до «Уилтона», дежурный администратор может вспомнить, что некий мистер Гардинг приходил к Анжелике Робертс. Это походило на кошмарный сон: вам снилось, что вы находитесь в каком-то здании и вдруг замечаете, что на одной из стен зазмеилась трещина, потом такая же трещина появляется на второй стене, на третьей, четвертой... И внезапно план моего спасения, еще недавно казавшийся таким безупречным и надежным, представился мне чем-то вроде липкой паутины, в которой я запутывался все больше и больше.

Все, что я мог придумать для собственного успокоения,— это позвонить Полю. Он еще был в канцелярии фонда, как и Бетси. Заехав туда якобы за ней, я улучил минуту, чтобы остаться с Полем наедине и обменяться несколькими фразами. Я сообщил ему последние новости, и он выслушал их совершенно спокойно. По его мнению, Трэнт может разыскивать Анжелику миллион лет и все равно не найдет. Видимо, я совсем перестал владеть собой, если сам себя стращаю всякими беспочвенными предположениями и даже подумал о дежурном администраторе из «Уилтона». Понимая, что Поль говорит так лишь ради моего успокоения, я тем не менее и в самом деле несколько успокоился.

Мы еще продолжали разговаривать, когда вошла Бетси. Поль обнял нас за плечи и проводил до двери.

— Доброй ночи,— шутливо сказал он,— доброй ночи, милая, простая, самая обыкновенная, влюбленная в свой семейный очаг идеальная американская супружеская чета.

Беседа с Полем, повторяю, несколько помогла мне прийти в себя, и потому, когда дня через два мне на службу позвонил Трэнт, я по крайней мере не потерял самообладания. Он заговорил все тем же дружеским тоном, но я уже начал ненавидеть это постоянное дружелюбие.

— Привет, мистер Гардинг. Вы не смогли бы приехать сейчас к нам в полицию?

Я едва не отказался под предлогом занятости, но сообразил, что это означало бы всего лишь краткую отсрочку.

— Конечно. Что-нибудь произошло?

— Да, кое-что произошло, мистер Гардинг. Итак, жду вас примерно через полчаса.

— Хорошо.

Легко понять, как я чувствовал себя, направляясь в такси на встречу с Трэнтом. «Кое-что произошло...» Вот и все, что он сказал. Самого страшного это пока еще не означало, но могло оказаться всем, чем угодно.

В полиции я оказался впервые, и мрачная суровость помещения произвела на меня впечатление ледяного душа. Дежурный отослал меня в большую голую комнату на втором этаже, где несколько детективов, сидя за столами, или просто ничего не делали, или просматривали газеты, или что-то писали, или слушали приглушенное радио. Они не проявили ко мне никакого интереса. Один из них провел меня в кабинет Трэнта, но лейтенанта там не оказалось, и мне предложили подождать.

Кабинет Трэнта лишь с большой натяжкой можно было назвать кабинетом — простая каморка, отгороженная от большой комнаты и напоминавшая келью монаха. С величайшим удивлением я заметил на аккуратно прибранном письменном столе экземпляр своего романа. Моя писательская карьера окончилась много лет назад, но при виде своей книги я почувствовал волнение. Оно не помешало мне со смущением и в то же время с удовольствием подумать: «А может, Трэнт собирается попросить у меня автограф?»

Вскоре в комнате появился сам лейтенант. Он поздоровался со своей обычной любезностью. С первых дней нашего знакомства он вел себя так, словно мы много лет были друзьями, однако сейчас эта подчеркнутая (так мне казалось) любезность выбивала меня из колеи.

Трэнт сел за стол и некоторое время молча смотрел на меня. Потом небрежно взял со стола книгу, повернул задней стороной суперобложки и протянул мне. Я взял ее, и Трэнт тут же заметил:

— Мистер Гардинг, мне всегда говорили, что авторы никогда не читают рекламных аннотаций на суперобложках своих произведений. Видимо, это правда.

Если бы за секунду до этого кто-нибудь спросил меня, что написано в аннотации издательства на суперобложке «Полуденного зноя», честное слово, я бы не смог ответить. Теперь, принимая протянутую книгу, весь похолодев от сознания свалившегося на меня несчастья, я решил: «Вот он, конец!»

Подумать только, меня выдала книга! На задней стороне суперобложки я увидел фотографию, запечатлевшую меня и Анжелику под большим вязом в Клэкстоне — молодых и упивающихся сознанием собственной важности. Я отчетливо, словно дело происходило пять минут назад, вспомнил, как мы позировали перед фотообъективом. Именно я настоял сняться вместе с Анжеликой — так я гордился своей женой. На фотографии отчетливо виднелось на пальце Анжелики кольцо с камнем в виде дельфина. Под фотографией была напечатана аннотация, которую я прочитал когда-то с чувством такого довольства, а потом сразу раз и навсегда забыл:

«Талантливый автор «Полуденного зноя» Уильям Гардинг — бывший солдат морской пехоты США; ему всего двадцать четыре года. Во время работы над «Полуденным зноем» он все еще был второкурсником Клэкстонского университета в штате Айова, где учился бесплатно, как демобилизованный ветеран. Мистер Гардинг недавно женился на Анжелике Робертс, дочери профессора английской литературы в этом же университете, и намерен прожить с женой год в Италии и Франции...»

Откуда-то совсем издалека я услышал голос лейтенанта Трэнта. Несмотря на все мысли о своем погубленном будущем, я сообразил, что говорит он все так же мягко и доброжелательно.

— Как видите, мистер Гардинг, ваша книга принесла несомненную пользу. Я нашел ее чисто случайно, после того как побывал однажды вечером у вас на службе. Мне бросилась в глаза фотография и фамилия под ней. От меня не потребовалось никаких особых способностей, мне просто повезло.

Я заставил себя взглянуть на Трэнта.

— Следовательно, вы нашли Анжелику Робертс?

— Не так уж трудно было позвонить в полицию, в Клэкстон.—Как это ни казалось мне диким, он продолжал улыбаться.— Откровенно говоря, мистер Гардинг, в течение некоторого времени вы меня очень озадачивали. Разумеется, я слышал о различных формах потери памяти, но такой случай, когда человек забывает фамилию своей бывшей жены, даже мне показался удивительным. У меня возникли самые серьезные подозрения, и я позволил себе несколько увлечься, что для детектива совершенно недопустимо. Я постоянно предостерегаю себя, но, видимо, пока безуспешно. Приношу свои извинения. Так вот. Конечно, вы знали, что вашу первую жену зовут Анжелина Робертс, но у вас и мысли не возникло, что она может иметь какое-то отношение к этому делу. Вы не видели ее свыше трех лет, не так ли? Вы полагали, что она проживает где-то в Европе, за тридевять земель, и не имеет ничего общего с Джейми Лэмбом.

Я сидел и молча, в полном недоумении посматривал на Трэнта. Неужели он действительно все это сказал? Неужели он и в самом деле такой непроходимый болван, каким показался мне вначале? А может, это какая-то новая, еще более хитроумная и гнусная ловушка?

Лихорадочно пытаясь разобраться в обстановке и найти какой-то путь к спасению, если он вообще существовал, я задал, вернее, повторил, свой вопрос — самый нейтральный из всех, какой мог придумать:

— Следовательно, вы нашли ее?

— Конечно, это же проще простого. Все в том же Клэкстоне. Она жила вместе с отцом. Местные полицейские арестовали ее, допросили и сразу позвонили мне. Вот тогда-то, мистер Гардинг, вы перестали быть для меня загадкой. Когда речь зашла о вас, мисс Робертс дала очень ясные и твердые показания. Она знала, что вы в Нью-Йорке, и не возражала, чтобы Лэмб передал вам свою рукопись, но при одном условии — ни слова не говорить вам о ней самой, об Анжелике. Она уговорила Лэмба не упоминать ее имя и позже, когда он втерся в доверие к Кэллингхемам. Анжелика Робертс утверждает, что не встречалась с вами. Она якобы дала себе слово не поддерживать с вами никакой связи и вообще забыть прошлое.

«Анжелика!»—мысленно воскликнул я, и мне показалось, что она находится со мной, здесь, в этом страшном, похожем на камеру-одиночку кабинете. Я сразу сообразил, к чему она стремится, но вся нелепость ее поведения, ее донкихотство, ее безграничное великодушие представляли собой нечто такое, что невозможно было охватить сразу. Арестованная в Клэкстоне Анжелика понимала, что мое настоящее и будущее находятся в ее руках, и делала все ради моего спасения. Вопреки здравому смыслу, несмотря на презрение, которое Анжелика открыто высказала мне при нашей последней встрече, она решила спасти меня для Бетси и Ч. Д. ...

Я посмотрел в ясные глаза Трэнта и всем своим существом ощутил, что происходит нечто невероятное, что я получаю отсрочку. Но тут же — с еще большей силой и остротой — меня охватила тревога за Анжелику.

— И она оказалась той самой Анжеликой Робертс, которую вы разыскивали?

— Да. И она во всем призналась. Призналась, что купила пистолет, что у них с Лэмбом происходили частые ссоры, что он ее бросил, что она уехала из Нью-Йорка на следующий день после убийства. Призналась во всем.

— Но не в самом убийстве?

— Пока нет, но не все сразу, мистер Гардинг. По ее словам, Лэмб явился к ней часов в одиннадцать вечера и велел освободить квартиру, в которую, очевидно, сам же ее привел. Лэмб заявил, что настоящий хозяин неожиданно вернулся и квартира нужна ему. Как показала Робертс, ей некуда было пойти, и поэтому она, сложив свои вещи в чемодан, отправилась в кино, а потом в гостиницу. На следующий день она вернулась на квартиру за остальными вещами и поездом уехала в Клэкстон.

Все это время с лица Трэнта не сходило серьезное и вместе с тем сочувствующее выражение, что невероятно меня бесило.

— Я понимаю, мистер Гардинг, все это вам очень неприятно, так что извините меня. Полиция в Клэкстоне арестовала мисс Робертс, основываясь на ее собственных показаниях. Ваша бывшая жена встретила арест спокойно и даже отказалась от своего права протестовать против отправки этапом в Нью-Йорк для дальнейшего следствия. Ее доставят сюда, вероятно, к вечеру. Если она пожелает вас видеть, вам, разумеется, позволят ее навестить.

— Следовательно, она арестована?

— Да. Или, если хотите, задержана для более тщательного дознания.

Он встал и протянул мне руку — как всегда, в самый неподходящий момент. Я ненавидел его за нежелание вести себя так, как вел бы себя на его месте любой другой полицейский. Я ненавидел его за непостижимую симпатию ко мне, за то, что он по непонятным причинам отказывается воспользоваться преимуществами своего положения, за бессмысленную — во всяком случае на первый взгляд — манеру скорее принимать мою сторону, чем отстаивать собственную точку зрения. Откровенно говоря, мое поведение давало ему массу поводов заподозрить, насколько я скомпрометирован. Любой другой полицейский сейчас, после ареста Анжелики, взялся бы допрашивать меня, что называется, с пристрастием. Только не Трэнт. Такой простой метод его, видите ли, не устраивал.

— Я позвоню вам, мистер Гардинг, как только ее сюда доставят. Вы будете дома?

Мы с Бетси предполагали обедать у Ч. Д., но теперь, видимо, придется отказаться от этого визита.

— Да,— ответил я.

— На вашем месте я бы, мистер Гардинг, пока не стал так беспокоиться,— снова улыбнулся Трэнт.— Вы знаете, бывает, что люди ходят в кино и в одиночку, так что, возможно, она говорит правду. Если она сможет доказать свое алиби, ее, разумеется, сейчас же освободят.

«Если она сможет доказать свое алиби!» Что это, намек? Может, он давным-давно все знает? Я еще не понимал поведения Трэнта, но уже начинал понимать, хотя и медленно, в какое мучительное положение попал — более мучительное, чем если бы уже потерпел полный крах. Пытаясь отвести от меня всякую угрозу, Анжелика жертвовала собой. Ее могло спасти лишь алиби; меня оно могло погубить.

Трэнт все еще протягивал мне руку. Я взглянул на него и подумал: «Я должен рассказать ему все, и сейчас же! Я не могу позволить, чтобы Анжелика шла на такой страшный риск. Я никогда себе не прощу, если сейчас же не расскажу ему все!»

Я уже открыл рот, когда Трэнт заметил:

— Так я вам позвоню, мистер Гардинг. Это, вероятно, будет часов около десяти.

Он жестом указал на дверь, давая понять, что я могу идти.

Окончательно смутившись, безвольно соглашаясь продолжать предложенную Трэнтом игру, я пожал ему руку и вышел из кабинета.

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

Патрик КВЕНТИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Итак, я ничего не сказал и на этот раз, мне помешал Трэнт. Возвращаясь на такси домой, я все время цеплялся за это обстоятельство, внушая себе, что так уж случилось и я здесь ни при чем. К стыду своему, должен признаться, что я тут же начал придумывать всякие причины, которые и в дальнейшем оправдывали бы мое молчание. В конце концов все затеяла сама Анжелика. Вероятно, у нее есть какой-то план, и она намерена доказать, что действительно была в кино и что все, что случилось, не имеет и не может иметь ко мне никакого отношения. Во всяком случае, нелепо пороть горячку и выбалтывать все, что мне известно, по крайней мере до разговора с Анжеликой. Она не виновна, и я уверял себя, что людей не судят за преступления, которых они не совершали. Возможно к тому же, что Трэнт скоро найдет настоящего убийцу, и Анжелику освободят. Если она сама нашла нужным умолчать обо мне, почему же я, рискуя потерять так много, должен протестовать?

Я почти уговорил себя и почти усыпил свои сомнения к тому моменту, когда вернулся домой и открывал дверь в квартиру. В будущем, в каком-то отдаленном будущем я, возможно, предприму что-нибудь решительное, а пока самое разумное — всячески тянуть время. Конечно, придется сказать Бетси об аресте Анжелики, тем более что сообщение об этом обязательно появится в газетах. Но и только. Все обойдется, если я не потеряю самообладания, как уже едва не потерял в кабинете Трэнта.

Бетси я застал дома, она переодевалась в спальне, чтобы поехать к Ч. Д. Я рассказал ей об Анжелике, и ее лицо от изумления стало почти глупым. Видимо, обманывая жену, я настолько преуспел, что она не сразу сообразила, о какой Анжелике я говорю. Она считала, что Анжелика давным-давно живет в Европе.

— Подожди, но почему же Джейми никогда не говорил об Анжелике, если он ее действительно знал и она проживала в Нью-Йорке?

— Ну, видимо, потому, что она взяла с него слово молчать... Бетси, сегодня ее должны привезти в Нью-Йорк, и Трэнт говорит, что я могу ее навестить. По-моему, я обязан это сделать. Ты не возражаешь поехать к Ч. Д. одна?

— Конечно. Пожалуй, мне следует рассказать ему об этом, ты не находишь? Пока он сам не прочтет в газетах. Старик страшно разозлится, ведь газеты постараются на весь свет раструбить, что она твоя бывшая жена и все такое.— С подавленным видом Бетси взглянула на меня.— Это ее рук дело?

— Откуда же мне знать!

— И зачем только ей вздумалось вернуться в Нью-Йорк? Неужели она не могла... Извини, Биль. Мне ее жаль, и ты обязан сделать для нее все, что можешь.

Бетси села на кровать и стала надевать чулки.

— Представляю, как все это неприятно тебе. И какие...— Она на мгновение остановилась, но потом решительно закончила:— ...и какие неприятности это сулит Рикки. Что бы ни случилось, мы обязаны держать Рикки в стороне. Он не должен ничего знать. Ничего!

В самом дурном настроении я болтался в спальне, пока Бетси одевалась. Закончив сборы, она сходила на кухню и дала кухарке указания, чем покормить меня на ужин. Я проводил ее до выхода. У двери она поцеловала меня.

— Постарайся успокоиться, любимый.

Продолжая обнимать Бетси, я заметил недоуменную морщинку у нее на лбу.

— Ты говоришь, Анжелика сама купила пистолет?

— Да.

— Почему же Трэнт не сказал тебе об этом тогда, по телефону?

— Вероятно, она назвала другую фамилию.

— Ты так думаешь?— Бетси улыбнулась, удовлетворенная моим ответом.— До свидания, милый. Я постараюсь сделать с отцом все, что смогу. Надеюсь, у Анжелики все кончится... хорошо. Скажи ей об этом от моего имени.

Трэнт позвонил в половине одиннадцатого.

— Она здесь, в главном управлении полиции, и готова встретиться с вами.

— Хорошо, еду.

— На вашем месте, мистер Гардинг, я бы не стал так переживать. Мы сейчас подбираем для нее защитника и всячески стараемся облегчить ее положение.

Главное управление полиции Нью-Йорка наводило такое же мрачное уныние, как и отделение, в котором я недавно побывал, с той лишь разницей, что тут человек чувствовал себя еще более подавленным. Я ожидал встретить Трэнта, но его не оказалось, хотя о моем визите здесь знали. По бесконечным коридорам полицейский привел меня в какую-то скверную комнатушку и ушел. Вскоре другой полицейский привел Анжелику и тоже ушел, оставив нас с глазу на глаз. Впрочем, я знал, что он стоит у двери, знал, что Анжелику доставили сюда из камеры, что между нами возвышается Закон, который почему-то представлялся мне в образе Трэнта.

На Анжелике был тот же самый поношенный черный костюм, что и в день ее отъезда из Нью-Йорка. Я всегда считал, что душевные переживания накладывают на человека отпечаток. Но Анжелика совсем не изменилась, разве что выглядела несколько бледной и утомленной. Ее яркая, чувственная красота, казалось, была неподвластна времени.

Анжелика даже не поздоровалась со мной; на ее лице застыло выражение упрямства, столь хорошо знакомое мне по прежним временам и означавшее: «Я знаю, что делаю».

— Я ничего им не сказала и не скажу.

— Я так и понял.

— Собственно, мне нечего сказать и тебе, но попробую, а потом ты уйдешь. Я много передумала и многое поняла. Ты не имеешь никакого отношения к тому, что случилось, всю ответственность должна нести я. Если бы я не позвонила тебе в тот вечер, ты бы вообще ничего не знал. Какой смысл впутывать тебя, тем более что ничего страшного не произошло. По закону я невиновна, пока моя вина не доказана. Ну, а смогут ли доказать полицейские, что я не была в кино? Уж ты-то знаешь, что я никого не убивала. Полицейские могут продержать меня здесь день-другой, и на том все кончится.

У Анжелики была с собой сумочка. Она хотела открыть ее, но раздумала.

— У тебя есть сигареты?

Я закурил сигарету и, передавая пачку Анжелике, не без смущения сказал:

— Можешь оставить себе.

Анжелика спрятала пачку в сумочку, не спуская с меня спокойного взгляда.

— Да ты и сам это понимаешь. Скорее всего, полицейские в ближайшие дни найдут убийцу, и все кончится. А пока нам не надо говорить ничего лишнего, иначе ты всю жизнь будешь ненавидеть и себя и меня. Ну вот. А теперь отправляйся домой и предоставь остальное мне.

Анжелика повторила те самые аргументы, которыми чуть раньше я пытался успокоить себя. Теперь они казались мне еще более убедительными, поскольку исходили от Анжелики и поскольку я вовсе не возражал, чтобы меня убедили. Все сильнее мне хотелось согласиться с ней, и в то же время я презирал себя за такие мысли.

С какой-то сверхъестественной проницательностью Анжелика добавила:

— Ты глубоко заблуждаешься, если думаешь, что я поступаю так ради тебя. Совсем нет. Ради себя.

— Ради себя?

— Не так уж трудно понять. Что я делала все прошедшие годы? Чарльз Мэйтленд, Джейми Лэмб... Жила вздорной надеждой, что могу спасать людей своей любовью. Мне бы давно следовало понять, что все это глупое тщеславие, попытка как-то оправдать тот факт, что приходится общаться с разными подонками. Пора с этим кончать. Я нашла Джейми — я и должна нести ответственность. Вот уже сколько лет я напрашивалась на добрый пинок — наконец-то я его получила.— Анжелика грустно улыбнулась.— Так что, Биль, пусть тебя не мучают угрызения совести. События развиваются так, как я сама хотела. Если ты мне понадобишься, я позову тебя. Но я уверена, что этого не произойдет, и потому — прощай!

Не дав мне собраться с мыслями, Анжелика быстро вышла из комнаты. Некоторое время я стоял, не зная, что предпринять, раздираемый противоречивыми чувствами. Какой-то внутренний голос твердил мне, что Анжелика права, что надо последовать ее совету. Права, что сама себе испортила жизнь. Права, что потрясение, связанное с арестом, открыло ей глаза и послужит своего рода возмездием. Права, что ничего страшного ей не угрожает.

И все же я не мог обмануть самого себя. По-моему, Анжелика и сама не понимала, что не могла бы поступить лучше, чем поступила. Несмотря на свои возвышенные слова, она ни в чем не изменилась. Перед Чарльзом Мэйтлендом и Джейми Лэмбом она выступала в роли матери-утешительницы всех страждущих и скорбящих, а теперь хотела облагодетельствовать меня. Я был для нее человеком, которому она могла продемонстрировать свое благородство; я был тем, кто нуждался в ее утешении.

Анжелика нашла еще один повод указать на мою человеческую слабость, и я не мог не злиться на нее. Я не хотел и думать, что чем-то обязан ей. Глубокое отвращение вызвала у меня внезапно появившаяся мысль, что вся моя дальнейшая жизнь с Бетси будет возможной только благодаря героическому жесту Анжелики. Если бы я послушался голоса совести, мне следовало бы выбежать в коридор вслед за Анжеликой и ее конвоиром, втащить их обратно и выпалить полицейскому всю правду. Я поступил иначе: взял такси и уехал домой.

Бетси еще не вернулась. Я налил себе вина. Снова и снова я принимался уверять себя, что все в порядке, что я поступил так, как поступил бы каждый в моем положении, но убедить себя не мог.

Бетси возвратилась около двенадцати часов. Не снимая пальто, она вбежала в гостиную.

— Биль, что произошло?

— Ничего. Я повидался с ней, вот и все.

— И она ничего не сказала?

— В сущности, ничего.

Бетси сняла пальто и бросила его на кресло.

— Я рассказала отцу, и он сначала чуть не полез на стены, а потом несколько успокоился и стал звонить своему другу, начальнику главного полицейского управления Нью-Йорка. Он попросил его не сообщать газетам, что Анжелина когда-то была твоей женой, и тот, по-моему, обещал.

Очень озабоченная, Бетси подошла ко мне и села на подлокотник кресла.

— Биль, дорогой, не мучайся так! Ты сделал для нее все, что в твоих силах. Я понимаю твое состояние. Но ты не думаешь...

Она помрачнела и замолчала.

— Что именно?

— ...Что ты все еще ее любишь? Я понимаю, она не может быть тебе совсем-совсем безразлична, но, Биль...

Бетси прижалась своим лицом к моему. И только тут я сообразил: она весь вечер страдала от мысли, что во мне вновь вспыхнет старое чувство к Анжелике.

— Бетси, крошка, ты же хорошо знаешь, что я люблю только тебя!

Бетси наградила меня горячим поцелуем.

— Мне ее жаль. Честное слово! Но ты и Рикки — главное для меня. Я беспокоюсь о тебе.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—8.

Бетси уже давно спала, а я, лежа рядом, все еще ворочался, думая о ней, о Рикки, об Анжелике и ее камере в тюрьме. Я пытался проникнуться благодарностью к своей бывшей жене и не мог.

Наконец я уснул, но сон не принес мне облегчения. Кое-как я отсидел в кабинете рабочее время. У меня даже хватило сил поговорить с Ч. Д. Он сообщил о своей беседе с начальником нью-йоркской полиции и напыщенно заявил, что не ставит мне в вину мой брак с Анжеликой. Я чувствовал себя измученным и усталым, словно только что перенес тяжелую болезнь. Вечер, проведенный с Бетси, был для меня настоящей пыткой, как и последовавшая за этим бессонная ночь. Так прошли и следующие двое суток.

Газеты сообщили об аресте Анжелики, но во всех сообщениях она фигурировала под именем Анжелики Робертс и потому не привлекла особого внимания. Для публики она осталась неизвестной особой, задержанной по подозрению в каком-то заурядном убийстве. Взятое вне связи с семейством Кэллингхемов, это происшествие не представляло никакого интереса для прессы и не заслуживало подробного описания. Трэнт не давал о себе знать. Я не сомневался, что он подозревает меня, но по каким-то причинам выжидает, и это тем более ужасно действовало на нервы. Много раз, доведенный до крайности, я был готов позвонить ему и сознаться во всем, но в самую последнюю минуту инстинкт самосохранения и мысль о Бетси удерживали меня.

Трэнт позвонил мне сам, утром на третьи сутки, когда я уже собирался идти на ленч. Странно, но я почти с облегчением услышал его голос.

— Извините, мистер Гардинг, у меня плохие новости. Адвокат мисс Робертс, так же как и мы, сделал все возможное, чтобы доказать, что она в тот вечер действительно была в кино. К сожалению, никаких доказательств получить не удалось, и районный прокурор сегодня утром принял решение передать дело в суд.

— Иначе говоря, предстоит процесс?

— Совершенно верно. К сожалению, она не захотела нам помочь. Районный прокурор убежден в ее виновности. Он не сомневается, что без труда добьется обвинительного приговора.

Конец наступил внезапно.

— Я должен немедленно с вами повидаться,— вырвалось у меня помимо моей воли.

— Конечно, мистер Гардинг. Я звоню вам со службы. Приезжайте.— Он помолчал, потом добавил:— Я рад, что вы наконец приняли решение. В конечном счете так будет лучше для всех.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Я никогда бы не подумал, что смогу принять подобное решение, не посоветовавшись с Бетси и не предупредив Ч. Д. Но сейчас не это меня волновало, я испытывал лишь непреодолимое желание избавиться от всего, что меня угнетало. Я даже не пытался понять загадочное замечание Трэнта, отныне главным для меня было одно: уплатить долг Анжелике, раз и навсегда избавиться от этого тяжелого бремени.

В главном полицейском управлении на Сентр-стрит полицейский провел меня в ту же самую или точно такую же комнату, что и прошлый раз. Вскоре пришел Трэнт. Как всегда, он приветливо улыбался, и, как всегда, его улыбка казалась мне пугающей.

— Надеюсь, вы не передумали, мистер Гардинг?

— Нет, не передумал.

В комнате стоял деревянный стол и стул. Не спуская с меня взгляда, Трэнт сел.

— Видимо, я должен кое-что объяснить, чтобы укрепить вас в этом решении. К сожалению, до сих пор я не был с вами вполне откровенным, полицейские не могут позволять себе подобную роскошь. Большую часть всей этой истории я знал с самого начала. Вы понимаете, как только мистер Кэллингхем упомянул вашу фамилию, я сразу спросил себя, не тот ли это Уильям Гардинг, который написал «Полуденный зной»? Перед тем как встретиться с вами, я, естественно, раздобыл книгу и взглянул на вашу фотографию, напечатанную на суперобложке. К тому времени я только что вернулся из квартиры Лэмба, и кольцо с дельфином лежало у меня в кармане. Я сразу же опознал в нем то самое кольцо, с которым ваша бывшая жена снята на фотографии. Вывод напрашивался сам собой: она причастна к убийству Лэмба, да и вы, по всей вероятности, имеете к нему какое-то отношение. Ваше утверждение, будто вы не знаете никакого кольца, навело меня на мысль, что вы что-то скрываете. Но что именно — это я понял позже, когда предъявил миссис Шварц вашу фотографию и она узнала в

вас человека, который дрался с Лэмбом в вестибюле.

Со слабым любопытством, как о чем-то постороннем, я подумал: «Должно быть, это та самая блондинка с зубами, как у бобра, которую я видел во время первого визита к Анжелике».

Трэнт, все такой же добродушный и терпеливый, наклонился ко мне через стол.

— Конечно, я мог бы сразу уличить вас во лжи. Но я читал «Полуденный зной», и это помогло мне составить о вас довольно полное впечатление. Я бы сказал, мистер Гардинг, что вы романтик и вместе с тем человек с высоко развитым чувством ответственности. Вы не любите, когда вам пытаются навязать чужую волю, и в конечном счете всегда поступаете так, как считаете правильным. Вот я и решил, что ничего не добьюсь, если начну вас торопить. Более правильным казалось мне предоставить вас самому себе и время от времени осторожно подливать масла в огонь, и тогда в конце концов долг гражданина превысит в вас всякие нелепые романтические представления о благородстве.

Я слушал Трэнта и, с трудом преодолевая невероятную усталость, пытался понять его. Трэнт по-прежнему не сводил с меня умных глаз, и в его взгляде, по-моему, теперь можно было прочитать явное удовлетворение от собственной ловкости.

— А ведь так и получилось, правда? Несколько позже, чем я ожидал, но получилось. Вы решили сказать правду, как только узнали, что ее дело все равно передадут в суд и что вы ничем не сможете ей помочь. Уверяю вас, районному прокурору очень пригодятся ваши показания, теперь все окажется значительно проще.

Ровный, совсем не официальный голос Трэнта доносился до меня словно сквозь туман.

— Вы все время встречались со своей бывшей женой после ее возвращения в Нью-Йорк, не так ли? Вы даже пытались помочь ей наладить отношения с ее сумасбродным, опасным и ничтожным возлюбленным. Услышав о смерти Лэмба, вы сразу же поняли, что его убила она. Я вовсе не утверждаю, что вы располагаете конкретными доказательствами или, употребляя юридическую терминологию, являетесь недоносителем. Отнюдь нет. Я только хочу сказать, что вы хорошо знали, какие отношения сложились между Лэмбом и мисс Робертс, и потому не сомневались, что его убила она. Далее. Вы считали, что Лэмб вполне заслужил своей участи, и потому решили встать на сторону своей бывшей жены, помочь ей бежать и, разумеется, скрыть все от полиции.

Теперь и я не отрывал глаз от его лица, с которого не сходила вежливая, довольная улыбка.

— Видите ли, я даже знал, что на следующий день вы побывали в гостинице «Уилтон» — вероятно, дали мисс Робертс денег и, вероятно, усадили ее в поезд. Вам, наверно, удалось бы обеспечить ей алиби (такой уж вы человек!), если бы в ночь убийства вы были одни, а не с мисс Кэллингхем.

Только теперь, когда он поставил все точки над «и», до меня дошел смысл его слов. Я был потрясен тем, что он так блестяще все раскрыл, а потом так нелепо все перепутал.

— И вы думаете, я пришел к вам давать показания против Анжелики? — наконец спросил я.

— Конечно, мистер Гардинг.

— Бог мой! А я-то считал вас умным человеком. Нет, я пришел заявить, что Анжелика невиновна. В два часа, как раз в то время, когда был убит Лэмб, она находилась со мной, в моей квартире.

Я рассказал Трэнту все: о том, как Элин застала меня с Анжеликой, как я солгал Ч. Д. по телефону, как это поставило меня в безвыходное положение и вынудило засвидетельствовать мнимое алиби Дэфни, подробно описал взаимоотношения между Дэфни и Джейми, изложил ее собственную версию того, что она делала в тот вечер и в ту ночь, и, наконец, высказал убеждение, что Джейми убил некто, с кем у него в тот вечер было назначено свидание. Мой рассказ доставлял мне самому мстительное удовлетворение, меня радовало, что я могу доказать Трэнту, как он заблуждался. И пока я говорил, меня неотступно преследовала мысль, что в эти минуты отказываюсь от всего — от службы, от Кэллингхемов, возможно, даже от Бетси. Но в то же время я чувствовал, как ко мне возвращается самоуважение, и это оправдывало все. Парадоксально, но факт: отклоняя жертву, которую собиралась принести Анжелика, и принося в жертву самого себя, я наконец-то освобождался от всяких обязательств перед ней.

Во время своего рассказа я ни разу не взглянул на Трэнта, он перестал существовать для меня, я видел в нем лишь человека, способного выслушать меня.

— Вот как обстоит дело, — закончил я. — Величайшая глупость с моей стороны, что я молчал до сих пор.

— Вот как обстоит дело, мистер Гардинг, — повторил Трэнт. Это были его первые слова с той минуты, как я начал свое показание.

Я взглянул на него, но не мог определить, смущен ли он тем, что поставил себя в нелепое положение, и что вообще думает обо мне. Его лицо ничего не выражало.

— Следовательно, мисс Кэллингхем лгала?

— Да.

— И мистер Кэллингхем тоже лгал?

— Да.

— И Элин солгала?

— Да.

— И мисс Робертс тоже лжет, хотя и рискует оказаться осужденной за убийство?

— Конечно. Из каких-то донкихотских побуждений Анжелика считает нужным оберегать меня. Она понимает, как воспримут все это и мистер Кэллингхем и особенно моя жена, если выяснится, что тут замешан и я.

— Да? — Некоторое время Трэнт сидел молча, потом встал. — Извините, я скоро вернусь.

Я остался один. Меня не интересовало, куда он ушел, я думал только о том, что самое трудное теперь позади. Да, нелегко мне придется при встрече с Ч. Д. и с Бетси, но сейчас это не имело для меня никакого значения.

Вернулся Трэнт.

— Я только что виделся с мисс Робертс. Она хочет поговорить с вами. Сейчас ее приведут.

Я не готовил себя к новой встрече с Анжеликой, и слова Трэнта вызвали у меня досаду. Я сделал все, что требовалось, я вытащил ее из пропасти — о чем же мне еще разговаривать с ней?

— Можете беседовать, сколько захотите, мистер Гардинг. Не думайте, тут нет никакой ловушки. Никто вас подслушивать не будет, вы останетесь в комнате вдвоем.

Открылась дверь, и вошла Анжелика в сопровождении полицейского. Трэнт и конвоир сейчас же вышли, и Анжелика подбежала ко мне.

— Биль, ты ничего не сказал, да? Трэнт хотел обмануть меня!

— Я рассказал все.

— Но почему? — По глазам Анжелики я видел, что она мне не верит.

— Твое дело решено передать в суд.

— Знаю, ну и что? Они могут судить меня, но для обвинительного приговора у них нет никаких оснований. Сколько раз повторять тебе одно и то же? — Она помолчала, и на лице у нее появилось то самое упрямое выражение, которое всегда приводило меня в бешенство. — Я заявила Трэнту, что все, что ты ему якобы рассказал, — сплошная ложь, что тебя преследует сознание мнимой вины и ты пытаешься искупить ее, надевая на себя венец мученика.

Я взглянул на Анжелику с изумлением, смешанным с негодованием.

— Ты что, с ума сошла?

— А что тут сумасшедшего? Единственное твое желание — жить под крылышком у Кэллингхемов, верно? И ты отчаянно, изо всех сил пытаешься осуществить свое желание. На самом-то деле ты ничего не хотел рассказывать Трэнту, но, когда узнал, что дело на меня передается в суд, совесть у тебя зашевелилась. Спасибо и на том, Биль, но в подобных жестах я не нуждаюсь.

Вот она, Анжелика, в своей излюбленной позе, с нелепым упрямством желающая во что бы то ни стало играть роль единственной и неповторимой великомученицы! Но зачем ей нужно перечеркивать искренний и чистосердечный порыв, первый раз охвативший меня за все последние недели? Как-то сразу я перестал ее ненавидеть, потому что ее чары уже не действовали на меня. Наконец-то я почувствовал себя свободным. Анжелика теперь казалась мне обыкновенной женщиной — глупенькой, запутавшейся, начиненной благими намерениями и ужасно надоедливой — не больше.

— Спорить бесполезно, да и не о чем. Сейчас я позову Трэнта. Ты сможешь отказаться от своего смешного утверждения, будто я действовал под влиянием какой-то донкихотской идеи о своей мнимой виновности. Отказаться и сказать ему правду.

Анжелика долго смотрела на меня, словно видела впервые.

— Ты серьезно?

— Вполне.

— Но зачем, зачем?

Мне хотелось крикнуть: «Чтобы никогда больше, даже в мыслях, ты не преследовала меня!», — но я ограничился тем, что спросил:

— Это имеет сейчас какое-нибудь значение?

— Ты хочешь сказать...

Лицо у нее обмякло, выражение упрямства и гордости исчезло с него. Тихо и нерешительно она сказала:

— Биль...

Недоумевая, испытывая неловкость, я взглянул на Анжелику, и она быстро шагнула ко мне.

— ...О Биль, я так боялась! Теперь я могу признаться. Там, в одиночке, мне было так страшно. Я нисколько не сомневалась, что ты не пойдешь ни на какой риск ради меня. Клянусь, я не собиралась толкать тебя на такой шаг. Боже, как я могла так ошибаться!

— Ошибаться? — с беспокойством переспросил я.

Анжелина улыбнулась, и эта ослепительная улыбка совсем изменила ее.

— Так ошибаться три последних года. Если бы ты только знал, что я передумала, когда ушла от тебя в Портофино, и позже, когда увидела, как ты склоняешься перед своим новым восходящим светилом — Кэллингхемами. Мне показалось, что наконец-то я поняла тебя, и даже похвалила себя за такую проницательность. Я решила, что ты не хочешь стать писателем, что ты хотел им стать только под моим влиянием. Ни я, ни мой образ жизни тебе не нужны. Тебе нужна лишь пусть паршивенькая, но спокойная маленькая работа под надежным крылышком да надежная и солидная жена под боком. Смотрела я на тебя, смотрела, потом решила, что поняла, и сказала себе: мне тут делать нечего. Пусть уж лучше Чарльз Мэйтленд.

Анжелина подошла ко мне и взяла за руки.

— Но я ошиблась, правда? Ведь все же не зря я тебя полюбила. Ты только вообразил, что тебе нужна подобная жизнь. Ты пошел одной неправильной дорогой, а я другой. Однако сейчас мы оба увидели свои ошибки. После того как мы поцеловались в тот вечер в моей квартире, я уговаривала себя не обманываться, твердила, что это ничего не означает — всего лишь похмелье прошлого. Но потом, в ту ночь, когда был убит Джейми... О Биль, я не хотела этого! Клянусь, я хотела, чтобы между тобой и Бетси все шло хорошо до тех пор, пока ты сам того хочешь. Клянусь, я не стремилась вмешиваться в вашу жизнь. Но теперь, когда ты понял, что ошибался, теперь, когда ты готов бросить все...

Чувствуя, что даже прикосновение ее рук, когда-то такое желанное, вызывает у меня отвращение, я спросил:

— Надеюсь, ты не думаешь, что я поступаю так из любви к тебе?

Анжелика отпрянула, словно от удара, и улыбка на ее лице сменилась выражением мучительного смущения.

— А я думала... Когда ты сказал, что я... Но тогда почему ты рассказал все Трэнту?

— Потому, что хочу жить в мире с самим собой и не хочу в присутствии Бетси чувствовать себя самым подлым из всех подлецов.

Я понимал, что поступаю жестоко. Но я понимал и другое — что не могу поступить иначе, если хочу избавиться от соблазна укрепить Анжелику в ее заблуждении. Однако я уже не испытывал недавнего удовлетворения собой. Дальнейшие объяснения с Трэнтом казались мне тяжелой, унылой и безрадостной обязанностью.

Анжелика ссутулилась, сразу как-то постарела и казалась теперь очень усталой. Почти шепотом она сказала:

— В одиночке я подумала, что опустилась на самое дно. Как бы не так! Только сейчас я начинаю туда опускаться. — Она взглянула на меня. — Ну, хорошо. Зови Трэнта. Я скажу ему все, что ты хочешь. Низкий тебе поклон! Из всех благородных мучеников ты самый благородный.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Я вышел из комнаты и попросил конвоира позвать Трэнта. Он ушел, а я остался ждать в коридоре, мне не хотелось снова оставаться с глазу на глаз с Анжеликой. Вскоре появился Трэнт. Мы вместе возвратились в комнату, и я сказал, что Анжелика готова подтвердить мой рассказ. Трэнт по-прежнему был невозмутим. Он заявил, что должен записать наши показания, вызвал стенографиста и попросил меня выйти. Спустя некоторое время лейтенант приказал конвоиру увести Анжелику. Она даже не взглянула на меня, когда проходила мимо, — впрочем, как и я на нее. Потом я вернулся в кабинет Трэнта и повторил свой рассказ для стенографиста. Времени на это потребовалось немного, но оно показалось мне бесконечным.

— Теперь, надеюсь, вы ее отпустите? — спросил я у Трэнта, как только стенографист вышел.

— Не так это просто, мистер Гардинг. Вначале нужно выполнить некоторые формальности. Ну, скажем, получить показания мисс Ходжинс — она, конечно, не откажется подтвердить ваши слова. Мне предстоит ее повидать.

Разумеется, он обязан был это сделать, и я без труда представил себе лицо Элин, ее злорадную улыбку, когда ей наконец представится возможность «нехотя» разоблачить, вывести на чистую воду «скверного и ничтожного мистера Гардинга». С Элин начнется новый этап моих мучений.

— Может, мне ей позвонить? — спросил я.

— Нет, мистер Гардинг. Если хотите, отправимся вместе.

Мы приехали к нам на полицейской машине. Трэнт был сдержан и замкнут, но это меня не беспокоило. На мое счастье, Бетси еще не вернулась из канцелярии фонда. Элин оказалась одна в детской. Она тотчас же встала и, опустив глаза, приняла почтительную позу.

— Как вам известно, мисс Ходжкинс, Анжелика Робертс, бывшая жена мистера Гардинга, арестована по подозрению в убийстве мистера Лэмба. Мистер Гардинг только что дал некоторые показания в главном полицейском управлении. Он утверждает, что вместе с мистером Кэллингхемом упросил вас утаить правду о том, что произошло в действительности в ночь убийства.

Элин подняла голову, ее голубые глаза пытливо скользнули по моему лицу, потом остановились на лице Трэнта.

— Утаить правду, сэр?

— Мистер Гардинг утверждает, что примерно в то время, когда произошло убийство, здесь была не мисс Кэллингхем, а мисс Робертс. Больше того, он заявляет, что вы застали их в тот момент, когда он обнимал свою бывшую жену. Надеюсь, вы понимаете, насколько это важно для мисс Робертс, поэтому прошу вас сказать правду, только правду, и не опасайтесь, пожалуйста, что это грозит вам какими-то неприятными последствиями.

На лице Элин проступил румянец. Наблюдая за ней без особого интереса, я все же ждал, что в глазах у нее вот-вот появится злорадный огонек, однако она сделала вид, что озадачена и смущена.

— Извините, сэр, но я не совсем понимаю. Мистер Гардинг говорит...

Она умолкла и заломила руки.

Трэнт терпеливо повторил свою просьбу, и, как только он кончил, Элин бросила на меня взгляд, полный боязливого недоумения.

— Извините, лейтенант, но я не понимаю мистера Гардинга. Конечно, мисс Кэллингхем была здесь, я сама подавала ей ужин. Что касается другой леди и других обстоятельств... Боюсь, сэр, что если она и была здесь, я ее не видела.

В первое мгновение я не поверил собственным ушам, но потом подумал, что нечто подобное и следовало ожидать.

— Она лжет, — сердито сказал я Трэнту. — Это же совершенно очевидно. Мистер Кэллингхем дал ей взятку, пообещав за свой счет доставить сюда ее племянницу из Англии. Элин боится, что мистер Кэллингхем откажется от своего обещания, если она скажет правду.

Элин покраснела еще сильнее. Лицо Трэнта оставалось бесстрастным.

— Вы говорите правду, мисс Ходжкинс?

Элин разразилась потоком слов.

— Конечно, мистер Кэллингхем согласился оплатить приезд моей маленькой племянницы из Англии. Мистер Кэллингхем — добрый и заботливый человек, он относится ко мне, как к члену своей семьи. То же самое могу сказать о миссис Гардинг и мисс Дэфни. Все они такие хорошие! Как же можно говорить, что он дал мне взятку и заставляет говорить неправду? Мистер Кэллингхем никогда ничего подобного себе не позволит!— Всем своим видом изображая оскорбленную невинность, Элин повернулась и взглянула на меня.— Ну, знаете, мистер Гардинг! Я всегда работала, не жалея сил... Я всегда старалась всем угодить. Но теперь...

Она разразилась рыданиями.

— Итак, вы утверждаете, что в заявлении мистера Гардинга нет ни слова правды?— спросил Трэнт.

— Да, да, да! Меня еще никто так не оскорблял. Если бы не мальчик миссис Гардинг, я бы...

Рукой в накрахмаленном рукаве она закрыла лицо.

— Хорошо, мисс Ходжкинс. Пока все,— сказал Трэнт.

— Послушайте, лейтенант...— начал было я.

— Пока все!

Трэнт вышел из детской, а следом за ним выбежал я — злой и разочарованный.

— Вы не должны ей верить. Вы же не идиот.

Трэнт сел на подлокотник кресла и спокойно ответил:

— Дело вовсе не в том, мистер Гардинг, верю я ей или не верю. Она не подтвердила ваших показаний — вот что важно. Вам придется искать какие-то другие доказательства, если вы хотите, чтобы я мог что-то предпринять.

— Мои показания подтверждает Анжелика.

— Ну, я бы не сказал, что этого достаточно. Ведь сначала мисс Робертс все отрицала. Она заняла другую позицию лишь после того, как вы повидались с ней и научили, как и что говорить. И потом, разве не в ее же интересах подтвердить ваши показания?

Я совершенно не понимал, о чем толкует Трэнт. На минуту мне показалось, что я сплю и вижу тяжелый сон.

— Вы, разумеется, ничего не сказали жене,— заметил лейтенант.

— Конечно.

— В таком случае вам придется искать других свидетелей.— Трэнт внимательно наблюдал за мной. Его взгляд выражал только легкое любопытство, не больше.— Ну, а как, например, с лифтером? По вашим словам, мисс Робертс пришла сюда с чемоданом и, следовательно, должна была воспользоваться лифтом.

Мне вспомнилось, что сказала Анжелина в тот вечер, как только вошла в квартиру: «Я предпочла лестницу, лифтеру вовсе не нужно меня видеть».

— Нет,— сказал я Трэнту.— Она поднялась по лестнице.

— Так высоко? Почему?

— Она решила, что будет лучше, если никто не заметит ее здесь в такое позднее время.

— Понятно.

Только в тот момент, когда я почти окончательно уверовал, что нахожусь в каком-то кошмаре, я вспомнил о Поле. И как-то сразу все вновь встало на свои места. Поль знал правду.

— На следующий день после убийства я рассказал о визите Анжелики Полю Фаулеру.

— Да?

— Если я приглашу его сюда и он скажет вам то же самое, этого будет достаточно.

Трэнт замигал.

— Что ж, приглашайте.

Я позвонил Полю и попросил его сейчас же приехать ко мне. Он, как всегда, не возражал, только заметил:

— Конечно, малыш. Надеюсь, ничего плохого?

— Приезжай.

Поль примчался минут через двадцать, жизнерадостный, ухмыляющийся. Я смотрел на него почти с нежностью, хотя и понимал, что сам рою себе могилу.

— Поль — лейтенант Трэнт. По делу Анжелики составлено обвинительное заключение, оно передается в суд и...

— Минутку,— резко остановил меня Трэнт.— Садитесь, мистер Фаулер.

— Слушаюсь, лейтенант.

— Мистер Фаулер, мистер Гардинг сообщил полиции некоторые обстоятельства, имевшие место в ночь убийства Лэмба, и утверждает, что на следующий день рассказал о них вам. Повторите, пожалуйста, что именно он говорил.

Поль быстро взглянул на меня.

— Да, да,— подтвердил я.— Расскажи ему все.

— Все?— Он снова повернулся к Трэнту и сделал горестную мину.— Я обожаю говорить все. Это одно из моих любимых занятий, лейтенант. Но скажите, ради бога: что «все» вы хотите услышать от меня?

— Мистер Гардинг заходил к вам на следующий день после убийства?

— Возможно. Он частенько заглядывает ко мне на службу.

— Он ничего не рассказывал о себе и мисс Робертс?

— Вот здорово!— Гримасничая, как простак из комедии, Поль почесал затылок.— Неужели я и в самом деле так глуп, как кажусь самому себе? Биль и Анжелина?! Разве они встречались после ее приезда в Нью-Йорк?

Я уже примирился с предательством Элин. В конце концов от этой женщины с ее продажностью и рабским преклонением перед Ч. Д. ничего иного и не следовало ожидать. Но Поль... В полном смятении я взглянул на честное, растерянное лицо друга.

— Поль, ради бога, скажи правду! Разве ты не понимаешь, что это единственная возможность спасти Анжелику?

Наши взгляды встретились, и в глазах Поля я прочитал теплоту и участие.

— Черт возьми, Биль! Почему ты не предупредил меня? Конечно, я сделаю все, чтобы помочь Анжелике. Но я же не умею читать чужие мысли, а хрустальный шар оставил дома. Однако...

— Вы не понимаете, о чем просит вас мистер Гардинг?— прервал его Трэнт.

— Видите ли, лейтенант, возможно, он и говорил мне что-нибудь. Я не помню. Люди всегда мне что-нибудь рассказывают, но у меня в одно ухо входит, а в другое выходит.— Он озабоченно наклонился к Трэнту.— Однако Биль прав; если утверждает, что Анжелика не совершала преступления. Она и не могла его совершить, она совершенно не способна на такое. Ваша полицейская братия способна довести меня до сумасшествия. Почему вы все делаете шиворот-навыворот? Ведь Лэмб был отъявленным мерзавцем, он жил на содержании у Анжелики, а потом решил переметнуться на содержание к Кэллингхемам. У каждого такого прохвоста есть враги, жаждущие его пристукнуть. Вероятно, Лэмб кого-нибудь шантажировал. Вероятно, он шантажировал человек десять. Вам остается лишь...

— Поль,— перебил я.— Скажи ему!

Поль умолк, робко взглянул на меня и отвернулся. Наступило долгое унылое молчание. Первым заговорил Трэнт.

— Ну что ж, мистер Фаулер,— сказал он, поднимаясь.— Извините за беспокойство. Пока все.

Поль тоже встал, подавленный и несчастный. Я же опять почувствовал, как погружаюсь в трясину.

— Не уходи,— обратился я к Полю.— Прошу тебя остаться и объяснить мне.

— Если мистер Гардинг хочет, чтобы вы задержались, это его дело,— вмешался Трэнт.— Но мне нужно переговорить с ним наедине. Подождите в другой комнате.

— Пожалуйста, я подожду, не могу же я отказать Билю.— Поль направился к двери, но остановился.— Черт возьми, как жаль! Мне жаль Анжелику не меньше, чем тебе, Биль. Но что тут может сделать такой парень, как я?

Он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

— Разрешите побеседовать с ним хотя бы несколько минут,— повернулся я к Трэнту.— Я заставлю его заговорить.

— Не сомневаюсь. Он, как видно, очень хороший друг и охотно подтвердит все, что вы попросите его подтвердить.

— Но он лжет!

— Слова, слова! Мисс Ходжкинс лжет, по-вашему, потому что подкуплена мистером Кэллингхемом. Почему же лжет мистер Фаулер?

— Должно быть, вбил себе в голову, что меня надо спасать. Он прекрасно понимает, как все это воспримут мистер Кэллингхем и моя жена, и потому решил, очевидно, что пусть уж в ответе остается одна Анжелика. Если бы только вы разрешили мне...

— Почему все ваши друзья горят желанием защитить вас, мистер Гардинг?

В голосе Трэнта я не уловил никакой насмешки, он задал свой вопрос спокойно и по-деловому. Однако его спокойствие, его упорная манера считаться только с фактами вызывали у меня озлобление.

— Вы мне не верите?

— Я бы так не сказал, мистер Гардинг. Больше того, по-моему, вы говорите правду, когда характеризуете взаимоотношения между Лэмбом и мисс Кэллингхем; я даже готов поверить, что она действительно не появлялась здесь в ночь убийства. Вряд ли вы позволили бы себе опровергать ее алиби, если бы оно не было фиктивным. Вполне допускаю, что мистер Кэллингхем подкупил мисс Ходжкинс. Но вот в том, что касается мисс Робертс...

— Прошу ответить только на один вопрос,— перебил я.— На кой черт я стал бы лгать? Зачем бы я стал притаскивать к вам свидетелей, если бы заранее знал, что они будут все отрицать? Для чего бы мне опровергать алиби Дэфни и брать на душу такой пошлый грех, как попытка изменить жене, если бы не...

— Мистер Гардинг, а вы знаете, сколько людей приходит к нам в полицию всякий раз, когда в Манхэттене происходит убийство, и «сознается» в преступлении? В среднем на каждое убийство приходится четыре таких «признания». На прошлой неделе в Бронксвилле нашли убитую девушку. В убийстве признался управляющий отделением банка на Мэдисон-авеню, а потом выяснилось, что он и в глаза не видел потерпевшую.

Трэнт не сводил с меня взгляда, по-прежнему терпеливого, спокойного и благосклонного.

— Боже, но это же сумасшедшие!

— Ну, не все, конечно, мистер Гардинг. К тому же вы-то ведь не относитесь к числу таких «убийц».

— Тогда почему же...

— Почему вы говорите неправду? — подхватил Трэнт.— По очень простой причине.

— По какой же?

— Вы любите ее!

Это были наиболее тяжелые минуты за все последние дни. Несмотря на поведение Элин и Поля, я верил, что справедливость рано или поздно восторжествует. Я знал правду, и мне казалось, что вслед за мной в нее поверят все. Но сейчас, глядя на Трэнта, стоявшего с самодовольным видом «все понимающего» человека, я попытался взглянуть на вещи его глазами. Я считал его до крайности наивным. Нет, наивным его не назовешь! Он был слишком уж ловок и циничен и не мог принять правду потому, что его версия являлась куда более хитроумной. Да и почему он должен соглашаться, если факты кричали о виновности Анжелики, если я мог давным-давно сказать все то, что сказал только сейчас, и если он (в довершение ко всему) так же, как и Анжелика, «установил» самую правдоподобную и самую ошибочную из всех причин, объясняющих мое поведение? «Вы любите ее!»

Но как бы то ни было, мне предстояло расплачиваться. Я построил настолько прочное здание лжи, что теперь сам не мог его разрушить. Единственное, чего я достиг,— это поставил под сомнение придуманное Ч. Д. алиби для Дэфни. Положение же Анжелики нисколько не изменилось.

Я гневно взглянул на Трэнта, но мой гнев был ослаблен ощущением полной беспомощности перед лицом обстоятельств.

— Вы считаете ее виновной?

— Районный прокурор считает, что она виновна. Начальник полиции Нью-Йорка считает точно так же. Что бы вы ни рассказывали мне о мисс Кэллингхем, имеющиеся данные свидетельствуют о том же,— разумеется, за исключением данных, которые вы сообщили в самую последнюю минуту.

— Неужели вы, полицейские, совершенно лишены ума? — закричал я, не в силах больше сдерживаться.— Почему эти последние данные обязательно должны быть фальшивыми? Для чего вы пускаете в ход глупый довод, будто я влюблен в Анжелику? Я люблю только жену. Я открыл вам правду не потому, что мне хотелось, а потому, что так было в действительности. Я не сделал этого раньше потому, что трусил. Почему вы не попытаетесь поверить мне? Займитесь Дэфни. Не думаю, что она убила Лэмба, но она может навести на какой-то след. Анжелика невиновна! Неужели вам доставит удовлетворение осудить невиновного?

Трэнт продолжал все так же внимательно наблюдать за мной. Хоть бы раз он вышел из себя!

— Не слишком ли много вы требуете от меня, мистер Гардинг? Вы говорите: «Займитесь мисс Кэллингхем»,— но не сообщаете ничего, что послужило бы основанием заподозрить ее. Да вы и сами говорите, что вряд ли она способна пойти на убийство. Кстати, у нее и не было причин убивать Лэмба. Она попала в неприятное положение, и вполне естественно, что ее отец хотел бы предупредить всякую огласку о ее связи с Лэмбом. Вы знаете, я вовсе не считаю себя гениальным детективом. Напротив, я рядовой служащий, который получает за свою работу жалованье и имеет своего босса. Мой босс — начальник нью-йоркской полиции и большой друг вашего мистера Кэллингхема. Начальник полиции уже звонил мне и приказал принять меры, чтобы в газеты не просочилось ни малейшего намека о связи мисс Робертс с семьей Кэллингхемов. Вот вам доказательство не только того, как мистер Кэллингхем стремится избежать скандала, но и того, насколько он влиятелен. Как, по-вашему, долго я удержусь на службе, если без всяких доказательств, за исключением ваших голословных утверждений, которые мисс Кэллингхем и мисс Ходжкинс будут упорно отрицать, начну обвинять мистера Кэллингхема в подкупе свидетелей и позволю репортерам выступить с такими, к примеру, заголовками: «Ч. Д. Кэллингхем, как заявляет его зять, пытается замять дело по обвинению его дочери в убийстве!!!»? Вы серьезно ожидаете, что я пойду на такой риск только потому, что вы заставляете меня поверить в невиновность женщины, против которой имеется столько улик?— Он пожал плечами.— Извините, мистер Гардинг. Я пытаюсь относиться по-человечески даже к несомненным убийцам, хотя мои коллеги частенько подсмеиваются надо мной. Вероятно, я еще не совсем очерствел. Я сделаю все, чтобы тактично расследовать ваши данные о мисс Кэллингхем. Обязательно сделаю, ибо считаю своей обязанностью расследовать все, что нужно расследовать. Однако мне хотелось бы дать вам совет. Если вы сказали правду, не обращайте на мои слова никакого внимания и поступайте, как находите нужным. Если же вы решили разыграть из себя рыцаря, бросающегося на спасение бедной женщины, выкиньте эту затею из головы, пока не поздно и пока вы не навлекли на себя серьезных неприятностей и не надоели всем и каждому. Ко мне вы можете относиться как к терпеливому простачку, но учтите, что районный прокурор и начальник полиции совсем другие люди. Если вы начнете упорствовать, станет известно, что вы умышленно не опознали кольцо, скрывали вероятного убийцу и помогли ему бежать из Нью-Йорка. Если за вас не заступится ваш тесть (а он вряд ли заступится), вас привлекут к уголовной ответственности как соучастника преступления. Вот почему я советую вам подумать, прежде чем продолжать. Подумать о вашем сынишке и о вашей чудесной жене.

Он читал мне нотацию, словно суровый седовласый мудрец, и я готов был убить его за это.

— И еще, мистер Гардинг. Вам хорошо известно, что я могу и чего не могу. Если вы говорите правду о мисс Робертс, запомните, пожалуйста, что бесполезно приходить ко мне без твердых доказательств. Но если вы добудете такие доказательства, буду рад, потому что и мне хочется, чтобы подлинный преступник ответил за свое преступление.

Он протянул мне руку, но его улыбка на этот раз была несколько натянутой.

— Вот, пожалуй, и все.

Я ответил на его рукопожатие. Какое это имело сейчас значение? Спокойно, словно выполнив самое заурядное поручение, Трэнт направился к двери.

Перевел с английского Ан.Горский.

Продолжение следует.

Патрик КВЕНТИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Сердиться на лейтенанта Трэнта было просто бесполезно: это ни к чему бы не привело. Зато я мог излить свою бессильную злобу на Поля. Рассерженный и возбужденный, я выбежал из гостиной и нашел его в нашей спальне; он сидел на кровати и ждал. Увидев меня, Поль вскочил, всем своим видом показывая, как он раскаивается. Я собирался обрушить на него град упреков, но не успел: опередив меня, он принялся торопливо и многословно извиняться. Он же думал только обо мне. Я слишком увлекся и не понимал, что делаю. А вот он сразу понял и решил спасти меня от самого себя. В настоящий момент было бы безумием доводить Ч. Д. до бешенства и подвергать Бетси унижению. Анжелика не виновна. Дата суда над ней неизвестна. К тому же моя бывшая жена сама навлекла на себя эту маленькую неприятность, и она не причинит ей особого вреда. Возможно, позднее...

В несколько иной форме Поль повторял те же аргументы, которые чуть раньше я приводил самому себе и которые приводила Анжелика во время нашего разговора. Теперь-то я знал, что они ничего не значат — пустые слова, хотя совсем недавно они казались убедительными и правдоподобными.

— Черт возьми, но почему ты находишь нужным вмешиваться в мою личную жизнь? — воскликнул я.

Лицо Поля расплылось в широкой обезоруживающей улыбке.

— Да потому, что люблю тебя, дурачина! Неужели ты думаешь, что я могу сидеть сложа руки и созерцать, как ты по собственной глупости кончаешь жизнь самоубийством? — Он помолчал, расстроенно взглянул на меня и продолжал: — Потом, я же должен думать и о себе. Я ведь тоже, как и ты, существую по милости Бетси и Ч. Д., а Кэллингхемы, будь они прокляты, вовсе не отличаются милым и покладистым характером. Если бы я примкнул к твоему крестовому походу и принялся гарцевать по Манхэттену с возгласами «Ч. Д. Кэллингхем — злостный лжец!», долго ли я, по-твоему, смог бы продержаться на работе? Ты что, хочешь, чтобы Проп пошла торговать яблоками на улице?

— Не понимаю, почему ты так дорожишь своей работой,— заметил я; мне всегда казалось, что Поль Фаулер, последний отпрыск известной семьи Фаулеров, вполне обеспеченный человек, хотя он мне никогда этого не говорил.

Поль уставился на меня с искренним изумлением.

— Мой бедный заблуждающийся мальчик! Ты, очевидно, считаешь, что все еще существует кубышка Фаулеров? К сожалению, денежки давным-давно превратились в норковые манто и все такое прочее, а главный стимул моей столь бурной деятельности — наличная монета. Я живу только на жалованье, и на текущем счету у меня нет и ломаного цента.

Только сейчас я понял, чем руководствовался Поль. Он заботился о спасении собственной шкуры и был таким же ничтожным рабом в империи Кэллингхемов, как и Элин. К моему гневу начало примешиваться отвращение, но я тут же подумал, что и сам-то не лучше их обоих. Давно ли я стал таким благородным?

Уныние и тоска, написанные на лице Поля, глубоко тронули меня. Я понял, что несправедливо возлагать на него вину за случившееся. Он никогда не считал себя героем. И он действительно был искренне привязан ко мне.

— Извини меня, пожалуйста,— продолжал Поль.— Мне и в голову не пришло, что ты принимаешь эту историю так близко к сердцу.

— Да уж ладно.

— Я, видимо, не сообразил, как должен чувствовать себя человек, когда понимает, что он подлец... Биль! Позвони сейчас же этому фараону и скажи, что мы едем к нему. Я согласен подтвердить все твои показания.

Я не сомневался в искренности Поля и вновь по-прежнему любил его, но понимал, что изменить ход событий уже невозможно.

— Слишком поздно,— ответил я.— Теперь Трэнт ни за что не поверит тебе как свидетелю, даже если ты слово в слово повторишь мои показания. В лучшем случае он просто отмахнется от тебя как от добряка, поддерживающего своего сумасшедшего друга. И это не просто мое предположение: он сам мне так сказал. Надо искать какой-то иной выход из положения.

Лицо Поля просветлело.

— Что ж, в таком случае...— Он горестно улыбнулся.— Пожалуй, побегу, надо снова тащить свое ярмо.

— Правильно.

— Пока, Биль. Пусть земля будет тебе пухом, когда пробьет твой последний час.

Поль вышел из комнаты, и я слышал, как он пробежал по коридору.

Я сел на кровать и закурил. Я уже не сердился ни на Поля, ни на Трэнта, ни на себя. Сейчас, когда самое худшее уже произошло, я мог рассматривать события с холодной отрешенностью постороннего человека. С пугающей отчетливостью я увидел, как жил сам, как жил Поль, как жил Дейв Мэннерс, как жили все под деспотической дланью Ч. Д. Не только увидел, но понял, что так жить нельзя.

Еще недавно, совсем недавно все то, что произошло с Элин и Полем, я воспринял бы как редкое везение. Да, я сделал благородный и великодушный, но безрезультатный жест. Теперь даже полицейский рекомендует мне, прошедшему через чистилище целым и невредимым, поскорее укрыться в своем безопасном гнездышке. Было время, когда я с радостью воспользовался бы такой возможностью, но сейчас это уже исключалось.

Причиной тому была вовсе не Анжелика, хотя я по-прежнему видел в ней попавшего в беду невиновного человека. Зачем жить, если не извлекать из жизни определенных уроков, а мне казалось, что за последние мучительные дни я все же кое-чему научился. Теперь я знал, что не хочу быть вице-президентом фирмы, не хочу только потому, что Ч. Д. нашел нужным таким путем отблагодарить меня за мою ложь. Я не хотел принимать любовь Бетси под самым фальшивым из всех фальшивых предлогов. Моему Рикки не нужен такой отвратительный дом, как тот, в котором мы с ним живем. Я не хотел быть больше Дэйвом Мэннерсом, и Элин Ходжкинс, и Полем Фаулером.

Теперь, когда мне пришлось внимательно присмотреться к себе как бы со стороны, я понял, что единственная возможность примириться с самим собой заключалась в том, чтобы, пренебрегая последствиями, идти, ломиться вперед, до хрипоты кричать о правде, пока в нее не поверят другие. Прежде всего надо отказаться от того, на что я не имел права и чем уже не хотел обладать. Я пойду к Ч. Д.; я скажу, что солгал ему и намерен во всеуслышание отказаться от своей лжи; потом я уйду с поста вице-президента; потом все расскажу Бетси. Если она решит расстаться со мной — пусть. Впрочем, я почти не сомневался, что теперь, когда я очистился от лжи, она не бросит меня. Бетси правильно все поймет и согласится, что лишь ценой спасения Анжелики, чего бы это мне ни стоило, я могу сохранить уважение к самому себе. Только тогда я стану таким же честным человеком, как сама Бетси. Я найду себе работу как можно дальше от разлагающего «благожелательства» Ч. Д., и мы заживем по-настоящему.

Я взглянул на часы. Они показывали половину четвертого, и я еще мог застать Ч. Д. в издательстве. Решив, что не следует медлить, раз уж я не собирался отступать, и что надо побыстрее кончать с этим делом, я поехал в издательство.

У Ч. Д. я пробыл около часа. Он уже все знал. Элин успела ему позвонить и все рассказать. Собственно, я и сам мог бы сообразить, что сразу же после нашего разговора Элин бросится к телефону, горя желанием доказать, что она не только самый скромный, но и самый преданный из всех холуев Кэллингхема.

Ч. Д. был взбешен и возмущен даже больше, чем следовало ожидать. Он орал, щедро рассыпал самые страшные угрозы. Я буду утверждать одно, а они с Дэфни другое... Неужели я серьезно надеюсь, что начальник нью-йоркской полиции, один из самых его старинных и близких друзей, поверит хоть одному моему слову?.. Да кто я такой? Ничтожный выскочка, которого он благодаря своему доброму сердцу вытащил из трущоб... Я, должно быть, совсем спятил, если надеюсь, что кто-нибудь осмелится взять меня на работу, когда он выгонит меня... Он будет преследовать, посадит в тюрьму!.. Да если я осмелюсь хотя бы словом обмолвиться с журналистами, у него есть такие врачи-психиатры... И напрасно я надеюсь жить на капитал Бетси: завещание ее матери будет аннулировано, об этом позаботятся его адвокаты...

Заметив, что угрозы не произвели на меня впечатления, Ч. Д. резко изменил тон, заговорив медовым голосом отца, увещевающего блудного сына. Ну не стыдно ли мне так позорить бедняжку Дэфни?

— Послушай, мой мальчик, мы же с тобой здравомыслящие люди! Если ты считаешь, что мы тебе маловато платим, я сейчас же прикажу увеличить жалованье. Давай я сейчас позвоню этому лейтенантишке и скажу, что ты в свое время перенес тяжелое душевное потрясение да к тому же был когда-то женат на этой женщине...

Все, что говорил Ч. Д., вызывало у меня чувство неловкости и вместе с тем забавляло, ибо ничто не заставило бы меня отказаться от принятого решения. Порой мне казалось, что я слушаю выходца из совершенно чуждого мне мира — вождя какого-нибудь племени людоедов или предводителя охотников за черепами.

В конце концов Ч. Д. снова разбушевался. Когда я вышел из его кабинета, секретарша Ч. Д. с ужасом взглянула на меня.

— Мистер Гардинг, умоляю вас, скажите, что вы ему наговорили?

— Ничего особенного. Просто попрощался с ним.

Попрощался... Это слово прозвучало для меня словно музыка, я прямо-таки наслаждался им, возвращаясь домой. Итак, я уже больше не вице-президент фирмы, ведающий рекламой. Отныне я просто человек, который может распоряжаться самим собой. От одной этой мысли я чувствовал себя моложе лет на десять. Словно по мановению волшебной палочки, все во-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—9.

круг меня стало меняться. Теперь, после разговора с Ч. Д., даже неизбежная беседа с Бетси и неизбежное признание не казались такими уж мучительными. Наконец-то я смогу разрушить возникший между нами барьер. Наконец-то, впервые за все последние недели, мы вернемся к прежним, ничем не омраченным отношениям!

Открыв дверь, я застал в холле Элин и Рикки, они, видимо, только что вернулись с прогулки. Увидев меня, Элин густо покраснела и хотела было увести Рикки в детскую, но сынишка вырвался у нее из рук и с криком «Привет, папа!» бросился ко мне. Я поднял его. Элин еще раз взглянула на меня и поспешно скрылась в детской. Рикки охватил меня ручонками за шею.

— А ты знаешь, у нас в садике есть один дурачок. Его зовут Базиль. Разве это не смешное имя?

Не выпуская Рикки из рук, я взглянул на его серьезное личико и радостно подумал: «Слава богу, скоро мы избавимся и от Элин и от этой шикарной квартиры и заживем только своей семьей — я, жена, сын». Мне почему-то вспомнилась Элин, какой она предстала перед нами в тот злополучный вечер,— в белом халате, излюбленном одеянии старых дев, с косичками за плечами; я живо представил себе, как она, презрительно взглянув на нас с Анжеликой, сказала: «Рикки проснулся». Едва эти слова пришли мне в голову, я под влиянием какого-то порыва спросил у Рикки:

— Ты помнишь женщину, которую я приводил к тебе вечером, когда ты был в постели?

— Это когда у меня вырвали зуб? Я тогда проснулся, а кукушка: «Ку-ну! Ку-ну!» — прокуковала два раза, да?

— Да. Ты ее помнишь, эту женщину?

— Ее? — Рикки сосредоточенно крутил прядь моих волос.— Помню. Она была моей другой мамой, правда? Той, которая снята на фотографии в доме тети Розы. Это та мама, которая была у меня, пока мы не переехали сюда.

Вот так это и получилось, словно сама судьба решила мне помочь. Даже не верилось, что Рикки узнает Анжелину. Ведь он не видел ее три года, а до этого прожил месяцев шесть у моей сестры Розы и видел Анжелику только на фотоснимке. И все же он ее узнал! И не только узнал, а по бою часов с кукушкой, прокуковавшей два раза, запомнил время и дату — тот день, когда он побывал у зубного врача, что можно точно установить по записи в книге приема. День и час...

Вот и нашелся у меня свидетель. Я держал его на руках. В конце концов не исключено, что я еще посмеюсь над Трэнтом.

Я почувствовал, как у меня забилось сердце, но в эту минуту звякнул ключ, вставляемый в замок двери. Не выпуская Рикки из рук, я повернулся. Это пришла Бетси. Она увидела нас, и ее лицо осветилось нежной, ласковой улыбкой, которая так шла ей.

— Алло! — воскликнула она.— Сегодня меня встречает вся семья!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

«Вот и пришло время,— подумал я.— Сейчас я расскажу ей все».

Рикки выкарабкался из моих объятий и подбежал к Бетси. Она наклонилась и жадно поцеловала ребенка, словно боялась, как всегда, что в следующую минуту его у нее отнимут.

— Биль, милый, будь добр, налей мне чего-нибудь выпить. Сегодня у меня был прямо-таки ужасный день в фонде. Я быстро переоденусь и сейчас же вернусь.

Бетси ушла, держа Рикки за руку и слушая его болтовню о дурачке по имени Базиль. Приготовив в гостиной два мартини, я стал ждать. Меня волновал предстоящий разговор, но к моему волнению примешивалось что-то приятное — так, наверное, чувствует себя актер перед премьерой. Я понимал, что бесполезно было бы уклоняться от разговора с Бетси, наоборот, всем нам станет лучше, если он состоится.

В комнату вошла улыбающаяся Бетси. В своем зеленом платье она выглядела юной и посвежевшей.

— Ну-с, где мой мартини? — Бетси подошла ко мне и поцеловала.— Любимый, ты не знаешь, что происходит с Элин? Едва я вошла в детскую, как она вылетела оттуда, словно перепуганная зебра. Не случилось ли какой беды с маленькой Глэдис?

— Не в том дело.

Бетси села на кушетку, взглянула на меня и отпила вина.

— Выходит, ты что-то знаешь?

— Знаю.

Все последние дни мне казалось, что на свете нет ничего важнее моих собственных переживаний, стремления вновь стать порядочным человеком, и это эгоистическое чувство заглушало мысль, которая только сейчас пришла мне в голову и стала настойчиво меня преследовать. Отныне Ч. Д. ни цента не пожертвует фонду и в своей мстительности, возможно, попытается даже скомпрометировать эту организацию. Так Бетси будет нанесен второй тяжелый удар. Внезапно я отчетливо понял смысл того, что хотел ей сказать, и стыд за свое недавнее поведение отравил мне радость предстоящего искупления.

Бетси не сводила с меня глаз, и на лбу у нее пролегла морщинка недоумения.

— Биль, что произошло?

— Помнишь, ты говорила, что я не должен скрывать от тебя своих неприятностей?

— Конечно, помню. Но в чем дело? Анжелика?

Первое, что пришло ей на ум в предчувствии несчастья, была Анжелика, и это лишний раз подтверждало, как страшилась Бетси всего связанного с моей бывшей женой и какую угрозу для своего счастья постоянно в ней видела. Во мне боролись и острое сознание собственной вины, и злость на самого себя, и любовь к Бетси, и жалость к ней.

— Да, это связано с Анжеликой,— подтвердил я.

— Значит, ее будут судить?

— Дело не только в этом. Сейчас я все тебе расскажу, но сначала твердо пойми одно: у меня не осталось никаких чувств к Анжелике. Какое бы впечатление ни произвели на тебя мои слова и мои поступки, ты должна мне верить. Я люблю только тебя.

Бетси побледнела, лицо у нее стало словно каменное. Она поставила на столик бокал с вином и поднялась.

— Ты веришь, что я тебя люблю?

— Рассказывай, Биль, рассказывай! Что произошло?

— Всю вторую половину дня я провел сегодня с Ч. Д. Из фирмы я ушел.

— Ушел?! Но при чем тут Анжелика?

— Ушел, так как заявил Ч. Д., что не хочу и не могу подтверждать фиктивное алиби Дэфни. Дело Анжелики передается в суд, и он, несомненно, вынесет обвинительный приговор, поскольку она не доказала свое алиби. А могла бы. В два часа ночи, как раз в то время, когда был убит Лэмб, она находилась здесь, в нашей квартире, со мной. Сегодня утром я поехал в главное полицейское управление и все рассказал Трэнту.

Я с ужасом смотрел на Бетси. Меня пугало не столько то, что она была готова вот-вот упасть в обморок, сколько то, какие огромные усилия прилагала, пытаясь сохранить самообладание.

Сухим, бесстрастным тоном Бетси сказала:

— Но ты же давно не встречался с ней, ты даже не знал, что она в Нью-Йорке. По твоим словам, она взяла с Джейми обещание...

Я подошел к Бетси и взял ее за бессильно опущенные руки.

— Я не сказал тебе, хотя и хотел. Честное слово, хотел, но все откладывал и откладывал... Крошка моя, если я скажу тебе правду, ты поймешь, что это правда, ведь так? Клянусь, Анжелина абсолютно ничего для меня не значит, и ты...

— Не клянись.— Она освободила свои руки из моих.— Прошу тебя, расскажи. Просто расскажи.

Я рассказал Бетси все от первой встречи с Анжеликой в баре до ее появления в нашей квартире. Я ничего не скрыл. Теперь, когда я все понял и рассматривал случившееся словно со стороны, я мог даже признаться, с каким волнением обнимал и целовал Анжелину и как досадовал, когда внезапное появление Элин погасило вспышку былого чувства. Я не мог утаить ни одной подробности, потому что в нашей совместной жизни наступил тот момент, когда недоговоренность могла только помешать благополучному исходу кризиса.

Я говорил, а Бетси неподвижно стояла рядом с кушеткой, не спуская с меня глаз. Я испытывал облегчение, потому что очищался от лжи, и вместе с тем мучился, потому что не знал, как Бетси воспримет услышанное. По ее лицу ничего нельзя было определить — каменное, упрямое, суровое лицо отпрыска Кэллингхемов, рано познавшего враждебность всего окружающего, но вынужденного смирять гордыню и жить. Я смотрел на это лицо и с болью думал, что и я, кому следовало бы особенно бережно относиться к Бетси, встал на сторону ее врагов.

— После того скандального случая в нашей гостиной,— продолжал я,— мне стало до того стыдно за себя, что я поклялся все рассказать тебе, как только ты вернешься из Филадельфии. Но затем произошло убийство, меня вызвал к себе Ч. Д., и, прежде чем мне удалось хорошенько во всем разобраться, я попался на эту удочку с алиби Дэфни. Крошка моя, но разве ты не видишь? Несмотря на всю эту мерзость, ты же не можешь...

Суровое лицо Бетси смягчилось; отказываясь верить собственным глазам, я увидел, что она улыбнулась, и горячая признательность к ней охватила меня.

— Бедненький! — воскликнула она.

— Никакой я не бедненький. Просто простофиля и подлец.

Мне хотелось подбежать к ней и схватить в объятия, но я чувствовал себя слишком неловко, к тому же, несмотря на охватившее меня радостное волнение, я понимал, что в данную минуту целесообразнее до конца выдержать мелодраматический тон, что сейчас не следует навязываться Бетси, поскольку я был «недостоин ее».

Но вот улыбка исчезла с лица Бетси, и она озабоченно спросила:

— И как же отец повел себя?

— Грозился стереть в порошок.

— Но ты ушел из фирмы по собственной воле? Ты не позволил ему уволить тебя?

— Ушел по собственной воле.

— И то слава богу. Я ведь знала, как ты чувствовал себя среди лизоблюдов, которые увиваются вокруг отца. Я тоже ненавидела их и постоянно винила себя за все то, что тебе приходится терпеть.

— Да, но Ч. Д. теперь не пожертвует фонду ни цента!

— Ты думаешь, я испугаюсь! Да он чуть ли не на коленях заставлял меня ползать за каждый цент. Не нужен мне такой отец. Никому из нас он не нужен.

Конечно, Бетси нужен был ее отец, всю свою жизнь она упорно пыталась заслужить его благоволение. И вот теперь — ради меня — она соглашалась отказаться от него. Я взглянул на Бетси почти с обожанием.

— И ты правильно поняла все, что я рассказал о себе и Анжелине? — спросил я.

Бетси взяла со столика мартини, отпила глоток и поставила бокал обратно.

— Поняла. Когда женщина так красива...

Голос у нее дрогнул. Я подбежал к ней и обнял.

— Не в том дело, Бетси! Ее красота тут ни при чем. Просто своего рода похмелье прошлого. Мне было неприятно, что она живет в такой нищете, и...

— Биль, не надо, прошу тебя!

Наши взгляды на мгновение встретились, но она тут же опустила глаза. Я прижал ее к себе и поцеловал. Я чувствовал, как в моих объятиях ослабевает, словно оттаивает, ее тело, скованное нервным напряжением. Все снова встало на свои места, я снова был безгранично счастлив.

Бетси осторожно высвободилась из моих рук.

— Но я все еще не понимаю одного. Разве после ареста Анжелика ничего не сказала полицейским?

— Ничего. Не хотела причинять мне неприятности.

— Не хотела причинять неприятности? Но теперь-то ее уже освободили?

— Пока нет. Сегодня, когда я все рассказал Трэнту, он мне не поверил.

— Не поверил?

— Я понимаю, это кажется абсурдным, но и сама Анжелика вначале все отрицала. Я привез Трэнта для беседы с Элин, однако она не захотела подтвердить мое заявление. Впрочем, ее можно понять, она опасалась, как бы Ч. Д. не отказался от своего обещания привезти сюда маленькую Глэдис. В свое время я посвятил Поля в эту историю, а теперь он заявляет, что знать ничего не знает. Во всяком случае, в разговоре с Трэнтом он все отрицал.

Бетси повернулась ко мне.

— И Поль отрицал?!

— Ты же его знаешь. Он хотел выручить меня, да к тому же боится Ч. Д. Поль решил, что старик придет в ярость, если он подтвердит мое заявление. Трэнт с самого начала отнесся скептически к моим словам, но после того, как Элин и Поль отказались их подтвердить, его и винить нельзя. По мнению Трэнта, я просто-напросто вбил себе в голову, что обязан спасти Анжелику, так как все еще ее люблю, и потому-то придумал эту версию о ее алиби. Лейтенант добавил, что ему нужны какие-то вполне определенные доказательства, только тогда он сможет начать действовать.

Если бы я не в такой степени упивался мыслью о вновь обретенном благополучии, мне бы, наверно, бросилась в глаза некоторая странность в поведении Бетси, пока она слушала мой рассказ. Но я, ничего не замечая, продолжал болтать:

— Однако все кончится хорошо. Я понял это, когда ты вошла и застала меня за беседой с Рикки. Свидетель все же нашелся! В тот вечер я привел Анжелику взглянуть на Рикки. Он накануне побывал у зубного врача, а когда мы с ним разговаривали, кукушка в часах прокуковала два раза. Рикки помнит это, помнит и Анжелику. Он назвал ее своей другой мамой, которая была у него до тех пор, пока...

— Биль! — Ее восклицание прозвучало в комнате, как выстрел. Я посмотрел на Бетси, и меня словно окатило ледяной водой. Она побелела, ее губы сжались в узенькую суровую полоску.— Надеюсь, ты не собираешься впутывать Рикки?

— Но, крошка моя...

— Ты что, совсем сошел с ума! Ему же только шесть лет! Таскать его в полицию, пугать, калечить душу...

— Бетси, но другой возможности спасти Анжелику нет.

— Спасти Анжелику... Вот что для тебя самое важное! А как это подействует на Рикки, тебе безразлично. Потом он всю жизнь будет помнить, что его мать сидела в тюрьме по обвинению в убийстве, это тебя не беспокоит? Ты побываешь с ним у следователя, и, если прокуратура все же найдет нужным продолжать дело, Рикки придется давать показания в суде. Он никогда этого не забудет!

Бетси кипела от негодования, я же бунвально сжался, уловив в ее взгляде боль и признание своего окончательного поражения. Почему мне раньше не пришло в голову, что, заговорив о Рикки, я затрону самое ранимое место в душе Бетси? Заметив, что она может перенести п о ч т и все, я, глупец, решил, что она перенесет в с е.

Я протянул Бетси руку, но она резко отвернулась и опустилась на кушетку.

— Поступай, как знаешь,— бросила она.— Я не могу запретить. Он твой сын, а не мой. Твой и Анжелики.

Если бы здесь, в комнате, вместо Бетси была другая женщина — несдержанная и раздраженная, я бы не так страдал от ее пронзительного, почти истерического голоса. Но Бетси была права, проявляя такую тревогу о Рикки и о последствиях его появления на суде. Вот о чем я и в самом деле не подумал.

— Прости, Бетси. Мне самому неприятно. Но что делать, если нет иного пути спасти невиновного человека? — заговорил я, чувствуя, как у меня запершило в горле.

— Невиновного? Откуда известно, что Анжелика невиновна?

— Родная, но я же рассказал тебе... Постой, ты тоже думаешь, что я сочиняю?

Бетси посмотрела на меня. Она уже овладела собой, но лицо ее оставалось холодным.

— Не знаю, сочиняешь или нет. Да и не столь это важно. Жаль, что ты лгал мне.

— Лгал?!

— Жаль, что распинался в своей любви ко

мне, и на мгновение я даже поверила тебе.— Она взяла со столика бокал с вином и уставилась в него.— Возможно, она невиновна, а возможно, виновна. Возможно, ты все-все придумал, а возможно, нет. Во всяком случае, несомненно одно, и эта мысль постоянно причиняла мне мучения. Правда, я пыталась обмануть себя, и иногда это мне удавалось. Да, ты восхищаешься мной, считаешь меня хорошей хозяйкой, хорошей женой, хорошей матерью. Но ты любишь только одну женщину — Анжелику.

С иронической улыбкой Бетси подняла бокал, давая понять, что произнесла свой ледяной тост в мою честь.

Я понимал, как плохо, что Бетси позволила себе такой жест, но во всем этом было еще нечто худшее. Теперь, когда между нами состоялся откровенный разговор, какой-то внутренний голос, в существование которого я бы никогда раньше не поверил, спросил меня: «Ну, а разве она не права, хотя бы отчасти? Да, ты восхищался ею, считал ее чудесной хозяйкой и матерью. Ты верил в ее преданность, пользовался благами жизни, созданной ее стараниями, а предав ее, испытал и стыд, и раскаяние, и сознание того, что не стоишь ее, и много других добродетельных чувств. Но любил ли ты ее? Любил ли так же страстно, безоговорочно и преданно, как Анжелику?»

Я прислушивался к этому голосу и с горечью признавал, что тут что ни слово, то правда.

Я стоял, смотрел на жену, и на память мне пришли слова, сказанные утром Анжеликой: «В одиночке я подумала, что опустилась на самое дно. Как бы не так! Только сейчас я начинаю туда опускаться». С полным правом она могла бы сказать то же самое обо мне. Я-то думал, что, если начну бить себя в грудь и кричать о своей вине, на этом все и кончится. Но оказалось, что признание еще не означает механического отпущения грехов.

«Пройдут годы,— подумал я,— прежде чем мне удастся выплатить Бетси свой долг».

В отвратительном настроении я сел на кушетку рядом с ней.

— Дорогая...

— Ничего, ничего! Я знаю, ты ни в чем не виноват. Пожалуйста, не думай, что я тебя в чем-то обвиняю. Со временем я привыкну.

— Но послушай, Бетси...

Дверь открылась, и кухарка сообщила, что обед готов.

— Спасибо, Мэри,— поблагодарила Бетси с преувеличенно любезной, светской улыбкой. Она поднялась, взяла свой бокал и с той же улыбкой предложила:

— Давай захватим с собой вино. Не возражаешь?

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ...

ПОВЕСТЬ

Патрик КВЕНТИН

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

За обедом, который нам подавала Мэри, Бетси держалась с той же преувеличенной светской любезностью; она всегда считала необходимым строго «соблюдать приличия». Я восхищался чувством гордости, присущим Бетси, но в тот вечер с особой остротой понимал, какую боль она прячет за ней.

После обеда я снова попытался объясниться, но Бетси наотрез отказалась слушать меня. Во всем остальном она вела себя вполне благоразумно, ни в чем меня не упрекала и не грозилась уйти. Без всяких напоминаний с моей стороны она объявила, что мне, конечно, надо поехать с Рикки к Трэнту, что это моя прямая обязанность. О Рикки она говорила как о чем-то потерянном и далеком, а когда я, передавая чашку кофе, нечаянно коснулся ее руки, она вздрогнула. Она вела себя так, словно оказалась в одиночестве в самом центре ледяной пустыни.

Нет, своим поведением Бетси вовсе не хотела отомстить мне. Она решила, что произошло именно то, чего она всегда так страшилась, и ушла в себя. Бетси Кэллингхем, Уродина, занявшаяся с горя благотворительностью, снова проиграла.

Едва закончился обед, она поднялась и сказала:

— Извини, но я должна пойти прилечь, у меня голова раскалывается.— Она заставила себя улыбнуться.— Не лучше ли сейчас же позвонить Трэнту и подготовить его к завтрашнему разговору с Рикки? О детском садике не беспокойся. Завтра я туда позвоню и предупрежу, что Рикки не придет.

Бетси вышла из комнаты. Мне хотелось броситься вслед за ней, схватить в объятия и крикнуть: «Забудем об Анжелике! Я не стану впутывать Рикки в эту историю. Пусть все идет своим чередом...» Но я не мог так поступить, да и Бетси не согласилась бы на это. Выбор сделан, и пути назад не было.

Я позвонил в главное полицейское управление, но Трэнта не застал. Дежурный посоветовал позвонить в отделение полиции, но лейтенанта не оказалось и там, однако, когда я назвался, мне дали номер его домашнего телефона. Не знаю почему, но мне казалось невероятным, что у Трэнта есть квартира и личная жизнь, как у всех остальных. К телефону подошел сам Трэнт. Он выслушал меня молча.

— Надеюсь, мистер Гардинг,— сказал он, когда я кончил,— вы отдаете себе отчет в своем поступке? Если районный прокурор найдет нужным продолжать дело, вашему сыну придется давать показания в суде.

— Понимаю.

Трэнт помолчал, потом голосом, который показался мне усталым, произнес:

— Что ж, привозите его завтра утром на Сентр-стрит. Девять тридцать вас устроит?

— Да.

— Спокойной ночи, мистер Гардинг.

Некоторое время я торчал в гостиной, страшась войти в спальню, но в конце концов промедление стало невыносимым, и я решился. Бетси не выключила ночник с моей стороны постели. Бледная и осунувшаяся, она лежала с закрытыми глазами, но я знал, что она не спит. Я разделся в ванной, выключил свет и лег. Отныне нас разделяла пропасть, и все же, поддаваясь порыву, я протянул руку и коснулся Бетси.

— Нет, нет! — вздрогнув, яростно воскликнула она и отодвинулась.

Я полежал еще несколько минут, испытывая такое же, наверно, напряжение и страдая так же, как она, потом встал и ушел в комнату для гостей. Ворочаясь без сна, я пытался убедить себя, что все кончится хорошо. Как только Рикки расскажет в полиции, что в ту ночь он действительно видел «маму Анжелику» у своей кроватки, и как только выяснится, что я поступил правильно, мне удастся снова сделать Бетси счастливой. Я устроюсь на другую работу. Элин мы уволим, переедем в маленькую квартиру, начнем новую жизнь, и я буду отдавать Бетси не меньше, чем брать у нее.

Однако из головы у меня не выходил Рикки. Я словно наяву видел, как он сидит, сжавшись в комочек, в кресле для свидетелей, а напротив, на скамье для подсудимых, сидит его мать. Потом я уснул, и мне приснилась Анжелика. С сияющим лицом, протягивая руки, она шла мне навстречу. «Ведь не зря же я тебя полюбила...»

Я проснулся в восемь часов. Бетси уже не оказалось в спальне. Я оделся и прошел в детскую, намереваясь сказать Элин, что мне нужно поговорить с Рикки с глазу на глаз. Но я не успел ничего сказать: увидев меня, Элин сейчас же выскочила из комнаты. Рикки уже позавтракал и сидел у стола, болтая ногами. Я чувствовал себя палачом.

— Привет! — сказал я.— Мы сейчас поедем к одному дяде, и ты расскажешь ему о своей другой маме.

— А почему?

— Потому что он хочет знать.

— Когда мы поедем?

— Сейчас же.

— Но мне пора в садик!

— Сегодня ты туда не пойдешь. Пожалуй, не плохо разок не сходить в садик, а?

— Плохо.

Никаких других аргументов против совместной поездки у Рикки не нашлось, и он удостоил меня благосклонным согласием. Я помог ему надеть пальто. Мы уже шли к двери, когда он спросил:

— А мама? Она тоже едет с нами?

— Нет, мы поедем вдвоем.

— А почему?

— У нее есть другие дела.

— И у меня есть. Мне нужно идти в садик, а я еду с тобой. Можно мне взять с собой ламу?

— Можно.

Он сбегал в детскую и тут же вернулся с игрушечной ламой в руках.

В такси я снова спросил его об Анжелике, и он повторил свой рассказ точно так же, как и накануне. Рикки понял, что один человек хочет кое о чем расспросить его, но не интересовался зачем, а когда мы приехали на Сентр-стрит, даже не спросил, где мы находимся.

— Пап, да тут, наверно, сто полицейских!

— Возможно.

— Здесь можно ничего не бояться.

— Наверно.

Дежурный полицейский провел нас по коридорам в уже знакомую мне мрачную комнату. Крепко вцепившись в ламу, Рикки вскарабкался на деревянный стул. Вскоре вошел Трэнт, невозмутимый, серьезный и необычно деловитый. Он, видимо, не имел опыта обращения с детьми и потому чувствовал себя не совсем уверенно. Мне всегда казалось, что он знает, как надо обращаться с ним и с чем угодно, и потому, глядя сейчас на него, я испытывал известное удовлетворение.

— Рикки, отец говорил тебе, зачем ты нам понадобился?

— Говорил.

— Я хочу попросить тебя ответить на несколько вопросов.

— Знаю.

— Так вот, скажи: твой отец как-то ночью приводил женщину, чтобы она взглянула на тебя в постели?

— Приводил. Это была моя первая мама — та, которая на картинке.

— Ты спал, когда они вошли к тебе?

— Они вошли, а я проснулся. Правда, пап?

— Правда.

— А может, ты видел это во сне?

— Во сне? — переспросил Рикки.— Нет, нет, дядя! Во сне я вижу слонов, лам, белочек...

Мне показалось, что Трэнт чуть заволновался.

— А ты знаешь, в какое время твой отец и эта женщина пришли к тебе в комнату?

— В два часа. Все дети спят в два часа, и я всегда спал, а тогда проснулся и знаю, что было два часа, потому что кукушка выходила два раза. Кукушка сама красная, а домик у нее зеленый, с окошечками и дверцей, правда, пап?

— Да,— подтвердил я, не сводя глаз с лица Трэнта.

— А в какой же день это было?

— Когда у меня выдернули зуб.— Рикки внимательно наблюдал за Трэнтом, выглядывая из-за головы ламы.— Зуб был такой большой, и я сказал об этом своей другой маме, но она ничего не ответила и ушла. Правда, пап?

— Да.

Я повернулся к Трэнту.

— Можете позвонить зубному врачу и уточнить день, когда к нему приводили Рикки.

Трэнт продолжал сидеть, посматривая на Рикки.

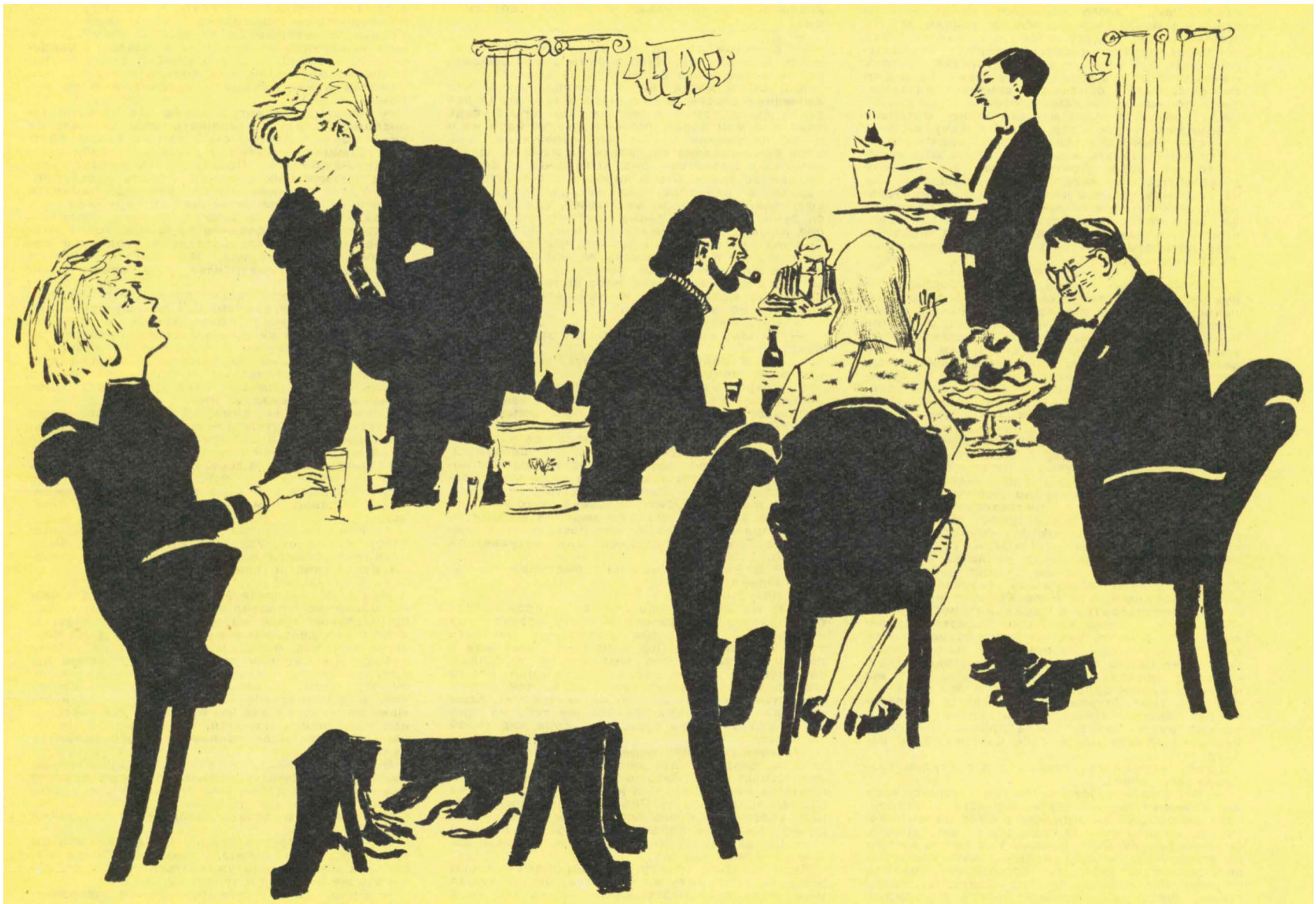
— Ты кому-нибудь рассказывал об этом?

— Рассказывал. Я все рассказал Элин. Я ее спросил, почему та, другая мама больше не моя мама и почему она с нами не живет. А Элин говорит: у тебя теперь новая мама, она лучше старой, и мальчику нужна только одна мама.

Он рассказывал Элин! Этого я не знал. Слова Рикки усиливали мои показания, окончательно разоблачали Элин как лжесвидетельницу. Я взглянул на Трэнта, но он, как всегда, и бровью не повел.

— Если ты опять увидишь эту женщину, ты ее узнаешь? — спросил он.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—10.



— Узнаю. А вы?

Трэнт неожиданно встал, поднял Рикки со стула и сказал:

— Пойдем-ка со мной.— Не глядя на меня, он добавил: — Вы тоже можете пойти, мистер Гардинг, если хотите.

Мы прошли в другую комнату, побольше. Трэнт отдал распоряжение находившемуся здесь полицейскому, тот вышел и вскоре привел Анжелику и четырех других женщин. Трэнт проделал свой опыт довольно тонко: все женщины оказались брюнетками, примерно того же роста и возраста, что и Анжелика, и почти одинаково одеты. Полицейский поставил их у стены. Анжелика не смотрела ни на меня, ни на Рикки.

— Скажи, Рикки, есть здесь та женщина?

Рикки не колеблясь подбежал к Анжелике и поздоровался с ней. Анжелика нагнулась и подняла его.

— Милый! — прошептала она.

Рикки показал ей свою ламу.

— Это лама. Ламы водятся в Перу. Она может плюнуть человеку прямо в глаз. Не эта — настоящая.

Предвкушая свой триумф, я повернулся к Трэнту.

— Ну?

Он кивнул полицейскому, и по знаку последнего женщины стали одна за другой выходить из комнаты. Анжелика спустила Рикки на пол.

— Ты тоже уходишь? — спросил он.

— Да.

— До свидания!

Анжелика вышла вслед за другими женщинами, а Трэнт, Рикки и я направились в комнату, где за столами сидели несколько детективов.

— Подожди здесь немного,— сказал Трэнт Рикки.— Мне нужно поговорить с твоим отцом.

Лейтенант провел меня в комнату, в которой он расспрашивал Рикки, и уселся за простой деревянный стол. Пока все шло хорошо, и мои надежды крепли с каждой минутой. Анжелика была опознана в присутствии свидетелей, и этого, несомненно, достаточно для ее освобождения. Возможно, Рикки и не придется появляться в суде, что так пугало Бетси и послужило одной из причин нашей ссоры.

Трэнт взглянул на меня и чуть заметно усмехнулся.

— Что ж, мистер Гардинг, должен перед вами извиниться.

— Теперь вы мне верите?

— Да. Верю, что в два часа, в ночь убийства, мисс Робертс была у вас на квартире.

— С помощью Рикки мы можем теперь доказать, что Элин лжет, так?

— Вероятно.

— Следовательно, все ясно и вы можете освободить Анжелику?

Улыбка исчезла с лица Трэнта.

— Сегодня утром мне позвонил районный прокурор и сообщил, что судебный процесс начнется ровно через неделю.

Я с гневом взглянул на Трэнта.

— Но вы же знаете правду! Бог мой, неужели начальство так запугало вас? А может, это мистер Кэллингхем так застращал ваших начальников?

— Мистер Кэллингхем уже много раз разговаривал с начальником полиции и с районным прокурором. Он заявил, что вы опасный невротик, что вы буквально помешались на мысли отомстить ему за то, что он выгнал вас из фирмы как абсолютную бездарность. Он может назвать врачей-психиатров, готовых под присягой показать, что нельзя верить ни одному вашему слову. Да, мистер Кэллингхем оказывает систематическое давление на мое начальство, но...— Трэнт на секунду остановился,— но дело не только в этом. Вчера вечером, после вашего звонка, мне удалось выяснить еще одно обстоятельство.

Определяя примерное время смерти Лэмба между половиной второго и половиной третьего, судебно-полицейский врач учитывал тот факт, что тело было найдено около очень накаленного радиатора центрального парового отопления. Вчера вечером, после того как вы позвонили, я понял, что ваши показания могут подтвердить алиби мисс Робертс, если убийство действительно произошло в два часа ночи. Но вот что странно, тут же подумал я: почему радиаторы парового отопления оказались такими горячими в четыре часа утра? Ведь обычно в такое время пламя в топке едва-едва поддерживается.

Он помолчал, потом заговорил снова:

— Я еще раз просмотрел все дело и установил, что никто не удосужился допросить дворника. Пришлось заняться этим самому. Как оказалось, в ночь убийства дворник был в гостях у своей дочери и вернулся домой около половины четвертого утра. Будучи человеком старательным, он сразу же пошел проверять топку, обнаружил, что она погасла уже несколько часов назад, и снова разжег ее. Вот почему радиаторы отопления и оказались такими нагретыми к тому времени, когда полицейские обнаружили тело Лэмба. Прикиньте сами, и вы убедитесь, что еще примерно за полчаса до прибытия полиции радиаторы, а следовательно, и квартира были совершенно холодными. Это полностью меняет дело. Я немедленно связался с судебно-полицейским врачом, и он без колебаний отнес приблизительное время наступления смерти на час-два назад. Итак, мистер Лэмб был, очевидно, убит не ранее половины двенадцатого и не позднее часа ночи. Районный прокурор ознакомился с вашим заявлением и с показаниями мисс Робертс, однако в свете новых данных медицинской экспертизы он, естественно, пришел к выводу, что ваши показания ничего изменить не могут, даже если соответствуют действительности. Алиби, подтверждающее непричастность к преступлению, совершенному в два часа ночи, теряет всякое значение, если в действительности преступление совершено на два часа раньше.

Мне казалось, что на меня рушатся стены.

— Позвольте, но ведь Анжелика звонила мне в двенадцать часов ночи из аптеки, недалеко от моей квартиры! Перед этим она прошла пятьдесят кварталов. В половине двенадцатого она никак не могла находиться даже где-то поблизости от квартиры Лэмба.

— Это по вашим словам, мистер Гардинг, и вполне возможно, что то же самое вам сказала сама мисс Робертс. Но есть ли у вас доказательства, что она приехала к вам не на такси? Думаю, вы и сами теперь понимаете, что ваши показания теряют всякий смысл. Жаль, но ничего не поделаешь. Вы сделали все, что в ваших силах, но...— Трэнт уставился на свои руки с той бесцельной сосредоточенностью, которая бросилась мне в глаза еще при первой встрече с ним.— Нам нужно обсудить кое-что. Районный прокурор и начальник полиции поручили мне переговорить с вами, и я польщен доверием, которое они ко мне питают. Оказывается, только от вас зависит, какой характер примет судебный процесс. Он может развиваться в двух возможных направлениях, но в каком именно, должны выбрать вы сами.— Серые глаза Трэнта, выражавшие твердую решимость, остановились на моем лице.— Во-первых, вы вольны, разумеется, продолжать свои попытки спасти мисс Робертс — никто не посмеет вам препятствовать. Я лишь возьму на себя смелость изложить весьма вероятные

последствия такого решения. Конечно, нам придется отказаться от всяких усилий замять причастность к делу мисс Кэллингхем. Все всплывет наружу, газеты поднимут невероятный шум, пух полетит во все стороны. Процесс начнется строго в назначенное время. Вы и ваш сынишка будете основными свидетелями защиты. Я понимаю, как тяжело отразится на ребенке уголовный процесс над его родной матерью, обвиняемой в убийстве, но поскольку он ваш единственный свидетель, защите, видимо, придется использовать и его показания, хотя вообще-то их недостаточно. Затем вы начнете утверждать, что мисс Робертс пришла к вам на квартиру часов в двенадцать, предварительно пройдя пешком около пятидесяти кварталов, да еще с чемоданом. Доказательств у вас никаких нет, и вам придется полагаться лишь на свое красноречие, чтобы обратить присяжных заседателей в свою веру.

Трэнт снова взглянул на свои руки.

— Откровенно говоря, мистер Гардинг, не думаю, что вам придется легко. Прокурор, конечно, использует мистера Кэллингхема, чтобы скомпрометировать ваши показания, а мистер Кэллингхем, несомненно, не пожалеет своих миллионов, лишь бы отомстить вам. Но тем дело не ограничится. Как только выяснится, что никакого алиби мисс Кэллингхем не существует, у мисс Ходжкинс отпадут причины упорствовать в своей лжи. Если вы сошлетесь на Рикки, мистер Кэллингхем потребует допросить мисс Ходжкинс, и она покажет, что спустя несколько часов после убийства застала вас обнимающим мисс Робертс. Вас тут же заклеймят как неверного мужа, а когда станет известным ваше поведение после убийства Лэмба, все поймут, что вы безумно любите свою первую жену и отчаянно пытаетесь ее спасти. Возможно, прокурор даже сумеет убедить присяжных заседателей, что вы соучастник преступления и заранее условились с мисс Робертс, что сразу же после убийства она приедет к вам и тем самым создаст себе алиби. Государственный обвинитель, безусловно, внушит присяжным, что мисс Робертс ничего не стоило использовать в своих интересах столь влюбленного в нее человека. Можете продолжать свои усилия, мистер Гардинг, но должен сказать, что ваши возможности помочь бывшей жене равны нулю. Я уже говорил, какую тяжелую травму получит ваш сын. Что же касается вашей супруги, то вы и без меня понимаете, сколько унижений придется ей перенести. Наконец, много, очень много времени должно будет пройти после процесса, прежде чем вы сможете найти себе какую-нибудь работу.

Трэнт говорил так тихо, что я с трудом разбирал его слова.

— Все это неизбежно, мистер Гардинг, если вы изберете первый путь. Но есть и второй, гораздо проще. Вы признаете свое поражение. Ни вы, ни ваш сын на процессе не выступаете. О похождениях мисс Кэллингхем никто ничего не узнает. Мы не станем привлекать вас к ответственности. Если вы согласитесь, мистер Кэллингхем, насколько мне известно, готов предоставить вам прежний пост в его фирме или, по вашему усмотрению, гарантирует такую же работу в другой фирме.— Трэнт снова посмотрел мне в глаза.— Вот о чем районный прокурор и начальник полиции поручили мне переговорить с вами. Мы далеки от мысли оказывать на вас давление — решайте сами. Но мы хотим знать ваше решение. Районный прокурор и начальник полиции находятся сейчас в прокуратуре, я должен им позвонить и сообщить ваш ответ.

Я выслушал Трэнта до конца, но в этом не было необходимости. Как только он сообщил, что Лэмб вопреки первоначальному предположению убит в другое время, я сразу подумал, что Анжелика могла сказать мне неправду. Возможно, она и в самом деле воспользовалась такси; возможно, она специально позвонила мне, чтобы потом использовать это для подтверждения своего алиби. Может, я сломал свою карьеру и мучил жену только потому, что оказался легковерным болваном, послушным орудием в руках убийцы? Я погрузился в мрачное уныние, и постепенно мною овладел величайший соблазн. У меня все еще был выход из положения, пусть унизительный. Ч. Д. сулил мне крупную взятку. Если я решу, что Анжелика виновна, мне предлагали снова зажить так, будто ничего не произошло.

Но тут к моим мучительным размышлениям прибавилось нечто новое: гнев. Я сидел напротив Трэнта и чувствовал, как меня охватывает гнев против Ч. Д. за его наглую уверенность, что ему удастся купить меня, против Трэнта с его мнимой нейтральностью, против Бетси за то давление, которое оказывала на меня мысль об ее страданиях. Мне осточертело быть игрушкой, которой распоряжались все, кому не лень. Довольно! Теперь я сам буду решать, что нужно делать и как поступать. К черту заключение медицинской экспертизы! К черту прозрачные намеки и совершенно недвусмысленное предупреждение Трэнта о последствиях моего упрямства! Им не удастся внушить мне сомнения в невиновности Анжелики. Разве после своего ареста она не делала все от нее зависящее, чтобы выгородить меня? Если она действительно виновна и в ту ночь пришла ко мне, чтобы обеспечить себе алиби, почему же она не воспользовалась им?

— Можно повидать Анжелику? — спросил я.

— Конечно.— Трэнт поднялся.— Я знал, что вы захотите ее увидеть. Она здесь.— Лейтенант подошел к двери, около которой стоял полицейский.— Проводите мистера Гардинга к мисс Робертс.

Полицейский отвел меня в соседнюю комнату и закрыл дверь. Анжелика сидела одна. Она осунулась и показалась мне какой-то потускневшей.

— Тебе сообщили, что врач теперь несколько иначе определяет время убийства? — спросила она.

— Да.

— В таком случае ты уже ничем не сможешь мне помочь. Нужно быть сумасшедшим, чтобы после этого выступать на суде.

Как бы я хотел вдруг почувствовать, что Анжелика совсем безразлична мне — тогда все стало бы простым и легким. Но нет. Я ведь знал, что мои переживания не могут идти ни в какое сравнение с тем, что переживает она. Если бы Анжелика сослалась на меня во время допроса в Клэкстоне, она, возможно, не сидела бы сейчас здесь. Это я виноват в том, что, запертая в одиночке, она изо дня в день со смертельным страхом наблюдает, как сгущаются тучи. И даже в такие критические минуты она прежде всего думала обо мне. Ну, хорошо. Она любила меня, или думала, что любит, или считает, что я по-прежнему ее люблю. В конце концов какое это имеет значение? Трогательно, не больше. Но все равно надо быть чудовищем, чтобы не испытывать к ней благодарности.

— Ты не убивала его?

— Нет, Биль.

— Ты шла ко мне пешком все эти пятьдесят кварталов?

— Да. У меня не было денег, всего десятицентовая монета.

Я смотрел на Анжелику и думал: к чему эти расспросы? Ведь я знаю ее лучше, чем успел узнать Бетси. В свое время я был самым близким ей человеком, хотя потом наши пути разошлись. Я знал ее слабые стороны: ее увлекающуюся, романтическую натуру, ее беспомощность, упрямство, непрактичность, чем она напоминала отца. Но я знал и ее сильные стороны. Мстительность была совершенно ей чужда. Она не могла бы убить человека, которому надоела. И внезапно все утверждения районного прокурора и все иезуитские рассуждения лейтенанта Трэнта показались мне несусветной чушью.

— Я и Рикки обязательно выступим на суде,— заявил я.

— Но, Биль...

— Я не могу наблюдать со стороны, как будут судить невиновного. К черту прокуратуру и полицию! Пусть они попробуют доказать твою виновность.— Под влиянием гнева мне в голову пришла новая мысль.— Но я сделаю еще кое-что. Я сам найду преступника. Кто-то же совершил преступление, хотя, как видно, подобная «мелочь» никого не интересует. Если я найду преступника, ни мне, ни тебе не придется выступать на суде, да и суда над тобой не будет.

Анжелика стояла передо мной вялая и апатичная, словно силы окончательно покинули ее. Несчастная и беззащитная, она чем-то напомнила мне Рикки. Все кричали мне, что я не должен травмировать Рикки, обрекать на мучения, связанные с его появлением на суде. Но почему никто не побеспокоился об его матери?

— Да, да найду! Не беспокойся. Мы еще докажем свою правоту!

Вернувшись к Трэнту, я сообщил ему о своем решении выступить на процессе. Он выслушал меня и не стал разубеждать, но на его лице появилась обычная невозмутимая, ничего не выражающая улыбка.

— А знаете, я так и думал. Я позвоню прокурору и скажу о вашем решении. Мы не будем вас особенно беспокоить. Поддерживайте контакт с защитником мисс Робертс. Его фамилия — Макгвайр. Прекрасный адвокат.— Он вынул из кармана визитную карточку и передал мне.— Вот его адрес. Советую сейчас же связаться с ним, время дорого.

Трэнт встал.

— Надеюсь, вы найдете комнату, где вас ожидает сынишка?

Я почти не слышал его слов, представляя себе лицо Бетси в ту минуту, когда я сообщу ей, на какие мучения обрекаю ее. Потом я сообразил, что Трэнт, как обычно, протягивает мне руку.

— Пока, лейтенант.

— До свидания.— На мгновение маска официальности спала с его лица, и он показался мне почти человеком, а его улыбка — почти человеческой.

— Воображаю, как взбесится прокурор! — воскликнул он.— Знаете, что я скажу вам, мистер Гардинг? Вы парень что надо!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Решение любой ценой добиться отмены суда над Анжеликой я принял под влиянием минуты, в порыве охватившего меня гнева. Но на пути домой, мрачно размышляя о предстоящем объяснении с Бетси, я все больше приходил к выводу, что лучшим выходом из положения действительно было бы найти убийцу. Так ли уж это невозможно? Я не забыл, что в тот вечер Джейми назначил кому-то свидание, хотя Трэнт небрежно отмахнулся от этого немаловажного обстоятельства. Возможно, чета Браунов могла бы сообщить что-нибудь интересное. Трэнт, правда, допрашивал их, но из-за предвзятого подхода к делу мог упустить в показаниях супругов какую-нибудь мелочь, весьма существенную для раскрытия тайны убийства. Кое-что, не исключено, можно будет дополнительно выудить у Дэфни, если только она согласится разговаривать со мной после всего того, что я предпринял против нее и Ч. Д. Я хватался за эти рассуждения, как утопающий за соломинку. Нужно найти убийцу Лэмба! Тогда процесс не состоится, и Бетси будет избавлена от унижения.

Бетси дома не оказалось, хотя я почему-то думал, что она не поедет в такой день в канцелярию фонда. Что ж, это давало мне маленькую передышку. Я отправился к Макгвайру и провел у него около часа. Он был молод, привлекателен и, очевидно, не глуп. К его энтузиазму примешивался тщательно скрываемый скептицизм, с которым он отнесся к моему решению выступить на процессе в качестве свидетеля защиты. Однако его улыбка стала откровенно насмешливой, как только я сказал, что намерен найти убийцу и рассчитываю на его помощь.

— Мистер Гардинг, я делаю все от меня зависящее и буду продолжать свои усилия. Не вижу причин, почему бы и вам не делать соответствующих попыток. Но взять на себя роль сыщика-любителя... Простите, так бывает только в детективных романах. Искать преступников — дело полиции. Не следует недооценивать Трэнта. Какое бы решение ни приняли его начальники, они не смогут на него повлиять, он доведет расследование до конца. Трэнт наиболее способный следователь в уголовной полиции нашего города. Мы вместе кончали Принстонский университет. Ему можно доверять.

Доверять Трэнту только потому, что он учился вместе с Макгвайром! Вот почему лейтенант умеет так искусно притворяться и лицемерить — недаром он принадлежал к пресловутой «золотой молодежи»! Я взглянул Макгвайру в глаза, смотревшие на меня с профессиональной снисходительностью, и понял, что нечего ждать от него помощи. Взяв у адвоката адрес Браунов, я поехал к ним.

Самого Брауна дома не оказалось, меня встретила его супруга — маленькая хорошенькая блондинка. Я объяснил ей, что Анжелика была когда-то моей женой, чем сразу расположил миссис Браун к себе. Однако ничего нового она не рассказала — все то же самое, что Трэнт сообщил с ее слов мне и Кэллингхемам.

— И больше вам на память ничего не приходит?

— Как вам сказать... Мы с мужем до сих пор говорим об этом. Уверены, что у Джейми было назначено свидание, причем оно имело какое-то отношение к деньгам.

— К деньгам?

— Да. Вы понимаете... За все время Джейми ни цента не уплатил нам за квартиру — она принадлежит моей матери. Деньги небольшие, и не в них дело, мы с мужем иногда даже подшучивали над молодым человеком по этому поводу. Джейми нам нравился. В тот вечер мы пригласили его поехать к нашим знакомым, но он отказался, сославшись на какое-то свидание, и добавил: «Не соблазняйте, не то ваша мамаша никогда вас не простит!» Он говорил, как нам теперь кажется, о квартирной плате, намекая, что после свидания у него появятся деньги.

Вряд ли сообщение миссис Браун можно было назвать существенным, но ничего другого она сказать не могла. Она пожелала мне удачи, и на том мы распрощались.

Не зная, что делать дальше, я позвонил Дэфни.

На звонок ответил Генри, и я понял, как он удивился, когда услышал мое имя. Потом наступила моя очередь удивляться, так как Дэфни все же подошла к телефону.

— Биль, да у тебя прямо-таки железные нервы! Все тут у нас относятся к тебе, как к прокаженному.

— Извини, Дэфни. Я не хотел портить твое алиби.

— И все же испортил, так? Полицейские сообщения летят к папочке, как пулеметные очереди. Согласно последним данным, ты собираешься выступить на процессе и обнажить свою грудь, а заодно папкину и мою — на радость газетчикам. Вся Америка узнает падшее создание Дэфни Кэллингхем.— Она хихикнула.— Если ты разойдешься, тебя не остановить, правда?

В прошлом легкомыслие Дэфни не раз меня коробило. Теперь я готов был обожать ее за это.

— Мне нужно повидать тебя. Ты могла бы выйти и встретиться со мной?

— Конечно, милый! Теперь ты мой единственный любимчик. Не представляю, почему ты женился на Бетси, а не на мне! Где мы встретимся? В каком-нибудь шикарном местечке, где я могла бы выпить шампанского в твою честь.

Я назвал фешенебельный коктейль-холл недалеко от ее квартиры — она любила в нем бывать — и приехал туда первым. Вскоре появилась улыбающаяся Дэфни в норковом манто. Как только нам принесли шампанское, она предложила тост:

— В честь единственного человека, осмелившегося возражать папе! Да здравствует предстоящий скандал! Жду не дождусь, когда он разразится. Как, по-твоему, когда меня начнут поносить в газетах? Чем я могу тебе помочь? Я твоя союзница, дорогой. Храбрая дева, остающаяся верной своему обреченному герою, которого все покинули,— вот кто я!

В улыбке Дэфни я увидел искреннюю симпатию, что и удивило и тронуло меня. Я рассказал ей о своем намерении не допустить слушания дела и высказал предположение, что Джейми отвез ее на квартиру Анжелики и бросил там только потому, что у него на квартире было назначено другое свидание. Дэфни внимательно выслушала меня и заявила, что я, по всей вероятности, не ошибаюсь.

— Правда, к тому времени я проглотила столько мартини, что ничего подозрительного в его поведении не заметила.

— Может, ты хотя бы догадываешься, с кем он хотел встретиться?

— Увы! Джейми был беспардонным лжецом. Он постоянно твердил, что в Нью-Йорке у него нет ни одной знакомой души, за исключением Проп.

— Проп?

— Ты же знаешь, Джейми и Проп вместе выросли в Калифорнии, потом надолго поте-

ряли друг друга из виду, встретились только у вас и с тех пор виделись постоянно.

— Это еще зачем?

— Не знаю. Он как-то говорил, что пытается через нее получить работу или что-то там еще.

— Работу?

— Ну, не совсем работу, а что-то вроде...— Дэфни ухмыльнулась.— Ты, пожалуйста, не думай ничего дурного. Романа у них не было. абсолютно уверена.

Глаза у нее как-то странно заблестели.

— Почему это ты «абсолютно уверена»?

— Потому что знаю.— Дэфни задумчиво посмотрела на меня.— А впрочем, почему бы и не открыть тебе глаза? Папка так плохо о тебе отзывается, грозит такими страшными карами, что и сказать боюсь. А чем ты можешь защищаться? Ничем, бедненький ты мой, кроме голых кулаков! — Она перегнулась через стол и похлопала меня по руке.— Если я тебе кое-что расскажу, обещаешь ничего не передавать Бетси, пока очень уж не приспичит? Бедняжка Бетси! Возводит папку на пьедестал, а почему, только небесам известно. Ее сразу кондрашка хватит, если ты хотя бы намекнешь ей. Так обещаешь?

— Обещаю,— кивнул я, ничего пока не понимая.

— Уже много лет я прямо умираю от желания расстаться с этим секретом, да все духу не хватало.— Дэфни подняла бокал с шампанским, словно собиралась провозгласить тост.— Ты спрашиваешь, почему у Джейми не было романа с Проп? Да потому, что у Проп ни с кем не может быть романа, она изъята из обращения. Она постельная принадлежность отца!

Пока я приходил в себя, Дэфни спокойно продолжала:

— Я узнала об этом случайно — на яхте, когда была совсем девчонкой, перед тем, как мы встретили тебя в Портофино. Заскочила в каюту и... застала их. Я тогда была нежным маленьким цветочком и сильно переживала. Правда, недолго.— Она криво улыбнулась.— Скоро я сообразила, что мне здорово повезло. Я заставила отца сделать меня своей любимицей, держу его под каблуком и верчу им, как захочу.

Вначале я отнесся к секрету Дэфни как к типичному проявлению кэллингхемии, новым светом осветившему в моих глазах Ч. Д., Проп, Поля и самое Дэфни. Но постепенно, все больше волнуясь, я понял, что услышанная новость может иметь для меня исключительно важное значение.

— И связь все еще продолжается?

— Да, да, только в строжайшей тайне. Они встречаются раза два в неделю, во второй половине дня, когда Поль на службе. Своего рода ритуал. Отец знает, что мне известен его «роман», но мы никогда не затрагиваем эту тему. Время от времени я получаю в подарок то моторную лодку, то другую игрушку, и какой-то срок совесть его не мучает. Конечно, он еще любит меня, так что я могу играть сразу на двух струнах — на его совести и на его любви. Беспроигрышная лотерея!

Я совсем разволновался.

— Скажи, когда ты пришла к Джейми со своим сумасшедшим планом, он не сказал тебе, что беспокоиться не о чем, что свадьба все равно состоится, что через неделю твой папенька будет у него как шелковый? Может, он возражал против твоего плана по той простой причине, что имел какой-то свой план?

В глазах Дэфни промелькнул страх.

— Ты думаешь, Джейми разнюхал все у Проп и собирался, шантажируя отца, получить у него согласие на наш брак? Биль, ты понимаешь, куда это может нас завести?

— Вот именно, куда?

— Но я и подумать не могла... Что ты намерен предпринять?

— Позвонить Проп.

Я вышел из-за столика и позвонил из кабины телефона-автомата на квартиру Поля. Проп оказалась дома.

— Пожалуйста, Биль, приезжай,— ответила она.— Я страшно скучаю. Телевидение... Почему люди не изобретут что-нибудь поинтереснее?

Я вернулся к Дэфни.

— Ты сказала мне правду?

— Да, Биль.

— И ты не возражаешь, если я ею воспользуюсь?

Она кивнула.

— Не возражаю. У тебя нет иного выхода. Я понимаю. Но прошу тебя, будь осторожен, очень осторожен.

— Еду к Проп.— Я хотел подозвать официанта, но Дэфни меня остановила. Страх ее не прошел, но она уже улыбалась.

— Ты же теперь безработный и вовсе не обязан поить меня шампанским. Не беспокойся обо мне, я побуду здесь. Собираюсь начать свою новую карьеру в качестве «Очаровательной падшей мисс К.» с того, что наклюкаюсь в общественном месте. По-моему, совсем неплохо, а?

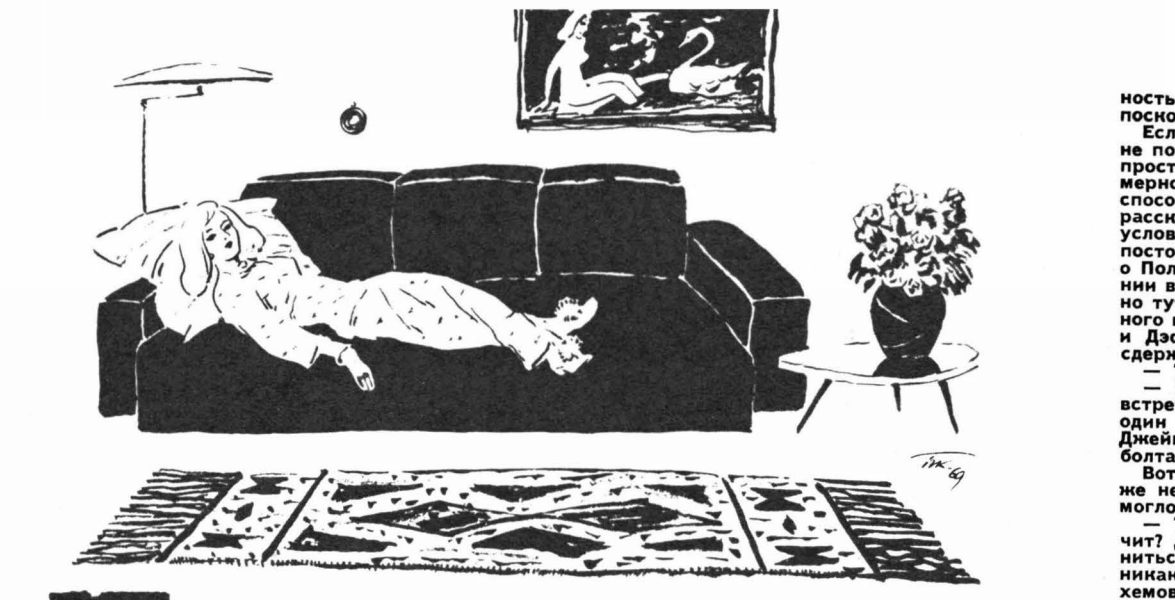
Я стоял, не сводя с нее глаз, и думал, как мало я знал Дэфни Кэллингхем и как много мне предстоит узнать. Потом я нагнулся и поцеловал ее.

— Ты ангел!

— Напротив, я самая настоящая стерва, и ты это прекрасно знаешь. Скажешь мне потом, какие новые неприятности раскопаешь для меня, ладно? Я их теперь коллекционирую, как другие коллекционируют табакерки и пресс-папье.

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.



ДЕДО ПО ОБВИНЕНИЮ...

Патрик КВЕНТИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Фаулеры жили недалеко от Вашингтон-сквера, в не слишком фешенебельном районе, что не мешало квартире служить образцом нью-йоркских великосветских апартаментов, какими их обычно показывают в голливудских кинофильмах. Дверь открыла горничная. Она вечно торчала на кухне, что-нибудь стирала или гладила для Проп. Милая и безропотная женщина, она провела меня в гостиную, где Проп, лежа в пижаме на кушетке, смотрела телевизор. Увидев меня, она поднялась. Проп была единственной из моих знакомых, наделенная способностью встать с кушетки без единой складочки на платье и с идеально сохранившейся прической. Еще недавно она носила рыжие волосы, а теперь покрасила их в платиновый цвет, хотя от этого они не стали выглядеть более естественными. Впрочем, и вся-то она казалась какой-то ненастоящей. Недаром Поль говорил, что она похожа не столько на живой манекен, сколько на модель с какого-то рекламного объявления.

Проп выключила телевизор, подошла ко мне и поцеловала: она всегда была нежна со мной. Она благоухала тонкими духами, в ушах у нее, на груди и на пальцах сверкали аметисты. Проп обожала аметисты и сама говорила, какое удовольствие доставляет ей «болтаться» в них дома. В ушах у меня все еще звучали слова Дэфни, а я смотрел на Проп и никак не мог поверить, что они относятся к ней — уравновешенной, обожаемой супруге, самые глубокие душевные переживания которой связаны с размышлениями о том, в какой цвет покрасить ногти.

Разумеется, она знала об аресте Анжелики, но и только. Как можно проще я изложил ей, в каком трудном положении оказался, и на ее красивом, без единой морщинки, выхоленном лицо появилось нечто вроде сочувствия.

— Вот здорово, голубчик! Ну и скандал разразится в суде! А вам с Бетси придется трудно. Она будет переживать за Рикки, ты же ее знаешь.

— Надо во что бы то ни стало добиться отмены процесса, Сандра. А для этого надо найти убийцу Лэмба. Понимаешь?

— Понимаю. Но как? Никто же не придет к тебе и не скажет: «Джейми убил я!»

— Трэнт после того больше с тобой не разговаривал?

— Приходил дня два назад.

— Ты сказала ему, что знала Джейми еще по Калифорнии?

— Думаешь, надо было сказать? Нет, не сказала. Я вообще почти ничего ему не говорила. Поль вечно твердит, что с полицейскими лучше всего помалкивать. Случись что-нибудь — хлопот не оберешься.

— Но ты действительно знала Джейми в Калифорнии?

— Знала. Он работал в «Пигли-вигли». Это такой передвижной продуктовый магазин для тех, кто путешествует на автомобилях. Мы вместе выросли. Потом какая-то богатая старуха втрескалась в него и увезла в Европу.

Это событие, очевидно, предшествовало попытке Анжелики «спасти» Лэмба с помощью «облагораживающего влияния любви».

— Ну, а после встречи у нас вы часто с ним виделись?

— Иногда он заходил к нам. Джейми всегда мне нравился. Сумасбродный, конечно, но милый и остроумный человек, с ним было приятно поболтать о том о сем.

— Например?

— Ну... о том о сем.

Мне не хотелось причинять ей неприятности, но иного выхода я не видел.

— Ты рассказала ему о своих отношениях с Ч. Д.?

Проп всегда реагировала медленно и как-то слишком уж спокойно. Слегка удивленная, она долго молчала, мигая большими голубыми глазами, потом спросила:

— Откуда ты узнал? Считалось, что это большая тайна.

— Сандра, я бы никогда не стал вмешиваться в твои личные дела, но, возможно, все решится, если я буду знать.

— Что именно? Правда ли это? Правда. Но странно, как ты узнал? Уж не от самого ли Ч. Д.?

— Нет.

— Тебе и в самом деле поможет, если я расскажу?

— Да.

— Видишь ли, тут и рассказывать нечего. Это началось давно, вскоре после моего приезда в Нью-Йорк. Я немного работала в качестве модели, и однажды меня сфотографировали для объявления, напечатанного в журналах фирмы Кэллингхем. На снимке я читала какой-то журнал и изображала примерную домохозяйку или что-то вроде того. Ч. Д. увидел снимок и захотел встретиться со мной. Так это и тянется до сих пор. Жениться на мне Ч. Д. не мог. Говорит, ему, человеку с таким положением, наш брак оказался бы не к лицу. Его покойная жена не блистала ни образованием, ни культурой, была для него тяжким бременем, и он не хотел снова попадать впросак... Вот так-то. А вообще он забавен... Ну, такой старомодный... Очень боится, как бы нас не увидели вместе, и потому приходит сюда. Но это сейчас, а раньше он приходил в ту, другую квартиру, где я жила, пока не вышла за Поля.

После всех моих мучений, после страданий Бетси и Анжелики деловитость Проп действовала прямо-таки освежающе, хотя то, о чем она рассказывала, казалось настолько омерзительным, что я даже растерялся.

— И сколько же лет тебе удавалось хранить этот секрет от Поля?

— Поль знает все.

— Знает?!

— Видишь ли, мы с Полем и поженились-то с помощью Ч. Д. Он задумал совершить путешествие в Европу на арендованной яхте и хотел, чтобы я тоже поехала, но это нарушило бы правила хорошего тона, к тому же вместе с ним отправлялись дочери. Поль был влюблен в меня. Он в то время нигде не работал и перебивался с хлеба на воду. Вот Ч. Д. все и устроил. Он заставил Бетси взять Поля на службу в ее фонд с тем, чтобы мы получили возможность пожениться и вместе поехать на яхте, поскольку тогда все выглядело бы прилично.

Если бы я не знал Проп так хорошо, я бы не поверил ни одному ее слову, решив, что она просто морочит мне голову в отместку за чрезмерное любопытство. Но я знал, что она не способна на обман — все так и было, как она рассказывала. Невероятно, но именно на таких условиях Поль все эти годы работал у Бетси, постоянно общаясь с Ч. Д. На мгновение мысль о Поле и его чудовищно ненормальном положении вытеснила у меня из головы все остальные, но тут же я подумал, что нет ничего невероятного в предположении, которое возникло у меня и Дэфни, когда мы сидели в баре. С трудом сдерживая волнение, я спросил:

— Ты что-нибудь рассказывала Джейми?

— Нет, но он догадался сам. Как-то они встретились, Джейми и Ч. Д., у лифта, когда один шел ко мне, а другой уходил от меня. Джейми был ловкачом: заставил-таки меня проболтаться, как я ни крепилась.

Вот как все получилось! Взволнованный и даже несколько напуганный тем, какое значение могло иметь для меня услышанное, я сказал:

— Ты понимаешь, Сандра, что все это значит? Джейми во что бы то ни стало хотел жениться на Дэфни, но понимал, что у него нет никаких шансов втереться в семью Кэллингхемов. И тут он узнает о вашей связи. Получив такое сильное оружие, он заставляет Ч. Д. прийти к нему на квартиру и предъявляет ультиматум: либо Ч. Д. разрешает ему жениться на Дэфни, либо он рассказывает эту пикантную историю представителям прессы.

Проп слегка наклонилась ко мне и потрогала сережку, словно хотела убедиться, на месте ли она.

— Ты думаешь, Джейми назначил свидание с Ч. Д. и старик убил его? — поинтересовалась она.

— А почему бы и нет? Сомнительно, чтобы Ч. Д. позволил такому сопляку, как Джейми, безнаказанно себя шантажировать. Можешь ли ты...

— Голубчик, но в тот вечер Ч. Д. был в Бостоне и выступал на банкете. Банкет затянулся до полуночи. Я читала его речь в газетах. Он замечательный оратор! Он вполне мог бы стать политическим деятелем. Ты согласен? Великий человек! Вот посмотришь, его еще изберут президентом.

Переживая крушение своей теории, я почти не обратил внимания на наивную, способную вызвать лишь усмешку гордость, прозвучавшую в голосе Проп. Я тоже читал в газетах заметку о банкете. Если бы я вовремя вспомнил об этом, мне бы и в голову не пришло подозревать Ч. Д. в убийстве. Смешно, что именно такой человек, как Проп, должен был указать мне на ошибку.

Я растерянно обвел взглядом комнату, сознавая, что совершенно напрасно вмешался в сугубо интимные дела своего лучшего друга и что снова нахожусь там, откуда начал.

— Дары Ч. Д.?

— Квартира и обстановка? Что ты! Разве я какая-нибудь содержанка! Это было бы ужасно. Ч. Д. никогда на это не согласится.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что он тебе ничего не дает? — удивился я.

— Ну, кое-какие подарки. Меха, иногда браслет или ожерелье... Всякий раз, когда приходит. Порой я и сама этому не рада из-за Поля.

— Почему из-за Поля?

— Видишь ли, Поль в таких случаях ведет себя странно. Мы с ним и не разговариваем о Ч. Д. По-моему, он ни разу не упоминал его имени, с тех пор как мы поженились. Но, мне кажется, он только о нем и думает и вбил себе в голову, что, когда Ч. Д. мне что-нибудь подарит, он, Поль, обязан мне тоже что-то подарить, только лучше и дороже. Некоторое время после этого он, видимо, тоже чувствует себя большой «шишкой», и ему кажется, будто я люблю его еще сильнее. Дурачок он у меня! Я же его люблю и без всяких подарков! Поль — одно, а Ч. Д. — совсем другое. Так уж все получилось... Иногда мне хочется объяснить ему, что он вовсе не должен тратить на меня столько денег, да все как-то к слову не приходится.

Я снова почувствовал, как напряглись у меня нервы.

— Постой, Поль не располагает никакими средствами, правда? Он сам говорил мне об этом.

— Разумеется. За все время, что я знаю Поля, у него и цента лишнего не было, кроме жалованья. Когда-то он имел кое-какие средства, но их уже давно нет.

— Черт возьми, но тогда откуда он берет деньги на дорогие подарки?

Проп озадаченно взглянула на меня.

— Странно! Точно такой же вопрос мне задавал и Джейми. Наверно, из жалованья, которое он получает в фонде.

Я не знал, сколько именно получает Поль, и никогда не спрашивал об этом у Бетси, но было совершенно ясно, что на свое жалованье он не мог покупать Проп дорогие подарки. «Точно такой же вопрос мне задавал и Джейми...» Ответ казался настолько очевидным, что я удивился, почему он раньше не пришел мне в голову. «Фонд по обеспечению Сандры Фаулер мехами, драгоценностями и автомобилями»! Так частенько говаривал Поль, со смехом и шуточками рассказывая о том, как он «обворовывает» заведение Бетси. Только он и мог так зло и цинично каламбурить по поводу того, что в действительности было правдой. Все прояснилось в тот момент, когда я меньше всего ожидал. Свидание, после которого у Джейми вновь должны были появиться деньги! Джейми вовсе и не пытался шантажировать Ч. Д.: тот был для него слишком крупной дичью. Но вот с растратчиком Полем, которого он поймал в силки без всякого труда, как и я, можно было не церемониться.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—11.

— Сандра, ты помнишь вечер, когда произошло убийство?

— Помню. Это случилось в четверг. Вечерами по четвергам я занимаюсь своей прической.

— Прической?

— Ты знаешь, это ужас, до чего сложно! Одна приятельница из Голливуда показала мне, как нынче модно носить волосы, а я никак не могу найти мастера, приходится возиться самой. Поль ненавидит эту процедуру, и я стараюсь не показываться ему на глаза, когда занимаюсь волосами: закрываюсь в ванной комнате и не выхожу, пока не кончу. Часа по четыре сижу. А Полю — он же такой неугомонный! — очень не нравится оставаться одному и смотреть в одиночестве телевизор. Он никак не может понять, почему я не занимаюсь этим днем, но днем у меня столько дел, что на прическу не остается времени.

Вот оно, твое «алиби», Поль! Ты утверждал, что весь вечер провел дома вместе с Проп, а в действительности она четыре часа не выходила из ванной комнаты, занятая своей прической.

Я поднялся, чувствуя, что у меня подгибаются ноги.

— Большое спасибо, Сандра. Извини, что побеспокоил. Мне нужно бежать.

— Извини и ты меня, Биль. Мне так хотелось тебе помочь!

Она проводила меня до двери. В течение всего нашего разговора с ее лица не сходило слегка озадаченное выражение, но едва мы оказались у порога, Сандра широко и радостно улыбнулась.

— А ведь я только сейчас поняла, как ты узнал обо мне и Ч. Д. Тебе сказала Дэфни, да?

— Да.

— Несколько лет назад она случайно застала нас в каюте на яхте. Я только сейчас об этом вспомнила, и мне сразу стало легче.

Сандра поцеловала меня.

— На твоем месте я не стала бы ничего рассказывать Бетси. Она немножко старомодна, как и ее папаша, а Поль работает у нее, и все такое... Ты понимаешь?

— Вполне. А ты не рассказывай Полю о нашем разговоре. В этом нет никакой необходимости.

— Боже упаси! Ничего я не скажу ему! Ну, до свидания, миленький. До скорой встречи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Так мне удалось решить загадку. В правильности своего решения я не сомневался. У меня пока не имелось никаких доказательств, но я был твердо уверен, что Поль совершал растрату за растратой и что я найду нужные улики в книгах фонда. Джордж Дорт, казначей фирмы Кэллингхем, был моим другом, и хотя для владельца фирмы я стал чем-то вроде прокаженного, Джордж, несомненно, не откажет мне в просьбе проверить бухгалтерские книги фонда. Сами книги я смогу получить у Бетси. Шел шестой час, и она, несомненно, уже вернулась домой.

Сидя в такси, я некоторое время упивался мыслью о предстоящем триумфе над Трэнтом и Макгвайром, хотя все еще не избавился от неприятного чувства, вызванного поведением Поля. Однако чем ближе я подъезжал к дому, тем чаще мне на ум приходило другое: как ужасно подействует на Бетси мое открытие! Я избавлял ее от переживаний, связанных с появлением Рикки на суде, и от публичного крушения нашего брака, но какой ценой! Ценой уничтожения фонда — того, чему она посвятила свою жизнь. Получалось так, что в любом случае больше всех приходилось страдать Бетси. Бедняжка! Единственная из всех нас, чье имя и репутация остались незапятнанными.

Открывая дверь, я услышал, как она воскликнула «Биль!», потом до меня донеслись звуки ее шагов, и вторично в этот день я почувствовал себя палачом.

Бетси торопливо вышла мне навстречу. Я думал, что, как и накануне вечером, увижу холодную, каменную маску, однако ее улыбающееся лицо излучало тепло и радость, и я почувствовал, как забилось у меня сердце.

— О Биль! — воскликнула Бетси, прижимаясь ко мне и целуя.— Мне так стыдно за вчерашний вечер! Ты можешь простить меня?

— Простить тебя?

— Я провела с отцом всю вторую половину дня, и он рассказал, как ты решил выступить на процессе вместе с Рикки. Посмотрел бы ты, как он бесновался, какими карами грозил, если я не сумею тебя отговорить! А я слушала и думала: «Вот точно так же я была несправедлива вчера». Ты считаешь, что Анжелика невиновна, и, честное слово, я нахожу, что главнее этого ничего не может быть. Продолжай бороться, продолжай воевать со всеми. Какой же я оказалась гадкой!

Почему Бетси так часто удивляла меня? Давным-давно мне следовало бы понять, что она в самом деле идеальная жена и идеальная женщина. Я крепко поцеловал ее, со стыдом вспоминая, как боялся предстоящего разговора, и чувствуя, что теперь-то я со спокойной совестью могу сказать ей все.

— А знаешь, возможно, ни мне, ни Анжелике не придется выступать на суде. Кажется, я знаю, кто убил Джейми.

Все еще обнимая Бетси, я провел ее в гостиную, подальше от кушетки в холле, будившей у меня неприятное воспоминание. Еще недавно мне казалось, что не следует посвящать ее в тайну отношений между Проп и Ч. Д., но теперь я понял, насколько оскорбительным для нее было бы мое молчание. Я ничего не утаил от Бетси. Высказанные мною подозрения относительно Поля явились для нее тяжелым ударом, но она перенесла его так, как я и надеялся, лишь уныло пожала плечами.

— Раз ты говоришь, что это правда, значит, так оно и есть. Я с трудом заставляю себя верить, но...

— Бухгалтерию фонда ведет Поль?

— Да. На нем лежит вся деловая сторона. Так у нас издавна заведено.

— Тебе известно, как живут Фаулеры. На его жалованье так жить невозможно.

— Безусловно. Он получает совсем немного. Я всегда считала его обеспеченным человеком.

— Кто у вас ревизует бухгалтерскую отчетность?

— У Поля есть друг, дипломированный бухгалтер, но я лично его не знаю. По его словам, они старые друзья, тот всегда нуждается, и Поль дает ему заработать.

— Ты можешь передать мне эти книги?

— Могу, они хранятся в сейфе канцелярии.

— Джордж Дорт, надеюсь, не откажется провести проверку и без труда установит, есть ли в книгах фальсифицированные или подчищенные записи. Не знаю, как Поль проделывал свои штучки, но...— Внезапно мне в голову пришла одна мысль.— Ты знаешь миссис Мэллет?

— Фрэнсис Мэллет? Знаю. И ты ее знаешь. Это сестра миссис Годфри.

— В этом году она жертвовала что-нибудь фонду?

— Да.

— Сколько?

— Мы распределили между собой возможных жертвователей, и она находится в списке Поля. Я видела ее фамилию у него в отчете, там указано, что она пожертвовала пятьсот долларов.

— Я заходил в канцелярию фонда, когда ты уезжала в Филадельфию. Поль при мне разговаривал с ней по телефону и поблагодарил за тысячу долларов.

— За тысячу? Ты уверен?

— Он сам так сказал.

— Возможно, она передумала. Иногда бывает.

— Позвони ей и спроси.

— Но я буду выглядеть такой идиоткой... А впрочем,— она горестно улыбнулась,— я и так уже идиотка. Мне нечего терять.

Бетси подошла к телефону, позвонила миссис Мэллет и тактично объяснила, что в бухгалтерской отчетности допущена ошибка и что она хотела бы правильно отразить в записях сумму пожертвования миссис Мэллет. Закончив разговор, Бетси положила трубку и повернулась ко мне.

— Да, тысяча. Миссис Мэллет очень разволновалась, когда узнала, что ее фамилия фигурирует в отчетности. Оказывается, она просила не называть ее, а просто указать, что жертвователь пожелал остаться неизвестным. Богатые жертвователи иногда предпочитают оставаться анонимными: это избавляет их от массы писем с просьбами о помощи. Твои подозрения, видимо, подтверждаются.

— Очевидно. Скорее всего, это лишь один из приемов Поля, надо сказать, довольно ловкий. Подробные финансовые отчеты, которые вы регулярно публикуете, составляет, несомненно, какой-нибудь покладистый бухгалтер, находящийся на содержании у Поля. Если человек десять анонимно внесли по тысяче долларов, в отчете указывается лишь одно пожертвование на такую сумму, и каждый жертвователь считает, что речь идет именно о нем или о ней. Даже если бы они знали друг друга и тебя, Полю все равно ничего не грозит, потому что каждый из них никогда не станет разглашать фактическую сумму своего пожертвования.

Бетси по-прежнему стояла у телефона и, сжав губы, внимательно слушала меня.

— Итак,— заметила она,— фонд прекращает свое существование. «Великодушная благотворительница» Бетси Кэллингхем с позором прекращает свою общественную «деятельность». Всемирно известной сестры милосердия из нее не получилось, она оказалась всего-навсего ширмой для жулика, причем жулика особенного — благодушного супруга любовницы ее отца... Биль, что ты намерен предпринять?

— Пожалуй, позвоню Макгвайру. Дальше это уж его забота.

Мне было страшно жаль Бетси; я подошел к ней и обнял.

— Бетси, крошка! Я так сожалею!

— Не сто́ит, любимый. Видно, такова уж моя судьба. Я отчаянно старалась сделать все как можно лучше, но не вышло, и тут уж ничего не поделаешь.— Бетси попыталась улыбнуться и провела ладонью по моей щеке.— Звони Макгвайру. Нужно кончать.

Я вынул из кармана полученную от Трэнта визитную карточку Макгвайра, взглянул на нее и набрал номер телефона адвоката. Макгвайр еще не уходил с работы, и я рассказал ему всю историю. Он не мог скрыть своего волнения, что вообще-то не подобало бы адвокату, и я ощутил какое-то злорадное удовлетворение.

— Чудесно!— воскликнул он.— Просто замечательно! Это меняет всю картину.

Макгвайр заявил, что сейчас же позвонит Трэнту.

— Вы можете достать книги фонда?

— Могу.

— В таком случае, достаньте... А как с Фаулером? Нельзя ли сделать так, чтобы он пришел к вам?

— Можно.

— Позвоните ему. Я тоже приду примерно через полчаса. Пригласите Фаулера к себе на половину седьмого. Только не давайте ему повода заподозрить что-нибудь неладное. Скажите, что вам захотелось выпить с ним по рюмке.

— Хорошо.

— Поздравляю, мистер Гардинг! Это прямо-таки превосходно!

Я положил трубку.

— Сейчас я отправлюсь за книгами. Не возражаешь?— обратилась ко мне Бетси.

— Нет.

— Но сначала договорись с Полем.

Поль сам ответил на мой звонок. Я услышал его голос, бодрый, дружеский и знакомый, и почему-то все происходящее показалось мне сном. Я сказал, что звоню из города, но около половины седьмого буду дома и хотел бы с ним кое о чем потолковать. Сможет ли он приехать?

— А почему бы и нет, Малыш?.. Да, Биль, я все еще чувствую себя очень неловко за вчерашнее.

Теперь это «вчера» для меня ничего не значило, с той поры произошло так много нового.

— За вчерашнее?

— Да. Подвел я тебя с этим фараоном. Честное слово, Биль, если ты хочешь, я поеду к нему...

— Лучше приезжай ко мне.

— Слушаюсь, сэр!

Бетси молча вышла из комнаты и вскоре вернулась в пальто. Глядя на нее, я чуть не с благоговейным трепетом подумал, что никогда мне не удастся стать таким, как она. У нее больше ума и выдержки, чем у всех нас, вместе взятых.

— Я поеду за книгами, Биль. Скоро вернусь.

Я подошел к ней, снова обнял и поцеловал.

— Крошка моя, ты чудеснейший человек!

— Чудеснейший? А в чем это выражается? Такими «чудеснейшими» можно назвать всех членов семейства Кэллингхемов. «Чудеснейший» отец... Он создал могучую денежную империю; он вырастил двух «чудеснейших» дочерей; он потихоньку содержит любовницу в Манхэттене, а муженька этой любовницы навязал мне. Он...

Я поцеловал Бетси.

— Не нужно, родная.

— Биль, а ты не думаешь, что он умышленно устроил Поля в фонд, зная, что из этого получится, чтобы потом посмеяться надо мной и лишний раз унизить?

Конечно, Ч. Д., эта гнусная, развращенная до мозга костей личность, вполне мог пойти на такую пакость.

— Я его ненавижу,— сухо и деловито, словно о чем-то само собой разумеющемся, заявила Бетси.— Вот еще одно весьма полезное открытие: я ненавижу родного отца.

С мучительным чувством я наблюдал за выражением разочарования, появившегося на лице Бетси. Но я понимал, хотя и смутно, что ее тяжелые переживания окупятся, что все происходящее, даже ликвидация фонда, пойдет ей на пользу. Бетси была единственной из нас, кого Ч. Д. не смог развратить. Только с помощью какого-то чуда она смогла так долго переносить его презрение, не только переносить, но и с упрямством одержимой добиваться его расположения. Да, это хорошо, что она наконец возненавидела его. Ради одного этого можно сто раз расстаться с фондом. Мы оба теперь освободились от Ч. Д.

— Правильно, крошка. Он ничего другого и не заслуживает. Потом ты забудешь и о нем и о фонде. Они тебе не нужны.

Я хотел добавить: «Зато у тебя есть я»,— но вспомнил об Анжелике и прикусил язык. Сначала я должен доказать, что не бросаю слов на ветер.

Некоторое время Бетси внимательно смотрела на меня, потом проговорила:

— Мне всегда хотелось быть достойной своего отца. Теперь никак не скажешь, что это возвышенная цель, не так ли?

Я с улыбкой подумал: «Ничего, она успокоится и возьмет себя в руки...»

— Моя хорошая, беги за книгами. Тебе тоже будет интересно присутствовать при финале.

Проводив Бетси до двери, я вернулся в гостиную и налил себе вина. Я волновался, но это не мешало мне верить Бетси и надеяться, что вдвоем с Макгвайром мы добьемся резкого перелома в ходе дела в мою пользу. На ум мне пришла Анжелика. Возможно, она станет свободной уже сегодня вечером. Я с удовлетворением отметил, что в состоянии думать о ней спокойно и дружески. Наконец-то я мог хладнокровно, здраво, без всякой злости оглянуться на свой первый брак и на наши отношения после свадьбы. Теперь я понимал, почему Анжелика ушла от меня; теперь видел, что, подавленный богатством Кэллингхемов, растерянный и ошеломленный, я оказался таким же наивным и слепым, как и Анжелика с ее жалкими попытками найти честное сердце среди подонков. Я должен был признаться, что, встретив Анжелику, почувствовал к ней прежнее влечение; я мог даже признаться в большем: где-то глубоко во мне это влечение, вероятно, сохранится навсегда. Не стоило отрицать, что, когда начались осложнения и неприятности, она повела себя мужественно и достойно. Печальная история послужила и для нее и для меня испытанием. Мы оба вышли из него с честью и теперь спокойно пойдем дальше каждый своей дорогой.

Вскоре приехал Макгвайр с большим чемоданом. Его активность казалась почти комичной. Он немедленно изложил мне свой план: я должен буду переговорить с Полем с глазу на глаз, а Макгвайр расположится в соседней комнате и запишет наш разговор на ленту магнитофона. В чемодане у него как раз и оказался магнитофон. Я смотрел на все это, как на сценку из какого-то детективного фильма, но, очевидно, так полагалось делать. Макгвайр устроился в столовой, находившейся рядом с гостиной. Он едва успел вставить в стену специальный микрофон в виде острого шипа, как в прихожей раздался звонок.

— Мистер Гардинг, сделайте вид, что вы уже проверили бухгалтерские книги, и постарайтесь говорить как можно увереннее и убедительнее. Заставьте его переживать и нервничать.

Макгвайр волновался даже сильнее меня самого. С тяжелым сердцем, чувствуя, что совершаю предательство, я пошел открывать дверь и впустил Поля.

Перевел с английского Ан. Горский.

Окончание следует.

Патрик КВЕНТИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Поль по обыкновению широко и добродушно улыбался. Сняв пальто, он бросил его на кушетку, на которой мы с Анжеликой сидели в тот вечер.

— Бетси дома?

— Нет, но скоро будет.

— Следовательно, сеанс посвящается Анжелике?

— Вроде того.

В гостиной, словно догадываясь, чего мы от него хотим, Поль сам уселся на софу, стоявшую у смежной со столовой стены. Стараясь сохранять твердость, я прошел к бару и налил вина. Сейчас, как никогда раньше, следовало забыть о моей привязанности к Полю. Сейчас не имел никакого значения и тот факт, что Джейми Лэмб был ничтожеством, мелким шантажистом, смерть которого никто не оплакивал. Я боролся не во имя какого-то абстрактного желания восстановить попранную справедливость. Я лишь хотел спасти Бетси, Анжелику и... себя. Было бы непростительной глупостью проявлять мягкотелость.

Я подал вино Полю. Он взял бокал, не сводя с меня голубых, выражавших глубокую озабоченность глаз.

— Значит, прокуратура все же намерена начать процесс?

— Да. На следующей неделе.

— А ты все еще настаиваешь на своем и собираешься выступать на суде?

Я уселся напротив Поля, испытывая чувство неловкости, тем более что рядом, в соседней комнате, Макгвайр жадно ловил каждое наше слово.

— Я бы обязательно выступил на суде, но процесс не состоится, я намерен добиться прекращения дела.

— Добиться прекращения дела?

— Я узнал, кто убил Джейми.

Мои слова буквально потрясли Поля. Трудно представить, что чувствуют и переживают убийцы, но мне всегда казалось, что они лишены обыкновенных человеческих эмоций и обладают стальной выдержкой.

— Узнал?— повторил он как эхо.— Боже, но как?

— С помощью Дэфни. Она давно знала о Ч. Д. и Сандре и сегодня утром рассказала мне.

На шее Поля, отчетливо выделяясь на бледной коже, начала медленно розоветь пульсирующая жилка.

— После разговора с Дэфни я отправился к Сандре, и она все подтвердила. А дальше... Не так уж трудно было сообразить, что ты не мог покупать ей все это барахло на свое жалованье. Где же ты брал деньги? На это ответила проверка бухгалтерской отчетности фонда. Но не только. Дополнительные доказательства удалось получить, когда я вспомнил о твоем разговоре с миссис Мэллет. Помнишь, ты в моем присутствии благодарил ее по телефону? В ваших книгах указано, что она пожертвовала пятьсот долларов, а в действительности она выписала чек на тысячу.— Я помолчал, по-прежнему заставляя себя не сводить с него взгляда, хотя лицо его стало до отвращения жалким и безобразным.— Этого довольно, правда? Дэфни, Сандра, бухгалтерские книги, миссис Мэллет, фонд по обеспечению Сандры Фаулер мехами, драгоценностями, автомобилями...

Некоторое время Поль молча сидел с бокалом в руке, потом вяло бросил:

— Так...

— Значит, ты не отрицаешь?

— К чему отрицать? Тем более что такого примитивного способа присвоения чужой собственности не найти во всей истории преступлений. Я никак не мог понять, почему меня так долго не разоблачают.— На лице Поля мелькнуло подобие столь характерной для него насмешливой улыбки.— Надеюсь, ты не потребуешь от меня нудной и скучной исповеди о причинах моего грехопадения, а? Ты сам был рабом Кэллингхемов, хотя и не очень-то смиренным. Во всяком случае, к тебе на квартиру не являлся на протяжении ряда лет, дважды в неделю сам «великий» Ч. Д. — Он пожал плечами.— Оправдываться не собираюсь, не такой уж я болван. Я знал, на что иду. Мне казалось, что заполучить Сандру хотя бы на каких-то условиях все же лучше, чем не заполучить вообще. Но ты сам бы попробовал, каково это терпеть в течение шести лет, каково быть постоянно с этой несчастной дурочкой, принимающей все за чистую монету, воображающей, что Ч. Д.— это какая-то помесь Наполеона Бонапарта с добрым боженькой. Посмотрел бы ты, как она за завтраком читает вслух его изречения из газет. «Вот здорово, миленький! Ч. Д. произнес речь перед бойскаутами Вустера. Он заявил, что свобода — это бесценное наследие прошлого, свойственное только американскому образу жизни».

Поль прикрыл глаза рукой.

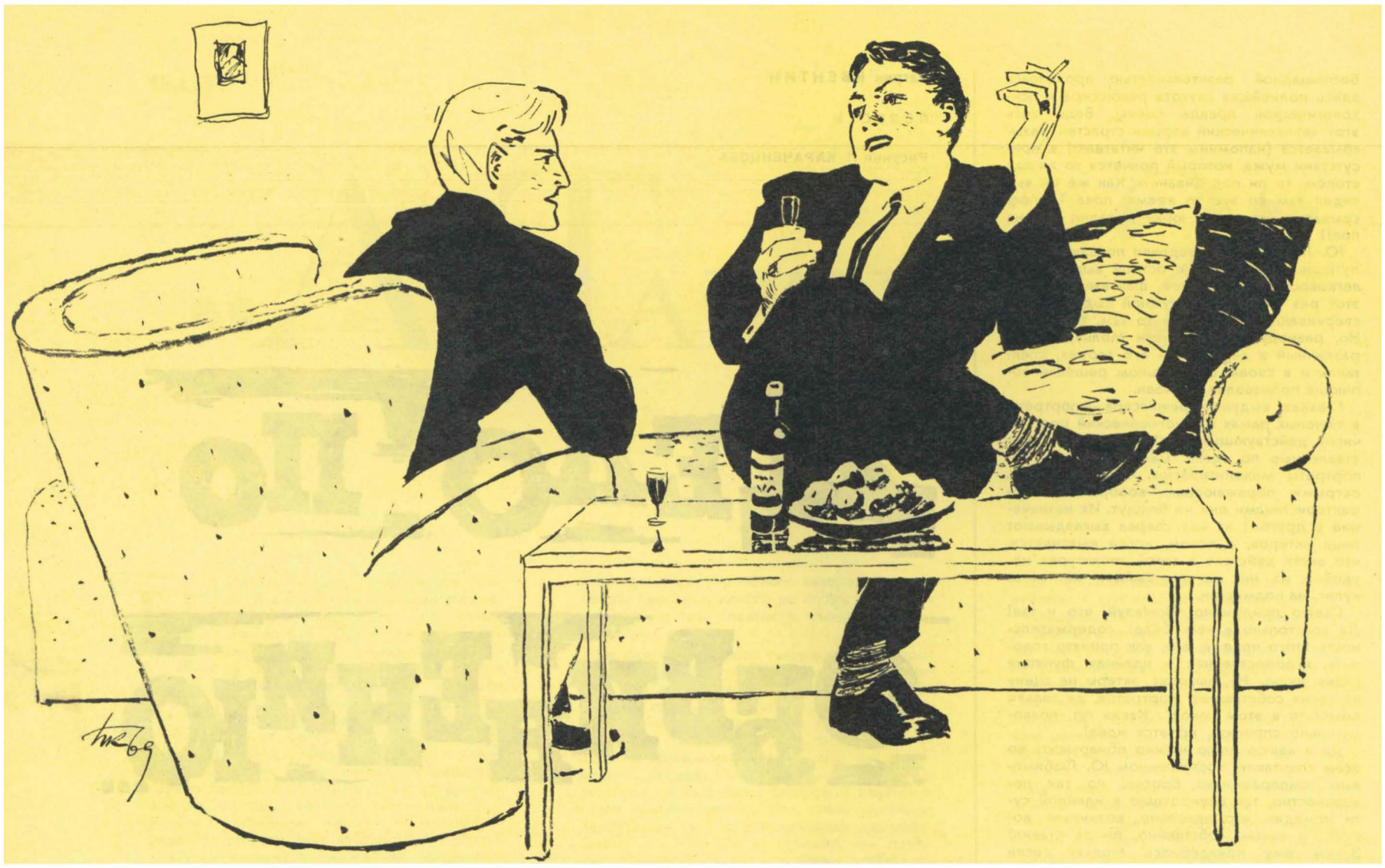
— Разве ты тоже не почувствовал бы, что честно заработал каждый паршивый цент, каким бы путем ни выманил его у этой семейки? «Фонд по обеспечению Сандры Фаулер мехами, драгоценностями и автомобилями...» Да будь у меня такая возможность, я бы до нитки обчистил этих кретинов, готовых лопнуть от самодовольства!

Поль опустил руку и с кривой улыбкой посмотрел на меня.

— Извини, Малыш. Я слишком увлекся. Давай продолжай, надо кончать духовное очищение.

Взволнованный этим разговором, я все же су-

Окончание. См. «Огонек» №№ 1—12.



мел подавить вдруг зашевелившуюся во мне симпатию к Полю. К тому же я вспомнил о Макгвайре и его магнитофоне.

— Так вот,— продолжал я.— Остальное я понял после того, как Сандра рассказала мне, что Джейми узнал о ее отношениях с Ч. Д. и твоих растратах. Правда, она не сказала об этом прямо, но догадаться было нетрудно. Ты первый назвал Джейми шантажистом. Он и был шантажистом, не так ли? Джейми сразу понял, что нашел в тебе послушное орудие своих замыслов. Он попытался заняться вымогательством, но... Мне все стало окончательно ясно, когда Сандра рассказала, как она делает свою прическу. В ночь убийства, когда ты оставался с ней дома, она провела четыре часа, закрывшись в ванной.

Пока я говорил, лицо Поля постепенно менялось. Теперь оно выражало искреннее изумление, смешанное со смущением.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я... убил его?

Я все время твердил себе, что если Поль и признается в хищении средств, то в убийстве — никогда. И все же его искреннее удивление явилось для меня неприятной неожиданностью.

— Бедный ты мой тупица!—воскликнул он.— Значит, ты до сих пор так ничего и не понял.

— Чего я не понял?

— Да, верно, Джейми действительно добрался до меня и сообразил, что я растрачиваю средства фонда. Да, верно, он явился ко мне на службу и все выложил. Но его интересовал не я. Кто я такой? Мелкий жулик, пробивающийся мелкими аферами. Ему на это было наплевать. Джейми Лэмба интересовало одно: женитьба на Дэфни.

Я отчаянно боролся с охватившей меня растерянностью.

— Ты хочешь сказать, это был Ч. Д.? Неужели Джейми пытался шантажировать Ч. Д.?

— Нет. У Лэмба хватило ума не связываться с Ч. Д. Да и зачем? Он так приглянулся Ч. Д., что тот был от него без ума. Старик и понятия не имел, что Джейми избил Дэфни и напоил ее. Вы же сами скрыли от него! Нет, не в Ч. Д. Джейми видел главное препятствие. На пути предприимчивого жениха Джейми Лэмба стояли ты и Бетси, особенно Бетси.

Поль залпом выпил остаток вина и поставил бокал на столик. Все это время он не сводил с меня глаз.

— Вначале я думал,— продолжал он,— что ты тоже это знаешь и потому-то ничего не делаешь, чтобы доказать непричастность Анжелики к убийству. Кстати, это меня нисколько не возмущало. Больше того, я был прямо заинтересован в том, чтобы полиция считала убийцей Анжелику. Осудить ее все равно невозможно: нет оснований. Но, занимаясь Анжеликой, следствие уходило в сторону от того, другого, что могло бы привести к разоблачению моих маленьких операций со средствами фонда. Вот чего ты вовремя не понял и не понимал до последней минуты. А я готов был поверить тебе, когда ты сказал, что знаешь, кто убил Джейми...

Мое недоумение и смятение усиливались.

— Между тем я все время это знал. В какой-то мере я даже предполагал, что все так и произойдет. Джейми и не надо было церемониться со мной. Он поймал меня, что называется, за руку и понимал, чем это может для меня кончиться и как можно этим воспользоваться. Джейми без стеснения изложил мне свои планы. Тебя он не опасался, в любой момент он мог заткнуть тебе рот, пригрозив, что расскажет Ч. Д. об Анжелике. А вот Бетси... Ты, конечно, знаешь, что она, исполняя свою роль мамаши Кэллингхем, устроила Дэфни грандиозный скандал и потребовала от нее навсегда забыть о Джейми. Но вот знаешь ли ты другое: перед поездкой в Филадельфию Бетси учинила такой же скандал Джейми. Он вовсе не был глупцом, и уж в чем другом, а в недооценке Бетси его обвинить нельзя. Джейми понимал, что твоя жена — женщина с твердым характером и, пока она против него, о браке с Дэфни не может быть и речи. Теперь он стремился только к одному: разузнать, как и на чем можно «прижать» Бетси. И тут он случайно встретился с Ч. Д., когда тот выходил из моей квартиры. Все остальное Джейми стало известно от Проп (по ее глупости), и он поставил Бетси перед выбором: или она благословит его брак с Дэфни, или газеты аршинными буквами на первых страницах оповестят на весь свет о том, что «замечательный, благородный, образцовый фонд Бетси Кэллингхем по борьбе с лейкемией» на самом деле служит ширмой, прикрывающей преступные махинации мелкого жулика.

Я сидел с неистово колотившимся сердцем, сжимая бокал и уставившись на Поля.

— Лэмб задумал нанести Бетси удар в самое уязвимое место: по ее гипертрофированной гордости, показать, какая она простофиля, если под ее столь чувствительным носом в течение многих лет нагло расхищались деньги фонда. Вот какими планами поделился со мной Джейми. Что я мог ответить? Он пригрозил, что, если я проболтаюсь, мне будет еще хуже, чем Бетси. Ты знаешь, я человек практичный. Волей-неволей пришлось пойти в союзники к Джейми и даже дать ему несколько деловых советов, основанных на моем «огромном преступном опыте». Я сказал ему: план хорош, можете действовать. Но есть способ осуществить его с большим эффектом. Скажите Бетси, что газеты представят ее широкой публике не только как дурочку и простофилю, но и как мою сообщницу. Пригрозите, что расскажете газетчикам, будто она знала о моих махинациях, но молчала, потому что была безумно влюблена в меня и потому, что я много лет был ее любовником. Я-то понимал, как это подействует на миссис Лейкемию. Она ведь считает себя идеальной женой и матерью и вряд ли пойдет на то, чтобы копались в ее чистеньком белье, да еще при всем честном народе. Начнется с того, что ее тут же бросит столь обожаемый ею партнер по этому идеальному браку...

— Ты что, рехнулся?!— закричал я.— Неужели ты думаешь, что я поверил бы в такую чушь?

— Но Бетси подумала бы, что поверишь. На твоем месте она бы обязательно поверила. Девиз Кэллингхемов прост и незыблем: каждый смертный виновен, пока не доказано обратное. Не забывай: Кэллингхемы не люди, хотя и выдают себя за людей. Каждый Кэллингхем наделен лишь одной миллионной процента нормальных человеческих чувств. Бетси обязательно бы подумала, что ты поверишь, а поверив, уйдешь от нее. Брошенная мужем, скомпрометированная... Тут не хочешь, да полезешь на стену.

В первые минуты, по мере того как Поль шаг за шагом раскрывал подробности гнусного заговора и я все больше склонялся к мысли, что все это правда, меня охватил страх. Но уже вскоре его сменил гнев, я понял, куда гнет мой «друг» Поль Фаулер. Дрожа за свою шкуру, он прибегал к отвратительной уловке, чтобы запутать меня, избежать своего разоблачения. Мне хотелось вскочить и наброситься на него с кулаками, но я вовремя вспомнил о Макгвайре и магнитофоне. Надо было продолжать разговор — в этом заключалась единственная надежда. Пусть он изливает грязь, настанет же момент, когда я смогу его уличить! Я с трудом переносил взгляд Поля, в нем читались и привязанность и сочувствие.

— Знаешь, Малыш, никогда бы не подумал, что нам придется вести такой разговор. Но и ты, признайся, никогда не предполагал, что будешь обвинять меня в убийстве. Могу снова повторить общеизвестную истину, что правда иногда невероятнее самой нелепой выдумки. Мысль о Бетси тебе и в голову не приходила, правда? До сих пор не понимаю почему. Ты не кретин, тебе давно бы следовало раснусить свою крошку. Она своего рода феномен. Бетси помешалась на желании быть самим совершенством и научилась блестяще играть эту роль. Дома она идеальная жена и идеальная мать, а для публики — идеальный ангел милосердия. В глазах всех, кто ее знает, твоя жена — настоящий образец мужественной, готовой к самопожертвованию, лишенной всякой рисовки женщины. Удивительно, как она этого достигает, но твоя Бетси всегда оказывается права, а все остальные всегда в чем-то виноваты, грубияны и вообще недостойные люди. А, впрочем, чего и ждать от отпрыска Ч. Д.! В конечном счете все грязное и мерзкое, окружающее нас, связано с Ч. Д. Многое мог бы рассказать я о твоей Бетси! Попробовал бы ты поработать для нее и понаблюдать за этим ангелом милосердия в присутствии людей, которым она платит жалованье. Вот уж действительно Эксплуататорша! Боже, да если бы в свое время ей поручили руководить строительством одной из пирамид, она бы возвела ее за сутки, усеяв всю пустыню трупами рабов, а потом бы присвоила эту

пирамиду! Пирамида в честь и в память Бетси Кэллингхем!

— Замолчи!— Я вскочил, отшвырнул столик и ринулся на Поля, но он сумел увернуться.

— Биль, бедный мой друг...

Я вновь бросился на него, но он схватил меня за руки.

— Биль! Ты должен выслушать до конца. Вот как все произошло. Джейми дал Бетси три дня срока. Третий и последний день совпал с днем убийства. Бетси вернулась из Филадельфии и...

Дальнейшие события произошли почти одновременно. Я вырвался из рук Поля и ударил его по лицу. Он зашатался и опустился на софу. Из столовой выбежал Макгвайр, и в ту же минуту в холле раздался звонок.

«Бетси!» — мелькнуло у меня. Только о ней я мог думать в тот момент, все остальное не имело никакого значения. Я подбежал к двери и открыл ее. На пороге стоял лейтенант Трэнт.

— Мистер Гардинг...— Неожиданное появление лейтенанта буквально потрясло меня, хотя я и без того почти не владел собой. Лицо Трэнта было мрачным и неподвижным, словно портрет на камне.— Макгвайр у вас?

Не ожидая ответа, он прошел мимо меня в гостиную, и я последовал за ним. Поль и Макгвайр смотрели на нас, совершенно не обращая внимания друг на друга.

— Трэнт,— сказал Макгвайр,— дело сделано. Мы записали на магнитофоне признание мистера Фаулера в растрате и разгадку убийства.

— Неужели вы поверили в эту чудовищную ложь?— крикнул я, поворачиваясь к Макгвайру.

— Простите, мистер Гардинг,— вмешался Трэнт и взял меня за руку. Он не повысил голоса, а его прикосновение было едва ощутимо, и все же я почувствовал себя так, словно получил резкий приказ выслушать его.— О какой чудовищной лжи идет речь?

— Вздор. Просто какие-то...

— Они говорили о миссис Гардинг,— перебил Макгвайр.— Мистер Фаулер утверждает, что Лэмб угрозами пытался вынудить ее дать согласие на брак с Дэфни Кэллингхем, и она его убила.

— В известной мере это моя вина,— сказал Поль, тщательно избегая встречаться со мной взглядом.— Я ее хорошо знаю и должен был предвидеть, что она не потерпит угроз в свой адрес, потому что представляет точную копию своего папочки. То же высокомерие, та же уверенность в превосходстве Кэллингхемов над всеми остальными. Мне следовало бы заранее предупредить Лэмба, с кем ему придется столкнуться. Я этого не сделал, вот и все.

Несмотря на свое состояние, я почувствовал, как во мне снова зашевелился червь сомнения в Бетси. Трэнт, все еще не выпуская мою руку, повернулся и взглянул на меня.

— Вы знаете, куда направилась ваша жена, когда ушла отсюда?

— Конечно. В канцелярию фонда за бухгалтерскими книгами.

— Вы рассказали ей, что собираетесь вместе с Макгвайром уличить мистера Фаулера в растрате денежных средств фонда?

— Да.

Трэнт сверлил меня взглядом.

— Именно вы все время были уверены в невиновности мисс Робертс. Именно вы все время требовали от меня беспристрастности. Видимо, мне давно надо было последовать вашему совету, но я решился только сегодня утром, после того как вы ушли из главного управления полиции.

Глаза Трэнта, всегда холодные и неподвижные, словно у гипнотизера, теперь смотрели на меня с проблесками той же симпатии и даже участия, что и глаза Поля несколько минут назад.

— Только после этого я решил заняться расследованием версии, которая сразу привлекла бы внимание любого порядочного детектива, будь он на моем месте. Я мог бы ухватиться за ниточку вот здесь, в этой комнате, во время одного разговора, состоявшегося в вашем и моем присутствии. Помните, что сказала Елена Рид: «...Уговори свою жену хоть немного отдохнуть... Вчера вечером, часам к десяти, мы еле добрались до постелей». В ч е р а в е ч е р о м, мистер Гардинг, в тот вечер, когда произошло убийство. Я тогда не сообразил, какая важная подробность сама идет мне в руки. Десять часов того вечера, когда произошло убийство... В разгар кампании по сбору средств для фонда ваша супруга возвращается в гостиницу и ложится спать в десять часов!

Трэнт провел кончиком языка по губам.

— Сегодня утром я позвонил в полицию Филадельфии, хотя сделал это скорее ради успокоения совести. Мне хотелось хоть что-нибудь сделать для вас, раз уж вы с таким рвением пытаетесь доказать невиновность мисс Робертс. Сегодня вечером, минут за пять до того, как Макгвайр позвонил мне и сообщил о растрате, я вновь разговаривал по телефону с Филадельфией. Разумеется, до этого у филадельфийской полиции не было никаких оснований связывать имя Кэллингхемов с убийством Лэмба. Мистер Кэллингхем слишком влиятельный человек, чтобы мы осмелились заикнуться о ком-либо из его семьи. До моего звонка полицейским из Филадельфии и в голову не приходило заняться миссис Гардинг. Но теперь они навели в гостинице соответствующие справки и установили, что ваша жена действительно вернулась в свой номер около десяти вечера и запретила ее беспокоить. Но один из служащих гаража видел, как около половины одиннадцатого миссис Гардинг выводила свою машину. Он узнал ее по фотографии, которая в свое время была напечатана в газете. Кроме того, ночная горничная того этажа, где проживала миссис Гардинг, готова под присягой показать, что видела, как миссис Гардинг возвращалась в свой номер приблизительно в четверть шестого утра.

Я судорожно ухватился за спинку стула, а Трэнт медленно, нестерпимо скрипучим голосом, словно читал какой-то официальный рапорт, продолжал:

— Я немедленно сел в машину и поехал сюда. Уже около самого дома я заметил миссис Гардинг. Она вышла из подъезда и подозвала такси. Проследить, куда она направлялась, не представляло труда. Она подъехала к зданию, в котором находится канцелярия фонда. Выждав несколько минут, чтобы дать ей подняться наверх, я вошел вслед за ней.

Трэнт внезапно умолк. В наступившем тягостном молчании я увидел, что он все еще держит меня за руку.

— Мне очень тяжело за вас, мистер Гардинг,— заговорил он после паузы,— и неприятно за самого себя. Я не люблю, когда дела, которые я веду, заканчиваются подобным образом. Но поскольку в данном случае должны были подвергнуться мучительным испытаниям ни в чем не повинные люди...

Трэнт снова умолк, и я заставил себя посмотреть на него.

— Уж не хотите ли вы сказать, что...— заговорил было Поль.

— Видимо, она предчувствовала, что мистер Фаулер будет молчать лишь до тех пор, пока опасность не начнет угрожать ему самому. Она понимала, что как только его заставят признаться в растрате, он расскажет все остальное. У нее не было иного выхода... Я вошел в канцелярию фонда и сразу заметил раскрытое настежь окно. Миссис Гардинг выбросилась на мостовую. Мне так неприятно...

— Но именно так она и должна была поступить,— донесся до меня елейный голос Поля.— Теперь дело можно замять. Типичная представительница племени Кэллингхемов...

Больше я ничего не слышал. Я стоял, ухватившись за стул, и думал: «Этому невозможно поверить!» Однако, несмотря на потрясение, ужас и замешательство, я, к своему удивлению, обнаружил, что уже верю. «Удивительно, как она этого достигает, но твоя Бетси всегда оказывается права, а все остальные всегда в чем-то виноваты, грубияны и вообще недостойные люди». Вот так идеальная жена! До самого последнего момента, совсем недавно, она помогала мне, звонила миссис Мэллет, держалась как ни в чем не бывало, хотя уже прекрасно знала, что для нее все кончено. Именно тогда она произнесла слова, оказавшиеся ее эпитафией: «Мне всегда хотелось быть достойной своего отца. Теперь никак не скажешь, что это возвышенная цель...»

С особенной ясностью я понял, что вовсе не Бетси, а я сам обманывал себя. Разве я не признался себе в этом накануне вечером, во время мучительных размышлений, говоря: «Да, я ее обожаю. Да, я нуждался в ней, потому что она обеспечивала мне приятную жизнь, а предав ее, испытывал стыд и раскаяние и понимал, что недостоин ее. Но могу ли я сказать, что отдавал ей свою любовь? Нет, в действительности я никогда не любил ее, только думал, что люблю...» Не только «идеальная жена» была притворщицей в нашем «идеальном» браке.

Между тем Трэнт все так же неловко, словно извиняясь, продолжал:

— У нас нет теперь оснований задерживать мисс Робертс, ее немедленно освободят. Этим она всецело обязана вам, мистер Гардинг. Если бы не вы...

Я представил себе, что должна была переживать Бетси все это время, как она волновалась и страдала, какой испытывала страх, пытаясь в то же время как можно естественнее играть раз и навсегда взятую роль. Однако, рисуя эту картину, я уже не чувствовал прежнего волнения. Казалось, отныне и навсегда я буду жить под бременем этого страшного горя, но, к ужасу своему, испытывал только нечто вроде сожаления. Так сожалеют о далеком и чужом человеке, хотя этим человеком была моя жена, безропотная рабыня Ч. Д., гнусно развращенная им и оказавшаяся способной на убийство в тот момент, когда все должны были узнать, что она не та, за кого выдавала себя всю жизнь.

Я тут же подумал об Анжелике. Вот уж кто никогда не беспокоился о том, как будет она выглядеть в глазах публики! С теплым чувством я вспомнил, как она с сияющим лицом, протянув руки, бросилась ко мне.

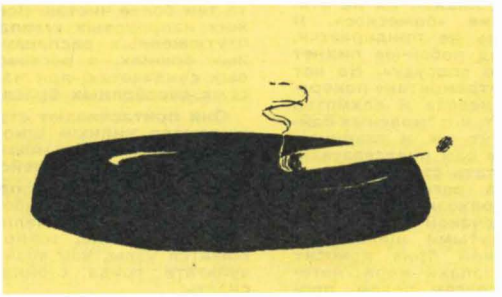
«Все же не зря я тебя полюбила... Ты пошел одной неправильной дорогой, а я другой. Однако сейчас, когда мы оба увидели свои ошибки...»

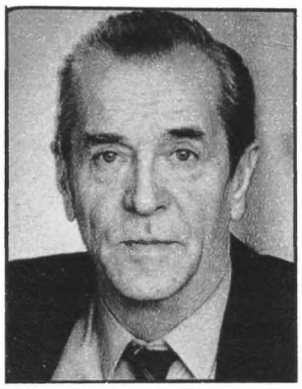
«Надеюсь, ты не думаешь, что я поступаю так из любви к тебе?»

Именно так я и сказал. Именно так я и думал, ошибочно считая, что любить от чистого сердца и любить по обязанности — одно и то же.

Но искренне ли я говорил тогда?

Перевел с английского
Ан. Горский.





Имя автора этой повести давно знакомо читателям. Его произведения публикуются в «Огоньке» с 1951 года. Широкую известность получил роман «Ошибка резидента». Олег Михайлович Шмелев написал книги «Три черепахи», «Возвращение под огонь», много очерков и рассказов. Он участник войны, был дважды ранен, награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу» и другими медалями.

КЛЮЧИ

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Марины ПЕТРОВОЙ.

Не каждое утро начинается, как это...

С пятницы на субботу Татьяна Никитина не ночевала дома. У нее было два билета в Малый театр, и, так как Саша Кузьмичев, ее теперешний друг, за которого она собиралась выйти замуж, неожиданно вынужден был срочно уехать из Москвы, она пошла в театр со своей сослуживицей и подругой Натальей Поздняковой. Наталья жила недалеко от театра — в старом доме на улице Кирова, вместе с родителями, а Татьяна — в самом конце Профсоюзной. Они еще днем решили, что Татьяна не поедет ночевать домой, и после спектакля пешком пошли на улицу Кирова. Для начала апреля вечер был очень теплый, они шли неторопливо, тем более что новые, еще не обношенные туфли слегка натирали Татьяне пятки. Против памятника первопечатнику Федорову они остановились, Татьяна сняла туфли и вынула из них уже притоптанные самодельные подушечки из бумаги, выбросила их, оглянувшись по сторонам, на проезжую часть.

Потом они долго разговаривали на кухне за ужином, легли во втором часу и проснулись поздно. Татьяна отказалась от предложения подруги провести субботу вместе, взяла такси и поехала к себе на Профсоюзную.

Поднявшись на лифте, она позвонила к соседям, супругам Семеновым. Открыла Марья Николаевна.

— Здравствуйте. Саша ключи оставил? — спросила Татьяна.

— Здравствуй, Таня. Сейчас.

Марья Николаевна принесла брелок с ключами.

Войдя в квартиру, Татьяна сбросила туфли, надела тапочки и открыла дверь комнаты.

То, что она увидела, заставило ее вскрикнуть.

На полу лежал мужчина.

Он лежал спиной к двери на боку, с согнутыми в коленях ногами. Он как будто спал, но что-то сказало Татьяне, что лежащий не спит, что он не дышит. Было так тихо, как не бывает просто в пустой квартире. Словно это застывшее на полу тело вбирало в себя все звуки.

Телефонный звонок в кухне оглушил ее. Она на цыпочках подошла, сняла трубку и услышала частые гудки. Положила трубку, увидела на столе свои ключи, сунула их в карман жакета и, бросив сумочку перед выходной дверью, выбежала на лестничную площадку.

Открывшая ей Марья Николаевна тотчас поняла: произошло что-то необычное.

— Что случилось?

Татьяна показала на распахнутую дверь своей квартиры.

— Там, там...

— Петр! — позвала Марья Николаевна.

Ее муж вышел в накинутом на плечи старом военном кителе.

— Что такое, Таня?

— Прошу вас, Петр Иванович, посмотрите...

Они втроем вошли в квартиру Татьяны — Петр Иванович впереди.

— Кто ж это? — спросил он, увидев лежащего на полу мужчину.— Живой?

— Не дышит,— ответила Татьяна.

На мужчине была короткая, до пояса, серая кожаная куртка и синие вельветовые брюки. Одежда показалась Татьяне знакомой, но она не могла бы утверждать, что это действительно так. Она плохо соображала.

Они стояли в дверях на пороге комнаты. Марья Николаевна заглянула через плечо мужа и сказала:

— У него на голове рана.

И правда, густые русые волосы на затылке были словно смазаны бурой, уже засохшей краской — всего один мазок.

— Надо звонить ноль-два,— сказал Петр Иванович.

Он ушел, а Татьяна и Марья Николаевна остались на площадке.

...Дежурная следственно-оперативная группа приехала минут через тридцать. Вместе с нею был старший оперуполномоченный МУРа майор Басков.

Следователь прокуратуры Степанов жестом руки показал группе, чтобы приступали к делу. Басков посмотрел на Татьяну Никитину, стоявшую в тесной прихожей, спросил:

— Вы хозяйка?

— Да.

— Посидите, прошу вас, на кухне.

Она пошла, села к столу и замерла, слушая, как в комнате происходит какая-то возня, что-то щелкает. Потом она увидела собаку, овчарку, следом за которой выскочил на лестницу низенький человек.

Все двери раскрыты, чужие люди в доме... Все это было похоже на день, когда хоронили отца, пятнадцать лет назад. Но тогда ей было больно и невыразимо печально, и даже ее одноклассницы из 9 «А», принесшие белые цветы, печально плакали в передней — не в этой квартире, а в прежней,— а теперь она испытывала страх. У нее было такое чувство, что она сидит в чужом доме, куда ее привели силой и где происходит что-то непонятное, а она одна, совершенно одна, и уже ничего не сделаешь, чтобы прекратить происходящее, остановить, повернуть...

Басков вошел, посмотрел на нее мельком.

— Меня зовут Алексей Николаевич Басков.

— Таня,— сказала она.

— Простите, но вам придется взглянуть на умершего.

Она встала, он взял ее под локоть и ввел в комнату. Мужчина в серой куртке и синих брюках лежал на спине.

Она посмотрела на лицо лежащего и застонала.

— Вы знаете его? — спросил Степанов.

— Толя,— тихо сказала она.

— Кто он?

— Мой бывший муж.

В эту минуту в комнату вошел низенький человек, державший на коротком поводке немного позади себя овчарку. Он сказал, переводя дыхание:

— Товарищ Степанов, только до переулка... Там, наверно, стоял автомобиль.

Степанов махнул ему и сказал кому-то из присутствующих:

— Увезите.

Того, кого она назвала Толей, положили на носилки и унесли.

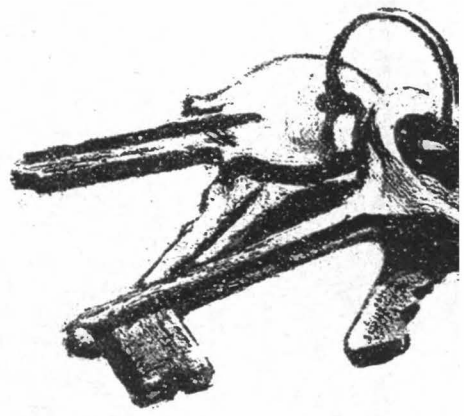
Степанов спросил у одного из оперативной группы:

— Как замок?

— Если изъять, может, что и найдется, но скорей всего не чужим ключом открывали.

Степанов опять сделал общий жест, и все ушли, кроме Баскова.

— Следователь по особо важным делам,— представился хозяйке Степанов.



Басков снова взял Татьяну под локоть и повел на кухню.

Они все сели к деревянному столу, и Басков спросил, доставая из кармана сигареты и зажигалку:

— Можно, я закурю?

Татьяна молча подвинула стоявшую на столе медную пепельницу, в которой лежало несколько сигаретных окурков.

Степанов из чемоданчика вынул и положил на стол пачку больших листов и сказал Татьяне:

— Мы понимаем, вам сейчас не до этого, но есть срочные вопросы. Вы говорите, это ваш бывший муж. Давно разошлись?

— Почти год. В июле.

— Как его фамилия?

— Как моя. Никитин. Анатолий Владимирович.

— Жил где?

— У него однокомнатная квартира. Кооператив.

— Адрес знаете?

Она назвала адрес.

— Где работал?

— Табачным киоскером. Только значился, а торговала его мать, пенсионерка.

— Завтра воскресенье,— сказал Степанов.— Мы вас вызовем в понедельник... Но вот еще что... У него ключи от вашей квартиры были?

— Да. Он свои вещи не все еще забрал.

— В коридоре на вешалке мужской плащ и пальто. Они принадлежат Никитину?

— Нет, это Сашины.

— А кто — Саша?

— Кузьмичев Александр,— ответила она, вздохнув.— Собираемся расписаться.

— Он живет у вас?

— Да. Уже полгода... Но у него есть комната в общежитии.

— Чем он занимается?

— Шофер... На дальних рейсах...

— Совтрансавто?

— Не знаю, как называется... Большая такая машина... С брезентом...

— А где он сейчас?

— К родителям поехал, в Харьков. У отца инсульт... Пришла телеграмма...

— А комната где?

Татьяна продиктовала адрес Саши — Александра Михайловича Кузьмичева.

— У вас его фотография есть? — спросил Басков.

— Конечно.

— Дайте нам одну, пожалуйста.

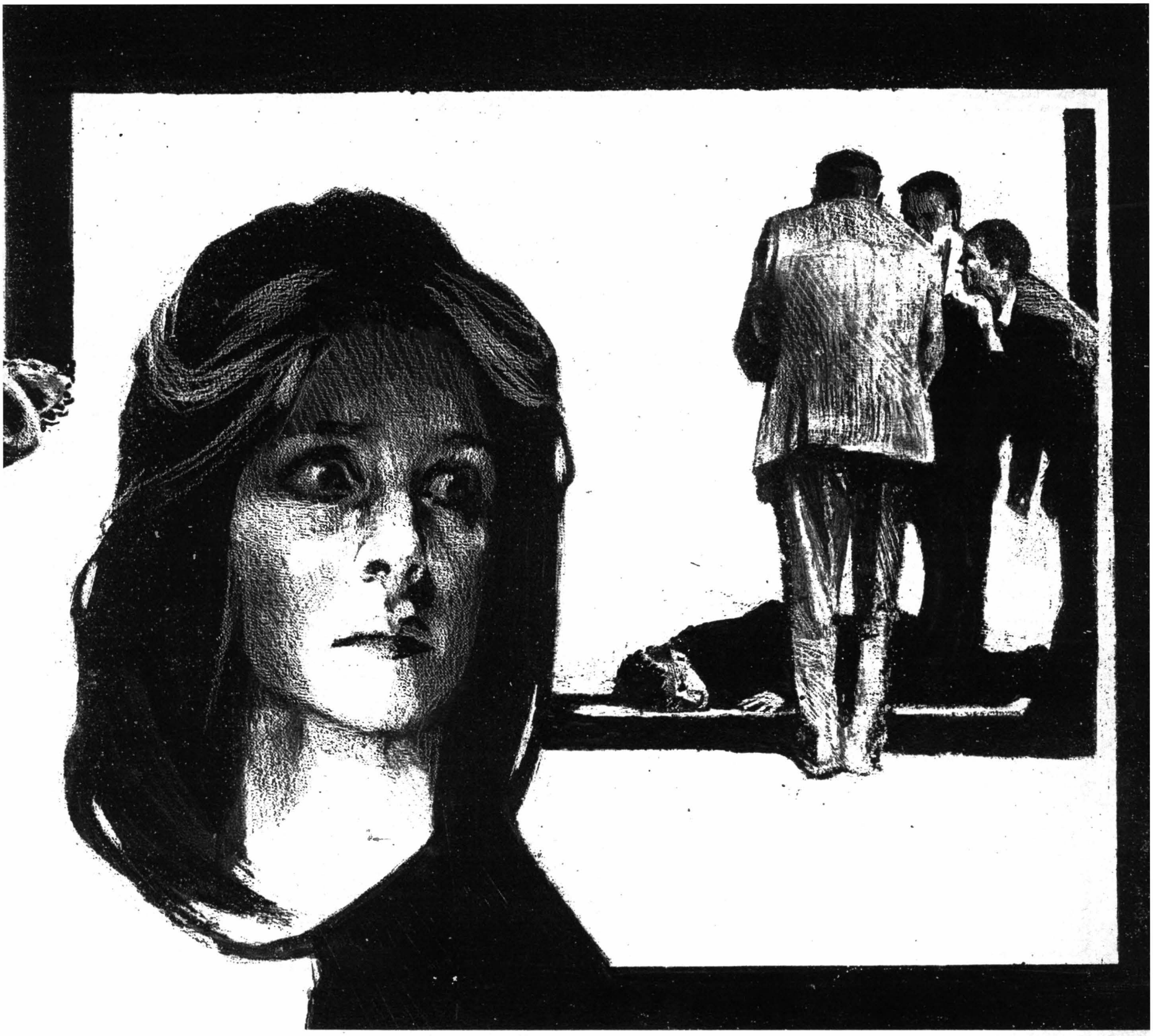
Он пошел с нею в комнату. Татьяна взяла с книжной полки черный конверт. В нем была пачка разноформатных фотографий, она отобрала несколько штук, протянула Баскову. Басков взял портрет девять на двенадцать, сделанный в фотоателье.

Они вернулись на кухню.

— Прошу вас,— сказал Степанов,— начните со вчерашнего дня... Если можно, по порядку.

Татьяна рассказала о непредвиденном отъезде Саши, про театр, про ночевку у подруги и все остальное, вплоть до того момента, когда она вошла в свою квартиру.

— Как зовут вашу подругу?



— Наташа... Наталья Ильинична Позднякова.

— Где работает?

— Мы вместе... В министерстве. Она тоже плановик.

— Скажите, Татьяна Васильевна, ваш бывший муж и Александр Кузьмичев друг друга знали?

— Да, они знакомы.

— И в хороших отношениях?

Она замялась.

— Саша ревнует немного.

— Поехал на поезде?

— Да. Машину гонять не захотел.

— Во сколько он уехал?

— По-моему, в девять с чем-то.

— Вчера?

— Да.

— А какую машину он не захотел гонять — большую с брезентом?

— У него «Жигули».

Басков спросил:

— Кто знал, что вы идете в театр?

— Толя.

— Каким образом?

— Он же сам билеты достал.

— Когда это было?

Она немного подумала.

— В понедельник.

— А когда пришла телеграмма?

— В среду.

— Билеты у вас сохранились?

Татьяна порылась в сумочке, в кошелечке.

— Здесь нет... Может, у Наташи...

Степанов записал номер дома и квартиры по улице Кирова, спросил:

— Телефон там есть?

— Да.— Татьяна продиктовала.

Басков сказал:

— Давайте позвоним.

Синий телефонный аппарат стоял в нише кухонного шкафа. Татьяна перенесла его на стол, набрала номер, сказала в трубку:

— Наталья, это я.

Видно, Наталья по голосу сразу почувствовала, что с подругой неладно. Басков и Степанов отчетливо услышали вопрос:

— Что случилось, Тань?

— Не спрашивай... С тобой хотят поговорить.

Басков взял протянутую трубку.

— Здравствуйте, Наталья Ильинична. Это Басков из уголовного розыска. Надо бы встретиться, буквально на две минуты. Если вы не против...

— Пожалуйста,— растерянно сказала она.

— Мы заедем через час. А может, чуть позже.— Положив трубку, Басков спросил у Татьяны: — В Харькове где родители Кузьмичева живут?

— К сожалению, не знаю. Как-то ни к чему.

— Вы говорили, у него машина,— напомнил Степанов.— Где он ее держит?

— Во дворе.

— Проводите, пожалуйста, мы взглянем.

Степанов дописал протокол, дал прочесть Татьяне, она расписалась, и они вышли из квартиры.

Красный «Жигуленок», к которому Татьяна подвела Баскова и Степанова, стоял недалеко от мусорных баков.

Они оба одновременно увидели на полу под задним сиденьем сверток из газеты.

Степанов посмотрел на Баскова и сказал шепотом:

— Надо поговорить с хозяйкой.— И обратился к Татьяне: — У вас ключи от машины есть?

Она кивнула на дом.

— Должны быть запасные.— Было видно, что она боится идти в квартиру.

— Поищем ключи, Татьяна Васильевна.

— И еще очень прошу,— сказал Степанов.— Если можно, какой-нибудь целлофановый пакет.

Татьяна и Басков поднялись в квартиру. Татьяна приостановилась в дверях комнаты, увидев на лакированном полу гроздь темных пятен засохшей крови.

— Смелей,— ободряюще сказал он.

Она подошла к книжным полкам, отыскала ключи на стальном колечке. Затем в кухне достала из шкафа полиэтиленовый пакет.

Когда они вернулись к машине, Степанов разговаривал с пожилыми мужчиной и женщиной, как оказалось, мужем и женой: он пригласил их быть понятыми при осмотре машины.

Басков открыл дверцу, взял сверток, развернул. В газету «Советская Россия» был завернут молоток на длинной плоской рукоятке. Совершенно чистый молоток. Татьяна смотрела на него безразлично.

— Чей это? — спросил у нее Басков.

— Наш.

— Точно?

— Саша принес. Когда еще ремонт делали.

— Где вы его держали?

— В коридоре на полке ящик с инструментами стоит.

На первой странице газеты карандашом были написаны цифры 37 — номер квартиры Никитиной.

— И газета ваша?

— Да. Выписываю.

Газета была свежая, вчерашняя, за 6 апреля.

Басков аккуратно завернул молоток в газету, придав свертку прежний вид.

Степанов взял у Татьяны пакет, развернул его. Пакет был похож на сложенную белую рубаху с красным воротником. А на груди черными буквами напечатано: Marlboro.

— Жалко портить,— сказал Степанов.— Фирма.

— Это не фирменный,— возразила Татьяна.— Краска мажется.

Степанов потер «воротник». На большом пальце остался красный налет.

— И правда. Зачем такие покупать?..

— Толя подарил.

Степанов осекся.

— Простите.

— Ничего.

Степанов положил сверток в пакет.

Басков хотел уже закрыть дверцу, когда Степанов увидел: что-то сверкнуло на резиновом полу. Нагнувшись, он поднял монету необычного вида.

— Смотрите,— сказал он,— золотая.

Это была новенькая английская монета достоинством в пятнадцать фунтов стерлингов.

Степанов обернулся к Татьяне.

— Вы видели такие у Кузьмичева?

— Никогда,— решительно ответила она, словно этот сверкающий на солнце кружочек наконец вывел ее из полуоглушенного состояния.

Степанов опустил монету в пакет.

Осмотрели багажник, заглянули под капот. Ничего больше не представляло интереса.

Положив лист бумаги на крышку чемоданчика, Степанов составил протокол, дал подписать его понятым и Татьяне и сказал, обращаясь к ней:

— Ну, до понедельника, Татьяна Васильевна.

— Вы пока о подробностях никому не рассказывайте, ладно? — добавил Басков.

— Хорошо,— ответила она.

2

Наталья Позднякова ждала их, как можно было заметить, с тревожным интересом.

— Вы догадываетесь, зачем мы приехали? — спросил Степанов.

— Мне только что звонила Таня...

— Ах, женщины! — с чуть театральной горечью воскликнул Басков.

Наталья поняла, что́ он имеет в виду, и сделала попытку оправдать подругу.

— Она мне только в общих чертах...

— Ваши показания имеют важное значение,— сказал Степанов, когда она пригласила их сесть к столу в комнате.— Вы не пугайтесь, но я должен предупредить вас об ответственности за дачу ложных показаний.

Она не испугалась.

— Билеты у вас сохранились?

Наталья нашла в сумочке программку и из нее вынула билеты.

— Мы возьмем их. Еще два вопроса,— продолжал Степанов.— Когда вы вчера встретились с Татьяной Никитиной?

— То есть как — когда? — удивилась Наталья.— В девять утра, на работе. Сидим в одной комнате.

— А когда расстались?

— Сегодня... Еще не было десяти.

— И днем не расставались?

Наталья задумалась на секунду.

— Ну, разве что обедали не вместе...

— А обычно — вместе?

— Да-а... Как правило...

— А что же в этот раз?

— Таня с братом встречалась. Он на машине за ней заехал.

— В обед?

— Да. Они купили обои.

Степанов и Басков переглянулись.

— Можно, я от вас позвоню? — спросил у Натальи Степанов.

— Если Тане, то она у соседей. В квартире боится. Я сегодня поеду к ней ночевать.

— Вы проницательный человек,— сказал Басков.— А телефон соседей знаете?

— Вот.— Наталья показала на листок из блокнота, лежавший возле аппарата.— У нас есть отводная. Пойду скажу маме, чтобы не поднимала трубку.

Тактичная Наталья вышла, а Степанов набрал номер. Услышав мужской голос, попросил к телефону Татьяну. Она тут же взяла трубку.

— Слушаю.

— Простите, это Басков. Мы кое-что упустили. Вы сейчас никуда не собираетесь?

— Нет.

— Мы вернемся на минуту...

Они вернулись на полчаса. Разговаривали в коридоре стоя.

— Вы видели билет на поезд? — спросил Басков у Никитиной.

— Да. Его тоже Толя доставал.

— А какого числа?

— В среду, когда Саша телеграмму получил.

— А телеграмма отца где?

— Саша с собой взял.

— Еще мы забыли спросить адрес Толиной матери,— сказал Степанов.

Татьяна назвала адрес.

— А как ее зовут?

— Клавдия Николаевна.

— Скажите, брат ваш где живет?

Она поглядела на Степанова чуть удивленно. Наверное, вспоминала, говорилось ли между ними о брате или нет.

— На Комсомольском проспекте.

— Его фамилия?

— Лярин, Леонид Васильевич Лярин.

— Он кто по профессии?

— Инженер. Мы один институт кончали. Только я плановик.— Она как будто занервничала.

— А работает где?

— Строительно-монтажное управление... Номер я не знаю.— В голосе уже звучала тревога.

— Сколько ему лет?

— Сорок два.

— Вы ведь вчера с ним встречались?

— В обед. Купили обои, завезли ко мне.— Никитина подумала немного и спросила: — Вам Наташа сказала?

— Да.

Она облегченно вздохнула.

— В котором часу это было? — спросил Степанов.

— Часа в два.

Степанов и Басков попрощались с нею и ушли.

...Приехали в прокуратуру. В кабинете сняли плащи. Басков закурил.

Сев за стол, Степанов сказал:

— Что же мы имеем?

— Ключей-то у Никитина никаких не нашли,— сказал Басков.

— У него вообще ничего не нашли.

— Интересно, и в театр билеты Толя доставал, и на поезд тоже.

— Чего ж особенного? Таня просила.

— Выходит, Толя сам и квартиру на свою погибель готовил, и Кузьмичеву — железное алиби... О времени смерти эксперт что сказал?

— Вчера примерно в двадцать два часа, плюс-минус час. Но это еще уточнять надо.

— Ну прикинем так. Кузьмичев заманил Никитина в квартиру его бывшей жены или застал его там, ведь ключ у Никитина был. Потом убил, взял молоток, отнес его в свою машину и отправился на вокзал. Опоздал на свой поезд — сел на другой. Поездов через Харьков много ходит.

— Складно,— согласился Степанов.

— Только с молотком полная ерунда. Оставляет в собственной машине орудие преступления.

— Полагаешь, подкинули?

— Я, Иваныч, давно тебе говорил... Какой-то умный человек сказал: предполагай, что хочешь, но верь только опыту... У нас с тобой такие случаи уже бывали...

— Ну, не совсем такие.

— Тут же еще монета. Прямая указка: вот молоток, которым убили Никитина, и вот из-за чего убили.

— Предположим, не Кузьмичев. Тогда что же, Никитин сам привел в квартиру своего убийцу? Не силой же его затащили.

— Силой — вряд ли.

Степанов, поглаживая стоявший на столе черный пластмассовый стаканчик, из которого торчал один-единственный карандаш, сказал так, будто спорил:

— Кузьмичева все равно отработать надо побыстрее. Но, боюсь, долго искать придется. Кузьмичевых в Харькове, может, не один десяток.

— У нас есть знак для ориентировки,— возразил Басков.

Он имел в виду то печальное обстоятельство, что у отца Кузьмичева инсульт. С инсультом его могли положить в больницу. Если так, это сильно сузит круг поиска. А если и не так, то Кузьмичевы наверняка вызывали «скорую» или неотложку, это тоже ориентир.

Степанов взглянул на часы.

— Уже шестнадцать... Значит, Леша, ты берешь на себя Харьков.

— Ну, пока...

Приехав к себе на Петровку, Басков составил телеграмму харьковскому угрозыску. Он просил срочно узнать адрес Кузьмичева Михаила (отчество неизвестно), который может находиться в больнице по поводу инсульта. И аккуратно проверить, приезжал ли к нему его сын Александр.

3

Гадко было на душе у Степанова, когда он ехал к Клавдии Николаевне. Кому не приходилось этого делать, тот не поймет, каково бывает человеку, который по служебной обязанности должен сообщить матери, что ее сын убит. И в военные времена это было тяжело, а тут не война. Теплый апрельский московский вечер, и скворцы уже прилетели...

Клавдия Николаевна жила в коммунальной квартире на Таганке. По довоенному обычаю на косяке двери — столбиком двухцветные, черные и белые, кнопки звонков, как клавиши-пуговки гармошки или баяна. Под каждой приклеена бумажка с фамилией, шесть штук. Степанов нашел фамилию «Никитина» и нажал на кнопку, втайне малодушно надеясь, что ему никто не откроет.

Но дверь открылась, и он увидел полную женщину с заметно седеющими волосами, в белой кофте и черной юбке. На вид она показалась Степанову чуть старше его самого, лет пятидесяти, хотя Таня упоминала, что мать Толи — пенсионерка, значит, ей за пятьдесят пять.

Эти посторонние подсчеты, которыми Степанов отвлекал себя от неприятных мыслей, прервал удивленный вопрос:

— Вы ко мне?

— Если вы Клавдия Николаевна Никитина.

— Прошу, идемте в комнату.

Комната была большая и обставлена уютно.

Степанов, поспешно достав из кармана удостоверение, сказал:

— Я из прокуратуры.

— Слушаю вас.— Голос ее дрогнул.

— Поверьте, Клавдия Николаевна, мне крайне тяжело... Но я должен сообщить: ваш сын убит вчера вечером.

Степанов ждал, что она упадет в обморок, собирался подхватить ее под руки, но Клавдия Николаевна отстранила его и прошептала:

— Толя убит?!

— Такое вот дело.

Ей все-таки стало нехорошо, она села на диван и, откинувшись на спинку, закрыла глаза, тихо повторяя:

— За что?! За что?! За что?!

— Клавдия Николаевна, может, позвать кого из соседок? — растерянно спросил Степанов.

Она выпрямилась, посмотрела на него так, словно хотела убедиться, что все это ей не пригрезилось, и сказала громко:

— Нет, прошу вас, не уходите... Где он?

— Я вам потом объясню... Скажу, когда можно забрать.

Она встала, взяла из лежавшей на столе пачки сигарету, с трудом прикурила — спичка плясала у нее в руке. Сев, показала ему на стул, он тоже сел.

— Где это произошло?

— На квартире у Татьяны Никитиной.

Она долго молчала, то ли вникая в эти слова, то ли соображая что-то свое. Наконец сказала:

— Не может быть. Он так ее любил.

В ее словах была, вероятно, своя логика, но какое теперь все это имело значение? Степанов, отправляясь сюда, не собирался расспрашивать Клавдию Николаевну о подробностях, наметив заняться этим после похорон, когда она немножко придет в себя. Но она, казалось, испытывала неотложную потребность говорить о мертвом сыне. У него было такое ощущение, что мать предчувствовала беду и еще задолго до его прихода ждала чего-то нехорошего. Степанов много знал таких случаев — именно когда матери вроде бы что-то предчувствуют и потом принимают страшную весть как будто даже спокойно.

— Кто это сделал? — спросила она.

— Мы пока не знаем.

И тут она заплакала. Она не закрывала лицо руками, не утирала слез платком, не опускала голову. Она сидела очень прямо, с дымящейся сигаретой в руке, и крупные слезы, скатываясь по щекам, падали на грудь.

Это было для Степанова невыносимее любых рыданий и стенаний, страшнее любой истерики.

— Так я пойду, Клавдия Николаевна? — сказал он.

— Если можно, посидите еще немного.

Чтобы не молчать, Степанов спросил:

— У вас есть еще кто-нибудь... дети, родные?

Она придавила в пепельнице окурок.

— Дочь... Но она далеко. Замужем за военным.— И без всякого перехода с горечью продолжала: — Я говорила, говорила, все это не к добру.

Теперь Степанов промолчал, не считая уместным задавать вопросы.

Клавдия Николаевна опять закурила и сама задала вопрос:

— Вы совсем ничего не знаете про Толю?

— Знаю, он числился продавцом табачного киоска.

— Вы считаете это... ну, нарушением закона?

— По отношению к нему это уже неважно.

— Понимаю. Я тоже нарушала, сознательно... Я на пенсии, но я бухгалтер высокой квалификации, могла бы работать где угодно.

— Что же мешало?

— Он мне сын... Я не умела отказать...

Разговор шел начистоту, и Степанов забыл о своей щепетильности.

— А чем же он занимался?

— Ездил.

— Что это значит? Куда ездил? Зачем?

— Не знаю. Он никогда не говорил. Ездил на своей машине по каким-то делам... А ведь он врач, окончил медицинский...

— Простите, Клавдия Николаевна, куда же он все-таки мог ездить?

— В прошлом году прислал телеграмму из Баку, поздравлял... У меня день рождения семнадцатого июля...

— С кем он дружил?

— Помню только школьных товарищей. Институтских он сюда уже не приводил.

— Давно начал ездить?

— Три года назад ушел из поликлиники, оформился киоскером... Я так его умоляла... Двадцать девять лет, с медицинским дипломом — в киоскеры...

— Да-а...

— Нет, он понимал, чего стоил мне его диплом, у меня ведь на руках еще и Тамара была. Одна везла, муж умер в пятьдесят восьмом. Толя не злой, а тут как подменили...

— Что ж поделаешь... Скажите, Клавдия Николаевна, у вас ключи от его квартиры есть?

— Я там убираюсь.— Она протянула руку и взяла с соседнего стула, полуприкрытого скатертью, полиэтиленовый пакет, точно такой, какой дала Степанову для упаковки молотка Татьяна, только уже потертый.— Вам нужны ключи?

— Дело вот какое. У него ключей не нашли. А следствию необходимо осмотреть квартиру вашего сына. В интересах расследования... Вы не хотели бы присутствовать?

— Да, да, надо кое-что взять...— словно про себя прикинула она.— Его ведь надо одеть...

Клавдия Николаевна снова заплакала.

Степанов встал, прошелся от стола к двери и обратно. Сказал тихо, как можно ласковее:

— Уже одиннадцатый час, Клавдия Николаевна. Завтра трудный день. Я за вами рано заеду.

— Да, да, конечно.— Она тоже встала.— Спасибо.

— Что вы! Как можно?! — чуть не криком закричал он, искренне пораженный этим «спасибо».

Она проводила его по темному коридору до квартирных дверей.

4

Сначала Степанов заехал за Клавдией Николаевной, потом они отправились в районное управление милиции, где их ждала оперативная группа. На улицу Алабяна, где жил покойный ныне Анатолий Никитин, прибыли в девять. В воскресный день, да еще утром, нелегко найти и сговорить понятых. Поэтому в квартиру, бронированная дверь которой запиралась на три замка иностранных систем, вошли, когда была уже половина десятого.

По всей вероятности, Клавдии Николаевне не приходилось раньше видеть, как выглядит обокраденное жилье. Она взялась за сердце, прислонилась плечом к стене и постояла так, приходя в себя.

Шкафы раскрыты, посреди комнаты огромный ворох одежды, постельного белья. Тахта разобрана на части. Кресла валяются вверх ножками. Торшер с погнутым абажуром лежит на боку.

Две пожилые женщины, весьма неохотно согласившиеся быть понятыми, теперь явно не жалели, что пошли.

Кухня впечатляла не так сильно, поскольку содержала меньше мебели и предметов, но тоже было на что поглядеть.

Степанов поставил на ножки одно из кресел, предложил Клавдии Николаевне сесть, а потом открыл форточку: в комнате было душно.

Оперативная группа приступила к своим обязанностям.

Даже беглый осмотр убеждал, что вора или воров интересовали не вещи, не электроника и не хрусталь. Из вороха на полу торчал воротник дубленки, черным длинным языком высовывался рукав нового кожаного пальто, рядом с торшером стоял японский кассетный магнитофон и лежал несгораемый портфель-«дипломат».

Начали составлять протокол осмотра места происшествия. Следователь из опергруппы устроился за круглым журнальным столиком.

Высвободив серую мягкую дубленку, Степанов вопросительно посмотрел на Клавдию Николаевну. Она поднялась с кресла.

— Дайте я вам помогу.

Степанов брал одну за другой вещи — пальто, костюмы, куртки, брюки,— называл и кратко определял их вид, следователь записывал, Клавдия Николаевна вешала их на плечиках в шкаф. Вещей оказалось очень много, но работа продвигалась быстро.

Джемперы, рубахи, белье и прочее Степанов вносить в опись счел лишним. Предоставив разбираться с ними Клавдии Николаевне, он занялся техникой. Кроме магнитофона, обнаружилось три разнокалиберных радиоприемника и проигрыватель с двумя стереоколонками. Степанов мимоходом подумал, что в этом великолепном наборе не хватает приставки для цветомузыки. Правда, бывший хозяин не имел телевизора.

Потом он осмотрел и привел в нормальное состояние широкую тахту — сделать это ему помогли понятые.

Подойдя к письменному столу, он увидел висевший на стене увеличенный портрет — это была Татьяна Никитина. Перебрав вываленное на пол содержимое стола, он нашел паспорт и несколько блокнотов, но все чистые, без записей. В один из них была вложена порнографическая карточка. Степанов пошел в просторную прихожую.

Тут на одной стене было привинчено зеркало, а напротив — стенной шкаф, состоящий из двух отделений: верхнее — для одежды, нижнее, маленькое — для обуви. Возле шкафа разбросаны туфли, ботинки, зимние сапоги. В верхнем отделении висели старое драповое пальто, плащ, куртки.

Степанов ногой отодвинул в угол кожаную груду и застыл: на полу сверкала золотая монета — червонец царской чеканки.

Понятые, со все возрастающим интересом наблюдавшие за его действиями, тоже увидели ее, тихо ахнули.

Эксперт-криминалист несколько раз щелкнул фотоаппаратом, Степанов забрал монету и попросил его осмотреть нижнее отделение шкафа. Эксперт опустился на колени, заглянул в длинный ящик.

— Что там? — спросил Степанов.

Эксперт сунул внутрь руку и вынул узкую, по сечению ящика, фанерную дощечку.

— А на стенках набиты деревянные бруски,— сказал он.— За брусками еще вот столько места.— Эксперт показал на ладони, сколько там места, потом достал из чемоданчика сантиметр, измерил.

Глубина верхнего отделения оказалась на пятнадцать сантиметров больше нижнего. За брусками в нижнем находился тайник, прикрытый дощечкой из той же фанеры, которой была обшита вся внутренность шкафа. Нехитро, но вполне надежно.

Клавдия Николаевна уложила в чемодан один из костюмов, рубаху, галстук, белье, пару туфель. Степанов осмотрел и поставил в застекленный шкаф книги, числом девяносто семь томов, большей частью на английском языке. Какого рода литературу предпочитал Никитин, Степанов определить не мог, так как не знал английского.

Наконец после того, как осмотрели кухню, квартира приобрела тот вид, какой имела до кражи. Ее опечатали.

— Меня немножко смущает вот что, Клавдия Николаевна,— сказал Степанов, когда они спускались на лифте.— Ни одной фотографии.

— Они у меня,— устало ответила она.— Были у Тани, Толя почему-то не забирал, а под Новый год мне привезла. Ее теперешний, она говорит, ревнив.

— Я бы взял их у вас на время, если можно.

— Но только на время.

— Не беспокойтесь. Из вещей сына ничего не пропало?

— По-моему, все в целости.

Вышли из подъезда.

— А где его машина? — спросил Степанов.

Перед домом был разбит сквер, огороженный низким заборчиком, вдоль которого стояли в ряд автомобили. Клавдия Николаевна оглядела их и показала на бежевые «Жигули».

— Давно у него машина? — спросил он.

— Эта? Кажется, года два. Раньше был «Москвич».

При осмотре машины ничего достойного внимания не нашли. Степанов записал в блокнот показания счетчика километров на спидометре — 98 144.

Он отвез Клавдию Николаевну домой на Таганку, и она дала ему толстый конверт с фотографиями.

Продолжение следует.

КЛЮЧИ

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Возвратившись домой, Татьяна Никитина увидела лежащего на полу мертвого мужчину. Это был ее первый муж Анатолий Никитин. Татьяна уже живет с другим мужем, Александром Кузьмичевым, который накануне уехал в Харьков к внезапно заболевшему отцу. Осматривая стоящую во дворе машину Кузьмичева, старший оперуполномоченный МУРа майор Басков и следователь прокуратуры Степанов нашли завернутый во вчерашнюю газету молоток и рядом с ним золотую монету. Еще одну золотую монету оперативная группа обнаружила у сделанного в шкафу тайника, когда осматривала обворованную квартиру убитого.

Анатолий Никитин — врач по образованию. Но в последние годы он числился продавцом в табачном киоске — за него работала мать. Сам же он постоянно находился в разъездах.

Утром в понедельник Басков получил по телетайпу телеграмму из Харькова. В ней сообщался адрес Кузьмичева Михаила Ивановича — он жил не в городе, а в пригородном поселке, в собственном доме. В больницу его не положили: отказался. А дальше такой текст:

«Его сын Кузьмичев Александр Михайлович прибыл в Харьков вечером в субботу. У него предплечье левой руки в гипсе, руку носит на перевязи. В настоящее время находится в доме отца».

Текст этот все путал.

Во-первых, если Александр Кузьмичев уехал из Москвы вечером в пятницу, то в Харьков должен был приехать в субботу не вечером, а утром. Харьковский поезд № 19 (не проходной, а специально харьковский) отправляется из Москвы в 21.05 — в девять с чем-то, как сказала Никитина,— и прибывает к месту назначения в 8.33.

Во-вторых, откуда гипс? Татьяна Никитина ни словом не обмолвилась о сломанной руке. Более того, она сказала, что Кузьмичев не захотел ехать на своей машине. Одно дело — «не захотел», совсем другое — «не мог». Какая уж тут езда со сломанной рукой! Из разговора с Никитиной можно понять, что она не видела Кузьмичева с гипсом, а расстались они утром в пятницу, когда Никитина ушла на работу. Значит, что же получается? Кузьмичев повредил руку в промежутке между утром пятницы и субботним вечером. Где это произошло?

Басков узнал в справочной Аэрофлота расписание самолетов на Харьков и позвонил Степанову.

— Здорово, Иваныч. Лечу в Харьков. Ближайший рейс в пятнадцать сорок пять, времени много, надо бы встретиться. У меня кое-что новенькое есть.

— У меня тоже. Приезжай. Я Никитину вызвал.

Через час Басков был на Новокузнецкой. Степанов сидел в кабинете один, что-то писал.

— Уже отпустил? — удивился Басков, имея в виду Никитину.

— Задерживается немного. Ну что?

Басков сел, закурил и слово в слово изложил ту часть телеграммы из Харькова, которая относилась к Кузьмичеву-младшему.

— Где ж он руку-то сломал? — сказал Степанов.

— С качелей упал, наверно,— мрачно пошутил Басков.

— Может, все-таки не подбросили молоток?

— А я разве говорил — подбросили?

— Ну, не говорил, а намекал. Или думал.

— Ладно, не подначивай, Иваныч. Как у тебя?

Степанов не торопясь открыл сейф, взял две золотые монеты, запечатанные в маленьких прозрачных пластиковых пакетиках, помеченных цифрами 1 и 2, и небрежно бросил их на стол перед Басковым.

Басков показал на сейф.

— Инкубатор?

— Они размножаются методом почкования.

— У тебя такой вид, словно ты каждый день находишь золотые монеты.

— А чего особенного? Вот ты еще бриться не начинал, а в Москве был случай. На улице Горького один скромный смуглый человечек арбузами торговал, знаешь, прямо на тротуаре, из плетеного железного сундука. А потом пригляделись к нему, пощупали — у него пятьсот монет оказалось, и такие же были, по пятнадцать фунтов, целая коробка из-под шоколадного набора.

— А вторая откуда?

Степанов взял пакетик с цифрой 2.

— Лежала прямо у тайника. У Никитина в квартире. Чтобы тот, кто будет делать осмотр, не тратил время зря.

— Вот видишь. А подначиваешь...

— И я тут же решил: в машину Кузьмичева и молоток, и монету подбросили.

— Чего ж меня критикуешь?

— Тебя не я, а телеграмма критикует. Кузьмичев-то в Харьков субботним вечером приехал. А надо бы утром.

— Мать при осмотре была?

— Да.

— Что взяли?

— Только ковырнули тайник.

— Подбор? Взлом?

— Какой подбор! Там секрет и три таких запора — почище любого сейфа.

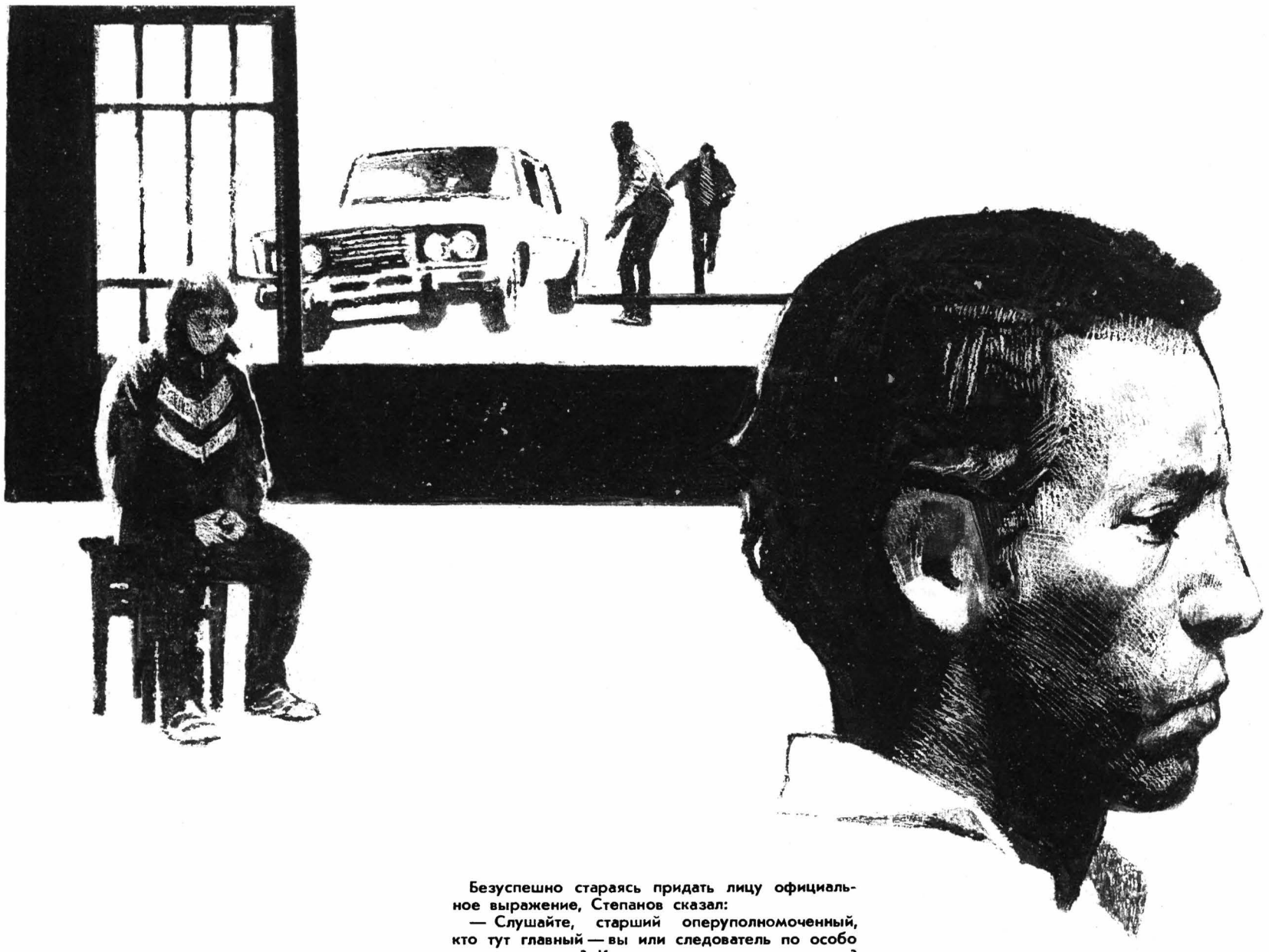
— Значит, еще одна монета, и больше...

— Подожди,— перебил Степанов.— Есть еще кое-что...

Степанов рассказал о разговоре с Клавдией Николаевной. Окончив рассказ, он достал из сейфа пакет с молотком, показал Баскову.

— И еще вот это.

Продолжение. См. «Огонек» № 47.



— Молоток, что ли?

— Пакет.

— При чем здесь пакет? — не понял Басков.

— Точно такой же я видел у Клавдии Николаевны.

— Ну и что? Никитин принес... Мать и бывшая жена. Кому ж еще и нести?

— А у самого Никитина в доме ни одного такого пакета я не нашел.

— Зачем они мужчине?

— Но ты помнишь, что сказала Никитина?

— Она много чего говорила.

— Пакеты не фирменные, не настоящие.

— Ну и что?

— Где их брал Никитин? Кто их делал?

— Думаешь, есть связь?

— А черт его знает... Меня, видишь, почему-то удивляет, что у Никитина в доме ни одного пакета... И потом вот какая вещь. Никитин все время катался по стране. У него «Жигули». За два года накрутил девяносто восемь тысяч. Представляешь?

— Тебе с монетами забот хватит... Может, он ради них и катался...

— Не спорю. И еще вот что: почему Никитин приехал на Профсоюзную не на своей машине?

— А почему обязательно не на своей?

— Она перед его домом стоит.

— Разве трудно было перегнать?

— Время, время нужно. А где у Кузьмичева лишнее время? — возразил Степанов.

— Было время, раз он в Харьков приехал не утром в субботу, а вечером.

— В общем, пока сплошная каша.

— А что с братом? — спросил Басков.

— Следователь райуправления допрашивал, проверял. Инженер. Работает в строительно-монтажном управлении. Отец семьи, двое детей. Насчет обоев все верно. В пятницу вечером у него были гости. Он развез их по домам в двенадцатом часу ночи.

— А обои где?

Безуспешно стараясь придать лицу официальное выражение, Степанов сказал:

— Слушайте, старший оперуполномоченный, кто тут главный — вы или следователь по особо важным делам? Кто тут кому задает вопросы?

— Но все же где обои?

— У Никитиной дома.

Дверь приоткрылась, и женский голос спросил:

— Можно?

Это была Татьяна Никитина. Басков уступил ей место у стола, сам сел на стул в углу.

Никитина выглядела неважно, испуг до сих пор не исчез из ее глаз.

Степанов не готовился к встрече с нею специально, как он обычно готовился к допросам, не вырабатывал тактику, поэтому сказал первое, что пришло в голову:

— Татьяна Васильевна, я разговаривал с Клавдией Николаевной. Она была вполне откровенна, но... как бы это сказать?.. В общем, чаще всего матери знают о своих сыновьях меньше, чем жены их сыновей. А нам в интересах дела надо знать об Анатолии Никитине как можно больше. Вы долго были за ним замужем?

— Шесть лет.

— Дружно жили?

— Не пьянствовал, не гулял.

— Клавдия Николаевна говорит, он вас любил.

— Я в этом никогда не сомневалась.

— Почему же разошлись?

— В последние три года он сильно изменился.

— С тех пор как ушел из поликлиники?

— Да.

— В чем это выражалось?

— Мне трудно объяснить...

— Стал часто уезжать из дому?

— И это тоже. Но это не главное.

— А куда он ездил?

— Больше на юг... Иногда в Прибалтику...

— А зачем?

— Он все время что-нибудь придумывал. Врал.

— Это и есть главное?

— Для меня — да.

Необходимость отвечать на вопросы ослабила напряжение, которое сковывало Никитину, когда она только вошла.

Басков сказал:

— Один мой приятель утверждает, будто женщина может простить человеку что угодно, если он ее любит.

— За других женщин не ручаюсь. По-моему, нельзя жить с человеком, который тебе все время лжет.

— Татьяна Васильевна, у него были друзья? — спросил Степанов.

— Когда работал врачом, была дружная компания.

— Собирались?

— Даже отдыхать вместе ездили.— Она замолкла, словно припоминая.— А потом он всех как-то отвадил. Новые интересы появились.

— А именно?

— Деньги зарабатывать начал.

— Ну, лишние деньги никогда не мешают.

— Какие лишние? В табачном киоске? Да он там и не сидел.— Было такое впечатление, что она заново переживает давний спор.— Ну ладно, в конце концов я решила — твое дело, киоск так киоск, хотя это же патология какая-то — здоровый молодой мужчина с дипломом врача пошел в киоскеры... Но я же не девчонка. По две тысячи в месяц честно зарабатывать нельзя.

— Почему именно по две?

— Он так говорил.

— Каким же образом он их зарабатывал?

— Не имею ни малейшего представления. Не интересовалась, а он тем более не докладывал.

— А из новых друзей его никого не знаете?

— Он мне их не показывал.

Степанов достал из сейфа толстый конверт с фотографиями, вынул их.

— Это мне Клавдия Николаевна дала. А ей передали вы. Посмотрим вместе. Расскажите, кто здесь кто.

Никитина взяла пачку карточек из рук Степанова, перевернула три или четыре и сказала:

— Я вас понимаю. Эти фото я знаю наизусть. Последнее сделано года четыре назад. Так что новых его друзей здесь быть не может.

Степанов улыбнулся.

— Хорошо, когда люди понимают друг друга с полуслова.

Он убрал фотографии в сейф и попросил:

— Теперь, будьте добры, расскажите об Александре Кузьмичеве.

Она вся как-то подобралась.

— Что вас интересует?

— Буквально все.

— Биография?

— И биография.

Никитина замялась, опустила глаза и спросила:

— Скажите, та монета... Это серьезно?

— Забудьте про монету. Будем говорить о Кузьмичеве.

— Вы знаете, он имеет судимость.

— За что?

— Подрался. Это давно было, лет пятнадцать назад. Саша очень сильный. Кого-то больно ударил. Но он не сидел, приговорили условно.

— Это в Харькове было?

— Да.

— Ну и потом?

— В армии служил, в десантных войсках. Но почему-то на танке. Разве бывают у десантников танки?

— Конечно, бывают,— улыбнулся Степанов.— Ну и дальше?

— После армии поступил на завод Лихачева. У него несколько грамот есть, я видела. Комнату дали. А потом перешел в шоферы.

— Как он по характеру?

— Очень спокойный. Он вообще простой человек.

— Но ревнивый?

Она немного смутилась.

— Сцен не устраивает. Так, помолчит денек и отойдет.

— Вы говорили, Саша и Толя знали друг друга. Вы их сами познакомили?

— Толя пришел однажды, принес цветы, а у меня сидел Саша. Толя о нем еще не знал.

— А на стороне они встречаться не могли?

— Ну что вы!

Вмешался Басков:

— А у вашего брата с вашим бывшим мужем как отношения были?

Вопрос оказался неприятным. Опустив глаза, она ответила:

— Они не дружили.

— Почему?

— Интересы разные.

— В каком смысле?

— Ну... Брат, например, не признает левых дел.

— А муж признавал?

— Я же вам объясняла: Толя пошел в киоскеры, а сам...— Она не докончила — не нашлась, как выразиться лучше.

— Понятно,— сказал Степанов.— Брат ваш, стало быть, не любил Толю?

Она слегка поморщилась.

— Это неверно. Он просто считал, что мы не пара.

— Прямо так и говорил вам? — Степанов хотел прибавить, что это, мол, было бы со стороны брата бестактно и бездушно, но воздержался от нравоучительных изречений.

Однако Никитина словно услышала не произнесенные им слова и, кажется, обиделась за брата.

— Леня мне как отец... Наши родители умерли двадцать лет назад... Он меня вырастил...

Степанов пожалел, что задал свой неуместный в общем-то вопрос, и даже выругал себя, потому что вопрос этот положа руку на сердце тоже можно посчитать проявлением бестактности и бездушия, хотя следствию в интересах дела полезно до тонкостей знать взаимоотношения людей, вовлеченных в круг, очерченный преступлением.

Басков развеял возникшую неловкость, резко переменив направление:

— Скажите, Татьяна Васильевна, Саша был здоров перед отъездом?

— Он вообще ни разу не болел.

— И руки-ноги целые? — Степанов как бы шутил.

Она встревожилась.

— Конечно. А что случилось?

— Нет-нет, все в порядке. Спасибо вам, Татьяна Васильевна, за помощь.

— Я могу идти?

— Да. Всего доброго,— сказал Степанов.

Когда она вышла, Басков сказал меланхолично:

— Вполне приличная женщина. Расчетливая.

Будь на месте Степанова кто-нибудь иной, он бы совсем не понял Баскова, он бы решил, что Басков сам себе противоречит. Как же так: приличная и расчетливая? Не вяжется...

Степанов все понял, но они с Басковым даже в посторонних вопросах строго придерживались всеобщего профессионального рабочего обычая: если один выдвигал какой-то довод в доказательство своей правоты, другой старался всеми доступными способами этот довод разбить. У них это называлось проверкой на прочность. Потому Степанов возразил:

— Конечно, приличная, но почему расчетливая? Не терпит лжи, не желает пользоваться нечистыми деньгами.

— А ты никогда не думал, что приличие тоже может быть расчетливым? Толю она из болота не очень-то тащила, а деньгами его не соблазнилась потому, что боялась — сама завязнет. А Саша на твердой почве стоит, и деньги чистые.

— Если. Если на твердой.

— Она считала — да. Но заметь: к услугам Толи она все-таки прибегала.

— Знаешь, Леша, я плохой моралист. Ты лучше скажи: как тебе это нравится — Саша-то судимость имеет.

— Пока все одно к одному.

Они договорились, что при надобности будут держать связь через харьковский угрозыск.

6

В харьковском аэропорту Баскова встретили товарищи из угрозыска, оба помоложе его. Они были на машине.

— Заедем к нам? — предложил один из них, с усиками, когда тронулись.

— Младший Кузьмичев дома?—спросил Басков.

— Был дома.

— Тогда прямо туда.

— Будем брать?

— Пока нет оснований. Поговорить надо,— сказал Басков и, подумав, прибавил: — Отца тревожить не хочется. Как-нибудь вызвать бы Кузьмичева на улицу...

— Устроим.

...Они остановились, не доезжая метров пятьдесят до дома Кузьмичевых. Оперуполномоченный с усиками вышел и открыл калитку в низком заборе, за которым старик вскапывал палисадник. Они коротко поговорили, старик воткнул лопату в землю и пошел к дому Кузьмичевых.

Через несколько минут он появился на улице в сопровождении крупного черноволосого молодого человека в пиджаке внакидку. Левая рука его покоилась в цветастом женском платке, треугольником свисавшем с шеи.

Когда он приблизился, Басков увидел, что скуластое лицо его невесело, брови сдвинуты, глаза прищурены — в общем-то то же лицо, что и на фотографии, незлое, спокойное, но как будто постаревшее.

Басков вышел из машины. Подойдя, Кузьмичев поздоровался первым и протянул правую руку. Басков пожал ее.

— Неохота в Тулу,— сказал Кузьмичев.— Верней, не ко времени. Батю ломает.

— Почему в Тулу?

— Ну вы ж из милиции?

— Но не из Тулы.— Басков показал удостоверение.

— Уже перевели этого обормота? — спросил Кузьмичев.

Они говорили на разных языках, и Басков предложил:

— Давайте, Александр Михайлович, съездим на час в город, там потолкуем в спокойной обстановке.

На лице Кузьмичева появилось озабоченное выражение.

— Вас обратно доставят,— сказал Басков.

— Ну давайте,— согласился Кузьмичев.

Басков открыл ему переднюю дверцу, а сам потеснил своих товарищей на заднем сиденье.

— Что с рукой? — спросил Басков.

— Сегодня второй рентген делали. Лучевая раздроблена. Но осколки вроде правильно уложены.

— Болит?

— Терпимо.

...Оперативник с усиками предоставил в их распоряжение свой кабинет.

— Вас в Тулу хотели вызвать? — спросил Басков.

Он уже решил, что не станет трогать московское дело, пока не поймет, при чем здесь Тула. Все повернулось неожиданно. Чувствовал он себя как впотьмах.

— Ну да. Сказали, может, придется,— ответил Кузьмичев.

— Расскажите мне, пожалуйста, как все это произошло,— попросил Басков.

В общих чертах это выглядело так.

В поезде на Кузьмичева напали трое — двое молодых, но здоровенных парней, а третий гораздо старше, тот, что ехал с ним в одном купе. Это было в тамбуре, куда Кузьмичев вышел покурить вместе с соседом. Парни появились чуть позже. Хотели ограбить. Старший ударил Кузьмичева финкой. Он метил в живот, но Кузьмичев успел подставить левую руку, а правой дернул стоп-кран. Старший и один из малолеток спрыгнули и убежали, а другого малолетку Кузьмичев сумел задержать. Его забрала в Туле милиция. Он оказался москвичом.

Вот, собственно, и все.

— Как выглядел ваш сосед по купе?

Кузьмичев пожал плечом.

— Симпатичный. На спортсмена похож.

— А у вас было что грабить? — спросил Басков.

— Да ну! — махнул здоровой рукой Кузьмичев.— Две сотни каких-то. А они, гады, с финкой.

— Бывают и такие — за червонец пырнут.

— Встречал,— мрачно сказал Кузьмичев.

— Билет случайно не сохранился?

— Я ж его проводнице отдал.

Басков соображал, как поступить. Ему было совершенно ясно, что не следует сейчас заводить речь об убийстве Никитина. Кузьмичев думает, что он приехал по делу о разбойном нападении в поезде, и пусть себе думает.

Малолетка, задержанный Кузьмичевым, судя по всему, должен находиться в руках отдела милиции на транспорте. Значит, надо ехать в Тулу. Там ему сообщат и подробности, и суть происшедшего более исчерпывающе, чем это может сделать Кузьмичев, ибо он видит событие только со своей точки зрения, а ведь существует и другая сторона.

Но один каверзный вопрос, касавшийся Москвы, надо было задать — для того, чтобы посмотреть, как среагирует Кузьмичев.

— Вы никаких ключей не теряли? — спросил Басков. Он думал при этом о ключах от квартиры Никитина, которых не обнаружили при убитом.

Кузьмичев не смутился, не насторожился.

— Я всю связку Семеновым оставил. Как Таня просила. Чтобы не потерять в дороге.

Ну что ж, капканчик был поставлен не на той тропе. Надо будет только проверить, правду ли сказал Кузьмичев и в котором часу он отдал ключи Семеновым.

— У вас какие планы? — спросил Басков.

— Отпуск взял до двенадцатого. Тринадцатого буду в Москве. Врач сказал, батя вынырнет. Не скоро, но поправится.

— Я вас в Москве найду. А сейчас езжайте домой.

...Ему подобрали такой поезд, чтобы Басков приехал в Тулу утром, но не слишком рано. По дороге он долго подвергал сомнению свои действия, но в конце концов пришел к убеждению, что все в порядке.

Кузьмичев, как сказала о нем Никитина, был и правда простым человеком, но не производил впечатления простачка. Скорее всего он ничего не выдумывал в своем рассказе о происшествии в поезде. Но у Баскова сразу возник и уже не отпускал его один вопрос: что такое это нападение, совершенное в тот же вечер, когда был убит Никитин? Случайное совпадение или два события, связанные друг с другом?

Если случайность, это ничего не прибавит. Если есть какая-то связь, можно считать, что розыск вышел на главную магистраль, ведущую прямо к раскрытию преступления. Графически Басков представлял себе это так: имеются две точки — убийство на Профсоюзной и нападение на Кузьмичева; если соединить их линией и мысленно продолжить ее, то где-то дальше, на ее конце, обнаружится убийца Никитина. Этому графику не хватает самой малости — неизвестно, где кончается воображаемая линия.

Роль Кузьмичева остается неясной, и подозрения с него снимать никто не имеет права, но Басков был уверен, что действует правильно. Во всяком случае, риска нет: Кузьмичев никуда не денется. И к тому же в пользу Кузьмичева говорил неоспоримый, но пока не поддающийся объяснению факт: он задержал одного из нападавших.

...В отделе милиции на транспорте Басков представился начальнику, объяснил, зачем приехал, а тот вызвал оперативного уполномоченного Лосева, занимавшегося Андреем Брошиным, тем самым малолеткой, которого задержал Кузьмичев.

По дороге в кабинет Басков спросил, как успехи, не удалось ли выйти через Брошина на кого-нибудь еще.

— Мы вчера второго взяли, Брошин адрес дал,— сказал Лосев.

— Тоже малолетка?

— Да. Касимов Борис. Но путей к «Тренеру», сдается мне, малолетки не дадут. Там связь была односторонняя.

— А тренер — это кто?

— Старшой их.

Зашли в кабинет, Басков попросил протоколы

допросов. Он искал ответ на вопрос: когда Брошина пригласили участвовать в ограблении пассажира? Ответ был, но это не ответ: «Не помню». Оперативник, допрашивавший Брошина, не настаивал на точности, потому что не имел времени на доскональные допросы, поскольку дело было горячее, а допросы никуда не уйдут, а главное, он не ведал о московском деле.

Басков прочел протоколы, и они пошли в изолятор.

Брошин и Касимов содержались в разных камерах. Басков начал с Брошина.

Лосев привел в маленькую комнату высокого белобрысого парня, не по возрасту рыхлого, с мясистым лицом. Глядел он как-то безразлично, будто все это его не касалось. Синяя стеганая куртка из болоньи была без единой пуговицы.

— Садись, Брошин,— пригласил Басков, показав на табуретку.

Он сел на нее, как в седло, верхом.

— Ну, давай по порядку.

— Уже два раза рассказывал,— хрипловатым баском недовольно пробурчал Брошин.

— Ничего, и в пятый расскажешь. Начинай с того дня, когда с тренером познакомились.

— Ну что? Ну сидели мы с Мирзой, с Борькой Касимовым то есть, в Измайловском, на траве отдыхали. Мирза на гитаре играл. Идет мимо тренер Кость. Здорово-здорово. Тоска? Тоска. Выпьем? Выпьем.

— Подожди. Почему вы его тренером Костью зовете?

— На спортсмена похож или на тренера. Мы его еще играющим тренером звали. И одет-обут в «Адидас». А Кость, потому что он Костя, Константин.

— Раньше не встречались?

— В глаза не видали.

— Это когда было?

— В прошлом году, в сентябре.

— Сколько ему лет?

— А я знаю?

— Ну вот твоему отцу сколько?

— Сорок.

— А тренер старше или моложе?

— Ясно, моложе.

— Дальше.

— Он дает два червонца, говорит: возьмите пару водки и чего-нибудь зажевать. Ну мы пошли, он на траве остался. Там в винном тетка Зина водку всем отпускает. Взяли две бутылки, ну и посидели.

— А что «Тренер» про себя говорил?

— Жизнь не задалась. Играл в футбол в команде мастеров. Нарушал режим. Отчислили. Сейчас зато на хлебном деле, в торговле, а где — не уточнял.

— Дальше.

— А что дальше? Мирза ему свой телефон дал. Он зимой звонил, встречались, в шашлычную ходили.

— За что же он вас угощал?

— А просто так.

— Ничего не предлагал?

Брошин поглядел на зарешеченное окно.

— Вот предложил.

— Вспомни, Брошин, когда «Тренер» позвал тебя съездить в поезде,— сказал Басков.— Я протоколы допросов читал. Ты говоришь — не помню. Но это ж не в прошлом году было. Сегодня десятое апреля, вторник. Арестовали тебя ночью в пятницу, с пятницы на субботу. Неужели забыл, как тебя «Тренер» приглашал?

Брошин не представлял себе, какую важность имеет этот вопрос для сидевшего за столом напротив него дяденьки, чем-то похожего на его отца, только без пьяной ухмылки и чуть помоложе.

— Сегодня десятое? — не поверил Брошин.

— Нет, тридцать девятое.

Брошин счел усмешку обидной для себя. Он казался Баскову немного заторможенным, но тут ответил быстро:

— Пятого было.

Пятое апреля — четверг. Толя принес билет на поезд для Кузьмичева в среду.

— Это точно? — спросил Басков.

— Чего мне врать,— сказал Брошин.

— А ты этого, на кого нападали, раньше видел?

В первый раз за весь разговор Брошин проявил какой-то интерес к собственной судьбе.

— Не нападал я! Мы двери держали, чтобы кто в тамбур не зашел.

— Но знал ты его или нет?

— Откуда?! Его нам Кость показал. У поезда.

Если Брошин не врал, нападение на Кузьмичева этот «Тренер» готовил еще за день. И главное, у него был билет в то же купе. Но тогда что же получается?

Баскову представились очень явственно его недавние рассуждения о деле, и он должен был признаться себе, что его мысленный график никуда не годится. События связаны. Но как теперь отвечать на вопрос, от которого не уйдешь: зачем было Кузьмичеву задерживать Брошина, если он, Кузьмичев, сам замешан в убийстве на Профсоюзной? И почему «Тренер» хотел убить Кузьмичева? В том, что это была не попытка ограбления, а покушение на убийство, сомневаться не приходилось. И как объяснить связь двух событий, если «Тренер» знал Кузьмичева, а Кузьмичев «Тренера» не знал? Кто-то хотел свалить на Кузьмичева убийство Никитина? Но когда они приехали на вокзал, Никитин был еще жив. Значит, «Тренеру» было известно о том, что произойдет с Никитиным, еще в четверг, когда он предложил Брошину и Касимову совершить поездку?

Но что толку строить графики... Чем больше думаешь об этих связях и узлах, тем сильнее все запутывается...

Басков отправил Брошина в камеру и попросил привести Бориса Касимова — Мирзу, как звал его Брошин.

Этот семнадцатилетний парень внешне резко отличался от своего дружка — сухой, быстроглазый; прямой, смелый взгляд и непринужденная осанка. Скорее всего он был заводилой в этом содружестве начинающих собутыльников.

Историю знакомства с «Тренером» и их дальнейшие отношения Касимов изложил точно, как Брошин. Развитие событий в поезде — тоже. Он подтвердил, что «Тренер» предложил им поездку в четверг, 5 апреля.

Но между дружками имелось важное различие: Касимов сумел убежать вместе с «Тренером». О том, что произошло дальше, записано в протоколе допроса, однако Баскову нужно было услышать все от самого Касимова.

— Машина ждала вас в Туле? — спросил он.

— У автовокзала,— живо уточнил Касимов.

— Вы спрыгнули с поезда километров за десять до Тулы. На что надеялся «Тренер»?

— Побежали к шоссе, потом пошли на Москву. Кость сказал, он нас нагонит.

— Кто — он?

— Который на машине.

— Что говорил «Тренер»? Какие планы?

— Сказал — ша, долго не увидимся. Он мне позвонит, когда можно будет. И чтоб ни гугу.

— Вот что, Касимов: вы с Брошиным считали «Тренера» человеком денежным, он на вас не жалел. Зачем же ему грабить, рисковать? Он ведь в торговле работает.

— Это Тюфяк верит про торговлю, а я нет. Может, Кость всегда так деньги добывал.

— Кто такой Тюфяк?

— Брошин.

— Ну, хорошо, идете вы на Москву...

— Нагнал белый «Жигуль», Кость поднял руку, сели.

— Та самая машина?

— Да.

— Как выглядел водитель?

— Я сзади сидел... В машине темно... Чего увидишь?

— Машина какого цвета?

— Белая.

— О чем они говорили? — без надежды спросил Басков.

— А ни о чем. Тот спросил, почему к автовокзалу не пришли, а Кость говорит, спроси у петуха, почему он не несется.

— Тот, значит, не в курсе был?

— Вроде так.

— Ну, а потом?

— Потом я уснул. Кость меня разбудил на Добрынинской площади, еще метро не ходило. Сунул деньги, целый стольник червонцами, сказал — пока, как-нибудь свидимся. И высадил.

...Касимова увели. Басков отправился к Лосеву. Тот ждал его.

— Спасибо, Володя, побеседовал,— сказал Басков.— Слушай, этот пострадавший Кузьмичев когда от вас выехал?

— Утром. В травматологию возили, потом допрашивали. Всю ночь канителились. Я сам его и отправил. Могу уточнить.

— Не надо.— И, закурив, Басков добавил: — Этих мальцов надо к нам в Москву перевозить. Я завтра оформлю. На поезд меня устроишь?

— О чем речь!

— Еще вот что. Если проводников с того поезда разыскать, билетов уж у них, наверное, нет?

— Командированным они возвращают, остальные выбрасывают.

— Ну, конечно, наивный вопрос. Но все-таки не в службу, а в дружбу: разыщи проводников девятого вагона, вдруг у них билеты сохранились?

— Сделаем.

Поколебавшись, Басков сказал извиняющимся тоном:

— В протоколах записано: «Тренер» где-то между Подольском и Серпуховом сумку выбросил... Вдруг найдется? Хотя это из области фантастики...

— Попробуем.

В скором на Москву, в который посадил Баскова расторопный Лосев, имелся вагон-ресторан. В нем Басков и доехал.

Из того, что он услышал от Кузьмичева и от двух злополучных друзей, если все трое говорили правду, складывалась цельная картина происшествия в поезде.

7

Телеграмму от сестры о том, что у отца инсульт, Александр Кузьмичев получил утром в среду — она пришла на адрес Татьяны. Он тут же решил, что поедет в Харьков. Но ему нужно было на базу — посмотреть, как идет дело: его грузовик стоял на профилактике. Поэтому он позвонил Татьяне на работу, попросил купить билет на поезд, объяснив про отца. Это не было трудно: курортный сезон еще не наступил, да к тому же ходит специальный харьковский поезд № 19. Татьяна спросила, на какое число, и он, прикинув, что с оформлением отпуска за свой счет можно в один день и не уложиться, сказал: на пятницу. Вечером она принесла билет.

В четверг ему отпуск оформили.

В пятницу утром он отвез Татьяну на работу, они попрощались до тринадцатого апреля, так как вечером она шла в театр, а сам поехал в ГУМ — купить кое-что из вещей для сестры и двух младших братишек. В продовольственном магазине ГУМа он купил колбасы двух сортов, ветчины и несколько банок сгущенного кофе с молоком, который братишки очень любили.

Потом он заехал на базу, посмотрел, как идет ремонт, и отправился домой, на Профсоюзную. Поставил во дворе машину на обычное место, недалеко от мусорных баков, сходил за сумками, уложил покупки, запер машину и, вынув из почтового ящика газету «Советская Россия», поднялся в квартиру.

В прихожей возле трюмо лежали на полу, как охапка дров, связанные бечевкой обои.

В кухне на столе он увидел записку от Тани: «Положи обои на антресоли. Не забудь оставить свои ключи Марье Николаевне, а то еще потеряешь. Целую. Т.».

Было уже четыре часа. Он убрал обои, разогрел обед, плотно поел и упаковал чемодан, который получился порядочно тяжелым. Потом прилег на диван-кровать...

Проснулся в семь, умылся, надел плащ, взял чемодан, запер квартиру и отдал ключи Семеновым.

Ему повезло быстро поймать такси, на Курский вокзал он приехал даже с запасом. Он не обратил внимания, покуривая сигарету на перроне в ожидании, когда подадут состав, как мимо него прошел мужчина лет тридцати с сумкой на плечевом ремне в сопровождении двух парней и как все трое внимательно посмотрели на него.

И тем более не мог он услышать, о чем они говорили, отойдя подальше.

А разговор происходил такой.

— Видели лба? — сказал «Тренер».

— Так что? — сказал Тюфяк лениво.— Чемодан большой.

— У него и деньги большие.

— Откуда ты знаешь? — спросил Мирза.

— Не имеет значения. У вас коленки не дрожат?

— А чего, чемодан отбирать будем? — спросил Тюфяк.

— Думаю, деньги не в чемодане.

— А что мы должны делать? — осторожно поинтересовался Мирза.

Парни храбрились, но «Тренер» отлично, должно быть, видел, что все предстоящее не кажется им завлекательным.

— Посмотрим, как сложится, но у вас судьба — позавидовать можно. Действовать буду я, а вы — смотреть.

— Как это? — не поверил Тюфяк.

— Имей терпение.

«Тренер» достал из кармана два билета.

— Вот, возьмите. Поедете в одиннадцатом вагоне. Я буду в девятом. Ждите, приду, когда надо. Расходимся.

Тюфяк и Мирза побрели в один конец платформы, «Тренер» — в другой.

Подали состав. Кузьмичев не торопился войти в свой девятый вагон. Он пропустил всех, поговорил с проводницей, поинтересовался, какая погода в Харькове, а потом уж подал ей билет.

— Место пять, второе купе,— сказала она.

Продолжение следует.

КЛЮЧИ

На квартире у своей бывшей жены убит Анатолий Никитин. Произошло это как раз в тот вечер, когда второй ее муж Александр Кузьмичев уехал в Харьков к больному отцу. В автомашине, принадлежащей Александру, находят молоток и золотую монету. Московские следственные органы попросили харьковских коллег навести справки о Кузьмичеве. Из Харькова сообщили, что Кузьмичев приехал туда в субботу, только не утром, как надо бы, а вечером. Предплечье левой руки у него почему-то в гипсе, хотя уезжал он совершенно здоровым. Басков срочно вылетел в Харьков, где Александр рассказал ему, что в поезде на него напали трое и ударили финкой. Одного он сумел задержать, и его сдали в милицию в Туле. Приехав в Тулу, Басков узнал, что преступников-малолеток подговорил напасть на Кузьмичева некий Костя по прозвищу «Тренер».

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Марины ПЕТРОВОЙ

В купе устраивались, рассовывая и раскладывая свой багаж, немолодые женщина и мужчина, видно, что супруги. Кузьмичев, подождав, пока они управятся, поздоровался и легко кинул тяжелый чемодан в верхнюю нишу.

Отерев раскрасневшееся лицо платочком, женщина спросила:

— Вы до Харькова?

— Да,— ответил Кузьмичев.

Тут пришел четвертый их сосед — молодой, лет тридцати, симпатичный, хорошо одетый мужчина спортивного вида, с сумкой на ремне. Это был «Тренер».

— Добрый вечер,— приветствовал он всех разом.— Будем попутчиками. У меня шестое место, значит, на верхней полке.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 47, 48.

Он положил на нее сумку и присел рядом с Кузьмичевым.

Поезд тронулся.

— В командировку? — поинтересовался «Тренер» у Кузьмичева.

— Да нет, к отцу. Паралич разбил.

— Сочувствую.

Помолчали. Потом «Тренер» предложил Кузьмичеву:

— Не выпить ли нам? Я коньячку прихватил.

— Спасибо, не хочется.

— Жаль. Одному неудобно.

«Тренер» как бы задумался.

Кузьмичев, сидевший за столиком, встал, уступая место.

— Не стесняйтесь. Садитесь сюда.

«Тренер» остановил его:

— Нет-нет, благодарю. Есть другой выход. Я тут знакомого встретил, в соседнем вагоне едет. Он, думаю, не откажется.

«Тренер» взял сумку, спросил у мужа с женой:

— Вы рано ложитесь?

— Куда спешить? — откликнулась жена.— Выспаться успеем. Раньше полдевятого все равно не сойдешь. Мы еще ужинать будем.

— Ну, тогда я вас не потревожу,— сказал «Тренер» и ушел, захватив свою сумку.

В одиннадцатом вагоне, плацкартном, он нашел Мирзу и Тюфяка, кивнул им незаметно, проходя, чтобы вышли за ним, дождался их в тамбуре.

— Теперь встряхнитесь,— сказал он жестко, голосом, какого они прежде никогда от него не слыхали.

Он расстегнул сумку, в которой булькал в бутылке коньяк, достал финку в потертых кожаных ножнах, сунул в карман брюк. Потом вынул из внутреннего кармана пистолет ТТ, а сумку отдал Мирзе. «Тренер» извлек из рукоятки пистолета обойму, поставил его на взвод — так, что ствол обнажился на длину фаланги пальца, сунул ствол в скважину замка, открыл дверь — правую по ходу поезда. Взял у Мирзы сумку и швырнул ее в темный проем.

Заперев дверь, посадив обойму на место и спрятав пистолет, он сказал:

— Проедем Серпухов, и через час идите в мой вагон. Я буду курить с этим вахлаком в тамбуре. Ты, Тюфяк, держишь внутреннюю дверь, а ты, Мирза,— переходную, на площадку. Чтобы никто не вошел. Остальное — моя забота. Попрошу — поможете. Главное, все должно быть быстро. Зевнем — сгорим.

Они слушали, молчали, глядя в пол. Тюфяк шмыгал носом.

— И не финтить,— сказал «Тренер».

Мирза с Тюфяком остались в тамбуре.

«Тренер» вернулся в свой вагон. Кузьмичев стоял в коридоре у окна. В купе муж с женой уже разложили на столике еду. Проводница разносила постельное белье.

«Тренер» и Кузьмичев взяли себе по комплекту, положили на полки, и «Тренер» предложил:

— Пойдем покурим, что ли?

— Идемте,— согласился Кузьмичев.

В тамбуре они разговорились. «Тренер» больше спрашивал. Кузьмичев рассказал о себе, о своей жизни вплоть до прошлого года. О Татьяне Никитиной, о своих отношениях с нею он все же умолчал, хотя был вполне откровенен во всем остальном. Много говорил о семье, особенно об отце, который, между прочим, работал на железной дороге машинистом, всю войну водил поезда на фронт и одно время был даже на бронепоезде, а сейчас пенсионер.

Долго они говорили. Выкурили по одной сигарете, потом по другой.

В вагон вернулись, когда проехали Серпухов. Проводницы давно разнесли чай, и его уже успели выпить. Их соседи окончили ужин и застилали свои полки.

— Спать что-то не хочется,— сказал «Тренер», поглядев на часы.

— Мне тоже,— отозвался Кузьмичев.

— Может, выпьем чаю?

— Не помешает.

«Тренер» пошел к проводницам. Кузьмичев слышал, как они недовольно ворчали на него, мол, надо вовремя думать, а не на ночь глядя, но два стакана чаю все же налили, и Кузьмичев с «Тренером» пили его, стоя у окна в коридоре.

«Тренер» вспоминал о своих золотых временах, когда играл в футбол за команду мастеров, о дурацком случае с пьянкой, за которую его отчислили.

Кузьмичев искренне сочувствовал и смотрел на него с почтением.

Поглядев в очередной раз на часы, «Тренер» вновь предложил:

— Покурим?

Пошли в тамбур.

Кузьмичев встал спиной к выходной двери. «Тренер» стоял напротив.

Никто не переходил из вагона в вагон: большинство пассажиров уже улеглось спать. Только раз прошел мужчина в железнодорожной форме из хвоста в голову состава.

Когда выкурили по первой сигарете, в тамбуре со стороны десятого вагона появились два парня. Кузьмичев взглянул на них мимолетно, но тут в несколько секунд произошло то, чего он никак не ожидал.

Тюфяк встал у двери на переход, Мирза — у ведущей в вагон.

В руке у «Тренера» появилась финка.

Он снизу вверх ударил Кузьмичева в живот, целя чуть правее, туда, где печень.

Кузьмичев не мог бы объяснить, каким образом он успел подставить левую руку. Удар пришелся в предплечье, немного выше запястья.

Правой рукой он дернул ручку стоп-крана, которая была на стенке справа от него.

Их всех четверых бросило на другую стенку.

«Тренер» что-то кричал, но разобрать было невозможно: пронзительный стонущий визг колес резал уши. Пол дрожал под ногами.

«Тренер» кинулся к противоположной двери, распахнул ее и выпрыгнул. Мирза следом. Поезд уже почти совсем застопорил ход.

Тюфяк хотел прыгать, присел на корточки, но Кузьмичев, подскочив, схватил его всей пятерней за лохматые волосы.

Так и застали их прибежавшие в тамбур начальник поезда с двумя рослыми проводниками.

Начальник, увидев кровь, капавшую у Кузьмичева из рукава, крикнул проводнице, чтобы принесла аптечку.

Пока она заливала рану йодом и перевязывала руку, Кузьмичев объяснил начальнику, что произошло.

Начальник приказал проводникам стеречь Тюфяка и никого в тамбур не пускать, а сам куда-то ушел.

Минут через десять поезд тихо тронулся, а еще через пятнадцать прибыл в Тулу.

На перроне их ждали милиционеры.

Кузьмичева и Тюфяка посадили в две разные машины.

Тюфяк поехал в милицию. Кузьмичева повезли в больницу.

Сделали рентген, обработали рану, хирург вместе с сестрой приготовил гипс и облепил предплечье, оставив ложбину над раной.

Только тогда почувствовал Кузьмичев саднящую острую боль, когда сели в машину и поехали, как выразился сопровождавший его лейтенант, «на свидание с лохматым обормотом».

8

Не было и четырех, когда Басков приехал в Москву.

С Курского вокзала, из комнаты милиции, он позвонил Степанову, но прямой его телефон не отвечал. Секретарша же сказала, что Степанов утром улетел в Таллин, будет завтра.

Басков сел в троллейбус и поехал к себе домой, на Новослободскую,— он был голодный, надо бы пообедать.

Сашка, сын его одиннадцатилетний, гонял с мальчишками в уже просохшем дворе шайбу. Значит, домашние задания сделал.

Басков не стал его окликать, выводить из игры. Поднялся в квартиру, разделся, побрился, умылся.

Обед стоял в холодильнике. Он разогрел борщ и картофельные зразы с мясом, поел, запил компотом и, закурив, набрал номер жены. Сослуживица сказала, что Мария у начальства. Он решил сходить на работу.

Игра во дворе была в полном разгаре, и Сашка опять его не заметил.

Басков пошел на Петровку. Прикинув, он высчитал, что еще успеет оформить перевод Брошина и Касимова из Тулы в Москву, в распоряжение МУРа.

Интересно бы, конечно, знать, с чего это вдруг понадобилось Степанову так срочно лететь в Таллин, но можно потерпеть и до завтра...

Утром он отправился на автобазу, где работал Кузьмичев, и, выдав себя за старого его друга, спросил у диспетчера, как Кузьмичева найти, мол, срочно нужно увидеться. Диспетчер сказал очень дружелюбно: «А Саша отпуск за свой счет взял, в Харьков к отцу поехал». Тут все было ясно.

Басков поехал на Петровку.

Около одиннадцати ему сообщили, что Брошин и Касимов доставлены в Москву.

Басков попросил привезти их к нему. Допрашивать Тюфяка и Мирзу больше пока не о чем, но Баскову необходимо было иметь портрет «Тренера» — фоторобот, создаваемый криминалистами на основе словесного описания. В научно-техническом отделе есть искусные мастера по этой части.

Прибывших Брошина и Касимова тут же, не заводя в свой кабинет, он отправил в научно-технический отдел.

Через два часа синтетический портрет «Тренера», сделанный по их описаниям, был готов. Оба утверждали, что вышло очень похоже.

Позже придется фотолаборатории выпустить этот портрет большим тиражом, а сейчас Басков попросил напечатать хотя бы пять экземпляров. И отправил Брошина и Касимова по камерам. Он обратил внимание, что за сутки они заметно сдали. Вид у обоих был совсем неважнецкий.

Вскоре позвонил Степанов. Басков, захватив протоколы допросов и портрет «Тренера», поспешил в прокуратуру.

Он застал Степанова жующим бутерброд с сыром. На тарелке лежало еще два бутерброда и плетеная сдоба.

— Все худеешь,— сказал, садясь, Басков.— Тебя что, в самолете не кормили?

— Я на поезде. Таллин самолеты не выпускал. Туман — ботинок не видать.

— А чего тебя в Таллин понесло?

— Сначала, Леша, давай ты, а потом я.

Басков положил перед ним протоколы допросов Брошина и Касимова. Затем рассказал все, что удалось выведать о происшествии в поезде.

Выслушав, Степанов произнес слова, вовсе не относившиеся к тому, о чем говорил Басков:

— А к Никитиной ты все же несправедлив.

— Я же тебе не о Никитиной.

— А я о ней.

Степанов встал, открыл сейф и вынул золотые монеты. Их было уже не две, а три.

— Вот, сама явилась, просила принять этот золотой. Держать у себя больше не может, не имеет права. А ты говоришь: расчетливая.

— Откуда она у нее? — слегка вроде задетый, спросил Басков.

— Анатолий Никитин подарил в прошлом году, на Восьмое марта, сказал, на зубы пригодится.

Сопоставив даты, Басков заметил:

— Они тогда еще не разводились.

— Точно. Да не в этом дело.

— Ты потому и в Таллин ездил?

— Она, представь, ясно помнит, что перед самым Восьмым марта Никитин был в Таллине.

— Ну и что? После этого не значит вследствие этого.

— Так-то оно так, но, понимаешь, и попытка не пытка.

— А работа не волк и так далее. Ты не тяни.

— Спокойно, Леша. Я связался с таллинскими товарищами на предмет, было или не было у них какого-нибудь дела со спекуляцией золотыми монетами. Оказалось, есть сейчас.

— Как и что?

— Арестован некто Ян Лацис. Взят с поличным — покупал у иностранного моряка золотые египетские монеты.

— Когда взяли?

— Представь, три недели назад. Мне дали свидание с этим Лацисом. Предъявил ему карточки. Он опознал Никитина. Но не сразу. Только когда узнал, что Никитин убит. Очень испугался. Его постоянный крупный клиент, уже два года. И в числе товара были однажды пятнадцатифунтовые английские монеты. Вот я и думаю: одно дело, если Никитин все это себе оставлял, и совсем другое, если спекулировал или был сбытчиком у кого-то третьего.

— Я сразу сказал, когда ты о поддельных пакетах фантазировал: тебе и этих монет хватит.

— Не торопись.

Степанов вынул из сейфа свернутые в трубку новенькие пакеты «Мальборо».

— Девять штук,— сообщил он с явным удовлетворением.

— Тоже она?

— Да. Говорит, Толя где-то по случаю купил. Я, понимаешь, рассуждаю как? Ну, опознал этот Лацис Никитина, ну, была между ними преступная связь, а нам-то с тобой какая польза? Никитина-то нет.

— Похоже, в тупик идем.

— Будем считать это промежуточным финишем. Давай-ка подытожим. Я буду строить, а ты ломай.

— Ломать не строить, душа не болит. Валяй.

— Чтобы тебе было легче, почитай вот это. Внимательно читай.

Степанов протянул Баскову заключение судебно-медицинской экспертизы. В нем было сказано, что смерть Никитина наступила между девятью и десятью часами вечера в пятницу, 6 апреля. Представленный экспертизе молоток

вообще может послужить орудием убийства, но сила нанесенного удара и конфигурация раны на черепе заставляют высказать сомнение, что «молоток явился таковым в данном случае». И в конце этой фразы — жирный вопросительный знак.

Степанов откинулся на спинку кресла.

— Значит, так. Имеем две версии: первая — Никитина убил Кузьмичев, вторая — Кузьмичев не убивал Никитина.

— Богато мыслишь. У тебя же не две версии, а одна, только с подкладкой.

— Не мешай... Итак, что говорит в пользу первой версии? В машине Кузьмичева найден молоток, который мог послужить орудием преступления, и золотая монета. Труп находился в доме, где живет Кузьмичев.

— Мы с самого начала считаем, что молоток и монета в машине Кузьмичева — сомнительные доказательства его причастности к убийству и ограблению квартиры Никитина. Человек, хладнокровно совершивший два тяжких преступления, не способен так небрежно отнестись к вещественным доказательствам. Это раз. Молоток как орудие преступления — под жирным вопросом. Это два. В-третьих, Кузьмичев действительно поехал к отцу, он не врал. Если он убил Никитина и оставил труп в квартире, где сам живет,— кто же он такой? Уехать и оставить три неопровержимые улики против себя преступник, способный на такие вещи, не может. Если он не страдает серьезным психическим расстройством.— Басков передохнул немного и продолжал: — Наконец, факт, позволяющий считать Кузьмичева невиновным в убийстве. Оно произошло не ранее двадцати одного часа. Кузьмичев выехал в Харьков на поезде в двадцать один ноль пять. Следует к тому же иметь в виду личность подозреваемого. Из того, что нам известно, Кузьмичева можно характеризовать сугубо положительно: правдивый, добрый, хороший. Заботливый сын. И смелый человек — задержал одного из нападавших на него грабителей, а может быть, и убийц. Все это дает право считать версию об убийстве Никитина Кузьмичевым несостоятельной.

— Ты как с кафедры,— заметил Степанов.

— Чтобы убедительнее.

— Тогда продолжим в том же духе... Если допустить, что убийство, ограбление квартиры и покушение на ограбление или убийство в поезде связаны между собой, есть основания подозревать Кузьмичева в определенной причастности к двум первым упомянутым выше преступлениям.

— Если Кузьмичев причастен к ним, то не в качестве преступника, а как жертва. В его машину подбросили молоток и монету, чтобы поставить дознание и следствие на ложный путь.

Помолчав, Степанов с ехидцей спросил:

— Если неизвестный преступник или преступники умышленно наводили следствие на Кузьмичева, зачем нужно было покушаться на него? Зачем убирать человека, которого намеревались сделать ответственным за преступление, совершенное другими? Мы ведь полагаем вероятным тот факт, что покушавшийся, известный нам под кличкой «Тренер», готовил свое преступление заранее, ибо своих сообщников — Брошина и Касимова — он пригласил накануне, в четверг. Он показал им Кузьмичева еще до посадки в поезд. Он ехал в одном купе с Кузьмичевым. Следовательно, все это не было случайностью. А отсюда вывод: «Тренер» действовал по заранее разработанному плану, который включал убийство Никитина и последующую инсценировку с вещественными доказательствами. Повторяю вопрос: зачем в таком случае устранять Кузьмичева? Чтобы все концы в воду? Но это слишком уж сложно... Да и риск лишний...

Басков закурил и сказал, оставив этот официально-высокопарный стиль:

— Есть такие гробокопательские формулировочки: сколько ни болела, а все же умерла. У нас что-то вроде этого, шиворот-навыворот. Как ни раскидывай, Иваныч, а все наши выкладки разбиваются одним железным фактом: билет для Кузьмичева покупал Никитин. Что ж, он, выходит, и для «Тренера» купил? И Брошин с Касимовым тоже не без билетов ехали.

— Тем более. Ты уверен, что Никитин сам покупал билет? Он дал Татьяне Никитиной билет для Кузьмичева, дал, понимаешь? Думаю, он был не из тех, кто в очередях стоит.

Степанов вынул из папки корешки двух театральных билетов, по которым ходили в Малый театр Татьяна Никитина и ее подруга Наталья Позднякова.

— Я попросил своих эти билеты проверить. Пока в Таллин прогуливался, проверили. Куплено в кассе театра в понедельник. Кто купил, установить нет возможности. Но эти билеты как раз в понедельник Никитин передал своей бывшей жене.

— О железнодорожных я тоже думал,— сказал Басков.— Просил в Туле разыскать проводников, вдруг у них билеты сохранились?

— Это было бы неплохо.

— Но ты не очень-то обольщайся.

— А вообще-то, Леша, чует мое сердце — ни Лацис этот, ни Брошин с Касимовым никуда нас не выведут. Прав ты насчет тупика.

— Ну, ты монетки-то не списывай. Они не только золотую стоимость имеют.

— Обижаешь!

— Послезавтра Кузьмичев приедет. Может, он тебе что прояснит, я ведь с ним по этому делу — ни слова.

— Мне завтра в шестнадцать докладывать. Потребуют план, а что я предложу? Ты вот подначивал насчет двух моих версий, а более-менее правдоподобно предполагать можно лишь одно: Никитина убил не Кузьмичев. Это и версией по-настоящему не назовешь, на таком предположении никакого плана не построишь. Выходит, ни одной версии нет.— В голосе Степанова явственно звучало уныние. Он положил руку на пакеты «Мальборо» и прибавил чуть веселее: — Но у нас еще вот это есть. Чаю хочешь?

— Спасибо. Покурю.

Степанов снял пиджак, повесил на спинку кресла.

— Между прочим, завтра Никитина хоронят.

— Думаешь пойти?

— Постою в сторонке.

— Да, чуть не забыл,— сказал Басков.— Кузьмичев говорит: Никитина просила его, чтобы оставил свои ключи соседям.

Степанов укоризненно покачал головой.

— Леша, Леша, я же старый больной человек, а ты меня так терзаешь...

— Я, правда, чуть не забыл.

— Не притворяйся. Когда просила?

— Извини, но о таких деталях спрашивать я не мог.

На следующий день Степанов навестил Семеновых, соседей Никитиной. Они подтвердили, что Саша Кузьмичев оставил им свои ключи перед отъездом в Харьков. Было это около восьми вечера. Утром они отдали ключи Тане. Это было в начале одиннадцатого.

Татьяна Никитина изложила историю с ключами точь-в-точь, как Кузьмичев и Семеновы. Она добавила, что и сама, когда уезжает надолго из Москвы, всегда оставляет ключи соседям, чтобы не потерять.

Степанов заметил, что разговор о ключах был Никитиной неприятен, но, поразмыслив, счел это естественным: ей и должно быть неприятно все, что напоминает о происшедшем.

В четыре часа дня в кабинете начальника следственного управления прокуратуры, руководившего расследованием, состоялось совещание. Степанов доложил о предпринятых мерах и намечаемых действиях. Басков рассказал о своей поездке в Харьков. Сообща составили детальный план. Договорились проводить короткие оперативки в конце каждого рабочего дня.

9

12 апреля приехал из Тулы оперуполномоченный Лосев, которого Басков просил насчет билетов и сумки.

Он привез билет Кузьмичева (сумку «Тренера» не нашли) и рассказал вот что.

Проводница вагона № 9 поезда № 19, немолодая уже женщина, оказалась не то чтобы дальновидным человеком, но проявила завидную добросовестность.

Она знала, что пассажира, занимавшего пятое место во втором купе, ранил бандит, именно она по приказанию начальника поезда принесла аптечку и перевязала пассажиру руку (после она сетовала на свою оплошность — подруга-медичка объяснила, что по теперешним научным правилам йод в живую рану лить не годится).

Она видела в Туле на перроне, как этого пассажира и какого-то кудлатого парня увела милиция, и пассажир уже не вернулся. Она подумала, что, может, он из командированных, а им билеты для отчета надобны. Поэтому билет его сохранила в ожидании, что он после хватится.

Что ранил пассажира бандит, занимавший шестое место, про то она не знала и билет его выбросила.

Басков был от души благодарен оперуполномоченному Лосеву. У него даже мелькнула мысль поблагодарить и проводницу — телеграммой, разумеется. Но, подумав, он счел это чересчур сентиментальным жестом. В конце концов она ничего сверхъестественного не совершила.

Степанов, услышав о билете, обрадовался.

— Я к тебе сейчас своего сотрудника пришлю, Барышев фамилия. Отдай ему...

...Следователь Барышев из группы, которую возглавлял Степанов, был двадцатипятилетним человеком неприметной наружности. Одевался он небрежно. За год Степанов ни разу, например, не видел его при галстуке, хотя носил он обыкновенные рубахи, иногда даже белую. У Степанова было поползновение намекнуть об этом Барышеву, но он, конечно, не стал поступать так бестактно.

Еще отмечало Барышева редкое имя, данное ему родителями. Его звали Денис.

Во всем остальном Барышев был безупречен. За тот же год он показал, что не зря имеет высшее юридическое, и к тому же у него за плечами было два года работы в угрозыске. Степанов сам попросил, чтобы его назначили к нему в группу. В плане намеченных действий Барышеву отводилась довольно сложная роль, а пока Степанов поручил ему установить, где, когда и кем куплен билет для Кузьмичева.

Где — это не проблема. И когда — тоже. Барышев установил «где» и «когда» уже через два часа. Билет куплен в одной из касс дальнего следования на Курском вокзале 4 апреля (Степанов отметил, что именно четвертого Кузьмичев получил телеграмму из Харькова о болезни отца; в тот же день он, значит, и попросил Татьяну Никитину о билете, а она попросила Анатолия Никитина).

Кем — вопрос потруднее.

Барышев взял пакет, в котором лежали шесть фотографий,— четыре портрета разных мужчин, не имеющих к делу никакого отношения, портрет Никитина и портрет «Тренера», созданный криминалистами в НТО синтетическим способом. И отправился на Курский вокзал.

После недолгих изысканий кассовый начальник определила, в какой кассе был продан предъявленный Барышевым билет. К счастью, кассирша, работавшая 4 апреля, работала и сегодня.

Вызвав справедливый гнев издерганной, нервной очереди, кассиршу пригласили в кабинет.

Сначала Барышев показал ей сразу все шесть фотографий, не питая ни малейшей надежды на успех. Как может кассир, не менее издерганный, чем очередь, запомнить в лицо покупающего билет, когда ей некогда головы поднять? И действительно, кассирша заявила, что людей, изображенных на карточках, она никогда не видела, потому что вообще никого не видит, когда продает билеты.

Тогда Барышев использовал наводящую деталь, которой снабдил его Степанов, сказав, что, возможно, были куплены одним человеком четыре билета одновременно.

— Вспомните, пожалуйста, продавали вы в прошлую среду кому-нибудь четыре билета сразу,— попросил Барышев кассиршу.

— Четыре в одни руки редко бывает,— сказала начальница.

Кассирша бросила на нее быстрый и, как показалось Барышеву, укоризненный взгляд и сказала с досадой не ему, а начальнице:

— Васька из меня жилы тянет, хоть бы отвадили вы его.

— Что за Васька? — спросил Барышев.

— Носильщик. Больно шустрый,— ответила кассирша.— Раз помогла — теперь не отвяжешься.

— Вы ему четыре билета продали?

— Ну да. Прилип... Еще и пятерку совал...

— А какие, не помните?

— Две плацкарты в общий, два купейных.

— А как его фамилия?

— Черт его знает. Васька и Васька... Номер, кажется, не то тридцать первый, не то тридцать второй.

— Спасибо большое.

— Вляпался, что ли?

— Не волнуйтесь, ничего не случилось.

— А я и не волнуюсь, я пятерки не брала...

Барышев пошел в вокзальную милицию.

Через четверть часа привели Ваську — небольшого роста жилистого парня с невинно глядевшими серыми глазами. Только присмотревшись, можно было понять, что ему уже за сорок.

Барышев вынул из портфеля бланки протоколов, записал фамилию, имя, отчество, и тут Васька утерял невинный вид, снял свою форменную фуражку.

— А чего я сделал?

— Вы в прошлую среду, четвертого апреля, покупали в кассе четыре билета до Харькова? — спросил Барышев.

Испуг моментально исчез, Васька вновь глядел невинно.

— Было дело.

— Для кого?

— Врать не буду — за четвертной.

— Я спрашиваю: для кого?

— Ну, я у стоянки такси с телегой стоял, подошел один, в порядке мужик, говорит: свояк, нужны билеты, а в кассе очередь аж до Ваганьковского кладбища. И показывает четвертной. Ну, у меня в кассе знакомая есть, добрая баба. Попробую, говорю. Он деньги на билеты дал, я беру свою телегу, а он говорит: оставь, я посторожу. Купил билеты, аж четыре. Принес — он мне бумажку в руку, и до свидания.

Барышев попросил товарищей позвать понятых из зала и разложил на столе шесть пронумерованных фотографий.

— Посмотрите хорошенько, не знаком ли вам кто-нибудь из этих людей.

Васька, заинтересованный, скользнул по карточкам быстрым взглядом, положил мизинец на «Тренера», отнял руку, посмотрел на него еще раз и сказал:

— Не я буду, вот этот.

— Что вот этот?

— Билеты купил.

Барышев составил протокол. Васька с удовольствием его прочел и подписал.

Убирая карточки и листы в портфель, Барышев спросил:

— А почему он к вам обратился, а не к кому другому?

— Так мы же полномочные представители вокзала — первые пассажира встречаем, первые провожаем. Мы должны, чтоб пассажир заботу чувствовал и повышал настроение,— явно подражая кому-то более солидному, чем он сам, с некоторым пафосом объяснил Васька. Он, кажется, был неподдельно доволен, что им интересуется прокуратура.

— Я говорю, носильщиков на вокзале много, а он обратился именно к вам. Почему?

— Наверно, я ему понравился.

С Васькой все было ясно. Барышев напоследок сказал:

— А с четвертными вы полегче, это взятка. И с заднего хода билеты не покупайте.

— Учтем, товарищ начальник.— Васька надел фуражку и козырнул.

...То, что добыл Барышев, ничего полезного для розыска «Тренера» не прибавило: цепь на нем и замкнулась, а о его существовании и без того давно известно. Следствию это дало полную определенность по крайней мере в вопросе о билете Кузьмичева. Но теперь возникло несколько новых вопросов. Был ли знаком Никитин с «Тренером»? Просил ли он непосредственно «Тренера» о билете для Кузьмичева, или между ними был посредник? Если был посредник, то кто он?

Исходя из представлявшегося достоверным предположения, что происшествие в поезде, убийство Никитина и ограбление его квартиры — единое целое, а Кузьмичев ни в чем не виновен, Степанов сделал вывод: вся эта акция была тщательно спланирована; поскольку ее частью являлось нападение на Кузьмичева, а о его отъезде в Харьков стало известно в среду 4 апреля, то именно в этот день ее и спланировали.

Вырисовалась схематическая картина того, как все произошло. Но следствие вперед не продвинулось, ибо полученные до сих пор результаты расследования не позволяли хотя бы предположительно, в виде мало-мальски пригодной версии ответить на главный вопрос: кто разработчик плана?

Не на все сто процентов, но Степанов был уверен, что не «Тренер» — по той понятной причине, что преступник, способный в один день сплести столь сложную и жестокую комбинацию, должен быть фигурой покрупнее «Тренера». Трудно представить, чтобы такой позволил себе самолично добывать билеты и общаться на вокзале с людьми, в силу профессии обладающими хорошей памятью на лица.

На все сто процентов Степанов был уверен, что основным объектом преступления служил Никитин. На какое по значению место в ряду объектов поставить Кузьмичева и квартиру Никитина, Степанов определить затруднялся.

В общем, прав Басков: след, по которому шли они с Профсоюзной улицы, привел в тупик. Позавчера еще теплилась слабенькая надежда, что хоть один из отпечатков, взятых в квартирах Никитиной и Никитина, вдруг удастся идентифицировать в дактилоскопической картотеке. Но зря надеялись.

Пора приступать к осуществлению собственного плана.

...Степанов позвонил Баскову.

— Леша, есть четыре билета от «Тренера».

— Ну вот, прекрасный подарок. Далеко уедем.

— Грустно, брат.

— Велика беда!

— Да я не про то. Утром на кладбище был... Понимаешь, провожала покойного квартира, три старушки, ну, где раньше жил, где мать живет, да Никитина с подругой, да школьная его учительница. И больше ни души.

— А ты что, хотел, чтоб как Шукшина?

— Ну все-таки... Колотился, колотился человек, под молоток попал, понимаешь ли...

— У тебя что, других забот нет? — прервал его Басков.

— Ты бы на мать посмотрел...

10

Хлопотным делом оказалось заполучить настоящий фирменный пакет компании «Филипп Моррис» с изображением пачки сигарет «Мальборо». В Москве найти трудно, разве что бродить по улицам в расчете встретить человека с таким пакетом.

В аэропортах западноевропейских и заокеанских городов подобные рекламные пакеты раздаются бесплатно — в киосках той зоны аэровокзала, где отлетающие пассажиры, пройдя таможенный и пограничный контроль, ожидают приглашения на посадку.

Степанов собирался отдать принесенные Никитиной фальшивые пакеты на экспертизу. Для сравнения желательно было иметь подлинный.

Выручил Басков. У него друг — командир экипажа, летает на лайнере, совершающем рейсы в города Западной Европы. Басков попросил его привезти один пакет, не объясняя, разумеется, для чего он понадобился. (Друг язвительно спросил: «Что, твоя Маша тоже в эти записалась? Или ты сам?» Он подразумевал — в показушники. Басков сказал, что в таком случае он попросил бы привезти рубаху с рекламой фирмы «Пума».) Оставалось подождать дня два-три.

К экспертизе следовало привлечь специалистов из двух министерств — машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов и Минхимпрома.

Степанов ставил перед экспертами два вопроса:

1) Где изготовлены пленка и краска, из которых сделаны пакеты?

2) Возможно ли изготовление таких пакетов кустарным способом?

Основа плана Степанова состояла в том, чтобы обнаружить производителей фальшивых пакетов.

Возможно, Никитин имел с ними связь, если не прямую, то через кого-то.

Даже найдя этого «кого-то», не говоря уж о производителях, получишь какие-то связи Никитина, которых сейчас в руках следствия нет ни одной,— арестованного Яна Лациса в расчет принимать, к сожалению, не приходится: ему о Никитине, кроме как о скупщике золота, ничего не известно. Он и фамилию-то настоящую не знает, ему Никитин якобы назвался Соколовым.

Районный угрозыск тоже пока не выявил никого из круга нынешних знакомых Никитина.

Производители, кстати, и сами по себе представляют интерес — правда, больше не для Степанова, а для БХСС.

С 13 апреля план вступил в действие.

Начать должен был Барышев. Степанов вызвал его к себе, чтобы проинструктировать, после обеда.

А до обеда у начальника отдела было совещание, на котором присутствовал и Басков. Окончательно разработали детали на случай возможных поворотов.

Отправным пунктом был Баку. Никитин часто ездил на юг, и единственный южный город, о котором точно известно, что Никитин его посещал,— это именно Баку: оттуда он прислал матери поздравительную телеграмму. Допустимо, что оттуда привез и пакеты.

Барышева выбрали потому, что он и следователь хороший, и имеет опыт оперативно-розыскной работы.

Инструктаж длился недолго. В заключение Степанов счел наконец удобным намекнуть Барышеву насчет его внешнего вида: «Ты галстук захвати. Надень для представительства. Все-таки мы — столица». Прямо из кабинета Степанова Барышев отправился оформлять командировку.

В четыре часа Степанов ждал вернувшегося из Харькова Кузьмичева. Он явился минута в минуту.

До этого Степанов видел его только на фотографии, но если бы видел, что называется, и вживе, то все равно вряд ли признал бы его в том человеке, который стоял перед ним сейчас.

Понять можно: в поезде на тебя нападали с финским ножом, в Харькове отец парализован, в Москве на голову свалилась весть об убийстве Никитина, да еще и того хуже — тебя же в убийстве и подозревают, и никуда не денешься: есть улики. Но все же Степанов, всякого насмотревшийся за время службы, почти тридцатилетней, никогда не думал, что молодой человек, неделю назад отменно здоровый, может так быстро превратиться почти в старика.

Допрос был долгим. Кузьмичев по часам и минутам рассказал о той проклятой пятнице — о покупках в ГУМе, о встрече со слесарями на автобазе, про обои и записку Татьяны Никитиной насчет ключей.

Во всех подробностях были восстановлены события, разыгравшиеся в поезде, и все последующее.

Ревновал ли он Татьяну к Анатолию Никитину? Может, и ревновал немного, а вообще не очень-то приятно было, что Анатолий продолжал иногда захаживать в свой бывший дом.

Об отношениях брата Татьяны и Анатолия ему ничего не известно — не интересовался.

О портрете-фотороботе «Тренера» Кузьмичев заявил, что в обличье сходство есть, но выражение лица непохоже.

Продолжение следует.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Не стало Олега Шмелева, доброго, красивого, настоящего человека, отличного журналиста, автора широко известных книг, автора повести «Ключи», которую сейчас печатает «Огонек».

Жестокая болезнь, которой он мужественно сопротивлялся, отняла у нас друга. Сразу после войны, где он сражался простым солдатом на Ленинградском фронте, был дважды ранен, награжден медалью «За отвагу», Олег Михайлович пришел в большую журналистику и более 35 лет проработал в нашем журнале. Не было темы, не было жанра, которые были бы ему не подвластны. Олег Шмелев всегда стремился помочь делу и людям, защитить их честь и достоинство, дать путевку в жизнь новому. Миллионам наших читателей он известен и как автор многих остросюжетных произведений. Миллионы и миллионы зрителей полюбили фильм «Ошибка резидента», созданный по одноименному роману Олега Михайловича, и последовавшие за ним «Судьба резидента» и «Возвращение резидента».

Только еще вчера он был среди нас, правил рукописи, помогал советом, избегал сочувственных разговоров — и вот сегодня его нет.

Олег Шмелев был честным и смелым человеком, прекрасным товарищем. Мы склоняем головы перед его памятью.

ОГОНЬКОВЦЫ

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Марины ПЕТРОВОЙ

КЛЮЧИ

В тот вечер, когда Александр Кузьмичев, второй муж Татьяны Никитиной, уехал в Харьков, в их квартире был убит ее бывший муж Никитин. Подозрение падает на Кузьмичева, но, оказывается, на него тоже было совершено нападение в поезде. Юнцы блокировали двери в тамбур, а «Трепер» ударил Александра финкой. Двое спрыгнули с поезда, а третьего задержал Кузьмичев. Когда раненого Александра увезли в Туле на «Скорой помощи», проводница не выбросила билет. По нему и узнали, что носильщик купил в кассе сразу четыре билета, и все — для «Трепера», которого он опознал по фотографии. Расследование не сдвинулось с места и после поездки следователя Степанова в Таллин. Валютчик, продававший Никитину золотые монеты, не сказал ничего нового. И тогда решают заняться поддельными пакетами с надписью «Мальборо». Их принес Татьяне ее бывший муж. В Баку, куда часто ездил покойный, отправляется следователь Барышев.

Разница во времени между Баку и Москвой час, в Баку солнце встает раньше, однако Барышев прилетел задолго до начала рабочего дня. Найдя в зале розетку, он побрился электрической бритвой и на автобусе приехал в город.

Он ходил по улицам, и ему было очень интересно, потому что он никогда раньше в Баку не бывал.

Неожиданно набрел на рынок и обрадовался: работа, ради которой он сюда прилетел, в числе прочего включала осмотр рынков.

Погода стояла ненамного теплее московской, но солнце жгло непривычно для него.

Народу на рынке было полно, и продавцов не меньше, чем покупателей. Торговали всяческой зеленью, орехами грецкими и фундуком, кореньями и сушеньями и неведомыми Барышеву пряностями. Он прошелся по фруктовому ряду, приценился к грушам и отошел, ошеломленный, сопровождаемый насмешливым взглядом черноусого продавца, у которого на голове громоздилась папаха из рыжего каракуля.

Всем чем угодно торговали на рынке, только не тем, что искал Барышев. Пакетов «Мальборо» не было видно.

Выйдя с рынка, он повстречал милиционера и спросил, как добраться до городской прокуратуры.

Заместитель прокурора, к которому нужно было Барышеву попасть и которому, он знал, вчера звонили из Москвы, принял его немедля.

Барышев нашел полное понимание и готовность к сотрудничеству; по телефону был легко улажен квартирный вопрос, и он, вдохновленный хорошим началом, отправился в гостиницу «Азербайджан».

Ему предложили такой номер, что подотчетных квартирных хватило бы от силы дней на пять, а у него командировка на две недели. Барышев, к удивлению администратора, робко попросил что-нибудь подешевле и получил номер, показавшийся ему прекрасным. Барышев впервые был в такой дальней командировке и впервые поселялся в гостинице, поэтому даже процедура оформления, не говоря уж об осмотре номера, сделалась для него целым событием.

Однако, пробуя, исправно ли действуют краны в ванной, он представил себе, с какой бы изощренностью поиздевались старые волки с Петровки и Новокузнецкой над его безумными восторгами, если бы наблюдали за ним, и устыдился. У него же есть занятие посерьезнее — необходимо решить проблему галстука.

Барышев помнил только, да и то смутно, как повязывается лишь один галстук — пионерский. Никаких иных он по сию пору не носил. Минут сорок, а может, и весь час терзал он перед зеркалом себя и галстук, три пота сошло, но каждый раз получалось как пионерский — концы в разные стороны. Чувствуя, что вот-вот озвереет или сделает петлю из этого проклятого галстука и повесится, Барышев бросил полосатого змея в корзину для бумаг, стоявшую у стола, разделся до пояса, помылся и надел свежую рубаху. Потом посидел в мягком кресле, отдохнул, потому что испытывал усталость хуже, чем после самолета.

Плохо, конечно, Степанов бы, наверное, сделал ему замечание, но, во-первых, он уже представлялся без галстука заместителю прокурора, и ничего, землетрясения не произошло, а уж с ребятами из милиции чем проще, тем лучше. Ему не посетителей принимать, а исполнять черную работу сыщика...

Рассудив так и успокоившись, Барышев взял из чемодана пакет «Мальборо», положил во внутренний карман пиджака и отправился в городское управление внутренних дел.

Начальник УБХСС, выслушав его, поговорил с кем-то по телефону. Явился молодой парень, на вид лет двадцати (после выяснилось, они с Барышевым ровесники). Познакомились. Инспектор пригласил к себе и по дороге попросил называть его просто по имени — Балабек.

В кабинете Барышев расстелил на столе пакет и изложил задачу, не вдаваясь в детали дела, которых он и сам не знал, и спросил, не приходилось ли Балабеку видеть в городе такие мешочки.

— Я не курю, дорогой, но такие красивые сигареты видел. А мешки не видел.— Балабек говорил с легким акцентом, и это выходило симпатично.

Барышев сначала подумал, что вряд ли местом производства пакетов может быть Баку, коли в городе трудно их встретить. Но потом ему пришла мысль, что, может быть, как раз и наоборот: сбывать подпольно произведенную продукцию безопаснее где-нибудь в другом месте, по принципу «где живешь — не воруй». К тому же у Балабека не только и забот, чтоб глядеть на пакеты.

Договорились так: будут ходить по городу, предпочтительно по самым модным улицам, обойдут рынки, универмаги, вокзалы. Если посчастливится встретить продавца пакетов, Барышев сделает покупку, а Балабек постарается после определить, где продавец живет. Если же им попадется обыкновенный прохожий с пакетом, Барышев поинтересуется, где можно обзавестись таким великолепным сувениром. Решили начать тут же.

Вышли на улицу.

Балабек спросил:

— Ты завтракал?

— Нет.

— Идем, дорогой, я тоже кушать захотел.

Балабек привел его в крошечный ресторанчик, расположенный на первом этаже старого дома, и Барышев поел очень вкусно — мясо под соусом, и много зелени, и горячий лаваш с хрустящей корочкой, а на запивку душистый чай, который наливали в маленькие стаканчики с тонко перехваченной талией...

...Три дня путешествовали они по городу и не увидели ни одного пакета. Для Барышева это было небесполезно и, более того, увлекательно и познавательно — он изучил Баку гораздо лучше, чем сумел бы это сделать, путешествуя в группе организованных туристов в сопровождении экскурсовода. У него экскурсовод был персональный. А Балабек заскучал.

И вот на четвертый день утром, проходя по набережной вдоль моря, возле гостиницы «Интурист» они встретили девушку с новеньким пакетом фирмы «Мальборо».

Барышев остановил ее словами:

— Простите, пожалуйста, за дурацкий вопрос. Где вы купили этот мешочек? Меня просили достать...

Девушка повернулась в ту сторону, откуда шла, и сказала:

— А вон там, у киоска, бабушка продает. В серой беретке.

— Спасибо.

Бабушка в серой беретке и длинном темно-синем платье с длинными рукавами, с большой черной хозяйственной сумкой в одной руке и с дымящейся папиросой в другой скромно стояла в тени большого, неизвестного Барышеву по названию цветущего куста на краю приморского бульвара.

Они издали стали наблюдать за нею.

Бабушка действовала с разбором. Ее система была основана на элементарном знании психологии, необходимом каждому торговцу, особенно торгующему незаконно. Мужчинам она свой товар не предлагала, солидным женщинам — не всем, и девушкам тоже. Она высовывала из черной сумки красный уголок глянцево блестевшего пакета только тогда, когда мимо проходила девушка или женщина с фирменным, но уже поношенным пакетом иностранного происхождения или от «Березки».

Система срабатывала безотказно: все, кому показывался пакет, покупали его.

Барышев подошел к бабушке в тот момент, когда она, бросив окурок, отсчитывала сдачу с десятки высокой девушке в соломенной шляпе, а девушка перекладывала какие-то баночки и коробочки из старого пакета в новый.

Девушка удалилась, а Барышев спросил у бабушки:

— Сколько стоит?

— Три, уважаемый. Импортная вещь.

Барышев посмотрел на нее, как бы раздумывая. Выцветшие голубые глаза глядели на него выжидательно. Лицо у бабушки было русское, но лиц такого цвета ему не приходилось видеть в Москве. Даже глубокие морщины на щеках, у глаз и на лбу были темно-коричневыми до самого дна: наверно, оттого, что по роду занятий бабушка вынуждена проводить под открытым небом намного больше времени, чем другие граждане Баку.

Речь ее отдавала некоей изысканностью, что показалось Барышеву неожиданным у человека, посвятившего себя занятиям такого рода, но он счел это местной экзотикой.

Барышев достал бумажник, вынул трешку. Бабушка вытянула из черной сумки пакет, и он успел заметить, что у нее там еще много, может, штук пятьдесят, аккуратно сложенных вдвое. А может, и меньше — на глаз не определишь.

Барышев ушел, а Балабек остался.

У себя в номере Барышев сравнил привезенный пакет с купленным. Получилось, что называется, один к одному. Зная особенность пакетов, он потер сухим пальцем новоприобретенный — на пальце осталась краска.

Поздно вечером Балабек привез бабушку в милицию и поднялся вместе с нею в свой кабинет, где их ждал Барышев. Темно-коричневое лицо бабушки при электрическом свете казалось черно-серым. Держалась она спокойно.

Сев на стул, попросила разрешения курить. У некурящего Балабека не было пепельницы, он дал ей лист бумаги. Она свернула кулечек.

Барышев, сидевший за столом, спросил у бабушки, как ее зовут.

— Екатерина Петровна, с вашего разрешения,— взглянув на него и явно узнав в нем утреннего покупателя, ответила она.

— Вы занимаетесь незаконным промыслом, уважаемая Екатерина Петровна.

— Позвольте, какой же это промысел? Получаю сто пятьдесят пакетов в месяц, да и то не всегда. Я продаю за три рубля, но два с половиной отдаю. Пенсии мне не положено. Сочтите, сколько получается. И потом, это унижает мое достоинство. Я не торговка.— Она совсем не заботилась о том, что другие могут усмотреть в ее словах вопиющее противоречие.

— Где вы их берете? — усмехнувшись, спросил Барышев.

Екатерина Петровна гордо вскинула голову и сказала с волнением:

— Я не должна этого говорить.

— Будьте справедливы, Екатерина Петровна, мы ведь имели право задержать вас, но не задержали. И сейчас я вас не допрашиваю, а надеюсь на ваше благоразумие и помощь.

— Он ужасный человек. От него можно ждать чего угодно.

— Кто бы он ни был, вам нечего бояться. Он не узнает, что вы были здесь. Если, конечно, вы сами ему не скажете.

— Что вы, господь с вами! — Она взмахнула руками так, что пепел из кулечка обсыпал ей колени.

— Так кто же он?

Продолжение. См. №№ 47—49.

Екатерина Петровна оглянулась на сидевшего у нее за спиной Балабека.

— Ничего, тут все свои люди,— сказал он и улыбнулся.

— Роберт Ситпаев,— сказала она.

— Кто он такой? — спросил Барышев.— Чем занимается?

Екатерина Петровна закашлялась. Бросив докуренную папиросу в кулечек и придавив ее, она неопределенно пошевелила в воздухе пальцами.

— Как-то я случайно видела — он выходил из автомобиля возле министерства. У него свой автомобиль.

— Возле какого министерства?

— Простите, не помню. Помню, что там была красивая черная доска с золотыми буквами, а какое — мне как-то не пришло в голову читать.

— Екатерина Петровна, вы давно живете в Баку? — задал вопрос Балабек.

Она обернулась к нему и воскликнула с пафосом:

— Всю жизнь! — И добавила в пояснение: — Родители переехали сюда из Петрограда в шестнадцатом году, мне было тогда семь.

— Неужели вы так плохо изучили город, что не знаете, где какое министерство? — удивился Балабек.

— Милый мой, я всю жизнь прожила за спиной у мужа и никогда не интересовалась министерствами.

— Сколько лет этому Роберту Ситпаеву? — спросил Барышев.

— Думаю, лет тридцать пять, но он очень толстый.

Барышев достал из кармана блокнот.

— Екатерина Петровна, вы у него дома бывали?

— Только один раз, еще при первом знакомстве. Товар я получаю у него на даче. Роскошная дача!

— Вы одна на него работаете или есть и другие?

— Я знаю еще одного продавца, тоже старушка. Но у нее другая метода. Она не стоит с этими пакетами в определенном месте, она предпочитает ходить по всему городу.

— Где живет Ситпаев?

— Улица Аганий Матула.

— Я знаю эту улицу,—сказал Балабек.

Барышев записал номер дома и квартиры и спросил:

— А отчество?

— Рзаевич.

— Каким образом вы познакомились?

— По чистой случайности. Прошлым летом я сдавала в комиссионном китайскую вазу. Не то чтобы старинная, но чудесная ваза. Было неважно с деньгами. Ну, он подошел и сказал, что готов купить ее прямо без комиссии. Он показался мне вполне приличным человеком и заплатил довольно большую сумму. Он даже довез меня до дома. А потом заехал как-то и предложил помочь, а еще потом привез эти самые пакеты и объяснил, как надо их продавать. Я почему-то согласилась.

— Спасибо, Екатерина Петровна,— вставая, сказал Барышев.— Надеюсь, вы никому о нашем разговоре рассказывать не станете. Особенно Роберту Рзаевичу.

Она опять замахала руками.

— Помилуйте! Я же не враг себе.

— Благодарим вас, всего доброго.

— Так меня не заберут? — В голосе ее слышалось некоторое разочарование.

— Ну зачем же.

Екатерина Петровна тоже встала.

— Конечно, слишком много чести.— Она вздохнула и, секунду подумав, сказала: — Я глупая старуха, но у меня достаточно ума понять... Мой бизнес потерпел крах?

Барышев развел руками.

— Увы, Екатерина Петровна, это, к сожалению, противозаконно.

Она неожиданно рассмеялась, от души, беззвучно, как порою человек, будучи один, смеется сам над собой, припомнив какой-нибудь нелепый свой поступок. Даже слезы на глазах выступили.

Смахнув их выдернутым из узкого рукава кружевным маленьким платочком, она сказала:

— Из меня получился бы недурной американский гангстер или итальянский мафиози, не правда ли?

— Вы, кажется, неплохо подкованы в этой области,— с улыбкой заметил Барышев.

— Я же читаю все газеты. На стендах.

Посмотрев на ее разбитые, давно облупившиеся лаковые туфли, Барышев нечаянно для себя спросил:

— Простите, Екатерина Петровна, а на что же вы живете? Только на эти пакеты?

Она опять вздохнула.

— У меня есть сын и дочь. Ему уже пятьдесят семь, а ей годом меньше. Они в Москве. Присылают кое-что, правда, нерегулярно. Но жить, знаете ли, можно. Я не унываю, жизнь прекрасна. У меня уже и внуки давно взрослые, вот такие, как вы, а может быть, и старше.

Наступило какое-то неловкое молчание, которое прервала Екатерина Петровна.

— Ну, спасибо вам, юноши, я пойду. Боюсь, соседка будет недовольна, она рано ложится, ей на работу к восьми.

— Вас отвезут,— сказал Балабек почти с нежностью.

К двенадцати часам следующего дня о Роберте Рзаевиче Ситпаеве было известно все, что можно почерпнуть из анкеты и собственноручно писанной автобиографии, хранящихся в отделе кадров, а также кое-что о его сегодняшнем положении — то, что можно выяснить деликатным путем, не бросая на человека ни малейшей тени.

Сорок один год. Беспартийный. Образование — незаконченное среднее. За двадцать лет сменил девять мест работы. Сейчас в системе бытового обслуживания.

Женат, имеет двоих детей — сына десяти лет и дочь восьми лет. Жена — домохозяйка.

Судимостей не имел.

Таковы анкетные данные. А вот неанкетные.

В этом году очередной отпуск по графику положен Ситпаеву в сентябре. (Это Барышеву немаловажно знать: вдруг Ситпаев на днях уедет в отпуск.)

В командировки ездить Ситпаеву по роду службы не приходится.

Оклад — сто тридцать рублей.

Круг знакомых невелик (в основном сослуживцы).

Имеет машину — «Волгу» последней модели. Владеет загородным каменным домом (полезная площадь — 120 квадратных метров).

Портрет, конечно, незаконченный, но если прибавить к этому рассказ Екатерины Петровны, общее представление о личности Ситпаева складывалось вполне определенное и не в его пользу.

Барышев сочинил довольно пространную телеграмму, в которой изложил данные о Ситпаеве и его отношении к продаже пакетов. Немного поколебавшись, он все-таки подавил в себе соображения служебной субординации и в

конце телеграммы высказал свое личное мнение: «Считаю правомерным обыск дачи Ситпаева».

Начальник Балабека быстро урегулировал вопрос о передаче телеграммы в Москву, и Балабек отнес ее на телетайп.

11

На вопросы, поставленные Степановым, эксперты ответили:

1) пленка, из которой изготовлены пакеты, и краска отечественного производства (указывались предприятия — производители того и другого);

2) изготовление пакетов кустарным способом невозможно, так как для штамповки и для нанесения рисунка необходимо специальное оборудование, которое для частных лиц не предназначено.

Когда пришла от Барышева телеграмма из Баку, было возбуждено уголовное дело о незаконном производстве и продаже пакетов. Степанов получил санкцию на обыск квартиры и дачи Ситпаева. Еще раз обговорили варианты возможных действий.

Взяв пяток фотокарточек, среди которых были портреты Никитина и «Тренера», Басков 25 апреля вечером поехал в Домодедово.

Барышев и Балабек встретили его в аэропорту и отвезли на машине в гостиницу «Азербайджан», где ему дали номер рядом с Барышевым.

Они тут же провели маленькое совещание. Балабек обрисовал Баскову распорядок дня Ситпаева.

Рано утром Ситпаев привозит свою семью из загородного дома в город — детей в школу, жену на базар (после уроков жена забирает детей и возвращается на такси). С девяти утра Роберт Рзаевич на работе. Так как семья его на даче, обедает он в ресторане гостиницы «Интурист», что на набережной. Это происходит от часу до двух. У Ситпаева в ресторане постоянный столик, и он — по крайней мере в последние два дня — бывает там с молодой особой яркой внешности, которую привозит в автомобиле,— вероятно, сослуживица. После обеда Ситпаев отвозит девушку к зданию, где расположена его контора, а сам едет к себе домой, на улицу Аганий Матула. Выходит из дому в пять.

Что может делать человек три часа в пустой квартире после вкусного, плотного обеда? Спит, наверное, и правильно делает, ибо послеобеденный отдых полезен, иначе зачем бы в санаториях и детских садах делать обязательным тихий час...

Отдохнув, Роберт Рзаевич садится в машину и едет к своей конторе, но паркуется не перед центральным входом, а на параллельной улице. Без четверти шесть появляется девушка, и они снова отправляются на набережную, но останавливаются не возле «Интуриста», а возле старого крепкого жилого дома. Войдя в подъезд вместе с девушкой около шести часов вечера, Ситпаев выходит один в семь часов.

С набережной он едет на дачу, куда прибывает через сорок минут, безмерно радуя своим появлением детей и жену.

Можно понять, что Роберт Рзаевич любит порядок и размеренность жизни, и это делает ему честь...

Все выглядело в изложении Балабека столь изящно, что Басков сказал:

— Не хочется мешать человеку. Такую жизнь построил. Так у него шикарно налажено.

Балабек сощурил свои карие глаза.

— Я слышал, Алексей Николаевич, у вас такая поговорка есть... Как это?.. Хватит коту масло кушать.

Басков улыбнулся.

— Правильно, Балабек! Не все коту масленица. Значит, дадим ему часок поспать, а в полчетвертого разбудим. Кстати, у вас во дворах трибуналы заседают?

— Какие трибуналы? — не понял Балабек.

— Ну, старушки на лавочках. В Москве их так называют.

— Не везде, но заседают.

— Я насчет понятых. Но пригласим не с его двора, а по соседству. Так сказать, с нейтральной территории. А с трибуналами, между прочим, феерические случаи бывают. Хотите байку из жизни?

И Басков поведал в качестве примера полезной деятельности «трибуналов» об одной трагикомической истории, происшедшей не так давно в Москве...

Во дворе большого дома сидели на скамейке три бабушки. Внучата копались в песке и качались на качелях, а они мирно разговаривали. День стоял ясный, солнышко грело ласково. И вот видят бабушки: появляются во дворе два патлатых молодых человека, лет по двадцать пять от роду, направляются ко второму подъезду. Что-то в их обличье и походке не понравилось бабушкам, и одна из них громко спрашивает: «Вы к кому, касатики? Может, их дома нет». «К Димке,— отвечают.— Димка ждет». И скрылись в подъезде.

Говорят, в тысячеквартирных новых домах соседи о соседях ничего-то не знают. Что до людей работающих, то это, может быть, и верно, но к «трибуналам» это не относится, «трибуналы» знают все.

Бабушки переглянулись многозначительно: никакого Димки во втором подъезде нет. «Кажись, нечисто дело»,— сказала первая бабушка. «У этого, у рыжеватенького-то, роже-то разбойничья»,— сказала вторая. Третья, вероятно, еще лучше усвоила отеческие наставления их участкового инспектора, который не ленился проводить со своими подопечными гражданами профилактические беседы. Она сказала решительно: «Вот что, бабы. Вы тут присмотрите, а я ноль-два позвоню». И пошла на улицу, где телефоны-автоматы. «Ты, Михайловна, поищи какой-никакой дрючок, а я буду сторожить»,— сказала первая бабушка второй. Она открыла дверь подъезда и стала на пороге, а Михайловна отправилась в обход по двору в поисках палки, жердины или иного прочего дрючка — мысль подруги была ей понятна. В дальнем углу, под кустом, она нашла то, что нужно, даже лучше: это был железный прут толщиной в палец, согнутый в виде шпильки для волос. Михайловна поспешила к подъезду, и как раз вовремя: подруга, торопя ее, крутила в воздухе ладошкой.

Спустился лифт, из него вышли касатики — у каждого по два чемодана. Бабушки действовали проворно. Захлопнув дверь подъезда, они просунули тяжелую железную шпильку в ручку одним концом, а другой — чтобы не выскочила, когда начнут трясти дверь — взяли в руки. Тут и третья бабушка подоспела, объявив: «Мигом будут».

Дверь задергалась. «Что такое?» — услышали бабушки ошалелый голос одного касатика. «Чего чикаешься? Пошли!» — занервничал другой. «Не открывается!» Бабушки, довольные, хитро перемигнулись. «Не спешите, родимые,— сладко проворковала Михайловна.— На машине отвезут, уже едут, потерпите малость».

Что тут началось! Касатики дергали дверь, пока ручка с их стороны не оторвалась. Тогда они стали пинать дверь и кидаться на нее с разбегу всем телом. Но она держалась прочно.

Они матерились и грозились, они обещали нащепать из бабушек лучины. Слушая их звериное рычание и крики, бабушки улыбались блаженно, как будто это была райская музыка. Потом за дверью наступила тишина, потом в тишине послышался скрип зубов, и кто-то из касатиков проговорил утробным голосом: «Откройте, мамаши, сто рублей дадим». «Ишь, сердешный, помягчал»,— с сочувствием сказала Михайловна.

Касатики с озверелыми воплями снова кинулись на приступ двери, но тут приехала милиция на двух автомобилях. Воры вышли из подъезда красные, потные, патлы дыбом. Вид у них был, как у оплеванных. Они глядели стыдливо в землю, поэтому не видели, какими приветливыми улыбками встречали их милиционеры и бабушки.

Касатиков вместе с чемоданами погрузили в «козлик», а бабушек пригласили в легковушку, но они с великим сожалением вынуждены были отказаться: нельзя бросить внучат во дворе одних. Так что после пришлось следователю допрашивать их на дому. А в день суда, чтобы освободить бабушек ради общего дела, одна из мамаш взяла на работе отпуск без сохранения содержания и побыла с детишками.

Оказалось, бабушки изловили опасных преступников, оба уже отбывали наказание, их разыскивала милиция, на их счету было несколько квартирных краж.

...Понятых — двух старушек — они взяли, как и намечал Басков, во дворе по соседству с домом, где жил Ситпаев. В половине четвертого на лестничной площадке перед его квартирой стояло шесть человек. Балабек нажал кнопку звонка.

Дверь долго не открывалась. Потом послышались щелканья и скрипы запоров на двух дверях — внутренней и внешней,— и перед ними предстал хозяин, кругленький человек в шелковом адидасовском спортивном костюме и в шлепанцах на босу ногу. Вид у него был заспанный.

Басков представился, предъявил документы и объяснил цель визита.

Ситпаев пригласил войти и попросил разрешения умыться. С минуту, пока он умывался, все молча стояли в обширной гостиной, увешанной коврами по трем стенам.

Когда Ситпаев явился перед ними, Басков посмотрел ему в лицо и испытал какое-то непонятное чувство. Странное это было лицо. Сдобное, румянец во всю щеку — из-за этого Роберт Рзаевич походил на раскормленного отрока, тем более что роста он был маленького. Но едва Басков взглянул в матово-черные, как вороненая сталь, глаза, смотревшие на него в упор, он мгновенно забыл и про румянец, и про малый рост. Такие глаза должны бы принадлежать совсем другому лицу — лицу человека, обладающего звериным чутьем и силой, прошедшего огонь и воду, видящего других людей насквозь.

Но это длилось всего мгновение, Ситпаев словно погасил огни в своих глазах и спросил неожиданно низким голосом, никак не подходившим его комплекции:

— Что будем делать?

— Мы с вами присядем пока, а молодые люди немного оглядятся,— сказал Басков.— Не беспокойтесь, мы без вас ничего не тронем.

Они сели к журнальному столику в углу, а Барышев и Балабек, пригласив с собой понятых, начали осматривать квартиру — это был беглый, предварительный осмотр.

— Что вы у меня ищете? — спросил Ситпаев.

Басков, решив начать обыск с квартиры, не рассчитывал обнаружить пакеты: судя по показаниям розничного торговца Екатерины Петровны, Роберт Рзаевич держал свою оптовую базу на даче. Тут витал некий психологический мотив, и его не грех было употребить на пользу делу — хотя бы для облегчения работы.

— Надеюсь, Роберт Рзаевич, вы оцените мою откровенность. Мы ищем пакеты «Мальборо».

Ситпаев не шелохнулся, но Басков уловил скрытое движение в его черных глазах — как прилив и отлив.

— Тогда не здесь надо искать,— сказал Роберт Рзаевич.

— А где?

— Едем на дачу. Я быстро оденусь.— Он решительно встал, и Басков понял, что никаких пакетов Ситпаев не боится, а значит, искать следует что-то другое.

— Подождите, Роберт Рзаевич, нам надо еще один вопрос выяснить.

Ситпаев неохотно сел.

Басков положил на колени свой чемоданчик, открыл его и достал пачку пронумерованных фотографий, привезенных из Москвы.

Ситпаев настороженно следил за этими манипуляциями, и его лицо постепенно принимало недовольное выражение. А может быть, его раздражало то, что приходилось прислушиваться к шорохам и тихим звукам шагов, доносившихся из глубины квартиры, где Барышев и Балабек вели предварительный осмотр.

Басков разложил карточки на столике перед Ситпаевым в ряд по порядку номеров: Никитин значился под номером вторым, «Тренер» — под четвертым.

— Роберт Рзаевич, вот тут пять портретов пяти разных мужчин. Не знаком ли вам кто-нибудь из них?

Ситпаев, нахмурив брови, посмотрел и выдвинул пальцем из ряда портрет Никитина.

— Этого знаю.

— Вы не ошибаетесь?

— Знаю. Виктор зовут.

Басков крикнул:

— Барышев, Балабек! Идите сюда с понятыми.

Все четверо вернулись в гостиную.

Басков повторил с Ситпаевым всю процедуру, перевернул карточку Никитина и обратился к понятым:

— Прошу засвидетельствовать. Номер два.

Составить протокол опознания было делом нескольких минут. Басков убрал карточки в чемоданчик.

Барышев, Балабек и понятые ушли, чтобы продолжить осмотр, а Басков перечитывал протокол.

Скоро в гостиную заглянул Барышев.

— Алексей Николаевич, можно вас на минутку?

Басков пригласил с собою и хозяина квартиры. Из гостиной Барышев повел их в спальню, где господствовали две широченные кровати, сдвинутые вместе. Во всю противоположную стену тянулись платяные шкафы красного дерева с позолоченной инкрустацией.

— Интересная вещь, Алексей Николаевич,— сказал встретивший их Балабек и подошел к прикроватной тумбочке справа от сдвоенного необъ-

ятного супружеского ложа, на котором можно было бы играть в бадминтон.— Замечаете?

Тумбочка действительно была интересная. Во-первых, поражали размеры: шириной и длиной со стандартный канцелярский стол, только без ножек. Во-вторых, бросалось в глаза несоответствие: другая тумбочка, слева, была нормальной величины. В квартире, дышащей симметрией и строго выверенным местоположением каждого предмета, это выглядело нелепо.

Балабек, держа руку на полированной поверхности оригинальной тумбочки, пояснил:

— Это не от гарнитура. По заказу делали. Вот попробуйте подвиньте.

Басков попробовал, но подвинуть тумбочку удалось лишь со второй попытки, и у него осталось ощущение, что двигал он груженый самосвал.

— Прошу вас, нам надо посмотреть устройство этого шкафчика,— сказал Басков хозяину.

— Сейчас.

Роберт Рзаевич, увидев, что его нежданные гости интересуются тумбочкой, не потерял, как можно было ожидать, румянца. Он только стал прятать глаза.

В сопровождении Балабека он пошел в кабинет и быстро вернулся. В руке у него была связка ключей. Позвенев ими, он открыл инкрустированные дверцы тумбочки. В левой половине на полках стояли нераспечатанные флаконы духов и одеколона. Правая половина была заперта дверцей из полированного дерева.

— Откройте, пожалуйста,— попросил Басков.

Ключом, похожим на ключ от сейфа, Ситпаев отпер дверцу. Это и был сейф.

Басков выложил из него на тумбочку несколько разноцветных коробочек, пачку облигаций трехпроцентного займа и банку из-под растворимого кофе, очень тяжелую.

Барышев попросил понятых подойти поближе, достал из чемоданчика бланки и сел на стул к подоконнику. Басков перебирал и пересчитывал содержимое сейфа, а Барышев записывал.

В коробочках лежали серьги, перстни, браслеты, кулоны — все с бриллиантами разных размеров.

В кофейной банке — золотые монеты различных стран и всевозможного достоинства. Их оказалось 29 штук.

Облигаций в пачке было на три тысячи рублей.

Сказать по правде, Басков удивился беспечности владельца столь больших богатств, который держал их почти на виду. Это можно было объяснить или чрезмерной самоуверенностью, или полным отсутствием чувства опасности.

Легкомыслие Басков решительно исключал, ибо Ситпаев производил впечатление какого угодно человека, но только не легкомысленного.

Когда было покончено с формальностями, Басков сказал:

— Придется, Роберт Рзаевич, все эти ценности перевезти в другое место. Заедем в милицию, а потом отправимся к вам на дачу.

— Я сюда уже не вернусь? — тихо спросил Ситпаев.

— Посмотрим, как пойдут дела.

Балабек вызвал «рафик», и они поехали в городское управление внутренних дел. Ценности — все, что было обнаружено в прикроватной тумбочке,— Басков оставил под расписку. И сказал Ситпаеву:

— Теперь, Роберт Рзаевич, везите нас на дачу.

...Жену Роберта Рзаевича Басков почему-то представлял себе женщиной под стать мужу — дородной, холеной, с ямочками на румяных щеках, в атласном халате до пят, и обязательно жующей какие-нибудь восточные сласти, вроде рахат-лукума, например.

Чтобы нарушить начинавшее тяготить молчание, Басков задал несущественный для дела вопрос:

— Роберт Рзаевич, у вас жена кто по образованию?

— Учительница. Азербайджанский и русский язык.

— Почему ж не работает?

— Дети,— кратко объяснил Ситпаев.

На пороге огромной каменной дачи их встретила женщина лет тридцати, высокая, худая, с бледным тонким лицом. Темные глаза смотрели устало и печально. Ничто не походило на тот образ, который заочно создал себе Басков. И одета она была не в халат, а в узкую серую юбку и синюю кофту с короткими рукавами.

Она ни о чем никого не спросила, глядела молча.

— Детей к дяде Мусé отведи,— приказал Ситпаев.

— Они у соседей,— тихим голосом ответила она.

— Ступай к ним.

Она вздохнула, покорно сошла с крыльца и зашагала по улице.

Ситпаев поднялся по ступеням первым. Из дома короткий коридор вел в стоящий стенка в стенку гараж. Ситпаев направился прямо туда.

В углу стоял железный сундук, запертый на висячий замок. Включив свет, Ситпаев пошарил на полочке, прибитой над сундуком, нашел ключ. Открыв замок, откинул со звоном крышку и извлек со дна плотно скатанный красный тюк — пакеты «Мальборо».

— Пятьдесят штук,— сказал он, протягивая их Баскову.— Больше нет.

— А сколько было?

— Много было.

— Имею в виду последнюю порцию,— уточнил Басков.

— Полторы тысячи.

Составили протокол, дали подписать старушкам-понятым.

— Идемте в комнаты,— сказал Басков.

У Роберта Рзаевича и на даче (если можно столь унизительно называть этот дом-крепость) тоже имелся кабинет. Туда он и привел всю группу.

Басков сказал Барышеву и Балабеку:

— Вы там посмотрите, а мы немного побеседуем.

Ситпаев заметил мрачно, но без раздражения:

— Здесь ничего нет. Зачем искать?

— Не помешает,—возразил Басков.—Присядем.

Когда они остались в кабинете одни, Басков спросил:

— Скажите, Роберт Рзаевич, где вы берете пакеты?

— Виктор возил,— спокойно отвечал Ситпаев.

— Из Москвы?

— В Москве живет.

— Та-ак...— Басков старался показать, что обдумывает следующий вопрос, а на самом деле ему нужно было скрыть от проницательных глаз хозяина кабинета свою мгновенную досаду и даже легкое замешательство.

Они со Степановым строили свои действия на предположении, что Виктор, то есть Анатолий Никитин, возил в Москву пакеты из Баку, был, так сказать, получателем в этом прекрасном южном городе. Оказывается, все наоборот. Кто теперь может поручиться, что все прочие их предположения — относительно Кузьмичева, Татьяны Никитиной и других действующих лиц этой истории — более правдоподобны и справедливы? Было отчего испытывать неуверенность. Но Басков быстро овладел собой.

— Та-ак,— повторил он.— И когда же это началось?

Подумав, Ситпаев ответил четко:

— Год и восемь месяцев.

Басков прикинул — получалось в сентябре позапрошлого года.

— Где и как вы познакомились с Виктором?

— Я в Москву ездил. В ГУМе он ко мне подошел, спрашивает: где сумку купил? У меня пакет был «Уинстон». В Баку, говорю. Сколько давал? Пять рублей. Он говорит: хочешь по полтора иметь? Хочу, говорю. Адрес взял, скоро пакеты привез.

— А вы не знали, что пакеты поддельные?

— Догадывался.

— Сбывали почем?

— Два с половиной.

— У вас много розничных продавцов? Вроде Екатерины Петровны...

— Четыре.

Басков вынул из пачки сигарету, поискал глазами пепельницу на письменном столе. Заметив это, Ситпаев сказал:

— Я не курю. Могу принести блюдце.

— Спасибо, обойдемся.

Басков вырвал из блокнота листок, свернул кулечек, как Екатерина Петровна, и закурил.

— Давайте уточним, Роберт Рзаевич. Вот вы произнесли такие слова, когда я спросил, откуда пакеты: «Виктор возил». Значит, раньше возил, а сейчас не возит?

— Другой возит. Женя зовут.

— А фамилию вы не знаете?

— Человек не говорит — я не спрашиваю.

— Когда Виктора заменил Женя?

— Последний раз Виктор приезжал в прошлом году, в октябре. Женя приехал в ноябре.

— Часто вы пакеты получаете?

— Зимой редко. Дорога плохая зимой.

— А в другие сезоны?

— Раз в месяц. Иногда — два.

— Когда теперь Женю ждете?

— Трудно сказать. Может, в мае.

— Монеты он тоже возит?

— Нет.

— Он вам случайно адрес свой московский не оставил? Или телефон?

— Извините, это я тоже не спрашивал.

Похоже было, что Ситпаев говорил правду. И насчет того, что на даче у него ничего не спрятано, тоже, кажется, не врал. Хотя это еще нуждалось в более тщательной проверке.

12

Обстоятельство, выяснившееся из показаний Ситпаева,— что пакеты шли не из Баку в Москву, а в обратном направлении,— было неожиданным для Степанова и Баскова и кое в чем поколебало их, но основного плана действий не изменило.

Попав в беду, Ситпаев сделался более разумным человеком, чем был раньше. Он правильно рассудил, что в его положении лучше быть откровенным. Он выложил все: сколько пакетов прошло через его руки, сколько монет купил у «Виктора» и почем, какие еще нетрудовые доходы у него есть и как трудно было сооружать и обставлять загородный дом. Последний из перечисленных пунктов можно отнести к чистой лирике, зато вот что получил Басков в виде компенсации.

В один из своих приездов «Виктор» завел речь о расширении «торговой сети». Он доходчиво объяснил, почему это необходимо. Во-первых, в ближайшее время ожидается увеличение производства пакетов. Второе следовало из первого: надо будет продавать в каждой точке гораздо больше товара, а это небезопасно, если помнить о существовании БХСС. И к тому же можно затоварить рынок.

Научно обрисовав ситуацию, «Виктор» мягко поинтересовался, нет ли среди знакомых Роберта Рзаевича надежных деловых людей, живущих в других городах.

Такие люди нашлись: один — в Махачкале, другой — в Кировабаде. Роберт Рзаевич связал с ними «Виктора». С тех пор «Виктор» курсировал по маршруту, включающему три города. Роберт Рзаевич не мог утверждать, что были у «Виктора» и другие точки, но за Махачкалу и Кировабад отвечал головой, поскольку поддерживал с жившими там деловыми людьми тесные отношения и получал сведения о визитах «Виктора» и о состоянии торговли.

Басков задал вопрос:

— Послушайте, а вы никогда не спрашивали, откуда «Виктор» и Женя берут пакеты?

— «Виктор» такой парень...— Роберт Рзаевич пошевелил в воздухе толстыми пальцами.— Не пьет, не курит... Такой ничего не скажет...

— Ну, а Женя?

— Новый бурдюк вино любит.

— Что же он вам рассказывал?

— Сам мало знает.

— А все-таки?

— Только с одним человеком контакт у него. Деньги ему отдает. Кто такой — не сказал, боится. Товар берет на складе.

— А где склад?

— Честное слово,— взмолился Роберт Рзаевич,— не мог я про склад расспрашивать.

И верно, это уж было бы чересчур...

Мерой пресечения определили Роберту Рзаевичу подписку о невыезде и отпустили его домой.

Оставалось ждать приезда Жени. «Принимайте, как обычно»,— сказал Ситпаеву на прощание Басков.

Остекленная с трех сторон широкая, просторная веранда, куда вел только один вход — из недр дома, поражала всякого, кто впервые бывал желанным гостем на даче Роберта Рзаевича Ситпаева. Светло-синие и зеленые стекла, набранные в причудливый орнамент со свинцовыми прожилками, являли собою великолепный витраж, навевавший какие-то смутные воспоминания, может быть, о Шехерезаде. Тяжкий стол из натурального неполированного дуба на толстых львиных лапах, ничем не покрытый, во всю свою неправдоподобную длину был плотно заставлен кувшинами и хрустальными разноцветными графинами, блюдами, плошками, вазами и вазочками, салатницами и соусницами. Тут было все и на любой вкус, но, конечно, с бакинским оттенком. Стол, как верные вассалы, окружали неподъемные стулья. Вероятно, дубы, из которых их вырезали мастера-краснодеревщики, были вассалами дуба, породившего этот царственный стол,— там, в далекой горной дубраве...

Продолжение следует.

КЛЮЧИ

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

В Москве в квартире Татьяны Никитиной был убит ее первый муж Анатолий Никитин. От Татьяны и матери погибшего стало известно, что Никитин, врач по образованию, ушел с работы и в последние годы числился киоскером — за него работала мать. Сам же он разъезжал по стране и особенно часто бывал в Таллине и Баку. Расследования в Харькове и Таллине не помогли найти убийц. Поэтому решили поискать в Баку производителей фальшивых пакетов, имитирующих иностранные,— такие привозил Татьяне Анатолий Никитин. Возможно, с их помощью можно будет выйти на связанных с ним людей. В Баку следователь Барышев нашел старушку— продавца пакетов. Она сообщила, что берет их у Роберта Ситпаева. Барышев телеграфировал об этом в Москву, и в Баку прилетел майор Басков с разрешением на обыск. Ситпаев признался, что пакеты доставлял ему Виктор — так назвал себя Никитин, случайно встретившийся с ним в ГУМе. Сейчас пакеты возит другой — Женя.

Этот воскресный майский день выдался не по-весеннему жарким даже для Баку, однако на веранде дышалось легко: ее заполняла прохлада дома, а витраж заслонял от солнца.

«Волга» палевого цвета, на которой приехал Женя, стояла в гараже рядом с «Волгой» Роберта Рзаевича. Только что одно из двух запасных колес без камеры было вскрыто, и из него, как из консервной банки, извлекли не портящееся от долгого хранения содержимое — пакеты «Мальборо». Час потрошения для второго колеса настанет в Кировабаде, зато тайник под задним сиденьем уже опустошен в Махачкале. Поэтому Женя, невысокий, но стройный тридцатилетний человек с приветливым, беззаботным выражением лица, был доволен собою. Такое выражение при том роде занятий, который Женя для себя избрал, не всегда отражало подлинное состояние его души и нервной системы, но сейчас оно было искренним, ибо трасса авторалли Москва — Кировабад, в котором главным его противником выступала милиция, пройдена на две трети, и его «Волга» пока вне досягаемости. Женя расслабился. Знакомый дубовый стол на веранде, за который он сядет в девятый раз, волновал его нетерпеливое воображение. Поэтому он без особого усердия намыливал в ванной свое стройное тело — лишь бы смыть дорожную пыль,— а белокурые волосы, причесанные на косой пробор, вообще решил не мыть. И отделанная лоснящимся розоватым мрамором ванная, столь поразившая его в первый раз, уже не интересовала его сама по себе как произведение пластического искусства, равно как и сверкавшие никелем произведения искусства сантехники, добытые, по словам хозяина, при строительстве югославской гостиницы в Москве. Омыв себя в голубой чаше ванны, вделанной в пол, Женя вытерся мохнатым полотенцем, от которого пахло лавандой, и оделся во все свежее. Его любимая черная рубаха с коричневой двойной строчкой по плечам и рукавам и серые фланелевые брюки совсем не смялись в чемодане.

Он поправлял перед зеркалом прическу, когда в ванную заглянул Роберт Рзаевич.

— Готов?

Женя посмотрел на него весело.

— Дорогой Робби, чем ты недоволен?

Действительно, Роберт Рзаевич, окинувший взглядом собственную ванную, имел вид человека, которому роскошь омерзительна. Женя не мог догадываться, что в данный отрезок времени его друг и компаньон именно таким человеком и являлся. О причинах, понятно, ему тоже не было известно. Поэтому он не придал никакого значения мрачному смыслу того, что услышал в ответ.

— Плохие новости лучше узнавать, когда курсак вот такой.— Роберт Рзаевич похлопал себя ладонью по животу, который, несмотря на его незавидное теперешнее гражданское состояние и вопреки всем законам психологии и физиологии, продолжал оставаться круглым.— Идем. Зелень завянет.

Сначала они зашли в кабинет, где Роберт Рзаевич вручил Жене пачку денег, сказав: «Здесь две». Если бы при этом Женя обратил внимание, с каким отвращением глядел на него компаньон, его радужное настроение мигом бы потускнело. А если бы к тому же он узнал, что десятью минутами раньше Роберт Рзаевич обшарил карманы его кожаного пиджака, висевшего в кабинете на спинке кресла, нашел паспорт и таким образом выяснил его настоящее имя и домашний адрес, Юрий Николаевич Конюшков в гневе бежал бы из-под кровли коварного дома, и это был бы его первый с момента рождения решительный, благоразумный и, главное, самостоятельный поступок. Впрочем, скорее всего он бы все-таки не бежал: стол на веранде обладал очень большой магнетической силой.

Сунув деньги в свой кожаный пиджак и сладострастно потирая руки, он зашагал следом за Робертом Рзаевичем на веранду. Композиция запахов, издававшаяся столом, заставила его на секунду закрыть глаза.

Роберт Рзаевич достал из холодильника бутылку «Посольской». Сели. Налили. Положили.

Женя для разбега положил себе несколько ломтей селедки, но это была не какая-нибудь рядовая исландская, атлантическая или там иваси. Это был подлинный залом — имя, ничего не говорящее нынешнему поколению почитателей соленых закусок.

В далекую эпоху предвоенных лет, когда на Каспии и в дельтах Волги и Урала ремесло браконьера презиралось за безнравственность и бездоходность, причиной которой служило изобилие осетровых рыб, а следовательно, и черной икры, в ту удивительную эпоху пассажиров поезда Москва — Баку на станциях, начиная от Махачкалы, встречали скромные и робкие продавцы — мальчишки и девчонки, дети рыбаков. Они держали на веревочках (петлей захлестнутых на двухлопастных мощных хвостах) полуметровых веретенообразных рыбин. В жаркий солнечный день рыбины бросали своими крутыми боками ослепительные зеркальные зайчики, а с носа у них капал янтарный жир. Это и был залом.

Ныне его, кажется, вычеркнули даже из Красной книги как несуществующего. Но Женя, в миру Юрий Николаевич Конюшков, про то не ведает, ибо закусывает водку именно исчезнувшим из вод морских заломом, а если бы и ведал, то все равно не усмотрел бы в этом сверхъестественном факте ничего особенного. Он давно, с самого появления на свет, был приучаем родителями к такому порядку вещей: если что-то существует в мире хотя бы даже и в одном-единственном экземпляре, оно должно принадлежать Юре.

— Так что ты хотел мне сказать, Робби? — спросил он жирным от залома тенором. Но видно было, что вопрос этот не очень-то его волнует.

— Ешь,— хмуро сказал Роберт Рзаевич, наливая ему водки.— Зачем портить аппетит?

После каждой рюмки Женя менял закуску. Роберт Рзаевич больше не пил и не ел. Отвлекшись от собственной персоны, Женя наконец заметил это, взмахнул вилкой над столом.

— Послушай, Робби, это все мне одному?

— Ничего. Может, гости придут.

— Друзья?

— Почти наши родственники.

Женя уловил в голосе Роберта Рзаевича нечто неприятное и слегка забеспокоился.

— Чьи — наши?

— Мои, твои...

Женя перестал жевать.

— Робби, я тебя люблю... Зачем пугаешь?

Глубоко в недрах дома зазвонил телефон.

— О! — сказал Роберт Рзаевич.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 47—50.

Рисунки Марины ПЕТРОВОЙ

К телефону, кроме него, некому было подойти: они остались одни в доме, жена, приготовив стол, взяла детей и ушла. Роберт Рзаевич, тяжело ступая, покинул веранду.

Женя налил себе рюмку, ковырнул, не глядя, в блюдо с холодными артишоками. Он, сколько ни прислушивался, не мог слышать, о чем говорил хозяин по телефону. Когда тот появился, Женя спросил только:

— Они?

— Они. Сейчас будут.

Через несколько минут зазвонил дверной звонок. Роберт Рзаевич пошел открыть и вернулся вместе с Басковым и Балабеком.

— Здравствуйте, юноша,— сказал Басков.

Женя встал, это получилось у него непроизвольно и слишком поспешно.

Басков оглядел его своими насмешливыми серыми глазами с головы до ног, усмехнулся, представился:

— Майор милиции Басков.

Женя как-то неловко сунул свою тонкую, изящную кисть в жесткую, словно неструганая доска, ладонь Баскова.

— Женя.

— Правда? — с откровенно притворным изумлением спросил Басков, задерживая его руку.— А похож на Юру Конюшкова с улицы Герцена, а?

Ладони у Жени в один миг сделались влажными. Басков повесил свою куртку на соседний с Жениным стул и сел. Женя стоял и молчал.

— Садитесь, юноша, продолжайте,— сказал Басков и обернулся к хозяину.— Роберт Рзаевич, приглашайте моего молодого товарища, но пить ему нельзя, он за рулем. Почти как в старом анекдоте.

Женя опустился на свой стул. Балабек сел напротив.

— Ваша основная специальность нам тоже известна. А побочная, если не секрет? — спросил Басков.

Женя понял шутку. Бледность сошла с его гладкого, нежного чела.

— Я в аспирантуре.

— Давно?

— Пять лет.

— Как вам это удается?

Чело Жени двумя вертикальными морщинками прорезала печаль.

— Мой отец имел большой авторитет в той области науки, в которой он...

Видя, что Женя не продолжает, Басков участливо спросил:

— Простите, он умер?

— Прошлой осенью.

Роберт Рзаевич наполнил рюмку Жени.

— А вы что же? — спросил Басков у хозяина.

— Не хочу.

Женя выпил и закусил.

— Слушайте, Женя,— сказал Басков,— вас зовут Женей в Махачкале, Баку и Кировабаде. Нам с вами придется общаться в Москве. Поэтому я буду звать вас вашим настоящим именем. Не возражаете?

— Как вам угодно.

— В таком случае, Юрий Николаевич, прошу внимания. Вы аспирант и легко поймете суть вопроса. Кто снабжает вас товаром?

— Не знаю.

— А ваш автомобиль заправлен кефиром? Или не любо — не слушай, а врать не мешай?

— Я правду говорю! — обиделся Юра.

— Ну-ну... Как же вы товар получаете?

— Очень просто. Мне звонят, говорят: во столько-то. Сажусь в машину, еду по Рязанке, сворачиваю, доезжаю до брошенной стройплощадки. На ней — сарай, бывший склад. Там для меня оставлены два колеса и мешок. Вот и все.

— И не ждут, и не провожают? — Басков скептически усмехнулся, взял из вазы ядрышко очищенного фундука, бросил в рот.

— Абсолютно.

— А кому выручку сдаете?

— Зовут его Ося.

Басков едва не поперхнулся. «Тренера» зовут Костя.

— Повторите имя, дорогой Юра, я не расслышал.

— Вообще его зовут Иосиф, но Ося короче.

Баскову было жаль, что он обманулся из-за похожего звучания двух разных имен.

— А как вы общаетесь?

— Он звонит, говорит время и место.

Басков спросил:

— Когда вы рассчитываете вернуться в Москву?

— Через неделю.

— В Кировабад вам уже не надо, поедете прямо в Москву. С вами будет мой товарищ. Это очень удобно, Юрий Николаевич. Можно вести машину по очереди.

Басков улетел в тот же день. Юра и Барышев отправились в Москву на следующее утро.

13

Со Степановым непременно происходило так. В процессе расследования наступал день, когда его вдруг охватывала тревога и чувство собственного бессилия. Обычно это случалось в конце расследования. Но усталость тут была ни при чем. Разбираясь в себе, он не сразу, а на третьем или четвертом деле все-таки нашел причину.

Началом всякого уголовного дела, которое ему приходилось возбуждать, служило какое-то единичное преступное деяние. Потом, по мере расследования, от этого единичного факта, как от раковой опухоли, прослеживалась метастаза, на которой обнаруживалась другая опухоль, и так далее,— получалась целая гроздь. Профессионально Степанов принимал это как должное: не считает же хирург-онколог, что раком больны поголовно все люди на свете. Но по-человечески ему иногда становилось тошно. Он думал и даже надеялся, что со временем это пройдет. Ан не проходило...

На этот раз такой день настал назавтра после второго отъезда Баскова в Баку.

Перебирая в папке протоколы допросов и листы с наклеенными фотографиями, Степанов вдруг остро ощутил недовольство собою. Ему известно о существовании «Тренера» Кости, двое малолетних подручных «Тренера» — Брошин и Касимов — находятся под стражей, в Баку обнаружен оптовый покупатель пакетов Ситпаев, нащупан след убитого Никитина, а у него, у Степанова, нет в руках ни одной правдоподобной версии. И чувство такое, будто он что-то проглядел, чего-то не учел. Словно ехал в машине по дороге, что-то мелькнуло на обочине, боковым зрением он отметил это, но как следует вглядеться не успел — пронеслась машина мимо.

В папке лежал пакет с карточками, который дала ему мать покойного Никитина — Клавдия Николаевна. Степанов вспомнил, как умоляюще смотрела она, когда просила обязательно вернуть их, и решил сделать это немедленно. В коммунальной квартире на Таганке, где она жила, телефона не было, он рисковал ее не застать, но сидеть в кабинете при таком настроении он не мог. Сказав секретарю отдела, что вернется часа через два, Степанов отправился пешком на Таганку. Первый раз в жизни он не замечал, что город расцвечивается флагами и первомайской иллюминацией, уже готовится к празднику.

Ему повезло — Клавдия Николаевна оказалась дома. Она встретила его приветливо, но как будто немного чего-то стеснялась. Войдя в комнату, Степанов понял причину. В углу один на другом, похожие на снежную бабу, высились в рост человека три узла из белых простыней. Их вид лишал комнату всякого уюта.

— Вы уж извините,— сказала Клавдия Николаевна,— да ведь не выбросишь.

Степанов недоумевал. Неужели это вещи ее сына, Анатолия Никитина? Но Клавдию Николаевну предупредили, что вопрос о судьбе его имущества решится только в судебном порядке, а она при этом в сердцах махнула рукой: мол, при чем здесь какие-то вещи... И, главное, квартира покойного опечатана, а Степанов даже и мысли не допускал, чтобы Клавдия Николаевна была способна нарушить хоть какой-нибудь запрет.

— В стирку собрали? — не слишком-то дипломатично спросил он и тут же, приглядевшись к снеговику, сообразил, что вопрос к тому же и глуповатый: средний узел был не совсем круглый, а как бы граненый — в нем содержались какие-то твердые предметы. Может быть, магнитофоны и проигрыватели или там какие-то стереоколонки, виденные им в квартире Татьяны Никитиной.

— Таня вчера привезла... Толины вещи.— Клавдия Николаевна волновалась и старалась взять себя в руки.— Да вы садитесь.

Сели, как и в прошлый раз, к столу. Клавдия Николаевна закурила сигарету. Дым потянулся к открытому настежь окну. Степанов положил на стол пакет.

— Ваши карточки.— И, не зная, что бы еще сказать, задал другой вопрос, тоже объяснявшийся, вероятно, его невыносимо дурным настроением: — Что это вдруг она надумала?

Клавдия Николаевна озабоченно нахмурила брови.

— Вы знаете, она сама не своя. Представляете, так плакала.

Степанов покашлял в кулак и ничего не сказал.

— Она считает себя виноватой,— продолжала Клавдия Николаевна.— Но что же теперь поделаешь?

— Вы думаете, если бы они не развелись...— Степанов опять закашлялся.

— Простите, вас зовут Михаил?..

— Иванович.

— Ну кто, Михаил Иванович, может это сказать? Я ее, знаете, не виню.

— Кажется, там брат какую-то роль играл.

— Грешить не хочу, Толя мне не жаловался. Но она очень брата слушается. Как отца... Вот и вещи,— она кивнула на узлы,— он велел отдать. Таня говорит, давно за них ругал.

У Степанова снова, как утром, возникло ощущение, будто он едет в машине, и что-то вдруг мелькнуло на обочине, отмеченное боковым зрением...

Он поднялся со стула необычно легко для своих ста килограммов.

— Ну, мне пора, Клавдия Николаевна. Я к вам как-нибудь загляну.

Она проводила его до лестницы.

...Шагая к себе, Степанов остановился на мосту против Краснохолмской набережной, постоял, глядя на реку, и с удивлением обнаружил, что настроение его переменилось.

Он возвращался мыслью в ту пятницу, и она представлялась ему длинной дорогой — от девяти утра до десяти вечера. А потом продолжалась до десяти утра субботнего дня. Не очень-то богато на ней ориентиров и указателей. Но что же там мелькнуло на обочине, не задержав на себе внимания? И почему этот маловразумительный разговор с Клавдией Николаевной возвращал его на три недели назад?

Попробуй объяснить хотя бы несколько необъяснимых вещей. Почему Анатолий Никитин пришел в свой бывший дом как раз тогда, когда Татьяна была в театре, а Кузьмичев уехал в Харьков? Татьяна говорит, что просила Кузьмичева оставить ключи соседям, и он это подтверждает. Но какое значение имеет этот факт? При чем здесь ключи, если у Анатолия Никитина были свои? И почему же Татьяна Никитина считает себя виноватой?

Чтобы проверить неясно обозначившееся предположение, Степанов на ходу составил план, а придя в свой кабинет, тут же приступил к делу.

Прежде всего он позвонил соседке Татьяны Никитиной — Марии Николаевне и сказал, что заедет через час для короткой беседы. Затем то же самое было сказано по телефону Александру Кузьмичеву. Третий звонок — самой Никитиной. Ее Степанов вызвал в прокуратуру на семнадцать часов.

Было четырнадцать, не вредно бы и пообедать, тем более что и аппетит к нему вернулся, но следовало поторопиться, иначе он мог не успеть обратно к семнадцати...

Мария Николаевна, как и Клавдия Николаевна, увидев его, немного смутилась, но лишь на секунду, пригласила в гостиную, усадила за стол.

Степанов решил все-таки оформить беседу как допрос, чтобы уж не вызывать человека специально в прокуратуру. Мария Николаевна сделалась подчеркнуто серьезной, когда он положил на стол бланк протокола, а расписавшись об ответственности за ложные показания, почему-то улыбнулась, и это понравилось Степанову.

— У меня к вам всего три вопроса,— сказал он.

— Пожалуйста, слушаю вас.

— Вы говорили, Кузьмичев отдал вам ключи в двадцать, то есть в восемь часов вечера. Подтверждаете это?

— Да. Было около восьми часов.

— Вечером после восьми кто-нибудь спрашивал у вас эти ключи?

— Нет! — воскликнула она и добавила запальчиво: — Да я бы и не дала!

— Утром в субботу в начале одиннадцатого вы отдали ключи Татьяне Никитиной. Скажите, Мария Николаевна, в каком порядке это происходило: сначала она взяла ключи и уже после позвала вас к себе в квартиру? Или сначала она...

— Конечно. Таня сначала взяла ключи,— перебила его Мария Николаевна.

Она предлагала кофе или чаю, но Степанов с сожалением отказался.

Чуть переждав на лестничной площадке, он нажал кнопку у соседней двери.

Александр Кузьмичев ждал его и глядел озабоченно.

К нему у Степанова было вопросов больше, чем к Марии Николаевне, но в процессуальном смысле не все они имели значение, а некоторые выглядели бы неуместно и странно в протоколе.

— Вспомните, Александр Михайлович,— начал Степанов.— Когда вы в пятницу вернулись домой после поездки в ГУМ и на автобазу, вы ничего необычного в квартире не заметили?

— В коридоре обои лежали. В кухне на столе записка от Тани.

— И больше ничего?

Кузьмичев пожал одним плечом.

— А что ж еще?

— Ну, например, ключи Татьяны Васильевны.

— Нет, не было никаких ключей. Про мои ключи она в записке написала.

— Записка не сохранилась?

— Порвал, в ведро бросил.

— А зачем надо было отдавать ключи соседям? Можно и дома оставить.

— Но квартиру ж надо запереть.

— Да-да, вы правы, я как-то не сообразил...

Про обои, записку и ключи Степанов записал в протокол и отодвинул его в сторонку.

— Скажите, Александр Михайлович, может, вы что слыхали, были у Никитина враги, недоброжелатели?

— Откуда ж мне знать? Таня про него говорить не любит.

Степанов позволил себе схитрить, с Кузьмичевым это было нетрудно.

— У нее, кажется, родных нет?

— Старший брат.

— Вы с ним знакомы?

— Виделись раз. На день рождения приглашал.

— Вы ведь ремонт квартиры в прошлом году делали?

— Перед ноябрьскими.

— А кухню что же?

— И кухню. А после Таня обои захотела.

Степанов про себя отметил: Кузьмичев живет у Никитиной уже полгода, а брата ее видел всего один раз. Обои покупать повез Никитину брат. Три недели назад, именно в пятницу. Почему этого не мог сделать Кузьмичев?

Но задавать последний вопрос вслух Степанов не стал. Его он задаст Никитиной.

Степанов совсем не разбирался в дамской косметике и ее неограниченных возможностях, однако тотчас увидел, что румянец на щеках Татьяны Никитиной ненатуральный. Она поблекла. Каштановые волосы утеряли блеск. Глаза, которые по первому впечатлению Степанов считал голубыми, оказались сероватыми, какими-то неопределенными. И вся она вроде как бы притихла. Она вызывала у него жалость. Он даже подумал, не отложить ли допрос.

Однако если версия, которую он сейчас разрабатывал, окажется правильной, то роль Татьяны Никитиной во всей этой истории слишком недвусмысленна, чтобы на допросе ставить соображения чисто личного порядка выше интересов дела.

Степанов дал Никитиной расписаться под текстом об ответственности за дачу ложных показаний, вставил бланк протокола в портативную пишущую машинку и приступил к допросу. Скрывая шевельнувшееся в душе чувство жалости, начал официальным тоном:

— Татьяна Васильевна, прошу вас подробно вспомнить весь день шестого апреля, буквально по часам и минутам. Итак, утром вы поехали на работу...

— Да, меня отвез Саша.

— И потом?

— Ну, как обычно... нормальная работа...— Казалось, она не понимала, чего от нее требуют.

— Обед у вас в тринадцать,— подсказал Степанов.— Что происходило до тринадцати?

— Я говорю, все как обычно.

— Никто вам не звонил?

— Да нет.

Степанов сделал паузу, довольно длинную, и спросил:

— А что же ваш брат, заехал за вами без предупреждения?

Она тоже сделала паузу, словно бы и вправду вспоминая.

— Извините, брат действительно звонил.

— Потом вы поехали за обоями. И что дальше?

— Он завез меня на Профсоюзную.

— Скажите, Татьяна Васильевна, обои вам обязательно нужно было покупать с братом? Ведь у Александра Кузьмичева тоже есть машина.

— У Лени в том магазине знакомство.

— А почему именно в тот день, шестого апреля?

— Так получилось. Брату было удобно...

— Хорошо,— терпеливо продолжал помогать ей Степанов.— Привезли обои, написали Кузьмичеву записку о ключах. Брат видел эту записку?

— Да.

— И что же дальше?

Никитина, глядевшая до этого на пишущую машинку, стоявшую перед Степановым, взглянула ему прямо в лицо. В глазах ее он уловил испуг. Пока она молчала, он отстучал двумя пальцами свой вопрос и повторил вслух:

— Что же было дальше?

Если человек затрудняется ответить на столь простой вопрос, тут что-то неладно. Степанов ждал от Никитиной именно такого долгого молчания, но совсем в другой момент, на другом пункте, например, когда шла речь о покупке

обоев. И впереди у него был заготовлен трудный для Никитиной вопрос.

Она все еще молчала, и чутье подсказало Степанову сменить тактику. Он спросил о том, что приберегал напоследок, и голос его звучал на этот раз без всякой официальности:

— Татьяна Васильевна, мне одно непонятно. Вы считаете себя виноватой. Почему? Если Никитин занимался какими-то незаконными делами, то ведь это началось еще при вашей совместной жизни, и вы ему помехой не были и исправить его не могли. Развелись вы уже год назад, и Никитин, судя по всему, жил холостяком не так уж плохо.

Она вдруг отвернулась от него, положила руки на спинку стула, уткнула лицо в ладони и заплакала.

Степанов вышел из-за стола, налил в стакан воды из графина, предложил ей, но она не услышала.

Очень долго она плакала, а Степанов смотрел в окно на нежно-зеленую листву и не знал, как ей помочь. Наконец он услышал тихие слова, сказанные со вздохом:

— Если б я тогда не позвонила, ничего бы не было.

Он сел за стол и в надежде успокоить Никитину предложил:

— Давайте, Татьяна Васильевна, отложим. Вы, я вижу, устали. Поезжайте домой, а завтра утром встретимся.

Но она, вновь сев прямо, возразила с неожиданной решимостью:

— Нет, надоело все думать и думать. Это ужасно. Я ничего не понимаю.

— В таком случае продолжим. Будем разбираться вместе. Скажите, когда и кому вы звонили?

— Я, кажется, говорила вам: брат не одобрял наш с Толей брак.

— Простите, не разберусь. Какая связь между звонком и вашим браком?

— Он тогда как с ума сошел.

— Кто он?

— Брат.

— Когда?

— В пятницу, шестого апреля.

Ход ее воспоминаний, вероятно, подчинялся определенному порядку, но Степанов все еще этого порядка не улавливал.

— Но почему?

— Понимаете, он увидел вещи Толи... Ну, магнитофон, приемник... Белье в шкафу, костюмы...

— Зачем же ему в шкаф заглядывать?

— Не знаю. Машинально, наверное.

В другое время, представив себе мужчину, заглядывающего в шкаф сестры машинально, Степанов рассмеялся бы, но сейчас допрос оборачивался даже серьезнее, чем он рассчитывал.

— Ну, увидел вещи бывшего вашего мужа. Что же в этом особенного?

— Он просто взорвался, никогда его таким не видела. Ногами топал, кричал — раз я живу с другим мужем, то пусть Толя немедленно забирает отсюда свои вещи.

— Прямо сию минуту?

— Да. Или я ему не сестра.

— И вы позвонили Толе?

— Брат приказывал... И чтобы с этим было покончено раз и навсегда.

— А что же Толя?

— Он растерялся — к чему такая спешка. Валялись вещи год, и ничего. Я сказала, как велел брат. Саша настаивает. Надо взять, пока он в отъезде.

— И он пообещал забрать вещи?

— Да.

— Вечером? Когда Саша уедет, а вы будете в театре?

— Да.

Одной из исходных позиций, на которых Степанов строил свою версию, было предположение, что Татьяна Никитина — соучастница преступления. Сейчас он считал эту позицию более чем шаткой. Но необходимо проверить еще кое-что.

— Сочувствую вам. Вы все время думаете о брате? Об этом трагическом совпадении? — Сам Степанов, говоря так, думал, конечно, не о простом совпадении.

Она посмотрела на него умоляюще.

— Так вы его не подозреваете?

— У следствия есть свои правила, Татьяна Васильевна,— уклончиво объяснил Степанов.— Главное для вас — высказаться. По-моему, вы это и сделали.

— Я измучилась.

— Еще один момент, Татьяна Васильевна, и мы закончим.

— Пожалуйста.

— Очень вас прошу, постарайтесь вспомнить точно. Вот вы в субботу утром приехали домой, поднялись на свой этаж. Так?

— Так.

— Вы сразу вошли в квартиру?

— Нет. Позвонила к соседке, к Марье Николаевне. Взяла Сашины ключи.

— Ими и открыли дверь?

— Да.

— А где были ваши собственные ключи?

Она опустила голову и ответила тихо, почти шепотом:

— Они лежали на столе в кухне.

— Вы могли их забыть, когда покидали квартиру накануне вместе с братом?

— Нет. Я заперла оба замка.

— Точно?

— Я это ясно помню.

— И куда положили ключи?

— В сумочку.

— Потом брат отвез вас на работу?

— Да.

Степанов давно отметил, что Никитина не удивляется ни содержанию его вопросов, ни порядку, в котором они задаются. Допрос был похож на разговор двух людей, решающих совместно одну математическую задачу. Им известен ответ, но требуется найти кратчайший путь решения.

— Как вы сидели в машине? — спросил он.

Она отвечала, не задумываясь и как бы виновато:

— Понимаете, на мне были новые туфли, немножко жали. Я села сзади, надо было подложить под пятки. Брат дал мне газету.

— А сумочка где лежала?

— На переднем сиденье.

Предположение, неясно обозначившееся у Степанова при возвращении от Клавдии Степановны, на мосту против Краснохолмской набережной, кажется, не обмануло его. Следующий вопрос он задал столько же для пользы дела, сколько и для того, чтобы как-то отвлечь Татьяну Никитину от мыслей о брате.

— Вы когда принесли мне пакеты, Татьяна Васильевна, вы сказали: Толя их где-то купил. Но зачем сразу десять штук?

— Он сказал — это тебе для картошки.

— Фирменные пакеты — и для картошки?

— Они же не фирменные. Вы видели, мажутся.

— Вы почему принесли пакеты? Подумали, что-то тут не так?

Она сказала с тоской:

— Ничего я не думала... Толя принес... И «Мальборо» эти, и монету золотую... Я думала, вам поможет...

Больше Степанову не о чем было ее спрашивать. На прощание сказал как-то по-домашнему:

— Вы, Татьяна Васильевна, постарайтесь ни о чем никому пока не говорить. А себя не терзайте...

То, что еще днем раньше представлялось Степанову расплывчатым и рваным, как клочья бегущих облаков, принимало очертания чего-то осмысленного.

Он был далек от желания упрекать Татьяну Никитину в том, что сомнения и угрызения совести посетили ее не на три недели раньше. Более того, он поражался, что молодая женщина смогла при сопоставлении фактов, которые должны были казаться ей совершенно обыкновенными в ее нынешних обстоятельствах, зайти так далеко — до подозрений на родного брата. Степанов не считал себя психологом и не брался определить, каким путем умозаключений и когда именно Татьяна Никитина связала воедино три факта — вспышку брата по поводу вещей Анатолия Никитина, свои ключи, обнаруженные на кухонном столе утром в субботу, и убийство. Сейчас это не имело значения. Важно, что она сказала все, что знала и чувствовала.

Если ее брат Леонид Васильевич Лярин причастен к преступлению, то, надо полагать, это не рядовой мерзавец. А что есть у следствия? Какие доказательства, улики? На косвенные — вроде, например, показаний Никитиной — Степанов смотрел глазами тех судей, которые принимают в свое производство законченное им дело. Покажи человеку ворох листьев, скажи: «Вот тут росло дерево, эти листья с него». Он тебя спросит: «А где же дерево?» И что ты ответишь?

Степанов решил не вызывать пока Леонида Васильевича Лярина на допрос.

До возвращения Баскова оставалось несколько дней.

14

Басков вошел в кабинет к Степанову бодрый и веселый. Лицо у него было загорелое после Баку.

— Ты как с курорта,— сказал Степанов.

— Там солнышко пожарче нашего.— Басков сел у раскрытого окна, закурил и продолжил: — Не помню, Иваныч, говорил я тебе или нет... Мне отец рассказывал, у них на фронте, кому письмо приходило, плясать заставляли.

И Басков во всех подробностях описал встречу с Юрием Конюшковым.

Степанов попытался изобразить такой вид, будто ничего в этом сногсшибательного для него нет, что, мол, он предугадывал именно такой вариант. Но Басков достаточно давно знал Степанова, его не могло обмануть это наивное и неумелое притворство. Причем самое наивное заключалось в том, что Степанов вот так притворялся только перед своими товарищами и никогда — перед другими людьми. И это была, если не считать тщательно скрываемого чревоугодия, пожалуй, единственная его слабость.

— Чего ж не радуешься? — спросил Басков, с удовольствием наблюдая, как самодовольно он пыжится.— Я-то этим пакетам никакого значения не придавал, а ты как в воду глядел.

Степанов наконец не выдержал, встал, хлопнул Баскова по плечу и улыбнулся.

— Это, Леша, лучше мне любого письма. А тебе я тоже кое-что покажу.

Он дал Баскову протокол последнего допроса Татьяны Никитиной. Басков прочел и даже присвистнул.

— Вот какие повороты,— сказал Степанов.

— Любопытно бы взглянуть на этого благодетеля. У тебя карточка есть?

Степанов достал из дела фото Леонида Васильевича Лярина. Басков, разглядывая мужественное, крепкое лицо с резкой складкой между густыми бровями, подумал, что, если бы наложить на портрет Лярина фотографию его сестры, не совпала бы ни одна черта, и все же он испытывал ощущение, что сквозь плотную сатинированную карточку, которую он держал перед собою, глядит на него, словно просвечивая, лицо Татьяны Никитиной.

— Красив. Ты его вызывал? — спросил Басков.

— Думаю, преждевременно было бы.

— Ничего новенького о нем нет?

— Как кристалл.

Они уточнили кое-какие детали предстоящих действий, и Степанов пошел на доклад к начальнику управления.

На обратном пути из Кировабада в Москву Юра Конюшков позвонил с бакинского телеграфа домой, матери. Несмотря на расстояние, мать, вероятно, поняла, что сын ее пьян, поэтому разговор был долгим, Юре пришлось оправдываться и врать. Повесив трубку, он сообщил стоявшему рядом Денису Барышеву, что его матушка страдает астмой, каждую весну вынуждена покидать столицу. Помогает ей только Южный берег Крыма, куда она и отбывает завтра, так что квартира будет в полном их распоряжении.

...Как и предрекал Басков, путешествие на автомобиле вдвоем оказалось весьма удобным, в основном для Юры Конюшкова. Барышев умел водить, правда, не так лихо, как хозяин машины, и именно он сидел за баранкой почти всю дорогу, поскольку Юра все время был под хмелем...

Четырехкомнатная квартира, полученная еще отцом Юры, располагалась в доме старой постройки в самом центре Москвы. Жить в ней было несравненно удобней и привольней, чем в самой лучшей гостинице. Но у Барышева еще в пути возникла проблема: он имел с собой всего две смены белья, и выход был единственный — самому устраивать постирушки. Утешала надежда, что по приезде в Москву Юру не заставит слишком долго ждать тот условный телефонный звонок, после которого он должен передать гражданину по имени Ося привезенные из путешествия три с половиной тысячи рублей.

Едой они были обеспечены по крайней мере дня на три: мама Юры оставила полный холодильник разнообразных продуктов. Но спиртного не было ни капли, и Юра сильно огорчился. Барышев попробовал его урезонить, но Юра заявил, что умрет, если сейчас же не выпьет. Пришлось им сходить в магазин, где Юра закупил водки впрок.

15 мая, во вторник, около десяти утра зазвонил телефон. В квартире стояло три аппарата — в спальне хозяйки, в гостиной и на кухне. Звонок работал у кухонного аппарата, к которому и подошел уже успевший опохмелиться и потому великолепно настроенный Юра. Барышев снял трубку с аппарата в гостиной.

— Явился? — услышал он густой баритон, как будто чем-то недовольный.

— Привет, Ося,— весело ответил Юра.

— Порядок?

— Полный.

— Ты, вижу, с утра пораньше начал. Тебе за баранку нельзя, в витрину въедешь. Бери такси,— командовал Ося.

— Обязательно. И к тому же у меня покрышки лысые, как коленки.

— Тогда так. Через час на проспекте Мира против Банного переулка. Знаешь?

— Ну еще бы!

— Если от центра — с правой стороны.

— Понял. Но, Ося, дорогой, через час не могу. Побриться надо, то да се. Давай через два, а?

Юра разговаривал с Осей точно так, как научил его заранее Барышев. Надо было дать время Баскову.

— Ладно,— согласился Ося.— Ровно в двенадцать. Но без опозданий. Бабки не потеряй.

— Ося, ты меня не уважаешь!

— Не трепись. Чао! — И Ося повесил трубку.

Барышев тут же позвонил Баскову.

Басков приехал на служебной машине через полчаса.

Юра, побрившийся и освежившийся французским одеколоном, одетый в дорогой светлый костюм, выглядел все-таки не лучшим образом. Баскова он принял в своем доме как старого доброго знакомого.

— Присядем,— сказал Басков.

Они сели в гостиной на мягкие стулья, стоявшие в ряд у стены, и это напоминало театральную ложу, только без барьера.

— Где деньги? — спросил Басков.

Юра встал, подошел к пианино и взял с него кейс, потом вернулся, положил его на свой стул и открыл. Кейс был полон бумажными кирпичиками одинаковых размеров. Лишь один отличался от других, был побольше, но потоньше.

— Сколько? — спросил Басков.

— Тут три с полтиной,— сказал Юра.

— И все трешками?

Юра показал на большой и тонкий кирпичик.

— Робби всегда платит крупными. А остальные отдают и рублями.

— Робби — это Роберт Рэевич?

— Да.

— Теперь слушайте. Мы подъезжаем, вы садитесь к Осе в машину и отдаете деньги, так?

— Ну!

— Надеюсь, он не пересчитывает?

— Ха! По тротуару народ ходит.

— Перекладывает деньги в свою тару?

— У Оси есть такой же кейс.

— Ну да, как в шпионских фильмах. Это понятно. Так вот, когда поменяетесь чемоданчиками, открывайте дверцу и выходите.

— И на этом моя миссия закончена? — с надеждой спросил Юра.

— Пока — да. Вернетесь в такси, поедете домой. Но с уговором надолго не отлучаться, вы нам понадобитесь. И мой вам совет: кончайте пить. Посмотрите, на кого вы похожи.

— Мерси! — без особой обиды поблагодарил Юра.

В такси Юра сидел рядом с водителем, Басков и Барышев — сзади. Служебная машина, в которой ехали Фокин и эксперт Михайлов, держалась метрах в пятидесяти за такси.

Когда миновали станцию метро «Проспект мира», Басков сказал:

— Смотрите внимательно. Нам надо не доехать до него шагов на полсотни.

Впереди не было стоящих у тротуара легковушек, лишь одинокий продовольственный фургон. Обогнув его, они увидели вдали белые «Жигули».

— Еще немножко, и стоп,— сказал Юра водителю.

Выйдя из такси, он зашагал неторопливо, помахивая кейсом.

Как только Юра сел в машину Оси, Басков тоже вышел на тротуар. Когда он поравнялся с белыми «Жигулями», дверца машины распахнулась, Басков ухватился за нее, Юра поразительно ловко выскочил на тротуар с кейсом в руке. Басков сел рядом с Осей и захлопнул дверцу.

— Что такое? Вон отсюда! — закричал Ося.

Басков зажал себе ладонями уши.

— Потише, Ося, оглохнуть можно.

Ося завел мотор и чуть повернул руль влево.

— Я вас сейчас первому милиционеру сдам!

Басков ткнул его в бок локтем и кивком показал на заднее сиденье, где лежал кейс.

Ося посмотрел ему в лицо. Жгучий это был взгляд, но что-то как бы подрагивало, пульсировало в нем, мешаясь с ненавистью.

— Кто вы такой? — спросил Ося нормальным голосом и выключил зажигание.

Басков показал служебное удостоверение.

— Так что не надо милиционера.

Басков оглядел Осю. Тот чем-то напоминал Роберта Рэевича Ситпаева — такой же упитанный, холеный, ухоженный, может быть, немного покрупнее. Даже злоба и испуг не согнали румянца с его тугих щек.

— Что вы должны делать с деньгами? — спросил Басков.

— С какими деньгами? — попробовал удивиться Ося. Но это было и наивно, и слишком запоздало: минутой раньше, когда Басков жестом напомнил ему о лежавшем на заднем сиденье кейсе, он вполне выдал себя.

— Не надо так грубо, Ося,— посоветовал Басков.— Кстати, как ваше полное имя-отчество? А то как-то неудобно.

— Иосиф Георгиевич,— сказал Ося и почему-то насмешливо усмехнулся, похоже, в собственный адрес.

— Так что с деньгами, Иосиф Георгиевич?

— Отдать.

— Кому? Когда? Где?

Ося молчал; казалось, он не слышал Баскова. Можно было догадаться, как усиленно работает сейчас его мысль.

— Значит, вы вроде инкассатора? — спросил Басков громко.

Ося дернул плечом, словно стряхивая оцепенение.

— Если вам так угодно.

Басков открыл дверцу, махнул рукой. Барышев покинул служебную машину, подошел.

— Давай-ка за руль,— сказал ему Басков и предложил Осе: — Пересядем, Иосиф Георгиевич.

Басков поместился сзади, Ося подвинулся, уступив руль Барышеву.

— На Петровку,— сказал Басков.

...Машину поставили во дворе дежурной части. Пока Барышев искал понятых для процедуры с деньгами, пока разъяснял им их права и обязанности, Басков позвонил Степанову, чтобы приезжал на допрос Оси. Но можно было и не спешить, потому что из первого допроса ничего путного не получилось.

Степанов поставил Осю в известность, что в связи с пакетами «Мальборо» возбуждено уголовное дело, и начал задавать вопросы.

Сообщенные Осей чисто анкетные данные можно было узнать из паспорта, который оказался при нем: Гольдманян Иосиф Георгиевич, год рождения — 1943, место рождения — Ереван, прописан в Москве, невоеннообязанный, женат. Сверх того, он сообщил, что работает начальником отдела снабжения на заводе химических товаров бытового назначения. На главный же вопрос — кому, где и когда он собирался передать деньги? — Ося ответил, что должен отвезти чемодан в поселок по названию Совхоз, в сорока двух километрах от Москвы, оставить в доме, где живет Егор Друкин.

— Кто такой Друкин? — спросил Степанов.

— В совхозе работает.

— Деньги ему передать? — уточнил Басков.

— Его нет. Я же сказал — оставить в тайнике.

— А когда?

— Сегодня. Как стемнеет.

Степанов пытался начать разговор о происхождении пакетов «Мальборо», но Ося, сославшись на головную боль, попросил дать ему отдохнуть и подумать.

— А кто заберет деньги? — спросил Басков.

— Кто-нибудь,— раздраженно сказал Ося.

— Друкина, вы говорите, нет. Как вы войдете в дом?

На столе, среди вещей, отобранных при личном обыске, лежали ключи на брелоке. Брелоком служила пачечка разнокалиберных пластинок — они изображали американские банкноты, от долларовой до тысячедолларовой. Ося показал на связке два ключа.

— Вот ключи от дома.

— Хорошо, Иосиф Георгиевич. Вы всего лишь инкассатор. Кто же хозяин? Друкин? — спросил Степанов.

— Дайте отдохнуть,— повторил свою просьбу Ося.

— А в доме может оказаться кто-то другой? — задал вопрос Басков.

— Может, да, а может, нет,— уже вяло ответил Ося.

Отправив его в камеру, Басков вызвал Фокина, объяснил задачу. Фокин поехал в поселок под названием Совхоз.

Басков со Степановым пошли к начальнику управления уголовного розыска. Тот пригласил своего первого заместителя, и Басков доложил обстановку. Совещались до шестнадцати часов. Было выработано два варианта действий. Выбор зависел от того, что скажет Ося, поразмыслив в камере.

Басков отправился домой, на Новослободскую, а Степанов — в прокуратуру.

Окончание следует.

КЛЮЧИ

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Марины ПЕТРОВОЙ

Оперуполномоченный МУРа майор Басков и следователь прокуратуры Степанов расследуют дело об убийстве Анатолия Никитина, происшедшем в квартире его бывшей жены Татьяны. Проверка ее второго мужа Кузьмичева не привела к разоблачению убийцы. Не продвинулось дело вперед и после поездки Степанова в Таллин, куда нередко наведывался Анатолий. Зная, что он часто бывал и в Баку, решили поискать там связанных с Никитиным людей среди имеющих отношение к торговле поддельными пакетами с надписью «Мальборо». Их дарил Анатолий своей бывшей жене. Через продавца пакетов они вышли на Сатпаева, которому привозил товар Никитин. Теперь пакеты доставляет ему Женя. Приехавший в Баку Женя рассказал Баскову, что знает только Осю, которому отдает выручку. Товар же он берет в заброшенном сарае после телефонного звонка. Возвратившись в Москву, дождались звонка Оси и поехали на встречу.

Сын Сашка только что вернулся из школы. Они вместе пообедали, а потом Басков решил переодеться. Прикидывая, во что, он вспоминал строчки из журнала мод, которые однажды прочла ему жена. Одежда, как предписывают тонкие правила этикета, должна соответствовать... Чему? Одну фразу он помнил наизусть: «Элегантный мужчина конца двадцатого века стремится, чтобы наряд соответствовал его облику, характеру, настроению». Вот именно — настроению. Лучше не скажешь. Поссорился с женой — надевай пиджак из кожзаменителя каменноугольного цвета и иди в магазин за вареной колбасой, помирились — переоденься в элегантные брюки цвета весенней пашни и садись к телику. Замечательно все-таки, что существуют журналы мод. Они всегда вам подскажут, когда, что и как.

— Саша, ты мои старые синие джинсы не видел? — спросил Басков у сына.

— В моем шкафу посмотри,— подсказал Сашка.

Точно, джинсы были в шкафу. Потертая кожаная куртка — на вешалке у двери. Кроссовки — под вешалкой. Через пять минут он был одет согласно тому разделу правил этикета, который начинается словами: «Отправляясь на вечерний прием...» Если слегка вольно трактовать веления моды относительно соответствия одеяния настроению, то следовало считать Баскова в данный момент одним из самых элегантных мужчин. Не хватало только пистолета под мышкой. Но позже, вечером, у него будет и пистолет — «Макаров» калибра девять миллиметров...

Фокин приехал из совхоза в девятнадцать тридцать. Он узнал, что Егор Петрович Друкин, в чьем доме Ося намеревался оставить деньги, работает начальником мастерских парникового отделения. Прибыл он в совхоз из Калуги. Неделю назад взял очередной отпуск и поехал отдыхать, если сведения верны, именно в Калугу.

Потом Фокин попросил лист бумаги и карандаш и начал рисовать. Проведя на левой половине листа сверху вниз две параллельные линии, объяснил:

— Это шоссе.— Под тупым углом от шоссе вправо он провел еще две параллельные линии.— Это отвилок.— На конце отвилка, справа от него, начертил маленький прямоугольник.— Это совхозные мастерские парникового отделения, длинный одноэтажный кирпичный барак.— Напротив барака он нарисовал квадратик и к нему приделал скобочку.— Здесь дом Друкина. Из толстой сосны. С верандой. Вход через веранду. Дом подсоединен к электролинии, есть и телефонный кабель, телевизионная антенна. Огорожен штакетником. На участке за домом стоит гараж из белого кирпича. Дорожка к гаражу бетонированная.— Он нарисовал выше прямоугольника и квадрата такие же геометрические фигуры различной площади.— Справа совхозные постройки и поля, слева кирпичные жилые дома.

— Спасибо, Сергей,— сказал Басков.— Отправь запрос в Калугу.

В надежде, что Ося что-нибудь все-таки надумал, Басков велел доставить его в кабинет. Однако ничего нового он не сказал. Если в нем и произошли за время пребывания в камере какие-нибудь перемены, то они выражались лишь чисто внешне — исчез румянец со щек. И в глаза он не смотрел прямо.

— Ну что ж, как стемнеет, поедем в совхоз,— сказал Басков.— Вас кормили?

— Не хочу,— ответил Ося.

Окончание. См. «Огонек» №№ 47—51.

15

Фокин и Коротков уехали на служебной машине в 22.30. В 23.00 со двора дежурной части тронулись белые «Жигули». На месте водителя сидел Денис Барышев, рядом с ним Ося, а сзади Басков. На сиденье возле Баскова лежал пустой кейс.

Ося показывал дорогу. Доехали до кольцевой, по ней сделали десяток километров, потом свернули на шоссе к совхозу.

По бокам тянулся молодой березовый лес, распустившийся еще не в полный лист. Шорох шин стал слышнее. Запоздалая галка или ворона, не разобрать, летела быстро, вровень с ними, вдоль дороги над сквозящими кронами березок, наверное, ночлег у нее был где-то в матером лесу.

— Лажа это все, лажа! — с неожиданной страстью сказал вдруг Ося, подаваясь вперед всем корпусом. Казалось, он убеждал кого-то, спорящего с ним.— Говорил я Лене, а он...— Ося ударил ребром ладони по козырьку щитка.— Вот тебе и дуплет.

— Леня — это ваш хозяин, что ли? — поинтересовался Басков.

Ося не ответил.

Березовый лес кончился. Справа, вдали, горели два ряда белых огней, как улица в городе. Это и был совхоз.

Крутанув на отвилок, Барышев остановил машину и вышел.

По плану отсюда он должен идти в поселок пешком. Если в доме Друкина кто-то есть, его встретит Фокин, и Барышев должен предупредить Баскова. Если нет, Барышев занимает предназначенную ему позицию, которую укажет Фокин.

Ося повернулся к Баскову.

— Хочу сказать...— Он почмокал губами и замолк.

На приборной панели мигала алая пуговка поворота — Барышев забыл выключить. Мешаный, как от радуги, свет панели подсвечивал белки широко открытых глаз Оси, и Баскову казалось, что он ощущает на своем лице жаркий их отблеск.

— Хочу сказать, я преступник, подлец, что угодно...— Ося говорил медленно, с болью, отсекая слово от слова, как ножом.— Что угодно, но...— Он опять замолк. Басков ждал продолжения, но Ося отвернулся.

Пуговка на панели все мигала.

— Садитесь за руль. Выключите сигнал поворота,— сказал Басков.

Хотел ему Ося что-то сказать, определенно хотел. На весах каких-то взвешивал, но что?

Издали Басков узнал по чертежу, который чертил Фокин, длинный барак мастерских и дом с верандой. Окна дома были темны.

Барышев их не встретил...

Ося съехал на бетонную дорожку выключил зажигание.

— Приехали? — спросил Басков.

— Вот.— Ося кивнул на дом.— Никого нет.

Ося первым поднялся по пяти ступеням. Дверь веранды была не заперта. Найдя на связке нужный ключ, Ося открыл входную дверь: пошарив по стене, щелкнул выключателем. Они стояли в длинном коридоре. Слева было две двери, справа — одна.

Ося пошел в дальнюю левую дверь, зажег там свет. Басков — за ним. Это была кухня. Газовая плита, холодильник, эмалированная мойка, пестрый серый линолеум, на окнах шторы с яблоками, грушами и прочими фруктами — все как в городской квартире.

Вернулись в коридор. Басков показал на ближнюю к веранде дверь, мимо которой Ося прошел.

— А тут что?

— Кладовая.

— Посмотрим.

Басков сам нашел выключатель.

Кладовая, размером ровно с кухню, пустовала. Вдоль стены стояло нечто вроде верстака. Окон нет.

По другую сторону коридора располагались две комнаты, первая — проходная.

Ося зажег свет в обеих, Басков осмотрел их. Вторая служила спальней — деревянная кровать, шкаф, тумбочка с лампой под желтым абажуром, в углу телевизор на большой тумбе. «Цветной»,— отметил про себя Басков.

В первой комнате — круглый стол, стулья, сервант и два дивана, поставленные по стенам углом.

— Вы что же, деньги посреди комнаты бросаете? — спросил Басков, ставя кейс на стол.

Видимо, что-то все-таки надломилось в душе у Оси, когда он так неожиданно заплакал там, в машине.

— Есть тайник,— сказал он, подошел к дивану у торцовой стены, отодвинул его, нажал ногой на плинтус. Что-то щелкнуло, из стены выдвинулся на высоте колена широкий, но не глубокий ящик.

Басков заглянул в него. Содержимое ящика выглядело довольно причудливо. Банка из-под индийского растворимого кофе. Корень женьшеня. Прозрачные резиновые медицинские перчатки. Стальной шар чуть меньше теннисного мяча с приваренной к нему короткой петлей из велосипедной цепи, к цепи привязана другая петля, резиновая.— это самодельный кистень. Басков взял кофейную банку, она была тяжелая не по объему, словно литая из свинца. Тряхнув ее, Басков услышал мелодичный звон.

— Вы присядьте,— сказал он Осе.

Сам он сел к столу так, что через открытую дверь комнаты ему была видна входная дверь, ведущая на веранду. Ося хотел выключить свет в коридоре, но Басков сказал:

— Пусть горит.

Ося сел напротив.

Басков собирался закурить, когда увидел в коридоре человека. И тут же услышал стук своего сердца, можно считать удары без пульса.

Дверь веранды никто не открывал. Никакого звука шагов... Но вот он, стоит.

Басков невольно посмотрел на его ноги. Адидасовские кроссовки, точно такие, как на нем самом. Только новые. Вот почему он так неслышно появился. Но откуда? Через окно в кухне? Оно закрыто. Басков верил своему слуху, он засек бы даже шелест газеты, если бы кто-нибудь разворачивал ее на кухне. Невозможно совершенно бесшумно открыть окно, пусть оно и не заперто.

Поднимая взгляд выше, Басков увидел синие спортивные брюки, потом серый свитер и, наконец, лицо. Серо-голубые глаза смотрели на него брезгливо. Рослый, плечистый, блондинистый. Что-то зыбко знакомое чудилось Баскову в его облике.

Руки человек держал за спиной. Утихшее было сердце снова заставило считать свои удары...

Может быть, целую минуту длилось это взаимное разглядывание, а Ося ничего не замечал.

Человек нарочито кашлянул. Ося обернулся.

— Дай ключи от машины,— приказал человек. Он разговаривал так, словно Баскова здесь не было.

Ося встал, отдал ключи.

Басков повернулся на стуле левым плечом к двери и сунул правую руку за борт куртки. Человек, принимая левой рукой ключи от Оси, смотрел не на него, а на Баскова. Он следил за его движениями, и Басков видел это, видел, что свою правую руку человек по-прежнему держит за спиной.

— Садись,— сказал человек.

Ося сел лицом к нему.

Человек посмотрел на выдвинутый ящик тайника.

Басков следил, как за стрелкой индикатора, за правым локтем человека. В тот миг, когда эта стрелка дрогнула, он скользнул на пол, выхватил из куртки пистолет.

Прогремел выстрел. И тут же второй.

Патрон был уже в патроннике, но человека в двери Басков не увидел.

Ося упал со стула. Теперь он неуклюже поднимался. Из-под закатанного рукава черной рубахи по белому предплечью в сложенную горстью кисть широким ручьем бежала кровь.

Басков ни на секунду не терял над собой контроля. Он видел, что дверь на веранду не открывалась. Он знал, что кто-то из его товарищей блокирует

выход из дома. Человек мог исчезнуть только на кухню. Но через окно ему тоже не уйти.

Поднявшись, Басков подбежал к двери, поглядел в щель между дверью и косяком. В коридоре пусто. Кладовую можно не проверять... Сквозь звон в ушах он услышал тихий голос Оси и оглянулся.

— Он там.— Ося показывал пальцем в пол.

— Погреб? — догадался Басков.

— На кухне... Нажать под окном. Ход в мастерскую...— Ося вдруг сполз со стула.

Басков ужаснулся: на полу уже образовалась лаково блестевшая большая лужа крови. Вероятно, у Оси задет крупный сосуд.

Басков выскочил через веранду во двор. Слепой после ярко освещенной комнаты, зажмурился на секунду, чтобы быстрее привыкнуть к темноте, позвал:

— Фокин!

— Леша, мы здесь! Сергей на дороге!

Это был Коротков. Возле угла, откуда было видно темное окно кухни, стоял Барышев.

Басков сказал Короткову:

— Он в мастерской. Крикни Сергею, пусть перекроет. За тобой окна.

— Окна с решетками.

— Тем лучше. Валяйте вместе.

Коротков выбежал через калитку.

Басков подозвал Барышева.

— Денис, где наша машина?

— Вон.— Барышев махнул рукой.

Их серая «Волга» стояла на дороге, закрыв выезд с бетонной дорожки.

— Возьми аптечку. Ося ранен. Перевяжи. Быстро! — И бросился в дом.

Ося лежал навзничь с закрытыми глазами. Лужа расползлась еще шире.

Басков крадучись достиг кухни, зажег фонарик, затем включил лампу и осмотрел пол.

Пестрый узорчатый линолеум не позволял разглядеть какие-нибудь очертания люка, крышки хода, ведущего в подвал. Басков открыл окно и неожиданно услышал топот на дороге, а выглянув, увидел троих — Фокин и Коротков вели человека в сером свитере.

— Стойте там! — крикнул Басков.

Барышев сидел на корточках над недвижным Осей. На левой руке у самого плеча чернел резиновый жгут, завязанный бантом, как на детских ботинках. Пуля попала в бицепс, рана сквозная.

— Как?

— Не течет,— сказал Барышев.

— Сердце?

Барышев поискал пульс на пухлом запястье раненой руки.

— Проверьте ваши часы. Раз, два, три...— Счет был нечастым.

Басков поморщился.

— Не знал, что ты такой шутник.

— Подумаешь... А он не шутник, Алексей Николаевич?

— Ладно. Перенесем. Кликни Короткова. Жгутик отпусти немного.

Басков стал искать Осину пулю. Та, что предназначалась ему, скорей всего ушла наискосок в стену, разделявшую комнаты, ее сейчас не найдешь.

Чуть сплюснутый свинцовый цилиндрик он нашел, как ни странно, под столом. Калибр 7,62. Наверно, из старого отечественного стрелял. Басков опустил пулю в кармашек рубашки, застегнутый на пуговицу.

Пришел Барышев. Вдвоем они еле-еле донесли Осю до «Жигулей», положили на землю возле машины.

Басков вернулся, взял со стола связку Осиных ключей. Прежде чем выключить свет, он оглядел себя. Джинсы и руки были перемазаны кровью. Не вся кровь на полу успела свернуться и засохнуть.

Закрыв окно в кухне, выключив везде электричество и выйдя на веранду, он минут пять ковырялся с дверью: ключей в связке Оси было не менее двенадцати штук.

Барышев был при Осе. Трое стояли на дороге. Басков пошел к ним.

— Из чего стрелял?

— Тэ-тэ. В обойме пять патронов,— сказал Фокин.

Басков подержал в руке пистолет. С такими, отец рассказывал, воевали на фронте. Но этот был как новенький.

— Ключи от машины при нем нашли?

— Вот. В кроссовку засунул.— Коротков протянул ключи.

— Нет,— сказал Басков.— Идем погрузим Осю, и гони в больницу.

Они с трудом поместили Осю на заднее сиденье, и Коротков уехал.

Басков закурил, поглядел на стрелка. Он, как там, в доме, держал руки за спиной, но сейчас на них были наручники. И осанку он имел не такую великолепную.

Только тут Басков отметил одно несообразие: человек в дачном облачении и вооружен. Не ехал же он из города вот так, с пистолетом в руке. И на чем ехал? Но сейчас было не до этого.

— Сергей, ты останься,— сказал Басков Фокину.— Утром приедем.— Басков кивнул на задержанного.— Как это вы его?

— Еле поспели. Выскочил из двери, Коротков подножку, я сверху.

На циферблате автомобильных часов было десять минут первого.

16

Со всяким так порою случается: прочел, скажем, где-то когда-то давно заметку о вреде курения, обнадеживала и ободряла, что, мол, среди бросивших вредную привычку даже после шестидесяти пяти лет смертность от сердечных заболеваний на пятьдесят два процента ниже, чем у небросивших, и хочется почему-то непременно вспомнить, в какой газете она была напечатана. Иногда и уснуть человек не может, мучается, пока не вспомнит, хотя это и ни к чему, и никому не нужно.

Похожее было с Басковым, когда, приехав во втором часу ночи на Петровку, он отправил в камеру не пожелавшего разговаривать неудачливого стрелка.

Отчасти безотчетно, но все же повинуясь раздражающему желанию вспомнить, он достал из сейфа фоторобот «Тренера», сделанный со слов Касимова и Брошина. И точно, стрелок мог бы послужить моделью для этого фотопортрета...

Они начали утром в половине десятого. Привели стрелка. Были наготове четверо мужчин, подходя-

щих по комплекции и летам. Были понятые. Стульев в кабинете у Баскова не хватало, добавили стульев. Касимов и Брошин сидели в соседнем кабинете.

Процедура опознания длилась не дольше обычного, с единственной секундной заминкой. Перед тем как ввели Брошина, стрелок сидел с опущенной на грудь головой, ему велели поднять голову и держаться прямо.

Брошин и Касимов опознали «Тренера» без малейших колебаний. Был составлен протокол, и в кабинете остались трое — Степанов, Басков и «Тренер». В коридоре у двери прохаживался конвоир.

«Тренер» согласился давать показания и назвал себя: Брылин Константин Антонович, 1948 года рождения, уроженец Москвы, холостой, работает инструктором в ДСО «Урожай».

На вопрос о документах Брылин ответил, что они в его костюме, а костюм и туфли — дома у Егора Друкина, в шкафу. Таким образом разрешился и вопрос о несообразии одеяния, мелькнувший у Баскова ночью там, в совхозе...

На этом месте Степанов неожиданно прервался.

— Вы на минутку выйдите,— сказал он Брылину.

Басков позвал конвоира, тот вывел Брылина в коридор.

— Ты чего? — спросил Басков.

— Ося в машине какого-то Леню поминал, да? — Он ногтем постучал по магнитофону.

— Ну?

— А брата Татьяны Никитиной как зовут?

— Я об этом и не думал. Леонид, что ли?

— Угу. Подожди-ка...

Степанов заглянул в папку с материалами дела, снял трубку с телефона, но прежде чем набрать номер, спросил:

— Машину организуешь?

— Попробую.

Степанов позвонил Никитиной. Она узнала его по голосу.

— Слушаю, Михаил Иванович.

— Вы сможете отлучиться часа на полтора? За вами приедут.

— Конечно.

Басков организовал машину. Степанов сказал:

— Знаешь, Леша, я, кажется, не совсем готов к допросу этого субъекта. А если сейчас Никитина сообщит нам кое-что, так и подавно.

— Отправить его?

— Пожалуй.

Конвоир увел Брылина.

С телетайпа принесли ответ из Калуги.

Друкин Егор Петрович оказался дважды судимым. Оба раза за квартирные кражи. По специальности слесарь-наладчик типографских машин и оборудования, по отбытии последнего срока работал на стройках. Выписался из Калуги три года назад.

Татьяна Никитина, когда вошла, имела вид недоуменно-недоверчивый, может быть, потому, что не в тот дом ожидала попасть. Степанов не предупредил ее, что приглашает не к себе в прокуратуру, а на Петровке она, наверное, раньше не бывала.

Степанов поднялся навстречу.

— Извините, Татьяна Васильевна, надобность заставила.

— Ничего.

Она оглядела стулья, их было в тесном кабинете штук десять. Недоумение еще оставалось на ее лице, вероятно, из-за стульев. А недоверчивость растаяла. Тем более что и Басков был знакомым человеком.

Степанов усадил ее у стола.

— Хочу спросить, Татьяна Васильевна. Не приходилось ли вам слышать такое имя — Иосиф Георгиевич Гольдманян?

— Я хорошо его знаю,— удивляясь как бы не самому вопросу, а тому, что кто-то может сомневаться в ее знакомстве с Иосифом Георгиевичем, ответила она.

— Давно?

— Ну-у... лет десять... Да, я тогда оканчивала институт.

— А как вы познакомились?

Она покраснела, поняв, что ее слова могут не так истолковать.

— Но он же друг моего брата.

— Понятно. Они и подружились десять лет назад?

— Если я не ошибаюсь... Но после оказалось, они учились в одной школе. Правда, Ося года на три моложе, они тогда не водились.

— А что он за человек, Иосиф Георгиевич?

— Ну как?.. Обыкновенный... Веселый, компанейский... Они семьями дружат. У него очень симпатичная жена...

Степанов поглядел на Баскова, в задумчивости потер крепко кулаком подбородок. Казалось, он боролся с каким-то искушением. И, покачавшись, поломав себя, искушение преодолел.

— Ну, спасибо, Татьяна Васильевна. Мы вас еще потревожим. Может быть, даже завтра.

— Хорошо.

Никитину проводили.

Баскову не надо было объяснять, о чем подумал Степанов.

— Чего ж ты заделикатничал? — сказал он.— Повезли бы в госпиталь, она бы его навестила. Милое свидание, и Осе деваться некуда.

Он говорил это просто так, для подначки насчет деликатности, а не из-за нерешительности Степанова. Он бы, наоборот, до глубины души оскорбился за Степанова. если бы кто-то всерьез мог посчитать, что тот способен вот так, выдернув женщину со службы для пятиминутного разговора. пригласить ее на свидание с семейным другом, который лежит в больничной палате с простреленной рукой.

— Да-а, недурственно было бы,— мечтательно проговорил Степанов.

— У тебя Леня и так в руках.

Степанов встал, прошелся, расталкивая коленями стулья.

— Не знаю, как тебе... Много мы с тобой всякого навидались, а мне что-то жутковато.

Басков не уловил точного смысла этих слов.

— А чего? Все насквозь просвечивается. Брать его надо.

— Я не про то. Ты смотри, компания подобралась. Не часто встретишь.

— Что дальше?

— В совхоз. Посмотрим все как следует... А пока... Не позвонить ли нам в больницу?

Баскову сказали, что Иосифу Георгиевичу сделана операция, ушита плечевая артерия. Была большая потеря крови, ему влита тысяча кубиков. Состояние удовлетворительное, прогноз хороший. Когда с ним можно будет говорить? Если положение не изменится, хоть завтра.

Директор совхоза Иван Иванович Михайлов, небольшого роста толстяк лет пятидесяти, ленивый в движениях, но с быстрой, отрывистой речью, показывал им мастерскую теплично-парникового отделения. Сообразив, что начальник мастерских замешан, вероятно, в какую-то темную историю, он не очень-то испугался, но озадачился. Шофер-то ему докладывал, что Егор Петрович остался в городе у приятеля, ну, там небольшой загул, с кем не бывает. Арест — это уже посерьезнее...

Малую часть мастерской занимали станки — токарные, сверлильные, шлифовальные, не самых новейших моделей, а большую — какой-то длинный низкий агрегат и несколько агрегатов высоких и узких.

Почему-то ни одного рабочего не было.

— Здесь мы делаем полиэтиленовые покрытия... Для теплиц и парников,— сердито объяснял Иван Иванович.

Степанов показал на штабель сложенных пачками прозрачных пакетов.

— А это?

— Мешочки для рассады. Убыстряют рост. Могут служить защитой от вредителей. В садах. Я не агроном. Не могу подробно.

— И все это, так сказать, на свою потребу?

— Зачем? Кто просит — продаем. Официально. В бухгалтерии задокументировано.

За штабелем в углу увидели откинутую крышку люка.

— Посмотрим там,— предложил Басков.

Вниз вела почти вертикальная железная лесенка с одним металлическим поручнем-прутом, как на корабле или на домне. Степанов и директор, подойдя к люку, украдкой покосились друг на друга, на уровне живота, вероятно, примеряли на себя площадь дыры и испытывали сомнения. Басков спустился первым, зажег свой карманный фонарик, включил электричество и смотрел теперь на них снизу. Наконец они решились.

Во всю длину мастерской, правда, чуть поуже ее, тянулся бетонный подвал. Главное место отведено двум агрегатам, один из них напоминал чем-то типографскую печатную машину. Оба они при свете люминесцентных ламп поблескивали хромом и выглядели щеголевато — не чета верхним собратьям. Вдоль одной стены — деревянные стеллажи, на них разнокалиберные жестяные банки с этикетками — краска. Вдоль другой — широкий прилавок, на нем три груды пакетов, но не таких, как наверху. Они были больше и с прорезями для захвата, чтобы носить в руке.

Под прилавком валялся распоротый с одного края пакет с надписью «Мальборо» — брак.

— А здесь что вы делаете? — спросил Степанов.

Иван Иванович был озадачен больше, чем при вести о начальнике мастерской, но солидность не позволяла и помогала ему это скрывать хотя бы наполовину. Он только стал немного побагровее.

— Первый раз вижу.

Было очевидно, что это правда. Он, словно позабыв о своих неприятных гостях, обошел вокруг агрегатов, оглядел, ощупал, даже понюхал с боков и снизу, с трудом нагибаясь и возмущенно сопя.

— Не понимаю. Первый раз вижу,— повторил он, отряхивая ладонь о ладонь.— Не знаю, на балансе это, не на балансе. Проверить надо.

На торцовой дальней стене подвала была металлическая дверь, запертая на задвижку. Басков открыл ее, зажег фонарик и увидел длинный, как тоннель. сводчатый коридор шириной метра два, упиравшийся точно в такую же дверь. Бетонные бока и темя коридора были гладкие, явно не любительской выделки. Открыв дверь и обратив внимание, что она имела задвижку и на другой стороне, он очутился в бетонированном же, но квадратном и невеликом подвале, на чистом полу которого в углу лежали рядком пачки пакетов «Мальборо» — склад готовой продукции. Посветив в потолок, он увидел крышку люка, запертую устройством, напоминавшим чемоданный замок с пружиной. От него по потолку влево тянулся стальной трос, другим концом связанный со штырем, торчавшим из потолка. Басков догадался, что там, наверху, должна быть педаль этого простого рычажного механизма, которую он безуспешно искал ночью. Поднявшись по лесенке, он потянул за трос, щелкнул замок, рукой он откинул крышку, и в подвале сделалось светло без фонаря. Он хотел подняться, но тут услышал зов, посветил Степанову и Ивану Ивановичу в коридоре и потом помог им взобраться по лесенке.

Между тем Иваном Ивановичем, который спускался через люк в мастерской, и тем, который появился из люка в кухне Егора Петровича, разница была такая, что Басков глазам не поверил. От люка до люка расстояние было, ну, метров с полсотни, но всякий сердобольный человек, посмотрев на Ивана Ивановича, немедленно предложил бы ему помощь, как потерпевшему неудачу путешественнику, пленнику пустыни Каракумы, преодолевшему без воды и пищи гибельные дюны, барханы и такыры. Иван Иванович почернел и, кажется, похудел.

Степанов и директор, остановившись в дверях комнаты, там, где ночью стоял стрелявший Константин Брылин, глядели на лакированный пол. Бурые пятна разных форм и размеров покрывали всю половину справа от стола, прочерченные кое-где трещинами, кое-где похожие на лупившуюся от сухости и солнца масляную краску. Пахло душно и сладковато, как в мясном отделе магазина, не хотелось дышать этим воздухом. Иван Иванович вынул платок, стал вытирать шею под воротником рубахи, лоб, все свое одряблевшее вдруг лицо. Степанов был как всегда, ему лишь трапы не приглянулись.

Басков распахнул окно, пошел в спальню, открыл шкаф. Одежду Егора Петровича легко было отличить от дорогого серого костюма Брылина. Басков взял его. На дне шкафа стояли узконосые светло-коричневые туфли, их он тоже взял.

Степанов с директором вернулись в кухню и сидели у стола. Басков спустился в подвал, выдернул из пачки два пакета, сложил костюм и туфли и поднялся наверх.

Он поглядел на собеседников, и ему стало жаль Ивана Ивановича. Директор повествовал об истории создания мастерских. Ему было трудно. Фразы его стали еще короче и отрывистей, и произносил он их так, словно для каждой требовалась остановка, чтобы собраться с силами. Казалось, после каждой из них он не станет продолжать, а спросит с горечью: «Но как же так?!»

В связном переложении с директорского рассказа история вырисовывалась так.

Четыре года назад совхоз постановил обзавестись тепличным и парниковым хозяйством — дело, как известно, прибыльное. Посоветовавшись в столице со сведущими людьми, директор решил поставить все на широкую ногу, с использованием достижений агротехнической науки и в духе современных веяний. Стеклышки в жидких рамочках — это уже старо, это еще при Екатерине Второй в Санкт-Петербурге умели, да еще и лучше нашего, вплоть до ананасов или там орхидей с острова Борнео. Сейчас царица, императрица и королева — пленка. Есть у тебя пленка — ты с миллионом, нет — считай копейки.

Сведущие люди познакомили директора с Иосифом Георгиевичем Гольдманяном, заместителем начальника отдела снабжения и сбыта на заводе, где производят пленку. Он помог на первых порах побыстрее, вне очереди что ли, получить ее. Но все было на законных основаниях, в общем порядке, все задокументировано. Только побыстрее.

А потом Иосиф Георгиевич подал конструктивную мысль: почему бы совхозу не наладить собственное небольшое производство? Пленку ведь надо склеивать или там сваривать. Очень перспективное направление — использование полиэтиленовых мешочков. Их тоже можно самим производить. Ну и так далее.

Мысль понравилась, но необходимо соответствующее оборудование, надо возводить специальное под это здание... Иосиф Георгиевич обещал всемерную помощь. а так как начинать надо со строительства, он познакомил директора со своим другом, инженером строительно-монтажного управления Леонидом Васильевичем Ляриным. Тот проявил полное понимание задачи и принял идею всей душой. Может

быть, при выполнении и оформлении подрядных работ были допущены некоторые вольности, но самую малость, ничего особенного, не страшнее обычного, как у других, без этого не обойдешься, потому что в конце-то концов все на общую пользу.

Леонид Васильевич в кратчайшие сроки поставил вот это здание мастерских, а заодно и вот этот дом для будущего начальника, которого, кстати, он же несколько позже и порекомендовал, и оказался Егор Петрович мастером — золотые руки.

В две недели мастерские были готовы, а оборудование начали завозить еще в разгар строительства. Иосиф Георгиевич сдержал слово, помог благодаря своим служебным связям пробить заявку на списанные где-то, устарелые станки и машины, обошлись они совхозу дешевле махорки.

Заодно, между прочим, не выходя за пределы договорной сметы, строители подновили всю дорогу в пределах расположения совхоза.

Ну, затем смонтировали оборудование, составили штаты теплично-парникового отделения и его мастерской, укомплектовали, и уже в следующем году не только все затраты окупились, но еще и с прибылью свели тепличную статью совхозного бюджета. А через год прибыль утроилась, и в этом году надо ожидать дальнейшего роста доходов.

Так что сетовать директору на затею с тепличным-парниковым отделением не приходится.

Об остальном, что касается мастерской, Иван Иванович знать не знал, ведать не ведал. Об остальном Степанов знал сам.

— Вы, как понимаю, в дела мастерской не очень-то вникали,— не то спросил, не то утвердительно сказал Степанов.

— Работают хорошо. Доход обеспечивают... Что лишний раз теребить? Только людям мешать. Есть послабее.

— Скажите, Иван Иванович, а вы незнакомы с Брылиным Константином?

— С каким Брылиным? Не знаю таких.

— Может, он у вас числится?

— Сейчас.— Директор подошел к серванту, где стоял телефон, набрал трехзначный номер.

— Зоя, возьми штатное, посмотри — Брылин... Да, Брылин. Ты что, мать, оглохла?

Он минуты две стоял, утираясь платком.

— Да. Так... Все.— Положил трубку и сказал: — Числится. Автомеханик. Сто десять карбованцев.— Почему-то он назвал рубли по-украински.— Никогда не видал.

Чтобы не гонять двух немолодых толстяков по трассе с препятствиями, Басков пробежал по ней в одиночку, отпер дверь с веранды, выпустил их на свежий воздух, закрыл на задвижки обе железные двери в подземном коридоре, захлопнул люк, закрыл окно и наконец вышел сам. Запирая дверь дома, он услышал, как Иван Иванович говорил в сердцах Степанову, уже не отрывисто:

— Да поймите, дорогой мой, у меня этих гавриков двести с лишком душ, а баб — вдвое. Ну, бабы ладно, мужики тоже есть, сказал — сделает, а ведь другой архаровец как? Накинешь — приходи к обеду, проверяй готовое, пожалеешь — нам тоже не к спеху. Ты ему: а вот я тебе выговор влеплю. А он: а его я в золотую рамочку и над кроватью повешу.

— Ну а премии лишить или еще как? — подал рационализаторское предложение Степанов.

— Ха! — Иван Иванович снял кепку и покрутил своей круглой головой так, что влажные белесые волосы, свалявшиеся под кепкой, рассыпались во все стороны. И повторил с насмешливостью обреченного: — Ха! Вон, видите? — Он показал рукой вдаль, за дорогу. Там торчали две тонкие, как карандаши, заводские трубы.— Силикатный. Плюнет и уйдет. И возьмут характеристику и разворачивать не будут. А подальше — еще завод, еще фабрика. Ему вакансий на пятьсот лет хватит. А у меня столовка кормит — в Москве не покушаешь, мясо свое, в обед за полтинник четыре блюда. Дворец, баня с паром, веники на всю зиму заготавливаем. Какого еще рожна? Работай! — Он передохнул и спросил совсем из другой области: — Неприятности будут?

— Пирогов и пышек я бы на вашем месте не ожидал,— сказал Степанов.

— К шишкам не привыкать.— энергично выдохнул Иван Иванович.— Я вам больше не нужен?

— Спасибо. Мы домой.

— Счастливого пути.

— Всего доброго.

Степанов и Басков пожали директору руку и уехали.

Леонида Васильевича Лярина арестовали вечером того же 18 мая возле его гаража, когда он поставил машину.

Егора Петровича Друкина доставили из Калуги 19-го.

С Юры пока была взята подписка о невыезде, что сильно его опечалило, так как он намеревался отдохнуть у моря, омыть свои утомленные чресла в соленых водах Понта Эвксинского, как, по утверждению энциклопедий, называли древние греки Черное море, оно же Гостеприимное, ибо Эвксинский в переводе означает «гостеприимный». Четыре отцовские энциклопедии, в том числе Брокгауза и Ефрона. Юра, согласно неоригинальному обычаю своих единомышленников и братьев по социальному положению родителей, давно продал, но кое-что из прочитанного он еще помнил. Так что ему не было жаль осиротевших книжных полок, да и деньгами он в данный момент располагал.

Ося уже с понедельника 21 мая чувствовал себя настолько здоровым, что мог давать показания вне больничной палаты. Он их давал со всей откровенностью, на какую был способен. Между ним и Леонидом Васильевичем Ляриным во время очных ставок происходила малопочтенная грызня: каждый старался уверить Степанова, что главарем, лидером преступной группы был не он, а вот этот сидящий напротив гражданин. Такие коллизии всегда бывают зеркальным отражением того, что существовало там, на воле. В зеркале ведь левое становится правым, правое — левым. На воле спор шел наоборот — кому быть главарем.

Константин Брылин заявил Степанову напрямик: мол, гражданин начальник, я человек грамотный, понимаю — от харьковского поезда и двух пуль в доме Егора Петровича не отмажешься, я и не буду, а лишнего на меня не вешайте. Он действительно был грамотный — отбыл десять лет за разбой. С Егором Петровичем Друкиным он познакомился в поезде, оба возвращались из колонии. Но колонии у них были разные, потому что разные режимы.

С Ляриным и Гольдманяном их свела судьба, так по крайней мере казалось Брылину. Он познакомился с Леонидом Васильевичем на пляже в Ялте, причем инициатором был Леонид Васильевич. Он искал кого-нибудь для компании, чтобы выпить.

Тут есть существенный момент. Если бы, скажем, Леонид Васильевич встретил Константина Брылина в Ялте не на пляже, где люди одеты в купальники, а на набережной, одетым в рубаху, хотя бы и с коротким рукавом, он бы искать с ним знакомства не стал. Дело в том, что поиск Леонида Васильевича носил целенаправленный характер. Ему необходимо было завести себе друга и помощника с уголовным прошлым. У Брылина не было татуировки на руках, зато на груди, спине и ногах желающие и имеющие такую возможность могли видеть прекрасно исполненные жанровые картинки. По понятиям Леонида Васильевича, каждый, кто имеет наколки, был уголовником. На самом деле это не совсем так, но у ложных правил, как и у неложных, тоже есть исключения, и в данном случае восторжествовал этот необязательный закон.

Леониду Васильевичу повезло даже крупнее, чем он ожидал: познакомившись с Брылиным, он заполучил и второго надежного помощника — Егора Петровича, а большего ему для задуманного предприятия и не было нужно.

Егор Петрович Друкин от всего отпирался и на допросах, и на очных ставках. Он был человеком недалеким, но основательным, за что особенно его ценил Леонид Васильевич, на чем и строил свои чудовищные планы.

Иосиф Георгиевич на одном из допросов объяснил, что Лярин выработал собственную тактику, которую он называл дуплетом. Суть ее в том, что если хочешь кого-то убрать, убери его и наведи след на другого, а чтобы не нашли концов, убери и этого другого. По этой схеме развивались события в апреле со среды до пятницы. Друкин убил Анатолия Никитина, навел след на Кузьмичева, а его должен был выбросить из поезда Брылин. Инсценировка с молотком и монетой была грубой, но если бы Александр Кузьмичев не постоял за себя, она бы, глядишь, и запутала все.

Егор Петрович отпирался даже после того, как ему предъявили найденную в его тайнике, в кофейной банке, золотую иностранную зажигалку с гравировкой «А. Н. от Л.», которая принадлежала Анатолию Никитину (подарок старого валютчика Яна Лациса из Таллина). Судебно-медицинская экспертиза дала заключение: учитывая характер ранения, нанесенного Никитину, при решении дилеммы, какой из двух предметов — молоток или кистень — можно с большей вероятностью считать орудием преступления, следует отдать безусловное предпочтение кистеню. Хотя в такой формулировке заключение могло служить лишь косвенным доказательством, оно все же было не в пользу Друкина.

Леонид Васильевич Лярин упорствовал и изворачивался две недели, и все это время Степанову было не по себе. При всей своей многолетней и разнообразной практике он с трудом верил, что рядом с ним, в Москве, в восьмидесятых годах двадцатого столетия, дыша с ним, со Степановым, одной атмосферой, может существовать такой субъект, как Лярин. Он показывал Лярина психиатру в тайной надежде, что тот найдет какую-нибудь патологию. Но нет, психика Лярина была в норме.

На исходе второй недели Леонид Васильевич заявил, что желает сделать чистосердечное признание в письменном виде. Оно составило семнадцать страниц, исписанных мелким почерком. В нем было много пространных рассуждений о смысле жизни, о власти денег, о том, как влияет голодное детство на формирование психологии человека, когда он становится взрослым, были даже и философские обобщения. Но чистосердечия, как почувствовал Степанов, не было. Читая признания этого человека, Степанов почему-то все время вспоминал свою соседку, очаровательную семилетнюю девочку Дину, златокудрую, как сказали бы древние греки, и очень смышленую, но вспоминал он ее не за златокудрость, а за то, как он услышал однажды этой весной, Дина кричала своей пешей подружке, восседая и догоняя ее на многокрасочном и многотрубном иностранном велосипеде, как она кричала: «А ты заткнись, блин, а то я тебя достану!» Такие взрослые слова и сами по себе претили Степанову, а в устах ребенка они удручали...

В заботе и старании представить себя жертвой послевоенных трудных лет, на которые пришлось его детство, Леонид Васильевич при писании невольно обнажал суть своих сегодняшних жизненных установок. И даже самый непроницательный человек легко мог уловить, что главное для него — деньги, деньги.

Степанов прочел показания несколько раз, просеивая их на мелком сите. Ему нужны были конкретные детали, а не пухлые обобщающие построения. Важно, например, установить, каким образом один из четырех билетов на харьковский поезд, приобретенных Константином Брылиным, очутился у Александра Кузьмичева. Оказывается, происходило это так. Татьяна попросила Анатолия Никитина, Никитин попросил Леонида Васильевича, а дальше все понятно.

Но как быть с отношениями между Никитиным и Леонидом Васильевичем? Ведь, по словам Татьяны, ее брат терпеть не мог ее бывшего мужа.

Леонид Васильевич, если говорить о полугоде, предшествовавшем убийству, действительно ненавидел Никитина, но Татьяна не знала всей правды. Она и вообразить себе не могла, каковы истинные взаимоотношения ее брата и бывшего мужа. Она не знала, что еще три с лишним года назад ее брат сделал Анатолия своим подручным, а затем и компаньоном, что именно потому и бросил Анатолий свою профессию и сделался киоскером. Все это тщательно от нее скрывалось.

Уже к марту Никитин и Лярин находились между собой в состоянии тихой войны, но поддерживали видимость прежней тесной дружбы. И билеты в Малый доставал для своей сестры Лярин по просьбе Никитина.

План убийства моментально сформировался у Леонида Васильевича, когда Никитин попросил его купить билет для Кузьмичева на харьковский поезд. Друкина он сговорил на том условии, что ему будут обеспечены ключи для проникновения в квартиру Татьяны и что половину золота, которое он найдет в квартире у Анатолия Никитина, он возьмет себе. Молоток, две оставленные монеты — все это тоже продумал Леонид Васильевич.

Но почему ему понадобилось идти на столь страшные преступления, зачем так необходимо было избавиться от Анатолия Никитина?

На этот вопрос он ответил в своих письменных показаниях, правда, довольно скупо:

«А. Н. знал все мои дела... В начале нашей совместной работы он получал свою долю, то есть проценты за реализованную продукцию и всякие компенсации. Затем был налажен контакт с Лациcом по валюте. Скоро Н. начал меня обманывать, присваивал больше, чем ему положено. Состоялся разговор между нами, я его предупреждал. Он сказал, что выходит из компании и заводит собственное дело — по валюте и антиквариату. Я опять его предупреждал. Но он пригрозил, что заявит на меня, ему терять нечего, а у меня семья. Н. ненадежный человек, натура хлипкая. Он бы скоро погорел, а это и для меня конец. Он же молчать не может. Сожалею, что так все получилось».

О малолетних Брошине и Касимове Леонид Васильевич не сожалел, он о них просто забыл...

Степанов испытывал глубокую жалость и к Татьяне Васильевне, и к матери погибшего Клавдии Николаевне. Не скоро у них заживет душа, а вернее-то, никогда не заживет, до самой смерти...

Баскову очень бы хотелось узнать, что собирался сказать ему, но так и не сказал Ося там, на отвилке от шоссе к совхозу. Может, если бы сказал, не получил бы пулю? Басков уже давно занимался розыском совсем по другому происшествию, однако в тот день, когда Степанов, предъявив обвинение всем участникам преступной группы, закончил следствие, в тот день перед отправкой дела в суд Басков преподнес Степанову литровую банку груздей собственного засола, прошлогоднего, конечно, а Барышеву подарил галстук на резинке за рубль девяносто пять, завязанный на вечные времена. Галстук был неважнецкий, Басков не смог найти расцветку по своему вкусу, но он уповал на то, что Барышеву придется надевать его не каждое утро.

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

РОМАН

Патрик АНДЕРСОН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

1

Работу сейчас! Работу сейчас! Работу сейчас! Требование множества мужчин и женщин, запрудивших Лафайет-сквер, неслось через Пенсильванию-авеню к окну на верхнем этаже Белого дома, у которого в одиночестве стоял президент Соединенных Штатов.

«Сейчас... Подавай им все непременно сейчас. Работу сейчас. Мир сейчас. Свободу сейчас. Сколько уж лет раздаются эти требования! Людям не понять, что со временем правительство США может сделать почти все, но почти ничего сейчас.

Сейчас я не могу даже перейти улицу»,— со злостью подумал Чарлз Уитмор.

Вздохнув, он надел очки, на публике он никогда не появлялся в них, потому что кичился своей грубоватой внешностью, и стал вглядываться, стремясь разглядеть лица в толпе, уловить ее настроение, увериться, что поступил правильно, разрешив демонстрацию на Лафайет-сквер. Секретная служба советовала остановить демонстрантов в нескольких кварталах от Белого дома, где-нибудь возле Молла, но Уитмор доверился своему политическому чутью, открыл им площадь и сделал несколько дружелюбных заявлений, надеясь таким образом предотвратить возможные беспорядки. Но поведение толпы предугадать невозможно. В прошлом Уитмор несколько раз воодушевлял толпу и знал, что страсти ее взрывчаты и непредсказуемы, как у женщины.

Как у женщины. Он повторил это про себя и невесело рассмеялся собственной шутке. В этот прекрасный апрельский день его волновали две проблемы, и люди на Лафайет-сквер, требующие работы, были не главной. К наступлению темноты они разойдутся по домам, может, спокойно, может, и нет, но в любом случае их скоро не будет. Другую проблему представляла женщина, и эта проблема, опасался Уитмор, так легко не решится. Вздохнув снова, он снял очки и отвернулся от окна.

На столе у Эда Мерфи раздался звонок — мимо его кабинета прошел президент. Мерфи оборвал телефонный разговор, выбежал и нагнал Уитмора у входа в Овальный кабинет.

— Эд, зайди,— пригласил Уитмор.

Оба сели на своих обычных местах, Уитмор — за большой, аляповатый стол, подарок королевы Виктории Рутерфорду Б. Хейсу, а Эд Мерфи — в простое черное кресло, придвинутое к столу сбоку.

Овальный кабинет редко выглядел более величественно. Едва Уитмор вступил в должность, его супруга, обладавшая на редкость хорошим вкусом, взяла отделку кабинета в свои руки. Теперь яркий отраженный свет лился с белого потолка на светло-желтый ковер и яркую мебель золотистого, зеленого и оранжево-розового цветов. Пиловский портрет Вашингтона по-прежнему висел над камином, но Клэр Уитмор заменила оставшуюся от прежнего владельца вульгарную золотистую драпировку на изысканную зеленую. Еще вдобавок к остальному она поставила там комод в стиле Хепплуайта, ломберный столик, изготовленный в Сейлеме, штат Массачусетс, примерно в 1810 году, и столь же старомодные изящные стоячие часы. Реставрационная деятельность миссис Уитмор снискала одобрение всевозможных исторических обществ, но владелец кабинета остался к ней равнодушен. Уступив настоянию добавить к обстановке личные штрихи, он распорядился установить в кабинете бюсты Франклина Рузвельта, Гарри Трумэна и Джона Кеннеди. Но, по правде говоря, Чарлз Уитмор с не меньшей охотой вершил бы свои дела и на чердаке Белого дома. Обстановки он не замечал. Он видел только людей и проблемы.

— Как дела на той стороне улицы?—спросил он.

— Могло быть и хуже,— ответил Мерфи. В его устах это было приятное сообщение.— Речи были неплохими. Вам ставят в заслугу законопроект о рабочих местах.

— Что там за публика?

— Разношерстная. Больше всего рабочих. Процентов двадцать негры. Кое-кто с женами и детьми, с едой в пакетах. И, как всегда, не без добрых дядюшек и психопатов.

— Беспорядки будут?

— Не исключено. В толпе есть какое-то подспудное недовольство. Слухи. Ропот. Поговаривают, что вы бросите на разгон войска.

Уитмор захлопал глазами.

— Черт возьми, Эд, я сделал все, разве что не пригласил их к обеду. Чего им еще надо?— Он выпрямился в кресле и стукнул кулаком по столу.— Черт, пойти бы туда. Поговорить с ними.

— Об этом не может быть и речи,— сказал Мерфи.— Там полно психопатов, а достаточно будет и одного.

Уитмор в досаде ударил кулаком по ладони. Их многочисленные споры на эту тему всегда кончались таким образом. В Америке полно психопатов, и ни один президент не может появляться там, где вздумается.

Оба помолчали. Умение молчать было единственным ключом Эда Мерфи к успеху. Все остальные старались убедить президента в том или другом, а Мерфи выжидал, чтобы президент обратился к нему.

— Знаешь, у меня есть еще одна проблема,— сказал наконец Уитмор.

Мерфи чуть нахмурился.

— Донна?

— Да.

— Вам нужно встретиться?

— Она так считает.

— А как считаете вы?

— Боюсь, это будет очень трудно. Перед окнами демонстрация, а тут еще Клэр заявила, что отказывается ехать на выступление.

— Повидайте Донну завтра или послезавтра.

— Она говорит, что дожидаться не станет.— Уитмор поднялся и стал расхаживать по кабинету, гибкий и яростный, словно тигр, только что загнанный в клетку.— Знаешь, кто я такой?— требовательно спросил он.— Я заключенный в этом проклятом доме.

— Сами хотели этого.

— Хотел, как же. Я что, уже не человек? Разве у меня нет никаких прав?

Эд Мерфи не ответил. Ответ знали они оба. Уитмор был уже не человек. В глазах как врагов, так и друзей он был богом. Он мог бы уничтожить земной шар или послать исследователей на другие планеты. Но определенно не мог — в отличие от богов древней мифологии, располагавших в подобных делах большей свободой,— встретиться с молодой женщиной, не связанной с ним узами брака.

Уитмор перестал ходить и прислонился к столу.

— Я подумывал жениться на ней. Не говорил я тебе?

Эд Мерфи, не отвечая, смотрел на своего босса.

— Иной раз думаю — к чертовой матери! Эта должность еще не все. Может быть, лучше провести здесь четыре года, а не восемь. Уйти непобежденным. К концу одного срока мне будет всего пятьдесят шесть. Купить бы где-нибудь ферму. У нас с Донной мог бы родиться ребенок. И я зажил бы в свое удовольствие.

— Вы были б несчастны,— сказал Эд Мерфи.— Впряглись бы в работу на своей ферме, этот кабинет занял бы какой-нибудь идиот, и через месяц вы стали бы никем и ничем.

— Хорошо, хорошо, был бы несчастен,— согласился Уитмор.— Но есть другой вариант. Я мог бы жениться на ней и быть избранным на второй срок.

— И коровы могли бы летать,— сказал Эд Мерфи.

— Это возможно,— настаивал Уитмор.

— Нет,— упрямо возразил Мерфи.— Либо Донна, либо эта должность.

Уитмор сверкнул глазами на своего помощника.

— Черт возьми, ты всегда бываешь прав?

— Стараюсь,— ответил без улыбки Мерфи и поднялся.— Пойду проведаю, как там наши друзья на той стороне улицы.

— Отлично, Эд, иди. Спасибо.

Уитмор смотрел в спину невысокому толстому ирландцу, шедшему к двери. Эд Мерфи, журналист-неудачник, стал сотрудником Уитмора более десяти лет назад, и, как ни странно, Уитмор за все это время почти ничего не узнал о нем. Он не знал его побуждений, стремлений и даже политических взглядов, если таковые имелись. Знал только, что Эд Мерфи — единственный человек на свете, которому он доверял полностью.

Позвонила секретарша, он поднял трубку.

— Сэр, миссис Уитмор желает вас видеть.

Он тяжело вздохнул. День выдался скверный, и вряд ли Клэр его улучшит.

— Попроси ее через пять минут спуститься сюда.

Президент встал, выглянул в розовый сад, потом снова поднялся к окну, выходящему на Лафайет-сквер. Демонстранты все еще требовали работы, многие напирали на полицейские барьеры, не дающие пересечь Пенсильвания-авеню и пройти по тротуару перед Белым домом. Уитмор подумал, что людей побуждает к этому лишь национальный миф, внушивший, что радуга кончается на Пенсильвания-авеню, 1600, что все их проблемы могут быть решены в этом большом белом особняке. Чарлз Уитмор понимал; он и сам долго верил в это. Теперь он находился здесь и знал истинное положение дел.

«Бедняги,— подумал он.— Вы не можете войти, а я выйти».

Кварталов за десять от Белого дома Бен Нортон только что поднялся с постели в своем джорджтаунском домике. Он выпил кофе, съел тарелку овсяной каши, долго стоял под горячим душем, потом надел широкие брюки, спортивную куртку и вышел на предвечернюю М-стрит. Внезапно опьяненный сознанием, что он снова дома, постоял несколько минут на углу. Джордж-

---

Американский писатель Патрик Андерсон родился в 1936 году. Был газетным репортером и обозревателем. В 1962—1964 годах работал в Белом доме при администрациях Кеннеди и Джонсона.

Автор документальной книги «Президентская рать» (1968), романов «Подход к королю» (1970), «Поступки и страсти» (1974).

Роман «Любовница президента» написан в 1976 году.

таун празднично простирался перед ним. Незнакомая симпатичная девушка улыбнулась ему, он ответил ей улыбкой, потом зашагал по М-стрит мимо баров и модных лавок, минуя студентов и негров, наркоманов и гомосексуалистов, туристов и чиновников, престарелых дам и дипломатов, секретарш, журналистов и всевозможных воришек, и наконец протиснулся через узкие двери в бар Натана.

— А, мистер Нортон, с возвращением,— приветствовал его из-за стойки Пит. Этот рыжебородый парень уже несколько лет учился в юридическом колледже и добывал средства к жизни работой в баре и торговлей наркотиками.— Когда прилетели?

— Сегодня чуть свет,— ответил Нортон.— Весь день проспал, собрался было к себе в контору, потом передумал, и вот я здесь. Как бы промочить горло?

Пит усмехнулся и налил ему пива.

— Вы пропадали целую вечность. Где? В Лондоне?

— В Париже.

— Как там жизнь?

Нортон был крупным, рассудительным с виду человеком. На минуту он задумался.

— Как жизнь в Париже? Пит, что касается еды и вина, это город номер один. Нумеро уно. В отношении женщин примерно номер три, смотря на чей вкус. Водопровод и отопление вовсе никуда не годятся. В общем, город неплохой, но я предпочитаю Вашингтон.

— Слушайте, вы же были сотрудником Уитмора, так ведь? Теперь станете большой шишкой в Белом доме?

— Нет, приятель. Я занимаюсь частной практикой, и мне это по душе.

— Вот как?— недоверчиво ответил Пит.— На днях тут был один тип, расспрашивал о вас. Кто ваши друзья и все такое. Я решил, что он из ФБР, наводит справки перед вашим назначением на солидный пост.

— Как он выглядел?

— В общем-то странно. Одет с шиком, но во взгляде что-то сумасшедшее. После его ухода я подумал: «Вряд ли этот тип из ФБР, слишком он чудной».

— Их такими воспитывают,— заметил Нортон.— Что ты сказал ему?

— О, что вы крупный торговец наркотиками, содержатель публичных домов и все такое.

— Молодчина,— сказал Нортон.— С такой характеристикой место госсекретаря мне обеспечено.

Пит криво, как наркоман, усмехнулся и отошел к другим клиентам. Нортон подумал, не проверяет ли его в самом деле Белый дом перед тем, как предложить должность. Это было вполне возможно. Он пожал плечами и взял вашингтонскую газету «Стар», оставленную кем-то на стойке. На первой странице были заметка «Митинг безработных» и большая статья «Сто дней Уитмора», из которой следовало, что за первые три месяца на своем посту новый президент проявил себя противником группировок. Нортона это не удивило. Он три года сотрудничал с Уитмором в сенате и высоко ценил политические способности своего бывшего босса. Правда, он и ненавидел этого сукина сына, но это, как сказал по другому поводу Джей Гэтсби, было только личным чувством.

Отложив газету, Нортон ощутил, что радость возвращения проходит. Никого из знакомых в баре не было, танцевать здесь не хотелось, и, похоже, вечер предстояло провести в одиночестве. Перебрал в уме девушек, которым мог бы позвонить, потом понял, что звонить им не хочется. Он стал потягивать пиво и вскоре, хотя зарекался не делать этого, начал думать о прошлом, о Донне.

Когда Клэр Уитмор вошла в кабинет мужа, он не встал, а она не села. С этим правилом этикета они уже покончили. Как и со всем прочим. Иногда Уитмор удивлялся, как его угораздило жениться на единственной в мире женщине, совершенно неподвластной его знаменитому обаянию.

— Тебе не пора?— спросил Уитмор.

— Я не поеду, Чарлз.

— О господи, Клэр,— устало сказал он.— Мы стараемся умиротворить демонстрантов. Обычное дело. Если ты отменишь свою речь, сложится впечатление, что мы реагируем слишком сильно.

Клэр была рослой женщиной с резкими чертами лица, которые в одних случаях именуют аристократичными, в других — лошадиными. Светские хроникеры называли ее «статная» или «величественная». Муж считал ее стервозной, неуступчивой и очень редко признавался себе, что в ее стервозности повинен главным образом он сам.

— Чарлз, я просто не могу уезжать, когда у дверей тысячная толпа. Могут подумать, будто я спасаюсь бегством.

Уитмор внезапно подумал, что больше никто в мире не называет его Чарлзом. Донна звала его Чак, все остальные — мистер президент, по крайней мере в лицо. Он решил сделать последнюю попытку.

— Клэр,— мягко начал он,— я прошу тебя, пожалуйста, поезжай, выступи. Это принесет пользу. Ослабит впечатление от демонстрации. В речь можно вставить, что ты очень беспокоишься о тех, кто лишен работы. Выступление представит тебя в выгодном свете.

Она почувствовала, что поддается, что ослеплена им, как тридцать лет назад, когда он был президентом студенческого общества, а она самой богатой студенткой колледжа. Говорил он очень у б е д и т е л ь н о — даже когда она, как и сейчас, не верила ни единому его слову. Он не нуждался в том, чтобы о н а выступала с речью, и никогда не собирался представлять ее филантропкой. Она чуть усмехнулась, разглядывая его гордое, умное, непроницаемое лицо. И подумала, что никогда не встречала более интересного мужчины. Он казался ей способным на все, буквально н а в с е.

— На этот вечер у меня четкие планы, Чарлз,— сказала она.— Может, лучше поговорим о твоих планах?

— О м о и х? — ответил он.— Мои планы — выдержать эту демонстрацию, а потом, возможно, встретиться с экономистами. Тебя это устраивает?

Но говорил он неуверенно. Клэр не имела привычки брать на пушку. Она выжидала удобной минуты, а потом наносила точный удар.

— Чарлз,— жестко сказала она,— у меня есть сведения, что в Вашингтоне находится одна молодая особа...

— Черт побери, Клэр!

— ...которая якобы покинула Вашингтон навсегда...

— Неужели ты и вправду думаешь...

— ...и если ты у в и д и ш ь с я с ней, если ты будешь г о в о р и т ь с ней, если ты хотя бы произнесешь ее и м я в моем присутствии...

Уитмор плюхнулся в кресло и закурил сигару. Этим мужским жестом он пытался сохранить в поражении хоть немного достоинства.

— ...я соберу вещи и уеду!

Уитмор откинулся на спинку кресла и уставился в потолок, затем выпустил вверх три дымовых колечка. Ему было показалось, что тишину нарушил выкрик: «Работу сейчас!», но он догадался, что это его воображение, потому что кабинет был непроницаемым для звуков. Но не для жены.

— Не грози мне, Клэр,— спокойно сказал он, снова входя в свой излюбленный образ пароходного шулера.

— Это не угроза, это факт.

— Уехать будет безумием. Тебе пришлось немало вынести, чтобы попасть сюда.

— Может, именно это и было безумием. Дело в том, что, если я уеду, моя жизнь улучшится во всех отношениях, а твоя, поскольку для тебя жизнь есть и будет политика, значительно осложнится. Подумай об этом, Чарлз, и, может, составишь на этот вечер более разумные планы.

Она улыбнулась и вышла. Уитмор сидел за столом и, закусив сигару, обдумывал следующий ход. Клэр схватила его за горло — это было ясно им обоим. Ей ничего не стоило уничтожить его, уехав и возбудив дело о разводе, а что она способна на это, он нисколько не сомневался. Однако он улыбнулся и стал смаковать этот вызов. Он думал, что можно как-то выйти из положения, добиться желаемого, как добивался всегда. Главная проблема не Клэр, думал он, она уже сказала свое слово, а Донна, ждущая возможности сказать свое. Всегда давай высказаться людям: и врагам, и друзьям. Уитмор выпустил последнее четкое колечко дыма, усмехнулся безумию всего происходящего и потянулся к телефону.

— Бен, старый мошенник, когда вернулся?

Нортон обернулся и увидел Фила Росса, журналиста, несколько лет жившего в Джорджтауне по соседству.

— Только сегодня,— ответил он.— Выпьем?

— Давай, только по-быстрому,— ответил журналист и потребовал мартини с водкой. Филу Россу, нервному, худощавому человеку, было за сорок. Когда Нортон только познакомился с ним, это был веселый, бесшабашный репортер, но, получив рубрику в агентстве печати, он поугрюмел.

— Ты работаешь в юридической фирме Уита Стоуна, так ведь, Бен?— спросил Росс.— И летал в Париж по какому-то международному делу?

— Да,— сказал Нортон.— Дело оказалось не из простых. В нем участвуют пять правительств и семь нефтяных компаний, речь шла о супертанкерах и глубоководных портах. Ты даже не поверишь, Фил, насколько все осложнилось с привлечением этих чертовых арабов.

Журналист механически кивал, однако Нортон заметил, что взгляд его стал скучающим. Он напомнил себе, что вернулся в Вашингтон, а здесь никому нет дела, что происходит в Париже или где бы то ни было, исключение представляют лишь Белый дом, Капитолий, ЦРУ, Пентагон и госдепартамент. И решил переменить тему.

— Расскажи об Уитморе, Фил,— попросил он.— Меня ведь не было почти целый год. Когда я уезжал, он был еще темной лошадкой. Теперь — президент. Как он в этой роли?

Журналист уставился в свою рюмку водки, словно это был магический кристалл с заключенными внутри тайнами мироздания.

— Трудно ответить, Бен,— сказал он наконец.— Я убежден, что Уитмор мог бы стать одним из великих. Стране нужно руководство, а способности у него, бесспорно, есть. И он мог бы хорошо начать.

— Что же ему мешает?

— Человеческий фактор,— ответил с легкой усмешкой Росс.— Гордость. Неприступность. Высокомерие. Я постоянно слышу о его сумасбродствах. Недавно он безо всякой причины наорал на лидера большинства в конгрессе. Ходят слухи, что он пьет и дурно обращается со служащими.

Как ни странно, Нортону захотелось вступиться за своего бывшего босса.

— У него большая нагрузка, Фил. Вспыльчивость — это выпускной клапан.

— Выходит, ему можно б и т ь людей?

— Кого он бил?

— Забудь, что я сказал об этом. Пусть останется между нами. Но мне неспокойно, Бен. Я содействовал избранию этого человека и теперь жалею. Иногда мне кажется, что власть опьянила его.

Нортон рассеянно кивнул. Десять минут политических сплетен — и ему захотелось снова вернуться в игру. Это было у него в крови. Он чувствовал себя мальчишкой, прижавшимся носом к витрине кондитерской.

— Мне нужно идти,— сказал журналист.— Давай как-нибудь пообедаем вместе. Звони.— Он пошел к двери, потом обернулся.— Да, забыл сказать, на днях видел одну из твоих подружек.

— Какую? — спросил Нортон с деланным равнодушием.

— Она работала в пресс-центре Уитмора в Капитолии. Маленькая девочка с прелестными карими глазками. Как ее зовут?

— Донну? Донну Хендрикс?

— Вот-вот. Я думал, она уехала из Вашингтона.

— Я тоже так думал,— сказал Нортон.— Где ты видел ее?

— В нескольких кварталах отсюда. Переходил Висконсин-авеню возле Французского рынка, и проезжавший лимузин чуть меня не сшиб. Я глянул в заднее стекло и увидел ее, она свернулась калачиком на сиденье, будто ребенок. И знаешь, кто ехал с ней?

Нортон равнодушно глядел на него.

— Твой старый приятель Эд Мерфи.

Нортон стиснул обеими руками пивную кружку.

— Ты не обознался?

Журналист улыбнулся.

— Разве его или ее с кем-то спутаешь?

— Верно,— пробормотал Нортон, когда журналист помахал рукой и ушел. Потом уставился в пустую кружку. На душе у него было тоскливо.

Донна ответила, едва зазвонил телефон.

— Это я,— сказал Уитмор.— Извини, что заставил ждать. День сегодня выдался скверный.

Говоря, он улыбнулся. Когда он последний раз произносил это слово? Президенту не положено извиняться.

— Очень скверный?— спросила она.

— Хуже быть не может,— ответил Уитмор.— И в довершение всего Клэр не поехала на выступление. Как удрать от нее, не представляю. Почти невозможно.

— Вот э т о скверно,— мягко сказала Донна.

Уитмору было б легче, если б она кричала или ругалась, только бы не говорила так спокойно. Он чувствовал, что она от него отдаляется. И в довершение всего беспокоился, что их разговор подслушивают. Секретная служба уверяла, что это самый надежный телефон на свете — каждый день проверяют, нет ли подслушивающих устройств, каждую неделю меняют провода. Но можно ли верить секретной службе? Можно ли верить хоть кому-то? Даже Донне?

— Если бы ты могла подождать денек-другой.

— Нет, Чак. Ты просил меня приехать, я приехала, но ждать не буду. Не хочу сидеть в этом доме одна. Завтра я улетаю. Сегодня или никогда.

Ее решительный тон испугал Уитмора.

— Может, еще как-то удастся удрать,— сказал он.— Постараюсь найти выход.

Донна почувствовала, что вот-вот расплачется.

— Чак, Чак, может, расстанемся с этой иллюзией? Все кончено, и если мы не признаем этого, то будем мучиться. Смотри — мы всего в миле друг от друга, но ни ты не можешь приехать ко мне, ни я к тебе. Это нелепо, это сводит меня с ума, и я просто не могу продолжать так дальше.

Уитмор понял, что ей больно, и на миг возненавидел себя за это.

— Донна, я хочу видеть тебя, обнять, поговорить, как в прошлый раз. Хочу больше всего на свете. И что-нибудь придумаю. Я понимаю, тебе тяжело, но подожди немного, я найду какой-нибудь выход. Мы встретимся, и все будет хорошо. Прошу тебя.

Донна зажмурилась, чтобы сдержать слезы. У него был такой прекрасный голос. Он мог бы говорить перед десятитысячной аудиторией и дать каждому почувствовать, что обращается именно к нему. А когда он обращался к ней одной, это было почти невыносимо; появлялось ощущение, что она парит в небе, что вся вселенная принадлежит им двоим. Донна вспомнила ночь, когда они лежали в постели до зари, он рассказывал о своей юности, о работе на нефтепромыслах, о том, как объездил на попутных машинах весь Запад, о драках, женщинах и свихнувшихся типах, и, когда наконец умолк, она заплакала.

— Какой у тебя голос,— сказала она тогда.— Жаль, что ты не актер.

— Я актер,— ответил он и сочно рассмеялся собственному признанию.

Но теперь Донна совладала с собой и решила, как поступить.

— Позвоню, как только смогу,— пообещал Уитмор.

— Чак, сидеть и ждать, когда зазвонит телефон, мне надоело,— сказала она.— Меня может не оказаться. Я, наверно, пойду пройдусь.

— Пройдешься? Куда?

— Просто погулять. Как нормальные люди в хорошую погоду, понимаешь? Теперь я нормальная женщина, Чак. Чего и добивалась все эти месяцы.

— Ты всегда была нормальной,— сказал он.— Потому я тебя и любил.

«Любил»... Прошедшее время потрясло их обоих.

— Возможно, дойду до Лафайет-сквер и устрою демонстрацию против тебя,— сказала она.— С большим плакатом, как у тех, кто предвещает близкий конец света. «Уитмор несправедлив к трудящейся женщине. Он обидел меня. Соблазнил и бросил».

— Донна, это не смешно.

— Я и не собиралась тебя смешить.

Снова наступило молчание. Уитмор почувствовал, что теряет инициативу, а это его страшило больше всего на свете.

— Донна, привезла ты свой... свою рукопись?— спросил он наконец.— Свою книгу? Как ты ее озаглавила?

— Да-да, привезла. Господи, ты придаешь ей такое значение! Я жалею, что упомянула о ней.

Тут Уитмор стал сдержанным, покровительственным, многоопытным.

— Донна, нельзя выкладывать на бумагу все, что вздумается. Нужно быть осторожной.

Ей захотелось закричать. Она прекрасно знала, как он обрабатывает людей, льстит, подшучивает, запугивает, идет на все, лишь бы добиться своего.

— Чак, я веду тихую жизнь в калифорнийском городке, иногда записываю несколько мыслишек и тешу себя надеждой, что пишу роман. Это моя единственная иллюзия, и будь добр, не касайся ее.

Уитмор остался непреклонен. Его пугала мысль, что Донна пишет книгу, роман или что бы там ни было. О чем она могла писать? Только о нем. Сейчас книги строчит всякая шушера — помощники президента, парикмахеры президента, дворецкие президента,— и вряд ли он будет первым, о ком пишет любовница.

— Донна, нужно тщательно думать, о чем пишешь.

— Я пишу только о своей жизни. О своей сумасшедшей беспорядочной жизни.

— Да, но я часть твоей жизни. Те письма, что я писал тебе...

— Забудь о письмах!— выкрикнула она.— Забудь обо всем. Я не хочу больше говорить. Этот разговор ни к чему хорошему не ведет.

— Я еще позвоню,— сказал он.— Будешь ты дома в восемь?

— Постараюсь,— ответила она. Ей не хотелось идти у него на поводу. Она могла позволить себе эту маленькую победу.

Уитмор попрощался и положил трубку, словно это была бомба, готовая взорваться. Донна с минуту посидела, глядя в окно. Кизил был в пол-

ном цвету. Она злобно выругалась по адресу Чарлза Уитмора. И отправилась на прогулку.

Положив трубку, Уитмор выругался тоже и, поскольку ничего больше не пришло ему в голову, вызвал звонком Эда Мерфи. Вскоре Мерфи вошел в кабинет, за ним Ник Гальяно — невысокий мускулистый человек сорока с лишним лет с маленькими блестящими глазами, сломанным носом и короткой прической, какую в Америке уже почти никто не носил. На нем был мятый костюм из синтетики и расстегнутая у горла клетчатая спортивная рубашка. Вошел он с усмешкой, но едва увидел лицо президента, усмешка исчезла. О них говорили: «Порежь Уитмора, и Гальяно обольется кровью».

— Тяжелый день, босс?— спросил он.

— Ужасный, Ник. Смешай себе коктейль и садись.

Настроение Уитмора немного улучшилось, когда Гальяно подмигнул и вперевалку зашагал к бару. Джон Кеннеди сказал когда-то, что Белый дом — неподходящее место, чтобы заводить новых друзей, поэтому нужно держаться старых. Уитмор считал так же, а Гальяно был очень старым другом.

— И тебе, босс?

Уитмор немного поколебался.

— Да, только некрепкий.— И повернулся к Эду Мерфи, занявшему свое обычное место сбоку стола.— Что делается на той стороне улицы?

— Я только что оттуда,— ответил Мерфи.— Атмосфера напряженная. Может начаться возмущение.

— Во что оно выльется?

— Смутьянов схватят, едва они сделают первый шаг. Наши люди там. Им хотелось бы арестовать подстрекателей з а р а н е е.

Уитмор покачал головой.

— Повременим.

Гальяно подал Уитмору сильно разбавленное виски.

— Это не крепко, босс?

— Спасибо, Ник.

Гальяно отошел, сел на диван возле камина и, мрачно глядя на стену, стал потягивать коктейль.

— Эд, я разговаривал с Донной,— сказал Уитмор.

Мерфи промолчал.

— Она заявила: сегодня или никогда. Дела складываются так, что, видимо, никогда.

Уитмор встал и снова принялся расхаживать по кабинету. Эд Мерфи выжидал. Ник Гальяно на диване свесил голову, словно собирался вздремнуть.

— Я спросил Донну о ее треклятой р у к о п и с и,— сказал Уитмор.— Она говорит, что рукопись у нее при себе, что это е е рукопись и что мне не может быть до нее дела. Черт возьми, Эд, я не знаю, что у Донны на уме. Может, она собралась написать обо мне бестселлер. От женщин можно ждать чего угодно. Они недовольны, когда ты приходишь, недовольны, когда уходишь, и недовольны, когда не двигаешься с места. Черт возьми, как мне быть? Перед крыльцом у меня толпа, экономика на грани развала, готовы разразиться шестнадцать войн, где-то до сих пор ходит по рукам досье Гувера, а тут еще Д о н н а пишет к н и г у! Это уж слишком!

Он перестал ходить и допил коктейль. Гальяно подскочил, взял пустой бокал и стал наполнять его снова.

— Я ей доверял, а теперь она готова подвести меня, и мы должны что-то предпринять,— продолжал Уитмор.— Не знаю что, но д о л ж н ы! Эта сумасбродка может меня погубить!

Лицо Эда Мерфи было суровым. Ник Гальяно подал президенту второй коктейль, чуть покрепче первого, и Уитмор сел снова. Руки его дрожали. Через минуту Эд Мерфи поднялся и вышел.

Донна шла куда глаза глядят, радуясь солнцу, цветам, воспоминаниям. И только миновав театр «Биограф», осознала, что идет к Лафайет-сквер. Раньше, когда она работала в корпусе мира, там был е е парк. Туда выходили окна ее отдела, и в погожие дни она спускалась съесть ленч на с в о е й скамейке, накормить с в о и х белок, посмотреть на с в о и х стариков, играющих в шашки. Но то было в далеком прошлом, и теперь парк стал уже чужим. Люди, столпясь там, выкрикивали: «Работу с е й ч а с!», как она с подругами выкрикивала: «Мир сейчас!», но теперь атмосфера была иной, какой-то зловещей, это испугало ее, и через несколько минут она пошла обратно. Близился вечер, тянуло холодком, и путь в Джорджтаун показался ей более долгим.

На углу Тридцать первой и М-стрит она зашла в винную лавку. В глубине ее на пыльной полке она нашла то, что искала,— бутылку сливовицы. Чак любил этот напиток, бутылка будет ему сюрпризом, если он приедет. Гнев Донны уже утих. При виде демонстрации в парке ей стало жаль Уитмора — у него столько забот, а тут еще она со своими.

Продавцом в лавке был нескладный прыщеватый парень с липким взглядом; отсчитывая сдачу, он краснел и заикался.

— Вы дали мне слишком много денег,— сказала ему Донна.

— Что?— Парень побледнел, руки его задрожали, словно она обвинила его в каком-то ужасном преступлении.— Хорошо, леди, я пересчитаю еще раз. У меня и в мыслях не было ничего дурного.

— Нельзя быть таким щедрым,— сказала она и, чтобы унять страх, мелькнувший во взгляде у парня, коснулась его руки и улыбнулась.

— Славная вы,— сказал парень.— И красивая.

Донна улыбнулась снова, чуть печально, взяла сдачу и торопливо вышла. Этот разговор почему-то причинил ей боль. Она устала от того, что мужчины в нее влюбляются, устала отдавать, отдавать, отдавать и так мало получать взамен. Она твердила себе, что, если хочешь выжить в этом мире, нужно быть эгоистичной, твердой, как железо. И все равно продолжала отдавать.

Пройдя шагов десять, она глянула на другую сторону М-стрит и увидела человека, которого меньше всего хотела видеть.

Из бара Натана вышел Бен Нортон. Все такой же, каким она его помнила,— рослый, крепко сбитый, с торчащими во все стороны светлыми волосами, он неторопливо шел с загадочной улыбкой на лице, держа руки в карманах. «У него все сразу же бросается в глаза,— подумала Донна,— любезность, юмор, порядочность — все, кроме ума и твердости, которые обнаруживаются не сразу». Он казался ей очень одиноким, и ей захотелось, чтобы с ним была девушка, какая-нибудь птичка, как он называл их, но птички редко ценили Бена. «Правда, я и сама не ценила»,— с горечью подумала Донна. У нее возникло желание перебежать улицу, обнять его, перенестись на два года в прошлое, когда в ее жизни еще не было всех этих невероятных осложнений. Но пути назад не существовало. Они прошли через слезы, ссоры, извинения и теперь могли идти только каждый своим путем. Бен и она были самыми близкими друг другу людьми, но теперь уже не перейти улицу, не заговорить с ним. Поздно. Донна со слезами на глазах провожала его взглядом, пока он не скрылся из виду, а потом торопливо пошла к дому на Вольта-плейс ждать звонка от Чака Уитмора.

По американским понятиям это был вовсе не мятеж; волнение, очевидно, более уместное слово. С обеих сторон раздавались гневные выкрики, вспыхивали стычки, мелькали полицейские дубинки, несколько голов было окровавлено, несколько человек арестовано, демонстранты, отступая, разбили несколько окон — и только. Почти в любой другой части мира эти события прошли бы незамеченными. Но напротив Белого дома они имели политическое значение. Наутро, читая за завтраком газетные отчеты, люди возмущенно затрясут головами. Окровавленные полицейские крупным планом на экранах телевизоров будут выглядеть зловеще, как сотня раненых. Чарлз Уитмор вел игру и проиграл, сам он сознавал это лучше всех остальных.

— Мятеж был не́ стихийным!— кричал он Эду Мерфи.— Кто-то подстрекал демонстрантов. Это заговор, и мы должны узнать, кто его направлял.

— Вряд ли заговор,— возразил Эд Мерфи.— Секретная служба и ФБР устроили организаторам проверку, у них все чисто. Они хотели провести мирную демонстрацию. Взрыв мог произойти и сам собой.

— Какой там черт сам собой!— выкрикнул Уитмор.— Кто-то спровоцировал мятеж, и мы должны узнать, кто. Если секретная служба и ФБР не смогут докопаться, найди того, кто сможет.

— Докопаемся,— пообещал Мерфи.

Уитмор налил себе еще виски. Он, как выразился бы сам, расслаблялся после демонстрации. Эд Мерфи не пил и, насколько всем было известно, никогда не расслаблялся.

— Черт возьми, дело не так уж скверно,— сказал, помолчав, Уитмор.— Если б даже знать заранее, я все равно допустил бы их в парк. Что такое несколько разбитых голов? Я видел драки в барах, где пострадавших было больше, чем сегодня. Все хорошо, Эд. Безупречным быть нельзя. Если ты безупречен, тебя все ненавидят. Поэтому время от времени мы спотыкаемся. Даем работу профессиональным критиканам. Теперь «Пост», «Таймс», Крафт, Ивенс, Новак и прочие гении от политики примутся строчить статейки о том, как Большой Чак проиграл битву на Лафайет-сквер. Одни писаки найдут, что я был слишком мягок, что не нужно было допускать в парк эту толпу, возглавляемую красными. Другие — что я был слишком неуступчив, что мне нужно было пойти туда, обнять и расцеловать своих безработных братьев и сестер. Конечно, мне могли бы снести там голову, но зато все эти гении много месяцев писали бы о том, как был прекрасен мой труп и каким многообещающим был новый президент.

Уитмор откинулся на спинку кресла и громко захохотал.

— Эд, нагородил же я вздору, а?— сказал он.— Слышал ты когда-нибудь подобную ахинею?

Эд Мерфи улыбнулся, и оба немного успокоились. Уитмор обладал талантом, создав напряженную атмосферу, разрядить ее смехом или шуткой. Почти все политические деятели могли только создавать напряжение, а помощники их отличались лишь распутством и пьянством, но Уитмор умел посмеяться, и в этом крылась одна из причин того, что он был окружен людьми, готовыми за него умереть.

— Вы примете экономистов?— спросил Мерфи.

— О господи,— застонал Уитмор.— Они до сих пор здесь?

— Да, сэр.

— Пусть едут по домам. Сегодня я не могу слушать их болтовню.

Эд Мерфи поднял трубку телефона, и несколько минут спустя пять ведущих экономистов страны, несколько часов игравших в кункен [1], понуро вышли в сумерки.

Когда Мерфи положил трубку, настроение у президента упало снова. Он мрачно смотрел в окно на тени в розовом саду.

— Я звонил ей, Эд,— сказал он минуту спустя.— Но ее не оказалось. Никто не ответил.

— Может, это и к лучшему.

— Нет, не к лучшему. Нам нужно уладить много дел, не только вопрос с книгой. Нужно решить, как быть дальше, либо так, либо иначе. А мне и без того нет покоя.

— Позвоните еще.

— По телефону ничего не решишь. Я должен в и д е т ь ее. Это единственный выход. Слушай, Эд, ведь можно как-то вырваться. Скажем, поехать туда в твоей машине.

— Слишком рискованно,— сказал Мерфи.— Клэр у себя, а город после мятежа кишит репортерами и полицией. Кто-нибудь может увидеть вас, а мы не сможем объяснить, куда вы направляетесь.

— Черт возьми, осточертело выслушивать, что можно и чего нельзя!— загремел Уитмор.— Раз мне нужно увидеть ее, я ее увижу!

Но остался в своем большом кожаном кресле, удерживаемый нерешительностью, словно Гулливер нитями, злобно размышляя о том, что можно и чего нельзя могущественнейшему человеку на свете, а Эд Мерфи молча смотрел на него и выжидал.

2

— Она мертва, сержант, не сомневайтесь,— взволнованно сказал молодой полицейский в неглаженых брюках.— Я это увидел сразу же, как только вошел.

Кравиц не ответил. Он стоял на коленях возле трупа женщины, пытаясь разглядеть все сразу: синяки на лице, положение тела, украшения, одежду, ногти, под которыми могли оказаться волосы или лоскутки содранной кожи, тысячу и одну деталь, на которые научился обращать внимание.

— Может, ее изнасиловали?— сказал молодой полицейский.— Девочка симпатичная.

Кравиц обернулся и поглядел на него. Полицейский был невысоким — опять понизили требования к росту, скоро начнут брать в полицию карликов,— невзрачный, говорил с западновиргинским акцентом. На его опознавательной табличке было написано «Уотсон».

— Сомневаюсь, Уотсон,— сказал Кравиц.— Она полностью одета, так что вряд ли. Может, выйдешь, поговоришь с мальчишкой? Только, ради бога, ни к чему не притрагивайся.

— Слушаюсь, сержант,— ответил полицейский и, глубоко запустив руки в карманы неглаженых брюк, вышел через застекленную дверь на веранду, где оцепенело сидел на стуле разносчик газет.

Кравиц снова повернулся к трупу. Еще несколько минут, пока не приедут дактилоскопист, врач и прочие эксперты, дело будет полностью в его руках. Сознавать это было приятно. Мертвая не вызывала у него особых эмоций. Он повидал немало убитых женщин. Смерть Кравиц не воспринимал как трагедию. Для него покойница представляла собой задачу, требующую решения, и еще возможность продвижения по службе. Он встал, закурил сигарету и стал осматривать дом.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

[1] Карточная игра.

Президент Чарлз Уитмор оказался в трудном положении. Перед Белым домом проходит демонстрация безработных, и он опасается эксцессов, которые могут бросить тень на его популярность. К тому же в Вашингтон приехала вызванная им Донна Хендрикс. Жена Уитмора узнала о ее приезде и угрожает разводом в случае, если Чарлз увидится с Донной. Уитмор уговаривает Донну отложить их встречу на день-два. Он любит эту женщину, но его пугает мысль, что в романе, который она пишет, затрагиваются их личные отношения. Однако Донна не желает ждать. Президент говорит о возникшем затруднении своему помощнику Эду Мерфи и требует что-нибудь предпринять. В это время из Парижа в Вашингтон возвращается Бен Нортон и узнает от знакомого журналиста, что тот недавно видел в проезжавшей машине бывшую подружку Нортона Донну вместе с его старым приятелем Мерфи. На следующий день в одном из домов фешенебельного квартала Вашингтона был обнаружен труп молодой красивой женщины.

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

РОМАН

Патрик АНДЕРСОН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

На первый взгляд это был более или менее типичный джорджтаунский особняк, добротно выстроенный, с крохотной «дамской туалетной» у передней двери и крохотным садиком сзади, комнаты были набиты книгами, картинами, дорогой мебелью, однако Кравицу показалось, что здесь что-то не так, чего-то недостает, а потом понял, что дом выглядит нежилым. Мебель была полированной, безликой, картины современными и, во всяком случае для Кравица, загадочными. Переносный бар в углу выглядел новеньким, как на журнальной фотографии. В нем были обыденные бутылки «Джи энд Би», шотландского виски, джина «Бифитер» и не столь уж обыденная непочатая бутылка сливовицы.

Кравиц обратил внимание на книги, стоявшие вдоль стены гостиной. Главным образом то были популярные романы и книги о политике — серия «Как становятся президентами», «Лучший и ярчайший», «Как продают президентов», «Вся президентская рать». Большинство этих книг Кравиц прочел. Козни президентов и кандидатов в президенты захватили его. Президентом Кравиц быть не собирался, но очень хотел стать начальником сыскной полиции и уже думал о том, как это расследование отразится на политических интригах его назначения. Дело будет серьезным — в воображении он уже видел газетные заголовки. И они помогут ему получить желанную должность. В начале службы Кравиц презирал политиканов, но со временем понял, что политика — не просто пожимание рук и погоня за властью;

Продолжение. См. «Огонек» № 14.

политикой было все. Даже расследование убийства могло оказаться политикой.

На других полках были книги кинокритиков, фамилии их — Кейл, Саймон, Саррис, Эйджи — ничего не говорили Кравицу, и сценарии фильмов, которых Кравиц не видел, хотя и слышал о них,— «Полдень», «Африканская королева», «Голубой ангел», «Место под солнцем», «Гражданин Кейн», «Последний фильм».

Кравиц задумался. Возможно, покойная была актрисой. Красавица. Он снова поглядел на лежащую между софой и кофейным столиком женщину, подумал, куда же запропастился врач-эксперт, и поднялся по крутым ступеням на второй этаж.

Ночевала женщина в передней спальне. Большая кровать с пологом была аккуратно застелена, но туалетный столик оказался завален косметикой, на ночном столике размещались электрический будильник, поставленный на семь часов, желтый кнопочный телефон, чистый блокнот и книга «Дневник Анаис Нин» в бумажной обложке. Кравиц полистал книгу, ища подчеркнутые места, но там их не оказалось. Потом порылся в комоде, надеясь отыскать документы, письма или дневники, но нашел только мягкие дорогие свитеры, яркие блузки, аккуратные стопки белья и шкатулку с драгоценностями. На дне стенного шкафа Кравиц обнаружил то, что искал,— сумочку, в ней был обычный набор бумажных носовых платков, косметика, шариковая авторучка и тому подобное, но ни бумажника, ни документов. Кравиц выругался и осмотрел платья в шкафу. Они были шестого размера, подходившие лежащей внизу женщине, покупали их в Нью-Йорке, Вашингтоне и Биверли-Хиллз. Записав названия магазинов, он вышел из спальни и по узкому коридору направился к задней двери второго этажа. Комната напоминала кабинет. У окна, выходящего на дворик, стоял антикварный стол с электрической пишущей машинкой. Кравиц выглянул в окно и увидел полицейского с мальчишкой-газетчиком, греющихся под утренним солнцем. Кроме машинки, на столе находились белая кофейная кружка со свежеочиненными карандашами, стопка белой писчей бумаги и словарь. Но ни одной исписанной или отпечатанной страницы, подтверждающей, что за столом работали, не было. Кравиц вспомнил о сценариях внизу и подумал, что покойная, наверно, была не актрисой, а сценаристкой.

На третьем этаже не удалось обнаружить ничего. Обе ванные оказались безупречно чистыми, обе спальни прибранными, но ими явно никто не пользовался.

Кравиц услышал, как у входа хлопнула дверца машины. Он спустился и поздоровался с Крейном, врачом-экспертом, полным, угрюмым стариком в очках, который свое участие в расследовании убийств именовал «вызовами на дом».

Крейн буркнул приветствие и присел возле покойной.

— Кто она?

— Пока не установлено.

— Странно,— сказал Крейн и стал ощупывать короткими пальцами голову покойной.

— Я буду на веранде,— сказал Кравиц. Они с Крейном недолюбливали друг друга вот уже десять лет, с тех пор, как громкий процесс об убийстве завершился оправданием, потому что, как считал Кравиц, врач-эксперт в самой ответственной части своих показаний нес что-то непонятное.

Кравиц вышел на веранду, где сидели мальчишка и полицейский-неряха. Симпатичному, с правильными чертами лица мальчишке было лет пятнадцать. Он сказал, что зовут его Джим Дентон и что отец его врач.

— Она мертвая?— спросил он, когда Кравиц сел напротив.

Кравиц кивнул, и мальчишка заплакал снова. Кравиц сидел молча, с наслаждением подставляя лицо солнцу, пока плач не прекратился.

— Джим, ты поможешь нам, если расскажешь все, что знаешь о ней.

Мальчишка замигал и кивнул.

— Постараюсь. Только знаю я очень мало.

— Фамилию знаешь?

— Нет, сэр.

— Разве ты не знаешь людей на своем участке?

— Знаю, сэр. Только в этом доме обычно никто не живет. Но иногда люди останавливаются здесь, и если я вижу машину или свет из окон, то стучу в дверь и спрашиваю, не нужна ли газета «Пост». Обычно они не отказываются, а уезжая, дают хорошие чаевые.

— Что это за люди?

— Трудно сказать. Один мужчина, кажется, снимается в кино. Как-то он дал мне десять долларов, чтобы я съездил в центр и купил ему журнал «Вэрайети». Несколько раз, когда я обходил участок, здесь еще продолжались вечеринки. И я видел машины с номерами конгресса. Но большую часть времени здесь никого не бывает. Кажется, раз в неделю приходит уборщица — я видел, как однажды днем отсюда выходила негритянка.

Кравиц задумался о машинах с номерами конгресса. Возможно, покойная была проституткой. Если да, то очень дорогой, раз позволяла себе снимать такой дом.

— Не помнишь, когда она приходила? Я говорю об уборщице.

— Нет, сэр.

— А что знаешь об этой женщине?

— Впервые я увидел ее примерно неделю назад. Я ходил по домам, увидел свет, постучал, и вышла она.

— Опиши ее.

— Невысокая, пониже меня. Каштановые волосы, большие карие глаза. Такая... добрая, любезно держится, разговаривает. Я спросил, нужна ли газета, она ответила, что да. Пригласила войти, угостила кока-колой. Сказала, что давно, еще в школе, встречалась с парнем, который разносил газеты, вылезала еще затемно из окна и ходила с ним по участку, а потом опять влезала в окно и ни разу не попалась родителям.

— Не говорила, где? В каком городе?

— Нет, сэр, кажется, нет. В общем, я с неделю приносил ей газету, а вчера днем, когда собирал деньги, она сказала, что хочет расплатиться со мной, потому что утром уезжает. То есть хотела уехать сегодня. Только наличных у нее не оказалось, и она попросила зайти сегодня утром — сказала, что сходит в город и получит деньги по чеку.

— Ну и ты зашел?

— Да, сэр, по пути в школу. Она сказала, что можно, потому что встает рано. Я постучал, она не ответила, я решил, что, может, она во дворе, подошел к забору и заглянул. Увидел сразу же, что дверь на веранду открыта. Крикнул, но никто не ответил. Вряд ли она могла уйти, бросив дверь открытой, в этом-то районе. Я перелез через забор и заглянул в дверь. Смотрю — кто-то лежит на полу. Я закричал, перелез обратно через забор и бежал по улице, пока не увидел вот этого полицейского в соседнем квартале, он выписывал штраф, и вернулся вместе с ним.

— Ты не входил в комнату?

— Нет, сэр.

— Эту дверь не трогал?

— Кажется, нет. Хотя, может, и дотронулся.

Кравиц услышал, как перед домом хлопнула дверца машины, и поднялся.

— Джим, нам будет нужно побеседовать еще.

— Я уже опоздал в школу.

— На сегодня о школе забудь. Этот полицейский отвезет тебя домой. Во второй половине дня я или другой сотрудник заглянем к тебе. Идет?

— Раз так нужно.

— Молодчина.

Он пожал руку рослому подростку и проводил его взглядом. Мальчишка производил хорошее впечатление. Но он был достаточно взрослым, чтобы увлечься приветливой красивой женщиной на своем участке, и вполне мог начать неуклюжие ухаживания, затем схватиться с ней, сбить с ног и убежать, а потом сделать попытку обелить себя, «обнаружив» ее наутро. Нужно будет его проверить. Есть ли приводы? Не подглядывает ли в окна? Из числа подозреваемых Кравиц не исключал никого.

Крейн закончил осмотр.

— Пока что,— сказал он сержанту Кравицу,— могу сделать вывод, что кто-то ударил ее кулаком справа, она упала навзничь и стукнулась головой об угол кофейного столика. Когда? Двенадцать часов назад плюс-минус час. Примерно между десятью и полуночью. Изнасилована? Сомнительно. Есть ли что-нибудь под ногтями? Кажется, нет, точно установим в лаборатории. Позвоните завтра, мы приготовим полный отчет.

— Благодарю,— сказал Кравиц, и старый врач поплелся к черному «меркьюри», поставленному напротив пожарного гидранта. Когда он отъехал, появились дактилоскопист и фотограф. Кравиц постоял с ними на крыльце, выкурил сигарету и объяснил, что от них требуется. В соседних домах пока все было тихо, спокойно, никто ни о чем не догадывался. Когда приедут репортеры с кинооператорами и санитарная машина, все преобразится. Соседи столпятся на другой стороне улицы, станут глазеть, сплетничать, обмениваться слухами. И при этом Кравиц будет наблюдать за ними из верхнего окна, потому что среди них вполне может оказаться убийца, и в любом случае он вскоре начнет допрашивать всех этих людей. Но пока что в чопорных, богатых домах все было тихо. Кравиц пожал плечами и снова вошел в дом.

После того как дактилоскопист осмотрел телефон, Кравиц позвонил в управление молодому сотруднику, который наводил для него справки.

— Кажется, этот дом принадлежит женщине по фамилии Колдуэлл, но мы не можем найти ее,— сказал молодой сотрудник, переведенный на кабинетную должность, потому что его вырвало, когда в багажнике машины обнаружили двух задушенных медсестер.

— Свяжись с жилищными агентами Джорджтауна,— сказал Кравиц.— Узнай, кто платит налоги. А что говорят в телефонной компании?

— Тут странное дело. Документы исчезли.

— Как это, черт возьми, и с ч е з л и?

— Этот тип проверил и сказал, что их нет на месте. Он ничего не может понять.

— Поезжай туда, заставь его объяснить,— повысил голос Кравиц.— Живо!

Он бросил трубку, вздохнул и услышал с улицы голоса. Выглянув, он увидел двух знакомых репортеров уголовной хроники, они спорили с полицейским, которого он поставил охранять вход.

Через минуту полицейский вошел.

— Сержант, репортеры говорят, что предельный срок уже кончился.

— Скажи, что сейчас выйду.

Кравиц хотел подождать, пока не подъедут остальные репортеры, чтобы не повторять одно и то же дважды или трижды. Кроме того, ему требовалось подумать, от того, что он скажет, зависело многое. Загадочное убийство в Джорджтауне — газеты набросятся на него, и, когда Кравиц найдет убийцу, болваны из муниципалитета должны будут сделать его очередным начальником сыскной полиции.

Им это было б совсем нетрудно, мешало только, что в начальниках сыскной полиции никогда не было негра, а черные в муниципалитете отчаянно требовали своего, у них даже был кандидат, лодырь по фамилии Колмен, будь он белым, его давно турнули бы из полиции за некомпетентность. Но Кравиц все же считал, что если поведет дело как надо, то может получить эту должность. Молодой репортер уголовной хроники из газеты «Пост» обещал поместить в воскресном приложении материал о Кравице, если только найдет для этого повод. Ну так вот, это дело будет поводом для его статьи и еще многих статей. А подобная реклама производит впечатление в Вашингтоне, подобная реклама делает конгрессменов сенаторами, сенаторов — президентами и может сделать Джо Кравица начальником сыскной полиции.

Перед домом хлопнули дверцы еще нескольких автомобилей, и наконец Джо Кравиц, специалист по расследованию убийств и политике, погасил сигарету, смахнул нитку с рукава, поправил галстук и уверенно вышел на встречу с прессой.

3

Бен Нортон проснулся в девять с тяжелой головой. Накануне вечером он вернулся домой рано, но засиделся до глубокой ночи, потягивая бурбонское виски и ломая голову над рассказом Фила Росса о Донне с Эдом Мерфи. Скорее всего Донна решила вернуться в Вашингтон и работать в администрации. Если так, он скоро об этом узнает. Однако у него были более неотложные заботы, например, доложить в фирму «Коггинс, Копленд и Стоун» о своем возвращении. Он поднялся, сварил кофе и позвонил секретарше Уита Стоуна, женщине такой же грозной, как ее босс, взявшей себе за правило каждые несколько лет сживать со свету какого-нибудь молодого юриста, чтобы уцелевшие лебезили перед ней. Что они и делали.

— Эвелин? Это Бен Нортон, вернулся с фронта.

— Твоего звонка мы ждали вчера,— ответила Эвелин, совершенно равнодушная к мальчишескому обаянию Нортона.

— Я валился с ног из-за смены часовых поясов,— солгал он.— И проспал весь день. Теперь готов приступить к работе.

— Уит ждет тебя к ленчу в половине первого,— сказала Эвелин.— Не опаздывай.

Нортон не опоздал, но Уитни Стоун задерживался, молодой юрист сидел в приемной своего босса, лениво перелистывал старый номер журнала «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт», и его беспокойство все усиливалось. Он недолюбливал Уита Стоуна, не доверял ему и не совсем понимал, почему работает у него в фирме. Разумеется, он уважал его как очень удачливого вашингтонского адвоката, дающего своим клиентам то, что им нужно, но в Уите Стоуне и его фирме была какая-то холодность, с которой он так и не

свыкся. Иногда он думал, что ему было бы лучше в какой-нибудь старой, меньше связанной с политикой фирме, например, «Ковингтон и Берлинг», но год назад, когда он решил бросить работу в штате сенатора Уитмора, времени на поиски у него не было, а Уит Стоун сделал ему самое лучшее и самое быстрое предложение, включая командировку в Париж. Нортону же в то время больше всего хотелось уехать из Вашингтона как можно дальше. И, разумеется, это была хорошая фирма; у нее были важные клиенты, в ней Нортону платили хорошее жалованье. Неприятен был только сам Уит Стоун.

Об Уите Стоуне среди младших сотрудников в течение многих лет из уст в уста шепотком передавалась легенда. В ней рассказывалось, как Стоун в сравнительно молодом возрасте стал совладельцем фирмы. Основал фирму в 1942 году Джон Коггинс, адвокат времен «нового курса», он (как гласило предание) подкупил врача, чтобы тот признал его непригодным к военной службе, потом бросил работу в министерстве юстиции, приносившую в год шесть тысяч долларов, и основал частную юридическую практику, дававшую ему в конце войны четверть миллиона в год. В конце сороковых годов Коггинс понял, что ему нужен партнер, и выбрал Мейсона Копленда, рослого проницательного уроженца Среднего Запада, имевшего связь с администрацией Трумэна. Копленд был не только хорошим адвокатом, но и авантюристом, обожавшим интриги и риск, и потому несколько лет спустя, когда незамужняя дочь президента забеременела, когда член Верховного суда был задержан в дешевом отеле с несовершеннолетней, когда пьяная супруга президента разбила вазу о голову пожилого врача, потому что тот пытался утихомирить ее... и в других подобных ситуациях обращались к Мейсону Копленду, а он пускал в ход уговоры, лесть, деньги или угрозы, необходимые для спасения.

В середине пятидесятых годов с Коггинсом случился сердечный приступ, и Копленд, возглавивший фирму, нанял нескольких молодых юристов, имевших связь с администрацией Эйзенхауэра; того, кто окажется лучшим, он собирался взять в партнеры. Одним из них был аристократ Уитни Стоун, он окончил Гарвард и успел поработать в министерстве юстиции. У Стоуна была жена, богатая и красивая, двое малышей и тот род честолюбия, который именуется неуемным.

Мейсон Копленд уважал Стоуна, поглядывал на его жену и весной 1960 года отправил его в Техас вести важные переговоры об аренде нефтеносного участка. Однако переговоры сорвались, Уит Стоун вернулся на два дня раньше, чем ожидалось, и застал Копленда в постели со своей женой. Жена, убоясь побоев, нагишом убежала в ванную и заперлась, но ей был неведом юридический склад ума, и пока она дрожала на краю ванны, ее муж и любовник — последний обернул простыней, словно тогой, свои потные плечи — быстро завершили переговоры, приведшие к тому, что фирма стала называться «Коггинс, Копленд и Стоун».

Предание гласило, что, когда переговоры были окончены, старый юрист поглядел на будущего молодого партнера и сказал: «Один вопрос, Уит. Ты подстроил это?»

И, если преданию можно верить, Уит Стоун ехидно улыбнулся и ответил: «Ты не узнаешь этого, Мейсон. Никогда не узнаешь...»

— Бен, очень рад тебя видеть,— сказал, открыв дверь, Уитни Стоун.— Входи. Я бы не заставил тебя ждать, но, едва ты приехал, позвонил министр юстиции.

Нортон отбросил журнал, поднялся с кресла и поздоровался за руку со своим боссом. Рука Уитни Стоуна была маленькой, хрупкой, холодной, касаясь ее, Нортон всегда содрогался, даже в тех случаях, когда, как и теперь, Стоун был само обаяние.

— Входи, Бен,— сказал он.— Немного шерри? Отлично. Садись.

Они сели на противоположные края софы в дальнем углу большого кабинета. Стоун сам налил два стакана и поднял свой в тосте.

— За тебя, Бен. Ты прекрасно поработал для нас в Париже.

Нортон улыбнулся, пригубил шерри и тоже ответил любезностью:

— Видимо, здесь есть и твоя заслуга, Уит. Когда соглашение готово было расстроиться, арабы вдруг полностью изменили свою позицию. Я решил, что ты здесь нажал кой-какие кнопки.

— Вот как?— В полуприкрытых глазах Стоуна промелькнуло любопытство. Видимо, подумал он, Нортон более проницателен, чем казалось. Нужно будет иметь это в виду.

— В общем, едва арабы изменили курс, люди из ЦРУ или те, кого мы принимали за них, скрылись с глаз. Со своей стороны, мы не предпринимали ничего, поэтому я решил, что, видимо, тут постарался deus ex machina [1]. Ты казался вероятной кандидатурой.

Стоун неторопливо усмехнулся; он добился в Вашингтоне такого влияния, что к нему, как и к определенным выборным лидерам, обращались, беря в расчет не только его интересы, но и его представление о самом себе, а роль «deus ex machina» ему очень нравилась.

— Я поговорил кое с кем,— довольно сказал он.— В конце концов эта сделка важна не только в экономическом, но и в политическом смысле. Она явится фактором стабильности на Ближнем Востоке. А здесь есть люди с далеко идущими в этом направлении планами.

Стоун выразился неопределенно, создав впечатление, что его тайные связи с ЦРУ обеспечили успех делу, над которым Нортон и еще десять юристов бились около года.

— Ладно, Бен, хватит о Париже. Я хотел бы получить от тебя полный письменный отчет, но сейчас давай подумаем о будущем. Ты вернулся, твой приятель Уитмор стал президентом, и тебя ждут успехи. Пойдем поедим?

Они прошли футов десять по коридору к столовой фирмы, которая, будь она открыта для публики, котировалась бы на одном уровне с лучшими французскими ресторанами Вашингтона. Она экономила время сотрудников, производила впечатление на клиентов, а расходы на ее содержание, около двухсот тысяч долларов в год, разумеется, списывались в счет налога.

Негр в белой куртке подал им вино и черепаховый суп, и Стоун перевел разговор на Белый дом.

— Скажи, Бен, говорил ты после возвращения с президентом или с мистером Мерфи?

Нортон подавил улыбку.

— Нет еще, Уит.

— Это обходительность, пренебрегать ею не стоит. Им будет интересно узнать, что ты снова в Вашингтоне.

Тут Нортон позволил себе улыбнуться.

— Сомневаюсь, Уит, чтобы мое возвращение их очень интересовало.

— Не скромничай, мой мальчик. Они о тебе высокого мнения. И ясно дали мне это понять, когда ты поступил в фирму. Я не удивлюсь, если они попытаются переманить тебя к себе. В любом случае ты, несомненно, будешь иметь с ними дела по вопросам, интересующим наших клиентов.

В этом, разумеется, и была причина теплого приема. Нортон решил переменить тему.

— Уит, что ты скажешь об Уитморе? В Париже я слышал противоречивые мнения.

— Он проницательный человек,— ответил Стоун, и в голосе его звучало почтение.— Некоторые его... э... п о п у л и с т с к и е наклонности насторожили кое-кого из наших клиентов, но он проделал прекрасную работу для укрепления своей общественной поддержки. Интересный человек.

Официант унес суповые тарелки и подал второе — креветки для Нортона, морского окуня для Стоуна.

— Ну вот что, Бен, раз ты вернулся, нужно будет поручить тебе работу.

— Чем больше, тем лучше.

— Молодчина. У нас появился новый клиент, фирма «Бакстер коммуникейшн», и проблема, в которой ты можешь помочь.

— Харви Бакстер,— сказал Нортон, радуясь, что наконец они перешли к делу.— Несколько газет в Техасе. Хочет баллотироваться в губернаторы.

— Точно. И еще собирается купить несколько радиостанций в маленьких городах, но, видимо, никто не имеет ни малейшего представления, как отнесется к этому глава антитрестовского отдела.

— Гай Тиммонс,— сказал Нортон.— Я прочел о его назначении.

— Твой знакомый?

— Мы встречались в Капитолии. Тиммонс готовил для Уитмора кой-какие справки. По-моему, это единственный профессор, сумевший произвести впечатление на Эда Мерфи.

— Сможешь ты поговорить с ним о предполагаемом приобретении Бакстера? Само собой, неофициально.

— Я думаю, это будет крайней мерой. В министерстве юстиции у меня есть более близкие знакомые, они могут помочь.

— Отлично,— сказал Стоун.— Постарайся сделать что-нибудь к будущей неделе. Бакстер приедет повидать меня.

— Какую позицию занимали его газеты во время выборов?

— Не поддерживали ни того кандидата, ни другого.

— Денежные взносы?

— Он и его семья выложили по десять тысяч каждому из кандидатов.

Нортон рассмеялся.

— Это не поможет.

— Возможно, теперь его газеты будут поддерживать президента.

— Это не повредит.

— Я поговорю с ним,— сказал Стоун. Он помешал ложечкой кофе, и тема была закрыта. Когда ленч окончился, Стоун как-то странно поглядел на Нортона.

— Еще одно, Бен, вопрос, может быть, щекотливый, но ходили кой-какие слухи... Ты слышал что-нибудь о связи Уитмора с одной молодой женщиной?

Нортон допил последний глоток кофе и постарался солгать как можно бойчее.

— Нет. А что?

Стоун недовольно поджал губы.

— Наверно, слухи были неточными,— сказал он.— Сам знаешь, сколько ходит сплетен. Я думал, что если бы мы обнаружили их причину, скажем, какое-то недоразумение, то оказали бы президенту услугу. Это так, случайная мысль.

Он поднялся, Нортон тоже.

— Бен, я очень рад, что ты снова с нами.

Нортон ответил, что тоже рад, они довольно церемонно пожали друг другу руки, и Нортон пошел к себе в кабинет. Он подумал, что ленч прошел неплохо, хотя, как и все встречи с Уитом Стоуном, оставил кисловатый привкус.

Зазвонил телефон, у Нортона временно не было секретарши, и он поднял трубку.

— Бен Нортон?— спросил кто-то незнакомый.

— Да.

— Видел последний выпуск «Стар»?

— Кто говорит?

— Загляни в газету, приятель,— сказал тот,— потому что одна твоя знакомая найдена убитой.

— Что?

Неизвестный повесил трубку. Нортон в раздражении медленно опустил свою. Неужели в Вашингтоне уже не стало покоя от хулиганских звонков? Он пожал плечами и стал читать рекомендованную Стоуном статью в юридическом журнале. Но сосредоточиться не мог: что-то терзало его подсознание. Минуту спустя он шел к столу секретарши приемной.

— «Стар» уже пришла, Джози?

— Только что,— ответила молодая женщина и подняла с пола один из двух ежедневно доставляемых посыльным экземпляров.

Нортон бегло просмотрел первую страницу и обнаружил внизу то самое сообщение, заголовок гласил: «МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА НАЙДЕНА УБИТОЙ В ДЖОРДЖТАУНЕ».

Он стал читать:

«Полиция округа в настоящее время расследует убийство молодой женщины, тело ее было обнаружено в частном доме на Вольта-плейс в Джорджтауне. Сержант Кравиц сообщил, что в полдень женщина была еще не опознана, и неизвестно, кому принадлежит дорогой особняк, где был обнаружен труп. По словам Кравица, женщину ударили в лицо, и, видимо, она скончалась от сотрясения мозга, упав и ударясь головой о кофейный столик. Кравиц сказал, что изнасилована женщина не была. По его описанию, ей около тридцати лет, рост пять футов два дюйма, вес сто десять фунтов, у нее длинные каштановые волосы и карие глаза».

Нортон с нарастающим беспокойством дважды перечитал сообщение. Потом вспомнил, что Фил Росс видел Донну в Джорджтауне. Описание внешности полностью подходило ей.

— О господи,— прошептал он.— Господи, не может быть.

Не помня себя, он выбежал на улицу и стал ловить такси, крича, чтобы ради бога кто-нибудь отвез его в Джорджтаун.

4

Соседи все утро наблюдали из дворов, как подъезжали и отъезжали полицейские машины. Первой к сержанту Кравицу подошла высокая женщина в светло-зеленом брючном костюме. Она перешла улицу и взглядом дала понять, что хочет поговорить с ним; Кравиц спустился с крыльца и вошел вслед за ней во дворик.

— Я миссис Картер Флеминг,— сказала женщина.— Живу там.— Кивком головы она указала на роскошный дом напротив.— Вы полицейский?

---

[1] Бог из машины (лат.).

— Я сержант Кравиц из отдела расследования убийств.

— Убийств? Значит, кто-то погиб?

— Вы знаете, чей это дом, миссис Флеминг?

— Сержант, может, сперва вы ответите на мой вопрос? Похоже, что мы, соседи, все узнаем последними.

Кравиц попытался вспомнить, кто ее муж. Адвокат? Журналист? Конгрессмен? Она бы охотно просветила его, но спрашивать не следовало. Кравиц знал, как держать себя с джорджтаунскими матронами.

— Сегодня утром здесь обнаружена мертвая женщина,— сказал он.— Около тридцати лет, рост пять футов два дюйма, каштановые волосы, симпатичная. Вы знаете, кто она?

— Нет, не думаю.

— Не хотите ли взглянуть на тело, может, опознаете?

Женщина внимательно уставилась на него. Она была лет сорока семи — сорока восьми, высокой, загорелой, холеной. Кравиц решил, что она хороша в постели. Но для него это значения не имело. С клиентками могут развлекаться телевизионные мастера, а полицейские нет.

— Пожалуй, взгляну,— сказала она.— Раз это может помочь.

Кравиц вошел с ней в дом и открыл тело покойной. Миссис Флеминг уставилась на него с любопытством, но без малейших эмоций. Кравицу показалось, что, если бы всех более привлекательных тридцатилетних женщин тихо убрали со сцены, она ничего не имела бы против.

— Кажется, я ни разу не видела ее,—сказала наконец миссис Флеминг.— Ее изнасиловали?

— Видимо, нет.

— Интересно,— сказала она.— По-моему, если привлекательную женщину изнасиловали и убили, это одно дело, а если просто убили, то совсем другое.

— Проницательное замечание,— сказал Кравиц. Хотя оно вовсе не было проницательным. Оно было вполне логичным, а преступления, совершаемые по страсти, редко бывают логичными. Например, нелогично мужу насиловать жену до или после убийства, но Кравиц с этим сталкивался добрый десяток раз.

— Вернемся к моему первому вопросу, миссис Флеминг. Вы знаете, кому принадлежит этот дом?

— Он п р и н а д л е ж а л Рут Колдуэлл. Может, выйдем отсюда?

— Конечно.

На крыльце он закурил сигарету и предложил собеседнице. Миссис Флеминг отказалась.

— Рут Колдуэлл,— сказала она,— вдова Гаррисона Колдуэлла. Он был банкиром. После его смерти Рут уехала к дочери в Финикс. Не знаю, продала она дом или сдает жильцам. Иногда в нем бывают люди, а иногда он кажется пустым.

— Что за люди?

— Два раза я видела здесь одного молодого актера. Фамилии не помню, но он хорошо известен.

— Видели вы здесь кого-нибудь за последние несколько дней?

— Свет бывал включен. И как-то вечером несколько дней назад я видела, что со двора выезжал лимузин. Дом не очень хорош. Но стоянка не на улице. Жаль, что у меня не так.

— Вы не обратили внимания, кто был в лимузине?

— Нет, даже в голову не пришло. Лимузин в этом районе не такая уж редкость, сержант. Прошу прощения, мне становится дурно.

— Я хотел бы поговорить с вами еще. Вы будете сегодня дома?

— Вряд ли я рискну высунуть нос, пока улицы кишат убийцами.

Долго же тебе придется не высовывать носа, подумал Кравиц, но вежливо попрощался с ней и стал следить, войдет ли она в тот дом, который назвала своим.

Едва женщина скрылась в своем доме, подъехало и резко остановилось такси, рослый белокурый пассажир бросил водителю деньги и грузно вылез. Кравиц решил, что ему под сорок, он держал в руке скрученную газету, был хорошо одет и бледен, как полотно. Сейчас последует признание в убийстве, подумал Кравиц.

— Меня зовут Бен Нортон,— сказал приехавший.— Убийство произошло здесь?

— Здесь. Я сержант Кравиц.

— Описание в газете... похоже, это моя знакомая. Ее... покойную... уже опознали?

— Можно мне взглянуть?— спросил Кравиц. Нортон недоуменно замигал, глянул на свою руку и протянул Кравицу газету. Сержант пробежал глазами сообщение, с удовлетворением отметив, что поместили его на первой странице. Пока что все шло хорошо. Он вернул газету Нортону.

— Нет, опознания не проводилось. Хотите взглянуть на тело?

Нортон безучастно кивнул и пошел за Кравицем в дом.

Когда Кравиц снял с тела покрывало, Нортон вскрикнул и опустился на колени. Коснулся лица женщины и онемел от холода ее кожи, от реальности смерти. Он стоял подле нее на коленях, бледный, со слезами на глазах и что-то шептал, возможно, ее имя.

Кравиц профессионально наблюдал. Подобные сцены он видел тысячу раз. Видел истерики, смех, потерю сознания, шок, гнев, сердечные приступы и кое-когда малозаметные признаки — слишком сильные или слабые эмоции, нервозность, плохо скрытую радость,— которыми убийцы выдавали себя. Горе этого человека, Нортона, казалось вполне искренним. Что совершенно ничего не означало.

Когда Нортон поднялся, сержант снова прикрыл тело и предложил выйти на веранду. Там Нортон опустился на стул и закрыл лицо руками.

— Минутку, пожалуйста,— попросил он.

— Не спешите, мистер Нортон,— ответил Кравиц, закурил и стал ждать.

— Это Донна Хендрикс,— сказал Нортон, когда к нему вернулся дар речи.— Она родом из Цинциннати, в Вашингтон приехала шесть или семь лет назад. До последнего времени работала в штате сенатора Уитмора. Полную ее биографию можете узнать в отделе кадров сената. Я тоже работал в штате Уитмора, одно время мы с ней были близки, потом расстались, и я уехал в Париж по делам. Насколько мне известно, она уезжала из Вашингтона и жила в Калифорнии.

— Вы не знали, что она вернулась в Вашингтон?

— Нет.

Ответив, Нортон спохватился, что это не совсем так. Он н е з н а л, что Донна в Вашингтоне, но слышал от Фила Росса, что тот недавно видел ее с Эдом Мерфи. Правда, это были сведения из вторых рук, и, кроме того, Росс мог обознаться. Но все же Нортон не поправился и не упомянул о рассказе журналиста. Не потому, что был близок к шоку, скорее оттого, что и в таком состоянии политическое чутье руководило им. Нельзя было так легко приплетать Эда Мерфи, а может, и самого президента к наверняка заурядному делу об убийстве. Нортон прекрасно знал о возможных последствиях — слухах, сплетнях, газетных заголовках, клеветнических кампаниях оппозиции, и все это могло оказаться совершенно неоправданным. Он решил поговорить с Мерфи. Узнать побольше о его встрече с Донной и о том, что она делала в Вашингтоне. Но отправлять к нему этого полицейского он не собирался.

— Вы не знаете, почему мисс Хендрикс уехала из Вашингтона?— спросил Кравиц.

Нортон снова заколебался. Эти вопросы раздражали его, как резкие прямые левой в боксе. Он не мог сказать сержанту и о причине отъезда Донны.

— По-моему, Вашингтон ей надоел,— ответил он. Это было правдой.— Донна решила, что это город для мужчин, и устала с ним сражаться. Она писала мне из Калифорнии, что хочет пожить в одиночестве, подумать о своем будущем, заняться литературной работой.

— Письмо у вас сохранилось?

— Наверно,— уклончиво ответил Нортон. Он прекрасно знал, что письмо цело.

— Я бы хотел ознакомиться с ним.

— Это необходимо?

— Мистер Нортон, поймите, мы расследуем убийство. Возможно, мисс Хендрикс убил грабитель, мы обнаружим его отпечатки пальцев и завтра же арестуем. Но дело может оказаться и гораздо сложнее. Нам нужно знать как можно больше о мисс Хендрикс, чтобы разобраться во всем.

— Таким образом вы ничего не добьетесь. Ни один человек в здравом уме не стал бы убивать Донну. Она была очень доброй, очень милой...

Нортон опустил голову, потом снова взял себя в руки.

Кравиц бесстрастно наблюдал за ним. Он решил, что Нортон что-то скрывает. Пока он не знал, что̀, но не сомневался, что в конце концов выяснит.

— Кто были ее друзья, мистер Нортон?

Нортон недовольно нахмурился.

— У нее было много друзей.

— Назовите несколько фамилий.

— Любой из сотрудников Уитмора, мы все были друзьями. И Гвен Бауэрс, она, пожалуй, была самой близкой подругой Донны.

— Гвен Бауэрс,— повторил Кравиц.— Она... выступает по телевидению, так ведь?

— Да, Гвен теперь знаменитость,— сказал Нортон.— Но с Донной они были подругами детства. Жили когда-то в одном доме.

— Были враги у мисс Хендрикс?

— Нет, ни единого.

— У красивых женщин бывают враги. Негодующие женщины, оскорбленные в своих чувствах мужчины.

— Я пытаюсь втолковать вам, что Донна была не такой,— сказал раздраженно Нортон.— Ее все любили.

— Вы не знаете, были у нее какие-нибудь романтические осложнения в прошлом году?

— Нет, откуда мне знать.

— Были у нее друзья в мире кино?

— В мире кино? Возможно.

— Не знаете, чей это дом?

— Нет.

— Бывали здесь раньше?

— Нет.

— Не знаете, почему она остановилась здесь?

— Нет,— ответил он, уже не скрывая раздражения.

Сперва Нортон не замечал ни внешности Кравица, ни его тона, но тут пригляделся, увидел маленькие, буравящие его синевато-серые глаза, уловил за вопросами враждебность и ощутил неприязнь к этому полному, лысеющему полицейскому, курящему сигарету за сигаретой.

— Что вы делали вчера вечером, мистер Нортон?

— Утром я прилетел из Парижа, весь день проспал, к вечеру поднялся и зашел в бар Натана выпить пива — у меня дом на Двадцать восьмой стрит. Там случайно встретил Фила Росса, журналиста, немного поболтал с ним. Но я был усталым и ушел домой рано, часов в восемь.

— Вы живете один?

— Да.

Кравиц закурил снова и задал давно назревший вопрос, настолько очевидный, что, казалось бы, Нортон, не дожидаясь его, сам предложит ответ.

— Давайте разберемся, мистер Нортон. Вы не видели мисс Хендрикс целый год, считали, что она живет в Калифорнии, но, прочтя в газете об убитой в Джорджтауне молодой женщине, бросаете все и мчитесь сюда на такси в полной уверенности, что это она. Я вас правильно понял?

Нортон нахмурился и неловко заерзал на стуле.

— Нет,— ответил он.— Я не сказал вам об одном странном событии.

— Каком?

— Сегодня сразу же после ленча мне позвонили. Какой-то человек удостоверился, что это я, и посоветовал заглянуть в газету, потому что убита одна моя знакомая. Тогда я прочел сообщение в газете, увидел, что описание соответствует внешности Донны, и приехал сюда.

— Тот человек не назвался?

— Нет.

— Не представляете, кто он?

— Нет.

— Заметили какую-нибудь особенность голоса? Негритянский акцент? Иностранный? Южный?

— Звонил, по-моему, белый. Голос неприятный. Без акцента.— Нортон задумался.— Единственное, что характерно, этот человек назвал меня «приятель». В этакой развязной манере. Сказал он примерно вот что: «Загляни-ка в газету, приятель, потому что твоя подружка убита».

— Может, ваша секретарша что-нибудь заметила?— настаивал Кравиц.

— Нет, трубку поднял я сам.

Кравиц изучал лицо своего собеседника, словно ученый, глядящий в микроскоп.

— Я сам ломал над этим голову,— продолжал Нортон.— Кто мог звонить и зачем? Кто знал, что она убита? Насколько я понимаю, знали ваши люди, полиция. И те, кто заглядывал в газету. Но мало кто знал, что я вернулся.

Он умолк и в недоумении потряс головой.

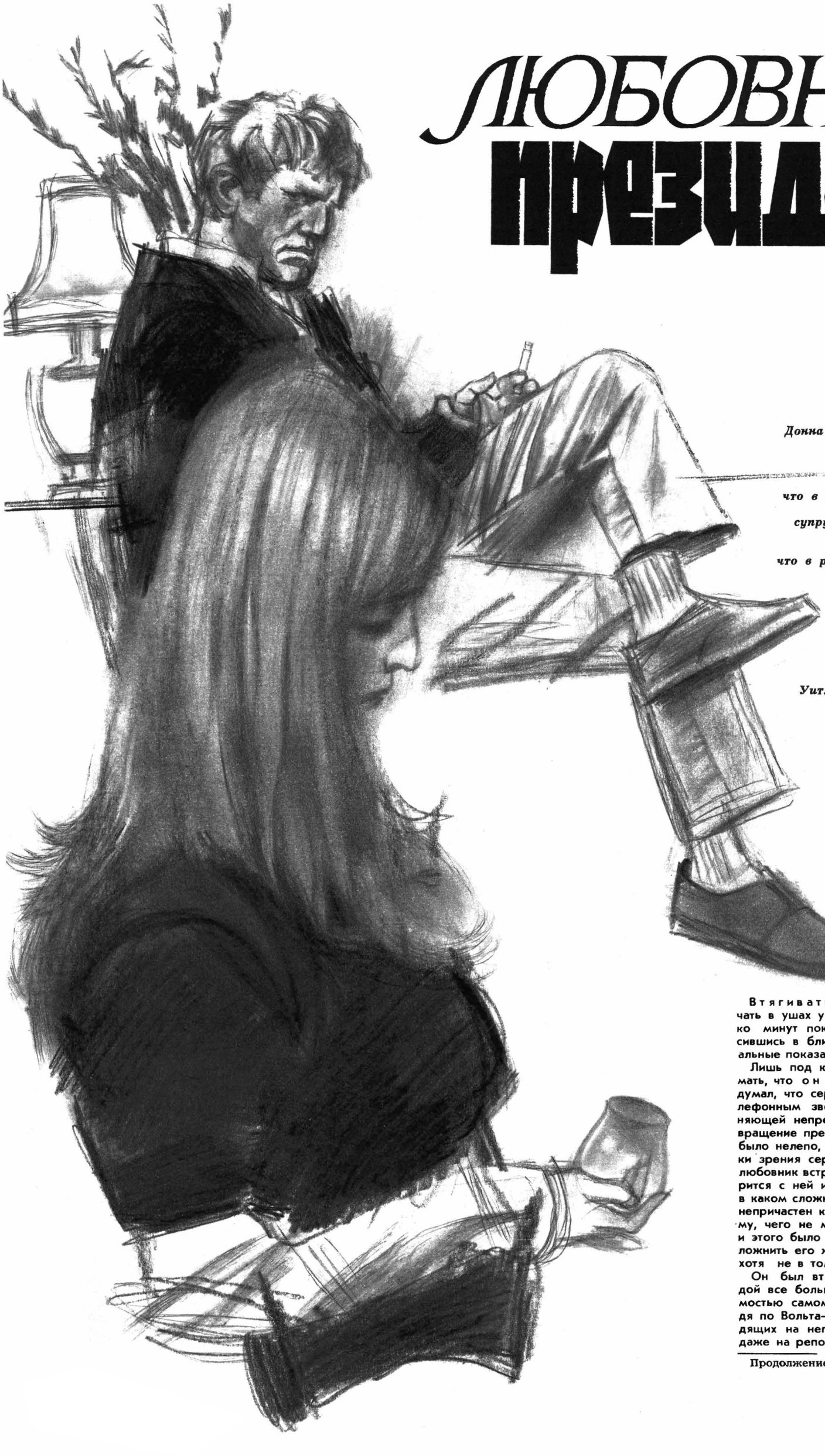
— Вы забываете кое-что, мистер Нортон,— спокойно сказал Кравиц.— Мы не знали, кто она. В газетном сообщении фамилии нет. Что убитая — Донна Хендрикс, знал только тот, кто ее убил. И тот, кому убийца мог рассказать о преступлении. Но все равно это не объясняет звонка вам.

— Может, хотели ее опознания?— сказал Нортон.

— Может,— согласился Кравиц.— Но позвонить в управление полиции или в редакции газет и назвать ее фамилию было бы проще, чем втягивать вас.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.



ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

Патрик АНДЕРСОН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

РОМАН

Донна Хендрикс приехала в Вашингтон по вызову президента Чарлза Уитмора. Узнав об этом, его жена предупреждает, что в случае встречи Чарлза с Донной она пойдет на разрыв супружеских отношений. Уитмору же необходимо увидеть Донну: он опасается, что в романе, над которым та работает, говорится об их интимной связи. Но Чарлз лишен возможности увидеться с нею в этот день, а Донна не согласна на отсрочку свидания. Не желая терять ни жену, ни любовницу, Уитмор требует от своего помощника Эда Мерфи как-то разрядить сложившуюся обстановку. Адвокат Бен Нортон возвратился в Вашингтон из заграничной поездки. Случайно он узнает, что Донну видели здесь с Эдом Мерфи. На другой день неизвестный позвонил Нортону и сказал, чтобы он заглянул в газету,— его знакомая найдена убитой. Нортон на такси мчится по указанному в газете адресу и узнает в убитой Донну Хендрикс.

В т я г и в а т ь в а с. Эти слова продолжали звучать в ушах у Нортона, когда он через несколько минут покинул дом на Вольта-плейс, согласившись в ближайшие дни дать Кравицу официальные показания.

Лишь под конец разговора Нортон стал понимать, что о н для Кравица подозреваемый. И подумал, что сержант не поверил в историю с телефонным звонком, счел ее выдумкой, объясняющей непременное, как принято считать, возвращение преступника к месту преступления. Это было нелепо, однако Нортон сознавал, что с точки зрения сержанта тут есть смысл: брошенный любовник встречает свою бывшую подружку, ссорится с ней и убивает. До него стало доходить, в каком сложном положении он оказался. Он был непричастен к смерти Донны, но причастен к тому, чего не мог рассказать о ней полицейским, и этого было достаточно, чтобы не на шутку осложнить его жизнь. Он был «втянут» в это дело, хотя не в том смысле, как считал Кравиц.

Он был втянут, потому что с каждой секундой все больше и больше преисполнялся решимостью самому отыскать убийцу Донны. Проходя по Вольта-плейс, он не замечал соседей, глядящих на него с крылец, не обратил внимания даже на репортера, который спросил у него фа-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14, 15.

милию и шел за ним до угла. Кравиц мог сомневаться, что ему кто-то звонил. Кравиц мог считать, что Донну убил Нортон или грабитель. Нортон же знал, что не убивал ее и что грабители не звонят юристам, объявляя о своем преступлении. Вокруг этого дела творилось что-то странное: Нортон не мог взять в толк, что именно, но сознание, что Донна убита, жгло его, как огонь, и он дал себе слово раскрыть эту тайну. Ему была нужна истина, но не только; подобно королю Лиру он еще хотел мести столь ужасной, что ей не нашлось бы названия. Пусть полиция ищет грабителей, отпечатки пальцев и волоски. Для Нортона существовали другие направления поиска, например, выяснить, что Донна делала в Вашингтоне, почему ехала в лимузине с Эдом Мерфи и кому принадлежит этот дом на Вольта-плейс.

Нортон внезапно обнаружил, что он у себя дома, подошел к телефону и стал звонить. Сперва Гвен Бауэрс, потом в Белый дом.

5

Идя к дому Гвен по дорожке, пересекающей широкий газон, Нортон увидел, как в вечернем небе сверкнула падучая звезда; она напомнила ему о Донне.

Гвен ждала его в дверях и плакала. Нортон обнял ее, удивившись, какая она хрупкая, и подумал, что раньше ни разу не видел ее в слезах. Даже в тот вечер, когда был убит Роберт Кеннеди. Тогда они вшестером или восьмером сидели на полу квартиры на Капитолийском холме, где в то время она жила вместе с Донной. Гвен напилась, отпускала мрачные шутки, но не пролила ни слезинки.

— Извини,— сказала она минуту спустя.— Я хотела выплакаться до твоего прихода. Входи. Промочим горло.

— Я хочу поговорить, Гвен. Мне надо кое-что узнать.

— Поговорим,— пообещала она и повела его по длинному коридору. На ней были брюки и свитер, светлые волосы спадали на плечи.

— Потрясающий дом,— сказал Нортон.

— Возмездие за грех, мой друг. Мне предлагали за него четверть миллиона на той неделе.

Не так уж давно Гвен с Донной были начинающими журналистками и лезли из кожи вон, чтобы расплачиваться за квартиру, но Гвен не любила лезть из кожи; ее снедал зуд, гораздо более свойственный молодым вашингтонцам, чем вашингтонкам, и она быстро добилась успеха примечательным, быть может, единственным в своем роде способом. Сперва она удивила всех, выйдя замуж за очень богатого старика конгрессмена. Ее подруги не восприняли этот брак всерьез и предсказывали, что он продлится примерно год. Но продлился он всего четыре месяца, по истечении которых конгрессмен очень кстати скончался от сердечного приступа. («Это было умышленное убийство,— сообщила Гвен Нортону сценическим шепотом на вечеринке через три недели после похорон.— Я загоняла его до смерти».)

За смертью конгрессмена последовали юридические осложнения с его взрослыми детьми, но Гвен вышла из них, заполучив особняк в Спринг Вэлли и, что, возможно, еще более важно, впервые отведав известности. Вкус ее пришелся Гвен по душе, в погоне за дальнейшей известностью она написала для «Космо» несколько злоречивых статеек о сексе в Вашингтоне, и это открыло ей двери в таинственный круг людей, которые выступают по телевидению, потому что они знамениты, а знамениты потому, что выступают по телевидению. При всем при том Гвен находила время для «романтической», как деликатно выражаются светские хроникеры, связи со знаменитым (и женатым) молодым сенатором, с одним из наиболее известных космонавтов и тремя или четырьмя бейсболистами команды «Вашингтонские краснокожие». Гвен была знаменитостью и упивалась этим. Отношение Нортона к ней было двойственным. Он считал ее правдивой, но не доверял ей. Он знал, что они с Донной подруги, и часто думал, что она дурно влияет на Донну. Но главное, по осведомленности в Вашингтоне мало кто мог сравниться с Гвен, падкой на сплетни, как другие женщины на драгоценности, и Нортон надеялся, что она расскажет ему о Донне то, что вряд ли мог знать кто-то другой.

Гвен привела его в громадную, с темными стенами библиотеку, там горел камин. Нортон был здесь однажды, тогда над каминной доской висел портрет матери конгрессмена. Теперь его сменила картина Ларри Риверса с изображением мусорной кучи.

— Налей нам выпить,— сказала Гвен, указав на бар в углу.— Хочешь посмотреть новости?

— Нет,— ответил он, налил в два стакана шотландского виски и подсел к ней на длинный зеленый диван.

Взяв стакан, Гвен чокнулась с Нортоном.

— Больше плакать не буду,— пообещала она.— Никаких орхидей для мисс Блендиш. Никаких слез по мисс Хендрикс. Она была крепкой, Бен, крепче, чем ты думал. Крепкой и славной. Быть крепкой и стервой легко. Но крепкой и славной — почти невозможно. Ладно, она мертва, но знаешь что? Донна прожила за последние пять лет больше, чем многие женщины за всю жизнь. Большинство женщин рождается мертвыми. Они вырастают куколками снаружи и бездушными внутри. Донна разгадала их мелкую грязную игру и отвергла ее. Встала на свои маленькие ножки и заявила: «Мир, ну тебя к черту. Я это я, и мы будем играть по моим правилам». Так и вышло. Покойся в мире, дорогая, покойся в мире, и пошли все к черту.

Гвен снова заплакала, глядя на Нортона в упор, словно запрещая ему усомниться, что она любила Донну меньше, чем он. Из-за Донны между ними всегда было скрытое соперничество. Такой уж была Донна; люди относились к ней по-собственнически, и, конечно же, она неизменно восставала против этого.

— Помню вечер, когда мы только прилетели в этот проклятый город,— продолжала Гвен.— Ни я, ни она не бывали здесь раньше. Я, едва ставшая совершеннолетней выскочка из кливлендского отделения ЮПИ, отправилась завоевывать Вашингтон и сманила ее с собой — она не рассказывала тебе об этом?— так как знала, что иначе она выйдет замуж за какого-нибудь идиота и всю жизнь провозится с пеленками. Едва самолет взлетел, мы немного выпили и тут же уснули, но над Вашингтоном проснулись. Никогда не забуду, как я глянула вниз и увидела ночной город, машины на Мемориальном мосту, эти проклятые прекрасные памятники, купол Капитолия вдали. И заплакала. Мне так хотелось туда, так хотелось, чтобы весь этот проклятый город был у моих ног. Один актер как-то сказал мне, что ощутил то же самое, когда впервые въехал на голливудские холмы и глянул на огни Лос-Анжелеса. Наверно, такое испытывают все, когда молоды и уверены, что могут добиться всего. Самолет снижался, я плакала, а Донна не поняла, почему. Она решила, что от страха, взяла меня за руку и сказала, чтобы я не пугалась, что как-нибудь не пропадем. Господи, какой доброй она была. Или я уже говорила это?

Нортон понимал, что говорит Гвен от чистого сердца, но все же какое-то время ощущал к ней одну только ненависть за то, что она притащила Донну в этот жестокий город, за то, что она жива, а Донна убита.

— Что ж, ты добилась своего, не так ли?— негромко сказал он.— Весь мир у твоих ног.

— Ерунда,— огрызнулась Гвен.— Я известна, ты это имеешь в виду? Плевать на знаменитостей и болтовню с ними по телевидению. Велика важность. Ты знаешь, я пишу мемуары. Один идиот издатель выдал мне сто тысяч авансом.

Гвен провела рукой по волосам, засмеялась и допила виски. Нортону показалось, что она слегка опьянела; ему это было на руку, так он мог выведать у нее побольше.

— Ладно,— сказала она.— Хватит о приятных материях. Ты приехал поговорить. Давай поговорим.

— Отлично,— сказал Нортон.— Вот в чем дело, Гвен. Вернулся я вчера утром. Я считал, что Донна в Калифорнии. Но прошлой ночью она была в одном доме на Вольта-плейс, и кто-то ее убил. Это все, что мне известно. Я хочу узнать, чей это дом, что она делала в Вашингтоне и как жила, пока меня не было.

— Насчет дома я могу тебе сказать,— ответила Гвен.— Только помалкивай, что узнал от меня. Это дом Джеффа Филдса. В начале января он арендовал его. Теперь уже, может, и купил.

— Актер? Для чего ему дом в Вашингтоне? И как Донна могла оказаться там?

— Джефф любит покупать дома. Может, он считал, что будет много времени проводить в Вашингтоне. В избирательную кампанию он очень подружился с Уитмором. Или так ему показалось.

— Подружился с Уитмором?

— Джефф добыл им кучу денег; через него Уитмор был связан с типами из зрелищного бизнеса. Но когда Уитмор пробился в Белый дом, ему стали не нужны шикарные голливудские типы. Так что теперь Джеффа не приглашают на официальные обеды, как он ожидал.

— Почему он включился в избирательную кампанию?

— Кое-кому кажется, что он идеалист и хочет помочь в строительстве лучшей Америки. Большинство из нас считает, что ему была нужна реклама.

— Как только выяснится, что тот дом принадлежит ему, рекламы у него будет хоть отбавляй. Но как там оказалась Донна? У них был роман?

Гвен покачала головой.

— Донна была не парой Джеффу. Или наоборот. Джефф увлекается сексом, как твой друг Уитмор политикой. Ушел в него с головой. Изучает это искусство. Донна не стала бы играть в те игры, что он и его друзья. Познакомилась она с ним во время предварительных выборов. Джефф ездил с ней к некоторым основателям фонда, но просто повеселиться. Однако если он знал, что Донна собирается в Вашингтон, то, наверно, предложил бы ей остановиться в своем доме.

— Как мне найти Филдса?

— В Палм-Спрингсе у него есть контора — «Филдс продакшнз», там всегда знают, где он. Он даже может оказаться в Палм-Спрингсе — у него там маленький дом развлечений.

— Выпьем еще?— спросил Нортон.

— Конечно. Может, хочешь гашиша?

— Сегодня не хочу.— Он наполнил стаканы и снова подсел к ней.— Слушай, Гвен, давай перейдем к главному. Как тут шли дела у Донны с ее дружком? Для меня это важно, и узнать я могу только у тебя.

— С какой стати? Та история давно уже в прошлом.

Нортон заколебался, говорить ли ей. Но она сказала ему о Филдсе, кроме того, он знал, что от Гвен безвозмездно ничего не получишь.

— Во-первых, один человек сказал мне, что недавно Донну видели в Джорджтауне с Эдом Мерфи. Так что насчет «давно в прошлом» я сомневаюсь.

Гвен пристально оглядела Нортона, в глазах у нее мерцали холодные искры, и ему стало интересно, что она в глубине души думает о нем. На одной из вечеринок она обозвала его тупым южанином, недостойным коснуться подола Донны, и, похоже, искренне.

— А как обстояли дела, когда ты уехал во Францию?— спросила Гвен.— Тут все очень сложно.

Нортон решил, что она хитрит, пытаясь выведать, что известно ему, но не отвечать было нельзя.

— Все дошло до точки накануне предпрошедшего рождества,— сказал он.— Я хотел жениться на ней. Мы жили вместе месяцев пять или шесть, и я считал, что наш брак — просто вопрос времени. Думал, что продержимся при Уитморе до конца избирательной кампании, потом поженимся, я займусь частной практикой, разбогатею, и мы заживем счастливо. Но она все отказывалась, говорила, что никак не может решиться. Потом снова перебралась на свою квартиру. Я ничего не понимал. Спрашивал: «Почему? Зачем?»,— а она не могла объяснить. Потом в начале февраля, когда мы собирались в Нью-Хемпшир на предвыборное собрание, она призналась во всем. Расплакалась, сказала, что, может, было б лучше промолчать, но оставить меня, ничего не объяснив, подло, взяла с меня несколько клятв не разглашать тайну, а потом бросила свою бомбочку.

Я чуть с ума не сошел. Мне хотелось тут же убить этого гада. Но, конечно, она меня утихомирила, сказала, что должна довести эту историю до конца, что я должен понять, что, может быть, мы сойдемся снова и так далее. Словом, я никого не убил, но и не остался возле нее. Ушел из Капитолия и, как только представился случай, уехал за границу. Мне было очень тяжело; я не хотел быть в одном городе с ними и даже в одной стране. Потом в июле она мне написала, что у них все кончено и она уезжает в Калифорнию, хочет там поразмыслить над жизнью. Я ответил ей, написал, что пусть она едет ко мне в Париж, или я приеду к ней, но ответа не получил. Тогда я сдался. Вот и все, что я знаю, кроме того, что вчера утром я вернулся, а вечером кто-то убил ее.

Пока Нортон говорил, Гвен неотрывно смотрела на него; он внезапно подумал, что она кажется очень опасной женщиной.

— Я не была уверена, что ты знаешь,— сказала она.— Д у м а л а, что из-за этого ты и уехал, но не з н а л а. Ну, что ж. Она рассказала мне об этом примерно в то же время, что и тебе. То рождество было у нее не особенно веселым. Она сидела там, где сидишь ты, рассказывала мне о нем, о тебе, обо всей истории, а потом целый час плакала. Говорила, что хотела покончить с собой. Разрываться надвое было ей не по силам. Многие женщины на ее месте легко бы вышли из положения. Жених и любовник, последний за-

гул, пока не сгустилась тьма супружеской жизни,— это случается сплошь и рядом. Но Донна была не такой. Ей был нужен один мужчина, а ее угораздило влюбиться сразу в двоих. После она бывала у меня чуть ли не каждую неделю, просто чтобы поговорить с кем-то, как-то разобраться во всем. Когда ты уехал, я решила, что для нее это к лучшему, но тут начались предварительные собрания, и все осложнилось еще больше.

— Почему?— злобно спросил Нортон.— Они же уезжали вместе, разве не так? Подальше от пристального взгляда Клэр.

— Клэр не была им помехой. Я думаю, что ей было наплевать. Другие женщины для нее — просто шушера. Многие жены сенаторов стали такими. Держатся за мужей лишь в надежде, что в конце радуги окажется большой белый дом. Конечно, во время предварительных собраний они могли больше бывать вместе, но вокруг было много новых людей. Сенаторы легко находят выход в подобном положении — просто задерживаются в кабинетах или снимают квартиру на Капитолийском холме. Но когда сенатор становится кандидатом в президенты, то хочет он того или нет, его охраняет секретная служба и вокруг постоянно вертятся репортеры. Секретная служба, в сущности, не проблема, эти ребята быстро приучаются держать язык за зубами. Но ты знаешь, что репортеры готовы предположить самое худшее, если в штате у сенатора есть красивая незамужняя женщина. Донна как-то сказала, что хотела завести интрижку с кем-нибудь из репортеров и тем сбить их со следа.

— Может, эту функцию выполнял Джефф Филдс?

— Может быть. Во всяком случае, когда предварительные собрания окончились, они оба сходили с ума. Ему, на мой взгляд, было хуже, чем ей. Чем ближе он был к своей должности, тем больше боялся рисковать. Донна приехала ко мне в июле, перед тем, как он уезжал на партийный съезд, сказала, что они решили расстаться, что она бросает службу и едет в Калифорнию.

— Расстаться навсегда или только на время избирательной кампании?

— Донна сказала, что навсегда. Окончательно. После этого она звонила мне несколько раз, и голос у нее был довольный. О нем не упоминала ни разу.

— Как она жила в Калифорнии?

— Сняла домик возле Кармела. Говорила, что понемногу пишет. У нее был щенок. По кличке Динамит. Однажды Донна позвонила, я спросила, чем она занимается, она ответила, что полдня наблюдала, как Динамит гоняется за бабочками.

— Чем зарабатывала на жизнь?

— У нее было кое-что отложено. И ждала гонорар за разработку фильма.

— Что это такое?

— Набросок сценария. Она говорила, что какой-то продюсер заинтересовался ее идеей. Или, может, это было нужно Джеффу. В общем, она писала сценарий.

Нортон встал и помешал кочергой дрова в камине; полетели искры, приятно пахнуло теплом.

— Я не мог представить себе их вместе,— сказал он.— Пытался быть объективным, рассуждать как взрослый человек. Я знаю, что он привлекателен, знаю все о синдроме власти, но не мог представить, чтобы о н а прельстилась им.

— Ты ребенок, Бен. Ты ничего не понимаешь.

— Тебя я мог бы представить с Уитмором.

— Ха. Мы ненавидим друг друга с первой же встречи. У нас слишком много общего.

— Гвен, многие знали о них?

— Нет. Они сами. Ты, я. Может, еще и Эд Мерфи.

— Мерфи наверняка,— сказал Нортон.— Эд знает все. Вопрос в том, знал ли еще кто из штата. Например, Ник Гальяно.

— Этот болван?

— Он такой болван, что пьет да играет в гольф со своим лучшим дружком и получает за это тридцать пять тысяч в год. Ник знает многое. Нельзя сказать, что известно ему, а что нет.

— Не думаю, чтобы знали многие. Если бы возникла сплетня, я бы ее услышала. Так что, в о з м о ж н о, знаем только мы четверо — ты, я, Уитмор, Мерфи. И, может быть, Ник Гальяно.

— События будут развиваться быстро. Завтра газетчики узнают ее имя и то, что она работала в штате Уитмора. Вскоре они узнают, что тот дом принадлежит Филдсу. Репортеры начнут копаться.

— Конечно, но что они обнаружат? Джефф скажет, что позволил ей пожить в этом доме. А что еще? Не думаю, чтобы кто-то раскрыл историю, которая окончилась несколько месяцев назад и о которой помалкивали.

— Разговоры еще пойдут,— упрямо сказал Нортон.

— Ну и что? Кто станет публиковать слухи о мертвой женщине, которую все любили, и президенте, знаменитом своей привязанностью к семье, дому и материнству? Господи, да Кеннеди водил женщин в Белый дом, все об этом знали, но никто не печатал в газетах. Президенту можно иметь любовниц, если он не развлекается с ними в розовом саду на глазах у туристов. Или не бросает жену ради них.

— Гвен, я разговаривал с сержантом, ведущим дело, это крутой, подозрительный сукин сын. Он задаст нам обоим множество вопросов, отвечая на них, ты будешь под присягой.

— Наплевать! Какой-то наркоман вломился туда, хотел взять стерео, чтобы обменять на дозу наркотика, там оказалась Донна, и он убил ее. Такое случается каждый день. Если б я могла помочь найти его, то помогла бы. Но рассказывать в полиции старую историю я не стану, это не даст ничего, только имя Донны замарают. И тебе тоже лучше помалкивать.

Нортон понимал, что она права, понимал, что и сам поступит точно так же, как бы ни был велик риск. Не ради Уитмора — пошел он к черту,— но ради Донны. Осознав это, он уже хотел уходить. Но было нужно задать еще один вопрос.

— Почему она так поступила, Гвен? Она пыталась объяснить мне, но я так ничего и не понял.

— Почему? Зачем она связалась с Большим Чаком, когда могла выйти за Надежного Бена? За славного голубоглазого юриста, от которого имела бы детей, оплаченные счета и выходные в Акапулько? Да потому, что ей была н а з н а ч е н а эта участь. Почему ты не остался в Рингворме, штат Южная Каролина, или откуда там ты приехал, и не завел адвокатскую практику? Потому что хотел опробовать крылья, узнать, как высоко ты можешь подняться, верно? Так же поступила и она. Почему Уитмор? А почему бы н е Уитмор? Донна была красивой, милой, избалованной, ей все давалось легко. Но кое-что легко не могло даться. Ей нужно было принимать твердые решения, пострадать, повзрослеть. Я хотела помочь ей, но не могла, и никто не мог. Она была независимой, и я гордилась ею. Но тебе это все непонятно, так ведь?

— Да,— ответил он.— Непонятно. И непонятно, почему, приехав в Вашингтон, она не поставила тебя в известность. Или ты знала?

— Нет,— ответила Гвен.— Не знала.

Нортон встал и слегка пошатнулся.

— Мне надо идти.

Гвен поглядела на него.

— Остаться не хочешь?

Нортон засмеялся, но она его оборвала.

— Не ради э т о г о, самодовольный болван. Спать с тобой — все равно, что с моим идиотом братом. Я просто не хочу, чтобы ты обнимал телефонный столб.

— Я не пьян,— ответил он.

— Что же ты намерен делать? Я имею в виду эту историю?

— Задавать вопросы, пока не получу ответов.

— Зачем тебе вмешиваться, Бен? Пусть этим занимается полиция.

— Полицию интересует одно, меня другое.— Он направился к двери, потом кое-что вспомнил.— Ты не знаешь, пила Донна сливовицу? Такой бесцветный напиток, как водка, бутылка стоит двенадцать долларов.

— А в чем дело?

— В доме была такая бутылка. Донна выходила из дома вечером и купила ее.

— Тебе сказал об этом тот сержант?

— Нет, я видел бутылку на баре. Сегодня я обошел несколько винных лавок и нашел парня, который продал Донне эту бутылку. Он запомнил Донну. Может, сержант тоже заглянет к нему.

Гвен встала, подошла к нему и взглянула в упор.

— Послушай, вот что я тебе скажу. Не болтай об этой бутылке по всему городу. Не знаю, многим ли это известно, но Донна говорила мне, и, кажется, я где-то встречала в печати. Сливовица наряду с рубашками Ганта, фильмами Богарта и книгами Марка Твена истинное пристрастие твоего друга Чака Уитмора. Подумай об этом по пути домой.

Нортон думал об этом до самого дома и почти всю ночь.

6

Нортон не бывал в Белом доме несколько лет и вновь был взволнован его простой величавостью. Не как средоточием власти — власть ощущаешь, идя по длинным, голым коридорам Пентагона,— а красотой здания, его историей. Здесь могли селиться последние сукины дети, как и случалось не раз, но старый особняк становился лишь все безмятежнее, зная, что они уйдут, а он останется.

Такие сентиментальные мысли роились в голове Нортона, когда он вошел в Западное крыло, но подойдя к кабинету Мерфи, он отогнал их, зная, что входить к Мерфи в сентиментальном настроении нельзя. Мерфи тоже был сукин сын (но н а ш сукин сын, говорили его защитники), единственной его страстью в жизни было содействие интересам Чарлза Уитмора. Даже попасть к нему в кабинет было знаком особого расположения. Нортон позвонил миссис Холл, седовласой, похожей на бабушку секретарше Мерфи, она справилась у Нортона, здоров ли он, не женился ли и тут же назначила время встречи, даже не спросив о сути дела. Все оказалось так легко, что, несмотря на подозрительность, Нортон был польщен.

Миссис Холл приветствовала Нортона, словно давно не виденного сына, сказала, что босс немедленно его примет, однако проводила в маленькую приемную. Нортон сел и, взяв свежий номер «Тайм», приготовился ждать первый час без жалоб. Спокойствие — это половина победы. Но едва прошло десять минут, ворвался Ник Гальяно.

— Бен, черт тебя побери, как жизнь, старина?— зарычал он и так стиснул Нортона в объятиях, что у него перехватило дыхание.

Нортон высвободился и попытался изобразить, что рад встрече. Он всегда ладил с Ником — а находясь в мире Уитмора, ладить с ним следовало,— хотя недолюбливал его и не доверял ему. Трудно сказать отчего, но Ник был там самым приветливым. В политику он не лез и был доволен своим положением придворного шута, партнера в гольфе, собутыльника и, может быть, постоянного напоминателя о бурном прошлом Уитмора.

— Как жизнь?— повторил Нортон.— Все в порядке, Ник. Вернее, было в порядке, пока история с Донной не пришибла меня.

Простоватое лицо Ника помрачнело.

— Она пришибла нас всех, Бен,— сказал он.— Придавила будто тонна кирпичей. Я ни разу не видел босса таким потрясенным. Говорит, что если б ему добраться до убийцы...— Ник умолк и, казалось, овладел собой.— Ты к Эду?

— К нему.

— Что, собираешься опять работать у босса?

— Нет, нет, Ник, хочу поговорить с Эдом о Донне. Я думал, что если мы сравним наблюдения, то может кое-что прояснится.

Ник подошел вплотную к Нортону и негромко сказал доверительным тоном:

— Знаешь, кто это, а?

Нортон был поражен.

— Нет, не знаю.

— Какой-нибудь черномазый,— злобно сказал Ник.— Ходят по улицам, будто хозяева, высматривают, какой бы дом ограбить. И если ты окажешься дома, тем хуже для тебя. Знаешь, что я хочу сделать?

— Что?

— Буду наблюдать за тем домом. Просто крутиться поблизости. Я уверен, что этот гад должен вернуться. Они всегда возвращаются. А когда явится, я выколочу из него правду.

Такая горячность насторожила Нортона. Он не думал, что решением проблемы окажется Ник Гальяно, избивающий негров на Вольта-плейс. Но слова Ника не всегда следовало принимать всерьез.

— Бен, мистер Мерфи ждет,— объявила с порога миссис Холл.

Ник Гальяно внезапно стиснул руку Нортона.

— Давай держаться вместе, дружище,— сказал он.— Идет?

— Конечно, Ник,— ответил Нортон; он не знал, на что соглашался, но знал, что с Ником лучше соглашаться. Потом пошел за миссис Холл к кабинету Мерфи. «Приближаюсь на один шаг к трону»,— подумал он.

Мерфи не улыбнулся навстречу, правда, Нортон за все годы знакомства видел его улыбку лишь раз, когда сенатор — соперник Уитмора сломал на лыжне обе ноги.

— Садись, Бен,— сказал Мерфи, в его устах это было сердечным приветствием.— Все еще работаешь в фирме Стоуна?

— Да,— сказал Нортон.

— Хитрющий он тип.

— Фирма у него хорошая,— неуверенно запротестовал Нортон.— Если все пойдет гладко...

— Переходи к нам,— перебил его Мерфи.— Могу подыскать место.

Предложение застигло Нортона врасплох; сразу же вернулись прежние искушения, соблазн

власти, почти неодолимое желание подняться на вершину. Что мог предложить ему Мерфи? Должность помощника министра юстиции? Особого советника президента? Мысли его заметались: потрудись хорошенько при первой администрации, и кто знает, какая награда ждет тебя при второй? Может, даже удастся стать членом кабинета?

Нортон спохватился, вспомнил, зачем он здесь, и отбросил фантазии.

— Мне не нужна работа, Эд. Я хотел поговорить с тобой о Донне. Случай совсем непонятный. Я думал, ты сможешь ответить на несколько вопросов.

Мерфи отхлебнул кофе, не сводя с Нортона глаз.

— Случай ужасный,— сказал он.— Босс рвет и мечет. Да и все мы. Я поручил одному парню следить за ходом расследования. Может, тебе поговорить с ним?

Нортон понял, что близится конец разговора. Если не взяться за дело всерьез, Мерфи выставит его через полминуты.

— Минутку, Эд. Кое-что я хочу спросить у т е б я.

— Спрашивай.

— Что делала Донна в Вашингтоне? И почему остановилась в доме Филдса?

— Что делала в Вашингтоне, не знаю. А кто говорит, что этот дом принадлежит Филдсу?

— Я узнал из надежного источника, что Филдс либо купил этот дом, либо снимает.

Мерфи нахмурился в подтверждение.

— Мы тоже слышали это. Но зачем она приезжала, я не знаю. Спроси у Филдса.

— Ты не говорил с ним?

— С какой стати? Смазливый актеришка, крутился здесь во время избирательной кампании. Меня не интересует, кому он сдает свои дома.

— Эд, обращалась к тебе Донна насчет работы? Не ради этого она приехала?

— Нет.

— Давно ты видел ее в последний раз?

Мерфи сделал вид, что задумался.

— Она оставила нас перед самым съездом, так? В начале июля? Мы устроили ей прощальную вечеринку. С тех пор я ее не видел.

Нортон был ошеломлен не столько ложью, сколько ее легкостью.

— Эд, один человек сказал мне, что на прошлой неделе видел тебя с Донной в Джорджтауне.

— Кто он?

— Неважно.

— Кто бы он ни был, это ложь.

— Это Фил Росс. Зачем ему лгать?

— Он ошибся. Обознался.

Нортон сомневался в этом. Но ему хотелось задать еще один вопрос, пока была такая возможность.

— Эд, а давно о н виделся с ней? — Машинально Нортон указал большим пальцем на соседний кабинет.

— Босс? Как и я, на прощальной вечеринке.

— То есть он порвал с ней отношения и они больше не виделись, так?

— Какие отношения? О чем ты говоришь?

— Эд, у них была связь примерно с рождества и до конца весны. Я з н а ю. Не нужно водить меня за нос.

— Ничего ты не знаешь, приятель. У тебя слишком живое воображение.

— Эд, я ж и л с ней. Она с к а з а л а мне.

— Значит, у нее было слишком живое воображение.

Нортон вскочил.

— Слушай, ты, гад...

Мерфи тоже вскочил, они сверкали друг на друга глазами через стол.

— Слушай, ты, приятель. Она дала тебе отставку, так? И, может, ей был нужен предлог, чтобы полегче отделаться от тебя. Может, она влюбилась в него и нафантазировала. Но никакой связи у них не было. Господи, человек пробивается в президенты. Думаешь, тут до любовных интрижек?

— Эд, кое-кому Донна говорила то же, что и мне.

— Кому?

— Неважно.

— Ну что ж, Донна дважды рассказала свою выдумку. От этого она не стала правдивей.

— Не верю, Эд. Фил Росс обознался. Донна все выдумала. Один ты говоришь правду.

Эд Мерфи снова сел в кресло и закурил дешевую сигару.

— Садись, Бен. Успокойся. Никаких проблем у нас нет. Ну ладно, предположим, что Донна одно время путалась с боссом, предположим, на прошлой неделе мы говорили с ней о работе или о чем-то еще. Ну и что из того? Она приезжает сюда, живет в доме Филдса, какой-то гад вламывается и убивает ее. Да, это ужасно, но в Вашингтоне такое случается ежедневно. Полиция занимается этим делом вплотную. Убийцу найдут, и он получит свое. Это я тебе обещаю. Так зачем собирать слухи о том, что могло быть давным-давно? Ты лишь создаешь проблемы, которые никому не нужны.

Нортон вспомнил о сливовице. Донна выходила из дома специально за ней. Гвен сказала, что это любимый напиток Уитмора. Разве нельзя предположить, что Донна ждала его в тот вечер, когда была убита? Или хотя бы надеялась, что он приедет? Нортону захотелось спросить, где был в тот вечер Уитмор, но язык не повиновался ему. Он знал, что Мерфи легко опровергнет его догадку. Мало ли людей пьют сливовицу? Может, Донна собиралась послать бутылку в подарок Уитмору? Или, может, он сам морочит себе голову, выдумывает невесть что? Нортон не знал. Он знал только, что блефовать с Эдом Мерфи нельзя; нужно сперва собрать факты, а потом вести игру на равных.

— В этой истории у нас общие интересы, Бен,— сказал Мерфи.— Мы оба хотим, чтобы убийцу нашли. Я знаю, ты был потрясен. Только не надо метаться сразу во все стороны. Я прав?

— Видимо, да, Эд.

— Молодчина,— сказал Мерфи.— Посиди, я познакомлю тебя с одним человеком.

Он нажал кнопку на столе, дверь почти тут же отворилась, и вошел человек примерно одних лет с Нортоном.

— Клэй Макнейр, Бен Нортон,— представил их Мерфи.— Бен работал у нас. Он был другом Донны Хендрикс. Введи его в курс дела.

— Непременно, Эд,— сказал Макнейр, подошел к Нортону, крепко пожал ему руку и по-мальчишечьи улыбнулся.

Клэй Макнейр был ростом с Нортона, но более подтянутым, спортивным. На нем был костюм в тонкую полоску, голубая рубашка, яркий галстук, черные, блестящие, как зеркало, туфли и перстень студенческого братства с выгравированной золотом на камне эмблемой. Нортону показалось, что он уже где-то встречался с ним, но не мог припомнить где.

— Эд, нам спуститься ко мне?— спросил Макнейр.

— Нет, оставайтесь тут,— сказал Мерфи.— Я недолго выйду. Если хотите, идите на воздух.

Мерфи вышел, и Макнейр открыл дверь на веранду, выходящую на южный газон.

— Играл когда-нибудь на кортах Белого дома?— спросил Макнейр.

— Нет еще.

— Позвони как-нибудь мне. Обычно они свободны. Наверно, после игры можно будет приятно отдохнуть. Садись, Бен. Слушай, у меня такое чувство, будто мы давно знакомы, о тебе очень многие говорят и жалеют, что ты не с нами.

Нортон решил, что Макнейр хитрюга, мошенник.

— А ты сам давно здесь?

— Эд взял меня сразу же после вступления президента в должность. Поручил мне предварительное планирование для средств информации. И наваливает кучу особых поручений.— Молодой человек открыто улыбнулся.— Сам знаешь эти дела.

— А чем ты занимался до этого?

— Корпоративное управление, главным образом в торговле. Наша фирма работала на избирательную кампанию, там я и познакомился с Эдом.

— Нравится тебе работать под его началом?

Макнейр снова усмехнулся.

— Иногда он бывает крут. Но как я мог отказаться. Я хочу сказать, что работа в Белом доме окажется полезной мне в будущем, так ведь?

— Да, конечно,— ответил Нортон. Ему хотелось презирать этого дружелюбного болвана за то, что он использует Белый дом как ступеньку карьеры, но эта игра велась так. Он сам играл в нее.

— Так вот, Эд поручил мне ввести тебя в курс дела,— оживленно сказал Макнейр.— Начну с того, что я почти ежечасно созваниваюсь с полицией округа Колумбия. Им поручено немедленно сообщать мне все, что удалось выяснить.

— Что же они выяснили?

— Пока что очень мало. Нашли лавку, где Донна что-то покупала в тот вечер. Разыскали уборщицу и дворника, сейчас их допрашивают.

— Узнали, кому принадлежит этот дом?

— Тут у них загвоздка,— сказал, нахмурясь, Макнейр.

Нортон в изумлении глянул на него. Эд Мерфи знал, кто владелец дома — он сам только что сказал об этом,— так откуда же у полиции «загвоздка»? И решил, что этот энергичный молодой человек знает гораздо меньше Эда. Стало быть, игра ведется на нескольких уровнях.

— Как отпечатки пальцев?

— При первом осмотре ничего не нашли. Сегодня проведут еще один.

— Навели справки в аэропортах, когда она прилетела и откуда?

Макнейр наморщил лоб.

— Об этом не упоминали.

— Может, есть смысл намекнуть им?

— Отличная мысль,— сказал Макнейр и что-то записал в маленький блокнот.— Это все, что можно сказать о расследовании, еще добавить, что вести они его будут всеми силами. Рассказать о погребальных приготовлениях?

— О них я могу узнать сам,— сказал Нортон.

Макнейр, казалось, обиделся.

— Послушай, Бен,— сказал он, подавшись вперед, выражение его лица было серьезным.— Я не был знаком с Донной, но, судя по тому, что о ней говорят, она была прекрасной девочкой.

— Приятель, если б ты назвал ее так, она бы плюнула тебе в глаза.

— Не обижайся. Я имел в виду прекрасная л и ч н о с т ь. Вот почему я так доволен этим поручением. Эд попросил организовать что-нибудь в память о Донне. И, между нами, кажется, это исходит непосредственно от босса. Я собираюсь учредить в ее честь какую-нибудь внутреннюю программу. Например, ежегодно брать из Капитолия пятерых девочек... молодых женщин для работы здесь.

— Для какой работы?

— Ну, это, так сказать, в воздухе.

— Раз это в память о Донне, то работа должна быть хорошей. Не на роль прислуги.

— Отличная мысль,— сказал Макнейр.— Прямо в точку.

Нортону претила эта бессмыслица. Донна погибла, и какой-то приспособленец по указке Эда Мерфи придумывает, как почтить ее память. Этому болвану наплевать на Донну; если б Эд Мерфи велел ему, он бы устроил артиллерийский салют по любимой канарейке Уитмора.

Мерфи вышел на веранду.

— Вы уже закончили?

— Да, Эд. Бен подал мне прекрасную мысль.

— Держите друг с другом связь,— сказал Мерфи.— Сообщай Бену все, что ему потребуется.

— Ясно,— четким голосом ответил Макнейр.— Еще поговорим, Бен. Не забывай о партии в теннис.

Он торопливо пожал Нортону руку, дружелюбно помахал и ушел.

— Это твой новый подручный?— спросил Нортон.

— Он не так глуп, как кажется,— ответил Мерфи.— Что ты о нем скажешь?

— Напоминает ребят, с которыми я учился в колледже,— сказал Нортон.

— У него много толковых мыслей,— заметил Мерфи. Зазвонил телефон, и они оба вернулись в кабинет.

— Эд, я пойду.

— Подожди. Может, это тебя.— Он взял трубку, немного послушал, потом передал Нортону. Нортон покорно взял ее, внезапно испугавшись, что это президент собирается его утешать. Погладить, как изысканно выражалась одна прежняя администрация.

— Алло?

— Бен, это Фил Росс.

— Да?

— Бен, слушай, я, кажется, ошибся насчет того лимузина. Было п о х о ж е, что там Мерфи и Хендрикс, но я видел их лишь мельком.

— Вчера ты был совершенно уверен.

— Сам знаешь, стоит чуть подпить, и становишься уверен во всем. Но теперь я н е у в е р е н, что это были они. Ты меня понял?

— Да, конечно,— сказал Нортон и передал трубку Мерфи.— Ты не теряешь времени, Эд.

— Люди могут ошибаться,— сказал Мерфи, пожав плечами.— Бен, мы с тобой союзники, имей это в виду.

— Ладно, Эд. Я пошел. Спасибо, что принял.

— Никаких проблем, Бен. Приму в любое время. И помни, что я сказал о работе.

— Да, конечно, Эд,— ответил Нортон и, ошеломленный, неуверенно вышел из кабинета. Лишь оказавшись снова на Пенсильвания-авеню, снова в реальном мире, он стал думать, что Мерфи хитрил с ним.

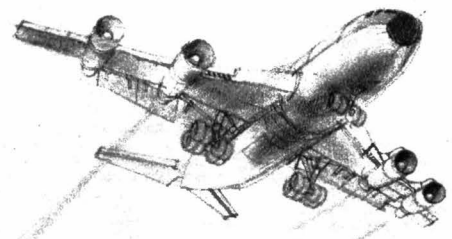
Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Патрик АНДЕРСОН

РОМАН

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА



Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

Президенту Чарлзу Уитмору необходимо встретиться с Донной Хендрикс, приехавшей в Вашингтон по его приглашению. Но жена Чарлза тверда в своем решении: она не остановится даже перед разводом в случае его свидания с Донной. Уитмору же надо добиться от Донны, чтобы она не упоминала в задуманном ею романе об их взаимоотношениях. Президент говорит помощнику Эду Мерфи о необходимости найти выход из создавшегося положения. Из Парижа возвратился адвокат Бен Нортон. На другой день какой-то человек сообщает Бену по телефону, что его бывшая подружка убита. Приехав на место преступления, Нортон узнает в погибшей Донну Хендрикс. Он решает отыскать убийцу.

7

У себя в кабинете Нортон обнаружил записку с просьбой позвонить сержанту Кравицу. Но вместо этого он позвонил на другой конец континента, и женщина с сильным английским акцентом ответила:

— «Филдс продакшнз». Доброе утро.

— Это Бен Нортон из Вашингтона, мне нужен мистер Филдс. Мы познакомились в предвыборную кампанию Уитмора.

— Да, конечно, мистер Нортон,— ответила женщина, уже не столь бодро.— Нам только что позвонили из...— Она умолкла, и потом в ее голосе опять появился сильный английский акцент.— Вы сказали, что работаете в Белом доме, мистер Нортон?

— Нет, я юрист, занимаюсь частной практикой,— признался он, браня себя за то, что не умеет лгать.

— Можно узнать, в чем суть вашего дела?

— Скажите мистеру Филдсу, что я друг Донны Хендрикс.

— Пожалуйста, не кладите трубку.

Дожидаясь ответа, Нортон просмотрел первую страницу «Таймс»; когда женщина наконец заговорила, голос ее был ледяным.

— Мистер Филдс в отъезде, и в ближайшее время связаться с ним будет невозможно.

— Когда он должен вернуться?

— Понятия не имею,— ответила дама из Палм-Спрингса, и в трубке послышался щелчок. Нортон вздохнул и позвонил Кравицу, тот попросил его приехать в управление полиции для дачи показаний. Нортон ответил, что немедленно едет.

В крохотной передней перед дверью отдела расследования убийств понуро сидели на обшарпанных складных стульях около дюжины унылого вида негров. За дверью в длинной тесной комнате около дюжины унылого вида белых горбились за обшарпанными старыми столами; кто пил кофе, кто курил сигару, кто заполнял бланки или говорил по телефону. Кравиц встретил Нортона у входа, предложил кофе, потом повел в противоположный конец комнаты, где были три одинаковые двери.

— Это камеры для допросов,— сказал Кравиц и ввел Нортона в первую комнатушку площадью десять квадратных футов. Там был старый металлический стол, два стула, зарешеченное окно, пишущая машинка, магнитофон, на стене висели наручники.

— Вы их приготовили не для меня, сержант?

Кравиц не улыбнулся.

— Садитесь, мистер Нортон. Попрошу вас ознакомиться с этим.

Он подал Нортону небольшую белую карточку, там излагалось то, что ему было и без того известно о правах свидетеля в уголовном следствии. Перевернув ее, Нортон расписался на обороте. Затем начался допрос.

Час спустя, покидая отдел, Нортон находился под бóльшим впечатлением от сержанта, чем прежде. Вел допрос Кравиц спокойно и дружелюбно, но затронул все стороны дела. Нортон не говорил прямой лжи, но сообщил не всю правду, что тоже было наказуемо, правда, трудней поддавалось доказательству. О романе Уитмора с Донной и о рассказе Фила Росса он умолчал не потому, что эти подробности были несущественны — в любом обычном расследовании они оказались бы к месту, но решил, что лучше их пока не касаться, чем выложить слишком поспешно и тем самым навредить президенту, может быть, даже погубить его. Политика, как знал Нортон по опыту, сводилась к выбору между большим и меньшим злом; самым трудным было решить, какое из них меньшее. Он не знал, кому можно доверять в этом ошеломляющем деле, поэтому принял решение доверять только самому себе и задавать вопросы, пока не доищется правды. А выйдя из управления полиции на Пенсильвания-авеню, с рычащими машинами и торчащим слева куполом Капитолия, решил и куда прежде всего отправиться на поиски.

Нортон вышел в Палм-Спрингсе из аэропорта в прохладу раннего вечера, когда оранжевое солнце скрывалось за горами. В город он поехал на такси и едва зарегистрировался в отеле «Каньон», как заметил в похожем на каньон вестибюле невысокую девушку с густым загаром, ярко накрашенными губами, растрепанной прической и почти сразу же вспомнил ее имя.

— Пенни! Помнишь меня?

Девушка взглянула на него, замедлила шаг, остановилась. Глаза ее были широко раскрыты, но пусты. Она хотела было состроить профессиональную улыбку стюардессы, но узнала его, и на ее проказливом лице появилась настоящая улыбка.

— Тебя зовут... Бен! Славный юрист. Мы вместе ходили на матч «Краснокожих».

Она восторженно засмеялась и, привстав на цыпочки, чмокнула его в щеку. Пенни встречалась с другом Нортона, внештатным фотографом, и они несколько раз бывали вместе. Друг утверждал, что встречаться стоит только со стюардессами, потому что их неограниченные летные привилегии давали им возможность видеться в Париже, Буэнос-Айресе или Стамбуле, куда бы его ни забросили дела.

— Как там в дружелюбных небесах?— спросил Нортон.

— Враждебных,— ответила Пенни и хихикнула.— У моей подруги шляпная булавка почти в два фута длиной, и она клянется всадить ее в глаз первому же, кто погладит ее по заду.

Нортон содрогнулся.

— Может, выпьем?— предложил он.

Пенни оттопырила губы и взглянула на часики.

— Время у меня, похоже, есть. Я еду на вечеринку, но до полуночи там ничего особенного не будет. Так что пошли.

Усмехнувшись, она взяла Нортона под руку, он повел ее по длинному вестибюлю, следуя указателям, обещавшим где-то вдалеке бар. Наконец они добрались до него. Бар оказался большим, темным и элегантным, с одной стороны была оркестровая площадка, с другой — окна, выходящие на плавательный бассейн. Ярко накрашенная официантка принесла джин с тоником, и Пенни подалась к Нортону, ее проказливое лицо горело любопытством.

— Я прилетела на вечеринку,— сказала она.— А ты?

— Так, по одному делу,— ответил он в наиболее скрытной манере вашингтонских юристов. Возможность ссылаться на секреты была одним из достоинств этой профессии.

— Бывал раньше в Палм-Спрингсе?

— Нет, никогда.

— Нравится он тебе?

— Не знаю,— признался Нортон.— Какой-то невероятный. Небо слишком уж голубое. Горы кажутся ненастоящими. Словно бы попал на самую большую в мире съемочную площадку.

— Он ненастоящий,— сказала Пенни.— Поэтому такой чистый. Люди здесь настолько богаты, что не хотят ничего настоящего.

— Расскажи мне, что у вас будет за вечеринка.

— Ладно,— сказала она, чуть поколебавшись.— Дело в том, что я знакома с человеком, на которого деньги сыплются, как на других неприятности, и вечеринки он закатывает совершенно баснословные, на них ездят в с е, дом у него просто невероятный, там можно получить все, чего пожелаешь. То есть, если хочешь посмотреть петушиные бои, выпить очень старого вина или посмотреть какой-нибудь особенный фильм, нужно только попросить. Когда я была там, кто-то захотел посмотреть Дамбо [1], и тут же все стали смотреть этого летающего слона.

— Твой знакомый случайно не Джефф Филдс?

Пенни нахмурилась, напомнив тем самым Нортону, какая мелкая сошка вашингтонский юрист по сравнению с киноактером, который может устроить бой петухов или показать на экране Дамбо.

— Да,— ответила она неохотно,— но говорить об этом я в общем-то не должна. Он, понимаешь, очень беспокоится за свою репутацию.

— Ничего,— сказал Нортон.— Я знаю Джеффа. Мы встречались во время избирательной кампании. Я тогда был сотрудником Уитмора.

— Кроме шуток?

— Кроме шуток. Собственно, я должен повидать его, пока буду здесь. Возможно, президент сделает его председателем совета искусств.

— Как славно!— воскликнула Пенни.— Джефф уже знает?

— Пока нет. Не говори ему ничего. Я созвонюсь с ним завтра.

Пенни надула губы и насупилась.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—16.

[1] Герой мультфильма У. Диснея.

— У тебя может ничего не выйти,— сказала она.— Видишь ли, после вечеринки ему будет не до разговоров о политике. Может, тебе поехать со мной и поговорить с ним, пока, сам понимаешь, все не закосеют.

— Провести меня туда будет несложно?

— Там вообще-то бывают недовольны, когда приводишь с собой мужчин, но это особый случай.

Нортон кивнул и подумал, что бог, видимо, любит ложь, иначе не сделал бы ее такой полезной.

— Мы успеем выпить еще?— спросил он.

— Я больше не буду,— сказала Пенни.— Дело в том, что, возможно, мне и поспать не удастся. А ты пей. Потанцевать хочешь?

На оркестровой площадке музыканты настроили инструменты и внезапно грянули, как подумалось Нортону, ресторанную обработку «Джамбалайи».

— Может быть, потом,— сказал он и жестом заказал официантке еще джина. Говорю я лучше, чем танцую. Расскажи мне о Джеффе. Ты его знаешь лучше, чем я.

Пенни надула губы, потом усмехнулась.

— Главное, что нужно уразуметь, Джефф не просто красавчик. Он едва ли не самый умный из всех, кого я знаю. Три потрясающих картины не сделаешь на одном везении. И дело не только в картинах. Он читает книги, водится с интеллектуалами, разбирается в политике и во всем прочем. Конечно, любит и вечеринки. Он построил себе особняк и живет как король. Немногие могут позволить себе такую жизнь. Элвис, Хеф, Джефф и еще несколько человек. Кое-кто из рок-звезд мог бы, но они почти все свихнулись на наркотиках, религии или на чем-то еще. Но Джефф прошел через все это, и знаешь, к чему он стремится? К власти. Политика и все такое. Он как-то сказал мне, что единственный человек в мире, на кого он смотрит снизу вверх,— это президент США. Видел бы ты Джеффа, когда он показывал Уитмору свой особняк. Он был похож на короля маленькой страны, который хочет удивить короля большой.

На эстраде молодой человек запел песню, состоявшую, казалось, только из рычанья, стонов да время от времени выкриков «Давай!». Пенни усмехнулась и вскочила со стула.

— Пошли, потанцуем.

Нортон нехотя поднялся.

— Танцор из меня неважный.

Пенни взяла его за руку и повела к танцевальной площадке.

— Ты не читал книгу «Боязнь полета»?— спросила она.— Я прочла, думала, это про авиацию. Но там совсем про другое! Словом, писательница пишет, что танцы похожи на секс, неважно, как ты выглядишь, важно, как чувствуешь.

Нортон чувствовал себя не очень хорошо, но решил развлекать это странное создание, поднялся на площадку и стал вертеть бедрами как можно пристойнее. Молодой человек на эстраде продолжал рычать, выкрикивать «Давай!», и Пенни начала выделывать поразительные вращательные движения, однако Нортон упорно продолжал думать о тайне, которая привела его в Палм-Спрингс. Когда они, закончив танец, вернулись к столику, Нортон взял Пенни за руку и сказал как можно беззаботнее:

— Слушай, Пенни, когда Филдс водил Уитмора по своему дому?

— А? Да прошлым летом, сразу же после того, как въехал. Там что-то стряслось с насосом для плавательного бассейна, и из Лос-Анжелеса вызвали самолетом мастера, чтобы он наладил насос и Уитмор мог бы поплавать. Он устроил себе двухнедельный отпуск по ходу кампании. Ты не знал?

— Наверно, забыл.

— Они держат это в секрете. В таких местах это самое замечательное. Строишь вокруг дома стену, и никто не знает, что за ней делается. Наверно, и в Белом доме примерно так же.

— Примерно,— сказал Нортон.— Нам не пора ехать?

— Наверно, пора,— ответила Пенни.— Слушай, Бен, я хочу тебе кое-что сказать.

— Говори.

— На вечеринку мы отправимся вместе, но там мы не будем вместе. Это не такая вечеринка.

— Понимаю,— сказал Нортон. Пенни признательно обняла его, и они пошли к выходу.

8

Пенни вела взятый напрокат «мустанг» вниз по склону от отеля «Каньон» мимо ресторана «Моби», мимо отеля Джина Отри, мимо плантаций финиковых пальм и торгующих финиками лавочек, выехала на шоссе Боба Хоупа и, миновав усадьбу Анненберга, въехала в серебристую от лунного света пустыню. Нортону почему-то каза-

лось, что пустыня уходит в прошлое — его воображению рисовались вереницы фургонов и шайки индейцев — и вдруг она окончилась в настоящем, у темной стены переплетенных тропических растений и забора из натянутых цепей, ограждавших усадьбу Филдса. Они ехали, пока не достигли будки привратника, плосколицый азиат охранник на Нортона глянул хмуро, на Пенни с усмешкой, но взмахом руки разрешил им поехать, едва она обронила волшебную фразу «друг президента», открывающую в этой фантастической пустыне все двери.

Дорога долго вилась среди высоких пальм и окончилась у массивного белого особняка в испанском стиле. Пенни поставила «мустанг» между чьими-то «морганом» и «мерседесом», потом она и Нортон рука об руку пошли по широкой лужайке, упругой, как поле для гольфа, поднялись по ступеням, вошли в открытую дверь и оказались в беспорядочном скоплении гостей. Все комнаты были переполнены, женщины, как одна, молодые, стройные и красивые, щеголяли во всевозможных нарядах, от бикини до бальных платьев, кое у кого с шеи свисали на тонких цепочках серебряные ложечки. Нортон узнал одну девушку, чей снимок был помещен на обложке журнала, и жену одного сенатора, большую любительницу путешествовать, остальные сливались в безликую массу. Мужчины были более разнотипны. Он узнал двух рок-певцов, кое-кого из молодых актеров, нескольких гигантов-спортсменов и стоявших кучкой людей постарше, холодные взгляды, несходящий загар и яркие костюмы выдавали в них кинорежиссеров. Несколько человек заговорили с Пенни, но на Нортона никто не обращал внимания, и это его раздражало. В Вашингтоне люди по крайней мере узнавали, кто ты, прежде чем не замечать тебя.

Взяв бокалы с розоватым пуншем у проходившего официанта, Нортон и Пенни неторопливо направились по коридору в глубь дома, услышали крики из кухни, заглянули туда и увидели здоровяка, какого Нортон еще не встречал, он держал над полом холодильник, а старый китаец в белой куртке умолял поставить его на место.

— Пойдем отсюда,— прошептала Пенни.

— Кто он такой?

— Футболист. Настоящее животное. Он как-то был с моей подругой и обжег ей лицо. Нарочно.

— Разный подход к разным людям,— пробормотал Нортон и следом за Пенни направился на длинную террасу с каменным полом. По эту сторону дома за пологим газоном был расположен бассейн. Вода излучала зловещее зеленоватое свечение, придавая собравшимся там сходство с призраками. Люди смеялись, курили, пили после недавнего купания.

— Видишь женщину у трамплина?— спросила Пенни.

— Вижу, ну и что?

— Ее зовут Мелинда. Хвастает, что переспала со всем ансамблем «Роллинг Стоунз» и почти со всеми «Битлами». Но она уже начинает стареть.

Нортон, оказавшийся между двух миров, вспомнил о Гвен, та как-то заявила, что спала с шестью сенаторами, двумя членами Верховного суда и одним президентом. Ему стало любопытно, есть ли тут какая-то международная система подсчета очков, и кто, Мелинда или Гвен, оказались бы в выигрыше. Превзошел бы Ринго Старр Теда Кеннеди? Он поглядел на Мелинду, плясавшую у трамплина с бородатым гитаристом, и, когда повернулся к Пенни, заметил в дальнем, темном углу террасы стройного молодого человека. На нем были теннисные туфли, плавки и рубашка с коротким рукавом, в руке он держал баночку пива, и что-то в его позе, полном спокойствии среди этих суетящихся людей говорило, что здесь все принадлежит ему.

— Вот и наш хозяин,— сказал Нортон Пенни, и лишь после этого Джефф Филдс подошел к ним.

— Джефф!— воскликнула Пенни.— Помнишь Бена Нортона? Из Вашингтона?

Актер поглядел на него холодно, оценивающе.

— Это вы звонили мне. Вы приятель Донны.

— Кто такая Донна?— спросила Пенни.

— Беги, повеселись,— ответил ей Филдс, не сводя с Нортона глаз.— Нам с этим джентльменом нужно поговорить.

— А я что, помешаю? Я п р и в е з л а его.

— У нас дело, малышка. Почему бы тебе не искупаться?

Он улыбнулся Пенни, та просияла и, пожав плечами Нортону, направилась к бассейну. Эта хитрость, ласковое выпроваживание, была знакома Нортону по миру политики, но к незваному гостю Филдс обратился уже без ласковости.

— Как вы пробрались сюда?— спросил он.

— Обманул эту девушку. Она не виновата.

— Нет, виноват я, что позволил этой взбалмошной своевольничать. Но раз уж вы здесь, давайте поговорим. Пошли, там можно присесть.

Он повел Нортона к столику под пальмами. Появился официант и спросил, что угодно мистеру Филдсу. Филдс велел принести пива себе и гостю. Раздетая Пенни вышла из кабины и с восторженным криком прыгнула в воду. Минуту спустя футболист, забавлявшийся холодильником, с воплем пронесся по газону и бросился в бассейн, взметнув столб воды.

— Пьяный болван,— пробормотал Филдс.— Начинаешь с нескольких друзей, Нортон, затем появляются их друзья, а потом получается зоопарк.— Он вздохнул, взял у официанта две баночки пива и протянул одну Нортону.— Итак, вы проделали большой путь, чтобы повидать меня. С какой целью?

— Вам известно, что произошло с Донной, не так ли?

— Прочел в газетах. Мне очень жаль. Обстоятельств дела еще не выяснили?

— Пока нет. Возможно, ее убил грабитель.

— Вашингтон — опасный город.

— Филдс, почему она оказалась в вашем доме?

— Что вы имеете в виду?

— Ваш дом в Джорджтауне. Тот, где ее убили.

— Кто сказал, что он мой?

— Подруга Донны говорит, что вы не то купили, не то сняли его.

— Кто еще знает об этом?

— Полиция в конце концов докопается.

— На это может уйти много времени,— сказал актер.— Дом я приобрел на чужое имя.

Нортону показалось странным, что полиция еще не обращалась к Филдсу. Эд Мерфи знал, что этот дом в Джорджтауне принадлежит ему. Либо Эд не спешил известить полицию, либо полиция не спешила воспользоваться полученными сведениями.

— К чему такая предосторожность?— спросил Нортон.

— К чему? Чтобы приезжать, не опасаясь сплетников из светской хроники, любителей автографов и неудачников сценаристов.

— Но как там оказалась Донна?

Актер пожал плечами.

— Позвонила, спросила, можно ли пожить там, и я разрешил.

— Откуда она звонила?

— Из городка, где жила. Кажется, Кармел.

— Что ей понадобилось в Вашингтоне?

— Я не спрашивал.

— Не очень любопытны?

Актер холодно глянул на него.

— Послушай, Нортон, ты портишь мне вечеринку, задаешь кучу вопросов, на которые я не должен отвечать, и уже становишься несносным. Я прикажу вышвырнуть тебя отсюда.

Нортон ответил актеру таким же взглядом. У него появилась приподнятость, наступающая вместе со злостью на человека, который легче тебя фунтов на пятьдесят.

— Приказывай,— сказал он,— но, прежде чем меня вышвырнут, я сломаю твой красивый нос.

Филдс сосредоточенно, словно принимая сложное решение, оглядел Нортона, потом пожал плечами и дружески улыбнулся.

— Слушай, Бен, чего нам ссориться? Ты хорошо относился к Донне. Но ведь и я к ней хорошо относился. Ты работал на Уитмора? Но ведь и я тоже. Мы с тобой свои люди. И на твои вопросы я отвечу, только не дави на меня. Идет?

— Идет,— согласился Нортон.— Для начала скажи, хорошо ты знал Донну?

— Мы были приятелями,— ответил Филдс.— Сам знаешь, во время кампании люди сходятся быстро. Несколько раз мы с ней кое-куда выбирались. Она мне нравилась. Была умной и честной. Интрижки у нас не было, если тебя это интересует. Ей не нравился мой образ жизни.

— Что ты знаешь о ее отношениях с Уитмором?— внезапно спросил Нортон.

— Ничего,— резко ответил актер.

— Правда, что Донна написала для тебя сценарий?

— Написала, только вряд ли можно назвать это сценарием. Больше похоже на мемуары. Она говорила, что у нее есть замысел для фильма с действием в Вашингтоне, и я предложил ей изложить его в той форме, в какой сумеет. У нее оказалось несколько любопытных идей.

— Каких?

Актер отхлебнул пива и взглянул на усеянное звездами калифорнийское небо. Внизу, у бассейна, громадный футболист подбрасывал Пенни в воздух, словно куклу, кое-кто затеял игру в водное поло. В кабине за столиком сидел молодой комик и вертел самокрутки с марихуаной, девушка рядом с ним нюхала кокаин через свернутую трубочкой долларовую бумажку.

— Главная героиня Донны — молодая женщина, влюбленная в политика, который не хочет разводиться с женой,— сказал актер.— В общем-то это банально, но там были интересные детали.

— Например?

— Ну, сцена между той женщиной и женой политика. Хорошо обрисован его похожий на бандита помощник. Неплоха сцена в спальне, где она старается отвлечь его от политических дел. Смешные детали о логике политика, затеявшего интрижку.

— А политик случайно не грубоватый пятидесятилетний сенатор, выдвигающий свою кандидатуру в президенты?

— Тут была какая-то неясность. Да и во всей вещи тоже.

— У нее были веские причины писать неопределенно,— сказал Нортон.— Я хотел бы прочесть рукопись. И еще многие хотели бы.

— В том числе и я,— сказал Филдс.

— Что ты имеешь в виду?

— Мой экземпляр украли.

— Черт возьми,— прошептал Нортон.— Как это могло случиться?

— В городе у меня есть контора, там хранятся сотни сценариев. Кто-то забрался в нее. Я думал, что украли только небольшую наличность. Но когда Донна позвонила и сказала, что собирается в Вашингтон, я упомянул о краже, и она попросила проверить, на месте ли ее рукопись. Когда я сказал, что рукопись исчезла, Донна вышла из себя.

— Ты не дал знать об этом в Белый дом?— спросил Нортон.

— Мы сейчас почти не общаемся.

— Почему?

— Спроси у них,— ответил актер.— Могу только сказать, что мы с Уитмором были друзьями, когда я старался для него, но похоже, что, едва войдя в Белый дом, он тут же забыл мою фамилию. Видно, мой старый друг использовал меня и больше во мне не нуждается.

— Политики используют всех,— заметил Нортон.— Ты должен был это знать.

— Пошли в дом,— сказал актер.— Если есть желание, оставайся на ночь. Я хотел бы поговорить с тобой еще.

— О чем?

— О Донне. Об Уитморе. О политике я знаю гораздо меньше, чем мне казалось.

Все гости перебрались к бассейну, и дом был почти пуст. Филдс повел Нортона в библиотеку, одна стена там была покрыта фотографиями, где он позировал в обществе других людей. Нортон узнал нескольких актеров, актрис и режиссеров.

— Вот я с нашим другом,— сказал Филдс. На снимке были Филдс и Уитмор, стоящие перед кабиной. Филдс непринужденно улыбался в объектив, Уитмор глядел с подозрением. Нортон взглянул на фотографию равнодушно. Он видел множество подобных — политики раздавали их всем, как леденцы детям,— но потом присмотрелся повнимательнее. На фотографии что-то его насторожило — он не сразу понял, что именно.

— Я помню тот день, когда был сделан снимок,—начал было Филдс, но умолк, когда в дверях появился плосколицый, охранявший передние ворота.

— Междугородный звонок, босс,— объявил он.

— Послушай сам.

Плосколицый отвел актера в сторону, они пошептались, и Филдс торопливо ушел. Привратник стоял, сложив руки и не сводя глаз с Нортона. Нортон снова повернулся к фотографии. Он подумал, что Джефф Филдс вроде бы довольно славный малый; неглуп и готов пойти навстречу. И продолжал думать о нем и о снимке, когда актер вернулся. Нортон повернулся к нему и поразился происшедшей перемене. Лицо актера покраснело, челюсть отвисла, и, когда он закуривал, руки его дрожали; казалось, он только что узнал о смерти кого-то из родных.

Но родня актера не интересовала Нортона, ему нужно было задать один вопрос.

— Джефф, эта фотография...

— Забудь о ней. Вечеринка окончена. Джек отвезет тебя в отель.

— Что случилось?

— Я себя плохо чувствую. Вечеринка окончена.

— Хорошо, но только скажи, кто вырезан с этого снимка?

— О чем ты, черт возьми?

— Рядом с Уитмором была женщина. На его руке видна часть ее блузки.

— Это моя секретарша.— Он отвернулся от Нортона к своему телохранителю.— Джек, отвезешь мистера Нортона в отель.

— Лжешь,— сказал Нортон.— Я вижу, что это блузка Донны. Блузку подарил ей я. Когда они были здесь?

Филдс что-то шепнул плосколицему и неуверенно вышел.

— Пошли, приятель,— сказал тот. Он был сложен как штангист и самодовольно, вызывающе улыбался Нортону. Нортон решил не принимать вызова и, пройдя мимо него, направился к парадной двери.

— Поедем на «империале»,— сказал Нортону сопровождающий, когда они вышли наружу, и показал автомобиль в дальнем конце дорожки. Нортон пошел к машине, недоумевая, какое известие могло так потрясти Филдса. Для скверных вестей вечер был неподходящим. Он слышал музыку и смех, доносившиеся от бассейна, а небо над ним сверкало множеством звезд. Потом, когда они подошли к «империалу», человек за его спиной сделал какое-то движение, и все звезды погасли.

9

Восход в пустыне представлял собой неторопливую симфонию пурпурного и розового. Нортон прекрасно видел его из канавы, в которой очнулся. Едва он пробовал шевельнуться, в затылке начинали взрываться бомбочки, поэтому казалось разумнее просто лежать на теплом песке и смотреть, как новый день разливается по небу. Когда Нортон в конце концов выполз из канавы, то оказался недалеко от шоссе. Вскоре в пикапе «шевроле» появился добрый самаритянин, оказавшийся фермером, везущим салат, и довез Нортона до отеля. Вместо объяснения с дневным администратором Нортон злобно посмотрел на него и поплелся в номер принять горячий душ и основательно поразмыслить. Душ был принят успешно; раздумья не пошли дальше решения проститься со сказочным Палм-Спрингсом.

Нортону пришла было мысль снова наведаться к Филдсу, но он побоялся, что в итоге будет та же канава или еще что похуже. Единственное, чего ему действительно хотелось,— это вернуться в Вашингтон. Там никто не бил его по голове и не бросал в канаву. Но сперва нужно было посетить еще одно место в Калифорнии.

В кофейне аэропорта Нортон обнаружил Пенни, угрюмо глядящую в свою чашку. Когда он подсел к ней, она даже не подняла глаз.

— Что случилось на вечеринке?— спросил он.

— А, привет,— равнодушно сказала она.— Не знаю, что там случилось. Все веселились, потом вдруг Джефф всех нас выпроваживает. И сам тоже укатил. Я спросила его про тебя, а он ответил, что ты уже уехал. Сплошное сумасшествие. Я думаю, его преследует мафия или что-то в этом роде.

— Почему ты так решила?

— Одна девушка захотела позвонить своему приятелю, поднялась наверх, сняла с телефона трубку и услышала чей-то голос: «Сукин сын, мы раздавим тебя, ты больше не снимешься ни в одном фильме»,— и еще кое-что в том же духе, а Джефф только ловил ртом воздух. По-моему, мало кто, кроме мафии, может говорить подобным тоном с таким видным человеком, как Джефф.

— Та девушка не слышала, кто это говорил?

— Нет, испугалась и положила трубку. Она хотела только позвонить приятелю.

— Куда ты сейчас, Пенни?

— Наверно, в Лос-Анжелес. Слушай, хочешь, летим вместе?

— Мне нужно вернуться в Вашингтон. Извини.

— Ничего. Слушай, я все же хочу встретиться с тобой в Вашингтоне, поиграем в теннис, и ты просветишь меня насчет политики.

Нортон ответил, что больше всего на свете хотел бы увидеться с ней в Вашингтоне, и это, казалось, немного улучшило ее настроение. Она походила на увядшую фею, но одарила Нортона своей лучшей улыбкой, чмокнула его в щеку и побежала к своему самолету; несколько минут спустя Нортон пошел к своему, летящему на север, в Кармел.

— Держу пари, дружище, ты считал, что меня уже нет в живых?

— Да, пожалуй, сэр,— признался Нортон.

— Что ж, по вашингтонским понятиям меня в живых нет,— сказал старик.— Мой конец настал двадцать с лишним лет назад, когда Джо Маккарти стал преследовать меня и я оказался побежденным на перевыборах. В Вашингтоне нет ничего безжизненнее бывшего сенатора. Какое-то время я еще пожил там, считая себя по-прежнему полезным членом общества, но оказалось, что я набивка в политической подвесной груше. Поражение как проказа: все очень сочувствуют твоему несчастью, но никто не пригласит к обеду.

Старика звали Гарри Нолан, лет сорок назад он носил прозвище «Лев прерий». Нортон читал про него в книгах о «новом курсе». В некоторых были снимки Нолана с Рузвельтом. Теперь Нортон нашел его в нескольких милях от Кармела, в коттедже на склоне холма, глядящего на ярко-голубые воды Тихого океана.

— Как ты нашел меня, парень? Она почти никому не сообщала, где живет.

— Донна однажды написала мне. И указала обратный адрес.

— Это ты уезжал в Париж?

— Да.

Старик неодобрительно посмотрел на него.

— Не так ты повел себя, парень. Нужно было не отступать и драться. Но ты суетился без толку и упустил ее. А теперь она мертва. Скверно, парень, скверно. За эту девушку драться стоило. Жаль, что я не встретил ее лет тридцать — сорок назад.

— Как вы познакомились с ней, сенатор?

— Она поселилась рядом и сперва жила замкнуто, читала, или писала, или не знаю что, но однажды щенок ее вырвался и забежал ко мне во двор, она пришла сюда, мы разговорились, а потом разговоры у нас почти не кончались.

— О чем вы говорили?

— В основном о политике. Как все вы, молодежь, она совсем не знала истории, и я взялся ее просвещать. Она очень возмущалась скандалами и коррупцией — господи, началось это вовсе не с Никсона. Еще худшие скандалы были при Гранте и Гардинге, может, и при других, только они не попадались. Люди ничуть не меняются. Только вот появилось телевидение и разбалтывает многое, чего им лучше бы не знать.

И конечно, говорили мы о «новом курсе», то есть говорил я, а она слушала. Она была хорошей слушательницей. Я рассказал ей, и как мы образовали администрацию в Теннесси, и как прижали типов с Уолл-стрита, и что Джек Гарнер все восемь лет клял свое вице-президентство и с утра до ночи молился о смерти ФДР[2]. Господи, задумывался ты хоть раз, что было бы, умри ФДР раньше? Тогда президентом мог бы стать Джек Гарнер. Или Генри Уоллес, этот набитый болван. Да и я мог бы, черт возьми. Франклин хотел сделать меня вице-президентом в сорок четвертом, но я отказался.

— Были здесь еще друзья у Донны, сенатор?

— Знаешь, о чем ей больше всего хотелось узнать? О Люси Резерфорд и ее так называемой любовной истории с ФДР. Да черт возьми, как я и рассказывал ей, они только и делали, что катались по Рок-крик-парку, будто дети, удравшие с уроков. Несколько раз я составлял им компанию, а этим уже больше никто не может похвастаться. Мы говорили с ним о делах, а она молча слушала, иногда поглаживала его по руке, когда в разговорах о войне мы начинали спорить и горячиться. Рта она почти не раскрывала, а когда и говорила, то лишь: «Красивые цветы, правда?» или «Смотри, какие золотистые листья»— и тому подобные пустяки. Но Донна не отставала от меня, пока я не рассказал ей. Черт, что мне было до Люси Резерфорд? Мы старались выиграть войну, а Люси тут ничем не могла помочь. Правда, Донна говорила, что она помогала — тем, что была рядом, поглаживала его руку и обращала внимание на цветы и прочее. Возможно, она и права. Раньше я над этим не задумывался... Хочешь выпить, парень? Я думаю, что где-то в мире солнце сейчас находится над реей.

— Конечно, сенатор.

— Тогда принеси все, что нужно. Стань полезным членом общества. Бутылка на полке, и я пью только неразбавленное виски.

Нортон налил виски в два стакана и вернулся к старику.

— Ты связан с политикой, парень?

— Я три года работал в Капитолии.

— Три? Господи, да за три года там не узнаешь, где нужду справить. Я провел там двадцать лет, и все равно, когда меня турнули, чувствовал себя ребенком в лесу. Политик — это существо особой породы, парень. Иногда ко мне наезжают профессора поговорить о науке политики. Науке? При чем тут наука? Политика — это искусство, а человек либо рождается талантливым, либо нет. Хочешь, парень, расскажу тебе о политиках?

— Хочу, сенатор.

— Так вот, главное, что ты должен уразуметь,— они все мерзавцы, к какой бы партии ни принадлежали, то есть любой из них перережет тебе глотку ради грошовой выгоды. Вся разница между одним политиком и другим — это как они режут глотки. Возьмем ФДР. Предположим, он хочет перерезать тебе глотку. Сидишь ты с ним, он всеми порами тела источает очарование, смешивает тебе мартини, показывает свой новый кораблик в бутылке, а едва ты прикроешь глаза или глянешь в окно всего на секунду, Франклин промчится в своей каталке и резанет тебе глотку от уха до уха, ты даже и не заметишь этого, пока опять не повернешь голову, а она скатится на пол.

Гарри Трумэн был не таким, как большинство. Он тоже мог перерезать глотку, но больше в его стиле было стукнуть тебя по носу или дать пинка в то самое место. Айк, болван с младенческим личиком, сперва помолился бы за тебя. Губерт плакался бы, как жаль, что он должен так поступить, пока ты не попросил бы его кончать поскорее. Линдон произнес бы длинную слезливую речь, что это для твоей же пользы. Джек Кеннеди выступил бы с какой-нибудь байкой, что лучше резать глотки, чем брить бородки или топить лодки или что-нибудь в этом духе, а пока он говорил бы, Бобби подкрался бы сзади и полоснул тебя. Потом появился этот паршивец Никсон. Знаешь, как он резал бы тебе глотку?

— Как?

— Не стал бы сам, вот как. Слишком был труслив. Он бы уполномочил на это кого-нибудь из тех живодеров, что охраняли его дверь, те бы уполномочили какого-нибудь болвана из правых, а тот испортил бы все дело. Главное правило политики, парень,—не поручай ничего никому, если хочешь, чтобы дело было сделано как надо.

— А президент Уитмор?— спросил Нортон.— Как бы повел себя он?

— Уитмор? О, это ловкий тип. Будь он порешительнее, мог бы стать вторым ФДР. Я ему так и сказал. Посоветовал забыть о Кеннеди, обаянии и прочем и брать пример с Франклина. Обращаться к людям просто, как в беседе у камина. Выступать по телевидению без уверток, говорить людям правду, они это оценят. Люди не дураки. Их легко сбить с толку, но они не дураки.

Старик отхлебнул виски, и Нортон спросил как можно мягче:

— Когда вы говорили это президенту Уитмору, сэр?

— Что?

— Когда вы виделись с ним?

— А, черт, не помню. Месяца три-четыре назад, может, пять. Перед тем, как он принял присягу.

— Накануне инаугурации?

— Да-да. Он был в Лос-Анжелесе по каким-то делам, потом заглянул сюда, к ней. Провел ночь, а наутро она привезла его познакомиться со мной. Сказала, что мы самые замечательные люди, каких она только знала. Тем хуже. Мы с ним немного поговорили, а потом он уехал туда, где ему полагалось быть. Она взяла с меня клятву никому не рассказывать, но, по-моему, сейчас это уже неважно.

— Говорили вы об этом еще кому-нибудь, сенатор?

— Парень, помнишь, что сказал Джек Гарнер о должности вице-президента?

— Кажется, что она не стоит и плевка.

— Вот-вот, только он сказал не плевка, но этого никто бы не напечатал. И то же самое можно сказать о старости. Удовольствия никакого. Единственное, что хорошо,— когда не хочешь отвечать на вопрос, можно уставиться вдаль, и от тебя скоро отстанут. Не надо даже лгать, если не хочешь.

— Но кто-то спрашивал?

— Только один болван вчера. А ему я не хотел рассказывать ничего. Я сразу же приметил в нем фальшь.

— Кто это был?

— Назвался каким-то особым агентом. Я решил, что он псих. Поэтому уставился вдаль, понес какую-то чушь, и он скоро уехал.

— Сенатор, она не говорила вам, зачем едет в Вашингтон?

— Не говорила. Но каждый, даже с куриным умишком, мог бы догадаться.

— Что вы хотите сказать?

— Хочу сказать, что три или четыре месяца назад он приезжал к ней, и теперь настал ее черед ехать к нему. Конечно, я могу ошибиться. Возможно, она поехала полистать какие-то книги в библиотеке конгресса, или посмотреть, как цветут вишни, или что-нибудь в этом роде. Но если это так, то со времен моей молодости все изменилось. Влюбленные никогда не думают. Черт возьми, я сказал ей, чтобы не ездила туда, чтобы осталась здесь, где она счастлива, и пусть Вашингтон идет ко всем чертям. Это опасный город, молодой человек. Если ты пробудешь там долго, тебя убьют так или иначе, можешь быть в этом уверен.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

---

[2] Президент США Ф. Д. Рузвельт.

Патрик **АНДЕРСОН**

Рисунки Геннадия **НОВОЖИЛОВА**

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

РОМАН

Адвокат Бен Нортон возвратился в Вашингтон из поездки в Европу. В тот же день знакомый журналист Фил Росс сообщил Нортону, что видел его бывшую подругу Донну Хендрикс, проехавшую в машине с помощником президента Эдом Мерфи. На следующее утро кто-то позвонил Бену на работу и предложил заглянуть в газету, так как убита хорошо знакомая ему женщина. Нортон приезжает в указанное место и находит мертвую Донну Хендрикс. Решив во что бы то ни стало обнаружить убийцу, Бен начинает свое расследование. Он встречается с подругой Донны — Гвен и от нее узнает, что дом, в котором нашли убитую, принадлежит связанному с Голливудом Филдсу. Затем Нортон летит к Филдсу и после разговора с ним, избитый его телохранителем, приходит в себя в придорожной канаве.

По возвращении в Вашингтон Нортона ждала работа. К такой работе в колледжах не готовят. Для нее требовалось не договорное и гражданское право, которое Нортон зубрил в студенческие дни, а более сложный и доходный закон, который он изучил за годы, проведенные в Вашингтоне. Ему было ясно, почему Уитни Стоун взял его на работу и платил щедрое жалованье. Стоун первым изобрел расчетливую систему привлечения молодых юристов. Многие фирмы вот уже три десятилетия вербовали тех, кто прежде работал на политиков, занимавших в данное время Белый дом, и, предположительно, сохранил с ними связи. Уитни Стоун, неизменно азартный игрок, повел этот процесс дальше и стал вербовать людей, имевших связи с потенциальным президентом. В этом случае они обходились дешевле, а если их покровитель оступался по пути в Белый дом, от них всегда можно было избавиться. Нортон полагал, что он — одна из удачнейших ставок Уита Стоуна, поскольку, когда Стоун пригласил его к себе, сенатор Уитмор был еще темной лошадкой. И Стоун оказался в высшей степени покладистым. Он пошел навстречу желанию Нортона уехать из Вашингтона, хотя явно считал, что молодому юристу глупо уходить от потенциального президента. Нортон знал, что хорошо поработал на фирму в Париже. Но теперь, когда его прежний босс стал президентом, настало время хорошо поработать на фирму в Вашингтоне. Для того Уит Стоун и взял его.

Нортон понимал эту систему и почти смирился с ней. Эта игра называлась «связи». Суть была в том, чтобы использовать их как надо, ходить по узкой, иногда почти незаметной грани между дружбой и покровительством, и Нортон считал, что справится с этим не хуже любого другого. Его связи с Уитмором могли открыть ему в Вашингтоне многие закрытые двери, а останется за ними он в конечном счете благодаря своему мастерству и честности. По крайней мере, он на это надеялся.

И вот на другой день после возвращения из Калифорнии он вылез из такси и подошел к мощной крепости, в которой размещалось министерство юстиции США, надеясь выяснить, как некоторые служащие антитрестовского отдела среагируют на то, что собравшийся сделать политическую карьеру техасский нефтепромышленник и издатель газеты приобретет четырнадцать захолустных радиостанций в южном Техасе. Каким будет ответ, Нортон догадывался, но жалованье ему платили не за догадки.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—17.

Он вошел в здание и оказался лицом к лицу с заспанным охранником. Нортон помнил время, когда в министерстве юстиции охранников не было.

— Я мистер Нортон,— сказал он стражу.— У меня назначена встреча с Алленом Джиллспаем.

Охранник равнодушно взглянул на него и потянулся за голубым телефонным справочником.

— Это специальный помощник министра юстиции,—сказал Нортон. Охранник продолжал листать справочник, пока не нашел номер. Потом позвонил, объявил «мистер Мартин» и после минутного замешательства передал трубку Нортону.

— Мистер Нортон? Мистер Джиллспай просит вас встретиться с ним в кафетерии,— сказала секретарша.— Он спустится туда, как только сможет.

Нортон нахмурился и направился к маленькому темному подвальному кафетерию. Он подумал, что его миссия началась не лучшим образом. Эл Джиллспай мог бы принять старого друга в личной столовой министра юстиции. Но друзьями они, в сущности, не были. Оба юристы, они около года работали вместе в штате Уитмора, в определенном смысле были соперниками, и Нортону

не верилось, что Джиллспай был очень огорчен его уходом. Но Эл был умен, обладал политическим чутьем, и Нортон считал, что нужные сведения легче будет получить от него, чем от бывшего профессора, ныне возглавляющего антитрестовский отдел.

Джиллспай спустился в кафетерий через пятнадцать минут. Это был пухлый, самодовольный молодой человек, было видно, что у него есть голова на плечах. Они поздоровались за руку, Джиллспай сел и стал нетерпеливо помешивать кофе.

— Как дела, Бен? — спросил он.

Нортон сказал, что отлично.

— В какой ты фирме?

Нортон ответил, хотя не сомневался, что Джиллспай прекрасно знает, в какой.

— Ты выбрал неудачное время, чтобы уйти от нас.

— Я всегда поступаю наоборот. Когда все лезут на колесницу победителя, я слезаю.

— Говорят, что, возможно, влезешь снова.

— Кто говорит?

— Говорят. Это правда?

— Сомневаюсь.

Судя по взгляду, Джиллспай решил, что его бывший коллега лишился рассудка. Однако Нортона это мало тревожило. Его интересовало, откуда Джиллспай узнал, что Эд Мерфи соблазнял его работой. Может, Эд поручил Джиллспаю найти вакантную должность в министерстве? Он стал думать, что их беседа может оказаться сложнее, чем ожидалось. В Вашингтоне еще шли смещения и назначения, и, возможно, Джиллспай думал, что он и Нортон могут снова стать коллегами. Ну и пусть себе думает.

Нортон решил подыграть ему. Он спросил Джиллспая о работе и внимательно слушал его хвастовство о многочисленных достижениях нового, возрожденного министерства юстиции. Нортон делал вид, что вдохновлен этой литанией, хотя не раз слышал ее от других блестящих молодых людей при других администрациях. Потом Джиллспай внезапно изменил тему разговора.

— Жаль Донну,— сказал он.

Нортон кивнул.

— Вы, кажется, собирались пожениться?

— Нет.

— Как, по-твоему, что произошло?

— Не знаю.

— У тебя нет никаких версий?

— Я не полицейский, Эл.

— Знаю. Я считал, что ты станешь разбираться в этом.

— Никаких версий у меня нет.

Джиллспай глядел недоверчиво. Нортону стало интересно, что он знает, но у таких, как Джиллспай, этого не выяснить.

Они поговорили еще о министерстве юстиции, допили кофе. Пора было расходиться, но никто из них даже не намекнул, что это не просто встреча старых друзей. Потом Джиллспай снова удивил Нортона.

— Каким делом ты занимаешься, Бен?

Нортон понял, что это не случайный вопрос. Джиллспай облегчал его задачу.

— Да так, разными пустяками.— Он бросил на стол несколько монет, и они пошли к выходу.— Есть один любопытный антитрестовский аспект. Некто по фамилии Бакстер, издатель газет в Техасе, хочет приобрести несколько радиостанций, но никто не знает, как отнесется к этому ваш отдел.

Они шли по коридору мимо большого панно с изображением фермеров, трудящихся на каменистом поле. У лифта Джиллспай повернулся к Нортону с отсутствующим выражением лица.

— Радиостанции? — сказал он, словно отвечая на свои мысли. Скривил лицо и пожал плечами. Жест этот для Джиллспая был вовсе не характерен.

— Рад был встрече, Бен,— сказал он и нажал кнопку лифта.

Лифт с шумом пошел вниз.

— Я тоже, Эл.

— Шинные компании не представляешь?

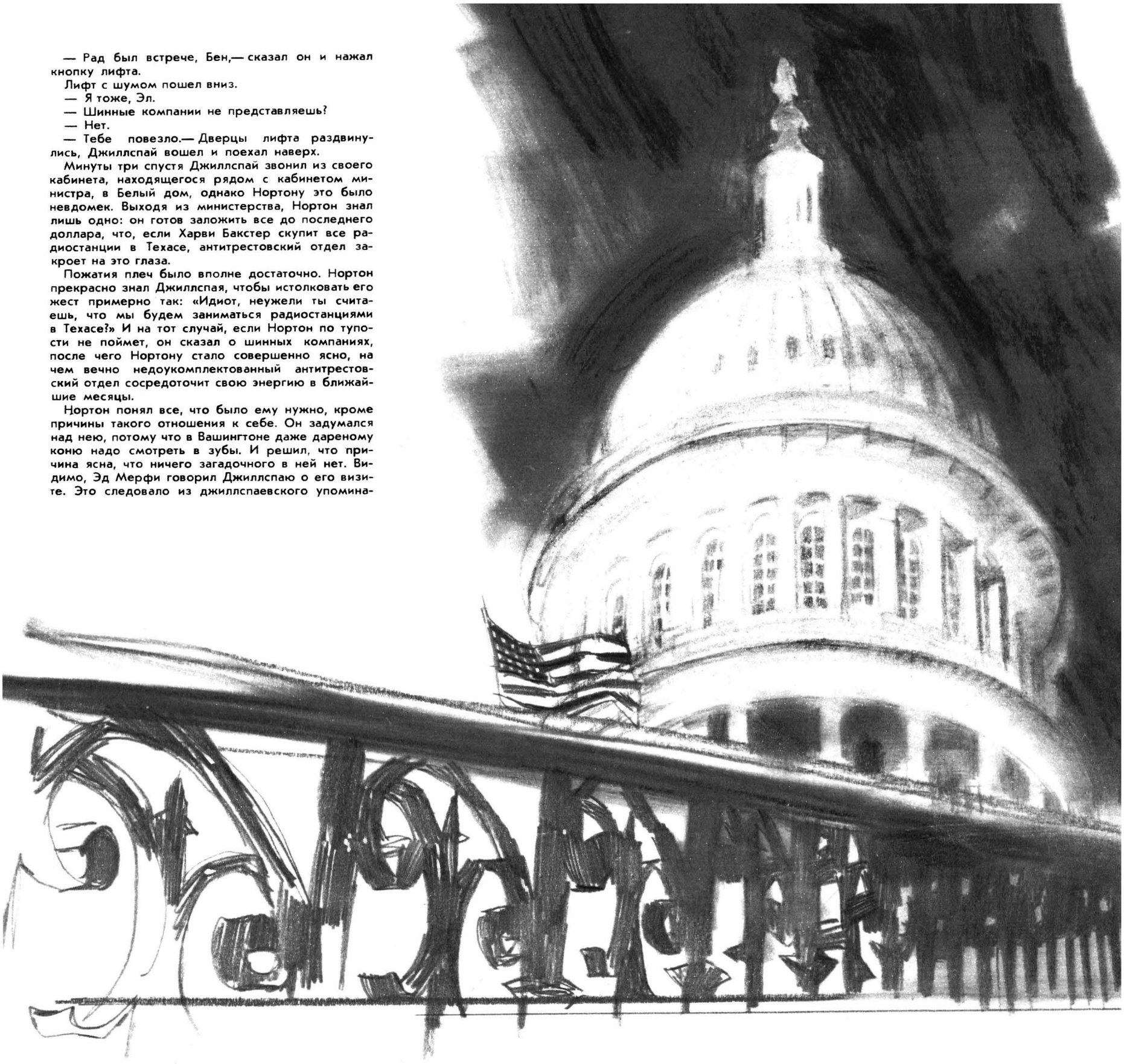
— Нет.

— Тебе повезло.— Дверцы лифта раздвинулись, Джиллспай вошел и поехал наверх.

Минуты три спустя Джиллспай звонил из своего кабинета, находящегося рядом с кабинетом министра, в Белый дом, однако Нортону это было невдомек. Выходя из министерства, Нортон знал лишь одно: он готов заложить все до последнего доллара, что, если Харви Бакстер скупит все радиостанции в Техасе, антитрестовский отдел закроет на это глаза.

Пожатия плеч было вполне достаточно. Нортон прекрасно знал Джиллспая, чтобы истолковать его жест примерно так: «Идиот, неужели ты считаешь, что мы будем заниматься радиостанциями в Техасе?» И на тот случай, если Нортон по тупости не поймет, он сказал о шинных компаниях, после чего Нортону стало совершенно ясно, на чем вечно недоукомплектованный антитрестовский отдел сосредоточит свою энергию в ближайшие месяцы.

Нортон понял все, что было ему нужно, кроме причины такого отношения к себе. Он задумался над нею, потому что в Вашингтоне даже дареному коню надо смотреть в зубы. И решил, что причина ясна, что ничего загадочного в ней нет. Видимо, Эд Мерфи говорил Джиллспаю о его визите. Это следовало из джиллспаевского упоминания о работе и расспросов об убийстве Донны. Нортон подозревал, что этот щедрый жест Джиллспая был просто способом Эда Мерфи подбросить ему несколько крох и напомнить, как Белый дом может быть полезен вашингтонскому юристу, умеющему держать язык за зубами. Ну и прекрасно. Он примет их любезность и, как решил, будет выяснять правду о гибели Донны. Если угодно, пусть считают его неблагодарным. Это их дело.



11

Нортон считал, что лучшими актрисами на его памяти были Кэтрин Хепберн, Лив Ульман, Джули Кристи и Френсис Холл, иногда ему казалось, что миссис Холл была из них самой лучшей. Конечно, широкой публике миссис Холл была неизвестна, обстоятельства карьеры ограничили ее специфической трагедийной ролью, но в этой роли она была несравненной. Он с содроганием представлял, какой бы она могла быть Медеей, леди Макбет или Марией Стюарт, но она вполне довольствовалась ролью секретарши Эда Мерфи в душераздирающем представлении, которое устраивала по нескольку раз еженедельно, объявляя какому-нибудь благодетелю или просителю, что Эд Мерфи его не примет. Сцена эта повторялась вновь и вновь. Френ Холл превращала свое обычно безмятежное лицо в маску скорби, на ее светло-голубые глаза набегали страдальческие слезы, заламывание и трепет нежных рук передавали боль ее души при живописании жуткой перегруженности мистера Мерфи, его самоубийственного служения срочным нуждам президента, его мучительных сожалений, что сейчас или в обозримом будущем он не сможет выкроить времени для мистера Просителя. Как однажды заметил Ник Гальяно, она была способна выжать слезы из собачьего дерьма.

Успеху ее игры, несомненно, содействовало нежелание большинства представителей политического мира смириться с неприятной мыслью, что Эд Мерфи не желает их видеть. Гораздо легче было принять оправдания миссис Холл за чистую монету и уйти с убеждением, что на данной неделе Эд Мерфи не мог бы выкроить времени даже для иранского шаха.

Однако Бен Нортон не был обычным просителем. Он знал эту игру и, при всем своем восхищении талантом миссис Холл, эмоциям не поддавался.

— Это очень важно, миссис Холл,— сказал он в телефонную трубку.— Для Эда тоже.

— Могу я сообщить ему, в чем суть дела, Бен?

— Просто скажите, что это последствия нашего недавнего разговора.

Ее, конечно, огорчит такое недоверие. Ну и пусть.

— Хорошо, сделаю все, что смогу.— Она вздохнула.— Я свяжусь с вами.

Она не связалась, и на другой день Нортон позвонил снова.

— О, Бен, я только что собиралась звонить вам. У мистера Мерфи нет ни свободной секунды. Но я передала ему вашу просьбу, и он предложил вам поговорить с Клэем Макнейром.

— Не думаю, чтобы в этом был смысл.

— Бен, это очень способный молодой человек,— укоризненно сказала она.— Мистер Мерфи полагается на него.

— Миссис Холл, передайте Эду, что у меня есть кой-какие новые сведения, и ему следует обсудить их со мной.

— Передам,— пообещала миссис Холл с едва заметным холодком в голосе.

Успехом Нортона в министерстве юстиции Уитни Стоун остался весьма доволен. Даже улыбнулся — случай редкий и неприятный, потому что в лице его было что-то змеиное, а улыбка кобры нарушает любопытную симметрию ее черт. В достоверности полученных сведений он не усомнился и даже не спросил об их источнике. Он принял их и стал действовать в соответствии с ними.

— Я только что звонил Бакстеру,— сказал он Нортону во второй половине дня.— Незачем говорить, что он в восторге от нашего сообщения и намерен немедленно приобрести эти радиостанции.

— Неужели они ему так нужны?

— Да, он вбил себе в голову, что они ключ к его политической карьере. Может, так оно и есть. Кто знает?

На корпусе телефона замигал желтый огонек. Стоун поднял трубку, послушал, потом прикрыл микрофон маленькой веснушчатой рукой.

— Бен, тебе звонят из приемной Эда Мерфи,— сказал он.— Будешь говорить отсюда?

— Конечно,— ответил Нортон и потянулся через стол за трубкой.

— Бен? — Голос миссис Холл был исполнен доброжелательности.— Можете подъехать сейчас?

— Буду через пятнадцать минут,— пообещал Нортон. И вернул трубку Уиту Стоуну, слушавшему с нескрываемым интересом.

— Эд хочет срочно видеть меня,— объяснил он, надеясь, что Стоун не спросит, зачем.

— Похоже, вы с Мерфи сейчас в приятельских отношениях,— заметил Стоун.

— Мы всегда ладили,— ответил Нортон.

Стоун проводил его до двери и, прежде чем открыть ее, коснулся его руки.

— Знаешь, Бен, если администрация предложит тебе стоящую работу, соответствующую твоим способностям, можешь не сомневаться, что фирма отнесется к этому с полным пониманием.

Нортон не сомневался. Для фирмы лучше сотрудника, связанного с администрацией, может быть только сотрудник, р а б о т а ю щ и й в администрации.

— Спасибо, Уит,— сказал он.— Посмотрим, как обернется дело.

Говорить Стоуну, что работать в администрации он не хочет, Нортон не собирался; пока такая перспектива существовала, он находился в ореоле силы, а это само по себе сила.

Миссис Холл встретила его взглядом, исполненным невыразимого страдания.

— Бен! — воскликнула она.— Мистер Мерфи уже приготовился к встрече с вами, но тут его вызвал президент, а это может затянуться на несколько ч а с о в.— Она сделала паузу и просияла.— Но послушайте, что предпринял мистер Мерфи.

И тут, будто по сигналу, вошел Клэй Макнейр. Как и прежде, со студенческим перстнем на пальце, с серьезным лицом, только костюм на нем теперь был не в полоску, а строгий, зеленый.

— Он попросил Клэя помочь вам всем, что в его силах,— сказала миссис Холл. Макнейр шагнул вперед, по-мальчишечьи улыбнулся и протянул руку. Нортон понял, что его провели.

— Пошли, Бен, в мой кабинет, поговорим там,— сказал Макнейр.

Нортон сдался и последовал за Макнейром в цокольный этаж Белого дома. Кабинет Макнейра оказался крохотным — судя по размеру и местоположению, при Генри Киссинджере он, видимо, был чуланом уборщицы — там едва помещались два стола.

— Тесновато,— сказал, оправдываясь, Макнейр.— Сам видишь. Но мой сосед — какой-то там консультант, здесь почти не бывает, так что кабинет, можно сказать, принадлежит мне. Секретарша моя сидит в соседней комнате.

— Как зовут твоего соседа? — спросил Нортон.

— Байрон Риддл. Странный тип.

Нортон пожал плечами и сел за стол Байрона Риддла; на нем не было ничего, кроме двух копий памятника десантникам, поднимающим флаг на острове Иво Джима. Стол Макнейра, наоборот, был загроможден аккуратно сложенными бумагами. Кроме того, на нем стояла фотография жены Макнейра, болезненной, но красивой, и белокурых, улыбающихся детей. Над обоими столами висели одинаковые портреты президента Уитмора.

— Я думал, что увижу тебя на похоронах,— начал Макнейр, придав лицу траурное выражение. Очень благонравный молодой человек; Нортон представил себе, как он каждое воскресенье проходит мимо тарелки для пожертвований в какой-нибудь пригородной пресвитерианской церкви.

— Я не люблю похорон.

— Они были хорошо устроены,— сказал Макнейр.— С большим вкусом.

— Не хочу о них слушать.

— Я думал, тебе будет интересно. Там была одна любопытная деталь, только это между нами. Сержант Кравиц спрятал на той стороне улицы съемочную группу, чтобы иметь список тех, кто был там.

— Замечательно.

— Бен, такова уж работа полиции, надо это признать.

Нортон не признал ничего. Макнейр полез в ящик стола и достал пачку жвачки «джуси фрут». Предложил Нортону и, когда тот отказался, отделил плиточку себе и стал жевать. Это обозлило Нортона, и без того обозленного тем, что сидит в этом чулане и разговаривает с лакеем Эда Мерфи.

— Ты все еще в контакте с Кравицем? — спросил он.

— Конечно.

— Тогда почему не сказал ему, что тот дом в Джорджтауне принадлежит Джеффу Филдсу?

— Что?

— Ты прекрасно слышал. Почему не сказал Кравицу?

— Я н е з н а л этого,— признался Макнейр.

— В таком случае почему Эд не сказал тебе? О н знал.

— Откуда ты знаешь, что знал?

— Потому что я сказал ему, черт возьми. Почему он не передал через тебя Кравицу, если всеми силами стремится помочь следствию?

Макнейр всепрощающе улыбнулся.

— Бен, у него, должно быть, вылетело из головы. Эд просто н е в е р о я т н о занят.

— Послушай, я работал на Эда. Он не забывает н и ч е г о. Разве только умышленно.

— В Белом доме другие условия,— терпеливо сказал Макнейр.— Качественный скачок, Бен. Теперь он кое-что забывает. Потому я и нахожусь здесь, помогаю ему организовать работу.

— Спроси его о доме Филдса,— сказал Нортон.— И заодно: почему он звонил Филдсу среди ночи несколько суток назад.

Он хотел добавить, «если это он», но решил, что сейчас нужно блефовать.

— Кто говорит, что он звонил?

— Я говорю.

— Ладно, передам. Это и есть твое срочное дело?

Нортон заколебался. Ему было неприятно иметь дело с этим покладистым болваном, однако он решил, что сообщение передано, а это главное. Игру приходилось вести по правилам Эда.

— Нет,— сказал он.— Передай Эду, что я хотел говорить с ним о январском путешествии президента в Калифорнию.

Макнейр недоуменно посмотрел на него.

— Каком путешествии?

— Он знает.

Макнейр нахмурился и что-то записал в блокнот. Тут отворилась дверь, и вошел человек. Ему было лет сорок пять, он был хорошо сложен, черные волосы его были коротко острижены, настороженный взгляд черных глаз быстро перебегал с Макнейра на незнакомца за его столом.

— Познакомьтесь. Байрон Риддл, Бен Нортон,— сказал Макнейр.

Нортон встал и протянул руку, но Риддл, не замечая этого, быстро подошел к своему столу и проверил, все ли ящики заперты. Лишь тогда он взял руку Нортона и так крепко стиснул ее, что Нортону пришлось ответить тем же. Во время рукопожатия Риддл придвинулся лицом к Нортону и смотрел так пристально, будто хотел загипнотизировать.

— Бен работал на президента,— сказал Макнейр.— В его сенаторском штате.

— Вот как? — сказал Риддл.— А чем занимаешься сейчас?

Нортон ответил не сразу. У Риддла была странная манера говорить одной стороной рта, это так удивило Нортона, что он едва не пропустил вопрос мимо ушей.

— Сейчас у меня частная практика.

— В какой фирме?

— «Коггинс, Копленд и Стоун».

— Хорошая фирма,— сказал Риддл, понимающе кивнув.— Но тебе нужно вернуться в команду, дружище. Совершаются большие дела. Вот где поле действий.

— Какая у тебя роль в команде? — спросил Нортон.

— Много ролей. Я, так сказать, запасной игрок.— Он усмехнулся своей шутке, в усмешке было что-то волчье, и взглянул на часы.

— Байрон тут совершил...— начал было Макнейр, но Риддл оборвал его.

— Оставим мою персону в покое,— сказал он.— Я спешу. Меня ждет дамочка, а заставлять прекрасный пол дожидаться не в моих правилах.— Он подмигнул и скрылся за дверью.

— Своеобразная личность,— сказал Макнейр.— Неповторимая. Ты не слышал, что он сделал в день инаугурации?

Нортон запротестовал — его совершенно не интересовал Байрон Риддл,— но Макнейр жестом усадил его на место.

— Дело в том,— сказал он,— что Байрон делал кой-какую работу во время избирательной кампании. Организация выступлений, обеспечение безопасности и тому подобное, но до получения работы в Белом доме ему было далеко. Потом в день инаугурации, когда президентский кортеж ехал от Капитолия, какой-то псих, волосатый хиппи, пробрался во двор Белого дома с чемоданом, по его словам, полным взрывчатки. И заявил, что взорвет Белый дом, если ему не дадут выступить по национальному телевидению. Сказал, что хочет произнести свою инаугурационную речь. Ну, можешь представить, какая поднялась паника. Подъезжает президент, на него смотрит вся страна, а тут хиппи с чемоданом взрывчатки. В первые минуты никто не знал, что делать. Агенты ФБР хотели стрелять, а секретная служба решила для отвода глаз начать переговоры. То есть, н и к т о ничего не предпринимал. Вдруг откуда ни возьмись появился Байрон Риддл, подошел к этому хиппи, угостил его сигаретой и начал разговор, а две минуты спустя этот тип отдал ему чемодан и сдался без единого звука. Эта история наделала бы много шума, но в тот день было много разных событий, и нам удалось ее замять. А как только хиппи оказался под арестом, Байрон Риддл скрылся. Вот что значит скромность. И поверь, Эд Мерфи оценил это. Байрон получил должность какого-то специального консультанта. Он странный тип, но мужество у него есть; в этом ему не откажешь.

Нортону не хотелось слушать о подвигах Байрона Риддла, и он поднялся из-за стола.

— Слушай, Макнейр, передай Эду то, что я сказал. Насчет Калифорнии. Скажи, что, если он не поговорит со мной, я поговорю кое с кем другим.

Макнейр помрачнел.

— Не по душе мне все это, Бен. Не знаю, в чем твоя проблема, но, по-моему, ты идешь по ложному следу. Все мы в одной команде, разве не так? Все хотим помочь президенту.

— Послушай, на помощь президенту мне наплевать,— холодно сказал Нортон.— Я лишь хочу выяснить, кто убил Донну. Можешь так и передать Эду.

Макнейр опешил, словно получив пощечину. По молодости лет он старался угождать людям, а Нортону почему-то не хотелось, чтобы ему угождали. Но не успел он ничего возразить, как Нортон вышел.

На другой день Нортон был вызван к Эду Мерфи и застал его в ярости.

— Что еще за намеки про Калифорнию в январе? — заорал Мерфи.— Что за игру ты ведешь? Если тебе есть что сказать, говори напрямик.

— Скажу,— ответил Нортон.— На той неделе ты мне говорил, что Уитмор не виделся с Донной с прошлого лета. Но один человек, которому можно верить, сказал мне, что Уитмор приезжал к ней в Кармел перед самой инаугурацией.

— Вранье! — крикнул Мерфи.— Он не виделся с ней почти целый год.

— Эд, тот человек видел его. И разговаривал с ним.

— Кто он такой?

— Приятель Донны. Хочешь знать, кто он, спроси Уитмора.

— Старик сенатор?

— Да.

— У него не все дома. После выборов он стал названивать и писать, надавал боссу кучу бесплатных советов. Мы старались отделаться от него шутками, но ста́рик оказался занудой. Видимо, он разобиделся и выдумал историю, чтобы заставить кого-то слушать себя. Ты сущий дурак, если воспринял его всерьез.

— У этого старика все дома, Эд.

— Значит, у тебя не все. Несешь черт знает что. Бен, у тебя прекрасное будущее, но ты можешь испортить его своим упрямством.

— Я хочу докопаться до истины. Можешь передать это своему боссу.

— Тобой движет личная неприязнь. Отвергла тебя подружка — виноват Уитмор. Убили ее — виноват Уитмор. Ты что, предполагаешь здесь какой-то заговор?

— Эд, послушай, о Донне и Уитморе я никому не сказал ни слова. Будь я ревнивым любовником, то молчать бы не стал, разве не так? Я н е х о ч у создавать Уитмору никаких проблем. Мне нужна только правда о том, что произошло с Дон-

ной. Но когда ты начинаешь хитрить со мной по мелочам, я поневоле думаю, что ты хитришь со мной и в серьезных вопросах. Если она приехала повидаться с ним или он в январе ездил повидаться с ней, так скажи напрямик. Пока мне будет казаться, что от меня что-то скрывают, что меня водят за нос, я буду продолжать поиски. Почему бы сразу не сказать правду?

Эд Мерфи сверкнул глазами, но поколебался, прежде чем ответить, а когда заговорил, голос его звучал неуверенно.

— Мы сказали тебе правду, Бен.

— Ладно, Эд,— сказал Нортон и поднялся. Больше говорить было не о чем. У него мелькнула мысль, что в голосе Мерфи слышалась виноватость, словно он хотел сказать правду, но не мог. Видимо, все решения в этом деле принимал Уитмор. Вполне возможно.

Но возможно и совсем другое, думал Нортон. Может, Эд говорит правду, а я делаю поспешные выводы. Что если Фил Росс о б о з н а л с я и видел не Мерфи с Донной? Что если у старого сенатора и вправду зашел ум за разум? Что если все это совпадение? В таком случае Эд прав — я безмозглый дурак и, возможно, порчу себе будущее в этом городе. Нортон терзался неуверенностью. Неужели его так обуяли страсти? Не видит ли он заговоры там, где их нет? Нортон считал себя разумным человеком, но в душу ему закрадывалось опасение, что ведет он себя подурацки.

Однако, размышлял он, Донна убита. Это факт. И Эд Мерфи, очевидно, лжет. А сенатор Нолан вряд ли лгал о приезде Уитмора в Кармел. И в довершение всего необъяснимое сообщение об убийстве по телефону. Нортон думал, что, возможно, он ошибается, но скорее всего эта улика подтверждает его подозрения; горячность и упрямство не позволяли ему бросать начатое, во всяком случае пока.

12

Среди дня, когда Байрон Риддл вошел в кабинет, Клэй Макнейр оторвал взгляд от бумаг и ощутил резкую боль в желудке. Обостряется язва, подумал он. Нажил язву в этом сумасшедшем доме. И собрался с силами, чтобы не выдать боли.

— Байрон, где донесения службы безопасности? Эд звонил, спрашивал.

— Отстань, парень,— огрызнулся Риддл.— Я занят совершенно секретными делами.

— Послушай, Байрон...

— Послушай т ы, парень. Какого черта ты усадил вчера за мой стол этого Нортона? Тебе здесь что, Большой Центральный вокзал? Если увижу еще кого за своим столом, вышвырну отсюда и его, и тебя!

Макнейр не верил своим ушам.

— Байрон, что такого, если кто-то сядет за твой стол? Пусть за мой садится кто угодно, я не против. Не будем делать из мухи слона.

— Речь не о твоем столе,— презрительно сказал Риддл.— Иногда у меня в ящиках хранятся важные документы.

— Байрон,— терпеливо сказал Макнейр.— Бен Нортон вовсе не шпион, кроме того, я сидел здесь вместе с ним, да и ящики твои все равно заперты, разве не так?

— Кто сказал, что он не шпион? Не строй никаких предположений, парень. Ты мог бы выйти на минутку в туалет, а он бы управился до твоего прихода.

— Байрон, секретная служба утверждает, что замки на этих ящиках...

— Плевать на секретную службу,— огрызнулся Риддл.— Детский сад. Что они смыслят? Слушай, парень, нет таких замков, чтобы их не мог вскрыть настоящий профессионал. Даже новые электронные устройства... Словом, делай, что я говорю. Веди тех, с кем хочешь поболтать, в столовую и запирай за собой дверь. Понял? Если я еще увижу кого возле своего стола, мы с тобой поссоримся. Крепко поссоримся.

И, не слушая возражений Макнейра, быстро вышел из кабинета, хлопнув дверью.

Макнейр неподвижно сидел за столом, боль в желудке у него все усиливалась. Положение было не из приятных. Клэй Макнейр выше всего ставил хорошую организацию, хорошее управление и пытался ладить с Байроном Риддлом, самым неорганизованным, неуправляемым человеком, какого он только встречал. Мысль предоставить им один кабинет на двоих казалась Макнейру безумием, садистской шуткой, однако они сидели в этом чулане лицом к лицу. Макнейр хотел пожаловаться Эду Мерфи на вольного консультанта, но не знал, как Мерфи это воспримет. Спору нет, Риддл иногда оказывался полезен; видимо, он имел такие источники информации, о существовании которых никто не подозревал. И, что хуже всего, Макнейр его боялся. Когда они спорили, как только что, Риддл иногда устремлял на него холодный, яростный взгляд, словно бы говорящий: «Я могу убить тебя».

Чтобы успокоиться, Макнейр достал из кармана жевательную резинку «джуси фрут» и сунул ее в рот. Получив предложение работать в Белом доме, он ждал совсем не такого. Ему представлялось, что он получит прекрасный кабинет неподалеку от президентского, что будет по нескольку раз на день заходить к президенту и давать советы в государственных делах. Вместо этого он корпел в цокольном этаже, ожидая от Эда Мерфи разносов по телефону за какую-нибудь оплошность, и мог считать неделю удачной, если хотя бы в и д е л президента. Разговаривали они последний раз на приеме в Восточном кабинете, президент назвал его Хенк и похвалил за работу над проектом, к которому Макнейр не имел ни малейшего отношения.

Внезапно зазвонил телефон прямой связи с Эдом Мерфи, и Макнейр дрожащей рукой поднял трубку.

— Нортон не звонил тебе? — требовательно спросил Мерфи.

— Не звонил, Эд.

— Больше с ним не болтай. Выслушай, что он скажет, передай мне и помалкивай. Ясно?

— Хорошо, Эд.

— И забудь, что он говорил о Калифорнии. У него шарики не на месте. Он всегда был таким. Для нас самое лучшее избегать его.

— Хорошо, Эд,— снова ответил Макнейр, но Мерфи уже положил трубку. Клэй Макнейр осторожно опустил свою. Он не мог понять, почему Мерфи так расстраивается из-за смерти какой-то женщины и почему Нортон задает о ней столько вопросов. Собственно, он и не очень интересовался. Одно из правил хорошего управления, которые он изучал в коммерческой школе, гласило: «Не вникай в чужие проблемы». Ему хватало своих забот.

Предвечерние часы Байрон Риддл провел высоко на галерее сената, невозмутимо следя за бестолковой игрой в демократию. Обсуждался законопроект об общественных работах, проблема столь важная для страны, что на прения собралась почти треть сенаторов. Внимание Риддла было сосредоточено главным образом на Доновале Рипли, молодом, напористом лидере сторонников законопроекта. Риддл ненавидел Рипли и все, что тот поддерживал, однако за тем, как сенатор вел законопроект по парламентским минным полям, следил с самодовольной улыбкой. Потешься, Донни, думал он, потешься напоследок, вряд ли еще придется.

Пока тянулись дебаты, Риддл то и дело выходил из терпения, он ждал более крупных событий вечера. Время от времени он закрывал глаза и вслушивался в голоса сенаторов. Почти всех их он мог опознать по голосу. Этой небольшой хитрости он научился в своей работе — возможно, когда и понадобится. Заметив, что один сенатор из Новой Англии сморкается, Риддл торопливо подался вперед и сделал вид, что поправляет галстук. На самом деле он фотографировал крошечной камерой, спрятанной в лацкане пиджака. Мелочь, но, возможно, когда и пригодится. Он представил себе на избирательной афише увеличенный снимок ковыряющего в носу сенатора с надписью: «Не то ли самое выбрали и мы?» Его охватил смех, он смеялся, пока сидящая впереди пожилая дама не обернулась и не зашикала.

Когда сенаторы, наконец, стали расходиться, Риддл взглядом проводил со сцены Рипли, окруженного ближайшими помощниками, потом спустился с галереи и поспешил к телефону-автомату. Ему тут же ответила молодая женщина из маленькой квартиры в нескольких кварталах оттуда.

— Венди? — прошептал Риддл.— Это я.

— А, доктор Грин. Как там дела?

— Все отлично. Дебаты только что окончились. Он сейчас пошел в кабинет. К тебе явится уже затемно. Все готово?

— Я готова,— сказала Венди.

— Нервничаешь?

— Разве что самую малость.

— Не волнуйся, малышка. Ты будешь бесподобна.

— Ха! О н в этом убедится.

Риддл усмехнулся.

— Оценить тебя полностью он не сможет. Только смотри, не забудь о свете. Скажи ему, что свет тебя возбуждает. Что хочешь видеть его смазливую рожу. Скажи, что угодно, но н е г а с и с в е т!

— Успокойтесь, доктор Грин. Можете на меня положиться.

— Молодчина. Ну ладно, мне нужно идти.

— Скажите, а когда я теперь увижу вас? Чтобы получить остальные деньги.

— Завтра позвоню,— пообещал Риддл.— Только не волнуйся. Ты будешь бесподобна.

Он спустился по лестнице мимо громадной картины, где был изображен Джордж Вашингтон, переправляющийся через реку Делавэр, и, проходя по Ротонде, увидел идущего навстречу в сопровождении полудюжины старшеклассников крепко сложенного человека, показавшегося знакомым. Заметив Риддла, этот человек извинился перед школьниками и бросился к нему, протянув для пожатия руку.

— Байрон, старый бандит, как дела, черт возьми?

— Отлично, сенатор. Как у вас?

— Брось ты величать меня сенатором. Для тебя я Билл, дружище. Говорят, дела твои идут как по маслу.

— Не жалуюсь.

Сенатор рассмеялся и затряс руку Риддла.

— «Не жалуюсь». Ха. Все тот же старина Байрон. Знаешь, какой нужен тебе девиз? «Я люблю тайну». Старина Байрон! Такого человека еще поискать.

Недоумевая, что нужно его собеседнику, Риддл высвободил руку и взглянул на часы.

— А как дела у тебя, Билл?

Усмешка сенатора исчезла.

— Дела скверно,— угрюмо сказал он.— Избирают человека, чтобы он работал, а потом не дают работать. Представляешь, мне приходится платить из своего кармана за информационный бюллетень. Вынужден читать лекции, чтобы свести концы с концами. Иногда я думаю, стоит ли быть сенатором.

— Тебе нужно повидаться с одним человеком,— сказал Риддл.— У него соевая плантация. В городе он новичок. Хочет познакомиться с нужными людьми. Может выручить тебя.

— Пришли его ко мне, Байрон, пришли. Рад буду видеть твоих друзей в любое время.

— Ладно,— ответил Риддл и хотел уходить.

— Послушай, Байрон, может, ты сможешь помочь мне кое-чем.— Сенатор обнял Риддла за плечи и отвел к статуе давно забытого вице-президента.— Сюда вернулось несколько смутьянов. Один из них именует себя врачом. Открыл клинику, но вместо пилюль дает политические советы. Я хотел бы узнать, кто он такой и кто стоит за ним.

— С нашими друзьями не говорил?

— От них мало толку. Все напуганы до полусмерти. Не то, что в прежние дни. Слушай, Байрон, я думал, что, если ты сможешь выяснить...

— Постараюсь. Дел у меня куча, но я постараюсь.

— Отлично. Слушай, Байрон, я хотел спросить, что ты знаешь о той женщине, убитой в Джорджтауне?

— Ничего.

— Странная история,— сказал сенатор.— Я думал, в газетах осветят ее пошире.

— Сам знаешь, какие у нас газеты.

— Да, конечно. Что ж, был очень рад тебя видеть. Звони.

Сенатор подмигнул и направился к ждущим школьникам.

Риддл торопливо вышел из Капитолия и спустился по длинному ряду ступеней восточного фасада на Конститьюшн-авеню. Прежде чем Донован Рипли вышел из старого здания сената, он выкурил две сигареты. Рипли быстро пошел по Первой стрит мимо Верховного суда и свернул на Ист-Кэпитол-стрит. Риддл в отдалении следовал за ним. Расчеты его оказались правильны. На Четвертой стрит сенатор свернул направо, дошел до середины темного квартала, потом юркнул в подъезд старого особняка, разделенного на три квартиры. Риддл прекрасно знал этот особняк; в настоящее время все три квартиры снимал он. На другой стороне улицы стояла машина, Риддл влез в нее. Минуту спустя он увидел, как Венди подошла к окну и опустила шторы. Свет продолжал гореть. Риддл закурил «мальборо» и засмеялся. Все очень просто, думал он, все очень просто, когда твои враги тупы, как Донован Рипли. Два часа, пока Рипли не вышел на улицу, он сидел в машине, то посмеиваясь, то спокойно думая о своем будущем и о том, какой козырь идет ему в руки. Это была крупнейшая его удача, бесценная удача, и теперь он мог добиться всего.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Возвратившись из Парижа в Вашингтон, адвокат Бен Нортон узнает об убийстве любимой им женщины Донны Хендрикс. На свой страх и риск Нортон ведет расследование преступления. Журналистка Гвен рассказывает ему, что ее подруга Донна влюбилась в президента Чарлза Уитмора, но затем порвала с ним и уехала в Калифорнию. От той же Гвен Нортон узнает, что владельцем дома в Вашингтоне, где была убита Донна Хендрикс, является киноактер Филдс, помогавший Чарлзу Уитмору во время избирательной кампании. Посещение Филдса, после которого Нортон, избитый, приходит в себя утром в канаве, и разговор с помощником президента Эдом Мерфи утверждают его в мысли, что дело нечисто и от него что-то скрывают.

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

Патрик АНДЕРСОН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

РОМАН

Едва Нортон вернулся с ленча, неожиданно позвонила секретарша босса: мистер Стоун хочет немедленно видеть мистера Нортона. Три минуты спустя он вошел в большой, тускло освещенный кабинет Уитни Стоуна и увидел его, неподвижно сидящего с недоуменной улыбкой на лице за антикварным столом. Стоун поглядел на Нортона, потом жестом пригласил его сесть в кресло.

— Я только что получил скверные новости, Бен,— начал он.

— Какие?

— Как ты знаешь, на основании твоих сведений из министерства юстиции мистер Бакстер тут же занялся приобретением радиостанций. Вчера утром он подписал бумаги.

— Так.

— А сегодня утром представитель антитрестовского отдела сообщил мистеру Бакстеру, что у министерства есть серьезные вопросы по поводу этого приобретения и оно готовит судебный запрет.

Нортон был так поражен, что не смог ответить; ему нанесли удар в спину, и он догадывался, почему.

— Я хотел бы знать, Бен,— продолжал Уитни Стоун самым любезным, в его устах наиболее зловещим тоном,— можешь ли ты пролить какой-то свет на этот весьма нежелательный поворот событий. Мы, разумеется, полагались на твою оценку настроения в антитрестовском отделе. Может, ты ошибся? Или тебя ввели в заблуждение?

Нортон был в таком гневе, что не мог сказать ничего, кроме правды.

— Нет, я не ошибся. Видимо, дело тут в одной довольно специфичной проблеме. Мы с Эдом Мерфи... ну, скажем, столкнулись во взглядах по одному личному делу. Я думаю, что организатором министерской политики открытых дверей был Эд. Надеялся урезонить меня таким образом по-хорошему. Но потом у нас состоялся еще один разговор, я по-прежнему не соглашался с ним в том вопросе, и он разозлился.

Уитни Стоун свел кончики пальцев и уставился в потолок, словно ожидая наставления свыше.

— Ценю твою искренность,— наконец сказал он.— Видишь ли, Бен, мне известно кое-что о твоем... э... столкновении во взглядах с Эдом Мерфи. Насколько я понимаю, оно связано со смертью твоей приятельницы мисс Хендрикс.

— Да.

— И Мерфи считает, что ты проявляешь к этому делу слишком большой интерес, с его точки зрения, довольно назойливый. Поэтому он воспользовался этим антитрестовским делом, чтобы поднять тебя, а потом сбить. Ты так это понял?

— В основном да.

— Тогда, видимо, главный вопрос заключается в том, не слишком ли воинственно ты ведешь себя?

— Думаю, что нет,— ответил Нортон.— Донна была убита при очень странных обстоятельствах. Никто не может сказать, почему она находилась в Вашингтоне, в этом особняке, в это время. По-моему, Эд Мерфи знает и лжет мне.

— Бен, подозреваешь ты, что президент Уитмор имеет какое-то отношение к ее смерти?

— Для такого предположения у меня нет причин,— сказал Нортон. Это было истинной правдой. Кроме того, как понимали и он, и Стоун, это было не категоричное отрицание.

— Но ты думаешь, что Уитмор и Мерфи могли знать, почему она находится в Вашингтоне, и даже общаться с нею?

— Совершенно верно.

— И настаиваешь, чтобы Мерфи удовлетворил твое любопытство по этим пунктам?

— Это не просто любопытство, Уит. Я считаю, что правда о ее смерти должна быть раскрыта, если это возможно.

— Правда о ее смерти, Бен, или о любовных делах?

Нортон ощутил, как в нем закипает гнев.

— Постой-ка, Уит,— сказал он.— Я считаю...

— Не обижайся,— перебил Стоун.— Дай мне, пожалуйста, развить эту мысль. Предположим для начала, что мисс Хендрикс была убита грабителем. Теперь предположим, что вечером накануне убийства она говорила с президентом или он был у нее. Считаешь ты, что эти сведения важны для расследования?

— Не исключено. В любом обычном расследовании б ы л и б ы.

— Совершенно верно,— сказал Стоун.— Но ведь, согласись, это не обычное расследование. Наоборот, в высшей степени необычное. Если бы я или ты навестили мисс Хендрикс накануне убийства, это никого бы не интересовало.

— Необязательно накануне, Уит. Возможно, речь идет о т о м вечере, когда она погибла.

— Но доказательств у тебя нет?

— Нет. Ничего определенного.

— В таком случае, как ты, несомненно, понимаешь, это предположение в высшей степени серьезное, и его нельзя делать так легко.

— Я знаю.

— Еще бы! Итак, продолжу свою мысль. Какие бы отношения ни были у президента с этой юной леди, пусть даже самые невинные, если они станут достоянием гласности, то с их помощью можно опорочить, может быть, парализовать или даже сокрушить его администрацию. Таким образом, положение очень деликатное, и, возможно, суть заключается в том, насколько твое... э... д о з н а н и е диктуется личным отношением к несчастной молодой женщине.

Нортон снова подавил гнев.

— Здесь нет личных чувств,— заявил он.— Я хочу только правды. Пусть Уитмор говорит правду, как и всякий человек.

— Правду,— повторил Уит Стоун.— Истину. Ты хочешь истины. Желаю тебе удачи в поисках, но должен заметить, что святые и философы ищут ее испокон веков без особого успеха. Лично я нахожу справедливость более практичной целью. В справедливости нуждается больше людей, чем в истине. Истиной в данном случае может оказаться, что мистер Уитмор безнравственный или неблагородный человек, но справедливо ли будет, если он пострадает как политик за свое не имеющее отношения к политике неблагоразумие?

Он улыбнулся и закурил сигарету, не сводя взгляда с Нортона.

— Я не хочу вредить ему как политику,— запротестовал Нортон.

— Конечно, нет,— сказал Стоун.— Ты хочешь только «истины». Но позволь заметить, Бен, только не обижайся, что твоя преданность истине в данном случае не абсолютна.

— О чем это ты?

— Насколько я понимаю, ты располагаешь некоторыми сведениями, которые используешь сам, вместо того чтобы поделиться с теми, кто официально уполномочен вести расследование. Я не вмешиваюсь в твои дела, но должен заметить, что ты можешь оказаться в не очень приятном положении.

Это был намек на ответственность за утаивание сведений. К сожалению, небезосновательный.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—18.

Нортону стало любопытно, кто осведомляет Стоуна. Белый дом? Прокуратура? Полиция? Но в Вашингтоне никто не выдает своих источников информации. Святого в этом городе мало, но они святы.

— Может, я и совершал ошибки,— сказал Нортон.— Но действовал из лучших побуждений.

— Ну конечно,— сказал Стоун, затянувшись сигаретой.— Пойми, Бен, я говорю как друг, которому небезразлично твое будущее. Само собой, я был бы неоткровенен, если бы сказал, что доволен этим поступком министерства юстиции.

— Жаль клиента,— сказал Нортон.— Он пострадал за чужую вину.

— Что ж, такое случается,— сказал Стоун.— Мы как-нибудь ему поможем. Главная моя забота о тебе, Бен. Я не хочу, чтобы пострадала твоя многообещающая карьера. Давай поговорим о ней. Мы ведь толком и не разговаривали после твоего возвращения из Парижа. Вот что, давай выпьем. Тебе шотландского?

Стоун подошел к шкафчику с бутылками и быстро смешал два коктейля; такое гостеприимство, насколько было известно Нортону, в истории фирмы не имело прецедентов. Нортон отнесся к нему с легким подозрением, но все же решил выслушать Стоуна до конца. Может, и в самом деле он руководствовался личными мотивами. Может, и в самом деле губил свое будущее.

Стоун подал ему стакан и сел.

— Ну, Бен, давай заглянем вперед, где тебя, несомненно, ожидает блестящая карьера. Какие цели ты ставишь себе?

Нортон расслабился, с наслаждением обдумывая вопрос. Заглядывать вперед было приятно, чем дальше, тем приятнее.

— Хочу быть хорошим юристом,— сказал он.— А в последние годы и здесь, и в Капитолии меня все больше и больше интересовали отношения между правительством и корпорациями. Они далеко не просто юридические. В них есть политический, экономический и культурный аспекты, и они развиваются по мере того, как конгресс издает новые законы, а корпорации движутся к некой сверхгосударственной роли. Здесь требуется определенность. Между обеими сторонами должна существовать более тесная связь, а мы являемся посредниками. Здесь есть простор, извини меня, для юридической мудрости, которая служила бы обеим сторонам и общественным интересам.

Он умолк и пригубил виски. Подумал, что Уитни Стоун известен служением отнюдь не общественным интересам и вряд ли может понять, о чем идет речь.

— Хорошо сказано,— заметил Стоун.— И совершенно справедливо. Иногда мне кажется, Бен, что половину времени я трачу, объясняя политикам корпоративный склад мышления, а другую — объясняя политический склад ума своим друзьям из корпораций. Здесь е с т ь нужда в определенности. И в мудрости. И еще, можно сказать, в философском осмыслении. Каковы истинные связи между общественным и частным секторами? Кто хозяин и кто слуга? Или здесь встреча равных? Это очень интересные вопросы.

— Да,— сказал Нортон.— А когда изо дня в день бьешься над текущими делами, на них нелегко сосредоточиться.

— Совершенно верно,— сказал Стоун.— Об этом я и хочу поговорить. Генри Уиллогби скоро уйдет. Он пока молчит, но здоровье его все ухудшается. Бедняга! Как тебе известно, он всегда был у нас философом, ну, а я обращал внимание на более практические дела. Но мне потребуется новый сотрудник, чтобы он подвергал анализу нашу корпоративную работу. Писал кое-что. Давал показания перед соответствующими комиссиями конгресса. В сущности, мне нужен человек, способный стать признанным на всю страну знатоком всех аспектов в отношениях между корпорациями и правительством. И само собой, чтобы вел те дела, которые сочтет наиболее интересными. Думаю, что для этой работы ты самый подходящий человек. Если, конечно, она тебя привлекает.

— Конечно, привлекает, Уит. Я даже не знаю, что сказать.

— Тогда не говори ничего. Просто поразмысли над этим, а детали мы обговорим попозже. Разумеется, важность твоей новой работы отразится и на размерах жалованья.

— Уит... Я очень благодарен.

— Меня восхищает честность, Бен. Я восхищен твоей откровенностью о разногласиях с Эдом Мерфи. И твоей преданностью этой женщине. Хочу только по-дружески напомнить тебе, что осторожность и сдержанность тоже могут быть добродетелями.

Нортон недоумевал. Разговор о Донне внезапно обернулся предложением блестящей работы. Хотел ли Стоун подкупить его? Или даже думать так — безумие? После недолгих колебаний подозрения Нортона снова взяли верх.

— Уит, но в другом деле, в вопросе о гибели Донны, я не могу дать никаких гарантий.

— И не нужно,— спокойно сказал Стоун.— Только я хочу предупредить тебя. Мне по секрету сообщили один факт. У меня, как ты, наверно, догадался, есть некоторые источники сведений о ходе расследования этого убийства, и я получил достоверное известие, что скоро, возможно, через несколько дней, будет произведен арест. Говорю это лишь для того, чтобы удержать тебя от опрометчивых поступков.

— Кто будет арестован?

Уитни Стоун вздохнул.

— Боюсь, это печальный конец печальной истории. Подозреваемый — ненормальный парень, на его счету целый ряд сексуальных преступлений, от подглядываний в окна до попытки изнасилования. Работает он продавцом винной лавки в Джорджтауне и продал мисс Хендрикс бутылку сливовицы в тот вечер, когда ее убили. Очевидно, он пошел за ней до самого дома и...

Стоун не закончил фразы. Но было ясно, что он имел в виду. Нортон безучастно уставился в пол. Значит, все кончено. Ее убил какой-то псих, извращенец, его арестуют — и точка.

— Подлить тебе, Бен?

Нортон мгновенно вернулся к действительности.

— Нет, спасибо. Извини, я пойду. Все это было... словом, вполне достаточно на один день.

— Конечно, Бен,— сказал Уитни Стоун со своей змеиной улыбкой.—Завтра мы поговорим еще.

Ошеломленный Нортон вернулся к себе в кабинет. Там он стал сопоставлять то, что Стоун сказал ему о Донне и о новой работе. Инстинкт ему подсказывал, что надо бояться Уитни Стоуна, дары приносящего. Как знать, правду ли говорил Стоун? Действительно ли собираются арестовать продавца из винной лавки, или Стоун это выдумал? Или он сам напрасно всегда сомневается во всех и во всем? Нортон выругал себя за нереши-

тельность и взялся за телефон. Через несколько секунд он разговаривал с Кравицем.

— Сержант, можно ли приехать сейчас, побеседовать с вами?

— Нет, если не собираетесь никого убивать,— ответил Кравиц.— Я сейчас еду на открытие бейсбольного сезона, там будет играть мой сын.

— У меня к вам один вопрос,— сказал Нортон.— Я слышал, вы собираетесь произвести арест по делу Хендрикс.

— Мы никого не арестовывали,— сказал Кравиц.

— Я понимаю. Но мне сообщили, что у парня из винной лавки целый ряд сексуальных преступлений и следствие интересуется им.

— Следствие интересуется многими лицами,— ответил Кравиц с легким раздражением.

— Да, но не могли бы вы сказать, входит ли в их число этот парень?

— Послушайте, Нортон,— прорычал сержант,— мы не рассылаем предварительных уведомлений перед арестом. Да, следствие интересуется этим парнем, но больше я не скажу ничего.

— Хорошо, сержант. Спасибо. Надеюсь, команда вашего сына выиграет.

Наконец удовлетворенный, Нортон положил трубку. Разумеется, Кравиц не мог сказать ему о своих планах. Но было ясно, что последует дальше. Разгадка тайны завершилась не громом политического скандала, а хихиканьем ненормального парня. Нортон закрыл глаза и задумался, хотелось бы ему, чтобы грянул политический скандал, чтобы гибель Донны имела больший резонанс, чем придаст ей суд над каким-то подонком. Потом приказал себе отбросить эти мысли. Вел он себя достойно. Может, и не умно, но достойно, и теперь пора подумать о будущем. Нужно вырваться из облака отчаяния, которое окутывало его последние недели. Он с улыбкой вспомнил неделю после выпускных экзаменов, когда он пьянствовал с друзьями четыре дня. Сейчас напиваться его не тянуло, но хотелось общества, смеха, развлечений, и он решил принять приглашение Гвен Бауэрс на вечеринку. Гвен звонила, сказала, что у нее соберется компания отметить первый рассказ, пристроенный ее подругой. Видимо, там будет весело, и Нортон подумал, что ему необходимо немного развеяться.

Нортон дважды позвонил, потом толкнул дверь и вошел. По длинному коридору направился к библиотеке, откуда доносились музыка и смех, там он обнаружил Гвен, она стояла перед камином и рассказывала восьми или десяти гостям:

— Значит, я в новом бальном платье, метет метель, машина моя не заводится, такси не видно, а мне через полчаса нужно быть в Белом доме на встрече Нового года. Что делать? Что хочешь, то и делай. Я натягиваю сапоги, иду на Массачусетс-авеню и стою там с поднятой рукой, пока не останавливается какая-то машина, для точности, красная «импала»; водитель глядит на меня, я на него; такого здоровенного, черного, страшного негра я в жизни не видела. А газеты писали, что негр в красной «импале» совершил целую серию зверских изнасилований. Вот это, детки, называется попасть в переплет. Но стоять холодно, других машин не видно, поэтому я влезла в «импалу» и говорю: «Слушай, приятель, если будешь насиловать меня,— давай по-быстрому, только прическу не порть, а потом подбрось к Белому дому».

Молодые люди, беспорядочно рассевшиеся в библиотеке, рассмеялись, вежливо, как двадцатилетние смеются шуткам тридцатилетних, и кто-то спросил:

— Когда это было, Гвен?

— О, много веков назад,—ответила она.—В последние дни Линдона Грозного. Собственно, при близком знакомстве он оказывался не таким уж грозным. Эй, смотрите, кто явился!

Гвен приветствовала Нортона звучным поцелуем.

— Это Бен,— объявила она гостям.— Бен,—она стала указывать на поднятые лица,— это Энни, ее первый рассказ приняли сегодня в «Космо», это Тим, юрист, это Митци, она работает в «Пост», это Майкл, пишет для «Роллинг Стоун», это... как тебя зовут, милый?

— Джо,— ответил бородатый парень.

— Джо,— повторила она.— А это Пит, по-моему, ты его знаешь, это... да ну вас, представляйтесь сами. Бен — юрист и очень славный человек.

Почти все молодые люди улыбнулись или приветственно помахали рукой, кроме одного парня в углу, он, казалось, показывал язык. Нортон взглянул на него еще раз и увидел, что парень вертит самокрутки.

— Пошли на кухню, там нальем тебе выпить,— сказала Гвен Нортону и потащила его по коридору.— У меня был разговор с тем сержантом. Он, как ты и говорил, крут. Но я, как и обещала, не сказала ему ничего лишнего.

— Послушай, Гвен, забудь об этом полицейском. Забудь обо всем. Дело закончено.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне сказали по секрету, что полиция собирается произвести арест. Убил Донну парень из винной лавки. Он пошел за ней до дома или что-то в этом роде. У него целый ряд сексуальных преступлений. Он ненормальный.

— Это сказал тебе Кравиц?

— Нет, другой человек. С Кравицем я разговаривал. Он этого не подтвердил, потому что ареста еще не было, но сказал, что следствие интересуется этим парнем и картина, в общем, ясна. Так что больше я об этом не думаю. Нужно предать дело забвению. От нас больше ничего не зависит.

Гвен прислонилась к стене и вздрогнула.

— Слава богу,— сказала она.— Я думала, что... то, о чем мы говорили, сводило меня с ума.

— Я тоже так думал, Гвен. Давай теперь об этом забудем.

— Ладно, Бен. Только я хотела бы кое-что сказать тебе.

— Скажи.

— Многое из того, о чем мы говорили — о Донне и Уитморе,— она могла преувеличить. Или я могла не так понять. В таких делах трудно разобраться. Но теперь это уже неважно.

Суть сказанного до Нортона не дошла, но задумываться ему не хотелось, и он занялся приготовлением коктейля.

— Вот еще что, Бен. Сегодня я случайно встретила Фила Росса и пригласила заглянуть. Полагаю, ты не будешь против. Надеюсь, между вами нет никаких разногласий?

Нортон поглядел на нее, пытаясь вспомнить, говорил ли ей, что Фил Росс отказался от своих слов.

— Никаких,—ответил он.—Гвен, у меня нет разногласий ни с одним человеком. Я начинаю новую жизнь. Давай веселиться. Пойдем, я познакомлюсь с твоими друзьями. Кстати, кто они?

Они пошли обратно к библиотеке.

— Здесь главным образом друзья Энни,— сказала Гвен.— Я хочу познакомить тебя с ней. Она славная. И притом хорошо пишет. Работала в «Пост», но ушла на внештатную работу. Писала статьи для «Роллинг Стоун», «Вашингтониэн», но хочет по-настоящему заняться литературой. Она только что пристроила первый рассказ, по этому случаю и затеяна вечеринка.

В библиотеке Нортон сел на диван рядом с Энни, высокой, худощавой молодой женщиной с веснушками и длинными черными буйными волосами. Одета она была в джинсы и цветастую блузку, расстегнутую минимум на две пуговицы ниже, чем ее мать могла бы одобрить. Груди у нее были маленькие, изящные и такие же веснушчатые, как и лицо.

— Ты Энни,— сказал он.

— Да.

— А я Бен Нортон.

— Я знаю. Гвен сказала мне. Ты встречался с ее подругой по имени Донна, той, что была убита.

— Да.

— Расскажи мне о ней.

— Не хочется.

— Ну извини. Я лишь... Мне казалось, что это интересная история.

— Донна мертва,— сказал он.— История окончена.

— Эй, Энни,— окликнула ее другая женщина с противоположного конца комнаты.—Слышала про Софи?

Сорокапятилетняя Софи была членом конгресса и приобрела известность полнотой и откровенными высказываниями.

— Нет, а что с ней? — откликнулась Энни.

— Она беременна,— крикнула в ответ Митци.— О господи, можете представить Софи в п о с т е л и с ее крохотным м у ж е м?

Все загоготали, и парень, вертевший самокрутки, начал долгий путаный рассказ, соль которого заключалась в том, что спикер конгресса — фетишист.

— Вы, я вижу, не очень высокого мнения о выборных лидерах? — сказал Нортон.

— Еще бы,— ответила Энни.— Если забыть, что они говорят, и только видеть, что д е л а ю т, это смех. Я хочу сказать, что конгресс похож на обезьянник в зоопарке. Если обезьян переправить в конгресс, а конгрессменов в зоопарк, никакой разницы не будет. Может, на твой взгляд, я слишком радикальна?

Нортон пожал плечами.

— Там хватает шутов,— сказал он.— Но есть и хорошие люди.

— Расскажи об Уитморе,— внезапно попросила она.— Хороший он человек?

— В этом я не обвинил бы его,— сказал Нортон.— Но он может стать великим президентом. О более проницательном политике я даже не слышал.

— А что он представляет собой как личность?

— Не знаю. Никогда не интересовался им как личностью.

— Женщины интересуются,— сказала Энни.— Он очень привлекателен.

— По возрасту он годится тебе в отцы.

— Однажды у меня была интрижка с человеком его возраста. Складный мужчина, весь мускулистый, как Хемфри Богарт.

— Много было у тебя интрижек?

— Не знаю, много или нет. Мне двадцать семь, и у меня было двадцать три мужчины. Это много? А сколько было у тебя женщин?

— Не знаю,— ответил Нортон.— Потерял счет.

— Кроме шуток, скажи, сколько?

— Да много. Пятьдесят. Или сто. Несколько лет я вел счет. Идиотизм.

— Почему ты не женат? — спросила его Энни.— Похоже, ты склонен к семейной жизни.

— Склонен, но те, на ком я хотел жениться, не хотели выходить за меня, и наоборот. Я слишком осторожен. Смотрю на своих школьных друзей — кто разведен, кто собирается развестись, кому надо бы собраться. Глядя на них, спешить с женитьбой не хочется.

— Чего я не хочу,— сказала Энни,— так это иметь дело с женатиками. Пару раз пробовала, хватит.

— Почему? Испытываешь чувство вины?

— Нет. Но бывает обидно. Занимаешься с кем-то любовью, а он потом уходит проводить ночь с другой. Ты не представляешь, каково это.

Самокрутка с марихуаной дошла до них. Нортон передал ее Энни.

— Ты не куришь? — спросила она.

— Очень редко. После этого я всегда забываю, о чем говорил.

— Затянись,—предложила она.—Помогает расслабиться.

Нортон с раздражением затянулся. Женщины всегда говорили, что он кажется скованным, чопорным, сдержанным. Но как быть, если он так выглядит? Что ж теперь, ходить босиком?

— Знаешь, как ты выглядишь? — спросила Энни.— Тебе подошло бы сидеть в белом костюме на парадном крыльце своего плантаторского дома со стаканом мятного пунша в руке.

— Наподобие Кларка Гейбла в фильме «Унесенные ветром»,— сказал он.

— Может, скорее, полковника с рекламы жареных цыплят.— Энни хихикнула.— Но в духе старой южной аристократии. Преемник гордой традиции и все такое.

— Энни, хочешь знать, что это за гордая традиция? — спросил Нортон.— По словам моего отца, в восемьсот двадцатом году на день рождения королевы из лондонских тюрем выпустили всех заключенных с условием, что они покинут Англию, и все эти отбросы общества крали суда, сколачивали плоты и всяческими способами добирались до Америки, таким образом клан Нортонов и оказался здесь. Наше генеалогическое древо произвело множество конокрадов, сотни солдат-конфедератов, одного неплохого губернатора Северной Каролины и в конце концов моего отца. В тридцать четвертом году он лишился своей фермы, пошел работать на лесопильный завод за двадцать центов в час и был рад такому заработку. Я тоже работал на лесопильном заводе, но, во-первых, я был довольно смышлен, во-вторых, что еще более важно, отлично играл в бейсбол, из чего следовало, что я создан для великих дел.

— Как ты попал в штат Уитмора? — спросила Энни.— Мне казалось, он брал к себе только безжалостных негодяев.

— Он счел нелишним иметь рядом с собой одного деревенщину, чтобы смягчить свой образ,—сказал Нортон и засмеялся собственной шутке.— Нет, дело было сложнее. Я стал работать у одного сенатора из Северной Каролины советником в антитрестовском подкомитете. Когда мой сенатор умер, председателем, подкомитета стал Уитмор. Некоторое время спустя он вызвал меня к себе в кабинет. Я думал, что он хочет меня уволить и взять кого-то из своих. Вместо этого у нас произошел вот такой короткий разговор. Он спросил: «Хочешь остаться на работе, Нортон?» Я ответил, что хочу. Он сказал: «Оставайся. Я требую только преданности. Сто-

процентной». Я сказал, что это не проблема. Мы пожали друг другу руки, и разговор был окончен. И лишь получив очередную получку, я узнал, что Уитмор повысил мне жалованье.

— Ты его недооценил,— сказала Энни.— Ты хорошо работал, а он был не так глуп, чтобы увольнять тебя.

— Да,— ответил Нортон.— Это я в последний раз недооценил Чака Уитмора. В конце концов он сделал меня своим юрисконсультом. И вот я здесь.

— Я рада,— сказала Энни и погладила его по голове, тут к ним подошел Пит, бармен из бара Натана.

— Привет, мистер Нортон, как жизнь?

— Не жалуюсь. Ты знаком с Энни?

— Конечно. Мистер Нортон, извините, что прерываю ваш разговор, но у меня крупная неприятность. Затянитесь-ка.

Он усмехнулся и протянул громадную самокрутку. Нортон затянулся и передал ее Энни.

— Дело вот в чем,— продолжал Пит.— На той неделе я взял машину у одного парня, меня остановили за нарушение правил, под сиденьем оказалось шесть унций марихуаны, и мне предъявили обвинение в торговле наркотиками. А я даже не знал о марихуане.

— Когда суд? — спросил Нортон.

— Через две недели, в понедельник.

— Зайди на той неделе ко мне на работу, поговорим.

— Ну, значит, я спасен. Только вот денег у меня не густо.

— Пусть тебя это не волнует.

— Спасибо, мистер Нортон.— Пит поднялся и хотел уйти.

— Постой,— сказал Нортон.— Помнишь, недели две назад ты говорил, что какой-то тип приходил в бар и расспрашивал обо мне. Как он выглядел?

Пит скривился и подергал себя за бородку.

— Знаете, толком не помню.

— Ты сказал, что он похож на психа.

— Да? Я так говорил? Ну, может быть. Может, то был не он. Я тогда накурился. Ну ладно, до будущей недели, идет? — Пит торопливо вышел из комнаты.

— В чем тут дело? — спросила Энни.

— Пока неясно.

— Он ведь торгует наркотиками.

— Знаю. Но законы о наркотиках нелепые, и незачем ему садиться за продажу марихуаны.

— Много у тебя такой работы?

— Стараюсь иметь побольше. Наша юридическая фирма представляет самых крупных воротил Америки, и я с удовольствием время от времени помогаю беднягам.

— Ты нравишься мне,— сказала Энни.

— Ты мне тоже. Ты правдивая.

— Люди должны быть правдивыми,— сказала она.— Если человек некрасив или неумен, тут ничего не поделаешь, но правдивым при желании может быть каждый.

Нортон внезапно вспомнил о Донне, она была правдивейшей из всех, кого он знал, такой правдивой, что, может, это и убило ее, и ему захотелось напиться вдрызг, на время забыть о ней. Но одурью ничему не поможешь, и он сжал руку Энни, стараясь думать только о ней. Она была славной, умной, хорошенькой и правдивой, немного походила на Донну, но была на несколько лет моложе и соответственно непостижимее.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего. Кажется, я слегка забалдел. Расскажи, о чем ты пишешь.

— Рассказывать, собственно, нечего. Пишу статьи для журналов ради денег и рассказы, чтобы... словом, это проба сил.

— А что для тебя главная цель?

— Написать роман. Но я пока не готова.

— Гвен говорит, что ты ушла из «Пост». Почему? Я думал, туда все стремятся.

— Я тоже стремилась, но больше года не вынесла. Там работаешь, как на заводе. Хороший завод, выпускает хорошую продукцию, там есть хорошие люди, но все равно это завод. Одни работают на типографских машинах внизу, другие на пишущих машинках наверху. Работая внештатно, я получаю вдвое меньше и живу вдвое веселее. О господи, а о н откуда взялся?

Подняв взгляд, Нортон увидел, что к ним подходит Фил Росс. И хотел было встать, потом передумал.

— Фил, познакомься с Энни. Вы оба выдающиеся писатели. Налей себе виски и присаживайся к нам.

Росс нетерпеливо потряс головой.

— Я ухожу, Бен. Гвен не сказала мне, что здесь будет за вечеринка. Но я рад видеть т е б я. Я хотел сказать тебе, что мы с Эдом Мерфи сопоставили наши сведения о том... недоразумении.— Он глянул на Энни.

— Ничего, говори,— сказал Нортон.

— В общем,— сказал Росс,— в тот день он ехал по Висконсин-авеню с одной секретаршей, из Белого дома, очень похожей на твою подружку. Вот и конец загадке.

— Отлично, Фил,— сказал Нортон.— Замечательно. Слушай, ты сегодня опубликовал прекрасную статью.

Журналист довольно улыбнулся.

— Об этом стоило написать,— сказал он.— Ну, мне надо идти.

— Не торопись,— сказал Нортон.— Оставайся, познакомься с младшим поколением.

Росс нахмурился.

— Откровенно говоря, я не люблю бывать там, где курят марихуану. Это противозаконно.

— Правда,— сказал Нортон.— Грязное дело.

— Ладно, пока,— сказал журналист и заторопился к двери.

— Болван,— прошептала Энни.— Писал статьи в поддержку Никсона до самой его отставки, а курить марихуану, видите ли, противозаконно. Что там у него с Эдом Мерфи?

— Ничего. Только Росс сегодня утром опубликовал статью, сведения для которой он получил от кого-то, очень близкого к верхам, это означает, что они с Мерфи сейчас друзья. Расскажи о своем детстве. Ты играла в бейсбол?

— Нет, писала стихи. И примерно в то же время, когда твой отец лишился фермы, мой открыл в Бронксе зеленную лавку, и со временем она превратилась в одиннадцать зеленных лавок.

— Бог дает, и бог отнимает,— сказал Нортон.— Была ты счастлива?

— Я была несчастна. Была слишком тощей. И осталась до сих пор.

— Чем ближе кость, тем слаще мясо.

— Ч т о-ч т о?

— Старая южная поговорка.

— Она звучит неприлично.

— Да. Это значит, мне нравится, как ты сложена.

— Мне тоже нравится, как сложен ты.

— Очень рад слышать, мэм. Но в данную минуту, если вы простите меня, я пойду в туалет.

— Обратно дойдешь?

— Постараюсь.

Сохраняя равновесие, он пошел к туалету, но дверь оказалась заперта, внутри кто-то стонал.

— Что случилось? — спросил Нортон.

— Меня рвет,— ответил парень. Нортону показалось, что это тот, кто вертел самокрутки.— Я выпил джина. После этого меня всегда выворачивает.

Нортон вышел в заднюю дверь. Прошел по темному газону и облегчился под огромным дубом, глядя на звезды и ощущая себя в полном ладу с мирозданием. Постоял, прислушиваясь к музыке и смеху, доносящимся из дома, а потом заметил, что кто-то вышел из-за угла и притаился на клумбе перед окном библиотеки. Нортон сперва тупо смотрел на темную фигуру, потом вспомнил о любителе подглядывать, убившем Донну, и бросился вперед.

— А ну убирайся! — крикнул он.

Человек на клумбе подскочил и пустился наутек по газону. Одет он был в темный костюм, казался худощавым и жилистым. Нортон побежал за ним и стал догонять; когда их разделяло пять футов, убегавший бросился ему под ноги, как это делают футболисты и кинозвезды. Нортон долго плыл в воздухе, почти парил, но в конце концов упал вниз лицом на мягкую, росистую траву. Услышал, как на улице заработал мотор автомобиля. Нортон видел этого человека лишь мельком, но был уверен, что недавно встречался с ним. Но где? В Джорджтауне? В Палм-Спрингсе? В Белом доме? Он этого не знал, и, казалось, это было неважно. Ему вспомнились чьи-то стихи: «В мягчайшую грязь я сейчас ложусь и буду счастлив, пока не проснусь». После этого он заснул. И проспал бы долго, не выйди Энни и не разбуди его.

15

Проснулся Нортон в своей постели. Как попал домой, он не помнил, но чувствовал себя прекрасно. Открыв окно спальни, он подышал свежим весенним воздухом. Потом лег на пол и пятнадцать раз отжался. Пора было начинать новую жизнь. Долго стоя под душем, Нортон обдумывал все, что нужно будет сделать в ближайшем будущем. Он перейдет на диету и дважды в неделю будет играть в теннис. Поговорит с Уитом Стоуном о своей новой работе, вечерами будет писать и заниматься исследованиями, узнает в местных юридических колледжах насчет лекций по корпоративному праву. И еще Энни. Он явственно представил себе ее, высокую, худощавую, веснушчатую, с буйными волосами, и решил пригласить на обед. Только никакой марихуаны. Эти сумасбродства уже позади, теперь он будет думать только о будущем.

Нортон оделся, на завтрак выпил только чашку кофе — начиналась новая диета,— бодро вышел на улицу и отправился на работу пешком. Было свежее весеннее утро. Ночью прошел дождь, тротуары еще не высохли, но тучи разошлись, и небо было ослепительно-голубым. Возле театра «Биограф» какая-то бледная девица в старомодном платье спросила его, обращался ли он в последнее время к Иисусу. Последний раз Нортон обращался к Иисусу лет двадцать назад, но девица напомнила ему грустноглазых девушек из захолустья, которые в детстве играли с ним и молились, поэтому он вручил ей несколько долларов, оказавшихся в кармане. «Да благословит вас бог, да благословит вас бог»,— восклицала она, когда Нортон пошел дальше по М-стрит. Он улыбнулся ее благословению.

За квартал до работы Нортон увидел идущего навстречу Гэбриэла Пинкуса и понаблюдал за ним. Другие пешеходы улыбались, насвистывали, радовались прекрасному утру. Гейб же шел по улице, как солдат по минному полю, переводя взгляд с одного лица на другое, словно его поджидал убийца. Это был невысокий, лысеющий, взъерошенный толстяк лет тридцати пяти, пожалуй, самый пытливый репортер в мире.

Заметив Нортона, Гейб безо всякого приветствия подошел к нему и шепотом спросил: «Когда вернулся?» таким тоном, словно Нортон скрывался от правосудия.

— Недели две назад, Гейб. Как твои дела? Читал, что ты получил Пулитцеровскую премию.

— Мне было бы нужно получить ее еще в прошлом году,— сказал Гейб.— По-прежнему работаешь на Уита Стоуна?

— Да.

— Мне нужно поговорить с тобой. Я наткнулся на одно важное дело.

— Что это на сей раз, Гейб?

Один из коллег Нортона подошел к ним и кивком поздоровался.

— Сейчас не могу сказать,— ответил Гейб.— Потом позвоню.

И, оглянувшись напоследок, скрылся за углом.

Об уходе Гейба Нортон не пожалел. Гейб был замечательным репортером, но иногда очень надоедливым. Он жил в мире интриг и заговоров и, поскольку реальный мир в последние годы часто соответствовал самым жутким его фантазиям, стал знаменитым журналистом. Однако Нортон хотел теперь быть подальше от интриг и фантазий. Все это осталось уже позади, и он решил сказать секретарше, что, если позвонит мистер Пинкус, его нет на месте.

Нортон вошел в вестибюль блестящего современного административного здания, поднялся лифтом на третий этаж и открыл большую дубовую дверь с надписью «Коггинс, Копленд и Стоун» на бронзовой табличке. Подмигнул Джози, новой приемной секретарше, вошел в свой кабинет и стал разбирать почту. Там были письма от клиентов, надушенное послание из Парижа, несколько наконец-то дошедших до него счетов, что-то из клуба «Сьерра», какая-то сводка из фирмы «Дьюк эламни каунсил», приглашение на прием по сбору фондов для сенатора из Северной Каролины и наконец письмо в простом белом конверте с его фамилией и адресом, старательно выведенными старомодным почерком. Отправлено оно было из Вашингтона без обратного адреса. Нортон нахмурился этой загадке и вскрыл конверт. Письмо оказалось кратким: «Потребуйте протокол вскрытия. Не сдавайтесь. Вы не одиноки».

Подписано было: «Друг».

Нортон перечел письмо несколько раз. Друг? Какой друг? При чем здесь вскрытие? Что еще оно могло добавить? Кто отправил письмо? Он решил, что это шутка, скверная шутка. Возможно, придумала ее Гвен. Или какой-нибудь псих. Или неизвестный враг. Полиция знает, от чего погибла Донна, убийцу нашли, что еще могло показать вскрытие? Он хотел было выбросить письмо и забыть о нем, но не смог. Что-то подсказывало ему, что это не шутка. Потянувшись к телефону, чтобы позвонить Кравицу, Нортон почувствовал, что утренний его оптимизм рушится и возвращается былая неуверенность.

Перевел с английского Д. Вознякевич.

Продолжение следует.

Патрик АНДЕРСОН

РОМАН

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

Донна Хендрикс,
любовница президента Чарлза Уитмора,
приехала по его вызову
из Калифорнии в Вашингтон.
На следующий день она была найдена мертвой
в одном из домов Джорджтауна —
респектабельного района столицы.
Ее опознал недавно вернувшийся из Парижа
адвокат Бен Нортон,
который любил Донну
и тяжело переживал разрыв с нею.
Бен решает найти преступника.
Беседы с подругой Донны
Гвен Бауэрс, от которой он узнает
о подробностях романа Донны
с президентом Чарлзом Уитмором,
встречи с актером Джеффом Филдсом,
в доме которого была убита Хендрикс,
отставным сенатором Гарри Ноланом,
жившим по соседству с Донной Хендрикс,
а также с помощником президента Эдом Мерфи
убеждают Нортона в том,
что это не простое убийство
на сексуальной почве,
как пытается представить его
глава юридической фирмы Уитни Стоун,
босс Нортона.

Кравиц обсуждал это дело с Фрэнком Кифнером, молодым прокурором округа Колумбия, и разговор был нелегким.

— Если тебе нужны люди, Джо, людей мы тебе обеспечим,— сказал Кифнер. Они сидели в его кабинете, большом и строгом. Сам Кифнер был маленьким и строгим. К тому же, думал Кравиц, мерзавцем.— Людей, содействие ФБР, оплату сверхурочных — проси все, что нужно. Никаких проблем. Но это дело давай завершать.

Кифнер нахмурился и стал возиться с незажженной трубкой. Это был аккуратный невысокий человек с волосами неопределенного цвета и в очках без оправы.

— Как насчет парня? — спросил он.— По-моему, тут есть кое-что прямо на виду.

Кравиц подавил стон. Таким Кифнера он еще не видел. На это дело оказывался нажим, но Кравиц не мог понять откуда.

— Джой признает, что видел ее. Точка. Он покинул винную лавку в восемь, а его мать утверждает, что он пришел к обеду в половине девятого и вместе с ней до полуночи смотрел телевизор.

— Ради него она пойдет на любую ложь.

— Конечно, пойдет. И убедит присяжных. Это прелестная дамочка, преподающая в воскресной школе. Если убийца Джой, нам придется предъявить твердые доказательства.

— Он сексуальный преступник.

— Он сопляк, пристрастившийся к наркотикам, попал в больницу святой Елизаветы и там познал радости секса. В чуланах, под кроватями, за кустами, это именуется групповой терапией. Выйдя из больницы, стал вовсю подглядывать под окнами; худшее, что он совершил,— это схватил какую-то девчонку в парке Монтроз и хотел ее повалить. Но старался плохо, потому что, когда она вырвалась и убежала, он просто лег на траву и заснул. Что не делает его опасным сексуальным преступником.

— Значит, ты думаешь, что это не Джой?

— Его мать, возможно, солгала. Он мог подойти к дому, напроситься к покойной, ударить ее и нечаянно убить. Подтверждений нет никаких, но это возможно. Смущают меня отпечатки пальцев. Вернее, их отсутствие. Кто-то стер в доме все отпечатки, а Джою это просто не под силу. Он едва способен завязать себе шнурки ботинок.

— Джоем продолжай заниматься,— сказал Кифнер.— Он мог стереть отпечатки. Научиться этому по телевизору. Как другие?

— Разносчик газет, похоже, ни при чем. Продолжаем искать сына уборщицы. Следим за тем парнем на заправочной станции. Показания актера подтвердились. В тот вечер он был на вечеринке в Лос-Анджелесе. И потом еще Нортон. Он звонил мне вчера. Говорит, что слышал, будто Джоя вот-вот арестуют.

Кифнер продолжал возиться с трубкой.

— Что ты скажешь по этому поводу?

— Не знаю, что и сказать,— признался Кравиц.— Может, у него нечиста совесть, и он надеется, что мы закрыли дело. Я не могу его понять. Меня смущает телефонный звонок в то утро, когда мы ее обнаружили, после которого он примчался в Джорджтаун.

— Какая у тебя версия по этому поводу?— спросил Кифнер.

Кравиц досадливо скривился.

— Может, это ложь, может, и нет. Если он лжет, если никакого звонка не было, то, по-моему, он убил женщину, а потом ему пришла сумасшедшая мысль, что если приедет и опознает ее, то снимет с себя всякие подозрения. Не знаю. Я могу представить, что этот человек способен стукнуть свою бывшую подружку по челюсти, но чтобы у него хватило глупости вернуться на место преступления — как-то не верится.

— А если ему и в п р а в д у кто-то звонил?— спросил прокурор.

— Тогда убийца хотел его подставить,— сказал Кравиц.— И, похоже, это исключает вашего случайного грабителя. Но в таком случае убийца должен был знать ее, и знать, что Нортон только что вернулся...

— Знать ее было необязательно,— сказал Кифнер.— Джой мог напроситься в дом. Или кто-то другой. И немного поболтать с этой женщиной. Она упоминает, что ее бывший любовник вернулся в город. Потом происходит убийство. И убийца звонит Нортону, чтобы втянуть его.

Кравиц ругнулся под нос и закурил очередную сигарету.

— Вы знаете Нортона. Что он за человек? Способен на такое?

Прежде чем ответить, Кифнер поглядел в потолок.

— Бен не вспыльчив,— сказал он наконец.— Силен, но добродушен. С другой стороны, как знать? Он возвращается из Европы. Устал после полета. Идет в бар, выпивает несколько рюмок и пьянеет. Потом замечает свою бывшую подружку. Имей в виду, он вышел из бара примерно в то же время, когда она вышла из винной лавки. Так что вполне мог заметить ее. Она приглашает его в этот дом. Или он идет за ней. Они ссорятся. Он бьет ее. Вполне возможно.

Прокурор взглянул на часы и поднялся.

— Действуй, Джо,— сказал он.— Это очень важное дело. Ты, я знаю, хочешь стать начальником сыскной полиции. Я охотно скажу несколько слов в твою поддержку. Но в основном ты должен добиться этого сам, и это дело может тебе помочь.

Сержант направился к двери, потом обернулся.

— Нортон сегодня должен приехать ко мне,— сказал он.— Есть какие-нибудь особые соображения?

— Дави на него,— сказал Фрэнк Кифнер.— Дави на всех, пока кто-то не расколется.

В отдел расследования убийств Нортон приехал в половине двенадцатого. Там по-прежнему пахло сигарами и несвежим кофе. Кравиц и он сели за пустой стол в глубине комнаты. Нортон собрался спросить о результатах вскрытия, но тут Кравиц нанес ему удар.

— Вы не были откровенны со мной, мистер Нортон.

— Что вы имеете в виду?

— Я говорил с Россом, журналистом. Почему вы не сказали мне, что он видел мисс Хендрикс с Эдом Мерфи?

— Мерфи отрицал это. Росс отказался от своих слов. И я решил, что он обознался.

— Мистер Нортон, советую ничего не решать. Вам известно, чем грозит утаивание сведений.

— Вы правы. Об этом нужно было упомянуть.

— А о поездке в Калифорнию нужно было упомянуть? Или вы решили, что меня это не заинтересует?

— Я не обязан докладывать вам о каждом своем шаге, сержант. Решение поехать туда пришло как-то вдруг. Узнав, что тот дом принадлежит Джеффу Филдсу, я захотел расспросить его. Разговор у нас был коротким. Он сказал, что Донна попросила разрешения пожить там, и он ей позволил. Утверждал, что не знает, зачем она отправилась в Вашингтон. Вот и все.

— А Кармел?

— Я говорил с Гарри Ноланом, стариком сенатором, жившим по соседству с Донной. Он почти ничего не сказал.

Да, почти ничего... кроме этой маленькой детали, что новоизбранный президент навещал Донну в Кармеле за несколько дней до принятия присяги. Нортон просмотрел газеты за ту неделю. Официально Уитмор плавал на яхте со своим другом-миллионером. Но пусть Кравиц выясняет это сам.

— Сержант, можно спросить вас кое о чем?

— Спрашивайте.

— Вы, кажется, близки к завершению дела. Я понимаю, вы ничего не можете сказать официально, но у меня есть сведения, что вы собираетесь арестовать парня из винной лавки.

— Мистер Нортон, не знаю, где вы черпаете сведения, но советую помалкивать, пока парень не арестован.

Нортон растерялся. Либо у Стоуна были неверные сведения, либо Кравиц лгал.

— Чем вы располагаете против этого парня, сержант?

— Я не буду говорить об уликах, мистер Нортон. Еще вопросы есть?

Нортон заколебался. Он чуть было не забыл, зачем приехал. Все это дело было каким-то непонятным. Он жалел, что снова ввязался в него из-за какого-то психа.

— Да, сержант. Скажите, можно взглянуть на протокол вскрытия?

— Зачем?

— Просто из любопытства. У вас есть копия?

— Нет,— солгал Кравиц.— Но основное могу вам сказать. Вы знаете, от чего она скончалась. Последствия удара головой о кофейный столик. Пьяной она не была. Ее не изнасиловали, сношений с мужчиной не имела. Здоровье у нее было прекрасным. Вскрытие обнаружило лишь один любопытный факт, мистер Нортон.

Нортон понял, что его провели; ему стало любопытно, что последует дальше.

— Что именно, сержант?

— Мисс Хендрикс была беременна три месяца.

Однажды во время бейсбольного матча Нортон повернулся к зрителям, чтобы подмигнуть капитану болельщиков, и мяч угодил ему в переносицу. То же самое он ощутил теперь. Внезапный удар пришелся между глаз, оглушил, ослепил. Донна была беременна три месяца! Значит, это середина января, значит, это Уитмор, и дело менялось полностью. Этот гад наградил ее ребенком, она приехала повидать его и...

— Вы, кажется, удивлены, мистер Нортон?

— Конечно, удивлен.

— Не представляете, кто этот мужчина?

— Нет.

— Мистер Нортон, вы что-то скрываете. Почему не быть со мной откровенным? Если вы действительно любили ее, почему не помочь найти убийцу?

Нортон хотел бы помочь. Хотел бы рассказать Кравицу все. Этот мерзавец Уитмор сделал ей ребенка, а потом умыл руки, и если не сам убил

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—19.

ее, то знал кто. С одной стороны, Нортону казалось, что это так. С другой — полной уверенности не было, и не хотелось выдвигать подобное обвинение против президента. Он вспомнил о старом сенаторе Гарри Нолане. Если полиция обращалась к нему и он рассказал о январской встрече, то следствие двинется в нужном направлении. Нортон надеялся на это. Покрывать Уитмора он не собирался. К черту. Пусть его хоть вынесут из города на шесте. Но пока есть какие-то сомнения, быть ответственным за компрометацию президента он не хотел.

— Вы не говорили с сенатором Ноланом? — спросил он.— Они с Донной были добрыми друзьями. Он может знать, кто был у нее в январе.

— Его не оказалось дома,— ответил Кравиц.— Дозвонились мы ему только вчера вечером. Сегодня наш человек собирался поговорить с ним.

— Хорошо,— сказал Нортон.— Простите, сержант. Я... неважно себя чувствую.

Кравиц, пожав плечами, отпустил его. Нортон неуверенно вышел, миновал в коридоре двух плачущих негритянок и спустился на лифте в вестибюль. Наконец-то все прояснилось. Сукин сын Уитмор, подлый сукин сын. Нортон дал себе слово докопаться до дна. И не рассчитывал, что это за него сделает полиция. Ему нужна была помощь, но не от полицейских. Он отыскал телефон-автомат и позвонил в вашингтонскую редакцию чикагской газеты «Уорлд». Гейб Пинкус сказал, чтобы он ехал немедленно.

16

Вашингтонская редакция чикагской «Уорлд» отличалась спокойным изяществом, которое чаще встречается в юридических учреждениях, чем в редакциях. Когда секретарша приемной, молодая негритянка, проводила Нортона к столу Гейба Пинкуса — ибо нельзя же прямо так входить в редакцию,— то неизящно выглядел только сам Гейб Пинкус. Все столы были аккуратными, их владельцы манерно одетыми, но стол Гейба походил на мусорную кучу, и Гейб среди этого беспорядка казался в своей стихии. Галстук его был не по моде узким, а воротник рубашки сильно потерт. Старый твидовый пиджак был разорван на плече, брюки хаки заляпаны чем-то красным (Нортон надеялся, что краской), на правом ботинке отставала подметка, и оттуда торчали пальцы. Чтобы все проходящие могли созерцать их, Гейб водрузил ноги на пишущую машинку. Он вел громкий разговор по телефону.

— Послушайте, господин министр, оставьте свою чушь и ответьте на мой вопрос. То есть как не подлежит оглашению? Я пишу статью и советую вам незамедлительно огласить это ради своего же блага. Ладно, в таком случае идите к черту!

Гейб швырнул трубку и подмигнул Нортону.

— Пусть этот тип поерзает,— сказал он.— Слушай, ленч в «Сан-Суси» тебя устроит?

— А нас туда пустят?

— Последнему из щедро дающих чаевые двери всюду открыты. Эти типы не платят мне, чего я стою, и я восполняю разницу расходами на деловые нужды. После процесса Харригена я потащил на ленч всех присяжных. Редакции это обошлось в восемьсот долларов, но оно того стоило. Если бы эти типы не упекли Харригена, нам пришлось бы выложить двадцать миллионов по иску о клевете.

Похожий на биржевого маклера пожилой джентльмен за соседним столом, одетый в поношенный костюм фирмы «Брук бразерс», зажмурился и перекрестился. Гейб не обратил на него внимания и вышел из комнаты вместе с Нортоном. У самого выхода из чьего-то кабинета появился элегантный седовласый мужчина в отлично сшитом английском костюме, но, увидев Гейба, юркнул обратно. Гейб подмигнул Нортону и показал на торчащие пальцы ног.

— Мистер Щеголь не может спокойно видеть мою обувь,— сказал он.— Этот болван был бы рад меня уволить, но даже со своим умишком он понимает, что газете я нужнее, чем он.

В «Сан-Суси» метрдотель приветствовал Гейба с энтузиазмом, обычно приберегаемым для прибывших с визитом глав государств. Однако когда он предложил лучший столик в центре зала, Гейб покачал головой и настоял на столике у стены. Пока они шли по залу, всевозможные политические деятели приветственно махали рукой, хмурились, отворачивались, а один из помощников министра юстиции поднялся и ушел.

Молодой официант-француз спросил, что они будут пить.

— Мне «кровавую Мэри»,— сказал Нортон.

— Отличная мысль,— сказал Гейб.— Неси сразу четыре. Не придется ходить лишний раз.

Когда официант ушел, Гейб взял вазу с цветами и осмотрел ее, потом опустился на колени и заглянул под стол.

— Нужно проверить, нет ли микрофонов,— шепотом объяснил он.— Я никогда не сажусь за столик, который мне предлагают, но, возможно, микрофоны установлены повсюду. При официанте помалкивай. И говори потише, чтобы не слышали за соседним столиком.

Нортон украдкой глянул на соседний столик, где невинно болтали две пожилые дамы. Официант вернулся с четырьмя «кровавыми Мэри», а минуту спустя подошел какой-то маленький кудрявый человек и несколько минут болтал с Гейбом.

— Мелкий подонок,— сказал Гейб, когда тот вернулся к своему столику.

— Кто это такой?

— Джерри Винсенти. Не знаешь его? Работал в Белом доме. Теперь крупный лоббист.

— Не припоминаю.

— Расскажу тебе одну историю. Понимаешь, такого подлизы, как он, еще на свете не было. И однажды его обожаемый президент не поладил с членом кабинета по фамилии Харпер, тот считал себя слишком уж независимым. Не чле-

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

ном команды. Президент вызывает Харпера и закатывает ему лекцию о преданности. Но Харпер, дурачок-профессор из колледжа, твердит, что не может его понять, что был вполне предан. В конце концов президент выходит из себя и вызывает своего верного слугу Джерри Винсенти.

— Джерри,— говорит он,— спал я с твоей женой до того, как ты женился на ней?

— Да, сэр, мистер президент,— гордо отвечает Джерри.

— Спал я с твоей женой *после* того, как ты женился на ней?

— Да, сэр, мистер президент,— снова отвечает Джерри и весь сияет при этом признании.

Тут наш славный лидер поворачивается к Харперу и говорит:

— *Вот что я разумею под преданностью!*

Нортон потряс головой.

— Невозможно поверить.

— Это истинная правда,— сказал Гейб.— Мне рассказывала любовница Харпера. Он был так потрясен, что покинул кабинет, после чего она покинула его.

Допивая вторые коктейли, они непринужденно болтали. Одно время в промежутке между браками Гейб встречался с подругой Донны, и они много времени проводили вчетвером. Гейб тогда был полицейским репортером, потом он понял, что, если обратит свое упорство на более высокие государственные сферы, результаты будут более эффектными. Теперь он носил на поясе скальпы сенаторов и членов кабинета, как другие репортеры «Уорлд» — ключики от входа в клуб «Фи Бета Каппа». Гейб поражал Нортона. У него был вид торговца подержанными автомобилями и мораль взломщика сейфов, однако ходили слухи — правда, Гейб яростно опровергал их,— что он изучал в колледже греческий язык и в свободное время переводит классиков. И все знали, что они со второй женой усыновили негритенка и сироту-вьетнамца.

Когда была подана еда — телятина для Нортона, морской окунь для Гейба — с бутылкой «монтраше» и официант удалился, репортер подался вперед и понизил голос:

— Что у тебя на уме, дружище?

— Донна.

— Я так и думал. Как, по-твоему, кто ее?..

— Не знаю. Возможно, грабитель. Я не хочу строить поспешные версии о заговоре.

— Почему? Обычно они бывают верными. Зачем она приезжала?

— Не знаю. Я слышал, она виделась с Эдом Мерфи.

— Понятно. Слушай, давай поговорим откровенно. Она связалась с Уитмором, так ведь?

Нортон в изумлении поглядел на Гейба.

— Откуда ты знаешь?

Репортер засмеялся.

— Я не знал, дурачок. Ты взял и сказал мне. Игрок в покер, должно быть, из тебя никудышный. Ну и что дальше?

— Роман у них завязался накануне предварительных выборов. Порвали они, очевидно, в июле, когда она уехала в Калифорнию. А может, и не порвали. Я слышал, Уитмор приезжал к ней в январе.

— Брось ходить вокруг да около. Она была беременна?

— Опять блефуешь, Гейб?

Репортер потряс головой.

— Это я узнал от одного из сотрудников коронера. Смотри. Он обрюхатил ее. Она приезжает сюда повидаться с ним. Хочет или денег, или чтобы он развелся с женой, или чего-то еще. А может, он хочет, чтобы она сделала аборт, или гарантий, что она будет помалкивать. У них начинается спор. Большой Чак выходит из себя. Бьет ее, она ударяется головой о столик, он поспешно сматывается, и начинается игра в прятки.

Полное лицо Гейба раскраснелось. Строить немыслимые предположения, а потом доказывать их истинность было его профессией.

— Возможно,— сказал Нортон.— Я старался не думать об этом. Не скажу, что Уитмор — самый безупречный человек на свете, но...

— Но что?

— Но он президент, черт возьми. Он старается принести какую-то пользу.

— Вздор! — гневно сказал Гейб Пинкус.— Слушай, дружище, он политик и, следовательно, головорез. Все они головорезы, что та шайка, что эта, и неважно, какая из них приходит к власти. Единственная разница в том, что одна чуть щедрее сорит чужими деньгами, а другая чуть получше одевается. Скажи, хочешь ты найти убийцу Донны или нет?

— Хочу,— сказал Нортон.— Кстати, все могло произойти именно так, как ты сказал.

— Конечно, могло. Убить ее мог и Эд Мерфи, и какой-нибудь воришка. Прежде всего я хотел бы знать, где Уитмор и Мерфи были в тот вечер.

— В тот вечер разгоняли демонстрантов, требующих работы,— сказал Нортон.— По официальным данным, Уитмор не покидал Белого дома.

— Он мог выбраться тайком,— сказал Гейб.— Сесть в лимузин на Ист-Экзекьютив авеню и укатить в темноту. На все эти лимузины никто не обращает внимания. Сиди в одном из них Гитлер — никто не заметил бы. Но я наведу справки. *Кто-то* должен был видеть — охранник, агент секретной службы, еще кто-нибудь.

— Гейб, в последнее время творятся странные вещи.

— Например?

— Люди отказываются от своих слов. Фил Росс сказал мне, что видел Донну с Эдом Мерфи, а после звонка Эда заявил, что обознался.

— Росс — трусишка,— резко сказал Гейб.— Никто из обозревателей и политических репортеров к этому делу и близко не сунется. Вся эта свора именовала Уотергейт «грабежом», а самые отчаянные из нас рисковали карьерой, докапываясь до правды. Из поведения Росса следует, что Мерфи откупился от него. Теперь ясно, откуда в последнее время он черпает сведения.

— Так повел себя не только Росс,— сказал Нортон.— Пит, бармен у Натана, говорил, что какой-то похожий на психа тип приходил и расспрашивал обо мне, но, когда я вернулся к этому разговору, у него случился провал в памяти. Гвен Бауэрс рассказывала об их романе, а вчера вечером ни с того ни с сего сказала, что, наверно, ошиблась.

Гейб пожал плечами и жестом показал официанту, чтобы тот принес вина.

— Пит—наркоман, следовательно, его нетрудно взять в оборот. И Гвен вряд ли такая уж стойкая. Знаменитостей иногда легче подкупить, чем обозревателей. Увидишь, она получит большую должность.

Они помолчали, пока официант не унес тарелки. Пожилые дамы все еще сидели за соседним столиком. Гейб, заметив, что одна смотрит в их сторону, так глянул на нее, что она покраснела и отвернулась.

— И на работе у меня тоже творится кое-что,— сказал Нортон.— Недавно один человек в министерстве юстиции оказал мне любезность, но, когда я насел на Эда Мерфи, любезность внезапно была аннулирована.

— Это дело рук Мерфи.

— Видимо,— согласился Нортон.— Но самое странное, что меня вызвал Уит Стоун и вместо того, чтобы разозлиться, предложил замечательную новую должность. Оказалось, что он знал все о гибели Донны. Даже сказал мне, что полиция собирается арестовать парня, который обслуживал Донну в винной лавке. Но сегодня я говорил с Кравицем, полицейским, и он сказал, что парень под подозрением, но об аресте пока нет и речи. И я не могу понять, что происходит.

Гейб подался вперед, возбужденно блестя глазами.

— Я знаю, что происходит. Тебе изо всех сил заговаривают зубы. Уж не думаешь ли ты, что все это *совпадение*?

— Не знаю, Гейб.

— Знаешь, что самое любопытное в твоем рассказе?

— Что?

— История с Уитом Стоуном.

— Почему?

— Потому что твой выдающийся босс, светило американской адвокатуры, самый крупный мошенник в Вашингтоне. Этим сказано многое.

Нортон был поражен.

— Уит хитер, но, думаю, не хитрее доброго десятка других адвокатов с громкими именами. Конечно, он помог зарубить несколько хороших законопроектов...

— Я говорю не о законопроектах. О шантаже. Подслушивании телефонных разговоров. «Отбеленных» деньгах. Через него проходят крупные суммы от его друзей-корпоратистов к его друзьям-политикам, и он гребет свою долю обеими руками.

— Хорошо, Гейб, допустим, он мошенник. Какое отношение имеет это к Донне?

— Он пытался охладить твой пыл, так?

— Да.

— Знал об этом деле все, так?

— Знал многое.

— Почему? С какой стати Уиту Стоуну интересоваться делом об убийстве?

— Не знаю,— признался Нортон.

Гейб подался вперед, держа обеими руками чашечку кофе. Густые сливки оставили белый след на его верхней губе.

— Знаешь, чего больше всего хочется Уиту Стоуну?

— Чего?

— Стать министром юстиции.

— Ты шутишь?

— Какие там шутки! Нынешний болван не продержится и года, вот Стоун и хочет занять его место. Он может купить сколько нужно голосов и пройти через сенат. Главное ему — убедить Уитмора, чтобы тот выдвинул его и принял на себя нападки четырех-пяти сенаторов, знающих, что он за крыса. Вот и ищет, какую бы услугу оказать Белому дому, а охлаждение твоего пыла может оказаться очень большой услугой.

Было около трех часов, и ресторан почти опустел. Официанты крутились возле столика, и Гейб с подозрением посматривал на них.

— Слушай, Нортон, эта игра может оказаться очень трудной,— прошептал он.— Пока что они пытались только откупиться от тебя. Но Стоун может указать тебе на дверь, а Мерфи устроить так, что тебя ни одна юридическая фирма в Вашингтоне и не подпустит к двери. Вынесешь ты это?

— До конца, Гейб. Поэтому я и сижу с тобой. Вдвоем мы распутаем это дело.

Гейб пожевал спичку, глядя на Нортона, словно решаясь на что-то.

— Ладно,— сказал он наконец.— Буду откровенен с тобой. Дело *секретное*. Может, ты и не боишься Стоуна, но, если обманешь меня, я тебя *уничтожу*.

— Мне можно доверять, Гейб.

— Слушай, я постараюсь выяснить, кто убил Донну, но больше всего меня интересует, почему в это дело сунулся Уит Стоун. Я охочусь за этим гадом, и ты можешь помочь мне.

— Чем?

— Сам понимаешь, это между нами.

— Тебе что, дать расписку кровью?

— Разве у вашингтонских юристов есть кровь?— парировал Гейб. Потом перегнулся через столик и сложил руки рупором у рта, словно опасаясь, что кто-то невидимый прочтет сказанное по движениям губ.

— Нортон,— прошептал он,— слышал ты когда-нибудь о досье Гувера?

— О досье Гувера? Нет.

— Объяснить?

— Пожалуй, есть смысл.

— Ладно. Долгое время ходил слух, что после смерти старика осталось его личное досье. La creme de la creme [1]. В нем собраны материалы на всех. Хочешь знать, откуда Линдон получал деньги? Чем занималась Джеки в те выходные, когда якобы охотилась на лис? Какой выдающийся сенатор соблазнял мальчиков-посыльных? И это еще мелочи. Там есть сведения, способные потрясти всю страну.

— Например?

— Например, кто убил Кеннеди.

— Которого?

— И того, и другого. Слушай, если это дело не рук Гувера, то он знал, чьих. Все это есть в досье, дружище. Я знаю человека, который выложит за него миллион наличными, не задавая вопросов. А там еще можно будет поторговаться.

Нортон пристально поглядел на Пинкуса. В глазах у репортера был такой блеск, что Нортону вспомнился ищущий сокровища Сьерра-Мадре Фред Добб в исполнении Боггарта. Если б Нортон не знал Гейба, то счел бы его сумасшедшим. Но Гейб был премированным журналистом и, пожалуй, самым близким к политической реальности Америки человеком.

— Это серьезно? — спросил Нортон.— Или очередная вашингтонская сплетня?

— Гувер доверял лишь одному человеку в мире,— сказал Гейб.— Своему приятелю Зику Макгайру. И вот месяца два назад я пробился к нему в больничную палату. Выставил медсестер, поглядел в упор на него и говорю: «Зик, ты знаешь, что скоро умрешь, так? Но я даю тебе возможность, доступную далеко не всем. Написать свое надгробное слово». Он захлопал глазами, словно заинтересовался, и я сказал: «Зик, твое надгробное слово может прозвучать по-разному. Речь может пойти либо о сорокалетнем служении обществу и прочей ерунде, которую каждый мечтал бы иметь на первой странице «Уорлд» после смерти. Либо о том, что в течение последних двадцати лет ты получал два оклада: один, поменьше, от правительства, другой, побольше, от преступников». Зик побагровел и кое-как выдавил: «Чего вы хотите?» Я тут же заявил: «Досье Гувера».

Видел бы ты этого сукина сына! Затрясся весь, вспотел и, казалось, вот-вот загнется. Я напугал его, но он все еще страшился Шефа, боялся, что

[1] Самые сливки (фр.).

старина Дж. Эдгар спустится из Большой Небесной картотеки и отрежет ему кое-что, если он отдаст мне это досье. Поэтому я нажал на него. «Зик,— сказал я,— у меня есть на тебя документы. Чеки, письма, докладные, и если не отдашь мне досье, я опубликую их все. Ты войдешь в историю бóльшим мошенником, чем президенты Грант, Гардинг и Никсон, вместе взятые». Тут Зик начал корчиться, пускать слюну, губы его задрожали, и в конце концов он выжал из себя: «У и т С т о у н». Вот и все. Два слова. Потом застонал, шлепнулся на подушку, прибежали медсестры, и я ушел. Два часа спустя старина Зик был мертв. Бедняга. При близком знакомстве он оказался не таким уж плохим.

— Значит, ты не опубликовал чеки и письма? — спросил Нортон.

— Черт возьми, я же блефовал. Вошел с какими-то слухами, а вышел с ключом. Уит Стоун может владеть досье Гувера или хотя бы знать, где оно. По-моему, он хочет предложить его Уитмору в обмен на должность министра юстиции.

Нортон допил свой кофе. Они были единственными посетителями в ресторане, не считая сидевших у двери двух мужчин в синих костюмах.

— Но зачем Стоуну досье Гувера? — спросил Нортон.— Если только оно существует.

— Потому что это злобный сукин сын, вот зачем. Если я составлю список десяти самых грязных мерзавцев в Вашингтоне, он будет единственным частным лицом. Остальных послали сюда избиратели раскрывать людские грешки, но Стоун делает это из у д о в о л ь с т в и я, ему это н р а в и т с я. Вот что, дружище, кое-кто из нас пытается спасти эту страну, и спасать ее надо от таких гадов, как он!

— Слушай, Гейб, к чему ты клонишь? Чем я должен помочь тебе?

— Помоги мне пробраться в кабинет Стоуна,— прошептал Гейб.— Возможно, он хранит досье Гувера в сейфе.

— Гейб, иногда это называется взломом.

— Брось! — огрызнулся Гейб.— Мы имеем дело с подонками. Они лгут, набивают карманы, затевают никому не нужные войны, а после этого ходят по воскресеньям в церковь с американским флажком в петлице. Хочешь узнать, кто убил твою подружку? Поверь, обладателю досье Гувера это известно. В дополнение ко всему прочему. Ну как, со мной ты или нет?

— С тобой,— ответил Нортон.— Что дальше?

— Не предпринимай ничего, пока я не позвоню. Будь осторожен со Стоуном и Эдом Мерфи. Пусть думают, что ты играешь в их игру. Но ухо держи востро. Если будут еще «странные совпадения», дай мне знать.

Гейб подозвал официанта и взял счет. С него причиталось пятьдесят пять долларов. Гейб добавил двадцать на чай и попросил копию счета.

— Я забыл сказать тебе кое-что,— сказал Нортон.

— Что именно?

— Я ездил в Кармел и говорил с тем старым сенатором, Гарри Нолаком, другом Донны. Он сказал мне, что Уитмор приезжал к ней туда перед самой инаугурацией.

— И отметил это событие, наградив Донну ребенком.

— Видишь ли, я умолчал об этом в полиции. Но Кравиц сказал, что они послали туда человека, он должен сегодня увидеться с Нолаком, и, если сенатор расскажет о приезде Уитмора, дело завертится быстро.

Гейб закусил губу.

— Боюсь, сенатор ничего не расскажет,— неторопливо сказал он.

— Почему?

— Подожди минутку,— сказал Гейб и подозвал одного из официантов.

— Сбегай на угол, принеси последний выпуск «Стар»,— приказал он, и официант бросился к выходу.

— Это еще зачем?

— Подожди, подожди,— сказал Гейб.— Видишь тех двоих у двери?

— Кто они?

— Следят за мной. Отличное задание. Каждый день едят в лучших ресторанах за счет налогоплательщиков.

Официант бегом вернулся с газетой. Гейб дал ему доллар и начал листать страницы.

— Да, все верно,— сказал он наконец.— Помнится, я что-то видел на телеграфе, но мне хотелось убедиться.

Он протянул газету Нортону. Раскрыта она была на странице некрологов. Нортон сперва увидел на фотографии знакомое лицо, затем подпись под ней: «Отставной сенатор Нолан. Разбился при падении. Служил в 1933—1953 гг.».

— О господи,— прошептал Нортон.

— Вот тебе еще одно «странное совпадение»,— сказал Гейб, икнул и направился к двери.

17

Этот снятый тайком фильм был шедевром среди прочих: на экране сенатор Рипли входил в неряшливую маленькую квартиру, одарял своей знаменитой улыбкой Венди, потом с минуту тискал ее. Она высвободилась, опустила шторы, оба торопливо разделись и улеглись на большую кровать.

Та Венди, что смотрела фильм вместе с Риддлом, была в своих обычных джинсах и свитере. Та, что на экране,— только в черной маске. Ее Венди надела по собственному почину в надежде стать неузнаваемой и таким образом избежать неприятностей, которые мог повлечь за собой этот необычный фильм, где она играла одну из главных ролей. Внушить сенатору, что маска в таких делах служит отличным возбуждающим средством, оказалось нетрудно. Рипли был покладистым, не особенно догадливым человеком лет сорока с небольшим, молодая, умная женщина могла уверить его почти в чем угодно. Те, кто надеялся сделать Рипли президентом, знали это и старались всеми силами оберегать его от молодых, умных женщин.

Но они не принимали во внимание Байрона Риддла.

Найти Венди было первым и самым легким делом. Профессионалка не подошла бы для этой задачи, так как Рипли нравились молодые, невинного вида женщины. И Риддл стал разъезжать по местным студенческим городкам. Однажды вечером он попал на собрание группы, именуемой «Защитники американской свободы», и там увидел Венди, она говорила о привлечении к ответственности Байрона Уайта. После собрания Риддл пригласил ее выпить кофе, представился как доктор Горацио Грин, психолог по профессии и приверженец конституции по убеждениям. Венди любила поговорить о политике, и выяснилось, что она ненавидит Донована Рипли. «Я пойду на в с е, чтобы не пустить его в президенты»,— сказала она, и так началась операция «Красный глаз».

Следующей, гораздо более сложной задачей было проникнуть за стену охраны вокруг Рипли. Единственное, что сенатор любил больше служения своим согражданам,— это соблазнять жен, дочерей, матерей и сестер своих сограждан. Однако он опасался ловушки, шантажа или скандала и выбирал партнерш с величайшей осторожностью. Он набрал себе в штат молодых женщин, лояльность которых не вызывала сомнений, большей частью это были дочери его политических советников. И когда Риддл послал Венди к нему поговорить насчет работы, ей пришлось спасаться от них бегством. Но тут на Риддла нашло вдохновение. Он подыскал Венди работу в сенате р я д о м с кабинетом Рипли, рассчитывая, что зоркий взгляд сенатора довершит остальное. Так и вышло. На первой же неделе он подмигнул Венди в коридоре, на другой пригласил немного поболтать, а на следующий вечер состоялся его дебют в кино.

— Гад,— пробормотала Венди, глядя на экран.

— Ты была бесподобна,— сказал ей Риддл.

На экране сенатор поглядел на часы, поднялся, быстро оделся и, развязно помахав рукой, вышел.

— Прекрасно,— сказал Риддл.— Отличная штука.

— Вы заплатите мне сейчас? — спросила Венди.— Сегодня у меня занятия.

— Конечно, малышка,— ответил Риддл. Он включил свет, вынул бумажник и отсчитал десять хрустящих стодолларовых бумажек.

— Я добавил еще небольшую премию,— сказал он.— Только помни, никому ни слова. Не ставь под угрозу нашу операцию.

— За меня не волнуйтесь, доктор Грин,— сказала Венди.— Послушайте, он хочет встретиться со мной в воскресенье после церковной службы. Можно?

— Нет,— сказал Риддл.— Твоя миссия завершена. Бросай работу и возвращайся в колледж.

— Знаете, на меня поглядывал еще кое-кто из сенаторов.

— Забудь об этом,— резко сказал Риддл.

— Хорошо,—ответила Венди.—Скажите, а можно узнать, что вы собираетесь делать с этой пленкой? Ее не покажут в ближайшем кинотеатре?

— Не будь любопытной,— сказал Риддл.— Получила свои деньги, теперь помалкивай.

Он так поглядел, что у его собеседницы похолодела кровь. Сумасшедший тип, подумала она. То тихий, то грозный, как в шпионском фильме.

— Я никому ничего не скажу,—пообещала Венди.— Единственное мое желание — не пустить этого дегенерата в президенты.

— Свое дело ты сделала, малышка.

— Послушайте, не могли бы мы как-нибудь встретиться? — робко спросила она.— Поговорить о политике, о том, о сем?

— Извини, Венди, сейчас мне нужно скрываться,— сказал Риддл.— Пока, малышка.

— До свиданья, доктор Грин. Спасибо за все.

Сдержав слезы, она выбежала из комнаты.

После ее ухода Риддл снял курчавый белокурый парик, сел на диван и погрузился в раздумья. Венди задала справедливый вопрос: что делать с пленкой? Приближалась самая опасная, самая сложная часть операции.

Донована Рипли уже не бывать президентом, это ясно. Но частности были очень проблематичными и очень важными для дальнейшей карьеры Риддла. Будь его целью только убрать Рипли из политической жизни, было бы достаточно отправить сенатору копию фильма с запиской, что, если он не подаст в отставку к такому-то числу, другие копии станут достоянием общественности. У Рипли не осталось бы выбора. Ему пришлось бы объявить по телевидению, что состояние его здоровья, или здоровья жены, или еще какая-то причина вынуждает его уйти из сената и навсегда прекратить политическую деятельность. Единственной альтернативой было бы найти и убить владельца пленки, а Риддл был уверен, что его не отыщут. Венди могли найти, могли пытать, но она не знала ни настоящей его фамилии, ни адреса, ни внешности, потому что перед ней он появлялся в парике и контактных линзах.

Конечно, можно бы пустить в ход этот фильм, не предлагая Рипли уйти в отставку. Ему все равно придется уходить, а какое было б удовольствие видеть этого болвана опозоренным! Риддл не раз подумывал о том, как показать этот фильм публике. Он с восторгом прочел, как техники телестудии показали по кабельной сети (случайно, как они утверждали впоследствии) порнографический фильм. Показать бы постельные подвиги Рипли в перерыве кубкового матча. Задача непростая — пришлось бы захватить телестудию,— но игра стоила бы свеч.

Однако праздные мысли праздными мыслями, но нужно было обдумать и серьезные дела. Например, денежные. Этот фильм стоил миллион долларов. Сенатор Рипли, разумеется, выложил бы эту сумму, и, несомненно, нашлись бы люди, которые заплатили бы бóльшую цену. Можно было б взять деньги, уехать в Испанию или Доминиканскую Республику и жить как король, но Риддл стремился к большему. Он хотел служить своей стране. И притом на единственной в своем роде должности.

Байрон Риддл метил в директора ЦРУ.

Пробиться на эту должность нелегко. Обычно ее дают банкирам, уолл-стритовским юристам и прочим большим шишкам, а не бедным парням, рисковавшим жизнью в траншеях. Но теперь дела обстояли иначе; у него была пленка, крупнейший козырь в этой игре. Вопрос заключался в том, как действовать дальше. Можно было б обратиться прямо к Эду Мерфи, но как Эд поведет себя, неизвестно. Слишком велик риск. Лучше для начала поговорить с Уитом Стоуном; Уит — умный человек, едва ли не самый умный в городе. Может, они столковались бы с некоторыми лидерами конгресса, вполне способными сделать директором того, кто выжил Рипли из политики.

Но, как бы ни решился политический аспект, еще должна быть рекламная кампания. Необходимо будет подать себя, создать образ человека, подходящего для этой должности. Нужно все тщательно продумать. Может, сперва ему достанется должность поменьше, например, заместителя директора. Потом можно начинать рекламную кампанию. Можно выпустить биографию, повествующую о его подлинных и вымышленных заслугах. Придется выступать на слушаниях конгресса и появляться на «Встречах с прессой». «Таймс» может опубликовать нужную статью, давний коллега работает там старшим редактором, на него можно рассчитывать. Такая реклама, хорошая поддержка из конгресса и Белого дома — и через год можно стать директором. Байрон Риддл был в этом уверен. Он тяжело трудился много лет, многим пожертвовал, и теперь пора получить вознаграждение. Время настало. Управлению нужен смелый, дальновидный человек, и этим человеком был Байрон Риддл.

Он встал с дивана, вынул пленку из проектора, положил в портфель, проверил пистолет и с улыбкой вышел из квартиры. Байрон Риддл обретал покой.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Патрик **АНДЕРСОН**

РОМАН

Рисунки Геннадия Новожилова

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

Любовница президента Чарлза Уитмора порвала с ним и уехала в Калифорнию. Спустя какое-то время ее находят мертвой в Вашингтоне, куда она приехала по вызову Уитмора. Любивший Донну адвокат Бен Нортон поклялся отыскать убийцу. Но, продвигаясь вперед в своем расследовании, он замечает, что вокруг него начинает происходить нечто странное: люди отказываются от своих слов. Журналист Фил Росс рассказал Бену, что видел Донну с помощником президента Эдом Мерфи, а потом заявил, что обознался. Подруга Донны Гвен Бауэрс сообщила Нортону об их романе, а потом сказала, что, наверное, ошиблась. Бармен Пит говорил адвокату, что какой-то тип расспрашивал о нем. Когда же Нортон вернулся к этому разговору, у Пита случился провал в памяти. В довершение всего происходит еще одно «странное совпадение»: упал с обрыва и разбился насмерть отставной сенатор Нолан, который рассказал Бену о приезде президента Уитмора к Донне.

18

Президент и комик позировали фотографам у первой метки на поле для гольфа в загородном клубе «Буревестник» возле Палм-Спрингса. Комик Пит Гейнор в ярко-красной рубашке «поло» паясничал перед фотографами и членами клуба, собравшимися посмотреть на игру. Президент Чарлз Уитмор глядел на далекие заснеженные вершины и думал, как хорошо было бы сыграть партию в гольф безо всех этих людей и особенно без остряка-хозяина Пита Гейнора.

— Вот что я скажу вам, ребята,— зубоскалил Гейнор с репортерами.— Я буду играть с президентом в гольф, но и только. Те, кто играл с ним в другие игры, уже доигрались.

Репортеры и члены клуба рассмеялись с готовностью. Импровизированные остроты Гейнора были не так уж забавны, но он сорок лет смешил Америку в кино, по радио и телевидению, и теперь смех начинался по привычке, как дань прошлому.

Ник Гальяно стоял чуть поодаль от всех, не попадая в кадр. Одет он был в рубашку «поло» и дорогие брюки для гольфа, как и все члены клуба, собравшиеся у первой метки, но стеснялся своего лица. У тех были холеные лица богачей; у Ника было лицо балтиморского бармена, лицо плебея, и теперь, когда все улыбались шуткам Пита Гейнора, он хмурился. Выждав, когда прекратится смех, он окликнул президента:

— Слушай, босс, а особнячок здесь ничего. Может, тебе побелить его и перебраться сюда?

Толпа оценила шутку и рассмеялась, а Гейнор закатил глаза в наигранной досаде.

— Кто этот человек, мистер президент? Он просто крадет все мои реплики.

Снова послышался смех — толпа получала больше, чем ожидалось. Ник Гальяно подмигнул, сделал вид, что бьет клюшкой по мячу, и сострил еще раз:

— Кроме шуток, босс, Палм-Спрингс — отличное место. Видно, Агню был не так уж глуп.

Репортеры и фотографы расхохотались, но члены клуба не сочли эту шутку смешной. Чарлз Уитмор, подмечавший почти все, заметил, как один бородач, репортер из журнала не то «Роллинг рок», не то «Стоун эйдж», что-то черкнул в блокноте.

— Ребята, последнее замечание Ника не для печати,— сказал Уитмор, и бородач нахмурился, но блокнот спрятал.

Президент также заметил, что, услышав об Агню, Пит Гейнор поджал губы. И понял, что комик с бывшим вице-президентом несколько лет назад были друзьями. «Черт с ним,— подумал Уитмор,— этот спектакль затеял он, а не я».

Но это было не совсем так. Уже несколько десятилетий президенты и кандидаты в президенты, приезжавшие в Палм-Спрингс, по традиции играли в гольф с Питом Гейнором, потому что Гейнор был любимым атрибутом Америки, первым ее комиком, фотографирование с ним тоже было политикой, как ношение шляпы времен войны с индейцами или шествие в процессиях в день святого Патрика. И дело было не только в фотографиях. Пит Гейнор был богат, а его друзья еще богаче. Он был влиятелен, как президент корпорации или издатель газеты, и от его приглашения на партию в гольф никто из политиков не мог отказаться. Это походило на ленч с профсоюзным боссом Джорджем Мини — улыбайся и терпи.

— Ребята, знаете, где остановился президент?— обратился Гейнор к собравшимся.— В поместье Холленфилда. А вы хоть видели его? Поместье Холленфилда — это то, что создал бы бог, будь у него деньги.

Старая шутка вызвала новый взрыв смеха. Уитмор стал нервничать. Ему надоело быть партнером комика.

— Давай начинать, Пит,— сказал он.— Ник, ты точно не хочешь играть?

— Не хочу, босс,— ответил Гальяно.— У меня похмелье никак не пройдет.

— Ник, ну ты знаешь поговорку,— вмешался Пит Гейнор.— Мужчине с похмелья нужен аспирин, а женщине бюстгальтер. И в наши дни, похоже, многие из них нуждаются в бюстгальтерах.

Уитмор отметил, что комик предпочел отпустить шутку, а не пригласить Ника принять участие в игре. Но это было понятно. Пит Гейнор играл в гольф с президентами, а не с их подручными. А у Ника, похоже, в самом деле было жуткое похмелье. В последнее время он пил слишком много. Уитмор решил выяснить почему и отошел к первой метке.

Президент ударил сильно, но неточно. Его первый мяч пролетел над головой агента секретной службы, стоявшего у пальмы ярдах в двухстах.

— Подкрепитесь, мистер президент,— сказал Пит Гейнор.— Все принцы крови, приезжающие сюда, подкрепляются на первой метке.

Вторая подача Уитмора была прямой и высокой и вызвала недружные аплодисменты зрителей. Уитмор усмехнулся, помахал им рукой и подумал, сколько из них могло голосовать за него. В лучшем случае, решил он, процентов двадцать.

Гейнор подошел к мячу, подмигнул толпе, повозился с клюшкой, потом, скованно, неловко размахнувшись, каким-то чудом послал мяч на тридцать ярдов дальше, чем президент.

— Отлично, Пит,— сказал Уитмор вполне искренне. «Старикану,— подумал он,— никак не меньше семидесяти».

— Этим я обязан добродетельной жизни,— ответил Гейнор.— Пойдемте, мистер президент, я вас подвезу.

Он повел Уитмора к светло-голубой мототележке с бахромчатым тентом и своими инициалами на борту. Ник Гальяно сплюнул и сел в другую тележку с Уолтом Харригеном, главой наряда агентов секретной службы. Уолт был стройным, загорелым молодым человеком с большим носом и лохматой шевелюрой.

— Этот тип не педик? — спросил Ник, когда они катили по полю футах в двадцати от президента.

— Гейнор? Нет, просто он так себя держит. У этого старого козла полно женщин.

— Ты встречался с ним раньше?

— Да, я приезжал, когда он играл в гольф с Агню, а потом еще с Фордом.

— Что ты о нем скажешь?

— Гад он. С уходом репортеров оставляет свои шуточки и становится обычным надменным богачом. Он всегда просил наших ребят отыскать ему мяч. А мы здесь вовсе не затем, чтобы искать мячи. Дело в том, что тогда было неясно, можно ли поспорить с таким типом и не потерять работу. Но мы перевоспитали его.

— Как же вам это удалось?

Уолт остановил тележку и понизил голос, а президент тем временем готовился нанести еще один удар по мячу.

— Ладно, скажу только, что если он посылал кого из наших за мячом, то мяч **никогда** не находился. Или оказывался футах в двух под водой. Он понял. Не стал присылать бесплатной выпивки, но мы об этом не жалеем. Богачи все такие. Липнут к большим шишкам, а остальных и за людей не считают. Пожалуй, единственный из них, кого я уважаю, это Джефф Филдс, тот актер, что принимал участие в кампании. Он стоящий парень.

Остановив тележку в тени пальм, они стали смотреть, как президент и Гейнор загоняют в лунку мячи. Комик загнал мяч с двадцати футов, а Уитмор с шести дважды промахнулся.

— Эй, давай удвоим ставки,— протрещал Гейнор, вызвав жидкие смешки у репортеров и фотографов, наблюдавших за игрой. Президент нахмурился и пристально посмотрел на Уолта Харригена.

— Сейчас вернусь,— сказал Уолт Нику, спрыгнул с тележки и подошел к репортерам.

— Очень жаль, ребята,— сказал он.— До конца матча никакой прессы.

— Что за чертовщина? — сказал репортер из

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—20.

«Нью-Йорк таймс».— Раньше никогда такого не бывало.

— Ничего не поделаешь,— сказал агент.— У меня инструкции.

— От кого? — спросил бородач.

— От начальства,— солгал агент.— Шли бы, ребята, в клуб, промочили бы горло и вернулись к концу.

— Выпить я не прочь,— признался один репортер, и, немного поворчав, джентльмены прессы направились к зданию клуба.

— Кто этот бородатый? — спросил Ник, когда они с Уолтом катили ко второй метке.

— Мы проверяли его,— сказал Уолт.— Он неопасен.

— Среди них нет неопасных,— злобно сказал Ник.— Это стервятники. Даже нет, снайперы, вот кто. Рядом с боссом они свойские ребята — пьют его виски, смеются его шуткам,— а потом исподтишка обходятся с тобой, как Освальд с Кеннеди, только вместо пуль действуют словами.

— Да нет, большинство из них ничего,— сказал Уолт.

— Притом еще лицемеры,— продолжал Ник.— Все такие благородные, нравственные, прямо-таки святые. А знаешь, где сейчас половина из них? В отеле, милуются с барменшами или с девками, привезенными из Лос-Анжелеса.

Уолт улыбнулся.

— Да,— сказал он.— У них это называется правилом «западнее Потомака» — ни один репортер восточнее Потомака не говорит о том, что другие делают западнее.

— Вы присматриваете за ними, так ведь?

— Знаем, кто из них где,— сказал агент.— И с кем.

Он снова остановил тележку, и они смотрели, как президент и Гейнор делают подачи со второй метки. На сей раз президент загнал мяч на соседнюю дорожку, а комик уверенно послал свой точно посередине. Потом маленький караван мототележек с тентами тронулся снова.

— Мне кто-то сказал, что Джефф Филдс в городе,— сказал Уолт Харриген.

— В городе,— подтвердил Ник.

— Он заглянет сюда?

— Нет,— жестко ответил Гальяно.— Джефф не особенно респектабелен. Слишком много ходит слухов о его похождениях с женщинами. Нельзя так распускаться и надеяться, что президент допустит тебя к себе.

— Да,— сказал Уолт.— А разве не странно, что та женщина была убита в его доме?

— Ничего странного,— сказал Ник.— Они были друзьями. Настоящими друзьями, если хочешь знать.

Молодой агент не понял, что имелось в виду, однако Ник оставил эту тему, и она вскоре забылась. На зеленых, похожих на ковровые, дорожках продолжался матч. Вокруг сверкали под утренним солнцем искусственные озера и нежной расцветки домики для гостей, разбросанные по громадной лужайке словно пасхальные яйца. Вскоре Чарлз Уитмор опередил Гейнора и стал играть сдержаннее. На девятой дорожке, когда репортеры уже вернулись, он одним ударом загнал мяч с песчаного препятствия в лунку. Пит Гейнор

в деланном ужасе воздел руки и трижды пытался попасть в лунку, сделав в итоге на один удар больше, чем Уитмор. Президент с любопытством смотрел, как комик промахивается с расстояния в восемнадцать дюймов. Нарочно? Так поступали многие. Как глупо. Неужели они думают, что ему это важно?

— Может, еще партию? — спросил Пит Гейнор, когда они шли к фотографам.— Одна победа не в счет.

— Увы, Пит,— ответил Уитмор.— День у меня занят.

— Ладно, увидимся вечером,— сказал комик.— Я представляю вас за обедом.

— Не отбивай у меня внимания.

— Ха! Я знаю, кто отбивает у всех внимание.

Уитмор собрался уходить, но фотографы просили еще снимков, тогда Гейнор вынул карточки участников соревнования и стал, позируя, подписывать их.

— Знаете, мистер президент,— негромко сказал он,— сегодня на обеде будет несколько человек, ждущих, что вы скажете об этой истории с благотворительностью. Эти люди всегда на вашей стороне, но их беспокоят слухи о благотворительных планах, идущих из Вашингтона.

«Вот в чем дело,— подумал Уитмор,— главное всегда выясняется последним».

— Я запомню, Пит. Спасибо, что сказал.

— Вы меня знаете, я не политик,— продолжал Гейнор.— Но, клянусь богом, похоже, что многие в этой стране не желают зарабатывать себе на жизнь.

— Да,—сказал Уитмор.— Иногда я встречаю таких.— И повернулся к фотографам.— Это все, ребята. До вечера.

Он направился к ждущему лимузину, но Пит Гейнор пристроился сбоку.

— Послушайте, мистер президент, может, вечером после обеда заедем ко мне чуть-чуть расслабиться? Никакой политики, немного выпьем, повеселимся. Может, заглянет парочка нежных молодых созданий — я помогаю им начать карьеру в шоу-бизнесе. Им доставит наслаждение познакомиться с вами. Подчеркиваю — наслаждение.

Старый, седой комик подмигнул, и Уитмор чуть не рассмеялся ему в лицо. Неужели они думают, что он настолько глуп?

— Посмотрим, как пойдут дела, Пит. У меня очень жесткий распорядок.

Президент ускорил шаг и влез в прохладный лимузин. Там его ждал Эд Мерфи со списком телефонных звонков и стопкой докладных записок. Едва «линкольн» стал удаляться от клуба «Буревестник», Мерфи начал излагать проблемы последних двух часов, и Уитмор выпаливал свои решения. Когда лимузин свернул на проезд Фрэнка Синатры, самые срочные дела были решены, и Уитмор переменил тему.

— Эд, я больше не желаю видеть этого клоуна.

— Он представляет вас сегодня вечером.

— Знаю. На этом точка. Поверишь ли? Этот тип хотел, чтобы вечером я поехал с ним к девкам.

— Раньше такое случалось.

— Раньше кое у кого из этих типов совсем не было вкуса. И очень мало здравого смысла. По-

слушай, вечером я хочу вставить кое-что в свою речь. Сунь туда из моей принстонской речи кусок о том, что люди должны помогать друг другу, об их взаимосвязи. Помнишь его?

— Поймите, сегодня там будут одни толстосумы.

— Я знаю, кто они. Может, они не знают, кто я.

— Понятно.

— Вот еще что. Ты заметил, что Ник много пьет в последнее время?

— Заметил.

— Пригляди за ним. Если он начнет создавать проблемы, придется что-то предпринять.

— Понятно,— снова сказал Эд Мерфи.

Лимузин замедлил ход и свернул в главные ворота усадьбы отсутствующего Холленфилда, потом пронесся мимо частного поля для гольфа, мимо аэродрома, мимо озер, где плавали лебеди, мимо открытых и закрытых теннисных кортов, мимо большого бассейна, возле которого несколько свободных агентов секретной службы вели бесконечную игру в покер. В конце концов лимузин свернул, и вдали показался особняк Холленфилда, розовый дворец сверкал на фоне ярко-голубого неба.

— Говорил я тебе, что он продает поместье?— спросил Уитмор.— За восемь миллионов.

— Оно что, слишком мало?

— Недостаточно укромное. Видишь то здание?

Вдали над деревьями виднелись верхние этажи нового роскошного строения.

— Он говорит, что с верхних этажей можно увидеть в бинокль, как он играет в гольф,— объяснил Уитмор.— И считает это вмешательством в личную жизнь.

— Бедняга,— сказал Эд Мерфи. Когда лимузин приблизился к особняку, он стал складывать бумаги.— Знаете,— сказал он,— двое репортеров говорили, что вряд ли вам стоило останавливаться здесь. Говорили...

— Я знаю, что они говорили,—сказал Уитмор.— Ну их к черту. Они сами жили бы здесь, если б могли. Будем же, пока можем, пользоваться всем первоклассным.

«Линкольн» остановился перед особняком, и капитан морской пехоты распахнул дверцу, чтобы президент вышел. Но Уитмор повернулся к Эду Мерфи.

— Рассказывал я тебе, что говорил Хью Лонг о том, как он одевается? Его упрекали, что он одет, как миллионер. Он сказал: «Пусть каждая мать в Луизиане смотрит на Хью Лонга и думает, что ее сын вырастет и тоже будет так одеваться».

Эд Мерфи усмехнулся, что бывало с ним редко. Уитмор стал вылезать из машины, потом обернулся.

— Говорил с нашим другом-актером?

— Говорил.

— Согласился он?

— Да. Неохотно, но согласился.

— Отлично,— сказал президент, легко вылез из лимузина и стал подниматься по ступеням предоставленного ему особняка.

19

Было поздно, в кабинете стояла тишина, будто в склепе, и Нортон безуспешно пытался сосредоточиться на статье в «Американ ло ревью». Между строк ему постоянно виделась злобная ухмылка Гейба Пинкуса, а когда он взглядывал на часы, то Гейб скалился и оттуда, словно какой-то злобный Микки Маус. Нортон отшвырнул журнал и хмуро уставился на стену, недоумевая, почему поддался на уговоры Гейба. То, что он замышлял, было безумием. И, более того, п р е с т у п л е н и е м. «Но это необходимо»,— доказывал Гейб и одержал верх.

Нортон услышал, как Джордж Ивенс, единственный сотрудник, не ушедший домой, кашляет в своем кабинете за стенкой. Он поднялся и выглянул в окно. Посмотрел на людей, выходящих из французского ресторана внизу, потом глянул в глубь улицы, и ему показалось, что он заметил фигуру, прячущуюся в темноте у входа в магазин грампластинок. Гейб? Или ему кажется? Нортон потряс головой, потом обернулся на стук в дверь.

— Заходи, Джордж,— пригласил он, и худощавый нервный человек лет тридцати с небольшим неуверенно вошел.

— Извини, если помешал,— сказал он.

— Не помешал, Джордж. Я уже собрался уходить.

— Я тоже,— сказал Джордж Ивенс.— Чего ты так засиделся?

Ивенсу явно хотелось поговорить, а Нортону— оттянуть предстоящее безумие, поэтому он жестом пригласил коллегу сесть.

— Наверстываю, что не успел прочитать,— сказал он.— Столько всяких дел, черт возьми.

Ивенс печально кивнул.

— Я слышал, Бен, ты получаешь новую должность. Возглавишь отдел корпоративного права. Везет же тебе.

Нортон догадался, что слух распустил Уит Стоун. Нортону о новом назначении он больше не заикался. Интересно, что бы это могло значить?

— Мы говорили с Уитом на эту тему,— сказал он.— Но что из этого выйдет, не знаю.

Ивенс выдавил неприятную улыбку.

— Уит всегда так держит себя, верно? Никогда не знаешь, что тебя ждет. Иногда я думаю, что овчинка выделки не стоит.

Вместо ответа Нортон налил в стаканы виски и разбавил водой. Джордж Ивенс был славным человеком и толковым юристом. Уит Стоун вымотывал ему душу и портил карьеру. Или в более широком смысле портила ее неписаная всесильная система, по которой крупнейшие юридические фирмы в стране решают, кому преуспеть, а кому нет.

Система эта была простой. Самые престижные фирмы нанимали трех-четырех молодых юристов, чтобы в конце концов взять одного из них в компаньоны. После пяти-шести лет испытания эти люди либо шли в гору, либо увольнялись. Несколько избранных становились компаньонами с пожизненной должностью и все повышающейся долей в доходах фирмы. Отвергнутые должны были уйти не с позором, но сознавая, что отныне они будут в своей профессии людьми второго сорта. Старшие компаньоны подбрасывали им черные шары, потому что эта система напоминала собой студенческие братства — по разным причинам. Одни были некомпетентны. Другие носили не те галстуки, занимали не ту платформу или женились не на тех женщинах.

Большинство забаллотированных переходило в фирмы помельче. Некоторые бросали профессию юриста или спивались. Кое-кто кончал самоубийством. Кое-кто годами терзался в неопределенности, надеясь на чудо. Терзался сейчас и Джордж Ивенс, а Уит Стоун спокойно наблюдал за его страданиями. Нортон не понимал, почему Ивенс не взглянет в лицо действительности. Может, потому, что на него давила честолюбивая жена.

— Не знаю, стоит ли овчинка выделки? — повторил Ивенс, потирая щетину на подбородке.— Иногда мне кажется, что лучше преподавать. Деньги — это еще не все. Тебе не приходят такие мысли?

Нортону вспомнились студенческие дни с бесконечными спорами о Жизни, Правде и Будущем. «Жизнь — это продолжение колледжа,— подумал он,— черные шары, споры и давление боссов до самой могилы».

— Конечно, приходят, Джордж,— ответил он.— С одной стороны, преподавание меня манит. Не изматываешься, никто на тебя не давит, все идет по заведенному распорядку. Но, с другой стороны, хочется и практиковать.

Он не мог сказать Ивенсу того, что хотелось бы: об азарте труднодостижимого, духе соперничества, о стремлении добиться своего, проявить себя, глубоко и прочно укоренившихся почти во всех людях его поколения. Это поколение не выпадало из системы; оно вошло в нее и старалось изо всех сил в ней утвердиться.

— Хуже всего, что Уит очень уж с к р ы т н ы й,— сказал Ивенс.— Никогда не знаешь, что у него на уме. Таких людей я никогда не встречал. Иногда меня подмывает набить ему морду.

Он вяло улыбнулся и глянул в потолок.

— Это я в шутку, Уит,— сказал он. Младшие служащие постоянно шутили, что Стоун установил в кабинетах подслушивающие устройства.

— Ну, а у тебя будущее вроде определено,— продолжал Ивенс.— Не слышал, что станет с нами, бедными недотепами?

Это было уже слишком. Нортон и жалел Ивенса, и презирал за беспомощность.

— Почти никаких слухов не ходит,— сказал он, допил виски и поднялся.— Ну что, по домам?

— Конечно,— ответил Ивенс. Они собрали вещи и пошли длинным коридором к выходу.

Нортон вышел последним, захлопнул дверь и направился к лифту, потом остановился.

— Кажется, не захлопнулась,— сказал он.— Джордж, будь добр, проверь.

Ивенс вернулся, подергал дверь за ручку.

— Захлопнулась.

— Хорошо,— сказал Нортон. Они спустились на лифте в вестибюль, Нортон громко сказал «до свидания» сонному сторожу, отметил время в книге ухода и расписался разборчивее, чем обычно. Была полночь.

— Подвезти тебя? — спросил Ивенс.

— Я, пожалуй, пройдусь,— сказал Нортон. Они помахали друг другу на прощание, Нортон пошел по улице и, миновав французский ресторан, свернул за угол к магазину грампластинок.

— Бен, сюда,— послышался голос из темноты.

Нортон вошел в подворотню и обнаружил Гейба Пинкуса.

— Все чисто? — прошептал Гейб.

— Мы с этим человеком ушли последними.

— Кто он?

— Рядовой сотрудник.

— А уборщицы?

— Давно разошлись, в фирме никого, свет везде погашен,— сказал Нортон.— Гейб, я что-то побаиваюсь.

— Не хнычь,— резко сказал репортер.— Где ключи?

Нортон покорно полез в карман, но тут из-за угла вышли мужчина с женщиной. Гейб прижал его к стене. Парочка пошла дальше, оживленно говоря о новом фильме Бергмана.

— Ключи, ключи,— нетерпеливо прошептал Гейб.

Нортон отдал ключи.

— Большой отпирает дверь напротив автостоянки,— сказал он.— Наверх можно подняться, не проходя через вестибюль. Другой от двери в коридор. Потом уже действуй сам. Кабинет Стоуна в самом конце коридора.

— Знаю,— ответил Гейб.— А ты убирайся и где-нибудь покажись на глаза.

— Ради бога, будь осторожен,— сказал Нортон и торопливо пошел искать такси.

Гейб несколько минут оставался в подворотне, наблюдая за темными окнами фирмы «Коггинс, Копленд и Стоун». Одет он был лучше, чем обычно, в темный костюм с жилетом, и держал в руке кожаный портфель, стараясь походить на юриста, заработавшегося допоздна. Но его черные ботинки были на резиновой подошве, и в портфеле находились не юридические документы, а орудия взлома. Это дело нравилось ему не больше, чем Нортону. Работая полицейским репортером, он не раз нарушал закон, но в последнее время полагался на более тонкие средства. Сейчас ему было что терять. Но ради досье Гувера он был готов на любой риск.

Глубоко вздохнув, Гейб расправил плечи, вышел из подворотни и уверенно зашагал по улице. Несколько минут спустя он находился в приемной фирмы. Включив фонарик, направил луч света в темный коридор, ведущий к кабинету Уита Стоуна, и медленно пошел вперед. Дойдя до поворота налево, он осторожно выглянул из-за угла — и отпрянул назад, увидев свет под дверью одного из кабинетов. Гейб замер, мысленно проклиная Бена Нортона. «Все юристы ни к черту не годятся,— думал он,— одни мошенники, другие тупицы». Есть кто-нибудь в этом кабинете? Или Нортон ошибся, сказав, что свет везде выключен? Гейб слышал, как колотится его сердце. Нужно было либо уходить, либо ждать. Если б из кабинета послышался какой-то звук или кто-то вышел, Гейб, несомненно, успел бы убежать. Поэтому он ждал. Все звуки, которые он слышал — шум автобусов, хлопанье автомобильных дверец, внезапный взрыв смеха,— доносились с улицы. Пропуская их мимо ушей, Гейб сосредоточился на серебристой полоске света под дверью. Все его мысли были о досье Гувера, которое, возможно, находилось в пятидесяти футах и окажется у него в руках через полчаса. Досье Г у в е р а! Гейб дрожал при этой мысли. Вся ослепляющая неопровержимая правда о тридцати годах американской политики, история алчности и вожделения, лжи, лицемерия и продажности небывалых в истории масштабов. Правда, которую даже самый осведомленный журналист не мог представить себе во всем объеме. Правда, которую знал только бог (если он существует, во что Гейбу не верилось) и не делился ею с журналистами.

Как ни странно, Гейб толком не представлял, что будет делать с досье, если найдет его. Продавать досье он не хотел и сомневался, что газета напечатает оттуда многое. Он хотел раздобыть досье для себя. Хотел взглянуть правде в лицо. Хотел увидеть тех людей в истинном свете, проникнуть за тщательно созданную для общества маску в черноту их душ. Вот уже десяток лет политиканы использовали Гейба в своих интересах, обманывали, унижали, презирали, и он стал считать себя одним из немногих честных людей в Вашингтоне. Это и возвышало его в собственных глазах, не журналистские премии, а сознание собственного превосходства. Если досье Гувера отыщется, оно сразу же подтвердит его худшие

предположения и оправдает высокое мнение о себе самом.

Прошло тридцать минут, из освещенного кабинета не донеслось ни звука, и Гейб решил, что свет, должно быть, забыла выключить уборщица, а этот болван Нортон не заметил. Он беззвучно шагнул за угол, остановился перед дверью, ничего не услышал и направился к кабинету Уита Стоуна. Замок открылся отмычкой. Гейб закрыл за собой дверь и осветил фонариком безмолвный кабинет. Представлял он собой прямоугольную комнату, в одном ее конце стоял стол, в другом диван и кресла. Гейб увидел возле дивана какую-то дверь — Нортон о ней не упоминал,— торопливо подошел и толкнул ее. Дверь отворилась, за ней была небольшая комната с картотекой и кроватью, еще одна дверь вела в ванную.

Удовлетворив любопытство, Гейб вернулся к столу Стоуна. Отперев верхний ящик, он обнаружил там пузырек аспирина, склянку с капсулами амилнитрита, Библию, несколько юридических документов и синюю адресную книжку. Сунув ее в карман, он стал обыскивать другие ящики. Там не оказалось ничего интересного, но в самом нижнем луч фонарика упал на большой пакет. Гейб вынул его, открыл и увидел машинописные страницы. Дрожащей рукой вытащил титульный лист, надеясь обнаружить фамилию «Гувер», но там было написано:

Донна ХЕНДРИКС

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ У ВЛАСТИ

РОМАН

Гейб злобно выругался, но сунул рукопись в портфель и принялся за поиски сейфа. Сейф оказался за снимком английского джентльмена в красной куртке, едущего верхом на псовую охоту, и Гейб вскоре понял, что, как он и опасался, с замком ему не справиться. Этому искусству он учился у знакомого, в прошлом преступника, но пальцам его не хватало той чувствительности, что была у мастера. При вращении диска кончики пальцев не улавливали щелканья тумблеров внутри. Он пожал плечами, снова надел перчатки и вернул на место охотничью сцену; собственно говоря, он сомневался, что у Стоуна хватит глупости оставить досье в таком доступном месте. Потом направился в комнатку, где была картотека. И едва вошел туда, услышал какой-то звук.

Погасив фонарик, Гейб стал смотреть в приоткрытую дверь. Дверь в кабинет распахнулась, и луч фонарика устремился к пустому столу.

— Ты у меня на мушке!—рявкнул вошедший.— Подними руки и выходи.

Гейб увидел в профиль незнакомого худощавого брюнета с револьвером в одной руке и фонариком в другой. Притворив дверь, оставя лишь узкую щелку, он наблюдал, как незнакомец подошел к столу, подергал ящики, а потом с револьвером наготове стал медленно, настороженно поворачиваться, оглядывая безмолвный кабинет. Когда взгляд его упал на дверь, за которой скрывался Гейб, он медленно направился к ней. Гейб захлопнул дверь, замкнул и придвинул к ней шкаф с картотекой. Потом зашел в ванную и заперся. У него было три возможности. Драться с вооруженным, сдаться в надежде, что у него достаточно улик против Стоуна и можно будет отвертеться от тюрьмы, или бежать.

— Если не выйдешь через пять секунд, войду я! — крикнул незнакомец. Как ни странно, его мелодраматический выкрик вселил в Гейба надежду — похоже, незнакомец был дураком. Гейб стал открывать трудно поддающееся окно. Потом услышал негромкий выстрел. Этот сукин сын расправлялся с замком. Распахнув окно, Гейб выглянул. До тротуара не меньше двадцати футов, прыгать высоко, но вокруг здания тянулся узкий карниз.

Послышался грохот — незнакомец распахнул дверь, повалив шкаф с картотекой. Гейб вылез в окно и осторожно пошел по карнизу, но, едва прошел дюжину футов, преследователь высунулся из окна ванной и навел револьвер на его бешено колотящееся сердце.

— Возвращайся, приятель, иначе тебе конец.

— Ладно, друг, успокойся,— сказал Гейб.— Твоя взяла.

— Еще бы! — торжествующе прошептал тот.

Гейб глянул вниз. В дюжине футов под ним над тротуаром тянулся сине-белый парусиновый тент ресторана «Chez Pierre». «Ну что ж,— решил Гейб,— из двух зол выбирают меньшее»,— и прыгнул вниз.

Брезент с треском разорвался, и Гейб не особенно мягко приземлился на тротуар. Крепко сжимая портфель, он поднялся на ноги, довольный собой — такие переделки случались у него в бытность полицейским репортером,— потом взглянул вверх и с удивлением увидел, что его преследователь идет по карнизу, а потом — прыжок на разорванный брезент.

«Господи,— подумал Гейб,— это же п с и х!» И со всех ног побежал.

Преследователь пролетел через дыру в тенте, сильно ударился о тротуар и взвыл от боли, казалось, у него была сломана лодыжка. Но когда водитель такси притормозил и поинтересовался, что происходит, он пригрозил водителю пистолетом и, прихрамывая, погнался за Гейбом Пинкусом.

Гейб на всем бегу свернул за угол и увидел на ближайшем перекрестке полицейский автомобиль. Полиции он боялся почти так же, как психа, гнавшегося за ним, поэтому бросился искать спасения в единственном здании квартала, где двери были открыты,—кинотеатре «Гэйети». Судя по афише, там демонстрировалась программа из двух фильмов: «Радости парней» и «Все удовольствия». «В шторм годится любой порт»,— подумал Гейб, сунул контролеру несколько долларов и юркнул в зал.

В кинотеатре, набитом мужчинами всех возрастов, было темно, накурено. На экране несколько голых подростков лет шестнадцати отплясывали чарльстон. Гейб поискал взглядом пожарный выход, не нашел и сел на свободное место в первых рядах. Оглянувшись, он увидел, что его преследователь ковыляет по проходу, освещая фонариком ряды зрителей. Гейб вжался в сиденье, глянул на экран и почувствовал, как чья-то ладонь мягко легла ему на бедро.

«Черт побери!» — Гейб сильно двинул соседа локтем.

— Незачем д р а т ь с я,— негодующе сказал тот, убирая руку.

Гейб оглянулся снова и увидел, что преследователь неумолимо приближается, освещая фонариком каждый ряд и выхватывая из темноты поразительные сцены: мужчин, раздетых до пояса, мужчин в платьях и париках, мужчин, положивших головы на колени другим. Когда преследователь был в трех рядах, Гейб лег на пол и пополз между ногами сидящих к выходу. Вскоре пытливые руки начали щипать и тыкать его. Он все терпеливо сносил, но когда один обладатель волосатых ног ткнул его особенно сильно, Гейб так вывернул ему лодыжку, что послышался хруст. И пополз дальше, стараясь избегать теплых лужиц, усеявших пол, как мины минное поле, и вдруг все встали и зашумели на незваных гостей, один из которых ползал под ногами, а другой высвечивал фонариком их тайные радости. Когда кружок света был в трех футах, Гейб поднялся на ноги и оказался лицом к лицу с преследователем.

— Не двигайся, парень,— рявкнул тот одной стороной рта. Гейб толкнул его в ряд истеричных кинозрителей, выбежал из кинотеатра и наткнулся на двух крепко сложенных полицейских, блокирующих тротуар.

— Куда спешите, мистер? — спросил один.

— Фильм паршивый,— промямлил Гейб.

— О, я, кажется, знаю вас,— сказал другой.— Вы не репортер?

— Да,— сказал Гейб.— Я Ивенс Новак.

— Точно,— расплылся в улыбке полицейский.— Я ежедневно читаю вашу колонку. Как же в ы оказались в э т о м вертепе? — Лицо его вдруг помрачнело.— А вы случайно не...

— Нет, что вы! — решительно сказал Гейб.— Я хочу вывести этих гадов на чистую воду. Здесь половина госдепартамента. Они могут выболтать секретные сведения. Да, загляните-ка в зал. Там какой-то псих разошелся.

— Сейчас возьмем его,— пообещал полицейский.— А вы пишите свои статьи, мистер Новак.

Оба полицейских вошли в кинотеатр, а Гейб скрылся в ближайшем переулке, прижимая портфель к сердцу, усталый, но одержавший победу.

20

Нортон проснулся на рассвете, чувствуя себя словно перед виселицей. Включив стоявший возле кровати приемник, он торопливо завертел ручку настройки, ища скверных новостей. Не найдя, сел к парадной двери и сидел там, пока разносчик не принес «Пост», потом стал лихорадочно листать страницы в поисках заметки, озаглавленной примерно так: «Известный репортер задержан при взломе юридической фирмы. Сообщник разыскивается».

Но ничего подобного там не было. Нортон отшвырнул газету. Хотел было звонить Гейбу домой, но решил, что телефон Гейба наверняка прослушивается и у него самого, может, тоже. Он представил себе дерзкого Гейба в управлении полиции, его допрашивают с пристрастием, запугивают, бьют, но тот отказывается назвать сообщника. Потом, внезапно вернувшись на землю, представил, как Гейб заключает сделку с полицией и всю вину сваливает на него.

В конце концов Нортон решил встретить опасность лицом к лицу. Оделся и пошел пешком на работу, тщетно стараясь наслаждаться прекрасным майским утром, твердя себе, что, возможно, это его последнее утро на воле. И был слегка удивлен, увидя, что полицейских машин возле подъезда нет, только у ресторана несколько рабочих разгружают грузовики. Дверь фирмы он распахнул с отчаянием, ожидая увидеть целый взвод полицейских, но перед ним была только Джози, секретарша приемной.

— Приятель, на тебе лица нет,— сказала Джози.— Чем занимался ночью?

Нортон, запинаясь, стал что-то отвечать. Наконец Джози усмехнулась и сказала:

— Ну ладно, тебе только что звонили.

— Кто? — встревоженно спросил он.

— Не захотел назвать себя. Сказал, что позвонит еще.

Нортон ухватился за эту тонкую соломинку надежды. Должно быть, это Гейб. Он еще на свободе. Возможно, все сошло гладко. Нортон глубоко вздохнул и поплелся к своему кабинету. На полпути ему встретился Джордж Ивенс.

— Слушай, Бен,— заговорил он первым,— Уит не спрашивал тебя о том, что произошло вчера ночью?

— Вчера ночью?—переспросил Нортон с невинным видом.

— Кто-то пытался вломиться в его кабинет. В книге ухода он увидел, что мы расписались последними, и решил, что могли что-то заметить. Не говорил он с тобой?

— Пока нет,— сказал Нортон.— Видимо, понял, что я знаю не больше тебя. Как он? Расстроен?

— Ничуть,— ответил Ивонс.— Даже странно. Уит много лет не был со мной так любезен.

«Остерегайся любезной кобры»,— подумал Нортон и вошел в свой тесный кабинет. «Размером с тюремную камеру»,— мелькнула у него мысль. К счастью, тут раздался телефонный звонок.

— Опять тот загадочный человек,— сказала Джози, в голосе ее звучало жгучее любопытство.— Он сказал только, что вы с ним знакомы и что дело очень важное. Будешь говорить?

— Почему бы нет? — вздохнул Нортон.

Джози щелкнула переключателем — или она собиралась подслушать? — и Нортон приготовился услышать хриплый, заговорщицкий шепот Гейба, но в трубке раздался чей-то знакомый, мягкий, смущенный голос:

— Бен, я не могу назвать себя. Мне нужно с тобой поговорить.

— Ну что ж, заезжай ко мне на работу, приятель,— сказал Нортон.— Приемные часы у нас с двенадцати до двух.

— Я не могу приехать. У меня на то есть причины. Давай где-нибудь встретимся. Дело срочное.

Нортону хотелось бросить трубку, но его заинтриговал голос. Этого человека он знал. И не так давно разговаривал с ним. Но где, хоть убей, не помнил.

— Может, ты думаешь, что мой телефон прослушивается?—уклончиво сказал он, наслаждаясь своим юмором висельника.

— Не исключено.

— Верно, не исключено. Но если ты параноик, мой друг, то будь им до конца. Если мой телефон прослушивается, то за нами последуют до места нашей встречи. Эти гады торчат повсюду.

— Можешь ты быть серьезным? — спросил тот человек.— Дело срочное. В полдень я буду на Лафайет-сквер. Г идешь?

Плечи Нортона затряслись от беззвучного смеха.

— Конечно,— сказал он.— Почему бы нет? Кому придет в голову искать нас на Лафайет-сквер?

— Хорошо.

— Если ты не знаешь меня,— продолжал Нортон,— то за мной футах в десяти будут следовать двое в темных костюмах.

Но его таинственный собеседник уже положил трубку.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Патрик АНДЕРСОН

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

РОМАН

Адвокат Бен Нортон,
возвратившись из Парижа, узнает,
что любимая им Донна Хендрикс убита
в Вашингтоне. Нортон дал себе слово раскрыть
тайну гибели Донны. Бену неизвестно,
что она приехала в Вашингтон по вызову
президента Чарлза Уитмора,
обеспокоенного тем, что Донна может
рассказать в романе, который она пишет,
об их интимных отношениях.
Вскоре Нортон выясняет, что после разрыва
с Уитмором Донна уехала в Калифорнию;
что убили ее в доме актера Джеффа Филдса,
близкого к президенту; что перед этим
ее видели в машине с помощником президента
Эдом Мерфи. Но Мерфи все отрицает,
и вслед за ним берут свои слова назад те,
кто что-либо рассказывал о Донне.
Нортон начинает понимать, что это неспроста,
особенно когда узнает, что Донна
была беременна. Не веря в возможность
вести расследование законным путем,
Нортон отдает репортеру Гейбу Пинкусу
ключи от помещения юридической фирмы
«Коггинс, Копленд и Стоун».
Гейб похищает из кабинета Стоуна
рукопись Донны Хендрикс.

Лафайет-сквер, солнечный майский полдень. Чиновники делятся завтраком с бесстрашными белками. Секретарши-негритянки на бетонных скамьях едят бутерброды с рыбой. Энди Джексон в вечном торжестве сидит верхом на коне, голуби целятся в него сверху, а туристы с японскими фотоаппаратами — снизу. Белый дом, безмятежно равнодушный, сверкает на другой стороне Пенсильвания-авеню. Нортон нашел пустую скамью, развернул первый выпуск «Стар» и стал искать сообщение об аресте Гейба. Вскоре к нему подсел стройный молодой человек, загорелый, без галстука, в дорогой спортивной куртке и широких темных очках. Нортон не сразу узнал его. Когда они виделись в последний раз, лицо его было не так изборождено заботой.

— Привет, Джефф, давно не виделись,— сказал Нортон. Ему показалось, что он сходит с ума, что Лафайет-сквер, люди и Белый дом — часть гигантской кинодекорации, и он единственный, кто не читал сценария.

— Послушай,— нетерпеливо сказал Джефф Филдс,— мне нужно многое сказать, а времени у меня мало.

— Для начала скажи, почему твой бандит треснул меня тогда по затылку?

— Таких инструкций он не получал,— сказал актер.— Вышла промашка. Я извиняюсь. Ты удовлетворен?

— Конечно,— сказал Нортон.— Все забыто. Что привело тебя в цитадель демократии?

— Подожди,— прошептал актер и кивнул на скамейку напротив. Седой старик в мятом костюме и галстуке с суповыми пятнами плюхнулся на нее и стал читать книгу в бумажной обложке под заглавием «Рассказы о могуществе».

— Пойдем отсюда,— сказал Филдс.

— Ты сам выбрал этот парк, приятель,— запротестовал Нортон, но актер уже поднялся. Нортон вздохнул и пошел за ним по гравийной дорожке, за статуей Энди Джексона они нашли свободную скамейку. Неприметный молодой негр в рубашке с коротким рукавом сидел неподалеку на траве. Едва увидев двух белых, он встал и ушел.

— Кругом либо охотники, либо дичь, Филдс,— сказал Нортон.— Даже белки снабжены микрофонами. Единственное спасение — бормотать под нос.

— Слушай, Бен, я много передумал с тех пор, как мы виделись в Палм-Спрингсе. Ты вел со мной честную игру, а я с тобой — нет. Теперь буду откровенен. То, что я скажу, может тебе и не понравиться, но это правда. Только прошу, пусть все будет между нами.

— Ничего не обещаю,— сказал Нортон.— Никаких обещаний тем, кто поручает швырять своих гостей в канавы.

— Я был с Донной ближе, чем говорил тебе,— сказал актер. Казалось, он так сосредоточился на своей роли, что не слушал Нортона.— Обо мне говорят, что я бабник. И, в общем, не зря. Почти все женщины, что мне встречались, ничего, кроме секса, не знают, ничем больше не интересуются и ничего больше н е х о т я т. Но Донна была совсем другой. Познакомились мы с ней во время кампании — главная моя ошибка, что я пытался играть в э т у игру. Сперва было забавно, но я оказался не в своей лиге. Уитмор просто использовал меня. В конце концов я это понял. Я был вроде обезьяны, которой привлекают толпу. И собрал немало зрителей. Но мне было одиноко. А потом я сблизился с Донной, она была единственным порядочным человеком в этом бродячем цирке. Я любил поговорить на политические темы, а она, в отличие от всех прочих женщин, разбиралась в политике не хуже меня. Даже лучше, черт возьми. Я привязался к этой цыпочке. После кампании, когда она уехала в Кармел, я несколько раз наведывался к ней. Она жила одиноко, мы недурно проводили время, и в конце концов я уговорил ее приехать ко мне в Палм-Спрингс. Послушай, все это к тому, что у меня было намерение ж е н и т ь с я на ней. А она отказалась наотрез. Спасибо, не надо. Я даже не поверил. Ты не представляешь, что выделывали некоторые цыпочки, стремясь выйти за меня. Адвокаты мои говорят, что если я не сделаю вазэктомию, то мне до восьмидесяти лет придется быть ответчиком в делах по установлению отцовства.

— Раз невтерпеж, берись за нож,— пробормотал Нортон.

— Слушай, прекратишь ты свои ш у т к и? Пойми, что эту цыпочку я любил не меньше, чем ты.

— Тогда чего ж ты называешь ее цыпочкой? И почему бы не перейти к сути этой душераздирающей истории?

— Суть в том — тебе это может не понравиться, но я с тобой откровенен,— что если, как я слышал, она была беременна, то от меня. Вторую неделю января мы провели вместе. Она приезжала ко мне. Должно быть, тогда все и произошло.

Филдс умолк, его жилистое тело напряглось, изящно очерченные губы плотно сжались, знаменитые карие глаза сверкали за темными очками. Нортон подумал, что актеру невозможно играть в темных очках, потому что глаза выражают очень много эмоций.

— Зачем ты носишь очки, Джефф? Скрываешься от поклонников или от Старшего Брата?

— Это и все, что ты можешь сказать?

— А что бы ты хотел услышать?

— Ты не хочешь послушать дальше?

— А что может быть дальше?

— Слушай, мне понятны твои чувства, но я не знал, что она беременна. После той январской недели мне пришлось на три месяца уехать в Испанию. Возвратясь, я позвонил ей. Тогда она и спросила, можно ли ей пожить в моем вашингтонском доме. Я говорил тебе, что Донна не сказала, зачем едет сюда. Это вторая ложь. Она сказала, что хочет повидать знакомых и навести кое-какие справки для своей книги. Упоминала она и тебя. Она слышала, что ты должен вернуться из Парижа, и хотела устроить тебе сюрприз. Слушай, я знал, что какое-то время они с Уитмором тянулись друг к другу, и спросил, не влечет ли ее в Вашингтон и это. Она ответила, что та история здесь ни при чем, что все давно забыто.

На лбу у актера сверкали мелкие капельки пота, и, подумал Нортон, несколько капелек истины сверкало в том, что он сказал.

— Как тебе стало известно?

— О чем?

— Что Донна была беременна?

— Это разузнал мой адвокат. Как, не знаю. Я плачу ему большие деньги, чтобы он разузнавал всякую всячину.

Мимо них проходил косматый парень в комбинезоне, он нес гирлянду детских воздушных шаров.

— Почем они? — спросил Нортон.

— По доллару, братец,— сказал парень.

— Это грабеж, братец,— в тон ему ответил Нортон.

— Цены поднимаются вверх, дружище. Тонна резины сейчас стоит восемьдесят долларов.

— А о н и поднимаются?

— Что?

— Шары. Поднимаются они над этим жадным миром? Ну, л е т а ю т?

— А, конечно. Так высоко, что не углядишь.

Нортон вручил парню потемневшие полдоллара с профилем Кеннеди, две монеты по двадцать пять центов и выбрал ярко-голубой шар. С минуту он забавлялся им, дергал за веревочку, заставляя плясать перед глазами, потом выпустил и стал смотреть, как шар поднимается над деревьями. Через несколько секунд ветер подхватил его и понес к Белому дому.

— Что это должно означать? — устало спросил Филдс.

— Проверяю локаторы Белого дома,— ответил Нортон.— Смотри, сейчас в небо взовьются десять «фантомов», и шарику конец. Слушай, почему ты не приехал ко мне на работу?

— Что?

— Почему ты не захотел приехать ко мне и рассказать это у меня в кабинете? Почему выбрал парк? Очень любишь белок?

— Не люблю юридические конторы,— ответил Филдс.— Я провел в них слишком много времени. Видеть их не могу.

«Это,— подумал Нортон,— самое разумное из того, что сказал актер».

Филдс достал из кармана платок с монограммой, снял очки и вытер лоб. Под глазами у него появились круги, а на лице морщинки, которых при прошлой встрече не было.

— Бен, последний месяц был у меня тяжелым. Но теперь я сказал тебе правду, и на душе стало легче. Делай, что хочешь, хоть убей меня, но это п р а в д а!

Нортон зевнул.

После долгой паузы актер спросил:

— Черт возьми, скажешь ты что-нибудь?

— Что тут говорить? Рассказ замечательный. Только я тебе не верю.

— Н е в е р и ш ь? — Филдс, казалось, совсем упал духом.

— Не обижайся.

— Слушай, я даю тебе слово...

— Вот что, Джефф, может быть, именно может быть, я поверил бы тебе, если бы ты выложил свою историю под дулом пистолета. Но я не верю данайцам, дары приносящим.

— Бен, п р а в о ж е, я не понимаю тебя. Я прилетел черт знает откуда, чтобы сказать тебе правду, а ты...

— Ладно, ладно, не начинай все сначала. Дальше дело мое. Пока, Джефф.

Нортон встал, потянулся и пошел прочь, но актер догнал его.

— Подумай, Бен, у тебя есть основания для подозрений, но подумай. Я не хочу, чтобы мы были врагами.

— Мы не враги,— сказал Нортон.— Ты мой любимый актер. И еще У. С. Филдс. Вы не родственники?

— Бен, я должен сказать тебе еще кое-что. Подожди минутку.

Нортон повернулся к актеру и увидел за его спиной статую редко вспоминаемого польского

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—21.

патриота. «Вот что нужно Америке,— подумал он,— побольше польских патриотов. Где ты, Костюшко, теперь, когда мы нуждаемся в тебе?»

— Я приобрел киностудию,— сказал актер.— У нас закончено пять фильмов. На каждом надеемся заработать от двух до десяти миллионов. Денег у меня столько, что я подумываю основать какой-нибудь благотворительный фонд. Вот только мои адвокаты сводят меня с ума. Все они приспособленцы — алчные, мелкие реакционеры...

— Молодцы,— сказал Нортон.

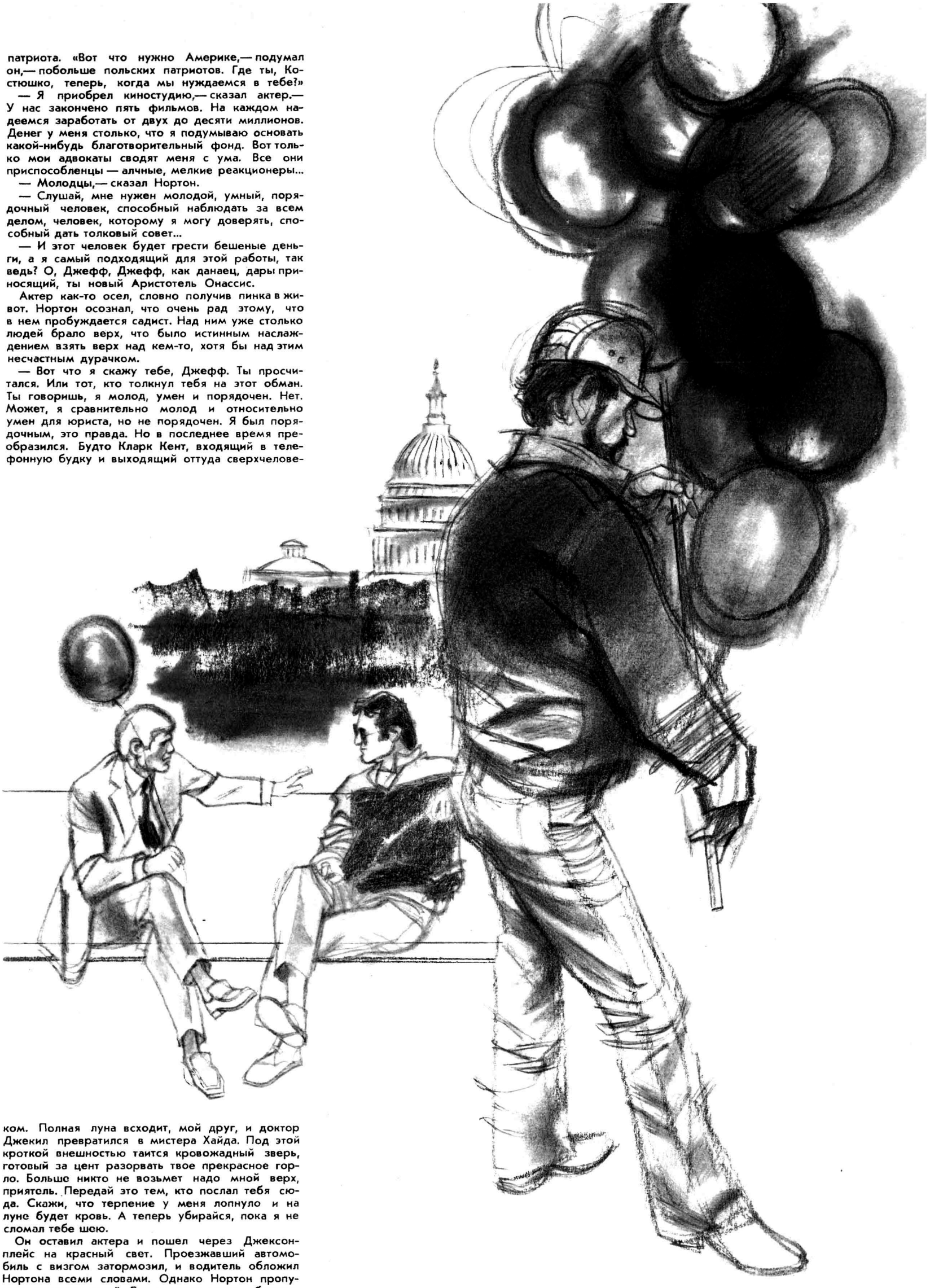
— Слушай, мне нужен молодой, умный, порядочный человек, способный наблюдать за всем делом, человек, которому я могу доверять, способный дать толковый совет...

— И этот человек будет грести бешеные деньги, а я самый подходящий для этой работы, так ведь? О, Джефф, Джефф, как данаец, дары приносящий, ты новый Аристотель Онассис.

Актер как-то осел, словно получив пинка в живот. Нортон осознал, что очень рад этому, что в нем пробуждается садист. Над ним уже столько людей брало верх, что было истинным наслаждением взять верх над кем-то, хотя бы над этим несчастным дурачком.

— Вот что я скажу тебе, Джефф. Ты просчитался. Или тот, кто толкнул тебя на этот обман. Ты говоришь, я молод, умен и порядочен. Нет. Может, я сравнительно молод и относительно умен для юриста, но не порядочен. Я был порядочным, это правда. Но в последнее время преобразился. Будто Кларк Кент, входящий в телефонную будку и выходящий оттуда сверхчеловеком. Полная луна всходит, мой друг, и доктор Джекил превратился в мистера Хайда. Под этой кроткой внешностью таится кровожадный зверь, готовый за цент разорвать твое прекрасное горло. Больше никто не возьмет надо мной верх, приятель. Передай это тем, кто послал тебя сюда. Скажи, что терпение у меня лопнуло и на луне будет кровь. А теперь убирайся, пока я не сломал тебе шею.

Он оставил актера и пошел через Джексон-плейс на красный свет. Проезжавший автомобиль с визгом затормозил, и водитель обложил Нортона всеми словами. Однако Нортон пропустил их мимо ушей. Его пьянила вновь обретенная ярость, и впервые за долгое время он чувствовал себя прекрасно.



Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

21

К вечеру, когда Нортон вернулся домой, его разгоревшиеся страсти почти угасли. Он попал под внезапный ливень, не смог поймать такси и, насквозь мокрый, последние пять кварталов до дома шлепал по лужам. Лишь уже на крыльце он заметил, что в доме горит свет. Это могли быть либо Гейб, либо полиция. Ни та, ни другая перспектива Нортона не вдохновляла. Открыв дверь, он увидел лежавшего на диване Гейба, репортер то откусывал заусенцы, то потягивал нортоновское пиво. Одет он был в грязный костюм с жилетом, на лбу красовался багровый кровоподтек.

— Как ты вошел? — спросил Нортон и, сняв мокрый пиджак, бросил его в спальню.

— Поставь на двери приличные замки,— ответил Гейб,— а то какой-нибудь вор подгонит грузовик и очистит квартиру.

Нортон плюхнулся в кресло и стал снимать ботинки.

— Ладно, Гейб, что произошло вчера ночью?

— Включи радио,— прошептал репортер.— В доме могут быть микрофоны.

Нортон включил приемник, настроился на музыкальную программу, и в комнате зазвучал концерт Моцарта. Потом придвинулся с креслом поближе к Гейбу.

— Произошло то, бестолковый ты сукин сын, что я чуть не погиб из-за тебя,— сказал Гейб.— Там был какой-то молодчик с пистолетом.

— Черт возьми! Кто такой?

— Он не представился. Может быть, ты знаешь его?

— Как он выглядел?

— Рост пять футов восемь-девять дюймов. Вес сто пятьдесят фунтов. Волосы черные, коротко стриженный, справа пробор. Лет сорока пяти. Косоглазит, рожа какая-то самодовольная.

Нортон покачал головой.

— Это описание подходит ко многим.

— В одном из кабинетов горел свет. Должно быть, он сидел там.

— Гейб, когда я уходил, свет везде был погашен. О каком кабинете ты говоришь?

— Слева за поворотом, возле мужского туалета.

— Этот кабинет пустует. Там слышно, как в туалете шумит вода. Обычно его отводят новичкам.

— У этого типа резкий, гнусавый голос. Он говорит, как гангстеры в старых фильмах: «Ты у меня на мушке», и прочее в том же духе.

В памяти у Нортона что-то шевельнулось, но мысли его были заняты только тем, что у него мокрые ноги и нужно принять аспирин.

— Не знаю, Гейб,— сказал он.— Кого-то напоминает, но не могу вспомнить, кого.— Он нагнулся и стал снимать липнущие к ногам носки.— Гейб, значит, все сорвалось? Ты рисковал понапрасну?

— Я этого не сказал! — резко ответил Гейб.— Вот тебе кое-что.

Он полез в портфель и протянул Нортону рукопись. Нортон глянул на титульный лист, ахнул и торопливо открыл следующую страницу. Сверху было написано: «Глава первая», и начиналась она так: «Линда Хендерсон приехала в Вашингтон ветреным весенним днем 1968 года, хотя, очевидно, в это время туда никому ехать не стоило».

Нортон отложил рукопись.

— Это роман Донны,— сказал он.— Тот самый, что, по словам Филдса, был похищен из его кабинета. Как он мог попасть в кабинет к Уиту?

Гейб пожал плечами.

— Может, его похитил кто-то из людей Стоуна. Может, кто-то украл и продал Стоуну. Хорошо бы это выяснить.

— Выясню! — заявил Нортон.— С утра первым же делом зайду к нему.

Гейб вскинул руки.

— Бестолочь, можешь ты хоть раз пошевелить мозгами? Ты спросишь, откуда у него рукопись, он ответит, что кто-то неизвестный прислал ее по почте. Потом он спросит, откуда ты про нее знаешь. Что ты ответишь? Что ее похитил твой приятель?

Нортон вздохнул.

— Ты прав, Гейб. Я в таких делах новичок. Слушай, сегодня произошла странная история. Внезапно приехал повидать меня Джефф Филдс.

— Что ему было нужно?

— Пытался уверить, что это о н приезжал к Донне в январе и она забеременела о т н е г о. И будто она сказала ему, что едет в Вашингтон повидать знакомых, а не Уитмора. И в довершение всего предложил мне работу.

— Что же ты ему ответил?

— Что не верю ни единому его слову.

— Идиот! — взорвался Гейб.— Я же говорил тебе, что нужно подыгрывать им.

— Извини, Гейб. Я привык говорить правду.

— Найди Филдса, извинись и скажи, что хочешь продолжить разговор.

— Он мне уже не поверит.

— Люди верят тому, чему им хочется верить. Скажи, что хочешь поговорить о работе. Судя по всему, работа тебе скоро потребуется.

— Мне бы надо уволиться,— сказал Нортон.— Я уже не могу работать у Стоуна. Уволиться и, может быть, выколотить из него правду.

— Держись пока там, дружище, и помалкивай.

Зазвонил телефон. Нортон подскочил, потом замер и взглянул на Гейба.

— Ответь,— сказал репортер.— Может, услышишь хорошие новости.

Нортон в этом сомневался, но после третьего звонка взял трубку.

— Алло?

— Бен? Это Пенни.

— Кто?

— Пенни. Помнишь вечеринку в Палм-Спрингсе?

Казалось, это было давным-давно. Нортон вспомнил миниатюрную девушку с лицом феи.

— Конечно, Пенни,— ответил он.— Как дела?

— Бен, у меня неприятности.

— Что случилось?

— Сейчас рассказать не могу. Мне нужно увидеться с тобой.

— Если хочешь, приезжай сейчас.

— Сейчас я в Чикаго. Но завтра вечером буду в Вашингтоне. Смогу я увидеть тебя?

— Конечно. Приезжай ко мне. В семь я буду дома. Адрес знаешь?

— Найду,— ответила Пенни, и в трубке послышались гудки.

Нортон положил трубку и заметил, что Гейб пристально глядит на него.

— Кто это? — спросил журналист.

— Девушка, с которой я познакомился в Палм-Спрингсе. Стюардесса. Она провела меня к Филдсу. Говорит, что у нее неприятности.

— Не только у нее,— сказал Гейб.— Слушай, вчера я нашел еще кое-что. Адресную книгу Стоуна. Там есть любопытные фамилии и телефонные номера.

— Например?

Гейб достал из кармана пиджака голубую адресную книгу.

— Некоторые фамилии мне знакомы, но есть и просто инициалы. Вот, например: «Г. 546-3646».

— Это номер Гвен Бауэрс. Ты ее знаешь.

— Да, но не знаю, почему ее номер оказался в книге у Стоуна.

— Постараюсь узнать.

— Узнавая, старайся быть похитрее. Вот еще: «Р. 456-7236».

— «456» — это Белый дом. А кто такой «Р.» — не представляю.

— Сегодня я звонил туда. Секретарша ответила: «Кабинет мистера Макнейра».

— Это Клэй Макнейр. Работает на Эда Мерфи. Недели две назад я познакомился с ним.

— Как он выглядит?

— Примерно моего возраста. Высокий, симпатичный. Носит костюмы в тонкую полоску и запонки. Типичный младший служащий. Я познакомился с ним, когда стал наводить справки о Донне. Эд поручил ему следить за ходом расследования.

— Может, он заодно информирует Уита Стоуна?

— Вряд ли. Макнейр не тот человек, которому Эд Мерфи доверит что-то серьезное. Типичный американский парень. Носит студенческий перстень и жует «джуси фрут».

Нортон нахмурился, потом вскинул голову.

— Постой, постой! Макнейр занимает крохотный кабинет в цоколе Белого дома и делит его с человеком по имени Байрон Риддл. Это странный тип. Макнейр говорит, что он какой-то консультант, выполняющий особые задания. Зайдя к Макнейру, я сел за стол Риддла, он вошел, увидел меня и чуть не взорвался. Псих.

Лицо Гейба оживилось.

— Как выглядит этот Риддл? — требовательно спросил он.

— Среднего роста. Худощавый. Волосы темные. Лет сорока с лишним.

— Должно быть, тот самый.— Гейб вздохнул.

— Тот самый?

— Что был вчера ночью в фирме. С пистолетом. Он говорит резко, как гангстеры в кино? Одной стороной рта?

— Да! Значит, это он.

— Надо будет поинтересоваться мистером Байроном Риддлом,— сказал Гейб.

Нортон принялся расхаживать по гостиной.

— Слушай, я кое-что вспомнил. С неделю назад я был на вечеринке у Гвен Бауэрс. Там все набрались, я тоже, и в конце концов вышел на воздух, смотрю — в кустах прячется какой-то тип. Я погнался за ним, но он удрал. Наверно, это был Риддл.

— Наверно, он,— сказал Гейб.— Нужно будет взглянуть на этого Риддла. Покажешь его мне.

— Как?

— Если будем наблюдать за Белым домом, в конце концов увидим, как он входит или выходит.

— Е с л и он войдет или выйдет. Макнейр сказал, что он часто разъезжает.

— Например, в Палм-Спрингс, украсть рукопись? В Кармел, столкнуть с обрыва старика сенатора? Похоже, у этого Риддла много разъездов.

Нортон сел в кресло и хмуро уставился на свои босые ноги.

— Это уже слишком, Гейб,—пробормотал он.— Неужели ты и вправду считаешь, что человек, работающий в Белом доме, в у и т м о р о в с к о м Белом доме, может быть взломщиком и убийцей?

Гейб рассмеялся и провел рукой по волосам, осыпав плечи перхотью.

— Друг мой, об этом и речь. В каком мире ты живешь?

— Ладно, ладно, допускаю. Все возможно. Но если так, наверно, пора сообщить властям обо всем, что мы знаем.

— К а к и м властям? Чаку Уитмору? Эду Мерфи? Этому болвану министру юстиции? Или, может, Уиту Стоуну, раз он сменит его?

— Нет, не им. Но ведется расследование убийства Донны, у Стоуна оказалась ее рукопись, значит, он здесь как-то замешан. Сообщим все, что знаем, в прокуратуру, и пусть они действуют дальше.

— Во-первых, нельзя доказать, что рукопись была в столе у Стоуна, не поставив меня под удар. Во-вторых, знаешь ты, кто новый прокурор округа Колумбия?

— Конечно. Фрэнк Кифнер. Только вряд ли он лично занимается убийством Донны. Скорее, кто-то из его помощников.

— Опять ошибка. Он лично руководит расследованием. И, как я слышал, ему не терпится предъявить обвинение. Только тут одна маленькая загвоздка: не на кого навесить это дело.

— А тот парень? Ненормальный?

— Никаких улик. Да и все равно, вряд ли удастся его засудить. Они фабрикуют обвинение, он ссылается на психическое заболевание, и его отправляют в лечебницу, где ему и без того место. Все довольны.

— Я не думаю, что Фрэнк на такое способен.

— Ты его знаешь? — спросил Гейб.

— Познакомились в Капитолии лет пять назад. Он помоложе меня.

— Верно. Самый молодой прокурор в стране. И хочет стать самым молодым федеральным судьей или самым молодым помощником министра юстиции, если Уит Стоун станет во главе министерства. И вот еще что. В адресной книге Стоуна телефонный номер Кифнера, не внесенный в справочники, обозначен буквой «Ф».

— Ничего странного, что у крупного вашингтонского юриста есть телефон прокурора.

— Ничего, однако все фамилии в книге записаны полностью, только вместо «Гвен» — «Г.», вместо «Риддл» — «Р.» и «Ф.» — вместо Фрэнк Кифнер. Прокурор находится в избранном обществе.

— Я неплохо знаю Фрэнка и могу доверительно поговорить с ним. Не упоминая ни о тебе, ни о рукописи. Просто расскажу о том, что происходят странные вещи.

— Кифнер проведет тебя. Ты только выболтаешь ему все, что нам известно, а потом все остальные двери будут захлопываться у нас перед носом.

— По-моему, Кифнер честен. И, несомненно, умен. Слишком умен, чтобы не шутить с расследованием убийства.

— О господи,— застонал Гейб,— понятно, почему южане проиграли войну. Неужели ты не можешь понять своей тупой башкой, что всем, кроме тебя, наплевать, кто убил Донну? Уитмор хочет выгородить себя. Мерфи хочет выгородить Уитмора. Кифнер мечтает угодить Белому дому и получить повышение. Сержант, ведущий расследование, стремится в начальники полиции. Так все и идет. Каждый думает только о себе.

— А ты, Гейб? — раздраженно спросил Нортон.— Тебя волнует то, что случилось с Донной? Или только хочешь найти святой Грааль, который ты именуешь «досье Гувера»?

Гейб усмехнулся.

— Вот теперь ты попал в точку,— сказал он.— Само собой, я помогаю тебе, потому что ты можешь помочь мне. Так устроен мир. Но ты никому не сможешь помочь, если не начнешь работать головой. Слушай, позвони Джеффу Филдсу, скажи, что хочешь снова поговорить с ним. Поговори с Гвен Бауэрс, узнай, что сможешь, о Стоуне. И найди предлог наведаться к Макнейру.

Если он сидит в одном кабинете с Риддлом, то должен что-то знать о нем.

Гейб поднялся и стряхнул с плеч перхоть.

— Мне надо идти,— сказал он.— Слушай, ты по-прежнему со мной? Игра становится серьезной. Вчера на меня был наведен не детский пистолет.

Нортон принялся снимать галстук. Мокрая рубашка липла к его спине.

— С тобой, Гейб. Хотел бы я знать, к чему нас все это приведет.

— Я скажу тебе, к чему,— ответил Гейб.— В ближайшее время мы расколем этот орешек. Посмотри!

Он протянул руки, Нортон посмотрел на них и не увидел ничего примечательного, кроме грязных ногтей.

— Смотри,— сказал Гейб и указал на запястья.— Видишь? Пятна!

Нортон пригляделся и увидел на запястье Гейба несколько бледно-розовых пятен.

— Так всегда,— сказал Гейб.— Когда я приближаюсь к раскрытию загадки, появляются пятна. Потом, когда уже совсем близок, весь покрываюсь сыпью. Это у меня шестое чувство.

Нортон молчал.

— Так что не волнуйся, дружище,— сказал Гейб.— Мы разоблачим этих гадов. Пригвоздим к позорному столбу.

Подмигнув, он дружески ткнул Нортона кулаком в плечо и выскользнул из комнаты.

Нортон облегченно вздохнул, запер дверь, выключил приемник и пошел в ванную принять витамин С. Он легко простужался и чувствовал, что болезнь начинается.

22

Нортон открыл дверь, и Пенни бросилась к нему в объятия.

— Осторожно,— сказал он,— я простужен.

— Ну и пусть,— ответила Пенни, поцеловала его и заплакала, уткнувшись ему в кашемировый свитер.

— Проходи в комнату,— сказал Нортон.— Ты ела? Могу изжарить яичницу.

— Спасибо, не надо,— угрюмо отказалась Пенни.— Что-то аппетита нет.

— Может, горячего пунша? Эту неделю я живу на пунше и таблетках.

— Разве что кока-колы. Я уже попала в такой переплет, что боюсь и пить, и курить, и переходить улицу не там, где положено.

Пенни попыталась улыбнуться, но лицо ее скривилось, и она заплакала снова.

Нортон принес кока-колу и сел на диван рядом с ней.

— Ну, рассказывай, в чем беда.

— Я даже н е з н а ю, в чем,— всхлипнула Пенни.— Познакомилась в самолете с этим типом, а потом вдруг фараоны пристали с расспросами, грозили судом, тюрьмой, я прямо с ума схожу.

Она выпалила все залпом, и это встревожило Нортона.

— Не спеши, Пенни. Начни сначала.

Она полезла в сумочку и достала сигарету. Когда прикуривала, рука ее дрожала.

— В и д и м о, это началось в самолете,— сказала она.— На маршруте Лос-Анжелес — Вашингтон. Я работала в салоне первого класса и разговорилась с очень странным типом. Все расписывал, что за выдающаяся он личность, всякие там приключения. В конце концов я сказала, что не верю ему, тут он вскинулся и показал мне пропуск в Белый дом со своей фотографией, так что, похоже, то был не просто треп.

— Он представился тебе?

— С к а з а л, что его зовут Уэнделл Бэкстер, но, показывая пропуск, закрыл фамилию рукой. А на запонках у него буква «Р». Так что делай вывод сам.

Нортон даже не удивился. Он начал склоняться к мысли, что Гейб прав: весь мир представляет собой один сплошной заговор.

— Пенни, ему лет сорок пять, худощавый, короткие темные волосы и диковатый взгляд?

Глаза у нее округлились, как блюдца.

— Откуда ты знаешь?

— Это долгая история. Расскажи подробнее, о чем он говорил.

— Послушать его — прямо какой-то международный шпион. Много говорил о пистолетах. Сказал, что у него есть пистолет, стреляющий за угол, но это, конечно, была шутка. Рассказывал о частных клубах в Лондоне, где играл в карты, сказал, что лично знаком с иранским шахом, сыпал фамилиями киноактеров. Видимо, так разговор у нас перешел на Джеффа.

— Филдса?

— Да. Я сдуру и ляпнула, что бывала у Джеффа на вечеринках, а он уцепился за это. Стал расспрашивать о Джеффе, что там за вечеринки у него, потом я ушла от этой темы, и он снова принялся за свои подвиги.

— Он не сказал, почему у него пропуск в Белый дом?

— Говорил что-то о специальных заданиях. Звучало это так, будто о н делает и м одолжение. Мнения об Уитморе он не очень высокого. Говорил о политике, о том, что стране нужно новое руководство и «конституционные принципы», не могу взять в толк, что это значит. Слушать его было дико. То есть он нес сплошную чушь, но я не могла отвести от него глаз. Прямо гипнотизер.

Она отпила кока-колы.

— В общем, когда мы приземлились в Далласе, он пригласил меня пообедать; делать мне все равно было нечего, я согласилась; прилетев в Вашингтон, мы отправились в какой-то арабский ресторан; короче говоря, я напилась, он привез меня в какую-то грязную квартиру на Капитолийском холме и вместо того, чтобы тискать меня, к этому по крайней мере я была готова, стал расспрашивать о Джеффе, принимают ли у него на вечеринках наркотики. Я выложила ему все, что знаю, лишь бы он отстал. Потом он среди ночи вызвал такси и отвез меня в дом своего друга, где я и заночевала.

— Пенни, сможешь ты найти этот дом?

— Вряд ли. Сам знаешь, все дома на холме похожи. Наверно, узнала бы, если б оказалась рядом.

— Завтра нужно будет погулять по холму, может, найдем. Согласна?

— Конечно, Бен.

— Ну и что было дальше?

— Примерно с неделю ничего. Потом как-то утром я готовлюсь к вылету, тут двое типов отзывают меня, показывают серебряные значки, говорят, что они агенты бюро по борьбе с наркотиками, грозят мне неприятностями и хотят задать несколько вопросов. Я им: «Что вы, ребята, я ничего не знаю. Мне нужно на самолет поспеть». Тогда они говорят, что если хочу, они могут договориться с моим начальником — вежливо так, будто делают мне одолжение, но при мысли, что они явятся к начальнику, меня в дрожь бросило.

— Они знали это заранее.

— Должно быть. Ну, я спросила, что они хотят узнать, тут пошли расспросы о наркотиках, употребляю ли я их, знаю ли кого, кто употребляет. Смех да и только. Я говорю: «Слушайте, ребята, о чем тут говорить, все покуривают травку, все нюхают порошок счастья». Честное слово, Бен, почти все стюардессы, кого я знаю, курят или нюхают перед полетом, только тогда они способны улыбаться щипкам тех болванов, которых должны обслуживать. Но эти типы не отставали и вскоре перешли к Джеффу Филдсу: кто употребляет наркотики у него на вечеринках, откуда наркотики берутся и все такое, и в конце концов я заявила им, что ничего больше не скажу.

Пенни умолкла и допила кока-колу. Нортон чихнул и высморкался.

— Выпей пунша,— сказала Пенни.— Может, я тоже выпью.

— Хорошая мысль,— сказал Нортон. Он пошел на кухню, вскипятил воды, налил в кофейные чашки по стаканчику виски, долил их кипятком, добавил меду и по два мускатных орешка.

Пенни пригубила напиток и усмехнулась.

— Это г о д и т с я,— сказала она.— Если б я только выпивала, то не влипла бы в такую передрягу. А может, и влипла бы, при моей-то невезучести.

— Пенни, говорили эти люди, что ты не обязана отвечать на их вопросы? Что ты можешь вызвать адвоката? Что все сказанное тобой может быть обращено против тебя?

— В общем-то нет. То есть один заикнулся, что отвечать я н е о б я з а н а, тут вмешался другой и сказал, что мне лучше не отмалчиваться, потому что положение мое и без того скверное. Я совсем растерялась. Один завел речь, как ужасно в тюрьме девушке вроде меня, я даже ударилась было в слезы, а другой так, по-хорошему, говорил, что им нужна от меня только правда, а правдой нельзя причинить зло.

Нортон застонал.

— Пенни, пожалуйста, если полицейский спросит у тебя хотя бы который час, отвечай: «Обращайтесь к моему адвокату».

— Конечно, нужно было позвонить тебе,— сказала она.— Но я улетела в Лос-Анжелес, пробыла там несколько дней и успокоилась. Думала, что все позади. А когда вернулась в Вашингтон, оба эти типа ждали меня, теперь они сказали, что меня хочет видеть прокурор. У меня даже челюсть отвисла. Тут я хотела вызвать тебя, но они уже поговорили с моим инспектором, и тот сказал, что если я не буду содействовать им, то останусь без работы. А работа, как ты знаешь, в наши дни на дороге не валяется, и многим девушкам приходится туго; я поняла, что лучше всего будет пойти к прокурору. И пошла.

— К Фрэнку Кифнеру?

— Ты знаешь его?

— Знаю,— ответил Нортон.— Что он сказал?

— Вначале мягко, по-хорошему, говорил, что я правильно поступила, приехав к нему, что нужно только прояснить несколько деталей, а потом у нас опять началась игра в Двадцать Вопросов. Главным образом о Джеффе и кокаине. Он спрашивал, употребляю ли я кокаин. «Только для чистки зубов»,— ответила я, но он даже не улыбнулся. Спрашивал, нюхают ли кокаин на вечеринках у Джеффа. Я сказала, что да. А сам Джефф? Да. Но они старались вытянуть из меня, что это кокаин Джеффа, что он торгует им. Я сказала, что этого не знаю, и тут они заговорили о большом жюри. Я опять ударилась в слезы; в конце концов они меня отпустили, но сказали, что, может, я потребуюсь снова. Несколько дней назад они позвонили, сказали, что Кифнер опять хочет меня видеть. После этого я и позвонила тебе. Я больше не могу встречаться с этим человеком, Бен, у него такой холодный взгляд.

— Господи, как жаль, что ты не позвонила мне раньше!

— Извини,— сказала Пенни.— Я такая дура.

— Нет, ты просто средний человек, которого любой полуграмотный полицейский, тем более такой юрист, как Кифнер, может сбить с толку.

— Мои дела очень плохи?

— Не думаю. Мне кажется, их интересуешь не ты. По-моему, они стряпали дело для нажима на Филдса, вынуждая его тем самым оказать им небольшую любезность, поэтому и вымогали у тебя и, видимо, кое у кого еще соответствующие показания. Это именуется «обработка». Давят на маленьких людей, чтобы добраться до больших.

— Я не понимаю,— сказала Пенни.— Чего им нужно от Джеффа?

— Кто его знает,— ответил Нортон, хотя был почти уверен, что делом о кокаине Филдса принудили сказать, будто Донна забеременела от него.

— С какой же стати вызывать меня снова?

— Не знаю. Видимо, хотят, чтобы это выглядело законным расследованием, а не дешевым политическим нажимом.

Пенни в замешательстве захлопала глазами.

— Судя по твоим словам, это ш а н т а ж! — сказала она.— Правительство стращает законом, как преступники оружием. Неужели такое возможно?

— Такое делается сплошь и рядом,— ответил Нортон.— А законы о наркотиках облегчают эту задачу. Запомни, Пенни, всякий раз, когда куришь марихуану, тем более нюхаешь кокаин, ты отдаешься на милость властей. А милости у них не так уж много.

Пенни содрогнулась и закрыла лицо руками.

— Уже поздно,— сказал ей Нортон.— Ты где остановилась?

Она посмотрела на него и попыталась улыбнуться.

— Нигде. Если у тебя есть комната, останусь здесь.

Нортон покачал головой.

— Так не пойдет, Пенни.

— Мы можем н и ч е г о не делать,— сказала она.

Нортон почувствовал себя неловко.

— Видишь ли, Пенни, после той нашей встречи я... ну...

— У тебя появилась женщина,— сказала она.

— В общем, да. Все произошло внезапно, однако же...

Пенни усмехнулась.

— Но ей не понравится, если я останусь у тебя.

— Ты верно заметила,— сказал Нортон.— Слушай, можешь заночевать у нее. Живет она в Фогги Ботом, неподалеку от Кеннеди-центра, у нее есть свободная спальня. Дело в том, что я буду говорить о тебе с Кифнером, и нужно, чтобы ты до этого не говорила н и с к е м.

— Как ее зовут?

— Энни,— сказал Нортон.

— Энни,— угрюмо повторила она.— Наверно, умная, не такая дура, как я.

И, уткнувшись в спинку кресла, заплакала.

Нортон тронул ее за плечо.

— Пенни, ты ошибаешься. У вас с Энни много общего. Вы обе правдивые. Обе хорошие. И отлично поладите. Мы все трое будем друзьями. Будем помогать друг другу. Идет?

Она повернулась к Нортону, замигала, потом крепко обняла. Он подержал ее в объятиях, потом подошел к телефону и позвонил Энни. Та выслушала и сказала, что, если Пенни через десять минут не будет у нее, она свернет ему шею.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Патрик **АНДЕРСОН**

Рисунки Геннадия **НОВОЖИЛОВА**

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

РОМАН

В Вашингтоне убита Донна Хендрикс. Любивший ее адвокат Бен Нортон начинает поиски преступника. Бен знал, что Донна оставила его, увлекшись Чарлзом Уитмором — нынешним президентом. Это подтвердила и Гвен, подруга Донны. Отставной сенатор Нолан, сосед Хендрикс в Калифорнии, где она жила последнее время, сообщил Нортону, что президент был у Донны месяца три-четыре тому назад. Но помощник президента Эд Мерфи отрицает факт встречи Уитмора и Донны в Калифорнии, а также то, что самого Эда видели в машине вместе с Донной незадолго до ее убийства. Неожиданная смерть сенатора Нолана от несчастного случая, неискреннее признание Филдса, что Донна ждала ребенка от него, и явное желание подкупить, предложив Нортону высокооплачиваемую должность, вызывают у него подозрение, что в убийстве Донны замешана администрация Уитмора.

23

Клэй Макнейр сидел в раздумье над заявлением, в котором шеф-повар Белого дома просил увеличить бюджет на тридцать процентов и намекал, что, если не получит этой прибавки, кухонная прислуга взбунтуется. Вдруг Байрон Риддл влетел в кабинет, хлопнул дверью и включил маленький телевизор «Сони», стоявший на полке возле его стола.

Макнейр сердито поднял взгляд.

— Байрон, с твоего позволения, я хочу поработать.

Риддл пропустил его слова мимо ушей. Он неотрывно смотрел на экран телевизора, где полная женщина стояла у новенького автомобиля «додж чарджер».

— Байрон, я р а б о т а ю!

— Сделай перерыв, приятель,— ответил Риддл одной стороной рта.— Знаешь, что вот-вот произойдет?

Макнейр вздохнул и отложил заявление шеф-повара.

— Нет, Байрон, а что должно произойти?

— Донни Рипли созвал пресс-конференцию,— ответил Риддл. Его самодовольство озадачило Макнейра.

— Пресс-конференцию? С какой стати? Ему еще рано баллотироваться в президенты.

— Ха! — ответил Риддл со злобной усмешкой.— Поживем — увидим.

Макнейр недовольно покачал головой. Политологи вечно размышляли, будет ли сенатор Рипли соперником президенту Уитмору на партийном выдвижении три года спустя, но этот вопрос совершенно не занимал Макнейра. К тому времени он собирался уйти из Белого дома, вернуться к относительно спокойной жизни. Более того, ему было в с е р а в н о, кто занимает президентское кресло. Он давно уже решил, что политики различаются между собой не более, чем разные сорта зубной пасты: рекламируются они как нечто уникальное, но, в сущности, представляют собой одно и то же. Люди содействуют избранию своего кандидата, а потом работают на него. Макнейр начинал видеть в политическом процессе роковую уловку-22: чем больше таланта у человека при достижении должности, тем меньше таланта он проявит при ее исполнении.

— Начинайте, черт возьми, начинайте,— нетерпеливо сказал Байрон Риддл. Перед пресс-конференцией сенатора телестудия передавала бесконечную серию коммерческих фильмов. На экране пожилая женщина нагловатого вида объясняла сбитой с толку женщине помоложе достоинства какого-то стирального порошка.

— Будь у нас приличное правительство,— злобно заметил Риддл,— людям не пришлось бы смотреть такую дрянь.

— Байрон, реклама нам нужна,—возразил Макнейр.— Она не дает машине останавливаться.

— Слушай, приятель, этой стране нужно кончать с бесхребетностью, а не продавать мыло,— огрызнулся Риддл.

Он заворчал и стал искать в карманах сигареты. Не найдя, торопливо отпер ящик стола и вынул нераспечатанную пачку «Мальборо». Едва он закурил, на экране банку корма для собак сменил купол Капитолия, потом появилось растерянное лицо известного политического комментатора, он говорил:

— ...неожиданная пресс-конференция повергла Вашингтон в удивление. Старые вашингтонские зрители считают, что сенатору Рипли еще рано объявлять свою президентскую программу, однако такая возможность остается... возможной. И теперь мы готовы включить...

Появился Донован Рипли, его представительное, усталое лицо было в центре экрана, за спиной виднелся свернутый флаг, рядом сидели жена и дети. У жены, красивой женщины, был ошеломленный взгляд, словно у девочки, увидевшей катастрофу в шахте.

— Сограждане-американцы,— произнес Донован Рипли, надежда миллионов, с головы до ног будущий президент,— сегодня я здесь, чтобы объявить о нелегком решении, принятом после долгих молитв, после долгих споров с любимой женой и многими друзьями, которые поддерживали мое служение обществу...

Клэй Макнейр нахмурился, а Байрон Риддл издал радостный вопль.

— ...и каждый общественный деятель должен постоянно соизмерять свой долг перед страной с долгом перед самыми близкими людьми...

Байрон Риддл заколотил кулаками по столу и зашелся в беззвучном смехе.

— ...мучительное, но необходимое решение из-за привязанности к жене и детям ни теперь, ни в будущем не быть кандидатом в президенты Соединенных Штатов...

Риддл подскочил и как сумасшедший заплясал по кабинету. На телеэкране творилась такая же кутерьма. Учтивый политический комментатор раскрывал рот, как рыба, вытащенная из воды:

— ...будто взрыв бомбы... совершенно неожиданно... глубокая привязанность к семье... полностью меняет будущее национальной политики...

— Все! — крикнул Байрон Риддл.— Он вышел из игры!

Раздраженный Макнейр встал и выключил телевизор.

— Байрон, успокойся. Это ведь не столь уж важное дело.

— Не столь уж важное? — повторил Риддл и снова разразился смехом так, что на глазах выступили слезы.— Послушай, это одно из самых важных дел, к которым я был причастен.

— Причастен? Как так? — Макнейру показалось, что его компаньон сошел с ума.

— Просто оборот речи,— ответил Риддл, овладев собой.— Я должен идти. Это меняет все. Мне нужно поговорить с Эдом Мерфи. Пока, Макнейр.

— Байрон, а как эти докладные...— начал было Макнейр, но Риддл, хлопнув дверью, выбежал из кабинета.

Клэй Макнейр вздохнул и вернулся к столу. Это сумасшествие слишком затянулось. Он не знал, какие важные услуги оказывает Байрон Риддл Эду Мерфи и другим людям в Белом доме, знал только, что Риддл мешал ему работать. Нужно будет поговорить с Мерфи. В крайнем случае Риддлу придется перебраться в другой кабинет. Хватит.

Макнейр снова потянулся к жалобе шеф-повара, и тут ему в глаза бросилось нечто необычное. Риддл оставил ящик стола открытым. Макнейр был ошеломлен. Ведь Риддл охранял свои ящики как тигр. У него возникло почти неодолимое желание заглянуть туда.

Нет, сказал он себе, это недостойно; служащие не должны так поступать.

«Однако,— мелькнула мысль,— там может оказаться что-то компрометирующее, тогда просьба Эду Мерфи будет более обоснована». Макнейр был готов почти на все, чтобы изгнать Байрона Риддла из своего кабинета и из своей жизни.

Он быстро подошел к столу и выдвинул ящик. Там были блок сигарет «Мальборо», карта Калифорнии и два бумажных пакета. Макнейр взял тот, что лежал сверху. Пакет оказался запечатанным, на нем стояла надпись: «Пленка Д. Х.». Внутри прощупывалась круглая катушка. Пленка Д. Х.? Дэвид Халберстэм? Домовое хозяйство? Макнейр нахмурился, положил этот пакет и взял другой. Набитый, незапечатанный. Макнейр заглянул в него и с изумлением увидел деньги.

Купюры были в основном стодолларовые, несколько пятидесятидолларовых. На глаз Макнейр решил, что там не меньше десяти тысяч.

Макнейр глядел на деньги, сердце его колотилось, мысль лихорадочно работала. Он думал о том, что, перейдя на государственную службу, стал зарабатывать меньше. О расходах, более пяти тысяч в год, на обучение детей в частной школе. О жалобах жены, что он слишком много работает, что они два года не были в отпуске, и ему пришло в голову, что было бы очень хорошо съездить с семьей в Акапулько или в Кэнил-Бэй на недельку-другую. Если б только у него были деньги! Он полез в конверт. Только две тысячи, подумал он. Двадцать бумажек. Байрон не заметит. Как прекрасно он провел бы отпуск с семьей.

Внезапно распахнулась дверь, и вошел Байрон Риддл. Макнейр охнул и выронил конверт.

— Напрасно ты это, Макнейр,— прошептал Риддл.

— Ты бросил ящик открытым,— спокойно сказал Макнейр.— Я закрыл его. Нужно быть повнимательнее, Байрон.

Макнейр по-мальчишечьи улыбнулся, но улыбка тут же угасла под убийственным взглядом Риддла. Макнейр пожал плечами и направился к своему столу.

— Слушай, Байрон,— сказал он.— Кажется, нам с тобой давно пора бы поговорить. Мне уже надоело...

Кулак Риддла взлетел и угодил Макнейру в поддых. Макнейр согнулся от боли, к горлу подступила тошнота. Риддл схватил его за галстук, прижал к стене и закатил сильную пощечину. Макнейр попробовал защищаться, но получил сильный удар ребром ладони по шее, и руки его обвисли.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—22.

— Байрон, ради бога! — воскликнул он.

Риддл закатил ему еще одну пощечину.

— Как ты открыл ящик?

— Ты б р о с и л его открытым.

Риддл снова ударил его в поддых, и Макнейр опустился на колени. «Убьет,— мелькнула у него мысль.— Этот псих убьет меня прямо здесь, в цокольном этаже Белого дома».

— Байрон,— взмолился он,— если у нас возникла проблема, давай обсудим ее, как...

Риддл так стукнул его головой о стену, что потемнело в глазах.

— Тебе нужны деньги, мразь? — злобно прошептал Риддл.— Нужны деньги? Хорошо, мы дадим тебе денег.

Он взял пакет, достал оттуда стодолларовую бумажку и сунул Макнейру в лицо.

— Жри, мразь!

— Что?

— Я сказал: жри!

Риддл снова ударил его по лицу и сунул деньги ему в рот.

— Жуй. Глотай.

Макнейр запротестовал, но, когда Риддл угрожающе занес руку, стал жевать. Деньги были грязными, он боялся, что его вырвет. И заплакал.

— Глотай, а то убью,— сказал Риддл.

Макнейр поперхнулся, потом проглотил. Сполз на четвереньки и невидяще уставился в пол.

— Что ты видел в ящике? — резко спросил Риддл.

— Ничего, Байрон, клянусь. Пожалуйста...

Риддл ударил его ногой по ребрам.

— Врешь. Что видел?

— Сигареты. Карту. Деньги.

— Еще что?

— Пакет.

— Что на нем написано?

— Не знаю.

Риддл снова пнул его.

— Ч т о н а п и с а н о?

— Клянусь богом, не знаю.

Риддл опустился на колени и зашептал ему в ухо:

— Скажешь хоть кому-то, что видел в ящике,— убью. Понял?

— Да, Байрон.

— Не сразу. Буду убивать медленно. Жену и детей тоже. Думаешь, я шучу?

— Нет, Байрон,— прошептал Макнейр.— Теперь можно встать?

— Лежи на месте.

— Байрон, нам теперь нельзя иметь один кабинет.

— Наконец-то слышу что-то разумное. Так скажи Мерфи, что хочешь перебраться. Идет?

— Идет, Байрон. Как скажешь.

— Это уже лучше. Теперь можешь встать.

Макнейр с трудом поднялся на ноги.

Риддл прислонился к стене и закурил.

— Мне неприятно так обходиться с тобой,— сказал он.— Это не в моем стиле. Но ты должен понять, я выполняю секретные поручения больших людей, и никакой утечки не должно быть. Так что помалкивай. И больше не будет никаких проблем. Договорились?

— Договорились,— ответил Макнейр. От сильного пинка у него болел бок. Он подумал, что, видимо, сломано ребро.

— И вот что, Байрон... извини, что я заглянул в твой стол. Этого делать не следовало.

— Вот это по-мужски,— сказал Риддл и неожиданно протянул руку. Ошеломленный Макнейр и его мучитель обменялись рукопожатием.

— У нас с тобой не должно быть проблем,— сказал Риддл.— Ты игрок команды, Макнейр, для таких, как ты, существует свое место. А Байрон Риддл — волк-одиночка, он действует на свой страх и риск, выполняя тяжелую работу, за которую никто больше не желает браться. Впредь тебе лучше держаться от меня подальше.

— Согласен,— сказал Макнейр.

— Отлично! А теперь повернись лицом к стене.

— Что?

— Ты слышал. Лицом к стене. Быстро!

Макнейр быстро повернулся и услышал, как Риддл открывает ящики стола и перекладывает их содержимое в портфель.

— Пока, Макнейр,— сказал Риддл через минуту.— Помни, о чем я тебя предупреждал. Помалкивай, и все будет хорошо.

Дверь закрылась. Макнейр медленно обернулся, увидел, что Риддла нет, и торопливо запер ее. Будто какой-то замок мог защитить его от Байрона Риддла. Кривясь от боли, он сел за свой стол и стал думать, как быть дальше. Придется все рассказать Эду Мерфи. Работать и дальше рядом с маньяком, грозившим убить его, нельзя.

И все же... что, если Риддл сказал правду? Что,

если он выполняет секретные задания Эда Мерфи или даже самого президента? Вдруг он скажет, что Макнейр поставил под угрозу их секретность? Что, если уволят не Риддла, а его? Тогда все планы рухнут. Ни одна корпорация не даст ему той работы, какую он хочет. Может, лучше промолчать, перебраться в другой кабинет и избегать Байрона? Даже если для этого придется ходить через другую дверь? Знать только свое дело, так, видимо, будет лучше всего. Но все же любопытство его не угасало. Почему Риддл так разозлился? Что такое важное в этих конвертах?

Пленка Д. Х.

«Донны Хендрикс».

Эта мысль пришла внезапно и перепугала его. Какое отношение имел Риддл к убитой? Что это за пленка? Какие на ней могли быть секреты, чтобы угрожать из-за них убийством? Макнейра одолевали мысли, над которыми не хотелось задумываться. Он хотел только делать свою работу, угождать начальству, продвигаться в жизни. Но теперь почему-то имел дело с сумасшедшим, грозящим убить его и всю семью. Макнейр закрыл лицо руками. Ребра болели от пинка, его поташнивало. На съеденных деньгах могли быть всевозможные микробы. Может, пойти к врачу? Но как объяснить, почему он проглотил стодолларовую бумажку? Зазвонил телефон, но Макнейр не снял трубку. Ему не хотелось ни с кем говорить. Хотелось оказаться подальше от Вашингтона. Даже, может быть, умереть.

24

По пути в аэропорт Нортон и Энни спорили.

— Не доверяй Гейбу Пинкусу,— сказала она.

— Я ему не доверяю,— ответил Нортон.— Но он мне нужен.

— Он обманет тебя,— сказала Энни.— Он думает только о своих сенсациях. О славе. Контролировать его ты не можешь.

— От него есть толк. Половину сведений об этой истории сообщил мне он.

— Ну и много ты узнал? Так много, что теперь наудачу летишь в Калифорнию?

— Энни, это единственное, что мне остается,— устало сказал он.— Где-то должно быть слабое звено. Макнейр не хочет говорить со мной. Риддл исчез. Так что я попробую еще раз поговорить с Джеффом Филдсом.

— Ты мог бы обратиться к общественности,— сказала она.— Созови пресс-конференцию. Выложи все, что знаешь. Заставь *их* объяснить все, а не бейся головой о стену.

Нортон свернул с Белтвэя на Даллес Эксесс Роуд и упрямо покачал головой.

— К этому я еще не готов. Так можно навредить Уитмору, а я не сделаю этого, пока не буду убежден, что он причастен к убийству Донны.

— Убежден? Чего еще тебе нужно? — воскликнула она.— Ты знаешь, что он сделал ей ребенка. Знаешь, что кто-то убил сенатора Нолана. Знаешь, что они заставили Джеффа Филдса сказать, будто Донна забеременела от *него*. Чего ты еще хочешь, признания?

Их обогнало такси на скорости 80 миль в час.

— Какой-то бедняга опаздывает на самолет,— сказал Нортон.— Послушай, я же вчера вечером объяснял тебе, это все может быть совпадением. Пока что против Уитмора лишь косвенные улики. Есть разница между тем, что я *подозреваю* и *знаю*. Будь я присяжным, я не смог бы сказать, что безоговорочно убежден в причастности Уитмора.

— О господи! — воскликнула Энни.— *Юристы*!

Остановив машину возле аэропорта, Нортон взял Энни за руку.

— Вечером позвоню.

— Отдохни там,— сказала она.— Полежи у бассейна, позагорай.

— Постараюсь,— сказал он.— Слушай, извини меня за вчерашнее.

Энни придвинулась и поцеловала его.

— Вчера все было хорошо,— сказала она.— Отдохни там. Я съем тебя, когда вернешься.

Он торопливо поцеловал ее и поспешил к вокзалу.

Полчаса спустя, когда самолет поднялся, Нортон подумал, что еще ниоткуда не улетал с таким удовольствием, как сейчас из Вашингтона. Даже если это означало улетать от Энни. Последнюю неделю у него было ощущение, будто вокруг него сдвигаются стены. Он стал приглядываться к людям на улице, хотя раньше не делал этого. Теперь ему казалось, что они наблюдают за ним, следят, строят заговоры. Он считал, что все телефоны прослушиваются, все разговоры подслушиваются, все письма вскрываются.

Последней соломинкой была прошлая ночь, когда они впервые легли в постель и с ним произошло нечто ужасное. Казалось, импотенция — один из последних симптомов этой паранойи. Лежа рядом с Энни, он слышал шорохи за дверью, видел тени за окнами, ему мерещились шпики, спрятанные кинокамеры, потайные микрофоны. В конце концов он сдался и, надеясь, что она поймет, поделился своими опасениями. Конечно, даже когда он шептал ей о смерти Донны, где-то в глубине души гнездился страх, что и она может оказаться участницей этого заговора, но довериться кому-то было необходимо.

Когда он стал рассказывать, Энни села в постели, включила свет и с полчаса расспрашивала его. Она думала, что он слишком неосторожен, слишком доверчив. У нее не было никаких сомнений в причастности Уитмора. Но, конечно, Энни была на десять решающих лет моложе. Он достиг возраста, когда доверяешь своему правительству, а она нет еще. В конце концов, когда он ответил на ее вопросы, она погасила свет, обняла его и притянула к себе. Заснул он, обнявшись с ней.

— Хотите коктейль, сэр?

Нортон открыл глаза. Голубоглазая стюардесса держалась развязно. Вспомнив о Пенни, он подумал, что, видимо, и эта ее коллега накурилась гашиша.

— Две «кровавые Мери», пожалуйста,— попросил он. У него был план: выпить два коктейля и проспать до самой Калифорнии.

Плосколицый по-прежнему охранял ворота Филдса, но на сей раз никаких проблем не возникло.

— Босс ожидает вас,— сказал он не очень приветливо.— Возле бассейна.

Нортон поставил взятый напрокат «форд» перед особняком, рядом с блестящим светло-желтым «ягуаром», обошел дом и спустился по широкому зеленому газону к бассейну. В прошлый раз в бассейне и вокруг него резвились гости. Теперь здесь был только Джефф Филдс, он лежал в шезлонге, на воде чуть покачивался большой белый надувной матрац.

— Привет, Нортон,— не вставая, сказал актер.

— Привет, Джефф. Спасибо за гостеприимство.

— Я должен был принять тебя после той истории. Только не повторяй свою чушь, будто приехал насчет работы. Выпьешь пива?

— С удовольствием.

— Сейчас принесу,— сказал Филдс.— У меня в кабине холодильник.

Он пошел в кабину и через минуту вернулся с двумя холодными банками пива.

— Ты, кажется, южанин?—спросил он Нортона.

— Да. Из Северной Каролины.

— Как ты говоришь — «холодильник» или «ледник»?

— В детстве говорил «ледник». У нас в буквальном смысле был ящик, куда клался лед. И до сих пор иногда так говорю. А почему ты спросил?

— Я как-то снимался в фильме, где действие происходит в Миссисипи в тридцатые годы. И с трудом убедил режиссера, что мне надо говорить «ледник».

— Этот фильм я видел. Ты играл там бутлегера[1]. И притом отлично. Мне надоели картины о Юге, где исполнители главных ролей говорят с бруклинским акцентом.

Филдс улыбнулся.

— Слушай, Джефф,—сказал Нортон,—тогда, на Лафайет-сквер, я был с тобой очень груб. Я не поверил твоим россказням. Хочешь, для начала скажу тебе, в чем, на мой взгляд, тут дело?

— Конечно. Валяй.

— Прежде всего я сразу не поверил, что Донна забеременела от тебя. По-моему, в этом повинен Уитмор, и тебя принудили явиться ко мне с этой выдумкой. Я только не могу понять, как ты пошел на такую глупость.

— Почему глупость?

— Почему? Во-первых, глупо без необходимости впутываться в дело об убийстве. К тому же, изложив эту историю под присягой, а дойти до этого могло бы, ты рисковал попасть в тюрьму за лжесвидетельство. Когда выгораживаешь других, Джефф, всегда есть опасность, что они скажут правду и повернутся к тебе спиной.

Актер пожал плечами и стал втирать в грудь лосьон для загара.

— Я не мог понять, какой нажим на тебя оказали,— продолжал Нортон.— Потом ко мне как-то заглянула стюардесса по имени Пенни. Помнишь ее?

— Помню.

— Так вот, в прокуратуре на нее давили, пока она не рассказала все, что знает о наркотиках на твоих вечеринках. Насколько я понимаю, то же самое проделывали и с другими, пока не набралось достаточно показаний против тебя в употреблении кокаина. Все дело в этом? Так они и скрутили тебя?

— Я вот что скажу тебе, Нортон. Просто теоретически. С такими, как я, правительство может расправиться и без суда. Мне даже могли не предъявлять обвинения. Достаточно было кое-что сообщить в газеты. «Актер обвиняется в распространении кокаина». «Дикие оргии в усадьбе актера». Кокаин сгубил бы мне карьеру, как марихуана Бобу Митчему тридцать лет назад.

— Значит, по-твоему, ты полностью в их руках?

— А по-твоему, нет?

— Нет. Я считаю, что ты совершаешь большую ошибку.

— Послушай, Нортон, если ты сошлешься где-то на мои слова, я буду все отрицать. Но ты недалек от истины. Меня попросили о небольшом одолжении, я отказался, и тут же целая армия агентов по борьбе с наркотиками кинулась с расспросами к моим знакомым. Я поговорил со своим адвокатом. Совет его был очень краток: «Делайте, что вам говорят». Я сделал. И расследование тут же прекратилось. Так что, видимо, я был не так уж глуп.

— Эй, босс!— окликнул с террасы плосколицый.— Я еду в город. Поручения будут?

— Привези еще пива!—крикнул в ответ Филдс. Тот помахал рукой и скрылся.

— Сейчас здесь только ты и он, Джефф? — спросил Нортон.— Ни шикарных девочек? Ни музыки? Ни вечеринок?

— Вечеринка окончена,— сказал Филдс.— Теперь объясни, в чем, по-твоему, не прав мой адвокат?

— Не прав он в том, что напрасно позволил тебе влезть в неприятности. Что недооценивает твое положение. Конечно, Уитмор может навредить тебе, но и ты ему тоже, а потеряет он больше, чем ты.

— Это — гиблое дело.

— Гиблое дело — это то, чем ты занялся. Послушай, я думаю, тебе известно кое-что о связи Уитмора с Донной, почему она отправилась в Вашингтон повидать его и, может, как она погибла. А если ты знаешь хоть что-то, то незачем поддаваться им. Это *они* оказались в беде, а не ты. Ты не убивал никого. Зачем тебе покрывать их?

— Потому что они могут испортить мне жизнь, черт возьми.

— Испортить жизнь можно не только тебе. Ты знаешь, кто такой Фрэнк Кифнер?

— Знаю.

— Это он грозил тебе преследованием за наркотики?

— Один из его помощников.

— Хорошо. По возвращении в Вашингтон я повидаюсь с Кифнером. Скажу, что знаю: на Пенни он давил лишь из-за политического нажима Белого дома. И на тебя тоже. Они не имеют на это *права*, Джефф. Нельзя попирать людей безнаказанно. Нельзя использовать судопроизводство для шантажа. Фрэнк умен, честолюбив и прислушается ко мне. Он вынужден блюсти свои интересы, а я хочу внушить ему, что в его интересах выяснить истину об убийстве Донны. Посоветую побеседовать кое с кем, в том числе и с тобой. Надеюсь, ты поумнеешь и скажешь ему правду.

Филдс медленно, словно под бременем нерешительности, поднялся.

— Выпьешь еще пива? — спросил он.

— Конечно.

Филдс вернулся с двумя банками и протянул одну Нортону.

— Слушай, я хочу задать тебе пару вопросов.

— Спрашивай.

— Для чего ты говоришь мне все это? Что, по-твоему, Уитмор обрюхатил Донну и знает, кто ее убил? Что собираешься идти к Кифнеру? Не боишься, что я позвоню Уитмору, или Эду Мерфи, или кто там заправляет всем этим и передам все, что ты сказал?

— С Мерфи я разговаривал. Он знает, что я думаю. Сейчас мы играем в покер. Они ставят на то, что я не смогу доказать свою правоту, я ставлю на то, что смогу. А ты находишься между нами.

Солнце клонилось к закату, и от пальм на траву падали длинные тени. Филдс встал и передвинул шезлонг на освещенное место. Нортон остался в тени.

---

[1] Торговец контрабандными спиртными напитками.

— Бен, у тебя не было ощущения, что ты сражаешься с ветряными мельницами? Что в руках твоего противника полиция, ФБР и прокуратура и что тебе никак не пробить эту стену? Не ведешь ли ты игру — вовлекая в нее и меня — с очень малой надеждой на выигрыш?

— Конечно, такое ощущение было,— ответил Нортон.— В Вашингтоне я давно и знаю, какой порочной и продажной может быть наша политическая система. Однако, Джефф, в глубине души я в нее верю. На мой взгляд, она похожа на старого мула. Он ленив и упрям, эгоистичен и глуп, но эта проклятая тварь может р а б о т а т ь! И если дать ей хорошего пинка, то б у д е т. Вот и все, что я хочу сделать,— дать пинка и заставить этого старого мула двигаться в нужном направлении.

— А если мул будет лягаться, Бен?

— Пусть лягается. Я так же упрям, как и он.

— Я не шучу. По-моему, кое-кто хочет заткнуть тебе рот, и, если не удастся сделать это одним способом, они прибегнут к другому. На твоем месте я бы думал, куда иду и к кому поворачиваюсь спиной. У меня был друг, кинорежиссер, он не поладил с мафией. Мелочь, карточный долг, восемь или десять тысяч долларов. Полиция обнаружила его в мусорном ящике за Браун-дерби, на теле было восемьдесят три раны, нанесенные пешней.

— Мы имеем дело не с мафией, Джефф.

— Вот как? А тот старик сенатор? Думаешь, он упал с обрыва случайно?

— Не знаю,— признался Нортон.— Хочется думать, да.

Филдс горько рассмеялся.

— Тогда не называй меня дураком, приятель. Может, ты еще глупее меня. Если это возможно.

— Может быть,— сказал Нортон.— В конце концов мы это выясним. Сейчас я хочу знать, будешь ли ты меня поддерживать. Хочу знать, кто в Белом доме велел тебе сочинить эту выдумку. И зачем Донна отправилась в Вашингтон. И что ты знаешь об убийстве. Без умолчаний. Что скажешь?

Филдс смял банку из-под пива и швырнул в сторону. Она упала в траву и лежала, поблескивая на солнце.

— Черт возьми, не знаю, как и быть,— сказал он.

— Расскажи правду, Джефф. Правдой нельзя причинить зло.

Актер чуть заметно улыбнулся.

— Хочешь, скажу тебе смешную вещь? Я верю в Уитмора. И вовсе не хочу создавать ему проблем. По-моему, если кто и может исправить нашу свихнувшуюся страну, то это он.

— Я тоже так думаю,— сказал Нортон.— Но мы не создаем ему проблем. Он создал их себе сам. Тебе надо подумать о своих интересах. О проблемах Уитмора заботятся многие.

Филдс поднялся и стал расхаживать вдоль бассейна.

— Черт побери,— сказал он.— Я ни на что не напрашивался. Это не моя забота. Все из-за той проклятой пленки.

Нортон замер.

— Какой пленки, Джефф? — негромко спросил он.

Актер остановился и, казалось, вышел из транса.

— Что? А, ерунда. Забудь.

— Джефф, какой п л е н к и? О чем ты говоришь?

Филдс сел на край шезлонга и обхватил голову руками.

— Сейчас ничего не скажу,— пробормотал он.— Мне надо подумать. Надо поговорить с адвокатом. Не знаю, как и быть!

— Времени у нас мало,— сказал Нортон.— Завтра я возвращаюсь в Вашингтон. Мне нужно знать, куда ты повернешь.

— Приезжай утром в девять,— сказал Филдс.— К тому времени я все решу.

Нортон встал, потом сделал последнюю попытку.

— Пленка, Джефф. Скажи, что ты имел в виду?

— Утром,— ответил актер, и Нортон сдался.

Он поднялся по склону, потом остановился у особняка и взглянул на бассейн. Филдс стал купаться. Немного проплыв, он влез на белый надувной матрац, качавшийся на воде, и теперь лежал вверх лицом, словно в полном покое. Это было приятное зрелище: худощавый, загорелый молодой человек на белом матраце в бирюзовой воде, фоном были кабина, пальмы, горы и бесконечное небо; Нортон подумал, что этот вид был бы хорошей концовкой фильма, если б в кино еще существовали хорошие концовки.

Филдс открыл глаза, увидел Нортона и помахал на прощание рукой.

— Плывешь своим путем, Джефф? — крикнул Нортон.

— Может быть,— ответил актер.— А может, по течению.

«А может, и то, и другое»,— подумал Нортон, помахал рукой и пошел к своей машине.

25

Возвратясь в отель, Нортон зашел в бар, заказал джин с тоником и попросил бармена включить вечерние новости. Без новостей Нортон не мог жить: в тот вечер, когда пропускал Уолта Кронкайта, он начинал дрожать и потеть, как наркоман без своей дозы. Бармен как-то странно поглядел на него, но включил большой цветной телевизор над стойкой. Никто больше в маленьком темном зале не интересовался новостями, и Нортон заметил, что несколько человек хмуро поглядели на него.

Почти все новости в тот вечер были из Вашингтона, и все были скверными. Цены растут, безработица увеличивается, продовольствия не хватает, специалисты в недоумении. Еще один конгрессмен обвинен в сокрытии доходов, сенат скован обструкцией. Госдепартамент предвещал новый взрыв насилия на Ближнем Востоке, Пентагон требовал еще денег, министерство финансов намекало на очередное повышение налогов. Плохие новости одна за другой выплывали с экрана, и Нортон стал чувствовать себя неловко, стал видеть их с новой, тревожной, не вашингтонской точки зрения. В Вашингтоне он воспринимал политические мытарства нации как повседневное явление, как лос-анжелесский смог. Более того, он и большинство его знакомых либо так, либо иначе наживались на политических бедах. Но здесь, в этом шикарном небольшом баре, в пустынном раю, вашингтонские безрадостные известия казались совершенно неуместными. Он заметил, что посетители начинают ворчать, сердито указывать на него, и внезапно ему пришла ошеломляющая мысль: «Как же они должны ненавидеть нас!» Хемингуэй называл Париж праздником, который всегда с тобой, но Вашингтон был несчастьем, которое всегда с тобой, ежедневно рассылающим свои гнетущие сообщения на всю беспомощную, непонимающую страну.

— Послушайте, мистер, вы еще смотрите? — спросил бармен.— Кое-кому хочется посмотреть игру в гольф.

— Отличная мысль,— сказал Нортон, и Уолтера Кронкайта внезапно сменил Джонни Миллер, загоняющий мяч в лунку с тридцати футов. Общий вздох пронесся по залу, и даже Нортон почувствовал облегчение.

На другое утро, когда Джефф Филдс вышел из особняка, Нортон как раз ставил «форд» рядом с его «ягуаром». Подойдя, Нортон встретил актера у подножия лестницы. Филдс был в теннисных туфлях, белых льняных брюках и зеленой спортивной рубашке, выглядел он нервозным и рассеянным.

— Привет, Джефф.

Актер поглядел на Нортона и рассмеялся.

— Бен, на тебе лица нет.

— Я почти не спал,— согласился Нортон.— До рассвета все думал об этой истории. Да и ты выглядишь неважно.

Актер сунул руки в карманы, угрюмо уставился в подъездную аллею и рассеянно пнул камушек.

— Сейчас произошла странная вещь, Бен,— сказал он.— Едва я решил, как мне быть, произошла очень странная вещь.

— Какая?

— Слушай, я буду откровенен с тобой насколько могу. Вчера ты говорил дело. После твоего ухода я позвонил адвокату, и мы долго беседовали. Потом позвонил в Вашингтон одному человеку — кому, не скажу — и поговорил с ним. В конце концов я решил, что ты прав, что мне следует рассказать прокурору правду об этой истории, и будь что будет.

— Отлично,— сказал Нортон.

— И буквально десять минут назад этот сюрприз,— сказал Филдс.— Позвонил командир армейской базы, она тут рядом, за городом. Говорит, чтобы я немедленно приезжал, мне звонят из Белого дома.

— Что за чертовщина? — запротестовал Нортон.— Чего им нужно? И почему не позвонили сюда?

— Насколько я понял, звонит президент и хочет говорить по надежному телефону — на базе телефон надежен, а мой нет.

— Значит, ты едешь?

— А как же иначе?

— Джефф, даже если это президент, что бы он ни сказал,— ничего не может изменить.

— Видимо, нет. Но поговорить с ним хотя бы из вежливости надо.

— Да, конечно,— подтвердил Нортон.— Только не поддавайся на уловки. Твоя позиция очень проста: ты намерен рассказать правду. Не слушай всякую чушь, будто западная цивилизация рухнет, если Уитмор окажется замешанным в скандал. Это их проблема.

— Да, пожалуй,— неуверенно проговорил актер.

— Вот еще что,— сказал Нортон.— Кажется, сейчас я туго соображаю, но почему именно в это время?

— Единственное, что можно предположить после того, как я поговорил со своим адвокатом, он в Лос-Анжелесе, и с моим человеком в Вашингтоне, кто-то из них позвонил в Белый дом и донес о моих намерениях. Это — самое скверное, Бен. Все карты у них в руках. Что бы ты ни делал, они на шаг впереди тебя.

— Оставь такие мысли. Не поддавайся этим прохвостам.

— Слушай, меня ведь ждут. До базы минут двадцать езды. Хочешь поехать со мной?

Нортон развел руками.

— Не знаю. Ну, поедем.

— Думаю, нас пропустят вдвоем,— сказал Филдс.— Там какой-то центр связи. Совершенно секретный. Пошли, поедем на «ягуаре».

Они пошли к желтому «ягуару», потом Нортон остановился.

— Джефф, я не успел позавтракать и, если ты не против, останусь и выпью кофе.

— Как хочешь,— ответил актер.— Все, что тебе нужно, на кухне. Можешь сделать и «кровавую Мери».

— Обойдусь кофе и яйцами,— ответил Нортон.

— Ладно, где-то через час я вернусь. Не унывай.

Актер усмехнулся, легко подбежал к «ягуару» и грациозно влез на сиденье. Мотор завелся сразу же и негромко урчал, пока Филдс затягивал привязной ремень. Нортон смотрел с крыльца, улыбаясь картине перед собой: безупречный профиль актера, четкие очертания машины, свежеполитый, искрящийся под утренним солнцем газон, это был миг почти совершенной красоты — и вдруг он взорвался столбом пламени. Нортона сшибло с ног. По всему фасаду особняка вылетели стекла. Над газоном поднялась туча дыма. Желтый «ягуар» превратился в груду обгорелого, искореженного металла, над ним плясали языки огня. Стоявший в воротах охранник что-то крикнул и побежал к «ягуару». Нортон поднялся и побежал тоже, потом, заметив на дорожке что-то розовато-белое, остановился. Наклонясь, увидел, что это большой палец. Нортон отвернулся, и его вырвало на клумбу. Потом он заставил себя войти в дом и позвонить в полицию.

Полицейские Палм-Спрингса отпустили Нортона только во второй половине дня. Он сказал им, что приехал к Филдсу поговорить насчет работы. Упомянул и о загадочном звонке с армейской базы. Перед его уходом из отделения полицейские установили по крайней мере один факт: никто из Белого дома не звонил на базу и никто с базы не звонил Филдсу.

Приехав в аэропорт, Нортон еще не оправился от потрясения, но некоторые факты стали складываться в картину. Бомбу подложили ночью, охранник Филдса показал, что вечером ездил на «ягуаре». Значит, убийца как-то прознал, что Филдс намерен рассказать правду о смерти Донны. Как? Может, актер обращался за советом не к тому, кому следовало? И кто этот таинственный вашингтонский человек? Или, может, его телефон прослушивался? Так или иначе, это стало известно, кто-то тайком явился и установил бомбу. А потом в девять, как раз когда Нортон должен был приехать, раздался обманный телефонный звонок, рассчитанный на то, что Филдс бросит все и сядет в «ягуар»

Поднимаясь в самолет, Нортон был потрясен, ошеломлен. Убийство Донны могло быть непредумышленным. Смерть сенатора Нолана могла быть случайной. Но убийство Филдса было тщательно продуманным преступлением. И еще: чем больше он думал над этим, тем больше убеждался, что убийца хотел разнести на куски и его вместе с несчастным актером.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Патрик АНДЕРСОН

РОМАН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

Адвокат Бен Нортон параллельно с полицией ведет расследование убийства Донны Хендрикс, женщины, которую не может забыть. Чем дальше продвигается он в своем расследовании, тем больше странного и настораживающего замечает в этом деле. Неизвестный сообщил Нортону об убийстве Донны, очевидно, для того, чтобы втянуть его в поле зрения полиции. Нортон знает о связи Хендрикс с президентом Уитмором, а помощник президента Эд Мерфи отрицает очевидные факты. Все, кто говорил что-либо о Донне, Уитморе и его помощнике, вскоре взяли свои слова обратно. Нортон подозревает, что здесь не обошлось без вмешательства Эда Мерфи. К тому же погибает старик сенатор Нолан, рассказавший о приезде президента к Хендрикс в Калифорнию, а вслед за ним и актер Филдс, которого явно принуждали взять на себя ответственность за беременность Донны. Нортон чувствует, что вокруг него тоже сжимается смертельное кольцо.

26

Нортон вылез из такси и зашлепал по лужам на широкой бетонной площадке перед зданием федерального суда. Почувствовав, что ноги промокли, что дождь хлещет на голову и плечи, он пожалел, что не надел плащ, но в Вашингтоне он никогда не обращал внимания на погоду. Не то что раньше в Северной Каролине. Там дождь означал, что пикники и поездки за сеном отменяются, бейсбольные матчи откладываются, в футбол придется играть на грязном поле; и вечерами он смотрел в небо, чтобы узнать, какую угрозу готовят стихии его молодой жизни. Но Вашингтон — другое дело. Нортон считал его городом без погоды. Вместо нее в Вашингтоне были настроения, а политические комментаторы были его подлинными синоптиками. Сегодня настроение Вашингтона спокойное. Сегодня настроение Вашингтона напряженное. Сегодня настроение Вашингтона пессимистическое. Над городом, где теперь жил Нортон, вместо грозовых туч и волн жары плыли настроения. Климат здесь был политическим, и барометр все время падал.

Забежав в здание суда, Нортон спросил у охранника, где кабинет Фрэнка Кифнера. Ответить на этот вопрос было не так уж легко. Кифнер менял кабинеты, как змея кожу, и каждый новый оказывался больше, внушительнее предыдущего. Начинал Кифнер чиновником в Верховном суде, потом становился юридическим советником сенатора, следователем при разборе уотергейтского дела, помощником прокурора и вот стал прокурором округа Колумбия. Но предела отнюдь не достиг. Амбиции у Кифнера были под стать способностям. Впереди его ждала частная юридическая практика, а потом, возможно, политическое поприще. Занятное продвижение — в этом году создать себе имя, сажая людей в тюрьму, в будущем сделать себе состояние, спасая людей от тюрьмы, потом стать судьей, где можно делать и то, и другое, или заняться политикой, где можно устанавливать правила игры.

Нортон отыскал нужную дверь, представился расторопной секретарше-негритянке, и через несколько секунд она впустила его в большой, почти без роскоши кабинет Кифнера. Кифнер приветствовал Нортона холодным взглядом и вялым рукопожатием. Это был невысокий человек с редеющими волосами, в очках без оправы, производивший впечатление абсолютно точного механизма.

— Бен, я рад, что ты зашел,— сказал он.— Мы пытались связаться с тобой.

— Я ездил на пару дней в Калифорнию.

— Знаю. Нас известила полиция Палм-Спрингса.

— Ты хочешь поговорить об этом?

— Сперва давай разберемся с твоим делом. Ты представляешь мисс Карр?

— Совершенно верно. И я в таком же недоумении, как Пенни. Является ли она подследственной? Если да, в чем ее обвиняют? Мне нужны протоколы твоих бесед с ней. И я хотел бы знать, почему ты не уведомил Пенни о ее правах. Вы поступили с ней безответственно, Фрэнк.

Кифнер был невозмутим. Он нетерпеливо постукивал пальцами по столу и неотрывно глядел на Нортона, казалось, даже не мигая.

— Мисс Карр была уведомлена о своих правах,— сказал он.— Насколько это касается ее, следствие закончено. Если тебе нужны протоколы, обратись к моей секретарше.

«Гад,— подумал Нортон,— ты щелкаешь, будто компьютер, делая перфокарты из человеческих жизней».

— Следствие закончено? — сказал он.— Потому что Джефф Филдс взорвался?

— Закончено.

— Насколько это касается меня, нет,— сказал Нортон.— Вы давили на мою клиентку, не имея для того никаких оснований, кроме своих политических игр.

Кифнер глядел на Нортона с отчужденностью, очень близкой к презрению. Выражение его лица почему-то напомнило Нортону Уитни Стоуна.

— Твоя клиентка призналась, что принимала наркотики...

— Фрэнк, брось! Таких миллионы...

— Она призналась, что посещала вечеринки, где было много кокаина. Наше расследование затрагивает нескольких крупнейших торговцев наркотиками с западного побережья.

— Значит, вы подбирались к Джеффу Филдсу, заработавшему на последнем фильме восемь миллионов? Это он-то торговал наркотиками?

— Он был звеном в цепи улик.

Нортон закусил губу и подумал, верит ли Кифнер в то, что говорит.

— Знаешь ли ты, что происходит, Фрэнк? — спросил он.

Кифнер нетерпеливо глянул на часы, словно отставал от своего распорядка на пять минут вместо того, чтобы опережать его на пять лет.

— Почему бы тебе не просветить меня? — сказал он.

— Начнем с того, что Донна Хендрикс, когда погибла, была на четвертом месяце беременности. Полагаю, тебе это известно. А старый сенатор Нолан рассказал мне, что Уитмор приезжал к ней в Кармел в январе, за три месяца до ее гибели. Я думаю, она забеременела от него и приехала в Вашингтон поговорить с ним. И думаю, что он или Эд Мерфи знают, кто ее убил. От Эда я добился только отговорок. Джефф Филдс несколько недель назад приезжал ко мне и сказал, будто Донна забеременела от н е г о. Это было бессмыслицей, потом я поговорил с Пенни, узнал о следствии по поводу наркотиков и понял, что затеяно оно для давления на Филдса, чтобы заставить его сказать мне, будто это он наградил Донну ребенком. Филдс признался мне накануне своей гибели. Поэтому я предлагаю тебе, Фрэнк, поменьше интересоваться стюардессами, нюхающими кокаин, а побольше тем, убиты ли Филдс и сенатор Нолан потому, что слишком много знали об убийстве Донны.

— По всем трем убийствам ведется расследование,— спокойно сказал Кифнер.

— Да? А кто руководит расследованием? Ты или Эд Мерфи?

Глаза Кифнера сузились, но выражение лица не изменилось.

— Такие замечания не помогут тебе, Бен.

— М н е? Фрэнк, ты хоть слушал, что я говорил? Неужели ты не видишь, что творится?

— Наше расследование движется вперед,— сказал Кифнер.— Сообщать тебе все подробности я не обязан.— И снова взглянул на часы.

Нортон стал выходить из себя.

— Фрэнк, ты знаешь, кто такой Байрон Риддл?

— Да, знаю.

— Ты допрашивал его?

— На этот вопрос я не отвечу.

— Так вот, допроси, потому что этот тип вечно появляется всюду. Он подвел Пенни под это расследование с наркотиками — не отрицай. Однажды вечером я видел, что он следил за мной. Некто, очень похожий на него, приезжал к сенатору Нолану незадолго до его гибели. И я готов прозакладывать все, до последнего доллара, что он был в Палм-Спрингсе, когда Джефф Филдс погиб.

— Доказательства у тебя есть?

— Нет, черт возьми. Добыть доказательства — дело твое. В этом деле много оборванных нитей, и твоя обязанность — связать их.

— У тебя еще есть советы, Бен?

— Да, есть. Возглавь это расследование сам, если не хочешь неприятностей. Может, Белый дом водил тебя за нос, но теперь ты предупрежден. Допроси Эда Мерфи, Риддла, может быть, Макнейра и Гальяно. Официально, под присягой. Может, кто-то и расколется. Может, все они ни при чем. Может, президент находится в неведении — это я вполне допускаю — и ты должен обо всем ему сообщить. Сейчас твой ход, Фрэнк. Все, что я сказал, я повторю под присягой, но мяч сейчас на твоем корте.

Наступила тишина, слышно было только, как Кифнер барабанит пальцами по столу.

— Мне кажется, я знаю, как исполнять свои обязанности, Бен,— сказал он наконец.— Хотя, несомненно, мне было бы значительно легче, будь у меня твоя сила убеждения. Похоже, что люди всегда говорят тебе правду. Сенатор Нолан рассказывает тебе о таинственном свидании, про которое никто больше не знает. Джефф Филдс рассказывает о таинственном нажиме Белого дома. Потом оба гибнут в подходящее время, и ты остаешься единственным, знающим правду. Похоже, Бен, что все, кроме тебя, лжецы.

Нортон поднялся.

— Ладно, Фрэнк, не стану больше отнимать у тебя время. Я думал, что ты намерен честно делать свою работу.

— Сядь, Бен.

— Не хочу. Но позволь на прощание высказать одну мысль. Я знаю о пленке. Филдс рассказал мне о ней накануне гибели.

Кифнер перестал постукивать пальцами и какое-то время сидел неподвижно, как игрок в покер, решающий, блефовать ему или нет.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—23.

— Филдс сказал тебе, где она? — спросил он наконец.

Однако Нортон не мог блефовать дальше. Нельзя взять на блеф человека, во власти которого потребовать улику.

— Нет,— сказал он.— Не знаю, где. Пока не знаю.

— Сядь, Бен.

— Я сказал все, что хотел. Мог бы сообщить несколько подробностей, но, видимо, они тебе не нужны.

— С я д ь. Ты, может, и все сказал, но я нет.

Нортон сел снова.

— Хочешь верь, хочешь не верь, Бен, но расследование по делу смерти мисс Хендрикс продвигается. Сержант Кравиц, ведущий его, хочет видеть это дело завершенным не меньше, чем ты. Может быть, даже больше. В ходе следствия Кравиц добился успеха. И поскольку ты так щедро делился своими сведениями, я думаю, что должен поделиться нашими сведениями с тобой.

В голосе Кифнера звучала неприятная нотка, и это насторожило Нортона.

— У нас есть свидетель,— продолжал Кифнер,— утверждающий, что в тот вечер, когда мисс Хендрикс была убита, он видел человека, выходящего примерно в полночь из того дома на Вольта-плейс.

— Кто же твой свидетель?

— Называть свидетеля я не стану,— сказал Кифнер,— но скажу, кого он видел выходящим из дома в ту ночь.

— Хорошо, кого?

— Тебя, Бен.

Гейб лежал, вытянувшись во весь рост на диване Нортона, на животе у него стоял стакан с виски. Говоря, он то проводил рукой по усеянным перхотью волосам, то сковыривал струпья с рук.

— Мы близки к цели,— пылко сказал он.— У меня начинается сыпь.

— Близки? — угрюмо переспросил Нортон.— Гейб, на днях я был близок к тому, чтобы оказаться разорванным на куски. Только по счастливой случайности я не сел в ту машину. И не уверен, что мне безопасно выходить на улицу.

— В Вашингтоне тебя никто не убьет,— сказал Гейб, так скребя своими короткими пальцами, что частички омертвелой кожи сыпались на пол.— Такие трюки выполняются только в поле. Какой-то парень, делающий карьеру, хочет произвести впечатление на свое ведомство. Только представь, если бы ты взлетел на воздух, один напористый тип мог бы выбиться в люди. Но здесь, в Вашингтоне, эти ребята более изощрены. Они не подкладывают бомб, они подкладывают идеи — это прекрасный способ взять человека в оборот.

— Здесь ты прав,— сказал Нортон.— Мой старый приятель Фрэнк Кифнер недавно подбросил мне несколько таких идей, что я чуть не полез на стену.

— Например?

— Он мог обвинить меня в лжесвидетельстве, об этом я уже знал. А потом заявил, что у него есть свидетель, видевший, как я выходил из того дома в тот вечер, когда Донна была убита.

Гейб так захохотал, что виски пролилось из стакана ему на брюки. Он выругался, подхватил стакан, ухитрясь при этом сбить пепельницу. А когда улегся снова, улыбка его исчезла, и он, прищурясь, смотрел на Нортона.

— Это правда? — резко спросил Гейб.

— Что правда?

— Выходил ты из того дома, болван?

Нортон даже зарычал.

— Нет, я не выходил из того дома в тот вечер. Я не убивал ее, если ты на это намекаешь.

Репортер пожал плечами и потрогал мокрую штанину.

— Случались и более странные вещи,— пробормотал он.

— Главное,— продолжал Нортон,— Кифнер отказался сказать мне, кто этот свидетель. Может, никакого свидетеля нет и он просто блефует.

— Нет, не блефует,— сказал Гейб. Он зажег сигарету и бросил спичку в ту сторону, где валялась пепельница.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что знаю, кто его свидетель.

— К т о же, черт возьми!

— Джой Смоллвуд.

— Этот ненормальный парень из винной лавки!

— Да. Он постоянно подглядывает в окна, постоянно бродит вечерами по Джорджтауну, и его заставили утверждать, что он был напротив того дома и видел, как ты выходил.

— Тоже мне свидетель,— злобно сказал Нортон.— Казалось бы, в прокуратуре могли работать почище.

— А им ничего больше и не нужно,— сказал Гейб.— Конечно, Джой ненормален, и на основании его показаний тебя не обвинят, но уничтожат скандалом. Или, может, выдвинут обвинение в лжесвидетельстве и даже добьются своего. Тебя исключат из коллегии адвокатов, год или два просидишь в тюрьме, а потом уже никто не станет слушать, что ты говоришь об убийстве Донны Хендрикс. Эти ребята начинают девить на тебя, приятель.

Нортон встал и подлил себе виски. Гейб снова растянулся на диване, пуская колечки дыма к потолку и почесывая руки. На левом запястье у него выступила кровь, и время от времени он ее слизывал.

— У меня сложилась теория об этом деле,— сказал, помолчав, Гейб.— Собрал я еще не все детали, но теория складывается.

— Я слушаю.

— Прежде всего нужно предположить, что Донну убил Уитмор, или Мерфи, или кто-то из их тесного круга. Иначе вся эта маскировка не имеет ни малейшего смысла. Поэтому им нужен козел отпущения, и, похоже, на эту роль избрали тебя.

— Почему меня?

— А почему бы нет? В этом есть логика — брошенный любовник и все такое. Потому-то тебе и сообщили по телефону, что Донна убита. Заставить тебя сделать именно то, что ты сделал,— помчаться на место преступления и привлечь к себе внимание полиции.

— Как по-твоему, кто звонил мне?

— Я думаю, Риддл. Он влез в это дело по уши. Но — и тут все осложняется — появляется Джой. Помешанный парень, который обслуживал Донну в винной лавке и, возможно, шел за ней до самого дома. Джой не юрист и даже не особенно смышлен, он оказался лучшим козлом отпущения, чем ты, и видимо, стратегию они изменили по ходу дела. Сфабриковали обвинение против Джоя.

— Тогда почему они заставили его утверждать, что это сделал я?

— Во-первых, его добродетельная мамаша клянется, что в тот вечер он был дома, во-вторых, ты такая помеха, что тебе решили заткнуть рот.

— Хорошо, Гейб, но если меня собираются обвинить в убийстве, то почему недавно пытались разнести на куски? Или твоя теория так далеко не заходит?

— Здесь что-то неясное,— согласился Гейб.— Возможно, кто-то решил, что мертвого обвинить будет легче. Так сказать, in absentia [1].

Репортер отпил глоток виски и принялся откусывать заусеницу.

— Или же,— сказал он наконец,— одна группа хочет обвинить тебя, а другая убить. Имея дело с правительством, нельзя упускать из виду фактор несогласованности.

С минуту они сидели в молчании, Гейб откусывал заусеницу, Нортон думал о своем туманном будущем.

— Мне тут пришло в голову,— нарушил он молчание,— может, Джой действительно видел к о г о-т о, выходящего из дома, и честно считает, что это был я.

— Пошевели мозгами,— презрительно ответил репортер.— Этот парень видел только выход для себя. Или он выведет тебя на место преступления, или выведут его. Даже недоумок это поймет, если нажать на него посильнее.

Нортону было очень интересно, как Гейб узнал, кто этот свидетель, но знал, что об источниках его сведений спрашивать не стоит. Ему казалось, что от Кравица. Неделю назад Гейб опубликовал на первой странице большой материал о Кравице, где представил его образцовым, изобретательным следователем по делам об убийстве, а Нортон знал, что Гейб, как большинство политических репортеров, редко льстил кому-то в общественной жизни без какого-то quid pro quo [2].

— Знаешь, очень любопытно, с какой стати Кифнер сказал мне об этом свидетеле. По правилам до суда обвиняемому ничего не говорят о свидетелях против него. И похоже, Фрэнк оказал мне услугу.

— Я не верю этому гаду,— сказал Гейб.

— Я тоже, но доверяю его сознанию собственных интересов. Надеюсь, я рассказал ему о Донне и Уитморе достаточно, чтобы встряхнуть его. Он должен подумать о том, что будет с ним, если история кончится не так, как он задумал.

— Это другое дело,— сказал репортер.— Сейчас она может окончиться быстро. Со дня на день. Потому что после гибели Филдса некоторые репортеры стали догадываться, что к чему. Я думаю, этак через неделю кто-то может написать статью, где будет вопрос, не связаны ли между собой смерти Донны, Филдса и сенатора Нолана. А тебя могут представить как звено, связанное со всеми троими. Могут даже написать, что Джой якобы видел тебя у того дома. Если никто не сделает этого, напишу я. Постараюсь помешкать как можно дольше, но не уклонюсь.

Нортон устало вздохнул.

— Черт возьми, Гейб, я не понимаю, как работают журналисты. Мне казалось, что после убийства Филдса каждый репортер в стране свяжет его с убийством Донны и дело начнет распутываться. Вместо этого я читаю сегодня в утренней газете идиотскую статью о том, будто Филдс убит мафией. «Источники, близкие к делу... невыплаченный карточный долг... расправа в бандитском духе... та-та-та». Я не могу в это поверить.

— Что ж тут такого? — сказал Гейб.— Ведь мафия — это козел отпущения для ФБР и ЦРУ, когда им приходится туго.

— Что-что?

— Послушай, наивный мальчик, мафия — это всего лишь плод воображения Дж. Эдгара Гувера. Он и его рекламисты взяли пару сотен толстопузых, опустившихся итальянских громил, сводников и бутлегеров и раздули их в международный преступный синдикат, вторую после международного безбожного коммунизма угрозу Дому, Флагу и Материнству. Рекламистов в ФБР больше, чем агентов, и половину своего времени они проводят, изображая в книгах, фильмах и телепередачах, какую угрозу представляет собой мафия, с целью вырвать у конгресса побольше денег, чтобы руководители ФБР могли разъезжать в «линкольнах» и летать частными самолетами.

— Гейб,— запротестовал Нортон,— ты хочешь сказать, что мафии не существует?

— Я говорю, что мафия как институт представляет примерно такую же угрозу общественной безопасности, как бойскауты, и гораздо меньшую, чем те, кто производит сигареты или громадные, ненадежные детройтские автомобили, или чем Американская медицинская ассоциация. Черт возьми, эти проклятые врачи ежегодно убивают в сто раз больше людей, чем мафия, продают в двести раз больше наркотиков и дерут за них дороже. Мерзавцы!

Нортон с любопытством посмотрел на Гейба. Теперь в его голосе звучал уже не обычный цинизм.

— Ты недолюбливаешь врачей, Гейб?

Такого холодного взгляда, каким ответил репортер, Нортон еще не видел.

— Один врач угробил мою мать и содрал за это с моего старика тридцать тысяч долларов. А потом мой старик угробил себя, пытаясь расплатиться с этим гадом. Да, можно сказать, что я не люблю врачей. А также и других столпов нашего общества. Но это не твоя печаль.

Гейб допил виски, Нортон последовал его примеру.

— Хорошо, Гейб,— сказал он.— Министерство юстиции, или прокуратура, или кто-то еще распускает слух, будто Филдс убит мафией. Ну и что это доказывает?

— Во-первых, лишний раз подтверждает истинность закона Пинкуса.

— В чем же он заключается?

— Цитирую: «Чем настойчивее политик опровергает то или иное утверждение, тем вероятнее, что это утверждение — правда». Например: «Мы не хотим эскалации войны», или «Я никогда не подам в отставку», или «Я не мошенник» и так далее. В данном случае, если ты присмотришься к линии Белого дома, они ведут к тому, что Уитмор никогда не слыхивал о Джеффе Филдсе или, может быть, именно м о ж е т б ы т ь, раздругой пожал ему руку во время избирательной кампании. А дальше идет грязная и очевидная ложь, они заставили прокуратуру выдвинуть версию о том, будто убийство совершено мафией, в надежде, что помешавшиеся на преступности средства массовой информации поверят в нее, и большинство идиотов поверило. Но главное, мой друг, они до смерти боятся, что кто-то обнаружит связь между Филдсом, Уитмором и Донной.

— Но кто «они»? — спросил Нортон, и в голосе его прозвучало что-то похожее на страдание.— Уитмор? Мерфи? Кифнер? Риддл? Кто, черт возьми, руководит этим представлением?

Гейб пожал плечами и сплюнул на пол отгрызенный кусочек ногтя.

— Именно это, если ты еще не заметил сам, мы и пытаемся выяснить. Пока что мы не знаем. Но, как я уже говорил, лучше всего предполагать самое худшее. Я не хочу, чтобы впоследствии ты был разочарован.

Нортон наклонился и посмотрел на свои туфли. Их следовало бы почистить. Потом он кое-что вспомнил.

— Гейб, послушай. В тот последний день, когда Филдс хотел поговорить со мной, но боялся, он упоминал о какой-то пленке.

— О ч е м?

— Он сказал что-то вроде: «Это не моя забота... Если бы не эта проклятая пленка». Объяснить, в чем дело, не захотел, но был очень взволнован.

— Черт возьми! — воскликнул Гейб.— Значит, это правда.

— Что правда?

— Один из моих информаторов слышал об этой пленке, но не знал, при чем тут она.

— Ч т о «при чем»?

— Видишь ли, когда полиция обыскивала тот дом на Вольта-плейс, там оказалась хитрая звукозаписывающая установка, включающаяся от звука голоса. Все, что говорилось в доме, записывалось. Или могло записываться.

— Для чего?

— Кто знает? Может, Филдс таким образом составлял диалоги для своих фильмов. Может, он был просто извращенным и хотел знать, что говорят его друзья в постели. Может, хотел записать политиков с девочками и потом шантажировать их. Может, все вместе. Я не знаю. Филдс утверждал, что никогда не пользовался этой системой, никогда не заправлял пленки, но он мог лгать. Судя по твоим словам, лгал. Значит, возможно, вся сцена убийства записана на пленку, и находится эта пленка неизвестно где.

Гейб умолк и слизнул кровь с запястья. Нортон с изумлением смотрел на него.

— Гейб, если там была пленка и убийца обнаружил ее, то первым делом он бы ее уничтожил. Это ясно как день.

— Тогда почему Филдс беспокоился о ней?

— Не знаю,— признался Нортон.— В этом нет смысла.

— Если пленку обнаружил не убийца, смысл в этом есть,— сказал Гейб.— Если ее нашел кто-то другой и если тут каким-то образом замешан Уитмор, пленка будет стоить солидную сумму. Тут есть большой смысл.

— Что ты имеешь в виду?

— Деньги. Если в этом городе происходит что-то странное и ты не можешь понять причины, не ищи ее в любви, мести, славе или ревности. Ищи в деньгах, потому что люди стараются ради них. А эта пленка будет стоить больших денег, друг мой. Она занимает на этом рынке второе место после досье Гувера.

— Постой, постой, Гейб. Как мог кто-то другой — не убийца — обнаружить эту пленку?

— Послушай, с момента смерти Донны до того, как ее обнаружил разносчик газет, прошло восемь или десять часов. За это время туда могли пробраться многие. Кто — не знаю. Но главное, нам ясно, что искать. Пленку.

Нортон согнулся и подпер голову руками.

— Что же делать дальше? — спросил он.

— Я позвоню адвокату Филдса и в полицию Палм-Спрингса, может, удастся что-то узнать у них. А ты еще раз поговори с Макнейром. Попробуй узнать, где находится Риддл. Этот сукин сын скрылся.

— Он появится,— сказал Нортон.— Готов биться о любой заклад, что это он подложил бомбу в машину Филдса.

— Может быть,— сказал Пинкус.— Я кое-что разузнал о Риддле. Хочешь послушать?

— Конечно. Может, для начала выпьем?

— Не имею ничего против,— ответил Гейб и, пока Нортон разливал по стаканам виски, закурил сигарету.

— Главное,— начал он,— что человек, которого

---

[1] В отсутствие (лат.).

[2] Здесь: услуга за услугу (лат.).

мы называем Байрон Риддл, дошел до той стадии, что уже никто толком не знает, кто он такой. Может, и о н с а м уже не знает.

Но я думаю, что человека, который теперь называет себя Байрон Риддл, раньше звали Боб Колдуэлл. Человек с этим именем, внешне похожий на Риддла, окончил Йельский университет в пятьдесят четвертом году. Тогда среди молодых йельцев было модно поступать в ЦРУ. Как в корпус мира при Кеннеди. Собственно, как я слышал, этот Колдуэлл поступил в ЦРУ не сразу. Два года он пытался написать великий американский роман, а когда ничего не вышло, сдался и поступил в управление. Дальше сведения отрывочные. Я думаю, он имел какое-то отношение к заливу Свиней. И, может быть, сидел на Кубе в тюрьме. Так или иначе, в середине шестидесятых он появляется в Вашингтоне. Его специальность — связь. Радиоперехват, подслушивание. У него была какая-то фиктивная работа в рекламном агентстве. А в свободное от подслушивания время он снова пишет. Только теперь уже шпионские детективы. Несколько из них я прочел. Не так уж плохо. Много секса. Но сюжет вечно один — смелый агент оказывается преданным трусливыми чиновниками из Вашингтона. Синдром залива Свиней.

Так или иначе, как я слышал, Риддл несколько лет назад пустился во все тяжкие. Почему, не знаю. Может, почувствовал себя неудачником. Может, он просто сумасшедший. Но в ЦРУ ходили слухи, что он готов не только подслушивать телефонные разговоры.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Нортон.

— Что он убил бы говорившего по телефону, если б решил, что это послужит делу свободы. Он состоял в какой-то команде ликвидаторов. Вот пожалуйста. Выпускник Йельского университета, ненавидящий коммунистов и чиновников, живет в мире фантазий и охотно убирает кого-то время от времени.

— Гейб, это фантастика.

— Нет,— ответил репортер,— не фантастика. Беда в том, что ты знаешь в этом городе лишь наружный слой общества. Он непригляден, слов нет, но как-нибудь подними камни и погляди на всех ползающих под ними консультантов, лоббистов, политических бандитов и частных сыщиков. По их меркам Риддл — птица высокого полета. Учился в университете, любит поговорить о Ф. Скотте Фицджеральде — и лишь время от времени убивает людей.

— Хорошо, Гейб, а как мог такой тип попасть в Белый дом?

— Я слышал, что Риддл связан с твоим достойным шефом, Уитом Стоуном. Не спрашивай меня, как, но Риддл начал выполнять поручения Стоуна, а Стоун, если ты этого не знал, имеет связи с сетью Старика, который руководит управлением. Во всяком случае, Уит использует Риддла для подслушивания, доставки денег и тому подобного. И в конце концов Риддл приобретает себе новое прикрытие. Открывает частное сыскное агентство. Становится респектабельным.

— Ладно, а как же с Белым домом?

— Я к этому и веду. Уитмор был выдвинут прошлым летом, так ведь? До этого Стоун и его друзья-нефтепромышленники ставили на другую лошадку, но они быстро влезли на колесницу Уитмора. Стоун поставляет деньги, юристов, предлагающих свои услуги, и так далее. В том числе он поставил и Байрона Риддла. Риддл был взят для содействия в подготовке мероприятий, предотвращении беспорядков, обеспечении безопасности и прочего. Естественно, он старался изо всех сил. Но это еще не означало, что после избрания Уитмора он чего-то добьется, даже если ему будет помогать Уит Стоун. Он мог застрять в министерстве финансов или в подобном же месте, но тут...

— Тут Риддл совершил подвиг в день инаугурации,— сказал Нортон.

— Да. Ты помнишь? Сумасшедший убийца пробрался во двор Белого дома с чемоданом взрывчатки, бесстрашный Байрон Риддл небрежно подходит к нему и обезоруживает. И тем самым добивается работы в Белом доме. Очень, очень четко.

— Все же у этого типа есть мужество,— сказал Нортон.

— Ни черта у него нет,— сказал Гейб.— Все было подстроено.

— Что?

— Совершенно точно. Я навел вчера справки об этом так называемом сумасшедшем убийце. Он провел месяц в больнице святой Елизаветы, пока все не утихло, потом скрылся. Поверь, что Риддл очень нужен Стоуну и ЦРУ в Белом доме. И они протолкнули его туда. Похоже, им это выгодно, во всяком случае, если Риддл раздобывает порочащие сведения о президенте.

— То есть ты считаешь...

— Я думаю, что Риддл либо раскопал что-то об Уитморе и Донне, либо изо всех сил старается раскопать. То есть мы играем в грязной луже, приятель. Риддл, возможно, считает, что сражается с большевизмом, но Уит Стоун и его компания знают, что и м нужно. Деньги. Они бы рады ограбить всю страну. Смотри, как повели себя они при Никсоне. Выложили на его избирательную кампанию пять или десять миллионов, а когда настало время, эти гады удвоили цены на нефть и почти на все остальное, что принесло им бог весть сколько миллиардов. Черт, можешь вообразить себе, что они устроят, окажись у них в руках серьезные улики против президента? Например, подтверждающие его в и н о в н о с т ь в у б и й с т в е? Да они начнут драть с нас по пять долларов за галлон бензина. И это еще не все. ЦРУ тоже потребует свой фунт мяса. Когда Большой Чак поприжал это бюро убийств, многие «привидения» остались без работы. А единственное, что они умеют,— это убирать радикалов. Думаешь, они не станут шантажировать Уитмора, чтобы снова вернуться к своему делу? Да и сам Риддл. Я слышал, он мечтает стать директором ЦРУ.

— Черт возьми! — прошептал Нортон.

— Отлично, не так ли? — сказал Гейб.— В точности как тебя учили на занятиях по гражданскому праву. Демократия в действии.

28

Наутро Фрэнк Кифнер позвонил Нортону и сказал, что вызывает его на будущей неделе для дачи показаний перед большим жюри. Говорил он кратко, по-деловому; сообщать подробности прокурор не обязан. После этого разговора Нортон, сидя у себя в кабинете, размышлял о многом, в частности как быть со своим боссом Уитом Стоуном. Положение стало невыносимым. Нортон уже хотел звонить ему, но Стоун, как всегда, опередил его. Позвонила секретарша и ледяным голосом сказала, что мистер Стоун желает видеть мистера Нортона.

На сей раз, когда Нортон вошел в кабинет босса, не было ни улыбок, ни рукопожатий, ни предложения виски. Уит Стоун свился за своим столом, его полуприкрытые глаза горели в полутемном кабинете, как угли.

— Насколько я понял, у тебя осложнения с большим жюри,— начал он.

— Никаких осложнений. Просто вызов.

— Я назвал бы это осложнением,— сказал Стоун.— Или, может, у тебя осложнения с Вашингтоном, Бен. Может, тебе есть смысл на время уехать. Поразмыслить.

— Может быть,— сказал Нортон.— Но сперва я завершу то, что начал.

— Вопрос в том, Бен, можешь ли ты продолжать свое... э... р а с с л е д о в а н и е, работая в этой фирме.

— Согласен.

В глазах Стоуна промелькнуло удивление.

— Может быть, отпуск...— начал он.

— Нет, не отпуск. Видимо, положение требует полного разрыва. Словом, я увольняюсь.

Стоун откинулся на спинку кресла. Нортон понял, что он рад так легко избавиться от него.

— Что ж, Бен, раз ты так решил. Самому, конечно, виднее. Думаю, что можно составить соглашение об уходе.

— Мне больше не нужно твоих денег, Стоун. Ни цента. Я только хочу напоследок сказать тебе, что ты мерзейший продажный сукин сын из всех, с кем я имел несчастье сталкиваться.

Стоун вскочил.

— Убирайся! — крикнул он.— Прочь, пока я не приказал тебя вышвырнуть!

Так окончилась работа Нортона в фирме «Коггинс, Копленд и Стоун». Пять минут спустя он забрал из стола все бумаги и позвонил Энни из телефонной кабины на М-стрит.

— Знаешь что? — начал он.

— Ты безнадежно влюблен в меня.

— Хуже того. Я безработный. Наши пути с Уитом Стоуном только что разошлись.

— Прекрасно.

— И еще меня желает видеть большое жюри.

— У тебя было очень напряженное утро.

— Пятница всегда тяжелый день,— сказал он.— Но вчерашняя ночь была хорошей. Или я уже говорил тебе это?

— Скажи еще раз.

— Прошлая ночь была прекрасной. Ты превзошла все мои ожидания.

— Ты и сам был неплох. Ответное приглашение на сегодняшний вечер тебя не заинтересует?

— Пожалуй, нет, Энни. Мне нужно кое-что довести до конца. А как насчет ленча завтра? Во второй половине дня у меня дело в Молле.

— Слушай, ведь завтра день запуска воздушных змеев.

— Может быть. Там идет какой-то фольклорный фестиваль. Может, заглянем в музей Хиршхорна.

— Отлично.

— Я потом позвоню.

— Хорошо. Пока.

Она всегда как-то беззвучно произносила это «пока», от которого кружилась голова. Собственно, многое в ней вызывало у Нортона головокружение. Накануне они во второй раз легли вместе, и теперь уже не было никаких проблем. Если под кроватью прятались шпики, Нортон этого не знал и знать не хотел. Он думал, не безумие ли с его стороны влюбляться в разгар этого безумия. Может, и нет. Может, это было одним из немногих разумных событий, происходивших теперь в Вашингтоне.

В шесть вечера Нортон остановил машину перед уютным кирпичным домом на тихой, зеленой улице в одном из мэрилендских пригородов. Взглянул еще раз на адрес, прошел по ухоженному газону и постучал.

Когда Джейн Макнейр открыла дверь и встретила его робкой вопросительной улыбкой, он сразу же понял ее, потому что знал таких женщин всю жизнь. Понял, что сперва она была послушной дочкой, потом любимицей учительницы, старостой класса, застенчивой первокурсницей, целомудренной невестой, верной женой, любящей матерью и образцом для юного поколения. Выглядела она славной, благовоспитанной, наивной и с первого же взгляда вызвала у Нортона симпатию и жалость.

— Миссис Макнейр, я Бен Нортон. Ваш муж дома?

На ее лице отразилось недоумение.

— Вы не звонили ему на службу?

— Там ответили, что он ушел,— сказал Нортон.— Да и все равно, у меня личное дело, обсуждать его в кабинете мне не хотелось бы.

— Простите,— сказала она,— как вас зовут?

— Бен Нортон.

— Да, Клэй, кажется, упоминал о вас.

— Мы с ним несколько раз беседовали. Я юрист.

— Вы друг той женщины, что была убита, так ведь?

— Да.

— И хотите поговорить с ним об этом деле?

Нортон сделал вид, что колеблется.

— Не совсем,— сказал он.— Видите ли, миссис Макнейр, я боюсь, что у вашего мужа могут возникнуть кое-какие неприятности. Но я не хочу докучать вам этими разговорами.

Он шагнул назад, словно собираясь уходить, и она распахнула дверь.

— Входите, пожалуйста, мистер Нортон. Я думаю, нам стоит поговорить. Клэй должен приехать с минуты на минуту. Сегодня он обещал быть дома пораньше.— Она улыбнулась.— У нас годовщина свадьбы, и мы собирались пойти в ресторан.

Нортон пошел за ней в гостиную, казавшуюся совершенно нежилой. Хозяйка указала ему на диван, а сама села напротив в кресло с прямой спинкой, лицо ее было серьезным, спина выпрямленной, колени сдвинуты, лодыжки скрещены — образец молодой матроны.

— Итак, мистер Нортон...— начала она.

— Бен.

— Бен. Пожалуйста, зовите меня Джейн. И, прошу вас, расскажите, какие, по вашему мнению, неприятности грозят моему мужу.

— Я не совсем уверен, что это тактично...

— Что тактично беспокоить беспомощную жену? Бен, позвольте мне сказать в а м кое-что. По-моему, у мужа начались неприятности, едва он ступил ногой в этот город. Мне кажется, Вашингтон губит его. Я имею в виду не язву. Сейчас ее лечат. Но пока невозможно лечить ум, сердце и душу от давления, цинизма и своекорыстия. Я знаю своего мужа. Он не великий и даже не блестящий человек, но он хороший человек. Или старается быть хорошим. Он много трудится, чтобы обеспечить семью. Беда в том, что успех он измеряет деньгами. Но я вижу, что работа... этот город... п о л и т и к а превращают его в машину. Очень четкую, производительную машину, я в этом уверена, но эта работа отнимает все его время и энергию, оставляет лишь оболочку человека, за которого я выходила замуж. Так что, Бен, не бойтесь сказать мне все что угодно. Ничто, сказанное вами, не расстроит меня больше, чем я уже расстроена.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

ЛЮБОВНИЦА президента

РОМАН

Патрик АНДЕРСОН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

Вызванная президентом Уитмором, Донна Хендрикс прилетела из Калифорнии в Вашингтон. Сюда же возвратился из командировки и адвокат Бен Нортон. При встрече с ним журналист Фил Росс рассказал, что видел, как бывшая подруга Бена, Хендрикс, ехала в машине с помощником президента Эдом Мерфи. Когда на следующий день кто-то позвонил Бену и сообщил, что его подруга убита, Нортон обращается к помощнику президента. Но Мерфи не говорит ему правды, и тогда Бен решает задавать вопросы до тех пор, пока не доищется истины. Его пытаются сбить с толку, запугать, подкупить, посулив хорошо оплачиваемую работу. Гибнут сенатор Нолан и актер Филдс, которые могли бы помочь Бену, а остальные отказываются от своих слов. Однако Нортон не сдается и продолжает свое расследование.

Нортону нравилась эта женщина, и на миг он возненавидел себя за ту игру, что вел с ней. В вашингтонских войнах так бывало всегда: больше всего страдали те, кто не участвовал в боевых действиях.

— Конечно, Клэй сказал бы, что я наивна,— продолжала она,— сказал бы, что я не знаю мира политики. Правда, у меня и Клэя прошлое неодинаково. Он привык к трудностям и невзгодам жизни, а я жила без тревог и забот, пока не вышла замуж. Поэтому я смотрю на Вашингтон как на джунгли, а он видит его волнующим и манящим. Я не знаю, кто из нас прав.

— Может быть, вы оба. Джунгли могут быть волнующими и манящими.

— Если ты дикарь,— с горечью сказала она.— Или политик.

— Это пагубный город,— сказал Нортон.— Пагубный для большинства мужчин и почти всех браков.

— Но почему он должен быть таким?

— Почему? Потому что у нас конкурентное общество. Мы соперничаем в детских играх, в школе, в спорте, в сексе, в бизнесе, в политике, почти во всем, а в таких местах, как Вашингтон, Уолл-стрит или Голливуд, ставки выше, чем где бы то ни было, и потому соперничество более жесткое. К примеру, ваш муж, уходя на работу в Белый дом, зарабатывал двадцать пять тысяч в год. Если он поведет игру правильно, то, уйдя оттуда на другую работу, станет получать вдвое или втрое больше. Но ради этого он должен выкладываться полностью, потому что в противном случае на его место найдется сотня других.

Дверь распахнулась, появились две девочки, они оживленно разговаривали и смеялись. Увидев Нортона, обе умолкли и вопросительно поглядели на мать.

— Это мистер Нортон, девочки,— церемонно сказала она.— А это мои дочери, Эмили и Энн.

Девочки по очереди подошли, подали руку и вежливо прощебетали:

— Очень рада познакомиться.

— Идите попейте молока,— сказала им мать,— а мы с мистером Нортоном продолжим наш разговор.

— Очаровательные дети,— сказал Нортон.

— Очаровательные дети не могут понять, почему у них больше нет отца, и тяжело это переживают. Но я докучаю вам своими заботами, Бен. Скажите, какая неприятность грозит, по-вашему, моему мужу?

— Тут я не совсем уверен,— сказал Нортон.— Видимо, ничего дурного он не совершал. Но, сам того не сознавая, может впутаться в историю. Связана эта история с убийством Донны Хендрикс. По-моему, некоторые люди в Белом доме знают об убийстве больше, чем сообщили полиции. Одним из них, на мой взгляд, является некий Байрон Риддл, занимающий один кабинет с вашим мужем.

Джейн Макнейр на миг зажмурилась.

— Да,— сказала она.— Я могла бы догадаться, что без него тут не обошлось

— Вы знаете Риддла?

— Мы встречались однажды, этого вполне достаточно. Он был безо всякой причины очень груб со мной. Но это ерунда в сравнении с тем, что терпит от него Клэй. С этим человеком недели две назад у Клэя что-то произошло, и он вернулся домой потрясенным, как никогда.

— Потрясенным?

— Нет, милочка, предоставь это мне. Тебе чего, Бен?

— Хорошо бы шотландского с водой.

— Тебе, милочка?

— Мартини, пожалуйста.

— Несу,— весело сказал Макнейр, и, когда собрался выйти, к нему подбежали дочери. Он поднял каждую, поцеловал, и они, счастливые, побежали за ним на кухню.

— Бодрится,— печально сказала Джейн Макнейр.— Изо всех сил.

Они сидели молча, прислушиваясь к звяканью льда о стаканы и смеху девочек на кухне, потом Макнейр вошел со стаканами, а девочки молча пошли наверх. Макнейр сел на другой конец дивана.

— Бен, нам с Джейн скоро нужно уезжать на небольшое празднество, так что, пожалуй, сразу перейдем к делу. Милочка, если ты извинишь нас...

— Нет, Клэй, я лучше останусь. Мы с Беном уже немного поговорили, похоже, это дело касается и меня.

Макнейр нахмурился и отхлебнул коктейля, значительно более светлого, чем у Нортона.

— Ну, что это за таинственное дело?

— Клэй, ты знаешь, я хочу выяснить, кто убил Донну, и я убежден, что в Белом доме есть люди, в том числе Эд Мерфи и, может быть, президент, которые знают больше, чем говорят. Кроме того, у меня есть основания думать, что Байрон Риддл глубоко замешан в то, что происходит. Я узнал кое-что из его прошлого, человек он опасный. И я только прошу тебя: ради собственной безопасности расскажи все, что знаешь о нем.

— Он был бледен как полотно. Руки дрожали. Голос срывался. У него даже разболелся желудок. Мне он сказал только, что поспорил с Байроном Риддлом. И на другой день сменил кабинет.

— Он не говорил, о чем именно был спор? Или что-нибудь о делах Риддла?

Джейн Макнейр нахмурилась и погрузилась в раздумье, две вертикальные морщинки омрачили ее красивый лоб.

— Нет,— сказала она наконец.— Говорил только, что Риддл какой-то сыщик. И что он волк-одиночка, но иногда бывает очень полезен. Клэй все называл его сумасшедшим и говорил, что не хочет иметь с ним ничего общего. Несколько раз повторил: «Не буду соваться не в свои дела».

Казалось, она вот-вот расплачется. Нортон подумал, не уйти ли ему. Она взглянула на него и, казалось, прочла его мысли.

— Какая я скверная хозяйка! Давайте немного выпьем. Клэй должен приехать с минуты на минуту.

— Ну что ж,— сказал Нортон, решив, что выпить не помешает.

Тут дверь отворилась снова, и вошел Клэй Макнейр.

— Привет, милочка,— сказал он, потом увидел Нортона, и усталость на его лице сменилась сперва удивлением, а потом радушием. Но все равно, несмотря на мальчишескую улыбку, идя по комнате с протянутой для пожатия рукой, он выглядел усталым.

— Привет, Бен, чем обязаны такой чести?

Нортон встал и пожал ему руку.

— Я хотел поговорить с тобой. Твоя жена любезно пригласила меня подождать.

— А мы как раз собрались выпить,— сказала Джейн Макнейр.— Чего тебе хотелось бы, Клэй? Я принесу.

Макнейр крепко сжал стакан и покачал головой.

— Ничего рассказать тебе не могу. Мы занимали один кабинет, но я ничего не знаю о его работе.

— Из-за чего вы поспорили? Почему ты ушел из того кабинета? Почему ты сказал Джейн: «Не буду соваться не в свои дела»?

Макнейр сердито глянул на жену.

— Милочка, что ты ему говорила?

— Только правду, Клэй. И тебе следует сделать то же самое. Расскажи правду. У тебя нет причин выгораживать этого человека.

— Она права, Клэй. С какой стати выгораживать Риддла? Разве он стал бы выгораживать тебя? Что у него на уме?

Макнейр встал.

— По-моему, вопрос в том, что на уме у тебя. Ты не имел права врываться сюда и злоупотреблять ее доверчивостью — ты сделал именно это, не отрицай. Прошу тебя уйти. Если у тебя есть вопросы, обращайся к Эду Мерфи. Я не хочу быть грубым, но это все, что я могу тебе сказать.

Нортон медленно поднялся.

— Ты совершаешь ошибку, Клэй. Это дело раскроется, и...

— Меня оно не касается.

— Клэй...— начала было его жена.

— Не вмешивайся, Джейн. Ты ничего не знаешь. Доброй ночи, Нортон.

Нортон пожал плечами и направился к выходу.

— Доброй ночи, Джейн,— сказал он.— Спасибо за гостеприимство.

Последнее, что Нортон видел,— это Джейн, беспомощно взирающая на своего мужа. Макнейр захлопнул за ним дверь, и он пошел к машине. Девочки, игравшие в классы у соседнего дома, посмотрели на него и усмехнулись. Нортон отъехал с мыслью, что, возможно, Макнейр еще одумается.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—24.

Но Макнейр одумываться не собирался.

— Джейн, ты не должна была пускать сюда этого человека и рассказывать о моих делах.

— Клэй, мне казалось, он хочет помочь тебе.

— Помочь мне? Это он нуждается в помощи. На той неделе большое жюри вызывает его для дачи показаний. Держу пари, этого он тебе не сказал. Неужели непонятно? Он просто ищет способ выкрутиться.

— Клэй, что ты знаешь о Риддле?

— Ничего.

— Ты же говорил, что он сумасшедший. И теперь как будто боишься его. В чем дело?

Макнейр с раздражением заходил по комнате.

— В чем дело? Ты очень хочешь знать? Хорошо. Я скажу тебе, в чем. Байрон Риддл грозился убить меня. Вот почему я сменил кабинет. И вот почему не вмешиваюсь в происходящее. Я ничего не знаю и не хочу знать.

Он сел на диван и обхватил голову руками.

Джейн поднялась, села рядом и коснулась его руки.

— Убить, Клэй? Да ведь он шутил.

Макнейр подскочил с дивана.

— Он не шутил! Как ты не можешь понять? Он избил меня. Он грозил мне пистолетом. Он намерен убить меня, как ты не поймешь.

— Но за что?

— Этого я сказать не могу.

— Ты должен.

— Не могу, черт возьми! Это... это политика. Я не могу объяснить тебе. Я просто должен смириться.

— Смириться? Хотя тебя грозят убить? Клэй, либо ты расскажешь мне, в чем тут дело, либо я... заберу девочек и уеду куда-нибудь, где живут нормальные люди и никто не говорит об убийствах.

Макнейр застонал и плюхнулся на диван. Мир, в котором он жил, рушился. Почему его не оставляют в покое, почему не дают заниматься только своей работой?

— Джейн, однажды я случайно заглянул в стол Риддла, там была магнитофонная пленка, имеющая какое-то отношение к Донне Хендрикс. Он застал меня и пригрозил убить, если я кому-нибудь расскажу. И убьет. Вот почему я должен оставаться в стороне от этого дела.

Джейн Макнейр опустилась в кресло стиля королевы Анны, подаренное им четырнадцать лет назад на свадьбу.

— Клэй, ты должен рассказать это... кому-нибудь. Нортону, или полиции, или кому-то еще.

— Не могу,— простонал он.— Не могу.

Удрученно глядя на бежевый ковер, Макнейр пытался понять, что происходит с ним. Теперь он уже окончательно уверился, что мир сошел с ума.

29

Нортон с Энни взяли такси до Капитолийского холма и пообедали в одном из ресторанов сената; бобовый суп был одним из немногих неизменных пристрастий Нортона. Потом дошли до Капитолия и спустились к Моллу по длинной мраморной лестнице. Был канун дня памяти погибших в войнах, и на широком зеленом просторе виднелись сотни туристов, ходивших от музея к музею, автомобили, без конца кружившие в тщетных поисках стоянки, а вдали, у памятника Вашингтону,— яркие воздушные змеи в небе.

Остановились они у Пятой стрит.

— Куда пойдем? — спросил Нортон.— В музей Хиршхорна или в Национальную галерею? Господи, хорошо бы приехать сюда туристом.

— Как у нас со временем? — спросила Энни.

— Времени мало. Через полчаса я хотел бы пойти на этот фестиваль.

— Тогда побродим по Саду скульптур. Я не хочу, чтобы ты меня торопил.

Она взяла его за руку, и они свернули налево к музею Хиршхорна.

— Бывал ли ты когда-нибудь в его залах навеселе? — спросила Энни.

— Нет еще.

— Как-то у нас был пикник в Молле, мы накурились гашишу, потом я попала в музей и простояла целый час перед одной из картин Джексона Поллока. Раньше я не понимала его — видела просто разноцветные разводы,— но на этот раз картина буквально ожила. Цвета менялись, картина излучала большую энергию, и меня это захватывало... Казалось, что меня похищают.

— Дешевые восторги,— раздраженно сказал Нортон.

В Саду скульптур они стали неторопливо ходить между статуями павших воинов, громадными абстрактными скульптурами из железа с подвижными частями, прошли мимо детской коляски Пикассо, мимо величественной роденовской «Граждане Кале» и наконец остановились в тени громадного, погруженного в раздумья Бальзака.

— Замечательно,— сказала Энни.— Если рай существует, он должен быть таким же.

— Может, бог окажется похожим на Джо Хиршхорна,— задумчиво сказал Нортон.— Славного торговца мелким скотом, коллекционирующего скульптуры. Пойдем поедим мороженого.

Они перешли людную музейную площадь, бросили монетки в фонтан, обогнули его, купили два брикета мороженого у мрачного пуэрториканца и вернулись в Молл. Нортон повел Энни к рощице неподалеку от Двенадцатой стрит, где дюжины две подростков устроили базар под открытым небом. Товары их были разложены на ломберных столиках и индейских одеялах: керамика, картины, изделия из кожи, шали, украшения. Изготовители товаров, удивительно пассивные торговцы, стояли молча с блаженными улыбками и наивными глазами.

— Отсталые ребята,— объяснил Нортон.— Это какая-то особая программа. Джой Смоллвуд должен быть здесь, но я его не вижу.

Они медленно пошли вдоль столов. Энни купила несколько керамических чашек и индейское ожерелье. Один парень сказал Нортону, что Джой будет попозже.

— Ну и что теперь? — спросила Энни.

— Давай уйдем, а потом вернемся.

— Куда направимся?

— Я ни разу не бывал там,— сказал он, указав на большое здание между Моллом и Конститьюшн-авеню.

— Я тоже не бывала. А что это?

— Музей истории и технологии.

— Как это понять?

— Не знаю. Пошли посмотрим.

Музей оказался поразительной сокровищницей всякой всячины от самого большого в мире американского флага до моделей судов, старых автомобилей и громадной статуи Джорджа Вашингтона в образе Юпитера. Наверху они внимательно осмотрели зал, отведенный истории средств массовой информации. В маленьком кинотеатре показывали кинохронику, Рузвельта, произносящего речь «не бойтесь ничего, кроме страха», и улыбающихся молодых американцев, отплывающих за океан сражаться во второй мировой войне. Перешли к старым телевизорам, там показывали сенатора Джо Маккарти, разоблачающего коммунистов в правительстве, Айка, играющего в гольф, Кеннеди, произносящего инаугурационную речь, Джонсона, обещающего «великое общество», и улыбающихся молодых американцев, отплывающих сражаться во Вьетнаме. Нортон схватил Энни за руку и потащил к двери.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего,— ответил Нортон.— Только здесь воспроизводится мое прошлое, и я не хочу на него смотреть.

Он снова повел ее на базар в рощу.

— Вон Джой,— шепнул он ей.— Тот, что в бейсбольной кепке.

— У него такой унылый вид.

— Давай подойдем к нему, поговорим.

Джой Смоллвуд продавал грубые, яркие картины, на которых были изображены дома, лошади, играющие дети. Когда Энни стала разглядывать их, он радостно заулыбался.

— Мне нравится ваш колорит,— сказала она.— Давно вы пишете?

— Вроде бы,— сказал он.— Говорят, мне это на пользу.

— Я хочу купить эту,— сказала Энни, показав на картину, где двое детей играли в пшеничном поле.— Сколько она стоит?

— Если она вам нравится, возьмите так,— сказал Джой.

— Нет,— запротестовала Энни.— Вот, получите.— И протянула десятидолларовую бумажку. Джой, не глядя, сунул деньги в карман.

Нортон подошел и взглянул на парня.

— Джой, ты знаешь меня?

Джой отступил на шаг и задрожал.

— Ты знаешь меня? — повторил Нортон.— Видел ты меня раньше?

— Может быть.

— Где?

— Не знаю. Мало ли где. Вы из полиции?

— Нет, Джой, я не полицейский. Но ты говорил полицейским неправду обо мне.

Джой повернулся и побежал. Нортон и Энни смотрели, как парень лавирует между туристами, пока он не скрылся за старым зданием смитсоновского института.

— Необходимо было пугать его? — спросила Энни.

— Я хотел услышать, что он скажет. Это могло бы помочь.

— Ты поступил жестоко.

— Послушай, это с его помощью хотят навесить на меня убийство.

— Ну, пошли отсюда. А как быть с его картинами?

Нортон собрал картины Джоя и попросил девушку у соседнего столика приглядеть за ними.

Когда они повернулись и пошли, им заступил дорогу невысокий приземистый человек с короткой стрижкой.

— Привет, Бен.

— Привет, Ник.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Говори.

— Наедине.

Энни поглядела на Гальяно, потом на Нортона и демонстративно пожала плечами.

— Намек поняла,— сказала она.— Встретимся в Саду скульптур.

— Мы недолго,— сказал Нортон.— А это понесу я.

Он взял набитую сумку с кофейными чашками и картиной Джоя и посмотрел, как Энни, длинноногая, стройная, идет по Моллу. Потом повернулся к Гальяно.

— Ладно, Ник, слушаю тебя.

— Противно смотреть, какого ты валяешь дурака,— сказал Ник.— Я слышал, ты остался без работы.

— Об этом не волнуйся.

— Я не лишился сна. Но в твоем поведении нет смысла. Боссу оно не нравится.

— Он послал тебя поговорить со мной?

— Перестань мутить воду, пораскинь мозгами, и не будет никаких проблем. Черт возьми, Бен, ты мог бы вернуться и работать у нас. Как в прежние времена.

— От прежних дней ничего не осталось, Ник.

— От тебя ничего не останется, приятель, когда большое жюри разберется с тобой.

— Не думаю. Волноваться тут нужно кой-кому другому.

— Ты создаешь неприятности,— пробормотал Гальяно.— И напрашиваешься на них.

Какое-то время они шли молча. Перед ними была Национальная галерея, Нортон мельком глянул на вьющуюся по ступеням очередь туристов. И ему захотелось оказаться там, а не спорить на тротуаре с придворным шутом, уже не смешным.

— Ты сказал все, что хотел, Ник? Если да, передай своему другу, что я все продолжаю поиск.

Гальяно остановился, они повернулись друг к другу.

— Ты ничего не понял,— сказал Гальяно.— Боссa это дело не волнует. Он почти ничего не знает о нем. Это ты подливаешь масла в огонь.

Нортону надоело.

— Ник, мне противно слушать о боссе. Пусть он твой босс. Пусть он твой кормилец. Пусть он президент — я это знаю. Но перед законом он отвечает, как и любой человек.

Гальяно подался вперед и приблизился лицом к Нортону.

— Зол я на тебя, Бен,— прошептал он.— Ну и зол же я на тебя.

Нортону показалось, что Ник хочет его ударить. Он напрягся, приготовясь встретить удар и дать сдачи, однако Ник резко повернулся и быстро зашагал к Капитолию.

Нортон поглядел ему вслед, потом направился к музею Хиршхорна и нашел Энни на скамье в Саду скульптур; она разглядывала роденовского Бальзака. Он взял ее за руку, и они пошли к памятнику Вашингтону. Конкурс воздушных змеев продолжался, змеи вздымались и опускались на фоне облаков, окрашенных предвечерним солнцем в розовый цвет.

— Какой прекрасный город, черт возьми,— сказал Нортон.— Как было бы замечательно, если...— Он умолк, подыскивая слова.— Если бы только люди не были сумасшедшими.

Энни рассмеялась.

— Ошибаешься,— сказала она.— Не будь люди сумасшедшими, этого города не было б вовсе.

Нортон сжал ее руку и, глядя на парящих змеев, изо всех сил старался забыть о Нике Гальяно.

В нескольких кварталах оттуда Чарлз Уитмор завязывал в спальне перед зеркалом черный галстук. Ругнувшись, он рывком распустил его, начал завязывать в третий раз, и тут раздался негромкий стук в дверь.

— Чарлз?

— Входи.

Клэр Уитмор вошла в комнату и улыбнулась стараниям мужа.

— Давай я,— сказала она. Он вздохнул и, пока супруга искусно завязывала ему галстук, держал подбородок задранным.

— Знаешь, тебе надо взять слугу,— сказала она.

— Хватит с меня и бывшего,— ответил Уитмор.— Готовил мне рубашки и все такое, это ладно, но ведь он постоянно крутился рядом, изображая старательность, и, когда я надевал брюки, бросался помогать. Черт возьми, можешь ты представить такое? Мужчина помогает другому надевать б р ю к и? Правда, он англичанин. Как его фамилия? Кливс? Ривс? По-моему, вот в чем беда Англии — слишком многим политикам слуга подает брюки.

— Отчасти может быть,— сказала его супруга.

— Внизу все готово? — спросил Уитмор.

— Все прекрасно,— ответила она.— Розовый сад выглядит восхитительно, и погода обещает быть отличной.

Уитмор надел смокинг и полюбовался на себя в зеркало.

— Встречалась ты раньше с этим королем? — спросил он.

— Нет.

— Неплохой парень. Поначалу немного скован, но стоит влить в него немного виски, расслабляется. В последнюю нашу встречу я рассказал ему анекдот «Во вторник твоя очередь сидеть в бочке», и он чуть животик не надорвал.

— Вечеринка обещает быть интересной,— сказала Клэр Уитмор.— Но твой мистер Мерфи благодарности не заслуживает.

— Как это понимать?

— Так, что, когда мы решили устроить обед в саду, оказалось, что можно пригласить еще кое-кого, я послала Элизабет обговорить кандидатуры с Мерфи, а он был с ней груб и упрям. Я понимаю, Чарлз, невоспитанность Мерфи иногда бывает тебе полезна, но когда он грубит моей секретарше, ведающей приемом гостей, это то же самое, что грубить мне.

— Я поговорю с ним,— пообещал Уитмор.— В последнее время у него масса дел.

— Не сомневаюсь.

— Хочешь шерри?

— Если время у нас есть, с удовольствием.

— Время есть,— сказал Уитмор и налил два бокала шерри. Он и она сели в кресла, обращенные к южному газону.

— Красиво, правда? — сказала Клэр.— Парящие змеи на закате, а позади них обелиск.

— Да,— рассеянно ответил Уитмор. Он не мог понять, зачем она пришла. Болтать о пустяках у них не было принято.

— Есть еще жалобы? — спросил он.— Не считая Эда Мерфи. Или конструктивная критика? Или комплименты?

Клэр улыбнулась и постаралась изобразить удивление.

— Ну, я считаю, что твоя речь вчера была превосходной.

— Спасибо.

— И что ты блестяще взялся за проект строительства школ.

— Я слышал, что и ты блеснула,— сказал он.— Эд рассказывал мне о твоей встрече с... как их, конгрессменами женского пола. Ты сразила их наповал.

— Они же люди, Чарлз. Главным образом это женщины средних лет, им нравится, когда их выслушивают и, может быть, немного льстят. Если бы ты обратил на них свое знаменитое обаяние, то, уверена, они бы тебе руки лизали.

— Только этого мне и не хватало,— сказал он и рассмеялся. Они посидели молча, глядя, как на фоне заката парят воздушные змеи.

— Чарлз,— сказала наконец Клэр.

— Да?

— Меня кое-что беспокоит.

— Что именно?

— Не знаю. Э т о дело. Смерть Донны Хендрикс. Потом старика сенатора, ее приятеля.

— Совпадение.

— Ходят всякие слухи, Чарлз.

— С этим я ничего не могу поделать.

— Один репортер из «Пост», бывший с ней в дружбе, сказал мне по секрету, что над этим делом у них работает группа репортеров.

— Пусть работают. Если они выяснят, что произошло, значит, сыск у них поставлен лучше, чем в полиции округа Колумбия.

— Чарлз, отнесись к этому посерьезнее. Я навела кой-какие справки...

— Что-что?

— Очень осторожно. Неужели ты думаешь, что я буду полагаться на твои слова и газетные сведения? Я не притворяюсь, что мне здесь все ясно, но, кажется, происходили очень неприятные истории, и в них замешаны твои служащие. Если так, то, пожалуй, тебе следует привести свой дом в порядок.

Уитмор встал и принялся расхаживать по спальне.

— Клэр, что прошло, то прошло. Ты всегда была несправедлива к Донне.

— Я говорю не о Донне! — выкрикнула она.— Неужели думаешь, что я ревную к покойнице? Я говорю о нескольких смертях. Говорю об этом Риддле, и его покровителе Уите Стоуне — ты знаешь, какого я мнения о нем,— и о слухах, которые собирает Бен Нортон.

— Постой,— повысил голос Уитмор.— Риддл вышел из игры. Навсегда. Стоун тоже, пока я президент. А Нортон... В общем, он хороший парень, но он был влюблен в Донну и теперь повсюду видит заговоры. Он успокоится.

— Вряд ли он успокоится,— сказала Клэр.— И вряд ли имеет значение, что ты уволил Риддла и порвал со Стоуном. Произошли неприятные вещи, Чарлз. И если ты ничего не предпримешь, последуют осложнения.

— Предоставь мне заниматься этим.

— Будешь ли ты заниматься? Или надеешься, что все уляжется само собой?

Уитмор присел на край кровати, и тут раздался звонок. Протянув руку, президент нажал кнопку ящичка на ночном столике.

— Да? — устало спросил он.

— Сэр, король и королева ждут,— произнес мужской голос.

— Через минуту мы будем.

— Хорошо, сэр. Еще одно дело, сэр.

— Да?

— Вас хочет видеть мистер Гальяно.

Прежде чем Уитмор успел ответить, Клэр прошептала:

— Только не приглашай его на обед.

Не взглянув на нее, Уитмор кивнул и сказал своему невидимому помощнику:

— Передай Нику, что я встречусь с ним после этой пирушки. Часов в одиннадцать.

— Слушаюсь, сэр.

Уитмор снова нажал кнопку и допил шерри.

— На чем мы остановились? — спросила его супруга.

— Не знаю, на чем остановились мы,— сказал он.— Но вот на чем остановился я. Произошло несколько неприятных историй. Хуже чем неприятных. Глупых. Но они позади. Единственный вопрос сейчас, попадает ли кое-кто в затруднительное положение или нет.

— Мне это не нравится,— сказала Клэр.

— Мне тоже,— сказал Уитмор.— Но дела обстоят так.

Она поднялась, и они поглядели друг на друга.

— Ты отлично выглядишь,— сказал он.— Это платье новое?

— Купила в Нью-Йорке на прошлой неделе.

— Ты всегда выглядишь отлично.

— Спасибо, Чарлз,— ответила она, поцеловала его в щеку и поправила галстук, хотя в этом не было необходимости. Он усмехнулся, открыл дверь и пропустил ее вперед. Стоявший в коридоре капитан морской пехоты щелкнул каблуками.

— Чарлз? — прошептала она.

— Что?

— Как зовут королеву?

— Ольга? Ирма? Забыл. Спроси у шефа протокола. Он получает жалованье за обязанность помнить имена королев. А я берегу себя для больших проблем.

Клэр засмеялась, взяла его за руку, и они грациозно пошли по коридору к комнате, где их ждали венценосные гости. Она решила, что он прав, что ей незачем беспокоиться из-за этого, потому что он поступит по-своему, он всегда поступал так. Но ее то одолевало волнение, то она думала, долго ли ему еще будет везти.

30

Нортон съежился, застонал, сунул голову под подушку, пытаясь отдалить пробуждение насколько возможно, но в конце концов настойчивый телефонный звонок поднял его, он подошел к аппарату и пробормотал:

— Алло?

— Бен? — произнес женский голос.— Надеюсь, я не разбудила вас? Это Джейн Макнейр.

Он сонным голосом пожелал ей доброго утра.

— Я звоню вот почему... Мы с Клэем долго обсуждали эту историю и наконец решили, что он должен рассказать вам все, что знает о Байроне Риддле и... всем остальном.

Нортон выпрямился и взглянул на часы.

— Когда? — спросил он.— Я могу приехать через час.

— Передаю трубку Клэю,— сказала она.

— Нортон?

— Когда бы ты хотел поговорить?

— Сейчас мы идем в церковь,— сказал Макнейр.— Потом едем в Виргинию. Я выступаю в теннисном турнире. Моя партия окончится часам к пяти. Может, встретимся там? Отвезешь меня домой, и по дороге поговорим?

— Клэй, это целых семь часов. Ты не можешь отменить матч?

— Я выступаю в финале,— сказал Макнейр.— Люди на меня ставят.

— Ладно, ладно,— раздраженно сказал Нортон.

— Только учти одно,— продолжал Макнейр.— Все, что я расскажу, должно храниться в секрете. Делай все, что угодно, но меня не впутывай. Договорились?

— Конечно,— снова солгал Нортон.— Объясни, как ехать к теннисному клубу?

Нортон выпил кофе и несколько минут листал воскресный выпуск «Пост». Никаких особых новостей, кроме того, что на шоссе люди гибнут в рекордных количествах, не было. Потом он наткнулся на маленькую заметку, озаглавленную: «Ограблен и сожжен дом адвоката». Там говорилось, что неизвестные лица проникли в усадьбу адвоката Уитни Стоуна на Потомаке, разграбили дом, взорвали встроенный сейф и, уходя, устроили пожар. Полиция полагает, что это работа профессионалов, Нортон подумал, что профессионалы, видимо, были наняты его другом Гейбом Пинкусом. Нашел ли Гейб наконец досье Гувера? Или оно никогда не дастся ему в руки? Нортон стал было звонить Гейбу, но передумал. Он включил телевизор и несколько минут смотрел передачу «Лицо нации». Передавали интервью с главным советником президента по экономическим вопросам, но казалось, что он говорит на каком-то непонятном языке. Вскоре Нортону пришла еще одна мысль.

Открывая дверь, Гвен улыбалась, но, едва она увидела Нортона, ее улыбка исчезла.

— Привет, Бен,— сказала она.— Никак не ожидала.

— Я звонил тебе в твой новый кабинет, хотел поздравить,— сказал Нортон.— Как называется твоя новая должность? Специальный помощник по делам искусств? Очень впечатляюще, Гвен. Но на звонки надо отвечать.

— Я была занята,— сказала она.— Тебе что-нибудь нужно?

— Ты не хочешь пригласить меня в дом?

— Я жду кое-кого. Что тебе нужно?

— Может, просто хочу тебя поздравить. Я видел твою фотографию в «Тайм». Ты растешь. В следующий раз твой портрет будет на обложке. Самая популярная женщина года.

— Что тебе нужно?

— Хочу освежить свою память. После смерти Донны мы говорили о ее романе с Уитмором. Потом, недели две спустя, здесь, на вечеринке, ты сказала, что, возможно, никакого романа и не было. Гвен, на этой неделе мне предстоит давать показания перед большим жюри, и, возможно, я буду нуждаться в поддержке. Что же ты будешь говорить?

— Не впутывай меня, Бен.

— Не впутывать? Просто скажи правду.

— Правду? — Это слово она произнесла с отвращением.— Ты все очень упрощаешь.

— Все очень просто,— сказал он.— Что же ты скажешь?

Зеленые глаза Гвен сверкнули холодной яростью.

— Донна много говорила о нем. Была влюблена в него. Не знаю, правда это или нет. Она могла все выдумать.

Нортон не верил своим ушам.

— Гвен, она была твоей лучшей подругой...

— Перестань разыгрывать благородство!

— А ты продала ее за должность, которая тебе не нужна. За снимок в «Тайм».

— Пошел к черту, мальчишка, праведник, сукин сын!

Она сильно ударила его по лицу и захлопнула дверь. Нортон потер щеку и пошел к машине. Пора было ехать на теннисный матч.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Патрик АНДЕРСОН

РОМАН

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

Донна Хендрикс,
любовница президента Чарлза Уитмора,
была убита в Вашингтоне. Адвокат Бен Нортон,
любивший ее, решает найти убийцу.
Встречаясь с журналистом Филом Россом,
подругой Донны Гвен Баузре, актером Филдсом,
помощником президента Эдом Мерфи,
отставным сенатором Нолаком,
Нортон начинает понимать,
что помощник президента Мерфи
и связанные с ним лица хотят ввести его
в заблуждение.
Бен подозревает, что именно под нажимом
Мерфи отказались от своих слов все те,
кто рассказывал ему об Уитморе и Донне.
А после гибели сенатора Нолана
и актера Филдса в нем растет уверенность,
что это администрация Уитмора всячески
старается помешать
расследованию преступления.
Друг же президента Ник Галляно
и вовсе пытается запугать Нортона
при встрече.
И только Клэй Макнейр,
один из второстепенных помощников Мерфи,
решает рассказать Бену
о Байроне Риддле,
специалисте по грязным делам
в администрации Уитмора.

Теннисный клуб находился возле Миддлберга, примерно в часе езды к западу от Вашингтона. Нортон ехал медленно, любуясь богатой виргинской природой. Он вел машину по извилистой грунтовой дороге мимо конеферм, по старым деревянным мостам, под высокими дубами и наконец увидел надпись: «Теннисный клуб Северной Виргинии. Въезд воспрещен». Он с четверть часа трясся по частной дороге к старому, ветхому зданию клуба. Машину он поставил на поле, заполненном заграничными «седанами» и американскими фургонами, у многих машин задние дверцы были открыты, внутри виднелись пакеты с провизией. Справа в пруду шумели и плескались дети. Нортон пошел туда, где человек пятьдесят — шестьдесят сидели возле глинистого корта на складных стульях и одеялах.

На корте Макнейр сражался с крепко сложенным бородатым противником, однако Нортон первым делом оглядел зрителей. Там были люди всех возрастов, подростки, молодые супружеские пары, несколько дюжин загорелых, хорошо сохранившихся пар среднего возраста и даже одна величественная гранд-дама, казалось, она смотрит этот матч уже много десятилетий. Молодежь потягивала пиво из банок, а старшие наливали из термосов мартини. За исключением женщины в цветастом платье, с большой соломенной сумкой в руке, одиноко стоявшей у дальнего конца корта, все зрители, казалось, были с родными или с друзьями. Джейн Макнейр сидела с дочерьми на одеяле и подбадривала мужа. Нортон, сам неплохой теннисист, стал тоже следить за игрой и вскоре увлекся.

Макнейр и его бородатый противник были первоклассными игроками, но манера игры у них была совершенно разной. Макнейр играл в классической манере. Стройный, элегантный в своей белой форме, он подавал, бил с лета и делал свечу без единого лишнего движения, держался на корте он безукоризненно. Его противник, одетый в красные шорты и полосатую теннисную, играл несобранно, со стонами и вздохами носился по корту, падал, вставал и бил по мячу изо всех сил, он явно уступал Макнейру, но не бросал игры из-за напористости и решительности. Зрители аплодировали обоим игрокам, но Макнейр определенно был фаворитом. Его противник бранился во время игры, а зрители этого не любят. Когда Нортон подъехал, шел третий, последний сет. Счет был шесть — шесть, потом Макнейр сделал несколько отбивов к задней черте, и счет стал семь — шесть. Когда на корт упала тень, Макнейр сделал три прямых подачи, чтобы набрать решающие очки. Его противник заметил судье, что освещение скверное. Макнейр подал последний мяч легко, а когда противник отбил его и бросился к сетке, послал свечу на несколько дюймов выше, чем тот мог достать. Мяч приземлился в футе от черты, толпа заревела, а бородатый с силой швырнул ракетку оземь и недовольно пошел к сетке для рукопожатия.

Джейн с дочерьми побежала на корт, чтобы обнять Макнейра, остальные болельщики окружили их, и пожилой джентльмен в синем блейзере вышел с призом в руках. Он произнес краткую речь. Макнейр сиял, кто-то щелкал фотоаппаратом, раздался последний взрыв аплодисментов, зрители стали складывать стулья с одеялами и потянулись к зданию клуба. Нортон смотрел, как Макнейр покидает корт, одной рукой держа приз, а другой обнимая за плечи жену. Странно, подумал он, что такой слюнтяй может быть первоклассным теннисистом. Хотя, может, в личной жизни он не такой уж слюнтяй. Кто знает?

Внезапно Макнейр, подогнув колени, упал ничком на траву. Его жена вскрикнула и бросилась на землю рядом с ним. Пожилой джентльмен в синем блейзере стал звать врача, а зрители ринулись в разные стороны, кто к Макнейру, кто прочь от него. Нортон приблизился, увидел на тенниске Макнейра расплывающееся красное пятно и стал оглядывать толпу. Женщина в цветастом платье забегала за угол клуба. В беге ее что-то насторожило Нортона. Она скрылась, и он побежал за ней. Когда Нортон подбегал к зданию, мимо него пронесся синий «мерседес». Байрон Риддл уже сорвал парик и надел пиджак поверх платья. Нортон бросился к своей машине, но путь ему преградил бородатый теннисист.

— Куда это вы? — спросил он.

— Стрелявший сейчас скроется. Уйди с дороги.

— Останьтесь здесь, мистер,— сказал бородатый и схватил Нортона за руку. Нортон сбил его с ног, вскочил в свой «мустанг» и понесся за «мерседесом». «Мерседеса» не было видно, но свернуть на шоссе № 50 Риддл мог только через три-четыре мили.

Нортон выжимал акселератор до отказа и, проехав милю, проскочив старый деревянный мост, увидел впереди «мерседес», дорогу ему преграждал грузовик для перевозки лошадей, обогнать его на узкой дороге было невозможно. Нортон догнал «мерседес» и ехал почти бампер в бампер, ища возможности прижать Риддла к обочине. Внезапно Риддл высунулся и обернулся. По ветровому стеклу машины Нортона что-то ударило. Нортон нажал на тормоза, отстал ярдов на пятьдесят и стал вилять из стороны в сторону, стараясь видеть Риддла через стекло в трещинах. Грузовик свернул к обочине, и «мерседес» проскочил мимо него. Потом на повороте впереди показалось что-то зеленое, раздался грохот, «мерседес» скатился с дороги, понесся вниз по отлогому склону и замер у крохотного ручейка.

Нортон остановил машину и выскочил. Водитель зеленого грузовика-пикапа, краснолицый старик в комбинезоне, шатаясь, вышел на дорогу, из носа у него текла кровь. Цыплята, видимо, упавшие из пикапа, с писком бегали по дороге. Нортон, не обращая внимания на старика, бросился вниз, к разбитому «мерседесу».

Байрон Риддл был прижат к рулю. Цветастое платье пропиталось кровью, мужчина, одетый в него, был мертвенно неподвижен. Нортон просунулся внутрь, обыскал карманы Риддла, потом схватил пакет, валявшийся у него под ногами. Разорвав его, он сунул катушку с пленкой в карман; тут с холма спустился водитель пикапа и заглянул в разбитую машину.

— Черт возьми,— возмутился старик.— Этот гад — педик.

— Я еду за врачом,— сказал Нортон.

— Катят сюда всякие психи из Вашингтона,— ворчал старик.— Педики, хиппи, либералы. Как думаешь, есть у этого типа страховка?

— Поищите у него в карманах,— сказал Нортон, вышел на дорогу, сел в «мустанг» и очень, очень осторожно поехал в Вашингтон. Домой он приехал около восьми, заперся и прослушал пленку. Потом прослушал еще раз, потом позвонил в Белый дом, и президент взял трубку быстрее, чем он рассчитывал.

31

Нортон в течение нескольких лет бывал на приемах в Восточном зале Белого дома, на совещаниях в Западном крыле, в кабинетах различных советников президента, но в Овальном кабинете — ни разу. Кабинет этот в его представлении оставался таинственным, недоступным, неким Олимпом, куда взобраться могут лишь немногие, и поэтому на другое утро он был слегка потрясен, обнаружив, как легко попасть в кабинет президента, если ты там нужен.

Когда Нортон представился охраннику у входа в Западное крыло, тот проверил его документы, махнул ему рукой и схватился за телефон. Минуту спустя из Западного крыла навстречу вышел Джо Сарадино. Когда Нортон работал в сенате, Сарадино был лоббистом Пентагона и одним из партнеров Уитмора по гольфу, а теперь стал одним из его военных советников. Джо, долговязый флоридец с лошадиным лицом, был обаятельным, непринужденным и хитрым. Недавно он получил звание бригадного генерала, но одет был в штатское — яркую спортивную куртку и двухцветные туфли. Он потряс руку Нортону и повел его в Западное крыло.

— Бен, что происходит, черт возьми? — спросил Сарадино, когда они шли мимо одетых в черные костюмы агентов секретной службы, казалось, почти не обращавших на них внимания.

— Ты о чем?

— Я никогда не видел шефа таким встревоженным. В чем дело?

— Не имею права говорить, Джо.

Сарадино бросил на него быстрый, недоверчивый взгляд, потом остановился в застланном зеленым ковром коридоре напротив Овального кабинета и взглянул на часы. Было без двух минут десять.

— Вот что я скажу тебе, Бен. Если как-то можешь облегчить душу этому человеку, постарайся. У него сейчас столько забот, что он не может помянуть их все в своих молитвах. Весь Ближний Восток может взорваться в любое время, в любой час. Этот человек находится поистине меж двух огней. Поверь, жутко смотреть, как его терзают все эти заботы. Кабинет его больше всего похож на камеру пыток. Ты уж не создавай ему новых проблем, дружище.

Сарадино снова глянул на часы, и, когда минутная стрелка встала вертикально, ровно в десять он постучал в дверь, распахнул ее, и Нортон вошел в кабинет президента.

Он позволил себе быстро окинуть взглядом прекрасно обставленную комнату. В глаза ему бросились пиловский портрет Вашингтона над камином, бюсты Линкольна и Кеннеди, большой стол президента, стоящий возле него покрытый плексигласом глобус, высокие окна, выходящие на розовый сад, а потом он сосредоточил внимание на двух людях, вставших, чтобы приветствовать его. Эд Мерфи был взъерошенным, недоверчивым, угрюмым. Фрэнк Кифнер — прилизанным, радушным, бодрым.

— Президент спустится через минуту,— сказал Мерфи.

— Отлично.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—25.

— Давайте сядем,— продолжал Мерфи.— Поговорим, пока его нет. Он сказал, у тебя есть что-то новое по делу Хендрикс.

— Есть,— сказал Нортон и сел на один из диванов лицом к собеседникам.

— Может, есть смысл поговорить сперва со мной или с Фрэнком?

— Я должен говорить лично с ним,— сказал Нортон.— Он с этим согласился.

Мерфи нахмурился.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Нортон тоже на это надеялся, но промолчал. Дверь отворилась, и все трое напряглись, готовясь встать при появлении президента, но в кабинет вошел морской пехотинец в красной куртке, он нес на подносе кофе. Нортон и Кифнер отказались; Мерфи взял чашку, когда он пил, руки его тревожно дрожали.

— А я собирался на пляж, Бен,— сказал Кифнер.— Ты испортил мне выходной. Это, знаешь ли, уголовное преступление.

Нортон выдавил улыбку. Шутка казалась ему не особенно остроумной, но лучше было поболтать, чем слушать стук зубов Мерфи о чашку.

— Выходной, по-моему, испорчен у многих,— сказал он.— Слышал кто-нибудь, как состояние Макнейра?

— Утром я говорил с врачами,— сказал Мерфи.— Он поправится. Врачи говорят: войди пуля на дюйм ниже, ему бы конец.

— Кстати, Бен,— сказал Кифнер,— в Виргинии выписан ордер на твой арест. Из-за того, что ты скрылся с места преступления.

Нортон не понял, шутка это или нет, но не успел спросить, как дверь распахнулась снова, и на сей раз вошел президент. За ним следовал Ник Гальяно. Все трое встали, и президент, кивнув Мерфи с Кифнером, подошел к Нортону и протянул руку.

— Давно мы не видались, Бен,— сказал Чарлз Уитмор. Голос его был мягок и звучен, загорелое лицо уверенно, и в тот миг, когда они стояли почти вплотную лицом к лицу, Нортон почувствовал, что его подавляет ореол уверенности и власти, окружающий как личность Уитмора, так и его должность. Появилось желание верить и содействовать этому человеку. Он ощутил, что слабеет, словно в кабинете был какой-то газ, от которого люди теряют решимость.

Выпустив руку президента, Нортон отступил назад.

— Спасибо, что приняли меня,— сказал он, нарочно опустив почти обязательное «сэр». Нортон постоянно твердил себе: «Он такой же человек, как и все».

— После того, что ты сказал по телефону, у меня не оставалось выбора,— ответил Уитмор.— Давайте присядем, джентльмены, и послушаем, что Бен скажет нам.

Президент сел за свой стол и вынул из верхнего ящика коробку сигар. Ник Гальяно подошел к камину и сел в кресло. Трое остальных сели в кресла, обращенные к президенту.

— Хочет кто-нибудь присоединиться ко мне? — спросил Уитмор и поднял сигару «монтекристо». Все покачали головами, и президент рассмеялся.

— Кубу я признал, поэтому имею право курить их,— сказал он и зажег сигару. С удовольствием пыхнул, подался вперед и уставился на Нортона.

— Возможно, ты не знаешь, Бен, но я был в таком же неведении относительно гибели Донны, как и все остальные. Эду я велел поднажать на полицию, но в ответ только и слышал, что у них есть несколько подозреваемых, но ничего определенного. Вдруг неожиданно звонишь ты и говоришь, что знаешь, кто ее убил.— Он покачал головой и затянулся снова.— После вчерашней истории я догадываюсь, что этот Риддл имел серьезное отношение к делу. Черт, я встречался с ним только один раз, теперь начинает казаться, что он был сюда кем-то подослан.

— Вину за Риддла принимаю на себя,— сказал Эд Мерфи.— Вчера я свел некоторых людей и узнал много такого, о чем никто не потрудился сказать мне сразу. Он служил в ЦРУ и был связан с Уитом Стоуном. Видимо, нам никогда не

Рисунки
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

узнать, какие планы вынашивал этот тип. Но мы знаем, что вчера он стрелял в Макнейра, и, по-моему, Донну убил он же. Мне кажется, Бен выяснил именно это. И должен сказать, что извиняюсь перед Беном. Он предупреждал меня насчет Риддла и оказался прав. Риддл был мерзавцем, я рад, что мы наконец от него избавились. Об этом ты и хотел сказать, не так ли, Бен?

Нортон поглядел на Мерфи с невольным уважением. До чего же хитер и расчетлив! Свалить всю вину на Риддла, раздать сигары, принести поздравления, пожать всем руки и с улыбкой уйти. Но этому не бывать.

— Риддл не убивал Донну,— сказал Нортон.

— Откуда ты знаешь? — спросил Кифнер.— Какие у тебя есть доказательства?

— Думаю, следует начать сначала,— сказал Нортон.— Вы не против, мистер президент?

— Начинай,— сказал Уитмор и подался вперед, не расставаясь с кубинской сигарой.

— Хорошо. Прежде всего я узнал, что Джефф Филдс установил в своем доме на Вольта-плейс звукозаписывающую систему, включающуюся от звука голоса.

— Откуда узнал? — требовательно спросил Эд Мерфи.

— От Гейба Пинкуса, а он, видимо, от полицейских.

— Это правда,— сказал Фрэнк Кифнер.— Наши люди обнаружили эту систему, но пленки не нашли. Филдс утверждал, что никогда не заправлял туда пленку.

— Да,— сказал Нортон,— однако накануне гибели он проговорился мне, что пленка где-то есть. Где именно, он не сказал, но к тому времени я был убежден, что Риддл находится в центре событий, и поэтому не отставал от Макнейра в надежде, что он расскажет мне кое-что о Риддле. Вчера утром Макнейр согласился поговорить со мной после теннисного матча, но Риддл его ранил.

— Как мог Риддл узнать о согласии Макнейра? — спросил президент.

— Точно не знаю,— ответил Нортон,— но Риддл был специалистом по подслушиванию, так что вывод делайте сами. Похоже, он немало знал о том, кто что говорил и делал. Держу пари, если вы найдете жилище Риддла, то обнаружите там множество пленок, копий документов и бог знает чего.

— Займешься этим немедленно, Эд,— приказал президент.— Бен, как, по-твоему, что за игру вел этот Риддл? Чего он хотел?

— Трудно сказать,— ответил Нортон.— Может, приключений. Может, высокой должности. Думаю, он был не совсем нормален. У меня есть сведения о его связи с Уитом Стоуном — Стоун подсунул вам Риддла с целью раздобыть материал для шантажа. Хотелось бы знать, что за планы были у С т о у н а.

— Этот тип ведет много игр,— сказал президент.— Он думал, что я сделаю его министром юстиции, как-то я сказал ему это в шутку, а он, видимо, принял всерьез. Кроме того, он адвокат многих крупных нефтепромышленников, а эта публика ведет игру грубо. Раздобудь Стоун что-то против меня, так они полезли бы ко мне со своими грязными делами. Ну, а что пленка, Бен? Давай вернемся к ней.

— Небольшое сообщение,— сказал Кифнер.— Сегодня утром я был у Макнейра в больнице, он сказал, что видел в столе у Риддла коробку с пленкой, на ней стояли буквы «Д. Х.», и Риддл грозился убить его, если он кому-нибудь проболтается. Об этом Макнейр и хотел рассказать вчера Бену.

— Охотно верю,— сказал Нортон.— Потому что когда Риддл разбился, я нашел эту пленку. Вот почему я так поспешно уехал. Не хотел отдавать ее виргинской полиции да и никому другому. Пленку я привез домой, прослушал, а потом позвонил президенту и попросил об этой встрече.

Он мог бы добавить, что после звонка взял пленку, поехал в отель и провел там ночь под вымышленной фамилией. Даже теперь где-то в глубине сознания у него таился страх, что в любой миг кто-то может нажать кнопку, он провалится и бесследно исчезнет.

— И эта пленка у тебя при себе? — сказал президент.

— Да, сэр,— ответил Нортон, машинально похлопав себя по карману пиджака.— Я прокручу ее, как только все будет готово.

— Все готово,— сказал президент.— Магнитофон в этом шкафу.

Нортон встал и подошел к шкафу.

— Пленка ничего не доказывает,— впервые подал голос Ник Гальяно.— Ее можно подделать, смонтировать, сделать все, что угодно.

— Это может определить эксперт,— сказал Кифнер.

— Никакого житья от этих проклятых экспертов,— сказал Ник.

Нортон открыл шкаф и уставился на лучший магнитофон из всех, какие ему доводилось видеть.

— Я не записываю всего, что здесь говорится, если ты думаешь об этом,— сказал президент.— Знаешь, как обращаться с ним? Или кого-нибудь вызвать?

— Думаю, справлюсь сам,— ответил Нортон, достал из кармана пленку и стал ее устанавливать.

— Не знаю, правомочно ли мы поступаем,— сказал Эд Мерфи.— Раз это новая улика, ее нужно сразу передать в прокуратуру. Мы не вправе ничего нарушать ради удовлетворения любопытства.

Президент вопросительно глянул на молодого прокурора.

— Фрэнк?

— У меня нет никаких возражений,— ответил Кифнер.— Я представляю здесь министерство юстиции. А вы в конце концов президент.

— Так меня уверяют,— пробормотал Уитмор.— Ладно, Бен, действуй.

Нортон воззрился на президента, удивляясь его спокойствию. Неужели он не знает, что сейчас услышит? Неужели ему это безразлично? Или он изображает неведение? Как бы там ни было, этот сукин сын умеет владеть собой.

Нортон нажал кнопку. Послышался какой-то шум, потом раздался телефонный звонок, и женский голос произнес: «Алло?» Нортон включил перемотку, и пленка с громким свистом завертелась.

— Это Донна отвечает по телефону,— сказал Нортон.— Полагаю, что данный разговор особого значения не имеет.

Ему стало любопытно, понял ли президент, что это за разговор. Выждав несколько секунд, он снова включил запись, свист перешел в негромкий шум. Фрэнк Кифнер закашлялся, кресло президента скрипнуло. Внезапно на весь Овальный кабинет раздался стук в дверь. Этот звук, последующие шумы и голоса слышались совершенно ясно; Нортону вспомнились старые радиопьесы, которые он слушал в детстве, лежа на полу в гостиной.

«Кто там?» — спросила Донна.

«Я. Открой».— Это был мужской голос, грубый и нетерпеливый. Нортону стало интересно, узнают ли его остальные. Он сидел, глядя на вертящуюся катушку, почему-то не желая смотреть на лица остальных.

«Кто? А, сейчас».

Послышались лязг цепочки, щелканье засова, скрип двери.

«Это ты? Что тебе нужно?»

«Поговорить».

«Нам не о чем говорить».

«По-моему, есть. Ну что, пригласишь меня войти или нет?»

«Ладно, входи».

Дверь закрылась, по коридору дома на Вольта-плейс прозвучали шаги.

«Можешь сесть сюда,— сказала Донна.— Что ты хотел мне сказать?»

Нортон украдкой оглянулся. Все сидели неподвижно, с застывшими лицами. Однако он чувствовал, что напряжение нарастает. Несомненно, они уже все поняли.

«Эта твоя книга,— сказал мужчина.— Письма. Ты что, не понимаешь...»

«Господи, так вот зачем ты приехал»,— раздраженно сказала она.

«Послушай, ты создаешь никому не нужные проблемы».

«Пошел к черту! — крикнула Донна.— Убирайся!»

Послышалась гневная брань мужчины, скрип кресла, шаги — и потом, словно эхо, скрип кресла и шаги здесь, в Овальном кабинете.

— Выключи! — крикнул Ник Гальяно и бросился к магнитофону, оттолкнув Нортона.

Ник выключил магнитофон, Нортон схватил его, и внезапно Ник вцепился в горло Нортону, но тут на весь кабинет раздался крик:

— Ник! Перестань! Сейчас же!

Это крикнул президент; услышав его, Гальяно мгновенно опустил руки и, бледный, с дрожащими пальцами, застыл возле шкафа.

— Незачем крутить дальше эту проклятую пленку,— злобно сказал Ник.— Я сам расскажу, что случилось. Я требовал у Донны рукопись. Мы поссорились. Она влепила мне пощечину, я дал сдачи. Она упала и стукнулась головой о столик. Вот и все. Это был несчастный случай. Злого умысла против нее у меня не было. Я только хотел помочь тебе, босс.

Он снова сел в свое кресло и закрыл лицо руками. Президент нахмурился. Эд Мерфи дрожащими руками зажег сигарету. Наконец Фрэнк Кифнер нарушил молчание:

— Что было дальше, Ник? Кому ты об этом рассказал? Кто взял пленку?

Ник Гальяно медленно поднял голову, говоря, он все время смотрел на президента, будто в кабинете никого больше не было.

— Я сразу же увидел, что она мертва. Помочь ей было невозможно. Я перепугался и поехал домой. Потом подумал об отпечатках пальцев. Что делать, я не представлял. За себя я не беспокоился — не беспокоюсь и сейчас, клянусь богом, босс,— но понимал, что этот случай даст твоим врагам повод для шантажа. Я хотел вернуться туда и стереть отпечатки, но не мог решиться. Нужен был кто-то другой. Тогда я вспомнил о Риддле. Он был специалистом в таких делах. И я позвонил ему. Сказал, что зашел в тот дом и обнаружил эту женщину мертвой, что не знаю, кто ее убил, но прошлым вечером там был один значительный человек, и может возникнуть неприятное дело. Пообещал, что, если он сделает все как надо, я в долгу не останусь. Он ответил: «Не волнуйся, Ник. Байрон Риддл все сделает как надо». Два дня спустя я решил, что он сдержал слово. А потом я узнал о пропаже пленки и понял, что Риддл меня обманул. Я поехал к нему, у нас был крупный разговор, но он утверждал, что о пленке ничего не знает. А потом взял и скрылся. Вот и все.

Ник поднялся и встал перед столом президента, словно подсудимый. Выглядел он усталым, постаревшим, опустошенным.

— Я старался помочь тебе, босс. Ты сказал, что она пишет книгу, может этим навредить тебе, и я хотел отнять рукопись. Но даже и не притронулся к ней — наверно, ее взял Риддл. Хотел замять эту историю. Однако только испортил дело, как и все дела в своей бестолковой жизни. Но вину я полностью беру на себя. Замешаны тут только мы с Риддлом. Я подпишу признание, сделаю заявление, признаю себя виновным — как ты скажешь.

Уитмор медленно поднялся, вышел из-за стола и обнял Ника за плечи.

— Крепко тебе не повезло, а, Ник? — Уитмор печально покачал головой.— Туго придется тебе, дружище. Тут уж я ничем не могу помочь. Тем не менее я по-прежнему твой друг.

Ник сделал попытку улыбнуться.

— Это самое главное, босс. Теперь я должен отсюда уйти. Я сказал все. Теперь только скажи мне, что делать.

Фрэнк Кифнер откашлялся.

— Мистер президент, я считаю, что мне следует выслушать признание мистера Гальяно как можно скорее. Разумеется, если он хочет, при этом может присутствовать адвокат.

— Адвокат мне ни к чему,— сказал Ник.— Я пойду к себе в кабинет. Буду ждать там, пока вы не закончите.

Сунув руки в карманы, волоча ноги, Ник вышел, взгляд его был потуплен, жизнь, казалось, ушла из него.

Наступило короткое молчание, потом заговорил Кифнер:

— Мистер президент, есть несколько вопросов, которыми нужно заняться как можно скорее.

— Какие еще вопросы? — резко спросил Эд Мерфи.— Во всем повинны только Ник и Риддл. Ник признался, а Риддл мертв.

— Подождите немного,— сказал президент.— Я должен поговорить с Ником. Он пустит себе пулю в лоб, если решит, что окажет мне этим услугу. Надо его успокоить. И позаботиться об адвокате. Вернусь я через пятнадцать минут, и мы все доведем до конца.

Все трое поднялись, когда президент широким шагом выходил из кабинета, потом сели снова. Нортон думал о помиловании и о том, подобает ли президенту говорить сейчас с Ником. Но что тут поделаешь?

— А какое было чудесное утро,— устало сказал Эд Мерфи.— Жутко подумать, что это Ник, но по крайней мере эта проклятая история завершилась. Слушайте, а выпить никто не хочет?

Нортон и Кифнер покачали головой.

— Бен, я снова скажу,— продолжал Эд Мерфи,— поработал ты прекрасно. Ты был прав, а я нет. Упрямства тебе не занимать, но я тобой восхищаюсь. Босс тоже. И поверь, когда все утрясется, предложение работы остается в силе.

Нортон не знал, что ответить, но тут распахнулась дверь, и вошел расфранченный военный советник Джо Сарадино.

— Тебе записка, Бен,— сказал он и подал Нортону листок бумаги.

— Сейчас он занят,— проворчал Эд Мерфи.— Этому делу придется подождать.

Нортон взял записку, прочел ее и встал.

— Нет,— сказал он,— это дело ждать не может. Я вернусь через десять минут.

— Что за черт? — запротестовал Эд Мерфи, однако Нортон был уже за дверью.

По коридору он прошел всего несколько футов к соседнему кабинету. Клэр в одиночестве ждала его за столом, глядя в окно на розовый сад. Когда Нортон вошел, она встала и подала ему руку.

— Миссис Уитмор...— начал было он.

— Бен, у нас мало времени,— перебила Клэр Уитмор.— Можете вы сказать мне, о чем там шла речь?

— Ник случайно убил Донну. Он признался. Риддл, тот самый человек, что погиб вчера, помогал ему заметать следы.

Клэр изумленно взглянула на Нортона, потом кивком пригласила его сесть рядом.

— А о чем пойдет речь теперь?

— Не знаю.

— Но все будет не так просто, как хотелось бы кое-кому?

— Нет,— ответил он.

— Можно обратиться к вам с просьбой?

Нортон уставился на полированный стол красного дерева; это была самая неприятная минута за все утро.

— Даже не знаю, стоит ли вести этот разговор,— сказал он.— Мне и так нелегко. Вы знаете, что лично для вас я сделал бы все, однако...

— Я ничего не прошу для себя. Или для Чарлза. Бен, я не меньше вас хочу, чтобы свершилось правосудие. Помните записку о вскрытии?

Нортон был ошеломлен.

— Значит, вы...

— Один знакомый наводил для меня справки. Думаете, я не хотела знать, причастен ли мой муж к смерти этой несчастной женщины? Но я могла сделать очень мало, не привлекая к себе внимания, поэтому, узнав, что она была беременна, я решила, что лучше всего будет сообщить об этом вам. Видите, я ничего не скрываю.

— Я вовсе не думал, будто вы что-то скрываете. Что вы мне хотели сказать, миссис Уитмор?

Она стала складывать на коленях платок.

— Как-то неловко говорить это вам. Я не знаю всех фактов дела. Возможно, их никто никогда и не узнает. Но вскоре с вашим участием будет принято несколько очень важных решений. В общем, я хочу сказать вот что, Бен, принимая эти решения, старайтесь помнить, как напряженно работал Чарлз, вступив в эту должность. Вы не можете представить себе, что это такое. Никто не может. Как говорил Гамлет, один человек, ополчившийся против моря смут. Это невозможная работа, Бен. Поэтому он вынужден полагаться на других людей и, возможно, не всегда выбирает подходящих. В этом он похож на всех других президентов. Когда приходится выбирать между умным и преданным человеком, выбираешь преданного. И почему-то именно преданность неизменно заставляет их поступать не так, как нужно.

Чарлз совершал ошибки; никто не знает этого лучше, чем я. Но, несмотря на все свои недостатки, по-моему, он всегда стремился сделать для страны все, что в его силах. Помните, как Марк Антоний сказал о Цезаре? «Когда бедняк стонал, то Цезарь плакал». Чарлз тоже плакал, Бен, ночи напролет ходил по комнате, ругался, молился, напивался — и не только — из-за тягот своей работы и невозможности сделать все, что он хочет.

Я вижу это все, и мое сердце стремится к нему, не к мужу, которого я давно потеряла, а к человеку, которым я восхищаюсь, в которого верю и которого в конце концов прощаю. Поэтому, Бен, прошу вас только о том, чтобы, принимая свое решение, вы постарались понять, как трудно было ему, и помнили, как много в этом человеке хорошего.

Раздался стук в дверь.

— Мне пора,— сказал Нортон.— Прошу прощения. К сожалению, не могу передать вам, каково мне сейчас. Я согласен со многим, что вы говорили. Я... я запомню, что вы сказали. Благодарю вас.

Он поднялся и вышел, оставив ее глядеть на розовый сад.

Президент вернулся и сидел за своим столом. Никто не спросил у Нортона, где он был. Видимо, они знали. Ему казалось, что все, кроме него, знают все.

— Мы с Фрэнком обговорили этот вопрос,— сказал Эд Мерфи президенту.— Он считает, что Ник должен немедленно предстать перед большим жюри. Рассказать, что сделал он, что сделал Риддл, и вся история завершится в два счета. Вам, мистер президент, видимо, следует сделать заявление. Пригласите репортеров, сообщите, что вам стало известно, скажите о показаниях Ника, признайте наши ошибки, воздайте Бену честь за то, что он сделал, и все будет в прошлом. Это очень важно, потому что по всему городу ходят слухи, и, если мы не покончим быстро с этим делом, нас ждет кризис.

Президент перевел взгляд на прокурора.

— Ты считаешь так, Фрэнк?

Лицо молодого прокурора было суровым.

— Сэр, очевидно, я должен выслушать показания мистера Гальяно полностью. Однако на основании уже известного могу сказать, что, когда он все изложит перед большим жюри, дело может окончиться так, как предположил мистер Мерфи. Разумеется, на основании своего признания мистер Гальяно, очевидно, будет признан виновным в смерти мисс Хендрикс и окажется в тюрьме.

Президент неторопливо кивнул и повернулся к Нортону.

— Что скажешь, Бен? Устраивает тебя такое завершение дела?

Нортон ответил Уитмору взглядом, в сущности, не видя его. Он думал о многом. О словах Клэр Уитмор. О том, что очень устал, что хорошо бы скорей покончить с этим испытанием. Но думал и о пленке, той ее части, которую Ник не дал дослушать, той, где он заорал: «Паршивая сука!»— потом быстро последовали шлепок и звук удара кулаком по лицу, вскрик Донны, стук головы о столик, потом крики Ника: «Очнись! Очнись!»— и наконец долгое, жуткое молчание.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Окончание следует.

Адвокат Бен Нортон
на свой страх и риск ведет
параллельно с полицией расследование
убийства любимой им
женщины Донны Хендрикс.
Она приехала в Вашингтон
к президенту Чарлзу Уитмору,
от которого ждет ребенка.
Однако Нортон вначале
ничего не знает об этом.
Он только замечает,
что помощник президента Эд Мерфи,
отрицая очевидные факты, пытается
завести расследование в тупик,
а когда это не удается,
то стремится запугать Бена, а затем
и подкупить, предлагая хорошую работу.
Нортон остается в одиночестве, так как те,
кто мог бы помочь ему, либо
отказались от своих показаний, либо погибли.
В это время в руки Нортона попадает пленка
с записью разговора, во время которого
была убита Донна Хендрикс.
При встрече адвоката с президентом Уитмором
они прослушивают пленку.
Уитмор узнает, что в смерти Донны
повинен его друг Ник Гальяно.

РОМАН

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

Патрик АНДЕРСОН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

Он прикрыл глаза, потом открыл и увидел, что президент ждет ответа на свой вопрос.

Нортон оглядел всех троих, стараясь увидеть их такими, какие они есть: Чарлз Уитмор, самый талантливый, самый целеустремленный политик, какого он знал, человек немалого мужества и бесконечного коварства; Эд Мерфи, профессиональный сукин сын, чье грубоватое обаяние не могло скрыть его постоянной, возможно, и оправданной жестокости; Фрэнк Кифнер, молодой человек, поспешно делающий карьеру, видимо, не чета двум другим, но из-за стремления наверх готовый делать все, что может пойти на пользу его боссам и его будущему. И подумал, что понимает их лучше, чем себя. Ему было ясно, что они представляют собой; вопрос заключался в том, что представляет собой он. В памяти его всплыл знаменитый совет Сэма Рейберна одному молодому конгрессмену, фраза, которую он много раз слышал в Капитолии и считал, что ее нужно высечь там в камне: «Если хочешь жить в ладу с самим собой, уходи».

И они постоянно толкали его к уходу.

— Мистер президент,— сказал он,— кажется, мы слишком забегаем вперед. Забываем о многих вопросах, ответов на которые пока нет.

— Каких же, Бен?— спросил Уитмор.

— По записи на пленке мы знаем, что Ник убил Донну и ушел из того дома.— сказал Нортон.— Знаем, что кто-то — по словам Ника, Риддл — позднее явился в тот дом, стер все отпечатки пальцев и взял катушку с пленкой. Видимо, это действительно Риддл, потому что в конце концов пленка оказалась у него. Но вопрос в том, кто послал Риддла туда.

— Вопрос? Как тебя понять, черт возьми?— возмутился Мерфи.— Ник сказал нам, что он обратился к Риддлу за помощью!

— Я знаю, что сказал Ник,— ответил Нортон.— Но сомневаюсь в правдивости его слов. Я не уверен, что Ник в такой отчаянной ситуации, когда ему грозило обвинение в убийстве, а президенту — бог весть какие осложнения, обратился бы к кому-то вроде Риддла, которого едва знал. По-моему, он обратился к тому, кому доверял полностью.

— К чему ты клонишь?— спросил Уитмор.

— Мистер президент,— ответил Нортон,— будучи полностью объективным, я подозреваю, что Ник обратился к Эду Мерфи или к вам.

Эд Мерфи подскочил.

— Сукин сын!..

— Сядь и замолчи!— прикрикнул президент. Мерфи повиновался.— Ясно, Бен, понимаю. Ты считаешь, что Ник обратился ко мне или к Эду и кто-то из нас решил послать туда Риддла. Это логично. Но могу твердо заявить, что Ник не обращался ко мне по поводу смерти Донны.

— Ко мне тоже не обращался!— крикнул Мерфи.— И я возмущен этим предположением. Подтверди его, Нортон, или помалкивай. Предъяви доказательство, и я сдамся. А в противном случае пошел к черту.

— Никаких доказательств у меня нет,— сказал Нортон.— Я лишь поднимаю вопрос. И, кроме него, еще полно неясностей.

— Например?— спросил Уитмор.

— Многое, мистер президент,— ответил Нортон.— Многое, что по отдельности может быть случайностью, но, взятое вместе, говорит о попытке укрывательства. Во-первых, кто-то неизвестный позвонил мне в то утро, когда обнаружили тело Донны. Во-вторых, Фил Росс сказал мне, что видел Эда с Донной, а потом, после разговора с Эдом, отказался от своих слов. В-третьих, Гвен Бауэрс получила большую должность после того, как взяла назад свои слова о ваших отношениях с Донной. В-четвертых, сенатор Нолан рассказал мне, что вы приезжали к Донне в Кармел, и после этого был убит. В-пятых, министерство юстиции сфабриковало против Филдса дело о наркотиках, вынудив его тем самым заявить, будто Донна забеременела от него, а потом, когда он решил сказать правду, его убили. Потом министерство юстиции затеяло игру со мной, и Уит Стоун тоже, целью этих игр было заткнуть мне рот.

— Постой, постой,— сказал Эд Мерфи.— Половина того, что ты сказал,— домыслы, другая половина — дело рук Риддла. Ты разве не слышал, что сказал Ник? Они с Риддлом действовали на пару.

— Я не удивлюсь, если это Риддл звонил мне в то утро, когда обнаружили Донну, чтобы навлечь на меня подозрения,— сказал Нортон.— Не удивлюсь, если это Риддл убил Нолана и Филдса. Но вопрос в том, действовал ли он по собственному почину или кто-то его направлял. А кое-что из того, о чем я упомянул,— получение Гвен должности или давление министерства юстиции на Филдса — от Риддла не зависело. Я хочу сказать, что все эти факты предполагают организованное в высоких сферах укрывательство того, что Ник убил Донну и что президент состоял в связи с Донной.

— Ты ничего не сможешь доказать!— крикнул Эд Мерфи.— Ты хочешь только раскопать грязные подробности и погубить президента. И все из-за того, что подружка отвергла тебя.

— Я только хочу,— ответил Нортон,— нормального расследования смерти Донны с учетом всех обстоятельств. Сейчас складывается впечатление, что Ник хочет взять на себя вину вышестоящих, а прокуратура прячет голову в песок.

— Я возмущен этим предположением,— сказал Фрэнк Кифнер.

— Тогда веди это дело, как и все дела об убийстве.

— Как и все дела об убийстве,— злобно повторил Эд Мерфи.— Почему не говоришь напрямик? Ты хочешь мести. Ты прекрасно знаешь, стоит репортерам узнать о нем и о Донне, этой администрации конец.

— Не знаю, конец ли,— ответил Нортон.— Если да, то ничего не поделаешь.

— Так спокойно говоришь об этом, гад,— прошипел Мерфи.— Ты...

— Успокойся, Эд,— сказал президент.— Может, вам с Фрэнком посидеть у тебя в кабинете, а мы с Нортоном поговорим.

Кифнер и Мерфи встали. Эд злобно поглядел на Нортона, потом пошел к двери вслед за Кифнером. Президент поднялся, поглядел в окно и с каким-то изумлением повернулся к Нортону.

— А ведь сегодня выходной, Бен. Ну и выходной! Хочешь виски, сигару, чего-то еще?

— Нет, благодарю.

Уитмор сел снова.

— Работу ты проделал громадную, Бен,— сказал он.— Ты всегда был усердным работником. И упрямым, как мул. Донна вспоминала о тебе. Говорила, что такого надежного человека, как ты, не встречала. Жаль, что ты не женился на ней.

— Я собирался, но тут вмешались вы,— сказал Нортон и поразился собственной злости. Неужели он так ненавидит Уитмора? Может, Мерфи прав, может, он хочет мести?

Увидев благоприятную возможность, Уитмор тут же за нее ухватился.

— Понимаю твои чувства, Бен, и не осуждаю тебя. Но представь себя на моем месте. Я не прошу прощения за то, что сошелся с Донной. Черт возьми, я даже не могу объяснить этого, все произошло само собой. Но произошло с обоими, и всерьез. Несколько раз мы пытались разорвать связь, но ничего не получалось. Поэтому в январе я приезжал к ней — ты об этом знаешь. А два месяца спустя я узнал, что она беременна. Она даже не хотела сообщать мне об этом. Я как-то позвонил ей и понял: произошло что-то неладное. В конце концов она открылась мне. Я чуть с ума не сошел. Кончилось тем, что я уговорил ее приехать в Вашингтон и все обговорить вдвоем. Она собиралась родить ребенка и никому ничего не сообщать.

Нортон глядел под ноги; выслушивать это ему не хотелось, но выбора у него не было.

— Меня это не устраивало,— продолжал Уитмор.— Я боялся, что она выйдет замуж, что моего ребенка будет воспитывать кто-то другой. И не знал, что делать. Две недели перед ее приездом я места себе не находил. То подумывал развестись с Клэр, жениться на Донне и заявить всей стране: нравится тебе это или нет — глотай. То подумывал жениться на ней после первого срока. Только не знаю, согласилась бы она. Вот чем был вызван ее приезд. Она приехала. И Эд виделся с ней, обсуждал кой-какие детали. А в тот вечер, когда я собирался к ней, на той стороне улицы была демонстрация, и все сорвалось. Да еще я беспокоился из-за той книги, что она писала, это беспокоило и Ника, а остальное ты знаешь.

— Да, остальное я знаю.

— Я только хочу сказать, как бы ты ни относился ко мне из-за Донны, не руководствуйся этим в своих решениях.

— Я не руководствуюсь,— сказал Нортон.— Донна мертва, ее убил Ник. Речь не о ней. Речь о том, что после ее смерти кое-кто пытался покрыть преступление.

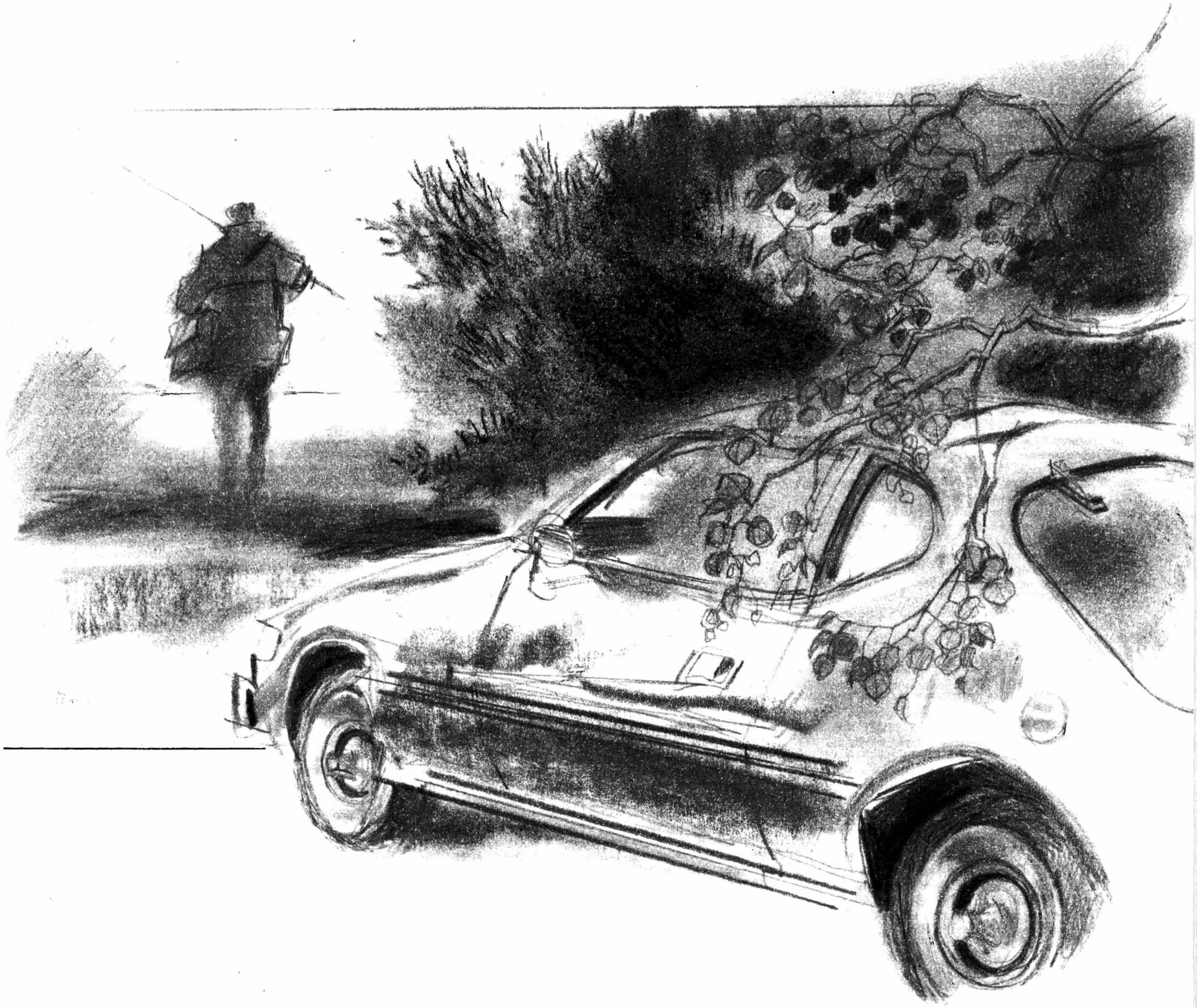
— Ладно,— сказал Уитмор.— Давай поговорим об этом. Ты считаешь, что Ник после убийства обратился к Эду, Эд обратился к Риддлу, и с тех пор Эд занимался укрывательством. Так?

— Думаю, что это вполне вероятно. Вероятно также, что к укрывательству были причастны и другие.

— Например?

— Например, Уит Стоун. Например...

Окончание См. «Огонек» №№ 14—26.



Уитмор усмехнулся.

— Договаривай, Бен.

— Например, вы.

Уитмор еще с минуту сохранял усмешку, словно наслаждаясь, потом она увяла.

— Предположить можно все, Бен,— сказал он,— но я к этому не был причастен. Что касается Уита Стоуна, он, по-моему, вел собственную игру. Конечно, не исключено, что этот Риддл занимался двойной игрой, работая на Мерфи и на Стоуна. Я не знаю. Но главное, если Эд и был к этому причастен, доказать это будет чертовски трудно, покуда Ник и он будут утверждать обратное. А если не сможешь ничего доказать, эта история будет очень неприятна для всех сторон. Я прав?

— Видимо, да.

— Тогда позволь задать тебе такой вопрос. Что, если Эд подаст в отставку? Сегодня же уйдет отсюда и больше не вернется? И мы покончим с этой историей здесь? Ник признаётся в непредумышленном убийстве, Эд уходит, и на этом конец.

Нортон покачал головой.

— Так не пойдет, мистер президент. Если Эд покрывал убийство, он совершил преступление. Если нет, он должен остаться на своей работе. Компромисс здесь невозможен.

— Это обычный способ улаживать дела.

— В политике да. Но не в законе.

— Закон для тебя так много значит?

— Это основное, что у нас есть,— сказал Нортон.— Либо у нас существует закон, либо мы снова живем в джунглях.

— У нас есть хорошие вакансии в министерстве юстиции,— сказал Уитмор.— Мы могли бы взять тебя туда.

Нортон поглядел в хмурое лицо Уитмора и понял, что говорят они на разных языках. Расстроенный этим, он ответил резче, чем следовало:

— Меня не интересует работа в министерстве юстиции.

Уитмор поглядел на свою сигару, зажег ее снова, с удовольствием пыхнул несколько раз, а потом с меньшим удовольствием обратил взгляд на Нортона.

— Значит, не интересует?— с презрением сказал он.— Ну вот что, мистер Праведник, позволь задать тебе такой вопрос. Интересует тебя мой законопроект о страховании здоровья? Интересует тебя моя школьная программа? Помнится, работая у меня в штате, ты ими очень интересовался.

— Интересуюсь и сейчас.

— Да? Так вот, если ты втянешь меня в скандал, им конец. Послушай, Бен, я многого добился, я многое делал для страны, но, если эта история получит огласку, мои противники дискредитируют меня и все, за что я стою. Тебе ясно? Ты играешь им на руку. В самом лучшем случае моя программа провалится. И, возможно, это еще не все. Конгресс в последние несколько лет чувствует свою силу и может использовать ее полностью. Я имею в виду импичмент.

Уитмор сделал паузу, чтобы его слова дошли. Нортон неловко заерзал в кресле.

— Ты знаешь, кто такой вице-президент и за что он стоит,— сказал Уитмор.— Я взял его, потому что он был мне нужен на выборах, но, если

он займет мое место, все повернется на сто восемьдесят градусов.

Нортон беспомощно развел руками.

— Мистер президент, не исключено, что расследование убийства Донны приведет к этому. Я не знаю. Но поделать ничего не могу.

— Ничего не можешь!— гневно сказал президент.— Для начала можешь спуститься на грешную землю. Нельзя заварить такую кашу и уйти в сторону. Ты должен отвечать за свои поступки.

— И вы тоже. В том-то и дело.

Уитмор поднялся и стал расхаживать по кабинету.

— Бен, когда это дело раскрутится, кое-кто заинтересуется твоими мотивами. Учти, тебя будут всячески обзывать.

— Ничего.

— И, судя по тому, что мне сказал Кифнер, у тебя могут быть неприятности за утаивание сведений от полиции.

Нортон чуть не рассмеялся.

— Хоть верьте, хоть нет, я старался оберечь вас. Не хотел без крайней необходимости рассказывать о вашей связи с Донной. Но это обвинение принять рискну.

— Дело не только во мне и конгрессе,— сказал Уитмор.— Видишь глобус? Послушай, у нас есть осложнения в таких местах, о которых ты даже не слышал. И будь уверен, другая сторона воспользуется ими, видя, что дома меня режут под корень. А если они начнут теснить, я отвечу тем же. Так и начинаются войны. Подумай об этом. То, что ты делаешь, может надолго испортить судьбу страны.

— Если вы находитесь над законом, ее судьба испорчена навсегда,— ответил Нортон.

— Это твое последнее слово?

— Пожалуй.

— И ты так уверен в себе, что рискнешь расколоть страну, лишь бы настоять на своем?

— Нет, я так в себе не уверен,— сказал Нортон.— Мне страшно до смерти, что я делаю не то. Но я напряженно думал, принял решение, и, пожалуй, это решение единственное, с которым я могу жить.

— А что, если я не стану играть в твою игру?— вдруг спросил Уитмор.— Если я скажу Кифнеру, что расследование должно касаться только Никка, и министр юстиции меня поддержит?

— Тогда я позвоню Гейбу Пинкусу и расскажу все, что знаю, включая этот разговор. В любом случае эта история станет известна. Но лучше, если от вас.

Президент вздохнул, тело его, казалось, слегка обвисло.

— Для этого потребуется время,— сказал он.

— Двадцать четыре часа я буду молчать,— сказал Нортон.— До завтрашнего полудня. К тому времени вы успеете собрать пресс-конференцию.

— Ты хочешь присутствовать на ней?

— Не особенно,— сказал Нортон.— Посмотрю по телевизору.

— А что станется с тобой, Бен?— спросил президент.— Когда все будет позади?

— Не знаю,— ответил Нортон.— Наверно, вернусь в Северную Каролину и займусь адвокатской практикой.

Уитмор в изумлении поглядел на него, потом внезапно встал. Решение было принято, встреча была окончена.

— Ну что ж, кажется, все. Ты крепкий орешек, Бен. Жаль, что ты не на моей стороне.

— На вашей, мистер президент. Честное слово, на вашей.

Они обменялись рукопожатием, и секунду спустя Нортон покидал Белый дом, как ему казалось, навсегда. Когда он вышел из ворот и пошел по Пенсильвания-авеню, с одной стороны, ему, как жене Лота, хотелось оглянуться в последний раз, с другой — было страшно, и поэтому он шел, не оглядываясь.

32

Звонок раздался без десяти одиннадцать. Нортон неохотно снял трубку — он перестал давать интервью,— но репортер оказался его вашингтонским знакомым, Нортон с уважением относился к тому, что он пишет, и решил поговорить с ним.

— Бен? Как там дела?

— Все отлично, Билл.

— Ты занят?

— Не особенно. Чем могу быть полезен?

— На будущей неделе начинается суд, и я решил написать о тебе. Главный свидетель возвращается в Вашингтон и все такое. С твоего отъезда прошел почти год. Люди интересуются, как ты там.

— Билл, я ничего не могу сказать для печати. Всякая гласность на этой стадии может повлиять на ход процесса, пойти на такой риск я не могу.

— Давай тогда поговорим о том, как тебе живется. Без связи с процессом. Просто расскажи, чем ты там занимаешься.

— Я адвокат в маленьком городке, вот и все. Контора моя находится на втором этаже старого дома, выходящего фасадом на здание суда округа Венс. Из окна видна площадь с цветущим кизилом, в центре ее памятник павшим конфедератам, на скамейке под ним целыми днями сидят старики, жуют табак, строгают ножами палочки и рассказывают небылицы. Во второй половине дня я выступаю на процессе по оскорблению личности. Потом встречаюсь с владельцем табачной фермы, желающим изменить завещание. Вот так и идут дела.

— И ты д о в о л е н такой жизнью?

— Доволен, как свинья в клевере.

— У тебя не возникает желания вернуться в Вашингтон?

— Билл, помнишь, что говорит Гек Финн в конце книги? «Мне этого не стерпеть. Я уж пробовал». Такое же отношение у меня к Вашингтону. Я уже пробовал.

— Как Энни? Привыкает к деревенской жизни?

— Она от нее в восторге. Пишет роман. Кроме того, занимается садом и много ездит верхом. Мы играем с друзьями в бридж. По воскресеньям, если позволяет погода, ездим рыбачить на озеро. Простая жизнь — тут не о чем писать.

— По-моему, как раз есть о чем,— сказал репортер.— В твоем положении взять и выйти из игры. Черт возьми, при своей известности ты мог бы получить любую работу, какую захотел.

— Я же говорю тебе, что получил работу, какую хотел.

— Ладно, Бен, увидимся во время процесса, а после его окончания я съезжу навестить тебя. Думаю, что можно будет сделать материал для воскресного выпуска.

— После процесса было бы гораздо лучше,— сказал Нортон. Выглянув в окно, он увидел, что из здания суда вышел судья Харпер и быстро идет через площадь.

— Билл, я вынужден положить трубку. У меня встреча с человеком, которого нельзя заставлять дожидаться.

— Что-нибудь любопытное?

— Пока не знаю. Это судья Харпер, местная политическая сила. Насколько я помню, он всегда был чем-то вроде милостивого диктатора. Д у м а ю, что он хочет заполнить мною свободное место в комитете демократической партии округа Венс. Чего мне не особенно хочется, потому что я не уверен, что остался демократом. Скорее представляю из себя что-то вроде анархиста. Как бы там ни было, он уже поднимается по лестнице, и я кончаю разговор.

— Увидимся на процессе,— сказал репортер.— Пока.

Нортон положил трубку, вздохнул и пошел открыть дверь судье Харперу.

— Здравствуйте, судья.

— Доброе утро, Бен. Выглядишь ты хорошо.

— Вы тоже.

Нортон не льстил. Судья был высоким, сухопарым, седовласым, за тридцать с лишним лет, что Нортон знал его, он не прибавил веса ни на фунт.

— А как твоя милая жена?

— Прекрасно, судья. Она шлет вам привет.

Они сели, и Нортон молча ждал, пока судья раскурит трубку. Ему нравился этот старик. Можно было сказать, что, помимо всего прочего, он реакционер и расист, но ему была присуща некая чистота и он был беззлобным. Сын его, погибший в 1965 году во Вьетнаме, был лучшим другом Нортона.

— Вот что, Бен,— сказал судья, когда трубка задымила.— Кажется, на будущей неделе ты едешь в Вашингтон на процесс.

— Да.

— Как думаешь, долго продлится суд?

— Говорят, что может затянуться на два месяца,— сказал Нортон.— Я надеюсь вернуться раньше.

— Но ты главный свидетель обвинения, так ведь?

— Видимо, да. Это — сложное дело.

— Чем, по-твоему, оно кончится? Это допустимый вопрос?

— Допустимый,— сказал Нортон.— Только я не знаю, как на него ответить. По-моему, исход суда предсказать невозможно. На скамье подсудимых три заговорщика-сообщника: Эд Мерфи, Ник Гальяно и Уитни Стоун. Обвинение представлено мною, Кифнером и еще несколькими свидетелями, поэтому дело основано на косвенных уликах. Наличие заговора всегда трудно поддается доказательству. Ник Гальяно — он уже сознался в непредумышленном убийстве, терять ему почти нечего — утверждает, что во всем повинны они с Риддлом. А Эд Мерфи и Уитни Стоун все отрицают. Исход дела будет зависеть от того, кому поверят присяжные.

— Обвиняемые не могут перессориться?— спросил судья.

— Это вполне возможно. Насколько я понимаю, Уит Стоун — джокер в этой колоде. По-моему, Мерфи и Гальяно готовы пойти в тюрьму, чтобы выгородить Уитмора — разумеется, рассчитывая на помилование, но если Уит Стоун поймет, что ему грозит тюрьма, то немедленно заключит сделку с обвинением.

— Президент, должно быть, с интересом будет следить за ходом суда,— сказал Харпер.

— Оправдание было бы ему очень на руку. В сущности, он прекрасно выдержал кризис, приняв во внимание все. Газеты очень снисходительно отнеслись к его связи с Донной. И поддержка миссис Уитмор очень помогла ему. Никаких свидетельств, что он знал об укрывательстве, нет. Может, и знал, но доказать это невозможно. Пока он виновен только в том, что завел любовную интрижку и слишком доверял кое-кому из друзей. Кампания об импичменте так и не началась. А если Эд Мерфи будет оправдан, многие сочтут это свидетельством того, что Уитмор не знал о происходящем.

— Но он пострадал как политик,— сказал судья.

— Это уж наверняка. Может быть, два года спустя он не выдвинет свою кандидатуру на второй срок. Но если это будут годы мира и процветания, он окажется в хорошей форме.

— Бен, ты, кажется, совершенно не испытываешь злобы.

— Я хотел добиться только честного расследования убийства Донны и добился. Уитмор, мне кажется, об укрывательстве знал, но доказать это нельзя. Я дал показания перед большим жюри и в комитете конгресса, повторю их на суде, и на этом конец. Теперь я только провинциальный адвокат.

Судья улыбнулся.

— При всенациональной известности, мой мальчик.

Нортон пожал плечами.

— Люди забывчивы.

— Только если позволяешь им забывать,— сказал судья.— Собственно говоря, Бен, я сегодня хотел обсудить с тобой одно политическое дело.

Нортон молча кивнул. Решил не спорить; если судья станет настаивать, он войдет в этот комитет. Занят у него будет лишь один вечер в месяц, а собрания бывали потешнее любой телепередачи.

— Боюсь, начать придется со скверных новостей,— сказал судья Харпер.— Джон Флэгг очень болен. Я разговаривал с ним вчера. Переизбрать его в этом году нет никакой возможности.

— Жаль,— сказал Нортон.— Хороший был конгрессмен.

— Да, конечно,— сказал судья.— Но теперь те из нас, кому небезразличны партийные дела, должны подыскать кандидата ему на смену.

Нортон рассмеялся.

— Судья, когда я последний раз выглядывал в окно, на ступенях здания суда стояло трое или четверо молодых юристов, полагаю, любой из них согласится баллотироваться. И кое-кто окажется неплох.

— Неплох — этого нам мало, Бен. Нам нужен человек, который будет служить в Вашингтоне безупречно, добьется превосходства и, возможно, при удобном случае станет сенатором. Кажется, я знаю, кто нам нужен. Единственная задача — убедить его, потому что иногда он бывает упрям.

— Не сомневаюсь, что убедите,— сказал Нортон.— Кто же этот счастливчик?

— Ты.

— Ч т о?— Нортон чуть не свалился со стула.

— Можешь не давать сейчас ответа, Бен.

— Я потрясен, судья. Я не кандидат даже в собаколовы, тем более в конгресс. И не так уж хорошо известен. Вернулся я меньше года назад.

— Ерунда. Ты один из самых известных людей в этой части штата. Многие помнят тебя еще школьником, и, конечно, недавняя слава напом-

нила им о твоем существовании. У меня нет ни малейшего сомнения, что тебя выдвинут и изберут. Вот только беспокоюсь, не будешь ли ты упрямиться.

— Может, и буду, судья. Мне нравится дома. Темп здесь помедленнее, чем в Вашингтоне, но жизнь хорошая. Вашингтон мне что-то не по душе.

— Это понятно,— сказал старик.— Но мы говорим о твоем возвращении туда в качестве конгрессмена. Независимым человеком. И трудно предсказать, куда может привести эта дорога. Ты баловень судьбы, Бен.

Нортон в нерешительности покачал головой.

— Я поговорю с Энни,— сказал он.— И завтра дам ответ.

Полчаса спустя Нортон вышел из своей конторы и стал огибать площадь. Миновал Национальный фермерско-торговый банк округа Венс, где лежала закладная на его новый дом, кафе «Белый дворец», где обедал за доллар двадцать пять центов с другими юристами, когда не ходил обедать домой, аптеку дока Хейса, одно из немногих оставшихся в мире мест, где можно было получить настоящее солодовое молоко, миновал заколоченный досками кинотеатр «Риальто», где в детстве смотрел по субботам Роя Роджерса, Джона Уэйна, Эббота и Костелло. Потом свернул на Оук-стрит и пошел мимо изящных викторианских домов с длинными верандами и громадными старыми деревьями, затеняющими их от солнца. В дни его юности на Оук-стрит жили городские лидеры — врач, банкир, три адвоката, судья Харпер, и Нортон летом стриг у них газоны, подрабатывая на карманные расходы.

Энни сидела за кухонным столом, уставясь на пишущую машинку. Нортон нагнулся и поцеловал ее.

— Как движется великий американский роман?— спросил он.

— Медленно,— сказала она.— Полдня ставлю запятую, потом полдня убираю ее.

Нортон засмеялся.

— Хорошо сказано.

— Знаю. Это Оскар Уайльд. Какие новости у тебя?

— Почти никаких. В школе просят, чтобы я выступил по случаю выпуска.

— Пойдешь?

— Наверно. От других выступлений я отказывался, но это моя альма-матер. Есть что-нибудь пожевать?

— Есть вчерашний цыпленок. Могу приготовить салат.

— Отлично,— сказал Нортон. Энни вышла за свежим салатом и шпинатом, а он тем временем накрыл стол, вынул цыпленка и налил обоим по стакану молока.

— В салате опять завелись жучки,— объявила, возвратясь, Энни.

— Кстати, о жучках,— сказал Нортон.— Сегодня утром звонил Гейб Пинкус. Из Сингапура.

— Нашел он, что хотел?

— Пытался. Во всяком случае, он напал на горячий след досье Гувера и хотел посоветоваться со мной по поводу теории, что его похитил бывший партнер Уита Стоуна. Я сказал, что теория его нелепа, и теперь он считает меня участником заговора. В будущем месяце он может приехать к нам.

— Я на порог его не пущу.

— Он сочтет тебя антисемиткой. Слушай, съешь последнюю цыплячью ножку?

— Ешь сам.

— Спасибо.— Он взял ножку, откусил и отложил ее.— Послушай, Энни, сегодня у меня было серьезное дело. Судья Харпер нанес мне визит. Сказал, что конгрессмен Флэгг болен и больше не будет баллотироваться. А потом предложил баллотироваться мне. Он считает, что я могу победить.

Энни выронила вилку и уставилась на мужа.

— Что ты ему ответил?

— Что мне нужно подумать и поговорить с тобой.

— И что ты надумал?

— Пока не знаю. Я еще не опомнился.

— Но тебе этого хочется?

— Конечно, кто бы не хотел. Только...

— Что только?

— Я подумал, что мы решим это по-своему. Не станем участвовать в этих крысиных гонках. Будем жить спокойно. Это не так уж плохо. Может, здесь и скучновато, но развлечений у нас было достаточно, правда?

— Конечно, достаточно.

— Кажется, я уже изгнал политику из своей системы. Прошлый вечер я читал на крыльце биографию Джефферсона и пропустил новости. Совершенно не интересовался, что скажет Уолтер Кронкайт. Даже не вспомнил о нем. Это — достижение.

— Я застряла на середине романа,— сказала Энни.— Если ты уйдешь в политику, я никогда его не допишу.

— И нашим детям будет прекрасно расти в таком маленьком городке. Вашингтон — не место для детей.

— Не место и для взрослых.

— Было бы безумием пробиваться в конгресс,— сказал он.— Я знаю, как это дается. Наш дом бы распался. Наши дети превратились бы в чудовищ. Было бы полнейшим сумасшествием. Об этом не может быть и речи.

— Ни слова.

Нортон засмеялся и допил молоко.

— Даже смешно. Люди моего возраста по всей Америке лгут, плетут интриги и готовы заложить душу за такую возможность, а я отказываюсь от нее.

— Ты умнее их.

— Мне повезло,— сказал он.— У меня прекрасная жена, и я веду хорошую жизнь в славной, тихой, законопослушной общине, я вышел из этих крысиных гонок, и было бы безумием променять эту жизнь на политику.

— Значит, ты уже все решил?

— Бесповоротно. Завтра скажу судье.

С минуту они сидели молча. Нортон смотрел в окно на далекие холмы, Энни смотрела на него.

— Знаешь, что я думаю?— сказала она наконец.

— Что?

— Ты лицемер.

— Как?

— Бен Нортон, ты знаешь, что хочешь баллотироваться в конгресс. Наверно, с шестилетнего возраста.

— Я сказал, что такое искушение было. Но Вашингтон...

— Вашингтон — грязный, опасный, алчный, продажный и лицемерный.

— Да.

— Но там делаются дела.

Нортон захлопал глазами и уставился в окно.

— И наше место там,— сказала Энни.— Потому что мы вашингтонцы.

— Ну его к черту.

— Это наркотик. Хуже азартных игр. Хуже никотина. Он входит в кровь. Ты не избавился от него, потому что однажды вечером пропустил Уолтера Кронкайта. Бен, здесь ты сходишь с ума. Я вижу это каждый вечер, когда ты возвращаешься с тусклым взглядом и мямлишь, чья корова забрела на чье пастбище. И я тоже схожу с ума. Я знаю, что Билл Доусон — твой самый старый и лучший друг, но если мне еще хоть раз придется играть в бридж с ним и его спятившей женой, я уйду от тебя. В Вашингтоне люди продажные и лицемерные, но они редко бывают скучными.

— Я понимаю, Билл скучен. Но я знаю его тридцать лет. Он бы отдал мне последнюю рубашку.

— И костюм двойной вязки? Бен, неужели ты не знаешь, что домой возврата нет? Не читал Томаса Вулфа? Или если возвращаешься, это уже не дом, а грязный захолустный городишко, и вскоре ты начинаешь вспоминать, почему покинул его.

Нортон уныло кивнул.

— Знаешь, что произошло на прошлой неделе? Я не хотел тебе говорить. Миссис Коуэн, школьная учительница, пришла и сказала, что не понимает, почему платит процентную ставку за свою новую машину. Короче говоря, я выяснил, что банк и торговец автомобилями заключили сделку и при покупке в кредит надувают покупателя долларов на двести, потом делят их пополам. Конечно, если станешь жаловаться, они заявят, что это случайная ошибка.

— И что ты намерен предпринять?

— Я поговорил с Биллингсли, президентом банка, естественно, он сказал, что это недоразумение, и очень возмутился моим предположением, будто он может участвовать в чем-то недостойном. Но суть в том, Энни, что Биллингсли, наш президент банка, наш церковный староста, наш сосед по Оук-стрит,— такой же мошенник, как Уит Стоун. Или мечтает стать таким же.

— Если хочешь посвятить жизнь борьбе с такими мошенниками, ты с таким же успехом можешь делать это и в Вашингтоне.

— Да,— сказал он.— Я хотел вернуться домой, сделать попытку. Хотел пустить корни.

— Зачем тебе корни? Ты не репа. Будь перекати-полем, малыш, и ни за что не цепляйся. Возможно, когда-нибудь ты станешь президентом.

— Энни, пожалуйста, не говори этого. Даже в шутку.

— А кто шутит? Я буду пилить тебя, пока ты не окажешься в Белом доме.

— Послушай, Энни, кроме шуток, если я попаду в конгресс, то не хочу задумываться о сенате, Белом доме и прочем. Хочу только добросовестно работать, получать хорошие назначения в комитеты и приносить пользу своему округу. Конгресс будет большим испытанием. Это уже не черно-белая либерально-консервативная чушь. Дела очень сложны. Как быть с энергетическим кризисом? Как быть с экономикой? Кто-то должен предложить ответы.

— Бен,— сказала Энни.— Я буду работать на тебя. Я буду заполнять для тебя избирательные урны, я буду «отмывать» для тебя деньги, но будь я проклята, если стану слушать твои речи.

Нортон принялся расхаживать по кухне.

— Извини,— сказал он.— Но эти мысли меня взбудоражили.

Энни встала и, пока он ходил, убрала посуду.

— У меня есть идея,— сказала она.

— Какая?

— Если у тебя нет срочных адвокатских дел, можно подняться в спальню и попытаться успокоить тебя.

— Идея прекрасная,— сказал Нортон.

— Их у меня миллион,— ответила Энни, взяла его за руку и повела наверх.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

О СЕБЕ РАССКАЗЫВАЕТ ХУДОЖНИК ГЕННАДИЙ НОВОЖИЛОВ, ИЛЛЮСТРИРОВАВШИЙ РОМАН ПАТРИКА АНДЕРСОНА «ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА»

Об английском поэте Томасе Элиоте говорилось, что все им написанное вдохновлено несколькими исключительными по силе видениями, явившимися ему еще в юности.

Так было со многими художниками. А в моем детстве «исключительными по силе видениями» были левитановская «Золотая осень», синие лесные дали за Волоколамском и картинки в книгах.

Родился в 1936 году. Москвич. Учился в московской средней художественной школе. Курсы при киностудии «Союзмультфильм», затем работа художником-мультипликатором и художником-постановщиком на «Союзмультфильме», «Грузия-фильме», «Мосфильме». Фамилия в титрах 20 фильмов.

Однако любовь к иллюстрации перетягивает, и потому за 30 лет тьма рисунков в 30 редакциях журналов. Более 200 проиллюстрированных книг. Вначале делал, что давали. Набрав опыта, осмеливаюсь рисовать и к русской классике, и к современным хорошим писателям и поэтам.

Очень люблю многих зарубежных мастеров, а все же сердце больше лежит к национальной школе живописи. Левицкий, Тропинин, Поленов, Репин, Валентин Серов, Нестеров — кто может быть лучше!

Однажды меня спросил молодой, но уже имевший жену и двух детей художник: «Обязан ли я ходить в магазин за картошкой, раз я художник?» Мне кажется, если художник будет считать себя обязанным уметь все, что умеет любой нормальный человек, то будет просто великолепно. Нашему брату, стремящемуся смолоду стать «свободным художником», не стоит забывать, что, став таковым, он, как солдат, расстается с этой самой «свободой» навсегда.

Многое хотелось бы еще сделать. Суеверные люди часто начинают говорить так: «Если мне суждено, то...»

Очень хочется, чтобы это было... суждено.

Жорж СИМЕНОН

РОМАН

Рисунки
Валерия КАРАСЕВА

МЕГРЭ И ЕГО МЕРТВЕЦ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Прошу прощения, мадам...— Лишь сейчас комиссару Мегрэ удалось прервать свою словоохотливую посетительницу.— Теперь вы говорите, якобы ваша дочь исподтишка вас отравляет.

— Сущая правда.

— Но минуту назад вы категорично заявляли, будто это ваш зять, незаметно подойдя к горничной, влил яд не то вам в кофе, не то в настой ромашки...

— Сущая правда.

— А между тем...— Мегрэ взглянул или сделал вид, что разглядывает записи, сделанные во время беседы, продолжавшейся более часа.— Между тем сначала вы утверждали, что ваша дочь и ее муж не переваривают друг друга.

— И это правда, господин комиссар.

— И они сговорились убить вас?

— Да нет же! Дело вот в чем... Они независимо друг от друга пытаются меня уничтожить. Понимаете?

— И ваша племянница Рита?

— И она тоже. Независимо от остальных.

На дворе стоял февраль. Погода выдалась ясная, солнечная. Порой дождем проливались плывущие в небе пушистые облака. Однако со времени появления в кабинете у него гостьи Мегрэ трижды подкладывал дрова в камин, последний камин в управлении уголовной полиции, который с таким трудом удалось отстоять комиссару, когда в доме на набережной Орфевр устанавливали центральное отопление.

В норковой шубе, черном шелковом платье, вся в брильянтах — драгоценности сверкали в мочках ушей, на груди, шее, запястьях, как у цыганки,— гостья, видно, обливалась потом. Она и вправду походила скорее на цыганку, чем на светскую даму. Яркий грим начал шелушиться и осыпаться.

— Словом, вас пытаются отравить сразу три человека.

— Не просто пытаются... Они уже принялись за дело.

— И вы предполагаете, что делают они это без ведома друг друга?

— Не только предполагаю, я в этом уверена.— Дама говорила с тем же румынским акцентом, какой был у знаменитой актрисы, выступавшей в театрах на Бульварах, и с такой же страстностью, всякий раз заставлявшей Мегрэ вздрагивать.

— Я в своем уме... Вот, прочтите... Вы, наверное, знаете профессора Тушара? Когда идет какой-нибудь важный процесс, его всегда приглашают экспертом.

Она все предусмотрела, даже не забыла проконсультироваться у самого известного в Париже специалиста по душевным болезням и получить у него записку, подтверждающую ее вменяемость!

Оставалось лишь одно — терпеливо ждать, время от времени записывая в блокнот несколько слов, чтобы ублажить гостью. У нее была рекомендация министра, тот лично позвонил начальнику управления полиции. Муж дамы, умерший несколько недель назад, был государственным советником. Жила она на улице Пресбур, в одной из каменных громад, выходящих одним фасадом на площадь Звезды.

— Что же касается моего зятя, то дело обстоит следующим образом... Я изучала этот вопрос... Я несколько месяцев наблюдала за ним...

— Выходит, он начал свою деятельность, когда был еще жив ваш муж?

Дама показала обстоятельно начерченный план второго этажа своего дома.

— Моя комната обозначена буквой «А». Комната моей дочери и ее мужа — буквой «Б»... Но уже некоторое время Гастон там не спит.

Телефон. Наконец-то Мегрэ получил небольшую передышку.

— Алло... Кто говорит?

Обычно диспетчер соединял с ним лишь в крайних случаях.

— Простите, шеф... Некий господин, не желающий назваться, хочет непременно поговорить с вами... Он говорит: это вопрос жизни и смерти.

— И он намерен поговорить со мной лично?

— Да... Соединить его с вами?

Тут Мегрэ услышал взволнованный голос:

— Алло... Это вы?

— Да, я комиссар Мегрэ.

— Простите... Мое имя вам ничего бы не сказало, но вы знали мою жену Нину... Вы слушаете? Я должен рассказать вам как можно быстрее. Он может появиться здесь каждую минуту...

«Ну и ну!— подумал было Мегрэ.— Еще один тронутый. Вот день выдался».

Он заметил, что лунатики попадаются пачками, словно бы находясь под воздействием определенных фаз Луны. Как-нибудь надо заглянуть в календарь.

— Сначала я хотел повидать вас... Походил по набережной Орфевр, но войти побоялся. Он преследовал меня по пятам. По-моему, ему ничего б не стоило выстрелить...

— О ком вы говорите?

— Минуточку... Я поблизости... Напротив вашего управления. Совсем недавно ваше окно видел... Набережная Августинцев... Небольшое кафе под названием «Подвалы Божоле» знаете? ...Я только что зашел в телефонную будку... Алло... Вы слушаете?

Было десять минут двенадцатого. Мегрэ по привычке отметил на листке время, потом записал название кафе.

— Я взвесил все возможные варианты... Обращался к полицейскому на площади Шатле.

— Когда?

— Полчаса назад... Один из этих людей шел за мной по пятам... Невысокий, темноволосый... Их несколько, они меняют друг друга... Не уверен, что сумею опознать их всех... Знаю, что низенький брюнет из их шайки.

Молчание.

— Алло,— произнес Мегрэ.

Молчание продолжалось еще несколько мгновений, затем голос стал слышен вновь.

— Извините... Кто-то вошел в кафе, я подумал: это он... Открыл дверь телефонной кабины, чтоб посмотреть. Оказалось, это просто рассыльный... Алло!..

— Что вы сказали полицейскому?

— Сказал, что несколько человек преследуют меня со вчерашнего вечера... Точнее, со второй половины дня... Что они явно ищут возможность убить меня... Просил арестовать типа, который шел позади.

— Полицейский отказался?

— Он велел мне показать того человека. Я попробовал было это сделать, но не смог его отыскать... Поэтому полицейский мне не поверил... Я воспользовался случаем и спустился в метро... Вскочил в вагон, как только поезд тронулся... Прошел по всем переходам... Вышел напротив большого универмага возле ратуши и прошел по всем магазинам...

Бедняга, видно, шел быстро, если не бежал: голос у него был хриплым и отрывистым.

— Вот о чем я вас прошу. Поскорей отправьте детектива в штатском. В кафе «Подвалы Божоле»... Он не должен со мной разговаривать... И вообще обращать внимания... Я выйду из кафе... Тогда тот малый почти наверняка последует за мной... Вы его арестуйте, я приду к вам и все выложу.

— Алло!

— Я говорю, что...

Молчание. Какая-то возня.

— Алло!.. Алло!..

Связь оборвалась.

— Я вам говорила...— как ни в чем не бывало продолжила свою историю об отравлении пожилая дама, увидев, что комиссар повесил трубку.

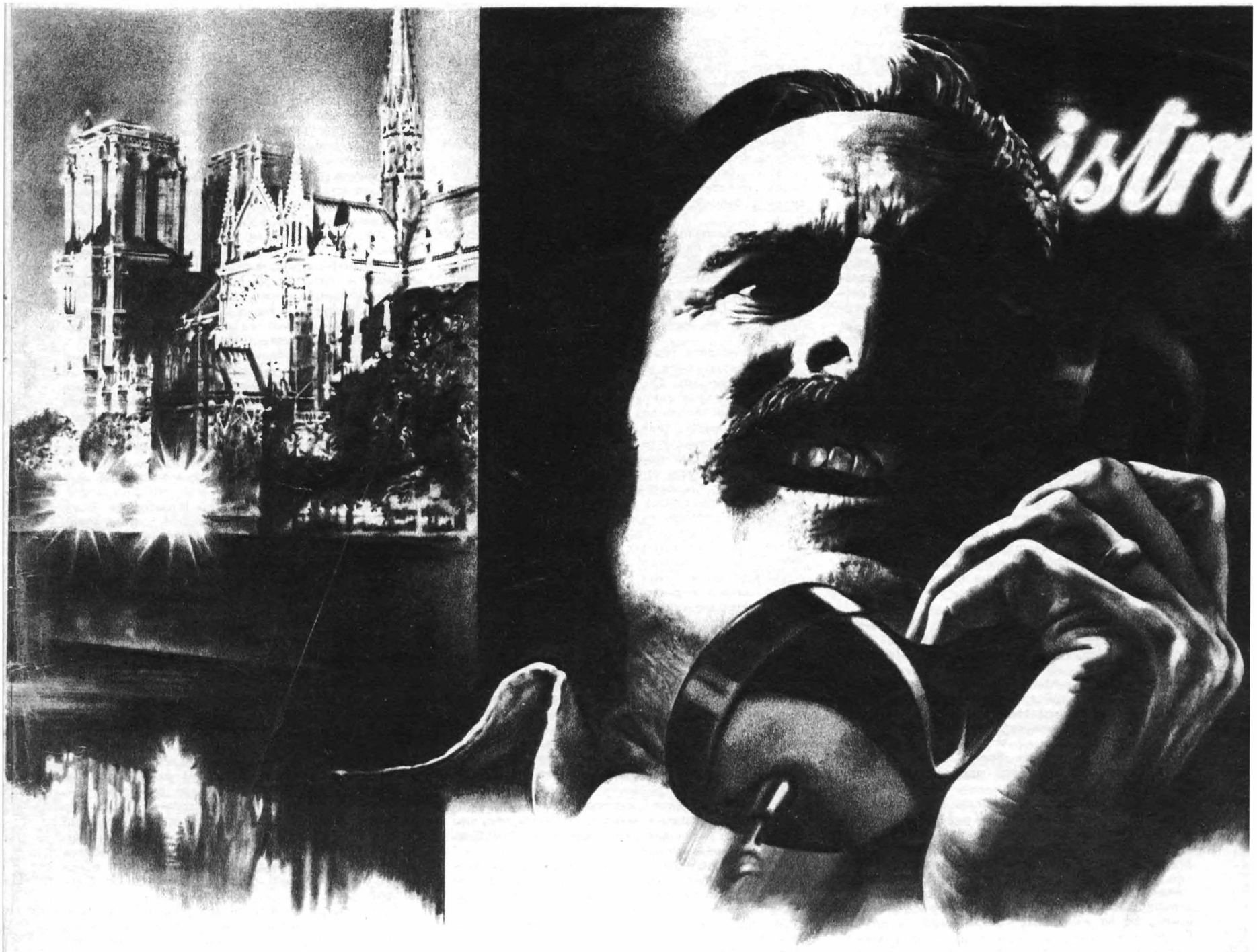
— Одну минуту, с вашего позволения.— Мегрэ открыл дверь, ведущую в дежурное помещение.

— Жанвье. Надень шляпу и бегом на набережную Августинцев. Там есть небольшое кафе «Подвалы Божоле». Спроси, там ли еще тот парень, который только что звонил.

Комиссар снова снял трубку.

— Соедините меня с кафе «Подвалы Божоле».

Одновременно он выглянул в окно и на другом берегу Сены, где к набережной Августинцев примыкает парапет моста Сен-Мишель, увидел узкий фасад неказистого бистро, куда иногда захаживал, чтобы выпить у стойки стаканчик вина. Вспомнил, что надо спуститься на ступеньку вниз,



что в помещении прохладно и что на владельце, как на всех кабатчиках, надет черный фартук.

Вход загораживал стоявший перед кафе грузовик. Прохожие обходили его по мостовой.

— Видите ли, господин комиссар...

— Прошу прощения, мадам!— По-прежнему глядя в окно, Мегрэ стал старательно набивать трубку.

Эта старуха со своими россказнями отнимет у него все утро, если не больше. Принесла с собой груду каких-то бумаг, планов, свидетельств, даже анализы пищи, которые сделал ей аптекарь.

— У меня всегда были подозрения, вы понимаете?

От посетительницы исходил густой, удушливый аромат духов, наполнявший помещение и совершенно заглушавший запах трубочного табака.

— Алло! Вам еще не удалось связаться?

— Я пытаюсь, шеф... Но номер постоянно занят... Если только трубка не снята.

В одной рубашке, без пиджака, Жанвье расхлябанной походкой перешел мост и сразу направился в бистро. Грузовик отъехал, но внутри кафе все равно было слишком темно. Прошло еще несколько минут. Затем зазвонил телефон.

— Все в порядке, шеф. Телефон работает.

— Алло!.. Кто говорит? Это ты, Жанвье?.. Трубка была снята?.. Ну?..

— В общем, тут говорил по телефону невысокий мужчина.

— Ты его видел?

— Нет. Когда я пришел, его уже не было. Видно, он все время глядел в окно кабины и открывал дверь.

— А потом?

— Вошел какой-то тип, посмотрел на телефон и заказал у стойки стакан аперитива. Как только первый заметил его, то сразу же оборвал разговор.

— Они оба вышли из кафе?

— Да, друг за другом.

— Попроси хозяина как можно подробнее описать их обоих... Алло!.. Возвращайся через площадь Шатле... Расспроси всех постовых полицейских... Выясни, не обращался ли к кому-нибудь из них минут сорок назад этот парень с просьбой арестовать человека, который его преследует.

Когда Мегрэ повесил трубку, старуха, одобрительно поглядев на него, произнесла так, словно ставила ему хорошую отметку:

— Именно так и надо вести расследование. Вы времени зря не тратите. Ничего не упускаете из виду.

Мегрэ со вздохом сел. Он хотел было открыть окно: в натопленной комнате становилось душно,— но решил не упустить случая спровадить министерскую протеже.

Обен-Васконселос. Такова была ее фамилия. Она надолго врéзалась ему в память, хотя Мегрэ больше не видел эту даму. Умерла ли она вскоре? По-видимому, нет. Иначе бы он узнал об этом. Не следовало ли ее изолировать? Возможно, не найдя поддержки со стороны полиции, она обратилась в какое-нибудь частное агентство? А может, на другой день у нее появилась какая-то другая мания?

Как бы то ни было, пришлось битый час слушать россказни о всех обитателях того огромного мрачного дома на улице Пресбур, которые только и думали с утра до вечера, как бы отравить старуху.

В двенадцать часов он наконец открыл окно и с трубкой в зубах вошел в кабинет начальника уголовной полиции.

— Отделались от нее деликатно?

— По возможности.

— Помнится, в свое время она была одной из красивейших женщин в Европе. Я немного знал ее мужа. Это был самый мягкий, самый бестолковый и самый нудный человек, какого только можно представить. Вы идете, Мегрэ?

Тот заколебался. На улицах чувствовалось чуть слышное дыхание весны. В кафе «Дофин» столы уже были вынесены на террасу, и поэтому замечание начальника Мегрэ воспринял как приглашение сходить пропустить перед обедом рюмку аперитива.

— Пожалуй, я останусь. Утром мне был странный звонок.

Он хотел было рассказать подробнее, но тут задребезжал телефон. Начальник снял трубку, потом протянул Мегрэ.

Инспектор сразу же узнал голос. В нем было еще больше отчаяния, чем утром.

— Алло!.. Нас только что прервали... Он вошел... Он мог услышать через дверь кабины. Я испугался...

— Где вы?

— В кафе «Таба де Вог» на углу площади Вог и улицы Свободного гражданина... Я попробовал оторваться от него... Не знаю, удалось ли... Клянусь, он попытается убить меня... Объяснять слиш-

ком долго... Я подумал: другие, верно, подымут меня на смех, но вы...

— Алло?

— Он здесь... Я... Извините...

Начальник управления поглядел на Мегрэ. Тот криво улыбался.

— Что-нибудь случилось?

— Право, не знаю... Какая-то нелепая история... Не возражаете?..

Мегрэ снял трубку другого аппарата.

— Немедленно соедините меня с «Таба де Вог»... Да, владельца...— Обратившись к начальнику, комиссар добавил: — Если только на этот раз он не забыл повесить трубку!

Телефон зазвонил почти тотчас.

— Алло! «Таба де Вог»? Я разговариваю с владельцем?.. Посетитель, который только что звонил, все еще у вас?.. Что такое?.. Да, сходите и выясните... Алло! ...Только что ушел? ...Он расплатился? ...Скажите, входил ли кто-нибудь еще, когда он разговаривал по телефону? ...Нет? ...На террасу? ...Посмотрите, там ли он еще? ...Не дождавшись выпивки, которую заказал?.. Благодарю... Нет... Кто интересуется, вы говорите? ...Полиция... Нет, не беспокойтесь...

И тут Мегрэ решил не идти с шефом в кафе «Дофин». Когда он открыл дверь дежурной комнаты, то увидел Жанвье. Тот успел вернуться и ждал его.

— Зайди ко мне. Рассказывай.

— Это довольно странный тип... Невысокий, в плаще, серая шляпа, черные туфли... Ворвался в кафе «Подвалы Божоле» и кинулся к телефонной будке, крикнул при этом хозяину: «Плесните мне чего-нибудь...» В окно кабины кабатчик видел, как тот возбужденно размахивал руками... Потом, когда вошел другой, первый выскочил, как пробка, не успев ничего ни выпить, ни сказать, и кинулся в направлении площади Сен-Мишель.

— А второй?

— Тоже низенький... То есть не очень высокого роста, плотный, такой чернявый...

— А как обстоит с полицейским на площади Шатле?

— Так все и было... Малый в плаще подходил к нему, запыхавшийся и крайне возбужденный. Отчаянно жестикулировал, просил арестовать кого-то, кто его преследует, но в толпе опознать никого не смог.

— Ступай на площадь Вог, в табачную лавку на углу улицы Свободного гражданина.

— Хорошо.

Невысокий человек в бежевом плаще и серой шляпе, у которого привычка размахивать руками. Вот почти все, что о нем известно. Оставалось лишь одно: стоять у окна и разглядывать толпу народа, хлынувшую из учреждения, заполняя кафе, террасы, рестораны. Париж выглядел оживленным и веселым. Как это всегда бывает в середине февраля, ощущалось первое дыхание весны, более желанное, чем в самый ее разгар. Скоро все газеты сообщат, что расцвел знаменитый каштан на бульваре Сен-Жермен. Мегрэ позвонил в кафе «Дофин».

— Алло, Жозеф? ...Это Мегрэ... Не пришлешь мне кружку пива и бутербродов?.. Да, на одного.

Прежде чем успели принести бутерброды, ему снова позвонили. Мегрэ тотчас узнал голос: комиссар распорядился, чтобы диспетчер соединил с ним, ни секунды не мешкая.

— Алло!.. На этот раз, кажется, я от него отделался...

— Кто вы?

— Муж Нины... Это неважно... Их по крайней мере четверо, не считая женщины... Пусть кто-нибудь сию же минуту придет и...

На сей раз собеседник не успел сообщить, откуда он звонит. Мегрэ связался с коммутатором. Но на это ушло несколько минут. Звонили из «Четырех сержантов из Ляроше́ли», ресторана на бульваре Бомарше, неподалеку от площади Бастилии.

Это было также недалеко и от площади Вог. По существу, можно было проследить маршрут, которым двигался по району этот невысокий человечек в плаще.

— Алло, это ты, Жанвье?.. Я так и подумал, что ты еще здесь...

Мегрэ звонил ему на площадь Вог.

— Живо ступай в кафе «Четыре сержанта из Ляроше́ли»... Да, такси не отпускай...

Прошел час. Ни звонка, ни вестей от «Нининого мужа». Зазвонил телефон, но это был официант из кафе.

— Алло! Я разговариваю с комиссаром Мегрэ?.. С самим Мегрэ?.. Я официант кафе «Бираг» на улице Бираг... Я по поручению клиента, он попросил меня позвонить вам...

— Давно?

— Примерно четверть часа назад... Мне следовало бы позвонить сразу, но у нас такой наплыв...

— Невысокий человек в плаще?

— Да... Хорошо... А то я боялся: меня разыгрывают... Похоже, он очень спешил... Все время глядел на улицу... Минутку, сейчас точно припомню... Он велел мне передать, что попробует провести своего спутника в «Пушку Бастилии»... Знаете, где это? Это пивная на углу бульвара Генриха IV... Он хотел, чтобы вы прислали кого-нибудь как можно скорее... Минутку... Было что-то еще... Вы, наверно, поймете... Вот его точные слова: «Человека сменили... Теперь это здоровенный, рыжий, самый опасный из всех...»

Мегрэ отправился туда сам. До площади Бастилии добрался на такси раньше чем через десять минут. Это было просторное, спокойное заведение, посещаемое чаще всего завсегдатаями, которые заказывали дежурное блюдо или холодное мясо. Поискав взглядом человека в плаще, посмотрел на вешалки, надеясь увидеть бежевый плащ.

— Послушайте, гарсон...

Не считая кассира и хозяина, в кафе было шестеро официантов. Он опросил их всех: интересующее его лицо никто из них не заметил. Тогда комиссар расположился в углу возле двери и заказал полпинты пива, в ожидании потягивая трубку. Полчаса спустя, хотя он и съел свои бутерброды, заказал еще порцию капусты и принялся разглядывать прохожих. Всякий раз, заметив плащ, он вздрагивал. А в плащах были многие: уже в третий раз за день шел дождь, мелкий грибной дождь, не мешавший светить солнцу.

— Алло!.. Полицейское управление?.. Говорит Мегрэ... Жанвье вернулся?.. Соедините меня с ним... Это ты, Жанвье?.. Хватай такси и кати в «Пушку Бастилии»... Как ты выражаешься, сегодня, видно, выдался ресторанный день... Буду тебя ждать... Нет, ничего нового...

Если человечек, размахивающий руками, их разыгрывает, дело плохо. Мегрэ оставил Жанвье в «Пушке Бастилии», а сам на том же таксомоторе вернулся к себе в кабинет.

Маловероятно, чтобы мужа Нины убили после половины первого. Туда, где нет народу, он, похоже, не забирался, а, наоборот, выбирал оживленные улицы и людные кварталы. Но на всякий случай комиссар связался с отделом, который занимался чрезвычайными происшествиями и постоянно находился в курсе всего, что происходит в городе.

— Если вам станет известно, что с человеком в плаще произошло какое-нибудь несчастье, что он оказался замешанным в драку или что-нибудь вроде этого, позвоните...

Мегрэ также позаботился, чтобы в его распоряжении оставили автомобиль. Возможно, все это ни к чему, но он решил не пренебрегать ни одной мелочью.

Он принимал посетителей, выкуривая одну трубку за другой. Окно оставалось открытым. Мегрэ с укоризной поглядывал на телефон, продолжавший молчать.

«Вы встречали мою жену...»— говорил тот человек.

Мегрэ машинально попытался вспомнить женщину по имени Нина. Должно быть, ему попадалась не одна. Несколько лет назад он знавал некую Нину, содержавшую небольшое бистро в Канне, но та была в летах и теперь наверняка умерла. У жены есть племянница по имени Алина, которую все зовут Ниной.

— Алло!.. Комиссар Мегрэ?

Было четыре часа дня, но Мегрэ успел включить настольную лампу с зеленым абажуром.

— Говорит почтмейстер 28-го почтового отделения на улице предместья Сен-Дени... Простите за беспокойство... Возможно, это просто розыгрыш... Несколько минут назад к окошку заказных бандеролей подошел клиент... Алло!.. Он, похоже, очень торопился, выглядел испуганным. Так сказала мне моя служащая, мадемуазель Данфер... То и дело оглядывался... Сунул ей листок... И сказал: «Не старайтесь ничего понять... Срочно позвоните комиссару Мегрэ и передайте вот это сообщение...» А потом исчез в толпе.

Служащая обратилась ко мне... Этот листок лежит передо мной... Написано карандашом, коряво́м почерком... Человек, видно, царапал на ходу. Вот текст... «Я не смог пойти в «Пушку...». Вы понимаете, что это значит? Я нет... Но это неважно... Потом... одно слово я не могу разобрать... «Теперь их двое... черный вернулся». Я не уверен, что написано «черный»... Что вы сказали? Хорошо, раз вы считаете, что так и должно быть... Тут еще что-то написано... «Я уверен: они решили меня прикончить сегодня... Иду к набережной... Но они хитры... Предупредите полицию...».

Это все... Если угодно, я пришлю вам записку с посыльным... На такси?.. Ладно... При условии, что платите вы...

— Алло? Жанвье?.. Можешь возвращаться, старина...

Полчаса спустя оба сидели и курили в кабинете Мегрэ, где в камине тускло алел уголек.

— Надеюсь, улучил время пообедать?

— Съел порцию капусты в «Пушке...».

Точь-в-точь, как сам Мегрэ! Между тем тот успел заменить своими людьми всех патрульных — мотоциклистов и постовых полицейских. Парижане, которые валом валили, заполняя универмаги, толкались, врываясь в кинотеатры и станции метро, ничего не заметили, а между тем сотни глаз внимательно изучали толпу, вглядываясь в каждый бежевый плащ, каждую серую шляпу.

Часов в пять, когда в районе Шатле народу было особенно много, снова пошел дождь. Мостовые блестели, вокруг фонарей возник ореол, и каждые десять метров можно было видеть прохожих, останавливающих такси.

— По словам хозяина «Подвалов Божоле», ему лет тридцать пять — сорок... Владелец табачной лавки «Вог» считает — около тридцати... У него бритое лицо, румяные щеки, светлые глаза. А что за человек, выяснить не сумел... Мне сказали: «Такие, как он, встречаются на каждом шагу».

В шесть часов позвонила мадам Мегрэ, угощавшая ужином сестру. Она желала удостовериться, что муж не задержится, и попросила зайти по пути в кондитерскую.

— До девяти подежуришь? Я попрошу Люка сменить тебя.

Жанвье охотно согласился. Оставалось одно — ждать.

— Если что, звякни мне домой...

Мегрэ не забыл заглянуть в кондитерскую на Республиканском проспекте, единственное, по мнению мадам Мегрэ, заведение, где можно достать хорошие пирожные. Поцеловал свояченицу, от которой всегда пахло лавандой. Пообедали втроем. Он выпил рюмку кальвадоса. Прежде чем проводить Одетту до метро, позвонил в управление.

— Люка?.. Что нового?.. Ты еще в моем кабинете?

Люка, должно быть, сидел в кресле самого Мегрэ, положив ноги на стол.

— Ну, валяй, старина... Доброй ночи.

Когда Мегрэ возвращался от станции метро, на бульваре Ришар-Ленуар было безлюдно. Тишину нарушали лишь его собственные шаги. Послышался стук каблуков. Вздрогнув, комиссар невольно оглянулся, подумав о том человеке, который, возможно, в эту самую минуту мечется по улицам, сторонясь темных закоулков и в поисках хоть какой-то защиты забегая в бары и кафе.

Уснул Мегрэ раньше жены — по крайней мере так она утверждала, как утверждала также, будто он храпит. Когда зазвонил телефон, будильник, стоявший на прикроватной тумбочке, показывал двадцать минут третьего. На проводе был Люка.

— Возможно, я зря вас беспокою, шеф... Мне самому еще мало что известно... Дежурный отдела происшествий только что сообщил, что на площади Согласия обнаружили убитого... Возле набережной Тюильри... Делом занимается первый округ... Я попросил ребят оставить все как было... То есть как? Хорошо... Если вам угодно... Я пришлю такси...

Мадам Мегрэ вздохнула, увидев, что муж натягивает брюки и ищет сорочку.

— Как думаешь, это надолго?

— Не могу сказать.

— Неужели нельзя было послать какого-нибудь сержанта?

Когда муж открыл буфет, стоявший в столовой, мадам Мегрэ поняла, что тот собирается налить себе рюмку кальвадоса. Затем он вернулся еще раз: забыл свои трубки.

Такси уже ждало его. Большие бульвары были почти пустынны. Над зеленоватым куполом Оперы плыла огромная, ярче обыкновенного, луна.

На площади Согласия, возле сада Тюильри, у тротуара стояли два автомобиля, рядом двигались какие-то темные фигуры.

Едва Мегрэ вышел из такси, как тотчас увидел бежевый плащ, темным пятном выделявшийся на серебристой мостовой.

Расступились облаченные в пелерины полицейские, навстречу комиссару вышел инспектор из первого округа.

— Это был не розыгрыш... Доконали-таки они его!

Со стороны Сены, протекавшей поблизости, доносился прохладный плеск воды, от улицы Ройяль к Елисейским полям бесшумно мчались так-

си. В ночной тьме над рестораном Максима горели алые буквы вывески.

— Заколот ножом, господин комиссар,— констатировал инспектор Лекё, старинный знакомец Мегрэ.— Мы не вынимали, ждали вас.

Отчего же у Мегрэ тотчас возникло чувство, будто тут что-то не так?

Площадь Согласия, над которой вознесся белый Обелиск, слишком обширна, слишком заносчива, слишком на виду. Все это не увязывалось с утренними телефонными звонками, с кабачком «Подвалы Божоле», лавкой «Таба де Вог» и кафе «Четыре сержанта», что на бульваре Бомарше.

До самого последнего зова о помощи, записки, сунутой в окошечко почтовой конторы в предместье Сен-Дени, человек этот держался района с узкими людными улочками.

Мог ли человек, которого преследуют, который знал, что по пятам за ним движется убийца, и каждую минуту ожидал удара, мог ли такой человек очутиться на широком открытом пространстве площади Согласия?

— Вот увидите, выяснится, что убит он был не здесь.

Слова Мегрэ подтвердились час спустя, когда принес свой рапорт сержант Пьебеф, дежуривший у ночного клуба на улице Дуэ.

Перед клубом остановился автомобиль, в котором находились двое мужчин в смокингах и две женщины в вечерних платьях. Все четверо были в веселом расположении духа и немного «под мухой», особенно один из мужчин. Когда его спутники ушли, он вернулся.

— Послушайте, сержант... Не знаю, правильно ли я делаю, что рассказываю это вам, ведь я вовсе не хочу, чтобы нам испортили вечер... Да уж куда ни шло!.. Поступайте, как найдете нужным... Когда мы проезжали площадь Согласия, впереди нас остановился автомобиль... Я сидел за рулем и притормозил, решив, что у того забарахлил двигатель... Из автомобиля что-то вытащили и положили на мостовую... По-моему, это был труп...

Желтый «ситроен» с парижским номером. Две последние цифры «3» и «8».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда же именно в управлении уголовной полиции убитого стали называть «мертвецом комиссара Мегрэ»? Пожалуй, с первой же их встречи в ту ночь на площади Согласия, если только это можно назвать встречей. Во всяком случае, инспектора Лекё поразило отношение комиссара к убитому. Трудно сказать определенно, почему оно было несколько необычным, это отношение. Насильственная смерть, самые неестественные позы трупов — для полицейских зрелище привычное. Все это ими воспринимается с профессиональным равнодушием, если не сказать, шутливостью. Так ведут себя студенты-медики, очутившись в больничной палате. Более того, Мегрэ, похоже, не был поражен в обычном смысле слова.

Почему он, против обыкновения, не начал, к примеру, с осмотра? Комиссар, стоявший среди полицейских в форме, сперва сделал несколько затяжек. Разговаривая с Лекё, время от времени он поглядывал на молодую даму в мохеровом платье и норковой шубке, только что вышедшую из автомобиля в сопровождении двух мужчин. Вцепившись в руку одного из спутников, она словно бы еще чего-то ждала.

Лишь спустя некоторое время комиссар медленно приблизился к распростертому телу в плаще, так же медленно склонился над ним. Словно это его друг или родственник, рассказывал позднее Лекё.

Когда Мегрэ выпрямился, лицо у него было хмурое, сердитое. Словно бы обвиняя присутствующих, он произнес:

— Кто это сделал?

Определить, чем были нанесены удары — кулаками или ногами,— было невозможно, но не то до того, как несчастный был заколот, не то после, его жестоко били: губа была рассечена, а лицо распухло, став почти неузнаваемым.

— Жду машину,— заявил Лекё.

До того, как его изувечили, лицо это было вполне обыкновенным, моложавым и, вероятно, довольно жизнерадостным. Даже мертвое, оно сохраняло выражение какой-то наивной простоватости.

Почему же женщину в норковом манто особенно потрясло зрелище ноги в одном лишь сиреневом носке? Рядом с другой ногой, обутой в черную замшевую туфлю, нога эта выглядела какой-то забавной, точно голой. В ней было что-то интимное, как бы принадлежавшее вовсе не мертвецу. В шести-семи метрах Мегрэ нашел и вторую туфлю.

После этого он не проронил больше ни слова. Он лишь стоял и курил. Шепотом переговариваясь, подошло еще несколько любопытных. Потом у тротуара остановился фургон, двое работников погрузили тело убитого. На мостовой не оказалось ни единого пятна крови.

— Пришлите мне протокол осмотра, Лекё.

Тогда-то, верно, Мегрэ, забравшийся на переднее сиденье фургона, и решил заняться трупом.

Это продолжалось всю ночь и все утро. Можно было подумать, что тело было его собственностью, что убитый принадлежал лишь одному комиссару.

Мерсу, одному из специалистов технического отдела, Мегрэ велел приехать в институт судебно-медицинской экспертизы. Мерс был молод, худощав, высок и неулыбчив. Под толстыми стеклами очков прятались застенчивые глаза.

— За работу, мой мальчик...

Послали также за доктором Полем. Его ждали с минуты на минуту. Если не считать сторожа и замороженных трупов неизвестных, обнаруженных в Париже за последние несколько дней, они тут были одни.

При ярком свете все казалось кричаще грубым. Работали без лишних слов и движений, похожие на прилежных рабочих из ночной смены, занятых особо сложным делом.

В карманах не обнаружили почти ничего. Пачка крепкого табака и папиросной бумаги, коробок спичек, дешевый перочинный нож, старомодный ключ, карандаш, платок без инициалов. В кармане брюк немного мелочи. Ни бумажника, ни документа, удостоверяющего личность.

Предметы одежды — сорочку, затем туфли и носки — Мерс аккуратно положил в пакет из вощеной бумаги. Качество вещей среднее. На пиджаке этикетка готового платья, расположенного на Севастопольском бульваре. Брюки поновее и другого цвета.

Когда появился доктор Поль — аккуратно расчесанная борода, ясные глаза, хотя его подняли с постели глубокой ночью,— труп был раздет донага.

— Ну, Мегрэ, старый дружище, что-то расскажет нам этот бедолага?

И действительно, задача теперь заключалась в том, чтобы заставить мертвеца заговорить. Такова была обычная процедура. Комиссару следовало бы идти домой спать: результаты всевозможных экспертиз доставят ему в кабинет утром.

Однако он остался наблюдать за работой эксперта, с каким-то задумчивым видом посасывая трубку и засунув руки в карманы.

Доктору пришлось ждать: фотографы мешкали. Воспользовавшись паузой, Мерс занялся ногтями убитого — на руках и на ногах. Материал для исследования он складывал в два мешочка, на которых были начертаны какие-то кабалистические знаки.

— Не так просто будет навести на него марафет,— рассмотрев лицо убитого, заключил фотограф.

По инструкции полагалось сделать сначала снимки тела и раны. Затем лица: нужно передать фотографии представителям прессы с целью опознания личности. Надо добиться того, чтобы лицо убитого как можно точнее походило на лицо живого человека. Вот почему технический эксперт гримировал труп. В холодном свете ламп тот казался особенно бледным, зато щеки и губы были раскрашены, словно у уличной женщины.

— Теперь дело за вами, доктор.

— Вы останетесь, Мегрэ?

Комиссар остался. До самого конца. И тогда вместе с доктором Полем они отправились выпить кофе с ликером в небольшом бистро, только что распахнувшем ставни.

— Вы, верно, не захотите ждать, пока я напишу свое заключение?.. Скажите, дело важное?

— Пока не знаю...

Рядом ели свои круассаны рабочие. Глаза у них были еще сонные. На пальто осели капельки утреннего тумана. Было холодно, и у прохожих изо ртов вырывались облачка пара. Одно за другим на разных этажах освещались окна домов.

— Для начала скажу, что человек этот скромного достатка. Судя по костяку и состоянию зубов, детство его прошло в бедности, и заботились о нем плохо. Руки не указывают на принадлежность к какой-либо определенной профессии... Сильные, но довольно холеные... Рабочим он быть не мог. Служащим тоже: на пальцах отсутствуют характерные деформации от продолжительного писания или работы на машинке... В то же время у него налицо плоскостопие — признак человека, привыкшего весь день стоять на ногах...

Записей Мегрэ не делал: услышанное врезалось ему в память.

— Теперь важный вопрос: время совершения преступления... Могу с уверенностью сказать, что убийство случилось между восемью и десятью часами вечера...

Мегрэ уже сообщили о показаниях ночных гуляк и о желтом «ситроене», замеченном на площади Согласия сразу после часа ночи.

— Послушайте, доктор, неужели вы ничего больше не заметили?

— Что вы имеете в виду?

Доктор Поль, обладатель знаменитой бороды, тридцать пять лет работал медицинским экспертом и в уголовных делах разбирался лучше многих полицейских.

— Убийство было совершено не на площади Согласия.

— Очевидно.

— Вероятно, это произошло в каком-нибудь закоулке.

— Возможно.

— Обычно, когда в таком городе, как Париж, идут на риск и тело убитого перевозят с одного места в другое, делают это затем, чтобы скрыть его, чтобы труп обнаружили как можно позже.

— Вы совершенно правы, Мегрэ. Об этом я не подумал.

— На этот раз мы имеем дело с лицами, которые рискуют быть схваченными. Во всяком случае, они могут навести нас на их след. И делается это в самом сердце Парижа, в наиболее людном месте, где даже глубокой ночью труп и десять минут не пролежал бы незамеченным...

— Иными словами, убийцы хотели, чтобы тело обнаружили. Так я вас понимаю?

— Не вполне. Да и не в этом дело.

— И все-таки они постарались, чтобы труп нелегко было опознать. Удары по лицу наносились не голыми кулаками, а каким-то тяжелым предметом... Каким именно, сказать затрудняюсь...

— До смерти?

— После... Спустя несколько минут...

— Вы уверены, что это произошло всего несколько минут спустя?

— Пожалуй, не позднее чем через полчаса... Потом, Мегрэ, есть еще одна деталь. По-видимому, я опущу ее в своем заключении, поскольку не уверен в ней. Кроме того, не хочу, чтоб мои выводы оспаривал адвокат, когда дойдет до суда... Я тщательно обследовал рану, сами видели... За свою практику мне довелось видеть сотни ножевых ран. Готов поклясться, что этот удар нанесен чересчур уж расчетливо...

Представьте себе: стоя лицом друг к другу, ссорятся два человека... Один из них наносит удар... Так вот, рану, которую я осматривал, никак нельзя было нанести таким вот образом... На удар сзади тоже не похоже.

Но представьте, человек садится или даже встает, поглощенный каким-то делом... Убийца подкрадывается сзади, обхватывает жертву рукой и наносит сильный, точный удар... Более того, у меня такое впечатление, будто жертву во время убийства связали или держали за руки и буквально прооперировали. Улавливаете?

— Улавливаю...

Однако Мегрэ хорошо знал: мужа Нины не могли застать врасплох, ведь все последние сутки он убегал от своих убийц.

Вопрос, который для доктора Поля представлял чисто теоретический интерес, по-человечески волновал Мегрэ.

Комиссар слышал голос этого человека. Следуя за ним шаг за шагом из одного бистро в другое во время его лихорадочного бега по улицам все одних и тех же кварталов района Шатле — Бастилия, Мегрэ почти видел его наяву.

Оба шли по набережной. Мегрэ сосал свою трубку, доктор Поль выкуривал сигарету за сигаретой. Во время вскрытий он тоже безостановочно курил, утверждая, что табак — лучшее антисептическое средство. Забрезжил рассвет. Одно за другим плыли по Сене суда. С трудом передвигая окоченевшие ноги, по ступеням вылезали на свет божий бродяги, проведшие ночь под мостами.

— Человека этого убили вскоре после последней его трапезы, возможно, даже тотчас же.

— А что он ел, не скажете?

— Гороховый суп, соленую треску с кремом и яблоко. Выпил белого вина. В желудке у него я также обнаружил остатки водки.

В этот момент оба проходили мимо кафе «Подвалы Божоле», только что открывшего деревянные ставни. Внутри, откуда доносился запах дешевого вина, царил полумрак.

— Вы домой?— спросил доктор, намереваясь остановить такси.

— Зайду в научно-технический отдел.

Перевел с французского Виктор КУЗНЕЦОВ.

Продолжение следует.

Неизвестный спешно рассказывает по телефону комиссару Мегрэ, что со вчерашнего вечера его преследуют какие-то люди с явным намерением убить. Уходя от преследователей, этот человек еще несколько раз звонил Мегрэ из разных мест, затем по его поручению звонили из кафе и почтового отделения. К концу дня звонки прекратились. Мегрэ недоумевает: кто этот человек в бежевом плаще? Разыгрывал ли он полицию, или действительно был жертвой преследователей? Среди ночи Мегрэ сообщили, что на одной из площадей обнаружили убитого в бежевом плаще. Вскоре нашлись свидетели, которые рассказали, что видели, как из автомашины вытащили труп и положили на мостовую.

МЕГРЭ И ЕГО МЕРТВЕЦ

Жорж СИМЕНОН

РОМАН

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

В здании на набережной ...чти никого не было, если ... уборщиков, работавших в ... и на лестницах, еще от... мней сыростью.

... кабинет, Мегрэ увидел ...люка, дремавшего у него в кресле.

— Что новенького?

— Редакции уже получили фотографию, но в утреннем выпуске поместят лишь некоторые газеты: поздно разослали снимок.

— А автомобиль?

— Обнаружен уже третий желтый «ситроен», но все это пока не то.

— Жанвье ты звонил?

— В восемь он меня сменит.

— Если кто-нибудь спросит, буду наверху... Пусть диспетчер соединит.

Спать Мегрэ не хотелось, но он чувствовал себя отяжелевшим, движения стали замедленными. По узкой лестнице поднялся на чердачный этаж Дворца правосудия, куда публику не пускали. Приоткрыв дверь с матовым стеклом, увидел Мерса, склонившегося над каким-то прибором, пошел дальше и добрался до дактилоскопической картотеки.

Не успел он и рта раскрыть, как эксперт-дактилоскопист покачал головой:

— Ничего не обнаружено, шеф.

Иными словами, «Нинин муж» не преступал французских законов ни разу.

Выйдя из помещения, Мегрэ направился к Мерсу. Сняв пальто, после некоторого колебания развязал душивший его галстук.

Мертвеца здесь не было, но он, казалось, находится тут, а не в секции № 17, куда поместил его сторож института судебной медицины.

Говорили мало. Оба продолжали работать, не заметив, что в окно мансарды проник солнечный луч. Стоявший в углу манекен на шарнирах пригодился Мегрэ и на этот раз.

Мерс, выколотив одежду в бумажных мешках, анализировал выбитую пыль.

Теперь этой одеждой занимался Мегрэ. Осторожно, словно художник-декоратор, принялся надевать на манекен (он был примерно того же роста, что убитый) сорочку и брюки.

Едва комиссар успел надеть на манекен пиджак, вошел Жанвье — бодрый и веселый: ведь он спал в собственной постели и поднялся с рассветом.

— Они-таки шлепнули его, шеф.

Взглянув на Мерса, Жанвье подмигнул: шеф, видно, не расположен к разговорам.

— Нам только что сообщили еще об одном желтом автомобиле. Люка его осмотрел. Это не тот, что нам нужен. И потом, номер оканчивается на девятку, а не на восьмерку.

Мегрэ отступил на шаг, чтобы полюбоваться своей работой.

— Ничего не замечаешь? — спросил он сержанта.

— Минутку... Нет... Никак не пойму... Тот человек был не такой высокий... Пиджак вроде коротковат...

— Это все?

— Разрез от удара ножа неширок...

— Больше ничего?

— На нем жилета не было...

— Что меня поражает, так это то, что пиджак из иного материала, чем брюки. И иного цвета...

— Так ведь бывает...

Продолжение. См. «Огонек» № 39.

— Одну минуту... Хорошенько взгляни на брюки. Они почти новые. А пиджак от другого костюма и куплен года два назад, не меньше.

— Похоже, так оно и есть...

— А ведь человек этот, судя по носкам, сорочке и галстуку, очень заботился о своей внешности... Свяжись с «Подвалами Божоле» и другими бистро... Попробуй выяснить, были ли на нем пиджак и брюки разного цвета.

Пристроясь в уголке, Жанвье принялся обзванивать все кафе по порядку. Голос его создавал в комнате как бы фоновый шум.

— Говорят из уголовной полиции, — монотонно повторял он. — Я полицейский, с которым вы вчера разговаривали... Не могли бы вы сказать...

К сожалению, тот человек нигде не снимал плащ. Возможно, он его расстегивал, но никто не заметил, каков был цвет его пиджака.

— Что ты делаешь, когда приходишь домой?

Жанвье, женатый всего год, лукаво усмехнулся.

— Жену целую...

— А потом?

— Усаживаюсь, а она мне домашние туфли тащит...

— А потом?

Поразмыслив немного, сержант хлопнул себя по лбу.

— Понял! Снимаю пиджак...

— Дома ты носишь какой-то особенный пиджак?

— Да нет... Просто надеваю какой-нибудь старый, в нем как-то уютнее...

После этих слов убитый незнакомец стал им вроде бы ближе. Вот он приходит домой, возможно, целует жену, как Жанвье. Во всяком случае, он тоже снял новый пиджак и надел поношенный. Закусил.

— Какой сегодня день?

— Четверг.

— Выходит, вчера была среда. Ты часто ешь в ресторанах? В дешевых ресторанах, вроде тех, где наш знакомец был, видно, завсегдатаем?

С этими словами Мегрэ натянул бежевый плащ на плечи манекена. Накануне, примерно в это же время или чуть позже, когда владелец его вошел в «Подвалы Божоле» вон там, чуть не на глазах у них, стоило лишь посмотреть в слуховое окно на противоположный берег Сены, плащ этот был на плечах еще живого человека.

И человек этот обратился к Мегрэ. Не к рядовому инспектору, или сержанту-детективу, или же, наподобие тех людей, что считают свое дело особо важным, к самому начальнику уголовной полиции.

Ему нужен был именно Мегрэ.

«Вы меня не знаете,— признался он тем не менее. Правда, прибавив: — Вы встречали мою жену Нину...»

Жанвье никак не мог взять в толк, к чему клонит комиссар, толкуя насчет ресторанов.

— Ты любишь соленую треску с кремом?

— Обожаю. Блюдо это тяжеловато для пищеварения, но все равно я ем его, как только представляется такой случай...

— Вот-вот!.. И часто жена готовит его тебе?

— Нет. Возни слишком много. Такое кушанье дома не часто отведаешь.

— Выходит, ты ешь его в ресторане, когда оно имеется в меню?

— Да.

— И часто оно бывает в меню?

— Не знаю... Минутку... Иногда по пятницам...

— А вчера была среда... Позвони доктору Полю и передай мне трубку.

Доктор, как раз составлявший протокол вскрытия, не удивился вопросу Мегрэ.

— Скажите, не было ли в треске трюфелей?

— Конечно, нет... Иначе я бы обнаружил.

— Спасибо... Вот так-то, Жанвье! В блюде этом трюфелей не было. Их обычно кладут в дорогих ресторанах. Выходит, дорогие отпадают. Сходи к детективам. Пусть Торранс и еще двое-трое парней помогут тебе. На коммутаторе не будут в восторге: на некоторое время тебе придется занять все линии связи. Обзвони один за другим все рестораны, начиная с района, где ты вчера работал. Выясни, не было ли у них вечером в меню соленой трески с кремом... Погоди минуту... Начни с заведений, носящих южные названия, именно там тебе скорее всего может повезти.

Не слишком польщенный или обрадованный возложенным на него поручением, Жанвье вышел.

— У тебя есть нож, Мерс?

Время близилось к полудню, а Мегрэ все еще возился со своим мертвецом.

— Вставь кончик в разрез на плаще... Хорошо... Теперь не двигайся...

Слегка приподняв ткань, он посмотрел на пиджак, находившийся под ней.

— Разрезы на плаще и пиджаке не совпадают... Теперь ударь иначе... Встань слева... справа... ударь сверху... снизу...

— Понимаю...

Несколько экспертов и ассистентов, работавших в огромном помещении лаборатории, искоса посматривали на обоих, насмешливо переглядываясь.

— И опять не совпадают... Между отверстиями в плаще и пиджаке добрых четыре дюйма... Принеси стул... Помоги...

Они с чрезвычайной бережностью усадили манекен.

— Хорошо... Когда человек садится, к примеру, за стол, пальто у него может задраться... Попробуй...

Напрасно пытались они совместить оба разреза, которые по логике должны были находиться один поверх другого.

— Так вот в чем дело! — воскликнул Мегрэ, словно решив трудное уравнение.

— Хотите сказать, что, когда его убили, плаща на нем не было?

— Почти наверняка.

— Однако в верхней одежде есть разрез, указывающий на удар ножом...

— Это было сделано позже, чтобы создать такое впечатление. Ведь человек не носит плащ в помещении — дома или в ресторане... Когда те люди взяли на себя труд испортить плащ, они попытались тем самым внушить нам, будто убийство произошло на улице... И раз они не поленились это сделать...

— ...то, выходит, преступление было совершено в закрытом помещении, — заключил Мерс.

— По той же самой причине они не побоялись доставить труп на площадь Согласия, где убийство вовсе не происходило...

Выколотив трубку о каблук, Мегрэ надел галстук и еще раз посмотрел на манекен: тот теперь еще больше походил на живого человека, чем когда находился в сидячем положении. Сзади или же сбоку, когда не видно было лишенное черт бесцветное лицо, сходство это становилось особенно разительным.

— Зацепился за что-нибудь?

— Пока почти не за что ухватиться. Я еще не кончил. Однако в углублении подошвы обнаружил мизерное количество довольно характерной грязи. Это земля, пропитанная вином. Такую можно обнаружить в деревенском подвале, где только что раскупорили бочонок с вином.

— Продолжай работу. Позвони, я буду в кабинете.

Когда комиссар зашел к начальнику управления, тот встретил его словами:

— Ну, Мегрэ, что узнали о своем мертвеце?

Так впервые была произнесена эта сакраментальная фраза. Кто-то, видно, известил начальника о том, что с двух часов ночи комиссар Мегрэ только этим и занимается.

— Все-таки они его прикончили? Должен признаться, вчера я был склонен полагать, что вы имеете дело с шутником или сумасшедшим.

— Я так не думал. Я поверил всему, что мне сказал незнакомец, после первого же его звонка.

Почему? Он бы и сам не сумел объяснить. Но уж наверняка не потому, что человек этот обратился к нему лично. Разговаривая с шефом, Мегрэ невольно поглядывал на залитую светом набережную на противоположном берегу Сены.

— Руководить расследованием прокурор поручил Комелио. Утром они отправляются в институт судебной медицины. Не хотите составить им компанию?

— Какой смысл?

— Вам все же надо бы повидаться с Комелио. Или позвонить. Он довольно обидчив. (Мегрэ это знал.) Не кажется ли вам, что с убитым свели счеты какие-то преступники?

— Не могу сказать. Проработаю эту версию, хотя такого впечатления у меня и не складывается. В преступном мире не принято выставлять напоказ свои жертвы на площади Согласия.

— Что ж, делайте, что считаете необходимым. Наверняка кто-нибудь скоро опознает его...

— Это бы меня удивило...

Мегрэ испытывал какое-то странное чувство. Что именно это было, он вряд ли сумел бы объяснить. Все как-то увязывалось одно к одному, но стоило попытаться дать своим предположениям четкую формулировку, получалась сумятица.

Вновь и вновь мысли его возвращались к жуткой находке на площади Согласия. Выходит, кто-то хотел, чтобы труп обнаружили, причем обнаружили быстро. Гораздо проще и менее опасно было бы, к примеру, бросить тело в Сену, где его смогли бы отыскать лишь спустя несколько дней, а то и недель.

Убитый не был богачом или общественным деятелем. Это был заурядный обыватель.

Но если кто-то хотел, чтобы полиция заинтересовалась жертвой, почему он изувечил ей лицо и вынул из карманов все, что могло бы способствовать опознанию?

И в то же время с пиджака этикетку не сняли. Очевидно, по той причине, что злоумышленники знали: пиджак этот из магазина готового платья, такие носят тысячи.

— У вас озабоченный вид, Мегрэ.

— Все как-то не увязывается между собой, — единственно, что мог ответить Мегрэ.

Слишком много деталей противоречило друг другу. И еще одно обстоятельство озадачивало Мегрэ, если не сказать, раздражало.

Когда же этот человек звонил в последний раз? По существу, последней весточкой от него была записка, оставленная в почтовой конторе предместья Сен-Дени.

В этой записке бедняк настойчивее всего взывал о помощи. Он даже просил Мегрэ предупредить дежурных полицейских, чтобы любой из них смог тотчас прийти ему на выручку.

И вот в промежуток от восьми до десяти вечера его убили.

Что же он делал с четырех до восьми? В распоряжении у комиссара не было ничего, что могло бы послужить ответом на такой вопрос. Вспомнилась история с потерпевшей аварию подводной лодкой. Благодаря радио свидетелем ее оказался целый мир. Все явственно слышали сигналы, подаваемые людьми, очутившимися в западне. Перед мысленным взором возникали спасательные суда, снующие взад-вперед над местом трагедии. Затем сигналы стали слышаться все реже и реже. И неожиданно воцарилась тишина.

У неизвестного же не было уважительных причин молчать. На многолюдных улицах Парижа, средь бела дня, похитить его не могли. Ранее восьми часов его не убили.

Все указывало на то, что человек этот отправлялся домой, тем более что он переодел пиджак. Пообедал дома или в ресторане. Причем не торопясь, спокойно, раз успел съесть суп, блюдо из трески и яблоко. Яблоко — оно-то и указывало на то, что он был тогда спокоен!

Но почему он не меньше чем четыре часа не давал знать о себе?

Не колеблясь, неоднократно обращался к комиссару за помощью, умолял его немедленно пустить в ход полицейский аппарат. Но где-то после четырех часов словно бы изменил свои намерения, решив, видно, не связываться с полицией.

Это встревожило Мегрэ. Его мертвец словно бы оказался не верен ему.

— Ну как, Жанвье?

В сержантской было накурено. Четверо детективов с унылым видом сидели у телефонов.

— Блюда из трески не обнаружено, шеф! — комически вздохнул Жанвье. — Мы уже обследовали тот район. Мне еще надо связаться с Монмартром, а Торранс занимается площадью Клиши...

Мегрэ тоже позвонил из своего кабинета, но его объектом был небольшой трактир на улице Лепик.

— Да, на такси... Сию же минуту...

На письменном столе лежали фотографии убитого, сделанные ночью. Утренние газеты, отчеты, записка от судьи Комелио.

— Это ты, мадам Мегрэ?.. Не так чтоб очень плохо... Успею ли домой к обеду, не знаю... Нет, побриться даже было некогда... Попробую сходить к парикмахеру... Да, поел...

Попросив курьера, старого Жозефа, задержать возможного посетителя, Мегрэ все-таки сходил побриться. Требовалось лишь мост перейти. Зайдя в первую же парикмахерскую на бульваре Сен-Мишель, с недовольным видом посмотрел в зеркало на мешки под глазами.

Уходя из своего кабинета, Мегрэ знал, что не устоит перед искушением заглянуть в «Подвалы Божоле», пропустить стаканчик. Во-первых, потому, что ему нравилась атмосфера таких вот бистро, где никогда не бывает много народу и где владелец беседует с вами как со старым знакомым. Ему, кроме того, нравилось божоле, особенно когда его, как здесь, подают в глиняных кувшинчиках. Была и еще одна причина. Он искал следы своего мертвеца.

— Странное у меня было чувство, господин комиссар, когда газету утром читал. Вы знаете, видел я его мельком. Но, помнится, он мне понравился. Как сейчас вижу: входит, руками размахивает. Верно, он был расстроен, но лицо у него славное. Готов биться об заклад, когда у него все было в порядке, он был веселым парнем... Вы поднимете меня на смех, но вот чем

больше я думаю об этом, тем чаще приходит мне в голову: чем-то он смахивает на клоуна... Кого-то мне напоминает... Вот уже несколько часов ломаю голову...

— Кто-то похож на него?

— Да... То есть нет... Все гораздо сложнее... Напоминать напоминает, а кого, не скажу... Разве его еще не опознали?

Это тоже было странно (ведь газеты вышли), хотя вряд ли неестественно. Правда, лицо изуродовано, но не настолько, чтобы его не мог узнать человек, хорошо знавший убитого, к примеру, жена или мать.

Был же у него дом, хотя бы номер в дешевой гостинице. И дома он отсутствовал всю ночь.

По логике, за последние несколько часов кто-нибудь должен был узнать фотографию или же известить полицию о его исчезновении.

И все-таки Мегрэ на это не рассчитывал. Очутившись по эту сторону моста, он направился к себе в кабинет, все еще ощущая во рту приятный, чуть терпкий привкус божоле. Поднимаясь по обшарпанной лестнице, комиссар невольно ловил взоры, исполненные почтения и страха.

Взгляд в окно приемной. Человек стоял, непринужденно потягивая сигарету.

— Сюда проходи...

Проведя посетителя в кабинет, усадил его в кресло, потом снял пальто и шляпу, краешком глаза наблюдая при этом за гостем. Тот издали смотрел на фотографии убитого.

— Ну, Фред...

— Я к вашим услугам, господин комиссар... Не ждал, что вам понадоблюсь... Не представляю себе, чем могу быть полезен...

Посетитель, худой и очень бледный, был одет с некоторой женственной элегантностью. Вздрагивающие порой ноздри выдавали в нем наркомана.

— Не знаешь его?

— Когда я увидел снимки, то сразу смекнул, что произошло. Видно, здорово его отделали.

— Никогда его не встречал?

Было ясно: Фред добросовестно старается выполнить свои обязанности. Информатор внимательно разглядывал фотографии, подошел даже к окну, чтобы получше их изучить.

— Нет... И все-таки...

Мегрэ ждал, набивая трубку.

— Нет! Точно, никогда не видел... Но кого-то он мне напоминает... Не могу только понять, кого именно... Во всяком случае, он не нашего круга... Будь он даже новичком, я б его приметил...

— Кого же он тебе напоминает?

— Сам ломаю голову... Не знаете, чем он занимался? И в каком районе жил?

— Тоже не знаю.

— Он не провинциал, сразу видно.

— Я в этом уверен.

Накануне Мегрэ отметил явно парижское произношение незнакомца — так говорят рабочие, простые люди, каких встречаешь в метро, в бистро на окраинах города, на поднимающихся ярусами скамьях Зимнего велодрома.

В сущности... В голову ему пришла идея... Надо будет проработать этот вариант.

— А женщину по имени Нина ты не встречал?

— Погодите, погодите... Есть одна в Марселе, вторая заправляет борделем на улице Сен-Фер-реоль...

— Это не то, я ее знаю... Ей по крайней мере пятьдесят.

Посмотрев на фотографию убитого, которому можно было дать лет тридцать, Фред изрек:

— Это еще ничего не значит!

— Захвати одну фотографию. Пошарь хорошенько. Показывай повсюду.

— Можете на меня рассчитывать... Думаю, через несколько дней кое-что разнюхаю. Не насчет жмурика. Я имею в виду одного крупного спекулянта наркотиками. Пока мне только известно, что его зовут мсье Жан. Я его ни разу не видел. Знаю только: он заправляет целой шайкой. Сам у них все время достаю наркотики. Влетает в копеечку... Так что капуста мне б не помешала...

Жанвье, находившийся в соседней комнате, все еще занимался блюдом из трески.

— Вы были совершенно правы, шеф. Все отвечают, что подают это блюдо только по пятницам. И то не часто. На пасху, бывает, готовят и в среду, но ведь до пасхи еще далеко...

— Пусть этим займется Торранс. Что сегодня на Зимнем велодроме?

— Позвольте, в газету загляну.

В тот день были мотогонки.

— Возьми с собой фото. Зайди в кассы, потолкуй с разносчиками, которые апельсинами и земляными орехами торгуют. Обойди соседние бистро. Потом можешь обследовать кафе поблизости от Порт-Дофин.

— Думаете, он был болельщиком?

Мегрэ этого не знал. Как и у других — у хозяина кафе, у информатора Фреда,— у него тоже было какое-то странное, смутное чувство.

Не мог он себе представить того человека в конторе или в лавке. По словам Фреда, не принадлежал он и к преступному миру.

Зато как-то вписывался в маленькие кафе, посещаемые рабочим людом. У него была жена по имени Нина. И Мегрэ когда-то знал ее.

В какой связи? Неужели кто-то стал бы хвастаться, если бы комиссару пришлось столкнуться с его женой по профессиональной линии?

— Дюбонне, обратись-ка в полицию нравов. Посмотри списки зарегистрированных проституток за последние несколько лет. Запиши адреса всех Нин. Повидайся с ними. Смекнул, что от тебя требуется?

Дюбонне, молодой детектив, только что окончивший училище, был несколько чопорен, всегда безупречно одет и изысканно вежлив со всеми, и, возможно, такого рода поручение Мегрэ дал ему в насмешку.

Второму детективу он велел заглянуть во все бистро вокруг Шатле, площади Вог и Бастилии.

Комелио, руководивший расследованием, не выходя из своего кабинета, в это время нетерпеливо ждал Мегрэ, силясь понять, почему тот до сих пор не удосужился с ним связаться.

— Что с желтыми «ситроенами»?

— Этим занимается Эрио.

Все шло по заведенному порядку. Даже если бы не дало никаких результатов. На всех дорогах Франции жандармы останавливали желтые «ситроены».

Надо было еще послать кого-нибудь в магазин на Севастопольском бульваре, где был куплен пиджак мертвеца, потом еще в один, на бульваре Сен-Мартен, где был приобретен плащ.

И все это время приходили и уходили, звонили по телефону, выстукивали на машинке свои рапорты детективы, занятые десятками других расследований. В коридорах ждали посетители. Из отдела, наблюдающего за отелями, в полицию нравов, а оттуда в уголовную полицию носились посыльные.

— Послушайте, шеф...— послышался в трубке голос Мерса.— Второстепенная деталь, которая, возможно, не имеет никакого значения. Я так мало узнал, что решил сообщить на всякий случай. Взял, как обычно, волосы на анализ и обнаружил следы губной помады...

Это звучало почти комично, но никто не засмеялся. Какая-то женщина поцеловала в волосы мертвеца комиссара Мегрэ. Женщина, которая красит губы.

— Прибавлю, что губная помада дешевого сорта и что женщина скорее всего брюнетка. Цвет помады темно-красный...

Не вчера ли вечером поцеловала женщина незнакомца? И не дома ли, когда он пришел и сменил пиджак?

А если не переодевался, то, следовательно, он вовсе не был намерен снова выходить на улицу. Человек, забежавший домой всего на час, не станет тратить время на переодевание.

Значит, его вызвали неожиданно... Но может ли статься, чтобы преследуемый, перепуганный до того, что он, размахивая руками, носился по улицам Парижа, то и дело звонил в полицию, чтобы человек этот оставил свое жилище с наступлением темноты?

Женщина поцеловала его в волосы или прижалась лицом к щеке... Разве это не знак привязанности?

Мегрэ вздохнул, снова набивая трубку, и взглянул на циферблат. Пошел первый час.

Еще вчера примерно в такое же время человек этот под журчание фонтанов шел по площади Вог.

Комиссар открыл небольшую дверь, которая вела из полицейского управления во Дворец правосудия. Похожие на огромных черных птиц, проплывали по коридорам облаченные в мантии адвокаты.

— Сходим навестим старую обезьяну,— вздохнул Мегрэ: Комелио он терпеть не мог.

Представил себе, как тот встретит его, цедя с язвительной укоризной: «Я жду вас, господин комиссар...»

Такой вполне способен, уподобляясь Людовику XIV, сказать и почище: «Мне едва не пришлось ждать...»

Но Мегрэ было наплевать.

С двух часов ночи комиссара интересовал лишь его мертвец.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Чрезвычайно рад, господин комиссар, что могу наконец побеседовать с вами.

— Поверьте, господин судебный следователь, это я польщен такой возможностью...

Мадам Мегрэ вскинула глаза. Всякий раз, как в голосе мужа появлялись эти сугубо спокойные и вежливые интонации, ей становилось не по себе. Когда он говорил с ней таким образом, ей хотелось расплакаться — настолько это ее обескураживало.

— Я пять раз звонил вам...

— А меня не было на месте!— вздохнул с деланным испугом Мегрэ.

Она принялась подавать мужу знаки, чтобы тот не забывался; ведь он говорит с человеком, чей шурин два или три раза входил в состав правительства.

— Меня только что уведомили, что вы больны...

— Не столь уж опасно, господин Комелио! Люди так склонны преувеличивать! Всего-навсего сильная простуда. Да и не уверен, что такая уж сильная!

Это веселое расположение духа, возможно, было вызвано тем обстоятельством, что Мегрэ сидел у себя дома в кресле, облачившись в удобный халат и мягкие туфли.

— Меня удивляет, что вы не известили меня, кто вас замещает.

— Где замещает?

Комелио говорил сухо, отрывисто, нарочито спокойно, между тем как голос комиссара Мегрэ становился все более добродушным.

— Я касательно площади Согласия. Полагаю, вы не забыли об этом деле?

— Только о нем и думаю день-деньской. Я как раз говорил жене...

Мадам Мегрэ еще отчаяннее замахала руками, умоляя не упоминать ее имени. Квартирка их была небольшой и уютной. Мебель в гостиной — мореного дуба — была приобретена еще к свадьбе. На белой стене соседнего дома четко выделялись черные буквы: «Лост и Пепэн, точные инструменты».

Утром, днем и вечером вот уже в течение тридцати лет видел Мегрэ эту надпись над воротами огромного склада и рядом — два-три грузовика с выведенными на них теми же буквами, но зрелище это до сих пор ему не надоело.

Напротив! Надпись ему даже нравилась. Он чуть ли не с нежностью скользнул по ней взглядом. Потом по привычке посмотрел на дом, стоящий в отдалении, где на окнах сушилось белье, а на одном из подоконников по случаю потепления погоды снова появилась алая герань.

Наверняка это была другая герань. Мегрэ же готов был поклясться, что цветочный горшок, как и сам он, находится тут постоянно в течение последних тридцати лет. За все это время Мегрэ ни разу не видел, чтобы кто-нибудь выглядывал из окна или поливал цветы. Кто-то, видно, жил в этой комнате, но распорядок дня у него был иной, чем у комиссара.

— Как вы полагаете, господин Мегрэ, ваши подчиненные в ваше отсутствие ведут расследование столь же старательно, как вам хотелось бы?

— Убежден, господин Комелио. Больше того, вполне в этом уверен. Представить себе не можете, до чего же удобно вести такого рода расследование, сидя дома в кресле в теплом, уютном кабинете вдали от шума и всякой суеты. Под рукой один лишь телефон да чашка лекарственного отвара. Хочу открыть вам маленький секрет. Любопытно, заболел бы ли я, если бы не это расследование. Очевидно, нет, ведь я простудился именно на площади Согласия. Причем в ту самую ночь, когда там был обнаружен труп. А может быть, утром, на рассвете, когда мы вместе с доктором Полем шли после вскрытия по набережной. Но дело не в этом. Если бы не расследование, вас моя простуда не очень-то беспокоила бы. Вы меня понимаете?

У Комелио, восседавшего в своем кабинете, лицо, должно быть, позеленело от подобной дерзости. А бедная мадам Мегрэ места себе не находила, ведь она так почитала всякое начальство, всякую власть!

— Скажем так. Тут у себя дома под присмотром жены я могу как следует обдумать, как вести расследование. Здесь мне никто или почти никто не мешает...

— Мегрэ!— оборвала его жена.

— Тсс!

— И вы считаете нормальным, что спустя три дня убитый все еще не опознан!— возмущался Комелио.— Фотография его появилась во всех газетах. Судя по вашим словам, у него есть жена...

— Да, он мне говорил.

— Позвольте мне докончить. У него есть жена и, наверно, друзья. Есть также соседи и, возможно, домохозяин. Кто-то привык видеть его

в определенное время на улице. Но никто почему-то не явился опознать его или сообщить об исчезновении. Правда, дорогу на бульвар Ришар-Ленуар знают не все.

Бедный бульвар Ришар-Ленуар! Дался он им! Действительно, бульвар ведет на площадь Бастилии. Действительно, он окружен тесными людными улочками. А в районе, примыкающем к нему, полным-полно разного рода мастерских и складов. Но сам бульвар широк, и по середине его проходит полоска газона. Трава эта растет над тоннелями метро, откуда через вентиляционные шахты выходит наружу теплый воздух и запах хлорированной воды. Каждые две минуты грохочет поезд подземки, и близлежащие дома как-то судорожно вздрагивают.

Дело привычки. В течение последних тридцати лет друзья и сослуживцы раз сто подбирали для Мегрэ квартиру в более пристойных, по их словам, кварталах. И Мегрэ осматривал их, но затем отвечал, бормоча:

— Конечно, тут очень мило...

— А какой вид, Мегрэ!

— Да...

— Комнаты просторные, светлые.

— Да... Превосходная квартира... Я б с удовольствием поселился тут... Только...

Помолчав, Мегрэ со вздохом качал головой:

— Только знаете... Эти переезды!..

Тем хуже для тех, кому не нравится бульвар Ришар-Ленуар. Тем хуже для Комелио.

— Скажите, господин судебный следователь, вам когда-нибудь приходилось засовывать себе в нос горошину?

— Что, что?

— Я говорю: горошину. Помню, была у нас такая игра в детстве. Попробуйте на себе. А потом взгляните в зеркало. Вы будете поражены. Бьюсь об заклад: в таком виде, с горошиной в ноздре, вы пройдете мимо людей, которые вас часто видят, и они вас не узнают. Ничто так не меняет выражение лица. Самая незначительная перемена во внешности в особенности смущает именно тех людей, которые более других привыкли к нам. А лицо нашего подопечного, как вам известно, изуродовано гораздо сильнее. Это вам не горошина, засунутая в ноздрю.

Есть и другая причина. Людям трудно представить себе, чтобы их сосед, сослуживец или официант, который каждый день подает им обед, оказался вдруг кем-то другим, стал, скажем, убийцей или его жертвой. Они читают в газетах о преступлениях и полагают, что все это происходит где-то в ином мире, в другой обстановке. Но только не у них на улице, не у них в доме.

— Короче говоря, вы считаете естественным, что никто еще не опознал убитого?

— Меня это не очень удивляет. Помню случай, когда утонувшую женщину опознали лишь полгода спустя. Причем это было в ту пору, когда в морге не было холодильника и лишь струйка холодной воды стекала на каждый труп!

Мадам Мегрэ вздохнула, оставив всякую надежду урезонить мужа.

— Короче говоря, вы успокоились. Убит человек, но спустя три дня мы не только не напали на след преступника, но даже ничего не знаем о жертве.

— Мне известно много мелких деталей, господин Комелио.

— Несомненно, настолько мелких, что о них не стоит сообщать, хотя именно я возглавляю расследование.

— Вот, к примеру, одна из них. Убитый был немного щеголем. Возможно, особым вкусом он не отличался, но за своей внешностью следил, как можно заключить по его носкам и галстуку. Потом, он носил серые брюки, габардиновый плащ и очень легкие туфли из черной замши.

— Действительно, очень интересно!

— Да, очень интересно. Тем более что на нем была еще и белая сорочка. Разве не следовало бы ожидать, что человек, которому нравятся сиреневые носки и цветастые галстуки, предпочел бы яркую, по крайней мере полосатую или пеструю рубашку? Сходите в бистро, вроде тех, куда он нас привел. Похоже, это были привычные ему заведения. Там вы не заметите гладких белых рубашек.

— Из чего вы заключаете...

— Подождите минутку. По крайней мере в двух таких бистро — Торранс это установил — он вроде бы по привычке заказал «сюз-ситрон».

— Значит, нам известен его излюбленный аперитив!

— Вы когда-нибудь пробовали «сюз», господин Комелио? Это горький и не слишком крепкий напиток. Не самый распространенный аперитив. Я заметил, что люди, которые пьют его, обычно посещают кафе не затем, чтоб налакаться. Такой народ бывает там по профессиональной необходимости. Например, коммивояжеры, которым приходится принимать угощение.

— Отсюда вы заключаете, что убитый был коммивояжером?

— Нет.

— Ну, так какой же вывод?

— Погодите. Его видели пять или шесть человек, у нас есть их показания. Но никто не может дать точный его портрет. Большинство заявляет, что это был невысокий человек, имевший привычку размахивать руками. Чуть не забыл деталь, которую обнаружил утром Мерс. Мерс — дотошный малый. Он никогда не бывает доволен тем, что сделал, и по собственной инициативе проверяет свои результаты. Так вот! Мерс установил, что убитый был косолап.

— Что вы хотите сказать?

— У него были плоские вывернутые ступни, если вам угодно.— Комиссар дал знак мадам Мегрэ, чтобы та набила ему трубку, и, краешком глаза наблюдая за операцией, показал жестом, чтобы она не слишком приминала табак.

— Я толковал об описаниях, какими мы располагаем. Они довольно нечетки, и все-таки у двух человек из пяти осталось одинаковое впечатление. «Я не вполне уверен,— сказал мне хозяин «Подвалов Божоле».— Но он мне кого-то напоминает... Но кого именно?» А ведь убитый не киноактер и даже не статист. Я посылал детектива навести справки в киностудиях. Он также не политик или судебный деятель.

— Мегрэ!— воскликнула его жена.

Комиссар раскурил трубку и, попыхивая, продолжал:

— Прикиньте, господин Комелио, к какой профессии подошли бы эти подробности?

— Я не любитель развлечений в гостиной.

— Когда не высовываешь носа из дому, остается время на размышления. Все забываю о главном. Разумеется, мы произвели поиски в ряде кругов, например, среди болельщиков футбола и велогонок. Правда, безрезультатно. Я также распорядился опросить всех арендаторов П. М. Ю.

— Как вы сказали?

— «Пари-Мютюэль-Юрбен»... Букмекерские конторы... Знаете, есть такие кафе, где вы можете делать ставки, не ходя при этом на скачки... Почему-то мне кажется, что наш знакомец был завсегдатаем такого рода заведений... Но и это направление ничего не дало.

Комиссар Мегрэ был ангельски терпелив. Он словно намеренно затягивал телефонный разговор.

— А вот детективу Люка, который отправился на скачки, повезло... На это ушло много времени... Да и вряд ли это можно официально назвать опознанием.. Разумеется, из-за повреждений лица. Потом не забывайте, что нам привычнее видеть людей живыми, а не мертвыми. Учтите и то обстоятельство, что человек, став трупом, значительно изменяется внешне... И все-таки несколько человек вспомнили его... Он обычно находился на трибунах для публики, не в ложе... По словам «жучка», довольно часто...

— И все-таки этих сведений оказалось недостаточно, чтобы опознать убитого?

— Да. Однако вместе с другими данными, о которых я вам рассказывал, эти сведения позволяют мне почти с полной уверенностью заявить, что убитый работал «по части лимонада».

— Как это понять?

— Так у нас принято называть официантов, судомоек, барменов, даже владельцев кафе. Это профессиональный термин, относящийся к лицам, занятым обслуживанием клиентов спиртным в отличие от съестного. Заметьте, все кельнеры кафе кажутся похожими. Я не хочу сказать, что они действительно похожи, но между ними есть какое-то семейное сходство. Часто бывает, что вы узнаете официанта, которого никогда прежде не встречали.

У большинства из них больные ноги, что вполне понятно. Они носят мягкие, легкие туфли, чуть ли не шлепанцы. Вы никогда не увидите на кельнере или метрдотеле спортивные туфли на толстой подошве. Они привыкли носить белые рубашки. Кроме того, хотя я не утверждаю, что это обязательно, многие из них косолапы.

И еще. По какой-то неясной мне причине официанты кафе обожают конские бега, и многие из тех, кто занят лишь рано утром или вечером, постоянно бывают на скачках.

— Короче говоря, вы заключаете, что убитый был официантом?

— Нет. В том-то и загвоздка.

— Тогда я вас не понимаю.

— Он работал «по части лимонада», но официантом не был. Я несколько часов прикидывал все это от нечего делать.

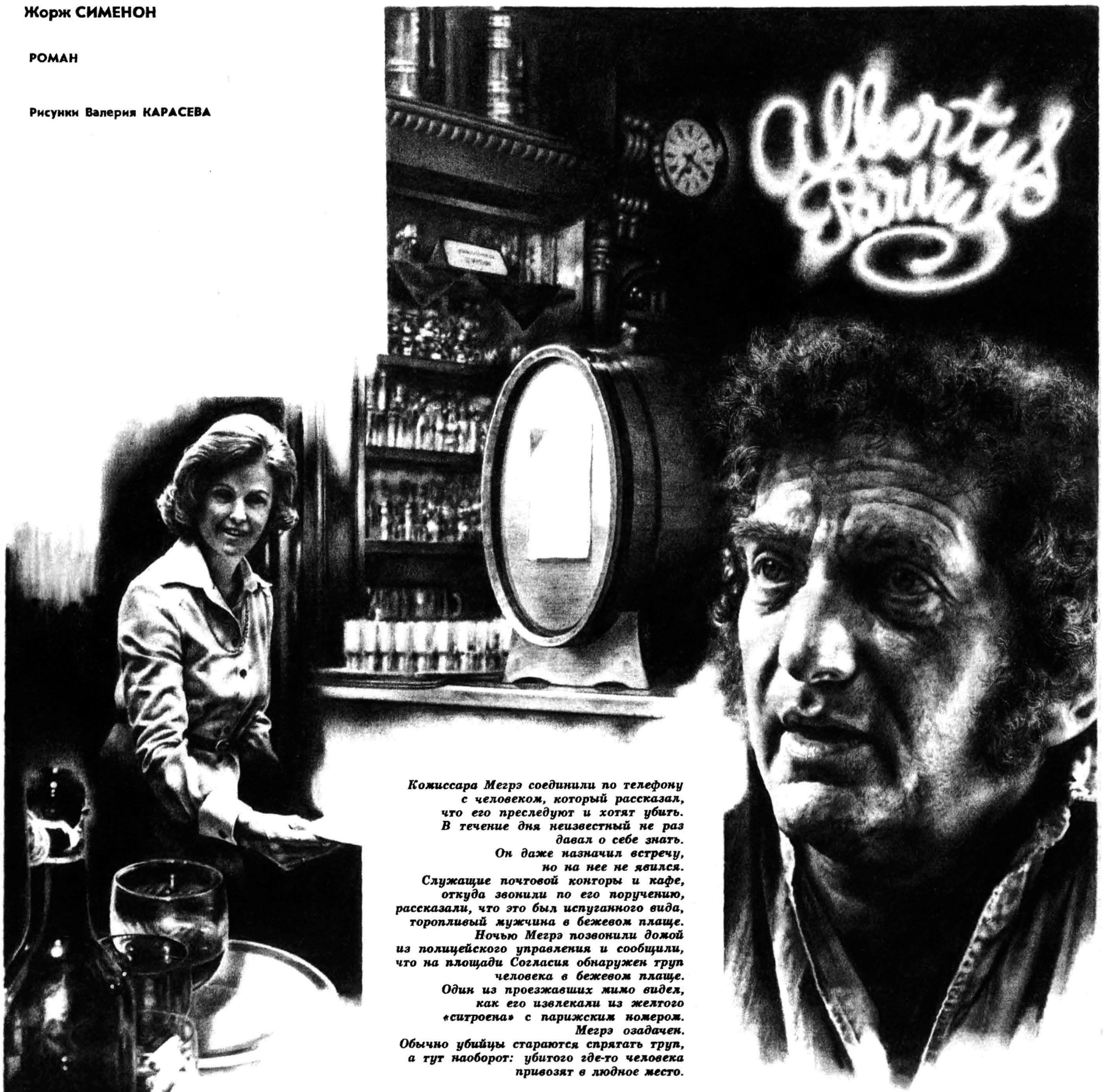
Перевел с французского Виктор КУЗНЕЦОВ.

Продолжение следует.

Жорж СИМЕНОН

РОМАН

Рисунки Валерия КАРАСЕВА



Комиссара Мегрэ соединили по телефону с человеком, который рассказал, что его преследуют и хотят убить. В течение дня неизвестный не раз давал о себе знать. Он даже назначил встречу, но на нее не явился. Служащие почтовой конторы и кафе, откуда звонили по его поручению, рассказали, что это был испуганного вида, торопливый мужчина в бежевом плаще. Ночью Мегрэ позвонили домой из полицейского управления и сообщили, что на площади Согласия обнаружен труп человека в бежевом плаще. Один из проезжавших мимо видел, как его извлекали из желтого «ситроена» с парижским номером. Мегрэ озадачен. Обычно убийцы стараются спрятать труп, а тут наоборот: убитого где-то человека привозят в людное место.

МЕГРЭ И ЕГО МЕРТВЕЦ

Должно быть, подобные фразы ужасно шокировали судью. Лицо его застыло, словно высеченное из куска льда.

— Все, что я вам говорил насчет официантов, касается и владельцев бистро. Не судите за самомнение, у меня все время было такое чувство, что мой незнакомец был не служащим, а имел свое дело. Вот почему в одиннадцать утра я позвонил Мерсу. Рубашка убитого все еще в техническом отделе. Я не помнил точно, в каком она состоянии. Мерс осмотрел ее заново. Заметьте, нам повезло: рубашка могла оказаться новой. Ведь всякий иногда вправе надеть новую рубашку. На этот раз получилось по-другому. Более того, у нее вытерт ворот.

— Полагаю, у владельцев кафе тоже бывает вытертый ворот?

— Нет, господин Комелио. Не больше, чем у других людей. Но они не изнашивают обшлагов. Я имею в виду небольшие кафе, посещаемые рабочим людом, а не американские бары, расположенные на площади Оперы или Елисейских полях. Владелец бара, который то и дело погружает руки в воду со льдом, вынужден засучивать рукава. И вот Мерс подтвердил, что рубашка, у которой ворот вытерт почти насквозь, на обшлагах никаких следов износа не имеет.

К ужасу мадам Мегрэ, муж ее говорил теперь с выражением полной убежденности в своей правоте.

— Прибавьте к этому «брандад», блюдо из трески...

— Это что, особое лакомство у владельцев небольших кафе?

— Да нет, господин Комелио. Просто в Париже полным-полно маленьких баров, где бывает совсем немного посетителей. Столы без скатертей. Стряпает зачастую жена самого владельца. Подают только одно дежурное блюдо. В таких барах временами бывает безлюдно, и у хозяина во второй половине дня появляется досуг. Вот почему с самого утра два детектива обследуют все районы Парижа, начиная с тех, что примыкают к ратуше и площади Бастилии. Вспомните, наш подопечный все время находился именно в этом районе. Парижанин фанатично цепляется за свой район, словно это — единственное место, где он в безопасности.

— Вы надеетесь быстро найти разгадку?

— Я надеюсь найти ее рано или поздно. Все ли я вам рассказал? Надо еще упомянуть пятно от краски.

— Что за пятно?

— На задней части брюк. Его тоже обнаружил Мерс, хотя оно едва заметно. Он уверяет, будто краска свежая. По его словам, эта краска была нанесена на мебель дня три-четыре назад. Я велел навести справки на разных вокзалах, начиная с Лионского.

— Почему именно с Лионского?

— Потому что он как бы является продолжением района площади Бастилии.

— А при чем тут вокзалы?

Мегрэ вздохнул. И так столько времени убито на объяснения. Ни малейшего представления о действительности у этого судебного крючка! Как может человек, ни разу не заглянувший в кафе, брокерскую или на трибуну скачек и не знающий, что значит работать «по части лимонада», утверждать, будто в состоянии понять психологию преступника?

— Мой рапорт должен находиться у вас на столе. Когда человек этот впервые позвонил мне в среду в одиннадцать утра, его уже преследовали. Началось это самое позднее накануне. Вначале он не хотел обращаться к полиции, рассчитывая сам выкарабкаться. Однако он был уже напуган. Знал, что жизни его грозит опасность. Поэтому вынужден был избегать безлюдных улиц. Толпа как бы служила ему защитой. Домой он тоже не смел вернуться, опасаясь, что его выследят. Даже в Париже не так уж много заведений, открытых всю ночь напролет. Кроме кабаре на Монмартре, это железнодорожные вокзалы. Они хорошо освещены, а в залах ожидания всегда народ. Так вот! В зале ожидания третьего класса на Лионском вокзале в понедельник были выкрашены скамьи. Мерс утверждает, что краска идентична той, что обнаружена на брюках убитого.

— Вокзальная прислуга опрошена?

— Да. Опрос продолжается.

— Короче говоря, несмотря ни на что, вы добились определенных результатов.

— Да, несмотря ни на что. Я также знаю, когда этот человек переменил свои намерения.

— Какие намерения?

Наливая в чашку отвар, мадам Мегрэ делала мужу знаки выпить его, пока не остыл.

— Вначале, как я вам уже говорил, он пытался выйти из затруднительного положения самостоятельно. Но в среду утром ему пришло в голову обратиться ко мне. Он продолжал звонить мне до четырех дня или около того. Что произошло потом? Не знаю. Возможно, в последний раз послав нам своего рода сигнал бедствия — записку с почты в предместье Сен-Дени, он в конце концов решил, что все это бесполезно? Так или иначе, примерно час спустя, часов в пять, он зашел в пивную на улице Сен-Антуан.

— Выходит, наконец-то объявился хоть какой-то свидетель?

— Нет, господин судебный следователь. Это Жанвье его откопал. Показывал фотографию в каждом кафе, расспрашивал всех официантов. Короче, человек этот заказал «сюз-ситрон» — это определенно указывает на несомненность его личности — и попросил принести ему конверт. Потом, сунув его в карман, взял у кассира жетон и кинулся к телефонной будке. Позвонил. Кассир слышал щелчок аппарата.

— Но не вам?

— Да,— выдавил Мегрэ.— Не мне. Он пытался связаться еще с кем-то, неужели вам не понятно? Что же касается желтого автомобиля...

— Есть о нем какие-нибудь сведения?

— Нечеткие, но полезные. Вы знаете набережную Генриха IV?

— Где она примыкает к району площади Бастилии?

— Именно. Вы видите, все происходит в одном и том же районе. Создается такое впечатление, что вы движетесь по кругу. Набережная Генриха IV — одна из самых безлюдных, самых тихих во всем Париже. Там нет ни магазинов, ни баров, лишь дома буржуа. Желтый автомобиль мальчик-рассыльный заметил в среду точно в восемь десять. А заметил потому, что тот сломался напротив дома № 63, куда ему нужно было доставить телеграмму. Капот был открыт, двое мужчин копались в моторе.

— Он их описал?

— Нет. Было темно.

— А номер заметил?

— Тоже нет. Люди не очень часто думают, как бы запомнить номера автомобилей, которые им попадаются. Важно то, что автомобиль направлялся в сторону моста Аустерлиц. И что было десять минут девятого, а ведь вскрытие показало, что преступление совершено между восемью и десятью часами вечера.

— Скоро ли здоровье позволит вам выходить из дому, как вы считаете?

Комелио несколько поостыл, но, видимо, позиций сдавать не желал.

— Не знаю.

— Какое направление сейчас отрабатываете?

— Никакого. Я жду. Это единственное, что нам остается, не правда ли? Мы зашли в тупик. Мы, вернее, мои люди, сделали все, что могли. Теперь надо ждать и только.

— Ждать чего?

— Чего угодно! Что подвернется. Возможно, это будет свидетель. Возможно, какой-то новый факт.

— Вы полагаете, он появится, этот факт?

— Будем надеяться.

— Благодарю вас. Я доложу о нашем разговоре прокурору.

— Передайте ему мое почтение.

— Надеюсь на ваше выздоровление, господин комиссар.

— Премного благодарен, господин судебный следователь.

Когда Мегрэ повесил трубку, вид у него был мрачный, как у совы. Наблюдая уголком глаза за женой, которая вновь принялась за вязание, он почувствовал в ней какую-то напряженность.

— Тебе не кажется, что ты зашел слишком далеко?

— В каком смысле?

— Признайся, ты его разыгрывал?

— Ничуть.

— Ты все время потешался над ним.

— Ты так считаешь?

Мегрэ, казалось, искренне удивился. Ведь что он сказал, было правдой, в том числе и его сомнения относительно серьезности собственного недомогания. Порой, когда расследование не ладилось, он ложился в постель или просто оставался дома. Жена за ним ухаживала. Ходила на цыпочках. Не было шума и суеты полицейского управления, не было бесконечных расспросов и будничных забот. Коллеги навещали его или же звонили. Все были очень внимательны. Справлялись о здоровье. А за то, что, морщась, выпивал несколько чашек лекарственного отвара, жена готовила ему пунш.

А ведь действительно существовало нечто такое, что роднило Мегрэ с его мертвецом. И главное заключалось вот в чем (комиссар осознал это внезапно): он и сам боялся не столько переезда, сколько смены привычной обстановки. Не видеть по пробуждении надписи «Лост и Пепэн», не совершать каждое утро то же путешествие, обычно пешком...

Они оба были привязаны к своему окружению — и мертвец, и сам комиссар. И открытие это Мегрэ было приятно. Вытряхнув трубку, он набил ее свежим табаком.

— Ты действительно считаешь, что человек этот был владельцем кафе?

— Возможно, я чуть преувеличивал свою уверенность, но раз уж я это сказал, то хочу, чтобы так оно и оказалось. Видишь ли, тут все-все совпадает.

— Что совпадает?

— Я же сказал: все. Прежде всего я не думал, что так разболтаюсь. Принялся вдруг импровизировать. Потом почувствовал, что я на верном пути. И стал продолжать.

— Ну, а вдруг он сапожник или портной?

— Доктор Поль так бы мне и сказал. И Мерс тоже.

— Как бы они узнали?

— Доктор установил бы это по рукам, характеру мозолей, деформации пальцев. А Мерс — по пыли, которую он нашел бы в одежде убитого.

— Ну, а если он все-таки окажется вовсе не барменом?

— Было бы худо дело! Передай мне книгу.

У Мегрэ была еще одна привычка — с головой погружаться в чтение какого-нибудь романа Дюма. Дома у него было полное собрание сочинений этого писателя — старинное общедоступное издание с пожелтевшими страницами и романтическими иллюстрациями. Вдыхая запах этих книг, он сразу же вспоминал все недомогания, случавшиеся с ним.

Слышалось, как мурлыкает печь и клацают, задевая друг друга, вязальные спицы. Вскинув глаза на темный дубовый футляр часов, стал смотреть, как раскачивается взад-вперед медный маятник.

— Принял бы опять таблетку аспирина.

— Хорошо.

— Почему ты считаешь, что он звонил кому-то еще?

Добрейшей мадам Мегрэ очень хотелось помочь мужу. Обычно она не осмеливалась расспрашивать его — справлялась лишь, когда он вернется и придет ли к обеду или ужину. Но когда комиссар был нездоров и продолжал работать, она поневоле тревожилась. В глубине души она считала, что муж недостаточно серьезен.

В полицейском же управлении он, несомненно, вел себя совсем иначе: действовал и разговаривал, как настоящий полицейский комиссар!

Этот разговор с Комелио — с кем, подумать только! — встревожил ее. Было ясно: молча считая петли своего вязанья, она невольно вспоминала про него.

— Послушай, Мегрэ...

Комиссар с трудом оторвался от книги.

— Вот чего я не понимаю. Когда вы говорили про Лионский вокзал, ты сказал, будто этот человек побоялся пойти домой, потому что тогда бандит узнал бы, где он живет.

— Да, вероятно, я так и сказал.

— Вчера ты говорил, что он вроде бы сменил пиджак.

— Да. Ну и что из того?

— А следователя ты убеждал, что незнакомец, по-видимому, ел «брандад» в своем собственном кафе. Значит, он туда вернулся. Выходит, он больше не боялся, что его выследят.

Действительно ли Мегрэ думал об этом раньше? Или же ответил экспромтом?

— Одно вполне связано с другим.

— В самом деле?

— На вокзале он был во вторник вечером. Он мне еще не звонил. Надеялся, что оторвется от преследователя.

— А на другой день? Думаешь, его больше не преследовали?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39, 40.

— Возможно. Даже вероятно. Только я еще прибавлю, что часов в пять он изменил свое решение. Не забудь: он кому-то звонил и попросил у кельнера конверт.

— Конечно...

Хотя мадам Мегрэ и не была убеждена в этом, она со вздохом произнесла:

— Наверно, ты прав.

Молчание. Время от времени переворачивалась страница, да носок, лежавший в подоле жены, становился чуть длиннее.

Мадам Мегрэ открыла было рот, но промолчала. Не поднимая головы, комиссар произнес:

— Ну, выкладывай! Что ты хочешь сказать?

— Да так, пустяки... Просто я подумала, что он, видно, совершил промах, раз его все-таки убили.

— И в чем был его промах?

— А в том, что пошел домой. Извини, что помешала читать.

Но комиссар больше не читал. Во всяком случае, внимательно. Первым вскинул глаза.

— Ты забываешь про поломку машины!

Вдруг Мегрэ почудилось, будто завеса над тайной приподнимается и вот-вот ему откроется истина.

— Нужно выяснить, сколько времени ремонтировали желтый автомобиль.

Теперь Мегрэ разговаривал не с женой, а с самим собой. Та это поняла и старалась не прерывать мужа.

— Поломка — событие непредвиденное, случайное. Это нечто такое, что расстраивает заранее намеченные планы. Выходит, все пошло́ по-иному, чем им хотелось.

Мегрэ пристально посмотрел на жену. Ведь именно она в конечном счете направила его на верный путь.

— А что, если он погиб из-за поломки этой машины?

Не убирая книги с коленей, Мегрэ захлопнул ее, взял телефонную трубку и набрал номер управления уголовной полиции.

— Дайте мне Люка, дружище. Если его нет у себя, он в моем кабинете... Это ты, Люка? Как дела? Есть что-нибудь новенькое?.. Одну минуту...

Из опасения, как бы его не опередили, комиссар продолжал:

— Пошли кого-нибудь на набережную Генриха IV. Эрио или Дюбонне, если они на месте. Пусть опросят всех консьержей и жильцов. И не только в шестьдесят третьем доме и в соседних строениях, а во всем квартале. Набережная не так уж велика. Кто-нибудь да должен был заметить желтый автомобиль. Мне надо знать как можно точнее, когда он поломался и в котором часу уехал. Погоди! Вот еще что. Возможно, водителю понадобилась какая-нибудь запчасть. Поблизости наверняка есть гаражи. Пусть заглянут и туда. Пока все. Дело за тобой!

— Минуту, шеф. Пройду в другую комнату.

Это означало, что Люка в кабинете не один и не хочет говорить при постороннем.

— Алло!.. Все в порядке! Мне не хотелось, чтобы она меня слышала. Это все насчет автомобиля. С полчаса назад появилась одна старушенция. Я видел ее у вас в кабинете. Только вот беда: она немножко с пыльцой...

Что поделать! Любое расследование, получавшее хоть какую-то огласку, привлекало в полицейское управление полоумных со всего Парижа.

— Живет на набережной Шарантон, за складами Берси.

Наименование напомнило Мегрэ о другом расследовании, которое несколько лет назад он проводил в одном подозрительном домишке. Вспомнилась набережная Берси, железная решетка пакгауза слева, высокие деревья и каменный парапет справа. Дальше, за мостом (название он забыл), набережная расширялась. По одну ее сторону выстроился ряд двух-трехэтажных вилл. Место напоминало скорее предместье, чем город. Там стояла на приколе целая флотилия барж и повсюду, куда хватал взгляд, тянулись ряды бочек.

— Чем она занимается, твоя старушенция?

— В том-то и закавыка. Она гадалка и прорицательница.

— Гм!

— Да, я тоже так подумал. Вовсю трещит, уставясь прямо в глаза, так что не по себе становится. Сначала божилась, что вовсе не читает газет, и пыталась убедить меня, будто ей это ни к чему. Ей, мол, достаточно погрузиться в транс, чтоб узнать обо всем, что происходит.

— И ты поднажал на нее.

— Да. В конце концов призналась, что, возможно, заглянула в газету, оставленную у нее кем-то из клиентов.

— И что потом?

— Прочитала описание желтого авто. Старуха заявляет, будто видела эту колымагу в среду вечером меньше чем в ста метрах от своего дома.

— В какое время?

— Около девяти.

— А тех, кто сидел в ней?

— Видела, как двое вошли в дом.

— Она может указать этот дом?

— Это небольшое кафе на углу набережной и какой-то улицы. Называется «У маленького Альберта».

Мегрэ стиснул в зубах трубку, стараясь не глядеть в сторону жены, чтобы та не заметила вспыхнувшего у него в глазах огонька.

— Это все?

— Почти все, что представляет какой-то интерес. А говорила целых полчаса и с жуткой быстротой. Хотите повидать ее?

— А то как же!

— Привезти ее к вам?

— Минутку. Ей известно, сколько времени автомобиль стоял возле кафе?

— С полчаса.

— И уехал в сторону центра?

— Нет. В сторону Шарантона.

— Не выносили ли из дома поклажу? Понимаешь, что́ я имею в виду?

— Нет. Старуха утверждает, будто люди эти ничего не несли. Это-то меня и озадачивает. Опять же вопрос времени. Что, интересно, эти типы могли делать с трупом с девяти вечера до часа ночи? Не на пикник же они ездили? Так везти мне эту старую курицу?

— Давай. Найми такси и придержи. Захвати с собой сержанта. Он может подождать со старухой внизу.

— Вы из дому выйдете?

— Да.

— А как ваш бронхит? — тактично спросил Люка. Он не сказал «простуда». «Бронхит» звучит куда серьезнее.

— За меня не беспокойся.

Мадам Мегрэ начала крутиться на стуле, беззвучно открывая рот.

— Предупреди сержанта, пусть не даст старухе удрать, пока будешь подниматься наверх. Есть такие люди, что любят вдруг менять свое решение.

— Не тот случай. Ей не терпится увидеть в газете свое фото, все свои титулы и таланты. Она спрашивала, где же фотографы.

— Пусть ее снимут перед уходом. Это осчастливит старушку.

Повесив трубку, комиссар с мягкой усмешкой посмотрел на жену, затем перевел взор на томик Дюма, который придется отложить до следующей болезни. С отвращением взглянул на чашку с лекарственным отваром.

— Мне надо на службу! — заявил он, подходя к буфету, и достал оттуда бутылку кальвадоса и рюмку с золотым ободком.

— Вряд ли стоило мне пичкать тебя аспирином, чтоб пропотел!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Всем, кто впервые попадает в управление уголовной полиции, приходится выслушать множество историй об испытаниях на выдержку и выносливость. Одна такая история произошла, к примеру, с Мегрэ лет пятнадцать назад. Дело было поздней осенью. Это худшее время года, особенно в Нормандии, где из-за нависшего над головой свинцового неба день кажется еще короче. Выслеживая преступника, комиссару пришлось трое суток, точно прикованному, дежурить у ворот сада, расположенного на заброшенной дороге в окрестностях Фекана. Поблизости ни одного дома. Кругом только поля. Даже коров пастухи загнали в хлев. Чтобы добраться до ближайшего телефона и попросить выслать смену, пришлось бы пройти километра четыре. Никто не знал, где комиссар. Он и сам-то не предполагал, что окажется тут.

Три дня и две ночи шел проливной дождь, холодный осенний дождь. Даже табак в трубке намок. Встретились лишь трое крестьян в деревянных сабо. Подозрительно поглядев, они поспешно скрылись. У Мегрэ не было ни еды, ни питья. Хуже того, к концу второго дня не осталось и спички, чтобы раскурить трубку.

Героем другой истории, «истории о придурковатом калеке», был Люка. Чтобы вести наблюдение за небольшим частным домом (он находился на углу улицы Бираг неподалеку от площади Вог), под видом парализованного старика с окладистой бородой его поместили в комнате напротив. Каждое утро сиделка подкатывала его в кресле-коляске к окну и в таком положении оставляла на целый день. Кормили его с ложки. Так продолжалось десять дней, и под конец Люка по-настоящему разучился ходить.

В ту ночь Мегрэ вспомнились эти и им подобные истории. У него было такое предчувствие, что байка, которую будут рассказывать, станет не менее знаменитой, во всяком случае, в его собственных глазах.

Все это сильно смахивало на игру, в которой он принимал участие и к которой относился со всей серьезностью. Например, в семь часов, когда Люка собирался уходить, комиссар вполне естественным тоном спросил того:

— На посошок?

Ставни в кафе он оставил, как прежде, открытыми. В помещении горел свет. Словно в маленькой таверне перед закрытием, столы были выровнены, пол посыпан опилками.

— Что будешь пить? Пикон-гренадин? Касси? — поинтересовался Мегрэ, доставая из буфета рюмки.

— Касси.

И, чтобы еще больше войти в роль, Мегрэ налил себе аперитива «сюз».

— Нет ли у тебя на примете человека, который подошел бы для такой работы?

— Шеврье. Его родители держали гостиницу в Морсюр-Луэн. Он им помогал до самого призыва.

— Немедленно с ним свяжись, пусть собирается. Твое здоровье! Ему надо подыскать женщину, которая умеет стряпать.

— Для него это не проблема.

— Рюмочку вермута?

— Благодарю. Ну, я пошел.

— Пришли ко мне тотчас же Мерса. Пусть захватит свои причиндалы.

Проводив Люка до двери, Мегрэ постоял, разглядывая пустынную набережную, ряды бочонков, сонные баржи, ошвартованные у стенки.

Это было небольшое кафе, какие попадаются на каждом шагу, правда, не в самом Париже, а на окраинах. Не кафе, а картинка. Дом — в нем было всего два этажа — стоял на углу улицы. Красная черепичная крыша, покрашенные охрой стены, по которым выведено коричневыми буквами: «У маленького Альберта». По обеим сторонам названия наивные завитки: «Напитки, закуски в любое время».

На заднем дворе под навесом комиссар обнаружил зеленого цвета кадки с кустами. Очевидно, летом их выносили на тротуар; получалось нечто вроде террасы, куда выставляли два-три столика.

Теперь пустой дом находился в распоряжении комиссара. Несколько дней тут не топили, и воздух был холодный и сырой. Мегрэ посмотрел на стоявший посередине помещения большой очаг, над которым поднимался черный дымоход, исчезавший в стене.

В самом деле, почему бы и нет? Ведь угля в ящике достаточно. В том же самом сарае отыскал дрова, топор и чурбан для колки дров. В углу на кухне обнаружил старые газеты.

Спустя несколько минут в очаге плясало пламя. Сложив по обыкновению руки за спиной, комиссар встал перед топкой.

Старуха, которую откопал Люка, оказалась не такой уж полоумной. Они побывали у нее в доме. По дороге, в такси, она болтала без умолку, время от времени искоса поглядывая на своих спутников, чтобы выяснить, какое произвела на них впечатление.

Дом ее находился менее чем в сотне метров от кафе. Это был двухэтажный коттедж с небольшим садиком. Любопытно, каким это образом она сумела разглядеть с такого расстояния, что происходит на мостовой, да еще в темноте.

— Ведь все это время вы находились не на улице?

— Нет.

— И не стояли в дверях своего дома?

— Я была у себя.

И правда, в выходившей окнами на набережную необыкновенно опрятной комнате со стороны кафе «У маленького Альберта» имелось еще одно окно, откуда просматривался изрядный участок улицы. Жалюзи в комнате не было, и вполне естественно, что стоящий с включенными габаритными огнями автомобиль привлек внимание старой женщины.

— Вы были одни?

— У меня сидела мадам Шоффье.

Акушерка, которая живет в соседнем квартале. Факт проверен и подтвержден. Дом старухи вопреки тому, что можно было бы предположить по внешности ее обитательницы, ничем не отличался от любого жилища одинокой женщины. Побрякушек и амулетов, какими любят окружать себя гадалки, тут не было. Светлого цвета мебель явно приобретена в известном магазине на бульваре Барбес, пол покрыт желтым линолеумом.

— Это должно было случиться,— проговорила старуха.— Читали, что́ у него написано на кафе? Если он не посвященный, значит, он совершил кощунство.

Хозяйка поставила на огонь воду. Ей непременно хотелось угостить кофе комиссара Мегрэ. Она объяснила, что «Albertus Parvus» [1] — это название книги о магии, написанной не то в четырнадцатом, не то в пятнадцатом веке.

— А что, если его действительно звали Альберт? И он действительно был маленького роста?

— Знаю, он маленький. Я часто его видела. Но это все равно не причина. Есть вещи, с которыми шутки плохи.

О жене Альберта старуха отозвалась так:

— Рослая брюнетка, довольно неряшливая. Я б ее стряпню есть не стала. Потом от нее всегда несло чесноком.

— Долго ли были закрыты ставни?

— Не знаю. На другой день после того, как я видела автомобиль, я заболела гриппом. Когда поправилась, кафе было закрыто. Ну и слава богу, подумала я.

— Там было шумно?

— Нет. К ним почти никто не заглядывал. Хотя погодите, кафе посещали рабочие, которые работают на том кране на набережной. Они тут обедали. Потом бармен из Сесса, виноторговцы... Заходили промочить горло матросы с барж.

Старухе непременно хотелось знать, в каких газетах поместят ее фотографию.

— Только пусть не пишут, что я гадалка. Ведь это все равно, если вас назвать полицейским.

— Я б не стал обижаться.

— Но это повредило бы моей репутации.

Со старухой было покончено. Кофе ее Мегрэ выпил. Вместе с Люка они отправились в дом на углу. Люка машинально повернул ручку, и дверь отворилась.

Странное дело: бистро самое малое четыре дня оставалось незапертым, однако, по-видимому, никто сюда не наведывался — бутылки на буфете и деньги в кассе оказались нетронутыми.

Стены до метровой высоты выкрашены коричневой, а выше—салатного цвета краской. Повсюду развешаны календари, издаваемые фирмами-поставщиками.

Выходит, «маленький Альберт» не был коренным парижанином; вернее, подобно большинству жителей Парижа он сохранил некоторые провинциальные замашки. Кафе он явно обставил на свой вкус: оно ничем не отличалось от любого деревенского.

Спальные комнаты на втором этаже были в таком же стиле. Засунув руки в карманы, Мегрэ осмотрел весь дом. Люка с улыбкой наблюдал за комиссаром. Сняв пальто и шляпу, тот держался совсем как владелец здешнего заведения. За какие-то полчаса Мегрэ вполне тут освоился. Время от времени он подходил к стойке и вставал в позу кабатчика.

— Ясно одно: Нины здесь нет.

В поисках жены «маленького Альберта» вдвоем обшарили здание с чердака до подвала, обыскали двор и небольшой садик, где валялись старые ящики и пустые бутылки.

— Что на это скажешь, Люка?

— Не знаю, шеф.

В кафе было всего восемь столиков: четыре возле одной стены, два — возле другой и еще два посередине, около самого очага. На один из них детективы обратили особое внимание: опилки возле ножек стула были аккуратно заметены. Уж не затем ли, чтоб скрыть следы крови?

Но кто убрал остатки трапезы жертвы, вымыл тарелки и стаканы?

— Может, они еще раз наведывались?— предположил Люка.

Во всяком случае, налицо была одна любопытная деталь. Все в доме было опрятно, но на стойке стояла неубранная раскупоренная бутылка. Мегрэ постарался не прикоснуться к ней хотя бы случайно. В бутылке был коньяк. Похоже на то, что лицо или лица, которые пили его, обошлись без стаканов, отхлебывая прямо из горлышка.

Неизвестные побывали и наверху. Обыскали все ящики комодов, затем задвинули их, разворошив белье и остальное содержимое.

Самое странное: из двух рамок, висевших на стене, были вынуты фотографии.

Незнакомцам, видно, нужен был вовсе не портрет маленького Альберта, поскольку он стоял на комоде — округлое веселое лицо, на лоб ниспадает прядь волос. Что-то в нем действительно напоминало клоуна, что подметил и владелец «Подвалов Божоле».

Подъехало такси. Послышались шаги. Мегрэ отодвинул засов.

— Входи,— сказал он, обращаясь к Мерсу, который нес довольно увесистый чемодан.— Поужинал? Нет? Рюмку аперитива?

Вечер и ночь, которые они здесь провели, были совершенно необычными. Время от времени Мегрэ наблюдал за Мерсом, который был занят трудоемкой и кропотливой работой, повсюду отыскивая едва заметные отпечатки пальцев — сначала в кафе, потом на кухне, в спальной, в каждом помещении.

— Тот, кто первым взял эту бутылку, был в перчатках,— с уверенностью заявил эксперт.

Мерс также взял образцы опилок с пола около стола, находившегося у очага. А в мусорном ведре Мегрэ обнаружил остатки соленой трески.

Еще несколько часов назад комиссару не было известно имя мертвеца, а облик его был неясен. Теперь же в распоряжении у них была не только фотография убитого. Комиссар жил у него в доме, среди его обстановки, рассматривал его одежду, прикасался к его личным вещам.

Не без некоторого удовлетворения, едва они вошли, комиссар указал Люка на пиджак, висевший на вешалке в спальной,— он был из той же ткани, что и брюки убитого.

Выходит, он, Мегрэ, оказался прав: Альберт пришел домой и по обыкновению переоделся.

— Мерс, дружок, как ты думаешь, когда сюда приходили последний раз?

— Думается, кто-то побывал тут сегодня,— ответил молодой человек, изучив следы коньяка на стойке возле распечатанной бутылки.

Весьма возможно. Дом был открыт, и войти мог любой. Только прохожие этого не знали. Когда люди видят закрытые ставни, им редко приходит в голову повернуть ручку двери, чтобы убедиться, закрыта ли она.

— Они что-то искали, да?

— Я тоже так считаю.

Видно, какой-то небольшой предмет, скорее всего какую-то бумагу, поскольку открыли даже коробочку из-под серег.

Ужин у Мерса и Мегрэ получился довольно странный. Мегрэ изображал кельнера. В кладовке он нашел колбасу, несколько банок сардин и голландский сыр. Спустившись в подвал, нацедил бочонок вина — густого, с синеватым отливом. Тут же стояли закупоренные бутылки, но он их не тронул.

— Вы остаетесь, шеф?

— Ну, конечно. Не думаю, что кто-нибудь зайдет сюда вечером, но домой неохота ехать.

— Хотите, я останусь с вами?

— Не надо, спасибо, Мерс. Лучше отправляйся сразу к себе и сделай анализы.

Мерс ничего не упустил из виду, даже клок женских волос в гребне на туалетном столике исследовал. Снаружи в кафе проникало немного звуков. Прохожие были немногочисленны. Время от времени, особенно после полуночи, слышался грохот грузовика, направлявшегося к Центральному рынку.

Мегрэ позвонил жене.

— Ты вполне уверен, что не простудишься снова?

— Не беспокойся. Я затопил очаг. Скоро сварю себе грог.

— Тебе не выспаться.

— Высплюсь. У меня есть выбор — кровать, шезлонг.

— А простыни чистые?

— В комоде на площадке есть чистые.

Поначалу он хотел постлать свежее белье и лечь в кровать, но, подумав, решил устроиться в шезлонге.

Мерс ушел около часа ночи. Комиссар подкинул дров, налил себе крепкого грогу, удостоверился, что все в порядке, и, заперев дверь, грузным шагом идущего почивать человека поднялся по винтовой лестнице наверх.

В гардеробной отыскал домашний халат из голубой фланели с шелковыми отворотами, но тот оказался слишком короток и узок. Выяснилось, что и шлепанцы возле кровати ему также не по ноге.

Оставшись в одних носках, Мегрэ завернулся в одеяло и, положив под голову подушку, устроился в шезлонге. Ставней на втором этаже не было. Свет газового рожка, проникавший с улицы через узорчатые гардины, вычерчивал на стене замысловатые арабески.

Попыхивая трубкой, Мегрэ из-под полузакрытых век наблюдал за их игрой. Он понемногу привыкал к обстановке. Дом он примерял, как примеряют одежду, и уже привыкал к его запаху — кисловато-сладкому запаху, напомнившему ему жизнь в деревне.

Почему же исчезли фотографии Нины? Почему исчезла она сама, бросив дом и даже не взяв в кассе деньги? Правда, там было не больше сотни франков. Возможно, маленький Альберт хранил свои сбережения в другом месте и кто-то забрал их вместе с бумагами.

Тщательный этот обыск злоумышленники производили аккуратно, не нанося ущерба. Одежду осмотрели, но с вешалок не сняли. Фотографии вынуты, а рамки снова повешены на крючки.

Мегрэ уснул. Услышав стук в ставни, он готов был поклясться, что едва успел сомкнуть глаза. Между тем пробило уже семь утра. Над Сеной светило солнце, гудели буксиры, таща за собой баржи.

Не зашнуровав туфли, спустился вниз — лохматый, в рубашке с расстегнутым воротом, мятом пиджаке.

Пришел Шеврье с миловидной молодой женщиной в темно-синем костюме, на взбитых волосах — красная шляпка.

— Вот и мы, господин комиссар.

В полицейском управлении Шеврье работал всего три-четыре года. Вопреки своей фамилии он больше походил на овцу, чем на козла,— так округлы и мягки были черты его лица и фигуры. Спутница дергала его за рукав. Спохватившись, он произнес:

— Прошу прощения! Господин комиссар, разрешите представить мою жену.

— Вы не беспокойтесь!— храбро заявила мадам Шеврье.— Работу я знаю. Моя мама была хозяйкой деревенского трактира. Бывало, взяв в помощницы пару женщин, мы с ней умудрялись приготовить свадебный обед на полсотни гостей, а то и больше.

Подойдя к кофеварке, она обратилась к мужу:

— Дай мне спички.

Вспыхнуло пламя газа, и спустя несколько минут весь дом наполнился ароматом кофе.

Шеврье догадался облачиться в черные брюки и белую сорочку, одевшись для роли, которую ему предстояло сыграть. Встав за стойку, он начал передвигать все с места на место.

— Открывать?

— Конечно. Пора, наверно.

— Кто будет делать покупки?— осведомилась мадам Шеврье.

— Выберите время, возьмите такси и съездите в ближайшую лавку.

— Телячье фрикандо со щавелем вас устроит?

Молодая женщина захватила с собой даже белый фартук. Она была весела и жизнерадостна. Все это походило на игру или пикник.

— Можете открыть ставни,— заявил комиссар.— Если клиенты будут задавать вопросы, скажите, что подменяете хозяев.

Поднявшись в спальню, Мегрэ отыскал бритву, крем для бритья и кисточку. Почему бы и нет, в конце-то концов? Маленький Альберт был, похоже, чистоплотен и здоров.

Неспешно закончив туалет, спустился вниз. Мадам Шеврье уже отправилась за покупками. Двое клиентов — это были речники — пили у стойки кофе с коньяком. Кто владелец заведения, их ничуть не интересовало. Возможно, это были лишь случайные посетители. Они толковали о каком-то шлюзе, который накануне едва не разворотило буксиром.

— Что вам налить, шеф?

Мегрэ сам позаботился о себе. Ведь ему впервые пришлось стоять за стойкой и наливать себе ром из бутылки. Внезапно он фыркнул.

— Я подумал о Комелио,— объяснил он.

Мегрэ попытался представить себе такую картину: в кафе «Маленький Альберт» входит судебный следователь и обнаруживает за стойкой комиссара и с ним одного из его сыщиков.

И все-таки это единственный способ что-то узнать. Увидев, что бар открыт, как обычно, те, кто убил владельца, будут наверняка озадачены. И Нина тоже, если только она еще жива.

Часов в девять, держа в руках продуктовую сумку, мимо кафе несколько раз прошла старуха прорицательница. Она даже прижалась лицом к оконному стеклу. Под конец она удалилась, что-то бормоча себе под нос.

Позвонила мадам Мегрэ, справляясь о муже.

— Тебе надо что-нибудь привезти? Например, зубную щетку?

— Нет, спасибо. Я уже послал за щеткой.

— Звонил Комелио.

— Надеюсь, ты не сообщила ему номер телефона?

— Нет. Только сказала, что тебя нет дома со вчерашнего дня.

Вышла из такси мадам Шеврье, неся корзины с овощами и какими-то кульками. Когда Мегрэ назвал ее «мадам», она запротестовала:

— Зовите меня Ирмой. Тогда и посетители будут меня так звать, вот увидите. Ты ведь не против, Эмиль?

Перевел с французского Виктор КУЗНЕЦОВ.

Продолжение следует.

---

[1] Маленький Альберт (лат.).

Жорж СИМЕНОН

РОМАН

Рисунки Валерия КАРАСЕВА.

МЕГРЭ И ЕГО МЕРТВЕЦ

В течение дня комиссару Мегрэ звонил мужчина и взволнованным голосом говорил о том, что его преследуют и могут убить. Глубокой ночью полицейские находят его мертвым. Становится известно, что кто-то, рискуя быть схваченным, привозит в желтом «ситроене» убитого и оставляет в центре Парижа. В этом видно явное намерение пустить полицию по ложному следу. Экспертиза устанавливает, что лицо погибшего уже после смерти было изуродовано, очевидно, для того, чтобы затруднить опознание. После объявления в газете пришел мальчик-рассыльный и рассказал полицейским, что видел в тот вечер на набережной желтую машину, в моторе которой копались двое мужчин. Появилась и старуха гадалка, тогда же видевшая, как двое мужчин вылезли из желтой машины и скрылись в кафе «У маленького Альберта». Когда Мегрэ со своим сотрудником прибыл на место, оказалось, что вход в кафе и дом не заперт, однако хозяева отсутствуют.

Клиентов было немного. Зашли перекусить три подручных каменщика, работавшие на соседней улице. Хлеб и колбасу они принесли с собой и заказали два литра красного.

— Хорошо, что вы опять открыты! А то минут десять приходилось топать, чтобы пропустить стаканчик!

Появление новых лиц их ничуть не удивило.

— А старый хозяин больше не работает?

— Хороший он был малый!— заявил один из рабочих.

— Давно вы с ним познакомились?

— Недели две, как начали тут рядом вкалывать. Понимаете, мы обедаем везде, где придется.

Их, правда, немного заинтриговал Мегрэ, расхаживавший повсюду.

— Кто это? Он вроде нездешний.

— Тсс! Это мой тесть...— с простодушным видом отвечал Шеврье.

На плите шипели кастрюли. Заведение оживало. Сквозь широкие, в глубоких проемах, окна внутрь помещения стали проникать скупые лучи солнца. Засучив рукава, Шеврье смел опилки.

Телефонный звонок.

— Вас, шеф. Это Мерс.

Бедняга Мерс всю ночь не сомкнул глаз. Данные дактилоскопической экспертизы не слишком обнадеживали. Обнаруженные на мебели, на бутылках отпечатки оказались старыми, затертыми. Самые отчетливые он передал в антропометрический отдел, но владельца их в картотеке не оказалось.

— Они работали в резиновых перчатках. Единственно, что дало положительный результат,— это опилки: анализ показал следы крови.

— Человеческой?

— Через час станет известно наверняка. Но я почти уверен, что это так.

Люка, который в ту ночь тоже внес свою лепту, приехал около одиннадцати, очень оживленный, Мегрэ заметил на нем яркий галстук.

— Один эспор-касси!— воскликнул он, подмигнув Шеврье.

Ирма успела нацепить на дверь грифельную доску, на которой мелом было выведено: «Сегодня в меню: телячье фрикандо с приправой из щавеля».

Молодая женщина вся была в хлопотах. Казалось, места своего теперь не уступит ни за какие коврижки.

— Поднимемся наверх,— предложил Люка комиссар. Расположились возле приоткрытого окна спальной, благо погода выдалась теплая. Извлекая из чрева баржи бочки, на берегу грохотал кран. Свистели гудки, скрежетали цепи, по кипящей от ударов винтов воде сновали, запыхавшись, буксиры.

— Его звали Альберт Рошен. Я был в налоговом управлении. Разрешение на право торговли он получил четыре года назад.

— Узнал ее фамилию?

— Нет. Разрешение на его имя. Я справлялся в ратуше, но там мне ничего сказать не смогли. Должно быть, он женился до того, как сюда переехал.

— А что сообщили в полицейском участке?

— Ничего. По их словам, заведение приличное. Полиции ни разу не приходилось наводить тут порядок.

Мегрэ то и дело поглядывал на улыбавшийся ему с комода портрет своего мертвеца.

— От своих клиентов Шеврье узнает остальное.

— Вы останетесь здесь?

— Мы можем пообедать внизу, будто зашли случайно. От Торранса и Жанвье никаких новостей?

— Они все еще возятся с букмекерами.

— Если сумеешь связаться с ними по телефону, скажи, пусть как следует проработают Венсен.

Логика была прежней: Венсенский ипподром находился, так сказать, в нужном направлении. А маленький Альберт, как и сам Мегрэ, был человеком привычки.

— Неужели посетители не удивлены, что кафе снова открыто?

— Не слишком. Кое-кто из соседей заглядывал в окна. Они, видно, решили, что Альберт продал свое заведение.

В полдень оба сели возле окна. Ирма обслуживала их сама. В кафе за соседними столиками сидело несколько посетителей. Среди них были машинисты с портового крана.

— Что, Альберту наконец-то подфартило?— спросил один из них у Шеврье.

— Он ненадолго уехал в деревню.

— Так ты его подменяешь? Нину он с собой прихватил? Может, нас не так будут пичкать чесноком. А мы и не против! Не то чтоб я не любил его, просто дух от него слишком уж силен.

Когда Ирма проходила мимо, крановщик ущипнул ее за ягодицу. Шеврье не подал и виду, даже выдержал вопросительный взгляд Люка.

— В общем-то он малый неплохой! Только до скачек охоч... Послушай, если ему было кем заменить себя, чего ж кафе целых четыре дня было закрыто? Да еще и не предупредил никого! Пришлось в первый день тащиться к Шарантонскому мосту. Нет, милашка, камамберу мне не надо. А швейцарский буду есть хоть каждый день. Жюль, так тот любитель рокфора...

И все-таки они были удивлены новыми хозяевами. Особенно интриговала их Ирма.

— Долго Шеврье не выдержать,— прошептал Люка на ухо комиссару.— Они всего два года женаты. Если эти парни будут давать волю рукам, он им врежет.

Все оказалось не так уж серьезно. Однако, принеся мастеровым вино, сержант решительно проговорил:

— Она моя жена.

— Поздравляем, приятель... Не беспокойся, не такие мы дурные!— ржали крановщики. Ребята они были неплохие, но вряд ли догадывались, каково приходилось мнимому кабатчику.

— Понимаешь, Альберт вытянул беспроигрышный номер... Мог не опасаться, что кто-нибудь на его Нину позарится...

— Почему ж это?

— Ты что, не знаешь ее?

— В глаза не видел.

— Не много потерял, корешок... Ее и в казарме сенегальских стрелков никто бы не тронул. А вообще-то она баба душевная, верно, Жюль?

— А какого она хоть возраста?

— Как думаешь, Жюль, есть у нее какой-нибудь возраст?

— Сказать трудно. Может, тридцать... А может, пятьдесят стукнуло. Смотря с какого боку поглядеть... Если со стороны здорового глаза, то она ничего... Но если с другого...

— Что, она косит?

— Еще как, старина!.. Он хочет знать, косит она или нет!.. Да она может увидеть сразу носки твоих ботинок и верхушку Эйфелевой башни!..

— Альберт был к ней привязан?

— Видишь, парень, Альберт был один из тех, кто умеет устроиться в жизни. А твоя хозяйка стряпает будь здоров! Ничего не скажешь! Но спорю, что это ты встаешь в шесть утра и топаешь на базар... Может, ты ей и картошку чистить помогал?

А потом она и посуду не станет мыть одна, так что не до скачек тебе будет. А вот Альберт и пальцем не ударил... Да и деньжонки кой-какие у Нины, видно, водились...

Почему в этот момент Люка украдкой взглянул на Мегрэ? Не повредило ли услышанное репутации убитого?

— Не знаю, как это у ней получилось,— продолжал механик.— Только не красотой она взяла Альберта...

Мегрэ оставался невозмутимым. Даже чуть заметно улыбался. Он не пропускал ни одного слова, и слова тотчас превращались в образы, ко-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—41.

торые завершали портрет маленького Альберта. Но личность этого кабатчика, похоже, по-прежнему была близка комиссару.

— А вы родом из каких мест, ребята?

— Из Берри,— отвечала Ирма.

— А я из Шербура,— заметил Шеврье.

— Выходит, с Альбертом ты познакомился не у себя дома. Он из «шеверян»... Откуда он, Жюль, из Туркуэна?

— Из Рубэ.

— Ну, это без разницы.

— А он не работал какое-то время возле Северного вокзала?— вмешался Мегрэ. В таком бедном заведении вопрос прозвучал вполне уместно.

— Ага, в «Циферблате». Прежде чем тут обосноваться, он лет десять — двенадцать вкалывал кельнером.

— Выходит, с Ниной он там не мог познакомиться.

— Во всяком случае, ему повезло. Я не насчет веселой жизни или развлечений толкую. Я насчет того, что ему не надо было хлопотать.

— Она южанка?

— Что правда, то правда!

— Из Марселя?

— Из Тулузы... А говор — без ножа зарежет. Диктору станции «Радио Тулуза» нос утрет. Подай-ка счет, голубушка. Послушай, хозяин, чего ж ты такой невежа?

Шеврье озадаченно хмурился. Между тем Мегрэ понял, в чем дело.

— Верно!— вмешался он.— Когда появляется новый владелец, с него причитается.

Обедать пришло всего восемь посетителей. Одним из них был виноторговец — молча жевавший в углу хмурый мужчина средних лет, который всем был недоволен: стряпней, тем, как накрыт стол, белым вином, которое ему подали вместо красного.

— Превратят теперь кафе в забегаловку, каких пруд пруди,— пробормотал он, уходя.— Так всегда бывает...

Шеврье уже не получал удовольствия от принятой на себя роли — не то что утром. Лишь у Ирмы, как и прежде, работа спорилась. Даже посуду она мыла, мурлыкая какую-то песенку.

В половине второго в кафе остались только Мегрэ и Люка. Наступил период безлюдья. Изредка наведывался какой-нибудь клиент, пешеход, почувствовавший жажду, или один-два матроса с баржи, зашедшие скоротать время, пока судно их загружается.

Развалясь на стуле, Мегрэ попыхивал трубкой. Поел он довольно плотно, отчасти для того, чтобы порадовать Ирму. Его, казалось, совсем разморило. Неожиданно комиссар наступил напарнику на ногу.

По тротуару только что прошел какой-то человек. Он заглянул в окно, затем, мгновение поколебавшись, двинулся к двери.

Среднего роста. Рыжие волосы, веснушчатое лицо, голубые глаза, толстые губы.

Незнакомец взялся за ручку. Вошел нерешительно. Во всей его фигуре чувствовалась какая-то настороженность.

Потрепанные башмаки несколько дней не чищены. Темного цвета костюм вытерт, рубашка сомнительной чистоты, неряшливо завязанный галстук.

Чем-то он походил на кота, который, очутившись в незнакомой комнате, оглядывается кругом, принюхивается, не подстерегает ли его какая-нибудь опасность. Уровень умственного развития у него, вероятно, ниже среднего. Такие глаза бывают часто у деревенских идиотов — не выражающие ничего, кроме природного коварства и недоверчивости.

Завидев Мегрэ и Люка, он, казалось, изумился. Не сводя с них глаз, он боком подобрался к стойке и постучал монетой.

Вошел Шеврье, закусывавший в углу кухни.

— Чего изволите?

Вошедший все еще стоял в нерешительности. Он словно потерял голос. Произнеся какой-то резкий звук, он указал на бутылку, стоявшую на кухонном шкафу.

Теперь он пристально разглядывал Шеврье, словно силясь уразуметь нечто недоступное его пониманию.

Внешне бесстрастный, Мегрэ продолжал постукивать ботинком по туфле соседа. Время словно остановилось. Левой рукой пришелец достал из кармана деньги, правой взял стакан и залпом его опорожнил.

Крепкий напиток заставил его закашляться, на глазах выступили слезы. Затем швырнул на стойку несколько монет и широким, быстрым шагом вышел на улицу.

— За ним, живо!— приказал помощнику комиссар.— Боюсь только, его уж теперь не догнать.

Сержант поспешно кинулся вслед.

— Вызови такси! Быстро!— скомандовал комиссар, обращаясь к Шеврье.

Набережная Берси прямая и длинная, боковых улиц тут нет. Может, прежде чем этот тип удерет от Люка, удастся догнать его на автомобиле.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Чем жарче становилась погоня, тем сильнее крепла в Мегрэ уверенность, что все это когда-то с ним уже происходило. Подобное ощущение он порой испытывал во сне. Таких снов он в детстве боялся больше всего. Ему обычно снилось, будто пробирается через какие-то дебри, и тотчас его охватывало такое чувство, словно уже был здесь, делал те же движения, произносил те же слова. При этом у него появлялось какое-то головокружение.

Преследование, начавшееся на набережной Шарантон, шло тем же затейливым маршрутом, который мысленно проделал комиссар у себя в кабинете, когда в полном отчаяния голосе маленького Альберта ему слышалось эхо растущей тревоги и страха.

Он снова наблюдал, как усиливается тревога. Человек, спешивший по бесконечной, почти пустынной набережной Берси, то и дело оглядывался и, всякий раз видя позади себя приземистую фигуру Люка, ускорял шаг.

Мегрэ ехал в такси следом. Какой контраст являли собой оба эти человека! У того, что шел впереди, взгляд и походка словно у дикого зверя. Движения, даже когда он принимался бежать, исполнены какой-то своеобразной грации.

По пятам за ним следовал дородный Люка. По обыкновению выставив вперед брюшко, он напоминал одну из тех похожих на сосиску с приделанными к ней ногами неказистых дворняг, которые преследуют вепря настойчивее самых породистых борзых.

Любой готов был биться об заклад, что рыжий опередит Люка. Даже Мегрэ, увидев, что незнакомец, воспользовавшись отсутствием пешеходов, устремился вперед, велел шоферу прибавить газу. Но, оказывается, напрасно. Самое странное, Люка вроде бы и не спешил. Он просто шагал себе, с виду среднего достатка парижанин, отправившийся прогуляться.

Когда незнакомец услышал позади шаги и, взглянув через плечо, заметил в поравнявшемся с ним такси Мегрэ, он понял, что выбиваться из сил и привлекать к себе внимание ни к чему. И тогда он пошел прежним ровным шагом.

Тысячи людей встретятся им в этот день на улицах и площадях Парижа, но, как и в тот раз, когда похожее происходило с Альбертом, никто не заподозрит, какая на глазах у них разыгрывается драма.

К тому времени, как они добрались до моста Аустерлиц, иностранец — Мегрэ решил, что перед ним иностранец,— казалось, был обеспокоен больше, чем поначалу. Беглец повернул на набережную Генриха IV, видно, что-то затеяв. И действительно, как только все трое оказались в квартале Сен-Поль, незнакомец снова рванулся вперед, но на этот раз в сторону переплетшихся между собой узких улочек, расположенных между улицей святого Антония и набережными.

Мегрэ чуть не потерял его из виду: оказалось, что один из переулков перегорожен грузовиком.

Играющие на мостовой дети изумленно смотрели на двух бегущих мужчин. Лишь через два квартала Мегрэ удалось догнать обоих. По-прежнему чрезвычайно респектабельный, пальто аккуратно застегнуто, Люка лишь чуть запыхался. Он даже догадался мигнуть комиссару: дескать, не беспокойтесь.

Сержант еще не знал, что погоня эта, за которой Мегрэ с комфортом наблюдал из автомобиля, будет продолжаться не один час. Что она станет еще более напряженной.

Позвонив куда-то, незнакомец начал терять самообладание. Он зашел в небольшой бар на улице святого Антония. Люка последовал за ним.

— Он его сейчас арестует?— поинтересовался водитель, знавший Мегрэ.

— Нет.

— Почему же?

В его представлении всякий, кого выслеживают, непременно будет арестован. К чему же тогда это жестокое преследование? Он рассуждал точь-в-точь как ничего не смыслящие в охоте люди, которые наблюдают, как гонят зверя.

Не обращая внимания на сыщика, незнакомец приобрел жетон и закрылся в телефонной кабине. В окно бистро было видно, как Люка, воспользовавшись случаем, освежается объемистым бокалом пива. От этого зрелища разыгралась жажда и у самого Мегрэ.

Разговаривал рыжеволосый долго, минут пять. Раза два-три Люка вскакивал и заглядывал в стекло кабины: не случилось ли чего с его подопечным?

Затем оба стояли у стойки, не разговаривая друг с другом и делая вид, что вовсе не знакомы. Выражение лица у иностранца изменилось. Он затравленно оглядывался кругом, словно выжидая благополучную минуту, но, похоже, успел понять, что такой минуты ему не представится.

В конце концов он расплатился и пошел в сторону площади Бастилии. Обойдя почти всю площадь, устремился к бульвару Ришар-Ленуар, откуда рукой было подать до дома комиссара Мегрэ, но свернул затем направо, в сторону улицы Рокетт.

Не зная, видно, здешнего района, спустя несколько минут он заблудился. Раза два-три он, похоже, пытался скрыться, но либо улица оказывалась слишком людной, либо на соседнем перекрестке он замечал высокое кепи полицейского.

Тогда рыжий принялся пить. Заходил в бары, но уже не звонить, а чтобы проглотить рюмку дешевого коньяку. Люка даже перестал входить за ним следом. В одном из баров с беглецом кто-то заговорил, но он лишь посмотрел, ничего не ответив, явно не понимая языка.

Внезапно Мегрэ понял, почему в тот момент, как незнакомец вошел в кафе маленького Альберта, он решил, что перед ним иностранец. Причем вовсе не из-за его внешности и покроя одежды. Комиссар заметил в вошедшем настороженность, свойственную оказавшемуся в незнакомой обстановке человеку, который никого не понимает и которого не понимают другие.

Улицы были залиты солнцем. Стояла совсем теплая погода. Словно где-нибудь в провинции, в районе Пикпюс, консьержи выставили свои стулья у парадных.

Долго кружили, прежде чем добраться до бульвара Вольтера, а потом площади Республики, и вот тут незнакомец наконец-то понял, где находится.

Спустился в метро. Уж не надеялся ли он оторваться от Люка? Во всяком случае, беглец сообразил, что убежать не удастся: Мегрэ увидел, как оба вновь выходят из метро.

Улица Реомюр... Снова крюк... Улица Тюрбиго... Потом свернули на улицу Шапон, с нее — на улицу Бобур.

«Район ему знаком»,— подумал комиссар. Это ясно. По тому, как иностранец оглядывался кругом, было видно, что он узнаёт тут все, вплоть до самых дрянных лавчонок. Здесь он чувствовал себя как дома. Возможно, даже жил в одной из многочисленных жалких ночлежек?

Казалось, рыжеволосый в замешательстве. Он несколько раз останавливался на углу улицы. Но что-то мешало ему осуществить свои намерения. Таким образом он добрался до улицы Риволи, служившей как бы границей этого омерзительного района. Но улицу он не пересек. Свернув на Архивную, иностранец вновь нырнул в это гетто, немного погодя уже несся по улице Роз.

«Не хочет, чтоб мы узнали, где он живет».

Но почему и кому он звонил? Обратился к соучастникам за помощью? На какую помощь он мог рассчитывать?

— Жалко мне бедолагу,— вздохнул таксист.— Вы уверены, что он преступник?

Нет, комиссар в этом даже не был уверен! И все-таки нужно во что бы то ни стало выследить его. Это единственная возможность узнать что-то новое о смерти маленького Альберта.

Беглец обливался по́том и время от времени доставал из кармана большой зеленый платок. Кружа возле квартала, который составляли улицы Сицилийского короля, Экуфф и Стекольная, но не смея проникнуть внутрь его, он по-прежнему продолжал накачиваться спиртным.

Когда рыжий приближался к этому кварталу, шаги его становились медленнее и неувереннее. Он оглядывался на преследователя, потом переводил взгляд на таксомотор, и в глазах его вспыхивал злобный огонек. Как знать? Возможно, если бы не такси, рыжеволосый постарался бы отделаться от Люка, заведя его в какой-нибудь темный угол.

С приближением сумерек улицы стали оживленнее. Народ слонялся по мостовой, стоял возле приземистых, неказистых зданий. С приходом весны обитатели здешних кварталов живут на улице. Были настежь распахнуты окна и двери лавок. В нос бил тошнотворный запах грязи и нищеты. Порой какая-нибудь женщина выплескивала помои прямо на тротуар.

Должно быть, силы Люка были на исходе, хотя он и не подавал виду. Мегрэ решил при первой же возможности сменить его. Оттого, что он наблюдал за погоней из такси точно зритель, следящий за охотой из окна автомобиля, комиссару было как-то не по себе.

Некоторые перекрестки они успели пересечь уже раза три или четыре. Неожиданно незнакомец решил отделаться от преследователя: он вошел в темный подъезд, а Люка остался у дверей. Но Мегрэ знаком велел идти следом.

— Осторожней!— крикнул он вдогонку.

Спустя несколько минут оба снова оказались на улице. Было ясно: незнакомец нырнул в первый попавшийся дом, чтобы сбить детективов с толку. Уловку эту беглец повторил дважды. Во втором случае Люка обнаружил, что рыжий сидит на самом верху лестницы.

Часов около шести они снова оказались в смахивающем на средневековый квартале на углу улицы Сицилийского короля и Старой Церковной. Незнакомец снова остановился. Затем свернул на улицу, запруженную оборванными людьми. Над входами в ночлежные дома зажглись тусклые лампочки. Тесные лавчонки соединялись с узкими проходами, которые вели в какие-то подозрительные закоулки.

Далеко рыжий уйти не успел. Не прошел и десяти метров, как раздался выстрел. Будто автомобильная камера лопнула. Толпа, двигавшаяся как бы по инерции, остановилась лишь спустя несколько минут. Словно сам по себе затормозил и таксомотор.

Послышался топот бегущих ног. Люка бросился вперед. Прогремел еще один выстрел.

В сумятице ничего было не разобрать. Мегрэ не знал, попала пуля в детектива или же нет. Выскочив из такси, комиссар кинулся к незнакомцу. Тот был еще жив. Он сидел, опершись одной рукой о камни мостовой, а другую прижимал к груди. Голубые его глаза с укором смотрели на комиссара.

Потом они подернулись пеленой.

— Какой кошмар!— проговорила какая-то женщина.

Незнакомец передернул плечами и рухнул замертво.

Люка вернулся с пустыми руками, но цел и невредим. Второй выстрел в него не попал. Покушавшийся пытался выстрелить еще раз, но пистолет дал, видно, осечку. Сержант не смог как следует разглядеть стрелявшего.

— Я б его не узнал,— признался Люка.— Мне показалось, он был темноволос.

Толпа невольно помогла убийце скрыться, как бы невзначай преградя преследователю дорогу.

Вокруг детективов смыкалось кольцо. Люди глядели с укоризной, чуть ли не с угрозой. Переодетых полицейских узнавали здесь без труда. Вскоре подошедший к сыщикам сержант в форме заставил любопытных посторониться.

— Вызови карету «Скорой помощи»,— вполголоса произнес Мегрэ.— Только сначала свистни двух-трех постовых.

Вид у комиссара был удрученный. Он вполголоса отдавал Люка распоряжения. Вместе с полицейскими тому надлежало остаться на месте происшествия. Потом снова взглянул на убитого. Ему хотелось было тотчас осмотреть его карманы, но инстинктивно он почувствовал, что на глазах у всех этого делать не стоит. Такой жест был бы слишком профессионален и мог бы спровоцировать толпу.

— Будь осторожен,— негромко остерег комиссар Люка.— Он тут наверняка не один.

Не доезжая нескольких метров до набережной Орфевр, Мегрэ вышел из такси. Торопливым шагом подойдя к кабинету начальника управления, постучался и вошел без предварительного доклада.

— Еще один убитый,— проронил он.— Подстрелили у нас на глазах, словно кролика.

— Личность установлена?

— Через несколько минут появится Люка. Только труп увезут. Вы мне не выделите десятка два людей? Надо обложить весь район.

— Какой район?

— Улица Сицилийского короля.

На этот раз помрачнел начальник уголовной полиции. Отобрав в сыскном отделении несколько человек, комиссар их проинструктировал. Потом нашел инспектора из полиции нравов.

— Не дашь мне кого-нибудь, кто хорошо знает улицу Сицилийского короля, улицу Роз и прилегающие кварталы? Там, должно быть, проституток немало.

— Больше чем достаточно.

— Примерно через полчаса он получит фотографию.

— Еще один жмурик?

— Да, к сожалению. Но лицо у него не изуродовано.

— Понимаю.

— Похоже, что в этом районе прячется целая банда. Пусть твой парень будет начеку. Это убийцы.

Затем Мегрэ спустился в отдел, наблюдающий за гостиницами, и обратился к его сотрудникам с подобной просьбой.

Важно было не терять времени. Убедившись, что детективы отправились на свои посты, комиссар позвонил в институт судебной медицины.

— Как фотографии?

— Через несколько минут можете присылать за ними. Труп у нас. Мы с ним работаем.

У Мегрэ вдруг возникло ощущение, что он что-то позабыл. Он стоял, в нерешительности почесывая подбородок. Внезапно в воображении комиссара возник образ судебного следователя. Очень кстати!

— Алло... Добрый вечер, господин Комелио. Говорит комиссар Мегрэ.

— Что слышно, господин комиссар, о вашем владельце кафе?

— Он действительно оказался владельцем кафе.

— Личность установлена?

— Вполне.

— Как идет расследование?

— Появился еще один убитый.

Мегрэ представил себе, как похолодел от ужаса его собеседник.

— Что вы сказали?

— Еще один убитый. Но на этот раз потери не наши.

— Вы хотите сказать, его убили полицейские?

— Нет. Это сделали другие господа.

— Каких господ вы подразумеваете?

— Очевидно, это сообщники.

— Они арестованы?

— Пока нет.— Мегрэ понизил голос.— Боюсь, поиски будут продолжительными и сложными, господин Комелио. Дело очень и очень неприятное. Это убийцы, вы понимаете?

— Насколько я могу судить, не будь они убийцами, никакого дела расследования и не возникло бы.

— Вы меня не поняли. Они убивают преднамеренно, чтобы обезопасить себя. Вопреки тому, что считает публика, случай, как вы знаете, довольно редкий. Эти люди не останавливаются даже перед убийством своих собственных товарищей.

— Тогда почему же они его убили?

— Очевидно, потому, что он больше был не нужен и мог навести на их след. А район неприятный, хуже во всем Париже не сыщешь. Всякое эмигрантское отребье тут гнездится. Или совсем без документов, или с фальшивыми паспортами.

— Что намерены предпринять?

— Приму необходимые меры. Я обязан это сделать, поскольку ответственность за происшедшее лежит и на мне. Нынче будет проведена облава. Никаких результатов она, по-видимому, не даст.

— Во всяком случае, я надеюсь, что новых жертв не будет.

— Я тоже на это надеюсь.

— Когда примерно намерены осуществить операцию?

— Как обычно, часа в два ночи.

— Сегодня у меня партия в бридж. Постараюсь задержаться как можно дольше. Позвоните мне тотчас после облавы.

— Хорошо, господин Комелио.

— Когда пришлете мне рапорт?

— Как только выкрою время. Очевидно, не ранее чем завтра вечером.

— А как ваш бронхит?

— Какой бронхит?

Мегрэ совсем забыл про недуг. Держа в руках красную карточку, в кабинет вошел Люка. Мегрэ тотчас понял, что это такое. То был профсоюзный билет, выписанный на имя Виктора Поленского, рабочего завода Ситроен, богемца.

— Какой адрес, Люка?

— Набережная Жавеля, дом 132.

— Постой. Адрес вроде знакомый. Там паршивая ночлежка, она на углу набережной и какой-то улицы. Года два назад мы проводили в ней облаву. Выясни, есть ли там телефон.

Дом находился на берегу реки, возле мрачной громады заводских строений. Дрянная гостиница, битком набитая недавно прибывшими эмигрантами, которые вопреки предписанию полиции ютились по три-четыре человека в одной комнате. Самое удивительное, заведением этим заправляла женщина и умудрялась держать своих жильцов в повиновении. Она даже готовила для них.

— Алло! Дом сто тридцать два по набережной Жавеля?

Ответил хриплый женский голос.

— Поленский у вас живет?

Женщина помолчала, соображая.

— То есть Виктор...

— Ну и что?

— Он у вас остановился?

— А твое какое дело?

— Я его приятель.

— Знаю я, кто ты. Мусор.

— Ну хорошо, я из полиции. Поленский все еще у вас? Вряд ли стоит напоминать: мы проверим ваши сведения.

— Знаем мы ваши штучки.

— Ну так как?

— Вот уже полгода его тут нет.

— Где он работал?

— У Ситроена.

— Давно он во Франции?

— Насчет этого мне ничего не известно.

— Он говорил по-французски?

— Нет.

— Долго он у вас жил?

— Месяца три.

— Друзья у него были? Кто-нибудь приходил?

— Нет.

— Документы у него были в порядке?

— Наверно, раз полиция не придиралась.

— Еще один вопрос. Обедал он у вас?

— Чаще всего да.

— Женщины у него были?

— Послушай, пес ты поганый! Думаешь, меня это заботит?

Повесив трубку, Мегрэ обратился к Люка:

— Свяжись с отделом регистрации иностранцев.

В картотеке префектуры никаких сведений о Поленском не имелось. Иными словами, этот иностранец приехал нелегально, подобно тысячам таких, как он, которые ютятся в наиболее неприглядных парижских трущобах. Несомненно, как и большинство, он добыл себе поддельный паспорт. В предместье Сен-Антуан предостаточно подозрительных притонов, где вам за определенную мзду живо состряпают любой документ.

— Позвони на завод Ситроен!

Успели прислать фотографии убитого, и комиссар роздал их детективам из полиции нравов и отдела наблюдения за гостиницами. Сам же отправился в дактилоскопическую картотеку, захватив с собой отпечатки.

Но ничего там не обнаружил.

— Мерс здесь?— спросил он, просунув голову в дверь лаборатории.

Мерсу незачем было приходить на службу, поскольку он отработал целые сутки. Но спал он мало. Ни семьи, ни возлюбленной, насколько это было известно, у него не имелось, а единственной его страстью была лаборатория.

— Я здесь, шеф.

— Еще один труп в твоем распоряжении. Только загляни сначала ко мне.

Оба вместе спустились вниз. Люка уже связался по телефону с расчетным отделом завода.

— Старуха сказала правду. Он три месяца работал чернорабочим. Примерно уже полгода в платежных ведомостях его нет.

— Прилежно работал?

— Прогулов почти не было. Но их там столько, что в лицо всех не знают. Я спросил, нельзя ли узнать о нем какие-нибудь подробности у мастера. Такие сведения имеются лишь о квалифицированных рабочих. А чернорабочие, почти сплошь иностранцы, появляются и исчезают, и никто о них ничего не знает. Проработают дня три, три недели или три месяца — и с концами. По мере надобности их еще и перебрасывают из цеха в цех.

— Что в карманах?

На столе лежал вытертый бумажник некогда зеленой кожи. Кроме профбилета, в нем лежала фотография молодой женщины — круглое свежее лицо, окаймленное тяжелыми косами. Типичная провинциалка.

Две ассигнации по тысяче и три по сто франков.

— Сумма приличная,— пробормотал Мегрэ.

Длинный нож с защелкой. Конусообразный клинок, отточенный как бритва.

— Как думаешь, Мерс, не могли ли этим ножом прикончить маленького Альберта?

— Вполне вероятно, шеф.

Платок был тоже зеленоватый. Должно быть, Виктор Поленский обожал этот цвет.

— Это тебе. Вид не ахти какой аппетитный, но разве знаешь наперед, что могут дать твои анализы?

Пачка сигарет «Капрал», зажигалка немецкого происхождения. Немного мелочи. Ключа нет.

— Люка, ты уверен, что не было ключа?

— Вполне, шеф.

— Его разделi?

— Нет еще. Дожидаются Мерса.

— Ну ступай, дружище. Сейчас я слишком занят, не смогу тебя проводить. Тебе придется поработать допоздна, достанется будь здоров.

— Я и две ночи кряду выдержу. Не впервые.

— Ничего новенького, Эмиль?— позвонил Мегрэ в «Маленький Альберт».

— Ничего, шеф... Копошимся помаленьку.

— Народу много?

— Меньше, чем утром. Заходят иногда выпить рюмочку аперитива, а обедают — раз-два и обчелся.

— Что жена? Все с тем же удовольствием выполняет обязанности хозяйки?

— Сама не своя. Прибралась в спальне, сменила белье, будет вполне уютно. Как ваш рыжий?

— Убит.

— Что?

— Когда он попытался вернуться на хазу, кто-то из его корешков влепил в него пулю.

Снова заглянул в сыскное отделение. Нельзя ничего упускать из виду.

— Что слышно о желтом «ситроене»?

— Ничего нового. Правда, кто-то сказал, будто его заметили в районе Барбес-Рошуар.

— Уже ниточка! Надо проработать этот вариант.

За это говорит и географическое положение района. Он находится неподалеку от Северного вокзала. А ведь маленький Альберт долгое время работал там кельнером.

— Ты голоден, Люка?

— Не очень. Могу потерпеть.

— А что скажет твоя жена?

— Надо только позвонить ей.

— Превосходно. Я своей тоже звякну. Ты мне понадобишься.

Мегрэ все-таки устал и решил не работать в одиночку, тем более что ночь, похоже, предстояла тяжелая.

Зашли вдвоем в кафе «Дофин» промочить горло и, как всегда, с каким-то наивным удивлением обнаружили, что, пока они, выбиваясь из сил, пытаются раскрыть преступление, жизнь вокруг идет своим чередом. Одни заняты своими заботами, другие предаются развлечениям. Никому нет никакого дела до того, что на улице Сицилийского короля убили какого-то богемца. Появится пара строк в газете, только и всего.

Таким же образом в один прекрасный день они воспримут сообщение, что убийца задержан.

Более того, лишь немногие посвященные знали, что в одном из самых скученных и подозрительных районов Парижа ночью будет проведен рейд. Заметил ли кто-нибудь выставленных на каждом углу детективов, ничем не привлекающих к себе внимания?

Возможно, лишь какие-нибудь проститутки, забившиеся в темные углы, откуда они вылезали, чтобы уцепиться за руку прохожему, недовольно хмурились, заметив знакомую фигуру сотрудника полиции нравов. Выходит, остаток ночи придется провести где-нибудь в полицейском участке. Дело привычное. Это случалось с ними по крайней мере раз в месяц. Если они здоровы, часов в десять утра их отпустят. А что потом?

Владельцам меблированных комнат эти ночные визиты с целью проверки домовых книг тоже были не по душе. Ведь книги в порядке! В порядке, как всегда.

Под нос им сунут фотографию. Они сделают вид, что внимательно ее изучают, кое-кто пойдет за очками.

— Малый знаком?

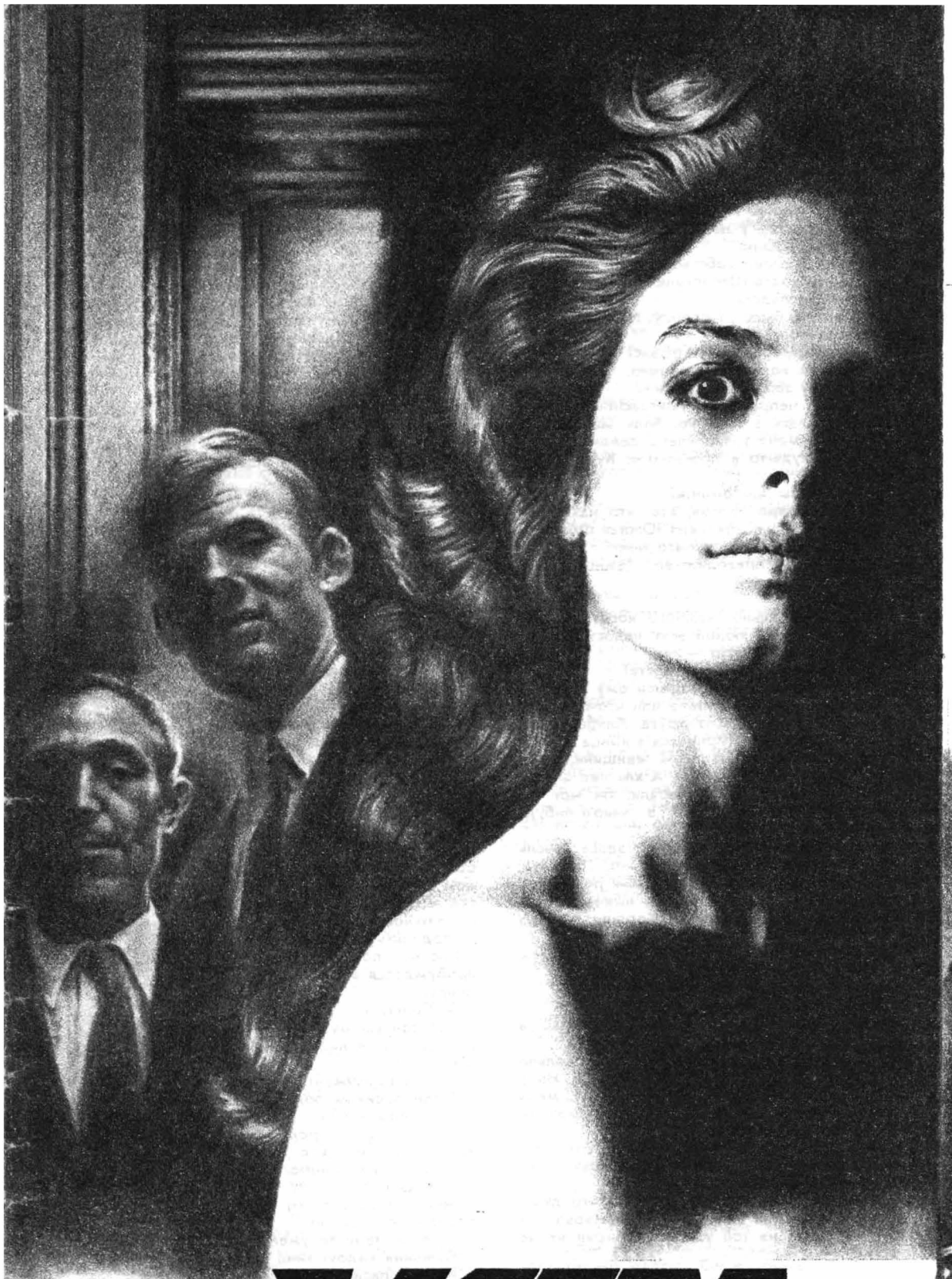
— В глаза его не видел.

— Богемцы среди ваших жильцов есть?

— У меня живут поляки, итальянцы, один армянин, а вот богемцев нет.

Перевел с французского Виктор КУЗНЕЦОВ.

Продолжение следует.



МЕГРЭ И ЕГО МЕРТВЕЦ

Жорж СИМЕНОН

РОМАН

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

Какой-то неизвестный несколько раз звонил Мегрэ и сообщал, что его преследуют убийцы. Вскоре его находят мертвым в центре Парижа. Показания свидетелей приводят Мегрэ в кафе «У маленького Альберта», которое оказалось оставленным хозяевами. Мегрэ решил открыть кафе, поставив для обслуживания своих людей. От завсегдатаев они узнали о хозяевах заведения. Во второй половине дня в кафе вошел странный посетитель, который вел себя настороженно. Вскрикнув, он указал на бутылку, опорожнил налитый стакан и быстро вышел. Мегрэ с сотрудником бросились преследовать незнакомца. По его поведению комиссар понял, что это, очевидно, иностранец, знающий лишь один район Парижа. В конце дня кто-то выстрелом из пистолета убивает незнакомца в вечерней толпе. Мегрэ предполагает, что неизвестного убивают свои же, боясь, что он может навести полицию на их след.

Так положено по инструкции. Один из детективов, которому поручено отыскать желтый автомобиль, опрашивал владельцев гаражей, механиков, постовых, торговцев и консьержей.

Так положено по инструкции.

Шеврье со своей женой изображали из себя рестораторов. Затворив ставни, они сядут возле очага и станут мирно беседовать, а потом со спокойной душой лягут в постель, принадлежавшую маленькому Альберту и косоглазой Нине.

Еще одно лицо, которое следует отыскать. В полиции нравов о Нине ничего не знали. Что же с ней могло случиться? Известно ли ей о смерти мужа? Если да, то почему она не пришла опознать его труп после того, как газеты поместили фотографию убитого? Его могли не узнать чужие, но только не жена.

Не убрали ли ее убийцы? Когда труп вытащили из желтого автомобиля и положили на площади Согласия, Нины в машине не было.

— Готов побиться об заклад,— произнес Мегрэ, доверяя своей интуиции,— в один прекрасный день мы найдем ее где-нибудь в провинции. Удивительная штука. Когда дела идут из рук вон плохо, у многих возникает потребность подышать деревенским воздухом, поселиться в какой-нибудь тихой гостинице, где хорошая еда и легкое вино.

— Возьмем такси?

Выходит, снова предстоит неприятный разговор с кассиром, которому свойственна неприятная привычка внимательно разглядывать счета, зачастую восклицая при этом:

— Разве я раскатываю на такси?

Чтобы не ждать автобуса на остановке за Новым мостом, остановили таксомотор.

— «Циферблат», улица Мобеж.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—42.

Это была уютная, во вкусе Мегрэ, пивная. Никаких нововведений, зеркальные стены, стулья, обитые темной американской тканью, белые мраморные столики, кое-где никелированные подносы для использованных салфеток. Приятный запах пива и квашеной капусты. Правда, народу тут было многовато. Обремененные багажом люди суетились, чересчур торопливо ели и пили, нетерпеливо подзывали кельнеров, то и дело поглядывая на большие станционные часы со светящимся циферблатом.

Владелец, со степенным видом стоявший возле кассы, внимательно наблюдая за происходящим, тоже был традиционного типа — приземистый, плотный, лысый, в свободного покроя костюме и тонкой кожи туфлях, начищенных, как зеркало.

— Две порции капусты, два пива и владельца, будьте любезны.

— Хотите поговорить с мсье Жаном?

— Да.

Уж не метрдотель ли это, который наконец-то завел собственное дело?

— Я к вашим услугам.

— Мне хотелось бы получить некоторые сведения, мсье Жан. Когда-то у вас работал официантом некто Альберт Рошен, известный, как мне помнится, по прозвищу маленький Альберт.

— Я слышал о нем.

— А лично не знали?

— Я всего три года владельцем. Его знала женщина, которая была тогда кассиршей.

— Вы хотите сказать: ее здесь больше нет?

— Умерла в прошлом году. Она тут лет сорок проработала.— Он ткнул пальцем в сторону полированного столика, за которым восседала блондинка лет тридцати.

— А кельнеры?

— Был тут и один старый официант Эрнест. Но он уехал к себе на родину. Куда-то в Дордонь, если не ошибаюсь.

Стоявший перед детективами, которые уписывали свою капусту, владелец кафе успевал заметить все, что происходит в зале.

— Жюль!.. Подойди к двадцать четвертому столику,— произнес он, улыбаясь уходящему посетителю.— Франсуа! Подай даме багаж...

— А прежний владелец жив?

— Да он нас с вами здоровее.

— Не знаете, где его можно найти?

— Ясное дело, у себя дома. Иногда он ко мне наведывается. Скучает без дела, говорит, что хочет вернуться к прежней работе.

— Не дадите мне его адрес?

— Полиция?

— Я комиссар Мегрэ.

— Прошу прощения! Я не знаю номер дома, но могу объяснить, как его найти. Раза два-три у него обедал. Жузнвиль знаете? Помните Остров любви, он сразу за мостом? Так вот, он живет не на самом острове, а в вилле напротив мыса. Наискосок катерная стоянка. Отыщете легко.

В половине девятого такси остановилось перед виллой. На белой мраморной табличке печатными буквами было выведено «Гнездо» и изображена чайка или что-то вроде того.

— Видно, долго ломал голову, пока додумался!— заметил Мегрэ, звоня в колокольчик.

Бывшего хозяина «Циферблата» действительно звали Луазо, Дезире Луазо — Птица.

— Он родом с севера и предложит нам по стаканчику старого джина, вот посмотришь.

Так оно и получилось. Сначала их встретила низенькая полная женщина — румяная и белая. Лишь присмотревшись, под толстым слоем пудры можно было увидеть на ее лице мелкие морщины.

— Господин Луазо!— воскликнула она.— К вам пришли!

Однако выяснилось, что это сама хозяйка. Мадам Луазо провела посетителей в пахнущую лаком гостиную.

Луазо был тоже дороден, но высокого роста и плечист. Крупнее и выше Мегрэ, тем не менее передвигался он с легкостью танцовщика.

— Садитесь, господин комиссар. И вы, мсье?..

— Сержант Люка.

— Вот как! Я знал одного Люка в школе. Вы часом не бельгиец, сержант? Я лично бельгиец. Можно по акценту определить, верно? И знаете, я не стыжусь своего происхождения. Ничего в этом нет зазорного! Дорогуша, принеси-ка нам чего-нибудь.

И он угостил пришедших джином.

— Альберта? Конечно, помню. Северянин. Кажется, его мать тоже родом из Бельгии. Мне было жаль, что он ушел. Знаете, в нашем деле главное — это приветливый нрав. Клиентам нравится, когда их встречают улыбкой. Помню одного кельнера. Очень порядочный парень, детей куча. Так у него была такая привычка. Если кто из посетителей закажет содовую или «Виши», он нагнется и сочувственно спросит: «У вас тоже язва?» Одна только язва и была у него на уме. Пришлось уволить беднягу: клиенты от него шарахались, как от чумы.

Альберт — совсем другое дело. Веселый малый. Все время что-то мурлыкал. Даже шляпу он носил будто играючи. А когда он говорил: «Что за славный денек!» — у него это получалось както особенно задушевно.

— Он ушел и завел собственное дело?

— Да, где-то возле Шарантона.

— Получил наследство?

— Вряд ли. Не было разговору. Наверно, у жены было приданое.

— Он женился, когда ушел от вас?

— Да. Вернее, незадолго до этого.

— На свадьбу вас не приглашали?

— Меня бы непременно пригласили, если б свадьба состоялась в Париже. Ведь мои работники были для меня точно члены семьи. Но молодые уехали куда-то в провинцию. Куда точно, не знаю.

— Не смогли бы припомнить?

— Нет. По правде говоря, все, что находится по ту сторону Луары, для меня Южная Франция.

— Вы когда-нибудь видели его жену?

— Однажды он приводил ее. Темноволосая, простоватая...

— Косоглазая?

— Она действительно немного косит. Но это ее не портит. Одних людей этот недостаток делает безобразными, других — нет.

— Ее девичью фамилию не знаете?

— Нет. Кажется, она приходится ему какой-то дальней родственницей. Кузина или что-то вроде того. Они давно знали друг друга. Альберт, бывало, говорил: «Если уж придется в конце концов жениться, то уж лучше на такой женщине, которую знаешь». Любил пошутить. А как пел шуточные песни! Клиенты меня уверяли: он мог бы зарабатывать большие деньги в каком-нибудь мюзик-холле.

Еще по стаканчику? Понимаете, здесь очень спокойно, даже слишком спокойно. Пожалуй, скоро я снова займусь своим прежним ремеслом. Только кельнеров вроде Альберта нынче не так-то легко найти. Вы его знаете? Хорошо ли идут у него дела?

Мегрэ не стал сообщать о смерти Альберта, чтобы не слышать сетований и вздохов.

— Нет ли у него близких друзей?

— Друзья у него повсюду.

— Ну, а, к примеру, не приезжал кто-нибудь за ним?

— Нет. Он на скачках любил бывать. Довольно часто выкраивал для этого время и днем. Но в азарт не входил. Никогда не пытался у меня одалживать. Играл в пределах своих возможностей. Увидите его — скажите, что я...

Мадам Луазо, так и не открывшая рта, по-прежнему улыбалась, похожая на восковую фигуру в витрине парикмахерской.

Еще стаканчик? Спасибо. Тем более что джин хорош. А теперь за дело, надо участвовать в рейде. Наверняка на той улице улыбками их не встретят.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На перекрестке улицы Риволи и Церковной остановились две полицейские машины. При свете фар блеснули серебристые пуговицы мундиров. Приехавшие оцепили несколько улиц, где уже давно занимали свои посты переодетые детективы.

Следом появились тюремные кареты. Стоявший на углу улицы Сицилийского короля офицер неотрывно глядел на циферблат своих часов.

Прохожие, шедшие по улице святого Антония, пугливо оборачивались и убыстряли шаг. В домах, которые предстояло прочесать, кое-где еще горел свет; тускло мерцали лампочки в подъездах дешевой гостиницы и над входом в дом свиданий, расположенный на улице Роз.

Полицейский офицер, по-прежнему смотревший на часы, отсчитывал оставшиеся секунды. Рядом с ним стоял комиссар Мегрэ. Засунув руки в карманы пальто, он с безучастным видом глядел по сторонам.

Сорок... Пятьдесят... Шестьдесят... В ответ на два пронзительных свистка тотчас раздались другие. По улице цепью двинулись полицейские в форме, люди в штатском устремились в неказистого вида здания.

Как всегда, там и сям стали распахиваться окна, в их темных проемах забелели фигуры встревоженных или раздраженных обитателей. Вскоре послышались голоса. Прошел полицейский, ведя обнаруженную в углу проститутку, которая непристойно бранила его.

Застучали каблуки: какие-то мужчины пытались скрыться в темных переулках. Но там их встретил кордон полицейских.

— Документы!

Вспыхнувшие фонари осветили подозрительного вида лица, замызганные паспорта и удостоверения. Возле окон сгрудились любопытные: по опыту зная, что им теперь долго не удастся уснуть, они принялись наблюдать за происходящим, словно это было какое-нибудь представление.

Самую крупную дичь уже доставили в полицейский участок. Люди эти не стали дожидаться облавы. Узнав об убийстве, они поняли, что́ за этим последует. С наступлением темноты, прижимаясь к стенам домов, двинулись какие-то темные фигуры с потрепанными чемоданами и подозрительными свертками в руках, но тотчас угодили в объятия детективов комиссара Мегрэ.

Публика тут была самая разношерстная: бывший заключенный, которому запрещено проживание в городской черте; шпана с фальшивыми бумагами; поляки и итальянцы, у которых не в порядке документы.

Всем задавали один и тот же вопрос:

— Куда идешь?

— Переезжаю.

— Почему?

Тревогой или злобой вспыхивали в темноте глаза.

— Работу нашел.

— Где?

Иные отвечали, будто едут к сестре на север или в район Тулузы.

— А ну полезай!

«Черная Мария». Ночь в полицейском участке до установления личности. Задержанные в большинстве своем были обыкновенные бродяги, но мало у кого из них совесть была чиста.

— Богемцев пока нет, господин комиссар!— докладывали Мегрэ.

Угрюмо попыхивая трубкой, комиссар видел, как мелькают тени, слышал вопли, торопливые шаги, порой глухой удар кулака.

Больше всего суматохи было в гостиницах. Торопливо натянув штаны, владельцы с хмурым видом стояли в своих конторах; большинство из них там и спали на раскладных кроватях. Пока люди в штатском поднимались наверх, кое-кто пытался подпоить дежурных полицейских.

Словно потревоженный муравейник, вскоре пробуждался весь дом. Слышался стук в первую дверь.

— Полиция!

Полусонные мужчины и женщины в одних рубашках, серые лица, беспокойные, а то и ввалившиеся глаза.

— Ваши документы!

Люди босиком подходили к постелям, рылись под подушкой или в ящике комода, порой лезли в потрепанный старомодный чемодан, привезенный откуда-нибудь с другого конца Европы.

В одном из номеров гостиницы «Золотой лев» на постели, свесив ноги, сидел раздетый донага мужчина. Подруга его протягивала свою регистрационную карточку.

— А где твои документы?

Мужчина недоуменно глядел на детектива.

— Твой паспорт?

Мужчина не пошевельнулся. Черные длинные волосы оттеняли бледность его кожи. Стоявшие на площадке соседи со смехом наблюдали эту сцену.

— Кто такой?— спросил у женщины детектив.

— Не знаю.

— Разве он с тобой не разговаривал?

— Он ни бельмеса по-французски.

— Где его встретила?

— На улице.

В участок! Иностранцу сунули его одежду и знаками велели одеваться. Долгое время он ничего не соображал. Только протестовал, повернувшись к своей спутнице, по-видимому, чего-то от нее требуя. Очевидно, денег. Возможно, он только что появился во Франции, и остаток первой же ночи ему предстояло провести в полицейском участке на набережной Часовщиков.

— Документы...

Сквозь приоткрытые двери видны были облупленные стены комнат, откуда доносился запах барака.

Возле полицейского фургона сгрудилось десятка полтора-два задержанных. Их по одному заталкивали туда. Кое-кто из проституток — им было не впервой — шутил с полицейскими, делая порой непристойные жесты.

Кто-то рыдал, кто-то сжимал кулаки. В числе последних был бритоголовый, совсем мальчишка. У него нашли пистолет.

В гостиницах и на улице шла лишь предварительная проверка. Настоящая работа начнется в

полицейском участке. Займет она остаток ночи и утро.

— Документы...

Больше всех нервничали владельцы гостиниц: с полицией шутки плохи. Ни у одного из них документы не были в порядке. В каждом доме обнаружены незарегистрированные постояльцы.

— Знаете, господин офицер, я всегда соблюдаю закон. Но когда к тебе вваливаются среди ночи, а ты еще и проснуться-то как следует не успел...

В «Золотом льве» — эта гостиница была к Мегрэ ближе остальных — распахнулось окно. Раздался свисток. Подойдя, комиссар вскинул глаза.

— В чем дело?

— Мне кажется, вам следовало бы подняться, шеф,— робко отозвался молодой детектив, словно нарочно очутившийся именно здесь.

В сопровождении сержанта Мегрэ поднялся по скрипучей лестнице, настолько узкой, что можно было одновременно коснуться перил и стены. Дома эти, кишащие насекомыми, привезенными со всего света, следовало снести, а еще лучше сжечь дотла много лет, если не столетий назад.

Дверь на третьем этаже открыта. Под потолком тускло светится лампочка без абажура. Комната пуста. Две железные кровати, на одной из них постель не прибрана. На полу матрас, одеяла свалявшейся серой шерсти. На спинке стула пиджак, на столе спиртовка, остатки пищи, пустые бутылки.

— Сюда, шеф...

Дверь в соседнюю комнату была распахнута, и Мегрэ увидел уткнувшуюся лицом в подушку женщину, лежащую на кровати. Изумительной красоты жгучие глаза впились в вошедших.

— В чем дело?— спросил комиссар.

Ему редко приводилось видеть столь выразительное лицо, а столь необузданное — никогда.

— Вы только взгляните на нее,— пробормотал сержант.— Я пытался заставить ее подняться. Говорил, но она даже не удостоила меня ответом. Тогда подошел к постели, попробовал встряхнуть за плечи. Посмотрите на руку. До крови укусила.

Увидев, что детектив показывает раненый палец, женщина даже не улыбнулась. Словно от нестерпимой боли, черты ее внезапно исказились.

И Мегрэ, внимательно глядевший на постель, нахмурился.

— Да у нее роды начались! Вызови «Скорую помощь»,— обратился он к Люка.— Отвези в родильное отделение. Скажи хозяину, пусть явится немедленно.

Юный сержант покраснел до корней волос, не смея повернуть голову. Скрипели половицы: на остальных этажах обыск еще продолжался.

— Говорить не собираешься?— спросил у женщины Мегрэ.— Ты что, не понимаешь французского языка?

Женщина продолжала смотреть на полицейского. О чем она думала, понять было невозможно. Лицо ее отражало лишь одно чувство — дикую, непримиримую ненависть.

Она была молода — не больше двадцати пяти. Полные щеки ее обрамляли длинные шелковистые волосы, черные как вороново крыло. Владелец гостиницы неуверенно остановился в дверях.

— Кто такая?

— Ее зовут Мария.

— Мария, а фамилия?

— По-моему, у нее есть только имя.

Внезапно Мегрэ охватила ярость, хотя он тотчас же ее устыдился. Подняв мужской ботинок, стоявший возле кровати, он швырнул его владельцу под ноги.

— А это что?..— закричал он.— Тоже не имеет имени?.. А это?.. А это?..

Он схватил пиджак, извлек из шкафа грязную рубашку, второй ботинок, кепку.

— А вот это?— пройдя в соседнюю комнату, он показал на два чемодана, стоящие в углу.

— А это?

Кусок сыра, завернутый в грязную бумагу, четыре стакана, тарелки с остатками холодного мяса.

— Все эти люди были внесены в домовую книгу? А? Отвечай! И прежде всего, сколько их тут жило?

— Понятия не имею.

— Эта женщина говорит по-французски?

— Не знаю... Нет!.. Несколько слов она знает...

— Давно она здесь?

— Не могу сказать.

На шее у домохозяина виднелся синеватый фурункул, вид был помятый, волосы редкие. Подтяжки он не застегнул, брюки сваливались, то и дело приходилось поддергивать обеими руками.

— Когда это началось?— Мегрэ показал в сторону женщины. .

— Мне никто не говорил...

— Врешь!.. А остальные? Где они?

— Ушли, наверно.

— Когда?— не унимался Мегрэ. Он готов был прибить этого старикашку.— Смылись, как только на улице убили того человека? Признавайся! Оказались умнее остальных. Не стали дожидаться, пока полиция перекроет улицы.

Хозяин не отвечал.

— Посмотри, ты его знаешь! Признавайся!— Мегрэ сунул ему под нос фотографию Виктора Поленского.

— Знаешь?

— Да.

— Он жил в этой комнате?

— В соседней.

— С остальными?.. А кто спал с этой женщиной?

— Клянусь, я ничего об этом не знаю. Наверно, несколько человек...

Люка вновь поднялся по лестнице. Почти одновременно взвыла сирена кареты «Скорой помощи». У женщины вырвался крик боли, но она тотчас прикусила губы, вызывающе посмотрев на мужчин.

— Послушай, Люка. Мне придется тут задержаться. Отправляйся вместе с ней. Не оставляй без присмотра. Ты должен находиться в коридоре больницы. Попробую сейчас же найти переводчика.

Спускаясь по лестнице, стучали башмаками другие задержанные. Навстречу им шли с носилками санитары. В полумраке картина выглядела зловещей, кошмарной. Но от кошмара этого пахло грязью и потом.

Мегрэ вошел в соседнюю комнату, где санитары хлопотали вокруг роженицы.

— Куда ее повезешь?— спросил он у Люка.

— К Леннеку. Обзвонил три больницы, прежде чем нашлась свободная койка.

Владелец гостиницы, не смея пошевельнуться, стоял, уставясь на дверь.

— Стой тут. Закрой дверь!— скомандовал Мегрэ, когда они остались вдвоем.— А теперь выкладывай.

— Я мало что знаю, правду говорю.

— Вечером к тебе приходил сержант, показывал фотографию. Так?

— Так.

— Ты заявил, будто не знаешь этого человека.

— Прошу прощения! Я ответил, что он тут не прописан.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Он не внесен в список жильцов. Как и эта женщина. Обе комнаты числятся за другим человеком.

— С какого времени?

— Вот уже месяцев пять.

— Как звать этого человека?

— Серж Мадок.

— Он главарь?

— Главарь чего?

— Хочу дать тебе совет. Не прикидывайся дурачком! Иначе поговорим в другом месте, и твоя вонючая дыра завтра же будет прикрыта. Уразумел?

— Закон я всегда уважал.

— Этой ночью было иначе. Расскажи мне об этом Серже Мадоке. Он австриец?

— Так написано у него в документе. Они все разговаривают на одном языке. Это не польский, поляков я немного понимаю.

— Возраст?

— Лет тридцать. Он сначала сказал, что работает на заводе.

— Он действительно там работал?

— Нет.

— Откуда тебе это известно?

— Потому что он тут целыми днями околачивался.

— А остальные?

— И остальные тоже. Больше чем по одному они отсюда не выходили. Чаще всего это была женщина. Покупки она делала на улице святого Антония.

— Чем же они занимались с утра до вечера?

— Ничем. Спали, ели, пили да в карты резались. Вели они себя довольно тихо. Иногда принимались петь, но никогда не пели ночью, так что жаловаться на них было нельзя.

— Сколько тут всего было человек?

— Четверо мужчин и Мария.

— Что же происходило между этими четырьмя и Марией?

— Не знаю.

— Врешь! Говори.

— Что-то происходило, но что́ точно, не знаю. Иногда ссорились. Насколько понимаю, из-за нее. Я несколько раз заходил в заднюю комнату, и не всегда оттуда выходил один и тот же человек.

— А тот, что на фото, Виктор Поленский?

— Кажется, и он. Иногда. Во всяком случае, он в нее был влюблен.

— Кто из них был самым главным?

— По-моему, тот, которого звали Карл. Я слышал и фамилию, но она такая трудная, что не выговоришь. Я ее не помню.

— Одну минуту.— Мегрэ достал из кармана блокнот и, точно школьник, помусолил карандаш.— Сначала женщина, которую ты называешь Марией. Потом Карл. Потом Серж Мадок, кто официально считается съемщиком. Виктор Поленский, тот самый, которого убили. Это все?

— Еще пацан.

— Что за пацан?

— Наверно, брат Марии. Во всяком случае, похож на нее. Его все называли Петр. Лет шестнадцати-семнадцати.

— Он тоже не работает?

Содержатель гостиницы покачал головой. Без пиджака ему было холодно: чтобы проветрить помещение, Мегрэ открыл окно. Правда, воздух на улице был немногим чище.

— Никто из них не работает.

— Однако они тратят уйму денег.— Мегрэ показал на груду пустых бутылок в углу, среди них и из-под шампанского.

— Для здешнего квартала тратят много. Но случалось по-всякому. Бывали и такие времена, когда им приходилось затягивать пояса. Узнать это было просто. Если пацан сдавал посуду, было ясно, что они на мели.

— Никто к ним не приходил?

— Может, и приходил.

— Захотел продолжить разговор в полицейском участке?

— Нет. Я расскажу вам все, что знаю. Кто-то приходил раза два или три.

— Кто именно?

— Приличный господин. Этакий франт.

— В комнату он заглядывал? Что он говорил, когда заходил к тебе в кабинет?

— Он ни о чем не спрашивал. Должно быть, знал, на каком они живут этаже. Направлялся прямо к ним в номер.

— Это все?

Возбуждение постепенно улеглось. Погасли в окнах огни. Слышны были шаги полицейских, заканчивавших обход.

— Жду ваших распоряжений, господин комиссар,— отрапортовал поднявшийся по лестнице полицейский офицер.— Мы закончили. Оба фургона набиты битком.

— Могут ехать. Позовите, пожалуйста, ко мне пару моих детективов.

— Я озяб,— начал жаловаться домовладелец.— Мне холодно.

— Зато мне жарко.

Однако пальто комиссару снимать не хотелось: кругом грязища несусветная.

— Человека, который приходил, ты еще где-нибудь видел? Не было ли в газетах его фотографии? Это не он?— спросил Мегрэ, доставая фотографию маленького Альберта, которую постоянно носил при себе.

— Тот совсем другой. Красивый, нарядный, с черными усиками.

— Какого возраста?

— Лет тридцати пяти. Я заметил у него на руке крупный золотой перстень с печаткой.

— Француз или иностранец?

— Только не француз. Разговаривал на их языке.

— Ты подслушивал?

— Иногда. Хочется знать, что у тебя в доме происходит, сами понимаете.

— Тем более что ты сам скоро смекнул.

— Что я смекнул?

— Не считай меня дураком. Чем же они занимаются, эти парни, которые забились в нору и не пытаются подыскать себе работу? На что живут? Выкладывай!

— Меня это не касается.

— Сколько раз они уходили вместе?

Старик покраснел, не решаясь ответить, но гневный взор Мегрэ заставил его стать несколько откровеннее.

— Раза четыре или пять.

— Надолго? На всю ночь?

— Откуда вы знаете, что дело было ночью? Обычно на всю ночь. Правда, раз они отсутствовали два дня и две ночи. Я даже решил: они больше не вернутся.

— Подумал, что их поймали?

— Пожалуй.

— Сколько они тебе подбрасывали, когда возвращались?

— Платили за постой.

— За одного человека? Ведь номер числился за одним лицом.

— Платили немного больше.

— Сколько? Не вздумай меня провести, прия-

тель. Я могу отдать тебя под суд за пособничество и укрывательство преступников. Заруби себе на носу.

— Раз дали мне пятьсот франков. Другой — две тысячи.

— А потом начинали кутить?

— Да. Шли в магазин, много всякой еды накупали.

— Кто на стреме оставался?

Выражение лица домохозяина стало еще тревожнее, он невольно взглянул на дверь.

— Из твоего клоповника есть два выхода, так ведь?

— Да, если пройти задними дворами и перелезть через две стены, попадешь на Старую Церковную.

— Так кто сторожил?

— На улице?

— Да, на улице. И, наверное, всегда кто-нибудь находился у окна? Когда Мадок нанимал номера, он, вероятно, потребовал, чтобы окна выходили на улицу?

— Верно. Верно, один из них всегда слонялся по улице. Они менялись.

— И еще один вопрос. Кто из них грозился тебя прикончить, если расколешься?

— Карл.

— Когда?

— В первый же раз, как они уходили на всю ночь.

— Как ты узнал, что они не шутят, что это убийцы?

— Я зашел в спальню. Я часто обхожу номера. Будто бы электропроводку проверяю или хочу убедиться, что сменили постельное белье.

— Часто его меняешь?

— Раз в месяц. Я застал женщину за стиркой и сразу заметил на рубашке кровь.

— Чья была рубашка?

— Кого-то из мужчин. А кого именно, не знаю.

Два детектива в штатском, стоявшие на лестничной площадке, терпеливо ждали распоряжений Мегрэ.

— Пусть один из вас позвонит Мерсу. Он, должно быть, спит, разве только задержался на работе. Если его нет в управлении, позвони ему домой. Пусть едет сюда со своими пробирками.

Не обращая внимания на домохозяина, Мегрэ ходил из комнаты в комнату, то открывая буфет, то выдвигая ящик комода, то пиная ногой кучу грязного белья. Вылинявшие обои кое-где отстали. Черные железные кровати застелены казарменного вида серыми одеялами. Все вверх дном перевернуто. Во время бегства постояльцы, должно быть, забрали все самые ценные вещи, но, чтобы не привлечь к себе внимания, не посмели взять ничего громоздкого.

— Ушли они сразу после выстрела?— поинтересовался Мегрэ.

— Сразу.

— Через парадный подъезд?

— Дворами.

— Кого тогда не было?

— Виктора, конечно. И еще Сержа Мадока.

— Кто из них пошел звонить?

— Откуда вам известно про звонок?

— Отвечай!

— Верно. Примерно в полпятого их кто-то вызвал к телефону. Голос я не узнал, но человек тот говорил на их языке. Он только назвал имя — Карл. Я позвал Карла. Тот спустился. Как сейчас помню: сидит у меня в конторе, сам словно взбесился. Вопит что-то в трубку. Поднялся наверх и опять орать, ругаться. Почти сразу после этого вниз спустился Мадок.

— Выходит, это Мадок пристрелил своего дружка.

— Скорее всего так.

— Они не пытались взять с собой женщину?

— Я им говорил, когда они шли по коридору. Так и подумал: хлопот теперь не оберешься. Хотелось от всех разом избавиться. Она лежала и только глядела на меня. Знаете, она понимает больше, только виду не показывает. Она ничего не ответила, но не вытерпела боль, и тут я смекнул, в чем дело...

— Дружище,— обратился Мегрэ ко второму детективу.— Ты должен дождаться Мерса. Не пускай в эти комнаты никого, особенно эту крысу. «Пушка» у тебя есть?

Детектив похлопал по оттопырившемуся карману.

— Прежде всего Мерсу надо заняться отпечатками. Потом пусть прихватит с собой что-нибудь для зацепки. Никаких документов они, конечно, не оставили. Я проверил.

Поношенные носки, брюки, губная гармоника, коробка с иголками и штопкой, предметы верхней одежды и несколько колод карт, вырезанные ножом фигурки...

Следом за домохозяином Мегрэ спустился вниз. Контора представляла душную, плохо освещенную каморку, в которой стояли раскладушка да стол с керосинкой и остатками пищи.

— Не помнишь числа, когда банда отсутствовала?

Старик ответил отрицательно.

— Я так и думал. Но это неважно. До завтрашнего утра у тебя есть время подумать, слышишь? Завтра я сюда приеду сам или же пришлю кого-нибудь. И тогда мне понадобятся даты, точные даты, заруби себе на носу. Иначе придется тебя арестовать.

Хозяин, видно, хотел добавить что-то еще, но не решался.

— Если они вдруг появятся... вы мне... вы позволите мне применить оружие?

— Слишком много знаешь и опасаешься, как бы не расправились с тобой, как с Поленским? Верно?

— Я боюсь.

— Мы оставим на улице полицейского.

— Они могут прийти с черного хода.

— Я об этом подумал. Оставлю еще одного — на Старой Церковной.

Улицы были пустынны, после нескольких шумных часов внезапно наступила тишина. Облавы словно и не было. Огни в окнах погасли. Все улеглись снова спать. Кроме тех, кого доставили в полицейский участок, и еще Марии. Пока Люка ходил взад-вперед по коридору, та, должно быть, рожала.

Выставив, как и обещал, двух полицейских, Мегрэ подробно проинструктировал их. На улице Риволи пришлось ждать, пока появится такси. Ночь выдалась ясная и холодная.

Сев в такси, комиссар передумал ехать домой. В конце концов он же выспался накануне. И до этого, во время своей «болезни», отдыхал трое суток! А удалось ли выспаться Мерсу?

— Где еще открыто какое-нибудь кафе?— спросил он, внезапно почувствовав голод. Голод и жажду. При мысли о бокале холодного пива с серебристой шапкой пены у него потекли слюнки.

— Кроме ночных клубов, открыто лишь «Под куполом» да еще маленькие бистро возле Центрального рынка.

Он и сам это знал. А зачем же спрашивал?

— Отвезите в «Купол».

Большой обеденный зал был закрыт, но в баре сидело несколько сонных посетителей. Не отпуская такси, Мегрэ заказал пару отменных бутербродов с ветчиной и выпил кряду три кружки пива. Было четыре утра.

— На набережную Орфевр,— распорядился он, но по пути передумал.— Отвезите меня лучше на набережную Часовщиков.

Весь улов был на месте, и стоявший тут запах напоминал ему ночлежку на улице Сицилийского короля. Мужчин разместили по одну сторону, женщин — по другую. Тут же находились бродяги, пьянчужки и проститутки, подобранные в эту ночь в разных кварталах Парижа.

Некоторые из них спали на полу. Завсегдатаи, сняв обувь, растирали натруженные ноги. Некоторые женщины шутили с охранниками, порой иная вызывающе задирала юбку.

Возле печки, на которой варился кофе, полицейские играли в карты. Тут же находились агенты в штатском, ожидавшие распоряжений Мегрэ.

Лишь часам к восьми у всех задержанных проверят документы. Потом отправят наверх и разденут донага для оперативной отработки и медосмотра.

— Можете начинать, ребята. Бумаги проверит инспектор, который дежурит днем. Потрясите-ка хорошенько тех, кого доставили с улицы Сицилийского короля. В особенности женщин. Как следует поработайте с обитателями гостиницы «Золотой лев», если такие окажутся...

— Есть тут одна женщина и двое мужчин.

— Отлично. Пусть расскажут все, что им известно об этих иностранцах и о Марии.

Он дал краткие сведения о каждом из членов шайки, и детективы уселись за стол. Начался допрос, который продлится до утра. На ощупь отыскивая выключатели в темных коридорах Дворца правосудия, комиссар между тем пробирался к себе в кабинет.

Дежуривший в эту ночь Жозеф поздоровался с вошедшим. Мегрэ обрадовался, увидев приветливое лицо посыльного. В дежурке, где горел свет, раздался телефонный звонок. Мегрэ открыл дверь.

— Передаю трубку...— отвечал Бодэн.— Он только что вошел...

Говорил Люка. Мария родила мальчика весом в четыре с половиной килограмма. Когда сиделка вышла, чтобы вымыть младенца, она попыталась скрыться.

Перевел с французского Виктор КУЗНЕЦОВ.

Продолжение следует.

Жорж СИМЕНОН

РОМАН

МЕГРЭ И ЕГО МЕРТВЕЦ

Неизвестные в желтой автомашине с парижским номером привезли и оставили на площади Согласия труп мужчины в бежевом плаще, обращавшегося перед этим к комиссару Мегрэ с просьбой о помощи. Мегрэ и детектив Люка преследуют подозрительного незнакомца, пришедшего в кафе, где, как предполагают, было совершено это убийство. Но кто-то, очевидно, сообщники, застрелил преследуемого на глазах у преследователей. Тогда Мегрэ решает устроить облаву в этом районе. В одной из гостиниц полиция обнаружила молодую красивую женщину, у которой начинаются роды.
Хозяин гостиницы прикидывается, что ничего не знает о своих постояльцах. Но Мегрэ вырвал у него признание, что вместе с женщиной здесь жили еще четверо мужчин, в том числе и Виктор Поленский, тот самый, что был кем-то убит, когда его преследовал Мегрэ со своим сотрудником.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Выйдя на Севрской улице у больницы Леннека из такси, Мегрэ увидел большой автомобиль с номерными знаками дипломатического корпуса. В дверях больницы стоял высокий, худощавый мужчина, одетый угнетающе безукоризненно. Движения его были столь изысканны, а выражение лица столь благородно, что невольно хотелось не слушать звуки, которые издавал этот господин, а лишь не дыша наблюдать редкостное зрелище.

Между тем это был даже не второстепенный секретарь посольства, а всего лишь мелкий служащий.

— Его превосходительство уведомил меня...— начал он.

Мегрэ, проработавший несколько часов, как не работал еще никогда, проходя вперед, лишь буркнул в ответ:

— Да ладно вам!

Однако, обернувшись на середине лестницы, он задал вопрос, озадачивший его спутника:

— Вы хоть по-ихнему говорите?

Опершись локтями о подоконник, Люка угрюмо глядел в окно. Утро выдалось хмурое, дождливое. Сестра велела ему не курить, и сержант со вздохом ткнул в трубку Мегрэ:

— Заставят потушить, шеф.

Пришлось ждать, пока не придет дежурная сестра. Ею оказалась женщина средних лет, на которую слава Мегрэ, похоже, не произвела никакого впечатления. Да и к полиции она не питала никакой симпатии.

— Вам не следует ее утомлять. Как только я дам знак, быстренько уходите.

Пожав плечами, Мегрэ первым вошел в небольшую белую палату. В колыбели спал ребенок. Мария вроде бы дремала, но в действительности из-под полузакрытых ресниц наблюдала за действиями вошедших мужчин.

Она была столь же прекрасна, как и в ту ночь на улице Сицилийского короля. Только лицо бледнее и волосы не распущены, а толстыми косами уложены вокруг головы.

Положив шляпу на стол, Мегрэ повернулся к переводчику.

— Спросите, пожалуйста, ее фамилию.

Комиссар подождал, не особенно рассчитывая на ответ. Как он и ожидал, молодая женщина лишь с ненавистью посмотрела на господина, который говорил с ней на ее родном языке.

— Она не будет говорить,— произнес переводчик.— Насколько я могу судить, она не богемка, а словачка. Я обращался к ней на обоих языках, и, когда я заговорил по-словацки, она вздрогнула.

— Прошу объяснить ей, что я настоятельно рекомендую отвечать на мои вопросы. Иначе, несмотря на ее состояние, она сегодня же может очутиться в тюремной больнице.

Переводчик сделал жест, означавший оскорбленное достоинство. Сестра, ходившая взад-вперед по палате, аж задохнулась от возмущения:

— И как только язык повернулся сказать такое!

Обратившись к комиссару, сиделка процедила:

— Вы что, не читали объявление, что курить запрещается?

С неожиданной кротостью Мегрэ вынул трубку изо рта.

Наконец Мария выдавила несколько слов.

— Прошу вас перевести.

— Она говорит, что ей все равно, что всех нас она ненавидит. Я не ошибся. Она из Словакии, вероятно, из Южной Словакии, провинциалка.

Мегрэ вытащил из кармана записную книжку.

— Спросите, где она была в ночь на тринадцатое октября прошлого года.

На этот раз молодая женщина отреагировала. Взгляд ее, помрачнев, остановился на Мегрэ. Однако из уст ее не вырвалось ни единого звука.

— А также в ночь на восьмое декабря...

Мария вздрогнула. Грудь ее начала вздыматься. Молодая женщина инстинктивно повернулась к колыбели, словно защищая свое дитя.

Это была великолепная самка. Одна только сиделка не понимала, что перед нею существо другой породы, и продолжала обращаться с нею, словно с обыкновенной роженицей.

— Вам не надоело задавать ей глупые вопросы?

— Я задам ей еще один. Возможно, он заставит вас переменить свое мнение, мадам. Или мадемуазель?..

— Мадемуазель, с вашего позволения.

— Я так и думал. Переведите, мсье. В ночь с восьмого на девятое декабря на ферме Сен-Жиль-ле-Водрев в Пикардии топором была зверски зарублена вся семья. В ночь на двенадцатое октября на ферме Сент-Обэн подобным же образом были убиты старик фермер и его жена. И тоже в Пикардии. Двадцать первого ноября было совершено аналогичное нападение на престарелую чету и их слабоумного батрака.

— Уж не хотите ли сказать, что это сделала она?

— Минуту, мадемуазель. Пусть сначала переведут.

Переводил сотрудник посольства с видом крайнего отвращения, словно разговоры о злодеяниях затрагивали его собственную персону. После первых же слов молодая женщина попыталась приподняться. Грудь ее обнажилась, но она даже не позаботилась прикрыть ее.

— До восьмого декабря об убийцах не знали ничего, поскольку в живых они никого не оставляли. Вы слушаете меня, мадемуазель?

— Насколько мне известно, врач разрешил вам зайти лишь на несколько минут.

— Не волнуйтесь. Она достаточно крепка. Вы только взгляните.

Похожая на волчицу или львицу, молодая женщина, рядом с которой спал ребенок, по-прежнему казалась прекрасной. По-видимому, столь же великолепной она была и тогда, когда находилась во главе своей банды.

— Прошу переводить слово в слово. Однако восьмого декабря случилась промашка. Девятилетней девочке — босиком, в одной нижней рубашке — удалось остаться незамеченной и спрятаться в углу. Ребенок все видел и все слышал. Девочка видела темноволосую молодую женщину — великолепное дикое существо,— которая пламенем свечи жгла ее матери ноги. Один из ее спутников раскроил старику череп, а другой в это время угощал своих приятелей вином. Жена фермера кричала, умоляла, корчилась от боли, в то время как эта женщина...— Он указал на кровать, где лежала роженица.— В то время как эта женщина с улыбкой подвергала ее еще более жестокой пытке, прикладывая к грудям жертвы зажженную сигарету.

— Прошу вас, не продолжайте!— запротестовала сиделка.

— Переводите,— произнес Мегрэ, наблюдая за Марией, которая лежала, как бы замкнувшись в себе, и не отрывала от комиссара взгляда.

— Спросите, не хочет ли она что-нибудь сказать?

Ответом была презрительная усмешка.

— Сирота живет теперь в Амьене у приемных родителей. Сегодня утром ей показали переданную по телеграфу фотографию вот этой женщины. Девочка тотчас узнала ее. Ее ни о чем не предупреждали, просто дали снимок. В результате припадок истерики. Переводите, мой зарубежный друг.

— Она словачка,— повторил чиновник посольства.

В этот момент заплакал новорожденный. Взглянув на часы, сиделка вынула ребенка из кроватки. Мать неотрывно глядела на него, пока ему меняли пеленки.

— Напоминаю: ваше время кончилось, господин комиссар.

— А люди, о которых я вам рассказывал? Что, их время тоже кончилось?

— Ей надо кормить ребенка.

— Ну и пусть кормит.

Впервые Мегрэ пришлось продолжать допрос при таких обстоятельствах: младенец так и впился в белую грудь преступницы.

— Она все равно молчит. Полагаю, она ничего не скажет и тогда, когда вы расскажете ей о вдове, мадам Риваль, которая была подобным же образом убита у себя на ферме девятнадцатого января. То была самая последняя жертва. Дочь ее, сорокалетнюю женщину, тоже нашли убитой. Предполагаю, что дело не обошлось без Марии. Как всегда, на теле обнаружены следы ожогов.

Мегрэ почувствовал атмосферу недоброжелательства, скрытой враждебности, но это его не трогало. Он вконец изнемог.

— Теперь расскажите ей о ее приятелях. Это Виктор Поленский — что-то вроде деревенского придурка, обладающего силой гориллы; Серж Мадок — личность с толстой шеей и сальной кожей; Карл и еще подросток по имени Петр.

Слушая, как перечисляет имена комиссар, Мария всякий раз вздрагивала.

— Подросток тоже был ее любовником?

— Мне и это переводить?

— Извольте. В краску вы ее не вгоните.

Женщина оказалась припертой к стене, и все же при упоминании о подростке губ ее коснулась нежная улыбка.

— Спросите, действительно ли он был ее братом.

Как ни странно, порой, причем не только тогда, когда она прижимала к груди ребенка, в глазах преступницы вспыхивали теплые искорки.

— Ну что же вы, друг любезный...

— Меня зовут Франц Легель.

— Мне это абсолютно безразлично. То, что я сейчас скажу, попрошу перевести очень точно, слово в слово. Возможно, от этого будет зависеть жизнь вашей землячки. Прежде всего предупредите: от того, каково будет ее дальнейшее поведение, зависит ее жизнь.

— Неужели я должен переводить и это?

— Какая мерзость!— пробормотала сиделка.

Мария даже ухом не повела. Лишь, чуть побледнев, усмехнулась.

— Есть еще одно лицо, неизвестное нам. Оно у них вожаком.

— Переводить?

— Пожалуйста.

На сей раз ответом молодой матери была насмешливая улыбка.

— Она не будет говорить, я знаю. Я это понял, как только пришел. Таких, как она, не запугаешь. Однако есть одна деталь, которую мне надо знать, поскольку речь идет о человеческих жизнях.

— Переводить?

— А зачем же я посылал за вами?

— Прошу извинить.

Стоя неестественно прямо, Мегрэ словно отвечал выученный урок.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—43.

— С двенадцатого октября по двадцать первое ноября прошло около полутора месяцев. С двадцать первого ноября по восьмое декабря прошло немногим более двух недель. До девятнадцатого января — еще шесть недель. Не понимаете? Это примерно то время, за какое банда тратила награбленные деньги. У нас сейчас конец февраля. Обещать я ничего не могу. Другие станут решать ее судьбу, когда дело будет представлено на суд присяжных. Переведите.

— Не повторите ли даты?

Комиссар повторил свой урок, затем подождал.

— А теперь скажите ей, что, если она своим ответом предотвратит новое кровопролитие, это ей зачтется.

Мария лишь презрительно скривила губы.

— Я не спрашиваю, где сейчас находятся ее друзья. Даже не выясняю имя их вожака. Я хочу знать, не пустые ли они, не намерены ли они в ближайшем будущем совершить новое преступление.

Глаза Марии вспыхнули, и весь ответ.

— Ладно. Отвечать она не желает. Кажется, я все понял. И все-таки нам необходимо узнать, не Виктор ли Поленский был убийцей.

Женщина внимательно выслушала перевод, потом стала ждать новых вопросов. Мегрэ досадовал, что приходится прибегать к услугам этого чиновника из дипломатической миссии.

— Ясно, что топором орудовал один человек. Если это не Поленский, тогда мне не ясно, к чему банде было таскать с собой полуидиота. Ведь в конце концов это из-за него мы схватили Марию, а вскоре доберемся и до остальных.

И снова перевод. На этот раз Мария явно торжествовала. Они ничего не знают. Знает только одна она. Она лежит тут обессиленная, прижимая к груди ребенка. Зато она никого не выдала и будет и впредь держать язык за зубами.

Невольный взгляд, который молодая женщина бросила на окно, выдал ее. Когда преступницу оставили там, на улице Сицилийского короля, скорее всего она сама на этом настояла — приятели, видно, пообещали ее выручить.

Она знает своих мужчин. Верит им. Пока они на свободе, она в безопасности. Они вернутся. Рано или поздно вызволят отсюда.

Мария была великолепна. Ноздри ее широко раздувались, полные губы кривились, придавая лицу молодой женщины неописуемое выражение. Она и ее товарищи иной породы, чем окружающие их людишки. Они сделали свой выбор — жить вне закона.

Где, на каком дне, в какой атмосфере безысходности возник этот страшный союз? Все они познали, что такое голод: после «дела» единственной их заботой было есть, есть и пить весь день напролет, спать, предаваться любовным утехам и снова есть, не обращая внимания на нищету окружающей их обстановки, на бедность своей одежды.

Убивали они не из-за денег. Деньги для них являлись лишь средством, позволявшим им есть и спать без помех в этом лежбище.

Суетность была чужда Марии. В комнате ее обнаружены лишь дешевые платья, какие она носила в деревне. Ни пудры, ни губной помады она не употребляла. Не водилось у нее и дорогого белья. В иные времена, в иных широтах вся шайка могла жить таким же вот образом, нагишом, где-нибудь в лесных дебрях или джунглях.

— Скажите ей, что я вернусь, что я прошу ее подумать. Ведь теперь у нее ребенок.— Последние слова Мегрэ невольно произнес совсем иным тоном.

— Мы вас оставляем,— обратился он к сиделке.— Скоро я пришлю другого дежурного детектива. Доктору Букару я позвоню. Ведь она его пациентка?

— Доктор заведует отделением.

— Если ее можно транспортировать, то, вероятно, нынче вечером или завтра утром ее перевезут в Сантэ.

Несмотря на то, что́ она узнала о своей подопечной, сиделка с прежней враждебностью смотрела на непрошеных гостей.

— Прощайте, мадемуазель. Пойдемте, мсье.

Выйдя в коридор, Мегрэ обменялся несколькими фразами с Люка, чтобы ввести его в курс событий. Дежурная сиделка, которая привела их с первого этажа, ждала поодаль. Напротив двери стояло пять или шесть ваз с цветами.

— Чьи они?— поинтересовался комиссар.

Сиделка была молодая, светловолосая, под белым халатом угадывались упругие формы.

— Теперь ничьи. Дама, которая лежала в этой палате, несколько минут назад уехала домой. Это она оставила цветы. У нее было много друзей.

Мегрэ говорил вполголоса. Сиделка согласилась, хотя, видно, была удивлена. Но переводчик удивился бы еще больше, если б узнал о намерении Мегрэ.

— Не отнесете ли немного цветов в двести семнадцатую?— не без смущения сказал комиссар.

Потому что в палате было неуютно и холодно, потому что там в конце концов находилась молодая мать с новорожденным младенцем.

Часы показывали половину двенадцатого. В длинном, плохо освещенном коридоре, где находились кабинеты следователей, ждали своей очереди несколько человек. Задержанные были в наручниках, без галстуков. Охраняли их полицейские, сидевшие на скамейках. Тут же расположились и женщины, и свидетели, у которых начинало иссякать терпение.

Озабоченный и важный более обыкновенного, Комелио велел принести из соседних помещений стулья, а своего помощника отправил пообедать.

По просьбе Мегрэ пришел начальник уголовной полиции, занявший кресло. На стуле, предназначенном для допрашиваемых, восседал Коломбани, комиссар «Сюртэ насьональ».

Поскольку уголовная полиция теоретически занимается лишь преступлениями, совершенными в Париже и прилегающем к нему районе, именно Коломбани вместе с «летучим отрядом» в течение последних пяти месяцев вел расследование по делу «Пикардийской банды», как окрестили убийц журналисты.

Утром состоялась встреча Коломбани с комиссаром Мегрэ; инспектор показал ему свое досье. В то же утро, около девяти, в дверь Мегрэ постучался один из детективов, оставленных на улице Сицилийского короля.

— Он здесь,— заявил детектив, приведший с собой хозяина «Золотого льва». Ночь, вернее, остаток ее, научила того уму-разуму. Бледный, небритый, в мятом костюме, кинулся он к детективу, который расхаживал взад-вперед перед гостиницей.

— Мне надо в полицейское управление,— объяснил он.

— Ну и ступай.

— Боюсь.

— Я тебя провожу.

Но разве Поленского не убили прямо на улице, где было полно народу?

— Возьмем лучше такси. Я заплачу́.

Когда домовладелец вошел в кабинет Мегрэ, на столе у комиссара уже лежало его дело: гость имел три судимости.

— Числа вспомнил?

— Да. Только договоримся, что вы меня охранять будете...

От этого человека так и несло трусостью и пороком. Все его существо напоминало зловонную язву. И такой вот человек был дважды задержан за попытку изнасилования.

— Первый раз, как они отвалили, я не обратил внимания, но во второй обратил.

— Второй раз, то есть двадцать первого ноября?

— А вы откуда знаете?

— Я тоже думал и потом газеты читаю.

— Я подозревал, что это, возможно, они, но виду не подавал.

— Но они все равно догадались, верно?

— Не знаю. Они дали мне тысячу.

— А вчера говорил: пятьсот.

— Я ошибся. Во второй раз, как вернулась вся компания, Карл мне угрожал.

— Они пользовались автомобилем?

— Не знаю. Во всяком случае, из гостиницы шли пешком.

— А тот человек, которого ты не знаешь, приходил за несколько дней до их исчезновения?

— Дай бог памяти. Вроде бы да.

— Он тоже спал с Марией?

— Нет.

— А теперь изволь выкладывать все начистоту. Вспомни все свои первые судимости.

— Это я по молодости.

— Тем хуже. Такой человек, как ты, не мог не позариться на Марию.

— Я даже не дотронулся до нее.

— Еще бы! Остальных боялся.

— Да и ее тоже.

— Ладно! Хоть на этот раз не врешь. Только не надо меня уверять, будто ты просто время от времени открывал дверь!

— Я действительно проделал в перегородке дыру. И устроил так, чтобы соседний номер занимали как можно реже.

— Кто с ней спал?

— Вся кодла.

— И подросток?

— Он чаще остальных.

— Вчера ты сказал, будто он ее брат.

— Он на нее похож. Больше всех был влюблен в нее. Я не раз видел его зареванным. Когда он один с ней оставался, то о чем-то ее упрашивал.

— О чем?

— Не знаю. Они говорили по-своему. Когда в спальне появлялся кто-нибудь другой, пацан уходил в бистро на улице Роз и напивался.

— Они ссорились?

— Мужчины друг друга не переваривали.

— Ты действительно не знаешь, кому из них принадлежала рубашка с пятнами крови?

— Точно не могу сказать. Видел ее на Поленском, но они менялись одеждой.

— Как думаешь, кто из твоих жильцов был за вожака?

— Вожака у них не было. Бывало, как подымут хай, Мария их облает как следует, и они утихомирятся.

В свою трущобу домовладелец вернулся в сопровождении детектива, к которому он опасливо жался. Пахло от него хуже обычного: ведь у страха премерзкий запах.

Комелио, облаченный в безукоризненный костюм, в крахмальном воротничке и темном галстуке, наблюдал за Мегрэ, сидевшим на подоконнике спиной к окну.

— Женщина эта ничего не сказала и не скажет,— затягиваясь трубкой, произнес комиссар.— Со вчерашнего дня по Парижу разгуливают три диких зверя: Серж Мадок, Карл и подросток Петр. Несмотря на свой юный возраст, это отнюдь не безобидный мальчик-певчий из церковного хора. Не говоря о том человеке, который к ним наведывался и, по всему, является вожаком всей шайки.

— Полагаю,— произнес судебный следователь,— вы приняли все необходимые меры.

Комелио так и подмывало поймать на чем-нибудь Мегрэ. Слишком уж быстро, без видимого труда тому удалось столько узнать. Вроде бы занимаясь лишь своим подопечным, маленьким Альбертом, комиссар вышел на след банды, которую полиция тщетно искала в продолжение последних пяти месяцев.

— Начальники вокзалов предупреждены, не волнуйтесь. Проку от этого не будет никакого, но так положено. Ведется наблюдение на шоссе и на границе. Тоже так положено. Уйма циркуляров, депеш, телефонограмм, к делу привлечены тысячи людей, только...

— Это неизбежно.

— И все это сделано. Ведется наблюдение за гостиницами, особенно вроде таких, как «Золотой лев». Должны же эти люди где-то ночевать.

— Звонил один мой знакомый редактор, жаловался на вас. Насколько я понял, вы отказываетесь информировать репортеров.

— Совершенно правильно. Я считаю: незачем пугать парижан, сообщая им о том, что по улицам города безнаказанно разгуливают убийцы.

— Я согласен с Мегрэ,— заявил начальник уголовной полиции.

— Я отнюдь не осуждаю вас, господа. Просто пытаюсь составить собственное мнение. У вас свои методы работы. Особенно у комиссара Мегрэ. По-видимому, он не всегда расположен держать меня в курсе, а ведь в конечном счете ответственность за расследование возложена на меня. По моей просьбе общественный обвинитель объединил дело «пикардийских убийц» с делом маленького Альберта. И мне хотелось бы иметь четкое представление.

— Нам уже известно,— нарочно монотонно, словно читая, говорил Мегрэ,— как намечались жертвы.

— Вы получили сведения с севера?

— Нам они не понадобились. В номерах на улице Сицилийского короля Мерс обнаружил множество отпечатков. И хотя эти господа орудовали на фермах в перчатках и не оставляли за собой следов, и хотя убийцы маленького Альберта тоже были в резиновых перчатках, в гостинице они чувствовали себя как дома и перчаток не надевали. Отпечатки одного из преступников имеются в дактилоскопической картотеке.

— Которого?

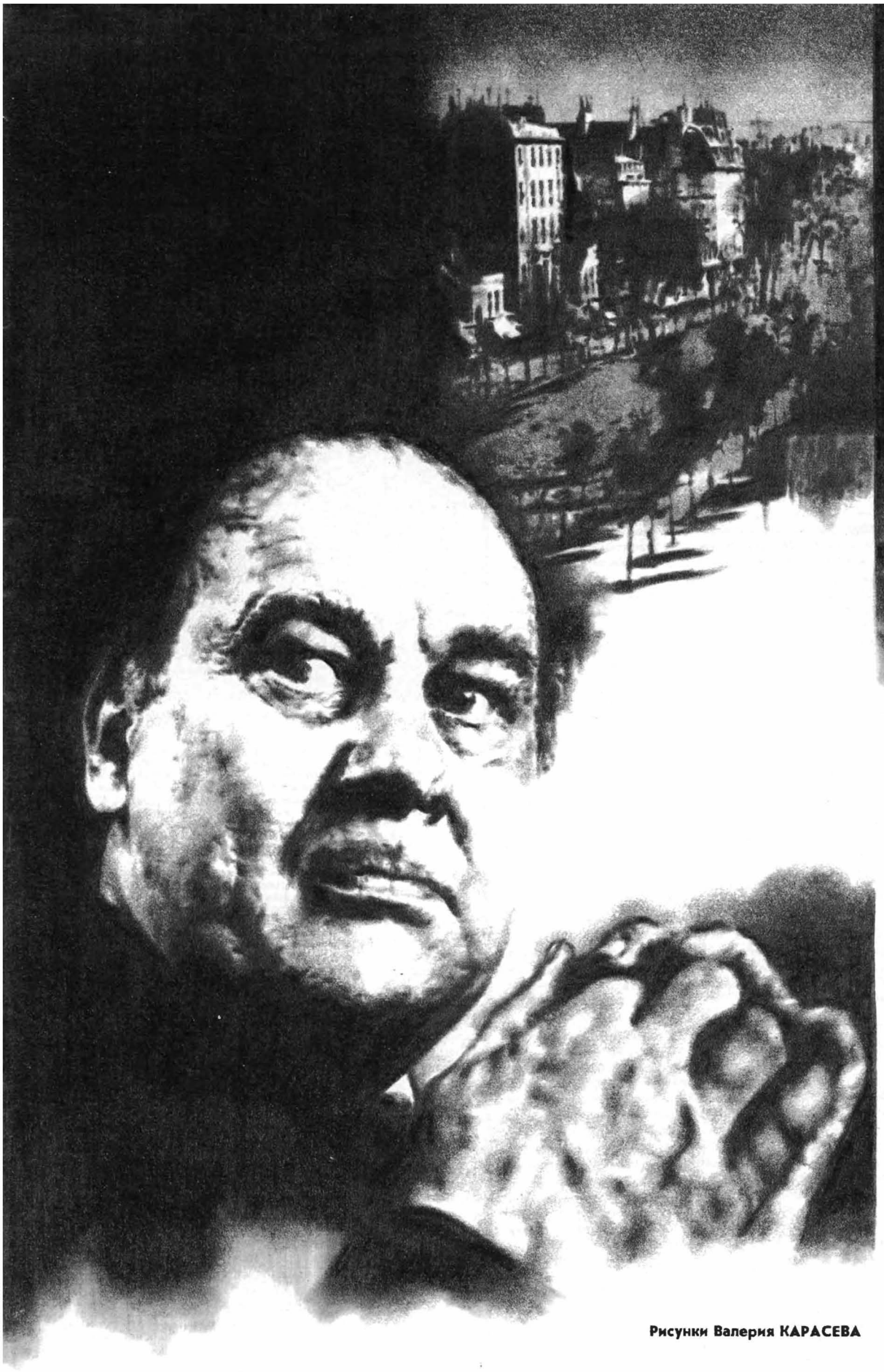
— Карла. По фамилии Липш. Во Францию въехал легально пять лет назад. Документы в порядке. В числе прочих сельскохозяйственных рабочих был направлен на крупные фермы Пикардии и Артуа.

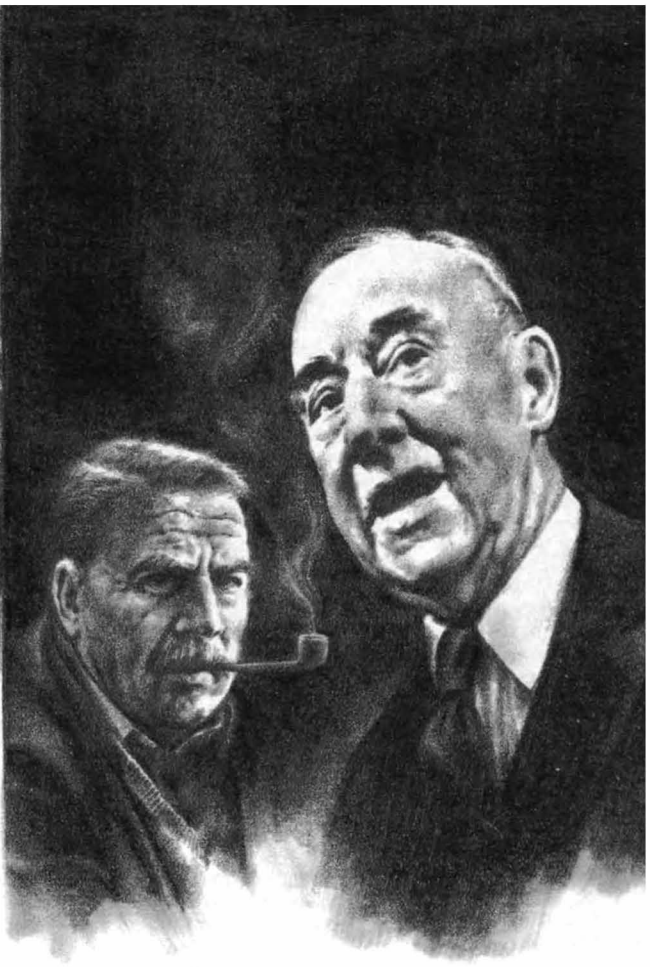
— В какой связи попал на заметку?

— Два года назад он был обвинен в изнасиловании и убийстве девочки-подростка из Сент-Обэна, где работал на ферме. На основании упорных слухов его арестовали, но месяц спустя за отсутствием доказательств освободили. Затем след его теряется. Очевидно, потом он перебрался в Париж. Мы прощупываем крупные предприятия в предместьях, и я не удивлюсь, если выяснится, что он тоже работал у Ситроена.

— Итак, личность одного из них установлена.

— Это не бог весть что, однако обратите внимание: с него-то все и началось. С любезного





Рисунки Валерия КАРАСЕВА

разрешения Коломбани я ознакомился с его досье. Вот карта, которую он составил. Она оказалась весьма полезной. Я также прочитал в одном из его рапортов, что там, где совершались преступления, богемцев не было. Однако, поскольку там жило несколько поляков, поговаривали о «польской банде». Ей-то и приписывали убийства на фермах.

— К чему вы клоните?

— Когда группа рабочих, в которой находился Карл, прибыла во Францию, все разъехались кто куда. В тот период в местности южнее Амьена мы находим лишь одного его. И именно там были совершены первые три преступления. В каждом случае дело происходило на богатых, расположенных особняком фермах, и в каждом случае жертвами были пожилые люди.

— А последние преступления?

— Чуть к востоку, неподалеку от Сен-Кентена. Наверняка выяснится, что у Карла в тех местах была подруга или знакомая. Добраться туда он мог на мотоцикле. Спустя три года, когда возникла банда...

— Как вы считаете, где именно это произошло?

— Не знаю, но вы убедитесь, что большинство связанных с нею людей обитает поблизости от набережной Жавель. Всего за несколько дней до первого нападения Виктор Поленский еще работал у Ситроена.

— Вы говорите о вожаке.

— Позвольте мне закончить свою схему. Вплоть до самой смерти маленького Альберта, вернее, до того, как на площади Согласия был обнаружен его труп,— я подчеркиваю это различие,— банда, на чьей совести было четыре зверских убийства, находилась в полной безопасности. Личность участников никому не была известна. Единственным очевидцем была девочка, видевшая женщину, которая пытала ее мать. Мужчин она не разглядела, к тому же лица их скрывали черные шарфы.

— Нашли вы эти шарфы на улице Сицилийского короля?

— Нет. Вот почему банде ничто не угрожало. Кому бы пришло в голову искать «пикардийских убийц» в ночлежке? Не так ли, господин Коломбани?

— Совершенно справедливо.

— Маленький Альберт, внезапно почувствовав себя в опасности,— не забывайте: когда он мне звонил, он говорил, что его преследует поочередно сразу несколько человек,— так вот, этот маленький Альберт был зарезан в собственном кафе после того, как попросил защиты. Он собирался повидать меня. Выходит, ему надо было что-то сообщить мне, и преследователи это знали. Только вот вопрос: зачем понадобилось кому-то перевозить труп на площадь Согласия?

Слушатели молча посмотрели на комиссара, тщетно пытаясь ответить на вопрос, который Мегрэ часто задавал себе.

— Я вновь обращаюсь к досье Коломбани, где имеются удивительно точные детали. Для каждого из убийств на фермах банда использовала краденые автомобили, чаще всего фургоны. Почти все они были похищены поблизости от площади Клиши, во всяком случае, в восемнадцатом округе. Вот почему мы обследуем этот район особо тщательно. Автомобили отыскивались на другой день в том же округе, но чуть ближе к окраине.

— Какой вы из этого делаете вывод?

— Собственной машины у банды нет. Автомобиль нужно где-то хранить, а это может навести на след.

— Выходит, желтый автомобиль?..

— Желтый автомобиль краденым не был. Иначе бы нам это стало известно: владелец сообщил бы о похищении, тем более что машина была почти новая.

— Понимаю,— пробормотал начальник управления, между тем как Комелио, который ничего не понимал, досадливо хмурился.

— Надо было раньше догадаться. Вначале я допускал такую возможность, но затем от подобного предположения отказался, поскольку слишком уж все это сложно. Истина же, как я полагаю, всегда проста. Вовсе не убийцы бросили тело маленького Альберта на площади Согласия.

— А кто же?

— Не знаю, но скоро мы выясним.

— Каким образом?

— Я поместил в газетах объявление. Вспомните. Около пяти вечера, поняв, что мы бессильны ему помочь, Альберт кому-то позвонил.

— Вы считаете, он обратился за помощью к своим друзьям?

— Возможно. Во всяком случае, он назначил кому-то встречу. И этот кто-то не появился.

— Откуда вам известно?

— Не забывайте о желтом автомобиле, который из-за поломки довольно долгое время стоял на набережной Генриха Четвертого.

— Выходит, два человека, которые в нем находились, приехали слишком поздно?

— Именно.

— Минуту! Я тоже взгляну в досье. По словам вашей прорицательницы, автомобиль стоял возле «Маленького Альберта» с половины девятого примерно до девяти. А на площадь Согласия труп был доставлен лишь в час ночи.

— Они могли вернуться, господин судебный следователь.

— Чтобы забрать жертву преступления, которого не совершали, и отвезти в другое место?

— Вероятно. Я не предлагаю никакого объяснения. Я просто отмечаю факт.

— А что же тем временем произошло с женой Альберта?

— А если допустить, что ее отвезли в безопасное место?

— Почему же не убили вместе с мужем, поскольку она, предположительно, была в курсе его дел и, во всяком случае, должна была видеть убийц?

— А если она уехала заблаговременно? Почем мы знаем, что она не уехала заранее? Когда события принимают серьезный оборот, некоторые люди предпочитают, чтобы жена не путалась у них под ногами.

— Вам не кажется, господин комиссар, что все эти поиски сбивают нас со следа убийц, которые, по вашим же словам, разгуливают в это время по Парижу?

— А что наводит на их след, господин судебный следователь?

— Очевидно, труп на площади Согласия.

— Видите ли, как только мы поймем мотивы преступления, схватить банду не представит особой трудности. Однако прежде всего нужно понять их.

— Вы считаете, этого бывшего официанта убили потому, что ему многое было известно?

— Похоже на то. Я пытаюсь установить, каким образом он это узнал. Как только я это сделаю, мне станет также ясно, какими именно сведениями он располагал.

Коломбани не терпелось вставить слово.

— Может быть, поезд?— вмешался он, наизусть зная свое досье. Мегрэ поддержал коллегу.

— Какой поезд вы имеете в виду?— поинтересовался Комелио.

— У нас,— начал Коломбани, заметив поощряющие взгляды комиссара и начальника управления,— у нас есть небольшая зацепка, она появилась после последнего преступления. Однако мы не предавали это гласности, опасаясь спугнуть банду. Прошу взглянуть на карту номер пять, подшитую к делу. Девятнадцатого января преступление было совершено на ферме, принадлежавшей вдове, мадам Риваль, и ее дочери. В результате обе они вместе с работником и служанкой были убиты. Ферма называется Монашки, несомненно, потому, что построена на развалинах женского монастыря, и находится в пяти километрах от деревни Годервиль. В деревне имеется железнодорожная станция, где останавливаются пассажирские поезда. Расположена она на линии Париж — Брюссель. Нет нужды говорить, что пассажиры, едущие из Парижа в Годервиль, немногочисленны, поскольку путешествие длится много часов: ведь поезд останавливается на каждом полустанке. Так вот, 19 января в 8.17 вечера с поезда сошел некий мужчина, у которого был обратный билет Париж — Годервиль.

— Знаете его приметы?

— Весьма приблизительно. Моложавый, хорошо одетый господин.

— Речь с иностранным акцентом?— спросил Комелио. Он, видно, решил: пора и ему что-то выяснить.

— Человек этот ни с кем не разговаривал. Прошел через всю деревню, и больше его не видели. Однако на следующее утро в самом начале седьмого он сел на парижский поезд. Но сел в Муше, на другом полустанке, который находится в двадцати одном километре южнее. Такси он не нанимал. Никто из жителей деревни его не подвозил. Трудно поверить, чтобы целую ночь человек гулял ради собственного удовольствия. Он неизбежно должен был оказаться где-то поблизости от фермы Монашки.

Мегрэ прикрыл глаза: его охватила невероятная усталость.

— Получив эти сведения,— продолжал Коломбани,— в Северной железнодорожной компании мы навели справки относительно билета. Ведь билеты, сдаваемые пассажирами по прибытии, какое-то время хранятся.

— И билета вы не обнаружили?

— На Северном вокзале его не сдавали. Иначе говоря, пассажир вышел, видно, с другой стороны поезда или смешался с толпой где-нибудь в предместье, что совсем нетрудно. Таким образом, он остался незамеченным.

— Именно это вы имели в виду, мсье Мегрэ?

— Да, мсье Комелио.

— Каков же вывод?

— Не знаю. Маленький Альберт мог оказаться в одном и том же поезде. А может, это произошло на вокзале.

Покачав головой, комиссар продолжал:

— Хотя нет. В таком случае его бы раньше начали преследовать.

— Что вы заключаете?

— Ничего! Кроме того, Альберт Рошен, по-видимому, располагал каким-то вещественным доказательством. Ведь после убийства банда не поленилась перевернуть вверх дном весь дом. Картина не вполне ясная. Потом Поленский зачем-то снова зашел в бистро.

— Вероятно, убийцы не нашли того, что искали?

— В этом случае они вряд ли послали бы полуидиота. Поленский действовал на свой страх и риск, без ведома остальных членов банды, могу поручиться. Доказательством служит следующий факт. Как только бандиты узнали, что он может навести нас на их притон, они его шлепнули. Простите, господа. Я совершенно изнемог.

Мегрэ повернулся к Коломбани.

— Смогу я увидеться с тобой часов в пять?

— Если тебе будет угодно.

У Мегрэ был такой измученный, усталый вид, что Комелио смущенно пробормотал:

— И все же вы кое-чего добились.

Как бы удивился Комелио, если б узнал, что, сев в такси, Мегрэ, помолчав, произнес:

— Набережная Шарантон! Я скажу, где остановиться.

У него из головы не выходил визит Поленского в кафе «Маленький Альберт». Ему явственно представлялось, как этот рыжеволосый идет кошачьим шагом, а по пятам за ним спешит Люка.

— Что подать, шеф?

— Все равно что.

Шеврье вполне вошел в свою роль, а Ирма, видно, оказалась хорошей стряпухой: в кафе сидело десятка два посетителей.

— Пройду наверх. Пошли ко мне Ирму.

Ирма поднялась по лестнице, на ходу вытирая руки о передник. Оказавшись в спальне, Мегрэ осмотрелся: окна распахнуты, в комнате чисто.

— Куда вы сложили вещи, которые тут валялись?

Вместе с Мерсом они составили перечень. Но в прошлый раз он искал вещи, которые могли оставить убийцы. Теперь же встал иной вопрос: что же хотел найти Поленский?

— Я все убрала в верхний ящик комода.

Расчески, коробка с заколками, несколько раковин с названием нормандского курорта, нож для разрезания бумаги, рекламирующий какие-то изделия, сломанный автоматический карандаш и всякая рухлядь, какая накапливается во многих домах.

— Тут все?

— Даже полупустая пачка сигарет и сломанная трубка. Долго нам тут оставаться?

— Не знаю, милая. Надоело это занятие?

— Мне лично нет. Просто посетители иной раз бывают слишком нахальны. Мужа это выводит из себя. Того и гляди отделает кого-нибудь...

Осматривая содержимое ящика, Мегрэ вытащил оттуда видавшую виды губную гармонику, изготовленную в Германии. К удивлению молодой женщины, он сунул находку в карман.

— Это все?— спросила она.

— Все.

Спустя несколько минут он позвонил снизу мсье Луазо, озадачив бывшего патрона:

— Скажите, сударь, Альберт играл на губной гармошке?

— Нет, насколько мне известно. Петь пел, но я ни разу не слышал, чтоб он играл на каком-нибудь инструменте.

Мегрэ вспомнил, что на улице Сицилийского короля нашел губную гармошку, и тут же позвонил владельцу «Золотого льва».

— Виктор Поленский играл на губной гармошке?

— Ну а как же. Даже по улице ходил наигрывая.

— Он один на ней играл?

— Еще Серж Мадок играл.

— У них у каждого была своя гармоника?

— Вроде бы да. Да, да, точно. Они иногда вдвоем играли.

Между тем во время обыска в гостинице был обнаружен лишь один инструмент.

Вещью, за которой без ведома своих сообщников пришел в кафе на набережной Шарантон придурковатый Поленский и за это поплатился жизнью, была его собственная губная гармошка.

Перевел с французского Виктор КУЗНЕЦОВ.

Продолжение следует.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

То, что произошло в тот день, стало впоследствии излюбленной темой разговоров у мадам Мегрэ, к которой она с удовольствием возвращалась во время семейных торжеств.

Мегрэ пришел в два часа дня и лег в постель, не пообедав, хотя обычно, когда бы он ни возвращался, комиссар первым делом отправлялся на кухню и начинал заглядывать в кастрюли. В этом не было ничего удивительного. Правда, он сказал, что успел перекусить. Когда жена стала расспрашивать, Мегрэ объяснил, что на кухне ресторанчика на набережной Шарантон он съел целый ломоть ветчины.

Опустив шторы и убедившись, что у мужа есть все необходимое, мадам Мегрэ на цыпочках вышла из спальни. Не успела она затворить за собой дверь, как супруг заснул.

Она вымыла посуду, прибралась на кухне и не сразу решилась вернуться в спальню за вязаньем. Услышав равномерное дыхание мужа, осторожно повернула ручку и, производя не больше шума, чем ангел-хранитель, неслышно вошла на носках. И тут, по-прежнему ровно дыша, комиссар произнес:

— Подумать только! Два с половиной миллиона за пять месяцев...

Глаза у него были закрыты, лицо порозовело. Мадам Мегрэ решила, что муж разговаривает во сне, и из опасения разбудить его застыла на одном месте.

— Как бы ты распорядилась такой суммой, а?

Она не смела ответить в уверенности, что муж бредит. Не разомкнув век, тот нетерпеливо повторил:

— Отвечай же, мадам Мегрэ.

— Просто не знаю,— прошептала она.— Сколько, ты сказал?

— Два с половиной миллиона. Возможно, много больше. Это самое малое, что им удалось прибрать к рукам. Большей частью в золотых монетах. Правда, существуют скачки... Мы всякий раз возвращаемся к скачкам. Ты заметила?

Она понимала: муж разговаривает не с ней, а с самим собой. Подождала, пока он снова заснет, чтобы выйти потихоньку. Некоторое время комиссар молчал, и мадам Мегрэ решила было, что он спит.

— Послушай, мадам Мегрэ. Надо уточнить одну деталь. Где устраивались скачки в прошлый вторник? Разумеется, в окрестностях Парижа. Позвони и выясни.

— У кого?

— Позвони в Пари-Мютюэль. Номер найдешь в телефонной книге.

Телефон находился в столовой, и шнур был слишком короток. Когда мадам Мегрэ приходилось говорить в этот черный металлический кружок, особенно с незнакомыми людьми, она почему-то терялась.

— Справиться от твоего имени?

— Как хочешь.

— А если спросят, кто я такая?

— Этого у тебя не спросят.

И тут Мегрэ открыл оба глаза, должно быть, проснувшись окончательно. Войдя в соседнюю комнату, жена оставила дверь открытой. Выяснять пришлось недолго. Служащий бюро привык, видно, к подобным вопросам и знал расписание наизусть, поскольку ответил без запинки.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—44.

Но когда мадам Мегрэ вернулась, чтобы сообщить мужу нужные ему сведения, тот уже похрапывал.

Будить его она не решилась. Отворив на всякий случай дверь, время от времени она поглядывала на часы: послеобеденный сон у мужа редко бывал продолжительным.

В четыре часа она пошла поставить суп на плиту. Минут тридцать спустя заглянула в спальню: супруг по-прежнему крепко спал. Но немного погодя, усевшись по обыкновению у окна, услышала голос, в котором сквозило нетерпение:

— Ну, так что ты узнала?

Мадам Мегрэ торопливо вошла и с удивлением увидела, что муж сидит в постели.

— Линия занята?— спросил он без тени иронии, и это встревожило мадам Мегрэ. Та решила, что муж начал заговариваться.

— Ну, конечно же, я звонила. Это произошло почти три часа назад.

— О чем это ты? Который час?

— Без четверти пять.

Мегрэ даже не понял, что спал. Он решил, что лишь смежил веки, пока звонила жена.

— Где же были скачки?

— В Венсене.

— Ага, что я тебе говорил?— воскликнул он, торжествуя.

На самом деле он никому ничего не говорил, просто часто думал об этом, что, в сущности, одно и то же.

— Позвони на улицу Ив... 00-90... Попроси кабинет Коломбани...

— Что ему сказать?

— Ничего. Я сам буду говорить. Если только он не уехал.

Коломбани находился все еще у себя. Как обычно, он опаздывал на деловое свидание и охотно согласился встретиться дома у Мегрэ, а не в полицейском управлении.

По просьбе мужа мадам Мегрэ приготовила крепкий кофе, и все-таки это не помогло ему проснуться окончательно. От частого недосыпания веки у него были воспалены и едва не закрывались сами по себе. Не в силах заставить себя одеться как следует, он лишь надел брюки, сунул ноги в шлепанцы да поверх ночной сорочки с вышитым мелкими красными крестиками воротом накинул домашний халат.

Оба удобно уселись напротив друг друга. На столе возвышался графин с кальвадосом, на фоне белой стены черными буквами выделялось название фирмы «Лост и Пепэн».

Давно зная друг друга, оба детектива избегали излишних церемоний. Низкорослый, как большинство корсиканцев, Коломбани носил туфли на высоких каблуках и яркие галстуки; на среднем пальце сверкал перстень с брильянтом — не то настоящим, не то фальшивым. Вот почему его самого принимали подчас за одного из тех, за кем он охотился, а совсем не за полицейского.

— Я велел Жанвье заняться скачками,— говорил Мегрэ, затягиваясь трубкой.— Где они сегодня?

— В Венсене.

— Как и прошлый вторник. Любопытно, уж не в Венсене ли начались злоключения маленького Альберта? Мы уже проводили предварительную работу по скачкам, но ощутимых результатов не получили. Правда, тогда мы занимались одним лишь бывшим кельнером. Теперь проблема иная. Нужно выяснить у различных букмекеров, особенно тех, кто принимает крупные ставки по пятьсот и тысяче франков, нет ли в числе их клиентов моложавого мужчины с иностранным акцентом.

— Может, его опознали детективы, дежурящие на ипподроме?

— Боюсь, ставки он делал через подставных лиц. Слишком уж жирный куш — два с половиной миллиона.

— Сумма, вероятно, гораздо значительнее,— заявил Коломбани.— В моем докладе приведены лишь приблизительные размеры добычи. Фермеры, которых они убивали, очевидно, имели тайники и под пытками могли указать их грабителям. Не удивлюсь, если окажется, что общая сумма составит миллиона четыре, а то и больше.

На что могли израсходовать награбленное жалкие обитатели ночлежки? На одежду они не тратились. В ресторанах не кутили. Лишь объедались да пьянствовали. Но даже пяти человекам не так-то просто провесть и пропить миллион.

Между тем налеты совершались довольно часто.

— Должно быть, львиную долю присваивал себе главарь.

— Но почему с этим мирились остальные?

Вопросов было так много, что голова разламывалась. Тогда Мегрэ тер лоб, уставясь на какой-нибудь предмет, к примеру, на герань, стоявшую в дальнем окне.

Вопреки его желанию мысли комиссара то и дело возвращались к расследованию: все, что происходит в Париже и его окрестностях, беспокоило Мегрэ.

Он еще не отправил Марию в тюремную больницу и договорился с издателями газет, что в дневном выпуске будет упомянуто название госпиталя, в котором она находится.

— Надеюсь, что там оставили детективов?

— Да, четверых в штатском, не считая постовых. К госпиталю есть несколько путей. Ведь сегодня день посещений.

— Думаешь, они попытаются что-то предпринять?

— Не знаю. Все они настолько без ума от нее, что не удивлюсь, если кто-нибудь рискнет своей шкурой. К тому же, сам понимаешь, каждый из них считает себя отцом. Поэтому они захотят повидать ее и ребенка... Игра опасная. И опасность эта исходит не столько с моей стороны, сколько со стороны остальных членов шайки.

— Не понимаю.

— Убили же они Поленского, верно? А почему? Да потому, что могли погореть из-за него. Если над кем-нибудь еще из банды нависнет угроза попасть к нам в руки, я удивлюсь, если его оставят в живых.

Мегрэ задумчиво посасывал трубку.

— Наверняка они попытаются сначала связаться со своим главарем,— произнес Коломбани, закуривая сигарету с золотым ободком.— Особенно, если они на мели.

Мегрэ задумчиво посмотрел на корсиканца. Внезапно в глазах его появилось жесткое выражение. Вскочив, он стукнул по столу.

— Болван! Форменный идиот!— воскликнул он.— Мне это и в голову не пришло!

— Но ведь ты не знаешь, где он живет...

— Совершенно верно! Готов биться об заклад, что и остальные члены шайки знают не больше. Тип, который затеял все это дело и распоряжался своими сообщниками, наверняка принял меры предосторожности. Что же говорил владелец гостиницы? А вот что: человек этот появлялся перед

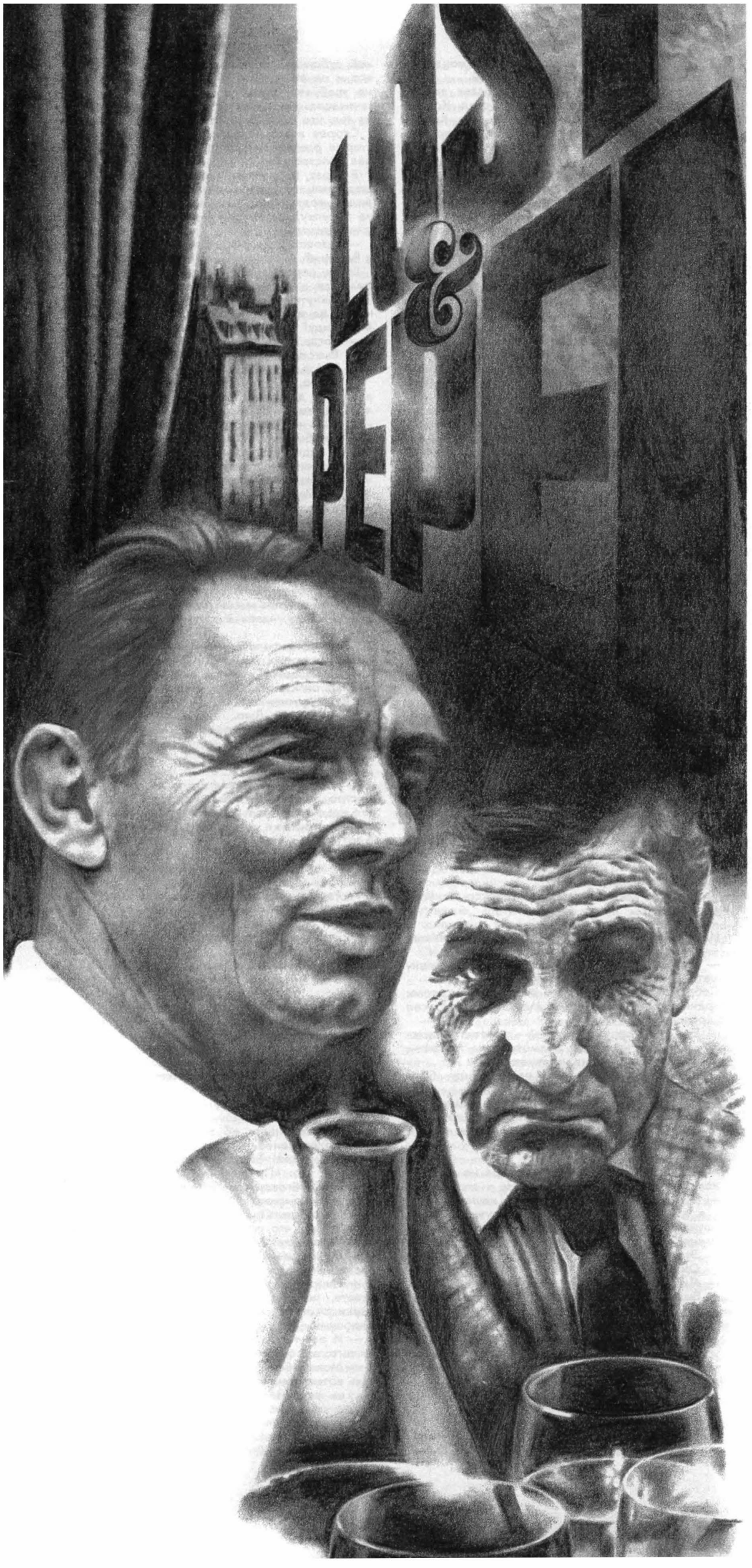
Преследователи убили человека, обращавшегося за помощью к Мегрэ. Расследуя это дело, комиссар и его сотрудники обнаружили во время облавы красавицу роженицу Марию. Хозяин гостиницы рассказал, что вместе с ней жили четверо нигде не работающих мужчин, которые иногда отлучались по ночам. Один из них угрожал убить хозяина, если тот не будет держать язык за зубами. Спустя некоторое время Мегрэ приехал в больницу. Он спросил у Марии, где она была, когда банда совершала зверские убийства. Но женщина лишь с ненавистью посмотрела в ответ. Тогда Мегрэ сказал, что в последний раз бандиты не заметили спрятавшуюся девочку, которая видела, как убивали ее близких, а Мария пытала ее мать. Девочка узнала преступницу, когда ей показали фотографию Марии. Мегрэ догадывается: маленького Альберта убили, потому что он как-то проник в тайну шайки.

Жорж СИМЕНОН

РОМАН

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

МЕГРЭ И ЕГО МЕРТВЕЦ



каждым налетом, чтобы дать шайке нужные инструкции. Ты понял, что я хочу сказать?

— Не вполне.

— Что мы о нем знаем наверняка или предположительно? Мы ищем его на скачках. Думаешь, те глупее нас? Ты совершенно прав: в эту самую минуту они наверняка пытаются связаться с ним. Может, затем, чтобы достать денег. Во всяком случае, сообщить ему о последних событиях, попросить совета или указаний. Могу поклясться, ни один из них не провел последнюю ночь в своей постели. Как думаешь, куда они отправились?

— В Венсен?

— Более чем вероятно. Если шайка не развалилась, то по крайней мере один из бандитов отправился на скачки. Если же все разбежались, не имея определенного плана действий, не удивлюсь, если в Венсене окажутся все трое. Хотя в лицо мы их не знаем, у нас превосходная возможность их заловить. Таких, как они, отыскать в толпе дело нехитрое. Подумать только! Жанвье на скачках, а я не дал ему нужных инструкций! С тремя десятками детективов вокруг ипподрома и на трибунах мы б их живо схватили. Который час?

— Поздно. Шестой заезд окончился полчаса назад.

— Вот ведь как бывает! Думаешь, что предусмотрел все. Когда я ложился в постель, я был уверен, что сделал все, что в моих силах. Мои люди изучают платежные ведомости у Ситроена и прочесывают район Жавеля. Оцепили госпиталь Леннека. Осматривают все кварталы, где могут прятаться вот такие типы. Допрашивают бродяг и беспризорников. Обыскивают ночлежные дома. Мерс в своей лаборатории исследует все, что было найдено на улице Сицилийского короля, вплоть до малейшего волоска. А тем временем эти головорезы, возможно, сумели встретиться со своим вожаком в Венсене.

Должно быть, Коломбани и сам был неравнодушен к конским бегам: он оказался недалек от истины. Раздался телефонный звонок. Говорил Жанвье:

— Я все еще в Венсене, шеф. Попытался связаться с вами в управлении.

— Скачки кончились?

— Полчаса назад. Я остался потолковать с обслуживающим персоналом. Во время скачек никак было не поговорить: хлопот у них хватает, как только они умудряются работать без ошибки. Знаете, я спрашивал насчет тех ставок. Букмекера, который принимает ставки по тысяче франков, мой вопрос удивил. Этот парень бывал в Центральной Европе и в тамошних языках разбирается. «Вас интересует богемец?— спросил он.— Есть у меня один, который постоянно делает крупные ставки. Почти всегда на аутсайдеров. Я сперва подумал, что он откуда-нибудь из посольства».

— Почему?— поинтересовался Мегрэ.

— Потому что он, судя по-всему, принадлежит к сливкам общества и всегда прекрасно одет. Проигрывает довольно часто, но и глазом не моргнет, усмехнется — и все дела... Но букмекер обратил внимание на него больше из-за его подружки.

Облегченно вздохнув, Мегрэ, не скрывая радости, взглянул на Коломбани, словно говоря: «Вот мы и добрались до них!»

— Что, женщина?— крикнул он в трубку.— Иностранка?

— Парижанка. Минутку! Вот потому-то я и не ушел с ипподрома. Если б мне удалось поговорить с букмекером раньше, он бы мне эту парочку показал.

— Что собой представляет эта женщина?

— Совсем девчонка. Похоже, очень смазливая, одевается у лучших портных. Это еще не все, господин комиссар. По словам букмекера, она киноактриса. Сам он в кино ходит редко. Имен кинозвезд не знает. К тому же она, как ему кажется, не на главных ролях. Я кучу имен перебрал, но это все не то.

— Который теперь час?

— Без четверти шесть.

— Раз уж ты в Венсене, сбегай в Жуэнвиль. Это недалеко. Захвати с собой своего букмекера.

— Он сказал, что он к моим услугам.

— Сразу за мостом есть несколько киностудий. У режиссеров обычно хранятся фотографии всех актеров, даже таких, которых берут на эпизодические роли. Они обращаются к своей коллекции, когда снимают новый фильм. Ты меня понял?

— Понял. Куда вам позвонить?

— Домой,— ответил Мегрэ, удобно усаживаясь в кресло.— Может, сработает,— обратился он к Коломбани.

— Разумеется, если это **наш** иностранец.

Наполнив рюмки с золотым ободком, комиссар выколотил трубку и набил ее заново.

— Чувствую, горячий предстоит вечерок. Ты послал за девчушкой?

— Она в три часа выехала. Я сам ее встречу на Северном вокзале.

Речь шла о девочке с фермы Мансо, которая чудом спаслась и видела в числе погромщиков Марию.

...И опять телефонный звонок.

— Алло?— Мегрэ снова взглянул на коллегу, но на этот раз с досадой. Говорил вполголоса. Какое-то время через равные промежутки времени он повторял:

— Да... да... да...

Коломбани напрасно пытался что-нибудь понять: слышались лишь гудение да несвязные обрывки фраз.

— Через десять минут? Да, да. Как я и обещал.

Почему Мегрэ как бы замкнулся? Облик его совершенно изменился. Словно ребенок в ожидании рождественского подарка, он так и дрожал от нетерпения, однако пытался казаться спокойным, даже скучающим.

Повесив трубку, вместо того чтобы обратиться к Коломбани, открыл дверь на кухню.

— Твоя тетушка со своим мужем едут к нам,— заявил он.

— Что? О чем ты говоришь? Но ведь...

Он тщетно делал знаки жене.

— Знаю. Меня это тоже поразило. Должно быть, случилось что-то серьезное. Она хочет спешно поговорить.

Просунув голову в дверь, Мегрэ строил немыслимые рожи, но супруга никак не могла понять, что это значит.

— Ну и ну! Очень странно. Надеюсь, ничего страшного не произошло?

— Может, насчет наследства?

— Какого такого наследства?

— Дядюшкиного.

Коломбани встретил Мегрэ с кривой ухмылкой.

— Извини, дружище. С минуты на минуту приедет женина тетушка. Только-только успею одеться. Не хочу спроваживать тебя, но сам посуди.

Залпом осушив свою рюмку, комиссар из «Сюртэ» поднялся и вытер рот.

— Конечно, я вполне понимаю. Позвонишь, если узнаешь что-нибудь новенькое?

— Обещаю.

— У меня такое чувство, что позвонишь ты очень скоро. Я даже не уверен, стоит ли мне отправляться к себе на улицу Ив. Нет! Если не возражаешь, я лучше пройдусь в полицейское управление.

— Вот и отлично! До встречи.

Мегрэ чуть ли не вытолкал Коломбани на лестницу. Затворив дверь, он мигом подошел к окну. Слева, за складом Лоста и Пепэна, находилась выкрашенная в желтый цвет лавка, торговавшая вином и углем. Возле двери стояла кадка с каким-то растением. На нее-то он и уставился.

— Ты что, ломал комедию?— спросила жена.

— Ну, конечно! Мне не хотелось, чтобы Коломбани встретился с людьми, которые вот-вот придут сюда.

Он машинально оперся о подоконник, где только что стоял Коломбани. Там лежала сложенная газета. На странице, где помещаются объявления, заметил обведенную синим карандашом рамку.

— Вот мерзавец!— процедил он сквозь зубы.

Между «Сюртэ насьональ» и полицейским управлением издавна существует соперничество, и человек с улицы Ив с удовольствием разыграет своего коллегу с набережной Орфевр.

Правда, Коломбани не стал злобно мстить за байку про тетушку. Он лишь оставил доказательство того, что не дал себя провести. В объявлении, появившемся в тот день во всех утренних газетах, а потом и в дневном выпуске, посвященном скачкам, говорилось:

«Друзья Альберта, в целях вашей безопасности срочно зайдите к Мегрэ по адресу бульвар Ришар-Ленуар, 132. Тайна беседы гарантируется».

Они-то и звонили из лавки, находящейся через дорогу, желая убедиться, что объявление не розыгрыш и не ловушка, услышать от самого Мегрэ обещание молчать и, наконец, выяснить, не выслеживают ли их.

— Сходи прогуляйся по улице, мадам Мегрэ. И не очень торопись. Надень шляпку с зеленым пером.

— Почему именно с зеленым?

— А потому, что весна на носу.

С деловым видом улицу пересекли двое мужчин. Наблюдая за ними из окна, Мегрэ сумел распознать лишь одного.

Еще несколько минут назад о людях, которые придут к нему, он не имел ни малейшего представления. Даже к каким слоям общества принадлежат, не знал. Однако готов был поклясться, что на скачках они частые гости.

— Верно, Коломбани тоже наблюдает за ними,— проворчал комиссар. Попав на след, Коломбани был вполне способен обставить его. Коллеги с набережной Ив охочи до таких вот подлых штучек.

Тем более что Коломбани тоже знаком с Боксером Джо. Даже лучше самого комиссара.

Низенький, коренастый, с перебитым носом, голубыми глазами, прикрытыми тяжелыми веками, в неизменном костюме в клетку и кричащем галстуке. Постоянный завсегдатай забегаловок на авеню Ваграм.

Раз десять, не меньше, вызывал его Мегрэ, но каждый раз Джо вылезал сухим из воды.

Был ли он на самом деле опасен? Ему хотелось, чтобы люди так думали, любил изображать из себя грозу округи. Он мнил себя преступником, однако уголовники относились к нему с опаской и некоторой долей презрения.

Мегрэ отворил дверь и поставил на стол чистые рюмки. Гости вошли, настороженно озираясь, поглядывая по углам и на закрытые двери соседних комнат.

— Не бойтесь, ребятки. Никто не собирается тут ни стенографировать, ни записывать ваши слова на пленку. Смотрите! Это моя спальня.— Он показал смятую постель.— Вот ванная. А там гардероб. Здесь кухня, в честь вашего визита жена только что покинула ее.

Из кастрюли шел аппетитный запах супа, на кухонном столе поблескивала жиром жареная курица.

— Эта дверь? Последняя. Там комната для гостей. Она плохо проветрена. Тут довольно душно по той простой причине, что гости здесь никогда не спят. Два-три раза в год останавливается моя свояченица. Ну, а теперь к делу.

Протянув рюмки, чокнулся с гостями, при этом пристально взглянув на человека, пришедшего вместе с Боксером Джо.

— Это Фердинанд,— пояснил Джо.

Комиссар порылся в памяти, но ничего не вспомнил. Долговязая, тощая фигура, огромный нос и шустрые мышиные глазки, как и имя, ничего ему не говорили.

— У него гараж недалеко от ворот Майо. Крохотный, конечное дело, гаражик.

Забавно было наблюдать за ними: ни тот, ни другой не желали присесть, причем не из страха, а из благоразумия. Такие люди боятся очутиться поодаль от дверей.

— Вы вроде говорили насчет какой-то опасности.

— Да, и причем двойной. Во-первых, вас могут выследить богемцы, и тогда ваша песенка спета.

Джо и Фердинанд изумленно переглянулись, решив, что чего-то недопоняли.

— Какие еще богемцы?

Ведь ни о каких богемцах в прессе не упоминалось.

— «Пикардийская банда».

На этот раз гости поняли, лица их помрачнели.

— Мы им ничего не сделали.

— Гм! Об этом мы еще потолкуем. Если присядете, беседовать будет удобнее.

Собравшись с духом, Джо опустился в кресло, Фердинанд, не знакомый с Мегрэ, лишь присел на краешек стула.

— Есть и вторая опасность,— заметил комиссар, закуривая трубку, и посмотрел на гостей.— Разве вы ничего сегодня не заметили?

— Везде полно мусоров, не в обиду будь сказано.

— Ничего, я не обиделся. Не только мусоров, как ты выразился, но и детективов в штатском. Они разыскивают кое-кого, в том числе и двух мсье, владельцев желтого автомобиля.

Фердинанд улыбнулся.

— Насколько я понимаю, он теперь не желтый, и номер у него совсем другой. Не в этом дело. Если бы вас нашли детективы из нашей конторы, я, возможно, сумел бы вас выручить. Но ты заметил господина, который только что вышел от меня?

— Это Коломбани,— буркнул Джо.

— Он видел вас?

— Мы подождали, пока он не сядет в автобус.

— Выходит, за вами охотится и городская полиция. Попадись вы им в руки, знакомства с Комелио вам не избежать. Но раз вы сами пришли ко мне, мы сможем побеседовать как друзья.

— Мы ж почти ничего не знаем.

— Достаточно и того, что вы знаете. Вы дружили с Альбертом?

— Он был хороший парень.

— Любил пошутить, верно?

— Мы с ним познакомились на скачках.

Теперь все стало на свои места. Должно быть, гараж Фердинанда редко был к услугам широкой публики. Возможно, краденых машин хозяин его и не сбывал: для того, чтобы видоизменять их, требуется сложное оборудование и целая организация. Кроме того, оба посетителя были не из тех, кто охоч до рискованных предприятий.

Скорее всего человек этот скупал по дешевке старые развалюхи, наводил на них лоск и продавал простофилям.

В барах, на скачках, в гостиных отелей нередко встретишь простаков, которые не прочь заключить выгодную сделку. Иногда их можно подбить на покупку, шепнув, будто бы «тачка» похищена у кинозвезды.

— Прошлый вторник вы оба были на скачках в Венсене?

Гости переглянулись — не затем, чтобы сговариваться, а чтобы припомнить.

— Минутку. Послушай, Фердинанд, ты случайно не во вторник выиграл, когда ставил на Семирамиду?

— Тогда.

— Выходит, мы там были.

— И Альберт?

— Точно, я вспомнил. Во время третьего заезда еще дождь полил как из ведра. Альберт тоже был там. Я его издали заметил.

— Ты с ним не разговаривал?

— Он был не на трибунах, а в ложе. Мы-то всегда сидим на трибунах. Да и он тоже. Но в тот день он пришел с женой. Отмечали годовщину свадьбы или что-то вроде. Он мне сам до этого говорил. Он даже подумывал купить какой-нибудь дешевенький автомобиль. Фердинанд обещал подыскать. Что-нибудь приличное, верно говорю!

— А потом?

— Что потом?

— Что произошло на другой день?

Оба снова переглянулись. Комиссару пришлось подсказать им выход.

— В среду, часов в пять, он звонил вам в гараж?

— Нет. В кафе «Пеликан», на авеню Ваграм. Мы почти все время там сидим.

— Послушайте, ребята. Мне нужно знать, что́ именно он сказал, если возможно, слово в слово. Кто ему отвечал?

— Я,— сказал Джо.

— Подумай хорошенько. Не торопись.

— Мне показалось, что он очень спешит или чем-то взволнован.

— Я знаю.

— Сперва я не понял, что к чему. Он говорил быстро, слов было не разобрать. Будто боялся, что его вот-вот разъединят.

— Я это тоже знаю. Он мне раз пять звонил в тот день...

— Да неужто?

Джо и Фердинанд отказывались что-либо понять.

— Раз он вам звонил, выходит, вы все знаете.

— Все равно продолжай.

— Он сказал, что за ним гонятся какие-то типы и что он боится, но он будто бы придумал, как от них отделаться.

— Он сообщил, каким образом?

— Нет, но вроде был доволен своей выдумкой.

— А потом?

— Потом сказал примерно так: «Дело жуткое, но, может, нам удастся кое-что подзаработать». Не забывайте, комиссар, вы обещали...

— Повторяю свое обещание. Из этого дома вы выйдете так же беспрепятственно, как и вошли, и никто вас не тронет, что́ бы вы мне ни сообщили. При одном условии, что скажете всю правду.

— Вы же знаете об этом не хуже нас.

— Более-менее.

— Ну, ладно! Тогда слушайте! Альберт сказал еще вот что: «Приезжайте ко мне в восемь часов. Есть разговор».

— Что он имел в виду, как вы считаете?

— Погодите. Прежде чем он трубку повесил, он вот еще что сказал: «Нину я отправлю в кино». Вы поняли? Выходит, дело было нешуточное.

— Один момент. Альберт когда-нибудь участвовал в ваших операциях?

— Ни разу. На что бы он пригодился? Вы же знаете, чем мы промышляем. Закон на такие штуки смотрит косо. А Альберт был человек порядочный.

— И все-таки ему вздумалось извлечь выгоду из того, что он узнал.

— Может быть. Не знаю. Хотя постойте! Пробую вот вспомнить, что́ он точно сказал, но никак не получается. Он что-то толковал насчет банды с Севера.

— И вы решили встретиться?

— А что нам еще оставалось?

— Послушай, Джо. Не пудри мне мозги. Ты

в полной безопасности и можешь быть откровенным. Ты подумал, что твой кореш Альберт надыбал парней из пикардийской шайки. Из газет тебе было известно, что эти бандиты взяли несколько миллионов. И ты думал, нельзя ли как-нибудь получить свою долю. Так ведь?

— Я решил, что Альберт так подумал.

— Ну, вот и договорились. А потом?

— Мы к нему поехали.

— И на бульваре Генриха Четвертого поломались. Выходит, желтый «ситроен» был не такой новый, каким он казался с виду.

— Мы навели марафет, чтобы «толкнуть» его. Сами не собирались на нем кататься.

— До набережной Шарантон вы добрались с опозданием в полчаса. Ставни были опущены. Вы открыли дверь, она была не заперта.

Гости уныло переглянулись.

— И вы обнаружили, что вашего друга Альберта «замочили».

— Точно.

— Что же вы предприняли?

— Сперва мы подумали, что он еще жив: он был еще теплый.

— А потом?

— Мы заметили, что дом обыскивали. Подумали о Нине, которая вот-вот должна вернуться из кино. Кинотеатр там один, возле канала. Мы туда и поехали.

— Что вы намеревались делать?

— Честно говоря, мы и сами не знали. Чувствовали себя отвратительно. Разве приятно сообщать женщине такую новость? Потом нам пришло в голову, что бандиты могли засечь нас. Стали вместе с Фердинандом думать, как быть.

— И тогда вы решили отвезти Нину в провинцию?

— Да.

— Где теперь она?

— Возле Корбей, в гостинице на берегу Сены. Иногда мы ездим туда рыбачить, у Фердинанда там лодка.

— Неужели она не захотела взглянуть на мужа?

— Мы ей не дали. Когда мы возвратились назад, рядом с домом никого не было. Из-под двери пробивался свет, мы выключить забыли.

— А труп зачем увезли?

— Это Фердинанд придумал.

— Зачем?— повернулся Мегрэ к долговязому. Тот понурился.

— Не знаю, как и объяснить. Я был такой взвинченный. Мы в гостинице пропустили для храбрости по паре стаканчиков. Я подумал, что соседи видели машину и нас наверняка засекли. Когда узнают, что Альберт убит, легавые начнут искать Нину. Ну, а та расколется, расскажет, что и как.

— И вы пустили их по ложному следу.

— Пожалуй, что так. Полицию не очень интересует преступление, если в нем нет ничего таинственного. К примеру, если человека убили и ограбили прямо на улице.

— Это тебе пришло в голову проделать в плаще дырку?

— Пришлось. Надо было, чтоб поверили, будто его на улице пришили.

— И лицо изуродовать?

— Пришлось. Он все равно ничего не чувствовал. Мы решили, что в таком случае дело положат на полку и мы окажемся в безопасности.

— Это все?

— Все, уверяю вас. Правда ведь, Джо? На другой день я перекрасил машину в голубой цвет и сменил номерные знаки.

Гости явно намеревались уходить.

— Еще минутку. Вы ничего с тех пор не получали?

— А что мы должны получить?

— Конверт, вероятно, с каким-то содержимым.

— Нет.

Оба искренне изумились вопросу. Задавая свой вопрос, Мегрэ пытался найти разрешение проблемы, которая последние дни больше всего его занимала.

Разгадку он нашел в словах Джо, которые тот произнес несколько минут назад. Разве Альберт не сообщил ему по телефону, что придумал способ отделаться от бандитов, которые его преследовали?

Разве после звонка друзьям из кафе, где его видели в последний раз, он не попросил дать ему конверт?

У него с собой, видно, в кармане, было нечто такое, что скомпрометировало бы членов шайки. Потому-то один из них постоянно за ним и следил. И наверняка лучший способ сбить их со следа состоял в том, чтобы совершенно открыто бросить конверт в почтовый ящик.

Сунуть в конверт документ — пара пустяков. Но какой он подписал адрес?

Сняв трубку, Мегрэ позвонил в полицейское управление.

— Алло? Кто у телефона? Бодэн? Задание тебе, дружище. Притом срочное! Сколько сейчас детективов в управлении? Что? Всего четыре? Да, один должен остаться за дежурного. Возьми трех остальных. Распределите между собой все почтовые отделения Парижа... Погоди минутку! В том числе и в Шарантоне. Этим займись самолично, причем в первую очередь. Опроси служащих, ведающих корреспонденцией «до востребования». Где-то должно находиться письмо на имя Альберта Рошэна. Лежит уже несколько дней. Да, его нужно забрать и доставить мне. Нет, не домой. Через полчаса буду в управлении.

— Еще по капельке?— Он с улыбкой посмотрел на гостей. Те, видно, кальвадос не очень-то жаловали, но из вежливости не стали отказываться.

— Ну как, можно идти?— Гости неуверенно поднялись, похожие на школьников, которых отпустил на перемену учитель.

— Нам не влетит?

— Вы совсем не будете привлечены. Попрошу только ничего не говорить Нине.

— У нее тоже не будет неприятностей?

— А с какой стати?

— Вы с ней поделикатнее, ладно? Если б вы знали, до чего ж она любила своего Альберта!

Затворив за ушедшими дверь, Мегрэ пошел на кухню выключить газ: суп закипел и начал заливать горелку.

Как он и подозревал, эти мошенники все-таки покривили душой. По словам доктора Поля, они принялись уродовать своего приятеля, не став дожидаться, пока Нина окажется в безопасности.

Но дела это не меняло: оба проявили достаточно доброй воли, и комиссар решил оставить их в покое. Ведь чувство стыда знакомо и людям такого сорта.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В кабинете было накурено. Вытянув ноги, в углу сидел Коломбани. Начальник уголовной полиции только что ушел. Входили и выходили детективы в штатском. Совсем недавно звонил Комелио.

— Алло! Господин Маршан?— взялся за трубку Мегрэ.— Говорит Мегрэ. Да, самый настоящий. Что, что? Мой однофамилец? Ваш приятель? Граф? Нет, совсем не родственник!

Часы показывали семь. Собеседником комиссара был управляющий «Фоли-Бержер».

— Что вам угодно, дружище?— отвечал, пришепетывая, Маршан.— Не так-то это просто, черт возьми. До открытия всего ничего, успею перекусить. Если только составите мне компанию. Скажем, в «Шоп Монмартр»? Через десять минут? Ну, до встречи, дружище.

Находившийся в кабинете Жанвье был крайне возбужден. Из Жуэнвиля он привез большую фотографию, одну из тех, какие можно увидеть в актерских уборных. Крупным, уверенным почерком на ней было выведено: Франсина Латур.

Симпатичная, совсем юная девушка. На обороте указан адрес: Пасси, улица Лоншан, дом 121.

— Наверно, она теперь в труппе «Фоли-Бержер»,— объяснил Жанвье.

— Букмекер ее узнал?

— Определенно. Я хотел захватить его, но уже поздно, он жены боится. Но если он нам понадобится, в любую минуту можно к нему заскочить. Он живет на острове святого Людовика, рукой подать. И телефон у него имеется.

Телефон был и у Франсины Латур. Мегрэ набрал номер. Ни слова не говоря, он повесит трубку, если кто-нибудь ответит. Однако, как он и предполагал, дома ее не оказалось.

— Прогуляйся-ка к ней, Жанвье. Захвати с собой кого-нибудь потолковее. Ни в коем случае не привлекайте к себе внимание.

— Устроить у нее засаду?

— Пока не надо. Подожди, я позвоню. Пусть один из вас сидит в каком-нибудь баре неподалеку. Звякни сюда, сообщи номер телефона.

Мегрэ хмурился: ничего нельзя упустить из виду. Поездка на завод к Ситроену дала по крайней мере хоть какой-то результат. Выяснилось, что Серж Мадок работал там почти два года.

— Послушайте, ребята.— Комиссар зашел в дежурку.— Вечером или ночью мне понадобится уйма народу. Далеко не отлучайтесь. Сходите по очереди закусить, а не то пошлите за бутербродами и пивом. Скоро увидимся. Пойдем, Коломбани?

— Разве ты не обедаешь с Маршаном?

— Ты ведь с ним тоже знаком?

Перевел с французского Виктор КУЗНЕЦОВ.

Окончание следует.

Жорж СИМЕНОН

РОМАН

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

МЕГРЭ И ЕГО МЕРТВЕЦ

Мегрэ расследует дело об убийстве неизвестного, который несколько раз звонил комиссару в день своей гибели и просил спасти его от преследователей. Вскоре в одной из гостиниц была задержана женщина-роженица, покинутая сбежавшими от облавы сообщниками. Она была опознана свидетельницей как опасная преступница. В это же время Мегрэ узнает от неких Боксера Джо и Фердинанда, знавших маленького Альберта по скачкам, что тот звонил им. Альберт сообщил, что его преследуют какие-то люди, но он придумал способ отделаться от них. Он сказал, что дело жуткое, и попросил их приехать к нему в восемь вечера. Друзья не успели добраться вовремя из-за поломки желтого «ситроена». А когда они оказались в кафе, Альберта уже не было в живых. Чтобы их не заподозрили в убийстве, они отвезли труп на площадь Согласия.

Перед комиссаром стоит задача: найти трех остальных членов банды и их вожака.

Начавший с перепродажи театральных билетов, Маршан стал теперь заметной личностью, сохранив при этом вульгарные манеры и грубую речь. Положив локти на стол, он разглядывал меню. В ту минуту, когда к нему подошли детективы, он говорил метрдотелю:

— Что-нибудь этакое легкое, голубчик Жорж... Поглядим... Куропатка есть у тебя?

— Под гарниром из капусты, мсье Маршан.

— Садитесь, мой дорогой. Ого! И органы правопорядка пожаловали? Еще один прибор и стул, голубчик Жорж. Как вы относитесь к куропатке с капустой, господа? Минуточку! Принеси-ка нам пока запеченную форельку. Она у тебя живая, Жорж?

— Можете взглянуть в цистерну, мсье Маршан.

— И еще какой-нибудь закуски, чтоб ждать было не скучно. Вот и все. Напоследок суфле, раз уж настаиваешь.

Таково было его излюбленное меню. Даже приходя в одиночку, он заказывал его два раза в день. И это называл «легким закусоном, чтоб червячка заморить». А после представления, наверно, еще и поужинает.

— Ну, так чем могу помочь, голубчик? Надеюсь, не по поводу моего ревю заявились?

Вести серьезный разговор было еще рано. Подошел кельнер, подающий вина, и Маршан несколько минут выбирал напитки.

— Слушаю вас, ребятки.

— Если я вам кое-что сообщу, сумеете ли вы держать язык за зубами?

— Вы забываете, старина, что я знаю столько тайн, сколько не знает ни один другой обитатель Парижа. Судьба сотен счастливых семейств находится вот в этих самых руках. Держать язык за зубами? Да я только этим и занимаюсь.

Как ни странно, то была сущая правда: Маршан болтал с утра до самого вечера, но никогда не говорил больше, чем хотел сказать.

— Вы знаете Франсину Латур?

— Она выступает у нас вместе с Дреаном.

— Что вы о ней думаете?

— А что я, по-вашему, должен о ней думать? Это еще ребенок. Спросите лет этак через десять.

— Талантлива?

Маршан с комическим изумлением взглянул на комиссара.

— А зачем ей нужен талант, скажите на милость? Ей не больше двадцати, а она одевается у лучших портных. По-моему, и бриллианты носить начала. Во всяком случае, на той неделе в норковой шубе заявилась. Чего вы еще хотите от нее?

— Любовники у нее есть?

— Как и у каждой танцовщицы, у нее есть друг, господин вполне приличный.

— Вы его знаете?

— Как не знать.

— Иностранец, не правда ли?

— Теперь все более-менее иностранцы. Франция, похоже на то, производит одних только верных мужей.

— Послушайте, Маршан. Дело гораздо серьезнее, чем вы предполагаете.

— Когда вы его сцапаете?

— Надеюсь, нынче вечером.

— Признаться, это стреляный воробей. Если мне не изменяет память, он раза два попадался с пустыми чеками и еще чем-то вроде того. Сейчас он, похоже, на мели.

— Его имя?

— За кулисами все его называют мсье Жан. Настоящая фамилия Бронский. Какое-то время он был связан с кино. По-моему, он и теперь еще якшается с киношниками,— продолжал Маршан, знавший подноготную всех знаменитостей Парижа, в том числе и тех, чья знаменитость дурного свойства.— Симпатичный малый, обходительный, не прижимистый. Женщины от него без ума, мужчины сторонятся: очень уж обаятельный.

— Он влюблен?

— Вроде бы. Во всяком случае, шага от девчонки не отходит. И, говорят, ревнив.

— Как вы считаете, где он сейчас?

— Если сегодня днем были скачки, то скорее всего они с ней ездили на ипподром. Девочка, которая последние несколько месяцев шьет свои платья в салонах на улице Мира и носит новое манто из норки, не прочь поразвлечься на скачках. Ну, а сейчас эта парочка сидит в каком-нибудь баре на Елисейских полях. Позднее полдевятого Франсина не засиживается. В театр приходит около девяти. Так что у них есть еще время поужинать у Фуке, у Максима или в ресторане Сиро. Если хотите найти их...

— Не сейчас. Бронский сам привозит ее в театр?

— Почти всегда. Проводит ее в артистическую уборную, поболтается немного за кулисами, потом идет в бар, с Феликсом потрепаться. После второго скетча возвращается в уборную Франсины. Как только она переоденется, увозит. Почти всякий раз они уезжают к кому-нибудь в гости.

— Живет он у нее?

— Вполне вероятно, старина. На этот счет у консьержки поинтересуйтесь.

— Вы его видели последнее время?

— Кого, его? Вчера вечером видел.

— Вам не показалось, что он нервничает?

— Знаете, такие, как он, всегда нервничают. Когда ходишь по натянутому канату, занервничаешь. Если я правильно понял, канат вот-вот оборвется. Жаль девочку! Конечно, она прибарахлилась, так что переживет. А может, найдет себе что-нибудь поприличней.

Разговаривая, Маршан не переставал есть и пить, вытирал губы салфеткой, приветливо здоровался с людьми, которые входили и выходили из ресторана, и даже успевал позвать метрдотеля или буфетчика.

— Не знаете, с чего он разбогател?

Маршан, о чьих первых шагах нередко сплетничали журналисты, ответил довольно резко:

— Таких вопросов порядочным людям не задают, приятель.

Однако немного погодя прибавил:

— Знаю только, что одно время он заправлял агентством, которое занималось массовками, набирало статистов.

— Давно?

— Несколько месяцев тому назад. Уточнить нетрудно.

— Не утруждайте себя. Попрошу только, не рассказывайте никому о нашей беседе. Особенно нынче вечером.

— Придете в театр?

— Нет.

— Тем лучше. Я б вас попросил не обстряпывать свои делишки в моем заведении.

— Не хочу рисковать, господин Маршан. Слишком уж часто появлялись в газетах наши с Коломбани фотографии. Судя по тому, что вы рассказали и что я знаю о нем, тип этот достаточно хитер и без труда обнаружит присутствие детективов.

— Послушайте, дружище, слишком уж вы серьезно взялись за дело. Навалитесь-ка лучше на куропатку.

— Могут быть неприятности.

— Да неужто?

— Уже были. И немалые, по правде говоря.

— Ну, хватит. Не надо мне ничего рассказывать. Лучше узнаю все завтра или послезавтра из газет. Если Жан пригласит меня нынче вечером за свой столик выпить, мне будет не по себе. Да вы ешьте, ребятки. Что скажете насчет этого «шатонеф»?.. Этого вина только полсотни бутылок, и все я велел приберечь для меня. Теперь осталось сорок девять. Еще одну?

— Нет, спасибо. Нам еще всю ночь работать.

Через четверть часа детективы оставили Маршана, чуть разомлевшего от изрядной трапезы, обильно орошенной вином.

— Надеюсь, он не проболтается,— проворчал Коломбани.

Окончание. См. «Огонек» №№ 39—45.

— Не проболтается.

— Кстати, Мегрэ, ценные ли сведения сообщила тебе тетушка?

— Очень ценные. В сущности, история маленького Альберта известна мне теперь почти целиком.

— Я так и предполагал. От кого можно больше узнать, чем от женщины. Особенно когда это тетушка из провинции. Позволено ли будет мне услышать эти новости?

Немного времени у них еще оставалось. Ночь предстояла весьма напряженная, и, чтобы немного размяться, оба прогуливались по набережной.

— Ты был совершенно прав. Мы могли схватить Бронского на ипподроме. Если только он не догадывается, что его выследили!

— Надо будет сделать все, что в наших силах, не так ли?

До полицейского управления добрались около полдесятого. Их ожидало важное сообщение. Принес его взволнованный детектив в штатском.

— Карл Липш убит, господин комиссар. Можно сказать, на глазах у меня. Я спрятался в тени метрах в ста от больницы. Стою, слышу: справа какой-то шум, будто кто-то на месте топчется. Потом послышался топот бегущих ног, за ним выстрел. Совсем рядом. Я было решил, что стреляли в меня, и выхватил пистолет. Вижу: кто-то падает, а другой бежит прочь. Я выстрелил.

— Убил его?

— Я в ноги целился, со второго выстрела попал. Тип, который удирал, тоже свалился.

— Кто такой?

— Сопливый мальчишка, Петр. Далеко нести не понадобилось, больница совсем рядом.

— Выходит, это Петр стрелял в Карла?

— Да.

— Они вместе были?

— Нет. Навряд ли. Скорее всего Петр следил за Карлом, а потом шлепнул.

— Что он сказал?

— Парень? Ничего. Даже рта не раскрыл. Глаза горят, как в лихорадке. Видно, рад, что попал в больницу. Все время оглядывался, когда по коридору несли.

— Наверное, потому, что там Мария? Рана серьезная?

— Пуля попала в левое колено. Сейчас его оперируют.

— Что было в карманах?

На столе у Мегрэ лежали отдельно две аккуратные кучки.

— В первой — содержимое карманов Карла. Во второй — что нашли у Петра.

— Мерс наверху?

— Говорит, что останется работать в лаборатории всю ночь.

— Попроси его спуститься. Сходите кто-нибудь в картотеку. Мне нужны карточка и дело некоего Жана Бронского. «Пальчиков» его у меня нет, но он два раза судим и просидел полтора года.

Несколько человек Мегрэ послал на улицу Прованс, что напротив театра «Фоли-Бержер», наказав им ни в коем случае не показываться.

— Не уходите, не взглянув на фото Бронского. Брать его не следует, разве только если попытается скрыться на самолете или поезде. Не думаю, правда, что дойдет до этого.

В бумажнике у Карла Липша обнаружили сорок две ассигнации по тысяче франков, его собственный паспорт и паспорт, выписаный на имя итальянца Филипино. Убитый, видно, не курил: ни

сигарет, ни трубки, ни зажигалки при нем не оказалось. Нашли лишь карманный фонарь, два носовых платка, один из них испачканный, билет в кино на этот день, перочинный нож и автоматический пистолет.

— Вот видишь! — заметил Мегрэ, обращаясь к Коломбани.— Мы-то воображали, что все предвидели,— показал он на билет.— А вот они смекнули. Гораздо лучше, чем слоняться по улицам. В темноте можно сидеть часами. А на бульварах, где кинотеатры открыты всю ночь, можно даже вздремнуть.

В карманах у Петра было лишь тридцать восемь франков мелочью. В бумажнике лежали две фотокарточки. Одна Марии, небольшая карточка для паспорта, снятая, видно, год назад. На другой фотографии сидели на пороге своего дома, судя по архитектуре, где-то в Центральной Европе, крестьянин с крестьянкой.

Документов не оказалось. Сигареты. Зажигалка. Небольшая записная книжка в синей обложке. Несколько страниц исписаны убористым почерком.

— Стихи, похоже.

— Точно, стихи.

Мерс обрадованно посмотрел на вещи, которые ему предстояло унести к себе на чердак. Вскоре на столе у комиссара лежало дело Бронского.

Строгая и безжалостная, как все полицейские фотографии, карточка не соответствовала описанию, которое дал Маршан: еще молодое небритое лицо, худые скулы, острый кадык.

— Жанвье звонил?

— Он сказал: все спокойно, и вы можете с ним связаться. Его номер Пасси 62-41.

— Соедини меня с ним.

Дело комиссар читал вполголоса. Выяснилось, что Бронский — уроженец Центральной Европы, ему тридцать пять лет. Учился в Венском университете, затем несколько лет жил в Берлине. Там женился на некой Хильде Браун, но когда в возрасте двадцати восьми лет приехал во Францию (документы у него оказались в исправности), он уже был один. Назвался профессиональным кинорежиссером, снял номер в гостинице на бульваре Распай.

— Жанвье на проводе, господин комиссар.

— Это ты, дружище? Обедал? Слушай меня внимательно. Сейчас я подошлю на машине двух человек.

— Нас и так двое! — несколько обиженно запротестовал детектив.

— Не имеет значения. Послушай, что я скажу. Когда они прибудут, поставь их незаметно снаружи. Главное, чтоб ни одна живая душа не заподозрила, что они тут спрятаны. Ты со своим напарником войди в дом. Подожди, пока не погаснет свет у консьержа. Что собой представляет здание?

— Новое, довольно шикарное. Большой белый фасад, застекленная дверь с железной фигурной решеткой.

— Хорошо. Назови какое-нибудь имя, поднимись наверх.

— Как найду квартиру?

— И то правда. Где-нибудь поблизости есть молочная лавка. Разбуди молочника, если понадобится. Наплети ему что-нибудь, лучше нечто романтическое.

— Понял.

— Не забыл, как отмычкой орудовать? Войдите. Свет не зажигайте. Спрячьтесь где-нибудь в углу оба, чтоб при необходимости вмешаться.

— Хорошо, шеф,— вздохнул бедный Жанвье. Видно, предстояло не один час просидеть тихо, как мышь, в чужой квартире.

— Да курить не вздумайте!

Мегрэ улыбнулся: сколько запретов. Потом отобрал двух детективов для дежурства на улице Лоншан.

— Захватите свои пушки. Неизвестно, как дело обернется.

Взгляд на Коломбани. Оба понимали друг друга с полуслова. Они имеют дело не с жуликом, а с вожаком банды убийц и рисковать не вправе.

Арестовать Бронского в баре театра «Фоли-Бержер» куда проще. Однако трудно предвидеть его поведение. Вполне вероятно, что он вооружен, а это, похоже, такой человек, который станет защищаться, возможно, станет даже стрелять в толпу, чтобы скрыться в суматохе.

— Кто сходит в «Дофин» заказать пива и бутербродов?

Это означало, что предстоит большая работа. Оба помещения отдела, которым заведовал Мегрэ, напоминали полицейский участок. Люди курили, сновали взад-вперед. Телефоны молчали.

— Соедините, пожалуйста, с «Фоли-Бержер».

Маршана удалось отыскать с трудом. Пришлось привести его из-за кулис, где он увещевал двух голых танцовщиц.

— Слушаю, голубчик,— начал он, не зная, кто с ним говорит.

— Мегрэ у телефона.

— Да?

— Он там?

— Только сейчас видел.

— Хорошо. Ничего не говорите. Просто позвоните, если он уйдет один.

— Понял. Только не надо портить ему физиономию.

— Об этом скорее всего позаботятся без нас,— загадочно ответил комиссар.

Через несколько минут вместе с комиком Дреаном Франсина Латур появится на сцене, ее любовник на мгновение зайдет в разгоряченный зал, потом вместе с другими завсегдатаями постоит в гостиной, вполуха прислушиваясь к диалогу, который знает наизусть, к взрывам хохота, доносящегося с галерки...

Мария все еще лежала в больничной палате. Она бесилась: согласно правилам, ребенка у нее на ночь отобрали, а в коридоре дежурили два детектива. Еще один полицейский в штатском находился в другом флигеле, куда только что доставили из операционной Петра.

С бульвара Сен-Жермен, где он был в гостях, улучив свободную минуту, позвонил судья Комелио.

— Все еще никаких известий? — озабоченно спросил он.

— Так, сущие пустяки,— отвечал Мегрэ.— Убит Карл Липш.

— Кто-нибудь из ваших людей убил?

— Нет, свой. Мои люди ранили в ногу Петра.

— Выходит, остался всего один бандит?

— Да, Серж Мадок. И еще главарь.

— Имя коего вам по-прежнему неизвестно?

— Имя коего Жан Бронский.

— Как вы сказали?

— Бронский.

— Разве он не кинорежиссер?

— Не знаю, режиссер он или нет, но с кино связан.

— Три года назад я приговорил его к восемнадцати месяцам.

— Он самый.

— Напали на его след?

— Сейчас он в «Фоли-Бержер».

— Где вы сказали?

— Я сказал: в «Фоли-Бержер».

— Разве вы не намерены его арестовать?

— Намерены. Но время еще терпит. Хотелось бы избежать лишних жертв. Понимаете?

— Запишите номер телефона. Я пробуду у друзей примерно до полуночи. Потом буду ждать вашего звонка дома.

— Очевидно, вы вполне успеете выспаться.

Мегрэ не ошибся. Наняв такси, Жан Бронский и Франсина Латур сначала отправились поужинать к Максиму. Мегрэ по-прежнему сидел в своем кабинете на набережной Орфевр, наблюдая за передвижениями парочки. Из «Дофина» дважды приходил с подносом кельнер. Повсюду валялись грязные стаканы, огрызки бутербродов, из-за табачного дыма было нечем дышать. Несмотря на жару, Коломбани не снимал свое пальто из верблюжьей шерсти и сдвинутую на затылок шляпу, ставшие для него как бы формой.

— Разве ты не пошлешь за женщиной?

— Какой еще женщиной?

— За Ниной, женой Альберта?

Мегрэ досадливо покачал головой. Какое Коломбани до этого дело? Он готов сотрудничать с людьми из «Сюртэ», но зачем вмешиваться, куда их не просят?

Ему было о чем подумать. Как только что сказал судья Комелио, комиссар вправе арестовать Жана Бронского, когда только сочтет нужным. Помнится, еще в самом начале расследования, с необычной серьезностью обращаясь к кому-то, комиссар заметил: «На этот раз мы имеем дело с убийцами».

И эти убийцы понимают, что терять им нечего. Если бы их схватили в толпе и та узнала, что они из «пикардийской банды», то полиция не смогла бы помешать расправе.

После того, что они натворили на фермах, любой суд приговорит их к смерти, убийцам это хорошо известно. Лишь Мария, у которой ребенок, может рассчитывать на помилование.

Да и то сомнительно. Есть показания оставшейся в живых девочки. А обожженные ноги и груди? Дерзость же и даже ее неукротимая красота только восстановят против нее присяжных.

Цивилизованные люди боятся диких зверей, особенно двуногих, тех, что напоминают им отдаленные эпохи, жизнь в лесных зарослях.

А Жан Бронский — еще более опасный зверь, зверь, который одевается на Вандомской площади, у лучшего портного, зверь в шелковой сорочке, с университетским образованием, зверь, которому каждое утро постригают и завивают волосы, точно куртизанке.

— Ты осторожничаешь,— заметил Коломбани, обращаясь к Мегрэ, терпеливо сидевшему у одного из телефонов.

— Я осторожничаю.

— А если он выскользнет у тебя из рук?

— Пусть лучше выскользнет, чем убьет кого-нибудь из моих людей.

В конце концов к чему теперь оставлять в бистро на набережной Шарантон Шеврье и его жену? Надо им позвонить. Но они спят. Мегрэ с улыбкой пожал плечами. Как знать, может, эта игра стала для них забавой? Почему бы им не продолжить ее еще несколько часов?

— Алло! Это вы, шеф?.. Они только что зашли во «Флоранс».

Модный ночной клуб на Монмартре. Подают только шампанское. Очевидно, Франсине Латур захотелось похвастаться новым платьем или украшением. Она совсем юна, еще не устала от подобной жизни. Правда, есть и богатые титулованные старушки, владеющие особняками на авеню Дюбуа и в Сен-Жерменском предместье, которые вот уже сорок лет ошиваются по таким же клубам!

— Пошли! — решился внезапно Мегрэ.

Достав из ящика пистолет, убедился, что он заряжен. Коломбани с легкой улыбкой наблюдал за комиссаром.

— Берешь меня с собой?

Со стороны Мегрэ это было любезностью. Все происходило на его территории. Именно он напал на след «пикардийской банды». Он вполне мог провести операцию со своими людьми, и тем самым набережная Орфевр записала бы на свой счет еще одно очко.

— Шпалер при тебе?

— Я всегда хожу с оружием.

Мегрэ, напротив, редко брал с собой пистолет.

Проходя двором, Коломбани указал на одну из полицейских машин.

— Нет! Лучше возьмем такси. Не так будем заметны.

Выбрал таксомотор, которым управлял знакомый водитель. Впрочем, все таксисты Парижа знали Мегрэ в лицо.

Квартал, где жила Франсина Латур, находился в самом начале улицы, неподалеку от знаменитого ресторана, где комиссар не раз обедал. Все двери были заперты: пробило два часа. Требовалось подыскать удобное для стоянки место. Мегрэ был мрачен и неразговорчив.

— Сделайте еще круг. Я скажу, когда остановиться. Включите лишь одни подфарники, будто пассажира ждете.

Остановились меньше чем в десяти метрах от дома. Они знали, что в подъезде спрятался детектив. Поблизости должен быть еще один. А наверху, в темной квартире, все еще находился Жанвье со своим товарищем.

Заняв сиденье со стороны тротуара, Мегрэ нервно попыхивал трубкой. Своим плечом он ощущал плечо Коломбани. Прошло сорок пять минут. Одно за другим подъезжали такси, из них выходили люди и исчезали в соседних домах. Наконец таксомотор остановился возле их подъезда. Выпрыгнув на тротуар, молодой стройный мужчина наклонился, чтобы помочь спутнице.

— Пора!..— единственно, что произнес Мегрэ. Все движения его были точно рассчитаны. Отпустив ручку (дверь он давно держал распахнутой), с неожиданной легкостью комиссар бросился вперед и в тот самый момент, как Бронский полез в карман смокинга за бумажником и наклонился к счетчику, прыгнул на преступника.

Женщина закричала. Схватив Бронского сзади за плечи, Мегрэ вместе с ним упал на тротуар. Получив удар головой в подбородок, комиссар пытался удержать руки Бронского: тот мог выхватить револьвер. Подоспевший Коломбани точно и расчетливо пнул бандита в лицо.

Франсина Латур, все еще взывавшая о помощи, кинувшись к парадной двери, начала отчаянно звонить. Прибежали оба детектива, и возня продолжалась еще несколько секунд. Последним поднялся Мегрэ, находившийся внизу.

— Кто-нибудь ранен?

При свете подфарников он заметил на ладони кровь, но, оглянувшись, увидел, что у Бронского разбит нос. На руки «кинорежиссера» уже были надеты наручники, и поэтому ему пришлось чуть согнуться. Лицо у него было невероятно свирепое.

— Псы поганые! — брезгливо сплюнул бандит.

Один из детективов хотел было ответить на оскорбление пинком. Мегрэ удержал его:

— Пусть себе брызжет ядом. Это единственное, что ему теперь остается.

В суматохе чуть не забыли про Жанвье и его напарника. Рабы долга, они до самого рассвета остались бы в засаде.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Первым делом Мегрэ позвонил начальнику уголовной полиции, что судье Комелио наверняка пришлось бы не по душе.

— Отлично, дружище. А теперь в постель, сделайте такое одолжение. Остальными займемся завтра. Железнодорожников вызовем?

Он имел в виду начальников станций Годервиль и Муше. Нужно было опознать человека, которого видел один из железнодорожников при высадке 19 января, а второй — когда тот садился на поезд несколько часов спустя.

— Коломбани уже распорядился. Они выехали.

Тут же на стуле сидел и Бронский. Такого множества пивных бокалов и бутербродов ему еще никогда не приводилось видеть. Больше всего преступника поразило то, что никто не пытался его допрашивать.

Франсина Латур тоже находилась в кабинете Мегрэ. Будучи твердо уверена, что полиция арестовала ее спутника по ошибке, она настояла, чтобы ее впустили. И тогда, как дают ребенку книжку с картинками, чтобы успокоить его, комиссар протянул ей дело Бронского. Теперь молодая женщина внимательно читала досье, время от времени с ужасом поглядывая на своего любовника.

— Что намерен делать? — поинтересовался Коломбани.

— Позвоню судье, а потом спать.

— Подбросить тебя?

— Нет, спасибо. Зачем тебе делать лишний крюк?

Мегрэ снова темнил, и Коломбани понимал это. Громко назвав свой адрес, немного погодя комиссар постучал по стеклу.

— Езжайте вдоль Сены. В сторону Корбей.

Так они встретили рассвет. Он видел, как на берегу, над которым поднимается легкий туман, располагаются рыболовы, как подходят к шлюзам первые баржи и из печных труб к перламутровому небу поднимаются ранние дымки.

— Чуть выше по течению увидите гостиницу,— заметил он, когда Корбей остался позади.

Тенистая терраса выходила к Сене, вокруг здания располагались беседки; в воскресные дни, там, должно быть, толпился народ. Хозяин гостиницы — мужчина с висячими рыжими усами — вычерпывал из лодки воду, на пристани сушились сети.

После нелегкой ночи приятно было идти по росистой траве, вдыхать запах земли и горящих в печи дров, наблюдать, как хлопочет на кухне расторопная служанка, не успевшая причесаться.

— Кофе не напоите?

— Через несколько минут будет готов. Вообще-то мы еще не открылись.

— Ваша жиличка рано спускается?

— Я слышала, она ходила по спальной. Послушайте...

Действительно, наверху раздавались шаги.

— Я для нее варю кофе.

— Накройте, пожалуйста, на двоих.

— Вы ее друг?

— Конечно. А как же иначе!

Именно так и случилось. А произошло все очень просто. Когда Мегрэ представился, назвав свою должность, женщина немного испугалась, но он приветливо спросил:

— Нельзя ли мне позавтракать с вами?

Возле окна на красной клетчатой скатерти были накрыты два массивных фаянсовых прибора. Из кофейников струился пар. Масло имело привкус ореха.

Нина действительно косила, причем ужасно. Она это знала и, когда заметила, что ее разглядывают, покраснела и застеснялась.

— Когда мне было семнадцать,— объяснила она,— мама заставила меня сделать операцию: левый глаз у меня косил вправо. После операции стал косить в другую сторону. Хирург предложил сделать новую операцию бесплатно, но я отказалась.

Правда, уже немного погодя этого недостатка вы почти не замечали. И даже находили ее почти красивой.

— Бедный Альберт! Знали бы вы его! Всегда такой веселый, доброжелательный.

— Он вам кузеном приходился?

— Троюродный или четвероюродный брат.

Акцент даже придавал ее речи особую прелесть. Но больше всего в Нине поражала безграничная потребность любви. Не любви к ней самой, а потребность излить ее на ближнего.

— Мне было почти тридцать, когда я лишилась родителей. Я слыла старой девой. У родителей водились кое-какие деньги, и я никогда прежде не работала. В огромном нашем доме мне было тоскливо, и я уехала в Париж. Альберта я знала понаслышке и решила с ним повидаться.

Ну, разумеется. Мегрэ понял. Альберт был тоже одинок. Должно быть, Нина окружила его заботой, к какой он не привык.

— Знали б вы, как я его любила! Я никогда не просила его любить меня, вы понимаете? Это было невозможно. Но он говорил, что любит. Я делала вид, что верю. Мы были счастливы, господин комиссар. Уверена, он тоже был счастлив. Как же иначе? Недавно мы отпраздновали годовщину нашей свадьбы. Что произошло на скачках, я не знаю. Несколько раз он оставлял меня одну: ходил делать ставки. Вернулся какой-то озабоченный и после этого то и дело оглядывался, словно кого-то выискивал. Настоял, чтоб мы поехали домой на такси, и все время смотрел назад. Возле нашего дома зачем-то велел шоферу ехать дальше. Тот довез нас до площади Бастилии. Альберт вышел, а мне сказал: «Поезжай домой одна. Через час-два я вернусь». Это из-за того, что его кто-то преследовал. Но в тот вечер он не вернулся. Позвонил и сказал, что придет утром. На другой день он мне два раза звонил...

— Это было во вторник?

— Да. Когда позвонил второй раз, велел, чтоб не ждала его, а сходила в кино. Мне не хотелось, но он настоял. Чуть не рассердился. Вот я и пошла. Вы их арестовали?

— Всех, кроме одного. Этого тоже скоро поймаем. Не думаю, чтоб он был опасен, тем более что мы знаем, кто он, знаем его приметы.

Мегрэ даже не подозревал, сколь он близок к истине. В эту самую минуту детектив из полиции нравов обнаружил Сержа Мадока в заведении на улице Капеллы, грязном вертепе. Он попал туда накануне вечером и упорно не желал уходить.

Сопротивления, однако, он не оказывал. Он был настолько пьян, что в полицейский фургон его пришлось нести.

— Что вы теперь намерены делать? — поинтересовался Мегрэ, набивая трубку.

— Не знаю. Скорее всего вернусь на родину. В одиночку я не смогу содержать ресторан. Да и нет тут у меня никого.

Молодая женщина повторила последнее слово и оглянулась вокруг, словно ища, на кого бы излить свою нежность.

— Не знаю, как и жить дальше.

— А что, если вам усыновить ребенка?

Нина подняла неподвижный взгляд, но потом улыбнулась:

— Вы думаете, я смогла бы?.. Мне б позволили?..

Идея эта так быстро возникла и обрела форму, что Мегрэ встревожился. Хотя фраза вырвалась не вполне случайно, он хотел лишь прощупать почву. Мысль эта родилась во время поездки его сюда, в Корбей. То была одна из тех фантастических, бредовых идей, которые рождаются в полудреме или в состоянии полного истощения сил, всю несуразность которой осознаешь лишь на следующее утро.

— К этому мы вернемся позднее. Ведь мне бы хотелось, если позволите, увидеть вас снова... Во всяком случае, мне нужно уладить с вами кое-какие финансовые дела: мы позволили себе открыть ваш ресторан.

— У вас есть на примете такой ребенок?

— Видите ли, мадам. Есть один ребенок, который через несколько недель или месяцев может стать сиротой.

Нина покраснела до корней волос. Мегрэ тоже побагровел: он уже пожалел, что имел глупость заговорить об этом.

— Это малыш, да? — сбивчиво спросила женщина.

— Да, совсем крошка.

— Он же не виноват ни в чем.

— Нисколько.

— И необязательно, чтобы он стал...

— Простите, мадам. Мне пора возвращаться в Париж.

— Я подумаю.

— Не думайте слишком много. Я жалею, что завел подобный разговор.

— Нет, вы сделали правильно. Смогу ли я взглянуть на него? Скажите, мне это позволят?

— Разрешите задать еще один вопрос. Альберт говорил мне, будто вы меня знаете. Не помню, чтоб я когда-нибудь видел вас прежде.

— Зато я вас видела. Правда, давно. Мне тогда едва исполнилось двадцать. Матушка была еще жива, мы с ней поехали в Дьепп погостить...

— Отель «Приятный отдых»! — воскликнул комиссар. В этой гостинице они с женой провели две недели.

— Все обитатели гостиницы только о вас и говорили и разглядывали исподтишка...

На пути в Париж, проезжая мимо залитых солнцем полей, Мегрэ испытывал какое-то необычное чувство. На живых изгородях набухали почки.

«Славно было бы взять отпуск»,— подумал он, возможно, вспомнив дни, проведенные в Дьеппе.

Мегрэ понимал, что ничего подобного с ним не произойдет, хотя такие мысли и появлялись у него время от времени. Это было вроде простуды, которую излечивала напряженная работа.

Вот и предместья... Мост Жузнвилль...

— Поезжайте через Шарантонский мост.

Бистро оказалось открытым. У Шеврье был несколько обескураженный вид.

— Хорошо, что приехали, шеф... Мне позвонили, сказали: все кончено. Жена не знает, ехать ей на рынок или нет.

— Как ей будет угодно.

— Сидеть тут больше ни к чему?

— Совершенно ни к чему.

— Спрашивали, не видел ли я вас. Наверно, повсюду искали: и дома, и в управлении. Не позвоните туда, в контору?

Комиссар заколебался. На этот раз силы у него были действительно на пределе, и ему хотелось лишь одного: забраться под одеяло и уснуть сном крепким и без сновидений.

— Бьюсь об заклад: просплю целые сутки кряду.

К сожалению, он ошибался. Столько спать не дадут. В управлении уголовной полиции — и в этом он сам виноват — укоренилась привычка дергать Мегрэ по любому пустяку.

— Что будете пить, шеф?

— Кальвадос, раз уж так настаиваешь.

Начав с кальвадоса, он тем же мог и кончить.

— Алло! Кто меня спрашивает?

Говорил Бодэн. Он про него совсем забыл. Как, должно быть, забыл о других детективах, которые понапрасну дежурили в разных районах Парижа.

— Я нашел письмо, шеф!

— Какое письмо?

— Оставленное до востребования.

— Ах, да. Вот и хорошо.

Бедняга Боден. Не оценили по достоинству его открытие!

— Может, вскрыть конверт?

— Как хочешь.

— Сейчас взгляну, письма никакого нет. Один только билет железнодорожный.

— Хорошо.

— Вы знали о нем?

— Догадывался. Первый класс. Обратный билет Париж — Годервиль.

— Совершенно верно. Тут вас дожидаются начальники станций.

— Пусть ими Коломбани занимается.

Прихлебывая свой кальвадос, Мегрэ чуть улыбнулся. Вот еще один штрих к портрету маленького Альберта, которого он не знал при жизни, но чей образ он восстановил как бы из кусочков мозаики.

Как и у многих других любителей скачек, у Альберта была привычка разглядывать землю. Подчас среди выброшенных бумажек попадался выигрышный билет.

В то же утро вместо билета тотализатора он поднял железнодорожный.

Если б у него не было этой страсти... Если б он не увидел, у кого из кармана выпал этот билет... Если б название станции не напомнило ему об убийствах, совершенных «пикардийской бандой»... Если б на лице не отразились охватившие его чувства...

— Бедный Альберт! — вздохнул Мегрэ.

Да, тогда бы он остался жив. Но в таком случае после пыток и истязаний погибло бы еще несколько престарелых супружеских пар.

— Жена готова прикрыть лавочку хоть сию минуту,— заявил Шеврье.

— Ну, так пусть и прикрывает!

Потом были улицы, астрономическая цифра на счетчике, мадам Мегрэ, после знакомства с Ниной показавшаяся комиссару не такой уж и заботливой, и нежной. Когда муж юркнул под одеяло, она решительно заявила:

— На этот раз сниму телефонную трубку и никому не открою дверь.

Мегрэ разобрал лишь начало фразы. Конца ее он так и не услышал.

Перевел с французского Виктор КУЗНЕЦОВ.

Обстоятельства смерти господина N

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Леонид МЛЕЧИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Яркое, слепящее тропическое солнце тускло отражалось в непроницаемых стеклах его темных очков. Идеально отутюженный снежно-белый костюм, бесстрастное выражение чуть усталого лица, уверенная походка человека, который с детства привык ощущать на себе взгляды тысяч людей. Только стоявшие рядом видели капли пота, безостановочно катящиеся по его лбу. Король шествовал по красному ковру между рядами своих подданных. Лишенные возможности простираться ниц, они становились на колени. Крестьяне с красными от бетеля губами, женщины, одетые в самодельные платья из знаменитого тайского шелка, складывали руки в национальном приветствии — ладонь к ладони на уровне глаз. За королем следовали министры в безукоризненных светло-серых европейских костюмах, почетная стража в белой накрахмаленной форме с золотыми галунами и начищенными до блеска медными пуговицами, бритоголовые буддийские монахи в шафрановых тогах, перекинутых через одно плечо. Процессия медленно шла по двору, охраняемому бессменными каменными демонами и огнедышащими драконами, к храму Изумрудного Будды. Наступило время сменить одежды древнего Будды — обязанность, которую три раза в год неизменно исполнял сам король.

Нэд Олдмонт наблюдал за церемонией, затерявшись в толпе туристов. Когда хвост процессии исчез в храме Изумрудного Будды, Олдмонт выбрался из толпы и медленно побрел по улице. Он уже побывал в самом храме и полюбовался возвышающейся на семиярусном позолоченном алтаре статуей. Изумрудный Будда принадлежал к достопримечательностям города, которые не миновал ни один иностранец. Олдмонт следовал обычным туристским маршрутом: там, где все привыкли видеть американских и европейских туристов, он чувствовал себя спокойнее.

Олдмонт шел, не обращая внимания на призывные оклики таксистов и моторикш, которых называли просто «тук-тук». Он поселился недалеко от храма и решил вернуться пешком, несмотря на жару. Здесь только три сезона, припомнил Олдмонт фразу из путеводителя: жаркий, очень жаркий, жаркий и влажный. Легкую хлопчатобумажную рубашку уже можно было выжимать. Одежду приходилось менять по нескольку раз в день. Надолго покидать снабженные кондиционерами помещения было опасно. Олдмонт плотно закрыл за собой дверь расположенного на холме дома, где он жил уже четвертую неделю, и облегченно вдохнул прохладный воздух: кондиционер работал на полную мощность, и в комнате можно было даже простудиться. Олдмонт переменил рубашку, подошел к окну, чтобы закрыть жалюзи, и несколько секунд рассматривал город. Ему были хорошо видны крыши многочисленных храмов, покрытых глазурованной черепицей, красивой, как чешуя тропической рыбы, пойманной на восходе или закате солнца. Золотые крыши взмывавших в небо пагод щедро разбрызгивали отраженные солнечные лучи.

Полностью название этого города звучало так: «Город ангелов, великий город, местопребывание Изумрудного Будды, город, оплодотворенный богом Индрой, великая столица мира, одаренная девятью замечательными драгоценными камнями, счастливый город, изобилующий грандиозными королевскими дворцами, которые сродни обиталищу богов, город, где правит перевоплощенный бог, город, данный Индрой и построенный Вишнукорном». Тайцы сокращали это пышное название до простого: «Город ангелов».

На ночь глядя, устав от бесконечного чтения — он словно решил перечитать все, что не успел за три с лишним десятка лет, которые отдал работе,— Олдмонт опять вышел на улицу. Он помнил те времена, когда это был сонный городок на реке. Теперь у города была бессонница, и город не нравился Олдмонту.

Грег Уилсон без стука ворвался в комнату Дэвиса.

— Где группа? — с порога спросил Уилсон.

— Что значит где? — Не обращая внимания на необычный тон Уилсона, Дэвис продолжал копаться в ящиках письменного стола.— Там, где ей и полагается быть.

— Они уже улетели?

— Разумеется. Можно подумать, что ты об этом не знаешь.

Уилсон уселся напротив хозяина кабинета и замолчал. Тут забеспокоился Дэвис.

— А что, собственно, произошло, Грег? Операцию никто не отменял. Ребята будут адаптироваться, ждать приказа под присмотром О'Брайена.

— Анонимное письмо,— сказал Уилсон.— Мы получили второе анонимное письмо. Автор называет поименно всех членов группы. Он знает цель операции, ради которой они улетели в...

— Это кто-то из наших,— прошипел Дэвис,— я сразу сказал, надо подключать инквизиторов.

Так за глаза называли сотрудников отдела контрразведки.

— Они заставили бы нас всех пройти испытание на полиграфе и ничего бы не выяснили.— Увидев, что Дэвис хочет возразить, Уилсон жестом остановил его:— Подожди. Я знаю, кто автор писем. Он вовсе не наш сотрудник.

— А кто же?

— Он работает в Агентстве национальной безопасности. Вернее, работал. Три недели назад он исчез. И знаешь, где он сейчас находится?

— Ну?

— В Бангкоке.

Дэвис почти с ненавистью посмотрел на Уилсона, которого знал двадцать пять лет, словно тот был в чем-то виноват. Грег Уилсон поймал его взгляд и протянул ему тонкую папку.

— Успокойся и прочитай внимательно второе письмо. Мне кажется, у нас есть возможность выпутаться из этой истории практически безболезненно.

— Перестань,— оборвал его Дэвис,— операцию можно считать проваленной. А ты говоришь «выпутаться»!

Он углубился в чтение письма. Уилсон внимательно следил за ним. Вспухшие мешки под глазами — Дэвис раньше сильно пил, бросил, когда стали шалить почки,— второй подбородок, редкие волосы. Уилсон вздохнул, подумав, что и сам он выглядит не лучше. После пятидесяти редко кто может похвастать здоровьем. В такие годы уже нельзя совершать ошибки и портить свою репутацию в глазах начальства. Это молодым все нипочем.

Дэвис читал письмо, пытаясь понять, что стоит за каждым словом, за каждой запятой, и сделать правильные выводы.

— Твои предложения, Грег?

— Давай попробуем отвлечься от сути дела, Билл. Формально мы имеем дело с шантажистом. А у шантажиста в руках оружие хотя и сильное, но одноразового пользования. Пустив его в ход, он лишается своей власти над шантажируемым и сам оказывается в опасности. Поэтому шантажист решается на разоблачение только в крайнем случае.

— И что из этого следует?

— Простая вещь: автор письма не передаст прессе, как он грозится, имеющиеся у него сведения о нашей группе, пока не начнется операция. Следовательно, у нас достаточно времени, чтобы найти его и обезвредить.

— Мы не можем откладывать операцию до бесконечности, Грег.

Уилсон несколько мгновений изучал настенный календарь.

— Но две-три недели у нас есть.

— Две недели — крайний срок. И то если из директората операций не придет прямого указания. Что мы им скажем, если получим приказ начать в такой-то день?

Уилсон покачал головой.

— Мы успеем.

— Мне бы твою уверенность, Грег,— вздохнул Дэвис.— Так что мы знаем об авторе письма?

Уилсон поднялся.

— Пойдем побеседуем с компьютером.

Несколько потрепанных грузовиков подъехали к городу Чиангмай на севере Таиланда. Стоявший у самого въезда в город полицейский в темных очках с автоматом наперевес сделал повелительный жест рукой, и первый грузовик остановился. Замерли у обочи-

ны и другие. Открыв дверцу с давно выбитым стеклом, из первого грузовика на землю спрыгнул водитель. Чуть переваливаясь на коротких ногах, он подошел к полицейскому.

— Что везешь? — грубо спросил полицейский.

— Рис.

Полицейский обошел вокруг машины. Кузов был забит мешками.

— А вот я сейчас проверю, что там у тебя.

Стволом автомата он указал на один из мешков.

— Сбрось его сюда и развяжи.

Пока водитель вытаскивал указанный мешок из-под других, полицейский стоял, положив руку на спусковой крючок автомата. Из домика у дороги за ними наблюдали еще несколько полицейских. Их автоматы были прислонены к столу.

Из мешка водитель вытащил горсть белоснежного риса и показал полицейскому. Тот махнул рукой:

— Проезжай.

Когда грузовики отъехали от полицейского поста примерно с километр, сидевший рядом с водителем первого грузовика юноша лет семнадцати лениво спросил:

— Сколько ты платишь этому полицейскому?

— Хороший город Чиангмай, здесь рождаются самые красивые женщины. Прелестней лотоса, как говорят у меня на родине,— сказал шофер, словно не слыша вопроса. Потом, поколебавшись, добавил: — Плачу не я, а хозяин, пятьсот — шестьсот батов за каждый грузовик.

— А откуда полицейский знает, какие мешки можно смотреть?

— А у меня любой можно смотреть, Прасет. Сверху-то я всегда немного риса сыплю. Это верный способ. Так можешь и доложить хозяину. Видно, у него какие-то сомнения возникли, раз он тебя прислал.

Через два часа три не менее потрепанных автофургона выехали из Чиангмая по направлению к Бангкоку.

— Что он, свихнулся? — недоумевал Грег Уилсон.— Я понимаю, отдельные высокоморальные личности, узнав что-то о наших методах работы, начинают негодовать. Но этот-то! Чуть ли не с пеленок занят нашим делом и вдруг пускает мыльные пузыри, словно ему поручили написать воскресную проповедь.

— Уймись, Грег,— остановил его Дэвис.— Это серьезный парень. Он начинал еще в Управлении стратегических служб Донована, в отделе «Х-4».

— А что это за отдел?

— Контрразведка, обеспечение безопасности агентов, работавших на вражеской территории. При такой профессиональной подготовке с ним непросто будет справиться.

— Да это все позавчерашний день,— пренебрежительно заметил Уилсон.— За последние десятилетия разведка шагнула так далеко вперед, что военный опыт ему ничем не поможет.

Дэвис не согласился с ним.

— Изменились технические средства. Методика выслеживания агента и его защитные мероприятия остались прежними.

Бесстрастный компьютер хранил в своей памяти все сведения о Нэде Олдмонте, несколько недель назад ушедшем в отставку с поста заместителя начальника одного из отделов Агентства национальной безопасности.

Во второй мировой войне Олдмонт участвовал совсем молодым человеком. Он был «фонарщиком», если пользоваться слэнгом профессиональных разведчиков. Дэвис и Уилсон хорошо представляли себе, чем приходилось заниматься Олдмонту. «Фонарщики» обеспечивали каждую сколько-нибудь значительную операцию: перебрасывали агентов, охраняли их, содержали конспиративные квартиры. С 1943 года Олдмонт в региональной штабквартире управления стратегических служб в Лондоне. Его забрасывают на оккупированный фашистами континент. Многие разведывательные операции союзников кончаются неудачей, однако Олдмонту везет, он ускользает из рук гестапо и абвера. После войны, отказавшись от заманчивого предложения перейти из расформированного УСС в военную разведку, поступает в Массачусетский технологический институт, его интересуют возможности создания «думающих машин». Затем работа в конструкторском бюро одной из корпораций, специальность — электронно-вычислительные машины. И, наконец, его приглашают в Агентство национальной безопасности, и Олдмонт принимает предложение. АНБ закупило лучшую технику, и Олдмонт не мог устоять перед соблазном. Его послужной список в агентстве безупречен. Длительные командировки в Англию, Юго-Восточную Азию и Австралию—там развертывались станции слежения. Женат, детей нет.

Дэвису и Уилсону принесли несколько фотографий. Большие смеющиеся глаза под шапкой густых волос — молодой сотрудник УСС. Аккуратно зачесанные назад волосы, сосредоточенный взгляд, первые морщины — после блестящей защиты диссертации. Дэвис положил перед собой две фотографии, судя по датам, сделаны они с небольшим промежутком — год-два. Однако за это время Олдмонт успел сильно измениться: из молодо выглядящего бодрого мужчины он превратился в пожилого человека. Обильная седина, потухшие глаза, похудевшее лицо. Снимки начала семидесятых годов.

— Он ничем серьезным не болел? — поинтересовался Дэвис.

Уилсон отрицательно покачал головой. Дэвис показал ему обе фотографии.

— С ним что-то произошло тогда. Надо бы выяснить, с чем это было связано. Что мы вообще знаем о его семье?

Фил Хоукс, отстранив телефонную трубку с сильной мембраной подальше от уха, страдальчески смотрел в окно. В трубке стрекотал голосок Вирджинии, его невесты (обручение произошло по настоянию родителей — разговаривая с ними, она придавала своему голосу такую обволакивающую нежность, что они таяли). Вирджиния рассказывала о вчерашнем спиритическом сеансе, в котором принимали участие все десять или пятнадцать женщин, служивших с ней в отделе рекламы одной крупной конторы. Вирджиния возмущенно жаловалась на дух Бенджамина Франклина, который являлся к ним без вызова и всем ужасно надоел. Хоукс обреченно ждал, пока она закончит, зная по опыту, что прерывать бессмысленно. Спасение пришло к нему неожиданно в виде секретарши шефа. Щелкнув большой настольной зажигалкой Хоукса, она кокетливо произнесла:

— Не хотелось бы отрывать тебя, Фил, от столь увлекательного разговора, но Клинтон сгорает от желания увидеть тебя.

Хоукс ожил. Он пробормотал в трубку слова извинения и с наслаждением положил ее. Сняв ноги в изрядно запылившихся теннисных туфлях со стола, он пошел к Клинтону — его кабинет был в конце коридора.

Прежде чем получить право занять этот кабинет, Клинтону пришлось расстаться с большей частью своих волос и иллюзий, приобретя взамен больную печень и очки, за которыми его глаза казались невероятно большими — он страдал дальнозоркостью. Работа в страховой компании была не ахти каким веселым занятием, поэтому чувство юмора у него осталось в зачаточном состоянии, зато сам он был предметом пренебрежительных насмешек со стороны молодых сотрудников, недавних выпускников юридических факультетов, вроде Хоукса. Каждый из них мечтал о престижной карьере адвоката и работу в компании считал явлением временным.

— Вам здорово повезло, Фил.— Клинтон посмотрел на него поверх очков.— Вам представляется неплохая возможность отличиться,— продолжал Клинтон.

— Да, сэр? — Хоукс постарался вложить в эти слова как можно больше скептицизма.

— Посмотрите эти бумаги,— предложил Клинтон.

Познакомившись с деловой перепиской компании, копиями страховых полисов, Хоукс не нашел в бумагах ничего выдающегося. Некая Лилиан Олдмонт, застрахованная на немалую сумму, погибла в результате несчастного случая на дороге. По условию страховки все деньги должен был получить ее муж. Предстояли обычные в таких случаях формальности.

— Не вижу здесь ничего интересного,— вяло сказал Хоукс.

— Напрасно, Фил, напрасно,— воскликнул Клинтон.— Вам предстоит увлекательная поездка — куда бы вы думали? — в Таиланд! Дело в том, что муж покойной Лилиан Олдмонт находится в Таиланде, причем адрес его неизвестен. Наше консульство в Бангкоке сообщило, что не располагает сведениями о нем. Конечно, они не желают и пальцем шевельнуть, чтобы помочь нам. Придется вам, Фил, поехать в Бангкок и найти вдовца, чтобы он мог вступить в права наследования и получить страховку.

— А сам Олдмонт еще не знает о смерти жены?

— Разумеется, нет. Он только жене оставил адрес почтового агентства в Бангкоке, куда она должна была ему писать. Этот адрес нам передали из полиции для розыска Олдмонта.

— А что он там делает? — продолжал расспрашивать Хоукс.— Чем он занимается?

— Отставной военный. Вышел на пенсию и теперь, видимо, развлекается.

Хоуксу показалось: в словах канцелярской крысы Клинтона мелькнули нотки зависти.

— Сбежал, попросту говоря, от жены,— констатировал Хоукс,— могу себе представить, какое приятное известие я ему привезу.

Автобус, доставивший пассажиров рейса Сингапур — Бангкок, мгновенно опустел. И несколько минут, проведенных вне спасительной прохлады кондиционеров, были ужасны. Даже Тони, родившийся в Африке, чувствовал себя на редкость неприятно, он весь истекал пóтом, во рту пересохло, глаза слепило безжалостное солнце. Войдя в здание аэропорта, он вздохнул с облегчением. Повесив сумку на плечо, он пристроился в быстро двигавшуюся очередь к стойкам паспортного контроля. Толстощекий инспектор в очках, не глядя на Тони, взял его паспорт. Правила въезда в Таиланд были чрезвычайно просты. Две недели при наличии обратного билета здесь можно было прожить без всякой визы: туризм — один из главных источников дохода для страны, со всем этим Тони ознакомился, перелистав какой-то справочник. Впрочем, в его британском паспорте была трехмесячная виза, хотя ему предстояло пробыть здесь значительно меньше.

Получив паспорт, Тони прошел в следующий зал, где на идущий по кругу транспортер откуда-то снизу подавали чемоданы. Таможенники его багажом не заинтересовались. Скользнув равнодушным взглядом по лицам встречающих, Тони, подхватив свои чемоданы, вышел на улицу. Он бросил взгляд на нелепый памятник какому-то генералу и подозвал такси. До отеля «Амбасадор» езды минут двадцать, на исковерканном английском объяснил ему водитель.

Когда такси, увозившее Тони, влилось в поток уличного движения, из толпы встречавших выскользнул высокий светловолосый человек. Он остановился у телефона-автомата, набрал номер и, не спрашивая, кто у телефона, сказал по-английски:

— Это Дуайт. Передайте Говарду, что приехал последний.

Он повесил трубку, не дожидаясь ответа, и пошел к своей машине с дипломатическим номером.

Говард О'Брайен вылил в высокий стакан принесенную из холодильника маленькую бутылочку «Севен ап», но пить не стал. Он равнодушно выслушал своего сотрудника и кивком головы отпустил его. Значит, Дуайт встретил последнего, и теперь вся группа в сборе. Хорошо, он сообщит в Лэнгли. Больше от него ничего не требуется. Группа подчиняется непосредственно директорату операций, его дело — позаботиться о ее безопасности.

В настоящий момент его больше всего беспокоило отсутствие курьера. Большая партия груза была готова, и ему не с кем было ее отправить. В который уже раз он пожалел о том, что австралийский банк «Ньюгэн-Хэнд» прекратил свое существование. После смерти Фрэнка Ньюгэна все невероятно осложнилось. И транспортировка и расчеты.

Он нажал кнопку на внутреннем переговорном устройстве.

— В каком отеле должен остановиться курьер, вы хоть знаете?

— В «Амбасадоре».

— Зачем же там?

— Распоряжение Дуайта. Он сказал, что ему и так придется из-за своих подопечных торчать в «Амбасадоре».

О'Брайен нахмурился.

— Курьера кто-нибудь знает в лицо?

— Нет, это новенький.

Такого количества медикаментов ему никогда не приходилось видеть в Америке. Теснившиеся в переулке лавочки были набиты лекарствами в экзотической упаковке. Пилюли, мази и порошки обещали исцеление от всех болезней, дешевизна делала их доступными. Рецептов не требовалось. Перебрав несколько коробочек, он убедился, что клеймо изготовителя отсутствует. Он с сожалением посмотрел на какую-то женщину, которая втолковывала молоденькому продавцу, что именно у нее болит. Продавец отсыпал в пластиковый пакет несколько разноцветных пилюль и взял протянутую ему бумажку в десять батов. Женщина тут же начала глотать пилюли. По мнению Олдмонта, это было самоубийственное легкомыслие. В лавочке без разбора торговали сильнодействующими антибиотиками, барбитуратами, амфетаминами, гормонами, принимать которые без консультации с врачом опасно. Но здесь с этим не считались.

Олдмонт побрел дальше. Он уже достаточно отвык от домашних привычек, чтобы без опаски купить у уличной торговки запеченные в тесте бананы. Олдмонту нравилось ходить по улицам Бангкока, по узеньким тротуарам, заставленным столиками, жаровнями, лотками, с которых торговали ломтиками ананасов, арбузов, виноградом, еще какими-то местными фруктами, названий которых Олдмонт не знал. Здесь же готовили и острые восточные блюда; присев за столики, не обращая внимания на окружающих, проголодавшиеся люди поглощали их, ловко орудуя пластмассовыми палочками. Прохладительные напитки продавали не в бутылках: в средних размеров целлофановый пакет с ручками, связанными узелком, насыпали кучку льда, выливали туда содержимое одной из многочисленных бутылочек с «фантой» или «кока-колой» и подавали вместе с соломинкой.

Он шел по каким-то узким улочкам с разбитым асфальтом, кучами неубранного мусора, уходя подальше от шумных магистралей. За годы, что он здесь не бывал, город заполнился мириадами японских автомобилей. Здесь не существовало правил движения: машины двигались сплошным потоком. Улицу приходилось перебегать, рискуя в любую минуту оказаться под колесами. Большинство автомашин было в ужасающем состоянии, грязные, битые, без стекол, но это не смущало их водителей.

Когда Олдмонт приехал сюда в первый раз, все было по-другому.

Олдмонт прилетел на самолете ВВС США. Первым, кого он увидел на летном поле, был его брат. Линн стоял, опершись на крыло армейского «джипа», и радостно махал ему рукой. Выглядел он прекрасно. Успел загореть, немного поправился, отглаженная офицерская форма подчеркивала его стройную фигуру.

Линн обрадовался ему. В детстве они были очень близки. Вернувшийся с войны Нэд в глазах Линна был героем. Женитьба Нэда и поступление Линна в военное училище разлучили их.

Они долго разговаривали в гостинице, в просторном, но душном номере, приготовленном для Нэда. Линн, который пробыл в Таиланде всего три месяца, с восторгом рассказывал о службе. Подразделения ВВС были в основном ориентированы на нанесение бомбовых ударов по партизанским базам в Южном Вьетнаме и Лаосе. Но эскадрилье, в которой служил Линн, поручали особые задания. Нэд слушал рассказы Линна вполуха.

В первый приезд Нэда они больше не виделись. Агентство национальной безопасности монтировало новую аппаратуру прослушивания, и Олдмонт должен был проинструктировать офицеров базы, которые этим занимались.

Через полгода Олдмонт вновь прилетел в Таиланд. На этот раз Линн не смог его встретить: был на задании и вернулся лишь через два дня, поздно ночью.

Он позвонил в дверь номера часа в четыре утра. Нэд в халате, позевывая, открыл ему. Но когда он увидел брата, сон мигом слетел с него. Линн больше не был таким веселым, каким казался еще несколько месяцев назад. Он с размаху плюхнулся в кресло и с наслаждением вытянул ноги. Прикрыл глаза. Нэд с тревогой смотрел на него. За эти полгода Линн здорово изменился. Черты лица стали жестче, под глазами мешки, как после постоянных пьянок. Раньше Линн спиртного не употреблял. После училища он около года служил на одной из европейских баз НАТО. Летал на самолетах-шпионах «SR-71», которые за их цвет называли «черной вдовой». Крепче пива там ничего в рот не брали. Потом Вьетнам.

Когда Линн стал рассказывать Нэду о том, что здесь происходит, Олдмонт-старший грустно подумал: вот еще одна жертва Вьетнама. Иллюзии и идеалы воспитанного в духе «американской мечты» молодого человека не выдержали столкновения с действительностью. Такой мучительный душевный разлад Нэд Олдмонт заметил во многих американцах, которые прибыли сюда, чтобы защищать демократию, а вместо этого оказались вынужденными

убивать ни в чем не повинных мирных граждан.

Нэд Олдмонт мог бы напомнить своему младшему брату старинную поговорку о том, что в войне первой жертвой становится истина. Люди более опытные, более циничные с самого начала не питали иллюзий относительно характера этой войны. Он много мог бы объяснить Линну, но меньше всего ему хотелось бы предстать перед братом сознательным борцом за неправое дело. Сам он предпочитал не задумываться над всем этим и в ту ночь в основном слушал Линна.

Они провели вместе несколько часов. Время от времени Линн отхлебывал виски, которое принес с собой. Он рассказывал о том, что ему пришлось испытать. Губительный огонь зениток, стоивший жизни многим летчикам, даже не в счет. Он летал теперь на транспортном самолете, сажал его на территории, занятой вьетконговцами, чтобы оставить там очередную группу сайгонских наемников; судя по огромному количеству взрывчатки, которую они брали с собой, планировались крупные террористические акции. Назад наемники возвращались с пленными; во время обратного полета их пытали прямо в самолете, избивали до смерти, а тела выбрасывали через грузовой люк. Линн, возмущенный, пытался остановить расправу, но американский офицер, возглавлявший группу, грубо приказал ему не вмешиваться не в свое дело. Командир базы, к которому обратился Линн, даже не захотел его выслушать: выполняйте свой долг, так он выразился.

Кроме того, приходилось вывозить странные мешки с маленьких аэродромов, расположенных в гористом районе, где сходятся границы Бирмы, Таиланда и Лаоса. Сдавали и получали эти грузы люди в штатском. Линн вытащил из нагрудного кармана и показал фотографии, сделанные в джунглях. Линн был запечатлен в весьма экзотической компании: помимо нескольких людей европейского вида в рубашках с короткими рукавами и в соломенных шляпах, в объектив улыбались трое коротышек в униформе цвета хаки. Фотографии были хорошими, четкими, и Олдмонт решил, что эти трое принадлежат к горному племени мео. Но не они заинтересовали Нэда, а сосед Линна в расстегнутой рубашке. Нэд встречал этого человека.

Когда Линн выговорился, Нэд проводил его и пошел завтракать. Он испугался за брата. В глазах Линна таился страх. С такими настроениями он здесь может натворить глупостей, забеспокоился Нэд. У Линна — «вьетнамский синдром», ему чудится, что смерть подстерегает его за каждым углом. Нэд Олдмонт взял в руки книгу, оставленную Линном, в которой было отчеркнуто несколько строк: «Ни у одного великого инквизитора нет в запасе такой мучительной пытки, как у страха, и ни один шпион не умеет так искусно подкараулить подозреваемого и окутать его своей паутиной в тот самый момент, когда он до конца расслабляется. Ни один проницательный судья не умеет допрашивать обвиняемого с такой настойчивостью, как страх, не оставляющий в покое свою жертву ни днем, ни ночью».

Нэд понял, что, как минимум, Линна нужно вернуть в обычную эскадрилью. Лучшим выходом было бы извлечь младшего брата из Таиланда: американские летчики несли все большие потери. Но это было ему не по силам. Во всяком случае, Линна нужно убрать подальше от людей из ЦРУ.

Человек, который сфотографировался с Линном, работал в ЦРУ — в отделе, созданном еще в 50-е годы полковником Борисом Т. Пэшем. Отдел занимался организацией убийств и похищений иностранных государственных деятелей. Особенно активны они были в странах Юго-Восточной Азии, стараясь сохранить режимы, верные Вашингтону, и избавиться от политиков, придерживающихся антиамериканской ориентации. Его брату незачем иметь отношение ко всему этому, решил Олдмонт. Но не успел ничего предпринять. Через час после того, как он расстался с Линном, ему пришлось вылететь на Окинаву, где вышел из строя один из постов прослушивания АНБ. Когда он вернулся через неделю, было уже поздно.

Продолжение следует.

Обстоятельства смерти господина N

Леонид МЛЕЧИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Пробравшись на свое место в хвосте самолета, Фил Хоукс рассмеялся. Молодой японец спал, укутав голову пледом и положив на грудь стандартную гостиничную табличку с надписью «Прошу не беспокоить», которую любители поспать вешают на ручку двери своего номера в отеле. Самого Хоукса тоже клонило ко сну, но уснуть по-настоящему в самолете он не мог. Нацепив радионаушники, он коротал время между трапезами — кормили в самолете обильно и вкусно.

Пока что он был доволен поручением, данным ему Клинтоном. Его, правда, беспокоило дальнейшее: как все-таки он сумеет отыскать в Бангкоке Нэда Олдмонта, который должен получить немалую сумму по страховому полису своей покойной жены? Странный, должно быть, человек этот Олдмонт. Уехал из Америки, из дома, оставив только адрес почтового агентства в Бангкоке, куда ему пересылают корреспонденцию... Зачем? От кого он бежал? От семьи? От привычной жизни?

Хоукс предполагал, прилетев, дать объявления в газетах, обратиться в полицию. На худой конец, решил он, можно попробовать подкараулить Олдмонта в почтовом агентстве, куда приходят письма до востребования.

Хоукс вез с собой все необходимые документы. Олдмонту не придется лететь за наследством в Америку, достаточно просто подписать бланки, уложенные в чемоданчик Хоукса вместе со свидетельством о смерти, копией завещания и даже фотографиями, сделанными полицейскими экспертами на месте, где автомобиль Лилиан Олдмонт столкнулся с грузовиком.

За три дня до отлета Хоукса в Бангкок Уилсон и Дэвис все еще продолжали ломать голову над тем, что им делать с Олдмонтом.

Компьютер сообщил: младший брат Нэда Олдмонта, Линн Олдмонт, лейтенант военно-воздушных сил, погиб при выполнении боевого задания. Похоронен на Арлингтонском кладбище.

— Похоже, из-за братца он немного свихнулся, а?— пробормотал Уилсон.— Смотри-ка, после смерти брата попросил длительный отпуск. А потом и вовсе перевелся на должность с понижением. А что его жена?

Вместо ответа Билл Дэвис показал ему какую-то бумагу. Уилсон изумленно посмотрел на него.

— А Олдмонт-то знает об этом?

— Нет. Ему это даже в голову не приходило. Я только что в этом убедился.

Уилсон погрузился в размышления. Потом взял лист чистой бумаги и стал быстро писать. Перечитал написанное. Показал листок Дэвису.

Тот пожал плечами.

— Своего рода «медовая ловушка». Только навыворот, и слишком много «если». На мой взгляд, чересчур сложно. И где гарантия?

«Медовой ловушкой» в мире секретных служб называлась западня, которую устраивали противнику с помощью женщины-агента.

Уилсон нетерпеливо прервал его:

— Ты по-прежнему не понимаешь, с кем имеешь дело. Как ты думаешь, зачем он улетел в Таиланд?.. Вовсе не для того, чтобы шляться по массажным салонам. Его тянет на место смерти брата. Тебе нужно выяснить, при каких обстоятельствах погиб младший Олдмонт. Если там что-то было нечисто, значит, сейчас Нэд Олдмонт пытается раскопать это дело. Следовательно, он в полной боевой готовности. Втравливать ребят из бангкокской резидентуры не хочется. Посылать «охотника за черепами»? Для этого потребуется санкция начальства. Так что остается только одно...

Уилсон постучал пальцем по листку бумаги, наполовину исписанному его четким почерком...

Заполнив регистрационную карточку отеля «Амбасадор», Фил Хоукс тут же поменял доллары на баты, небрежно засунул толстую пачку красно-коричневых стобатовых купюр во внутренний карман светло-серого пиджака и поднялся на пятый этаж, где на него с ленивым интересом воззрилась полусонная коридорная, которая дремала за пустым столом, придвинутым вплотную к большому, во всю стену зеркалу.

Первым делом Хоукс пошел в ванную, свет в которой включался одновременно с оглушительно гудевшим вытяжным вентилятором. Хоукс тихо вздохнул: в такой невероятно отсталой стране, какой ему представлялся Таиланд, на лучшее нечего и рассчитывать. Вытирая мохнатым полотенцем мокрые волосы, он в одних шлепанцах пошел к телефону. Номер посольского коммутатора он отыскал в справочнике, на котором покоился уже треснувший аппарат.

— Развлекайтесь,— посоветовал ему сотрудник консульства, с которым Хоукса соединил дежурный.— Такой экзотики вы нигде не увидите. Только будьте осмотрительны. Нас предупредили о вашем приезде. Завтра утром я зайду к вам. Меня зовут Дуайт Хенкинс.

Положив трубку, Хоукс задумчиво посмотрел в окно. Ночь по-южному, без сумерек, опустилась на землю. Он надел голубую рубашку с короткими рукавами, брюки из легкой, почти невесомой ткани, спустился вниз. Автоматически раздвинувшиеся при его приближении двери выпустили его в душный бангкокский вечер. Фонарей не было. Освещение составляли рекламное разноцветье и свет автомобильных фар — уличное движение нисколько не уменьшилось.

Он спустился по ступенькам на тротуар и пошел вдоль ярко освещенной витрины магазина одежды, где не только обещали одеть с ног до головы по последней моде, но и, если понадобится, в двадцать четыре часа сшить любой костюм. Таких магазинов-ателье, отметил потом Хоукс, было много на улицах, прилегавших к крупным отелям.

В узком переулке, куда выходил фасад «Амбасадора», стояло несколько машин с потушенными огнями и толпилось довольно много людей. Они сидели на стульях, оставленных уличными торговцами едой, которые уже разошлись; иные, поджав под себя ноги, располагались прямо на тротуаре, какой-то парень улегся на кузов автомобиля. Хоукс недоумевал: что они здесь делают? Он не видел ни бутылок, ни карт, и эти люди не были похожи на бездельников, рассказывающих друг другу одни и те же байки.

Когда Хоукс свернул в переулок, с тротуара поднялся человек и побежал ему навстречу. Он призывно махал рукой и улыбался Хоуксу, словно тот был его братом, с которым он не виделся десять лет. Подбежав к Хоуксу, он радостно выпалил:

— Массаж! Хорошие девочки! Недорого! Здесь рядом!

В правой руке он держал замусоленные цветные фотографии местных красоток.

Коротышка, как и все эти люди, заполонившие переулок, был зазывалой так называемых массажных салонов. Эти заведения начали процветать в шестидесятых годах, когда в Таиланд прибыли американские солдаты. Накануне отправки во Вьетнам они искали утешения в этих самых салонах, которые возникали в Бангкоке с неимоверной быстротой.

В Бангкоке была глухая ночь, когда Биллу Дэвису, только что появившемуся в своем кабинете в Лэнгли, принесли телеграмму, подписанную Говардом О'Брайеном. Дэвис прочитал ее, удовлетворенно хмыкнул и пошел к Уилсону. «Все идет по плану, все идет по плану»,— бормотал Дэвис.

Ночью человек не властен над собой. Днем заботы и дела отвлекали его от тягостных мыслей. Ночью он не мог справиться с собой: прошлое не отпускало его. Засиживаясь допоздна с книжкой в руках, он затягивал время отхода ко сну, надеясь, что усталость возьмет свое. Но едва выключал свет, как сон словно рукой снимало.

Сколько лет было бы сейчас Линну, если бы он сумел тогда вызволить его отсюда, добиться его перевода на любую из сотен американских баз, раскиданных по всему миру? Прошло полтора десятка лет. Сейчас Линн был бы уже зрелым мужчиной. У него были бы дети. Почему-то Олдмонт не мог представить себе лицо взрослого Линна. Тягостными бессонными ночами перед ним неотступно стоял веселый, добродушный юноша, каким был его младший брат еще до поступления в училище ВВС. А почему он, собственно, выбрал военную карьеру? Всему виной военные фотографии и медаль Нэда, которые Линн хранил у себя в комнате. Рассказывая о пережитом в годы второй мировой войны, Нэд невольно старался опускать тягостные, страшные подробности: ему и самому не хотелось обо всем этом вспоминать. Должно быть, Линну война казалась приятным приключением, собственно говоря, не ему одному...

Нэд был в Австралии, когда Линн решил стать летчиком. На пятом континенте монтировались первые установки, которые потом стали ядром гигантской системы прослушивания.

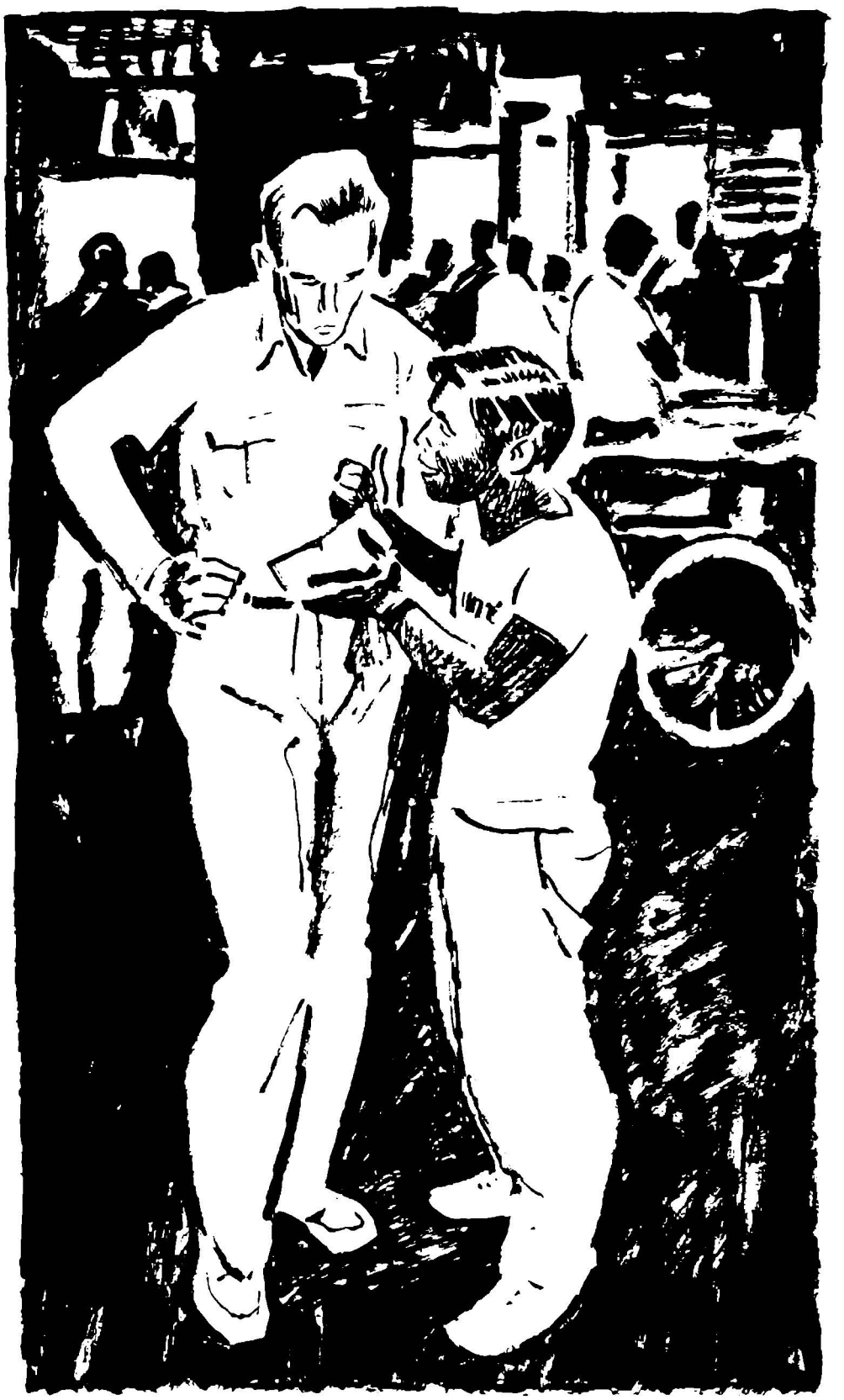
В австралийской глуши, рядом с небольшим городком Алис-Спрингс, они построили огромную базу Пайн-Гэп. Там работало пятьсот человек, из них половина австралийцев, ведь официально базой распоряжаются совместно Вашингтон и Канберра, но австралийцам сотрудники Агентства национальной безопасности доверяли только техническую работу и никогда не делились полученной информацией.

Кто-то назвал Пайн-Гэп гигантским пылесосом, который улавливает все радио- и телефонные переговоры, все телексы в районе Тихого океана. Значение базы — Олдмонт был одним из тех, кто предложил руководству построить ее именно в этом месте,— заключалось в ее многоцелевом потенциале и в огромном диапазоне перехвата. База находится в районе очень стабильных геологических формаций, свободном от электронных помех, и здесь наименьшая облачность в мире.

Строительство Пайн-Гэп было победой Нэда, он вернулся в Штаты в хорошем настроении и благожелательно встретил сообщение о том, что Линн решил стать военным. Возможно, в другой ситуации он был бы более благоразумен.

За окном было совсем тихо, в комнате едва слышно шипел кондиционер, но к нему Олдмонт уже привык. В тумбочке у кровати вместе с лекарствами он хранил снотворное. Когда ему становилось совсем уж невмоготу, он глотал сразу две пилюли и забывался. Но наутро он чувствовал себя, как после наркоза — он знал, что это такое: во время второй мировой войны его дважды ранили, и дважды он засыпал на операционном столе, не зная, проснется ли. Снотворное отключало в голове что-то очень важное, пилюли делали его равнодушным, а жизнь бесцельной — и из такой

Продолжение. См. «Огонек» № 39.



жизни ему хотелось уйти. Впадать в подобное состояние было опасно — кое-что он еще должен сделать на этом свете.

Линна прошили двумя автоматными очередями. Какой-то капитан из морских пехотинцев проводил Нэда в заднюю комнату при лазарете и приподнял брезент. Стреляли с близкого расстояния — форма была разорвана в клочья. Лицо Линна было спокойным. «По крайней мере он умер сразу и не страдал»,— подумал Нэд.

Он прилетел на американскую базу в Удоне в северо-восточном Таиланде, сказав послу, что сам повезет труп Олдмонта-младшего на родину. Базой в Удоне тогда пользовались самолеты компании «Эйр Америка», их перегнали туда с Тайваня. От Удона было всего десять минут лета до Лаоса и полчаса до Южного Вьетнама и Камбоджи.

В самолете, который вез Линна в обратный путь, было много цинковых гробов — погибших во Вьетнаме возвращали семьям.

Об обстоятельствах смерти брата ему рассказали скороговоркой. Линн посадил самолет на территории, занятой противником, чтобы забрать разведгруппу. Пока шла погрузка, он вроде бы забрел в джунгли, и там его подстрелил вьетконговец. Все в этом рассказе выглядело странным: зачем Линну понадобилось уходить далеко от самолета? Почему говорили о какой-то погрузке, если предстояло всего-навсего забрать несколько человек, которые уже собрались у взлетной площадки? И откуда появился стрелок? Если вьетконговцы знали о посадке самолета, они уничтожили бы и его и весь экипаж.

Но все эти вопросы Нэд Олдмонт начал задавать себе много позже, а тогда он сидел в жестком кресле военно-транспортного самолета полубольной, с воспаленными глазами. За весь перелет он ни с кем не перемолвился словом.

Рано утром к девушке, дежурившей в холле отеля «Амбасадор», подошел ее недавний знакомый Прасет, с которым она танцевала в дискотеке. Молодой парень поразил ее широтой, с которой вытаскивал из кармана стобатовые купюры. Видно, деньги у него водились. Он сложил руки в приветствии и улыбнулся. Девушка тоже улыбнулась ему. Прасет попросил проверить, в каком номере остановился приехавший вчера молодой человек из Соединенных Штатов, высокий, светловолосый, с голубыми глазами. Немного удивленная, девушка перечислила ему четверых постояльцев отеля, которые, по ее мнению, отвечали этому описанию. Прасет одинаково внимательно выслушал прочитанные по регистрационным карточкам сведения обо всех четырех и, поблагодарив, попрощался. Он узнал то, что ему было нужно. Человек, которого он искал, должен был остановиться на пятом этаже. Он несколько раз повторил его имя, чтобы не забыть: Фил Хоукс.

Дуайт Хенкинс позвонил в дверь, когда Хоукс уже позавтракал ломтиками ананаса и папайи — из-за разницы во времени он плохо спал, у него не было аппетита.

В номер вошел стройный, подтянутый — ни грамма лишнего веса — человек лет тридцати пяти, в темных очках, он держал под мышкой тонкую папку.

— Как идет акклиматизация? — осведомился он.— Вы готовы? Я заехал за вами, чтобы отвезти в консульство.

По дороге Фил рассказал ему, как вынужден был прервать вчерашнюю прогулку, устав от хватавших его за руку зазывал массажных салонов.

— С этими мелкими заведениями вам, конечно, связываться не следует, это опасно,— усмехнулся Дуайт,— но сходить в хороший салон я бы вам посоветовал. Пойдите в «Шери» или «Версаль». Эти салоны поставлены на широкую ногу. Вы увидите, что это совсем неплохо: после хорошей турецкой бани вами займутся две-три очаровательные массажистки, а среди таек, можете мне поверить, много по-настоящему красивых женщин.

— Две-три? — удивился Хоукс.

— Сколько хотите. Они сидят при входе. Берите хоть десяток. Массаж в Таиланде имеет одну особенность — в качестве инструмента используются не только руки, но и все тело массажистки...

— И сколько же все это стоит?

— Зависит от продолжительности массажа и престижа заведения. Обычный массаж стоит недорого, сто двадцать — сто пятьдесят батов за час. А вот когда массажируют всем телом, то берут батов четыреста. А в салоне «Мона Лиза» — восемьсот.

Дуайт оказался деятельным человеком. Он сам обзвонил редакции всех выходящих на английском языке газет и от имени Хоукса попросил дать объявления о розыске Нэда Олдмонта. Потом он выяснил адрес почтового агентства, куда Олдмонту пересылали корреспонденцию из Соединенных Штатов, записал название улицы на бумажке и объяснил Хоуксу, сколько будет стоить поездка туда на такси.

— Запомните раз и навсегда,— поучал он Фила,— о плате надо договариваться перед тем, как вы сели в машину. В бангкокских такси есть счетчики, но никто не помнит, когда они включались в последний раз. Не условитесь сразу, водитель потом сдерет с вас втрое больше.

Посещение почтового агентства было практически безрезультатным. Хоуксу объяснили, что адрес они у клиентов не спрашивают, а просто хранят корреспонденцию до тех пор, пока получатель не придет за ней. «Когда у них появится Олдмонт?» Они не знают. «На его имя сейчас пришла какая-нибудь корреспонденция»? На подобные вопросы они не отвечают. Единственное, что оставалось сделать Хоуксу, написать короткую записку Олдмонту — им необходимо встретиться — и попросить служащих агентства передать ее клиенту.

Через час он опять оказался в своем номере в смятенном состоянии духа. Что еще можно сделать, он не представлял. А главное, он совершенно не знал, чем ему заняться. Выходить из номера, превращенного кондиционером в оазис, не хотелось. Он включил телевизор.

Тирают уже минут пятнадцать прогуливался по магазинчику сувениров на первом этаже

«Амбасадора». Время от времени он недовольно посматривал на часы: сегодня пятница, и на стадионе Лумпини в шесть часов начнется матч по тайскому боксу. Бокс в Лумпини можно увидеть три раза в неделю — по вторникам и пятницам в шесть вечера и по субботам с часу дня. Тирают смотрел по телевизору международные соревнования боксеров, транслируемые из Америки или Европы, но тайский бокс казался ему интереснее и опаснее. Спортсменам разрешалось наносить удары локтями, коленями, ногами, схватка — если только боксеры не жульничали, сговорившись,— превращалась в волнующее зрелище.

Тирают жадно глотал пиво, наблюдая за почти молитвенным ритуалом выхода боксеров на ринг. Под ритмичную мелодию они исполняли особый танец в честь своих учителей. Эта устаревшая церемония раздражала Тираюта, он ждал, когда же начнется бой и боксеры пустят в ход и руки и ноги. Ему особенно нравились спортсмены, умевшие почти одновременно наносить удары локтем и коленом в ближнем бою. Если боксеру удавалось пригнуть голову противника к земле, то за этим немедленно следовал удар коленом в живот. Тирают восхищался этой молниеносной схваткой, после которой одного из соперников зачастую уносили с ринга. Ведь удар локтем — один из самых опасных, его можно сравнить с ударом ножа. Не очень разборчивые молодые парни, начинающие свой путь на ринге, локтем глубоко рассекали бровь противника. Хорошие удары ногой удавалось увидеть нечасто: опытный боксер бил ногой только в исключительно благоприятной для себя ситуации, иначе соперник, перехватив ногу, легко бросал его на ринг.

Тирают вздохнул и, в последний раз взглянув на часы, пошел к лифту. Пора. В лифте он поднялся с двумя пожилыми белокурыми женщинами европейского типа на седьмой этаж и только потом, оставшись один, спустился на пятый.

В коридоре было пусто. Его коренастая расплывшаяся фигура отразилась в большом зеркале. Придав лицу приятное выражение, он негромко постучал в дверь 507-го номера.

Поиски продолжались долго. В этом не было ничего удивительного. Прошло столько лет, кое-кто уже отправился в мир иной, другие уехали, и их невозможно отыскать, третьи просто не желают вспоминать. Но счастье улыбнулось Олдмонту дважды. Первый раз, когда его приютил пожилой американец, врач, с которым они были знакомы лишь шапочно. Во второй раз, когда выяснилось, что среди пациентов доктора оказался человек, который назвал две фамилии. Одного из них уже не было в живых. Второго Олдмонт собирался навестить. Его звали Тирают.

Олдмонт устало опустился в кресло. С этим человеком ему нужно встретиться. Что совсем небезопасно, Олдмонт хорошо знал людей такого типа. Но выхода нет. Тирают, видимо, единственный, кто может ему помочь. Олдмонт отпер центральный ящик стола, вытащил толстую пачку денег — доллары помогут им договориться. Он засунул деньги в потайной карман, пришитый к внутренней стороне рубашки,— на улицах полно мелких воришек, не успеешь заметить, как вытащат.

О'Брайен лениво перелистывал доставленные вечерней почтой свежие номера журналов, пока не наткнулся на большую статью о процессе над молодой француженкой, приговоренной в Малайзии к смертной казни за перевозку героина. Дверь его кабинета неуверенно приоткрылась, О'Брайен приглашающе кивнул Дуайту Хенкинсу.

— Вы уже видели? — О'Брайен показал на статью, украшенную цветными фотографиями француженки, которая пыталась провезти из Таиланда через Малайзию на Запад пятьсот тридцать четыре грамма героина.

— Угу,— вяло отреагировал Дуайт.— Полкило очищенного героина — верных миллиона полтора долларов потянет. Но в Малайзии законы крутые: за провоз ста граммов — пожизненное заключение или смертная казнь. В последнее время в Куала-Лумпуре предпочитают выносить смертные приговоры.

— У вас устаревшие сведения, Дуайт. Теперь можно расстаться с жизнью за провоз двадцати пяти граммов.

Хенкинс изумленно приподнял брови:

— Всерьез взялись за дело.

— А вы думали, они шутят? За полгода арестовали сорок пять иностранцев. Из них десять австралийцев, восемнадцать таиландцев, восемь сингапурцев. В Куала-Лумпуре считают, что наркотики ввозятся на грузовиках, которые совершают рейсы между Сонгкхла в южной части Таиланда и пограничным штатом Малайзии Кедах.

— Так что же, они теперь все грузовики будут обыскивать? Это невозможно.

О'Брайен пожал плечами.

— Вы у меня спрашиваете? Из статьи я выяснил, что малайзийская полиция знает и о тайных тропах, проложенных контрабандистами в джунглях на границе между Таиландом и Малайзией. Словом, полиция делает успехи.

Оба замолчали.

Первым заговорил О'Брайен:

— Ладно, будем заниматься своими делами.

Хенкинс поднялся.

— Как ребята? — поинтересовался О'Брайен.— Развлекаются? Ходят по девочкам?

— В разумных пределах.

О'Брайен поморщился.

— Не позволяйте им употреблять много спиртного.

Хенкинс многозначительно развел руками.

— Не очень-то они меня слушаются.

— Да, это хуже всего. Воздействовать на них мы не можем. А случись что, вину возложат на нас, дескать, недосмотрели.

Хенкинс был уже у двери, когда О'Брайен остановил его вопросом, который хотел задать с самого начала беседы:

— Курьер... не приехал?

Хенкинс отрицательно качнул головой. Он немного помедлил, выжидая, не спросят ли его еще о чем-нибудь, но О'Брайен молчал, и Хенкинс вышел.

— По-видимому, вы просто плохо понимаете по-английски,— зло произнес Фил.— Я вам еще раз повторяю, что вы ошиблись, и я не тот человек, за которого вы меня принимаете.

Он встал, показывая, что разговор окончен, но неприятный таиландец с совиными глазами без ресниц продолжал сидеть, закинув ногу на ногу.

Потеряв терпение, Хоукс направился к телефону.

— Мне придется связаться с полицией,— пригрозил он,— чтобы вас вывели отсюда.

Когда он снял трубку, таиландец сухо произнес:

— Полиция уже пришла к вам.

Он поднялся с кресла, чтобы продемонстрировать Хоуксу удостоверение сотрудника полиции, выданное на имя Тираюта.

— Так что же вам угодно? — Хоукс был совершенно сбит с толку.

— Я надеялся, что мы сумеем договориться, так сказать, полюбовно: вы бы помогли мне, я вам,— сказал Тирают.— Но теперь я вижу, что вы не склонны сотрудничать с нами. В таком случае вам придется поехать со мной.

— В полицию?

Вместо ответа Тирают усмехнулся. Он открыл дверь и выжидающе посмотрел на Хоукса.

— Я должен связаться с консульством,— неуверенно проговорил Фил.

— Вы это сделаете из полиции. Пойдемте, и не привлекайте внимания.

Они спустились на первый этаж. Тирают пропустил Хоукса вперед. Они вышли из гостиницы и сели в старый, потрепанный «ниссан» без кондиционера. Хоукс немедленно стал задыхаться. Он нервно ощупывал свой американский паспорт и жалел, что не позвонил сразу Дуайту Хенкинсу и не проконсультировался, должен ли он ехать в полицию.

Он ничего не понял из разговора с этим странным таиландцем: какие-то смутные намеки, предложения. Хоукс был твердо убежден, что таиландская полиция, в его представлении не отличающаяся особой компетентностью, спутала его с другим человеком. Эта мысль его успокоила.

Продолжение следует.

Обстоятельства смерти господина N

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Леонид МЛЕЧИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Олдмонт отпустил такси и дальше пошел пешком. Дом, в котором он надеялся застать Тираюта, он нашел бы с закрытыми глазами: в свое время часто бывал там, но знакомую ему автомобильную дорогу перегородили, и он боялся, что на машине придется долго кружить.

Он шел узкими улочками в кромешной тьме. Каждый шаг надо было делать с осторожностью: плохого качества асфальт разъело тропическое солнце. В любой из этих глубоких трещин можно было запросто сломать ногу.

Петляя по одному из старых кварталов Бангкока, Олдмонт вспоминал, сколько же раз ему приходилось участвовать в делах, от которых он предпочел бы держаться подальше.

Через несколько лет после смерти Линна ему опять приказали лететь в Таиланд. Помощи от АНБ потребовало ЦРУ. И хотя сотрудники агентства называли обитателей Лэнгли — «эти подонки за рекой», отказывать в помощи считалось неудобным.

Олдмонт приехал в Бангкок на следующий день после убийства тридцатидевятилетнего руководителя социалистической партии, который отказался от преподавания социологии в Таммасатском университете ради политической деятельности. Доктор Бунсанонг Буниотаян возвращался домой с прощального банкета, устроенного одним австралийским дипломатом. Длинный белый автомобиль обогнал его машину... Там, видимо, сидели снайперы. Третья пуля попала в голову.

Бунсанонг Буниотаян оказался легкой мишенью для покушения, потому что не принял никаких мер предосторожности, хотя и знал, что его имя внесено в список людей, которых намечено убить. В дома нескольких его единомышленников в качестве последнего предупреждения по чьему-то заказу были доставлены гробы. В тот год в Таиланде поднялась волна насилия. Убивали сотни людей по политическим мотивам. Убийц не находили. В преступном мире существовала негласная такса — убрать человека так, чтобы не осталось никаких следов, стоило пятьсот батов. Но с особой жестокостью, методично расправлялись со своими политическими противниками члены двух организаций, наводивших страх на таиландцев,— «Навапон» и «Красные буйволы».

После длительной беседы в посольстве Олдмонт в общих чертах уяснил ситуацию в стране. С довоенных времен, когда в Таиланде была установлена конституционная монархия, армия много раз брала власть в свои руки. Особое беспокойство внушали студенты двух столичных университетов — Таммасата и Чулалонгкорна, которые в 1973 году участвовали в свержении очередной военной хунты. Сейчас, по мнению политического отдела американского посольства, левые опять приобрели слишком большое влияние в стране, что угрожало интересам США.

Изгнанные из Индокитая, американцы смогли зацепиться только в Таиланде, но и отсюда им приходилось выводить войска. Более того, под нажимом общественного мнения правительство в Бангкоке попросило Вашингтон закрыть находящуюся в Удоне сверхсекретную станцию электронной разведки. Это была большая и невосполнимая потеря для американской разведки: станция прослушивала огромное количество переговоров во Вьетнаме и соседних районах Китая. Олдмонт знал, что ни один другой объект Агентства национальной безопасности не сможет держать под «электронным колпаком» этот район.

По указанию руководства ЦРУ и своего собственного он должен был проконтролировать консервацию базы, иными словами, позаботиться о том, чтобы никакие секретные материалы, шифры и аппаратура не попали в чужие руки. Но это было не единственной целью командировки Олдмонта.

Резидент ЦРУ в Бангкоке, ссылаясь на полученную из Лэнгли шифровку за подписью заместителя директора управления, попросил кое в чем помочь «нашим верным друзьям в Таиланде».

— Понимаю, что неразумно использовать специалиста столь высокого класса для почти кустарной работы,— сказал он извиняющимся тоном Олдмонту,— но у нас должна быть гарантия, что все будет сделано как следует. От вашей работы многое зависит.

После разговора с резидентом в тот же день вечером Олдмонта первый раз отвезли в отдаленный квартал Бангкока, в большую квартиру, которая принадлежала Тираюту.

Джем и Тони сразу подцепили себе по девочке. Для этого им не пришлось много трудиться. Они вышли из «Амбасадора» на улицу, дошли по ней до первого перекрестка, свернули направо и остановились у бара, где реклама обещала, что клиентов будут обслуживать девушки, одетые или, вернее, мало одетые, в стиле «топлесс» — «сверху ничего».

Едва они устроились за столиком, к ним подошли две девицы, одетые, как и обещала реклама. Они не отказались от приглашения выпить. Единственная сложность состояла в том, что девицы владели английским отнюдь не в совершенстве, но к их компании неожиданно присоединился пожилой австралийский бизнесмен, который был уже изрядно навеселе и с ходу объяснил Джему и Тони, что он женат, у него трое детей — один мальчик и две девочки, уже взрослые, и каждый приезд в Таиланд для него лучше любого отпуска на морском побережье.

Он торчал в этом баре каждый вечер и чувствовал себя здесь как дома.

— Смотри,— говорил он Тони, обнимая его за плечи,— у здешних девочек совершенно европейские носы и глаза. Знаешь почему?

Тони покачал головой.

— Потому, что они побывали в руках хирурга, который занимается пластическими операциями. В их профессии без такой операции дело не пойдет. Даже японцы, которых теперь в Таиланде хоть пруд пруди, и то предпочитают женщин с европейскими чертами лица. Когда у нас на Западе прибегают к помощи пластической хирургии, то почти всегда хотят что-то сделать меньше. А на Востоке наоборот — нужны большие глаза, большие носы, круглые подбородки, ну и, естественно, большая грудь. А что здесь плохого? Если человек чувствует себя счастливее оттого, что у него европейские глаза и появилась переносица, почему бы и нет? В конце концов, если уж так важно выглядеть естественно, зачем люди причесываются?

Тони и Джем были поражены неожиданными познаниями своего нового знакомого, но все быстро разъяснилось: австралиец был представителем фирмы, ввозившей в Юго-Восточную Азию медицинское оборудование. Хирурги, специализировавшиеся на пластических операциях, были его главными клиентами.

— Но вообще, скажу я вам,— продолжал австралиец,— Азия есть Азия. Я поставляю сюда прекрасный материал, который идет на переносицы. Он называется силоксановая резина. Так многие хирурги пренебрегают моим товаром и вставляют переносицы, сделанные из человеческого ребра.

— То есть как?— изумился Джем.

— Очень просто. Здесь полно бедняков, которые продают свои кости за несколько тысяч батов.

Они поднялись и, расплатившись, вышли на улицу. Австралиец, как ни странно, довольно крепко держался на ногах и уговаривал их продолжить вечер вместе.

Они сделали несколько шагов по направлению к оживленной магистрали. Из-за поворота появилась пошатывающаяся фигура. Человек сделал несколько шагов и вдруг растянулся на асфальте.

— Вот это, я понимаю, нализался,— хихикнул австралиец.

— Спиртным от него не пахнет,— заметил Тони, склонившийся над лежащим на тротуаре человеком. Он запустил ему руку сначала в один карман, затем в другой. Вытащил паспорт.— Смотри-ка,— сказал он Джему.— Парень из Штатов. Фил Хоукс его зовут.

Олдмонт равнодушно наблюдал за всем происходящим, прислонясь к стене так, чтобы Тирают не заметил его. Тирают приехал не один. Это нарушало планы Олдмонта. Он собирался поговорить с Тираютом без свидетелей. Тирают обошел машину сзади и открыл дверцу своему спутнику. Однако тот, по всей видимости, не желал вылезать. Тирают вдруг нагнулся и, ухватив человека за ворот рубашки, выволок его из автомобиля. Разгневанный таким обращением, тот размахнулся, чтобы ударить Тираюта, но не успел и полетел на землю. Тирают несколько минут бил его ногами в живот, а потом стукнул головой об асфальт. Отдуваясь, Тирают пошел к дому. «Сейчас позовет кого-нибудь из своих бандитов,— подумал Олдмонт,— уволокут парня. Интересно, за что он его так отдубасил? Конкурент?»

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39, 40.

Олдмонт оттолкнулся от стены, подбежал к машине — ключи торчали в замке зажигания. Поднял с асфальта неподвижное тело, взгромоздил его на заднее сиденье, сел на место водителя и, не закрывая дверцы, рванул машину с места. Сделав несколько поворотов, Олдмонт остановился. Привести в чувство избитого Тираютом человека было непросто: Олдмонт нещадно хлопал его по щекам и тряс за плечи. Когда тот приобрел способность самостоятельно держаться на ногах, повернул его лицом к улице, где должно было быть полно такси, и подтолкнул в спину. Дольше возиться с ним Олдмонт не мог. Ему нужен был Тирают.

Тирают здорово переменился за эти годы. Располнел, обрюзг, хотя, как только что убедился Олдмонт, остался таким же сильным и жестоким. Он мог бы поклясться, что и Тирают сразу узнал его, но не подал виду. Они стояли молча, глядя друг на друга.

Наконец Тирают сделал приглашающий жест рукой.

— Поднимайтесь ко мне. Не на улице же говорить.

Олдмонт почему-то ожидал, что найдет эту запомнившуюся ему квартиру обставленной так же, как тогда, когда его в первый раз привезли сюда, но здесь тоже все переменилось: мебель, ковры, в которых утопаешь. Даже двери были новые, двойные, обитые изнутри толстыми стальными пластинами. Раньше Тирают меньше боялся за свою жизнь.

— Садитесь,— указал Тирают на одно из двух глубоких белых кресел. Он уставился на Олдмонта маленькими желтоватыми глазками.

Он не знал, с чем и, главное, в какой роли пришел к нему этот американец. Какой услуги от него потребует. Что предложит взамен. О, теперь он не продешевит. Прошли те времена, когда он служил американцам за гроши. Надеялся, что ему подыщут теплое местечко, когда в Бангкоке будут новые хозяева. Однако стоило ему изложить свои требования, как его просто выгнали. Американцы обманули его, и он больше не верит им.

К самому Олдмонту, которого сразу узнал, он не питал вражды. Олдмонт научил их тогда пользоваться целой кучей аппаратуры, которую навезли американцы — они не скупились ни на деньги, ни на оружие. Техника пригодилась в те дни, да и потом Тирают использовал ее. Например, исключительно простой в обращении и надежный микромагнитофон величиной с большую спичечную коробку — одна сторона кассеты обеспечивала запись в течение трех часов,— он улавливал даже шепот. Или телефонный скремблер, который гарантировал от подслушивания. Или компактный и легкий детектор передающих и записывающих устройств. Аппарат размером с пачку сигарет и антенной-щупом начинал бесшумно вибрировать, когда оказывался в поле действия любого скрытого радиопередатчика или тайного магнитофона.

— Тирают,— спросил его Олдмонт,— вы бывали на базе в Удоне?

Растолковывать этим людям основы электронного шпионажа и защиты от него было для Олдмонта неприятным занятием. В квартире Тираюта собралось человек сорок с совершенно бандитскими физиономиями. Распоряжались всем трое офицеров ЦРУ из специального отдела, который возглавлял когда-то полковник Пэш. Один из них и привез сюда Олдмонта из посольства.

Перед Олдмонтом сидели «Красные буйволы» — так они назывались. «Навапон» официально считалась «неполитической организацией, верной королю, религии и стране» —обычный лозунг таиландских правых. «Навапон» объединяла несколько сот тысяч человек. Группу финансировали представители крупного капитала, она имела связи с таиландским советом национальной безопасности и военной разведкой. Члены «Навапона» пустили прочные корни в армии, полиции и государственном аппарате.

«Красные буйволы» состояли главным образом из наемников ЦРУ, которые прежде использовались в подрывных операциях против Лаоса. Раньше в Лаосе сотрудники ЦРУ содержали целую «секретную армию», сражавшуюся против Патет Лао. Стоила эта армия не меньше трехсот миллионов долларов ежегодно. В ее составе было примерно семнадцать тысяч таиландцев-наемников. Когда американцев вышвырнули из Лаоса, «секретную армию» пришлось как-то «трудоустраивать», многие и оказались в рядах «Красных буйволов». Других, как рассказывали Олдмонту приятели из Лэнгли, включали в подразделения «полицейской воздушной разведки» и «полиции патрулирования границы» — они наводили страх на северо-восточные провинции Таиланда, уничтожали всех, кто подозревался в симпатиях к левым, устраивали провокации на границах с Лаосом и Кампучией.

Олдмонт потратил целую неделю, обучая этих людей подслушивать телефонные разговоры, устанавливать подслушивающие устройства в домах и автомашинах, обеспечивать секретность собственных переговоров. Их снабдили максимально простой аппаратурой, не требующей даже минимальных технических знаний. Заказы на такую технику ЦРУ размещало очень широко — предстояло снабдить ею полувоенные формирования, создаваемые по всему миру для борьбы с национально-освободительными движениями.

— В Удоне? Приходилось,— осторожно сказал Тирают.

Олдмонт положил перед ним на журнальный столик несколько фотографий Линна в военной форме. Тирают нагнулся над ними. Он чувствовал, как американец буквально впился в него глазами, но не выдал себя ни словом, ни жестом.

— Нет, я не знаю такого.— Тирают изобразил на лице удивление.

Олдмонт собрал фотографии и поднялся. Тирают проводил его до дверей. Теперь он знал, зачем и в каком качестве пришел к нему Олдмонт.

Когда Олдмонт уже спускался по лестнице, Тирают окликнул его:

— Зачем вы спрятали человека, которого я привез с собой?

— Он бы помешал нашему разговору,— ответил Олдмонт, обернувшись.— А кто он?

— Героиновый курьер.

У Джема возникла было мысль вызвать врача для Фила Хоукса, но Тони с презрением отверг ее. «Подумаешь, схлопотал пару раз по физиономии»,— бормотал он, раздевая Хоукса, чтобы определить, сильно ли тому досталось. Результатами осмотра он остался доволен. Притащил откуда-то пузырь со льдом — приложить к животу, заставил Хоукса глотнуть как следует неразбавленного виски, которым администрация «Амбасадора» регулярно набивала холодильники своих постояльцев, и выключил в комнате свет, велев Хоуксу подольше поспать.

Прощаясь у дверей своего номера с Джемом, Тони сказал:

— Жаль, что мне не попался в руки тот косоглазый, который так отделал парня. Я бы ему...

— Так бы я тебе и дал ввязаться в драку из-за пустяка,— хмыкнул Джем.

— Ничего себе пустяк,— возмутился Тони,— белого человека ни с того, ни с сего избивают какие-то полуобезьяны. У нас в Претории, если черный посмеет поднять руку на белого...

— Т-с-с,— зашипел Джем.— Стоит тебе чуть выпить, сразу болтать начинаешь. Иди проспись.

Олдмонт не успел уйти далеко. Он торопился достичь оживленной улицы и шел очень быстро — насколько позволяло его изрядно изношенное сердце. Но они, разумеется, знали более короткий путь и, когда Олдмонт свернул на очередную неосвещенную улочку, преградили ему дорогу.

Когда-то бывшему оперативнику управления стратегических служб, прошедшему хорошую подготовку в лагерях, где обучались люди для заброски в немецкий тыл, двое противников совсем не были страшны. Но теперь подобная схватка могла стать для него последней.

Нападавшие стали обходить его с двух сторон. В руке одного из них Олдмонт увидел удавку — тонкую, но прочную нить с двумя деревянными ручками, что-то вроде детской скакалки. Ее набрасывали на шею, человек терял равновесие, начинал задыхаться, рвать руками нервущуюся петлю и становился легкой добычей нападающих.

Олдмонт напал первым. Высокий таиландец с удавкой был, несомненно, опаснее, и Олдмонт ударил его в пах. Тот согнулся от боли, и Олдмонт ткнул ему в ухо карманный электрический разрядник — на несколько минут один был выключен из драки.

Второй, на вид совсем молодой, в цветной рубашке навыпуск, почуяв опасность, вел себя осторожнее. Из рукава его рубашки высовывалось лезвие ножа. Олдмонт пытался несколько раз выбить нож ногой, но противник легко уходил от удара. Олдмонт весь сжался, как пружина, стараясь не пропустить ни одного движения, здесь все решали считанные доли секунды. Холодно блеснуло лезвие, и Олдмонт еле успел пригнуться. Нож, брошенный опытной рукой, рассек левое плечо, но неглубоко. На Олдмонта обрушился град ударов, которые он с трудом отражал, отступая к стене. Если схватка затянется, поднимется второй.

Решив, что Олдмонт слабеет, противник, зачем-то оскалив зубы, с диким криком бросился на него. Резким движением Олдмонт отодвинулся и ребром ладони ударил его по шее, затем изо всех сил стукнул головой об стену. Отпустил. Тот медленно сполз на землю.

Олдмонт бросился прочь. В конце улицы он оглянулся: его никто не преследовал.

Хоукс проснулся с сильной головной болью, но в общем-то здоровым. Какая страшная история произошла с ним вчера!

Он так и не понял, чего хотел от него тот человек, который избил его у машины. Он говорил о каком-то грузе, который Хоукс должен ему передать. Что за груз?

Какое счастье, что его подобрали двое американцев! Они спасли его, должно быть, от верной смерти. Они, кажется, даже соседи по этажу. Надо чуть попозже зайти поблагодарить.

Телефонный звонок отвлек его от нескончаемых размышлений о событиях вчерашнего дня.

— Мистер Хоукс? — Голос был незнакомый.— Это говорит Олдмонт. Мне передали вашу записку...

— Да, да,— закричал Хоукс,— как хорошо, что вы позвонили. Я прилетел специально из Штатов, чтобы...

Фил осекся. Ему не хотелось так сразу обрушивать на Олдмонта трагическую новость. Что бы он ни думал о причинах, побудивших Олдмонта уехать подальше от семьи, и о его отношении к жене, но смерть близкого человека — печальное событие. Надо как-то подготовить собеседника к этому известию.

— У меня очень важный разговор к вам, касающийся ваших семейных дел,— уже осторожнее продолжал Хоукс.

— Что-нибудь случилось? — Голос Олдмонта был ровный, спокойный.

— Мне хотелось бы обсудить это при встрече с вами.

— Ну что ж, давайте встретимся ровно в двенадцать,— согласился Олдмонт,— записывайте адрес. Это тихое кафе, недалеко от «Амбасадора».

Положив трубку, Хоукс вытащил из чемодана свежую рубашку, из портфеля бумаги, которые в страховой компании передал ему Клинтон. Он уже совсем собрался было идти, но в последний момент, поколебавшись, позвонил в посольство Дуайту Хенкинсу.

Олдмонту даже стало смешно. Не слишком большую изобретательность проявили его бывшие коллеги — «я хочу поговорить о ваших семейных делах». Могли бы придумать что-нибудь позаманчивее, ведь они знают, с кем имеют дело.

В том, что люди ЦРУ будут его искать, Олдмонт не сомневался ни секунды. Он прочно держал их на крючке. У директората операций связаны руки. Не потому, что в Лэнгли так уж боятся разоблачений, их было немало. Грязное белье ЦРУ демонстрировали всему миру. Но все разоблачения касались уже совершенных операций, и газетная трескотня положения дел не меняла. Сейчас Олдмонт располагает документами, в которых расписаны детали будущей операции ЦРУ — их разглашение означало срыв тщательно подготовленной акции. А вот этого в Лэнгли ни в коем случае не захотят допустить. Они будут стараться подкупить его или убрать. И человек, с которым он только что разговаривал, прилетел в Таиланд именно за этим.

Олдмонт назначил встречу в удобном месте: ему нужно обязательно увидеть нового агента ЦРУ. Сотрудников бангкокской резидентуры он знал в лицо.

Хенкинс ничего другого и не ожидал. Олдмонт не пришел на встречу с Хоуксом. Олдмонт — стреляный воробей, смешно было полагать, что он попадется на крючок. Хенкинс сразу вспомнил Олдмонта, как только прочитал шифровку: они несколько раз сталкивались в Бангкоке, куда Хенкинса перевели из Вьетнама. В Сайгоне Хенкинс был одним из координаторов программы «Феникс» — «умиротворение» вьетнамских деревень. В поисках вьетконговских агентов они уничтожали тогда целые поселки, но даже и такие масштабные операции оказались бесполезными.

В Бангкоке после Вьетнама был просто рай. Тихая, кабинетная работа. Только в 1976 году пришлось немного подвигаться. Он курировал «Красных буйволов». Многие из них были в отрядах, которые формировало ЦРУ. С ними у Хенкинса были общие воспоминания о горячих деньках во Вьетнаме.

Когда в начале года таиландское правительство, опираясь на поддержку левых сил, студентов, стало добиваться вывода всех американских войск из страны, «Красные буйволы» проводили проамериканские манифестации, которые активно фотографировались иностранными корреспондентами, за это отвечал пресс-атташе посольства — Хенкинс заранее информировал его о каждой демонстрации. Антиамериканские митинги «Красные буйволы» разгоняли, забрасывали левых студентов ручными гранатами.

Олдмонт был немало удивлен. В двенадцать часов в кафе явился и просидел там не меньше часа молодой парень, которого вчера зверски избил Тирают. Но Тирают сказал ему, что этот парень — курьер, который занимается вывозом наркотиков. Странно, что такому «узкому специалисту» поручили явно непростое дело — выманить Олдмонта из его убежища. Непонятно и другое. Почему Тирают решился напасть на героинового курьера ЦРУ? Неужели он порвал связи с управлением?

Олдмонт чувствовал себя неважно после вчерашнего приключения. Жара все усиливалась. Не отпускала ноющая боль в груди. Солнце единовластно царило над Бангкоком, и люди старались не покидать спасительную тень. Но Олдмонт не мог позволить себе отсиживаться дома: у него осталось не так много времени. Рано или поздно его найдут, но прежде он должен узнать, что на самом деле произошло с Линном.

Тирают позвонил по телефону, которым пользовались завербованные американцами агенты, если им нужно было срочно связаться с сотрудниками резидентуры; эта линия была гарантирована от прослушивания. Аппарат стоял в оперативной комнате, возле него круглосуточно дежурил кто-нибудь из офицеров. Тирают назвал свой номер и код, его соединили с Хенкинсом.

Дуайт был удивлен. Несколько лет назад они отказались от услуг Тираюта, чем тот был весьма обескуражен, а теперь Тирают звонит как ни в чем не бывало и предлагает встретиться.

Хенкинс назвал ему фешенебельный клуб, куда имел обыкновение заглядывать раз или два в неделю — здесь собирались иностранные корреспонденты, представители фирм, поговорить с ними было небесполезно.

— Я буду там от половины восьмого до восьми. Скажите швейцару, что ждете меня,— бросил он Тираюту и повесил трубку.

Дуайт ожидал застать Тираюта забившимся куда-нибудь в укромный уголок одной из курительных комнат клуба. Однако Тираюта нисколько не смутила новая для него обстановка. Размахивая полупустым стаканом, он оживленно беседовал с представителем одной британской компании, которого Хенкинс считал малообщительным, чопорным человеком. Увидев Хенкинса, Тирают еще некоторое время продолжал беседу, затем, вежливо извинившись, подошел к американцу.

Они обосновались в бильярдной, где, кроме них, не было ни одного человека.

— Позвольте мне говорить откровенно,— начал Тирают.— Вы ждете курьера.

Билл Дэвис позвонил Уилсону.

— Спешу тебя порадовать, Олдмонт действительно в Бангкоке. Но на глаза не показывается.

— Я в этом и не сомневался,— хмыкнул Уилсон.

— Ну так что, Грег, ты полетишь, или мне взять билет до Бангкока?

— Если ты хочешь прокатиться на восток, я ничего не имею против,— так же лениво проговорил Уилсон,— но я продолжаю верить в успех своей идеи.

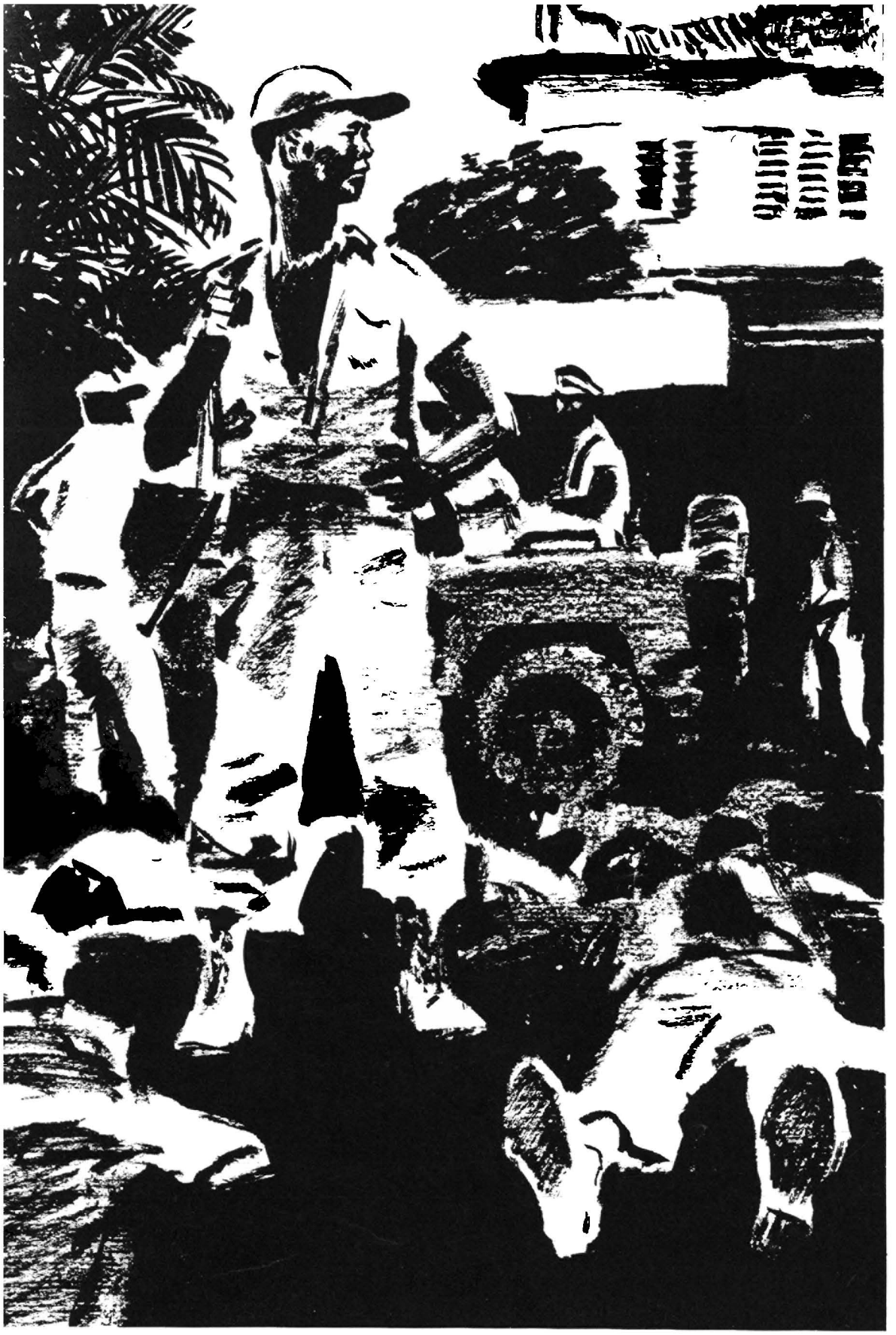
— И что же наполняет твое сердце такой уверенностью? — поинтересовался Дэвис.— Если надежда, что мне одному придется отвечать за провал в Бангкоке, то ты крупно ошибаешься.

— Хватит препираться, Билл. И вообще это не телефонный разговор. Я зайду к тебе.

Получасовая беседа с Уилсоном настроила Дэвиса на более оптимистический лад: прогноз Уилсона насчет событий в Бангкоке звучал весьма убедительно.

— И последнее,— закончил разговор Уилсон,— фамилия Олдмонт должна перестать фигурировать в наших переговорах. Будем называть его просто «господин N».

Продолжение следует.



Обстоятельства смерти господина N

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Леонид МЛЕЧИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Хенкинс не переставал дивиться: Тирают разговаривал с ним чересчур смело, как равный с равным. Таиландец не блефовал. Он представлял могущественную мафию, с которой всем приходится считаться.

— Вы ждете курьера,— говорил Тирают,— я знаю даже, кто он. Он живет в 507-м номере «Амбасадора». Не хотелось бы вас огорчать, но он не сможет вывезти груз из страны — таможенники выпотрошат его наизнанку. То же произойдет и с любым другим вашим человеком.

Тирают говорил уверенно, напористо, но в душе он проклинал Олдмонта, который увел курьера из-под носа, и Таната с Прасетом, которые упустили самого Олдмонта.

Хенкинс слушал его молча. Он ни разу не сказал ни «да», ни «нет». Когда Тирают замолчал, он спросил:

— С какой целью вы все это мне поведали?

Тирают оживился.

— Мы берем на себя реализацию грузов, которые попадают к вам. В этом году слишком большой урожай — не менее восьмисот тонн. Поскольку товар идет через разные руки, цены могут понизиться. Мы хотели бы сконцентрировать всю торговлю в своих руках. Может быть, придержать часть товара, ведь его можно хранить до десяти лет. Речь идет о монополии на американский манер,— позволил себе улыбнуться Тирают.— У вас не должно быть никаких сомнений: внакладе никто не останется. А к тому же вы избавитесь от хлопот, связанных с вывозом товара.

После разговора с Тираютом Хенкинс поехал к О'Брайену — тот еще сидел в посольстве.

Выслушав Хенкинса, О'Брайен выругался. В который уже раз он с тоской вспомнил чудесные времена, когда в распоряжении управления был целый воздушный флот. Авиакомпании «Сивил эйр транспорт», «Сазерн эйр транспорт», «Рокимаунтин эйр», «Эйр Эйша», «Эйр Америка»... Человек, который создал этот уникальный воздушный флот и до ухода на пенсию заработал для ЦРУ сотни миллионов долларов, и по сей день пользуется в Лэнгли славой финансиста-гения. О'Брайен знал его — Джордж Дул дослужился в ЦРУ до генеральского звания. Собственные самолеты, склады в штатах Среднего Запада, забитые оружием и снаряжением без клейма изготовителя, секретный центр по обучению взрывному делу в Северной Каролине, тайная авиабаза в Неваде открывали перед ЦРУ немалые возможности для ведения тайных операций.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—41.

В те времена с помощью самолетов «Эйр Америка» О'Брайен и его начальники начали вывоз наркотиков из «золотого треугольника». «Эйр Америка» стали с тех пор именовать «Эйр опиум». Но когда ЦРУ лишилось некоторых авиакомпаний, особенно после ликвидации «Эйр Америка», все стало значительно сложнее.

Тирают работает на крупные синдикаты по торговле наркотиками, которые находятся в Гонконге, понял О'Брайен. Гонконг — финансовое сердце бизнеса на наркотиках, там шесть таких синдикатов, они ворочают миллиардами. В самом Гонконге не меньше ста тысяч наркоманов, им привычка к употреблению наркотических средств обходится ежедневно в полтора миллиона гонконгских долларов. О'Брайен года два назад был в Гонконге, его тамошний коллега объяснил ему: местным наркоманам синдикаты обязаны лишь малой частью своих доходов. Город — центр организации по торговле наркотиками мирового масштаба. Верхушка каждого из шести синдикатов — уважаемые, известные в городе люди: владельцы ресторанов, издатели газет, бывшие полицейские чины. Окружает их небольшая группа доверенных помощников.

Прежде гонконгский аэропорт Кайтак был главным каналом транспортировки в Европу и Америку наркотиков, доставляемых из «золотого треугольника». Но современные средства технического контроля сделали аэропорт опасным местом. Тогда синдикаты переориентировались на морской путь. Таможенная служба не в состоянии обшарить все семь тысяч океанских судов, которые швартуются в гонконгской гавани площадью в двадцать три квадратных мили. Да и в случае чего на судне с таможенником один на один легче договориться, чем в аэропорту, у всех на глазах. В гонконгских водах курсирует пятнадцать тысяч мелких судов и лодок; их владельцы встречаются с океанскими судами до или после захода в порт и передают товар. За этой флотилией таможенники даже и не пытаются следить.

О'Брайен тоже знал Тираюта, который в свое время состоял в «секретной армии» ЦРУ и помогал поставить вывоз наркотиков из «золотого треугольника» на солидную основу. Тирают сделал правильную ставку. Гонконгские синдикаты — серьезная сила.

— Вот что, Дуайт,— сказал О'Брайен Хенкинсу,— возьмите на себя контакты с этим Тираютом или, если удастся, с кем-нибудь повыше. Наша позиция: мы передаем им все грузы, которые раньше вывозили самостоятельно, и получаем столько же, сколько получали. Цены мы, слава богу, знаем. О том, чтобы свести их напрямую с нашими людьми в «треугольнике», не может быть и речи. Наше посредничество обязательно.

Олдмонт был очень осторожен. Он даже надел очки заднего обзора — со скрытыми регулируемыми зеркалами, позволяющие видеть то, что происходит сзади. Ему нужен был Тирают, похоже, что только он во всем городе мог рассказать, как и почему умер Линн. Теперь Нэд был лучше подготовлен к встрече с таиландцем. Белый «ниссан» Тираюта второй час стоял наискосок от входа в турецкие бани. Сюда Тирают ходил один, без телохранителей. Зато ждать его пришлось долго. Уже стемнело, и Олдмонт присел прямо на тротуар рядом с белой машиной. Ему было как-то не по себе все эти дни. Немела левая рука, совсем расстроился сон. Здесь, в Таиланде, он постоянно думал о прошлом, такого с ним еще не было: он всегда жил будущим днем, торопил себя, старался сделать побольше. Зачем?

Он чувствовал себя очень одиноким. Когда-то это не тяготило его: никто не мешал его работе, не навязывал свое общество; сейчас он ощущал потребность в близком человеке. С родителями он был очень дружен, но они умерли рано. Лилиан... Душевной близости у них не было никогда. Дело не в том, что уже через год после замужества она начала изменять ему и он знал об этом. Лилиан нисколько не интересовало, чем живет Нэд. Она много путешествовала одна и не скучала по его обществу. Он продолжал любить жену, прощал ей измены и, уйдя из дома, втайне надеялся, что Лилиан сама придет к нему.

Друзей у него почти не было — это определялось секретным характером его работы: с посторонними людьми трудно было общаться, избегая разговоров о служебной деятельности. Да, работа лишила его друзей. Что ж, почти всю свою жизнь он считал работу самым главным.

Еще в юности он отличался редкой способностью разгадывать кроссворды и даже придумывал их сам. На уроках математики был самым прилежным учеником. Во время войны участвовал в дешифровке нескольких немецких кодов. У него были очевидные способности к криптографии, но мысль, что этим можно заниматься профессионально, показалась бы в те годы странной. На него очень подействовала хрестоматийная история о том, как в 1929 году Генри Стимсон, став государственным секретарем, приказал закрыть дешифровальное бюро при госдепе и министерстве обороны, заявив, что «джентльмены не должны читать почту друг друга».

Олдмонт уже давно служил в Агентстве национальной безопасности, когда США приняли в 1978 году закон, предусматривающий организацию тотальной электронной слежки в стране, ее объектом стали корреспонденция и переговоры дипломатических миссий, что было прямым нарушением второго раздела 27-й статьи Венской конвенции о дипломатических сношениях — официальная корреспонденция миссий должна быть неприкосновенной,— под которой США поставили свою подпись...

Приглашение работать в АНБ Олдмонт воспринял с удивлением, а затем с интересом. Появление компьютеров, казалось, открывало новую эру в электронной разведке и контрразведке (позднее Олдмонт понял, что компьютеры немногим облегчили задачу дешифровки, поскольку эта же техника позволяет создавать все более сложные коды).

После стольких лет в АНБ он перестал удивляться тому, что агентство занимается прослушиванием телефонных разговоров, и даже не иностранцев, приехавших в Америку, а своих собственных сограждан. С 50-х годов телефонные компании использовали для междугородных переговоров микроволновые передатчики. Строительство и содержание трансляторов дешевле, чем прокладка кабелей. В радиусе пяти — десяти миль сотрудники агентства, установив небольшую антенну, могли слушать любой телефонный разговор. Раньше казалось неимоверно трудной задачей вычленить нужный разговор из огромной массы сигналов. Но когда Олдмонт пришел в АНБ, одна из лабораторий уже отработала методику: компьютер включал магнитофон только тогда, когда звонили по определенному номеру. Ценность перехвата телефонных разговоров чрезвычайно возросла, на памяти Олдмонта соответствующий отдел несколько раз расширяли, набирая в него молодых специалистов. С каждым годом все сложнее становилась и расшифровка кодов, достижения криптографии доводили до исступления дешифровщиков АНБ. Например, к шифру придумывалось два математически связанных между собой ключа: одним можно только зашифровать сообщение, другой годится для расшифровки. Таким образом, множество агентов пользовались этим кодом, но прочитать их телеграммы мог лишь один человек, который знал второй ключ. Кроме того, обычные телефонные разговоры давали обширную экономическую информацию, что тоже очень ценилось получателями сводок АНБ. Олдмонта, впрочем, интересовали более сложные задачи. Последние годы он был занят в программе «Темпест» — прослушивание компьютеров.

Электронно-вычислительные машины во включенном состоянии испускают некое радиоизлучение, которое, как установила лаборатория Олдмонта, можно перехватить и расшифровать, то есть выяснить, какие операции производит ЭВМ.

Немедленно были приняты меры для защиты компьютеров, работающих на Пентагон. В Лос-Аламосской лаборатории, где была создана атомная бомба, компьютеры стали экранировать толстыми металлическими щитами. В 1977 году президентской директивой № 24 были приняты более жесткие правила секретности. Заграничные службы АНБ занялись изучением «содержимого» электронно-вычислительных машин, прежде всего в дружественных Соединенным Штатам странах, поскольку здесь инициативу сотрудников агентства ничто не сковывало.

АНБ привлекло его возможностью участвовать в решении сложных задач в сфере стремительно развивавшейся электронной техники. А получилось... Впрочем, вправе ли он кому бы то ни было предъявлять претензии? После работы в управлении стратегических служб он знал, в какой мир попадает, но все же какие-то иллюзии у него были. Одно дело — война, другое — мирные годы, одно дело — сражаться против настоящего врага, каким был фашизм, другое... Он сам так вымазался в грязи, что потерял моральное право обвинять других. Он и не будет никого обвинять, только выяснит все о Линне...

Тирают вышел из турецких бань, его провожала низко кланявшаяся пожилая женщина. Тирают не заметил в темноте Олдмонта и вздрогнул, когда в спину ему уперся ствол пистолета. Олдмонт защелкнул на его запястьях наручники, запихнул Тираюта в «ниссан» и сам уселся за руль.

Олдмонт не спешил трогаться с места. Он повернулся к покрывшемуся потом Тираюту, включил в машине свет, чтобы тот мог видеть его лицо.

— В прошлый раз ты не захотел разговаривать со мной, Тирают,— сказал он.— Напрасно, это избавило бы тебя от сегодняшней встречи. Надеюсь, теперь ты больше расположен к беседе?

На секунду Олдмонту стало не по себе. Он увидел в глазах Тираюта столько злобы и ненависти...

Такими же озверевшими были лица Тираюта и его людей в день военного переворота, который Олдмонт тоже помогал готовить.

Поздно вечером Олдмонт оказался около штаб-квартиры «Красных буйволов». Фары американского бронетранспортера освещали небольшую площадь перед домом, который был набит бывшими членами «секретной армии» ЦРУ в Лаосе. Какой-то человек из ЦРУ, Олдмонт забыл его фамилию, кажется, ирландец, хлопал по плечу Тираюта. Лицо бандита расплылось в улыбке, но глаза были злые, жестокие. Американский автоматический карабин Тирают перебросил за спину, полувоенная форма заляпана чужой кровью.

Когда все было кончено, правительство смещено и адмирал Сангад Чалорью выступил с речью, в которой обещал, что вооруженные силы будут защищать монархию, буддизм, целостность нации и безжалостно искоренять коммунизм, Олдмонт с двумя сотрудниками ЦРУ проехались по городу.

Город был во власти «Красных буйволов». Демократически настроенных студентов сжигали живьем, вешали, зверски убивали палками. Девушек насиловали. Спасаясь от «буйволов», студенты бросались в реку, их расстреливали из пулеметов. Олдмонт видел изуродованные, обезображенные трупы.

На следующий день наступила очередь действовать политической полиции: в столице прочесывали дом за домом. В тюрьмы на грузовиках свозили арестованных — всех, кто мог представлять угрозу для нового режима. Закон о военном положении, отмена конституции, запрещение политических партий и профсоюзов, повсюду костры из книг, помещения студенческих и демократических организаций разгромлены. На улицах танки, на перекрестках укрепленные огневые точки, колючая проволока. Радио передавало военные марши и старинные песни. «Молчаливое большинство» Бангкока — рыночные торговцы, мелкие лавочники, бизнесмены, владельцы грузовиков приветствовали «восстановление закона и порядка»...

Через день Олдмонт вернулся в Штаты.

Две недели спустя ему попалось на глаза сообщение корреспондента ЮПИ из Бангкока — в Форт-Миде, где помещалась штаб-квартира АНБ, его получили раньше, чем в самом информационном агентстве. В интервью, переданном радиостанцией вооруженных сил, представитель «Красных буйволов» сообщил, что в связи с переходом контроля над правительством в руки военных эта организация самораспускается. Они будут готовы к тому, чтобы воскресить свою организацию, если в Таиланде вновь возникнет угроза коммунизма.

«Мавр сделал свое дело...» — пришло на ум Олдмонту. Вашингтон прочно контролирует положение в Таиланде, и содержать «Красных буйволов», что весьма накладно, ЦРУ больше не намерено.

Через месяц западные корреспонденты, стремясь стереть из памяти читателей воспоминания о кровавых расправах в Бангкоке, писали, что спустя тридцать дней после введения военного положения большинство таиландцев думают только о том, как отметить веселый народный праздник Лой Кратонг. Он приходится на последний день двенадцатого месяца по лунному календарю. Когда стемнеет, таиландцы пускают по каналам и прудам, по рекам и многочисленным притокам Чао-Прая лодочки из банановых листьев, на которые ставятся зажженные свечи. И если даже издали сумеешь различить колеблющийся огонек своего кораблика, значит, судьба твоя будет счастливой. Лой Кратонг празднуют уже семь веков, и раз после переворота обычай не забыт, значит, все в порядке.

А еще через неделю новое правительство объявило, что американская база электронной разведки в Удоне, закрытая прежним правительством в начале года, будет вновь открыта.

Тайские племена издревле селились поближе к берегам Чао-Прая. На прочных сваях из тикового дерева, которое не гниет, прямо в желтоватой Чао-Прая стоят крестьянские домики, в реке плещутся дети, из нее берут воду, в нее же летят и отходы. Томпсон так и не привык равнодушно смотреть на детей, купающихся в грязной до отвращения реке. С санитарией в Таиланде дела обстояли неважно. Даже в Бангкоке нельзя пить водопроводную воду. Бесконечные эпидемии, болезни, особенно кожные. Томпсон приехал в Таиланд сразу после окончания второй мировой войны и на диво легко переносил здешний климат, но он как огня боялся всяких инфекций. За эти годы Джим Томпсон в совершенстве овладел тайским языком, знал нравы и обычаи каждого района страны.

Над узким каналом нависала густая тропическая растительность. Особенно много было кокосовых пальм. Время от времени кто-нибудь взбирался на верхушку пальмы, чтобы снять поспевший плод. Забравшись с помощью бамбуковых лестниц на пальму, крестьяне выдавливали сахар из кокосового соцветия с мясистым стеблем. Здесь было столько кокосов, прикинул Томпсон, что ими можно было снабдить Бангкок с его пятимиллионным населением. На юге страны кокосы собирают специально обученные обезьяны. Кокосы пользовались не меньшей популярностью, чем бетелевая пальма, из плодов которой делают что-то вроде жевательной резины. Бетель содержит красный сок, и первое время Томпсону было неприятно смотреть на бесконечно жующих бетель стариков, у которых по подбородку стекала кровавая слюна. Когда Томпсон приехал в Бангкок и решил превратить гостиницу «Ориенталь» в первоклассный отель, то в первую очередь взялся обеспечить своих постояльцев свежими фруктами. На берегах каналов росли три сорта апельсинов и четыре вида грейпфрутов. Из апельсинов Томпсон предпочитал сорт «золотой луч» — они похожи на китайские мандарины, но на вкус кислее их. Иностранным туристам предлагались грейпфруты немного странного вкуса, но зато более крупные, чем выращивают в США. Эти грейпфруты в огромном количестве экспортировались в Сингапур и Гонконг.

Томпсон издалека увидел О'Брайена. Американец жевал короткий, толстый банан. Томпсон усмехнулся. О'Брайен работает здесь столько лет, а так и не научился выбирать бананы. Маленькие бананы употребляют в сушеном виде, жарят в тесте или глазируют на десерт.

Когда О'Брайен почти поравнялся с ним, Томпсон окликнул его:

— Не хотите ли прокатиться по каналу, сэр? Прекрасные пейзажи и недорого.

Выплюнув кусок банана, который ему явно не понравился, О'Брайен кивнул. Прогулка на моторной лодке по извилистым каналам была обычным туристским развлечением. Всех приезжающих в Таиланд иностранцев обязательно возили посмотреть на плавучий рынок. О'Брайен видел такой рынок в провинции Ратбури чуть ли не в первую неделю пребывания в Таиланде и остался не в восторге от мрачноватых пожилых женщин с поджатыми губами (многие почему-то в очках), в плоских соломенных шляпах; они прямо с лодок торговали рыбой и тропическими плодами. Услужливый посольский переводчик начал объяснять: папайя, баклажаны, чеснок, китайская капуста, сладкий базилик, креветочная и анчоусная паста, красный перец. Многие обитатели дощатых домиков, стоящих тиковыми ногами в канале, зарабатывали себе на жизнь благодаря неиссякающему потоку туристов: продавали катающимся в лодках «кока-колу», «фанту», сок, пиво, орешки, жевательную резинку.

Томпсон уверенно вел лодку. О'Брайен посматривал на него с удивлением и с какой-то брезгливостью. Он не понимал, как можно было по собственной воле пожертвовать всеми благами западной цивилизации, положением в обществе, привычным укладом жизни. Но он тщательно следил, чтобы Томпсон не почувствовал этого презрения, ведь собственное благополучие О'Брайена зачастую зависело от этого человека.

— Лао Су убит,— внезапно сказал Томпсон.

— Кем?

— Таиландской пограничной полицией. Кто-то выдал его маршрут. Конкуренты.

— Это плохо,— огорчился О'Брайен. Неприятность за неприятностью. Он очень редко встречался с Томпсоном сам: каждая встреча была небезопасна, но на этот раз Джим передал через своего «почтальона» — сотрудника ЦРУ, который постоянно работал с ним,— что должен обсудить нечто чрезвычайно важное. Смерть Лао Су нарушала баланс сил в «золотом треугольнике». Два с лишним десятилетия они были связаны с Лао Су — опиумным королем, как его называли в прессе. Дважды «король» попадал за решетку, и оба раза американцы давали ему возможность бежать. Он так досадил таиландским властям, что была предложена награда в сорок три тысячи долларов за его поимку живым или мертвым. Но Лао Су убрали не ради награды, хотя какой-нибудь никому не известный человек и предъявит, вероятно, свои права на эти деньги.

Гонконгские синдикаты отдали Лао Су полиции.

В «золотом треугольнике» было неспокойно. О'Брайен хорошо знал о том, что там происходит, от своего коллеги — сотрудника американского посольства в Бангкоке, которого прислали из Вашингтона для помощи правительству в борьбе с наркотиками. Коллега охотно делился с О'Брайеном своими заботами — резидент ЦРУ давал ему полезные советы.

В самом Таиланде наркомания приобрела устрашающие масштабы. Говорили, что в стране чуть ли не шестьсот тысяч наркоманов. Правительство, побуждаемое к тому и другими странами, куда выплескивался поток наркотиков, производимых в «золотом треугольнике», повело решительную атаку на торговцев опиумом.

— Я был у Кхун Са на новом месте,— продолжал Томпсон,— ему пришлось отойти в горы Долан.

— Так что же, он не сумеет теперь собрать урожай?— встревожился О'Брайен.

Томпсон отрицательно качнул головой:

— Я разговаривал с ним. Он обещал доставлять грузы, как прежде. Но как вы их будете вывозить?

О'Брайен не собирался рассказывать Томпсону о предложении, которое ему сделал Тирают.

— Я привез вам описание нового маршрута.— Томпсон протянул ему маленький заклеенный конверт.— И я сменил человека в конце маршрута. Не люблю людей, которые воображают, что могут вести самостоятельную игру.

О'Брайен спрятал конверт в потайной карман. Потерять этот конверт он хотел еще меньше, чем конфиденциальные посольские документы.

— У меня еще один вопрос,— сказал Томпсон.— После краха банка «Ньюгэн — Хэнд» люди беспокоятся, куда вы станете класть их деньги.

— Мы вроде нашли один банк,— неохотно ответил О'Брайен,— на Тайване. Но это временный вариант.

— Тайваньский банк кое для кого из ребят будет не слишком удобен,— высказал предположение Томпсон.

Они расстались у причала. О'Брайен для вида сунул Томпсону несколько купюр и пошел к своей машине. Воскресная экскурсия американского дипломата, интересующегося провинциальной жизнью страны пребывания, закончилась. Томпсон посидел немного на причале, потом привязал лодку и ушел. Через некоторое время появился настоящий хозяин моторки и как ни в чем не бывало стал ожидать клиента.

В 1967 году Томпсон исчез бесследно для своих многочисленных деловых партнеров и знакомых. В 1974 году официально признан умершим. Кое-кто из его проницательных приятелей скептически принял версию о внезапном исчезновении Томпсона в джунглях: «Даже если на него напал тигр, не мог же он целиком съесть человека, с часами и обувью».

Томпсон был одним из самых преуспевающих бизнесменов в Бангкоке, именно он открыл для мирового рынка тайский шелк.

Его знакомые знали, что в годы войны Томпсон служил в управлении стратегических служб — скрывать это было бессмысленно. Но никто, за исключением нескольких человек в Лэнгли и резидента ЦРУ в Бангкоке, не подозревал, что Томпсон работал на ЦРУ с момента основания управления и с начала вьетнамской войны был так называемым «теневым резидентом», то есть отвечал за нелегальную агентуру американской разведки — завербованных таиландцев, в то время как посольский резидент имел дело в основном со своими. Томпсон сам изъявил желание перейти на нелегальное положение, мысль о невиданных барышах, которые приносят наркотики, не давала ему покоя. Он получил сингапурский паспорт и поселился в деревне поближе к «золотому треугольнику», где находился в постоянном контакте с «опиумными королями». Торговцы наркотиками предпочитали всегда иметь дело с одним и тем же человеком, так было спокойнее. Да и иностранцу, которого не знают в этих деревнях, опасно там появляться. Его могут принять за агента Интерпола и убить. Томпсона же знал каждый. Он собирался пробыть в джунглях еще несколько лет. За это время его текущий счет, разумеется, не в подозрительных австралийских или тайваньских банках, а во вполне респектабельном бельгийском, достигнет астрономической цифры.

Несмотря на неоднократные просьбы О'Брайена, его коллеги из резидентуры ЦРУ в Канберре не смогли установить, кто застрелил Фрэнка Ньюгэна. Того нашли мертвым в четыре часа утра в собственном «мерседесе» на пустынной проселочной дороге недалеко от Сиднея. Убийца (или убийцы?) был достаточно ловок, чтобы не оставить следов. О'Брайен был склонен видеть здесь руку конкурентов. Процветание банка «Ньюгэн — Хэнд» стало поперек горла могущественным концернам героинового бизнеса. Собственно говоря, в Канберре были правы: ищи не ищи убийцу — делу не поможешь. Убийство Фрэнка Ньюгэна означало конец банка. Его партнеру Майклу Хэнду пришлось с паспортом, выданным на чужое имя, спешно выехать в США. Он так торопился, что не успел уничтожить документы, которые никак не должны были попасть в руки австралийской полиции. В офисе Ньюгэна обнаружили бумаги, явно не относящиеся к банковским операциям: подробные военно-политические обзоры ситуации в Индокитае, секретные сведения об армиях некоторых азиатских стран.

Убийство Ньюгэна привлекло к банку нежелательное внимание прессы. Широкой публике стало известно, что Майкл Хэнд, в прошлом «зеленый берет» (О'Брайен спрашивал о нем Хенкинса, и тот вспомнил, что когда-то они действительно вместе служили в Форт-Брагге), начал работать на ЦРУ с 1964 года. Среди членов правления банка были генерал Лерой Мэнор, командующий ВВС США в районе Тихого океана и специалист по подавлению повстанцев генерал Эдвин Блэк, командовавший вооруженными силами США в Таиланде, адмирал Эрл Иэйтс, генерал Эрл Кок, высокопоставленные сотрудники ЦРУ Уолтер Макдональд (бывший заместитель директора ЦРУ), Гай Покер, Пэт Лумис, Роберт Янсен (в прошлом резидент ЦРУ в Таиланде) и Дэйл Холмгрем — бывший управляющий летной службой не существующей ныне авиакомпании «Эйр Америка». Юридическим, политическим и финансовым советником банка был директор ЦРУ в 1973—1976 годах У. Колби. В кармане убитого Ньюгэна нашли визитную карточку Колби, на ее обороте — маршрут предстоящей поездки Колби в Азию.

Лэнгли спешно послало в Австралию Тома Клайнса, который до недавнего времени возглавлял отдел подготовки кадров в директорате операций ЦРУ. Он сумел кое-кому заткнуть рот. Однако получили огласку сделки, которые ЦРУ провернуло через банк «Ньюгэн — Хэнд»: оружие шло в ЮАР, а до этого — белому правительству бывшей Родезии. Австралийские законы разрешают международные сделки с оружием, если это оружие не попадает на территорию самой страны.

Хуже всего, считал О'Брайен, что крушение банка «Ньюгэн — Хэнд» чуть не подорвало героиновый бизнес ЦРУ.

Вся эта история категорически не нравилась Филу Хоуксу. Вечно он попадает в неприятные и глупые ситуации. Олдмонт вообще, видно, рехнулся, раз не пришел в кафе, которое сам выбрал в качестве места встречи. В какой-то момент Хоукс был близок к тому, чтобы немедленно заказать билет и вернуться домой. Но не выполнить первое серьезное поручение фирмы — значит подорвать свою репутацию.

За обедом он немного воспрянул духом. К нему заглянули Джем и Тони, томившиеся от безделья, и повели его наверх в ресторан. Они выбрали рыбное блюдо, и, наблюдая, как Джем и Тони поглощают лангустов, крабов, жадно высасывают устрицы, Фил сам почувствовал аппетит. Он рассказал им историю с Олдмонтом.

— Чепуха, не грусти, приятель,— утешил его Тони, не переставая жевать,— мы тебе поможем. Найдем твоего неутешного вдовца.

Хоукс написал вторую записку Олдмонту. После обеда они все вместе отвезли ее в то же почтовое агентство. Джем попытался припугнуть одного из служащих, требуя, чтобы тот назвал адрес Олдмонта, но более осторожный Тони почти насильно выволок Джема на улицу. Они затянули Фила в кафе наискосок от агентства. Тони заказал всем виски, похлопав Хоукса по плечу: «Так-то веселее будет, приятель».

Хоуксу Джем рассказал, что они с Тони содержат в Австралии ферму и разводят кенгуру, а в Таиланд приехали немного развеяться.

— Тут есть с кем развлечься,— подмигнул Тони Хоуксу.

— И мы еще не в том возрасте, чтобы бояться этого,— добавил Джем.— Я прочитал в газете, что в Таиланд повадились ездить по девочкам пожилые японцы, тут им и конец приходит. Прямо в постели какой-нибудь проститутки. Не умеют силы рассчитывать!— И он захохотал.

Возбужденный виски и веселой болтовней новых приятелей, Фил путешествовал с ними по увеселительным заведениям до позднего вечера. Около полуночи они ввалились с двумя бутылками джина в номер Хоукса. И почти сразу зазвонил телефон. Дребезжащий звук почему-то вызвал у всех троих взрыв смеха, и Хоукс поднял трубку, еще заикаясь от смеха.

— Это говорит Олдмонт,— прозвучало в трубке.

После разговора с О'Брайеном Томпсон вовсе не спешил вернуться к себе на север. Его путь лежал в обратном направлении. Последние несколько недель ему пришлось немало потрудиться, и он считал, что заслужил два-три дня отдыха, даже если они и не совпадают с общепринятыми выходными,— все равно ни один профсоюз не берет на себя охрану труда людей его профессии.

В двух часах езды от Бангкока лежит Паттая, лучший морской курорт Таиланда, а может быть, и всей Азии. Полтора десятка лет назад здесь была рыбацкая деревня, добраться сюда можно было только морем. Сейчас к Паттая проложили хайвэй, начали строить железную дорогу. Справа от шоссе, ведущего в Паттая, кустарным способом добывают соль. Когда в сухой сезон океан отступает, на полях под жарким солнцем «вырастают» хлопья белой соли.

Вдоль длинного пляжа, усыпанного белым песком, вытянулся ряд гостиниц и мотелей. Томпсон остановился в сравнительно недорогом отеле «Паттая си бич» (если только определение «недорогой» можно употребить применительно к таиландским гостиницам, расценки в которых, даже по мнению Томпсона, а ведь он в свое время сам приложил к этому руку, были непомерно высоки). Он переоделся в номере с наглухо зашторенными окнами. В бассейне с морской водой плескались белотелые американки, которым, определил опытным взглядом Томпсон, грозил в ближайшем будущем солнечный удар или уж как минимум серьезные ожоги кожи. Он спустился по лестнице к морю и расположился под взятым напрокат тентом. Был уже вечер, и начался прилив.

Томпсон, чье детство прошло возле жалкой речушки, не упускал возможности искупаться в необыкновенно теплом и соленом Сиамском заливе, где на воде можно лежать без движения, как на мягкой подушке.

Обедал он на открытой веранде гостиницы. Томатный суп, бифштекс. За соседним столиком двое западных немцев угощали ломтиками ананаса двух, по мнению Томпсона, отвратительных девиц-профессионалок. Заказ можно было сделать, не выходя из гостиницы, и к расположившемуся на пляже туристу немедленно присоединялась временная спутница.

Вечерняя программа не требовала от Томпсона длительных размышлений. Единственная улица Паттая с наступлением темноты превращалась в центр ночной жизни, здесь была невиданная даже для Таиланда концентрация ресторанов, дискотек, баров, клубов.

Доехав туда на такси, Томпсон поразился многолюдью. Улица, закрытая вечером для автомобилей, была запружена, возле площадки, где демонстрировался женский тайский бокс, не протолкнуться, бары забиты, музыка в дискотеках гремела на полную мощность.

Все ясно, подумал Томпсон, как же он мог забыть: сегодня на рейде Паттая стал один из авианосцев 7-го американского флота, и сюда десантировались соскучившиеся по берегу моряки. К приему гостей местные дельцы подготовились основательно. В витринах магазинчиков появились майки с наскоро нарисованными по-английски надписями «Добро пожаловать в Паттая, американские моряки!». Томпсон читал в газетах, что в преддверии визита авианосца сюда свезли «специалисток по массажу» со всей страны, американцы уже высаживались здесь года два назад и оставили немало долларов в питейных и массажных заведениях, несколько разгромленных в пьяных драках баров и трех моряков, умерших от слишком большой дозы наркотиков.

Между авианосцем и берегом непрерывно сновали катера, и все новые партии моряков приобщались к ночной жизни Паттая. «Специалистки по массажу», занявшие ключевые позиции с обеих сторон улицы, подхватывали их под руки и вели отработанным маршрутом из бара в бар.

Томпсон наконец отыскал себе относительно уютное местечко в баре, стоявшем в стороне от основного потока туристов. Как и О'Брайен, он с сожалением думал о малоприятной истории с банком «Ньюгэн — Хэнд».

Он знал и Фрэнка Ньюгэна и Майкла Хэнда. Оба они вполне подходили для бизнеса на наркотиках. Ньюгэн начинал свою карьеру как владелец компании, торгующей фруктами и овощами в небольшом австралийском городе Гриффите, где людей убивали без сожаления, если они болтали о существующих в этом районе огромных плантациях опиумного мака. Хэнд появился на пятом континенте, имея за плечами лишь школу «зеленых беретов», и основал компанию «Острэлиен энд Пэсифик холдингс лимитед». Из девятнадцати первоначальных акционеров десять были тесно связаны с «Эйр Америка». Нечего и удивляться, что основателями банка вместе с Ньюгэном и Хэндом были четыре руководителя все той же авиакомпании «Эйр Америка», ведь обеим фирмам предстояло действовать заодно.

Банк открыл отделения в тринадцати странах. Самой важной была контора в Чиангмае, директором которой сделали предшественника О'Брайена на посту резидента ЦРУ в Таиланде. Это была завидная синекура, деньги на этом посту сами плыли в руки. Томпсону директор чиангмайского отделения сказал, что за несколько последних лет через него прошло четыре с половиной миллиарда долларов — выручка за вывезенный из «золотого треугольника» героин. За два первых года своего существования основной капитал банка «Ньюгэн — Хэнд», составляющий миллион долларов, возрос до миллиарда. Его клиентами были крупные оптовики в Австралии, Сингапуре, на Филиппинах, американская мафия и гонконгские синдикаты, которые незадолго до загадочного убийства Фрэнка Ньюгэна изъяли свои вклады.

Банк был ключевым звеном в системе торговли наркотиками, которую вело ЦРУ. Контора банка в Бангкоке располагалась в одном и том же здании, на одном и том же этаже с представительством агентства США по борьбе с наркотиками, клерки обедали вместе.

Банк «Ньюгэн — Хэнд» был создан для того, чтобы придать видимость законности полученным от продажи наркотиков миллионам. Эта операция называлась «отмыванием» денег. После запутанных банковских операций деньги можно было со спокойной душой класть на личные счета участников героиновой торговли и не бояться, что налоговая служба заинтересуется подозрительными источниками доходов. Это было особенно важно: в США можно обмануть полицию, но аппарат взимания налогов с граждан функционирует идеально.

До убийства Фрэнка Ньюгэна, размышлял Томпсон, покровительство ЦРУ избавляло банк от любых неприятностей. Когда агенты австралийского бюро по борьбе с наркотиками установили, что Фрэнк и Хэнд — ключевые фигуры в финансировании контрабанды героина в страну, сверху раздался приказ спустить дело на тормозах. Досье, заведенное на хозяев банка, самым фантастическим образом исчезло, испарилось. Агент, проявивший особое рвение в выяснении истинной роли Ньюгэна и Хэнда, несколько лет потратил на бесконечные тяжбы. Его обвинили в незаконном вывозе представителей редких видов животного мира Австралии, ему это обошлось в девяносто тысяч долларов штрафа.

Ничто, казалось, не могло помешать работе этого прекрасно отлаженного механизма. Когда пришлось ликвидировать компанию «Эйр Америка», наркотики в стандартной упаковке с печатью «имущество армии США» стали доставляться на американские базы в Австралии транспортными самолетами компании «Флайинг тайгерс» («Летающие тигры»).

Джим Томпсон пробрался сквозь толпу к месту, где можно было взять такси. Что-то у него пропала охота развлекаться. Лучше встать завтра пораньше и вволю поплавать до полуденной жары.

Продолжение следует.

Обстоятельства смерти господина N

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Леонид МЛЕЧИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Среди тем, которые Олдмонт тщательно обходил даже в минуты самых откровенных разговоров с самим собой, были его отношения с Лилиан.

Трагедия состояла в том, что он любил Лилиан. Любил все эти годы, с тех пор, как встретил ее в Массачусетсе, где он работал над диссертацией. И когда они перестали понимать друг друга и когда пропасть, разделившая их, стала непреодолимой, Олдмонт оставался верен своей любви. Лилиан же не отвечала ему взаимностью. Даже оставив дом, Нэд Олдмонт продолжал любить жену. Он был сильным человеком, не выпрашивал у нее любви, не устраивал скандалов, когда она не ночевала дома или исчезала на неделю — «к подруге». Два года назад он снял квартиру поближе к Форт-Миду, где находится тщательно охраняемая штаб-квартира Агентства национальной безопасности, и уже не появлялся в их общем доме. Регулярно звонил Лилиан по телефону, дабы убедиться, что у нее все в порядке, и исправно оплачивал счета.

Лилиан с юности тянулась к блестящим и блистающим в обществе людям. Возможно, их брак с самого начала был ошибкой. Но Олдмонт не мог без Лилиан... Пятнадцать лет разницы в возрасте, репутация Олдмонта — «весьма перспективный жених» — подкупили Лилиан. Ей нужен был муж, готовый исполнять все ее прихоти. Олдмонт ее ни в чем не ограничивал. Единственное, чего он не мог ей дать,— положение в обществе. Ни на приемах, ни в гостях ей нечего было сказать о своем муже, кроме того, что он занят «исключительно важной научной работой». Олдмонт волей-неволей сторонился людей. Лилиан довольно скоро поняла, что ей может быть весело и без мужа.

Записка, оставленная Хоуксом, из которой следовало, что Нэда Олдмонта ожидают какие-то, судя по всему, малоприятные новости о Лилиан, причинила ему боль. Уехав в Таиланд, занятый распутыванием истории смерти Линна, Олдмонт старался убежать от мыслей о Лилиан и почти добился этого.

Он подумал, что во всех его жизненных неприятностях виновата его работа. Смерть Линна, рухнувший брак с Лилиан...

Олдмонт пришел в АНБ в конце 1952 года — почти сразу же после директивы президента Трумэна о создании органа электронной разведки в рамках министерства обороны. Долгие годы в один и тот же час (исключая дни дежурств и выходные) он ставил машину перед трехэтажным зданием в Форт-Миде в штате Мэриленд на полпути между Вашингтоном и Балтимором (новый восьмиэтажный корпус оперативного центра АНБ стали строить, когда он уже вышел в отставку), поднимался в свой кабинет в управлении выработки информации. Вернее сказать, кабинеты менялись, потому что Нэд Олдмонт делал карьеру.

АНБ состоит из пяти главных управлений: оперативного; выработки информации; исследований и конструирования; проведения испытаний и оценок; по охране связи и административного.

Оперативному управлению подчинены станции прослушивания по всему миру, начиная с кораблей-шпионов и кончая «антенными лесами» в горах Западной Вирджинии и установками радиоперехвата, которые могут настраиваться на любые международные переговоры по телексу, телеграфу или телефону. Только разведывательные спутники входят в компетенцию ЦРУ, техническую сторону берет на себя соответствующее подразделение ВВС. Добытые сведения передаются в Форт-Мид. Центром комплекса зданий АНБ в Форт-Миде является девятиэтажная башня, окруженная кольцеобразным трехэтажным зданием. Центр связи принимает сигналы с постов прослушивания с помощью двух гигантских дисковых антенн, укрытых в соседнем лесу. Управление по охране связи обеспечивает безопасность линий связи США, управление исследований и конструирования сосредоточено на создании оборудования для всех видов связи и для служб перехвата.

Олдмонт работал в самом интересном подразделении АНБ.

Управление выработки информации занимается расшифровкой кодов. Здесь анализируют параметры радиолокационных установок, систем дистанционного управления баллистическими ракетами, телеметрических систем искусственных спутников Земли, систем опознавания объектов «свой — чужой».

В подвальных помещениях установлены два компьютерных комплекса «Карильон» и «Лоудстон». За прочной стальной дверью, которую нельзя открыть, не зная кода, высятся ряды шифровальных аппаратов.

Чтобы начать работать в АНБ, Олдмонту пришлось пройти не только жесткие квалификационные испытания, но и трудную психологическую проверку, а также получить допуск от службы безопасности. По году он проработал в двух важных отделениях агентства за рубежом: в «АНБ — Дальний Восток» (Япония) и в «АНБ — Европа» (ФРГ). В какой-то степени Олдмонт восхищался агентством, грандиозностью выполняемой компьютерами работы: они с огромной скоростью пропускали через себя перехваченные телеграммы в поисках ключевых слов, которые сигнализируют о том, что это послание представляет интерес для разведки. Антенны станций АНБ в Шугар-Гроуве, в Западной Вирджинии, и на армейском полигоне Якима перехватывают все сообщения, идущие через спутники связи. С другой стороны, каждый новый код было все сложнее расшифровывать. Сотрудники АНБ, отчаявшись найти разгадку, стали обращаться к ЦРУ и ФБР с просьбой попросту выкрасть тот или иной не поддающийся дешифровке код. Прослушивание телефонных разговоров все равно поручалось человеку с наушниками, как это было двадцать и тридцать лет назад. И даже гигантский аппарат АНБ задыхался под грудой магнитофонных лент с записями разговоров. На сбор информации сил еще хватало, анализ же отставал. Это было очевидно. Олдмонт понимал, что многие провалы американской разведки произошли по вине АНБ, не способного сделать правильные выводы из полученных сведений.

Но не это в конечном счете породило в душе Олдмонта чувство глубочайшей неудовлетворенности самим собой, разрушило его привычную веру в работу как панацею от всех бед, как надежное прибежище от разочарований в личной жизни. Годы превратили службу в АНБ в мучительное испытание.

Путч военных в Таиланде. Олдмонт не мог забыть своего участия в его подготовке. Была еще австралийская история.

Теперь Олдмонт даже не мог вспомнить лицо этого человека, а ведь в то время его фотографии не сходили с газетных страниц. Сотрудник канберрской резидентуры ЦРУ пригласил Олдмонта домой на коктейль и продемонстрировал ему фотографию, стилизованную под стандартный снимок преступника, которого ищет Федеральное бюро расследований, с подписью «разыскивается, награда 10 тысяч долларов».

Занявший в 1972 году пост премьер-министра Гоф Уитлем, лидер австралийской лейбористской партии, досаждал американскому посольству. Служба национальных оценок ЦРУ немедленно представила доклад, из которого следовало, что Австралия меняет свои позиции в области внешней политики. Уитлем отменил воинскую повинность, вывел из Юго-Восточной Азии австралийские контингенты, не желая участвовать в войне во Вьетнаме. Он, в противовес Вашингтону, поддерживал идею объявления Индийского океана зоной мира. Американское посольство особенно беспокоил заместитель Уитлема Джеймс Кэрнс, который требовал ограничить деятельность австралийской организации безопасности и разведки (АСИО). Штат сотрудников Уитлема был освобожден от проверки на благонадежность в АСИО. Поздно вечером 15 марта 1973 года работники аппарата Уитлема неожиданно появились в столичном отделении АСИО. Просматривая хранившиеся там досье, генеральный прокурор Лайонел Мэрфи увидел папку под литерой «М». «Ну, если я найду здесь свое имя, вам не поздоровится!»— сказал Мэрфи начальнику канберрского отделения АСИО. Самого Мэрфи в картотеке не оказалось, но АСИО завела досье на многих видных австралийцев — не только для собственных нужд, но и по просьбе американцев.

В ЦРУ были раздражены попытками лейбористского правительства взять под контроль специальные службы Австралии, которые действовали в тесном контакте с Лэнгли и снабжали «кузенов» (так именовались работники ЦРУ) важной информацией о внутриполитическом положении. АСИО, австралийская секретная разведывательная служба (АСИС), объединенная разведывательная организация (ДЖИО) — все три ведомства были жизненно важны для ЦРУ, особенно если учесть стратегическую роль Австралии в Тихом океане. Американские бомбардировщики B-52 с ядерным оружием на борту (их маршрут Гуам — Диего-Гарсия) заправляются горючим на севере страны, в городе Дарвин. На территории Австралии находятся десять американских военных баз, уникальное местоположение делает их незаменимыми для Пентагона.

У АНБ был свой партнер в Австралии — директорат военной связи (ДСД). Олдмонт пробыл три дня на базе в Пайн-Гэп — рутинная инспекционная поездка — и вернулся в Канберру. В загородном доме заместителя резидента ЦРУ он встретился с одним из руководителей ДСД. Речь шла о том, как организовать круглосуточное прослушивание раз-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—42.

говоров лейбористских лидеров, внушавших Лэнгли опасение. Олдмонт смог дать австралийскому коллеге полезные советы.

В действие была введена оперативная группа 157 — сверхсекретное подразделение военной разведки, ее агенты работали не под дипломатическим прикрытием, а входили в представительства различных торговых компаний. В результате махинаций транснациональных корпораций, которые вычерпывали из бездонных кладовых Австралии редчайшие полезные ископаемые, лейбористское правительство стало испытывать финансовые трудности. Агенты оперативной группы 157 сфабриковали улики, позволяющие заподозрить близких к Гофу Уитлему людей, в том числе заместителя премьер-министра Джеймса Кэрнса, в нечистоплотности; их политическая карьера была погублена. В прессе была развернута широкая антиправительственная кампания. Особую активность проявляли некоторые представители малочисленных оппозиционных партий. Много позже Олдмонт узнал, что и пресса, и иные политики черпали вдохновение из одного источника — авуары банка «Ньюгэн — Хэнд» всегда были к услугам оперативной группы 157.

Олдмонт позвонил Филу Хоуксу из первого же телефона-автомата, который попался ему на глаза,— совсем недалеко от почтового агентства, где хранили его корреспонденцию: ни одного письма из США не было, зато ему вручили вторую записку Хоукса. Телефон стоял у винной лавки, и, ожидая, пока Хоукс возьмет трубку, Олдмонт наблюдал за стайкой ребят, покупавших шесть бутылок местного дешевого виски. Парням было не больше чем по четырнадцать, только один был постарше, но по нервным движениям, странному блеску в глазах Олдмонт определил, что они наркоманы. За последние несколько лет в Таиланде цены на героин повысились, и юные наркоманы переходили на заменители. Один из них — инъекции в вену дрянного виски стоимостью от 48 до 60 батов за бутылку. На этих детей, живущих впроголодь, большая доза спиртного, введенная в кровь, оказывала не менее сильное воздействие, чем порция основательно разбавленного героина.

Прасет выдернул иглу из своей худой руки, испещренной множеством красных точек — следы прошлых инъекций, и бросил грязный, ни разу не кипятившийся шприц на асфальт. Ему пришлось войти в долю с этими мальчишками потому, что он остался совсем на мели. Когда выяснилось, что в гостинице «Амбасадор» он принял за героинового курьера совсем другого человека, Тирают жестоко избил его и выгнал. Внезапно лишившись наркотика, он испытывал мучения. Прасет присел на тротуар, привалившись спиной к прохладной стене дома, и закрыл глаза. Инъекция виски нисколько не помогла ему. Его сжигала мучительная потребность в наркотике. Но что ему делать? Мысли были тяжелыми, вязкими. В Бангкоке он не знает никого, кроме Тирают. Он встал, держась за стену, и, пошатываясь, побрел по улице.

Предчувствие каких-то перемен в Австралии усилилось у Олдмонта примерно через год после той поездки. 10 декабря 1975 года истекал срок соглашения об аренде базы в Пайн-Гэп. В апреле Гоф Уитлем заявил, что, возможно, не возобновит это соглашение или по крайней мере потребует изменить условия аренды. По усилившемуся потоку информации из Австралии Олдмонт понял, что эта угроза переполнила чашу терпения американского посольства и резидентуры ЦРУ. Озабочено было и начальство Олдмонта: неужели придется расстаться с базой в Пайн-Гэп?

Руководители лейбористской партии всегда были уверены, что база в Пайн-Гэп построена Пентагоном и ее штат — армейские офицеры. Когда вдруг выяснилось, что база монопольно принадлежит АНБ и ЦРУ, в Канберре разразился скандал. Уитлем потребовал от американского посольства представить ему список всех сотрудников ЦРУ, действовавших на территории Австралии. На 11 ноября в парламенте были назначены прения по вопросу об агентах ЦРУ и базе Пайн-Гэп. Постоянный секретарь министерства обороны Австралии накануне в последний раз безуспешно попытался убедить Уитлема отказаться от публичного обсуждения этой темы.

С учетом того, что американская разведка могла лишиться важнейшей базы, а широкая система подкупов и давления, осуществлявшаяся ЦРУ через посредство банка «Ньюгэн — Хэнд», стать достоянием гласности, в Лэнгли решили, что больше медлить нельзя.

10 ноября генеральному директору австралийской организации безопасности и разведки (АСИО) был вручен официальный демарш ЦРУ.

11 ноября, не дав прениям в парламенте начаться, британский генерал-губернатор Джон

Керр пригласил Гофа Уитлема в свою официальную резиденцию и объявил премьер-министру, что отстраняет его.

Генерал-губернаторство — наследие колониальных времен; в качестве доминиона Австралия входит в Британское Содружество. Юридически глава государства и исполнительной власти — король (королева) Великобритании, представитель британской короны в Австралии — генерал-губернатор, фигура чисто символическая. Ни монарх, ни генерал-губернатор не вмешиваются в процесс принятия политических решений в Канберре. 11 ноября Джон Керр прибег к праву, которое ни разу не использовалось в истории Содружества. Британскому министерству иностранных дел и самой королеве Елизавете II он сообщил о случившемся, когда дело было сделано.

В кулуарах Агентства национальной безопасности Олдмонт слышал, что Джон Керр еще в годы войны сотрудничал с управлением стратегических служб Донована. В 1967 году Керр стал основателем «Лоу Эйша», австралийского филиала Фонда Азии, финансируемого ЦРУ. Он был видным деятелем Австралийской ассоциации за свободу культуры, которая тоже числилась в платежных ведомостях Лэнгли.

Как бы там ни было, к власти пришло новое правительство, от которого Керр получил прибавку к жалованью. Бюджет АСИО был увеличен. Соглашение об аренде базы в Пайн-Гэп продлено.

Впоследствии Джон Керр в письме, направленном в редакцию американского журнала «Тайм», писал: «Решение уволить Г. Уитлема было принято исключительно мною... Больше к этому никто не причастен, ЦРУ в этом деле не участвовало».

ЦРУ, со своей стороны, заявило: «ЦРУ не участвует ни в какой деятельности, направленной против австралийского правительства, не поддерживало никаких связей с банком «Ньюгэн — Хэнд» и никак не причастно к торговле наркотиками».

Дуайт Хенкинс, утомленный дневной суетой, уже лег спать, когда ему позвонил из посольства дежурный и продиктовал телефон таиландца по имени Тирают, который говорит, что ему «до зарезу необходимо немедленно с вами переговорить».

— Не хотел бы вас расстраивать,— без околичностей начал Тирают,— но Олдмонт под дулом пистолета заставил меня рассказать все об обстоятельствах смерти его младшего брата. Я назвал ему имена,— сказал Тирают, предупреждая возможные вопросы,— в конце концов я вам ничем не обязан.

Он повесил трубку. Радости он не испытывал. Ему только что пришлось пережить величайшее унижение: выложить Олдмонту все, что он знал о смерти молодого американца-летчика. Он сделал это не из желания насолить Хенкинсу. Он просто испугался немигающего, жесткого взгляда Олдмонта, и, когда Олдмонт ушел, оставив его одного в машине, не верил, что выпутался из этой истории живым.

Он улыбался, как улыбаются друг другу тайские боксеры, прежде чем нанести удар. Улыбка говорит: «Смотри — ты не напугал меня. Я спокоен». Он не чувствовал ни гнева, ни раздражения. Он с детства усвоил правило «чай иен иен» — «оставайся холоден».

Грег Уилсон смотрел в окно. Это занятие было малопопулярным и вовсе не поощрялось начальством, но он испытывал неодолимое желание ничего не делать. На столе перед ним лежало письменное распоряжение директората операций: специальную группу, находящуюся в Бангкоке, в течение двадцати четырех часов привести в полную готовность. Следовательно, завтра последует команда начать операцию. Один из сотрудников Уилсона уже набросал шифровку О'Брайену: ребят, находившихся под его опекой, следовало протрезвить и проинформировать, что пришло время работать. Уилсон был обязан немедленно подписать телеграмму.

Дэвиса на месте не было. Он участвовал в регулярном совещании одной из двух исследовательских групп, учрежденных новым директором ЦРУ,— группы стабильности; ее задача — выявлять государства, в основном развивающегося мира, которые могут оказаться «под влиянием коммунистов». Новый директор заявил: «Советский Союз весьма преуспел в распространении своего влияния в мире. В последние годы мы потеряли не менее десяти стран, которые теперь ориентируются на Москву, а не на Вашингтон. Мы должны помочь дружественным правительствам избежать такой участи. Для этого нам нужно больше денег, больше людей и больше агрессивности». Директор оказался человеком дела: в следующем же финансовом году ассигнования ЦРУ увеличились на двадцать пять процентов, такой прибавкой не могло похвастаться ни одно другое правительственное ведомство. Эра Вьетнама и Уотергейта, эра разоблачений, эра разочарований кончилась, заявил директор. Его слова подтверждал увеличившийся поток заявлений выпускников колледжей, стремившихся попасть на работу в Лэнгли.

Новый директор сразу же дал ясно понять, что с санкции Белого дома будет делать упор на тайные операции, включая использование специальных подразделений для того, чтобы «защитить американские интересы за границей».

Директорату операций при новом директоре стали уделять больше внимания, чем прежде. Сотрудники других директоратов — разведки, научно-технического обеспечения, прежде считавшие аппарат директората операций людьми второго сорта, сторонившиеся оперативников, участвующих в грязных акциях, теперь сами предлагали совместную работу. Уилсон мог твердо рассчитывать на помощь любого отдела, но он просто не знал, что предпринять. Угроза Олдмонта рассказать о подноготной готовящейся операции как дамоклов меч висела над Уилсоном.

Он сидел и сидел в своем кабинете, глядя на часы. Время шло, а телеграмма, адресованная бангкокскому резиденту, лежала у него на столе. Он не мог упомянуть фамилию Олдмонта в телеграмме, ее копия останется в архиве и в случае провала будет свидетельствовать против него. В тот раз он отправил О'Брайену личное письмо дипломатической почтой, но письмо придет слишком поздно. Наконец он решился. В конце телеграммы Уилсон приписал, что меры предосторожности, о которых он сообщал ранее, должны быть приняты во что бы то ни стало.

Фил Хоукс неожиданно для себя заговорил с Олдмонтом в жестком тоне: он, дескать, прилетел сюда специально, чтобы его увидеть, у него важное дело, а с ним играют в кошки-мышки.

— Вы в самом деле хотите сообщить мне что-то важное?— спросил Олдмонт, оставляя своему собеседнику возможность для почетного отступления. Он хотел показать Хоуксу, что понимает, с кем имеет дело.

Но Хоукс явно упрямился:

— Да, разумеется. Речь идет о вашей жене.

Почти минуту Олдмонт молчал. Затем заговорил:

— Через полчаса я заеду за вами в гостиницу. Если не сложно, спуститесь вниз. У меня светло-серый двухместный «форд».

Едва Олдмонт договорил последнюю фразу, как Дуайт Хенкинс, чуть не сбив на ходу журнальный столик, бросился вниз. Он боялся, что не успеет. В день приезда Хоукса в Бангкок он установил в 507-м номере «Амбасадора» подслушивающее устройство с двумя микрофонами: один для записи разговоров в комнате, другой вмонтировал в телефонную трубку. Сигналы компактного радиопередатчика принимала мощная посольская радиостанция.

Хенкинс рассчитывал только на усиленный мотор своего «мерседеса», изготовленного по специальному заказу. Плохо, что он не знает, откуда звонил Олдмонт. До «Амбасадора» ему пришлось ехать вдвое дольше, чем обычно. Водители останавливались прямо посреди проезжей части, чтобы полюбоваться боем воздушных змеев — любимейший вид спорта в Таиланде. С появлением южных ветров небо над Бангкоком заполняется разноцветными воздушными змеями всех видов и размеров, от совсем маленьких до гигантских, в несколько метров. Этот спорт веками поощрялся королевским двором. Тайская спортивная ассоциация разработала правила для схваток между воздушными змеями. Искусно манипулируя фигурной конструкцией из бумаги и картона, ее создатель пытается сбить змея противника.

Олдмонт свернул на узкую полутемную улочку, освещенную лишь витринами нескольких магазинов. Осторожно объехав припаркованные по обеим сторонам автомобили, еще раз свернул направо — к гостинице и резко затормозил. Так и есть. Хоукс стоял с двумя парнями, которых Олдмонт видел в Форт-Брагге,— людей из АНБ приглашают туда для чтения лекций по техническим средствам разведки. Это не оставляло сомнений в профессиональной принадлежности Хоукса. Но, с другой стороны, почему он так откровенно демонстрирует свою принадлежность к ЦРУ? Психологическое давление? Олдмонт дал задний ход и опять въехал в спасительную темноту. Ну ладно, решил он, давайте поиграем. Мысли о Линне почему-то исчезли, затаились где-то в глубине его сознания. Его мозг целиком сосредоточился на сиюминутном, на том, что ему предстояло сделать сейчас.

Как Хоукс ни отнекивался, Джем и Тони решительно заявили, что обязательно пойдут с ним на встречу с Олдмонтом.

— Нет, нет, не возражай,— сказал Тони,— одного мы тебя не бросим.

В ожидании разговора с Олдмонтом Хоукс совершенно протрезвел, и пьяная компания Тони и Джема его не устраивала. Он боялся, что они учинят какую-нибудь безобразную сцену в присутствии человека, которому предстоит увидеть фотографии автомобильной катастрофы и того, что еще недавно было его женой. Но Тони и Джем не желали уходить.

Они стояли на ступеньках отеля «Амбасадор». Хоукс вглядывался в каждый подъезжающий к отелю автомобиль и нервничал.

Олдмонт включил заднюю передачу, чтобы развернуться и подъехать к гостинице с другой стороны. Он собирался дать посыльному пятьдесят батов и попросить подозвать Хоукса будто бы к телефону, установленному у стойки администратора. Тогда Хоукс остался бы с ним один на один.

Внезапно Олдмонту в глаза брызнул яркий сноп света. Из темноты вынырнула какая-то машина и преградила ему дорогу. Хлопнула дверца. Олдмонт увидел высокого человека, который стал осторожно обходить его автомобиль. Правая рука неизвестного скользнула в карман.

Больше Олдмонт не колебался, он дал полный газ и одновременно выключил габаритные огни, надеясь укрыться в спасительном мраке бангкокских переулков. В зеркальце заднего обзора он увидел оранжевую вспышку, но звука выстрела не услышал: стреляли из пистолета с глушителем.

На повороте к гостинице Дуайт Хенкинс чуть не перевернулся. Он бросил машину с ключами в замке зажигания и поднялся по ступенькам вверх.

— Привет, Дуайт,— радостно приветствовал его Тони.

Тяжело дыша, Хенкинс остановился, с раздражением разглядывая пьяные физиономии Тони и Джема, стоявших рядом с Филом Хоуксом. «Когда они успели познакомиться?»— удивился Хенкинс. Но выяснять это ему было некогда. Он ринулся в гостиницу. Олдмонт ушел буквально из рук. Хенкинс слишком поторопился, сам виноват. Но он все же успел запомнить номер «форда», принадлежащего Олдмонту. Хенкинс торопился позвонить О'Брайену: с помощью бангкокской полиции можно выследить Олдмонта.

Продолжение следует.

Леонид МЛЕЧИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Обстоятельства смерти господина N

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

В дверь Тираюта постучали. Сняв пистолет с предохранителя, один из его охранников отпер многочисленные замки. Вошел маленький человечек, приторно улыбаясь и поблескивая хитрыми глазками. Роста в нем было не больше ста пятидесяти сантиметров. Здесь его хорошо знали. Телохранитель спрятал пистолет и лениво позвал Тираюта. Увидев Тираюта, пришедший замер в приветствии. Тирают, пропустив гостя вперед, на мгновение прикрыл дверь и быстро шепнул телохранителю:

— Где-то во дворе ошивается Прасет. Приведи его сюда.

Тирают поспешил за гостем. Они прошли в дальнюю комнату.

— Что привез? — спросил Тирают.

— Груз с последнего каравана Лао Су. Полиции досталось только его тело и самая малость порошка.

Тирают вытащил из сейфа, стоявшего прямо на полу, толстую пачку денег.

— Половина долларами, половина батами,— объяснил он.

Маленький человечек, не пересчитывая деньги, хладнокровно сунул их в карман потрепанных штанов.

— Груз оставьте у меня,— продолжал Тирают,— потом перевезем дальше.

Тирают был осторожен. Только он один будет знать, кому теперь идет груз. Это гарантия от выстрела в спину, если его партнеры по героиновому бизнесу решат, что смогут обойтись без посредников.

Человек, доставивший груз, вышел. Тирают с неудовольствием посмотрел на грязные следы на полу. Он не уважал мео — несмотря на большие деньги, зарабатываемые на опиумном маке, они так и не стали приличными людьми. В прихожей его дожидался Прасет. Тирают помахал у него перед носом пластиковым мешочком с героином и увидел, как у парня загорелись глаза и затряслись руки.

— Видел человека, который только что был у меня? — спросил Тирают.

Прасет кивнул.

— Уберешь его,— сказал Тирают, глядя прямо в глаза Прасета,— прощу.

И в его руках опять появился мешочек с белым порошком. Прасет протянул руку, и телохранитель Тираюта дал ему нож с длинным и острым лезвием.

...В свое время, когда Тирают работал на американцев, он побывал в труднодоступных деревнях на севере Таиланда, где обитали горные племена. Они вырубают и сжигают леса, освобождая участки земли для посевов риса и кукурузы, разводят домашний скот, птицу. Когда земля истощается, племя снимается с места и уходит дальше в лес, который неумолимо выжигается. В каждой деревне есть вождь и шаман: племена верят в духов. Мео предпочитают жить на высоте тысяча — тысяча пятьсот метров над уровнем моря, в долинах, окруженных горами. Крыши домов спускаются до земли для защиты от ветра. Внутри дома, у восточной его стены, воздвигается алтарь; по поверьям мео, следует поклоняться пяти духам, охраняющим жилище. Единственное, что нравилось Тирают в деревнях мео,— это полигамия. Мео предпочитают иметь несколько жен — с экономической точки зрения, дабы они рожали много детей. Самой выгодной женой считается вдова с детьми — в семье сразу прибавлялось рабочих рук. Тем более, что и работают в основном женщины. Мужчины большей частью заняты курением опиума. От этого занятия они отвлекаются два раза в год после сбора урожая, чтобы продать скупщику опиум-сырец. Получив двести долларов за килограмм сырца, который принесет торговцам наркотиками миллионы долларов, они, довольные сделкой, погружаются в спячку. Попытки убедить племена заменить мак клубникой или кофе наталкивались на упорное сопротивление. Владельцу кофейной плантации надо ждать минимум три года, прежде чем он начнет получать прибыль, а человек одного из «опиумных королей» объезжает на муле деревни «золотого треугольника» и без разговоров выкладывает две сотни за килограмм сырца.

Тирают побывал и в деревнях каренов, которые живут на самой границе с Бирмой, и акхов, украшающих свои шляпы куриными перьями и шерстью гиббонов. При входе в деревню акхов стоят священные ворота, которые охраняются двумя добрыми духами, они не пускают злых духов в деревню. Неподалеку от ворот возвышается фигура женщины, вырезанная из дерева. Она тоже защищает деревню от злых духов. Дома строят из бамбука. На полу сооружают очаг, в хижине всегда полно дыма, нечем дышать.

Из всех племен, с которыми ему приходилось иметь дело, Тирают предпочитал яо. Они аккуратнее и чистоплотнее своих соседей: время от времени они моются в отличие от других племен, которые не моются никогда. Например, акхи боятся, что от мытья в них вселится дух воды. Яо называют себя «главными», они единственные имеют письменность, заимствованную у китайцев. Тирают привозил из деревень яо красиво расшитую одежду; каждую девочку в племени обучают вышиванию. Чтобы расшить одежду узорами «серебряный цветок», «бровь тигра» или «медведь мео», требуются месяцы.

Эти обширные этнографические знания Тирают приобрел, кочуя по деревням и скупая наркотики. В условленный день за ним присылали самолет компании «Эйр Америка». Тирают грузил тюки с опиумом в самолет, получал свою долю и шел дальше. Он сильно рисковал. Натолкнись он на других сборщиков, на отряды Кхун Са или Лао Су, живым бы не ушел. Он спал, не выпуская автомата из рук. Тирают здорово обиделся тогда на американцев — он рисковал своей шкурой, а получал гроши по сравнению с другими.

Когда американцы распустили «Красных буйволов» и Тирают лишился приличного жалованья, он решил, что с американцами ему больше не по пути. В героиновом ремесле он уже был не новичок, и новые хозяева нашлись быстро.

Тираюту приходилось туго. Ставки в героиновой игре были фантастическими, и соперничающие между собой банды безжалостно убивали друг друга. Кхун Са как-то сжег три деревни и вытоптал поля: он заподозрил местных жителей в помощи другой банде. Тирают был свидетелем того, как личная армия Кхун Са окружила и огнем из минометов, базук и автоматического оружия почти полностью уничтожила отряд таиландских солдат, которые накануне захватили подпольную лабораторию по переработке опиума.

В джунглях были затеряны целые поселки, где жили люди, пришедшие сюда ради героина. Среди пальм крытые соломой хижины на тиковых сваях. Мужчины в полувоенной форме цвета хаки. По утрам, когда солнце еще не слишком печет, проводятся боевые учения. Колонны, поднимая пыль, браво маршируют по единственной в поселке улице, тренируются в стрельбе, благо оружия и боеприпасов хоть отбавляй.

Рядом с этими профессионалами горные племена выглядели жалко. Неграмотные, темные крестьяне попадали в кабалу к торговцам наркотиками, которые охотно давали им задаток под будущий урожай, а потом шантажировали. Горные народности по-прежнему образуют этническую периферийную группу, отношения с основным населением страны напряженные, они чужеродное тело, и «опиумные короли» держат их в страхе и полной зависимости.

Один раз Тирают побывал в цитадели крупнейшего «опиумного короля» Кхун Са, чье настоящее имя — Чан Шифу. Конечно, ему не удалось увидеть виллу самого «короля» с баскетбольной площадкой и футбольным полем, обширными подвалами, где хранились запасы пищи и импортного виски, с плавательным бассейном, системой кондиционирования воздуха и видеоаппаратурой, но он убедился в его могуществе. Под ружьем у Кхун Са было три тысячи человек, вооружение — американские автоматические винтовки «М-16», минометы, базуки. В распоряжении его банды — приемопередающие устройства «уоки-токи», подпольные химические лаборатории, тайники для хранения опиумного сырья и готовой продукции и даже вертолеты, для которых в горах оборудованы взлетные площадки. Мощные радиостанции позволяли держать постоянную связь с опиумными караванами. Иногда торговцы наркотиками пользовались для транспортировки сырца вертолетами таиландской полиции — у Кхун Са были большие связи в северных провинциях Чианграй и Чиангмай. «Десять лет назад вы могли предстать перед таиландскими таможенниками со слоном, нагруженным наркотиками, и вас бы пропустили. Сейчас, по всей вероятности, обратили бы внимание на слона» — эти слова Тирают слышал от одного из приближенных Кхун Са.

До недавнего времени Кхун Са ощущал себя неограниченным властителем «золотого треугольника». Ему принадлежал дом в Бангкоке, где он частенько бывал. Для кого-то из членов парламента он построил в Бан Хин Таэке прекрасную виллу. Эту деревню он превратил в свою вотчину. Его агенты повсюду закупали необходимые для обработки опиума-сырца уксусный ангидрид, ацетон и аммиак. Когда Малайзия запретила транзит уксусного ангидрида, цена на него подскочила в двадцать раз, и две героиновые лаборатории пришлось временно закрыть.

В юности Тирают работал в такой подпольной лаборатории вместе со своим старшим братом, которого вскоре убили в очередной перестрелке. Героин они расфасовывали в полиэтиленовые мешочки и ставили торговую марку «Дабл Ю-Глоуб», «Ред лайон», «Гуд лак

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—43.

ту ю». На каждом пакетике было напечатано предостережение: «Это настоящий качественный продукт. Остерегайтесь подделок». То были первые английские слова, которые выучил Тирают. Единственное, кем он не пожелал быть,— героиновым курьером. Его не соблазнили даже их высокие заработки. Несмотря на коррупцию полиции и таможенной службы, Тирают твердо усвоил: больше шансов выжить в горах, хотя там и звучат постоянно выстрелы и бандиты уничтожают друг друга, руководствуясь простым правилом «убивать все, что движется», чем попав в руки правосудия. Если схватят с героином, не помогут ни природная ловкость, ни умение владеть оружием. Закон о наркотиках, принятый в Таиланде, был прост: за попытку вывезти двадцать граммов наркотика — каторга, за сто граммов героина № 4 (степень очистки — свыше девяноста пяти процентов, на сленге торговцев именуется «белым порошком» в отличие от героина № 3, хуже очищенного, который называется «коричневым сахаром») — смертная казнь.

Тирают часто видел, как в сезон сбора урожая перед закатом в путь пускаются длинные караваны. На лошадях и мулах навьючены тюки, караваны сопровождает вооруженная охрана. Они доставляют опиум к южным оконечностям гор. Транспорты с наркотиками идут по тайным тропам в джунглях, пересекают реки, ущелья, заросли бамбука и заканчивают свой путь в одной из северных провинций, откуда героин небольшими порциями переправляется в Бангкок — там единственный в стране международный аэропорт. Чаще всего героиновые курьеры именно таким путем пытаются покинуть Таиланд. Каждый раз они нуждаются в новых документах, ведь если в паспорте подряд стоят три визы, выданные странами Юго-Восточной Азии, это почти автоматически означает, что таможенный досмотр будет самым тщательным.

Тирают хорошо знал, что сопровождавшие караван погонщики боятся не полиции, а конкурентов, героиновые же курьеры — самих торговцев, продавших им наркотик: если курьеров ловили, то доносчик получал в качестве вознаграждения до семидесяти процентов рыночной стоимости конфискованного товара. Чаще всего курьеров выдавали сами торговцы. При этом они ничем не рисковали — в Таиланде наказывают только того, у кого наркотик нашли.

...Дверь в комнату, где на мягком диване уютно расположился Тирают, приоткрылась, и вошел телохранитель. Он нес в руках телефонный аппарат со снятой трубкой. Тирают некоторое время слушал, что ему говорили, потом повесил трубку и кивком отослал телохранителя. Тирают довольно улыбнулся. В столичной полиции работало немало его бывших дружков из «Красных буйволов». Он просил их найти Олдмонта. Тирают немедленно узнал о поручении посольства США отыскать светло-серый «форд» Олдмонта. Тирают хотел рассчитаться с Олдмонтом за те неприятные минуты, которые пришлось пережить. К тому же будет просто приятно убить хотя бы одного из американцев, которые его всегда унижали. Теперь друзья сообщили, что машина Олдмонта обнаружена, за ней следят, и, как только американец приведет их в свое убежище, Тираюта проинформируют.

Прасет настиг свою жертву в переулке, который посещали только мужчины: здесь соседствовали сразу четыре «массажных заведения» самого низкого пошиба, принадлежащих одному хозяину. В ожидании клиентов девочки торчали на улице; поскольку тщеславный владелец именовал свои заведения «Плейбой-клаб», то «массажистки» были украшены заячьими хвостиками и ушами.

Прасету пришлось ждать недолго. Расплатившись, пожилой мео выскользнул в совершенно уже темный переулок. Прасет с силой всадил нож ему в шею — так, как учил его Танат, телохранитель Тираюта. Быстро обыскал карманы убитого, толстую пачку денег сунул поглубже в карман, чтобы отдать Тираюту в целости и сохранности. Он знал, что Тирают не прощает обмана. Как бы ни был велик соблазн, сейчас Прасет больше всего хотел доказать Тираюту свою верность.

Отец внушал Прасету: в этом мире надо покрепче держаться за сильных людей, с ними не пропадешь. В детстве Прасету пришлось сильно голодать, в провинции Чиангмай можно было заработать только на наркотиках. Когда ему исполнилось пятнадцать, отец отвел его к Тираюту и поклялся, что мальчишка выполнит любое его поручение. Год Прасет разносил мелкие порции наркотика постоянным клиентам Тираюта. Потом вместе с ним перебрался в Бангкок. Вошел в доверие. Тирают приучил его к героину, теперь он держал парня на коротком поводке.

Уже в Бангкоке Прасет узнал о смерти отца. Тот взялся быть проводником у нескольких американцев, которые хотели пробраться в Лаос. Прасет видел их. Американцы сидели на открытой веранде бара и откровенно хохотали, наблюдая за нелепой, по их мнению, процедурой: буддийские священники прибыли благословить только что отстроенный дом. Глава таиландских монахов приехал в шафранового цвета «мерседесе». Помимо прочего, монахи должны были определить место, где будет установлен домик духов, наличие которого так же необходимо, как фундамент. Маленькая, как кукольный домик, но имеющая большое значение, подобно домашнему алтарю, эта изысканно украшенная церковь в миниатюре должна выражать веру в верховное божество. В поставленный ради процветания дома и его обитателей домик духов нужно ежедневно приносить еду, цветы и благовония. Иначе может случиться несчастье. Прасет не мог понять, что смешного нашли эти американцы в том, что монахи благословляют новые постройки. Это было таким обычным делом для Таиланда. Один раз Прасет даже видел, как монахов пригласили в бар с девочками. По этому случаю девочки оделись, а порнографические фотографии, украшавшие стены, завесили. Скрестив ноги, монахи уселись на пол и, прикрыв глаза, стали нараспев читать молитву. Бар таким образом получил божье благословение.

Старший из американцев, как рассказал отец Прасету, когда они виделись в последний раз, был подполковником «зеленых беретов». Второй был прежде морским летчиком и славился своим умением владеть оружием, за что получил прозвище «доктор Смерть». Прасет с замиранием сердца повторял эти слова: «Доктор Смерть». Как бы он хотел стать таким человеком!

Тирают потом сказал ему, что американцы напоролись на патруль лаосских пограничников и его отец был убит в перестрелке.

О'Брайен получил шифровку из Лэнгли и подумал, что проявил непростительное легкомыслие: Олдмонта надо было давно начать искать, сразу, как только он получил письмо от Уилсона. В конце концов в этом азиатском городе белый человек не иголка, нашли бы.

Резиденту стало не по себе. Вот точно так же из-за недостаточной подготовки провалили операцию «Лазарус», да еще загубили двух его агентов в Накхонпханоме, в северо-восточном Таиланде. Операцию готовили совместно ЦРУ и разведывательное управление министерства обороны США, на снаряжение группы ушло сорок тысяч долларов, с ее подготовкой они возились несколько месяцев, а все кончилось самым плачевным образом: лаосские пограничники обстреляли группу, и она поспешно ретировалась. Хорошо, хоть обошлось без потерь, только ранило таиландца-проводника, и начальник группы, чтобы не возиться, пристрелил его. Но, отступая, они вышли в эфир и, забыв об условленном коде, прямым текстом пытались связаться с хорошо законспирированными агентами О'Брайена, которые жили в Накхонпханоме под видом супружеской пары,— их передатчик использовался для связи с диверсантами, забрасываемыми в страны Индокитая. В результате к ним явилась таиландская полиция и конфисковала нелегально хранившуюся радиоаппаратуру.

О'Брайен хотел вызвать Хенкинса, но вспомнил, что тот ждет сообщения из полиции, которая взялась «вести» автомобиль Олдмонта. Придется еще кому-нибудь съездить в «Амбасадор», привести ребят в порядок. Их там четверо. Двое, по словам Дуайта, не отказывают себе в лишней рюмке. Им надо дать время протрезвиться. О'Брайен открыл свой сейф, достал пакет, заблаговременно пересланный из Лэнгли, вынул новые документы для всей четверки, деньги. Билеты он уже приказал купить через подставных лиц.

О'Брайен в последний раз внимательно просмотрел паспорта, сверил фотографии. Отличные ребята из того подразделения, которое создали после неудачной попытки выкрасть американских заложников из Тегерана. Все умеют, прошли прекрасную подготовку в одном из армейских лагерей в Штатах, вместе с тем ни один из них не является гражданином США, их приезд в Америку не зафиксирован иммиграционной службой — это вполне понятная предосторожность на случай провала. Как известно, рано или поздно проваливаются все агенты, главное — вовремя предусмотреть такую возможность и обезопасить себя.

Нужно продолжать смелые операции, которые составили славу ЦРУ, размышлял О'Брайен. Новый руководитель внес свежую струю в деятельность директората операций, а то они там все завяли, испугались разоблачений, скандалов, прессы. Пусть кричат, дело-то делается. Недаром же говорят, что работники ЦРУ не теряют времени зря. Пока один из них чокается с президентом какой-нибудь страны, второй встречается с его помощником, который планирует государственный переворот. Конечно, у ЦРУ были взлеты и падения. Но разве можно забывать такие удачи, как военный переворот в Гватемале, свержение Мосаддыка в Иране и правительства Альенде в Чили?

О'Брайен еще только начинал работать в ЦРУ (выдержав соответствующие испытания, чтобы войти в состав «узкой группы мужчин и женщин, искусство которых будет способствовать решению мировых проблем», как говорилось в рекламном проспекте отдела кадров ЦРУ), когда его послали в Африку. Первая заграничная командировка совпала с убийством Патриса Лумумбы. Сверху, как уже много позже, узнал О'Брайен, от самого президента Эйзенхауэра, пришел приказ убрать Лумумбу. В Конго прилетел «Джо-парижанин»— Сидней Готлиб из директората технической службы. Он привез с собой редкий яд; его действие было сходно с симптомами смертельной болезни, встречающейся в Центральной Африке. Резиденту Готлиб предложил положить яд в пищу Лумумбы или добавить в его зубную пасту. В резидентуре, правда, предполагали застрелить премьер-министра Конго из снайперской винтовки с телескопическим прицелом и глушителем. Ни яд, ни винтовка не понадобились, Лумумбу убили чужими руками.

Убедившись, что его никто не преследует, Олдмонт долго сидел в машине. Ему было невыносимо душно, пот градом катился по лицу, заныло сердце. Припарковавшись, он автоматически выключил зажигание, и кондиционер затих. Кто стрелял в него? Случайность — стрелял уголовник, бандит — конечно, исключать нельзя, но если учесть, что все это произошло после звонка Хоуксу, которому Олдмонт сказал, что сейчас приедет в гостиницу, сомнения практически отпадают: люди ЦРУ пытаются устранить его. «Нейтрализовать», как говорили раньше.

Убрать его им нужно во что бы то ни стало до начала операции. Они же понимают, что Олдмонт не станет грозить впустую и, раз обещал, предаст гласности секретные документы ЦРУ... Это первая операция после президентского распоряжения по разведке, развязавшего ЦРУ руки, и Белый дом окажется в неудобном положении. Лэнгли не может поставить под удар своих хозяев. «Из этого закономерно следует,— подумал Олдмонт,— что мне уже недолго осталось ходить по земле». Мысль не вызвала в нем страха. Он с удивлением прислушался к себе. Нет, он не боится смерти. Но если его убьют, кое-какие дела останутся незавершенными, чего он допустить не может. Он привык возвращать долги.

Олдмонт поехал домой.

Не успел его «форд» остановиться около дома, как полицейский патруль сообщил на центральный пост адрес странного американца.

Телефонный звонок разбудил Тираюта. Он задремал на диване, но вскочил бодро. Удовлетворенно выслушал и записал адрес, попросил:

— Американцам позвоните через час.

На машине туда минут двадцать, прикинул Тирают, они успеют убраться до приезда Хенкинса. Пусть американцы возятся с трупом.

Они поехали втроем. Еще один телохранитель, Танат, не успел вернуться. Когда пришел Прасет с деньгами, взятыми у мео, Тирают сам убил парня. Труп Прасета засунули в багажник, и Танат поехал выбросить его в один из многочисленных каналов, примыкающих к Чао-Прая.

Это был небольшой двухэтажный дом с толстыми каменными стенами, хранящими прохладу. Вокруг дома отец нынешнего владельца разбил сад, который разросся и надежно отгораживал его обитателей от суеты и шума большого города, каким стал Бангкок.

Олдмонт занимал единственную комнату на втором этаже, из-за крутых скатов крыши комната в разрезе имела вид пятиугольника. На первом этаже была большая гостиная и две спальни, из прихожей можно было пройти на кухню и в гостиную. Небольшая лестница, которая вела на второй этаж, терялась в темноватом углу прихожей.

Вернувшись домой, Олдмонт увидел, что хозяева куда-то уехали. Детей у них не было, и на старости лет они много путешествовали. Ни один из них не докучал Олдмонту расспросами, но в одиночестве он чувствовал себя спокойнее. Он поднялся к себе. Олдмонт считал, что пока находится в безопасности. Он долго крутился по городу и слежки не заметил.

В тайнике, который он устроил под шкафом, Олдмонт держал оригиналы документов, тех самых, что попортили немало нервов сотрудникам директората операций ЦРУ. Предусмотрительно сделанные фотокопии лежали в его сейфе в одном из американских банков. Олдмонт оставил там завещательное распоряжение: в случае смерти или бесследного исчезновения передать содержимое сейфа его адвокату для опубликования в печати.

Он сложил бумаги в портфель, который решил взять с собой на беседу с О'Брайеном. Он знает этого широкоплечего, необыкновенно жадного и корыстного ирландца. Они встречались здесь, в Бангкоке, до этого в Австралии. С профессиональной точки зрения, Олдмонт в этом ни секунды не сомневался, О'Брайен был абсолютным нулем. Каким образом ему удалось сделать карьеру и стать резидентом в ключевой для американцев стране, для Олдмонта оставалось загадкой. Похоже, резидент преуспел в героиновом бизнесе ЦРУ и заработал для управления не одну сотню миллионов долларов. Вот роль торговца была по нему. Его напористости и деловой предприимчивости хватило бы на троих. Что ж, тем легче будет договариваться.

О'Брайен-то вряд ли представляет, какие козыри на руках у Олдмонта, хотя его наверняка предупредили из Лэнгли: бывшего сотрудника АНБ, располагающего компрометирующими документами о деятельности Центрального разведывательного управления, надо убрать. Олдмонт продемонстрирует ему содержимое своего портфеля и, во-первых, потребует блокировать проведение операции, во-вторых, О'Брайен отдаст ему Дуайта Хенкинса. Этому человеку Нэд Олдмонт вернет должок за Линна. О'Брайен не станет спорить — скандал, если он разразится, лишит его выгодного места.

Что-то отвлекло Олдмонта от размышлений. Он насторожился. В доме были чужие. Сквозь открытую дверь он услышал мягкие, крадущиеся шаги на первом этаже.

О'Брайен сидел за столом в строгом темном костюме и белой рубашке — он вернулся с приема — и просматривал газеты. Полиция опять обнаружила в районе «золотого треугольника» подпольную лабораторию по переработке опиума-сырца. Двести полицейских атаковали ее с трех сторон. Когда до укрытой под пальмами хижины осталось метров сто, на полицейских обрушился шквал огня. После пятнадцатиминутной перестрелки два десятка человек, которые были в хижине, бесследно исчезли, унося с собой запасы опиума и переработанного героина. В хижине полицейские обнаружили автоматы и базуки.

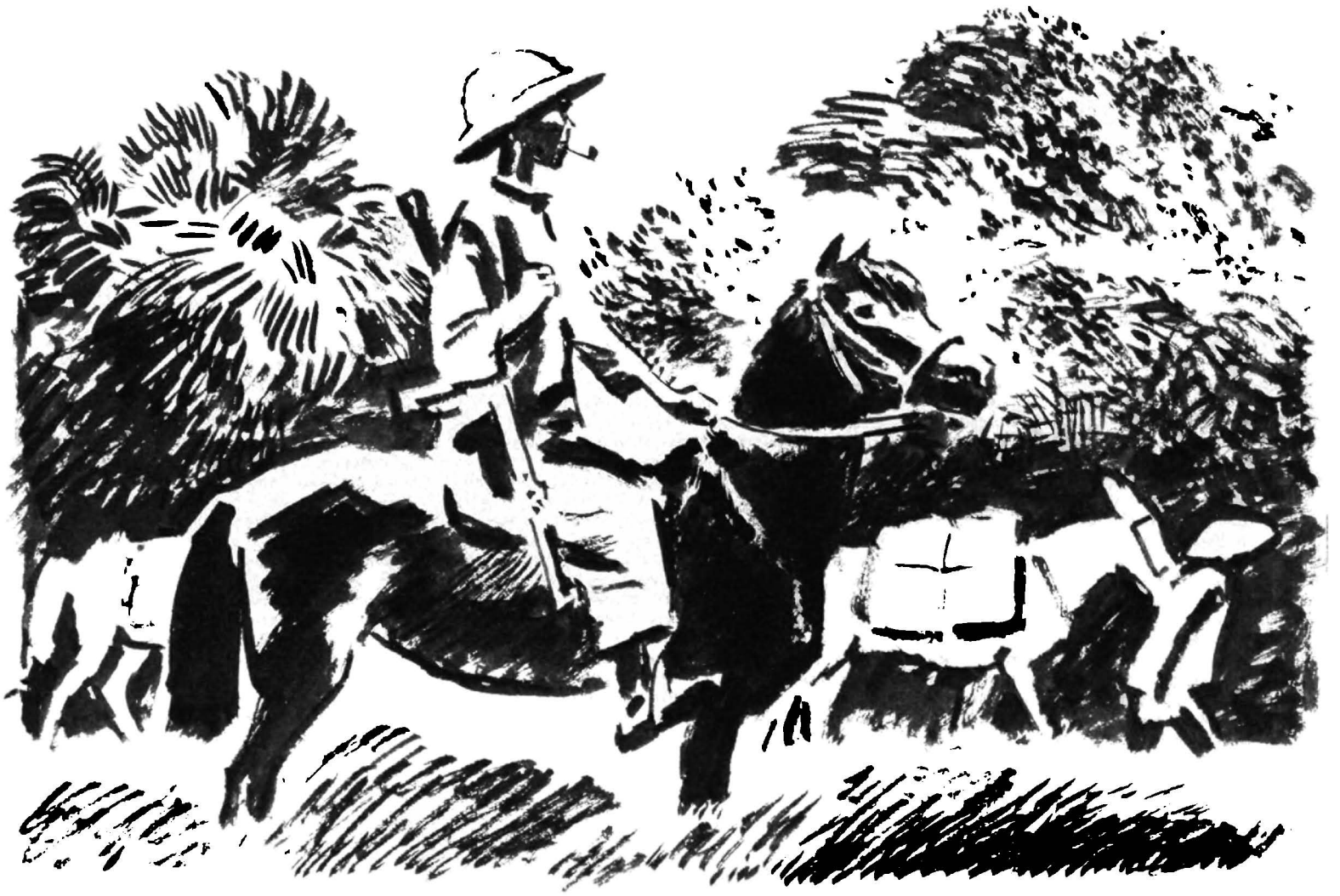
Газетное сообщение расстроило О'Брайена. В районе, где была уничтожена лаборатория, действовали даже не люди Кхун Са, который, честно говоря, был для ЦРУ не слишком приятным партнером, а те, кто целиком и полностью зависел от управления и работал на него.

В 1949 году после разгрома Чан Кайши некоторые подразделения его армии укрылись в «золотом треугольнике». Бывшая 5-я гоминьдановская армия под командованием «генерала» Тун Шивэня насчитывала две тысячи человек, бывшая 3-я армия — полторы тысячи. Существовало еще так называемое «1-е независимое подразделение», субсидируемое параллельно Тайванем и ЦРУ. Как выразился один журналист, это были потерянные солдаты проигранной войны. Использовали их для шпионажа против КНР, для засылки на территорию Китая разведывательно-диверсионных групп. В конце 60-х годов, когда О'Брайен был еще рядовым сотрудником бангкокской резидентуры, он побывал на секретных базах ЦРУ, носивших кодовые наименования «118» и «118-а». Оттуда разведывательные группы забрасывались в Китай, их формировали из гоминьдановцев и яо. Задача — фотографировать военные объекты, подслушивать телеграфные переговоры, убить того или иного китайского чиновника. Когда группы выполняли задание, их подбирали самолеты компании «Эйр Америка». Собранный ими материал передавался с базы «118-а» на базу Агентства национальной безопасности в Удоне, оттуда — в филиал «АНБ — Дальний Восток», расположенный на Окинаве, одно из подразделений которого занималось дешифровкой китайских кодов. Дешифровка поручалась служащим АНБ, прошедшим двухгодичную подготовку в армейской школе иностранных языков в Монтерее.

В разведывательную деятельность бывших гоминьдановцев О'Брайен не вмешивался. В его обязанности входило проследить, чтобы караваны с собранным опиумом они отправляли регулярно.

Ныне этот канал получения наркотиков приобрел особое значение. Правительство взялось за Кхун Са и других «опиумных королей», гонконгские синдикаты, со своей стороны, усиленно очищали «золотой треугольник» от конкурентов. Пополнить иссякающий поток грузов должны самые старые и проверенные друзья ЦРУ.

О'Брайен сильно переживал из-за того, что не сумел вовремя предупредить и Кхун Са о готовящейся атаке на его цитадель в деревне Бан Хин Таэк. Самого О'Брайена в момент подготовки операции вызвали в Вашингтон, а Дуайт Хенкинс не сумел правильно построить отношения с советником посольства, представляющим в Бангкоке американское управление по борьбе с наркотиками. Планы операции на сей раз держали в строгом секрете из-за опа-



сения, что чиновники полиции и местной администрации, которым Кхун Са платил немалую мзду, сорвут их осуществление. И, несмотря на это, тысяча сотрудников пограничной полиции и солдат несколько раз были отброшены огнем из безоткатных орудий. Деревню удалось захватить лишь после того, как наступающие войска были поддержаны огнем с вертолетов и самолетов таиландской армии.

О деталях предыдущей операции Кхун Са заранее поставили в известность. Когда два отряда десантников в гражданской одежде, вооруженные китайскими автоматами, въехали на двух «джипах» в Бан Хин Таэк, их уже ждали. Элемента внезапности, на который рассчитывали руководители операции, не было. Предполагалось, что десантники сумеют выкрасть или на худой конец убить «опиумного короля». Вместо этого они попали в засаду, потеряв десять человек.

Теперь правительственные войска сквитались с «королем». Но хотя Кхун Са потерял восемьдесят человек убитыми, он увел свою армию дальше в горы, предварительно разрушив подпольные лаборатории. Войскам досталось десять тонн оружия в качестве трофеев: гранатометы, реактивные снаряды, артиллерийские орудия. Полиция не смогла отыскать в деревне ни одного грамма опиума или героина, не оставили бандиты и химикалии, необходимые для производства героина. Все, что удалось найти,— шестьдесят тысяч пластиковых мешочков с хорошо известной каждому наркоману этикеткой «Дабл Ю-Глоуб».

В новом районе Кхун Са сразу открыл лаборатории и обещал Томпсону быть аккуратным в поставках, но уход с насиженного места не прошел для него даром.

О'Брайен велел отыскать Хенкинса и попросить его немедленно приехать в посольство. Из полиции подозрительно долго не было никаких известий об Олдмонте. Он куда-то исчез или полиция хитрит?

Дуайт Хенкинс перевез четырех агентов на квартиру, которую снимала резидентура. Все было обставлено достаточно аккуратно: из гостиницы они уезжали поодиночке, каждый просил вызвать такси до аэропорта. Человек Хенкинса забирал их из аэропорта — там в туалете они переодевались, клали свои чемоданчики в сумки, которые получили в сложенном виде, словом, выходили из здания аэропорта совсем другими людьми. Четверо американцев с их документами улетели в тот день в разные концы земного шара. Вообще говоря, техническим обеспечением операций занимались «фонарщики», но их всегда не хватало. К тому же Хенкинс знал всех четверых: в свое время они тоже были «зелеными беретами». Они вместе неплохо поработали в Юго-Восточной Азии, убирая тех, на кого падало подозрение в симпатиях к Вьетконгу. Хенкинсу вскоре надоела эта грязная работа, и, окончив спецшколу, он перешел в кадры ЦРУ. Эти четверо так и остались в составе секретных групп управления, выполняющих тайные операции во всех районах земного шара.

Тоуба и Оуэна он был рад увидеть. Оба вели себя прилично, время, отведенное для отдыха в Бангкоке, использовали с толком. Особенно Оуэн, который упорно штудировал книги Ферберна, в свое время Хенкинс тоже отдал им дань. Первая называлась «Научная самооборона» и в спецшколе рекомендовалась всем будущим оперативникам в качестве незаменимого пособия по уникальным методам рукопашного боя. В сокращенном виде эта книга издавалась еще до войны под названием «Стань сильным!», на ней воспитывалось первое поколение сотрудников управления стратегических служб Донована. Ценность книги состояла в двухстах фотографиях с лаконичными, но ясными комментариями: приемы обезоруживания противника, удары палкой, полицейской дубинкой, ногой, удушение голыми руками, способы самообороны от нескольких нападающих. Но еще больше Хенкинсу понравилось, что Оуэн изучает и так называемое «Руководство по открытым источникам», которое в спецшколе называли «нашей Библией» и считали более удачным, чем учебник ЦРУ «Что, где». Книга подробно объясняла, как добывать информацию из любых источников: от запросов в федеральные и местные учреждения и частные компании до методов работы с адресными и телефонными книгами; особый раздел составляли инструкции для тех, кто имеет дело с осведомителями. Хенкинс понял, что Оуэну надоело выполнять чужие приказы, захотелось поработать головой — чувство, которое сам он испытал еще десять лет назад.

Вот о двух других членах группы он не мог сказать ничего хорошего. Они были профессионалами, но война во Вьетнаме не прошла для них бесследно. Они сильно пили и, как подозревал Хенкинс, потребляли наркотики в огромных количествах.

Было и еще одно различие между выходцами из Австралии Тоубом и Оуэном, с одной стороны, и Джемом и Тони, которых вербовщики извлекли из ЮАР — с другой. Хенкинс, безусловно, симпатизировал стопроцентным англосаксам Тоубу и Оуэну и пренебрежительно относился к потомкам буров, в чьих жилах — как знать — могла оказаться примесь африканской крови. Тони, курсанту военного училища, помогли бежать из Претории после того, как он спьяну пристрелил из автомата трех негров. Преступление, по юаровским понятиям, не очень страшное, но карьера будущего офицера была испорчена. Сотрудничество с ЦРУ показалось неплохим шансом начать новую жизнь. Джем был убежденным фашистом, членом ультраправой организации «Африканерское движение сопротивления», для него политика Претории была слишком либеральной. Свои политические взгляды он унаследовал от отца, который в юности поклонялся Гитлеру.

Хенкинс с детства привык, что между хорошими и плохими людьми, между ковбоями и индейцами всегда идет борьба и всегда кого-то приходится убивать. Он хорошо помнил тот день, когда в первый раз разрядил пистолет в живого человека. Это было во Вьетнаме. Они ликвидировали людей, связанных с партизанами. Хенкинс выстрелил в голову человека, сидевшего на земле со связанными за спиной руками, и удивился, до чего простым оказалось это дело. Потом Хенкинс в составе группы специальных операций обучал таиландские отряды, которые вместе с «зелеными беретами» участвовали в карательных экспедициях на вьетнамской территории. Вот эта-то опасная и неблагодарная работа быстро приелась Хенкинсу, да и потери были велики.

Тоуб, Оуэн, Тони и Джем успешно прошли программу школы «зеленых беретов». В глазах Хенкинса это их неплохо характеризовало. Более половины кандидатов, изъявивших желание пройти нелегкий курс обучения, требующий большой выносливости, не в состоянии его осилить или по окончании курса признаются недостаточно квалифицированными, чтобы быть зачисленными в специальные силы. Все четверо прошли испытания. Они помогли выследить в Боливии Че Гевару. Самый большой послужной список был у Тони, который провел в Юго-Восточной Азии восемь лет. «Существует два способа лишить человека жизни,— говаривал в подпитии Тони.— Либо он перестает дышать, либо сердце перестает качать кровь. Все остальное сводится к практическому применению этих принципов. Убивать — это чисто механический акт. Раз есть приказ, это нужно делать — вроде того, как нужно чистить зубы».

Такая бравада была глубоко неприятна Хенкинсу. Сам он всегда находил идеологическое оправдание собственным поступкам, ведь он чувствовал себя благородным ковбоем, убивающим жестокого индейца: оставь того в живых — натворит бед. Будь его воля, Хенкинс отстранил бы Тони и Джема от операции. Но состав группы утверждался Лэнгли, на его плечи же легли малоприятные функции рядового «фонарщика». Поэтому, получив приказание О'Брайена приехать в посольство, он с удовольствием покинул конспиративную квартиру. Уходя, он заглянул в комнату, где обосновались агенты. Они сидели вокруг большого овального стола и чистили оружие. Лица показались Хенкинсу бледными. Вероятно, из-за люминесцентного освещения.

Окончание следует.

Обстоятельства смерти господина N

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Леонид МЛЕЧИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

На первом этаже Олдмонт света не включал, поэтому неизвестные двигались на ощупь. Нэд Олдмонт прижался к стене. Его пистолет остался в машине, в комнате он не держал оружия. Шаги были совсем близко. Значит, они уже нашли лестницу на второй этаж. Расположение комнат в доме они, судя по всему, не знали — потеряли несколько минут, пока шарили в гостиной и спальнях. Чуть скрипнула нижняя расшатанная ступенька. Больше медлить было нельзя. Олдмонт рванул электропроводку — дом старый, провода шли по стене — свет в комнате потух. И тут же внизу сверкнули вспышки — нервы не выдержали, подумал Олдмонт. Он встал у двери, ожидая, кто же появится оттуда. Несколько секунд было тихо, потом вспыхнул фонарик, узкий луч побежал по комнате. Загремели шаги, в три приема человек преодолел высокую лестницу. Олдмонт заметил тень и сбоку ударил, нападавший не удержался на ногах и полетел вниз; оттуда захлопали выстрелы. С деревянного потолка полетели щепки, разлетелось зеркало в углу, жалобно звякнула люстра.

Олдмонт лихорадочно соображал, что делать дальше. Выстрелы гремели безостановочно (на секунду мелькнула мысль: «Полиции они явно не боятся»), теперь по лестнице взбирались двое. Олдмонт стремительно присел. Они выстрелили несколько раз, целясь туда, где, по их предположению, стоял Олдмонт. Пули просвистели у него над головой. Ослепленные вспышками, нападавшие не заметили, как Олдмонт бросился на них. Получив по голове тяжелым стулом, один из них выронил оружие. Олдмонт бросился за пистолетом. Второй выстрелил. Пуля обожгла бедро, но пистолет был уже в руках Олдмонта.

Через минуту возле Олдмонта валялись два трупа, но его правая рука повисла как плеть. Руку прострелил третий нападавший. Олдмонт не успел левой рукой перехватить пистолет и молча смотрел на своего противника.

О'Брайен выключил радио, сообщившее, что лучшей таиландской актрисой года названа Чаруни Суксават, исполнительница главной роли в фильме «Тайна». Среди актеров обладателем такого же титула стал Пия Такунрат, сыгравший главную роль в фильме «Бог — покровитель деревни Бангпун».

— Я только сейчас узнал, что вы стреляли в Олдмонта,—раздраженно сказал О'Брайен, как только Хенкинс вошел в его кабинет.— Вы что, с ума сошли? Забыли, за что вам деньги платят? Чувствуете себя еще «охотником за скальпами»?

«Охотникам за скальпами» в ЦРУ поручали убийства и прочие грязные операции, от которых освобождают заграничные резидентуры, чтобы их не компрометировать. «Охотники» действуют в одиночку, без прикрытия, чтобы в случае провала не потянуть за собой других сотрудников управления. Хенкинс действительно несколько лет был «охотником за скальпами», и в резидентуре ему постоянно давали понять, что он работник второго сорта: результат постоянного взаимного недоброжелательства между сотрудниками директората разведки и директората операций.

— Я же получил от вас приказ нейтрализовать Олдмонта,— хладнокровно возразил Хенкинс.— Но он слишком большой хитрец, чтобы его можно было взять голыми руками.

— Вы играете в гольф? — спросил О'Брайен.

— Нет,— отрезал Хенкинс.

Он поджал губы, словно его оскорбили в лучших чувствах.

О'Брайен вздохнул.

— Основной принцип игры в гольф гласит, что никогда нельзя упускать мяч из поля зрения.— Хенкинс не мог понять, иронизирует О'Брайен или говорит всерьез.— Мяч в этой игре — Хоукс. Я пытался вам это объяснить, жаль, что вы не поняли, Дуайт. Хоукса нужно немедленно доставить к Олдмонту.

— Не раньше, чем полиция назовет мне адрес Олдмонта.— Хенкинс хотел, чтобы последнее слово осталось за ним.

Раздался легкий щелчок, и Олдмонт зажмурился от яркого света. Он ждал выстрела. Неизвестный отвел от него фонарик и на мгновение осветил свое лицо. Пухлая, расплывшаяся в ухмылке физиономия. Тирают! Насильник, бандит, «красный буйвол»!

Луч фонаря опять уперся прямо в глаза Олдмонта.

— Вот тебе и конец пришел, паршивая скотина,— прошипел Тирают,— как и твоему братцу, которого ты все забыть не можешь. Еще угрожал мне, собака. Такие люди, как я, обид не прощают.

Тирают нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало: он расстрелял весь магазин. Тирают стоял совсем близко, и Олдмонт, поднырнув под слепящий луч, головой ударил его в живот. Оба повалились на пол.

Олдмонт был тяжелее противника, но мог действовать только одной рукой. Тирают сбросил его с себя, схватил Олдмонта за уши и с силой бил об пол, пока американец не перестал сопротивляться. Тяжело дыша, Тирают пошарил вокруг себя — он искал фонарь. Но фонарь откатился куда-то далеко. Периодически за окном вспыхивала и гасла реклама, и в ее розовых отблесках Тирают заметил в углу ребристую рукоятку пистолета, который выронил один из его телохранителей. Он повернулся спиной к неподвижному Олдмонту и сделал первый шаг.

Американец повалил его на пол ударом обеих ног, напоминающим взмах ножниц. Тирают растянулся во весь рост, но сразу же поднялся. Вскочил и Олдмонт. Они стояли друг против друга, выжидая. Тирают был ловок и хитер. Его характер закалялся в непрерывных драках с конкурентами, когда вопрос, кто из двоих останется в живых, решала быстрота реакции. Но, обескураженный стойкостью Олдмонта, Тирают лишился хладнокровия. Это предопределило его поражение.

Спеша покончить с американцем, он напал первым. Олдмонт качнулся вправо, так что удар Тираюта пришелся на пустое место, и отработанным приемом опустил ребро левой ладони на шейные позвонки таиландца.

Несколько минут Олдмонт пытался отдышаться, опустившись без сил на единственный сохранившийся в целости и сохранности стул. Некоторое время Тирают еще хрипел, затем замолк. Удар, которому Олдмонта научили еще в учебных лагерях УСС, был смертельным.

Конечно, О'Брайена никак нельзя было обвинить в излишней интеллектуальности. Всякое книжное знание он презирал. За столько лет работы в Бангкоке он так и не потрудился выучить тайский язык. Один раз по этому поводу ему даже пришлось выслушать обидное нравоучение от своего предшественника на посту резидента, который в присутствии нескольких человек, метя в О'Брайена, сказал, что глупец, разумеется, не станет умнее, выучив хоть десять языков. Но понимание речи других людей может открыть возможность проникнуть в их мысли и чувства, а разве это не важнейшая задача разведчика?

Взяться за учебники, вступить вновь в систему отношений «преподаватель—ученик» — эта мысль казалась ему безумной. Он много знал о Таиланде, потому что ничего не пропускал мимо ушей, и телефонный звонок Хенкинса, извещавшего, что он наконец едет вместе с Филом Хоуксом к Олдмонту, оторвал О'Брайена от «увлекательной» телевизионной передачи — демонстрировались отрывки из старинной таиландской драмы во всем ее многообразии: сиамский танец, лакон, ликэ, кон и театр теней — нанг.

Олдмонт отыскал домашнюю аптечку своих хозяев и кое-как перевязал правую руку, заодно проглотил несколько болеутоляющих таблеток и запил их первосортным виски, которое непьющие хозяева держали специально для него. Не совсем твердо держась на ногах, он все же обследовал весь дом. Стекло в кухонном окне было выдавлено бандитами. С улицы было видно, что свет горит только на втором этаже, но они все же обшарили комнаты. Олдмонт пощелкал выключателями, одна из пробок сгорела из-за короткого замыкания, которое он устроил, сорвав провод со стены, поэтому свет зажегся только на кухне и в прихожей. Возле лестницы, ведущей на второй этаж, были рассыпаны еще теплые гильзы. Видимо, надо вызвать полицию, иначе он навлечет серьезные неприятности на своих милых хозяев, которые должны вернуться со дня на день. Но полицейские вряд ли поверят Олдмонту, что он всего лишь невинная жертва преступников, трупы будут свидетельствовать против него. Во всяком случае, до выяснения всех обстоятельств дела его заберут в полицию, и тогда он наверняка окажется в руках ЦРУ. И уже не он будет разговаривать с Хенкинсом, а Хенкинс с ним. А ведь он во что бы то ни стало должен рассчитаться с убийцей своего брата.

Несмотря на изрядную дозу виски, он почувствовал слабость и вынужден был опуститься в плетеную качалку, пылившуюся в прихожей. Откуда Тирают узнал его адрес? Только сейчас эта мысль пришла ему в голову. Значит,

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 39—44.

ЦРУ его выследило. Он не мог предположить, что Тирают решил убить его по собственной инициативе. Он, правда, что-то сказал насчет нанесенного ему оскорбления, но в мире, в котором жил Тирают, добывать сведения, угрожая пистолетом, обычная вещь. На это грех обижаться. Больше ничего плохого Олдмонт ему не сделал.

Тираюта послали люди О'Брайена. Это очевидно. Тирают никогда и не переставал работать на ЦРУ. Неужели он обманул Олдмонта, назвав не того человека убийцей Линна? Олдмонт вспомнил его испуганные глаза, дрожащие руки. Нет, Тирают не был таким смельчаком, чтобы лгать на пороге смерти. Тем более что сам Олдмонт тоже подозревал Дуайта Хенкинса. Линн еще при первой встрече, рассказывая о странных рейсах, которые ему приходится совершать в джунгли, показал фотографию: рядом с Олдмонтом-младшим стоял Дуайт Хенкинс, он неизменно сопровождал грузы непонятного назначения.

То, что рассказал Тирают об обстоятельствах смерти Линна, было слишком похоже на правду. Хенкинс убил троих героиновых курьеров, которые сдали ему большой груз — все, что притащил длинный караван. Хенкинс предпочел расплатиться с ними не долларами, а свинцом. Тут же Хенкинс пристрелил какого-то вьетнамца, за которым послал Тираюта в ближайшую деревню. Партнерам по героиновому бизнесу Хенкинс собирался объяснить все внезапным нападением вьетконговцев на курьеров. Но отошедший далеко от самолета Линн Олдмонт бросился на звук выстрелов, он, верно, подумал, что Хенкинс попал в ловушку, устроенную партизанами. Уже на его глазах Хенкинс добивал вьетнамца-крестьянина. Линн сказал Хенкинсу, что обо всем сообщит командованию. Когда он повернулся спиной к цээрушнику, тот выстрелил ему в спину.

Разве самому Нэду не были смешны всякие разговоры о мести? Ничего хорошего не выходит, если ты сам решаешь творить суд и расправу. Бессмысленное кровопролитие, вот и все. Справедливости все равно не восстановить. Да и кому мстить? Подонку Хенкинсу? А разве кто-то другой из «зверей», как они называли оперативников ЦРУ, поступил бы поиному? Олдмонт был с ними в приятельских отношениях, пил с ними пиво в посольской столовой и считал их, в сущности, неплохими ребятами. Тем более что делали они одно дело. Даже если Олдмонту что-то не нравилось, разве он отказывался им помогать? В том же Таиланде он немало поработал на ЦРУ. Он отлично знал, сколько мерзостей творят сотрудники управления, но всегда молчал. Он знал и о героиновых операциях. Сам вместе с коллегами по АНБ установил на одной из баз американских ВВС систему радиоэлектронного прослушивания переговоров в «золотом треугольнике», чтобы убийца его брата Хенкинс и другие знали маршруты всех караванов. Нэд сразу понял, чем заставили заниматься его младшего брата, но не сказал Линну всю правду. Сотни раз по ночам Нэд Олдмонт вновь и вновь обращался к событиям тех дней и искал себе оправдание. Ведь он же не мог представить себе, что события примут такой оборот. Ведь он же хотел убрать оттуда Линна, но не успел. Он уехал, подчиняясь приказу. Память услужливо цеплялась за любой предлог, который мог бы оправдать Нэда в собственных глазах. Это продолжалось до тех пор, пока Олдмонт не понял: Линн погиб по его вине. Он мог спасти своего брата и не сделал этого. Ему вспомнились чьи-то слова: «В стремлении обмануть самого себя человек заготавливает для себя оправдательные ссылки на якобы проявленную им опрометчивость... Столь изощренно мы никого не обманываем, как самих себя, и никому так не льстим, как самим себе».

Нэд Олдмонт опять побрел в гостиную за спасительным виски. Но это универсальное лекарство не помогало. Не физическая рана мучила его, а душевная. Он приучил себя не обращать внимания на грязь и мерзость, которые окружали его, научился сосуществовать с ними. Пока все это не ударило его. Пока не убили Линна.

Сначала он просто горевал. Потом решил отомстить. Ему понадобились годы, чтобы подобраться к архивам того времени, надежно скрытым в хранилищах ЦРУ. Все, что относилось к полетам авиакомпании «Эйр опиум», держалось в таком же секрете, как и детали государственных переворотов и убийств, совершенных ЦРУ.

Ни одной минуты он не колебался: отомстить должен он сам. Попытки привлечь к суду Хенкинса обречены. И не потому, что никто не поверит в способность сотрудника ЦРУ совершить такое грязное убийство. У него нет свидетелей. Тирают был единственным, но он никогда не дожил бы до суда и не сказал бы правду.

Удивительно, что он вообще сумел добраться до истины. Если бы не одна случайность, ему вовек не узнать...

Но теперь мысль о мести начала казаться ему абсурдной. Кому мстить? Ведь он сам виновен в смерти брата...

За окном мягко прошелестели шины, машина остановилась возле дома. Полиция? Он осторожно подобрался к окну. Удивительно, что никто из соседей не вызвал патруль. Из машины вылез Фил Хоукс. Когда он открыл дверцу, в салоне вспыхнул свет, и в водителе Олдмонт узнал Дуайта Хенкинса.

Появление Хенкинса было для Хоукса неожиданным. Сначала он наотрез отказался ехать.

— В конце концов Олдмонт должен быть заинтересован в получении денег по страховому полису. Это смешно,— возмущался Фил Хоукс. — Наш долг — оповестить клиента, но не бегать за ним.

Неприятные воспоминания о том, как ему пришлось дважды напрасно ждать Олдмонта, начисто отбили у него охоту иметь дело с таким человеком. Он уже заказал билет, а документы, относящиеся к Олдмонту, собирался попросту оставить в почтовом агентстве, где Олдмонт хотя бы иногда бывает. Дальнейшее — его дело,— разгорячившийся Хоукс чуть не кричал на Хенкинса, словно тот втравил его в эту дурацкую историю.

Дуайту Хенкинсу понадобилось не менее получаса, чтобы уговорить Хоукса предпринять последнюю попытку. Высадив Фила у дверей дома, где обитал Олдмонт, Хенкинс отъехал немного в сторону, и из телефона-автомата позвонил О'Брайену. Хенкинс нашел его дома. О'Брайен и здесь смотрел телевизор. Группа молодых девушек в ярких платьях, оставляющих открытыми левое плечо и руку, исполняла танец, традиционный для северного Таиланда. Безупречная прическа украшена венком из белого жасмина. На четырех пальцах каждой руки длинные искусственные ногти, движения рук — самое прекрасное в этом танце. Иногда его исполняют с зажженными свечами, под мелодичное хоровое пение.

— А что делать мне, Говард? — спросил Хенкинс.

— Ждать Хоукса,— неторопливо ответил О'Брайен,— когда он выйдет, отвезти в «Амбасадор». Позаботиться о том, чтобы он исчез из Таиланда как можно быстрее. Билет он уже купил?

— Да, как будто,— неуверенно подтвердил Хенкинс,— а не стоит ли мне...

О'Брайен откашлялся.

— Дуайт, я что, с годами утратил способность четко выражать свои мысли?

Вполне в духе О'Брайена, раздраженно подумал Хенкинс, таким образом осадить подчиненного. Это его любимое выражение: «Говорить надо не так, чтобы вас можно было понять, а так, чтобы вас нельзя было не понять».

Фил Хоукс изумленно уставился на перевязанную правую руку Олдмонта. До него даже не сразу дошло, что в левой Олдмонт держит пистолет.

— Вы плохо себя чувствуете? Вы больны?— не успев договорить, Хоукс почувствовал нелепость своих вопросов.

Если бы у Олдмонта были силы, он бы усмехнулся. Пропуская Хоукса, он сделал шаг в сторону, держа гостя под прицелом, и кивком указал на кресло. Сам опустился в качалку. Пистолет положил на колени.

— Я слушаю вас,— сказал он.

Когда ошеломленный таким приемом Хоукс стал распаковывать сверток с бумагами, пистолет опять оказался у Олдмонта в руке.

— Нет, нет,— жалко усмехнулся Хоукс. Он почувствовал, что весь взмок, во рту стало сухо,— здесь нет оружия.

Он поскорее вытащил документы, чтобы Олдмонт убедился: у него с собой только безвредные листки бумаги, которые решительно никому не могут причинить зла. Хоукс навсегда зарекся браться за такие поручения. В горле у него стоял комок, и он не мог никакими силами заставить себя разжать челюсти. Он молча протянул Олдмонту пачку документов. Черный зрачок пистолета гипнотизировал его.

«Неужели притворяется?» — думал Олдмонт. Но так играть может только искусный актер. Парень вел себя странно, он явно был напуган, его поведение не укладывалось в схему, которую Олдмонт себе нарисовал. Недоумевая не меньше Хоукса, он, опять отложив пистолет, взял документы левой рукой.

Это произошло вскоре после реорганизации Совета национальной безопасности, да и в конечном счете в результате этого.

К Олдмонту, занимавшему пост начальника отдела, заглянул самый старый из его сотрудников; после долгих размышлений он собрался на пенсию. С сожалением оторвавшись от дел, Олдмонт согласился потолковать с ветераном.

То, что он услышал, показалось совершенно неправдоподобным. Однако доказательством были толстые пачки с записью полученных сведений. Оставшись один, Олдмонт разобрался в этой кипе и убедился, что его сотрудник был прав. Местная служба Агентства национальной безопасности случайно перехватывала внутреннюю глубоко секретную информацию ЦРУ; пост электронного прослушивания «считывал мысли» с компьютерной памяти, поскольку в сфере его действия оказалась одна из ЭВМ ЦРУ. Тогда они еще только начинали эксперименты по «подслушиванию» компьютеров. Этот случай подтверждал перспективность дальнейших разработок.

Первым побуждением Олдмонта было доложить начальству, что пост электронного прослушивания надо переориентировать на другие объекты, но одна бумага привлекла его внимание. Он заметил свою фамилию. Это была шифротелеграмма в Лэнгли: «Работника АНБ Нэда Олдмонта предлагается в дальнейшем не командировать в Таиланд. В связи с некоторыми обстоятельствами смерти его родственника (Линн Олдмонт, лейтенант ВВС, см. наши телеграммы №№...) может представить определенную опасность для работы местного аппарата управления».

Телеграмма как громом поразила Олдмонта. Утихшее было горе опять напомнило о себе и больше не отпускало. Значит, предчувствие не обмануло Олдмонта, что-то неладное произошло в тот день, когда Линн, как ему сказали, погиб от пули вьетнамского партизана.

Олдмонт не сообщил начальству, что АНБ подслушивает компьютерную систему ЦРУ, а попросил освободить его от должности начальника отдела, ссылаясь на нездоровье, и занял место ушедшего на пенсию сотрудника, который первым обнаружил это. Все, что неутомимая служба электронного перехвата выуживала из бездонной памяти компьютера, оседало в столе Олдмонта. Это была лишь тонкая струйка в безбрежном океане информации, поступавшей в АНБ, и Олдмонт, который проработал в агентстве больше двух десятков лет, знал, как утаить от чужих глаз то, что должно остаться его личным секретом.

После соответствующей президентской директивы и реорганизации Совета национальной безопасности Центральное разведывательное управление в неограниченных масштабах занялось слежкой за «подозрительными» американцами. К этой работе подключили АНБ, по иронии судьбы в разряд подслушиваемых попал и компьютер ЦРУ.

АНБ всегда этим занималось. В течение тридцати лет агентство с помощью ФБР получало копии всех телеграмм, отправляемых и получаемых американскими компаниями. Просматривались все международные телеграммы. Олдмонт косвенно участвовал вместе с сотрудниками своей секции в проводимой с июля 1969 года программе «Минарет»: прослушивание телефонных разговоров лиц, чьи политические убеждения «беспокоили» ЦРУ и ФБР. Речь шла о коммунистах и прочих левых. Во время осуществления операции «Хаос» ЦРУ представило АНБ список лиц, которых следовало держать под электронным колпаком. Задачу, поставленную Белым домом, спецслужбы не выполнили: никаких следов «иностранных денег», поступающих якобы борцам за гражданские права в США, обнаружить не удалось. Но досье, собранные на многие тысячи американцев, легли в архивы ЦРУ и ФБР. Следить за «подозреваемыми» АНБ помогали четыре американские телеграфно-телефонные компании, прослушивание телефонов и перехват телеграмм не составило сотрудникам агентства особого труда. Эта деятельность спецслужб санкционировалась последовательно сменявшими друг друга президентами США. По просьбе государственного секретаря стали прослушиваться служебные телефоны всех служащих государственного департамента. По указанию помощника президента магнитофоны были подключены к коммутатору Белого дома, его интересовали телефонные разговоры собственных подчиненных в аппарате Совета национальной безопасности. Новая техника позволила подслушивать еще более широкие слои американцев. Но на сей раз были приняты все меры для того, чтобы не допустить утечки информации. Директор Федерального бюро расследований был подчинен директору ЦРУ, который по должности является главой разведки в целом. Если раньше сотрудники ЦРУ, чья сфера действий по закону 1947 года — заграничные операции, действовали внутри страны с оглядкой, то теперь они получили карт-бланш на шпионаж за американцами. На всякий случай министра юстиции вывели из созданной в рамках Совета национальной безопасности межведомственной группы по разведке. Министр юстиции отвечает за соблюдение законности, следовательно, ему там нечего делать.

Несколько лет Нэд Олдмонт вел свое маленькое расследование. К его глубокому сожалению, из компьютера ЦРУ ничего больше не удалось вытянуть относительно смерти брата. Зато он узнал многое другое, в частности детали провалившейся операции «Лазарус» и план новой террористической акции, на которую в Лэнгли возлагали немалые надежды; ее результаты должны были сказаться на политической обстановке в Юго-Восточной Азии в целом.

Таких операций немало было на счету ЦРУ, некоторые из них удавались, большинство нет, но неудачи Лэнгли не смущали: вместо провалившихся агентов готовили новых, благо в деньгах и оружии ЦРУ недостатка не испытывало.

Провалов у ЦРУ было значительно больше, чем удач. Кому-кому, а Олдмонту это было хорошо известно. В Форт-Миде не без злорадства наблюдали, как бесславно заканчивались тщательно подготовленные операции, которые дорого обходились американскому налогоплательщику. Широкая публика о большинстве таких провалов и не подозревала. Мощный пропагандистский аппарат годами создавал Центральному разведывательному управлению рекламный образ всемогущей организации. Но профессионалы знали истинную цену этому дутому всевластию.

Олдмонт не испытывал злорадства, получая сведения об очередном «проколе» агентов Лэнгли. Не только потому, что не менее бесславно заканчивались и, казалось бы, хорошо продуманные операции самого Агентства национальной безопасности, где он столько лет проработал. Позорно провалилась и акция ЦРУ — засылка южнокорейского шпионского самолета в советское воздушное пространство.

Чем дальше, тем больше Олдмонт понимал, что провалы и поражения не остановят Центральное разведывательное управление США и его покровителей. Ни залив Кочинос, ни Вьетнам ничему не научили Лэнгли, где по-прежнему делали ставку на государственные перевороты и политические убийства. ЦРУ — неотъемлемый элемент американской внешней политики, и в Вашингтоне не могут обойтись без подрывных акций, совершаемых оперативниками, ибо террор осуществляется во имя глобальных целей Белого дома. И подобно тому, как терпит неудачу американская политика «с позиции силы», рушатся и амбициозные планы специальных служб.

В Индокитае, Эфиопии, Афганистане, Иране, Никарагуа ЦРУ не удалось повернуть колесо истории вспять. Да и удачные операции ЦРУ, по существу, приносили лишь временный успех. Но в Лэнгли, торопясь перечеркнуть растущий список провалов, лихорадочно разрабатывали все новые и новые операции. Олдмонту руководители ЦРУ представлялись в роли пожарных, которые появляются, когда пламя охватило уже весь дом. Влиять на судьбы стран и народов с помощью террористов из директората операций — заранее обреченная затея. Каждая акция ЦРУ влекла за собой

человеческие жертвы. Его личная трагедия— смерть брата — заставила Олдмонта задуматься.

Олдмонт сознавал, что обширные планы ЦРУ означают гибель многих людей. Он не хотел, чтобы по приказу из Лэнгли опять текла кровь, и был полон решимости сорвать новую операцию. Стремясь предотвратить еще одно преступление, перед отъездом в Таиланд Олдмонт послал анонимное письмо организаторам намечающейся акции.

Олдмонт раскрыл конверт, который Хоукс положил сверху. В нем было свидетельство о смерти Лилиан Олдмонт и снимки, сделанные на месте аварии.

Хенкинс, которого била дрожь, нашарил в кармане монету и пошел звонить О'Брайену. Резидент ждал его звонка.

— Ну, как у вас дела? — осведомился он.

— Все это слишком долго тянется, Говард,— пожаловался Хенкинс.— Совершенно не представляю, что там происходит. Не напрасно ли мы теряем время? Такого благоприятного случая может больше не представиться.

Теперь по телевизору показывали лакон — драматическое действо, где мужские роли исполняются женщинами. Сюжет, насколько понял О'Брайен, незамысловат, некая романтическая история, напоминающая «Ромео и Джульетту». За лаконом последовал ликэ, где актеры произносят диалоги в стихах. Зачем, спрашивается, все это было нужно О'Брайену? Ликэ обычно исполняют в буддийских храмах, но иногда такие представления показывают в домах бангкокской верхушки, куда приглашают и сотрудников американского посольства. И хотя О'Брайен с трудом отличал кларнет от флейты, а гобой от валторны и был абсолютно равнодушен к серьезной музыке да и к театру, он бы не хотел на людях спутать актеров ликэ в роскошных костюмах, расшитых золотом и серебром, с исполнителями ролей в театре кон, которые носят маски. Таиландской элите должно было льстить, что представитель далекой Америки разбирается в их национальном искусстве.

— Ждите, Дуайт.

О'Брайен повесил трубку.

Наблюдая за Олдмонтом, Фил Хоукс не заметил и следа душевных потрясений, которые испытал Нэд, когда из конверта выпала фотография его ушедшей из жизни жены. По мнению Хоукса, Олдмонт спокойно перенес обрушившееся на него трагическое известие. Он просмотрел все фотографии, но бумаги читать не стал. Хоукс произнес несколько подобающих фраз и перешел к тому, ради чего он проделал столь далекий путь. Он принялся знакомить Олдмонта с условиями завещания. Когда он спросил что-то у Олдмонта, тот не ответил. Олдмонт откинулся на спинку кресла, руки бессильно лежали на коленях, в левой судорожно сжата фотография Лилиан.

— Вы слышите меня?

Он осторожно дотронулся до колена Олдмонта. Тот не шевельнулся.

Хенкинс, собственно говоря, так и не понял, что же произошло между Олдмонтом и Хоуксом. Позднее он пытался расспрашивать Фила, но тот до самой гостиницы мычал что-то невразумительное.

Когда Хоукс с криком выбежал из дома, Хенкинс заподозрил совсем другое. Он подобрался к двери с пистолетом наготове, толкнул ее ногой и, пригнувшись, ворвался в дом. Он сразу увидел качалку и в ней неподвижную фигуру. Все еще не понимая, в чем дело, он подошел поближе. Безжизненные глаза Олдмонта успокоили его. Хенкинс поставил пистолет на предохранитель и спрятал его в наплечную кобуру. На всякий случай пощупал запястье Олдмонта и со спокойной душой вышел из дома. Дверь закрывать не стал, потому что был без перчаток.

Он отвез Хоукса в отель и оставил одного в номере. Молодой человек был явно не в себе, и разговаривать с ним было невозможно. Впрочем, теперь он и не интересовал Хенкинса.

О'Брайену он позвонил только из дома. Он понимал, что резидент нервничает, ожидая звонка, но не спешил успокоить его.

Весь этот день О'Брайен был в большом напряжении, ему следовало немного подышать на ночь свежим воздухом — только это соображение заставило его выйти в сад, который он вообще-то недолюбливал. Гулять здесь можно было только по дорожкам, не приближаясь к ограде. Сад, окружавший дома американцев, был напичкан электроникой. Микроволновые детекторы подавали сигнал тревоги, если улавливали постороннее движение или странные звуки поблизости от проволочной ограды. На пульте охраны вспыхивала красная лампочка, если кто-то пересекал невидимые лазерные лучи, испускаемые неприметными на первый взгляд установками вдоль внешней ограды. Телевизионные камеры контролировали подходы к резиденции. Морские пехотинцы, которые ее охраняли, пользовались инфракрасными приборами ночного видения. Многочисленные сотрудники одного из крупнейших американских посольств (двадцать четыре отдела посольства занимались не только самим Таиландом, но и соседними странами, особенно Вьетнамом и Камлучией) чувствовали себя не слишком спокойно.

Теперь О'Брайену предстояло успокоить сотрудников директората операций, которым мешал Олдмонт. Кстати, только теперь он вспомнил, почему эта фамилия казалась ему знакомой. Однофамилец или родственник Нэда Олдмонта был пилотом «Эйр Америка» и постоянно лез не в свои дела, мешал героиновым сделкам. О'Брайен разрешил Хенкинсу в случае необходимости убрать того Олдмонта. Хенкинс воспользовался разрешением.

— Им придется прыгать с парашютами,— сказал Уилсон.— Они еще не забыли, как это делается?

Дэвис отрицательно покачал головой.

— Я летал на базу смотреть, как у них идет подготовка накануне дня святого Михаила, который считается покровителем парашютистов. При мне все четверо по два раза прыгнули с малой высоты, и вполне прилично. Я уверен, что все пройдет как по маслу. Они во сто раз лучше подготовлены, чем участники операции «Лазарус».

— Смотри не сглазь,— скривился Грег Уилсон.

Дэвис раздраженно отмахнулся.

— Скажи мне лучше,— спросил он,— неужели ты был уверен, что известие о смерти жены явится таким тяжелым ударом для господина N?

Уилсон ответил не сразу.

— По правде говоря, я полагал, что он покончит с собой, узнав о дорожной катастрофе, о которой ему должен был поведать Хоукс из страхового агентства. Жена, несмотря на разладившуюся семейную жизнь, была для него самым близким человеком. Во всяком случае, такой вывод можно было сделать, заглянув в его досье и побеседовав с компьютером. Но, ко всему прочему, он был еще и тяжелый сердечник, о чем сам не подозревал. Врачи всегда смягчали диагноз. Нервные потрясения, пережитые им в Таиланде, все равно должны были свести его в могилу. Это я тоже принимал в расчет. В досье состояние его здоровья отражено объективно. Теперь, слава богу, мало кто из американцев может что-то от нас утаить.

— Да, я помню его письма к ней, которые Лилиан принесла нам,— сказал Дэвис.— Я, честно говоря, не думал, что она согласится позировать в роли трупа.

— С технической точки зрения это нетрудно,— заметил Уилсон.— Немного грима и элементарный фотомонтаж. В разбитую машину мы положили куклу.

— Но все-таки это был ее муж.

— Лилиан Олдмонт пятнадцать лет работает на нас. Принимала участие в операции «Хаос», у нее хорошие знакомства в студенческих и научных кругах. А Нэд Олдмонт всегда был для нее чужим человеком.

Уилсон посмотрел на часы. Операция уже началась. Он широким жестом смахнул в ящик стола телеграмму, полученную час назад из Бангкока.

«Лэнгли. Молния! Только в руки офицера!

Директорат операций. Уилсону.

Господин N скончался от сердечного приступа. Бумаги покойного высылаю дипломатической почтой установленным порядком.

О'Брайен».

Теодор ГЛАДКОВ,
Аполлинарий СЕРГЕЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Последняя акция Лоренца

ГЛАВА I

Самолет международной авиационной компании «Северное кольцо» совершал обычный рейс в Москву, имея на борту восемьдесят шесть пассажиров. Рыжеволосая Ева Нойберт — старшая стюардесса — чувствовала себя спокойно: в салоне первого класса не было ни одной американской миллионерши с выцветшей от возраста, невыносимого нрава болонкой и непрерывных по этой причине вызовов. Из VIP[1] на борту находился один-единственный пассажир — моложавый и вежливый швед, заместитель министра. Он в первую же минуту полета попросил бутылку минеральной воды, разложил на столике бумаги, которые достал из видавшего виды портфеля, и уткнулся в них. Все, что ему требовалось,— время от времени менять пепельницы.

Население туристского класса также не предвещало особых хлопот. Человек девять похожих, как близнецы, финских инженеров. Летят куда-то за Урал монтировать оборудование для производства бумаги. В Москве у них пересадка на самолет Аэрофлота. У всех девятерых в багаже складные алюминиевые лыжи и еще какое-то спортивное снаряжение.

Двадцать голландских девушек-школьниц под присмотром двух учительниц. Летят на месяц в СССР для практики в русском языке. Счастливо щебечут, словно волнистые попугайчики в вольере зоомагазина. И такие же пестрые. Хорошие девочки, правда, придется убрать за ними вороха оберток от чуингама и леденцов.

Еще одна группа — двадцать три советских туриста. Возвращаются домой. С этими никогда никаких хлопот не бывает. Редко кто попросит стакан содовой. В прошлом рейсе один молодой русский полчаса с самым серьезным видом морочил ей голову, просил по-английски назначить ему свидание в Москве. Шутил, конечно, но весело и необидно. Жаль немного, что шутил. Она-то знает, что русские носят обручальные кольца не на левой, а на правой руке. У этого веселого тоже было на правой. В ее стране он мог бы сойти за вдовца.

Остальные пассажиры в туристском салоне были друг с другом уже никак не связаны. Рейс короткий. Подавать обед не придется. Все как обычно. Спокойно. Без хлопот. Без чрезвычайных происшествий.

Чрезвычайное все же случилось. В туристском классе, на местах 14а и 14в, где сидели две симпатичные русские дамы. С ними стало плохо. Позвонила соседка — с 14с. Тоже русская.

Поначалу Еве Нойберт показалось, что у пассажирок обычное недомогание от воздушной болезни. На реактивных самолетах это теперь редкость, но все же иногда случается. Она принесла нашатырный спирт, гигиенические пакеты. Потом раздавила пластиковые флаконы с патентованным средством, помогающим при обмороках. Пока возилась с тампоном, у пассажирок появилась икота, они резко побледнели, на лбу выступил обильный пот.

Срочно запросили по радио Стокгольм, Копенгаген и Москву. Медицинские специалисты не смогли по скудости симптомов подсказать ничего путного. Учитывая, как быстро развились у обеих женщин угрожающие признаки, предложили немедленно совершить посадку на ближайшем аэродроме.

Ближайшим портом была Рига.

В рижском аэропорту международный лайнер уже ожидала карета «Скорой помощи». Рослые блондины с красными крестами на белоснежных шапочках, сопровождаемые не проронившим ни одного слова офицером-пограничником, вынесли из самолета уже потерявших сознание пассажирок.

Никогда в жизни Ева Нойберт их больше не увидит, только прочитает коротенькую заметочку в газете, когда вернется домой, что стало с двумя русскими женщинами позже. Никогда не забудет она этого чрезвычайного происшествия еще и потому, что ей придется, и не раз, давать по этому поводу показания уже и своей уголовной полиции.

...Автомобиль «Скорой помощи» с включенной сиреной мчал, не снижая скорости на мгновенно перекрываемых перекрестках, по улицам вечерней Риги. Опытные, видавшие на своем веку всякое врачи «Скорой», не теряя ни одной секунды, тут же, в «амбулансе», начали работать.

В приемный покой клинической больницы пострадавших доставили минут через сорок после появления у них первых признаков непонятного заболевания. Над спасением женщин, по-прежнему не приходящих в себя, работала лучшая бригада врачей под руководством заведующей отделением Марты Эмильевны Спаре и главного реаниматора клиники Игоря Викторовича Калины. Коллеги, коротко обменявшись соображениями, единодушно пришли к выводу, что причина неожиданного и грозного приступа у обеих снятых с самолета женщин — неизвестное отравляющее вещество.

Срочно вызванные в клинику эксперты — специалисты из Рижского медицинского института — никакой ясности в диагноз внести не сумели. Ничего не дали и анализы. Ни один лаборант в своей практике или в литературе с загадочным ядом не встречался.

Через два часа одна из женщин скончалась. Вторую усилиями врачей удалось из коматозного состояния вывести. Самолет с другими пассажирами, задержанный в аэропорту, смог продолжать полет до Москвы. Места снятых пассажирок заняли настороженные врачи. Они сидели, не отрывая рук от служебных саквояжей, в нарушение правил поставленных на колени, и не спускали глаз с притихших пассажиров. Впрочем, ничего тревожного в самолете больше не произошло, и медицинская помощь никому из туристов не потребовалась.

В Риге тем временем, еще до того как протокол о смерти в результате отравления был подписан, приступила к исполнению своих обязанностей старший следователь городской прокуратуры Эрна Альбертовна Крум. Крум начала с того, что установила личности отравленных. Погибшей оказалась Инна Александровна Котельникова, сорока двух лет, русская, замужняя, гражданка СССР, постоянно проживавшая в Москве. Второй жертвой была Юлия Николаевна Ларионова, пятидесяти двух лет, разведенная, также проживавшая в Москве.

И Котельникова и Ларионова работали в редакции одного и того же журнала, издаваемого в Москве Советом научно-технического общества. Котельникова заведовала отделом, Ларионова была заместителем главного редактора. Обе они входили в состав советской специализированной туристской группы, возвращающейся на Родину после двухнедельного пребывания за рубежом. Ранее никто из туристов ни Котельникову, ни Ларионову не знал, все они перезнакомились между собой уже во время поездки.

Эрна Альбертовна Крум была превосходным знатоком своего дела, но понимала, что расследовать этот необычный случай до конца ей скорее всего не дадут. Так оно и оказалось. Ввиду того, что по заключению врачей советские гражданки получили яд не менее трех часов назад, то есть еще находясь за границей, дальнейшее расследование дела было передано в Комитет государственной безопасности Латвийской ССР. Сообщили о случившемся и в Главное управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР.

В одиннадцать часов утра следующего дня Эрна Альбертовна Крум встретилась с майором государственной безопасности Эвалдом Густавовичем Лусисом, которого много лет назад знала еще под именем Хитрый Эвалд. Оба они тогда были студентами Латвийского государственного университета, и Лусис считался звездой волейбольной команды юридического факультета. Его коварные удары с четвертого номера и принесли ему почетное прозвище. Оба они — и Крум и Лусис — имели хорошую репутацию на службе. При редких, случайных встречах они охотно вспоминали былые университетские годы, интересовались здоровьем супругов и детей, но никогда не говорили о том, чем занимались повседневно теперь.

Как и Крум, Лусис в вещах Ларионовой и умершей Котельниковой решительного ничего, что могло бы привлечь внимание, не обнаружил. Обычный багаж женщин, отправляющихся в короткую туристскую поездку за рубеж, обычные, сделанные там на скромную валюту покупки и сувениры. Лусис приметил только, что в чемоданах Котельниковой и Ларионовой были платья разного фасона и цвета, но из одной и той же, очевидно, очень дорогой ткани, которая в СССР не производилась и не продавалась (это установили консультанты, специально приглашенные из Министерства торговли). Платья были явно только что сшиты, их еще ни разу не надевали. Фирменных этикеток на платьях не имелось. Майор Лусис пригласил к себе Велту Меншикову — ведущего модельера знаменитого Рижского Дома моды. Только взглянув на вещи, Велта уверенно заявила, что платья сшиты на заказ в одном из лучших европейских салонов. Должны стоить больших денег там, на Западе... Нет, ошибки быть не может.

Полностью повесть будет опубликована в Воениздате.

[1] Аббревиатура, ставшая международной: very important person — очень важное лицо (англ.).

Разве товарищ майор не видит эти линии?

Ничего особенного в таинственных линиях Лусис не узрел, но услышанное произвело на него впечатление. Сомневаться в авторитете Велты не приходилось — она была всесоюзной знаменитостью, о чем майор неоднократно слышал в определенном контексте от собственной жены. Взвесив некоторые соображения, он спросил Меншикову, у кого в той стране, где были в поездке Ларионова и Котельникова, могли быть сшиты платья. (Разумеется, фамилии этих женщин, равно как и повод, по которому вообще потребовалась консультация, не сообщил.)

Не задумываясь, Меншикова уверенно ответила:

— Там? Дукс, Дальберг или Розенкранц. Больше некому.

Тут же Лусис получил краткую, но исчерпывающую характеристику названных владельцев салонов дамской моды, а также их адреса.

Опросить Юлию Николаевну Ларионову майор в этот день не сумел, так как женщина все еще находилась в забытьи.

За два часа, что самолет стоял в рижском порту, Крум вместе с дежурным инспектором уголовного розыска успела переговорить с несколькими туристами. Римма Вадимовна Маркина из Харькова, занимавшая кресло 14с рядом с Котельниковой и Ларионовой (это она подняла тревогу, когда тем стало плохо), твердо помнила, что никто из них ничего, кроме предложенных стюардессой конфеток, после старта в рот не брал. Оставшиеся конфетки, как и обертки от съеденных Котельниковой и Ларионовой, изъяли и подвергли химическому анализу. Никакого яда обнаружено не было. Впрочем, Крум на это всерьез и не рассчитывала.

Маркина сообщила также, что вроде бы видела своих соседок в аэропорту отправления в обществе переводчицы туристской фирмы «Евротур» госпожи Дарьи Нурдгрен, которая обслуживала группу в поездке по стране. Другие пассажиры подтвердили, что они также видели, как Ларионова и Котельникова о чем-то оживленно беседовали с Нурдгрен, которую, впрочем, все, кто был в группе, называли запросто Дарьей Егоровной — по просьбе ее самой. К разговору этому, к сожалению, никто не прислушался, так как в последние минуты перед посадкой в самолет каждый был занят своим делом. Однако два пассажира настаивали на том, что видели, как Ларионова, Котельникова и Дарья Егоровна что-то пили в баре зала ожидания: не то кофе, не то какой-то прохладительный напиток. Это уже была хотя и слабая, но зацепка. Экспертиза следов алкоголя в крови обеих женщин не обнаружила, кофеин же в незначительном количестве присутствовал. Значит, они пили в баре действительно кофе. Можно было быть уверенным также, что использованная посуда в баре давно прошла через мойку-автомат и теперь уже неотличима от десятков других чашек.

Управление «Интуриста» немедленно оповестило обо всем случившемся фирму «Евротур», с которой было связано взаимным обслуживанием туристов много лет. Директор-распорядитель «Евротура» господин Рольф Окс был потрясен и глубоко расстроен. Кроме того, он понимал, какой удар мог быть нанесен престижу старой, уважаемой фирмы в результате трагического инцидента. Директор-распорядитель принес «Интуристу» глубокие соболезнования от имени правления фирмы и себя лично по поводу гибели госпожи Котельниковой и тяжелой болезни госпожи Ларионовой.

В отчете о работе фирмы с группой, в которую входили Котельникова и Ларионова (копия-ксерокс была немедленно переслана «Интуристу» директором-распорядителем «Евротура»), ничего примечательного не оказалось. Обычная поездка по обычному маршруту — столица, еще два города, замки, музеи, памятники, природные достопримечательности, снова столица. Одни и те же отели и рестораны, стандартное меню и программа развлечений. Никто из туристов ни на что не жаловался, врача ни к кому не приглашали. Походной аптечкой в автобусе также никто не пользовался.

Гид-переводчик Дарья Нурдгрен не является постоянным сотрудником фирмы «Евротур», сообщил далее господин Окс, ее привлекают к работе лишь летом, когда бывает наплыв иностранцев. Фирма «Евротур» знает госпожу Нурдгрен много лет и считает ее человеком, заслуживающим полного доверия. Свои обязанности гида-переводчика госпожа Нурдгрен всегда выполняла исключительно добросовестно и корректно, никаких претензий в отношении ее никогда не поступало. Она владеет несколькими языками, в том числе и русским, который является ее родным языком.

Директор-распорядитель Рольф Окс заключал пространный телекс выражением искренней надежды, что горестное событие не отразится на дальнейших деловых отношениях между фирмой «Евротур» и «Интуристом». Он заверял «Интурист», что возможные расходы после соответствующего заключения страховых обществ обеих стран будут незамедлительно оплачены.

Представитель «Интуриста» Юрий Иванович Козлов, как выяснилось, хорошо знал госпожу Нурдгрен — не раз встречался с нею на протяжении трех лет своего пребывания в этой стране, тоже называл ее Дарьей Егоровной. Он подтвердил все, что сообщил в своем телексе директор-распорядитель «Евротура».

Фирма по своей инициативе устроила встречу Козлова с Нурдгрен. Дарья Егоровна была совершенно ошеломлена трагической историей. Она рассказала, что, как обычно, загодя приехала в аэропорт со всей группой. Госпожу Котельникову и госпожу Ларионову она, конечно, знала, но ничем из числа других туристов не выделяла. Называла, разумеется, по имени-отчеству. Но это уже особенность чисто профессиональной памяти: ей достаточно один раз прочитать список группы туристов, чтобы запомнить все имена, фамилии и не путать. Потом забудет, но до конца работы с данной группой не ошибется ни разу. Дарья Егоровна подтвердила, что в прощальной суете они втроем, действительно, выпили по чашечке кофе в «эспрессо». Платила она, потому что у туристок, естественно, денег уже не было ни копейки. Она так выразилась по-русски: ни копейки.

...На следующий день майор Лусис смог наконец опросить пришедшую в себя Ларионову. Юлия Николаевна была еще очень слаба, и врачи разрешили майору говорить с ней не более десяти минут, причем категорически запретили даже упоминать о смерти Котельниковой.

В одноместной палате усиленной терапии Эвалд Густавович увидел очень красивую, яркую блондинку, выглядевшую еще весьма молодо (именно молодо, а не моложаво) даже сейчас, в критическом состоянии. У Юлии Николаевны, когда она пришла в сознание, ничего не болело, она только чувствовала странную легкость и слабость во всем теле. Ничего из того, что произошло за минувшие сутки, она не помнила — полный провал. Последнее воспоминание — ей стало как-то нехорошо в самолете. Кажется, закружилась голова, кажется, она с кем-то говорила. Нет, болей вроде не было. А что было? И где она?

В серых глазах Юлии Николаевны мелькнул испуг. Она попыталась встать, ей мягко помешали, уговорили лежать, попросили не волноваться. Какая-то женщина в хрустящем белом халате (это была заведующая отделением доктор Спаре, не спавшая уже более суток) по-русски, но с акцентом сказала ей, что в полете она заболела, самолету пришлось из-за этого приземлиться в Риге, где она сейчас и находится в лучшей больнице.

Больная бессильно сомкнула веки.

— Вам придется немного подождать,— сказала доктор Спаре Лусису, тоже облаченному в накрахмаленный белый халат и такую же шапочку.— Сейчас она должна чуть-чуть отдохнуть, осознать, что с ней произошло.

Вторично раскрыв глаза, Юлия Николаевна смогла разглядеть, что она лежит на больничной койке в небольшой светлой комнате, заставленной непонятными аппаратами и приборами, где, кроме нее, находятся еще двое людей в белых халатах: женщина, чей голос она слышала, и мужчина. Между собой они говорили не по-русски, Юлия Николаевна сообразила, что, должно быть, по-латышски. Ну конечно же, по-латышски. Ведь она в Риге.

Мужчина, уловив, что Ларионова смотрит на них, мягко улыбнулся и сказал ей:

— Здравствуйте. Вы слышите меня?

Больная попыталась кивнуть. Получилось плохо, но майор понял, что его слышат, обрадовался и тоже закивал.

— Я доктор Лусис,— сказал он.— А это доктор Спаре, ваш лечащий врач.

Ларионова снова дала понять, что все расслышала. Лусис продолжал говорить — медленно, с расстановкой.

— У нас есть подозрение, что вы съели что-то недоброкачественное и отравились.

Юлия Николаевна все хорошо разобрала. Господи, отравление! Врач, убедившись, что его поняли правильно, задал первый вопрос:

— Нам очень важно знать, когда именно в последний раз вы ели или пили что-нибудь. Что это была за пища, что за питье? Постарайтесь вспомнить все как можно точнее, в деталях, каждую мелочь. Хорошо?

Ларионова к этому моменту чувствовала себя, как ей, во всяком случае, казалось, совсем хорошо. Ее ничто не беспокоило, но она ни секунды не сомневалась, что врачу это действительно нужно знать, ведь он отвечает за нее, должен лечить дальше. Каким-то чужим, ватным голосом она стала рассказывать о событиях последнего дня за рубежом, едва не ставшего последним и в ее жизни:

— Мы завтракали за два часа до отъезда на аэродром в отеле «Эксельсиор». Обычный европейский завтрак. Омлет, масло, клубничный джем. Знаете, эти их порции в пластиковых баночках, один раз намазать... Еще был сыр, два кусочка. Потом предложили чай и кофе. Я пила кофе. Еще выпила бутылочку белого тоника, без сока. Кажется, все...

— Кто сидел с вами за столом?

— Нас было четверо, как всегда. Моя приятельница Инна Котельникова и две женщины из Тулы. У меня в сумочке есть их адреса. С ними что-нибудь случилось?

— Нет, с ними ничего не произошло (Лусис, понятное дело, имел при этом в виду двух женщин из Тулы), пострадали только вы... А теперь постарайтесь вспомнить: ели вы что-нибудь после завтрака? Не покупали конфеты или, допустим, жевательную резинку?

— Нет, ничего. Последние деньги я израсходовала еще вечером. Оставила только одну бронзовую монетку, очень красивую, как сувенир...

— После завтрака у вас не было необычных ощущений во рту или желудке?

— Нет...

Лусис чувствовал, что до сих пор по крайней мере ему говорили правду. Он вопросительно посмотрел на Спаре. Врач — также взглядом — дала понять, что в его распоряжении есть еще несколько минут. Он продолжал опрос.

— В самолете вы что-нибудь ели?

— Ничего... Впрочем, если это только можно назвать едой, я сосала, когда взлетали, конфетки, что дают в самолетах. Кисленькие такие. Я съела одну или две.

— Вы курите?

(В сумочке Ларионовой была американская газовая зажигалка «ронсон» с изображением золотой птички.)

— Немного.

— Перед взлетом вы курили?

— Нет... У нас с приятельницей кончился запас сигарет, денег уже тоже не было...

Лусис вел опрос тщательно, стараясь ничего не подсказывать больной, ничего не навязывать. Но и не упуская ничего из сказанного ею.

— Больше вы ничего не можете сообщить мне?— задал он последний вопрос, дав понять, что собирается уходить.

Юлия Николаевна задумалась.

— Подождите, я должна вспомнить.

Несколько секунд она лежала, закрыв глаза, припоминая, видимо, весь ход событий того дня. Потом безразлично сказала:

— Да, конечно. Еще я пила кофе, но ведь им нельзя отравиться. Перед самой посадкой в самолет. В баре «эспрессо».

— Сколько кофе вы выпили?

— Один или два глотка. Чашечки были крохотные.

— Вам его предложил кто-то?

— Да. Мы стояли с Котельниковой в зале, ждали, когда объявят посадку. К нам подошла

проститься наша переводчица Дарья Егоровна. Очень приятная дама, из русских. Мы поговорили о чем-то. Знаете, женские пустяки. Потом она предложила на ходу выпить по чашечке кофе. Я не хотела, но было неудобно отказываться. А что? Или вы думаете...— Она не договорила. В красивых серых глазах мелькнул страх.

Лусис поспешил успокоить Ларионову:

— Не волнуйтесь, пожалуйста. Я ничего такого не думаю. Просто нам нужно поставить правильный диагноз, а картина пока что не совсем ясная. Анализы ничего не дают. С вами раньше ничего похожего не приключалось?

— Никогда.

— Тогда у меня пока все. Поправляйтесь, набирайтесь сил. Думаю, что теперь вам уже ничего не грозит. Дня через три-четыре вы сможете вернуться в Москву. Кому нужно сообщить, что вы у нас, чтобы не волновались?

— У меня никого близких нет,— с едва заметной горечью сказала Ларионова.

— Извините... До свидания.

С этими словами Эвалд Густавович Лусис вышел из палаты. Он узнал, что ему нужно было узнать. По крайней мере на данном этапе расследования.

В коридоре, прощаясь с Мартой Эмильевной, Лусис сказал:

— У меня к вам просьба, доктор, даже две. Первая — немедленно позвоните мне, если в состоянии больной произойдет ухудшение.— Он быстро набросал на листочке из блокнота номер своего телефона и протянул Спаре.— Вторая — ничего и никому не говорите о пациентке, на ваших пятиминутках о ней также не докладывайте. Если что-то потребуется, обращайтесь прямо к главному врачу. Предупредите об этом также других врачей и сестер, которые будут соприкасаться с Ларионовой до ее полного выздоровления.

— Понимаю вас...— Доктор Спаре уже имела дело с такими пациентами, которых при смерти доставляла «Скорая» и которыми впоследствии занималась милиция. В этих случаях ее тоже предупреждали о необходимости соблюдать молчание. Могли бы и не предупреждать, у медиков тоже есть такое понятие, как «врачебная тайна»...

Дело о смерти Инны Александровны Котельниковой и об отравлении Юлии Николаевны Ларионовой было из КГБ Латвии переслано в Москву, в Комитет государственной безопасности СССР.

Московские чекисты быстро установили, что ни с какими секретными материалами ни Инне Котельниковой, ни Юлии Ларионовой по служебному положению дела иметь не приходилось. Статьи ученых, которые проходили через их руки, всегда касались только открытых тем. В редакции журнала хранились оригиналы как опубликованных, так и непошедших статей за много лет. Все они были в должном порядке, со всеми необходимыми подписями, заключениями, рецензиями, отзывами и визами. Большинство из них давно устарело.

ГЛАВА II

В последнее время у генерала Ермолина появилась новая привычка: выкраивать от обеда минут пятнадцать — двадцать, чтобы заглянуть в известный всей Москве букинистический магазин «Книжная находка» на холме, возле памятника первопечатнику Ивану Федорову. Владимир Николаевич хорошо помнил еще знаменитые книжные развалы на довоенном Литейном в Ленинграде. Какую библиотеку можно было собрать в те времена! Увы, на скромную стипендию студента ЛГУ и тогда разбежаться было трудно, хотя цены даже на редкие книги по сравнению с нынешними, периода подписного и «талонного» бума были еще божескими. За пять лет учения, правда, кое-что он собрал, но все сгорело при блокадной бомбежке. Теперь у Ермолина денег было куда больше, но интересные книги встречались куда реже.

Перелистывание старых книг доставляло Владимиру Николаевичу своеобразное удовольствие, переключало мысли, давало короткий, но такой нужный порой эмоциональный отдых. Продавцы «Книжной находки» быстро привыкли к высокому, подтянутому мужчине, уже с изрядной сединой в густых волосах, как завсегдатаю показывали иногда настоящие раритеты. Кое-что он покупал.

Сегодня Ермолина не вывела из тревожного состояния даже книга воспоминаний Вл. Ив. Немировича-Данченко, за которой он давно охотился и наконец поймал.

Бывают такие дела — внешне малоинтересные, прямо-таки скучные. Только огромный опыт позволяет угадывать за их внешней банальностью неожиданные и весьма серьезные повороты. Вот так насторожило Ермолина и пришедшее из Риги дело о смерти редактора отдела одного из московских журналов Инны Александровны Котельниковой. Насторожило какой-то определенной внутренней завершенностью, что мешало принять в общем-то имеющую право на существование версию о случайном отравлении неизвестным ядом. Нечаянно отравиться в нынешний век повсеместного распространения всевозможных продуктов бытовой химии и настоящей эпидемии самолечения подчас сильнейшими медицинскими препаратами не фокус. Но вот платья... Платья, сшитые на заказ в дорогом салоне. Такое может себе позволить актриса, приехавшая в европейскую страну на гастроли, или жена дипломата, но никак не скромная туристка. Да и не по-житейски это. Допустим, женщины имели какую-то неучтенную дополнительную валюту. В этом случае они наверняка истратили бы ее более рационально, не стали бы все вбухивать в одно платье. И еще, почему на платьях нет фирменных этикеток? По логике, это мог быть только подарок, причем не афишируемый, а, наоборот, тщательно скрываемый. Тогда возникают по крайней мере два вопроса: за что подарок, благодарность за какую услугу? И кто платил? Следом за этими двумя последует неизбежно

и третий вопрос: почему такой страшный финал?

Криминалистам хорошо известны уголовные дела, когда имели место убийства и без серьезных оснований, скажем, из хулиганских побуждений, в пьяной драке, по преступной неосторожности на охоте. Но если тут причастна чья-то вражеская разведка, то случайность исключается. Это непременно завершение какой-то сознательной акции.

Итак, смерть человека — Котельниковой и спасение второго — Ларионовой лишь огромными усилиями высококвалифицированных врачей с использованием самой современной реанимационной техники и новейших медикаментов. Видимо, по крайней мере одна из двух женщин — либо Котельникова, либо Ларионова — оказалась втянутой в клубок трагических событий. Каких — предстояло решить именно чекистам, поскольку обстоятельства дела, и главное из них — отравление случилось за границей, не исключали причастность к нему иностранной разведки.

С этими мыслями Ермолин и вернулся в свой кабинет, снова раскрыл и просмотрел страницы пока еще тощего «дела». В жизни обеих женщин нет ничего примечательного. Разве что во время войны муж Ларионовой работал довольно долго в США по приемке военных поставок. Он военный инженер, хороший специалист с безупречной репутацией и большими заслугами. Тот факт, что он развелся с Юлией Николаевной, однако, не должен бросать тени на его бывшую жену. Брак мог распасться и по его вине и по причине сугубо интимного свойства, скажем, отсутствия детей.

Ермолин перечитал медицинское заключение. Нет, об инсценировании не могло быть и речи. Юлию Николаевну Ларионову буквально выдернули с того света, вернули к жизни благодаря исключительно эффективным мерам, предпринятым рижской «Скорой помощью». Помогло и редкостное природное здоровье женщины, пускай и не первой молодости.

У Инны Котельниковой в биографии вообще нет ничего такого, за что мог бы зацепиться взор самого осторожного и сверхбдительного инспектора отдела кадров. За границу выехала впервые, происхождение рабочее, не судилась, к следствию не привлекалась, на оккупированной территории даже ребенком не проживала, все остальное в том же роде. Даже не разводилась ни разу.

Самая загадочная личность в имеющемся пока треугольнике — Дарья Нурдгрен, в девичестве Дарья Егоровна Пантелеева, по национальности русская. Так значилось в официальной справке правления компании «Евротур».

Что о ней известно? Очень немногое. Сведений о связях Нурдгрен с антисоветскими эмигрантскими организациями нет. Можно только предполагать, что если она и имела какое-то отношение к иностранной разведке, то играла роль техническую, вспомогательную, являясь орудием в чьих-то более опытных, жестоких руках. В какой степени она причастна к отравлению, если это все-таки умышленное отравление? И кто в таком случае стоял за кулисами? Последний вопрос: кто из двух советских гражданок должен был стать жертвой, если не обе?

Ермолин захлопнул папку. Больше из нее ничего, кроме сомнений, не выжмешь.

Теперь надо подумать, кому из основных сотрудников поручить дело о гибели Инны Александровны Котельниковой.

Лукьянов и его подчиненные уже несколько месяцев заняты сверх головы. Они завершают трудное дело, расследование которого начато года полтора назад. Лукьянов — старый чекист, «пардону» не запросит, но отвлекать его не стоит.

Для Дербайсели эта папка тоже не подарок. Арчил хорош для дел, так сказать, рискованных, азартных. Человек заводной, бурного темперамента, он и сотрудников подобрал себе под стать. А тут надо копать на пустом месте, дотошно, кропотливо, еще неизвестно, что и когда выкопаешь. Затоскует Арчил на таком деле, не по его оно характеру.

Со вздохом Ермолин решил, что дело придется поручить полковнику Турищеву.

Григорий Павлович Турищев служил под началом Ермолина восьмой год, до этого работал на Украине. Был исполнителен, работоспособен, как вол, терпелив в такой же мере, добросовестен и до чрезвычайности прямолинеен.

Где-то Ермолин вычитал, что Эрнест Резерфорд имел у своих молодых учеников прозвище Крокодил. Потому что крокодил якобы способен по своей анатомии двигаться только в одном направлении — вперед. Отступить назад он просто не может. Турищев тоже мог бы иметь это прозвище. Но у великого физика оно было олицетворением безостановочного прогресса науки, у полковника же Турищева — стилем работы.

Ермолин нажал кнопку внутреннего переговорного устройства. Помощник отозвался тотчас же:

— Слушаю вас, Владимир Николаевич.

— Пригласите ко мне Турищева, Лукьянова, Дербайсели, Кочергина и Невского.

На оперативном совещании генерал Ермолин сообщил о загадочном отравлении Котельниковой, о гиде «Евротура» Дарье Нурдгрен, о материалах, полученных по этому делу из КГБ Латвийской ССР.

Ермолин обратился к сотрудникам с просьбой: обо всем, что случайно или косвенно станет известным об упомянутых лицах и вообще о факте отравления Котельниковой, докладывать лично ему.

Генерал поделился мыслью, которая, конечно, известна чекистам, но в данном случае она, возможно, будет рабочей.

Противник раз за разом терпит крах в своей подрывной деятельности. Но это не останавливает его. Он продолжает работать грубо и нахально, идя напролом. Так, может быть, Котельникова и Ларионова отказались от каких-то предложений, узнав о враге больше, чем следовало? А возможно, стали тем редким исключением, переступили какую-то черту, а потом испугались?

— Но не будем раньше времени подозревать в чем-либо ни покойницу, ни ее подругу. Прошу изложить ваши предложения.

— Надо срочно побеседовать с Ларионовой. Она уже выписана из больницы и находится дома.

— Спасибо, Григорий Павлович, так и сделаем,— согласился Ермолин со своим заместителем Турищевым.

— Я мог бы связаться с родными Котельниковой — матерью, мужем и его родителями,— предложил майор Невский.

— Даже необходимо.

— Об этих портняжных заведениях можно навести справки у наших модельеров. Они сами часто выезжают за границу со своими коллекциями, а иностранные владельцы салонов мод — частые гости у нас,— сказал Кочергин.

— Железная логика.— Ермолин чему-то улыбнулся.— На вас еще нет обручального кольца, Анатолий Дмитриевич, вот вы и займитесь этим. Женщины и девушки в Доме моделей с вами будут более откровенны.

— Смотри не влюбись, Толя,— шутя предупредил капитана полковник Дербайсели.— Девушки там одна красивей другой.

Все с улыбкой восприняли эту реплику.

Поступили другие предложения. Генерал подытожил их, уточнил, определил порядок проведения мероприятий. Ответственным за их выполнение назначил полковника Турищева, как своего заместителя, в помощь ему выделил майора Невского и капитана Кочергина.

Сотрудники знали, что Ермолин уже сам наметил план действий. Однако он старался не навязывать его исполнителям, наоборот, считал своим долгом советоваться с ними и только после этого с присущей ему точностью и краткостью формулировал задачи, давал задания. Такой стиль работы будил инициативу оперативных работников, органически включал их в дело.

Итак, группа чекистов подразделения генерала Ермолина приступила к выполнению плана действий.

Ермолин взглянул на часы — 16.50. Вызвал помощника.

— Алексей Васильевич, через десять минут ко мне придет профессор Эминов. Встретьте его, пожалуйста, в вестибюле и проводите ко мне. Я буду занят с ним примерно час. Не соединяйте ни с кем, кроме руководства. Сотрудников со срочными делами адресуйте к Лукьянову.

Профессор Курбанназар Эминович Эминов занимал ответственный пост в Академии наук СССР, где ведал координацией научных исследований. Из всех постоянных посетителей теннисного корта Дома ученых он один знал, что играющий по первому разряду в группе старшего возраста Владимир Николаевич не преподает философию в каком-то вузе, а служит в органах государственной безопасности.

Когда-то оба они были студентами, а затем аспирантами Ленинградского университета. Владимир Ермолин учился на историческом факультете, а Курбанназар Эминов — на физическом. Познакомились они на корте, потом подружились, некоторое время даже жили в одной комнате студенческого общежития (оба были иногородними). В тридцать девятом году Ермолин неожиданно для себя был командирован партийными органами на работу в Народный комиссариат внутренних дел, но диссертацию по германской классической философии незадолго до войны он все же защитил.

Несколько дней назад, прощаясь после игры возле станции метро «Кропоткинская», профессор сказал:

— Знаешь, Владимир Николаевич, возникли тут у меня по одному делу кое-какие сомнения. Хотел бы ошибиться, но боюсь, что это по твоей части.

— Что именно?

— Рассказывать долго, да здесь вроде и не место. Ты мог бы уделить мне час, ну, скажем, в пятницу?

— Хорошо, Курбанназар. Значит, в пятницу. В семнадцать ноль-ноль тебя устроит?

— Вполне.

— Договорились. В вестибюле тебя встретит мой помощник.

Эминов пришел точно. Времени тратить не стал, сразу приступил к делу.

— Понимаешь, Владимир, у нас стали происходить странные вещи. Наши ученые успешно работают над оригинальным, очень эффективным методом замораживания крови. Метод обеспечивает долгую сохранность крови с сохранением всех свойств живой жидкости. Мы были абсолютно уверены, и с полным основанием, что за рубежом наш метод неизвестен. И вдруг...— Эминов на мгновение умолк. По всему чувствовалось, что договаривать ему крайне неприятно. Ермолин молча выжидал.— И вдруг за границей появляются в специальной литературе, а затем и в массовых изданиях сообщения, из которых следует, что там, словно по волшебству, появился на пустом месте такой же метод замораживания крови и кое-что другое, скажем, сверхпрочный клей, которым можно хоть мосты склеивать.

— Совпадения быть не может?— уточнил Ермолин.

— Совершенно исключено! Все до мелочей наше! Даже недоработки и отдельные ошибки, исправленные в последний момент.

— Метод, насколько понимаю, имеет большое значение?

— Ты имеешь в виду замораживание крови? Конечно! Экономический урон мы уже понесли немалый. Патентов нам не видать, лицензий тоже не реализовать. Я уже не говорю о приоритете. Пойди докажи его теперь...

Владимир Николаевич задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Ладно, попробуем разобраться. Материалы какие-нибудь принес?

— Принес, здесь все необходимое.— Эминов протянул довольно объемистую папку.

Друзья простились, и профессор ушел. Ермолин оценивающе взвесил на ладони оставленные документы и положил их в сейф. Потом перевернул страничку календаря и пометил на понедельник: Эминов — Лукьянов.

Через два дня после похорон Инны Котельниковой на Головинском кладбище майор Виктор Андреевич Невский встретился с ее мужем и матерью.

На третьем этаже нового дома по Беговой улице Невскому отворил дверь худощавый,

спортивного сложения мужчина лет сорока пяти с осунувшимся лицом и тусклыми от горя глазами. Это и был Игорь Алексеевич Котельников, кандидат технических наук, старший научный сотрудник крупного научно-исследовательского института. Майор уже знал, что Котельников давным-давно мог защитить докторскую диссертацию, но все откладывал, так как много времени и сил уделял практическому внедрению своих разработок на предприятиях отрасли (институт был не академический, а отраслевой).

Из прихожей Невский прошел в большую светлую комнату, служившую одновременно гостиной, столовой и рабочим кабинетом хозяина. Две стены были сплошь заставлены книжными полками. Часть книг специального характера, но хватало и художественной литературы, причем хорошо подобранной, и книг по искусству. Вся остальная обстановка — по привычному московскому стандарту: тахта, сервант с хрусталем и безделушками, торшер, телевизор, большой письменный стол в углу. На стенах — несколько гравюр. Правда, непременный эстамп с бородатым Хемингуэем отсутствовал. Дверь во вторую комнату была приоткрыта, в проеме виднелся угол деревянной кровати.

Задержав взгляд на письменном столе, Невский как бы невзначай спросил:

— Я не оторвал вас от работы?

Котельников поднял на майора припухшие, воспаленные глаза. Ответил тихо, исчерпывающе:

— Работу на дом не беру. Не полагается... Стол жены. Серьезные материалы она предпочитала править дома. В редакции тесно да и отвлекают.

Похоже, Котельников действительно был не только крупным, но и дисциплинированным специалистом, хорошо понимающим, что к чему, где можно, а где не стоит заниматься служебными делами. Именно так и отзывались о нем в институте.

Невский деликатно произнес несколько слов соболезнования, но попросил все-таки Котельникова рассказать по возможности подробно о покойной жене.

— Что я могу вам сказать? Женаты десять лет. Детей не имеем, так уж вышло...— Голос его чуть дрогнул.— Материальное благополучие полное. Вот предложили через институт купить автомобиль, да мы отказались.

— Почему? — удивился Виктор Андреевич.

— При нашем обслуживании одна морока. А Инна считала, что глупо вкладывать тысячи в железо на колесах только для того, чтобы выглядеть не хуже других. Она говорила, что за гораздо меньшие деньги можно без всяких хлопот до конца дней ездить на такси...— Губы Котельникова тронуло слабое подобие улыбки.— И еще... Может смешным показаться, но Инне не нравилось, что автомобиль называется во множественном числе — «Жигули». Всегда дразнила одного нашего приятеля: «Ты на чем приехал?» «На «Жигулях». «А сколько их у тебя?»

— А ведь верно подметила супруга ваша,— удивился майор.— И заметьте, что в народе эту несуразицу подметили, никто не говорит «Жигули», все больше «жигуленок».

Мимолетный разговор на автомобильные темы сломал ледок некоторой отрешенности Котельникова, и Невский смог перевести беседу в интересующее его русло. Про себя, однако, отметил, что Котельникова была человеком наблюдательным и с острым умом.

— Жена вам не звонила из-за границы? — спросил он.

— Нет. Инна была женщиной без сантиментов. Предупредила, что это очень дорого.

— Дорого, это точно,— подтвердил майор.— Но, может быть, открытку прислала? Знаете, с видами?

— Нет. Инна писать не любила. Когда я уезжал в командировки, то звонил домой, а писать у нас не было заведено.

— С кем дружила ваша жена?

— Только с этой дамой, которая втянула ее в поездку,— Ларионовой.— В словах Котельникова проскользнула явная неприязнь, и Невский про себя это отметил.— У нас бывали по-семейному некоторые мои сослуживцы, приятели студенческих времен. Но ни с кем из них Инна так и не сошлась. Со своими же однокашниками она никаких отношений не поддерживала, даже на ежегодные встречи своего выпуска не ходила.

— Игорь Алексеевич,— сказал майор как можно мягче,— простите ради бога, но я должен вам задать тяжелый, может, даже странный вопрос. Вы уже знаете, что жена ваша скончалась в результате отравления, потому и открыто следствие. Как вы считаете, могли у нее оказаться причины для самоубийства? Случались ли с нею приступы меланхолии, стрессовые состояния?

(Версии о самоубийстве у Невского не было — она противоречила бы факту отравления и Ларионовой, но этот вопрос давал ему возможность получить представление о душевном состоянии Котельниковой, что было важно.)

— Да что вы! — с нескрываемым изумлением воскликнул Котельников.— С какой стати кончать самоубийством в зарубежной туристской поездке? Это нелепо! Да и причин для этого у нее никаких не имелось. Инна была человеком сильным, без этих, знаете, фрейдистских завихрений, всяких там комплексов... Убивать ее тем более некому и не за что. Это могло быть только случайное отравление. С моей точки зрения, во всяком случае.

Извинившись за малоприятный, но, к сожалению, необходимый разговор, Невский ушел.

Встреча с матерью покойной — Павлой Игнатьевной, жившей в однокомнатной квартирке на Щелковском шоссе, которую она получила после сноса собственного домика, ничего нового майору не дала. Павла Игнатьевна оказалась сухопарой неразговорчивой женщиной неопределенного возраста, хотя и на пенсии, но крепкой, здоровья — дай бог каждому, с острыми чертами лица и поджатыми блеклыми губами. Говорила Павла Игнатьевна, осторожно подбирая слова, чтобы не сказать лишнего, то и дело ссылалась на плохую память, которая, по некоторым наблюдениям майора, на самом деле была у нее твердая и цепкая.

Невский быстро понял, что между матерью и дочерью уже много лет существовало определенное отчуждение, причины которого он установить, однако, так и не сумел. Павла Игнатьевна с Инной в последние годы встречалась редко, о предстоящей поездке дочери за границу даже не знала. С Ларионовой знакома плохо, но отозвалась о ней недоброжелательно. На вопрос: «Почему?» — ответила коротко и убежденно:

— Разведенка! А моя дочь была женщина семейная, не чета этой...

У Невского сложилось впечатление, что Павла Игнатьевна могла бы еще кое-что добавить к характеристике Ларионовой, но откровенничать с незнакомыми людьми было не в ее правилах.

Мало что дали сотрудникам КГБ и беседы с сослуживцами и соседями Котельниковых. То есть ничего, что смогло бы пролить хоть какой-то свет на ее неожиданную смерть.

Результаты вскрытия, произведенного в патологоанатомическом отделении рижской больницы, и дополнительные исследования, сделанные в Москве, в Институте судебной медицины, сводились к одному: смерть Инны Котельниковой произошла в результате отравления, вызванного действием неизвестного яда.

...Через неделю полковник Турищев попросил Ермолина срочно принять его по неотложному делу, что уже само по себе было явлением чрезвычайным. Слова «срочно» и «неотложное дело» в повседневном лексиконе Григория Павловича не числились.

Войдя в кабинет, полковник с некоторым, тщательно скрываемым, но все же заметным удовлетворением в голосе доложил:

— Важные новости, Владимир Николаевич. Мы навели справки об этих, как выразился Кочергин, трех портняжных заведениях. Установлено, что Нурдгрен долгие годы тесно связана с владелицей одного из них — некоей Елизаветой Дальберг. Дальберг в последние годы дважды приезжала в Советский Союз со своими моделями. Но и это еще не самое интересное.

— Что же?

— Елизавета Дальберг — родная сестра известного ученого Осокина...

Продолжение следует.

Теодор ГЛАДКОВ,
Аполлинарий СЕРГЕЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ГЛАВА 3

Ермолин любил поговорку, которую некогда услышал от старого эстонского рыбака на острове Сааремаа: «Гусята ходят гуськом». Он сам давно приметил, что информация, добрая или дурная — не столь важно, никогда не поступает равномерно, с регулярностью утренней газеты. Она сыплется то густо, то пусто. Так случилось и на сей раз. На другой день после того, как полковник Турищев сообщил о наличии связи между Дарьей Нурдгрен и Елизаветой Дальберг, которая является родственницей советского ученого-металлурга Сергея Аркадьевича Осокина, в Москву прилетела по семейным делам жена зарубежного представителя «Интуриста» Козлова Наталья Викторовна. По просьбе мужа она хотела встретиться с товарищами, ведущими следствие по делу о смерти советской туристки Инны Котельниковой. Козлову принял Турищев.

В результате обобщения информации, полученной ранее, и рассказа Натальи Викторовны Козловой Ермолин живо представил облик обеих неведомых ему дотоле женщин.

— Дарья Егоровна Нурдгрен — женщина лет за пятьдесят. Работает постоянно закройщицей в дамском ателье «Перфект», которое принадлежит мадам Даяьберг. Поскольку Елизавета Аркадьевна Дальберг русская, у нее в салоне шьют платья, костюмы и пальто жены многих сотрудников советских учреждений: посольства, генерального консульства, торгпредства, представительств «Интуриста», «Аэрофлота» и других. Между собой советские женщины называют Елизавету Аркадьевну мадам Пудéль, с ударением на последнем слоге — на французский манер. Почему? Да потому, что когда открывается дверь салона и раздается мелодичный звон, оповещающий о том, что кто-то вошел, навстречу посетительнице выбегает красавец пудель черной масти по кличке Алкивиад. Пока посетительница и хозяйка сидят в креслах у столика с журналами мод и образцами тканей, обсуждают, что и как шить, пудель ласково бьет гостью лапой по ноге и требует, чтобы ему почесали за ухом.

Мерку снимает с заказчицы обычно Дарья Егоровна Нурдгрен, дочь бывшей прислуги Дальбергов. Мадам Дальберг знает ее с детства и называет Дашей. Между собой они говорят только по-русски. Девичья фамилия Дарьи Егоровны — Пантелеева. Она вдова, муж погиб во время войны. Детей у Нурдгрен нет, родственников тоже.

Елизавета Аркадьевна и Дарья Егоровна хорошо знают всех женщин из советской ко-

---

Продолжение. См. «Огонек» № 24.

Последняя Лоре

лонии, знают, что им нравится, учитывают финансовые возможности, а также моду в СССР, даже в его отдельных районах. Им верят, потому что их вкус безупречен. Мадам Пудёль и Даша всех советских женщин называют по имени-отчеству, спрашивают о здоровье детей, знают адреса (готовые вещи Дарья Егоровна обычно привозит на дом). О себе почти ничего не рассказывают, кроме мод, кажется, ничем не интересуются.

Модельер Елизавета Аркадьевна изумительный. Если бы занялась этим делом раньше, а не на склоне лет, могла бы составить огромный капитал, возглавить международную фирму. Но время упущено, силы уже не те, и Елизавета Аркадьевна довольствуется тем, что название ее салона с уважением произносят во всех европейских домах мод. Не будучи миллионершей, Дальберг, однако, обладает достаточным состоянием. Шитье в «Перфекте» стоит хороших денег, а недостатка в клиентках нет.

С весны до осени, когда клиентов в салоне бывает немного, Дарья Егоровна уже много лет подряд подрабатывает в туристской фирме «Евротур» в качестве гида-переводчика. Представитель «Интуриста» в этой стране Козлов ее хорошо знает, считает организованной, пунктуальной, внимательной сотрудницей. Нурдгрен работает по преимуществу с советскими туристами. Всегда лояльна, быстро находит с ними общий язык, и они чувствуют себя в чужой стране проще, раскованнее. Несмотря на годы, она еще стройна и привлекательна. На прощальных вечерах, которые устраивает фирма для каждой туристской группы, любит потанцевать.

Никаких вопросов туристам о Советском Союзе Нурдгрен не задает. У женщин интересуется только последними русскими модами. Однажды Козлова с мужем встретили Дарью Егоровну на концерте московских артистов. Известный эстрадный певец исполнял песню «Ты позови меня, Россия». Козлова случайно бросила взгляд в сторону Дарьи Егоровны и увидела, что та плачет, даже не замечая собственных слез... В антракте Нурдгрен рассказала Козловой, что едва не разрыдалась, когда после войны впервые услышала в исполнении ленинградского оркестра Седьмую симфонию Шостаковича. Тогда же рассказала, какой радостью были для нее две поездки — в Москву и Ленинград.

В записи сообщения Козловой Ермолин отметил два момента, мелькнувшие в одной фразе: «Мне кажется, такая женщина, как Дарья Егоровна Нурдгрен, не может быть неискренней, такой скорее является ее хозяйка Елизавета Аркадьевна Дальберг. Это человек холодный, расчетливый и, по-моему, жестокий. Только эту жестокость мадам Пудёль прячет глубоко-глубоко».

Информация была интересной и важной, но сама по себе еще ничего не объясняла, а только порождала новые вопросы. Допустим, Дарья Егоровна привела Инну Котельникову и Юлию Ларионову в салон «Перфект» — в этом никакого криминала нет. Но ведь не сшили же им в заведении мадам Дальберг дорогие платья просто так, за красивые глаза! Что же

я акция ница

касается их последующего отравления, то к этой загадке следствие пока не приблизилось ни на сантиметр.

...В последующие дни капитан Анатолий Кочергин выяснил, что владелица салона дамского платья «Перфект» Елизавета Аркадьевна Дальберг и ее служащая Дарья Егоровна Нурдгрен действительно за последние три года дважды приезжали в Советский Союз. Госпожа Дальберг совместно с многими другими зарубежными фирмами привозила свои коллекции на международные выставки одежды, которые состоялись в Москве и Ленинграде.

Через Торгово-промышленную палату Кочергин разыскал администратора этих выставок, известного специалиста в области дамской моды Полину Алексеевну Шилову. Шилова прекрасно помнила обеих дам — и хозяйку и ее служащую. Хорошо знала и привезенную ими коллекцию, которую полагала интересной и перспективной. Госпожу Дальберг Полина Алексеевна охарактеризовала всего двумя словами: «старая барыня», произнесенными с очевидной антипатией. В то же время Дальберг, по ее мнению, была превосходной модельершей и хорошим организатором, с западной деловой хваткой. Еще Шилова вспомнила, что слышала от кого-то, будто госпожа Дальберг встречалась в Москве с каким-то своим родственником. Этим родственником мог быть только ученый-металлург Сергей Аркадьевич Осокин. Потому что госпожа Дальберг была урожденной Елизаветой Аркадьевной Осокиной, дочерью некогда известного горного инженера, действительного статского советника и многих Российской империи орденов кавалера, занимавшего до революции крупный пост в министерстве торговли и промышленности.

...Родная сестра Осокина. Ну и что же?

Трижды за последние дни Ермолин и Турищев вели подробный разговор, и каждый раз Григорий Павлович особый упор делал на родственные связи Осокина и Дальберг. Однако эта сторона дела, как можно было заметить, не вызывала большого интереса у Владимира Николаевича.

Осокин — крупнейший ученый в металлургической науке. Директор института, человек, занимающий еще десяток других важных постов. Удостоен высших степеней и званий, множества наград.

Во всех анкетах он указывал, что за границей у него проживает со времен революции родная сестра, но никаких связей он с ней не поддерживает. Правда, о том, что эта сестра вдруг спустя столько лет обнаружилась, Осокин, как выяснилось, никому не рассказывал. Турищев, конечно, это подчеркнул.

— Дальберг приезжала в СССР не по частному приглашению брата,— возразил Ермолин,— жила в гостинице, никаких правил нахождения в нашей стране иностранных граждан она не нарушала. Для Осокина ее приезд мог оказаться полной неожиданностью. А разыскать такого известного человека никакого труда не составляет. Ну, брата навестила сестра, пусть и иностранка...

Турищев был не только настойчив в поисках, но и неподатлив в спорах с начальством. В трудных разговорах его левая щека обычно чуть подергивалась: следствие контузии, полученной подростком, когда на его хату упала фашистская бомба. Так было и на этот раз. Полковник упрямо повторял:

— Считаю, что поиски надо начинать с Осокина. Я хотел бы еще раз заметить: он из семьи крупного царского чиновника. Сестра живет за границей. Приезжает в СССР, встречается с ним. Все это очень важно.

Логике такая версия, к сожалению, не противоречила. Но тогда следовало, что десятки лет человек жил, работал, пользовался доверием. Крупный ученый с прекрасным именем, и вдруг такое... В это Ермолин не мог и не хотел верить.

— Осокин знаком с Ларионовой или Котельниковой?— спросил он.

— Уточняю, товарищ генерал. Несколько лет назад в «Вестнике» была опубликована его статья. На рукописи, засланной в типографию, есть подписи их обеих. Факт личного знакомства отсюда прямо не вытекает. Будем проверять.

— Вот видите, Григорий Павлович... Мы всегда, всегда должны руководствоваться в работе одним из основополагающих принципов нашей деятельности — доверять советским людям, ради спокойствия коих мы трудимся, ни мыслью, ни словом, ни делом не осквернять их подозрением раньше, чем мы убедимся в их виновности. Необоснованная подозрительность опасна вообще, в данном случае в отношении известного ученого, честного, талантливого человека — в особенности. Он, вы знаете это, многое сделал для Родины. Осокин — авторитет в науке. Его, вышедшего из иной среды, чем мы с вами, ученым-то сделала Советская власть. Продолжайте изучать поведение Нурдгрен и Дальберг. Давайте договоримся так: будем работать, не спеша с выводами. Тем более что мы находимся только в начале выяснения загадочного отравления советской гражданки за границей.

Оставшись один, Владимир Николаевич подошел к окну. Далеко внизу кружили вокруг памятника Дзержинскому легковые автомобили, разворачивались маршрутные такси. Возле дверей «Детского мира», как всегда, толпились люди. Ермолин еще помнил, что когда-то на этом месте стояли старые торговые ряды, где в подвалах размещались ресторан «Иртыш», более известный под названием «Веревочка», и популярный пивной бар номер четыре. В баре, как уверяли любители, подавали лучшее в Москве бочковое пиво и раков. О пиве Ермолин вспомнил потому, что и впрямь было жарко. Термометр на стене показывал за тридцать.

Ермолин раскрыл папку, оставленную по его просьбе Турищевым, и стал рассматривать сквозь «читальные» очки фотографию госпожи Дальберг. Холодное лицо с правильными чертами. Морщин почти нет или же они умело убраны средствами косметической хирургии. Высокая прическа из серебристо-седых пышных волос. Волосы свои, не парик. Надменный взгляд, должно быть, очень красивых в молодости, умных глаз.

Дальберг... Дальберг... Фамилия показалась (и не в первый раз) Ермолину смутно знакомой, но ассоциировалась она в его памяти не с женщиной, а с мужчиной. Когда же? Стоп, стоп! Сороковой год. Таллин, столица только что образованной и вошедшей в состав СССР Эстонской Советской Социалистической Республики. Народное ликование и — угрюмое, затаившееся подполье. Бывшие белоэмигранты, их логово в небольшой двухэтажной гостинице на улице Виру, собственные эстонские фашисты, международные шпионы с консульскими патентами, журналистскими удостоверениями, визитными карточками иностранных бизнесменов. Был там какой-то Дальберг, точно. А еще жизнерадостный молодой парень, ему, Ермолину, ровесник, может, чуть постарше. То ли Риванен, то ли Ривенсон. Профессиональный разведчик. Прикрывался консульским дипломом не то Гондураса, не то Коста-Рики. Что с ним стало? Кажется, выслали. Он, Ермолин, был тогда всего лишь сержант госбезопасности, по-нынешнему лейтенант, носил в петлицах по два «кубаря», и начальство не спешило разъяснить ему подоплеку тех операций, в которых он участвовал. Тому, таллинскому, Дальбергу было лет пятьдесят, и он имел какое-то отношение к этому самому Риванену или Ривенсону. Какое именно?

А что, если посоветоваться с Никитычем? Архив архивом, а память у старика — восьмое чудо света. В Таллине он был лейтенантом государственной безопасности, по-нынешнему капитаном, и одним из руководителей ответственной операции, за успешное завершение которой и получил орден Красной Звезды. Ему, Ермолину, тоже вручили тогда его первую награду — именные часы швейцарской фирмы «Лонжин» в серебряном корпусе.

Генерал-майор Иван Никитович Петров, или просто Никитыч, как его называли за глаза многие, был ранее начальником и духовным наставником Ермолина и других молодых ребят, ходящих ныне в больших чинах. Лет пять назад он вышел на пенсию, но и по сей день сотрудники Комитета государственной безопасности нет-нет да и обращались к старому чекисту. Ермолин много лет проработал под непосредственным руководством Петрова, многое перенял от него, высоко чтил за ум, душевную чистоту, огромный опыт и посыновнему любил.

Никитыч, в свою очередь, с гордостью считал Владимира Николаевича, которого называл «филозо́ф», родным и близким человеком. Единственный сын Никитыча был когда-то другом Ермолина. Сержант государственной безопасности Владлен Петров погиб в июне 1941 года под Либпаей при ликвидации десанта гитлеровских парашютистов.

Не заглядывая в записную книжку, Ермолин набрал номер.

— Вас слушают,— ответил Никитыч, тяжело придыхая и кашляя в трубку.

— Здравствуйте, Иван Никитович. Ермолин. Как живете-можете?

— Спасибо, неважно.

— Это почему же?

— Да понимаешь ли, всего неделю назад выписали из госпиталя. Там уж решили, что у меня четвертый инфаркт, в реанимации держали несколько дней. Теперь это, знаешь, модно. Ну, подлечили, выписали, и я тут же со стариками приятелями на рыбалку поехал. Переутомился малость. Вот и лежу, телефон под боком держу. Что-то давненько не звонил ты мне, зазнался.

— Еще как! Однако хотел бы все же подъехать. Посоветоваться нужно. Я не утомлю вас?

— Вот люди пошли! Все с оговоркой да с разрешения. Конечно, приезжай. Только ты уж извини меня, я буду лежать, а ты сидеть возле.

— Так еду!

Ермолин вызвал машину, потом вынул из шкафа аккуратно перевязанный сверток и переложил его в портфель. В свертке были подарки старику. Уже две недели (а может, три?) дожидались они своего часа и вот, наконец, дождались. И снова понадобилось срочное дело, чтобы вырваться к Никитычу, упрекнул себя Ермолин.

Петров жил в доме на проспекте Мира. В прихожей, забитой книгами, гостя приветливо встретила маленькая, сухонькая Надежда Ефимовна.

— Рада вас видеть, Володя! Шляпу повесьте сюда. Тесновато, говорите? Так ведь сами знаете, у Риты еще сынишка прибавился, пришлось книги сюда переселить. Проходите, пожалуйста. Никитыч заждался вас.

Ермолин, должно быть, оставался последним из былых сослуживцев старого генерала, который знал, но никогда не вспоминал о том, что Рита — неродная дочь Петровых. Иван Никитович и Надежда Ефимовна удочерили ее в сорок пятом, взяв из детского дома.

Накрытый клетчатым шотландским пледом, Петров лежал на застланной постели. На полу у изголовья неустойчиво громоздилась стопка книг и журналов. Морщинистое лицо старика с неожиданно блестящими карими глазами было строгим, как на старой иконе.

— Ну, вспомнил наконец! — ворчливо сказал Никитыч и протянул Ермолину худую руку.

— А я и не забывал вас, Иван Никитович. Только вот последний год по командировкам больше катаюсь. Туда-сюда... Все мы вас помним, не забываем.

— Говоришь, в командировках был? Это неплохо, неплохо. Не засиживаешься, стало быть, в генеральском кабинете. Ну, а там, конечно, все музеи обошел?

— Да почти что все.

— Молодец! А мне какой-нибудь проспектик или альбомчик привез?

— Всему свой черед,— загадочно ответил Владимир Николаевич.

— А здесь на выставке картин из собрания Хаммера был?

— Был.

— А я вот не был, болел как раз. А жаль. Надежда Ефимовна вот побывала. Рита на сносях ходила, так их без очереди пустили. Говорят, впечатляюще.

— Они правы.

— Видать, молодость свою вспомнил этот Хаммер. Молодчина старик. Одним словом — молоток.

— Так это мы, уральцы, сделали Хаммера таким разумным,— полушутя-полусерьезно заметил Ермолин.— Когда он у нас по совету

Ленина занимался восстановлением разрушенных в гражданскую войну асбестовых разработок.

— Да ну! — удивился Петров.— Не слышал. Знал о нем только по карандашам «хаммер», знатные были карандаши. Выходит, он почти твой земляк и человек, видно, неплохой.

— Похоже. Вносит свой вклад в дело разрядки. Такие, как он, прокладывают с той стороны путь к экономическому сотрудничеству. К своей выгоде, конечно, но это выгодно и нам.

— Что верно, то верно, Володя. А я, пока ты по ближним и дальним командировкам катался, звонил одному твоему боевому заместителю. «Здравствуйте,— говорю,— уважаемый Григорий Павлович. Петров говорит». «Здравствуйте,— отвечает,— простите, кто!» «Петров»,— повторяю. «Какой такой Петров!» «Да тот самый,— разъясняю,— которому вы лично при проводах его на заслуженный отдых от имени коллектива управления транзистор вручили, обняли и поцеловали на прощание». «А, это вы, Иван Никитыч,— отвечает.— Чем могу!» Хотел я его попросить оказать кое-какую помощь вдове Коли Миронова, да после такого оборота раздумал. Уж если меня он еле признал, то что ему Колина вдова! Мало ведь нас, стариков, осталось. Хорошо, что ты заехал, не о себе прошу. О себе, знаешь, никогда не просил.

— Не обижайтесь, Иван Никитович. Видно, увяз без меня Турищев в текучке.

Надежда Ефимовна внесла в спальню поднос и, располагая его на журнальном столике, наказала Ермолину:

— Это только для вас, Володя, и коньяк («А коньячок все же держит!» — улыбнулся про себя Ермолин), и кофе. Никитычу — один чай с печеньем.

— Иван Никитович жаловался тут, Надежда Ефимовна, что забыли мы вас. Так вот, примите от нас, ваших учеников-чекистов, эту скромную книжицу. Только что издана. В ней вас обоих вспоминают. Под другими именами, правда, но вы себя узнаете.

— Вот уж не ожидала! — радостно всплеснула руками Надежда Ефимовна и бережно приняла книгу от Ермолина.

— А эти альбомы — в вашу библиотечку по искусству. «Пермская деревянная скульптура» — раз. Хоть мы, пермяки, и солены уши, а все ж уральскую землю тоже украсили. Ну, а это — «Модильяни», издание ЮНЕСКО. Текст на шести языках, читайте на любом.

— Ох, и хитер же ты, Володя! Я и говорю: все вежливо, все с подходом. Нет, чтобы сразу книжки дать, не томить старика. Он, видите ли, дамы дождался. Ну, спасибо за память, если только в своей книжице не приукрасили чего.

Старик надолго закашлялся.

— Пожалуйста, угощайтесь, Володя,— заторопилась вдруг Надежда Ефимовна.

Петрова вышла, а Ермолин, сделав глоток коньяку и закусив трехцветной мармеладкой, перешел к делу.

— Хочу, Иван Никитович, потревожить вашу память. Не можете ли вы по причастности вашей к делам, с наукой связанным, припомнить такого металлурга — Сергея Аркадьевича Осокина?

— А чего его вспоминать? Я и не забывал. Это талантливый ученый, достойный всяческого уважения. Он уже перед войной среди наших специалистов по сталям считался подающим большие надежды. Редчайший случай — ему в Ленинградском политехническом за дипломный проект кандидатскую степень присудили. Познакомился с ним в связи с попытками противника добыть наши технические секреты в той отрасли, в которой Осокин тогда работал. У него сестра проживала за границей, в Финляндии. Муж ее, некий Дальберг, имел лесные угодья на Карельском перешейке. По нашим данным, он с давних времен работал на иностранную разведку. Заметь: не на немцев, а на союзников наших по прошлой войне. Чувствуешь, как далеко смотрел? — засмеялся Иван Никитович...— Что ж,— после паузы продолжал Петров,— если тебя это интересует всерьез, то в архивных делах кое-что сказано о муже сестры Осокина. О самом Сергее Аркадьевиче я лично сохранил самые светлые воспоминания. Умнейший и обаятельнейший человек. Если увидишь его — все бывает! — передай привет от меня.

Отлично понимая, что это именно то главное, зачем приехал к нему сегодня Ермолин, Иван Никитович подробно рассказал и суть той операции в предвоенном Таллине, и о важных научно-технических разработках, имеющих оборонное значение, которыми занимался Осокин в конце сороковых — начале пятидесятых годов.

— Теперь, надо полагать, он тоже не в стороне от серьезных дел,— заключил Петров.

— Именно так, Иван Никитович. Однако я, кажется, утомил вас.

— Ну, это ты брось, вьюнош! — сердито обрезал Петров.— Да ты чего все на часы косишься? Пей лучше коньяк.

Ермолин и не думал смотреть на часы. Но Никитычу ничего не почудилось. Просто проницательный старик знал, что времени у гостя мало, и деликатно напоминал об этом сам.

— Мне и впрямь пора,— с сожалением сознался Ермолин.— А коньяк, что ж, подождет до другого раза. Теперь ваша очередь к нам в управление пожаловать. Молодых чекистов прибавилось. Грамотные, по-современному мыслящие ребята. Языки хорошо знают. Один на днях сказал мне, что не учит язык, а с великим удовольствием купается в нем. Одним словом, ребята с изюминкой. И мы, предки, это они между собой так нас называют, стараемся растить их в традициях Дзержинского и Менжинского. Вот и будете к нам приезжать и рассказывать, как работали при Феликсе Эдмундовиче и Вячеславе Рудольфовиче. А вашу первую беседу с молодыми поручу организовать Турищеву. Пусть он, сухарь, послушает.

— Согласен!

— А вдове Коли Миронова я сам позвоню, все выясню и что надо сделаю.

— За это спасибо.

Почувствовав, что гость собрался уходить, снова объявилась Надежда Ефимовна.

— Соне привет передайте, Володя. Почему она так долго к нам не заезжает?

— У нее тоже работы много в институте. Привет передам, а в следующий раз, обещаю, мы к вам вместе приедем.

— Вот и ладно...

Когда Ермолин уже был в дверях, Никитыч неожиданно окликнул его. Владимир Николаевич, держа в руках шляпу, снова вернулся в комнату.

— Что-нибудь забыли сказать, Иван Никитович?

— Мог бы уже заметить, что я еще кое-что помню,— пробурчал Петров.— Внимание твое хочу на одну личность обратить. В той истории таллинской под разными именами один парень путался. Как говорится, из молодых, да ранний. На пенсию ему, если жив, по моим подсчетам, рановато. Так что поинтересуйся им, очень советую. Ты, быть может, помнишь такого Риванена. Настоящая его фамилия — Ричардсон...

ГЛАВА 4

— Алло!

— Профессор Эминов?

— Слушаю вас.

— Здравствуй, Курбанназар!

Всех радостей земных светлей —
Возможность быть среди друзей,
Горчайшая на свете мука —
С друзьями близкая разлука.

— Здравствуй, Володя! Если бы не узнал тебя, то принял бы за дух самого Рудаки. Чем обязан?

— Ты был с визитом у меня, теперь же сам прими меня.

— Гм... Бывают экспромты и удачнее.

— Не спорю. Но мне не до жиру, быть бы живу. Нужно повидаться с тобой. И срочно.

— Тогда приезжай.

Ермолин подъехал к старинному демидовскому дворцу на Ленинском проспекте через полчаса. Дворцовое здание за последние десятилетия так часто перестраивалось внутри, просторные некогда комнаты столько раз перегораживались, что уверенно ориентироваться в их лабиринте могли только старожилы академии. Свежему человеку найти здесь нужный кабинет без проводника было нелегко. Пришлось поплутать и Владимиру Николаевичу. С тех пор как он последний раз был у Эминова, какие-то коридоры, кабинетики, лесенки, закоулочки прибавились, а какие-то вовсе исчезли. Тем не менее он все же разыскал небольшой кабинет профессора на первом этаже, выходящий широко распахнутыми окнами прямо к столетним липам Нескучного сада.

Эминов встал и поспешил навстречу гостю.

— Окно прикрыть?

— Не нужно, подышу свежим воздухом. Мой-то кабинет выходит на асфальт.

— Ну, дыши. А я попрошу Люсю сделать кофе.

Когда Эминов вернулся в кабинет, Ермолин приступил к делу.

— Слушай, профессор. Нужна твоя помощь.

Коротко стукнув в дверь, вошла Люся, секретарь Эминова. Аккуратно разлила ароматно дымящийся кофе по чашечкам, открыла коробку с крекерами и вышла. Ермолин с нескрываемым удовольствием сделал глоток, позавидовал:

— Скажи, по какому рецепту твоя Люся варит кофе?

— По рецепту своей мамы, польки по национальности. Но как именно — скрывает, словно она не моя, а твоя секретарша. На мои расспросы только смеется и говорит, что кофе должен быть похожим на поцелуй польки.

— То есть?

— То есть быть крепким, сладким и горячим...

Друзья рассмеялись. Затем Ермолин спросил:

— Ты знаком с металлургом Осокиным?

— Конечно.

— Очень нужно поговорить с ним, но так, чтобы он не чувствовал себя скованно.

— Такая возможность есть. Через два дня осокинский институт отмечает свое пятидесятилетие. Как говорится в торжественных случаях, я буду иметь честь зачитать и вручить поздравительный адрес от академии. Так и быть, возьму тебя с собой. Такой вариант тебя устроит? Я считаю, что тебе лучше сначала увидеть старика, так сказать, в окружении, а потом и разговор у вас с ним пойдет, какой надо. Человек он простой, большой умница. Общение с ним тебе доставит истинное удовольствие.

...Торжественный вечер, посвященный 50-летию института, возглавляемого с середины сороковых годов Осокиным, состоялся в большом зале НИИ. За двадцать минут до начала профессор Эминов встретил Ермолина у входа в институт, вручил затейливо оформленный пригласительный билет, провел в зал и усадил в четвертом ряду, где уже сидела его жена, работавшая в вычислительном центре этого же НИИ.

— Мне, дорогой, увы, положено находиться в президиуме. Но я тебе, в сущности, и не нужен. Вера в курсе всех институтских дел, можешь обращаться к ней за любыми справками.

Веру, жену Эминова, Ермолин тоже знал с далеких ленинградских времен. Она училась с Курбанназаром на одном факультете, но была на четыре года моложе. В сорок втором году Ермолин вывез ее, едва живую, из блокированного города, когда вылетал на несколько дней в командировку в Москву.

В институте Ермолин был впервые и с интересом разглядывал грандиозные фрески, украшавшие стены зала,— они отображали историю отечественной металлургии от времен Древней Руси и до последних экспериментов в космосе.

— Нравится? — спросила Вера Ивановна, хорошо знавшая давнее пристрастие Ермолина к изобразительному искусству.

— Идея — да, исполнение приличное, но, прямо скажем, тут потрудился не Сикейрос.

— А твой кабинет, случайно, не Ороско расписывал?

— Нет. Обыкновенный маляр из хозу. Но строго по моим указаниям в смысле колера.

— Тогда не привередничай. Корпус проек-

тировали выпускники архитектурного института, большой зал — они же. Оформляли — и стены, и потолок, и сцену — молодые строгановцы. Всем нравится. Но посмотри лучше на люстру, если остальное все не одобряешь.

Ермолин поднял голову и ахнул. Люстра была поразительной. Будто кто-то накинул на сноп света кружевную черную шаль.

— Чугунное литье? — догадался он.

— Точно. Подарок институту от металлургов Урала. Отливал знаменитый старик Скородумов. Его прадед еще на Демидовых работал.

— Здорово! Ничего не скажешь.

Между тем из бокового прохода на сцену стали выходить гуськом члены президиума. Вполголоса Вера Ивановна называла Владимиру Николаевичу фамилии министра, его заместителей, академиков, докторов наук, профессоров. Последним занял свое место за длинным столом Осокин. Ермолин легко узнал его по фотографиям в газетах. Осокин был высок, костляв, в движениях резок и размашист. Чертами крупного лица, а того более — венчиком седых волос он очень походил на знаменитого театрального режиссера Завадского. Грудь ученого украшали многочисленные награды, в том числе врученный ему накануне в Кремле орден Октябрьской Революции.

Торжественное заседание открылось. Министр тепло поздравил коллектив НИИ с «золотой» датой и кратко, но весомо охарактеризовал заслуги института и его директора перед отечественной наукой вообще, в разработке сплавов для новых, особо важных отраслей техники в частности.

Закончив речь, министр вручил Осокину адрес от коллегии министерства, выгравированный на двух скрепленных листах ослепительно сверкавшего золотистого металла. Ермолин отметил про себя, что во время этой торжественной церемонии ученый держался очень неловко, даже несколько растерянно.

Вера Ивановна шепнула Владимиру Николаевичу:

— Жаль мне его. Он давний вдовец. Здесь в зале должна быть его единственная дочь Светлана. Она очень способный инженер, только очень невезучая в личном плане.

— Почему?

— Видно, родилась такой. Девочкой осиротела. В студенческие годы у нее погиб жених, в горах сорвался, как говорят альпинисты, «улетел» со скалы. Несколько лет она не выходила замуж, а когда вышла, муж оказался подлецом. Развелась, осталась с ребенком...

— Где она работает?

— Здесь же, в институте. «Эм-эн-эс», то бишь младший научный сотрудник. Способная, заканчивает диссертацию. Тема очень серьезная. Институт вообще сейчас занят исключительно важной проблемой. Исследования пошли по двум направлениям: первое ведет сам Осокин, второе — его заместитель. Светлана как раз в лаборатории у зама.

— В чем суть этих двух направлений?

— Точно судить не могу, это не моя прямая специальность. Но между Осокиным и его замом в последнее время возникли какие-то разногласия, даже трения. Это сказывается и на отношениях Сергея Аркадьевича с дочерью, а он ее очень любит...

Между тем вечер шел своим чередом по давно устоявшемуся сценарию для всех подобных мероприятий. Профессор Эминов вручил юбилярам адрес от президиума Академии наук. Затем зачитали приветствия профессор Ключников из смежного НИИ, член-корреспондент Савченко от имени украинских коллег, Герой Социалистического Труда, знатный сталевар Киреев, доктор Гроссе из ГДР...

На столике возле президиума росла гора приветственных адресов в разноцветных сафьяновых папках и подарков. Потом два крепких парня вынесли на сцену макет Ново-Бисерского металлургического комбината, проект которого разрабатывала группа сотрудников НИИ во главе с директором.

Ермолин внимательно наблюдал за Осокиным. Тот слушал каждого очередного оратора с интересом, но несколько отрешенно, казалось, он воспринимал торжественные слова как обращенные не к коллективу его института и ему лично, а к кому-то другому. Несколько раз он недовольно морщился — когда о его заслугах говорили очень уж выспренно.

...Поток приветствий уже спадал, когда на сцену из зала поднялась высокая женщина с длинными белокурыми волосами и лицом греческой статуи. Ее стройную фигуру облегало строгое черное платье. Женщина тоже держала в руках адрес в кожаной папке малинового цвета и громадный букет из великолепных чайных роз. Она не пошла на трибуну, а сразу направилась к Осокину, что-то сказала ему, улыбаясь, вручила адрес и цветы.

Когда женщина повернулась, чтобы спуститься обратно в притихший зал, все увидели, что к ее груди приколота точно такая же чайная роза, какие она только что преподнесла смутившемуся юбиляру. И Ермолину, да и не ему одному, показалось, что высокая женщина уносит с собой не только цветок из букета, но и частицу чего-то интимного, принадлежащего лишь одному человеку в этом огромном зале — Сергею Осокину.

— Кто она? — спросил Ермолин Веру Ивановну.

— Это женщина, которая может принести Сергею Аркадьевичу лишь несчастья. Ее зовут Юлия Николаевна Ларионова...

Продолжение следует.

Теодор ГЛАДКОВ,
Аполлинарий СЕРГЕЕВ

Последняя акция Лоренца

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Свое собственное семнадцатилетие Владимир Николаевич помнил отчетливо, словно то было вчера. Родители подарили ему в этот день велосипед, купленный им на самим же заработанные деньги. Он гордо вывел велосипед, как тогда говорили, за ворота, лихо вскочил в седло и — на глазах доброй половины поселка — грохнулся о землю. Да так плотно, что сломал ногу. Потом долго лежал в гипсе и злился на самого себя: из-за дурацкого самолюбия постеснялся попросить кого-нибудь из приятелей попридержать машину, на которую сел, вернее, попытался сесть впервые в жизни. Правда, и велосипед был в их уральском поселке одним из первых.

Твердо решив, что сегодняшний вечер принадлежит только семье и домашним заботам, Ермолин вышел из подъезда, пересек улицу и вошел в гастроном. Он простоял в очереди добрых полчаса, пока приблизился к прилавку с тортами. «Свой» торт — единственный в витрине — с шоколадным зайцем почти в натуральную величину Ермолин выбрал еще издали и теперь, когда перед ним оставалось всего человек пять, волновался, что это чудо кондитерского искусства в последний момент кто-нибудь перехватит.

Никто, однако, на шоколадного великана не покусился, и заяц достался Владимиру Николаевичу, чтобы сегодня же быть съеденным сластеной Татьянкой целиком: от длинных ушей до коричневого шарика-хвоста.

Довольный удачной покупкой, Ермолин покинул гастроном и зашагал вниз по Кузнецкому мосту. Он вошел в зоомагазин, свернул налево и в отделе кормов купил пятьдесят граммов трубочника для своих гуппи. Татьянка называла трубочник «солярисом» — его шевелящаяся масса действительно поразительно напоминала кадр из нашумевшего в свое время фильма. После зоомагазина Ермолин уже никуда больше не заходил. Главный подарок для дочери — часы в модном массивном корпусе с двойным календарем на металлическом браслете (убить такими запросто можно, что в них, этих будильниках, нынешние девчонки находят только?) был куплен заранее. Владимир Николаевич просто шагал по Кузнецкому к улице Горького, где ему предстояло сесть на двадцатый троллейбус, радовался хорошей погоде, шоколадному зайцу и «солярису», который в магазине бывал далеко не каждый день.

Впрочем, очень скоро — примерно возле Выставочного зала — мысли Ермолина снова обратились к служебным делам. Точнее, к делу. Утром пришло письмо. Оно было адресовано компетентным органам СССР. Не «советским», а как-то подчеркнуто официально: СССР.

Письмо, написанное по-английски, могло иметь непосредственное отношение к делу Котельниковой — Ларионовой, а могло и не иметь никакого. Оно вызвало у Ермолина противоречивые чувства.

«Уважаемые господа!

Я хотел бы сообщить вам нижеследующее. Резидент координационного центра научно-технической разведки, действующей против СССР и других социалистических стран с территории ..., встретился с советской гражданкой Баронессой, настоящее имя которой мне неизвестно. Баронесса предложила резиденту Лоренцу первую часть технической документации, касающейся производства нового сплава. Остальные документы она передаст в распоряжение названного резидента в Советском Союзе, когда будут выполнены поставленные ею условия. С согласия своего шефа Лоренц дал Баронессе необходимые гарантии. В свою очередь, он предложил ей передавать его людям, посещающим по различным каналам вашу страну, другие научные и технические секреты. Баронессе даны пароль и условия контактов с людьми Лоренца.

С уважением, ваш Доброжелатель».

Ниже следовала приписка:

«Лоренц действовал как представитель крупного европейского концерна. В организации контакта с Баронессой ему помогала его агент Полли».

...Нет, все же пешие прогулки после работы полезны не только для утоления гиподинамического голода, порождения эпохи и последствия долгого пребывания на ответственных должностях. Ермолин ценил эти, увы, не слишком долгие минуты пешего хождения и за то, что как-то особенно ясно и отчетливо в сознании проигрывались по пути уже пережитые ситуации, осуществленные поступки и принятые решения. У него было даже придумано название для такого занятия — «крутить кино».

Именно поздним вечером, гуляя перед сном в компании бессловесного пуделя Ромы, Владимир Николаевич давал оценку уже проделанной работе, вносил коррективы в намеченные на завтра планы, порой весьма существенные. Ермолин всерьез считал, что привычная обстановка служебного кабинета определяет и привычные, стереотипные формы мышления. А это для чекиста всегда плохо, а иногда и опасно. Владимир Николаевич был убежден, что большинство своих самых ценных и неожиданных идей, успешно впоследствии осуществленных, пришло ему в голову в обстановке неслужебной. Хотя и вовсе не обязательно, чтобы именно в компании с Ромой, кофейного цвета карликовым пуделем.

Сейчас, по пути к троллейбусной остановке, Ермолин снова «крутил кино» минувшего дня.

...Письмо Доброжелателя было запечатано в обыкновенный советский конверт с четырехкопеечной маркой и, судя по лиловому штемпелю, опущено в один из почтовых ящиков в московском международном аэропорту Шереметьево.

Судя по почерку, письмо было написано американцем, а не англичанином. Видимо, его автор вчера улетел из Москвы. Прилетевший в советскую столицу в девяносто девяти случаях из ста опустил бы письмо в городе, а не на аэродроме. Но кто улетел? Куда? Какими мотивами руководствовался Доброжелатель?

Несколько сотрудников в спешном порядке уже изучили списки пассажиров всех самолетов советской и иностранных компаний, вылетевших вчера с Шереметьевского аэродрома.

Письмо Доброжелателя подтвердило то, о чем Ермолин уже почти знал: бог весть какой важности информация ушла — это раз.

Ушла, судя по ее характеру, из научно-исследовательского института, возглавляемого Осокиным,— это два. Но кто такая, черт бы ее побрал, Баронесса? И кто скрывается за псевдонимом Лоренц? Никогда раньше этот без-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24, 25.

ГЛАВА 5

Сегодня, в четверг, генерал Ермолин ушел со службы ровно в восемнадцать ноль-ноль, и ни минутой позже. Конечно, ничего не изменилось бы, если бы гостей пригласили на пятницу, предвыходной день, а то и в субботу, когда никого не беспокоит, что утром надо рано вставать. Но у них с Соней еще на заре совместной жизни установилось твердое правило: семейные торжества никогда на более удобные дни не переносить, отмечать именно тогда, когда положено по календарю. Исключение за многие годы было сделано лишь однажды, когда праздновали пятидесятилетие Владимира Николаевича. Да и то перенесли на субботу лишь большой обед со всей родней, старыми друзьями и сослуживцами, а малым семейным кругом дату отметили все равно вовремя. Что же касается таких поводов для больших сборищ, как продвижение по службе или присвоение очередного звания, то Ермолин их и вовсе за таковые не признавал, полагал просто неприличным бить по случаю еще одной звездочки во все колокола. Это у него повелось от фронта, где получил и свои первые погоны, сменившие петлицы, и первый орден — Красной Звезды, который тогда еще носили слева на груди, а не справа, как нынче.

Сегодня был день рождения Татьянки. Дочери, по выражению матери, исполнилось ни то ни се, то есть семнадцать лет. Ни то ни се потому, что паспорт Татьянка получила еще в прошлом году, а до совершеннолетия требовалось прожить еще год. Вот человек и не знает, кто он: взрослый или дитя неразумное. Родители, естественно, к негодованию самой Татьянки, пользовались этим обстоятельством беспринципно: требования предъявляли, как к большой, а ругали за все, как маленькую.

О том, чтобы на углу улицы Горького и проезда Художественного театра взять в пятницу в этот час такси, нечего было и думать. Ермолин, махнув рукой, решил идти до площади Маяковского, а оттуда к Грузинам пешком. К тому же он увлекся размышлениями, а транспортная толчея только помешала бы ходу мыслей. Приходилось принимать во внимание и шоколадного зайца — обеспечить его сохранность в «пиковой» толчее было делом почти безнадежным.

По словам Веры Эминовой, Осокин очень доверчив, только этим она объясняет его позднюю, после стольких лет вдовства, дружбу с Ларионовой.

«Значит, так,— повторил про себя Ермолин,— подведем итоги. За границу ушла важная научная информация, это факт. Ушла из осокинского института через Баронессу, пока не идентифицированную личность. Значит... Значит, нужно выиграть следующий раунд схватки с тем, чтобы обратить победу, одержанную Лоренцем сегодня, в его поражение завтра. Но как?»

ГЛАВА 6

Мелодичный электрический звонок дал знать, что в салон кто-то вошел. Уже весьма немолодая дама, но еще подвижная, одетая не по-домашнему элегантно, удивленно взглянула на дверь — обычно в этот час посетителей не было. Она вздохнула и с привычной ослепительной улыбкой направилась навстречу посетителю. Улыбка, впрочем, тут же исчезла, уступив место выражению досады и озабоченности:

— Что случилось, Даша? Почему ты не с черного хода?

— Простите, Елизавета Аркадьевна! Но я так спешила, что все позабыла... Он здесь!

— Кто он?

Это было сказано механически. По лицу той, кого Дарья Нурдгрен с привычной почтительностью назвала Елизаветой Аркадьевной, было видно, что она уже и сама поняла, кто такой этот «он».

— Энтони. То есть мистер Ричардсон. Я относила платье горной советнице Глемме, и когда проходила мимо отеля «Эксельсиор», то увидела, как он вышел из дверей и сел в автомобиль.

— Ты слишком впечатлительна, Даша. Мало ли людей...

— Нет! Я не могла ошибиться. Это точно Энтони. Он совсем не изменился, только еще больше поседел.

Елизавета Аркадьевна, казалось, успокоилась. Опустившись в кресло, она взяла из стоявшей на журнальном столике сигаретницы из карельской березы русскую папиросу с длинным мундштуком, прикурила ее от серебряной газовой зажигалки, выполненной в виде избушки на курьих ножках, и рассудительно сказала:

— Мистер Ричардсон всегда был деловым человеком. Видимо, у него здесь дела.

— Он не телефонировал вам?

Елизавета Аркадьевна недовольно поморщилась. Даша извинилась. Ей не следовало задавать этот вопрос, и она поспешила пройти в мастерскую.

«Господи! Неужели годы так ничему и не научили эту дурочку?— с раздражением подумала Елизавета Аркадьевна.— Сколько воды утекло, чего только не было, и каждый раз все повторяется сначала. Даша уже давно могла бы иметь взрослых детей, так нет, до сих пор не может избавиться от этого наваждения, словно колдовство какое... Правда, это идет на пользу дела, но все же смешно. И странно, очень странно. Она, Елизавета Аркадьевна, тоже любила, тоже страдала, однако... Так переживать, так переживать! Это уже просто неприлично».

Она машинально перебрала разложенные на столике, инкрустированном серебром и перламутром, свежие журналы мод, полученные из Парижа, Лондона, Рима, Стокгольма, Москвы и Риги... Как же все-таки быть с этой Дашей?

...Молодой американец появился в их доме в Териоках лет сорок назад...

— Здравствуйте, госпожа Дальберг, здравствуйте, господин Дальберг,— сказал он по-русски почти без акцента.— Меня зовут Энтони Ричардсон.

Дальберги уже давно ждали этого визита. Старинный знакомый Свена Аугустовича бывший приват-доцент Петербургского императорского университета Афанасий Петрович Коновалов, лет пять назад переехавший в Соединенные Штаты Америки, написал им, что сын его новых друзей Энтони Ричардсон хочет пожить несколько месяцев в Финляндии, в русской семье, с целью практики в разговорном языке. Коновалов просил Дальбергов поселить молодого человека в своем доме или помочь ему устроиться у кого-нибудь.

Елизавете Аркадьевне и Свену Аугустовичу Ричардсон понравился. Главным образом тем, что в отличие от других иностранных туристов, особенно своих соотечественников (и зимой и летом их много наезжало на перешеек), был крайне тактичен в обхождении и абсолютно лишен той заокеанской беззастенчивости, которая так коробит северян.

В свою очередь, Энтони не скрывал, что ему понравился и двухэтажный дом Дальбергов, и подступающие к самым окнам корабельные сосны, и гостеприимные хозяева, и великолепная библиотека Свена Аугустовича на нескольких языках. За обедом Ричардсон рассказал о себе.

Он родился в семье банковского служащего средней руки. Отец Энтони в свое время не смог получить законченного образования, всего достиг самоучкой, но уж постарался, чтобы его единственный сын поехал учиться не куда-нибудь, а в лучший университет Нью-Йорка — Колумбийский, основанный еще в 1754 году. Энтони намеревался изучать здесь французский, испанский и итальянский языки. Его привлекали литература и искусство эпохи Возрождения. К третьему году обучения Энтони уже почти свободно владел тремя романскими языками, не считая классических древнегреческого и латыни. Молодого полиглота приметил известный профессор Александр Новицки и уговорил заняться славянской филологией, в первую очередь русским языком. Профессор с пафосом говорил, что Россия, эта великая страна, раскинувшаяся на двух континентах, должна стать объектом пристального внимания всего свободного мира западной демократии.

Энтони и сам понимал, что специалисты по России после окончания университета могут рассчитывать на куда более заманчивые предложения, нежели самые эрудированные знатоки эпохи Возрождения. Вздохнув, но не колеблясь нисколько, он перешел на кафедру профессора Новицки.

В разговоре с Дальбергами Энтони Ричардсон, однако, кое о чем умолчал, а именно, что еще на последнем году обучения в Колумбийском университете он принял предложение поступить в разведку сухопутных войск, известную в узких кругах как отдел «Джи-2». Теперь же, зимой тридцать седьмого года, он приехал в Финляндию для языковой — и не только языковой (об этом Ричардсон также не распространялся) — практики уже в качестве слушателя разведывательной школы при отделе, одним из преподавателей которой и был бывший петербургский приват-доцент и деникинский офицер Коновалов.

Поселившись у Дальбергов (они, разумеется, оставили его у себя), Ричардсон еще долгое время и виду не подавал, что ему известны кое-какие обстоятельства той поры жизни Свена Аугустовича, когда тот был верноподданным Российской империи.

Обед подходил к концу, когда в столовую влетел крепко сбитый голубоглазый мальчишка лет двенадцати в лыжном костюме. Весь — от пьексов до ворота красного вязаного свитера с белыми оленями на груди — он был запорошен снегом.

— Мама! Что я видел в лесу!— в восторге закричал он еще от дверей, но тут же запнулся, заметив за столом незнакомого человека.

— Лео!— всплеснула руками Елизавета Аркадьевна.— Ну сколько раз я тебе говорила: нельзя так врываться в столовую...

Мальчик смутился, и Ричардсон поспешил вступиться за него.

— Не будьте так строги к сыну, госпожа Дальберг,— с улыбкой сказал он.

— Лео,— обратилась к сыну Елизавета Аркадьевна,— это мистер Энтони Ричардсон. Он приехал из Америки и будет жить у нас.

— Из настоящей Америки?— Глаза мальчика стали совсем круглыми.— И вы видели живого Джо Луиса?

— Не только видел, но даже провел с ним несколько раундов. На тренировке, разумеется,— улыбаясь, подтвердил Ричардсон.

— Вы мне расскажете?— В голосе мальчика слышались надежда и волнение.

— Конечно! Могу даже показать. А ты любишь бокс?

— Мы видели этого самого Джо Луиса в кинохронике в Гельсингфорсе,— вмешался Свен Аугустович,— и с тех пор мальчик совсем сошел с ума. Все время просит, чтобы мы купили ему боксерские перчатки. Но с кем ему здесь боксировать? С медведями или Дашей, нашей горничной?

— Не надо ничего покупать. Я напишу домой, и мне пришлют все необходимое. Хочешь, я буду с тобой заниматься боксом?— Последние слова уже адресовались к Дальбергу-сыну.

Мальчик смотрел на Ричардсона влюбленными глазами, от радости он, казалось, лишился дара речи и только согласно кивал.

С этого дня Энтони Ричардсон и Лео Дальберг стали неразлучными друзьями. Они вместе ходили на лыжах в лес, дрессировали Кида — шестимесячного щенка немецкой овчарки, занимались боксом. Энтони сдержал обещание и действительно выписал из Америки две пары перчаток, пневматическую грушу на платформе, набитый песком мешок, лапу, скакалки и прочее спортивное снаряжение. По просьбе Елизаветы Аркадьевны молодой американец охотно практиковал мальчика и в английском языке.

Дальберги не успевали удивляться работоспособности и энергии своего постояльца. Молодой гость, казалось, не знал усталости. Он не только с удовольствием возился с их сыном, но и успевал часами штудировать все русские книги, какие только можно было купить в магазинах Хельсинки, не говоря уже о привезенных с собой или принадлежащих Дальбергу.

Узнав, что в Выборге есть довольно многочисленная русская община, Ричардсон стал частенько наведываться и туда, посещал спектакли самодеятельного русского театра и даже службы в православной церкви. Дальберги были немало удивлены, когда узнали случайно, что молодой американец с интересом читает и различные советские издания, вплоть до политических и технических журналов. Это, правда, им уже не понравилось.

Во время своих продолжительных лыжных походов Ричардсон иногда так близко подходил к границе, что Дальберги даже высказали опасение, как бы он в один не столь прекрасный день не заблудился в лесу и не попал ненароком на ту сторону, к большевикам. Энтони только посмеивался и отшучивался: у него нет дел к большевикам, и он постарается не попадаться на глаза русским пограничникам. С него хватит и того, что он изучает русский язык в Финляндии.

— Судя по всему, вы, Энтони, в будущем все же собираетесь вести дела в России,— сказала как-то госпожа Дальберг.— Вы так прилежно изучаете не только русский язык, но и всю жизнь Советов. Я видела у вас даже газету «Красный спорт»...

— Да, конечно, Елизавета Аркадьевна. Какой же я буду специалист по русским проблемам, если не буду знать, как и чем живут там, в Советах. Так мы скорее поймем молодую Россию, нежели, скажем, французы или англичане. Мой профессор выгонит меня из университета, если я скажу ему, что провел целую зиму вблизи Ленинграда, всего лишь катаясь на лыжах.

Елизавете Аркадьевне стоило больших усилий не сделать гримасу при слове «Ленинград». Она с тоской и болью до сих пор каждодневно чувствовала где-то рядом с собой присутствие родного ей Петербурга. В их семье никогда не употребляли даже слова «Петроград», не то что «Ленинград». По той же

причине Дальберги упорно продолжали называть Хельсинки Гельсингфорсом, а Таллин, куда частенько по делам отправлялся Свен Аугустович, Ревелем.

«Что ж, он прав, пожалуй, этот молодой человек,— подумала Елизавета Аркадьевна.— У него ясная цель, и он не отклоняется в сторону на пути к ней. Конечно же, этот Ричардсон будет хорошо знать Советы»,— заключила она, уложив в логический ряд все то, чем занимался Энтони, живя у них.

Действительно, штудирование трудных русских глаголов и падежей не было единственным занятием Энтони Ричардсона, хотя он, точно, немало времени отдавал учебникам русского языка, усердно и с интересом читал вслух не только литературные произведения, но даже словари.

Елизавете Аркадьевне вспомнилось: встретив в какой-то книге слово «умопомрачительный», Энтони долго и безуспешно искал в словарях его точное значение, а не найдя, спросил об этом ее. Она объяснила, как могла, что происходит это слово от «умопомрачения» и означает оно, кроме прямого значения, нечто необычайное, изумительное, сводящее тем самым с ума. К примеру: колье умопомрачительно дорогое, девушка умопомрачительно хороша.

— У-мо-пом-ра-чи-тель-но!— смеясь, по слогам повторил Энтони в полном восторге понравившееся ему слово и с тех пор стал частенько повторять его в своей речи, как бы щеголяя тем, что он, иностранец, знает такое трудное и звучное русское слово.

Энтони любил перелистывать имеющиеся в домашней библиотеке Дальбергов собрания сочинений русских классиков, изданные еще Смирдиным, а Пушкина читал с упоением.

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись...—

нередко декламировал Ричардсон, входя с мороза в жарко натопленную гостиную и грея озябшие ладони на бирюзовом кафеле голландской печи.

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росою хладной:
Ах, лейся, лейся ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль...

— Как выразительны эти пушкинские стихи!— задумчиво говорил Энтони.— Лейся, лейся... Журчи, журчи... Серебряная пыль... Это бесподобно! Я так и вижу этот фонтан, слышу его говор.

Сам того не подозревая, Ричардсон глубоко тронул Елизавету Аркадьевну тем, что ему понравились именно эти, любимые ею строки Пушкина.

Однажды, перелистывая какую-то советскую книгу, Энтони неожиданно спросил:

— Свен Аугустович, а почему вы не читаете советских авторов?

— Мне это не нужно, а Лиза их не любит. Лео не до них: греческий и латынь, да свои финские и шведские классики заедают, да и ни к чему ему советские писатели. Что у них может быть путного? Ничего.

— Напрасно, напрасно,— покачал головой Ричардсон.— Я только что прочитал еще не законченный роман молодого советского писателя Михаила Шолохова. Называется «Тихий Дон». Умопомрачительная вещь! И еще я понял из романа, что кое-кто из казаков не за Советскую власть!— Ричардсон многозначительно посмотрел на хозяев.— И наоборот, из стихов русских эмигрантов,— продолжал он,— я понял, что кое-кто из них не прочь вернуться в Россию. Вы не слышали такое прелестное стихотворение:

Граница. И чем ближе к устью,
К береговому янтарю,
Тем с большей нежностью и грустью
России «здравствуй» говорю.

Там, за рекой, все те же дюны,
Такой же бор к волнам сбежал,
Все те же древние Перуны
Выходят, мнится, из-за скал.

Но жизнь иная в травах бьется
И тишина еще слышней,
И на кронштадтский купол льется
Огромный дождь иных лучей.

Черкнув крылом по глади водной,
В Россию чайка уплыла —
И я крещу рукой безродной
Пропавший след ее крыла.

Все молчали, то ли оттого, что стало грустно, то ли от бестактности Энтони. А он, словно не чувствуя общей неловкости, заметил:

— Стихотворение, кстати, весьма неплохое и потому добавляет ветра в паруса большевистского корабля.— Потом, как бы вспомнив, сказал: — Что же касается классиков финской литературы, то их переводили даже Блок и Брюсов.

Оба замечания Ричардсона заставили Елизавету Аркадьевну признать, что гость не только образован, но и не так прост, каким показался ей в начале знакомства.

Продолжение следует.

Последняя акция Лоренца

Теодор ГЛАДКОВ,
Аполлинарий СЕРГЕЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Дом Дальбергов стал для Энтони и уютным прибежищем и хорошей школой. Русский язык, царивший в доме, русская кухня, правда, в сочетании со скандинавской и французской, вечерние чаепития у традиционного самовара, иногда в кругу знакомых, таких же оторванных от родины эмигрантов, как и Дальберги, казалось, вполне удовлетворяли Ричардсона. Он жил как бы в русской обстановке. Однако, видимо, Энтони нужно было и что-то еще. Он ежедневно читал советские газеты, пересылаемые ему кем-то из Хельсинки, политические и экономические книги, изданные в СССР, внимательно слушал последние известия и некоторые другие передачи московского и ленинградского радио. При этом он по-прежнему успевал вдоволь находиться на лыжах, тренировать Лео, заниматься с мальчиком английским, забежать в домик управляющего и поболтать с ним и его женой на ломаном финском языке. А с каким жадным интересом он относился к знакомым Дальберга, приглашаемым к чаю! Прежде расспросит о них хозяев, а потом беседует с гостями, как будто знал их десять лет. Через день-два, глядишь, уже идет запросто к ним в дом на чай или кофе. Так за несколько дней Энтони буквально очаровал Веру Ильиничну Репину. Молодящейся Вере Ильиничне, которой в ту пору было за шестьдесят, он не говорил, что она молодо выглядит, как это делали другие, нет! Он восхищался при ней гением ее покойного отца, расспрашивал о его творчестве. Посетив несколько раз Веру Ильиничну в «Пенатах», Ричардсон получил от нее, восторженной и благодарной, по своему выбору несколько превосходных рисунков из оскудевших уже изрядно альбомов Ильи Ефимовича.

Елизавета Аркадьевна поделилась со Свеном мыслью, что Энтони при его воспитании и академической образованности обладает еще крепкой практической хваткой и тонкой психологической расчетливостью. Муж коротко ответил:

— Из него выйдет толк. Эту зиму он проводит здесь с пользой. Только не делись, пожалуйста, своими наблюдениями с другими.

Смысл последней фразы мужа Елизавета Аркадьевна поймет лишь через несколько лет.

Когда Энтони Ричардсон появился в доме Дальбергов, Даше Пантелеевой шел семнадцатый год. От матери она унаследовала рост и стать, от отца, которого знала только по нескольким фотографиям, тонкий с горбинкой нос, высокий лоб, черные как смоль волосы и темные с поволокой глаза. Мать называла ее «отцовной», как бы укоряя себя за необдуманную и пылкую любовь к старшему унтер-офицеру лейб-гвардии Финляндского полка Егору Пантелееву, которому она простила все, даже его бегство во Францию, где, по слухам, завербовался он,— да так и сгинул бесследно с тех пор,— в Иностранный легион.

Спасибо Елизавете Аркадьевне, которая не прогнала Анну Кузьминичну, ценя ее преданность, усердие и бесценный дар поварихи.

Через несколько лет у Елизаветы Аркадьевны появился свой ребенок, и Анна Кузьминична полной мерой постаралась отблагодарить барыню за доброту и терпение, с каким та отнеслась к бедной женщине и ее дочери: работала больше и усерднее прежнего, добровольно, как ей казалось, взяв на себя уход за младенцем. Неопытная молодая мать приняла это как должное и была рада тому, что не пришлось тратить денег на няню.

Вскоре Даша уже помогала матери: катала Лео в коляске, играла с ним, потом водила его в лес кормить птичек и белочек, потом... Потом он подрос, и его родители позаботились о том, чтобы Лео больше общался с детьми своего круга, а Даша уже стала помогать горничной Сюльви в уборке по дому.

Несколько классов русской школы дали пытливой девушке не более, чем она успела получить сама, любовно протирая книги в библиотеке Дальбергов и читая некоторые из них, с разрешения Елизаветы Аркадьевны, по вечерам у себя в финском домике.

К тому времени, когда в доме появился молодой американец, Даша уже числилась горничной. Постаревшая Сюльви более не нужна была Елизавете Аркадьевне, а молодая и проворная Даша поддерживала дом в той же идеальной чистоте, которую наводила раньше финка. К тому же Даша, как и ее мать, была для Дальбергов своей, она выросла у них на глазах, они по-своему любили ее, как можно любить дочь кухарки.

Именно Даша первой встретила Энтони Ричардсона, когда он приехал к Дальбергам.

— Good day!— приветствовал он ее сверкающей улыбкой.

— Здравствуйте,— по-русски ответила она, сообразив, что он сказал ей что-то в том же роде.— Добро пожаловать, вас ждут.— И она, сделав книксен, приняла от него шапку и меховое пальто и отворила перед ним дверь в гостиную. Ей показалось, что он внимательно посмотрел на нее. Верхняя губа девушки, чуть тронутая темным пушком, дрогнула от волнения.

Даша не могла знать, какую роль сыграет в ее судьбе Энтони Ричардсон, но смутное предчувствие чего-то важного, связанного с ним, уже не покидало ее с этой минуты. Недаром же она видела сон, будто на ней платье Елизаветы Аркадьевны, а на голове красивая шляпка, и все мужчины, бывшие в гостях у Дальбергов, говорили ей чудесные слова, каких она раньше никогда не слышала, ухаживали за ней и предлагали ей руку и сердце. Несчастная девушка не знала тогда, что если служанка видит себя во сне в платье своей госпожи, она будет потом горько оплакивать свою судьбу. Эту верную примету Даша вычитала позднее в «Великой книге судеб».

Комнату Ричардсона на втором этаже Даша убирала с особой тщательностью, не торопясь заправляла постель, по десять раз протирала дубовый письменный стол, на котором и без того не было ни пылинки. Иногда, поднимаясь к себе после завтрака, Энтони обменивался с ней несколькими фразами. Первое время он лишь благодарил девушку за чистоту и порядок, потом сказал как-то, что ей надо изучать английский, этот язык поможет ей в будущем выйти в люди, и начал ее учить сначала самым обиходным фразам, а затем и более сложным выражениям и оборотам речи. Наконец Энтони подарил Даше специально купленный для нее в Хельсинки небольшой, но очень удобный и простой в обращении вебстеровский словарик английского языка.

Госпожа отнеслась к этой затее Ричардсона как к экстравагантной шутке, но когда месяца через три Энтони в присутствии Дальбергов заговорил с девушкой по-английски и она поддержала разговор, в глазах Елизаветы Аркадьевны, как заметила Даша, вспыхнул недобрый огонек материнской ревности: Лео говорил по-английски не лучше.

Когда Энтони первый раз поцеловал ее, девушка не нашла в себе сил для сопротивления, да она и не хотела сопротивляться. Она уже любила.

Анна Кузьминична хотела было предостеречь дочь от неверного шага, но что могли значить слова матери, которая сама не уберегла себя от любви? К тому же изверившаяся в жизни Анна Кузьминична сочла: чему быть, того не миновать, а состоятельный иностранец всегда лучше бедного русского эмигранта или финского торпаря. Бог даст, с его помощью удастся скопить небольшие деньги и открыть русскую столовую или кофейню, тогда у них с дочкой будет свое дело. Без собственного дела человек не человек, а прислуга. Не каждой бедной девушке господь посылает такого покровителя, как Энтони Ричардсон.

А Дальберги? Они, конечно, заметили, что происходило с Дашей, но расположение гостя для них было, как видно, важнее судьбы горничной. Свен Аугустович, правда, сказал как-то Энтони наедине что-то назидательное по этому поводу. Но Ричардсон только весело рассмеялся. Сказал в ответ непринужденно, но достаточно категорично:

— Мистер Дальберг, вы же отлично понимаете, что со словарем на подушке любой язык усваивается легче. Когда вы приезжали в Америку, то, насколько мне известно, вы также пользовались таким словарем чаще, нежели библией.

— Разве мы имеем что-нибудь против?— поспешил капитулировать изрядно смущенный Свен Аугустович.— Это ваше личное дело, Энтони. Нам с Елизаветой Аркадьевной хотелось бы только, чтобы ваши отношения с Дашей носили пристойный характер. Сами понимаете, у нас сын-подросток.

Даша, случайно услышавшая эти слова из соседней комнаты, в слезах убежала в свой финский домик.

— Словарь на подушке... Словарь на подушке,— плача, повторяла она обидные слова.

В них была не только обида, но и оскорбление. Ну, пускай он не женится на ней — он и не обещал этого, но почему же наедине он говорил такие нежные и ласковые слова, какие наяву она слышала впервые в жизни, а хозяину назвал ее «словарем на подушке»? Разве только «словарем» была она для него все эти месяцы? Разве не она, Даша, когда он просил об этом, рассказывала ему все подробности о тех людях, с кем он хотел встретиться в Териоках и Выборге? И неужели Энтони забыл, что это с ее помощью и помощью ее матери он познакомился со многими финнами, живущими близ советской границы? А сколько других услуг, больших и мелких, она оказывала ему по первому его слову!..

Наступила весна, и Энтони уехал. Он сказал, что хочет немного пожить в Хельсинки и побывать в других городах маленькой, но прекрасной Суоми, в первую очередь в Турку и Тампере. Обнимая его, Даша плакала, забыв про обиду. Ричардсон утешал девушку, целуя ее заплаканные глаза. Переборов рыдания, Даша неожиданно для самой себя спросила вдруг:

— Ты правду говорил, что у тебя в Штатах нет невесты?

— Ну конечно же, правду, дорогая!

— Ни о чем тебя не прошу, только об одном: обещай, что ты не женишься до следующей встречи со мной.

Разумом Даша понимала, что Энтони никогда не женится на ней, что если и любил ее эти счастливые недели по-своему, то все рав-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24—26.

но время и расстояние сделают свое дело. Но... Всякое может случиться. Так хотелось надеяться на лучшее. От самого Энтони она слышала не раз и читала тоже, что его соотечественники там, за океаном, не связывают себя, как европейцы, глупыми условностями. Что он ответит ей сейчас? Его обещание не жениться до следующей встречи означало бы для нее хоть какую-то надежду на будущее. Молчания Энтони или уклончивого ответа она бы сейчас не перенесла.

— Обещаю, дорогая!— Глаза Энтони увлажнились, и он крепко обнял девушку. В этот миг он и сам верил, что любит...

...Сначала пришло письмо Дальбергам, а через несколько дней и ей. Ричардсон писал, что знакомится с достопримечательностями финской столицы, но все время думает о Даше. «Я не успел уехать, а уже жду с нетерпением, когда мы снова будем вместе»,— писал он и сам верил написанному.

Энтони прислал еще несколько писем из Хельсинки, Турку, Тампере, Котки и других городов Финляндии. Потом она получила письмо из Соединенных Штатов. Его содержание и тон были уже иными: как будто Энтони писал своему хорошему приятелю по университету, а не возлюбленной.

К рождеству все получили от Ричардсона поздравления и подарки: и Дальберги и Даша с матерью. Она навсегда запомнила во всех подробностях, как оно было.

В рождественский вечер Елизавета Аркадьевна по старому русскому обычаю пригласила к праздничному семейному столу и Анну Кузьминичну и Дашу.

— Ну-ка, что нам послал Дед Мороз?— торжественно, с растяжкой, как говорят с детьми, когда готовят им сюрприз, произнес Свен Аугустович, входя в столовую. В руках у него был небольшой мешок с рождественскими подарками. Дальберг встал возле богато украшенной, горящей десятками разноцветных свечек елки, сунул в мешок руку и достал оттуда небольшой футляр, обтянутый темно-синим сафьяном.

— Кому это и что это?— нараспев спросил Свен Аугустович.— «Елизавете Аркадьевне»,— прочел он на вложенном в футляр рождественском поздравлении и вручил подарок жене. На темно-синем бархате светился кулон с бриллиантом на золотой цепочке. Хотя, судя по всему, Елизавета Аркадьевна и знала, что находится в футляре, она не могла скрыть, что обрадована и польщена таким дорогим подарком.

— Кому это и что это?— продолжал шутливо вопрошать Свен Аугустович. «Лео» — было написано на открытке, и Дальберг передал сыну роскошно изданный том — «Песнь о Гайавате».

Мальчик перелистал книгу, расплылся в улыбке и неожиданно выпалил:

— Спасибо тебе, Энтони!

Ощущение присутствия Ричардсона тотчас острой болью отдалось в сердце Даши.

Анне Кузьминичне из мешка была извлечена нарядная шерстяная накидка с кистями и... квадратной дырой в центре.

— Это пончо,— объяснил Лео,— его носят индейцы в Америке. Вот бы мне такое!— И он помог Анне Кузьминичне надеть необычную накидку.

Когда Свен Аугустович достал из мешка еще один футляр, обтянутый на сей раз темно-вишневым сафьяном, Даша смутилась и покраснела. Неужто это ей?

«Даше»,— прочитал хозяин на поздравительной открытке. В футляре на бархате тоже вишневого цвета покоилась маленькая золотая ветвь. На каждом ее листочке каким-то чудом держалось по зернышку жемчуга. Прежде чем передать футляр девушке, Свен Аугустович повернул его к зажженным по случаю праздника свечам на столе, и у основания ветви засверкала алмазная звездочка. Переливаясь всеми цветами радуги, она отбросила снопик лучей прямо в глаза Даши.

— Очень мило, очень мило,— услышала она холодный и далекий голос Елизаветы Аркадьевны.— Пойдет к любому темному платью.

«Это подойдет ко мне, а не к моим платьям!»— мысленно ответила Даша хозяйке.

Последний подарок из мешка достал и вручил отцу Лео — дорогой серебряный портсигар.

...— Ох уж эта Даша! Сколько крови они с Энтони попортили нам и еще попортят!— тяжело вздохнув, произнесла Елизавета Аркадьевна. Она встала с кресла, подошла к зеркалу, привычным движением поправила седую, с синеватым отливом прическу и направилась за портьеру в мастерскую.

— Ну как, Даша, скоро будет готово платье госпожи советницы Фогель?

Дарья Егоровна оторвала голову от шитья.

— Эту работу нужно закончить срочно,— продолжала мадам Дальберг.— Завтра с утра пойдешь в «Евротур», приезжают русские туристы. Кстати, Энтони действительно здесь. Он только что телефонировал мне. Сегодня вечером ты его увидишь. Он хочет видеть тебя.

— О, господи!— На лице Даши Елизавета Аркадьевна прочла не то радость, не то страдание. Может быть, это было и то и другое вместе.

ГЛАВА 7

Уже третий день полковник Энтони Ричардсон жил в хорошо знакомом ему старинном особняке в столице небольшой европейской страны. Отведенные в его распоряжение апартаменты занимали почти весь второй этаж здания и — очень важно — имели малоприметный отдельный вход со стороны Беличьего парка.

Никаких построек в этой части не тронутого цивилизацией лесного массива не было. Вдали сквозь густую листву виднелась лишь литая чугунная решетка, отделяющая обширную территорию Координационного центра от внешнего мира. Вдоль ограды, печатая шаг, прохаживался рослый полицейский в темном мундире, перепоясанном белым лакированным ремнем, и белой каскетке. На ремне висел целый арсенал: пистолет в открытой кобуре, резиновая дубинка, миниатюрная рация, наручники, аэрозольный баллон, заправленный мгновенно парализующим на двадцать минут газом, еще что-то...

Ровно в шестнадцать ноль-ноль этого полицейского сменит другой и будет точно таким же чеканным шагом нахаживать километры, не забывая цепкими глазами фиксировать все, что может касаться охраняемой территории. Никто из гуляющих в парке не мог бы подойти к особняку незамеченным.

Ричардсон отметил это чисто механически. Он был здесь гостем, вовсе не старался встречаться ни в этом доме, ни в его окрестностях с кем-либо из высокопоставленных деятелей страны и относился в высшей степени безразлично к тому, ведет ли местная служба безопасности наблюдение за ним или нет. Он, полковник Ричардсон, прекрасно знал, кто за ним приглядывал всерьез и кого следовало опасаться по-настоящему. Это Стив Хейли, один из сотрудников Координационного центра, угрюмый, малоразговорчивый мужчина в том возрасте, о котором принято говорить «старость молодости или молодость старости», то есть лет сорока. Хейли был майором разведки: энергичным, дельным, честолюбивым. Его дальнейшему продвижению по службе мешали два обстоятельства: отсутствие настоящей профессиональной культуры (этого Хейли не понимал) и общепризнанное положение Ричардсона как одного из лучших специалистов по работе «на Россию» (это Хейли понимал отлично).

Стив, разумеется, не станет делать ему никаких пакостей — он знает, что Ричардсон через год уходит в отставку, и потому ждет терпеливо своего часа. Но не только ждет: выглядывает и вынюхивает, знает, что Ричардсон, передавая дела преемнику, прибережет кое-какие свои многолетние связи, из числа особо ценных, для себя и своего сына. Так поступают все старые профессиональные разведчики, да и вообще кадровые офицеры, уходя на пенсию. Потому-то они и сохраняют свой вес и влияние даже годы спустя после того, как превращаются в процветающих владельцев отелей, консультантов промышленных фирм, а то и в университетских профессоров.

Майор Хейли убежден, что Счастливчик Тони — так называли Ричардсона в разведке,— когда расстанется со своим мундиром, который, кстати, никогда не носил, не будет долго ломать голову над тем, чем заняться дальше. В Соединенных Штатах, к примеру, только в «Локхид эйркрафт», в «Дженерал дайнемикс», в «Макдональд-Дуглас» уже служат на высоких постах около шестисот отставных военных в чине от полковника и выше. Настоящий второй Пентагон, и не менее влиятельный, чем первый. Причем зарабатывают бывшие генералы и полковники куда больше, чем раньше в вооруженных силах. Хейли понимает, какой находкой явится для любой промышленной корпорации полковник Энтони Ричардсон с его опытом и связями старого разведчика. Хейли знает, почему так ценят тузы крупного бизнеса, воротилы военно-промышленного комплекса отставных военных, особенно разведчиков.

Общеизвестно, что американская фирма «Риенкшн моторс» более компетентна, чем «Аэроджет дженерал». Но многомиллионный заказ на двигатели для ракет «Поларис» получила именно «Аэроджет». Только благодаря усилиям своих служащих: бывшего военно-морского министра Дэна Кимбала, адмирала Хатчеса и генерала морской пехоты Хейварда. Ясное дело, эти трое внакладе тоже не остались. Деньги огромные. При таких гонорарах ему, всего-навсего майору, надеяться на альтруизм Счастливчика Тони не приходится, нужно и самому не зевать. Он и старается не упустить ничего.

Полковник Ричардсон сочувствует Стиву Хейли, но входить в его положение вовсе не собирается. Достанется что-нибудь майору от его пирога, пусть считает, что повезло. Но вообще-то тайные хлопоты Хейли создают для Ричардсона некоторые дополнительные трудности. Он вынужден применять свой опыт разведчика, мастерство конспиратора, чтобы уходить от наблюдения собственного подчиненного и вероятного преемника. Смешно? Нисколько!

Баронесса, судя по всему, его последнее большое дело. Шестым чувством, знаменитым своим нюхом Ричардсон ощущает — результаты могут оказаться исключительно ценными и перспективными. Что же касается Хейли, пусть напрягает свои усилия, чтобы сделать хоть толику того, что сделал за годы службы в разведке он, полковник Энтони Ричардсон.

Баронессу Ричардсон не передаст никому ни при каких обстоятельствах. Он нашел ее сам. Правда, через старуху Дальберг, но она тоже его человек. Когда он уйдет в отставку, то и она удалится от дел. Навсегда. Много ли ей осталось жить? С десяток лет, не больше. Она будет молчать. Благополучие сына, которого она вывела в люди с его, Ричардсона, помощью, для нее превыше всего. А безопасность Лео целиком зависит (по крайней мере в ее глазах) от него, Энтони.

Ричардсон подошел к бару, смешал джин с тоником, бросил в высокий тяжелый стакан кусочек льда. С удовольствием сделал глоток отдающего ароматной горечью можжевельника крепкого напитка.

Итак, Баронесса... По привычке старого, вышколенного разведчика Энтони еще и еще раз фиксирует про себя основные позиции, выработанные с шефом по ее делу. Если уж сам руководитель Координационного центра заинтересовался этой русской красавицей, пускай и не первой молодости, значит, достоверность доставленных ею сведений подтвердилась всеми экспертами, а сама информация расценена очень высоко.

Русская технология получения так называемой замороженной крови, способной сохранять все свойства свежей при очень длительном хранении даже в неблагоприятных условиях, уже изучается соответствующей фирмой. Ее собственные специалисты бились над этой проблемой годы, ухлопали уйму денег, но так ничего и не сделали. А тут всего лишь одна кассета с отснятой пленкой... Интересно, представляет ли сама Баронесса, сколько она могла получить за эту пленку, если бы имела возможность пустить ее с открытых торгов на аукционе фармакологических фирм? Ричардсон тоже, впрочем, может об этом только догадываться, вернее, судить по реакции шефа.

Во время их недавней последней встречи Миллс находился в настроении философическом. Успех с замороженной кровью привел

его в столь приподнятое настроение, что он прочитал Ричардсону нечто вроде лекции. Впрочем, ничего нового он Энтони не сказал, кроме того, что подтвердил наличие у них обоих общей точки зрения на нынешнее состояние дел в научно-технической разведке.

— Мы-то с вами, полковник, знаем,— говорил Миллс, уютно и прочно устроившись в огромном кожаном кресле (как многие люди маленького роста, он питал пристрастие ко всему крупному — от мебели до женщин),— что научно-техническая революция в корне изменила наши представления о секретной и несекретной информации. Когда-то разведчик шел на смертельный риск, чтобы выяснить, в каком городишке расквартирована энская пехотная дивизия, которая, кстати, мирно пребывала в оном порой десятилетия. Сегодня для нас не имеет никакого особого значения информация о том, какую воинскую часть русские держат, скажем, в Чухломе. За считанные часы они все равно могут перебросить ее в любую точку за несколько тысяч километров. Нас не волнует также, сколько водородных бомб они производят в месяц. Этого добра мы сами уже столько наделали, что ими можно уничтожить все живое на десяти таких планетах, как Земля.

Даже без всевидящих спутников-шпионов, с помощью одной только логики можно определить, где располагаются установки русских для запуска межконтинентальных и прочих ракет — примерно в тех местах, где бы мы их расположили сами, если бы это была наша территория. Политические секреты противника для нас очень важны, но они, увы, являются секретами, так сказать, одного дня.

— Именно так,— поддакнул Ричардсон.

Он уже заранее знал, что последует дальше. Шеф обладал поразительным свойством — возвращать в безапелляционной, категоричной форме те самые мысли и рассуждения, которые первоначально получал от него, Ричардсона. Разумеется, уже как его, Миллса, собственные откровения.

Сколько усилий в свое время потратил Ричардсон, чтобы убедить руководство в том, что представления большинства русских о бдительности давно изменились. В Москве, Ленинграде, Киеве и других советских городах уже давно не тащат в милицию любого иностранца, который фотографирует фабричный забор или вообще ведет себя «подозрительно». Русские тоже прекрасно знают, что подобная «заборная» информация давно никого не интересует, что цена ей, по их выражению, ломаный грош, да и то в базарный день.

Миллс поучительно продолжал:

— Вы-то, Энтони, знаете, что Россия для нас самая трудная страна. И виновато в этом само Центральное разведывательное управление, то есть мы с вами, Тони. ЦРУ до сих пор считает, что ему все дозволено и все возможно. И почти каждое его деяние в Советской России терпит крах. Все трудней и трудней находить контакты с русскими. Именно поэтому надо с крайней осторожностью сосредоточиться на самом главном.

Для всех разведок мира стало аксиомой, что экономическое развитие той или иной страны, следовательно, и ее военная мощь, определяются научно-технической оснащенностью. Вот почему научно-технический и промышленный шпионаж стал наконец-то одним из главных направлений тайной войны. Кстати, куда раньше политиков и военных эту истину поняли промышленники и бизнесмены, создавшие собственную систему частных бюро, занимающихся на высоком профессиональном уровне производственным, научным, техническим и банковским шпионажем по заказу конкурирующих фирм. (А не стоит ли ему, Ричардсону, после ухода на пенсию создать собственное подобие бюро? Надо подумать...)

Научные и технические открытия — самая надежная валюта в наши неспокойные дни. Причем вовсе не обязательно открытия, прямо носящие военный характер. В наш век никто не может заранее сказать, где и как сработает самое невинное на первый взгляд изобретение или открытие. Советские молодые конструкторы разработали в Сибири прибор — дефектоскоп, позволяющий определять степень усталости металла двигателей реактивных самолетов. Запад купил на него лицензию и оснастил новыми приборами не только гражданские аэродромы, но и базы военно-воздушных сил. С их помощью удалось избежать многих катастроф и сохранить не один самолет.

Вообще же в Советском Союзе дело охраны промышленных и научных секретов поставлено совсем неплохо. Но разве ценность имеют только охраняемые секреты? Экономический эффект дают и патенты, которые западные фирмы покупают у русских или непосредственно, или через свои дочерние фирмы. А публикации в их научной литературе и периодике? Это же богатство!

Продолжение следует.

Последняя акция Лоренца

Теодор ГЛАДКОВ,
Аполлинарий СЕРГЕЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИННИСЕВИЧА

●

Ричардсон улыбнулся, вспомнив, как недавно пошутил в разговоре с Хейли. Точнее, не столько пошутил, сколько дал неплохой совет в несколько завуалированной форме. Глядишь, энергия майора обратится в другую сторону, подальше от дел его самого, полковника Ричардсона.

— Скажите, Стив,— спросил Ричардсон Хейли как бы вскользь,— вы когда-нибудь интересовались историей патентного дела?

На грубоватом — солдатский вариант внешности Гарри Купера — лице Хейли мелькнуло выражение растерянности.

— Да нет, Энтони. А в чем дело?

— Напрасно, Стив, напрасно. В ней много поучительного. Есть, в частности, очень важная для предприимчивого человека закономерность. Даже специалистам бывает порой трудно определить, насколько осуществима на практике идея, закрепленная патентом, тем более, каков будет эффект, если таковое осуществление все-таки последует. Как вы думаете, когда был выдан патент на флюоресцентную лампу? Не пытайтесь угадать, ошибетесь на целый век — в 1859 году! А коммерческий выпуск таких ламп в Америке начался лишь в 1938 году. Патент на автоматическую коробку скоростей датирован 1925 годом, а реализовали его автомобильные фирмы в массовом производстве только в пятьдесят третьем. Даже застежка «молния» пылилась в патентных архивах лет тридцать, пока не попала на первые джинсы. Причем, заметьте, речь идет не о каких-то изобретениях узкоспециального значения. На всех этих вещах заработаны миллионы, сотни миллионов!

Теперь уже лицо Хейли выражало крайнюю степень неподдельного внимания.

— Никогда не задумывался над этим, Энтони,— признался он.

— Патенты сегодня — это золотое дно, Стив. То, что сейчас можно купить за сто долларов, завтра принесет сто тысяч чистой прибыли. Точь-в-точь как с Модильяни. Когда-то в Париже в кафе «Ротонда» его рисунок мог получить за рюмку коньяку и чашку кофе любой турист. Теперь такой рисунок на бумажной салфетке — целое состояние.

Ричардсон развивал свою мысль уже вполне серьезно, забыв, что начал с шутки.

— Рекомендую вам обратить самое пристальное внимание на состояние патентного дела у русских. У них твердая государственная дисциплина, но есть возможности хорошо заработать. Сейчас они практикуют широкую торговлю патентами и лицензиями. Мы сами купили в России патент на способ и устройство для автоматической присучки оборвавшейся нити на прядильных машинах. Наши фирмы благодаря этому патенту освободились от тысяч работниц. Где секрет, где не секрет? Грань тут порой очень условна.

Ричардсон рассмеялся.

— Вам известна, Стив, моя записка о методах обработки в СССР зарубежной научной информации?

— Конечно, Энтони. Мы все пользуемся ею в своей работе.

— Так вот, она составлена на основе четырех популярных брошюр, которые мой человек купил в книжном киоске Политехнического музея в Москве за два рубля одиннадцать копеек...

Тут уж рассмеялся Хейли:

— Представляю, полковник, во сколько эта операция влетела нашим налогоплательщикам!

Энтони дружелюбно похлопал майора по плечу.

— Но ведь вы не сообщите об этом газетчикам?

Они расстались, вполне довольные друг другом...

Этого, к сожалению, Ричардсон не мог сказать о заключительной части разговора с Миллсом, когда шеф от благодушных рассуждений перешел к установке. Конкретной, четкой, обязательной к исполнению.

— Мы опасались,— говорил шеф,— что русская контрразведка подставила нам своего человека. Но подлинность метода получения замороженной крови заставила нас отказаться от такого предположения. Правда, чтобы проверить правдивость информации, пришлось пойти на риск — наши биохимики подняли в печати небольшой шум по поводу «своего» успеха. Судя по беспокойству в России, Советы никак не ожидали, что мы их опередим в этом деле. Проверили и по другим каналам. Русские только гадают, действительно ли мы опередили их или увели их собственное открытие.

Подозрительна разносторонность информации, полученной от этой мадам: первая ее передача содержала рецептуру нового лака для электроизоляции и конструкцию нового аппарата для промывания ран в полевых условиях. Вторая — кровь...— Миллс, пренебрегая правилами хорошего тона, запросто откусил кончик сигары, прикурил, стрельнув в потолок кольцом упругого сизого дыма.— Конечно, обе передачи могли быть организованы русскими, но безусловная подлинность данных, засекреченность работы по этим темам вроде бы исключают возможность дезинформации. Понятно, в таких случаях подмешивают для правдоподобия определенную порцию подлинных материалов, но именно определенную, не более того, иначе опасно.

— Значит, я могу продолжать акцию? — спросил Ричардсон.

— Непременно! От услуг Баронессы не отказывайтесь ни в коем случае. Только не довольствуйтесь тем, что она соизволит передать по собственному усмотрению. Приберите ее к рукам. С каким статутом она приезжает?

— Групповой туризм.

— Прекрасно! Встречу с ней не прерывать. Завершить договоренность в течение одной беседы. Все записать на магнитофон. Полученный материал постарайтесь оценить сразу. В случае затруднений срочно свяжитесь со мной, чтобы прийти к каким-либо выводам до того, как Баронесса покинет страну. Тщательно разберитесь в обстоятельствах, которые заставили Баронессу сотрудничать с иностранной разведкой. Узнайте ее биографию или версию таковой, выявите возможности в разведывательном плане, связи в советских научных сферах, круг знакомств.

— Условия сотрудничества?

— Можете не скупиться. Источник того стоит. Дайте Баронессе точные оперативные инструкции, договоритесь о паролях, местах встреч, сигнализации, тайниках и тому подобном. Ну, этому не вас учить.

«Слава богу, признал!»— с раздражением подумал Ричардсон.

— Самое главное,— сказал, завершая беседу, шеф,— создайте впечатление у этой русской, что вы представитель крупного европейского концерна. Это крайне важно для нас, ибо сейчас, как никогда раньше, мы не можем компрометировать себя.

Шеф попрощался и уехал на аэродром — у него были дела в других странах.

...Ричардсон машинально допил джин. Лед в стакане давно растаял. Смешать новый коктейль? Пожалуй, не стоит. Надо сохранить ясную голову.

Вчера Баронесса впервые появилась в салоне. Сегодня она придет снова. Что встреча состоится с ним, а не со старухой, она не знает, но, видимо, догадывается и готова к ней. Энтони взглянул на часы — в его распоряжении сорок минут. Вполне достаточно, чтобы доехать до салона старухи и войти в роль.

...До поздней ночи Ричардсон ходил по кабинету, обдумывал результаты встречи с Баронессой. Черт бы ее побрал, произошло именно то, чего опасался шеф. Баронесса пришла не одна — с приятельницей, сказала, что так надо: в группе могут обратить внимание на то, что она ушла из гостиницы куда-то одна. Разумно. Баронесса оказалась действительно умной, логично рассуждающей и решительной женщиной. С ощущением собственной вины Ричардсон вынужден был признать, что инициативой в разговоре владела Баронесса, навязывала ему свой план разговора. Старуха точно характеризовала ее, но он недооценивал наблюдательности старой женщины.

Он вошел в комнату после того, как мадам Дальберг по его незримому сигналу увела приятельницу Баронессы в помещение мастерской, где они и провели более часа.

Ричардсон представился красивой, по европейской моде одетой женщине как сотрудник международной посреднической фирмы, занимающейся внедрением в странах свободного мира технических изобретений и открытий. Говорил по-русски умышленно плохо, с ошибками.

— Надеюсь,— с некоторой иронией в голосе сказала собеседница,— ваша фирма пользуется достаточным весом в официальных кругах. Потому что мой друг и я не намерены мельчить. Нас интересует не только материальное вознаграждение, но и перспективы.

— Прошу уточнить.

Баронесса назвала многотысячную сумму — в любом западноевропейском банке на предъявителя.

— У моего друга,— продолжала она,— крупного ученого, есть в запасе и другие технические идеи. Их мы бы хотели реализовать. Разумеется, при вашем посредничестве, здесь, на Западе.

Дальнейший разговор продолжался в том же духе. Баронесса твердо стояла на своем.

— Мне почему-то кажется — и мой друг того же мнения,— что уже готовыми результатами его работы и его идеями могут заинтересоваться не только в этой стране и не только ваша фирма. Желаю успеха! — саркастически заявила Баронесса и встала.

Ричардсон вынужден был принять все ее условия.

Баронесса полагала, что дело сделано. Но она не была профессионалом в разведке. Она не заметила ловушек, расставленных опытным шпионом, сказала о своем друге

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24—27.

больше, чем следовало, и, наконец, проявила свой строптивый характер.

«Она слишком опасный партнер. На нее нельзя положиться,— рассудил Ричардсон.— Поняв, что ее обманули, такая не смирится. Будет искать другие контакты и рано или поздно найдет, если не провалится. Нет, если проблема сплава действительно так важна, надо добыть всю основную документацию по его изготовлению, а не только половину, которую передала эта бестия. Но как это сделать? Какое предложение по делу представить шефу? Послезавтра, получив определенные гарантии, Баронесса улетит. Времени на работу с ней не остается.— Ричардсон резко остановился посреди комнаты.— Черт побери, в конце концов научную работу ведет не она, а ее друг. Не сегодня, так завтра она захочет бежать с ним и с его помощью устроить свою судьбу. Нам нужен именно он — источник информации, а не она — всего лишь посредница, которая может провалить нашу операцию».

Доктор Визен, технический эксперт, с которым Ричардсон работает много лет, даже растерялся, настолько ценной уже при беглом ознакомлении оказалась информация, доставленная Баронессой. Очевидно, что источником может быть только весьма крупный специалист. Такой не иголка в стоге сена. Выйти на него можно будет и без помощи Баронессы, тем более что круг, где искать, уже обозначен (то самое «кое-что»).

Да, Баронесса — опасная женщина, очень опасная. И, в сущности, сама по себе она уже не нужна. Кроме хлопот и лишних улик, она с собой ничего не несет. Значит, другого выхода нет. Очень удачно, что в группе оказалась ее близкая приятельница. Получится загадка с двумя неизвестными.

Ричардсон разделся, принял душ, выпил два крепких дайкири и лег спать. Но уснул только к рассвету. Приказы, подобные тому, что он отдаст утром, ему приходилось в последние годы отдавать не так уж часто. И не любил он этого делать...

ГЛАВА 8

Незаметно жаркий август сменился бархатным сентябрем. Можно было продолжать работу по получению недостающей части технической документации. Для этого необходимо было непосредственно выйти на Барона — так полковник Ричардсон назвал для себя того русского ученого, который стоял за спиной Баронессы и был не только настоящим источником ее информации, но и автором или одним из авторов самой разработки сплава.

Получив одобрение шефа на осуществление своего плана, Ричардсон вернулся в столицу небольшой европейской страны для встречи с Лео Дальбергом. Сын Елизаветы Аркадьевны, которого молодой американский студент некогда учил боксировать и говорить по-английски, стал теперь преуспевающим дельцом. Он заведовал отделом сбыта одной из крупнейших в стране фирм, имеющей филиалы и за границей. Фирма была уважаемая, основанная еще в прошлом столетии, но ее отдел сбыта с той поры, когда его возглавил молодой и энергичный Лео Дальберг, стал не чем иным, как резидентурой Координационного центра научно-технической разведки, добывающей секреты в СССР и других европейских странах социалистического содружества. Директора фирмы, кроме генерального директора, об этой стороне деятельности заведующего отделом сбыта и не подозревали.

Ричардсон остановился в том же особняке, в котором жил и раньше. В его распоряжении было два свободных дня — Лео задерживался в служебной командировке в Гамбурге. Энтони использовал эти дни, чтобы отдохнуть и дочитать роман советского писателя Чаковского «Блокада». Книга навела на многие размышления, и Ричардсон невольно вернулся в памяти к тем предвоенным годам, когда он начинал свою работу против СССР с территории Финляндии, Эстонии и Латвии.

Да, ни он, ни тем более его тогдашние руководители в разведке не знали по-настоящему и не понимали Советской России. Зря они убеждали себя в том, что СССР — это колосс на глиняных ногах. Ноги у колосса оказались стальными, и он выстоял. Немцы и их сателлиты не смогли взять ни Москву, ни Ленинград, близ которого начиналась разведывательная биография Энтони Ричардсона.

Теперь этот сплав. Зачем, спрашивается, красть у русских их производственные секреты, пускай даже очень важные, если мы сильнее? Естественно, кто-то в чем-то сильнее, в чем-то отстает. Но в таких случаях покупают патенты, лицензии, в ряде случаев готовые изделия. Значит, дело много сложнее. Политическое противостояние обусловливается экономическим, техническим, научным противостоянием. Это аксиома. Разведка не министерство внешней торговли. Она не покупает патенты даже на сверхвыгодных условиях, у нее другие цели и соответственно иные методы. Важно не только усиливать свою экономическую и промышленную мощь, но и ослаблять противника. С точки зрения разведки мы с русскими не друзья-соперники, как спортсмены на Олимпийских играх. Мы враги. Мы не соревнуемся, а воюем. Кто кого. Отличие нашей войны от обычной лишь в том, что она не заканчивается мирным договором. Она вообще бесконечна. Удачами или поражениями в ней заканчиваются лишь отдельные схватки, операции, сражения, но не сама война.

Металлы, сплавы, сталь — одно из магистральных направлений экономики любой страны. Наряду с энергетикой они определяют все и вся. И он, полковник Ричардсон, должен внести свою лепту в экономическое развитие Запада. Разумеется, он будет вознагражден за это. Его сыну обеспечена карьера. Все будет, вот только... справится ли с задачей местное бюро службы во главе с Лео? А если случится провал? Провалы в разведке не новость, за это, конечно, по головке не погладят. Дело тут не в Лео и его сотрудниках. Беда, если потерпит неудачу на финише разведывательной деятельности он, Ричардсон. Времени, чтобы поправить дела, компенсиро-

вать неудачу «другим разом», у него уже не будет. Хорошо, что магнитофонную запись беседы с Баронессой он успел уничтожить, имитировав технический брак, и доложил шефу дело куда оптимистичнее, нежели оно того заслуживало. Но, спрашивается, во имя чего? Во имя чего он вообще работал всю жизнь, если колосс на глиняных ногах становится год от году все сильнее?

Старушка Европа переживает тяжелые дни. Из Вьетнама американцам пришлось уйти далеко не с почетом. Из Камбоджи тоже. Какие-то слаборазвитые страны стали развивающимися и начинают выдвигать свои условия, как, например, в истории с нефтью. О Ближнем и Среднем Востоке вообще лучше не думать. Работать становится все труднее. Может быть, он, Ричардсон, просто постарел и безнадежно отстал? Но в Координационном центре и сравнительно молодые разведчики мыслят так же. И зачем только господь бог дал ему разум? Неужели лишь затем, чтобы на старости лет внести смятение в его душу?

...Энтони Ричардсон и Лео Дальберг встретились на Торговой набережной, неподалеку от причалов Лесной гавани. Сырой и холодный ветер неприятно сек лицо. Не верилось, что какой-нибудь час назад, перед закатом солнца, стоял теплый день и можно было купаться. Собеседники были вынуждены поднять воротники плащей и плотнее надвинуть шляпы, чтобы не сорвало порывистым норд-остом.

Говорил главным образом Ричардсон:

— Итак, Лео, на долю твоего бюро и тебя лично выпала очередная, исключительно важная задача. В России успешно работают над сплавом ответственного назначения, в котором чрезвычайно заинтересованы и мы. Научным учреждением в этом деле у них является институт, который возглавляет твой дядюшка Осокин. Видимо, ты плохо изучал своего знаменитого родственника, если не знал до сих пор такой важной вещи.

— Но он не говорит со мной на научные темы. И потом, Энтони, вы мне сами не рекомендовали...

— Ладно-ладно, рекомендовал, не рекомендовал... Не будем спорить. Ты правильно вел себя, был предельно осторожен. Так вот, сам понимаешь, нам пришлось потрудиться, чтобы, располагая только отрывочными сведениями, составить программу, вложить ее в ЭВМ и получить данные, необходимые для оперативных действий. Итак, директор института, как я уже сказал, твой дядя. Не буду называть всех его основных сотрудников, секретаря парткома и председателя профсоюза. Они к делу отношения не имеют. По нашим данным, логике и расчетам ЭВМ, человек, которого мы ищем,— это заместитель Осокина по науке. Его зовут Михаил Семенович Корицкий. Он сын известного в прошлом покойного профессора Корицкого. Мы постарались навести о Корицком Михаиле справки, насколько позволяло время. Доктор наук, талантлив, честолюбив, но слабоволен. Я особо подчеркиваю — слабоволен.

— Что-то зябко очень,— перебил Лео, впрочем, слушавший шефа очень внимательно.— Может быть, зайдем к нам, Энтони? У Кристины готов ужин. Отогреемся и продолжим разговор.

— Что ж, согласен,— махнул рукой Ричардсон.— Я тоже окоченел на этом ветру. Пара рюмок русской водки и ужин сейчас будут как нельзя кстати.

Более похожая на южанку, нежели на уроженку Севера, очаровательная Кристина Дальберг встретила гостя чрезвычайно радушно. Она прекрасно знала, что материальное благополучие ее мужа зависит от этого седовласого, но еще крепкого и моложавого американца. Знала она также, что как женщина очень нравится Ричардсону, но знала и то, что, несмотря на это, сразу после ужина ей следует удалиться и оставить мужчин вдвоем для делового разговора.

На сей раз Кристина ошиблась: после ужина мужчины снова ушли. Из конспиративных соображений Ричардсон предпочел инструктировать Лео не в его доме, и не в гостинице «Эксельсиор», где он про запас снял номер, и не в ателье госпожи Дальберг, где была установлена совершенная записывающая аппаратура, вовсе, как мы знаем, не повинная в том, что запись беседы с Баронессой оказалась уничтоженной.

Комнаты для конспиративных встреч в самой квартире владелицы салона регулярно и тщательно проверялись офицерами безопасности Координационного центра — не появились ли в них чужие подслушивающие устройства. Всего можно ожидать, если салон посещает столько иностранцев.

Как бы то ни было, Ричардсон предпочел продолжить инструктивную беседу с Лео на набережной. Благо после нескольких рюмок «Московской» и сытного ужина ветер с моря уже не казался таким пронизывающим. Разговор, неторопливый и обстоятельный, длился около часа. Затем Ричардсон и Дальберг расстались. На следующий день сотрудник отдела сбыта Хассо Моргенштерн, свободно владеющий русским языком, получил задание шефа немедленно отправиться по служебным делам в Москву.

По странному совпадению, в тот же день и час (с учетом разницы поясного времени), когда названный выше Хассо Моргенштерн покидал здание советского консульства, где получал визу на въезд с деловой целью в Советский Союз, генерал Ермолин вызвал к себе полковника Турищева. Пожав Григорию Павловичу руку и пригласив сесть, Владимир Николаевич неожиданно для того сказал:

— Вчера вечером я перечитывал Лукреция «О природе вещей». И напал на одно прелюбопытнейшее место. Вот послушайте, специально выписал.

Ермолин извлек из кармана аккуратно сложенный вчетверо листок бумаги, развернул и, приложив к глазам очки, раздельно, даже с некоторым пафосом прочел:

«Вещи есть также еще, для каких не одну нам, а много
Можно причин привести,
но одна лишь является верной.
Так, если ты, например,
вдалеке бездыханный увидишь
Труп человека, то ты всевозможные
смерти причины
Высказать должен тогда, но одна
только истинной будет.
Ибо нельзя доказать, от меча ли он умер,
от стужи,
Иль от болезни какой, или, может быть также,
от яда,
Но, тем не менее, нам известно, что с ним
приключилось
Что-то подобное...»

Владимир Николаевич положил очки, свернул листок и сунул в стол.

— Вот так, Григорий Павлович. Перевернем мысль Лукреция. Что получим? Истинная причина чего-либо одна, но, чтобы найти ее, высказать надо много. А мы уткнулись в одну-единственную...

— Лукреций, конечно, прав, но я не совсем понимаю вас, Владимир Николаевич,— пожал плечами Турищев.

— Не в стихах дело, Григорий Павлович, даже если это гениальные стихи. Но они повод для размышления. В данном случае это важнее. Вы знаете, какой завтра день?

Дожидаться ответа Ермолин не стал.

— Я знаю, что знаете. Но не это имел в виду. Завтра сороковой день с кончины Котельниковой, сороковины. В бога нынешние москвичи в массе своей справедливо не верят. Но обычаи чтут. И в этом ничего плохого нет. Так вот, по этому старинному, не нами придуманному обычаю завтра на Головинском кладбище соберутся все, кому при жизни Котельникова была близка и дорога.

В каком-то смятении Турищев приподнялся даже несколько со стула.

— Вот вы и поняли меня, Григорий Павлович. Я должен послезавтра иметь фотографии каждого, кто завтра приблизится к могиле Котельниковой. Впрочем, мать и мужа можно не снимать.

...Через день генерал разбросал по столу ворох фотографий. Среди них сразу выхватил взглядом одну. На ней было запечатлено горестно растерянное лицо человека, которого он видел на юбилее в осокинском институте. В президиуме, рядом с Осокиным...

ГЛАВА 9

В тот день случилось событие чрезвычайное, хотя и не столь уж неожиданное, как выяснилось позднее.

В одиннадцать часов семнадцать минут утра в приемной Комитета государственной безопасности раздался телефонный звонок. Подняв трубку, дежурный услышал глухой мужской голос:

— Говорит профессор Корицкий.

— Здравствуйте, товарищ Корицкий, слушаю вас.

— Прошу дать мне номер телефона какого-либо ответственного сотрудника, с которым я мог бы поговорить об одном важном деле.

— Сообщите номер вашего телефона, и наш сотрудник сам позвонит вам,— вежливо ответил дежурный.

Собеседник, видимо, не ожидал такого поворота. Он несколько растерялся, но все же назвал номер служебного телефона, повторил фамилию, назвал имя и отчество: Михаил Семенович.

В одиннадцать часов сорок минут о звонке Корицкого знал полковник Турищев, в одиннадцать сорок пять — генерал Ермолин.

— Что будем делать, Владимир Николаевич?— спросил Турищев.

— Нужно немедленно встретиться с Корицким, Григорий Павлович. Мы не знаем, что он имеет сообщить нам, но, без сомнения, нечто весьма важное. К нам его приглашать не стоит. Лучше всего побеседовать с Корицким у него в институте. Позвоните ему. Пусть закажет нам с вами пропуска.

Через час Ермолин и Турищев входили в кабинет заместителя директора научно-исследовательского института. Навстречу им из-за письменного стола вышел крупный, хорошо, даже изысканно одетый мужчина, несколько рыхловатого, правда, сложения. Он держался уверенно, но от внимательного взора Ермолина не укрылось, что внешнее спокойствие и уверенность даются этому человеку с огромным трудом.

Мужчины представились друг другу, а затем уселись в кресло возле большого, выходящего во внутренний институтский двор окна.

— Так слушаем вас, Михаил Семенович,— осторожно начал разговор Ермолин.

Не глядя ему в глаза, Корицкий быстро выговорил фразу, которую, должно быть, приготовил заранее:

— Я должен заявить о совершенном мною государственном преступлении. Преступлении, стоившем жизни женщине, которую я любил больше всего на свете...

...Источник информации, проходивший у полковника Энтони Ричардсона под псевдонимом Баронесса, никак не мог вызывать даже малейшего подозрения у советских органов безопасности. Человек, укрытый за этим «титулом», оставался вне поля зрения контрразведки отнюдь не потому, что обладал большим опытом или каким-то особым талантом конспиратора.

Просто-напросто он не являлся шпионом в привычном смысле слова. Это не был заброшенный из-за кордона в Советскую страну иностранный разведчик, прошедший профессиональную подготовку. Этот человек не служил в рядах Советских Вооруженных Сил, не являлся работником какого-либо важного государственного учреждения, оборонного предприятия или закрытого научного центра. Он никогда бы не привлек к себе никакого внимания, если бы в целях личной наживы не встал на путь предательства интересов нашей страны.

Как Баронесса стала предательницей?

Никакое самое тщательное изучение ее анкет, родословной, характеристик, внешних событий прошлой жизни не позволило бы зацепиться за какой-нибудь крючок, способный дать хотя бы видимость объяснения самого тяжкого преступления, которое только может совершить человек,— измены Родине.

Баронесса по своему происхождению вовсе не была баронессой. Этот псевдоним Ричард-

сон дал ей просто так, за осанку и властные манеры. Не была она и внучкой замоскворецкого купца-миллионщика, потерявшего в октябре семнадцатого года свои миллионы и передавшего через поколение ненависть к Советской власти. Она не имела богатой тетки в Израиле или дядьки в Канаде. Никто из ее близких не служил в так называемой РОА, более известной под названием власовской, не был в бандеровских бандах.

«Яблочко от яблони недалеко падает», «Каков поп, таков и приход» — эти и другие подобные поговорки много лет облегчали жизнь людям, привыкшим всегда и во всем находить готовые объяснения. Куда как легче что-либо скверное, происшедшее в нашем доме, просто объяснить тлетворным влиянием Запада или «не тем происхождением». Конечно же, в жизни Баронессы должны были быть и определенные обстоятельства, толкнувшие ее в конце концов к измене. К этому Баронессу подвела собственная логика развития ее характера.

Означает ли все это, что никак нельзя понять, объяснить поступки человека?

Можно. Но лишь до известной степени. Потому что никогда нормальный человек, для которого любить свою Родину столь же естественно, как дышать, не поймет изменника и предателя, даже если и найдет точное объяснение самому факту предательства и измены.

Не один день впоследствии бились сотрудники генерала Ермолина, восстанавливая шаг за шагом жизненный путь Баронессы. Снова беседовали с немногими ее родственниками, а также редкими приятельницами, однокашниками и бывшими сослуживцами, изучали сохранившиеся документы и письма, делали определенные выводы, анализировали обстановку, в которой она жила и работала.

...Баронесса родилась в 1932 году на окраине Москвы, в Черкизове. Отец ее — Александр Петрович Локтев — работал наладчиком станков на тонкосуконной фабрике близ нынешней железнодорожной платформы Электрозаводская. Мать на той же фабрике стояла за станком. Детей в семье было двое: она, Инна, и брат Олег, старше ее на семь лет. Жили Локтевы в небольшом собственном домике на Шитовой набережной. Дом этот построил своими руками еще дед Локтев, купив на многолетние сбережения участок на берегу Архиерейского пруда. В таких домах здесь, в Черкизове, селились мастеровые с достатком и ломовые извозчики. Дом стоял на высоком кирпичном фундаменте с добротным подполом. Почти все черкизовские держали кур, уток и гусей. Птица эта с ранней зесны и до поздней осени свободно разгуливала по Шитовой, Обуховской и другим улочкам, сбегавшим к пруду. Утки и гуси бороздили спокойную воду, уплывая к другому берегу, где на косогоре в окружении лиственных деревьев стояла, сияя позолотой куполов, церковь. Яйца, а осенью и битую птицу иные черкизовские ели сами, иные же продавали на Дангауэровском или Преображенском рынках.

В тридцатые годы на Преображенке и в Черкизове стали строить пятиэтажные дома. На Семеновской площади появился двухзальный кинотеатр «Родина» — один из лучших в Москве, рядом вырос наземный павильон станции метро. Но в целом район оставался одноэтажным, тихим уголком довоенной столицы.

Главным человеком в семье Локтевых была мать — Павла Игнатьевна. На ее энергии держались в доме и порядок и достаток. А достаток был, и по тем временам немалый, хотя и тщательно охраняемый от постороннего глаза. Основой этого достатка была вязальная машина — единственная ценная вещь, которую Паша Субботина принесла в дом Локтевых в качестве приданого. Сноровистая и хозяйственная Паша умела вязать на этой машине и чулки, и платки, и полушалки, и даже кофточки. И все это — между работой на фабрике и домашними заботами.

Первые годы Паша вязала для своей семьи, иногда для соседей и подруг. Но потом у нее стали появляться и клиентки со стороны. Платили они не только деньгами, но и дефицитными продуктами и ширпотребом. Доход от машины стал превышать общий семейный заработок Локтевых, о чем, правда, бесхитростный Александр Петрович долгое время и не подозревал. Только жившая вместе с ними мать Паши, Евдокия Васильевна, говорила ей иногда:

— И что ты так маешься, дочка? Нельзя ж так, вон какие подглазищи у тебя. На фабрике работаешь и дома не отдыхаешь. Ну, вязала бы немного, чтобы сытыми быть, и ладно.

— Не твое это дело, мать. Сколько хочу, столько вяжу. Не из дому ведь, а в дом,— отрубала Паша.

Евдокия Васильевна только качала укоризненно головой, дивилась, откуда у дочки такая жадность взялась. Ни у самой, ни у ее покойного мужа — рабочего такой жадности не было.

Жизнь постепенно улучшалась, но хороших вязаных вещей в магазинах было мало, и спрос на Пашины изделия даже возрос: денег свободных у людей стало больше. Чтобы управляться со всеми выгодными заказами, Павла Игнатьевна уволилась с фабрики и устроилась в промартель, где ткали суровье и грубошерстные одеяла. Часть этой продукции кустари производили на дому: одни ткали, другие красили, третьи сушили суровую ткань в сушильных машинах, установленных в сараях и полуподвалах.

Александру Петровичу было стыдно за жену. Но что ей скажешь, если Олежка и Инночка учатся, ходят чистенькими, ухоженными, дома порядок и достаток.

Началась война. Сразу обезлюдело Черкизово. Мужчин почти вовсе не стало на улицах — одни старики, женщины да подростки. В середине июля в армию призвали и Александра Петровича, а в октябре Павла Игнатьевна получила похоронку — извещение, что красноармеец Локтев пал смертью храбрых под Смоленском. Последнее письмо-треугольничек пришло от мужа уже после похоронки...

С этой поры, по существу, началась для Инны самостоятельная жизнь. Детство кончилось. Мать, сравнительно молодая женщина, заметно осунулась и поседела. Черты лица, некогда красивого, заострились, и раньше-то неулыбчивая, она стала еще строже и черствее. Работала много в артели и еще больше — дома. Вязала теперь только толстые мужские носки и платки для женщин — самый ходовой товар в ту первую военную зиму, как никогда морозную. Под Новый год умерла бабушка, Евдокия Васильевна. Вместе с нею ушло из дома и последнее тепло.

Школы в Москве той зимой не работали. Олег поступил учеником на авторемонтный завод. Дома не бывал сутками. Приходил лишь помыться, переодеться да чуть поспать. Мать спешила накормить его посытнее. Провожая на завод, вкладывала в оставшуюся от отца рабочую сумку полбуханки хлеба, банку мясных консервов, завернутый в тряпицу кусочек сала, еще что-нибудь.

— Мам, куда мне столько? Я же не съем. У меня рабочая карточка, нас в столовой кормят.

— Молчи уж! Дают, так бери. Знаю, как в вашей столовке кормят. А тебе еще расти надо. Да смотри, ешь потихоньку, других не угощай, нелегко мне эта еда достается,— сурово напутствовала она сына.

Опустив голову, Олег выходил из дому. В цехе его уже ждали — рабочий класс из таких же, как он, подростков моментально уничтожал содержимое сумки.

Инна продолжала ходить в школу, хотя занятий и не было. Здесь девочки из старших классов, не уехавшие в эвакуацию, вязали для красноармейцев носки и варежки, шили вещмешки и кисеты. Работали девочки старательно, Инна — лучше всех. В свои девять лет она умела и шить и вязать.

С вечера мать наказывала Инне, что надо с утра сделать, какие продукты выкупить по карточкам после школы. А потом... Потом она допоздна работала с матерью на вязальной машине, помогала ей прятать готовые изделия и мотки ниток в чулане.

Старых заказчиц уже не было. Вместо них приходили какие-то две пожилые женщины, торопливо забирали от матери платки, носки и чулки, так же торопливо отсчитывали деньги и выкладывали продукты. Это были посредницы, мелкие хищницы. Кто-то за ними действовал ловко и изворотливо. Павла Игнатьевна получала за левую работу немало, но основной куш срывали невидимые организаторы этой черной фирмы.

Так незаметно, исподволь Инна усвоила, что прожить можно всегда, в любых условиях и везде. Была предусмотрительна: отправляясь в школу (осенью сорок второго года они снова открылись), заготовляла небольшие бутерброды, чтобы можно было потом незаметно съесть. Училась Инна хотя и не на круглые «отлично», но все же лучше многих одноклассников, потому что знала цену времени. Мать часто приговаривала: «Раньше встанешь, больше напрядешь. Наживать — так рано вставать».

В сорок третьем году ушел на фронт Олег. В боях за Будапешт его ранило. После госпиталя воевал еще и с японцами. Демобилизовавшись после второго ранения, снова стал работать на авторемонтном заводе. Вскоре он женился и перешел жить к жене: там он чувствовал себя проще и свободнее, чем дома.

Куда больше, чем уход сына, потрясла Павлу Игнатьевну денежная реформа 1947 года. Денег в сберкассе она не держала — считала, что ненадежно, да и боялась, что поинтересуются, откуда у нее столько. Сколько потеряла Павла, никто не знал, но удар выдержала. Оставались скупленные по дешевке возле пивной на Преображенском рынке облигации и сундуки с «трофейным» барахлом — приобретенными на той же Преображенке и в комиссионных магазинах Столешникова переулка немецкими отрезами и другими вещами. Среди них были даже два аккордеона, роскошно отделанных под перламутр с серебром. Имелось у Павлы Игнатьевны даже кое-какое золотишко, а также платиновые кружочки. Их одно время свободно продавали в ювелирных магазинах на вес — для зубных коронок.

Ценности эти были приданым для Инны и запасом, надежным капиталом на черный день. Инне нравилось и ее приданое, и просто те вещи, которые она могла бы надеть. Таких вещей никто из соседей не только не носил, но и не видывал. Но осторожная Павла Игнатьевна не давала их Инне. Только Олегу к свадьбе отдала заранее приготовленное пальто, костюм из коверкота, три рубашки, два галстука, четыре пары белья и ботинки. Невестке подарила связанную самой шерстяную кофточку и кожаные добротные сапожки с меховой оторочкой, очень тогда модные.

В последнюю школьную зиму Инна неожиданно увлеклась кино. В ту пору экраны московских клубов буквально захлестнула волна так называемых «трофейных» кинокартин. «Девушка моей мечты», «Индийская гробница», «Не забывай меня» и другие фильмы стали для Инны настоящим откровением. Скромное черкизовское существование после шикарной киножизни казалось Инне до невыносимости убогим и обидным. Эти чувства усилились и окрепли, когда девушка установила, что она красива. Инна была приятно польщена, что мальчишки из соседней мужской школы прозвали ее Зиттой по имени героини нашумевшего трофейного боевика «Индийская гробница». Прозвище закрепилось за ней прочно и надолго.

Школу Инна закончила с серебряной медалью. Это раскрывало перед ней любые двери, так как медалистов тогда принимали в институты без экзаменов. Ребята из мужской школы поголовно несли свои аттестаты в технические вузы и военные училища, большинство одноклассниц колебалось между медицинским и педагогическим. Анатомичка заранее вызывала у Инны отвращение, к технике она просто не питала никакой склонности, против педагогического резко восстала мать:

— Да как они живут, твои учителя? Домой приносят меньше нашего Олега.

Конец колебаниям пришел, когда подруга Инны Танечка Александрова, тоже не знавшая, куда поступать, поведала ей с чьих-то слов, как интересно учиться в полиграфическом.

— Фамилию твою будут на книгах печатать, с писателями познакомишься. Красота!

Так Инна Локтева стала студенткой Московского полиграфического института.

Продолжение следует.

Теодор ГЛАДКОВ,
Аполлинарий СЕРГЕЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Последняя акция Лоренца

В вузе серебро ее школьной медали потускнело. Сказалась нехватка общей культуры. Инна быстро поняла это и, помня пословицу, которую любила повторять мать: «Станешь лениться, будешь с сумой возиться»,— принялась усердно наверстывать то, что упустила из-за многолетней работы на дому. На вязальную машину она теперь и глядеть без злости не могла.

— Хватит,— заявила она Павле Игнатьевне.— От твоей работы сдохнуть можно. И бедным не будешь и богатым не станешь. Вяжи одна, мне учиться надо. Наши девчонки и в театры ходят, и книги читают, и языки изучают. Таких и распределят по хорошим местам. А я что?

Инне не хотелось быть последней.

Внешне она была очень хороша. Темные, немного печальные глаза придавали ее красивому, с тонкими, правильными чертами лицу вид строгий и сосредоточенный. «Такая внешность не должна быть обманчивой»,— сказала себе Инна. Она стала ежедневно засиживаться допоздна в институтской библиотеке. Штудировала учебники, начитывала деловито художественную литературу. Преподаватели видели ее серьезность и нередко прощали студентке Локтевой некоторые промахи или неточности в ответах. Первой Инна не стала, но и последней не была.

Редакторский факультет полиграфического института перевели на Моховую — он был реорганизован в редакторско-издательское отделение нового факультета журналистики Московского университета. Так неожиданно для себя Инна оказалась студенткой знаменитого МГУ. «Вон какая девка растет у Павлы!»— уважительно говорили соседи.

Кто-то заметил, что новая среда не столько изменяет характер, сколько закрепляет уже сложившиеся его черты. Главной чертой Инны Локтевой была скрытность, хорошо, впрочем, замаскированная внешней общительностью. Скажи кто-нибудь тогда ее однокурсникам, что среди них обитает человек с твердыми асоциальными взглядами на жизнь, они бы всполошились: «Быть того не может». Между тем так оно и было.

Детская привычка съедать свой кусок хлеба тайком переросла в общую убежденность: никогда ни с кем и ничем не делиться, особенно мыслями. То, что происходило, свершалось в огромной стране за старыми университетскими стенами, Инну вообще не интересовало. Из всех событий студенческой жизни она выделяла, запоминала, принимала к сведению лишь те, которые в той или иной степени подкрепляли ее взгляды.

Жора Измайлов считался на факультете личностью яркой. Красивый, начитанный, компанейский парень, он очень нравился девушкам. На Инну обаяние Жоры никакого действия не оказывало, но то, что он остановил свое внимание на ней, льстило ее самолюбию. Жора был настойчив и достаточно опытен — Инна уступила. Но вовсе не из-за того, что не устояла перед соблазном, а просто потому, что решила испытать ту самую любовь, о которой столько говорят и пишут.

Кратковременная связь с Жорой не дала ей ничего, кроме чувства досады. В ней не пробудилась даже естественная чувственность. Первый неудачный опыт надолго определил холодность Инны по отношению даже к тем мужчинам, которые ей нравились.

Преддипломную практику Инна проходила в академическом «Вестнике». Назначение поначалу ей не понравилось. Инна рассчитывала попасть в центральное издательство или популярный «толстый» журнал, а тут — сухая наука, специальная терминология. Однако солидность «Вестника», уважаемые имена авторов и членов редколлегии делали Инну как бы причастной к большой науке, хотя ее роль сводилась к скромному знакомству с практикой корректорской и редакторской работы.

По распределению Инна попала в тот же «Вестник». Здесь ее уже знали как аккуратного, исполнительного молодого специалиста, а потому приняли тепло и дружелюбно.

Локтеву включили в группу по обработке и рецензированию иностранной научной периодики. Это было нелегким делом — сказывалось недостаточное знание английского языка. Пришлось самостоятельно учиться работать со словарем, всяческими пособиями. Когда заедало и словари не спасали, Инна обращалась за помощью к руководительнице группы Юлии Николаевне Ларионовой, опытному редактору, которая знала английский и весьма прилично французский. Юлия Николаевна охотно помогала Инне, но однажды решительно сказала:

— Милочка, так вы далеко не уедете. Вы умная, серьезная девушка. Наши авторы относятся к вам внимательно. Пожалуйста, не разочаровывайте их. Язык для вас — все! Хотите, я устрою вас на курсы усовершенствования? Попасть туда трудно, но, слава богу, директриса моя приятельница.

— Я бы не знала, как и благодарить вас, Юлия Николаевна.

— Не стоит благодарности, милочка. Это для дела. Не вам первой предлагаю, не идут мои дуры. У одной ребенок, другая с больной матерью возится, третья боится, что муж по вечерам загуливать начнет. Если не хочешь чего-нибудь делать, причины всегда найдутся.— После небольшой паузы Юлия Николаевна продолжала: — Если хотите, можете пользоваться моей домашней библиотекой. Я живу одна. У меня порядочно книг на английском. Это от мужа. Во время войны он работал в Штатах, занимался там приемкой разной техники. А потом он оставил меня и... большую часть своих книг.

Через неделю Инна уже занималась на курсах.

В редакции «Вестника» каждый день было много посетителей, и случайных и постоянных. Заходили и маститые ученые с мировыми именами и совсем молодые — будущие гении, как называла их вполне серьезно, без тени иронии Юлия Николаевна. Некоторые из молодых явно обращали внимание на интересную помощницу Ларионовой. Это льстило Инне, но, памятуя то, что произошло у нее с Жорой Измайловым, она вела себя сдержанно, даже строго.

Когда будущий гений, а пока что катээн (сиречь кандидат технических наук) Игорь Котельников, краснея и запинаясь, предложил как-то Инне пойти с ним в театр, Инна отказалась. Точно так же отклонила она и второе и третье приглашение.

— Впервые вижу такую упрямую девицу,— удивлялась Юлия Николаевна, которая теперь относилась к Инне не как к подчиненной, а скорее как к младшей приятельнице.

Под настроение Инна рассказала Юлии Николаевне, не вдаваясь в подробности, что в университете у нее было нечто вроде любви и что ничего хорошего из этого не вышло.

— Ну и что?— возразила ей Ларионова.— Не вижу никаких оснований для того, чтобы из-за одной неудачи заточать себя в монастырь. Лично я разобрала что к чему только со своим третьим возлюбленным...

Юлия Николаевна была женщиной умной, в житейских делах цепкой, хорошо образованной, воспитанной и внешне эффектной. Еще студенткой она без особой любви вышла замуж за майора, военного инженера. В финскую войну майор был тяжело ранен, поэтому, когда началась война Отечественная, его на фронт не пустили, но, учтя высокую квалификацию, направили в США, где он и проработал несколько лет по приемке военной техники для Красной Армии по ленд-лизу.

После возвращения в Москву он быстро понял, что жена ему изменяет. Ее связи не были тайной и для их общих знакомых. Майор, впрочем, уже ставший полковником, решил поступить как мужчина: квартиру и все, что в ней было, он оставил Юлии, взял только свои личные вещи и техническую литературу. Года через два после развода он женился вторично на вдове своего товарища, погибшего на фронте, и был с нею, по слухам, вполне счастлив.

Так довольно неожиданно для себя Юлия Николаевна стала единственной обитательницей уютной, хорошо обставленной квартиры на Гоголевском бульваре. Первое время она еще надеялась, будучи уверенной во всемогуществе своих женских чар, что бывший муж все простит и вернется. Но время шло, а он и не помышлял о возвращении. Не пожелал лишить Юлию Николаевну свободы и ее любовник, связь с которым оказалась той последней каплей, что переполнила чашу терпения мужа. Мужчины после войны стали привередливы, и выйти замуж при конкуренции подросших молодых девушек ей, со сложившейся репутацией опытной женщины, оказалось невозможно; несколько предложений, сделанных случайными знакомыми, настолько явно отдавали заинтересованностью в жилплощади, что Юлия Николаевна вынуждена была их по справедливости решительно отвергнуть.

Тогда Ларионова решила жить по принципу: «Бери от жизни то, что можешь».

Ученые, печатавшиеся в «Вестнике», оказывали Юлии Николаевне знаки внимания. Да и как не быть расположенным к интересной женщине, которая охотно переведет с листа статью в английском журнале, поможет советом, тактично подправит шероховатости в материале. Платить за это интеллигентной, красивой даме неудобно. Иное дело — подарки. Она принимала их охотно, но в то же

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24—28.

время деликатно, не ставя дарителей в неловкое положение.

Людей, ей особенно приятных или нужных, она приглашала в гости, окружала той умелой интимностью, устоять против которой мог далеко не каждый. Небольшое общество, две-три пары, собиралось в ее доме довольно часто. У Юлии Николаевны был отличный американский проигрыватель с большой коллекцией пластинок и даже — редкость в тогдашней Москве — американский телевизор марки «Виктор», переделанный для приема советских передач, с непривычно большим экраном. Запасы съестного, коньяков и вин пополняли, естественно, сами гости.

Юлия Николаевна по-своему привязалась к Инне, однако по отношению к девушке у нее были и некоторые собственные планы. Дело в том, что Инна Локтева очень понравилась единственному человеку, к которому Юлия Николаевна испытывала родственные чувства,— ее двоюродному брату Михаилу Семеновичу Корицкому. В свое время именно Корицкий, когда Юлия после развода оказалась в стесненных материальных обстоятельствах, устроил ее на работу в «Вестник».

Михаил Семенович иногда заходил к сестре в редакцию, как-то мимоходом был представлен Инне, но не вызвал у нее тогда никакого интереса. Более того, барственный вид Михаила Семеновича, его подчеркнутая элегантность ей не понравились. «Типичная тыловая крыса»,— про себя приложила она к нему привычное с военного детства определение. Каково же было удивление Инны, когда она узнала от Юлии, что Михаил Семенович в начале войны со студенческой скамьи ушел добровольцем на фронт, в зимних боях под Москвой был ранен, после излечения комиссован. Работал впоследствии в научно-исследовательском институте, защитил кандидатскую диссертацию. По словам Юлии, в броне знаменитых танков Т-34 была доля труда и ее брата.

Будучи как-то приглашенной к Юлии и встретив там Корицкого, Инна взглянула на него уже другими, более заинтересованными глазами. О том, что эта встреча в квартире подруги вовсе не случайна, а заранее спланирована, она тогда и не догадывалась.

За кофе разговор зашел об искусстве. И тут обнаружилось, что металлург Корицкий знает литературу, искусство и архитектуру итальянского Возрождения куда лучше Инны, как-никак, окончившей гуманитарный факультет Московского университета.

Юлия Николаевна, чрезвычайно довольная замешательством подруги, пояснила с улыбкой:

— Не удивляйся, милочка. Ты еще не знаешь всех талантов Михаила. Он, к примеру, недурно музицирует. Его мама, моя тетя, была пианисткой. Не веришь? Миша!— обратилась она к брату.— Поиграй!

Михаил Семенович не стал отнекиваться, сел к пианино и уверенно сыграл вначале «Танец Анитры» Грига, а затем рапсодию Листа. Закончил неожиданно — виртуозной и своеобразной интерпретацией марша из «Веселых ребят».

До сих пор музыка не играла в жизни Инны решительно никакой роли. Музыкальные передачи по радио она слушала между делом, как в парикмахерской. Студенческие походы в Большой театр вкуса к музыке ей не привили, оживление вызывала только сама театральная обстановка, пышность зрелища. В консерватории — рукой подать от университета!— она была за пять лет не более трех раз. Таким образом, Корицкий оказался первым «живым» исполнителем, которого она увидела и услышала вблизи. Хорошо он играл с профессиональной точки зрения или нет, Инна определить не могла, но престиж Корицкого в ее глазах возрос еще больше.

Закрыв крышку пианино, Михаил Семенович заспешил к себе в институт: ему еще нужно было закончить подготовку к завтрашнему заседанию ученого совета. На самом же деле он, по предварительной договоренности, освобождал сестре арену для дальнейших действий.

— Вот уж не знала, что Михаил Семенович — такой интересный человек! —задумчиво произнесла Инна, когда Корицкий ушел.

— И очень неудачливый в личной жизни,— добавила Юлия.— В свое время поддался уговорам родителей и женился на дочери одного их старого друга. У них девочка шести лет. Внешне между ним и Лерой все хорошо, но она изменяет ему с каким-то артистом. Тот заваливает ее дорогими вещами, а она приносит их домой и уверяет, что достала по случаю. Михаил, конечно, все понимает, но из-за дочки не хочет разрушать семью. Да и развод сейчас, ты знаешь, практически невозможен...

Инна прониклась самым искренним сочувствием к Корицкому. Она и не подозревала, что вся история с модным тенором, любовником жены Михаила Семеновича, от начала и до конца выдумана Юлией, чтобы заранее освободить Инну от возможных угрызений совести. То есть любовники у жены ее брата действительно были, но он не разводился с нею отнюдь не из-за родительской любви к дочери или сложности тогдашней процедуры развода. У Валерии Сергеевны Корицкой было в руках гораздо более верное и действенное средство держать мужа в руках. Но Инне об этом знать не следовало.

Через две недели Инна снова встретилась с Михаилом Семеновичем в доме приятельницы. После ужина Юлия Николаевна под благовидным предлогом оставила их наедине.

Ни раньше, ни тем более теперь Инна не привыкла жалеть о своих поступках. Что сделано, то сделано. Она любила. Была любима, следовательно, счастлива. Юлия Николаевна напрасно рассказывала ей выдуманную историю о связи Валерии Сергеевны с мифическим артистом — наличие у Михаила семьи уже все равно не остановило бы Инну. Жертвовать своим счастьем из-за чьего-то семейного благополучия она не стала бы никогда.

Теперь Юлию беспокоило уже другое: сводя брата с подругой, она никак не полагала, что обоих охватит столь сильное чувство. Она намечала для них обычную связь, никого ни к чему не обязывавшую, а тут вдруг вспыхнула никак не запланированная страсть. Юлия опасалась, как бы Михаил не наделал глупостей, могущих иметь непоправимые последствия,— она-то знала, какое оружие может пустить в ход Валерия Сергеевна, если почует, что ее семейному спокойствию и материальному благополучию грозит реальная опасность. Тревога Юлии еще более усилилась, когда Инна с дрожью в голосе призналась, что ждет ребенка. Стараясь сохранить как можно более безмятежный вид, Ларионова очень натурально удивилась:

— Что значит — ждешь ребенка? Мы с тобой живем в цивилизованное время, когда детей рожают по плану, а не с бухты-барахты. Разве тебе можно сейчас иметь ребенка?

— Но что же делать? Аборты запрещены...

— Положись на меня, милочка, и не волнуйся. Михаил знает?

— Нет... Боюсь ему говорить.

— И правильно. Вовсе не обязательно посвящать мужчин во все наши женские неприятности. Если бы мой муж знал обо всех моих беременностях, то на Гоголевском сейчас был бы целый детский сад.

Высказавшись столь откровенно, Юлия, однако, умолчала, что к этому детскому саду ее бывший супруг почти никакого отношения не имел бы. Деловито закончила:

— У меня есть приятельница. Человек вполне надежный и в своем деле первоклассный специалист. Все будет сделано лучше, чем в клинике.

Осложнившиеся отношения с Инной испугали Михаила Семеновича. Особенно после того, как его связь с Инной Локтевой перестала быть секретом для сотрудниц «Вестника», которые бурно отреагировали на поведение молодой сотрудницы, ее наставницы и самого Корицкого.

Порвать с Инной он был не в состоянии, но и не хотел рисковать своей карьерой, положением растущего ученого и администратора. Вдвоем с Юлией они обсудили сложившуюся ситуацию и нашли выход из нее.

В ту пору шла реорганизация научно-технических обществ. Михаил Семенович имел к этому непосредственное отношение и был даже избран в состав правления НТО своей отрасли. При каждом почти НТО создавался журнал, и Корицкий устроил так, что Юлию Николаевну пригласили в «его» журнал на должность заместителя главного редактора, а Инну — редактором отдела. Этим ходом были убиты одновременно два зайца: обе женщины упрочили свое положение и деликатно, по просьбе НТО, оставили «Вестник».

Новая должность обязывала Инну хотя бы элементарно разбираться в вопросах металлургии. На помощь ей пришел Михаил Семенович. Он не только просвещал ее в проблемах производства чугуна, стали и сплавов, но и писал за нее, при ее, конечно, участии, небольшие обзорные статьи. Как ни странно, Инна проявила искреннюю заинтересованность в предмете. Способная ученица, она по-журналистски сноровисто схватывала суть дела, штудируя добросовестно специальные учебники и справочники.

Сам способный человек, Корицкий с восхищением наблюдал, как быстро его ученица овладевает дотоле абсолютно чуждым ей предметом. Но безмятежности и покоя в отношениях интимных между Инной и Михаилом Семеновичем уже не было. Она нервничала, раздражалась по любому поводу, несколько раз даже предлагала ему оставить ее, если уж он не в силах расстаться с семьей. Как многие слабохарактерные, в сущности, люди, Корицкий не мог решиться на определенный шаг, умолял Инну сохранять спокойствие, обещал ей, что со временем все уладится.

— Что уладится?— нервно спрашивала она.— Как?

— Пока не знаю. Но, может быть...

— Ничего не может быть! Ты обыкновенный трус! Давно уже мог бы подать на развод. Что тебя связывает с Валерией, если она изменяет тебе? Дочь? Не верю! Ты от меня что-то скрываешь!

Высказав последнюю фразу, Инна и не подозревала, как близко она подошла к истине.

Глубоко встревоженная, в дело вмешалась Юлия Николаевна. Зная прекрасно, что воздействовать на брата бесполезно, она решила серьезно переговорить с подругой и предложить ей новый, но уже достаточно хорошо продуманный план.

— Ты, милочка, к сожалению, еще плохо знаешь жизнь,— так начала она доверительный разговор с Инной.— Ну подумай сама, что в наш век важнее: любовь, почти открытая связь с женатым мужчиной или положение замужней женщины? Неужели не ясно, что связь замужней женщины с женатым мужчиной куда меньше чревата последствиями, чем те отношения, которые сложились сейчас у вас с Мишей? Ты, конечно, скажешь, что не сможешь полюбить другого, что жить с нелюбимым аморально и тому подобное. А жить с любимым, но женатым — морально?

Инна растерялась. Такого поворота она не ожидала. Между тем Юлия Николаевна продолжала энергично наступать:

— Я говорю с тобой как старшая подруга, у которой опыта в этих делах немножечко больше, чем у тебя. Прислушайся к моим словам. Ты умна, рассудительна, трудолюбива, настойчива. Добавлю, кстати, экономна и хозяйственна. К тому же красива. К этим твоим качествам нужно добавить еще одно, без которого в наше время не прожить,— расчет. Нет, не тот мелочный, обывательский расчет, который мы с тобой обе презираем, а расчет стратегический, на длительный период жизни. Лично мне, к сожалению, не удалось этого сделать — у моего мужа воля оказалась крепче моей. Но тебе, свободной от моих ошибок, нужно запрограммировать свою жизнь по крайней мере на несколько лет вперед.

— Программировать... Слово-то какое...— грустно сказала Инна.

— Так вот,— продолжала Юлия Николаевна после минутной паузы.— Тебе нужно, э-э... спланировать свою жизнь хотя бы на пять лет. Ты сейчас находишься в ложном положении. Миша тоже. В ложном и сложном. Очень.

— Что же делать?— с какой-то обреченностью в голосе спросила Инна.

— То, что делали и делают миллионы женщин,— выйти замуж. Этот очкарик Котельников — милый и добрый парень. Он в тебя давно влюблен. Стоит тебе ему улыбнуться — и он побежит за тобой на край света. Любовь у тебя есть, а положения в обществе нет. Выходи за Игоря Алексеевича, у тебя появится

и положение в обществе и ровно столько денег, чтобы не замечать их. И не мучайся угрызениями совести,— наступала Юлия Николаевна.— Ты перед Игорем Алексеевичем в долгу не останешься. Он человек талантливый, но ему нужно помочь сделать карьеру в науке. Знаешь, одна моя приятельница, выходя замуж за майора, сказала, что сделает из него генерала. И, представь себе, сделала!

Инна недоверчиво улыбнулась:

— Как же ей это удалось?

— Надо уметь. Ищи женщину, как говорят французы.— Юлия довольно рассмеялась. Она ожидала, что Инна возмутится, прекратит неприятный разговор, может быть, хлопнет дверью. Раз этого не произошло, можно было продолжать натиск.

— Да-да! И не смотри на меня такими квадратными глазами. Умная женщина может все. Котельников талантлив, но не честолюбив. Твоя воля и настойчивость заменят ему недостающие для настоящей карьеры черты характера. Нужно только, чтобы он никогда не догадался, почему ты вышла за него замуж. Но для такой умной женщины, как ты, это не проблема... Миша же молчать умеет, он тебя не подведет.

Инна слушала, не перебивая. Момент для отказа от разговора был упущен. Теперь она не только позволила себя уговаривать, но подсознательно готовила самооправдание тому, что поддается настойчивому и умному уговору. Она уже не видела ничего циничного в том плане, который предложила Юлия. Выйти замуж за нелюбимого? Зато Игорь действительно любит ее. Она может сделать его счастливым, помочь ему в жизни. Кто ее за это упрекнет?

Юлия уже почти отбросила деликатность. Она чувствовала интуитивно и видела по выражению лица Инны, что ее замысел принят, и теперь откровенно наставляла приятельницу житейской мудрости.

— Мало увлечь мужчину, его надо постоянно чем-то поражать, иначе быстро надоешь. И второй совет... Как говорит один мой приятель, дома не кради, на работе не гуляй и поддерживай хорошие отношения с профсоюзной организацией.

Инна уже улыбалась — ну и бес эта Юлия! А та продолжала с воодушевлением:

— Да-да! Последнее очень важно. Кстати, тебе не помешает немножечко больше быть на виду у нашей общественности, а то тебя в этом плане не заметно. Взялась бы ты, что ли, театральные билеты распространять. Я тебе помогу организовать это дело.

Прощаясь с подругой, Юлия Николаевна сказала в напутствие:

— Однако не будь откровенно честолюбива — это только раздражает других. Честолюбивы все люди, одни больше, другие мечьше. Но надо уметь не выказывать этого... А Михаил, он никуда не денется. И помни, тем крепче он будет к тебе привязан, чем меньше ты будешь его компрометировать. В этом плане твое замужество как нельзя кстати.

...Через месяц Инна Александровна Локтева стала женой Игоря Алексеевича Котельникова.

ГЛАВА 10

Прошло два года. Котельниковы жили вполне благополучно. Даже самые любознательные соседи не нашли бы в их отношениях чего-либо заслуживающего внимания дворовой общественности. Правда, ни Инна Александровна, ни Игорь Алексеевич ни с кем в доме на Беговой близких отношений не поддерживали.

Игорь оказался именно таким мужем, каким и предсказывала Юлия Николаевна: любящим, внимательным и даже, к немалому удивлению Инны, хорошим хозяином. Во всяком случае, ей никогда не приходилось вызывать ни электрика, ни слесаря, чтобы привести в порядок подтекающий кран. Игорь прекрасно умел все делать сам. Он был настоящий эрудит и мог без подготовки дать жене консультацию по любому техническому вопросу, который возникал у нее на работе. Котельников не болел футболом, не увлекался рыбалкой, терпеть не мог преферанса и никогда не пил больше двух рюмок за праздничным столом.

Всем видам так называемого культурного досуга предпочитал чтение (в доме была прекрасная библиотека, которую Игорь собирал с детских лет). Изредка они посещали театры. В то же время Котельников вовсе не был замкнутым домоседом — охотно ходил с женой в гости и столь же охотно принимал у себя.

То, чего Инна опасалась больше всего — супружеской близости,— оказалось делом не таким уж страшным. К этим своим обязанностям она быстро привыкла относиться с полным внутренним безразличием.

Родители Игоря, преподаватели технического вуза, интеллигентные и душевные люди, видели больше, чем сын, но в его семейную жизнь вмешиваться считали себя не вправе, тем более что Инна нравилась им своей практичностью, организованностью, любовью к порядку и чистоте. Единственное, чего они желали, чтобы невестка выказывала чуть больше тепла к их сыну. Но что поделаешь, если уж такой у нее сдержанный характер!

Первая сколько-нибудь серьезная размолвка между молодыми супругами возникла на втором году совместной жизни. Игорь Алексеевич хотел ребенка. В планы Инны это никак не входило, и она ответила категорическим отказом. Всегда покладистый Игорь вдруг оказался настойчивым. Они поссорились так крупно, что, потеряв контроль над собой, Инна даже решила вернуться к матери. Павла Игнатьевна встретила это решение в штыки и обругала неразумную дочь почем зря:

— Да знаешь ли ты, что есть мужняя жена, дура? Видать, не знаешь, вертихвостка! Да где ты найдешь такого второго мужика? Все при нем: умен, учен, учтив, обходителен, непьющий. В доме добытчик, живете — ни в чем не нуждаетесь. А если разведешься, кем будешь? Разведенкой!

В понимании Павлы Игнатьевны, не лишенном, впрочем, известной житейской наблюдательности, это было даже хуже, чем вдова.

— Каждый будет думать о тебе, как хочет. Опозорить решила меня на старости лет? Так и считай: он твой муж, а ты его жена. И тебя все уважают, кланяются тебе и плохого ничего не думают. В гости пришла, в передний угол сажают. А разведенку куда посадят? К дверям, в конце стола, да еще каждый пьяный мужик за зад тебя хватать будет. Одно слово, мужняя жена — человек, разведенная — и половины не стоит.

Отдышавшись от охватившего ее гнева, Павла Игнатьевна пустила в ход самый сильный, с ее точки зрения, аргумент:

— А на меня не надейся. Уйдешь от Игоря — от меня ничего не получишь. Так и запомни.

Инна вышла из родительского дома как побитая. Юлия Николаевна повторила ей то же, что уже сказала мать, только, разумеется, в иных выражениях. Сделала лишь одно существенное добавление:

— Милочка, вовсе не нужно по этому поводу ссориться с Игорем. Он хочет ребенка, ну и пусть хочет! Это ведь и от тебя зависит. Соглашайся с ним, а сама принимай соответствующие меры.

Инна вернулась к Котельникову.

Не став отцом и после двух лет супружества, Игорь Алексеевич замкнулся в себе, стал позднее приходить домой, больше работать в библиотеке. Инну по-прежнему ни в чем не подозревал, а после того как узнал от специалистов-врачей, что отсутствие детей в первые два-три года брака дело обычное, и вовсе успокоился. А между тем зря... Потому что обозленная на всех и вся Инна начала искать отдушины на стороне и находила их без особого труда. Так в ее жизни появились на какой-то период другие мужчины. С ними было куда проще, чем с Котельниковым,— они никак не напоминали о том, чем она пожертвовала, выйдя, а точнее, уйдя замуж: о любви...

Возможно, что дальнейшая судьба Инны Александровны в точности повторила бы схему личной жизни Юлии Николаевны, если бы... Если бы не возобновилась вдруг, и совсем в новом качестве, ее связь с Михаилом Семеновичем.

В жизни Корицкого эти три года без Инны были одни из самых скверных. Расставаясь с Инной, он не представлял в полной мере, кем она успела стать для него. Теперь только с ужасом понял, что́ потерял из-за своего малодушия. Жена третировала его без малейшего стеснения, жила так, словно его вовсе и не было в доме.

Однажды, собрав весь свой небогатый багаж мужества, он завел речь о разводе. Валерия прервала разговор в самом начале:

— Об этом и не думай. Сам знаешь, если бы не я, гнил бы давно в сырой земельке под Малоярославцем... Что тебе нужно? Живи и работай, работай и живи. Хотя бы ради дочери.

Михаил Семенович сник. Как сникал уже много раз, когда жена — прямо или косвенно — напоминала ему, чем он ей обязан.

...Семья Корицких была благополучной. Отец — профессор технического вуза, мать — пианистка средних способностей, по причине достаточной материальной обеспеченности бросившая работу концертмейстера в театральной студии. Семен Владимирович Корицкий хотя и вышел в профессора, но за всю свою жизнь не сделал ни одной достаточно значительной научной работы. Человек ученый, но не талантливый. К тому же болезненно самолюбивый.

Выдвигался профессор Корицкий всегда за счет того, что плыл на волне очередных «разоблачений» очередной «буржуазной лжетеории». В те годы на этом можно было сделать не только профессорскую карьеру. В сороковом году профессор Корицкий умер от разрыва сердца, так тогда в быту было принято называть инфаркт миокарда. В науке он так ничего и не совершил, но успел воспитать в определенном духе сына Михаила. Корицкий-младший в отличие от старшего был наделен природой богатыми способностями.

Михаил от рождения был окружен в семье атмосферой восхищения, вседозволенности и честолюбивых надежд на громкую карьеру. И вырос — талантливый эгоист, глубоко убежденный в своей исключительности. Вообще-то осознание собственной одаренности вовсе не обязательно ведет к эгоцентризму. Спасает скромность. Мало кто из великих не знал себе настоящую цену. Но оно, это осознание, непременно должно сопровождаться пониманием того, что хотя талант дается не каждому, но предназначен для всех! Кому много дано, с того много и спросится; народная мудрость четко определила обязанности наделенного природой щедрее других перед этими другими, перед обществом. Талант должен быть великодушен, иначе он опасен. Потому что непременно породит стремление утвердить свое превосходство.

Великодушие — категория нравственная, оно не передается по наследству и не падает с небес, подобно библейской манне. Оно воспитывается. Корицкий же старший успешно привил сыну качество прямо противоположное. Правда, у Михаила доставало ума надежно прятать свои честолюбивые помыслы от однокашников сначала в школе, а затем и в Бауманском училище. Не скромность, а осторожность примиряла его с окружающими предостерегающим: «Не заносись, этого не прощают!» В школе и в институте считали Михаила способным, но незаносчивым парнем.

Устраивали ли курсовой вечер, выпускали стенгазету, сколачивали турпоход, проводили подписку на заем — на все Миша Корицкий откликался первым. Он никогда не откручивался от поездки на картошку или участия в субботнике по очистке институтского двора. Быть со всеми, чтобы быть лидером,— такой девиз выбрал он тогда для себя и придерживался его во всем.

Когда разразилась война, Корицкий рассудил, что репутация тыловика постыдна для него, и в сентябре сорок первого года вместе с десятками однокурсников добровольно записался в народное ополчение.

Увы, в действительности война не имела ничего общего с его представлением о ней. Оказалось, что на войне не только получают ордена, но и гибнут. Оказалось также, что фашистские пули не делают различия между малограмотным рязанским колхозником и блестящим московским студентом. В сражении под Москвой Корицкий получил ранение в грудь, и это окончательно излечило его от иллюзий. Война была занятием не для него.

На излечение Михаил попал в Лефортово, в Главный военный госпиталь, совсем неподалеку от Новых домов на шоссе Энтузиастов, где он жил. Здесь его навещали кое-кто из соседей, не уехавших в эвакуацию, жалели, что нет в Москве матери — она выехала из города еще в октябре, а вернуться уже не смогла. Пропуска давали только по вызову серьезных учреждений и предприятий. В квартире Корицких по Центральному проезду временно поселилась семья ленинградского ученого, вывезенная из блокированного Ленинграда.

Однажды в палату Корицкого пришла новый лечащий врач, присела на соседнюю койку к раненному тоже в грудь сержанту. Михаил лежал с закрытыми глазами, но не спал. Голос врача показался ему знакомым. Он приподнял голову...

— Миша! — уронив на одеяло стетоскоп, на него изумленно взирала молодая красивая женщина в белом халате.

— Здравствуй, Лера! — Михаил улыбнулся вымученной, неловкой улыбкой.— Что ты тут делаешь?

— Ускоренный выпуск... Ребят послали на фронт, нас — в госпитали.

Корицкому повезло. Так он думал тогда.

Со своей сверстницей Лерочкой Гамаюновой, студенткой-медичкой, Михаил познакомился последней предвоенной зимой на катке парка МВО, что прямо под окнами того госпиталя, где он сейчас лежал. Тогда между ними завязалась скоропалительная связь, которая ничего не значила для Корицкого, но очень многое — для Леры. Расстались они при обстоятельствах, выставлявших его не в самом лучшем свете. Теперь он поспешил загладить свою вину... Как только понял, что Лера по-прежнему его любит.

Корицкий сделал Лере предложение. Оно было принято.

— Жаль, недолгим будет наше счастье, Лерочка. Я уже подал рапорт, чтобы сразу после госпиталя — на фронт, в свою часть. Меня там ждут.— Жених жалко улыбнулся.

Лера вытерла слезы. Ее осенило: милый Миша, он стесняется просить ее помочь ему. А он такой — всегда первый. Сразу же после свадьбы рванется к своим, на передовую. А там... наверняка я останусь вдовой. Нет, только не это.

— После такого ранения в грудь в строй ты не вернешься,— решительно заявила ему Лера.

При выписке Михаила Семеновича из госпиталя военврач Валерия Сергеевна Гамаюнова все сделала для того, чтобы любимый ею Миша остался в тылу с репутацией заслуженного фронтовика, списанного «по чистой» ввиду тяжелого ранения.

Потом была скромная свадьба.

Спустя много лет, когда Корицкий уже тяготился жизнью с нелюбимой женщиной, он сделал попытку уйти из дому. Валерия Сергеевна, которая после схлынувшей с нее наивности молодости оказалась человеком жестким, осадила его решительно. Заявила, что не остановится перед полным разоблачением «патриота» и «героя» в глазах общественности. Корицкий испугался и сдался.

Первый период связи с Инной Локтевой был для Корицкого бунтом на коленях. Не сумев расстаться с женой, он не удержал и любовницу. Она вышла замуж.

Теперь Михаилу Семеновичу ничего не оставалось, как следовать совету-приказу Валерии Сергеевны — жить и работать. Преимущественно работать. Это он умел. Корицкий с блеском защитил докторскую диссертацию по сверхмощным магнитным сплавам. Его научный руководитель Сергей Аркадьевич Осокин и другие специалисты отметили на защите не только научный успех, но и большое народнохозяйственное значение работы соискателя.

Воодушевленный Михаил Семенович под наплывом чувств рискнул сделать то, на что не отваживался почти три года: позвонить Инне, чтобы с нею первой поделиться радостью. Услышав знакомый голос, Инна поняла, что ее трехлетнему пресному существованию пришел конец...

Продолжение следует.

Последняя акция Лоренца

Теодор ГЛАДКОВ,
Аполлинарий СЕРГЕЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Вновь обретенная любовь обрушилась на Корицкого и Котельникову с утроенной силой, изумившей их обоих. И они, не сговариваясь, постарались не вспоминать, что никто, в сущности, кроме них самих, не был виноват в этой трехлетней разлуке.

Когда диссертация Корицкого была утверждена ВАКом и сослуживцы отметили появление нового доктора технических наук традиционным банкетом в ресторане «Прага», Осокин неожиданно для многих рекомендовал Михаила Семеновича на должность своего заместителя по науке. В министерстве с предложением согласились: в отрасли существовал обычай, по которому директоре институтов сами подбирали себе заместителей. Михаил Семенович потом в деталях рассказывал Инне, как его утверждали на коллегии министерства в новой должности.

— Представляешь, затаскали по начальству, которое и без того меня знает. К одному вызывают, к другому. Начальник главка спрашивает: «Ну как, товарищ Корицкий, согласны стать заместителем директора?» А замминистра спросил как-то странно: «Надеюсь, вы окажете серьезную помощь Сергею Аркадьевичу?» Ну а сама коллегия — это уже формальность. Пригласили в зал, за столами человек пятьдесят. Все почтенные мужи, столпы! Вопросы задают: «Над какой проблемой вы намерены лично работать в институте?», «В чем вы видите свою роль заместителя директора института?», «Каков выход разработок института в промышленности?». Пришлось попотеть немного, но, кажется, ответил на все вопросы толково.

Так оно и было. Корицкого в должности утвердили. Министр поздравил Михаила Семеновича с назначением, подчеркнул, что отныне одна из его обязанностей—оберегать директора НИИ от второстепенных дел, от текучки, всякой бюрократической переписки. Особо отметил, что товарищ Осокин получил чрезвычайно важное задание, на выполнении которого должен будет сосредоточиться целиком. Отсюда и особая роль молодого, энергичного заместителя.

Инна слушала и проникалась все большим и большим уважением к этому умному, талантливому, а теперь еще и занятому такими ответственными делами человеку, которому судьба не подарила никакой иной личной радости, кроме ее любви.

Прошло еще несколько лет. Михаил Семенович не только полностью освоился со своим положением и обязанностями заместителя директора, но и научился выкраивать достаточно времени для собственных разработок и руководства группой аспирантов. После того как несколько из них защитили в разных местах кандидатские диссертации, их научному руководителю доктору технических наук Корицкому было присвоено и звание профессора.

Институт уже продолжительное время работал над созданием нового сплава. Этот сплав, обладающий сложным комплексом заранее заданных свойств, с нетерпением ожидали во многих отраслях науки, техники и промышленности, в том числе оборонной. Чтобы создать сплав и разработать технологию его промышленного производства, предстояло решить, «разгрызть» много сложных проблем, почему Сергей Аркадьевич Осокин и дал ему неофициальное, но прочно прижившееся в лабораториях и в министерстве наименование «Орех».

Обобщая результаты первого, подготовительного, этапа работы, Осокин и Корицкий, однако, пришли к разным выводам и направлениям дальнейших поисков. Казалось, оба пути должны привести к успеху, хотя и в разные сроки, с разной затратой усилий и средств. Но вот по вопросу, какое решение более эффективно, Осокин и его заместитель во мнениях решительно разошлись. Корицкий был убежден, что на более правильном пути стоит он, то есть возглавляемая им лично лаборатория.

Научный спор двух ученых мог бы оказаться плодотворным, если бы не болезненное самолюбие Михаила Семеновича. Он и сам не заметил, как из поборника объективности в науке превратился всего лишь в борца за собственный престиж.

— Михаил Семенович,— мягко убеждал Осокин молодого коллегу,— не нужно так однозначно мыслить. Вы нашли неплохое решение. Но не спешите. Ставьте эксперименты, проверьте опыты на одном-двух заводах, посоветуйтесь после этого с производственниками. Я не хочу навязывать вам свою точку зрения, наука не терпит волевых решений и администрирования, равно как и голосования. Однако мне кажется, что ваш метод даст лишь кратковременный эффект. Сплав будет быстро уставать. Ответственное задание требует и ответственного подхода. Мы не одни работаем над проблемой, девять научных учреждений и предприятий завязаны на нее. Мы должны думать и об их времени и усилиях.

Корицкий возражал, и с каждым разом все более нетерпимо. Он уже научился достигать каких-то успехов в науке. Он умел работать. Но он еще не научился ждать. Не умел спокойно, критически, правильно взвесить свое пока не столь уж значительное достижение, а потому не понимал, что в науке маленькая победа может помешать добиться большой. К тому же себя в науке он ценил куда выше, чем науку в себе, и уже в силу этого не мог объективно относиться ни к другим, ни к себе. Все чаще в спорах с Осокиным он стал прибегать к аргументам, уже не имеющим отношения к научному арсеналу. Однажды он заявил Осокину:

— Мы, уважаемый Сергей Аркадьевич, нашли нечто новое, чего не было в мировой практике. Даже американцы, как нам известно, не имеют такого сплава. Жизнь заставляет и нас и их спешить с его созданием в оптимальном варианте.

— Иначе говоря, в худшем или лучшем, не так ли? — уточнил Осокин.

— Я этого не говорил. Повторю только, что время не ждет. Если вы, Сергей Аркадьевич, не согласны со мной, разрешите посоветоваться с товарищами из министерства.

— «Время не ждет» — девиз прекрасный, Михаил Семенович, только пользоваться им надо с превеликой осторожностью, ибо отливается он порой горючими слезами. Опять же в народе не зря говорят: «Поспешишь — людей насмешишь». Что же касается «посоветоваться», то воля ваша,— спокойно ответил Осокин и привычным жестом провел платком по голому черепу, на котором только у висков и сзади венчиком ютился еще седой пушок.

Осокин тогда не придал особого значения этому разговору, но про себя отметил, что ученый должен доказывать свою правоту в лаборатории, а не в министерских кабинетах.

Корицкий между тем действительно направился в министерство. Начальник главка поддержал его, но заместитель министра, наоборот, стал на точку зрения Осокина. Вопрос перенесли на обсуждение к министру. Министр сам был крупным специалистом, членом-корреспондентом Академии наук, и Корицкому пришлось сделать весьма обширный и детальный обзор всех работ, проведенных институтом за последнее время. Выслушав доклад, министр долго молчал. Неверно расценив это молчание, Корицкий счел возможным добавить:

— И вообще в последнее время мне все труднее и труднее стало находить общий язык с Сергеем Аркадьевичем.

Министр поднял голову и с каким-то сожалением в голосе, которое уловили все присутствующие, кроме Корицкого, сказал:

— Это не самая большая беда, Михаил Семенович. Хуже будет, если с такой жалобой придет Сергей Аркадьевич...

Задав Корицкому и другим приглашенным товарищам ряд вопросов, министр подвел итог обсуждению:

— Это даже хорошо, что есть два варианта решения проблемы. Действуйте в обоих направлениях, а наши практики, проверив их, скажут, какое из решений лучше соответствует поставленным задачам.

Корицкий ушел из министерства недовольный. Серьезное предостережение, сделанное ему, он понял, но не сумел воспользоваться той возможностью для продолжения подлин-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24—29.

но научной работы, которую предоставляло или, вернее, оставляло ему решение министра. Весь мир, казалось ему, ополчился против него. Кроме Инны...

Да, Инна Александровна с фанатичной преданностью разделяла взгляды и мысли Михаила Семеновича. В его абсолютной правоте всегда и во всем она была убеждена даже тверже, чем он сам. Инна и раньше мало к кому на свете питала сколь-либо теплые чувства, теперь же она вообще стала относиться к окружающим, кроме Юлии Николаевны, с почти открытой неприязнью. И раньше скрытная, теперь она постоянно находилась в состоянии настороженности. Привыкнув жить двойной жизнью, она полагала и всех других людей лицемерами или в лучшем случае говорящими не то, что они думают, делающими не то, что им хотелось бы.

Неудивительно, что неприязнь Михаила Семеновича у нее трансформировалась в прямое озлобление против старика Осокина, которого она и видела-то всего дважды — когда получала от него для журнала статью, а затем согласовывала окончательный текст. Инна забыла, что тогда Сергей Аркадьевич произвел на нее самое приятное впечатление.

Возможно, без вмешательства Инны конфликт Корицкого с шефом после обсуждения в министерстве и заглох бы сам собой. Но она каждодневно внушала Михаилу Семеновичу, что он прав, что Осокин давно отстал от науки и держится на поверхности только за счет своего громкого имени, званий, интриг и бог весть чего еще. Настойчиво и упорно она повторяла, что Осокин мешает Корицкому занять принадлежащее ему по праву место в жизни. Чем дальше, тем глубже Корицкий привыкал к этим мыслям, как к своим собственным.

— Мне непонятна позиция шефа,— сказал он как-то Инне.— Безусловно, он видный ученый, пользуется доверием наверху. Но знаешь, у Осокина за границей есть родственники, сестра с племянником. Она еще до революции, он мне сам рассказывал, вышла замуж за крупного лесовладельца, а после Октября осталась с мужем в Финляндии. У них были владения на Карельском перешейке. Он, мой дорогой шеф, утверждал, что с сестрой не переписывается. А сейчас, представь только, эта сестра вновь объявилась.

— Да ну! — изумилась Инна.

— Факт! Старуха — она старше брата — жива, здорова и содержит салон мод. Приезжала тут с фирмачами в Москву и, конечно, разыскала братца. Муж ее вроде давно помер, есть сын. Совладелец какой-то промышленной фирмы, а может, торговой, точно не помню. Он приезжает к нам регулярно, с дядюшкой, разумеется, встречается, подарки привозит...

Инна даже задохнулась от мысли, внезапно пришедшей к ней в голову. Дикой, чудовищной для любого другого человека, но логичной и естественной для нее, привыкшей все мерить по своей мерке.

— Это уже интересно,— медленно протянула она, закуривая сигарету (с некоторых пор Инна стала курить).

— Что интересно? — не понял Михаил Семенович.

— А все интересно,— как-то нервно рассмеялась Инна. Теперь уже и Корицкий понял, что она имеет в виду.

В другое время Михаил Семенович рассмеялся бы и назвал догадку подруги так, как она того и заслуживала,— чепухой. Но не теперь. Теперь он подсознательно стал подводить под нее все, что ему было известно об Осокине, и свои догадки.

— Знаешь,— сказал он Инне при очередной встрече,— возможно, твои предположения не лишены основания.

— Ну! — нетерпеливо взвилась Инна.

— Старика уже несколько лет приглашают в Америку читать лекции. До сих пор он отказывался, а теперь сказал, что подумает. Почему? Их делегации наш институт посещали? Посещали. На приемы в посольство Осокина потом приглашали? Приглашали. Письма от американских коллег он получает? Получает. И литературу тоже. А теперь еще эти визиты сестры и племянника.

Инна Александровна взволнованно ходила

по комнате (до решения своих семейных проблем, с чем по ряду причин они договорились не спешить, Корицкий снимал для встреч с любимой женщиной частную квартиру на Большой Пироговской). Мысли, одна злее другой, роились в ее голове. Возникшее нелепое подозрение перешло в уверенность.

— А если старик с твоей или своей разработкой тянет не случайно?

Корицкий еще не совсем понял ход ее мыслей. Инна раздраженно пояснила:

— Я хочу сказать, что одна из этих разработок перспективнее, лучше, эффективнее. Убеждена, что это твоя разработка. Вот он ее и затирает! Свою протолкнет в промышленность и получит очередную лауреатскую медаль. А твою подарит коллегам за океан... Не безвозмездно, конечно. Сестрица, племянничек... Есть куда перевести гонорар!

Корицкий побледнел.

— Ты с ума сошла! — растерянно сказал он.

— Ничуть! Надо быть такой рохлей, как ты, чтобы столько времени ни о чем не догадываться!

Даже умные люди в чем-то глупеют, когда становятся слепыми рабами охватившей их бредовой идеи. С этого мгновения они слышат и видят только то, что согласуется с их предвзятой убежденностью. Корицкий к тому же был подавлен напором и страстностью Инны Александровны. Раньше она была зеркалом его мыслей, интересов, взглядов. Теперь они поменялись ролями. Отныне все слова, поступки ученого находили у Котельниковой и Корицкого одно-единственное объяснение, разговоры вертелись вокруг одного и того же: Осокин и сестра... Осокин и племянник... Осокин и иностранцы... А главное — Осокин и научная разработка Михаила Семеновича.

Инна Александровна приходила в ярость от мысли, что коварный старик будет пользоваться где-то «там» славой, положением и богатством, которые на самом деле по праву должны принадлежать им с Михаилом Семеновичем, вынужденным до сих пор скрываться от людей. Почему?! Михаил так талантлив, у него столько идей, он так много может сделать... Если ему никто не будет мешать. А мешали Корицкому, а следовательно, и ей, ее личному счастью, по мнению Инны, все: жена Михаила, Котельников, Осокин, сотрудники института и министерства.

Когда она в первый раз сформулировала сама себе то, что уже вознамерилась совершить, ее охватил ужас. Не от чудовищности замысла, а от страха перед возможными последствиями в случае неудачи. Но, повторив про себя эти слова во второй, третий, четвертый раз, она перестала бояться.

Инне не потребовалось много времени, чтобы склонить Корицкого к созревшей у нее мысли. Внутренне Михаил Семенович уже был готов к этому. Только малодушие мешало ему первому произнести решающие слова.

Не день и не два — несколько месяцев Котельникова и Корицкий разрабатывали свой план, стараясь предусмотреть все, не упустить ни одной мелочи.

Для начала Котельникова и Корицкий решили, используя его положение заместителя директора крупного НИИ, одновременно и скопить в Советском Союзе капитал в золоте и драгоценностях и обеспечить счет в твердой иностранной валюте за границей.

ГЛАВА 11

Ермолин подумал, что наконец-то все становится на свои места, вернее, начинает становиться. Теперь ему важно было в первую очередь выяснить, что вынудило Корицкого сделать это признание. Ермолин был уверен, что без какого-либо серьезного побуждения извне профессор никогда бы с повинной не пришел. Он оказался прав.

...Накануне Корицкий возвращался домой в восьмом часу вечера. День он провел в библиотеке Дома ученых. Последнее время Михаил Семенович выискивал любые предлоги, чтобы как можно меньше бывать в ставшей ему, по существу, чужой квартире. Усталый и озабоченный, Михаил Семенович шел по многу раз хоженному маршруту к себе на Метростроевскую. Свет уличных фонарей едва пробивался сквозь холодную, насыщенную влагой мглу.

Вчера опять была тягостная беседа с шефом. Михаил Семенович уже не впервые ловил себя на мысли, что при таких трудных разговорах горячится и нервничает он, а не его шеф. Осокин всегда оставался спокоен. Что это — от старости? От житейской мудрости? Или от непоколебимой уверенности в себе? Корицкий стал подмечать, что при этих спорах Осокин держится не с неприязнью к нему, а скорее даже с каким-то непонятным, а потому особенно обидным сожалением.

Работа, работа... И одиночество. Инны нет, семья — фикция, дом — комната, в которой он только спит, и то с помощью двух таблеток эуноктина, и немного читает. Только специальную литературу. Художественную он забросил. В ней обязательно присутствует любовь, а любовь — это Инна, которой больше нет.

Инна ушла из жизни, вместе с ее смертью рухнули все надежды зажить вольготно и счастливо, в соответствии со своими представлениями. Сестра уже намекает, что ему нужно найти себе другую женщину, чтобы утешиться и успокоиться.

Чепуха. Без Инны ему не нужны ни Запад, ни слава, ни деньги. Что же касается научных идей, пора признаться самому себе, он самообольщался, все они, несмотря на его способности, родились под прямым воздействием Осокина.

Что ему остается? «Живи и работай, работай и живи»,— сказала ему когда-то жена. Михаил Семенович продолжал работать, он и чувствовал-то себя по-человечески только в лаборатории, среди своих сотрудников.

Еще существовал страх. Кроме тоски. Корицкий знал, что по делу о смерти велось следствие, что опытные люди изучали все обстоятельства, попавшие в сферу их внимания, чтобы установить, что именно случилось за рубежом с советской гражданкой Инной Александровной Котельниковой. А что, собственно, с нею произошло? Это для него оставалось неизвестным. Знал только, что он боится. Чего конкретно, сформулировать было трудно, но липкое, обволакивающее чувство, неотступное, словно ночной кошмар, не оставляло его ни на миг.

С сестрой Юлией Корицкий старался не встречаться. Она стала ему чужой. Год назад он бы рассмеялся, если бы ему сказали, что Юлия способна увлечься мужчиной, к тому же пожилым, по-настоящему. Вначале он полагал, что сестра просто хочет женить Осокина на себе. Оказалось, наоборот! Осокин предложил Юлии Николаевне стать его женой, а она отказалась. Этого, видите ли, ни ему, ни ей не простит Светлана, его дочь. Надо подождать... Кто мог ожидать от Юлии такого благородства и бескорыстия! Смерть Инны и болезнь вообще ее здорово встряхнули. Она разогнала всех старых приятельниц, всякую шушеру, которая вечно толклась вокруг нее на Гоголевском, перестала быть главным авторитетом по московским сплетням.

Выходит, одних любовь поднимает, а других...

— Добрый вечер, Михаил Семенович!

Корицкий поднял голову. Перед ним стоял мужчина примерно одного с ним возраста, одетый в темно-серое демисезонное пальто. В знак приветствия незнакомец приподнял над головой шляпу.

— Мы с вами лично не встречались. Я иностранец. Вас узнал по фотографии, которая, увы, находится не при мне. Я имею поручение конфиденциально обсудить с вами одно дело.

Еще ничего не поняв, Корицкий вдруг почувствовал какую-то слабость в ногах. Преувеличенно резко, словно чужим голосом, он сказал:

— Я незнаком с вами и не имею желания знакомиться. Честь имею!

С этими нелепыми словами Михаил Семенович сделал попытку пройти. Незнакомец, однако, мягко, но решительно загородил ему дорогу:

— Минуточку, Михаил Семенович! Разве вас не интересует дальнейшая судьба тех материалов, которые вы через свою знакомую передали нам?

— Что-о?

— Вот видите, вас это интересует,— с легким сарказмом произнес иностранец.— Никогда не следует так порывисто уходить от разговора.

— Нам не о чем беседовать. О каких материалах идет речь?— Корицкий говорил торопливо, потому что нужно было что-то говорить, а не стоять просто так и слушать этого человека.

Незнакомец разъяснил:

— Речь идет о тех документах, которые вы передали нам через свою подругу. С ней, к сожалению, произошло несчастье. Кто мог ожидать? Примите наши искренние сожаления.

Корицкий заволновался.

— Что вам известно об Инне Александровне? Кто отравил ее и мою сестру Юлию Николаевну? Или, по-вашему, это случайность?

— Я представляю частную фирму, а не криминальную полицию. Полагаю, что это несчастный случай. Видимо, в буфете аэропорта они съели что-то недоброкачественное.

— Неправда! Сестра мне рассказывала, что, как сообщила ваша полиция нашим следственным органам, все продукты в буфете оказались совершенно свежими.

Незнакомец пожал плечами.

— Это сообщила местная полиция. Каждая страна заботится о своем престиже. Ваша сестра, к счастью, выжила.

Корицкий в ответ хотел сказать что-то резкое, но тут же осекся. Сообразил, что сейчас они говорят не о том, главное же — иностранец знает, что это он передал материалы через Инну.

— Что вам нужно от меня?— уже тихо спросил он.

— Немногое. Документацию последующего этапа технологического процесса, а также те образцы сплава, которые у вас имеются. Давайте погуляем, и я расскажу, что вам следует делать дальше.

Корицкий молча последовал за незнакомцем. Свернув в ближайший переулок, иностранец продолжил разговор:

— Что нужно нам, я уже сказал. У меня мало времени. Встретимся через три дня, в четверг, в семь часов десять минут вечера на углу Метростроевской и Садового кольца, возле Провиантских складов. Завидя меня, не подходите, а следуйте за мной. В удобном месте — его определю я — вы передадите мне сверток, он должен выглядеть так, словно в нем книги. В свертке должны находиться непроявленные фотопленки, расчеты, формулы и прочее. Образцы сплава, полученные на разных этапах работы, пронумеруйте карандашом-стеклографом...

Смысл того, что говорил незнакомец, едва доходил до сознания Корицкого. Но он слушал, не в состоянии прервать эти парализующие его волю слова.

— ...Я передам вам точно такой же по форме пакет в газетной бумаге. На всякий случай, чтобы вы знали, в нем будут детские книги для вашей дочери: двухтомник Марка Твена, «Карлсон, который живет на крыше»... Вы слушаете меня, Михаил Семенович?— вдруг спросил он, заметив отрешенный взгляд Корицкого.

— Да-да, могу повторить.— В голове Михаила Семеновича звенело, но сил, чтобы возразить, у него не было.— Это все?

— Нет, не все,— сказал иностранец, по-прежнему никак не называвший себя.— Мы должны изучить ваши материалы, понять, а на это потребуется какое-то время. Вы спокойно работайте, завершайте ваш сплав и внимательно изучайте исследования в других лабораториях, прежде всего вашего шефа Осокина. Постарайтесь сфотографировать самые важные материалы. Месяца через два мы свяжемся с вами...

— Стойте!— Улица вдруг заколыхалась, кругами заходил фонарь, словно вершина дерева под порывом ветра. Обмякнув, Михаил Семенович судорожно ухватил за рукав своего спутника.

— Что с вами?— встревожился иностранец.— Сердце?

— Так...— Корицкий выпрямился и отпустил рукав. Передохнул. Сердце и впрямь будто сжал кто-то сильно и безжалостно. Потом прошло.— Ничего... Не обращайте внимания. Бывает...

Незнакомец смотрел на него хмуро и подозрительно.

— Тогда слушайте дальше. Вы поставили нам определенные условия сотрудничества. Мы сочли, что это разумные условия. Первоначальная сумма, которую назвала госпожа Котельникова, уже депонирована на ваше имя... Но вам могут потребоваться свободные деньги и здесь, в Союзе. Ваши друзья позаботятся об этом. Вам передадут золото, бриллианты, несколько тысяч советских рублей.

— После смерти Инны Александровны все это меня уже не волнует,— печально произнес Корицкий.

— Так вы что, отказываетесь от своих первоначальных намерений? Не следует ли мне понять вас в том смысле, что вы отказываетесь от сотрудничества с нами?— жестко спросил иностранец.

Корицкий испугался. Он понимал, что́ может стоять за этой жесткостью.

— Нет, что вы... Я сделаю все, что вы просите.

— Вот и хорошо,— уже мягче сказал незнакомец.— Теперь запоминайте условия наших дальнейших контактов с вами. К вам подойдет человек, он скажет...

Через пятнадцать минут они расстались.

Ночь прошла для Корицкого без сна. А утром он совершил самый мужественный поступок в своей жизни: позвонил в Комитет государственной безопасности.

ГЛАВА 12

Сложные и противоречивые чувства обуревали Ермолина, когда он слушал показания Корицкого, которые в соответствии с существующим законодательством должны были квалифицироваться как добровольная явка с повинной. Владимир Николаевич знал, что у врачей вырабатывается профессиональный иммунитет по отношению к непривлекательным проявлениям некоторых болезней. Но от тех же врачей он слышал, что, спокойные к язвам, сыпи, запахам, они испытывают неприятное ощущение, если больной приходит на прием в несвежем белье. Это объяснимо: и язвы, и сыпь, и специфический запах — объективные симптомы болезни, не зависящие от воли ее носителя. А грязное белье — это уже проявление непривлекательной личности пациента.

Во время войны да и после Ермолин видел старост, бургомистров, полицаев, бандеровцев, власовцев, «лесных братьев». Как правило, это были люди, сознательно ненавидевшие Советскую власть, выходцы из кулаков, помещиков, торговцев и других враждебных классов и кругов. Видел он и людей, ставших на путь предательства из-за малодушия, не выдержавших ужаса фашистских тюрем и лагерей. Но человека, пришедшего к измене таким путем, как Корицкий, Ермолин встретил впервые.

Ермолин разговаривал с Корицким несколько часов без перерыва. Долго и настойчиво расспрашивал Михаила Семеновича о его детстве, юности, студенческой поре; так врач доискивается до корней болезни, вылезшей наружу в зрелые годы. Так дошли они до момента встречи Михаила Семеновича с Инной после расставания.

— Она была единственным человеком, который меня понимал до конца...— с некоторой патетикой заявил Корицкий.

— Иначе говоря,— сказал Ермолин,— она поняла, что вы способны совершить тот шаг, который совершили?

— Вы не так меня поняли,— запротестовал Михаил Семенович.

— Почему же не так? Вас никто не понимал, все считали вас ученым-патриотом, ученым-гражданином. Все эти люди заблуждались, а Котельникова поняла вас правильно.

— Я не это имел в виду.

— Что же в таком случае?

Корицкий подавленно молчал.

— Или вы считаете, что понимать — это разделять веру в вашу особую звезду? Раздувать ваше тщеславие слепым поклонением?

И на сей раз Корицкий промолчал.

— Ну хватит об этом.— Ермолин прихлопнул ладонью по столу.— В конце концов Котельниковой нет, и мы никогда не узнаем полной истины о ваших отношениях. Не имеет значения, будете ли вы наговаривать на нее или, наоборот, возьмете всю вину на себя. Это невозможно проверить.

— Я понимаю...

— Хорошо, что хоть понимаете. Теперь скажите, почему вы не пришли к нам сразу или хотя бы вскоре после похорон Инны Александровны?

— Это трудно объяснить сейчас. Как невозможно, проснувшись, понять, что и почему делал во сне.

— А если попробовать?

Корицкий расстегнул пуговку под воротником рубашки, приспустил узел галстука, нервно дернув подбородком.

— Страх... Первое время я все ждал, вот-вот арестуют. Понимал, что самое лучшее — пойти куда следует и заявить обо всем. Не мог, боялся. Понимал и не мог. Это как паралич, человек видит, слышит, а пальцем шевельнуть не может.

— Чего же вы боялись, наказания?

— Только отчасти. Самое ужасное — это просто сказать: «Я изменил Родине...»

— Как же вы наконец решились?

— Когда мы с Инной разрабатывали наш план, то никогда не упоминали таких слов, как «измена», «предательство». Теперь я понимаю почему. Чтобы не пасть в собственных глазах. А когда я поговорил с этим человеком, оттуда...— Корицкий помолчал, вздохнул, потом закончил: — ...то все пришлось назвать своими именами. Сначала себе, теперь вот вам. Я понял, что не смогу выполнить то, что он от меня потребовал. Страх убил бы меня раньше... И я позвонил вам.

— А раскаяние?— это уже спросил Турищев.— Раскаяния в том, что вы совершили, выходит, не было?

Корицкий раздумчиво покачал головой.

— Я не отделяю этих мотивов друг от друга. Раскаяние — это тоже страх... Но уже перед содеянным. Субъективно, конечно, но я так чувствую.

— Вы готовы рассказать подробно обо всем, не устали?— спросил Ермолин.

— Готов.

— Тогда продолжим. Нас интересует прежде всего вопрос, когда и как была завербована Котельникова иностранной разведкой. Вам она наверняка рассказала об этом.

— И рассказала и не рассказала. То есть я восстановил историю ее измены из отрывочных рассказов, отдельных фраз, намеков, из ее поведения. Инна всегда была скрытна, замкнута и осторожна. Она понимала: если расскажет мне все сразу, я порву с ней или не приму ее чудовищного замысла, испугаюсь. Я не нашел сил воспротивиться...

— Как же вам представляется сейчас история ее предательства?

— Вы, наверное, уже многое знаете о жизни Инны, ее характере, ее слабостях. Нет, она не страдала модной теперь болезнью — вещизмом, не терпела модных и ненужных украшений, у нее был вкус к одежде и вещам. Она предпочитала внешнюю скромность во всем. Как я со временем стал понимать, Инна мечтала о чем-то большем, страдала идеей фикс — стать не просто богатой, не подпольной миллионершей, а богатой в западном понимании этого слова.

Она говорила об этом сначала как бы шутя, потом всерьез. Позднее от идеи перешла к ее воплощению. Ее напор был столь велик, что я не сопротивлялся, даже помогал ей — вот до чего может довести любовь!

— Только ли любовь?— строго спросил Ермолин.

— Нет, конечно. Извините. В основном честолюбие, зависть, желание скорей порвать с нелюбимой женой... Да, я начал с того, что по совету Инны восстановил добрые отношения с Осокиным. Сергей Аркадьевич охотно пошел на примирение.

...Воспользовавшись благоприятным случаем, Корицкий навел шефа на разговор о его зарубежных родственниках. Ничего худого не подозревая, Сергей Аркадьевич рассказал, что несколько лет назад он встретился с сестрой Елизаветой Аркадьевной, о которой ничего не слышал с сорокового года. После долгого перерыва ей хотелось побывать на родине. Она владелица салона мод, вот она и решила совместить свое желание посетить родину с намерением завязать деловые связи в Советском Союзе. Скоро снова должна приехать. Приезжал в Союз и племянник — Лео Дальберг, коммерсант.

Из этого разговора Корицкий понял, что, встречаясь с сестрой и племянником, Осокин душевно не воспринимал их как близких людей. Но он выяснил главное: в скором будущем Дальберг приезжает в Москву со своей коллекцией. С этого дня Инна стала постоянной посетительницей Дома моделей на Кузнецком мосту, где завязала приятельские отношения с несколькими работающими там женщинами. От них она узнала, когда и какие иностранные салоны мод будут выставлять свои коллекции в Москве. С их же помощью обеспечивала себя билетами почти на все сеансы.

После одного такого сеанса манекенщица Леля Бражевич, элегантная блондинка с несовременными фиалковыми глазами, но вполне современным умением устраивать свои личные дела, познакомила Инну по ее просьбе с госпожой Дальберг. Леле не мешало бы задуматься, зачем ее об этом попросили, но она теряла всякую способность мыслить и сопротивляться, когда ей делали комплименты по поводу ее внешности, безразлично, мужчины или женщины. Инна не скупилась на приятные слова и легко добилась своего.

После двухнедельной успешной демонстрации моделей в Москве салон «Перфект» переезжал в Ленинград.

Перед отъездом Елизавета Аркадьевна и Инна поужинали в ресторане «Чайка» у Малого Каменного моста. Инна, когда они садились за столик, шутливо упомянула, что москвичи называют романтическую «Чайку» «поплавком». Мадам рассмеялась.

За ужином говорили о Москве, о русских и других национальных модах в Советском Союзе, о том, как советские женщины одеты на работе, скажем, в учреждении, что предпочитают «на выход». Мадам Дальберг понравилось, например, как одевается ее племянница Светлана, дочь известного советского ученого Осокина.

— Сергея Аркадьевича?!— удивленно воскликнула Инна.

— Да. Я очень горда тем, что мой родной брат добился таких больших успехов в науке. Весь в деда и отца.

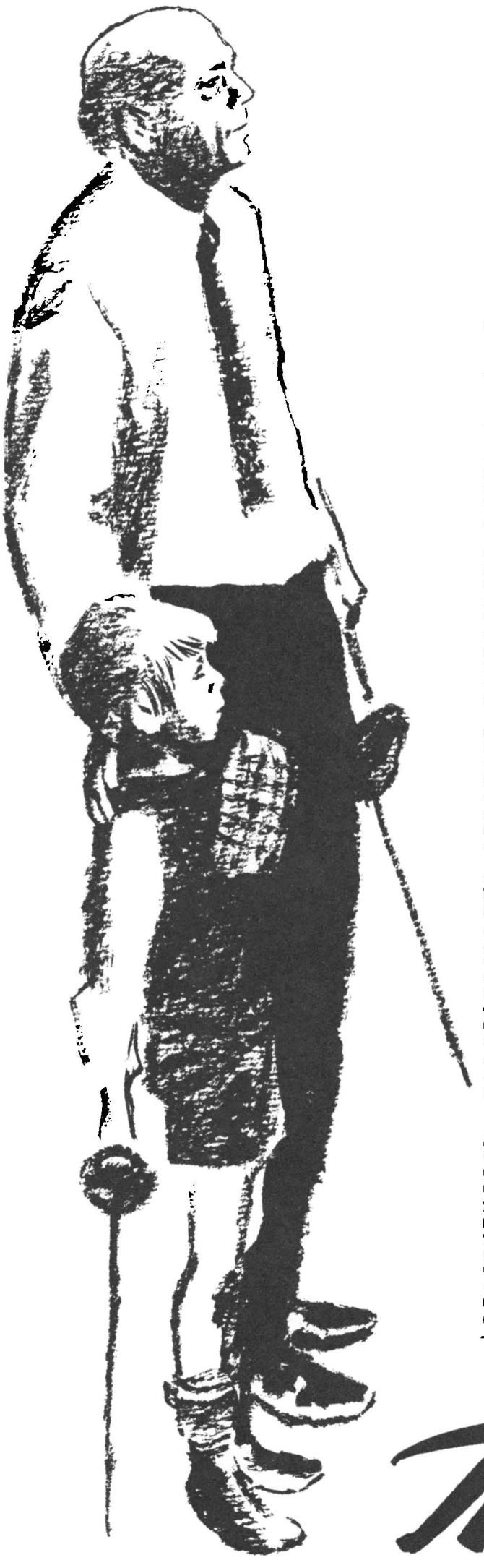
— Они тоже были металлургами?— снова удивилась Котельникова.

— Не просто металлургами. Они были признанными авторитетами в металлургии. Я как-нибудь в следующий свой приезд сюда расскажу вам о нашей разлученной Октябрем семье. Поэтому, Инна Александровна, вы поймете меня правильно, если скажу, что до сих пор пристально слежу по советской прессе за судьбой своего брата, за достижениями русской, простите, советской металлургии. Это в крови у меня, идет от семьи, хотя ровным счетом я ничего профессионально не понимаю в самой этой науке. Простите, а вы знаете Сергея Аркадьевича?

Упоминание об Осокине словно обожгло Инну. Она ухватилась за слова мадам Дальберг, сказала, что некоторым образом лично знакома с ученым. После всех похвальных эпитетов о брате Елизаветы Аркадьевны Котельникова вскользь заметила, что Осокин крупный организатор, он собрал у себя в институте талантливых людей, которые достойны своего учителя, а некоторые в своих идеях и практических разработках преуспели даже более его: время есть время.

Про себя Котельникова отметила: сестра ученого не обиделась на столь искреннюю и философски верную оценку заслуг ее брата.

Окончание следует.



Теодор ГЛАДКОВ,
Аполлинарий СЕРГЕЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

...Елизавета Аркадьевна очень естественно, по-дружески попросила Инну помочь ей в ознакомлении с научными работами брата в наиболее полном объеме, если возможно, с деятельностью его института — это так важно для нее. И вообще она была бы рада познакомиться с достижениями других наук в Советской России.

Видимо, это был самый важный разговор между Дальберг и Котельниковой, так как в конце его Инна ответила, что у нее есть возможность узнавать о некоторых научных открытиях и изобретениях до их официального опубликования. Они договорились, что Инна подготовит ряд интересных научных материалов и привезет их через неделю в Ленинград.

Котельникова не хвасталась, когда говорила о своих возможностях. Она действительно располагала таковыми. В редакцию «Вестника» поступало много интересных, иногда уникальных материалов, авторы которых не слишком утруждали себя размышлениями о том, что статьи, посланные ими в открытый журнал, могут содержать секретные сведения. Поступали они и в другие журналы, редакции коих располагались в том же здании. Там у Инны была не одна приятельница.

Несколько десятков рукописей, поступивших, что называется, самотеком, Инна без каких-либо затруднений вынесла из здания. Корицкий и она отобрали из них три-четыре статьи, представляющие настоящую ценность, в том числе о способе замораживания крови. Материал этот не подлежал опубликованию, но по просьбе автора перепечатывался машинисткой журнала за его счет.

Вот таким путем Котельникова сумела познакомиться с хозяйкой салона «Перфект». Инна явно понравилась мадам Дальберг. Вдвоем они совершали прогулки по Москве, делали покупки, болтали о всякой всячине. Дальберг проявила интерес к старому русскому искусству. Инна оказалась весьма полезной во всех отношениях. Она достала Елизавете Аркадьевне складень XVIII века, несколько старинных вышивок бисером, редкую гравюру с видом Петербурга. Довольная хозяйка «Перфекта» хотела подарить за услуги два коллекционных платья и кое-что из французской парфюмерии, но Котельникова отвергла щедрые дары.

«Горда»,— подумала Дальберг.

Во время прогулок по Москве госпожа Дальберг, тонкий психолог — не будь таковой, она прогорела бы со своим салоном дамского платья,— сумела достаточно точно определить главные черты своей московской знакомой: умна, организованна, не столь скупа, сколь расчетлива, эгоистична, индивидуалистка, не удовлетворена своим положением редактора в научном «Вестнике» (обмолвилась: могла бы быть директором Дома моделей, еще лучше — хозяйкой такого же салона, как у мадам Дальберг), осторожна в политических высказываниях, крайне честолюбива, гордится общени-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 24—30.

Последняя

ем с учеными, в том числе с достаточно известными (фамилий не назвала).

Препарированные ею и переснятые на фотопленку материалы Котельникова передала Дальберг во время их «случайной» встречи через неделю в одном из переходов ленинградского Эрмитажа. В тот же день, не задерживаясь, Инна выехала обратно в Москву. На дне ее сумочки лежал первый полученный от Елизаветы Аркадьевны гонорар: две тысячи советских рублей и пятьсот американских долларов. Она везла с собой не только деньги, но и твердую договоренность об очередной встрече — уже в той стране, где постоянно жила госпожа Дальберг. Инна Александровна намеревалась летом приехать туда по туристской путевке. Прощаясь, Котельникова дала понять Елизавете Аркадьевне, что, может быть, рискнет привезти с собой материалы, относящиеся к важным советским исследованиям в области металлургии.

За границей Инна должна была встретиться непосредственно с представителем той иностранной разведки, на которую, по ее и Михаила Семеновича мнению, работала Дальберг, и передать ему пленку с первой половиной документации по разработанному Корицким технологическому процессу производства нового сплава. На этой встрече Инна должна была настоять на выполнении другой стороной (Корицкий так и выразился дипломатично — «другой стороной») определенных гарантий, а именно: открытии в одном из западных банков счета на предъявителя.

В мае, как и намечалось, Котельникова уехала за границу. Чтобы вернуться оттуда мертвой...

От двоюродной сестры Юлии, ничего не подозревавшей о подлинных намерениях Инны и его самого, Корицкий узнал очень немногое. Только то, что они вдвоем побывали в салоне «Перфект», с владелицей которого Инна, как она сказала Ларионовой, случайно познакомилась на международной выставке мод в Москве. В салоне обе женщины сшили себе по модному платью — ответная услуга за какие-то подарки, сделанные Инной госпоже Дальберг в СССР. В разговоре со следователем Ларионова об этом умолчала, видимо, полагала, что сделка носила противозаконный характер. Вот и все. Больше он, Корицкий, ничего о пребывании Котельниковой за рубежом не знает. Инна ему оттуда не писала и не телефонировала. Ермолин был уверен, что так оно и было все на самом деле.

— Что вам известно об отношениях вашей сестры с Осокиным?

Корицкий пожал плечами.

— Это их личное дело. Осокин — одинокий человек, как я теперь понимаю, очень доверчивый, даже наивный. Юлия — женщина интересная, способная зажечь кого угодно, хотя и в возрасте. Может быть, это ее последний шанс в жизни?

— Вы и Котельникова использовали каким-либо образом отношения между Ларионовой и Осокиным?

— Упаси боже! Юлия относится к нему очень серьезно и никогда не стала бы делать для нас ничего, что могло бы бросить тень на Сергея Аркадьевича. Зная, с какой неприязнью Инна относится к старику, я постарался скрыть от нее связь Юлии с Осокиным.

На сем беседу с Корицким можно было прекратить. Ничего больше он сообщить не мог. Решать дальнейшую гражданскую и личную судьбу Михаила Семеновича было не в компетенции Ермолина, но от него в этой судьбе зависело многое. Как, впрочем, и от самого Корицкого.

Что делать дальше? Как выиграть проигранное на первом этапе сражение у Лоренца — того, видимо, разведчика, который стоял за спиной госпожи Дальберг? Добраться до Лоренца можно только одним путем — с помощью этого самого гражданина Корицкого, который сидит сейчас перед ним и безучастным голосом отвечает на его, Ермолина, вопросы.

Корицкий подавлен и духовно опустошен. Совершенное преступление и потеря любимой женщины раздавили его. Можно ли этого человека заставить искупить свою вину? Необходимо! Но для этого нужно вывести Корицкого из того состояния полного безразличия даже к собственной участи, в котором он сейчас пребывал.

— Какой вы видите вашу дальнейшую жизнь?— прямо спросил Ермолин, нарушив затянувшуюся паузу.

— Я?!— Корицкий растерялся.— Я полагал, что это решат, не советуясь со мной.

— Советоваться с вами, конечно, не будут. Совершенное вами преступление предусмотрено статьей второй Закона об уголовной ответственности за государственные преступления. Но суд учтет вашу добровольную явку с повинной и оказание помощи следствию.

Корицкий молчал.

— Отвечайте же,— настаивал Ермолин.— Я интересуюсь вашей судьбой не только из вежливости.

— Буду работать,— не очень уверенно выдавил Корицкий.

— Где? Кем?

Корицкий вдруг разозлился. Что еще нужно от него этому комитетчику?

— Арбузы пойду разгружать в Южный порт!— почти грубо отрезал он.

Ермолин был доволен — Корицкий злится. Это уже лучше, чем апатия.

— Ну, это не выход,— миролюбиво и рассудительно сказал он.— Арбузы — дело сезонное. Август — сентябрь. В году же не два месяца, а двенадцать. Да и квалификации соответствующей у вас нет, возраст опять же не тот. Уж я-то знаю, сам арбузами пробавлялся, когда студентом был. А если серьезно?

— Не знаю,— вздохнул Корицкий.— В этом кабинете, надо полагать, не оставят.

— Надо полагать,— подтвердил Ермолин.

— А рядовым сотрудником?— В голосе Корицкого послышалось что-то похожее на слабый интерес.

— А вы бы этого хотели?

— Для меня это было бы, видимо, самое лучшее,— признался после минутного раздумья Корицкий.

— Для нас тоже,— сказал Ермолин.

— Почему?— удивился Михаил Семенович.

— Потому что вас можно лишить свободы, вашего нынешнего высокого поста, но нельзя лишить ваших знаний, вашего научного багажа, ваших способностей, наконец. Государству и народу совсем не безразлично, на что вы все это употребите, когда оставите сей кабинет. Могу привести прецедент. Свой знаменитый прямоточный котел профессор Рамзин изобрел именно тогда, когда тоже производил определенную переоценку ценностей.

Корицкий задумался.

— Вы это серьезно?— наконец спросил он в явном замешательстве.

— Да уж куда серьезнее! Вот только... Сможете ли вы сделать все, что потребуется для того, чтобы компенсировать, хотя бы в самой малости, тот ущерб, который нанесли Родине? — в упор спросил Ермолин.

— Но это, простите, общие слова.

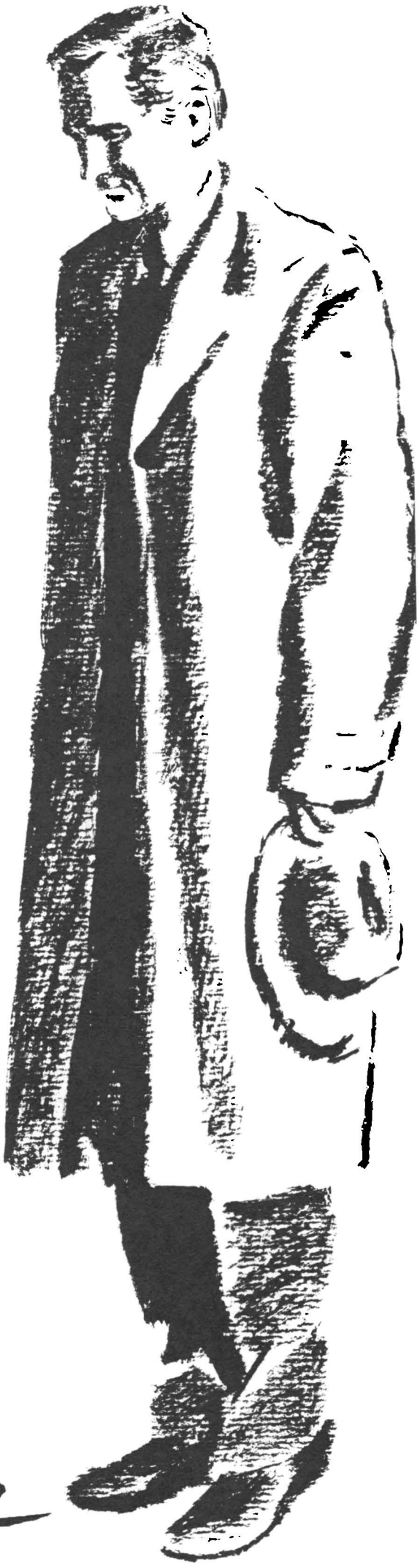
— Вовсе нет. Это вполне конкретное и, признайте, справедливое предложение.

Корицкий посмотрел в глаза Ермолину.

— Я вас, кажется, понял.

Ермолин облегченно вздохнул. Турищев подался вперед со своего кресла.

— Рад, что вы это поняли,— сказал Влади-



акция Лоренца

мир Николаевич.— Могу я рассматривать эти ваши слова как добросердечное согласие встать на путь исправления?

— Да, можете. Более того, теперь я сам этого хочу.

— Что ж, гражданин Корицкий,— завершил беседу Ермолин.— Только не думайте, что сегодня кто-нибудь из нас кого-либо облагодетельствовал. Я всего лишь выполняю свой долг. Ну а вам предстоит выполнить ваш...

ГЛАВА 13

По пути ко Второй Градской, близ которой жил Осокин, Ермолин снова и снова возвращался мысленно к разговору, который после разбора дела возник на последнем оперативном совещании. Этот разговор, как и другие, ему предшествовавшие, был полезен для всех во многих отношениях. И очень хорошо, что они нашли наконец общий язык с Турищевым. Давно следовало вот так откровенно поговорить с Григорием Павловичем.

Пережитки капитализма в сознании и поведении людей сегодня... Партия постоянно напоминает о необходимости непримиримой борьбы с буржуазной идеологией во всех ее проявлениях, в том числе — и особенно! — весьма тонких. Принципиальных разногласий в этом вопросе у него с Турищевым не было и быть не могло. Оба они коммунисты и чекисты. Вот только нельзя понимать эти пережитки так узко и прямолинейно, как понимал до сих пор уважаемый Григорий Павлович.

Можно повседневно сталкиваться с самой изощренной буржуазной пропагандой и сохранять непоколебимую верность своим идеалам как в мыслях, так и в делах. Но малейшая трещина в убеждениях, червоточина в характере могут открыть дорогу прямому вражескому влиянию. Так именно произошло с Котельниковой и Корицким. Так могло произойти и с Ларионовой.

Котельниковой это стоило жизни. Корицкий нашел в себе силы удержаться у последней черты. Ларионовой помогли уже после явки с повинной брата они, чекисты.

Товарищи припомнили на совещании и другие дела за последние годы, еще и еще раз и очень строго взглянули на них с этой, идейной точки зрения. Это всегда необходимо, особенно в таком деле.

Сейчас Ермолину предстоял чрезвычайно важный, во многом определяющий его дальнейшие действия разговор с Сергеем Аркадьевичем.

...На звонок открыл сам Осокин. Кроме него, в просторной прихожей находился еще один человек: мальчуган лет шести с красной пластмассовой маской на лице. В руке он воинственно сжимал пластмáссовую же шпагу. Точно такой шпагой был вооружен и Осокин. Убедившись, что сражение с дедом явно откладывается, мальчуган буркнул «дрысьте» и с разочарованным видом удалился куда-то в глубь квартиры.

Осокин поздоровался с гостем и развел руками.

— Ничего не поделаешь, неосторожно позволил внуку посмотреть по телевизору французский фильм «Три мушкетера», теперь несу ответственность. Вы еще не дед?

Ермолин рассмеялся:

— Только кандидат. У сына, кажется, то есть у невестки, что-то намечается. Но для нас, родителей, это пока секрет.

— Вы хоть догадываетесь... А для меня в свое время явилось полной неожиданностью.— По лицу Осокина пробежала тень.— Проходите, Владимир Николаевич.

На пороге кабинета Осокин прокричал:

— Андрей!

Где-то во тьме коридора возник внук.

— Скажи маме, что у меня гость и я прошу устроить для нас чай.

Кабинет Осокина был именно тем профессорским кабинетом, какой ожидал увидеть Ермолин. Стеллажи с книгами до самого потолка, тяжелая кожаная мебель, огромный письменный стол под зеленым сукном. У окна застекленный шкаф, весь заставленный кусками металла. Красное пятно в позолоченной раме, висевшей в углу на стене, привлекло его внимание особо. Осокин перехватил взгляд Ермолина.

— Заинтересовались портретом, Владимир Николаевич?

— Очень... Никогда не видел эту вещь даже в репродукции.

— Это и есть репродукция на холсте. Фабиола, римлянка, которая построила первый в Европе госпиталь для калек и больных.

— Кажется, о ней упоминает в своем труде Феррар.

— Думаю, что это лучшая вещь Хеннера. Взгляните только на этот профиль красавицы, и этот красный платок, накинутый, как у монахини, и черный фон... Репродукцию привез мне племянник. Как-то я увидел эту вещь в иллюстрированном журнале, загорелся. И вот она у меня.

В комнату вошла высокая молодая женщина с заставленным подносом в руках. Быстро и ловко она сервировала журнальный столик у окна. Женщина была смугла, темноволоса и кареглаза, ничуть не похожа на Осокина, глаза которого, несмотря на возраст, оказались неожиданно ярко-голубыми.

— Это моя дочь Светлана и мать того д'Артаньяна, которого вы уже видели. А это, Ланочка...— тут Осокин замялся, Ермолин пришел ему на помощь.

— Меня зовут Владимир Николаевич.

Они пожали друг другу руки.

— Пейте чай,— приветливо сказала дочь Осокина.— Коньяк и ром на ваше усмотрение. Пирожки с мясом и капустой, сама пекла.

Улыбнувшись, Светлана вышла, Ермолин вспомнил слова Веры Эминовой о том, что у Осокина натянутые отношения с дочерью, и хмыкнул про себя: непохоже.

— Извините, что оторвал вас от работы, Сергей Аркадьевич,— сказал Ермолин, приметив на столе старинную раскрытую книгу.

— Весь в вашем распоряжении,—откликнулся ученый.— А книга сия для меня не работа, а отдых и удовольствие. Ломоносов, Михайло Васильевич. «Первые основания металлургии...», «О движении воздуха, наблюдаемом в рудниках», «О слоях земных». Классика наша! Я и своим докторантам рекомендую. Что же касается этой именно книги, то ее еще прадед мой штудировал и деду передал.

— Выходит, Сергей Аркадьевич, вы металлург потомственный.

— Вот именно,— с очевидной гордостью подтвердил ученый.— Было бы у нас время, рассказал бы вам свою родословную, начинал с Костромы и Урала.

— А у меня оно есть. И так как я сам уралец, то мне это вдвойне интересно.

— Знаете, сейчас редко встречаешь людей, которые интересуются генеалогией. Считается, что это пережиток, сомнительная, дескать, привилегия баронов и князей. А напрасно! Родословная трудящегося человека зачастую куда поучительнее, нежели история иного княжеского рода.

Сергей Аркадьевич наполнил рюмки коньяком, подлил в чашку гостя горячего чая и начал рассказывать:

— Наш род Осокиных идет от костромских каталей. Как сказывал прадед Игнатий, не мне, конечно, а отцу моему, лучшие катали валенок на всю Россию были костромские. Валенки у них получались теплые, легкие, в носке прочные. После крестьянской реформы многие костромские подались на восток, кто на Урал, кто в Сибирь.

Мои предки осели в Пермской губернии. Земли под поселение отвели им, конечно, не самые богатые. Урожаи зерновых были скудные, но травы в предгорьях Урала отличные. Коровы давали хорошие удои. Овчины, выделанные местными мастерами, не уступали знаменитым шуйским, угличским и пошехонским.

Прадед Игнатий поселился в поселке, который назывался Заводом, потому что был при медеплавильном заводе с карьером, откуда брали руду. Избы полурабочих, полукрестьян тянулись вдоль реки Северки и впадавшей в нее речушки с татарским названием Сулак. У жителей были наделы земли, так что они и сельским хозяйством занимались и работали на заводе или в карьере.

Завод пришелся Игнатию по душе. Работы было много, платили, по его понятиям, не скупо. Потом случилось у него горе: от тяжелых родов умерла, так и не разрешившись вторым ребенком, жена. Остался Игнатий вдовцом с пятнадцатилетним сыном Кириллом, моим дедом. Хотел Кирьку приучить к своему ремеслу, но тот тянулся к заводским подросткам и пошел на завод учеником.

Кирька быстро встал на ноги. Помогал рабочим при плавке медной руды в шахтной печи, во все вникал, обо всем расспрашивал. На смышленого парня обратил внимание мастер. Когда завод посетил управляющий, мастер показал ему как диковину толкового и смышленого к медеплавильному делу подростка. Кончилось это тем, что управляющий дал Кириллу денег до Петербурга и рекомендательное письмо к знакомому профессору Института корпуса горных инженеров, который как раз в тот год был преобразован в горный институт.

По новому уставу институт становился открытым учебным заведением. Специальные предметы делились на два разряда: горный и заводский. Во время каникул учащиеся обязаны были выполнять практические работы на рудниках и заводах... Вам не скучно, Владимир Николаевич?

— Наоборот, очень интересно. Вы ведь почти о наших местах рассказываете.

— Так вот, управляющий, судя по всему, был человеком умным и дальновидным. Он учел реформу в подготовке горных инженеров и хотел, видно, иметь на одном из медеплавильных заводов не случайного, а своего человека. Конечно, не могло быть и речи, чтобы сразу зачислить Кирилла в институт. По совету профессора он год, как проклятый, готовился к вступительным экзаменам. Выдержал, поступил, а потом пять лет учился. С остервенением, на хлеб зарабатывал погрузкой на невских пристанях, а затем и репетиторством, благо бестолковых сынков у петербургских бар и купцов было предостаточно. Каждое лето ездил к себе в Завод, где выполнял практические работы.

Закончив курс с отличием, дед, напутствуемый добрым словом профессора (тот даже денег ему дал без расписки на обзаведение), вернулся на уральские заводы. Было то ровно сто лет назад. Вырос впоследствии дед до управляющего заводом. Умер незадолго до революции. Отец мой, Аркадий Кириллович, естественно, тоже закончил горный институт. Служил на заводах. Его приметили и как опытного специалиста-организатора пригласили в Петербург. Здесь он дослужился до штатского генерала — вышел в действительные статские советники.

Мы, сестра моя Лиза и я, воспитывались уже в Петербурге, жили на Каменноостровском. Но почти каждое лето ездили в Завод, там у нас был небольшой дом.

Перед Февральской революцией Лиза вышла замуж за обрусевшего шведа. Он был богат. На Карельском перешейке имел довольно крупные лесные угодья. Муж Лизы, его фамилия Дальберг, окончил Петербургский лесной институт, теперь это, вы знаете, Лесотехническая академия. Когда Свен еще ходил в женихах, я, тогда мальчишка, гостил у него в Териоках. В сороковом году Дальберг умер. После финской войны Лиза потеряла свое состояние и переехала в Хельсинки, а оттуда в другую страну. К счастью, родители наши до этого уже не дожили. Отцу и так трудно пришлось — сначала отвечал за свое генеральское звание, а потом за дочь, оказавшуюся за границей... А знаете, какие слова были всю жизнь девизом отца? Из первого устава горного института: «Усердие к услуге отечеству и к пользе оного любовь».

— Умели пращуры одной фразой все сказать,— заметил Ермолин, а про себя повторил слова девиза, чтобы потом, уже дома, записать их на память в специальную тетрадь.

— Умели...

— А как ваша жизнь сложилась, Сергей Аркадьевич?

— Ничего особенного. Семью нашу уплотнили, было в те годы такое понятие. Отец работал как специалист на заводе. Я учился в школе, не закончил, пошел на Путиловский. Потом рабфак, политехнический институт. Но это уже не так интересно. Впрочем, кое-что было... Могу похвастаться, Владимир Николаевич, уважаемый, что я был, наверное, единственным красноармейцем, который, начав войну рядовым, закончил ее полковником. Вот так! — И Сергей Аркадьевич совершенно не-

ожиданно и как-то даже залихватски подмигнул Ермолину: знай, мол, наших!

— Да ну?! — изумился Ермолин.

— Война застала меня в Ленинграде, воинского звания я не имел, поэтому, когда заявился в военкомат записываться в добровольцы, определили меня рядовым необученным. Ну, подучили нас чуток, был такой «Курс молодого бойца», направили в действующую армию. Воевать пришлось мне, правда, всего восемь месяцев, на Калининском фронте. Оттого, должно быть, люблю больше всего из литературы о войне стихотворение Александра Трифоновича «Я убит подо Ржевом». А потом вышел приказ: всех ученых из народного ополчения и вообще из армии отозвать. Что к чему, я тогда не знал, но летом сорок второго года очутился в Москве в распоряжении Московской военной комендатуры.

Осокин заливисто рассмеялся, вспомнив что-то веселое.

— Там такой случай произошел. Мы примерно месяц несли службу в комендантских патрулях. Уголовных элементов вылавливали, мазуриков разных. Так вот, сижу я как-то в комендатуре, отдыхаю и гоняю в шахматы со своим командиром сержантом Войцеховским, до войны он был в Харькове профессором неорганической химии. И вдруг слышим раздраженный голос: «Сержант, ну кто же так ходит?!» А надо сказать, что у Войцеховского была крепкая вторая категория, у меня тоже. Ну, Виктор Андреевич и отвечает с некоторым сарказмом, не поднимая головы: «А как, по-вашему, надо ходить?» «А вот как...» Гляжу, чья-то рука хлоп ладьей Войцеховского, да по самому моему больному месту. Поднял очи: батюшки-светы! Сам военный комендант столицы, знаменитый генерал-пограничник Кузьма Синилов! Мы с ним, должно быть, с час играли...

Ну, а через два дня вызывают меня и еще несколько бойцов из нашей команды к одному из наркомов, ведавших военной промышленностью. Я его и сейчас иногда встречаю. Талантливый человек. Тогда ему немногим за тридцать было. В то время руководителям оборонных предприятий присваивались воинские звания. Вот так и случилось, что вошел я в кабинет наркома рядовым бойцом, а вышел главным специалистом одного военного завода с двумя «шпалами». Через полтора года был уже полковником, папаху получил, ее только-только ввели. Впрочем, я что-то уж очень разговорился, а чай давно остыл.

Невзирая на протесты Ермолина, Осокин ушел на кухню и вскоре вернулся оттуда с горячим чайником и новой порцией пирожков.

Так они и пили чай с пирожками, мирно, в тепле и уюте, можно сказать, безмятежно.

После небольшой паузы, во время которой Ермолин размышлял, как ему потактичнее перейти ко второй половине беседы, Осокин вдруг задал встречный вопрос сам:

— А ведь то, что мы с вами земляки, уважаемый Владимир Николаевич, облегчает вашу задачу в нашем разговоре. Не так ли?

Ермолин засмеялся.

— Откровенно говоря, вы правы, Сергей Аркадьевич.

— Так спрашивайте, не стесняйтесь. Что вас интересует? Почему — не спрашиваю.

— А я отвечу. Вы и ваш институт ведете очень важную разработку. Мы обязаны обеспечить сохранность полученных вами результатов от, скажем мягко, нескромных взглядов.

— А что, нами уже интересуются там? — Осокин заметно оживился и даже подтянул свое кресло ближе к собеседнику.

— Есть некоторые основания полагать, что даже очень интересуются. И нам, чекистам, чтобы выполнить свою задачу наилучшим образом, нужно понять суть того дела, которым занимаетесь вы.

— Понимаю вас...

— Тогда позвольте задать вопрос. Если ваша разработка, допустим, сегодня попадет в чужие руки, это много даст им?

— Нет, не много.

— Как так? — удивился Ермолин.

— Вы ели в детстве гурьевскую кашу?

— И с большим удовольствием.

— Но сами, видимо, не варили?

— Нет, не приходилось.

— Это же так просто. Берется вода, пшено, рис, сахар, изюм, соль, масло. И все варится. Только у одной хозяйки получается объедение, а у другой сладкая размазня. Мы, металлурги, те же кашевары. У одних получается, у других нет.

— Значит?..

— Мы должны получить сплав, обладающий определенными свойствами. Он и сейчас нам нужен, но особенно остро понадобится через несколько лет, когда подойдет рассчитанная на него новая техника, которую создают сейчас наши конструкторы. Не скрою от вас, что для обороны страны нашей все это очень важно. Поэтому в известном смысле наш «орех» можно назвать сплавом будущего. Этот «орех» должен обладать рядом уникальных и труднодоступных свойств. О том, какими должны быть эти свойства, общеизвестно, о них недавно писалось в центральной прессе. Говорится о них даже вон в том пятом томе Детской энциклопедии. Извините, я отвлек вас от темы.

— Наоборот, Сергей Аркадьевич. Исходя из этого, следовательно, можно утвердительно сказать, что на Западе тоже работают над созданием подобных сплавов, не так ли?

— Конечно, и для тех же целей. Но те результаты, которых достигла моя лаборатория, им мало что дадут, хотя мы, как полагаю, их здорово опередили. Они не могут знать главного — хода мыслей моих, следовательно, хода дальнейшего, завершающего этапа исследований. Это как с гурьевской кашей: мало знать компоненты, нужно умение, а это и есть секрет хорошей хозяйки. Я не спешил в своей работе, но сроки экспериментов, исследований, словом, ритм, выдерживал.

— Следовательно...

— Следовательно, через полгода задание будет выполнено. Выполнено именно тогда, когда требуется, а не рапорта победного ради, лишь бы «досрочно», а потом год доделывай. Заводы смогут спокойно, без гонки приступить к качественному налаживанию производственного процесса. Так что главные наши секреты еще впереди.

Ермолин получил ответ на вопрос, волновавший его более всего. Значит, еще не поздно! Однако в последней реплике Осокина что-то насторожило его. Это невысказанное «что-то» следовало немедленно прояснить.

— Простите, Сергей Аркадьевич, но вы сделали определенный акцент на слове «наши». Это случайно?

— Нет, не случайно.

— Как вас понимать?

— Мой заместитель, профессор Корицкий, идя собственным путем, уже нашел свое решение.

Ермолин был неприятно удивлен. Вот те раз!

— Он сделал «орех»?

— В некотором смысле да, сделал.

— Что значит «в некотором смысле»?

— Видите ли... Михаил Семенович — мой ученик, талантливый и честолюбивый человек. Последнее качество в его характере содержится, как бы это выразиться поделикатнее, в количестве, превышающем норму. Отсюда нетерпеливость, стремление завершить работу любой ценой.

— Но все-таки он ее завершил!

— А «орех» получился неполновесным! Вы же знаете, что отличить хороший орех от пустого по внешнему виду нельзя, нужно обязательно расколоть. По счастью для Михаила Семеновича, его творение в настоящие щипцы еще никто не закладывал.

— Чем же плох сплав?

— Он вовсе не плох по идее. Но в дело его пускать в нынешнем виде нельзя.

— Почему?

— Прежде всего тем требованиям, которые были поставлены, он отвечает, можно сказать, только формально, и только сегодня. А если завтра требования практики окажутся более жесткими? Сплав полетит, запаса прочности на будущее у него нет. Есть и другие недостатки, но это уже очень специальные вопросы.

— А можно этот сплав довести до кондиции?

— Можно. Только на это уйдет лет пять. Но тогда он будет попросту никому не нужен. Техника уйдет вперед, и ей потребуются иные материалы. Уйдет чисто теоретически, из этого несуществующего сплава она как раз и должна быть изготовлена. Значит, будет ждать, то есть отставать. А это немыслимо. Вы же понимаете, о какой технике в первую голову идет речь.

Ермолин задумался. Какая-то смутная идея начала вырисовываться. Или этого ему только очень хотелось?

— Скажите, Сергей Аркадьевич, недостатки «ореха» Корицкого, о которых вы мне рассказывали, очевидны?

— В том-то и дело, что нет! — Осокин разволновался.— Я-то знаю, потому что сам в проблему влез по уши, а кое для кого в министерстве разработка Корицкого весьма привлекательна. Ну как же, можно рапортовать, в фанфары дуть! А я старый рутинер и тугодум. Хорошо еще, что министр мне верит и поддерживает.

Последние фразы ученого вселили в Ермолина определенную надежду. Кажется, Осокин, именно он, и никто другой, сам подсказывает ему нужное решение.

— Позвольте, Сергей Аркадьевич, мне для себя уточнить вашу мысль. Корицкий разработал технологию производства сплава, очень нужного нашей технике сегодня и еще, возможно, несколько лет. Кроме того, сплав Корицкого, назовем его так, несмотря на некоторые достоинства, не свободен и сейчас от серьезных недостатков. Иначе говоря, он не имеет перспективы.

— Именно так.

— Обнаружить недостатки сплава Корицкого можно будет только со временем, точнее, они сами обнаружат себя. Сегодня правильный диагноз его «заболевания» могут поставить лишь немногие. У нас в Союзе это вы. А за рубежом?

— Сразу — никто. Даже самым уважаемым моим коллегам на это потребуется время. Они, конечно, быстро схватят идею сплава, она, не скрою, привлекательна. Ею можно увлечься. А увлечение, тем более влюбленность, как вы знаете, проходит только со временем. И то не всегда.

— Таким образом...

— Таким образом,— дрогнувшим голосом быстро проговорил Осокин,— пусть американцы (полагаю, речь идет о них) влюбляются в идею Корицкого, тратят на это время и деньги. Главным образом время. Старая формула «время — деньги» канула в прошлое. Сейчас они сами говорят, что «время — это время». Правильно я понял вас, Владимир Николаевич? — неожиданно закончил вопросом Осокин.

Ермолин вздохнул.

— Правильно, Сергей Аркадьевич...

Осокин встал, потом снова сел, передвинул зачем-то пустую чашку на столике.

— Как это произошло? — глухо спросил он.— И какова в этом роль Михаила Семеновича?

— Вы не обидетесь, Сергей Аркадьевич, если на оба вопроса я вам отвечу позже? Когда и сам буду знать больше. О главном вы все равно догадались...

Осокин только вяло махнул рукой.

Ермолин встал.

— Позвольте откланяться... Не долее чем завтра я, с вашего позволения, навещу вас еще раз. Очень серьезная консультация потребуется. Ну и поговорим обо всем.

— Жду,— коротко ответил Осокин.

Уже в дверях Ермолин сказал:

— Иван Никитович Петров просил передать вам самый сердечный привет и добрые пожелания успехов в важных ваших делах.

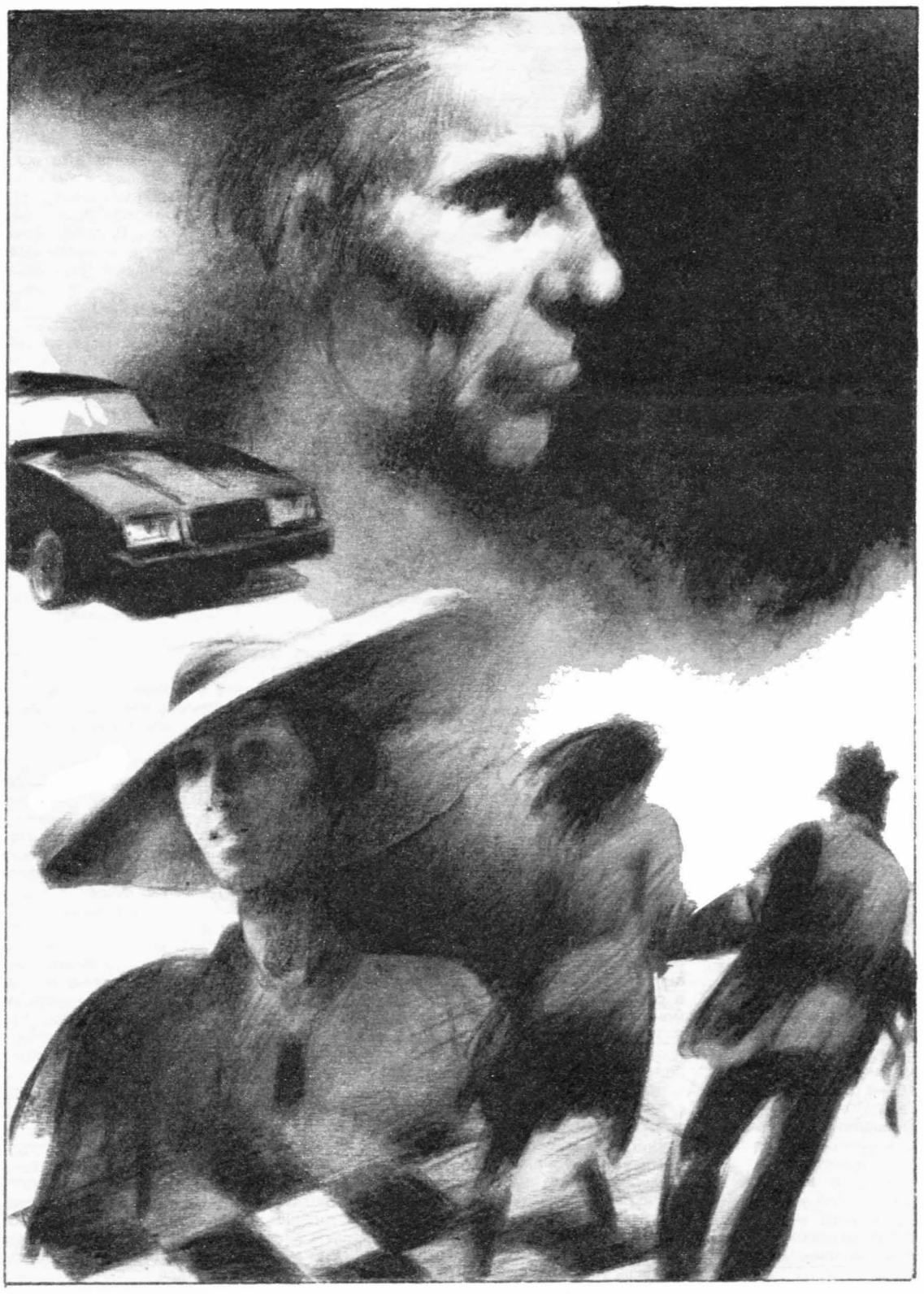
Глаза Осокина по-прежнему оставались серьезными, даже немного печальными.

— Вот и славно... Иван Никитович был моим первым учителем в том, как беречь государственные секреты. Он на пенсии, наверное? Большой, большой ему привет и за все искреннее спасибо...

Через три дня, в четверг, в семь часов десять минут вечера, Михаил Семенович Корицкий подходил со стороны Метростроевской улицы к Провиантским складам. В руке он держал завернутый в газету сверток. Еще издали Корицкий разглядел на углу фигуру человека в демисезонном пальто, тоже с газетным свертком в левой руке.

Конец.

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА



РЫ

Рэймонд ЧАНДЛЕР

1.

В ту ночь из пустыни задул ветер. Это была сухая горячая «Санта Ана», которая врывается через перевалы в горах и от которой волосы начинают курчавиться, нервы — сдавать, а кожа — чесаться. В такие вечера каждая попойка кончается дракой. Смирные домохозяйки пробуют лезвия кухонных ножей и изучают шеи своих супругов. Случиться может все что угодно. В баре вам даже могут налить полный стакан пива.

Я как раз потягивал из такого стакана в уютном новом местечке напротив своего дома. Оно уже неделю как открылось, но дела не шли никак. Парнишке за стойкой было лет двадцать, и было похоже, что сам он в жизни не брал в рот спиртного.

В баре был, кроме меня, только один посетитель — пьянчуга, сидевший на круглом табурете спиной к двери. Перед ним на стойке лежал аккуратный столбик монет по десять центов, всего доллара на два. Он пил хлебный виски маленькими стаканчиками, не разбавляя, и пребывал в своем собственном мире.

Я сел немного подальше у стойки, получил свой стакан пива и сказал:

— Наливаешь по-честному, приятель. Ничего не скажешь.

— Мы только что открылись,— отвечал парнишка.— Набираем клиентуру. Вы у нас не первый раз, мистер?

— Ага.

— Живете поблизости?

— Напротив, в меблированных квартирах «Берглунд»,— сообщил я.— Зовут меня Филип Марлоу.

— Спасибо, мистер. А меня — Лю Петролле.— Он перегнулся ко мне через темную полированную стойку.— Знаете этого парня?

— Нет.

— Ему вроде бы домой пора. Надо бы вызвать такси и отправить его. Он уже выпил норму будущей недели.

— Вечер паршивый,— заметил я.— Оставь его в покое.

— Ему это вредно,— сказал парнишка, нахмурившись.

— Виски! — крикнул пьяница, не подымая глаз. Стучать по стойке он не стал, чтобы не упали его монеты, но зато щелкнул пальцами.

Парнишка взглянул на меня, пожимая плечами.

— Дать ему?

— В чей желудок оно попадет? Не в мой же.

Парнишка налил ему еще порцию неразбавленного, но, по-моему, все-таки плеснул туда воды, потому что вид у него был такой виноватый, словно он лягнул собственную бабушку. Пьянице было все равно. Он снял со столбика несколько монет с тщательностью хирурга, оперирующего опухоль мозга.

Парнишка подлил мне еще пива. Снаружи завывал ветер. Время от времени его порывы приоткрывали на несколько дюймов дверь с цветным стеклом. Это была тяжелая дверь.

Парнишка сказал:

— Во-первых, не люблю пьяных, во-вторых, не люблю, когда они напиваются здесь, а в-третьих, не люблю их во-первых.

— Фирма «Братья Уорнер» это могла бы в фильм вставить.

— Они уже вставили.

Тут появился еще один клиент. Сначала снаружи завизжали тормоза, потом распахнулась дверь. Вошел человек, который, казалось, слегка торопился. Он придержал дверь и быстро обшарил бар невыразительными блестящими темными глазами. Он был хорошо сложен, смугл, недурен собой, если вам нравятся узкие лица с плотно сжатыми губами. Одет он был в темное, из нагрудного кармана кокетливо выглядывал белый платок, и казался спокойным, но в то же время как бы и напряженным. Я решил, что это от горячего ветра. Я сам себя так чувствовал, и спокойствия во мне было не так уж много.

Он взглянул на спину пьяницы. Тот играл своими пустыми стаканчиками в шашки. Новый посетитель посмотрел на меня, потом на столики в открытых

ЖИЙ ВЕТЕР

ПОВЕСТЬ

кабинках напротив. Все они были пусты. Он прошел мимо пьяницы, который раскачивался и бубнил что-то себе под нос, и обратился к парнишке:

— Не видел здесь леди, приятель? Высокая, красивая, темные волосы, в платье из синего шелкового крепа, сверху жакет набивной ткани типа «фигаро». Соломенная шляпа с широкими полями и бархатной лентой.— У него был натужный голос, который мне не понравился.

— Нет, сэр. Никто такой сюда не заходил,— сказал парнишка.

— Спасибо. Неразбавленный виски. И быстренько, ладно?

Парнишка налил ему, человек заплатил, опрокинул виски одним глотком и пошел к выходу. Сделав три-четыре шага, он остановился, оказавшись лицом к лицу с пьяницей. Пьяница ухмылялся. Он извлек откуда-то пистолет так быстро, что тот мелькнул смазанным пятном. Держал он его крепко и казался таким же пьяным, как я. Высокий смуглый парень стоял не шевелясь, потом голова у него отдернулась чуть назад, и он снова замер.

По улице промчалась машина. Пистолет у пьяницы был автоматический, прицельный, двадцать второго калибра. Он жестко хлопнул пару раз, и из дула показался дымок — совсем маленькое колечко.

— Пока, Уолдо,— сказал пьяница.

Потом он перевел пистолет на бармена и меня.

Смуглый парень падал целую неделю. Он зашатался, обхватил себя рукой, взмахнул другой, снова зашатался. С него упала шляпа, а потом он свалился лицом на пол. Свалившись, он застыл так, словно был отлит из бетона.

Пьяница соскользнул с табурета, смахнул свои монетки в карман и скользнул к двери. Он повернулся боком, держа нас на прицеле. У меня оружия не было. Не думал, что оно понадобится, чтобы выпить стакан пива. Парнишка за стойкой не пошевелился и не издал ни малейшего звука.

Пьяница осторожно толкнул дверь плечом, не спуская с нас глаз, потом распахнул ее спиной. Ворвался порыв ветра и приподнял волосы лежавшего на полу человека. Пьяница сказал:

— Бедный Уолдо. Пустил я ему кровь из носу.

Дверь захлопнулась. Я кинулся к ней — по старой привычке делать то, чего не надо. Снаружи взревел мотор, и когда я очутился на тротуаре, красное расплывчатое пятно хвостового фонаря уже мелькало почти за углом. Мне так же удалось записать номер машины, как нажить свой первый миллион.

По кварталу, как обычно, сновали туда-сюда люди и машины. Все вели себя так, словно не слышали никаких выстрелов. Даже если кто и слышал, за шумом ветра быстрый хлопок пистолета мог показаться стуком двери. Я вернулся в бар.

Парнишка до сих пор не шевельнулся. Он так и стоял, выложив руки на стойку, слегка нагнувшись вперед и глядя вниз, на спину смуглого человека. Смуглый человек тоже не двигался. Я наклонился и пощупал его шейную артерию. Больше ему не двигаться никогда.

Лицо парнишки имело такое же выражение, что и порция круглого бифштекса, да и цвета было примерно такого же. Взгляд у него был скорее рассерженный, чем потрясенный.

Я закурил сигарету, пустил дым в потолок и коротко бросил:

— Иди звони.

— Может, он еще живой,— сказал парнишка.

— Из двадцать второго калибра ошибок не бывает. Где телефон?

— У меня нет. И без него расходов по горло. Эх, погорели мои восемьсот долларов!

— Ты владелец бара?

— Был, пока это не случилось.

Он стянул с себя белую куртку и передник и вышел из-за стойки.

— Запираю дверь,— сказал он, доставая ключи.

Он пошел на улицу, плотно прикрыл дверь и повозился снаружи с замком, пока он не щелкнул. Я нагнулся и перевернул Уолдо. Сперва я даже не разглядел, куда вошли пули. Потом увидел. Пара крошечных дырочек в пиджаке, повыше сердца. Крови на рубашке было немного.

Этот пьяница многого стоил — как убийца.

Ребята в патрульной машине явились через восемь минут. Парнишка, Лю Петролле, к тому времени был снова за стойкой. На нем опять была белая куртка, он считал деньги в кассе, рассовывал их по карманам и делал пометки в записной книжечке.

Я сидел на перилах кабинки, курил сигареты и смотрел, как лицо Уолдо все больше и больше мертвело. Я думал о том, кто такая девушка в набивном жакете, почему Уолдо не выключил мотор своей машины, почему он торопился, и ждал ли пьяница его здесь или случайно оказался на месте.

Ребята из патруля вошли, обливаясь потом. Они были обычного крупного размера, у одного из них под фуражку был засунут цветок, а сама фуражка сидела слегка набекрень. Увидев мертвеца, он вынул цветок и наклонился пощупать пульс Уолдо.

— Мертвый вроде,— сказал он и еще немного перевернул его.— Ага, вижу входные отверстия. Славная, чистая работенка. Вы оба видели, как это было?

Я сказал «да». Парнишка за стойкой ничего не сказал. Я рассказал им, как было дело и что убийца как будто уехал в машине Уолдо.

Полицейский извлек бумажник Уолдо, быстро его просмотрел и свистнул.

— Полно денег и нет водительских прав.— Он отложил бумажник в сторону.— О'кей, значит, мы его не трогали, понятно? Просто хотели узнать, была ли у него машина, и сообщить по радио.

— Черта с два вы его не трогали,— сказал Лю Петролле.

Полисмен подарил его тем еще взглядом.

— О'кей, приятель,— мягко произнес он.— Мы его трогали.

Парень взял чистый стакан для коктейля и принялся его протирать. Он протирал его все остальное время до нашего ухода.

Через минуту послышалась сирена спецмашины отдела по расследованию убийств, у входа взвизгнули тормоза, и вошли четверо — двое полицейских в штатском, фотограф и сотрудник лаборатории. Этих в штатском я не знал. Можно долго заниматься сыскным делом и так и не познакомиться со всеми детективами, работающими в большом городе.

Один из них был невысокий, спокойный, смуглый, улыбающийся человек, с черными вьющимися волосами и мягкими умными глазами. Второй — крупный, широкий в кости, с тяжелой челюстью, носом в прожилках и стеклянными глазами. Похоже было, что он любит выпить. Вид у него был свирепый, но, казалось, считал он себя немножко покруче, чем был на самом деле. Он загнал меня в крайнюю кабинку у стены, его напарник вызвал парнишку из-за стойки, а патрульные ушли. Специалист по отпечаткам пальцев и фотограф принялись за работу.

Приехал полицейский врач и пробыл столько времени, сколько ему понадобилось, чтобы рассердиться, что нет телефона для вызова машины из морга.

Невысокий сыщик вынул все из карманов Уолдо, потом из бумажника и сложил на большой носовой платок на столике в кабинке. Я увидел много денег, ключи, сигареты, еще один платок и почти ничего больше.

Большой сыщик пихнул меня обратно в кабинку.

— Выкладывай,— сказал он.— Я лейтенант Коперник.

Я положил перед ним свой бумажник. Он взглянул на него, перебрал содержимое, бросил обратно, сделал пометку в книжечке.

— Филип Марлоу, так? Частный сыщик. Были здесь по делу?

— Мое дело было выпить.— ответил я.— Живу прямо напротив, в «Берглунде».

— Парнишку этого знаете?

— Был здесь один раз с тех пор, как он открылся.

— Ничего в нем такого не заметили?

— Нет.

— Молодой парень, а слишком легко ко всему отнесся, верно? Можете не отвечать. Рассказывайте по делу.

Я рассказал — три раза подряд. Один раз, чтобы он усвоил в общих чертах, другой — чтобы он усвоил детали, и третий — чтобы он проверил, не слишком ли гладко у меня все получается. В конце он заметил:

— Интересует меня эта дамочка. И убийца назвал этого парня — Уолдо, но вроде не мог ожидать, что он здесь появится. То есть, если Уолдо не был уверен, что здесь будет дамочка, то никто не мог ожидать, что и сам Уолдо здесь будет.

— Глубокая мысль,— сказал я.

Он присмотрелся ко мне. Я не улыбался.

— Похоже на убийство из ненависти, так? Похоже, что заранее не задумано. Удрал чисто случайно. У нас в городе машины открытыми не часто оставляют. И убийца работает при двух хороших свидетелях. Не нравится мне это.

— Мне не нравится быть свидетелем,— сказал я.— Платят мало.

Он ухмыльнулся. Зубы у него были какие-то веснушчатые.

— Убийца на самом деле был пьяный?

— И чтобы так стрелял? Нет.

— Вот и по-моему тоже. Что ж, дело несложное. Этот парень наверняка где-то числится, а отпечатков он оставил полно. Если даже у нас здесь нет его фотографии, через несколько часов будем иметь все сведения. У него против Уолдо что-то было, но сегодня вечером встречаться они не собирались. Уолдо просто заскочил спросить про дамочку, с которой у него было назначено свидание, но они разминулись. Ветер жаркий, от этого ветра у девушки весь грим на лице мог испортиться. Наверно, зашла куда-нибудь подождать его. Вот убийца и всаживает Уолдо парочку пуль куда надо, смывается, а на вас, ребята, ему плевать. Все просто.

— Угу,— сказал я.

— Так просто, что ни к черту не годится,— сказал Коперник.

Он снял свою фетровую шляпу, взъерошил жидкие светлые волосы и подпер руками подбородок. У него было длинное и неприятное лошадиное лицо. Он вынул платок, промокнул это лицо, потом затылок и руки. Достал гребенку и причесался — отчего стал выглядеть хуже,— затем снова надел шляпу.

— Я вот думаю,— заметил я.

— Да? Чего?

— Этот Уолдо точно знал, как была одета девушка. Значит, он ее уже видел вечером.

— Ну и что? Может, ему в сортир понадобилось. Вышел — а ее уже нет. Может, она насчет него передумала.

— Это верно,— сказал я.

Но думал я совсем не про то. Я думал, что Уолдо описал одежду девушки так, как не сумеет обычный мужчина. Жакет типа «фигаро» из набивной ткани поверх синего платья из шелкового крепа. Я не знал даже, что такое жакет типа «фигаро». И я мог бы сказать — синее платье или даже — синее шелковое платье, но никогда — синее платье из шелкового крепа.

Немного погодя приехали двое с большой корзиной. Лю Петролле все еще протирал свой стакан и беседовал с невысоким смуглым сыщиком.

Все мы поехали в полицию.

Лю Петролле после проверки оказался в порядке. У его отца была виноградная ферма возле Антиоха в округе Контра Коста. Он дал Лю тысячу долларов на собственное дело, и на восемьсот Лю открыл этот бар, с неоновой вывеской, все, как полагается.

Его отпустили и велели не открывать бар, пока не решат, что все отпечатки пальцев уже взяты. Он пожал руки всем подряд, улыбнулся и сообщил, что, может, это убийство еще пойдет на пользу его бизнесу, потому что никто не верит газетам, и люди будут приходить послушать его рассказ, а заодно заказывать выпивку.

— Уж этот-то в жизни не станет беспокоиться,— заметил Коперник, когда он ушел.— За других, конечно.

— Бедный Уолдо,— откликнулся я.— Отпечатки получились?

— Немножко размазаны,— кисло сообщил Коперник.— Но все равно разберемся и сегодня же отправим их телетайпом в Вашингтон. Если не сработает, посидишь денек у нас внизу, пороешься в фотографиях.

Я пожал руку ему и его напарнику, которого звали Ибарра, и ушел. Они пока не знали, кто такой Уолдо. Вещи из его карманов ни о чем не говорили.

2.

Около девяти вечера я снова очутился на своей улице. Прежде чем войти в «Берглунд», я поглядел направо и налево. Бар был подальше на другой стороне, в окнах темно, к стеклам был прижат с улицы один-другой нос, но настоящей толпы не было. Люди видели полицию и машину из морга, но не знали, что случилось. Кроме ребят, которые в аптеке на углу играют в автоматах. Эти знают все, кроме того, как удержаться на работе.

По-прежнему дул ветер, горячий, как из духовки, швыряя об стены пыль и рваную бумагу.

Я вошел в вестибюль своего дома и поднялся на лифте на четвертый этаж. Когда я вышел, то увидел высокую девушку, ожидающую лифт.

У нее были волнистые каштановые волосы, спрятанные под соломенной шляпой с широкими полями и бархатной лентой. У нее были широко распахнутые синие глаза и ресницы, которые чуть-чуть не доходили до подбородка. На ней было синее платье — вполне возможно, что из шелкового крепа — простого покроя, но все изгибы оно облегало как надо. Сверху была надета штука, которая вполне могла сойти за жакет типа «фигаро» из набивной ткани.

Я спросил:

— Это жакет «фигаро»?

Она скользнула по мне взглядом и сделала движение, словно отодвигала с дороги паутину.

— Да. Извините... Я очень спешу. Позвольте...

Я не двинулся, загораживая собой дверь лифта. Мы уставились друг на друга, и очень медленно она начала краснеть.

— Лучше в этом туалете на улицу не выходить,— сообщил я.

— Что такое, как вы смеете...

Лифт лязгнул и пошел вниз. Я не знал, что она собирается сказать. В голосе у нее не было нахальной гнусавости, как у вертихвосток из пивных баров. Он звучал мягко и тихо, словно весенний дождь.

— Я к вам не пристаю,— сказал я.— Вы попали в неприятность. Если они едут на лифте на этот этаж, вы еще успеете убежать по коридору. Только сперва снимите шляпу и жакет — да побыстрее!

Она не шевельнулась. Под не таким уж толстым слоем грима лицо ее слегка побелело.

— Полиция,— объяснил я,— ищет вас по этой одежде. Дайте мне возможность, и я объясню, почему.

Она быстро обернулась и посмотрела назад. Когда она попробовала обмануть меня еще раз, я не обиделся — с ее внешностью можно было себе это позволить.

— Вы нахал, кто бы вы ни были. Я мисс Лерой из тридцать первой квартиры, и уверяю вас...

— Тогда вы не на своем этаже,— сказал я.— Это четвертый.

Лифт внизу остановился. Донесся звук распахивающихся дверей.

— Пошли! — бросил я.— Живо!

Она быстро сдернула шляпу и выскользнула из жакета «фигаро». Я схватил их под мышку. Взял ее под руку, развернул, и мы пустились по коридору.

— Я живу в сорок второй. Прямо напротив вас, только этажом выше. Выбирайте. Повторяю — я к вам не пристаю.

Она пригладила волосы быстрым движением, словно птичка. Десять тысяч лет практики стоит за этим жестом.

— Ко мне,— сказала она, подхватила сумку под мышку и почти побежала по коридору. Лифт остановился этажом ниже. Когда он остановился, остановилась и она. Обернулась ко мне.

— Лестница сзади, за шахтой лифта,— мягко сказал я.

— Я здесь не живу,— произнесла она.

— Я так и думал.

— Они меня ищут?

— Да, но переворачивать квартал камень за камнем они начнут только завтра. И то, если не узнают ничего про Уолдо.

Она уставилась на меня.

— Уолдо?

— Ах, вы не знакомы с Уолдо,— сказал я.

Она медленно покачала головой. Лифт снова пошел вниз. В ее синих глазах, словно рябь на воде, мелькнул ужас.

— Нет,— еле выдохнула она,— но уведите меня из этого коридора.

Мы стояли почти возле моей двери. Я сунул ключ в замок, покопался в нем и распахнул дверь внутрь. Дотянулся до выключателя и зажег свет. Она скользнула мимо меня, словно волна. В воздухе поплыл очень слабый аромат сандалового дерева.

Я захлопнул дверь, бросил свою шляпу в кресло, а она подошла к карточному столику, на котором я расставил шахматную задачу, до сих пор не решенную. Теперь, в квартире, за запертой дверью, страх ее покинул.

— Значит, вы играете в шахматы,— сказала она настороженно, словно специально пришла посмотреть, как я живу. Хотел бы я, чтобы это было так.

Оба мы застыли, прислушиваясь к звуку хлопнувшей двери лифта и шагам, направившимся в другую сторону.

Я усмехнулся, но не весело, а напряженно, пошел в кухоньку, стал возиться со стаканами и тут обнаружил, что держу под мышкой ее шляпу и жакет. Я вошел в гардеробную рядом с выдвижной кроватью и сунул вещи в ящик шкафа, потом вернулся в кухню, извлек хороший шотландский виски и смешал пару коктейлей.

Когда я вернулся со стаканами, в руке у нее был револьвер. Небольшой, автоматический, с перламутровой рукояткой. Он подпрыгнул мне навстречу, и во взгляде ее был панический страх.

Я остановился — в каждой руке по стакану — и сказал:

— Может, и вы сошли с ума от этого горячего ветра. Я частный сыщик. Могу доказать, если вы позволите.

Она слегка кивнула, и лицо у нее было белое. Я медленно приблизился, поставил стакан с ней рядом, отошел, поставил свой и достал визитную карточку с целыми уголками. Она сидела, разглаживая одно колено левой рукой и держа револьвер на другом. Я положил карточку возле ее коктейля и сел, прихлебывая свой.

— Никогда не позволяйте подходить к вам так близко,— сказал я.— Если настроены серьезно. И у вас предохранитель не снят.

Ее глаза метнулись вниз, она вздрогнула и убрала револьвер обратно в сумку. Отпила полстакана одним духом, с силой поставила его и взяла карточку.

— Я не многих угощаю этим виски,— заметил я.— Не могу себе этого позволить.

Губы ее искривились.

— Вам, вероятно, требуются деньги.

— Чего-чего?

Она не ответила. Рука ее снова подползла к сумке.

— Не забудьте предохранитель,— напомнил я.— Рука застыла. Я продолжал: — Парень, которого я назвал Уолдо, довольно высокий, скажем, под метр восемьдесят, худой, смуглый, глаза карие, с сильным блеском. Нос и рот слишком узкие. Темный костюм, в нагрудном кармане — белый платочек. Напоминает вам кого-нибудь?

Она снова взяла стакан.

— Так вот кто такой Уолдо,— сказала она.— Ну и что с ним такое? — В голосе у нее появился намек на опьянение.

— Да забавная штука. Здесь у нас напротив бар... Слушайте, а где вы были весь вечер?

— Большую часть времени,— сообщила она холодно,— сидела в своей машине.

— И не заметили на той стороне никакой суматохи?

Глазами она пыталась сказать «нет» и не сумела. Губами сказала:

— Я поняла, что что-то произошло. Видела полицию и красные мигалки. Подумала, что с кем-то несчастье.

— Вот именно. А перед тем этот Уолдо вас искал. В баре. Описал вас и как вы одеты.

Глаза у нее сделались как заклепки, и выражение было такое же. Губы начали дрожать и не могли уняться.

— Я был в баре,— объяснил я,— болтал с хозяином, молодым парнишкой. Никого не было, кроме пьяного на табуретке, парнишки и меня. Пьяный ни на что не реагировал. Потом вошел Уолдо, спросил про вас, а мы сказали, нет, мы вас не видели, и он собрался уходить.

Я пригубил выпивку. Люблю драматические эффекты. Она впилась в меня глазами.

— Собрался уходить. Тут этот пьяный, который ни на что не реагировал, назвал его по имени и достал пистолет. Он выстрелил в него дважды...— я прищелкнул пальцами. — ... вот так. Наповал.

Она меня перехитрила. Засмеялась мне в лицо.

— Значит, мой муж нанял вас за мной шпионить,— сказала она.— Могла бы догадаться, что все это чепуха. Вы с вашим Уолдо.

Я смотрел на нее, разинув рот.

— Никогда бы не подумала, что он ревнует,— бросила она.— И не к нашему же бывшему шоферу. К Стэну немного, что ж, это естественно. Но к Джозефу Котсу...

Я проделал несколько движений в воздухе.

— Леди, кто-то из нас открыл эту книжку не на той странице,— буркнул я.— Не знаю никакого Стэна или Джозефа Котса. Ей-богу, не знал даже, что у вас есть шофер. У нас по соседству они не водятся. Что касается мужей, эти иногда попадаются. Не слишком часто.

Она медленно покачала головой, и рука ее оставалась близ сумки, а в синих глазах блестели огоньки.

— Плохо сыграли, мистер Марлоу. Совсем неубедительно. Знаю я вас, частных сыщиков. Все вы гнусные люди. Вы заманили меня обманом к себе в квартиру, если это ваша квартира. Вернее всего, это квартира какого-нибудь мерзавца, который за несколько долларов поклянется в чем угодно. Теперь вы пытаетесь меня запугать. Чтобы шантажировать меня, получая в то же время деньги от моего мужа. Хорошо,— закончила она почти задыхаясь,— сколько я должна заплатить?

Я отставил пустой стакан и откинулся в кресле.

— Простите, если я закурю? — спросил я.— Нервишки не выдерживают.

Я закурил, а она наблюдала за мной, и страха в ней было недостаточно, чтобы за ним скрывалась какая-нибудь серьезная провинность.

— Значит, его зовут Джозеф Котс,— сказал я.— Парень, который убил его в баре, назвал его Уолдо.

Она улыбнулась с некоторым омерзением, но почти терпимо.

— Не тяните. Сколько?

— Зачем вы пытались встретиться с этим Джозефом Котсом?

— Разумеется, я собиралась выкупить одну вещь, которую он у меня украл. Это вещь ценная. Почти пятнадцать тысяч долларов. Мне подарил ее человек, которого я любила. Он умер. Вот! Погиб в горящем самолете. А теперь идите доложите это моему мужу, грязная тощая крыса!

— Я не тощая и не крыса,— заметил я.

— Все равно грязная. И не трудитесь сообщать моему мужу. Я скажу ему сама. Впрочем, он, наверное, и так знает.

Я усмехнулся.

— Ловко. Так для чего же меня наняли?

Она схватила стакан и допила остатки.

— Значит, он думает, что я встречаюсь с Джозефом. Что ж, может и так. Но не для любви же. Не с шофером же. Не с подонком, которого я подобрала на улице и дала ему работу. Если мне захочется поразвлечься, мне не придется копать так глубоко.

— Вот это верно, леди,— подтвердил я.

— А теперь я ухожу,— заявила она.— Попробуйте только меня остановить.— Она выхватила из сумки револьвер с перламутровой рукояткой. Я не шелохнулся.

— Ах вы, мерзкое ничтожество! — набросилась на меня она.— Откуда я вообще знаю, что вы частный сыщик? Может быть, вы жулик. Эта ваша карточка ничего не значит. Такие кто угодно может заказать.

— Конечно,— согласился я.— И, наверное, я до того хитрый, что прожил здесь целых два года, дожидаясь, пока вы появитесь и я смогу вас шантажировать из-за того, что вы не встретились с человеком по имени Джозеф Котс, которого пристукнули сегодня напротив под именем Уолдо. У вас есть деньги на выкуп этой вещи, которая стоит пятнадцать кусков?

— Ага! Вы, значит, собираетесь меня ограбить!

— Ага! — передразнил я ее.— Теперь, значит, я специалист по грабежам? Леди, да спрячьте вы, пожалуйста, свой револьвер или уж снимите предохранитель. Мои профессиональные чувства страдают, когда я вижу, как издеваются над добротным оружием.

— До чего же вы мне отвратительны,— сообщила она.— Убирайтесь с дороги.

Я не шевельнулся. Не шевельнулась и она. Оба мы сидели — и даже не близко друг к другу.

— Прежде чем уйти, посвятите меня в одну тайну,— попросил я.— Какого черта вы сняли квартиру внизу? Только для того, чтобы встретиться с кем-то на улице?

— Не говорите глупостей,— отрезала она.— Я не снимала здесь квартиры. Я солгала. Это его квартира.

— Джозефа Котса?

Она резко кивнула.

— По моему описанию похож Уолдо на Джозефа Котса?

Снова резкий кивок.

— Ладно. Наконец хоть один факт установили. Вы что, не понимаете, что Уолдо, перед тем как его застрелили, и пока он вас искал, описал вашу одежду, что это описание было передано в полицию, что полиция не знает, кто такой Уолдо, и ищет женщину в этой одежде, чтобы она им все рассказала? Неужели это так трудно сообразить?

Револьвер у нее в руке внезапно затрясся. Она посмотрела на него каким-то отсутствующим взглядом и медленно убрала в сумку.

— Я дура,— прошептала она,— что вообще с вами разговариваю.— Она долго не сводила с меня глаз, потом глубоко втянула в себя воздух.— Он сказал мне свой адрес. Казалось, совсем не боялся. Наверно, все шантажисты такие. Он должен был встретить меня на улице, но я опоздала. Когда я приехала, кругом было полно полицейских. Тогда я вернулась к машине и посидела в ней немного. Потом поднялась и постучала в квартиру Джозефа. Потом опять пошла ждать в машину. Я поднималась сюда целых

три раза. Последний раз я пошла на четвертый этаж, чтобы вызвать оттуда лифт. На третьем меня уже два раза видели. И встретила вас. Это все.

— Вы что-то сказали насчет мужа. Где он?

— На совещании.

— Ах, на совещании.— язвительно заметил я.

— Мой муж занимает крупный пост. У него много совещаний. Он гидроинженер. Ездит по всему миру. Он...

— Не тратьте сил. Как-нибудь приглашу его пообедать, и он мне сам расскажет. То, что имелось на вас у Джозефа, теперь мертвый груз. Как Джозеф.

— Он правда умер? — прошептала она.— Правда?

— Он умер,— сказал я.— Умер, умер, умер. Леди, он умер.

Наконец-то она в это поверила. Почему-то я думал, что этого так и не случится. В тишине у меня на этаже остановился лифт.

Я услышал шаги по коридору. У всех у нас бывают предчувствия. Я приложил палец к губам. Она перестала двигаться. Лицо у нее застыло. Большие синие глаза стали темными, как тени под ними. Горячий ветер бился в закрытые окна. Когда дует «Санта Ана», их приходится закрывать даже при жаре.

Шаги в коридоре звучали, как обычные спокойные шаги одного человека. Но остановились они у моей двери, и кто-то постучал.

Я показал на гардеробную за выдвижной кроватью. Она без звука встала, прижимая сумку к боку. Я снова показал на ее стакан. Она быстро забрала его, скользнула по ковру в дверь и тихо прикрыла ее за собой.

Я так и не понимал, зачем я ввязался во все эти неприятности.

Стук раздался снова. Руки у меня были влажные. Я заскрипел стулом, встал и громко зевнул. Потом я пошел и открыл дверь — без револьвера. Это было ошибкой.

Перевела с английского М. ШАТЕРНИКОВА.

Продолжение следует.

Рэймонд Чандлер, один из основоположников современного детективного американского романа, родился 23 июля 1888 года в Чикаго.

В 1933 году в знаменитом журнале «Черная маска» вышел первый рассказ тогда еще неизвестного автора Рэймонда Чандлера.

За четверть века вышло семь романов Рэймонда Чандлера: «Длинный сон» (1939), «Прощай, моя прелесть» (1940), «Высокое окно» (1942), «Женщина в озере» (1943), «Младшая сестренка» (1949), «Долгое прощание» (1953), «Плей-бэк» (1958).

Естественно, американский кинематограф не мог пройти мимо такого блестящего разработчика интриги и сюжета, как Чандлер. В 1943 году голливудская студия «Парамаунт» приглашает его на работу в качестве сценариста. Перу Чандлера принадлежат такие сценарии, как «Двойная страховка» (1944), фильм поставил режиссер Билли Уайдер, «Незнакомцы в поезде» (1950), картину по этому сценарию снимал Альфред Хичкок. В конечном итоге были экранизированы все семь романов Чандлера, причем главного героя чандлеровской прозы, частного сыщика Филипа Марлоу, играл бессмертный Хамфри Богарт.

В 1959 году Чандлера не стало, но его произведения продолжают жить. Они переиздаются для все новых и новых поколений читателей.

Что же привлекает читателей? Может быть, динамичный, острый, насыщенный событиями сюжет? Безусловно. А может, удивительное стилистическое своеобразие чандлеровской прозы, которое, как признают многие критики, в значительной степени повлияло на развитие всей современной американской прозы и, в частности, на стиль Хемингуэя? Но не это главное.

Рэймонд Чандлер был глубоким психологом. Он создал новый американский детектив, порвав с английской традицией, хотя бы потому, что сорвал с преступного деяния всякий налет романтичности.

Расследование преступления у Чандлера — это не привычная игра сыщиков и воров. Все против Филипа Марлоу, частного детектива,— и клиенты, и полиция, и преступный мир. В схватке с ними Марлоу всегда побеждает, но в награду ему достаются только знание истины и... неприятности. «Моя профессия — неприятности»,— так сам Марлоу говорит о своем ремесле.

«Правосудие может победить, если ему поможет человек, готовый получить по морде рукоятью нагана»,— писал Чандлер. Опытный, суровый, в чем-то даже циничный, но одновременно нежный и ранимый, частный детектив Филип Марлоу — именно такой человек.

Таким он и предстает в одной из лучших повестей Рэймонда Чандлера «Рыжий ветер».

РЫЖИЙ ВЕТЕР

Рэймонд ЧАНДЛЕР

ПОВЕСТЬ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

3

Сперва я его не узнал. Может быть, по причине, прямо противоположной той, по какой его не узнал и Уолдо. Когда он сидел за стойкой бара, то все время был в шляпе, а теперь нет. Там, где должны были, по идее, быть волосы, блестела белая лысина. Он выглядел не просто на двадцать лет старше. Это был другой человек.

Но пистолет у него в руке мне был знаком — прицельный, автоматический, двадцать второго калибра. И глаза я узнал. Яркие, настороженные, пустые глаза, как у ящерицы.

Он был один. Поднес пистолет мне к лицу и сказал сквозь зубы:

— Да, я. Зайдем-ка.

Я попятился, насколько было нужно, и остановился. Настолько, чтобы он мог закрыть дверь без лишних движений. По его глазам я видел, что ему это и требуется.

Я не испугался. Меня парализовало.

Прикрыв дверь, он заставил меня медленно отступить еще немного, пока я не уперся во что-то ногами. Он смотрел мне прямо в глаза.

— Это карточный столик,— сообщил он.— Какой-то дурень здесь в шахматы играет. Ты?

Я проглотил слюну.

— Я не играю. Так, забавляюсь.

— Для игры нужны двое,— заявил он голосом хриплым и сдавленным, словно когда-то при допросе третьей степени какой-то полицейский дал ему дубинкой по горлу.

— Это не игра,— объяснил я.— Задача. Смотри, как стоят фигуры.

— Я в этом не разбираюсь.

— В общем, я один,— сказал я, и голос дрогнул ровно настолько, насколько нужно.

— Какая разница,— откликнулся он.— Мне все равно кранты. Кто-нибудь стукнет на меня завтра, на той неделе, один черт. Мне просто твоя фотокарточка не понравилась, приятель. И этот смазливый педик в белой курточке, в баре. Я таких, как вы, в гробу видал.

Я не ответил и не шевельнулся. Дуло легко, почти ласково, царапнуло меня по щеке. Он улыбнулся.

— Да и для дела пригодится,— сообщил он.— На всякий случай. Я птица стреляная, хороших отпечатков не оставляю, против меня только и есть, что два свидетеля. Ну их к чертовой матери.

— Что тебе сделал Уолдо? — Я попытался, чтобы это прозвучало так, словно мне и вправду хотелось это узнать; на самом деле я хотел не так сильно трястись.

— Раскололся насчет налета на банк в Мичигане и посадил меня на четыре года. А с него за это сняли обвинение. Четыре года в Мичигане — не курорт. В этих штатах, где дают пожизненное, любят, чтобы слушались.

— Откуда ты знал, что он здесь? — проскрипел я.

— Я не знал. То есть вообще-то я его искал. Больно хотелось повидаться. Накануне вечером наткнулся на него на улице, но он смылся. Тут я и стал его искать. Он хитрый, Уолдо. Как он там?

— Умер,— сказал я.

— Гожусь еще,— хмыкнул он.— Пьяный ли, трезвый ли. Что ж, мне это теперь без разницы. Опознали они меня уже?

Я не торопился с ответом. Он ткнул пистолетом мне в горло, я задохнулся и едва инстинктивно не ухватился за пистолет.

— Ну-ну,— мягко предупредил он меня.— Без этого. Не такой же ты дурак.

Я опустил руки по швам, повернув их к нему раскрытыми ладонями. Знал, что так надо. Он так и не коснулся меня — только пистолетом. Ему как будто было все равно, есть ли у меня тоже оружие. Это значило, что он решился.

Видимо, ему вообще на все было наплевать, раз он снова появился в этом квартале. Может быть, так на него подействовал горячий ветер, который бился в мое закрытое окно, как прибой о пирс.

— У них есть твои отпечатки пальцев,— сказал я.— Не знаю, насколько четкие.

— Они сойдут, но не для передачи по телетайпу. Чтобы их проверить, придется отправлять их самолетом в Вашингтон и обратно. Так зачем я сюда пришел, приятель?

— Ты слышал, как мы с парнишкой болтали в баре. Я сказал ему, как меня зовут и где живу.

— Это значит — как, приятель. А я спросил — зачем.— Он улыбнулся мне. Паршивая была улыбка, особенно если это последняя, которую видишь в жизни.

— Кончай ты,— отозвался я.— Палач не попросит тебя угадать, зачем он пришел к тебе на свидание.

— Смотри, какой храбрый. После тебя наведаюсь к этому пареньку. Я его проследил из полиции до дому, но решил, что ты будешь первым. Ехал за ним до дому из муниципалитета в машине, которую Уолдо взял напрокат. От самой полиции ехал, приятель. Дураки эти сыщики. Будешь сидеть у них прямо под носом, в жизни тебя не узнают. Побежишь за трамваем, они начнут палить из пулеметов и сковырнут пару прохожих, таксиста, который дрыхнет в машине, и старуху уборщицу, которая моет пол на втором этаже. А в того, за кем гонятся, ни за что не попадут. Дураки чертовы.

Он поковырял дулом у меня в шее. Глаза у него были еще безумнее, чем раньше.

— У меня время есть,— сказал он.— Машины Уолдо не скоро хватятся. Да и про Уолдо не скоро разузнают. Я Уолдо знаю. Хитрюга был. Ловкий малый, Уолдо.

— Меня вырвет,— сказал я,— если ты не уберешь пистолет от горла.

Он улыбнулся и перевел пистолет на сердце.

— Так сойдет? Скажи, когда.

Наверно, я говорил громче, чем думал. Между дверью гардеробной и стеной появилась темная трещинка. Она выросла до дюйма. Потом до четырех. Я увидел глаза, но не смотрел на них. Я твердо уставился в глаза лысому. Очень твердо. Не хотел, чтобы он отвел от меня взгляд.

— Боишься? — ласково спросил он.

Я налег на пистолет и начал трястись. Решил, что ему понравится, если я задрожу. Девушка появилась из-за двери. У нее в руке снова был револьвер. Жалко мне ее было до чертиков. Сейчас побежит к выходу или завопит. И в том и в другом случае крышка нам обоим.

— Чего время тратишь? — проблеял я. Голос мой показался далеким, словно радио на другой стороне улицы.

— Нравится мне, приятель,— улыбнулся он.— Я такой.

Где-то позади него плыла по воздуху девушка. Такой беззвучности я в жизни не видал. Хотя, что толку? Он с ней церемониться не станет. Я знал его всю свою жизнь, хотя смотрел ему в глаза всего пять минут.

— А вдруг я закричу?

— Интересно,— отозвался он и мерзко оскалился.— Давай покричи.

Она не пошла к двери. Теперь она была прямо позади него.

— Что ж, вот и закричу,— сказал я.

Словно по сигналу, она сильно ткнула свой пистолетик ему в ребра.

Конечно, он мгновенно среагировал. Разинул рот, оторвал локти в стороны и чуть выгнул спину. Его пистолет был нацелен мне в правый глаз.

Я нырнул вниз и дал ему в пах коленом изо всей силы.

Подбородок у него пошел вниз, и я по нему ударил. Ударил, словно забивал последний костыль в первую трансконтинентальную железную дорогу. Когда сгибаю пальцы, до сих пор чувствую.

Дуло проехалось у меня по щеке, но выстрела не было. Он уже шатался. Задыхаясь и корчась, он свалился на левый бок. Я лягнул его в правое плечо как следует. Пистолет отпрыгнул от него и, крутясь по ковру, залетел под стул. Где-то позади меня раздался стук падающих шахмат.

Девушка стояла над ним, глядя вниз. Потом ее широкие и темные перепуганные глаза поднялись и встретились с моими.

— Вы меня купили,— заявил я.— Все мое теперь ваше, отныне и навеки.

Она меня не слышала. Глаза у нее были распахнуты так широко, что под ярко-синей радужной оболочкой виднелись краешки белков. Держа свой револьвер на весу, она быстро попятилась к двери, нащупала позади себя ручку и резко ее повернула. Потянула дверь на себя и выскользнула вон.

Дверь закрылась.

Она ушла без шляпы и без жакета «фигаро».

У нее был только револьвер, и предохранитель по-прежнему не был снят, так что выстрелить она не могла.

Теперь в комнате стало тихо, даже ветер смолк. Потом я услышал, как лысый хватает воздух ртом. Лицо у него покрылось зеленоватой бледностью. Я зашел сзади, обыскал его, но ничего не нашел. Из ящика стола достал пару дешевых наручников и, вытянув ему руки вперед, защелкнул их на кистях. Если он не слишком сильно их встряхнет, они продержатся.

Несмотря на явную боль, он глазами снимал с меня мерку для гроба. Он лежал посреди комнаты на левом боку — скрюченный, иссохший, лысый человечек со сведенными губами. Зубы у него были испещрены дешевыми серебряными пломбами. Рот чернел провалом, его волнообразное дыхание обо что-то спотыкалось, и тогда он начинал задыхаться.

Я пошел в гардеробную и открыл ящик. Там на моих рубашках лежали ее шляпа и жакет. Засунув их вниз, поглубже, и заложив рубашками, я пошел в кухню, налил хорошую порцию виски, проглотил ее и постоял, слушая, как снова стал завывать за стеклом горячий ветер. Хлопнула дверь гаража, и высоковольтный провод, слишком слабо натянутый между изоляторами, хлестнул по стене дома, будто где-то выбивали ковер.

Выпивка подействовала. Я вернулся в гостиную и открыл окно. Парень на полу не учуял запаха ее духов, но у кого-нибудь может оказаться обоняние лучше.

Закрыв окно, я вытер ладони и стал звонить в полицию.

Коперник еще был на месте. Его насмешливый голос произнес:

— Да? Марлоу? Сейчас угадаю. Тебе идея пришла.

— Убийцу этого установили?

Продолжение. Начало в № 32.

— Не положено рассказывать, Марлоу. Ты уж прости. Сам знаешь.

— Ладно. Мне плевать, кто он такой. Только приезжайте, заберите его у меня в квартире с ковра.

— Мать честная! — Потом голос у него зазвучал приглушенно.— Погоди-ка минутку. Погоди.— Я услышал, как где-то вдали как будто прикрывают дверь. Потом снова его голос.— Выкладывай,— сказал он тихонько.

— В наручниках,— сообщил я.— Весь ваш без остатка. Пришлось дать ему коленом, но он оправится. Приходил сюда убрать свидетеля.

Снова пауза. Голос стал медоточивым.

— Слушай-ка, парень, кто еще с тобой в этом деле?

— Кто еще? Никого. Один я.

— Пусть так и будет, парень. Без шума. О'кей?

— Думаете, я всех соседей созову сюда на экскурсию?

— Не волнуйся, парень. Тихо. Сиди на месте. Я уже у тебя. Не трогать ничего. Ясно?

— Ага.— Я снова дал ему адрес и номер квартиры, чтобы он сэкономил время.

Я так и видел, как сияет его лошадиная физиономия. Достал из-под стула пистолет двадцать второго калибра и сел, держа его в руке, а потом у меня за дверью громыхнули шаги, и костяшки пальцев выбили тихую дробь на двери.

Коперник был один. Он быстро заполнил собой дверной проем, с натянутой ухмылкой втолкнул меня обратно в комнату и закрыл дверь. Встал к ней спиной, держа руку за левым отворотом пиджака. Крупный, жесткий, костистый полицейский с пустыми жестокими глазами.

Он медленно опустил их и взглянул на человека на полу. У того слегка подергивалась шея. Глаза ходили ходуном — больные глаза.

— Уверен, что это тот самый? — Голос у Коперника был хриплый.

— Абсолютно. Где Ибарра?

— Да он занят.— Говоря это, он на меня не смотрел.— Наручники твои?

— Ага.

— Ключ.

Я бросил ему ключ. Он быстро опустился рядом с убийцей на колено, снял с него мои наручники, отшвырнул их. Достал с бедра свои, закрутил лысому руки назад и защелкнул на них наручники.

— Ладно, сволочь,— бесцветным голосом произнес убийца.

Коперник усмехнулся, сжал кулак и ударил скованного человека со страшной силой прямо в губы. Голова у того дернулась назад так, что, казалось, шея переломится. Из угла рта потекла кровь.

— Давай полотенце,— приказал Коперник.

Я достал полотенце для рук и передал ему. Он со злобой засунул его скованному пленнику между зубов, встал и провел худыми пальцами по своим жидким светлым волосам.

— Так. Рассказывай.

Я рассказал — ни словом не упомянув о девушке. Звучало это странновато. Коперник наблюдал за мной и молчал. Потер покрытый прожилками нос. Потом достал гребенку и опять занялся волосами.

Я подошел и отдал ему пистолет. Он небрежно взглянул на него и сунул в боковой карман. В глазах у него что-то мелькнуло, и лицо растянулось в веселую, жесткую усмешку.

Я нагнулся и стал собирать шахматы, складывая их в коробку. Поставил коробку на камин, выпрямил ножку карточного столика, немного еще повозился. Все это время Коперник за мной наблюдал. Я хотел, чтобы он до чего-нибудь додумался.

Наконец, его прорвало.

— Этот парень ходит с двадцать вторым калибром,— сказал он.— Видно, ему этого хватает. Значит, он в этом деле мастак. Он стучит тебе в дверь, сует эту пушку тебе в брюхо, вталкивает тебя в комнату, говорит, что пришел, чтобы навсегда заткнуть тебе рот,— и все же ты его одолеваешь. И без револьвера. В одиночку. Ты, видно, и сам мастак, приятель.

— Слушай,— сказал я и взглянул на пол. Подобрал еще одну шахматную фигурку и стал вертеть ее в пальцах.— Я решал шахматную задачу. Пытался все это забыть.

— Что-то у тебя на уме, приятель,— вкрадчиво произнес Коперник.— Ты ведь не станешь врать старому фараону, а, парень?

— Имеешь первоклассное задержание, я тебе его дарю,— сказал я.— Какого черта тебе еще надо?

Человек на полу промычал что-то сквозь полотенце. Его лысая голова блестела от пота.

— Что такое, приятель? Скрываешь что-то? — почти прошептал Коперник.

Я быстро взглянул на него и отвернулся.

— Ладно,— сказал я.— Ты чертовски хорошо знаешь, что в одиночку мне было его не осилить. Он держал меня на прицеле, а стреляет он в яблочко.

Коперник прикрыл один глаз и одобрительно прищурился на меня другим.

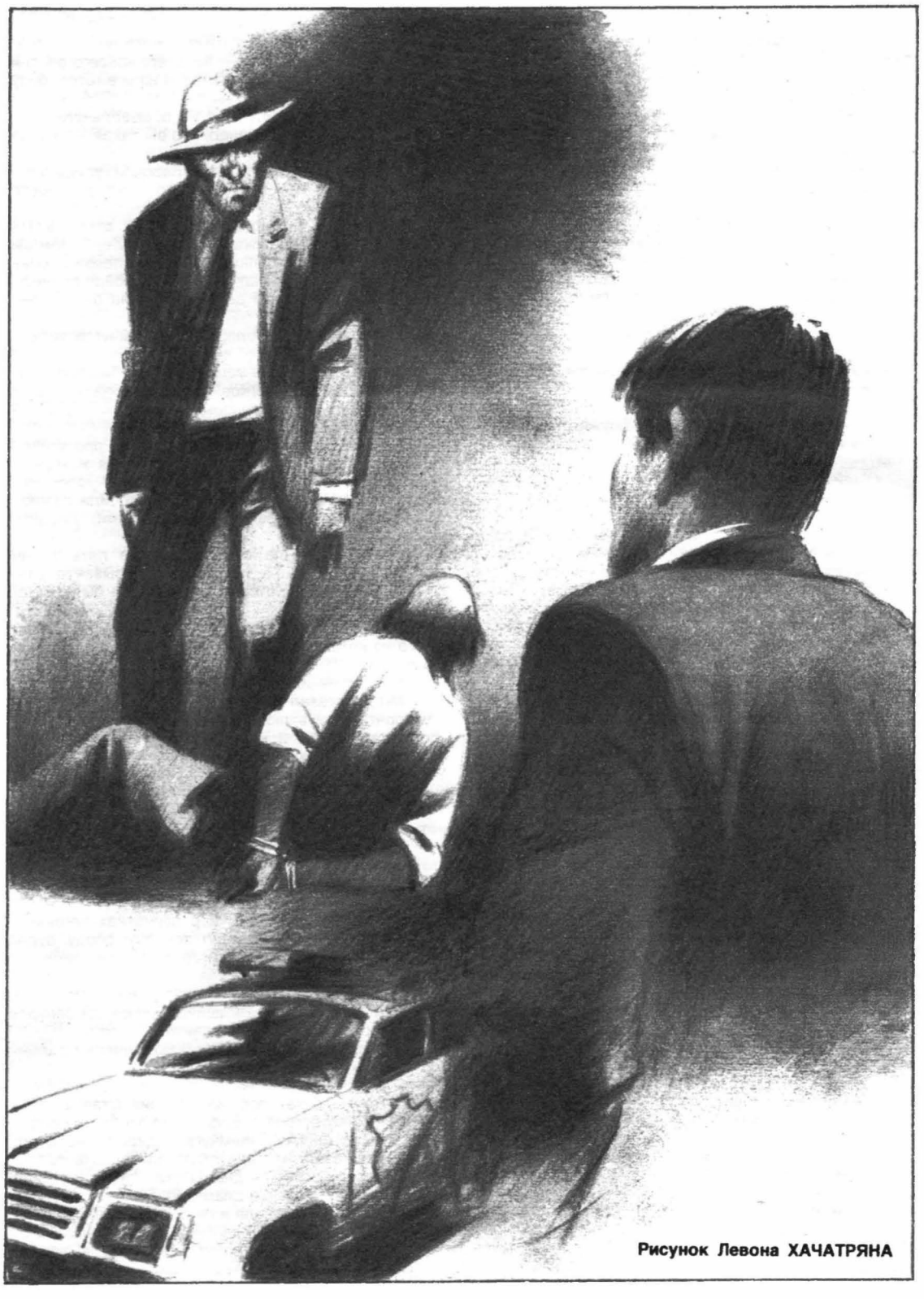


Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

— Дальше, приятель. Мне тоже это в голову пришло.

Я немножко еще потянул время, чтобы было больше похоже на правду. Потом сказал медленно:

— Здесь был паренек, который ходил на грабеж в Бойл-Хайтс. Но у него ничего не вышло. Грошовое дело на бензоколонке. Я знаю его семью. Вообще-то он парень неплохой. Пришел ко мне просить денег на железнодорожный билет. Когда раздался стук, он спрятался. Вон туда.

Я показал на откидную кровать и дверь рядом с ней. Голова Коперника медленно повернулась туда, потом обратно. Он снова заморгал.

— И у этого парнишки был револьвер,— сказал он.

Я кивнул.

— Он зашел сзади. Трус такого бы не сделал. Ты должен дать парню шанс. Не впутывай его в это дело.

— Сообщили про этого парня? — осторожно осведомился Коперник.

— Он сказал, что еще нет. Боится, что сообщат.

Коперник улыбнулся.

— Я расследую убийства,— заявил он.— Остальное меня не касается.

Я указал на скованного человека с заткнутым ртом.

— Ведь это ты его задержал, верно? — ласково спросил я.

Коперник продолжал улыбаться. Большим белесым языком он облизал толстую нижнюю губу.

— Как я это сделал? — прошептал он.

— Пули достали из Уолдо?

— Конечно. Двадцать второй калибр. Одна расплющилась о ребро, одна целая.

— Ты человек аккуратный. Ничего не оставляешь без внимания. Обо мне ничего не знаешь. Вот и зашел проверить, какое у меня оружие.

Коперник встал и снова опустился на одно колено возле убийцы.

— Слышишь меня, парень? — спросил он, приблизив к его лицу свое.

Тот издал невнятный звук. Коперник встал и зевнул.

— Какого черта — кого интересует, что он там скажет? Давай дальше, приятель.

— Ты не ожидал у меня ничего найти, но хотел посмотреть, как я живу. И пока ты там возился — я указал на гардеробную — в дверь постучали. Он вошел. А немного погодя ты подкрался сзади и арестовал его.

— Ага.— Коперник широко ухмыльнулся, показав лошадиные зубы.

— Заметано, приятель. Я дал ему в челюсть, потом коленкой и задержал. У тебя оружия не было, а парень полез на меня всерьез, ну, я и справился. О'кей?

— О'кей.— отвечал я.

— Расскажешь так в полиции?

— Ага,— отвечал я.

— Я за тебя постою, приятель. Ты ко мне по-хорошему, и я так же. Забудь насчет того парнишки. Дай мне знать, если надо будет его выручить.

Он подошел и протянул руку. Я ее пожал. Она была влажная и липкая, как дохлая рыба. От влажных рук и от людей с такими руками меня тошнит.

— Только вот что еще,— сказал я.— Напарник твой — Ибарра. Не обидится он, что ты его сюда не взял?

Коперник взъерошил волосы и вытер ленту внутри шляпы большим желтоватым шелковым платком.

— Этот итальяшка-то? — оскалился он.— Да пошел он к черту! — Он подошел ко мне вплотную и дохнул в лицо.— Значит, чтоб без ошибок, приятель, так и расскажем.

У него пахло изо рта. Так и должно было быть.

4

В кабинете начальника, где Коперник все им выложил, нас было только пятеро. Стенографист, начальник, Коперник, я, Ибарра. Ибарра покачивался на стуле у боковой стены. Шляпа у него была надвинута на глаза, но она не скрывала их мягкого блеска, а в углах четко очерченных губ маячила тихая улыбочка. Он не смотрел прямо на Коперника. Коперник не смотрел на него вовсе.

Перед этим в коридоре сделали фото — Коперник пожимает мне руку, Коперник в аккуратно посаженной шляпе, с револьвером в руке и с суровым, озабоченным выражением лица.

Они сказали, что теперь знают, кто такой Уолдо, но мне не скажут. Я не поверил, что знают, потому что на столе у начальника было фото Уолдо, снятое в морге. Прекрасная работа — волосы приглажены, галстук завязан, свет бьет прямо в глаза, и они блестят. Никто бы не догадался, что это карточка мертвеца с двумя пулями в сердце. Он был похож на короля дансинга, решающего, кого выбрать — блондинку или рыжую.

Домой я добрался около полуночи. Парадная дверь была заперта, и пока я искал ключи, что-то шевельнулось в темноте, и я услыхал тихий голос.

Было произнесено всего только: «Пожалуйста!», но я его узнал. Я обернулся и поглядел на темный «кадиллак», стоявший у грузовой площадки. Фары не горели. Неожиданно с улицы блеснул свет, который на мгновение отразился в чьих-то глазах.

Я подошел.

— Вы жуткая идиотка,— сказал я.

Она сказала:

— Садитесь.

Я влез в машину, она тронулась с места и проехала полтора квартала по улице Фрэнклин, потом свернула на проезд Кингсли. Горячий ветер по-прежнему обжигал и неистовствовал. Из открытого, плотно занавешенного окна большого дома доносилась по радио веселая музыка. Машин здесь стояло много, но она нашла свободное место позади небольшого, новехонького «паккарда», у которого с ветрового стекла еще не сняли торговый ярлык. Втиснувшись поближе к тротуару, она откинулась, не снимая с руля рук в перчатках.

Теперь она была вся в черном или в темно-коричневом, и в маленькой дурацкой шляпке. Я ощутил знакомый запах духов — сандаловое дерево.

— Неважно я с вами обошлась, да? — сказала она.

— Всего-навсего спасли мне жизнь.

— Что было потом?

— Я позвонил в полицию, немного наврал полицейскому, который мне не симпатичен, превратил этот арест в его заслугу — на том и кончилось. Парень, которого вы от меня отогнали, был убийцей Уолдо.

— Значит... вы им про меня ничего не сказали?

— Леди,— повторил я,— вы всего-навсего спасли мне жизнь. Чего вы еще хотите? Я на все готов, буду рад и постараюсь справиться.

Она ничего не ответила и не пошевельнулась.

— От меня никто не узнал, кто вы такая,— сказал я.— Кстати, я и сам не знаю.

— Меня зовут миссис Фрэнк Барсали, улица Фремонт, дом 212, телефон два-сорок пять-девяносто шесть. Вы это хотели знать?

— Благодарю,— пробормотал я, и стал катать в пальцах сухую незажженную сигарету.— Зачем вы вернулись? — Тут я щелкнул пальцами левой руки.— Шляпа и жакет,— сказал я.— Сейчас пойду принесу.

— Не только в этом дело,— сказала она.— Мне нужны мои жемчуга.

Кажется, я слегка подпрыгнул. Жемчугов только еще не хватало.

По улице промчалась машина, вдвое быстрее, чем ей следовало бы. Легкое горькое облачко пыли взметнулось в свете фонарей, завихрилось и растаяло. Девушка быстро подняла окно.

— Ладно,— решил я.— Рассказывайте про жемчуга. У нас уже было убийство, загадочная женщина, сумасшедший преступник, героическое спасение и полицейский сыщик, которому подстроили ложное донесение. Теперь займемся жемчугами. Давайте выкладывайте.

— Я должна была выкупить их за пять тысяч долларов. У человека, которого вы называете Уолдо, а я Джозефом Котсом. Они должны были находиться при нем.

— Не было их,— сказал я.— Я видел, что вынули у него из карманов. Много денег, но никаких жемчугов.

— Не мог он их спрятать у себя в квартире?

— Мог,— сказал я.— Насколько мне известно, он мог спрятать их в любой точке штата Калифорния, кроме как у себя в карманах. Как себя чувствует мистер Барсали в такой жаркий вечер?

— Он все еще в городе на совещании. Иначе я не смогла бы приехать.

— Почему? Могли бы привезти его с собой,— заметил я.— На откидном сиденье.

— Ну, не знаю,— откликнулась она.— Фрэнк весит сто килограммов и довольно полный. Вряд ли он захотел бы ехать на откидном сиденье, мистер Марлоу.

— Что за черт, о чем мы говорим?

Она не ответила. Ее руки в перчатках легонько, вызывающе похлопывали по тонкому ободу руля. Я швырнул незажженную сигарету в окно, немного повернулся и обнял ее.

Когда я ее отпустил, она отодвинулась от меня как можно дальше, к стенке машины, и провела перчаткой по губам. Я сидел неподвижно.

Мы помолчали. Потом она сказала очень медленно:

— Я вас на это вызвала. Но я не всегда была такая. Только с тех пор, как летчик Стэн Филипс погиб в авиакатастрофе. Если бы не это, я бы сейчас была миссис Филипс. Жемчуга подарил мне Стэн. Как-то он сказал, что они стоят пятнадцать тысяч. Белый жемчуг, сорок одна штука, самая крупная примерно треть дюйма в диаметре. Не знаю, сколько гранов. Я их не оценивала и не показывала ювелиру, так что не знаю. Но я их любила из-за Стэна. Я любила Стэна. Так, как любят всего раз в жизни. Можете вы это понять?

— Как ваше имя? — спросил я.

— Лола.

— Рассказывайте дальше, Лола.— Я вытащил из кармана новую сухую сигарету и завертел ее в пальцах, просто чтобы чем-нибудь их занять.

— На ожерелье была простая серебряная застежка в форме пропеллера. В самой середине — маленький брильянт. Фрэнку я сказала, что жемчуга поддельные и я купила их сама. Он поверил. Отличить и правда трудно. Понимаете... Фрэнк довольно ревнив.

В темноте она придвинулась ко мне, и ее бок коснулся моего. Но на этот раз я не шевельнулся. Завывал ветер, содрогались деревья. Я по-прежнему вертел сигарету.

— Наверно, вы читали этот рассказ,— сказала она.— Про жену и настоящий жемчуг и как она сказала мужу, что он фальшивый.

— Читал,— ответил я.— это Моэм.

— Я взяла на службу Джозефа. Муж тогда был в Аргентине. Мне было очень одиноко.

— Понятно,— сказал я.

— Мы с Джозефом часто катались на машине. Иногда сидели где-нибудь вместе. Но больше ничего. Я не...

— Вы рассказали ему про жемчуг,— прервал я.— И когда ваши сто килограммов говядины вернулись из Аргентины и вышвырнули его вон, он взял с собой жемчуг, потому что знал, что он настоящий. А потом предложил вам вернуть его за пять тысяч.

— Да,— просто сказала она.— Конечно, я не хотела идти в полицию. И, конечно, в этих обстоятельствах Джозеф не побоялся дать мне свой адрес.

— Бедный Уолдо,— заметил я.— Мне его даже жалко. Надо же было в такой момент нарваться на старого друга, у которого на тебя зуб.

Я чиркнул спичкой о подошву и прикурил. Табак так высох от горячего ветра, что вспыхнул, словно трава. Женщина тихо сидела рядом, снова положив руки на руль.

— Ах уж эти летчики,— сказал я.— погибель для женщин. И вы все еще любите его или вам так кажется? Где вы хранили жемчуг?

— В шкатулке из русского малахита у себя на туалетном столике. Вместе со всякой бижутерией. Иначе я не смогла бы их надевать.

— И они стоили пятнадцать кусков. И вы думаете, что Джозеф спрятал их у себя в квартире. Тридцать первая, да?

— Да,— сказала она.— Наверно, это слишком большая просьба.

Я открыл дверцу и вылез из машины.

— Услуги оплачены вперед,— сказал я.— Пойду посмотрю. У меня в квартире двери не слишком упрямые. Когда полиция обнародует фотографию Уолдо, то узнает, где он жил, но, наверно, это будет не сегодня.

— Это страшно мило с вашей стороны,— заявила она.— Мне ждать здесь?

Я стоял, опершись на подножку, слегка наклонившись, и смотрел на нее. На ее вопрос я не ответил. Просто стоял, вглядываясь в блеск ее глаз. Потом захлопнул дверцу и пошел к улице Фрэнклин.

Даже при этом ветре, от которого у меня ссыхалось лицо, я все еще ощущал запах сандалового дерева от ее волос. И ее губы.

Я отпер парадную дверь «Берглунда», прошел через тихий вестибюль к лифту и поднялся на третий. Тут я прокрался по тихому коридору и взглянул на порог тридцать первой квартиры. Света не было. Я постучал легким, уверенным стуком бутлеггера. Никакого ответа. Я вынул толстый кусок твердого целлулоида, который притворялся окошечком над водительскими правами у меня в бумажнике, вставил его между языком замка и косяком и сильно налег на дверную ручку, нажимая в направлении петель. Замок сухо щелкнул, словно сосулька сломалась. Дверь поддалась, и я вошел в почти полную тьму. С улицы просачивался свет, бросая там и сям слабые отблески.

Я закрыл дверь, включил свет и замер. В воздухе стоял странный запах. Через секунду я его распознал — запах черного табака. Я пробрался к стоячей пепельнице у окна и увидел четыре коричневых окурка — мексиканские сигареты.

Наверху, у меня на этаже, кто-то спустил ноги на ковер и пошел в уборную. Я услышал, как спускают воду. Я прошел в ванную квартиры 31. Легкий беспорядок, ничего нет, и спрятать негде. Кухня заняла времени побольше, но я и не слишком старался искать. Я понял, что в этой квартире жемчугов нет. Я знал, что Уолдо уходил в спешке и что-то беспокоило его, когда старый друг всадил в него две пули.

Я вернулся в гостиную, откинул кровать от стены и заглянул за зеркальную дверь в гардеробную в поисках каких-нибудь примет жилья. Откинув кровать еще дальше, я перестал искать жемчуга. Я нашел человека.

Он был невысокий, пожилой, с седыми висками, с очень смуглой кожей, одет в желто-коричневый

костюм с галстуком цвета красного вина. Его аккуратные смуглые руки бессильно свисали по бокам. Маленькие ступни в остроносых начищенных ботинках почти доставали до пола. Он свисал с металлической спинки кровати на ремне, захлестнутом вокруг шеи. Язык у него был высунут так далеко, как мне в жизни не приходилось видеть.

Он слегка раскачивался, что мне не понравилось, поэтому я задвинул кровать на место, и он уютно устроился там, зажатый двумя подушками. Я к нему так и не притронулся. И без того было ясно, что он холоден как лед.

Обойдя его кругом, я вошел в гардеробную и вытер платком дверные ручки. Вещей почти не было, так, мелочь, необходимая для одинокого мужчины.

Выйдя оттуда, я принялся за покойника. Бумажника не было. Уолдо, конечно, забрал его и выбросил. Плоская коробочка сигарет, наполовину заполненная, с надписью золотом: «Louis Tapia y Cia, Calle de Paysandú, 19, Monte video». Спички из клуба «Спецциа». Под мышкой кобура грубой темной кожи, в ней девятимиллиметровый маузер.

Маузер говорил о том, что это профессионал, так что мне стало легче. Но не такой уж опытный профессионал, иначе его не прикончили бы голыми руками, когда в кобуре спокойно лежало оружие, которым можно насквозь прострелить стену.

Я сделал кое-какие выводы, но не до конца. Четыре коричневые сигареты были выкурены, так что речь шла либо об ожидании, либо о разговоре. Где-то по ходу дела Уолдо схватил человечка за горло и прижал так, что тот за несколько секунд потерял сознание. Маузер ему так же помог, как зубочистка. Потом Уолдо повесил его на ремне, возможно, уже мертвого. Этим могла объясняться спешка, очистка квартиры от вещей, беспокойство Уолдо из-за встречи с девушкой. Этим могло объясняться, что машина возле бара была оставлена незапертой.

То есть все эти объяснения годились, если его убил Уолдо, если это действительно была квартира Уолдо, если меня не водили за нос.

Я порылся в других карманах убитого. В левом кармане брюк нашел золотой перочинный ножик, немного серебра. В левом заднем кармане — сложенный и надушенный платок. В правом — еще один, не сложенный, но чистый. В правом переднем — четыре-пять бумажных платков. Чистюля. Не хотел сморкаться в свой платок. Под ними был маленький новый футляр для ключей с четырьмя новенькими ключами от машины. На футляре золотом было написано: «Компания Р. К. Фогельсанг, Инк. Магазин фирмы «Паккард».

Я положил все на место, задвинул кровать, вытер платком ручки, а также плоские поверхности, выключил свет и высунул нос за дверь. Коридор был пуст. Я спустился на улицу и свернул за угол на проезд Кингсли. «Кадиллак» стоял там же, где и раньше.

Я открыл дверцу и оперся на нее. Женщина, казалось, так и не сменила позы. Выражение ее лица было трудно разглядеть. Трудно было вообще что-нибудь разглядеть, кроме ее глаз и подбородка, но не трудно уловить запах сандалового дерева.

— От этих духов,— сказал я,— и священник спятит... жемчуга там нет.

— Что же, спасибо за попытку,— сказала она тихим, мягким, вибрирующим голосом.— Наверно, переживу. Теперь мне... Нужно нам... Или...?

— Вы поезжайте домой,— велел я.— И что бы ни случилось — вы меня никогда в жизни не видели. Что бы ни случилось. Возможно, вы меня никогда больше и не увидите.

— Это было бы очень жаль.

— Удачи вам, Лола.— Я захлопнул дверцу и отступил.

Вспыхнули фары, заворчал мотор. Большая машина, встреченная порывом ветра из-за угла, сделала медленный поворот и скрылась. Я стоял на тротуаре возле пустого места, где она только что была.

Уже совсем стемнело. В квартире, откуда слышалось радио, окна стали пустыми провалами. Я стоял, глядя на багажник «Паккарда», на вид совсем нового. Я видел его и раньше, до того, как пошел в дом, на этом же месте, перед машиной Лолы. Неподвижный, темный, тихий, в правом углу блестящего ветрового стекла синий ярлычок.

Перед глазами у меня возник набор новеньких ключей в футляре с надписью «Магазин фирмы «Паккард» — наверху, в кармане мертвеца.

Я обошел машину и посветил карманным фонариком на ярлык. Все верно — тот же самый магазин. Под названием фирмы чернилами было написано имя и адрес — «Юджиния Колченко, Западный Лос-Анджелес, ул. Арвиеда, 5315».

Бред какой-то. Я вернулся в квартиру 31, открыл дверь, как раньше, зашел за откидную кровать и вынул футляр с ключами из кармана брюк аккуратного смуглого висящего трупа. Через пять минут я был снова на улице возле машины. Ключи подошли.

Перевела с английского М. ШАТЕРНИКОВА.

Окончание следует.

РЫЖИЙ ВЕТЕР

Рэймонд ЧАНДЛЕР

ПОВЕСТЬ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

5

Дом был небольшой, на краю каньона, перед ним стояли кружком чахлые эвкалипты. На другой стороне улицы у кого-то шла вечеринка — из тех, когда выскакивают из дома и бьют бутылки о тротуар с воплями, словно на футбольном матче Йела против Принстона.

Я позвонил.

Она явно ждала не меня — высокая, худая, хищная брюнетка, с нарумяненными щеками, густыми черными волосами на прямой пробор, ртом, созданным для трехслойных бутербродов, в коралловой с золотом пижаме, босоножках — и с позолоченными ногтями на ногах. В мочках ее ушей легонько позвякивали от ветра миниатюрные храмовые колокольчики. Она сделала медленное презрительное движение сигаретой, вставленной в мундштук длиной с бейсбольную биту.

— Ну, что такой, молодой человек? Заблудился с интересной вечеринка напротив?

— Ха-ха,— сказал я.— Ну и веселье там, да? Нет, я просто пригнал вашу машину.

Экзотическая брюнетка и глазом не моргнула.

— Что вы сказал? — осведомилась она наконец голосом нежным, как подгоревшая корка.

— Ваша машина,— я указал через плечо, не сводя с нее глаз. Брюнетка была из тех, что пускают в ход нож.

Длинный мундштук очень медленно опустился, и из него выпала сигарета. Я наступил на нее и таким путем очутился в передней. Она попятилась, и я закрыл дверь.

В передней мерцали розовым светом лампы в железных бра. В конце висел занавес из бус, на полу — тигровая шкура. Все это к ней подходило.

— Вы мисс Колченко? — спросил я, видя, что больше ничего не дождусь.

— Да-а. Я мисс Колченко. Какой черт вам нужно?

Теперь она смотрела на меня, словно я пришел мыть окна, но в неурочное время.

Левой рукой я достал визитную карточку, протянул ей. Она прочла ее из моей руки, слегка поводя головой.

— Сыщик? — выдохнула она.

— Ага.

— Входите! Проклятый ветер сушит моя кожа, как бумага.

— Мы уже вошли,— сообщил я.— Я как раз закрыл дверь.

За занавесом из бус кашлянул мужчина. Она подскочила, словно ее укололи вилкой.

— Вознаграждение,— мягко сказала она.— Вы ждать здесь, хорошо? Десять доллар хороший оплата, нет?

— Нет,— сказал я.

Я медленно протянул к ней палец и добавил:

— Он мертв.

Она подпрыгнула фута на три и издала вопль.

Резко скрипнул стул. За занавеской из бус послышались тяжелые шаги, большая рука появилась и отдернула ее, и мы очутились в обществе крупного блондина сурового вида. Поверх пижамы на нем был лиловый халат, правая рука сжимала что-то в кармане халата. Выйдя из-за занавеса, он встал неподвижно, твердо упершись ногами в пол, выпятив челюсть; его бесцветные глаза были как серый лед. Он был похож на человека, у которого на футбольном поле мяч отобрать трудновато.

— Что случилось, дорогая? — Голос был солидный, уверенный, с чуть заметным оттенком глуповатости, как и положено парню, которому нравится женщина с золотыми ногтями на ногах.

— Я насчет машины мисс Колченко,— объяснил я.

— Для начала можно снять шляпу,— заметил он.— Для разминки.

Я снял шляпу и извинился.

— О'кей,— отозвался он, продолжая держать правую руку в глубине лилового кармана.— Значит, вы насчет машины мисс Колченко. Поехали дальше.

Я протиснулся мимо женщины и подошел к нему поближе. Она отшатнулась к стене, прижав к ней ладони.

Когда я очутился в двух метрах от рослого мужчины, он небрежно сказал:

— Я вас и оттуда слышу. Потише. У меня в кармане пистолет, и я долго учился им пользоваться. Так что насчет машины?

— Человек, который ее взял, не смог пригнать ее обратно,— сказал я и сунул карточку, которую все еще держал в руке, поближе к его лицу. Он взглянул на нее мельком. Смотрел он на меня.

— Ну и что? — спросил он.

— Вы всегда такой грозный? — осведомился я.— Или только когда в пижаме?

— Так почему он не смог пригнать ее сам? — спросил он.— И не мелите языком зря.

Женщина издала приглушенный звук где-то возле моего локтя.

— Все в порядке, котик,— сказал мужчина.— Я с этим управлюсь. Ну, дальше.

Она проскользнула мимо нас и исчезла за занавесом из бус.

Я немножко подождал. Рослый человек пальцем не шевельнул. Беспокойства в нем было заметно не больше, чем в жабе на солнце.

— Он не смог ее пригнать, потому что кто-то его прихлопнул,— сказал я.— Посмотрим, как вы управитесь с этим.

— Да? — сказал он.— Вы что, привезли его с собой для доказательства?

— Нет,— отвечал я.— Но если вы наденете галстук и цилиндр, я вас отвезу и покажу.

— Какого черта, кто вы такой?

— Я думал, может, вы читать умеете.— Я снова подержал перед ним карточку.

— Да, верно,— сказал он.— Филип Марлоу, частный расследователь. Ну-ну. Так на кого я должен ехать с вами смотреть и почему?

— Может быть, он украл машину? — предположил я.

Рослый кивнул:

— Это мысль. Может, и украл. А кто он такой?

— Темнокожий человечек, у которого в кармане были ключи от машины и который поставил ее за углом дома «Берглунд».

Он обдумал это без особого волнения.

— Что-то в этом есть,— заявил он.— Немного. Так, чуть-чуть. У полиции, наверно, бал сегодня. Вот вы за них и отдуваетесь.

— Это как?

— На карточке написано «частный сыщик»,— сказал он.— А на улице полицейские ждут, стесняются зайти?

— Нет, я один.

Он усмехнулся. От этого на загорелом лице проступили белые складки.

— Значит, вы нашли покойника, взяли ключи, нашли машину и прикатили сюда — совсем один. Без полиции. Верно?

— Правильно.

Он вздохнул.

— Зайдем-ка,— пригласил он. Отдернул занавес и дал мне пройти.— Может, у вас есть интересные идеи, стоит послушать.

Я прошел мимо, и он повернулся, держа поближе ко мне свой тяжелый карман. Только тут я заметил у него на лице капли пота. Это могло быть от горячего ветра, но я так не думал.

Мы очутились в гостиной.

Мы сели и посмотрели друг на друга. Между нами лежал темный пол, на котором несколько индейских ковров и несколько темных турецких составляли декоративную композицию с потрепанной мягкой мебелью. Еще здесь был камин, небольшое пианино, китайская ширма, высокий китайский светильник на подставке тикового дерева, а на окнах золотые сетчатые занавески. Окна, выходившие на юг, были открыты. Фруктовое дерево с выбеленным стволом размахивало ветками под ветром, внося свой вклад в шум вечеринки с той стороны улицы.

Рослый человек откинулся в гобеленовом кресле и положил ноги в домашних туфлях на скамеечку. Правую руку он по-прежнему держал там, где она находилась с момента нашего знакомства,— на пистолете.

Брюнетка маячила в тени, булькнула бутылка, и у нее в ушах звякнули храмовые колокольчики.

— Все в порядке, лапушка,— сказал мужчина.— Все под контролем. Кто-то кого-то пришиб, и этот парень считает, что нас это заинтересует. Садись и не волнуйся.

Женщина запрокинула голову и влила себе в глотку полстаканчика виски. Она вздохнула, сказала «черт» небрежным тоном и свернулась калачиком на диване. С ногами у нее все было как надо. Из полутемного угла, где она теперь затихла, мне подмигивали ее позолоченные ногти.

Я достал сигарету — при этом в меня не выстрелили,— закурил ее и стал рассказывать. Не все в рассказе было правдой, но кое-что было. Я сказал им про дом «Берглунд», и что я там живу, и что Уолдо жил там в 31-й квартире подо мной, и что по профессиональным причинам я к нему приглядывался.

— Какой Уолдо? — осведомился блондин.— И по каким профессиональным причинам?

— Мистер,— возразил я,— а у вас разве нет секретов? — Он слегка побагровел.

Я рассказал ему про бар напротив и про то, что там случилось. Про набивной жакет «фигаро» и женщину, на которой он был, я не рассказал. Я вообще не упомянул о ней ни разу.

— Я работал втихую, так было нужно,— сказал я.— Понимаете?

Он снова покраснел, прикусил губу. Я продолжал:

— В полиции я никому не сказал, что знал Уолдо. Потом, когда я решил, что сегодня вечером они не узнают, где он жил, я позволил себе осмотреть его квартиру.

— И что вы искали? — осведомился рослый человек сдавленным голосом.

— Кое-какие письма. Попутно могу сообщить, что там не оказалось ничего, кроме мертвеца. Задушенного и подвешенного на ремне к спинке стенной кровати, чтоб не бросался в глаза. Невысокий, лет сорока пяти, мексиканец или латиноамериканец, хорошо одетый, в желто-коричневом...

— Хватит,— сказал рослый.— Покупаю, Марлоу. Вы работали над делом о шантаже?

— Ага. Самое смешное, что у этого маленького смуглого человечка под мышкой был приличный револьвер.

— У него в кармане, конечно, не было пятисот долларов двадцатками? Или как?

Окончание. См. «Огонек» №№ 32, 33.

— Не было. Но у Уолдо, когда его убили в баре, было больше семисот наличными.

— Вроде недооценил я этого Уолдо,— спокойно заметил рослый.— Забрал мои откупные деньги и парня моего пришиб, несмотря на револьвер. У Уолдо было оружие?

— При нем не было.

— Дай нам выпить, солнышко,— распорядился рослый.— Да, промахнулся я с этим Уолдо на целую милю.

Брюнетка расплела ноги и подала нам два стакана с содовой и льдом. Сама она приняла еще порцию неразбавленного и снова свернулась на диване. Большие блестящие черные глаза неотрывно следили за мной.

— Будем здоровы,— сказал рослый, подняв стакан приветственным жестом.— Я никого не убивал, но теперь на меня свалится бракоразводный процесс. Вы, по вашим словам, никого не убивали, но вляпались с полицией. Вот черт! Жизнь — сплошные неприятности, куда ни кинь. У меня-то хоть есть вот это солнышко. Она из белых, русская, познакомились в Шанхае. Надежная, как сейф, а на вид глотку тебе перережет за пять центов. Это мне в ней и нравится. Получаешь обаяние, но без риска.

— Глупо говоришь,— уронила женщина.

— Вы вроде как о'кей на мой взгляд,— продолжал рослый, не обращая на нее внимания.— Ну, для легавого. Выход есть какой-нибудь?

— Ага. Но будет стоить денег.

— Так я и думал. Сколько?

— Скажем, еще пятьсот.

— Черт побрал, этот горячий ветер меня сушит, как пепел от любовь,— грустно объявила русская.

— Пятьсот — это возможно,— сказал блондин,— а что я буду за это иметь?

— Если у меня получится — про вас никто не узнает. Если нет — вы заплатите.

Он задумался. Теперь его лицо казалось морщинистым и усталым. Бусинки пота поблескивали в коротких светлых волосах.

— Об этом убийстве вам придется рассказывать,— проворчал он.— Я имею в виду, о втором. И я так и не выкупил то, что хотел. Если все будет шито-крыто, я бы выкупил прямо из первых рук.

— Кто был коричневый человечек? — спросил я.

— Его звали Леон Валесанос, он уругваец. Еще один образчик моего импорта. В моем деле приходится много ездить. Работал он в клубе Спецциа на «Жулик-стрит» — знаете, отрезок Сансет-бульвара рядом с Беверли Хиллз. Работал, кажется, на рулетке. Я дал ему пятьсот долларов, чтобы он пошел к этому... этому Уолдо и выкупил у него счета за товары, которые были куплены для мисс Колченко и доставлены сюда, а оплачены мной. Сглупил я, верно? Они были у меня в портфеле, и у этого Уолдо была возможность их стащить. Как, по-вашему, что там у них произошло?

Я отхлебнул из стакана.

— Возможно, ваш уругвайский приятель был глуповат, и Уолдо не захотел слушать. Тогда, наверное, уругваец решил, что маузер — самый лучший аргумент, но тут Уолдо его опередил. Я бы не сказал, что Уолдо был расчетливым убийцей. На шантажиста это не похоже. Может, он разозлился и слишком долго подержал этого парня за горло. Тогда пришлось смываться. Но у него была назначена еще одна встреча, от которой он тоже ожидал денег. Он стал прочесывать район в поисках этого человека. И случайно налетел на бывшего приятеля, который был достаточно зол и достаточно пьян, чтобы его пришибить.

— Чертовски много совпадений во всей этой истории,— сказал рослый.

— Ветер горячий,— усмехнулся я.— Все сегодня с ума посходили.

— И за мои пятьсот вы ничего не гарантируете? Если я не остаюсь в стороне, вы не получаете денег. Верно?

— Верно,— подтвердил я, улыбаясь ему.

— С ума посходили, это точно,— сказал он и осушил свой стакан.— Тут я не спорю.

— Только вот две детали,— мягко сказал я, подаваясь вперед в кресле.— Уолдо оставил возле бара, где его убили, незапертую машину с работающим мотором, чтобы удрать. Ее забрал убийца. Отсюда можно всего ожидать. Понимаете, наверно, все пожитки Уолдо были в этой машине.

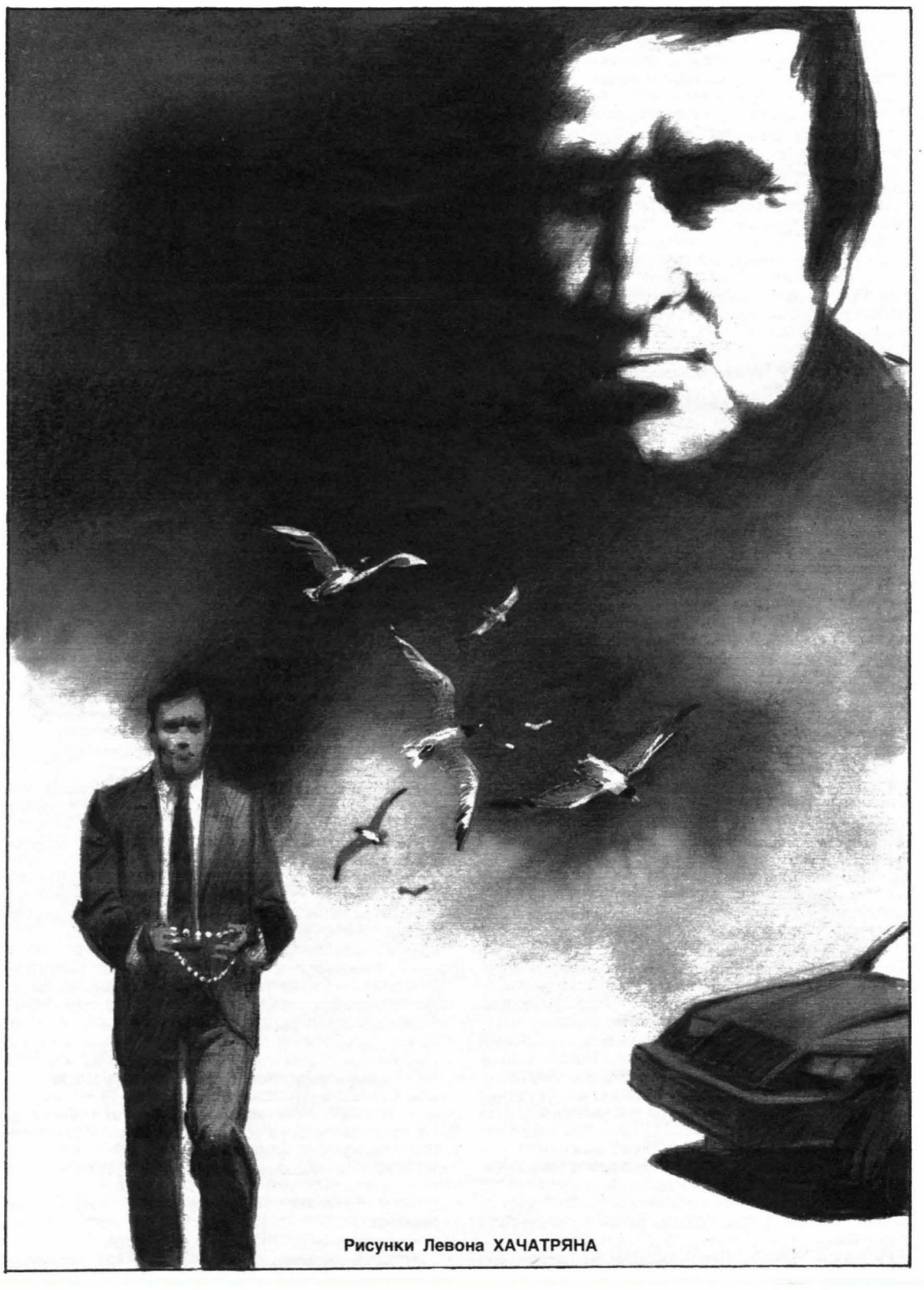
— В том числе мои счета и ваши письма.

— Ага. Правда, полиция тут не будет слишком напирать, если вы им не годитесь для большой рекламы. Если нет, я как-нибудь вывернусь. Если да, тогда дело другое. Как, вы сказали, вас зовут?

Ответ заставил себя ждать. Дождавшись, я обнаружил, что вовсе не так обрадовался, как предполагал. Все сразу стало на свои места.

— Фрэнк Барсали,— сказал он.

Немного погодя русская вызвала мне такси. Когда я уезжал, вечеринка напротив уже превзошла себя. Я заметил, что стены дома еще держались. К сожалению.



Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА

Отпирая застекленное парадное «Берглунда», я учуял полисмена. Я посмотрел на свои часы. Было почти три часа ночи. В темном углу вестибюля на стуле прикорнул человек, прикрыв лицо газетой. Здоровенные ступни он вытянул перед собой. Уголок газеты то приподнимался, то падал. Других движений человек не совершал.

Я прошел к лифту и поднялся к себе на этаж. Прокрался по коридору, отпер свою дверь, распахнул ее и протянул руку к выключателю.

Цепочка висячего выключателя звякнула, и зажегся торшер возле кресла, рядом с карточным столиком, на котором все еще были разбросаны шахматы.

Коперник сидел в кресле с неприятной застывшей усмешкой на лице. Невысокий смуглый человек, Ибарра, сидел напротив него, слева от меня, молча, со своей обычной полуулыбкой.

Коперник показал все свои желтые лошадиные зубы и сказал:

— Привет. Давненько не видались. С девушками гуляешь?

Я закрыл дверь, снял шляпу и медленно вытер затылок, снова и снова. Коперник по-прежнему усмехался. Ибарра смотрел в пространство мягкими темными глазами.

— Присаживайся, приятель,— протянул Коперник.— Располагайся как дома. Нам тут надо немного пошуровать. До чего ж я ненавижу эту ночную работенку. Ты знаешь, что у тебя выпить почти нечего?

— Догадываюсь,— сказал я. И прислонился к стене.

Коперник продолжал усмехаться.

— Всегда я ненавидел частных сыщичков,— заявил он,— но такого шанса с ними поквитаться, как сегодня, мне еще не выпадало.

Он лениво потянулся вниз, поднял с пола набивной жакет «фигаро», швырнул его на карточный столик. Снова потянулся и положил рядом широкополую шляпу.

— Здорово тебе, наверно, идут эти штучки,— сказал он.

Я взял стул, повернул его и оседлал, положил скрещенные руки на спинку и посмотрел на Коперника.

Он очень медленно встал — нарочито медленно, подошел ко мне и остановился, приглаживая пиджак. Потом поднял раскрытую правую руку и ударил меня наискось по лицу — сильно. Было больно, но я не шелохнулся.

Ибарра посмотрел на стену, посмотрел на пол, посмотрел в никуда.

— Стыдно, приятель,— лениво произнес Коперник.— Что ж ты так обращаешься с такими шикарными тряпками? Засунул под свои старые рубашки. Всегда меня от вас тошнит, мелких легашей.

Он постоял надо мной еще немного. Я молчал и не двигался. Смотрел в его стеклянные глаза пьяницы. Он сжал было кулак, потом пожал плечами, повернулся и пошел к креслу.

— О'кей,— сказал он.— Пока хватит. Где ты взял эти вещи?

— Они принадлежат одной женщине.

— Ну да. Принадлежат женщине. Ну и нахальный ты ублюдок! Я тебе скажу, какой женщине они принадлежат. Той самой, про которую парень по имени Уолдо спрашивал в баре напротив — за две минуты до того, как его пристрелили вроде бы до смерти. Про это ты как-то запамятовал, верно?

Я ничего не ответил.

— Ты сам ею интересовался,— ухмыльнулся Коперник.— Но ты оказался умником, приятель. Одурачил меня.

— Для этого не надо быть умником,— сказал я.

Лицо у него внезапно исказилось, и он начал вставать из кресла. Ибарра засмеялся неожиданно и негромко, словно на выдохе. Глаза Коперника метнулись к нему, застыли на нем. Потом он снова повернулся ко мне с лаской во взоре.

— Ты итальяшке по душе,— сообщил он.— Он считает, что ты молодец.

С лица Ибарры сошла улыбка, но на ее месте не появилось никакого выражения. Совсем никакого.

Коперник сказал:

— Ты все время знал, кто эта дамочка. Ты знал, кто такой Уолдо и где он живет. Этажом ниже, напротив. Ты знал, что этот самый Уолдо прихлопнул одного парня и собрался смываться, только эта бабенка тоже как-то входила в его планы, и он рвался с ней встретиться перед отъездом. Но не вышло. Бандит с восточного побережья по имени Эл Тессилоре позаботился об этом, убрав Уолдо. Тогда ты встретился с дамочкой, спрятал ее одежку, отослал ее домой и держал пасть на запоре. Так ваш брат себе зарабатывает на жизнь. Верно говорю?

— Ага,— сказал я.— Только все это я узнал совсем недавно. Кто такой Уолдо?

Коперник оскалился. На его желтоватых скулах горели красные пятна. Ибарра, глядя в пол, сказал очень мягко:

— Уолдо Рэтиган. Нам сообщили из Вашингтона по телетайпу. Копеечный грабитель, отсидел несколько малых сроков. В ограблении банка в Детройте был шофером. Потом выдал всех, за это с него сняли обвинение. Эл Тессилоре был из этой шайки. Он ни слова не говорит, но мы думаем, что они встретились чисто случайно.

Ибарра говорил мягким, спокойным, хорошо модулированным голосом человека, для которого все звуки имеют смысл. Я сказал:

— Спасибо, Ибарра. Курить можно — или Коперник у меня ногой вышибет сигарету?

Ибарра внезапно улыбнулся.

— Конечно, можешь курить,— сказал он.

— Нравишься ты итальяшке, точно,— издевательски протянул Коперник.— Итальяшкин вкус никогда не угадаешь, верно?

Я закурил. Ибарра взглянул на Коперника и очень мягко сказал:

— Слово «итальяшка» — ты с ним перебарщиваешь. Мне не слишком нравится, когда меня так называют.

— Плевал я, что тебе нравится, итальяшка.

Ибарра улыбнулся пошире.

— Делаешь ошибку,— сказал он. Потом вынул карманную пилку для ногтей и занялся делом, опустив глаза.

Коперник рявкнул:

— Я с самого начала в тебе гниль учуял, Марлоу. Так что, когда установили личность этой парочки, мы с Ибаррой решили заскочить, еще немножко с тобой поболтать. Я захватил карточку Уолдо из морга — хорошая работа, свет прямо ему в глаза, галстук на месте, белый платочек в кармане. Хорошая работа. По пути, на всякий случай, навестили управляющего этим домом, сунули ему фото под нос. И он узнал этого парня. Жил здесь в 31-й квартире под именем А. Хаммел. Мы — туда, а там покойничек. Начали мы с этим возиться. Никто его пока не узнал, но под ремнем у него славные синяки от пальцев, и, говорят, замечательно они подходят к пальцам Уолдо.

— Уже что-то,— заметил я.— Я думал, может, это я его убил.

Коперник уставился на меня и смотрел долго. Лицо его перестало расплываться в усмешке и стало просто грубым, жестоким лицом.

— И еще кое-что у нас есть,— сообщил он.— Теперь у нас есть машина Уолдо — и все то, что он собирался забрать с собой.

Я выдохнул дым рывками. Ветер колотился в закрытые окна. Воздух в комнате был спертым.

— И мы умные,— ухмыльнулся Коперник.— Правда, от тебя такого нахальства не ожидали. Поглядика.

Он запустил костлявую руку в карман пиджака, медленно достал что-то, перетянул через край карточного столика, по зеленому сукну и оставил лежать — поблескивающее, растянутое во всю длину. Нитка белого жемчуга с застежкой в форме пропеллера. Жемчуг слабо мерцал в густом дымном воздухе.

Ожерелье Лолы Барсали. Жемчуга, которые ей подарил летчик. Парень, который погиб, которого она до сих пор любит.

Я смотрел на них, не шевелясь. После долгой паузы Коперник сказал, почти печально:

— Красивые, верно? Ну, не хотите нам ничего рассказывать, мистер Марлоу?

Я встал, оттолкнул от себя стул, медленно прошел по комнате и остановился, глядя на жемчуг. Самая крупная бусина была, вероятно, треть дюйма в диаметре. Они были чисто белые, переливчатые, налитые. Я медленно поднял их со столика, где они лежали рядом с ее вещами. На ощупь они были тяжелые, гладкие, нежные.

— Красивые,— сказал я.— Сколько из-за них беды. Да, теперь я буду говорить. Они стоят, наверно, кучу денег.

Позади засмеялся Ибарра. Смех был очень деликатный.

— Около ста долларов,— сказал он.— Отличная подделка — но все-таки подделка.

Я снова приподнял нитку. Коперник злорадно пожирал меня стеклянными глазами.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— Разбираюсь в жемчуге,— ответил Ибарра.— Эти хорошего качества — женщины очень часто такие заказывают для безопасности. Но они скользкие, как стекло. Настоящие жемчужины шероховатые — попробуй на зуб.

Я прикусил две-три бусины и подвигал их зубами — взад-вперед, потом вбок. Не слишком вгрызаясь. Они были твердые и скользкие.

— Вот так. Очень хорошие,— повторил Ибарра.— На нескольких даже есть выпуклости и плоские места, как на настоящих.

— А были бы они настоящие — стоили бы они пятнадцать тысяч? — спросил я.

— Si. Возможно. Трудно сказать. Это от многого зависит.

— Ловкач был этот Уолдо,— заметил я.

Коперник вскочил, но я не заметил, как он размахнулся. Я все еще смотрел на жемчуг. Удар кулаком пришелся мне по лицу, сбоку, там, где коренные зубы. Я сразу ощутил вкус крови. Пошатнулся и притворился, что удар сильнее, чем был на самом деле.

— Садись и рассказывай, сволочь! — почти прошептал Коперник.

Я сел, прижав к щеке платок. Полизал ранку внутри рта. Потом встал, подошел и подобрал сигарету, которую он вышиб. Раздавил ее в пепельнице и снова сел.

Ибарра подпиливал ногти и поднес один из них к свету. На бровях у Коперника, во внутренних уголках, были капельки пота.

— Вы нашли бусы в машине Уолдо,— сказал я, глядя на Ибарру.— Бумаги какие-нибудь нашли?

Он покачал головой, не поднимая глаз.

— Тебе, пожалуй, поверю,— сказал я.— Ну, так вот. Я в жизни не видел Уолдо, пока он не вошел сегодня вечером в бар и не спросил про девушку. Я ничего от вас не скрыл. Когда я вернулся домой и вышел из лифта, эта девушка, в набивном жакете «фигаро», широкополой шляпе и синем платье шелкового крепа — все, как он описал,— ждала лифта здесь, у меня на этаже. И на вид казалась приличной девушкой.

Коперник издевательски хохотнул. Мне это было все равно. Он у меня вот где был. Надо было только довести это до его сведения. Сейчас, очень скоро, он это узнает.

— Я знал, с чем ей придется столкнуться, если она станет свидетелем от полиции,— продолжал я.— И подозревал, что за этим что-то еще кроется. Но ни на минуту не подозревал ее в чем-нибудь таком. Просто славная девушка попала в переделку — к тому же даже не понимала, что она в беде. Я привел ее сюда. Она навела на меня пистолет. Но стрелять не собиралась.

Коперник внезапно сел прямо и стал облизывать губы. Теперь лицо у него сделалось каменное. Как мокрый серый камень. Он не проронил ни звука.

— Уолдо раньше служил у нее шофером,— продолжал я.— Звали его тогда Джозеф Котс. Ее зовут миссис Фрэнк Барсали. Ее муж — крупный инженер-гидроэлектрик. Эти жемчуга ей подарил один парень, а она сказала мужу, что это дешевая подделка из магазина. Уолдо как-то разнюхал, что у них была любовь, и когда Барсали вернулся из Америки и выгнал его, потому что слишком он был смазлив, прихватил жемчуг с собой.

Ибарра внезапно поднял голову, блеснули зубы.

— То есть он не знал, что они поддельные?

— Я-то думал, что он сбыл настоящие и изготовил фальшивые,— сказал я.

Ибарра кивнул.

— Возможно.

— Он прихватил и еще кое-что,— сказал я.— Бумаги из портфеля у Барсали, из которых было видно, что он содержит любовницу в Брентвуде. Он шантажировал обоих — мужа и жену, а они ничего не знали друг о друге. Пока понятно?

— Понятно,— процедил Коперник хрипло, не разжимая губ. Лицо у него было по-прежнему, как сырой серый камень.— Вали дальше, черт бы тебя побрал.

— Уолдо их не боялся,— сказал я.— Не скрывал, где живет. Это было глупо, но раз уж он пошел на риск, избавляло от лишней мельтешни. Сегодня девушка приехала сюда с пятью тысячами, чтобы выкупить свой жемчуг. Она не нашла Уолдо. Поднялась сюда, а потом этажом выше, чтобы спуститься на лифте. Женское представление об осторожности. Так мы и встретились. Так я и привел ее к себе. Она и была в гардеробной, когда явился Эл Тессилоре, чтобы убрать свидетеля.— Я указал на дверь в гардеробную.— Она вышла со своим пистолетиком, ткнула его Элу в спину и спасла мне жизнь.

Коперник не шелохнулся. Теперь в лице у него было что-то жуткое. Ибарра вложил пилку в кожаный футлярчик и медленно засунул его в карман.

— Это все? — мягко спросил он.

Я кивнул.

— Только еще — она сказала мне номер квартиры Уолдо, и я отправился туда искать жемчуг. А нашел мертвеца. В кармане у него были новые ключи от машины в футляре из магазина «Паккард». А на улице я нашел «паккард» и отвез его владельцу. Любовнице Барсали. Барсали послал сюда друга из клуба «Спецция» кое-что выкупить, а тот попытался выкупать это не за деньги, которые ему дал Барсали, а с помощью револьвера. Но тут Уолдо оказался проворнее.

— Это все? — тихо спросил Ибарра.

— Все,— ответил я, зализывая изнутри порванную щеку.

Ибарра медленно осведомился:

— Чего ты хочешь?

Лицо Коперника исказилось, и он хлопнул себя по длинной твердой ляжке.

— Нечего сказать, молодец этот парень,— пролаял он.— Покупается на бабу и нарушает все до единого законы. А ты спрашиваешь, чего он хочет? Я ему выдам, чего он хочет, итальяшка!

Ибарра медленно повернул голову и взглянул на него.

— Не думаю,— сказал он.— Думаю, что ты ему можешь выдать только справку о состоянии здоровья и все, чего он захочет, в придачу. Он преподал тебе урок полицейской работы.

Коперник не шевелился и не издавал звуков целую минуту. Никто из нас не шевелился. Потом Коперник наклонился вперед, и пиджак у него распахнулся. Из кобуры под мышкой выглядывала рукоятка служебного револьвера.

— Так чего ты хочешь? — спросил он у меня.

— Забрать то, что лежит на столе. Жакет, шляпу и поддельный жемчуг. И чтобы некоторые фамилии не попали в газеты. Это как, слишком?

— Да, слишком,— сказал Коперник почти ласково. Он качнулся вбок, и револьвер сам собой впрыгнул ему в руку. Он уперся локтем в ляжку и направил револьвер мне в живот.

— Мне больше подойдет, если ты получишь пулю в кишки при сопротивлении аресту,— сообщил он.— Подойдет больше из-за моего рапорта — как я задержал Эла Тессилоре. Из-за моих фотографий, которые сейчас появятся в утренних газетах. Мне больше подойдет, чтобы ты не дожил до того дня, когда тебе вздумается над этим позубоскалить.

Во рту у меня внезапно стало жарко и сухо. Издали доносились порывы ветра. Они звучали, как выстрелы.

Ибарра подвигал ногами по полу и холодно сказал:

— Оба твоих дела теперь раскрыты и кончены, лейтенант. Все, что от тебя за это просят,— оставить здесь это барахло и не называть газетчикам кое-каких имен. То есть не называть их прокурору. Если он сам их узнает.

Коперник сказал:

— Мне больше нравится по-другому.— Синеватый пистолет у него в руке был словно каменный.— И не надейся на бога, если ты меня в этом не поддержишь.

Ибарра заметил:

— Если эту женщину вытащат на свет божий, выяснится, что ты подал фальшивый рапорт и обманул собственного напарника. Через неделю в полиции твое имя и упоминать перестанут — от него всех будет тошнить.

Раздался щелчок, и я увидел, как палец Коперника скользнул дальше вокруг курка.

Ибарра встал. Револьвер метнулся на него. Он произнес:

— Сейчас посмотрим, какие итальяшки трусы. Положи револьвер, Сэм.

Он двинулся вперед. Сделал четыре ровных шага. Коперник не двигался и не дышал, словно каменная статуя.

Ибарра сделал шаг, и внезапно револьвер затрясся.

Ибарра ровно сказал:

— Убери его, Сэм. Если ты не потеряешь голову, все останется, как было. Если потеряешь — тебе конец.

Он сделал еще шаг. У Коперника широко открылся рот, он глотнул воздух, а потом обмяк в кресле, словно его ударили по голове. Веки у него поникли.

Ибарра выхватил у него револьвер движением таким быстрым, словно это было вовсе и не движение. Он быстро отступил, держа револьвер в опущенной руке.

— Это все горячий ветер, Сэм. Забудем об этом,— произнес он все тем же ровным, почти изысканным тоном.

Плечи у Коперника дрогнули, и он зарылся лицом в ладони.

— О'кей,— выговорил он сквозь пальцы.

Ибарра неслышно пересек комнату и открыл дверь. Он посмотрел на меня ленивыми, полуприкрытыми глазами.

— Я бы тоже много сделал для женщины, которая спасла мне жизнь,— сказал он.— Покупаю твой рассказ, но как полицейскому он, конечно, мне не нравится.

Я сказал:

— Человечка, висевшего на кровати, зовут Леон Валесанос. Он был крупье в клубе «Спецция».

— Спасибо,— откликнулся Ибарра.— Пошли, Сэм.

Коперник тяжело поднялся, прошел по комнате и исчез за дверью и из моей жизни. Ибарра переступил вслед за ним через порог и стал закрывать дверь.

Я сказал:

— Подожди-ка.

Он медленно повернул голову, держа левую руку на ручке. В правой у него болтался синеватый револьвер.

— Я это не ради денег сделал,— сказал я.— Барсали живут на Фремонтплейс, дом 212. Можешь отвезти ей жемчуг. Если имя Барсали не попадет в газеты, я получу пять сотен. Они пойдут в Фонд полиции. Я вовсе не такой хитрый, как ты думашь. Просто так все вышло — и у тебя напарник оказался сволочь.

Ибарра взглянул от двери на жемчуг, лежавший на столике. Глаза у него блеснули.

— Забирай их,— сказал он.— Пять сотенных — неплохо. Фонду пригодятся.

Он тихо прикрыл дверь, и через секунду я услышал, как хлопнула дверца лифта.

7

Я открыл окно, высунул голову на ветер и смотрел, как полицейская машина выезжает из квартала. Ветер дул сильно — ну и пусть его. Со стены упала картинка, с карточного столика скатились две шахматные фигуры. Жакет «фигаро» Лолы Барсали приподнялся и затрепетал.

Я сходил в кухню, выпил виски, вернулся в гостиную и позвонил ей, несмотря на поздний час.

Она подошла к телефону сама, очень быстро, и голос был совсем не сонный.

— Марлоу,— сказал я.— У вас все в порядке?

— Да... да,— отвечала она.— Я одна.

— Я кое-что нашел,— сообщил я.— Вернее, не я, а полиция. Но ваш брюнетик вас надул. У меня тут нитка жемчуга. Поддельного. Наверное, он продал настоящий, а для вас заказал фальшивый, с вашей застежкой.

Она долго молчала. Потом спросила слабым голосом:

— Их нашла полиция?

— В машине Уолдо. Но они никому не скажут. Мы заключили сделку. Просмотрите утром газеты и поймете, какую.

— Больше, наверное, не о чем говорить,— сказала она.— Можно мне получить застежку?

— Да. Можете встретиться со мной завтра в четыре в баре клуба «Эсквайр»?

— Вы в самом деле очень добры,— произнесла она обессиленным голосом.— Могу. Фрэнк все еще на совещании.

— Ох уж эти совещания,— заметил я. Мы попрощались.

Я позвонил по номеру в западной части Лос-Анджелеса. Он был все еще там, у русской.

— Утром можете послать мне чек на пятьсот долларов,— сообщил я ему.— Сразу можете указать, что это в Фонд помощи полиции. Потому что деньги пойдут туда.

Коперник попал в утренние газеты на третью полосу — два фото и приличных полстолбца текста. Смуглый человечек из квартиры 31 не попал в газеты вовсе. У Ассоциации домовладельцев тоже хорошие связи.

Я вышел на улицу после завтрака, и ветра больше не было. Было мягко, прохладно, слегка туманно. Небо было низкое, уютное и серое. Я доехал до бульвара, выбрал там лучший ювелирный магазин и выложил нитку жемчуга на черный бархат под голубоватой лампой. Человек в тугом воротничке и полосатых брюках бросил на нее апатичный взгляд.

— Насколько они хороши? — осведомился я.

— Извините, сэр. Не оцениваем. Могу дать адрес оценщика.

— Не разыгрывайте меня,— сказал я.— Это фальшивка.

Он поправил лампу, наклонился и повертел в пальцах бусы.

— Мне нужна точно такая нитка, с этой застежкой, и быстро,— сказал я.

— Как это точно такая? — Он не поднял головы.— Это все-таки богемское стекло.

— О'кей, можете вы сделать дубликат?

Он покачал головой и оттолкнул бархатную подставку, словно боялся запачкаться.

— Может быть, через три месяца. У нас в стране такого стекла не выдувают. Если хотите точно такие — по меньшей мере три месяца. А наша фирма вообще этим не занимается.

— Здорово, наверное, быть таким разборчивым,— сказал я. Под его черный рукав я подложил свою карточку.— Дайте мне адрес, где сделают, и не через три месяца, и, может быть, не точно такие.

Он пожал плечами, ушел с карточкой, вернулся через пять минут и отдал ее обратно. На обороте было что-то написано.

У старого левантинца лавка находилась на авеню Мелроз — лавка старьевщика, где в витрине было выставлено все: от детской складной коляски до французского охотничьего рога, от перламутрового лорнета в выцветшем плюшевом футляре до одного из этих шестизарядных специальных пистолетов сорок четвертого калибра, что все еще изготовляются для полисменов с Запада, у которых дедушки были опасные парни.

Старик левантинец был при ермолке, двух парах очков и окладистой бороде. Он обследовал мой жемчуг, грустно потряс головой и заявил:

— За двадцать долларов, почти такие же. Не совсем такие, вы же понимаете. Стекло будет похуже.

— Как они будут на вид?

Он развел крепкими сильными руками.

— Скажу вам правду. Даже младенец, и тот разберется.

— Делайте,— велел я.— С этой же застежкой. А эти мне, конечно, вернете.

— Ага. В два часа,— обещал он.

Леон Валесанос, смуглый маленький уругваец, попал в дневные газеты. Его нашли повешенным в квартире, номер которой не указывался. Полиция вела расследование.

В четыре часа я вошел в длинный прохладный бар клуба «Эсквайр» и стал искать нужную кабинку, пока не нашел ту, где в одиночестве сидела женщина. На ней была шляпа вроде неглубокой обеденной тарелки с очень широким краем, коричневый костюм со строгой блузкой мужского покроя и галстуком.

Я сел рядом и подвинул к ней по сиденью небольшой пакет.

— Не открывайте,— сказал я.— Собственно, можете сразу сжечь это с мусором, если хотите.

Она взглянула на меня усталыми темными глазами. В пальцах она вертела тонкий стакан, от которого пахло мятой.

— Спасибо.— Она была очень бледна.

Я заказал виски с содовой, и официант отошел.

— Читали газеты?

— Да.

— Теперь поняли насчет этого Коперника, который украл ваш эстрадный номер? Поэтому-то они ничего не меняют в его рассказе и не привлекают вас.

— Теперь это уже не важно,— сказала она.— Все равно, спасибо вам. Можно... можно мне на них посмотреть?

У себя в кармане я вытащил нитку жемчуга из папиросной бумаги и подвинул к ней через стол. Серебряная застежка-пропеллер мигнула в свете бра. Мигнул и бриллиантик. Жемчужины были тусклые, как белое мыло. Они даже по размеру не совпадали.

— Вы были правы,— безжизненно сказала она.— Это не мой жемчуг.

Подошел официант с моим виски, и она поспешно поставила на них сумку. Когда он отошел, она еще раз медленно перебрала их, уронила в сумку и улыбнулась мне сухой и вялой улыбкой.

— Как вы сказали, я оставлю себе застежку.

Я медленно произнес:

— Вы ничего обо мне не знаете. Вчера вы спасли мне жизнь, и между нами было что-то, но всего на секунду. Вы по-прежнему ничего обо мне не знаете. В полицейском участке в центре есть сыщик по имени Ибарра, симпатичный итальянец, который нашел жемчуг в чемодане Уолдо. Это на случай, если вы захотите проверить...

Она сказала:

— Не говорите глупостей. Все кончено. Это было воспоминание. Я слишком молода, чтобы жить воспоминаниями. Может быть, все к лучшему. Я любила Стэна Филипса, но его нет... давно нет.

Я смотрел на нее, не отвечая.

Она спокойно добавила:

— Сегодня утром мой муж сообщил мне одну новость. Нам придется расстаться. Так что у меня сегодня мало поводов для смеха.

— Мне очень жаль,— неуклюже произнес я.— Что здесь скажешь. Может быть, мы еще увидимся. Может быть, и нет. Я редко вращаюсь в ваших кругах. Желаю удачи.

Я встал. Мы мгновение смотрели друг на друга.

— Вы не притронулись к своему виски,— сказала она.

— Выпейте вы. А то от этой мятной штуки вам станет плохо.

Я постоял еще немножко, положив руку на стол.

— Если у вас будут неприятности,— сказал я,— дайте мне знать.

Я вышел из бара, не оглянувшись, сел в машину и поехал по Сансету к берегу. По пути повсюду в садах было полно почерневшей, увядшей листвы и цветов, сожженных горячим ветром.

Но океан был на вид спокойный, прохладный и такой же, как всегда. Я доехал почти до Малибу, остановился, вышел и сел на большой камень за чьим-то проволочным забором. Прилив только начался. Пахло водорослями. Я немножко поглядел на воду, потом достал из кармана нитку поддельного жемчуга из богемского стекла, отрезал узелок на конце, и жемчужины по одной соскользнули с нитки.

Держа их в левой руке, я еще немного посидел и подумал. Думать, собственно, было не о чем. В этом я был уверен.

— Посвящается памяти мистера Стэна Филипса,— сказал я вслух.— Любителя пускать пыль в глаза.

Я стал швырять жемчужины одну за другой в чаек, качавшихся на воде.

Они давали маленькие всплески, и чайки поднимались с воды и пикировали на эти всплески.

Перевела с английского
М. ШАТЕРНИКОВА.

Сотни писем получила редакция журнала в ответ на призыв провести читательский референдум по рубрике «Библиотека зарубежного детектива». Читатели Подмосковья и Сибири, Урала и Дальнего Востока, Прибалтики и Средней Азии советовали, радовались, негодовали, желали и предлагали. Спасибо всем, кто принял участие в нашем обсуждении.

А теперь по порядку. Начнем с критики в адрес журнала. «Прочитав ваше сообщение в № 7, я понял, что вы начинаете выдыхаться...» Статьи об острых проблемах, стоящих перед страной «в самый ответственный период перестройки, нельзя подменять детективными материалами» — таково мнение юриста Александра Сорокина из Соликамска. Эрик Парадник из Даугавпилса заключает свое письмо энергичным призывом: «Лучше публикуйте работы об истории СССР!» Возражают против публикации детективов и инженер Владимир Иориш из Ленинграда, и О. Савельев из Москвы.

Хотим успокоить наших читателей: от того, что «Огонек» начинает печатать детектив, количество острых проблемных материалов на его страницах не убавится. Что же касается детективного жанра — это живая часть литературы. Детектив, как всякое литературное произведение, может быть талантливым или бесталанным, хорошим или плохим. Мы за хороший детектив.

Кроме того, у нас есть моральный долг перед читателями, которые в конце прошлого года не смогли дочитать детективную повесть «На темной стороне Луны». И, наконец, письма. Их анализ показал, что огромное большинство читателей за детектив.

Правда, и здесь мнения разделились. Одни предлагают обратиться к именам, хорошо известным советскому читателю: А. Кристи, Ж. Сименон, Дж. Х. Чейз... Другие считают, что «Огонек» просто обязан совершить маленькую революцию в деле популяризации западного детектива и обратиться к именам, вовсе не известным у нас. «Это расширит кругозор»,— считает семья Мальченко, «обладает притягательной силой» (Д. Летов, Ленинград).

Целое исследование прислал нам С. М. Червонный из Харькова. «Следует познакомить советского читателя,— пишет он,— с такими авторами, как Габорио, Леру, Мейсон, Леблан, Вен Дайн, Куин, Сэйерс...» (всего 27 имен).

Кто же из авторов победил? Чьи произведения желает увидеть на страницах журнала большинство читателей?

Как в письмах тех, кто ратует за неизвестного автора, так и в письмах тех, кто предпочитает апробированные имена, чаще всего встречается имя Себастьена Жапризо.

«Считаю С. Жапризо лучшим мастером сюжета»,— пишет М. Соколова из Севастополя. Хотят прочитать произведения С. Жапризо Иван Кунах (Никополь), семья Романовых (Орша), Г. Король (Купавна), В. Козловский (Москва) и многие другие читатели.

Себастьен Жапризо — псевдоним Жана-Батиста Росси. Жан-Батист Росси родился в 1931 году в Марселе. Его первый роман — автобиографический — «Дурное начало», вышел в 1950 году. Позднее он сам снял по нему фильм.

Широкую известность принес Себастьену Жапризо его первый небольшой и превосходно сконструированный роман «Убийство в спальном вагоне». Поставленный по нему в 1965 году фильм режиссера Коста-Гавраса имел изрядный успех. В нем снимались Симона Синьоре (Даррэс), Ив Монтан (Грацци), Жан-Луи Трентиньян (Габер). Роман был переведен в США, Японии, Италии, Мексике и других странах, но отчего-то остался не замеченным в СССР.

«Убийство в спальном вагоне» означало появление во французской литературе своеобразного, ни на кого не похожего мастера детектива. О плодотворности работы в этом жанре свидетельствуют и другие его романы: «Ловушка для Золушки», «Дама в автомобиле, в очках и с ружьем», «Убийственное лето» (все три были переведены в нашей стране), все три были экранизированы различными французскими режиссерами. Сейчас Себастьен Жапризо работает над новым романом, а Жан-Батист Росси готовится снимать новый фильм.

Хотелось бы сказать несколько слов и об авторе перевода. Александр Брагинский — член СЖ СССР и СК СССР. В его переводе выходил роман С. Жапризо «Убийственное лето». Он автор многих книг, переводов и статей по истории французского кино.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

УБИЙСТВО

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ

Себастьен ЖАПРИЗО

ВОТ КАК ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ

Поезд прибыл из Марселя.

Но у человека, который должен был осмотреть его проходы и опустевшие купе, он именовался еще «Марсельцем, семь пятьдесят, после которого можно и перекусить». Поезд, что пришел до него из Аннеси, тоже имел прозвище — «Без двадцати пяти восемь». В нем он обнаружил два плаща, зонтик и испорченное отопление. Наклонившись с гаечным ключом в руке над поломкой, он видел, как «Марселец» остановился по другую сторону перрона.

Был ясный и довольно холодный субботний день, какой иногда случается в начале октября. Пассажиры, приехавшие с юга, где еще купались и загорали, с удивлением взирали на струйки пара, вырывавшиеся изо рта, когда они разговаривали с встречающими.

Человеку, осматривавшему проходы в вагонах, было 43 года. Его звали Пьером, но товарищи называли его Бэби. Он славился крайне левыми взглядами. Размышляя в эту несколько прохладную субботу в 7.53 утра на Лионском вокзале о предстоящей на следующей неделе забастовке, он испытывал лишь чувство голода и желание подкрепиться крепким кофе.

Вагоны «Марсельца» должны были отогнать не раньше чем через добрых полчаса. Поэтому он решил, сойдя с пришедшего из Аннеси поезда, сначала пойти выпить кофе и в 7.56 уже находился в подсобке в конце пути «М», где, держа в руках желто-красную чашку и сдвинув на затылок кепку, обсуждал с близоруким контролером и негром-подручным вопрос о смысле забастовки во вторник, то есть в такой день недели, когда ровно никто никуда не ездит.

Говорил он медленно, спокойно, доказывая, что кратковременная забастовка напоминает рекламу и что главное — нанести удар по самомнению буржуазии. Двое других сказали, что он, конечно, прав. С ним вообще легко соглашались. Это был высокий, тяжеловесный человек, с размеренными жестами, тягучим голосом и большими, спокойными, очень молодившими его глазами. У него была репутация человека, который не вздрогнет, если кто-либо неожиданно хлопнет его по плечу, то есть мужчины с крепкими нервами.

В 8.05 утра он уже шел по проходам «Марсельца», открывая и закрывая застекленные двери купе.

В четвертом вагоне второго класса, в третьем купе от конца, он обнаружил черно-желтый забытый шарф, на котором шитьем была изображена бухта Ниццы. И, конечно, вспомнил Ниццу, набережную

Промнад дез-Англе, казино, маленькое кафе в районе Сен-Рош. Он дважды был в Ницце — сначала, когда ему было 12 лет и его отправили в детскую колонию, и потом в 20, во время свадебного путешествия.

Ницца.

В следующем купе он обнаружил труп.

В кино на детективных фильмах он обычно засыпал в самом начале, а тут сразу догадался, что перед ним труп. Женщина с отблесками дневного света в открытых глазах лежала на нижней правой полке, как-то странно сложив ноги, так что ступни оказались под полкой. Ее одежда — темный костюм и белая блузка — была в беспорядке, но не более, показалось ему, чем у любой пассажирки, решившей прилечь одетой на полку второго класса. Левая худощавая рука убитой вцепилась в край полки, а правая уперлась в тощий матрас. Создавалось впечатление, будто тело застыло, когда она пыталась подняться. Юбка была слегка приподнята на бедрах. Черная лодочка с очень тонким каблуком валялась на соскользнувшем на пол свернутом в валик сером дорожном одеяле.

Человек, проверявший проходы, грубо выругался и в течение 12 секунд смотрел на труп. На 13-й секунде он обратил внимание на спущенную в купе штору, а на 14-й взглянул на свои часы.

Было 8.20 утра. Он снова выругался, соображая, кого надо поставить в известность, и на всякий случай поискал в кармане ключ, чтобы запереть помещение.

Спустя еще 50 минут, когда штора была поднята и солнце освещало коленки лежащей женщины, в купе уже вспыхивали «блицы» фотографов уголовной полиции.

Она была брюнеткой, молодая, пожалуй, тоненькая, пожалуй, высокая, пожалуй, красивая. На шее, повыше выреза блузки, виднелись следы, свидетельствовавшие о том, что смерть наступила от удушения. В самом низу след походил на маленькие, расположенные в одну линию круглые пятнышки, верхний же — и самый глубокий — был плоский, обрамленный черным утолщением. Врач спокойным жестом указал на него присутствующим и подчеркнул, что чернота подтверждает версию о том, что убийца воспользовался грязным ремнем.

Трое мужчин в пальто, окруживших врача, приблизились, чтобы в этом убедиться. Под их ногами затрещали раздавленные жемчужины. В этих разбросанных повсюду стекляшках — на простыне, где лежала женщина, на соседней полке, на полу и даже выше пола, на подоконнике, всюду — отражались лучи солнца. Позднее еще одну жемчужину нашли в правом кармане темного костюма женщины. Ожерелье было, по-видимому, куплено в магазине стандартных цен в отделе дешевой бижутерии.

Врач сказал, что, судя по первому впечатлению, убийца сначала был позади жертвы и только потом набросил на ее шею ремень. В результате ожерелье распалось. На затылке не было кровоподтеков, целы были и шейные позвонки. Зато сильно пострадали адамово яблоко и боковые мускулы шеи.

Женщина явно не защищалась. Ногти ее были в порядке. Лак сошел только на среднем пальце правой руки. Убийца либо намеренно, либо во время борьбы опрокинул ее на полку. Насколько можно было судить, жертва скончалась в течение двух или трех минут. Смерть наступила часа два назад, вскоре по прибытии поезда на вокзал.

Один из мужчин, сидевший на краю нижней левой полки, глубоко засунув руки в карманы пальто, в нахлобученной на голову шляпе, едва шевеля губами, задавал вопросы. Врач профессиональным жестом слегка приподнял голову убитой, присев сбоку от нее, и сказал, что утверждать что-либо еще рано, но, по его мнению и принимая во внимание действия убийцы, тот был ненамного выше и не сильнее своей жертвы. То есть это могли быть и мужчина, и женщина. Последние, однако, не душат, вот в чем дело. Он обследует труп в конце дня в анатомичке. Взяв портфель и пожелав человеку на кушетке удачи, врач удалился, закрыв за собой дверь купе.

Сидевший мужчина вытащил правой рукой из кармана сигарету, зажав ее двумя пальцами. Один из его спутников поднес ему огонь, а затем, засунув руки в карманы пальто, прислонился лбом к оконному стеклу.

На перроне, как раз на уровне окна, молча курили сотрудники уголовной полиции, ожидая, когда им освободят помещение. В стороне горячо обсуждала происшествие группа полицейских, служащих и мойщиков окон. Около двери вагона стояли носилки из синтетической ткани, с потемневшими ручками.

Человек, смотревший в окно, вынул из кармана пальто носовой платок, высморкался и объявил, что явно заболевает гриппом.

Находившийся позади него человек в шляпе заметил, что это очень печально, но что его грипп повременит, надо же кому-то расследовать дело. Назвал его Грацци и сказал, что ему, Грацци, придется этим заняться. Затем встал, снял шляпу, вынул из тульи платок, шумно высморкался и заявил, что тоже, черт побери, заболел гриппом, положил платок обратно в шляпу, шляпу надел на голову и сказал глухим от насморка голосом, еле двигая губами, что советует Грацци не мешкать. Сумочка. Одежда. Чемодан. Первое — узнать, кто эта красотка. Второе — откуда она ехала, где проживает, с кем знакома и все такое. Третье — список лиц, забронировавших места в купе. Доложить вечером в 7 часов. Хотелось бы на сей раз услышать поменьше, чем обычно, глупостей, совсем было бы недурно. Следствие ведь любимое занятие Фрегара. Общий привет! Главное, уметь все подать. Ясно? Подать.

Он вынул при этом руку из кармана и сделал округлый жест.

Третий человек, подбиравший жемчужины с пола, поднял глаза и спросил патрона, что делать ему? Раздался громкий смех, после чего глуховатым от насморка голосом патрон произнес: «Что тебе, рохле, остается делать? Нанизывай-ка на нитку то, что сейчас находится в твоих руках. На что ты еще годишься?»

Затем мужчина в шляпе обернулся к тому, кто все еще смотрел через окно. Это был худощавый, высокий человек с тусклыми волосами, сутулый в свои 35—40 лет от неукоснительного повиновения, одетый в светло-синее пальто с потертыми обшлагами. К стеклу пристала грязь. Немногое же мог он увидеть через такое стекло.

Полицейский в шляпе сказал, что пусть он, Грацци, не забудет заглянуть в другие купе, кто знает, что там найдется, и даже если ни черта нет, это все равно придаст вес отчету: надо ведь все уметь подать.

Он хотел еще что-то добавить, снова произнес «черт побери», сказал, что в руках у подбиравшего жемчужины нечто весьма важное, что он ждет их на Кэ * в полдень, чао, и ушел, не закрыв дверь.

Мужчина у окна обернулся. Лицо у него было бледное, глаза голубые, взгляд спокойный. Он сказал коллеге, склонившемуся над полкой, где с омертвевшими мускулами лежала убитая, что поистине жизнь часто ставит совершенно непредвиденные подножки.

Это была небольшая замусоленная записная книжка в красной обложке с блестящей спиралью и квадратными листами бумаги. В Банье, в магазине писчебумажных принадлежностей, хозяин которого пил и бил жену, она стоила франков десять.

Тот, кого коллеги называли Грацци, развернул ее в кабинете на втором этаже вокзала, чтобы занести первые впечатления. Было около одиннадцати часов дня, «Марселец» вышел из Марселя 4 октября в 22 часа 30 минут. В пути он по расписанию останавливался в Авиньоне, Валансе, Лионе и Дижоне.

Шесть мест в купе, где была обнаружена жертва, имели, считая снизу, номера с 221-го по 226-й: нечетные — слева, четные — справа. Пять из них были заняты в Марселе, шестое, № 223, оставалось свободным до Авиньона.

Жертва лежала на полке № 222. Найденный в ее сумочке билет свидетельствовал о том, что она села в поезд в Марселе и что ночью занимала полку № 224, если только не поменялась с кем-то из пассажиров.

Билеты у пассажиров второго класса проверялись только раз, после остановки в Авиньоне, между 23.30—00.30. С контролерами удалось связаться после полудня. Они сообщили, что никто из пассажиров не опоздал на поезд, но что, к великому огорчению, они не могут ничего вспомнить о тех, кто занимал это купе.

Кэ д'Орфевр, 11.35.

Одежда, белье, дамская сумочка, чемодан, обувь, обручальное кольцо жертвы дожидались на столе одного из инспекторов — далеко не лучшего, кстати сказать. К ним была приложена копия описи, сделанная стажером отдела опознаний Безаром.

Бродяга, которого допрашивали за соседним столом, мрачно пошутил по поводу содержимого разорвавшегося во время путешествия по этажам бумажного мешка, из которого вывалились совсем новые нейлоновые вещи. Тот, кого звали Грацци, посоветовал ему заткнуться, на что бродяга охотно согласился и стал требовать, чтобы его немедленно выпустили. Тогда инспектору, сидевшему напротив, пришлось ему пригрозить. Дама, присутствовавшая как свидетельница «от начала до конца» при каком-то дорожном происшествии, встала «на сторону угнетенных». Перепалка сопровождалась шумом падающих предметов, которые Грацци пытался все сразу перенести на свой стол.

Еще до того, как инцидент был исчерпан, Грацци уже ознакомился с половиной доставленных предметов. По мере того, как он их разбирал, вещи стали заполнять его стол, сползли со стула, оказались разбросанными по паркету и вторглись на столы соседей, которые проклинали его за то, что он не умеет заниматься делом на своем месте.

Отпечатанная на машинке опись отдела опознаний сопровождалась некоторыми добавочными сведениями. Обнаруженную в кармане костюма жемчужину приобщили к собранным в купе, ее обследуют. Отпечатки пальцев на сумочке, чемодане, туфлях и вещах в чемодане принадлежали в большинстве случаев самой убитой. Сравнение остальных отпечатков с теми, которые обнаружили в поезде, займет время, так как они не очень свежие и не очень хорошего качества. Пуговичка от блузки, найденная в купе, передана на экспертизу вместе с жемчужинами. На свернутой вчетверо бумажке размером 21×27, найденной в сумочке, неумелой рукой были набросаны неприличные рисунки с подписями — по-видимому, ребус, предложенный коммивояжером спутникам. Кстати, из настойчивых объяснений Безара (занявших 14 строк на машинке) было ясно, что ребус составлен неграмотно. По-видимому, наверху уже достаточно порезвились — ребус стал сегодня главной забавой в Управлении.

К полудню ребус перекочевал на другие этажи, и патрон, сидя в шляпе за своим столом, предлагал с карандашом в руке трем инспекторам, весело опровергавшим его варианты, разные решения, сопровождая свои слова громким насморочным смехом. Когда тот, кого называли Грацци, как обычно, сутулясь и сморкаясь, вошел в комнату, установилась тишина.

Патрон сдвинул шляпу на затылок, сказал — ладно, ребята, ему надо поговорить с Шерлоком Холмсом, у которого, видно, не все гладко, они могут смыться. Карандаш остался у него в руке, а локтем он оперся о лист с неприличными рисунками. В уголках рта и в складках глаз застыла усмешка. Опустив глаза, он продолжал рисовать и тогда, когда Грацци, прислонившись к радиатору и просматривая записи в своей красной записной книжке, начал докладывать.

Жертву звали Жоржетта Тома. 30 лет. Родилась во Флераке, департамент Дордонь. Двадцати лет вышла замуж за Жака Ланжа, с которым развелась спустя четыре года. Рост 1 метр 63, брюнетка, голубые глаза, кожа белая, никаких особых примет. Представительница-стендист фирмы предметов роскоши Барлен. Проживала по улице Дюперре, дом 14. Находилась в Марселе в связи с показом там образцов продукции, с 1 октября до вечера 4 октября. Жила в отеле «Мессажери» на улице Феликс-Пиа. Питалась в различных заведениях на улице Феликс-Пиа и в центре. Зарабатывала 922,58 франка в месяц за вычетом налогов. Имеет на счету в банке 774,50 франка. Наличные в сумочке — 342,93 франка плюс канадский доллар. По всему видно, что мотивом убийства не было ограбление. Следует проверить адреса в записной книжке. В вещах нет ничего особенного — пустой тюбик аспирина, который она могла бы и выбросить, несколько фотографий ребенка, довольно нежное письмо по поводу отсрочки свидания, начинающееся словами «моя перепелочка», без даты и подписи, все.

Патрон сказал: ладно, ясно, как апельсин, надо, чтобы теперь люди побегали высунув язык. Он вытащил из кармана смятую сигарету, выправил ее пальцами. Поискал спички. Грацци дал ему прикурить. Наклонившись над огнем, патрон сказал, что, во-первых, если она живет на улице Дюперре, значит, там же где-то и питается. Он вынул изо рта сигарету, закашлялся и сказал, что пора бросить курить. Второе — заведение Барлен. Третье — найти родственников, пусть ее опознают.

Затем посмотрел на ребус, лежавший перед ним, и со слабой улыбкой заметил, что он забавный. Что думает Грацци по поводу этой штуки?

Грацци ничего не думал.

Патрон опять сказал «ладно» и встал. У него была назначена встреча с сыном в одном из бистро на Старом рынке. Сын хотел учиться живописи. Двадцать годков — и ветер в голове. Труба и живопись — вот все, что его интересует. Болван у него сын.

Надевая пальто, он остановился и повторил, подчеркивая это жестом руки, что Грацци может ему поверить: его сын — болван. Что, к сожалению, не отражается на его отцовских чувствах. Уж Грацци может поверить: сын разрывает ему сердце.

Он опять сказал «ну, ладно» и что возвратится позднее. А что слышно о списке лиц, забронировавших места? Железная дорога, как обычно, не торопится с ответом. В любом случае не стоит обременять лабораторию проверкой всех отпечатков пальцев. Придушить красотку мог только непрофессионал. Грацци не успеет опомниться, как этот негодник окажется у него в руках: я любил ее, и всякое такое. И можно будет передать его свинье Фрегару.

Надев на шею шерстяной клетчатый шарф, он застегивал пальто на большом животе, который носил вперед, как беременная женщина, и не отрывал

---

* Кэ д'Орфевр — набережная Орфевр, где находится полицейское управление.— *Прим. пер.*

глаз от галстука Грацци. Патрон никогда не смотрел людям в глаза. Говорили, что у него в детские годы случилось что-то со зрением. Но разве можно поверить, что он был когда-то ребенком?

В коридоре, когда Грацци уже входил в комнату инспекторов, патрон обернулся и сказал, что совсем позабыл одну вещь. В деле с игральными автоматами замешано слишком много людей, все очень не просто. Так что не следует зарываться и лучше передать материалы в отдел борьбы с хищениями. Если Грацци увидит в здании слоняющегося журналиста, пусть сбагрит ему убийство этой красотки и поскорее закроет дело. После чего приветик!

Первый газетчик схватил Грацци за рукав часа в четыре дня, когда тот возвращался с улицы Дюперре в сопровождении белобрысого собирателя жемчужин. У этого журналиста была серьезная улыбка и вполне процветающий вид находящегося на гонораре репортера газеты «Франс суар».

Грацци подарил ему задушенную с Лионского вокзала, сделав все обычные в таком случае оговорки. И в знак особого расположения вытащил из портфеля копию фотографии с удостоверения личности. Жоржетта Тома была на ней именно такой, какой ее обнаружили,— аккуратно подкрашенной и причесанной женщиной, узнать которую не представляло труда.

Журналист присвистнул, внимательно все выслушал, записал, посмотрел на ручные часы, сказал, что помчался в морг, там у него есть «подмазанный» приятель, и, если повезет, он еще поговорит с консьержкой с улицы Дюперре, которая отправилась опознать жертву. У него пятьдесят минут, чтобы сдать заметку в последний выпуск газеты.

Он умчался, и в последующие четверть часа все парижские газеты уже были в курсе дела. Только их это мало волновало: следующий день был воскресным.

В 16.15, расстегивая пальто и готовясь звонить по адресам из записной книжки жертвы, Грацци обнаружил на столе список лиц, забронировавших в «Марсельце» места с 221 по 226. Все шесть это сделали заранее, за сутки или двое:

221 — Риволани	пятница,	4 октября,	Марсель
222 — Даррэс	четверг,	3 октября,	Марсель
223 — Бомба	четверг,	3 октября,	Авиньон
224 — Тома	пятница,	4 октября,	Марсель
225 — Гароди	четверг,	3 октября,	Марсель
226 — Кабур	среда,	2 октября,	Марсель

Услуга за услугу, и тот, кого звали Грацци, позвонил в морг, чтобы попросить журналиста включить в свою заметку эти имена. На другом конце провода кто-то сказал — «минуту», и Грацци ответил, что не вешает трубку.

СПАЛЬНОЕ МЕСТО № 226

Рене Кабур вот уже восемь лет носил одно и то же пальто из мартингала. Большую часть года он не снимал шерстяных перчаток, вязаный свитер с рукавами и большой шарф, который сковывал его движения.

Кабур был мерзляком, быстро заболевал, и с наступлением холодов его обычно дурное настроение портилось еще больше.

Каждый вечер, после 17.30, он покидал место работы в филиале «Прожин» («Прогресс на вашей кухне») в южной части города. Хотя остановка автобусов находилась напротив его конторы на площади Алезия, он отправлялся на конечную станцию Порт д'Орлеан своего 38-го маршрута, чтобы наверняка сесть, и на всем пути до Восточного вокзала не отрывал глаз от газеты. Читал он «Монд».

В этот вечер, не похожий на другие, ибо он лишь сегодня вернулся из командировки, первой за последние десять лет, Кабур отступил от некоторых своих привычек. Во-первых, забыл в ящике стола перчатки: он так спешил вернуться домой, где не убирался целую неделю, что решил плюнуть на них. Затем — чего с ним никогда не случалось — зашел в пивную на Порт д'Орлеан и выпил за стойкой кружку. С момента выезда из Марселя ему все время хотелось пить. В купе он спал одетый, потому что вместе с ним ехали женщины, и еще оттого, что не был уверен в чистоте своей пижамы. Выйдя из пивной, он заглянул в три газетных киоска. «Монд» среди вечерних выпусков не оказалось, и он купил «Франс суар». К тому же он спешил: автобус его уже прибыл на остановку.

Сев где-то в середине, подальше от колес и около окна, он, не глядя, перевернул первую страницу. Более серьезные внутренние полосы не так портили ему настроение. Он не любил шума, громкого смеха, соленых шуток. Такое же впечатление производили на него и крупные заголовки.

Кабур чувствовал себя усталым, глаза давила какая-то тяжесть, похоже, что назревал грипп. В купе он спал на верхней полке, с которой боялся упасть, и лежал, уткнувшись в сложенный пиджак, потому что с подозрением относился к железнодорожным подушкам. Он спал, но слышал, как поезд постукивает на стыках, и мучился от жары. До него доносились голоса дикторов на вокзалах, и не покидали глупые страхи: катастрофы, порчи отопления, кражи бумажника из-под головы и еще бог знает чего.

С Лионского вокзала он вышел без шарфа, в смятом пальто. В Марселе всю неделю стояла летняя погода. И он все время вспоминал залитую солнцем улицу Каннебьер в тот день, когда шел пешком к старому порту, щурясь и наблюдая за прогуливавшимися женщинами. Ему всегда становилось не по себе от их покачивающихся бедер. А теперь он в довершение всего еще подхватил грипп.

Он и сам не знал, почему подумал — в довершение всего. Из-за девушек, вероятно, может быть, из-за своей застенчивости, из-за своих 38 холостяцких лет. Из-за своего полного зависти взгляда, которого он стыдился, но с которым ему не всегда удавалось справиться, когда он сталкивался с молодой, счастливой и богатой парой. Из-за совершенной глупости и той боли, которую теперь от этого испытывал.

Он вспомнил Марсель, где мучения его были еще горше, чем весной в Париже, и еще об одном из вечеров двое суток назад. Кабур с чувством стыда поднял глаза. С детских лет он инстинктивно старался убедиться, что никто не догадывается, о чем он думает. Тридцать восемь лет.

На скамейке перед ним молодая женщина читала «Монд». Он огляделся, заметил, что они доехали до Шатле и что не прочитал ни строчки в своей газете.

Он ляжет пораньше. Вечером, как обычно, поужинает в ресторане «У Шарля» в нижнем этаже своего дома. Уборку же отложит на завтра. Для этого ему хватит воскресного утра.

В газете, которую он, по-прежнему не читая, лишь бегло пробегал глазами, он вдруг увидел свою фамилию. Однако не задержался на ней и по-настоящему стал читать лишь тогда, когда понял, что речь идет о прошлой ночи, о купе и поезде.

Сначала Кабур прочитал ничего для него не значащую фразу о том, что в купе «Марсельца» что-то случилось минувшей ночью. А двумя строчками выше, наконец, что некто Кабур занимал в этом купе одну из полок.

Ему пришлось вытянуть руку, чтобы сложить газету и вернуться на первую полосу, где начиналась заметка. Сосед недовольно подвинулся.

Однако еще до того, как он прочел заголовок, Кабур с болью в сердце узнал женщину. Несмотря на плохой отпечаток, она выглядела чем-то нереальным, словно вновь встреченным на углу улицы человеком, казалось бы, навсегда тебя покинувшим.

Сквозь черно-серую типографскую краску он снова увидел цвет ее глаз, густую шапку волос, блеск улыбки, решившей все и породившей у него в те жалкие пятнадцать минут первого ночи глупые надежды. До него донесся не слишком понравившийся ему запах ее духов, он вспомнил, как женщина, стоя рядом с ним, слегка повысила голос и повернулась немного суховатым движением плеч, точно так же, как это делает на ринге боксер, заметив промах противника.

Какой-то комок подкатил к его горлу, сердце застучало с такой силой, что он дотронулся пальцами до шеи.

Машинально повернувшись к стеклу и увидев в нем свое отражение, он понял, что автобус уже следует по Страсбургскому бульвару и подъезжает к его остановке. Прочитав подпись под фотографией и несколько строк из начала статьи, он отложил газету.

В автобусе осталось несколько человек. Он сошел последним, держа в правой руке кое-как свернутые листы «Франс суар».

Пересекая площадь перед Восточным вокзалом, он заново ощутил запахи, которые сопровождали его в поездке, и будто впервые — привокзальный шум, хотя проходил здесь каждый день, никогда ничего не замечая. Теперь он услышал, как позади освещенного здания засвистел подошедший поезд, как отходили и прибывали другие поезда. Задушенную женщину нашли на кушетке после прибытия поезда на вокзал. Ее звали Жоржеттой Тома. Накануне она была для него только золотой буквой «Ж» на сумочке, женщиной с низким, немного глуховатым голосом, мило предложившей ему сигарету «Винстон», когда они обменялись несколькими фразами в проходе. Он не курил.

На другой стороне площади, прямо на тротуаре, он уже не мог сдержать свое нетерпение и развернул газету. Вблизи не оказалось фонаря, и он с газетой в руке открыл дверь пивной, но едва не отступил перед нахлынувшим на него теплым воздухом и шумом. Однако, сощурившись, все же вошел, пересек полный зал и нашел место на диванчике рядом с тихо разговаривавшей парой.

Не раздеваясь, Кабур сел и положил газету на блестящий красный столик, для чего ему пришлось сдвинуть в сторону две большие кружки, стоявшие на мокрых картонных кружочках.

Сидевшая рядом пара покосилась на него. Им было лет по сорок, мужчине, пожалуй, больше. Они выглядели помятыми, немного грустными людьми, чья жизнь уже устоялась и которые встречаются лишь на часок после работы. Кабур нашел, что пара некрасива, более того — неприятна ему, потому что оба были немолоды, у женщины появился второй подбородок, и, вероятно, дома ее ждали муж и малыши, вот почему.

Подошедший официант очистил маленький столик. Рене Кабуру пришлось поднять газету. Мокрая тряпка оставила следы, которые тут же исчезли. Он заказал себе кружку пива, как и на Порт д'Орлеан, как и утром, когда, занеся домой вещи, зашел в бистро на углу улицы, прежде чем поехать на работу.

Ему хотелось пить, но он не заметил, как принесли пиво. Погрузившись в чтение, Кабур смутно сознавал, где находится. Протянув руку, он взял, не отрывая глаз, кружку со стола. Читая, он пил, и капли пива оставляли пятна на статье.

Женщина представляла какую-то фирму по продаже модных товаров. Она сама ему об этом сказала. Как и о том, что провела в Марселе четыре дня. Ожерелье он тоже вспомнил, потому что замочек от него был совсем рядом, когда он наклонился, прежде чем сделал то самое.

Ее нашли лежащей на спине, с открытыми глазами. Одежда была в беспорядке. Эта картина все время возникала у него перед глазами, пока он читал заметку. В ней было много всяких подробностей: задранная юбка, черные лодочки на тонких каблуках, следы разорванного ожерелья на шее.

Убитая жила близ площади Пигаль в маленькой двухкомнатной квартирке. Уже допросили консьержку. Вытирая глаза платком,— говорилось в заметке,— консьержка говорила, что очень уважала свою жиличку — всегда такая улыбчивая, а ведь была не слишком счастлива: в двадцать пять лет уже разведена. Но честно трудилась. Господи боже, таких разве встретишь в этом районе, где так легко встать на скользкий путь! Конечно, у нее бывали мужчины, но консьержка считала, что это ее личное дело, она ведь была свободна, бедняжечка.

И Рене Кабур представил себе комнату с опущенными шторами, лампу под красным абажуром. Луч света на белой простыне. Шепот. Красивого высокого мужчину с несколько фатоватой улыбкой человека, привыкшего к легким победам. И ее, снимающую юбку. Блеск обнаженного тела, изгиб бедер, плечо. Ее личная жизнь.

Он кончил пить, и снова капли пива упали на газетный лист. Черные лодочки. Та самая женщина, которая со спокойной улыбкой предложила ему, стоя в проходе, сигарету. И тотчас перед ним возник затравленный взгляд терпящего поражение боксера на «Центральном». Итак, какие-то мужчины раздевали ее, бросали на скомканную постель. Их грубые руки прикасались к ее бедрам, плечам. Куда уж ему с ними тягаться! Кабур вспомнил свою глупость в Марселе и то невыносимое желание, охватившее его, когда он помог ей снять чемодан, и затем весь словно нереально проведенный день после того, как он вышел с Лионского вокзала. А тут еще эта газета.

Он сказал сам себе, что просто счастлив, узнав о ее смерти, что ее нашли мертвой.

Когда вышла газета, расследование только началось. В заметке был список и остальных пассажиров купе. Полиция, очевидно, надеялась, что они сами явятся в префектуру или районный комиссариат и расскажут подробности, в частности о том, что произошло до убийства. Пока существовало убеждение, что оно было совершено после прибытия поезда на вокзал, во время суматохи, обычно возникающей в конце поездки. Поскольку же кража явно не являлась мотивом преступления, комиссар Таркэн и его заместители по уголовному розыску рассчитывали быстро обнаружить виновного. И все.

Рене Кабур же знал, что по прибытии поезда не было никакой сутолоки. Стоя в проходе с вещами, пассажиры по одному мирно выходили на перрон. Чемоданы передавались из окон. По мере приближения к выходу с перрона поток людей ширился. Все вытягивали шеи, пытаясь увидеть встречающих.

Кабура никто не встречал. Он это знал и стремился поскорее покинуть купе, поезд, вокзал. Он вышел из купе первым, из вагона — в числе первых, из вокзала его вынесла первая волна тех, кого никто не ожидал.

Он в четвертый раз прочел список пассажиров купе, пытаясь вспомнить их лица по именам и номерам полок. Риволани? Вероятно, мужчина в кожаной куртке, с редкими волосами, с маленьким фибровым чемоданчиком с потертыми и грязными уголками. Даррэс? Молодая девушка, севшая в Авиньоне и вышедшая в коридор, когда он ночью болтал с женщиной, у которой на сумочке была буква «Ж». Нет, это была не она. У Тома, жертвы, место на два номера дальше, поскольку четные полки находились справа, а нечетные — слева. Он совсем запутался и проверил номер своего собственного места.

Нет, все верно. Слева внизу лежал мужчина в кожаной куртке, то есть Риволани. Справа внизу —

Даррэс, белокурая женщина лет сорока, изрядно накрашенная, в пальто из леопарда или из того, что ему показалось леопардом. Слева на средней полке спала молодая девушка, севшая в Авиньоне. Она тоже была белокурая, лет двадцати или немного более, на ней было светло-синее пальто, легкое платье с бантом из шали спереди. На средней полке справа находилась Жоржетта Тома, и Рене Кабур снова вспомнил ее ноги и задравшуюся юбку, когда она стала снимать чемодан. Слева на верхней полке находилось место Гароди. Тут Рене Кабур ничего не мог вспомнить. Он не успел обратить внимания. То есть не совсем так. Это место оставалось незанятым, когда он после полуночи вытянулся на своей полке справа наверху. Голос он услышал много позднее.

Он поднял глаза на официанта, стоявшего перед ним. Тот заканчивал смену и просил рассчитаться.

Вынимая из кармана деньги, Рене Кабур обнаружил жетон для телефона-автомата. Он вспомнил дождливый вечер, тесную вонючую кабину автомата в бистро на Страсбургском бульваре, недалеко отсюда, когда он тщетно две недели назад пытался дозвониться до товарища по работе, который сказал ему, что любит бокс. Телефон молчал.

Получая деньги, официант сказал что-то о зимних субботних вечерах, покачал головой и, держа салфетку на сгибе руки, удалился походкой человека, который достаточно набегался за день.

Рене Кабур быстро посмотрел на фотографию женщины на первой полосе, аккуратно свернул газету и кинул на диванчик.

Кружка его была пуста. Он положил рядом на картонный кружок жетон от автомата. На электрических часах над стойкой было около 7 часов вечера. Пара, сидевшая рядом за столиком, ушла.

Рене Кабур откинулся на спинку диванчика и поморщился от яркого света неоновых ламп.

Это движение, вероятно, и побудило его к действиям. Он устал, он чувствовал, что все воскресенье будет возиться со своим гриппом, бегая между неубранной постелью, газовой плиткой, вот уже 7 лет требовавшей ремонта, и чашкой, которую он не станет мыть и которая так и останется грязной после нескольких порций грога. Ему уже не хотелось немедленно возвращаться домой. Вот именно. Ему хотелось поговорить с кем-то, кто выслушал бы его, кто хоть несколько минут посчитал бы его достаточно интересной особой, чтобы выслушать.

Он взял жетон в правую руку, встал и начал искать глазами в зале, где вдруг стало шумно, телефон.

Кабур спустился вниз по лестнице. В рассчитанной на несколько человек кабине, с покрытыми рисунками стенами он вдруг осознал, что не знает, кому звонить. В газете говорилось: уголовной полиции или в районный комиссариат.

Он поискал номер телефона в справочнике с разодранной обложкой. Нашел префектуру. Вспомнил ноги убитой, фотографию в газете. Там говорилось о черных лодочках, об ожерелье. Он пытался сосредоточиться на том, что делает. Интересно, первый ли он из пассажиров звонит туда?

Когда он произнес «алло», голос его был хриплым, так что пришлось прокашляться. Он сказал, что является пассажиром «Марсельца» из купе, о котором пишут в «Франс суар», зовут его Кабур. Помимо своей воли он произнес последнюю фразу столь категорически и столь напыщенно, что на том конце провода сказали: «Ну и что из того?»

Там были не в курсе дела. Обождите, мол, надо выяснить. Не вешайте трубку. Он звонит не по тому телефону. Кабур ответил, что не знал этого.

Он стал ждать, склонившись над столиком, где стоял аппарат, и подперев подбородок кулаками. Трубка потрескивала около уха. Он уже жалел, что позвонил.

Теперь Кабур тщетно пытался не отвлекаться, думать о поездке, о том, что надо сказать. И вспомнил только улыбку малышки, которая села в Авиньоне, как же ее там зовут? Забыл.

Он приехал к поезду за полчаса. Был ли уже кто-нибудь в купе? Никого. Впрочем, нет. Парень лет пятнадцати. Белокурый, грустный, одетый в поношенный твидовый костюм. Не совсем в купе, около двери. Видно, из соседнего купе.

Рене Кабур тотчас снял пальто и положил на свою полку наверху справа. Мужчина в кожаной куртке и крашеная блондинка пришли в тот момент, когда он соскочил на пол, и ему стало неловко, что ему сделают замечание — ведь он встал ногами на нижнюю полку.

Жоржетта Тома появилась значительно позднее, за минуту или две до отхода поезда. Он стоял в коридоре. Ему было нелегко пропустить ее в купе, потому что проход был забит прощавшимися через окна пассажирами. Он почувствовал запах ее духов. Подумал, что раз в купе едут женщины, то нельзя будет раздеться. И еще о чем-то другом, таком глупом, что сам себе сказал, как глупо, и постарался забыть.

— Я о вас не забыл,— сказал голос в трубке.— Еще секунду, и вас соединят. Не вешайте трубку.

Рисунок Ильяса АЙДАРОВА

Видимо, другие еще не прочитали газету и не звонили. Ему вспомнилась атмосфера купе, то, что всегда при этом так нравилось: наблюдать, как каждый по-своему готовится к совместной поездке. Возможно, всех их соберут в качестве свидетелей для очной ставки. Они будут сидеть вместе, немного встревоженные, на скамье в небрежно выкрашенной комнате.

— Слушаю.— раздался голос.

Рене Кабур повторил, что является одним из пассажиров «Марсельца», что его имя упомянуто во «Франс суар».

Раздался короткий, резкий щелчок, отчего ему стало больно в ухе. И совсем другой голос сказал: комиссар Таркэн не вернулся, трубку возьмет инспектор Грацциано. Рене Кабур вспомнил, что был такой американский боксер среднего веса во времена Сердана. У инспектора была фамилия боксера.

Рядом со столиком, на который он опирался обоими локтями, виден был неприличный рисунок, совсем рядом, и надпись о свидании, которое назначалось ежедневно на 16 часов в том же месте кем-то по имени Ж. Ф., двадцати двух лет, делавшим грамматические ошибки. Он повернул голову и убедился, что кругом были еще и другие надписи такого же рода.

— Инспектор Грацциано?

Это был он. Да, ему все известно. Назвал его господином Кабуром, как поступали клиенты, с которыми он разговаривает ежедневно по телефону в своем кабинете на площади Алезиа. Голос был густым, низким, как у диктора радио. Кабур представил себе человека с суровым лицом, широкоплечего, в рубашке с закатанными рукавами, уставшего после работы.

Инспектор с фамилией боксера сказал, что только возьмет, чем писать. Потом, что слушает. Но заговорил сам: имя, фамилия, возраст, адрес, профессия?

— Кабур, Рене. 38 лет. Инспектор по продаже хозяйственных машин. «Прожин». «Прогресс...» Да, именно так, «Прожин». Нет, я в пивной напротив Восточного вокзала. Живу на улице Синор, здесь рядом. Едва я прочитал во «Франс суар»... Так вот, ничего, конечно, особенного, но я подумал, что должен вам позвонить...

Он правильно сделал. Итак, это он занимал полку, как там ее номер, 226, не так ли?

— Да, верхнюю, справа при входе, точно.

— Вы сели на поезд в Марселе?

— Точно. Вчера вечером.

— Вы не заметили во время поездки ничего особенного?

У него едва не вырвалось, что он не так уж часто бывает в поездках и поэтому ему многое казалось особенным, но ответил: нет, ничего.

— Когда вы сошли с поезда?

— По прибытии. Я хочу сказать, почти сразу.

— Когда вы покидали купе, вы не заметили ничего особенного?

Теперь ему захотелось глупо засмеяться, это слово звучало уж слишком нелепо. Он ответил — нет, ничего, но может заверить, что в ту минуту жертва была еще жива.

— Вы знаете жертву?

— Вы хотите сказать, понимаю ли я, о какой женщине идет речь? Я видел ее фото...

— Были ли еще женщины в купе?

Они этого не знали. Значит, никто еще не звонил. Эта мысль произвела на него странное впечатление: он первым приехал к поезду, первым вышел из вагона, стал первым свидетелем.

— Да, еще две. В общем, те, кого я видел.

— У меня в списке только имена,— сказал инспектор Грацциано,— и вы первый, кто нам звонит из числа занимавших купе. Вы можете описать других?

Рене Кабур сказал «конечно». Он оставил свою газету в зале на диванчике. И теперь злился сам на себя.

Но одновременно испытывал разочарование. Он не думал, что допрос будет вестись по телефону, из этой кабины, где он вспотел, разглядывая неумелые рисунки, от которых уже не мог оторвать глаз.

— Послушайте, а не лучше ли мне приехать к вам?

— Сейчас?

Наступило молчание, затем голос в трубке сказал, что это очень любезно, но уже больше семи часов вечера, что у него еще немало работы по другому делу. Лучше всего, если к нему заедет инспектор послезавтра утром или, если ему не трудно, пусть он сам приедет завтра на Кэ часам к десяти утра. Это ему удобно?

Кабур ответил, что не очень, затем ему стало стыдно, и он, спохватившись, сказал, что постарается перенести назначенную встречу.

— Хорошо. Называю вам имена других пассажиров и их места в купе. Постарайтесь вспомнить. Риволани слева внизу. Мужчина или женщина?

— Мужчина. Он был в кожаной куртке, кажется, зеленой. При нем был дешевый чемоданчик, старый. В общем, потертые углы, понимаете? Был неразговорчив. Тотчас же лег одетый и, вероятно, уснул.

— Сколько лет?

— Лет сорок пять — пятьдесят. Похож на рабочего, механика, что-то в этом роде. Сегодня утром, по прибытии, пока я ходил умываться в туалет, он еще спал. Там была очередь. Сами знаете, как бывает. Признаюсь, после я его не видел.

Инспектор сказал, что это все прекрасно.

Даррэс справа внизу.

— Женщина лет сорока. Может быть, больше. Трудно сказать из-за румян. Пальто из шкуры леопарда или искусственного меха. Он никогда не разбирался в мехах. Блондинка, сильно надушенная, с голосом, к которому невольно прислушиваешься. Немного, как бы это сказать (он не знал, поймут ли его в полиции, если он скажет претенциозный), вызывающий, понимаете? Через час после отправления она ходила в туалет переодеться на ночь. И вернулась в розовом халатике, надетом прямо на розовую пижаму. Женщина сосала карамельку.

Он говорил лишнее, потому что никогда не умел сосредоточиться на главном. И сказал, что это все. Одновременно он вспомнил, что блондинка говорила о кино, о Лазурном береге, театре. Она встала утром первая, ибо, поднявшись, он увидел ее уже одетой, готовой уйти, и с вещами. В конце концов Кабур сообщил и эти детали.

Инспектор сказал «хорошо», вечером были уже обнаружены следы некой Элианы Даррэс, актрисы, видимо, той самой.

Бомба, средняя полка слева.

Молодая девушка, не очень высокая, красивая, лет двадцати. Села в Авиньоне, именно так. Похожа на конторскую служащую, нашедшую себе место в Париже. Слегка поющий голосок. Небольшой южный акцент.

Гароди наверху слева.

Он не знал. Полка была пустая.

Инспектор сказал: «Разве?» Все билеты были закомпостированы, и место это, согласно отчету отдела опознаний, который лежит перед ним, считается занятым с самого начала пути.

Рене Кабур сказал, что его не поняли, что он просто не видел пассажира, что полка, когда он лег на свою, еще пустовала.

— Который был час?

По глупости, сам не зная отчего, он солгал:

— 11 часов. Одиннадцать с четвертью, не помню. Позднее я услышал голос. У меня очень легкий сон, я не спал.

— Итак, вы услышали голос пассажира с соседней полки, Гароди, не так ли?

— Так. Думаю, что это был тот самый голос. Полагаю даже, что она наклонилась к девушке внизу и они некоторое время поболтали.

— Почему вы говорите «она»?

Он хотел было сказать «она» — особа, но это все равно ничего бы не изменило.

— Потому что мне кажется, что это была женщина.

— Почему вы так думаете?

— Голос был высокий, совсем не мужской. И потом, трудно это объяснить, но сон у меня легкий, и я ощущал ее присутствие, когда она двигалась. Это была женщина.

— Вы хотите сказать, из-за производимого ею шума?

— Именно так.

Его спросили о жертве. У Рене Кабура снова пересохло в горле. Ему хотелось открыть дверь кабины, где теперь не хватало воздуха. Рубашка прилипла к телу, капли пота стекали по вискам на скулы.

Он немного поболтал тогда с Жоржеттой Тома в проходе вагона. Она сказала ему только одну вещь: что была представительницей фирмы. Себя не назвала. Еще, что провела четыре дня в Марселе. Что это была ее третья поездка туда в этом году. Нет, была очень спокойна, очень раскованна.

Утром находилась еще в купе, когда он покинул его. Все они еще были там. Нет, кроме Гароди, ее действительно не было. Он сказал так потому, что не видел ее, словно она не являлась частью этого купе.

— Вот так.

Он назвал номер своего дома на улице Синор, номер телефона на работе, обещал быть в 10 утра на Кэ д'Орфевр, Комната 303 на третьем этаже.

Голос потонул в благодарностях, но щелчок отбоя не освободил Рене Кабура.

Он прочел еще одну надпись перед входом кабины и некоторое время неподвижно постоял на свежем воздухе.

Таким же пакостником вел он себя в поезде. То есть способным в четверть первого ночи запачкать стены разными мерзкими надписями. Впрочем, он не пачкал стены, но это было все равно.

Граццианo. Подняв воротник, Рене Кабур шел по вечерней площади Восточного вокзала, задавая себе вопрос, успеет ли инспектор до завтрашнего утра допросить других пассажиров из его купе и не сочтет ли он его пачкуном и сексуальным маньяком?

Перевел с французского А. БРАГИНСКИЙ.

Продолжение следует.

УБИЙСТВО

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ

РОМАН

Себастьен ЖАПРИЗО

Напрасно он солгал по поводу часа, когда лег спать. К чему? Другие, вероятно, слышали, как она повысила голос, почти закричала. Все скажут, что у них что-то произошло в коридоре. Каждый истолкует это по-своему, но все вспомнят время. Это случилось ведь после, а не до проверки билетов. Контролеры подтвердят.

Ложь. А раз он солгал однажды, то ему уже никто больше не поверит. Подумают, что этот инцидент что-то да значил, если он скрыл его. Все увидят в его поведении реакцию больного человека, какой-то мотив. Легко будет установить и причину их препирательства. И ее тоже расценят как определенный мотив поведения. Он ведь мог спокойно выйти из поезда в Париже, а затем вернуться, застать женщину в черных лодочках в купе и наброситься на нее. Она отбивалась. И он задушил ее, чтобы она не кричала.

Да нет же!

Стоя перед зеркалом в туалете своей квартиры на пятом этаже, в мансарде, где все было вперемешку — одежда, цветы в горшках, посуда, Рене Кабур принял две таблетки лекарства против гриппа и стал уговаривать себя, что завтра ничего не случится.

Во-первых, он мог и ошибиться, невольно, относительно часа, когда лег спать. Главное теперь — раньше других самому рассказать об инциденте как о чем-то незначительном.

Он представил себе, какими жестами будет сопровождать свой рассказ, небрежный вид при этом. Об инциденте он скажет как бы ненароком, с улыбкой покачивая головой: «Ох, уж эти женщины...»

Нет, скажет: «Уж эти бабы...» И поведает, как они стояли одни в проходе и у нее был такой вид... Известно ведь, как это бывает. Такое чувствуешь кожей. Что с того, ну, пощупал ее немного. Сами понимаете, как. Конечно, жаль, что прикончили такую красотку . Словом, она взъерепенилась, и я пошел спать.

И быстро перейдет к другому Все поймут его шутку и оценят ее по-мужски.

Глядя на свое отражение в зеркале с тем же вниманием, с каким незадолго до этого рассматривал неприличный рисунок, он внезапно почувствовал

Продолжение. Начало см. «Огонек» № 15.

Рисунок Ильяса АЛЬДАРОВА

себя еще более одиноким. И понял, что не сможет сыграть эту роль, сказать нужные слова. А если и скажет, это будет выглядеть еще глупее, потому что произнесет он эти слова так жалко, что полицейским за него станет неловко. Он смутится, покраснеет, может быть, даже заплачет. Тогда ему помогут надеть пальто, вытолкают на улицу, не зная, что сказать в ответ, и после его ухода вздохнут с облегчением. Жалкий тип.

Рене Кабур снова надел пальто и застегнулся. Он не останется дома, а пойдет куда-нибудь поужинать. Увидев на не убранной с прошлой субботы постели свой чемодан, он решил было надеть на тело майку, взять другую пару перчаток. Но раздумал и вышел, погасив лишь верхний свет. Тот, что горел в туалете, остался светить в пустое зеркало.

У дверей ресторанчика «У Шарля» Кабур замешкался. Было почти девять часов. Через стекло ему был виден за кассой хозяин. В помещении находился только один клиент, молодой блондин, который поднял голову и посмотрел на него с раскрытым ртом, готовясь проглотить кусок бифштекса. Рене Кабур пошел дальше, подняв воротник и засунув руки в карманы пальто.

Продолжая идти, он опять вспомнил женщину, длинноногую, в нейлоновых чулках, в изящном костюме, ее фотографию во «Франс суар». И пожалел, что забыл газету на диванчике в пивной. Ему захотелось перечитать статью, еще раз взглянуть на фотографию.

Какого черта он позвонил? В этом мрачном городе, который так и не стал ему родным, много десятков Кабуров. Его бы никогда не нашли.

Граццано напомнил ему о боксере на арене «Центрального» в один из субботних вечеров. Был как раз субботний вечер.

А еще подумал, что за последние годы «Центральный» стал единственной отрадой его жизни.

Кабур решил было поехать туда на метро, но затем послал его к черту. Месяц только начинался, и его к Рождеству ожидала прибавка. Он почти бегом спустился к Восточному вокзалу и стал искать такси.

Кто-то, видимо, опаздывавший к поезду, бежал за ним. Кабур толкнул проходившую мимо пару, извинился, открыл дверцу такси и крикнул шоферу:

— В «Центральный», на бокс!

Он задыхался. Было девять часов вечера. Матч, вероятно, начался. Первый раунд он, пожалуй, уже пропустил. Он пристрастился к боксу на субботних встречах любителей, по три раунда. 57-й год. Февральский вечер. Двое в весе петуха, по 53 кило, небольшого роста, с лицами зверюшек.

Кабур пошел в «Центральный», чтобы доставить удовольствие бывшему однокашнику, который приезжал на неделю в Париж и снова уезжал в Жиронду, где Кабур и сам когда-то родился. Отдышавшись, он увидел, как два маленьких боксера мрачно колошматят друг друга. Но не только это. Когда один из них, поднявшийся на ринг с простым полотенцем на плече, упал под ударами противника на веревки, потеряв равновесие и прижав руку к телу, а рефери оттащил другого в сторону, раздались крики, захлопали сиденья, толпа поднялась, подобно волне. Тогда-то с ним это и случилось. В ту самую минуту.

Рене Кабур тоже вскочил и орал вместе со всеми, пытаясь разглядеть конвульсии упавшего боксера, услышать пыхтение победителя. И только потом, почувствовав боль в руках от хлопков и придя в себя, снова стал человеком из толпы.

В следующий раз он пошел в «Центральный» уже один, а потом еще и еще. Познакомился с завсегдатаями, в перерыве в соседнем бистро нередко обменивался с ними прогнозами, испытывая радость от пребывания тут, думая о том, что после пустой недели вновь наступит субботний вечер.

Выйдя из такси у «Центрального», Кабур решил, что приехал последним. Но нет. Позади остановилось еще одно такси, и из него вышла брюнетка, напомнившая ему женщину из купе.

Он уступил ей очередь у кассы. Она была молода, но уже потрепана жизнью. Одета в короткое черное пальто. Сумочку держала, прижав к груди, словно боясь потерять. Он увидел ее красные, словно от стирки, руки. Похоже, жена боксера, который выступает сегодня. После матча будет ждать его в раздевалке, мечтая о большом гонораре, хорошей квартире, звании чемпиона, внезапной удаче.

Кабур просмотрел три любительских боя, не испытывая ни малейшего удовольствия. Он думал о своих вечерах в Марселе, о маленьком отеле на авеню Репюблик. Комната была дешевенькая, потому что приходилось считать деньги, постель пахла лавандой. И еще вспомнилась пара, занимавшая двое суток назад соседний номер, их споры и то, что за ними следовало. Тогда он только что вернулся домой. Набитый бумагами портфель еще был в его руках. Он так и остался сидеть на постели в пальто, затаив дыхание и прислушиваясь к долгим жалобам женщины совсем рядом за стеной, так что можно было различить отдельные слова, за которыми следовали короткие острые звериные вскрики.

Он долго так сидел, может, два, а может, и три часа, слыша, как они смеются, догадываясь, что они лежат обнаженные на смятых простынях. И узнал о ней такое, что должен был знать только ее любовник. Что она не сняла жемчужное ожерелье, купленное в Париже. Что у нее густые длинные волосы. Они смеялись. Они ласкались. Затем снова наступала тишина, раздавался ее смешок, и возобновлялись стоны, шепот. Остальное рисовало его воспаленное воображение.

Кабур никогда прежде не видел эту женщину. Он вышел и стал бродить по пустынным улицам. А когда вернулся, их больше не было слышно. Они ушли.

Вокруг него толпа медленно поднималась со своих мест. Объявили перерыв. Он не смел взглянуть на соседей. Спустился в туалет, смочил разгоряченное лицо холодной водой и подумал, что напрасно вышел из дома. У него была лихорадка. Он заболеет.

Завтра он пойдет повидать инспектора в кабинет № 303 на третьем этаже и просто расскажет, что случилось. Расскажет, что одинок, некрасив, что всегда был таким, что в Марселе одна женщина назвала его ублюдком. Просто так. Потому что обожала делать вещи, которые, как ему казалось, бог знает отчего, следует делать только из чувства долга или ради денег. Затем он много часов ходил по улицам и даже плакал, захлебываясь от слез, на скамейке, неизвестно где, ночью в Марселе. Он скажет, что никогда не понимал смысла того, что так нравилось другим и чему они выучились где-то, почем ему знать где. И как он сел в поезд, как все ему казалось таким новым и «особенным», и некая брюнетка показала ему свои коленки, снимая с полки чемодан, где лежало лекарство — пачка аспирина, которым она, кстати, потом так и не воспользовалась. А он, идиот, вообразил, что аспирин был предлогом, поводом начать разговор. Что она была красива, красивее любой женщины, которую он когда-либо видел раньше. Что она стояла так близко, что был слышен запах ее духов и виден замочек жемчужного ожерелья. Что это ожерелье напомнило ему другое, которое он никогда не видел. И что в тот момент, когда она, смеясь, высунулась в окно поезда, говоря что-то, он повел себя как человек, не знающий правил игры, как настоящий ублюдок.

Рене Кабур не слышал, как сзади него открылась дверь туалета. И в тот самый момент, когда он, стоя в расстегнутом пальто, склонился над потрескавшимся грязным умывальником, поливая из крана лицо и волосы холодной водой, на его голову, чуть пониже затылка, обрушился страшной силы удар. Он не слышал выстрела, не видел пламени, даже не успел заметить кого-либо в пустом туалете. Прошло уже четверть часа, как кончился перерыв.

Сначала Кабура качнуло к зеркалу, висевшему над умывальником, и он не понял, почему его собственное лицо вдруг приблизилось к нему. Не испытывая боли, он продолжал думать о том, что расскажет завтра. Затем пошатнулся, и галстук попал под струю воды. Подумал о том, что скажет им все, да все — как она наклонилась и как он сделал это. Нет, не облапил, ничего такого, что надо было бы сделать. И пока голова его медленно погружалась в воду, а он уже стоял на коленях на полу, его охватило чувство восхитительной надежды. Да, он положил ей руку на плечо, на ее плечо. Ему показалось, что это единственная женщина, способная его понять. И бог ее знает, что она поняла. Суховато развернулась, как боксер, увидевший открывшегося противника. Не засмеялась, поняв по его лицу, что это куда серьезнее. А прочла, вероятно, в его глазах нечто такое, отчего взвилась и закричала.

Он медленно соскользнул на пол. Лицо его было мокрое, глаза закрыты. И все повторял про себя: да, мои руки были на ее плече. И подумал о том, что же такое она прочла на моем лице, отчего ей стало так нестерпимо? Но еще раньше, чем понял все, его мертвое тело распростерлось на плитках пола.

СПАЛЬНОЕ МЕСТО № 224

Жоржетта Тома улыбалась на фотографии лучезарной, внимательной улыбкой. В тот день на ней был пиджак или пальто с белым меховым воротником. Прическа, обрамлявшая ясноглазое лицо, казалась еще красивее и темнее. Наверное, она любила свои волосы и проводила немало часов, расчесывая их по-разному и укладывая. Она любила все, что подчеркивало красоту ее волос, и поэтому, видимо, в ее гардеробе было столько белых вещей.

Стоя в нижнем белье и пижамных брюках, Антуан-Пьер-Эмиль Граццано, или попросту, Грацци, подумал, что патрон, наверное, прав, утверждая, что такая красивая девушка могла стать жертвой преступления по страсти и что, кто знает, может быть, виновник убийства уже хнычет где-нибудь в районном комиссариате полиции.

Он положил фотографию в свой бумажник из красной кожи, купленный три года назад, и с минуту сидел, подперев голову, за столом на кухне перед окном. Прежде чем поставить кофе на газовую плиту, находившуюся на расстоянии руки, он раздвинул цветные занавески, и в комнату вошел свет воскресного дня, похожий на любой другой день недели. Грацци увидел сероватое небо, равнодушное к его заботам.

На редкой траве улицы, там, где находилось так называемое «зеленое пространство», у самого дома, ночь оставила первый в этом году иней. Грацци, собиравшийся отвести днем сына в зоопарк в Венсенне, не очень сожалел, что не сможет этого сделать. Он постарается приехать к обеду домой, взяв для этого машину Уголовного розыска, и поиграет с Дино, пока тот не пойдет спать после обеда.

Засвистел итальянский кофейник. Он протянул руку и погасил газ. Не вставая, взял затем кофейник и наполнил одну из двух чашек, стоявших перед ним, ощутив теплоту поднимавшегося вверх пара.

Потягивая кофе без сахара, Грацци вспомнил свое вчерашнее вечернее донесение, квартирку на улице Дюперре — маленькую, хорошо обставленную, чистенькую. Было в ней что-то приторное, присущее квартирам одиноких женщин. Вспомнились и самоуверенные советы Таркэна, его патрона. Первое— попытаться влезть в шкуру красотки, узнать ее лучше, чем она сама себя знала, стать ее двойником и все такое. Понять изнутри, если тебе понятно, что я хочу сказать.

Это как раз было яснее ясного. И другой инспектор, Малле, настолько хорошо себе представил Грацци в шкуре и одежде Жоржетты Тома, что не переставая смеялся, когда они прощались. Около 8.30 он сказал ему в коридоре «чао, киска» и пожелал всяческих удовольствий с любовниками.

Потому что всем казалось доказанным, что их у нее было множество. И помимо своей воли, еще в кабинете патрона, Грацци стал думать, что она их меняла как перчатки.

У нее было много хорошего белья с монограммой в виде маленькой красной буквочки «Ж», как это делают в пансионах. Монограммы были на изнанке комбинаций, на штанишках, лифчиках и даже на носовых платках. Целых три ящика белья. Белый нейлон и кружева, помявшиеся во время обыска, были такие нежные, что тощий Грацци почувствовал себя грубым мужланом. Маленькая красная буква красовалась на всех вещах.

В семь часов вечера, стоя перед патроном и остальными, Грацци говорил, с трудом подбирая слова. Точнее, пытаясь хоть что-то выудить из своей книжечки. А потом сделал не совсем свое заключение. Тогда, на месте, в доме на улице Дюперре, роясь в шкафах и ящиках, Габер, сопровождавший его, заметил, что раз девица была красива, а он как раз находился под впечатлением прочитанных к ней писем и того, что прикасался к ее юбкам, значит, она «не скучала».

В жизни убитой было трое мужчин, четыре, считая мужа, которого она не видела уже несколько месяцев. Продавец машин Эрро, явившийся на Кэ около шести часов, выглядел растерянно и жалко. Некий прохиндей по имени Боб или что-то в этом роде должен был прийти днем. Был еще парень с пятого этажа на улице Дюперре, студент, которого, по-видимому, обожала консьержка.

Из этих троих с определенностью можно было назвать ее любовником только первого. Это был высокий мужчина, немного отечный, вялый. Он занимался подновлением американских машин в гараже у Порт-Майо. Вопреки ожиданиям никакой картотеки на него не было. Он признал, запинаясь и поправляя себя, что да, конечно, «они некоторое время были вместе», понизив при этом голос, ибо речь шла о мертвой, или потому, что теперь женился, и то была старая история.

Грацци продержал его минут двадцать. Противная рожа, но ни к чему не придерешься. Безупречное алиби на первые четыре дня октября и на субботу, когда было совершено убийство. Жена, которой он купил маленький «фиат» (новенький, а не по случаю, Грацци уж не помнил, каким образом узнал об этом). Документы в порядке. Хорошо сшитый костюм. Начищенные ботинки. Бывший коммерческий директор парфюмерной фабрики. Там он и познакомился с Жоржеттой Тома, тогда еще по фамилии Ланж и бывшей представительницей фирмы. Связь в течение полугода до ее развода и два с половиной года потом — «были когда-то вместе». Ничего не знает. Никаких врагов и друзей не знает. Ничего понять не может. Огорчен за нее. Противная рожа.

Грацци налил кофе в другую чашку, положил туда два куска сахара и встал, потирая шею. Он услышал, как его жена зашевелилась в постели.

В узком коридорчике, отделявшем кухню от комнаты, не слишком полная чашка немного расплескалась. Боясь разбудить малыша, он не выругался, хотя и хотелось.

Жена лежала, как всегда, с открытыми глазами. У Грацци сон был крепкий, но он знал, что по ночам

она встает, чтобы укрыть Дино или дать ему попить, и у него сложилось впечатление, что его жена никогда не спит.

— Который час?

— Семь.

— Ты идешь туда сегодня?

Мучимый угрызениями совести, он сказал, что придется. На самом деле ничто не заставляло его так поступать. Он мог бы вызвать Кабура, Боба, семью Жоржетты Тома и на понедельник. Никто не торопил его, никто не сделал бы и замечания. Если убийца воспользуется этим, чтобы сбежать подальше, тем лучше, это будет признанием его вины. Его поищут и найдут.

Нет, ничто не заставляло его идти, если не считать обычной неуверенности, извечной потребности выиграть время, как у неспособного ученика, который откладывает экзамен до последней минуты.

Его жена Сесиль, хорошо знавшая мужа, пожала плечами, не посмев напомнить об обещанной прогулке в зоопарк, но, чтобы не скрыть разочарования, заметила, что кофе слишком слабый или слишком сладкий.

— Какое дело тебе поручили?

— Женщина, задушенная в поезде на Лионском вокзале.

Она вернула ему чашку, зная прекрасно, что он вовсе не стремился получить это дело, что в течение некоторого времени опять будет озабочен тем, что своей работой привлечет к себе общее внимание.

— Разве этим делом занимается не Таркэн?

— Он ведет дело с игральными автоматами. И потом, ты знаешь, он сейчас неохотно берется за дела, которые не кажутся ему верняковыми. Если все будет нормально, он меня прикроет. Если затянется, всё взвалит на меня. В январе его ждет повышение, он не станет марать свою репутацию до этого.

Бреясь перед зеркалом, Грацци вспомнил квартирку Жоржетты Тома и подумал, что она сильно отличается от его собственной. Впрочем, чем могла походить квартира одинокой женщины в старом доме близ площади Пигаль на его двухкомнатную квартиру в Баньё с кухней и ванной, которую трехлетний ребенок превращает в поле боя?

Однако именно в той квартире, в ее полуприглушенной атмосфере, накануне ему пришли в голову вещи, о которых прежде он бы не подумал или которые, во всяком случае, не могли ему прийти в голову. Кретоновые занавески на окнах, покрывало на постели, столики и претенциозные игрушки — все это говорило о засидевшейся в девицах машинистке. В малюсенькой кухне все было на своих местах. Невероятная ванная в розовом и белом кафеле, на который, возможно, были израсходованы все сбережения. Здесь пахло кремами и дорогим мылом. Коротенькая ночная сорочка на вешалке такая же, как и найденная в чемодане. Махровые, очень нежные, как мех, полотенца всех цветов с буквой «Ж», как и все остальное. Резиновая белая шапочка на лейке душа. Набор кремов на полочке. И особенно зеркала. Они были повсюду, даже на кухне и в комнате, такой тесной, что их расположение вокруг постели навевало весьма двусмысленные предположения.

Поморщившись, Грацци вдруг увидел в зеркале свое намыленное лицо, на котором бритва выскоблила длинную полоску чистой кожи.

У нее в аптечке тоже лежала бритва, но это ровно ни о чем не говорило. Они имеются теперь у многих женщин.

Были найдены и письма к ней, в большинстве от того, кто перепродавал машины, фотографии мужчин вперемежку с собственными и семейными, которые хранились в старой коробке от бисквитов.

Однако это было не все. В квартире Жоржетты Тома ощущалось еще что-то такое, чего он был не в силах понять. Именно поэтому, наверно, Габер и сказал: «А она не очень скучала». Такое впечатление, возможно, возникало от заставленной или слишком женской, слащавой обстановки квартиры. Или от роскоши ванной. Или из-за дурацкой маленькой красной буквочки «Ж», как это делают на узлах с вещами учащихся пансиона.

— Скажи-ка...

Его жена как раз вошла в комнату и взяла халат, висевший на двери. Грацци видел ее в зеркале, держа бритву на высоте щеки.

— Что ты можешь сказать о женщине, которая переметила все свое белье своими инициалами?

— Быть может, она отдавала белье в стирку.

— Это начальная буква ее имени. Да к тому же нижнее белье не отдают в прачечную. Разве нет?

Сесиль согласилась. Она подошла к зеркалу, оглядела себя, поправляя волосы.

— Не знаю. Есть женщины, которые любят метить свое белье.

Он объяснил, что это не совсем метка, а квадратик с буквой, который пришивается к изнанке. Когда его поместили в детстве в интернат в Мансе, мать переметила его пижамы, полотенца, все вещи. Он вспомнил свой номер — восемнадцатый.

Она не знала и сказала, что есть, наверное, причина. Может быть, это что-то маниакальное? Во всяком случае, скоро проснется малыш. Он плохо сейчас ест. Трехлетнему ребенку нехорошо всегда обедать без отца. Грацци придет сегодня домой обедать?

Он пообещал, продолжая думать о малыше, который плохо ест, и о Жоржетте Тома, сидящей возле лампы и пришивающей маленькие буквочки «Ж» на кружевное белье.

Он сел в автобус, пришедший пустым из Л'Эй-ле-Роз, и остался на открытой платформе, чтобы выкурить первую сигарету. В 9 часов утра улица Порт д'Орлеан еще явно не проснулась. Небо начало проясняться, и улицы Парижа оказались более воскресными, чем в Баньё.

В 38-м автобусе он предпочел сесть. На остановке Алезиа вывеска «Прожин» напомнила ему о том, что он должен сегодня увидеть звонившего ему человека. Как там его звали? Кабур. Вероятно. Габер уже обнаружил остальных. Актрису Даррэс. В телефонном справочнике было лишь два Риволани.

Грацци представил себе маленького Габера, который до полуночи звонил по обоим телефонам, извиняясь и путаясь в объяснениях, чтобы доложить ему теперь:

— Ничего нового, начальник. Семьдесят три звонка, двенадцать раз был послан к черту, разговаривал с двумя психами и ругался с бакалейщиком, который начинает работать на рынке в 4 часа утра, так что, сам понимаешь, как его обрадовали наши полицейские заботы в 11 часов вечера.

— Я подцепил троих, начальник,— сказал Габер.

Он проснулся и побрился меньше часа назад, лицо было еще красным от холода, и, дожидаясь, он сидел на уголке стола, не своего, а Парди, мрачного корсиканца, который всегда работал один и накануне только закрыл дело об аборте.

Входя в комнату, Грацци снял пальто и поприветствовал движением руки двух дежурных инспекторов, которые, стоя, курили и разговаривали о футболе. Человек в наручниках, в куртке и без галстука, сидел прямо на стуле рядом с дверью, рассеянно поглядывая кругом.

Не поднимая головы от своей головоломки (плоской коробки, внутри которой он должен был в определенном порядке расставить фишки с цифрами, не вынимая их оттуда), Габер сказал, что лег после полуночи, что государство опять потеряло тысячи франков на разговорах и что глупость людей просто фантастическая.

— И что же ты узнал?

— Сначала об актрисе. Разговор со службой Отсутствующих абонентов. Пришлось обзвонить тридцать ресторанов, прежде чем ее нашли «У Андре». Знаешь, как звереешь от голода, звоня по ресторанам? Различаешь в трубке характерный для них шум. С ума сойти можно.

— Дальше?

— Риволани. Шофер-экспедитор. Говорил с его женой, а не с ним самим. По дороге в Марсель, километрах в двадцати от города, у него случилась поломка в грузовике, и он оставил его в гараже Берра. Вернуться назад пришлось поездом. У нее симпатичный голосок.

— Третий?

— Третья. Это женщина. Место было действительно занято.

— Гароди?

Только что решивший головоломку, Габер опять смешал фишки и начал все сначала. Его тщательно причесанные, как у молодого премьера в период оккупации, волосы были еще влажными на висках. Он не снял свою бежевую куртку с капюшоном, привезенную из Шотландии. Другие инспектора по много раз на дню подшучивали над ним из-за его светлых волос, из-за необычного для этого учреждения пальто, из-за его жестикуляции, присущей мальчику из богатой семьи. Но ему было на это наплевать. Габер был мал ростом, худощав, на лице все время бродила улыбка человека, который ничего не принимает всерьез, особенно свое занятие. Он не очень любил эту профессию, но и нельзя сказать, что ненавидел ее. Просто она его не интересовала, а вот его отца — да.

— Мадам Гароди, верно. Одна из мадам Гароди. В семье их много. Наша замужем за инженером, которого перевели в Марсель полгода назад. Ему 26 лет, и он специалист по электронике. У меня есть приятель, который тоже этим занимается. По его мнению, в этой штуке заключено все величие греческой мифологии.

Сев за свой стол и взяв в руки красную записную книжку, Грацци с нетерпением почесал затылок.

— Ну и что из того?

— Они женаты три года. Целая история о том, с каким трудом свекрови удалось устроить их в Марселе.

— Продолжай.

— Это важно для дальнейшего. Они еще не перевезли кучу вещей из Парижа. Поскольку же сам Гароди — работяга, не приходит домой по трое суток, спит с электроникой, ясно? — то интересующая тебя мадам Гароди решила сама осуществить перевозку кухонных принадлежностей и зараз поцеловать свекровь.

— Ну и что?

— Начальник, ты неблагодарное существо. Да, да. Кроме шуток. У меня ушло два часа на то, чтобы все это узнать. В конце концов я связался с невесткой. Она проживает в Нейи, у других Гароди. Голос дрожал, когда я ей обо всем рассказал. Прелестная история, которую можно будет обсудить с подружками: «Это не меня задушили, но почти что», ясно? Ее зовут Эвелина. У нее тоже красивый голос. Чтобы развлечься, я попросил описать себя. Она, видимо, миленькая. Приехала на несколько дней, до четверга, кажется. Я сказал, что не может быть и речи, что она должна находиться в распоряжении полиции.

Габер рассмеялся, не поднимая глаз и продолжая передвигать указательным пальцем фишки в головоломке.

— Она поклялась, что это не она, что никого не душила. Я сказал, что мы еще посмотрим. Если начальник согласен, я встречусь с ней в 11 часов на улице Лафонтена, дом 130, спросить Лину. Ты согласен?

Грацци сказал, что так лучше, чем держать ее здесь все утро. Машину он оставляет за собой, чтобы съездить домой пообедать.

В 10 утра Кабур не явился, и Грацци подумал, что успеет выпить кофе у моста Сен-Мишель. Когда он выходил с Габером из комнаты, перекинув плащ через руку, полицейский сказал, что его хотят видеть мужчина и женщина. Это были сестра и зять жертвы. Их фамилия была Конт. Они пришли прямо из морга.

Супруги Конты сидели около стола Грацци и по каждому поводу обменивались взглядами. Они пришли на Кэ впервые, и по лицам чувствовалось, что волнуются. Женщина — такая же высокая и темноволосая, как жертва, но не похожая на нее, успела поплакать. Мужчина смахивал на служащего, которого цифры сделали близоруким. За плотными стеклами очков его детские голубые глаза застенчиво и опасливо пытались все время перехватить взгляд Грацци, словно их владелец приблизился к отталкивающего вида животному, которое следовало приручить.

Он был не банковским служащим, а бухгалтером в одном из филиалов фирмы «Рено» и позволил говорить жене, время от времени подтверждая ее слова кивком головы и поглядывая на Грацци,— да, именно так.

Они ходили опознавать Жоржетту Тома и рассчитывали, что им выдадут тело вечером. Все было готово для похорон. Они ведь единственные родственники убитой в Париже. Родители обеих сестер еще жили во Флераке, что в департаменте Дордонь. У них там ферма и патент на бакалейно-питейное заведение у самой дороги на Перигё.

Жоржетта была, как бы это сказать, блудной дочерью. Восемнадцати лет уехала в Париж. В Перигё, где она окончила школу после освобождения, народные балы, оживление, которое вносили в жизнь солдаты, вскружили ей голову. Она училась на курсах машинописи, потом, как стало известно, зачастила в пивные центра города. Дома ей устроили сцену. Она проплакала несколько дней, говорила, что хочет уехать. И в конце концов уехала.

Ее сестра Жанна, двумя годами моложе, повернувшая сейчас к Грацци измученное, бледное лицо, проводила ее на вокзал, посадила в поезд, полагая, что уже никогда ее больше не увидит.

— Но вы все-таки увиделись?

— Спустя несколько месяцев, когда я выходила замуж. Мы познакомились с мужем за год до этого, он проводил летний отпуск во Флераке.

Тот подтвердил это кивком головы. Именно так.

— С тех пор вы живете в Париже?

— Да, неподалеку от нее, около площади Клиши. Но виделись мы не часто.

— Почему?

— Не знаю. Мы жили по-разному. Она вышла замуж через год после меня за начальника отдела сбыта парфюмерной фабрики «Жерли», чьей представительницей работала. Жак был хорошим человеком. В то время она приходила к нам чаще, по воскресеньям на обед, иногда в середине недели, чтобы сходить вместе в кино. Затем развелась. А у нас родились дети. Двое: мальчик и девочка. Она стала реже захаживать. Думала, наверное, что мы недовольны ее поведением из-за человека, с которым жила, не знаю, все может быть. В общем, стала реже приходить.

— Как давно вы ее видели?

— С месяц назад. Она пригласила нас выпить

у нее дома кофе. В то воскресенье мы пробыли у нее час или два, она собиралась куда-то уйти. Но ничего нам уже не рассказывала.

Сидя на соседнем столе, Габер по-прежнему был занят своей игрушкой. Передвигаемые им фишки сухо и нервирующе щелкали. Он задал вопрос:

— Развод был по ее инициативе?

Жанна Конт с минуту не решалась ответить. Поглядела на Габера, на Грацци, потом на мужа, явно не зная, надо ли отвечать и имеет ли право молодой, не похожий на полицейского, блондин задавать вопросы.

— Нет, Жака. У «Жерли» она встретила другого человека, коммерческого директора. Через некоторое время Жак это обнаружил. Они расстались. Она перешла на другое место, в фирму «Барлен».

— И продолжала жить со своим любовником?

Снова нерешительность. Ей явно не хотелось говорить об этом при муже, который с нахмуренным видом опустил глаза.

— Не совсем так. Она поселилась на улице Дюперре. Полагаю, что он приходил туда, но не жил у нее.

— Вы были с ним знакомы?

— Мы видели его однажды.

— Она привела его к вам?

— Нет. Мы встретились случайно. Года три назад. Он тоже ушел от «Жерли». Занимался машинами. Спустя несколько месяцев появился Боб.

— Кто такой Боб?

— Робер Ватски. Он рисует, пишет музыку, не знаю толком.

Грацци посмотрел на часы, сказал Габеру, что тому пора сходить на улицу Лафонтена. Габер кивнул и пошел, волоча ногу, с головоломкой в одной руке и шарфом в другой. Всякий раз, когда Грацци видел его уходящим ленивой и расслабленной походкой человека, которому на все наплевать, он невольно вспоминал, что зовут его удивительно — Жан-Луп. И некоторое время чувствовал себя непонятно отчего счастливым, как в дни, когда его сын произносил новое слово. Смешно.

— Догадываетесь ли вы о том, кто мог бы это сделать? Я хочу сказать, были ли у вашей сестры враги?

Оба Конта бессильно покачали головами. Женщина сказала, что они ничего не знают.

Грацци вытащил из ящика опись отдела опознаний, назвал сумму ее счета в банке, показал оплаченные счета, сказал о деньгах, найденных в сумочке. Это показалось им нормальным.

— Были ли у нее другие источники доходов, кроме зарплаты? Сэкономленные средства? Акции?

Они не думали.

— Это было не в ее правилах,— объяснила женщина, нервно скатывая в валик свой носовой платок.— Как бы вам пояснить? До 16 лет я жила вместе с ней, мы спали в одной постели, я носила ее вещи, я хорошо ее знала.

Она снова начала тихо плакать, не переставая смотреть в лицо Грацци.

— Жоржетта была очень честолюбива. В общем, как бы это сказать, могла много работать и многим жертвовать ради того, чтобы получить то, что хотела. Но деньги, сами по себе, ее не волновали. Не знаю, как объяснить, она интересовалась лишь тем, что имела и что купила на свои средства. И часто говорила: «это мое», «мое пальто», в таком духе. Понимаете?

Грацци сказал: нет.

— Например, она, когда мы еще были маленькие, слыла жадиной. Над ней подшучивали за столом, потому что она не хотела одолжить мне деньги из своей копилки. Не знаю только, можно ли это назвать жадностью. Она ведь не прятала деньги. Она их тратила. На себя. Ей и в голову не приходило тратить на других. И делала подарки только моему сыну, которого очень любила. К дочери же относилась иначе, и это порождало в доме идиотские ссоры. Однажды мы ей об этом сказали.

— Сколько вашему сыну?

— Пять лет. А что?

Грацци вынул из бумажника найденные в вещах жертвы детские фотографии.

— Это Поль. Снимок сделан два года назад.

— Насколько я понимаю, вы говорите, мадам, что ваша сестра не была бережливой, но отличалась... скажем, эгоистическим характером. Так?

— И да и нет. Я не сказала, что она была эгоисткой. Скорее очень даже щедрой, легковерной во всем. Все глупости делала по наивности. Да, была слишком наивна. Ее все упрекали за это. Не знаю, как вам сказать, но теперь, когда она мертва...

Слезы потекли снова. Грацци подумал, что лучше перейти к другому сюжету — Бобу, например, а затем прервать разговор и вернуться назад. Помимо воли, он коснулся опять больного места.

— Вы ее попрекали? Вы ссорились?

Ему пришлось обождать, пока она вытрет глаза своим скомканным платком. Женщина подтвердила кивком головы, тихими всхлипываниями.

— С год назад, на Рождество, из-за пустяка.

— Какого пустяка?

— Машины. Она купила машину марки «Дофин». До этого неоднократно приходила к мужу и поручила ему оформить кредит и сделать покупку, в общем, все такое. Ей давно хотелось иметь автомобиль. За несколько недель до покупки она уже говорила: «моя машина». Получив ее накануне Рождества, Жоржетта заставила нарисовать на передних дверцах свои инициалы. Мы ждали ее к обеду, но она опоздала, объяснив почему. Была счастлива, просто невероятно счастлива.

Грацци стали невыносимы слезы, которые непрерывно текли по ее бледному лицу.

— Мы пошутили из-за инициалов. А затем, знаете, как это бывает, одно за другое, кончилось тем, что начали говорить ей вещи, которые в конце концов касались только ее... Вот. Потом мы стали ее видеть реже, вероятно, пять или шесть раз за два года.

Грацци сказал, что понимает. Он представил себе Жоржетту Тома за столом накануне Рождества, гордую своей купленной в кредит машиной «Дофин», с инициалами, и внезапно обрушившиеся на нее упреки и саркастические замечания. Подумал о молчании, в котором был съеден десерт, о холодных поцелуях на прощание.

— Мы думаем, что убийство не связано с ограблением. Не можете ли вы назвать человека из ее окружения, который бы ее ненавидел?

— Кого? Таких нет.

— Вы говорили об этом Бобе.

Женщина пожала плечами.

— Боб на такое не способен, это невероятный шалопай, но просто невозможно представить, что он способен кого-то убить. В особенности Жоржетту.

— Ее муж?

— Жак? Зачем? Нет, он женился, у него ребенок. Он никогда не таил зла на нее.

Теперь муж одобрял каждую ее фразу. Внезапно открыв рот, он произнес высоким голосом, что преступление совершил садист.

Мужчина в наручниках в глубине комнаты, не поднимая глаз, вдруг рассмеялся, выпрямившись на стуле и поглядывая на свои наручники. Возможно, он услышал эти слова или был безумен.

Грацци встал, сказал Контам, что у него есть их адрес, что они еще увидятся до конца расследования. Когда те шли к двери, Грацци опять вспомнил квартиру на улице Дюперре и задал последний вопрос, который пригвоздил их к месту.

Женщина ответила: нет, конечно же, нет. Жоржетта не встречалась последнее время ни с кем, кроме человека по имени Боб. Жоржетта совсем не та женщина, о которой, похоже, подумал Грацци.

Он говорил, что Жоржетта — это особый случай, что ее, мол, надо понять. Во всяком случае, он никогда не думал, что один в ее жизни. По натуре он, слава богу, не ревнив. И коли уж инспектор намерен продолжать эту тему, ему лучше сразу понять свое заблуждение, иначе он разобьет себе башку о стенку.

Его действительно звали Бобом. Так было написано и в удостоверении личности. Робер — это псевдоним. Он сказал, что у его родителей были странные взгляды. Когда ему было два года, оба они утонули, катаясь на парусняке в Бретани. Два месяца назад ему исполнилось 27 лет.

Жоржетта умерла в тридцать лет. Что же до его переживаний, то инспектора это не касается. При всем его уважении, фараоны ему противны или смешны. Только вот он не знает, к какой категории принадлежит инспектор,— скорее ко второй. Просто потеха думать, будто у Жоржетты были деньги. Считать же, что муж ее способен кого-то прикончить в поезде, не наделав в штаны, оборжаться можно. Не меньше, чем думать, будто это убийство по страсти. Ведь из-за этой гадости сразу отправляют на гильотину. Куда печальнее, если угодно, предположение, будто бы он, Боб, мог совершить такое убийство, да еще в вагоне второго класса, не поставив себя в смешное положение. Инспектор — как его имя? Грацциано? Кажется, был боксер по фамилии Грацциано? — так вот, инспектор, похоже, совсем свихнулся, коли так думает.

Пришел он потому, что ему противно, когда фараоны роются в вещах Жоржетты. Накануне вечером он был на улице Дюперре, и ему совсем не по душе, как был сделан обыск. Уж коли вы не способны положить вещи на место, лучше их совсем не трогать.

Его могут посадить в камеру, но он будет говорить в угодном ему тоне. И если инспектор такой умник, пусть лучше слушает его. Фараонам надо бы забыть об обидчивости еще до поступления на работу в полицию. В возрасте инспектора это просто несерьезно.

Во-первых, никто не обкрадывал Жоржетту, потому что нечего было красть. Даже полицейский может до этого допереть сразу.

Затем. Она была слишком приличной особой, чтобы водить знакомство с кем-то, кто хотел бы ее кокнуть. Он надеется, что инспектор — как же, черт побери, его имя? — Грацциано, вот именно, спасибо! — он надеется, что инспектор понял, что он имеет в виду.

Наконец, если верить паскудной фразе паскудыжурналиста, понадобилось три минуты, чтобы задушить Жоржетту. Пусть инспектор поднатужится и поймет — это и есть самое важное. Ему, Бобу, конечно, на это наплевать, но при мысли о трех минутах он готов взорвать весь Париж. Нет надобности ходить на курсы повышения квалификации в префектуре полиции, чтобы усечь простую вещь: профессионал не может позволить себе роскошь потратить столько времени. Так что чей-то сынок, совершивший это, просто любитель. И в довершение всего не очень-то ловкий, то есть паскуднейший из всех.

Если бы он, Боб, верил в бога, то стал бы просить его, чтобы убийство, вопреки очевидности, совершил профессионал. Тогда бы можно было поверить, что журналист лишь повторил чье-то паскудство и Жоржетта умерла без страданий.

И еще одна вещь: он только что видел выходящими отсюда Гадость и Ублюдство, сестру и зятя Жоржетты. При всем своем неуважении к инспектору, он хочет сказать, что фараонам лучше не обращать внимания на их лепет, который может дорого обойтись налогоплательщикам. Это страшные люди. Хуже того — абсолютно благонадежные. Болтуны. В их словах столько же правды, как в Апокалипсисе. Они не знали Жоржетту. Нельзя знать человека, которого не любишь. В общем, что бы они ни говорили — все вранье.

Вот так. Он надеется, что инспектор, чье имя ему надоело повторять, усек это. В остальном же он искренне огорчен и приносит извинения — ему никак не удается запомнить имена людей.

Грацци смотрел на него пустыми глазами, опьянев от этой речи, слегка удивленный тем, что до сих пор не вызвал из коридора полицейского и не приказал отвести этого подонка подлечить свои нервы в камере предварительного заключения.

Он был высоченного роста, больше Грацци на голову, с громадной, страшной, поразительно бледной мордой и с чем-то удивительно привлекательным в живых голубых глазах.

Грацци представлял себе любовника Жоржетты иным. А теперь уж не знал, каким. И вот этот тип сидел перед ним. Он был получше того, который перепродавал машины. Но раздражал Грацци невероятно, и от него болела голова.

Накануне, в момент убийства, он был у друзей в 50 километрах от Парижа, в одной из деревень Сены-и-Уазы, где все шестьсот жителей могли подтвердить его слова: ему не удается остаться незамеченным.

Габер позвонил в четверть первого. Он только что вышел от Гароди и звонил из табачной лавки на улице Лафонтена. Он видел невестку, ну и штучка, надо сказать, здорово красива.

— Она ничего не знает, ничего не заметила, ничего не может сказать.

— Ее описание совпадает с кабуровским?

— Она ничего не знает. Говорит, что легла, как только села в поезд, и тотчас уснула. И смутно помнит жертву. Сошла с поезда, как только тот остановился, на вокзале ее ждала свекровь.

— Должна же она была заметить других пассажиров... И потом, это как-то не вяжется... Кабур говорил, что верхняя полка оставалась свободна до половины двенадцатого или полуночи.

— Может быть, он ошибся?

— Я жду его. Как она выглядит?

— Красивая, брюнетка, длинные волосы, большие голубые глаза, маленький курносый носик, все, что надо, худощава, рост 1 метр 60, недурна, что еще? Ей было неприятно, это точно. Она говорит, словно пятясь, понятно выражаюсь? Единственное, чего ей хочется, это чтобы ее оставили в покое. Завтра утром придет давать показания.

— Она не заметила ничего особенного во время путешествия?

— Ничего. Говорит, что никак не может быть нам полезна. Села в поезд, легла, спала, сошла с поезда, и ее ждала свекровь. Все. Никого не знает, ничего не заметила.

— Она, может, дурная?

— Не производит такого впечатления. Ей неприятно, вот что. Чувствуется, не хочет быть замешанной в такого рода истории.

— Ладно, поговорим об этом днем.

— Что мне делать? Я могу пообедать с приятельницей?

— Валяй. Затем отправляйся в Клиши и повидай шофера Риволани. Я еще немного подожду Кабура. Днем наведаемся к актрисе.

Перевел с французского А. БРАГИНСКИЙ

Продолжение следует.

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

УБИЙСТВО В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ

Себастьен ЖАПРИЗО

Роман

В три часа Таркэн сидел за столом в своем кабинете. Пальто он не снял. Вид у него был довольный.

Он уперся взглядом в галстук Грацци и спросил: как здоровье, господин Холмс?

Таркэн сразу печатал свой отчет. Он ловко составлял свои донесения. Уметь подать, ясно я выражаюсь?

Грацци молча стоял перед столом и ждал, когда тот кончит печатать фразу. Работал он, как настоящая машинистка,— обеими руками. Грацци же, сидя перед пишущей машинкой, начинал испытывать такое замешательство, что сначала составлял черновики от руки.

Патрон сказал, что дело двигается. Он откинулся в кресле и вытащил из кармана пальто смятую сигарету. Затем размял ее пальцами и сказал: огня, пожалуйста, у меня все время крадут спички. Проглотив дым, с удовольствием заворчал и заявил, что передаст дело следователю прокуратуры на этой же неделе, а в среду утром увидит большого начальника и после этого, малыш, придется еще немно́го повозиться.

Ну, а как дела у него, Грацци? Он, видите ли, сидя утром в ванне, поразмышлял насчет этой задушенной. И сделает сейчас Грацци подарочек. Пусть тот пошире развесит уши.

Таркэн, по своему обыкновению, мелодраматически встал и сказал, что не стоит и голову ломать. Первое — красотка была задушена за что-то, случившееся до поездки в Марсель. Второе — за что-то, случившееся во время пребывания там. Третье — за что-то, имевшее место в поезде. Главное — мотивировка преступления. Чуешь, куда я веду?

Грацци неясно пробормотал что-то о простоте и упрощенности, но патрон заметил: хм, хм, хм, если у тебя есть связное объяснение немотивированного поступка, излагай, я не настолько образован.

Он сказал, что Грацци достаточно умен и уже, наверное, понял, что две версии из трех ни на чем не держатся. Первая и вторая. Если какой-то сын шлюхи, содеявший это, познакомился с жертвой до того, как сел в поезд, то был лишь один шанс из десяти тысяч, чтобы он выбрал именно это место и время, чтобы затянуть ей шейку. Даже если он совершенно чокнутый и был с нею знаком прежде, и последовал за нею в Париж, то все равно выбрал бы зал Мютюалите на пять тысяч человек или площадь Согласия, ясно я выражаюсь? Там по крайней мере меньше прохожих.

Засунув руки в карманы пальто и расхаживая по комнате, Таркэн вытащил пожелтевший от никотина палец, остановился, направил его на галстук Грацци и пристально поглядел на него.

— Нет, все произошло в поезде, господин Холмс! Надо порыться в событиях ночи. Пятница вечером 10.30, суббота утром 7.50, из этого отрезка никуда не выпрыгнешь.

Он трижды прижал свой указательный палец к груди Грацци, скандируя:

— Единство времени, места и еще чего угодно — это классика. Уж коли ее придушили в поезде, значит, больше негде было это сделать; торопились или решение созрело внезапно. Можешь мне поверить. Единственное, что я умею делать,— это размышлять. Что нового?

Грацци сказал: ничего, не бог весть что, допросил людей, которые находились слишком далеко в час убийства, чтобы на них пало подозрение. Надо еще проверить бывшего мужа, Жака Ланжа, и молодого жильца на улице Дюперре, студента, которого знала жертва.

Ждали первое сообщение из Марселя.

— А остальные пассажиры купе?

Кабур сегодня утром не явился. Но он, похоже, сказал мне по телефону все, что знал. Найдены трое других — актриса, шофер и супруга типа, занимающегося электроникой. Габер пошел их повидать.

— Кто остается?

— Соседнее с жертвой место — номер 223. Если Кабур не ошибается, это девушка, севшая в поезд в Авиньоне. Зовут Бомба́. Но этого имени нет в телефонном справочнике.

— А красотка?

Грацци сказал: ничего в данный момент, но он, мол, начинает понимать ее лучше, чем ярежде. Однако знал, что лжет, что многого не знает. Пока все шло по схеме: показания, люди, версии. И ничего впереди, кроме самоуверенности этого толстяка с примитивно выраженным карьеризмом в бегающих глазах. Он снова сел, засунув руки в карманы пальто.

Был ли прав Таркэн?

На своем столе Грацци нашел записку маленького Габера. Пришло донесение из Марселя. Неутешительное. Один из тамошних инспекторов, корсиканец, которого Грацци знал лично, восстановил все действия жертвы в течение четырех дней, предшествовавших ее смерти. Первый телефонный отчет будет передан Грацци к четырем часам.

Он подождал, прислонившись лбом к оконному стеклу, находившемуся за его столом. По Сене проплывали лодки с гребцами, от которых шел пар.

Габер сам принес докладную на шести машинописных страницах в трех экземплярах. Он только что вернулся из Клиши, где повидал Риволани, его жену, детей. Они ему понравились. Угостили кофе, стаканчиком арманьяка. И поговорили обо всем, даже об убийстве.

— Оставь меня в покое. Прочитай тоже. Затем едем к актрисе. И к Кабуру, он не явился.

Они стали читать. Габер жевал резинку.

Жоржетта Тома приехала в Марсель во вторник 1 октября в 8 часов 37 минут. В 9 часов прибыла в отель «Мессажери» на улице Феликс-Пиа в районе Сен-Морон, где останавливалась и во время предыдущих приездов. Это народный квартал, населенный главным образом итальянцами или семьями выходцев из Италии.

С этой минуты и до отъезда в пятницу вечером 4 октября была занята демонстрацией своей продукции в парикмахерской «Жаклин д Ар» в центре, на улице Рима. В 19 часов покидала заведение и все вечера, в том числе и первый, проводила с неким Пьером Бекки, стюардом на теплоходе «Виль д'Орлеан» Трансатлантической компании.

Приметы Пьера Бекки: высокий элегантный брюнет, довольно полный, 35 лет. Имел две судимости за драки во время военной службы и отбыл наказание в морской тюрьме Тулона. Потом — ничего. Должен отплыть на «Виль д'Орлеан» в начале ноября в двухнедельное плавание на Дальний Восток. Познакомился с Жоржеттой Тома несколькими месяцами раньше, в феврале, во время ее предыдущего приезда в Марсель. Жил тогда в отеле «Мессажери» вместе с ней. С тех пор они больше не виделись, он не имел о ней никаких известий.

Во вторник 1 октября днем Жоржетта Тома позвонила от «Жаклин д'Ар» в табачную лавку-бар на улице Феликс-Пиа, куда обычно заходил Пьер Бекки, когда был на суше. Стюарда там не оказалось, и она поручила хозяину Ламберу передать ему, чтобы он ждал ее вечером около 20 часов.

Около 20 часов Жоржетта Тома встретилась с Пьером Бекки в табачной лавке-баре на улице Феликс-Пиа, где он, дожидаясь ее, играл в карты с завсегдатаями.

Они поужинали в пиццерии на бульваре Насиональ, совсем рядом, и вместе вернулись в отель «Мессажери» около 22 часов.

В последующие дни Жоржетта Тома после работы встречалась со своим любовником в тот же час, они ужинали в той же пиццерии, за исключением четверга, когда обедали после кино в ресторане в Офской ложбине, на побережье.

Утром она первая покидала отель «Мессажери», садилась в автобус на углу улицы Феликс-Пиа и Национального бульвара и отправлялась на работу. Завтракала со служащими «Жаклин д'Ар» в ресторане самообслуживания на Римской улице. Пьер Бекки уходил из номера позднее.

Все, кого за несколько часов удалось допросить, не заметили ничего необычного в поведении жертвы.

Опрошенный вечером в воскресенье Пьер Бекки не смог дать никаких полезных для следствия сведений. Он провел с Жоржеттой Тома в целом дней десять: пять в феврале, четыре в октябре. Ничего не знает о ее жизни в Париже, не знал, были ли у нее враги, не ведает о причинах убийства. В пятницу вечером, перекусив с нею в пиццерии, он проводил ее на вокзал Сен-Шарль. Они расстались за две минуты до отхода поезда при выходе на перрон. На другой день, когда молодая женщина была задушена, он находился в Марселе. Все его показания подтверждаются.

Будет продолжаться опрос тех, кто знал Жоржетту Тома. Если станет что-либо известно, сообщат немедленно.

В течение четырех дней в Марселе стояла прекрасная погода. Звонивший инспектор-корсиканец сообщил, что она по-прежнему такая.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15, 16.

Направляясь с Габером к выходу, Грацци зашел в кабинет комиссара Таркэна. Того не было на месте. Грацци положил экземпляр отчета из Марселя на стол и заметил написанную рукой шефа фразу со своей фамилией:

«Грацци: если все случилось в поезде, значит, ограбление. В любом случае работа психа».

Грацци подумал, что самый большой псих из двух... и т. д. Однако безапелляционные заключения Таркэна всегда производили на него впечатление. Он перечитал записку, пожал плечами: там нечего было красть.

Он присоединился к Габеру на лестнице. В своей шотландской куртке, пожевывая жвачку, тот внимательно слушал жалобы трех инспекторов из другого отдела: это означало у него либо подхалимство, либо насмешку.

Стоя на несколько ступенек выше, те рассказывали, что уже несколько ночей не спят. Всю неделю они идут по следам парня, разыскиваемого в десяти департаментах. Тот либо сбежал из дома, либо его похитили, либо еще что-то. Теперь парнем займется другой отдел, а их бросили на ночное убийство типа, обнаруженного в туалете «Центрального». Ну и местечко выбрали, ничего не скажешь.

Габер и Грацци накануне тоже работали по делу того парня, сына муниципального советника из Ниццы. Вообще масса людей занималась его поисками в Сен-Жермен-де-Пре, Латинском квартале, в аэропортах и на вокзалах. Он согласился, что им не повезло, но что тут можно поделать? И они с Грацци двинулись к выходу: Грацци впереди, Габер сзади, с пониманием и сочувствием качая головой.

В малолитражке, которую вел Грацци, Жан-Луп снова вынул свою головоломку. Они ехали по набережной левого берега Сены в направлении площади Альма.

— И что ты думаешь?

— О чем?

— О донесении из Марселя?

Не отрывая глаз от головоломки, Габер сказал, что надо посмотреть на месте. Одного донесения недостаточно — это не разговор, а сплошная болтовня.

— Им все же можно доверять,— сказал Грацци.— Если они ничего не нашли, значит, ничего не было. Патрон утверждает, что что-то произошло ночью.

В двух коротких фразах Габер сказал, что он думает о патроне и как могут им пригодиться его мысли. Они проехали туннель напротив Тюильри и задержались перед красным светом. Притормозив, Грацци вынул носовой платок.

— Тебе понятен этот тип? Встречается с девушкой раз в полгода четыре ночи подряд (он высморкался), после чего расстается с лучшими чувствами (он опять высморкался) до следующего раза?

Жан-Луп сказал, что понимает, да это и не так уж сложно. Грацци положил платок в карман и провел тыльной стороной руки под носом. Потом заметил, что никогда не встречал таких женщин.

— Таких или других, кстати. Мне не так уж много пришлось иметь дело с женщинами. Я ведь женился двадцати лет.

Жан-Луп посоветовал не рассказывать свою жизнь. Дали зеленый свет. Небо над Сеной и площадью Согласия было низкое, и над водой плыл легкий туман.

— Ты вызвал на какое время — Риволани и ту, другую?

— На завтрашнее утро,— сказал Габер.— Но это пустое дело. Девушка ничего не знает и тот тоже.

— Он помнит других пассажиров в купе?

— Смутно. Говорит, что спал. Ни на что не обратил внимания. Во всяком случае, все описания совпадают. Кроме Гароди на верхней полке. Он также не заметил, ну, эту, Эвелину. И не знает, лежала ли она на своей полке, когда он уснул, или вошла позднее. Это подтверждает то, что говорит сама девушка или Кабур, на выбор.

— А она на кого похожа?

— Только не на душительницу.

Грацци сказал, что Жоржетта Тома тоже не была похожа на женщину, которая встречается с мужчиной в течение нескольких ночей раз в полгода, а в остальное время о нем и не думает. И тем не менее это так.

— Откуда ты знаешь, что она о нем не думала,— сказал Жан-Луп.— С тех пор, как тебе исполнилось двадцать лет, земля немало покрутилась вокруг оси, начальник, проверь стрелки на циферблате.

Было пять часов вечера, когда они захлопнули дверцы машины перед знаком, запрещающим стоянку под окнами дома, где жила Элиана Даррэс. В глубине узкой и тесной улочки виднелась, словно подвешенная к небу, часть дворца Шайо, светло-желтого цвета.

Дом был зажиточный, лестница тихая, лифт работал.

— Нам повезло,— сказал Грацци.

Он чувствовал себя усталым, болела голова. Ему никак не удавалось влезть в шкуру убитой, он не понимал и даже отказывался понимать ее. Однако приходилось спрашивать людей, записывать, быть муравьем, который каждый вечер возвращается к себе домой. Все. Если поиски затягивались, другие муравьи принимались за работу. И в конце концов удавалось что-то вытащить, прорыть ямку.

Пока лифт быстро и тихо поднимался, Грацци поглядывал на Габера, который в это время думал о чем-то своем, возможно, о подружке, неважно о чем, в глубине души посмеиваясь над всеми их заботами. Грацци завидовал его безразличному виду, спокойствию. Жан-Луп никогда не станет муравьем, ему нет охоты что-либо выявлять, он не рассчитывал ни на повышение, ни на благодарность начальства. А в полицию поступил два-три года назад лишь по настоянию отца, службиста и маньяка. Чтобы тот оставил его в покое, он подчинился. Отец занимал какой-то важный пост в министерстве внутренних дел, так что мог и подпереть своего сынка.

Открывая лифт на третьем этаже, Габер выразил надежду, что они быстро обернутся, у него на 8 назначено свидание на Елисейских полях, и что если придется еще ехать к Кабуру, то он не поспеет.

Стоя перед двустворчатой дверью, он позвонил, тщательно застегнув куртку и пригладив рукой волосы.

— Как она выглядит?

— Кто?

— Твоя девушка,— сказал Грацци.

Жан-Луп ответил: ничего, такая же психованная, как и остальные. Тут дверь открылась.

На Элиане Даррэс был розовый халатик, розовые домашние туфли без задников, отороченные белым мехом. Грацци она показалась знакомой, хотя имя ни о чем не говорило. Однако он тотчас признал в ней исполнительницу в десятке фильмов, где она играла небольшие роли, всегда одинаковые и в большинстве своем немые. Ее голос удивил его. Тонкий, манерный, весело-игривый голос женщины, которой нечем занять время, у которой нет горничной, чтобы открыть дверь, но которая обязана сказать, что у нее назначена встреча через десять минут и что в наши дни просто невозможно держать в доме прислугу.

Она провела их через выкрашенный в розовый цвет коридор в розовую комнату, где на низких столиках горели лампы. Волосы у нее были обесцвеченные, собранные в толстый пучок на затылке. Когда она повернулась, чтобы пригласить сесть в кресла, стало ясно, что это узкое лицо с большими темными глазами принадлежит женщине лет сорока пяти, которая выглядит старше, пытаясь молодиться, и чья кожа очень страдает от втираний.

Рисунок Ильяса АЙДАРОВА

СПАЛЬНОЕ МЕСТО № 222

Входя в гостиную, Элиана Даррэс едва не потеряла домашнюю туфлю и поэтому не успела скрыть от гостей испорченное кресло, которое скрипело на отклеивающейся ножке.

Инспектор по имени Грасио или Грасино уселся в него, расстегнув пальто. Его более молодой спутник пристроился с безразличным видом на диване и спокойно вынул из кармана головоломку.

Она слышала одновременно поскрипывание кресла и щелчки фишек в игрушке. Маленький блондин — инспектор даже не взглянул на нее.

О, она хорошо знала этот тип молодых людей, которые куда угодно входят, словно к себе домой, сидят, скрестив ноги, соглашаются выпить, не поблагодарив. Обычно они годами остаются студентами

и чему-то учатся — праву, восточным языкам. Они спокойны, красивы, невежливы, мрачны и умудряются нравиться женщинам, даже не глядя на них. Проведя с вами одну ночь так, что вы теряете голову, они затем говорят, что устали от занятий, что только это имеет значение, что потом, после экзаменов, все будет иначе, и иногда быстро целуют безразличными и мокрыми губами, как дети, и просто сводят вас с ума.

Этот инспектор, не похожий на инспектора, сидел, опустив глаза на свою игрушку, и быстрота, с которой он передвигал фишки, нервировала и завораживала, как экран телевизора, на который не хочешь смотреть.

— Мы вас долго не задержим,— сказал тот, которого звали Грасио или Грасино.— Мы уже опросили трех пассажиров вашего купе. К сожалению, хотя это и можно объяснить, их показания не во всем сходятся. В ночном поезде больше думают о сне и каждый замечает разные вещи.

Она сказала, что это верно, села на край исправного кресла напротив него, сдвинув ноги в сторону, и тщательно запахнула халат на коленях.

— Я вижу у вас на руке обручальное кольцо,— сказал высокий инспектор с костлявым лицом.— Вы замужем?

— Была. Я потеряла мужа много лет назад.

Он вынул из кармана красную записную книжечку и, открыв ее на страничке, заложенной карандашом, стал записывать. Спросил, не будет ли бестактным задать ей сначала несколько личных вопросов, чтобы установить, кто она такая.

Инспектор записал, что она актриса, вдова вот уже 8 лет, что ее настоящая фамилия Дартетидес, что ей 47 лет, что она провела неделю в Экс-ан-Провансе, где снималась в фильме.

Она рассчитывала, что тот не спросит ее, вернулась ли она сразу после окончания съемки, однако он и об этом подумал. Ее слова ведь все равно легко проверить в кинокомпании, поэтому призналась, что была нужна только на три вечерние смены, а потом осталась еще на несколько дней в Марселе, надеясь получить приглашение на другую картину: так, мол, поступают все актеры, когда выезжают на съемки, даже самые знаменитые, то есть стремясь убить двух зайцев сразу.

На минуту возникла пауза, после чего худой инспектор без всякой убежденности сказал, что понимает.

— Вы забронировали себе место № 222 в четверг 3 октября, не так ли?

— Да, нижнее место справа. Когда я села в поезд, в купе уже были два пассажира.

Марсель. Улицы Марселя. Десять вечера. Маленький бар на бульваре Афин, у подножия большой лестницы вокзала Сен-Шарль. Ей принесли там чай и сухое пирожное. Потом свет и шум на перроне. Тяжесть чемодана.

Она вошла в купе почти одновременно с человеком в кожаной куртке. Другой пассажир как раз укладывал свой багаж, встав для этого на нижнюю полку ногами. Она не посмела сделать замечание, потому что вообще никогда ничего не смела. Он, кстати, потом помог ей разместить ее чемодан.

Ей было неприятно, что в купе едут мужчины. И она даже вычислила, что не так бы уж много переплатила, если бы купила билет в первом классе. Была, впрочем, надежда, что в купе окажутся и другие женщины. Но никто не шел. Помнится, она сидела согнувшись на своей кушетке, потому что верхняя полка мешала выпрямиться, и притворялась, что ищет что-то в сумочке, ожидая отправки поезда, когда освободятся проходы и закончится комедия прощания.

— Значит, жертва пришла в купе после вас?

— То есть женщина, которую потом убили? Она вошла перед самым отправлением поезда. Другая, молодая девушка, села ночью в Авиньоне.

Накануне «У Андре» после звонка из полиции она вернулась к столику, где ее друзья уже доедали десерт. Они не поверили своим ушам, кто-то выбежал на улицу Франциска Первого, чтобы купить «Франс суар». Их было семь или восемь человек, в том числе стажерка со светлыми глазами на роли фатальных женщин, записавшая днем комментарий к короткометражке о Мадагаскаре. Все они склонились над газетой, расстеленной на столе. За соседними столиками люди вытягивали шеи.

— Жертва — брюнетка в темном костюме,— сказал инспектор Грасио или Грасино.

— Это она. Я видела фотографию вчера вечером и вспомнила ее. Просто ужасно, как четко она запечатлелась в моей памяти. Я всю ночь думала о ней.

— Встречали ли вы ее прежде, до поезда? Ее имя Жоржетта Тома.

— Нет, никогда.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Она лежала на полке надо мной.

— Вы с ней разговаривали?

— Да. В общем, сами знаете, о чем говорят в поезде. Она сказала, что живет в Париже, занимается, кажется, духами. Узнала запах моих духов, и мы еще поболтали несколько минут.

— При отправлении поезда?

— Нет, позднее.

— Постарайтесь нам описать как можно подробнее вашу поездку с того момента, как вы вошли в купе.

Она кивнула, поглядела на другого инспектора, блондина, не поднимавшего глаз. Она не знала, можно ли предложить им чашку кофе или бокал портвейна, или, напротив, им запрещено принимать такого рода угощения во время работы.

— Когда я вошла в купе, там находились двое мужчин. Один занимал верхнюю полку справа. Был похож на служащего из-за своего серьезного, немного печального вида. Сама не знаю, почему я так говорю. Все-таки я решила, что он служащий. Быть может, из-за старого поношенного костюма... Не знаю.

Она, по обыкновению, запуталась, не в силах оторвать взгляда от темно-синего пальто сидевшего против нее инспектора, слишком тесного и местами вытертого на рукавах. Этот тоже был служащим, своего рода служащим. И не писал больше в своей книжечке, а наблюдал за тем, как она путается в объяснениях.

Но она знала, что ей надо сказать. Она не спала, а потом все утро на кухне вспоминала поездку и подготовилась отвечать на вопросы.

— Я должна сказать нечто важное,— заявила она внезапно.— Он повздорил с убитой.

Металлическое щелканье прекратилось. Она повернулась и встретила безразличный взгляд маленького блондина. Тот спросил:

— Кто? Служащий?

— Его звали Кабуром,— сказал инспектор с костлявым лицом.— Что вы понимаете под словом «повздорил»? Он был знаком с жертвой?

Она сказала: нет, у нее не сложилось такого впечатления.

— Не знаю, в какой момент (я читала журнал) та захотела снять свой чемодан, чтобы взять что-то. И человек, похожий на служащего, Кабур, помог ей. Затем они поболтали немного в проходе, как два человека, которые только что познакомились. Не думаю, чтобы они были знакомы прежде, я слышала начало их разговора. Это трудно объяснить.

— Понимаю,— сказал инспектор Грасио или Грасино.— А потом они повздорили? Почему?

Она выдержала его взгляд. У него были ясные, внимательные глаза, бледное, измученное лицо. И сказала, что догадаться нетрудно. Такое часто бывает в поездах.

Она чувствовала на себе взгляд молодого блондина, неприятный, тяжелый, быть может, несколько ироничный. Вероятно, он уже догадался и подумал, что ей доставила удовольствие эта перепалка, что она ревновала, завидовала молодой брюнетке, за которой ухаживали в проходе поезда, и все такое.

— Поболтав с нею, мужчина, видимо, осмелел, что-то сказал или сделал неуместный жест... Так я поняла. Еще в купе он как-то странно посмотрел на нее... В общем, женщины это подмечают. Он явно нарвался. Говорила она. Очень громко. Дверь в купе была закрыта, я не различала слов, но интонации не оставляли сомнений. Спустя минуту она вернулась в купе одна и улеглась на свою полку. Он пришел много позже.

— Который был час?

— Не знаю. Когда я ходила в туалет переодеться на ночь, было 11 часов 30 минут. Ссора случилась примерно час спустя.

— Помните ли вы, было это до или после проверки билетов?

— После, в этом я уверена. В этот момент в купе находилась другая пассажирка, севшая в Авиньоне. Молодая блондинка, довольно красивая, в светлом платье и синем пальто. Должно быть, она читала, потому что, когда контролеры открыли дверь и потребовали билеты, в купе горел только ее личный свет. Вы знаете, у каждой полки свое освещение.

— Значит, это было после полуночи?

— Вероятно.

— Что произошло потом?

— Ничего, она легла. Позднее я услышала, как вошел мужчина и улегся на своей полке. Другой мужчина с нижней левой полки уже давно погасил свой свет. И я уснула.

— Вы ничего не можете добавить по поводу ссоры?

— Нет, думаю, я вам все рассказала.

— Не кажется ли вам, что Кабур был на нее за что-то сердит?

Она вспомнила мужчину в поношенном костюме утром, во время прибытия поезда, его ускользающий взгляд, осунувшееся лицо, униженный голос, когда он обратился к ней в дверях, прося прощения за беспокойство. Металлические щелчки возобновились. Она сказала: нет, у нее не было такого впечатления. По прибытии поезда тот сразу сошел, не сказав ей ни слова, не взглянув даже. Чувствовалось, что ему стыдно, особенно перед другими, и он хочет поскорее нас оставить.

— А она?

— Наоборот. Ничуть не торопилась, не испытывала никакого стыда. Просто больше не думала о случившемся или хотела создать такое впечатление у других. Поболтала со мной, с девушкой из Авиньона. Человек в кожанке, попрощавшись, сошел тоже. Эти слова и «добрый вечер» накануне исчерпали весь его словарный запас.

— Значит, Кабур сошел первым. Затем мужчина по имени Риволани. Так?

Элиана Даррэс сказала: нет, Кабур сошел не первым, а после молодого человека с верхней полки. Маленький блондин внезапно прервал щелканье фишками, костлявый инспектор трижды потрогал карандашом губы.

— Молодой человек? — спросил Грасио или Грасино.— Почему молодой человек? О какой полке вы говорите?

— О верхней слева. В общем, молодой человек...

— Какой еще молодой человек?

Она, не понимая, поочередно поглядела на обоих. Глаза маленького блондина были лишены всякого выражения, в глазах инспектора с бледным лицом читалось недоверие.

Второй объяснил ей, что обнаружен пассажир верхней полки, что им оказалась женщина по имени Гароди. Говоря, он внимательно и устало наблюдал за ней, почти с разочарованием: думал, что она ошибается, и что, значит, могла ошибиться и по поводу всего остального, и что нельзя доверять ее показаниям. Безработная состарившаяся актриса, слегка страдающая манией величия, немного болтливая.

— Как выглядел этот молодой человек? — спросил он.

— Довольно высокий, худой. По правде говоря, я его даже не разглядела...

Маленький инспектор в шотландской куртке почти нагло коротко вздохнул, а его коллега сощурился и разочарованно усмехнулся. Она смотрела на него, потому что под взглядом того, другого, совсем бы растерялась.

— Послушайте, господин Грасино, похоже, вы мне не верите, но я знаю...

— Граццано,— поправил инспектор.

— Извините, Граццано. Я говорю, что не видела его только потому, что он вошел в купе очень поздно, когда было темно, и не зажег свой свет, когда ложился.

— Вы же сказали, что спали.

Это заметил маленький блондин. Она повернулась к нему, но тот не смотрел в ее сторону и опять занялся головоломкой, которую она ненавидела. И у него был красивый дерзкий рот. Вот кого бы она с удовольствием ударила, так этого мальчишку. Его бы она сразу узнала, целуя его безразличный красивый рот, потому что хорошо знала таких типов, даже слишком хорошо, у них у всех были одинаковые вкусы.

— Я спала,— объяснила она, не в силах справиться со своим голосом.— Но он споткнулся в темноте о вещи, стоявшие в проходе, ведь было тесно, и я проснулась.

Она думала: я знаю, что говорю, я знаю то, что знаю, он почти упал на меня, проходя мимо, я их узнаю из тысячи, даже в темноте, у них красивый мокрый рот, безразличный, как у детей, они еще почти дети, они прелестны и злы, я их сразу узнаю, я их ненавижу.

— Это была женщина,— сказал Грасио (нет, Граццано, он еще скажет, что я ошиблась, что я сумасшедшая).— Вы просто ошиблись...

Она отрицательно покачала головой, не зная, какими словами ответить, и думая, я не ошибаюсь, я его не видела, но я знаю, он был именно такой, как они все, как ваш маленький коллега, не похожий на инспектора, как маленький студент из бистро напротив кинотеатра «Дантон» год назад, как актеры, которых ставят в первый раз перед камерой и которым наплевать, если они поворачиваются к ней спиной. Спокойные, безразличные, владеющие чем-то, от чего можно сойти с ума, с нежной кожей, такие молодые. Входя в купе поезда, разбудив всех, задевая, они не извиняются. И тот не сказал «извините», а выругался, спросил: что я тут делаю, почти упал на меня. Он был, наверно, высокий, худой и неловкий, как они все, и полез на верхнюю полку напротив. Засмеялся, побеспокоив девушку из Авиньона, и та рассмеялась тоже. В темноте, в час или два ночи, просто так.

— Я слышала его голос. Они долго болтали с девушкой. Я могу вас заверить, что это был парень, очень молодой, не могу вам объяснить, но я знаю, что это так...

Человек по имени Граццано встал, закрыл записную книжку со спиралью, оставив карандаш между

страницами. Зачем ему эта записная книжка? Он почти ничего не записывал. Стоя, он казался еще выше, еще костлявее, огромный скелет в потертом на обшлагах пальто, с бледным и измученным лицом Пьеро.

— Другой свидетель, по имени Кабур, тоже слышал, как эта молодая женщина разговаривала с девушкой со средней полки. Вы могли ошибиться относительно голосов.

Он говорил ровным и усталым голосом, не столько для того, чтобы ее убедить, сколько, чтобы поставить точку и перейти к другому вопросу.

— Кстати, мы ее нашли.

Она снова отрицательно покачала головой, взглянув на маленького блондина, по-прежнему смотревшего в сторону. Сказала: быть может, не знаю, и тем не менее, я уверена. Но одновременно думала: нет, я не ошиблась, я не могу ошибиться, женщины не ругаются, упав на вас и разбудив, надо только все как следует объяснить.

Следовало объяснить столько разных вещей. Она опять покачала головой, настаивая на своем, подняла глаза на инспектора с выступающими скулами, вспомнила забитый проход в вагоне перед отправлением и мальчика лет пятнадцати, печально стоявшего около купе и посторонившегося, чтобы пропустить ее. Тот, другой, светловолосый и черноглазый мальчик в твидовом сером костюме, был, конечно, связан с ночным происшествием, с голосом, который шептал что-то на верхней полке, отчего смеялась девушка из Авиньона, смеялась приглушенным смехом, смехом, вызывавшим у нее такую же ненависть, как и головоломка этого инспектора в шотландской куртке.

— Когда вы утром проснулись, пассажирки с верхней полки уже не было в купе?

Она сказала «нет», все еще покачивая головой, собираясь объяснить, что нет, она не ошибается, но тогда придется рассказать о мальчике, который поцеловал ее при первой же встрече в бистро напротив кинотеатра «Дантон», рассказать о вещах, причинявших ей боль, которые могут показаться низкими, и поэтому она не могла этого сделать.

— Я его не видела. Я пошла одеться в туалет около шести или семи утра, не помню точно. Во всяком случае, когда я вернулась, его не было в купе. Женщина, которую потом задушили, лежала на полке и улыбнулась мне, когда я наклонилась, чтобы уложить в чемодан халат и пижаму. Девушка из Авиньона надевала платье, снятое в темноте. Я об этом помню, потому что мы пошутили на этот счет. Лежа на спине, она никак не могла застегнуть молнию. Потом приподнялась и сказала: ну и пусть, ведь все мужчины спят.

Мужчина в кожанке храпел, даже очень сильно, лицо его было измученное, усталое. Она решила, по его рукам, что это докер или механик, что-то в таком духе. У ног стоял бледно-синий фибровый чемодан с потертыми углами. Кабур не шевелился, и она подумала, что он, скорей всего, наблюдал за одевающейся малышкой с голыми плечами, которая, возможно, была весьма порочной девицей, кто ее знает. Думать так было некрасиво и нехорошо. Тот бедный мальчик думал о чем-то другом, это она поняла по его осунувшемуся лицу с выражением отвратительной покорности в глазах, когда он слезал с полки.

— Вас кто-нибудь встречал на вокзале?

— Нет. А что такое?

— Просто так.

Огромный Граццано укладывал свою книжечку в карман, и, продолжая смотреть на него, она глупо добавила:

— Я хотела бы поделиться своим ощущением. Понимаете, никто из тех, кто был со мной в ту ночь в купе, не мог совершить эту ужасную вещь. Я это чувствую инстинктивно.

Высокий инспектор покачал головой, немного смущенный, сказал «спасибо» и взглянул на маленького блондина. Вставая со своего места с отсутствующим видом и с отсутствующим взглядом, тот уже запихивал мохеровый шарф под шотландскую куртку.

Она проводила их до двери.

— Можете ли вы завтра заехать на Кэ д'Орфевр, кабинет 303, третий этаж? — спросил тот, чье имя оканчивалось на «о» и которое она бы снова исказила, если бы произнесла сейчас.

Она кивнула, и он сказал, что, может быть, она вспомнит еще что-то, другие подробности, что он еще подумает о том, что она рассказала. Она даст показания, вот так. Она закрыла за ними дверь, прислонилась к ней в отчаянии, злясь на саму себя. Они уже ушли.

Три минуты спустя в дверь позвонили снова. Она уже успела вернуться в комнату, не решаясь сесть в то же кресло, потому что это вызвало бы разочарование. Поэтому легла на диван, закрыв глаза рукой. Она встала, уже догадываясь, что это маленький инспектор, сама не зная почему, но сразу поняла это, когда ее рука дотронулась на диване до забытой им головоломки.

Металлическая коробочка, три десятка фишек с номерами, черные на красном фоне маленькие квадратики, перемещая которые нужно расположить их в определенном порядке,— игрушка.

Она снова чуть не потеряла свою домашнюю туфлю, идя по коридору. И прежде чем открыть, взглянула на себя в зеркало у двери. Совсем рядом, в выпуклом стекле, она увидела лицо надзирательницы пансиона, которая там работала 25 лет назад, смешной женщины с большими черными глазами, широким открытым лбом и длиннющим носом. Она подумала, что немного похожа на Кабура.

Белобрысый инспектор в шотландской куртке с аккуратно завязанным шарфом широко и нагло улыбался, как они это делают все, когда вы им нужны. Он сказал, что забыл кое-что на диване, и по-хозяйски вошел в квартиру.

Она заперла дверь и пошла за ним в гостиную. Он сразу подошел к дивану, поискал, наклонившись, головоломку.

— Она у меня.

И показала металлическую коробочку. Тот подошел к ней и, потому что она все еще прижимала к груди его игрушку, спокойно посмотрел на нее с притворным простодушием во взгляде, как все они делают, и добавил: извините, я забыл. Потом протянул руку, и она сказала себе: я должна отдать, это инспектор полиции, ты спятила. Резко протянула игрушку с глупой улыбкой, прекрасно зная, что улыбка глупая, почувствовала тепло его руки, а он продолжал с тем же безразличием и без улыбки смотреть на нее.

— Мы забыли вам задать один вопрос.

Ей пришлось немного отступить, потому что, запихивая коробку в карман, он стоял совсем близко.

— Когда вы покинули купе, жертва тоже готовилась выйти?

— Не знаю. Полагаю, что да. Я им обеим сказала до свидания — ей и светловолосой девушке. Думаю, они собирались выйти следом из поезда.

— В проходе было много народа?

У него был писклявый голос, куда менее красивый, чем у того, другого, который ждал его внизу в машине.

— Да, было много народа. Но я не стала выходить первой, не люблю толкучку.

— Вы ничего не заметили, что могло бы быть как-то связано с преступлением?

— Нет, не думаю.

Она сказала, что еще подумает, что не обращала тогда внимания. Не могла же она предположить, что в купе, которое она покинула, будет задушена женщина и что молодой инспектор придет спрашивать ее об этом.

Тот улыбнулся, сказал: вероятно, и прошел мимо нее в коридор. Перед зеркальцем, висевшим около двери, он остановился, посмотрел на себя, сказал: смешно, какие штуки придумывают, ну и рожа.

Затем сунул руку в карман, где лежала его головоломка. Объяснил, что всё повсюду забывает. Спросил, она не такая?

— Нет, не думаю.

Он покачал головой: ладно, вероятно, до завтра, если я буду там, когда вы придете.

— У меня такое впечатление, что от меня мало проку.

Он сказал: напротив, напротив. И сам открыл себе дверь.

— Вся история с Кабуром — все-таки что-то новое. Теперь они едут к нему, посмотрим, сумеет ли тот от них что-нибудь скрыть.

— Вы его подозреваете?

— Кого? — спросил он.— Я? Я никого не подозреваю. Сказать по правде, я очень плохой полицейский, терпеть не могу подозревать людей. Уж лучше приговаривать их всех скопом. Невиновных людей нет. Вот вы, скажем, верите в невиновность?

Она глупо рассмеялась, понимая, что ведет себя глупо с этим парнем, болтающим всякую чушь и не похожим на инспектора да к тому же явно насмехающимся над нею.

— Вы считаете невинным делом, когда кто-то кому-то помогает снять чемодан, намереваясь затем потискать этого кого-то в коридоре?

Он отрицательно покачал головой и уже со знакомым ей надутым видом спросил, зачем такой красотке понадобилось снимать чемодан?

— Что она хотела взять оттуда?

Элиана Даррэс попыталась вспомнить, снова увидела молодую брюнетку, у которой задралась юбка, когда она поставила ногу на полку, взгляд Кабура.

— Кажется, аспирин или таблетки для дороги. Думаю, аспирин.

Он сказал, что это не имеет значения, но что в любом случае невиновных людей нет, разве что в юном возрасте. Потом — все одна мерзость.

Она стояла в дверях, размахивая, как ненормальная, руками. А он пошел, слегка кивнув на прощание головой. После этого она не вернулась в квартиру, не закрыла за собой дверь, а все следила за его фигурой на лестнице глазами прислуги, которую кадрили на балу, ну форменная дура.

Вечером она поужинала на кухне, держа перед собой открытую книгу, которую прислонила к бутылке минеральной воды. По десять раз перечитывала одну и ту же страницу. Написанные там слова никак не могли стереть воспоминания о задушенной в поезде.

Очень черные волосы, очень светлые глаза, тоненькая и длинная фигура, хорошо сшитый костюм. С внезапной, вызывающей удивление, настойчивой, внимательной улыбкой. Жоржетта Тома́ часто улыбалась, много раз во время поездки. С трудом втащив в купе чемодан, она улыбнулась, сказав: прошу прощения. Потом отказалась от конфетки, улыбнулась: вы так любезны. Она сама предложила сигарету Кабуру, опять улыбнулась: пожалуйста. А утром наклонившаяся над своей полкой сорокасемилетняя женщина, невыспавшаяся, замерзшая, которой невыносимо было думать о том, что ей придется есть одной за кухонным столом, читая прислоненную к бутылке минеральной воды книгу, опять встретила ее внезапно возникшую, неожиданную улыбку и услышала: доброе утро, однако, мы приехали.

Бедняжка не знала, что ее ждет смерть, сама эта мысль просто не могла прийти ей в голову. Об этом надо было непременно рассказать инспекторам.

В газете, которую все они читали накануне, было написано, что это не сведение счетов, что ее убили не для того, чтобы обокрасть. О чем она думала, когда ее убивали? О чем думаешь, когда тебя убивают?

Элиана Даррэс вымыла посуду: тарелку, вилку, стакан, сковородку, на которой зажарила яичницу. А потом долго стояла в коридоре между комнатой и входной дверью, между сном и еще чем-то, и размышляла о том, что было бы лучше не оставаться одной.

Она подумала: у меня есть время сходить в соседнее кино. В кино она ходила почти каждый вечер, говоря всем, что делает это исключительно из профессионального интереса и что на самом деле кино терпеть не может, что ей приходится с трудом выкраивать два свободных часа. Иногда она по нескольку раз смотрела один и тот же фильм, потому что не запоминала названий, а фотореклама у входа всегда обманывает. Но какое это имело значение? Неважно, что смотреть. Она покупала в антракте мятные конфетки или еще что-нибудь.

На другой день, глядя на свое отражение в зеркале ванной комнаты, она нашла, что выглядит прекрасно. На улице ярко светило солнце. Одеваясь, она видела за окном своей квартиры чистое небо и спокойно размышляла.

Была убита незнакомая ей женщина, это печально, и все. Надо принять это именно так. Она скажет, что считает нужным сказать, и не станет обращать внимания на то, какое это произведет впечатление. К тому же она не ошибается, она просто не может ошибиться относительно мальчика с верхней полки. Что это означает — их дело, но услышанный ею голос и пол вошедшего в темноте не оставляли сомнений: это был парень, а не женщина. Если они не хотят ей верить, тем хуже.

Затем она объяснит им, что Жоржетта Тома не имела никаких оснований волноваться, что во всяком случае она не догадывалась, что ее могут убить. Вполне могли задушить и малышку из Авиньона, и это было бы столь же неожиданно, столь же невероятно. Она постарается им объяснить улыбку Жоржетты, вот это важно.

Она, быть может, постарается им объяснить и взгляд Кабура, когда молодая брюнетка поставила ногу на нижнюю полку, чтобы снять чемодан, отчего приподнялась юбка.

Если белокурый инспектор будет там, он опять улыбнется короткой и наглой улыбкой человека, который как бы говорит: вижу, какая вы женщина, знаю, в какую категорию насекомых вас надо зачислить. И скажет еще, что она повсюду видит недоброе, потому что сама такая.

Ведь он тоже сказал ей что-то глупое. Что все виноваты.

Ее ошибка заключалась в том, что она всегда словно ожидала, что ее станут в чем-то упрекать. В том, скажем, что она ведет себя, как женщина, цепляющаяся за молодость и готовая платить за свое счастье. В ее возрасте это называется грехом, обжорством. Демон появился слишком поздно. Двадцать лет она была замужем за человеком, которому никогда не изменяла, который всегда болел и занимал в ее жизни такое же несущественное место, как сейчас его фотография на комоде.

Перевел с французского А. БРАГИНСКИЙ

Продолжение следует.

УБИЙСТВО В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

Себастьен ЖАПРИЗО

РОМАН

Открывая комод, чтобы взять перчатки и сумочку, она взглянула на фотографию. Он попал в газовую атаку в 1914 году. А так был нежен, мил. Он был единственным человеком в мире, который не вызывал у нее желания спрятаться, и так страдал в конце, что умер с облегчением.

Грех. У нее было два любовника, один в 18 лет до брака, во время каникул, когда она готовилась к сдаче экзаменов, второй — после, в прошлом году, и она невольно спрашивала себя, как могло случиться и то и другое.

Она не сохранила никаких воспоминаний о первом, не знала его имени, не помнила, был ли он красив или уродлив. Запомнилось только ощущение страха, что кто-то придет, и он тоже, видимо, этого боялся, потому что не раздел ее, а только задрал юбку.

Когда теперь при ней говорили о девушках, ей снова было неловко, и не потому, что она сердилась на себя за ошибку молодости, а из-за отсутствия воспоминаний. Это было что-то мимолетное, поспешное и немного нечистое. Та маленькая идиотка, которая позволила все это проделать на краю постели,— моча ей, что ли, в голову ударила? — была другая, не она.

Выходя, Элиана Даррэс еще раз поглядела на себя в зеркало, подумала о надзирательнице пансиона, о маленькой дурочке со смятыми юбками, о женщине, которая спустя двадцать лет дала себя поцеловать в пропахшем жареным картофелем и красным вином бистро напротив кинотеатра «Дантон».

Странно было вспоминать об этом. С разрывом в двадцать лет у нее были любовники одного возраста, они словно слились воедино, словно первый из них не состарился. Второй тоже готовился к сдаче бесконечных экзаменов и заходил в бистро поиграть на бильярде.

Лифт остановился между этажами. Она стала нажимать кнопки, спускаясь и поднимаясь, пока он не пошел только вниз. Но едва начав спускаться, остановился снова. Она подумала, что какой-то дурак или шутник открывает наверху дверцу шахты. Кончится тем, что все разладится, надо позвать консьержа. Она не любила консьержа, который никогда не здоровался и не прощался и всегда был одет во что-то грязное.

Она нажала кнопку последнего, пятого этажа, лифт поднялся и остановился на четвертом, неизвестно почему. Тогда она попробовала нажать еще несколько кнопок.

Самое удивительное, что тут она вспомнила Эрика. Однажды, ожидая ее на лестнице, он все время открывал и закрывал дверь шахты, пока она поднималась к себе. И тем принуждал ее то спускаться, то подниматься, до тех пор, пока она не начала кричать. Он делал это ради забавы, потому что ему было 20 или 19 лет. Красивый капризный рот, как у них у всех. Он, не торопясь, раздел ее на большой постели, где она спала одна, ведь они умеют вас свести с ума и знают об этом.

Она плакала, выходя из лифта, а он сказал, что был в ярости, дожидаясь ее. Он действительно долго ждал, позже она дала ему свой ключ. И подчас, возвращаясь по вечерам, находила его уснувшим, с закинутой за голову рукой, с ногами на ковре. Красивый рот и черные волосы (надо же позвать консьержа) были нежные, как у ребенка.

Эрик приходил к ней в течение пяти или шести недель, может, два месяца. Некоторое время потом ей казалось неудобным появляться в бистро на площади Дантона. Он задолжал ей, был удобный повод разыскать его, на что-то надеясь. Но она не сделала этого. О чем думают, когда вас убивают?

Однако еще до того, как возникло воспоминание об Эрике, продолжая нажимать на кнопки, она внезапно поняла, что ее собираются убить. Подняв голову, она подумала, что он ведь находится выше меня, в лифте нет крыши, он наблюдает за мной, потешается. Нет, в самом деле, что думают, когда вас убивают?

Она снова подняла голову к совсем близкому верхнему этажу, и тогда грянул выстрел, разорвавший ей грудь и отбросивший ее, как куклу, на деревянные панели кабины. Она успела подумать, что нет, быть того не может, это неправда. Шея ее и плечо еще упирались в стенку. Значит, кто-то, как Эрик, стоит надо мной, знаю я их всех, каждый готов одарить тебя своим мокрым красивым ртом, знаю их смех и шепот, как у пансионерок после ухода надзирательницы. Как у того мальчика и малышки из Авиньона. Распоротое брюхо лошади с фотографии о войне 1914 года, моя разорванная грудь, дуреха, та самая, что опрокинулась теперь в лифте, и та девочка в темноте спального купе.

СПАЛЬНОЕ МЕСТО № 221

Эрнест-Жорж-Жак Риволани, шофер-экспедитор, родившийся 17 октября 1915 года в Мё (департамент Сена-и-Марна) и проживавший: тупик Вийу, дом № 3, Клиши, был убит пулей 45-го калибра из Смит-Вессона в затылок, в упор, около 23 часов, как раз за 11 дней до своего дня рождения, по случаю чего его жена уже купила ему пару меховых ботинок.

Он лежал в выходном костюме, уткнувшись лицом в цементный пол, подвернув под живот руку и закинув другую за голову, под самой дверью своего гаража, куда собирался, но не успел поставить машину — «ситроен», 1952 года,— мотор которой заглох посреди двора. Вдове он не оставил ничего, кроме непогашенных фар автомобиля и троих детей, старший из которых заканчивал школу.

— Какая подлость,— сказал Малле.

Он не спал всю ночь, потому что именно ему позвонили в час ночи, и теперь, стоя в распахнутом плаще, только качал заросшим тупым подбородком, глядя на труп застывшим, немного безумным от усталости взглядом. Накануне, в воскресенье, пока Грацци и Габер ездили от Риволани к актрисе и от актрисы к Кабуру, он мотался по всему Парижу с записной книжкой жертвы, проверяя помеченные там адреса.

Грацци, у которого не было телефона, потому что он не желал платить за него 35 тысяч франков (и так денег ему всегда не хватало), проспал сном праведника с 11 вечера до 8.15 утра. Выбритый, в дурном настроении и чистой рубашке, он выглядел готовым к работе. Таркэн еще не прибыл, потому что решил подстраховаться и заехать на Кэ поговорить с «нужным человеком»: Грацци, мол, хороший полицейский, но не мешает иметь прикрытие, ясно я выражаюсь?

— Какая подлость,— повторил Малле, качая головой.— Его жена сначала кричала, а теперь, когда дети с ней, молчит и смотрит на тебя, словно ты можешь вернуть ей мужа. Все время вспоминает меховые ботинки, у меня голова от этого кругом идет, которые купила ко дню его рождения. Говорит только об этом. Ему было холодно в кабине грузовика. Клянусь тебе, это так.

Грацци кивал головой, смотрел на распростертое тело и думал о том, какой он болван, что дал всучить себе это дело. За двадцать лет должен же я был научиться делать только то, что умею. А Таркэн все не едет.

Риволани упал вперед. Отброшенный выстрелом из крупнокалиберного револьвера, он прополз еще метр под выстрелом, который был такой силы, что половину его головы разнесло на части, и в глубине бокса виднелась большая лужа крови.

Один из жандармов как раз возился там. Грацци отвел глаза и посмотрел на «ситроен». Малле, как намагниченный, следовал за ним так близко, что можно было различить запах его волос. Они у него были густые, как и в бороде, дважды в день он смазывал их дешевым бриолином.

На залитом цементом дворе друг против друга стояли десять трехметровых боксов с поднимающимися вверх дверями, которые запирались на замок. Дом Риволани находился в конце улицы, в тупике, заросшем редкой травой.

Как и каждое воскресенье, если он не был в поездке, шофер с женой и старшим сыном, парнем лет тринадцати, который сегодня пропустил школу и в ближайшие дни будет героем происшествия для своих товарищей, отправились в кино.

— Когда они вернулись?

— В одиннадцать — одиннадцать пятнадцать вечера. Ездили в кинотеатр «Сен-Лазар». Из-за этой истории в поезде Риволани решил повезти их на что-нибудь веселое. Потом, высадив семью у дома, поехал ставить машину в гараж. Жена говорит, что он пользовался ею только по воскресеньям, чтобы съездить на дачу или в кино. Забеспокоилась она, когда тот не вернулся спустя целый час. И как только сын лег спать, отправилась в гараж, решив, что он задержался, чтобы что-то починить. На ее крики сбежались соседи и сообщили о случившемся в комиссариат Клиши.

Грацци смотрел на аккуратные сидения машины, на щиток. В свободные часы Риволани приходил сюда с сыном. Они чистили машину, обсуждая ее достоинства,— уверенный в себе отец и уверенный в отце сын. Точно так же и Грацци будет вести себя с Дино, когда тот подрастет, и у них будет машина.

— Никто ничего не слышал?

— Ничего. Пока жена не закричала. Самое страшное, что она сама погасила фары, она помнит, как погасила фары. Понимаешь?

Ну вот, подумал Грацци, не хватало только, чтобы он начал хныкать. А тут как раз появится Таркэн и тоже начнет приставать.

Малле привык недосыпать и сейчас только качал головой. Затормозив посреди двора на своей «403-й» черного цвета, подъехал патрон. Сзади у машины был крюк. Во время отпуска к нему крепился прицеп с лодкой.

Не подходя, Таркэн слегка помахал рукой Грацци и Малле, вошел в бокс, колыхая брюхом, как беременная женщина, и наклонился над трупом. Жандармы и заместитель комиссара Клиши наблюдали за ним. Секунд через тридцать он поднялся, освещенный внезапно появившимся в этот октябрьский понедельник солнцем, и с облегчением произнес единственную за все утро толковую фразу:

— Этакую пушку можно купить только у спекулянта, дети мои. С 45-м калибром по улицам уже не бегают. Сын шлюхи, который пользуется такими пулями,— профессионал. Но тут он сделал серьезный промах, потому что если вы встречали гангстеров, оставляющих после себя такую визитную карточку, значит, вы их знаете лучше меня!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15—17.

Пуля была крестообразно обрезана тщательно, и не просто, а подпилена таким образом, чтобы оставить четыре отметины на цели. В лаборатории Ротру, повидавший за 30 лет много всякого свинца, заявил, что такими пулями во время минувшей войны в Азии пользовались англичане. Проникая внутрь, пуля разрывается. Он рассказал еще, что слышал о процессе над двумя профессиональными охотниками из Фор-Лами, которые тем же способом убивали животных.

Их было пятеро у стола патрона — Грацци, Жуи, Безар, привезший чемодан Жоржетты Тома, Аллуайо и Парди, мрачный корсиканец, куривший, прислонясь к косяку двери. Малле поехал спать. Габер охотился за девушкой из Авиньона, проверяя агентства по найму и комиссариаты полиции.

Лицо Таркэна лоснилось, на губах повис погасший от слюны окурок. Таркэн принял эстафету от Малле и все время качал головой, уставившись в одну точку с видом человека, который не может найти свой зонтик.

Затем выругался, сказал, что слишком терпелив и чтобы у него всегда была под рукой бутылка пастиса. Так чем он, Грацци, занимался с субботнего утра?

— Суббота была позавчера,— сказал Грацци.— Потом было воскресенье. Вы что, рассчитывали, что за это время мы накроем этого субъекта?

— Кто говорит «накроем»?

— Это я так говорю.

Парди пошевелился у двери и сказал тягучим голосом с акцентом Тино Росси *, что слово найдено точное, шофер был накрыт, как нежелательный свидетель.

Наступило молчание. Они все так думали.

— Его кто-нибудь успел допросить? — поинтересовался патрон более спокойным тоном.

— Да, вчера днем я посылал к нему Габера. Шофер должен был утром приехать, чтобы дать показания.

Грацци вынул красную книжечку и, полистав, нашел то место, где записал слова Жан-Лупа об их разговоре. Вернувшись от Кабура, которого они не застали дома и чью квартиру обыскали (назло консьержке, без санкции — слегка, ни к чему не прикасаясь), они сидели в своей комнате за столом, освещенном лампой. Кабур и причины его исчезновения начали их серьезно беспокоить. Жан-Луп куда-то торопился. На листке было написано всего несколько слов, которых едва хватило бы на три строчки донесения.

— Раз в неделю Риволани ездил на юг. Туда возил разные товары, обратно — свежие овощи. На прошлой неделе около Берра у него испортился грузовик, и он оставил его чинить. А раз это должно было занять несколько дней, то решил вернуться поездом. В конце недели ему предстояло отправиться за грузовиком.

Не снимая шляпы, Таркэн сказал, что спрашивал не о его жизни.

— Он сел, стало быть, в поезд в пятницу вечером. Его описание пассажиров совпадает с описанием Кабура и актрисы. Мы были у нее вчера днем. Сейчас она, должно быть, ожидает в приемной.

Грацци посмотрел на часы: было 11.30. Ей, вероятно, уже наскучило там ждать. Наблюдавший за ним Таркэн приказал Жуи проверить это и спровадить старуху. Если понадобится, за нею пошлют.

— Принимая во внимание характер его работы,— продолжал Грацци,— можно себе представить, что он сразу же засыпал, где бы ни садился. И в купе он улегся первым и встал последним. Ничего не видел и не слышал.

Голос Тино Росси позади Грацци произнес: наверняка ведь что-то произошло. Уж коли кому-то понадобилось дожидаться возвращения шофера из кино, то не для того, чтобы наказать за то, что он спал без просыпу.

— Во всяком случае, он ничего не помнил. Видимо, у убийцы память получше.

Раздался звонок внутреннего телефона. Таркэн взял трубку, покачал головой, несколько раз сказал: да, спасибо, старина,— повесил трубку и заявил, что Грацци сильно повезло — появилась все же улика: револьвер.

— Ротру категорически утверждает, что это Смит-Вессон с глушителем, недавнего выпуска, купленный человеком, знающим толк в оружии. Да, цыпочки мои, с глушителем, но в виде груши, а не цилиндра, он может нарисовать это на бумаге.

Грацци так ненавидел слово «категорически» в устах патрона, что становился несправедлив. Поэтому он сказал, что Ротру уже не впервые определяет цвет глаз человека по кусочку свинца, а потом все оказывается наоборот. Так что не смешите своим рисунком.

Сам Грацци не смеялся, а пристально смотрел своими большими голубыми глазами на Таркэна, который разглядывал его галстук. Внезапно тот вскочил, словно собираясь проглотить окурок, а заодно и Грацци. Но промолчал. Только сдвинул шляпу на затылок и повернулся к окну.

Продолжая смотреть ему в спину, чуть повыше плеч, Грацци сказал, не переводя дыхания, своим ясным и сильным голосом, что лучше поторопиться, потому что, если хотите знать мое мнение, Кабур тоже исчез, а он так поспешно покинул квартиру, что даже не потушил свет в туалете. Если будем мешкать, то еще кого-нибудь пристрелят. Пока у нас только женщина с тремя детьми и шофер грузовика.

Таркэн ответил, что и этого уже не мало.

Он неподвижно стоял у окна, скорее спиной, чем боком, в широком пальто, на котором уже давно разошелся один шов.— вполне обыкновенный человек. И, видимо, говорил себе: это не Кабур, это профессионал, и все случилось в поезде, так что, если я смогу послать десять парней по оружейникам и раздобыть кое-какие сведения у отдела борьбы с наркотиками, не пройдет и 48 часов, как он будет наш. Его схватят, передадут Фрегару, а этот дурень Грацци может и дальше изображать Шерлока Холмса, если ему это нравится.

Раздался звонок телефона. Таркэн медленно обернулся, снял трубку усталым жестом, покачал головой, затем выругался и — что такое? Где? В лифте? — положил пухлую руку на аппарат, сказал, что Грацци действительно надо поспешить и всем тоже, потому что теперь они по уши увязли в этом деле. Актриса не придет, ее пришили два часа назад. Он снова взял трубку, буркнул: ладно, едем, вы с кем разговариваете?

Ее положили на кровать. Чтобы оставить лифт на месте, тело пришлось нести вниз на руках. Одна туфля с высоким каблуком упала, и ее бросили в коридоре.

На лице Элианы Даррэс застыло удивление. Пуля пробила грудь, врезавшись в нее, как снаряд, но нигде, кроме платья и пальто из настоящего леопарда, не было следов крови.

Прибежавший Жан-Луп растолкал полицейских и заместителя прокурора. Таркэн и Грацци стояли у постели. Он едва поздоровался с патроном, опустил глаза и тотчас сморщился, словно его тошнило. Грацци увел Жан-Лупа к лестнице.

Теперь и ему, Грацци, было страшно.

Итак, Жоржетту Тома убили в купе поезда в субботу утром. В субботу вечером вышла только одна газета, остальные — в понедельник. В субботнем номере был напечатан обычный список пассажиров. В понедельник газеты подробнее рассказали о Кабуре. Гароди, Даррэс, Риволани. Что-то явно напугало убийцу. Произошло, видимо, нечто очень важное, раз он убрал еще двоих пассажиров из того же купе.

Грацци подумал о Кабуре, исчезнувшем в субботу вечером, оставив в ванной зажженную лампу. Убийца он или жертва?

Грацци вспомнил о молодой девушке из Авиньона, которую Габеру не удалось пока найти. Может быть, более хитрый и лучше информированный убийца уже идет по ее следу?

— Они убили Риволани? — спросил Габер.

— Точно так же, как ее. Подойдя вплотную, настоящей пушкой. Почему ты сказал «они»?

Рисунок Ильяса АЙДАРОВА

* Тино Росси — известный эстрадный певец, тоже корсиканец.— Прим. пер.

— Не знаю,— ответил Габер.

Он был очень бледен, но держался прямо. 23 года. Сегодня утром он, видимо, изрядно ненавидел свою профессию. Грацци ненавидел ее тоже. Положив руку на открытую дверцу лифта, он думал: «они» нашли Риволани в воскресенье вечером, поэтому в понедельник в газетах сообщения не было. С Кабуром, вероятно, так же. А с малышкой Бомба?

— Что-нибудь разведал о девушке из Авиньона?

— В отелях ничего. Я обошел все комиссариаты. Днем пойду искать в агентствах по найму. Но это займет немало времени, знаешь ли, если я буду работать один. Этот тип действует быстрее меня.

Показав на лифт, Габер сказал это низким, недовольным, страшным голосом. Грацци подумал: ну, теперь все, не сомневался я, что однажды все именно так и случится. Таркэн, конечно, получит возможность два-три раза в год кататься на лодке, иначе и быть не может, такое и с министрами случается, а я окажусь конторским служащим в провинциальном комиссариате или, если мне хватит мужества, поступлю в страховую компанию, в большой магазин, неважно. Все было очень просто: перед ними безумец, который действует быстрее.

— Ловко он придумал с лифтом,— сказал Грацци усталым голосом.

Он взял Жан-Лупа за плечо, повел на пятый этаж и встал как раз над пустой кабиной.

— Она садится в лифт. Он дает ей немного спуститься, затем открывает дверцу шахты. Каким образом он узнал, что это она,— не знаю. Быть может, следил за нею с лестницы. Открывает и закрывает дверцу, пока та нажимает на кнопки. Когда она поднимается, он останавливает лифт. Понимаешь? Спокойно довозит ее до четвертого этажа, останавливая там, где хочет.

Грацци закрыл дверцу, двумя пальцами изобразил человека с револьвером, повторив: здорово придумано, этот псих — ловкий парень.

— Почему она не позвала на помощь?

— В этом-то все дело. Зовут тогда, когда лифт не работает! А он работал! Но не опускался, а поднимался, вот что. Может, она думала выйти на другом этаже.

Они услышали, как Таркэн громко разговаривает этажом ниже в окружении полицейских и жильцов дома. Спустились вниз.

Патрон посмотрел на Грацци, упершись взглядом в его живот, засунул руки в карманы пальто, сдвинув шляпу на затылок, и спросил: так есть или нет у этого сына шлюхи глушитель, господин Холмс?

— Есть,— согласился Грацци.— Но что нам это дает? Пока мы будем рыскать по оружейным магазинам и картотекам, обольщать отдел борьбы с наркотиками, он опять успеет воспользоваться своим глушителем! Кстати, эту грушу, раз он такой ловкий, он мог изготовить и сам.

— Ему бы понадобилось для этого много разных вещей.

— Нам каждый день возвращают сотни нигде не зарегистрированных пистолетов.

— Но не глушители.

— А вдруг это политическое дело?

— Вот было бы здорово! — сказал Таркэн.— Сочиняю докладную, передаю дело в органы безопасности. Они его быстро разыскивают, и еще до того, как все закончится, я буду спокойно на пенсии.

— Может быть, это иностранец?

— Вот именно,— промямлил Таркэн.— Может, чех — они хорошо вооружены. Но влетит не таможенникам Орли, а нам.

Телефон стоял в комнате возле постели, на которой лежала Элиана Даррэс. Пока Грацци набирал номер, Габер, не глядя на женщину, стал осматривать содержимое ее сумочки.

По телефону Малле сказал, что не выспался, произнес что-то непристойное. Но все же, поспав часок, он снова обрел хорошее настроение, даже побрился и переоделся. Грацци сказал Малле, что он будет связным на Кэ, пусть сидит на стуле и звонит каждый час в Марсель, чтобы их поторопить. Пусть скажет: это очень важно.

Жуи уже допросил мадам Гароди. Он застал ее в зале ожидания, когда искал Элиану Даррэс. Нашел, что она красива, хорошо одета, труслива, скрытна. Она ничего не помнила, ничего не знала, пришла только подписать показания и как можно скорее уйти.

— Давно она ушла?

— Около получаса.

— Она знает о Риволани и актрисе?

— Нет.

— Найди ее и затаись.

— Зачем?

— Если не понимаешь, то нечего и объяснять. Спрячься и не спускай с нее глаз. Я не хочу, чтобы ее нашли с дыркой в голове.

— Может быть, окружить дом «накидками» *?

— Вот именно. Нам недостает только рекламы. Я хочу схватить этого типа, а не дать ему драпануть!

— Кстати, о рекламе. В коридоре полно газетчиков. Что им сказать?

— Сейчас 12.12,— ответил Грацци, посмотрев на свои наручные часы.— Если газетчики успеют сегодня что-нибудь напечатать, то пулю в голову получишь ты, клянусь здоровьем сына!

Он повесил трубку.

Парди обедал дома и подошел с полным ртом. Он пользовался телефоном соседа, который давно корил себя за эту любезность.

— Мне нужен Кабур,— сказал Грацци.

— Я получаю приказы только от своего патрона,— произнес голос Тино Росси.

— Так это приказ.

— Что случилось?

— А ты как думаешь?

— Ладно, ладно,— сказал Тино Росси.

И сам повесил трубку. Грацци был уверен, что он найдет Кабура. Парди работал методично, как машина, серьезно, не паникуя, глубоко убежденный, что в один прекрасный день прогремит или — почему бы и нет? — станет начальником полиции. Ему всегда удавалось найти кого требовалось, ведь он был корсиканцем и повсюду имел друзей. У Таркэна один Парди умудрялся обедать дома.

Аллуайо нигде не было. Вероятно, жевал бифштекс в дешевеньком ресторане на улице Дофин, выставив перед собой на клеенке все свои пузырьки с лекарствами и рассказывая официантке о желудочных болях. Этот вернется на Кэ точно по часам на Дворце правосудия. Прямой, как палка, похожий на англичанина и очень бледный, покуривая сигарету — единственную за день, но зато самую дорогую.

— Пусть вызовет днем мадам Риволани, родню Кабура, родню Даррэс, снова того, который перепродает машины, и сестру Жоржетты Тома и опросит их. Пусть найдет вечером мужа Жоржетты Тома и Боба. Перезвоню к двум.

Грацци повесил трубку.

— А мне что делать? — спросил стоявший возле него Габер.

На нем был не обычный шотландский «дьюфклот», а синий плащ из блестящего нейлона и желтый галстук.

— Поедешь вместе со мной на площадь Клиши, пообедаем. Потом ты возьмешь машину, пока я поговорю со студентом с улицы Дюперре. Ты должен мне найти эту Бомба.

Жан-Луп кивнул, но еще более неуверенно, чем всегда.

В пивной с большими стеклянными окнами, поглядывая на площадь, разрезанную на солнечную и теневую стороны, они поели тушеную капусту, как два месяца назад, когда вели дело о мошенничестве, на раскрытие которого ушло восемь дней, и когда именно Таркэн отгадал, кто виноват.

Грацци думал о шофере, его меховых башмаках, о том, как он шел, выйдя из машины, по цементному двору, как, сняв замок, открывал дверь, и все такое. Он не слышал, как убийца подошел к нему и выстрелил в затылок, отчего тот был отброшен на метр, а затем пришла его жена и погасила фары.

— Ты можешь сказать, что́ так напугало убийцу? Что он мог знать, этот Риволани?

Габер с полным ртом ответил: не знаю. В общем, если бы Риволани хоть что-то знал, то рассказал бы ему, ведь он сам его допрашивал.

— Ты не понимаешь,— возразил Грацци,— быть может, он ни на что и не обратил внимания, но что-то могло броситься в глаза. А это имеет для нас значение! Как ты думаешь, зачем в течение двух дней убивают еще двоих, находившихся в купе?

Габер ничего не ответил, кивнул, допил свою кружку пива, отлил половину оставшегося у Грацци и тоже выпил.

— Он наверху,— сказала консьержка.— Надеюсь, вы не станете его донимать, он и так очень расстроен.

Им открыл брюнет, лет двадцати, высокий, красивый парень по фамилии Эрик Гранден, с матовой кожей и прядью волос на лбу. Просматривая документы, Грацци увидел, что настоящее имя его Шарль. Он непрерывно курил «Житан», прикуривая одну сигарету от другой, с дрожью в длинных нервных пальцах. Худощавый. Надетый прямо на тело пуловер казался ему великоватым.

Комната была маленькая, вся забитая книгами. Зажженная газовая плитка стояла на столе прямо среди тетрадей и отпечатанных лекций.

— Я готовил себе кофе, хотите?

Он подал Грацци кофе в чашке, а себе налил в стакан, куда плеснул немного вина. На его руке были анодированные часы. И носил он их на внутренней стороне запястья, точно так же, как маленький Жан-Луп.

— Мне их подарила Жоржетта,— сказал он.— Предупреждаю ваши вопросы: да, я был ее любовником, я любил ее, она меня тоже любила, и в ту субботу утром, тогда, когда все это случилось, я собирался на факультет. Консьержка, которая принесла мне белье, может это подтвердить.

Она уже это сделала. Кроме белья — двух выстиранных сорочек, как всегда и, вероятно, бесплатно,— та принесла ему еще молоко и хлеб.

— Я ничего не знаю, ничего не понимаю и узнал обо всем из газеты только вечером у приятельницы в Масси-Палезо. У меня была машина Жоржетты, она все еще у меня. Я ничего не понимаю.

Лицо его было измученным, в глазах настоящие слезы; он отвернулся, чтобы зажечь очередную сигарету.

Грацци стоя выпил кофе и осмотрелся. На стене были наклеены вырезанные из газет, не имеющие смысла фразы и фотографии разных животных с большими ласковыми глазами.

— Я учусь в ветеринарном институте,— объяснил он.— На третьем курсе.

Его интересует исследовательская работа. Когда-нибудь он обзаведется фермой в Нормандии и сделает ее клиникой-лабораторией, где будет скрещивать великолепных животных, с такими же, как у этих, ласковыми глазами. Или отправится в Австралию, Южную Америку, еще куда-нибудь, где есть неосвоенные земли и, конечно, животные. Люди не интересуют его. Они гадкие и мерзкие существа.

— С каких пор вы с ней знакомы?

— Два года. Я поселился тут два года назад.

— Вы сразу стали ее любовником?

— Нет. Много позже, с полгода тому назад. Но я часто приходил к ней, мы вместе обедали, болтали.

— Вы знакомы с Бобом Ватски?

— Это он нашел мне комнату. Мы познакомились в одном из заведений Латинского квартала. Он играет там на саксофоне. Если вы думаете, что это сделал он, то ошибаетесь.

— Он был тогда ее любовником?

— Да.

— Вы это знали?

— Знал.

— Вы что, были ее любовниками одновременно?

В его блеснувших глазах промелькнуло удивление, он коротко рассмеялся и сказал, что у него много подружек.

— Иногда по вечерам вы встречались с ним у нее?

— Ну и что из того?

— Ни вы, ни он не ревновали ее друг к другу?

Он снова рассмеялся коротким и невеселым смехом, пожав плечами, так как понял, к чему клонит Грацци, и это показалось ему глупым.

— Если вы думаете, что ее убили из ревности, то выиграете больше времени, поискав где-нибудь в другом месте.

Он неожиданно повысил голос и сказал: да черт же возьми, Жоржетта вольна была любить кого хочет, он не только не ревновал, но, случалось, они обедали втроем, когда он сталкивался у нее с Бобом, он может еще рассказать инспектору многое, но тот все равно не поймет. А что — разве это запрещено законом?

Грацци не очень понимал, симулирует ли он гнев, чтобы скрыть нервозность, или всё из-за тех чувств, которые он, Эрик, сам себе не мог объяснить.

— А Пьера Бекки вы знаете?

— Кого?

— Стюарда Пьера Бекки... Ладно, не важно. Вы слышали что-нибудь от Жоржетты Тома об актрисе Элиане Даррэс?

Он ответил нет, нет, никогда. Зажигал одну сигарету «Житан» от другой. Отвернулся, чтобы бросить окурок в картонку.

— А о шофере по имени Риволани? Постарайтесь вспомнить. Риволани. Это важно, если вы хотите нам помочь.

Закрыв от дыма глаза, тот покачал головой, провел рукой по лицу. Ответил нет, не помнит, ничего не знает.

— Вы говорите, что в субботу были у девушки в Масси-Палезо.

— У молодой женщины, а не девушки. Она замужем, у нее трое детей. И это совсем не то, что вы себе вообразили.

— Стало быть, вы не должны были встретить в тот день Жоржетту Тома?

— Я даже не знал, что она приехала. Она мне ничего не говорила, знаете ли. Бывало, что мы не виделись неделями. Я возвращался поздно, она задерживалась на демонстрациях своей продукции. Если хотела, чтобы я оставил ей машину, подсовывала под дверь записку, и я отдавал ключи и права консьержке.

Он прямо в глаза смотрел Грацци, прижавшись бедром к столу, скрестив руки, в одной из которых была зажата сигарета, с прядью на лбу. Несчастный и упрямый.

«Я только теряю время».— решил Грацци. И ушел.

Спускаясь по лестнице, он думал о пятидесятилетней вдове, погасившей фары, не понимая того, что делает, и о молодой улыбчивой женщине, переходив-

---

* Прежняя форма французских полицейских — «ажанов».— **Прим. пер.**

шей из рук в руки сотрапезников после обеда. Грацци почувствовал себя еще больше, чем всегда, старым, грузным и ничего не понимающим.

На лестнице он столкнулся с мальчиком в плаще, поднимавшимся в мансарду, таким же белокурым, каким брюнетом был тот, наверху, но моложе, серьезным и задумчивым. Он ему смутно кого-то напомнил. Вероятно, встречал его уже здесь позавчера.

— Вы приятель Грандена?

Парень остановился на ступеньке, покраснел, ничего не понимая, сказал: нет, мсье, нет.

Грацци спустился вниз, вспоминая свои 17 лет, свои 20 лет и прочие глупости.

Он позвонил на Кэ из кафе на площади Бланш. Аллуайо вызвал мадам Риволани, мужа Жоржетты Тома, Боба Ватски, сестру Кабура. Все обещали прийти во второй половине дня.

Жившая в Кретейе сестра Кабура должна была приехать с детьми, потому что ей не на кого было их оставить после школы. Она даже не знала, что ее брат ездил в Марсель.

— Где Малле?

— Говорит по другому телефону. Полчаса назад они позвонили и сообщили о странных показаниях горничной из отеля. Ну, отеля «Мессажери». Малле хочет с ней связаться. Ему это кажется важным.

— В чем там дело?

— Тебе надо спросить его самого, я не очень понял.

— Ладно. Я еду. По актрисе ты ничего не обнаружил?

— У меня адреса из ее записной книжки. Продюсеры, актеры. Те, с кем я уже побеседовал, знали ее плохо. Хотя они прямо и не говорят, но она была порядочная зануда.

Было четверть четвертого, когда он приехал на Кэ, забыв взять у таксиста квитанцию для отчета.

Как раз допрашивали мадам Риволани. Он наблюдал за нею издали. На ней было красное пальто, которое она завтра же выкрасит в черный цвет. Сидела на стуле очень прямо, стиснув в зубах край платка. Аллуайо печатал на машинке, не смея поднять на нее глаза.

Малле склонился над столом, рассматривая свои заметки. Посмотрев на Грацци красными от усталости глазами, он рассказал:

— В среду вечером, когда Жоржетта Тома и стюард вернулись в отель, около 11 часов, горничная услышала их разговор на лестнице. Ее зовут Сандра Лей. Говорил с нею по телефону. Она повторила услышанные слова, приблизительно это звучало так...

Он взял листок со стола.

— Жоржетта Тома сказала: «Да нет, со мной ничего. Не обращай внимания. Я не совсем уверена». Они как раз поднимались к себе в номер и, проходя мимо Сандры Лей, замолчали. Все. Горничная утверждает, что Жоржетта Тома тогда не поздоровалась с нею, словно не видела. И это показалось ей странным, потому что красотка обычно всегда говорила ей что-нибудь приятное.

— О чем она подумала?

— Она особенно запомнила фразу «Я не совсем уверена». Говорит, что эти слова расслышала точно. И подумала, что красотка беременна и что это ее не очень радует.

— Глупости. Вскрытие обнаружило бы это.

— Красотке могло показаться. Разве нет? Во всяком случае, они тотчас послали кого-то к стюарду. Сейчас позвонят.

Таркэн тоже решил, что это глупости, но что Жоржетта Тома могла и ошибаться по поводу беременности.

Он сидел за столом в пиджаке, в шляпе, и Грацци увидел перед ним папки Уголовного розыска и Управления безопасности со сведениями о кражах и пропажах револьверов. Тот перехватил взгляд Грацци и сказал: не стоит ломать голову, я осторожен, просто решил подстраховаться. С ума сойти можно, сколько пистолетов исчезает и переходит из рук в руки.

— Их крадут даже у нас,— продолжал он.— В феврале был схвачен один жулик, который стибрил пистолет у полицейского из комиссариата в Сен-Сюльпис, пока тот возвращался домой. К счастью, пистолет был не заряжен. Потом тот же полицейский подстрелил этого же воришку, когда он грабил кассу.

Таркэн похлопал рукой по папке и заметил: много всяких интересных вещей можно узнать из этих папок.— Что с тобой, откуда ты?

Грацци уселся в кресло напротив, расстегнул пальто и рассказал о маленьком Эрике Грандене.

— От этих парней тоже многое можно узнать,— заметил Таркэн.— Пришел бы как-нибудь пообедать в субботу и поговорил с моим. Ему 22 года, но вряд ли когда-нибудь он проявил больше благоразумия, чем в первый раз, когда сделал гули-гули в яслях Сен-Антуана. Желаю тебе почаще радоваться своему отроку.

— Мы были такими же,— возразил Грацци.

— Ну да? У тебя было на что курить одну пачку «Житан» за другой? Ты когда-нибудь собирался приобретать ферму в Австралии? Тебе случалось после ужина делиться с приятелем подружкой? Нет, мой мальчик, они пришельцы с другой планеты.

В 3 часа 50 минут Малле снова связался с Марселем. Пьер Бекки не помнил ту сцену, говорил, что Жоржетта Тома, как и другие, знала свои взлеты и падения, но он не обращал на это внимания. Все это уже не имело значения, потому что корсиканец-инспектор, тот самый, что прислал первое донесение, сообщил еще одну информацию. Он говорил, досадуя на себя, потому что совсем не знал, поблагодарят его за нее или назовут дураком.

Малле не сразу его понял. Однако то ли от усталости после трех бессонных ночей, то ли от внезапного ощущения, что в руках оказалось что-то серьезное, у него закружилась голова. Сказал спасибо, устало повесил трубку и еще некоторое время пристально смотрел в пустоту, почесывая нос. 700 тысяч франков *! Стоимость дешевой машины. Но разве за 700 тысяч убивают?

Он встал и пошел к двери. Обернулся к Аллуайо, сидевшему у телефона, и сказал:

— Жорж, Жорж, я тебе говорю, не стоит нервничать, теперь он в наших руках.

Войдя в кабинет патрона, он застал там и Грацци. Сказал:

— Извините, может быть, это и пустяки, но красотка, актриса и шофер гроша ломаного не стóят.

На прошлой неделе в табачной лавке в Марселе был продан лотерейный билет, выигравший 700 тысяч. Это, конечно, не самый крупный выигрыш, однако что вы об этом думаете?

Патрон от удовольствия гадко улыбнулся. Медленно соображающий, Грацци еще пару секунд смотрел на Малле, стоявшего у двери. Потом вскочил и протянул руку к телефону.

Таркэн уже говорил с дежурной на коммутаторе, требуя соединить его с Национальной лотереей, быстро, а в Марселе вызвать префектуру и бар — табачную лавку на улице (Феликс-Пиа, подсказал Грацци) Феликс-Пиа, не знаю, как пишется, не знаю номера, поторопитесь.

Билет за номером 51 708 (группа 2) был продан в баре — табачной лавке на улице Феликс-Пиа вместе с двадцатью тремя номерами той же серии в минувший четверг октября.

Хозяин заведения считал, что шум поднят зря. В 1935 году он уже продал самый крупный выигрыш. Теперь он продает более пятидесяти выигрышных билетов ежегодно. И это не приносит ему никакой выгоды. Вот слова «билет, приносящий смерть» могут, конечно, подействовать на воображение. Но ведь господа из Парижа — взрослые люди и способны понять, что он вполне обойдется без такой рекламы.

Кто купил билет, он не знал. Точно так же, как и то, кто продал. Их было трое в баре: хозяин, хозяйка и официант, Роже Трамони, хороший парень, страдающий астмой.

В среду вечером, в шесть часов, когда из лотереи приехали за непроданными билетами, шестнадцать из них, в том числе и выигрышный, улетучились.

Жоржетта Тома заходила к ним во вторник вечером, чтобы встретиться с Пьером Бекки. Тот играл в карты с клиентами.

Она ждала конца партии, потягивая аперитив и болтая с хозяйкой.

Может быть, в это время она и купила билет, но в таком случае ей его продали не господин и не мадам Ламбер, которая как раз отправилась разогреть ужин. А он сам весь вечер не отходил от кассы.

Нужны показания официанта Роже, но бедняга как раз уехал в отпуск в Приморские Альпы, да и вряд ли он что-либо вспомнит. Конечно, разыскать его можно, но это займет некоторое время. Господа из Парижа, вероятно, догадываются, что за 700 тысяч не убивают. Нет, он не дает им советы, нет. Но все-таки...

— Убивают и за меньшую сумму,— сказал Таркэн.— Раз она купила билет, все очень логично. В тот вторник, ожидая, когда ее стюард закончит играть в белот, она заказывает стаканчик и болтает с хозяйкой. Затем идет к табачной стойке, где официант продает сигареты, просит пачку любых и говорит: «Покажите-ка ваши лотерейные билеты, вдруг есть мой любимый номер».

Таркэн вынул из внутреннего кармана пиджака сигарету, поискал спички, попросил — огня, пожалуйста, Грацци может ему поверить, все было именно так, он своими глазами видит эту сцену, как в кино.

— В среду, малыш, она отправляется закусить со своим негодником в пиццерию на улице, название которой я забыл.

— Феликс-Пиа,— сказал Грацци.

— Вот именно. Я все вижу так, словно сам там был. Мягкий свет, звуки медленного вальса, все такое.

— В пиццерии Сен-Морон нет оркестра. Я это знаю, сам там был.

Таркэн встал, протянул свой указательный палец к галстуку Грацци и, обойдя стол, сказал:

— Бедный глупыш, вот тут-то я тебя поймал. Я размышляю, я не говорю о деталях. Вероятно, это не оркестр, но, можешь быть уверен, там есть радио или телевизор.

— Не понимаю.

— Ты никогда ничего не понимаешь. Тебе случается слушать радио по средам? Как ты думаешь, что хотят люди услышать в среду вечером? Тираж лотереи, лапша ты, вот кто!

Грацци сказал: — Ладно, ладно, не старайся, что дальше?

— Она не подпрыгнула,— сказал Таркэн,— не проглотила тарелку, не проронила ни слова. Немного повитала в облаках. Так что этот тип даже не заметил ничего и лишь спросил: «Что с тобой? Устала?» Она ответила: «Да нет, цыпленочек, ничего. **Я не совсем уверена».** И это точно, она не была уверена. Ей нужно было оказаться в комнате, и пока тот мирно ложился в кроватку, она проверила свой билетик. Говорю тебе, все именно так и было.

Он раздавил окурок, посмотрел на часы, взял трубку и сказал Грацци:

— Твоя красотка была личностью.

Он хлопнул себя по груди и сказал: — Алло.— Грацци чистил ноготь и вспоминал перемаркированное буквой «Ж» белье, молодую брюнетку, купившую при выходе из отеля в четверг утром газету, дабы убедиться, что она выиграла достаточно, чтобы теперь приобрести новую машину «Дофин» с инициалами, женщину лет тридцати с внимательной улыбкой, которая умудрилась сохранить все — удивление, радость, невозможность закрыть глаза, но только не 700 тысяч франков.

16 часов 20 минут.

Билет 51 708 был предъявлен к оплате неизвестным в субботу 5 октября около 11 часов 30 минут в помещении Национальной лотереи на улице Круаде-Пети-Шан в Париже.

Кассиры вспомнили человека, немного нервничающего, когда он складывал 7 тысяч новых франков чистыми купюрами в старый сафьяновый бумажник. Они наверняка узнают его. Память на лица входила в их профессию.

Приметы: лет 35—40, длинное лицо, длинный нос, рост 1 м 70 см, шатен, высокая прическа, словно для того, чтобы выглядеть выше ростом, очень худой, бледный, серое пальто, без головного убора.

16 часов 30 минут.

Жуи звонил из бара рядом с домом Гароди. Он следовал за женщиной по пятам. Она сделала покупки в Галерее Лафайета, в лавках на авеню Оперы и улице Лувра, очень быстро, заранее зная, что ей нужно: блузку из джерси, туфли, которые Жуи назвал красивыми, две пары трусиков из нейлона — сиреневые и белые.

— Раз ты это видел, значит, она тебя засекла.

— Да, на улице Лувра. Мы поболтали. Я сказал, что охраняю ее.

— Ты рассказал ей о Риволани и Даррэс?

— Пришлось.

— Что она ответила?

— Что это ужасно, что едет домой. Она действительно вернулась туда. Я напротив дома.

— И оставайся там.

16 часов 35 минут.

Версия комиссара Таркэна: Жоржетта Тома выиграла 700 тысяч франков в Национальной лотерее. Узнала об этом в пиццерии Марселя, но подумала, что не расслышала. Проверила на следующий день в утренней газете.

Замечание следователя Фрегара: — Почему промолчала?

Ответ инспектора Граццианo: — Инициалы на белье, инициалы на дверцах машины, бешеный эгоизм. И вообще зачем трепаться?

Версия Таркэна: кто-то узнаёт в четверг или пятницу, что у Жоржетты Тома есть лотерейный билет стоимостью в 700 тысяч, и тоже покупает билет на «Марсельца», отходящего в пятницу, чтобы следовать за ней. По каким-то причинам красотка задержалась в купе после ухода других пассажиров. Тогда он вошел к ней, убил, забрал лотерейный билет и получил деньги на улице Круа-де-Пети-Шан.

Замечание Фрегара: — Зачем, так сильно рискуя, убивать в поезде?

Ответ Граццианo: — У него ничего не оставалось, как сделать это там. Вероятно, некто знал, что она отправится получать деньги сразу по приезде.

Перевел с французского А. БРАГИНСКИЙ

Продолжение следует.

---

* Автор дает исчисление то в старых франках, то в новых на два нуля меньше.— **Прим. пер.**

УБИЙСТВО В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

Роман

Себастьен ЖАПРИЗО

Версия Таркэна: кто-то убивает ее, а получив деньги, не знает как лучше — спрятать купюры, подозревая, что их номера могут быть переписаны, или — обменять побыстрее.

Замечание Фрегара: — Зачем было убивать еще двух пассажиров из того же купе?

Ответ Грацциано: — Этот некто сделал ошибку. Подумал, что его могут схватить, и решил, что надо ликвидировать двух нежелательных свидетелей.

Не очень убежденный, Фрегар покачал лысым черепом: он знал преступников, которые могли убить не за понюх табаку или чтобы купить коробку спичек. Нет, ловкость, с которой тот использовал лифт у Элианы Даррэс, не вяжется с такими объяснениями.

16 часов 48 минут.

Префектура Марселя: хозяйка отеля «Мессажери» на улице Феликс-Пиа в пятницу нашла в пепельнице на ночном столике Жоржетты Тома двенадцать таблеток аспирина.

Габер позвонил около пяти. Он тщетно рыскал по агентствам, занимающимся трудоустройством. И сказал, что нашел другой способ найти девушку из Авиньона. Он едет назад.

Грацци пообещал ему разные новости, когда он вернется. Жан-Луп на другом конце провода выразил вежливое любопытство, выслушал, сказал: — Ладно, кажется, все идет на лад, надеюсь приехать до того, как все кончится.

— Возьми такси.

— Не волнуйся, начальник, возьму, и лучше всего с раздвижной крышей. Ты разве не видишь, что делается на улице?

Через окно позади Таркэна Грацци увидел, что смеркалось, что солнце исчезло, что шел дождь.

Допрос мужа — Жака Ланжа.

Он был высокого роста, старше, чем Грацци мог бы подумать, красивый, хорошо одетый мужчина. Был огорчен, не больше, чем демонстрировал, но все же огорчен. Сидел на стуле прямо, курил сигареты «Кравен» и тоже ничего не знал.

Он сказал, что Жоржетта — ребенок, он старше ее на 20 лет, никогда не сердился на нее. Тем не менее переживал, когда узнал о ее измене. Ему не нравился коммерческий директор, занимающийся теперь перепродажей машин. Так и сказал: дрянь человек. Грацци, думавший точно так же, только кивнул головой. Пошли дальше.

— Она покупала лотерейные билеты, когда была вашей женой?

— Иногда, как все.

— Целые серии?

— Это зависело от наших возможностей.

— Знаете ли вы Боба Ватски?

— Нет. Она мне рассказывала о нем потом, мы ведь с ней иногда встречались. Я остался работать в «Жерли», а она перешла к «Барлену». Мы невольно сталкивались по делам.

— А об Эрике?

— Тоже рассказывала. С ним, кажется, было серьезнее.

— Почему?

— Если бы вы слышали, как она о нем говорила, вы бы не спрашивали почему. Он молод, почти ребенок, у него детский ум. Как объяснить это тому, кто не знал ее? Она любила маленького Эрика, как себя. Он такой же, как она.

— Не понимаю.

— Это необъяснимо, я же вам сказал.

— Вы думаете, он принимал участие в убийстве Жоржетты?

— Я этого не сказал. Это бессмысленное убийство. А то, что бессмысленно, очень похоже на Жоржетту и маленького Эрика.

— Вы никогда его не видели?

— Она прекрасно мне его описала, поверьте. У него странные взгляды на людей и животных. Мечтает о какой-то лаборатории в деревне, любит разглагольствовать о вещах, которые не понимает,— о мире, о нищете мира, откуда я знаю... С полгода назад Жоржетта пришла ко мне в «Жерли» по поводу какой-то лаборатории в Южной Африке, что-то в этом духе. Она была абсолютно непрактична. Хотела заинтересовать меня этим делом. Говорила, что я должен сделать это ради нее.

— Каким делом?

— Не знаю, такие уж это люди! Лаборатория в Южной Африке, они едут в Южную Африку, там настоящая жизнь, таковы уж они. А на другой день обо всем забывают.

— Плохо для него, что она умерла,— сказал Грацци.— Она хоть могла купить на свои деньги два билета на самолет.

Теперь уже не понимал Ланж.

— Сейчас объясним,— сказал Грацци.

И, немного усталый, неизвестно чем раздраженный, передал его Жоржу Аллуайо, севшему на его место.

Парди нашел следы Кабура около 18 часов. Уже стемнело. Теперь все происходило так быстро и у всех было чувство такого продвижения вперед, что смерть начальника отдела сбыта в «Прожин» уже никого не удивила.

В комнате инспекторов Малле подсчитал, во что обходится убийце каждый труп. Он даже высчитал «курс трупа» и приколол его к розовой папке. Этот «курс» все приходили посмотреть. Он лежал на подоконнике позади стола Грацциано. Когда убийство Кабура заняло там свое место, курс упал с 233.333 старых франков за труп (запятая 33) только до 175 000. Инспектора уверяли, что это маловато, чтобы укокошить еще с полдюжины людей.

Грацци тупо уставился на розовую папку, когда Габер сообщил ему по телефону очередную новость.

— Кто?

— Кабур. Держись, так будет лучше. Парди проехался по больницам и комиссариатам, но нашел его только у ребят Буало. Это тот самый тип, которого убили в туалете «Центрального». Никаких документов. Никто не знал, кто он такой. Ребята Буало обнаружили отпечатки его пальцев в районном комиссариате на Восточном вокзале. Несколько месяцев назад он получал там удостоверение личности.

Отдел Буало был на том же этаже, где работал Таркэн, почти дверь в дверь.

— Когда его убили?

— В субботу вечером, около одиннадцати.

— Подпиленной пулей?

— Да. В шею.

— Что показал осмотр?

— Ничего. Никаких следов. Подумали было о сведении счетов. Что ты намерен предпринять?

— Ты где?

— В отделе опознаний. Я получил информацию о девушке из Авиньона.

— От кого?

— От таксиста.

Грацци провел рукой по щеке и ощутил щетину. Он не знал, как, не обидев Жан-Лупа, передать дело малышки из Авиньона Парди, который работал быстрее.

— Послушай, ты мне нужен немедленно.

— Нехорошо, начальник. Она моя, уверяю тебя, я найду ее.

Грацци кивнул и тотчас подумал: «Я пожалею об этом, ее убьют раньше».

— Она нужна мне, понимаешь? — простонал он в телефон.— Ты должен ее найти! Этот безумец ни перед чем не остановится.

— Ты ее получишь,— сказал Жан-Луп.— Не беспокойся, начальник.

В тот же момент во все комиссариаты полиции было доставлено довольно полное описание девушки: лет 20, блондинка, красивая, в последний раз, когда ее видели, была одета в синее пальто.

Часы показывали 6.05 утра.

СПАЛЬНОЕ МЕСТО № 223

Бенжамин — Бомба, по прозвищу Бэмби,— стояла на краю тротуара в своем синем пальто и слушала свистки поездов на Лионском вокзале, с клубничной карамелькой во рту, с пустым спичечным коробком в руке, все еще ощущая на губах вкус поцелуя. И говорила себе, что ей все обрыдло, обрыдло, обрыдло. Господи! Почему именно с ней должно было такое приключиться?

Часы показывали чуть больше шести, она это заметила выходя. Она больше не плакала — хоть это неплохо. Завтра ей придется вволю наплакаться после того, как господин Пикар скажет ей: вы очень милы, мадемуазель, вы грамотны и расторопны, не сомневаюсь в вашей скромности и честности ваших объяснений, но я вынужден вас уволить.

Господин Пикар не станет, конечно, разговаривать с ней таким тоном, но ее все равно уволят в тот же день, как дуру, как тетерю, как полную идиотку.

Даниель любил выражение «тетеря». Он говорил так применительно к первому встречному, что, мол, встретил сейчас тетерю. Это могло означать — психопата, тупицу, ветрогона, пустомелю.

Она больше не плакала, но глаза словно застилал туман, искажавший очертания вокзала, стоянки машин перед ним, автобусов, направляющихся в сторону площади Бастилии. Город, о котором она столько месяцев мечтала, как дуреха, как набитая провинциальная тетеря.

Завтра ее уволят. И отберут комнату. Все кончится, даже не начавшись. А всего три дня назад она мечтала, что будет жить в Париже, аппетитно оскаливая при этом красивые зубки, которые дважды в день чистила Селином, настоящим медицинским дантифризом. Тогда она была грамотная, расторопная девочка с дипломом школы Пижье, в синем пальто, купленном всего месяц назад, с красивыми волосами и ногами, синими глазами, которые разбивали даже ее собственное сердце, когда она смотрелась в зеркало, с тремя платьями и тремя юбками

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15—18.

в чемодане и пятьюдесятью тысячами франков в сумочке.

И вот появляется этот Малыш, едва начавший бриться мальчишка, баловень, считающий себя седьмым чудом света, а всех остальных тетерями, не умеющий сделать двух шагов, не наступив вам на ноги и не разодрав чулок.

Мой малютка, моя радость, любовь моя, мой Даниель...

Затем она увидела себя в автобусе, который идет в сторону Бастилии, и у нее спрашивали билет. К счастью, оказался один, как раз до Бастилии. Да, ей все обрыдло, она пройдется пешком, неважно куда, со вкусом поцелуя на губах, с карамелькой во рту, и поплачет вволю. Никто не увидит ее слез, он разорвал три пары ее чулок.

Я хочу умереть, клянусь всеми святыми, я хочу умереть, если не увижу его снова.

На площади Бастилии, выходя из автобуса, размахивая руками, потому что в 4 часа, убежав с работы, она забыла там сумочку, Бэмби впервые подумала: а ведь я уже была тут, он находился рядом, все было ужасно и чудесно, если бы мама узнала, то упала бы в обморок, но мне все равно, все равно, тем хуже, я плачу.

Пересекая площадь, она плакала, как дура, тетеря,— плевать я хотела, пусть не смотрят на меня,— а площадь была огромная, черная и блестящая, окруженная далекими огнями. Дала ли я ему хоть денег, чтобы он поел в поезде?

Она проходила тут с ним. Повсюду, куда бы я ни пошла теперь в этом мокром городе, я буду находить наши следы. Когда же это было? В субботу. Такси.

Я не вернусь сейчас домой, сказала она себе. Дойду пешком до Пале-Рояль, найду там плохо освещенное кафе, где мне дадут яичницу из двух яиц, почитаю газету, пока буду есть, и потом пешком же дойду до улицы Бак. Поднимусь к себе и приберу в комнате, словно ничего не было. Или зайду в другой бар и наделаю глупостей. Поболтаю с официантами, буду танцевать, буду пить крепкие напитки, от которых кружится голова и которые приносят забвение, но разве есть на свете хоть что-нибудь такое, что помогло бы мне забыть Малыша?

Три дня назад она рассталась с матерью и маленьким братом на перроне авиньонского вокзала. И села в поезд, оскалив хищно зубки и улыбаясь, отчего мать спросила: «Тебе не жаль нас покидать?» Она ответила: «Скоро увидимся! На Рождество!»

Это означало: через три месяца. Пустяки. А что такое три дня?

Он стоял прямой, как палка, между туалетом и тамбуром, готовый перейти в другой вагон, едва покажутся контролеры, белокурый, с плащом в руке, в костюме из смятого твида, с глазами побитой собаки,— ну невероятно глупый.

Поезд отправился. Он помог ей внести чемодан, споткнулся, и тут разорвал ей первую пару чулок.

Она зло сказала: оставьте, я сама. Почувствовала боль в лодыжке. На чулке спустилась петля, теперь поползет дальше. Не стоит даже вынимать лак, чтобы каплей остановить нитку.

А тот даже не извинился, он не умел этого делать. Стоял, как дурак, смотрел печальными глазами, как она поднимает платье, чтобы проверить чулок, и в довершение всего добавил: «Пропал чулок, у меня подковки на каблуках, мама заставила поставить, я рву чулки всем на свете».

С приподнятым сбоку платьем (поезд пошел), пытаясь мокрым пальцем задержать петлю чулка, она подняла глаза и только тогда увидела его по-настоящему. Красивое лицо, пятнадцать или шестнадцать лет, вид побитой собаки. Сказала: ничего, обойдется. И она сама донесла чемодан до купе.

В середине прохода перед открытым окном стояли двое — женщина, Жоржетта Тома, и мужчина с длинным носом, Кабур. Чтобы пропустить ее, женщина слегка повела бедрами и проводила ее взглядом, который она никогда не забудет, сама не зная почему (может быть, потому, что та умерла).

В купе было жарко и душно. На нижней полке справа лежала женщина, слева — мужчина.

Бэмби легла на свое место, думая о маме, о трех платьях в чемодане, которые она предпочла бы повесить на плечики, о своем разорванном чулке. Она сняла под одеялом чулки, затем с трудом — платье, говоря себе, что она не может все-таки спать одетая, как другие

Белокурая женщина, госпожа Даррэс, о которой Даниель потом скажет, что это актриса, была в розовой пижаме и розовом халате. Она читала журнал, время от времени поглядывая на Бэмби. И заметила:

— Над вашей головой есть лампочка.

Бэмби зажгла, сказала: спасибо, хорошо теперь на железных дорогах. На самом же деле она впервые ехала в спальном вагоне. Положила платье около стенки, сумочку к ногам, чулки под подушку и стала читать книжку, посасывая конфетку. Немного позже пришли контролеры, шумно открыв дверь.

— Гоп, поехали,— сказал официант.— Яичница из двух яиц и пиво!

В кафе на Пале-Рояль Бэмби сидела одна за столиком.

Она вторично прочитала статью во «Франс суар», но ничего нового не узнала. Там пережевывали утреннюю информацию. Говорилось, что уголовная полиция очень сдержанна, но арест не заставит себя ждать. Она тщетно искала фамилию инспектора Грацциано, о котором Малыш сказал:

— Ему я доверяю.

Должно быть, у нее были красные глаза, потому что, принеся ей еду, официант пристально посмотрел на нее и, уходя, дважды обернулся. Хотела было взять из сумочки пудреницу, но вспомнила, что оставила ее на работе, на улице Реомюр. Бумажник лежал в кармане пальто вместе с мокрым платочком на «понедельник» и конфетами, которые Малыш не захотел взять с собой.

Платочек «понедельник» — это выдумка мамы. Та вышила на платочках все дни недели. В поезде, когда она увидела Малыша, у нее был платочек «пятница», красный в мелкую зеленую клетку.

Чтобы не показываться всем в бюстгальтере, она натянула на себя одеяло. Затем достала синее пальто и протянула билет стоявшему ближе к ней контролеру. Другой проверял билет у дамы с обесцвеченными волосами, актрисы. Затем им пришлось разбудить мужчину, спавшего под полкой Бэмби: он позевывал, что-то ворча себе под нос.

Воспользовавшись тем, что на нее не смотрят, она натянула на себя пальто. Надела туфли и вышла в коридор. Жоржетта Тома и Кабур продолжали болтать перед открытым окном. Молодая женщина курила, дым от ее сигареты ветер гнал по проходу. За окном под темным небом скользили деревья.

Туалет был занят. Она перешла через тамбур в другой вагон, но и там в туалете кто-то был, и она вернулась назад. В тамбуре ей пришлось держаться за ручку двери, так ходила взад и вперед нижняя половица. Испачкала себе руки.

Стала ждать, слушая, как контролеры заходят в другие купе, говоря: простите, дамы-господа. В конце концов она стала дергать ручку двери туалета, как в школе, когда ты торопишься, а подружка не спешит.

Внезапно дверь открылась. Увидев его испуганные глаза и загнанный вид, она тотчас все поняла. Это было как в школе, до выпускных экзаменов, она как бы вернулась на три-четыре года назад: лагерь учителей и лагерь учеников, тайны, фискальство, страх перед надзирателями.

— Что вам угодно?

Он нахохлился, как молодой петух, увидев, что это не контролеры (надзиратели). Она сказала:

— Я хочу пи-пи, знаешь ли!

Этот белобрысый парень разодрал ей чулок, а теперь с растерянным видом шептал, едва не плача:

— Не стойте тут. Уходите. У меня нет билета.

— У вас нет билета?

— Да.

— И вы заперлись. Чего вы этим добьетесь?

— Говорите тише.

— Я говорю негромко.

— Нет, громко.

Тут они услышали шаги контролеров (голоса надзирателей), которые вошли в последнее купе вагона в десяти шагах от них: простите, дамы-господа.

Малыш взял ее за руку, это был его первый решительный жест, и резко потянул к себе, так, что она едва не закричала. Просто так — в туалет. И запер дверь.

— Послушайте, оставьте меня в покое!

Он закрыл ей рот рукой, как Роберт Тейлор Деборре Керр на немецком корабле, в фильме, который она видела в Авиньоне два месяца назад. Но у Роберта Тейлора были усы, это был брюнет и мужчина, тогда как Малыш смотрел на нее глазами беззащитного ребенка.

— Не разговаривайте, прошу вас, помолчите!

Так они стояли рядом перед закрытой дверью. Заметив свое отражение в зеркале над умывальником, она подумала: «Такое может случиться только со мной. Если бы мама увидела, она бы упала в обморок».

Тихо, голоском хорошего ученика училища отцов иезуитов, он сказал, что собирался было ехать на подножке поезда, но в соседнем вагоне стоял какой-то тип, а потом побоялся, что не сумеет открыть дверцу, а главное, не знал, как поступить с чемоданом.

Этот пухлый чемодан из свиной кожи тоже был в туалете. Баловень семьи, сын богатых родителей, очень похоже. То, что его отец адвокат, муниципальный советник в Ницце, он рассказал ей на другой день, и о том, что учился в пансионе «Иезов», что вторично сбежал оттуда из-за математики, которая ему осточертела. Все бросил, чтобы жить своей жизнью.

В дверь постучались. Кто-то спросил, есть ли кто-нибудь. Она оттолкнула парня, приложила палец к губам, как в школе. Он понял и встал на крышку унитаза, с глупым видом, излишне шумя при этом, явно излишне. Перед тем, как открыть, она распахнула пальто, чтобы все выглядело правдоподобно: ах, если бы мама увидела, она бы упала в обморок!

— В чем дело?

— О, простите!

Она лишь приоткрыла правой рукой дверь, левой придерживая край пальто. Контролеры смотрели на нее сверху вниз, более молодой отступил на шаг, другой дотронулся до козырька. Должно быть, она была бледна, как смерть. А если бы увидела себя в зеркале, бледную и белокурую, с голыми ногами из-под расстегнутого пальто,— вообще потеряла бы сознание. Она слышала, как бешено бьется ее сердце.

— Вы уже проверили мой билет...

Старший сказал: да, да, извините, мадемуазель, и они вместе отступили назад. Тогда она опять закрыла дверь и опять увидела себя в зеркале с такими же растерянными, как у Малыша, глазами, с видневшейся из-под пальто коленкой. Но уже не бледную, а красную, как рак.

Они еще немного постояли: он — на крышке унитаза, опустив голову, потому что упирался ею в потолок, она — прислонясь к двери и запахнув пальто, вся красная. Ей уже тогда казалось, что должно случиться нечто глупое, достаточно на него посмотреть. Он тоже был красный, а черные глаза благодарили, глупый невероятно,— любовь моя, мой Дани, мой Даниель.

— У вас грязь на щеке.

Вот и все, что тот нашелся сказать спустя две-три минуты, когда они убедились, что контролеры ушли.

Возможно, она испачкала щеку своими грязными руками. Или это сделал он, когда зажал ей рот, кретин несчастный. Она вытерлась платком, глядя в зеркало. Он слез, едва не упав, потому что поставил ногу на чемодан, но ухватился за нее, не попросив прощения, потому что не был этому обучен, и улыбнулся ей в зеркало. Что-то, а улыбаться он умел, у него был красивый, еще детский рот баловня семьи.

— У вас тоже. Тут...

Она протянула платок, указывая следы грязи на лбу, на бритой щеке. Он тоже вытерся. Потом они вместе мыли руки мылом Железных дорог, обладавшим особым устойчивым запахом ширпотреба.

Он посмотрел на ее красный платочек с зелеными квадратиками и засмеялся.

— Когда я был маленьким, у меня были такие же. На каждый день недели.

Когда был маленьким! Подчас в его выговоре сквозил южный акцент, от которого ему не удалось избавиться, несмотря на все усилия «Иезов». С таким же акцентом говорили дети из хороших авиньонских семей. Жаль только, что его не научили извиняться. Потом он быстро отвернулся, вероятно, подумав о маме, носовых платках, обо всем том, что ему было дорого. Эти воспоминания нахлынули внезапно, как большая волна.

Малыш.

Она с трудом справилась с яичницей и вдруг вспомнила, что ключ от комнаты находится в сумочке.

Уходя, Даниель оставил дверь открытой. Об этом он сказал ей по телефону. Он даже специально позвонил из-за этого. В четыре часа дня.

— Бэмби?

— Да.

Это был первый рабочий день Бэмби. Когда ей сказали «вас», она сразу поняла, что никто другой звонить не может.

— Мне пришлось оставить комнату открытой, у меня не было ключа.

— Где ты?

— В Клиши.

Наступила длинная, очень длинная пауза, потому что она не знала, что еще сказать, он тоже, и было неприятно видеть, как подглядывают за тобой новые коллеги.

— Где это, Клиши?

— Довольно далеко.

Для них это означало — довольно далеко от Лионского вокзала. Все другие районы были более или менее далеко от того места, где два дня назад они впервые вступили на мокрые улицы этого города.

— Это далеко отсюда?

— Не знаю.

Снова долгая пауза.

— Я уезжаю, Бэмби.

Она не ответила. Что можно ответить, когда на тебя устремлены десять пар глаз, когда ты похожа на гусыню?

— Лучше уж вернуться домой. Я все объясню отцу. Он сам поговорит с полицией. У тебя не будет неприятностей, у меня тоже, мой отец знает, что делать.

— А как ты уедешь?

— Как и приехал — поездом.

Она хотела ему что-то сказать, но не было сил. Ведь если она это сделает, он не уедет. Да к тому же устремленные на нее внимательные взгляды буквально парализовали ее.

— Даниель...

Она все-таки произнесла его имя. Произнося чье-то имя, наш голос говорит куда больше о том, что мучает сердце, потому что глаза смущенно отведены. И она услышала странные вещи, которые тот произносил шепотом: моя Бэмби, моя маленькая Бэмби, люблю, скоро, всегда, ночь, недолго, Париж, Ницца, ты, я, моя маленькая Бэмби, слушай... И повесил трубку.

Она положила трубку, прошла под грохот пишущих машинок вдоль столов, ничего не опрокинув, не споткнувшись, с вымученной улыбкой на губах, снова принялась за работу, даже напечатала, не поднимая головы, две или три странички. И вдруг поняла, что больше не может работать: встала, схватила пальто, побежала к двери, затем в вестибюль, промчалась по улице, вбежала в вокзал и выскочила на перрон. И только тут заметила, что сейчас пять часов, а первый поезд Марсель — Ницца — Вентимиль отправляется в 17 часов 50 минут, и стала ждать...

Они вышли в проход (она — первая, чтобы посмотреть, есть ли там кто) и постояли еще. Он сказал, что убежал из дома неделю назад, что до Канна ехал автостопом, потом до Марселя, грязный город, где все задают вопросы. Две ночи он провел в молодежном лагере, две — в зале ожиданий, одну в бистро, которое не закрывалось на ночь, еще одну в отеле, когда у него еще были деньги.

— Что вы собираетесь делать?

— Не знаю.

Он никогда ничего не знал. Раз она была на пять или шесть лет его старше, он доверял ей, он даже назвал ее мадам. Ему мешал чемодан. Он жалел, что взял его. Бэмби подумала: надо бы ему поспать.

— В нашем купе есть свободное место. Подождите немного. Когда никого не будет в проходе, вы сможете занять его. При входе, слева наверху. Я буду как раз под вами.

Он смотрел на нее с восхищением, кивая головой после каждой фразы, и тогда-то назвал ее мадам.

Молодая брюнетка и Кабур все еще стояли в коридоре. Бэмби высунулась, посмотрела, потом сказала: хочу спать, подождите, когда никого не будет, и, входя, не шумите.

— А чемодан?

— А что? Несите с собой!

Из-за чемодана потом произошла неприятность. Проклятый чемодан из свиной кожи, где лежали только две рубашки, костюм на смену и масса ненужных вещей — книги, боксерские перчатки, макет лодки, консервные банки, черствый хлеб, серебряный столовый прибор, который он собирался продать, одеколон, чтоб хорошо пахнуть, и не меньше трех расчесок, чтобы выглядеть красивым.

Будто он не знал, что и так красив, подумала Бэмби, выходя из маленького, слабо освещенного кафе на площади Пале-Рояль, в котором они были в воскресенье утром, накануне, тысячу лет назад.

Они следовали по пятам за маленьким инспектором в куртке, который все время брал такси. Тысяча сто франков до улицы Лафонтена, где они сидели, ожидая, в баре на углу тупика.

Через полчаса инспектор в куртке тоже вошел туда, не обратив на них внимания, и позвонил по телефону.

— Он сделал промах,— говорил Малыш.— Ну и олухи эти фараоны!

Словцо «олух» — напоминание о жизни в другом мире, ее мире и его тоже. Они ведь приехали из одной страны — страны детства! И это было прекрасно.

«Он так молод,— размышляла Бэмби.— И совсем спятил».

В поезде, весь день, а затем ночь, она сохраняла, однако, возрастную дистанцию между ними и оставалась «мадам».

Между тем в проходе разыгралась ссора. Со своей полки Бэмби слышала, как Жоржетта Тома что-то громко говорила, она даже отодвинула шторы за головой, чтобы посмотреть.

Кабур стоял спиной, но и спина его выражала унижение. Брюнетка уперлась рукой в бок, странно сложив пальцы — как когти хищника. У нее был вид человека, у которого хотят что-то отнять. Что-то, лежавшее во внутреннем кармане костюма.

Бэмби догадалась, что она оскорбляет Кабура, что говорит ему грубости, но слов не слышала.

Позже, когда все лампочки были погашены, Жоржетта Тома вошла в купе. Бэмби видела, как она легла на соседнюю полку, спокойная, словно никакой ссоры и в помине не было. Тоненькая красивая женщина в костюме, с длинными ногами. Бэмби она не нравилась. Она не поняла ее взгляда, когда садилась в поезд, взгляда, который напугал ее, словно

Рисунок Ильяса АЙДАРОВА

принадлежал человеку, которому страшно. Непонятный взгляд.

Еще позже — должно быть, в половине первого или в час ночи — вошел Кабур. Бэмби видела, как он снял пиджак и тоже лег.

Они прибыли в Лион. На занавесках появились световые пятна, слышались голоса, шум бегающих по платформе людей. Бэмби догадалась, что там в картонных стаканчиках продают кофе, сэндвичи в прозрачной бумаге, как на авиньонском вокзале. Поезд двинулся дальше.

Она стала засыпать, лежа на животе, поджав под себя руку, когда услышала, как мальчишка тихо открыл и закрыл за собой дверь купе. И тотчас споткнулся о свой собственный чемодан, потерял равновесие и упал на кого-то, выругавшись и сказав: что это со мной?

Ее тоже заинтересовало, что это с ним. И, задыхаясь от смеха, она стала помогать ему поднимать чемодан. Он цеплялся за нее, полураздетую, все время повторял ругательство и, стараясь взобраться наверх, цеплялся то за нижнюю полку, то за собственную, вздыхал, недовольный и напуганный. Руки его дрожали, ну настоящий кретин. В конце концов он вытянулся на свободной полке, долгое время не смея шевельнуться; шептал, что все в порядке, слава богу, я едва не спутал купе.

Чуть позже он свесил голову со своей полки, как раз над нею, так что она иногда даже видела его глаза. И говорил свистящим шепотом. После нескольких его фраз безумный смех снова стал сотрясать тело Бэмби.

В июле ему исполнилось шестнадцать лет. Родились они под одним знаком зодиака. Это страшно, сказала она, родиться под созвездием Рака,— они все сумасшедшие. Он спросил: разве? — каким-то беспокойным тоном, смутился, и на время его голова скрылась за полкой.

А потом Бэмби уже не смеялась. Он рассказывал печальные вещи о себе. Он умел говорить о себе. Поезд мчался к Дижону, Парижу, все дальше от школы, от отца, с которым он поссорился из-за мотороллера.

Бэмби уснула на спине, натянув одеяло на подбородок и видя, как расплывается в темноте его склоненное над нею лицо, теперь уже ей давно знакомое, уверяю вас. Она только успела шепнуть, что ему лучше поскорее вернуться к отцу: какой смысл бежать из дома, а поезд все мчался и мчался...

Утром она краем глаза видела, как он слез с полки в своем измятом твидовом костюме, с плащом в руке. Проходя, наклонился над нею, прошептал: мадемуазель — и сухо поцеловал в щеку. Она подумала, что он, наверно, так и не спал. И уснула снова.

А потом было уже половина восьмого, поезд подходил к Парижу, в проходе столпились пассажиры, которые курили у окон. Кто-то сказал, что холодно. Она приподнялась, чтобы надеть платье. Брюнетка с соседней полки улыбнулась ей. Актриса уже оделась, рядом стоял ее чемодан. Бэмби сбросила мешавшее ей одеяло, ведь мужчины спали. Все время, пока она надевала платье, потом чулки, поочередно демонстрируя ноги, она ощущала на себе взгляд Жоржетты Тома. Она перехватила этот взгляд — тот же, что и накануне, непонятный ей взгляд.

Она пошла почистить зубы и протереть лицо одеколоном. В проходе было много народа. И тут увидела того человека, о котором Малыш потом кое-что ей расскажет. Она только помнила, что на нем был серый плащ, как у ее дяди Шарля, слишком длинный и немного потертый, а в руках он держал пляжную сумку из синей материи с гербом Прованса.

Она больше не думала о Малыше. Или думала как о чем-то смутном, неважном. Он ушел, как-нибудь сам выпутается.

Когда она вернулась в купе, поезд уже подходил к перрону. Мужчина с нижней полки, в кожаной зеленой куртке, пыхтя, зашнуровывал огромные ботинки. Кабур ушел первым, не попрощавшись, ни на кого не глядя, вероятно, потому, что ему было стыдно за ссору накануне. В тот момент, когда поезд остановился, человек в кожанке взял свой потрепанный чемоданчик, попрощался и вышел.

Бэмби укладывала туалетные принадлежности. Она видела, как актриса кивком, без улыбки, попрощалась с нею. Элиана Даррэс ушла, оставив в купе терпкий запах духов. Несмотря на тяжелый чемодан, держалась она очень прямо.

Проход стал освобождаться. Жоржетта стояла перед окном с задернутыми занавесками.

— Мадемуазель...

Они были одни. Бэмби надевала свое синее пальто. Она чувствовала себя свежей, отдохнувшей, потому что умылась, не спеша причесалась, хотя другие пассажиры барабанили в дверь.

Вблизи Жоржетте Тома можно было дать лет тридцать, бледное лицо под очень черными волосами, огромные синие, как у Бэмби, глаза. Взгляд ее был по-прежнему взволнованный, и когда Бэмби ловила его, та отворачивалась.

Она хотела с ней поговорить. Ей нужно было поговорить. Очень нужно.

А сказать было нечего. Бэмби это поняла сразу. Но та все же произнесла: «Видели вы того типа вчера, это ужасно, да?» Не очень уверенным голосом, будто предвидя уклончивый ответ.

— Встречаются такие,— ответила Бэмби.— Не расстраивайтесь.

И взяла чемодан, чтобы выйти. Но Жоржетта Тома встала между нею и дверью, чтобы удержать; сказала: как ужасно, что встречаются такие люди, нет, мадемуазель Бомба́, не уходите.

Бэмби сначала подумала: откуда ей известно мое имя? И одновременно: этот кретин выйдет, наверное, через буфет или через служебный ход, надо его поймать.

В конце концов она отстранила женщину, говоря: уж извините, дайте выйти, меня ждут. И, как ни странно, почувствовала, что им обеим страшно.

— Что вам в конце концов надо? Пропустите меня!

«Что она от меня хотела?» — думала Бэмби, идя через рынок и вдыхая запах, от которого ее тошнило. Теперь он уже в Дижоне или еще дальше. В Дижоне, в субботу утром, я спала, и ничего не произошло: он был как раз надо мной и что-то еще говорил.

Ноги привели ее на улицу Реомюр. Она убежала из конторы днем, без всяких объяснений, в первый же рабочий день. Завтра ее выставят с работы. Бывают вечера, когда кажется, что сам боженька против вас, что этот безжалостный боженька хочет вас наказать.

Ее взяли на работу по письму и приложенному диплому на ставку в 88 тысяч франков в месяц, не считая налогов, с тринадцатой зарплатой, с надбавкой на транспорт и комнатой под самой крышей на улице Бак, с водой и газовой плиткой.

Завтра, увольняя ее, господин Пика́р отберет у нее комнату. Боженька ничего ей не оставит. Останутся у нее, как мама говорила, только глаза, чтобы плакать.

Она может зайти в контору вечером. Повидает господина Пикара, который работает допоздна. Объяснит ему. Он милый человек, возможно, у него дочь ее лет. Она ему скажет: если бы ваша дочь увидела Малыша перед выходом с Лионского вокзала, как я в то утро, она бы тоже над ним сжалилась.

Потом еще придется объяснять про комнату, про первую ночь, вторую; назвать вещи, которые трудно объяснить.

Но господин Пикар вряд ли в конторе. Уже ночь. Было холодно, грустно. Господин Пикар вернулся домой. Все, что она могла сделать на улице Реомюр,— это побеспокоить консьержа и забрать свою сумочку.

В 8 часов в субботу, в то злополучное утро, он стоял около выхода с перрона, засунув руки в карманы плаща, с женским шарфом на шее. Пассажиры, толкаясь, проходили мимо, но он не сходил с места, хоть его толкали со всех сторон,— настоящий кретин.

Бэмби поставила чемодан на землю, сказала:

— Долго еще собираетесь стоять? Что вы намерены делать?

Он вздохнул:

— Господи, где вы были столько времени?

— То есть как это где?

— Вы не взяли мой чемодан?

— Какой чемодан?

— Мы же договорились...

— Как это договорились?

Он покачал головой, ничего не понимая. Она покачала головой, тоже ничего не понимая. Они поняли друг друга, лишь сев рядышком на скамейку. Багаж Бэмби стоял между ними. Парень все время поправлял свой шарф. На шарфе была нарисована бухта Ниццы.

— Это женский шарф.

— Мамин. Не знаю, почему я взял его, уезжая. Когда я был маленьким, я очень любил маму, любил надевать ее вещи. Почему я теперь так поступил, сам не знаю.

Это он придумал, как выйти из вокзала. Говорил, что объяснял ей ночью. Говорил, что целых полчаса объяснял ей, свесившись со своей полки, что делать. Она не слышала: видимо, в ту минуту она и уснула.

— Вы должны были взять мой чемодан и выйти со своим билетом. Оставив чемоданы в зале, вы вернулись бы назад с двумя перронными билетами. После этого мы бы вышли вместе.

— Я не поняла. Я не слышала. Ловко вы придумали!

Он смотрел на нее разочарованно и подозрительно. Взрослым нельзя доверять. Они тебя никогда не слушают.

Она уверенно положила ладошку на его руку. Сказала себе: ну, теперь я делаю глупость, а зря, нужно было бы ему посоветовать тотчас вернуться домой. В худшем случае его оставят без сладкого.

— Идите и заберите свой чемодан. Где вы его оставили?

— На багажной полке купе.

— Заберите и быстро назад.

— И сделаем, как я сказал?

— Да, как вы сказали.

— Вы не уйдете?

Она посмотрела на него, испытывая странное волнение, как бывало в школе, даже посильнее. Когда они обманывали надзирателей, организовывали потасовки и еще того чище.

— За кого вы меня принимаете!

Он кивнул, доверчивый и счастливый, и побежал к перрону «М», чтобы забрать свой чемодан.

Она прождала его минут десять, сидя на лавке и думая: я себя знаю, я хорошо себя знаю, я не посмею оставить его тут, и у меня будет куча неприятностей, я сумасшедшая.

Он вернулся с чемоданом, со странным выражением на серьезном, спокойном, неузнаваемом лице.

— Что с вами?

— Как это — что со мной?

Она вышла одна с двумя чемоданами и сумочкой. Было тяжело. В зале долго искала в карманах монеты по 50 франков, потом купила в автомате два перронных билета. Оставив чемоданы за автоматом, вернулась за ними.

Он ждал ее у барьера с тем же странным выражением лица, и тут только она заметила:

— Куда вы дели свой шарф?

— Видимо, забыл в поезде. Пошли, это неважно.

Они миновали контроль, идя друг за другом; Бэмби держала билеты. С чемоданами благополучно ступили на вокзальный тротуар. Было холодное, солнечное утро, на площади царила суета машин и автобусов.

— Ладно. До свидания,— сказал Даниель.

Он не умел благодарить.

— Что вы собираетесь делать?

— Обо мне не беспокойтесь.

— Нет, беспокоюсь.

Должно быть, они довольно долго шли по направлению к площади Бастилии, пока Бэмби не подозвала такси. Она села в него, а он стоял на мостовой с печальным видом, с чемоданом из свиной кожи у ног. Она сказала:

— Вы садитесь?

— Куда?

Она не нашлась, что ответить. Он с трудом втиснул свой чемодан в такси. Ему все давалось с трудом. Они сидели, прижатые друг к другу. Платье Бэмби задралось на коленях, но она не могла его поправить. Машина каждую минуту резко тормозила, проезжая по незнакомым улицам.

Она дала адрес, который вот уже две недели наполнял ее гордостью: какая она, эта улица Бак? Пересекая реку (Сена, Лангрское плато, 776 километров), она посмотрела на Даниеля, у которого был озабоченный вид. И сказала, чтобы тоже успокоиться, что все уладится. Он положил на ее ладонь свою загоревшую во время каникул руку с длинными пальцами.

Улица Бак. Они никак не могли найти ключи от комнаты. В доме не было консьержа. Пришлось обратиться в соседний табачный бар, затем к жильцам с других этажей. Бэмби нашла, что в Париже люди не очень любезны.

В конце концов оказалось, что девушка по имени Сандрина ждала их в комнате. Она тоже работала в конторе на улице Реомюр. Приехала из Нанта с год назад. Жила рядом на улице Севр в похожей комнате. Господин Пикар поручил ей встретить Бэмби. Она сказала:

— Ну разве справедливо, работая в жилищной конторе, жить в такой комнате.

Смотрела на Даниеля, спрашивая себя, кто он такой, и ожидая, что их познакомят. А Бэмби, стоя на табуретке и засунув руки в карманы своего синего пальто, совсем позабыв о Малыше, обозревала через окно комнаты крыши Парижа.

— У меня нет ключей,— сказал консьерж с улицы Реомюр.— Даже если случится пожар, я ничего не смогу сделать.

— Мне надо только взять свою сумочку.

— Даже если бы вы захотели забрать пишущую машинку или деньги из сейфа, все едино, у меня нет ключей.

Бэмби повернулась на каблуках и пошла к лестнице.

— Куда вы идете?

— Поднимусь в свою контору. Может быть, там есть кто-нибудь.

— Там никого нет. Все ушли. Знаете, который сейчас час?

Был 21 час. Она все же поднялась, позвонила и вернулась. Консьерж ждал ее перед своей комнатой. Он ничего не сказал. Посмотрел, как она вышла, засунув руки в карманы пальто, и подумал: «Ну и поколение», или: «Ну и времена», или: «Ну и отстегал бы я тебя», или что-нибудь в этом духе.

Перевел с французского А. БРАГИНСКИЙ.

Продолжение следует.

УБИЙСТВО В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ

Себастьен ЖАПРИЗО

РОМАН

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

Комната была четыре метра на три. Потолок, как в мансарде. Стены выкрашены белым, в углу — маленькая ниша, где помещались газовая плитка, шкаф, умывальник и — о, роскошь,— душ в целлофановом мешке лимонного цвета.

— Я все приберу,— сказала Бэмби.

Сандрина постояла еще несколько минут. И вдруг заявила:

— У вас прекрасное платье. У вас прекрасная прическа. Как вы ее делаете? У вас прекрасные туфли. У вас прекрасный душ, вы не находите?

Она все находила прекрасным. А так как Бэмби не отвечала, вытаскивая из чемодана и раскладывая вещи, то стала рассказывать о конторе, произнеся длинный монолог, который слышала только она сама. Прекрасная была контора.

Около полудня Сандрина внезапно ушла, пообещав прийти вечером, а Малыш уснул на постели.

Комната уже преобразилась из-за фотографий на ночном столике, книг на полках, плюшевого медведя на постели, которого Малыш зажал под мышкой.

Бэмби приняла душ, надела красный махровый халат, купленный вместе с мамой, одновременно с большим портфелем.

Она застала Даниеля сидящим на постели, с всклокоченными волосами, уставившимся в одну точку. Его разбудил шум воды. Она сказала:

— Примите душ. Вы, вероятно, грязны, как трубочист или клиент Армии спасения. Я не хочу, чтобы у меня появились блохи. За это время я оденусь.

Одеваясь, она посмотрела в сторону душа и увидела через занавеску тень Малыша. Он был худ, как жердь. Она не знала, что с ним делать.

— Как мне выйти?

Она протянула ему свой махровый халат, и он вышел, блестя мокрыми, как у нее, волосами. Рукава ему были до локтя, чувствовал он себя неловко, вид был несчастный. На ней была одна комбинация, и она как раз искала новые чулки. В тот момент он и сообщил:

— В купе лежала мертвая женщина.

Если бы мы сразу пошли в полицию, думала Бэмби, ничего бы не произошло. Меня бы не стали завтра увольнять, я бы написала маме, что первые дни прошли успешно.

Площадь Шатле была освещена неоном, статуя стояла на своем месте, мост тоже. И она пошла прямо, думая о том, что он уже проехал Дижон, но мог и переменить решение и сесть в обратный поезд. Прекрасно представляю себе, как он стучится сейчас в мою дверь в два часа ночи.

То, что обычно ни с кем не случается, с ним случалось непременно.

В субботу они вышли из комнаты в час дня, но сначала тихо все обсудили, сидя рядышком на постели, как злоумышленники, потому что ни он, ни она не могли говорить о таком событии нормальным голосом.

— Я вас оставил на скамейке. И пошел к поезду. Я уж не помнил, какой у нас был вагон. Но в конце концов нашел его. В проходе слышались голоса. В нашем купе. Я стал ждать в соседнем.

Разговаривали мужчины. Один начальственным тоном. У другого был странный кашель и голос явно больного человека. Только потом, в такси, мне это кое-что напомнило. Но тогда я не обратил внимания. В тот момент меня не интересовало, о чем они говорят. Я ждал, когда они уйдут. Я боялся, что это контролеры и они спросят мой билет. В любом случае я боялся. В их голосах было что-то, что вызывало страх, хотя смысл слов и не доходил до меня. Они пробыли там еще две минуты, может быть, больше. Я услышал, как открылась и закрылась дверь. Прошли не мимо моего купе, а в другую сторону, к выходу с вокзала. Я подождал, когда они сойдут, и отправился в наше купе, чтобы взять чемодан. Брюнетка лежала на нижней полке слева на спине. Я никогда не видел мертвых, но, можете мне поверить, она была мертва. Я схватил чемодан и ушел, закрыв дверь. Никто не видел, как я сошел с поезда. В нем никого не было. Вас я нашел на скамейке.

Он по десять раз повторял одни и те же фразы, слово в слово. Сначала Бэмби нашла историю идиотской, затем начала беспокоиться о мальчике, стала обсуждать с ним разные версии. А потом решила снова, что история идиотская.

Из-за того, что он был встревожен и немного смешон в ее халате, она стала говорить ему «ты».

— Когда ты услышал голос больного мужчины, это тебе что-то напомнило. Что именно?

— Одного типа, который вчера вечером уезжал из Марселя. Я сидел на откидном кресле около туалета. Он стоял в следующем вагоне у прохода, и я видел его через тамбур. Он кашлял, не переставая, и все время прочищал горло. Время от времени поглядывал на меня. На нем было серое пальто, в руках — пляжная синяя сумка с эмблемой Прованса. У меня была такая же на карманчике блейзера. В это утро он стоял в нашем коридоре. Я мог бы его опознать: он бледен, очень худ и выглядит больным.

Малыш оделся, повернувшись спиной к Бэмби, которая не без страха увидела его рваные носки, трусики, скорее серые, чем белые, темные полосы на воротнике рубашки.

— У тебя нет чистого белья?

— Знаете, за восемь дней у меня не было возможности помыться. И потом, я все равно не сумел бы постирать. Вы не можете отвернуться?

Не спрашивая разрешения, она осмотрела его чемодан. Увидев серебряные ложки среди грязного белья, она подумала: так же нельзя, надо убедить его написать родителям, вернуться домой.

— Ты можешь сменить костюм. Там есть другой.

— Он в масле.

По дороге он упал в яму гаража. Хотел осмотреть мотор грузовика, который вез его в Марсель.

— Я оступился.

Не в силах объяснить себе, почему, Бэмби не стала надевать другое платье.

На улице ей стало немного холодно. Они долго бродили и около двух часов зашли в ресторан. В полупустом зале, под пристальными взглядами двух официанток снова и снова обсуждали ситуацию. Бэмби считала, что надо пойти в полицию и все рассказать. И в то же время не хотела этого делать — из-за мамы, из-за его самовольной поездки. Он тоже не хотел — наверняка кто-то свел счеты. Эта история их не касалась.

Ресторан был приятный, с маленькими занавесками в квадратиках и с бретонскими тарелками на стенах. Малыш заказал улитки, спросив Бэмби, не дорого ли это, и почти один выпил полбутылки красного вина из Бандоля, что в департаменте Вар. Он не умел пить, а так как слишком много говорил и почти ничего не ел, в конце трапезы был здорово взвинчен.

Он курил сигареты Бэмби, щеки его раскраснелись. Это ему очень шло, а глаза стали совсем, ну совсем маленькие. Она по-прежнему не знала, что с ним делать.

Они опять пошли в сторону улицы Бак. Она купила в лавке сигареты «Житан» (ей они не нравились, но он заявил, что предпочитает их американским). Уже собираясь взять одну из пачки, он вдруг сказал: надо кое-что проверить, у меня есть идея. Оставил ее прямо на тротуаре бульвара Сен-Жермен, перебежав улицу и едва не оказавшись под колесами проходящих машин. С той стороны он крикнул, что вернется к вечеру и заберет чемодан. Они смотрели друг на друга издалека. Бэмби подумала: он еще наделает глупостей, но раз уж я начала, придется продолжать, я не могу отпустить его. Он убежал.

На Вер-Галан, под статуей Генриха IV, Бэмби остановилась и взяла из кармана конфету. Это была апельсиновая карамелька. Двое влюбленных целовались, стоя у решетки сада, на берегу реки.

Пройдя вдоль Сены до Тюильри, она найдет улицу Бак. Дома разденется в темноте, чтобы не слишком вспоминать прошедший день, закроется подушкой и поговорит сама с собой, чтобы уснуть.

Она снова увидела Даниеля на ступеньках вагона, два или три часа назад. Почему он больше не был похож на того кретина, с которым она познакомилась в первый вечер? Почему все так быстро меняется, что вы сами себя не узнаете?

Он появился за пять минут до отхода поезда. Бежал по платформе с чемоданом в одной руке, с плащом в другой. На измученном, постаревшем от усталости лице глаза казались еще больше и чернее.

У нее хватило мужества, пока она ждала, купить ему билет, вечернюю газету, пакет конфет, узнать, есть ли в поезде вагон-ресторан, а когда он оказался перед ней, не пытаться удержать его.

— Ты ушла из конторы?

— Да.

— Ты спятила.

— Ну и что?

— Ты спятила.

— Я без ума от тебя.

Она пожалела, что сказала это. Это было подло, она сделала ему больно. Он не захотел брать конфеты.

— Мне кажется, я все понял.

— Что?

— Все. Они наверняка убьют еще кого-то. Кажется, я понял.

— Кого убьют?

— Не знаю. Надо вернуться и поговорить с папой. Он знаток в этих делах. К нему приходят обедать префекты полиции. У нас не будет неприятностей.

Он поцеловал ее нежно, как в ту ночь.

У нее, наверное, был идиотский вид — с конфетами в руке, которые он не хотел брать. Она продумала, какие фразы сказать ему, потому что про себя прожила сцену его отъезда уже сто раз. В конце концов они ничего не сказали друг другу. Выглядел он усталым, беспокоился за нее, за себя и думал только о той истории. Он ведь был мальчишка. Мальчишки смотрят на вас, думая о другом, а потом в поезде вспоминают, не забыли ли поцеловать вас, и бывают очень несчастны.

В последнюю минуту, заметив, что поезд отходит, он, наконец, увидел ее, Бэмби, на проплывающей мимо платформе — в синем пальто, кажется, непричесанную, кажется, некрасивую, с пакетом конфет

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15—19.

в одной руке и двумя тысячами, которые она ему протягивала,— в другой. И все, что он нашелся ей сказать, было:

— Черт, не бросай меня одного.

— Это не я тебя бросаю.

Она бежала по перрону. Он взял деньги и помахал ими, как платком.

— У тебя-то что-нибудь осталось?

Ей казалось, что она сходит с ума, ну просто сходит, когда вот так бежала по перрону, ожидая, что он скажет хоть слово, не важно какое, чтобы затем вспоминать его, чтобы как-то жить. А он лишь повторял:

— Я все верну!

Она крикнула, потому что вагоны пошли быстрее. Он повис на дверце, да так неловко, что мог свалиться, а это было бы вовсе несправедливо:

— Даниель!

— Я оставил в комнате записку! Там все правда!

Он тоже кричал. Ну вот и все; теперь видны были только два билета по тысяче франков, которые издалека выглядели платком. Поток людей подталкивал ее к выходу. Дождь прекратился.

Так она и оказалась перед главным подъездом вокзала, с ощущением поцелуя на губах, с карамелькой во рту, с пустой коробкой спичек, которую бросила на край тротуара.

В субботу вечером Сандрина пришла часам к шести вечера. Они ждали вместе, разговаривали о конторе, Авиньоне, Нанте. Сандрина тоже была белокурая, но более чудная. Она говорила, что Бэмби такая же полненькая, как Дани Робен. Что, мол, похожа на Дани Робен, но моложе. Сандрина считала, что Дани Робен прелесть.

В конце концов, устав его ждать, они написали записку на двери и вместе отправились к Сандрине.

Ее комната была побольше. Там был и маленький коридорчик, настоящая кухонька. Сандрина накрыла на троих, не сомневалась, что придет Малыш. Приготовила котлеты в сухарях и ростбиф с горошком.

— Он это любит?

— Не знаю. Это дальний родственник, знаете ли. Я знакома с ним столько же, сколько с вами.

Малыш пришел часам к десяти, когда они кончили ужинать. Он витал в облаках, поцеловал обеих в щеку, как делают благовоспитанные дети, придя в гости.

Почти ничего не ел и произнес не больше двух слов. Позже признался Бэмби, что в ресторанчике близ Восточного вокзала съел бифштекс.

— У тебя были деньги?

— Утром, когда вы умывались, я взял у вас тысячу франков.

Она не нашлась, что сказать, пока они шли до улицы Бак. В дверях дома он попросил, избегая ее взгляда, не сердиться на него, он не знает, как быть. И все повторял: как это ужасно.

— Что ужасно? Написать папе и маме и попросить прощения? Послушай, ты безответственный тип.

Бэмби понравилось это слово. Она чувствовала себя старшей, покровительницей. Она никак не могла поверить, что стала взрослой и старой.

Было 11 часов вечера. В доме все стихло, лишь текла вода в трубах отопления. Бэмби сняла с постели тюфяк, взяла простыни, разделила одеяла — одно положила на тюфяк, другое на матрас. Она не смотрела на него. Он не смотрел на нее. А так как был единственным сыном своих родителей и куда более целомудренным, чем маленький семинарист, то пошел раздеваться за занавеску душа.

Вернулся в полосатой пижаме, с буквами Д. К. на кармане (Даниель Краверо), размахивая руками и поглядывая на Бэмби заискивающим и недоверчивым взглядом. Она была в белой комбинации, босиком и тут заметила, что без туфель на высоких каблуках ниже его ростом.

Он вытянулся на матрасе, в другом углу комнаты, подложив руку под голову и вздыхая. Бэмби погасила свет, чтобы надеть ночную сорочку. Она чувствовала себя неловко, но скорее от раздражения, чем от стеснения.

В темноте, когда она легла, он сказал, что ужасна история в поезде, а не его собственная. Если бы она не сердилась на него из-за тысячи франков, которые он все равно вернет, он бы показал ей газету.

Она зажгла свет и прочитала газету.

— Они и вас найдут.

— Бомба́, Бомба́, таких фамилий много.

— Все куда ужаснее, чем вы думаете.

Сказал, что днем, после обеда, когда ушел от нее, думал, что полицейский арестовал убийцу в купе. Теперь же, вечером, он знает, что это не так.

— Кто же убийца?

— Больной человек. Не представляешь, что я испытал, когда об этом подумал. Может, из-за вина, не знаю. Непонятно только, как и почему там оказался полицейский и арестовал того в купе. Теперь я уж ничего не понимаю.

— Ну и глупо.

Когда Малыш находился рядом, самая большая глупость становилась похожей на правду.

Мы проговорили целый час, вспоминала Бэмби, шагая по улице Бак. Он ел бифштекс, ожидая Кабура, он стибрил у меня тысячу франков, подумал о «Прожин» — и позвонил в «Прожин», выследил Кабура, который повздорил с брюнеткой. Он был хитер и бестолков. А потом заснул на полуслове. На матрасе на полу. Утром мы вместе убрали постель. Это было вчера, в воскресенье.

— Куда вы сегодня?

Она надела черное платье, которое очень шло ей.

— Никуда. Уберу комнату и постираю. А ты напишешь родителям.— Она уже представляла себе, как они оба, Малыш и Бэмби, позабыв эту историю, о которой больше никогда не услышат, тихо заняты каждый своим делом — он пишет письмо, она подшивает занавески, купленные накануне, потом трогательно прощаются. Он будет посылать ей новогодние поздравления, и это воскресенье станет далеким, а потом и вовсе забудется.

Но все случилось иначе. Она не стала подшивать занавески. Он не сел писать письмо. Он заставил ее пересаживаться из такси в такси, от набережной Орфевр до Трокадеро, от Клиши до бегов в Венсенне, осуществляя некий замысел и разыгрывая в своем мятом твидовом костюме детектива.

Бэмби утром успела выстирать его белье. Когда они вернулись, оно было уже сухим — две рубашки, майка и ее трусики с кружевами. Все это висело рядом: нет, я больше не смогу жить в этой комнате!

В полдень, когда они шли по следам брюнета (там были брюнет и блондин-инспектор, которые выглядели не старше Малыша), то оказались прижаты друг к другу на лестнице дома на улице Дюперре, где стояли, не смея пошевельнуться. Рот Даниеля был так близко, что в конце концов Бэмби не могла уже ни о чем больше думать. В своей жизни она целовалась только с двумя парнями: с кузеном, когда ей было 13 лет, чтобы решить для себя, что при этом чувствуешь, и с товарищем по курсам, на вечеринке у подруги, потому что немного выпила, а тот был настойчив. Даниеля терзали совсем другие заботы, когда он стоял, прижавшись к ней. Тогда-то он разорвал ей вторую пару чулок.

Вечером, после бесконечных поездок по Парижу, они оказались на набережной, поужинали рядышком в шумном ресторане, и Бэмби рассказала ему про Авиньон. Она больше не хотела слышать об этой истории. Возвращаясь, взяла Даниеля за руку и так шла с ним до улицы Бак.

— Мне жаль, что я порвал ваши чулки,— сказал он наверху.

Он не отвернулся, пока она их снимала. Бэмби сама не понимала, что́ с ней: испытывает ли она усталость или желание снова почувствовать его губы. Долгую минуту они смотрели друг на друга, ничего не говоря. Она сидела, держа в руках чулки, с голыми ногами, в черном платье, а он — стоял в плаще. Затем она сказала какую-то глупость, о которой сразу же пожалела, что-то вроде: почему ты на меня так смотришь?

Он не ответил и спросил, может ли все же остаться. Она хотела спросить: почему все же? Но не смогла...

Он долго молча сидел на постели в плаще, пока она сама с собой заключила договор: если ему и мне суждено завтра оказаться в тюрьме, у мамы будет еще больше оснований упасть в обморок. Я поцелую его, и тем хуже для меня.

Она наклонилась над ним, босоногая, в своем черном платье, и нежно поцеловала в губы, повторяя про себя: тем хуже, тем хуже, тем хуже.

Он не сделал того, чего она ожидала. Он только очень быстро наклонил голову, обнял ее ноги и остался в таком положении, прижавшись лицом к ее платью,— неподвижный, молчаливый мальчик.

В этот вечер, как и в субботу, и в воскресенье, Бэмби всякий раз искала изображение морковки на соседнем баре, чтобы по ней найти улицу Бак. Морковка была красная, как и другие детали вывески. На лестнице второго этажа ей пришлось зажечь свет. Она все ждала, что опять услышит шум воды в трубах отопления. Медленно и тихо поднимаясь по лестнице, она вспоминала: молчаливый, неподвижный мальчик. Только спустя некоторое время, не поднимая головы, он стиснул руки, большие руки, на которые она обратила внимание еще час назад в ресторане, уже тогда зная, что будет дальше.

Третью пару чулок он разорвал на другое утро — сегодня утром! — уронив ее на постель, когда она была уже наполовину одета. И выругался — просто не судьба, а она притворилась, что сердится, чтобы он был нежен, как ночью, потому что утром все было иначе, потому что ей было нелегко узнать теперь себя и его. Но все было правдой — та же ласковая кожа, те же ласковые губы. Нет, ночь не была сном.

Четвертый этаж, еще один. Свет, как и отопление, не работал.

Пошарив в темноте, она протянула руку, чтобы зажечь его опять. Я искала в темноте его губы, я так и не уснула в его объятиях всю ночь, мой Даниель, мой Дани, любовь моя, тем хуже для мамы, тем хуже для завтрашнего дня, тем хуже для меня... А вот и свет.

Что же он такое понял? О чем не сказал мне тогда на вокзальном перроне? В полдень она села в такси, чтобы быстрее вернуться домой, немного пьяная после бессонной ночи и шума пишущих машинок, с еще больными губами. Сказала себе: все должны увидеть по моему лицу, что случилось ночью. Она нашла его в ресторане с бретонскими тарелками, куда заходили в первый день. Было много народа, и они смотрели друг на друга молча, не в силах произнести ни слова. Он не рассказал ей о своей охоте в Париже.

Бэмби поднялась на верхний этаж, занимаемый прислугой, повторяя, что ляжет спать в темноте,— прочитаю его записку завтра, не хочу ее читать, нет, хочу. В полдень все было ужасно, мы не знали, что говорить друг другу. Ей хотелось все бросить, чтобы хоть на минуту вернуться в комнату. Он понял. Прижавшись к его щеке, я говорила глупости. Он раздел меня, был таким же нежным, как ночью. **Господи, это правда. Он вернулся. Даниель снова тут.**

Она увидела свет под дверью. Ей показалось, что она ошибается. Нет, это была ее дверь. **Он пересел на другой поезд, он был здесь.**

Она пробежала в темноте через площадку, потому что лампочка выключилась снова, кругом стало темно, только полоска света видна под дверью и еще — из замочной скважины. Этого быть не может, ему негде было сойти с поезда, чтобы пересесть на другой, но все равно, кто-то ждет меня. Она надавила на дверь и сразу вошла.

Револьверный выстрел оставил запах чего-то терпкого. Сандрина лежала, прислонившись к постели, со странно подвернутыми, словно ватными, ногами. На полу валялся табурет. Рука ее впилась в красный репс покрывала, а лицо было такого же красного, как покрывало, цвета.

На ночном столике лежало письмо, оставленное Даниелем,— листок, сложенный вчетверо, а на черной коже сумочки Бэмби отражался свет верхней лампы — круглой, желтой, ослепляюще яркой.

Спустя некоторое время — часа через два или три, точно уже не помнила,— она находилась в номере незнакомого отеля со светлой мебелью, на улице около Дома Инвалидов. Бэмби стояла в своем синем пальто, прижавшись лбом к стеклу, по которому хлестал дождь.

В правой руке у нее была зажата записка Даниеля «я люблю тебя», написанная неразборчивым почерком, наспех,— ничего другого, комочек бумаги, который она прижимала ко рту, который она сжимала зубами.

Она цеплялась зубами за это «я люблю тебя», чтобы не думать о Сандрине, которая занесла ей сумочку, не думать о том ужасе, который был написан на лице Сандрины, не думать о том, что та заменила ее. Это я должна была лежать на покрывале постели. Завтра я пойду в полицию. Я люблю тебя, я жду, когда ты окажешься в Ницце, чтобы тебе не причинили зла, я больше ни о чем не думаю, только о «я люблю тебя», ни о чем другом.

СПАЛЬНОЕ МЕСТО № 225

Эвелин-Берт-Жаклин Лаверт, супруга Гароди, двадцати семи лет, красивая, хорошо сложенная, длинноволосая брюнетка, ростом 1 м 60 см, особые приметы: скрытная, лживая, упрямая, легко раздражаемая, с ужасом рассматривала своими большими синими глазами розовую папку, которую Малле протягивал ей через стол, сняв с подоконника. После убийства девушки из Авиньона «курс трупа» понизился еще на 35 тысяч франков.

— Пяти вам мало?

— Вы с ума сошли! Вы мерзкий тип!

Она начала хныкать, обхватив голову своими красивыми руками, сидя в совершенно новом, только чуть ношенном замшевом пальто.

— Вы все время лжете!

— Нет, я не лгу!

— Вам так хочется стать шестой?

— Что вам сказать? Я ничего не знаю.

— В купе было шесть человек. Остаетесь вы. Другие тоже ничего не знали. Им прострелили голову потому, что они ничего не знали. На этот счет мы согласны с вами. Тогда скажите то, чего вы не знаете.

Она упорно мотала головой. Малле полистал розовую папку и бросил в корзину рядом с собой.

— Желаю удачи,— сказал Грацци.— Продолжай.

Он вышел из-за стола с ощущением тошноты. От усталости или от отвращения.

— Ну, как она там? — спросил Таркэн.

— Через час-два расколется.

Гращи сел в кресло перед столом, положив ногу на ногу, с записной книжкой в руках.

В утренних газетах писали об убийствах Кабура, Элианы Даррэс и Риволани. В своем 38-м автобусе Гращи заметил, что пассажиры оглядывались на здание филиала «Прожин», в котором работал Кабур.

— Новости поступают со всех сторон. Два дня назад все они могли бы быть использованы. Но теперь...

— В чем дело?

— Во-первых, «Прожин». В субботу кто-то позвонил на коммутатор, чтобы узнать адрес Кабура. Мужской голос. Утверждал, что является клиентом и готовит список деловых подарков к Рождеству. Возможно. Вероятно, именно таким образом он и нашел этого бедолагу.

Гращи вычеркивал фразы из своего блокнота.

— Затем Риволани. У него были долги.

— У меня тоже,— сказал Таркэн.

— Даррэс. Во время обыска у нее в квартире обнаружили выписки из банковских счетов, но не чековую книжку.

— Ну и что? Вероятно, кончилась, и она не успела получить новую. А ты что думаешь?

— Досадно то, что я где-то видел эту книжку.

— Где же?

— В ее доме, когда подобрал ее сумочку в лифте. Кажется, я положил потом сумочку где-то в комнате.

— Ребята из отдела опознаний не впервые что-то теряют. Безголовые. Остается позвонить в банк.

— Звонили. Жан-Луп говорит, что у нее на счету 200 или 300 тысяч и все в порядке, кажется.

— Тогда оставь меня в покое с твоими историями. Мы только запутаемся. В любом случае он в наших руках.

Спустя 45 минут, что-то около 10 часов, позвонили из Марселя: никаких следов Роже Трамони в Приморских Альпах. Отель, в котором ежегодно останавливался официант, находился в Пюже-Тенье. Прочесали все пансионы такого рода в департаменте.

Опознавательные данные на Трамони были сообщены в отделения полиции: среднего роста, 37 лет, волосы густые, шатен. По мнению Таркэна, этот человек и получил 700 тысяч франков на улице Круа-де-Пети-Шан.

— Никаких следов новых купюр,— сказал Гращи.

Номера были сообщены им накануне в 5 часов. Теперь они уже всем известны. Это были 14 купюр по 500 новых франков.

— Даже если он будет неосторожен, раньше чем через день-два они не появятся в обращении. Это псих. Возможно, он их еще не обменял.

— Мы предупредили мать маленькой Бомба́, чтобы она приехала из Авиньона опознать свою дочь. В конторе, где она работала со вчерашнего утра, никто не хочет этим заняться. Ее почти не знали. К тому же этот подлец так ее изувечил, что и мать родная не узнает.

— Дальше, Гращи.

— Она убежала из конторы около 4 часов, как сумасшедшая, неизвестно почему. Об этой малышке, к несчастью, мы ничего не знаем. Ни друзей, ни знакомых в Париже. Документов при ней не было, как и у Кабура. Только фотографии в комнате. Ее обнаружили около десяти вечера. Габер наконец-то напал на ее след, но опоздал на 15 минут. Ее убили в 9 или 9.15 вечера. Еще час — и осталась бы жива. Таксист запомнил пальто. Кажется, она была очень красива. Он отвез ее на улицу Бак вместе с парнем. О последнем ничего не известно.

— Что еще?

— Ничего. Ничего существенного. В баре Марселя хозяева говорят, что Роже Трамони был из тех, кто увлекался игрой, не участвуя в ней. Это он принимал ставки на бегах и отмечал, сколько кто выигрывает. Записывал все проданные номера лотерейных билетов. Когда кто-нибудь выигрывал десять тысяч франков, говорил: «Это я бы мог выиграть. Деньги уплыли у меня из-под носа».

Гращи закрыл книжечку, сказав, что для этого есть определение.

— Знаю,— сказал патрон.— Мазохизм.

У него самого в это утро было помятое лицо мазохиста. Гращи встал, сказал: ладно, когда его возьмут, он сам им займется, а так как патрон не отвечал, спросил: что вас тревожит, печень или что другое?

— Пушка,— сказал Таркэн.— Красотка, задушенная в поезде, и кольт 45-го калибра, с подпиленными пулями, не вяжутся друг с другом. И еще одна вещь — как мог он быстрее нас найти тех, кто ему мешал?

В 11 часов 30 минут радость предчувствия близкой победы проникла в коридор и в комнаты инспекторов, а через внутренний телефон — в кабинет патрона, от патрона к главному начальнику, затем к следователю Фрегару. Радость торжествовала без всплесков, без громкого смеха, без грубых шуток, потому что вскоре, за несколько минут до 12, от оптимизма не осталось и следа, одна горечь, о которой каждый предпочел бы забыть. Для логически мыслящего Таркэна, который всегда полагал, что любое дело об убийстве включает убийцу, жертву и свидетелей, вообще не осталось никакой надежды.

В 11 часов 20 минут контролеры с «Марсельца» вспомнили человека, похожего на Роже Трамони. Он стоял в проходе поезда.

В 11.30 кассиры с улицы Круа-де-Пети-Шан признали в человеке, который предъявил выигрышные билеты к оплате, официанта из бара. Значит, это был он. И находился в Париже. Теперь оставалось лишь искать его по отелям, провести обычную проверку личности.

— Он не мог уехать вчера из Парижа до 10 или 11 часов вечера из-за малышки. Но у нас есть Гароди. Она имеет такое же значение, как и остальные. Тот захочет убить и ее тоже. Значит, он еще здесь.

Такое же впечатление было у всех, кроме, быть может, Таркэна, который думал о пистолете, и у Жан-Лупа, занятого лишь своей головоломкой,— он в очередной раз рассеянно допрашивал жену электрощика.

В 11 часов 40 минут позвонили из администрации на бегах. 14 билетов обнаружены в кассах Венсенна после воскресных заездов.

— Этот псих себе на уме,— сказал Таркэн.— Он мог обменять билеты в магазинах, но тогда на него обратили бы внимание. Риск быть схваченным возрос бы в 14 раз. А вот скачки — это прорва. Он жаден и сделал 14 ставок по 500 франков. Во время дневных заездов открыты десятки касс. Так что надо лишь переходить из одной в другую. Да и народу столько, что никто не обратит внимания.

Кстати, кассиры совсем не помнили такого челове-

Рисунок Ильяса АЙДАРОВА

ка. Малле пошелестел списком номеров новых купюр и бросил его в корзину патрона.

В этот момент в кабинет вошел Парди, держа в руках дубленку. Лицо его было мрачным и бесстрастным несколько больше, чем обычно. Было 11 часов 46 минут.

— Я нашел его,— сказал он.

— Трамони?

— Да.

— Где?

— В Сене. Его выловили вчера вечером. Он попал к Буало, как и Кабур. Буало говорит, что сыт по горло и сбит с толку.

Улыбка застыла в уголках губ Грацци. Странное дело, но он физически чувствовал, как эта улыбка начала разлагаться, испаряться, превратившись в глупую, немного слезливую гримасу.

— Ты сдурел или что? — спросил патрон.

— Нисколько,— ответил Тино Росси.— Я сам его видел у патологоанатома на столе. Никаких сомнений. Дырка в голове, как у остальных.

— Когда? — заорал Таркэн.

— Не орите. Мы по уши в дерьме, это ясно. Он умер в субботу в первой половине дня. И пробыл в Сене с вечера субботы у набережной Рапе. Когда он всплыл, его заметила девчонка.

В 11 часов 48 минут, в тот самый момент, когда Таркэн зажег сигарету, усевшись в кресле, как боксер, получивший уже достаточное число ударов, когда Грацци еще верил в ошибку и совпадения, вспоминая шутку Парди, черт-те о чем, вошел Аллуайо в сопровождении Габера.

— Она раскололась. Извините, патрон, я только поднял руку для оплеухи. Клянусь, я не тронул ее.

Таркэн даже не понял, о ком говорят.

— Гароди, понятно? — подсказал Аллуайо.— Ее не было в поезде.

— Что такое?

— Не было. Место она купила, но им не воспользовалась. Уехала, оказывается, дневным поездом накануне. Грязная история. Только посмотреть на нее, и становится все ясно. Ее муж в пятницу ишачил. Вместо того, чтобы сесть в вечерний, она поехала дневным. И встретилась в Париже с одним типом, тоже электронщиком. У меня есть адрес. Она провела с ним ночь в отеле, где тот живет, на улице Гей-Люссак. В субботу утром тот отвез ее на вокзал. Она купила перронный билет и вышла вместе с пассажирами из «Марсельца», свежая, как роза, поцеловав свекровь, которая встречала ее.

Тишина, которая последовала за его рассказом, смутила Аллуайо, и он продолжал уже вялым тоном:

— Она не могла признаться, что ее не было в поезде, понимаете? Говорит, что получилось все очень глупо, что жизнь ее пропала. Говорит, что я не знаю ее свекрови. Плачет...

— Может, ты заткнешься?

Это сказал Грацци, стоявший около патрона с книжечкой в руках, не смея посмотреть в нее, не смея положить в карман, не смея привлечь к себе внимание каким-нибудь жестом,— проклятая книжечка!

Патрон пошевелился, сигарета у него погасла, он положил ладонь на руку Грацци, дружески похлопал, сказал: ладно, он пойдет писать донесение, не стоит переживать, раз промахнулись, ничего не поделаешь. Рано или поздно мы сведем счеты с этим сукиным сыном.

— Остается в ближайшие дни так ходить по коридорам, чтобы на вас не обращали внимания. Дело мы не бросаем. Просто будем незаметны. У нас было дело с убийцей, жертвой и свидетелями. Не осталось ни свидетелей, ни убийцы. А так как убитые не разговаривают, я буду вести себя точно так же,— мальчики, я ухожу.

Надевая пальто, он сказал, что вернется к двум, тогда и соберем останки.

У двери стоял посыльный, стараясь привлечь внимание Грацци. Но тщетно, потому что Грацци смотрел на патрона, а патрон ни на кого не смотрел.

— Господин Грацциано,— сказал полицейский,— в зале ожидания вас спрашивает девушка по имени Бомба. Она говорит, что желает видеть только вас.

Грацци слышал одного патрона, который говорил, что раз эта бесстыдница не занимала полку, значит, там был кто-то еще.

Разве не логично?

Грацци машинально оттолкнул полицейского, который дотронулся до его рукава, и, миновав Габера, который схватил его за другой рукав (что это с Габером?), запихнул в карман ненужную больше записную книжку.

Он смотрел на лоснящееся лицо патрона, на его живот беременной женщины, на его маленькие бегающие глаза. И думал: почему сегодня он мне не так неприятен, почему я готов поверить, что он мне друг? И сказал полицейскому: ладно, ладно, иду, я иду к ней.

Перевел с французского А. БРАГИНСКИЙ.

Окончание следует.

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

УБИЙСТВО В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ

Себастьен ЖАПРИЗО

Роман

СПАЛЬНОЕ МЕСТО № 000

— Г-рацци? Это Жуи. С тобой хотят говорить из Марселя.

— Что там такое?

— Да кто-то.

— Займись им. Я занят девочкой.

— Он хочет говорить только с тобой.

— Переключи его на себя, ладно?

— Жорж? Жуи у телефона. Что говорит человек из Марселя?

— Говорит, что вы дерьмо, это слышно отчетливее всего. Мне кажется, это мальчишка. Говорит, что у него нет денег для разговора. Хочет, чтобы Грацци вызвал его. Он ждет в баре Марселя. Говорит, Грацци поймет в каком.

— Переключи его на меня.

— Он повесил трубку.

— Жуи? Это Грацци. Кто вызывал из Марселя?

— Только что? Мальчик. Хочет, чтобы ты связался с ним. Говорит, ты, мол, поймешь.

— Назвал себя?

— Если бы я стал записывать все имена детективов-любителей, которые звонят с самого утра, то у меня исписалась бы ручка.

— Давно звонил?

— Десять минут назад, ну, с четверть часа.

— Я с девочкой в кабинете патрона. Соедини меня с баром. Потом свяжись с префектурой Марселя, чтобы не упустили мальчишку, когда он повесит трубку. Затем найди мне Парди, пусть он скорее разыщет патрона.

— Так серьезно?

— Делай, что тебе сказали.

— Вы Даниель?

— Да, вы меня слышите?

— Что вы делаете в Марселе?

— Это слишком долго объяснять. Где Бэмби?

— Кто?

— Мадемуазель Бомбà, Бенжамин Бомбà. Я знаю, что вы можете ее найти.

— Да? Я тоже, представьте себе. Что вы делаете в этом баре?

— Вы знаете, где она?

— Она здесь.

— С вами?

— Со мной. Перестаньте орать. Что вы делаете в этом баре?

— Слишком долго объяснять.

— У меня полно времени, дурила! За разговор платим мы. Я думал, вы вернулись в Ниццу.

— Вы знаете, кто я?

— Если бы я не знал, значит, был бы глухой! В течение трех четвертей часа я только и слышу про ваши глупости.

— Как она?

— Прекрасно! Сидит передо мной по другую сторону стола, обхватив голову руками, и заливает слезами папки комиссара. Теперь с ней ничего не случится! Теперь вы, дурила, беспокоите меня. Так вы скажете, что вы делаете в Марселе?

— Я тут из-за забастовки.

— Какой такой забастовки?

— Железнодорожников, представьте себе.

— Сегодня что за день?

— Вторник, а что?

— Это я не вам говорю! Перестаньте орать! Ладно, забастовка. Значит, так, спокойно все расскажите, что вы делаете в Марселе. Без крика.

— Я не кричу. Я в Марселе и не могу продолжать свой путь из-за забастовки.

— Поезд, на котором вы уехали вчера вечером, уже пять часов как прибыл в Ниццу. Вы что, смеетесь надо мной?

— Я приехал в Марсель другим поездом. Я вышел сначала в Дижоне.

— Почему?

— Вы все равно не поймете.

— Да вы будете, черт вас возьми, отвечать на мои вопросы? Тогда поймете, в курсе ли я. Вы хотели вернуться?

— Она подумала, что я так сделаю?

— Да, она так подумала! Она так и подумала, когда пришла домой. В комнате был свет. Только ждали ее не вы, а девчонка, которая принесла ей сумочку и которую отблагодарили за это пулей в череп! Игра окончена! Все именно так! Ясно вам?

— Они еще кого-то убили?

— Малышку Сандрину. Почему вы сказали «они»?

— Потому, что их двое.

— Это вы и поняли вчера вечером, когда увидели свою подружку на вокзале?

— Тогда я еще ничего не понял.

— Тем не менее вы поняли, что убьют еще кого-то. Вы же так сказали!

— Этот кто-то был я сам! Я понял, что они ищут меня.

— Вы знали, кто?

— Нет. Только прочитав утром в Марселе газету, я понял. Я должен был догадаться раньше, но тогда и вы тоже!

— Вы, должно быть, лучше нас информированы, вот за что я вас готов удушить, дурак вы эдакий! Почему вы сразу не пришли сказать, что вы знаете?

— Я не хотел неприятностей. Я видел мертвую женщину. Спустя некоторое время ее обнаружил еще кто-то. Я не хотел неприятностей. Это меня не касалось.

— Я говорю не о субботе. О вчерашнем дне, когда вы уже знали то, что нам было неизвестно, а вы решили поспешно вернуться к папе.

— Я не знал, что они убьют еще кого-то. Я знал, что они ищут меня, меня — и все. В поезде я все обдумал. И решил, что если уеду подальше от Бэмби, ее не тронут. Но потом подумал, что все равно они возьмутся за Бэмби, и захотел вернуться. Но до утра из Дижона нельзя было добраться до Парижа. А утром началась забастовка. Я решил ехать в Ниццу, у меня был билет, я думал, что папе все это больше с руки, чем мне. Папа — адвокат.

— Знаю. Значит, вы поехали в Ниццу. Зачем же вы сошли в Марселе?

— Потому что увидел газеты на перроне. Тогда-то я все и понял. Вчера вечером я ничего не знал об этой истории с лотерейным билетом и с номерами новых купюр. И об убийствах.

— Вы следили за Кабуром в первый вечер. Вы не знали, что он убит?

— Да нет же! Я следил за Кабуром, затем за полицией, вами и этим типом в куртке, а потом за Гранденом. Непонятно? Я шел по следам то одних, то других, а это, знаете, похоже на «догонялку».

— Что-что?

— Догонялка. Знаете, есть игрушка догонялка — лошадки бегают друг за другом. По манежу. Я бежал за одним, а тот за мной. А потом я ошибся. Сегодня, прочитав газеты, я узнал, что догонялка разладилась, что одна из лошадок побежала в противоположную сторону. Тогда я пошел здесь в табачную лавку, чтобы убедиться в том, что теперь не ошибаюсь. И узнал, что вы разыскиваете официанта Роже Трамони. Значит, все произошло так, как я и думал. А так как Роже Трамони, вероятно, мертв, вы зря теряете время.

— Это мы знаем.

— Он умер?

— Умер. Еще в субботу. Его сбросили в Сену. Почему вы следили за мной? Почему вы следили за Гранденом?

— Где Бэмби?

— Со мной, я вам сказал! Черт вас побери, вы будете слушать?

— Кто там еще с вами? Где вы?

— То есть, как это — где я?

— Я думаю вот о чем. Если он ошибся вчера вечером и убил Сандрину, думая, что это Бэмби, то он знает, кто настоящая Бэмби!

— Как это?

— Где вы?

— В кабинете комиссара! Набережная Орфевр. Она ничем не рискует!

— Не знаю. Он безумен.

— Кто? Гранден?

— Нет, другой.

— Послушайте, окаянный вы тип...

— Алло?

— Да.

— Алло! Вы меня слышите?

— Да. Слушай, малыш. Мне надо повесить трубку. Не двигайся с места. Я перезвоню. Ни с места.

— Инспектор!

— Да.

— Вы поняли?

— Да.

— Он здесь?

— Да.

— Он меня слышит?

— Да.

Окончание. См. «Огонек» №№ 15—20

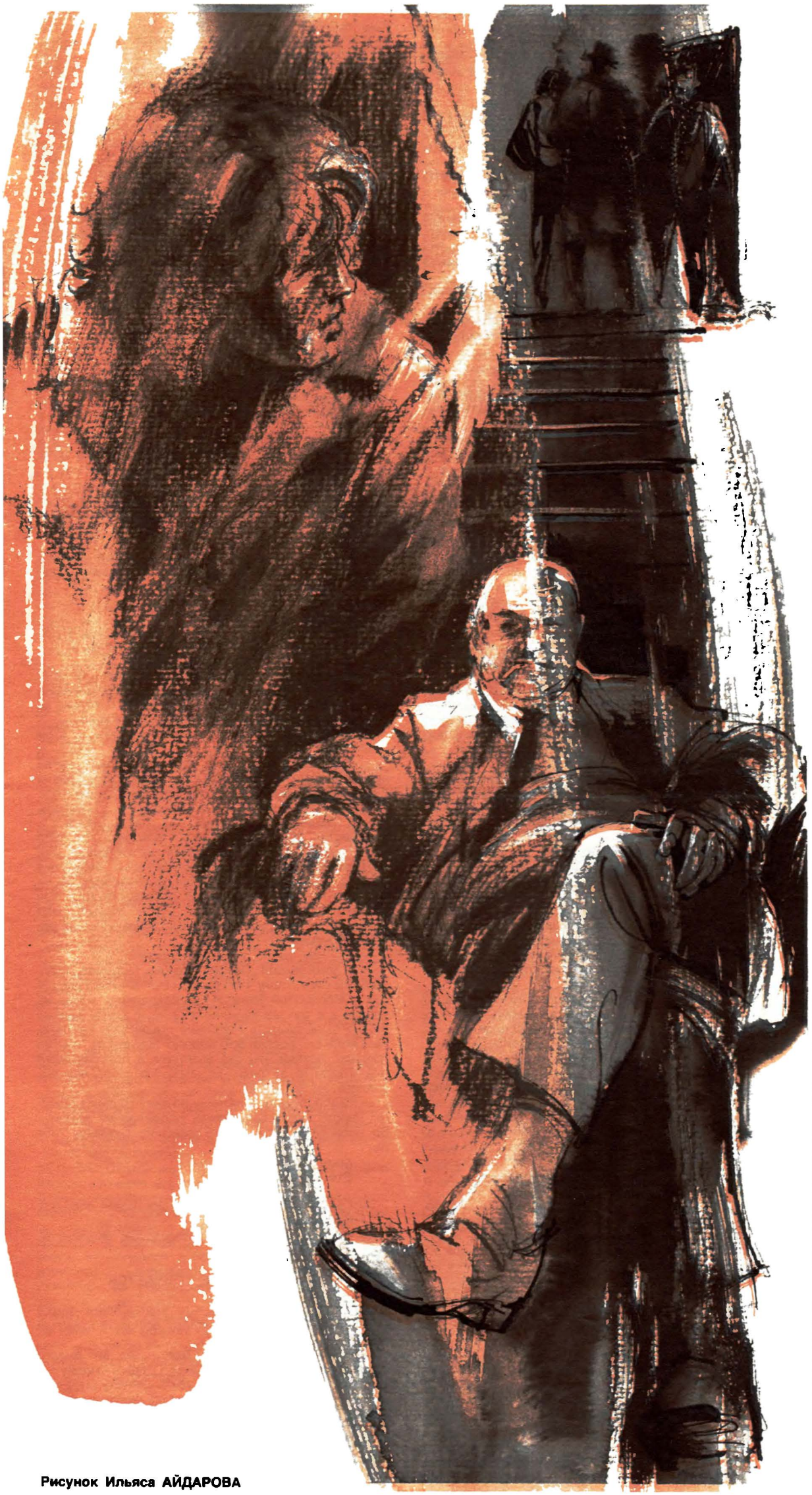


Рисунок Ильяса АЙДАРОВА

— Малле? Что нового?

— Не знаю, что и думать! Из банка сообщают, что они все сказали утром, когда он звонил по поводу чековой книжки.

— Ну и что?

— Элиана Даррэс выписала на прошлой неделе чек на 6 миллионов. Послушай, Грацци...

— Когда были получены деньги?

— В пятницу, в 11 часов.

— На чье имя?

— Рахиса Альфонса. Права на машину выданы в департаменте Сены. Есть номер. Жуи поехал проверить. Очень похож на Грандена. Ты уверен, что мы не делаем ошибки?

— Ничего не знаю.

— Грацци? Жуи говорит. Единственный Рахис Альфонс, получивший права на вождение машины, умер два года назад в тюрьме. Мошенничество и рак печени.

— Отлично. Он мог вытащить права из какого-нибудь дела или еще где-нибудь. И сменил фотографию.

— Патрон в курсе дела?

— Он только что прибыл. Фрегар тоже.

— Они нас прикроют?

— Теперь да.

— Инспектор Граццианo?

— Послушай, малыш, теперь я буду задавать вопросы. И ты будешь отвечать как можно точнее. Ясно?

— Как вы догадались?

— Я ни о чем не догадался. Ты испугался. Я задал себе вопрос, почему ты испугался. И подумал о револьвере. И еще о пропавшей чековой книжке. О том, что мне рассказала Бэмби. О том, как меня все время обгоняли. Теперь слушай меня. Я сижу за столом патрона. Патрон сидит тут же и слушает наш разговор. Рядом два инспектора, которые смотрят на меня круглыми глазами. Понимаешь, чем это чревато для всех, если ты ошибаешься?

— Я не ошибаюсь.

— Итак, рассказывай, что ты сделал, сойдя с поезда и взяв чемодан. Ты отправился вместе с Бэмби на улицу Бак. Начинай отсюда.

— Где он? Скажите мне.

— В соседнем кабинете. К Грандену отправились двое полицейских.

— Он не протестовал?

— Нет. Говорит, что все ерунда.

— Как его зовут?

— Габер. Жан-Луп Габер.

— Он носит шотландскую куртку, волосы густые, манеры девчонки? Это он был с вами?

— Да, он был со мной. Когда ты начал следить за нами? В субботу около двух-трех часов дня?

— Не помню. Мы поехали к Бэмби. Затем я ее оставил одну. Сначала отправился на Лионский вокзал, чтобы посмотреть там. Я забыл свой шарф в соседнем купе. Это мамин шарф. С видом Ниццы. Мне не хотелось, чтобы он вывел вас на меня. Но не посмел его затребовать.

— Секунду.

— Вы проверяете?

— Да. Продолжай. О чем ты тогда думал?

— Что вы арестовали преступника на месте. Не знаю почему, но у меня было такое впечатление. Я подумал, что это тот больной тип, которого я заметил в проходе. У меня были все основания думать, что его арестовали в купе. Только это был Габер.

— Давай по порядку. Говори спокойно. После Лионского вокзала ты отправился на набережную Орфевр, так?

— Да. Я долго шел пешком. Затем сел в автобус. Я видел, как вы вышли вместе с Габером. Вы поговорили с человеком под навесом. Таким же высоким, как вы. Я услышал, что вы едете на улицу Дюперре. Я хотел к вам подойти. А потом раздумал. Вы сели в машину и поехали. Я тоже отправился на улицу Дюперре. Я не знал номера дома, но увидел полицейскую машину на улице. И стал искать в соседних помещениях. Сам не знал, что ищу. В конце концов решил, что придумал кое-что получше. Я вспомнил о Кабуре. И нашел его.

— Почему?

— Не знаю. Он повздорил в поезде с умершей женщиной. Мне было досадно. Мне хотелось, кажется, что-нибудь сделать. Понимаете? Для меня это была единственная ниточка из клубка. Я слышал, как он рассказывал ей о своей работе в «Прожин». И стал искать эту контору. Я не знал, как его зовут — Лабур или Кабур. В поезде я не очень прислушивался. Я произнес по телефону «Господина... АБУР».

— Это ты звонил в «Прожин»?

— Да. Я зашел в кафе на улице Дюперре. И выпил Виандокс. В Тулузе, где я учусь, я часто пью Виандокс. Посмотрел телефонный справочник. У «Прожин» было с десяток адресов. Я позвонил в главную

контору, а потом обзвонил филиалы. И нашел его в третьем, на Алезиа. Сказал, что клиент, что готовлю деловые подарки к Рождеству.

— Знаю. Ты получил адрес. Продолжай.

— Я подумал, что у меня есть время. И опять пошел пешком. Затем сел в автобус. Его не было дома, но за дверью горел свет. Я стал ждать на тротуаре. Купил газету и узнал список пассажиров. И тогда понял, что утром ошибся, что убийцу не арестовали. Кабур не возвращался. Я был голоден, зашел в ресторан в его доме и съел бифштекс. Пока я ел, за окном появился Кабур, он посмотрел через стекла и внезапно пошел прочь. У меня едва хватило времени, чтобы рассчитаться, а он уже был в конце улицы. За ним кто-то шел. Полицейский в куртке. Потом Кабур побежал.

— В котором часу это было?

— Поздно. Часов в девять вечера.

— Ты следовал за ними до какого места?

— Я не пошел за ними. У вокзала, не знаю какого — недалеко от его дома,— Кабур сел в такси.

— В Париже полно вокзалов — это Восточный. Ты их потерял из виду?

— Нет. Габер взял следующее такси. Я считал, что все в порядке. Полиция следила за ним. А у меня не было денег. В Париже бифштекс стоит дорого. Я вернулся пешком и на автобусе к Бэмби. Затем нашел ее у Сандрины — она оставила мне записку.

— Хорошо. То, что ты делал на другой день, мне известно. Бэмби мне уже рассказала. Сначала утром вы пришли на набережную Орфевр. Вы хотели зайти и одновременно не хотели. Затем, около 11 часов, увидели выходившего Габера.

— Он сел в такси.

— И отправился на улицу Лафонтена к мадам Гароди. Вы последовали за ним на такси. Почему?

— Я подумал, что Кабур не мог быть убийцей. Я видел, как он ушел, пока я ждал Бэмби при выходе с перрона. Да к тому же он не был одним из тех, чей голос я слышал из соседнего купе. Зато мне казалось, что убийцей был человек, стоявший в проходе, больной, и что вы совершаете ошибку.

— Итак, вы с Бэмби последовали за Габером?

— Да. Сначала он заехал на улицу Дюперре. Я вышел из такси, но не успел подняться по лестнице за ним, как он выскочил из дома.

— О чем ты подумал?

— Ни о чем. Мы продолжали следить за ним. Он поехал на улицу Лафонтена. Там есть напротив дома бар — табачная лавка. Мы стали ждать. Через некоторое время он вошел в помещение, чтобы позвонить по телефону. В тот момент нас с Бэмби больше всего беспокоило, что вы делаете ошибку за ошибкой. Я прочитал имя на двери — Гароди. Эта неизвестная мне Гароди не могла находиться в купе, потому что я занимал ее спальное место.

— Знаем. Дальше.

— Мы продолжали следовать за Габером. Он вернулся на улицу Дюперре. По дороге мы его упустили, но он был там, когда мы приехали. Мы стояли с Бэмби в коридоре, не дыша, пока он спускался по лестнице с каким-то брюнетом. Потом я узнал, что того зовут Эрик Гранден. И он друг Жоржетты Тома.

— Внизу они расстались. Вы думали, что Габер занят своим делом. И вы продолжали следить за ним. Который был час?

— Час или два дня. Он снова сел в такси и отправился в Клиши. Бэмби начала ворчать, потому что такси стоило дорого.

— Вы приехали к Риволани?

— Да. Полицейский в куртке вошел в одну из улочек Клиши. Спустя четверть часа он вышел и снова сел в такси.

— Вы его потеряли. Вы тогда подумали, что он едет на Кэ или к другому свидетелю, и отказались от дальнейшей слежки.

— Мы поели в Клиши, а пока ели, просмотрели справочник и нашли адрес актрисы.

— И отправились в Трокадеро?

— Да.

— В тот момент ты еще не раздумал играть роль детектива?

— Нет.

— А когда вы попали в Венсенн?

— До этого. Правда. Мы отправились в Венсенн сначала. Мы столько мотались, что я уже запутался.

— Почему в Венсенн?

— Мы слышали, как об этом говорил Гранден, спускаясь по лестнице. Мне это показалось опасным и важным. Мне показалось, что Гранден хочет помочь полиции. Во всяком случае, Габеру. Он сказал, что будет в Венсенне к началу заезда. В Венсенне я оставил Бэмби перед входом, чтобы не платить за двоих. И увидел Грандена перед кассами.

— Что он делал?

— Играл. Я немного подождал, но ничего не произошло. Гранден снова вернулся к кассам, чтобы сделать ставку.

— Дальше, глупыш.

— Знаю. Но я держался достаточно далеко от него, и вокруг было много народа. Я ведь ничего не знал об этой истории с лотереей и новыми купюрами. В то утро я все понял.

— Дальше было Трокадеро?

— Да. Я увидел вас с Габером. Вы спустились, а Габер снова вернулся в дом, вы ждали его в машине. Бэмби сидела в чайной, она устала.

— И вы поехали за мной?

— Нет. Вы уехали с Габером. Бэмби была на грани нервного припадка. Мы все бросили. Отправились на набережную, а затем в ресторан.

— А на другой день, в понедельник?

— Бэмби пошла в контору. Я отправился в Трокадеро, чтобы поговорить с актрисой.

— Почему?

— Я бы ей все объяснил. А она бы рассказала, что знает и что мне неизвестно. Когда я туда пришел, перед дверью стояли полицейские. Я увидел, как прибежал Габер. И подумал, что вы арестовываете Элиану Даррэс.

— Ты думаешь, так просто арестовать человека? Когда столько полицейских вокруг?

— Если судить о том, сколько их тут сейчас находится около меня, именно так и думаю. Вы собираетесь арестовать меня?

— Да нет же! Они тут?

— Они тут.

— Не беспокойся. Расскажи, что ты обнаружил вчера днем, а я скажу, что ты должен делать дальше.

— Сначала вы. Я потом. Если вы намерены меня задержать, я ничего не скажу, пока не приедет мой отец.

— Послушай, малыш. Сейчас приведут Грандена. Габер в соседней комнате. Судя по тому, как на меня кругом все смотрят, он начисто все отрицает.

— Где Бэмби?

— Рядом, здесь. Ей дали огромный бутерброд с ветчиной. Она ест с большим аппетитом. Последуй ее примеру. Ты достаточно рассказал мне, но не все. Мы поговорим еще две минуты, а затем ты передашь трубку бригадиру. Когда я поговорю с ним, ты пойдешь за ним, куда он тебя поведет. Я позвоню туда позже. Ясно?

— Ладно. Но сообщите все же моему отцу.

— Мы это уже давно сделали, представь себе. Значит, вчера во второй половине дня...

— Бэмби вернулась в контору. У меня не было ключа, и я оставил комнату открытой. Было 13 часов 50 минут, или около этого. Потому что Бэмби должна была быть на месте к 14.15. И я пошел на улицу Дюперре.

— Почему?

— Потому что утром перед домом Элианы Даррэс я видел Грандена. Самым странным было то, что он прятался, как и я. В машине марки «дофин», которую поставил неподалеку. Мне даже кажется, что именно из этой машины вышел Габер.

— Улица Дюперре. Продолжай.

— Я стал подниматься. Вы были у Грандена. Я слышал ваш голос, стоя на площадке, не подходя к двери. Вы спросили: «Слышали ли вы о некоем Риволани и некоей Элиане Даррэс?» И он ответил «нет». Я ничего не понимал. Когда вы вышли, я едва успел спуститься на несколько маршей. Вы, вероятно, слышали мои шаги. Я предпочел сделать вид, что иду наверх. Вы спросили меня, не друг ли я Грандена.

— Значит, это ты — тот молодой парень в плаще?

— Да. Вы меня уже видели на набережной Орфевр или перед домом актрисы. Во всяком случае, вы мне подсказали одну мысль. Я пошел к Грандену. Я сказал ему, что учусь в Сорбонне, что хочу выпускать студенческую газету. Мы поговорили. Я сразу понял, что этот человек чего-то боится. Я был у него минут десять. Я задавал ему вопросы, которые его раздражали,— о его комнате, фотографиях животных. Я не решался заговорить об убийстве и почувствовал, что тоже боюсь. Я подумал, что если вдруг заговорю о поезде, то он должен будет рассказать, что произошло с одной из его приятельниц.

— И ты попробовал?

— Попробовал. Он ничего не рассказал. Напротив, сам начал мне задавать вопросы. Откуда я взялся, кто я такой, как узнал его адрес, где живу? Я ушел. Мне было страшно. Сам не знал отчего, но я понял это спустя несколько минут, когда сел в автобус, чтобы ехать к Бэмби. Он ехал за мной на своей машине. Я пересел на другой автобус, затем спустился в метро. Вернулся к Бэмби, взял чемодан и ушел подальше от улицы Бак. Я позвонил Бэмби из кафе Латинского квартала.

— Ладно, малыш. Давай бригадира.

— Вы не хотите знать, что я понял, когда прочитал сегодня газету?

— Кажется, теперь я и сам понял. Обещаю позвонить попозже. Будь благоразумен и ни о чем не беспокойся.

— Следователь Фрегар? Таркэн говорит.

— Что нового?

— Маленький Гранден долго не продержится. Он сдастся, когда увидит чек. Чек выписан почерком, который соответствует его собственному, поскольку всякий измененный почерк может быть установлен экспертизой. Подпись Элианы Даррэс неплохо подделана. Он, вероятно, долго практиковался до этого. Найдем еще какую-нибудь написанную им бумажку.

— Что дал обыск у Габера?

— Ничего. Это настоящий музей огнестрельного оружия. Но никаких следов ни нашего револьвера, ни денег. Установлено, что он сирота с 6 лет, что его воспитала в провинции тетка. Не знаю, почему все считали, что он сын крупной шишки.

— Кто его допрашивает?

— Грацци. Он хорошо знает Габера и свое дело тоже. Его отвезли в дом напротив Дворца правосудия, чтобы не было шума. Думаю, к вечеру я смогу кое-что сообщить газетам. Придется все это тонко и умело подать.

— Парди? Грацци у телефона. Ты вызвал людей из банка и с бегов?

— Да. Но Фрегару это ничего не даст. Они только наполовину уверены в том, что опознали Трамони.

— Пока с Жаном-Лупом меня сменили патрон и Аллуайо. Ты можешь прийти. Твоя очередь.

— Передаю его вам. Он вполне благоразумен.

— Даниель, это ты?

— Да. Они признались?

— Нет. Пока нет. Послушай, малыш, у меня только один вопрос. И я жду только один ответ.

— Где Бэмби?

— Пошла на работу. Должна прийти сюда вечером. Ты мне понадобишься тоже. Постараюсь это уладить. Ты меня слушаешь?

— Слушаю, инспектор, слушаю.

— Я не понимаю, почему Габер отпустил актрису с вокзала, а не убил ее в поезде. Можешь мне это как-то объяснить?

— Он не собирался убивать актрису.

— Так кого же? Жоржетту Тома?

— Нет. Жоржетта Тома была с ними заодно! Вы ничего не поняли. Они хотели убить Бэмби.

— А Бэмби тут при чем?

— Бэмби или кого-нибудь другого. Кого — не имело значения. Жоржетта Тома должна была задержать одного из пассажиров в купе. Любого, только не Элиану Даррэс. Убить же должен был Габер.

— Зачем Габеру было кого-то убивать в этом купе?

— В том-то вся и штука. Что вы сделали, когда нашли Жоржетту Тома? Вы начали расследование с нее. Затем убивают еще кого-то из того же купе. О чем вы думаете? Что убит мешающий свидетель. Ясно? Габеру ведь известно, как это делается. Он переместил роли. Ему нужно, чтобы жертвой стал кто угодно, лишь бы без всякой мотивировки. Настоящая жертва становится свидетелем, поскольку была в том же купе, и поиски в отношении ее не ведутся. Но Габер на этом не останавливается. Он убивает Кабура и Риволани, чтобы придать еще большую достоверность истории о мешающем свидетеле. Понимаете?

— Да. Как ты об этом догадался?

— Я уже сказал. Потому что они пытались удержать Бэмби. Потому что Гранден был знаком с актрисой и Жоржеттой Тома. И они находились в том же поезде и в том же купе, не зная друг друга. Как же можно было считать Риволани мешающим свидетелем, если он проспал всю дорогу? Жоржетте Тома не повезло, потому что она выиграла в лотерее. Чего они хотели от актрисы, не знаю. Но после нее они взялись бы за других.

— Они получили в пятницу по чеку со счета Элианы Даррэс шесть миллионов, подделав ее подпись. Во всем этом есть что-то ужасное. Сколько тебе лет?

— Кому? Мне? Шестнадцать.

— Это ужасно.

— Грацци? Таркэн. Можешь идти, все в порядке.

— Как вам это удалось?

— Мы показали ему фотографию Жоржетты. Мертвой.

А ВОТ КАК ВСЕ КОНЧАЕТСЯ

ВОПРОС. Ты сказал нам, что знал Габера много месяцев. Когда ты познакомил его с Жоржеттой Тома?

ОТВЕТ. Около двух месяцев тому назад. Мы вместе обедали в одном из ресторанов Старого рынка.

ВОПРОС. Когда вы решили убить Элиану Даррэс?

ОТВЕТ. Не сразу. Мы встречались несколько раз, и Жан-Луп рассказывал о своей профессии, о коллегах. Это была игра. И мы смеялись, потому что Жоржетта была наивна и ее легко бы поймали. В общем, так все и было. Однажды я им рассказал об Элиане Даррэс. Она ведь отдала мне свой ключ, и у нее были деньги.

ВОПРОС. Сколько времени ты не виделся с Элианой Даррэс?
ОТВЕТ. Несколько месяцев. Я знал, что она меня искала в бистро на площади Дантона, где мы познакомились, но я не ходил туда больше. С той историей все было покончено.
ВОПРОС. Кому принадлежит замысел?
ОТВЕТ. Всем троим. Каждый вносил в него свое, это ведь была игра. Потом Жан-Луп сказал, что раз планами разработан, то глупо не привести его в исполнение. Тут я понял, что это серьезно, и испугался. Поговорил с Жоржеттой. Но она сказала: «Послушаем его. Ведь обязательств это на нас никаких не накладывает». Однажды мы пошли к нему в гости, к Аустерлицкому мосту. Он показал нам свои револьверы. Сказал, что у него есть и с глушителем. Мы, мол, ничем не рискуем, ведь он будет в курсе, когда станет поступать информация. В общем, все будет знать.
ВОПРОС. Мысль убить кого-либо до ограбления принадлежит ему?
ОТВЕТ. Он объяснил, что есть только одно идеальное преступление — немотивированное. Если в ходе расследования убивают двух свидетелей, в числе которых и тот человек, которого решено убить с самого начала, то нет никакого риска. Он, мол, знает тех, с кем работает. Они бросятся расследовать первое убийство и просто свяжут два других с первым. Первое же как раз будет немотивированным.
ВОПРОС. Значит, Габер предвидел три убийства? И ты не отступил?
ОТВЕТ. Не знаю. У меня было такое впечатление, что все это кем-то придумано. Первой начала колебаться Жоржетта. Мы объяснились с ней в тот вечер, когда вернулись домой. Мне казалось, что Жан-Луп прав. Ведь с той минуты, когда было решено убить одного, число убийств уже не имело значения. Я и сейчас так думаю.
ВОПРОС. Несмотря на убийство Риволани и маленькой Сандрины?
ОТВЕТ. Я же не знал тогда, кто это будет. И сейчас, когда я говорю, что число ничего не меняет, мои слова могут показаться абстрактными, я не вижу лиц. Я ведь никогда не видел ни Риволани, ни Кабура, ни девушки. Поэтому, видимо, у нас с Жоржеттой было такое ощущение, будто все это неправда.
ВОПРОС. Когда вы решили осуществить свой замысел?
ОТВЕТ. Когда я узнал, что Элиана едет на юг сниматься в фильме.
ВОПРОС. А когда ты это узнал?
ОТВЕТ. За два дня до ее отъезда. В тот же день я обнаружил у нее чековую книжку. За домом я следил давно. Когда она уходила, я открывал квартиру поддельным ключом. Но ничего не трогал. Только искал чековую книжку. Она никогда не оставляла ее дома. Но однажды, видимо, срочно убежала за покупками и не взяла сумочку. А там оказалась книжка и вызов на съемку. Я вырвал из нее чистый бланк, отрезал его лезвием. В момент расследования Жан-Луп должен был спрятать чековую книжку, чтобы ее не приобщили к делу.
ВОПРОС. Откуда ты знал, что у нее деньги на счету?
ОТВЕТ. В столе я видел листок с расчетами. Она была очень внимательна к своим расходам. Я проверил, не сняла ли она накануне со счета крупную сумму.
ВОПРОС. Когда ты заполнил чек?
ОТВЕТ. Это сделал не я, а Жоржетта. Мы трудились над этим два вечера. Подделывали подпись по образцу, найденному в старой ведомости.
ВОПРОС. Но подпись для банка могла быть другой.
ОТВЕТ. Мы шли на риск. Я должен был получить деньги в пятницу утром. Если бы это сорвалось, мы бы прекратили дело. Жан-Луп дал мне старые водительские права на имя Рахиса. Фото мы переклеили. В банке пришлось ждать довольно долго, но в конце концов все выплатили.
ВОПРОС. Откуда вы узнали, каким поездом Элиана Даррэс вернется в Париж?
ОТВЕТ. Жан-Луп для какого-то дела запросил список пассажиров, забронировавших места в поездах и самолетах из Марселя и Ниццы. Мы считали, что она пробудет в Марселе до среды или четверга. Ведь вызов ее кончался в среду. Жоржетта без труда добилась у «Барлена» командировки в Марсель.
ВОПРОС. Вы предупредили ее, чтобы она взяла билет в то же купе?
ОТВЕТ. Нет. Но не знаю, почему она оказалась в том же купе. А так должна была просто ехать в том же вагоне. Если бы ей пришлось вернуться в четверг, то сказала бы, что простудилась.
ВОПРОС. Ты думаешь, она нарочно взяла билет в то же купе?
ОТВЕТ. Выиграв в лотерее, она решила все прекратить. Но забыла, что в пятницу я уже получил деньги по чеку. Ее телеграмму мне доставили только в пятницу.
ВОПРОС. Почему она решила все прекратить? Почему предпочла шести миллионам 700 тысяч?
ОТВЕТ. Надо было знать Жоржетту. Выиграй она даже половину, четверть, десятую долю этой суммы, она бы все равно приняла это за знак судьбы. Поэтому и хотела все прекратить. Она ведь еще ни разу ничего не выигрывала.
ВОПРОС. Ты помнишь текст телеграммы?
ОТВЕТ. Да. «План невозможен. Объясню. Жоржетта». Я было подумал, что она сдрейфила. Но ведь я получил телеграмму лишь в пятницу, уже вернувшись из банка.
ВОПРОС. Она, должно быть, послала ее немедленно. Но это мы узнаем.
ОТВЕТ. Телеграмма отправлена на Дюпон-Латен, я там оставляю вещи в камере хранения. Я зашел туда только в пятницу вечером.
ВОПРОС. Это там вы оставили деньги? И револьвер?
ОТВЕТ. Да, в чемодане Жана-Лупа.
ВОПРОС. Допустим, Жоржетта Тома в состоянии волнения и надеясь, что успеет что-то сделать, сумела заказать место в том же купе, что и Элиана Даррэс. Вы узнали об этом до ее возвращения?
ОТВЕТ. Нет. Не я. Жан-Луп по списку брони. Она это, вероятно, сделала для того, чтобы тот все понял и испугался. Не могло быть и речи, чтобы кто-то из нас проходил свидетелем по делу.
ВОПРОС. Но, приехав, она попыталась все же удержать девочку из Авиньона. Как ты это объяснишь?
ОТВЕТ. Никак. Такой уж она была. Думаю, в последнюю минуту она испугалась, что по ее вине нас могут схватить.
ВОПРОС. Когда ты узнал, что ее убили?
ОТВЕТ. Когда приехал Жан-Луп, часов в 11. Мы должны были встретиться у него. Жан-Луп только что вернулся с вокзала после первых принятых полицией мер. Трамони остался запертым в квартире. Жан-Луп сказал, что мы поделимся. Меня это совсем сразило, я никак не реагировал.
ВОПРОС. Каким образом Габер смог увезти с собой Трамони?
ОТВЕТ. У него была машина Жоржетты. Он его арестовал, сказав, что если тот не станет шуметь, то попробует его спасти. Трамони был жалким трусом.
ВОПРОС. Когда вы его убили?
ОТВЕТ. По возвращении с улицы Круа-де-Пети-Шан. Я не знал, что Жан-Луп его убьет. Мне казалось, что смерти Жоржетты достаточно. В квартире у Аустерлицкого моста он вынул револьвер и глушитель. Трамони считал билеты, он даже не заметил, как в него выстрелили. Мы положили тело под кровать. А ночью часа в два-три увезли на машине. И сбросили в Сену у набережной Рапе.
ВОПРОС. Затем вы убили Элиану Даррэс, когда получили по ее чеку. Но зачем Кабура?
ОТВЕТ. Жан-Луп сказал, что надо действовать по плану. И говорил: «Мы утопим рыбку». Позднее он признался, что сделал ошибку, что у него неприятности.
ВОПРОС. Он узнал, что кто-то слышал про то, как он увез Трамони, что кто-то оказался в соседнем купе?
ОТВЕТ. Да. Он знал, что это один из свидетелей, но не понимал, кто именно. Сообразил, лишь когда мы вместе вернулись на Лионский вокзал и он увидел в купе чей-то чемодан. Он подумал, что у Жоржетты было два чемодана. А если кто-то уже входил в купе до служащего железных дорог, значит, мог его увидеть. Этим человеком оказался один из пассажиров купе, он ведь забрал свой чемодан.
ВОПРОС. И все?
ОТВЕТ. В дороге произошел непредвиденный случай. Ссора с Кабуром. О ней нам рассказал Трамони. Кабур сам сообщил вам вечером по телефону свой адрес. Тогда Жан-Луп сказал, что рисковать нельзя. Последовал за ним и убил в «Центральном» после антракта. Но я узнал об этом только на следующий день.
ВОПРОС. Кто придумал трюк с лифтом?
ОТВЕТ. Я. Однажды Элиана заставила меня долго ждать на тротуаре, и я решил посмеяться над ней. Я объяснил Жану-Лупу, как это делается.
ВОПРОС. Это не ты убил Элиану Даррэс?
ОТВЕТ. Я никого не убивал. Я не знал, как все прекратить. Но Жан-Луп утверждал, что это необходимо. После Трамони он только об этом и думал. Говорил, что после первого раза все очень просто. О том, что убит Риволани, я узнал из сегодняшних утренних газет. Вы же мне сообщили, что он убил и девушку.
ВОПРОС. Когда Габер узнал, что мадам Гароди не было в поезде?
ОТВЕТ. С самого начала. Это ведь он говорил с контролерами в первый день. Они вычеркивают имена пассажиров из списка. Мадам Гароди не была вычеркнута. Жан-Луп промолчал об этом. Допрашивая мадам Гароди, он знал, что она лжет, однако, утверждая, что была в купе, она еще больше все запутывала.
ВОПРОС. Габер знал также, что кто-то занимал ее полку. Это не беспокоило его?
ОТВЕТ. Конечно. Его беспокоили и другие вещи. Глупость Трамони. Его слишком многие видели в поезде. Потом он обнаружил у Жоржетты лотерейный билет в пустой пачке из-под аспирина. Мы узнали из показаний свидетелей, что Жоржетта вынула его из чемодана. Она, видимо, решила держать его при себе. Такая уж она была. А Трамони не нашел ничего лучшего, как положить пустой тюбик обратно в чемодан. Жан-Луп говорил, что в результате таких глупостей и можно попасться.
ВОПРОС. Трамони сказал, как он узнал о выигрыше?
ОТВЕТ. Это кретин. Когда я увидел его у Жана-Лупа, он дрожал как осиновый лист. Признался, что только хотел отобрать у нее билет. А потом испугался, что она закричит. Он записывал все номера проданных билетов. А так как она не сказала о выигрыше, то подумал, что еще ничего не знает. Тогда он взял отпуск и последовал за ней в Париж. Просто понять не могу, как он собирался выйти сухим из воды после ее убийства. Нет, это был круглый идиот.
ВОПРОС. А как вы собирались выйти сухим из воды?
ОТВЕТ. Не знаю, я рассчитывал на Жана-Лупа. Когда мы обсуждали, все казалось так просто. Мы ведь не видели лиц. Я даже не видел револьвера, пока он не показал его мне.
ВОПРОС. Почему ты его ненавидишь?
ОТВЕТ. Я не ненавижу его.
ВОПРОС. Почему же ты валишь все на него?
ОТВЕТ. Потому что все это теперь не имеет значения. Потому что ничего не изменится. Потому что, когда он появился в поезде, по чеку уже было получено. Если бы это не сделал Трамони, он бы сам убил Жоржетту. Я уверен. **Ему нужно было кого-то убить.**
ВОПРОС. Какую цель преследовал ваш план?
ОТВЕТ. Не понимаю вопроса.
ВОПРОС. Зачем вы все это сделали?
ОТВЕТ. Не знаю. Мы хотели уехать в Южную Африку или в Австралию. Я бы поехал первым, с шестью миллионами Элианы, затем, немного позднее, приехала бы Жоржетта. Быть может, и Жан-Луп. Не знаю. Мы бы что-то сделали. Мы бы уехали.

Человек по имени Грацци облокотился на стол. Он сидел один в кабинете, держа в руке два последних патрона от смит-вессона. И думал о своем сыне Дино, трех лет и 7 месяцев от роду, который, как обычно, уже спал, сжав кулачки на подушке, и о многом другом. Когда вошел Таркэн, он медленно положил патроны на стол.

Таркэн посмотрел на него, закрыл дверь, бросил отпечатанные на машинке листы на стол и сказал: итак, господин Холмс, как здоровье? Я должен был пойти сегодня вечером в кино, но, кажется, влип. Он выудил сигарету из верхнего кармана пиджака, сказал: эта свинья Фрегар, кажется, вздохнул с облегчением. Огня, пожалуйста, у меня всегда крадут спички.

Дверь снова открылась, и в нее просунулась голова Малле, сообщившего, что девочка в коридоре.

— Черт побери,— сказал Грацци,— я совсем забыл о ней.

Он вызвал по телефону Марсель, пообещал сейчас же освободить место Таркэна, только сперва договориться, чтобы парня доставили в Париж. Молодая блондинка вошла неуверенно. Таркэн сказал: входите же, малышка, садитесь в кресло. Ну, как идут дела?

Она ничего не ответила. Просто стояла перед столом. Ее немного бледное красивое лицо было освещено лампой. Говоря по телефону, Грацци смотрел на нее.

— Послушай, малыш. Сейчас 7 часов. Через час тебя отвезут в Мариньян. У меня есть согласие твоего отца. Ты сядешь в военный самолет из Алжира. Я буду тебя ждать на Бурже.

— В котором часу я прилечу?

— Около 11. На эту ночь я договорился с твоим отцом. Завтра он тоже будет здесь.

— Чтобы меня защищать?

— Нет, чтобы привезти чистое белье. Тебе, вероятно, придется увидеть Габера и Грандена. Ничего?

— Если уж так, то я предпочитаю повидать еще кое-кого.

— Даю тебе 15 секунд и вешаю трубку.

Освещенная лампой, она стояла в синем пальто и говорила по телефону. Таркэн курил сигарету, стряхивая пепел на костюм. Лицо его лоснилось, как обычно. Выглядел он немного усталым.

Грацци обошел стол. Он издали слышал голос мальчика. Мадемуазель Бенжамин Бомба стояла очень прямо, спиной к ним, и отвечала только молчаливыми кивками — да, да, да. Мальчик говорил: ты слышишь меня, алло, меня привезут, алло, я увижу тебя сегодня же вечером, алло, ты слышишь, почему ты не отвечаешь, Бэмби? Он говорил: Бэмби, моя маленькая Бэмби,— и без слов, только кивком своей белокурой головки, освещенной лампой, она отвечала — да, да, да.

Перевел с французского А. БРАГИНСКИЙ.

В нашей «Библиотеке зарубежного детектива» уже выходили произведения Г. Грина, С. Жапризо, Д. Чейза, Ле Карре, Р. Чандлера и других широко известных авторов этого жанра. Но зарубежный детектив невозможно себе представить без Агаты Кристи, столетие со дня рождения которой мы вскоре будем отмечать. Семьдесят романов написала она за свою долгую творческую жизнь. Уже давно нет в живых писательницы, но интерес к ее книгам не ослабевает.

Агата КРИСТИ

УБИЙСТВО ПОД ФЕЙЕРВЕРК

ПОВЕСТЬ

1

— Не найдется ли пенни для парнишки, сэр? — Ухмыляющийся подросток задал вопрос с привычной наглостью.

— Ни в коем случае! — решительно ответствовал старший полицейский инспектор Джэпп.— И послушай-ка, малый...

Последовало краткое, но энергичное внушение. Обескураженный попрошайка поспешно отступил, лаконично бросив своим юным друзьям: «Черт возьми, нарвались на «фараона» в штатском!»

Ребятня разбежалась, распевая хором:

«Хватай лису крепко,

Сажай ее в клетку!»

Спутник инспектора, пожилой человечек с яйцеобразной головой и внушительного вида, воинственно торчащими усами, улыбнулся.

— Превосходно, Джэпп, — прокомментировал он.— Вы произнесли свою проповедь просто великолепно. Хвалю!

— Клянчат у прохожих, пользуясь тем, что сегодня годовщина Порохового заговора,— проворчал инспектор.

— Интересный пережиток,— заметил Эркюль Пуаро,— фейерверки и весь этот шум спустя столько лет после того, как сам заговор и его герой Гай Фокс благополучно позабыты.

Свернув с магистрали, собеседники очутились в относительно тихом квартале, известном под названием Мьюс, где некогда располагались конные дворы, а теперь находились жилые дома. Населены они были в основном шоферами, этими преемниками стародавних кучеров и конюхов. Приятели только что отобедали вместе и теперь возвращались в квартиру Пуаро.

— Подходящий вечерок для убийства,— заметил с профессиональным интересом Джэпп.— Никто, например, не услышит выстрела в таком гвалте.

— Я иногда задавался вопросом, почему преступники не пользуются этим обстоятельством чаще,— поддержал его Пуаро.

— Знаете, Пуаро, иногда я почти хочу, чтобы вы совершили преступление.

— Типун вам на язык!

— Да, да, мне интересно, как бы вы взялись за это дело.

— Дорогой мой Джэпп, соверши я преступление, у вас не было бы ни малейшего шанса узнать, как я... взялся бы за это дело. По всей вероятности, вы даже не узнали бы, что преступление совершено.

— Вам палец в рот не клади, не так ли? — промолвил Джэпп, добродушно рассмеявшись.

На следующее утро в квартире Эркюля Пуаро раздался телефонный звонок. Говорил инспектор Джэпп: «Помните, мы вчера вечером возвращались домой через Бэрдсли-Гарденс Мьюс?»

— Да, ну и что?

— И говорили о том, как легко было бы застрелить человека, когда вокруг стоит праздничный шум?

— Разумеется, помню.

— Ну, так вот, в этом самом квартале Мьюс, в доме № 14 покончила с собой молодая вдова, некая миссис Аллен. Я отправляюсь туда. Хотите со мной?

— Прошу прощения, но разве обычно человека вашего калибра посылают расследовать банальное самоубийство?

— Вы попали в точку. Нет, обычно не посылают. Дело в том, что врач, по-видимому, заподозрил что-то неладное. Так вы приедете? По-моему, вам было бы интересно.

— Конечно, я приеду. Вы говорите, дом № 14?

— Точно.

Пуаро появился у дома № 14 почти одновременно с машиной, доставившей туда Джэппа и еще троих. № 14 явно привлекал к себе внимание окружающих. Шоферы, их жены, рассыльные, просто зеваки, хорошо одетые прохожие — все они словно завороженные взирали на здание. Полицейский в форме стоял на пороге и изо всех сил старался держать любопытных на почтительном расстоянии. Энергичные молодые люди с фотоаппаратами сунулись вперед, как только в поле их зрения оказался Джэпп.

«Пока для вас ничего нет»,— бросил репортерам инспектор. Затем он кивнул Пуаро и пригласил его войти внутрь. Дверь за ними захлопнулась, и они оказались перед ведущей наверх лестницей. Джэпп и Пуаро поднялись по лестнице и вошли в маленькую спальню. Встретивший их на пороге начальник местного полицейского участка по имени Джеймсон коротко изложил суть дела.

— Покойную звали миссис Аллен, сэр. Она проживала здесь с подругой, некой мисс Плендерлейт. Мисс Плендерлейт была в отъезде, гостила за городом и вернулась сегодня утром. Она открыла дверь своим ключом и удивилась, не увидев никого внизу. Обычно в девять утра к ним приходит поденщица. Мисс Плендерлейт поднялась наверх, хотела зайти в комнату подруги, но дверь оказалась запертой изнутри. Она стучала и звала, но не получила ответа. В конце концов, встревожившись, она позвонила в полицию. Мы приехали немедленно и взломали дверь. Миссис Аллен лежала на полу с простреленной головой. В руке у нее был автоматический пистолет, и на первый взгляд это был очевидный случай самоубийства.

— А где сейчас мисс Плендерлейт?

— Внизу, в гостиной, сэр. Я бы сказал, весьма хладнокровная и деловитая молодая леди.

— В свое время я побеседую с ней. А сейчас надо повидать Бретта.

Сопровождаемый Пуаро, он пересек лестничную площадку и вошел в дверь напротив. Высокий пожилой человек поднял голову и кивнул в знак приветствия.

— Хэлло, Джэпп, рад, что вы здесь. Дельце не из банальных.

Джэпп приблизился к говорящему, а Пуаро быстро и испытующе оглядел комнату.

Она была гораздо больше помещения, только что покинутого ими. Если то была откровенная и непритязательная спальня, то это явно была спальня, которую постарались выдать за гостиную. Стены по цвету были серебряными, а потолок — изумрудно-зеленым. Занавеси модернистского рисунка тех же тонов. Диван под изумрудного же цвета покрывалом, с несколькими подушками, отливающими золотом и серебром. Остальная обстановка сводилась к старинному ореховому бюро, комоду орехового дерева и нескольким хромированным креслам современного дизайна. На низком журнальном столике — большая пепельница, полная окурков.

Эркюль Пуаро незаметно принюхался, затем присоединился к Джэппу, стоявшему над трупом.

На полу, словно упав с одного из кресел, лежало тело молодой женщины лет двадцати семи. У нее были белокурые волосы и тонкие черты лица. Очень мало косметики. Лицо милое, пожалуй, чуточку глуповатое. Слева на голове запеклась кровь. Пальцы правой руки сжимали небольшой пистолет. На женщине было простое закрытое темно-зеленое платье.

— Так в чем же дело, Бретт? — спросил Джэпп, рассматривая неподвижную фигуру на полу.

— Тело лежит как надо.— ответил врач.— Если она застрелилась, то, вероятно, соскользнула с кресла именно в этой позе. Дверь и окно заперты изнутри. Но... взгляните-ка на пистолет. Мы его не трогали, ждали дактилоскописта. Но вы и так поймете, что я имею в виду.

Пуаро и Джэпп склонились к трупу и внимательно осмотрели пистолет.

— Я вижу, в чем дело,— произнес Джэпп, выпрямляясь.— Это изгиб ее руки. Кажется, что она держит пистолет, но это только кажется. Что-нибудь еще?

— Многое. Пистолет у нее в правой руке. А теперь взгляните на рану. Оружие держали близко к голове, непосредственно над левым, заметьте, левым ухом...

— Гм,— проворчал Джэпп,— это решает дело. Она просто не могла держать оружие и выстрелить из него в этом положении, если действовала правой рукой.

— Я бы сказал, что это абсолютно исключено. Вы можете вывернуть свою руку таким образом, но вряд ли при этом сумеете выстрелить.

— Напрашивается вывод, что кто-то другой застрелил ее и пытался выдать случившееся за самоубийство. Как насчет запертых двери и окна?

На этот вопрос ответил инспектор Джеймсон: «Окно закрыто на шпингалет, а дверь заперта изнутри, но нам не удалось найти ключ».

Джэпп кивнул:

— Да, тут убийца просчитался. Уходя, он запер дверь и надеялся, что ключа не хватятся.

— Это было глупо с его стороны,— пробормотал Пуаро.

— Ох, старина, не судите о других с высоты собственного могучего интеллекта. Речь идет о мелочи, которую легко упустить из виду. Дверь заперта. Ее взламывают. Женщина мертва, пистолет у нее в руке. Налицо все признаки самоубийства... Кто при таких обстоятельствах будет рыскать в поисках ключа? Удачно, что мисс Плендерлейт вызвала полицию. Она могла бы позвать с улицы кого-нибудь из соседей, взломать дверь — и тогда вопрос о ключе вообще не встал бы.

— Думаю, вы правы,— сказал Пуаро.— Такова естественная реакция большинства людей. К полиции прибегают как к последнему средству.

Он по-прежнему смотрел вниз, на тело.

— Что-нибудь кажется вам странным?

Вопрос был задан как бы мимоходом, но взгляд инспектора оставался внимательным и настороженным.

Эркюль Пуаро медленно покачал головой.

— Я смотрел на ее часы.

Он наклонился и легко притронулся к часам. Крохотные изящные часики с драгоценными камнями на муаровой ленточке красовались на запястье руки, державшей пистолет.

— Шикарная вещица,— отметил Джэпп.— Наверняка стоит недешево. Может, в этом что-то кроется?

— Возможно.

Пуаро перешел к бюро, все на котором аккуратно вписывалось в общую цветовую гамму помещения.

В центре стояла массивная серебряная чернильница, перед нею красивое лакированное пресс-папье. Слева от него лоточек зеленого стекла, а на нем серебряная вставочка, брусочек зеленого воска, карандаш и две почтовые марки. Справа от пресс-папье перекидной календарь. Вызывающе зеленое гусиное перо в стеклянной вазочке. Им Пуаро, по-видимому, особенно заинтересовался. Он внимательно осмотрел его, но следов чернил не обнаружил. Очевидно, перо служило украшением, не больше. Писали же пером в серебряной вставочке. Пуаро взглянул на календарь.

— Вторник, пятое ноября,— вставил Джэпп.— Вчерашний день. Все правильно.

Инспектор повернулся к Бретту.

— Когда наступила смерть?

— Я бы сказал, часов в одиннадцать вечера, плюс-минус час или около того.

— Я думал, может, ее часы стали...

— Они действительно стали, но это произошло в четверть пятого.

— Полагаю, она не могла быть убита именно тогда?

— Абсолютно исключено.

Пуаро разглядывал пресс-папье.

— Неплохая мысль,— одобрил Джэпп,— но отсюда ничего не выжмешь.

Пресс-папье было абсолютно чистым. Пуаро перенес свое внимание на корзинку для бумаг. В ней было несколько разорванных писем и рекламных уведомлений.

— Там ничего нет,— заверил его Джэпп.

— Да, и это странно...

— Вы хотите сказать, что обычно самоубийцы оставляют записки?

— Вот именно.

— Фактически это еще одно доказательство того, что мы имеем дело не с самоубийством.

Он сделал движение к выходу.

— Пойду дам инструкции моим людям. Нам же лучше спуститься вниз и побеседовать с этой мисс Плендерлейт. Идете, Пуаро?

Однако Пуаро, по-видимому, все не мог оторвать взгляда от бюро и всего, что на нем находилось.

Он наконец вышел из комнаты, но уже с порога вновь взглянул на изумрудно-зеленое гусиное перо.

2

Внизу, в большой комнате, отделанной так, чтобы по возможности напоминать старую конюшню (каковой прежде и было все это строение), находились двое. В кресле у камина, протянув руку к огню, сидела темноволосая, энергичная с виду женщина лет примерно тридцати или около того. Другая, пожилая особа внушительной комплекции с хозяйственной сумкой в руках, отдуваясь, говорила, когда двое мужчин появились в дверях:

— ...Поверьте, мисс, я еле на ногах устояла! И подумать только, что именно сегодня утром...

Другая прервала ее.

— Довольно, миссис Пирс. Эти джентльмены, я полагаю, из полиции.

— Мисс Плендерлейт? — осведомился Джэпп, делая шаг вперед.

Молодая женщина утвердительно кивнула.

— Да. А это миссис Пирс, она приходит к нам работать по дому каждый день.

Неукротимая миссис Пирс вмешалась в разговор:

— Как я только что говорила мисс Плендерлейт, надо же, чтобы именно сегодня утром у моей сестры случился приступ, а дома была только я, и на родных не наплюешь, я и подумала, что миссис Аллен не будет в претензии, хотя я всегда стараюсь угодить моим дамам...

Джэпп ловко отделался от словоохотливой миссис Пирс, отправив ее вместе с Джеймсоном в кухню для дачи показаний, а сам вновь обратился к даме у камина.

— Я старший инспектор Джэпп. Мисс Плендерлейт, прошу вас рассказать все, что вы знаете по этому делу.

— Охотно. С чего мне начать?

Она изумительно владела собой. Ни малейших признаков скорби или потрясения, если не считать почти неестественной чопорности манер.

— В котором часу вы приехали сегодня утром?

— Полагаю, около половины десятого. И обнаружила, что этой старой вруньи, миссис Пирс, нет на месте.

— И часто такое случалось?

Джейн Плендерлейт пожала плечами.

— Примерно дважды в неделю она появляется в полдень... если появляется вообще. По идее она должна приходить в девять. Но, как я уже говорила, дважды в неделю заболевает либо она сама, либо кто-нибудь из ее домашних. Все поденщицы одинаковы. Она еще не худшая.

— Давно она у вас?

— Чуть больше месяца. Та, что была до нее, таскала вещи.

— Продолжайте, прошу вас, мисс Плендерлейт.

— Я отпустила такси, внесла чемодан, безуспешно поискала миссис Пирс и поднялась наверх в свою комнату. Там я немного привела себя в порядок и пошла к Барбаре — миссис Аллен,— но ее дверь была заперта. Я дергала дверную ручку и стучала, но не получила ответа. Тогда я спустилась вниз и позвонила в полицию.

— Пардон! — Пуаро вставил вопрос быстро и естественно.— Вам не пришло в голову попытаться взломать дверь, скажем, с помощью кого-нибудь из шоферов, которых много живет здесь по соседству?

Взгляд ее холодных серо-зеленых глаз — быстрый и оценивающий — обратился на Пуаро.

— Нет, мне это в голову не пришло. Я решила, что если что-то случилось, то надо обратиться в полицию.

— Значит, вы думали — пардон, мадемуазель — что что-то случилось?

— Естественно.

— Только потому, что на ваш стук в дверь никто не откликнулся? Но ваша подруга могла принять снотворное или что-нибудь в этом роде.

— Она не принимала снотворные.— Ответ прозвучал резковато.

— Или она могла выйти и запереть дверь перед уходом.

— К чему бы ей запирать дверь? И, во всяком случае, она оставила бы мне записку.

— А она... ничего вам не оставила? Вы в этом уверены?

Ее тон стал уже подчеркнуто резким:

— Разумеется, я уверена в этом. Я бы сразу увидела записку.

Джэпп поинтересовался:

— Вы не пробовали заглянуть в замочную скважину, мисс Плендерлейт?

— Нет,— задумчиво ответила та.— Я об этом даже не подумала. Но я бы все равно ничего не увидела, не так ли? Ведь ключ был в скважине.

Ее наивно вопрошающий взгляд был устремлен на Джэппа. Пуаро улыбнулся про себя.

— Вы поступили совершенно правильно, мисс Плендерлейт,— сказал Джэпп.— Полагаю, вы не думали, что ваша подруга собирается покончить с собой?

— О, нет!

— Она не казалась расстроенной, встревоженной или что-нибудь в этом роде?

Его собеседница заметно помедлила с ответом, но потом сказала: «Нет».

— Знали вы, что у нее есть пистолет?

Джейн Плендерлейт кивнула:

— Да. Она привезла его из Индии и всегда держала у себя в комнате.

— Гм, оружие было зарегистрировано?

— Думаю, да, но наверняка не знаю.

— А теперь, мисс Плендерлейт, расскажите мне все, что можете, о миссис Аллен, как долго вы были с ней знакомы, где ее родственники, короче говоря, все.

Джейн Плендерлейт снова кивнула.

— Я знала Барбару лет пять. Мы познакомились за границей, точнее, в Египте. Она возвращалась на родину из Индии, а я преподавала в английской школе в Афинах и приехала на несколько недель в Египет, перед тем как отправиться в Англию. Мы обе совершали круиз по Нилу. Мы подружились. Я в то время как раз подыскивала кого-нибудь, кто разделил бы со мной квартиру или небольшой дом. Барбара была одна-одинешенька на свете. Мы решили, что прекрасно поладим друг с другом.

— И вы действительно поладили? — спросил Пуаро.

— О, да. У каждой из нас был свой круг друзей, но это только к лучшему.

Пуаро кивнул. Джэпп продолжал:

— Что вы знаете о семье миссис Аллен и о ее жизни до встречи с вами?

— По сути дела, не много. Ее девичья фамилия, кажется, Эрмитидж.

— Ее муж?

— Полагаю, это было не Бог весть что. Кажется, он пил. Насколько мне известно, он умер через год или два после женитьбы. Остался ребенок, девочка, но и она умерла трех лет от роду. Барбара не распространялась насчет своего мужа. Знаю только, что она вышла замуж в Индии, когда ей было семнадцать. Потом они уехали на Борнео или еще в какую-то дыру, куда сплавляют бездельников и неудачников... но это была явно тягостная для нее тема, и я старалась не затрагивать ее.

— Были ли у миссис Аллен финансовые трудности?

— Я уверена, что нет.

— Долги?

— О, нет, ничего подобного.

— Я должен задать еще один вопрос, и, надеюсь, вы поймете меня правильно, мисс Плендерлейт. Были ли у миссис Аллен друзья из числа мужчин, которых она особенно отличала?

Ответ прозвучал холодно:

— Она была помолвлена, если вас интересует эта сторона дела.

— С кем же?

— С Чарльзом Лавертон-Уэстом. Он член парламента от какого-то округа в Гэмпшире.

— Давно она с ним познакомилась?

— Немногим больше года назад.

— Как долго была она помолвлена с ним?

— Два, нет, почти три месяца.

— Вы не знаете, они не ссорились?

Мисс Плендерлейт покачала головой.

— Нет. Барбара не была склонна к ссорам.

— Когда вы видели миссис Аллен в последний раз?

— В прошедшую пятницу, перед тем, как уехать на уик-энд.

— А миссис Аллен оставалась в городе?

— Да. Она, кажется, собиралась отправиться куда-то со своим женихом в воскресенье.

— Где вы сами провели уик-энд?

— В Лайделлс-холле, Лайдекс, Эссекс.

— Вы гостили у...?

— Мистера и миссис Бентинк.

— Вы уехали оттуда только сегодня утром?

— Да.

— Должно быть, вам пришлось подняться очень рано?

— Меня подвез мистер Бентинк. Он выезжает рано, поскольку должен быть в городе к десяти.

Все ответы мисс Плендерлейт звучали убедительно.

Пуаро, в свою очередь, поинтересовался:

— Какого мнения вы о мистере Лавертон-Уэсте?

— Я о нем особенно не задумывалась. Он молод — не старше тридцати одного или тридцати двух,— честолюбив, немного напыщен, хороший оратор и твердо намерен сделать карьеру. Барбара считала его совершенством, на все смотрела его глазами.

Следующий вопрос Пуаро задал мягко и вкрадчиво:

— Вы любили вашу подругу?

Он заметил, как сжалась лежащая на колене рука, как отвердела линия рта, но ответ прозвучал совершенно бесстрастно.

— Да, я любила ее.

Джэпп сказал:

— Еще один вопрос, мисс Плендерлейт. Между вами и покойной не было никакой ссоры?

— Абсолютно никакой.

— А из-за этой помолвки?

— Нет! Я радовалась, видя ее довольной и счастливой.

После короткой паузы Джэпп спросил:

— Были у миссис Аллен враги?

На сей раз Джейн Плендерлейт заметно помедлила с ответом. Когда она наконец заговорила, тон ее слегка изменился.

— Что именно вы подразумеваете под врагами?

— Например, кого-то, кому ее смерть была бы выгодна.

— О, нет, об этом смешно и думать! Впрочем, у нее ничего не было, кроме небольшого дохода.

— И кто унаследует этот доход?

— Понятия не имею. Может быть, даже я, если, конечно, она оставила завещание.

— Значит, никаких врагов? — Джэпп быстро переменил тему.— Никто не держал на нее зла?

— Не думаю. Она была очень милым и добрым созданием, всегда готовым сделать приятное окружающим. По натуре она была расположена к людям.

Впервые подчеркнуто деловитый тон изменил ей. Пуаро кивнул. Джэпп подвел итог:

— Итак, в последнее время миссис Аллен была спокойна и довольна, не испытывала финансовых трудностей, была помолвлена и радовалась этой помолвке. Не случилось ровно ничего такого, что могло бы толкнуть ее на самоубийство. Так?

Помолчав мгновение, Джейн ответила:

— Так.

Инспектор поднялся.

— Прошу прощения, мне надо сказать пару слов Джеймсону.

Он вышел, и Эркюль Пуаро остался наедине с Джейн Плендерлейт.

3

После нескольких секунд молчания Пуаро неожиданно спросил:

— Когда вы разожгли огонь, мадемуазель?

— Огонь? — Она отвечала несколько рассеянно.— Утром, когда приехала.

— До того, как поднялись наверх, или после?

— До того.

— Понимаю... И все было уже готово или вам сначала пришлось принести уголь?

— Все было приготовлено. Мне оставалось лишь поднести спичку.

В ее голосе звучало легкое нетерпение. Она явно подозревала его в желании поболтать. Возможно, он хотел именно этого. Во всяком случае, Пуаро продолжал самым обычным тоном:

— Но ваша подруга... я заметил в ее комнате газовый камин.

— Углем мы топим только здесь, во всех остальных комнатах газ.

— И в кухне?

— Да, как и везде сейчас.

— Верно. Это гораздо менее трудоемко.

Беседа прервалась. Потом Плендерлейт спросила:

— Этого... старшего инспектора Джэппа считают умным человеком?

— У него хорошая голова на плечах. Его весьма ценят. Он работает упорно и тщательно, так что от его внимания мало что ускользает.

— Интересно...— пробормотала молодая женщина.

Пуаро внимательно наблюдал за нею. Его глаза в свете камина отливали зеленым. Спокойным негромким голосом он задал вопрос:

— Смерть вашей подруги большое потрясение для вас?

— Ужасное.

Ответ прозвучал с обезоруживающей искренностью.

— Вы не ожидали этого?

— Разумеется, нет.

— Так что сначала это, возможно, показалось вам чем-то немыслимым, невероятным?

Его мягкий сочувственный тон, по-видимому, сделал свое дело. Мисс Плендерлейт заговорила раскованно и естественно:

— Вот-вот. Даже если Барбара покончила с собой, я не могу представить себе, чтобы она сделала это таким именно образом.

— И все же она держала при себе пистолет.

Джейн Плендерлейт нетерпеливо отмахнулась.

— Да, но это просто... Ей приходилось жить в такой глуши. Она держала оружие просто по привычке, без всякой другой мысли. Я уверена в этом.

— И почему же вы в этом уверены?

— Ну, например, из-за ее высказываний.

— Таких, как?..

— Мы как-то говорили с ней о самоубийстве, и она сказала, что гораздо проще отвернуть газовый кран, заткнуть все щели и лечь в постель. Я, помню, тогда сказала, что предпочла бы застрелиться, но она осталась при своем мнении.

— Я понимаю,— сказал Пуаро. — Вы правы, это действительно странно, особенно если, как вы только что говорили мне, в ее комнате был газ.

— Все это выглядит так неестественно. Я до сих пор не могу поверить, что она покончила с собой. Полагаю, факт самоубийства не вызывает сомнений?

Пуаро покачал головой.

— Существует и еще одна возможность.

— Что вы хотите этим сказать?

— Это может быть... убийством.

— О, нет! — Джейн Плендерлейт отпрянула назад. — Нет! Само такое предположение чудовищно.

— Возможно, но оно не представляется вам невероятным?

— Да ведь дверь была заперта изнутри. И окно тоже.

— Дверь действительно была заперта. Однако нельзя с уверенностью определить, заперли ли ее изнутри или снаружи. Дело в том, что ключ исчез.

— Но, если так...— Она помолчала минуты две.— Значит, дверь заперли снаружи. Иначе ключ был бы где-нибудь в комнате.

— Это возможно. Вспомните, что тщательного обыска в помещении не было. А может быть, ключ выбросили из окна и кто-то подобрал его.

— Убийство! — воскликнула Джейн Плендерлейт. Мысль о подобной возможности явно завладела ее умом. — Я думаю... вы правы.

— Но если это убийство, у него должен быть побудительный мотив. Знаете ли вы такой мотив, мадемуазель?

Медленно она покачала головой, но у Пуаро тем не менее сложилось впечатление, что мисс Плендерлейт сознательно о чем-то умалчивает. Дверь открылась, и в комнату вошел Джэпп. Пуаро встал.

— Я высказал мисс Плендерлейт предположение, что причиной смерти ее подруги было не самоубийство,— сказал он.

Джэпп бросил на Пуаро укоризненный взгляд.

— Пока еще нельзя утверждать что-либо определенное,— заметил он. — Предстоит изучить все возможные версии. В данный момент это все.

Затем он приблизился к Джейн.

— Скажите, мисс Плендерлейт, знакома ли вам эта вещь?

На его ладони лежал маленький овальный предмет из темно-синей эмали.

Джейн Плендерлейт отрицательно качнула головой.

— Это не ваше и не миссис Аллен?

— Нет. Женщины такого обычно не носят.

— А, значит, вы знаете, что это.

— Не так уж трудно догадаться. Это половина мужской запонки.

4

— Эта молодая леди весьма уверена в себе,— поделился своим мнением Джэпп.

Двое мужчин вновь сидели в спальне миссис Аллен. Труп уже сфотографировали и увезли.

— Да, было бы ошибкой считать ее дурой.— согласился Пуаро. — Безусловно, мы имеем дело с очень умной и энергичной дамой.

— Думаете, это ее рук дело? — спросил Джэпп

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

с внезапным проблеском надежды. — Надо будет повнимательнее изучить ее алиби. Может, они поцапались из-за этого начинающего парламентария... В конце концов, Эссекс не так уж далеко отсюда. Не лишне выяснить, не отправилась ли она вчера вечером в постель пораньше, сославшись, например, на головную боль.

— Вы правы,— согласился Пуаро.

— Так или иначе,— продолжал Джэпп,— она что-то знает и скрывает это «что-то» от нас, вы не думаете?

Пуаро задумчиво кивнул головой.

— В этом нет сомнения.

— Этим всегда трудны подобные случаи,— посетовал инспектор. — Люди скрывают то, что им известно, иногда по самым благородным причинам, но это весьма осложняет нашу работу.

— Тем больше вам чести, если вы докопаетесь до истины,— утешил его Пуаро. — Кстати, как насчет отпечатков пальцев?

— Это убийство, конечно. Теперь в этом не может быть никаких сомнений; абсолютно никаких отпечатков на пистолете. Даже если она исхитрилась как-то завести руку за голову, она никак не могла выстрелить, не держась за оружие, и затем вытереть его.

— Да, да, кто-то, очевидно, «помог» ей.

— Удалось Джеймсону узнать что-нибудь?

— От этой поденщицы? Нет. Наболтала она много, но все не по существу. Подтвердила, что Аллен и Плендерлейт были в хороших отношениях. Я послал Джеймсона навести справки по соседству. Нам придется также побеседовать с мистером Лавертон-Уэстом. Выяснить, где он был и что делал вчера вечером. А пока нужно просмотреть ее бумаги.

Сказано — сделано. Работа не заняла много времени; бумаг в бюро было мало, да и те были аккуратно разложены и хранились в порядке.

Наконец Джэпп откинулся назад и разочарованно вздохнул.

— Улов небогатый? — поинтересовался Пуаро.

— Судите сами: оплаченные счета, несколько неоплаченных, приглашения, записки от друзей. Вот это,— он положил руку на стопку из семи-восьми писем,— чековая книжка и паспорт. Что-нибудь тут привлекает ваше внимание?

— Судя по чековой книжке, в банке у нее был перерасход.

— Еще что-нибудь?

Пуаро улыбнулся.

— Экзаменуете меня на сообразительность? Да, я заметил, что она сняла со своего счета двести фунтов стерлингов три месяца назад и двести фунтов вчера.

— И никаких пометок на корешках в чековой книжке. Никаких других снятых со счета сумм — за исключением небольших, максимум пятнадцать фунтов. Четыре фунта с мелочью в сумке и пара шиллингов в другой. По-моему, ясно.

— Вы хотите сказать, что она выплатила крупную сумму только вчера?

— Да. Вопрос, кому.

Дверь открылась, и появился инспектор Джеймсон.

— Ну, Джеймсон, узнали что-нибудь?

— Да, сэр, кое-что. Во-первых, никто не слышал выстрела. Если учесть шум от фейерверка, на это и рассчитывать не приходилось. Миссис Аллен вчера провела большую часть второй половины дня дома. Пришла примерно в пять вечера. Вновь выходила около шести, но недалеко — всего-навсего к почтовому ящику в конце квартала. Примерно в половине десятого подъехала машина, «стандард сваллоу», и из нее вышел мужчина. По описанию, лет примерно сорока пяти, с военной выправкой, хорошо сложен, темно-синее пальто, шляпа с полями, усы щеточкой. Джеймс Хогг, шофер, проживающий в доме № 18, говорит, что и раньше видел, как этот джентльмен приезжал к миссис Аллен.

— Сорок пять лет,— проворчал Джэпп. — Это не может быть Лавертон-Уэст.

— Этот мужчина, кто бы он ни был, оставался в доме почти час. Уехал примерно в десять двадцать. Остановился на пороге, беседуя с миссис Аллен. Мальчишка, Фредерик Хогг, болтался поблизости и слышал сказанное им.

— И что же он сказал?

— «Ладно, подумайте и дайте мне знать». Потом она сказала что-то, и он ответил: «Хорошо. Пока». После чего сел в свою машину и уехал.

— Это было в десять двадцать,— задумчиво отметил Пуаро.

— Значит, в десять двадцать миссис Аллен была еще жива,— подхватил Джэпп.

— Что дальше? — продолжил Пуаро.

— Насколько мне известно, это все, сэр. Шофер, проживающий в № 22, пришел домой в половине одиннадцатого и пообещал своим ребятишкам запустить для них пару петард. Они ждали его — и вся остальная ребятня в квартале тоже. Он занялся этим делом, и все стояли вокруг и наблюдали за домашним фейерверком. А потом все отправились спать.

— Никого больше не видели входящим в дом № 14?

— Нет, но это ничего не значит. Просто в этой сумятице никого не заметили бы.

— Это верно.— согласился Джэпп. — Ну, что же, нам надо добраться до этого джентльмена с усами щеточкой. Судя по всему, он был последним, кто видел ее живой. Интересно, кто это был?

— Мисс Плендерлейт могла бы сказать нам,— предположил Пуаро.

— Могла бы,— мрачно согласился Джэпп. — Но не известно, скажет ли. Несомненно, она вообще могла бы порассказать нам многое, если бы захотела. Пуаро, вы пробыли с ней сколько-то наедине. Неужели ничего не выудили?

— Увы, мы беседовали только о газовом отоплении.

— О газовом отоплении! — Джэпп явно был раздражен. — Что с вами, старина? Единственное, что заинтересовало вас в этом доме,— это гусиные перья и корзинки для мусора. Да, да, я видел, как вы потихоньку заглядывали в такую корзинку внизу. Но это же пустой номер! Если кто-нибудь захочет отделаться от письменной улики или что вы там имеете в виду, он вряд ли просто сунет это в мусорную корзинку.

— Вы абсолютно правы. Туда можно выбросить лишь что-то, не имеющее совершенно никакой цены.

Несмотря на кроткий тон Пуаро, Джэпп взглянул на него с подозрением.

— Ну, ладно,— сказал он. — Я знаю, каким будет мой следующий шаг. А что будете делать вы?

— Я,— ответил Пуаро,— продолжу поиски неважных мелочей. Осталось еще ведро для мусора.

Он выскользнул из комнаты. Джэпп с отвращением посмотрел ему вслед.

— Рехнулся,— проворчал он. — Совершенно рехнулся. И все же... хотелось бы мне знать... — Он приблизился к бюро и злобно уставился на изумрудно-зеленое гусиное перо.

5

Джэпп как раз пытался разговорить третью по счету шоферскую жену из живущих по соседству, когда Пуаро, двигаясь бесшумно, словно кот, возник рядом с ним.

— Уф, как вы меня напугали,— вздрогнул инспектор,— нашли что-нибудь?

— Не то, что я искал.

Джэпп вновь обернулся к миссис Хогг.

— Значит, вы видели этого джентльмена раньше?

— О, да, сэр. И мой муж тоже. Мы его сразу узнали.

— Послушайте, миссис Хогг, я вижу, вы женщина в высшей степени умная и проницательная. — Джэпп без зазрения совести повторял эту фразу уже в третий раз. Миссис Хогг напыжилась и постаралась выглядеть прямо-таки сверхъестественно умной и проницательной. — Ну, а теперь расскажите мне об этих двух леди — миссис Аллен и мисс Плендерлейт. Об их характере, образе жизни и так далее. Например, часто у них бывали гости?

— О, нет, сэр. Они довольно часто сами бывали в гостях — особенно миссис Аллен,— но это птицы высокого полета, если вы понимаете, что я хочу сказать. Не то что некоторые, на другом конце квартала. Миссис Аллен и мисс Плендерлейт очень милые и приличные леди, особенно миссис Аллен. Бывало, всегда скажет доброе слово детишкам. Говорят, у нее умерла маленькая дочка. Как я понимаю ее, бедняжку, ведь я сама похоронила троих...

— Да, да, весьма печально. А мисс Плендерлейт?

— Тоже очень достойная леди, но не такая приветливая, понимаете? Кивнет, и все, никогда не остановится поговорить. Но лично я ничего против нее не имею.

— Она и миссис Аллен ладили друг с другом?

— О, да, сэр. Никогда никаких ссор, все тихомирно, миссис Пирс может подтвердить мои слова.

— Да, мы беседовали с ней. Знаете вы жениха миссис Аллен в лицо?

— Джентльмена, за которого она собиралась замуж? Как же, знаю. Важный такой. Говорят, член парламента.

— Это не он приходил вчера вечером?

— Нет, сэр, не он! — Миссис Хогг выпрямилась, ее внешне несколько напыщенный тон потеплел.— И если хотите знать, сэр, тут вас не туда повело. Миссис Аллен была не из таких. В доме действительно никого не было, но у меня и мысли нет о чем-то таком. Не далее, как сегодня утром, я сказала Хоггу: «Нет, Хогг, миссис Аллен была настоящая леди, так что не выдумывай гадостей». Знаете, сэр, ведь у мужчин всегда только мерзости на уме...

Презрев это оскорбление, Джэпп продолжал:

— Вы ведь видели, как этот человек приехал и уехал, так?

— Так оно и было, сэр.

— А больше вы ничего не слышали? Шума, ссоры, например?

— Нет, да при таком светопреставлении, когда рядом взрываются эти чертовы петарды,— кстати, мой Эдди сжег себе брови почти начисто,— никакого шума не услышишь.

— Этот мужчина уехал в десять двадцать, не так ли?

— Может быть, сэр. Точно не знаю. Но Хогг говорит так, а он солидный, надежный человек.

— Вы видели, как посетитель уходил. Слышали вы, что именно он при этом говорил?

— Нет, сэр. Я была довольно далеко. Только видела из моего окна, как он стоял на пороге и разговаривал с миссис Аллен.

— Ее вы тоже видели?

— Да, сэр. Она стояла прямо в двери.

— Заметили, в чем она была?

— Точно не скажу, сэр, не обратила внимания.

Пуаро вмешался в разговор:

— Вы даже не запомнили, какое на ней было платье — обычное или вечернее?

— Право, не скажу, сэр.

Пуаро взглянул на окно наверху, а затем на расположенный напротив дом № 14. Он улыбнулся, и на мгновение его взгляд встретился с взглядом Джэппа.

— А как был одет джентльмен?

— Он был в темно-синем пальто и шляпе. Весьма представительный мужчина.

Джэпп задал еще несколько вопросов и перешел к следующему интервью: с юным Фредериком Хоггом, пареньком с плутоватыми, смышлеными глазами, преисполненным чувства собственной значительности.

— Да, сэр, я слышал, как они разговаривали. «Подумайте и дайте мне знать», сказал этот мистер. Так, знаете, вежливо. Потом она что-то сказала, и он ответил: «Ладно. Пока». И он сел в машину — я держал дверцу открытой,— но он ничего не дал мне,— поведал молодой Хогг с ноткой уныния в голосе.— А потом он уехал,— завершил парнишка.

— Ты слышал, что сказала миссис Аллен? — спросил Джэпп.

— Вроде бы нет, сэр.

— Может, помнишь, во что она была одета? В какого цвета платье, например?

— Не помню, сэр. Вообще-то я ведь и не видел ее. Она, должно быть, стояла прямо за дверью.

— Значит, так,— сказал Джэпп.— Теперь, малый, я задам тебе еще один вопрос, и подумай хорошенько, прежде чем отвечать. Если не можешь ответить, так и скажи. Понял?

— Да, сэр.

Юный Хогг смотрел на инспектора, полный готовности услужить.

— Кто из них закрыл дверь: миссис Аллен или джентльмен?

— Входную дверь?

— Входную, разумеется.

Мальчик задумался. Он даже прищурил глаза в попытке вспомнить.

— Кажется, леди... Нет, не она... Он, точно он. Хлопнул дверью и прыгнул в машину. Видно, спешил куда-то.

— Наверное. Я вижу, ты парень не промах. Вот тебе шестипенсовик.

Отпустив молодого Хогга, Джэпп повернулся к своему другу. Они обменялись молчаливыми кивками, словно одновременно придя к одной и той же мысли.

— Может быть! — сказал Джэпп.

— Не исключено,— согласился Пуаро.

Его глаза светились зеленым кошачьим блеском.

6

Вернувшись в гостиную дома № 14, Джэпп сразу взял быка за рога.

— Не думаете ли вы, мисс Плендерлейт, что лучше сразу рассказать все? Ведь все равно этим кончится.

Джейн Плендерлейт вопросительно подняла брови.

— Что, собственно говоря, вы имеете в виду?

— А вы не догадываетесь?

Она пожала плечами.

— Я ответила на все ваши вопросы. Не знаю, что я еще могу сделать.

— По-моему, вы могли бы сделать гораздо больше, если бы захотели.

— Но ведь это только по-вашему, инспектор, не так ли?

Джэпп побагровел.

— Думаю,— сказал Пуаро,— что мадемуазель лучше поймет обоснованность ваших вопросов, если вы сообщите ей, как обстоят дела.

— Это очень просто. Факты, мисс Плендерлейт, таковы: ваша подруга была найдена застреленной из пистолета в комнате с запертыми дверью и окном. Все наводило на мысль о самоубийстве. Но самоубийства не было. Медицинская экспертиза подтверждает это.

— Как?

Вся ее ледяная холодность исчезла. Она наклонилась вперед, пожирая инспектора взглядом.

— Пистолет был в ее руке, но пальцы не обхватывали его. Кроме того, на оружии не было никаких отпечатков пальцев. Рана расположена под углом, исключающим самоубийство. Кроме того, ваша подруга не оставила предсмертного письма, что необычно для самоубийц. К тому же, хотя дверь и была заперта на ключ, сам ключ найти не удалось.

— Значит, вот в чем дело! — воскликнула мисс Плендерлейт.— Все время я чувствовала, что она просто не могла убить себя! Я была права. Кто-то убил ее!

Минуты две она молчала, погрузившись в свои мысли. Потом рывком подняла голову.

— Задавайте мне любые вопросы,— сказала она.— Я отвечу на них так полно, как только смогу.

Джэпп начал:

— Вчера вечером у миссис Аллен был посетитель. По описанию, это мужчина лет сорока пяти, с военной выправкой и усами щеточкой, хорошо одетый и водящий машину марки «стандард сваллоу». Вы знаете, кто это?

— Я не могу утверждать с полной уверенностью, но, похоже, это майор Юстас.

— Кто такой этот майор Юстас? Расскажите мне о нем все, что можете.

— Барбара знала его в Индии. Он объявился здесь примерно год назад и время от времени заходил к нам.

— Он был другом миссис Аллен?

— Он держался как ее друг,— сухо ответила Джейн.

— А как она сама относилась к нему?

— Не думаю, чтобы он ей особенно нравился, я даже уверена, что дело обстояло как раз наоборот.

— Но внешне она относилась к нему по-дружески?

— Да.

— Не складывалось ли впечатления — припомните хорошенько, мисс Плендерлейт,— что она боится его?

Та ответила после минутного раздумья:

— Пожалуй, да. Она всегда нервничала, когда он бывал здесь.

— Встречался ли он с мистером Лавертон-Уэстом?

— По-моему, только один раз. Они не понравились друг другу. Майор Юстас, правда, лез из кожи вон, чтобы расположить к себе Чарльза, но не тут-то было. Чарльз за версту чуял сомнительных личностей.

— А майор Юстас был сомнительной личностью? — спросил Пуаро.

— И даже очень сомнительной.

— Можно ли предположить, мисс Плендерлейт, что этот человек шантажировал миссис Аллен?

Джэпп придвинулся поближе, чтобы лучше видеть реакцию на эти свои слова.

Он мог быть удовлетворен. Молодая женщина встрепенулась, щеки ее окрасились румянцем, рука, сжатая в кулак, ударила по ручке кресла.

— Вот оно что! Ну, конечно: какая дура я была, что не догадалась раньше!

— Вы думаете, такое можно предположить? — спросил Пуаро.

— С моей стороны было глупо не подумать об этом. В последние полгода Барбара несколько раз занимала у меня небольшие суммы. И я видела, как она с расстроенным видом изучала свою банковскую расчетную книжку. Я не беспокоилась, так как знала, что ее дохода ей вполне хватает, но, разумеется, если она платила кому-то, да еще помногу...

— Ее поведение вообще изменилось в это время, не так ли? — вновь вмешался Пуаро.

— Да, она страшно нервничала, стала сама на себя не похожа.

— Простите, но раньше вы говорили нам не совсем это.

Джейн отмахнулась.

— Это совсем другое дело. Она не была в подавленном настроении и вовсе не помышляла о самоубийстве. Но шантаж... Ах, если бы она рассказала все мне! Я послала бы этого типа к черту.

— Но он мог бы отправиться не к черту, а к мистеру Чарльзу Лавертон-Уэсту? — заметил Пуаро.

— Да...— протянула Джейн Плендерлейт.— Это так.

— Вы не догадываетесь о причинах власти этого человека над нею? — спросил, в свою очередь, Джэпп.

— Понятия не имею. Но, зная Барбару, я не могу поверить, чтобы это было что-нибудь по-настоящему серьезное. С другой стороны...— она запнулась,— Барбара в некоторых отношениях была, скажем так, простовата. Ее было легко запугать. Прямо-таки идеальная жертва для шантажа. Гнусный подонок!

Перевела с английского Ирина Бужинская.

Окончание следует.

Агата КРИСТИ

УБИЙСТВО ПОД ФЕЙЕРВЕРК

Повесть

Последние слова она произнесла с настоящей яростью.

— К сожалению,— сказал Пуаро,— это преступление совершено, так сказать, шиворот-навыворот. По идее, жертва шантажа должна бы убить шантажиста, а не наоборот.

Джейн Плендерлейт слегка нахмурилась.

— Это так... но я могу представить себе обстоятельства...

— Например?

— Допустим, Барбара была в отчаянии. Возможно, она пригрозила ему этим своим дурацким пистолетиком. Он попытался вырвать у нее оружие и в ходе борьбы нечаянно выстрелил и убил ее. Придя затем в ужас от содеянного, он попытался выдать случившееся за самоубийство.

— Это могло бы произойти именно так,— возразил Джэпп,— не будь одного обстоятельства.

Мисс Плендерлейт вопросительно посмотрела на него.

— Майор Юстас (если это был он) ушел вчера отсюда в десять двадцать вечера и распрощался с миссис Аллен на пороге дома.

— О, я понимаю.— Ее лицо омрачилось. Однако она тут же нашлась: — Он ведь мог вернуться сюда позднее!

— Да, это возможно,— согласился Пуаро.

Джэпп продолжал:

— Скажите, мисс Плендерлейт, где миссис Аллен обычно принимала своих гостей? Здесь или в комнате наверху?

— И там, и здесь. Но эта комната чаще использовалась, когда народу бывало больше и когда речь шла о моих личных гостях. Мы договорились, что Барбара получит большую спальню и будет пользоваться ею как гостиной, а я расположусь в спальне поменьше, но зато получу в свое распоряжение эту комнату.

— Если майор Юстас пришел вчера вечером, предварительно договорившись об этом визите, то где, по-вашему, миссис Аллен принимала его?

— Думаю, она провела его сюда.— В голосе Джейн звучало легкое сомнение.— Это выглядело бы менее интимно. С другой стороны, если она хотела написать чек или что-нибудь в этом роде, она, вероятно, прошла с ним наверх. Здесь нет письменных принадлежностей.

Джэпп покачал головой.

— Дело не в чеке. Миссис Аллен вчера сняла со своего счета в банке двести фунтов наличными. И насколько нам известно, в доме этих денег нет.

— Значит, она отдала их этому подонку? Бедняжка Барбара!

Пуаро кашлянул.

— Если, как вы предположили, это не был в известном смысле несчастный случай, поистине странно, что этот человек убил женщину, служившую для него, по-видимому, регулярным источником дохода.

— Несчастный случай? Оставьте! Просто он пришел в ярость, потерял контроль над собой и застрелил ее. Говорю вам, это было убийство!

Джэпп задал следующий вопрос:

— Какие сигареты курила миссис Аллен?

— «Гэспер», там в ящике есть несколько штук.

Джэпп открыл ящик, достал одну сигарету, кивнул и положил ее к себе в карман.

— А вы, мадемуазель? — поинтересовался Пуаро.

— То же самое.

— А турецкие сигареты вы не курите?

— Никогда.

— А миссис Аллен?

— Нет, они не нравились ей.

Пуаро спросил:

— Что курил мистер Лавертон-Уэст?

— Чарльз? Какое это имеет значение? Уж не думаете ли вы, что это он убил ее?

Пуаро пожал плечами.

— Убийство женщины мужчиной, который ее любит, не такая уж редкость, мадемуазель.

Джейн решительно покачала головой.

— Чарльз никогда не пошел бы на убийство, он слишком осторожен для этого.

— Осторожные люди — самые умные из убийц, мадемуазель.

Джэпп поднялся.

— Думаю, здесь мне больше делать нечего. Мне бы хотелось еще раз посмотреть дом.

Инспектор действовал быстро, но основательно. Гостиная была дотошно обыскана всего за несколько минут. Затем он поднялся наверх. Мисс Плендерлейт сидела на ручке кресла, курила и, хмурясь, смотрела в огонь камина. Пуаро незаметно наблюдал за нею.

Через минуту он негромко спросил:

— Мистер Лавертон-Уэст сейчас в Лондоне?

— Не знаю. Впрочем, кажется, он в Гэмпшире, у своих родных. Наверное, мне следовало телеграфировать ему. Как ужасно, я совсем позабыла об этом.

— Нельзя помнить обо всем, мадемуазель, когда случается катастрофа. Кроме того, не стоит торопиться сообщать дурные вести.

На лестнице раздались шаги Джэппа. Джейн вышла ему навстречу. Тот покачал головой.

— К сожалению, ничего интересного, мисс Плендерлейт. Теперь я обыскал буквально весь дом. Кстати, надо еще заглянуть в этот стенной шкаф под лестницей.

Он подошел к шкафу, взялся за ручку и подергал.

Джейн Плендерлейт сказала:

— Он заперт.

Что-то в ее голосе заставило обоих мужчин пристально взглянуть на нее.

— Да,— любезно подтвердил Джэпп.— Я вижу, что он заперт. Может быть, у вас найдется ключ?

Женщина словно окаменела.

— Я... я не знаю, где он.

Джэпп бросил на нее быстрый взгляд. Его тон оставался любезным и непринужденным.

— Жаль. Не хотелось бы ломать дверцу. Я пошлю Джеймсона подобрать ключи.

Джейн сделала неловкое движение.

— Подождите, я посмотрю...

Она вернулась в гостиную и через минуту вновь появилась, держа в руке большой ключ.

— Мы держим шкаф запертым,— пояснила она,— ради сохранности зонтиков и тому подобных вещей.

— Весьма разумно,— одобрил Джэпп, принимая ключ.

Он распахнул дверцу, извлек из кармана фонарик и посветил им. Пуаро почувствовал, как стоявшая рядом с ним молодая женщина вся напряглась и на мгновение задержала дыхание. Его глаза проследили за движением луча света от фонарика.

Содержимое шкафа было небогатым. Три зонтика (один из них сломанный), четыре трости, набор клюшек для гольфа, две теннисные ракетки, аккуратно скатанный коврик и несколько диванных подушек различной степени потертости. На них небольшой элегантный кожаный чемоданчик.

Как только Джэпп протянул к нему руку, Джейн Плендерлейт быстро сказала:

— Это мой. Я... я привезла его с собой сегодня утром. В нем не может быть ничего интересного для вас.

— Я только удостоверюсь в этом,— отозвался Джэпп еще более дружелюбным тоном, чем прежде.

Внутри оказались головные щетки в шагреневой оправе, еще кое-какие туалетные принадлежности, два иллюстрированных журнала — и больше ничего. Джэпп внимательно изучил одну вещь за другой. Когда наконец он закрыл чемоданчик и приступил к небрежному осмотру подушек, молодая женщина издала явственно слышный вздох облегчения.

Больше в шкафу ничего не было. Джэпп вновь запер дверцу и вернул ключ мисс Плендерлейт.

— Конец — делу венец,— сказал он.— Не можете ли вы сообщить мне адрес мистера Лавертон-Уэста?

— Фэрлском Холл, Литтл Ледбери, Гэмпшир.

— Благодарю вас, мисс Плендерлейт. Пока это все. Я, вероятно, еще загляну. Кстати, пусть для посторонних этот случай останется самоубийством, ладно?

— Разумеется, я вполне понимаю.

Она обменялась с ними прощальным рукопожатием.

На улице Джэпп взорвался:

— Пари держу, с этим шкафом дело нечисто! Но что, черт побери, могло быть в этом шкафу? А ведь наверняка там что-то было.

— Да, там было кое-что.

— И будь я проклят, если это не связано с чемоданом! Должно быть, я полнейший идиот, но не обнаружил в нем абсолютно ничего... А ведь прощупал все, даже подкладку! Ну, где, где в нем можно что-нибудь спрятать?

Пуаро в раздумье покачал головой.

— Эта мисс каким-то образом замешана в случившемся,— продолжал Джэпп.— Привезла чемоданчик с собой сегодня утром? Черта с два! Вы заметили в нем два журнала?

— Да.

— Так вот, один из них был от прошлого июля!

7

На следующий день Джэпп вошел в квартиру Пуаро, раздраженно швырнул шляпу на стол и рухнул в кресло.

— Ну,— проворчал он,— она не имеет к этому делу никакого отношения.

— Кто?

— Плендерлейт. Играла в бридж до полуночи. Хозяин, хозяйка, слуги — все готовы поклясться в этом. Мы, безусловно, должны отказаться от мысли о ее причастности. И все же мне хотелось бы знать, почему она так запсиховала из-за этого чемоданчика в прихожей. Это по вашей части, Пуаро. Вы ведь обожаете разгадывать такие маленькие пустяковые секреты. «Тайна чемоданчика»! А что? Звучит многообещающе.

— Могу предложить вам другой заголовок, «Тайна застоявшегося табачного запаха».

— Несколько неуклюже для заголовка. Запах, э... Значит, вот к чему вы принюхивались, когда мы в первый раз осматривали труп? Я, грешным делом, подумал, что у вас насморк,— так вы шмыгали носом. Кстати, я не почувствовал никакого табачного запаха.

— Я тоже, друг мой.

Джэпп подозрительно поглядел на него, затем извлек из кармана сигарету.

— Это из тех, что курила миссис Аллен. Шесть из оставшихся в пепельнице окурков были от этих сигарет. Остальные три — от турецких.

— Совершенно верно.

— Вам подсказал это ваш замечательный нос?

— Уверяю вас, что мой нос здесь совершенно ни при чем.

— Но зато клеточки серого мозгового вещества кое-что засекли, не так ли?

— Кое-что я действительно мысленно отметил. Например, из комнаты явно кое-что исчезло, но зато кое-что, я думаю, было добавлено. Кроме того, на бюро...

— Так я и знал! Мы возвращаемся к этому треклятому гусиному перу.

— Отнюдь. Перо играет исключительно негативную роль.

Джэпп отступил на более надежную почву.

— Я договорился с Чарльзом Лавертон-Уэстом, что он зайдет повидаться со мной через полчаса в Скотланд-Ярде. Не хотите ли присутствовать при этом?

— Даже очень.

— Могу также сообщить, что мы нашли майора Юстаса. У него квартира на Кромвель-роуд. Судя по тому, что мы о нем узнали, личность это несимпатичная. После встречи с Лавертон-Уэстом давайте повидаемся с ним. Идет?

— Отлично.

— Тогда пошли!

В половине одиннадцатого Чарльз Лавертон-Уэст вошел в кабинет старшего инспектора Джэппа. Хозяин кабинета встал и пожал вошедшему руку.

Окончание. См. «Огонек» № 33.

Член парламента был мужчина среднего роста и явно человек с характером. Он был гладко выбрит, с подвижным ртом актера, глазами навыкате и смотрелся красивым джентльменом, притом что в его внешности не было ничего броского.

Он вежливо, но решительно отклонил обычные выражения соболезнования со стороны Джэппа.

— Оставим в стороне мои чувства. Скажите, старший инспектор, знаете ли вы, что побудило мою... миссис Аллен лишить себя жизни?

— А сами вы не можете нам ничего подсказать?

— Абсолютно ничего.

— Между вами не было ссоры, никакой размолвки?

— Ничего подобного не было. Случившееся явилось для меня величайшим потрясением.

— Может быть, дело несколько прояснится, сэр, если я сообщу вам, что это было не самоубийство, а убийство?

— Убийство?! — Глаза Лавертон-Уэста, казалось, были готовы выскочить из орбит.— Вы сказали — убийство?

— Совершенно верно. А теперь, мистер Лавертон-Уэст, скажите, не хотел ли кто-нибудь расправиться с миссис Аллен?

Лавертон-Уэст отвечал, почти захлебываясь:

— Это... это просто немыслимо! Сама эта идея абсурдна!

— Она никогда не упоминала о каких-либо врагах, недоброжелателях?

— Никогда.

— Вы знали, что у нее был пистолет?

— Нет.

Он выглядел слегка шокированным.

— По словам мисс Плендерлейт, миссис Аллен привезла оружие из-за границы несколько лет назад.

— Вот как?

— Правда, тут мы можем опираться только на показания мисс Плендерлейт. Вполне возможно, что миссис Аллен опасалась чего-то и держала пистолет под рукой, имея на то свои причины.

Чарльз Лавертон-Уэст с сомнением покачал головой. Он производил впечатление человека, совершенно сбитого с толку.

— Какого вы мнения о мисс Плендерлейт, мистер Лавертон-Уэст? Я хочу спросить, считаете ли вы ее человеком, достойным доверия?

— Я бы сказал, да...

— Она вам не нравится? — спросил Джэпп, пристально наблюдавший за собеседником.

— Не то, чтобы... Я не в восторге от молодых женщин такого типа. Меня такие ядовитые и независимые характеры не привлекают, но я бы сказал, что доверять ей вполне можно.

— Гм...— проворчал Джэпп,— знакомы вы с майором Юстасом?

— Юстасом? Юстасом? Ах, да, вспоминаю. Я встретился с ним однажды у Барбары... миссис Аллен. Он не тот человек, которого я был бы рад видеть в своем доме после женитьбы.

— Что говорила по этому поводу миссис Аллен?

— О, она была абсолютно согласна со мной. Она целиком и полностью доверяла моему суждению. Мужчина разбирается в других мужчинах лучше, чем женщина. Она объяснила, что не может быть невежливой со знакомым, которого довольно долго не видела. Но, естественно, став моей женой, она нашла бы многих людей из своего прежнего окружения, скажем... неподходящими для нашего дома.

— Вы хотите сказать, что, выходя замуж за вас, она тем самым поднималась на более высокую общественную ступень? — без обиняков спросил инспектор.

Лавертон-Уэст протестующим жестом поднял ухоженную руку.

— Не совсем так. Мать миссис Аллен была в отдаленном родстве с моей семьей. По рождению она была равна мне. Но, разумеется, учитывая мое положение, я должен проявлять особую щепетильность при выборе моих друзей — так же, как моя супруга при выборе своих. Ведь находишься как бы на авансцене, у всех на глазах...

— А сейчас, мистер Лавертон-Уэст, будьте любезны сообщить мне, где вы были и что делали вечером 5 ноября.

Парламентарий, казалось, от возмущения лишился дара речи.

— Речь идет о чистейшей формальности,— поторопился успокоить его Джэпп.

Тот взглянул на него с холодным достоинством.

— Смею надеяться, человека, занимающего такое положение, как я, можно было бы избавить от подобных формальностей. Но если вы настаиваете... Я был в палате общин. Ушел оттуда в половине одиннадцатого и прошелся по набережной, любуясь фейерверком. Затем я... отправился домой.

— В каком часу вы пришли домой?

— Не могу сказать точно.

— В одиннадцать? В половине двенадцатого?

— Приблизительно так.

— Кто-нибудь открыл вам дверь?

— Нет. У меня свой ключ.

— Встретили кого-нибудь, когда прогуливались?

— Нет... Поистине, старший инспектор, этот допрос оскорбителен! И если это все...

— Пока все, мистер Лавертон-Уэст.

— Вы будете держать меня в курсе?

— Конечно, сэр. Кстати, разрешите представить вам мсье Эркюля Пуаро. Вы, вероятно, слышали о нем.

— Мсье,— сказал Пуаро, и вся его повадка внезапно сделалась подчеркнуто неанглийской,— поверьте, сердце мое обливается кровью, глядя на вас. Такая утрата! Но ни слова больше; вы, англичане, так великолепно умеете скрывать свои чувства.— Он выхватил свой портсигар.— Позвольте мне. Ах, он пуст... Джэпп?

Тот похлопал себя по карманам и покачал головой.

Лавертон-Уэст извлек собственный портсигар и пробормотал:

— Э... э... прошу вас, мсье Пуаро.

— Благодарю, благодарю вас.— Пуаро воспользовался приглашением.

— Как вы только что сказали, мсье Пуаро,— продолжал Лавертон-Уэст,— мы, англичане, не выставляем напоказ наши чувства. Сохранять самообладание при всех обстоятельствах — вот наш девиз.

С этими словами он поклонился обоим и вышел из комнаты.

— Чванливый пижон! — с отвращением промолвил Джэпп.— Но выглядит импозантно и наверняка пользуется успехом у женщин, особенно у лишенных чувства юмора. Ну, что сигарета?

Пуаро передал ее инспектору, покачав головой.

— Египетская. Дорогой сорт.

— Да, тут нам ничего не светит... А жаль, так как я в жизни не сталкивался с более сомнительным алиби. По сути дела, это вообще никакое не алиби... Знаете, Пуаро, лучше бы дело обстояло наоборот. Вот если бы она шантажировала его! Он подлинная находка для шантажиста, платил бы, как ягненок. Пошел бы на все, лишь бы избежать скандала. Ну, перейдем к Юстасу. У меня есть кое-что о нем. Довольно гнусный тип...

— Кстати, что там мисс Плендерлейт?

— Подождите секунду, я позвоню и узнаю последние новости.

После короткого разговора с кем-то по телефону он положил трубку и взглянул на Пуаро.

— Она не из чувствительных. Отправилась играть в гольф. Хорошенькое времяпрепровождение для женщины, у которой накануне убили подругу.

Пуаро издал невнятное восклицание.

— Что еще? — осведомился Джэпп.

Но Пуаро, не отвечая, бормотал как бы про себя:

— Разумеется... Ну, конечно, какой же я идиот... Ведь это просто бросается в глаза...

Джэпп грубовато прервал его:

— Кончайте лопотать и давайте займемся Юстасом.

Он был поражен, увидев, как по лицу Пуаро расплывается сияющая улыбка.

— Конечно, друг мой, давайте займемся им. Видите ли, теперь я знаю все, абсолютно все.

8

Майор Юстас встретил их с уверенностью и непринужденностью светского человека. Он предложил им выпить и, когда они отказались, вынул портсигар. Взяв по сигарете, Джэпп и Пуаро обменялись быстрыми взглядами.

— Я вижу, вы курите турецкие,— вымолвил Джэпп, вертя в пальцах сигарету.

— Да, а вы предпочитаете что-нибудь другое? Где-то здесь у меня должны быть...

— Спасибо, не беспокойтесь.— Джэпп наклонился вперед, его тон несколько изменился.— Вы, наверное, догадываетесь, майор Юстас, по какому поводу я к вам пришел?

Юстас отрицательно покачал головой. Его манеры оставались беспечными. Майор был высоким мужчиной, красивым несколько грубоватой красотой. У него были мешки под глазами — небольшими и хитрыми, не соответствующими добродушной раскованности его поведения.

— Представить себе не могу, что заставило такую важную шишку, как старший инспектор, заглянуть ко мне. Что-нибудь с моей машиной?

— Нет, речь идет не о машине. Вы, кажется, знали некую миссис Барбару Аллен, майор Юстас?

— Вот оно что! Разумеется, мне следовало догадаться. Весьма прискорбный случай.

— Значит, вы знаете, что произошло?

— Прочел вчера вечером в газете. Очень печально.

— Насколько мне известно, вы знали миссис Аллен в Индии?

— Да, тому уж несколько лет.

— Вы были знакомы и с ее мужем?

Майор помедлил какую-то долю секунды, но за эту мгновенную паузу успел бросить молниеносный взгляд на лица гостей. Потом ответил:

— Нет, я не встречался с Алленом.

— Но вы что-нибудь знаете о нем?

— Слышал, что это было не бог весть какое сокровище. Впрочем, до меня доходили только слухи.

— Миссис Аллен ничего не рассказывала?

— Она о нем никогда не говорила.

— У вас с нею были близкие отношения?

Майор Юстас неопределенно пожал плечами.

— Мы были старые друзья, но виделись не так уж часто.

— Но вы видели ее 5 ноября вечером?

— Да.

— Вы навестили ее дома, не так ли?

Собеседник кивнул.

— Да, она советовалась со мной насчет некоторых денежных вложений. Я понимаю, куда вы клоните,— ее настроение и тому подобное... Трудно сказать что-либо определенное. Держалась она достаточно нормально, но, как я теперь припоминаю, несколько нервозно...

— Однако она ничем не намекнула вам на то, что собирается сделать?

— Абсолютно ничем. Прощаясь, я даже сказал ей, что скоро позвоню и мы вместе пойдем куда-нибудь развлечься.

— Вы сказали, что позвоните ей? Это были ваши последние слова?

— Да.

— Любопытно. По моим сведениям, вы сказали нечто совсем иное.

— Разумеется, за точность я ручаться не могу, но...

— Насколько мне известно, в действительности вы сказали: «Обдумайте это и дайте мне знать».

Юстас побледнел.

— Минутку, да, мне кажется, вы правы. В принципе, я хочу сказать. По-моему, я предложил ей дать мне знать, когда именно она будет свободна.

— Не совсем одно и то же, а? — спросил Джэпп.

— Милый мой, вы не можете ожидать, что человек дословно вспомнит сказанное им в том или другом случае.

— А каков был ответ миссис Аллен?

— Она сказала, что позвонит мне. Это все, что я могу припомнить.

— И тогда вы сказали: «Ладно. Пока».

— Возможно. Во всяком случае, что-то вроде этого.

Джэпп спокойно промолвил:

— По вашим словам, миссис Аллен просила у вас совета относительно ее денежных вложений. Не передала ли она случайно вам двести фунтов наличными, чтобы вы вложили их для нее?

Лицо Юстаса покраснело от гнева, он подался вперед и прорычал:

— Что, черт подери, хотите вы этим сказать?!

— Сделала она это или нет?

— Это вас не касается, господин старший инспектор.

— Миссис Аллен взяла двести фунтов стерлингов наличными из своего банка. Часть денег была выдана пятифунтовыми банкнотами. Их, разумеется, можно будет легко проследить.

— Если даже она забрала в банке эти деньги, что из того?

— Предназначались эти деньги для дальнейших вложений, майор Юстас, или для передачи шантажисту?

— Да это просто смешно! Что еще выдумаете?

Джэпп заявил самым официальным тоном:

— Теперь, майор Юстас, я должен попросить вас явиться в Скотланд-Ярд для дачи показаний. Совершенно добровольно, конечно, и, если хотите, вы можете сделать это в присутствии вашего адвоката.

— На кой дьявол мне адвокат? И чего ради вы мне это предлагаете?

— Я расследую обстоятельства смерти миссис Аллен.

— Господи, боже мой, уж не предполагаете ли вы... Да это бред какой-то! Дело было так: я договорился с Барбарой, что приду к ней, и пришел.

— В какое время?

— Приблизительно в половине десятого вечера. Мы сидели, разговаривали...

— И курили?

— Да, и курили. Это что, преступление?

— В какой комнате вы беседовали?

— В гостиной. Слева от входной двери. Разговор был вполне дружелюбный. Я ушел почти в половине одиннадцатого. На минуту я задержался у двери, чтобы сказать пару слов на прощанье...

— Поистине на прощанье,— пробормотал Пуаро.

— А вы-то, собственно, кто такой? — злобно прохрипел Юстас.— Какой-то паршивый иностранец! И чего вы встреваете в это дело?

— Я Эркюль Пуаро,— с достоинством ответил тот.

— А мне наплевать! Как я уже сказал, мы с Барба-

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

рой расстались друзьями. Я поехал прямо в Дальневосточный клуб. Приехал туда в одиннадцать двадцать и сразу сел за карты. Играл в бридж до часу ночи с половиной. Вот вам, подавитесь!

Он бросил вызывающий взгляд на Джэппа: «Удовлетворены?»

— Вы оставались в гостиной на всем протяжении вашего визита?

— Да.

— И не поднимались наверх, в комнату миссис Аллен?

— Говорю вам, нет. Мы оставались в одной комнате и не выходили оттуда.

Минуты две Джэпп задумчиво смотрел на него, а потом задал следующий вопрос:

— Сколько у вас пар запонок?

— Запонок? Какое это имеет отношение к делу?

— Разумеется, вы не обязаны отвечать на этот вопрос.

— Я не против ответить на него. Мне нечего скрывать. Но я потребую извинения. Значит, вот эти...— он протянул руки.

Джэпп взглянул на золотые с платиной запонки и кивнул.

— ...И вот эти.— Он поднялся, открыл ящик стола и, вынув оттуда футляр, грубо ткнул его почти под нос инспектору.

— Очень милый рисунок.— одобрил Джэпп.— Я вижу, одна сломана, кусочек эмали отвалился.

— Что из того?

— Вы не помните, когда это случилось?

— День или два назад, не раньше.

— Вы удивились бы, узнав, что запонка сломалась, когда вы были в гостях у миссис Аллен?

— Что тут особенного? Я же не отрицаю, что был там! — Майор говорил высокомерно. Он продолжал играть роль справедливо возмущенного человека, но руки у него дрожали.

Джэпп наклонился к нему и произнес, подчеркивая каждое слово:

— Да, но этот обломок запонки был найден не в гостиной, а наверху, в будуаре миссис Аллен, где она была убита и где сидел мужчина, куривший те же сигареты, что и вы.

Удар попал в цель. Юстас упал в кресло, его глаза затравленно забегали по сторонам. Зрелище мгновенного превращения самоуверенного забияки в жалкого труса было неприглядным.

— У вас нет улик против меня.— Он не говорил, а почти скулил.— Вы пытаетесь пришить мне дело... Но у вас ничего не выйдет, у меня есть алиби... Я даже не возвращался к ее дому в тот вечер.

Пуаро заговорил в свою очередь:

— Да, вы не возвращались к ее дому... В этом не было необходимости. Ведь, быть может, миссис Аллен была уже мертва, когда вы покидали ее жилище.

— Это невозможно, невозможно... Она была прямо за дверью... говорила со мной! Ее наверняка кто-нибудь видел... слышал...

Пуаро спокойно продолжал:

— Слышали, как вы говорили с нею... притворялись, будто ждете ее ответа, и якобы отвечаете ей. Это старый и известный прием. Люди, должно быть, предполагали, что она там, но не видели ее, так как не могли даже сказать, была ли она одета в вечернее платье или нет, не могли назвать цвета ее платья...

— Бог мой, это ложь, ложь!

Его всего трясло, он был окончательно раздавлен.

Джэпп посмотрел на него с отвращением и сухо сказал:

— Прошу вас, сэр, следовать за мной.

— Это арест?

— Скажем, задержание для снятия показаний.

Последовавшее за этим молчание было нарушено не то вздохом, не то всхлипом. Полным отчаяния голосом недавно еще столь заносчивый майор Юстас пробормотал:

— Мне конец...

Эркюль Пуаро потер руки с видом полного удовлетворения.

9

— Быстро же он сломался,— сказал несколько позднее Джэпп Эркюлю Пуаро, сидевшему рядом с ним в автомобиле.

— Он увидел, что игра проиграна,— отозвался с отсутствующим видом Пуаро.

— Мы многое можем предъявить ему,— продолжал инспектор полиции,— проживание под двумя или даже тремя чужими именами, сомнительное дельце с чеком и афера в отеле «Риц», где он остановился, назвавшись полковником Батом. Надул полдесятка торговцев на Пиккадилли. Мы задерживаем его по этому обвинению — пока не закруглим последнее дело. Кстати, что, собственно, так спешно погнало вас — и меня с вами — за город?

— Друг мой, дело должно быть закруглено как следует. Нужно объяснить все. Я лично занят разгадкой предложенной вами «Тайны пропавшего чемоданчика».

— Кажется, я назвал это просто «Тайной чемоданчика», но, насколько мне известно, он никуда не пропадал.

— Терпение, друг мой.

Автомобиль свернул в знакомый квартал. У двери дома № 14 Джейн Плендерлейт вылезала из маленького спортивного «остина». Она была одета для игры в гольф. Посмотрев на подъехавших мужчин, она достала ключ и отперла дверь.

— Входите, прошу вас.

Сама она пошла вперед. Джэпп проследовал за ней в гостиную. Пуаро подзадержался в прихожей, пробормотав что-то насчет неудобных рукавов своего пальто, мешающих снять его.

Через мгновение он, избавившись от пальто, также вошел в гостиную, но губы Джэппа под усами дрогнули в ухмылке: его тонкий слух уловил слабый скрип дверцы стенного шкафа.

Джэпп бросил на Пуаро вопросительный взгляд и получил в ответ едва заметный кивок.

— Мы не отнимем у вас много времени, мисс Плендерлейт,— сказал Джэпп.— Я хочу только узнать имя поверенного миссис Аллен.

— Ее поверенного? — Молодая женщина покачала головой.— Я даже не знала, что он у нее был.

— Не знали? Жаль, но ничего не поделаешь. Впрочем, это не так уж важно.— Инспектор повернулся к двери.— Ездили играть в гольф?

— Да.— Она покраснела.— Полагаю, вы сочтете меня бессердечной, но я просто не могла оставаться в этом доме. Мне нужно было выбраться отсюда, заняться чем-нибудь, иначе я сошла бы с ума!

— Я понимаю вас, мадемуазель.— вставил Пуаро.— Это вполне естественно. Сидеть здесь, как в клетке, и думать, думать... Да, это не весело.

— Вы играете в гольф-клубе? — поинтересовался он далее.

— Да, в Уэнтуорте.

— Приятный денек сегодня. Увы, на деревьях уже мало листьев, а еще неделю назад лес был великолепен.

— Он и сегодня хорош.

— Всего доброго, мисс Плендерлейт.— вежливо попрощался Джэпп.— Я сообщу вам о ходе дела. Кстати, мы тут задержали одного по подозрению.

— Кого же? — быстро спросила она.

— Майора Юстаса.

Джейн кивнула и нагнулась, чтобы разжечь камин.

— Ну? — спросил Джэпп, когда машина свернула за угол.

Пуаро улыбнулся.

— Это было очень просто. На сей раз ключ был на месте, и... клюшек для гольфа в шкафу нет.

— Естественно; эта Плендерлейт не дура. Еще что-нибудь пропало?

— Да, маленький чемоданчик.

Джэпп резко затормозил.

— Проклятье! — воскликнул он.— Я чуял, что в нем что-то есть. Но что, черт побери, что?! Ну, ладно... А теперь куда?

Пуаро взглянул на часы.

— Еще нет четырех. Я думаю, мы успеем доехать до Уэнтуорта до темноты.

— Думаете, она действительно ездила туда?

— Я полагаю, да. Она сообразит, что мы наведем справки. Не сомневаюсь, что она побывала там.

— Ладно, едем, однако, хоть убейте, не понимаю, какое отношение чемодан имеет к этому преступлению!

— Тут, мой друг, я согласен с вами — он не имеет к преступлению ни малейшего отношения.

— Так какого же дьявола?.. Нет, не рассказывайте мне! Знаю я ваш девиз: порядок, методичность, все в свое время. Великолепная погода сегодня!

Поскольку день был будний, в уэнтуортском гольф-клубе, куда они прибыли около половины пятого, народу было немного.

Пуаро прямо прошел к старшему тренеру и спросил клюшки мисс Плендерлейт. Она завтра будет играть на другой дорожке, объяснил он. Ему немедленно вручили спортивную сумку с клюшками, на которой были инициалы «Д.П.».

— Спасибо,— поблагодарил он.— Кстати, не оставила ли она у вас и небольшой чемоданчик?

— Нет, сэр. Может быть, она оставила его в помещении клуба. У нас ведь здесь только инвентарь. Мне кажется, сегодня, когда она была здесь, чемоданчик был при ней.

Возвращаясь к машине, Пуаро остановился на минуту, восторгаясь открывшимся перед его глазами видом.

— Как красивы эти темные сосны... на фоне озера, да, озера.

Джэпп быстро взглянул на него.

— Ах, вот оно что...

Пуаро улыбнулся.

— Я думаю, возможно, кто-нибудь что-нибудь заметил. На вашем месте я выяснил бы это, друг мой.

10

Пуаро отступил назад, обозревая убранство комнаты. Один стул здесь, другой — симметрично ему — там. Очень мило и аккуратно... А вот и звонок у двери — это наверняка Джэпп.

Полицейский чин из Скотланд-Ярда буквально ворвался в комнату.

— Вы попали в самое яблочко, старина! Люди видели, как молодая женщина — по описанию, Джейн Плендерлейт — вчера швырнула что-то в озеро в Уэнтуорте. Нам довольно легко удалось выловить эту штуку: как раз в этом месте густые заросли тростника.

— И что же это было?

— Чертов чемоданчик! Но почему, хотел бы я знать! Просто ум за разум заходит... Чемодан абсолютно пуст, даже журналов нет. Зачем молодой женщине в здравом уме и твердой памяти бросать хороший, дорогой чемодан в озеро? Всю ночь я ломал над этим голову.

— Бедный мой Джэпп! Но сейчас вашим тревогам пришел конец, у входной двери снова звонят — это ответ на ваш вопрос.

Камердинер Пуаро открыл дверь и доложил:

— Мисс Плендерлейт.

Джейн вошла с обычным самоуверенным видом и поздоровалась с присутствующими.

— Я просил вас прийти сюда...— сказал Пуаро.— Прошу вас, садитесь вот здесь, а вы, Джэпп, тут. У меня есть для вас новости.

Мисс Плендерлейт вопросительно переводила взгляд с одного на другого. Нетерпеливым жестом она сняла шляпу и отложила ее в сторону.

— Ну,— сказала она,— значит, майор Юстас арестован.

— Я вижу, вы читали утренние газеты.

— Да.

— Пока ему предъявлено обвинение в менее серьезном правонарушении,— продолжал Пуаро,— а мы тем временем собираем улики в связи с убийством.

— Значит, это все-таки убийство?!

Пуаро кивнул.

— Да. Это было убийство. Умышленное уничтожение одного человека другим человеком.

Она слегка вздрогнула.

— Перестаньте,— невнятно пробормотала она,— когда вы так говорите, это звучит просто ужасно.

— Но это действительно ужасно. А теперь, мисс Плендерлейт, я расскажу вам, как я добрался до истины в этом деле.

Джэпп снисходительно улыбнулся.

— У него свои методы, мисс Плендерлейт,— сказал он.— Я с ним не спорю, пусть его... Давайте послушаем.

Пуаро начал свой рассказ:

— Как вам известно, мадемуазель, я вместе с моим другом прибыл на место преступления утром шестого ноября. Мы вошли в комнату, где было обнаружено тело миссис Аллен, и мне сразу бросились в глаза несколько существенных деталей. Я бы даже сказал несообразностей.

— Продолжайте,— произнесла мисс Плендерлейт.

— Во-первых, насчет запаха табачного дыма.

— Вы преувеличиваете, Пуаро,— возразил Джэпп,— я, например, не почувствовал никакого запаха.

Пуаро с быстротою молнии обернулся к нему.

— Вот именно. Вы не уловили табачного запаха. Я тоже ничего такого не унюхал. Но ведь это в высшей степени странно — так как дверь и окно были закрыты, а в пепельнице оставались окурки от минимум десяти сигарет. А между тем воздух в комнате был совершенно свежим. Но продолжаю: следующей вещью, привлекшей мое внимание, были наручные часы на правом запястье убитой, хотя, как правило, часы носят на левой руке.

Джэпп пожал плечами, и Пуаро поспешил дополнить:

— Но в этом еще нет ничего особенно странного, потому что некоторые предпочитают носить часы именно на правой руке. А теперь я перехожу к действительно интересному обстоятельству — я перехожу, друзья мои, к бюро, вернее, к письменному столу. Оно очень интересно по двум причинам. Во-первых, с него кое-что исчезло.

— Что именно? — спросила Джейн Плендерлейт.

— Листок промокательной бумаги, мадемуазель. Поверхность пресс-папье была абсолютно чистой.

Джейн недоуменно пожала плечами.

— Но, мсье Пуаро, люди часто отрывают использованные промокашки.

— Да, но что они с ними делают? Бросают в корзинку для бумаг, не так ли? Но этой промокашки не было в корзинке для бумаг. Я смотрел.

Джейн Плендерлейт явно теряла терпение.

— Ну, значит, ее оторвали и выбросили раньше. Пресс-папье было чистым, потому что Барбара не писала писем в день, который нас интересует.

— Вряд ли дело обстояло так, мадемуазель. Ведь соседи видели, как миссис Аллен в тот вечер направлялась к почтовому ящику. Она не могла писать внизу — там нет письменных принадлежностей. Вряд ли она прошла в вашу комнату, чтобы написать письмо там. Так что же случилось с использованным ею листком промокательной бумаги? Правда, люди иногда бросают ненужные обрывки не в корзину для бумаг, а в огонь, но в ее комнате было газовое отопление. А камин внизу не горел, поскольку вы сами сказали мне, что растопка в нем дожидалась вашего возвращения.

Он помолчал.

— Любопытная деталь: я искал повсюду, но так и не смог обнаружить листка использованной промокательной бумаги. Похоже, кто-то намеренно убрал этот листок с глаз долой. Почему? Да потому, что отпечатавшиеся на этом листке слова могут быть легко прочитаны с помощью зеркала.

Но с бюро связано еще одно интересное обстоятельство. Джэпп, может быть, вы хотя бы приблизительно помните, как на нем все было расставлено и разложено? Пресс-папье и чернильница в центре, лоточек налево, календарь и гусиное перо направо, не так ли? А теперь припомните: гусиное перо, которое я столь внимательно осмотрел, играло чисто декоративную роль, им не пользовались. Все еще не понимаете? Повторяю: пресс-папье в центре, лоточек для всяких писчебумажных мелочей налево... налево, Джэпп! Но не удобнее ли держать его справа, чтобы доставать правой рукой?

А, я вижу, до вас начинает доходить... Лоточек слева, часы на правом запястье, исчезновение промокашки и... появление в комнате чего-то, чего раньше в ней не было, а именно — пепельницы с окурками.

Воздух был свежим и чистым, Джэпп, в этой комнате, где окно было открыто всю ночь, а вовсе не закрыто... И я мысленно нарисовал себе картину случившегося...

Он круто обернулся к Джейн Плендерлейт.

— Мысленно я увидел, как вы, мадемуазель, подъезжаете к дому на такси, расплачиваетесь, взбегаете по лестнице, быть может, зовете «Барбара!», открываете дверь — и находите вашу подругу мертвой, с пистолетом, зажатым в ее левой руке,— ибо она была левшой,— а поэтому и рана на голове была слева. Вы находите также адресованное вам письмо. В нем говорится, что побудило ее расстаться с жизнью. Полагаю, это было очень трогательное письмо... Молодая, милая, несчастная женщина, доведенная шантажом до страшного конца!

Я думаю, в вашем мозгу немедленно родилась некая идея. Это — дело рук определенного мужчины. Так пусть же его постигнет полное и немедленное возмездие! Вы поднимаете пистолет, вытираете его и вкладываете в правую руку убитой. Затем вы берете предсмертное письмо и отрываете верхний листок пресс-папье с отпечатавшимся на нем текстом. Потом вы спускаетесь вниз, разжигаете камин и сжигаете то и другое. Вслед за этим вы относите наверх пепельницу — в подтверждение мысли о том, что два человека сидели там и курили, и, кроме того, относите туда же найденный на полу обломок эмалевой запонки. Вы рассчитываете, что эта ваша находка поставит в деле последнюю точку. Наконец вы закрываете окно и запираете дверь. Не должно возникнуть и подозрения, что в комнате кто-то уже побывал. Поэтому вы не обращаетесь за помощью к соседям, а звоните прямо в полицию.

Дальше все идет как по маслу. Трезво и холодно играете вы избранную роль. Сначала вы отказываетесь сказать что-либо конкретное, но умело ставите под сомнение версию о самоубийстве. Позднее вы проявляете полную готовность пустить нас по следу майора Юстаса...

Да, мадемуазель, это была умная, даже очень умная попытка убийства майора Юстаса.

Джейн Плендерлейт вскочила на ноги.

— Это было не убийство, а справедливое возмездие! Этот человек довел Барбару до гибели. Она была такой милой, доброй и... беспомощной! Видите ли, бедняжка, когда ей было всего семнадцать лет, связалась в Индии с... одним мужчиной, женатым и гораздо старше ее. У Барбары родился ребенок. Она могла бы отдать его в приют, но не хотела и слышать об этом. Она отправилась в какую-то богом забытую дыру, а потом вернулась, называя себя миссис Аллен. Ребенок умер. Она приехала в Англию и влюбилась в Чарльза — в этого чванливого истукана! Барбара обожала его, а он... снисходительно принимал это обожание. Будь он другим человеком, я бы посоветовала ей все ему рассказать. Но, зная, что он собой представляет, я, напротив, порекомендовала придержать язык. В конце концов никто, кроме меня, ничего не знал о ее прошлом.

И тут черт принес этого Юстаса! Остальное вы знаете. Он начал систематически тянуть из нее деньги, но только вчера вечером она поняла, что подвергает опасности скандала и своего обожаемого Чарльза тоже. Стоило ей выйти замуж за Чарльза, и Юстас добился бы своего. Ведь он только того и хотел, чтобы увидеть ее женой богатого человека, панически боящегося всяких скандалов. Когда Юстас ушел отсюда с деньгами, которые она раздобыла для него, она обдумала сложившуюся ситуацию. Затем она поднялась наверх и написала письмо, адресованное мне. Она писала, что любит Чарльза и не в силах жить без него, но ради его собственного блага не должна выходить за него замуж. Она добавляла, что выбирает наилучший выход...

Джейн откинула голову назад.

— И вы удивляетесь тому, что я сделала? Вы смеете называть это убийством?

— Да, ибо это убийство.— Пуаро говорил суровым тоном.— Иногда убийство может показаться оправданным, но от этого оно не перестает быть убийством. Вы правдивы и умны, мадемуазель, взгляните же правде в лицо! В конечном счете, ваша подруга умерла потому, что ей не хватило мужества жить. Мы можем сочувствовать ей, жалеть ее. Но факт остается фактом: ее смерть — дело ее собственных рук.

Он помолчал.

— А вы? Этот мужчина сейчас в тюрьме, его ожидает длительное тюремное заключение за другие его проступки. Действительно ли вы хотите по своей воле оборвать жизнь — подчеркиваю, жизнь! — человека?

Она пристально смотрела на Пуаро. Глаза ее потемнели. Внезапно она содрогнулась.

— Нет! Вы правы. Этого я не хочу.

Затем, повернувшись на каблуках, она быстро вышла из комнаты. Хлопнула наружная дверь...

Глядя на улыбающегося Пуаро, Джэпп свистнул, помолчал и только потом заговорил:

— Будь я проклят! Значит, не убийство, замаскированное под самоубийство, а как раз наоборот!

— Да, и заметьте, как умно все проделано, ни малейшего наигрыша.

Внезапно Джэпп спросил:

— Но чемодан, какое он-то имеет к этому отношение?

— Дорогой друг, я ведь уже сказал вам, что абсолютно никакого. Дело не в нем, а в клюшках для гольфа. Это были клюшки для левши! Джейн Плендерлейт держала свои клюшки в Уэнтуорте, а эти принадлежали Барбаре Аллен. Неудивительно, что мисс Плендерлейт, как вы выразились, запсиховала, когда мы открыли шкаф. Весь ее план мог пойти прахом. Но она сообразительна и сразу поняла, что на какое-то мгновение выдала себя. Поэтому она сделала лучшее из того, что могло прийти ей в голову,— переключила наше внимание на другой объект, а именно, на чемоданчик. Как она и надеялась, вы пошли по ложному следу. На другой день, решив отделаться от клюшек, она воспользовалась для отвода глаз тем же чемоданчиком.

— Вы хотите сказать...

— Подумайте сами, друг мой. Где лучше всего отделаться от такой вещи, как клюшки для гольфа? Их не сожжешь и не бросишь в мусорный ящик. Если просто оставить их где-то, их могут вернуть. Мисс Плендерлейт поступила проще: взяла их с собой на участок для игры. Несомненно, она — с разумными интервалами — переломала клюшки, забросила их в густой кустарник, а затем отправила туда же и сумку. Если бы кто-нибудь и нашел сломанную клюшку, это никого не удивило бы. Это легко можно объяснить азартом увлеченного игрока.

Но, понимая, что ее поступками могут все-таки заинтересоваться, она бросила в озеро чемоданчик, предварительно удостоверившись, что эти ее действия не остались незамеченными. И вот вам разгадка «Тайны пропавшего чемоданчика»!

Перевела с английского Ирина БУЖИНСКАЯ.

Стефан ЕЖЕВСКИЙ

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Директор отеля «Столица» подошел к окну и посмотрел вниз. По стеклу бежали крупные капли дождя.

— Пан Вальчак,— директор обернулся к начальнику административно-хозяйственного отдела,— на террасе кафе мокнут столики и стулья. А ведь я уже две недели тому назад говорил вам, что их нужно перенести на склад.

— Сейчас я все устрою, пан директор. Простите, совершенно забыл об этом.— Вальчак направился к двери. Когда директор снова повернул голову от окна, в кабинете уже никого не было. Он устало вздохнул и начал просматривать счета, лежащие на столе.

Не прошло и пятнадцати минут, как зазвонил телефон. В трубке директор услышал отрывистый, прерывающийся голос Вальчака. Тот задыхался и буквально давился словами:

— Пан директор! Это страшно... Это ужасно... Я не знаю, что делать... Я потрясен...

— Говорите ясней, в чем дело, или не морочьте мне голову!

— На террасе кафе лежит мужчина.

— Ну и что?

— Он мертвый!

Директор положил трубку. Поток вскочил со стула и, как бильярдный шар, покатился к дверям. Он отлетел от дверей и снова оказался около стола. Дрожащими руками набрал номер отделения милиции.

Через пятнадцать минут у отеля «Столица» остановился автомобиль, из которого вышел высокий худой мужчина с палкой в руках. У него были большие торчащие уши, на них, как на подпорки, опиралась видавшая виды шляпа. Брюки едва доходили до щиколоток. Шагая по лестнице, мужчина поднимал ноги, как аист, бродящий по мокрому лугу.

Через минуту он был уже на террасе, где собралась толпа.

— Кто здесь директор отеля?

Звуки могучего баса заставили всех присутствующих обернуться. Из толпы выступил дородный мужчина с напомаженными волосами.

— Я Славиковский, директор отеля. Чем могу быть вам полезен?

На лице прибывшего появилось нечто, что при большой доле воображения можно было бы назвать улыбкой.

— Если вы не знаете, чем можете быть мне полезны, зачем же вы меня вызывали? Я из милиции. Поручик Любич.

Не успел директор и слова сказать, как поручик снова загремел своим могучим басом:

— Граждане, напрасно вы тут мокнете! Прошу вас покинуть террасу.

С явной неохотой толпа начала медленно расходиться. На террасе остались только Славиковский, Вальчак и поручик.

— Ну, так...— вздохнул Любич, наклонялся и мужчине, лежащему на животе, с неестественно повернутой головой.— Я надеюсь, что никто здесь ничего не трогал?

— Никто не осмелился, пан поручик...

— Вы знаете, кто это?

— Еще нет, но мы сейчас постараемся узнать.

Любич встал, вытер рукавом испачканные на коленях брюки, поправил сбившуюся шляпу и посмотрел вверх.

— Достаточно будет, если вы узнаете, кто занимал номер 1102. Пошлите кого-нибудь в портье.

Вальчак, который стоял рядом, встрепенулся.

— Уже бегу!

Директор искоса взглянул на Любича. Вид поручика ему не нравился. Начиная со слишком коротких брюк и кончая порыжевшей шляпой. И еще этот голос, звучащий как будто из колодца... Культурный и хорошо воспитанный человек не должен иметь такого голоса.

— Пан поручик, вы уже все знаете? — сказал директор принужденно вежливым тоном.

— Ничего я не знаю, пан директор,— пробурчал Любич и, вынув из верхнего кармана пиджака сигарету, закурил, с удовольствием затягиваясь дымом.— Любой, кто увидит тут человека в пижаме с разбитым черепом, а потом заметит, что на 11-м этаже распахнуто окно, должен прийти к выводу, что покойник относится к числу постояльцев отеля. А поскольку открытое окно второе от угла, то, немного зная ваш отель, легко предположить, что это окно номера 1102.

Славиковский покачал головой.

— Вы считаете, что это самоубийство?

— А какая, собственно, разница? — Любич поднял воротник пальто, как будто только сейчас он почувствовал, что идет дождь.

Директор ничего не ответил. Ему хотелось вернуться в свой кабинет.

На счастье, в дверях появилось несколько человек в милицейской форме и один в штатском. При их виде Любич оживился и помахал рукой.

— Быстрее, быстрее,— прогрохотал он своим басом,— этот проклятый дождь все смоет. Снимки со всех сторон. Отпечатки. Кровь на анализ... Доктор, я попрошу вас выяснить причину смерти. Я займусь установлением личности.

Он обратился к Славиковскому:

— Пан директор, не могли бы вы пройти со мной?

В холле их уже ждал Вальчак с книгой записи приезжих. Он подал ее поручику, уже открытую на нужной странице.

— Его фамилия Гурский, Ян Гурский, он приехал вчера после обеда из Кракова. Я уже был наверху, в его комнате...— Любич хмуро взглянул на Вальчака.

— Вы понимаете, пан поручик... Там его вещи. Если что-нибудь пропадет, мы отвечаем...

— Двери были заперты?

— Открыты, пан поручик, именно открыты. Хорошо, что я сразу пошел туда, могло бы пропасть что-нибудь...

— Хорошо, давайте поднимемся туда еще раз вместе.

Директор нетерпеливо переступал с ноги на ногу.

— Пан поручик, я вам, наверное, уже не нужен?

— Пока нет. Хотя... Я, возможно, еще зайду к вам.

— Я буду все время в своем кабинете.

В номере 1102 Любич первым делом подошел к открытому окну и начал разглядывать сверху террасу. Однако он, вероятно, не увидел там ничего достойного внимания, так как через минуту закрыл окно и занялся осмотром комнаты.

Вальчак стоял у дверей и с интересом наблюдал быстрые, привычные движения поручика.

Любич откинул одеяло, лежащее на кровати, и коснулся рукой пододеяльника.

— Он не ложился в эту ночь,— пробормотал себе под нос.

Потом открыл шкаф и взял костюм. Осмотрел карманы, выложил на стол бумажник, носовой платок, расческу, мягкую пачку сигарет, зажигалку, связку ключей... Потом раскрыл чемодан. Две рубашки, носки, полотенце, кальсоны, запасная пижама, носовые платки...

Любич подошел к умывальнику, взглянул на туалетные приборы, расставленные на стеклянной полке под зеркалом. Потом начал потрошить бумажник, лежащий на столе. Не поднимая головы от документов, спросил:

— Где можно найти портье, который вчера дежурил?

— Он в бюро, пан поручик, сегодня как раз зарплата... Сейчас я позвоню ему.

Пока Вальчак набирал номер, Любич что-то тщательно выписывал из лежащего перед ним паспорта Гурского. Потом он снова подошел к шкафу, вынул плащ, шляпу и туфли. Все это он старательно сложил в чемодан. Когда Любич потянулся за костюмом, лежащим на кровати, чемодан опрокинулся, и все вещи вывалились на пол.

Поручик выругался и начал собирать их. Теперь он запихивал все в чемодан как попало, не заботясь о том, что ботинки могут запачкать чистые рубашки, а неплотно закрытый тюбик с кремом испачкает костюм.

Однако когда очередь дошла до брюк от запасной пижамы, он вдруг, неизвестно для чего, разложил их во всю длину на кровати и внимательно осмотрел.

В этот момент раздался деликатный стук в дверь.

— Войдите,— загремел Любич, не прерывая работы.

ЕК

А

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

В комнату проскользнул маленький засушенный человечек неопределенного возраста.

— Вы портье? — спросил Любич, запирая чемодан.

— Да, это я.

— Садитесь, пожалуйста. Вы знаете, в чем дело?

— Догадываюсь, пан поручик.

Любич почесал за ухом, достал из кармана сигарету и, закурив, начал вышагивать по комнате, высоко поднимая ноги, как бы преодолевая невидимые препятствия.

— Это вы принимали прибывшего вчера человека по фамилии Ян Гурский, который занял номер 1102?

— Да.

— Когда это было?

— Примерно двадцать минут как прошел экспресс из Кракова. Что-то около шести тридцати вечера. В это время приехало еще несколько человек из Кракова.

— Гурский выходил из комнаты?

— Да, пан поручик. В восемь часов он пошел ужинать.

— А когда вернулся?

— Мне трудно сказать точно, но, кажется, уже было за полночь.

— Вы уверены, что это был именно он?

Портье старательно пригладил редеющие волосы.

— Да, это он, хотя... лицо совершенно изуродовано, трудно сказать что-либо с уверенностью.

Любич покачал головой.

— Ну, пока все. Спасибо.

Портье, который уже положил ладонь на ручку двери, обернулся.

— Пан поручик...

— Слушаю.

— Сейчас я вспоминаю, когда Гурский вернулся в свой номер. Была как раз полночь. Сразу после него из ресторана вышел другой приезжий, пьяный в стельку. Он орал во весь голос «Чао-чао, бамбино!». Тогда я заметил ему, что уже двенадцать ночи и что он находится в отеле. А пьяный подсунул мне под нос свои часы в доказательство того, что еще только десять. Его часы, конечно, стояли, но я не хотел с ним препираться и отправил его в лифт.

За портье закрылась дверь. Любич погасил в пепельнице окурок.

— Ну, что ж, нам уже нечего тут делать,— сказал он Вальчаку,— протокол составим в кабинете директора.

Внизу поручика уже ждала оперативная группа.

— Все в порядке? — спросил Любич.

— Так точно, пан поручик,— доложил один из офицеров.

— Слушай, Филипп,— сказал мужчина в плаще, наброшенном на белый китель,— тело я отправил в отдел судебной экспертизы. Мне кажется, так на глаз, что смерть наступила около часу ночи. У него поломаны ребра, ключица, черепная коробка треснула в двух местах. Результаты вскрытия я перешлю вместе с результатами всех анализов. Самое позднее завтра. Ну, привет, я спешу.

— Привет! — Любич приложил два пальца к полям шляпы.

Сидя в машине, поручик обдумывал свое донесение. «Кроме этого,— думал он,— нужно сообщить семье, установить причины этого отчаянного прыжка и представить прокурору дело к закрытию».

В комендатуре Любич пробыл недолго. Поспешно набросал на выравнивом из тетради листе донесение и дал его перепечатать машинистке. Потом распорядился, чтобы дежурный офицер проследил за отправкой телефонограммы с добавочной информацией о самоубийце в Лодзь, где Гурский был временно прописан.

— Какое-нибудь интересное дело? — спросил дежурный.

— Ужасно. Парень выскочил из окна, потому что его обманула жена.

Поручик не любил разговаривать о делах, которыми занимался, а кроме того, еще и спешил. С большим трудом он достал билет на детективный фильм, несколько дней тому назад вышедший на экраны, и не хотел опоздать к началу сеанса.

Помимо дешевых сигарет, Любич любил детективные фильмы. Еще подростком тратил все свои карманные деньги на кино, а иногда ходил по два-три раза на один фильм. Может быть, именно это толкнуло его пойти в офицерскую школу милиции.

Честно говоря, уже в начале работы Любич начал чувствовать что-то вроде разочарования. Ему не приходилось ни преследовать похитителей детей, которые украли сына миллионера, ни раскрывать деятельность шайки торговцев наркотиками; вместо этого он должен был долгие часы тратить на допрос заведующих складами, продавщиц, участников драк. Вместо поединка с бандой, увезшей на яхте коллекцию бриллиантов известной киноактрисы, нужно было проводить ревизии у торговок с Рушницкого базара. Вместо ночных рейдов по тайным игорным домам — ловить организаторов прозаичной игры в три листика.

Растущее разочарование, в котором сам себе не признавался, вело к тому, что он перестал следить за собой. Если раньше его снежно-белая рубашка и идеально выглаженный костюм были предметом зависти коллег, то теперь, когда он начал дело Яна Гурского, порыжевшая шляпа с пропотевшей лентой дала повод называть его «шляпой».

Служебные разочарования компенсировало ему кино. Углубившись в кресле, изолированный от мира полумраком зала, он напряженно следил за действием, развертывавшимся на нескольких квадратных метрах экранного полотна.

Наибольшее удовлетворение приносили Любичу минуты, когда, уже на середине картины, ему удавалось разгадать загадку, и тогда он перевоплощался в преступника, обдумывая более сложный метод сокрытия следов.

Но, несмотря на это, Любич не забывал о своих служебных обязанностях. Поэтому вечером, выйдя из кино, он пошел в комендатуру, чтобы проверить, не пришел ли из Лодзи ответ на телефонограмму о Яне Гурском.

Телефонограмму он нашел на своем столе. В ней не было ничего интересного. Гурский снимал комнату у мастера, работающего на одной из тканых фабрик Лодзи. Однако хозяин квартиры не мог дать никакой информации о своем жильце, так как Гурский снял комнату всего два месяца назад и появлялся дома только поздно вечером.

Когда открыли комнату, которую занимал Гурский, оказалось, что там нет ни одного предмета, который ему принадлежал. Лодзинская комендатура предполагала, что хозяин мог выкрасть его вещи, и считала, что не мешало бы провести расследование в Кракове, где Гурский был прописан постоянно.

— Шудрят,— буркнул себе под нос Любич. Он был зол сам на себя за то, что сразу не послал телефонограмму в Краков. Поручик набрал номер дежурного офицера.— Привет, говорит Любич. Пошлите, пожалуйста, в Краков телефонограмму того же содержания, что и в Лодзь.

— Дело осложнится?

— Во всяком случае, не настолько, чтобы было о чем говорить,— ответил Любич.

На следующий день утром, когда Любич пришел в секретариат, он увидел офицера, который уже закончил дежурство и собирался домой. В руке тот держал листок телефонограммы, а по лицу его блуждала злорадно-удовлетворенная улыбка.

— Я специально ждал, чтобы вручить вам лично это известие. Теперь будет о чем поговорить, не правда ли, коллега?

Любич без энтузиазма взял листок бумаги и медленно направился к дверям. Внезапно он задержался, и на его лице появилось выражение нескрываемого удовольствия. Краковская комендатура сообщала интересные вещи.

На улице Карвацинской, дом 5, квартира 16, действительно прописан Ян Гурский вместе с женой и десятилетним сыном. По профессии инженер, работает в горно-металлургической академии, но — что самое интересное — он жив и совершенно здоров. При установлении этих

фактов — Любич узнал об этом позднее — не обошлось без неприятного инцидента. Работник милиции застал дома только жену Гурского. Когда он спросил, где находится ее муж, она ответила, что он ушел час тому назад, потому что у него сейчас экзаменационная сессия в академии. Считая, что Гурский над ним смеется, оскорбленный милиционер поспешил заявить, что останки ее мужа были найдены в Варшаве.

Ничего странного, что при этом известии Гурская потеряла сознание. Вызвали врача, а извещенный соседями муж появился через несколько минут. В ходе дальнейшего расследования было установлено, что год тому назад, во время командировки, у Гурского украли в поезде бумажник с деньгами и документами. Возникло подозрение, что вором был тот самоубийца, которого нашли на террасе кафе в Варшаве.

Любич прочитал телефонограмму два раза. Теперь он был уверен, что напал на след действительно захватывающей истории. Именно такого дела он ждал долгие годы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда схлынула первая волна горячечного возбуждения, поручика Любича охватило сомнение. «Самоубийство или убийство?» — думал он, рисуя карандашом зигзаги на лежащей перед ним чистой бумаге.

Ян Гурский, а точнее, тот, кто пользовался документами Яна Гурского, живущего сейчас спокойно в Кракове, выскочил или же был выброшен из окна с 11-го этажа. Кто этот таинственный самоубийца? Почему он лишил себя жизни? А если это убийство, то кто убийца?

«Насколько легче решать подобные загадки, сидя в кино в мягком кресле, чем за дубовым столом, в неуютном кабинете комендатуры»,— думал он, закуривая неизвестно которую по счету сигарету.

В руки ему попало действительно интересное дело, но собранный пока материал не позволял сделать каких-либо выводов. Поручик не рассчитывал на то, чтобы результаты экспертизы, которых он еще не получил из лаборатории, могли в какой-либо степени помочь при разрешении загадки.

Лаборатория находилась на том же этаже, в противоположном крыле здания.

— Дайте немедленно результаты всех экспертиз того типа, который выскочил из окна в «Столице»,— обратился он к небритому человеку в халате, настолько запачканному химикатами, что установить его подлинный цвет было бы трудно даже известнейшим мастерам палитры.

— Еще не написаны,— ответил тот.— Но я могу вам так сказать. В желудке у него было столько люминала, что хватило бы еще на неделю сна, если бы ему не пришло в голову сигануть через окно. Проспиртован он был не меньше. Выпил по крайней мере литр... Парень что надо!

— Можно ли насыпать люминал в спиртное так, чтобы вкус его не изменился? — прервал Любич.

— После такой порции спиртного человеку можно налить даже касторки; он и не почувствует.

— А что вам еще удалось установить?

— Только то, что он выскочил совершенно правильно, головой вниз.

— В котором часу он выпил снотворное?

— Примерно около полуночи,— ответил лаборант, старательно вытирая руки о халат.— А результаты вскрытия показали, что смерть наступила в час ночи. Следовало бы полагать, что покойник, прыгая в окно, спал, как суслик.

Любич посмотрел на лаборанта взглядом змеи, которой наступили на хвост.

— Можно ли поверить, коллега, что спящий человек, если он только не лунатик, может выскочить в окно?

— Исключено! Разве что ему кто-нибудь поможет, и поэтому я считаю, пан поручик, что вам попалось исключительно интересное дело,— сказал лаборант и демонстративно начал вынимать из шкафа бутылки, давая понять, что считает аудиенцию законченной.

Выйдя из лаборатории, поручик сразу же поехал в «Столицу». В это время около портье было относительно спокойно. Двое ожидающих при виде комичной фигуры Любича с интересом подняли головы, но через минуту широко открыли рты от удивления, увидев, что портье любезно согнулся в поклоне перед таким малопривлекательным гостем.

Любич серьезно ответил на поклон и поднялся по лестнице. Со второго этажа он позвонил директору и попросил ключи от любого свободного номера. Минутой спустя в номере 28 на втором этаже директор представил Любичу список приезжих, зарегистрированных в течение последних двух дней перед убийством. Поручик внимательно просматривал список, все время что-то записывая в толстой тетради. Эта сцена происходила в гробовом молчании, и ни один из двоих не проявлял никакого желания заговорить. Наконец Любич отложил список и потребовал вызвать портье, дежуривших в тот день.

Сравнительно быстро Любичу удалось установить, что в день происшествия двадцать три человека получили отдельные номера, причем только пятеро из них выехали из отеля на следующее утро.

Трое из этой пятерки, которой поручик занялся прежде всего, жили в номерах на 11-м этаже. Роман Стоберский, снабженец одного из крупных предприятий в Щецине, Казимир Врона — публицист из Познани, третий — Тадеуш Вольский — был служащим одного из торговых объединений в Кракове.

Меньше других понравился поручику этот познанский публицист. Портье никак не мог вспомнить, когда он вернулся в свой номер, а второй, дежуривший утром, сказал, что публицист выехал из отеля около шести часов утра. Несколько больше подробностей собрал Любич о Вольском и Стоберском. Похоже, что они вообще вечером не покидали своих номеров, в чем, однако, портье не мог присягнуть, а, как потом выяснилось, Вольский был именно тем человеком, который пьяным в стельку вернулся с пирушки после полуночи.

Поручик, выслушав все эти объяснения, имел такое непроницаемое выражение лица, что оба портье и их шеф готовы были присягнуть, что Любич уже распутал эту порочащую репутацию отеля загадку. Телефонограмма из Познани вселила немного надежды в сердце поручика. Ни одного публициста по фамилии Врона в городе не было, зато такую фамилию носил мошенник-рецидивист, которого не застали дома, а его семья не знала, где он сейчас находится. Поручик потребовал подробного описания Вроны. Но, к сожалению, кроме весьма общих сведений, что тот — человек среднего роста и средней упитанности, познанская милиция не располагала никакими другими подробностями.

Проходили дни, а следствие не продвигалось ни на шаг. С беспокойством Любич ждал со дня на день вызова шефа, имевшего неприятный обычай начинать любой разговор со слов: «Ну и что там у вас? Снова ничего не известно, не так ли?» Казалось, неспособность собственных сотрудников доставляла ему явное удовольствие и ничего другого он от них не ожидал.

Однако дело Вроны выяснилось гораздо быстрее, чем этого ожидал Любич. Через два дня, в восемь часов утра, два милиционера ввели в кабинет Любича какого-то субъекта.

— Милицейский пост в Гвиздове задержал разыскиваемого Врону,— доложил один из милиционеров.

— Пан полковник,— заскрипел пропитым голосом Врона,— я не знаю, в чем дело. Я только что после амнистии...

Уже в этот момент поручик понял, что его постигла новая неудача. Однако, хватаясь за последнюю спасительную соломинку, спросил спокойно:

— У вас документы при себе?

Один из милиционеров, предупредив ответ подозреваемого, с триумфом положил перед Любичем паспорт.

— Пожалуйста, это точно он. Все совпадает: номер, фотография, приметы...

Любич закурил сигарету и обратился к Врона:

— Вы жили в отеле «Столица» 18—19 ноября?

— Да, пан полковник. Там что-нибудь пропало?

— Вы жили на 11-м этаже, не так ли? В какое время вы вернулись в свой номер?

— Я поужинал внизу с одной девушкой, которая тоже жила в этом отеле, а после десяти я уже спал.

— У себя в номере или у нее?

— У меня... Я холостяк, то есть разведен, пан полковник понимает... Имя ее Тереза, а фамилия мне была как-то ни к чему.

— А вы не слышали, кто-нибудь был в соседнем номере?

— Конечно. Около полуночи я слышал голоса двух мужчин, из которых один говорил очень громко, а другой его успокаивал.

Любич уже знал, что Врона занимал номер в непосредственном соседстве с так называемым Гурским и что, без всякого сомнения, номер Гурского был одиночным. Два голоса... Один из них — этот пронзительный голос пьяного — должен был потом замолчать навсегда.

«Но ведь Гурский,— Любич уже привык так называть таинственного самоубийцу,— был определенно трезв. Это подтвердил и портье, который дежурил той ночью. А пьяный был Тадеуш Вольский, тот служащий из Кракова. Тогда...»

Поручик знал: он уже на верном пути. В отеле «Столица» произошло убийство, с которым, однако, этот мелкий мошенник Врона, «публицист» из Познани, не имел ничего общего.

— Ну, с этим кончено! — пробасил он, вручая Вроне паспорт.— Спасибо вам.

Милиционеры из Гвиздова были явно удивлены.

— Я могу идти, пан капитан? — спросил Врона Любича, которого так недавно называл полковником.

— До свидания.— Любич кивнул головой.— Пропуск вам подпишут внизу.

Поручик остался в кабинете один. Версия «публициста» из Познани оказалась действительно несостоятельной. Но у него было предчувствие, что посланная в Краков телефонограмма с просьбой собрать данные о Тадеуше Вольском может быть переломным моментом в этом деле.

Вечером из Кракова пришли сведения, что Тадеуш Вольский, сорока двух лет, служащий одного из торговых объединений, выехал неделю назад по частному делу в Варшаву и с тех пор не давал о себе знать. Краков запрашивал, знают ли в Варшаве что-либо о Вольском, и просил немедленно ответить.

Но вместо того чтобы дать телефонограмму, поручик отправился на вокзал и сел в ночной поезд на Краков.

В доме на улице Дитля, на четвертом этаже, Любич остановился перед дверями, на табличке которых было написано «Вольские», старательно вытер ноги и позвонил.

За дверями раздался приглушенный звук шагов, и кто-то посмотрел в глазок. Голова поручика, прикрытая старой шляпой, не могла произвести хорошего впечатления даже на самого доброжелательного наблюдателя, и ничего удивительного, что из-за дверей раздался не очень вежливый голос:

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста, я к Тадеушу Вольскому.

— Мужа нет дома.

— Я знаю об этом, я из милиции.— Любич вопреки первоначальным намерениям должен был назваться еще за дверями. Эти слова вызвали соответствующую реакцию, хотя результат был непредвиденным, потому что, как по мановению волшебной палочки, открылись все двери соседних квартир. Предстала перед Любичем и пани Вольская, решившаяся впустить непрошеного гостя. С неожиданным проворством поручик втиснулся в темную прихожую и тщательно закрыл за собой дверь. Он быстро вытащил из кармана служебное удостоверение и помахал им перед носом хозяйки, хотя понимал всю бесполезность этого жеста, поскольку в прихожей была тьма египетская.

Она приоткрыла дверь и на пороге бросила взгляд на удостоверение. Видимо, сомнения тут же оставили ее, потому что широким жестом пригласила Любича в большую комнату, заставленную разномастной мебелью, и указала место на обтянутом грязным чехлом стуле, с которого быстро убрала щетку и тряпку.

Поручик уселся, положил на колени свою шляпу и с удовольствием вытянул ноги, измученные за время ночного путешествия.

— Пани Янина Вольская, не так ли?

— Да, я Вольская.— Хозяйка сняла с соседнего стула массивную пепельницу и села напротив поручика.— Что случилось с моим мужем? За что он сидит? Он всегда был такой осторожный... Должна ли я взять адвоката?

— Нет.— Любич прервал этот поток слов.— Ваш муж не арестован. Меня интересуют... обстоятельства его исчезновения.

— Что? — вскричала пани Вольская.— Мой муж пропал?

— Но ведь вы сами осведомили об этом милицию.

— Он никогда не выезжал на такой долгий срок. Я думала, что-нибудь случилось.

— Может быть, вы начнем по порядку? Итак, вы говорите, что муж никогда не выезжал из дома так надолго. Могу ли я узнать, зачем он поехал в Варшаву?

— Откуда я знаю? — взорвалась Вольская.

— Гм...— хмыкнул Любич и, видя, что система вопросов, которую он выбрал, не ведет его к цели, начал с другой стороны: — Вы должны успокоиться, я приехал сюда для того, чтобы вам помочь. Заверяю вас, что ваш муж не арестован и не совершил ничего предосудительного. Нам нужен свидетель в одном деле, и только вы можете нам помочь. Прошу взять себя в руки и спокойно ответить на мои вопросы. Это очень важно.

Последние слова, как видно, произвели должное впечатление. Она посмотрела на поручика если не с симпатией, то по крайней мере с интересом.

— Пожалуйста, спрашивайте.

— Итак, я повторяю: сказал ли вам муж, зачем он едет в Варшаву?

— Он говорил мне, что едет к товарищу, с которым познакомился во время отпуска в Сопоте. Тот приятель предлагал ему какую-то выгодную сделку и должность. Я сразу поняла, что здесь что-то не так. За этим, должно быть, скрывается какая-то женщина. И зачем я пустила его одного в этот отпуск!

Вольская собралась заплакать, но поручик тут же вмешался:

— Уверяю вас, что в этом деле не замешана женщина... Расскажите мне побольше об этом приятеле мужа, с которым он познакомился в Сопоте.

— Моя мама была больна,— ни с того ни с сего начала Вольская,— и я впервые за тринадцать лет нашей совместной жизни пустила его отдыхать одного. Бабником он не был, но я следила за ним, потому что сейчас современные женщины только и подкарауливают чужих мужей. Даже в газетах пишут, что каждая вторая — одинокая. Так что же остается делать этим одиноким? Отбивают мужей у других. В нашем доме уже были две такие истории...

— Итак, ваш муж во время отпуска с кем-то подружился...— вставил поручик, напуганный перспективой рассказа о неверных мужьях, живущих на улице Детля.

— Да, он там познакомился с каким-то приезжим, рассказывал, что это очень солидный и денежный человек. Но кто их там знает, может, вместе делали разные глупости. Потому что самое страшное — это приятели...

— Солидный мужчина предложил вашему мужу какую-то сделку или должность?..— Любич снова прервал рассуждения о дурном влиянии приятелей на благородных мужей.

— Да,— Вольская успокоилась,— кажется, он даже угостил его в Гранд-отеле настоящим французским коньяком. И я не удивляюсь... Тадеуш очень способный, но только разве тут, в Кракове, сумеют кого-нибудь оценить? Вот уже шесть лет он работает заместителем начальника отдела, хотя ума у него больше, чем у самого директора. В конце концов и я ему помогала, наставляла его дома...

— А какого рода должна была быть эта должность?

— Этот человек был связан с каким-то торговым представительством за границей. Ему нужен был способный помощник. Он предложил моему Тадеушу пост заместителя и зарплату в два раза больше, чем он получал здесь в объединении. Сначала я не поверила... Мало ли что люди обещают друг другу за рюмкой... Но когда пришло одно, второе письмо...

— У вас сохранились эти письма? — оживился Любич.

— Нет, когда пришло последнее, в котором этот человек просил мужа приехать в Варшаву, выслав на дорожные расходы тысячу злотых, то одновременно он потребовал от Тадеуша привезти всю их переписку. Я даже удивилась, но, как видно, у них там такой обычай.

— Ага...— По интонации голоса Любича никто бы не догадался, насколько заинтересовала его эта информация.— Итак, ваш муж взял все письма... Но вы их, наверно, читали?

— Конечно, я всегда открываю и читаю все его письма, я ведь все-таки жена. Тот человек писал очень коротко, что он имеет связь с английским представительством фармацевтических фирм и муж должен стать его заместителем. Он согласовал это в Лондоне, и они с радостью приняли кандидатуру Тадеуша...

— Ваш муж владел какими-нибудь иностранными языками?

— Нет, то есть не в совершенстве.... Во время оккупации он научился немного немецкому.

— У вас сохранилась квитанция на перевод, который прислал тот человек?

— Да, сейчас я поищу.— Вольская резво подбежала к маленькому столику и принесла телеграфный бланк.

Перевод был отправлен из Лодзи; отправителем был Ян Гурский, живущий на Петровской улице. Итак, круг замыкался. Теперь нужно было как-нибудь осторожно уговорить Вольскую поехать в Варшаву.

— Я хотел бы, чтобы вы поехали вместе со мной в Варшаву... О нет, ничего особенного,— поспешил он объяснить, видя выражение ее лица.— Вы должны помочь нам в поисках мужа, потому что, как я уже сказал, он пропал. Ваш муж остановился в отеле «Столица», где был приготовлен для него номер, но, к сожалению, пан Вольский, гм... выехал из отеля несколько дней тому назад, и его невозможно найти.

— Значит, я должна его найти, если уж милиция не может,— с издевкой произнесла Вольская.

— Насколько я успел заметить,— продолжал невозмутимо поручик,— уважаемая пани отличается выдающимися способностями. Зная при этом великолепно привычки мужа, вы можете оказать нам большую помощь.

— Если так, я поеду с вами,— любезно ответила польщенная Вольская,— видно, что вы не обычный милиционер и моментально можете разобраться в человеке.

Желая избежать излишнего потока слов, тем более что ему еще предстояло путешествие с этой красноречивой женщиной, поручик быстро встал и деловым тоном заявил:

— Предполагаю, что в три часа вы будете готовы, я приеду за вами с билетами. Мы поедем поездом номер четыре. Однако я бы очень вас просил сохранить все, что я вам сказал, в тайне.

— Ну, естественно! — воскликнула Вольская.— Если бы люди узнали, что я еду с милицией искать мужа в Варшаву, не было бы конца сплетням. И так уже соседям узнали, кто ко мне пришел. Напрасно вы представились за дверями. Я скажу им, что это еще по делу Зоси, той домработницы, которая нас обокрала в прошлом году. У меня пропала тогда черно-бурая лиса...

Любич, испугавшись, что ему придется еще выслушивать рассказ о нечестной домработнице, как можно быстрее отступил в прихожую и отвесил хозяйке дома галантный поклон.

Путешествие поручика вместе с Вольской в Варшаву не было богато происшествиями. Любич переживал волнующие моменты, выслушивая обширный реферат на тему об обычаях старого города Кракова. Хуже было то, что Вольская постоянно забывала о сохранении инкогнито своего спутника, благодаря чему не только купе, в котором они ехали, но и два соседних были подробно информированы о характере работы Любича, что возбуждало понятный интерес. Когда наконец после этого путешествия, которое было одним из труднейших случаев в карьере поручика Любича, он очутился вместе с Вольской на Варшавском вокзале, то решил действовать быстро и энергично. Ожидающему его шоферу он приказал ехать прямо в морг.

Вольская, конечно, даже и не предполагала, что ее роль в Варшаве закончится так быстро. Она уже воображала, как благодаря своим способностям и интеллекту затмит за пояс самых способных следователей уголовного розыска. И, вероятно, поэтому она ничуть не волновалась, когда шла вместе с поручиком нескончаемо длинными коридорами.

Перед дверями морга поручика охватила тревога. Он предвидел наихудшее: плач, судороги, потерю сознания. Однако выбора не было, и он решил взять внезапностью:

— Прошу вас, не пугайтесь. За время нашего короткого знакомства я мог убедиться, что вы необычайная женщина. Сейчас мы войдем в помещение... гм... не слишком приятное... Я должен вам, однако, показать кого-то, кого вы, возможно, знаете, гм... только этот кто-то мертвый.

И, не ожидая реакции удивленной Вольской, он ввел ее в морг прямо к ванне с формалином.

Она наклонилась над ванной, и взгляд ее скользнул на левое бедро, на родинку в форме вышки.

— Тадеуш! — воскликнула она и упала на пол.

(Продолжение следует)

Перевели с польского
Г. Мясникова и И. Пронофьева.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

Стефан ЕЖЕВСКИЙ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Продолжение.
См. «Огонек» № 25.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Директор Островский был в этот день очень взволнован. Его только что посетили двое из Высшей контрольной комиссии, а такие посещения, как известно, никогда не вызывают прилива энтузиазма... Вдобавок еще телефонный звонок из «Кожэкспорта»... Оттуда сообщили, что половина заказанных французской фирмой бумажников была возвращена из-за плохого качества. После того, как оба инспектора побывали в кабинете главного бухгалтера и были приблизительно установлены потери, понесенные предприятием, он вызвал к себе начальника отдела кадров Маевского, чтобы на нем сорвать свое плохое настроение.

— Послушайте, мой дорогой, я должен вас лично поблагодарить за эту великолепную секретаршу, которую вы мне подсунули...

— Товарищ директор...— в наименее подходящий момент прервал кадровик.

— Что товарищ?! Что товарищ?! — вспылил директор, поднимаясь с кресла.— Вы себе выискиваете в городе каких-то девчонок и сажаете у меня в секретариате.

— Простите меня...— вспылил Маевский.

— Это вы меня простите! — Островский уже кричал, к радости почти всех сотрудников, собравшихся за дверью.— Мне нужна секретарша! Девушку для развлечения я сам себе найду, без вашей помощи. А эта Гражина уже пятый раз в этом месяце не выходит на работу! Если вы не можете найти мне секретаршу, то сами садитесь в приемной.

— Товарищ директор,— ледяным тоном процедил кадровик.— Панн Масс представляла медицинское освобождение и пропустила не пять дней, а три, считая и сегодняшний. У нее были великолепные рекомендации. Я помню, сама товарищ Щиборова звонила по этому поводу.

— Ну и пусть она ее возьмет себе, а у меня чтобы завтра же была настоящая секретарша.

— Я позволю себе заметить, что не позже как два дня тому назад вы очень хвалили панн Масс.

— Я изменил свое мнение и имею на это основания!

— Но вы не имеете основания так относиться ко мне. Я работаю начальником отдела кадров уже десять лет, и никто мне никогда не делал замечаний.

Тем временем Гражина Масс, длинноногая платиновая блондинка, спокойно пила кофе в кафе лодзинского «Гранд-отеля», даже и не догадываясь, что ее отсутствие на работе привело к такому острому обмену мнениями между директором и начальником отдела кадров. Но даже если бы она знала об этом, то не приняла бы близко к сердцу, потому что врач Здислав, один из многих ее поклонников, подарил ей когда-то, в момент хорошего настроения, пачку справок об освобождении от работы. Понятное дело, бланки были с печатями и снабжены подписью пана доктора.

В кафе вошел элегантно одетый мужчина. Даже человек не слишком наблюдательный мог заметить, что вошедший интересуется столиками, занятыми представительницами прекрасного пола. Пожилой мужчина был похож на иностранца. Гражина оживилась. Она послала незнакомцу одну из своих разящих улыбок и начала обмахиваться журналом «Кроссворд». Иностранец занял ближайший свободный столик. После этого вступления флирт Гражины с незнакомцем развивался по давно испробованной схеме. Они обменялись еще несколькими улыбками и многозначащими взглядами, потом иностранец встал и сел рядом с ней. Он обратился к ней по-немецки, на что последовал ответ на том же самом языке.

Справедливости ради следовало бы заметить, что знакомство Гражины с немецким языком ограничивалось знанием слов пятидесяти, то есть запасом, значительно меньшим, чем употребляют повседневно самые примитивные народы. Однако это не мешало пожилому мужчине. Он явно был доволен своим новым знакомством. Иностранец заказал себе сардельки с хреном, булку и пиво, а перед Гражиной появилась порция венгерского торта.

Разговор продолжался довольно-таки долго. В конце его новый знакомый панн Масс записал на вырванном из книжки листке номер комнаты в отеле, которую он занимал, и вручил его Гражине, после чего встал, поклонился и, уходя, видимо, по ошибке забрал со столика вчерашний номер «Экспресса». Никто из присутствующих в кафе не заметил, что и флирту Гражины внимательно приглядывался какой-то седой человек, похожий на адвоката или судью на пенсии. Через несколько минут этот человек заплатил за кофе, скрупулезно пересчитал сдачу и не спеша пошел к раздевалке. Здесь он старательно застегнул плащ, поправил шляпу и вышел на улицу. У ближайшего перекрестка задержался на минутку перед витриной магазина мужской одежды, после чего лениво огляделся вокруг и вошел в ближайшие ворота.

Через несколько минут из ворот быстро выбежал молодой человек в коричневом плаще «болонья». Никто бы не узнал в нем солидного пенсионера, который еще так недавно попивал кофе в «Гранд-отеле».

Молодой человек потратил не больше минуты на возвращение в отель, где он направился прямо в кабинет директора. Тот приветствовал его весьма развязно:

— Хо-хо! Поручик Ковалик! Приветствую, приветствую! Давно вас не видел. Догадываюсь, однако, что не симпатия ко мне привела вас сюда. Чем могу служить?

— На этот раз меня интересует приезжий, который занял номер 302.

— Будет исполнено. Вы хотите посмотреть книгу регистрации прибывших?

— О, не беспокойтесь, пожалуйста, пан директор,— усмехнулся Ковалик.— Ваш портье и так хорошо меня знает. Достаточно будет позвонить по телефону.

Вице-директор набрал номер и через минуту проинформировал поручика:

— Генрих Брунмер, промышленник из Бремена, живет на улице Зитегаса, 4. Приехал к нам первый раз.

В это время Гражина Масс все еще сидела в кафе за тем же самым столиком. Рядом с ней сидел невысокий блондин, с которым она, по-видимому, находилась в приятельских отношениях. Молодой человек так громко рассказывал старый непристойный анекдот, что слова его достигли ушей двух пожилых женщин, сидящих за соседним столиком. Возмущенные, они демонстративно встали и вышли из кафе. Вскоре молодой человек простился с Гражиной, а его место занял высокий интересный брюнет.

Флирт с брюнетом затянулся почти до четырех, после чего Гражина вместе с поклонником вышла из кафе.

Тем временем поручик Ковалик, простившись с директором, спустился вниз, занял свободное кресло в холле и развернул газету, целиком погрузившись в чтение. Могло показаться, что он даже не заметил Генриха Брунмера, вернувшегося в начале пятого. Брунмер был нагружен проспектами различных экспортно-импортных объединений и сразу направился в свой номер. Ковалик вскочил с кресла и пошептался о чем-то с миловидной девушкой, сидящей около доски с ключами. За время этой короткой беседы поручик успел узнать, что Брунмер попросил разбудить себя в шесть часов вечера и заказал билет первого класса на скорый поезд до Варшавы, отходящий в семь. Он просил также забронировать ему номер на сегодняшнюю ночь в каком-нибудь варшавском отеле, сообщив, что своего номера в лодзинском «Гранде» он не освобождает, поскольку собирается послезавтра вернуться.

Напрасно, однако, Ковалик в этот день ждал Гражину в отеле. Она больше не появилась... Зато ровно в шесть пятнадцать в холл спустился Брунмер с чемоданчиком в руке, оставил портье ключ, взял билет и еще раз подтвердил, что вернется. Ему сообщили, что в Варшаве его уже ждет номер в гостинице «Бристоль» на Краковском предместье. Немец педантично записал в элегантной книжечке название отеля и улицы.

Как только Брунмер исчез за дверями, поручик поднялся на третий этаж и остановился перед дверями 302-го номера. Он осмотрелся в пустом коридоре и вынул из кармана ключ, которым без труда открыл двери. В комнате пробыл только две минуты. Он не нашел ничего интересного, кроме вчерашнего номера «Экспресса», лежащего в корзинке для мусора. На первой странице газеты была сделана небольшая вырезка, по-видимому, Брунмеру попалась какая-то заметка, особенно заинтересовавшая его. Содержание этой заметки Ковалик пока не мог выяснить.

Выйдя из отеля, поручик сел в ожидающую его «Волгу» и поехал на Фабричный вокзал.

В момент, когда он вошел на перрон, скорый до Варшавы уже отходил. Ковалик продемонстрировал спринт, достойный тренированного спортсмена. Несмотря на предостерегающие окрики дежурного, он бежал за удаляющимся поездом и наконец вскочил на ступеньку последнего вагона.

Ему пришлось пройти несколько вагонов, прежде чем в одном из купе первого класса он заметил одиноко сидящего Брунмера. Немец дремал... Ковалик разместился в соседнем купе, где уже сидели две старушки, и через минуту громко храпел, возбуждая нескрываемое возмущение спутниц. Они, конечно, не знали, что молодой человек, который занял место около окна и своим поведением так бесцеремонно нарушал элементарные права хорошего тона, последние три ночи не сомкнул глаз.

Приехав в Варшаву, Брунмер направился прямо в отель. Вслед за ним, как тень, поспешил Ковалик. В то время, как немец успел получить ключ от забронированного для него номера, Ковалик получил ответ: «Мест нет». Он не был сражен холодным приемом.

— Я Ковалик. Министерство иностранных дел заказало для меня номер.

— Ах, вот как! — На лице портье появилась улыбка, предназначенная исключительно для высокопоставленных гостей.— У нас есть только один свободный номер на втором этаже.

— Дайте, пожалуйста, ключ.

— Анкету для прибывающих мы пришлем уважаемому пану в номер.

— Все равно.

Ковалик махнул рукой и направился вслед за портье в приготовленный номер.

Через десять минут невысокий незаметный мужчина постучался в двери.

— Привет,— обратился он к Ковалику, совершенно не удивленному этим визитом, и уселся в плаще на кровать.

— Это вы следите за этим немцем?

— Да,— подтвердил Ковалик.— Однако, черт его знает, зачем он приехал в Варшаву.

— В настоящий момент он звонит по телефону. Нас известят, если он покинет номер. А пока позвольте мне представиться.— Прибывший поднялся с кровати.— Моя фамилия Варга.

— Ковалик.— Поручик пожал протянутую руку.— А этим немцем мы заинтересовались только сегодня. Он приехал из Бремена, официально — представитель одной из крупных импортных фирм. Мы обратили на него внимание потому, что в кафе он подсел к одной девушке, подозреваемой в связях с разведывательным центром в ФРГ. По этому делу мы уже имеем подтвержденную информацию. Два инженера из научно-исследовательского химического института передали ей интересные записи, касающиеся эксперимента большого экономического значения.

— Что это за особа? — спросил Варга, вынимая из кармана пачку «Гевонта».

— Полусекретарша, полупроститутка, но в сумме очень неглупый агент.

— Вы уверены, что этот ваш представитель из Бремена действительно завязал с ней контакт? А может, он просто искал дамского общества.— Варга закурил сигарету.— Я хотел вас только по-приятельски предупредить, что этим вопросом занялся доктор Лах из нашего министерства, а вы уже, вероятно, слышали о нем достаточно?

— Лах? — повторил протяжно поручик, а на лице его можно было прочитать, что новость отнюдь не из радостных.

Варга аккуратно стряхивал пепел в хрустальную пепельницу, неотъемлемую принадлежность всех номеров представительного отеля столицы.

— Да, коллега, доктор Лах выразил желание поговорить с вами. И я советую вам хорошенько подумать над тем, что вы ему скажете.

Ковалик явно растерялся.

— Если речь идет об этом немце, то ничего конкретного. Однако мы считали своей обязан-

ностью не терять его из виду, поскольку он искал общества именно той, которая является агентом.— Поручик оправдывался, забыв, что он разговаривает пока еще не с доктором Эмилем Лахом.— Кроме того,— добавил он,— я обратил внимание на то, что немец как бы случайно взял со столика кафе вчерашний номер «Экспресса».

— А что, черт возьми, могло интересовать его в «Экспрессе»?

— Мне кажется, скоро я буду это знать,— ответил Ковалик

— Интересно, откуда?

— Просто потому, что Бруннер вырезал себе какую-то заметку с первой страницы, а остаток газеты выбросил в корзину для мусора в своей комнате. Мне осталось только достать этот номер «Экспресса».

— Вы без разрешения проводили обыск в его номере?

— Товарищ,— ответил обиженный Ковалик,— за кого вы меня принимаете? Мы договорились с прокурором...

— Ну, ваше счастье,— сказал Варга.

Он подошел к телефону и набрал номер.

— Говорит Варга. Пришлите, пожалуйста, в «Бристоль», в номер 220, вчерашний номер «Экспресса».

— Скажите только, чтобы прислали лодзинский вариант,— вмешался Ковалик.

Варга искоса посмотрел на коллегу из Лодзи и уточнил поручение.

Потом он отложил трубку и спросил:

— Вы давно уже следите за этой агентурой?

— Около пяти недель.

— А эти инженеры из химического института имели контакт с Бруннером?

— Нет. Хотя... Вскоре после прощания немца с девушкой один из них появился в кафе и очень долгое время сидел с ней.

— Ну, посмотрим, что из всего этого выйдет. Во всяком случае, помните, что я вас предупредил. С доктором Лахом шутки плохи.

— Не думаю, чтобы все было так уж плохо.— Ковалик сделал выразительную мину.— В конце концов чему быть, тому не миновать,— добавил он философски.

В этот момент кто-то постучал в дверь. Это был молодой человек, который молча вручил номер «Экспресса» и вышел. Ковалик быстро выхватил газету из рук Варги и начал проглядывать первую страницу.

Внизу, с левой стороны, где в экземпляре Бруннера была вырезана заметка, были напечатаны два коротких сообщения. Оба информировали о несчастных случаях. В первой говорилось, что шестидесятилетняя Геновефа Гвоздь попала под мотоцикл на улице Счастливой, в тяжелом состоянии была доставлена в больницу. Из второй можно было узнать, что Ян Гурский, проживающий в Лодзи, покончил жизнь самоубийством, выбросившись с одиннадцатого этажа отеля «Столица».

— Признайтесь, эти известия нельзя назвать сенсационными,— хмыкнул с издевкой Варга.— Но это уже не наше дело. Во всяком случае, нужно выяснить, почему судьба этих людей заинтересовала торговца из Бремена. Однако вы уверены, что именно эти заметки вырезал Бруннер?

— Пожалуй, эти. Я сильно сомневаюсь, чтобы он вырезал для себя сообщение о землетрясении в Чили.

Ковалик явно пытался иронизировать.

Зазвонил телефон. Варга подошел к аппарату. Разговор закончился быстро.

— Ваш подопечный, видимо, не задержится здесь долго,— проинформировал он Ковалика.— Уже сегодня он уезжает из Варшавы..

У Ковалика в этот день было не слишком хорошее настроение. Как оказалось, Бруннер имел в Варшаве только несколько телефонных разговоров с представителями экспортных фирм исключительно на торговые темы, а потом после полуночи выехал в Познань. Естественно, расшифровка его невинных телефонных разговоров требовала нескольких дней, а сейчас не оставалось ничего другого, как сопровождать его в новом, неожиданном путешествии.

Окончательно Ковалика несколько оживило то, что в Познани непредвиденно оказалась и пани Масс.

Настроение его поправилось только тогда, когда в холле отеля появился молодой брюнет с чарующими усиками, дружелюбно приветствующий его:

— Ну, наконец-то ты приехал! Не сердись, старик, что тебе пришлось подождать. Пойдем выпьем кофе и поговорим.

Оба пошли в кафе, которое было расположено так удачно, что позволяло наблюдать за входящими и выходящими из отеля. Они заняли столик около окна, что представляло дополнительную возможность просматривать улицу перед отелем.

— Телефон уже прослушивается,— шепнул брюнет.— Что мы должны делать дальше?

— Если он выйдет из отеля, вы должны постоянно сопровождать его. Меня он может узнать. Нужен еще один человек, который займется его приятельницей.

Однако Ковалику с его коллегой не пришлось даже допить кофе, так как Бруннер вместе с Гражиной вышел из отеля.

Ковалик бросил на столик 10 злотых и выбежал на улицу. Им не повезло, потому что пара разделилась, усаживаясь в два такси. Не было времени, чтобы подумать. На стоянке была еще только одна свободная машина. Ковалик сел в нее и приказал ехать за Бруннером.

К немалому своему удивлению, он снова оказался на вокзале. Около кассы в такое время не было толпы. Проклиная все на свете, Ковалик встал в очередь за Бруннером, который, однако, не обратил на него внимания и громко попросил кассира дать билет до Вроцлава.

Поезд отходил через десять минут. Поручику не оставалось ничего иного, как также купить билет. Прежде чем занять место в поезде, он послал совершенно невинно звучащую телеграмму во Вроцлав.

В продолжение всего путешествия Ковалик старался не показываться Бруннеру на глаза. К счастью, на Вроцлавском вокзале немца уже ждали два местных сотрудника, а Ковалик мог ближайшим поездом вернуться в Лодзь.

Не успел он отдохнуть после трудного путешествия, как его разыскал курьер, вручивший в запечатанном конверте приказ сейчас же выехать в Варшаву.

Доктор Лах чувствовал непреодолимое желание провести долгую исчерпывающую беседу с поручиком Янушем Коваликом из Лодзи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Доктор психологии Эмиль Лах ничем не напоминал человека, профессионально занимающегося борьбой со шпионажем.

Низкий, округлый, с лысой, как колено, головой, среднего возраста мужчина, одетый с несколько провинциальной элегантностью, он выглядел скорее как аптекарь из маленького городка или адвокат из провинции, чем крупный ас разведки.

Он пользовался заслуженным авторитетом психолога, и, если бы захотел посвятить себя научной карьере, многие учебные заведения готовы были предложить ему кафедру. Несмотря на это, у Лаха было много противников, явных и скрытых, как среди начальства, так и среди коллег, а его методы работы возбуждали часто бурный протест. Не раз доходило даже до серьезных конфликтов. Справедливости ради нужно, однако, признать, что в конечном итоге деятельность Лаха приносила отличные результаты, а его парадоксальные предположения почти всегда находили подтверждение на практике.

Итак, не следует удивляться тому, что скромный работник из Лодзи поручик Януш Ковалик, ожидавший в секретариате вместе с каким-то странным типом с торчащими ушами, чувствовал огромное волнение. Когда, однако, он увидел приветливо улыбающегося толстяка, сидящего за столом и сосущего мятную конфетку, неуверенность прошла.

— Садитесь, дорогой, садитесь! — весело воскликнул Лах, усаживая посетителя в мягкое кресло около столика в углу кабинета. Он поставил на столик бутылку коньяку и достал из шкафа две рюмки. Потом подсунул коробочку с мятными конфетами и, наконец, сам уселся. Через минуту секретарша принесла кофе.

— Вы уже, наверно, привязались к этому Бруннеру и сердитесь на меня, что я вас лишил его общества. Но так было нужно, дорогой. Бруннером теперь займется кто-нибудь другой. Дело осложнилось. Но вы, дорогой, уж меня простите, я должен особенно поблагодарить за то, что вы обратили внимание на вырезанную из «Экспресса» заметку.

— Я не имею понятия, пан доктор, почему немец в такой степени заинтересовался известием о несчастном случае шестидесятилетней Геновефы Гвоздь.

— Плохо, дорогой, плохо. Может быть, конфетку? Великолепно помогает думать.— И, не ожидая ответа, Лах отправил леденец себе в рот.

— У меня не было возможности что-либо выяснить...— Ковалик начал оправдываться.

— А жаль, жаль, потому что если бы вы поинтересовались этим, то имели бы возможность сделать очень поучительные выводы. Прежде всего, вместо того чтобы забивать себе голову какой-то несчастной старушкой, вы бы лучше обратили внимание на так называемый прыжок самоубийцы с одиннадцатого этажа. Я не сомневаюсь, что если бы вы, дорогой, заинтересовались этим случаем, то узнали бы, что Ян Гурский — вовсе не Ян Гурский. Давайте поговорим более подробно о самых интересных аспектах всего дела.— Доктор сладко цедил слова, но Ковалик уже чувствовал, что такой тон не сулит ничего доброго.

— Сейчас я вам представлю, дорогой, поручика Любича из следственного отдела милиции.— Доктор встал и направился к двери.— Он ведет дело так называемого Яна Гурского. Вам следовало бы поговорить с ним лично.

Он отворил дверь в секретариат и попросил Любича войти. Посетитель вошел в комнату своим аистиным шагом. В его поведении не было и следа неуверенности или беспокойства. Доктор усадил его в собственное кресло и подвинул коробочку с конфетами.

— Благодарю, я лучше закурю.— Любич вытащил из кармана коричневую сигарету.

— Не выношу дыма,— жестко сказал Лах,— я считаю табак очень вредным.

— Я не могу думать без никотина.

— Лучше использовать для этой цели мятные конфеты, намного полезнее,— заметил доктор.

— У каждого свой вкус.

— Вообще-то я пригласил вас сюда по более существенному делу, чем спор о достоинствах мяты и никотина.

— Не сомневаюсь.

— Итак, к делу! — В голосе доктора прозвучала нетерпеливая нотка.— Кроме изложенного в отчетах, вы располагаете еще какими-нибудь подробностями по делу Гурского?

— Я прислал вам полное описание дела.

— А какое ваше мнение, кто и зачем убил этого Вольского?

— Убил его, без сомнения, человек, использующий фамилию Гурского. Если бы, однако, мы знали, кто он и для чего он совершил это убийство, то я считаю, что разговор со мной был бы совершенно излишним.

— Действительно, многого я от вас не узнал.

— Я изложил вам все, что до сих пор удалось установить. Известна личность убитого, известно, что кому-то нужно было создать видимость смерти Яна Гурского. Можно предполагать, что человек, использующий фамилию Гурского, совершил убийство. Вероятно, сейчас он выступает под фамилией Тадеуша Вольского, и в настоящий момент мы разыскиваем человека, использующего документы Вольского.

— Несчастные Вольские,— бросил резко Лах.— Людей, носящих такую фамилию, в Польше по крайней мере несколько тысяч.

— Действительно,— согласился Любич,— но мы ищем Тадеуша Вольского, сына Леонарда и Милианы Вонхаль, родившегося 25 марта 1918 года в Беганове, Краковского воеводства. Как я установил, ни один другой Тадеуш Вольский не родился в этот день в Беганове от этих же родителей.

— Вы не обижайтесь, коллега.— Лах первый раз, к удивлению Ковалика, прислушивающегося к разговору, употребил слово «коллега» вместо «дорогой».— Я временами несколько докучлив, но это не опасно. Те, кто меня знает лучше, к этому привыкли, а сейчас слушайте внимательно.

Доктор Лах встал и начал прохаживаться по кабинету.

— Моя гипотеза выглядит следующим образом: Генрих Бруннер, выступающий как представитель импортно-экспортной фирмы из Бремена,— западногерманский агент. Он приехал к нам с поручением, характера которого мы еще не знаем; установив контакт с Гражиной Масс и узнал, что некий Ян Гурский совершил самоубийство. Из этого следует сделать вывод, что интерес пани Масс к смерти Гурского имел связь с ее шпионской деятельностью. Возникает вопрос: какова была эта связь? И тут я выдвигаю следующую гипотезу: обратим внимание на тот факт, что Гурский — это вовсе не Гурский, а убийство было инсценировано, чтобы все, а особенно шефы пана Бруннера, считали человека, использующего эту фамилию, погибшим. Следует предполагать, что Гурский также был западногерманским агентом. Итак, по неизвестным для нас причинам так называемый Гурский решил покончить с собой. Может быть, он боялся провала, может, его подвели нервы, а возможно, просто хотел присвоить себе большую сумму денег, которой в тот момент располагал. В конце концов эти мотивы для нас не имеют значения... Однако мы хорошо знаем, что уже ненужный шпион должен быть уничтожен. Что же мог сделать Гурский в такой си-

туации? Решил умереть... Но, как известно, люди умирают с неохотой. Поэтому пан Гурский пришел к выводу, что роль покойника может с успехом сыграть кто-нибудь другой. И поэтому погиб Тадеуш Вольский. Наверное, они имели внешнее сходство. Таким образом, он выкинул Вольского из окна, подсыпав ему предварительно в водку солидную порцию снотворного, и с этого момента чувствует себя совершенно свободным и в безопасности, не допуская возможности, что мистификация будет раскрыта. Во всяком случае, он уверен, что ее не могут раскрыть его шефы. Что вы об этом скажете?

— Это все выглядит достаточно правдоподобно,— сказал Любич, подумав минутку,— но вы, пан доктор, должны признать, что, принимая такую версию, мы должны одновременно предположить, что Гурский уже давно удрал за границу.

— Не обязательно,— воспротивился Лах.— Не следует забывать, что на Западе шпион-дезертир будет чувствовать себя в меньшей безопасности, чем здесь. Поэтому нельзя исключить и то, что Гурский остался в стране на то время, пока все не утихнет.

— Ну тогда, если мы уже знаем, кто шпион,— вмешался Ковалик,— и коль скоро он не будет развивать никакой деятельности, мы должны переключиться на Брунннера, который предпримет в этом направлении какие-то шаги. Идя его следом...

— Я понимаю ход ваших размышлений, дорогой,— прервал его доктор,— вы только забываете об одном: Брунннер ведь ничего не знает о мистификации.

В этот момент в кабинет вошла секретарша и подала Лаху какой-то листок. Лах просмотрел донесение и нахмурился.

— Ну что ж, дело осложнилось. Брунннер прямо из Вроцлава выехал в Германию.

— Но у нас есть еще под рукой пани Масс,— подсказал Ковалик.

— Ну и что из этого? — Лах явно недооценивал Венеру лодзинского полусвета.

— Ее нужно будет только прижать,— предложил Ковалик.

— Вы уж меня простите, мой дорогой, но я не понимаю, что вы имеете в виду.— Лах холодно посмотрел на Ковалика.— И лучше будет, если не поймУ.

Он встал с кресла и начал быстро ходить по кабинету, что-то фальшиво напевая под нос. Вдруг остановился и хлопнул пухлыми ладонями.

— Ага, есть! Ну, скажем, послезавтра в прессе должна появиться обширная статья на тему тайного убийства в отеле «Столица». Следует проследить за тем, чтобы вечерние газеты на первой странице насколько возможно раздули эту историю. Крупные заголовки! Сенсационные названия! «Кто подлинный убийца?», «Почему Тадеуш Вольский должен был умереть?»

Короче говоря, что-нибудь в этом духе. И, естественно, ни одного слова о шпионском характере дела. Я буду не я, если на это не клюнут. Нам останется только наблюдать, а пан Брунннер не преминет нанести нам еще один визит... А теперь за работу. Коллега Любич, вы будете вместе со мной вести это дело на месте. Я сейчас договорюсь, чтобы вас временно отдали в мое распоряжение. А вы, дорогой,— Лах обратился к Ковалику,— сейчас же возвращайтесь в Лодзь и займитесь Гражиной Масс.

Когда Ковалик вместе с Любичем вышел из кабинета доктора, Лах еще сидел, углубившись в отчеты об убийстве Тадеуша Вольского. Каждую минуту он открывал лежащую на столе тетрадь и исписывал страницы мелким четким почерком.

Уже смеркалось, когда он старательно запер документы в сейф и подошел к телефону. Майор Яруга сразу согласился принять его.

Майор Леон Яруга высоко ценил доктора Эмиля Лаха, из чего, однако, не следовало, что он всегда соглашался с его методами. Совсем наоборот: майор имел диаметрально противоположные правила, отличающиеся от взглядов Лаха, и, несмотря на несколько лет близкого сотрудничества, постоянно чувствовал себя ошеломленным необычными, как ему казалось, замыслами Лаха. После бурных дискуссий он, однако, подчинялся логике и аргументации доктора, но бывал скорее удивлен, когда методы, предложенные Лахом, приносили положительные результаты. Несомненно, Яруга был способным и опытным офицером контрразведки, отличным организатором, но тем не менее он доверял только старым, проверенным методам. Ожидая сейчас в своем кабинете доктора, он приготовился к бурному разговору и решил не складывать слишком легко оружия.

Когда Лах объяснил ему подробно, как развивалось дело до сих пор, и высказал свое мнение относительно роли Брунннера, майор был приятно удивлен тем, что на этот раз его мнение полностью совпадает с мнением доктора.

— Дело мне кажется вполне ясным,— объявил он с нескрываемым удовольствием.— Как только мы завлечем Брунннера обратно в Польшу, необходимо задержать эту Гражину Масс. Не сомневаюсь, что она расскажет немало интересного.

— То же самое предлагал наш молодой работник из Лодзи, поручик Ковалик.

— Видимо, рассудительный парень.— В голосе майора чувствовалось одобрение.— И что же вы ему на это сказали?

— Я отсоветовал ему излишнюю поспешность.

— Это почему же? — удивился майор.— Ведь другого выхода нет!

— Брунннер вернется сюда быстрее, чем вам это кажется, майор! Он начнет устанавливать новые контакты и любой ценой захочет разыскать дезертира.

— И не найдет его, потому что парень, если у него хоть что-нибудь есть в голове, уже давно удрал и спрятался так, что его сам черт не сыщет.

— Возможно. Но не стоит исключать ту возможность, что все обстоит совершенно иначе.

— На чем вы обосновываете свои пророчества, доктор? Я говорю пророчества, потому что это нельзя даже назвать гипотезой.

— А вы не предполагаете, пан майор, что Гурский может чувствовать себя безопаснее у нас, чем там, где его черт не сыщет? Ведь в Польше у его шефов связаны руки, в то время как на Западе они могут его открыто преследовать, даже с облавой.

— Но Гурский ведь сделал все, чтобы его начальство не узнало правды. На это вы не обратили внимания, пан доктор?

— Гурский не новичок, и он должен предполагать наихудшее.

— Это вы так думаете... Итак, что же это за гениальный ваш план?

— Не знаю, гениальный ли, но, во всяком случае, единственно приемлемый. Подождать приезда Брунннера и через него и пани Масс выследить всю сеть и убийцу. Я считаю, что если Гурский остался в нашей стране, то после информации, которая вскоре появится на страницах всех газет, он всполошится. Ведь сведения, появляющиеся в нашей прессе, тщательно собирают в Западной Германии. Известие о гибели Вольского может привести к какому-нибудь необдуманному шагу с его стороны.

— Вы понимаете, какую ответственность мы берем на себя, оставляя агентку на свободе?

— Я вполне отдаю себе в этом отчет... Но я также знаю, что только таким образом мы можем обнаружить остальных агентов и ликвидировать всю сеть одним ударом.

— Вы, полагаю, понимаете, что в конце концов ответственность за все несу я?

— Да, я знаю об этом и, если вы не примете моего предложения, прошу передать дело кому-нибудь другому.

— Ну хорошо,— буркнул Яруга.— Действуйте по собственному усмотрению.

— Благодарю вас, майор! Попрошу только, чтобы мне откомандировали в помощь поручика Любича из следственного отдела милиции.

— Хорошо. Желаю успеха.— Майор встал, давая понять, что считает разговор оконченным.

В тот самый день Гражина Масс вернулась на работу, показав в отделе кадров медицинское освобождение о том, что она страдает несварением желудка.

Начальник Маевский долго рассматривал освобождение и наконец со злорадным удовлетворением уведомил Гражину, что ее перевели из кабинета директора в старые склады на улице Волчанской.

Продолжение следует.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

Стефан ЕЖЕВСКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В один из домов на улице Волчанской вошел скромно одетый мужчина и постучал в квартиру номер шестьдесят два. Долгое время никто не отвечал. Наконец, он услышал шарканье ног и хриплый женский голос:

— Кто там?

— Я приехал из Сероцка к брату.

— К какому еще брату? — В дверной щели появилась женщина в халате. Седые волосы на голове и неправдоподобно длинный нос делали ее похожей на бабу-ягу.

— Я хотел бы повидаться с Яном Гурским.

— Его нет, он уехал!

— Может быть, я мог бы оставить ему кое-что... Я привез ему из дома телятину, яйца...

Это известие изменило настроение женщины. Она отперла дверь кухни и, указывая на стол, сказала:

— Пожалуйста, здесь вы можете оставить подарки для брата.

Кухня странно контрастировала с внешностью хозяйки. Здесь господствовала идеальная чистота, а старый стол, буфет и полки, казалось, блестели. Незнакомец положил на стол внушительных размеров мешок и сразу же начал его распаковывать.

На столе появились мясо, огромный гусь, кусок сала, большой круг белой деревенской колбасы, творог, масло... По мере прибавления продуктов лицо хозяйки все более прояснялось.

— Это ваш родной брат?

— Нет, двоюродный... Прошло уже пятнадцать лет, как я о нем ничего не слышал, и только полгода назад Ян первый раз написал, что хочет приехать к нам на лето.

— Он только один раз писал вам?

— Ну да, мы даже не знаем, чем он тут занимался в Лодзи.

— Где-то он работает, но я не люблю вмешиваться в чужие дела. А вообще это очень воспитанный человек и примерный жилец. Платит аккуратно, чистый, тихий, никто к нему не приходит. Иногда только сидит ночью и пишет.

— Смотрите, пишет! Может, книжки?

— Нет, наверное, не книжки. Он приносит какие-то документы, что-то там фотографирует, потому что закрывает окно одеялом.

— А он давно уехал?

— Вот уже с неделю. Но он говорил, что скоро вернется. Вот-вот может вернуться.

— Ну, тогда я, может быть, зайду еще завтра. У меня здесь есть еще родственники, каменщик. У него и переночую. А если брат сегодня не вернется, то вы все ешьте на здоровье. Не везти же обратно.

— А правда,— согласилась хозяйка, и что-то вроде улыбки появилось на ее лице.

— Ну, я пойду. Если брат сегодня вернется, не говорите, что я был здесь. Я хочу сделать ему сюрприз. Зайду, наверное, завтра с утра.

Брат из Сероцка чмокнул хозяйку в руку и вышел из квартиры. Во дворе он огляделся и направился к привратнику.

...Привратник после вчерашних крестин, где он выступал соответствующим образом, был в тяжелом состоянии и в связи с этим имел отвратительное настроение. Бросив на прибывшего не слишком ласковый взгляд, он коротко спросил:

— Что надо?

— Простите, я тут узнавал о своем брате, но не застал его дома. Я хотел бы спросить еще кое-что, если, конечно, можно...— Тут он понизил голос и вытащил бутылку с красной этикеткой, наполненную прозрачной жидкостью.

Появление бутылки поправило дурное настроение привратника, и он внезапно стал очень вежлив.

— Садитесь, пожалуйста, в ногах правды нет.

— Не мешает промочить сначала горло. Стаканчики найдутся?

Не один опытный официант мог бы позавидовать быстроте, с какой привратник поставил на стол не только две баночки из-под горчицы, но и выщербленную тарелку с нарезанным хлебом, кусок белой колбасы с жареным луком.

Стаканы, наполненные до краев, пошли в дело.

— Я бы хотел узнать...— начал гость, вытирая губы ладонью,— что, собственно, с моим братом... Потому что хозяйка говорит, что он уехал, но ведь поверить ей трудно. Может, его посадили?

— А может, и сидит,— согласился привратник.— Недели две назад милиция приходила, о нем спрашивала. Но об этом — ша...

Наполненные стаканы снова опустели.

— Что он мог натворить?

— Он часто выезжал, я сам его видел не раз с чемоданчиком. И сейчас тоже уехал. А кроме того,— привратник понизил голос и разлил водку в третий раз,— милиция приходила про него спрашивать. Сказали, как вернется, чтобы сразу сообщить. Но он не дурак. Как видно, что-то почувствовал, потому что сюда и носа не показал, хотя в Лодзи был.

— Да что вы говорите? Был в Лодзи и не зашел домой?

Гость из Сероцка налил еще.

— А кто его видел?

— Наш дворовый сапожник, мой приятель. Он встретил его на Петровской. Рассказывал, что у вашего брата нога в гипсе, а шел он на костылях. Как увидел моего приятеля, отвернулся и притворился, что его не заметил. Представьте себе, выехал целый, здоровый, а тут тебе сразу нога в гипсе и хлопоты с милицией...

Продолжение. Начало см. «Огонек» №№ 25, 26.

Когда два часа спустя поручик Ковалик входил в кабинет, любезно предоставленный доктору Лаху лодзинским комендантом, от него еще пахло водкой.

— Пан доктор, прошу меня извинить, но я по службе...

Доктор Лах поморщился: он не переносил курильщиков и выпивох.

— Не понимаю.

— Я докладываю, что должен был выпить с привратником на Волчанской улице, где жил наш клиент. При случае выпил также с женой привратника и с его другом сапожником.

— А стоило?

— Я думаю, да. Если верить сапожнику, наш клиент позавчера был в Лодзи.

— Что?

— Да. Сапожник его случайно встретил, нога у Гурского была в гипсе, и он передвигался на костылях.

— А привратник и сапожник знали, что Гурского разыскивают?

— Конечно. У привратника были из милиции.

— Так, наверно, весь дом об этом уже проинформирован?

— Наверно. Почтенная пани дворничиха одна сумеет заменить газету с большим тиражом. Сейчас о том, что Гурского разыскивает милиция, наверняка уже знает вся улица.

— Вы подозрительно красноречивы, я считаю, что это не без влияния алкоголя.

— И я так считаю.

— Я сомневаюсь в том, стоит ли чего-нибудь ваша информация. Неужели Гурский настолько глуп, чтобы показываться в городе?

— Я целиком разделяю ваши сомнения. Сапожник мог увидеть кого-нибудь похожего и выдумать всю историю, чтобы заслужить популярность в глазах обитателей дома.

— Я не считаю, однако, чтобы мы могли позволить себе пренебречь этой информацией.

— Без сомнения, нужно все проверить.

— И что же вы предлагаете?

— Я должен протрезветь и подумать.

— Браво, сейчас я отдам распоряжение, чтобы поручик Любич выяснил, сколько за прошедшие после убийства три дня в Варшаве произошло несчастных случаев, закончившихся травмами ног. А кстати, какую ножку покалечил наш приятель — левую или правую?

— Я не спросил об этом, мне и в голову не пришло.— Ковалик явно смутился.— О боже! — простонал он через минуту.— Я чувствую, что завтра меня опять ждет добрая выпивка!

— Вы сможете еще раз навестить своих приятелей на Волчанской улице?

— Да, я обещал, что приду еще.

— Как видно, это вас не минует.

Доктор вытащил из ящика коробочку с мятными конфетами.

— Вас я не угощаю, вам бы скорее нужен был литр кефиру.

Вдруг Лах ударил себя пухлой ладонью по лбу.

— Сейчас, сейчас, а какую фамилию Гурский мог назвать в «Скорой помощи» или в больнице? По-видимому, не Гурский, потому что документы он оставил при покойнике. Он мог назваться Вольским... хотя нет... он не успел еще, наверное, сменить фотографию на паспорте, и к тому же это было бы слишком опасно. Зачем, однако, Гурский мог приехать в Лодзь?

Любич вовсе не был в восторге от поручения доктора Лаха. Проверку всех несчастных случаев на протяжении трех дней нельзя было отнести к легким заданиям, особенно в таком городе, как Варшава. В течение этих трех дней случаев, закончившихся повреждением одной из нижних конечностей, было тридцать восемь. Правда, на другой день поступила информация, что речь идет о левой ноге, и число случаев, входящих в игру, сократилось до пятнадцати. В числе пострадавших не было ни одного Вольского. В то время, пока помощники собирали более точные сведения о жертве, Любич проверял регистрационные книги в различных больницах.

Как-то, читая «Вечерний экспресс», поручик вдруг сорвался с места и побежал в «Скорую помощь». Поводом такой спешки было вычитанное сообщение о том, что пациент, считавшийся легко поврежденным, умер, как только вернулся домой, причем вскрытие трупа показало перелом основания черепа и кровоизлияние в мозг.

Счастье на этот раз сопутствовало поручику. В тот день, когда погиб Вольский... Тадеушу Вольскому, привезенному «Скорой помощью» в больницу, была оказана первая помощь и по собственной просьбе он был отпущен домой. Более того, этот случай был известен милиции.

В ста шагах от отеля «Варшава» в шесть часов утра машина марки «Трабант», принадлежащая известному журналисту С. Т., сбила на пешеходной дорожке человека, который потерял сознание. Журналист доставил его в больницу. Стоящий на перекрестке милиционер, свидетель происшествия, вытащил из кармана пострадавшего паспорт на имя Тадеуша Вольского. В больнице Вольский быстро пришел в себя. Он попросил, чтобы тут же вызвали такси, говорил, что у его жены больное сердце и известие о происшествии могло бы ее убить.

Теперь Любич должен был признать, что гипотеза Лаха о возможности пребывания Гурского в Польше становится правдоподобной. Невольно у поручика возросло уважение к доктору, хотя он не чувствовал к нему сначала большой симпатии.

Из больницы Любич поехал к Лаху, который уже вернулся в Лодзь.

Доктор внимательно выслушал донесение, после чего встал из-за стола и начал по своему обычаю ходить мелкими шагами по кабинету.

— Вы нашли того милиционера — свидетеля происшествия?

— Я получил от него отчет. Его можно еще раз допросить подробно.

— А вы допросили этого журналиста?

— Нет, я считаю, что не имею права на допрос по собственному усмотрению, без вашего разрешения.

— Правильно. Но дело начинает проясняться. Это уже кое-что, поручик. Мы можем поздравить друг друга, а точнее, это вас надо бы поздравить.

Любича явно удивила неожиданная похвала.

— Теперь нужно как можно быстрее выработать план дальнейших действий,— начал доктор.— Что вы предлагаете?

— Прежде всего допросим милиционера, прохожих, свидетелей происшествия и журналиста. Я поговорю также с персоналом больницы и найду таксиста, который отвез Гурского.

— Совершенно верно. К этому списку я бы еще прибавил врача. Кто-то ведь должен был перевязать Гурскому разбитую ногу. Я говорю «разбитую», потому что исключаю что-либо более серьезное. Не ковылял же по улицам человек со сломанной ногой. Адрес найти очень просто, если найдем таксиста, везшего Гурского из больницы.

— Будет много работы.

— Наконец-то. Я давно ждал этой минуты. Люблю прогресс. А сейчас мы должны как можно быстрее заманить Брунннера в страну. Для общественного мнения только вы проводите следствие. Итак, мы организуем широкую пресс-конференцию. Журналы, радио, телевидение... Вы — в главной роли. Хитрый убийца пытался обвести милицию вокруг пальца. Однако обман раскрыт. Мы знаем, что преступник находится в стране и попал в автомобильную катастрофу, и взываем, как всегда, к помощи общественности. Известно, что убийцу видели в Лодзи. Дадим даже адрес на улице Волчанской. Вот уж будет сенсация для жителей этого дома, для сапожника и привратника, которые в течение двух дней пили за наш счет и чуть не столкнули на дурную дорогу нашего деятельного поручика Ковалика... Тепло станет нашему приятелю после этой конференции. Его будет искать милиция, Брунннер со всем своим аппаратом и широкие круги общества, как говорит мой неоценимый шеф. Колоссальное дело! — Доктор потер руки.

— Я хотел бы обратить ваше внимание, пан доктор, что никогда раньше не выступал, хм... публично.

Ранним утром следующего дня перед кабинетом поручика Любича собралась внушительная группа людей. Все слегка нервничали, так как вызов в милицию нельзя отнести к самым приятным вещам.

В кабинете Любича милиционер Обруба из службы движения давал пространные показания о происшедшем, время от времени заглядывая в толстую тетрадь.

— Итак, вы говорите, что пострадавшему было около пятидесяти лет, он был седоватый и среднего роста...

— Да, именно так он выглядел, и я позволю себе заметить... мне сразу бросилось в глаза, что водитель машины был нетрезвый...

— Водитель меня совершенно не интересует, понимаете? Уже который раз, когда я спрашиваю вас о пострадавшем, вы начинаете мне рассказывать о водителе.

Милиционер никак не мог понять, о чем идет речь. Ну как же? Допрос должен служить для примерного наказания виновного...

— Итак, еще раз опишите мне подробно, как выглядел пострадавший. Имел ли он какие-нибудь особые приметы? Как был одет? И каким образом вы установили его личность?

— Я уже говорил: пожилой человек, ничего особенного я не заметил. Выглядел интеллигентом. Возможно, служащий, врач или инженер...

— Создалось ли у вас впечатление, что он спешил на работу?

— Нет. Он нес большой чемодан. Я подумал, что он спешит на вокзал.

— Ага. А как он был одет?

— На нем был синий плащ «болонья», на голове такой же берет, а внизу серый костюм. Ботинок я не разглядел.

— Он сам поднялся после аварии?

— Нет. Он был без сознания. Я поднял его с помощью владельца «Трабанта».

— Вы могли бы определить, какие он получил повреждения?

— Видимо, общее потрясение. У меня такое впечатление, что он вывихнул ногу, потому что, придя в себя, хромал.

— А как вы установили его личность?

— Я уже говорил... Он был без сознания, ну и я вытащил из кармана костюма бумажник. Там был паспорт.

— Во внутреннем отделении бумажника?

— Нет, он лежал просто так, между бумагами.

— Вам приходилось когда-нибудь устанавливать личность людей, потерявших сознание или мертвых?

— Я работаю в милиции уже десять лет. И мне приходилось не раз это делать.

— А приходилось вам видеть, чтобы кто-нибудь носил паспорт таким образом?

— Но, нет... действительно никогда. Или паспорт был во внутреннем отделении бумажника, или лежал прямо в кармане.

— Ага. И вас это не удивило?

— Нет. Я был слишком занят происшествием.

— А теперь напрягите память, это очень важно. Как вел себя Вольский, когда вы привезли его в больницу и в приемном покое он должен был назвать фамилию?

— Минуточку... Я проводил его прямо к врачу. Он стонал от боли, но был в сознании, а когда врач спросил его фамилию, явно растерялся, повторил: фамилия, фамилия... Я тогда подумал, что он еще не пришел в себя, и подал его паспорт врачу.

— Вы тогда назвали вслух фамилию — Вольский?

— Кажется, да... да, точно назвал.

— И что же тогда?

— Он посмотрел на меня несколько удивленно, сейчас я уже точно припоминаю, а потом охнул от боли и повторил: «Да, Вольский, действительно Вольский».

— Гм... Вы говорите, что он не мог ходить... А вы все-таки не можете вспомнить, какая у него была обувь?

— Нет... хотя... сейчас, сейчас... уже знаю! На его ногах были коричневые полуботинки, слишком большие, они почти слетали с ног.

— Спадали с ног? А не был ли ему великоват костюм?

— Да, действительно. Откуда вы только знаете? Брюки почти подметали землю.

— Так. Это пока все. Пройдите в ту комнату и подождите. Возможно, вы мне еще понадобитесь.

Когда милиционер вышел из кабинета, Любич вызвал неудачливого водителя, ожидавшего в коридоре.

Журналист С. Т. явно нервничал, что, однако, пытался скрыть за деланной самоуверенностью. Он догадывался, что речь идет о случае, происшедшем две недели тому назад, и подбирал аргументы для защитной речи. Отдавая, однако, себе отчет в их несостоятельности, решил сразу, с самого начала допроса, ошеломить офицера потоком слов. Не ожидая вопросов, он начал долгую тираду:

— Меня, наверно, вызвали в связи с тем инцидентом на углу Свентокрыжской? Но стоит ли это дело того, чтобы его так раздувать? В итоге ведь ничего не произошло, и я готов дать пострадавшему полное удовлетворение, хотя, собственно, это он сам виноват, поскольку он внезапно выбежал на мостовую... А то, что у меня нашли алкоголь в крови? Ерунда, самые последние американские исследования доказали, что два промилле алкоголя в крови не влияют на реакцию водителя. Если бы было иначе, то французы, которые начинают день со стаканчика вина, вообще не могли бы сидеть за рулем. В конце концов при моей профессии это неизбежно, я как раз возвращался с приема в чилийском посольстве, где я был по службе...

— До шести часов утра? — прервал невинно Любич.

— Да, действительно! Дипломатические приемы часто затягиваются до рассвета.

Поручик лучезарно улыбнулся.

— Вы не могли быть в чилийском посольстве, так как, к сожалению, правительство этой республики еще не прислало к нам своего представителя.

— Ну, конечно, каждый ребенок об этом знает.— Журналист не терял присутствия духа.— Но как раз в этот день представитель Чили приехал в Варшаву, и в его честь устроил прием один из моих приятелей, корреспондент заграничной прессы.

— Могу я узнать, кто именно?

— Вы знаете, пан поручик, у нас тоже есть свои профессиональные тайны.

— А что, состоявшийся прием тоже тайна?— наивно удивился Любич.

— Бывает и так.

— Отлично. Но меня дипломатические приемы меньше всего интересуют. Как журналист, вы уже сейчас узнаете об одном деле, которое сегодня будет предметом специальной пресс-конференции. Я могу рассчитывать на ваше молчание до начала конференции?

Небо над журналистом прояснилось, он сообразил, что может вывернуться из этой неприятной истории.

— Так это само собой разумеется!

— Тогда слушайте внимательно. Человек, которого вы сшибли,— убийца. У нас нет его фотографии и даже точного описания. Мы устраиваем пресс-конференцию, во время которой с помощью радио, телевидения и прессы обратимся к общественности с просьбой о помощи в поимке преступника. От вас, от вашей наблюдательности и памяти зависит очень многое. Я прошу вас сосредоточиться и припомнить все, что вы можете сказать об этом человеке.

Журналист собирался с мыслями. Он воспроизвел в памяти тот несчастливый момент. Припомнил, как отчаянно повернул руль. Визг шин. Крики прохожих. Он задел человека только правым крылом и отбросил его на тротуар. Однако тот, на счастье, не ударился головой о край тротуара. Память ответила и это. Этот человек, должно быть, был когда-то спортсменом, он умел падать так, чтобы максимально ослабить силу удара. Потом минута страха, когда наклонился над пострадавшим. Человек, лежащий на тротуаре, втянул голову в плечи... Так выглядят покойники... Но этот был жив, что подтвердил случайный прохожий, который первым наклонился над лежащим, разорвал его рубашку и приложил ухо к сердцу. Вероятно, врач...

Тогда вместе с милиционером, оставившим свой пост на перекрестке, они втащили его в машину. Это был пожилой мужчина. В больнице он уже пришел в сознание. Только хрипел. Запомнилось лицо пострадавшего. Смуглая кожа, слегка навыкате глаза и полные губы с резким рисунком, прямой нос и маленькие уши. Это все. Почему, однако, этот человек носит чужую одежду? Они входят в кабинет врача, кладут раненого на кожаный диван. Врач приступает к осмотру. Санитар закатывает штанину и снимает с раненого пиджак. Теперь он увидел глаза пожилого мужчины.

Холодный, полный ядовитой ненависти взгляд. Он никогда не забудет этого взгляда. Если бы он был художником, то в любую минуту мог бы нарисовать портрет человека, попавшего под колеса его автомобиля. Спадающая на высокий лоб мокрая прядь волос, тонкие приподнятые брови, придающие лицу выражение не то удивления, не то нетерпеливости. И эти глаза — темные, слегка навыкате, взгляд которых неприятно резок.

— Вы сможете описать его портрет нашему художнику?— Любич прервал длинный монолог журналиста.

— Конечно, и с полной уверенностью могу сказать, похож ли портрет на оригинал.

Любич вместе с журналистом вышел в другую комнату. Там уже ожидал их художник Томашкевич, который предложил журналисту целую кипу рисунков глаз, бровей, носов, губ и подбородков. Нужно было выбрать наиболее похожие.

В это время Любич допрашивал очередного свидетеля. Это был инженер Квасный, известный альпинист. Его также проинформировали о поисках убийцы. Инженер достаточно подробно описал жертву аварии. Единственной существенной деталью, которая обнаружилась в его показаниях, было утверждение того, что тот человек, будучи без сознания, пробормотал несколько раз по-немецки слово «найн», что в первый момент натолкнуло инженера на мысль, что пострадавший — немец. Однако позже он говорил только по-польски, без иностранного акцента.

На другой день вечером в Центральной комендатуре собрались журналисты и выслушали информацию поручика Любича о таинственном убийстве в отеле «Столица».

Поручик изложил все происшедшее сухо, но, несмотря на это, его выступление произвело на собравшихся большое впечатление. Естественно, Любич не преминул рассказать об аварии, в которую попал убийца, умалчивая, однако, роль, которую играл в ней журналист С. Т. Он объявил только, что беглец перед выездом из Варшавы должен был воспользоваться помощью какого-нибудь частного хирурга.

В конце своего выступления Любич представил участникам конференции портрет убийцы — дело рук Томашкевича,— сходство которого с оригиналом было подтверждено журналистом, инженером, врачом больницы, милиционером, приватником, сапожником и даже хозяйкой так называемого Гурского. В тот же самый день портрет появился на экранах телевизоров, а утром следующего дня его поместили газеты по всей стране.

Доктор Лах потирал руки, читая в прессе сведения о вчерашней конференции в комендатуре, когда ему принесли шифрограмму из Лодзи. Ковалик сообщал, что в «Гранд-отель» пришла депеша от Бруннера с просьбой забронировать номер на сегодняшний день. Одновременно коммерсант из Бремена извинялся за то, что задержал номер во время прошлого пребывания в Лодзи, и изъявлял готовность возместить понесенные отелем убытки.

Лах, ознакомившись с содержанием шифровки, тут же приступил к изучению расписания самолетов и пришел к выводу, что Бруннер уже часа через два приземлится на аэродроме. Он позвонил Любичу и попросил его, чтобы тот немедленно отправился туда.

Однако, неожиданно для Лаха, Бруннер прибыл самолетом не из Вены, а из Копенгагена. Заботливый офицер пограничных войск успел сообщить об этом доктору.

Забавный толстячок, слоняющийся беспомощно по полю аэродрома в компании ужасно одетого верзилы, которого неизвестно почему называл Лелем, не возбудил у Бруннера никаких подозрений.

Зато Лах очень внимательно приглядывался к противнику. Массивный, среднего роста, в очках, одетый как средний коммерсант с Запада, Бруннер двигался энергично, бросая вокруг острые взгляды.

Доктор серьезно расценивал противника. Это был враг, с которым приходилось считаться.

Ничто не говорило о том, чтобы Бруннер был чем-либо обеспокоен. Он вошел в таможню, холодным тоном заявил, что платить пошлину ему не за что, и вышел из здания вокзала. Потом занял место в автобусе. Погруженный в свои мысли, он даже не слышал, как забавный толстячок жаловался Лелю на свою жену, которая не прилетела самолетом из Копенгагена.

На площади Конституции Бруннер вместе с другими пассажирами вышел из автобуса и попросил носильщика вызвать такси.

Подъехавшему таксисту Бруннер приказал отвезти себя на вокзал в центре города. Он, видимо, был уже знаком с расписанием поездов. Толстячок вместе с неразлучным Лелем остались на площади перед транспортным агентством, но внимательный наблюдатель обратил бы внимание на голубую «Октавию», которая двинулась следом за такси. За рулем сидел молодой человек в черной кожаной куртке.

На вокзале Бруннер купил билет первого класса до Лодзи. Поезд отходил через десять минут. Несколько минут спустя такой же билет, только в соседней кассе, купил владелец голубой «Октавии».

Путешествие до Лодзи обошлось без приключений. Бруннер углубился в какой-то роман, который достал из чемодана, а владелец черной кожаной куртки поместился через два купе и с замиранием сердца ожидал станции в Колюшках, где могло что-нибудь случиться. Однако только за Колюшками Бруннер отлучился надолго в туалет, что заставило сердце парня в кожаной куртке забиться быстрее, потому что ему не раз уже приходилось слышать о случаях, когда наблюдаемые высаживали через окно в туалете. На всякий случай он стоял около открытого окна купе, соседнего с туалетом, держа ладонь на стоп-кране.

На станции в Лодзи Бруннер вручил на чай носильщику и через минуту имел такси. А парень в кожаной куртке только в последний момент заметил зеленого «Москвича», который направился за такси, увозящим Бруннера. Ковалик считал Бруннера старым знакомым и, не ожидая неудачливого водителя «Октавии», один поехал вслед за торговцем из Бремена.

В отеле Бруннер оплатил старый счет и занял приготовленный номер.

Через полчаса какой-то мужчина на ломаном немецком языке сообщил ему по телефону, что завтра он сможет осмотреть большую коллекцию кожаных намордников. Минутой позже состоялся разговор о покупке фрезерного станка ПМ-69.

К чести поручика Ковалика, следует отметить, что прослушиватели телефонных разговоров и магнитофоны в номере торговца из Бремена работали безукоризненно.

После получения информации Бруннер с папкой в руках вышел из отеля. Следом за ним поспешил сержант Муха, парень башковитый и ловкий, которому Ковалик доверил наблюдение за немцем, опасаясь проводить его сам.

Выйдя на улицу, Бруннер направился к зданию «Орбиса» на Петровской, где купил билет до Вроцлава. Последнее Мухе удалось установить сравнительно легко. Он нахально протолкался к кассе, требуя билета до Познани. Это, естественно, вызвало горячее неодобрение всей очереди. Муха билета не получил, и, кроме того, ему пришлось выслушать несколько резких замечаний. Но зато он узнал, куда едет его подопечный.

Приобретя билет, Бруннер зашел в маленькое кафе «Варшавянка», занял столик, заказал кофе и, положив на столе коробку сигарет и спички, ушел в туалет. Муха направился следом за немцем. Несколько минут сержант терпеливо ожидал своего «подопечного». Тщетно, Бруннер не выходил из кабины. В туалете возникла очередь — несколько нервничающих мужчин.

Муха, делая вид, что моет руки, предложил им:

— А вы постучите, этот тип сидит там уже минут двадцать...

Совет подействовал, и ожидающие начали энергично бомбардировать двери. Однако никто не отзывался. На шум вбежала обеспокоенная дежурная:

— Что здесь случилось?

Но даже ее авторитет не смог заставить Бруннера освободить кабину.

— Может быть, ему плохо?— заметил кто-то.

— Наверное,— согласились остальные.

Тогда старушка на минутку вышла и вернулась с запасным ключом, она открыла им замок, и глазам собравшихся предстала пустая кабина. Распахнутое окошко убедило сержанта в том, что Бруннер вместо того, чтобы использовать дверь, вышел из кабины этой «дорогой».

На лбу сержанта выступили капли холодного пота.

(Продолжение следует.)

Стефан ЕЖЕВСКИЙ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Муха смело мог не докладывать Ковалику о том, что произошло. Поручик догадался обо всем по выражению его лица. Тем не менее он внимательно выслушал доклад, прерывая время от времени замечанием:

— Ближе к делу, сержант, ближе к делу.

Муха как мог пытался уменьшить свою вину. Поручик же решил отложить расчеты с сержантом до более спокойного времени, а всю энергию сосредоточил на том, чтобы разыскать пропавший след.

Было известно, что Бруннер купил билет до Вроцлава, но можно было предположить, что он выберет другое направление путешествия. У Ковалика, правда, была фотография Бруннера, но это немного давало в подобной ситуации. Нельзя ведь размножить фотографию и переслать всем постам милиции с поручением задержать немца, поскольку к этому не было никаких оснований.

Ковалик уже представлял себе мину, которую состроит доктор при известии о потере следа Бруннера, и почувствовал себя не в своей тарелке.

Итак, он вызвал группу своих ближайших сотрудников, роздал им фотографии немца и выслал в различные части города с поручением разыскать пропавшего. Даже сержанту Мухе выделил пост на одном из вокзалов, откуда Бруннер мог выехать во Вроцлав.

Доктор Лах, получив рапорт от Ковалика, сообщил, что он сейчас же выезжает в Лодзь, а тем временем поручик сделал еще одно, не слишком приятное для себя открытие. Оказалось, что в «Гранд-отеле» Бруннер оплатил номер за шесть дней. Это означало, что немец может снова появиться в Лодзи только через шесть дней.

Ковалик осмотрел его номер. Кроме одежды, в багаже Бруннера были только проспекты и образцы ножаной галантереи, среди которых и намордники — предмет телефонного разговора. На пустой коробке от сигарет поручик нашел записанный таинственный знак из второго разговора — ПМ-69.

Исключительно быстро пробежало время для Ковалика в ожидании доктора. Ему казалось, что с момента его рапорта прошло всего несколько часов, когда толстенький доктор вкатился в кабинет. Он приказал вызвать Муху и еще раз выслушал историю побега Бруннера.

— И что вы предприняли, пан поручик?

— Я разослал своих людей по городу с поручением напасть на его след. Что еще я мог сделать?

— А вспомните, дорогой, с кем имел контакт Бруннер во время прошлого пребывания в Лодзи?

— Ах, я идиот! — Поручик ударил себя кулаком по лбу.— Ведь Гражина Масс...

Примерно в это же время Гражина вошла в кафе «Гранд-отеля». Она заметила, что ее излюбленный столик около окна заняли какие-то две женщины, одна из которых имела волосы фиолетового цвета, другая же радовала присутствующих головой цвета морковки. Гражина с явным осуждением оценила эти прически и заняла свободный столик около стены. Она осмотрела зал и внезапно услышала над ухом приятный, слегка хриплый баритон:

— Можно мне занять это место?

Рядом стоял худощавый интересный блондин. Не успела она что-либо сказать, как молодой человек сидел за столиком.

— Я жду жениха,— холодным тоном заявила Гражина.

— И давно уже? — спросил блондин.

— Вы думаете, это остроумно?

— Я думаю, да, потому что я известный юморист, но, возможно, с того момента, когда я потерял из-за вас голову, меня покинуло чувство юмора.

— Вы угостите меня коньяком?

Гражина решилась на такой вопрос, полагая, что таким образом избавится от нахала.

— С наслаждением! Только при условии, что вы мне с этой целью дадите взаймы соответствующую сумму, потому что я, со стыдом должен признаться, в данный момент пуст, как барабан.

У Гражины даже дух захватило от возмущения. Она вспомнила предостережения подруг о том, что рано или поздно появится какой-нибудь предприимчивый молодой человек, который потребует участия в доле.

На всякий случай Гражина ответила достаточно вежливо:

— Мое состояние — всего десять злотых.

— О, тогда я более богатый, у меня в два раза больше. Мы можем отметить наше прекрасное знакомство четвертинной водки.

— Под взглядами посетителей? Спасибо, последнее время я не пью таким образом. Кроме того, я боюсь, что вы не слишком осведомлены о том, сколько стоит водка в общественных местах...

— Что вы, кто бы осмелился предложить вам

Продолжение. См. №№ 25, 26, 27.

пить под взглядами посетителей? Что касается цены, то вы уж меня извините, но я в этом великолепно разбираюсь. Ясно, что мы не будем пить здесь, мы пойдем в мое скромное гнездышко, где найдется закуска и крепкий кофе...

Разведчик, который принял от коллеги наблюдение за пани Масс, сразу узнал в поклоннике Гражины Ричарда Завадского, славу и гордость лодзинского городского репортажа. Он занимал ближайший столик и слышал каждое слово из разговора Гражины и Завадского.

— Вы, как я вижу, очень ловкий человек, но вы плохо воспитаны. Вы еще даже не представились.

— Простите меня, это потому, что я потерял из-за вас голову. Я Ричард Завадский, репортер.— Журналист поцеловал руку Гражине.— Кроме того, прошу принять во внимание также и то, что скоро я уезжаю в Закопане и должен спешить. У меня там оплачены два места, причем второе все еще свободно.

— Не шутите надо мной, хорошо? А теперь прошу вас исчезнуть, потому что идет мой жених. Вот тот брюнет в дверях, он ужасно ревнив.

— Я жду вас завтра здесь же, в восемь часов вечера, на всякий случай дайте мне, пожалуйста, номер вашего телефона.

— Хорошо, в восемь. Если у вас изменятся планы, позвоните по номеру 29—658.

Завадский поднялся и галантно поклонился. Брюнет с нахмуренным лицом подошел к ее столику. Он занял освободившееся место и начал что-то шептать Гражине на ухо. Девушка молча встала, брюнет бросил на столик 5 злотых за недопитый кофе, и они вышли из кафе.

Вслед поспешил опекун Гражины, но ему не повезло. Когда он вышел из кафе, то успел только заметить номер машины, которая увозила Гражину и брюнета. Поиски такси были безрезультатны. Тогда он позвонил Ковалику, чтобы сообщить о том, что произошло.

Поручик, выслушав телефонное донесение, выругался, а присутствующий при этом доктор Лах посмотрел на него с неудовольствием.

— Вы должны научиться проигрывать, поручик, и прежде всего не делать детских ошибок. А что там с этим инженером, благодаря которому вы напали на след пани Гражины?

— Она была с ним...

— Ну, прекрасно! У нас сегодня исключительно удачный день. Может, вы будете настолько добры позвонить в Варшаву и вызвать сюда поручика Любича. С огорчением должен отметить, что у него голова лучше варит, чем у вас. Прошу также распорядиться, чтобы разведчик, потерявший след Гражины Масс, стоял около дома инженера, пока тот не вернется. Можете ему даже выдать карманный вертолет, чтобы он больше не потерял из виду этого пана, потому что если он опять его потеряет, то пусть сразу обращается в кассу за расчетом,— хмыкнул Лах.

— Пан доктор, депеша,— доложил дежурный.

Лах быстро прочел шифровку и нахмурился.

— Я должен вернуться в Варшаву,— сообщил он.— Меня вызывает шеф. Замещать меня будет поручик Любич. Уже сегодня он должен быть на месте. Прошу также предпринять все возможное, чтобы разыскать пани Масс. Мне почему-то кажется, что наш немецкий приятель не сегодня-завтра вернется в «Гранд-отель». Итак, прикажите этому знаменитому сержанту, чтобы он им занялся. Он будет отвечать за это даже в том случае, если Бруннер вдруг вздумает улететь на космической ракете. Он должен иметь вторую под рукой. Ну, это пока все. Всего доброго, поручик.

Три часа спустя доктор Лах стучал в дверь майора Яруги.

Еще с порога он заметил, что майор в отвратительном настроении.

— Ну, что же вы мне скажете интересного?

— Как вы знаете из донесения, вся Польша ищет так называемого Гурского. Нет сомнения также, что ему сейчас весьма жарко. И не сегодня, так завтра он будет у нас в руках. Вы знаете также, что наш приятель из Бремена прибыл специально, чтобы принять участие в организованной мною слежке.

— Я был бы рад всему этому, если бы руководил следственным отделом. Поимка коварного убийцы не такое уж достижение. Но все дело в том, дорогой доктор, что мне доверили руководить борьбой с контрразведной противника, и неизвестно, во имя чего я медлю с ликвидированием выявленной шпионской сети. Я терпеливо ждал до сего времени, но любое терпение имеет свои границы. Чужая агентура действует преспокойным образом. И, нравится нам это или нет, может передавать шпионские материалы. Это недопустимо! — Майор прервался на минутку, чтобы набрать воздуха, что и использовал Лах, который никак не мог вставить слова.

— Я позволю себе заметить, что благодаря нашей медлительности Бруннер вернулся в Польшу. И что, следя за его шагами, мы сможем раскрыть более важные связи, чем пани Масс или этот инженеришка, не имеющий понятия о конспирации...

— Итак, вы следите за действиями Бруннера? — сладенько спросил майор, из чего Лах тут же сделал вывод, что он уже знает о потере следа коммерсанта из Бремена.

— Бруннеру удалось исчезнуть из-за ротозейства и неопытности одного из наших сотрудников.

— Итак, Бруннер вернулся, несмотря на то, что чувствовал, что мы за ним следим, и совсем не боится этого. Вы что же, полагаете, что он так наивен?

— Бруннер должен был вернуться. Агент, который сбежал, был резидентом, и у немцев не было другого выхода. Он должен был приехать, чтобы вновь организовать работу и любым путем ликвидировать дезертира.

Майор почувствовал, что Лах берет над ним верх силой аргументации. Но, однако, он решил не сдавать свои позиции:

— Бруннер, видимо, принял меры предосторожности. Этого короткого времени, на которое он ухитрился исчезнуть из поля вашего зрения, хватит ему, чтобы сделать свое дело. Когда он вернется, он снова будет невинным коммерсантом из Бремена.

— Позволю себе придерживаться противоположного мнения. Бруннер сейчас может свободно передвигаться только на территории Лодзи. Вокзалы и дороги перекрыты.

— Вы говорите так, как будто он не может доехать трамваем за город и там спокойно сесть в поезд.

Майор попал в слабое место, а Лах к тому же не был уверен, что Ковалик достаточно хорошо перекрыл вокзалы и дороги.

— Послушайте, майор, мое присутствие там, на месте, в Лодзи, совершенно необходимо,— сказал Лах, стараясь говорить спокойно.— Это одна из самых важных операций, которые мы когда-либо проводили. Если в течение недели я не доложу вам о ликвидации всей сети вместе с Бруннером, я подаю в отставку, и вы можете поручить проведение операции другому работнику.

Майор встал из-за стола. Голос его не сулил ничего доброго, когда он сказал:

— Хорошо. Я принимаю ваше заявление к сведению.

Ковалик нетерпеливо ожидал возвращения доктора и одновременно с беспокойством следил за действиями Любича. Поручик расставил своих людей буквально везде: на всех вокзалах, на главных трассах, на конечных остановках трамвая и автобуса, в кафе, в фойе кино и театров. Перед домами брюнета-инженера и Гражины.

Доктор Лах вошел в отделение в тот момент, когда Любич получал первое благоприятное донесение о том, что разыскиваемый инженер вернулся в свою однокомнатную квартиру вместе с Гражиной. Не входя в подробности, доктор приказал:

— Снять пост перед домом Гражины и приказать следящему, чтобы направился к дому инженера. Поставить там на всякий случай две машины.

Через минуту поступило новое сообщение. Бруннер в обществе двух безупречно одетых дам, которые были известны как особы, ведущие легкомысленный образ жизни, развлекался в баре «Гранд-отеля».

Доктор приказал направить туда двух сотрудниц.

Только в девять часов утра Ковалик с мешками под глазами от недосыпания сообщил доктору, что Бруннер после проведенной у одной из его спутниц ночи вернулся в свой номер в отеле.

Следующее сообщение гласило, что Гражина приступила к работе на складе на улице Волчанской, а инженер, как обычно, ровно в половине восьмого появился в проектном бюро своего института. Доктор приказал, однако, не прерывать наблюдения.

Около одиннадцати Гражине позвонил ее вчерашний поклонник Завадский, сообщая, что решил поспешить с выездом в Закопане и что он не видит для себя более приятной спутницы, чем она. Он предложил встретиться в час дня, но не в шумном «Гранде», а в небольшом баре на улице Костюшко. Гражина согласилась на это предложение, после чего тут же позвонила инженеру. Их разговор был записан на магнитофонную ленту.

— Привет, Чарек, это я.

— Ну и что? Говори скорее, ты знаешь, что я не люблю телефонных разговоров на работе.

— Тот тип, с которым я вчера познакомилась, предлагает поехать с ним в Закопане.

— В Закопане? Это очень хорошо. Поезжай.

— Я договорилась с ним о свидании в час дня.

В трубке послышались короткие гудки, инженер не признавал слишком долгих разговоров по телефону.

За встречей Гражины с Завадским Ковалик следил лично. Журналист, вероятно, серьезно воспылал симпатией к девушке, ибо рисовал перед ней заманчивые картины совместного отдыха, а Гражина для приличия притворялась, что сомневается. Наконец они договорились, что выезжают через три дня.

В это время сержант Муха не без гордости звонил из «Гранд-отеля», сообщая о том, что Бруннер явно собирается использовать купленный вчера билет и собирается в дорогу, сообщив, однако, портье, что вернется через два дня.

Доктор Лах решил, что вместе с немцем поедут две сотрудницы.

Вскоре после этого Бруннер занял место в электропоезде на Вроцлав. Сразу после него в то же купе села молодая, элегантная и красивая блондинка, а в соседнем купе разместилась миловидная брюнетка со смешными ямочками на щеках и подбородке.

Почти в то же самое время электропоезд до Варшавы увозил длинную фигуру в порыжевшей шляпе, потому что поступило сообщение, что известный хирург доктор Коницкий заявил в милицию, что именно он оказал помощь разыскиваемому убийце.

Пациент, как следовало из доклада хирурга, с трудом притащился на второй этаж в кабинет доктора. Он просил, чтобы, принимая во внимание ужасное состояние сердца его жены, его не посылали в больницу.

Увидев портрет Гурского, доктор Коницкий без труда узнал в нем своего пациента, который представился как Ричард Кроль, техник-строитель, живущий в Пястове, около Варшавы.

При проверке оказалось, что в Пястове действительно живет техник-строитель Ричард Кроль, у которого два года тому назад был украден бумажник с документами.

В этот день по телевизору еще раз показали портрет убийцы с добавочной информацией, что он может использовать паспорт на фамилию Ричарда Кроля.

На следующее утро это же сообщение поместили все газеты, и уже ранним утром пришла депеша с туристской базы в горах близ Закопане, что человек с паспортом Ричарда Кроля жил там целую неделю. У него была действительно нога в гипсе, но двигался он достаточно свободно. Выехал в неизвестном направлении.

Милиция выяснила, что разыскиваемый выехал поездом в Краков.

Однако розыски в Кракове не дали никаких результатов.

Начали поступать сообщения о Бруннере. Он завязал знакомство со своей спутницей в поезде и договорился о свидании. Прибыв во Вроцлав, сразу поехал на одну из местных фабрик галантереи. Обратил на себя внимание факт, что он не сел в первое стоящее на стоянке такси, а только в восьмое, перед этим внимательно приглядевшись к номеру машины. Такси, в которое сел, имело номер 69. Шофером и владельцем машины был Петр Миллер, пятидесятилетний механик, который три года тому назад бросил работу на заводе. Тогда это вызвало большое удивление среди его знакомых, так как Миллера считали специалистом и он хорошо зарабатывал. Документы говорили о том, что механик родился на Волыни, а во Вроцлаве поселился, вернувшись с принудительных работ в Германии.

Познакомившись с этим донесением, доктор Лах еще раз проверил депешу, которую получил Бруннер именно из Вроцлава в день своего приезда в Лодзь. В ней шел разговор о станке ПН-69.

— Миллера взять под особый надзор,— распорядился Лах,— а мы,— обратился он к Ковалику и Любичу,— поедем отдохнуть в Закопане. Мы заслужили отдых, не правда ли? Выезжаем завтра тем самым поездом, что пани Масс и ее поклонник. Прошу вас сегодня уложить вещи, необходимые для подлинного отдыха в межчужинье Татр. Итак, до свидания в Закопане.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Доктор Лах не любил поездок. Он всегда предпочитал тишину своего большого мрачного кабинета с окнами, задернутыми тяжелыми плюшевыми шторами, и ковром, заглушающим шаги. Однако, когда он вышел из отеля и оказался на улице, он изменил мнение. Ему приятно было идти по залитой потоками солнца улице, когда под ногами хрустел сухой снег, а над головой простиралась ясная голубизна неба. Доктор вдохнул морозный горный воздух и почувствовал легкое опьянение. На какой-то момент он даже забыл, зачем сюда приехал, и ему показалось, что он один из числа беззаботно слоняющихся курортников.

Внезапно Лах услышал знакомый голос:

— Добрый день, пан доктор, вы что, не узнаете старых знакомых?

Перед ним стоял высокий, худощавый блондин в спортивном костюме.

— Ах, добрый день! — улыбнулся Лах.— Конечно, я узнаю вас. Как же мне не помнить хлопот, которые вы мне доставили год тому назад. Хо-хо, вы еще всего не знаете, до конца жизни я вам не забуду репортажа о ночной жизни заграничных туристов. Вы мне чуть не спугнули пташку, за которой я охотился много лет.

Завадский сделал вид, что смутился.

— Я думал, что вы на меня уже не сердитесь.

— Но вы просчитались,— засмеялся Лах.— Ну, а что вы здесь поделываете? Зимний отдых в Закопане?

— Мне удалось вырваться на несколько дней, главный немного возмущался по поводу того, что летом я всегда нахожу себе тему в Сопоте, а зимой обязательно в Закопане, но потом он махнул на это рукой. А вы, пан доктор, тоже на отдыхе?

— Что-то в этом роде,— ответил Лах.— Хотите конфетку? — предложил он, вытягивая из кармана коробку с мятными конфетами.

— За год вы не изменили своих привычек, как всегда, у вас при себе запас мятных конфет?

— Я консерватор,— сказал Лах,— но, откровенно говоря, удивлен, видя вас одного. Насколько помню, я встречал вас обычно в компании каждый раз новой, но всегда очень красивой женщины.

— О, вы можете быть совершенно спокойны! Я тоже консерватор. И как раз бегу в кафе на свидание с одной обаятельной блондинкой. А может быть, вы выпьете с нами кофе?

— Вы знаете, с удовольствием, у меня как раз есть час свободного времени. Итак, идемте на свидание с прекрасной блондинкой. Только у меня к вам одна просьба: чтобы она случайно не испугалась, не представляйте меня как работника нашего министерства. Если вы так сделаете, то я могу заподозрить, что вы боитесь моей конкуренции и используете недозволенные приемы.

Завадский сделал торжественное лицо.

— Слово, что я этого не сделаю. Женщину, которую люблю, я своего удержать другими способами.

Кафе было переполнено. Клубы дыма висели над столиками. Лах огляделся вокруг, но Завадский схватил его под руку и потянул к окну.

За столиком сидела Гражина Масс.

— Разреши, Гражина, я представлю тебе адвоката Лаха,— сказал Завадский, удобно усажи-

ваясь.— Это мой очень хороший знакомый, мы с ним старые приятели. Эмиль, что вы будете пить?

— Если можно, только чашечку кофе,— ответил Лах, бросая мечтательный взгляд на Гражину, которая в этот момент поправляла ладонью спадающую на лоб прядь. Заметив восхищение во взгляде доктора, она тут же открыла сумочку и вынула пудреницу.

— А долго ли пани собирается еще пробыть в Закопане? — спросил Лах.

— Я еще не знаю, это зависит от Ричарда.

Завадский, который пытался остановить проходящую мимо официантку, повернулся.

— Смотри, Гражинка, я первый раз вижу адвоката в таком состоянии. Мне кажется, ты произвела на него впечатление.

Лах не протестовал.

— Вы очень красивы,— сказал он тихо в тот момент, когда официантка принимала заказ.

Ричард, однако, услышал слова Лаха и громко засмеялся.

— Ну, видишь? Начинается атака по всему фронту, а, насколько я знаю, адвокат холост... Имей это в виду, Гражинка.

Завадский не принимал близко к сердцу достоинства Лаха. Он хорошо знал, что доктор не имеет у Гражины никаких шансов, и, попивая кофе, беспрерывно острил. Лах, казалось, принимал все это за чистую монету и не терял хорошего настроения.

Зачем Гражина приехала в Закопане? Видимо, не только затем, чтобы провести тут несколько дней с Завадским... Похоже на то, что Бруннер выслал ее с заданием произвести разведку в горной курортной местности. Может, Гражина уже напала на след Гурского? Может быть, у нее есть какие-нибудь помощники? Внезапно Лах заметил, что лицо Завадского исказилось гримасой несдерживаемого гнева. «Не переборщил ли я?» — промелькнула у него мысль. Вдруг Завадский взорвался:

— Как ты себя ведешь! Думаешь, я не вижу, что ты посылаешь томные взгляды этому блондину? Можешь это делать сколько тебе нравится, но только не в моем обществе. Я не позволю себя компрометировать!

— Но, Ричард, что ты говоришь! — Гражина положила свою тонкую ладонь на руку Завадского.

— Пожалуйста, не делай из меня идиота,— огрызнулся репортер.— Представьте себе, пан адвокат,— обратился он к Лаху.— Эта особа приезжает сюда со мной и с первого же дня начинает убегать на свидания с каким-то парнем, с которым случайно познакомилась на танцах. Естественно, все это происходит под прикрытием визита к парикмахеру или поездки на лыжах на вершину горы Каспровой.

— Не верьте ему, пан адвокат! — Ладонь Гражины продолжала гладить руку Завадского.— Ричард ужасно ревнивый, и каждый мой шаг кажется ему подозрительным. А я ведь не даю к этому никакого повода.

— Великолепно! А может быть, ты откажешься от того, что, когда ты пошла, как сказала, к парикмахеру, я встретил тебя на Крупувках с тем свинским блондином?

— Ну, и что из этого? У парикмахера было очень много народу, мне не хотелось ждать... Я вышла и на улице встретила этого мужчину, с которым тогда с твоего разрешения танцевала один раз в кафе. Может быть, я должна была и не отвечать ему, когда он подошел поздороваться?

Лах уже успел украдкой присмотреться к сидящему в глубине зала блондину. Не было никаких сомнений, что Гражина встречалась уже не раз с этим незнакомцем с целью, о которой Завадский даже не подозревал.

— Мне очень неприятно,— попробовал он прервать продолжающуюся ссору,— но я должен проститься с вами. У меня назначена встреча, а я не люблю опаздывать.

— Видишь, своим поведением ты вспугнул пана адвоката,— сказала надувшаяся Гражина.

— Я прошу меня извинить, что я позволил себе в вашем присутствии этот взрыв,— засуетился Завадский.— Не уходите, пожалуйста...

— Должен, дорогой, должен. И не из-за этой небольшой стычки между вами. В конце концов милые бранятся — только тешатся,— пошутил Лах, вставая.— А с вами, пан репортер, я охотно встречусь еще раз. Где вас можно найти?

— Я буду здесь завтра, в двенадцать часов. Гражина снова собирается на вершину,— вызывающе ответил репортер.

— Хорошо. Итак, завтра в двенадцать. А вам я желаю приятного спуска,— обратился Лах к Гражине на прощание.

Пробираясь между столиками, он старался пройти как можно ближе около блондина, который явился причиной ссоры. У него была отличная зрительная память: достаточно было увидеть человека один раз, чтобы узнать его через несколько лет.

Выйдя из кафе, доктор направился в магазин подарков и долго выбирал открытки, прежде чем решился купить. Потом вошел в мясной магазин и встал в очередь за консервированной ветчиной. Он стоял, может быть, минут пятнадцать и вдруг вышел на улицу. Именно в этот момент из кафе выходил соперник Завадского.

Не убыстряя шага, Лах пошел за незнакомцем. Прогулка не была продолжительной. Заглянув на почту и в транспортное агентство, блондин повернул в ближайшую улицу и исчез за калиткой одноэтажной виллы.

Лах постоял полчаса на углу, а потом медленно пошел в направлении местного отделения милиции.

Не нужно было много времени, чтобы выяснить, что на вилле, которая заинтересовала доктора, живет отдыхающий, некий Сильвестр Зелинский, проживающий в Варшаве на улице Проектирования, 3.

Одновременно в Варшаву была послана телефонограмма с поручением собрать возможно более подробную информацию о пане Сильвестре.

Вечер Лах провел в своей комнате. Он просмотрел несколько еженедельников, разгадал кроссворд в «Пшекрое», съев при этом почти целую коробку мятных конфет.

Было уже почти восемь часов вечера, когда кто-то начал дубасить кулаком в дверь. Едва Лах успел сказать «войдите», как в комнату аистиным шагом вошел Любич.

Не снимая пальто и шляпы, он уселся на стул и вытянул длинные ноги.

— Приветствую вас, доктор. Как видите, я приехал. Вы себе не можете представить, как переполнены поезда. Всю дорогу я стоял на одной ноге.

Лах с трудом сдержал улыбку при мысли, что человек, столь похожий на аиста, испытывает неудобства от стояния на одной ноге.

— Вы не американский детектив, коллега Любич. Может, вы все-таки снимете шляпу и объясните свое опоздание. Поручик Ковалик уже давно на месте.

Любич посмотрел на доктора взглядом, в котором каждый мог бы прочесть, что симпатия занимала одно из последних мест в его отношениях с представителем министерства. Потом он медленно снял с головы шляпу и ладонью пригладил вихры, торчавшие во все стороны.

— От наших людей, которые выехали в разных направлениях, приходят донесения. Они еще не нашли никакого следа преступника. Начали поступать донесения с окрестных постов и комиссариатов. Тоже ничего интересного. Я должен был отдать соответствующие распоряжения. А уж если говорить честно, пан доктор, то все это мероприятие мне кажется бесполезным. С таким же успехом мы могли бы искать иголку в стоге сена...

— Ваше сравнение не слишком оригинально,— заметил Лах с насмешкой в голосе.

— Я не стремлюсь быть оригинальным, зато у меня достаточно здравого рассудка,— запетушился Любич,— а может быть, я не прав? В таком случае, пан доктор,— слово «доктор» поручик произнес с особым ударением,— наверно, укажет мне на ошибку. Вся страна мобилизована на поиски, а пана Гурского, или Кролля, нет и следа. Я полагаю, что после этого представления в прессе и по телевидению он давно уже смылся за границу.

— Вы забываете, дорогой коллега,— в свою очередь, Лах сделал акцент на слове «коллега»,— что у человека, которого мы ищем, больная нога и он не может свободно двигаться. Он должен пользоваться помощью других людей, что очень облегчает розыски.

— Пока что этого не видно,— буркнул Любич под нос, а потом добавил громче: — Бруннер в Кракове.

Лах сорвался со стула.

— Бруннер в Кракове? Что же вы мне сразу не сказали?

— Потому что вы прежде всего спросили меня о причине моего опоздания. Немец посетил Новую Гуту и провел там несколько бесед на тему о возможных поставках сырья. Кроме того, он был в Вавельском дворце, а ночи он проводит в баре французского отеля.

— Не получал ли он каких-либо писем? Не говорил по телефону с заграницей? С кем встречался на личной почве?

Любич насупился еще больше.

— Никаких писем, никаких телефонных разговоров, никаких встреч, за исключением встречи с некоей Вандой Карпель, которая имела место между двумя и четырьмя ночи в баре.

— Я предполагаю,— сказал Лах,— что Бруннер сидит в Кракове, чтобы находиться в непосредственной близости от своих людей, которые одновременно с нами проводят поиски Гурского. Любой ценой мы не должны допустить, чтобы они нашли его раньше нас. Я даю вам служебное поручение: вы должны пойти выспаться, а завтра явиться отдохнувшим и с хорошим настроением.

Любич молча поднялся со стула и надел шляпу. Только у дверей он задержался и обернулся к Лаху:

— Спокойной ночи, пан доктор, я очень рад, что мне суждено сотрудничать с таким выдающимся человеком, как вы.

Когда за поручиком закрылись двери, Лах начал прохаживаться маленькими шагами по номеру. Он постоянно задевал об угол шкафа или стола. Тесный номер не предоставлял таких возможностей, как варшавский кабинет Лаха, поэтому доктор уже через несколько минут, потирая синяк на бедре, поспешно набросил пальто и вышел на улицу.

Ночной морозный воздух покалывал лицо, а порывы ветра, смешанного со снегом, могли отбить охоту к прогулке у самого заядлого любителя свежего воздуха.

Лах посмотрел на часы. Было около десяти. Единственным местом, куда он мог пойти в такой час, были только закопанские кабачки.

В раздевалке «Ватры» он попал прямо в объятия Завадского. Репортер, уже слегка выпивший, слишком громко начал изъявлять свою радость по поводу неожиданной встречи.

— Приветствую дорогого адвоката в приюте Бахуса и Терпсихоры! Мы должны были встретиться завтра, но судьба хотела, чтобы мы встретились сегодня. Прошу вас к моему столику, тем более что другого свободного вы не найдете, даже показав ваше служебное удостоверение.

Лах уже и не мечтал вырваться из объятий репортера, который, обняв его за плечи, пошатываясь, тянул к столику.

— Смотри, Гражинка, кого я поймал! — орал во весь голос Завадский, махая издалека рукой одиноко сидящей Гражине.

— Пан Ричард, только не забывайте о данном мне обещании,— шепнул Лах на ухо репортеру.— Не распространяйтесь на тему места моей работы, хорошо?

— Ну, хорошо, договорились. Поцелуйте лучше ручку моей богине и выпейте штрафную,— говорил репортер, ставя перед Лахом стаканчик из-под содовой воды, наполненный водкой.

Доктор профессиональным взглядом заметил, что Завадский и Гражина, должно быть, веселятся здесь уже часа два, потому что Гражина тоже была достаточно пьяна и каждую минуту разражалась смехом.

— Ну, за наш успех,— сказал репортер, поднимая рюмку.

Лах одним духом выпил и почувствовал, как приятное тепло разливается по всему телу. Завадский подсунул ему чистую тарелку и открытую коробку сардин.

Намазывая хлеб маслом, Лах оглядывал зал. Внезапно на его лице появилось выражение искреннего удовольствия. Свои утренние планы он мог реализовать сейчас без специальных приготовлений, не ломая себе голову. Он положил сардинку на хлеб и откусил. Завадский как раз наливал очередную.

— Что за темпы,— запротестовал Лах,— через минуту я буду лежать под столом.

Репортер понимающе подмигнул ему.

— Теперь мы выпьем за наш маленький секретик...

Лах молча влил в себя полную рюмку водки, после чего решительно встал.

— Простите, я на минутку выйду.

— Что, вы хотите убежать? Никогда я не допущу этого,— проговорил с трудом репортер, поднимаясь.

Только после горячих уверений в том, что тут нет и речи о дезертирстве и что он мечтает выпить еще несколько рюмок водки в такой приятной компании, Лаху удалось выйти.

Доктор вошел в телефонную кабину около раздевалки и набрал номер пансионата, в котором остановился Любич. Через минуту услышал в трубке голос заспанного поручика:

— Да, слушаю... Что случилось?

— Возьмите машину из отделения и двух милиционеров в форме. Остановитесь на углу около «Ватры» и ждите там дальнейших моих распоряжений. Ага, разбудите также нашего неоценимого Ковалика, он живет с вами в одном пансионате, комната номер двадцать три. Пусть он оденется и ждет меня в отделении.

Когда Лах вернулся к столику, начал играть оркестр.

— Гражинка, потанцуем? — предложил Завадский.

— Я не буду танцевать.

— Почему?

— Но, пан Ричард,— вставил Лах,— не следует принуждать прекрасных дам к тому, чего они в настоящий момент не хотят. Давайте лучше выпьем кофе, и вы увидите, что пани Гражина изменит свое мнение.

В помещении становилось все более шумно и тесно. Официанты с завидным мастерством размещали новых гостей за поставленными в углах столиками. Гражина встала и извинилась:

— Я вернусь через минутку.

Лах остался с репортером.

— Красивая девушка,— вздохнул он,— вам повезло. Но и хлопот, конечно, немало. Вы должны хорошо следить за своей добычей здесь, в Закопане, чтобы ее никто не украл.

— Мне нечего бояться,— заготовал репортер,— у меня верный глаз и неплохой удар справа.

— Как бы вам не пришлось употребить его уже сегодня вечером.— Лах посмотрел сочувственно.— Я обратил внимание, что один молодой человек не спускает с нее глаз.

— Который? — встрепенулся репортер.— Я сейчас ему объясню, что неприлично интересоваться чужими женщинами, находящимися в мужском обществе.

— Не стоит устраивать скандала, пан Ричард, право, не стоит.

— Это который, скажите мне, пожалуйста!

В этот момент вошла Гражина и через зал направилась к столику.

— За то, что вы не выдали моего инкогнито, я скажу вам. Это тот блондин, который сидит в углу зала.

— Снова этот негодяй!

— Но, пан Ричард! Успокойтесь, прошу вас,— пробовал задержать его Лах.

Однако репортер рванулся порывистым шагом через середину зала, где столкнулся с идущей ему навстречу Гражиной.

— Куда это ты мчишься?

— Сейчас ты увидишь и услышишь.

Завадский обошел девушку, и через секунду звон летящего на пол стекла смешался с испуганным визгом женщин и проклятиями двух мужчин, катающихся на полу.

Когда Любич вместе с двумя милиционерами появился в зале, Завадский как раз сидел верхом на своем сопернике и молотил его кулаками, в чем ему пытались помешать трое официантов и молодая блондинка с развевающимися волосами. Неподалеку, на приличном отдалении, собралась группа мужчин и женщин.

Однако очень быстро порядок был восстановлен, и уже через полчаса никто в кафе, кроме официанта, подсчитывающего убытки, не вспоминал об этом инциденте.

Только в местном комиссариате милиции были заняты три пустых камеры.

Окончание следует.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

Стефан ЕЖЕВСКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Не суждено было Любичу провести сегодняшнюю ночь в постели.

Он один должен был допросить по очереди Завадского, Гражину Масс и Сильвестра Зелинского, так как доктор по прибытии в отделение поручил Ковалику немедленно выехать в Краков и взять на себя наблюдение за Бруннером.

Допрос затянулся до двух часов ночи. Больше всего времени поручик уделил Зелинскому, допрашивая его в соответствии с планом, разработанным Лахом. Как оказалось, Зелинский — снабженец одной из варшавских фабрик — отдыхал в Закопане за счет прошлогоднего отпуска, и не было никаких оснований держать его под арестом. Он был совершенно трезвый и, как показали свидетели, подвергся нападению со стороны репортера. Нужно было также освободить Гражину Масс, участие которой во всем этом инциденте ограничилось оттаскиванием Завадского от лежащего на полу соперника.

На всякий случай решение освободить Гражину и Зелинского Любич решил согласовать с доктором.

Лах ожидал поручика в кабинете коменданта.

— Ну, что новенького? — спросил он стоящего на пороге Любича.

— Ничего. Совсем ничего. Можно только задержать до утра этого пьяного журналиста и передать дело в суд.

— А как вел себя Зелинский?

— Он сказал, что пожалуется в прокуратуру, если его тут же не отпустят.

— Ну, тогда освободим его. В конце концов давайте освободим сейчас всех троих, однако перед этим я хотел бы вам показать кое-что.

Лах вытащил из лежащей на столе дамской сумочки маленькую фотографию и подал Любичу.

— Вот человек, которого мы ищем. Ян Гурский или также... Все равно, как называть его.

Любич нахмурил брови.

— Признаюсь, вы меня потрясли, пан доктор. Откуда вы знаете, что это именно он. Правда, мужчина на фотографии слегка напоминает портрет Гурского, который мы опубликовали, но это совершенно не подтверждает того, что это один и тот же человек. Это что, служебная тайна?

— Какая там тайна! Вы ведь полностью посвящены во все подробности этого дела, зачем же мне что-нибудь скрывать от вас? Тем более такую мелочь. Просто я знал, что Гражина Масс — агентка вражеской разведки, и предположил, что она приехала в Закопане с той же целью, что и мы. Таким образом, пани Масс должна знать, как выглядит разыскиваемый ее шефами человек. Поэтому она должна была носить при себе постоянно его фотографию.

— Ну, надо же! — фыркнул Любич.— Вы говорите все это серьезно, доктор? Ведь пани Масс может носить с собой фотографию какого-нибудь из своих многочисленных любовников. Как я успел заметить, у нее их вполне достаточно. Я сам просматривал ее сумочку и насчитал дюжины две разных снимков с нежными подписями. А, кроме того, откуда вы знаете, что она не была лично знакома с Яном Гурским. Тогда фотография оказалась бы совсем ни к чему.

Лах все время кивал головой, как бы соглашаясь с выводами Любича.

— Все, что вы сказали, вполне логично, хотя кажется мало правдоподобным, чтобы агенты разведки приглашали друг друга на чай и поддерживали приятельские отношения. Гражина Масс могла знать Гурского при условии, что он, как резидент разведки, поддерживал контакт с доверенной ему шпионской сетью. Но не в этом дело. Речь идет совсем о другом...

Лах потянулся за лежащим на столе бумажником и вытащил из него какую-то фотографию.

— Может быть, дорогой коллега, вы присмотритесь к этому снимку? Может, вы скажете, что и Зелинский носит с собой фото своего любовника?

Поручик остолбенел.

Доктор держал в руках две одинаковых фотографии.

— Я могу вам даже сказать,— продолжал Лах,— что они сделаны на идентичной фотобумаге, скорее всего американского происхождения. Вы должны признать, что это заставляет задуматься. И если помнить, что Гражина Масс знает Зелинского, как говорится, мимолетно, несколько дней... А что касается вас, дорогой коллега, то у меня к вам только одна претензия: несмотря на то, что вы обыскивали обоих, вы проглядели самое существенное.

Любич в растерянности потирал щеку.

— Да, черт возьми! Вы правы, пан доктор. Я болван, который должен доить коров в деревне...

Это неожиданное раскаяние обезоружило Лаха. Он подошел к поручику и похлопал его по плечу.

— Все не так уж и плохо.

Наступила минута смущенного молчания. Доктор подошел к окну и выглянул на улицу с таким вниманием, как будто там происходило что-нибудь интересное, а Любич сел на стул около письменного стола и бессмысленно перебирал разложенные на нем фотографии.

Наконец Лах отвернулся от окна.

— Всех троих следует сейчас же освободить,— сказал он.— Зелинского мы также берем под пристальное наблюдение. Прошу отдать приказание, чтобы сделали соответствующее число копий с фотографии Гурского и разослали их во все наши отделения. Пусть нам также немедленно пришлют из Кракова самое меньшее шесть сотрудников, а когда они приедут, пусть явятся ко мне, теперь же...— Лах посмотрел на часы,— нам следует по крайней мере два часа поспать. Спокойной ночи, поручик.

В это самое время Завадский, сидя на твердой деревянной скамье, проклинал в душе себя, Гражину, блондина, который, как назло, оказался в кафе, и торжественно обещал себе, Завадскому, что больше никогда в рот не возьмет ни капли спиртного. «И что я, собственно, нашел в этой Гражине? — думал он, опираясь лбом на ладони.— Знаю всего несколько дней, знаю, что добродетель не относится к числу ее достоинств, и вдруг во мне просыпается Отелло из провинциального театра».

В это время в дверях камеры появился милиционер.

— Гражданин Завадский, прошу вас собраться!

Завадскому, собственно, нечего было собирать. Через минуту он стоял перед дежурным лейтенантом, который произнес короткую, глубоко содержательную речь. Не обошлось без упоминания о том, что стыдно, когда журналист подобным образом ведет себя в публичном месте. Ему напомнили также о деле, которое будет слушаться в свое время в местном суде, и предостерегли от повторного визита в здешнее отделение милиции.

Завадский, полный наихудших предчувствий, переступил порог милиции. По мере удаления от места, где он провел эти несколько неприятных часов, настроение у него начало улучшаться.

— Приму ванну, побреюсь,— планировал он.— Гражине куплю несколько роз, найду Лаха, и... все будет хорошо. Мир прекрасен.

Следует отметить, к похвале репортера, что он быстро реализовал свой план, даже его труднейший пункт, ему удалось выполнить неожиданно легко. Лаха он встретил в кафе уже в одиннадцать и без излишних разговоров получил от него обещание, что тот вмешается.

Гражина также сердилась недолго, особенно когда он предложил ей поездку на санях в горы.

Погода была прекрасная, для такого путешествия лучше не придумаешь. Скрипел под полозьями сухой снег, весело позванивали колокольчики на конских дугах.

Однако Завадский недолго находился в таком мечтательном настроении. Когда они проезжали мимо гуральских домиков, прилепившихся на склоне горы, Гражина попросила:

— Задержимся, мне ужасно хочется пить.

— Я пойду с тобой,— предложил репортер.

— Подожди в санях, я сразу же вернусь,— крикнула она, и, прежде чем Завадский успел выбраться из саней, Гражина исчезла за углом ближайшей хаты.

Репортер махнул рукой и старательно прикрылся бараньим тулупом. Вокруг было пусто. Только около одной из хат загорал на лежаке курортник.

Завадский закурил, сильно затянулся раз, другой, после чего с отвращением бросил окурок в снег. Он удобно растянулся и прикрыл глаза, полной грудью вдыхая морозный воздух.

Внезапно он услышал голос возницы:

— Любезный, долго мы будем здесь еще стоять? — репортер открыл глаза.

— А что вам так не терпится?

— Нет, могу постоять еще, но вы уже спите больше чем полчаса, и я подумал, что вы можете замерзнуть на таком холоде...

Завадский моментально пришел в себя.

— Что? Вы говорите, что прошло уже полчаса?

Он быстро выскочил из саней и подошел к ближайшему дому. Постучался, а поскольку никто не отозвался, нажал ручку двери и вошел в темный коридор. В доме было пусто.

Беспокойство репортера возрастало по мере того, как он заходил из одного дома в другой: ни одна из хозяек не могла ничего сказать о девушке, которая почти сорок пять минут тому назад исчезла среди построек.

Наконец, какой-то подросток ответил, что он видел девушку в лыжных брюках полчаса тому назад.

Все это не слишком нравилось Завадскому, тем более что уже приближались сумерки, а он не знал, что предпринять. Вернуться в сани и там ждать Гражину?.. А если с ней случилось что-нибудь плохое? А может быть, она его надула и договорилась о встрече с блондином?

Эта последняя мысль разозлила репортера, он сел в сани и приказал вознице возвращаться.

Однако в пансионате он Гражины не застал.

В это время в местном отделении милиции Лах ходил по кабинету из угла в угол.

Любич, сидевший около стола, с каменным спокойствием курил сигарету и пускал клубы дыма. Он делал вид, что его совершенно не касается то, что происходит вокруг.

— Безобразие! — горячился Лах.— Он добьется того, что его сегодня пристукнут. Разведчик, называется... Пусть он мне сегодня даже на глаза не показывается, потому что я за себя не ручаюсь.

Поручик с невозмутимым спокойствием наблюдал, как растет столбик пепла на сигарете. Это спокойствие еще больше раздражало доктора.

— Да скажите вы что-нибудь, наконец, черт вас возьми, а не стройте из себя мумию!

Любич осторожно вытащил изо рта сигарету, стараясь, чтобы столбик пепла не упал на брюки.

— Так может с каждым случиться,— процедил он,— а как, по-вашему, парень должен был поступить? Ехал все время на определенном расстоянии за журналистом и девушкой, а когда увидел, что сани остановились около придорожных домов, проехал вперед на несколько десятков метров и сделал вид, что поправляет сбрую. Что он мог предпринять, если девица не возвращалась, а этот тип через час велел ехать обратно в Закопане? Может, он должен был сделать обыск у гуралей и спугнуть пани Масс?

Лах, круживший по кабинету, остановился.

— Мы не можем терять ни минуты. Берем с собой двух человек и едем.

— Не слишком ли вы спешите? Мы можем себя расконспирировать раньше времени.

Доктор внимательно посмотрел на поручика.

— Да...— буркнул он.— Вы правы.

Он потер ладонью лоб, потом вытащил из кармана помятую коробочку и развернул зеленую мятную конфету. Он сосал ее с благоговением, глядя все время на поручика невидящим взглядом.

— Есть! — улыбнулся он.— Завадский должен заявить о пропаже девушки.

— Нам придется ждать этого дольше, чем мы бы хотели,— заметил Любич скептически.

— Ну, это уж мое дело, чтобы он сообщил об этом.— Лах был уже около вешалки и надевал пальто.— Начинаем операцию.

Окончание. См. «Огонек» №№ 25—28.

Дорога до пансионата, где жил Завадский, заняла десять минут. Гораздо труднее было разбудить репортера, который долго не отвечал на стук в дверь.

— Что это, черт возьми! Кто там ночью не дает спать человеку! — ворчал он, отыскивая в потемках выключатель. Наконец щелкнул замок:

— О, простите, пожалуйста, я разбудил вас?— галантно улыбнулся Лах.

Репортер протирал кулаком глаза.

— Я и не предполагал, что вы ложитесь спать вместе с курами,— продолжал доктор.

— С курами?

— Еще только девять часов, я думал, вы еще не спите и хотел сообщить вам приятную весть. Пожалуй, по такому поводу можно и выпить,— закончил Лах.

Репортер, наконец, пришел в себя и сообразил, что ведет себя не очень вежливо.

— Войдите, пожалуйста, правда, здесь ужасный балаган. После той несчастной ночи я лег немного раньше.

Лах присел на стул:

— Я договорился в отделении о том, что вы просили.

— Я вам обязан до гробовой доски, дорогой адвокат.— В голосе репортера появилась нотка, свидетельствующая о появлении хорошего настроения.

— Ну, это чепуха. Чего не сделаешь для старых приятелей? — Лах добродушно хлопнул репортера по колену.— По этому поводу я приглашаю сейчас вас вместе с пани Гражиной на рюмку коньяку и крепкий кофе. Я подожду вас внизу, в холле,— добавил он, поднимаясь со стула.

Лицо Завадского вытянулось.

— К сожалению, пани Гражина не сможет воспользоваться вашим любезным приглашением. Только я могу пойти с вами.

— А что случилось? — В голосе доктора можно было почувствовать огорчение.

Репортер хмыкнул, закурил сигарету, явно медля с ответом. Наконец он растерянно выдавил из себя:

— Честно говоря, пан адвокат, я не знаю, где она сейчас находится.

Доктор шутливо засмеялся:

— Что, снова небольшая ссора?

Но, выслушав историю о пропаже Гражины, посерьезнел.

— Вы должны сейчас же сообщить об этом в отделение милиции.

— В отделение милиции? — простонал репортер.— Ну, нет, на это вы меня не подобьете. С меня хватит этого отделения на несколько лет вперед. Они подумают, что я снова напился и морочу им голову разными сказками.

— Вы должны об этом сообщить.— В голосе Лаха прозвучала нотка отцовской заботливости.— Если с Гражиной случилось что-либо плохое, первые подозрения падут на вас. А вы действительно хотите впутаться в какую-нибудь историю? — налегал доктор.

— Я уверяю вас, что эта...— тут он прикусил язык,— что с пани Гражиной ничего не случилось, и она, наверное, развлекается с этим типом, из-за которого я несколько часов провел в камере.

— Я вовсе не утверждаю, что с вашей приятельницей случилось что-то плохое. Но достаточно одного шанса из ста, чтобы оказаться за решеткой, вы уж мне поверьте. Я ведь кое-что в этом смыслю.

Видимо, последний аргумент оказал свое воздействие, потому что репортер открыл шкаф и достал рубашку и костюм.

Лах встал со стула и взялся за шляпу.

— А завтра я к вам забегу, может, во время обеда и узнаю, нашлась ли она,— говорил он, пожимая репортеру на прощание руку.

Выйдя на улицу, доктор взглянул на часы. Не прошло еще и получаса с момента разговора с поручиком. Он ускорил шаги и через несколько минут оказался перед зданием местной комендатуры, где его уже ждал в машине Любич вместе с двумя милиционерами в форме и сотрудником в штатском. Шофер завел мотор, и машина тронулась. Лах по дороге инструктировал Любича:

— Если вы найдете девушку у какого-нибудь гуралля, объясните ей, что Завадский подал заявление о ее исчезновении. Ни в коем случае нельзя ее задерживать или допрашивать. Попросите только, чтобы завтра зашла в отделение для исполнения формальностей, связанных с заявлением о розыске. Вы должны быть очень любезны и тактичны, чтобы не спугнуть ее. Оставьте только одного сотрудника где-нибудь около дома, но не слишком близко... В любом случае, если найдете пани Масс, ни на минуту не выпускайте ее из виду.

— Мы приехали,— доложил сидящий рядом с шофером сотрудник.

Оперативная группа вышла из машины. На месте остался один Лах.

Медленно текли минуты. Уже через пятнадцать минут доктору стало холодно. Он вышел из машины и притопывал вокруг нее, погруженный в невеселые мысли. Дело Гурского остановилось на мертвой точке, если не принимать во внимание факта заманивания Брунера и раскрытия Зелинского. Однако все это еще не обеспечивало быстрой поимки опасного агента, который в любой момент мог оказаться далеко. Лах также хорошо помнил заявление, сделанное им несколько дней назад майору Яруге.

Внезапно заскрипел снег под чьими-то шагами. Лах вздрогнул. Со стороны поселка приближалась черная высокая фигура. По аистиному шагу доктор узнал Любича.

— Все в порядке,— сказал поручик, закуривая сигарету.

— Вы нашли ее?

— Нет, но мы узнали нечто интересное.

К машине подошли два милиционера и шофер. Любич открыл дверцу.

— Едем, по дороге я все вам расскажу.

Машина рванулась с места. Поручик закурил сигарету, затянулся дымом и сдвинул шляпу.

— Гражина Масс провела сегодняшний вечер в доме Шецких. Когда появился тот ваш журналист, Шецкая сказала, что ничего чужого не видела. Она обманула его, потому что получила сто злотых от курортника, который живет у нее.

— Что это за курортник?

— Очень элегантный мужчина, по крайней мере такого мнения о нем Шецкая.

— Меня не интересует мнение какой-то там Шецкой,— пробурчал Лах.— Что это за тип?

— Пока это трудно установить, так как вместе с пани Масс он покинул дом Шецкой вечером, сказав, что должен вернуться в Варшаву.

— Да, я забыл вам сообщить еще об одной, впрочем, маловажной, подробности,— добавил с невинной миной Любич.— У этого курортника нога была в гипсе. Несчастный случай во время спуска с Каспровой.

Лах в этот момент напоминал змею, которой наступили на хвост.

— Что! — прорычал он.— Этот негодяй сидел тут у меня под носом все время! Газу! Вы не слышите, что я говорю?!

Крик доктора поразил шофера до такой степени, что вместо того, чтобы нажать на педаль скорости, он резко затормозил.

Милицейская «Варшава» развернулась и боком скатилась в придорожный ров.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Шофер с помощью нескольких местных силачей благополучно вытащил машину из рва.

— В Пороники, быстро! — торопил Лах.

— Чтобы снова приземлиться во рву? Дорога обледенела, быстрей нельзя.

— Делайте, что хотите, но через десять минут мы должны быть там.

— Поезд в Краков отходит через восемь минут,— заметил вдовец Любич, поглядев на часы.

Несмотря на то, что шофер делал все, что мог, чтобы увеличить скорость, его усилия ни к чему не привели. Шоссе настолько обледенело, что ехать было почти невозможно. Когда они, наконец, оказались на шоссе, ведущем прямо на Пороники, прошло шесть драгоценных минут.

— Убить мало этих дорожников,— без всякого снисхождения шипел доктор.

Прошло еще пятнадцать минут, прежде чем за поворотом показались первые строения Пороников.

Как назло, улицы городка были забиты в этот день многочисленными гуральскими санями. Извозчики, возвращающиеся с ярмарки, вовсе не торопились уступить место машине.

Любич, с самого начала убежденный, что они не успеют к краковскому поезду, с олимпийским спокойствием курил сигарету. Когда, наконец, «Варшава» подъехала к вокзалу, одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что поезд давно ушел.

Лах выскочил из машины и побежал на перрон, где стремительно набросился на идущего вдоль путей железнодорожника.

— Вы не видели человека, у которого нога в гипсе?

— Вы что все с ума посходили? Уже третий раз у меня сегодня спрашивают о человеке с ногой в гипсе,— отшатнулся железнодорожник.

— Спрашивал такой толстый? Похож был на немца, да?

— Верно,— подтвердил тот.

— Это важная птица, этот с ногой в гипсе. Сами, наверно, заметили?

— Важная ли, не знаю, но что с деньгами — это факт. Он сюда еще должен вернуться. Ведь не оставит он здесь такой кофр.

— Что? — кричал Лах.— Он оставил кофр?

— Раз я говорю, что оставил, значит, оставил. Я сам у него принимал его, думал, что надорвусь, когда тащил его в камеру хранения. Черт знает, что у него там,— флегматично ответил железнодорожник.

— Покажите нам сейчас же этот кофр,— вмешался Любич, который как раз подошел к говорившим.

— А вам-то какое дело? — неприязненно спросил работник станции.

— Милиция! — Любич вытащил служебное удостоверение и, не давая железнодорожнику опомниться, добавил: — Проводите нас в камеру хранения.

— Коллега, откройте этот кофр,— распорядился Лах.— Я тем временем зайду к начальнику станции.

— Его вовсе не так легко открыть, пан...— Железнодорожник приглушил голос, не зная, как обратиться к Любичу. Поручик догадался, на чем споткнулся приемщик багажа, и улыбнулся.

— Можете обращаться ко мне без титулов, а с кофром мы сейчас справимся. У вас, наверно, найдется здесь молоток и кусочек проволоки?

— Найдется.— Железнодорожник смотрел на Любича с возрастающим интересом.

— Ну что ж, несите, жаль терять время.

Железнодорожник подошел к стоящему в углу ящику и через минуту принес несколько кусочков проволоки.

Любич взял тонкую стальную проволоку и изогнул ее, расплющив конец. С этой импровизированной отмычкой подошел к кофру и попытался открыть замок. Отмычка не подошла, но после нескольких ударов по проволоке замок открылся. Удивленный железнодорожник буквально открыл рот, когда Любич привычным движением открыл крышку кофра.

— Ну, так, именно этого я и ожидал,— спокойно произнес поручик.

Лицо кладовщика покрылось мертвенной бледностью. В кофре лежал труп молодой девушки.

— О боже!— простонал железнодорожник.

Поручик положил труп на грязный пол. Стеклянными, как бы удивленными глазами смотрела Гражина Масс. Она была в синих эластичных брюках и белой куртке с капюшоном. На шее краснела шелковая косынка. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в том, что именно этот кусок шелка был орудием убийства.

— У...удушена,— еле выговорил младовщик.

— Ясно, что удушена,— Любич внимательно осматривал труп. Он наклонился и разжал судорожно сжатую ладонь. Из нее выпал маленький треугольный кусочек картона. Поручик подошел к окну, чтобы лучше рассмотреть его. В этот момент в камере хранения появился доктор.

— Все отлично, поручик..,— он замолчал, заметив лежащий на полу труп.

— Что это? Ах, да... Честно говоря, я ожидал этого...— Лах делал вид, что ни на минуту не утратил присутствия духа.— Что вы там нашли? — добавил он, подходя к окну.

— Если не ошибаюсь, уголок от фотографии пана Гурского.

Лах быстро вытащил фотографию из бумажника и вручил ее поручику.

— Подходит,— подтвердил он.

— Ну, делать здесь больше нечего. Сейчас здесь появится местная милиция, я позвонил. Я предупредил также и Краков. А мы едем...

Лах не успел закончить предложение, как в дверях появился заспанный милиционер.

— Докладывает сержант Платек. Ваши документы, пожалуйста.

Лах и Любич молча предъявили свои удостоверения. Сержант внимательно просмотрел их, сравнил фотографии с оригиналами и, возвращая документы, вытянулся:

— Спасибо. Я в вашем распоряжении!

— Один? — возмутился Лах.

— Сейчас придет коллега.

— Совершено убийство, сержант...— Лах посмотрел на Любича, но поручик явно не собирался вмешиваться в разговор.— Убийца известен. Мы его преследуем. Однако есть опасение, что он нелегально пересечет границу.

— Я должен предупредить погранпосты? — спросил сержант.

— Я уже это сделал. Вы займитесь перевозкой трупа и проследите за вскрытием. Известите также местного прокурора. Это все.

— Личность жертвы мы установили,— флегматично вмешался Любич.— Запишите: Гражина Масс, проживающая в Лодзи. Известите шифровкой лодзинскую милицию и, ссылаясь на наш приказ, предупредите, чтобы они сохранили все происшествие в тайне. Перешлите также подробный протокол осмотра трупа и кофра, как можно точнее опишите, как выглядит жертва, ее одежда, и допросите как свидетеля вот этого гражданина,— указал он на железнодорожника,— и семью Шецких из горного поселка.

— Докладываю, что необходимо будет допросить половину жителей. Там почти каждая семья носит эту фамилию.

— Установите тогда, у какой Шецкой снимал комнату мужчина, у которого нога в гипсе. Привезите ее сюда и выясните, видела ли она когда-нибудь эту девушку.

Любич шарил по карманам в поисках сигареты.

— Само собой разумеется, нужно все организовать, не вызывая излишней сенсации. Прошу вас также обязать присутствующего здесь железнодорожника соблюдать служебную тайну.

— Слушаюсь! — Железнодорожник выпрямился, гордый оттого, что он принимает участие в этом деле.

— Это все. Теперь мы можем ехать.

Лах вытащил из коробки две мятные конфетки и положил их под язык. Он быстро вышел из камеры хранения, за ним Любич, дымя сигаретой. В молчании они заняли места в ожидающей их «Варшаве».

— В Краков! — приказал доктор.

В дороге Лах и Любич не разговаривали. Доктор был погружен в размышления, а поручик без всякого интереса рассматривал проносящийся мимо горный пейзаж. Видимо, желая угодить, шофер выжимал из машины максимальную скорость, пользуясь тем, что шоссе было посыпано песком.

На горизонте уже показались крыши Кракова, когда Лах заговорил:

— Ковалик должен ждать нас. Я предполагаю, что у него есть новости.

— А я вовсе не убежден в том, что Гурский поехал в Краков,— буркнул Любич.

— Железнодорожник, который его видел, сообщил, что он сел в краковский поезд. Конечно, он мог выйти в Новом Тарге, на Сухой или где-нибудь еще. Мне кажется, он вышел на Сухой.

— Почему именно на Сухой? Он мог пересесть в поезд, идущий в Бельск, или дальше, в Катовицы, Ополе и Вроцлав. Или же сейчас он по дороге к Висле. В конце концов мы об этом узнаем от Ковалика.

Честно говоря, поручик не очень многое понял из выводов Лаха. Ясно было только одно: птичка выпорхнула из расставленных силков, и поймать ее теперь будет не просто.

— Остановитесь! — приказал Лах шоферу.

Когда машина остановилась, скрипя тормозами, около ошарашенного милиционера из автоинспекции, доктор опустил стекло и позвал:

— Подойдите-ка сюда, приятель!

Этот фамильярный тон не очень понравился стражу порядка. Подходя к машине, он уже рылся в своей сумке, разыскивая бланк штрафа. Однако настроение его резко изменилось при виде удостоверения доктора. Видя, что милиционер становится по стойке «смирно», чтобы отрапортовать представителю властей, Лах быстро сказал:

— Садитесь рядом с шофером и проводите нас самой короткой дорогой до вашего телевизионного центра. Включить сирену!

Через некоторое время по узким улицам Кракова мчалась голубая «Варшава». Надо сказать, что милиционер отлично справился с заданием, и через три минуты остановил машину перед воротами телецентра.

Как всегда в таких случаях, Лах выскочил из машины как пуля, и Любич едва поспевал за ним. Милиционер неизвестно почему решил сопровождать важных персон из Варшавы.

— Что вам нужно? — остановил их охранник.

— Скажите-ка, дорогой, где нам быстрее найти ответственного редактора сегодняшней программы,— обратился к нему Лах, показывая служебное удостоверение.

Охранник спокойно просмотрел документ и, взглянув на фотографию, равнодушным тоном сообщил:

— Нельзя.

— Что значит нельзя! — взорвался Лах.— Вы же видите, кто я.

— А мне все равно, кто вы. Нельзя, и все.

— Почему? — вмешался Любич, видя, как красна заливает лицо Лаха.

— Потому что было такое распоряжение.

— А кто может разрешить? — Любич не терял надежды договориться с охранником.

— Только пан директор,— с почтением известил их охранник.

— Прекрасно, а где он?

— А кто его знает, может быть, дома, может быть, здесь, в городе, может быть, уехал...

Это было уж слишком, терпение доктора Лаха иссякло. Как бильярдный шар, он промчался мимо удивленного охранника и в мгновение ока оказался на лестнице.

Стражник в первую минуту остолбенел, но сразу же пришел в себя и, хватаясь за служебный пистолет, рявкнул:

— Стой!

— Оставь, дорогой, эту игрушку! — Любич так стиснул руку охранника, что тот даже присел.— Займитесь им, чтобы он здесь не натворил глупостей,— обратился поручик к милиционеру.

Сказав это, Любич направился вслед за доктором, которого застал в комнате ответственного за программу. Лах как раз очень любезно объяснял, что редактор должен, не теряя ни минуты, дать в эфир одно сообщение.

— Эту фотографию, как вы знаете, уже неоднократно показывали по телевидению, теперь вы должны ее показать снова со следующим призывом: «Внимание! Внимание! Граждане, проживающие на территории Горного Шленска, на вашей территории скрывается опасный преступник. Особая примета: левая нога в гипсе. Вниманию жителей Катовиц, Ополе, Вроцлава и Познани! Не исключено, что преступник ищет убежища в ваших городах! Обнаруживший преступника должен немедленно известить об этом ближайший пост милиции!»

— Я должен связаться с Варшавой, чтобы получить разрешение,— любезно ответил редактор.

— Соединитесь скорее, я сам с ними поговорю,— торопил Лах.

Через несколько секунд Варшава была на проводе. Доктор взял трубку и проинформировал дежурного директора телецентра в Варшаве о необходимости передачи этого призыва. Как видно, голос Лаха звучал достаточно решительно, потому что он сразу получил согласие. Таким образом, через несколько минут фотография так называемого Гурского появилась на экранах телевизоров по всей стране.

— Ну, теперь ему жарко! Поехали, поручик!— Лах потер пухлые ладони.— А вас я сердечно благодарю,— он с галантностью поклонился краковскому редактору.

Когда они снова заняли места в машине, Любич флегматично заметил:

— Мы переполошили Бруннера.

— Каким же это образом?

— До сих пор по телевизору показывали только портрет Гурского, а сейчас фотографию, это его встревожит.

— Не думаю. Бруннер наверняка сейчас не смотрит телевизор. И потом он и так узнает, раньше или позднее, что мы нашли фотографию при трупе Гражины. Кроме того, я уверен, что нас уже ждет донесение из Сухой.

В этот момент машина остановилась около комендатуры. Воеводский комендант уже ждал доктора и Любича. Здороваясь с ними, зычным голосом объявил:

— У меня для вас приятная неожиданность. Звонили с нашего поста в Сухой. Там видели этого гостя, когда он садился в поезд до Бельска. Его сразу узнали и сообщили. Вот как у нас работают! — заметил он не без гордости.

Уже неизвестно, в который раз Любич с удивлением смотрел на Лаха, однако на доктора эта новость не произвела никакого впечатления.

— Спасибо, полковник. Ждет ли меня здесь поручик Ковалик?

— Да, в моем кабинете.

— Хорошо, идем, дорога каждая минута. Я прошу вас только известить все посты на территории юго-западных воеводств, чтобы донесения направляли прямо сюда.

При виде доктора Любича Ковалик сорвался с кресла. Его лицо носило явные следы усталости и недосыпания. Под ввалившимися глазами обозначились темные круги. Лах же, как бы не замечая этого, весело закричал:

— Что вы нам скажете нового, дорогой? Я надеюсь, вы не упустили из виду нашего коммерсанта? Угощайтесь конфетной и садитесь,— доктор пододвинул Ковалику кресло,— и расскажите все по порядку.

— С Бруннером у меня было много хлопот, и не только у меня. Его особой занималось более двадцати сотрудников из разных воеводств. Это истинный сатана... Он успел уже в это время побывать во Вроцлаве, куда меня вызвали, поскольку прикомандированные к нему работники не могли справиться. Он водил их за собой десятки километров. Прибыв во Вроцлав, уже в первую ночь он пытался убежать из отеля, хорошо, что одна из сотрудниц проводила эту ночь в холле и имела под рукой машину, похожую на такси. Бруннер опять сел в такси Миллера и ездил с ним по городу два часа. Похоже на то, что он догадался, что кто-то следит за ним. Не знаю, то ли Бруннер не имел другого выбора, то ли это входило в его планы, но он вернулся в отель и добродетельно отправился спать. Миллер сразу после разговора с Бруннером куда-то поспешно звонил из автомата, содержание разговора установить не удалось. Потом работал как обычно, развозя пассажиров. Только значительно позднее он направился в полуразрушенный нежилой дом в центре города. Не успели вроцлавские работники пуститься по его следу, как пташка успела упорхнуть.. Дом был пуст, и, как потом оказалось, подвалами можно было добраться до четырех разных улиц. К оставленному такси Миллер вернулся только через три часа, поехал домой и никуда не выходил до следующего вечера. Он живет с женой, а в квартире нет телефона.

Бруннер встал около полудня и направился в кооператив, изготовляющий кожгалантерею. После очень оживленной и профессиональной дискуссии с дирекцией он выбрал несколько образцов и договорился о сроках поставки. Затем направился с представителями дирекции на торжественный обед в «Монополь». Во время этого обеда произошло интересное происшествие. В какой-то момент Бруннер украдкой посмотрел на часы, извинился и пошел в туалет. Он вошел в кабину и через минуту вернулся к столу.

— Гм, вещь достаточно натуральная и понятная,— улыбнулся Лах.

— Да, если бы не то, что через три минуты после Бруннера из той же кабины вышел другой человек. Коллега из Вроцлава, который наблюдал за холлом ресторана, сообразив это только тогда, когда неизвестный заводил мотоцикл, стоящий перед рестораном. Он выскочил

на улицу, но, прежде чем его машина двинулась, мотоциклист исче- в одной из боковых улиц.

— Как я вижу, пост во Вроцлаве не может похвастаться выдающимися успехами.

— Не совсем. Коллега запомнил номер мотоцикла и вызвал радиомашину службы движения. Минутой позже ему доложили, что мотоциклиста задержали на шоссе, ведущем в Згожелец. К нему начали придираться, мотоциклист стал нервничать и обругал представителя власти. Ну, это было основанием для того, чтобы привести его в отделение. Обыск проводили наши лучшие специалисты и не нашли ничего, кроме пачки сигарет, на которой было написано несколько цифр. Их переписали, а пачку отдали владельцу. Самое интересное то, что этот мотоциклист, как оказалось, родной сын таксиста Миллера. Ему двадцать девять лет, и он работает монтером на одной из строек.

— Вы послали переписанные цифры в шифровальный отдел?

— Конечно. Но расшифровка продолжалась довольно долго. Наконец мы получили текст, из которого тоже трудно что-либо понять: «В Згожельце на вокзале живет тетка». Тем временем Брунмеру звонила какая-то женщина из Лодзи и сообщила, что Янек просит как можно быстрее вернуться. Мы установили, что звонила одна из знакомых нашего «инженера», которого до сих пор мы ни в чем не могли заподозрить. А Брунмер поездом вернулся в Лодзь. На следующее утро он в одной из фирм подписал договор о поставке ножевых изделий. Угостив старого курьера сигаретой, он спросил его, как добраться до Волчанской улицы.

— Надо полагать, курьер не закурил эту сигарету,— вставил Лах.

— Действительно, не закурил, только заботливо спрятал в карман и завернул в бумажку. Чуть позднее на него напали хулиганы, они вошли в холл и начали крутиться вокруг него. Когда он сделал им замечание, они толкнули его раз-другой, тогда он начал громко звать милицию.

— Забавно,— заметил Лах.

— Не очень,— ответил Ковалик.— Один крепкий сержант так меня огрел дубинкой, что мне небо показалось с рогожку. Но что самое важное, мы достали эту сигарету, в которой оказалась микропленка.

— Идиоты!

Доктор Лах покраснел от злости.

— Не такие уж идиоты,— ответил Ковалик.— Когда старик пришел в себя, сигарета была уже на своем месте в кармане. Правда, в ней находилась уже совсем другая пленка, а ночью, когда курьер спал, как сусляк, в чем мы ему тоже помогли, подлинная пленка вернулась на свое место.

— Мотоциклист из Вроцлава за решеткой, старый курьер из Лодзи избит. Не думаете ли вы, что Брунмер настолько глуп, что поверил в эти случайности?

— Наверное, не поверил, но что же нам оставалось делать? Курьер после этой стычки с хулиганами настолько обалдел, что отнес ему пленку обратно в отель. Видимо, получил там по физиономии, потому что, когда он вышел, левая щека его горела. Мне его не жалко, он работал в жандармерии во время оккупации. После войны отсидел свое и поступил работать курьером. А на пленке был ряд снимков разного характера, отснятых в научно-исследовательском химическом институте.

— Ну что ж, ничего нового.

— Именно. На другой день Брунмер был уже снова в Кракове, а сейчас он опять направился во Вроцлав. С ним едут наши краковские сотрудники.

Доктор вскочил со стула.

— Мы должны привести в состояние боевой тревоги все пограничные посты около Згожельца, похоже на то, что по крайней мере в двух пунктах будут совершены попытки пересечь границу. На всякий случай следует также известить полицию ГДР, а мы должны быть не позже чем через два часа в Згожельце. Игра кончается.

Погода была отвратительная. Начинался дождь со снегом, и видимость не превышала ста метров. На Краковском аэродроме около небольшого самолета собралась группа людей. Кроме доктора Лаха, Любича и Ковалика, здесь были еще майор из Кракова, комендант аэродрома и пилот.

— В таких условиях я не могу вам гарантировать безопасность полета,— предупредил пилот.

— Этот полет имеет государственное значение,— серьезно сказал Лах.

— Ну, если дело обстоит так, то я не возражаю,— согласился комендант.— Поручик,— обратился он к пилоту,— прошу вас ни на минуту не прерывать связи.

— Слушаюсь! — отчеканил пилот и занял свое место. За ним в молчании забрались в самолет остальные трое.

После многих усилий пилот наконец развернул машину и стартовал. До самого Вроцлава ветер трепал самолет, как сухой лист. У пассажиров было впечатление, что они находятся на качелях.

Через час небо прояснилось, ветер утих, и пассажиры увидели под собой город.

— Вроцлав,— доложил пилот через микрофон. Он совершил круг над городом. Не прошло и получаса, как колеса самолета уже катились по траве аэродрома в Згожельце. Видный Ковалик, выйдя из машины, производил впечатление совершенно пьяного. Любич вышагивал подозрительно прямо, зато доктор побежал на своих коротких ножках в сторону военного «газика» так резво, как будто его только что разбудили после обеденного сна.

Около машины гостей ждал офицер пограничных войск.

— Все готово,— доложил он.— Немец все время находится под нашим наблюдением. Сейчас он как раз обедает в ресторане отеля. До сих пор ни с кем не контактировал. Граница в состоянии полной боевой готовности. Мы уведомили пограничников из ГДР.

— Хорошо, едем на заставу.

Машина тронулась и через пятнадцать минут оказалась перед зданием пограничного пункта. Не теряя ни минуты, Лах, Любич и Ковалик прошли в зал, где радиотелеграфисты принимали донесения со всех постов.

Внезапно один из радиотелеграфистов снял с головы наушники.

— Товарищ майор! Незнакомая станция передает текст шифром где-то поблизости.

— Выслать пеленгаторы,— приказал майор,— и продолжать слушать!

Какое-то время царила напряженная тишина.

— Товарищ майор,— сорвался другой телеграфист,— начальник поста 655 докладывает, что в пограничной полосе задержал хромого пастуха с коровами.

— Идиот! — бросил майор.— У пастуха убежала корова, а вы шлете в такую минуту забивать голову глупостями. Пусть...

— Пусть сейчас же задержит этого пастуха, обыщет его, проверит у него, нет ли чего во рту, и под конвоем пришлет сюда.— Лах подсмочил к телеграфисту, который удивленно смотрел то на своего начальника, то на толстяка, распоряжающегося, как у себя дома.

— Исполнить! — Майор молниеносно сменил тон.

— Попался! — Доктор потер руки и начал быстро ходить.

— Через минуту вы лично познакомитесь с паном Яном Гурским, только бы он не успел использовать цианистый калий.

— Товарищ майор!— В зал вошел командир взвода.— Мы нашли незнакомую радиостанцию, передает тот немец из отеля. Что делать?

— Ничего,— распорядился Лах,— пусть себе передает на здоровье. Только записывайте на магнитофонную ленту.

И снова радиотелеграфисты-пограничники не могли понять, в чем причина, что этот пожилой штатский отдает приказ не мешать незнакомой радиостанции. Однако это был для них не последний случай удивиться, потому что четыре рослых солдата внесли в зал связанного, как барана, старого и грязного пастуха, в порыжелом пальто.

Лах молниеносно оказался около него.

— Было у него что-нибудь во рту?

— Да,— ответил капрал, вошедший вместе с солдатами,— такая маленькая трубочка. Но я его неожиданно схватил за горло, и он ее выплюнул.— Он подал доктору стеклянную ампулку.

— Пан Корш, игра окончена. Может быть, мы с вами побеседуем немножко? — обратился Лах к связанному.

Пастух, однако, издавал какие-то нечленораздельные звуки.

— Ну и чему эта комедия, пан Корш! Сейчас вы увидите собственной персоной своего доро-

гого шефа Мишке и других знакомых. Определенно стоит быть более разговорчивым. Интересно, где вы раздобыли эту одежду?

Связанный молчал.

— Нехорошо, пан Корш, игра окончена. Нужно уметь проигрывать.

Майор Яруга с удивлением, но и с явным беспокойством присматривался к доктору, который уселся в глубокое кресло и положил перед собой коробочку с мятными конфетами. Он ведь знал, что у Лаха есть слабость — организовывать театральный финал для каждого проведенного им дела.

— Через минуту позволю себе представить пану майору всех актеров начавшейся в отеле «Столица» драмы, потому что это была действительно драма: трое поплатились жизнью. Однако к делу. Начнем.

Доктор вскочил с кресла и открыл дверь в коридор. В комнату вошел пожилой, седоватый мужчина, очень старательно одетый.

— Пан Губерт Корш,— представил Лах,— или Ян Гурский. Во время войны работал в гестапо, после войны остался в Польше и уже с 1948 года работал для Гелена. Имел у нас старую и большую шпионскую сеть, но, как сам говаривал, каждый должен когда-то идти на пенсию. Гелен, однако, не предусматривает этого для своих агентов. Итак, пан Корш решил сам обеспечить себе спокойную старость. Он присмотрел соответствующего человека, убил его и создал полную видимость, что Ян Гурский совершил самоубийство. Он не предвидел только одного: расследование этого дела взял в свои руки поручик Филипп Любич.

Тут доктор открыл дверь в соседний кабинет и пригласил ожидавшего там поручика.

— Спасибо вам, поручик. Если бы вы с самого начала не заподозрили, что самоубийство инсценировано, не знаю, имели ли бы мы сейчас удовольствие видеть здесь господина Корша.

— Пижама была мала,— буркнул поручик, чувствуя бессмысленность этого заявления.

Доктор снова открыл дверь жестом профессионального швейцара и объявил:

— Господин Георг Мишке, или же Герман Брунер, подполковник, промышленник из Бремена. Господин Мишке, обратите внимание, какой глупый вид у Корша. Мало того, что он сам дезертировал, он и вас втянул в неприятности. Пан Мишке — начальник польского отдела контрразведки,— объяснил Лах,— и, честно говоря, у меня не было большой надежды на то, что когда-нибудь смогу познакомиться с ним лично. Вернемся к вам, пан Корш. Вы ведь обыкновенный убийца. Зачем вы убили эту глупую девицу? Что это вам дало? Ничего. Только ускорило погоню, потому что вас ведь искал и инженер Рекун. Вот он.

Доктор пригласил мужчину, который в Закопане выступал как Сильвестр Залинский.

— Пан инженер Даниэль Ренун. Честно говоря, засыпался очень быстро. Он так неудачно начал работать в институте, что это очень быстро дошло до ушей поручика Ковалика.

Потом наступила очередь двух мужчин — старого и молодого.

— Отец и сын Миллеры из Вроцлава. Папочка, старый агент абвера, остался в Польше по его приказу. Но у нас есть и женщина, родственница пана Корша.

В кабинет вошла пожилая женщина в очках.

— Расшифрованное сообщение, говорящее о тетке в Згожельце, было правдой. Мы уже давно знали, что главный резидент в Польше носит фамилию Корш, и проводили проверку всех лиц с этой фамилией. Пани Корш, кассирша на вокзале в Згожельце, была нам также известна, между прочим, и потому, что на ее адрес пришли когда-то две очень интересные почтовые открытки, в которых под невинным содержанием скрывался зашифрованный приказ для Корша.

Привели, наконец, старого курьера, которого побили хулиганы.

— Коваль совершенно глуп, пан Мишке. Он выложил сразу все, что знал, и вы не должны были соглашаться на то, чтобы Корш завербовал его. А вот и остальные...

В кабинет по очереди вошли несколько мужчин и женщин.

Лах объявил:

— Шеф краковской сети!

— Резидент из Щецина.

— Агентка из Люблина.

— Прекрасный букет, не правда ли, пан майор? — спросил Лах, доставая из кармана коробку с мятными конфетами.— Угощайтесь, пожалуйста.— Доктор подходил по очереди к собравшимся в кабинете.— Мята прекрасно действует на нервную систему.

Перевод с польского
Г. МЕСНЯНКИНОЙ,
И. ПРОКОФЬЕВОЙ

Дорогие читатели «Огонька»,

искренне приветствую вас и желаю вам получить удовольствие от этого романа. Пусть он вас не слишком пугает, ведь он написан о том, какими мы были, а не о том, какие мы сейчас. Я написал его в самые мрачные дни «холодной войны», несколько месяцев спустя после того, как стал свидетелем возведения Берлинской стены, в состоянии горького отчаяния при виде тех ужасных вещей, которые каждая сторона причиняла другой «во имя человечества». Кажется, в то время была в ходу русская шутка: «Войны не будет, но в борьбе за мир не останется камня на камне». Эта шутка выражает мои тогдашние чувства и в какой-то мере объясняет горечь и цинизм моего главного героя, Алека Лимаса.

«Холодная война» окончилась. Я в это верю, надеюсь, что вы — тоже. Давайте никогда больше не будем стоять по разные стороны стены, швыряя друг в друга лозунги. Давайте никогда не забывать, что каждая личность выше духом, чем создаваемые ею учреждения, и что гуманность всегда может объединить нас — даже тогда, когда идеология утверждает, что это недопустимо.

Почти каждый день мы читаем в западной прессе о несчастьях, выпавших на долю советских республик. Мы читаем о дефиците, трудностях и разочарованиях советских людей, и, заверяю вас, ни одному хотя бы мало-мальски разумному человеку это не доставляет удовлетворения. Лучшие из нас разделяют вашу боль и ищут пути ее облегчения.

И мне кажется, что мой роман может в какой-то мере принести такое утешение. Возможно, советского читателя утешит мысль о том, что, несмотря на все нынешние трудности, этот период нашей общей истории навсегда закончен. И что период бурных перемен — справедливая цена за освобождение из ледяного плена «холодной войны».

Джон Ле Карре

27 февраля 1990 г.

Об авторе и его книге

«ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА»

Мы встретились позапрошлой весной, как в шпионском романе. Два бывших разведчика: Давид Корнвелл, известный под псевдонимом Джон Ле Карре, работавший против нашей страны в годы «холодной войны», и я, советский разведчик, рискнувший однажды выдать себя за его коллегу. И вот мы пожимаем друг другу руки, и сам Джон Ле Карре пишет дарственную надпись на фронтисписе бестселлера «Маленькая барабанщица» — шпионского романа о борьбе израильского Моссада против палестинцев: «С наилучшими пожеланиями — коллеге...»

Эту книгу я купил за валюту и с огромным интересом, как все книги Ле Карре, прочитал в 1983 году, когда она вышла в свет, но я сказал ему честно, что с точки зрения литературной нашей профессии я ставлю превыше всего его книгу 1963 года: «Шпион, который вернулся с холода».

Как я выяснил, мы оба жили в Хемпстеде. Он учился в частной школе, а я, как сын представителя «Интуриста» в Англии,— в школе Лондонского графства. Он начал работать против нас в Австрии в 50-х. Но мы никогда не забывали, что во второй мировой мы были союзниками. Он уважал Сталина, я — Черчилля. Потом он возненавидел Сталина, а я стал дважды ЧСИРом (членом семьи изменника Родины), когда Берия арестовал отца и сестру, и я тоже разлюбил Сталина. Ле Карре любит Гоголя, а я перевел «Миргород» и «Вечера на хуторе близ Диканьки». Из советских писателей он любит Юрия Трифонова, я же учился с Юрой в литстудии.

Пусть это непатриотично, но по жанру шпионского романа мы всегда заметно отставали от англичан. И в первую очередь потому, что нам легче было перейти через линию фронта, чем преодолеть колючую проволоку соцреализма и минные поля цензуры. Как это ни парадоксально, во многом бывший оперативный разведчик Корнвелл мне ближе и понятнее, чем наши штабные разведчики — белая кость. Или непрофессионалы, высасывающие из пальца свои сногсшибательные сюжеты.

Возвращаясь к цензуре, скажу, что, насколько нам всем известно, только она виновна в том, что такой выдающийся разведчик, как Ким Филби, увы, не оставил нам настоящих откровенных мемуаров. Изданная в Англии книжка «Моя молчаливая война» — это лишь полуфабрикат.

В духе гласности открою страшную тайну: Ле Карре жаловался в «Шпионе...», что отставной резидент СИС Алек Лимас получал пенсию в скромном размере 400 фунтов стерлингов в год, мы же вообще не получали пенсию после войны и выхода «на пенсию». Давно не секрет, что разведчикам нашим Сталин выплачивал минимальные средства и зарплату, требуя при этом максимальных результатов. Словом, держал нас вождь в черном теле. Кадры, которые «решали все», не жалел. Известно, что Рихарду Зорге прекратили выплату жалованья, пока он лечился, разбившись на мотоцикле. А когда его арестовали, Сталин отрекся от него, как писал Л. Треппер, бывший шеф «Красного оркестра», и отказался обменять его на пленного японского генерала. Это должны знать все.

Корнвелл — Ле Карре учился в Берне и Оксфорде. Меня не пустил в Оксфорд Суслов из-за анкеты: ЧСИР плюс пребывание на оккупированной территории! То, что я занимался там разведкой, для этого «серого кардинала» ничего не значило.

История разведок — это история побед и поражений. При Сталине у нас было больше поражений, потому что разведчики наши находились между молотом и наковальней. Зарубежные разведки терпели поражения от врагов. Наши разведчики погибали и от врагов, и от Сталина. Нам стреляли в спину.

Двоих наших разведчиков, равных по калибру Зорге, Л. Треппера и Ш. Радо, Сталин и Берия засадили в тюрьму. Они выжили только потому, что умер Сталин и расстреляли Берию.

Увольняя агентов, СИС — Сикрэт Интеллидженс Сервис — дарила им золотые часы. Сталин и Берия чаще всего расплачивались пулей под череп, но не брезговали ни японской виселицей, ни американским электрическим стулом.

Зато палача Вышинского — после расстрела Берии он сам пустил себе пулю в лоб в Нью-Йорке — с почетом похоронили в Кремлевской стене, недалеко от «хозяина». А на место палача Берии назначили палача Серова.

За то, что начальник Разведупра Берзин говорил правду Сталину, тот расстрелял его. Зато аллилуйщики Сталина, все сделавшие, чтобы обеспечить «внезапное нападение» и успех блицкрига, выходили у нас в маршалы.

А в Британии отправили на почетную жирную пенсию одного из «Си» — шефов СИС, хотя по сей день его публично, в прессе, обвиняют в измене, в том, что он работал на противника. Это, так сказать, другая крайность. Впрочем, и мы с почетом отправляем на жирные пенсии не справившихся с работой министров.

Эйфория победы и законы соцреализма заставляли нас врать и после войны в полном соответствии с русской поговоркой: война прошла, похвальба пошла. Конечно, у нас были свои реалисты: Быков, Адамович, Бакланов, Некрасов... Но тогда лишь единицы читали эпопею Гроссмана «Жизнь и судьба». Изначально больше было Бубенновых, Бабаевских, Панферовых.

У Ле Карре нет никакой лакировки. Его правду поляки называют брутальной, то есть зверской, правдой. Его третья книга (за три года!) принесла ему заслуженную мировую славу. Это не просто шпионская история, а политический роман высокой пробы, подлинно художественная проза, классика в своем роде. Подкупают у Ле Карре не только правдивость, но и заостренное внимание к моральным вопросам. У наших авторов этого жанра они, как правило, начисто отсутствуют. Но если у нашего народного мстителя не возникает вопроса о допустимости ликвидации высокопоставленного гитлеровца, за которой следуют поголовные расстрелы и ссылка в Освенцим пленных партизан, арестованных подпольщиков и просто мирных жителей, то что он за человек?! И что за писатель, если он не интересуется душой своего героя?!

Мы еще не воздали по-настоящему Сталину, Берии и присным за разгром нашей военной разведки и контрразведки в канун величайшей из войн. Налицо моральная путаница и растерянность из-за резкого сдвига нравственных ценностей, краха замшелых догм и принципов. У Ле Карре нам стоит поучиться если не таланту — он дается милостью Божией,— то элементарной человечности, которая у нас почила в бозе с классиками русской литературы. Обидно, когда убеждаешься, что многие зарубежные авторы, не только Ле Карре, ближе нас к нашей классике, человечнее.

Еще позавчера эта книга Ле Карре считалась антисоветской, антикоммунистической. С точки зрения нового мышления осуждала она сталинщину и нас, какими мы были при Сталине. Да и долго после него. Великие тираны бросают длинные тени в будущее. В конце мрачного тоннеля наконец-то мерцает свет. Новое мышление диктует нам новые нормы поведения. Пора, товарищи и джентльмены, перестать сводить счеты. Козни, убийства — соль детективных и шпионских романов, но пора и на них наложить мораторий. Пусть убийцы исчезнут, подобно динозаврам. Мы все должны «вернуться с холода», потому что народы мира устали от окаянной «холодной войны». Да внемлют им Московский Кремль и вашингтонский Капитолий.

О лучшей книге Джона Ле Карре даже создатель Джеймса Бонда сказал: «Это очень, очень прекрасная книга».

А вот что сказали другие. Лорд Чарльз Перси Сноу: «Джон Ле Карре — лучший из всех живых и мертвых авторов шпионских романов». Грэм Грин: «Это лучший роман о шпионаже, который я когда-либо читал».

Уже через год после выхода в свет «Шпиона...» его перевели на 12 языков. Мы, как обычно, опоздали — почти на 30 лет.

Овидий ГОРЧАКОВ

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

Рисунок
Роберта ДЖОРДЖАНА

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

РОМАН

КЕМБРИДЖСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Он следил за тем, как под ним проваливается беговая дорожка аэродрома Темпльгоф.

Лимас не был склонен к размышлениям и тем более к философии. Он знал, что его списали — такова действительность, и с ней нужно смириться, как человек смиряется с тем, что заболел раком или попал в тюрьму. Он знал, что ничего не подготовлено, чтобы перебросить мост из прошлого в настоящее. Он принял крах, как принял бы смерть,— с цинизмом и мужеством одинокого человека. Он тянул дольше других; теперь он вышел в тираж. Говорят, собака живет, пока у нее есть зубы. В переносном смысле слова у Лимаса не осталось зубов. Их выбил Мундт.

Десять лет тому назад он мог выбрать другой путь. Была канцелярская работа в безымянном правительственном учреждении, помещавшемся на Кембриджской площади. Лимас мог получить эту работу и просидеть на ней Бог знает сколько. Но Лимас был устроен иначе. С тем же успехом можно предложить жокею стать клерком.

Лимас не променял бы оперативную работу на интриги и мышиную возню в правительственном офисе на Уайтхолле. Он продолжал оставаться в Берлине, понимая, что Отдел Личного Состава не только пометил его досье к пересмотру в конце каждого года, но и на деле проверял его тщательно, строго, с соблюдением правил инструкции.

«Обойдется»,— говорил он себе. Разведка с моралью накоротке: цель оправдывает средства, и лицемеры с Уайтхолла подчинялись этому неписаному закону. Они оплачивали Лимаса. До той поры, пока не появился Мундт.

Даже странно, как быстро Лимас понял, что Мундт — его злой рок.

Ганс-Дитер Мундт родился в Лейпциге сорок два года тому назад. Лимас знал его досье, видел фотографию на внутренней стороне папки — отрешенное тяжелое лицо под соломенными волосами. Он знал наизусть историю его восхождения к вершинам власти, знал, каким образом он стал вторым человеком в Отделе Разведки (ОР) и самым умелым руководителем оперативных работ. Мундта ненавидели сотрудники его же отдела; Лимасу об этом говорили перебежчики и Римек, который, будучи членом президиума Объединенной Социалистической Партии Германии, заседал в Комитете Безопасности вместе с Мундтом и безумно его боялся. Боялся не зря: Мундт, как известно, убил его.

До 1959 года Мундт формально был еще маленьким чиновником в ОР, который проводил операции в Лондоне под видом члена Восточногерманской Сталелитейной Компании. Оттуда он поспешил вернуться в Германию после того, как убил двух своих же агентов, спасая собственную шкуру, и о нем не было слышно больше года. Потом он вдруг появился в штабе ОР в Лейпциге на должности заведующего сектором Материального Снабжения, в обязанности которого входило обеспечение специальных заданий конвертируемой валютой, необходимой аппаратурой и агентами. В конце этого года началась страшная борьба за власть внутри ОР. Резко уменьшилось количество офицеров, имевших связи с Советским Союзом, ослабело их влияние, многие представители старой гвардии были уволены по идеологическим причинам, и на поверхность всплыли три человека: Фидлер стал руководителем контрразведки, Йаан занял место Мундта, а сам Мундт снял сливки: в возрасте сорока одного года стал директором Оперативного Отдела. С этого времени установился новый стиль работы. Первый агент, которого Лимас потерял, была молодая девушка. Она использовалась в качестве связной. Всего лишь маленькое звено в цепочке. Они убили ее на улице, когда она выходила из кино в Западном секторе. Полиция так и не нашла убийцу, и Лимас поначалу склонен был считать, что происшествие не связано с ее работой. Месяц спустя на шпалах нашли изуродованный труп списанного агента из цепочки Питера Гийома, который работал носильщиком на железнодорожной станции в Дрездене. Теперь уже Лимас понимал, что это не совпадение. Вскоре еще два агента из цепочки Лимаса были арестованы и в ходе упрощенной судебной процедуры приговорены к смертной казни. И пошло, и пошло... Ни жалости, ни угрызений совести.

Теперь они покончили с Карлом, и Лимас покидал Берлин в том же положении, в каком приехал туда: без единого агента, стоящего хотя бы ломаного гроша. Мундт выиграл.

Лимас был коренастым мужчиной с коротко подстриженными седеющими волосами и физическими данными пловца. Мускулистые спина, плечи и шея, а особенно крепкие жилистые руки с короткими пальцами выдавали в нем недюжинную силу.

К одежде, как, впрочем, и ко всем остальным вещам, он относился с чисто утилитарной точки зрения и даже очки носил в металлической оправе. Костюмы, как правило, были из синтетики и все без жилетов. Он предпочитал рубашки американского стиля с пуговками на кончиках воротника и шведские ботинки на каучуке.

У него было привлекательное лицо с резко очерченными тонкими губами и маленькие карие глаза (о таких глазах говорят: «Как у ирландцев»). Трудно было угадать его социальное положение. В Лондонском клубе швейцар вполне признал бы в нем будущего члена. В ночных клубах Берлина ему всегда предлагали лучшие места. Он выглядел человеком, с которым лучше не связываться, который своего не уступит, даже если придется быть не совсем джентльменом.

...Стюардессе он приглянулся. «Из северной части Англии,— подумала она (и была не далека от истины),— богат (что было очень далеко от истины), лет пятьдесят (примерно правильно), холост (наполовину правильно: когда-то он разошелся, где-то у него были дети — теперь уже подростки; они получали свое содержание из маленького частного банка в Сити)».

— Если хотите еще виски,— сказала стюардесса,— поспешите. Через двадцать минут мы будем в Лондоне.

— Больше не надо.

Он не посмотрел на нее. Он не отрывал глаз от серо-зеленых полей Кента.

Фоули встретил его на аэродроме и повез в город.

Журнальный вариант.

— Контролл очень недоволен историей с Карлом,— сказал он, искоса поглядывая на Лимаса.

Лимас кивнул.

— Как это случилось? — спросил Фоули.

— В него стреляли. Работа Мундта.

— Убили?

— Видимо, да. Во всяком случае, лучше бы убили. Ему почти удалось перейти. Если бы он не спешил, возможно, они и не распознали бы его. Распоряжение ОР пришло на КПП, когда он уже, можно сказать, перешел в Западный сектор. Они запустили сирены, и часовой расстрелял его ярдах в двадцати от демаркационной линии. Несколько секунд он еще шевелился на земле, потом застыл.

— Бедняга.

— Точно,— сказал Лимас.

Фоули не любил Лимаса, и Лимас это знал. Фоули был членом нескольких клубов, носил солидные галстуки, с важным видом говорил об известных спортсменах и на канцелярской ерунде дослужился до какого-то там чина. Он считал Лимаса подозрительным, а Лимас его — дураком.

— В каком ты отделе?

— Личного состава.

— Нравится?

— Безмерно. Куда меня теперь денут? Законсервируют?

— Спроси лучше у Контролла, старина.

— А ты не знаешь?

— Знаю, конечно.

— Какого же черта не хочешь сказать?

— Не могу, старина,— ответил Фоули, когда Лимас уже начал было выходить из себя, но передумал: все равно правды не узнать от него.

— Ладно, скажи хотя бы, нужно ли мне обзаводиться в Лондоне какой-нибудь вонючей квартирой.

— Не думаю, старина, не думаю,— почесал Фоули за ухом.

— Не думаешь, значит. Ну, слава Богу.

Они подкатили к платной стоянке на Кембриджской площади и вместе вошли в вестибюль своего учреждения.

— У тебя нет пропуска? Придется выписать временный.

— С каких это пор нам нужны тут пропуска? Макколл меня знает как облупленного.

— Новые порядки. Разрастаемся, старина, разрастаемся...

Лимас промолчал, кивнул Макколу и прошел в лифт, так и не предъявив пропуска.

Контролл осторожно пожал ему руку, словно доктор, ощупывающий место перелома.

— Вы, наверно, безумно устали,— извиняющимся тоном сказал он.— Садитесь же!

Тот же бесцветный голос и ослиный педантизм.

Лимас сел лицом к зелено-оливковому электрическому камину, поверх которого был установлен увлажнитель.

— Вам не холодно? — спросил Контролл, переминаясь с ноги на ногу и потирая руки перед камином.

Под черным пиджаком виднелся коричневый свитер. Лимас вспомнил жену Контролла, маленькую глупую женщину по имени Мэнди, которая искренне верила, что ее муж работает в Комитете угольной промышленности. «Наверно, сама вязала».

— От камина ужасная сухость,— продолжал Контролл.— Только воздух нагреется, как делается невыносимо сухо. Не знаю, что хуже.— Он подошел к столу и нажал кнопку.— Попробуем получить кофе. Беда в том, что Джинни в отпуске. Дали мне какую-то новую девицу. Хуже не придумать.

Он, оказывается, ниже, чем помнилось Лимасу, а в остальном все, как было. Та же деланная вежливость, то же старомодное тщеславие, тот же страх перед черновиками, по-прежнему рекомендует методы, ничего общего не имеющие с жизненным опытом Лимаса. Та же улыбка (жидкий кофе с молоком), та же отработанная неуверенность и строгое соблюдение хорошего тона, который он якобы считает смешным. Та же пошлость.

Он принес пачку сигарет со стола и протянул Лимасу.

— Теперь эти сигареты подорожали,— сказал он, и Лимас покорно кивнул.

Положив сигареты в карман, Контролл уселся. Наступила пауза. Наконец, Лимас сказал:

— Римек убит.

— О, конечно,— откликнулся Контролл, словно Лимас сообщил ему приятную новость.— Весьма прискорбно. Наверное... Я полагаю, его выдала эта особа? Эльвира?

— Я тоже так думаю.— Лимас не собирался спрашивать, откуда он знает об Эльвире.

— Его убрал Мундт?

— Да.

Контролл встал и начал ходить по комнате в поисках пепельницы. Наконец, он ее нашел и поставил на пол между их стульями.

— Как вы себя чувствовали? Я имею в виду, когда стреляли в Римека. Вы видели своими глазами?

Лимас пожал плечами.

— Мне было здорово тошно.

Контролл склонил голову набок и прикрыл глаза.

— Уверен, что вы испытывали более тяжелое чувство — глубокое огорчение. Что, впрочем, вполне естественно.

— А кто на моем месте не был бы огорчен?

— Вам нравился Римек как человек?

— Наверно, да,— растерянно ответил Лимас.— К чему этот вопрос?

— Что было потом? Как вы провели остаток ночи?

— Послушайте,— вышел из себя Лимас.— Куда вы клоните?

— Римек был последним звеном,— рассуждал вслух Контролл,— в целой серии убийств. Если мне не изменяет память, началось с девушки, которую застрелили при выходе из кино, затем человек в Дрездене, аресты в Иене. Ни дать ни взять — «Десять негритят». Затем убрали Пауля, Фирека и Лендсера. Наконец, Римек. Довольно большие расходы.— Он с горечью улыбнулся.— Может, с вас довольно?

— Что вы хотите сказать этим «довольно»?

— Может быть, вы устали? Выдохлись?

Наступило долгое молчание.

— Вам решать,— наконец, сказал Лимас.

— Мы должны жить без привязанностей, а это невозможно. Наша жестокость, я имею в виду с обеих сторон,— часть нашей работы. Но по природе мы не такие. В общем, я хочу сказать... Не может человек беспрерывно оставаться на холоде... Человек должен возвращаться с холода... Вы понимаете, что я хочу сказать?

Лимас смотрел на него и видел длинную прямую дорогу под Роттердамом, там, за дюнами... и поток беженцев, движущихся по этой дороге. Совсем низко, на высоте нескольких миль, маленький самолет. Поток остановился, разглядывая его. Самолет снизился, повис прямо над дюнами. Он видел хаос, бессмысленный ад после сброшенных на дорогу бомб.

— Терпеть не могу такие разговоры, Контролл,— сказал, наконец, Лимас.— Чего вы от меня хотите?

— Чтобы вы еще побыли на холоде.

Лимас ничего не ответил, а Контролл продолжал:

— Этика нашей работы, как я ее понимаю, должна строиться на том, что мы никогда не будем агрессорами. Вы согласны с тем, что это достойная политика?

Лимас кивнул — что угодно, лишь бы не вести эти разговоры.

— Мы делаем не совсем приятные вещи, но делаем их в целях защиты, а значит, сохраняем, по-моему, порядочность. Мы этим занимаемся, чтобы рядовые люди могли спокойно спать в своих постелях. Что, слишком романтично? Конечно, мы иногда позволяем себе чудовищные вещи,— улыбнулся он, как провинившийся школьник.— Если смотреть с точки зрения общепринятой морали, то мы, пожалуй, иногда поступаем бесчестно. Но нельзя сравнивать идеалы одного лагеря с методами другого.

Лимас не находил себе места. Он слышал, что бывают убийцы, которые, прежде чем вонзить нож, любят вести дурацкие разговоры, но ничего подобного в жизни себе представить не мог.

— Я хочу сказать, что нужно сравнивать методы с методами и идеалы с идеалами. Я сказал бы, что после войны наши методы, я, собственно, имею в виду как наши, так и наших противников, стали практически одинаковыми. Но нельзя пользоваться иными, менее жестокими, чем у противника, только потому, что правительство ведет миролюбивую политику. Вы согласны? — Он рассмеялся про себя и добавил: — Такого никогда не будет.

«Зараза,— подумал Лимас,— можно подумать, что работаешь на вонючего пономаря. Заткнется он когда-нибудь?»

— Вот почему,— продолжал Контролл,— мы должны попытаться избавиться от Мундта... Да, кстати...— сказал он раздраженно, повернувшись к двери,— где, черт побери, кофе?

Контролл открыл дверь и что-то сказал невидимой секретарше. Вернувшись, он продолжал:

— Я действительно думаю, что следует избавиться от него, если можно.

— Для чего? У нас никого не осталось в Восточной Германии, совсем никого. Вы сами только что сказали, что Римек был последним. Нам некого защищать.

Контролл принялся разглядывать свои пальцы.

— Это не совсем так,— наконец произнес он,— но я не знаю, стоит ли обременять вас деталями.

Лимас пожал плечами.

— Скажите,— продолжал Контролл,— вы устали от работы? Простите, что я повторяю вопрос. Вы знаете, что мы понимаем эту усталость... как ее называют авиаконструкторы, усталость металла. Кажется, так они говорят. Если устали, скажите прямо.

Лимас вспомнил сегодняшний полет домой и задумался.

— Если да,— добавил Контролл,— мы найдем кого-нибудь другого заняться Мундтом. У меня несколько необычный план относительно него.

Молодая девушка принесла кофе, поставила поднос на стол и налила две чашки. Контролл подождал, пока она выйдет из комнаты.

— Несносная дура! — сказал он почти про себя.— Можно подумать, что больше не осталось подходящих работников. Черт знает что! Жаль, что Джинни в такое время ушла в отпуск.

Несколько минут он рассеянно помешивал кофе, а потом сказал:

— Нам необходимо дискредитировать Мундта. Простите, вы много пьете? Виски и вообще алкоголь?

А Лимас было подумал, что раскусил его до конца!

— Прилично. Наверно, больше, чем средний человек.

Контролл понимающе кивнул.

— Что вы знаете о Мундте?

— Это убийца. Он был здесь год или два тому назад с Восточногерманской Сталелитейной Компанией. Мы туда заслали Мастона в качестве советника.

— Совершенно точно.

— Мундт завербовал здесь агента, жену какого-то типа из Министерства Иностранных Дел. Потом он ее убил.

— Он попытался убить Джорджа Смили тоже. И мужа этой женщины он, разумеется, потом убрал. Мерзкая личность. В прошлом член гитлерюгенд или что-то в этом роде. Коммунист отнюдь не интеллектуального толка. Функционер от холодной войны.

— Точно так же, как и мы,— сухо заметил Лимас.

Контролл не улыбнулся. Он сказал:

— Джордж Смили хорошо знал эту историю. Он теперь у нас не работает, но у него можно добыть кое-какие сведения. Сейчас он занимается историей Германии XVII века. Живет он в Челси, прямо возле Слоун Сквер, на Байстер-стрит. Вы знаете эту улицу?

— Да.

— И Гийом занимался этим делом. Он сейчас работает в Четвертом Отделе в секции спутников на первом этаже. Боюсь, что с тех пор, как вы были здесь, многое изменилось.

— Да.

— Проведите пару дней с ними. Они знают о моем плане. А потом, может быть, погостите у меня в субботу. Моя жена,— поспешил добавить он,— ухаживает за своей матерью. Мы будем вдвоем — вы и я.

— Спасибо. С удовольствием приду.

— У меня и обсудим спокойно все детали. Так будет удобнее всего. Думаю, на этом вы можете сделать большие деньги и получить их в любое время.

— Благодарю.

— Все это, разумеется, лишь в том случае, если вы уверены, что хотите взяться за это дело, невзирая на... утомление металла и всякое такое.

— Если речь идет о том, чтобы убрать Мундта,— я готов.

— Вы от души соглашаетесь? — вежливо спросил Контролл и, задумчиво посмотрев на Лимаса, заметил: — Видимо, да. Но не считайте, что вы обязаны дать согласие. Я хочу сказать... В нашем мире так легко перейти границы и любви, и ненависти... Перестаешь отдавать себе ясный отчет... Есть звуки, настолько сильные, или, наоборот, слабые, что ищейка перестает их слышать... Потом остается чувство тошноты, и... так мучительно не хочется испытать его снова... Простите, видимо, именно это вы испытывали, когда они убили Карла Римека? Не ненависть к Мундту, не любовь к Карлу, а болезненное потрясение, нечто вроде оцепенения... Вы, кажется, ходили всю ночь. Просто ходили по берлинским улицам. Верно?

— Да. Вышел прогуляться.

— На всю ночь?

— На всю.

— Что стало с Эльвирой?

— Бог ее знает... Мне хотелось бы заняться Мундтом.

— Хорошо... хорошо. Кстати, если пока что вам придется встречаться со старыми друзьями, думаю, не стоит обсуждать с ними этот вопрос.— И, помолчав, Контролл добавил: — Я держался бы от них подальше. Пусть думают, что мы вас обидели. Это будет неплохое начало для дальнейшего хода событий. Верно?

Перевела с английского С. ТАРТАКОВСКАЯ.

Продолжение следует.

Джон Ле КАРРЕ

РОМАН

Рисунок Роберта ДЖОРДЖАНА

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

ПУТЬ НА ДНО

Никто особенно не удивился тому, что Лимаса списали. Уже долгое время в Берлине дела шли плохо, и настала пора найти козла отпущения. К тому же Лимас состарился для оперативной работы — она требует быстрой реакции профессионального теннисиста. Во время войны Лимас работал блестяще — все это знали. Он отлично проявил себя в Норвегии и Голландии. В конце войны его наградили медалью и отпустили. Потом, конечно, опять затребовали. Но с пенсией теперь получилось плохо, совсем плохо. Слух об этом просочился из расчетного отдела. Элси, которая там работала, однажды проболталась в столовой, что из-за перерыва в стаже бедняга Лимас получит всего 400 фунтов в год. Элси считала, что этот закон давно следует изменить. Что ни говорите, а мистер Лимас служил достаточно долго. Но теперь не то, что бывало в старое доброе время. Министерство финансов держит за горло мертвой хваткой, так что, сами понимаете... Даже в худшие времена при Мастоне удавалось кое-что сделать, но сейчас...

Новым людям наговорили, что Лимас — представитель старой школы, раздражителен, потучнел, любит играть в крокет, а французский знает в объеме старших классов. О Лимасе, положим, непорядочно было так говорить. В крокет он играть не любил, немецкий, как и английский, был его родным языком, к тому же он свободно владел голландским, а вот звания бакалавра у него действительно не было, что правда, то правда.

До окончания контракта Лимасу оставалось несколько месяцев, и его направили в отдел банковских операций дослуживать положенный срок. Отдел банковских операций — не то, что расчетный отдел. Он занимается переводом денег за границу, оплатой агентов и субсидированием операций. Если бы работа в этом отделе не была засекречена, на ней можно было бы использовать любого начинающего клерка, но из-за допуска там околачивались офицеры, которых вот-вот собирались списать.

Лимас начал опускаться.

Принято считать, что это происходит достаточно медленно. Но с Лимасом дело обстояло иначе. Из уважаемого человека, уходящего на пенсию, он на глазах своих коллег превратился в озлобленную пьяную развалину — и всего за каких-нибудь несколько месяцев. У алкоголиков появляется особая тупость, а с похмелья с ними вообще невозможно разговаривать, что иногда сходит за рассеянность. Лимас приобретал эти свойства с молниеносной быстротой. За ним стали водиться разные грешки: он одалживал у секретарш мелкие суммы и забывал их возвращать, опаздывал на работу, уходил пораньше, не затрудняясь пробормотать хотя бы сомнительный предлог. Поначалу коллеги относились к нему терпимо. Возможно, им было так же тяжело видеть его падение, как нам страшно смотреть на калек, нищих и инвалидов, потому что невольно возникает мысль: а вдруг это случится со мной... Но в конце концов его пренебрежение к окружающим, грубость и озлобленность привели к тому, что с ним перестали общаться.

Ко всеобщему удивлению, Лимас не особенно огорчался тем, что его списали. Видимо, его воля сломилась. Начинающие секретарши, даже мысли не допускавшие, что с разведчиками может случиться все, что случается с простыми смертными, испуганно наблюдали за тем, как Лимас деградировал. Он перестал следить за собой, не обращал внимания на окружающих, питался в дешевой столовой для самых младших чинов, и не оставалось сомнений в том, что он пьет. Он стал совсем одиноким и перешел в категорию неудачников, раньше времени отстраненных от дел, когда еще можно оставаться полноценным работником. Так бывает с пловцами, которых больше не допускают до соревнований, или с актерами, которых заставляют уйти со сцены.

Поговаривали, что он допустил в Берлине ошибку, и, мол, поэтому его цепочка провалилась — точно никто не знал. Однако все сходились на том, что с ним обошлись суровее, чем можно было ожидать даже от отдела личного состава, отнюдь не славившегося филантропией. На него показывали пальцем как на проигравшего чемпиона, и говорили: «Это тот Лимас, который провалился в Берлине. Страшно смотреть, до чего он дошел».

В один прекрасный день он исчез. Ни с кем не попрощавшись, включая, кажется, самого Контролла. Как раз в этом ничего удивительного не было: в разведывательной службе не принято устраивать торжественные проводы с преподношением золотых часов. Но и при таких порядках исчезновение Лимаса казалось странным. По слухам, он ушел до окончания контракта. Все та же Элси из расчетного отдела мимоходом обронила несколько слов: Лимас попросил, чтобы расчеты с ним производили наличными, что, по ее мнению, значило только одно — неприятности в его банке. Точной суммы выходного пособия, которое ему должны выдать в конце месяца, она не знала, но, во всяком случае, и речи быть не может о четырехзначной цифре. Страховую книжку уже отослали. В отделе личного состава его адрес известен, добавила она, шмыгнув носом, но от «них» вообще ничего нельзя узнать, а от личного состава тем более.

Потом случилась эта история с деньгами. Просочились слухи — как всегда, никто не знал, каким образом,— что Лимас исчез так внезапно в связи с неприятностями денежного толка в отделе банковских операций. Исчезла довольно крупная сумма (не трех-, а четырехзначная, по утверждению особы с голубыми волосами, сидевшей на телефоне), которая якобы была почти полностью покрыта за счет вычетов из пенсии Лимаса. Кое-кто в это не верил: уж если бы Алек решил запустить руку в казну, он нашел бы более безопасный способ, чем подделка документов Главного Управления. Не потому, что он не способен на такой шаг,— просто сделал бы это более умно. Те, которые относились скептически к криминальным задаткам Лимаса, делали упор на его склонность к алкогольным напиткам, на неумение одинокого человека вести хозяйство, на колоссальную разницу в жаловании, которое агент получает дома и за границей, не говоря уже об искушении, которое возникает, когда приходится каждый день иметь дело с живыми деньгами, а тут еще дни службы сочтены. Но все без исключения считали, что, если Алек приложился к казенным деньгам, его песенка спета. Бюро по трудоустройству помогать ему не станет, а отдел личного состава не выдаст аттестации. Или выдаст такую, что даже самого заинтересованного в работниках предпринимателя бросит в дрожь. Отдел личного состава сам никогда не забудет такого поступка и другим не даст о нем забыть. Если Алек действительно позарился на казну Главного Управления, личный состав будет преследовать его до могилы и даже на саван копейки не даст.

Неделю-другую после исчезновения Лимаса некоторые еще интересовались его судьбой. Но даже бывшие доброжелатели уже давно научились не вмешиваться в его дела. Он остался в их памяти нытиком, вечно нападающим на разведку, на ее администрацию и на тех, кого он называл «старой гвардией» и которые, говорил он, устраивают свои делишки, как будто они у себя в полковом клубе. Не упускал он возможности съязвить и по поводу американцев с их пресловутым ЦРУ. Он, казалось, ненавидел их больше, чем восточногерманскую разведку, о которой он говорил редко, вернее, совсем не говорил. Он давал понять, что именно американцы провалили его цепочку, и казался одержимым этой

Продолжение. См. «Огонек» № 15.

мыслью, а если кто-либо старался его утешить, то получал такой отпор, что навсегда пропадала охота с ним связываться. Короче говоря, Лимас исчез. Слухи, домыслы, догадки — мелкая рябь на воде. Сменяется время года, ветер дует в другую сторону — и рябь как не бывало.

Нужно было найти работу. У него не было денег. Ни гроша. Так что история с казной, возможно, была не вымышленной. Бюро по трудоустройству все же сделало ему несколько предложений, но, видимо, они не заинтересовали его и показались неподходящими. Сначала он попытался найти работу в торговле. Фирма по изготовлению клейких веществ откликнулась на его просьбу предоставить ему должность заместителя менеджера и заведующего кадрами. Несмотря на плохую аттестацию отдела личного состава, ему назначили 600 фунтов в год за работу, не требующую никакой особой квалификации. Он продержался неделю. За это время отвратительный запах прогорклого рыбьего жира въелся в его одежду и волосы, набился в ноздри и душил, как запах смерти. Никакие моющие средства не помогали, и он в конце концов состриг волосы под машинку и выбросил два своих лучших костюма. Следующую неделю Лимас пытался продавать в предместьях энциклопедию домашним хозяйкам, но он не пользовался у них успехом, и они не хотели видеть ни его, ни его энциклопедии. Каждый вечер он возвращался усталый в свою квартиру, неся под мышкой неуклюжие свертки с образцами товара. В конце недели он позвонил в компанию и сообщил, что ему ничего не удалось продать. Не выразив ни малейшего удивления, ему напомнили, чтобы он вернул книги, если решил больше не работать на компанию, и повесили трубку. Лимас в ярости выскочил из телефонной будки, забыв в ней злополучные образцы, зашел в ближайшую столовую и здорово напился, истратив 25 шиллингов, что было ему не по карману. Его решила подцепить какая-то сомнительная особа, он на нее разорался, и его вышвырнули на улицу, пригрозив, что больше не пустят на порог, но через неделю уже забыли о своей угрозе. К Лимасу начали привыкать в этом заведении.

И в других местах тоже примелькалась его серая, мрачная фигура. Он ни с кем не разговаривал, у него не было друга, будь то мужчина, женщина или хотя бы собака.

Он неделями не брился, носил замусоленные рубашки и производил впечатление грязного человека.

ЛИЗА

Наконец он согласился на работу в библиотеке. Бюро по трудоустройству направляло его туда по четвергам, когда он приходил за пособием по безработице, и он всякий раз отказывался.

— Пусть это вам не по душе,— сказал однажды мистер Пит,— но они исправно платят, и работа не трудная для человека с образованием.

— Что за библиотека? — спросил Лимас.

— Исследования в области физики и других отраслей науки. Существует она на благотворительные фонды. Там тысячи томов различной литературы, и еще им подбросят. Нужен второй помощник.

Лимас взял свое пособие и клочок бумаги с адресом.

— Публика там довольно странная,— добавил мистер Пит,— но вы же не навсегда. По-моему, пора попытаться. Верно?

Что-то странное было и в Пите. Лимас не сомневался, что видел его где-то раньше. На Кембриджской площади, во время войны.

Библиотека напоминала изнутри церковь, к тому же очень холодную. Два черных масляных радиатора в противоположных углах издавали запах парафина. Посередине небольшое огороженное пространство, как для свидетелей в зале суда, и в нем — библиотекарша, мисс Крэйл. Лимасу в жизни не приходилось работать под началом у женщины. В Бюро по трудоустройству его никто об этом не предупредил.

— Я новый помощник,— сказал он,— моя фамилия Лимас.

Мисс Крэйл оторвалась от картотеки и посмотрела так, словно услышала ругательство.

— Помощник? Что еще за помощник?

— Помощник. Из Бюро по трудоустройству. От мистера Пита.

Он бросил на стойку свою анкету. Она взяла ее и принялась изучать.

— Значит, вы мистер Лимас,— не спросила, а приступила к первому этапу исследования фактических данных мисс Крэйл,— и вы от Бюро по трудоустройству.

— Нет, Бюро направило меня. Мне там сказали, что вам нужен помощник.

— Понимаю,— улыбнулась она деревянной улыбкой.

В этот момент зазвонил телефон. Она сняла трубку и начала с кем-то ругаться. Лимас догадался, что это не первая перебранка. На начало ссоры было не похоже. Она орала и спорила о каких-то билетах на концерт. Минуты две он послушал, а затем побрел к стеллажам. У одного из них он увидел девушку. Она стояла на лесенке и снимала с верхней полки объемистые тома.

— Я новый работник,— сказал он,— моя фамилия Лимас.

Она спустилась вниз и довольно официально протянула руку:

— Лиза Голд. Очень приятно. Видели уже мисс Крэйл?

— Да, но она сейчас разговаривает по телефону.

— Наверно, ругается с матерью. Что вы будете здесь делать?

— Не знаю. Работать.

— У нас сейчас идет перерегистрация. Мисс Крэйл взялась за составление нового указателя.

Она была высокой, угловатой, с длинной талией и длинными ногами. Туфли носила без каблука, чтобы казаться пониже. Черты лица, пожалуй, красивые, но начали расплываться. А может, они всегда были такими — трудно сказать. Лимас сразу же определил, что ей года двадцать два — двадцать три и что она еврейка.

— Когда-нибудь занимались таким делом?

— Нет,— он поднял с пола ящик и начал перебирать карточки.— Меня сюда направил мистер Пит. Из Бюро по трудоустройству,— он снова поставил ящик на пол.— В карточках писать чернилами тоже можно только мисс Крэйл?

— Да,— сказала она и ушла.

Он постоял немного, потом взял с полки книгу и просмотрел титульный лист. «Археологические раскопки в Малой Азии. Том четвертый». Остальных томов у них, видимо, нет.

В час дня Лимас почувствовал, что ужасно проголодался.

Он подошел к Лизе.

— Как насчет ленча?

— Я приношу с собой сандвичи,— она казалась немного смущенной,— могу вас угостить, если хотите. Кафе здесь за три версты, вокруг не найти.

— Спасибо, я выйду. Мне все равно нужно сделать кое-какие покупки.

Она наблюдала за ним, пока он не скрылся за дверью.

В половине второго он вернулся. От него пахло виски...

Ровно в половине шестого мисс Крэйл надела пальто и, подчеркнуто попрощавшись только с мисс Голд, покинула библиотеку...

Он прошел в соседнюю секцию стеллажей, где на нижней ступеньке лесенки сидела Лиза Голд и читала что-то вроде трактата. Заметив Лимаса, она с виноватым видом спрятала брошюру в сумочку и встала.

В шесть часов она отдала ключи сторожу, бедному старику, контуженному в первую мировую войну, который, как сказала Лиза, не спит всю ночь на случай контратаки со стороны немцев. На улице было жутко холодно.

— Вам далеко? — спросил Лимас.

— Минут двадцать ходьбы. Я всегда возвращаюсь пешком. А вам?

— Мне недалеко,— сказал Лимас.— До свидания.

Он медленно побрел к себе. Вошел в квартиру, повернул выключатель — свет не зажегся. Попробовал в кухне, над кроватью — нет. На коврике возле дверей заметил письмо. Вскрыл его и при слабом желтоватом свете, падающем с лестничной площадки, прочел его. Электрокомпания сообщала, что, к сожалению, вынуждена отключить электричество, пока не будет оплачен счет в девять фунтов четыре шиллинга и восемь пенсов.

Через три недели после того, как Лимас начал работать в библиотеке, Лиза пригласила его поужинать, сделав вид, что ей это вдруг пришло на ум. Она, казалось, понимала, что, пригласи она его на завтра или на послезавтра, он забудет или просто не придет. Поэтому она предложила ему поужинать у нее в пять часов того же дня. Лимас мялся, но в конце концов согласился.

Они шли к ней под дождем. Мокрые улицы, мчащиеся мокрые машины, лакированные от воды мостовые, сверкающие желтыми искрами света,— точно так же было бы, если бы они шли в дождь по любому другому городу. Лондон, Берлин — какая разница...

Это был первый ужин Лимаса у нее дома. Потом было много других. Он приходил по первому же ее приглашению, а она приглашала часто. Он говорил мало. Когда она поняла, что он склонен приходить, она начала накрывать на стол с утра, перед уходом на работу. Даже зелень готовила заранее и свечи ставила на стол — она любила их мерцающий свет. Она всегда чувствовала, что с Лимасом что-то не так и что однажды он может сорваться по не понятной ей причине и она его больше никогда не увидит.

Она хотела рассказать ему, что не заблуждается на его счет, и в один из вечеров сказала:

— Вы вольны уйти в любое время, я никогда не стану вас разыскивать, Алек.

Его карие глаза задержались на ней.

— Я предупрежу вас, прежде чем уйду,— ответил он.

Вся квартира состояла из комнаты, служащей одновременно гостиной, спальней и кухней. В комнате стояло два кресла, диван-кровать и книжная полка с массой книг в мягком переплете. Большей частью классика, которую она никогда не читала.

После ужина она, бывало, что-нибудь ему рассказывает, а он курит, растянувшись на диване. Она никогда не знала, слушает ли он — ее это не заботило. Она опускалась на колени перед диваном и, прижавшись щекой к его руке, продолжала говорить.

Однажды она спросила:

— Алек, во что вы верите? Не смейтесь, скажите мне.

Она терпеливо ждала, наконец он ответил:

— Я верю в то, что одиннадцатый автобус обязательно довезет меня до Хаммер-стрит. И не верю в то, что за рулем сидит Дед Мороз.

Она, казалось, задумалась над его ответом. Потом снова спросила:

— Во что же вы все-таки веруете? — Лимас пожал плечами.— Во что-то вы должны верить,— настаивала она.— Скажем, в Бога. Я убеждена, Алек, что вы верите. У вас иногда такой взгляд, словно вы должны сделать что-то особенное, выполнить какое-то назначение, может быть, произнести молитву. Не смейтесь, Алек, это так.

— К сожалению, Лиза, вы не правы. Я не люблю американцев и народные школы, я не люблю военные парады и солдатский патриотизм. И я не люблю рассуждений о смысле жизни,— добавил он без улыбки.

— Но, Алек, согласитесь, что...

— Должен сказать,— перебил Лимас,— что я не люблю людей, которые мне рассказывают, что я должен думать.

Она понимала, что он рассердился, но не могла удержаться.

— Потому что вы не хотите думать. Не решаетесь. Ваш ум чем-то отравлен, какой-то ненавистью. Вы — фанатик, я это знаю, но не могу понять, какой идеей вы одержимы, Алек. Вы — фанатик, который не хочет обращать людей в свою веру. Это опасная штука. Вы похожи на человека, который... поклялся отомстить или что-то в таком роде.

Карие глаза не отрывались от нее. Когда он заговорил, ее напугала угроза, звучавшая в его голосе.

— На вашем месте,— сказал он резко,— я занимался бы своими делами.

Вдруг он лукаво улыбнулся, как улыбаются ирландцы. До сих пор он никогда так не улыбался, и Лиза знала, что он постарался вложить в эту улыбку все свое обаяние.

— А во что верит Лиза? — спросил он, и она ответила:

— Меня не так просто понять, Алек.

Позднее тем же вечером они еще раз вернулись к этому разговору. Возобновил его Лимас. Он спросил, религиозна ли она.

— Вы неверно меня поняли,— сказала она,— совсем неверно. Я не верю в Бога.

— А во что вы верите?

— В историю.

Он удивленно на нее посмотрел и рассмеялся.

— Лиза, что вы! Нет, нет! Не коммунистка же вы, черт возьми!

В ответ на его смех она утвердительно кивнула, покраснев, как школьница, и почувствовала, что одновременно с раздражением она испытывает радость от того, что ему это безразлично.

В эту ночь она оставила его у себя. Он ушел в пять часов утра. Она была очень удивлена: она гордилась их близостью. А его, казалось, что-то смущает.

Он вышел из ее квартиры и направился по пустынной улице к парку. Висел густой туман. В конце дороги — недалеко, ярдах в двадцати, может, немногим больше — стоял мужчина в плаще, невысокого роста, довольно полный. Он стоял, прислонившись к решетке парка, и его силуэт призрачно маячил в тумане. По мере того, как Лимас приближался, туман, казалось, становился плотнее, скрывая фигуру у решетки. Когда же Лимас подошел и туман рассеялся, мужчины уже не было.

КРЕДИТ

Однажды, спустя примерно неделю, он не пришел в библиотеку. Мисс Крэйл была в восторге. Около половины двенадцатого она позвонила маме, а вернувшись после ленча, остановилась у полок с книгами по археологии, с которыми Лимас все время работал. Она стояла и с театральной нарочитостью созерцала ряды книг, и Лиза понимала, что она делает вид, будто проверяет, не украл ли Лимас чего.

В этот день Лиза ее игнорировала, едва отвечала на вопросы и работала особенно усердно. Когда наступил вечер, Лиза вернулась домой и плакала, пока не уснула.

Утром она пришла в библиотеку пораньше. У нее было такое чувство, что, чем раньше она там окажется, тем скорее придет Лимас. Но проходило утро, надежда тускнела, и она, наконец, поняла, что он никогда не придет. Она забыла приготовить себе сандвичи в этот день, и решила поехать автобусом в кафе. Она была подавлена, опустошена, есть не хотелось. А что если поехать к нему? Она, правда, обещала никогда его не разыскивать, но ведь и он обещал предупредить ее. Что, если поехать к нему?

Она села в такси и назвала адрес.

На лестничной площадке тусклый свет. Она позвонила в его дверь. Звонок, видимо, не работал. Ей никто не ответил. На коврике стояли три бутылки с молоком, и лежало письмо из электрокомпании. Она немного подождала, затем постучала в дверь и услышала слабый мужской стон. Она бросилась в квартиру этажом ниже и принялась звонить и колотить в дверь. Никакого ответа. Тогда она сбежала вниз и очутилась в подсобном помещении лавки. Старая женщина сидела в углу и раскачивалась на стуле.

— В квартире наверху,— крикнула Лиза,— тяжело заболел человек. У кого есть ключи?

Женщина посмотрела на нее и окликнула лавочника:

— Артур, иди сюда! Артур, тут какая-то девушка пришла.

Мужчина в коричневом халате и в серой мягкой шляпе обернулся.

— Девушка? — спросил он.

— В квартире наверху серьезно заболел человек,— сказала Лиза.— У вас нет ключей?

— Нет,— ответил лавочник,— но у меня есть молоток.

Не сняв шляпы, он взял большие клещи с молотком, и они вместе побежали наверх. Он громко постучал в дверь. Затаив дыхание, они прислушивались. Ни звука.

— Только что я слышала стон, уверяю вас,— прошептала Лиза.

— Будете платить за дверь, если я ее взломаю?

— Да.

Загремел молоток. Тремя ударами лавочник высадил кусок филенки и вместе с ней замок. Лиза вошла первой, он — за ней. В комнате было нестерпимо холодно и темно, но им удалось различить фигуру мужчины, лежавшего на кровати.

«О Боже, если он мертв, я, наверно, не смогу прикоснуться к нему»,— подумала она, но все же подошла. Он был жив. Отбросив полог, она опустилась на колени перед кроватью.

— Я позову вас, если понадобится, спасибо,— сказала она, не оборачиваясь.

Лавочник кивнул и ушел.

— Алек, что случилось, что у тебя болит? Что с тобой, Алек?

Лимас заворочался на постели. Запавшие глаза были закрыты. На бледном лице отросла темная борода.

— Алек, скажи мне что-нибудь, пожалуйста, скажи, Алек.

Она держала его руку в своей. По щекам катились слезы. В отчаянии она не знала, что делать. Вскочила, побежала в кухню, поставила чайник — просто потому, что не могла оставаться без дела. Вернулась в комнату, схватила свою сумочку и ключи Лимаса, лежавшие на столике у кровати, сбежала вниз, перескакивая через несколько ступенек, выскочила на улицу и перебежала на другую сторону — в аптеку мистера Слимана. Купила студень, куриную грудку, мясной экстракт и аспирин. Дошла уже было до дверей, но вернулась и купила пачку сухарей. Все вместе ей стоило шестнадцать шиллингов, в сумочке оставалось еще четыре, а на чековой книжке — одиннадцать фунтов, но с нее она могла снять только завтра утром. Как раз к ее приходу закипел чайник.

Лиза приготовила мясной бульон, налила в стакан, положив в него чайную ложечку (как делала мама), чтобы стакан не лопнул. И все время поглядывала на Лимаса, словно боялась, что он умер.

Она приподняла его на подушке и, поддерживая за спину, напоила бульоном. Другой подушки в квартире не было, поэтому, прежде чем начать его поить, она сняла с крючка его пальто, свернула и подложила под подушку. Ей было страшно прикасаться к Лимасу. Он был таким мокрым, что даже волосы слиплись. Поставив чашку у кровати, она одной рукой поддерживала ему голову, а другой давала бульон. После нескольких ложек она растерла две таблетки аспирина, развела бульоном и дала ему выпить. Она обращалась с Лимасом, как с ребенком, сидя на кровати и не спуская с него глаз, она время от времени гладила его по голове и по лицу, не переставая повторять шепотом: «Алек, Алек».

Постепенно его дыхание становилось более ровным, мышцы расслабились, боль и лихорадка, видимо, покидали его, уступая место спокойному сну. Лиза наблюдала за ним, понимая, что худшее уже позади. Теперь она заметила, что совсем стемнело.

Какой беспорядок в квартире! Ей стало неловко. Она вскочила, принесла из кухни щетку с тряпкой и принялась лихорадочно убирать. Нашла чистую скатерть, постелила на столик у кровати, вымыла разрозненные чашки и блюдца, стоявшие на кухне. Закончив работу, она посмотрела на свои часы — половина девятого. Она снова поставила чайник и вернулась к кровати. Лимас смотрел на нее.

— Алек, пожалуйста, не сердись,— сказала она,— я уйду, обещаю тебе, но позволь мне раньше приготовить поесть. Ты болен, ты не можешь выходить в таком состоянии, Алек...— и, закрыв лицо руками, она разрыдалась.

Слезы текли у нее между пальцев, как у ребенка. Он дал ей выплакаться, не отрывая от нее своих карих глаз. Руками он вцепился в простыню.

Она уснула в кресле и проснулась, когда уже брезжил рассвет. Как холодно! Ноги и руки совсем затекли. Она подошла к кровати. Лимас заворочался под ее взглядом. Она провела пальцами по его губам. Не открывая глаз, он нежно взял ее руку и положил на кровать. Она вдруг почувствовала непреодолимое желание, начала целовать его снова и снова, и ей казалось, что он улыбается.

Около недели она приходила каждый день. Он разговаривал мало и однажды, когда она его спросила, любит ли он ее, ответил, что не верит в волшебные сказки. Она легла на кровать, прижавшись головой к его груди. Он время от времени запускал свои толстые пальцы в ее волосы, высоко поднимая их, а она смеялась и говорила, что ей больно. В пятницу вечером она застала его уже одетым, но небритым. Ее удивило, что он не побрился. По какой-то неуловимой причине она встревожилась. Каких-то мелочей не хватало в комнате — исчезли часы и портативный приемник, которые стояли на столе. Она хотела спросить, что это значит, но не решилась. По дороге она купила яйца и ветчину, и теперь готовила ужин, а Лимас сидел на кровати и курил сигареты одну за другой. Когда ужин был готов, Лимас пошел в кухню и принес бутылку красного вина.

За столом он почти не разговаривал. Она наблюдала за ним, ее тревога росла, становилась нестерпимой, и, не выдержав, она вдруг закричала:

— Алек, что происходит? Это прощание?

Он встал из-за стола, взял ее за руки и поцеловал так, как никогда прежде не целовал. Долго и нежно он что-то говорил ей, она плохо понимала о чем, почти не понимала совсем, потому что уже знала, что это конец, и все остальное не имеет значения.

— До свидания, Лиза,— сказал он,— до свидания. Не ищи меня. Больше не надо меня искать.

Лиза кивнула и пробормотала: «Как мы и договорились».

Она была благодарна жуткому холоду и темноте, которая скрывала ее слезы.

На следующее утро в субботу Лимас попросил у лавочника открыть ему кредит. Попросил не очень ловко, даже не стараясь внушить доверия. Набрал с полдюжины всяких мелочей на общую сумму не более фунта и, когда покупки были уже завернуты и положены в сумку, сказал:

— Откройте мне счет и запишите в него.

Лавочник зло улыбнулся и ответил: «Нельзя», не добавив «сэр».

— Почему нельзя? — спросил Лимас, и остальные покупатели забеспокоились.

— Я вас не знаю,— ответил лавочник.

— Что за глупости! — сказал Лимас.— Я сюда хожу уже четыре месяца.

Лавочник покраснел.

— Прежде чем открывать кредит, мы справляемся в банке,— сказал он, и тут Лимас вышел из себя.

— Не болтайте ерунду! — заорал он.— Половина ваших покупателей в жизни не переступала порога ни единого банка и никогда не переступит.

Покупатели совсем ощетинились, потому что он сказал правду.

— Я вас не знаю,— повторил лавочник грубо,— и вы мне не нравитесь. Убирайтесь из моей лавки,— добавил он и попытался открыть сумку, которую держал Лимас.

Что случилось дальше, сказать трудно: мнения потом разошлись. Одни говорили, что лавочник, пытаясь открыть сумку, толкнул Лимаса, другие это отрицали. Так или иначе, Лимас ударил его левой рукой (правая была занята сумкой), причем, по утверждению большинства, дважды, и, кажется, не кулаком, а ребром ладони, и тут же с молниеносной быстротой нанес удар еще и локтем. Лавочник рухнул навзничь. Так говорили потом на суде, и защита не могла не признать тяжести телесных повреждений — перелом грудной кости у первого ребра и вывих челюсти. В прессе происшествие было отражено довольно точно, но особого значения ему не придавалось.

Перевела с английского С. ТАРТАКОВСКАЯ.

Продолжение следует.

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

РОМАН

СВЯЗЬ

С заключенными он держался высокомерно, и они ненавидели его. Ненавидели потому, что ему удавалось быть таким, каким каждый из них мечтал быть: загадочным. Он уберегал какую-то очень существенную часть своей индивидуальности, не делал ее всеобщим достоянием, его нельзя было растрогать, добиться, чтобы он рассказал о своей девушке, о семье или о детях. Они о нем ничего не знали. Они ждали, но Лимас до них не снисходил. Новички в тюрьме делятся на две категории: на тех, которые из чувства стыда, страха или ошеломления ждут, пока их посвятят в тюремную жизнь, и на тех, которые выкладывают свои жалкие истории, чтобы завоевать признание тюремного мира. Лимас не делал ни того, ни другого. Ему, видимо, нравилось презирать их, и они ненавидели его за то, что он, как и мир по ту сторону решеток, не нуждался в них.

Дней через десять их терпение лопнуло. Заправилы не дождались от него почета, слабые — утешения. В очереди за обедом его окружили. В тюремном быту этот прием практикуется уже лет двести. Когда заключенный получает свою порцию, его как бы невзначай толкают, и содержимое миски проливается на одежду. Это они и проделали с Лимасом. Он ничего не сказал, внимательно посмотрел на тех двоих, которые стояли по обе стороны от него, и молча выслушал ругань надзирателя, хотя тот прекрасно знал, как было дело.

Спустя несколько дней, когда он обрабатывал тюремную клумбу, он сделал вид, что споткнулся, взялся за бадейку, якобы пытаясь удержать равновесие, и, когда распрямился, его сосед справа уже согнулся в три погибели и, схватившись за живот обеими руками, взвыл от боли. Больше Лимаса не окружали и не толкали.

Пожалуй, самое необычное чувство из всех, которые он испытывал в тюрьме, у него вызвал пакет в оберточной бумаге, который ему вручили при выходе на волю. Лимасу почему-то вспомнился свадебный обряд — ...сим кольцом я нарекаю тебя своей...— сим пакетом я возвращаю тебя обществу... Ему велели расписаться в получении, а в пакете — все, чем он владел. Пакет — и ничего больше. За все три месяца Лимас не испытывал более унизительного момента и решил избавиться от ненавистного пакета, как только окажется за воротами тюрьмы.

Он производил впечатление спокойного заключенного. Жалоб на него не поступало. Начальник тюрьмы, не очень-то интересовавшийся его случаем, в глубине души считал, что, если бы не ирландская кровь, которая — начальник готов был поклясться — течет в жилах Лимаса, он никогда не попал бы в тюрьму.

— Что вы собираетесь делать, когда выйдете отсюда? — спросил он.

Без тени улыбки Лимас ответил, что собирается начать новую жизнь, и начальник всячески одобрил такое намерение.

— Как с вашей семьей? Наладите ли вы отношения с женой?

— Постараюсь,— вяло ответил Лимас,— но она уже вышла замуж за другого.

Чиновник социального отдела предложил Лимасу устроиться санитаром в дом умалишенных. Лимас согласился подать заявление и даже записал себе адрес и расписание поездов.

— Туда теперь ходит электричка,— добавил чиновник, и Лимас выразил глубокое удовлетворение последним обстоятельством.

Итак, ему вручили пакет, и он покинул тюрьму. Он доехал автобусом до Мраморной арки, а оттуда пошел пешком. В кармане у него было немного денег, и он собирался еще плотно поесть. Он решил пойти через парки к Парламентской площади и в кафе возле Черинг Кросс съесть за шесть шиллингов вполне приличный бифштекс.

В этот сияющий день запоздалой весны Лондон был великолепен. Парки благоухали крокусами и нарциссами. Свежий легкий ветер дул с юга. Лимас готов был так ходить целый день, но пакет... Ему не терпелось от него избавиться. Мусорные ящики слишком малы — ни в один из них его не всунуть. У Лимаса, правда, мелькнула мысль вынуть из него необходимые бумаги: страховую книжку, водительские права и еще кое-какие документы. Однако он сел на скамейку, положил пакет не слишком близко от себя и еще отодвинулся. Минуты через две он вернулся на пешеходную дорожку, оставив пакет лежать на скамейке. Только он дошел до дорожки, как услышал оклик. Он обернулся (пожалуй, резковато) и увидел мужчину в военном плаще, который махал ему рукой и в другой держал пакет.

Не вынимая рук из карманов, Лимас остановился, не переставая смотреть через плечо на мужчину в плаще. Тот стоял, явно ожидая, что Лимас подойдет к нему или хотя бы проявит какой-нибудь интерес. Но Лимас только пожал плечами и пошел дальше. Снова оклик. На сей раз Лимас не обратил на него внимания. Он знал, что мужчина идет за ним. Шаги шуршали по гравию, приближались, ускорялись — почти бег. Слегка раздраженный, задыхающийся голос: «Послушайте!» Мужчина его догнал. Лимас остановился и обернулся к нему.

— В чем дело?

— Это, кажется, ваш пакет? Вы его забыли на скамейке. Почему вы сразу не остановились, когда я вас окликал?

Высокий, немного вьющиеся каштановые волосы, светло-зеленая рубашка и оранжевый галстук, раздражителен, женоподобен, подумал Лимас. Вполне мог бы быть школьным учителем с высшим экономическим образованием и руководить драматическим кружком в предместье. Близорук.

— Можете положить его обратно. Он мне не нужен.

Мужчина покраснел.

— Нельзя же оставлять всякие пакеты на скамейке,— сказал он.

— Очень даже можно,— возразил Лимас.— Кому-нибудь пригодится.

Он хотел пойти дальше, но незнакомец преграждал ему путь, держа пакет на руках, как ребенка.

— Уйдите с дороги,— сказал Лимас.— Ясно?

— Послушайте,— взвизгнул незнакомец,— я же хочу оказать вам услугу, с какой стати вы упираетесь?

— Это специально, чтобы оказать мне услугу, вы уже полчаса ходите за мной? — заметил Лимас и подумал: «Мастер своего дела, но слишком тянет. Придется его раскачать».

— Если хотите знать, мне показалось, что я однажды встретил вас в Берлине.

— Поэтому нужно следить за мной битых полчаса?

Лимас не сводил глаз с мужчины, и в голосе его звучал сарказм.

— Не полчаса, а гораздо больше. Я засек вас еще у Мраморной арки и подумал, что вы — Алек Лимас, которому я должен деньги. Я бывал в Берлине на Би-Би-Си и занял там у одного человека немного денег. С тех пор я очень неловко себя чувствую. Поэтому я и пошел за вами — хотел убедиться, что вы и есть тот человек.

Лимас молча смотрел на него и думал, что не такой уж он мастер своего дела, хотя, с другой стороны, не виноват же бедняга, что Лимас испортил ему классический вариант и вынудил на ходу перестраиваться.

— Я действительно Лимас,— сказал он наконец.— А вы, черт возьми, кто такой?

Он назвался Эйшем (через «э» оборотное, поспешил он добавить). Лимас знал, что он врет. Эйш делал вид, что не уверен, на самом ли деле Лимас тот, за кого себя выдает, поэтому во время ленча они вскрыли пакет и, склонившись над ним, начали рассматривать страховую книжку. Будто два педераста воркуют над порнографическими открытками, подумал Лимас. Эйш заказал ленч, явно не считаясь с ценами, и они выпили рейнского в память о былых днях. Лимас сначала уверял, что никак не может вспомнить Эйша, а тот удивлялся и даже давал понять, что ему это неприятно.

Эйш был типичным представителем той части рода человеческого, которая в отношениях между людьми придерживается принципа атак и отступлений. Когда он чуял в противнике слабость, он наступал, когда встречал сопротивление, отходил на тыловые позиции. Не обладая ни собственным мнением, ни собственным вкусом, он подлаживался под собеседника. С такой же готовностью пил чай на Фортнуме, как и пиво на проспекте Вайтби, с одинаковым вниманием слушал военные марши в парке Св. Джеймса и джаз в подвальчике на Комптон-стрит. Его голос дрожал от сочувствия, когда он говорил об освободительном движении в колониальных странах, и от негодования по поводу того, что цветное население заполонило Британские острова. Лимасу претила такая неприкрытая беспринципность, и у него возникало злорадное желание незаметно навязать Эйшу какую-нибудь точку зрения и тут же заставить его самого ее опровергнуть, так что Эйшу все время приходилось выбираться из тупиков, в которые его загонял Лимас. За ленчем были моменты, когда Лимас проделывал такие бессовестные трюкачества, что Эйшу следовало бы прекратить разговор, особенно после того как он заплатил по счету, но Эйш не унимался. Если грустный человек в очках, сидящий в одиночестве за соседним столиком и читающий руководство по обработке несущих частей механизма, слушает их разговор, то наверняка считает, что Лимасу доставляет удовольствие издеваться над собеседником или (если он особо проницателен) что у Лимаса должно быть оправдание перед самим собой: такое обращение может терпеть лишь человек, у которого есть особые виды на будущие отношения.

Около четырех часов они попросили счет, и Лимас попытался заплатить за себя. Где там! Эйш и слышать об этом не хотел! Сам рассчитался и вынул чековую книжку, чтобы вернуть Лимасу долг.

— Минимум двадцать фунтов,— сказал он и проставил на чеке дату.

Потом посмотрел на Лимаса своим бесцветным заискивающим взглядом.

— Я полагаю, чек вас устроит?

Чуть покраснев, Лимас ответил:

— Как раз сейчас у меня нет счета в банке, я только что из-за границы, еще не успел открыть... Лучше выпишите мне чек на предъявителя, и я получу по нему в вашем банке.

— Я бы такого и не придумал! Вам же придется уйму времени потратить, чтобы добраться до моего банка. Ну, зачем же так...— Эйш рассмеялся.

Лимас пожал плечами, и они договорились встретиться в том же месте на следующий день, в час дня — к этому времени у Эйша будут наличные деньги.

Эйш взял такси на углу Комптон-стрит, и Лимас махал ему рукой, пока машина не скрылась из виду. Только тогда он посмотрел на часы. Четыре часа. Он понимал, что слежка за ним продолжается, и поэтому пошел пешком по Флит-стрит, зашел в бар, заказал чашечку кофе, потом стал заглядывать в книжные магазины, читать вечерние газеты, выставленные на витринах издательств, просто глазеть по сторонам, потом, словно ему в голову пришла неожиданная мысль, вдруг в последнюю минуту вскочил в автобус. Автобус дошел до Ладгейт Хилл и возле станции метро попал в пробку. Лимас выскочил и спустился в метро. Купил билет за шесть пенсов, сел в последний вагон и на следующей станции вышел. Пересел на другую линию и вернулся к Черинг Кросс. Было уже девять часов, когда он добрался до конечной станции. Становилось прохладно. У входа в метро стоял крытый грузовик. Водитель спал, положив голову на руль.

Лимас посмотрел на номер грузовика, подошел к кабине и окликнул шофера через стекло:

— Вы от Клементса?

Водитель, вздрогнув, проснулся и спросил:

— Мистер Томас?

— Нет,— ответил Лимас,— Томас не смог прийти. Я Эймс. Из Хаунслоу.

— Садитесь, мистер Эймс,— сказал шофер и открыл дверцу.

Они поехали на запад, к Королевскому шоссе. Шофер знал дорогу.

Дверь открыл Контролл.

— Джорджа Смили нет,— сказал он,— я воспользовался его домом. Входите.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15, 16.

Пока за Лимасом не закрылась дверь, Контролл не зажигал в прихожей света.

— Меня выслеживали до самого ленча,— сказал Лимас.

Они вошли в небольшую гостиную. Повсюду стояли книги. Приятная комната. Высокий, лепной потолок восемнадцатого века, большие окна, красивый камин.

— Сегодня утром они до меня добрались. Тип назвался Эйшем.— Лимас закурил.— Выглядит педерастом. Завтра встречаемся снова.

Контролл внимательно слушал историю Лимаса, начиная с того дня, когда он побил лавочника, и до сегодняшней встречи с Эйшем.

— Как было в тюрьме? — осведомился Контролл таким тоном, словно спрашивал: «Ну, как провели отпуск?» — Мне жаль, что нельзя было обеспечить вам более сносные условия, но мы не могли себе это позволить.

— Разумеется.

— Нужно сохранить логическую последовательность. На каждом шагу. Поэтому и срок нельзя было сократить. Я знаю, вы болели. Я огорчался за вас... Что-нибудь серьезное?

— Просто температура поднялась.

— Долго пролежали в постели?

— Дней десять.

— Какое невезение! И, разумеется, некому было за вами ухаживать?

Наступила долгая пауза.

— Вам известно, что она коммунистка? — спокойно спросил Контролл.

— Да,— ответил Лимас. Опять пауза.— Я не хочу вмешивать ее в это дело.

— А зачем она должна быть замешана? — спросил Контролл резко, и на мгновение, на один короткий миг Лимасу показалось, что он заглянул под маску холодной отчужденности.— Кто советует ее вмешивать?

— Никто,— ответил Лимас.— Я просто подчеркиваю. Мне хорошо известно, как проводятся такие операции. Всегда возникают побочные линии и неожиданные повороты. Думаешь, поймал одну рыбку, глядишь — а в сетях совсем другая. Я хочу уберечь ее от этой мутной воды.

— Конечно, конечно.

— Что это за Пит в бюро по трудоустройству? Не был ли он во время войны на Кембриджской площади?

— Не знаю ни одного человека с такой фамилией. Как вы сказали? Пит?

— Да.

— Нет, мне эта фамилия ровно ничего не говорит. В бюро по трудоустройству?

— Ой, ради Бога...— внятно прошептал Лимас.

— Простите,— спохватился Контролл,— я совсем забыл о своих обязанностях хозяина дома. Чего-нибудь выпить?

— Нет. Послушайте, Контролл, я хочу уехать сегодня же вечером. Хочу поразмяться в деревне. Наш Дом открыт?

— Я заказал для вас машину,— ответил Контролл.— В котором часу у вас завтра встреча с Эйшем? В час?

— Да.

— Я позвоню Хелдену, скажу, чтобы вам приготовили фруктового соку. И сходили бы вы еще к врачу. Лихорадка спроста не бывает.

— Не нужен мне врач.

— Дело ваше.

Контролл налил себе виски и бесцельно уставился на книжные полки Смили.

— А почему нет Смили? — спросил Лимас.

— Ему не нравится эта операция,— равнодушно ответил Контролл.— Он считает ее противной. Понимает всю необходимость, но не хочет в ней участвовать. У него,— он криво улыбнулся,— возвратная лихорадка.

— Не скажу, чтобы Смили принял меня с распростертыми объятиями.

— Конечно. Он не хочет ввязываться. Но он все же рассказал вам про Мундта? Описал обстановку?

— Да.

— Мундт — человек крайне жесткий. Об этом нельзя забывать.— Контролл задумался.— И прекрасный разведчик.

— Смили знает, зачем нужна операция? Понимает ее назначение?

Контролл утвердительно кивнул, потягивая виски.

— И тем не менее она ему не по душе?

— Дело не в моральных соображениях. Он как хирург, который устал от крови — пусть оперируют другие.

— Скажите,— продолжал Лимас,— почему вы так уверены, что она даст желательные результаты? Откуда вы знаете, что на меня вышли восточные немцы, а не, скажем, чехи или русские?

— Будьте уверены,— сказал несколько торжественно Контролл.— Все точно известно.

У дверей Контролл положил руку Лимасу на плечо.

— Последняя ваша работа,— сказал он.— Потом сможете вернуться с холода. Так как насчет девушки? Хотите, чтобы для нее было что-нибудь сделано? Деньги или еще что-нибудь?

— Не раньше, чем когда кончится операция. И я сам тогда о ней позабочусь.

— Прекрасно. Сейчас, кстати, опасно что-нибудь делать.

— Я только хочу, чтоб ее оставили в покое,— настойчиво повторил Лимас,— не впутывали в это дело, не следили за ней и всякое такое. Я хочу, чтобы забыли о ее существовании.

Он кивнул Контроллу и нырнул в темноту. На холод.

КИВЕР

На следующий день Лимас пришел к ленчу с опозданием на целых двадцать минут, небритый, в грязной рубашке, и от него разило виски. Однако Эйш ему заметно обрадовался и сказал, что сам только что явился, так как задержался в банке. Он вручил Лимасу конверт.

— Здесь в фунтах. Надеюсь, вас устроит? — спросил он.

— Благодарю,— ответил Лимас.— Давайте выпьем.

Он подозвал официанта и заказал себе двойную порцию виски, а Эйшу — мартини. Когда Лимас наливал содовую, у него так дрожала рука, что он едва попадал в стакан.

Они плотно закусили, как следует выпили, и Эйш начал разговор первым. Как и предполагал Лимас, он стал рассказывать о себе — прием старый, но не такой плохой.

— Откровенно говоря, дела у меня идут прилично в последнее время,— сказал Эйш.— Броские статьи, сенсации для зарубежной прессы и всякое такое. После Берлина поначалу не клеилось — корпорация не хотела возобновить контракт, и я перебивался в паршивенькой еженедельной газетенке, рассчитанной на пенсионеров. Представляешь себе это занятие! Не могу тебе передать, с каким облегчением я вздохнул, когда она лопнула ко всем чертям при первой же забастовке типографщиков. Тогда я на время перебрался к маме в Челтенхем. У нее антикварный магазин, и доходы — не сглазить бы. Там-то я и получил письмо от старого приятеля, Сэма Кивера (так он теперь себя называет), который открыл небольшое агентство — сенсации английской жизни, рассчитанные специально на иностранную прессу. Ну, знаешь, эти штучки — слов шестьсот о дансинге Мориса и прочая дребедень. Хотя, надо сказать, Сэм придумал и кое-что новенькое: продает материал, уже переведенный на иностранный язык. И, знаешь, совсем другое дело. Принято считать, что всегда можно оплатить переводчика или перевести самому. Не тут-то было! На полстолбца текста совсем не просто найти желающих тратить деньги и время. Уловка Сэма заключалась в том, что он вступал в личный контакт с издателями,— носился, бедняга, по Европе, как цыган, но и деньги, правда, зашибал.

Эйш остановился, ожидая, что Лимас начнет говорить о себе, но Лимас и не подумал воспользоваться предложенной ему возможностью. Он только тупо кивнул и сказал: «Здорово, черт возьми!» Эйш хотел заказать еще вина, но Лимас заметил, что привык к виски, и, пока принесли кофе, выпил четыре двойных порции. Он был в дурном настроении — это бросалось в глаза. К тому же отвратительная привычка у всех пьяниц: вытягивают губы раньше, чем начинают пить, как будто боятся, что рука подведет и драгоценная влага прольется мимо рта.

Эйш еще немного помолчал и наконец спросил:

— А ты Сэма не знаешь?

— Какого Сэма?

— Сэма Кивера, моего босса,— в голосе Эйша послышалась нотка раздражения,— о котором я тебе только что говорил.

— Он что, тоже был в Берлине?

— Нет. Он хорошо знает Германию, но в Берлине никогда не жил. Пописывал кое-что в Бонне. Сенсационный материал... Ты его не встречал? Симпатяга парень.

— Нет, не встречал.

Пауза.

— Ну, а ты теперь чем занимаешься, старина? — спросил Эйш.

Лимас пожал плечами.

— Меня списали,— он туповато хихикнул,— в утиль.

— Я забыл, ты чем занимался в Берлине? Один из «воителей» холодной войны?

«Э, да ты пережимаешь, браток»,— подумал Лимас, помялся немного, затем покраснел и выпалил:

— Мальчиком на побегушках был у проклятых янки, как и все мы, грешные.

— Знаешь что,— сказал Эйш, словно еще раньше думал над своим предложением,— тебе нужно встретиться с Сэмом. Он тебе понравится.— Эйш забеспокоился.— Послушай, Алек, я даже не знаю, где тебя найти.

— А меня и не найти,— угрюмо ответил Лимас.

— А я и не собираюсь тебя искать, старина. Ты где живешь?

— Где придется и чем придется. Я без работы. Сволочи — не захотели мне дать приличную пенсию.

Эйш, казалось, спешил выказать свое возмущение.

— Какой ужас, Алек! Как же ты мне ничего не сказал до сих пор? Послушай, давай поживи у меня! Квартирка крохотная, но в комнате еще есть место, если тебя устроит раскладушка. Нельзя же в самом деле жить на улице! Ты что, приятель!

— Да нет, я в порядке,— возразил Лимас, похлопывая по карману с конвертом.— Найду я работу.— Он решительно тряхнул головой.— Через недельку-другую. Тогда буду в полном порядке.

— Какую работу?

— Не знаю. Какая-нибудь да найдется.

— Но ты не должен соглашаться на какую попало, Алек! Зачем же недооценивать себя? По-немецки ты говоришь, как настоящий немец, я это прекрасно помню. Есть масса всякой работы, которую ты можешь делать.

— Массу всякой работы я уже делал. Продавал энциклопедию для какой-то паршивой американской фирмы, сортировал книги в библиотеке, прованивался насквозь на фабрике клеящих веществ — какого черта еще я могу делать?

Он смотрел не на Эйша, а прямо перед собой, и губы у него дрожали. Эйш бурно выражал сочувствие: наклонился к нему через стол, заговорил приподнято, с воодушевлением.

— Алек, неужели ты не видишь, что тебе нужны связи? Я тебя прекрасно понимаю — было время, я сам находился в таком же положении. Тебе необходимо познакомиться с людьми. Я не знаю и не хочу знать, что ты делал в Берлине, но, согласись, там не то место, где можно найти нужных людей. Не встреть я пять лет назад в Познани Сэма, я до сих пор барахтался бы за бортом. Давай, Алек, перебирайся-ка на недельку-другую ко мне. Договоримся встретиться с Сэмом, может, повидаемся еще с кем-нибудь из старых журналистов, бывших в Берлине, если кто-нибудь из них в Лондоне.

— Да я не умею писать,— сказал Лимас.— Марать бумагу — не мое занятие.

Эйш положил руку Лимасу на плечо.

— Пока что не нервничай,— сказал он.— Не все сразу, разберемся постепенно. Где твое барахло?

— Что?

— Твои вещи — всякая там одежда, чемоданы и прочее.

— Ничего у меня нет. Я продал все, что было. Вот только пакет и остался.

— Какой пакет?

— В оберточной бумаге, который ты подобрал на скамейке. Ну, тот, что я пытался выбросить.

Квартира Эйша помещалась на площади Дофина. Точно такая, как Лимас и ожидал,— маленькая, безликая, с сувенирами из Германии, пивные кружки, массивные трубки и прочая безвкусица.

— По субботам я у мамы в Челтенхеме,— сказал Эйш.— Квартирой пользуюсь всего несколько дней в неделю. Тебе будет удобно,— добавил он.

Они поставили раскладушку в крохотную гостиную. Было около половины пятого.

— Давно живешь здесь? — спросил Лимас.

— Года полтора.

— Легко нашел?

— С квартирами, знаешь, дело случая. Обращаешься в бюро, и в один прекрасный день тебе звонят — все в порядке.

Они попили чай, который приготовил Эйш. Лимас продолжал хмуриться, как человек, не привыкший к комфорту. Эйш тоже, казалось, приуныл. После чая он сказал:

— Схожу за покупками, пока не закрылись магазины. Потом решим, что делать. Вечером я могу звякнуть Сэму. Думаю, чем раньше вы встретитесь, тем лучше. А ты поспи — тебе не помешает.

Лимас кивнул.

— Чертовски мило с твоей стороны,— он неловко развел руками,— ну, все, что ты для меня делаешь.

Эйш хлопнул его по плечу, взял свой плащ военного покроя и вышел.

Как только Эйш оказался на улице (Лимас прикинул по времени), Лимас поставил замок на предохранитель, спустился в парадную, где стояли две телефонные будки, набрал номер и попросил секретаршу мистера Томаса. Немедленно женский голос ответил:

Секретарь мистера Томаса слушает.

— Я звоню от мистера Сэма Кивера,— сказал Лимас.— Он принял приглашение и надеется лично встретиться с мистером Томасом сегодня вечером.

— Я передам мистеру Томасу. Он знает, где вас найти?

— На площади Дофина,— ответил Лимас и назвал адрес.— До свидания.

Быстро прочитав список жильцов, он вернулся в квартиру, уселся на раскладушку, скрестил руки

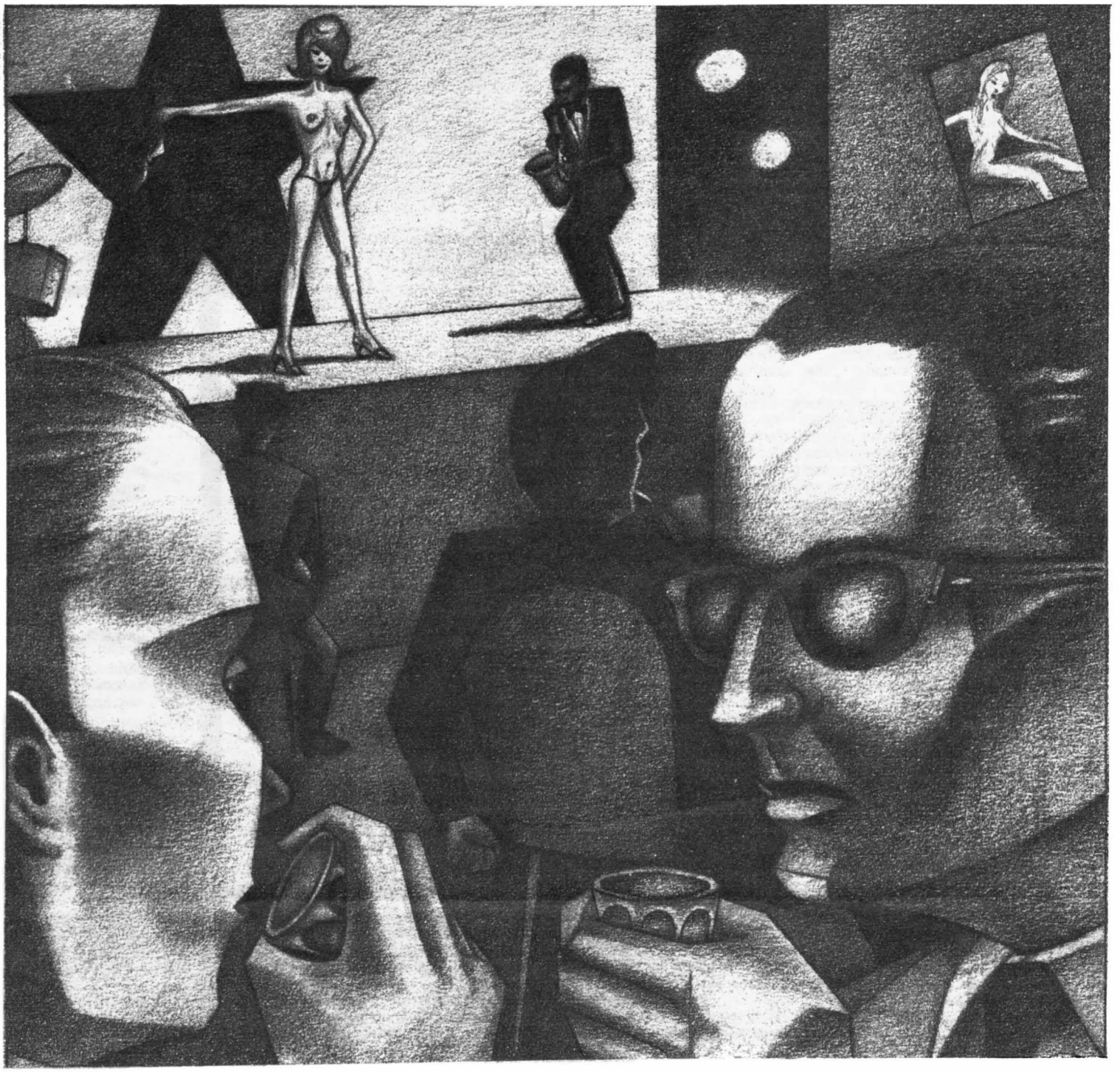


Рисунок Роберта ДЖОРДАНА

и уставился в одну точку. Потом улегся. Как только он закрыл глаза, ему представилась Лиза, лежащая рядом с ним в квартире на Байуотер, и захотелось узнать, что с ней.

Его разбудил Эйш, который пришел с невысоким плотным мужчиной с седеющими, отброшенными назад волосами и в двубортном костюме. Мужчина говорил по-английски с легким среднеевропейским акцентом. Возможно, и немец. Трудно сказать. Назвался Кивером — Сэм Кивер. Они пили джин с кока-колой. В основном разговаривал Эйш. Ему вспоминаются, сказал он, былые времена в Берлине: собрались приятели, сидят, беседуют, за окном — ночь. Кивер предупредил, что долго задерживаться не будет — завтра нужно работать. Они решили поужинать в китайском ресторане против полицейского участка. Эйш там бывал. Вино нужно приносить с собой. В кухне нашлось бургундское — Эйш сам этому удивился,— и они прихватили его в такси.

Ужин был отменный. Они выпили обе бутылки. На второй у Кивера немного развязался язык. Он только что вернулся из поездки по Западной Германии и Франции. Во Франции сплошной кавардак, де Голля вот-вот провалят, и что там будет, знает один Бог. При том, что из Алжира вернулись сто тысяч полностью деморализованных военных, он, Кивер, не удивится, если там установится фашизм.

— А как в Германии? — подстрекнул его продолжить беседу Эйш.

— Вопрос только в том, удержат ли янки в своих руках немцев.— Кивер посмотрел на Лимаса, как бы приглашая высказаться.

— Что вы имеете в виду? — спросил Лимас.

— Именно то, что я сказал. Даллес навязывает немцам одну внешнюю политику, Кеннеди — другую. Немцы в растерянности.

— Вонючие янки в своем репертуаре.— Лимас резко кивнул.

— Алек, видимо, недолюбливает наших американских родичей,— подчеркнуто сказал Эйш, на что Кивер с полным безразличием пробормотал: «В самом деле?»

«Кивер тянет резину,— подумал Лимас.— Изворачивается, словно лошадь объезжает. Подпустит к себе — и в последнюю минуту увертывается. Этакий влиятельный человек, догадывающийся, что к нему обратятся за одолжением, но его, мол, не так-то просто уговорить».

После ужина Эйш сказал:

— Я знаю одно местечко на Уордор-стрит — ты бывал там, Сэм. Обслуживают — пальчики оближешь. Не отправиться ли нам туда?

— Минуточку,— сказал Лимас, и что-то в его тоне заставило Эйша быстро взглянуть на него.— Скажите мне только, кто будет платить за удовольствие?

— Я,— ответил Эйш.— Сэм и я.

— Вы так договорились?

— По правде сказать, нет.

— Потому что у меня — ни гроша, ты же знаешь. Во всяком случае, на развлечения.

— Конечно, Алек. До сих пор я ведь брал все на себя, верно?

— Верно,— ответил Лимас и как будто собрался сказать что-то еще, но раздумал.

Эйш, казалось, встревожился, а Кивер оставался по-прежнему непроницаемым.

В такси Лимас упорно молчал. Эйш сказал что-то утешительное, но Лимас только раздраженно пожал плечами. Они проехали на Уордор-стрит и вышли из машины. Ни Лимас, ни Кивер не сделали ни малейшей попытки расплатиться. Эйш повел их мимо витрины с журналами сомнительного толка в конце переулка, где горела неоновая надпись: «Клуб любителей голосовать. Вход только для членов клуба». По обеим сторонам дверей висели фотографии девиц, пересеченные наискось надписью: «Обнаженная натура. Только для членов клуба».

Эйш позвонил. Дверь сразу же открыл очень толстый мужчина в белой рубашке и черных брюках.

— Я член клуба,— сказал Эйш,— а эти двое джентльменов — со мной.

— Разрешите взглянуть на ваш билет?

Эйш вынул из бумажника билет и протянул ему.

— Взнос за временное членство по фунту с каждого из ваших гостей и ваша рекомендация.

Он протянул билет Эйшу, но Лимас, словно желая помочь ему, подхватил билет, незаметно пробежал глазами и отдал Эйшу.

Достав из кармана два фунта, Лимас положил их в протянутую руку швейцара.

— За гостей,— сказал он, не обращая внимания на бурные протесты Эйша, и открыл дверь, ведущую в холл.

— Найдите нам столик, закажите бутылку виски и проследите, чтобы нас никто не беспокоил,— сказал он швейцару.

Тот помедлил, но решил не возражать и повел их вниз по лестнице. Внизу приглушенно рыдала музыка. Они выбрали себе столик в конце зала. Играл маленький оркестр, вокруг небольшими группками сидели девицы. Две из них тотчас же поднялись, но толстый швейцар отрицательно помотал головой.

Пока они ждали виски, Эйш не сводил с Лимаса тяжелого взгляда. Кивер, казалось, немного скучал. Официант принес виски и три стакана. Они молча смотрели, как он наливает понемногу в каждый стакан. Лимас взял у него из рук бутылку и долил все стаканы до краев. Покончив с виски, он наклонился к Эйшу и сказал:

— Ну, может, теперь ты мне скажешь, что все это значит?

— Ты о чем, Алек? — растерялся Эйш.— Что ты имеешь в виду?

— Ты начал следить за мной, как только я вышел из тюрьмы,— спокойно сказал Лимас,— привязался с какой-то дурацкой историей, будто встретил меня в Берлине, всучил мне деньги, которых у меня не брал, кормил-поил, поселил в своей квартире и...

— Ну, если ты так, то...— покраснел Эйш.

— Не перебивай,— взъярился Лимас,— заткнись, пока я не кончу. Ясно? Твой билет в этот клуб выписан на имя какого-то Марфи. Тебя, что ли, так зовут?

— Нет, это не мое имя.

— Ага, значит, какой-то приятель по имени Марфи одолжил тебе свой билет?

— Не совсем так. Я, если тебе уж так непременно хочется знать, захаживаю сюда к девочкам и вступил в клуб под вымышленной фамилией.

— В таком случае,— продолжал кипеть Лимас,— почему Марфи значится съемщиком твоей квартиры?

И тут заговорил Кивер.

— Идите-ка домой,— сказал он Эйшу,— я сам разберусь.

Молодая девица с синяком на грязноватом бедре выступала со стриптизом. Жалкая нагота, при виде которой становится неловко, потому что она не имеет ничего общего ни с эротикой, ни с искусством, ни с чувственностью. Девица медленно поворачивалась, дрыгая время от времени руками и ногами, словно слышала музыку лишь урывками, и не сводила с них глаз, изображая любопытство ребенка, попавшего в общество взрослых. Музыканты резко перешли на ускоренный ритм, и девица, как настеганная плеткой собачонка, задергалась взад и вперед. Сняв на последней ноте бюстгальтер, она подняла его над головой, демонстрируя свое тощее тело, опутанное тремя полосками безвкусной мишуры, как у старой елочной игрушки.

Лимас и Кивер молча смотрели на нее.

— Вы, поди, сейчас скажете, что в Берлине мы с вами видали и получше? — подкусил Лимас, и Кивер понял, что он все еще сердится.

— Вы, возможно, и видали, но без меня,— любезно ответил Кивер.— Я хоть и часто бывал в Берлине, но ночные клубы не в моем вкусе.

Лимас промолчал.

— Я не пуританин,— продолжал Кивер.— Отнюдь. Просто здравомыслящий человек. Если мне нужна женщина — я знаю более дешевые способы ее получить, если хочется потанцевать — хожу в более приличные места.

Лимас, казалось, не слушал его.

— Может, скажете, зачем этот педераст привязался ко мне? — настаивал он.

— Охотно скажу,— кивнул Кивер.— Я ему велел.

— Для чего?

— Я интересуюсь вами. Хочу предложить кое-что по журналистской части.

Наступила пауза.

— Вот оно что! Значит, по журналистской части,— сказал Лимас.— Понимаю.

— Я открыл агентство — служба международной информации. Хорошо оплачивается. Очень хорошо. За интересный материал.

— Кто публикует?

— Совсем хорошо оплачивается. Человек с таким опытом, как у вас, в области... международных связей, человек с вашим прошлым, который, знаете ли, может дать соответствующий фактический материал, в недалеком будущем наверняка не будет беспокоиться о своем финансовом положении.

— Кто же все-таки публикует материал, Кивер? — В голосе Лимаса прозвучала резкая нотка, и на долю секунды тень опасения промелькнула на спокойном лице Кивера.

— Клиенты из разных стран. У меня в Париже есть корреспондент, который держит связь с моим персоналом. Я часто и сам не знаю, кто именно его публикует. Признаться,— добавил он с обезоруживающей улыбкой,— меня это нисколько не заботит. Они платят — остальное не мое дело. Тут, знаете ли, народ такой, что не вдается в щекотливые мелочи. Платят они исправно и охотно это делают через международные банки, где нет, скажем, никаких хлопот с налогом.

Уставившись в свой стакан, который он держал обеими руками, Лимас молчал.

«Черт возьми,— думал он,— прет напролом, до неприличия». Ему вспомнилась дурацкая острота из мюзик-холла: «Я девушка приличная, за деньги не продаюсь, а кроме того, не знаю, устроит ли меня цена». «С тактической точки зрения,— размышлял Лимас,— он прав, что торопит события. Я только что из тюрьмы, еще свежо впечатление от пребывания там, еще не остыло чувство обиды. Объезжать меня не нужно — я старая лошадка. С какой стати делать вид, что они оскорбили мое достоинство английского джентльмена! С другой стороны, он, видимо, ждет от меня практических замечаний, предполагает, что я могу испугаться. Их разведка следит за связью своих людей с перебежчиками, как око Божье за Каином. Они же знают, что здесь дело такое: кто кого. Для них не секрет, что неожиданная реакция может свести на нет любую операцию, как бы хорошо она ни была спланирована; что проходимцы и преступники могут устоять перед самыми цветистыми уговорами, тогда как респектабельный джентльмен способен пойти на предательство за ломаный грош».

— Им придется платить как следует,— пробормотал наконец Лимас.

Кивер налил ему еще виски.

— Они предлагают пятнадцать тысяч фунтов. Деньги уже переведены в швейцарский банк. При соответствующих документах, которыми вас снабдят мои клиенты, вы сможете их получить. Мои клиенты сохраняют за собой право в течение года задавать вам дополнительные вопросы с надбавкой в пять тысяч фунтов. Они же вам помогут уладить... технические детали, если понадобится.

— Как скоро вы хотите получить ответ?

— Сейчас. От вас не требуется представлять материалы в письменной форме. Вы встретитесь с моим клиентом, и он позаботится, чтобы они были... переписаны.

— Где я должен с ним встретиться?

— Мы считаем, что для каждого из вас проще это сделать за пределами Англии. Мой клиент предлагает Голландию.

— У меня нет паспорта,— сказал Лимас тупо.

— Я с удовольствием для вас его достану,— ответил Кивер слащавым тоном. Он говорил в такой манере, словно речь шла о практических мелочах обычного бизнеса.— Завтра без четверти десять утра вылетим в Гаагу. Ну что, пойдемте ко мне домой, обсудим остальные детали?

Кивер расплатился, взял такси и назвал адрес в достаточно фешенебельном районе, недалеко от парка Св. Джеймса.

Кивер жил в роскошной квартире, но оставалось впечатление, что она обставлена на скорую руку. Как будто лондонские магазины продавали книги на ярды, а декораторы таким же способом подбирали цвета для стен. Лимас, хоть и не придавал значения таким тонкостям, чувствовал себя, как в гостинице. Когда Кивер показал предназначенную ему комнату (она выходила не на улицу, а в темный двор), Лимас спросил:

— Давно здесь живете?

— Нет, недавно,— ответил Кивер не задумываясь,— несколько месяцев, не больше.

— Цена должна быть головокружительная. Но я полагаю, вы того стоите.

— Спасибо.

В его комнате на серебряном подносе стояли бутылка виски и сифон с содовой. В углу висела портьера, отделявшая ванную комнату с умывальником.

— Прямо-таки гнездышко для голубков. И все на деньги великой Страны Трудящихся?

— Заткнись,— рассвирепел Кивер, но добавил: — Если я понадоблюсь — вот внутренний телефон. Я проснусь.

— Пожалуй, я уже сам умею раздеваться,— съязвил Лимас.

— Значит, спокойной ночи,— отрезал Кивер и вышел из комнаты.

«И этот еле сдерживается»,— подумал Лимас.

Лимаса разбудил телефон, стоявший у его изголовья. Звонил Кивер.

— Уже шесть часов,— сказал он.— Через полчаса завтрак.

— Хорошо,— ответил Лимас и повесил трубку.

У него болела голова.

Кивер, видимо, заказал такси по телефону, потому что в семь часов в дверь позвонили, и Кивер спросил Лимаса:

— Все взяли?

— Кроме зубной щетки и бритвы, мне нечего брать,— ответил Лимас.

— Ну, вещи вам дадут. А в остальном вы готовы?

— Наверное, да,— пожал плечами Лимас.— Сигареты у вас найдутся?

— Нет, но вы сможете купить в самолете,— ответил Кивер.— Изучите его как следует,— добавил он, протягивая Лимасу английский паспорт.

Паспорт был выписан на имя Лимаса с его фотографией, уголок которой захватывала рельефная печать, выдавленная под ней. Паспорт не совсем старый, но и не новый. Лимас в нем значился клерком и холостяком. Взяв его первый раз в руки, Лимас даже разнервничался. Немножко как женитьба: что бы ни случилось, а стать снова ни разу не женатым человеком уже нельзя будет никогда.

— А деньги? — спросил Лимас.

— Они вам не нужны. Фирма берет расходы на себя.

Перевела с английского С. ТАРТАКОВСКАЯ.

Продолжение следует.

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

Джон Ле КАРРЕ

РОМАН

МИРАЖ

Формальности в гаагском аэропорту не вызвали никаких затруднений. Кивер заметно успокоился. Он оживился, стал снова разговорчивым по дороге от самолета к таможне. Молодой голландский офицер, едва взглянув на их багаж и паспорта, бросил по-английски: «Надеюсь, пребывание в Нидерландах доставит вам удовольствие».

— Благодарю вас,— живо откликнулся Кивер.— Большое спасибо.

Они пошли по длинному коридору в зал регистрации на другом конце здания. Кивер маневрировал к главному выходу между небольшими группами пассажиров, глазеющих на витрины киосков с парфюмерией, фотоаппаратами, фруктами. Когда они прошли через вращающуюся стеклянную дверь, Лимас оглянулся. У газетного киоска, углубившись в чтение, стоял маленький человек в очках. По виду чиновник или что-то в этом роде.

Их ждал «фольксваген» с голландским номером. За рулем сидела женщина, которая не обращала на них внимания. Она вела машину медленно, каждый раз заблаговременно останавливаясь под желтым светом, и Лимас понял, что ей было дано такое указание, и что за ними следует другая машина. Он посмотрел в боковое зеркальце, пытаясь понять, какая именно машина увязалась за ними, но так и не понял. Вон та черная, «пежо»? Нет, когда они свернули за угол, кроме грузовика с мебелью, сзади никто не ехал. Он хорошо знал Гаагу еще с войны и старался засечь направление. Ага, северо-западное, к Шевенингену. Вскоре они взяли влево, оставили позади пригород и подъехали к виллам, выстроившимся у дюн, вдоль морского побережья.

Там они остановились. Оставив их в машине, женщина-шофер вышла и позвонила в маленький кремовый домик, почти последний в ряду вилл. На воротах висела голубая табличка с готической надписью «Мираж», а на окне — объявление о том, что все комнаты сданы.

На нем был плащ с кожаными пуговицами. Ростом с Лимаса, но постарше. Лимас дал бы ему лет пятьдесят пять. Тяжелое лицо землистого цвета в глубоких морщинах. Видимо, в прошлом солдат.

Он протянул Лимасу руку. Тонкие пальцы. Гладкая кожа.

— Питерс,— представился он.— Как добрались?

— Прекрасно,— поспешил ответить Кивер,— без всяких происшествий.

— Нам с мистером Лимасом нужно многое обсудить. Думаю, нет смысла вас задерживать, Сэм. Можете вернуться в город на «фольксвагене».

Кивер улыбнулся, и Лимас заметил в его улыбке облегчение.

— До свидания, Лимас,— сказал Кивер чуть насмешливо.— Счастливо, старина!

Лимас кивнул, но не пожал протянутой ему руки.

— До свидания,— повторил Кивер и быстро направился к двери.

Лимас проследовал за Питерсом в заднюю комнату. На окнах занавеси плотного кружева с тяжелыми складками. На подоконниках кактусы, табак и какое-то странное растение с широкими листьями. Мебель массивная, под старину. Посреди комнаты стол и два резных стула. Стол покрыт скатертью, похожей на коврик деревенской расцветки. Перед каждым стулом стопка бумаги и карандаш. Сбоку виски и содовая. Питерс подошел и налил им обоим.

— Ну,— сказал вдруг Лимас,— теперь можно не ломать комедию. Вы меня понимаете? Оба мы знаем, о чем идет речь, оба мы профессионалы. Вы купили перебежчика — вам повезло. Только, ради бога, не прикидывайтесь, что умираете от любви ко мне,— он говорил неуверенно, нащупывая почву.

Питерс кивнул.

— Кивер мне сказал, что вы человек гордый,— заметил он равнодушно и без улыбки добавил:— Ну, ясно, другой не стал бы бить лавочника за оскорбление.

Лимас подумал, что он русский, хотя не был в этом уверен. Английским он владел почти в совершенстве, держался свободно, как человек, привыкший к комфорту.

Они сели за стол.

— Кивер вам сказал, сколько я буду платить? — спросил Питерс.

— Да. Пятнадцать тысяч фунтов через швейцарский банк.

— Правильно.

— Он сказал, что вы можете задавать мне дополнительные вопросы в течение следующего года,— продолжал Лимас,— с соответствующей надбавкой в пять тысяч, если я окажусь полезным.

Питерс кивнул.

— Мне эти условия не подходят,— сказал Лимас.— Вы знаете не хуже меня, что так дело не пойдет. Я хочу получить пятнадцать тысяч,— и дело с концом. Ваши люди не церемонятся с агентами, перешедшими на чужую сторону, и наши от них не отстают. Я не собираюсь просиживать задницу на улице Морица, пока вы будете проваливать каждую цепочку, которую я вам выдам. Они не дураки и знают, откуда ветер дует. Мы же с вами понимаем, что они, возможно, уже и сейчас напали на наш след.

Питерс кивнул.

— Конечно, вы могли бы отправиться куда-нибудь подальше, в ... более надежное место, не так ли? — спросил он.

— За железный занавес?

— Да.

Лимас только мотнул головой и продолжал:

— Вам, я считаю, нужно дня три на то, чтобы предварительно проверить меня. Затем вы захотите получить подробные указания.

— В этом нет никакой необходимости,— возразил Питерс.

Лимас посмотрел на него с интересом.

— Ого! Я вижу, они послали важную шишку! Или тут дело обходится без Москвы?

Питерс молчал и только смотрел на него, что-то соображая про себя. Наконец, он взял лежавший перед ним карандаш и сказал:

— Начнем с вашей военной службы?

Лимас пожал плечами.

— Вам решать.

— Значит, начнем с военной службы. Ну, рассказывайте.

— В 1939 году я был зачислен в инженерные войска. Прошел военную подготовку. Как раз к этому времени потребовались люди, знающие иностранные языки, для особой службы за границей. Я владел голландским, немецким, прилично знал французский, военная служба мне приедалась, и я подал заявление. Голландию я знаю хорошо. У моего отца в Лейдене было агентство по продаже станков. Я там прожил девять лет. Со мной провели обычную беседу и направили в школу под Оксфордом, где я обучился обычным приемам этого Богом проклятого занятия.

— Кто руководил обучением?

— Тогда я еще не знал. Только позднее я познакомился со Стид-Эспри и с деканом из Оксфорда по фамилии Филдинг. Они и руководили обучением. В сорок первом меня забросили в Голландию, где я и пробыл около двух лет. В те дни мы теряли агентов быстрее, чем удавалось найти новых. Паршивое было время. Голландия — противная страна. Хотя справедливости ради нужно сказать, что любая страна покажется противной, если у тебя в доме штаб-квартира шпионов и подпольная радиосеть. Вечно меняешь место, вечно на колесах. Действительно, гнусное занятие. В сорок третьем я оттуда выбрался, передохнул пару месяцев в Англии, и меня направили в Норвегию. По сравнению с Голландией просто рай! В сорок пятом я ушел со службы и отправился снова в Голландию, на сей раз чтобы войти в бизнес к отцу. Дело не клеилось, и я вступил в долю со старым приятелем, который держал туристское агентство в Бристоле. Через полтора года мы обанкротились. Я был совсем убит. Вот тут-то и пришло письмо из отдела: не хочу ли я вернуться? Но я решил, что с меня достаточно, и ответил, что еще должен подумать, а сам снял коттедж на одном из островов у побережья Голландии и поселился в нем. После того как я прожил там год, созерцая свой пуп, и мне приелось это занятие, я им написал и в конце сорок девятого вернулся к ним. Перерыв в службе — маленькая пенсия. Одним словом, обычная участь неудачника. Я не очень быстро рассказываю?

— Пока нет,— ответил Питерс, подливая Лимасу виски,— мы, конечно, еще вернемся к этому периоду, уточним даты, имена...

В дверь постучали, и женщина внесла ленч — огромные порции холодного мяса, хлеб, суп. Питерс отодвинул свои записи, и они молча поели. Когда убрали со стола, разговор продолжился.

— Итак, вы вернулись на Кембриджскую площадь,— сказал Питерс.

— Да. Временно меня посадили на канцелярскую работу. Составление отчетов, оценка военного потенциала в странах за железным занавесом, слежка за боевыми частями и тому подобное.

— Какой отдел?

— Четвертый отдел спутников. С февраля пятидесятого по май пятьдесят первого.

— Кто работал вместе с вами?

— Питер Гийом, Бриан де Грей и Джордж Смили. В начале пятьдесят первого Смили перешел от нас в контрразведку, а в мае того же года меня направили в Берлин как представителя администрации контролируемой территории. Иными словами — вся оперативная работа.

— Кто находился у вас в подчинении?

Питерс быстро писал, и Лимас понял, что он пользуется каким-то доморощенным методом стенографии.

— Хеккет, Сорроу и де Йонг. Де Йонг погиб в уличной катастрофе в пятьдесят девятом. Мы думали, его убили, но проверить так и не смогли. Каждый имел свою цепочку, а я возглавлял всю сеть. Хотите подробности? — спросил Лимас сухо.

— Разумеется, но позднее. Продолжайте.

— В конце пятьдесят четвертого у нас был первый крупный улов в Берлине: Фриц Фегер, вторая величина в ГДР, министерство обороны. До этого дело шло туго, но вот, в ноябре пятьдесят четвертого, нам, значит, удалось заполучить Фрица. Он продержался ровно два года, и больше мы его не видели. Я слышал, он умер в тюрьме. Прошло еще три года, пока мы нашли ему замену. Затем в пятьдесят девятом подвернулся Карл Римек. Карл был в президиуме восточногерманской коммунистической партии. Лучший агент, какого я когда-либо знал.

— Его уже нет в живых,— заметил Питерс.

Лицо Лимаса на мгновение омрачилось.

— Его убили у меня на глазах,— сказал он.— С ним была его любовница. Она перешла в Западный сектор как раз перед его кончиной. Он ей все разболтал — она знала всю его злосчастную цепочку. Стоит ли после этого удивляться тому, что он провалился!

— Мы еще вернемся к Берлину. А сейчас скажите мне вот что: Карл, значит, умер, и вы прилетели

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15—17.

в Лондон. Ну, а дальше, вы все время оставались на службе?

— Да, если это называется службой.

— Чем вы занимались?

— Сидел в отделе банковских операций. Жалованья агентам, оплата подпольных организаций за границей — одним словом, работа для ребенка. Получали ордера и подписывали чеки. Иногда случались осложнения со службой безопасности.

— Встречались ли вы с агентами лично?

— Ну что вы, где это слыхано! Резидент из какой-либо страны делает заявку, начальство ставит галочку и передает нам к оплате. В большинстве случаев мы пересылаем деньги в соответствующий иностранный банк, резидент их получает и отдает агенту.

— Как агенты значатся? Под кличками?

— Под номерами. На Кембриджской площади такое обозначение называется «сочетанием». За каждой цепочкой закрепляется цифра, а агент из цепочки обозначается сочетанием из этой цифры плюс дополнительный номер. У Карла было сочетание из восьми плюс один.

Лимас вспотел. Питерс холодно смотрел на него,— так игрок оценивает профессионального партнера, сидящего напротив. Чего стоит этот Лимас? Что его может сломить, что привлечь или отпугнуть? Что он ненавидит? А главное, что он знает? Не приберегает ли он свои козыри под конец, чтобы продать подороже? Нет, Питерс так не думал: Лимас слишком выбит из равновесия. Он всю жизнь шел одним путем и верил в свое дело. Все это он предал, выбросил сам себя за борт. Питерсу в жизни встречались подобные случаи. Он видел, как человек, в котором происходит идеологическая ломка, можно сказать, поворот на сто восемьдесят градусов, оставшись в ночные часы наедине с самим собой, всеми силами души ищет новую веру, призывая на помощь свои убеждения, и предает свое призвание, семью, страну. Даже такие люди, исполненные новым рвением и новой надеждой, должны бороться с мыслью о позорном клейме предателя, даже они должны преодолевать почти физическую муку, признаваясь себе в том, что им уже никогда не вернуться к делу, которому они служили раньше. Как вероотступники боятся сжечь распятие, так они мечутся между инстинктом, толкающим их на новый путь, и соблазном остаться на старом. Питерсу хорошо была знакома эта раздвоенность. Еще как! А теперь он должен облегчить этот мучительный процесс предательства. Только потому, что он оказался на противоположной стороне стола. И оба они понимали, что происходит. Вот почему Лимас так яростно старается удержаться в рамках чисто деловых отношений. Из гордости. Питерс знал, что по этим же причинам Лимас может и лгать. Не прямо, всего лишь опуская факты, но все же лгать. Нужно учесть еще и браваду, неизбежную при такой извращенной профессии. И ему, Питерсу, предстоит выуживать эту ложь. Уже одно то, что Лимас профессионал, работало против Питерса, он это знал. Лимас будет опускать именно те факты, которые больше всего интересовали Питерса. Будет сообщать ровно столько, сколько Питерс спросит, и, таким образом, могут не всплыть самые ценные факты. И вдобавок ко всему Лимас — опустившийся пьяница. Тут уж бахвальство неизбежно.

— Я думаю,— сказал Питерс,— пора нам приступить к подробностям вашей работы в Берлине с мая пятьдесят первого по март шестьдесят первого. Выпейте еще.

А Лимас смотрел, как он достает из папиросницы сигарету и закуривает. Он отметил две вещи: Питерс левша и закуривает сигарету с того конца, где написана марка, чтобы она сразу обгорела и Лимас не смог бы ее прочесть. Лимасу это понравилось: значит, Питерс, как и он сам,— стреляная птица. У Питерса было странно-застывшее лицо. Серо-землистым оно, видимо, стало давно, возможно, в тюрьме в первые дни революции, а теперь его черты законсервировались и такими останутся уже до могилы. Только седеющие волосы могут совсем побелеть, но лицо не изменится. Лимасу было интересно, как Питерса зовут на самом деле, женат ли он. В Питерсе чувствовалась какая-то ортодоксальность, сила, убежденность, что нравилось Лимасу. Если Питерс лжет, значит, есть тому причина. Его ложь — ложь по необходимости и ничего общего не имеет с гадким враньем Эйша.

Эйш, Кивер, Питерс — нарастающая прогрессия личных качеств и занимаемого положения. Для Лимаса это аксиома в иерархической лестнице разведчиков. Но он также подозревал и нарастающую прогрессию в идеологии. Эйш — лавочник, Кивер — оптовый торговец, и теперь Питерс, для которого цели и средства слились воедино.

Лимас начал рассказывать про Берлин. Питерс редко перебивал его вопросами или замечаниями, но уж когда перебивал, то интересовался техническими деталями, как настоящий эксперт, и Лимасу это нравилось. Его, казалось, подкупал бесстрастный профессионализм противника, который ставил их на одну доску.

На создание надежного канала между Западным и Восточным секторами ушла масса времени, объяснял Лимас. В первые дни город был наводнен доморощенными агентами: шпионаж стал частью повседневной жизни берлинцев. Можно было завербовать человека днем, дать ему задание вечером, а наутро он уже проваливался. Для профессионала наступило не время, а кошмарный сон. Десятки агентств, половина из которых забита людьми, работающими на обе стороны, тысячи потерянных концов, руководителей — хоть отбавляй, средств — с гулькин нос, как и оперативного пространства. В 1954 году Фергесон — большое везение, но уже в 1956 году, когда отделы начали вопить о качестве работы, Фергесон поблек. Он сообщал сведения чуть ли не накануне перед тем, как они становились всеобщим достоянием. Начальство требовало чего-то реального, но пришлось ждать еще три года, пока подвернулась настоящая удача.

Однажды де Йонг выехал на прогулку в лес на самой границе с Восточным Берлином. На его машине был британский военный номер. Он запер машину, оставив ее на дороге у канала. После прогулки дети схватили опустевшую провизионную корзинку и побежали вперед к машине. Добежав до нее, они остановились, бросили корзинку и помчались обратно. Кто-то взломал машину — ручка вырвана, дверца болтается. Де Йонг выругался, вспомнив, что оставил в машине фотоаппарат. Он осмотрел машину — ручка, видимо, выломана куском стальной трубки, который легко спрятать в рукав. Нет, аппарат на месте. Его пальто и свертки жены — тоже. А на переднем сиденье — жестяная коробочка из-под табака, и в ней — маленькая никелированная кассета. Де Йонг точно знал, что находится в кассете: пленка, заснятая на микроаппарате. Возможно, на «Миноксе».

Де Йонг приехал домой и проявил пленку. На ней были засняты протоколы последнего заседания президиума восточногерманской компартии. По странному совпадению кто-то уже раньше заснял эти протоколы, так что можно было сверить: снимки были подлинными.

Лимас взял это дело в свои руки. Ему позарез нужно было добиться успеха. С момента прибытия в Берлин он практически еще ничего не сделал, а его возраст оставлял ему не так много времени для оперативной работы. Ровно через неделю он взял машину де Йонга, поставил на то же место и пошел погулять.

Де Йонг, скажем прямо, выбрал для прогулки мрачное место: длинная кишка канала с двумя огневыми точками, выжженные поля и на восточной стороне в двухстах ярдах от дороги, параллельной каналу,— чахлый сосновый лесок. Но зато пустынно. Что да то да. Такого пустынного места в Берлине не сыскать. Уж тут можно не опасаться людских глаз. Лимас бродил по лесу, даже не пытаясь следить за машиной, все равно неизвестно, с какой стороны ждать. А если заметят, что он следит, то могут побояться выйти на связь.

Вернувшись, Лимас застал машину точно в том виде, в каком оставил ее, и поехал обратно в Западный Берлин, ругая себя последними словами: президиум-то будет заседать еще только через две недели! Через три недели он снова взял машину де Йонга, положил тысячу долларов двадцатками в провизионную корзинку, оставил машину незапертой на два часа и, когда вернулся, нашел коробочку из-под табака. Корзинка исчезла.

Пленка содержала документы первостатейной важности. За следующие шесть недель он проделал свой трюк дважды, и оба раза так же удачно.

Лимас знал, что напал на золотую жилу. Он зашифровал операцию кодом «Мейфер» и направил в Лондон весьма пессимистическое письмо; он знал, что, если хоть наполовину раскроет перед Лондоном успех операции, начальство установит над ней непосредственный контроль, чего Лимас категорически не хотел. Такая операция была, возможно, его единственным шансом не выйти на пенсию, и именно в силу масштабности этой операции Лондон будет зариться на нее. Но даже если и нет, то все равно Кембриджская площадь начнет разводить теории, давать советы, требовать осторожности и торопить события. В надежде выследить получателя они захотят, чтобы Лимас расплачивался только новенькими купюрами, потребуют выслать пленки в Лондон на экспертизу, составят громоздкий план завершения операции и сообщат о ней в отделы. Большинство выскажется за то, чтобы отделы были поставлены в известность, а это, считал Лимас, все испортит. Три недели он работал как одержимый. Завел досье на каждого члена президиума. Составил список всех, кто мог вести протоколы заседаний. По регистрационному листу участников заседаний установил, что тридцать один человек, включая функционеров и секретарей, мог располагать передаваемыми ему документами.

Поняв, что установить, кто из тридцати одного человека это делает,— задача непосильная, Лимас вернулся к пленкам, что, кстати, ему следовало сделать раньше.

При повторном исследовании он был озадачен тем, что ни на одной из пленок протоколы не были занумерованы, на них не стояла печать секретного отдела, а на второй и четвертой пленках некоторые слова на протоколах были вычеркнуты ручкой или карандашом. В конечном итоге он пришел к важнейшему выводу: фотокопии сделаны не с самих протоколов, а с их черновиков, подготовленных перед заседаниями. О, это меняет дело! Значит, сведения исходят из секретариата, а в секретариате людей не так уж много. Черновики были основательно и умело сфотографированы, что, в свою очередь, значило, что человек, делавший их, располагал временем и помещением.

Лимас вернулся к составу секретариата. В него входил некий Карл Римек, бывший ефрейтор медицинской службы, который во время войны три года пробыл в плену у англичан. Когда русские захватили Померанию, там жила его сестра, но с тех пор он о ней ничего не слышал. Он был женат, и у него была дочь по имени Карла.

Лимас решил попытать счастья. Он запросил из Лондона досье на бывшего военнопленного Римека. Номер военнопленного Римека — 29012, дата освобождения — 10 декабря 1945 года. Лимас купил детский приключенческий роман, изданный в ГДР, на титульном листе написал детским почерком: «Эта книга принадлежит Карле Римек, родившейся 10 декабря 1945 г. в Бидефорде, Северный Девон». Подпись: «Женщина-космонавт 29012». И примечание: «Желающие совершить космические полеты должны лично обратиться к К. Римек для получения инструкций. Прилагаемая форма заявления: «Да здравствует Народная Демократическая Республика Космического Пространства!»».

Он взял листок бумаги, начертил графы для фамилии, имени, адреса, возраста, под графами приписал: «С каждым кандидатом проводится личная беседа. Напишите, по какому адресу можно узнать время и место, удобные вам для встречи. Заявления будут рассмотрены в течение недели. К. Р.»,— и вложил листок в книгу.

Лимас поехал на обычное место в машине де Йонга, оставил книгу на переднем сиденье вместе с пятью тысячами долларов стодолларовыми купюрами, бывшими в употреблении. Когда он вернулся, книги не было. Вместо нее лежала коробочка из-под табака и в ней три пленки. Лимас проявил их тем же вечером: протокол последнего заседания президиума, проект изменения политики Восточной Германии по отношению к СЭВу и полная картина организации восточногерманской разведывательной службы с указанием назначений отделов и сведений о сотрудниках.

— Минуточку,— прервал Питерс,— вы, следовательно, хотите сказать, что все сведения о разведке поступали от Римека?

— А что в этом удивительного? Вы же знаете, что он имел очень широкий доступ к ним.

— Маловероятно,— заметил Питерс почти про себя,— у него должен был быть помощник.

— Впоследствии он у него и был. Я еще дойду до этого.

— Я знаю, что вы мне о нем еще скажете. Но не складывалось ли у вас впечатление, что у Римека, кроме обычного помощника из числа завербованных агентов, был еще кто-то среди высокопоставленных лиц?

— Нет, мне и в голову такое не приходило.

— А сейчас, оглядываясь назад, вы все равно так не думаете?

— Нет, не думаю.

— Вы отсылали весь материал на Кембриджскую площадь, и вас ни разу не наводили на мысль о том, что даже для человека с его положением Римек поразительно много знал о разведывательной службе?

— Нет.

— Вас когда-нибудь спрашивали, где Римек взял свой аппарат и кто его научил делать документальные фотоснимки?

Лимас помедлил.

— Нет... не спрашивали.

— Странно,— заметил Питерс сухо.— Простите, я не хотел отвлекать вас. Продолжайте.

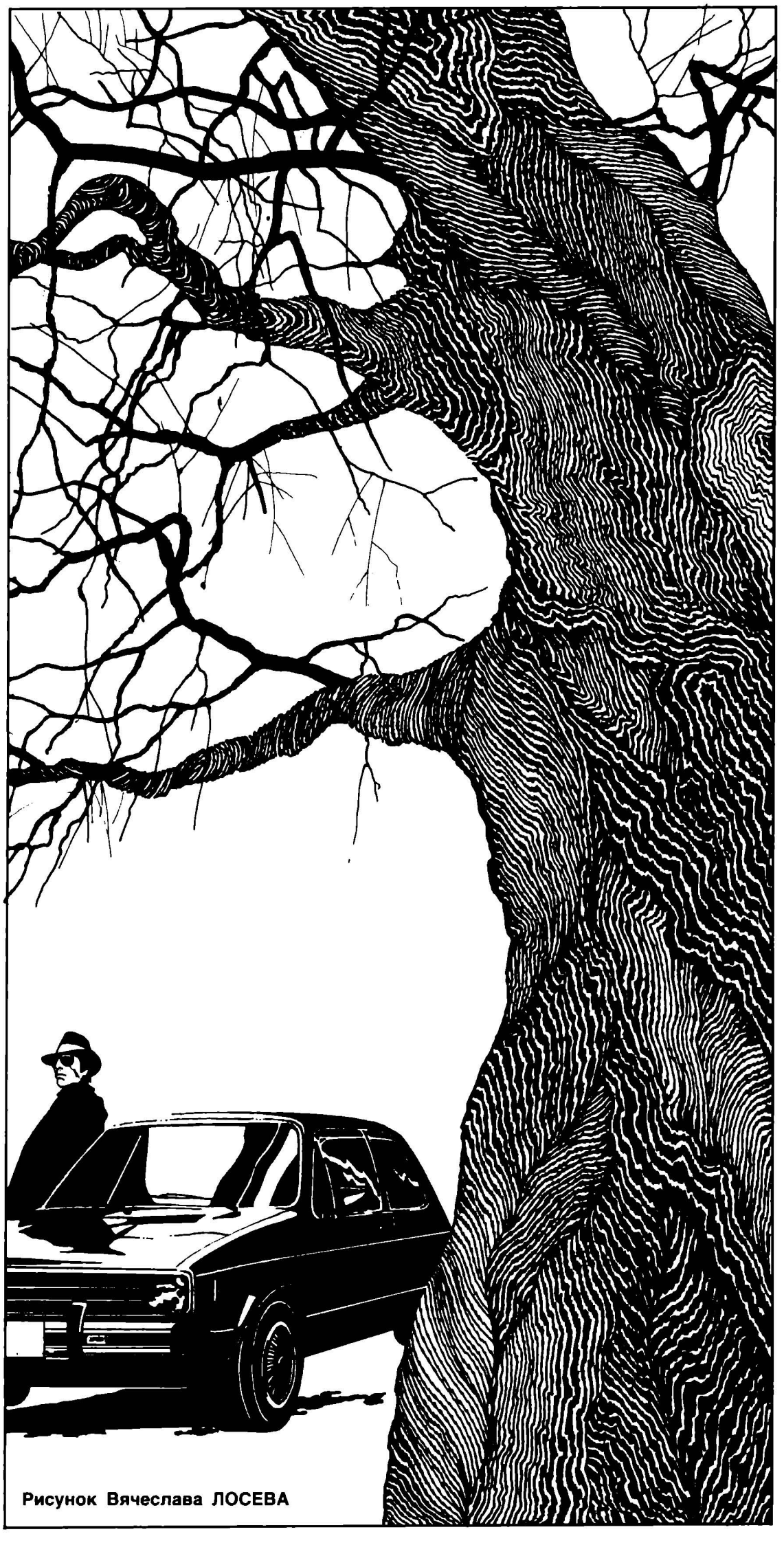


Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

Ровно через неделю, продолжал Лимас, он поехал к каналу, на сей раз испытывая какую-то нервозность. Свернув на дорогу, идущую вдоль канала, он увидел, что на траве лежат три мотоцикла, а ярдах в двухстах пониже трое человек удят рыбу. Он вышел из машины и, как всегда, направился к деревьям по другую сторону поля. Пройдя ярдов двадцать, он услышал оклик, обернулся и увидел, что один из троих рыболовов машет ему рукой. Двое других тоже обернулись и смотрели на него. Лимас был в старом макинтоше и держал руки в карманах, вынимать их было поздно. Он знал, что двое других страхуют того, который его окликал, и, если Лимас вынет руки из карманов, они могут стрелять в него, полагая, что в кармане у него пистолет. Лимас остановился ярдах в десяти от человека, подозвавшего его.

— Что вам угодно? — спросил он.

— Вы Лимас? — Небольшого роста, плотный и очень уверенный человек говорил по-английски.

— Да.

— Номер вашего британского паспорта?

— ПРТ, дробь Л58003, дробь один.

— Где вы находились в день победы над Японией?

— В Лейдене. Сидел в магазине отца еще с несколькими голландскими друзьями.

— Пройдемтесь, мистер Лимас. Макинтош вам ни к чему, оставьте его на траве. Бросайте, бросайте, прямо там, где стоите. Мои друзья за ним присмотрят.

Лимас пожал плечами, но макинтош отбросил. Вдвоем они быстро прошли в лес.

— Вы знаете не хуже меня, кто это был,— устало сказал Лимас.— Третья величина в министерстве внутренних дел, секретарь президиума Объединенной Социалистической Партии Германии, глава координационного комитета по борьбе с врагами народа. Благодаря своему высокому положению он смог узнать о де Йонге и обо мне: просмотрел наши досье в отделе контрразведки. У него были три возможности ознакомиться с ними: через президиум, во время передачи документов из отдела в отдел и через саму восточногерманскую разведку.

— Последняя возможность крайне ограниченная. Разведка никогда не выдает досье на руки,— настаивал Питерс.

Лимас пожал плечами.

— Выдает,— отрезал он.

— Что он делал с вашими долларами?

— С того дня я ему больше ничего не давал. Кембриджская площадь сама расплачивалась с ним через западногерманский банк. Он даже вернул мне те доллары, которые взял раньше. Лондон положил их в банк на его имя.

— Насколько подробно вы вводили Лондон в курс дела?

— С того времени я сообщал все. У меня не было другого выхода. Кембриджская площадь поставила в известность отделы. Ну, а после того, как знали отделы,— добавил Лимас ядовито,— вопрос провала стал лишь вопросом времени. Жали на нас, чтобы мы больше платили Римеку и он давал бы больше сведений, нам пришлось посоветовать ему завербовать других агентов и организовать цепочку, давить на него, это ставило его под угрозу, подрывало доверие к нам — совершеннейший идиотизм, одним словом, начало конца.

— Как много вам еще удалось от Карла получить?

Лимас задумался.

— Как много? Черт его знает. Это длилось неправдоподобно долго. Я думаю, он провалился задолго до того, как его убили. В последние месяцы качество его сведений резко упало. Видимо, его заподозрили и не допускали к важным материалам.

— В общем и целом, как много он вам сообщил? — не унимался Питерс.

Мало-помалу Лимас восстановил весь объем работы Карла. Питерс определенно заметил, что для человека, который так много пьет, память у Лимаса удивительно хорошо сохранилась. Он называл точные даты, не путал имена, помнил каждую реакцию Лондона, всякие пути подтверждения сведений, запрашиваемые суммы, выдаваемые суммы, даты встреч других агентов и массу всяких подробностей.

— Простите,— сказал Питерс наконец,— но я не могу поверить, чтобы один человек, какое бы высокое положение он ни занимал, как бы осторожно и усердно ни работал, мог собрать столько подробнейших сведений. Но даже если у него и была такая возможность, то уж заснять их на пленку он, во всяком случае, один не мог.

— Он был способный агент,— вдруг разозлился Лимас.— Просто он очень здорово это делал, и больше тут ничего нет.

— И Кембриджская площадь никогда не давала

вам распоряжения узнать у него точно, как и когда он получает материалы?

— Нет! — выпалил Лимас.— Римек был особенно чувствителен к этому вопросу, и Лондон не настаивал.

— Ну ладно,— задумчиво сказал Питерс и, помолчав, добавил: — Вы, кстати, слышали об этой женщине?

— О какой еще женщине? — спросил Лимас резко.

— О любовнице Карла Римека, о той, что перешла в западный сектор в ночь, когда Римека убили.

— Ну, так что с ней?

— Неделю тому назад ее нашли мертвой. Точнее, убитой. В нее выстрелили из машины, когда она выходила из своей квартиры.

— Когда-то это была моя квартира,— машинально заметил Лимас.

— Может быть,— высказал предположение Питерс,— она знала о цепочке Римека больше вас?

— Что вы, черт возьми, хотите этим сказать? — спросил Лимас.

— Все это очень странно,— пожав плечами, произнес Питерс.— Хотел бы я знать, кто ее убил.

Когда они исчерпали вопрос о Карле Римеке, Лимас рассказал о менее важных агентах, затем о методах его берлинского агентства, о путях связей, о штатах, об организации секретной сети — квартиры, транспорт, магнитофоны, фотоаппараты и т. д. Они долго говорили, почти всю ночь и весь следующий день, и, когда на следующую ночь Лимас в изнеможении повалился наконец на постель, он подвел итог: за два дня сообщены все сведения и выпиты две бутылки виски.

Оставалась только одна загадка: почему Питерс так настаивал на том, что у Карла Римека должен был быть помощник, вернее, высокопоставленный сообщник? Тот же вопрос задавал ему и Контролл, вспоминал теперь Лимас. Контролл тоже спрашивал, каким образом Римек имел доступ к материалам. Почему оба они, и Питерс и Контролл, так уверены, что Карл не мог работать один? Конечно, у Карла были помощники, например, те, что пришли с ним тогда к каналу. Но это были мелкие сошки,— Карл ему о них говорил. Но Питерс, хотя он, как никто другой, знал, какие материалы Карл мог добывать, Питерс тоже отказывался верить в то, что Карл действовал один. В этом пункте он явно сходился с Контроллом.

Возможно, так оно и было. Возможно, с Карлом работал кто-то еще, и у Контролла был особый интерес защитить этого неизвестного сообщника от Мундта. Но тогда это значит, что и Лимас, и Римек получали сведения от кого-то третьего. Возможно, именно о нем и говорили Контролл с Карлом наедине в тот вечер на квартире у Лимаса в Берлине?

Как бы то ни было, завтрашний день покажет. Завтра ход с его руки.

И еще Лимас не мог понять, кто убил Эльвиру. А главное — почему. Тут-то, видимо, и крылась разгадка. Эльвира знала, кто этот высокопоставленный помощник, и могла пасть жертвой его опасений и заботы о сохранении тайны. Нет, слишком притянуто за уши. Зачем тогда ей дали перейти в Западный сектор? С ней можно было покончить и в Восточном... И как понимать тот факт, что Контролл не рассказал ему о ее убийстве? Хотел, чтобы у Лимаса была более естественная реакция, когда он услышит об этом от Питерса? Бесполезные размышления. Значит, у Контролла были на то свои соображения, а его соображения всегда так запутаны, что сам черт не разберется.

Уже засыпая, Лимас пробормотал: «Ну и дурак же этот Карл! Эта баба его продала — даю голову на отсечение — это ее работа». Но теперь Эльвира была мертва, и уже только смерть была ей судьей. Он вспомнил Лизу.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

На следующий день Питерс пришел в восемь утра, уселся за стол и с ходу приступил к делу.

— Итак, вы вернулись в Лондон. Чем вы там занимались?

— Меня выперли. Я понял, что со мной покончено, еще когда этот осел из кадров встретил меня в аэропорту и сказал, что мне нужно срочно доложить Контроллу о Карле. Карла убили, что уж тут докладывать!

— Ну, и как же они с вами поступили?

— Сначала сказали, что я могу околачиваться в Лондоне, пока не доработаю до приличной пенсии. Изображали такое великодушие, что я вышел из себя. Я им выложил прямо: если вы, мол, так рветесь потратить на меня деньги, почему бы вам не сделать самое простое — засчитать мне все время службы, а не нудить о перерыве в стаже? Тут они совсем озверели и заткнули меня в отдел банковских операций, где одни бабы сидят. Этот период я плохо помню: начал выпивать. Ну и времечко было,— тошно подумать!

Он закурил сигарету. Питерс кивнул.

— Собственно, за то они меня и турнули — не нравилось им, что я пью.

— Скажите, что же вы все-таки помните об отделе банковских операций? — спросил Питерс.

— Состояние у меня было хуже некуда. Я себя хорошо знаю — не гожусь я на канцелярскую работу. Потому я и цеплялся за Берлин. Минуты не сомневался, что как только меня отзовут оттуда — конец. Но что поделать, если в Берлине так получилось!

— Что за работа?

— Просиживал задницу в одной комнате еще с двумя бабами,— пожал плечами Лимас,— Чит Вэрги и Ларит. Я их называл Четверг и Пятница.

Лимас придурковато ухмыльнулся, но Питерс все равно не понял игры слов.

— Перекладывали бумажки с места на место. Приходит письмо из финансового отдела: «Оплатить семьсот долларов такому-то и такому-то по распоряжению такого-то и такого-то. Выдайте, пожалуйста, согласно этому письму»,— и вся работа. Четверг хлопала на него печать, Пятница подшивала в папку, а я отправлялся в банк переводить означенную сумму.

— В какой банк?

— «Блатт и Родни». Солидный частный банк на Сити. У Кембриджской площади своя теория: на выпускников Итонского колледжа можно положиться.

— Значит, вам известны имена агентов во всем мире?

— Вовсе нет.— Тут-то и зарыта собака. Я подписываю чек или банковский ордер, но место, где должна значиться фамилия получателя, остается пустым. Платежное письмо или, скажем, подписанный ордер направлялся в отдел особого контроля.

— Кто в нем работает?

— Люди, которые знают всех агентов. Они и проставляют фамилии, а затем отсылают ордер по почте. Здорово заверчено, ничего не скажешь!

Питерс казался разочарованным.

— Вы хотите сказать, что не знали фамилии получателей?

— Как правило, нет.

— А в виде исключения?

— Иногда кое-что удавалось пронюхать. Но вся эта система передачи из отдела банковских операций в отдел особого контроля сильно сбивала с толку. Слишком запутанно. Крайне редко удавалось что-нибудь узнать.

Лимас встал.

— Я подготовил вам список получателей,— сказал он,— которых помню.— Он у меня в комнате. Сейчас принесу.

Он вышел расслабленной походкой, какую изображал с момента прибытия в Голландию. Вскоре он вернулся с двумя листками, вырванными из дешевого блокнота.

— Вчера вечером написал,— сказал он,— решил сэкономить время.

Питерс медленно и внимательно прочел записи. Они, видимо, произвели на него впечатление.

— Хорошо,— сказал он,— очень хорошо.

— Больше всего мне запомнилась операция «Снежный ком», связанная с такой системой выплаты. Я дважды проводил ее за границей. Один раз в Копенгагене и второй — в Хельсинки. Специально мотался туда класть деньги в банк.

— Какую сумму?

— Десять тысяч долларов в Копенгагене и сорок тысяч немецких марок в Хельсинки.

Питерс опустил карандаш.

— На чье имя вы их клали?

— Ну, как это можно узнать! Счета выписывались на предъявителя. Начальство выдало мне поддельный английский паспорт, я пришел в скандинавский королевский банк в Копенгагене и соответственно в финский национальный в Хельсинки, внес деньги и открыл счет на два лица. Я сам был под вымышленной фамилией и мой совладелец-агент, полагаю, тоже. В банке я просто оставил образец его подписи, который мне дали в главном управлении. Потом агент по поддельному паспорту получал деньги. Кроме его вымышленной фамилии, я о нем ничего не знал.

Он слушал себя и понимал, насколько неправдоподобно звучит его рассказ.

— И часто проделывались такие трюки?

— Нет, только в случае особых платежей. По подписанному листу.

— Что это значит?

— По кодовому названию, известному лишь очень ограниченному числу людей.

— Какой код?

— Я уже сказал: «Снежный ком». Оплата по этому коду в размере десяти тысяч долларов в различной валюте нерегулярно в разных столицах.

— Всегда в столицах?

— Насколько мне известно, да. Помню, я читал в какой-то папке, что до моего прихода в отдел был еще какой-то код, но в тех случаях деньги получал местный резидент.

— А где проводились операции по тому коду?

— Одна — в Осло, а где вторая — не помню.

— Кличка агента оставалась одной и той же?

— Нет. Предпринимались особые меры предосторожности. Впоследствии я слышал, что этот метод заимствован у русских. Самая разработанная система выплаты, какую я когда-либо встречал. В каждую поездку я отправлялся под другой фамилией и с другим паспортом.

Питерс, поди, доволен: в таком варианте история ему кажется вполне правдоподобной. Очень хорошо.

— Значит, эти паспорта выдавались агенту, чтобы он мог получить деньги? Известно ли вам, где такие паспорта делались и как передавались? Вообще, что вы о них знаете?

— Ничего. Ну, кроме того, что в них должны были быть визы в ту страну, где находились деньги, и штамп о въезде.

— Штамп о въезде?

— Да. Эти паспорта ведь никогда не предъявлялись на границе, только в банке. Агент ездил по своему законному паспорту, совершенно легально попадал в страну, где помещался нужный ему банк, а уже в банке предъявлял поддельный паспорт. Так я считаю.

— Не знаете ли, почему раньше такие оплаты производили через местного резидента, а потом стали направлять кого-нибудь из Лондона?

— Знаю. Я спрашивал у Четверга и у Пятницы из отдела банковских операций. Контролл беспокоился, что...

— Контролл? Вы хотите сказать, что Контролл сам руководил этими операциями?

— Да. Он боялся, что резидента могут опознать в банке, и поэтому посылал курьера. Меня.

— Когда вы ездили по этим делам?

— В Копенгаген — пятнадцатого июня и тем же вечером вылетел обратно. В Хельсинки — в конце сентября. Там я пробыл дня два. Числа двадцать восьмого вылетел обратно. Немного поразвлекся,— ухмыльнулся он, но Питерс не записал последней реплики.

— А выплаты, которые имели место до вас, когда производились?

— К сожалению, не помню.

— Но одна определенно была в Осло?

— Совершенно определенно.

— Сколько времени прошло между теми выплатами, которые производились резидентами, и теми двумя, которыми занимались вы?

— Не знаю, думаю, немного. Возможно, месяц, возможно, побольше.

— Как по-вашему, какой срок должен был агент работать до первой выплаты? Где-нибудь это отмечено?

— Понятия не имею. В папке указана только дата платежа. Первая выплата была в начале пятьдесят девятого. Других дат нет. На том и построена система подписанного листа, что на каждую выплату заводится отдельная папка. Только тот, кто имеет доступ ко всем папкам, может составить себе полную картину.

Теперь Питерс писал все время. Лимас полагал, что где-то в комнате есть магнитофон, но, видимо, потом переписывать с него занимает много времени. То, что Питерс сейчас строчит, наверное, ляжет в основу телеграммы, которую он вечером направит в Москву, и в советском посольстве в Гааге секретарши просидят ночь, чтобы стенограмму передать вовремя.

— Скажите мне вот что,— начал Питерс.— Крупные суммы, дорогой и сложный метод выплаты... У вас у самого какие соображения на этот счет?

— А какие у меня могут быть соображения? — пожал плечами Лимас.— Думаю, что у Контролла был хороший источник информации, который стоил того. Но я эти материалы не видел и поэтому ничего не знаю. Мне лично такой метод не нравится: слишком сложно и хлопотно. Почему бы просто не встретиться с агентом и не заплатить ему наличными? Для чего агенту пересекать границу под своим паспортом, в кармане иметь другой, нужна ли вся эта волокита? Не уверен.

Пора запутывать следы, пусть повертится голубчик.

— Что вы имеете в виду?

— Что деньги, насколько мне известно, так никогда и не вынимались из банка. Допустим, платили

высокопоставленному агенту за железным занавесом — деньги должны были его ждать, пока у него появится возможность добраться до них. Так по крайней мере мне кажется. Я, правда, никогда и не задумывался — мне-то все равно. Наша работа какая? Знай себе свой участок — и дело с концом. А если вы интересуетесь всей картиной — бог вам в помощь.

— Но если, как вы считаете, деньги не вынимались из банка, к чему столько хлопот с паспортами?

— В мою бытность в Берлине у нас была договоренность для Карла Римека на тот случай, если ему придется бежать и он не успеет связаться с нами. Для него был готов западногерманский паспорт, в котором значилось, что он живет в Дюссельдорфе, и который он мог получить в любую минуту заранее условленным путем. Паспорт оставался все время действительным,— его продлевало вместе с визой особое туристское агентство. Возможно, Контролл сделал то же самое и для того человека, которому переводились деньги. Не знаю, это всего лишь предположение.

— Откуда вам точно известно, что была надобность в паспортах?

— Из протоколов в папке по переписке между отделом банковских операций и этим особым туристским агентством. Агентство снабжало поддельными документами, включая визы.

— Понятно.— Питерс немного подумал, а затем спросил: — Под какими фамилиями вы ездили в Копенгаген и в Хельсинки?

— Роберт Ланг, инженер-электрик из Дерби,— для Копенгагена и...

— Когда точно вы там были? — перебил Питерс.

— Я же вам сказал: 15 июня. Примерно в половине двенадцатого утра я прибыл в Копенгаген.

— В какой банк вы обратились?

— О, господи, Питерс! — разозлился вдруг Лимас.— В Скандинавский королевский банк. Вы же это уже записали!

— Я просто хотел лишний раз удостовериться,— парировал Питерс, продолжая писать.— А в Хельсинки?

— Стефан Беннет, инженер-судостроитель из Плимута. Там я был в конце сентября,— добавил он язвительно.

— В банк пошли в первый же день по приезде?

— Да. Не то двадцать четвертого, не то двадцать пятого. Я уже говорил, что точно не помню.

— Деньги из Англии везли при себе?

— Нет, конечно. В обоих случаях их переводили на счет резидента. Он встречал меня в аэропорту с чемоданчиком, и я их относил в банк.

— Кто был резидентом в Копенгагене?

— Питер Дженсен, продавец из университетского книжного магазина.

— А какими фамилиями пользовался агент?

— В Копенгагене — Хорст Карлсдорф. Кажется, так. Да, да, я точно помню, потому что меня так и подмывало сказать Карлхорст.

— Приметы?

— Менеджер из Клагенфурта в Австрии.

— А во втором случае? В Хельсинки?

— Фехтман, Адольф Фехтман из Сен-Галена, Швейцария. Погодите, у него было ведь звание... да, точно — доктор Фехтман, архивариус.

— Понятно. Оба, значит, с немецким языком.

— Да, я и об этом вам написал. Но не из Германии.

— Почему вы так думаете?

— Я возглавлял берлинскую сеть, я бы знал. Высокопоставленный агент из Восточной Германии не мог не находиться в ведении Берлина. Я бы знал.

Лимас поднялся и, не обращая внимания на Питерса, налил себе виски.

— Вы сами сказали, что предпринимались особые меры предосторожности в этом случае. Возможно, они не хотели, чтобы вы знали.

— Не порите чушь,— огрызнулся Лимас.— Как это я мог не знать!

Тут он ни за что не должен уступать. Они должны чувствовать, что понимают лучше него, тогда у них будет больше доверия к остальным сведениям. «Пусть сами делают выводы. Вопреки вашей трактовке,— сказал ему Контролл.— Нужно дать им материал и скептически относиться к их выводам, играя на их сообразительности, тщеславии и недоверии друг к другу — вот наша тактика».

Питерс кивнул, словно подтверждая печальную истину.

— Вы очень гордый человек, Лимас,— снова высказал он свое мнение.

Вскоре Питерс ушел. Он пожелал Лимасу приятно провести день и направился к морю. Приближалось время ленча.

Перевела с английского С. ТАРТАКОВСКАЯ.

Продолжение следует.

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ
РОМАН

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Ни в этот день, ни на следующее утро Питерс больше не показывался. Лимас сидел и ждал, что за ним пошлют, но никто не приходил, и он все больше и больше раздражался. Обратился к хозяйке, но она только улыбнулась и пожала своими полными плечами. Около одиннадцати часов следующего дня он решил прогуляться по берегу, купил сигарет и уселся созерцать море.

На берегу спиной к нему стояла девушка и бросала чайкам хлебные крошки. Морской ветер играл ее длинными черными волосами, врывался под пальто, надувая его, как шар. Лимас почувствовал, как много значила для него Лиза, как много она ему дала и сколько еще он обретет, если ему будет суждено вернуться в Англию. Она дала ему главное: веру в ценность обыденных вещей, в ту жизненную простоту, которая подсказывает вам взять в пластикатовый мешочек немного хлеба, отправиться к морю и покормить чаек. Она научила его относиться с уважением к тому, чего он всегда был лишен, что ему запрещалось иметь, будь то хлеб для чаек или любовь. Он должен вернуться, чтобы обрести эти ценности вновь, чтобы принять их из Лизиных рук. Возможно, через недельку-другую он будет снова дома. Контролл сказал, что он может взять себе все, что ему заплатят, и ему хватит. Пятнадцать тысяч фунтов, пособие и пенсия от Кембриджской площади — можно позволить себе вернуться с холода, как сказал Контролл.

Погуляв немного, он без четверти одиннадцать явился домой. Хозяйка молча впустила его, и, пройдя в заднюю комнату, он тут же услышал, что она сняла трубку и набрала номер. Разговаривала она несколько секунд, не больше. В половине первого она принесла ленч и, к его удовольствию, английские газеты, которые он и читал, не отрываясь, до трех часов. Лимас, который обычно вообще не читал, медленно и сосредоточенно впитывал эти газеты, запоминал детали, имена и адреса людей, которые хотя бы мельком упоминались в новостях. Не специально — так получалось само собой.

В три часа пришел Питерс. Едва увидев его, Лимас понял — что-то произошло. Они не сели за стол, Питерс не снял макинтош.

— У меня для вас скверные новости,— сказал он.— Вас ищут в Англии. Я об этом узнал сегодня утром. В портах установлена слежка.

— А какие у них основания меня искать? — спросил Лимас спокойно.

— Формально — вы, мол, после выхода из тюрьмы не явились в полицию в установленный срок.

— А фактически?

— Ходят слухи, что вас ищут потому, что вы нарушили устав секретной службы. Ваши фотографии во всех вечерних газетах Лондона. Заголовки весьма замысловатые.

Лимас стоял и молчал.

Контролл. Это его работа. Это он поднял шумиху. Другого объяснения нет. Даже если Эйш и Кивер попались, то и в таком случае ответственность за огласку несет Контролл. «Недельки две,— сказал он.— Я полагаю, они возьмут вас куда-нибудь на допрос. Возможно, даже за границу. Недельки две — и вам станет все ясно. Потом дело пойдет само собой. Вы должны держаться ниже воды и тише травы, пока все не перебродит. Уверен, что вы справитесь. У меня есть договоренность с другими агентами. Вас будут охранять, пока не уберут Мундта. По-моему, это наилучший путь».

А теперь вот оно как обернулось.

Это не входило в договор. Это совсем другая ситуация. Что теперь делать? Уехать обратно? Отказаться следовать за Питерсом? Сорвется операция. К тому же, очень может быть, что Питерс обманывает таким способом. Чтобы Лимасу пришлось согласиться следовать за ним. Но, если Лимас даст согласие уехать на Восток, скажем, в Польшу, Чехословакию или, Бог знает, куда еще, с какой стати его потом оттуда выпустят? Какой им смысл выпускать известного на Западе разведчика? Какие у него основания считать, что они захотят его выпустить? Контролл. Его рук дело — никаких сомнений! Уж очень льготные условия он предложил. Лимас их сразу оценил. Не будут они бросаться такими деньгами, если только не опасаются потерять разведчика. Такие деньги — не что иное, как приманка, маскировка опасности, о которой Контролл ему прямо не сказал. Конечно, приманка, конечно, маскировка, но в то же время и сигнал: «Осторожно — опасность!». А Лимас не обратил внимания на этот сигнал.

— Как же они, черт возьми, все-таки узнали? — спросил он спокойно и, словно вдруг сообразив, добавил:— Ваш дружок Эйш им, наверное, сказал или Кивер.

— Возможно,— ответил Питерс.— Вы знаете не хуже меня, что такие вещи случаются. В нашей работе нет и быть не может уверенности ни в чем. Очевидно только одно — в любой стране Западной Европы вас будут разыскивать,— добавил он с ноткой нетерпения.

— Теперь вы меня подцепили на крючок, верно, Питерс? — заметил Лимас, как бы не расслышав последних слов.— Ну и потешаются, поди, ваши люди! А может, они сами и навели на след?

— Вы переоцениваете свое значение,— возразил Питерс кисло.

— Тогда, скажите на милость, почему вы устраи-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15—18.

ваете за мной слежку? Сегодня утром не успел выйти — двое в коричневых костюмах тут как тут. Один плетется ярдах в двадцати, другой шатается по берегу. А как только я пришел домой — хозяйка немедленно звонит вам.

— Давайте вернемся к делу,— посоветовал Питерс.— Как там ваши власти вас выследили, нас в данный момент не касается. Факт остается фактом: на ваш след напали.

— Вы принесли вечерний выпуск лондонских газет?

— Нет, конечно. К чему они, если мы получили из Лондона телеграмму.

— Ложь. Вы прекрасно знаете, что имеете право связываться только с Центром.

— В данном случае была разрешена прямая связь,— раздраженно ответил Питерс.

— Ого! — криво усмехнулся Лимас.— Вы, поди, и впрямь крупная шишка. Или Центр не занимается этим делом?

Питерс пропустил реплику мимо ушей.

— Вы знаете, какая перед вами стоит альтернатива,— сказал он.— Либо вы позволяете нам взять на себя заботу и обеспечить вам безопасный переход границы, либо выкручиваетесь сами, что, конечно же, кончится арестом: у вас нет ни нужного паспорта, ни денег — ничего. Через десять дней истекает срок вашего английского паспорта.

— Есть и третья возможность: дайте мне швейцарский паспорт, немного денег и отпустите. Я сам разберусь.

— Боюсь, такая возможность не слишком желательна.

— Вы хотите сказать, что еще не получили от меня всех сведений, и, пока не получите, мне не стоит рыпаться?

— В общем, да.

— Что вы со мной сделаете после того, как получите все сведения?

— А что бы вы хотели? — пожал плечами Питерс.

— Новые документы. Можно и скандинавский паспорт. Деньги.

— Классическое решение,— сказал Питерс.— Я должен сообщить о нем начальству. Ну, так как, едете со мной?

Лимас колебался. Затем он неуверенно улыбнулся и спросил:

— А если нет, что вы сделаете? В конце концов у меня есть чем заинтересовать их по возвращении. Не так ли?

— Все эти версии труднодоказуемы, в них неохотно верят. Я собираюсь сегодня вечером. Эйш, Киевр...— он пожал плечами,— какое они имеют значение! Вас ищут, а остальное...

Лимас подошел к окну. Шторм собирается. Вон как чайки кружат под свинцовыми тучами. Девушка с берега ушла.

— Хорошо,— сказал он, наконец,— договорились.

— До завтра самолета на Восток нет. Ближайший — на Берлин. В час дня. Полетим на нем.

В этот день Лимас имел возможность в полной мере оценить, как Питерс улаживает дела, так как ему самому ни о чем заботиться не приходилось. Паспорт уже давно был выписан (видимо, Центр заготовил) на Александра Твейта, агента туристского бюро, с визой и штампами пограничников — старый, затасканный паспорт человека, который постоянно в разъездах. Голландские пограничники проформы ради проверили его. Питерс стоял третьим или четвертым в очереди и даже не смотрел, что они там делают.

За загородкой с надписью «Только для пассажиров» Лимас увидел киоск с иностранными газетами. Лимас поспешил взять экземпляр.

— Сколько стоит? — спросил он и полез в карман, но вдруг сообразил, что у него нет голландских денег.

— Тридцать центов,— ответила продавщица.

Приятная девушка. Темноволосая, приветливая.

— У меня только два английских шиллинга. Это получается гульден. Возьмете?

— Пожалуйста,— ответила она, и Лимас протянул ей деньги.

Он оглянулся. Питерс все еще стоял спиной к нему у стойки, где проверяют паспорта. Не задумываясь, Лимас нырнул в мужской туалет, пробежал глазами все страницы, бросил газету в урну и вышел из туалета. Питерс не соврал: в газете была его фотография и под ней несколько строк. Ему страшно захотелось узнать, видела ли эту фотографию Лиза. В зал ожидания он шел, поглощенный своими мыслями. Через десять минут они поднялись на борт самолета Гамбург — Берлин. Впервые за все время Лимасу стало страшно.

ДРУЗЬЯ АЛЕКА

В тот вечер к Лизе зашли какие-то люди.

Квартирка Лизы Голд находилась в северном конце улицы Байсуотер. Диван-кровать, очень милый газовый камин угольно-серого цвета — он издавал модерное шипение вместо старомодного потрескивания. Когда Лимас бывал у нее, она иногда пристально глядела на камин — он единственный освещал комнату. Вот и сейчас Лимас лежал бы на софе, а она сидела бы рядом, целовала бы его или, прижавшись к нему лицом, просто смотрела бы на свет камина. Теперь она боялась подолгу думать о Лимасе: если долго думать, никак не вспомнить его лицо. Поэтому она позволяла себе думать о нем лишь мельком — так бросают взгляд на далекий горизонт,— и тогда всплывали разные мелочи: что он сказал, что делал, как смотрел на нее, а чаще не замечал. Ужасно, что у нее ничего не осталось на память: ни фотографии, ни сувенира — ничего. Даже ни одного общего друга. Только мисс Крэйл из библиотеки знала его, и теперь ее ненависть к нему была оправдана: сбежал-таки негодяй! Лиза однажды зашла на ту квартиру, где он жил, и встретилась с хозяином. Зачем? Она сама не знала. Но набралась мужества и пошла. Хозяин о нем очень хорошо отзывался. Мистер Лимас платил исправно до самого конца, как истый джентльмен, больше недельки-другой ждать не приходилось, никогда не было с ним ни забот, ни хлопот. Он всем так и говорил: мистер Лимас — настоящий джентльмен. Нет, при чем тут университеты, разве в них дело... Иногда, правда, он выглядел немного угрюмым, так оно и понятно — пил больше положенного. Но чтобы буянить и всякое такое — ни-ни. Очень порядочный человек. А вот очкарик, который здесь все вертится да интересуется Лимасом, хоть и предлагал заплатить, если тот задолжал, все равно не джентльмен: джентльмены так не пристают с расспросами, это уж точно. Где Лимас брал деньги — Бог его знает, но человек он был самостоятельный, а не проходимец какой-то. А что Форда, лавочника, поколотил, так поделом, давно следовало. Его комнату? Да уже сняли — один джентльмен из Кореи. Через два дня после того как мистера Лимаса забрали.

Возможно, потому она и продолжала работать в библиотеке, что там оставались хоть какие-то следы его существования. Лесенка, полки, книги, указатель — он их видел, прикасался руками. Может быть, он вернется к ним когда-нибудь. Сказал, что никогда, а она не верила. Как поверить, когда тебе говорят: «Надежды на ваше выздоровление нет»? Мисс Крэйл, та не сомневалась, что он вернется, но только потому, что недоплатила ему какую-то мелочь. А смириться с мыслью, что это чудовище окажется не таким уж страшным и не придет за тем, что ему причитается, она не могла. После исчезновения Лимаса Лиза ни разу не позволила себе задаться вопросом: почему все-таки он побил мистера Форда? Она знала, что у Лимаса ужасный характер, но характер тут был ни при чем. Он заранее собирался это сделать и только ждал, пока выздоровеет. Иначе зачем бы он прощался с ней накануне? Очень просто — знал, что на следующий день побьет мистера Форда. Она отказывалась допустить другое объяснение: она ему надоела, он решил с ней порвать, попрощался и на следующий день, еще наэлектризованный расставанием, вышел из себя и побил мистера Форда. Она знала, она всегда знала, что Алек должен что-то сделать,— да он и сам на это намекал,— но что именно над ним тяготело, понять не могла.

Сначала она подумала, что у него с мистером Фордом какая-то давнишняя ссора. Возможно, женщина замешана, возможно, семья Алека. Но нет, стоит только посмотреть на мистера Форда, чтобы понять, насколько смешна эта мысль. Обыватель из обывателей. Осторожненький, самодовольненький, подленький. Но даже если бы Алек хотел отомстить такому вот мистеру Форду, зачем бы он пришел к нему в субботу, в разгар дня, когда в лавке полно народу?

Об этом случае говорили на собрании их партийной ячейки. Джордж Хенби, казначей ячейки, как раз проходил в тот момент мимо лавки Форда. Подробностей он не разглядел из-за толпы, но кто-то из тех, что видел всю сцену, рассказал ему, как было дело. На Джорджа история произвела такое впечатление, что он позвонил в Worker, и из редакции на суд направили корреспондента. Так и получилось, что газета отвела происшествию целые полстраницы. Яркий пример протеста, пробуждение социального самосознания, ненависть к эксплуататорскому классу... А тот тип из толпы (простой парень в очках, невысокого роста, видно, мелкий чиновник) сказал, что это была обычная ссора, не больше. Что ж, Хенби только лишний раз убедился, насколько затуманено сознание простого человека капиталистической системой. Лиза держалась спокойно во время рассказа Хенби: никто, конечно, не знал о ее связи с Лимасом. Она ненавидела Джорджа Хенби: напыщенный сальный сморчок, вечно облизывается на нее, как кот на масло, так и норовит прикоснуться к ней.

И вот к ней зашли.

В маленькой черной машине с антенной приехали двое. Для полицейских слишком толковые, подумала она. Один полноватый, маленький, в дорогом, правда, несколько кричащем костюме, в очках, любезный, заботливый. Сама не зная почему, Лиза почувствовала к нему доверие. Второй спокойный, с юношеским лицом, хотя она дала бы ему лет сорок. Они сказали, что приехали из отдела государственной безопасности. У них при себе были удостоверения с фотографиями. Говорил преимущественно полноватый.

— Я полагаю, вы были близки с Алеком Лимасом? — начал он.

Она готова была вспыхнуть, но человек говорил настолько чистосердечно, что раздражение показалось бы просто глупым.

— Да,— ответила Лиза.— Откуда вы знаете?

— Случайно выяснили на следующий день. Когда попадаешь в... тюрьму, положено называть близких родственников. Лимас сказал, что у него их нет. Тогда спросили, кому сообщить, если в тюрьме с ним что-нибудь случится. Он назвал вас.

— Поняла.

— Кто-нибудь еще знает, что вы были с ним дружны?

— Нет.

— Вы присутствовали на суде?

— Нет.

— Вам не звонили журналисты, кредиторы? Никто, никто?

— Нет, я же вам уже сказала. Никто не знает. Даже мои родители. Мы работали вместе в библиотеке, так что могла бы знать мисс Крэйл, библиотекарша, но, думаю, ей и в голову не приходило, что мы с ним не только сотрудники: она странная особа,— сказала Лиза просто.

Человек очень серьезно посмотрел на нее и спросил:

— Вас удивило, что Лимас побил мистера Форда?

— Конечно.

— А как вы думаете, почему он это сделал?

— Не знаю. Вроде бы потому, что Форд не хотел отпустить ему в кредит. Но я полагаю, что он замыслил его побить еще раньше.

У нее, правда, мелькнуло в голове: «А не говорю ли я лишнего?», но удержаться от того, чтобы с кем-то поделиться, она не могла. Она была так одинока и... не видела в своих словах никакой опасности.

— Накануне, перед тем как это случилось, мы беседовали за ужином. Ужин был необычный, но Алек сказал: «Так надо», и я поняла, что это наш последний вечер. Он достал откуда-то бутылку красного вина. Я не люблю красное вино... Почти все выпил Алек. Я спросила: «Мы прощаемся навсегда?»

— А он что сказал?

— Что у него есть какое-то дело. Он должен рассчитаться с кем-то, кто обидел его приятеля. Я толком так и не поняла.

Наступило долгое молчание. Маленький человек казался очень озабоченным. Наконец, он спросил:

— Вы в это верите?

— Не знаю.

Она вдруг безумно испугалась за Алека. А маленький человек спросил:

— Лимас вам говорил, что у него двое детей? — Лиза не ответила.— Несмотря на это, он назвал вас как близкую родственницу. Что вы думаете об этом? Почему он так поступил?

Он, казалось, сам смутился от такого вопроса и стал виновато разглядывать свои руки, скрещенные на коленях. Лиза покраснела.

— Я была в него влюблена.

— А он в вас?

— Может быть, не знаю.

— Вы продолжаете его любить до сих пор?

— Да.

— Говорил ли он, что вернется? — спросил молодой.

— Нет.

— Но он же прощался с вами? — поспешил спросить другой.— Прощался он с вами? — медленно и любезно повторил он вопрос.— С ним ничего не случится, обещаю вам. Мы хотим ему помочь, и если вы знаете, почему он побил Форда, если вы о чем-нибудь догадываетесь по некоторым его словам или, может быть, действиям, скажите нам ради Алека.

Лиза тряхнула головой.

— Пожалуйста, уйдите,— попросила она,— не спрашивайте меня больше ни о чем. Уходите, пожалуйста.

Дойдя до двери, маленький человек помедлил, затем достал из бумажника визитную карточку и положил на стол так осторожно, словно боялся нашуметь. «Очень застенчивый»,— подумала Лиза.

— Если вам когда-нибудь понадобится помощь, если что-нибудь случится с Лимасом, позвоните мне,— сказал он.— Вы меня поняли?

— Кто вы такой?

— Друг Алека Лимаса,— он помолчал.— И еще один последний вопрос. Алек знал, что вы.. член компартии?

— Да,— ответила она упавшим голосом.— Я ему говорила.

— В партии знают о вашей связи с Алеком?

— Я уже вам сказала: никто не знает,— она вдруг побледнела и расплакалась.— Где он? Скажите мне, где он. Почему вы не хотите мне сказать, где он? Я могу помочь ему — как вы не понимаете! Я буду ухаживать за ним, даже если он... сошел с ума. Для меня не имеет значения, клянусь вам, не имеет... Я написала ему в тюрьму. Я знаю, мне не следовало этого делать. Но я хотела ему сказать, что он может вернуться когда угодно — я всегда его жду...

Она больше не могла говорить и только рыдала, стоя посреди комнаты и закрыв лицо руками. Маленький человек смотрел на нее.

— Алек уехал за границу,— сказал он мягко.— Мы точно не знаем, куда. С ума он не сошел, но вам не должен был ничего говорить. Какая жалость!

— Мы позаботимся о вас. Деньги и всякое такое,— сказал моложавый.

— Кто вы такие? — опять спросила Лиза.

— Друзья Алека,— ответил он,— близкие его друзья.

Она слышала, как они спокойно спустились по лестнице и вышли на улицу. Она подошла к окну. Они сели в маленькую черную машину и уехали по направлению к парку.

Тут она вспомнила про визитную карточку. Подошла к столу, взяла ее и поднесла к свету. Отпечатана красиво, видно, дорогая. Полиция на такую тратиться не станет. Ни звания, ни профессии — ничего, кроме «мистер». Никакого упоминания о полицейском участке. Да и где это слыхано, чтобы полицейский жил в Челси!

«Мистер Джордж Смили. 9 Байсуотер-стрит, Челси».

Строкой ниже — номер телефона.

Очень странно.

НА ВОСТОК

У людей, приговоренных к смерти, иногда наступают минуты душевного подъема. В таких случаях, подобно мотылькам, сгорающим в огне, они уходят в небытие на вершине бытия, как сказал один современный писатель. Нечто подобное испытывал Лимас, приняв решение. Чувство облегчения и успокоенности ненадолго посетило его и затем сменилось страхом и голодом.

Да, он сильно сдал. Контролл был прав.

Он заметил в себе перемену еще год тому назад, когда случилась эта история с Римеком. Карл послал Лимасу записку, что-то ему нужно было, ради чего он специально предпринял одну из своих редких поездок в Западную Германию. Как раз подвернулась какая-то конференция в Карлсруэ.

Лимасу удалось вылететь в Кельн, и в аэропорту он сразу же нашел машину. Было раннее утро, и Лимас надеялся, что большого движения еще не будет. Но тяжелые грузовики уже вовсю мчались по дороге. За полчаса он проехал всего семьдесят километров, с трудом лавируя между ними. Вдруг какая-то маленькая машина, возможно, «фиат», стала поперек дороги, ярдах в сорока перед ним. Лимас нажал на тормоз, включил передние фары и бешено засигналил. Божьей милостью и благодаря доле секунды уцелел. Проезжая мимо злополучной машины, он краем глаза увидел на заднем сиденье четырех детей, которые, смеясь, махали руками, и обалделое от испуга лицо отца, сидящего за рулем. Лимас, чертыхаясь, поехал дальше, и вдруг на него напало это состояние. Руки затряслись, лицо побагровело и закололо сердце.

Ему удалось выбраться из потока грузовиков, съехать с дороги на обочину и остановиться. Тяжело дыша, он не сводил невидящего взгляда с гигантских грузовиков. Перед глазами стоял образ маленькой машины, которую они зажали и давят до тех пор, пока от нее ничего не остается — только исступленный вой клаксонов, голубые вспышки фар и изуродованные детские тела, как у тех убитых беженцев на дороге через дюны.

Остаток пути он ехал очень медленно и пропустил встречу с Карлом.

С тех пор, когда он вел машину, со дна памяти неизбежно всплывал смутный образ взъерошенных детей, которые машут ему с заднего сиденья, и их отца, сжимающего руль, как фермер рукоятку плуга.

Контролл сказал бы: приступы лихорадки.

Мрачнее тучи сидел Лимас в самолете на уровне крыла. Рядом с ним сидела американка. Ноги в сапожках на высоких каблуках, а сверху еще прозрачные полиэтиленовые чехольчики. Мелькнула мысль передать через нее записку в Берлин, но он тут же от нее отказался. Американка решит, что он с ней заигрывает, да и Питерс заметит. А кроме того, зачем? Контролл и так знает, что с ним случилось, сам же все и подстроил, что ж тут сообщать...

Он хотел знать, что его ждет. А об этом как раз Контролл не говорил — только о тактике: «Не выкладывайте им все сразу, пусть покорпят, сбивайте с толку на мелочах, не договаривайте, путайте события во времени, будьте запальчивым, чудаковатым, трудным в общении, пейте, как сапожник, не пускайтесь в идеологическую аргументацию — они все равно не поверят: им хочется видеть перед собой человека, которого они купили, но который сопротивляется, а не переходит в их веру, они хотят делать выводы сами, почва подготовлена, мы давно ее обрабатываем — то там загадка, то тут недоразумение,— они на вас делают крупную ставку, вы — их главный козырь...»

Лимас принял предложение: как отказаться от решающей битвы, когда для ее успеха было проведено уже столько подготовительных...

— В одном я могу вас заверить, Алек: игра стоит свеч. Это дело заслуживает особого интереса. Дайте ему уцелеть, и мы одержим большую победу.

Лимас подумал, что не выдержит пыток. Ему вспомнилась книга Кестлера, где старый революционер готовил себя к пыткам, держа в пальцах зажженные спички. Много он не читал, но это место прочел и запомнил.

Уже почти стемнело, когда они приземлились в Темплхофе. Лимас смотрел, как навстречу им поднимаются огни Берлина, чувствовал толчок, когда самолет коснулся земли, видел таможенников и представителей иммиграционных властей, снующих в полутьме.

Вдруг он испугался, что в аэропорту кто-нибудь из бывших знакомых узнает его. И уже после таможенного досмотра и иммиграционной проверки, когда он прошел рядом с Питерсом нескончаемый коридор, так и не встретив ни одного знакомого лица, он понял, что испытывал не страх, а надежду: а вдруг его решение продолжать операцию сорвется по не зависящим от него причинам.

Он с интересом отметил, что Питерс даже не потрудился сделать вид, будто они между собой не знакомы, словно Западный Берлин был для него тем самым местом, где он находился в полной безопасности и мог позволить себе ослабить бдительность. Как будто переход в Восточный Берлин не требует ничего, кроме соблюдения формальностей.

Они вошли в большой зал регистрации и направились к центральному выходу, как вдруг Питерс, видимо, передумал и свернул к маленькой боковой двери, ведущей прямо к стоянке такси и частных машин. У дверей Питерс на секунду задержался под светом и, поставив чемодан рядом с собой, достал из-под мышки газету, сложил ее, засунул в левый карман и снова взял чемодан. Тотчас же со стороны стоянки зажглись фары, помигали и погасли.

— Идемте,— сказал Питерс и быстро пересек шоссе. Лимас медленно следовал за ним. Когда они дошли до первого ряда машин, в черном «мерседесе» зажегся свет и открылась задняя дверца. Питерс быстро сел в машину, что-то тихо сказал шоферу и поторопил Лимаса.

— Сюда. Побыстрей.

Старый «мерседес-180». Лимас молча сел на заднее сиденье рядом с Питерсом. Они проехали мимо маленького ДКВ, в котором на переднем сиденье сидели двое. Ярдах в двадцати вниз по дороге стояла телефонная будка. Какой-то человек разговаривал по телефону, наблюдая за ними. Лимас оглянулся — ДКВ ехал следом.

«Ну и прием!» — подумал Лимас.

Ехали очень медленно. Лимас сидел, сложив руки на коленях, и смотрел прямо перед собой. Ему не хотелось видеть Берлин этим вечером. Хотя он знал — другого случая у него уже не будет никогда. С того места, где он сидел, он мог резануть правой рукой Питерсу по горлу, выскочить из машины и, петляя, чтоб не попасть под пули, которые полетят из ДКВ, бежать. Он был бы свободен. В Берлине есть люди, которые позаботились бы о нем. Можно бежать.

Он не шевельнулся.

Пересечь пограничный сектор оказалось очень легко. Лимас не ожидал, что это настолько легко. Минут десять машина кружила бесцельно, и Лимас догадался, что они выжидают заранее обусловленное время. Когда они наконец подъехали к западногерманскому КПП, их с ревом обогнал ДКВ и остановился у полицейской будки. Минуты через две белый в красную полосу шлагбаум поднялся, чтобы пропустить ДКВ. В ту же секунду взревел мотор «мерседеса», шофер дал газ, откинулся на спинку сиденья, впился руками в руль, и обе машины проскочили одновременно.

Пока они проезжали ярдов пятьдесят до второго КПП, Лимас сообразил, что на восточной стороне возведены новые укрепления: реданы, наблюдательные вышки, колючая проволока. Ну, дело швах.

У второго КПП «мерседес» не остановился — шлагбаумы были открыты, и они проехали прямо. Полицейские только наблюдали за ними в бинокли. ДКВ куда-то исчез, и лишь минут через десять Лимас увидел его снова. Теперь ехали быстро. Лимас подумал, что они остановятся в Восточном Берлине, скажем, сменить машины, поздравить друг друга с успешной операцией, но они пересекли город и продолжали мчаться на восток.

— Куда мы едем? — спросил он Питерса.

— А мы уже приехали. Германская Демократическая Республика. Вам приготовлен номер в гостинице.

— Я думал, мы поедем дальше.

— Поедем. Но сначала дня два проведем здесь. Мы считаем, что немцы должны с вами поговорить.

— Ясно.

— В конце концов большую часть времени вы занимались ими. Я им направил выдержки из ваших показаний.

— И они захотели со мной встретиться?

— Такая фигура, как вы, которая стояла, можно сказать, у самых истоков информации, им еще не попадалась. Мои люди согласились дать им возможность встретиться с вами.

— А потом? Куда мы отправимся из Германии?

— Опять же на Восток.

— А с кем я встречусь здесь?

— Для вас это важно?

— Не особенно. Я просто знаю по фамилиям большинство людей из их разведки и поэтому спрашиваю. Из любопытства.

— С кем же, вы предполагаете, вам предстоит встретиться?

— С Фидлером,— не задумываясь, ответил Лимас.— Он возглавляет отдел безопасности. Из людей Мундта. Все важные допросы проводит он. Лично. Подонок из подонков.

— Почему?

— Кровожадный ублюдок. Я о нем слышал. Схватил агента из цепочки Питера Гийома и чуть не прикончил на месте, гад такой.

— Шпионаж — не крокет,— отрезал Питерс и замолчал.

«Значит, Фидлер»,— подумал Лимас.

Ну, что ж, Лимас знал Фидлера. По фотографиям в папке и по отчетам своих бывших подчиненных. Стройный, подтянутый, довольно молодой, гладко выбрит, темные волосы, блестящие карие глаза. «Умный и жестокий»,— так сказал о нем тогда Лимас, просмотрев фотографии. Гибкое тело, быстрые движения, обладает терпением и хорошей памятью. Человек, видимо, не самолюбивый, но беспощадный к другим. Фидлер составлял исключение в службе безопасности, не участвовал в интригах и, вероятно, довольствовался своим местом в тени Мундта, причем без всяких видов на продвижение. Его нельзя было причислить ни к одной из группировок. Даже близкие сотрудники не могли бы сказать, как далеко простирается его власть. Он находился в полном одиночестве, неприятный тип, внушающий страх и недоверие. Каковы бы ни были его помыслы, он их скрывал за разящим сарказмом.

— Фидлер — наша лучшая ставка,— объяснял Контролл. Они тогда сидели за ужином среди резных индийских столиков — Лимас, Контролл и Питер Гийом — в мрачном домике (вот-вот войдут его хозяева — семь гномов), в котором жил Контролл со своей дурой-женой. Сидели и беседовали.

— Фидлер — церковный служка, из тех, что в один прекрасный день вонзит нож священнику в спину. Единственный достойный соперник Мундта,— Гийом утвердительно кивнул,— и главный его ненавистник. Фидлер, конечно, еврей, а Мундт, совсем наоборот, ариец. Сочетание, как видите, не из лучших. Дать Фидлеру в руки оружие против Мундта — наша работа,— он показал на себя и на Гийома.— Помочь ему воспользоваться этим оружием — ваша, дорогой Лимас. Помочь, разумеется, косвенно, поскольку лично вы с ним никогда не встретитесь. По крайней мере я на это очень надеюсь.

Все трое рассмеялись. Тогда шутка показалась удачной. Во всяком случае, по сравнению с теми, на какие способен Контролл.

Должно быть, уже перевалило за полночь.

Некоторое время они еще катили по немощеной дороге то через лес, то по открытой местности, и, наконец, остановились. Через минуту их догнал ДКВ. Когда Лимас с Питерсом вышли из машины, Лимас заметил, что в ДКВ приехали уже три человека: двое вышли, а третий остался на заднем сиденье и при свете верхней лампочки читает какие-то бумаги, пряча лицо в тень.

Они стояли у бывших конюшен, ярдах в тридцати от небольшого дома. При свете передних фар Лимас мельком разглядел его: низкий, стены из белого кирпича и бревен, фермерского типа. Луна уже взошла и светила так ярко, что лесистые холмы четко вырисовывались на фоне бледного ночного неба. Они пошли к дому — Питерс с Лимасом впереди,

двое сопровождающих за ними. Человек, сидевший в ДКВ, продолжал читать.

Дойдя до дверей, Питерс остановился, поджидая охранников. У одного из них в левой руке была связка ключей, и, пока он их перебирал, второй прикрывал его, держа руки в карманах.

— Страхуются,— заметил Лимас.— Интересно, что они думают о том, кто я такой?

— Им платят не за то, чтобы они думали,— ответил Питерс и, обратившись к одному из охранников, спросил по-немецки:

— Он уже приехал?

Тот пожал плечами, оглянулся на машину и сказал:

— Приедет. Он любит ездить один.

Они проследовали за одним из охранников в дом. Напоминает охотничий домик. Не слишком старый, но и не новый. Под потолком слабо светит лампочка. Вид довольно запущенный, даже плесень есть. Возможно, дом открыли специально для них. А вот и признаки официального помещения: памятка о том, что нужно делать в случае пожара, на дверях тяжелая пружина и зеленой краской выведены правила внутреннего распорядка, а в довольно комфортабельно обставленной гостиной с массивной темной мебелью неизбежные портреты советских вождей. Лимас узнал в этой погрешности против строгой анонимности бюрократическую сторону службы безопасности: в этом было что-то общее с Кембриджской площадью.

Питерс уселся. Лимас последовал его примеру. Прошло минут десять, если не больше, пока Питерс заговорил с одним из охранников, торчавших в другом конце комнаты.

— Пойдите, скажите ему, что мы ждем. И принесите что-нибудь поесть, мы проголодались. И виски. Напомните им про виски и про стаканы,— добавил Питерс, когда охранник уже пошел к дверям.

Тот неопределенно пожал могучими плечами и вышел, не закрыв за собой дверь.

— Вы здесь раньше бывали? — спросил Лимас.

— Да,— ответил Питерс,— неоднократно.

— Зачем?

— Все за тем же, что и сейчас. Не точно в таких же случаях, но, в общем, по нашей работе.

— С Фидлером?

— Да.

— Что он собой представляет?

— Для еврея — вполне сносный,— пожал плечами Питерс.

Лимас услышал какие-то звуки, оглянулся и увидел в дверях Фидлера. В одной руке — бутылка виски, в другой — стаканы и минеральная вода. Ниже среднего роста, в темно-синем однобортном костюме, пиджак слишком длинный. Холеный зверь с горящими карими глазами.

Не взглянув на них, он обратился к охраннику:

— Убирайся,— сказал он с сильным саксонским акцентом,— и скажи напарнику, чтоб принес поесть.

— Я уже ему сказал, что мы проголодались,— заметил Питерс,— так что они уже знают, но ничего не несут.

— Ишь, индюки надутые,— сухо заметил Фидлер по-английски,— думают, у нас есть специальные официанты.

Фидлер провел войну в Канаде. Теперь, когда Лимас услышал его акцент, он об этом вспомнил. Родители Фидлера — немецкие евреи, марксисты, бежавшие от Гитлера, и только в 1946 году семья вернулась на родину, одержимая желанием, чего бы ей это ни стоило, принять личное участие в создании Германии сталинского типа.

— Привет,— бросил Фидлер мимоходом Лимасу,— рад вас видеть.

— Привет, Фидлер.

— Вот вы и добрались до конечного пункта следования.

— Что вы, черт возьми, хотите этим сказать? — всполошился Лимас.

— Что дальше на Восток вы не поедете, что бы вам ни говорил Питерс. Сожалею, но... — Он явно подтрунивал.

Лимас обернулся к Питерсу.

— Это верно? — его голос хрипел от ярости.— Верно?

— Да,— кивнул Питерс. — Я только посредник. Мы были вынуждены действовать таким образом. От души сожалею,— добавил он.

— Почему вы пошли на этот обман?

— В силу чрезвычайных обстоятельств,— вмешался Фидлер.— Ваш первый допрос проводился на Западе, где нам могло бы помочь посольство. Но Германская Демократическая Республика не имеет посольства на Западе. Пока. Поэтому мы обеспечиваем себе связи и безопасность, в которых нам сейчас отказано, через посредника.

— Подонок,— прошипел Лимас,— вонючий подонок. Вы прекрасно знали, что я в жизни не доверился бы вашей гнусной разведке, поэтому вы и пошли на подлый обман, призвав на помощь русского.

— Мы воспользовались советским посольством в Гааге. А что нам оставалось делать? До сих пор операция касалась только нас. Но ни мы и никто другой не могли знать, что в Англии так быстро нападут на ваш след.

— Ах, вот оно что! И когда устроили за мной слежку, тоже не знали? Или не так было дело, Фидлер? Ну, что?

«Не забывайте, что вы должны их ненавидеть,— сказал Контролл,— тогда они будут ценить сведения, которые вытянут из вас».

— Абсурд,— отрезал Фидлер и, повернувшись к Питерсу, что-то сказал по-русски.

Питерс кивнул и встал.

— До свидания, Лимас,— сказал он.— Всего доброго.

Он устало улыбнулся, кивнул Фидлеру и уже взялся за ручку двери, но обернулся и еще раз сказал Лимасу: «Желаю удачи». Ему, видно, хотелось, чтобы Лимас что-нибудь ответил, но Лимас, казалось, не слышал. Смертельно побледнев, он скрестил руки перед собой, кулаками наружу, словно готовился к борьбе. Питерс остался стоять у дверей.

— Мне следовало бы знать,— сказал Лимас срывающимся от гнева голосом,— я должен был догадаться, что у вас кишка тонка проворачивать ваши грязные делишки самому, Фидлер. Типичная история для вашей жалкой половинки Германии и для вашего вонючего шпионажа — пусть великий брат сводничает за вас. Разве ваша Германия страна? Разве это правительство? Пятисортная диктатура политических невротиков! — Лимас продолжал кричать, тыча пальцем в сторону Фидлера. — А вы — грязный садист, я вас знаю. От вас ничего другого и ожидать нельзя. Во время войны вы отсиживались в Канаде. Ведь отсиживались же? Неплохое местечко, верно? А когда пролетал самолет, ручаюсь, прятали свою паршивую башку в мамину юбку. А теперь кто вы такой? Прислужник, пресмыкающийся перед Мундтом, и двадцать две русские дивизии стоят у крылечка вашей мамочки. Мне жаль вас, Фидлер. Что с вами будет, когда в один прекрасный день вы проснетесь, а дивизии ушли! Вас же растерзают! И ни мама, ни великий брат не избавят вас от расправы, которую вы заслужили.

Фидлер пожал плечами.

— Рассматривайте это как визит к зубному врачу, Лимас. Чем скорее закончим дело, тем скорее вы сможете уехать домой. Поешьте и отправляйтесь в постель.

— Вы прекрасно знаете, что я не смогу уехать домой,— отбрил Лимас.— Вы позаботились, чтобы я никогда не увидел над собой неба Англии. Вы оба постарались. Я ни за что не приехал бы сюда, если бы меня не вынудили — вы это знаете.

Фидлер смотрел на свои тонкие сильные пальцы.

— Сейчас вряд ли время философствовать,— сказал он,— но вам действительно не на что жаловаться. Вся наша работа — как моя, так и ваша — держится на том, что общее дело важнее личного. Вот почему коммунист рассматривает свою секретную службу как естественное продолжение партийного аппарата, и вот почему в вашей стране разведка прячется под личиной английской добропорядочности. Эксплуатация отдельных личностей оправдывается только коллективными интересами, верно? Ваше негодование мне кажется просто смешным. Мы здесь находимся не для соблюдения этических норм английской идиллии. А кстати, ваше поведение,— добавил он язвительно,— по пуританским понятиям, далеко не безупречно.

Лимас смотрел на Фидлера с отвращением.

— Ваши приемы мне известны. Вы — прихвостень Мундта. Говорят, вы хотите занять его пост. Думаю, теперь вы его получите. Династия Мундта кончается, возможно, эта операция и есть последний удар.

— Не понял,— заметил Фидлер.

— Я — ваша большая удача, верно? — фыркнул Лимас.

Фидлер, казалось, задумался, потом пожал плечами и сказал:

— Операция действительно успешная. А чего стоите вы — вопрос спорный. Но, по законам нашей профессии, операция удачная: она сработала.

— Надо полагать, вы свой куш уже сорвали? — не унимался Лимас, показывая глазами на Питерса.

— Ни о каком куше речи быть не может,— отрезал Фидлер. Он уселся на валик софы, задумчиво посмотрел на Лимаса и продолжал: — Но один повод для обиды у вас, несомненно, есть. Кто донес вашим людям в Англии, что мы вас завербовали? Не мы. Можете мне не верить, дело ваше, но в данном случае это правда. Мы не были в этом заинтересованы, так как хотели, чтобы вы потом остались работать на нас. Теперь я, правда, вижу, насколько эта мысль была абсурдной. Кто же им сказал? Вы исчезли бесследно, ни адреса, ни связей, ни друзей. Какой же дьявол нашептал им в уши, что вы уехали? Кто-то же им сказал! Вряд ли Эйш или Кивер, поскольку оба они сейчас арестованы.

— Арестованы?

— По всей видимости. Не из-за вас — у них были другие дела.

— Так-так...

— Я сейчас скажу вам истинную правду. Мы могли бы удовлетвориться отчетом Питерса из Голландии, а вы могли бы получить деньги и уехать. Но вы нам не все сообщили. Мне же нужно знать все. В конце концов ваше пребывание здесь ставит, знаете ли, и нас в затруднительное положение.

— Согласен, ваши планы тоже нарушились. Но я в ваших руках — я и это понимаю.

Наступило молчание. Питерс недружелюбно кивнул Фидлеру и вышел.

Фидлер налил немного виски в оба стакана.

— Извините, у нас нет содовой,— сказал он.— Будете пить с водой? Я содовую заказал, но они принесли отвратительный лимонад.

— Пойдите-ка вы к черту,— сказал Лимас, почувствовав вдруг страшную усталость.

Фидлер покачал головой.

— Вы очень гордый человек,— заметил он,— но не в том дело. Поужинайте и ложитесь спать.

Один из охранников принес черный хлеб, колбасу и салат.

— Не слишком изысканно,— заметил Фидлер,— но сытно. Жаль, картошки нет. С картошкой у нас временные трудности.

Они молча принялись за еду. Фидлер ел, как человек, рассчитывающий калории.

Охранники показали Лимасу его комнату. Чемодан он нес сам — тот самый чемодан, который дал ему Кивер перед вылетом из Англии,— и Лимас шел с ним между двумя охранниками по широкому коридору, тянущемуся от входной двери через весь дом. Дойдя до широкой двустворчатой двери, выкрашенной в темно-зеленый цвет, один из охранников отпер ее и знаком велел Лимасу войти первым. Лимас толкнул дверь и очутился в маленькой комнате казарменного типа с двумя койками, стулом и грубым столом. Нечто вроде тюремной камеры. На стенах фотографии девиц, на окнах ставни. В дальнем углу еще одна дверь. Охранники показали на нее. Поставив чемодан, Лимас прошел в следующую комнату. Она ничем не отличалась от первой, только вместо двух коек стояла одна, и стены были голыми.

— Принесите мой чемодан,— сказал он,— я устал.

Не раздеваясь, он улегся на койку и через несколько минут забылся глубоким сном.

Перевела с английского С. ТАРТАКОВСКАЯ.

Продолжение следует.

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

Джон Ле КАРРЕ

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

РОМАН

Разбудил его охранник. Он принес завтрак: черный хлеб и какой-то эрзац, вроде кофе. Лимас встал с постели и подошел к окну.

Дом стоял на высоком холме. От окна спускался уступами склон, покрытый кронами сосен. Дальше, как на симметричном рисунке, бесконечные холмы, придавленные массивами деревьев. Местами овраги с поваленными стволами, местами противопожарные просеки — тонкие коричневые разделители между соснами. Чудотворные жезлы Арона сдерживают наступающие полчища леса. Ни следа человека: ни дома, ни церкви, ни даже развалин прежнего жилья — только дорога, желтая, грязная дорога — прямая линия, прочерченная карандашом по низине. Ни звука. Невероятно: такие бесконечные просторы и такое безмолвие! Холодный ясный день. Ночью, видно, прошел дождь. Почва сырая, и весь пейзаж так четко вырисовывается на фоне светлого неба, что можно различить отдельные деревья даже на самых дальних холмах.

Лимас медленно одевался, потягивая кислый кофе. Он был уже почти одет и хотел приняться за хлеб, когда вошел Фидлер.

— Доброе утро,— сказал он бодро.— Ничего-ничего, ешьте, пожалуйста.

Он уселся на койку. Лимасу пришлось стерпеть: Фидлер — мужественный человек. Нет, прийти сюда — особого мужества не требовалось: Лимас полагал, что охранники находятся в смежной комнате. Но в поведении Фидлера чувствовались стойкость и целеустремленность, которыми Лимас восхищался.

— Вы задали нам непростую задачу,— начал Фидлер.

— Я сказал вам все, что знаю.

— О, нет,— улыбнулся Фидлер,— далеко не все. Вы сказали все, что знаете осознанно.

— Ну и закручивает! — пробормотал Лимас, отодвинул от себя хлеб и закурил сигарету. Последнюю.

— Разрешите задать вам вопрос,— сказал Фидлер таким подчеркнуто дружелюбным тоном, словно предлагал партию в шахматы.— Вот вы, опытный офицер разведки, что делали бы вы с такими сведениями, какие вы сообщили нам?

— Что значит — с такими?

— Дорогой Лимас, вы же нам сообщили только часть сведений. Вы нам сказали о Римеке — мы о нем знали и без вас. Вы нам сказали о расположении вашей берлинской сети, о ее составе, о ее агентах. Сведения точные, верно. Но я бы сказал — перепетая песенка. Вы дали основательное описание обстановки — приятно читать,— назвали три важные побочные линии, упомянули несколько рыбок, которых мы не преминем выудить из пруда. Но все, вместе взятое — я позволю себе грубость,— не стоит пятнадцати тысяч фунтов,— он улыбнулся,— во всяком случае, не по нынешним ценам.

— Послушайте,— начал Лимас,— не я вам предлагал сделку, а вы мне. Вы, Кивер и Питерс. Не я выслеживал ваших миленьких дружков, торгующих разведкой вразнос, а они гонялись за мной. Вы назвали цену и пошли на риск. Кстати, я еще ломаного гроша не получил. Так что не пеняйте на меня, Фидлер, если операция лопнула.

«Заставьте их уламывать вас»,— вспомнил Лимас.

— Она не лопнула,— возразил Фидлер,— она просто еще не окончена. И не может быть окончена — вы нам не все сообщили. Я же уже сказал: вы нам сообщили только часть сведений. Я говорю о «Снежном коме». Позвольте еще раз спросить вас: что делали бы вы, если бы я, Питерс или кто-нибудь другой рассказал бы вам о «Снежном коме»?

— Я был бы в замешательстве,— ответил Лимас, пожимая плечами.— По-моему, дело обстоит так. Некоторое время тому назад вы заметили, что не все в порядке. Получили сигнал, а возможно, и не один, что у вас в каком-то отделе на достаточно высоком уровне засел шпион. А что толку? Не пересажать же весь правительственный аппарат! Да и весь отдел не посадишь. Вы затаились и стали выжидать. Но «Снежный ком» вам не поможет. Из него даже нельзя узнать, в какой стране этот агент.

— Вы, Лимас, мастер делать дела, но оценивать ситуацию — не ваше занятие. Позвольте задать вам несколько простых вопросов.

Лимас промолчал.

— Последняя папка с делом «Снежный ком» какого цвета?

— Серая с красным крестом, что обозначает «особо секретная».

— Больше ничего снаружи нет?

— Есть. Памятка. Каждый, кто не имеет доступа к папке и кому она случайно попала в руки, обязан немедленно вернуть ее, не раскрывая, в отдел банковских операций.

— Кто в списке имеющих доступ?

— К «Снежному кому»?

— Да.

— Заместитель Контролла, Контролл и его секретарша, финансовый отдел, мисс Брим из отдела особых регистраций и четвертый отдел спутников. Пожалуй, все. И еще, я полагаю, особый диспетчер, но я не уверен.

— Четвертый отдел спутников? Чем он занимается?

— Странами за железным занавесом, исключая Советский Союз и Китай. Зоной.

— Вы имеете в виду ГДР?

— Я имею в виду всю зону.

— Не странно ли, что весь отдел целиком фигурирует в списке имеющих доступ?

— Наверно, странно. Не знаю — никогда не имел дело с ограниченным доступом. Кроме как в Берлине, конечно, но там — дело другое.

— Кто сидел тогда в четвертом отделе спутников?

— О, господи! Гийом, Хеверлейк, де Йонг. Так я думаю. Де Йонг — сразу же после возвращения из Берлина.

— Значит, всем им разрешалось работать с папкой?

— Не знаю, Фидлер,— бросил раздраженно Лимас.— Я б на вашем месте...

— Так не странно ли, что этот отдел в полном составе мог пользоваться папкой, тогда как из других отделов лишь отдельные лица имели к ней доступ?

— Я же вам сказал: не знаю. Откуда мне знать? Во всем этом деле я был всего лишь писарь.

— Кто переносил папку от одного лица, имеющего доступ, к другому?

— Думаю, секретарши. Не помню. Уже черт знает, сколько месяцев...

— А почему секретарша Контролла числилась в списке, а другие секретарши нет?

Минутное молчание.

— Ага, вы правы. Теперь я вспомнил.— В голосе Лимаса звучало удивление.— Мы передавали ее из рук в руки.

— Кто еще в отделе банковских операций имел дело с папкой?

— Никто. Она стала моей подопечной, когда я перешел в отдел. Раньше ею занималась одна женщина, но, когда я пришел в отдел, ту женщину вычеркнули из списка.

— Значит, только вы собственноручно передавали папку каждому следующему лицу, имевшему к ней доступ?

— Да..: пожалуй, только я.

— Кому же вы ее передавали?

— Я... не помню.

— Подумайте хорошенько.

Фидлер не повысил голоса, но тон стал таким, словно он хотел застигнуть Лимаса врасплох.

Заместитель Контролла. Он должен был знать, что мы делаем, и давать дальнейшие указания.

— Кто приносил вам папку?

— То есть как? — Лимас, казалось, теряет почву под ногами.

— Кто приносил вам папку? Ее должен был приносить кто-то из списка.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15—19.

Лимас непроизвольно провел рукой по щеке, явно нервничая.

— Конечно, должен был. Видите ли, Фидлер, мне трудно припомнить. В те дни я сильно закладывал за воротник,— сказал он странно примирительным тоном.— Вы не представляете себе, как тяжело...

— Еще раз прошу вас: подумайте. Кто приносил вам папку?

Лимас сел на стол и тряхнул головой.

— Не помню. Может, потом и припомню, а сейчас бесполезно ломать себе голову.

— Это не могла быть секретарша Контролла — вы сказали, что отдавали папку заместителю Контролла, значит, он должен был получить ее раньше Контролла.

— Полагаю, да.

— Была еще мисс Брим из отдела особых регистраций.

— Она просто следила за секретной комнатой, где хранились такие папки.

— Значит,— сказал Фидлер мягко,— вам ее приносил кто-то из четвертого отдела спутников, верно?

— Пожалуй, да,— сказал Лимас беспомощно, словно выпотрошенный блистательной работой Фидлера.

— На каком этаже находится четвертый отдел спутников?

— На втором.

— А отдел банковских операций?

— На четвертом. Возле отдела особых регистраций.

— Кто же из четвертого отдела приносил вам папку? А может, вы помните, кто забирал папку из этого отдела? Может, вы замечали кого-нибудь, когда спускались вниз?

Лимас в отчаянии покачал головой. Вдруг он встрепенулся и закричал:

— Да! Вспомнил! Конечно! Я получал ее от Питера! — Лимас, казалось, проснулся. Он покраснел от возбуждения.— Точно, точно! Однажды я взял папку от Питера в его комнате. Мы еще тогда болтали о Норвегии. Понимаете, мы вместе служили в Норвегии.

— Питер Гийом?

— Да. Я совсем забыл о нем. Он тогда вернулся из Анкары. Ну как же, он ведь был в списке! Конечно, Питер! На памятке значился четвертый отдел спутников, а в скобках — П. Г.— инициалы Питера. Раньше там значился кто-то другой, и отдел особых регистраций наклеил кусочек белой бумаги на старое имя и написал инициалы Питера.

— Какой территорией занимался Гийом?

— Зоной. Восточной Германией. Экономическое положение в стране. Руководил небольшим подотделом — этакая тихая заводь. Отличный был парень. Он однажды приносил мне папку. Теперь я вспомнил. Под его началом агентов не было. Я не очень-то знаю, как он втерся в это дело. Питер и еще двое занимались продовольственными кризисами. В общем, исследовательская работа.

— Вы с ним говорили о папке?

— Нет, это было строжайше запрещено. Мы не обсуждали вопросы, связанные с папками. Меня предупредила мисс Брим из отдела особых регистраций: никаких разговоров, вопросов и тому подобное.

— Но учитывая особые меры предосторожности вокруг «Снежного кома», возможно, так называемая исследовательская работа Гийома была частично связана с агентом «Снежный ком»?

— Я уже говорил Питерсу,— крикнул Лимас, стуча пальцем по столу,— идиотизм считать, что какая бы то ни была операция могла проводиться против Восточной Германии, чтобы я об этом не знал, чтоб об этом не знала берлинская сеть. Неужели вам не ясно, что я бы знал? Сколько раз повторять: я знал бы!

— Очень может быть,— сказал Фидлер мягко.— Конечно, вы знали бы.

Он встал и подошел к окну.

— Посмотрели бы вы, как здесь осенью,— сказал он, любуясь пейзажем.— Чудо какой здесь вид, когда бук меняет окраску.

БУЛАВКИ ИЛИ СКРЕПКИ

Фидлер был большим любителем задавать вопросы. Адвокат по профессии, он часто задавал их из удовольствия продемонстрировать, что показания расходятся с действительностью. С неиссякаемой настойчивостью старателя он копался в мелочах, и этот процесс был для него, как для многих журналистов и адвокатов, самоцелью.

В тот день они отправились на прогулку. Спустились к долине, кружили по лесу вдоль дороги, изрытой оврагами и заваленной бревнами. Фидлер все время прощупывал почву, но сам не раскрывался. Как обстоят дела на Кембриджской площади, что за люди там сидят, к какому социальному слою они относятся, в каких районах Лондона живут, работают ли мужья и жены в одном отделе? Интересовался зарплатой, отпусками, моральным духом, закрытой столовой, любовными историями, сплетнями — хотел знать, что люди думают. Больше всего спрашивал об их мировоззрении, об их философии.

Для Лимаса это был самый трудный из всех вопросов.

— Что вы имеете в виду под философией? — осведомился он.— Мы не марксисты и вообще не исповедуем никакого учения, мы просто обыкновенные люди.

— Но вы все-таки христиане?

— Не многие из нас. Мне, правда, трудно судить, я не многих и знал.

— Но что ими движет? — настаивал Фидлер.— Должна же у них быть какая-нибудь философия.

— Почему? Может, они и не знают, что людям необходима философия, и спокойно обходятся без нее. Совсем не у каждого она есть.— как-то беспомощно всразил Лимас.

— Допустим. А какова ваша философия?

— О, господи, только этого еще не хватало! — выпалил Лимас, и разговор повис в воздухе.

Но Фидлер не унимался.

— Если они сами не знают, чего хотят, как же они могут быть уверены в своей правоте? — начал он снова.

— А кто говорит, что они в ней уверены? — раздраженно бросил Лимас.

— Но чем же они тогда оправдывают свою деятельность? У нас нет сомнений в необходимости нашей работы, как я вам уже вчера сказал. Для нас секретная служба и подобные ей институции — естественное продолжение партийного аппарата. Партия — авангард в борьбе за мир и прогресс. Секретная служба для партии — то же, что партия для социализма: ее авангард. Сталин сказал...— он сухо улыбнулся.— Сталина цитировать теперь не в моде, но он однажды сказал так: «Полмиллиона ликвидированных — это статистика, а один человек, погибший в уличной катастрофе,— национальная трагедия». Он, как видите, высмеивал буржуазную сентиментальность в отношении к массам. Великий был циник. Но мысль верна: движение, которое защищает себя от контрреволюции, вряд ли может не эксплуатировать или даже не ликвидировать отдельных личностей. Мы отнюдь не утверждаем, что всегда справедливы в процессе перестройки общества на более справедливый лад. Смерть одного человека во имя многих — осмысленная жертва. Кажется, так сказано в Евангелии?

— Кажется, так,— устало ответил Лимас.

— А вы как мыслите? Какова ваша точка зрения?

— Я мыслю, что вы все подонки,— рассвирепел Лимас.

— Понимаю,— кивнул Фидлер.— Что ж, это тоже точка зрения. Примитивная, отрицательная, крайне глупая, но все же точка зрения. Такая существует. Ну, а что думают другие на Кембриджской площади?

— Не знаю. Откуда мне знать?

— Вы никогда с ними не обсуждали философские проблемы?

— Нет. Мы не немцы.— Лимас помолчал и неуверенно добавил: — Мне кажется, они не любят коммунизм.

— И это для них достаточное основание, чтобы рисковать человеческими жизнями? В этом они видят оправдание, когда подкладывают бомбу в набитый битком ресторан? Этим оправдывают потерю стольких своих агентов и все остальное?

— Наверное,— пожал плечами Лимас.

— Видите ли, и мы не считаемся с человеческой жизнью,— продолжал Фидлер.— Я сам мог бы подложить бомбу в ресторан, если бы знал, что это способствует достижению нашей цели. И потом спокойно подвел бы баланс: убито столько-то женщин, столько-то мужчин, столько-то детей — продвинулись к цели на столько-то шагов. Но христиане — а у вас общество христианское — не могут подводить такие балансы.

— Почему же? Что ж, по-вашему, они не должны себя защищать?

— Но они верят в священную неприкосновенность человеческой жизни. Верят, что в каждом человеке есть душа, которую можно спасти. Верят в жертву.

— Не знаю. Меня это мало заботит — Он помолчал и добавил: — Сталин тоже об этом не беспокоился, верно?

Фидлер улыбнулся.

— Люблю англичан,— сказал он, обращаясь больше к себе,— и отец их любил. Ему очень нравились англичане.

— Счастлив слышать столь высокую похвалу,— огрызнулся Лимас и замолчал.

Они стояли, пока Фидлер давал ему закурить и зажигал спичку, потом пошли дальше.

Теперь они взбирались по уступам. Лимас любил физические упражнения, долгие прогулки по труднопроходимым местам. Фидлер покорно семенил за ним, как собачонка за хозяином. Должно быть, уже час, как они гуляют, если не дольше. Вдруг вместо деревьев над головой показалось небо. Они вышли на поляну на вершине холма. Под ними расстилался

сосновый массив с редкими вкраплениями бука. Лимас заметил на другом холме охотничьи стоянки. И на этом тоже посреди просеки рядом с кучей листьев и остатками костра стояла грубая скамейка.

— Посидим немного,— сказал Фидлер,— а потом пора возвращаться. Скажите, эти крупные суммы в иностранных банках, как вы думаете, для чего предназначались?

— То есть как? Я же сказал: оплата агента.

— Агента за железным занавесом?

— Думаю, да,— ответил Лимас устало.

— А почему вы так думаете?

— Во-первых, чертовски большие суммы. Затем сложности их перевода, особые меры предосторожности. И, конечно же, личное участие Контролла.

— А что, по-вашему, агент делал с этими деньгами?

— Послушайте, я же вам уже сказал: не знаю. Мне даже неизвестно, забирал ли их агент из банка. Я ничего не знаю. Я был просто писаришкой.

— Что вы делали с чековыми книжками?

— Сразу же по возвращении в Лондон отдавал их вместе с поддельным паспортом.

— Писали ли из копенгагенского или хельсинкского банка в Лондон на ваше имя? Я имею в виду на ваше вымышленное имя.

— Не знаю. Думаю, если и приходили письма, то они попадали прямо к Контроллу.

— Имел ли Контролл образец ваших подписей?

— Да. Я их много раз выводил, пока научился подписываться чужой фамилией, и у него были образцы.

— Много?

— Целые страницы.

— Понятно. Значит, как только вы открывали счет, письма могли посылаться в банк без вашего ведома.

— Совершенно верно. Думаю, так оно и было. Я подписывал также много чистых листов бумаги. Видимо, кто-то занимался этой корреспонденцией.

— Но точно вы не знаете?

Лимас покачал головой.

— Вы идете по неправильному пути. Придаете слишком большое значение этим счетам. В текущей работе циркулирует масса всяких бумаг. С чего бы я стал обращать на них внимание? Я всегда имел дело с каким-нибудь одним участником работы и полную картину составить не мог. Кроме того, бумажное царство мне всегда претило. Разъезды — это по мне. Я тащил на себе оперативную часть, а не просиживал задницу, размышляя над «Снежным комом». И, наконец,— добавил он несколько смущенно,— в то время я начал выпивать.

— Да, об этом я уже слышал от вас, мне остается только верить,— заметил Фидлер.

— А мне наплевать, верите вы или нет,— вызывающе бросил Лимас.

Фидлер улыбнулся.

— Приятно слышать,— сказал он.— Ваше главное достоинство — безразличие. Вспыльчивость, гордость — это все пустое. Так, небольшие шумы в магнитофонной записи. Вы объективны — вот что важно. Я подумал,— Фидлер сделал паузу,— что вы могли бы нам помочь установить, вынимались ли вообще эти деньги из банков. Ничего вам не мешает написать в банки и запросить, в каком положении находятся ваши счета. Мы можем сказать, что вы живете в Швейцарии, назвать подходящий адрес. Есть у вас возражения против такого плана?

— Вполне возможно, что он сработает. Зависит от того, переписывается ли с банками Контролл без моего ведома. Если да, план может провалиться.

— А что мы теряем?

— А что выигрываем?

— Если деньги из банков вынимались, в чем я, кстати, тоже сомневаюсь, мы узнаем, где находился агент в определенный день. Это, пожалуй, полезно знать.

— Бред. Таким путем вы его никогда не найдете, Фидлер. Очутившись на Западе, он может зайти в любое консульство, даже в маленьком городе, и взять визу в другую страну. Вы думаете, что можете перехитрить весь мир? Вы даже не знаете, из Восточной ли он Германии. Все равно, что искать ветра в поле.

Фидлер заговорил не сразу. Он рассеянно смотрел на долину.

— Вы сказали, что располагали лишь частью сведений, поэтому вам многое не ясно, а я не могу раскрыть перед вами карты.— Он снова помолчал.— Но, поверьте, операция «Снежный ком» направлена против нас.

— Это против кого же?

— Против ГДР,— он улыбнулся,— или против зоны, если вам так больше нравится. Меня такое название не обижает.

Лимас наблюдал за карими глазами Фидлера, которые задумчиво смотрели на него.

— Ну, так как будет со мной? — спросил Лимас.— Допустим, я не пишу писем. Что тогда? — Он повысил голос.— Не кажется ли вам, Фидлер, что пора поговорить и обо мне?

Фидлер кивнул.

— Почему бы и нет? — любезно сказал он.

Наступило молчание, которое прервал Лимас:

— Я свое дело сделал, Фидлер. Вы с Питерсом получили от меня все сведения, которые я знал. Я никогда не давал согласия писать письма в банки — это, пожалуй, уж слишком опасно. Я понимаю, что вам наплевать, вы моей шкурой не дорожите.

— Позвольте мне быть откровенным,— сказал Фидлер.— Как вам известно, допрос перебежчика состоит из двух этапов. В данном случае первый почти закончен: вы нам ответили в общих чертах на те вопросы, которые мы задавали. Вы не распространялись о том, предпочитает ли, скажем, ваша разведка подкалывать бумаги булавками или скрепками, но мы об этом и не спрашивали, а вы не считали нужным останавливаться на таких мелочах. Таким образом, происходит неосознанный отбор сведений с двух сторон. Но может оказаться, боюсь, что очень даже может оказаться, что через месяц-другой нам обязательно нужно будет знать и о скрепках. Мелочи обычно фигурируют на втором этапе допроса, на который вы не согласились в Голландии.

— Вы хотите сказать, что собираетесь задержать меня здесь надолго?

— Профессия перебежчика,— улыбнулся Фидлер,— требует большого терпения. Не многие им обладают.

— Как долго вы меня продержите? — не сдавался Лимас.

— Даю вам слово,— сказал Фидлер веско,— что при первой же возможности я отвечу на ваш вопрос. Поймите, мне ведь ничего не стоит соврать и сказать, что продержу вас месяц или меньше, просто, чтобы подсластить пилюлю. Верно? Но я говорю вам правду: не знаю. Вы сообщили некоторые сведения, и, пока мы их не проверим, речи быть не может о том, чтобы вас отпустить. Но потом, если все окажется так, как я думаю, вам понадобится друг, и этим другом буду я. Даю вам слово немца.

Лимас был до того ошарашен, что в первую минуту не мог даже говорить.

— Ладно,— наконец произнес он,— по рукам. Но учтите, Фидлер, если будете водить меня за нос, раскрою вам башку.

— До этого, пожалуй, не дойдет,— ответил ему в тон Фидлер.

Человек, который играет роль не только на людях, но даже наедине с самим собой, подвержен большой психологической опасности. Сама по себе практика обмана еще ничего не значит — вопрос в опыте, в профессиональном навыке. Вот их-то как раз и усваивает большинство людей. Но если фокусник, актер или профессиональный игрок после представления может спуститься в партер к своим почитателям, то агент не может позволить себе расслабиться. Для него обман — главный способ самообороны. Он должен защищать себя не только от внешней опасности, но и от внутренней, которую таят в себе самые естественные побуждения. Зарабатывая подчас целое состояние, он не имеет возможности в силу своей роли купить бритву. Будь он каким угодно эрудитом, а по своему амплуа должен говорить одни пошлости. Каким бы прекрасным мужем и отцом он ни был, даже в самые сокровенные минуты он не может раскрыться в своей же семье.

Зная, что человека, постоянно носящего личину, подстерегает огромное искушение стать самим собой, Лимас избрал самый надежный способ устоять перед соблазном: даже оставаясь совсем один, он заставлял себя не выходить из образа. Говорят, Бальзак на смертном одре беспокоился о здоровье и благополучии своих героев. Так и Лимас не расставался с тем персонажем, которого он придумал. Нервозная неуверенность, грубость, заносчивость как защитная реакция, скрывающая застенчивость,— словом, все, что видел Фидлер, было лишь преувеличением тех качеств, которые он действительно усвоил. Поэтому он так естественно ходил расслабленной походкой, имел небрежный вид, равнодушно относился к пище, все больше и больше тянулся к алкоголю и табаку. Даже оставаясь один, он не только сохранял эти черты, но и немного перебарщивал: настраивал себя против английской разведки, которая так несправедливо с ним обошлась.

И лишь очень, очень редко, вот как сейчас, отправляясь в постель, он позволял себе опасную роскошь посмотреть на мир своими глазами и увидеть, в какой лжи он живет.

Контролл оказался удивительно прав: Фидлер как лунатик шел прямо в сети, расставленные Контроллом. Жутко было смотреть, как совпадают интересы этих двоих людей, словно они сообща разработали план, который Лимасу оставалось только привести в исполнение.

Возможно, тут и крылась разгадка. Возможно, Фидлер и был тем «особым интересом», за сохранение которого так боролся Контролл. Лимас не задерживался на этой мысли. Он не хотел знать. Он был уверен, что додумывание до конца ни до чего хорошего его не доведет. И все же он надеялся на Бога. Если все так и есть, то какая-то возможность вернуться домой будет.

ПИСЬМО

На следующее утро Лимас еще лежал в постели, когда Фидлер принес ему подписать письма. Одно было на голубом бланке гостиницы «Сейлер», другое — на бланке гостиницы «Палас» (обе гостиницы в Швейцарии).

Лимас прочел первое письмо:

«Директору королевского скандинавского банка, Копенгаген.

Уважаемый господин,

Находясь несколько недель в разъездах, я не получал корреспонденции из Англии, и, видимо, поэтому Ваш ответ на мое письмо от 3 марта с запросом о состоянии моего счета, открытого на меня и моего совладельца, господина Карлсдорфа, ко мне не попал. Во избежание дальнейшей задержки прошу выслать мне дубликат ответа по адресу, по которому я буду находиться две недели, начиная с 21 апреля: Мадам де Сангло (для меня), 13, авеню де Коломб, Париж XII, Франция.

Простите за беспокойство. С благодарностью

Роберт Ланг».

— Что за письмо от 3 марта? — спросил Лимас.— Я не писал никаких писем.

— Конечно, нет. И никто не писал, насколько нам известно. Пусть банк побеспокоится. В случае несоответствия между этим письмом и письмами Контролла, если таковые имеются, директор решит, что все дело в том, что к ним не попало письмо от 3 марта, и поспешит направить вам отчет о состоянии вашего счета с разными извинениями и объяснениями причин путаницы.

Второе письмо не отличалось от первого, только стояли другие фамилии. Адрес в Париже тот же. Лимас взял бумагу и с полдюжины раз размашисто набросал: «Роберт Ланг»,— прежде чем подписать первое письмо. Поупражнявшись в почерке с другим наклоном, он поставил подпись Стефана Беннета под вторым письмом.

— Прекрасно,— сказал Фидлер,— просто замечательно.

— Теперь что будем делать?

— Завтра письма уйдут из Швейцарии. Наши люди в Париже протелеграфируют мне, как только получат ответ. Через неделю мы его узнаем.

— А пока?

— Будем проводить с вами все время вместе. Приношу свои извинения, так как знаю, что вам это неприятно. Можно ходить гулять, ездить по окрестным холмам — как-то убивать время. Хотелось бы, чтобы вы отдохнули, рассказали о Лондоне, о Кембриджской площади, о работе в отделе. Какие там сплетни ходят, как платят, какие отпуска, какие комнаты, что за бумаги, что за народ — одним словом, всякие мелочи, так сказать, булавки и скрепки. Кстати...— заговорил он вдруг другим тоном.

— Что такое?

— Мы предоставляем здесь разные удобства людям, которые... которые проводят у нас некоторое время. Развлечения и тому подобное.

— Вы предлагаете мне женщину? — спросил Лимас.

— Да.

— Спасибо, не нужно. В отличие от вас я еще не дошел до того, что нуждаюсь в сводниках.

Фидлер, видимо, остался равнодушен к его колкости; он продолжал как ни в чем не бывало:

— Но у вас была женщина в Англии, верно? Из библиотеки.

Лимас быстро обернулся, сжав кулаки.

— Послушайте! — закричал он.— Чтобы больше ни звука об этом! Ни в шутку, ни в угрозу — никак! Из этого ничего не выйдет, Фидлер. У меня скорей язык отсохнет! Понятно? Малейший намек — и в жизни вы из меня ни слова не вытянете. Так и скажите Мундту, Штамбергу или любому другому подонку, который посоветовал вам заговорить об этом. Передайте им мои слова.

— Передам,— ответил Фидлер.— Обязательно передам, но боюсь, что уже поздно.

Днем они снова гуляли. Было душно, тяжелое темное небо висело над головой.

— Я в Англии был всего один раз,— заметил Фидлер мимоходом.— Перед войной, по дороге в Канаду. С родителями — я был совсем еще ребенком. Мы там пробыли два дня.

Лимас кивнул.

— А несколько лет назад чуть не уехал туда снова — теперь уже можно об этом сказать. Я должен бы заменить Мундта в комиссии сталелитейной компании. Вы знаете, что Мундт однажды ездил в Лондон?

— Знаю,— коротко ответил Лимас.

— Меня всегда интересует, что за работа там была.

— Думаю, ничего особенного, как во всяких комиссиях. Знакомство с английским бизнесом, не больше,— устало сказал Лимас.

— Но Мундт там быстро разобрался, для него работа оказалась несложной.

— И я так слышал,— сказал Лимас.— Ему даже удалось убрать двоих людей.

— Вы, значит, и об этом слышали?

— От Питера Гийома. Питер занимался этим делом вместе с Джорджем Смили. Сволочь — Мундт чуть не прикончил Джорджа.

— Дело Феннана,— задумчиво сказал Фидлер.— Странно, что Мундту удалось выйти сухим из воды, верно?

— Пожалуй, действительно странно.

— Невозможно представить себе, что человеку, чья фотография и личное дело находятся в министерстве иностранных дел, поскольку он член иностранной комиссии, удалось отбояриться от всей английской разведки.

— Насколько я слышал,— заметил Лимас.— она не очень гонялась за ним.

Фидлер остановился как вкопанный.

— Что вы сказали?

— Питер Гийом говорил мне, что, по его мнению, они не рвались поймать Мундта,— вот и все, что я сказал. У нас тогда была другая система — советник вместо оперативного инспектора, некий Мастон. Мастон с самого начала завалил дело Феннана — так сказал мне Гийом. Питер считал, что, если бы они схватили Мундта, началось бы черт знает что. Они пытали бы его и, возможно, даже повесили бы. На суде вся грязь вышла бы наружу, и карьера Мастона закончилась бы. Питер толком не знал, в чем дело, но был уверен, что Мундта не особенно ловили.

— Вы уверены, что Гийом вам так и сказал: не особенно ловили?

— Конечно, уверен.

— А не высказывал ли Гийом каких-нибудь соображений относительно причин, по которым они отпустили Мундта?

— Что вы хотите этим сказать?

Фидлер покачал головой, и они снова зашагали по тропинке.

— После дела Феннана комиссию сталелитейной компании ликвидировали,— заметил Фидлер немного погодя,— поэтому я и не поехал в Лондон.

— Мундт, наверное, ненормальный,— сказал Лимас.— Я понимаю, организовать убийство на Балканах или здесь, но в Лондоне — сумасшедшим нужно быть!

— И все же он выпутался, не так ли? — подхватил Фидлер.— Да еще хорошее дело сделал.

— Завербовал Кивера и Эйша, что ли? Тоже мне дело!

— Жену Феннана довольно долго преследовали.

Лимас пожал плечами.

— Расскажите мне еще о Карле Римеке,— начал снова Фидлер.— Он однажды встретился с Контроллом, верно?

— Да. В Берлине. Примерно год назад, может, немногим больше.

— Где состоялась встреча?

— У меня на квартире. Мы встретились все вместе.

— Почему?

— Контролл любит примазываться к успешным операциям. Мы получили от Карла массу интересного материала, и в Лондоне, очевидно, были довольны. Контролл ненадолго приехал в Берлин и попросил меня устроить им встречу.

— Вы не возражали?

— С чего бы это?

— Карл был вашим агентом, вы могли не захотеть сводить его с другими руководителями.

— Контролл не другой руководитель, а начальник отдела. Карл это знал и был польщен.

— Вы все время находились втроем?

— Да. Хотя не совсем так. Я оставил их наедине минут на пятнадцать, не больше. Контролл попросил. Он почему-то хотел остаться несколько минут с Карлом наедине, и я под каким-то предлогом, не помню, под каким, вышел из квартиры. Ага, знаю! Я прикинулся, что иду за виски. Я действительно сходил к де Йонгу и взял бутылку виски.

— Не знаете ли, что между ними происходило, пока вас не было?

— Откуда я могу знать? Да я и не интересовался.

— Карл вам потом не рассказывал?

— Я не спрашивал. Карл был в каком-то отношении заносчив, вечно делал вид, что знает больше меня. Не нравилось мне, и как он посмеивался над Контроллом. Конечно, есть основания подтрунивать над ним, я и сам этим грешил, но Карлу следовало сдержаться: встреча была задумана, чтобы поощрить Карла.

— Карл был подавлен?

— Нисколько. Он тогда уже был испорчен. Ему слишком много платили, слишком много поощряли, слишком много доверяли. Частично по моей вине, частично по вине Лондона. Если бы его не испортили, он не рассказал бы о цепочке своей чертовой бабе.

Погуляли молча. Затем, прервав свои размышления, Фидлер заметил:

— Вы начинаете мне нравиться. Только одного никак не пойму. Странно, что меня это не беспокоило до встречи с вами.

— Вы о чем?

— Почему все-таки вы пришли к нам? Почему изменили своим?

Лимас что-то хотел ответить, но Фидлер, смеясь, сказал:

— Простите, я не слишком тактичен, верно?

Всю эту неделю они гуляли по холмам. Вечером возвращались, съедали скверный ужин, запивая бутылкой белого вина, потом подолгу сидели у камина. Видимо, это Фидлер придумал зажигать камин. Сначала Лимас даже не заметил, что есть камин, но однажды услышал, как Фидлер велел охраннику принести дрова. После целого дня на свежем воздухе камин должен действовать успокаивающе, и Лимас будет в непринужденной беседе рассказывать о своей работе в разведке. Лимас не возражал против таких вечеров. Он, правда, считал, что каждое его слово записывается, но ему было безразлично.

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

Лимас замечал, что настороженность Фидлера возрастает с каждым днем. Однажды под вечер они ехали в ДКВ и остановились у телефонной будки. Фидлер оставил Лимаса в машине с ключами и долго говорил по телефону.

Когда он вернулся, Лимас спросил:

— Почему вы не звоните из дому?

— Нам следует соблюдать осторожность,— покачав головой, ответил Фидлер.— Вам тоже нужно поостеречься.

— Почему? Что случилось?

— Деньги в копенгагенском банке. Мы написали о них запрос. Помните?

Фидлер не захотел больше ничего сказать и продолжал молча вести машину по холмам. Наконец они остановились. Под ними, скрытые высокими соснами, две долины сходились в одну. Лесистые холмы постепенно отдавали свои краски сумеркам, пока не стали совсем серыми.

— Что бы ни случилось,— сказал Фидлер уверенным тоном,— не беспокойтесь. Все будет хорошо, слышите? — Он положил руку Лимасу на плечо.— Вы должны немного поостеречься, но это ненадолго. Поняли?

— Ничего не понял, но, раз вы не хотите ничего говорить, придется ждать и смотреть, что будет. Не очень-то беспокойтесь о моей шкуре, Фидлер.

Он попытался отдернуть плечо, но Фидлер руки не убрал, а Лимас терпеть не мог, чтобы его трогали.

— Мундта знаете? — спросил Фидлер.— Слышали о нем?

— Мы уже говорили о Мундте.

— Да.— сказал Фидлер,— мы о нем говорили. Он сначала стреляет, а потом задает вопросы. Принцип запугивания. Странная система для нашей профессии, где вопросы всегда важнее выстрелов.— Лимас понимал, куда клонит Фидлер.— Странная система, если только не бояться ответов,— добавил он шепотом.

Лимас ждал. Спустя немного Фидлер заговорил снова:

— Раньше Мундт никогда не вмешивался в допросы. Всегда поручал их мне. Он, бывало, говорил: «Допрашивайте их, Йенс, лучше вас никто не допрашивает. Мое дело — их ловить, ваше — развязать им языки. Люди, которые занимаются контрразведкой, подобны художникам — над ними должен стоять человек с дубинкой, тогда они закончат свою работу, иначе они забывают, к чему стремились. Я буду вашей дубинкой». Сначала это была шутка, затем дело приняло серьезный оборот, когда он начал убивать людей раньше, чем они раскрывали рот. Точно, как вы рассказываете: одного здесь, другого там, то выстрелом уложит, то еще как-нибудь.

Я спрашивал: «Почему бы их не арестовать? Почему бы не предоставить их мне на месяц-другой? Какой вам прок от мертвых?» Он только кивал и говорил, что таков закон, сорняки нужно вырывать раньше, чем они расцветут. Мне казалось, что этот ответ он приготовил заранее. Мундт — хороший руководитель, очень хороший. Он прекрасно наладил работу в нашей разведке, вы это знаете. У него есть свои теории. Я с ним разговаривал о них вечерами. Мундт пьет кофе. Кофе и ничего больше. Немцы, он считает, слишком любят копаться в себе, чтобы быть хорошими агентами, а уж контрразведчиками — и говорить нечего. Контрразведчики похожи на волков, гложущих сухую кость — ее нужно от них отобрать и заставить найти другую добычу. Я понимал, что он имеет в виду. Но он заходил слишком далеко. Почему он убил Фирека? Почему забрал его от меня? Фирек был свежей добычей, мы даже мяса еще не сняли с кости. Почему ж он его забрал? Лимас? Почему?

Он сильно сжал плечо Лимаса. В машине было темно. Лимас не видел лица Фидлера, но ясно осознал, насколько он накален.

— День и ночь я думаю об этом. С тех пор как Фирека убили, я не перестаю искать объяснения. Сначала это казалось фантасмагорией. Я говорил себе, что завидую Мундту, что я переработался, что мне видятся предатели под каждым кустом — иногда такое с людьми случается. Но мне ничто не помогало. Лимас, я не мог избавиться от этих мыслей. Да и раньше бывали непонятные вещи. Мундт был напуган, боялся, что мы словим кого-нибудь, кто слишком много скажет.

— Что вы такое несете? С ума вы сошли,— сказал Лимас со страхом в голосе.

— Одно к одному подбирается. Мундт легко выбрался из Англии, вы сами об этом сказали. И Гийом утверждал то же самое: они не хотели ловить его! Но почему? А я вам скажу: он их человек. Разве вы не видите, что они его заполучили? Такой ценой он купил себе свободу, да еще они ему и платят.

— Говорю вам, вы с ума сошли,— зашипел Лимас.— Мундт вас убьет, если узнает, что вы выдумываете такие вещи. Это уж слишком, Фидлер. Заткнитесь, и поехали обратно.

Наконец плечо Лимаса освободилось.

— Нет, Лимас, тут вы не правы. Вы сами же подсказали мне ответ. Вот почему мы нужны друг другу!

— Ложь! — закричал Лимас.— Я сто раз повторял: не могли они направить его против зоны, чтобы я об этом не знал! Даже административно это невозможно. Вы пытаетесь меня убедить, что Контролл заполучил начальника вашей разведки и наша сеть в Берлине об этом не знала. Да, вы сумасшедший, Фидлер! Вы просто рехнулись.— Лимас вдруг рассмеялся.— хотите, наверно, занять его место, сукин вы сын! Песенка не новая. Но такие вещи не сходят с рук так просто.

Разговор ненадолго прервался.

— Насчет денег в Копенгагене,— снова начал Фидлер.— Банк ответил на ваше письмо. Директор очень беспокоится, не произошла ли ошибка, поскольку ровно через неделю после того, как вы открыли счет, ваш совладелец их взял. Дата совпадает с двухдневным визитом Мундта в феврале месяце. Он ездил туда под чужим именем на встречу с американским агентом, который участвовал в международной научной конференции.— Фидлер помолчал и затем добавил: — Я думаю, вам нужно сообщить в банк, что все в порядке, а?

Перевела с английского С. ТАРТАКОВСКАЯ.

Продолжение следует.

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

РОМАН

ПРИГЛАШЕНИЕ

Лиза смотрела на письмо из ЦК партии и удивлялась: что бы это все значило? Письмо казалось ей загадочным. Лестно, конечно, но почему они сначала не посоветовались с ней? Интересно, это районный комитет назвал ее имя или центр сам ее выбрал? Но, насколько ей известно, в ЦК ее никто не знал. Ей, правда, приходилось встречаться с разными ораторами и даже здороваться за руку с партийными руководителями на районной конференции. Возможно, о ней вспомнил тот человек из сектора культуры. Любезный такой, несколько женоподобный. Эйш его фамилия. Он явно проявлял к ней интерес, возможно, он и назвал ее фамилию или вспомнил о ней, когда выделяли деньги на поездку. Странный он какой-то. После собрания пригласил в кафе, спрашивал о ее поклонниках. Не то чтобы он в нее влюбился, или что-нибудь такое — нет, он в этом отношении, видимо, вообще сомнительный тип,— но вопросами так и сыпал. Как давно она в партии, тоскует ли по дому, живя вдали от родителей, много ли у нее поклонников или есть кто-нибудь один, кем она увлечена... Интересным человеком он ей не показался, но разговор поддерживать умеет: Германская Демократическая Республика — государство рабочих; кого можно считать рабочим-поэтом — и все в таком духе. Восточную Европу, безусловно, знает хорошо, видимо, много там бывал. Она считала, что он школьный учитель: наставительный тон, доходчивая манера объяснять. А когда проводился сбор средств в фонд борьбы, Эйш внес один фунт — Лиза онемела от удивления. Нет, сомнений быть не может — о ней вспомнил этот самый Эйш. Он, видимо, сказал кому-то в лондонском окружном комитете, оттуда передали в центр — словом, как-нибудь так. Странный способ действий, но у партии всегда какие-то секреты. Наверное, думала она, это неотъемлемое свойство революционной партии. Лизе не нравилась эта атмосфера чуть ли не заговора, она в ней видела что-то нечестное, но предполагала, что так нужно, и, видит Бог, как много людей получали от этого удовольствие.

Лиза снова перечитала письмо. Оно было написано на бланке ЦК и начиналось словами: «Дорогой товарищ». Для Лизы это обращение отдавало военщиной, а она ее терпеть не могла. В ее лексиконе и слов таких не было.

«Дорогой товарищ,

Недавно мы имели беседу с нашими товарищами из Объединенной Социалистической Партии ГДР по вопросу об обмене опытом между членами нашей партии и членами ОСП. Есть предложение заложить основы по обмену опытом на уровне активистов обеих партий. ОСП понимает, что дискриминация со стороны британских властей помешает их делегатам прибыть в ближайшем будущем в Англию, и видит тем больше оснований установить обмен опытом. Они любезно предложили нам выделить пять наших секретарей ячеек, имеющих опыт в работе по подъему активности широких масс. Каждый выделенный товарищ проведет три недели в ГДР, изучая работу в их первичных ячейках, знакомясь с достижениями в области промышленности, с ростом благосостояния масс, увидит воочию, какие фашистские провокации устраивает Запад. Для наших товарищей чрезвычайно полезно перенять опыт молодого социалистического государства. Поэтому мы попросили ЦК выдвинуть кандидатуры тех товарищей, которые смогут добиться максимальных успехов в этой поездке. Была выдвинута твоя кандидатура. Если ты располагаешь возможностью, просим тебя поехать и установить контакт с партийной ячейкой в ГДР, чьи члены заняты в сходных отраслях промышленности, имеют те же проблемы, что и наши товарищи. Мы предлагаем твоему звену стать побратимом с партийным звеном в Ноенхагене (предместье Лейпцига). Фреда Люман, секретарь ноенхагенской ячейки, готовит дружеский и горячий прием. Мы уверены, что ты с честью выполнишь партийное поручение и добьешься больших успехов. Все расходы берет на себя сектор культуры ОСП.

Мы также уверены, что ты понимаешь, какая честь выпала на твою долю, и никакие личные мотивы не помешают тебе выполнить твой партийный долг. Поездка состоится в конце следующего месяца, числа 23-го, но каждый из выделенных товарищей поедет отдельно, так как даты приглашений не совпадают. Просим сообщить нам как можно скорее твое решение, после чего мы введем тебя в курс организационных деталей».

Чем больше она читала это письмо, тем более странным оно ей казалось. Прежде всего очень мало времени остается до названного срока. Откуда они знают, что ее отпустят из библиотеки? Она вдруг вспомнила, к своему удивлению, что Эйш спрашивал ее, как она проводит отпуск, брала ли она его уже в этом году, за сколько времени она должна предупредить на работе, чтобы ее отпустили. А почему ей не сообщают, кто еще выделен? Конечно, в этом нет необходимости, а все-таки странно. И потом письмо такое длинное... В ЦК всегда не хватает секретарш, и они обычно пишут всего несколько строк или просят позвонить. А это письмо такое подробное, так хорошо напечатано, как будто оно вообще не из ЦК. Но стоит подпись ответственного за сектор культуры. Это, безусловно, его подпись. Она ее видела много раз. Да и стиль письма не оставляет сомнений — казенный, тяжеловесный, не то бюрократический, не то миссионерский. Она к нему уже привыкла, хотя терпеть не могла. «Она имеет опыт в работе по подъему активности широких масс». Как только придумали такую чушь! Когда это она «проделывала» такую работу? Она ненавидела всю эту часть — ораторы у заводских ворот, продажа «Daily Worker» на углах, хождение из дома в дом перед местными выборами. Против борьбы за мир она не возражала, наоборот, она видела в ней смысл. Идешь по улице, видишь малышей, молодых матерей с колясками, стариков у подъездов, и можно себе сказать: «Ради них!» Ради них стоит бороться. Но бороться за успех на выборах или за продажу газет — нет, это не по ней. Может, потому, что в этом есть что-то унизительное. Все очень просто, когда на собрании двенадцать членов ячейки строят новый мир, шагают в авангарде социализма и доказывают невозможность повернуть историю вспять. Но после собрания, когда она выходит на улицу с пачкой «Daily Worker» и простаивает часами, чтобы продать одну газету... Иногда она обманывала, как, впрочем, и другие: платила за дюжину газет сама, чтобы поскорее вернуться домой. На последнем собрании они хвастали (забыв, что покупают у самих себя): «В субботу вечером товарищ Голд продала восемнадцать газет. Восемнадцать!» Это было зарегистрировано в протоколе собрания и отмечено в бюллетене ячейки. В районном комитете, должно быть, потирали руки и, возможно, внесли ее фамилию на первую страницу списка тех, кто собирает средства в фонд борьбы. Мир так тесен, а она так хотела, чтобы люди были честнее, но ведь и она лгала самой себе. Возможно, и они себе лгут. А может быть, другие понимают, почему нужно лгать?

Как странно, что ее назначили секретарем ячейки. Это Маллиган предложил... «Наш молодой, надежный и... очаровательный товарищ»... Наверно, считал, что она будет с ним жить, если он ее сделает секретарем. Другие голосовали за нее, потому что симпатизировали ей и потому что она умеет печатать на машинке. Она, наверное, будет работать и не станет посылать их к избирателям по субботам. По крайней мере не так часто. А еще они голосовали за нее потому, что им хотелось, чтобы их ячейка была маленьким приличным клубом, приятным и революционным, без шума и суеты. Какая фальшь! Алек, видимо, это понимал, но просто не принимал всерьез. «Одни разводят канареек, другие вступают в партию»,— однажды сказал он и был прав. Во всяком случае, применительно к их ячейке. И райком об этом прекрасно знал. Вот почему так странно, что ее выделили для этой поездки. Вот почему ей так трудно поверить, что райком для этого хоть пальцем шевельнул. Нет, все сделал Эйш — никаких сомнений. Может, он к ней неравнодушен, может, он только кажется таким, а на самом деле он нормальный мужчина. Лиза передернула плечами, как делают люди, когда возбуждены и вокруг никого нет. Как бы там ни было, интересно съездить за границу, переменить обстановку. Она никогда не бывала за границей, и, конечно же, такая поездка ей не по карману. А тут предлагают бесплатно. У нее, правда, были предубеждения против немцев. Западная Германия, говорили ей, милитаристская и реваншистская страна, а Восточная Германия — демократическая и борется за мир. Трудно представить себе, что по одну сторону хорошие немцы, а по другую — плохие. Немцы, которые убили ее отца, точно были плохими. А может быть, именно потому, что она пострадала от немцев, партия ее и выбрала. В знак утешения. Возможно, потому Эйш и спрашивал о ее родителях. Конечно! Вот где крылось объяснение! Она вдруг почувствовала прилив горячей благодарности. В партии действительно приличные люди; не говоря уже о благодарности, она гордится тем, что принадлежит к ним. Лиза подошла к столу, открыла ящик и достала из старой школьной сумки бланк ячейки. Заложив его в старый «Ундервуд» (ей прислали машинку из района, когда узнали, что она умеет печатать. Буквы немного прыгали, но в остальном машинка была хорошей), она напечатала ответ, в котором сообщала о своем согласии и благодарила за оказанное доверие. ЦК — все-таки замечательная организация. Люди там строгие, доброжелательные, объективные. Хорошие люди! Борцы за мир! Нет, ЦК будет существовать вечно.

Закрыв ящик, она заметила на столе визитную карточку Смили.

Маленький человек с серьезным морщинистым лицом. Он стоял вот здесь у дверей и спрашивал: «Партия знает о вашей связи с Алеком?» Какой же глупой она была! Ладно, поездка ее отвлечет.

АРЕСТ

Остальную часть пути Фидлер и Лимас проехали молча. Раскрыв черные пасти пещер, их провожали мглистые холмы. Редкие отблески света, как далекие огни кораблей, лихорадочно боролись с неумолимо надвигавшейся темнотой.

Фидлер поставил машину, и они вместе направились к дому. Вдруг, когда они были уже почти у проходной будки, раздался оклик: «Фидлер, Фидлер!»

Оба оглянулись, и Лимас разглядел людей, стоявших ярдах в двадцати от деревьев и, видимо, поджидавших Фидлера.

— Что вам нужно? — крикнул им Фидлер.

— Поговорить с вами. Мы из Берлина.

Фидлер медлил.

— Куда делись чертовы охранники? — спросил он Лимаса.— У дверей должны стоять часовые.

Лимас пожал плечами.

— Почему в гостиной не горит свет? — снова спросил Фидлер и неуверенным шагом медленно направился к поджидавшим его людям.

Лимас постоял немного — никто его не позвал, и он пошел к входу. К задней стене дома была пристроена небольшая хибарка, скрытая со всех сторон густо посаженными молодыми соснами. Она была разделена на три смежные комнаты без коридора. Первую от дома занимали охранники, вторую — Лимас, а кто занимал третью, Лимас не знал. Однажды он попробовал открыть в нее дверь — заперта. Он, правда, знал, что эта комната тоже отведена под спальню: когда ранним утром он вышел на прогулку и неизменно следовавшие за ним ярдах в пятидесяти охранники не успели еще обогнуть хи-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15—20.

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА.

барку, он заглянул через узкую щелку между кружевными занавесками в окно и увидел застеленную кровать и маленький письменный стол с бумагами на нем. Лимас подумал, что тот, кто занимает эту третью комнату, с пресловутой немецкой скрупулезностью наблюдает за ним. Но Лимас был слишком тертым калачом, чтобы позволить себе беспокоиться по этому поводу. В Берлине слежка была для него делом житейским. Если не можешь избавиться от своих хвостов — тем хуже для тебя. Значит, одно из двух: либо они слишком хитрые, либо ты уже никуда не годишься. Обычно Лимасу удавалось от них отделаться. При его наблюдательности и отличной памяти он с ними справлялся: знал их тактические приемы, их слабые места — словом, собаку съел на этом деле. Но сейчас, проходя через комнату охранников, он сразу же почуял что-то неладное и остановился.

Свет в пристройке зажигался где-то на центральном щите. Его включала и выключала невидимая рука. По утрам Лимас часто просыпался от яркого света, бьющего в глаза, над головой вдруг зажигалась лампочка. Вечерами укладывался в постель раньше, чем хотелось спать, только потому, что гас свет. Сейчас было часов девять, не больше, а свет уже погасили, хотя обычно он горел до одиннадцати. И ставни закрыли. Лимас оставил внутреннюю дверь открытой и в слабом свете, проникающем из гостиной, увидел, что койки охранников пусты. Пока он удивленно осматривался, дверь за ним закрылась. Возможно, сама по себе. Однако он не попытался открыть ее снова. Она закрылась совершенно бесшумно — ни щелчка, ни шагов. Словно в кино выключили звук. Зги не видать. И пахнет сигарой. Наверно, запах чувствовался все время, но Лимас только сейчас обратил на него внимание. В темноте у него, как у слепого, обострились обоняние и осязание.

В кармане лежали спички, но он ими не воспользовался. Он сделал шаг в сторону, прислонился к стене и замер. Одно Лимасу было очевидно: они ждут, чтобы он прошел из комнаты охранников в свою. Поэтому он решил остаться там, где стоял. Вскоре в главном здании, откуда он только что пришел, послышались шаги. Кто-то подошел к закрытой двери и запер ее на замок. Лимас не шевелился. Пока не шевелился. Никаких сомнений: он в ловушке. Медленно-медленно присел он на корточки и опустил руку в боковой карман куртки. Лимас был спокоен, ему даже стало легче от необходимости действовать, а в памяти стучало: «Почти всегда какое-нибудь оружие да найдется: пепельница, две монеты, ручка — что угодно режущее или колющее». Излюбленная формула маленького сержанта, который был в том заведении под Оксфордом во время войны. «Никогда не орудуйте обеими руками сразу, ни против ножа, ни против палки, ни против пистолета. Левая рука должна быть свободной и лежать на животе. Если уж совсем нет ничего подходящего, чем бы ударить, растопырьте пальцы и напрягите ладонь». Взяв коробку спичек в правую руку, Лимас раздавил ее так, что острые концы торчали между пальцами. Затем он начал продвигаться вдоль стены, пока не добрался до стула, который, он знал, стоял в углу. Схватив стул, он выдвинул его на средину комнаты, не обращая уже внимания на то, что поднимает шум, и, отсчитывая шаги, вернулся в тот угол, где только что стоял стул. Тотчас же резко распахнулась дверь, ведущая в его комнату. Тщетно он пытался разглядеть, кто стоит на пороге,— в его комнате тоже не было света. Кромешная тьма. Он не рискнул нападать первым. Его тактическое преимущество заключалось в том, что он знал, где стоит стул, а они — нет. Они должны подойти к нему, непременно должны! Нельзя дать им дождаться, пока зажгут свет!

— Входите, сволочи! — заорал он по-немецки.— Я здесь, в углу. Ну, хватайте меня!

Ни звука, ни малейшего движения.

— Вот я! Ну, что, не видите меня? Что, сопляки, не решаетесь?

Тут же он услышал, как один из стоявших в дверях двинулся к нему, за ним второй, и раздался поток брани: первый наткнулся на стул. Лимас только этого и ждал. Бросив коробку спичек, он медленно и очень осторожно, шаг за шагом начал пробираться вперед, выставив левую руку, как человек, раздвигающий ветки, пока не почувствовал под пальцами мягкое сукно военной формы. Плечо. Он похлопал по нему левой рукой — два раздельных хлопка — и услышал у себя над ухом испуганный шепот.

— Ганс, это ты? — спросил немец.

«Заткнись, идиот»,— прошипел Лимас в ответ, хватая его за волосы и пригибая его голову к земле. Ребром правой руки он резанул по затылку, снова оттянул голову назад, раскрытой ладонью ударил по кадыку и швырнул немца на пол. В тот момент, когда обмякшее тело рухнуло, зажегся свет.

На пороге стоял молодой капитан народной полиции с сигарой во рту, а за ним еще двое. Один в гражданской одежде, совсем юноша, с пистолетом в руке. Старого чешского образца, судя по рукоятке, промелькнуло у Лимаса. Взгляды всех троих были прикованы к человеку, лежавшему на полу. Открылась дверь, ведущая в комнату Лимаса. Лимас оглянулся посмотреть, кто там, но в тот же миг раздался крик: «Не шевелиться!» Наверно, капитан кричит, успел подумать Лимас, снова оборачиваясь к троим и держа руки по швам. Удар был сокрушительный. Казалось, раскроился череп. Насколько Лимас мог понять, теряя сознание, били пистолетом старого образца.

Лимаса разбудило пение какого-то арестанта и крик надзирателя: «Молчать!» Лимас открыл глаза. Острая боль молнией прострелила ему голову. Он неподвижно лежал с раскрытыми глазами, и перед ним плыли цветные круги. Лимас постарался понять, что с ним и где он. Ноги, как ледышки. Пахнет тюрьмой. Арестант перестал петь, и Лимасу вдруг страшно захотелось, чтобы он начал снова. Нет, не начнет... Лимас попытался поднять руку и пощупать щеку с запекшейся на ней кровью. Но руки оказались связанными за спиной. И ноги, наверное, связаны, до них кровь не доходит, потому они такие холодные. Он с трудом приподнял голову дюйма на два от пола и с удивлением увидел перед собой собственные колени. Инстинктивно попытался вытянуть ноги — боль оказалась такой, что он не сдержал жалобного вопля. Как на дыбу вздергивают. Он перестал шевелиться, стараясь превозмочь боль. Снова попытался медленно вытянуть ноги. Нет, невозможно: нестерпимая боль. Он понял: руки и ноги связаны за спиной вместе — при малейшей попытке вытянуть ноги цепь оттягивает плечи и раненую голову к каменному полу. Видно, его здорово били, пока он был без сознания, все тело в синяках и кровоподтеках, в паху острая боль. Лимас не знал, убил ли он охранника. Наверное, убил.

Над ним горела ослепительно яркая лампа. Как в операционной. Никакой мебели. Белые стены чуть ли не вплотную подступили к нему. Стальная дверь угольно-серого цвета — такой моден сейчас в солидных домах Лондона. Больше ничего. Ни одного предмета. Не на чем задержать внимание — только дикая боль.

Он, должно быть, лежит уже много часов. От лампы нестерпимый жар, и жажда мучит. Но Лимас не звал надзирателя. Наконец, открылась дверь — Мундт! Лимас его узнал по глазам. Смили рассказывал ему об этих глазах.

МУНДТ

Лимаса развязали, чтобы он встал. И действительно, ему на минуту удалось подняться, но, как только кровообращение достигло конечностей, а мышцы резко вышли из состояния застоя, он снова упал. Его оставили лежать и смотрели на него с тем равнодушием, с каким дети разглядывают насекомое. Спустя немного один из охранников отошел от Мундта и приказал Лимасу снова встать. Лимас подполз к стене и дрожащими руками схватился за нее. Он уже наполовину поднялся, когда охранник пнул его ногой, и он снова упал. Лимас предпринял новую попытку прислониться спиной к стене — на этот раз охранник дал ему удержать равновесие. Но Лимас заметил, что охранник перенес всю тяжесть своего тела на левую ногу, и понял, что правой он сейчас ударит его. Собрав остатки последних сил, Лимас ринулся на охранника и врезался головой прямо ему в лицо. Оба упали. Лимас очутился сверху. Охранник поднялся, а Лимас не смог и остался лежать, ожидая ответного удара. Но Мундт что-то сказал охраннику, и Лимас почувствовал, что его берут под мышки и за щиколотки. Он услышал, как закрылась дверь камеры, когда его вынесли в коридор. Жажда стала совсем невыносимой.

Его приволокли в небольшую, прилично обставленную комнату. Стол, кресла, на окнах с решетками полуспущенные шведские шторы. Мундт сел за стол, а Лимас опустился в кресло. Охранники стояли у дверей.

— Пить,— сказал Лимас, не поднимая прикрытых век.

Мундт налил из крана воды в кувшин и поставил на стол рядом со стаканом.

Один из охранников вышел и вскоре вернулся с кружкой супа и несколькими кусочками колбасы. Лимас ел и пил, а они молча смотрели на него.

— Где Фидлер? — спросил, наконец, Лимас.

— Арестован,— отрезал Мундт.

— За что?

— Участие в заговоре против государственной безопасности.

Лимас медленно кивнул.

— Значит, ваша взяла,— сказал он.— Когда вы его арестовали?

— Вчера вечером.

Лимас молчал, стараясь не спускать глаз с Мундта.

— А как насчет меня? — спросил он, наконец.

— Будете проходить в качестве свидетеля. Потом, конечно, и сами предстанете перед судом.

— Значит, Лондон меня впутал в дело, подстроенное против Мундта, так, что ли?

— Точно так,— кивнул Мундт и протянул охраннику зажженную сигарету, чтобы тот передал ее Лимасу.

Сердитым движением охранник сунул сигарету Лимасу в рот.

— Ловко провернули дело,— заметил Лимас и тупо добавил:— Этим китайцам ума не занимать.

Мундт ничего не сказал. Лимас уже начал привыкать к тому, что он часто молчит. У Мундта оказался приятный голос, чего Лимас никак не ожидал, но говорил он мало. Возможно, потому, что был на редкость самоуверен и, если не было необходимости сказать что-нибудь важное, предпочитал долгие паузы пустым словам. Этим он и отличался от тех, кто по своей профессии ведет допрос. Те стремятся, чтобы инициатива оставалась в их руках, чтобы была создана особая атмосфера, и широко пользуются психологической зависимостью арестанта от своих мучителей. Мундт же презирал всякие приемы — он был человек дела и действия. Лимас предпочитал как раз такую манеру.

Внешность Мундта полностью соответствовала его характеру. Атлетическая фигура, светлые, коротко стриженные волосы, моложавое лицо с тяжелыми, устрашающе правильными чертами. Ни тени юмора, ни намека на неуравновешенность. Он выглядел молодо, но солидно. Пожилые наверняка принимают его всерьез. Хорошо сложен. Костюм сидит как влитой: на такую фигуру нетрудно подобрать. Для Лимаса не составляло никакого труда понять, что он имеет дело с убийцей. У Мундта были самые необходимые качества для этого ремесла: от него веяло ледяным холодом и несокрушимой самоуверенностью.

— Второе обвинение, по которому вы предстанете перед судом, если понадобится,— добавил Мундт спокойно,— убийство.

— Значит, охранник умер? — спросил Лимас, и голову пронзила нестерпимая боль.

— Да,— кивнул Мундт.— Таким образом, суд по делу о шпионаже становится как бы уже и формальностью. Я предлагаю, чтобы дело Фидлера слушалось при открытых дверях. Президиум согласен.

— И вы хотите, чтобы я давал показания?

— Да.

— Другими словами, у вас нет никаких доказательств?

— У нас будут доказательства. И ваши показания у нас будут,— в голосе Мундта не было ни угрозы, ни расчета на эффект, ни отрепетированных нот.— С другой стороны, в вашем случае можно ожидать смягчения приговора. Английская разведка вас шантажировала: вас обвинили в краже денег и поставили перед выбором — либо вы даете ложные показания против меня, либо сами обвиняетесь в воровстве. Суд, видимо, сделает снисхождение при таких обстоятельствах.

Лимас казался застигнутым врасплох.

— Откуда вы знаете, что они обвиняют меня в краже денег?

Мундт не ответил, но спустя немного начал сам:

— Совсем он глуп, что ли, этот Фидлер... Как только я прочел отчет нашего друга Питерса, я сразу же понял, почему вас послали и как Фидлер попался на эту удочку. Уж очень он меня ненавидит.— Мундт кивнул, словно подчеркивая истинность последнего замечания.— Ваши люди, конечно, об этом знают. Операция задумана очень умно. Кто ее подготовил? Смили? Его работа?

Лимас молчал.

— Я хотел просмотреть отчеты Фидлера о ваших допросах, велел ему послать их мне, но он все тянул и тянул. А я не сомневался, что все верно понял. Наконец, вчера он дал эти отчеты членам Президиума, даже не направив мне копии. Да, в Лондоне у кого-то хорошая голова на плечах.

Лимас молчал.

— Когда вы видели последний раз Смили? — спросил Мундт мимоходом.

Лимас медлил. Он потерял уверенность в себе. Голова раскалывалась.

— Когда вы видели его в последний раз? — повторил Мундт.

— Не помню,— ответил Лимас наконец.— Он был уже не у дел, так, время от времени принимал участие кое в чем.

— Он большой друг Питера Гийома, верно?

— Думаю, да.

— Гийом, по вашему предположению, изучал экономическое положение ГДР. Какой-то странный сектор в вашей разведке завелся. Не знаете, чем именно Гийом занимался?

Как стучит в голове... все путается, какие-то звуки слышатся, какие-то тени мелькают... глаза жжет огнем... тошнит...

— Так когда же вы последний раз видели Смили?

— Не помню... не помню...

Мундт покачал головой.

— Как меня обвинять — так у вас память хорошая. Очень просто вспомнить, когда в последний раз видел человека. Ну, скажем, после возвращения из Берлина вы его видели?

— Да, наверное. Встретил однажды на Кембриджской площади. Случайно. В Лондоне.— Лимас закрыл глаза, он весь взмок.— Не могу больше, Мундт, нет сил... я болен,— сказал он.

— Когда Эйш с вами встретился, попавшись на вашу удочку,— вы вместе завтракали, верно?

— Да. Вместе...

— Ленч кончился около четырех. Куда вы пошли потом?

— Кажется, вернулся в Сити, точно не помню... Ради Бога, Мундт,— простонал он, схватившись за голову,— не могу больше, голова разрывается.

— Куда вы пошли потом? Почему так старательно увертывались от слежки, зачем так тщательно сбивали со следа?

Лимас молчал, держась за голову. Он еле дышал.

— Ответьте только на этот вопрос и можете идти. Ляжете в постель, уснете, если захотите. Иначе вам придется вернуться в камеру, понимаете? Вас снова свяжут и швырнут на пол, как скотину, понимаете? Скажите, куда вы пошли.

В голове застучало еще сильней, комната заплясала перед глазами, голоса... шаги... неясные очертания движутся взад и вперед, беззвучные, бесплотные... Кто-то кричит. Нет, не на него. Открылась дверь. Ее кто-то открыл. Открыл... Конечно, кто-то открыл дверь... В комнате полно народу, и все кричат. Кто-то ушел... кто-то остался... еще кто-то ушел. Ну как же, это их шаги стучат так сильно в голове. А теперь стихают... Последние отзвуки, и... тишина. И тогда, как сама благодать, на лоб легла холодная тряпка, и заботливые руки унесли его.

Лимас проснулся на больничной койке. В ногах стоял Фидлер и курил сигарету.

ФИДЛЕР

Лимас осмотрелся, чтобы понять, где он находится. Кровать с простынями, палата на одного человека, окна без решеток, только занавески и матовые стекла, светло-зеленый линолеум. И Фидлер. Курит и смотрит на него.

Медсестра принесла еду: яйцо, жидкий суп, фрукты. Чувствовал он себя ужасно, прямо вот-вот умрет, но все-таки решил поесть и принялся за суп.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Фидлер, не сводя с него глаз.

— Хуже некуда.

— Но хоть немного стало полегче?

— Пожалуй, да.— Лимас помолчал.— Эти сволочи сделали из меня котлету.

— Вы знаете, что вы убили охранника?

— Так я и думал. Чего еще можно ожидать при такой идиотской операции, какую они устроили. Почему они не взяли нас вместе? Зачем вырубили весь свет? Вот что получается, если переборщить в организации любого дела.

— Боюсь, наша нация склонна перебарщивать во всем. За границей эту склонность принимают за высокую эффективность.

Наступило молчание.

— А с вами что случилось? — спросил Лимас.

— О, меня тоже немного «размягчили» для допроса.

— Головорезы Мундта?

— И он сам. Собственноручно. Очень странное ощущение.

— Мягко выражаясь,— заметил Лимас.

— Дело не в психологическом аспекте. Психологически это, конечно, ужасно. Но, понимаете, у Мундта есть особая тяга меня избивать. Допрос тут ни при чем.

— Потому что вы возводите на него поклеп?

— Потому что я еврей.

— Какая гадость,— пробормотал Лимас.

— Так что со мной особое обхождение. И все время он приговаривал шепотом. Очень странное было ощущение.

— А что он приговаривал?

Фидлер не ответил. Наконец он заговорил снова:

— Но теперь — конец.

— В тот день, когда мы были арестованы, я попросил Президиум выдать ордер на арест Мундта как на врага народа.

— С ума вы сошли. Я же вам сказал: вы совсем рехнулись, Фидлер. Он никогда...

— Есть и другие обвинения против него, помимо ваших сведений. Я собирал их по капле последние три года. Вы их просто подтвердили, не более. Как только все стало ясно, я подготовил рапорт и направил его каждому члену Президиума, кроме Мундта. В тот день, когда они получили рапорт, я запросил ордер на арест Мундта.

— В тот день, когда нас схватили?

— Да. Я знал, что Мундт будет бороться. Знал, что у него в Президиуме есть друзья или, по крайней мере, угодники, которые из страха побегут к нему, как только прочтут мой рапорт. Но знал я также и то, что в конечном счете он должен проиграть. Президиум располагает необходимым материалом против него. У них был мой рапорт, и в те несколько дней, пока нас с вами допрашивали, они с ним ознакомились и читали до тех пор, пока не поняли, что в нем написана правда. Причем каждый знал, что остальные тоже это поняли. В конце концов они вынуждены были принять меры. Зная, что всем все ясно, они побоялись бездействовать и назначили Трибунал.

— Трибунал?

— Закрытый, конечно. Он соберется завтра. Мундт арестован.

— Какие обвинения вы собрали?

— Подождите, увидите сами,— улыбнулся Фидлер,— завтра увидите.

Фидлер помолчал, глядя, как Лимас ест.

— А как проводится этот Трибунал? — спросил Лимас.

— Его созывает Президиум. Это не народный суд, о чем следует помнить. Он скорее носит характер комиссии, назначаемой Президиумом для проверки фактов и вынесения решений по тому или иному вопросу. Решение содержит определенные рекомендации. В данном случае рекомендации приобретают силу приговора, который не подлежит огласке, согласно процессуальным установлениям Президиума.

— Как устроен Трибунал? Есть судьи, адвокаты?

— Три судьи,— сказал Фидлер,— и один адвокат. Завтра я сам выдвину обвинение против Мундта. Кардэн будет его защитником.

— Кто такой Карден?

Фидлер помолчал.

— Очень крутой человек,— сказал он наконец.— Похож на сельского врача. Маленький и на вид добродушный. Был в Бухенвальде.

— Почему Мундт не может защищать себя сам?

— Хочет иметь защитника. Это значит, что Карден вызовет свидетеля.

— Дело ваше,— пожал плечами Лимас.

Снова молчание. Наконец Фидлер задумчиво сказал:

— Я понял бы... по крайней мере, мне кажется, что я способен понять, если бы он обрушился на меня из личной ненависти или из зависти. Понимаете, такая давняя, давняя боль... И все время говоришь себе: либо ее не выдержать, либо с ней нужно сжиться, с этой болью. Но природа берет свое, и боль поднимается, нарастает, как скрипичное крещендо, доходящее до самой щемящей ноты, и кажется — выше уже некуда, а она все растет и растет, эта боль, и естество только и делает, что тащит ее от ноты к ноте, как глухого ребенка, которого хотят научить слышать. Он все время шипел: еврей... еврей. Ну, пусть бы им двигали идейные соображения, интересы, если хотите, партии, я мог бы понять, безусловно, мог бы... Пусть бы он ненавидел меня лично. Но все это не то, он ненавидит...

— Ладно,— оборвал Лимас,— вам следовало знать, что он подонок.

— Да,— повторил за ним Фидлер,— он подонок.

«Видимо, очень взволнован. Ему необходимо высказаться»,— решил Лимас.

— Я много думал о вас,— продолжал Фидлер,— о том разговоре, помните, который у нас с вами состоялся насчет мотора.

— Какого мотора?

— Простите,— улыбнулся Фидлер,— это буквально перевод. Под мотором я имел в виду побудительный механизм, дух, стимул или как там христиане это называют.

— Я не христианин.

— Но вы понимаете, что я имею в виду,— пожал плечами Фидлер и снова улыбнулся.— Вас смущает... Скажу иначе. Допустим, Мундт прав. Он, как вы знаете, хотел, чтобы я признался. Я должен был признаться в том, что связан с английским шпионом, который фабрикует против него дело, чтобы его убили. Видите, какой аргумент — английская разведка задумала целую операцию, чтобы вовлечь нас, или меня, если хотите, в ликвидацию лучших людей нашей разведки. Направить, так сказать, наше оружие против нас же самих.

— Он и ко мне приставал с тем же,— равнодушно заметил Лимас и добавил: — Будто всю эту кашу заварил я.

— Так вот, я хочу сказать следующее. Допустим, ее заварили вы, предположим, это правда. Я говорю, например, просто строю гипотезы, понимаете? Ну, так как, убили бы вы человека, невинного человека?

— Мундт сам убийца.

— Предположим, что нет. Предположим, они хотят убить меня. Лондон пошел бы на это?

— Смотря по обстоятельствам. Зависит от необходимости...

— Ага,— удовлетворенно перебил Фидлер,— зависит от необходимости! В общем, как Сталин. Уличная катастрофа и статистика. Вы сняли камень с моей души.

— Почему?

— Вам нужно немного поспать,— сказал Фидлер.— Заказывайте какие хотите блюда — вам все принесут. Поговорить сможете завтра.

Уже дойдя до дверей, он обернулся и сказал:

— А ведь мы с вами совсем одинаковые — вот в чем парадокс.

Вскоре Лимас заснул, довольный тем, что Фидлер оказался его союзником и что скоро они отправят Мундта на тот свет. Он давно об этом мечтал.

ПАРТИЙНОЕ СОБРАНИЕ

В Лейпциге Лиза была счастлива. В окружающей ее строгой простоте было что-то аскетическое и возвышающее, во имя чего стоило бы пренебречь комфортом. Она жила в потемневшем убогом домике. Питание скудное — все лучшее отдавалось детям. За едой они каждый раз говорили о политике, она и фрау Люман, маленькая седая женщина, секретарь больничной ячейки Лейпциг — Ноенхаген. Муж фрау Люман работал на карьере, за городом. «Атмосфера, как в религиозной общине,— думала Лиза,— что-то вроде монастыря или киббуца — в таком духе. Мир воспринимается глубже, когда в животе пусто». Лиза немного знала немецкий от своей тетки. Удивительно, как быстро она восстановила свои знания и даже начала пользоваться ими. Сначала она попробовала их на детях. Они посмеивались, но помогали ей. Дети фрау Люман вели себя с ней странно: как с важной особой. На третий день один из них набрался смелости и спросил, не привезла ли она «оттуда» шоколаду. А она даже не подумала об этом — ах, как неудобно! И дети перестали ее замечать.

Вечерами велась партийная работа. Распространение литературы, посещение членов ячейки, которые не платили взносы или пропускали собрания, подготовка к дискуссии «Проблемы централизованного распределения сельскохозяйственной продукции», на которой присутствовали все секретари первичных ячеек, подготовка к заседанию консультативного совета рабочих, занятых на инструментальных заводах вне черты города...

Наконец, на четвертый день, в четверг, назначили собрание их ячейки. Самый существенный момент, как считала Лиза, в обмене опытом. Собрание послужит образцом для будущей работы бейсуотерской ячейки. Название доклада — лучше не придумать: «Мирное сосуществование после двух войн». Они ожидали, что будет полный зал. Повестки были разосланы по всей больнице, день выбран такой, чтобы не совпало с каким-нибудь другим собранием и когда магазины открыты только до обеда.

Пришло семь человек.

Семь человек, кроме Лизы, секретаря ячейки и представителя районного центра. Лиза не показывала виду, но на душе у нее кошки скребли. Ей с трудом удавалось сосредоточиться на докладчике, впрочем, она зря старалась: этот немецкий ей был недоступен. Она обвела взглядом присутствующих. Как на собрании в Бейсуотере. Или как на вечерней молитве в будний день — она когда-то ходила в церковь. Так же мало людей, такие же покорные, понурые лица, такая же беспокойная скованность на них — словом, то же ощущение великой идеи, попавшей в руки мелких людей. Конечно, ужасно, что она испытывает такое чувство, но оно не подчинялось ее воле и не покидало ее. Уж лучше бы совсем никто не пришел: на нет и суда нет. А так совсем невыносимо и унизительно, да еще задевает за живое.

Семь человек! Это же ничто. Хуже. Потому что они служат наглядным доказательством инертности неохваченных масс. Просто сердце обрывается.

Комната лучше, чем школьный класс в Бейсуотере. Но от этого не легче. Искать помещение в Бейсуотере было даже забавно. Сначала приходилось делать вид, что они вообще не имеют отношения к партии. Снимали задние комнаты в пивных, банкетные залы в кафе Ардена или тайно встречались то у одних, то у других. Когда же в ячейку вступил Билл Хевель, учитель средней школы, начали собираться в его классе. Тоже было рискованно — директор школы думал, что Билл руководит драматическим кружком, так что теоретически их могли выставить в любую минуту. И все-таки в классе было приятней, чем в Зале Мира с его потрескавшимися бетонными стенами и с портретом Ленина в идиотской рамке из органных труб и пыльных флажков. Вроде атрибутов фашистских похоронных церемоний.

Иногда она думала, что Алек был прав — человек верит потому, что ему необходимо верить. Объект веры сам по себе не имеет никакой ценности. Как он сказал? «У кого что болит, тот о том и говорит». Нет, это неверно. Алек не прав, нехорошо так говорить. Свобода, равенство и братство — вполне реальные категории. А история? Ее законы, которые выявляет партия? Нет, Алек не прав. Истина существует независимо от людей. Она проявляется в истории, и отдельные личности должны ей подчиняться. Она может их даже сокрушать, если необходимо. Партия — авангард истории, острейшее оружие в борьбе за мир. Теперь Лиза себя успокоила, хотя и не слишком. Пусть бы пришло больше народу. Семь — это так мало! Они выглядят такими сердитыми. Сердитыми и голодными.

После собрания Лиза ждала, пока фрау Люман собирала со стола непроданную литературу, заполняла журнал посещаемости и надевала пальто — в тот вечер было холодно. Докладчик ушел до начала прений (Лиза нашла, что это не совсем вежливо с его стороны). Фрау Люман уже стояла у дверей, держа руку на выключателе, когда на пороге появился какой-то мужчина — на секунду Лиза подумала, что это Эйш,— высокий блондин в плаще с кожаными пуговицами.

— Товарищ Люман? — спросил он.

— Да?

— Я ищу товарища из Англии. Товарищ Голд. Она остановилась у тебя?

— Я Элизабет Голд,— сказала Лиза.

Мужчина зашел в комнату и закрыл за собой дверь. Свет падал ему прямо в лицо.

— Я Хелтен. Из районного комитета.

Он показал фрау Люман, которая все еще стояла у дверей, какой-то документ. Она кивнула и озабоченно посмотрела на Лизу.

— Президиум поручил мне передать товарищ Голд приглашение,— сказал он.— Программа несколько изменилась, и товарищ Голд приглашается на особое собрание.

— О! — растерялась Лиза.

Ей и в голову не приходило, что Президиум мог слышать ее имя. Какая-то фантасмагория!

— Но я... но фрау Люман...— начала лепетать Лиза.

— Не сомневаюсь, что фрау Люман извинит тебя, поскольку так сложились обстоятельства.

— Конечно,— поспешила подтвердить фрау Люман.

— Где состоится собрание?

— Нужно выехать сегодня же вечером,— ответил Хелтен,— нам предстоит долгий путь. Почти до Герлитца.

— Где это?

— На востоке,— снова поторопилась сказать фрау Люман,— на границе с Польшей.

— Мы можем сейчас заехать к тебе, соберешь вещи, и сразу же поедем дальше.

— Прямо сейчас? Вечером?

— Да.

Хелтен, видимо, не очень старался предоставить Лизе выбор.

Их ждала большая черная машина. На переднем сиденье шофер, на складном верхе флажок. Очень напоминало военную машину.

Перевела с английского С. ТАРТАКОВСКАЯ.

Продолжение следует.

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

Джон Ле КАРРЕ

РОМАН

ТРИБУНАЛ

Зал суда был не больше школьного класса. Пять-шесть скамеек, на них в основном конвой, тюремные надзиратели и очень немного публики — члены Президиума и приглашенные представители официальных властей. Перед скамьями неполированный дубовый стол и стулья с высокими спинками. За столом три члена Трибунала, над их головами фанерная красная звезда. Стены белые, как в камере Лимаса. Перед столом два стула. На них лицом друг к другу сидят два человека: мужчина среднего возраста, возможно, под шестьдесят, в черном костюме и сером галстуке — так одеваются в немецких деревнях, когда идут в церковь,— и Фидлер.

Лимас сидит в задних рядах. Рядом с ним охранники. Среди публики виднеется голова Мундта. Он сидит тоже между полицейскими. Светлые волосы острижены совсем коротко, на широких плечах тюремная одежда. А он, Лимас, в своем костюме — интересная деталь. По ней, видимо, можно судить о настроении членов суда. Или о влиянии Фидлера.

Вскоре председатель Трибунала, сидящий в центре стола, зазвонил в колокольчик, чем привлек внимание Лимаса. Он посмотрел на него, и мороз пробежал у него по коже: председатель — женщина! Лет пятидесяти, волосы стрижены коротко, как у мужчины, маленькие глазки, темный пиджак — немудрено, что Лимас раньше не заметил ее принадлежности к прекрасному полу. Она строго осмотрела зал, кивнула часовому, чтобы закрыл дверь, и без всякого предисловия обратилась к суду:

— Всем вам известно, зачем мы сюда собрались. Суд ведется при закрытых дверях — прошу об этом не забывать. Трибунал созван по чрезвычайному распоряжению Президиума и несет ответственность только перед Президиумом. Порядок ведения суда устанавливается по нашему усмотрению. Товарищ Фидлер,— она повелительно указала на него рукой,— начнем, пожалуй, с вас.

Фидлер встал. Кивнув членам Трибунала, он вынул из портфеля, лежавшего за ним, пачку бумаг, скрепленных в верхнем углу черной тесьмой.

Он говорил спокойно и легко, но с особой сдержанностью, которой Лимас раньше за ним никогда не замечал. Видимо, хорошо продуманный прием: изображает человека, которому жаль отправлять на виселицу своего вышестоящего начальника.

— Прежде всего да будет всем известно, если кто-нибудь еще не знает,— начал Фидлер,— что в день, когда Президиум получил мою докладную о деятельности товарища Мундта, я был арестован. Арестовали также и перебежчика Лимаса. Надо мной, как и над ним, творили жестокое насилие, пытаясь вырвать из нас признание в том, что мы устроили фашистский заговор против честного и преданного товарища.

Из моей докладной вы видите, каким образом Лимас попал к нам, мы сами его отыскали, уговорили перейти на нашу сторону и, наконец, увезли в Демократическую Германию. По причинам, которые я изложу дальше, Лимас все еще отказывается верить, что Мундт — английский агент, и это самое наглядное доказательство непредвзятости Лимаса, поскольку заподозрить его в неопытности невозможно. Частичные, но неопровержимые доказательства, приведенные Лимасом,— всего лишь подтверждение целого ряда данных, с которыми мы сталкиваемся на протяжении последних трех лет.

Перед вами письменное изложение разбираемого дела. Мне остается только прокомментировать уже известные вам факты.

Против товарища Мундта выдвигается обвинение в том, что он агент на службе сил империализма. Я мог бы привести и другие обвинения — передача сведений английской секретной службе, слепое лакейство его отдела перед буржуазной страной, умышленное покрывательство реваншистских антипартийных группировок и получение денежных вознаграждений из-за границы,— но все они вытекают из первого: Ганс-Дитер Мундт — агент на службе сил империализма. Наказание за такое преступление только одно: смерть! Нет более тяжкого преступления в нашем уголовном кодексе, чем измена Родине. Против такого преступления должна быть мобилизована вся бдительность наших партийных органов.

Он положил бумаги на стол.

— Товарищ Мундт, сорока двух лет, возглавляет отдел государственной безопасности, холост. Всегда считался человеком редких способностей, неутомимым борцом за дело партии, непреклонным ее защитником.

Позвольте напомнить некоторые моменты из его служебной деятельности. В отдел был назначен в возрасте двадцати восьми лет, предварительно пройдя обычную подготовку. После окончания испытательного срока получил особое задание и был направлен в Скандинавские страны, в частности в Норвегию и Швецию, где успешно наладил цепочку, которая нанесла тяжелый удар по фашистским агитаторам во враждебном лагере. С заданием справился хорошо, и нет оснований полагать, что в то время он лишь выдавал себя за старательного сотрудника своего отдела. Однако, товарищи, следует отметить, что в дальнейшем эта связь со Скандинавией и цепочка, налаженная товарищем Мундтом сразу же после войны, служили ему лишь предлогом, под которым он ездил в Финляндию и Норвегию забирать из иностранных банков тысячи долларов, получаемых им в награду за предательство. Не думайте, что товарищ Мундт оказался наивной жертвой тех, кто пытается повернуть историю вспять. Ни в коей мере. Им руководили прежде всего трусость, затем слабость и, наконец, жадность. Богатство — вот его мечта. Но обратите внимание на иронию судьбы: система выплаты ему вожделенных денег как раз и навела на след силы справедливости.

Фидлер сделал паузу и окинул взглядом зал. Глаза его вдруг загорелись огнем. Лимас смотрел на него как зачарованный.

— Да послужит это уроком,— крикнул Фидлер,— другим врагам народа, которые надеются скрыть свое великое преступление!

Почтительный шепот поднялся в крошечной группе присутствующих.

И тут Лимас понял, что Фидлер ничем не рискует: в своем поведении члены Трибунала, обвинители и свидетели должны руководствоваться соображениями политической бдительности, а что касается контробвинения, которое, Фидлер знал, неизбежно выдвигается в подобных случаях, то он обеспечил себе тылы тем, что вся полемика записывается, и нужно быть очень смелым человеком, чтобы опровергнуть приведенные им аргументы.

Фидлер раскрыл папку, которая лежала перед ним на столе.

— В конце 1956 года Мундта направили в Лондон в составе комиссии восточногерманской сталелитейной компании. Секретное задание состояло в том, что он должен был принять меры против людей, эмигрировавших из ГДР. Выполняя задание, Мундт, безусловно, подвергался большой опасности, но добился хороших результатов.

Внимание Лимаса снова привлекли трое людей, сидящих в центре стола. Слева от председателя — молодой брюнет с полузакрытыми глазами, волосы ежиком и землистый цвет лица, как у аскета. Он не переставал барабанить тонкими длинными пальцами по стопке бумаг, лежавшей перед ним. Сам не зная, почему, Лимас решил, что это сторонник Мундта. По другую сторону — лысеющий мужчина постарше с открытым, приятным лицом. Производит впечатление человека недалекого, подумал Лимас и решил, что, когда будет решаться судьба Мундта, молодой человек станет его защищать, председатель будет обвинять, а более пожилой склонится на сторону председателя за неимением собственного мнения.

— Мундта завербовали в конце его пребывания в Лондоне,— продолжал Фидлер.— Я уже сказал, что он подвергался большой опасности. Он чувствовал, как сжимается вокруг него кольцо английской тайной полиции — уже был выписан ордер на его арест. Правом дипломатической неприкосновенности Мундт не пользовался — Англия не признала нашего суверенитета,— и он перешел на нелегальное положение. В портах была установлена слежка, его фотографии и приметы были разосланы по всем английским островам. И вот после двух дней пребывания на нелегальном положении он приезжает на такси в лондонский аэропорт и улетает в Берлин. «Блестяще!» — скажете вы. И действительно: вся английская полиция поднята на ноги, все дороги, все железнодорожные, морские и воздушные пути под надзором, а товарищ Мундт садится в самолет прямо в лондонском аэропорту и улетает в Берлин. Конечно, блестяще! Но, если задуматься, товарищи, не покажется ли бегство Мундта из Англии чересчур блестящим, чересчур легким и без попустительства английских властей просто невозможным!

Снова шепот в задних рядах, на этот раз менее сдержанный.

— А истина,— продолжал Фидлер,— состоит в том, что Мундт был-таки арестован англичанами. В ходе непродолжительного допроса они поставили перед ним классическую дилемму: сидеть годами в империалистической тюрьме, и... прощай карьера. Или, вопреки всем ожиданиям, вернуться на родину и дать дальнейший ход своим блестящим способностям. Конечно, на вторую возможность англичане наложили условие: Мундт будет снабжать их сведениями, а они — платить ему большие суммы. Так методом кнута и пряника был завербован Мундт.

Теперь англичане уже были заинтересованы в его успешной карьере. Мы еще не знаем, не была ли ликвидация Мундтом второстепенных западных агентов делом рук его хозяев, предавших своих же сотрудников, которых им было не жалко, чтобы поднять престиж Мундта. У нас нет тому доказательств, но весь материал позволяет сделать такое предположение.

С 1960 года — год, когда товарищ Мундт стал начальником отдела,— со всех концов света к нам начали поступать данные о том, что в наших рядах завелся высокопоставленный шпион. Всем вам известно, что шпионом был Карл Римек. После того как его не стало, мы полагали, что зло ликвидировано. Но данные продолжали поступать.

В конце 1960 года наш бывший сотрудник встретился в Ливане с одним англичанином из Интеллидженс Сервис. Наш бывший сотрудник, как мы потом узнали, предложил ему полные сведения о двух отделах нашей разведывательной службы, где он раньше работал. Англичанин сообщил о его предложении в Лондон, но Лондон отклонил это предложе-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15—21.

ние. Почему бы? Причина только одна: Англия уже располагала такими сведениями, причем более свежими.

Начиная с середины 1960 года мы стали терять наших сотрудников за границей с устрашающей быстротой. Иногда враг пытался направить их против нас, но нечасто: он в этом не был заинтересован.

И вот в начале 1961 года, если мне не изменяет память, нам повезло. Мы получили, не стану объяснять, каким образом, полный список сведений о нашей разведывательной службе, которыми располагает Интеллидженс Сервис. Сведения были не только полными, но и удивительно свежими. Я показал этот список, разумеется, Мундту — он мой начальник. Мундт сказал, что его это не удивляет и что он должен провести кое-какие расследования, так что мне ничего предпринимать не нужно, дабы не испортить дела. Скажу откровенно: тогда-то мне и пришла в голову еще не оформленная и невероятная мысль о том, что сведения сообщает Мундт. Имелись и другие данные.

Едва ли я должен вам говорить, что меньше всех можно было заподозрить в шпионаже начальника контрразведки. Это настолько дикая мысль, что ни один человек не принял бы ее всерьез и тем более не стал бы ее высказывать. Признаюсь, что я и сам непростительно долго колебался, чего делать было нельзя.

Но, товарищи, к нам в руки попали окончательные доказательства. К ним я и предлагаю перейти.— Он обернулся и посмотрел в конец зала.— Приведите Лимаса.

Оба конвоира встали, и Лимас двинулся по узкому проходу в центре зала. У стола конвоир подал ему знак остановиться. Фидлер стоял футах в шести от него. Первым обратился к Лимасу председатель.

— Свидетель, ваша фамилия? — спросила она.

— Алек Лимас.

— Возраст?

— Пятьдесят.

— Женаты?

— Нет.

— Но были женаты?

— Сейчас я не женат.

— Занятие?

— Помощник библиотекаря.

— Вы же раньше служили в Интеллидженс Сервис! — сердито выпалил Фидлер.

— Верно. Год тому назад.

— Трибунал читал отчеты о ваших допросах,— продолжал Фидлер,— но я хочу, чтобы вы еще раз рассказали о своем разговоре с Питером Гийомом.

— Вы имеете в виду разговор о Мундте?

— Да.

— Как я уже говорил, разговор происходил прошлым маем в главном управлении на Кембриджской площади в Лондоне. Я встретил Гийома в коридоре. Я знал, что он имел отношение к делу Феннана, и спросил его, что стало с Джорджем Смили. Потом мы говорили о покойном Дитере Фрейе и о Мундте, который был причастен к его смерти. Питер сказал, что Мастон, по его мнению, который руководил тогда операцией, не хотел, чтобы Мундта поймали.

— Чем вы это объясняете?

— Я знал, что Мастон провалил дело Феннана и поэтому, мне кажется, не хотел, чтобы в связи с появлением Мундта вся грязь вышла наружу.

— Если бы Мундта поймали, его судили бы по закону? — спросил председатель.

— Зависит от того, кто его поймал бы. Если бы полиция, его передали бы в Министерство Внутренних Дел, и никакая сила на земле не оградила бы его от суда.

— А если бы его поймала ваша разведка? — спросил Фидлер.

— О, тогда дело другое. Думаю, они либо попытались бы обменять его на одного из наших людей, предварительно допросив, либо дали бы ему билет в одну сторону.

— Что это значит?

— Избавились бы от него.

— Ликвидировали бы?

Теперь все вопросы задавал Фидлер, а члены Трибунала усердно писали.

— Не знаю, что было бы, я к этому делу никогда не имел отношения.

— А не могло ли случиться, что они попытались его завербовать?

— Могло, но этого не случилось.

— Откуда вы знаете?

— О господи! Сто раз уже говорил! Не попугай же я в конце концов, долдонить все время одно и то же! Я возглавлял берлинскую сеть в течение многих лет. Если бы Мундт был одним из наших людей, я знал бы. Не мог не знать.

— Хорошо.

Фидлер, казалось, остался доволен ответом, хотя и понимал, что члены Трибунала, вероятно, не разделяют его мнения. Он перешел к операции «Снежный ком», заставил Лимаса снова остановиться на особых мерах предосторожности, предпринятых относительно этой операции, попросил рассказать о письмах, направленных в стокгольмский и хельсинкский банки, и о полученном им ответе. Обратившись к Трибуналу, Фидлер прокомментировал:

— Не знаю, почему, но мы не получили ответа из Хельсинки. С вашего разрешения я еще раз напомню, как было дело. Лимас положил деньги в стокгольмский банк пятнадцатого июня. Среди документов, которые находятся перед вами, есть копия письма из королевского скандинавского банка на имя Роберта Ланга — на это имя Лимас открыл счет в Копенгагене. Приложенная копия значится под номером 12. Из письма явствует, что вся сумма — десять тысяч долларов — была вынута совладельцем счета через неделю после того, как Лимас ее положил. Я полагаю, обвиняемый,— Фидлер кивнул в сторону Мундта,— не станет отрицать, что был в Копенгагене 21 июня, якобы по делам нашей разведки. Второй раз,— продолжал Фидлер после паузы,— Лимас ездил в Хельсинки класть деньги примерно 24 сентября.— Он посмотрел Мундту прямо в лицо и повысил голос.— А третьего октября в Финляндию поехал товарищ Мундт. Опять же якобы по делам нашей разведки.

Наступила тишина. Повернувшись к Трибуналу, Фидлер спросил приглушенным, но грозным голосом:

— Неужели обстоятельность обвинения остается неочевидной? Разрешите вам напомнить и еще кое-что. Свидетель,— обратился он к Лимасу,— в Берлине вы были связаны с Карлом Римеком, бывшим секретарем Президиума Объединенной Социалистической Партии. Какой характер носила эта связь?

— Он был моим агентом, пока его не убили люди Мундта.

— Совершенно верно. Его убили люди Мундта. Еще одного шпиона Мундт ликвидировал до всякого допроса. Римек был агентом английской разведки?

Лимас кивнул.

— Опишите встречу Римека с человеком, которого вы называете Контроллом.

— Контролл приехал из Лондона в Берлин повидаться с Карлом. Карл, по-моему, был одним из самых активно действующих наших агентов, и Контролл захотел встретиться с ним.

— Карлу и доверяли больше, чем другим? — спросил Фидлер.

— Да, безусловно. Лондон любил Карла: Карл был самым верным агентом. Когда Контролл прибыл в Берлин, я пригласил Карла ко мне на квартиру, и мы ужинали втроем. По правде говоря, я не горел желанием, чтобы Карл пришел, но не мог об этом сказать Контроллу. Как бы это объяснить... У них там в Лондоне свои представления — они ведь сидят за тридевять земель. Я побоялся, чтобы у меня из-под носа не утащили под каким-нибудь предлогом Карла — от них всего можно ожидать.

— Поэтому вы устроили встречу втроем? — спросил Фидлер.— Ну, и как же прошла встреча?

— Контролл меня заранее предупредил, что хочет остаться минут на пятнадцать с Карлом наедине. Поэтому во время ужина я сказал, что иду за виски, отправился к де Йонгу, выпил с ним пару рюмок, взял виски и вернулся.

— Как вы их нашли?

— Что вы имеете в виду?

— Разговор еще продолжался? О чем они говорили?

— К моему приходу разговор уже кончился.

— Спасибо. Можете сесть.

Лимас вернулся на свое место. Фидлер обратился к членам Трибунала.

— Прежде всего,— начал он,— несколько слов о шпионе Римеке, которого убили. О Карле Римеке. Перед вами перечень всех сведений, которые он передавал Алеку Лимасу в Берлине. По крайней мере тех, о которых Лимас помнит. Действительно, нет названия такому преступлению! Итак, Римек давал своим хозяевам подробнейший отчет о работе и личном составе всей разведывательной службы. Он сообщал о том, что происходит, если верить Лимасу, на наших самых секретных заседаниях. Он передавал протоколы этих заседаний, имея к ним доступ как секретарь Президиума.

Но если доставать протоколы ему ничего не стоило — он их просто брал после каждого заседания, то получение секретных документов разведки — дело совсем другое. Кто в конце 1959 года выдвинул Римека в комитет госбезопасности — комитет первостепенной важности, который координирует всю деятельность органов безопасности? Кто предложил дать Римеку доступ к документам разведки? Кто на каждом этапе служебной карьеры Римека, начиная с 1959 года (год, когда Мундт вернулся из Англии), выдвигал его на самые ответственные посты? А я вам скажу.— провозгласил Фидлер.— Тот единственный человек, который, благодаря своему положению, мог покрывать шпионскую деятельность Римека: Ганс-Дитер Мундт. Давайте вспомним, как Римек связался с западными разведками в Берлине, как разыскал машину де Йонга, когда тот выехал на прогулку, как положил ему в машину фотопленку. Вас не удивляет столь безошибочное предчувствие, проявленное Римеком? Откуда он знал, где найдет эту машину и в какой именно день? У самого Римека машины не было, так что следовать за де Йонгом от его дома в Западном Берлине он не мог. Как же он узнал, где будет машина? Только одним путем: через нашу собственную полицию. Она сообщила ему через Мундта, что машина де Йонга прошла пограничный пост нейтральной зоны. Вот и проясняется дело Ганса-Дитера Мундта. Римек был его ставленником и связующим звеном между ним и его хозяевами-империалистами! — Фидлер сделал паузу и спокойным тоном докончил: — Мундт — Римек — Лимас — вот она, главная цепочка. А что одно звено в цепочке не знает о работе других звеньев, так это аксиома любой разведки, и правильно Лимас утверждает, что ему ничего не известно о преступной деятельности Мундта. Это только лишний раз доказывает, что у лондонских хозяев Мундта дело поставлено хорошо.

Вам также известно, что операция «Снежный ком» проводилась в условиях особой секретности, и сведения Лимаса о секторе, занимавшемся так называемым исследованием экономического положения нашей Республики под руководством Питера Гийома, весьма скудные. Тем не менее Лимас знал, что этот сектор удивительно полно представлен в списке имеющих доступ к «Снежному кому». Позвольте напомнить, что тот же Питер Гийом занимался в свое время разбирательством деятельности Мундта в Англии.

Молодой человек за столом отнял карандаш от бумаги, посмотрел на Фидлера своими тяжелыми, холодными глазами и спросил:

— Зачем же Мундт ликвидировал Римека, если тот был его агентом?

— У Мундта не было другого выхода. Римек уже находился под подозрением — его любовница наболтала лишнего. Мундт дал приказ открыто расстрелять Римека, предварительно посоветовав ему бежать, и таким образом избавился от опасности быть раскрытым. Потом Мундт убрал и любовницу.

Я хочу немного остановиться на технической стороне дела. После возвращения Мундта в Германию в 1959 году англичане заняли выжидательную позицию — готовность Мундта сотрудничать с ними должна была еще быть доказана. Поэтому они дали ему инструкции и ограничились выплатой денег в надежде на лучшее. В то время Мундт еще не занимал высокого поста ни в разведке, ни в партии. Но он много видел и начал передавать сведения своим хозяевам, с которыми был связан непосредственно. Видимо, с ним выходили на связь в Западном Берлине и во время его коротких поездок за границу: в Скандинавии и в других местах. Поначалу англичане, видимо, относились к нему настороженно — а кто на их месте относился бы иначе! Они сопоставляли его сведения с теми, которые у них уже имелись,— боялись, как бы он не играл двойную игру. Но постепенно они поняли, что напали на золотую жилу. Мундт отлично выполнял свою работу и завоевал их доверие. Судя по многим данным и по показаниям Лимаса, я полагаю, товарищи, что в первые несколько месяцев они не решались устанавливать цепочку для Мундта — предоставили, так сказать, волку рыскать одному — и связывались с ним для выдачи ему инструкций и денежных вознаграждений непосредственно, минуя свою берлинскую организацию. Создали в Лондоне маленький сектор во главе с Гийомом (а Гийом как раз и завербовал Мундта), и о работе этого сектора знал лишь очень ограниченный круг людей даже внутри службы безопасности. Оплачивался Мундт по особой системе, названной «Снежный ком», разумеется, после тщательной проверки информации. Вполне понятно, почему Лимас утверждает, что ему ничего не известно о деятельности Мундта, хотя в действительности он не только платил Мундту, но и передавал в Лондон информацию, полученную через Римека от Мундта.

К концу 1959 года Мундт сообщил своим лондонским хозяевам, что нашел человека из состава Президиума, который будет служить посредником между ним и Лондоном. Этим человеком был Карл Римек.

Как Мундт его нашел? Как решился выяснить, хочет ли Римек сотрудничать с ним? Не следует

забывать об исключительном положении Мундта: он имел доступ ко всем секретным документам, мог устанавливать слежку, прослушивать телефонные разговоры, вскрывать письма, допрашивать кого угодно — личная жизнь каждого была перед ним как на ладони. А кроме того, он мог отвести от себя любое подозрение, направив против народа оружие.— голос Фидлера дрожал от негодования.— которое предназначено защищать народ! — Легко перейдя на прежний рассудительный тон, Фидлер продолжал: — Теперь вы видите, как действовал Лондон. Сохраняя имя Мундта в строжайшем секрете, они разрешили ему установить через Римека непрямую связь со своими людьми в Берлине, то есть с де Йонгом и с Лимасом, что подтверждают показания Лимаса. Теперь вы можете оценить всю глубину предательства Мундта.

Он обернулся и, глядя Мундту прямо в лицо, выкрикнул:

— Вот он, изменник! Вот человек, продавший свой народ!

— Я почти кончил,— сказал он спокойно.— Мне остается добавить только одно. Убирая всех тех, кто мог раскрыть его истинное лицо, Мундт завоевывал себе репутацию непогрешимого защитника народа. Именем народа он убивал, чтобы скрыть свое фашистское нутро, свои карьеристские устремления. Вот почему, сделав все возможное, чтобы оградить Карла Римека от подозрений, но увидев, что это не помогает, он дал приказ открыто убить его, а затем убрал и любовницу.

Когда будете докладывать свое решение Президиуму, не забудьте и о звериной сущности этого человека. Самое мягкое наказание для Ганса-Дитера Мундта — смерть!

СВИДЕТЕЛЬ

Председатель обернулась к человеку в черном костюме, сидящему против Фидлера.

— Товарищ Карден,— сказала она,— слово предоставляется тебе. Будешь представлять сторону Мундта. Есть у тебя вопросы к свидетелю Лимасу?

— Да, да, сию минуту,— ответил Карден, медленно поднимаясь и заводя оглобли золотой оправы за уши.

Кроткое, несколько деревенского типа лицо. Седые волосы.

— Товарищ Мундт заявляет,— начал он приятным голосом,— что показания Лимаса ложные и что товарищ Фидлер умышленно или по недоразумению участвует в заговоре, имеющем целью подорвать нашу разведывательную службу и опорочить органы безопасности социалистического государства. Мы не отрицаем, что Карл Римек был английским шпионом — это установленный факт. Но мы отрицаем, что товарищ Мундт был с ним связан и получал деньги за измену нашей Партии. Мы заявляем, что этому обвинению нет объективных доказательств и что безудержное стремление товарища Фидлера к власти совсем ослепило его и лишило здравого смысла. Мы утверждаем, что с момента возвращения из Берлина в Лондон Лимас начал разыгрывать комедию, изображая из себя опустившегося человека, пьяницу, запутавшегося в долгах. И лавочника он побил нарочно при всех, и свою мнимую ненависть к американцам выставлял напоказ — все для того, чтобы им заинтересовалась наша разведывательная служба. Мы считаем, что английская разведка фальсифицировала и подтасовывала факты таким образом, чтобы обвинения против товарища Мундта казались правдоподобными: тут и выплата денег через иностранные банки, которая производилась как раз в то время, когда товарищ Мундт находился в той или иной стране, и показания Лимаса с чужих слов — со слов Питера Гийома, и разговор Контролла с Римеком во время тайной встречи, которого Лимас не мог слышать, так как уходил за виски,— одним словом, целая вереница подстроенных доказательств, которые товарищ Фидлер, на чье честолюбие так метко рассчитывала английская разведка, принял за чистую монету, став тем самым соучастником чудовищного заговора. Заговор имел целью погубить, а фактически убить, потому что сейчас поставлена на карту сама жизнь Мундта — одного из преданнейших защитников нашей Республики. Разве удивительно, что англичане, которые так преуспевают в организации саботажей и подрывной деятельности, которые торгуют направо и налево человеческими жизнями, разработали этот отчаянный заговор? А что еще им остается теперь, когда через Берлин протянулись укрепления и поток западных шпионов не может свободно проникать к нам? Мы стали жертвой их заговора. В лучшем случае товарищ Фидлер виноват в серьезнейших ошибках, а в худшем — в сообщничестве с империалистическими шпионами, которые стремятся подорвать безопасность рабочего государства и пролить невинную кровь.

И у нас есть свидетель,— кротко кивнул он суду.— Да, да, у нас тоже есть свидетель. Неужели вы полагаете, что товарищ Мундт все это время не знал о происках Фидлера? Неужели серьезно допускаете такую мысль? Уже долгие месяцы товарищ Мундт не перестает следить за порочным направлением мыслей Фидлера. Кто разрешил установить в Англии связь с Лимасом? Лично товарищ Мундт. И вы полагаете, что он пошел бы на такой риск, будь он сам замешан в какой-то темной истории? Или вы думаете, что отчеты о первом допросе Лимаса в Гааге, полученные Президиумом, товарищ Мундт выбрасывал, не читая? Может быть, вы думаете, что после прибытия Лимаса в нашу страну, когда Фидлер сам взялся за его допросы, отчеты перестали поступать? Или считаете товарища Мундта настолько тупым, что ему в голову не пришло задуматься над поведением Фидлера? Да Мундт только посмотрел на первый отчет Питерса из Гааги, как сразу же понял, на чем строится вся игра: поездки Лимаса в Копенгаген и Хельсинки совпадали по времени с пребыванием Мундта в Дании и Финляндии. Не забудьте, что Мундт знал об этих отчетах раньше Фидлера. Мундт тоже искал шпиона в рядах нашей разведывательной службы...

Так что, когда Лимас прибыл в Демократическую Германию, Мундт только с захватывающим интересом следил за тем, как ловко Лимас подбрасывает пищу для подозрений Фидлера — то сделает прозрачный намек, то даст косвенное указание. Без нажима, конечно, не в лоб — так, случайно обронит словечко в одном разговоре, не доскажет кое-что в другом... А почва подготовлена: вот и человек в Ливане — мистическая фигура, на которую ссылается Фидлер,— подтверждал наличие высокопоставленного шпиона внутри нашей разведывательной службы...

Операцию англичане задумали блестяще — ага, мы потеряли Римека, так обернем нашу потерю замечательной победой.

Но, пока они готовили с помощью Фидлера убийство Мундта, товарищ Мундт предпринял одну предосторожность. Он навел точные справки о двойной жизни, которую Лимас вел в Лондоне на улице Бейсуотер. Товарищ Мундт искал проявления человеческой слабости в сверхчеловечески хитро задуманном коварстве. Он полагал, что в чем-нибудь да должна приоткрыться тайна двойной жизни Лимаса. Какая-то деталь должна не вязаться либо с отсутствием у него средств, либо с его деградацией, либо, что еще вероятнее, с его одиночеством. У Лимаса должен был быть близкий человек или любовница, перед которыми он раскрыл бы глубоко запрятанную часть своей души, у которых искал бы теплоты человеческого общения. И товарищ Мундт не ошибся. Лимас, этот опытнейший агент, допустил такую элементарную ошибку, проявил такую человеческую слабость, что... — Карден улыбнулся.— Впрочем, об этом вы услышите позже. Мундт заручился свидетелем. Замечательная предосторожность... к которой я еще обращусь,— он улыбнулся одними глазами, словно прося прощения за невинное озорство.— а пока я хотел бы, если можно, задать несколько вопросов обвинителю, который так упорно отрицает вину обвиняемого, господину Лимасу.

— Скажите,— начал он,— вы человек состоятельный?

— Не говорите глупости,— отрезал Лимас,— вы знаете, как меня удалось завербовать.

— Да, мастерски,— ответил Карден.— У вас, значит, нет ни гроша.

— Ни гроша.

— А есть у вас друзья, которые одалживали бы вам денег, или просто так давали, или платили бы за ваши долги?

— Если бы у меня были такие друзья, я не сидел бы сейчас здесь.

— Значит, ни единого друга? И вы не представляете себе, чтобы какой-нибудь благодетель, о котором вы, возможно, уже забыли, пытался бы вам помочь стать на ноги, заплатил бы вашим кредиторам или еще что-нибудь?

— Нет.

— Благодарю вас. Еще один вопрос: знаете ли вы Джорджа Смили?

— Конечно, знаю. Он был на Кембриджской площади.

— Но сейчас он ушел оттуда?

— Да, после дела Феннана.

— Ах, да, то самое дело, куда был замешан Мундт. Видели ли вы Смили с тех пор?

— Раз или два.

— А после того, как сами оттуда ушли?

— Нет,— сказал Лимас после короткого раздумья.

— Он не приходил к вам в тюрьму?

— Нет, ко мне никто не приходил.

— А до того, как вы сели в тюрьму?

— Нет.

— Ну, а после выхода из тюрьмы, как раз в день освобождения, вас нашел человек по имени Эйш? Вы с ним были в ресторане. Куда вы пошли потом?

— Не помню, возможно, в пивную. Понятия не имею.

— Позвольте вам напомнить. Вы пошли на улицу Флит и сели в автобус. Попетляв немного в автобусе, в метро и в частной машине — пожалуй, не слишком умело для человека с вашим опытом,— вы поехали в Челси. Ну, как, вспомнили? Могу показать отчет, если хотите, он у меня здесь.

— Может быть. И что же?

— А то, что Джордж Смили живет как раз на Байуотер, против Королевского шоссе. Ваша машина свернула на Байуотер, как доложил нам агент, и вы вышли у номера 9. То есть у дома Смили.

— Чушь,— заявил Лимас.— Я скорее всего поехал в «Восемь колоколов», в мою любимую пивную.

— На частной машине?

— Опять глупость. Я, наверно, ехал на такси. Когда у меня есть деньги, я их трачу.

— Зачем же было столько петлять?

— И снова «утка». Может, ваши люди гонялись за кем-нибудь другим — типичная история.

— Вернемся к моему начальному вопросу. Не можете ли вы себе представить, чтобы Смили проявлял к вам интерес после того, как вы покинули Кембриджскую площадь?

— Да нет же!

— Скажем, интересовался вашим материальным положением после того, как вы попали в тюрьму, а может, он хотел повидаться с вами после вашей встречи с Эйшем?

— Нет. Понятия не имею, куда вы клоните, Карден, но мой ответ один: нет. Если бы вы знали Смили, то и вопроса такого не задавали бы. Мы с ним настолько разные, насколько это возможно.

Карден, видимо, остался доволен ответом и, улыбаясь, поправил очки, прежде чем стал тщательно рыться в своих бумагах.

— Ах, да,— произнес он, словно что-то вспомнив,— сколько у вас было денег, когда вы просили у лавочника кредит?

— Нисколько,— беспечно ответил Лимас.— Я уже целую неделю сидел на мели. А может, больше.

— Как же вы жили?

— Перебивался с хлеба на воду. Да еще заболел — температура поднялась. Так что целую неделю я и вовсе есть не мог. Наверно, потому я и был так обозлен. Последняя, так сказать, капля, переполнившая чашу.

— Вам еще остались должны в библиотеке, верно?

— Откуда вы знаете? — спросил Лимас резко.— Вы что...

— Почему вы не пошли забрать причитающиеся вам деньги? Тогда и кредит просить не пришлось бы. Верно, Лимас?

— Не помню, почему не пошел,— пожал плечами Лимас.— Наверно, потому, что библиотека в субботу утром закрыта.

— Понимаю. Вы уверены, что по субботам она закрыта в утренние часы?

— Нет, просто предполагаю.

— Прекрасно. Благодарю вас. Это все, что я хотел спросить.

Лимас уже сидел на своем месте, когда открылась дверь и вошла женщина. Коренастая, уродливая, в серой блузе с нашивками на рукавах. За ней стояла Лиза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬНИЦА

Лиза медленно вошла в зал, оглядываясь по сторонам и широко раскрыв глаза, как только что разбуженный ребенок, попавший в ярко освещенную комнату. Она действительно была еще совсем молодой — Лимас только сейчас отдал себе в этом отчет. Увидев его между двумя охранниками, она остановилась как вкопанная.

— Алек!

Охранница взяла ее за руку и подвела к тому месту, где только что стоял Лимас. В зале стало очень тихо.

— Как тебя зовут, крошка? — грубо спросила председательница.

Лиза не отвечала. Длинные руки повисли как плети, пальцы вытянулись.

— Как тебя зовут? — переспросила председательница на этот раз громче.

— Элизабет Голд.

— Ты член английской коммунистической партии?

— Да.

— Сейчас живешь в Лейпциге?

— Да.

— Когда вступила в партию?

— В 1955-м. Нет, в 1954-м... Кажется, в...

Ее заглушили звук отодвигаемого стула и хриплый вопль Лимаса:

— Сволочи! Оставьте ее в покое!

Лиза в ужасе обернулась. У Лимаса по бледному как полотно лицу уже текла кровь: охранник так двинул ему кулаком, что он чуть не упал. А теперь оба набросились на него и скрутили руки за спину. Голова упала на грудь, но тут же дернулась в сторону от страшной боли.

— Если еще будет шуметь — уведите,— приказа-

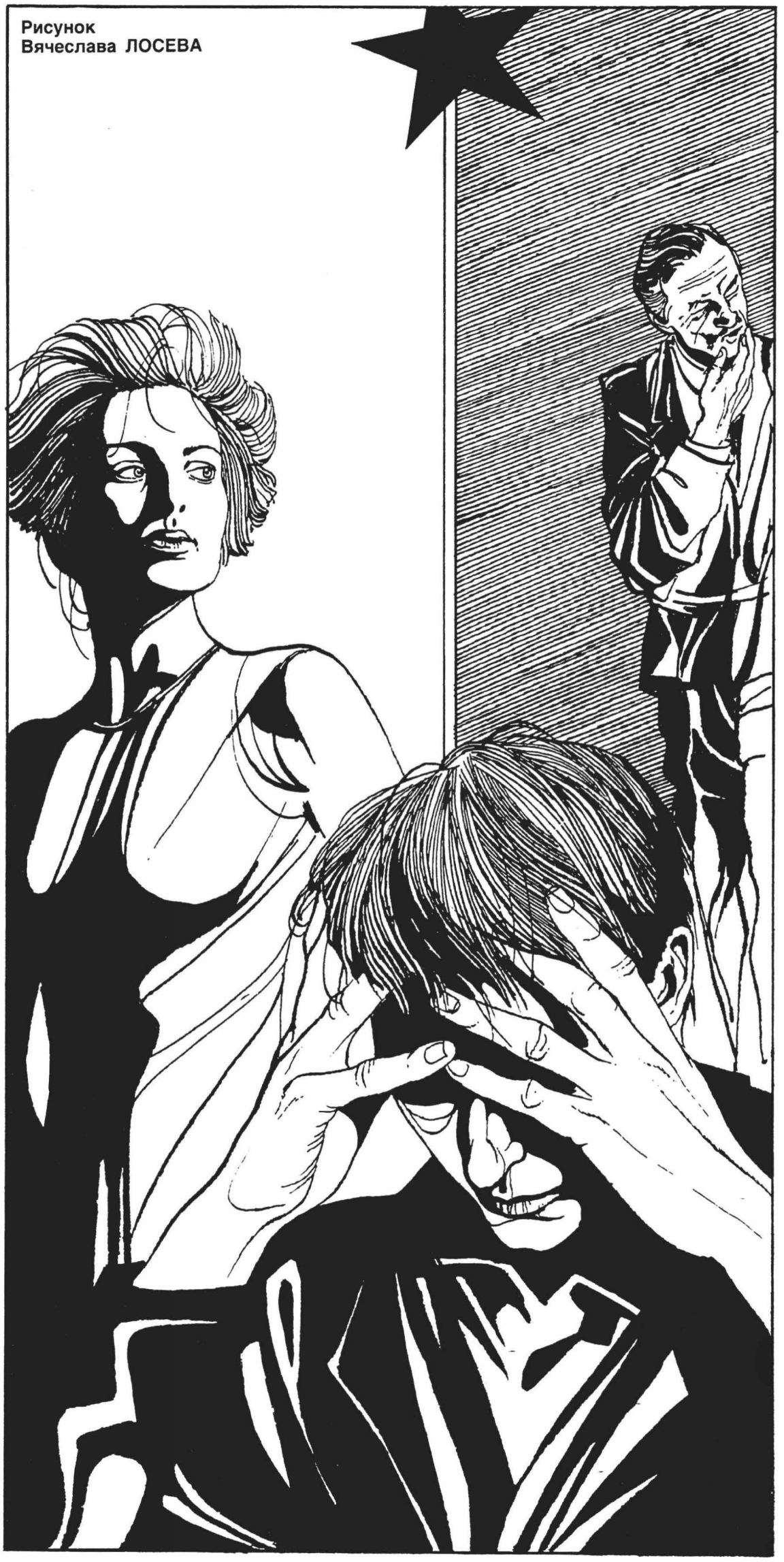


Рисунок
Вячеслава ЛОСЕВА

ла председательница и, погрозив Лимасу, добавила:— Потом выскажетесь, если захотите, а сейчас подождите.— Повернувшись к Лизе, она продолжала: — Ты что же, не знаешь, когда вступила в партию?

Лиза ничего не ответила. Председательница подождала, пожала плечами, наклонилась вперед, чтобы получше разглядеть Лизу, и, наконец, сказала:

— Элизабет, тебе когда-нибудь говорили в твоей партийной ячейке о необходимости сохранять тайну?

Лиза кивнула.

— И тебя инструктировали ни в коем случае не расспрашивать других товарищей об организации партийной сети и так далее?

— Да, конечно,— сказала Лиза.

— Сегодня мы проверим, как ты усвоила партийные принципы. Для тебя же лучше, чтобы ты ничего не знала. Решительно ничего.

Она помолчала и многозначительно добавила:

— Мы все трое, сидящие за этим столом, занимаем очень высокие партийные посты. Мы действуем с ведома Президиума и в интересах партии. Нам нужно задать тебе несколько вопросов, и твои ответы будут иметь большое значение. Отвечая правдиво и смело, ты поможешь делу социализма. Больше тебе ничего знать не нужно.

— Но кого судят? — прошептала Лиза.— Алека?

Председательница взглянула на Мундта и сказала:

— Возможно, подсудимого нет. В том-то все и дело. Возможно, обвинители и есть подсудимые. Но кого бы ни обвиняли, не меняет дела. Сам факт твоей неосведомленности служит гарантией беспристрастности.

Наступило короткое молчание, и затем так тихо, что председательнице пришлось повернуть голову, чтобы расслышать слова, Лиза спросила:

— Алека? Лимаса?

— Я же тебе говорю,— настойчиво повторила председательница,— для тебя самой гораздо лучше ничего не знать. Твоя задача — говорить правду. Это самое разумное, что ты можешь сделать.

По-видимому, Лиза что-то произнесла, потому что председательница снова резко наклонилась вперед.

— Послушай, крошка, ты хочешь уехать домой? Делай, как я тебе велю, и поедешь. Но если ты... — Она не кончила фразу и, показав на Кардена, таинственно добавила: — Этот товарищ хочет задать тебе кое-какие вопросы. Ответишь — и ты свободна. Говори правду.

Карден поднялся, улыбаясь своей приятной улыбкой церковного старосты.

— Элизабет,— начал он,— Алек Лимас был твоим любовником?

Лиза кивнула.

— Вы встретились в библиотеке в Бейсуотере, где ты работала?

— Да.

— До этого ты его не знала?

Лиза покачала головой.

— Много у тебя было любовников, Элизабет?

Никто не расслышал, что сказала Лиза в ответ, так как Лимас заорал:

— Ну и сволочь же ты, Карден!

Лиза обернулась и внятно произнесла:

— Перестань, Алек, иначе они тебя уведут.

— Верно, — подтвердила председательница сухо,— уведут.

— Скажи мне,— мягко продолжал Карден,— Алек был коммунистом?

— Нет.

— А про то, что ты коммунистка, он знал?

— Да, я ему сказала.

— И как он на это реагировал, Элизабет?

Она не знала, врать или говорить правду,— вот в чем был ужас. Вопросы сыпались так быстро, что она не успевала подумать. Они все время спрашивают, не спускают с нее глаз, ждут ответов, ловят каждое слово, следят за тем, что кроется за словами, и она может невольно погубить Алека, потому что не знает, что ей следует говорить. Одно слово невпопад — и Алек обречен. У нее не было сомнений в том, что ему грозит опасность.

— Как же он на это реагировал? — повторил Карден.

— Рассмеялся. Он выше этого.

— Ты так считаешь?

— Конечно.

Молодой человек за судейским столом, прикрыв глаза, заговорил во второй раз:

— Ты веришь в то, что разумный человек может быть выше законов диалектики? Выше исторического развития?

— Не знаю, так я думала, вот и все.

— Не важно,— заговорил снова Карден.— Скажи мне, Лимас — человек жизнерадостный? Он часто смеялся?

— Нет, смеялся он редко.

— Но, когда ты ему сказала, что состоишь в партии, он рассмеялся. Как ты считаешь, почему?

— Думаю, потому, что он презирал партию.

— А может, ненавидел? — спросил Карден как бы между прочим.

— Не знаю,— сказала Лиза в отчаянии.

— Способен ли он на сильные привязанности или, наоборот, на выраженную неприязнь?

— Нет... не способен.

— И тем не менее он набросился на лавочника. В чем же тут дело?

Лиза вдруг перестала доверять Кардену, его ласковому голосу, добродушному лицу.

— Не знаю,— сказала она.

— Ты над этим ни разу не задумывалась?

— Задумывалась.

— И к какому же выводу ты пришла?

— Ни к какому,— сказала она упавшим голосом.

Карден посмотрел на нее пристально, пожалуй, даже разочарованно, как если бы она забыла катехизис.

— Известно ли тебе, что Лимас собирался побить лавочника? — начал он снова таким тоном, словно вопрос разумелся сам собой.

— Нет,— ответила Лиза, видимо, слишком поспешно, потому что Карден взглянул на нее с любопытством и иронически улыбнулся.

— Когда ты видела Лимаса в последний раз? Я имею в виду до сегодняшнего дня.

— Я не видела его с тех пор, как он попал в тюрьму,— ответила Лиза.

— А перед тем, как он попал в тюрьму, когда в последний раз ты его видела? — Голос звучал любезно, но настойчиво.

Стоять спиной к суду для Лизы было сущей пыткой. Она сгорала от желания обернуться и посмотреть на Лимаса, возможно, ей удалось бы прочесть на его лице какой-нибудь намек на то, как отвечать. Она не могла за себя поручиться. Эти вопросы, подозрения — все связано с обвинением, а она не знает, в чем его суть. Они, наверно, догадываются, что она хочет выручить Алека, что ей страшно. Но никто не приходит ей на помощь... Почему?

— Элизабет, когда ты виделась с Лимасом в последний раз, не считая сегодняшнего дня?

Опять этот голос! Как она ненавидит этот слащавый голос!

— Вечером, накануне того, как произошла драка между ним и мистером Фордом,— ответила Лиза.

— Произошла драка между ним и лавочником? Что ты, Элизабет! Лавочник даже не успел нанести Лимасу ответный удар! Лимас явно пренебрег спортивными правилами! — рассмеялся Карден, и смех прозвучал тем ужаснее, что его никто не поддержал.— Скажи, где ты виделась с Лимасом в тот вечер?

— У него дома. Он заболел, не ходил на работу, не вставал с постели. Я пришла приготовить ему поесть.

— И купила продукты?

— Да.

— Как это мило! Ты, должно быть, истратила много денег? — заметил Карден сочувственно.— У тебя были средства содержать его?

— Я его не содержала. Алек мне дал денег. Он...

— Ага,— прервал Карден,— значит, у него были деньги?

О Господи! О Великий Боже, что нужно говорить?

— Немного,— поспешно ответила Лиза,— я точно знаю, что денег было совсем немного. Фунт-два, не больше. Нет, нет, больше не было. Ему нечем было оплатить счета за свет, за квартиру. Их оплатил кто-то другой, уже когда Алека забрали в тюрьму. Какой-то друг, который был обязан заплатить за Алека.

— Конечно,— спокойно сказал Карден,— расплачивался друг. Специально пришел и оплатил счета. Старый друг Лимаса, знавший его еще до того, как он поселился в Бейсуотере. А ты этого друга когда-нибудь видела, Элизабет?

Она покачала головой.

— Понимаю. А не знаешь ли, какие еще счета оплатил этот добрый друг?

— Нет... не знаю.

— А почему так неуверенно говоришь?

— Я говорю уверенно. Не знаю,— горячо возразила Лиза.

— Но сначала ты колебалась,— настаивал Карден.— Вот я и хочу знать, нет ли у тебя задней мысли.

— Нет.

— Лимас когда-нибудь рассказывал о своем друге? О том, у которого были деньги и который знал, где Лимас живет?

— Он даже не упоминал о нем. И вообще у Лимаса не было никаких друзей... как мне кажется.

— Ах, вот оно что!

В зале наступила гробовая тишина, особенно страшная для Лизы, потому что она, как слепой ребенок, была отрезана от тех, кто на нее смотрел. Они могли оценивать ее ответы по каким-то ей не известным меркам, а она не могла из этой ужасной тишины извлечь ни малейшего намека, чтобы понять, что именно они хотят выяснить.

— Сколько ты зарабатываешь, Элизабет?

— Шесть фунтов в неделю.

— Есть у тебя кое-какие сбережения?

— Небольшие. Несколько фунтов.

— Сколько ты платишь за квартиру?

— Пятьдесят шиллингов в неделю.

— Дороговато. Верно, Элизабет? Платила ты в последнее время?

Она беспомощно покачала головой.

— Почему? — спросил Карден.— Нет денег?

— Я получила оплаченный арендный договор. Кто-то его оплатил и выслал мне.

— Кто же?

— Не знаю,— по лицу потекли слезы,— не знаю. Пожалуйста, не задавайте мне больше вопросов. Я не знаю, кто мне его выслал. Договор пришел из банка в Сити... шесть недель назад... Благотворительный фонд... тысяча фунтов. Клянусь, не знаю, от кого... Из благотворительного общества — так мне сказали... Теперь вы знаете все... Скажите же мне теперь, кого...

Она расплакалась и закрыла лицо руками. Задрожали плечи. Потом рыдания начали сотрясать все тело. Никто не шевельнулся. Наконец она опустила руки, но не подняла глаз.

— Почему же ты не разузнала поточней? — как ни в чем не бывало спросил Карден.— Ты что, привыкла получать подарки в тысячу фунтов неизвестно от кого?

Она ничего не ответила, а Карден продолжал:

— Ты не стала разузнавать, потому что догадывалась. Верно?

Снова закрыв лицо руками, она кивнула.

— Догадывалась, что это от Лимаса или от его друга. Так ведь?

— Да,— выдавила она.— Я слышала, что лавочник получил от кого-то деньги уже после суда. Говорили, что деньги довольно большие. Вот я и подумала, что друг Алека, возможно...

— Странно,— сказал Карден как бы про себя,— очень странно. Скажи, Элизабет, с тобой кто-нибудь встречался после того, как Лимаса посадили в тюрьму?

— Нет,— соврала она.

— Ты уверена? — переспросил Карден, и брови его поднялись над золотой оправой очков.

— Уверена.

— А твой сосед, Элизабет,— терпеливо начал Карден,— сказал, что к тебе приходили мужчины, двое мужчин, вскоре после того, как Лимаса осудили. Может, это были просто любовники, Элизабет? Случайные любовники, как Лимас, которые давали тебе деньги?

— Алек не был случайным любовником! — закричала она.— Как вы можете так...

— Но он давал тебе деньги. А эти мужчины тоже давали тебе деньги?

— О Боже! — зарыдала она.— Не спрашивайте!

— Кто к тебе приходил?

Она не отвечала, и тогда Карден на нее прикрикнул:

— Говори, кто приходил!

Он впервые за все время повысил голос.

— Не знаю. Они приехали в машине. Друзья Алека.

— Еще одни друзья? Что они хотели?

— Не знаю. Спрашивали, что мне говорил Алек. Сказали, чтобы я с ними связалась, если...

— Каким образом? Как ты должна была с ними связаться?

— Он живет в Челси...— наконец ответила она,— его фамилия Смили, Джордж Смили... Чтобы я ему позвонила...

— И ты позвонила?

— Нет!

Карден опустил папку с бумагами на стол. Воцарилась мертвая тишина. Показав на Лимаса, Карден сказал:

— Смили хотел узнать, не сказал ли ей Лимас лишнего. Лимас допустил всего одну ошибку, которой от него никак не ожидал Интеллидженс Сервис: он нашел себе девицу и плакался у нее на груди.— Карден прекрасно владел своим голосом и производил впечатление на присутствующих.— Точно как Карл Римек. Тот допустил ту же ошибку.

Он засмеялся, как смеются милой шутке.

— О себе Лимас когда-нибудь рассказывал? — продолжал Карден, обращаясь к Лизе.

— Нет.

— Ты ничего не знаешь о его прошлом?

— Почти ничего. Знаю только, что он что-то делал в Берлине. Что-то для правительства.

— Значит, он все-таки о своем прошлом рассказывал? Говорил он тебе, что был женат?

После долгой паузы Лиза кивнула.

— Почему ты не пошла в тюрьму повидаться с ним? Ты же могла навестить его.

— Я думала, что он не хочет меня видеть.

— Понимаю. Ты ему писала?

— Нет. То есть да... один раз... просто хотела сказать, что жду его. Я думала, что за одно письмо он не рассердится.

— Значит, ты считала, что он и писем не хочет получать?

— Да.

— Ну, а после тюрьмы ты не пыталась с ним связаться?

— Нет.

— Куда он мог пойти после тюрьмы? Его ждала работа, друзья, которые приютили бы его?

— Не знаю... не знаю...

— Значит, ты с ним порвала? — насмешливо спросил Карден.— Нашла другого любовника?

— Нет! Я его ждала... Я всегда буду его ждать! — Она постаралась взять себя в руки.— Я хочу, чтобы он вернулся.

— Почему же ты ему не писала? Почему не пыталась узнать, где он?

— Не хотел он этого, как вы не понимаете! Он взял с меня обещание никогда не разыскивать его... никогда...

— Значит, он знал, что попадет в тюрьму? — торжествующе спросил Карден.

— Нет. Не знаю. Как я могу говорить о том, чего не знаю!

— А в тот последний вечер,— настаивал Карден,— накануне того, как он побил лавочника, он снова взял с тебя такое обещание?

Бесконечно усталая, она сдалась.

— Да,— произнесла она.

— И вы попрощались?

— И мы попрощались.

— После ужина, конечно. Было довольно поздно. Или ты провела с ним ночь?

— Я ушла после ужина домой. Не прямо домой — я еще побродила по улицам. Просто так ходила, ходила...

— А почему он с тобой порвал? Чем он это объяснял?

— Он со мной не порвал,— возразила она.— Наоборот, сказал, что вернется. Вот только выполнит какое-то дело, с кем-то рассчитается и, когда все будет кончено, вернется, если, конечно, я еще...

— Ну, ты, конечно, заверила,— иронически подсказал Карден,— что будешь ждать вечно, что любовь никогда не остынет... Верно?

— Да,— просто ответила Лиза.

— А не говорил ли он, что пошлет тебе денег?

— Он сказал... сказал, что не все так плохо, как кажется, что я без поддержки не останусь...

— И поэтому ты не стала разузнавать, что за благодетель подарил себе тысячу фунтов?

— Да! Поэтому! Теперь вам все известно, да вы и раньше все знали. Зачем только вы посылали за мной, раз все знаете сами?

Карден спокойно подождал, пока она перестала рыдать.

— Вот защита и представила Трибуналу свое доказательство,— сказал он наконец.— Мне жаль, что такую девицу, для которой чувства важнее принципов и чью бдительность можно усыпить деньгами, наши английские товарищи сочли подходящей кандидатурой на ответственный пост в нашей партии.

Взглянув поочередно на Лимаса и на Фидлера, он грубо добавил:

— Она, конечно, дура дурой, но нам повезло, что Лимас ее встретил. Уже не в первый раз реваншистский заговор раскрывается благодаря моральному падению его участников.

Слегка поклонившись Трибуналу, Карден сел.

Тогда поднялся со своего места Лимас. На этот раз охранники его не удерживали.

Они там, в Лондоне, наверно, с ума посходили. Он же им сказал, чтобы они забыли про Лизу. Но теперь ясно, что с того самого момента, как он покинул Англию, и даже раньше, как только он отправился в тюрьму, какой-то проклятый безумец начал проявлять заботу: расплатился с хозяином квартиры, вознаградил лавочника, оплатил счета, да еще и Лизе стал помогать. В голове не укладывается! Какая-то фантасмагория! Получается, что они пытались убить Фидлера, убить его, Лимаса, своего же агента? Сорвать собственную операцию? Кто за этим стоит? Смили? По велению своей нечистой совести он действовал, что ли? Остается только одно — выгородить Лизу и Фидлера, взять вину на себя. Ему самому уже терять нечего — с ним покончено в любом случае. Но если спасти шкуру Фидлера, возможно, Лиза и выпутается. Как, черт возьми, они могли столько узнать? Он убежден, что за ним никто не следил, когда он добирался до дома Смили. А деньги? Как до них дошла эта история о том, что он якобы обчистил казну на Кембриджской площади? Эта версия была сочинена, так сказать, для «сугубо внутреннего употребления». В чем же дело? Что за чертовщина?

Сбитый с толку, злой, подавленный, он, задыхаясь, медленно проходил между рядами, словно шел на эшафот.

Перевела с английского С. ТАРТАКОВСКАЯ.

Окончание следует.

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

РОМАН

ПРИЗНАНИЕ

— Правильно, Карден.

Белое, окаменевшее лицо, голова откинута назад и немного набок, как у человека, прислушивающегося к отдаленному звуку. Он весь застыл, даже смотреть страшно. Нет, это больше чем сдержанность, это особое самообладание, когда все естество зажато в железные тиски воли.

— Правильно, Карден, отпустите ее.

Лиза не отрывала от него глаз. Лицо ее исказилось и подурнело, темные глаза наполнились слезами.

— Нет, Алек... не нужно,— сказала она,— не вздумай им что-нибудь рассказывать из-за меня.— Она повысила голос, остальные люди в этой комнате для нее не существовали, только он, подтянутый, собранный, как солдат.— Ничего им не говори. Мне уже все равно, Алек, клянусь тебе, мне уже все равно...

— Замолчи, Лиза,— прервал ее Лимас сдавленным голосом,— теперь слишком поздно.— Он посмотрел на председательницу.— Она ничего не знает. Решительно ничего. Отправьте ее домой. Я вам все расскажу до конца.

Председательница бросила взгляд на мужчин, сидевших справа и слева от нее, подумала и сказала:

— Покинуть здание суда она может, но уехать домой до окончания слушания дела — нет. А потом посмотрим.

— Говорю вам, она ничего не знает! — выкрикнул Лимас.— Разве вы не понимаете, что Карден прав? Это была разработанная операция. Откуда ей что-нибудь знать, этой простой девушке, этой неудачнице из захудалой библиотеки? Не нужна она вам!

— Она свидетельница. Фидлер, возможно, захочет задать ей вопросы,— сказала председательница.

Уже не «товарищ Фидлер», а просто «Фидлер».

А он, услышав свое имя, словно очнулся от сна. Впервые Лиза осознала его присутствие, когда взгляд его глубоких карих глаз задержался на ней и он чуть-чуть улыбнулся, как бы распознав в ней представителя своей расы. «У него вид растерянного человека, который уже на все махнул рукой»,— подумала Лиза.

— Она ничего не знает,— сказал устало Фидлер.— Лимас прав, отпустите ее домой.

— Вы отдаете себе отчет в том, что говорите? — спросила председательница.— Вы понимаете значение ваших слов? Вам, стало быть, нечего у нее спросить?

— Все, что она могла сказать, она уже сказала.— Фидлер опустил руки на колени и, казалось, перестал интересоваться тем, что происходит вокруг.— Это была хорошо продуманная операция. Отпустите девушку — не может она сказать о том, чего сама не знает.— И, перейдя на официальный тон, он добавил: — У меня нет вопросов к свидетелю.

Охранник открыл дверь и позвал кого-то из коридора. В ответ послышались женский голос и тяжелые шаги, которые медленно приближались. Фидлер резко поднялся и, взяв Лизу за руку, проводил ее до дверей. Там она остановилась и посмотрела на Лимаса, но он отвернулся, как человек, который не переносит вида крови.

— Возвращайтесь в Англию,— сказал Фидлер Лизе.— Поезжайте домой.

Лиза начала вдруг безудержно рыдать. Охранница обняла ее за плечи, не столько из жалости, сколько из опасения, что она вот-вот упадет, и вывела из комнаты. Охранник закрыл за ними дверь. Звуки рыданий, постепенно удаляясь, затихали, пока не замерли совсем.

— Собственно, добавить больше нечего,— начал Лимас.— Карден прав. Это была обстоятельно продуманная операция. Потеряв Карла Римека, мы фактически остались без единого агента в зоне. Остальных мы потеряли еще раньше. Мы ничего не могли понять: Мундт, казалось, убирает их раньше, чем мы успеваем их завербовать. Я вернулся в Лондон и встретился с Контроллом. Присутствовали также Питер Гийом и Смили. Джордж действительно был в отставке и занимался какими-то научными изысканиями. Филология или что-то в таком роде.

Как бы то ни было, мысль об этом плане уже созрела. Человек должен сам войти в западню в качестве приманки, как выразился Контролл, и посмотреть, клюнут ли они на него. А тогда, мол, мы разработаем план — так сказать, задним числом. По методу индукции, сказал Смили. Допустим, Мундт — наш агент. Как бы мы его в таком случае оплачивали, как добирались бы до папок и так далее. Питер вспомнил, что года два назад какой-то араб пытался продать нам сведения о немецкой разведке, а мы отказались и только потом поняли, что допустили ошибку. Питеру пришло в голову использовать этот факт как доказательство того, что у нас эти сведения уже имелись. Неплохая, кстати, мысль. Об остальном вам нетрудно догадаться. Я прикинулся опустившимся пьяницей без гроша за душой, пополз слухи о том, что я запустил руку в государственную казну. Элси из расчетного отдела и кое-кто еще помогали нам их распускать, и, надо заметить, помогали блестяще,— добавил он даже с некоторой гордостью.— Выбрав одно субботнее утро, когда в лавке народу побольше, я учинил скандал, о нем написали в местной газете и даже в «Daily Worker». Полагаю, эта история тогда же и дошла до ваших людей. С того момента,— добавил он презрительно,— вы начали рыть яму сами себе.

— Не себе, а вам,— спокойно заметил Мундт, задумчиво глядя на Лимаса своими прозрачно-бесцветными глазами,— а, возможно, еще и товарищу Фидлеру.

— Фидлера винить, собственно, не в чем,— равнодушно сказал Лимас.— Он честно выполнял свою работу. А что он вас ненавидит, так в вашей разведке многие с удовольствием отправили бы вас на виселицу, Мундт.

— Вас-то мы, во всяком случае, на нее отправим,— возразил Мундт уверенно,— вы убили охранника, пытались убить и меня.

Лимас сухо улыбнулся.

— Ночью все кошки серы, Мундт. Смили всегда говорил, что эта затея плохо кончится. Что она повлечет за собой такие события, которыми мы не сможем управлять. Его нервы не выдержали, вам это известно. После дела Феннана или, что то же самое, после дела Мундта в Лондоне он так и не пришел в себя. Говорят, с ним тогда произошло что-то такое, из-за чего он покинул Кембриджскую площадь. Не могу только понять, почему мои счета оказались оплаченными, почему девушка получила помощь и всякое такое. Наверно, в Смили заговорила совесть, он решил, что нехорошо убивать людей или что-нибудь еще. Безумие, конечно. После всех приготовлений, после стольких усилий сорвать операцию таким способом! Но вас, Мундт, Смили ненавидит. Впрочем, как и все мы, хоть мы этого и не говорим. Операция готовилась в каком-то смысле как азартная игра... Теперь это трудно объяснить. Мы знали, что приперты к стенке, что Мундт победил, и старались убрать его. Но, помимо всего, был еще и элемент азартной игры. А относительно Фидлера вы не правы,— обратился он к членам Трибунала.— Он не наш агент. Зачем Лондону идти на риск, связываясь с человеком, занимающим такой пост, как Фидлер? Я допускаю, что они рассчитывали на него, зная, как он ненавидит Мундта. Кстати, у Фидлера есть все основания его ненавидеть. Фидлер — еврей. Верно? А вы все не можете не знать, как Мундт относится к евреям. Я вам сейчас кое-что расскажу, потому что, кроме меня, вам никто этого не расскажет. Мундт колотил Фидлера и приговаривал: «Еврей, еврей». Для вас не секрет, что за человек Мундт. Но вы его терпите за то, что он свое дело знает. Но...— он помолчал, прежде чем продолжать дальше,— черт возьми, в эту историю замешано достаточно людей и без того, чтобы Фидлер свернул себе на ней шею. Фидлер в полном порядке, уверяю вас... Идеологически подкован — так, кажется, у вас принято говорить.

Он посмотрел на членов Трибунала. Холодные взгляды ничего не выражают, кроме равнодушного любопытства. И Фидлер слушал Лимаса с беспристрастием опытного исследователя-натуралиста.

— Значит, операция была блестяще разработана, и только Лимас все дело испортил, так, что ли? — наконец спросил он.— Такой старой лисе, как Лимас, предлагают провести блестяще разработанную операцию, венчающую его карьеру, а он, видите ли, проваливает весь план из-за... Как вы ее назвали? Из-за неудачницы из захудалой библиотеки! Нет, не мог Лондон не быть в курсе дела. Не мог Смили действовать по своему собственному усмотрению. Странная штука,— он обернулся к Мундту,— зная, что вы следите за каждым шагом Лимаса — иначе ему не предложили бы разыгрывать опустившегося пьяницу,— они посылают деньги лавочнику, оплачивают счета за квартиру, покупают контракт для девушки... Я бы сказал, чересчур странно для людей с их опытом. Подарить девушке тысячу фунтов, зная, что она член партии, и хотеть после этого, чтобы она верила в крайне тяжелое материальное положение Лимаса! Только не вздумайте рассказывать мне, будто во всем виноват Смили, которого замучила совесть. Тут замешана рука Лондона. Зачем же им понадобилось идти на такой риск?

Лимас пожал плечами.

— Прав был Смили,— сказал он.— Мы не могли управлять последующими событиями. Мы, например, не ожидали, что меня привезут сюда. В Голландию — да. Но сюда...— Он помолчал.— А что вы привезете девушку, я уж и совсем не мог предположить. Я был последним кретином...

— Чего нельзя сказать о Мундте,— поспешил вставить Фидлер.— Он точно знал, чего хотеть. Он даже знал, что девушка даст необходимые показания. Необыкновенная прозорливость с его стороны, должен вам заметить. Даже история с контрактом не осталась для него секретом. Просто удивительно! И как только ему удалось узнать об этой истории! Девушка ему наверняка ничего о контракте не говорила. Я хорошо представляю себе характер девушки — она звука не проронила. Может быть, Мундт скажет нам,— Фидлер пристально посмотрел на Мундта,— каким образом ему удалось узнать о контракте?

«Мундт слишком медлит с ответом»,— подумал Лимас.

— По подписи,— сказал наконец Мундт.— Месяц тому назад девушка начала платить партийные взносы на десять шиллингов больше. Мне стало об этом известно, я постарался выяснить, откуда у нее появилась такая возможность, и мне это удалось.

— В высшей степени квалифицированный ответ,— холодно заметил Фидлер.

Наступила тишина.

— Я полагаю,— сказала председательница, испытующе посмотрев на своих коллег,— что Трибунал готов отчитаться перед Президиумом. Если, конечно, вам,— она уставилась на Фидлера своими маленькими, колючими глазками,— нечего добавить.

Фидлер опустил голову. Казалось, его что-то еще поражает.

— В таком случае,— продолжала председательница,— мои коллеги согласились на том, что товарищ Фидлер должен быть отстранен от занимаемой должности до тех пор, пока исполнительный комитет Президиума не рассмотрит вопрос о нем. Что касается Лимаса, то он остается под арестом. Напоминаю, что Трибунал не облечен исполнительной властью. Народный прокурор в сотрудничестве с товарищем Мундтом, безусловно, решит, какие меры наказания следует применить к английскому шпиону, провокатору и убийце.

Она посмотрела на Лимаса и затем на Мундта. Но Мундт не ответил на ее взгляд: он разглядывал

Окончание. См. «Огонек» №№ 15—22.

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

Фидлера, как палач, который оценивает будущую жертву.

И вдруг, как иногда случается с человеком, который слишком долго обманывал и под конец попался сам, Лимас с беспощадной ясностью до конца понял истинный план операции и ужаснулся.

КОМИССАР

Лиза стояла у окна спиной к охраннице и рассеянно смотрела во двор. Наверно, сюда выводят заключенных на прогулку. А комната, где она находится, видимо, чей-то кабинет. На столе возле телефонов — тарелка с едой, но Лиза к ней даже не притронулась. Ее тошнило, усталость свинцом налила все тело, болели ноги, лицо вспухло от слез, она была грязной. Сейчас бы в ванну! Хоть ненадолго!

— Почему не ешь? — опять спросила женщина.— Теперь уже все позади.

Охранница уговаривала ее отнюдь не из сострадания. Просто глупо не есть, когда дают.

— Не голодна я,— ответила Лиза.

Охранница пожала плечами.

— Тебе предстоит долгий путь,— заметила она,— да и приедешь — не очень-то разживешься.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что в Англии рабочим жрать нечего,— уверенно заявила охранница,— капиталисты их морят голодом.

Лиза собралась было возразить, но передумала. Ей нужно побольше разузнать, как можно больше, а эта женщина, безусловно, может ей сообщить много сведений.

— Где мы сейчас находимся?

— Будто ты не знаешь! — рассмеялась женщина.— Спросила бы их,— она кивнула на окно,— они живо тебе растолковали бы.

— Кто они такие?

— Заключенные.

— Что за заключенные?

— Враги народа, шпионы, агитаторы.

— Откуда вам известно, что они шпионы?

— От партии ничего не скроешь. Партия знает о людях больше, чем они сами о себе. Тебе что, не говорили об этом? — Охранница посмотрела на нее, покачала головой и заметила: — Англичане! Богачи отняли у вас будущее, а ваши бедняки продолжают их кормить. Вот что стряслось с англичанами.

— Кто вам это сказал?

Женщина только улыбнулась, но ничего не ответила. Она, казалось, была собой очень довольна.

— Значит, в этой тюрьме держат шпионов? — переспросила Лиза.

— Держат тех, кто отвергает социалистическую действительность, тех, кто думает, что ошибаться не грех, тех, кто тормозит развитие общества,— одним словом, изменников,— заключила охранница.

— Но в чем все-таки их вина?

— Социализм нельзя построить до тех пор, пока из людей не выкорчуют индивидуализм. Как ты воздвигнешь большое здание, если какая-то свинья строит на твоем пути свой свинарник?

— Откуда вы все это знаете? — удивилась Лиза.

— Я здесь комиссар, в этой тюрьме,— гордо ответила женщина.

— Вы очень умная,— сказала Лиза, подходя к ней.

— Я принадлежу к рабочему классу. Концепция о том, что умственный труд — труд высшей категории, должна быть разрушена. Никаких категорий — только рабочие. Нет разницы между физическим и умственным трудом. Ты что, Ленина не читала?

— Значит, в этой тюрьме сидят мыслящие люди?

— Да,— улыбнулась женщина,— реакционеры. Только называют они себя прогрессивным элементом. Для них личность важнее государства. Тебе известно, что Хрущев сказал о контрреволюции в Венгрии?

Лиза покачала головой. Нужно проявлять интерес, нужно заставить женщину говорить.

— Он сказал, что ничего подобного не случилось бы, если бы вовремя расстрелять парочку писателей.

— А кого расстреляют после этого суда? — живо заинтересовалась Лиза.

— Лимаса,— равнодушно ответила женщина,— да еще этого еврея Фидлера.

Лиза почувствовала, что теряет сознание. Но ей все же удалось нащупать спинку стула и сесть.

— А что Лимас сделал? — выдохнула она.

Женщина на нее посмотрела маленькими, хитрыми глазками. Тяжелое лицо, дряблая, бледная кожа, редкие волосы собраны в узел на жирном затылке.

— Убил охранника,— ответила она.

— Как?

Женщина пожала плечами.

— А еврей,— продолжала она,— возвел поклеп на преданного товарища.

— И за это Фидлера расстреляют? — усомнилась Лиза.

— Все евреи одним миром мазаны,— откомментировала женщина.— Товарищ Мундт знает, что делать с евреями. Не нужны они нам тут. Стоит им вступить в партию, как они уже воображают, будто она их собственность, а если они не вступают в партию, то считают ее своим врагом. Лимас и Фидлер, значит, устроили заговор против Мундта. Ну, будешь есть? — спросила она, показывая на стол.

Лиза покачала головой.

— Тогда я должна это съесть,— заявила она, намекая на то, что того требует от нее долг службы.— Смотри-ка, картошки тебе дали! Не иначе как хахаль у тебя на кухне завелся.

Она так вдохновилась своей остротой, что уплела всю Лизину порцию до последней крошки.

Лиза находилась в полном смятении. Мучительный клубок стыда, горя, страха подкатывал к горлу и душил ее, а перед глазами стоял Лимас. Он сидит

в зале суда, она в последний раз смотрит на него, а он избегает ее взгляда. Она его погубила, и у него не хватает духу даже взглянуть на нее перед смертью: не хочет, чтобы она прочла на его лице презрение, а возможно, и страх.

Но что же она могла сделать? Если бы только Лимас научил ее, как себя вести! Она и сейчас еще этого не знает. Пусть бы только подсказал! Ради него она готова лгать, хитрить — все, что угодно. Не мог он в этом сомневаться, он достаточно хорошо ее знает, она жизнь за него отдаст. И больше всего на свете она хотела доказать ему это на деле. Но откуда ей было знать, как отвечать на эти каверзные вопросы! Она чувствовала, что натворила что-то страшное. Воспаленное воображение рисовало ей жуткую картину. Она, совсем еще маленькая девочка, вдруг узнает, что, ступая по земле, каждым своим шагом она убивает сотни крохотных живых существ, и ее охватывает ужас. И вот теперь, лгала ли она, говорила ли правду или даже молчала, она убивала человека — сомнений на этот счет быть не могло,— а возможно, и двух людей сразу. Потому что есть еще этот еврей Фидлер, который к ней так тепло отнесся, взял за руку, сказал, чтобы она уехала в Англию... Фидлера расстреляют — так сказала охранница. Но почему Фидлера? Почему не того старика, который задавал ей вопросы, или того блондина, что сидел в первом ряду между стражей и все время улыбался? Стоило ей обернуться, как она видела его светлые волосы, гладкое, жестокое лицо и легкую улыбку, будто все происходящее было лишь шуткой. Только и утешала мысль о том, что Лимас и Фидлер оказались в одном лагере.

— Чего мы здесь ждем? — спросила она у охранницы.

Та отодвинула тарелку и встала.

— Инструкций,— ответила она,— они решают, нужно ли тебе остаться.

— Остаться? — удивилась Лиза.

— А вдруг потребуются еще доказательства! Может, Фидлера раньше судить будут! Я же тебе сказала: Фидлера подозревают в том, что он в заговоре с Лимасом.

— Против кого? И как они могли устроить заговор? Лимас жил в Англии... Как он сюда попал? Он же не член партии!

Женщина покачала головой.

— Секрет,— сказала она.— Кроме Президиума, это никого не касается. Может, еврей его сюда привез...

— Но вы-то знаете,— настаивала Лиза, стараясь польстить ей,— вы же комиссар тюрьмы, от вас-то они не скрыли!

— Может, и не скрыли, да секрет есть секрет,— ответила самодовольно женщина.— Большой секрет,— повторила она.

Зазвонил телефон. Женщина сняла трубку, послушала, потом, посмотрев на Лизу, сказала: «Да, да, товарищ, сейчас»,— и положила трубку.

— Так и есть, тебе нужно остаться,— обратилась она к Лизе.— Президиум будет разбирать дело Фидлера, поэтому тебя пока оставляют здесь. Так распорядился товарищ Мундт.

— А кто такой Мундт?

Женщина хитро посмотрела на нее.

— Так распорядился Президиум,— сказала она.

— Я не хочу оставаться!— крикнула Лиза.— Я хочу...

— Партия знает о нас больше, чем мы сами о себе,— перебила женщина.— Ты должна остаться здесь. Так хочет партия.

— А кто такой Мундт? — снова спросила Лиза, но ответа не получила.

Она медленно шла за охранницей по нескончаемым коридорам, проходила мимо решеток, мимо часовых, мимо железных дверей, за которыми не слышалось ни звука, сходила вниз по длинным лестницам, пересекала подземные дворы, и, наконец, ей показалось, что она спускается в саму преисподнюю и там уже никто ей не скажет, когда Лимас умрет.

Она не знала, который час, когда в коридоре возле ее камеры послышались шаги. Наверно, часов пять вечера, а может, полночь. С тех пор как она попала в камеру, она ни разу не заснула, только вглядывалась в темноту и прислушивалась к тишине. Ей и в голову не приходило, что тишина может быть такой страшной. Один раз она не выдержала и закричала — даже эхо ей не ответило. Только воспоминание о собственном голосе осталось. Ей показалось, что крик разбился о твердую, как скала, темноту. Не вставая с кровати, она пошарила в темноте руками — руки отяжелели, словно опущенные в воду. Она знала, что камера маленькая. Кровать, на которой она сидела, умывальник без крана и грубый деревянный стол. Все это она заметила, когда входила в камеру, но дверь за ней сразу же закрылась, и наступила кромешная мгла. Она бросилась на кровать, ударившись о железную спинку — не рассчитала расстояния,— и сидела, дрожа от страха, пока не послышались шаги и дверь камеры резко распахнулась.

Она сразу же его узнала, хотя на фоне тусклого света в коридоре силуэт едва вырисовывался. Строгий профиль, прямая линия щеки, короткие волосы.

— Это я, Мундт,— сказал он.— Иди за мной. Живо!

Голос звучал презрительно, но сдержанно, словно он боялся, чтобы его не подслушали. Лиза помертвела. Она вдруг вспомнила слова охранницы: «Мундт знает, что делать с евреями»,— и стояла у кровати, не зная, как быть, и не сводя с него глаз.

— Скорее, дура! — Он сделал шаг вперед и схватил ее за руку.— Скорее!

Она дала себя вывести в коридор. Потрясенная, она смотрела, как Мундт тихонько запирает дверь камеры. Грубо схватив ее за руку, он чуть ли не бегом провел ее по первому коридору. До нее доносился отдаленный шум кондиционеров, и время от времени слышались шаги в соседнем коридоре. Она заметила, что Мундт соблюдает осторожность: у поперечных коридоров останавливается и даже возвращается назад, не идет дальше, пока не убедится, что впереди никого нет. Он, видимо, не сомневался, что она следует за ним и понимает, в чем дело, словно находится с ним в заговоре.

Вдруг он остановился и вставил ключ в замочную скважину металлической двери. Лиза ждала, холодея от ужаса. Он распахнул дверь, и морозный ночной воздух ударил ей в лицо. Он поспешно обернулся к ней, и она спустилась за ним по двум ступенькам на посыпанную гравием дорожку, проложенную через огород. По этой дорожке они дошли до готических ворот. За воротами на дороге стояла машина, а перед ней — Алек Лимас. Она двинулась было вперед, но Мундт сказал: «Стой здесь и жди».

Мундт подошел к Лимасу один, а Лиза ждала, как ей показалось, целую вечность. Она смотрела на обоих мужчин, которые тихо и торопливо переговаривались между собой. Сердце бешено колотилось. От холода и страха она дрожала всем телом. Наконец Мундт вернулся.

— Идем,— сказал он и подвел ее к Лимасу.

Мужчины быстро переглянулись.

— До свидания,— равнодушно произнес Мундт.— Вы, Лимас, все-таки сумасшедший,— добавил он.— Она такая же дрянь, как и Фидлер.

Не сказав больше ни слова, он повернулся и быстро ушел в темноту.

Она хотела обнять Алека, но он, почти отвернувшись, снял ее руку со своего плеча, открыл дверцу и знаком пригласил ее сесть в машину. Она медлила.

— Алек,— прошептала она,— Алек, что происходит? Почему он тебя отпустил?

— Замолчи,— тоже шепотом сказал Лимас,— даже думать об этом не смей, слышишь? Садись.

— Что он сказал о Фидлере? Алек, почему он нас отпустил?

— Потому что мы свое дело сделали. Скорей садись!

Подчиняясь его непреклонной воле, она села в машину и закрыла дверцу. Лимас сел за руль рядом с ней.

— Что за сделку ты с ним заключил? — не унималась она, и в голосе звучали подозрение и страх.— Мне сказали, что тебя будут судить за заговор против Мундта. Тебя и Фидлера. Как же он тебя отпустил?

Лимас уже вел машину на большой скорости. По обеим сторонам узкой дороги тянулись поля, вдали темнели холмы, а у самого горизонта горы сливались с ночным небом. Лимас посмотрел на часы.

— Мы в пяти часах езды от Берлина,— сказал он,— нам нужно прибыть в Копеник без четверти час. Мы вполне успеваем.

Лиза долго молчала. Она смотрела в окно на пустую дорогу, мысли путались в ее голове, она не могла в них разобраться. Взошла полная луна, и над полями повисли причудливые хлопья морозного тумана. Они выехали на шоссе.

— Ты заставил Мундта меня отпустить, потому что тебя замучила совесть из-за меня? — спросила она наконец.

Лимас не ответил.

— Вы с Мундтом враги, верно?

Он снова промолчал. Машина шла теперь на очень большой скорости — спидометр показывал сто двадцать километров в час. Дорога стала ухабистой и тряской. Лимас рвался вперед, не снимая рук с баранки. Лиза заметила, что он даже не гасит фар перед встречными машинами.

— Что будет с Фидлером? — неожиданно спросила Лиза, и на этот раз Лимас ответил:

— Его расстреляют.

— Почему же не расстреляли тебя? — поспешно спросила Лиза.— Ты был в заговоре с Фидлером против Мундта, да еще, говорят, ты убил охранника. Почему же Мундт тебя отпустил?

— Ладно! — вдруг выкрикнул Лимас.— Отвечу на твой вопрос! Я сейчас скажу тебе то, чего ни ты, ни я не должны были бы знать: Мундт — английский агент, Лондон купил его, когда он был в Англии. Мы присутствовали при развязке грязной истории, затеянной, чтобы спасти шкуру Мундта. Спасти от умного еврея, работавшего у него в отделе и начавшего догадываться об истинном положении вещей. Нас заставили убить его, понимаешь, убить этого умного еврея. Теперь ты все знаешь, и да поможет нам Бог, тебе и мне.

СТЕНА

— Если так, Алек,— сказала она наконец,— какую же роль во всей этой истории играла я?

Голос звучал спокойно, по-деловому.

— Об этом, Лиза, я могу только догадываться. Судя по тому, что знаю сам и что мне сказал Мундт, перед тем как отпустил нас, Фидлер начал подозревать Мундта с того самого момента, как тот вернулся из Англии. Подозревать в том, что он ведет двойную игру. Конечно, Фидлер его ненавидел — еще бы! — но, независимо от этого, он оказался прав: Мундт действительно агент Лондона. Фидлер занимал слишком высокий пост, чтобы Мундт мог убрать его сам. Поэтому Лондон решил это сделать за Мундта. Только теперь я понял, как ловко все подстроено. Я так и вижу, как они сидят у камина в одном из своих вонючих клубов и разрабатывают план. Они знали, что просто убрать Фидлера — мало: он мог уже кое-что рассказать своим друзьям, подготовить письменное обвинение. Им нужно было убить саму возможность подозрения. И они организовали публичное оправдание Мундта.

Он свернул в левый ряд, стараясь обогнать грузовик с прицепом. Но грузовик неожиданно загородил им дорогу. Лимасу пришлось резко затормозить, чтобы не врезаться в забор слева от него.

— Мне велели подобрать факты таким образом, чтобы они свидетельствовали против Мундта,— продолжал он просто,— и сказали, что его нужно убрать. Я согласился. Это было мое последнее задание перед уходом на пенсию. Выполняя его, я, как ты знаешь, прикинулся опустившимся человеком, побил лавочника...

— И начал жить со мной? — поспешно спросила она.

Лимас покачал головой.

— Но трюк состоял в том,— продолжал он,— что Мундту было все известно, весь план. Вместе с Фидлером они велели своим людям доставить меня сюда. Дальше Мундт предоставил Фидлеру действовать по его усмотрению, так как знал, что в конечном итоге Фидлер сам себе роет яму. Мое задание сводилось к тому, чтобы убедить их в истинной правде: в том, что Мундт — английский шпион. Твоя же роль заключалась в том, чтобы разоблачить меня. А дальше все очень просто. Мундт в результате разоблачения спасается от фашистского заговора, а Фидлера приговаривают к расстрелу. Старый способ — доказательство от противного.

— Но как они узнали о моем существовании? Как могли предвидеть, что мы встретимся? — воскликнула Лиза.— Что за сверхъестественное провидение, Алек? Получается, что им дано предсказывать, когда люди влюбятся друг в друга?

— Не в этом дело. Они выбрали тебя потому, что ты молодая и красивая. Да еще член партии. Значит, тебя можно направить в Германию. Потому-то Питт из бюро по трудоустройству и послал меня в библиотеку. Во время войны Питт работал в разведке, и, как я понимаю, ему дали задание. Им нужно было только одно: свести нас вместе. Пусть хоть на один день — не важно. В таком случае они получали возможность, посылая тебе деньги, создать видимость связи между нами, даже если бы ее и не было. Понимаешь? Кстати, необязательно создавать видимость связи, слепое увлечение с моей стороны тоже годится. Главное — свести нас, получить возможность посылать тебе деньги от моего имени. Мы же только облегчили им задачу.

— Да, Алек... Я чувствую себя так, словно меня вываляли в грязи.

Лимас ничего не сказал.

— А что, твоему отделу приятнее использовать члена партии, чем беспартийную девушку? — спросила Лиза.

— Возможно,— сказал Лимас.— Хотя, по правде говоря, им безразлично. Просто более подходящий вариант для данной операции — только и всего.

— Мундт хотел оставить меня в тюрьме, верно? Он считал безумием с твоей стороны идти на риск. Могло случиться, что я слишком много знаю, о многом догадываюсь. Фидлер-то невиновен. Просто поскольку он еврей,— сказала она взволнованно,— то это для них не имеет значения, верно?

— Ради Бога! Прошу тебя! — воскликнул Лимас.

— Все-таки очень странно, что Мундт меня отпустил. Даже если он заключил с тобой какую-то сделку. Я теперь для них опасна. Вернее, буду опасна, когда вернемся в Лондон: член партии, знающий

такие вещи. Не вижу логики в том, что он меня отпустил.

— Я думаю,— сказал Лимас,— наше бегство послужит Мундту хорошим предлогом доказать Президиуму, что в отделе есть и другие фидлеры, которых нужно сбросить с их постов.

— Другие евреи?

— Таким способом он укрепит свое положение,— сухо ответил Лимас.

— Убив еще больше невиновных людей? Ты, кажется, не очень беспокоишься на этот счет.

— Беспокоюсь, очень беспокоюсь! Я сгораю от стыда, от ярости, от... Но я иначе воспитан, Лиза. Я не могу видеть мир черно-белым. Люди, ведущие сложную игру, идут на риск. Фидлер проиграл — Мундт выиграл. А с ним заодно и Лондон. Вот в чем суть. Операция действительно гнусная. Но она увенчалась успехом, а это единственный критерий игры.

Он говорил все громче и громче, почти кричал.

— Ты пытаешься уговорить самого себя,— оборвала его Лиза.— Подлость есть подлость. Как ты мог убить Фидлера? Он честный, Алек, я знаю, что он честный, а Мундт...

— Почему ты предъявляешь претензии? — безжалостно перебил Лимас.— Твоя партия тоже ведет постоянную войну. Разве не так? Личность в жертву массам — вот ее девиз. Что такое социалистическая действительность? Борьба днем и ночью. Беспощадная борьба! Разве не так они заявляют? Хорошо еще, что ты уцелела. Я никогда не слышал, чтобы коммунисты проповедовали неприкосновенность человеческой жизни. Может, я ошибаюсь? — саркастически спросил он.— По их замыслу, тебя должны были уничтожить. Мундт — грязная свинья. Он не видел смысла оставлять тебя в живых. Его обещания — а я полагаю, он тебе обещал сделать все возможное для твоего спасения — не стоят выеденного яйца. Так что ты могла умереть в любой момент: сегодня, завтра, через год... Сгнить в тюрьме, в их раю для рабочих. Как, впрочем, и я. Но, насколько мне известно, цель твоей партии — разрушить целый класс. Или я ошибаюсь?

Он достал из кармана пачку сигарет и протянул ей вместе со спичками. Она закурила сама и протянула зажженную сигарету Лимасу. Руки у нее дрожали.

— Я вижу, ты досконально изучил вопрос,— заметила она.

— Есть люди, которые случайно попадают под нужные им мерки,— продолжал Лимас.— Таких мне очень жаль. В том числе и себя самого. Но не нужно жаловаться на правила игры, Лиза. Эти правила навязаны твоей партией: за маленькую цену — большая прибыль. Один приносится в жертву многим. А вот когда нужно выбрать этого одного, перейти от теории к живому человеку, тогда картина получается не очень-то привлекательной, я это знаю.

Она слушала его внимательно, но, скованная ужасом, не могла ничего осознать, кроме темной дороги, раскручивающейся перед ними.

— Однако они дали мне возможность любить тебя,— наконец сказала она,— и ты сам позволил поверить в тебя и полюбить.

— Они нас использовали,— безжалостно сказал Лимас.— Обманули обоих, потому что им так нужно было. Другого выхода не было. Как ты не понимаешь? Фидлер находился почти у цели, Мундт, можно сказать, был обречен, что тут не понимать...

— Ты удивительно умеешь перевернуть все наоборот! — вдруг крикнула она.— Фидлер — хороший человек. Он просто честно выполнял свою работу, а ты его убил. Мундт — фашист. Ты что, об этом не знаешь? Он ненавидит евреев. На чьей же стороне ты? Как ты можешь...

— В этой игре действует только один закон,— возразил Лимас.— Мундт их человек, и он им нужен. Нужен, чтобы массы слепых глупцов, которыми ты так восхищаешься, спокойно спали по ночам в своих постелях. Чтобы обеспечить безопасность простым людям, как мы с тобой.

— А как же все-таки Фидлер? Его судьба тебя не тревожит?

— Война есть война,— возразил Лимас.— История с Фидлером тебя беспокоит потому, что она происходит у тебя под носом, ты ее видишь воочию. И для меня не секрет, что иногда гибнет много невинных людей. Но это капля в море по сравнению с другими войнами, например, с прошлой или с будущей.

— О господи,— сказала Лиза мягко,— ничего ты не понимаешь. Не хочешь понять. Стараешься убедить самого себя. То, что они делают, намного хуже, чем ты пытаешься представить. Они выискивают в людях гуманные чувства — во мне и в других — и обращают эти чувства в свое оружие пыток, насилия, убийства...

— Боже праведный! — воскликнул Лимас.— А чем же еще люди занимались и занимаются от сотворения мира и до наших дней? Я ни во что не верю. Понимаешь, ни во что! Включая разрушение и анархию. С меня довольно убийств, они стоят у меня поперек горла. Но я не вижу, что еще остается делать лондонским заправилам. Они не переходят в чужую веру, не проповедуют с амвона веру в Бога, не прокламируют с партийных трибун борьбу за мир или за что бы то ни было. Они просто жалкие выродки, которые пытаются помешать апостолам разных религий перегрызть друг другу глотки.

— Ты не прав,— безнадежно сказала Лиза,— они гораздо хуже всех нас.

— Потому что я с тобой жил, прикинувшись бродягой? — в ярости спросил Лимас.

— Потому что они презирают все подлинно ценное,— возразила Лиза.— Презирают любовь, презирают...

— Верно,— неожиданно согласился Лимас, почувствовав вдруг бесконечную усталость.— Такова цена, которую они платят за то, что презирают Бога и Карла Маркса, вместе взятых. Если ты это имеешь в виду.

— Безразличие ставит тебя на одну доску с Мундтом и остальными,— продолжала Лиза.— Я знаю, меня нужно было убрать с дороги: я им мешала. А тебе я мешала потому, что тебе все безразлично. Только Фидлеру я не мешала. Но всем вам... Все вы обращались со мной как с пустым местом, как с разменной монетой... Все вы, Алек, одинаковые.

— Лиза, ради Бога, поверь мне,— сказал он в отчаянии,— я все это ненавижу лютой ненавистью. Я устал, с меня довольно. Но мир сошел с ума, человечество взбесилось. Мы капля в море. Кто с нами считается?! Что мы можем изменить?! Везде одно и то же. Людей используют в корыстных целях, расстреливают, сажают в тюрьмы, стирают с лица земли целые классы. Посмотри на себя! Твоя партия построена на трупах простых людей. Тебе никогда не приходилось видеть смерть простых людей так близко, как видел ее я...

Пока он говорил, Лиза вспоминала тюремный двор и слова охранницы: «В этой тюрьме держат тех, кто тормозит развитие общества, тех, кто думает, что ошибаться не грех...»

Вдруг Лимас внимательно и напряженно стал вглядываться через ветровое стекло. В свете фар Лиза различила силуэт мужчины. Он стоял на дороге и маленьким фонариком описывал круги в воздухе. «Это он»,— пробормотал Лимас, выключил фары и тихонько подъехал к нему. Поравнявшись с ним, Лимас откинулся назад и открыл дверцу.

Лиза не обернулась, когда человек садился в машину. Она молча смотрела перед собой на затопленную дождем дорогу.

— Поезжайте на скорости тридцать километров в час,— сказал человек напряженным, взволнованным голосом.— Я покажу вам дорогу. Когда приедем туда, вам придется выйти из машины и добежать до того места, где вы должны перебраться через стену. Прожектор будет включен. Не шевелитесь, пока луч не переместится подальше. Только тогда начинайте карабкаться. В вашем распоряжении будет девяносто секунд. Вы — первый,— сказал он Лимасу,— девушка за вами. Внизу есть железные скобы, а дальше будете карабкаться, уж как сможете. Доберетесь до верха, сядете и втащите ее. Поняли?

— Поняли,— сказал Лимас.— Сколько у нас остается времени?

— При скорости тридцать километров в час мы доедем туда примерно минут за девять. Прожектор осветит стену ровно в пять минут второго. У вас только девяносто секунд и ни на одну больше.

— А что произойдет через девяносто секунд? — спросил Лимас.

— Вам дается только девяносто секунд,— повторил человек.— Иначе совсем опасно. Всего один пост в курсе дела. Им сказали, что вас хотят заслать в Западный Берлин и нужно сохранить видимость простого побега. Девяносто секунд достаточно.

— Надеюсь,— сказал Лимас сухо.— Сколько на ваших?

— Я сверил свои часы с часами сержанта подразделения,— ответил человек и зажег на секунду свет над задним сиденьем.— Сейчас двадцать четыре часа сорок восемь минут. Еще семь минут ждать.

Они сидели в полной тишине, и только дождь стучал по машине. Перед ними расстилалась мощеная дорога, слабо освещенная фонарями, отстоящими друг от друга на расстоянии ста метров. Вокруг ни души. Небо светится каким-то искусственным светом. Время от времени вдали вспыхивает луч и гаснет. Слева над горизонтом Лимас заметил мигающий свет. Что-то вроде отблесков пожара.

— Что там? — спросил он.

— Служба информации,— ответил человек.— Световое табло указывает направление на Восточный Берлин.

— Ясно,— пробормотал Лимас.

Они почти прибыли к назначенному месту.

— О том, чтобы вернуться назад, не может быть и речи,— сказал человек.— Он вас предупредил? Второго случая бежать не будет.

— Я знаю,— ответил Лимас.

— Если что-нибудь не получится, скажем, вы упадете или ушибетесь,— назад не возвращайтесь. В районе стены стреляют. Вам необходимо перебраться на ту сторону.

— Мы знаем,— повторил Лимас.— Он меня предупредил.

— Из машины вы должны выйти, когда подъедем к району стены.

— Тоже знаем. Заткнитесь,— огрызнулся Лимас и, помолчав, добавил: — Машину отвезете обратно?

— Как только вы из нее выйдете. Для меня тоже опасно находиться здесь,— ответил человек.

— Совсем скверно,— сухо заметил Лимас.

Снова молчание. Потом он спросил:

— У вас есть пистолет?

— Да,— сказал человек,— но я не могу его дать вам. Он предупредил, чтобы я не давал, хоть вы наверняка будете просить.

— Именно этого я от него и ожидал,— рассмеялся Лимас.

Он нажал на стартер, и машина медленно двинулась. Им показалось, что она подняла шум на всю улицу.

Метров через триста человек возбужденно прошептал: «Теперь направо, а потом налево». Они выехали на узкую поперечную улицу. По обеим сторонам стояли пустые ларьки, между которыми машина едва проходила.

— Сейчас налево!

Они снова повернули и очутились как бы в тупике между двумя высокими домами. Через улицу была натянута веревка с бельем, и Лиза усомнилась, удастся ли им проехать под ней. В конце, как им казалось, тупика человек сказал:

— Снова налево и прямо.

Лимас выехал на широкую улицу. Слева стоял сломанный забор, справа — высокое здание без окон. Где-то над ними послышался женский голос, и Лимас пробормотал: «Заткнись-ка, ты». Он развернулся чуть ли не под прямым углом и выехал на широкую дорогу.

— Теперь куда?

— Прямо и между аптекой и почтой свернете.

Человек так сильно наклонился вперед, что почти касался головой их голов. Пальцем он уперся в ветровое стекло, показывая дорогу.

— Откиньтесь назад и уберите руку,— прошипел Лимас,— я же из-за вас ничего, черт возьми, не вижу.

Он быстро пересек дорогу и неожиданно увидел с левой стороны приземистый силуэт Бранденбургских ворот. Метрах в трехстах, не больше. У их основания тянулась мрачная линия военных укреплений.

— Мы почти приехали. Сбавляйте скорость. Налево, налево! Сворачивайте налево! — крикнул человек.

Лимас едва успел повернуть руль. Они въехали через ворота в какой-то двор. Почти все окна без стекол или забиты досками. Двери настежь. На другом конце двора еще ворота.

— Выезжайте через те ворота,— поспешно прошептал человек.— и сразу же направо. Там увидите фонарь. За ним еще один, разбитый. Доедете до него, выключайте газ и катите, пока не увидите светящийся пожарный кран.

— Какого черта вы сами не сели за руль?

— Он предупредил, чтобы машину вели вы, что так безопаснее.

Они выехали из ворот, резко свернули направо и оказались на узкой, темной улице.

— Выключайте фары!

Лимас выключил фары и медленно поехал к первому фонарю. А вот и второй фонарь. Метров через двадцать, миновав пожарный кран, Лимас нажал на тормоза, и машина остановилась.

— Где мы? — тихо спросил он.— Мы только что пересекли Лениналлее, верно?

— Грейфсвольдерштрассе. Потом повернули на север, и сейчас мы на Бернауэрштрассе.

— Панков?

— Совсем близко. Смотрите,— сказал человек, показывая на пересекающую улицу.

На противоположном ее конце в колеблющемся свете прожекторов маячила серо-коричневая стена. Поверху натянут тройной ряд колючей проволоки.

— Как девушка переберется через проволоку? — спросил Лимас.

— В этом месте проволока перерезана. У вас остается одна минута, чтобы добраться до стены. Прощайте.

Все трое вышли из машины. Лимас взял Лизу за руку. Она вздрогнула, словно он причинил ей боль.

— Прощайте,— повторил немец.

— Не угоняйте машину, пока мы не переберемся на ту сторону,— все-таки прошептал Лимас.

Лиза посмотрела на немца. Молодое, грустное лицо юноши, который силится казаться храбрым.

— Прощайте,— сказала Лиза.

Она высвободила свою руку, пересекла вслед за

Лимасом дорогу и вошла в узкую улочку, ведущую к стене.

В этот момент они услышали, как машина отъехала и помчалась в обратный путь.

— Так-так, сволочь, отбирай от нас соломинку,— прошептал Лимас, оглядываясь на удаляющуюся машину.

Лиза едва расслышала его слова.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ХОЛОДА

Они шли быстрым шагом. Время от времени Лимас оглядывался проверить, не отстала ли Лиза. В конце улочки он остановился, нырнул в тень от подъезда и посмотрел на часы.

— Две минуты,— прошептал он.

Лиза ничего не сказала и только пристально смотрела на стену, по другую сторону которой высилась темная глыба разрушенных домов.

— Две минуты,— повторил Лимас.

Перед ними вдоль стены тянулась открытая зона метров в тридцать. Справа метрах в шестидесяти виднелась сторожевая вышка. Установленный на ней прожектор прочесывал открытую зону. В воздухе повис мелкий дождь, размывая беловатый свет ламп. Что за ними — не видно. Вокруг ни души. Ни единого звука. Пустая сцена с мрачными декорациями.

Луч прожектора, посылаемый со сторожевой вышки, начал прощупывать стену, направляясь в их сторону. Каждый раз, когда он останавливался, они различали отдельные кирпичи и неровные цементные жилки между ними. Вот луч остановился прямо напротив них. Лимас посмотрел на часы.

— Ты готова? — спросил он.

Она кивнула.

Взяв ее за руку, он уверенным шагом направился к открытому пространству. Лизе хотелось бежать бегом, но он ее так крепко держал, что об этом и думать было нечего. Они прошли уже половину расстояния до стены. Ослепительный полукруг повис над ними. Лимас твердо решил не отпускать Лизу от себя ни на шаг: боялся, что Мундт не сдержит своего обещания и в последнюю минуту каким-нибудь способом отнимет ее у него.

Они почти дошли до стены, когда луч резко свернул на север, оставив их в полной темноте. Не выпуская Лизиной руки, Лимас продолжал идти на ощупь, выставив вперед левую руку, пока она не наткнулась на неровную поверхность кирпичей. Теперь он различил стену и, подняв глаза, увидел колючую проволоку, натянутую в три ряда на железные рогатки. Они напоминали черных питонов, задравших головы к небу. Карабкаясь к самой высокой из них, Лимас подтянулся на руках и очутился на верху стены. Дернул проволоку книзу — разрезана.

— Поднимайся,— прошептал он.

Он лег плашмя, спустил руку и поймал Лизину руку, которую она ему протянула. Ногами Лиза искала первую металлическую скобу. Лимас начал подтаскивать Лизу к себе.

Вдруг вся стена всполыхнула огнем: со всех сторон, сверху, с боков на нее хлынули лучи и, скрестившись, засекли его и Лизу.

Ослепленный прожекторами, Лимас отвернул лицо и сильно потянул Лизу за руку. Лиза повисла на ней, а ему показалось, что она соскользнула со скобы, и, заорав как сумасшедший, он еще сильнее стал тащить Лизу вверх. «Сюда, сюда, ко мне, ко мне...» Он ничего не видел, кроме цветных кругов, которые плясали у него перед глазами.

И тут истерически завыли сирены, отдавая приказ всем постам. Привстав на колени, Лимас схватил Лизу за обе руки и, почти теряя равновесие, сантиметр за сантиметром начал втаскивать ее наверх.

Тогда они открыли огонь. Раздалось одновременно несколько отдельных выстрелов, и Лиза вздрогнула. Он почувствовал, как ее тонкие руки выскользнули из его рук. По другую сторону стены кто-то крикнул ему по-английски:

— Прыгай, Алек, прыгай, старина!

Потом закричали все вместе, его звали на всех языках сразу: на английском, на французском, на немецком... Он довольно отчетливо услышал голос Смили:

— А девушка? Где девушка?

Прикрыв глаза рукой от слепящего света, Лимас посмотрел вниз. Она неподвижно лежала у подножия стены. На секунду он задумался, но тут же начал медленно спускаться по уже знакомым уступам и очутился возле нее. Лиза была мертва. Лицо повернуто к стене, черные волосы прикрыли щеку, словно предохраняя ее от дождя.

Казалось, они не решаются снова открыть огонь. Раздалась команда, но выстрелов так и не последовало. Наконец, первый выстрел в него, потом второй и третий. Лимас стоял неподвижно и поводил вокруг себя остекленевшими глазами — ослепший бык посреди арены. Уже падая, он увидел перед собой маленькую машину. В ней сидели дети и весело махали ему руками.

Перевела с английского С. ТАРТАКОВСКАЯ.

Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунки
М. ПЕТРОВОЙ

РОУМЭН, АСУНСЬОН, НОЯБРЬ, 1946

В точно и заранее обозначенное время Роумэн позвонил — с центральной почты — в лиссабонский пансионат «Пингвин» и попросил к аппарату «сеньора Сарака»; фамилию Спарка специально произнес с ошибкой, невнятно. Если Грегори не ответит, значит, что-то случилось, надо здесь все бросать и гнать в Европу, там Криста. Я не мог ей запретить сделать то, что она решила; странно, Штирлиц словно бы знал о нашем разговоре, когда она сказала, что обязана сделать то, без чего невозможно жить; Гаузнер был одним из тех, кто сделал ее сиротой и лишил юности; я не вправе запрещать ей что бы то ни было; в конечном счете все несчастья в семьях проистекают из-за того, что обручальное кольцо становится первым звеном в той цепи, которая рано или поздно закует мужа или жену (все зависит от того, кто с первого же часа стал доминировать в союзе; равенства в браке не бывает, химера и дезинформация; обязательно, как и в любом человеческом сообществе, кто-то становится лидером). Она хочет быть со мною в д е л е, и она имеет на это право; сиди она под замком в Нью-Йорке или в Голливуде, я все равно не могу быть спокоен за нее, пока есть Кемпы и Пепе; мы живем под топором, нечего закрывать на это глаза; борьба за нашу с ней жизнь конкретно увязана с выходом на сеть наци, которые затаились в ожидании своего часа; вот она, нерасторжимость личного и общественного; голый лозунг университетских леваков оказался практикой моего существования, вот жизнь, а?!

— Сеньора Спарка нет в номере двенадцать, соединяю с сеньорой,— ответил портье. С какой еще «сеньорой», ведь Элизабет осталась с мальчиками; чертовщина какая-то!

— Да.

Говорила Криста; голос до того ровный и спокойный, что Роумэн сразу же почувствовал в нем страшную усталость; представил ее себе лежащей на тахте возле телефона с серым, отсутствующим лицом; он помнил ее такой в Мадриде; потом только понял — такое было с ней после встреч с Кемпом.

— Сеньора Сарак? — переспросил Роумэн.

— О, милый!

Голос ожил сразу же, зазвенел; она, наверное, поднялась, потянулась к аппарату, конопушка, но почему миссис Спарк, не может ведь она жить с Грегори в одном номере?! «А почему?» — спросил его какой-то чужой, подхихикивающий голос; Роумэн даже зажмурился от ненависти к себе, как можно держать внутри такую гадость?!

— Это ты?! Почему ты молчишь?! Милый?!

— Я молчу оттого, что дьявольски счастлив тебя слышать. Я так соскучился без тебя! Просто сил нет... Сеньора Сарак...

— Я караулю тебя в его комнате, милый, он у наших друзей, они больны, он ухаживает за ними, какое счастье, что ты жив и здоров, боже! Хорошо, если бы ты мог сюда прилететь! Но сначала ты должен попасть в... Ты должен полюбоваться сказочным местечком в джунглях, там, где до этого был твой друг, тебе хочет рассказать массу интересного мистер Райфель, у него там торговля электротоварами, очаровательный человек, ему раньше помогал мистер Гауз, понимаешь?

— Да,— ответил он, подумав, что об этом друге Гаузнера в Игуасу Штирлиц ничего и не слыхал.— У тебя очень уставший голос.

— Ты позвонил, и все прошло... Мне сейчас стало так хорошо, милый, так спокойно, что просто даже замечательно! Ты слышишь меня? Я ужасно д о р о г о болтаю, да? И непременно посмотри памятники архитектуры в Кордове, это Аргентина, там так много интересного, родной! Тебе много чего расскажет мистер Лопес, он инженер, живет на Калле Санта Анна, все знает об истории города. Ты запомнил, сеньор Хуан-Альфрид Лопес? Это близкие друзья того человека, которого мы отыскали, он и его босс мистер Ланхер уже выслали тебе рекомендательные письма на адрес твоего отеля (так было уговорено: окно до востребования называть «отелем»; как легко и точно она произносит слова-символы, слова пароля; молодец. «А Гаузнеру она говорила так же?» — Он ничего не мог поделать с этим страшным голосом, только еще крепче сжал трубку).

Она, словно бы почувствовав нечто, спросила:

— Почему ты молчишь, милый?

— Я тебя слушаю, конопуша, я живу твоим голосом. Мы встретимся в вашем отеле, когда я вылечу из здешней дыры? Или ты хочешь податься на север, чтобы отдохнуть от жары?

— Мы будем ждать твоего звонка здесь. Только обязательно позвони. Я не спрашиваю, сколько времени займет знакомство с теми местами, которые тебе будет так интересно увидеть, но я очень, просто ужасно жду тебя! Нам бы надо было слетать в Австрию, говорят, под Линцем уже выпал снег... И в Гамбург... Но без тебя мы не решаемся, особенно пока я не отладила все формальности дома...

— Но у вас все в порядке?

— Да, да! — слишком уж торопливо ответила Криста.— Не волнуйся о нас, теперь все в порядке, хотя мы здорово намучились в дороге...

— Но сейчас все хорошо?

— Да...

— Честное слово?

— Честное слово, не волнуйся, пожалуйста, и будь крайне осторожен в джунглях, там смертельно опасно, любимый, рыси обычно нападают со спины, мне говорили знающие люди...

Все ясно, они караулят где-то в пригородах Ригельта и его связника или босса, которого зовут Ланхер, эта фамилия мне незнакома. Они караулят их, потому что не верят ни единому их слову, и правильно делают, так было уговорено... Но неужели и ты не веришь женщине, которая стала твоей женой?

Роумэн вышел в декабрьский зной, показавшийся ему липким и грязным. Неужели ты ревнуешь ее к прошлому, спросил он себя. Ты спокоен, лишь когда держишь ее, словно вещь, около себя; фактор постоянного присутствия; вижу — спокоен, отвернулся — не верю. Но это значит, что ты не веришь себе самому, вот что это значит. Тогда грош цена твоему чувству, подумал он, просто с ней у тебя п о л у ч а е т с я, и ты с нею лишен комплексов. И нет никакой любви, если ты позволяешь себе слышать тот мерзкий голос, который подбрасывает вопросы; нет, он ничего не утверждает, этот чужой голос, он только спрашивает. Неужели вопрос — понятие, относящееся к доверчивому детству, побудитель прогресса в зрелости — в моем случае есть форма замаскированного и гнусного неверия в самого себя?

Роумэн даже зажмурился от стыда, и в черно-зеленой темноте — словно при вспышке магниевой лампы фоторепортеров — возникло лицо Кристы, обсыпанное веснушками, с копной тяжелых волос; у нее очень белая, как у всех северянок, кожа, поэтому глаза кажутся двумя озерцами в сосновом бору, это же так красиво и беззащитно; человек, хоть в чем-то отличный от окружающего его людского сообщества, беззащитен, потому слишком заметен; если человек выделяется — его не любят, завидуют или презирают; наверное, поэтому народными лидерами становятся люди, похожие на массу; редко рождаются маленькие Наполеоны или толстые Черчилли, все остальные похожи на сограждан, пусти их в толпу без свиты и орды репортеров — никто на них и не взглянет...

Грегори — твой друг, сказал он себе; он караулит гадов, рискуя жизнью; это бесстыдно думать так, как ты подумал, бессовестно и грязно. А если бы он не был твоим другом? Если бы Кристе пришлось делать наше дело с другим человеком, который не был твоим ближайшим другом, тогда как? Голос был прежний, чужой и гадкий. Или верить, как себе, навсегда и во всем, подумал Роумэн, или рвать — сейчас же, сразу! Бежать, не оглядываясь; она права, когда говорила, что не всякое знание нужно человеку, но почему же именно мужчина так норовит все вызнать о прошлом любимой, отчего?!

Он сел за руль раздрызганного «форда»; мотор заныл, сотрясаясь, как в лихорадке, потом заревел; облачко дыма из выхлопной трубы сегодня было не сахарным, г р о з о в ы м, но темным; надо подлить масла, гонки на второй скорости губят мотор, останусь без машины. Я еще не готов к тому, чтобы сейчас же ехать к Штирлицу. Я могу навести на него хвост, а этот чертов хвост где-то таится, видимо, за мной смотрят весьма квалифицированные люди; я — после разговора с Крис — слишком в себе, чтобы быть таким собранным, каким следует быть перед началом операции. Итак, Райфель в Игуасу и Хуан-Альфрид Лопес в Кордове. Я не смогу поехать в оба места, я сойду с ума, не видя Кристу; я возьму на себя Игуасу, а оттуда вернусь в Европу. За Штирлицем — Кордова. Я не выдержу, если мне придется проторчать здесь еще пару недель. Просто не выдержу, сломаюсь; нет хуже вина, чем перебродившее, нет бессильнее человека, чем тот, который ждал хотя бы на один час больше того, что по силам думающему существу...

В тот же день, двумя часами позже, обговорив срок и формы связи, Роумэн расстался со Штирлицем, который «лег на грунт», а сам отправился в Игуасу.

Главы из романа, который будет опубликован в журнале «Знамя» в 1986 году.

Экспансия-II

— Мистер Райфель? Я не ошибся? — Роумэн посмотрел на пожилого мужчину, сидевшего под вентилятором за столом, что стоял возле окна, выходившего в складское помещение.

— Сеньор Райфель принимает товар. А кто вы, простите?

— Я из Мадрида, по вопросам, представляющим для сеньора Райфеля коммерческий интерес.

— Пожалуйста, подождите его. Присаживайтесь,— предложил мужчина, оценивающе, по-торговому глянув на Роумэна.

— Как долго ждать?

— О, не более получаса...

— Нет, я не располагаю таким временем. Если сеньор Райфель свободен в обеденное время, я бы с радостью пригласил его на ланч в отель «Палома». Скажем, в тринадцать пятнадцать...

— Погодите, может, я сбегаю за ним?

— Это было бы в высшей мере любезно с вашей стороны...

Фигура человека, оторвавшегося от вентилятора, странно дисгармонировала с его головой. Лицо — крупное, в тяжелых морщинах, что прорезали щеки сверху вниз,— оказалось посаженным на тоненькую шею, которая была приделана к совершенно бабьему торсу; бедра у человека были расплывшиеся, живот торчал вздувшимся, громадным шаром, пояс на нем не держался, съехал куда-то к лобку; ножки были непропорционально тоненькие, вроде шеи, и очень маленькие; шел он тоже по-женски: семенил, раскачивая задом, словно шлюха.

Райфель был полной противоположностью толстопузой и вертлявозадой женщине с лицом страдающего монастырского аскета или же тренера по боксу. Он был поджар, степенен в движениях, ступал мягко, совершенно беззвучно, будто шел по толстому ковру, хотя в офисе пол был из красного дерева — его здесь много, разных оттенков, очень дешево.

— Я Райфель, вы искали меня, здравствуйте.

— Я Ниче,— ответил Роумэн на своем прекрасном немецком.— Думаю, мое предложение нам бы: следовало обсудить с глазу на глаз.

— Сеньор Дуарте,— Райфель кивнул на женщину,— не понимает по-немецки, его британская мама очень не любит нас с вами, говорите спокойно.

— У меня нет оснований волноваться, я всегда спокоен, спокойствие — мое обычное состояние, но я приехал от Ланхера, у него сестра приболела, нужны здешние травы, да и мое к вам предложение не изложишь в такой душной комнате, может, пообедаем вместе?

— Я не знал, что вы оттуда,— сразу же поднялся Райфель.— Пошли, перед обедом можно выпить кружку пива, я приглашаю.

— Спасибо, только я плохо переношу пиво в такую жару,— улыбнулся Роумэн.

Он поднялся следом за Райфелем, с трудом выбравшись из-за низкого, очень неудобного канцелярского стола с какими-то чрезвычайно острыми углами, хотя на первый взгляд этот стол ничем не отличался от тысяч ему подобных, только разве что слишком уж был аккуратен — какая-то пронзительная гордость бедного, который вынужден скрывать свою нищету.

— Хотите посмотреть мои склады? — поинтересовался Райфель.

— Я, честно говоря, ни черта в этом не смыслю. Моя специальность — параграфы законоуложений и гарантированность банковских счетов.

— Вы получили образование в...

— И там, и там,— улыбнулся Роумэн.— Во всяком случае, немецкие законы я проходил в рейхе.

— Ах, вот как...

Когда они вышли на знойную улицу, забитую повозками, полными дарами сельвы, всадниками — лица в основном смуглые, много индейской крови,— медлительными женщинами, продававшими товар вразнос (широкополые соломенные шляпы скрывают верхнюю часть лица, губы чувственные, очень яркие, взгляд, когда вскидывают голову, обжигает), Роумэн сказал:

— У меня для вас письмо.

— Я все понял, господин Ниче... Ваш немецкий прекрасен, но все же, мне сдается, вы родились не в Германии.

— Вы правы, я родился в Ирландии. Моя мать немка, господин Райфель. Или вам хочется, чтобы здесь, на улице, когда мы одни, я называл вас настоящим именем?

— Не надо. Нет, нет. И не потому, что я боюсь... Просто это доставляет известную боль: потеря родины всегда сопряжена с личной трагедией.

— Я понимаю. Да и ваша нынешняя профессия предполагает вычленение прошлого. В противном случае возможен провал...

Райфель улыбнулся:

— Об этом я как-то не думал, господин Ниче... Мне не грозит провал, я вполне легален...

— Человек, живущий под другой фамилией, да еще немец, никогда не может быть гарантирован от провала. Так что осторожность и еще раз осторожность... Пошли ко мне в отель, там нет ни одного гостя, лишь я... Такой уникальный уголок в тропиках, водопады, охота, рыбалка — и ни одного туриста... Поле для бизнеса, подумайте об этом...

— Мы уже думали.

— Полагаю, одним Шибблом не обойтись.

— Я тоже так думаю. Нужны как минимум три-четыре проводника...

— Мы можем кое-кого порекомендовать.

— Спасибо.— Райфель отвечал односложно, выжидающе; он же еще не прочитал записку Ланхера, подумал Роумэн; только после того, как он получит «рекомендательное письмо», я могу начинать разговор, сейчас рано; можно спугнуть, они очень напряжены, когда говорят с человеком, которого не знали лично по прежней службе в СС или абвере.

...Прилетев в Игуасу, Роумэн первым делом обсмотрел маленький домик аэропорта, где ютились пограничная стража, таможня и крошечное бюро по размещению приезжающих.

Рекламы «охотничьих экспедиций», которая, по словам Штирлица, сразу же бросилась ему в глаза, не было. Девушка, сидевшая в бюро, объяснила, что эти объявления расклеивали только один раз, да и то без разрешения муниципалитета, самовольно,— приехали ночью и расклеили по всем стенам за час до прибытия рейса из Рио, не срывать же при пассажирах?! Нет, с той поры больше не расклеивали, может, договорятся с властями, тогда другое дело, но все равно надо сделать щиты из фанеры, не портить же деревянные стены, клей у нас плохой, остаются желтые следы, некрасиво.

До того как отправиться к Райфелю в его склады, Роумэн заглянул в типографию, зашел к хозяину, сеньору Карлосу Эрмида Игуэрасу (выпаливает сто слов в минуту, усы нафабрены, закручены вверх по-кавалерийски, невероятно порывист в движениях, несостоявшийся репортер, мечтает о литературной карьере, выпустил свою книгу стихов тиражом в сто экземпляров, разослал всем друзьям, родственникам и в столичные газеты, ответа ни из одной не получил, рецензий, как ни ждал, не дождался). Поинтересовавшись, можно ли к сегодняшнему вечеру напечатать пять объявлений — оплата наличными, организация отдыха и рыбной ловли на Паране,— Роумэн заметил:

— За ценою не постою, начало бизнеса предполагает вложения.

— Размер? — сразу же спросил Игуэрас.— Я могу напечатать прекрасные объявления в два цвета, черный и синий, прекрасный шрифт, возможна переработка в рифмованном стиле, стоить будет ерунду, десять процентов от общего объема работы, довольно дороги воспроизведения фотографического материала, впрочем, и качество не слишком-то хорошее, я всегда говорю правду в начале разговора, чтобы не было каких-либо недоразумений в конце, мы, аргентинцы, люди чести, прежде всего доверие друг к другу, согласитесь, что я прав?!

Дважды Роумэн пытался перебить сеньора Эрмида Игуэраса, но понял, что дело это безнадежное, солист; ну, и слава богу, в таких только надо нащупать нужную точку— скажут все, в чем заинтересован; упоминание о «рифмованном стиле» помогло Роумэну верно построить разговор, он сразу же попросил хозяина подумать, как можно положить на стихи простой текст: «Желающие отрешиться от суеты могут провести три прекрасных дня на Паране, отдаваясь рыбалке и созерцанию сказочной тропической природы».

— Вообще-то вы довольно красиво сказали текст в прозе,— заметил сеньор Эрмида Игуэрас, но в глазах его уже зажегся алчный блеск творчества, и он подвинул к себе чистый лист бумаги.— Через пять минут я предложу вам варианты.

Роумэн достал свои мятые «лаки-страйк», закурил, подумал, что бы сказала Криста об этом человеке, она давала поразительно точные и в высшей мере краткие характеристики, схватывая самую суть явления, закурил и подумал, как лучше поставить вопрос о том объявлении, что было расклеено в авиапорту: называть имя одного лишь Шиббла или Райфеля тоже? Впрочем, вероятно, хозяин сам назовет эти имена, надо только ждать, из него льется я; как каждый поэт, он, видимо, алчет аудитории.

— Вот,— сказал сеньор Игуэрас; прошло не пять, а всего полторы минуты.—Извольте: «Кто хочет неги и покоя, объятий древней старины, кто хочет спать не сидя — стоя, рыбачьте в дельте Параны!» Как?

Роумэн понял, что сейчас самое время для сакраментальной фразы: «Неужели вы это сами сочинили прямо сейчас?» Ничто не делает поэта твоим другом, как открытая, некомпетентная лесть.

— Ах, ну, конечно, сам и прямо сейчас... Но это следствие той работы,— дон Карлос Эрмида Игуэрас постучал себя по лбу, а потом ткнул пальцем в сердце,— которая происходит здесь постоянно, даже во сне.

— Прекрасно,— повторил Роумэн,— просто не верится, что за одну минуту можно написать такие прекрасные строки... Только что вы подразумеваете под строкой «кто хочет спать не сидя — стоя»?

— Как это «что»?! Человек прибыл в Игуасу, вымотанный ритмом большого города, нарушение жизненно важных циклов организма, кишечник ни к черту, позывы появляются в самое неподходящее время, унизительное бурчание в животе, невозможность нормального сна, а ничто так не изводит, как бессонница, человек мечтает о часе сна, как о манне небесной, возможность уснуть на ходу, то есть стоя, кажется ему верхом счастья,— неужели непонятно?!

— Нет, нет, теперь я все понял.— Роумэн с трудом сдержал улыбку.— А вот как объяснить про дельту Параны? Она же в другом месте, людей может отпугнуть необходимость добираться до дельты...

— Во-первых, слово «дельта» можно набрать мелко, а «Парану» укрупнить. Во-вторых, если вас это смущает, я пишу просто, без искусов: «рыбачьте в водах Параны!» Пожалуйста, но, поверьте, в словосочетании «дельта Параны» есть что-то магическое, притягивающее...

— Лучше все же оставим «воды Параны»,— заметил Роумэн.— Сколько я вам должен?

— Сотня. Включая рифму. Десять объявлений — сотня. По-моему, это вполне по-божески. А где текст с адресом и телефоном вашей фирмы?

— Шиббл не рифмовал свой адрес?—усмехнулся Роумэн.

— Кто? — Сеньор Эрмида Игуэрас нахмурился.— Шиббл? Почему он должен рифмовать свой адрес?

— Ну, его фирма... Они ведь пару недель назад печатали у вас такое же объявление...

— Это не он... Откуда у него деньги? Его фирма на грани банкротства. Это печатал дон Мигель...

— Кто? Откуда он?

— Из фирмы по сбыту электротоваров. По-моему, сеньор Райфель перекупил фирму охотничьих экскурсий на корню, он здесь набирает силу, очень хваток... Но совершенно не понимает, как в рекламе важна рифма... Я здорово заработал, когда для фирмы «Дарвин» прорекламировал их крем в Буэнос-Айресе... Прислали текст: «Покупайте крем фирмы «Дарвин». Лично я бы никогда не купил крем с таким названием. Во имя чего? Я понимаю крем «Марлен Дитрих» или «Вивьен Ли». Ну, я и сочинил: «Не знал ни Дарвин и ни Брем, как популярен этот крем! Сеньоры, помажьте им кожу и станете лет на сто моложе!» Крем расхватали за неделю! О, рифма в рекламе — это золотое дно, прямой путь к человеческой

памяти, вы же помните все детские стихи, не так ли?! Ждите, я вернусь с пробным оттиском через двадцать минут.

Роумэн поблагодарил, уплатил деньги и сказал, что придет за оттиском к вечеру, не горит; он узнал все, что ему было нужно.

...В отеле было пусто, ни одного человека, даже портье куда-то ушел из-за стойки. Обычно этот креол сидел, не отлучаясь, сосредоточенно ковыряя в носу, если в холле никого не было, а когда заходил случайный посетитель, лениво, но в то же время пристально его разглядывал, чтобы вечером было о чем поговорить с друзьями.

Ресторанчик был вынесен на улицу — столики стояли под соломенными крышами, вместо стульев — пни красного дерева, совершенно неподъемные; прейскурант был довольно скудным, видимо, печатали в типографии сеньора Игуэраса, потому что под названием отеля «Сент Джордж» красовались строки: «Пьющий «натураль де колониа» не знает ни подагр, ни аллергии!» Сегодня давали пиво «Шнайдер де Санта Фе», бобовый суп, мясо с салатом, жареное мясо, апельсиновый сок — вот и все, негусто.

— Хорошо кормят в «Пилинчо»,— заметил Райфель,— хозяин дон Педро Рохе раньше был немцем.— Он улыбнулся.— Забыл, бедняга, как делаются айсбайны, но прекрасно жарит мясо на огне. Если хотите, заглянем вечером.

— Спасибо, я не знаю еще, как у меня сложится вечер. Вот это вам.— И Роумэн положил на стол конверт.— Если там есть что-то такое, что может наследить,— сожгите, об этом попросил тот, кто передал послание.

Райфель кивнул, вскрыл конверт, быстро прочитал письмо, снова кивнул, словно бы соглашаясь с написанным, и подвинул листок Роумэну.

— Зачем? Это же не мне адресовано, а вам.— Роумэн пожал плечами.

— Там указано, чтобы я и вас ознакомил с текстом.

— Да? Вообще-то я этого не люблю, знаете ли. Я получаю за свою работу деньги, выполняю то, что предписано, и все. Чем меньше знаешь, тем лучше. А?

— Верно.— Райфель посмотрел на Роумэна иначе, чем раньше, глаза ожили, в них появился несколько недоумевающий, но тем не менее плохо скрываемый интерес к этому человеку: письмо Ланхера давало к тому основания.

Роумэн прочитал письмо и, так же как Райфель, недоумевающе пожал плечами: «Дорогой друг! Податель этого письма уполномочен проверить, как идет наш бизнес в регионе. Его рекомендации следует учесть. Человек компетентен в сфере бизнеса и деловых связей. По прочтении ознакомь его с текстом. Затем надлежит сделать то, что положено. Передай с ним отчет о работе филиалов фирмы по пути следования товаров к границе. Полное доверие! Эрнесто Ланхер, генеральный директор «Бытовая химия, краски и лаки». Лиссабон».

Роумэн положил письмо в карман, снова закурил и, попросив появившегося портье принести два скотча, спросил:

— Ну?

— Почему вы не сожгли послание?

Роумэн усмехнулся:

— Здесь? На глазах у всех? Для чего же тогда строят сортиры в отелях и ресторанах?

— Давайте я пойду и сожгу в туалете.

— Я это тоже умею делать. Если я таскал письмо в кармане не один день и пока что ничего не случилось, оно полежит у меня еще полчаса.

— Тогда вы были один. А сейчас мы сидим вместе, сеньор Ниче.

— У вас есть какие-то основания для опасений? За вами смотрят?

— Нет... Мне так, во всяком случае, не кажется. Да и потом я пока в резерве, незачем смотреть...

— А дело с Шибблом? Кто передал вам сообщение о необходимости срочно напечатать объявление?

— Киккель. Он позвонил мне из Рио.

— Это он дал вам указание расклеить объявления без согласования с местным муниципалитетом?

Райфель усмехнулся:

— Что, возникли какие-то осложнения? Я бы узнал, у меня тут хорошие связи.

— Если я задаю этот вопрос, значит, у меня есть к тому определенные основания.

— Значит, тем более необходима осторожность. Давайте-ка я сожгу этот листок.

Не может быть, чтобы Спарк не сделал нотариальных копий, подумал Роумэн. Хотя вряд ли такое возможно в Португалии, фашизм, все нотариусы на крючке, текст при всей его деловитости тем не менее хранит в себе нечто непривычное, значит, лучше, от греха, поставить в известность тайную полицию. Но Спарк мог и обязан был сделать фото; в конечном счете графологическую экспертизу можно работать и по негативу.

— Валяйте,— Роумэн протянул Райфелю конверт,— если вам так будет спокойней.

— Нам,— поправил его Райфель.— Обоим.

Сунув конверт в карман, он отправился в туалет, там прочитал текст еще раз, в высшей мере внимательно. Точки поставлены, запятые на месте, значит, все в порядке. Случись какой провал в цепи, Ланхер был бы обязан пропустить хоть одну из точек. Предпоследняя точка, правда, очень легкая, одно касание, но тем не менее это явная точка, и чернила те же. Странно, почему я должен писать отчет? Такого еще не было, подумал Райфель (СС штурмбанфюрер Гуго Лаурих, рожден в Линце, до аншлюса Австрии работал в «пятерке» Эйхмана с правом выхода на руководителя подполья НСДАП доктора Кальтенбруннера). Я могу изложить этому Ниче на словах то, что его интересует, но зачем писать? Неужели снова начинается канцелярская мука? Разве мыслимо? Не может быть, чтобы мы уже так окрепли; архив — это риск; впрочем, фюрер организовал архив партии, когда еще мы были в подполье, ибо он верил. Посмотрим, как пойдет беседа, но что-то я не хочу ничего

писать, не знаю почему, но к себе все же стоит прислушиваться.

Он вернулся; на столе стояли два высоких стакана со скотчем; лед уже растаял, жарища декабрьская, под сорок, вот-вот рождество, будут посыпать пальмы ватой, снега здесь никогда в жизни не видели; зимой, в июле, температура падает до тридцати, это здесь называют холодом, температура воды всего двадцать четыре градуса, кто ж в такой ледяной купается?!

— Все в порядке,— сказал Райфель.— Теперь можно спокойно разговаривать.

— И раньше можно было спокойно этим заниматься,— усмехнулся Роумэн.— Пейте виски, пока оно не закипело.

А если рискнуть и связаться с Лиссабоном, подумал Райфель. Что-то мне не очень нравится эта просьба Ланхера: почему я должен писать то, что храню в голове? Но я не имею права к нему звонить, это нарушение конспирации, только связник может осуществлять контакт; положение не из приятных; посмотрим, как этот Ниче — впрочем, какой он к черту Ниче, псевдоним, ясно,— станет вести разговор, надо постараться его о т к р ы т ь.

— Это местное виски? — спросил Райфель.

— Нет. Я попросил шотландское.

— Так и дадут! Конечно, это здешнее пойло,— Райфель понюхал стакан,— сразу можно отличить.

— Какая разница? И то, и другое — дерьмо. Если бы мы пили с вами в Шотландии, в деревенском доме,— одно дело, а так... В какое время вам позвонил Риг... Киккель?

Райфель усмехнулся:

— Можете не поправляться, настоящая фамилия Киккеля мне знакома, как и вам...

— Разве вы тоже из Линца?

— Да. Кто вам сказал?

— Я прочитал объявление в газете,— усмехнулся Роумэн.— Воскресный выпуск аргентинской «Кларин»: что, мол, в Игуасу проживает СС штурмбанфюрер Лаурих, работающий ныне под фамилией Райфель, а к нему на связь едет член заграничной организации НСДАП Пол Ниче, он же Пауль Найджер, наделенный функциями инспектора,— по согласованию с центром.

Райфель расслабился впервые за время всего разговора:

— Если вы знаете мою настоящую фамилию, мне легче разговаривать. Согласитесь, просьба нашего с вами общего друга написать сообщение о проделанной работе выглядит несколько странно.

— Каждый уровень к делу конспирации относится по-своему,— ответил Роумэн, посмотрев на портье; тот медленно выплыл из-за своего бюро и отправился к бару наливать новую порцию скотча.— Вы обязаны бояться слова написанного, а мне, увы, с ним только и приходится иметь дело... Так вот, о Штирлице, Ригельте и Шиббле. Центр интересует это дело. Расскажите мне подробно, желательно по часам: когда позвонил Ригельт из Рио, ч т о он произнес, почувствовали ли вы в его голосе волнение? Панику? Растерянность?

— Волнения не было... Особого волнения, так будет точнее...

Портье поставил два стакана, сказав при этом обязательное «сеньорес»; в Испании бы непременно сказали «кабальерос», подумал Роумэн, врожденное преклонение перед всадником, действительно на английский это слово переводится как «всадник» или «наездник»; смешно, если бы в Нью-Йорке в кафе мне говорили, передавая тарелку с сандвичем, не «мистер», а «всадник»! Сюжет для юмористического скетча.

— Принесите мне пива,— сказал Райфель, не глядя на портье,— только холодного.

— Да, сеньор.

Проводив взглядом его сутулую спину (странно, такой молодой парень), раздраженно заметил:

— Обязательно принесет теплое. Они слышат только себя или же оратора на площади, все остальное проходит мимо них.

Роумэн посмотрел на часы; Райфель понял его:

— Нет, я бы не сказал, господин Ниче, что Киккель был особенно взволнован. Он просто очень настаивающе сказал, чтобы я немедленно, прямо сейчас напечатал объявления о возможности уйти в сельву на охоту — с запоминающимся адресом, в самых броских местах аэропорта.

— В связи с чем?

— Он не объяснил...— Райфель испытующе взглянул на Роумэна.— Да и потом это не по правилам...

— А звонить по телефону, по международному телефону, это по правилам? — Голос Роумэна сделался металлическим.— У нас нет к вам никаких претензий, вы поступили верно, речь идет о том, что Ригельт завалил операцию, вот о чем идет речь...

— Неправда, господин Ниче. Мы передали информацию о том пансионате, где остановился объект наблюдения...

— Да?! В какое время?

— Как только Шиббл вернулся из Асунсьона.

— Вы получили подтверждение, что информация верная?

— Я и не должен был его получать.

— А Ригельт должен! А тот мальчишка-индеец, которого он отправил за Штирлицем, перепродался! За гроши! И сказал Штирлицу, что «инглез» поручил ему смотреть за «сеньором», пока тот покупал себе костюм, брился, снимал комнату в другом пансионате и посещал здание почты! И после этого Штирлиц у ш е л! Мы не знаем, где он. Ясно вам, отчего от вас требуют письменного отчета?! Вы звонили по цепи? Или, надеюсь, поступили не как Ригельт, а по правилам?

— Я не могу отвечать за него... Он жил в «Александере»...

— Сделаете так, чтобы получить все его счета в отеле. Они должны хранить его счета. Принесете мне квитанции за оплату телефонных переговоров, там должны быть номера, по которым он звонил. Сделаете копию, оставьте ее себе, ясно?

— Да... Но где мне ее хранить? Я стараюсь соблюдать полнейшую легальность.

— Меня совершенно не интересует, где вы будете хранить копию. Закопайте в вашем складе. Спрячьте в сортире, мне все равно. Но если мой самолет разгрохается над океаном и я не пришлю вам открытки с видом Лиссабона, отправьте копию Ланхеру... Вместе с другими документами вашей фирмы... Соберите ворох бумаг, это не вызывает подозрений на почтовой таможне...

— Вызывает. Здесь все вызывает подозрение.

— Но ведь у вас есть контакты на границе?

— Да.

— Значит, отправите телеграммы в тот день и час, чтобы номера телефонов, по которым звонил Ригельт — если он все же звонил,— соответствовали датам отправки корреспонденции, не мне вас учить азам ремесла.

— Хорошо.

— А что вы такой натянутый, Райфель? — Роумэн откинулся, полагая, что обопрется о спинку стула, и чуть не упал, забыв, что сидит на пне красного дерева; идиоты, за такой материал получили бы десять удобных кресел из сосны или пальмы, что за неповоротливость?! Совсем растеклись под солнцем, пошевелиться боятся.

— Я совершенно не натянутый, господин Ниче... Отнюдь... Просто все это несколько неожиданно...

Я иду ощупью в полнейшей темноте, подумал Роумэн. Я могу провалиться в и х яму каждую секунду. Они умеют конспирировать, как никто другой. Но пока что я вроде бы не сделал рокового шага, я иду по краю обрыва, и первый же его конкретный вопрос будет сигналом тревоги, не пропустить бы.

— Если бы научились загодя планировать провалы, их бы не было. Увы, как правило, планируют победы, а не поражения, Райфель. Вы сможете выполнить мое поручение, скажем, к пяти часам?

— Постараюсь.

Роумэн понял, что именно сейчас настал тот момент, когда вспыхнул сигнал тревоги. Этот эсэсовец не имеет права говорить «постараюсь» посланцу из их вонючего центра, это не по их правилам, он п р о б у е т меня, или же я так и не понял в них ни черта.

Роумэн недоуменно обсмотрел собеседника, неторопливо поднялся, достал из кармана две долларовые монетки, бросил их на стол и, не попрощавшись, пошел к выходу.

Продолжение следует.

Экспансия-II

Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

МЮЛЛЕР, АРГЕНТИНА, МАРТ, 1946

Он оглядел собравшихся ветеранов НСДАП, улыбнулся им своей неожиданной, доброй улыбкой, чуть шмыгнул носом и сказал:

— Ну, вот мы наконец и собрались все вместе, дорогие мои друзья. И я счастлив этому, неизбывно счастлив — только старый баварский крестьянин так радуется первым весенним ручейкам в горах, предвестникам плодородия и празднику будущего урожая. Поэтому я открываю наше совещание, испытывая уверенность в том, что пройдет оно конструктивно и по-деловому. Я дам общий обзор положения в мире, каким он видится мне, моим друзьям и нашим старшим товарищам, и остановлюсь на некоторых аспектах ситуации в Аргентине. А потом свои соображения выскажете вы. Есть возражения? Возражений нет. Прекрасно. Итак, по первому параграфу. Думаю, всем ясно, что мир вступил в эру глобального противостояния Кремля и Белого дома; с той поры, как Британская империя благодаря лейбористам стала Содружеством наций, Лондон как объект мировой политики будет играть подчиненное значение, европейская эпоха истории человечества на какое-то время прекратила существование, на арену всемирной схватки выходят новые силы, Китай в первую очередь, затем Латинская Америка, страны Ближнего и Среднего Востока, то есть нефть как кровь войны.

Мао Цзэдун является, конечно же, личностью вполне устремленной, хотя и не лишенной известной парадоксальности; победа над Японией, крах Квантуна — все это разрушило миф о величии Острова, на смену этому мифу пришел призыв к борьбе за окончательное освобождение от «своих угнетателей». Несмотря на ту помощь, которую Белый дом оказывает генералиссимусу Чан Кайши, я не думаю, что он удержится, ибо у него нет национальной концепции, он хочет сохранить статус-кво, а это на данном этапе невозможно.

В какой мере Москве выгодна победа Мао Цзэдуна? С точки зрения пропагандистской выгодна по всем позициям. С точки зрения экономической — не думаю, поскольку Кремлю придется помогать,— Мюллер смешливо дернул носом,— товарищам по классу, иначе они поступить не смогут, но это будет означать удар по русским, это затормозит все их восстановительные работы, а им надо восстановить территорию большую, чем Германия и Франция, вместе взятые.

Каков вывод? Об этом — в конце, суммируя общий итог.

Латинская Америка — мы это видим, как никто другой, потому что смотрим глазами новых людей, кроме, конечно, тех,— Мюллер улыбнулся Людвигу Фрёйде, сидевшему возле камина,— кто прожил здесь большую часть жизни,— являет собою кипящий котел с крепко закупоренной крышкой. Однако, как ее ни закручивай, результат будет один — пар найдет выход, пути к этому только два: пар можно спустить, но можно довести ситуацию до взрыва. Вопрос, на который мы должны дать ответ, очевиден: что выгодно нам, нашему братству? Взрыв? Или выпускание пара?

Во-первых, престиж, завоеванный русскими во время минувшего сражения, не мог не отразиться на здешних коммунистах. Хотели мы того или нет, хотя,— Мюллер усмехнулся,— мы этого, конечно, не хотели, русские подтвердили правоту своей идеи делом. Все левые силы здесь потребовали прав, и власть не могла им их не дать; мы далеко, британцы, традиционно сильные в здешних банках и на железных дорогах, были, как и янки, связаны по рукам и ногам союзом с Кремлем: не могли же они помогать врагу?!

Во-вторых, попытки Перона и боливийцев обуздать левых были преподаны американской прессой как путчи, организованные нашей секретной службой. Увы, должен вас огорчить: хотя наше влияние на лидеров путчей было весьма значимым, они не коллаборировали с нами в той степени, в какой нам бы этого хотелось. Таким образом, вместо того, чтобы поддержать Перона и подобных ему, люди Рузвельта оттолкнули их ногою; Трумэн пытается наладить добрые отношения; поглядим; думаю, без нашей помощи ему не обойтись.

В-третьих, если левые не будут обузданы на континенте раз и навсегда, ситуацию трудно предсказать, а мы с вами лишимся плацдарма, столь необходимого для процесса нашего восстановления.

Эрго: на нынешнем этапе наши интересы и понятный страх янки перед возможной потерей своих позиций в Латинской Америке практически смыкаются.

Эта ситуация не есть некий парадокс истории, это то, что предсказывал фюрер, особенно в последние месяцы битвы.

Теперь по поводу положения в Греции и на Ближнем Востоке.

Гражданская война в Афинах делает невозможным диалог между Москвой и Западом. И это прекрасно. Южнее Греции тоже пахнет порохом. Крах британского колониализма, явившийся прямым следствием их победы — а вот это как раз парадоксальная ситуация, не правда ли: реальное поражение вместо мифической победы?! — породил новое качество не только арабского народа, еврейского населения Палестины, но и Африки в целом. Там грядут события труднопредсказуемые, однако ясно одно: Англии и Соединенным Штатам весьма рискованно поддерживать евреев в их сражении за создание своего государства; опять-таки единственной силой, которая открыто заявляет о необходимости создания такого рода общности, является Кремль. Сталина можно понять. В отличие от Лондона у него есть своя нефть в Баку. Англичане поддерживают и арабов, и евреев, стремясь при этом сохранять видимый нейтралитет. Не позволим. Белый дом пока еще не занял определенной позиции. Подождем. Ну, а мы благодаря искусству нашего товарища Йозефа Менгеле имеем возможность знать всю правду и про арабов, и про евреев. Наши люди работают в обоих направлениях. Будем уповать на будущее.

Африка. В Намибии и Уганде мы имеем свои опорные пункты — как-никак были нашими колониями. Конечно, роль наших людей в Намибии пока что мизерна, но мы должны научиться высокому искусству ожидания. В том, что мы еще скажем свое слово — и особенно в Намибии, а это подступы к золоту и алмазам,— не приходится сомневаться.

Европа. Этот регион в настоящее время не может быть включен в сферу нашего геополитического интереса. Продолжаем составлять досье, вести картотеки на лиц, вызывающих наш интерес, в основном перспективный, п у г а е м западных союзников самим фактом своего незримого присутствия — и все. Такова наша доктрина на ближайший год. Год, я не оговорился.

Мюллер отложил конспект, в который он заглянул всего лишь дважды, и снял свои очки в тоненькой золоченой оправе — ни дать ни взять учитель пения из сельской школы.

— Я высказал основную пропозицию. Каждый вправе внести коррективы, не согласиться с чем-то из изложенного; увы, мы часто грешили тем, что не слушали никого, кроме фюрера, а это есть неуважение к нации, у нас много умных людей. И если раньше было опасно иметь собственную точку зрения, то отныне — смею вас заверить со всей определенностью — мы будем ценить тех, кто предлагает свое, не думая, понравится это руководству или нет. Мы,— Мюллер чуть откинул голову, словно собираясь запеть,— сами решим, что в ваших предложениях интересно, а что мизерно и не заслуживает поддержки. Карман наших общих идей и желаний должен быть полным, нельзя — и это доказала история — упираться лбом лишь в одну возможность; их много; задача состоит в том, чтобы выбирать оптимальную на данном конкретном этапе.

Позволю себе проанализировать кое-какие частности, ибо они могут превратиться в основоположения для дальнейшей практической работы. Начну с Аргентины. Вы все знаете, что пресса Штатов клеймила Перона как агента рейха. Он не был нашим агентом — в том прямом смысле, какой янки вкладывают в это понятие: они хорошо работали по чикагской мафии, но опыта сотрудничества с перспективными политиками у них еще нет, к счастью. Да, действительно, и Алигьери, прикомандированный к Перону спецслужбой дуче, и наш полковник абвера Кинглер работали с ним в том направлении, чтобы привить ему вкус к политике, объяснить структуру работы нелегальной организации оппозиции — опыт Кальтенбруннера, когда он сражался за Вену, весьма богат в этом смысле,— и они преуспели, Перон вернулся в Буэнос-Айрес человеком, который осознал собственную силу. Мы смогли пробудить в нем лидера, это крайне важно. Людвиг Фрёйде,— Мюллер кивнул ему подбадривающе,— в эпоху кризиса был на высоте, он находился все время рядом с Пероном. Заметьте себе: как только Белый дом понял, что Перон закусил удила, как только умные люди в Штатах до конца осознали, что, подвергая унижению популярного лидера, они могут потерять Аргентину, так сразу же государственного секретаря Хэлла понудили уйти в отставку — по состоянию здоровья. Действительно, р ы ц а р с т в о Хэлла, который клеймил Перона в пронацизме, было по самым умным людям на севере — по Уолл-стриту, по его интересам на юге континента; именно поэтому, объявив об уходе Корделла Хэлла, об отводе флота от уругвайских берегов и признав режим генерала Фаррела и Перона, Уолл-стрит начал тур вальса с Розовым домом[1], пригласил Аргентину на Чапультепекскую конференцию и гарантировал ей членство в ООН, несмотря на пронацизм Перона... А он, кстати, был бóльшим, чем у Франко. Того, однако, в ООН не пустили; Перон же — член этой организации.

Я располагаю достоверной информацией,

Продолжение. См. «Огонек» № 4.

[1] Так называется дворец президента Аргентины.

что посол Англии в Аргентине сэр Келли по личному указанию Черчилля посещал Перона и генерала Фарреля, чтобы сказать им: «Мы сами заложники младшего брата, положение наше сложное, но мы понимаем вас и будем оказывать вам посильную поддержку».

Пассаж ясен: британцы боятся потерять здесь свои позиции. Они не зря этого боятся, они их потеряют.

Полагаю, что встреча Перона с сэром Келли привила ему вкус к играм: только этим я объясняю установление отношений Перона с Кремлем; ему сейчас необходима третья сила. Лондону угодно пребывание здесь русских, янки — нет.

Возникает вопрос: а что выгодно нам? Кого поддержать? А ведь мы, несмотря на военное поражение, достаточно сильны экономически и организационно, чтобы сказать свое слово, и оно будет весомым...

Стратегическая линия, определенная нами по отношению к Перону в конце сорок пятого года, себя оправдала; он — с подачи Людвига Фрёйде — сделал то, что вызывало ярость в Вашингтоне да и в Москве: он разрешил массовую эмиграцию немецких умов и рук в эту страну. Позиция Перона: мир устал от войн и жестокостей, мы делаем свой первый взнос в гуманное отношение к людям, на чьей бы стороне они ни были во время битвы. Эта позиция так великолепна, что не может быть расстреляна с американских канонерок,— тот же Ватикан не позволит. Да и потом, с пропагандистской точки зрения, дурно расстреливать из орудий самое понятие «гуманизм».

Популярность Перона поставила его над толпой, он стал живым богом, он дал стране реальные блага и этим победил левых.

Но в Колумбии, Боливии, Перу, Венесуэле и Коста-Рике очевиден взлет левой тенденции. Там нет личностей нашей ориентации, и как результат — во всех этих странах открылись русские посольства.

Таким образом, я подобрался к главной позиции.

Если вы помните, я задал вопрос в определенной мере риторический: «Кого нам выгодно поддержать?» Думаю, нам выгодно поддержать не британцев, которые ближе нам, но янки, потому что только они могут здесь, на этом континенте, на деле, а не на словах увидеть нашу умелость в борьбе против Кремля.

Возможна ли такого рода борьба без хорошо отлаженных контактов с секретными службами янки? Возможна. Никто так не понимает большевиков, как мы. Но выгодно ли нам тайное рыцарство? Думаю, нет. Всякий контакт — суть начало диалога. Диалог — путь к взаимному выяснению позиций. Но диалог должен состояться именно здесь. Почему? Потому что тут мы докажем нашу нужность! А не в камерах нюрнбергской тюрьмы! Равные с равными, только так!

Поэтому, заключая это короткое выступление, я хочу задать вам, прибывшим сюда со всех точек континента, только один вопрос: сможем ли мы подготовить крупномасштабные операции, следствием которых будет безусловный разрыв дипломатических отношений между всеми странами юга Америки с Россией? Всеми, но не Аргентиной, ибо присутствие русских здесь выгодно не столько даже Перону, сколько той идее, которая пока еще не до конца оформилась в план комбинации,— я имею в виду Риктера и его работу по атомной бомбе для нас с вами, а не для этой страны пеонов и кабальерос... Пока здесь русские, прямой санкции янки не будет, не решатся, это может привести — особенно если мы подтолкнем Перона обратиться к Советам за помощью — к открытой конфронтации между Москвой и Вашингтоном. Ни та, ни другая страна к этому пока еще не готова.

Во всех странах этого континента разрыв отношений с Кремлем поможет здоровым силам армии покончить с левой тенденцией. Это также гарантирует нужную информацию по поводу всего, что будет происходить на юге Америки, ибо вместе с русскими дипломатами отсюда вышвырнут и русских журналистов.

(По тому, как собравшиеся зааплодировали, Мюллер понял — можно, не зря провел последние полтора года здесь, в уединении; главное — схема, во всем и всегда важна схе-

ма, а уж как ее сделать живым организмом — его забота, его, а не тех, кто здесь собрался.

Он знал, кто будет его контактом на севере. Он не сказал об этом, потому что имя слишком широко известно в мире —полковник Бэн, создатель ИТТ[1]).

Первым после Мюллера выступил Людвиг Фрёйде.

— Я приветствую концепцию дона Рикардо. В ней присутствуют твердость и вера, а это ли не есть основа успеха в любом начинании? Я не вправе выдвигать какие-либо идеи, связанные с другими регионами мира, потому что фюрер и партия национал-социалистов поручили мне работу именно в этом районе. Поэтому я сосредоточусь на тех проблемах, которые перед нами ставит жизнь в Аргентине.

Я не буду говорить о том, каким трагичным оказался для нас, национал-социалистов, сорок второй год, когда в руки левых, проникших в министерство внутренних дел Аргентины, попали все наши архивы. Был раскрыт код, захвачены списки наших людей, а их было немногим менее пятидесяти тысяч, потому что практически в каждом городе мы имели нашего немца и аргентинского связника. Но мы смогли ударить по врагам — и пришли военные. Мы тогда не рискнули сразу же организационно восстановить всю цепь; мы закончили эту работу после победы Перона, но это был конец прошлого года, мы только сейчас стали на ноги, отладив связь с нашими друзьями по совместной борьбе. Нам приходится действовать в обстановке строжайшей конспирации, потому что янки развивают свою активность, и сделать им подарок, засветив нашу структуру, непростительно.

Я бы не разделял оптимизма дона Рикардо по поводу русского присутствия здесь как некоей антисилы, которую Перон сможет использовать в наших интересах. Русские и есть русские, фюрер назвал их наравне с евреями нашим главным врагом, и мы не вправе ревизовать указание Адольфа Гитлера, хотя, не спорю, отдельные вопросы тактики нашей борьбы поддаются рабочим коррективам, увязанным с изменившейся ситуацией. Мы установили свой контроль над прибывшим русским дипломатом, помимо того, который осуществляет спецслужба Перона. Наши пункты слежения находятся рядом с опорными базами аргентинцев: это улица Коперника, прямо напротив «Петит отель», где поселился русский представитель Жуков и его помощник Чимбрадзе, и на улице Генерала Жели и Обеса; все встречи контролируются, лица, входящие в контакт с русскими, вносятся в картотеку; хорошо был отработан слух: каждый, кто решит посетить «Петит отель» без санкции на то властей, может быть привлечен к дознанию. Машина русских, голубой «паккард» номер СД-264, как и его водитель, Луис Гонсалес, взяты под непрерывное наблюдение. Мы отдаем себе отчет в том, что, когда сюда прибудет русская колония, она, хоть и незначительная по численности, не должна сторониться попыток, предпринимаемых рядом янки, выявить наших товарищей по борьбе, перебравшихся сюда после окончания битвы в Европе. Осторожность и еще раз осторожность. В случае необходимости — резкий ответный удар, но главная стратегия сегодняшнего дня— выжидание.

Поскольку мы смогли в кратчайший срок наладить атомный проект, поскольку в Кордове работают наши специалисты, заканчивая для Перона создание самого скоростного в мире истребителя, поскольку мы — в целом — восстановили ядро партии здесь, в Аргентине, нам нужен еще год, а то и два, чтобы проложить новые пути на континенте, в первую очередь в Парагвай, Боливию, Чили и Перу, прежде чем мы сможем предложить серьезный, а не авантюрный план той комбинации, о которой говорил дон Рикардо.

Следующим поднялся Бернардо Майер. Он не сразу начал говорить; помял лицо маленькой ладонью (маникюр, сукин сын, делает, сразу же отметил Мюллер, и кольцо носит, хоть заранее снял его, потому что знает, как я не люблю показные штучки, но след-то остался, что ж ты эдак-то, малышок?!), потом пожал плечами и, словно бы удивляясь чему-то ему одному видному, заметил:

— Мне труднее других как выступать перед вами, так и приехать сюда. Все же я единственный, кто по-настоящему фигурировал в документах «комиссии по антиаргентинской деятельности». Но я приехал. Я приехал потому, что в душе наболело. А наболело оттого, что мы чересчур последовательно и бездумно проводили линию доктора Фрёйде. Мы слишком дисциплинированно выжидали и осторожничали. А надо было еще более активно действовать. Мы выпустили ситуацию из-под контроля в начале сорок пятого. История нам этого не простит.

Мюллер мягко улыбнулся:

— Не клевещите на себя. Ситуацию выпустили из-под контроля не вы, а изменники-генералы на полях сражений. Если бы они удержали армию, вы бы диктовали Розовому дому наши условия. И вы, и доктор Фрёйде, и партайгеноссе Зандштедте честно выполняли свой долг перед рейхом. Простите, что перебил, продолжайте, пожалуйста.

— Вы просили быть откровенным, дон Рикардо... Я стараюсь, но это вовсе не просто, как-никак мы все привыкли глазеть наверх — как там, а уж после этого решались говорить сами...

— Не забывайтесь, Майер! — крикнул Фрёйде.— Отдавайте отчет своим словам!

— Я отдаю отчет своим словам. Если вы погрязли в коммерции и нашу общую победу с Пероном обернули на самообогащение, то я как был идеалистом, верным движению, так им и остался. Вы живете на своем острове в окружении олигархов и паршивых еврейских буржуев, а я живу в фанерном бараке среди полуголодных рабочих. И мне очень не нравится, когда вы говорите здесь, что надо ждать. Дон Рикардо внес дельное предложение. Я кожей чую, что сейчас самое время подготовить не одну, а пять, шесть комбинаций, чтобы продемонстрировать неумирающую силу национал-социализма. Мы ничем не рискуем, кроме возможной победы. А вы рискуете вашими счетами в банках и дворцами на островах! Вам есть чем рисковать! Придет время, когда наш партийный суд разберется, как вы разбогатели на нашей работе!

Фрёйде поднялся:

— Дон Рикардо, это возму...

— Сядьте,— сохраняя улыбку, но тем не менее холодно заметил Мюллер.— Умейте слушать, партайгеноссе Фрёйде. Вы ответите после, здесь собрались друзья, мы говорим о том, что наболело, вы получите право ответить по всем пунктам своему оппоненту.

— Спасибо, дон Рикардо,— прочувствованно сказал Майер.— Так я вот про что... Моя линия связи с Боливией и Парагваем работает надежно, как раньше. Я держу опорный пункт связи в Мадриде и Милане, я не открыл их никому, они функционируют. У меня есть надежные люди среди русской колонии в Асунсьоне, они сотрудничали с вами,— он выразительно посмотрел на Мюллера,— не с партией...

— Странная позиция.— Мюллер пожал плечами.— Зачем отделять партийное ведомство рейхсляйтера Бормана от моего? Мы все служили и служим одному делу — идее германского национального возрождения...

— Верно,— согласился Майер,— только я это к тому, что вы своих не берегли, вот им повсюду головы-то и поотрывали, а мы верных и нужных людей щадили... Вам каждый день сводку подавай, а мы впрок думали... Поэтому я и сохранил русский фашистский центр, там люди готовы на все... Вот я и намерен предложить использовать их в той комбинации, которая позволит нам организовать разрыв дипломатических отношений между здешними режимами и Россией. Я готов предложить план комбинации по Боливии и Колумбии в течение месяца... Пусть ждут трусы, которые не верят в наше дело. Я верю. Поэтому идею дона Рикардо поддерживаю целиком и полностью: за работу!

— Как фамилия руководителя русского фашистского союза в Асунсьоне? — легко поинтересовался Мюллер.

— Артахов,— после легкого колебания ответил Майер.— Очень интересный человек.

— Чем он там занимается? Я имею в виду легальное занятие.

— Могу я ответить вам с глазу на глаз, дон Рикардо?

Мюллер изумился:

— У вас есть основания не доверять кому-либо из присутствующих?! Назовите этого человека, Майер! Это ваш долг!

— Нет, я никого не подозреваю... Просто нельзя называть имя твоего доверенного человека открыто. Меня ж инструктировали... Только твой руководитель, ты и он, и больше никто.

— Верно. Так и будет впредь. Но здесь собрался костяк будущих руководителей движения, Майер. Вы в том числе. Люди, собранные здесь, прошли надлежащую проверку. И занимался этим я. Десять месяцев, Майер, десять месяцев...

— Он редактирует журнал «Оккультизм», его выписывают в Америке, Британии, Канаде, хорошая форма связи с теми из наших, кто там уцелел, вот почему я так его берегу...

— Спасибо, Майер. Вы имели право не ответить мне, и я бы не посмел принуждать вас. Спасибо. Кто следующий? Пожалуйста. Слово Карлу Губнеру.

— Я поддерживаю ваше предложение, группен... дон Рикардо. Мы имеем все возможности в ближайшее время разыграть несколько комбинаций, чтобы на этой почве начать диалог с янки. Возникает лишь один вопрос: степень риска? Конечно, чем более рискованная, то есть крупномасштабная, операция, тем более возможна выгода нашему движению. Например, если бы смогли втянуть русских в интерес по отношению к авиационному центру Перона в Кордове, а они не могут не быть заинтересованы в работах СС штандартенфюрера доктора Танка, то разрыв отношений между Аргентиной и Москвой станет очевидным фактом, но в условиях задачи, поставленной доном Рикардо, присутствие русских здесь признано допустимым в интересах конечного успеха всей комбинации. Я не берусь оспаривать концепцию дона Рикардо, его авторитет не позволяет мне этого. Но... Хорошо, следующее предложение: поскольку мне приходилось постоянно курировать работу нескольких групп в Колумбии, у меня остались надежные связи среди разумных кругов страны. Они, как и дон Рикардо, с тревогой отмечают рост коммунистических да и вообще левых тенденций. Определился лидер — профсоюзный деятель Гайтан. Если будут назначены выборы, он, и только он, получит власть. Это смерть для янки, он выступает против их, как он говорит, экспансии с фактами в руках. Каковы предложения? У меня есть надежные контакты — через третьих лиц — с группой колумбийских анархистов. В нужное время, в надлежащий момент мы санкционируем нейтрализацию Гайтана, организовав перед этим ряд контактов русских с нашими подконтрольными левыми группами. Крайне левые щелкают просто левых — с санкции Москвы. Разве это не повод для разрыва отношений с Кремлем и прихода к власти военных, получивших воспитание в классах, руководимых немецкими офицерами?! В этом же наша главная сила! Большинство военных в Латинской Америке прошло прусскую военную школу, армию Чили и Боливии создали мы от начала и до конца...

— Не мы,— улыбнулся Мюллер.— А предатель Эрнст Рем.

— Когда он создавал армию Боливии и Парагвая,— возразил Карл Губнер,— он не был изменником, дон Рикардо! Он тогда был братом фюрера! Неужели его измена в тридцать четвертом может зачеркнуть все то, что он сделал до этого?! Давайте научимся уважать историю нашего движения!

— Давайте,— согласился Мюллер.— Тем более что он никогда и никому не изменял. Доводите свою мысль до конца, пожалуйста. Обычная — после каждой национальной революции — борьба лидеров. Разве Дантон или Робеспьер изменяли идеалам своей революции? Сейчас в мире начнется процесс тщательного изучения нашего движения, и изучать его будут не по учебникам истории, написанным в министерстве пропаганды доктора Геббельса, а на основании документов. И мы должны быть готовы к тому, чтобы говорить молодому поколению правду. Дозированную, взвешенную, но правду. Если делать ставку на одних лишь фанатиков, мы не сможем противостоять противнику, который будет оперировать не слухами, но архивными документами

[1] Компания «Интернэшнл телефон энд телеграф».

и показаниями очевидцев. Мракобесие не в силах одержать окончательную победу над наукой — только временную, только сиюминутную и на очень короткий период исторического времени. Что для мира столетие? Ерунда, малость, крошечная величина, а мы обязаны думать о тысячелетиях... Предложение, связанное с колумбийским узлом, мне по душе, очень интересно, будем думать, спасибо. Следующий?

Следующим выступил доктор Зобель. Поигрывая толстыми, на американский манер, подтяжками, он говорил быстро, будто горох по столу сыпал:

— Дон Рикардо, у меня создается впечатление, что мы тщимся открыть открытые уже Америки. Меня удивляет то, что собравшиеся здесь коллеги тщательно м н у т себя под соображения, высказанные вами. Спору нет, те параграфы, которые вы изложили по поводу ситуации в мире, крайне точны, собранны, никакой демагогии и болтовни, все по делу, но когда вы коснулись проблем Латинской Америки, то здесь стала очевидной наша всегдашняя болезнь: те или тот, кто здесь работает с вами, не решились выставить контрдоводы, издержки рабского чинопочитательства. А это ущерб общему делу, дон Рикардо! Вы говорите: «Целесообразна комбинация, которая даст нам вес для диалога с янки». И приглашаете нас к совместному раздумью и планированию. Но почему-то никто не обратил ваше внимание, что президент Эквадора сеньор Веласко Ибарра, впустивший в свой кабинет коммунистов — он не мог этого не сделать,— получил власть на гребне левой волны. Но когда коммунисты не позволили ему передать янки под их военные базы Галапагосские острова, он пять месяцев назад без нашей комбинации, а самостоятельно или с подачи «малоопытных» янки объявил о наличии в Эквадоре коммунистического заговора, коммунистов-министров отправил прямехонько в тюрьму, отменил конституцию и навел в своем доме порядок. Кто вам доложил подробности его комбинации? Кто п р о с ч и т а л механизм его д е л а? Да никто! А почему? Потому что смотрят вам в рот! И не хотят видеть живые факты! А подводят в конце концов не только вас, но движение!

— Но ведь в Чили, совсем рядом с нами,— Мюллер кивнул на окно,— за Андами, в правительство по-прежнему входят три коммунистических министра, Зобель. Разве нет? Вы правы, мы еще недостаточно изучили эквадорский феномен, но мы его знаем и думаем над ним. Именно та топорность, с которой он был осуществлен, та топорность, которая делает недолговечным режим Ибарры, и подвигла нас к тому, чтобы придумать р е ц е п т ы комбинаций, приложимые к каждой стране здешнего континента в отдельности, учитывая особенности нации и своеобразие ее лидеров. Тем не менее спасибо вам за то, что вы заостряете мое внимание на возможном чинопочитательстве моих ближайших сотрудников, работающих со мною постоянно, мы учтем ваше замечание.

— Дон Рикардо, вы призывали говорить то, что мы думаем...

— По-моему, я никак не мешал вам говорить то, что вы думаете,— заметил Мюллер.— Наоборот, меня радует ваша открытость. Кто следующий?

В своем кратком заключительном слове он говорил о многом.

Но ни о беседе с полковником Стреснером из Парагвая, ни о том, что у него уже состоялся контакт с Риктером, ни о том, что одна из ключевых фигур в задуманной им комбинации — Штирлиц — находится ныне под его непосредственным контролем, он не произнес ни слова: кесарю — кесарево, богу — богово.

Ночью, после славного ужина, во время которого Мюллер размяк, произнес три спича вместо одного, отрепетированного заранее (пить нельзя категорически — становлюсь сентиментальным, тянет в слезы, явный признак склероза), он долго не мог заснуть, ворочался в своем гамаке, потом позвал и н д и а н о ч к у (в районе Игуасу очень дешевы, белые охотники их продают за гроши), только это позволило ему ненадолго забыться; проснулся со странным, тяжелым ощущением тревоги; оно не было похоже на то, что он испытывал здесь после бегства из рейха; лишь по прошествии месяцев он признался себе, что жил в атмосфере постоянного, животного ужаса; спасением была, как это ни странно, речь Черчилля в Фултоне: все возвращается на круги своя, но в новом круге, слава богу, нет фюрера с его садизмом, который шокировал цивилизованный мир, с виселицами в Минске и Загребе, с гетто в Варшаве, с идиотством Гиммлера, к у л ь т и в и р о в а в ш е г о новую п о р о д у арийцев, словно скороспелые сорта картофеля; однако провозглашенная фюрером идея борьбы с большевистским Востоком оказалась угодной новому кругу в большей даже мере, чем раньше; дело понятное: русский медведь проснулся, наработал жесткие приемы борьбы, сделался колоссом — конкурент, страшно, вот заокеанские живчики и засуетились.

Нет, тревога, которую он ощутил сейчас, была прежней, той, которую он начал забывать уже,— постоянной, въедливой, трудно поддающейся логическому анализу. Ты кому-то не веришь? — спросил он себя. Кому? Какие к этому есть основания? Если ты докажешь себе, что прав, что кто-то в чем-то опасен тебе, то дело легко поправимо: участники совещания утром полетят в Кордову на т в о е м самолете; ничего страшного, купишь новый, деньги есть. Но самое обидное, если ты уберешь нужных тебе людей,— мания подозрительности невозможна в политическом лидере. В политическом лидере, повторил он. Вот почему ты испытал ту отвратительную, изматывающую душу тревогу, которая ломала тебя и унижала, когда ты жил под Гиммлером, понял он. Ты сейчас вновь поставил себя на роль исполнителя, ты не смог заявить себя если и не фюрером, то хотя бы вторым после него человеком; порою вторым выгоднее быть, чем первым. Ты говорил с р е з е р в о м, ты боялся раскрыть карты, а эти люди пришли сюда получить п р и к а з, они не умеют обсуждать и вырабатывать линию, они, как и ты, раздавлены фюрером и его стилем. Нет, возразил он себе, ты ошибаешься. Они, может быть, и раздавлены им, но более всех раздавлен ты сам. Вместо того, чтобы бесстрашно о т д а в а т ь приказы, ты, Фрёйде, продолжаешь готовить операцию с подводом Штирлица к Риктеру, к переправке его на озеро Уэмуль в Барилочи; ты, Пратт, организовываешь канал, по которому Штирлиц должен пойти на связь с русским посольством в Буэнос-Айресе, а он обязательно пойдет на связь, или я ничего не понимаю в людях; ты, Губнер, организуешь мне встречу с Пероном, и я, лично я, отдаю ему Штирлица, делаясь с п а с и т е л е м его идеи; ты, Зобель, готовишь информацию обо всем этом для Бэна, и таким образом я, Мюллер, делаюсь ключевой фигурой предприятия, одним из самых компетентных стратегов антирусской борьбы на континенте, как на севере, так и на юге... Вместо того, чтобы приказать Майеру завтра же отправиться в Боготу и привезти мне подробный план комбинации по Гайтану, я расточал елей; я не готов еще к той роли, о которой мечтал. А не готов я к этому потому, что раздавлен Борманом и жду, когда он придет сюда, сядет в кресло возле камина и скажет: «Ну, докладывайте». И я с т а н у докладывать, вот в чем весь ужас! Половая тряпка, сказал он себе, ты несчастная половая тряпка из грубой мешковины, которая легко впитывает, а еще легче выжимается... Ну, хорошо, хорошо, легче легкого топтать себя ногами, тем более ты сам определил себя половой тряпкой. А выход? Каков выход? Да и есть ли он? Может быть, я раздавлен самой структурой национал-социализма как личность и ничто не поможет мне? Воистину богу — богово, а кесарю — кесарево, только надо это выражение примерять не на тех, кого ты собрал, а на самого себя. Хорошо, а что, если сделать так, чтобы Борман исчез — раз и навсегда? Тогда ты, только ты, группенфюрер Мюллер, остаешься правопреемником идей национал-социализма. Да, но ведь Борман жив, возразил он себе. А кто об этом знает, кроме тебя? Да, и потом — Борман ли это? Ведь в случае надобности ты всегда сможешь доказать, что это никакой не Борман, а обыкновенный двойник, и тебе поверят. Поверят? Да, поверят, если ты не будешь тряпкой, а заставишь себя раскрепоститься, ущипнешь себя, что ли: это не сон, а реальность; все происходящее въяве; психа шлепнули, ты свободен, богат, не стар еще, тебе досталась доктрина, которая сохранит свою надобность до тех пор, пока существует большевизм; ж и в и! Живи же! Это так прекрасно, когда ты живешь, ощущая свое незримое таинственное могущество! Мне нужны м о и люди, сказал он себе, поднимаясь с гамака, мне нужен Эйхман, Менгеле, Рауфф, Швендт, Скорцени, мне нужна моя гвардия, а не эти провинциалы, вот что мне нужно, чтобы осознать себя фюрером по-настоящему.

Он достал с полки папку с черно-бело-красным символом национал-социализма и, пролистав несколько страниц, углубился в чтение документа; очки не надевал — это ведь игра, очки-то, лишние мгновения на то, чтобы продумать ответ, когда Борман или какой другой дьявол задают тебе вопрос, и ты знаешь, что этот вопрос задан неспроста, и тебе нужны секунды, чтобы просчитать в уме все то, что надлежит калькулировать, когда имеешь дело с оборотнями, иначе снесут голову, легко снесут, без сожаления, такова жизнь, ничего не попишешь...

Он начал читать литые строки Гитлера, увидел сразу же его зеленые глаза, по-совиному беззащитные, услышал его а в с т р и й с к и й, столь любезный ему, баварцу, голос, ощутил слезы в глазах, и в который раз уже подивился себе самому: какая непоследовательность — плакать, вспоминая человека, который привел к краху?! Нет, нет, рабство, в нас въелось рабство, как его извести поскорее?! А надо ли? — спросил он вдруг себя. Зачем? Рабство позволяет в пять раз скорее делать то, что не под силу джентльменству, потому что самое понятие рабства вертикально и времени на дискуссии не оставляет: или ты поступаешь так, как я приказываю, или исчезаешь, третьего не дано!

...Наутро за завтраком Мюллер оглядел несколько помятые после вчерашнего застолья лица единомышленников и, надев тонкие очки на кончик носа, сказал:

— Я был счастлив видеть вас здесь. Сердце мое преисполнено гордостью за то, что наша общность выдержала все испытания. Они были нелегкими, ибо это были испытания на горечь поражения, а не на пьянящую радость побед. Перед тем, как мы расстанемся, я бы хотел — поскольку вы все выразили согласие с теми основополагающими принципами, которые я изложил,— распределить обязанности в тех комбинациях, которые мною спланированы. Отчеты о той работе, которую я сейчас поручу каждому из вас, будут передаваться мне. И никому другому. Извольте в недельный срок представить исчерпывающие данные на все ваши связи. Итак, Фрёйде... Вам я поручаю следующее...

Через три дня генерал Гелен запер в сейф подробный отчет о совещании у «дона Рикардо».

Дело в том, что Майер был завербован его о р г а н и з а ц и е й еще в конце сорок пятого. Работал и с т о в о, не за страх, а за совесть. Иначе он не мог: его единственный сын, СС гауптштурмфюрер, жил в американской зоне оккупации по фальшивым документам. Вопрос о его вывозе в Латинскую Америку мог решить только один человек — Гелен.

Однако же в отличие от Мюллера генерал Гелен разработал совершенно иной план, и ему, Гелену, было выгодно, чтобы Аргентина, получив данные о «русском шпионе Штирлице», немедленно, раз и навсегда, расторгла дипломатические отношения с Россией.

Гелен думал дальше, чем Мюллер, в данном конкретном вопросе. Он полагал, что незачем таскать в с е каштаны из огня для американцев. Какие-то — да, но самые вкусные надо сберечь для немцев. Чем труднее будет американцам в Аргентине, тем легче германская промышленность, восстав из пепла, войдет туда, чтобы стать монополистом богатейшего рынка. Естественно, присутствие русских помешает этому, поэтому надо сделать все, чтобы отношения между двумя странами были прерваны в зародыше.

Продолжение следует.

Информация к размышлению (ИТТ, 1942—1945)

После того, как японцы разбили американскую военно-морскую базу на Пёрл-Харборе и Белый дом объявил войну странам оси, деятельность ИТТ сразу же попала в сферу пристального интереса Федерального ведомства связи; одному из талантливейших аналитиков, Сэйлеру, было поручено провести негласное изучение контактов ИТТ с противником; в секретном докладе, подготовленном им для Вашингтона в конце сорок третьего года, сообщалось, что «полковник Бэн продолжает поддерживать связи с врагом через нейтральные страны, поставляя Берлину стратегические товары и оказывая конфиденциальную помощь в информации нацистам, работающим в Испании и Латинской Америке, особенно в Аргентине, Чили и Эквадоре. Только в 1942 году аргентинская компания «Юнайтед Ривэр Плэйс Телефон Компани», купленная людьми Бэна у англичан, провела 622 телефонных разговора с Берлином из Буэнос-Айреса. Есть основания предполагать, что фирма «Олл Американ Кэйбл Офис», купленная ИТТ, также поставляет информацию Берлину. В «Компаниа Унион Телефоника» работает Руис де Беренбрух, который заявляет себя антинацистом, однако ночи он проводит в германском посольстве, а затем отправляется в компанию, где имеет возможность подслушивать телефонные переговоры американцев и англичан со всем миром.

В 1942 году в Мадриде была зафиксирована встреча вице-президента ИТТ Кеннета Стоктона с послом рейха в Мадриде и двумя представителями Геринга. Эта информация государственного департамента была тщательно перепроверена и подтвердилась полностью.

В том же году представитель полковника Бэна, некий Грюн, посетил Швейцарию, где встретился с одним из высших чинов СС, доктором Вестриком, принужденным в свое время покинуть США, поскольку был изобличен как нацистский агент. Во время этой встречи Грюн подготовил для доктора Вестрика торговую сделку, в результате которой Геринг получил необходимые для его «Люфтваффе» цинк и меркурий, категорически запрещенные к продаже не только странам оси, но даже нейтральным странам. (Эти стратегические товары были затем переданы для нужд авиаконцерна «Фокке-Вульф», возглавляемого эсэсовцем доктором Танком.)

Все это дает основание передать материалы об антиамериканской деятельности полковника Бэна, возглавляющего ИТТ, в соответствующее подразделение ФБР для начала постоянной работы по этому преступному концерну».

...Прочитав этот документ, сфотографированный людьми начальника службы безопасности концерна Грюна, полковник Бэн долго сидел в задумчивости, положив тяжелые кулаки на стеклянную полированную поверхность своего громадного красного дерева стола, потом усмехнулся чему-то и спросил:

— Что, страшно, Грюн?

— Ну, не то чтобы страшно,— ответил тот (щупленький, близорукий, плешивый, он никак не походил на тот стереотип разведчика, который начал создавать Голливуд),— но думать есть о чем.

— А я чем занимаюсь? Полировкой яиц?— раздраженно заметил Бэн.

— Получается?— усмехнулся Грюн.— Научите.

— Я ничему не учу бесплатно. Давайте взятку. Или приобретайте лицензию. Первое — дешевле, второе — дороже и ненадежней. Налейте-ка нам по глотку виски.

Выпив, Бэн поднялся, походил по кабинету, остановился возле громадного американского флага, установленного за его креслом, повернулся в профиль и сказал:

— Пусть сделают хорошие снимки и распространят в прессе. Фас у меня дурной, а в профиль смотрюсь. Эта страна любит, когда о патриотизме говорят крикливо. Пойдем им навстречу.

Потом он подошел к телефону и, сняв трубку, заметил:

— Учитесь у меня делу, Грюн. Я люблю вас, поэтому учу бесплатно.

И набрал номер телефона генерала Стоне-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4, 5.

ра, руководившего в Пентагоне подразделениями связи и оповещения.

Девять лет назад Стонер работал в наблюдательном совете ИТТ, потом концерн делегировал его в Пентагон; там он стал его представителем; рекордно быстро получил генеральские погоны и тот пост, который позволял ему передавать Бэну самые выгодные заказы для армии.

— Добрый день, генерал,— сказал Бэн.— Было бы очень славно, найди вы время поужинать со мною. Если завтра свободны, я берусь зарезервировать столик в том ресторане, который вы мне сейчас назовете. Я бы выехал в Вашингтон первым поездом и в двенадцать готов встретить вас там, где скажете.

Уговорились встретиться в двенадцать тридцать, за полчаса до ланча.

Бэн опустил трубку, постоял у телефона в задумчивости, поинтересовался:

— Вы не находите, что я худею, Грюн?

— Чуть-чуть.

— Рак?

— Не кокетничайте.

— Я говорю серьезно. У меня появились боли под ложечкой.

— Значит, надо лечь на обследование к Липшицу.

— А кто будет обедать с генералом Стонером? Вы?

— Мог бы. Он дубина, мне с такими легко договариваться.

— Ошибаетесь. Он не дубина. Он играет эту роль и делает это ловко. Поверьте, я знаю его восемь лет, в ИТТ он был совершенно другим, вас тогда еще не было, Грюн. А теперь обсудим второй вопрос: кому мне звонить — Уильяму Донована, непосредственно в штаб-квартиру УСС, или Джону Фостеру Даллесу?

— Конечно, Даллесу.

— Почему так категорично?

— Потому что Донован плохо относится к вам, вам он не верит, считает европейцем, а не американцем, и к тому же подозревает в конспиративных связях с нацистами.

— Идеально было бы сегодня поужинать, завтра я занят.

— К сожалению, у меня сегодня вечером встреча с людьми из Швеции. Впрочем, я бы смог освободиться, скажем, в пять. До шести я в вашем распоряжении.

— Спасибо, Джон. В пять я буду у вас. Или встретимся на нейтральной почве?

— Имеете в виду Швейцарию?— снова усмехнулся Даллес.— Мы не успеем туда добраться к пяти.

...Выслушав полковника, Даллес неторопливо закурил и задумчиво ответил:

— Заманчиво, бесспорно, заманчиво. Вы обговаривали это предложение с Донованом?

— Нет.

— Почему?

— Потому что сначала я решил обговорить его с вами.

— А с государственным департаментом?

— Ах, Джон, это невозможно! Вы же прекрасно знаете, в чем сокрыта трагедия нашей административной машины...

— В чем же?— улыбчиво поинтересовался Даллес.

— Ладно, я проклятый воротила, акула бизнеса, и так далее, а вы соловей, все верно, легко заткнете меня за пояс, если нам случится соревноваться в красноречии, но в вопросах стратегии д е л а не тягайтесь со мной, положу на лопатки... Что получает чиновник государственного департамента от удачи той или иной внешнеполитической акции? Хрен в сумку, ноль. А я получаю. Вы как адвокат тоже. Если бы им платили с выгоды, если бы они хоть в малости были заинтересованы в результате их труда, тогда бы я мог с ними говорить. А при нынешнем положении вещей это бесполезная затея, меня тамошние мыши не поймут.

— Хорошо, отложим контакты с государственным департаментом до лучших времен. Пентагон?

— Там все в порядке.

— Военная разведка вас поддержит?

Юлиан СЕМЕНОВ

— Аллен Даллес связан с наци более тесно, чем я.

— Он связан лишь с теми, кто так или иначе стоит в оппозиции к Гитлеру. Донован слепо ненавидит фюрера. Он не допускает мысли о контактах с теми, кто относится к Гитлеру иначе. И, главное, у него нет никаких интересов — ни в ИТТ, ни в рейхе.

Бэн набрал телефон Даллеса; один из руководителей республиканской партии, он тем не менее чаще всего работал в своей адвокатской конторе «Салливэн энд Кромуэлл» на Уолл-стрите.

— Здравствуйте, полковник,— пророкотал Даллес своим сильным, хорошо поставленным голосом,— рад слышать вас, что нового?

— Как говорят, все новое — хорошо забытое старое. А что мы все позабывали? Дружество! Когда сможете найти для меня время?

— Хотите поручить мне судебный процесс против врагов?— хохотнул Даллес.— Это будет дорого стоить, у вас сильные противники.

— Можете назвать их поименно?

— Поскольку по условиям военного времени нас могут подслушивать и это не есть нарушение конституции, лучше бы сделать это при встрече.

— Назначайте время.

— Давайте завтра пообедаем.

— Да.

— Как я понимаю, этот вопрос вы еще до конца не проговорили?

— До конца — нет.

— Когда решится?

— Завтра.

— Прекрасно. Я найду возможность связаться с Алленом. Если вы заручитесь поддержкой Пентагона, его интерес к доктору Вестрику будет вполне оправдан. Но...— Даллес полез за сигарой, заботливо обрезал ее, но раскуривать не стал.— Очень существенное «но», полковник. Вестрик должен приехать к Аллену не с пустыми руками. Как вы сможете изложить вашему компаньону свой дерзкий план? Закажете разговор с Берлином? «Подумайте, дорогой Вестрик, как будет прекрасно, если вы уговорите Геринга стать агентом Аллена Даллеса?»

Бэн засмеялся:

— Сюжет можно продать Хичкоку, отчаянно веселая комедия... О Вестрике не беспокойтесь, он приедет к Аллену не с пустыми руками. И я вернусь к вам в Нью-Йорк с полными руками. В пятницу я готов подробно рассказать и про Вестрика, и про Пентагон, дело за вами.

В тот же день Грюн вылетел в Буэнос-Айрес, к Арнольду, генеральному представителю ИТТ в Аргентине.

Наутро тот устроил Грюну телефонный разговор с Вестриком; был использован шифр, которым компаньоны обменялись за два дня перед катастрофой в Пёрл-Харборе: «Полковник Бэн просит доктора Вестрика найти возможность приехать в Швейцарию и посетить в Берне мистера Даллеса для того, чтобы обговорить с ним возможность постоянных контактов. Вопросы, которые надлежит обсудить, касаются интересов ИТТ в рейхе и тех странах Европы, которые ныне стали частью Германии. При этом дальнейшее развитие предприятий ИТТ в рейхе гарантирует поддержку мистером Даллесом тех проектов по дальнейшему приобретению запрещенных предметов экспорта, в которых заинтересованы дочерние предприятия концерна, в том числе и заводы «Фокке-Вульф». Однако для обеих сторон представляется целесообразным оформлять эти деловые контакты не как встречи, связанные с бизнесом, но как обмен политической информацией секретного характера».

Доктор Вестрик записал шифрованное послание, пообещал позвонить завтра вечером, поехал с текстом в штаб люфтваффе, был принят Герингом и получил от него санкцию на действия.

Через двенадцать часов он позвонил Грюну и, используя тот же шифр, сообщил, что отправится в Швейцарию на следующей неделе; было бы идеально встретиться там с полковником или его наиболее доверенным представителем накануне беседы с мистером Алленом Даллесом; «лучшее место встречи — отель «Гельвеция». Мои друзья сожалеют, что информация о выходе британских судов со стратегическими товарами стала поступать в Берлин нерегулярно; активизация этой работы поможет мне заручиться еще большей поддержкой у тех, кто питает традиционные чувства уважения к полковнику и тому делу, которому он служит».

Когда Грюн позвонил в концерн, ему передали, чтобы он вылетал не в Нью-Йорк, а в

Я-Ц

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Вашингтон, полковник ждет его незамедлительно.

Назавтра Грюн, злой, помятый и невыспавшийся (плохо переносил полеты), был в Вашингтоне. Вечером генерал Стонер поздравил Грюна с присвоением звания майора вооруженных сил США и определил его на работу в военно-воздушную разведку Пентагона.

Через семь дней Даллес сообщил в штаб-квартиру УСС, что им «завербован доктор Вестрик, понявший неизбежность краха Гитлера»; Даллес подчеркивал, что доктор Вестрик принял на себя обязательство охранять, используя свои связи в нацистском партийном и дипломатическом мире, интересы ведущих концернов США не только во время войны, но и после ее окончания.

О том, что Вестрик возвращался в Берлин с контрактом, подписанным для него представителем ИТТ на поставку заводам бомбардировщиков «Фокке-Вульф» радиоаппаратуры и механизмов слежения за караванами союзников, в Вашингтон, естественно, не сообщил, там далеко не все понимали, что политика — это политика, она меняется, а вот бизнес неизменен и сиюминутным интересам не подчинен.

...Когда доклад Сэйлера был, наконец, отправлен в государственный департамент и ФБР, верхние этажи Пентагона и УСС встали на защиту человека, который «так много делал и делает для американской армии и разведки; лишь понятная некомпентентность А. Сэйлера, который не допущен к высшим секретам, позволила ему поставить под сомнение искренность выдающегося патриота, каким по праву считается полковник американской армии С. Бэн».

...Когда первые американские части 25 августа 1944 года вошли в Париж, Бэн вместе с сыном Вильямом въехал в город в военной форме; джип был набит ящиками с шампанским; он сразу же направился в здание, где помещался французский филиал ИТТ.

— Граждане, друзья, братья!— сказал он собравшимся там работникам.— Поздравляю вас с освобождением от мерзкой нацистской тирании! Американцы всегда были, есть и будут самым надежным гарантом вашей свободы! Да здравствует республика!

Через пять дней Бэн воссоздал форпосты своей империи во Франции; затем он ринулся в направлении Брюсселя и Антверпена; захватил и там плацдармы; как только войска союзников вступили в рейх, Бэн встретился в Берне с доктором Вестриком, однако после сигнала, который получил от своих друзей из разведки Пентагона, контакты с ним временно прервал, поручив текущую работу по Германии своим вице-президентам Гордону Керну и Кеннету Стоктону; этому было легче работать, потому что Бэн добился с помощью руководства Пентагона присвоения Стоктону звания бригадного генерала; люди Бэна захватили громадные заводы «Лоренца», выпускавшие телефонное оборудование, сообщив прессе, что это сделано в интересах американской армии, поскольку оккупационным властям необходима надежная связь для «продолжения борьбы с нацистами и их последышами, а никто не сможет помочь армии в этом деле, кроме ИТТ, традиционно сотрудничающей с Пентагоном»; с подачи Вестрика люди ИТТ наложили руку на филиалы концерна «Сименса» и на предприятия авиационного гиганта «Фокке-Вульф». Это и переполнило чашу терпения конкурентов, которых Бэн обошел на две головы; «обиженные» банки и концерны имели своих людей в министерстве юстиции; удар против Бэна был нанесен сложный, обходный: от Белого дома потребовали — уже заранее, до победы — продумать поэтапную декартелизацию и денацификацию германской промышленности, чтобы она никогда впредь не стала орудием в руках маньяков типа Гитлера, однако же замах был хорош, только удара не получилось: конкурентам удалось договориться лишь о декартелизации «И. Г. Фарбениндустри», было решено разделить гигант на семь фирм; ни «Лоренц», ни «Сименс», ни «Фокке-Вульф», готовившие Гитлеру базы для производства самолетов, фау, радиостанций и средств связи, не подпадали под проект закона о декартелизации и денацификации. Тем не менее «драка под одеялом» продолжалась: генеральный прокурор Том Кларк незадолго перед окончанием войны подготовил заявление:

— «Интернэшнл стандард электрик компани» (ИСЭК), являющаяся европейским филиалом ИТТ, поддерживала постоянные контакты с нацистским агентом доктором Герхардом А. Вестриком. Это позволило ИТТ передать нацистам огромное количество стратегических материалов и лицензий, что нанесло существенный урон не только престижу Соединенных Штатов, но и частям нашей армии, сражавшимся в Европе против гитлеровской тирании. Все это происходило по прямому указанию президента ИТТ Состенса Бэна.

Джон Фостер Даллес позвонил Бэну и, по своей привычке посмеиваясь, сказал:

— Полковник, надо продержаться пару месяцев, это последние всплески... Деловую сторону вопроса я беру на себя, а вы придумайте-ка какой-нибудь спектакль для публики; хлеб у вас есть, устройте зрелище.

И через три дня, после обеда с генералом Стонером и Форрестолом, обеда, который перешел в ужин, Пентагон объявил о награждении Бэна высшей наградой Соединенных Штатов за «заслуги перед армией».

...А после этого он срочно вылетел в Швейцарию, на встречу с Алленом Даллесом.

...Поскольку провинциализм заедлив и трудно изживаем, Бэн, конечно же, устроил прием в роскошном «Паласе»; закрыл ресторан для посетителей, откупив его на ночь только для себя; отправил за Даллесом два роскошных «паккарда», хотя тот предпочитал ездить в неприметном «фордике» (бензин в Швейцарии нормировался, жестокая карточная система была введена еще после того, как немцы оккупировали вишистскую Францию,— последняя артерия подвоза топлива из Марселя была прервана, английская блокада давала себя знать); зачем-то повелел остаться музыкантам, и поэтому, помимо двадцати официантов, на гостя полковника таращились скрипачи, трубач, пианист, ударник и тромбонист, игравшие арии из оперетт вперемешку со старомодными фокстротами конца двадцатых годов.

Конечно же, на столе стояла серебряная ваза с икрой (не менее двух фунтов), омары; вместо горячей закуски принесли лобстеров, огромных, как ботинки; на подносах из хрусталя (совершенно диковинной работы) высились фрукты из тропиков, даже плоды авокадо, которые и в Штатах-то стали роскошью в дни войны.

Бэн произнес тост; поначалу он был витиеватым, затем, однако, обрел форму повестки дня, ибо он умудрился заложить туда все те пункты, которые намеревался обсудить с «личным представителем президента Соединенных Штатов, с тем, кто бесстрашно направляет борьбу народа на той линии огня, которая выдвинута далеко вперед, ибо будущее Америки немыслимо без Европы, которая восстанет из пепла, превратившись в бастион демократии и прогресса, старая вражда уступит место новой дружбе, поскольку воистину существует время разбрасывать камни и время собирать их, есть время уклоняться от объятий и время заключать в них тех, кто помнит заповедь, гласящую: «Род приходит, и род уходит, но земля пребывает вовеки».

Даллес ответил экспромтом на отвлеченную тему, спросил, какой чудесник доставил сюда лобстеров, поинтересовался, сколько времени потребовалось Бэну на то, чтобы организовать такую сказку Шахрезады в Берне, выслушал ответ («Всего два дня, пока еще есть деньги на то, чтобы оплатить самолет в Касабланку и Танжер»), понял, что за это время стол мог вполне быть оборудован звукозаписывающей аппаратурой — кому не хочется узнать, о чем говорит ИТТ с разведкой, и поэтому за все время приема ни на один заход Бэна прямо не ответил, много шутил, а когда полковник, не выдержав размытых дипломатических штучек, прямо поставил вопрос, какой Даллес видит послевоенную Европу и что он, Бэн, может сделать для того, чтобы не повторилась трагедия Версаля, Даллес, мягко улыбнувшись, спросил разрешения прочесть стихи любимых им китайцев и, естественно, это разрешение получив, продекламировал:

Я журавлей сержу, я обезьян вспугнул,
Здесь появившись средь лесов и гор.
Уж проторил тропинку не одну,
Но медлю с переездом до сих пор.
Зачем бегу в заоблачную высь?
Чего хочу в пустыне гор искать?
Дух непреклонный вел меня всю жизнь,
И быть безвестным — не страшна мне мысль,
Смеются надо мной чиновники — пускай!
Пора мне на покой. Иных желаний нет.
Привольное житье карьере предпочту!
Но отчего о сельской тишине
В душе храню заветную мечту?
Хочу взглянуть на бег осенних вод,
На челн, что спорит с бурей грозовой,
Над головой гусей услышать взлет,
Напуганных звенящей тетивой.
Я на холме восточном возведу
Своей рукою хижину в лесу:
Перед окном чтоб речка на виду,
Чтоб с лодки мог забрасывать лесу...
Но надо прежде ивы посадить,
Огородить бамбуковым плетнем.
Но — небольшим, чтоб видеть позади,
Как сливы розовым горят огнем.
Милее нет осенних хризантем,
Весной сплету венок из орхидей...
Но с этим — после. Надо между тем
Предвидеть все. Нигде не проглядеть.

А император?.. Если против он?
И вот стою, в раздумье погружен.

Бэн слушал Даллеса несколько по-детски, чуть приоткрыв рот от восхищения (не любит читать, сразу же отметил Даллес, видимо, относится к числу тех, кто предпочитает слушать или смотреть, для таких людей кинематограф главный источник информации; довольно опасно, если они сделаются неуправляемыми, слишком сильными, но в то же время крайне удобно, если удалось взять верх над такого рода характерами); когда тот кончил стихотворение, полковник искренне и громко, по-детски хлопая ладошами, зааплодировал.

— Кто ж это такое сочинил, а?!

— Синь Ци-цзи, воин и поэт, романтик, мечтатель и стратег, совершенно поразительная фигура в гирлянде китайских талантов.

Все попытки Бэна р а з г о в о р и т ь Даллеса наталкивались на шутку — они сыпались из него как из рога изобилия.

Когда Бэн, не вытерпев, открыто спросил, что Даллес думает по поводу того, что ищейки министра финансов Моргентау накладывают аресты на контракты, заключенные серьезными людьми Уолл-стрита даже в третьих странах, особенно в Латинской Америке, жонглируя тем, что в этих сделках заинтересованы нацисты, Даллес, разрезав авокадо, вытащил косточку, положил в открывшуюся лунку плода, чем-то напоминающего яблоко, ложку черной икры и поинтересовался:

— Выдержите еще одну порцию китайской поэзии?

— Еще как! — откликнулся Бэн.— Вы ее здорово шпарите, будто сами и сочинили.

— Если бы я умел так сочинять,— ответил Даллес,— я бы ни за что не избрал карьеру правительственного чиновника («Пусть послушают про мою здешнюю миссию,— подумал он,— если, конечно, слушают»), но отдал бы всего себя изящной словесности... Итак, Тан Гэн, поэма о допросе опальных чиновников:

Военный судья заседает в палате суда,
Он рот искривил и оскалил желтые зубы,
Опальных людей привели под конвоем сюда,
Они и в суде пререкаются дерзко и грубо.
Судейские очи негодованьем полны,
И голос жесток, и разящий огонь
в каждом слове:
«С тех пор, как вам должности
были указом даны,
Вы выпили сколько народного пота и крови?
Чиновникам, вам доверяли ключи от всего,
Вы лишь о наживе своей день и ночь
помышляли,
Народ не роптал, вы сдирали три шкуры
с него,
Как бороду старца, до волоса все выдирали...
Казну расхищали — подсчитано все и сполна,
За дерзость и зло вам придется
нести наказанье,
Ясны преступленья — как солнце ясны,
как луна,
Кто сможет из вас хоть что-то сказать
в оправданье?»
Один из опальных, внимая пространным
речам,
Просил разрешенья немедля ответить
вельможе.
«Судейское сердце,— сказал он,—
подобно очам:
Всех видят — и только не видят
лица своего же...
Когда вы учились, знавать вам немало
пришлось,
Но голос был слабым, и нечем, казалось,
гордиться,
Ведь только с тех пор, как вы стали
на должностный пост,
Парите вы в небе, как самая гордая птица.
За ваши ль заслуги вам платят
из общей казны?
Не значит ли это, что вы, как и мы,—
расхищали?
Но высшие власти не видят в том
вашей вины,
И вас не подвергли ни разу законной опале.
Сегодня придется нам должную кару нести,
Не вредно б судье и к себе отнестись
со вниманьем:
Когда перед бедными счеты придется свести,
Ужель не такое же вам предстоит
наказанье?»
Судья обомлел, не сказал ничего господин,
Чиновники, стражи стояли, друг друга
смущая.
«Сверните дела,— вдруг промолвил,—
возьмите мой цин,
Я завтра вернусь, а сегодня — допрос
прекращаю!»

Бэн снова захлопал в ладоши, но лицо его было хмурым, потому что он понял: он не готов к настоящему разговору с этим человеком, слишком тот умен, двуслоен, какое там, пятислоен, весь в глубине, на поверхности лишь малая толика его сокровенной, закрытой сути. Он понял, что прием не удался, все впустую; плевать на десять тысяч долларов, да и времени не жаль, общение с умным человеком, даже если ты не получил желаемого, того стоит, за науку надо платить, какой иначе толк учителям отдавать свое знание, за одно лишь рукопожатие это не делается, каждая идея отмечена ценой, только трутни скупятся на оплату того, что в будущем принесет дивиденды.

Когда они поднялись из-за стола, Даллес поинтересовался:

— Как вы отнесетесь к тому, чтобы мы прогулялись? Обед был фламандским, его необходимо хорошенько утрамбовать.

На улице было темно уже; швейцарские власти ввели светомаскировку еще в сорок третьем, боялись случайных налетов союзников, а может, думал Даллес, не хотели дразнить гусей: пересечение границы голодного, затемненного рейха и сытой, ярко освещенной Швейцарии вызывало у берлинских бонз, приезжавших сюда, острые приступы завистливой ярости, словно бы они не получили того, чего добивались, словно бы в этом были виноваты (как же это удобно винить других, кого угодно, только не себя!) большевики, евреи и толстосумы Уолл-стрита.

— Видите дорогу? — спросил Даллес, беря полковника под руку.— Я, как кошка, вижу в темноте.

— Ну, а я, значит, вроде тигра,— ответил Бэн.— Вижу лучше котов. Даже десятицентовую монету замечу, поверьте слову...

— Не бросайтесь словом,— вдруг очень резко, как-то неожиданно сурово сказал Даллес и швырнул на тротуар монету.— Ищите.

— Со спичкой найду,— несколько растерянно ответил Бэн.

— За спичку на улице вас оштрафуют. И правильно сделают. Закон войны для всех один, кому это знать, как не вам, военному человеку... Я что? Беззащитная штатская крыса, а вы сокол, уставы учили... Не сердитесь, у вас слишком много врагов; чтобы легко бросаться не чем-либо, но словом — дорогого стоит... Вот что я намерен вам сказать... Если вы будете по-прежнему слишком уж открыто лезть в Голландию или Германию, можете не выдержать конкуренции: не вы один имеете здесь серьезные интересы... Как мне известно, у вас есть много друзей в Испании и Латинской Америке. Почему бы вам, вернув себе в Европе то, что законно и не вызовет бешеной конкурентной злобы, не сосредоточить максимум внимания на Аргентине, Чили, Боливии, Никарагуа, Парагвае, Кубе? Там ведь все еще очень сильны позиции немцев, с которыми у вас сохраняются совершенно завидные отношения... Свято место пусто не бывает...

— Я думаю, недруги несколько преувеличивают мои возможности в Латинской Америке,— ответил Бэн, тщательно взвешивая каждое слово,— спасибо тебе за урок, Даллес, ты меня учи, я способный. Кое-что, конечно, есть, но все это далеко не безгранично.

— Не безгранично? Что ж, я готов помочь в том, чтобы несколько расширить ваши границы,— сказал Даллес.— Но для этого вы должны поделиться со мной той информацией о полковнике Пероне, которую вам в свое время подарил Геринг.

Бэн почувствовал, как во рту пересохло; во время того разговора с рейхсмаршалом в его замке Каринхолле никого не было, ведь об этом мы говорили у подъезда; стоп, но рядом с боровом всегда торчали три мумии из охраны; неужели Даллес и туда подкрался? Конечно, подкрался, как он мог иначе получить эти сведения?

— Какую информацию вы имеете в виду, Аллен?

— Ту самую,— так же жестко, без обычной для него улыбки ответил Даллес.— Вы прекраснейшим образом понимаете, о чем я говорю. На всякий случай замечу, что я никогда и никому не вношу предложений дважды.

— Ах, это вы имеете в виду возможность национализации телефонно-телеграфной сети в Аргентине? — довольно неуклюже отыграл Бэн.— Геринг сказал, что в окружении Перона есть люди, разделяющие некоторые аспекты национал-социализма, причем его максималистского, ультралевого направления, штрассеровского,— добавил он,— если мне не изменяет память.

— Память вам не изменила. Меня интересуют эти имена.

— Я должен запросить Буэнос-Айрес, моего директора Арнольда, он там ведет все дело...

— Если Арнольд ответит, что он наладил после вашего визита к Герингу дружеский контакт с Гутьерресом, будет ли это значить, что он и есть тот человек, который симпатизирует ультралевому нацизму?

Знает, сукин сын, понял Бэн, все знает, проклятый китаец. И купить не купишь, на Уолл-стрите он всех обслуживает, богат и независим. Он меня втянул словно в воронку, как теперь выйти, не роняя достоинства? Но как жестко работает, как холодно и властно. Что ж, на силу — силой, только так, и никак иначе. А какая у меня сила, если он знает, а я нет? Между силой и хамством большая дистанция, нет ничего обиднее, чем выглядеть в глазах победившего глупым.

— Оранья, если мне не изменяет память, придерживался ортодоксальных взглядов... Он когда-то работал с Франко, поддерживал прямой контакт с людьми Геринга... Что же касается Гутьерреса, то я готов вам ответить завтра, Аллен... После того, как снесусь с Арнольдом.

— Вы понимаете, что в Аргентине вам будет значительно сложнее получить компенсацию за ваш концерн, если его все-таки национализируют, чем в Бухаресте, у Антонеску?

— Нет,— Бэн покачал головой,— я не думаю, что это будет много труднее. Если же я почувствую определенное неудобство, разрешите мне обратиться в ваш «Салливэн энд Кромуэлл», все-таки именно вы помогли Рокфеллеру в Венесуэле, когда там подняли голову левые.

— Вот теперь наш разговор обрел предметный характер. Конечно, «Салливэн энд Кромуэлл» готова оказать вам помощь, но лучше, чтоб ее не потребовалось, не так ли?

— Понятно, лучше, кто спорит.

— Не мне вам говорить, что Гитлер всем нам подложил большую свинью. Не начни он своего террора, не развяжи войну, мы были бы по-прежнему крепки на юге нашего континента. Но теперь, и вы это знаете не хуже, чем я, большинство стран на юге легализовали компартии и установили — или же устанавливают — дипломатические отношения со Сталиным. Пока Рузвельт сидит в Белом доме, окруженный Моргентау, Уоллесами, Икесами и прочими, мы связаны по рукам, он не санкционирует решительных действий. Но он не вечен. Однако за то время, пока он правит, левые успеют закрепиться на континенте, и это плохо. Вы согласны?

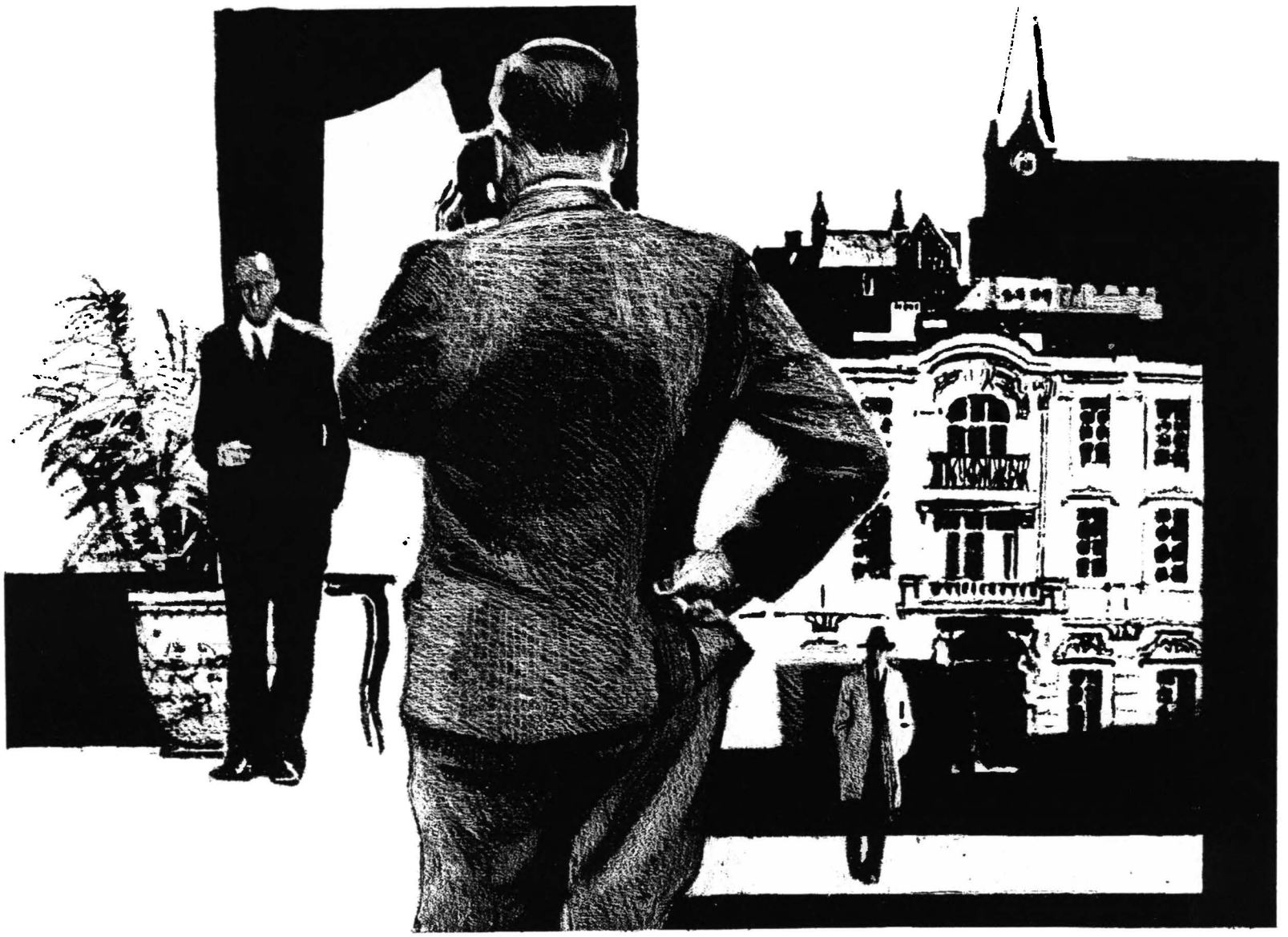
— Согласен.

— Что же, по-вашему, можно предпринять, чтобы еще сейчас, пока мы лишены реальной политической силы, оттереть левых, заставить их уважать те правила, которые исповедуем мы, именно мы, а никто другой?

— Вы говорите, Аллен, говорите, я слушаю.— Бэн ответил сухо, просчитав, что Даллес подходит к тому моменту, когда он, полковник, будет нужен ему больше, чем Даллес ему, Бэну.

— Единственная сила, которая может рьяно противостоять большевизму на юге нашего континента, не оглядываясь на какие бы то ни было нормы морали,— это люди типа Гутьерреса, то есть тамошние крайне правые. Единственная сила, которая может вселить в латиносов ужас и страх перед диктатурой,— это национал-социалисты, как те, которые ринутся туда из рейха, когда мы похороним Гитлера, так и местные афисионадо[1] нацизма. А если они родят страх перед террором диктатуры, то единственной силой, которая может помочь избавлению от нее, должны стать мы, общество свободы и демократии. Чем поначалу хуже, тем впоследствии лучше. Конкретно: готова ли ваша ИТТ дать укрытие, дом, работу, доку-

[1] Афисионадо (исп.) — любители.



менты тем тысячам бывших клевретов нацизма, которые уже сейчас держат в своих сейфах аргентинские документы?

— То, что вы предлагаете, осуществимо. Ваш стратегический замысел я принимаю целиком, но какое все это имеет отношение к возможной национализации моего филиала в Аргентине?

— Прямое. Как только кончится драка, я отправлю на юг Джекобса... Да, да, брата Эрла, вашего представителя в Испании. Я посмотрю его в серьезном деле, а потом передам ему мои здешние связи. А это вполне надежные связи. Надо сделать так, чтобы те немцы, которым вы дадите укрытие, з а ц е л о в а л и Перона, надо, чтобы он был весь в коричневой помаде, это повод к тому, чтобы давить на него в нужном для нас направлении. Сколько вы думаете получить с него в случае, если он решится национализировать ИТТ?

— Не менее семидесяти миллионов.

Даллес остановился и, хмыкнув, предложил:

— Ну-ка, бросьте монету. Бросьте, бросьте, человек с глазами тигра.

Бэн стремительно кинул на тротуар двадцатипятицентовую монету так, словно все время держал ее в кулаке. Даллес сделал пять быстрых шагов, наступил ногой на т е м н о т у, нагнулся и поднял в а ш и н г т о н а:

— Кошка видит лучше тигра. Так-то... Сто миллионов. Я вам обещаю не семьдесят миллионов, а сто. Если, конечно, мы подпишем вечный договор о дружбе и взаимной помощи. Эрго, если вы согласны поставить свою подпись под нашим договором, если вы обещаете сделать ваши аргентинские, чилийские, уругвайские, колумбийские и эквадорские филиалы м о и м и, я готов способствовать тому, чтобы ваши границы значительно расширились. Повторяю, м о и м и, а не всей нашей конторы — я имею в виду и УСС, и Донована.

— Вы чего-то не договорили, Аллен. Договор без секретных статей несерьезен.

— Я все сказал. Вопрос в том, насколько верно вы меня поняли. Точнее: правильно ли вы поняли то, что кандидатуры каких-то людей, которых мистеру Арнольду придется приютить, должны быть необсуждаемы? Какие-то внешнеполитические шаги, которые вы задумаете, придется, если, конечно, найдете время, обговаривать заранее со мною? А какие-то деньги, из тех ста миллионов, которые вы получите, вам придется обратить на наше общее дело, обсудив опять-таки со мною их вложение?

— Какой может быть сумма вложений?

— Скажем, десять миллионов.

— Не проблема, принято. Во что вкладывать?

— Вы не очень обидитесь, если я отвечу вам на этот вопрос несколько позже?

— Не обижусь. Но я привык рассуждать о грядущем заранее, даже если не знаю всего, что меня ждет.

— А кто об этом знает? Об этом не знает никто, полковник. Об этом знает бог, а в него мы верим.

— Вам не кажется, что вы со мной слишком жестко говорите?

— Мы победители, Бэн, нам можно.

— Верно, м ы победители...

Даллес покачал головой:

— Нет, полковник, мы.— Он тронул себя пальцами в грудь.— Архивы Геринга, Риббентропа, «И. Г.», Гиммлера перейдут, а частично уже перешли ко мне. А вы очень не заинтересованы в том, чтобы эти архивы сделались достоянием гласности. Вам тогда просто-напросто не подняться. Вас сомнут, как это случилось с Уолтером Тиглом, а он был крепким парнем, Рокфеллер считался с его словом так, словно Тигл был не генеральным директором «Стандард ойл оф Нью-Джерси», а Рокфеллеровым дедом. И это случилось в сорок первом, когда архивами нацистов и не пахло.

— Что-то все это смахивает на шантаж, Аллен. Не находите?

— Это не шантаж, а констатация факта. Или, если говорить языком паршивой дипломатии, гарантия выполнения вами секретных статей предлагаемого мною договора о вечной дружбе.

— У вас есть еще одна монета? — спросил Бэн.

Даллес порылся в карманах легкого, чуть коротковатого для его роста пальто, вытащил медяшку и поинтересовался:

— Хотите взять реванш?

— Очень.

Даллес бросил монету; Бэн достал стодолларовую купюру и протянул ее Даллесу:

— У вас есть зажигалка? Попробуйте поджечь. Мы же не уговаривались, каким образом я стану искать монету, важно, чтобы я ее нашел.

— Я должен вас понять так, что вы отказываетесь от моего предложения?

— Именно так. Честь имею.

Через неделю ФБР вызвало для допроса помощника Бэна; в тот же день, только вечером, министерство юстиции уведомило начальника отдела безопасности Грюна (формально он числился «экспертом по внешнеэкономическим связям»), что он должен представить документы о договорах ИТТ с европейскими фирмами, контролируемыми Берлином; наутро против ИТТ был дан залп в ведущих газетах Вашингтона, Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Детройта и Чикаго; вечерние газеты Парижа, Лондона, Брюсселя, Рима и Осло перепечатали статьи из американских газет, сопроводив комментариями, полными многозначительных недомолвок.

В двадцать один час Бэн позвонил Аллену Даллесу и предложил ему выпить чашку кофе; тот посетовал на занятость, поинтересовался, нельзя ли перенести встречу на следующую неделю, и спросил, не может ли он чем-либо помочь, если дело носит экстренный характер.

— Можно подождать до уик-энда,— ответил Бэн.— Просто я тут подписал один договор, и мне хотелось, чтобы вы его проглядели своим соколиным оком — нет ли каких накладок.

— Прекрасно. В субботу я жду вас на ланч.

Продолжение следует.

ны и,— Даллес усмехнулся,— как бы это точнее выразить... избыточно страстны, что ли, нет еще опыта политической деятельности, вынырнули в последние годы войны на гребне антифашизма, не научились... А если научатся? Тогда как? У нас есть переходная кандидатура на президента — Оспина Перес, но это не личность, полумера, борьба за время... Что вы предложите?

— Надо посмотреть,— повторил Бэн.— Но ведь нефть — это государственная политика, Аллен, это топливо для самолетов и танков... В какой мере государственный департамент и Пентагон включены в наше соразмышление? Ведь они не мы. Бюрократы. Им надо долго думать... Я-то сразу просчитал в уме, что Рокфеллеру будет нужна хорошая связь, если он прочно закрепится в Колумбии, а кто ему организует связь, как не ИТТ?

Даллес улыбнулся:

— Вообще-то охотников много, но я, как его адвокат, буду настаивать именно на вашей кандидатуре. Что же касается государственного департамента и Пентагона, то вам предстоит поработать в этом направлении, Бэн. Ваши отношения с военными позволяют сделать это лучше и плодотворнее, чем мне, я же с ними часто ссорился, с проказниками.

...Нефть, армия, политика — и в ту пору да и поныне — завязаны в тесный узел интересов, которые определялись и определяются балансом концернов, миллиардами, отчисляющимися в бюджет, перераспределяемыми затем в конгрессе между теми же Рокфеллером, Морганом и Дюпоном, ибо именно их корпорациям раздавалась и раздается львиная доля самых выгодных заказов, то есть военных; здесь не страшна конкуренция, как у текстильщиков, поставщиков оборудования для пищевой, медицинской, обувной или лесодобывающей промышленности; танк и бомбардировщик вне конкуренции, нет надобности в дополнительных тратах на прессу, рекламу и лобби; система отработана надежно; до тех пор, пока она функционирует без перебоя, стабильность страны обеспечена; перекосит в сторону — возможны неуправляемые последствия, чреватые социальным взрывом.

...Бэн допил чашку ангольского кофе, поднялся, прошелся по маленькому, в высшей мере скромному кабинетику Даллеса (играет или действительно это его стиль, протестантское пуританство?), остановился возле книжных шкафов, поинтересовался:

— А что по поводу моих военных из Пентагона говорит поэзия эпохи Сун?

— Обязательно что-нибудь да говорит. Как все великое, она вневременна и безнациональна,— ответил Даллес и, открыв томик, постоянно лежавший у него на столе, прочитал строки, взятые наугад:

— Соседи забыли песни, Скучно стало в деревне, Женщины, дети плачут, Мир этот им немил. Достану я с полки книги, Прочту заклинанья древних: Пусть упорядочит небо Сферы стихийных сил!

...Назавтра Бэн вылетел в Буэнос-Айрес, какникак опорная база; вовремя поданный совет Геринга наладить отношения с никому не известным подполковником Пероном принес свои плоды: президент Перон провел объявленную национализацию ряда иностранных компаний; однако это не сопровождалось какими-либо актами произвола, наоборот, Бэн получил громадную компенсацию, штаб-квартира осталась в прежнем здании, штат сотрудников как делал свое дело, так и продолжал делать его, Бэн наведывался в город довольно часто, блистал в свете; сделал подарок сеньоре Перон, очаровательной и острой на язык Эвите, любимице народа; с тех пор принимала его без протокола.

...Именно там, в Аргентине, на правительственном приеме, Бэн и запустил по известной одному лишь ему цепи пробный шар по поводу контактов в Колумбии.

...Бэн продолжал устраивать роскошные приемы в лучших ресторанах, на которых сводил послов с министрами, а директоров своих филиалов и военных атташе США с местными офицерами («Война — это коммуникации,— повторял он гостям,— порядок в стране не может быть достигнут без надежно работающей телефонной сети»); открывал перспективных честолюбцев на континенте, повторяя сотрудникам без устали, что чин не имеет значения, личности становятся генералами в один день, а то и час; те, которые просиживают кресла в ожидании звезды на погонах, нам неинтересны. Он интересовался парагвайским офицером Стреснером; присматривался к чилийскому майору Аугусто Пиночету — совершенно поразительная работоспособность и воистину европейский педантизм; подкрадывался к аргентинскому полковнику Гутьерресу, считая «серого кардинала» Перона устрашающе умной личностью.

Зная о том, как много работы у Бэна в Аргентине, Даллес загодя позвонил в его секретариат и попросил отправить телеграмму в Буэнос-Айрес с просьбой пригласить полковника на ланч в любую удобную для него пятницу.

И через три дня, весело разглядывая загоревшее лицо Бэна, поинтересовался:

— Где вы так прокалились? Ездили на атлантические пляжи?

— Если бы,— вздохнул Бэн.— Только два дня смог полежать под солнышком, да и то в Байресе... Мой тамошний директор Арнольд построил прекрасный бассейн на крыше дома, завез туда морскую гальку и даже затащил двадцать пальм в ящиках, лихо придумано... Октябрьское солнце, весеннее еще, не так печет, как в январскую жару, но загар дает прекрасный. Завидуете?

— Очень. Я хотел слетать к Джону. Последние дни он работал на Майами, но старший брат — он и есть старший. «Времени осталось в обрез,— повторяет постоянно,— любовные утехи не для нас уже, к счастью, мы и не алкоголики, так что осталось нам лишь одно — дело». Он закончил там свою работу на неделю раньше задуманного срока. Вот, почитайте, я захватил с собою рукопись, идет в «Лайфе»... Но мне хочется собрать мнения всех тех, кому я по-настоящему верю.

Бэн заколыхался в кресле:

— Вы мне верите?! Полно, Аллен! Вы меня с трудом терпите. И правильно делаете. Я сам себе смертельно надоел: суечусь, придумываю что-то, а старуха с косой смотрит и посмеивается: «Давай, милый, нам такие нужны в аду, у нас с топливом проблемы, повертишься, чтобы котлы были в состоянии постоянного кипения, а то грешники не страдают, а блаженствуют в теплых ваннах...»

— Поскольку я получил визу в чистилище,— попыхивая трубкой, ответил Даллес,— ваши адские сложности меня не волнуют.

Бэн достал очки, отодвинул салат, снисходительно отметив его чахлую скудность (вчерашний ужин у Арнольда был фруктовым — авокадо, ананасы, манго, арбузы, все это залито медом, смешанным с сиропом гуайявы, очень тонизирует), и погрузился в чтение. Он читал пожирающе, втягивая в себя строки, как жадный итальянец — спагетти.

— Это грандиозно,— сказал он, окончив чтение.— Все-таки Джон Фостер — гениальный политик... Какой слог, как поразительна его аргументация...

— Аргументация моя.— Даллес пыхнул трубкой.— Слог — тоже. Его здесь только одно — имя на титуле.

— Почему бы и вам тогда это не подписать?

— Потому что я не лезу в политику. Меня это не интересует. Моя страсть — делать реальное дело, Бэн. Все-таки дело всегда было порядком выше политики, которая лишь придает удобную форму свершенному.

— Как будет называться сочинение?

— Называться будет просто: «Мысли о советской внешней политике и что нам делать».

— Чей заголовок? Ваш?

— Нет, не мой.

— И все-таки Джон Фостер — гениальный политик,— повторил Бэн,— формулировка абсолютна.

— Это не его формулировка.

— Чья же?

— Одного из ваших конкурентов,— усмехнулся Даллес.— Раньше был другой заголовок, мы изменили. Берите ручку и вносите вашу правку, я вас за этим и сорвал с аргентинской крыши, где установлен бассейн под пальмами.

— У меня нет замечаний, Аллен. Я со всем совершенно согласен. И потом главный удар вы наносите по стратегии Советов в Восточной Европе, а это не мой регион. Мы же с вами уговорились, что я сосредоточиваю максимум усилий на юге нашего континента.

— Которые будут по-настоящему результативны только в том случае,— заключил Даллес,— если русские навсегда забудут, где находится Западная Европа, Азия, Африка и особенно Латинская Америка. А добиться этого можно лишь в том случае, если мы сформулируем концепцию русской экспансии в Польше, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии и

Югославии с Албанией. Ленин верно говорил: идеи становятся силой, когда они овладевают массами.

Бэн усмехнулся:

— Цитируете Ленина? А как со Сталиным?

— Солидарен с Черчиллем: не люблю, но уважаю. В этой связи, не вздрагивайте, пожалуйста, но я включил вас в одну прелюбопытнейшую комбинацию со Сталиным.

— Аллен, вы случаем не переработали? Не началась горячка? А то заберу на отдых в Байрес.

— Я с радостью полечу,— ответил Даллес,— особенно если вы оплатите билет и гостиницу. Но про комбинацию — я серьезно, полковник. Наши люди тщательно просчитали ряд национальных черт русских и вывели, что в политике они весьма и весьма подозрительны. Это совершенно объяснимо с точки зрения их истории: монгольское иго, войны со шведами и немцами, турецкие набеги, Наполеон, Севастополь, мы, наконец, в восемнадцатом. А Сталин хочет быть более русским, чем сами русские, потому что по крови он грузин... Вот бы и помочь ему в его личной и их, русских, государственно-политической подозрительности. Попугать и потемнить, а?

— Не понимаю.

— Это и хорошо. Когда собеседника понимают с полуслова, значит, он не очень-то умный человек. Только не торопите меня, я обсматриваю свою идею еще и еще раз, когда делюсь ею с таким зубром, как вы. Смотрите, что произошло в мире... Русские вышли географической изоляции, оказавшись в Вене, Берлине, Праге и Будапеште. Такого еще никогда в их истории не было. Они разрушили традиционный «санитарный кордон», созданный в восемнадцатом еще году, когда группы Савинкова базировались в Польше, а группы монархистов — в Румынии, Чехословакии и Болгарии. Давайте в разговоре друг с другом называть вещи своими именами: Сталин не нарушил ни одного пункта из тех деклараций, которые подписал в Крыму и Потсдаме. Сталин не просто имеет право, он прямотаки обязан, с точки зрения государственных интересов России, сделать все, чтобы страны «санитарного кордона» отныне и навсегда стали его союзниками, а не врагами, как это было раньше. Сталин поступает совершенно справедливо, да, да, Бэн, совершенно справедливо, когда делает все, чтобы у власти в странах Восточной Европы стояли коммунисты: никто так открыто не противостоял нацизму, как они,— это историческая правда. И в этом Сталин опирается на поддержку общественного мнения не только в Париже и Риме, но и у ряда наших политиков, увы: борьба красных против гитлеризма сделалась легендой, и я затрудняюсь сказать, кто больше этому способствовал — русский писатель Эренбург или американские кинематографисты Голливуда. Эрго: выход из создавшегося положения — а оно крайне трудное, нельзя закрывать на это глаза, мы пожинаем плоды деятельности Рузвельта и его либералов — я вижу в том, чтобы сделать все, что в наших силах, дабы дестабилизировать ситуацию в Восточной Европе. Если мы добьемся этого, тогда Сталин завязнет там: не до контршагов в Латинской Америке...

— Интересно. Мне всегда несколько тревожно слушать вас, но я считаю мир без тревог крематорием; скучно; загнивание. Это интересно,— повторил Бэн,— но я исколесил Латинскую Америку вдоль и поперек, пополнил свои былые впечатления и убедился: не большевизм повинен во взрывоопасной ситуации на юге континента, Аллен, не Сталин, но мы с вами, американцы.

— Совершенно верно,— с готовностью согласился Даллес.— Виноваты мы, наша молодая горячность, эгоистическое желание сделать всем добро, а сделать это, как считают все наши, можно только одним: навязав югу нашу социально-экономическую модель. А они являют собою совершенно другую субстанцию. Они говорят по-испански, они дети иной культуры, там солнце иное, там нищета есть норма жизни, и она не кажется им нищетой, как нам, все верно, не спорю. Но я не хочу, чтобы на юге была даже возможность для иной точки зрения на происходящее. Там необходима крепкая власть, которая сможет гарантировать проведение нашего благотворительного эксперимента. В условиях болтовни и парламентской расхлябанности экономический эксперимент невозможен! Кто сможет гарантировать надежность наших вложений на юге, кроме тамошних армий? Ведь только они станут — или не станут — стрелять в безответственных демонстрантов! Я называю кошку кошкой, в этом привилегия тех, кто делает дело, Бэн, а не занимается политикой в чистом виде.

— Согласен со всем, что вы сказали. Не хватает последнего логического звена, которое свяжет всю цепь.

Даллес кивнул:

— Верно. Только не одного, а двух. Итак, первое: отныне наше благополучие на юге континента будет напрямую завязано с ситуацией в Восточной Европе. Дестабилизация — путь к ослаблению. Всякое ослабление русских угодно делу демократии. Второе: вы ведь имели кое-какие позиции в Венгрии, не так ли?

— Надо посмотреть.

Даллес снова кивнул.

— Развертывание деловой активности ИТТ в Будапеште не может не вызвать подозрительности со стороны дяди Джо. Пусть он тратит максимум времени на то, чтобы смотреть за происходящим в непосредственной близости от его границ. А если мы еще и поможем ему, если вы направите в Вену и Будапешт тех людей, которые известны секретной службе русских как их коллеги, тогда там может начаться долгая и не всегда управляемая реакция...

— У меня нет таких людей, Аллен.

— У вас есть такие люди, во-первых, а, во-вторых, если бы их не было, мы были бы обязаны создать их, придумать легенду и организовать утечку информации: пусть русских разъедает ужас подозрительности. Это такая болезнь, которая может стать хронической, а всякое хроническое заболевание противника во благо нашему делу...

...Как всегда, Даллес говорил с подкупающей откровенностью, и никто из его собеседников не мог и предположить, что он загодя четко дозировал ту информацию, которой делился. Накануне беседы он проговаривал (запершись в ванной, привычка укоренилась после трех лет, проведенных в Швейцарии, когда за каждым его словом охотилась секретная служба нацистов) всю партитуру предстоявшей встречи.

И сегодня Даллес отдал Бэну сотую часть того, что знал, точно просчитав ту дозу информации, которой можно и, главное, нужно было поделиться с Бэном, причем таким образом, чтобы тот почувствовал себя посвященным в высшую тайну.

Бэн, конечно же, не мог предположить, что многие из тех трудностей, с которыми он сталкивался в Аргентине, Чили, Парагвае и Колумбии, были тщательно спланированы и реализованы доверенными людьми Даллеса: конкуренция не только матерь бизнеса, но и надежная помощница политики; точно и ко времени пущенный слух позволял соперникам Бэна нажимать ему на мозоли; полковник использовал все свои связи, но оказывался бессильным добиться того, на что ставил; обращался к Даллесу, тот помогал; всякая помощь предполагает благодарность; так и жили.

Бэн не знал и не мог знать, что неприятности последних недель, связанные с упрямством полковника Гутьерреса (считай, Перона), были срежиссированы командой братьев Даллесов; телефонограмма, пришедшая в Байрес с предложением о ланче, показалась полковнику прямо-таки божьим знамением: ведь не он о ней просил, а именно Аллен, так что обсуждение вопроса о возникших с Гутьерресом трудностях совершенно необязательно повлечет за собою необходимую (в том случае, если бы он сам добивался свидания) благодарность.

Он, естественно, не знал и не мог знать, что лучшая в Байресе исполнительница танго Кармен-Мария была подведена к Гутьерресу людьми Даллеса. Она — конечно же, в определенной степени — влияла на полковника, но ее берегли для главного, бог знает, когда оно, это главное, может возникнуть. Поскольку Перон считал интриги, наносившие ущерб семье, грехом (должность президента обязывала говорить именно так), компрометация «серого кардинала» порочащей его связью могла в определенной ситуации принести существенные дивиденды, а пока Кармен-Мария выполняла поручения совершенно нетрудные и вполне объяснимые, на ее концерты народ валил валом; особенно неистовствовали американцы; завязывались контакты; ее часто приглашали к столу, дарили цветы, говорили обо всем — и о том, зачем прилетели в Аргентину, тоже,— так что женщина не могла не делиться с любимым щебечущими новостями, а женский нажим — особого рода, тем более если проводится во время любовных утех; это и не нажим вовсе, а нежный каприз, ну как его не выполнить, если и просьба-то пустяковая и никак не связана с теми масштабами, которыми ворочал Гутьеррес.

Так что прилет Бэна к Даллесу при всей кажущейся случайности телефонограммы Аллена в Байрес был на самом деле организован загодя.

Не открывал Даллес и того, что он определял подробностями, а они являются ключами в настоящей разведывательно-политической акции. Именно так, разведывательно-политической; УСС занималась только разведкой и диверсиями, а теперь, после того как взят курс на создание качественно нового инструмента международного сыска, ему будут приданы фуикции определения политики, а уж государственному департаменту останется только шлифовать и оформлять содеянное командой Даллеса (пока что разбросанной по всему миру). Придет время, слетятся под крыло, пока рано, надо ждать выборов, тогда и настанет истинное время братьев, тогда они и скажут свое слово, и это будет весомое слово, на многие годы вперед весомое.

Решив разыграть восточноевропейскую карту, Даллес не начинал ничего нового; это было лишь продолжением его давнего замысла, окончательно сформулированного год назад в беседе с братом за десертом в их клубе, когда Джон Фостер хрустяще грыз желто-красное яблоко, пахнувшее детством, рождественскими праздниками и тихим счастьем, сопутствующим каждой семье, где родители являли собою образчик редкой ныне совпадаемости, начиная с общих привычек, симпатий, традиций и кончая постелью, что также весьма важно для той ячейки общества, которая дает жизнь себе подобным.

Он чем дальше, тем четче видел, что в странах Восточной Европы оформились три силы, которые и определяли как настоящее, так и будущее этого региона. Первой силой он считал тех, кто нескрываемо выказывал свою преданность Западу; фанатизм этих людей делал их весьма заметными в Варшаве, Бухаресте, Праге, Будапеште, Тиране, Белграде и Софии. Второй силой Даллес называл тех, кто наиболее активно сражался с гитлеризмом и, таким образом, пользовался безусловной поддержкой как своего народа, вкусившего ужасов «нового порядка», так и Кремля. Была и третья сила, в определенной мере нейтральная: технократы, чиновничество и люди искусства. Находясь между двух противоборствующих тенденций, эта третья напряженно ждала того, как будут развиваться события.

Даллес знал, что первая сила обречена на разгром; фанатики «западной идеи», отвергавшие возможность долговременного контакта с Россией, должны были исчезнуть с шахматного поля политической схватки; это аксиома. В ближайшем обозримом будущем в странах Восточной Европы люди будут помнить, что от гитлеровской оккупации их спасли русские. Увы. Так же как представители второй силы, то есть коммунисты, еще долго будут увенчаны лаврами борцов против коричневых иноземцев, следовательно, их авторитет вполне естествен, разговорами об «экспорте революции» не отделаться, они работали в условиях подполья, принимали мученическую смерть, черпая надежду — в последние часы перед казнью — в том, что Красная Армия идет на помощь, она, Красная Армия, принесет свободу их замученным народам.

Оставалась надежда на третью силу. План Аллена Даллеса был логичен, а потому жесток. Его цель заключалась в том, чтобы разбить третью силу, разделив ее между второй и первой. Наезды Бэна в страны Восточной Европы должны были, по замыслу Даллеса, породить надежды у сторонников западной ориентации, среди технократов и ин-

теллигентов, что не могло не вызвать ответной реакции со стороны тех, кто стоял там у власти, причем не потому, что они, эти люди, были навязаны русскими, а оттого именно, что они завоевали право на власть самим фактом своей борьбы против гитлеризма.

Подозрение — матерь конфликта, Шекспир достаточно точно препарировал эту проблему, создав образ Яго.

Драка между своими угодна концепции братьев Даллесов.

Надо спровоцировать эту драку, помочь ей, тогда покатится.

Полковник Бэн — человек прямолинейный; он верит в чудо, то есть в немедленную победу западной ориентации. Ну и прекрасно...

Он, Даллес, отдает себе отчет в том, что победа эта на данном этапе совершенно невозможна и даже в чем-то нецелесообразна; однако же мины закладывают впрок смелые техники, а уж вопрос времени взрыва принадлежит руководителям; он, Даллес, считает себя таковым, он имеет право на это и готов за это право повоевать.

Он никогда не сторонился боев «местного значения»; он загодя продумал все мелочи, даже такую, что в тот будапештский отель, где остановится Бэн, во время его отсутствия позвонит доктор Вестрик, назовет свое имя портье и попросит передать полковнику, что он ждет его звонка в Гамбурге; не только в Будапеште, но и во всей Европе имя Вестрика достаточно хорошо известно, он одиозен — связник между Гиммлером и правыми в Штатах накануне начала войны.

Бэна начнут нервировать на Востоке, это еще более прекрасно; пусть: человек, который нервничает, допускает ошибки; они угодны ему, Даллесу, и его задумке.

А потом придет время Фельда. Чистый и убежденный коммунист, эмигрант из Чехословакии, он возглавлял то отделение в УСС в Берне, которое во время войны поддерживало связи с левыми оппозиционерами в Восточной Европе.

Даллес не сказал ни слова, когда Фельд решил вернуться в Прагу после победы над Гитлером, а ведь он мог многое ему сказать; нет, пусть он едет; Фельд стал заместителем министра иностранных дел; тем лучше; когда придет время, к нему позвонят те, кому не верят коммунисты, и попросят о встрече. Это вызовет такую бурю подозрений, какую даже трудно представить; и прекрасно! Да здравствует драка между своими, нет ничего прекраснее, когда враги уничтожают самих себя, тем будет сильнее он, Даллес, и его дело!

...Через три недели Бэн пригласил к себе племянника выдающегося киноактера Сандерса (как и дядя, Эдгар родился в Петербурге, по-русски говорил лучше, чем по-английски) и предложил ему слетать в Вену, в штаб-квартиру ИТТ, которую возглавлял Роберт Воглер, работавший во время войны в американской разведке.

Москва знала, что Сандерс был капитаном британской секретной службы; именно этот человек и проводил Бэна и Воглера до венгерской границы, когда те отправились в Будапешт, для того чтобы поставить «дымовую завесу», которая не могла не насторожить русских; именно он постоянно звонил к ним из Вены и вел весьма двусмысленные разговоры, полагая, что такого рода контакты зубров ИТТ вполне могут быть контролируемы, ибо Бэн нигде и никогда не скрывал своего негативного отношения к коммунистам, пришедшим к власти в Будапеште.

Бэн часто вспоминал слова Даллеса: «Вы начните, пусть дядя Джо продолжает; спровоцировать нужное нам действие порою значит больше, чем выигранное сражение; в битве мы теряем своих солдат; в том, что следует за тем, когда расцвела ядовитая роза подозрительности, потери несет противник».

Он дивился математической точности Даллеса: прибыл в Будапешт в те дни, когда коммунистическая пресса начала комментировать статью Джона Фостера Даллеса в «Лайфе», он сразу же почувствовал, что на удар, нанесенный Вашингтоном самим фактом его прилета, здесь сумеют ответить.

Вопрос заключался лишь в том: когда и каким образом?

Продолжение следует.

Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ЭкспансиЯ-II

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ (ВПК) [1]

«Стенограмма совещания экспертов по вопросам внешнеполитического планирования, представляющих «Дигон продактс» (м-р Лейб), «Стандард ойл оф Нью-Джерси» (м-р Бим), «Дженерал электрик» (м-р Перл), «Вестингауз электрик корпорейшн» (м-р Гилпорг), «Интернэшнл бизнес мэшинз корпорейшн» (м-р Шварценберг), «Анаконда компани» (м-р Пагирри), «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» (м-р Оливер), «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» (м-р Грюн), «Боинг корпорейшн» (м-р Полякофф), «Фёрст нэшнл сити бэнк» (м-р Болдуин).

Вел встречу директор адвокатской фирмы «Салливэн энд Кромуэлл» м-р А. Даллес.

М-р Даллес.— Джентльмены, я рад, что мы собрались наконец в таком тесном, воистину дружеском кругу. Полагаю, это подвигнет всех нас на то, чтобы обменяться мнениями по поводу происходящих в мире процессов со всей полнотой и откровенностью. Думается, нет нужды стенографировать наше собеседование. Хочу надеяться: вы поймете меня правильно, если скажу, что пометки всякого рода, как и запись отдельных фрагментов выступлений присутствующими нежелательна; нет надежнее партнера, чем немой, нет более пылкой возлюбленной, чем слепая, нет более стойкого узника, чем глухой, ибо ему не страшен крик палача... Пожалуйста, джентльмены.

М-р Грюн (ИТТ).— Прежде всего я хотел бы остановиться на германской проблеме. Тот взнос, который сделала наша страна для победы над гитлеровским нацизмом, не поддается измерению. Благодарные потомки когда-нибудь еще воздвигнут памятники американским солдатам, принесшим свободу Европе, спасшим ее от чудовищных монстров, правивших в течение двенадцати лет несчастной Германией. Кара, понесенная преступниками, вполне заслуженна, она звучит как предостережение тем, кто вновь решится стать на путь агрессии и милитаризма. Однако справедливости ради следует отметить, что кара обрушилась не только на таких чудовищ, как Геринг, Риббентроп и Штрейхер, но и на людей, которые — если исследовать вопрос без гнева и пристрастия — не принимали никакого личного участия в планировании и развязывании агрессии. Разгромлены основные центры традиционного германского бизнеса, такие, как Рур, Кёльн, Зальцгиттер, Мюнхен, Констанц. Вновь организующиеся компании пытаются сохранить и хоть как-то спасти традицию германского бизнеса, но, согласитесь, это крайне трудная задача, поскольку в Нюрнберге по-прежнему томится в тюрьме Фридрих Флик, арестованный по явно подтасованному обвинению в том, что якобы на его заводах использовался рабский труд... Честно говоря, мы так же использовали на своих военных заводах немецких пленных, и я не вижу в этом ничего противозаконного: война есть война, не сливками же мне поить тех, кто сражался против меня с оружием в руках! Я поэтому спрашиваю: с кем мы можем иметь дело в западных зонах оккупации Германии, если все те люди, которые отличимы высокой компетентностью и знанием приводных ремней бизнеса, ныне томятся в тюрьмах?! Кому это на пользу? Холодной букве закона, специально составленного для нюрнбергских трибуналов? Но позвольте, когда и где миру приносил благо специально созданный закон?! Но и это не все, джентльмены... Если в залах судов в присутствии зрителей и прессы, которая, увы, весьма разностна и исповедует порою диаметральные точки зрения, то и дело говорят об «агрессивности капитала», о «злодействе германских промышленников, подвергавших зверской эксплуатации иностранных рабочих», то это наносит удар по всей системе частного предпринимательства! И проводят суды не только русские, но и наши, американские, судьи и прокуроры! Неужели мы не можем оказать соответствующее давление на тот процесс, который воистину тревожен?

М-р Бим («Стандард ойл оф Нью-Джерси»).— Я бы продолжил мистера Грюна в том смысле, что процессы, происходящие ныне в Нюрнберге, расшатывают самое идею западной демократии и свободы предпринимательства. Более того, их продолжение окажется тем бумерангом, который ударит против нас, против этой страны, и ударит лет через пять, когда западные зоны в отличие от русской окажутся экономической пустыней. Мы лишимся партнера, и какого партнера! Понизятся ставки на биржах, сократится нужда в промышленных товарах, возрастет безработица, нас настигнет инфляция... Я вижу будущее в крайне пессимистическом свете, и если мы не сможем повлиять на администрацию в том смысле, чтобы эти процессы прекратились, могут наступить весьма мрачные времена. До начала войны объем нашего бизнеса с Германией — я имею в виду начало тридцатых годов, до тридцать шестого,— составлял примерно двенадцатую часть нашего бюджета. Это были заказы на сотни миллионов долларов, это десятки тысяч наших рабочих имели работу и получали высокую плату за свой труд. Это позволяло финансировать новые проекты, это в конечном счете означало технический прогресс и расцвет страны. Если положение не изменится, а точнее говоря, если не изменим положение мы, несущие главную ответственность за процветание общества, я не знаю, что нас будет ждать...

М-р Полякофф («Боинг корпорейшн»).— Происходящее ныне в Европе, которая традиционно была нашим ведущим партнером в серьезном бизнесе, невероятно благоприятно, прямо-таки совершенно великолепно для Кремля. Администрация словно бы нанялась таскать каштаны из огня для дяди Джо, который получает немыслимые дивиденды как экономические, так и пропагандистские. Мне кажется, что истерия с так называемыми процессами по декартелизации и денацификации задумана и осуществляется всеми теми, с кем столь либерально, по-отечески беседуют обходительные джентльмены из комиссии сенатора Маккарти. В происходящем я вижу больше, чем доверчивое американское неразумение, я вижу в этом заговор тех сил, которые организованы, натренированы и управляемы Москвой. Как иначе объяснить то, что мы до сих пор не смогли при всем желании и при всех предпринятых попытках спасти от позора таких надежнейших партнеров, как мистер Шредер, руководители «Фарбениндустри», семья Даймлер и Сименс?! Я рад, что мистер Даллес оказался тем, кто объединил нас всех сегодня. Думаю, мы выработаем позицию на будущее, иначе не было смысла собираться, в конгрессе джентльмены умеют говорить лучше нас с вами, за то они и получают деньги. Мы же умеем делать дело, вот и займемся этим.

М-р Пагирри («Анаконда компани»).— Поскольку наше предприятие более всего тревожится по поводу ситуации, складывающейся в Латинской Америке, позволю себе остановиться на том чрезвычайно пагубном влиянии, которое оказывает на Чили, Бразилию, Парагвай, Колумбию, практически на весь юг континента то, что происходит в Германии. Левые элементы, возглавляемые большевистскими элементами, используют свою прессу для того, чтобы организовывать форменную травлю «империалистов, слуг гитлеризма, банковских воротил и промышленных кровососов, жиреющих на рабском труде несчастных»! Причем это делается со ссылкой не на Москву, но на «Нью-Йорк таймс» и «Балтимор сан»! Пропаганда коммунистов идентифицирует немецких предпринимателей с американскими. Приводятся примеры «грабежа, которым постоянно подвергают нас янки». То и дело публикуются интервью с профсоюзными лидерами типа колумбийского Гайтана, который обвиняет «империализм янки в эксплуатации и насилии», подтверждая свою правоту ссылками на то, что подобное же делали немецкие «фюреры экономики», не ведая даже, что в Германии был только один фюрер!

М-р Даллес («Салливэн энд Кромуэлл»).— «Фюреров военной промышленности» в рейхе было четыреста семьдесят два, мистер Пагирри, прошу простить, что я перебил вас, продолжайте, пожалуйста, ваше выступление чрезвычайно интересно.

М-р Пагирри.— Если их было полтысячи, значит, тем более надо сделать все, чтобы об этом поскорее забыли! Нельзя танцевать на кошмарной могильной плите, которой завалили Германию! Ее надо заменить на ажурное надгробие, плита мешает делу, она мешает нам с вами. Если мы не повлияем на происходящий в Германии процесс, если мы не подключим ту прессу, которой можем управлять, к тому, чтобы звать мир к забвению ужаса, к соразмышлению над тем, как сделать будущее счастливым и мирным, если мы не начнем немедленно же финансировать университеты для того, чтобы они включили в свои планы иссле-

[1] ВПК — Военно-промышленный комплекс США.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—7.

дования, которые докажут людям, что человечество не может развиваться, когда к его ногам привязаны страшные гири зловещей памяти о безвозвратно ушедшем, тогда ситуация в Латинской Америке станет совершенно неуправляемой и мы потеряем там все те позиции, которые были завоеваны в течение многих десятилетий ценою потерь и лишений.

М-р Оливер («Юнайтед Стейтс стил корпорейшн»).— Я посетил Берлин два месяца назад. Я летал, чтобы попробовать помочь расчистить руины и начать восстанавливать заводы. Прихожу в наш военный комиссариат: «Что дома, как Трумэн, где Менжу, правда ли, что Дина Дурбин будет сниматься в ленте Страйдса?» И все такое прочее. Ладно. Ответил им, что правда, а что брехня. Потом говорю: «А как бы мне встретиться с теми, кто намерен заняться строительством?» «Это устроим, не фокус». Приглашают живчика, лет двадцать пять, рубашка несвежая, шейка, как у цыпленка. «Я Фриц Грове, «Строительные комплексы и производство станков для металлургии». «Ну?! Раньше этим занимались Крупп или Геш, их я знаю». «Они были нацистами, мы их вздернем». «Да? И скоро?» «Скоро». «Значит, вы теперь будете иметь со мной дело?» «Конечно, я поддерживал фельдмаршала Вицлебена, прошел подполье, теперь служу новой Германии». «Это прекрасно, что вы служите новой Германии. Каков ваш капитал?» «Он будет зависеть от вашего кредита. Зато у меня есть рабочие руки». «Сейчас любой может набрать рабочих, они за свиную тушенку по десять часов готовы работать». «Мы не допустим эксплуатации, новое время!» Вот так. Я его угостил чаем, подарил две пачки сигарет, и на этом мое деловое сотрудничество с компанией «Строительные комплексы» завершилось. Может, нам лучше финансировать наших фермеров, чтобы они поставили в Германию побольше картошки? Хороший бизнес, картошка сейчас в Европе большой дефицит, заработаем по паре сотен тысяч, их всегда недостает в наших миллиардных оборотах... Что делать, я не знаю, но что-то делать нужно. Вот так. Только сейчас важно не собачиться между собой. Я в этикете слаб, не сердитесь. Говорю, что думаю.

М-р Шварценберг («Интернэшнл бизнес мэшинз»).— Я до сих пор не очень-то понял, пусть простят меня коллеги, во имя чего мы собрались? Если мы решили поплакаться друг другу, то это следовало бы делать в ресторане, слезы надо запивать вином: не так солоно во рту. Если мы констатируем факты, то зачем лишний раз сотрясать воздух? Ситуация очевидна, контуры ее понятны, вероятия просчитаны, какие-то прикидки сделаны впрок. Каждым из нас. Говоря откровенно, только чудо может повернуть мое «ИБМ» лицом к Германии. Только чудо. Это пустыня, на которой растут грибковые паразиты. Впрочем, пусть меня опровергнет мистер Лейб из «Дигон продактс» и мистер Грюн из «ИТТ»: по нашим сведениям, коллеги из этих корпораций уже з а с т о л б и л и с ь в Германии. И слава богу! Я отнюдь не против конкуренции, без нее общество гниет на корню, но я за откровенность, к которой всех нас призывал мой друг Аллен.

М-р Грюн («ИТТ»).— Мистер Шварценберг, это натяжка... Мы не поддерживали деловых контактов с наци...

М-р Шварценберг.— Я же не против, мистер Грюн... Речь идет о другом...

М-р Даллес.— Джентльмены, я позволю себе внести коррективу: посещение мистером Дигоном Германии еще не означает начала его деловой активности в Европе. Что же касается «ИТТ», то это сообщество действительно поддерживало контакты с врагом, но я свидетельствую, что происходило это по просьбе специальных служб, полковник Бэн был награжден за это медалью, Америка зря никого не награждает: при всех наших недостатках давайте согласимся с тем, что это наше достоинство — абсолютно... Простите меня, мистер Шварценберг...

М-р Шварценберг.— Трудности, которые переживают «ИТТ» и «Дигон» в Германии, совершенно кардинальным образом разнятся от тех, с которыми сталкиваемся мы. Их трудности состоят в том, что у них нет достаточно компетентных контрагентов, приходится работать на ощупь, в темноте, партнеры пока что сидят в Нюрнберге. Но и у «ИТТ», и у «Дигона» там появились свои активы. Это позволяет коллегам давить на администрацию и на военных. А у нас там нет активов. Мы сделали все, что могли, дабы убедить уважаемых джентльменов из наших ВВС не бомбить те заводы вычислительной техники, которые могут представлять для нас интерес в будущем. Мы спасли эти заводы, но они были отданы в Ялте вместе с территорией дядюшке Джо. Гитлер не очень-то интересовался вычислительной техникой, поэтому среди директоров нашей отрасли не было «фюреров военной экономики». Никто не посажен, но все ждут. Только не нас, джентльмены. Они ждут ослабленной Британии. Или же нищей победительницы Франции. Они очень ждут предложений, но, повторяю, не наших. Мы конкуренты, которых боятся...

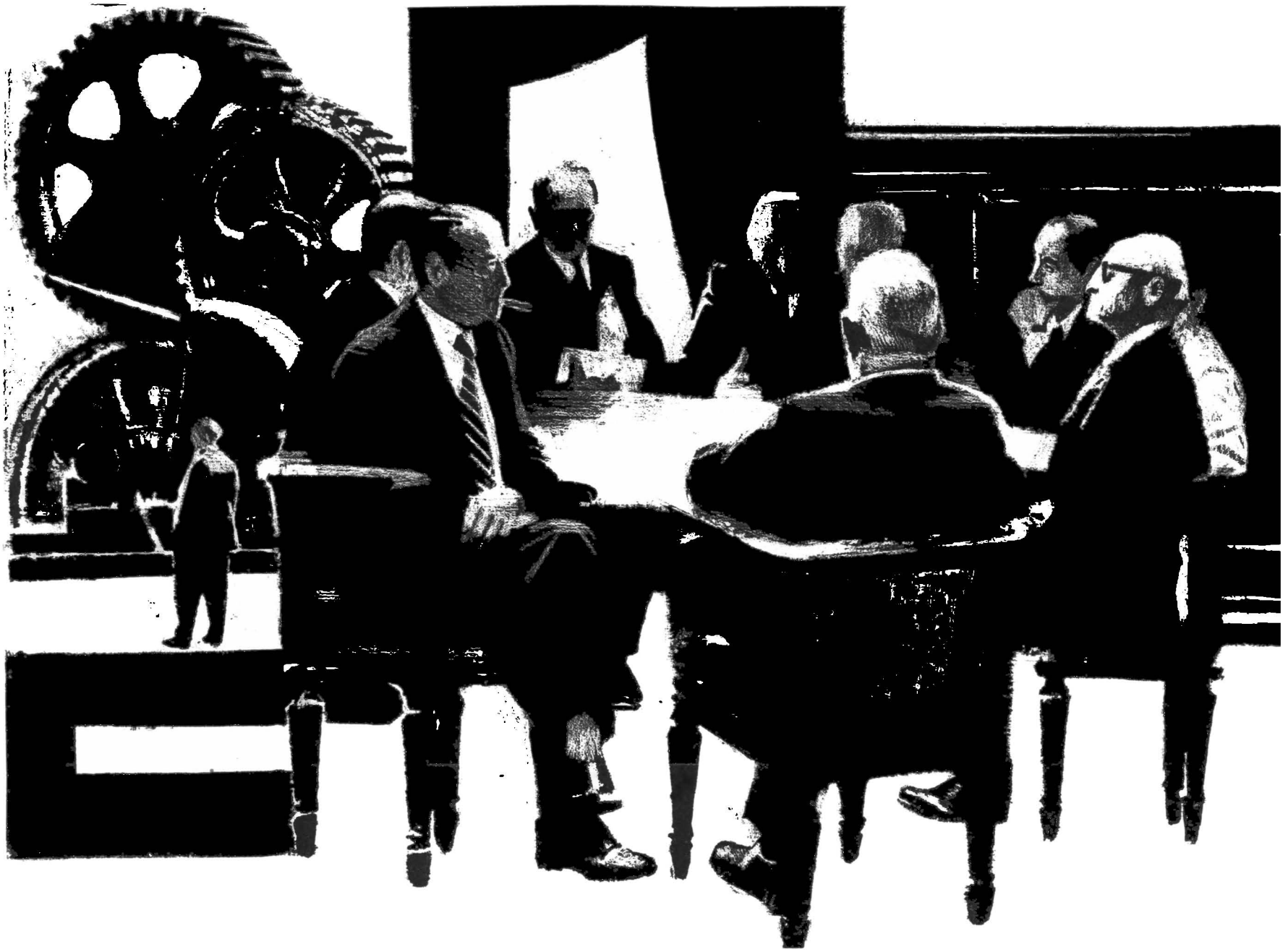
М-р Перл («Дженерал электрик»).— В общем, присоединяюсь к мнению, высказанному м-ром Шварценбергом.

М-р Лейб («Дигон продактс»).— Отвечу нашему другу Шварценбергу... В его словах традиционного католика я с удивлением услыхал какой-то плач Израилев, более присущий людям моего вероисповедания... Обвинять Дигона или полковника Бэна в том, что они как-то зацепились в Германии, стараясь действительно в потемках нащупать дорогу и понять ситуацию в стране, где царит полнейший хаос, это на самом-то деле значит обвинять свое предприятие в неумении работать. Если у вас не вышло, зачем же сваливать вину на тех, у кого выходит? Это дезинформация, дорогой Шварценберг, вы дезинформируете свой наблюдательный совет, вместо того чтобы разработать для него проекты, которые необходимо осуществить в интересах и наших пайщиков, и общего дела свободного предпринимательства. Простите за резкость, но, поскольку мы решили говорить друг другу правду, я не мог ее не сказать. Теперь я позволю себе небольшой экскурс в прошлое... В девятьсот четвертом году мои родители приехали в эту страну из Одессы. Богатых евреев там не трогали, во время погрома они отсиделись в купеческом собрании, наблюдая за шествием черной сотни из итальянских окон особняка вместе со своими русскими, немецкими и украинскими коллегами. А нас громили, ух как громили, даже сейчас помню крики и пух на улицах; они резали подушки, пуховые подушки — главное богатство еврейской бедноты. Здесь нам повезло, отец работал в порту докером, а меня пристроили в бакалею к Айзику Айзу, в Одессе он был Ицкой Айсманом, хороший человек, бездетный, поэтому и взял меня. Так вот, когда я подрос и стал работать у кассы — мне тогда было четырнадцать,— я путался с монетами, они же лежали в одном ящике, пойди отыщи нужную, а ведь покупатель торопится, если я буду копаться, он станет ходить в лавку напротив, где его быстрее обслужат, и он сэкономит для своего бизнеса пару минут, а это уже деньги, согласитесь! И тогда Айзик Айз, вечная ему память, урезал мой заработок, зато купил новый кассовый аппарат, выпускавшийся фирмой «Вестингауз». И в этом аппарате для монеты каждого достоинства было свое отделение. Мне стало легко работать, я быстро доставал нужную монету, обслуживал покупателей, как метеор, дела наши пошли отменно, и вскорости я вошел к Айзику в пай... Так вот, эта грустная ретроспектива должна заставить нас подумать: а не напоминают ли нам эту древнюю кассу те службы, которые обязаны информировать администрацию и бизнес о том, что происходит в мире, где все монеты свалены в одно отделение?! Причем хозяин не очень-то позволяет копаться в этих самых монетах, чтобы поскорее отыскать нужную для сдачи. А ведь сдача — это начало нового бизнеса! Отданную тобою монету вкладывают в новое дело, растет конкуренция, шевелятся мозги, ширится оборот, богатеет государство... Вывод: стране необходим компетентный разведывательный орган, который бы работал не на войну, как это было с УСС, но на день сегодняшний, который пока что можно обозначить как день мирный. Не сваленная в кучу информация о положении в Германии, Италии, Китае, Латинской Америке, Греции, Ближнем Востоке, но именно рассортированная по интересам, и не под разными крышами — государственного департамента, Пентагона, ВВС, флота,— но именно под одной. Надежной.

М-р Болдуин («Фёрст нэшнл сити бэнк»).— Меня удовлетворило выступление мистера Лейба. Оно конструктивно. В нем нет патетики, которая мешает серьезному собеседованию. Слов нет, положение в Германии, и как следствие нашей победы над гитлеризмом — да простится мне некая кощунственность, заложенная в этом противопоставлении,— в странах Латинской Америки, не говоря уже о Греции, где идет гражданская война, и Китае, где она вот-вот разразится, несмотря на успокоительные реляции, которыми нас время от времени подкармливает государственный департамент, чрезвычайно серьезно. Мне хочется повертеть проблему, о которой здесь говорилось несколько шире тех границ, которые были очернены. Давайте оставим вопрос: в какой мере бескомпромиссная позиция покойного президента Рузвельта по отношению к имперским колониям Британии была угодна развитию? С одной стороны, бесспорно, угодна, потому что страны, где царствует рабство, являя собой довольно серьезный источник сырья, не могли быть рынком сбыта. А динамизм роста выпуска продукции в нашей стране неумолимо растет. Значит, мы должны быть благодарны покойному президенту за то, что он загнал Черчилля в угол и утихомирил его имперские амбиции? Но готовы ли мы к диалогу с теми лидерами в Азии, Африке, Индии и в тех странах юга Америки, где было традиционным британское влияние? Увы, нет. Мы оказались к этому неподготовленными, в то время как Кремлю не надо было готовиться: он просто издал новым тиражом труды Ленина, посвященные так называемому колониальному вопросу и национально-освободительному движению. Давайте признаемся: первый раунд борьбы за новое качество послевоенного мира мы проиграли. Мы проиграли его именно в идейном плане, у нас не было доктрины, чтобы заполнить пустоту, вызванную предстоящим уходом из колоний Британии, да и Франции тоже... Вопрос теперь стоит так: сможем ли мы наверстать упущенное? Сможем ли мы противопоставить марксистской идее свою технику и деньги? Да, сможем. Но пустят ли нас туда? Ведь право пустить или не пустить принадлежит новым лидерам вновь открывшихся стран, а то и континентов. Наши послы мало подготовлены для такого рода работы с этими новыми лидерами. Нам нужны новые кадры. Компетентные, смелые, понимающие с м ы с л нового времени, не утонувшие в трясине довоенных догм и представлений! С тем, что было до эпохи Гитлера, покончено раз и навсегда. Нам нужна доктрина действия, подтвержденная немедленным, смелым и мобильным действием, только тогда мы не дадим этой стране впасть в анархию и депрессию.

М-р Даллес.— Как вы понимаете, я не имею права выдвигать предложение о создании единого разведывательного сообщества, которое бы умело работать с новыми лидерами в новых условиях и не боялось бы д е й с т в и я, и могло достойно стоять на страже интересов мира и демократии на планете, ибо каждый волен бросить в меня камень: «Кто о чем, а грязный — о турецкой бане». Я весьма рад, что именно вы, представляющие наши финансы и бизнес, то есть люди, несущие ответственность за благополучие всех граждан Штатов, поставили вопрос о необходимости свести разведку, как удачно выразился мистер Лейб, под одну крышу. Полагаю, что те органы прессы, на которые можно оказать разумное влияние, так или иначе поддержат такого рода идею, высказанную, понятно, не в лоб, но опосредованно.

Теперь ряд замечаний по поводу того, что высказал наш друг Шварценберг... Во многом я согласен с вами, мистер Шварценберг, но кое-что считаю необходимым скорректировать... Во-первых, немецкие картели после того, как они были раскассированы, стали менее конкурентоспособными и, следовательно, более управляемыми. Во-вторых, суды над нацистскими пособниками абсолютно необходимы не только для того, чтобы осудить гитлеризм как самое гнусное явление середины двадцатого века, но, если хотите, и для того, чтобы о с а д и т ь динамическую устремленность немецкого капитала и бизнеса, поставив их на ближайшее обозримое будущее в подчиненное по отношению к нам положение. Вопрос, который должен быть поставлен перед новым разведывательным сообществом, таким образом, должен быть сформулирован грубо и просто, что называется, без затей: куда вы можете вкладывать средства, в каком объеме,



на какой срок; степень гарантии сохранности вложенного; кто будет гарантировать вложения в той же Германии, Греции, Турции, Бразилии, Колумбии, Китае, Индии, Африке? Я имею в виду не американцев, но именно немцев, греков, африканцев, китайцев. Может ли дать такого рода ответы хоть одно из существующих учреждений администрации? Нет, не может. Государственный департамент простреливается прессой, он на виду. Армия, флот и авиация некомпетентны в вопросах политического планирования, их разведка является тактической, сиюминутной. Ни в коей мере не отрицая надобность такого рода разведки, я все же полагаю, что новое сообщество, если оно под нашим нажимом будет создано, должно быть построено на принципе тотальной тайны. Вам придется быть готовыми к тому, чтобы поступиться какими-то принципами, столь всем нам дорогими: да я убежден, что прекрасный горячий народ Латинской Америки может направить на путь созидания, а не болтовни, лишь твердая рука, некая форма диктатуры, конечно же, военной, иная там невозможна. Да, я убежден, что нам придется в недалеком будущем смириться с тем, что ряд «фюреров военной экономики» вновь сядет в свои кресла, но уже под нашим контролем... Да, я убежден, что всем нам придется — увы, это неизбежно — порою поддерживать совершенно непопулярные режимы и жестоких политиков, но что поделать, если они в настоящее время являют собой наиболее надежный заслон против международного коммунизма. Либо защита нашей демократии жестокими методами, либо гибель — третьего не дано. Мне бы хотелось послушать ваши соображения по поводу именно этих позиций, прежде чем мы станем обсуждать совершенно конкретные предложения, которые я, мои коллеги для вас подготовили, исходя из моего опыта и как представителя УСС в Европе, и как бывшего директора банка несчастного Курта Шредера, томящегося пока еще в нашей нюрнбергской тюрьме...»

(Для того, чтобы стало ясно, кого представляли эти люди, следует дать краткую, вполне статистическую справку, составленную по законам великолепных справочников, издающихся в США, «Кто есть кто».)

Итак, «Юнайтед Стейтс стил» — металлургический трест, самый крупный в мире; его заводы дают столько стали, сколько вся промышленность Великобритании; выпускает также суда, корпуса бронемашин, стволы орудий, цемент; контролирует наиболее богатые месторождения каменного угля, марганцевой и железной руды, причем только в США и Венесуэле запасы железной руды исчисляются в 1,6 миллиарда тонн; корпорация владеет семьюдесятью заводами и ста сбытовыми предприятиями в США, Бразилии, Венесуэле, Габоне, Канаде, на Багамских островах; дочерние предприятия организованы в Испании, Венесуэле, Италии, Канаде, Англии (ныне и в ФРГ); на предприятиях корпорации занято около двухсот тысяч рабочих; оборот составлял тогда около двух миллиардов; активы — около четырех миллиардов.

«Анаконда компани» — один из крупнейших в мире поставщиков урановых концентратов и алюминия. Является монополистом по производству меди в Чили; производит бокситы на Ямайке и полиметаллические руды в Мексике; сбытовые организации функционируют в Индии, Италии, Бразилии, Аргентине, Англии (до сорокового года — в Гамбурге и Бремене).

«ИТТ» — крупнейшая монополия по производству слаботочного электрооборудования, военной техники, средств связи, бытового электрооборудования; контролирует важнейшие межконтинентальные линии связи; специализируется на выпуске радиолокационной аппаратуры; приобрела пакеты акций в фирмах по сдаче в аренду автомобилей; открыла компании по кредиту населению; активно начала заниматься выпуском вычислительной техники. «ИТТ» имела сорок два завода в США и двадцать заводов в Голландии, Швейцарии, Италии, Замбии, Нигерии, Иране, Турции, Австралии, Канаде, Аргентине, Бразилии, Колумбии, Чили, Коста-Рике, Венесуэле, Мексике, Кубе; владеет семью морскими радиостанциями. На научных работах «ИТТ» в ее лабораториях и исследовательских центрах занято более десяти тысяч человек; на фирмах, а их более трехсот во всем мире, работает более ста пятиде-

сяти тысяч человек; акционерный капитал — около двухсот миллионов долларов; оборот — более миллиарда долларов; основной капитал — около миллиарда долларов.

«ИБМ»— крупнейший поставщик военной техники для Пентагона, первая в мире по количеству выпускаемой электронной техники; единственная корпорация США, не продающая за рубеж свои патенты; заводы «ИБМ» функционируют в Бразилии, Колумбии, Англии, Бельгии, Испании, Голландии, Италии, Франции, Индии, Мексике; станции обслуживания «ИБМ» работают в семидесяти городах США, свыше двухсот станций и центров открыто в большинстве стран мира; оборот — около двух миллиардов долларов; акционерный капитал — около двух миллиардов долларов; чистая прибыль — около двухсот миллионов долларов; на заводах «ИБМ» и в научных центрах работает более полутораста тысяч человек.

«Стандард ойл оф Нью-Джерси»— крупнейшая нефтяная монополия в мире; контролирует шестьдесят четыре нефтеперерабатывающих завода в двадцати девяти странах мира; поставщик горючего для Пентагона; ему принадлежат трубопроводы длиной в шестьдесят тысяч километров при пропускной способности в двести пятьдесят миллионов тонн нефти в год; представительства корпорации есть практически во всем мире; акционерный капитал — около полутора миллиардов долларов, оборот — девять, активы — одиннадцать миллиардов (в том числе за границей пять миллиардов), основной капитал — одиннадцать миллиардов, чистая прибыль — восемьсот сорок миллионов, из них пятьсот миллионов получены от эксплуатации нефтеносных месторождений за границами США.

«Боинг» — крупнейшая монополия по производству самолетов для Пентагона, гражданской авиации и вертолетов (ныне п р о ч и т ы в а ю т с я связи с концерном «Мессершмитт»); оборот более полутора миллиардов долларов.

«Фёрст нэшнл бэнк» включает в свое правление представителей корпораций «Боинг», «ИБМ», «Анаконда», «Стандард ойл»; имеет около двухсот отделений в Панаме, Гондурасе, Пуэрто-Рико, Чили, Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Доминиканской Республике, Германии, Швейцарии, Бельгии, Гонконге; активы составляют около семи миллиардов долларов; работает более чем с пятьюстами тысячами мелких вкладчиков и заемщиков; активно скупает акции иностранных компаний.

Из такого рода справки — именно статистическими данными пристало оперировать, когда речь идет о м а х и н е, всяческие эпитеты только мешают делу, девальвируя правду с оскорбительными выпадами пропагандистского плана,— явствует, что люди, отвечавшие за финансирование промышленности, за производство авиации, электроники, стали, танков, средств связи, орудий, то есть представлявшие военно-промышленный комплекс, не могли не собраться на встречу, предложенную Даллесом, чтобы выработать единую концепцию действий, обменявшись мнениями о том, что происходит в мире.

Логика борьбы в равной мере присуща тому, кто плавит сталь, и тому, кто вкладывает деньги в ее выплавку; тому, кто ведет лайнер в небе, и тому, кому он принадлежит; взаимоисключаемость интересов должна быть снивелирована арбитром, то есть администрацией; в равной же мере это требование распространяется и на внешнеполитический аспект проблемы: без надежной защиты интересов корпораций со стороны Белого дома нет и не может быть роста выпуска продукции, количества скупленного золота в сейфах банков и новейших патентов на новую технологию, спрятанных в бронированные хранилища корпораций.

Логика такого рода борьбы предполагает мобильность и твердость; лучшей формой защиты в определенных ситуациях может и должно быть нападение.

Сил и средств для этого достаточно; дело за организационным осмыслением нового этапа развития мира.

Даллес к нему готов.

Корпорации дали ему на это карт-бланш, время от размышлений переходить к конкретным делам; опоздавший проигрывает.

Окончание следует.

ЭкспансиЯ-II

Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

«САМОЕ ГЛАВНОЕ — ЭТО ПЛАН», АСУНСЬОН, НОЯБРЬ, 1946

Роумэн недоумевал: второй день он приходил на главную почту Асунсьона, но Брунна (все-таки Брунн к Штирлицу п р и л и п; есть имена, которые ложатся на человека даже лучше, чем те, под которыми он жил раньше) не было.

Разболтанный «фордик», который Роумэн взял в посольстве (уехал экономический советник, автомобиль стоял безнадзорный около его дома, со спущенным передним скатом), заводился с трудом, мотор, содрогаясь, ноюще стонал, словно страдал хроническим запором; Роумэн с тревогой смотрел на приборный щиток: стрелки давления масла в двигателе то и дело зашкаливало; как можно успевать по делам, связанным с экономическими вопросами, на таком драндулете?! Ну и советник, ну и работничек, а в неудачах, конечно, винит красных; на себя бы оборотился, в таком «форде» только на похороны ездить, а не дела вертеть.

— За вами смотрят,— услышал он тихий голос,— оторвитесь и подъезжайте на индейский рынок, я там вас найду...

Роумэн не сразу поднял голову от щитка, узнав голос Брунна; почувствовал, как ухнуло сердце, словно пришел на свидание к женщине; отсчитав про себя «семь» (любимая цифра, при лебединой красоте в ней еще сокрыта некая особая древняя надежность), посмотрел на улицу: сумасшествие какое-то, никого нет. А почему он должен был идти вперед? Удивился своей заторможенности, перевел взгляд на зеркальце — изящно одетый мужчина в легком сером костюме неторопливо шел через дорогу, обогнув машину: Штирлиц.

Кто за мной смотрит, недоумевал Роумэн? Не может этого быть; если даже и смотрят, то за ним, поскольку в самолете с ним случилось нечто серьезное; да, но он сказал, что смотрят за мной; странно.

Мотор, наконец, с х в а т и л; Роумэн нажал на акселератор, тронув «форд» так, что заскрипели покрышки и образовалось легкое голубоватое облачко, повисшее за машиной; оно висело в воздухе, словно грозовые облака в небе, пока Роумэн не завернул за угол; х в о с т а не было.

Он притормозил машину; ну, давайте, мальчики, подумал Роумэн, я подожду вас, пристраивайтесь; улица была по-прежнему пустынной; проехали два красиво расписанных экипажа, типично испанский стиль, девять тысяч миль от Севильи, а поди ж ты, что значит конкистадорство, эк въедлив стиль...

Если за мной действительно смотрят, хвост должен быть непременно, они же не знают ни того человека, с кем я должен встретиться, ни того места, где назначен контакт; хорошо, а если они знают и Брунна, и то место, где мы увидимся? Они подхватят нас там. Но от кого они могут знать про место встречи? От Брунна?

Асунсьон был мало похож на столицу; разве что только самый центр, несущий в себе неистребимые следы испанского стиля: громадное здание почты; столь же помпезный, с громадными колоннами, парламент, несколько домов, построенных в конце тридцатых годов,— вот и все; остальной город — особняки, утопающие в зелени за высокими металлическими заборами, и лачуги индейцев — этих куда больше. А уж окраины сплошь состояли из развалюх, сколоченных из листов старой фанеры, картона и тоненьких щепочек; ни водопровода, ни электричества; смрад, мухи, голые детишки, играющие в пыли; коленные чашечки распухли, ручонки тоненькие — рахит.

Рынок, который здесь называли индейским, примыкал к старому м е р к а д о; продавали лекарственные травы, чай матэ, листья и зеленые катышки коки,— положишь под язык, прибавится силы, можешь легко одолеть подъем в гору; торговцы, привозившие сюда этот полунаркотик из Перу, знали в нем толк, торговля шла бойко, не зря гринго делают из этих листьев кока-колу, они денег на ветер не бросают. Продавали здесь глиняные статуэтки, как правило, Сан Мартин на коне в сомбреро и пончо, заброшенном за спину, Симон Боливар возле стяга, раскрашенного желто-голубой краской; солнце похоже на лицо индейца, такое же скуластое, крепко кроенное, и глаза-щелочки; легкие сандалеты — кусок кожи и два кожаных шнурка; сумки — как разноцветные хурджины, так и дорогие, из змеиной кожи; седла, отделанные серебром; вязаные многоцветные шапочки, красно-сине-белые опахала, коренья диковинных деревьев, обладающие лечебной силой, игральные кости и кожаные стаканчики для покера; пряности из сельвы, вяленое мясо в кожаных мешочках — чего тут только не продавали, бог ты мой!

Гомон был постоянным, он образовывал устойчивый гул, напоминавший чем-то тот, который на рассвете был слышен в Игуасу, когда Шиббл и Штирлиц проезжали мимо громадных, почти как Ниагарские, водопадов, только в предрассветье не было зыбкой радуги; раскаленное, бесцветное небо, и солнце бесцветное; духота.

Роумэн шел по рынку, разглядывая товары; купил статуэтку Карла Маркса с трубкой мира во рту; подарить бы такое сенатору Маккарти,— немедленный инфаркт миокарда; он не оглядывался, зная, что вот-вот Штирлиц подойдет к нему сзади, он почему-то был совершенно уверен, что тот попросит его не оборачиваться и назовет новое место встречи, обязательно ночью, где-нибудь среди шума и многолюдья; здесь нет такого места, возразил он себе, деревня; и попугаи спать не дают, дразнят всю ночь; надо будет купить какого-нибудь говоруна Крис, ей понравится, конопушке, как там она, человечек?

— Слушайте,— услыхал он голос Штирлица; тот действительно стоял у него за спиной и разглядывал деревянную маску, сделанную из белого ствола пальмы,— за вами тут тоже топает высокий, крепкий парень, стриженный бобриком, в сером костюме, глаза маленькие, нос боксерский, он вышел за вами из самолета. Меняет его, как мне кажется, девка, похожа на здешнюю, в белом платьице с большим хурджином на боку; а парень постоянно ходит с портфелем свиной кожи, довольно толстым, в таких таскают разобранные автоматы, по облику — американец.

— Спасибо,— не оборачиваясь, сказал Роумэн.

— Любимую высвободили?

— Да.

— Где она?

— Мисс Роумэн в Штатах. Вы убеждены, что за мной ходят?

— Да.

— Вы больше не прихрамываете... Что, это был камуфляж?

Штирлиц не смог скрыть улыбки, в чем-то даже по-мальчишески тщеславной:

— Заметили в зеркальце?

— Да.

— Это поразительная история, расскажу... Поболтаем здесь, пока ваш паренек не подвалил к нам? Или встретимся позже?

— За мной не было машины, я проверил. Все это довольно странно.

— Я очень рад видеть вас, Роумэн.

— Как ни странно, я тоже.

— Я вас подхватил в аэропорту, как только вы прилетели. Очень ждал. Постарайтесь вспомнить, фамилия Викель из лиссабонского «ИТТ» вам ни о чем не говорит?

— Нечего вспоминать, Португалия не моя епархия.

— А Ригельт, штурмбанфюрер Ригельт, ничего о нем не знаете?

— Нет... А почему бы нам не поговорить в машине? Если увидим хвост, я смогу оторваться, да и вы не ковыляете больше, уйдете через проходные дворы, заборы-то соломенные, нырк — и нет!

— Идите первым, только попробуйте поскорее завести мотор,— Штирлиц усмехнулся,— тогда я к вам и сяду. Поезжайте к Паране, в случае чего легко оторваться, дорога довольно широкая, преследование заметно, есть хорошие повороты в район порта. На всякий случай, я остановился на кальe Менедес Пелайа, семь, ателье художника Бенитеса. К вам в «Эксельсиор» идти нет резона. Телефон ваш знаю, позвоню два раза, опущу трубку,— значит, что-то экстренное; на почте, если хвоста не будет, впрыгну в машину.

— В машине не могли сказать? — Роумэн, не оборачиваясь, пожал плечами.— Что-то слишком уж вы конспирируете. Странно, что за мной топают, неужели в а ш и?

Они дошли до машины, Роумэн — впереди, а Штирлиц, то и дело задерживаясь у прилавков,— следом.

Рядом с «фордом» никакой машины не было; в другом конце улицы в моторе разбитого «джипа» без левого крыла копался парагваец в белых шортах и сандалетах на босу ногу; машина экономического советника, постонав, сколько и было положено, наконец завелась; и снова в дрожащем, слоистом воздухе повисло бело-голубое облачко, цветом похожее на грозовую тучу.

Штирлиц быстро сел рядом с Роумэном и сразу же включил радио: звука не было, мертво.

— Чья машина? — спросил Штирлиц.

— Нашего парня из посольства. Разгильдяй чертов! Не автомобиль, а катафалк, хотя набирает здорово, с места, словно двигатель форсированный... Ну, рассказывайте, старина, сзади чисто, мы одни.

Штирлиц опустился к радиоприемнику, пошарил в приборном щитке, нащупал что-то, жестом попросил Роумэна припарковаться, тот, недоумевая, притормозил возле обочины; мальчишки, стоявшие до того кругом и рас-

Окончание. См. «Огонек» №№ 4—8

считывавшие друг друга на игру,— как и во всем мире: на «квинтер-финтер-жаба, энебэнэ-раба», бросились к машине; в этом районе автомобиль был диковиной, а в центр их — рваных и босоногих — не очень-то пускала полиция.

Штирлиц уцепил пальцами проводок, присмотрелся: в отличие от других, запыленных и промасленных,— новенький; потянул его на себя, приподнял коврик, перегнулся через спинку кресла, вылез из машины, извиняюще улыбнувшись мальчуганам, которые сразу же что-то закричали про «гринго», открыл заднюю дверь, приподнял сиденье, заглянул туда, запустил руку, вытащил маленький микрофон, выдернул из него шнур, что шел к приборной доске, и бросил штуку Роумэну.

— Вот почему они сидели у вас на хвосте,— сказал Штирлиц.— Ну, мудрецы, ребята. Это ваши, Пол, это — не мои, слишком уж современная штука. В рейхе таких не делали, закупали через Швейцарию у полковника Бэна. Теперь они засуетятся, так что давайте жмите по второй дороге, я покажу, там есть съезд к реке, черт не найдет; славный ресторанчик, подъезд просматривается со всех сторон, и к тому же дают сказочную рыбу.

— Ну вы и дьявол,— заметил Роумэн, косясь на крошечный микрофон с небольшим динамиком,— я бы никогда не додумался.

— Что, вас такой аппаратурой не снабжали в Мадриде?

— Нет. Я слыхал про опытную партию, обещали, но, говорят, все загнали в Москву и Восточную Европу, там нужней. Значит, действительно нас толчут мои, Брунн. Вы правы. А если все-таки ваши, значит, они так влезли в Штаты, что можно только диву даваться, грань государственной измены... Ладно, это тема для размышлений, когда я останусь один. Пока рассказывайте, что случилось.

...Выслушав Штирлица, он спросил:

— Ваша версия?

— Как вам сказать... Более всего меня, как ни странно, потряс Шиббл. Почему и он с Ригельтом? Каков смысл? Ведь он англичанин! Резон? Вы можете объяснить?

— Не могу.

— Занятно, нет?

— В высшей мере. Ригельта описать сможете?

— А я его нарисовал. Вам же приглянулась моя живопись у Клаудии... Вот, держите.

Роумэн глянул на кусок картона; портрет был выполнен в цвете.

— Тут и краски продают, в этой дыре?

— Нет. Их привозит из Лимы мой квартиродатель дон Бенитес. Паспорт сможете достать?

— Смогу. Но он будет засвеченным, вас с ним щелкнут на любой границе. Видимо, когда я попрошу об этом, мне дадут именно такой паспорт. Впрочем, можно рискнуть: я вам отдам свой, на сливочном масле, а себе возьму тот, который приготовят в здешней резидентуре... Букву «Р» легко исправите на «Б», «О» на «А», мистер Баумэн, весьма далеко от Роумэна, ничего, пострадаете с неблагозвучной фамилией Баумэн, главное — надежно.

Роумэн глянул в зеркало: дорога была совершенно пустынной.

— Направо,— сказал Штирлиц.— А потом резко налево и вниз, к Паране.

— Хорошо.

— Так вам эта морда,— Штирлиц кивнул на портрет Ригельта,— не встречалась?

— По-моему, нет. Погодите, когда остановимся, я разгляжу получше. Долго до места?

— С милю. Вы говорили, Спарк работал в Лиссабоне. Он его не может знать?

— Спросим,— ответил Роумэн и с трудом сдержался, чтобы не сказать вслух то, что он сейчас думал про Маккайра; ну, сукин сын, а?! Но как работает, стервец! Прямо по-бульдожьи! Только зачем я ему? Чем интересен? Ставить за мной хвост, тратить уйму денег на перелеты, это ж надо пробить через финансовое управление, огромные траты, на них редко идут наши скупердяи, зачем все это?!

— Хорошо бы поскорее,— сказал Штирлиц.— Тут налево, видите, соломенные крыши, это и есть «Пескадор», станьте за забором, сверху машину не будет видно.

— Ладно. Валяйте, слушаю вас.

— Ригельт был адъютантом штандартенфюрера Скорцени, вот в чем дело.

— Человека со шрамом?

— Да.

— С какого года?

— Думаю, с сорок второго. Хотя вопрос ваш застал меня врасплох, говоря откровенно. Почему вас интересует год?

— Потому что Скорцени принимал участие в расстреле полковника Штауффенберга и других генералов, участвовавших в покушении на Гитлера. Их убили за пятнадцать минут до того, как приехал Геббельс, он должен был лично допросить их, пока в Берлин летел Гиммлер. Кому-то было важно убрать заговорщиков до беседы с Геббельсом. Кому? Нас это интересует. Мы до сих пор ищем следы. Значит, если в сорок четвертом Ригельт был со Скорцени, у нас в архивах есть на него материалы.

— Это интересно, Пол. На этом его можно сломать. А если мы его сломим на этом, прижав архивными документами, он отдаст нам имя того человека, который сказал ему про то, что вы посадили меня на испанский самолет, успел зарезервировать ему место на тот же рейс, сделать визу, снабдить деньгами и снотворным,— бутылка была закупорена на фабрике, значит, у них есть склад для такого рода приспособлений... А если он назовет нам имя этого могущественного, судя по

всему, человека, тогда дело прояснится, мы поймем, кто есть кто...

— «Мы» поймем,— усмехнулся Роумэн и затормозил.— Пошли есть рыбу, доктор. Кто это «мы»? Обручение секретных служб Америки и России?

— В борьбе против нацистской цепи,— улыбнулся Штирлиц.— Почему бы нет? Ведь мы союзники, а не враги, если, впрочем, согласиться с версией, что я действительно представляю русскую секретную службу... Жареную рыбу будете? Или вареную?

— Да ничего я не буду,— поморщился Роумэн.— Я буду пить минеральную воду.

— Здесь это очень дорого. Лучше закажите сок, очень легкий, зеленоватый, освежает... Ну и, конечно, н а с не может не интересовать этот лондонский журналист Мигель. Кто дал ему материалы на Штирлица? Или Бользена, это уж как угодно. Кто? Смысл? Интересно, нет? Там тоже потянется цепь, и она приведет к тому, кто дергает веревочки, сообщая нужные телодвижения куклам.

— Послушайте,— сев за столик, стоявший почти у самого берега, спросил Роумэн,— а как вы оцените то, что Гаузнера шлепнули в моем доме? Это по правилам? Или так Гиммлер не действовал — слишком уж рискованно?

— Вы можете рассказать мне, желательно по минутам, все, что там происходило?

Роумэн достал мятую пачку неизменных «лаки-страйк», заказал подошедшему официанту (спит на ходу, неудивительно, что живут в нищете, поворачиваться надо, а не мух считать, тогда нищих не будет) стакан сока и кофе, Штирлиц попросил себе чашку матэ и взглядом спросил у Роумэна разрешения взять его сигарету, тот кивнул и начал неторопливо, подолгу обдумывая каждое слово, вспоминать все то, что случилось в Мадриде.

— Это очень странное дело,— сказал Штирлиц, выслушав рассказ Роумэна.— По почерку похоже на стиль Шелленберга; мой шеф любил внешние эффекты, полагал, что это сокрушающе действует на вербуемого. Но шлепать Гаузнера в вашем доме, шлепать лишь для того, чтобы получить у вас бумажку, да еще при этом открыто выражать вам сочувствие... Черт его знает, это дело нужно очень тщательно обмозговать... Подробности, Пол, мне нужны подробности, самые незначительные, пустые, фасон туфель Пепе, его манера прикуривать, расцветка галстука, стрижка, запах духов...

— Мне казалось, что от него разило козлом,— усмехнулся Роумэн.— Только после того, как он ушел, я понял, что это от меня самого разило пóтом, я очень потею, когда пугаюсь чего-то...

Он не играл и не играет, подумал Штирлиц, так может говорить только искренний человек; если все же он играет со мной, то есть против меня, можно считать, что я уже проиграл партию, он значительно сильнее.

— Что касается запахов,— усмехнулся Штирлиц,— то надо обращаться к штурмбанфюреру СС фон Голесофф, он различал нюансы, мог сказать, с каких трав собрали мед, с каких угодий — горы или равнина, Альпы или, наоборот, Тюрингия. Все «шанели» различал по номерам и составлял психологический портрет женщины, которая интересовала Шелленберга по тому, какие ароматы хранил ее бельевой шкаф; довольно любопытно, нет?

— Следы надо искать в Мюнхене,— хмуро заметил Роумэн.

— Почему именно в Мюнхене?

— У нас в Америке пока еще привлекают к суду за клевету и диффамацию, надо быть очень осторожным с обвинением кого-либо в чем-то... Объясню позже.

— Кого намерены обвинить?

— Я же сказал: объясню позже, когда и е с л и соберу достаточное количество документов, которые можно квалифицировать как улики. Неопровержимые улики... Этот Пепе... Понимаете, Крис... миссис Роумэн сказала, что глаза его были полны сострадания, когда он наблюдал за тем, как ее мучил какой-то немец... Неизвестный мне немец... Как он задавал ей гнусные вопросы; упивался ожиданием ответа... Женщина чувствует острее нас, Кр... миссис Роумэн — особенно.

— Вам приятно называть жену именно миссис Роумэн? — спросил Штирлиц.— Или так надо?

— Не знаю... Она как спасательный круг в шторме... Мне приятно сознавать, что она и я — одно целое. А вообще не суйте свой нос не в свое дело. Спрашиваю — отвечайте. И все. Ясно?

— Я теперь стал сильный, Пол, выздоровел. Врежу в ухо — пятки сверкнут.

— Это как? — усмехнулся Роумэн.

— Очень просто. Опрокинетесь на спину, а каблуки ваших туфель, скрывающие розовые пятки, на какой-то миг окажутся у меня перед глазами; когда противник повержен — в глазах высверкивает от радости. Ответ понятен, нет?

— Вполне. Но ваше смешное выражение напоминает перевод пословицы. Чьей только?

— Как это чьей? — удивился Штирлиц.— Конечно, русской... Ладно, давайте дальше про Пепе и миссис Роумэн...

— Черт с вами, называйте мою жену Крис... Мне вообще-то неприятно, когда ее так называет кто бы то ни было, кроме меня.

— Разъяснением удовлетворен,— улыбнулся Штирлиц.

— Так вот, доктор, у меня создалось впечатление, что этот самый Пепе прилетел из Штатов... У него есть акцент, едва угадываемый акцент, но я убежден, что это отнюдь не ваш немецкий. И не испанский.

— Итальянский?

— К этому я и веду.

— Мафия?

— А почему бы и нет?

— Ваши службы используют мафию?

— Нет,— ответил Роумэн, задумавшись на мгновение, поправил себя: — Скажем лучше так, что мне это неизвестно.

— Шелленберг считал, что ваши люди из УСС контактировали с мафией в Сицилии... В сорок третьем... Нет?

— Этого не может быть. У нас была информация, что ряд мафиози были связаны с Муссолини... Мы бы не стали иметь с ними дело, это против правил.

Штирлиц внимательно посмотрел на Роумэна, потом рассмеялся:

— Вы мучительно боретесь с самим собой: верить мне или нет, Пол. Вы ответили, как дилетант... По поводу «правил»... Что, использование Гаузнера — это по правилам? Или этого самого таинственного генерала Верена? Ладно, у вас будет время еще и еще раз подумать о моих словах... Лицо Пепе никогда и нигде вам не встречалось? Убеждены?

— Убежден.

— Крис описывала вам того мерзавца, который с ней работал в его присутствии?

— Садист...

— Они все садисты... Они считали себя рыцарями национал-социализма, которым надо преступать через самих себя, через сентиментальность и сострадание во имя третьего рейха... Это был очень сложный комплекс, Пол. Они плакали над больным котенком, которого замечали в развалинах после бомбежек, и спокойно наблюдали за тем, как на снегу замерзал лауреат Нобелевской премии фон Осецкий, ведь он посмел выступить вместе с Тельманом против наци, чего ж его жалеть, сорняк необходимо выполоть, жестоко, конечно, но ведь это делается во имя здоровья нации... Вот такая штука, Пол...

— Она не могла мне описать его, доктор... Я не смел просить ее, вы, надеюсь, понимаете состояние женщины...

— Я понимаю... Можете достать фотографии людей из центрального штаба гестапо?

— Думаю, да.

— Это замечательно. Можете достать фотографии людей НСДАП, работавших в Австрии до аншлюса?

— Их же были сотни тысяч...

— Значительно меньше. Меня интересуют люди гестапо и СС, типа Скорцени и его группы, Кальтенбруннера и его окружения, Эйхмана и его приближенных... Кальтенбруннера повесили, Эйхман скрылся, Скорцени получает на завтрак поридж со сливками в вашем лагере, судом не пахнет... Австрийские наци были совершенно особыми, они были вхожи в рейхсканцелярию, фюрер был неравнодушен к австрийцам, как-никак, своя кровь...

— Вы хотите, чтобы я показал Кристе все фотографии и попросил ее опознать того мерзавца?

— Да. А если вы сможете найти какие-то материалы по поводу мафии... Если информация Шелленберга не была липой, если Донован или Даллес действительно пытались использовать Синдикат в своих целях — в общем-то не сердитесь, Пол, это по правилам, по и х правилам,— тогда мы сможем выйти на Пепе.

— Но если это случится, хотя, ясное дело, все это чертовски трудно, тогда, значит, существует государство в государстве, доктор... Вы хотите в этом убедиться?

— Лучше бы этого не было, Пол.

— Я тоже так считаю.

— Может, тогда и не искать?

— Не провоцируйте меня. Сверкнут ваши ноги.

— Пятки,— поправил Штирлиц.—Если уж цитируете меня, то делайте это грамотно...

— Сидят два человека разной национальности на берегу мутной Параны и говорят об ужасе... Ваша настоящая фамилия, доктор, как звучит?

— Исаев.

— Что?!

— Исаев. Максим Максимович.

— Вы с ума сошли!

— Перестаньте, Пол... Вы прекрасно обо всем догадывались, только поэтому и решились на то, чтобы поверить мне... В определенной, понятно, мере... Я был полковником русской разведки, служил у Шелленберга, да, по документам штандартенфюрера Штирлица, все верно... Против Даллеса и СС обергруппенфюрера Вольфа я работал под фамилией Бользен. В этой работе мне помогала, в частности, Дагмар Фрайтаг. За это ее убили, повесив на меня д е л о. И Рубенау тоже убили... Это сложная и малопонятная история, почему Мюллер поступил именно так... Темная история, которая была, как это ни странно, спланирована впрок, загодя, на сегодняшний день. Зачем? Вот чего я не могу понять...

— Почему вы не пришли в свое представительство и не сказали, кто вы?

— Назвали бы мне адрес нашего представительства в Мадриде — пошел бы.

— Вы коммунист?

— С тринадцатого января восемнадцатого года.

— Ха! Не может быть!

— Я говорю правду, Пол.

— Хорошо, но отчего вы не предприняли попыток уйти во Францию? Сесть на пароход?

— Я стал на ноги всего как полгода... То есть смог передвигаться без костыля и палки... У меня был задет позвоночник, вот в чем штука... Семь пуль... Я еще ковылял, когда Черчилль выступил в Фултоне, Пол... И потом — на какие деньги я мог рискнуть идти через границу во Францию? У меня даже на автобус не хватало, чтобы доехать до Сеговии... Мне давали на кофе, булку и кусок сыра. Это все. Меня разрабатывали, я был так или иначе обречен, они бы — те, кто верен Мюллеру,— вычислили меня до конца... Если бы я пришел в ваше посольство и сказал, что я из русской разведки, имя и звание такое-то, член партии коммунистов... Вы бы устроили мне бегство из Испании?

— Вас бы начали проверять.

— Верно. Это бы и приблизило мой конец. Вспомните Эйслера и Брехта...

— Это был амок, доктор... Произнесите еще раз ваше имя по-русски.

— Максим.

— Макс по-немецки. По-испански Максимо... Словно бы вам загодя придумывали имя для работы в Германии и Испании...

— Не считайте разведку всемогущей, Пол.

— Не буду, Максим... Так вот, Маккарти успокоился, Америка была шокирована, это все сойдет на нет, мы не можем позорить себя в глазах мира.— Роумэн сказал это словно бы самому себе, убеждающе, с болью.

— Ну-ну...

— Доктор, не надо спорить, я все-таки лучше знаю свою страну.

— Не буду,— ответил Штирлиц, закурив.— Если вы говорите, что с этим делом кончено,— не буду. Рад ошибиться. Я очень радуюсь, когда ошибаюсь в лучшую сторону.

— Такой маленький земной шарик,— вздохнул Роумэн,— такие крошечные страны на глобусе, такие тоненькие линии границы, а поди ж ты... Слушайте, а ваша история просто-таки тема для литературы: трагедия упущенного времени.

— Вы повторили те слова, которые рвали мне душу все то время, пока я плесневел в своем пансионате... Поищите, кстати, если сможете, кто платил деньги тому старику, что сидел при входе. Ему платили гроши, но он получал эти гроши регулярно, поэтому так тщательно смотрел за мной, проверял мои вещи, отчитывался о каждом моем шаге...

— Хорошо... А почему вы не пошли во французское посольство?

— Они обязаны были поставить в известность испанские власти... Франкистов... Никто бы не решился вывезти меня по чужим документам. Да и какой резон?

— Дико... Но логично... Вообще-то дикость не может быть логичной... Ладно, полковник... Хм, ну и ну, Пол Роумэн сидит в Парагвае с полковником русской разведки, который работал против Америки в Берне...

— Я работал на Америку, Пол. Я работал против Даллеса. Я делал все для того, чтобы Америка не покрыла себя позором, заключив сепаратный сговор с Гиммлером... Вы бы не отмылись от этого.

— Даллес никогда бы не пошел на это. Не надо, Максим, я его знаю и отношусь к нему с уважением. Он честно дрался против наци... В вас говорит профессиональная зависть... Он мог больше, чем вы, поэтому вы на него ополчились. Не спорьте, вы не переубедите меня.

— Не буду,— легко согласился Штирлиц.— Так что, будем разрабатывать план? Или после того, что я сказал, вам требуется время для принятия решения?

— Скажите... Если бы вы не встретились в самолете с этим самым Ригельтом, вы бы пошли в русское представительство в Рио или Байресе?

Штирлиц долго молчал, потом, вздохнув, тихо ответил:

— Все-таки, видимо, да... Мне не хочется врать вам, Пол. Я мучительно думал об этом, мне было стыдно, я волновался за вас, я понимаю, что вы один, совершенно один, но, думаю, я бы пришел в русское посольство... Когда вы были рядом — хоть какая-то отдушина... Я ведь был один все эти месяцы... Я на исходе...

— А если я вам скажу, что звеном плана, который я намерен изложить, является ваша поездка в Кордову? Но ведь оттуда легко добраться до Байреса... Вы уйдете оттуда к своим?

— Давайте уговоримся так, Пол... Если мы с вами убедимся, что государства в государстве не существует, мы просто пугаем самих себя случайной пересеченностью совпадений, тогда вы поможете мне уйти... Не считайте, что это просто для русских в Аргентине помочь мне уехать... Это очень сложно... Там пока еще нет даже консульской службы...

— Откуда вам это известно?

— Я провел день с президентом «Ассоциации за культурные связи»...

— Как его зовут?

— Он натурализовавшийся русский, уехал еще дед, раскольник...

— Как его зовут? — повторил Роумэн.

— Пьетрофф. Вообще-то по-русски это звучит «Петров», но здесь его переиначили, чтобы легче выговаривать на свой лад.

— Интересная личность?

— Очень содержательный человек... Его можно слушать часами.

— Он наш агент, Макс.

Штирлиц вытянул ноги, потянулся, запрокинув руки за спину, как-то изумленно покачал головой и снова попросил взглядом разрешения закурить.

— И, мне сдается, во время войны он жил в Европе,— продолжил Роумэн.— В оккупированной нацистами Европе... Но это непроверенные данные. А то, что он работает на нас,— абсолютно, мне назвали его как агента, на которого можно положиться... Мы оплачиваем его телефонные звонки в русское представительство в Рио-де-Жанейро. Мы платим ему, Макс...

— Ладно.— Лицо Штирлица вновь постарело, сделалось морщинистым и нездоровым.— Валяйте, излагайте свой план. Или хотите, чтобы я изложил свой?

— Я хочу послушать вас.

— Только сначала ответьте: готовы ли вы к тому, чтобы включить в наше предприятие миссис Роумэн и Грегори Спарка?